Отд. русской истории
S 87/25
Ф 1-7/1241

РУССКІЙ БІОГРАФИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ.

Павелъ, преподобный — **Петръ** (Илейка).

I 13

Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества **А. А. Половцова.**

XX-10123

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

2005346468

II

Павелъ, преп., муч. Виленскій XVII в., пострадавшій отъ польскаго короля въ Вильнѣ; неканонизированъ; память его—3 мая.

«Сводный иконописный подлинникъ XVIII в.» по списку Филимонова, с. 53; Сергій «Св. Востокъ», II,III, 67; Барсуковъ «Источники русск. агіографіи», 416; Леонидъ «Св. Русь», № 789.

Павелъ, преп., пустынникъ Глушицкій, XV в.

Леонидъ «Св. Русь», № 320.

Павелъ, блаж. муч. русскій въ Крыму, пострадавшій отъ турокъ, † 6 апрѣля 1683; неканонизированъ. Въ юныхъ лѣтахъ былъ уведенъ татарами изъ Россіи и проданъ въ Константинополь; прослуживъ нѣсколько лѣтъ своему господину, тоже христіанину, отпущенъ на волю и вступилъ въ бракъ съ плѣнной дѣвушкой, получившей также свободу; отъ страданій въ плѣну впалъ въ падучую болѣзнь; за отказъ исповѣдовать магометанство—обезглавленъ. Страданіе его, напис. Каріофиломъ, помѣщено между житіями новыхъ мучениковъ, изд. на греч. языкѣ въ Венеціи 1799, а также въ Минеяхъ греч. служебныхъ, изд. Коммиссіею въ Царьградѣ 1843 и Варѳоломеевыми въ Венеціи 1870 (подъ 3 апр.).

Филаретъ «Русс. святые» 1882, апрѣль, 435—438; Муравьевъ «Житія святыхъ», апрѣль, 24—28; Сергій «Св. Востокъ», II,I, 89 и III, 206; Барсуковъ «Источники русс. агіографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 172.

Павелъ, преп. Обнорскій, рѣже называемый Комельскимъ (отъ рр. Обноры и Комели), — подвижникъ и отшельникъ XIV—XV в. Онъ родился въ Москвѣ въ 1317 г., при московскомъ удѣльномъ князѣ Юріи Даниловичѣ; скончался на р. Обнорѣ въ 1429 г., 10 января, когда и празднуется его память. Богатый по происхожденію, хорошо образованный, онъ съ раннихъ лѣтъ увлекался примѣрами подвижниковъ. Въ 1338 г., принуждаемый вступить въ бракъ, онъ бѣжалъ отъ родителей и постригся въ монахи въ Христорождественскомъ мон. на Волгѣ (въ нын. Ярославской губ.). Проведя въ этомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ и уже здѣсь обративъ на себя вниманіе своей аскетической жизнью, Павелъ удалился для дальнѣйшаго усовершенствованія къ преп. Сергію, въ Радонежскіе лѣса, гдѣ продолжалъ подвижничество сначала среди братіи, затѣмъ — въ полномъ отрѣшеніи отъ общества, въ уединенной келіи, изъ которой не выходилъ въ продолженіе 15 лѣтъ. Послѣ этого, получивъ въ благословеніе отъ преп. Сергія мѣдный крестъ, онъ отправился на сѣверъ, за Волгу. Здѣсь онъ провелъ много лѣтъ въ странствованіяхъ по лѣсамъ и скитамъ отшельниковъ и, наконецъ, основался въ Комельскихъ лѣсахъ, расположенныхъ по рр. Комели, Грязовицѣ, Нурмѣ и др. Проживъ 3 года на берегу р. Грязовицы въ дуплѣ липы, Павелъ удалился въ тогдашнюю Обнорскую треть къ р. Нурмѣ (теперь Грязовецкій у. Вологодской губ.). Замѣчательные подвижническіе труды его прославились въ окрестностяхъ и собрали вокругъ него многихъ подражателей; необходимость дать правила жизни этой братіи

побудила Павла отправиться въ Москву къ митроп. Фотію съ просьбой о благословеніи на устройство монастыря; благословеніе это, хотя не сразу и то только благодаря особому видѣнію Фотію, было дано ему и въ 1414 г. пустынь была основана. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ отвѣтъ на грамоту Павла, до насъ не дошедшую, митроп. Фотій прислалъ (1420 г.) благословеніе на устройство монастыря и освященіе церкви съ изложеніемъ правилъ монастырской жизни (см. «Акты Историч.», I, № 257, и «Русс. Историч. Библіот.», VI, № 57). Первымъ игуменомъ Спасо-Обнорскаго мон. былъ Алексій, ученикъ Павла и Сергія Нуромскаго, ближайшаго друга и духовника его, жившаго въ тѣхъ же Обнорскихъ лѣсахъ. Самъ онъ, и по основаніи монастыря, продолжалъ жить въ уединенной келіи и лишь изрѣдка приходилъ въ обитель. Онъ канонизированъ Соборомъ 1547 г.; въ окружной грамотѣ митроп. Макарія на Вологду и Бѣлоозеро читаемъ: «Уставили есмя нынѣ праздновати новымъ чудотворцомъ въ Русс. земли, что ихъ Господь прославилъ многими и различными чудесы и знаменми и не бѣ имъ до днесь соборнаго пѣнія... пѣти и праздновати повсюду генваря въ 10 день преп. Павлу Обнорскому новому чудотворцу» (см. «Акты Археогр. Экспед.» I, № 213). Безъ сомнѣнія, неоффиціальное признаніе Павла за святого существовало гораздо ранѣе. Канонизація 1547 г. имѣла ближайшей причиной нахожденіе нетлѣнныхъ мощей его при копаніи рвовъ для постройки новой каменной церкви надъ его гробомъ. Черезъ годъ послѣ канонизаціи была составлена служба новому святому (см. также «Уставъ церк. обрядовъ, совершавшихся въ Моск. Успенскомъ соборѣ» около 1634, въ «Русс. Историч. Библіот.» III, 51). Мощи его находятся подъ спудомъ въ Павло-Обнорскомъ третьеклассномъ мон. (Грязовскаго у., Обнорской вол., въ 15 в. отъ уѣздн. гор. Грязовца); тамъ охраняются до сихъ поръ: дупло, въ которомъ жилъ Павелъ, его колодезь и крестъ, данный ему преп. Сергіемъ (послѣдній описанъ и изображенъ въ «Извѣст. Археолог. Общ.», 1861, 142, въ ст. Суворова, и въ «Древн. памятникахъ русс. письма и языка», И. Срезневскаго, во 2-мъ изд., с. 269—270). Приведенныя здѣсь біограф. данныя о преп. Павлѣ даетъ житіе его, написанное неизвѣстнымъ лицомъ черезъ сто слишкомъ лѣтъ по его смерти (около 1546 г.); составленное, вѣроятно, главнымъ образомъ, на основаніи разсказовъ только второго поколѣнія монаховъ, оно заслуживаетъ, хотя не безусловно, но все-таки въ значительной степени, вниманіе историка. По своему составу списки житія этого святого могутъ быть подраздѣлены на три вида: 1) древнее (житіе Павла и повѣсть объ Алексіи), 2) дополненное сказаніемъ о чудесахъ Павла и 3) соединенное съ повѣстью о разореніи мон-ря татарами въ 1538 г. Описаніе наружности святого — въ «Сводномъ иконописномъ подлинникѣ», по списку Филимонова XVIII в., подъ 10 янв. (въ «Вѣстн. Общ. древне-русс. искусства», стр. 79).

Вѣрюжскій «Преп. Павелъ Обнорскій» и «Вологод. святые», Вологда 1879; Пухидинскій «Преп. Павелъ Обнорскій, Вологод. чудотвор.» («Вологод. епарх. вѣдом.» 1870, приб., № 1); Евгеній «Краткое свѣдѣніе объ угодникахъ Божіихъ по Вологод. губ.» (тамъ же, 1864, приб., № 1); Н. Суворовъ «Описаніе Павло-Обнор. мон.» (тамъ же, 1866, приб., 99); «Вологодск. Старина» 1890, 258 и слѣд.; Эристовъ «Словарь историч. о святыхъ», 1836 и 1862; Муравьевъ «Житія святыхъ», январь, 151—174; Филаретъ «Русс. святые», 1882, январь, 41—52 (съ невѣрн. указаніемъ, что Павелъ монашествовалъ въ Кирилло-Бѣлоз. мон., ибо это могло быть лишь до 1389 г., а монастырь основанъ въ 1397 г.»); «Книга глагол. Описаніе о росс. святыхъ», съ дополн. гр. М. Толстого, № 248, въ «Чтеніяхъ» 1887, кн. 4; Леонидъ «Св. Русь», № 297 (кратко); Амвросій «Исторія росс. іерархіи», V, 428 и слѣд.; Карамзинъ, IX, пр. 87 (Рукописн. книга Волоколам. мон.); Ундольскій «Библіограф. розысканіе», 1846, 70; Ключевскій «Древне-русс. житія святыхъ», 271 и слѣд., 378; Сергій «Св. Востокъ», II, п, 10; «Библіологич. Словарь», П. М. Строева, подъ ред. А. Ѳ. Бычкова, 340—341 и 405—406.

Вс. Срезневскій.

Павелъ, преп. Печерскій, «послушливый», XIII в.; мощи его почиваютъ въ Ѳеодосіевой (дальней) пещерѣ, а память празднуется, обще съ другими печерскими угодниками той же пещеры,—28 августа.

«Патер. Печерскій»; Евгеній «Описаніе Кіево-Печ. лавры», 289; Эристовъ «Словарь историч. о святыхъ», 1836, 223; Филаретъ «Русс. святые», 1882, августъ, 563; Сергій «Св. Востокъ», II, 226 и пр. 206; Барсуковъ «Источники русс. агіографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 114.

Павелъ, преп. Печерскій, XIV в.; мощи его почиваютъ въ Антоніевой (ближней) пещерѣ, а память празднуется — 21 сентября; упоминается въ канонѣ общей службы святыхъ ближней пещеры, вкупѣ съ канонархами Геронтіемъ и Леонтіемъ, вѣроятно какъ уставщикъ.

Филаретъ «Русс. святые», 1882, сентябрь, 108; Сергій «Св. Востокъ», II ш, 206; Барсуковъ «Источники русс. агіографіи», 419; Леонидъ «Св. Русь», № 147.

Павелъ, преп. Ростовскій основалъ въ 1363 г., вмѣстѣ съ преп. Ѳеодоромъ († 22 окт. 1409), по указанію преп. Сергія Радонежскаго и вслѣдствіе видѣнія свв. Бориса и Глѣба, при Ростовскомъ кн. Константинѣ III Васильевичѣ и еписк. Игнатіѣ III,—Борисоглѣбскій мон. на р. Устьѣ, гдѣ былъ потомъ игуменомъ (послѣ Ѳеодора) и гдѣ почиваютъ его мощи; память празднуется общая имъ обоимъ — 22 октября, въ иконописномъ же подлинникѣ они упоминаются подъ 8 ноября; отсутствіе житія этихъ святыхъ съ избыткомъ восполняетъ повѣсть о самомъ Борисоглѣбскомъ мон., написанная на мѣстѣ въ началѣ 2-й половины XVI в. и сохранившаяся въ одномъ сборникѣ Троице-Сергіевской лавры.

Филаретъ «Русс. святые», 1882, октябрь, 245—248; Сергій «Св. Востокъ», II,1, 281, II III, 206; «Сводный иконописный подлинникъ XVIII в.» по списку Филимонова, 38; Ключевскій «Древнерусс. житія святыхъ», 281; Барсуковъ «Источники русс. агіографіи», 593; «Книга глаголемая Описаніе о росс. святыхъ» (XVI—XVII в.). съ дополн. гр. М. Толстого, № 233; Леонидъ «Св. Русь», № 630.

Павелъ (Павша) **Ананьевичъ** (по Никон. лѣтоп. — Семеновичъ), новгородскій посадникъ, избранъ, въ 1268 г., на мѣсто посадн. Михаила Ѳедоровича, павшаго въ Раковорской битвѣ. При Павшѣ, въ 1270 г., состоялся договоръ Новгорода съ вел. кн. тверскимъ и владимірскимъ Ярославомъ Ярославичемъ объ условіяхъ, на какихъ послѣдній обязывался владѣть первымъ. Въ 1272 г., по смерти Ярослава, за Новгородъ спорили дядя и племянникъ: вел. кн. Василій Ярославичъ и Димитрій Александровичъ переяславскій. Павша держалъ сторону послѣдняго, и сынъ Невскаго сѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Но въ 1273 г. Василій силой оружія заставилъ новгородцевъ разстаться съ Димитріемъ; тогда же и у Павши отняли посадничество и дали его Михаилу Мишиничу. Павша ушелъ къ Димитрію Александровичу и поселился почему-то въ Костромѣ. Вскорѣ, однако, новгородцы отняли посадничество у Михаила и опять дали его Павшѣ. Въ томъ же 1273 г. Павша съ старѣйшими мужами новгородскими упросилъ уже дряхлаго отъ старости архіепископа Далмата заблаговременно назначить преемника себѣ. По указанію владыки, изъ двухъ или трехъ кандидатовъ на святительскую каѳедру избранъ былъ духовникъ его, игуменъ Климентъ. Въ 1274 г., вслѣдъ за архіепископомъ Далматомъ, скончался и Павша.

«Полн. собр. русс. лѣтоп.» III, 62 — 63, 220; IV, 41, 43; V, 198, 199; X, 152; Калайдовичъ «Опытъ о посадник. новгор.», 138—149; Карамзинъ IV, прим. 132, 148, 154 и текстъ къ нимъ; Соловьевъ, III, 200, 203.

А. Э.

Павелъ Діонисіевичъ, галицкій, боярин. Въ 1228 г., когда Владиміръ Рюриковичъ, кн. кіевскій, съ ханомъ половецкимъ Котяномъ, Михаиломъ черниговскимъ и друг. князьями, вздумалъ мстить Даніилу галицкому, вмѣсто отца его Романа, постригшаго Рюрика въ монахи,—князь галицкій, при посредствѣ боярина Павла, склонилъ Котяна на свою сторону и тѣмъ избѣгъ угрожавшей ему опасности. При сынѣ Даніила, Мстиславѣ, кн. луцкомъ и владиміро-волынскомъ, мы встрѣчаемъ Павла Діонисіевича, котораго Мстиславъ посылалъ, въ 1289 г., къ Льву галицкому, брату своему, по дѣлу о сынѣ его Юріи Львовичѣ, силой занявшемъ Мстиславовы города; но одно ли это лицо — сказать трудно, тѣмъ болѣе, что подъ 1228 г. имя Павла въ лѣтописи употреблено безъ отчества.

«Полн. собр. русс. лѣтоп.» II, 167, 224; Карамзинъ IV, пр. 175.

А. Э.

Павелъ, посадникъ новгородскій (а не ладожскій), занималъ этотъ важный постъ при кн. Мстиславѣ Владиміровичѣ (Великомъ). Въ 1114 г. Мстиславъ «заложи Новгородъ болій перваго», а въ 1116 г. посадникъ Павелъ «заложи Ладогу градъ каменъ». Очевидно, расширеніе и укрѣпленіе этихъ городовъ, почти одновременное, происходило по почину одного лица, именно—Мстислава, кн. новгородскаго, отчего Ладогу укрѣплялъ новгородскій же посадникъ, а не ладожскій, какъ говоритъ Ипат. лѣтоп., — это тѣмъ вѣроятнѣе, что «Лѣтописецъ новгородскимъ церквамъ», ближе стоящій къ новгородскимъ событіямъ, чѣмъ составитель Ипат. лѣтоп., прямо называетъ Павла посадникомъ новгородскимъ.

Лѣтописи: Ипатская и 2-я и 3-я Новгородскія подъ названн. годами; Калайдовичъ «Опытъ о посадник. новгор.», 70; Карамзинъ II, пр. 238; Соловьевъ, III, 136.

А. Э.

Павелъ Игоревичъ, в. к., см. Олегъ.

Павелъ I, императоръ всероссійскій, сынъ великаго князя (впослѣдствіи императора) Петра Ѳедоровича и великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Екатерины Алексѣевны, урожденной принцессы ангальтъ-цербстской, род. въ С.-Петербургѣ, 20 сентября 1754 года; титулъ цесаревича получилъ 27 декабря 1761 года, 29 сентября 1773 г. вступилъ въ 1-й бракъ съ принцессой гессенъ-дармштадтской Вильгельминой, нареченной при св. миропомазаніи Наталіей Алексѣевной; съ 26 сентября 1776 г. былъ во второмъ бракѣ съ принцессой виртембергской Софіей-Доротеей, нареченной въ св. миропомазаніи Маріей Ѳеодоровной; вступилъ на престолъ 7 ноября 1796 г.; скончался въ С.-Петербургѣ въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 г.; отъ второго брака имѣлъ четырехъ сыновей; 1) Александра Павловича (род. 12 декабря 1777 г.), 2) Константина (род. 27 апрѣля 1779 г.), 3) Николая (род. 25 іюня 1796 г.) и 4) Михаила (род. 28 января 1798 г.) и шесть дочерей: 1) Александру (род. 29 іюля 1783 г.), 2) Елену (род. 13 декабря 1784 г.), 3) Марію (род. 4 февраля 1786 г.), 4) Екатерину (род. 10 мая 1788 г.), 5) Ольгу (род. 11 іюля 1792 г.) и 6) Анну (род. 7 января 1795 г.).

Павелъ Петровичъ — великій князь (1754—1796).

Великій князь Павелъ Петровичъ родился къ величайшей радости бабушки своей, императрицы Елисаветы Петровны, и всей Россіи: его рожденіемъ обезпечивалось престолонаслѣдіе въ родѣ Петра Великаго. Императрица Елизавета видѣла въ младенцѣ-внукѣ залогъ будущности своей имперіи и приняла на себя заботы о его воспитаніи. «Только что спеленали его», разсказываетъ Екатерина, «какъ явился, по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла повивальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели... Въ городѣ и имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, не смотря на то, и въ тотъ день я не удостоилася большаго вниманія. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрерывно плакала и стонала; въ комнатѣ была одна только Владиславова; въ душѣ она жалѣла обо мнѣ, но ей нечѣмъ было помочь. Да и я не любила, чтобы обо мнѣ жалѣли, и сама не любила жаловаться: я имѣла слишкомъ гордую душу, и одна мысль быть несчастной была для меня невыносима; до сихъ поръ я дѣлала всё, что могла, чтобы не казаться таковой... Наконецъ, великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ: по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Елизаветой Воронцовой, которая, какъ нарочно, была хуже всѣхъ лицомъ».

Этотъ простой разсказъ царственной матери Павла Петровича объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе, ясно показываетъ, подъ какими несчастными предзнаменованіями появился на свѣтъ великій князь — младенецъ: семейная драма, происходившая въ средѣ императорской фамиліи, уже дала направленіе его будущности. Жертва политическихъ разсчетовъ, баловень царственной бабушки, Павелъ Петровичъ при самомъ рожденіи встрѣченъ былъ полнымъ равнодушіемъ ничтожнаго отца и слезами геніальной матери, до глубины души прочувствовавшей свое униженіе и безсиліе: мало того, что у нея отняли первенца—сына и навсегда оторвали отъ семейныхъ радостей, но ради этого же ея первенца бросили ее на произволъ судьбы и какъ бы сдѣлали его ей соперникомъ: возвеличивая сына, унижали мать.

Крещеніе Павла Петровича совершено было при пышной обстановкѣ 25 сентября. Свое благоволеніе къ матери новорожденнаго императрица выразила тѣмъ, что послѣ крестинъ сама принесла ей на золотомъ блюдѣ указъ кабинету о выдачѣ ей 100,000 р. Послѣ крестинъ при дворѣ начался рядъ торжественныхъ праздниковъ по поводу рожденія Павла: балы, маскарады, фейерверки, длились около года. Ломоносовъ въ одѣ, написанной въ честь Павла Петровича, желалъ ему сравниться въ дѣлахъ съ великимъ его прадѣдомъ,

пророчилъ, что онъ освободитъ Святыя мѣста, перешагнетъ стѣны, отдѣляющія Россію отъ Китая. Манифестъ 7 октября 1754 г. о рожденіи великаго князя Павла Петровича начинался словами: «Всемогущему Господу Богу благодареніе!» Тогда же посланы были для сообщенія родственнымъ дворамъ о счастливомъ событіи въ императорскомъ семействѣ: въ Вѣну — камергеръ Сиверсъ, въ Цербстъ—капитанъ Хрущовъ и въ Стокгольмъ — камергеръ великокняжескаго двора, Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ, вслѣдъ затѣмъ назначенный посланникомъ въ Гамбургъ.

Празднуя рожденіе внука, императрица Елизавета по-прежнему не щадила материнскихъ чувствъ Екатерины: для нея на первомъ планѣ были лишь «интересы имперіи». Увидѣть сына въ первый разъ послѣ родовъ Екатеринѣ пришлось только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву. Тогда императрица во второй разъ пришла къ ней въ комнату и велѣла принести къ ней Павла. «Онъ показался мнѣ очень хорошъ», пишетъ Екатерина, «и видъ его нѣсколько развеселилъ меня, но какъ скоро молитвы были окончены, императрица тотчасъ приказала унести его и сама ушла». Въ третій разъ Павла показали матери, по ея просьбѣ, лишь весною, по случаю отъѣзда великокняжеской четы въ Ораніенбаумъ; чтобы добраться до его спальни, она должна была пройти чрезъ всѣ покои государыни и нашла его въ страшной духотѣ. Но умная, европейски образованная мать не могла сразу подавить въ себѣ естественной заботливости о сынѣ и издали, со скорбію, слѣдила за направленіемъ, которое давала первоначальному его воспитанію добродушная, но строго придерживавшаяся старозавѣтныхъ русскихъ традицій императрица. Павла Петровича, какъ помѣщичьяго сынка, сдали постепенно на руки невѣжественной женской дворнѣ, со страхомъ заботившейся только о томъ, чтобы беречь и холить барское дитя, оставшееся безъ всякой родительской ласки и призору: еще до крестинъ Павелъ едва было не умеръ отъ молочницы. «Я должна была», пишетъ Екатерина, «лишь украдкой навѣдываться о его здоровьѣ, ибо просто послать спросить о немъ значило бы усумниться въ попеченіяхъ императрицы и могло быть очень дурно принято. Она помѣстила его у себя въ комнатѣ и прибѣгала къ нему на каждый его крикъ; его буквально душили излишними заботами. Онъ лежалъ въ чрезвычайно жаркой комнатѣ, во фланелевыхъ пеленахъ, въ кроваткѣ, обитой мѣхомъ черныхъ лисицъ; его покрывали одѣяломъ изъ атласнаго тика на ватѣ, а сверхъ того еще одѣяломъ изъ розоваго бархата, подбитаго мѣхомъ черныхъ лисицъ. Послѣ я сама много разъ видала его такимъ образомъ укутаннаго; потъ текъ у него съ лица и по всему тѣлу, вслѣдствіе чего, когда онъ выросъ, то простуживался и заболѣвалъ отъ малѣйшаго вѣтра. Кромѣ того, къ нему приставили множество безтолковыхъ старухъ и мамушекъ, которыя своимъ излишнимъ и неумѣстнымъ усердіемъ причинили ему несравненно больше физическаго и нравственнаго зла, чѣмъ добра».

Это общество нянь и мамушекъ въ первые годы жизни Павла имѣло на него крайне вредное вліяніе и въ другихъ отношеніяхъ: онѣ содѣйствовали развитію воображенія впечатлительнаго ребенка; это были тѣ же женщины, которыя усыпляли императрицу чесаніемъ пятокъ и занимали её разсказами о домовыхъ и привидѣніяхъ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ нервы Павла разстроены были до того, что онъ прятался подъ столъ при сколько-нибудь сильномъ хлопаньѣ дверями. Въ уходѣ за нимъ не было никакой системы. Случалось, что онъ ложился спать или очень рано, часовъ въ 8 вечера, или же часу въ первомъ ночи, по прихотямъ; случалось также, что ему и ночью давали кушать, когда «просить изволитъ». Бывали случаи и простой небрежности въ уходѣ за нимъ. «Одинъ разъ онъ изъ колыбели выпалъ, такъ что никто того не слыхалъ. Пробудились по утру—Павла нѣтъ въ колыбели; посмотрѣли—онъ лежитъ на полу и очень крѣпко опочиваетъ». Между тѣмъ, слабое здоровье великаго князя, еще въ младенчествѣ его, требовало особой заботливости. По словамъ придворныхъ его медиковъ, онъ съ самаго рожденія подверженъ былъ припадкамъ, происходившимъ отъ кислотъ, преобладавшихъ въ желудкѣ и пищепріемныхъ путяхъ, а приходя въ возрастъ, подвергся другимъ болѣзненнымъ припадкамъ, которые имѣли послѣдствіемъ худощавость. По распоряженію Елизаветы, докторъ Фусадье, послѣ рожденія Павла, шесть недѣль жилъ въ одной ком-

натѣ съ великимъ княземъ и ночью былъ при немъ безотлучно; затѣмъ Фусадье ночевалъ около Павла лишь во время его болѣзни, смѣняясь съ другимъ врачемъ, Кондоиди, но вообще оба доктора ежедневно посѣщали великаго князя. Надзоръ за Павломъ, вѣроятно, сталъ слабѣе съ тѣхъ поръ, какъ императрица Елизавета стала весьма рѣдко посѣщать своего внука, отдавъ его всецѣло на руки приставницъ: быть можетъ не безъ умысла, онѣ такъ напугали Павла императрицей, что онъ трясся при одномъ взглядѣ на нее, и Елизавета вынуждена была приходить къ внуку лишь изрѣдка; то же бывало, и по тѣмъ же причинамъ, съ довѣреннымъ другомъ императрицы, графиней Маврой Егоровной Шуваловой. Обѣдали съ великимъ княземъ бѣдные дворяне, жившіе при дворѣ: Иванъ Ивановичъ Ахлебининъ, Савелій Даниловичъ и мамушка Анна Даниловна; доктора стояли тутъ же, но не обѣдали, а нянюшки служили. Это общество окружало Павла и при Ѳедорѣ Дмитріевичѣ Бехтѣевѣ, который назначенъ былъ въ 1758 г. быть воспитателемъ великаго князя. Въ первый же день своего вступленія въ должность Бехтѣевъ посадилъ Павла учиться грамотѣ, а съ нимъ вмѣстѣ Ивана Ивановича, Савелья Даниловича и Анну Даниловну, которые притворялись, что грамотѣ не умѣютъ. Въ этомъ же году четырехлѣтняго Павла стали одѣвать въ тогдашнее модное платье. «Когда парикъ и платье поспѣли», разсказываетъ Порошинъ, «то няня окропила ихъ святою водою, и съ того времени Павелъ всякій день ходилъ въ парикѣ».

9 декабря 1757 г. у великой княгини Екатерины Алексѣевны родилась дочь, нареченная Анной. Подобно брату, и она отдана была на руки тѣмъ же нянюшкамъ и бабушкамъ, но уже 7 марта 1759 г. скончалась. Екатерину до такой степени удаляли отъ ея собственныхъ дѣтей, что она не могла ихъ видѣть иначе, какъ съ особеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія императрицы. Еще весною 1758 г. Екатерина заявляла, что такъ какъ она лишена утѣшенія видѣть дѣтей, то ей все равно, жить ли отъ нихъ въ ста шагахъ или въ ста верстахъ. Лишь въ концѣ царствованія Елизаветы великая княгиня получила дозволеніе видѣть сына разъ въ недѣлю.

Женскому царству въ воспитаніи Павла наступилъ конецъ, и то не сразу, лишь на шестомъ году его возраста, когда, въ день его тезоименитства, 29 іюня 1760 г., назначенъ былъ главнымъ его воспитателемъ, въ качествѣ оберъ-гофмейстера, генералъ-поручикъ и дѣйствительный камергеръ, Никита Ивановичъ Панинъ. Еще за мѣсяцъ до вступленія Панина въ должность, мамы и нянюшки начали пугать имъ Павла такъ же, какъ ранѣе пугали его императрицей. «Однажды», говоритъ Порошинъ въ разсказахъ о дѣтскихъ годахъ Павла Петровича, «когда Панинъ обѣдалъ у государыни, подослалъ Павелъ Петровичъ посмотрѣть его: сказали, что парикъ съ узлами и старикъ угрюмый, а Панину было въ это время только 42 года. Въ другой разъ, увидя въ Петергофѣ, что идетъ старикъ въ парикѣ, въ голубомъ кафтанѣ, съ обшлагами желтыми бархатными, Павелъ Петровичъ заключилъ, что это Панинъ, и неописанно струсилъ для того, что уже разсказано было, что, какъ скоро онъ опредѣлится, то не будетъ допускать ни Матрену Константиновну, ни другихъ женщинъ, и всѣ веселости отнимутъ». Неудивительно, что вступленіе Панина въ новую должность сопровождалось слезами его маленькаго воспитанника. Большихъ усилій стоило Панину пріучить къ себѣ своего воспитанника и удалить отъ него привычное для него общество: товарищей-сверстниковъ около Павла не было, а за своими обѣдами онъ сталъ видѣть лишь степенныхъ, солидныхъ «кавалеровъ», къ нему приставленныхъ, и разныхъ Елизаветинскихъ вельможъ, приглашаемыхъ къ великокняжескому столу. Жаль было въ первое время ребенку своихъ прежнихъ собесѣдниковъ. «Для чего Ивана Ивановича и Савелья Даниловича нѣтъ тутъ за столомъ по-прежнему?» спросилъ онъ Панина за ужиномъ.— «Не должно», былъ сухой отвѣтъ новаго воспитателя. Великій князь расплакался. Въ растворенную дверь Павелъ увидѣлъ свою прежнюю собесѣдницу Мавру Ивановну и попросилъ поставить для нея приборъ, но Никита Ивановичъ запретилъ. Слезы пошли у Павла, со слезами изъ-за стола всталъ, со слезами и въ постель легъ. На третій день, когда Павелъ увидѣлъ, что накрытъ былъ для обѣда большой столъ и что будутъ сидѣть съ нимъ много кавалеровъ, то «взвылъ

почти» и во весь день въ слезахъ былъ; Иванъ Ивановичъ и Савелій Даниловичъ также присутствовали за обѣдомъ, но, увы, уже стоя, за стуломъ Павла. Иванъ Ивановичъ заплакалъ, и Никита Ивановичъ выслалъ его; только Савелій Даниловичъ, стоя, утѣшалъ бывшаго своего питомца. «И по опредѣленіи уже Никиты Ивановича, говоритъ Порошинъ, бабы всѣ до 1761 г. были при великомъ князѣ и спали всѣ съ нимъ въ одной комнатѣ по-прежнему. Въ 1761 г. началъ уже спать съ великимъ княземъ въ одной комнатѣ Никита Ивановичъ, такъ, какъ и нынѣ (1764 г.) спитъ. А бабы по утру приходили перемѣнять бѣлье, также и днемъ».

Совершенно «отлучены были бабы» отъ великаго князя лишь послѣ смерти императрицы Елизаветы, въ 1762 г.: онѣ получили пенсію и только три—четыре раза въ годъ являлись къ Павлу съ поздравленіями. Зато, когда Павлу исполнилось шесть лѣтъ, его сочли нужнымъ вывести на придворную сцену, указать ему на его общественное значеніе: его стали возить во дворецъ на парадные спектакли и обѣды; мало того, иностранные посланники должны были представляться ему на торжественныхъ аудіенціяхъ.

Это, дѣйствительно, оказалось нужно, не столько для Павла, разумѣется, сколько для честолюбивыхъ интригановъ, наполнявшихъ дворъ состарѣвшейся императрицы и стремившихся выдвинуть великаго князя на политическую арену, руководясь при этомъ своими личными выгодами; въ числѣ этихъ честолюбцевъ былъ и самъ воспитатель Павла, Панинъ. «Во время болѣзни блаженныя памяти государыни императрицы Елизаветы Петровны въ декабрѣ мѣсяцѣ 1761 г.», разсказываетъ Екатерина въ одной изъ своихъ записокъ, «слышала я изъ устъ Никиты Ивановича Панина, что трое Шуваловы: Петръ Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Иванъ Ивановичъ, чрезвычайно робѣютъ о приближающейся кончинѣ государыни императрицы и о будущемъ жребіи ихъ; что отъ сей робости ихъ родятся у многихъ окружающихъ ихъ разные проекты; что наслѣдника ея всѣ боятся; онъ не любимъ и не почитаемъ никѣмъ; что сама государыня сѣтуетъ, кому поручить престолъ; что склонность въ ней находятъ отрѣшить наслѣдника, неспособнаго, отъ котораго много имѣла сама досады, и взять сына его семилѣтняго и мнѣ поручить управленіе, но что сіе послѣднее, касательно моего управленія, не по вкусу Шуваловымъ. Изъ сихъ проектовъ родилось, что, посредствомъ Мельгунова, Шуваловы помирились съ Петромъ III, и государыня скончалась безъ иныхъ распоряженій». На смертномъ одрѣ императрица Елизавета просила, однако, Петра Ѳедоровича доказать ей свою признательность любовью своею къ сыну своему и ея внуку. Любви этой, впрочемъ, Петръ III ничѣмъ не проявилъ въ короткое время своего царствованія. Напротивъ, въ манифестѣ своемъ о дѣлахъ Петра, возбуждавшихъ всеобщее неудовольствіе, Екатерина прямо объявляла впослѣдствіи, что Петръ даже не желалъ признать Павла своимъ наслѣдникомъ и что въ его царствованіе она съ сыномъ «видѣла себя въ гоненіи и почти крайнемъ отдаленіи отъ императорской фамиліи». Дѣйствительно, въ манифестѣ о восшествіи на престолъ Петра III не были упомянуты ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни наслѣдникъ Павелъ Петровичъ, а въ формѣ клятвеннаго обѣщанія указано было, что «наслѣдники будутъ избираемы и опредѣляемы по высочайшей его величества волѣ»; лишь въ формѣ церковнымъ возношеніямъ великому князю Павлу Петровичу приданъ былъ титулъ «цесаревича». Было общимъ мнѣніемъ, что императоръ, влюбленный въ графиню Воронцову, желалъ вступить въ бракъ съ нею и заключить Екатерину въ крѣпость и что ту же участь готовилъ онъ и своему сыну. Занятый въ часы досуга попойками съ своими приближенными, Петръ не удѣлялъ времени своему сыну, а между тѣмъ Павелъ уже въ то время обнаруживалъ много свойствъ, принадлежавшихъ Петру, а не Екатеринѣ. Эти особенности великаго князя, не любимаго отцомъ, должны были, рано или поздно, поселить отчужденіе къ нему и въ сердцѣ матери, скорѣе, чѣмъ кто-либо, замѣтившей это сходство.

Малолѣтній Павелъ Петровичъ, конечно, не понималъ отношеній, существовавшихъ между его родителями. Въ ночь на 27 іюня 1762 г. Павелъ Петровичъ былъ страшно напуганъ, когда его внезапно разбудили и, подъ охраною отряда войскъ, перевезли

изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, и здѣсь Панинъ всю ночь провелъ въ одной постели съ своимъ воспитанникомъ. Испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болѣзненные припадки. Между тѣмъ, рано утромъ на другой день, рѣшившій низложеніе Петра III съ престола, Панинъ повезъ его къ Казанскому собору, куда, для принятія присяги, бѣжали возлѣ кареты великаго князя едва одѣтые солдаты. Екатерина провозглашена была самодержавной императрицей, а Павелъ объявленъ былъ ея наслѣдникомъ; чрезъ нѣсколько дней затѣмъ услышалъ онъ о скоропостижной смерти отца. Въ августѣ 1762 г., во время коронаціи Екатерины, у великаго князя повторились болѣзненные припадки, и онъ захворалъ на столько серьезно, что боялись даже за его жизнь и приложены были всѣ заботы къ его выздоровленію. Замѣчательно, что, по свидѣтельству Панина, великій князь, вообще проявлявшій признаки добраго сердца, какъ только началъ оправляться послѣ своей болѣзни, самъ сталъ просить устроить въ Москвѣ больницу для бѣдныхъ; больница эта названа была Павловскою, и въ память ея основанія выбита была медаль, на одной сторонѣ которой находилось изображеніе Павла Петровича, а на другой аллегорическія фигуры съ надписью: «Свобождаяся самъ отъ болѣзни, о больныхъ промышляетъ».

Въ это время Екатерина начала уже думать о выборѣ воспитателя для сына: она цѣнила способности Панина, но не уважала его, какъ человѣка, и даже считала, что онъ можетъ быть игрушкой въ рукахъ другихъ. Сначала она пыталась ослабить вліяніе Панина на Павла приглашеніемъ къ сыну, въ качествѣ воспитателя, извѣстнаго Даламбера: какъ блестящій представитель французской литературы, жаркой поклонницей которой была Екатерина, онъ былъ совершенно умѣстенъ, по ея взгляду, при воспитаніи великаго князя, а какъ иностранецъ не могъ возбудить ревности Панина, который, дѣйствительно, и самъ присоединился къ приглашенію Екатерины. Императрица написала Даламберу собственноручное письмо, въ которомъ искренно говорила, что воспитаніе сына такъ близко ея сердцу и что Даламберъ такъ ей нуженъ, что, быть можетъ, она слишкомъ настаиваетъ на своемъ предложеніи и проситъ его пріѣхать въ Россію со всѣми его друзьями. Хотя Екатерина при этомъ предлагала Даламберу самыя выгодныя условія, но онъ не принялъ приглашенія, какъ думаютъ, потому, что не былъ увѣренъ въ прочности положенія на тронѣ самой императрицы. Быть можетъ, поручая Панину въ 1763 году управленіе коллегіею иностранныхъ дѣлъ, императрица предполагала отвлечь Панина отъ Павла и очистить дорогу для иного вліянія на сына. Смутныя обстоятельства первыхъ годовъ царствованія Екатерины заставили ее отказаться отъ первоначальной своей мысли, и Панинъ, укрѣпившись на своемъ мѣстѣ силою вещей, сдѣлался въ глазахъ всѣхъ какъ бы опекуномъ Павла Петровича. Съ тѣхъ поръ Екатерина постоянно была, по ея собственному выраженію, «въ превеликомъ амбара», если дѣло шло о Павлѣ и ея мнѣнія могли не совпадать съ мнѣніями Панина, и это «амбара» матери не могло не отражаться на ея отношеніяхъ къ сыну.

Никита Ивановичъ Панинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русской исторіи XVIII вѣка, вполнѣ характеризующихъ эпоху, въ которой онъ жилъ и дѣйствовалъ. Онъ, насколько могъ, старался содѣйствовать правильному воспитанію великаго князя: ежедневно посѣщалъ Павла, присутствовалъ на его урокахъ и никогда внѣ дома не отпускалъ его отъ себя; казалось, не было такой мелочи въ жизни Павла, которою бы не интересовался Панинъ. Но задачи воспитанія наслѣдника престола ясно обозначены не были, и никакихъ образцовъ въ этомъ дѣлѣ для Панина не существовало, если не считать неудачныхъ Остерманновскихъ проектовъ для воспитанія Петра II. Въ видѣ руководства выставлялись лишь общія мѣста и отвлеченныя идеи. Сама Екатерина, въ бытность свою великой княгиней, написала, напр., слѣдующія строки: «По моему мнѣнію, при воспитаніи царственнаго сына должны быть приняты два начала. Они состоятъ въ томъ, чтобы сдѣлать его добродѣтельнымъ (bienfaisant) и вселить въ немъ любовь къ правдѣ. Это сдѣлаетъ его любезнымъ въ глазахъ Бога и людей».

Панину пришлось самому намѣтить, для представленія императрицѣ Елизаветѣ, особую воспитательную программу,

примѣняясь къ духу времени и потребностямъ общества и не вдаваясь въ подробности, которыя опредѣлялись сами собою—жизнію и обстоятельствами. Вслѣдствіе этого, воспитаніе Павла Петровича приняло постепенно французскій характеръ. Еще при Елизаветѣ французскій языкъ вошелъ въ обычай высшаго русскаго общества, а при Екатеринѣ образовалась наклонность къ изящному чтенію, началось поклоненіе французской просвѣтительной литературѣ; даже «модные щеголи» и «свѣтскія вертопрашки» безъ заботно «фельѣтировали модныя книжки безъ всякой дистракціи». Естественно, поэтому, явилась мысль, что и воспитаніе великаго князя должно было вести на французскій ладъ, по образцу воспитанія французскихъ дофиновъ, съ обычною обстановкою французской школы того времени. Идеалы рыцарскихъ добродѣтелей навсегда сроднились съ душой Павла: мужество, великодушіе, стремленіе къ правдѣ и защита слабыхъ, уваженіе къ женщинамъ,—всегда вызывали сочувствіе царственнаго мальчика. Прочтя однажды исторію мальтійскаго ордена, онъ долго не могъ успокоиться, живо воображая себя мальтійскимъ рыцаремъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, окружавшее царственнаго мальчика офранцуженное общество нечувствительно и незамѣтно передавали ему и другія качества, бывшія слѣдствіемъ французскаго вліянія: эстетическую впечатлительность, слабонервность и, какъ плодъ усерднаго чтенія французскихъ псевдоклассиковъ, нѣкоторую высокопарность въ словахъ и поступкахъ. Любопытнѣе всего то, что даже нѣмцы, бывшіе при Павлѣ, и самъ Панинъ, воспитанный при нѣмцахъ, также вполнѣ подчинялись французскому вліянію. Разговоры, выборъ книгъ для чтенія, театральныя представленія, все въ окружавшей Павла обстановкѣ отвѣчало этому направленію, тѣмъ болѣе, что Павелъ проводилъ все время исключительно среди взрослыхъ, а за его обѣдомъ часто присутствовали екатерининскіе вельможи, не стѣснявшіеся при мальчикѣ въ выраженіи своихъ чувствъ и мыслей. Лишь изрѣдка, по праздникамъ и на урокахъ танцевъ, Павелъ пользовался обществомъ сверстниковъ, изъ которыхъ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, племянникъ Панина, и графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій пользовались особымъ его расположеніемъ. Между тѣмъ, въ мнѣніи своемъ о воспитаніи Павла Петровича, Панинъ упоминалъ, что «воспитатель его долженъ съ крайнимъ прилежаніемъ предостерегать и не допускать ни дѣломъ, ни словами, ничего такого, что хотя мало бы могло развратить тѣ душевныя способности, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ». Эта прописная истина была, очевидно, однимъ изъ тѣхъ общихъ мѣстъ, которыя вполнѣ приспособлялись и приспособляются къ любымъ нравственнымъ идеаламъ общества въ извѣстную эпоху и прекрасно уживаются съ ними. Поэтому неудивительно, что на Павлѣ Петровичѣ сказались всѣ достоинства и недостатки французскаго воспитанія. Онъ полюбилъ внѣшность, декораціи, любилъ щеголять своими костюмами. Веселый, живой, свѣтски любезный, великій князь, еще десяти, одиннадцати лѣтъ, занятъ былъ «нѣжными мыслями» и «маханіемъ». Въ дневныхъ запискахъ его воспитателя, Порошина, сохранились живыя свидѣтельства черезчуръ раннихъ «любезныхъ» свойствъ Павла. «Шутя говорили, что пришло время великому князю жениться. Краснѣлъ онъ и отъ стыдливости изъ угла въ уголъ изволилъ бѣгать; наконецъ, изволилъ сказать: «Какъ я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнивъ буду. Рогъ мнѣ имѣть крайне не хочется. Да то бѣда, что я очень рѣзвъ: намедни слышалъ я, что такихъ рогъ не видитъ и не чувствуетъ тотъ, кто ихъ носитъ». Смѣялись много о сей его высочества заботливости». Въ другой разъ, съ разрѣшенія Екатерины и въ сопровожденіи Панина и графа Орлова, Павелъ отправился посѣтить фрейлинъ, жившихъ во дворцѣ. «Возвратясь къ себѣ, изволилъ его высочество съ особливымъ восхищеніемъ разсказывать о своемъ походѣ и, кто ни приходилъ, изволилъ спрашивать: «отгадай, гдѣ я былъ сегодня?» Послѣ разсказовъ вошелъ въ нѣжныя мысли и въ томномъ услажденіи на канапе поваливался. Подзывая Порошина, говорилъ, что онъ видѣлъ свою любезную (фрейлину Чоглокову, съ которой онъ началъ «махаться»), и что она часъ отъ часу болѣе его плѣняетъ. Потомъ читали «Dictionnaire encyclopédique». Его высочество сыскалъ тамъ слово «amour» и читалъ на него изъясненіе». «Спрашивалъ Панинъ у его высочества, въ кого онъ нынѣ влюбленъ. Признавался

его высочество, что онъ влюбленъ, а въ кого не сказалъ. Наконецъ говорилъ Панинъ, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, ему сказалъ, давно ли онъ влюбленъ. На сіе отвѣчалъ его высочество, что въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ (1765 г.) годъ будетъ». Панинъ не считалъ нужнымъ противодѣйствовать этой влюбленности. Спустя мѣсяцъ, «его высочество очень много танцовать изволилъ съ своей любезною и махалъ весьма примѣтно». «Признаться надобно», замѣчаетъ Порошинъ, «что сегодня она особливо хороша была и приступы его высочества не отбивала суровостію»; Панинъ же «шутилъ надъ великимъ княземъ, какъ онъ прежде влюбленъ въ княжну Хованскую, а нынѣ и играть комедіи «La fête d'amour» съ ней не хочетъ. Говорилъ Панинъ, что «c'est le dépit amoureux» и т. д.

Окружавшее Павла общество «не было лѣниво или непослушно въ странахъ Цитерскихъ» и думало, что и онъ со временемъ не будетъ такимъ; но все-таки потворствовать преждевременному развитію чувственности въ 10-лѣтнемъ мальчикѣ и распалять его воображеніе не слѣдовало ни при какой системѣ воспитанія. Нервность и воспріимчивость Павла замѣтны были въ немъ еще въ дѣтскіе его годы; сила воображенія его была такъ велика, что, по свидѣтельству Порошина, «онъ такъ ясно и живо себѣ представлялъ, какъ бы то уже предъ нимъ дѣйствительно происходило». Напряженность и слѣдовавшее за нимъ разстройство воображенія несомнѣнно связаны были съ общею болѣзненностію организма Павла и разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, которымъ страдалъ онъ со дня рожденія. Напряженность воображенія вызывала за собою и крайнюю неустойчивость впечатлѣній мальчика. Обладая замѣчательною памятью, тщательно подмѣчая всѣ мелочи и подробности въ окружавшей его обстановкѣ и людяхъ, Павелъ жилъ всегда болѣе впечатлѣніями, не слѣдуя разсудку или сознательно опредѣлившемуся чувству. Его отношенія къ внѣшнимъ предметамъ всегда были въ зависимости отъ быстро смѣнявшихся идей, которыя онъ связывалъ съ ними въ своемъ воображеніи и которыя могли льстить его чувствамъ, а не были послѣдствіемъ точнаго ихъ знанія и оцѣнки. Оттого легко было понравиться Павлу, но было еще легче, безъ видимыхъ причинъ, навлечь на себя его нерасположеніе: малѣйшаго, часто кажущагося несоотвѣтствія какого-либо лица съ затаенными чувствами и мнѣніями Павла было совершенно достаточно, чтобы онъ измѣнилъ о немъ свое мнѣніе; изъ пустой, ничтожной подробности Павелъ быстро возсоздавалъ себѣ цѣлую картину, часто существовавшую лишь въ одномъ его воображеніи; на основаніи случайнаго признака выводилъ о лицѣ рѣшительное заключеніе, произносилъ о немъ окончательные приговоры. Достаточно было иногда, какъ бы случайно брошеннаго слова, мимоходомъ высказанной кѣмъ-либо мысли, чтобы Павелъ Петровичъ, остановившись на нихъ, самъ дошелъ до крайнихъ выводовъ. По живости своей онъ немедленно прилагалъ ихъ къ дѣлу, а стремленіе къ защитѣ воображаемой правды и самолюбіе заставляло его упорствовать на нихъ до послѣдней крайности; мало того, даже придя впослѣдствіи къ сознанію сдѣланной имъ ошибки въ оцѣнкѣ какого-либо лица, Павелъ сохранялъ въ себѣ непріятное о немъ впечатлѣніе, потому что видъ его напоминалъ ему эту ошибку, оскорблялъ его самолюбіе. Чтобы управлять Павломъ, нужно было постоянно подогрѣвать его впечатлѣнія, направлять ихъ постоянно по одной и той же колеѣ. «Его высочество», замѣчаетъ Порошинъ, «будучи весьма живого сложенія и имѣя наичеловѣколюбивѣйшее сердце, вдругъ влюбляется почти въ человѣка, который ему понравится. Какъ никакія усильныя движенія долго (въ немъ) продолжаться не могутъ, если побуждающей силы при томъ не будетъ, то и въ семъ случаѣ круглая прилипчивость должна утверждена и сохранена быть прямо любви достойными свойствами того, который имѣетъ желаніе полюбиться. Словомъ сказать, гораздо легче его высочеству вдругъ весьма понравиться, нежели навсегда соблюсти посредственную, не токмо великую и горячую отъ него дружбу и милость. Часто на его высочество имѣютъ великое дѣйствіе разговоры, касающіеся до кого-нибудь отсутствующаго, которые ему услышать случится. Когда при немъ говорятъ что въ пользу или въ похвалу какого-нибудь человѣка, такого человѣка послѣ видя, его высочество склоненъ къ нему является; когда же, напротивъ того, говорятъ о немъ невыгодно и хулительно, а особливо не прямо къ

его высочеству съ рѣчью адресуясь, но будто бы въ разговорѣ, мимоходомъ, то такого великій князь, послѣ увидя, холоденъ къ нему кажется». Отсюда раждались мнительность и подозрительность Павла ко всѣмъ, кто имѣлъ несчастіе чѣмъ-либо ему не понравиться: онъ какъ бы желалъ отыскать дурную сторону во всѣхъ его дѣйствіяхъ и такъ же односторонне проникалъ въ его мысли. Какъ почти всѣ слабонервные и впечатлительные люди, Павелъ весьма часто, подчиняясь первому впечатлѣнію, сперва постановлялъ рѣшеніе, а потомъ уже старался подыскать ему разумныя основанія. Въ этомъ отношеніи, постоянное пребываніе царственнаго мальчика среди взрослыхъ было для него положительно вредно: находясь въ ихъ обществѣ на положеніи равноправнаго члена, Павелъ чувствовалъ всю шаткость своихъ сужденій и составлялъ себѣ мнѣнія съ чужого голоса, подчиняясь случайному авторитету того или другаго изъ своихъ собесѣдниковъ. Въ обществѣ взрослыхъ онъ долженъ былъ чувствовать себя какъ въ тискахъ; отсюда—постоянная боязнь попасть какъ-нибудь въ просакъ, отсюда—застѣнчивость, родная сестра самолюбія, у Павла, всегда столь чувствительнаго. Всѣ эти качества, присущія характеру Павла Петровича уже въ дѣтскіе его годы, развиваясь постепенно, становились мучительными для него самого и были нестерпимы для окружающихъ, потому что, по горячности и запальчивости, онъ быстро приводилъ свои рѣшенія въ исполненіе, не давая себѣ времени и труда обдумать ихъ, и едва сдерживалъ порывы своихъ чувствъ,—поражая всѣхъ несдержанностію своихъ словъ и дѣйствій и напоминая ею своимъ собесѣдникамъ такъ памятнаго имъ своего родителя. Однажды, за столомъ, Павелъ до того ожесточился, что пріятель Панина, ежедневный посѣтитель обѣдовъ великаго князя, Сальдернъ, тутъ же замѣтилъ: «c'est une tête de fer», и Павла выслали изъ-за стола. Наставникъ Павла Эпинусъ говорилъ про него: «голова у него умная, но въ ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточкѣ: порвется эта ниточка, машинка завернется, и тутъ конецъ и уму, и разсудку». Отъ природы добрый и мягкій, какъ воскъ. Павелъ иногда искупалъ порывы своей раздражительности чистосердечнымъ раскаяніемъ, слезами, просьбами о примиреніи, но не всегда возможно было исправить разъ сдѣланное зло. «При самыхъ наилучшихъ намѣреніяхъ, вы можете заставить себя ненавидѣть», сказалъ однажды Павлу другой его наставникъ, Порошинъ, сердечно его любившій. Живой, задорный характеръ великаго князя выражался и въ его внѣшности: это былъ мальчикъ съ подвижнымъ, выразительнымъ лицомъ, съ нѣсколько вздернутымъ носикомъ и добрыми, подкупающими глазами. Онъ слегка картавилъ и любилъ нюхать каждый новый предметъ. Сидѣть долго на одномъ мѣстѣ было для него противно природѣ: онъ постоянно бѣгалъ и подпрыгивалъ. И въ этомъ отношеніи напоминалъ онъ собою Петра Ѳеодоровича, подпрыгиванье котораго на похоронахъ Елизаветы Петровны, по разсказу Екатерины, возбудило всеобщее нареканіе и ложные толки, какъ признакъ неуваженія къ памяти почившей.

Насколько по характеру своему Павелъ напоминалъ отца своего, настолько, по свойствамъ ума и способностямъ, онъ являлся отраженіемъ матери. Умъ Павла былъ наблюдательный, мѣткій. Остроуміе его и веселость всегда увлекательно дѣйствовали на собесѣдниковъ, а отвѣты его были быстры и находчивы; память великаго князя была изумительна. Къ сожалѣнію, незавидной обстановкѣ физическаго и нравственнаго воспитанія Павла соотвѣтствовала, хотя въ меньшей мѣрѣ, обстановка и умственнаго его развитія. Образовательный курсъ, по взгляду Панина и современнаго ему общества, долженъ былъ имѣть цѣлью украшеніе ума, подобно тому, какъ эстетическая обстановка воспитанія должна была содѣйствовать украшенію жизни. Сначала до 14-лѣтняго возраста Павлу преподавали Законъ Божій, математику, исторію, географію, физику, языки: русскій, французскій и нѣмецкій, при чемъ «въ началѣ всѣ обученія не прямою наукою, но больше наставленіями были производимы». Ученіе велось довольно безпорядочно, безъ опредѣленной программы, и запасъ общеобразовательныхъ знаній великаго князя и умственный его складъ опредѣлялись не столько учебными занятіями его въ строгомъ смыслѣ этого слова, сколько личными взглядами лицъ, окружавшихъ Павла, преимущественно его наставниковъ и воспитателей, а также выборомъ книгъ для чтенія. И здѣсь мы

встрѣчаемся съ проявленіями господствовавшаго въ то время въ русскомъ обществѣ вліянія французской культуры. Французская просвѣтительная литература, въ сочиненіяхъ ея корифеевъ: Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро, Даламбера, Гельвеціуса, и въ массѣ другихъ сочиненій, изъ которыхъ многія теперь уже позабыты,—съ увлеченіемъ читалась русскимъ образованнымъ обществомъ. Ихъ предлагали для чтенія и Павлу, правда, безъ всякой системы, но съ искреннимъ желаніемъ ввести великаго князя въ кругъ европейской образованности. Пища эта для 10—12-лѣтняго мальчика была не совсѣмъ удобоварима, но авелъ, всегда жадный къ знанію, съ усердіемъ предавался чтенію, чаще всего въ обществѣ воспитателя своего Порошина, хотя, какъ видно, скучалъ иногда отъ безбрежнаго моря произведеній, бывшихъ ему и не по лѣтамъ, и не по развитію. «Куды какъ книгъ-то много, ежели всѣ взять, сколько ни есть ихъ», замѣтилъ онъ однажды Порошину: «а все-таки пишутъ, да пишутъ». — «Говорилъ я его высочеству, что для того все пишутъ, да пишутъ, что много есть еще вещей и дѣлъ, совсѣмъ не открытыхъ и не извѣстныхъ, которыя мало-по-малу открываются, и что многія извѣстныя и открытыя требуютъ объясненія и дополненія; что чтеніе человѣку, чѣмъ онъ выше надъ прочими, тѣмъ для него полезнѣе; что между множествомъ книгъ весьма много есть дурныхъ и посредственныхъ, для чего надобенъ необходимо выборъ». Изъ записокъ Порошина мы знаемъ, что Павелъ перечиталъ съ нимъ цѣлый рядъ сочиненій французскихъ историковъ и познакомился съ лучшими произведеніями французской поэзіи: Расина, Мольера, Детуша и др. Важно было, конечно, то, что Павелъ читалъ ихъ не одинъ, а съ Порошинымъ, который, по поводу прочитываемаго, велъ длинныя бесѣды со своимъ воспитанникомъ и умѣлъ обращать его вниманіе на мысли, болѣе важныя и существенныя, постоянно разъясняя и комментируя ихъ. Содержаніе этихъ бесѣдъ было самое разнообразное: о земледѣліи и коммерціи, о финансахъ и банкахъ, объ обязанностяхъ государя, о знатности и чинахъ, о богатствѣ и бѣдности и т. д. Это былъ, при начитанности Порошина и его любви къ Павлу, своего рода образовательный курсъ, стоившій десятка учебныхъ курсовъ, заурядныхъ. Благодаря этому, на Павлѣ, менѣе, быть можетъ, чѣмъ на другихъ русскихъ того времени, знакомство съ французской литературой отразилось утратой привычки къ размышленію и заимствованію у французскихъ писателей—общихъ мѣстъ, общепризнанныхъ истинъ и готовыхъ шаблоновъ, облеченныхъ въ красивыя фразы. Самъ Панинъ, между тѣмъ, требовалъ, чтобы Павелъ «изъ славныхъ французскихъ авторовъ» нѣкоторыя мѣста наизустъ выучивалъ, «гдѣ заключаются хорошія сентенціи», и чтобы онъ выучивалъ нѣсколько сценъ изъ какой-либо французской трагедіи «и декламировать научился». Вслѣдствіе этого у Павла надолго сохранилось пристрастіе къ французской литературѣ; этому много содѣйствовали и его наставники французы: Левекъ и Лафермьеръ, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, его библіотекаремъ. Нѣмецкой литературы Павелъ чуждался и нѣмецкаго языка не любилъ: онъ казался ему грубымъ и тяжеловѣснымъ.

Если Павелъ Петровичъ не успѣлъ совсѣмъ офранцузиться и если «вольтерьянство» не коснулось души его, то этимъ онъ обязанъ былъ законоучителю своему, знаменитому Платону, и своему другу-наставнику, Семену Андреевичу Порошину.

Платонъ, еще въ санѣ іеромонаха приглашенный преподавать Законъ Божій Павлу Петровичу самой императрицей, уважавшей его выдающійся ораторскій талантъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени; въ то же время свойства его простого, величаво-невозмутимаго характера пріобрѣли ему всеобщее расположеніе. Сдерживая себя въ обществѣ, Платонъ все-таки вполнѣ достигъ своей цѣли—воспиталъ въ Павлѣ религіозное чувство и преданность къ православной вѣрѣ. Вступивъ въ должность законоучителя, Платонъ замѣтилъ, что «новопроникшія философическія начала, угрожающія не только религіи, но и политической основательной связи, требуютъ всеприлежной предосторожности». «Поэтому онъ избралъ наилучшій способъ противодѣйствія этимъ началамъ: показывать всегда согласованіе уставовъ и событій, заключающихся въ Святомъ Писаніи,—съ естественнымъ разумомъ и утверждать оныя доводами здраваго человѣче-

ского разсужденія». «Высокій воспитанникъ», разсказываетъ самъ Платонъ, «всегда былъ, по счастію, къ набожности расположенъ, и разсужденіе ли, или разговоръ относительно Бога и вѣры были всегда ему пріятны. Сіе, по примѣчанію, ему внѣдрено было со млекомъ покойной императрицею Елизаветою Петровной, которая его горячо любила и воспитывала приставленными отъ нея весьма набожными женскими особами. Но при этомъ великій князь часто переходилъ съ одного предмета на другой, не имѣя терпѣливаго къ одной вещи вниманія, и наружностію всякою, въ глаза бросающеюся, болѣе прельщался, нежели углублялся во внутренность. Ободряло Платона то, что онъ отъ высокаго воспитанника имѣлъ счастіе любимымъ быть». На экзаменѣ изъ Закона Божія, единственномъ происходившемъ въ присутствіи императрицы Екатерины,—Павелъ показалъ такое знаніе, что старикъ графъ Бутурлинъ, тутъ присутствовавшій, говорилъ: «Слава Богу, что отъ такихъ лѣтъ его высочество духомъ страха Божія наполняется. Сожалительно, что покойная императрица Елизавета Петровна не дожила до того удовольствія, чтобы въ такомъ состояніи его видѣть».—«Вообще», замѣчалъ Порошинъ о Павлѣ, «справедливость отдать ему должно, что онъ обыкновенно службѣ Божіей съ благочиніемъ и усердіемъ внимать изволитъ». И внѣ уроковъ Платонъ часто имѣлъ задушевныя бесѣды съ своимъ ученикомъ о вѣрѣ и нравственности. Съ своей стороны Порошинъ также, гдѣ могъ, укрѣплялъ въ Павлѣ религіозныя наклонности. Въ день Успенія Богородицы, напримѣръ, разсказываетъ Порошинъ, «одѣвшись изволилъ Павелъ читать съ отцомъ Платономъ св. Писаніе. Потомъ разбирали мы книжку, въ которой служба на сегодняшній праздникъ, и пѣли оттуда стихъ: «Побѣждаются естества уставы, Дѣва чистая, и проч.» Религіозность Павла осталась съ нимъ на всю жизнь, соединяясь съ нѣкоторой рыцарской экзальтаціей и мистицизмомъ—плодомъ разстроеннаго воображенія.

Добрый геній Павла, Семенъ Андреевичъ Порошинъ, озабоченъ былъ въ особенности стремленіемъ привить своему воспитаннику любовь къ отечеству и русскому народу и познакомить его какъ можно болѣе съ русской жизнію, литературой и исторіей. Отъ окружавшихъ великій князь постоянно слышалъ о процвѣтаніи наукъ и искусствъ на Западѣ, слышалъ постоянные похвалы тамошнему строю вообще, отзывы о тамошнемъ богатствѣ и великолѣпіи, о томъ, какъ Россія отошла отъ Западной Европы во всѣхъ отношеніяхъ, причемъ нѣкоторые позволяли себѣ отзываться о Россіи съ презрѣніемъ. Самъ Панинъ говорилъ, напр., великому князю, на его вопросъ,—хуже ли шведскій городъ Торнео нашего Клину или нѣтъ: «намъ, батюшка, нельзя еще о чемъ бы то ни было разсуждать въ сравненіи съ собою. Можно разсуждать такъ, что это тамъ дурно, это хорошо, отнюдь къ тому не примѣняя, что у насъ есть. Въ такомъ сравненіи мы вѣрно всегда потеряемъ». Порошинъ считалъ своею обязанностію уничтожить впечатлѣніе, произведенное подобными разговорами на великаго князя. Въ особенности возмущали его легкомысленные отзывы о Петрѣ Великомъ. «Всему разумному и безпристрастному свѣту отдаю на разсужденіе», пишетъ Порошинъ, «пристойно ли, чтобы престола россійскаго наслѣдникъ и государя Петра Великаго родной правнукъ такимъ недостаточнымъ разговорамъ былъ свидѣтель?». Петръ Великій былъ для Порошина идеальнымъ государемъ и съ нимъ сравнивалъ онъ одного лишь Генриха IV французскаго; эти чувства и мнѣнія умѣлъ онъ внушить Павлу. Признавая отсталость Россіи отъ Западной Европы въ матеріальномъ отношеніи, Порошинъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы внушить Павлу высокое мнѣніе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ русскаго народа, дававшихъ ему возможность къ успѣхамъ на всѣхъ поприщахъ. Для этого онъ знакомилъ его съ русской исторіей, какъ въ чтеніи, такъ и въ собственныхъ разсказахъ. Вмѣстѣ съ цесаревичемъ читалъ онъ Ломоносова, Сумарокова, Лукина, знакомилъ его съ бытомъ и нуждами народа. Онъ внушалъ Павлу, «какъ Россія пространна и какія сокровища въ себѣ заключаетъ, что его высочеству надобно стараться обо всемъ, что касается Россіи, имѣть подлинное, подробное и основательное свѣдѣніе, дабы потому узнать, какія въ ней есть заведенія и яснѣе усмотрѣть средства и удобности къ содержанію того, чего нѣтъ еще»; онъ старался говорить «о подлинныхъ и коренныхъ причинахъ,

чего ради все идетъ толь тихою черепашьею поступью и ничто, какъ говорятъ, не ладится, и какіе способы—все въ быстрое и успѣшное привести движеніе». Полагая между разсужденіями и разсказами «великую разность», Порошинъ тщательно заботился о томъ, чтобы своими бесѣдами «не навести скуки и отвращенія». Въ такихъ случаяхъ, кромѣ всякихъ историческихъ свѣдѣній и анекдотовъ, кромѣ многихъ правилъ о красотѣ россійскаго языка, наблюдалъ онъ, «чтобы въ его высочествѣ осталось за законъ и основаніе — разсматривать и отличать прямыя достоинства, не ослѣпляясь блистательною и часто обманчивою наружностію, чтобы любить народъ россійскій, отдавая потомъ справедливость каждому достойному изъ чужестранныхъ, чтобы тверду и непоколебиму быть въ глубокомъ почтеніи, кому онымъ его высочество долженъ». Чтобы еще болѣе укоренять въ великомъ князѣ слѣды бесѣдъ своихъ съ нимъ, и чтобы онъ болѣе обращалъ вниманіе на свое поведеніе, Порошинъ началъ читать ему заведенный имъ дневникъ дѣтской жизни своего воспитанника, взявъ съ него обѣщаніе никому не говорить о томъ. «Все точнешенько такъ», замѣтилъ Павелъ однажды; «только иныя мѣста желалъ-бы я, чтобы выскребены были». — «Ежели все такъ», отвѣтилъ Порошинъ, «такъ зачѣмъ же выскребать? Исторія должна быть справедлива и безпристрастна».

Павелъ чувствовалъ любовь къ себѣ своего воспитателя и, въ свою очередь, любилъ и цѣнилъ его. Къ сожалѣнію, отношенія эти продолжались недолго, и при этомъ обнаружились несимпатичныя черты великаго князя: неустойчивость его впечатлѣній, шаткость его привязанностей.

Дѣятельность Порошина, его особенное вліяніе на Павла, уже давно возбуждали неудовольствіе нѣмецкихъ наставниковъ и воспитателей цесаревича, смотрѣвшихъ на Россію какъ на страну варварскую и односторонне, хотя вполнѣ искренно, выставлявшихъ предъ своимъ питомцемъ лишь грубость русскаго народа и недостатки нашего общества, не менѣе односторонне прославляя иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ. Самобытность, чисто русскія черты дѣятельности Петра Великаго истолковывались лишь въ смыслѣ желанія его водворить въ Россіи нѣметчину, а надъ личностью его смѣялись, добродушіе и страдательное терпѣніе русскаго народа выставляли глупостью, увѣряя, что «notre peuple est ce que l'on veut bien qu'il soit». Это качество, впрочемъ, ставилось въ заслугу русскому народу, и потому 10-лѣтній Павелъ въ сущности выражалъ лишь мнѣніе многихъ русскихъ европейцевъ, когда говорилъ: «А что-жъ? Развѣ это худо, что нашъ народъ таковъ, какимъ хочешь, чтобы онъ былъ? Въ этомъ, мнѣ кажется, худа бы еще нѣтъ. Поэтому и стало, что все отъ того только зависитъ, чтобы тѣ хороши были, кому хотѣть надобно, чтобы онъ былъ таковъ или инаковъ». Горячность и усердіе Порошина въ дѣлѣ воспитанія Павла въ значительной степени объясняется возникавшею для него необходимостію бороться съ вліяніями, которыя, по его мнѣнію, могли повредить и будущему русскому государю, и Россіи. Между придворными иноземцами и Порошинымъ дѣйствительно началась глухая борьба, признаки которой проявлялись постоянно, даже въ мелочахъ, тѣмъ болѣе, что именно Остервальдъ, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и помощникомъ Панина въ дѣлѣ воспитанія Павла Петровича, преподавалъ ему исторію, географію, русскій и нѣмецкій языки. Преподаваніе его было сухое, безжизненное: цесаревичу сообщались только имена да цифры; притомъ Остервальдъ очень плохо выражался по-русски. «Я не могъ утерпѣть», говоритъ Порошинъ, «чтобы не поправить, услыша превратный и россійскому слуху странный выговоръ». «Великій князь не любилъ его», замѣчаетъ Порошинъ: «онъ учился у него (еще въ раннемъ дѣтствѣ)—исторіи, кою напослѣдокъ до Нинова сына прошелъ и выучилъ, что изъ 30 государей ни одного не было хорошаго». Столкновенія между Остервальдомъ и Порошинымъ были постоянныя, и Остервальдъ успѣлъ наконецъ возстановить противъ Порошина не только Панина, но и самого великаго князя.

Порошинъ не любилъ нѣмецкаго языка, хотя прекрасно говорилъ на немъ, и именно его внушеніями, а не собственнымъ плохимъ преподаваніемъ, Остервальдъ объяснялъ дурные успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ Павла и его къ нему отвращеніе; выходки Павла также приписывались вліянію Порошина. Когда Павелъ сталъ требовать, чтобы при бесѣдахъ его съ Порошинымъ не присутствовалъ никто другой, Панину было

доложено въ томъ смыслѣ, что Павлу внушалъ объ этомъ самъ Порошинъ, и Порошинъ, испуганный этой сплетней, самъ уже сталъ просить Павла, не показывать ему явно знаковъ своей дружбы, «дабы избыть роптаніе завистливыхъ глазъ и злости низкихъ сердецъ и умовъ темныхъ». Панинъ склоненъ былъ всегда стать на сторону Остервальда и сталъ подозрительно смотрѣть на усерднаго русскаго воспитателя.

Спустя нѣкоторое время, воспользовавшись непродолжительнымъ отсутствіемъ Порошина, нѣмцы успѣли такъ настроить противъ него мнительнаго и подозрительнаго Павла Петровича, что тотъ сталъ очень холодно относиться къ нему по его возвращеніи. Послѣдовало объясненіе, и когда Порошинъ заговорилъ о своей невинности, то Павелъ вспыльчиво прервалъ его: «Ты это заслуживаешь», сказалъ онъ; «знаю я теперь, что все то значило, что ты прежде ни говорилъ со мною, и я уже обо всемъ разсказалъ Никитѣ Ивановичу». «Долго мнѣ теперь описывать», продолжаетъ Порошинъ, «какія я чудеса свѣдалъ отъ его высочества, какъ подло и злобно слова мои ему были перетолкованы, и какъ онъ могъ сказать о томъ его превосходительству Никитѣ Ивановичу. Всего больше меня тронуло, что довели сіе до Никиты Ивановича, потому что, если бы не удалось мнѣ представить ему своихъ изъясненій, то-бъ могъ и подлинно почесть меня тѣмъ, что я отнюдь не есть и чѣмъ завсегда гнушался. Если бы только на его высочествѣ такія бабьи интрижки останавливались, то-бъ я сожалѣлъ только, что сіе служитъ къ развращенію кроткаго и человѣколюбиваго нраву государя цесаревича, а впрочемъ смѣялся бы тому и пренебрегалъ». Дѣйствовали на самолюбіе и подозрительность Павла, и онъ, не задумываясь, предалъ Порошина, играя роль жертвы его внушеній. Всего ужаснѣе для Порошина было то, что Павелъ разсказалъ Панину о его запискахъ. «Во время оныхъ перетолкованій его высочеству рѣчей моихъ и разсужденій, на справедливости и усердіи основанныхъ», пишетъ Порошинъ, «привели государя цесаревича (къ тому), что и о журналѣ моемъ разсказать онъ изволилъ (хотя прежде и обѣщалъ, чтобы никому объ оныхъ не сказывать и донынѣ ненарушимо хранилъ свое обѣщаніе), думая, что и то будетъ служить мнѣ въ предосужденіе и въ облеченіе коварныхъ моихъ, какъ они называли, умысловъ; и въ самомъ дѣлѣ и о сихъ запискахъ увѣрили его высочество, что онѣ современемъ будутъ только служить къ его стыду и посрамленію». О ходѣ «дворскихъ» интригъ, приведшихъ къ гибели Порошина, сохранилось слѣдующее извѣстіе: «Сперва внушено было цесаревичу, что записки Порошина къ чести его служить не могутъ, потому что всѣ дѣтскіе проступки тутъ вносимы были; особенно же не нравился сей журналъ оберъ-гофмейстеру графу Панину, по нѣкоторымъ смѣлымъ о немъ самомъ заключеніямъ. Сверхъ того, неопытный и пылкій Порошинъ, къ несчастію своему, страстно влюбился въ графиню Шереметеву, которую графъ Никита Ивановичъ прочилъ себѣ въ невѣсты. Когда любовь ихъ (Порошина и Шереметевой?) сдѣлалась явною, то легко охолодили великаго князя къ своему наставнику, потомъ отлучили его отъ двора». Оклеветанный и дважды униженный и оскорбленный въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, Порошинъ, въ бѣдѣ, которая отнимала у него все будущее и пятнала безчестіемъ, обратился за помощью къ фавориту Екатерины, графу Григорію Орлову. Но, «по политическимъ причинамъ», Панинъ при Павлѣ былъ неуязвимъ даже для Орлова, и Порошинъ переведенъ былъ на службу въ Малороссію, гдѣ вскорѣ умеръ.

Съ удаленіемъ Порошина, ученіе отступило мало-по-малу на второй планъ и потеряло свой прежній смыслъ. Безпристрастный свидѣтель всего періода воспитанія Павла, Платонъ, разсказываетъ, что «разные придворные обряды и увеселенія не малымъ были препятствіемъ ученію. Графъ Панинъ былъ занятъ министерскими дѣлами, но и къ гуляніямъ былъ склоненъ. Императрица самолично никогда въ сіе не входила». Очевидно, что при Павлѣ возобладалъ информаторъ его Остервальдъ, который, льстя лѣности Павла, еще раньше спорилъ съ Порошинымъ, доказывая, «что надобно, чтобы на половинѣ великаго князя всякую недѣлю два раза были куртаги, дабы публика его узнала, и онъ бы къ обхожденію привыкалъ». Между тѣмъ великій князь достигъ 14 лѣтъ, когда, по воспитательному плану Панина, «полезно было учинить особливое разсужденіе, какимъ способнѣйшимъ образомъ приступить къ прямой государственной наукѣ, т. е.

къ познанію коммерціи, казенныхъ дѣлъ, политики внутренней и внѣшней, войны морской и сухопутной, учрежденій мануфактуръ и фабрикъ и прочихъ частей, составляющихъ правленіе государства». Для насъ не сохранилось подробностей объ этихъ занятіяхъ цесаревича; извѣстно только, что безнравственный интриганъ Тепловъ, приглашенный для преподаванія ему государственныхъ и политическихъ наукъ, съ умысломъ или нѣтъ, наводилъ на Павла такую скуку занятіями этими предметами, что тотъ не хотѣлъ и слышать о нихъ: онъ приносилъ ему для разбора огромныя кипы процессовъ, производившихся въ сенатѣ. Зато великій князь началъ обнаруживать склонность къ «мелкостямъ военнаго дѣла», отъ котораго ранѣе его устраняли, по печальному опыту его отца: Панинъ и Порошинъ были согласны въ этомъ отношеніи. «Обширное государство», писалъ Порошинъ, «неисчисленные пути откроетъ, гдѣ можетъ поработать ученіе, остроуміе и глубокомысліе великое и по которымъ истинная слава во всей вселенной промчится и въ роды родовъ не умолкнетъ. Такія ли огромныя дѣла оставляя, пуститься въ офицерскія мелкости? Я не говорю, чтобы государю совсѣмъ не упоминать про дѣло военное. Никакъ!—въ томъ опять сдѣлано было упущеніе; но надобно влагать въ мысли его такія свѣдѣнія, которыя составляютъ великаго полководца, а не исправнаго капитана или прапорщика. Сверхъ того, въ бездѣлки пускаться весьма опасно. Онѣ и такого человѣка, который совсѣмъ къ нимъ не склоненъ, притянуть къ себѣ могутъ. Лѣности нашей то весьма угодно, а тщеславіе не преминетъ уже стараться прикрыть все видомъ пользы и необходимости. Легче въ бездѣлкахъ упражняться, нежели въ дѣлахъ важныхъ». Съ другой стороны, поклонники военнаго дѣла и «офицерскихъ мелкостей» внушали Павлу: «Какую бы помощь, напр., получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и др. наукъ и художествъ, если бы не было въ ней Мильтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлыхъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ? Но, чтобы сократить, оставлю тьму такихъ примѣровъ и пріобщу только то, что славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ ни протоколистомъ ни одной коллегіи, нижé сената». И послѣднему взгляду Павелъ долженъ былъ отдать предпочтеніе: дѣти вообще любятъ игру въ солдаты, а Павелъ часто мечталъ, еще въ ранніе свои годы, о баталіяхъ и военной службѣ. Платонъ прямо свидѣтельствуетъ, что великій князь былъ особо склоненъ къ военной наукѣ и плѣнялся «всякой наружностію, въ глаза бросающеюся». Братъ Никиты Панина, генералъ-аншефъ Петръ Ивановичъ, часто посѣщалъ Павла и содѣйствовалъ развитію его военныхъ наклонностей. Во всякомъ случаѣ, Павелъ получилъ хорошую военную подготовку, и уже въ 1772 г., 18 лѣтъ, началъ исполнять обязанности генералъ-адмирала и фактически командовать кирасирскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ; оба эти званія пожалованы ему были императрицей еще въ 1762 году.

Находясь подъ исключительнымъ присмотромъ Никиты Панина, Павелъ Петровичъ видѣлъ въ матери, прежде всего, государыню: являясь къ большому двору для свиданія съ державной своей матерью всегда въ сопровожденіи своего воспитателя, Павелъ видѣлся съ нею, главнымъ образомъ, на разныхъ придворныхъ собраніяхъ. Оттого неудивительно, что въ обращеніи съ нимъ Екатерины установилась нѣкоторая холодность, за которую ея впечатлительный сынъ платилъ ей тѣмъ же. Видъ принужденности въ отношеніяхъ матери къ сыну раждался и оттого, что, въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины, недовольные ея управленіемъ почти всегда выдвигали имя Павла, какъ претендента, которому долженъ былъ принадлежать престолъ: имя это, въ укоръ себѣ, она послѣдовательно встрѣчала въ дѣлахъ Гурьева, Хитрово, Арсенія Мацѣевича, Опочинина и даже Беньовскаго, да и самъ Панинъ, какъ постоянный стражъ Павла, напоминалъ ей своей персоной планы 1762 г. о возведеніи его на престолъ. Тѣмъ не менѣе, всякій разъ, когда слабому здоровью Павла Петровича угрожала какая-либо опасность, Екатерина проявляла о немъ особенную заботливость. Такъ было въ 1767 г., во время пребыванія

въ Москвѣ, когда Павелъ заболѣлъ серьезной болѣзнью; такъ было и въ маѣ 1768 г., когда умерла отъ оспы невѣста Панина, графиня Анна Петровна Шереметева. Во время ея болѣзни Павелъ жилъ въ Царскомъ Селѣ при Екатеринѣ, въ разлукѣ съ Панинымъ, которому императрица обѣщала «сына своего нивѣсть какъ няньчить», а 1 ноября того же года Павлу, по желанію Екатерины и одновременно съ нею, привита была оспа англійскимъ врачемъ Димсдалемъ.

Изъ записокъ Порошина видно, что Панинъ отзывался иногда при великомъ князѣ саркастически объ управленіи дѣлами государства въ царствованіе Екатерины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь воспринялъ у Панина и ненависть къ Орловымъ, ея помощникамъ. Подозрительность и мнительность великаго князя, естественно, увеличивались постоянно и дошли до того, что онъ началъ бояться за собственную безопасность и даже за свою жизнь. Въ 1771 г., когда Павелъ Петровичъ опасно заболѣлъ горячкой, императрица, не смотря на лѣтнее время, нарочно переѣхала изъ Петергофа въ Петербургъ, гдѣ находился больной, и почти ежедневно навѣщала сына. Между тѣмъ возникли толки о престолонаслѣдіи въ случаѣ смерти цесаревича. Народъ тревожился болѣзнію наслѣдника, и выздоровленіе его принято было съ восторгомъ; Фонвизинъ, преданный слуга Панина, написалъ даже особое «Слово» на это выздоровленіе.

Въ 1772 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія. Этого момента многіе современники ждали, какъ событія, долженствующаго опредѣлить степень участія наслѣдника въ управленіи государствомъ. Еще въ дѣтствѣ, по разсказу Порошина, Павелъ слышалъ отъ матери, «что какъ онъ возмужаетъ, то она изволитъ призывать его къ себѣ по утрамъ для слушанія дѣлъ, дабы онъ могъ къ тому привыкнуть». Иностранные дипломаты высказывали предположеніе, что со времени совершеннолѣтія Павла судьба Екатерины будетъ невѣрна: «я не сомнѣваюсь», писалъ, напр., лордъ Каткартъ въ 1769 г., «что все дѣло подготовлено и условлено ко времени совершеннолѣтія, хотя подробности мнѣ неизвѣстны». На самомъ же дѣлѣ Екатерина вовсе не думала поступиться даже частью своей власти въ пользу сына, и день совершеннолѣтія Павла, 20 сентября 1772 г., быть можетъ съ умысломъ, ровно ничѣмъ не былъ ознаменованъ: въ этотъ день не было даже никакого производства, и хотя Павелъ вступилъ въ исправленіе обязанностей генералъ-адмирала и командующаго кирасирскимъ полкомъ своего имени, но его оберъ-гофмейстеръ, Панинъ, не лишенъ былъ своей власти надъ нимъ, такъ что совершеннолѣтній наслѣдникъ, на дѣлѣ какъ бы не былъ еще признанъ совершеннолѣтнимъ. Разумѣется, «усерднѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ дѣтямъ отечества», возлагавшимъ столько прекрасныхъ надеждъ на Павла, это было сильно не по вкусу, и, дѣйствительно, никогда не было столько интригъ при дворѣ Екатерины, какъ въ концѣ 1772 г. и первой половинѣ 1773 г. Страннымъ образомъ случилось, что предъ самымъ совершеннолѣтіемъ Павла Екатерина охладѣла къ Орлову, и появился новый фаворитъ Васильчиковъ, бывшій креатурой Панина. Перемѣна эта отозвалась на отношеніяхъ Екатерины къ сыну: она баловала, ласкала его; съ своей стороны, Павелъ, ненавидѣвшій Орловыхъ, былъ крайне доволенъ ихъ паденіемъ, такъ что самъ Панинъ долженъ былъ сдерживать порывы его отвращенія къ отставному фавориту. Но уже въ концѣ 1772 г. Екатерина начала подозрѣвать какую-то интригу со стороны Паниныхъ и слухи о дурныхъ отзывахъ Павла объ Орловыхъ называла «ложью, выдуманною для видовъ тѣхъ, которые черезъ то надѣялись скорѣе достигнуть своихъ видовъ», «въ коихъ», писала она, «я не обманута, а все сіе пустошь, изъ перехитренной тонкости выдуманная, и меня не проведутъ». Послѣдствіемъ этой «пустоши» было, однако, новое усиленіе вліянія Орловыхъ при дворѣ съ марта 1773 г. и предосторожности, принятыя противъ братьевъ Паниныхъ. «Всѣ интриги и струны настроены», сообщалъ въ это время преданный Панину Фонвизинъ, «чтобы графа Панина отдалить отъ великаго князя, который открылъ мнѣ свое намѣреніе, буде отлучатъ его отъ великаго князя, то онъ ту же минуту выйдетъ въ отставку. Великій князь тужитъ очень, видя худое положеніе своего воспитателя, а слышно, что его отдаляютъ... Развращенность здѣшнюю описывать излишне. Ни въ какомъ скаредномъ приказѣ нѣтъ такихъ стряпческихъ интригъ, какія у нашего... происходятъ и все вертится надъ

бѣднымъ Панинымъ. Брата своего онъ въ Петербургъ привезти боится, чтобы еще скорѣе ему шеи не сломали, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бы ему былъ истинный другъ». Петръ Панинъ жилъ въ это время въ Москвѣ, послѣ выхода своего въ отставку, и также проявлялъ признаки волненія: онъ, по донесенію московскаго главнокомандующаго, князя Волконскаго, въ это время «много и дерзко болталъ», хотя «такого не было слышно, чтобъ клонилось къ какому бы дерзкому предпріятію».

Самъ Панинъ умѣлъ однако оставаться въ тѣни. Главною его пружиною былъ сначала его ближайшій другъ, бывшій дотолѣ посланникомъ въ Варшавѣ, голштинецъ Сальдернъ, постоянно присутствовавшій во время пребыванія своего въ Петербургѣ на обѣдахъ наслѣдника. Сальдернъ самъ однажды охарактеризовалъ себя словами, обращенными къ графу Строганову: «вы тѣ интриги крупными называете, кои я весьма мелкими почитаю». Сперва Сальдернъ провелъ давній проектъ Панина объ устраненіи Павла Петровича отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла германскія, такъ какъ Павелъ, по наслѣдству отъ отца, былъ герцогомъ голштинскимъ: печальный примѣръ Петра III заставлялъ думать, что и сынъ его сосредоточитъ свое вниманіе на дѣлахъ голштинскихъ, а не русскихъ. 21 мая 1773 г. заключенъ былъ съ Даніею окончательный договоръ, по которому, уступая Даніи Шлезвигъ и Голштинію, Павелъ Петровичъ пріобрѣталъ взамѣнъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ; вслѣдъ за тѣмъ, актомъ 14 іюля 1773 г., Павелъ передалъ эти владѣнія коадъютору Любскому Фридриху-Августу, представителю младшей линіи голштинскаго дома; за Павломъ остался лишь титулъ герцога голштинскаго и право раздавать голштинскій орденъ св. Анны. Вслѣдъ затѣмъ Сальдернъ составилъ для поднесенія императрицѣ планъ о дарованіи Павлу соучастія въ управленіи государствомъ, но планъ этотъ, какъ говорятъ, не понравился Панину: онъ убѣдилъ Павла отвергнуть его, но не донесъ о немъ Екатеринѣ, которая узнала о происках Сальдерна лишь послѣ окончательнаго отъѣзда его изъ Россіи въ августѣ 1773 г. Разсказываютъ, что Панинъ самъ составилъ, вмѣстѣ съ довѣренными секретарями своими: Фонвизинымъ и Бакунинымъ, другой планъ вступленія Павла въ управленіе государствомъ, но что Бакунинъ открылъ графу Г. Г. Орлову всѣ обстоятельства дѣла. Императрица призвала къ себѣ сына и гнѣвно упрекала его; тогда Павелъ испугался и принесъ матери списокъ всѣхъ участниковъ. Она сидѣла у камина и, взявъ списокъ, не взглянувъ даже на него, бросила бумагу въ огонь, сказавъ: «я не хочу знать, кто эти несчастные»: она знала уже ихъ по доносу Бакунина. Несомнѣнно одно, что уже въ маѣ 1773 г. Павелъ искалъ сближенія съ матерью. 27 мая онъ писалъ гр. Андрею Разумовскому: «Я составилъ себѣ планъ для будущаго поведенія, который я изложилъ вчера гр. Панину, его одобрившему. Планъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе сблизиться съ матерью и пріобрѣсти ея довѣріе—и для того, чтобы по возможности обезопасить ее отъ всякаго рода интригъ, и для того, чтобы имѣть родъ оплота и поддержки на случай, если бы захотѣли противодѣйствовать моимъ намѣреніямъ». Тогда же Панинъ пробовалъ дѣйствовать на другой почвѣ. Еще въ 1768 г. Екатерина поручила другу Панина, бывшему посланнику Даніи въ Россіи, Ассебургу, выборъ невѣсты для Павла изъ германскихъ княжескихъ семействъ. Творецъ «сѣвернаго аккорда», Панинъ, давно умѣлъ возбудить въ наслѣдникѣ симпатіи къ Пруссіи, закрѣпленныя въ 1770 г. сближеніемъ его съ принцемъ Генрихомъ прусскимъ во время 4-хъмѣсячнаго пребыванія его въ Петербургѣ. Естественно было и принцу Генриху, и Панину заботиться о томъ, чтобы выборъ Ассебурга совпадалъ съ политическими ихъ планами; Фридрихъ II также принялъ въ этомъ горячее участіе ради интересовъ Пруссіи. «Только происками и интригами, говоритъ онъ самъ въ своихъ запискахъ,—достигъ король прусскій того, что остановилъ выборъ Екатерины на принцессѣ гессенъ-дармштадтской, родной сестрѣ принцессы прусской. Чтобы пользоваться значеніемъ въ Россіи, необходимо было помѣстить тамъ лицъ, которыя держали бы сторону Пруссіи. Слѣдовало надѣяться, что принцъ прусскій, вступивъ на престолъ, могъ пріобрѣсти отъ этого большія выгоды. Ассебургу, подданному короля, поручено было ознакомиться съ германскими дворами, въ семействахъ которыхъ были невѣсты. Король пробудилъ въ немъ патріотическое усердіе, указавъ ему, что прин-

цесса дармштадтская есть именно та, которою онъ наиболѣе интересуется. Посланникъ такъ хорошо сослужилъ службу его прусскому величеству, что эта принцесса и была избрана въ супруги великому князю». Дѣйствительно, уже 28 апрѣля 1773 г. Екатерина сдѣлала формальное приглашеніе ландграфинѣ гессенъ-кассельской Каролинѣ съ тремя ея дочерьми: Амаліей, Вильгельминой и Луизой—прибыть въ Петербургъ на русской флотиліи, нарочно за ней отправленной въ Любекъ; принцесса Вильгельмина предназначена была въ невѣсты наслѣднику. Въ то же время Ассебургъ писалъ Панину, что вслѣдствіе его стараній ландграфиня такъ хорошо настроена, что не будетъ слушать ничьихъ совѣтовъ, кромѣ совѣтовъ Панина, и что она будетъ слушаться и повиноваться ему во всемъ. О письмѣ этомъ Екатерина узнала изъ перлюстраціи и тогда же предписала барону Черкасову, назначенному встрѣтить принцессу Вильгельмину, дать ей слѣдующую инструкцію: «Принцесса должна не только чуждаться, но никогда не слушать тѣхъ, которые злобными своими навѣтами пожелали бы разстроить согласіе императорскаго семейства. Принцессѣ, которой суждено скрѣпить его узы, вмѣняется въ обязанность изобличать предъ императрицей и великимъ княземъ, ея супругомъ, тѣхъ, которые, по нескромности или низости, дерзнули бы мыслить внушить ей чувства, противныя долгу привязанности къ императрицѣ и къ великому князю... Принцесса должна избѣгать всякихъ навѣтовъ, могущихъ быть со стороны министровъ иностранныхъ дворовъ». Послѣдній совѣтъ былъ вызванъ предписаніемъ Фридриха II его посланнику въ Петербургѣ, Сольмсу, о чемъ Екатерина узнала также изъ перлюстраціи,—не скрывать отъ ландграфини ничего такого, что могло бы послужить къ руководству ея при дворѣ, ей незнакомомъ, дабы она могла соразмѣрять свои поступки. По прибытіи ландграфини въ Петербургъ 18 іюня, Екатерина формально обратилась къ ландграфинѣ, прося отъ имени сына руки дочери ея, Вильгельмины. 15 августа принцесса Вильгельмина приняла православіе съ именемъ великой княжны Наталіи Алексѣевны, а 29 сентября съ обычною пышностію совершено было бракосочетаніе великокняжеской четы. Вслѣдъ затѣмъ, такъ какъ воспитаніе Павла закончилось, то Никита Ивановичъ Панинъ получилъ увольненіе отъ должности оберъ-гофмейстера при Павлѣ, при чемъ былъ осыпанъ наградами и получилъ особую благодарность Екатерины «за всѣ приложенные труды и попеченіе о здравіи и украшеніи тѣлесныхъ и душевныхъ дарованій великаго князя». Истинной цѣлью Екатерины при удаленіи Панина отъ Павла Петровича было стремленіе установить добрыя свои отношенія съ возмужавшимъ сыномъ и его супругою. «Домъ мой очищенъ», выразилась она по этому поводу, «или почти очищенъ; всѣ жеманства происходили, какъ я предвидѣла, однако же воля Господня совершилась». Отдѣльнаго двора для великокняжеской четы образовано не было, но, вмѣсто Панина, состоять при великомъ князѣ назначенъ былъ генералъ-аншефъ Николай Ивановичъ Салтыковъ.

Для великаго князя Павла Петровича закончилась такимъ образомъ первая, подготовительная пора жизни, и онъ является въ дальнѣйшей своей жизни уже самостоятельнымъ лицомъ въ совершенно новой для него семейной и политической обстановкѣ. Юный, цвѣтущій наслѣдникъ, чуждый всѣхъ ошибокъ и увлеченій прошлаго, возбуждалъ въ то время всеобщія симпатіи своими личными качествами. «Въ него легко влюбиться всякой дѣвицѣ», сообщалъ Сольмсъ Ассебургу. «Хотя онъ невысокаго роста, но очень красивъ лицомъ; весьма правильно сложенъ; разговоръ и манеры его пріятны; онъ кротокъ, чрезвычайно учтивъ, предупредителенъ, и веселаго нрава. Подъ этою прекрасною наружностію скрывается душа превосходнѣйшая, самая честная и возвышенная, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самая чистая и невинная, которая знаетъ зло только съ отталкивающей его стороны и вообще свѣдуща о дурномъ лишь на сколько это нужно, чтобы вооружиться рѣшимостію самому избѣгать его и не одобрять его въ другихъ. Однимъ словомъ, невозможно довольно сказать въ похвалу великому князю». Этотъ хвалебный отзывъ прусскаго дипломата подтверждался во многомъ и другими лицами, знавшими великаго князя преимущественно съ внѣшней стороны; болѣе тонкіе наблюдатели, отдавая должное рыцарскимъ, религіознымъ и свѣтскимъ достоинствамъ Павла Петровича, уже отмѣчали развитіе тѣхъ недостатковъ его характера, о которыхъ говорилъ еще Поро-

шинъ: крайнюю неустойчивость впечатлѣній на истерической подпочвѣ, соединенную со стремительною, необдуманною пылкостію въ рѣшеніяхъ; мнительность и подозрительность Павла, воспитанная обстановкой дѣтскихъ и юношескихъ его лѣтъ, дѣлала его игрушкой въ рукахъ всякаго интригана, умѣвшаго льстить его страстямъ. Оттого Павелъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ. Въ это время со всѣмъ довѣріемъ молодого чувства онъ предался одному изъ друзей своего дѣтства, молодому, жизнерадостному графу Андрею Разумовскому. Разумовскій умѣлъ веселить своего царственнаго друга и нѣсколько оторвать его отъ мрачныхъ внушеній Панина, противъ котораго онъ даже помогалъ Сальдерну вести интригу. «Дружба ваша», писалъ Павелъ Разумовскому, «произвела во мнѣ чудо: я начинаю отрѣшаться отъ моей прежней подозрительности. Но вы ведете борьбу противъ десятилѣтней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стѣсненіе вкоренили во мнѣ. Теперь я поставилъ себѣ за правило жить какъ можно согласнѣе со всѣми. Прочь химеры, прочь тревожныя заботы! Поведеніе ровное и согласованное съ обстоятельствами — вотъ мой планъ. Я сдерживаю, на сколько могу, свою живость; ежедневно выбираю предметы, дабы заставить работать мой умъ и развивать мои мысли, и черпаю понемногу изъ книгъ». При такомъ отсутствіи душевнаго равновѣсія великаго князя и стремленіи его найти себѣ опору, личныя свойства супруги его пріобрѣтали большое значеніе. Еще принцъ Генрихъ, познакомившійся съ Павломъ въ 1770 г., замѣтилъ, что съ Павломъ будетъ счастлива лишь жена снисходительная, которая выкажетъ ему полное довѣріе и не будетъ постоянно требовательною. Казалось, что великая княгиня Наталія Алексѣевна съумѣетъ составить счастіе своего супруга и поселить миръ въ императорской семьѣ. Великій князь очень любилъ свою супругу, а императрица не могла достаточно нахвалиться своей невѣсткой и говорила даже, что великая княгиня возвратила ей сына и что она намѣрена достойно отблагодарить ее за это: великой княгинѣ приписано было такимъ образомъ обнаружившееся еще до ея пріѣзда стремленіе Павла сблизиться съ матерью. Вообще, замѣтны были въ это время теплыя отношенія Екатерины къ Павлу. «Женитьбою», писала она ему, «окончилось ваше воспитаніе; невозможно было оставлять васъ долѣе въ положеніи ребенка и въ двадцать лѣтъ держать подъ опекою. Передъ публикою отвѣтственность теперь падаетъ на васъ одного; публика жадно будетъ слѣдить за вашими поступками. Эти люди все подсматриваютъ, все подвергаютъ критикѣ и не думайте, чтобы оказана была пощада какъ вамъ, такъ и мнѣ... Обращайтесь ко мнѣ за совѣтомъ всякій разъ, когда найдете это нужнымъ: я буду говорить вамъ правду, со всею искренностію, съ какой только способна, и вы будете довольны, выслушавъ ее. Вдобавокъ и чтобы занятія ваши, въ угоду публикѣ, были значительнѣе, я назначу часъ или два въ недѣлю, по утрамъ, въ которые вы будете приходить ко мнѣ одни для слушанія дѣлъ. Такимъ образомъ вы ознакомитесь съ ходомъ дѣлъ, съ законами страны и съ моими правительственными принципами». Въ инструкціи Салтыкову она предписала ему стараться понравиться великому князю, оказывать ему всевозможную предупредительность и пріобрѣсти его довѣріе. Когда одинъ изъ «льстивыхъ царедворцевъ» намекнулъ великому князю, что Салтыковъ назначенъ къ нему для наблюденія за его поведеніемъ, то Павелъ Петровичъ со свойственною ему живостію не только сообщилъ Екатеринѣ объ этомъ, но и назвалъ ей этого царедворца — графа Матюшкина. Екатерина приказала Матюшкину порѣже являться къ ней на глаза, и онъ въ началѣ 1774 г. оставилъ службу. Добрыя отношенія къ сыну-претенденту для Екатерины были тогда особенно дороги: вѣсть о появленіи Пугачева и о бунтѣ на Яикѣ пришла въ Петербургъ въ самый день бракосочетанія Павла. Нужно было ласкать Павла, и для того, чтобы удалить его отъ Никиты Ивановича Панина, который сохранялъ за собою негласное на него вліяніе. Къ сожалѣнію, и въ этомъ случаѣ обнаружились дурныя свойства Павла Петровича: онъ сообщилъ матери всѣ планы Сальдерна и тѣмъ выдалъ ей своего бывшаго воспитателя, Панина, которому они были извѣстны и который не донесъ о нихъ своевременно императрицѣ. Мнительность цесаревича, боязнь предательства и отравы, также нашла себѣ выраженіе. Однажды подали ему за ужиномъ блюдо сосисекъ,—кушанье, которое онъ очень любилъ. Онъ нашелъ въ немъ

нѣсколько осколковъ стекла. Въ гнѣвѣ онъ тотчасъ всталъ изъ-за стола, взялъ блюдо, отправился къ Екатеринѣ и въ запальчивости объявилъ, что онъ убѣждается въ томъ, что его хотѣли отравить. Императрица была очень взволнована этимъ подозрѣніемъ и увезла Павла Петровича съ собою въ Царское Село, чтобы имѣть на свободѣ время узнать, было ли это у него лишь скоропреходящимъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ случайнымъ обстоятельствомъ, или это укоренившаяся въ немъ недовѣрчивость. Англійскій посланникъ, Гуннингъ, замѣтилъ о Павлѣ въ это время: «трудно опредѣлить его характеръ по его поступкамъ, и можно сказать, что до настоящаго времени у него не было характера: онъ легко воспринимаетъ впечатлѣнія, но они легко и забываются».

Тѣнь Панина не оставляла однако-же Павла даже въ обществѣ императрицы. Привлеченный ею отчасти къ обсужденію государственныхъ вопросовъ, Павелъ Петровичъ счелъ своевременнымъ обнаружить свой политическій образъ мыслей, представивъ ей въ 1774 г. «Разсужденіе о государствѣ вообще, относительно числа войскъ, потребнаго для защиты онаго, и касательно обороны всѣхъ предѣловъ». Въ сущности всѣ мысли, изложенныя Павломъ въ этомъ «Разсужденіи», были лишь отзвукомъ мнѣній братьевъ Паниныхъ: Никиты и Петра Ивановичей, и навсегда остались его политическимъ символомъ вѣры. «По сіе время», писалъ онъ, «мы, пользуясь послушаніемъ народа и естественнымъ его счастливымъ сложеніемъ, физическимъ и моральнымъ, все изъ цѣлаго кроили, не сберегая ничего; но пора помышлять о сохраненіи сего его драгоцѣннаго и рѣдкаго расположенія для крайняго случая, гдѣ уже ни пріуготовленіями, ни принятіемъ всѣхъ благоразумныхъ мѣръ учинить нечего». Для этой цѣли Павелъ предлагалъ отказаться отъ наступательныхъ войнъ и установить оборонительную военную систему въ имперіи, прикрывъ границы крѣпостями и расположивъ за ними четыре арміи: противъ Швеціи, Пруссіи и Австріи, Турціи и въ Сибири; остальные полки должны были быть расположены внутри имперіи; всѣ полки съ теченіемъ времени должны были получить осѣдлость, комплектуясь и продовольствуясь на счетъ мѣстныхъ жителей, при чемъ рекруты постепенно смѣнялись бы солдатскими дѣтьми, достигавшими совершеннолѣтія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ Петровичъ, слѣдуя прусскимъ образцамъ, совѣтовалъ дать войскамъ подробные штаты, уставы и инструкціи и предписать всѣмъ, начиная отъ фельдмаршала и кончая рядовымъ, все то, что имъ дѣлать должно; тогда, говорилъ онъ, можно на нихъ взыскивать, если что-нибудь будетъ упущено, а не прежде, потому что надобно, чтобы каждый зналъ, что онъ долженъ сдѣлать, чтобы можно было требовать отъ него отвѣта, для чего онъ упустилъ что-нибудь. Достигнуть этого, по мнѣнію Павла, можно было установленіемъ строгой подчиненности, чтобы никто, отъ фельдмаршала до солдата, не могъ ни въ чемъ извиняться недоразумѣніемъ, начиная съ мундирныхъ вещей и кончая строемъ. «Когда на все подобное, объяснилъ онъ, будутъ испрашиваться высочайшія разрѣшенія, то, чрезъ таковое ограниченіе, всѣ будутъ несравненно довольнѣе и охотнѣе къ службѣ, потому что не будутъ страдать и видѣть себя подчиненными прихотямъ и неистовствамъ частныхъ командировъ, которые всѣмъ симъ сквернятъ службу и вмѣсто пріохочиванія удаляютъ всѣхъ отъ нея». «Разсужденіе» свое молодой, неосмотрительный наслѣдникъ заключилъ слѣдующими словами: «показавъ теперь все то, что къ равновѣсію потребно и какую военная часть связь и пропорцію должна имѣть въ разсужденіи всего государства, совершилъ намѣреніе себя сдѣлать полезнымъ государству, писавъ сіе отъ усердія и любви къ отечеству, а не по пристрастію или корысти, въ такое время, гдѣ, можетъ быть, многіе, забывъ первые два подвига, заставившіе меня писать, слѣдуютъ двумъ послѣднимъ, а что больше еще, и жертвуя всѣмъ тѣмъ, что святѣе быть не можетъ. А сему я былъ самъ очевидцемъ и узналъ самъ собою вещи, и, какъ вѣрный сынъ отечества, молчать не могъ».

Именно въ это время императрица готовила свое знаменитое «Учрежденіе о губерніяхъ»: понятно, какъ она должна была отнестись къ политическому «profession de foi» своего сына, представлявшему какъ бы видъ критики ея царствованія. «Необыкновенное развитіе бюрократіи и формалистики», говоритъ по этому поводу г. Лебедевъ, «довольствованіе наружностію, не проникая во внутрь вещей и дѣлъ, а главное, тяжелый уровень, на-

ложенный на всякую мысль или желаніе, выходящее изъ принятаго порядка,—вотъ что было бы послѣдствіемъ централизаціи при столь обширной территоріи, какъ русская. Мысль должна была бы остановиться, развитіе дѣлалось неумѣстнымъ, частныя улучшенія оказывались невозможными: ихъ замѣняла окаменѣлая буква устава или инструкціи, а всякая попытка замѣнить недостаточность устава или инструкціи называлась умничаніемъ». Источникъ заблужденій Павла былъ благородный: онъ пытался установить строгую законность тамъ, гдѣ ему представлялся дѣйствительный или мнимый произволъ, и установить единообразіе, какъ видимое проявленіе этой законности, во всѣхъ мельчайшихъ частяхъ государственной машины; но общественной самодѣятельности, такимъ образомъ, предоставлялось весьма мало мѣста, и она часто должна была являться преступной, какъ нарушеніе разъ установленнаго порядка. Смотря на все съ точки зрѣнія формальной законности, Павелъ Петровичъ, вообще добрый, даже жалостливый, обнаруживалъ суровость и строгость даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сама Екатерина склонна была, въ государственныхъ интересахъ, обнаруживать свойственную ей снисходительность и незлобіе. «Велѣла я ему (Павлу) со Стрекаловымъ прочесть всю сію пакотилью (свертокъ бумагъ)», писала Екатерина Потемкину послѣ усмиренія Пугачевскаго бунта, «и онъ сказалъ Степану Ѳедоровичу, прочтя прощеніе бунта, что это рано, и всѣ мысли его клонились къ строгости». Неизвѣстно, старалась ли Екатерина переубѣдить сына, но несомнѣнно о его государственномъ воспитаніи въ ея духѣ уже не могло быть и рѣчи: въ Павлѣ императрица ясно увидѣла уже закончившаго курсъ обученія воспитанника Панина, и ея государственныя «бесѣды» съ нимъ явились не лекціями геніальной государыни своему наслѣднику, не правительственной школой для него, а полемъ столкновенія Екатерины съ мнѣніями враждебной ей партіи. Естественно, что Екатерина думала уже о возможномъ прекращеніи этихъ бесѣдъ, а не развитіи ихъ; оттого, вѣроятно, она не дала своему наслѣднику мѣста ни въ сенатѣ, ни въ своемъ совѣтѣ. Съ этого времени звѣзда новаго фаворита Екатерины, Потемкина, взошла еще выше: съ нимъ императрица дѣлилась своими планами, въ немъ она встрѣчала вѣрнаго и талантливаго исполнителя своихъ предначертаній. Отсюда легко понять чувства, съ которыми Павелъ относился всегда къ Потемкину: въ немъ онъ видѣлъ не только врага по убѣжденіямъ, но и соперника, занявшаго мѣсто, которое онъ считалъ принадлежащимъ себѣ по праву.

Разочарованный въ возможности принять живое участіе въ государственныхъ дѣлахъ, Павелъ Петровичъ и въ семейной своей жизни не нашелъ счастія. Великая княгиня Наталія Алексѣевна, гордая и честолюбивая, подчинила его своему вліянію, но сама также сдѣлалась доступной внушеніямъ друга Павла, графа Андрея Разумовскаго, находившагося на жалованьѣ у державъ, противодѣйствовавшихъ «сѣверному аккорду» Панина: Франціи и Испаніи. Само собою разумѣется, что и Наталія Алексѣевна, и Разумовскій употребили всѣ усилія, чтобы оттѣснить Панина отъ двора наслѣдника: Павелъ сталъ находить себѣ удовольствіе только въ обществѣ своей супруги и графа Андрея. Екатерина замѣтила интриги Наталіи Алексѣевны и предварила сына, что графъ Разумовскій злоупотребляетъ его благосклонностью для того, чтобы имѣть вліяніе на великую княгиню. Эта «страшная повѣренность (odieuse confiance)», по донесенію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Дюрана, друга Разумовскаго,—«причинила Павлу Петровича огорченіе, которое онъ тщетно старался скрыть. Великая княгиня принудила его наконецъ объяснить ей причину его грусти и узнала ее только для того, чтобы, проплакавъ нѣсколько дней, убѣдить его въ злобности этого слуха, клонившагося лишь къ тому, чтобы разссорить ее съ мужемъ». Во время пребыванія двора въ Москвѣ отношенія Екатерины къ великокняжеской четѣ сдѣлались очень сухи и выражались наглядно въ мелкихъ фактахъ; такъ, 21 апрѣля, въ день своего рожденія, Екатерина подарила Павлу недорогіе часы, а Потемкину—50 тысячъ рублей,—сумму, въ которой Павелъ Петровичъ очень нуждался и о выдачѣ которой онъ давно просилъ: лишь въ день именинъ Павла, 29 іюня, его просьба была исполнена, и то лишь отчасти: ему пожаловано было всего 20 тысячъ рублей. Это явное предпочтеніе Потемкина только усилило ненависть къ нему великаго князя; при вспыльчивости Павла, дѣло дошло,

по одному ничтожному поводу, до открытой ссоры между нимъ и Потемкинымъ. Въ довершеніе всего, Наталію Алексѣевну не взлюбили въ Москвѣ за ея гордость, за ея незнаніе русскаго языка, за ея презрѣніе установившихся обычаевъ, а великаго князя за его сдержанность. «La noblesse de Moscou», доносилъ своему правительству французскій повѣренный въ дѣлахъ Дюранъ, «est peu contente de la naïveté avec laquelle le Grand Duc et la Grande Duchesse expriment leur dégoût pour une ville immense, mais où tout est épars, où rien ne tient ensemble, dépourvue d'eau à boire, n'ayant que trois petites rivières, souvent à sec, renferment plusieurs marais et fourmillant de visages inconnus pour L. L. A. A. qui ne peuvent se faire à leurs façons». По отзыву Екатерины, у Наталіи Алексѣевны за это время «не видать было ни добродушія, ни осторожности, ни благоразумія..., во всемъ одно вертопрахство: то то, то другое намъ не по нутру».

Дѣло, вѣроятно, кончилось бы явнымъ столкновеніемъ между свекровью и невѣсткой, если бы, вскорѣ по возвращеніи двора въ Петербургъ, великая княгиня не умерла отъ родовъ; причиной этой кончины былъ физическій недостатокъ Наталіи Алексѣевны—искривленіе стана, о которомъ во время сватовства Ассебургъ умолчалъ умышленно, желая угодить Фридриху II и Панину. Теперь самъ Панинъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, писалъ другу своему Н. В. Репнину, что «внутренній образъ жизни великой княгини перемѣнилъ чувства супруга и подалъ утѣшеніе всему двору о сей потерѣ». Перемѣна эта произошла оттого, что Екатерина прибѣгла къ сильному средству, чтобы излѣчить горесть Павла Петровича: она передала ему найденную въ бумагахъ покойной переписку ея съ Разумовскимъ. Новая супруга Павла была уже давно намѣчена: это была помолвленная за принца гессенъ-дармштадтскаго 17-ти-лѣтняя принцесса виртембергская Софія-Доротея, физическимъ своимъ здоровьемъ и душевными качествами обращавшая на себя вниманіе Екатерины еще при выборѣ первой супруги для Павла Петровича. Устроить сватовство взялъ на себя принцъ Генрихъ прусскій, родственникъ принцессы, находившійся въ то время въ Петербургѣ. Уже 18 апрѣля Екатерина писала г-жѣ Бьелке: «я сомнѣваюсь, чтобы онъ (принцъ Людвигъ) женился на принцессѣ виртембергской, не смотря на то, что они уже помолвлены: онъ совсѣмъ не стоитъ ея». Вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были приготовленія къ отъѣзду цесаревича въ Берлинъ, гдѣ онъ долженъ былъ увидѣться съ принцессой.

Средство для излѣченія великаго князя употреблено было сильное, результаты оказались блестящіе, но характеръ Павла сдѣлался навсегда мрачнымъ и подозрительнымъ: нелегко было ему пережить обманутую привязанность къ людямъ, которымъ онъ отдался всей душою; еще тяжелѣе для него было затаить въ себѣ оскорбленіе, за которое онъ порывался отомстить. Разумовскій тотчасъ же былъ высланъ изъ столицы, но, встрѣтившись съ нимъ спустя шесть лѣтъ въ Неаполѣ, гдѣ онъ былъ посланникомъ, цесаревичъ, какъ говоритъ преданіе, схватилъ его за руку и повлекъ въ пустую комнату; тамъ, вынувши изъ ноженъ шпагу, онъ сталъ въ позицію, воскликнувъ: «Flamberge au vent, monsieur le comte!», такъ что путешествовавшіе съ нимъ кавалеры лишь съ трудомъ могли его успокоить. Поэтому поѣздка въ Берлинъ явилась какъ нельзя болѣе кстати, чтобы укрѣпить нервы его, пошатнувшіеся отъ страшнаго удара, и освѣжить душу его новыми впечатлѣніями. 13 іюня 1776 г. Павелъ Петровичъ выѣхалъ въ Берлинъ въ сопровожденіи фельдмаршала Румянцова, Н. И. Салтыкова, камергера Нарышкина, камеръ-юнкера Александра Куракина, секретаря Николаи и хирурга Бека.

Всѣ препятствія къ браку принцессы Софіи-Доротеи съ Павломъ уже устранены были въ это время опять принявшимъ на себя роль свата Фридрихомъ II: мать невѣсты, принцесса Фредерика, была его родной племянницей, а отецъ, принцъ Евгеній виртембергскій, долгое время служилъ въ прусской арміи. Женихъ Софіи-Доротеи, принцъ Людвигъ гессенъ-дармштадскій, получилъ отъ Екатерины 10 тысячъ рублей пенсіона и возвратилъ невѣстѣ ея слово. Цесаревичъ прибылъ въ Берлинъ лишь 10 іюля, гдѣ уже ожидала его Софія-Доротея со своими родителями, и былъ торжественно встрѣченъ Фридрихомъ: дальновидный король употребилъ всѣ средства, чтобы заручиться расположеніемъ наслѣдника русскаго престола. Въ тотъ же день Павелъ увидѣлъ свою невѣсту: Софія-До-

ротея была прекрасной молодой дѣвушкой, съ добрыми, голубыми глазами и замѣчательно-здоровымъ цвѣтомъ лица. Молодые люди быстро понравились другъ другу, и уже 12 іюля Павелъ сдѣлалъ формальное предложеніе родителямъ невѣсты, и тогда же отпразднованъ былъ сговоръ. Между тѣмъ Фридрихъ развлекалъ своего высокаго гостя смотрами и маневрами, парадными спектаклями, дневными и ночными праздниками въ Шарлоттенбургѣ, Монбижу и Санъ-Суси и т. д. Лишь 25 іюля Павелъ Петровичъ покинулъ Берлинъ, восхищенный пріемомъ короля и всѣмъ, имъ видѣннымъ въ Пруссіи. На дорогѣ въ Россію онъ провелъ два дня въ замкѣ Рейнсбергѣ, въ гостяхъ у принца Генриха, гдѣ находилась также и его невѣста. Пользуясь ея обществомъ и восхищаясь ея достоинствами, Павелъ Петровичъ не могъ, однако, забыть горькихъ впечатлѣній, оставшихся у него отъ перваго его брака, и, вѣрный своимъ убѣжденіямъ въ спасительность инструкцій, написалъ для руководства Софіи-Доротеѣ особое наставленіе, которому она должна была, прибывъ въ Россію, слѣдовать въ своемъ поведеніи. «Слава Богу», писала впослѣдствіи Софія-Доротея, сдѣлавшись супругой Павла: «я не нуждалась въ этомъ наставленіи: мои наклонности влекутъ меня къ тому, чтобы всегда предупреждать его желанія. И супругъ мой самъ чувствовалъ, что совѣты его имѣли своимъ основаніемъ лишь несчастный опытъ его перваго супружества». 14 августа Павелъ возвратился уже въ Царское Село, тогда какъ принцесса Софія-Доротея, встрѣченная на границѣ статсъ-дамой графиней Румянцовой, прибыла туда лишь 31 августа. Екатерина ласково приняла молоденькую принцессу, которая чрезвычайно ей понравилась. 14 сентября совершено было миропомазаніе принцессы, которая наречена была Маріей Ѳеодоровной, 15-го совершено было обрученіе ея съ Павломъ, а 26 сентября отпраздновано было ихъ бракосочетаніе съ пышностію, уже усвоенною въ то время екатерининскимъ дворомъ. Новая великая княгиня очаровала всѣхъ своею добротою и любезностію, а полученное ею строгое нравственное воспитаніе въ захолустномъ Монбельярѣ, вдали отъ соблазновъ нѣмецкихъ княжескихъ дворовъ, обѣщало Павлу Петровичу домашній миръ и прочное семейное счастье.

Случилось, однако, что второй бракъ Павла Петровича, въ связи съ поѣздкой его въ Берлинъ, еще болѣе ухудшилъ отношенія его къ матери. Прусская армія, прусская система управленія, основанная на крайней централизаціи, прусская дисциплина,—произвели обаятельное дѣйствіе на цесаревича и окончательно утвердили его въ томъ міросозерцаніи, яснымъ выраженіемъ котораго служило «Разсужденіе» 1774 года. Молодая великая княгиня, отличавшаяся чрезвычайной любовью къ своей германской роднѣ, постоянно подогрѣвала симпатіи супруга своего къ Пруссіи и находила полную поддержку во вновь появившемся при великокняжескомъ дворѣ, въ качествѣ друга и совѣтника, графѣ Н. И. Панинѣ. Послѣ испытанныхъ тревогъ и несчастій Павелъ сталъ относиться къ старому своему воспитателю еще съ бо́льшимъ, чѣмъ прежде, довѣріемъ и уваженіемъ. Связь эта стала тѣмъ прочнѣе, что возлѣ Павла постоянно находился племянникъ Панина, ему преданный, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ дѣтства великаго князя, человѣкъ образованный, но легкомысленный и тщеславный: Павелъ перенесъ на него привязанность, которую питалъ онъ къ Разумовскому, и даже сталъ называть его своею «душою». Не одобряя правительственной системы Екатерины, ненавидя фаворита ея, Потемкина, Павелъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мнѣній; его зато игнорировали при большомъ дворѣ, давали ему чувствовать видъ пренебреженія къ его мыслямъ и чувствамъ. «Если бы», писалъ онъ бывшему кавалеру своему Сакену, «мнѣ надобно было образовать себѣ политическую партію, я могъ бы умолчать о безпорядкахъ, чтобы пощадить извѣстныхъ лицъ; но, будучи тѣмъ, что я есмь, для меня не существуетъ ни партій, ни интересовъ, кромѣ интересовъ государства, а при моемъ характерѣ мнѣ тяжело видѣть, что дѣла идутъ вкривь и вкось и что причиною тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимымъ за правое дѣло, чѣмъ любимымъ за дѣло неправое».

Эта спартанская рѣзкость, этотъ мужественный стоицизмъ убѣжденій Павла Петровича, должны были обойтись ему весьма дорого въ недалекомъ будущемъ. Уже 3 іюня 1777 года Павелъ писалъ бывшему своему наставнику о своей надеждѣ сдѣлаться отцемъ, и съ

того времени постоянно занятъ былъ со своею супругою мыслію о воспитаніи будущаго своего ребенка. «Стараться буду», писалъ онъ Платону, «вящше заслужить ваше доброе о себѣ мнѣніе, а особливо исполненіемъ новыхъ должностей вступленіемъ черезъ короткое время въ новоезваніе, столь важное по отчету, которымъ всякій въ ономъ долженъ, а особливо каждый въ моемъ мѣстѣ находящійся. Помолитесь обо мнѣ. Богъ, благословлявшій меня въ столь различныхъ случаяхъ, меня не оставитъ и при семъ». Но и «эти новыя должности» отняты были у Павла: тотчасъ послѣ рожденія 12 декабря 1777 года первенца великокняжеской четы, великаго князя Александра Павловича, новорожденный перешелъ въ заботливыя руки державной бабушки, которая сама занялась воспитаніемъ своего внука, считая его родителей мало къ тому способными. Екатерина исходила изъ той мысли, что дѣти Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны принадлежатъ не имъ, а государству; но, каковы бы ни были ея побужденія, лишеніе Павла Петровича и его супруги ихъ естественныхъ родительскихъ правъ должно было произвести на нихъ угнетающее впечатлѣніе. «Охлажденіе между императрицей и великимъ княземъ», писалъ англійскій посланникъ Гаррисъ черезъ годъ послѣ этого событія, «увеличивается со дня на день. Она обращается съ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, можно сказать, съ пренебреженіемъ; онъ же не даетъ труда скрывать свое неудовольствіе и, когда смѣетъ, выражаетъ его свободно и въ самыхъ рѣзкихъ словахъ... Съ великимъ княземъ и съ великой княгиней Потемкинъ и его партія обращаются какъ съ лицами, не имѣющими никакого значенія. Цесаревичъ чувствуетъ это пренебреженіе и имѣетъ слабость высказывать это въ разговорахъ, хотя не властенъ сдѣлать ничего болѣе. Вслѣдствіе природной застѣнчивости и непостоянства нрава, которое не сглаживается съ лѣтами, онъ не можетъ оправдать опасеній, внушаемыхъ императрицѣ Потемкинымъ». Отчужденіе между Екатериною и Павломъ сдѣлалось совершеннымъ, когда и второй сынъ его, Константинъ, родившійся 27 апрѣля 1779 года, взятъ былъ Екатериной также на личное ея попеченіе: въ мечтахъ своихъ императрица, какъ это видно изъ ея завѣщанія того времени, готовила ему тронъ Константина Великаго.

Что же осталось дѣлать наслѣднику, котораго удаляли отъ дѣлъ правленія, унижали при дворѣ и лишали естественныхъ родительскихъ правъ? Ему оставалось замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ приближенныхъ и въ тиши, исподоволь, готовиться къ будущимъ «государскимъ обязанностямъ», святость и отвѣтственность которыхъ онъ глубоко сознавалъ. Салтыковъ не пользовался въ это время расположеніемъ Павла: на него смотрѣлъ онъ, какъ на шпіона императрицы и Потемкина. Въ умѣ цесаревича и его супруги царилъ одинъ Никита Ивановичъ Панинъ съ братомъ своимъ Петромъ и родственниками: княземъ Н. В. Репнинымъ, княземъ Александромъ Куракинымъ и др. Между ними, съ одной стороны, и Павломъ Петровичемъ, съ другой, шли постоянные разговоры и переписка объ одномъ и томъ же: о настоящемъ печальномъ положеніи имперіи и средствахъ къ его улучшенію. Въ этомъ обмѣнѣ мнѣній политическій образъ мыслей цесаревича слагался въ стройную систему, главнымъ образомъ подъ руководствомъ Паниныхъ.

Какъ политическій мыслитель, Никита Ивановичъ ставилъ на первомъ планѣ и превыше всего законность управленія и умѣлъ внушить Павлу Петровичу высокое понятіе о правахъ и обязанностяхъ государя. Сохранился предсмертный весьма важный трудъ гр. Никиты Панина, съ добавленіями брата его Петра, о формѣ государственнаго правленія и о «фундаментальныхъ законахъ», какъ сводъ его мнѣній о правительствѣ, усвоенныхъ и его царственнымъ воспитанникомъ. «Верховная власть, говорилъ онъ, ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ... Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ государемъ. Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя... Державшійся правоты и кротости просвѣщенный государь не поко-

леблется никогда въ истинномъ своемъ величествѣ, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій—всѣ на одной чредѣ стоятъ; добрый государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣла правленія и что, слѣдственно, ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями»...

Правленіе Екатерины, при кажущемся самовластіи ея фаворитовъ: Орлова и Потемкина и вліяніи ихъ на всѣ части государственнаго управленія, не удовлетворяло этому идеалу государя, сложившемуся у Павла Петровича; не могъ онъ также сочувствовать и политической системѣ Екатерины какъ во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ и во внутреннихъ. По его мнѣнію, какъ это видно изъ переписки его съ Петромъ Панинымъ за это время,—вся внѣшняя политика русскаго государя должна была быть направлена исключительно лишь къ «оборонѣ государственной», такъ какъ, по мнѣнію Павла, Россія не нуждалась въ территоріальномъ приращеніи; напротивъ того, раскинувшись на громадномъ пространствѣ и заключая въ себѣ самыя разнародныя народности, Россія имѣла насущную потребность устроить свои дѣла внутреннія: установить на твердыхъ началахъ законодательство, развить промышленность и торговлю, организовать отвѣтственную передъ закономъ администрацію, которая была бы выраженіемъ власти «для всѣхъ одинаково добраго» монарха, а не господствующаго въ государствѣ сословія.

Уже въ это время Павелъ Петровичъ пришелъ къ мысли о необходимости, для достиженія этихъ цѣлей, установить, на прочныхъ началахъ, прежде всего, порядокъ престолонаслѣдія, какъ ни щекотливо казалось ему касаться этого вопроса лично ему самому. «Спокойствіе внутреннее», писалъ онъ графу Петру Панину, «зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобы каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобы его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы; чѣмъ ихъ обуздать инымъ, какъ не законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его. Когда единожды законы утвердятся тѣмъ способомъ, которымъ и состояніе каждаго утверждается, такъ трудно будетъ приступить къ исполненію какого бы то ни было предпріятія, ибо тогда не можетъ иного быть въ необыкновенномъ теченіи вещей, какъ сходнаго съ благоразуміемъ». Цесаревичъ, однако, чувствовалъ, что отъ матери его, вступившей на престолъ путемъ военнаго переворота, невозможно ожидать установленія закона о престолонаслѣдіи. «Между тѣмъ», писалъ онъ Панину, съ нѣкоторою самоувѣренностію, «ничто не мѣшаетъ приступить къ исполненію частнаго моего намѣренія о военной части, поелику сходно можетъ быть и допустятъ нынѣшнія обстоятельства». Необходимость немедленнаго и подробнаго изученія организаціи военнаго дѣла въ Россіи вызывалась для Павла Петровича и тѣмъ соображеніемъ, что, по его мнѣнію, «Россія истощена была безпрерывными наборами, силы государства израсходованы въ постоянныхъ войнахъ», и потому нужно было отыскать «способъ къ исправленію своего недостатка и къ проведенію арміи въ надлежащую пропорцію въ разсужденіи земли». Но и этотъ «частный» вопросъ оказался непосильнымъ для разрѣшенія безъ общихъ, коренныхъ реформъ государственной жизни, такъ что, въ концѣ концовъ, подъ вліяніемъ отчасти взглядовъ графа Петра Панина, цесаревичъ пришелъ къ убѣжденію, что реформа арміи, изученіе связанныхъ съ нею всѣхъ мелочей военнаго дѣла являются самыми важными изъ будущихъ его «государскихъ» обязанностей. Съ реформой арміи связалъ онъ и болѣе точное опредѣленіе правъ и обязанностей дворянскаго сословія въ государствѣ, такъ какъ чувство равенства и дисциплины, бывшее основнымъ мотивомъ мнѣній Павла, возмущалось при видѣ постояннаго уклоненія дворянства отъ службы, отъ главнѣйшей его обязанности

заниматься «обороной государственной». «Первую и главную причину этого удаленія», писалъ онъ Петру Панину, «почитаю я полнѣйшее неуваженіе службы военной, которое, присоединяясь къ тому, что у насъ ничего непоколебимаго нѣтъ (слѣдовательно, и важность вещей всегда зависитъ отъ временнаго расположенія того, котораго воля служитъ закономъ), больше отвращаетъ, нежели привлекаетъ къ себѣ, а особливо отъ злоупотребленій, родившихся отъ вышеупомянутыхъ причинъ. Не скрою и того, что приписываю я, хотя не безпосредственно, отчасти и свободѣ, данной дворянству служить и не служить, недостатокъ нынѣшній дворянства на службѣ, ибо когда оно получило таковую свободу, то было еще оно, исключая нѣкоторое число, не довольно просвѣщено воспитаніемъ, чтобы видѣть цѣли и чувствовать прямую цѣну сдѣланной для него выгоды. Свобода, конечно, первое сокровище всякаго человѣка, но должна быть управляема весьма прямымъ понятіемъ оной, которое не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ, но оное не можетъ быть инымъ управляемо (чтобъ служило къ добру), какъ фундаментальными законами; но какъ сего послѣдняго нѣтъ, слѣдовательно, и воспитанія порядочнаго быть не можетъ, а оттого рождаются всякія неправыя понятія вещей, слѣдовательно и злоупотребленія, каковаго рода и въ семъ казусѣ народятся, а особливо будучи прикрыты неоспоримыми причинами неудовольствія отъ дурнаго управленія начальниковъ сей части... Я, конечно, удаленъ отъ той мысли, чтобы употребить какіе-нибудь способы принужденія для препятствія оставлять военную службу, но почитаю необходимымъ отнять всѣ способы къ таковому побѣгу изъ оной во 1-хъ бо́льшимъ отношеніемъ всякаго военнослужащаго, во 2-хъ персональнымъ уваженіемъ государя къ сей службѣ, въ 3-хъ лишеніемъ средствъ у начальниковъ исполнять по прихотямъ своимъ, слѣдовательно развращать и портить службу, и въ 4-хъ строгимъ взысканіемъ, чтобы служба исполнялась вездѣ равнымъ образомъ».

Изъ этихъ выписокъ политической программы молодого, 25-лѣтняго царевича легко увидѣть тѣ-же основныя начала управленія, которыми руководился онъ 17 лѣтъ спустя по вступленіи своемъ на престолъ. Но чувство законнаго равенства и дисциплины, стремленіе къ законности и порядку, проявляется здѣсь у Павла Петровича одновременно со строгимъ и просвѣщеннымъ взглядомъ его на «свободу, какъ на первое сокровище всякаго человѣка», прямое понятіе о которой «не инымъ пріобрѣтается, какъ воспитаніемъ». Занятія военнымъ дѣломъ являются для Павла въ это время лишь временнымъ средствомъ, а не цѣлью его государственной дѣятельности, направленной исключительно къ созданію «фундаментальныхъ законовъ», отсутствіе которыхъ низводило Россію на степень азіатской державы. Этой программѣ Павелъ Петровичъ въ сущности оставался вѣренъ до конца своей жизни, и въ дальнѣйшемъ изложеніи его жизни и дѣятельности намъ остается только прослѣдить, подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и въ какой мѣрѣ первоначальная программа эта постепенно видоизмѣнялась къ худшему одновременно съ измѣненіемъ также къ худшему любезнаго, благороднаго характера ея царственнаго автора. Нельзя не отмѣтить при этомъ, что при самомъ ея нарожденіи графъ Петръ Панинъ уже внесъ въ нее элементъ вредной односторонности. Онъ, обратилъ вниманіе великаго князя преимущественно на «мелкости» военной службы: государь, по его мнѣнію, долженъ былъ непосредственно и лично начальствовать строевою частью; всѣ, даже малѣйшія, измѣненія въ порядкѣ службы и личномъ составѣ войскъ требовали разрѣшенія самого государя, который, введя строгое единообразіе въ обмундированіи, обученіи и образѣ обхожденія съ солдатами и офицерами, долженъ былъ налагать строжайшее взысканіе за всякое отступленіе.

Мечтамъ Павла Петровича о реформахъ во внутреннемъ управленіи Россіи, хотя-бы только по военной части, не суждено было однако осуществиться въ это время. Напротивъ, даже въ области внѣшней политики Россіи, гдѣ онъ до сихъ поръ еще могъ сочувствовать идеямъ матери, въ періодъ 1777—1780 гг. готовилась крупная перемѣна: подъ вліяніемъ Потемкина, Екатерина оставила систему сѣвернаго аккорда, созданную Панинымъ, и въ основу своей политики, вмѣсто союза съ Пруссіей, положила союзъ съ Австріей: Тешенскій договоръ 13 мая 1779 г., разрѣшавшій, съ участіемъ Россіи, распрю

между Пруссіей и Австріей изъ-за баварскаго наслѣдства, былъ послѣднимъ ея дѣйствіемъ въ пользу Пруссіи, послѣднимъ актомъ союза съ нею. И Павелъ, и Марія Ѳеодоровна были крайне недовольны такимъ оборотомъ дѣлъ: еще въ 1777 г., когда шведскій король Густавъ III, во время пріѣзда своего въ Петербургъ, выражалъ Павлу непріязненныя чувства свои по отношенію къ Пруссіи, цесаревичъ рѣзко заявилъ ему о своихъ симпатіяхъ къ Фридриху II, основанныхъ «на чувствахъ родства и благодарности»; мало того, объ этомъ разговорѣ своемъ онъ поспѣшилъ сообщить въ Берлинъ, и старый король-философъ съ восторгомъ одобрилъ этотъ поступокъ наслѣдника русскаго престола. Въ симпатіяхъ къ Пруссіи, кромѣ Панина, укрѣпляла Павла и Марія Ѳеодоровна, ревностно заботившаяся объ интересахъ своей нѣмецкой родни, зависѣвшей отъ Пруссіи. Событія однако шли своимъ чередомъ, и уже въ 1780 г., послѣ свиданія съ Екатериной въ Могилевѣ, Іосифъ II прибылъ въ Петербургъ, чтобы упрочить союзъ свой съ Россіей личнымъ знакомствомъ съ великокняжеской четой; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ думалъ привлечь на свою сторону великую княгиню Марію Ѳеодоровну, предложивъ брачный союзъ между сестрой ея, Елизаветой, и будущимъ наслѣдникомъ австрійской короны, Францомъ, сыномъ брата его Леопольда, герцога тосканскаго. Старанія Іосифа, повидимому, были небезплодны: не успѣвъ поколебать симпатій великокняжеской четы къ Пруссіи, онъ пріобрѣлъ однако нѣкоторое довѣріе великаго князя и великой княгини. Замѣчательно, что довѣріе Павла Петровича къ Іосифу выразилось, прежде всего, въ томъ, что онъ сообщилъ ему о неловкости положенія своего по отношенію къ матери. «Трудно», писалъ въ это время Іосифъ, «угодить обѣимъ сторонамъ. Великій князь одаренъ многими качествами, которыя даютъ ему полное право на уваженіе; тяжело, однако, быть вторымъ лицомъ при такой государынѣ». Легко понять ближайшую причину грусти Павла Петровича и его отчужденія отъ матери за это время. «Очень тяжело», сообщалъ онъ Сакену 22 мая 1778 года, «въ двадцать четыре года смотрѣть на всѣ затрудненія, вызванныя честолюбіемъ, не имѣя возможности дѣйствовать. Будущія поколѣнія станутъ судить только по наружности, а наружность въ этомъ случаѣ будетъ противъ меня». Фридрихъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ своего племянника и наслѣдника Фридриха-Вильгельма, чтобы сгладить впечатлѣніе, произведенное Іосифомъ; но визитъ этотъ не достигъ своей цѣли, хотя Панинъ и побудилъ Павла и Вильгельма обмѣняться, въ своемъ присутствіи, увѣреніями въ вѣчномъ союзѣ Россіи и Пруссіи: Екатерина не только обошлась съ Вильгельмомъ холодно, но даже прямо дала ему понять, чтобы онъ сократилъ свое пребываніе въ Россіи.

Екатерина весьма искусно воспользовалась настроеніемъ сына и невѣстки. Желая, чтобы они отдали визитъ Іосифу въ Вѣнѣ, она въ іюнѣ 1781 г., въ отсутствіе графа Панина, бывшаго въ отпускѣ, возбудила посредствомъ кн. Репнина въ великокняжеской четѣ желаніе совершить путешествіе за границу для ознакомленія съ иными государствами для пріобрѣтенія знаній и опытности; особенно желала этой поѣздки великая княгиня Марія Ѳеодоровна, жаждавшая свиданія съ родными, которые были уже приглашены Іосифомъ въ Вѣну для переговоровъ о предстоящемъ бракѣ. Не зная того, что онъ былъ лишь безсознательнымъ орудіемъ своей матери, Павелъ Петровичъ, побуждаемый своей супругой и снѣдаемый бездѣятельностію, просилъ мать о разрѣшеніи отправиться путешествовать за границу. «Надо», говорилъ онъ, «употребить всѣ усилія, чтобы принести возможно больше пользы своему отечеству, а для этого надо пріобрѣтать познанія, а не сидѣть на одномъ мѣстѣ, сложа руки». Эта просьба великаго князя была удовлетворена, какъ и всѣ другія, касавшіяся предположеннаго путешествія; въ одномъ лишь великокняжеская чета получила рѣшительный отказъ—въ дозволеніи заѣхать въ Берлинъ. Руководитель Павла, графъ Панинъ, поспѣшившій возвратиться въ Петербургъ, уже не могъ, при всемъ своемъ стараніи, воспрепятствовать успѣху Екатерины и былъ лишь 19 сентября 1781 г. молчаливымъ свидѣтелемъ отъѣзда великокняжеской четы, бывшаго признакомъ окончательнаго паденія его политической системы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, конца его политической роли.

Путешествіе великокняжеской четы продолжалось годъ и два мѣсяца. Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, подъ именами

графа и графини Сѣверныхъ, посѣтили Австрію, Италію, Францію, Нидерланды, Швейцарію и южную Германію. Великій князь лично не придавалъ политическаго значенія своей поѣздкѣ, замѣчая иронически, что «ему, по его званію, не полагается знать въ этомъ толкъ» и что «онъ только предоставляетъ себѣ право посмѣяться при случаѣ». Между тѣмъ, его повсюду встрѣчали какъ сына и наслѣдника Екатерины, заискивая его расположенія и вниманія и отдавая ему всѣ почести, какія только допускало его инкогнито: такимъ образомъ лишь за границей Павелъ Петровичъ вполнѣ воспользовался преимуществами своего сана, въ которыхъ ему часто отказывали на родинѣ. Въ Вишневцѣ, проѣздомъ его черезъ Польшу, привѣтствовалъ его польскій король Станиславъ-Августъ. Іосифъ II встрѣтилъ высокихъ своихъ гостей въ Троппау и сопровождалъ ихъ до Вѣны, куда они пріѣхали 10 ноября. Пребываніе ихъ въ Вѣнѣ продолжалось шесть недѣль, какъ желала того императрица. Пріемъ, оказанный великокняжеской четѣ Іосифомъ, былъ роскошный и крайне любезный. «Мы», писалъ Павелъ Петровичъ Сакену, «употребляемъ всѣ усилія, чтобы доказать свою признательность, но зато у насъ нѣтъ ни минуты свободной: все наше время занято или удовлетвореніемъ требованій вѣжливости, или стараніями нашими ознакомиться со всѣмъ, что есть здѣсь интереснаго и замѣчательнаго; правду сказать, машина такая величественная и такъ хорошо устроена, что она на каждомъ шагу представляетъ множество интересныхъ сторонъ для изученія, въ особенности массы съ нашей. Есть что изучать по моей спеціальности, начиная съ самаго главы государства». Глава государства предъ отъѣздомъ Павла далъ ему новыя доказательства своего вниманія и довѣрія: семейныя дѣла нѣмецкой родни Маріи Ѳеодоровны были устроены, а Павлу онъ сообщилъ въ тайнѣ о своемъ секретномъ договорѣ съ Россіей, о которомъ великій князь не имѣлъ еще понятія, такъ какъ Екатерина боялась, что онъ можетъ измѣнить этой тайнѣ. При всемъ томъ, Іосифу не удалось побѣдить окончательно симпатій къ Пруссіи ни въ Павлѣ, ни въ Маріи Ѳеодоровнѣ.

По отъѣздѣ своемъ изъ Вѣны, 9 января 1782 г., великокняжеская чета проѣхала всю Италію, посѣтивъ Венецію, Неаполь, Римъ, Флоренцію и наконецъ Туринъ и всюду знакомясь съ историческими памятниками, съ произведеніями древняго и новаго искусства. Всюду цесаревичъ производилъ обаятельное впечатлѣніе своею любезностью, прямодушіемъ, благороднымъ образомъ мыслей, но впечатлительность и недостатокъ сдержанности ослабляли иногда привлекательность его личности. «Я не имѣю претензіи быть блестящимъ», писалъ онъ изъ Рима: «человѣкъ невольно дѣлается неловкимъ, когда старается казаться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, такъ какъ мои дѣйствія были только дѣйствіями частнаго лица, то я сознаю, что даже мнѣ самому было-бы затруднительно судить по нимъ о характерѣ лица офиціальнаго и политическаго. Впрочемъ, вы такъ хорошо знаете мой пылкій характеръ, что можете легко угадать, что̀ изъ этого слѣдуетъ. Это, конечно, не нравится, особенно по исключительности моего положенія».

Во Флоренціи, въ бесѣдахъ съ Леопольдомъ, герцогомъ тосканскимъ, братомъ Іосифа, онъ открыто выражалъ свое недовольство политикой Екатерины и ея ближайшими помощниками: Потемкинымъ, Безбородко, Бакунинымъ, Воронцовыми, Морковымъ, бывшимъ въ то время русскимъ посланникомъ въ Голландіи. «Я вамъ называю ихъ», говорилъ Павелъ Леопольду: «я буду доволенъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе, и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ выгоню». Пребываніе великокняжеской четы въ Туринѣ было замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь завязались дружескія отношенія ея съ савойскимъ домомъ, въ особенности съ наслѣдникомъ сардинскаго короля Виктора Амедея III, принцемъ піемонтскимъ Карломъ-Эмануиломъ, и супругой его, принцессой Маріею-Клотильдою, сестрой французскаго короля Людовика XVI. Связь эта послужила исходной точкой для симпатій Павла Петровича и къ французскимъ Бурбонамъ.

Франція и Парижъ, куда Павелъ съ своей супругой прибыли 7 мая 1782 г., произвели на него самое благопріятное впечатлѣніе. Уже 14 мая Павелъ писалъ Сакену: «это настоящій водоворотъ, въ которомъ кружатся люди, событія и факты: молю Бога, чтобы Онъ далъ мнѣ силы

справиться со всѣмъ. Другъ мой, все, что я вижу здѣсь,—все для меня совершенно новое. Я еще не знаю, что я намѣренъ дѣлать, и едва помню, что со мной было: я веду здѣсь такую разсѣянную жизнь. Впрочемъ, тотъ, кто старается пріобрѣсти хорошую репутацію, не боится ни трудовъ, ни безсонныхъ ночей. Сѣешь для того, чтобы собирать жатву, и тогда чувствуешь себя вознагражденнымъ за все». Дѣйствительно, среди всякаго рода праздниковъ, которыми Людовикъ XVI и Марія-Антуанета чествовали своихъ высокихъ гостей, Павелъ Петровичъ не упускалъ ничего, что могло бы обогатить его познаніями и опытностью. Онъ подробно осматривалъ и изучалъ ученыя и благотворительныя заведенія, искалъ случая познакомиться и бесѣдовать съ выдающимися представителями французской науки и литературы. Рыцарскія свойства великаго князя, развитыя въ немъ воспитаніемъ, отвѣчали національному характеру французовъ: его любезность, остроуміе и привѣтливость приводили ихъ въ восхищеніе, да и самъ Павелъ чувствовалъ себя въ Парижѣ легко и свободно. «Въ Версали», писалъ Гриммъ императрицѣ, «великій князь имѣлъ видъ, что знаетъ французскій дворъ, какъ свой собственный. Въ мастерскихъ художниковъ Грёза и Гудона онъ выказалъ въ искусствѣ свѣдѣнія, которыя могли дѣлать его одобреніе болѣе цѣннымъ для художниковъ. Въ нашихъ лицеяхъ, академіяхъ, своими похвалами и вопросами онъ доказалъ, что не было ни одного таланта и рода работъ, который-бы не имѣлъ права его интересовать, и что онъ давно зналъ всѣхъ людей, просвѣщенность или добродѣтели которыхъ дѣлали честь ихъ вѣку и ихъ странѣ. Его бесѣды и всѣ слова, которыя остались въ памяти, обнаруживали не только тонкій и образованный умъ, но и изящное пониманіе всѣхъ особенностей нашего языка». Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ Петровичъ привыкъ дружески относиться къ французской королевской четѣ и въ особенности проявилъ много расположенія къ принцу Конде, который въ своемъ знаменитомъ помѣстьѣ Шантильи далъ рядъ блестящихъ празднествъ въ честь русской великокняжеской четы.

Вѣсти изъ Россіи отравили однако спокойное настроеніе великаго князя. Въ половинѣ мая Павелъ получилъ письмо Екатерины, въ которомъ она извѣщала сына, что въ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ находившемуся въ свитѣ Павла другу его дѣтства, князю Александру Куракину, оказались дерзкія выраженія, относившіяся къ Потемкину и даже къ самой императрицѣ. Письмо это глубоко опечалило Павла: онъ былъ встревоженъ не только за кн. Куракина, являвшагося единомышленникомъ Бибикова, но и за себя лично, такъ какъ дружескія отношенія Павла къ Куракину были всѣмъ извѣстны. Ожидая съ часу на часъ отозванія Куракина изъ Парижа, Павелъ Петровичъ не могъ скрыть своего волненія и однажды, на вопросъ короля, правда-ли, что въ его свитѣ нѣтъ никого, на кого онъ могъ-бы положиться, Павелъ Петровичъ съ горечью отвѣтилъ: «Ахъ, я былъ бы очень недоволенъ, если-бы возлѣ меня находился самый маленькій пудель, ко мнѣ привязанный: мать моя велѣла бы бросить его въ воду прежде, чѣмъ мы оставили-бы Парижъ». Выѣхавъ изъ Парижа 7 іюня для путешествія по Бельгіи и Голландіи, цесаревичъ и тамъ выразилъ свое раздраженіе, сдѣлавъ дурной пріемъ русскому посланнику въ Голландіи, Моркову, котораго считалъ онъ креатурой Потемкина, и поблагодаривъ профессоровъ лейденскаго университета за то, что трудами своими они сдѣлали многихъ русскихъ способными съ пользою служить родинѣ. Даже Морковъ понялъ, что слова эти относились къ кн. Куракину, бывшему слушателемъ лейденскаго университета. Этой несдержанностію великій князь вредилъ самому себѣ въ глазахъ матери и ухудшалъ положеніе Куракина. Подъ такими впечатлѣніями великій князь черезъ Франкфуртъ прибылъ 21 іюня въ Монбельяръ, гдѣ его ожидала вся германская семья Маріи Ѳеодоровны. Родственная, чуждая этикета обстановка благодѣтельно подѣйствовала на Павла. По собственному признанію, онъ «наслаждался здѣсь спокойствіемъ духа и тѣла». «Мы уже восемь дней живемъ въ семейномъ своемъ кругу», писалъ онъ Румянцову: «это совсѣмъ новое для меня чувство, тѣмъ болѣе для меня сладкое, что оно имѣетъ своимъ источникомъ сердце, а не умъ».

Проживъ мѣсяцъ въ Монбельярѣ, великокняжеская чета спѣшила уже возвратиться въ Россію. Посѣтивъ на короткое время Швейцарію, она черезъ

Штутгартъ вновь пріѣхала въ Вѣну, гдѣ по-прежнему радушно встрѣчена была Іосифомъ, который такимъ образомъ имѣлъ возможность скорѣе другихъ оцѣнить вліяніе заграничной поѣздки на цесаревича и его супругу. «Думаю, что не ошибусь», писалъ Іосифъ Екатеринѣ при отъѣздѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны изъ Вѣны, «что они возвратятся къ вамъ въ гораздо болѣе благопріятномъ настроеніи и что недовѣріе, подозрительность и склонность къ разнымъ мелочнымъ средствамъ исчезнутъ у нихъ, на сколько то допустятъ прежнія привычки и окружающія ихъ лица, которыя, вѣроятно, одни только и вселяли эти чувства и наклонности. Удачный выборъ окружающихъ лицъ и удаленіе людей несоотвѣтствующаго образа мыслей представляются мнѣ существенно необходимыми для спокойствія и для семейнаго и личнаго благополучія трехъ особъ, къ которымъ я питаю искреннюю привязанность». Съ своей стороны Павелъ вынесъ изъ путешествія болѣе спокойный, разносторонній взглядъ на вещи. «Если чему обучило меня путешествіе», писалъ онъ Платону,— «то тому, чтобы въ терпѣніи искать отраду во всѣхъ случаяхъ... и въ спокойномъ взираніи на тѣ вещи, которыхъ мы собою исправить не можемъ, а имѣющихъ свое начало въ слабостяхъ человѣчества, повсюду и во всѣхъ земляхъ, разнствуя модусами, существующихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ».

20 ноября великокняжеская чета возвратилась наконецъ въ Петербургъ. Екатерина встрѣтила ихъ повидимому дружески: она довольна была въ общемъ политическими результатами ихъ путешествія, такъ какъ союзъ съ Австріею былъ упроченъ и всего лишь за два мѣсяца до ихъ возвращенія, при косвенномъ содѣйствіи Австріи, русскія войска заняли Крымъ. Но личныя отношенія между матерью и сыномъ не улучшились, въ особенности послѣ дѣла Бибикова. Екатерина исполнила совѣтъ Іосифа: Бибиковъ сосланъ былъ въ Астрахань, Куракинъ—въ свою деревню въ Саратовской губерніи; гр. Никита Панинъ, въ то время лежавшій на смертномъ одрѣ, былъ въ опалѣ, и великій князь, навѣстивъ его на другой-же день послѣ пріѣзда, послѣ того не смѣлъ заглядывать къ нему цѣлыхъ четыре мѣсяца. Лишь за нѣсколько дней до смерти Панина великокняжеская чета «пришла въ несказанную чувствительность», говоря о немъ, и въ тотъ-же вечеръ отправилась къ нему, чѣмъ чрезвычайно его обрадовала. Послѣднія силы и минуты свои старый воспитатель Павла посвятилъ на то, чтобы продиктовать для него Фонвизину свое политическое завѣщаніе, но работа эта была прервана смертью Панина 31 марта 1784 г. Павелъ былъ чрезвычайно огорченъ смертью Панина, при кончинѣ котораго онъ присутствовалъ: съ нимъ онъ лишался единственнаго авторитетнаго друга и совѣтника. Тогда же завѣдывать его дворомъ поручено было графу В. П. Мусину-Пушкину, смѣнившему П. И. Салтыкова, который назначенъ былъ воспитателемъ Александра и Константина Павловичей.

Послѣ смерти Панина Екатерина, кажется, надѣялась нѣкоторое время на измѣненіе образа мыслей Павла въ благопріятномъ для себя смыслѣ; однажды, 12 мая 1783 г., она завела съ нимъ такую откровенную бесѣду о занятіи Крыма и о польскихъ дѣлахъ, что самъ Павелъ, записавъ этотъ разговоръ, сдѣлалъ замѣчаніе: «довѣренность мнѣ многоцѣнна, первая и удивительная». Кажется, однако, что она была и послѣдняя въ этомъ родѣ, потому что, извѣдавъ мысли сына, Екатерина замѣтила однажды: «мнѣ больно было-бы, если-бы моя смерть, подобно смерти императрицы Елизаветы, послужила знакомъ измѣненія всей системы русской политики». Къ этому именно времени относится возникновеніе первыхъ слуховъ о намѣреніи императрицы лишить Павла Петровича престола въ пользу старшаго его сына Александра.

6 августа 1783 г. Екатерина подарила Павлу Петровичу великолѣпную мызу Гатчину, принадлежавшую прежде Г. Г. Орлову. Съ этого времени начинается новый, гатчинскій періодъ жизни великаго князя, когда онъ, постоянно удаляемый отъ дѣлъ правленія и удаляясь самъ отъ матери и отъ большого екатерининскаго двора, замыкается постепенно самъ въ себѣ, предаваясь, въ качествѣ «гатчинскаго помѣщика», хозяйственной и благотворительной дѣятельности, а также излюбленнымъ своимъ военнымъ занятіямъ. Переписка его, относящаяся къ этому періоду его жизни, ясно свидѣтельствуетъ о мрачномъ, безнадежномъ взглядѣ его на свое положеніе. «Я по убѣжденію считаю луч-

шимъ молчать», сообщалъ онъ Сакену 8 іюня 1783 г., а 12 января 1784 г. ему-же съ горечью писалъ: «часто все мое вліяніе, которымъ я могу похвалиться, состоитъ въ томъ, что мнѣ стоитъ только упомянуть о комъ-нибудь или о чемъ-нибудь, чтобы повредить имъ»; наконецъ, весною 1784 г., возражая противъ слуховъ о новомъ своемъ путешествіи за границу, Павелъ замѣтилъ саркастически: «это, вѣроятно, путешествіе in partibus infidelium; я не вижу ни необходимости въ немъ, ни его возможности, развѣ что это будетъ путешествіе въ Индію или на острова для моего исправленія». Къ матери онъ обращался съ просьбами только по вопросамъ, касавшимся интересовъ многочисленной нѣмецкой родни Маріи Ѳеодоровны и воспитанія своихъ дѣтей. Это отчужденное положеніе, оскорбительное для самолюбія цесаревича, жаждавшаго дѣятельности и желавшаго быть полезнымъ отечеству, вызывали въ немъ раздраженіе, которое, не проявляясь наружу, уходило въ глубь души Павла, становилось интенсивнѣе, и Павелъ Петровичъ постепенно превращался въ задумчиваго, угрюмаго, желчно настроеннаго человѣка. «Мнѣ вотъ ужъ 30 лѣтъ», писалъ великій князь Павелъ Румянцеву въ 1784 г., «а я ничѣмъ не занятъ... Спокойствіе мое, увѣряю васъ, вовсе не зависитъ отъ окружающей меня обстановки, но оно покоится на чистой моей совѣсти, на сознаніи, что существуютъ блага, не подлежащія дѣйствію никакого земного могущества, и къ нимъ-то и должно стремиться. Это служитъ для меня утѣшеніемъ во многихъ непріятностяхъ и ставитъ меня выше ихъ; это пріучаетъ меня къ терпѣнію, которое многіе считаютъ за признакъ угрюмости въ моемъ характерѣ. Что касается до моего поведенія, то вы знаете, что я стремлюсь согласовать его съ нравственными моими понятіями, и что я не могу ничего дѣлать противнаго моей совѣсти». Но постоянное упражненіе Павла въ терпѣніи, сдержанности, должно было самымъ невыгоднымъ образомъ отразиться на характерѣ его психической дѣятельности, тѣмъ болѣе, что обязанности цесаревича къ отечеству, своеобразно имъ понимаемыя, находились въ полномъ противорѣчіи съ обязанностями его по отношенію къ матери. Всегда глубоко религіозный, Павелъ искалъ утѣшенія въ религіи. Онъ часто молился, стоя на колѣняхъ и обливаясь слезами. Графъ Никита Панинъ, бывшій членомъ многихъ масонскихъ ложъ, ввелъ и своего воспитанника, посредствомъ кн. Куракина, въ масонскій кругъ, и мало-по малу чтеніе масонскихъ, мистическихъ книгъ сдѣлалось любимымъ чтеніемъ Павла Петровича. Панинъ умеръ, Куракинъ былъ въ опалѣ, но въ порѣдѣвшемъ кружкѣ своихъ приближенныхъ Павелъ нашелъ новыхъ друзей, отвѣчавшихъ его настроенію: то былъ капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, масонъ, руководившій его религіозными упражненіями, и фрейлина Екатерина Ивановна Нелидова, восторженный, мечтательный умъ которой и прямодушный характеръ мало-по малу подчинили цесаревича своему вліянію: въ бесѣдахъ съ этими лицами старался великій князь смягчить волновавшія его чувства и поддержать душевное свое равновѣсіе.

Упражняясь, такимъ образомъ, въ терпѣніи, Павелъ Петровичъ, продолжалъ однако упражняться и въ своихъ обязанностяхъ: по-прежнему внимательно слѣдилъ онъ за ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ Россіи, по-прежнему работалъ въ тиши своего кабинета, составляя проекты въ духѣ, противоположномъ намѣреніямъ и дѣйствіямъ матери. Помня слова гр. Петра Панина, что «ничего нѣтъ свойственнѣе, какъ хозяину мужескаго пола распоряжать собственно самому и управлять всѣмъ тѣмъ, что защищаетъ, подкрѣпляетъ и сохраняетъ цѣлость какъ его собственной особы, такъ и государства»,— цесаревичъ, подъ предлогомъ очистить окрестности Гатчины и Павловска отъ бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, сформировалъ себѣ небольшой отрядъ, который онъ постепенно, благодаря снисходительности Екатерины, съ двухъ командъ, численностью въ 30 человѣкъ каждая, довелъ къ 1788-му году до трехбаталіоннаго состава. Отрядъ этотъ заключалъ въ себѣ элементы всѣхъ войсковыхъ частей, даже конную артиллерію; на гатчинскомъ озерѣ цесаревичъ завелъ у себя даже флотилію, вооруженную пушками. Въ основу военнаго устава положены были инструкціи Фридриха II, войско одѣто было въ прусскую военную форму, дисциплина была введена строгая до жестокости. Вообще Павелъ постарался возродить въ своихъ батальонахъ, долженствовавшихъ, по его мнѣнію, служить образцомъ для всей рус-

ской арміи, тѣ самые «обряды неудобоносимые», которые, по словамъ Екатерины, будучи введены Петромъ III, «не токмо храбрости военной не умножили, но паче растравляли сердца болѣзненныя всѣхъ его войскъ». Среди офицеровъ гатчинскихъ войскъ было много нѣмцевъ, а первымъ ихъ командиромъ назначенъ былъ пруссакъ, баронъ Штенвейръ.

Прусскія симпатіи Павла проявились въ то время въ его противодѣйствіи и внѣшней политикѣ Екатерины. Побуждаемый отчасти вліяніемъ супруги своей, великій князь тайно сносился съ Фридрихомъ II и его преемникомъ, содѣйствуя имъ своимъ вліяніемъ въ осуществленіи извѣстнаго проекта союза князей. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Павелъ даже сообщалъ въ Берлинъ тайныя политическія извѣстія, узнавая о нихъ при дворѣ матери, и склонялъ дѣйствовать въ пользу Пруссіи даже русскаго посланника въ Германіи, Румянцева. «Ради Бога», писалъ онъ ему, «не судите никакъ о моемъ поведеніи и предоставьте времени объяснить мои дѣйствія. Я не имѣлъ и не имѣю другой цѣли, какъ только исполнять Божіе завѣты во всемъ томъ, что я дѣлаю и что переношу съ покорностію». Можно предположить, зная образъ мыслей Павла, что онъ не сочувствовалъ завоевательной политикѣ матери, поддерживаемой Австріей, и надѣялся, что Пруссія, опираясь на союзъ князей, явится оплотомъ европейскаго мира. Союзъ съ Австріей Павелъ Петровичъ считалъ невыгоднымъ для Россіи и, согласно со взглядами гр. Панина, предпочиталъ ему «союзы на сѣверѣ съ державами, которыя больше въ насъ нужды, а мѣстничества съ нами имѣть не могутъ».

Военныя и политическія занятія Павла чередовались съ болѣе плодотворной и тихой работой его и какъ гатчинскаго помѣщика, и какъ будущаго преобразователя Россіи. Какъ помѣщикъ, наслѣдникъ престола дѣйствительно могъ служить образцомъ для другихъ. Первыми его дѣйствіями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины; затѣмъ онъ выстроилъ на свой счетъ, кромѣ существовавшихъ уже, еще четыре церкви для жителей Гатчины, принадлежавшихъ къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ: православную въ госпиталѣ, общую лютеранскую, римско-католическую и финскую въ Колпинѣ; на свой счетъ онъ содержалъ и духовенство этихъ церквей. Крестьянамъ, у которыхъ хозяйство не по ихъ винѣ приходило въ упадокъ, цесаревичъ помогалъ и денежными ссудами, и прирѣзкой земли; въ то же время, чтобы дать гатчинскимъ крестьянамъ заработокъ въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время, цесаревичъ содѣйствовалъ возникновенію въ Гатчинѣ стекляннаго и фарфороваго завода, суконной фабрики, шляпной мастерской и суконвальни. Всѣ эти дѣйствія Павла Петровича въ его маленькомъ хозяйствѣ были выраженіемъ его взглядовъ и на внутреннее управленіе государствомъ, являвшихся развитіемъ его мыслей, высказанныхъ еще ранѣе въ 1778 г., въ перепискѣ съ Панинымъ. Взгляды эти, рѣзко отличавшіеся отъ взглядовъ современнаго ему общества, онъ изложилъ въ 1787 г., на случай своей смерти, въ особомъ «Наказѣ» своей супругѣ объ управленіи государствомъ. «Крестьянство», писалъ цесаревичъ, «содержитъ собою всѣ прочія части и своими трудами, слѣдственно, особаго уваженія достойно и утвержденія состоянія, не подверженнаго нынѣшнимъ перемѣнамъ его... Надлежитъ уважить состояніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, ихъ судьбу перемѣнить и разрѣшить. Не меньшаго частнаго уваженія заслуживаютъ государственные крестьяне, однодворцы и пахотные, которыхъ свято, по ихъ назначеніямъ, оставлять, облегчая ихъ судьбу». Финансовыя предположенія Павла также отличались своею вѣрностію. «Расходы», говорилъ онъ, «должно соразмѣрять по приходамъ и согласовать съ надобностями государственными и для того вѣрно однажды расписать такъ, чтобы никакъ не отягчать земли, и изъ двоякихъ доходовъ: съ земли или промысла, первые держать соразмѣрно возможности съ надобностію, ибо удѣляются отъ имѣній частныхъ лицъ; другіе—поощрять, ибо основаны на трудахъ и прилежаніи, всегдашнихъ средствахъ силы и могущества земли». Тогда же, совмѣстно съ Маріей Ѳеодоровной, цесаревичъ выработалъ основной законъ о престолонаслѣдіи, по праву первородства въ мужской линіи царствующаго дома, «дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ; дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать, и дабы сохранить право родовъ въ на-

слѣдіи, не нарушая права естественнаго и избѣжать затрудненій при переходѣ изъ рода въ родъ». Въ отсутствіи закона о престолонаслѣдіи Павелъ Петровичъ справедливо видѣлъ главную причину и революцій въ Россіи XVIII в., и собственнаго печальнаго положенія.

Въ этой постоянной работѣ, въ этомъ вѣчномъ сравненіи того, что̀ должно было бы быть, съ тѣмъ, что̀ было въ дѣйствительности, протекло слишкомъ четыре года. Характеръ великаго князя начиналъ за это время измѣняться къ худшему: его несдержанность переходила въ запальчивость, гнѣвъ доходилъ до бѣшенства; все рѣже и рѣже напоминалъ онъ собою прежняго веселаго, любезнаго, остроумнаго человѣка, какимъ знали его во время заграничнаго путешествія. Привычка скрывать свои мысли и чувства, таить въ глубинѣ души истинное свое настроеніе, это вѣчное насиліе надъ психической своей природой, — были не по силамъ Павлу: оно разстраивало его нервную систему, и достаточно было иногда самаго ничтожнаго повода, часто незамѣтнаго для окружающихъ, чтобы онъ проявлялъ истинныя свои чувства тѣмъ рѣзче, чѣмъ тщательнѣе и продолжительнѣе онъ усиливался скрывать ихъ ранѣе. При дворѣ Екатерины и при дворѣ Павла дежурили поочередно одни и тѣ же лица; многія изъ нихъ переносили вѣсти отъ одного двора къ другому, возбуждая подозрительность великаго князя, боявшагося, что онъ окруженъ шпіонами Екатерины или ея фаворитовъ. Единственнымъ утѣшеніемъ для цесаревича была его семейная жизнь: Марія Ѳеодоровна всегда была его вѣрной и любящей супругой. «Тебѣ самой извѣстно», писалъ онъ ей въ 1788 г., «сколь я тебя любилъ и привязанъ былъ. Твоя чистѣйшая душа передъ Богомъ и человѣки стоила не только сего, но почтенія отъ меня и отъ всѣхъ. Ты была мнѣ первою отрадою и подавала лучшіе совѣты». Любовь Маріи Ѳеодоровны къ своей многочисленной германской роднѣ и ея мелочность въ домашнихъ дѣлахъ доставляли, однако, Павлу Петровичу много горькихъ минутъ. За границу шло не мало денегъ Павла на устройство дѣлъ родителей Маріи Ѳеодоровны и ея братьевъ, въ большинствѣ людей мало достойныхъ, а въ Россіи Павелъ Петровичъ долженъ былъ ходатайствовать за нихъ предъ матерью. Въ особенности много хлопотъ доставилъ ему своимъ недостойнымъ поведеніемъ старшій его шуринъ, Фридрихъ, женатый на любимицѣ Екатерины, Зельмирѣ, и бывшій на русской службѣ. Часто Павелъ Петровичъ находился между двухъ огней, отдавая справедливость строгому образу дѣйствій Екатерины по отношенію къ Фридриху и волнуясь просьбами и отчаяніемъ своей супруги. Когда однажды Екатерина прислала ему письмо по этому дѣлу, то Павелъ Петровичъ отказался сообщить его своей супругѣ: «я подданный россійскій» сказалъ онъ, «и сынъ императрицы россійской: что между мною и ею происходитъ, того знать не подобаетъ ни женѣ моей, ни родственникамъ, ниже кому другому».

Семья Павла Петровича увеличилась въ это время четырьмя дочерьми: Александрой (р. 29 іюля 1783 г.), Еленой (р. 13 декабря 1784 г.), и Екатериной (р. 10 мая 1788 г.). Для воспитанія ихъ избрана была Екатериной вдова генералъ-маіора Шарлотта Карловна Ливенъ, умѣвшая установить добрыя отношенія и къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Но въ воспитаніи своихъ сыновей великокняжеская чета попрежнему не могла принимать никакого участія; мало того, собираясь въ 1787 году въ путешествіе въ Крымъ, императрица, вопреки желанію родителей, предполагала взять внучатъ съ собою, и Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ по этому близкому для него дѣлу обращаться съ ходатайствомъ даже къ ненавистному для него Потемкину.

Въ 1787 году, съ началомъ второй турецкой войны, Павелъ Петровичъ надѣялся, что ему наконецъ откроется достойное его сана поприще для дѣятельности, и 10 сентября просилъ мать о дозволеніи отправиться въ армію волонтеромъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Это намѣреніе Павла Петровича не нравилось Екатеринѣ: она не желала ни создавать затрудненій Потемкину, командовавшему арміей, ни содѣйствовать популярности сына, объ устраненіи котораго отъ престола въ пользу великаго князя Александра Павловича она уже думала въ это время. Подъ всевозможными предлогами императрица или отказывала Павлу въ своемъ разрѣшеніи, или откладывала дѣло въ даль. «Лучше-бы было сказать, что не хотятъ меня пустить, нежели волочить», писалъ онъ въ январѣ

1788 г. въ письмѣ гр. В. П. Мусинъ-Пушкину, которое разрѣшилъ представить государынѣ. Въ письмѣ къ самой императрицѣ Павелъ Петровичъ указывалъ, между прочимъ, на щекотливость своего положенія вслѣдствіе постоянныхъ проволочекъ, такъ какъ въ Европѣ уже сдѣлались извѣстны его приготовленія къ походу. «Касательно предлагаемаго мнѣ вами вопроса, на кого вы похожи въ глазахъ всей Европы», писала Екатерина сыну, «отвѣчать вовсе не трудно: вы будете похожи на человѣка, подчинившагося моей волѣ, исполнившаго мое желаніе и то, о чемъ я настоятельно васъ просила». Лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1788 г. Екатерина дала наконецъ Павлу столь желанное для него дозволеніе, но внезапно открывшаяся война со Швеціей направила цесаревича не на югъ, а на сѣверъ, въ финляндскую армію, которою командовалъ гр. В. П. Мусинъ-Пушкинъ, «сей мѣшокъ нерѣшимый», по отзыву самой Екатерины; туда-же направленъ былъ и гатчинскій отрядъ великаго князя. Военныя дѣйствія противъ шведовъ происходили главнымъ образомъ на морѣ, покрывъ славою русскій флотъ и адмираловъ: Чичагова и Грейга; но сухопутныя войска наши, благодаря нерѣшительности гр. Мусина-Пушкина, ограничивались рекогносцировками и аванпостными стычками. Павелъ Петровичъ, разумѣется, не этого ждалъ въ ту минуту, когда шведскія пушки слышны были въ Петербургѣ и когда, по собственному отзыву Павла, уже «лошади готовы были» для отъѣзда двора изъ Петербурга. Готовясь ко всѣмъ случайностямъ войны, онъ оставилъ Маріи Ѳеодоровнѣ свое завѣщаніе, три письма на ея имя, составленный совмѣстно съ ней актъ о престолонаслѣдіи, наказъ объ управленіи государствомъ и письмо къ дѣтямъ. 1 іюля Павелъ Петровичъ прибылъ въ Выборгъ, мечтая о военныхъ трудахъ, и лишь 22 августа ему удалось участвовать въ рекогносцировкѣ шведскихъ укрѣпленій Гекфорса. «Теперь я окрещенъ», съ удовольствіемъ сказалъ Павелъ, заслышавъ свистъ шведскихъ пуль. Но этимъ «крещеніемъ» и ограничилось участіе великаго князя въ военныхъ дѣйствіяхъ: Павелъ не догадывался, что и генералу Кнорррингу, состоявшему въ его свитѣ, и самому Мусину-Пушкину даны были Екатериной тайныя предписанія ничего не сообщать цесаревичу о планѣ военныхъ дѣйствій и ходѣ военныхъ операцій: возможно, что императрица боялась, и не безъ основанія, чтобы черезъ Павла не узнавали о положеніи дѣлъ нашихъ пруссаки, также угрожавшіе въ то время войной Россіи. Зато онъ вынесъ дурныя впечатлѣнія объ организаціи русскихъ войскъ, а также о ихъ предводителѣ, съ которымъ у него были постоянныя пререканія, вслѣдствіе «разнообразія ихъ мыслей въ разсужденіи мѣръ, принимаемыхъ къ пораженію шведовъ». Командиръ гатчинскихъ войскъ, капитанъ Штейнверъ, постоянно подогрѣвалъ это раздраженіе безцѣльными, часто неосновательными указаніями и сравненіями гатчинскаго отряда съ финляндской арміей, такъ что Марія Ѳеодоровна и Нелидова вынуждены были писать къ полковнику Вадковскому, пользовавшемуся расположеніемъ Павла и находившемуся въ его свитѣ, убѣждая его успокоить Павла и примирить его съ Мусинымъ-Пушкинымъ: еще предъ отправленіемъ въ походъ великаго князя, она взяла съ Вадковскаго торжественное обѣщаніе всячески оберегать его отъ послѣдствій его раздражительности и порывовъ мужества и выполнять въ этомъ смыслѣ всѣ наставленія Маріи Ѳеодоровны, дѣлая при этомъ видъ, будто онъ дѣйствуетъ по собственному побужденію. Марія Ѳеодоровна сама даже собиралась ѣхать въ Выборгъ для свиданія съ Павломъ и просила у Екатерины разрѣшенія на это путешествіе. Но Екатерина рѣшила уже отозвать сына изъ арміи. Шведы, знавшіе о несочувствіи Павла къ политикѣ его матери, думали, кажется, воспользоваться этимъ, и Карлъ, герцогъ зюдерманландскій, дѣлалъ ему настоятельныя предложенія о личномъ свиданіи. Къ удовольствію Екатерины, Павелъ Петровичъ отклонилъ эти предложенія, но, тѣмъ не менѣе, она нашла неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе его на театрѣ военныхъ дѣйствій. 18 сентября Павелъ Петровичъ возвратился въ Петербургъ, жестоко разочарованный, какъ видно изъ шифрованной переписки его за это время съ Маріей Ѳеодоровной,—итогами своей «службы отечеству», которой онъ такъ страстно желалъ и добивался. Императрица выразила свое неодобреніе этой службѣ, не пожаловавъ цесаревичу ордена св. Георгія и принявъ мѣры къ тому, чтобы пребываніе цесаревича при арміи не получило огласки: не было даже публиковано о выѣздѣ великаго князя изъ Петербурга и о

его возвращеніи. Все, вмѣстѣ взятое, сдѣлало участіе Павла Петровича въ шведской войнѣ до того траги-комическимъ въ глазахъ общества, что многіе изъ современниковъ видѣли именно въ Павлѣ того «Горе-богатыря», въ лицѣ котораго Екатерина изобразила въ это время, въ одной изъ своихъ оперъ, короля шведскаго Густава III. Когда вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1789 г., при возобновленіи военныхъ дѣйствій противъ шведовъ, Павелъ Петровичъ вновь испрашивалъ у матери приказаній относительно себя, императрица выразила мнѣніе, что война будетъ только оборонительная и еще скучнѣе компаніи 1788 г., и иронически посовѣтовала сыну, «вмѣсто того, чтобы вызвать слезы и горькую печаль, раздѣлить, въ средѣ своего дорогого и любезнаго семейства, радость успѣхами, которыми», какъ она надѣялась, «Всемогущему угодно будетъ благословить наше правое дѣло».

Марія Ѳеодоровна, дрожавшая за жизнь своего любезнаго супруга, могла, по своей недальновидности, только радоваться такому рѣшенію императрицы; но великій князь ясно увидѣлъ, что никакой службы его отечеству не только не желаютъ, но и не допустятъ, и что его роль хотятъ, какъ бы въ насмѣшку, ограничить лишь семейными обязанностями. Но, тяготясь опекой матери, Павелъ Петровичъ еще менѣе могъ выносить мелочную опеку своей супруги, и, такимъ образомъ, привыкая оберегать своего мужа наперекоръ ему самому разными косвенными средствами, Марія Ѳеодоровна подвергала опасности существовавшій доселѣ между ними миръ и супружеское согласіе. Состояніе духа великаго князя сдѣлалось еще болѣе тягостнымъ, когда совершилась замѣна фаворита, гр. Мамонова, заносчивымъ гвардейскимъ офицеромъ, Платономъ Зубовымъ, который, какъ истинный выскочка, не всегда показывалъ Павлу Петровичу даже наружные знаки уваженія, должные его сану. Наконецъ разразившаяся въ 1789 г. французская революція произвела въ Павлѣ страшное моральное потрясеніе, оскорбляя въ немъ чувство уваженія къ законности и высокое представленіе о монархической власти, которое онъ воспитывалъ въ себѣ съ юности. Съ 1790 г. Павелъ высказывалъ «примѣтную склонность къ задумчивости», а въ письмахъ не разъ высказывалъ мысль о смерти. Цесаревичъ, говоря словами гр. Петра Панина, «взирая на все съ содроганіемъ сердца, но съ великодушною терпѣливостью, соблюдалъ во всей неприкосновенности заповѣди Божіи, законы естественные и гражданскіе, и не позволялъ себѣ, по тогдашнему своему природію и законами обязательству,—ничего, кромѣ единственнаго раздѣленія наичувствительнѣйшаго прискорбія со всѣми тѣми усерднѣйшими и вѣрнѣйшими дѣтьми отечества, которые, съ похвальною твердостію душъ, не попускали прикасаться къ себѣ никакихъ соблазновъ на государственное уязвленіе, но, пребывая въ безмолвіи, не могли только скрывать отъ него душевныхъ своихъ страданій». Павлу, дѣйствительно, не оставалось ничего болѣе, какъ, выражаясь его словами въ одномъ изъ его писемъ 1791 года, «chercher la consolation chez ses amis, dont le coeur et l'esprit sont au-dessus de leurs tailles».—«Il m'est doux», прибавлялъ онъ, «de pouvoir dire mon petit mot à leur sujet: c'est leur payer un tribut qui m'est bien cher et satisfaisant».

Къ несчастію для Павла, возлѣ него не было уже въ это время никого изъ «усерднѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ дѣтей отечества», кто бы могъ руководить его государственными занятіями, поддерживать въ немъ ясный взглядъ на окружавшую его обстановку. Графъ Петръ Панинъ сошелъ въ могилу, князь Репнинъ былъ при арміи, всѣ мало-мальски опытные и даровитые люди или сами сторонились великаго князя, зная отношенія къ нему императрицы, или отстраняемы были самимъ цесаревичемъ, который къ людямъ, пользовавшимся его расположеніемъ, нарочно показывалъ видъ холодности, чтобы не навлечь на нихъ гнѣва Екатерины. «Другъ мой», сказалъ однажды Павелъ Мордвинову, обиженному его невниманіемъ къ нему при дворѣ, «никогда не суди меня по наружности. Я удалялся отъ тебя и казался съ тобою холоденъ не безъ причины: видя, какъ милостиво ты былъ принятъ у государыни, я не хотѣлъ помѣшать тебѣ въ почести при большомъ дворѣ». Павла Петровича окружали или люди честные сами по себѣ, но съ узкимъ кругозоромъ и съ мелочными интересами, какъ Вадковскій, Плещеевъ, Лафермьеръ, или придворные интриганы, мечтавшіе выиграть въ своемъ значеніи, разжигая неудовольствіе великаго князя, какъ князь Николай Голицынъ, камергеръ Растопчинъ, или, наконецъ, глубоко преданные Павлу лица, но

смотрѣвшіе на его положеніе съ семейной точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, его супруга, великая княгиня Марія Ѳеодоровна, и ея наперсница, г-жа Бенкендорфъ. Находясь въ этой обстановкѣ, Павелъ Петровичъ исключительно предался единственно тогда возможному для него дѣлу—обученію состоявшихъ при немъ гатчинскихъ войскъ, и, благодаря этому, постепенно погрузился въ мелочи военнаго дѣла, привязался страстно къ экзерцирмейстерству и военное дѣло сталъ считать важнѣйшимъ для государя дѣломъ. Плодомъ занятій Павла въ этотъ періодъ его жизни было составленіе воинскихъ уставовъ для строевой, гарнизонной и лагерной службы, и тогда-же выработаны были новыя положенія для хозяйственнаго управленія, инструкціи для массы должностныхъ чиновъ арміи: особенное вниманіе обратилъ Павелъ Петровичъ на усовершенствованіе артиллеріи. Въ занятіяхъ этихъ Павелъ Петровичъ сблизился съ новымъ кругомъ людей, сдѣлавшихся впослѣдствіи его ближайшими помощниками; это были мелкіе офицеры, лишенные образованія, неразвитые, не имѣвшіе никакого понятія о государственныхъ задачахъ наслѣдника престола, но зато дѣловитые въ мелкостяхъ военнаго дѣла, точные, исполнительные и, по мнѣнію цесаревича, безусловно ему преданные; такимъ образомъ, выросли въ своемъ значеніи у великаго князя Аракчеевы, Линденеры, Обольяниновы, Кологривовы, Малютины, Каннабихи и др. Въ средѣ этой цесаревичъ постепенно разучался думать, обсуждать, совѣтоваться,—но пріучился цѣнить лишь исполнительность и усердіе, а на всякое представленіе или совѣтъ смотрѣть какъ на ослушаніе. Великій князь какъ-бы хотѣлъ показать, что ему не нужны «умники», а нужны лишь точные исполнители его воли; онъ точно не замѣчалъ, что среди его друзей все меньше и меньше было людей, у которыхъ «le coeur et l'esprit sont au-dessus de leurs tailles». Встрѣчая при большомъ дворѣ родъ пренебреженія къ своей особѣ, великій князь, самъ того не замѣчая, видѣлъ признаки неуваженія къ себѣ и своимъ мнѣніямъ иногда въ самыхъ невинныхъ словахъ и дѣйствіяхъ, гнѣвался и выходилъ изъ себя; тѣмъ спокойнѣе и легче чувствовалъ онъ себя среди гатчинскаго своего отряда, хотя и здѣсь давалъ волю своей запальчивости при чьей-либо малѣйшей оплошности. Умъ и сердце Павла Петровича высказывались все менѣе и менѣе; зато во всей рѣзкости началъ проявляться его темпераментъ, его неукленная строгость къ соблюденію буквы уставовъ и инструкцій, замѣнявшихъ собою всякое разсужденіе и повсюду устанавливавшихъ однообразіе. Гатчина и Павловскъ приняли видъ военныхъ лагерей, созданныхъ по прусскому образцу, съ заставами, шлагбаумами, казарменными постройками и полуосаднымъ положеніемъ жителей, принужденныхъ даже въ частномъ быту подчиняться лагернымъ порядкамъ жизни. Самъ Павелъ Петровичъ подавалъ примѣръ суровой спартанской жизни: вставая въ 4 часа утра, онъ спѣшилъ на ученіе или маневры войскъ, производилъ осмотры казармъ, предметы хозяйственнаго довольствія войскъ, причемъ никакая неисправность не ускользала отъ его зоркаго, проницательнаго взгляда; зато въ 10 часовъ вечера городъ уже спалъ: слышались только шаги патрулей и крики часовыхъ. Въ Павлѣ Петровичѣ нашли себѣ совмѣщеніе рыцарскій духъ, французская любезность, благородство души и побужденій,—съ грубымъ прусскимъ солдатствомъ, подавлявшимъ всякое проявленіе изящества, ума и свободы. Суворовъ, представлявшійся около этого времени великому князю, мѣтко охарактеризовалъ его словами: «prince adorable, despote implacable».

На такое настроеніе и образъ мыслей великаго князя много повліяли французскіе эмигранты, бѣжавшіе изъ отечества и въ темныхъ краскахъ изображавшіе событія французской революціи. Ужасы кровавыхъ сценъ, происходившихъ во Франціи, казнь короля и королевы, торжество невѣрія, вся грязь, принадлежащая подонкамъ общества и всплывающая кверху при каждомъ потрясеніи общественнаго организма,—возбуждали нравственныя чувства великаго князя. Разсказы и внушенія эмигрантовъ казались Павлу Петровичу новымъ подтвержденіемъ вѣрности его теорій о необходимости военнаго управленія государствомъ. Растопчинъ, одинъ изъ немногихъ изъ числа лицъ, окружавшихъ Павла, обладавшій умомъ и мѣткимъ словомъ, говоря объ агентѣ французскихъ принцевъ, Эстергази, пророчески писалъ С. Р. Воронцову: «Вы увидите впослѣдствіи, сколько вреда надѣлало пребыва-

ніе Эстергази: онъ такъ усердно проповѣдывалъ въ пользу деспотизма и необходимости править желѣзной лозой, что государь наслѣдникъ усвоилъ себѣ эту систему и уже поступаетъ согласно съ нею. Каждый день только и слышно, что о насиліяхъ, о мелочныхъ придиркахъ, которыхъ-бы постыдился всякій частный человѣкъ. Онъ ежеминутно воображаетъ себѣ, что хотятъ ему досадить, что намѣрены осуждать его дѣйствія и проч.». «Великій князь вездѣ видитъ отпрыски революціи», писалъ онъ въ другой разъ; «онъ недавно велѣлъ посадить подъ арестъ четырехъ офицеровъ за то, что у нихъ были нѣсколько короткія косы,—причина, совершенно достаточная для того, чтобы заподозрить въ нихъ революціонное направленіе». Ношеніе круглыхъ шляпъ и фраковъ, допущенныхъ даже при дворѣ Екатерины, было строго воспрещено въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Даже въ этомъ отношеніи онъ не сходился въ мнѣніяхъ съ матерью, хотя она также питала къ революціи враждебныя чувства: она вполнѣ разумно и сдержанно относилась и къ эмигрантамъ, и къ тѣмъ средствамъ, которыя могли-бы парализовать дѣйствіе революціонныхъ идей; она оставила воспитателемъ при любимцѣ своемъ Александрѣ Павловичѣ Лагарпа, сочувствіе котораго къ революціи не подлежало сомнѣнію и съ которымъ Павелъ именно за это не хотѣлъ говорить цѣлыхъ три года. Однажды, по словамъ современника, во время первой французской революціи Павелъ Петровичъ читалъ газеты въ кабинетѣ императрицы и выходилъ изъ себя. «Что они все тамъ толкуютъ?» сказалъ онъ: «я тотчасъ-бы все прекратилъ пушками». Государыня возразила на эту выходку: «Vous êtes une bête féroce, если ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями. Если ты такъ будешь царствовать, то не долго продлится твое царствованіе». Впрочемъ, озлобленіе Павла противъ французской революціи имѣло ту хорошую для него сторону, что излѣчило его отъ пристрастія къ Пруссіи: къ величайшему его негодованію, прусское правительство, одно изъ первыхъ, вступило въ сдѣлки съ «мятежной» и «развратной» Франціей, преслѣдуя свои частные интересы въ ущербъ «общему дѣлу Европы».

Нервное состояніе великаго князя поддерживалось постоянно несогласіями и въ средѣ собственной семьи, гдѣ прежде онъ встрѣчалъ только сочувствіе и поддержку. По свидѣтельству современниковъ, еще съ 1785 года Павелъ Петровичъ началъ оказывать знаки большого уваженія къ фрейлинѣ своей супруги, Е. И. Нелидовой. Дружба его съ нею была возвышенная и отчасти обоснована была на мистическихъ воззрѣніяхъ ихъ обоихъ. Методичность, размѣренность дѣйствій великой княгини, ея мелочность, умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ, ея мелкіе дипломатическіе пріемы, когда она желала повліять въ извѣстномъ смыслѣ на своего супруга,—все это не нравилось Павлу; наоборотъ, рѣзкость характера Нелидовой, искренность ея мыслей и чувствъ, безусловная къ нему преданность, чистота побужденій, — все это находило себѣ отголосокъ въ рыцарской душѣ цесаревича, желавшаго знать правду и умѣвшаго цѣнить ее. Уже въ 1788 г. онъ такъ привязался къ Екатеринѣ Ивановнѣ, что, отправляясь въ походъ противъ шведовъ, оставилъ ей многознаменательную записку: «Знайте, что умирая буду думать о васъ». Нелидова выдѣлялась среди другихъ женщинъ великокняжескаго двора своимъ умомъ, граціей и сценическими талантами, но была некрасива лицомъ, и отношенія къ ней Павла Петровича долгое время не возбуждали никакихъ видимыхъ опасеній Маріи Ѳеодоровны. Но, начиная съ 1790 г., дружба Павла Петровича съ Нелидовой, подъ вліяніемъ грустнаго его настроенія, сдѣлалась особенно тѣсною, такъ что Марія Ѳеодоровна чувствовала себя какъ бы лишней при ихъ бесѣдахъ, въ ихъ присутствіи; несдержанность Павла Петровича давала этой дружбѣ видъ невниманія къ его супругѣ. Великая княгиня, крайне чуткая ко всему, что могло оскорблять ея самолюбіе, и побуждаемая другомъ своимъ, г-жей Бенкендорфъ, въ свою очередь, стала выражать свое презрѣніе къ Нелидовой и дала почувствовать свое неудовольствіе и Павлу Петровичу. Тогда цесаревичъ рѣшительно принялъ сторону фрейлины, обиженной ради него, и затѣмъ потянулся нескончаемый рядъ семейныхъ сценъ и непріятностей. Дворъ великокняжской четы раздѣлился на партіи: болѣе благоразумные, какъ, напримѣръ, князь Куракинъ, Растопчинъ и Николаи, умѣли сохранить дружбу обѣихъ сторонъ, но друзья Маріи Ѳеодоровны: Панинъ,

Лафермьеръ, Плещеевъ, чета Бенкендорфовъ, одни за другимъ, были удалены отъ двора Павломъ Петровичемъ, вокругъ котораго сгруппировались всѣ лица, желавшія въ торжествѣ Нелидовой видѣть упадокъ вліянія Маріи Ѳедоровны и нѣмецкой партіи: кн. Николай Голицынъ, Вадковскій, А. Л. Нарышкинъ и др.; тогда-же стала выростать въ своемъ значеніи и фигура великокняжескаго брадобрея, плѣннаго турченка, Ивана Кутайсова, хорошо изучившаго всѣ слабыя стороны своего господина и умѣвшаго направлять его мысли сообразно личнымъ своимъ выгодамъ. Сумрачный цесаревичъ даже въ средѣ семьи сдѣлался суровъ и подозрителенъ до такой степени, что никто не могъ поручиться за себя на завтрашній день: запальчивость и рѣзкость Павла Петровича не знала предѣловъ, когда ему казалось, что ему не повинуются или осуждаютъ его дѣйствія. Дѣло дошло до того, что стали, по его приказанію, задерживать переписку Маріи Ѳеодоровны. Марія Ѳеодоровна, глубоко оскорбленная въ супружескихъ своихъ чувствахъ, еще болѣе содѣйствовала семейному разладу, обратившись, по удаленіи г-жи Бенкендорфъ, съ жалобой къ императрицѣ. Когда по этому поводу Екатерина призвала къ себѣ Павла Петровича и выразила ему свое неудовольствіе, онъ, внѣ себя отъ гнѣва, отвѣчалъ ей безъ должнаго уваженія, какъ человѣкъ, который сознаетъ свои права и тяготится чужой опекой. Удалившись затѣмъ въ свои аппартаменты, великій князь далъ почувствовать свой гнѣвъ всѣмъ, кто только приближался къ нему: онъ жаловался, что онъ окруженъ шпіонами и предателями и нѣсколько разъ повторялъ, что ему готовятъ въ будущемъ низверженіе. То же самое повторилъ онъ и Маріи Ѳеодоровнѣ. Тщетно старые друзья великокняжеской четы хотѣли возстановить нарушенное семейное согласіе, тщетно Плещеевъ въ краснорѣчивомъ письмѣ заклиналъ Павла Петровича измѣнить свое поведеніе. «Человѣку, такъ привязанному къ вашей особѣ, какъ я, государь», писалъ онъ еще въ началѣ исторіи съ Нелидовой, «невозможно безъ крайней горести видѣть, что такая чистота и такія достоинства, какъ ваши, помрачаются нѣкоторыми чисто-внѣшними признаками и такъ мало признаны. Можно-ли быть чище васъ въ глубинѣ души и прямодушнѣе въ своихъ намѣреніяхъ? Отчегоже васъ не знаютъ и такъ сильно относительно васъ ошибаются?... Я не перестану считать васъ виновнымъ по отношенію къ вамъ самимъ въ томъ именно, что вы не согласуете своего внѣшнаго поведенія съ божественными чувствами, которыя наполняютъ все ваше существо,—въ томъ, что вы не доставляете всѣмъ добродѣтельнымъ людямъ и всѣмъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ радости видѣть, какъ вы разрушаете и уничтожаете всѣ ложныя мысли, которыя злобные умы, въ ненависти своей, стараются распространить на вашъ счетъ,—въ томъ, что вы не перестаете давать имъ пищу,—въ томъ, наконецъ, что вы не разрушаете всѣхъ ихъ хитросплетеній, сдѣлавъ явными (безъ тщеславія, но всегда съ присущей вамъ скромностію) тѣ рѣдкія добродѣтели, которыя отличаютъ васъ и ставятъ выше обыкновенныхъ людей... Безъ крайней скорби нельзя видѣть, какъ самый прямодушный, самый строгій къ своимъ обязанностямъ человѣкъ въ мірѣ, питающій наилучшія намѣренія, даетъ всѣмъ своимъ достоинствамъ видъ, который служитъ къ его обвиненію и ставитъ его наряду съ самыми обыкновенными людьми».

Нелидова не выдержала наконецъ пытки своего положенія и рѣшила удалиться отъ двора въ мѣсто своего воспитанія, въ Смольный институтъ. Первыя ея попытки не удались, благодаря сопротивленію Павла Петровича, но во второй разъ она обратилась съ своей просьбой непосредственно къ императрицѣ и въ сентябрѣ 1793 г. успѣла достигнуть своей цѣли. Но Павелъ Петровичъ уговорилъ ее посѣщать возможно чаще его дворъ въ Петербургѣ и быть постоянной гостьей въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Съ другой стороны, и Марія Ѳеодоровна, подарившая своему супругу 11 іюля 1792 г. новую дочь Ольгу, увидѣла необходимость покончить съ семейнымъ разладомъ, примирившись съ Нелидовой для совмѣстнаго воздѣйствія на Павла Петровича, на раздражительность котораго разладъ этотъ имѣлъ самое пагубное вліяніе. «Невозможно безъ содраганія и опасности видѣть, что дѣлаетъ великій князь отецъ», писалъ Ростопчинъ лѣтомъ 1793 г.: «онъ какъ будто изыскиваетъ всѣ средства внушить себѣ нелюбовь. Онъ задался мыслію, что ему ока-

зываютъ неуваженіе и хотятъ пренебрегать имъ. Имѣя при себѣ 4 морскіе батальона въ составѣ 1600 человѣкъ и 3 эскадрона разной конницы, онъ съ этимъ войскомъ думаетъ изобразить собою покойнаго прусскаго короля. По середамъ у него бываютъ маневры, и каждый день онъ присутствуетъ на разводѣ, а также при экзекуціяхъ, когда онѣ случаются. Малѣйшее опозданіе, малѣйшее противорѣчіе, выводятъ его изъ себя. Замѣчательно, что онъ никогда не сознаетъ своихъ ошибокъ и продолжаетъ сердиться на тѣхъ, кого обидѣлъ». Въ особенности проявлялся гнѣвъ Павла Петровича на лицъ, принадлежавшихъ къ большому двору и приближенныхъ къ особѣ императрицы.

Мысль великаго князя, что ему не оказываютъ должнаго уваженія и не хотятъ его оказывать,—была, однако, вполнѣ основательна. Послѣ финляндскаго похода Павла, Екатерина не скрывала своего невниманія къ нему, сосредоточивъ всю свою любовь и надежды на будущее, на сыновьяхъ его, въ особенности на великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, котораго она сама воспитывала и считала своимъ созданіемъ. Царедворцы Екатерины видѣли ея отношенія къ Павлу и поступали сами сообразно съ этимъ; тысяча мелочей придворной жизни представляли для этого удобные случаи. Раздраженіе великаго князя вызывало новыя оскорбленія его враговъ, явно смѣявшихся надъ его безсильнымъ гнѣвомъ. За большими людьми слѣдовали, по своей низости, и малые: такъ, камергеры, назначенные дежурить при маломъ дворѣ, манкировали своей службой при опальномъ наслѣдникѣ и когда Растопчинъ, принужденный дежурить за своихъ товарищей, написалъ имъ по этому поводу оскорбительное письмо, то былъ уволенъ на время отъ службы по приказанію императрицы. Не избалованный вниманіемъ, Павелъ Петровичъ былъ такъ тронутъ поступкомъ Растопчина, что съ тѣхъ поръ считалъ его самымъ преданнымъ себѣ человѣкомъ, хотя поступокъ Растопчина вызванъ былъ лишь тяжелою необходимостью нести тройную службу за лѣнивыхъ товарищей. Вообще мы не знаемъ случая, когда-бы Екатерина чѣмъ-либо выразила въ послѣднее время своего царствованія какое-либо расположеніе къ своему сыну; напротивъ, она оставляла безъ всякаго вниманія его нужды и наносимыя ему обиды и сама, гдѣ можно было, относилась къ нему рѣзко и пренебрежительно.

Преслѣдованіе Новикова и московскихъ мартинистовъ въ 1791 г. въ значительной степени объясняется боязнью Екатерины, что они, составляя политическую партію, имѣвшую связи съ заграничными иллюминатами, въ то-же время являются приверженцами Павла и могутъ дѣйствовать въ пользу его, какъ масона. Она успокоилась лишь тогда, когда самое тщательное изслѣдованіе дѣла показало, что Павелъ не принималъ никакого участія въ дѣлахъ московскихъ масоновъ, и когда самъ Павелъ съ презрѣніемъ отвергъ, въ письмѣ къ матери, всякія подозрѣнія, назвавъ ихъ «сплетнями передней». Расточая громадныя суммы окружавшимъ ее вельможамъ, Екатерина не баловала деньгами великокняжескую чету; быть можетъ, она считала это излишнимъ потому, что онѣ пошли-бы на воинскія упражненія Павла и на пособія германскимъ роднымъ Маріи Ѳеодоровны, а думать это она имѣла основанія. Но зато неразумное увлеченіе Павла военными занятіями давало Екатеринѣ постоянный поводъ къ насмѣшкамъ. «По городу носился слухъ», писала она, напримѣръ, Салтыкову, «что великій князь къ морскому батальону не токмо прибавляетъ нѣсколько сотъ, но что онъ еще формируетъ на Острову (Каменномъ) полкъ гусаръ и нѣсколько полковъ казаковъ. Всѣ сіи слухи въ народѣ подаютъ причину къ различнымъ толкамъ, и буде ребячества пресѣчь можно, то бы что скорѣе, то лучше, а сказать бы, что въ Гатчинѣ въ куклы играть можно безъ излишнихъ толковъ, но въ близости города все подвержено различнымъ толкованіямъ, а полезныхъ нѣтъ ни одной (sic). Тутъ первое, что батушкина армія представляется». Съ своей стороны цесаревичъ извѣщалъ Екатерину, что онъ «привыкъ къ шиканамъ». При такихъ отношеніяхъ естественно было матери и сыну видѣться какъ можно рѣже, и дѣйствительно Павелъ жилъ въ Петербургѣ сравнительно весьма мало, пріѣзжая туда обыкновенно къ 24 ноября, дню тезоименитства Екатерины, и уѣзжая уже въ началѣ февраля; да и во время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ онъ часто уклонялся отъ оффиціальныхъ праздниковъ и встрѣчъ съ императрицей. «Великій князь прислалъ сказать», писала однажды Екатерина Салтыкову, «что у него лихорадка и что

онъ въ постели лежитъ. Я-бы желала знать, что о семъ доктора говорятъ. Буде знаете, прошу мнѣ сказать».

Главнымъ пунктомъ раздора между Екатериной и великокняжеской четой были однако дѣти и, главнымъ образомъ, великій князь Александръ Павловичъ. Изъ писемъ императрицы къ Гримму ясно, что объявленіе Александра наслѣдникомъ престола предположено было сдѣлать вслѣдъ за его женитьбою. Этимъ отчасти объясняется ранній бракъ Александра на принцессѣ баденской Луизѣ, въ православіи Елисаветѣ Алексѣевнѣ, устроенный Екатериной помимо согласія родителей и совершенный 28 сентября 1793 г. Но для исполненія этого плана нужно было, прежде всего, заручиться согласіемъ самого Александра Павловича, не возбуждая его сыновнихъ чувствъ. Два лица имѣли на него вліяніе: воспитатель его, гр. Салтыковъ, и наставникъ Лагарпъ; къ ихъ содѣйствію и обратилась императрица. Салтыковъ, какъ всегда, дѣйствовалъ уклончиво, выпутываясь изъ дворскихъ затрудненій, а Лагарпъ даже не допустилъ императрицу высказать ея планъ, успѣвъ дать ей понять въ теченіе двухчасового разговора, что онъ вовсе не сочувствуетъ этой насильственной мѣрѣ; мало того, онъ сталъ прилагать всѣ усилія къ тому, чтобы поселить добрыя отношенія между отцомъ и сыномъ. Повліявъ въ этомъ отношеніи на своего воспитанника, Лагарпъ всячески заботился о томъ, чтобы добиться аудіенціи у Павла и предостеречь его. Безъ сомнѣнія, Екатерина замѣтила противодѣйствіе Лагарпа ея намѣреніямъ, уволивъ его неожиданно въ концѣ 1794 г. отъ занятій со своимъ внукомъ. Но Лагарпъ добился своего: предъ отъѣздомъ на родину, въ маѣ 1795 г., онъ успѣлъ представиться Павлу Петровичу въ Гатчинѣ и, не открывая тайны, уговорилъ его измѣнить свое обращеніе съ дѣтьми, разсѣялъ всѣ сомнѣнія, которыя поселили въ немъ относительно привязанности къ нему дѣтей, совѣтовалъ всегда обращаться къ нимъ прямо, а отнюдь не чрезъ третье лицо (должно быть Салтыкова) и т. д. Павелъ Петровичъ обнялъ Лагарпа, съ сердечнымъ изліяніемъ благодарилъ за добрые совѣты, которымъ обѣщалъ слѣдовать, и пригласилъ его остаться на весь день въ Гатчинѣ. Страннымъ, вѣроятно, показалось Павлу видѣть своимъ союзникомъ республиканца, оказавшагося его единственнымъ защитникомъ въ такомъ важномъ для его будущности дѣлѣ. Послѣдствіемъ стараній Лагарпа было то, что съ весны 1795 г., вмѣсто одного раза въ недѣлю, великій князь Александръ, съ братомъ своимъ Константиномъ, стали ѣздить къ родителямъ въ Гатчину и Павловскъ четыре раза и занимались тамъ маневрами, ученьями и парадами; въ слѣдующемъ-же 1796 г. фронтовыя занятія великаго князя Александра Павловича, такъ расширились, что онъ ѣздилъ туда ежедневно, не исключая и праздниковъ, выѣзжая туда въ 6 часовъ утра и возвращаясь въ Царское Село не ранѣе перваго часа дня, а часто ѣздилъ къ родителямъ и послѣ обѣда. Мало-по-малу братья вошли во вкусъ мелочей военной службы, отъ которыхъ ранѣе оберегала ихъ бабушка, и стали теплѣе относиться къ отцу, особенно Константинъ, со страстью предавшійся изученію фронтоваго дѣла. Павелъ Петровичъ, съ своей стороны, дружески обращался съ дѣтьми, внушая имъ свои воззрѣнія, но легко было замѣтить, что искренній, порывистый Павелъ не вполнѣ довѣрялъ уклончивому характеру Александра и видѣлъ въ немъ любимца Екатерины и воспитанника Лагарпа. Недовѣріе это отчасти было не безосновательно...

Какъ бы то ни было, но 1795 г. и первая половина 1796 г. протекла для Павла въ счастливыхъ сравнительно семейныхъ условіяхъ. Великокняжеская чета опечалена была только кончиною великой княжны Ольги Павловны, 15 января 1795 г., но 7 января она была обрадована рожденіемъ великой княжны Анны Павловны; 15 февраля 1796 г., не имѣя еще 17 лѣтъ, великій князь Константинъ Павловичъ вступилъ въ супружество съ 15 лѣтней принцессой саксенъ-кобургской Юліаной Генріеттой, нареченной Анной Ѳеодоровной; наконецъ 25 іюня 1796 года родился сынъ Николай. Императрица Екатерина принимала живое участіе во всѣхъ этихъ семейныхъ радостяхъ великокняжеской четы, но, естественно, не могла сочувствовать сближенію Александра Павловича съ родителями, такъ какъ сближеніе это уничтожало всѣ ея планы. Поэтому она увидѣла необходимость прибѣгнуть къ содѣйствію великой княгини Маріи Ѳеодоровны, и поэтому тот-

часъ послѣ крещенія Николая Павловича въ Царскомъ Селѣ, когда великій князь-отецъ уѣхалъ въ Павловскъ, она передала великой княгинѣ бумагу, въ которой предлагала ей потребовать отъ Павла Петровича отреченія отъ своихъ правъ на престолъ въ пользу великаго князя Александра Павловича; вмѣстѣ съ тѣмъ, она настаивала на томъ, чтобы Марія Ѳеодоровна скрѣпила своею подписью эту бумагу, какъ удостовѣреніе ея собственнаго согласія на ожидаемый актъ отреченія. Марія Ѳеодоровна наотрѣзъ отказалась исполнить желаніе Екатерины и, скрывъ ея предложенія отъ своего супруга, поспѣшила условиться съ Александромъ Павловичемъ о дальнѣйшемъ планѣ дѣйствій противъ настойчивыхъ домогательствъ императрицы.

Такимъ образомъ планъ Екатерины казался да и былъ въ дѣйствительности неосуществимымъ: содѣйствовать ему уклонились послѣдовательно и Салтыковъ, и Лагарпъ, и Марія Ѳеодоровна; даже то лицо, въ пользу котораго онъ былъ составленъ, ничѣмъ не выражало желанія идти наперекоръ чувствамъ и правамъ отца. Императрица, однако, была убѣждена въ неспособности Павла къ управленію имперіей и рѣшила не отступать отъ своего намѣренія. Но въ это самое время императрица занята была другимъ важнымъ семейнымъ дѣломъ—сватовствомъ шведскаго короля Густава IV на великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ. Вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей шведской королевы и упрямство Густава внезапно разстроили дѣло казавшееся покончennымъ: въ тотъ моментъ, когда императрица ожидала Густава на придворномъ балу, на которомъ должна была быть объявлена его помолвка съ великой княжной, — Густавъ отказался подписать брачный договоръ. Оскорбленная въ своемъ достоинствѣ Екатерина почувствовала легкій ударъ паралича. На слѣдующій день она оправилась и затѣмъ съ достоинствомъ простилась съ Густавомъ, но Павелъ Петровичъ, встрѣтивъ его во дворцѣ, повернулся къ нему спиною и уѣхалъ въ Гатчину, не простившись съ нимъ. Въ его отсутствіе императрица рѣшила покончить наконецъ съ мучившимъ ее дѣломъ о престолонаслѣдіи: она рѣшилась уже 16 сентября объясниться съ самимъ Александромъ Павловичемъ и выяснить ему необходимость устраненія его отца отъ престола. Александръ выразилъ бабушкѣ свое согласіе, но уже 23 сентября написалъ Аракчееву письмо, гдѣ именовалъ отца «императорскимъ величествомъ».

Чѣмъ-бы ни кончилось это печальное дѣло о престолонаслѣдіи, можно сказать утвердительно только одно, что настойчивость императрицы могла-бы въ концѣ концовъ поставить Павла Петровича въ тяжелое положеніе: ходили слухи, что 1 января 1797 г. будетъ обнародованъ весьма важный манифестъ и что самъ Павелъ Петровичъ будетъ арестованъ и отправленъ въ заключеніе въ замокъ Лоде...

Трудно сказать, какія чувства при такихъ слухахъ волновали Павла Петровича въ это время и спокойно-ли жилось ему въ Гатчинѣ. Осенью 1796 года, 5 ноября, онъ обѣдалъ съ Маріей Ѳеодоровной и приближенными ему лицами на гатчинской мельницѣ, когда внезапно явился туда изъ Гатчины арендаторъ ея, Штакеншнейдеръ, и, найдя у себя великаго князя, сообщилъ ему, что въ Гатчину явился курьеръ съ извѣстіемъ о тяжкой болѣзни императрицы Екатерины.

Прибывъ въ Гатчину, Павелъ Петровичъ нашелъ тамъ графа Николая Зубова, присланнаго братомъ его, кн. Платономъ, къ наслѣднику съ извѣстіемъ объ апоплексическомъ ударѣ, постигшемъ императрицу. «Зубовъ, увидя наслѣдника» говоритъ современникъ, не шелъ, а бѣжалъ къ нему съ открытой головою, палъ предъ нимъ на колѣна и донесъ о безнадежномъ состояніи императрицы. Великій князь перемѣняетъ тогда цвѣтъ лица и дѣлается багровымъ; одной рукой поднимаетъ Зубова, а другой ударяетъ себя въ лобъ, восклицаетъ: «какое несчастіе!» и проливаетъ слезы, требуетъ карету, сердится, что не скоро подаютъ, ходитъ быстрыми шагами вдоль и поперекъ бесѣдки, треть судорожно руки свои, обнимаетъ великую княгиню, Зубова, Кутайсова, и спрашиваетъ самого себя: «Застану ли ее въ живыхъ?» Словомъ, былъ внѣ себя... Опасались, чтобы быстрый переходъ отъ страха къ неожиданности не подѣйствовалъ сильно на его нервы. Кутайсовъ жалѣлъ впослѣдствіи, что не пустилъ великому князю немедленно кровь». Тѣмъ не менѣе, Павелъ, очевидно, не вполнѣ довѣрился и Зубову и поѣхалъ въ Петербургъ лишь тогда, когда явился къ нему нарочный отъ гр. Салтыкова, съу-

мѣвшаго и на этотъ разъ побѣдоносно выйти изъ дворскихъ затрудненій. Въ пятомъ часу пополудни Павелъ Петровичъ, сопровождаемый супругой своей и нѣкоторыми изъ своихъ гатчинцевъ, уже выѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ. Въ Софіи встрѣтилъ онъ Растопчина, явившагося посланцомъ отъ великаго князя Александра Павловича, и приказалъ ему слѣдовать за собою; кромѣ Растопчина, цесаревича встрѣтили на пути его отъ Гатчины до Петербурга до 25 курьеровъ, всѣ съ однимъ и тѣмъ же извѣстіемъ. «Проѣхавъ Чесменскій дворецъ», разсказываетъ Растопчинъ, «наслѣдникъ вышелъ изъ кареты. Я привлекъ его вниманіе на красоту ночи. Она была самая тихая и свѣтлая; холода было не болѣе 3°; луна то показывалась изъ-за облаковъ, то опять за оныя скрывалась. Стихіи, какъ-бы въ ожиданіи важной перемѣны, пребывали въ молчаніи, и царствовала глубокая тишина. Говоря о погодѣ, я увидѣлъ, что наслѣдникъ устремилъ свой взоръ на луну, и, при полномъ ея сіяніи, могъ я замѣтить, что глаза его наполнились слезами и даже текли слезы по лицу. Съ моей стороны, преисполненъ бывъ важности сего дня, преданъ будучи сердцемъ и душою тому, кто восходилъ на тронъ россійскій, любя отечество и представляя себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое онаго вліяніе на чувство преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго монарха, отвыкшаго владѣть собою, я не могъ воздержаться отъ повелительнаго движенія и, забывъ разстояніе между нимъ и мною, схватя его за руку, сказалъ: «Ah, Monseigneur, quel moment pour Vous!» На это онъ отвѣчалъ, пожавъ крѣпко мою руку: «Attendez, mon cher, attendez! J'ai vécu quarante deux ans. Dieu m'a soutenu; peut-être donnera-t-il la force et la raison pour supporter l'état auquel Il me destine. Espérons tout de Sa bonté!»

Въ Петербургъ великокняжеская чета прибыла въ 8½ часовъ вечера. Въ Зимнемъ дворцѣ собравшіеся придворные и высшія правительственныя лица встрѣтили Павла уже какъ государя, а не наслѣдника. Примѣръ для всѣхъ подали великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи, явившіеся къ отцу въ гатчинскихъ своихъ мундирахъ, въ которыхъ прежде они не смѣли показываться при дворѣ Екатерины.

Есть основанія думать, что тотчасъ послѣ апоплексическаго удара, постигшаго императрицу, была сдѣлана попытка помѣшать вступленію Павла на престолъ и осуществить волю Екатерины о назначеніи ей преемникомъ любимаго внука ея, великаго князя Александра Павловича. О безнадежномъ положеніи государыни во дворцѣ знали уже достовѣрно въ 10 часовъ утра 5-го ноября, а къ великому князю Павлу Петровичу посланъ былъ съ извѣстіемъ о томъ графъ Николай Зубовъ лишь въ 12 часовъ дня. Невольно возникаетъ вопросъ, чѣмъ занимались въ этотъ промежутокъ времени приближенныя къ угасающей императрицѣ высшія придворныя и правительственныя лица. Будущность имперіи должна была, прежде всего, остановить на себѣ ихъ вниманіе. Всѣмъ имъ извѣстна была воля Екатерины о престолонаслѣдіи, а нѣкоторые изъ нихъ, напр., Зубовы, не могли не знать и о существовавшемъ письменномъ согласіи великаго князя Александра исполнить желаніе бабушки. При такихъ условіяхъ вопросъ о престолонаслѣдіи между собравшимися въ Зимній дворецъ высшими государственными сановниками долженъ былъ подняться самъ собою: всѣ чувствовали себя скомпрометированными въ глазахъ законнаго наслѣдника престола и могли бояться поставить въ ложное положеніе и великаго князя Александра Павловича. Изъ разсказовъ нѣкоторыхъ современниковъ можно догадываться, что частное совѣщаніе вельможъ по этому дѣлу дѣйствительно происходило, что въ немъ участвовали братья Зубовы: Платонъ и Николай, гр. Безбородко, гр. Николай Салтыковъ, генералъ-прокуроръ Самойловъ, гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій, а также митрополитъ Гавріилъ, приглашенный для напутствія государыни Св. Тайнами, и что великій князь Александръ Павловичъ, призванный Салтыковымъ, не только отказался принять на себя бремя правленія, но, руководимый тѣмъ-же Салтыковымъ, воздержался послѣдовать первому движенію своей души — спѣшить къ умиравшей бабушкѣ, а, прежде всего, отправилъ отъ себя къ отцу съ извѣстіемъ о ея болѣзни Ѳ. В. Растопчина и, въ сопровожденіи супруги своей, великой княгини Елизаветы Алексѣевны, послѣдовалъ къ императрицѣ лишь въ шестомъ

часу вечера. Во всякомъ случаѣ, даже заклятые недоброжелатели Павла Петровича, послѣ нѣкотораго размышленія, должны были прійти къ заключенію, что думать объ устраненіи его отъ престолонаслѣдія было возможно лишь при жизни Екатерины. «Но», говоритъ Болотовъ, «даже тогда всѣ трепетали и отъ помышленія одного о томъ, ибо всякій благомыслящій сынъ отечества легко могъ предусматривать, что случай таковой могъ-бы произвесть безчисленныя бѣдствія и подвергнуть всю Россію необозримымъ несчастіямъ, опасностямъ и смутнымъ временамъ и нанесть великій ударъ ея славѣ и блаженству, и потому чистосердечно радовался и благословлялъ судьбу, что сего не совершилось, а вступилъ на престолъ законный наслѣдникъ, и вступленіе сіе не обагрено было ни кровью, ни ознаменовано жестокостью, а произошло мирно, тихо и съ сохраненіемъ всего народнаго спокойствія. Всѣ радовались потому и не сомнѣвались уже въ томъ, что помянутая молва (о нежеланіи императрицы оставить престолъ своему сыну) была пустая».

По прибытіи въ Петербургъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, прежде всего, отправились къ умиравшей императрицѣ. Видя мать свою лежащей безъ движенія, великій князь отдался, по свидѣтельству современниковъ, глубокой горести: онъ плакалъ, цѣловалъ у нея руки и, вообще, проявлялъ всѣ чувства истинно любящаго сына. Ночь великій князь провелъ въ смежномъ со спальной Екатерины угольномъ кабинетѣ, куда призывалъ всѣхъ, преимущественно гатчинцевъ, съ кѣмъ хотѣлъ разговаривать или кому что-либо приказывалъ, такъ что всѣ эти лица поневолѣ должны были проходить мимо умиравшей государыни. Это была первая неумышленная ошибка Павла Петровича, давшая поводъ его врагамъ обвинять его въ неуваженіи къ матери. Вообще весь дворецъ наполнялся ночью постепенно прибывавшими, по приказанію Павла, гатчинцами, появленіе которыхъ во внутреннихъ комнатахъ дворца возбуждало всеобщее удивленіе придворныхъ, шепотомъ освѣдомлявшихся другъ у друга о «новыхъ остготахъ», дотолѣ невиданныхъ даже въ дворцовыхъ переднихъ.

Когда, около трехъ часовъ утра, великій князь Александръ Павловичъ возвратился наконецъ къ своей супругѣ, великой княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, не видавшей его съ вечера, то видъ гатчинскаго его мундира, котораго великая княгиня никогда не видала на немъ при екатерининскомъ дворѣ и надъ которымъ она постоянно смѣялась, вызвалъ у нея потоки слезъ: ей показалось, что изъ спокойнаго и пріятнаго мѣстопребыванія она внезапно перенесена въ крѣпость.

На слѣдующій день, 6-го ноября, Павелъ Петровичъ распоряжался уже какъ полновластный государь. «На разсвѣтѣ чрезъ 24 часа послѣ удара», разсказываетъ Растопчинъ, «пошелъ наслѣдникъ въ ту комнату, гдѣ лежало тѣло императрицы. Сдѣлавъ вопросъ докторамъ, имѣютъ-ли они надежду, и получивъ въ отвѣтъ, что никакой, онъ приказалъ позвать преосв. Гавріила съ духовенствомъ читать глухую исповѣдь и причастить императрицу Святыхъ Таинъ, что и было исполнено». «Вслѣдъ за тѣмъ», говоритъ придворная запись, «отдалъ приказаніе оберъ-гофмейстеру гр. Безбородко и генералъ прокурору гр. Самойлову взять императорскую печать, разобрать въ присутствіи ихъ высочествъ, великихъ князей Александра и Константина, всѣ бумаги, которыя находились въ кабинетѣ императрицы, и потомъ запечатавши сложить ихъ въ особое мѣсто. Къ этому приступилъ его высочество самъ, взявъ тетрадь, на которой находилось послѣднее писаніе ея величества, и положивъ ее, не складывая, въ скатерть, уже на этотъ случай приготовленную, куда потомъ положили выбранныя изъ шкафовъ, ящиковъ и т. п. тщательно опорожненныхъ, собственноручныя бумаги, которыя послѣ были перевязаны лентами, завязаны въ скатерть и запечатаны камердинеромъ Ив. Тюльпинымъ въ присутствіи вышеупомянутыхъ высокихъ свидѣтелей». Опечатаны были бумаги, въ присутствіи великаго князя Александра, и у князя Платона Зубова.

Агонія императрицы Екатерины продолжалась послѣ пріѣзда Павла Петровича въ Зимній дворецъ еще сутки. Вечеромъ 6-го ноября, въ три четверти десятаго часа, Великая Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность. Въ двѣнадцатомъ часу ночи, въ придворной церкви, совершена уже была высшимъ духовенствомъ, всѣми сановниками и придворными чинами присяга на вѣрность императору Павлу Петровичу и

его наслѣднику, великому князю Александру Павловичу.

Павелъ Петровичъ — императоръ (1796 — 1801).

Вступленіе на престолъ великаго князя Павла Петровича, послѣ внезапной кончины императрицы Екатерины, для огромнаго большинства русскаго общества того времени было ударомъ грома при ясномъ, безоблачномъ небѣ. Крѣпкое здоровье императрицы не внушало никакихъ опасеній за ближайшее будущее, а долговременное, 34-лѣтнее ея управленіе пріучило всѣхъ къ ровному, естественному теченію государственныхъ дѣлъ, къ извѣстной, строго опредѣленной правительственной системѣ, въ основѣ которой лежали величіе и польза Россіи въ дѣлахъ внѣшнихъ, кротость и попечительность въ дѣлахъ внутреннихъ. Личныя свойства сѣверной Семирамиды, страстная любовь ея къ Россіи, высокое разностороннее образованіе, неустанная дѣятельность не только на государственномъ, но и на литературномъ поприщахъ,—также производили на современниковъ чарующее впечатлѣніе; въ самыхъ слабостяхъ своей государыни они видѣли лишь неизбѣжныя солнечныя пятна, присущія великому всеозаряющему свѣтилу. При вѣсти о кончинѣ «Великой Екатерины» забыты были даже нестроенія послѣднихъ лѣтъ царствованія состарѣвшейся императрицы, приписанныя почти исключительно всемогущему вліянію ея послѣдняго фаворита, Платона Зубова. Въ особенности поражено было дворянство, которое было тогда единственнымъ культурнымъ классомъ русскаго общества и пользовалось поэтому предпочтительнымъ покровительствомъ скончавшейся императрицы, упрочившей его экономическія и сословныя привиллегіи. Нѣсколько поколѣній выросли и воспитались въ царствованіе Екатерины, сходясь въ одномъ чувствѣ къ ней и восторженно повторяя слова гимна того времени:

«Славься, славься симъ, Екатерина,
«Славься, нѣжная къ намъ мать!»

И какъ неожиданно, какъ внезапно все измѣнилось!

Даже враги Екатерины, «врали» и «персональные ея оскорбители», лично ей извѣстные и, несмотря на то, тихо и спокойно проживавшіе въ столицахъ, не замедлили почувствовать значеніе совершившейся перемѣны: всѣми овладѣло смутное опасеніе за будущее, полная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Новаго императора знали весьма мало и, притомъ, главнымъ образомъ, лишь съ невыгодной стороны: молва о его странностяхъ, о его раздражительномъ и своенравномъ характерѣ,—ходила по всей Россіи. Въ придворныхъ кружкахъ объ устраненіи Павла Петровича отъ престола говорили какъ о дѣлѣ весьма возможномъ, а лица, посвященныя императрицей въ ея планы, какъ, напр., братья Зубовы, смотрѣли уже на опальнаго великаго князя, какъ на мертваго человѣка, и часто позволяли себѣ даже и обращаться съ нимъ соотвѣтственно. Образъ мыслей Павла Петровича, его вкусы и наклонности, большинству были вовсе незнакомы: извѣстна была, главнымъ образомъ, только любовь его къ мелочамъ военнаго дѣла и несочувствіе къ системѣ управленія, принятой его царственной матерью. Поэтому, со вступленіемъ Павла Петровича на престолъ, ожидали суровыхъ наказаній за прошлые поступки, всеобщей перемѣны въ составѣ двора и высшей администраціи и какой-то безпощадной ломки въ организаціи государственнаго управленія, хотя о сущности новыхъ вѣяній въ этомъ отношеніи никто ничего не зналъ навѣрное. Притомъ русское общество XVIII-го вѣка слишкомъ привыкло къ женскому управленію, чтобы сразу освоиться съ мыслію о *государѣ*, а короткое царствованіе Петра III, память котораго сыновне чтилъ новый императоръ, оставило по себѣ много горькихъ воспоминаній...

Но Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ съ искреннимъ желаніемъ добра народу во всемъ его цѣломъ, съ готовыми проектами реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны были «исцѣлить» Россію, дать новое направленіе ея политической и государственной жизни. Практическое примѣненіе этихъ реформъ, однако, не могло осуществиться безъ тяжелой борьбы съ прочно установившимися порядками и съ массой лицъ, прямо или косвенно заинтересованныхъ въ сохраненіи ихъ. Разумѣется, что характеръ этой борьбы и возможный исходъ ея зависѣлъ во многомъ отъ личныхъ свойствъ новаго государя, отъ его сдержанности и благоразумія: въ 1778 г., въ перепискѣ своей съ Панинымъ, самъ Павелъ

Петровичъ объяснялъ гибель своего отца «стремительностію, можетъ быть, бывшею у него въ характерѣ», и «отъ нея, прибавлялъ Павелъ, дѣлалъ онъ вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ персоны его, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ его порочный видъ старались дать. Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ!» Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій въ гатчинскій періодъ своей жизни, самъ Павелъ обнаружилъ въ себѣ свойства, не обѣщавшія въ будущемъ ничего хорошаго: помимо крайней нервности и впечатлительности, въ государѣ усилилась чрезвычайно желчная раздражительность, развивавшаяся до бѣшенства и происходившая, вѣроятно, отъ болѣзни печени, которою страдалъ онъ. Кромѣ того, событія послѣднихъ лѣтъ гатчинской жизни сильно отразились на его міросозерцаніи. Идеалъ добраго, всѣми любимаго государя, олицетворявшійся для Павла въ лицѣ Генриха IV, видоизмѣнился подъ вліяніемъ событій французской революціи: французскіе эмигранты убѣдили его, что причиной несчастій Людовика XVI явилось пренебреженіе его къ этикету и что управлять подданными необходимо желѣзнымъ прутомъ, требуя лишь безусловнаго повиновенія. Внушенія эти нашли въ себѣ благодарную почву, потому что распущенность въ управленіи и въ нравахъ Павелъ склоненъ былъ смѣшивать съ «либеральными идеями», а въ излюбленныхъ имъ военныхъ упражненіяхъ увидѣлъ средство постояннымъ «дѣйствіемъ» помѣшать развитію въ войскахъ либерализма, такъ какъ, по его мнѣнію, «праздное положеніе отворяетъ двери къ размышленіямъ часто непріятнымъ». Суровое, даже жестокое соблюденіе дисциплины и порядка казалось Павлу необходимымъ и для того, чтобы обезопасить себя отъ заговоровъ, которыхъ онъ сталъ чрезвычайно бояться послѣ того, какъ желаніе Екатерины устранить его отъ престола указало ему опасность, угрожавшую ему даже въ средѣ собственной его семьи. Боязнь эта, поддерживаемая мелочною подозрительностію, постоянно должна была находить себѣ пищу въ убѣжденіи, что задуманное имъ преобразованіе Россіи встрѣтитъ крайнее неудовольствіе въ правящемъ слоѣ общества—въ дворянскомъ сословіи и во всѣхъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ сановникахъ. «Меня никогда не допустятъ взойти на престолъ», сказалъ онъ незадолго до кончины Екатерины графинѣ Розенбергъ: «на это я не стану разсчитывать; но, если судьба доведетъ меня до этого, не удивляйтесь тому, что, какъ вы увидите, я сдѣлаю. Вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей, а я знаю, какъ нужно ими управлять».

Этими побужденіями объясняется крайняя поспѣшность императора Павла перенести гатчинскую свою обстановку въ Зимній дворецъ и въ екатерининскую гвардію. Величавость и блескъ двора Екатерины исчезли какъ бы по мановенію волшебнаго жезла: «повсюду загремѣли шпоры, ботфорты, тесаки», говоритъ Державинъ, «и, будто по завоеваніи города, ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ». «Дворецъ какъ будто обратился въ казармы», говоритъ другой современникъ, князь Голицынъ: «внутренніе бекеты, безпрестанно входящіе и выходящіе офицеры съ повелѣніями, съ приказами, особливо поутру, стукъ ихъ сапоговъ, шпоръ и тростей,— все сіе представляло совсѣмъ новую картину, къ которой мы не привыкли». Комендантомъ дворца назначенъ былъ Аракчеевъ, произведенный въ генералъ-маіоры и занявшій во дворцѣ покои Зубова, а генералъ-адъютантомъ по военной части при императорѣ — Растопчинъ. Вахтъ-парады возведены были на степень государственнаго учрежденія, и приказы государя, отдаваемые при паролѣ, повелѣно было считать за именные указы. Въ день своего восшествія на престолъ, 7 ноября, Павелъ Петровичъ уже былъ на первомъ вахтъ-парадѣ отъ измайловскаго полка, офицеры котораго были уже въ новомъ, гатчинскомъ одѣяніи, а 10 ноября прибыли въ Петербургъ гатчинскія войска. По приказанію императора вся гвардія ожидала ихъ въ строю на Дворцовой площади, какъ будущихъ своихъ просвѣтителей. Государь благодарилъ ихъ за вѣрную службу и затѣмъ распредѣлилъ баталіоны по гвардейскимъ частямъ, при чемъ офицеры вошли въ нихъ чинъ въ чинъ. Этимъ распоряженіемъ Павелъ достигалъ сразу двухъ цѣлей: съ одной стороны, облегчалась скорость устройства гвардіи по новому образцу, а съ другой—въ гвардіи, не имѣв-

шей причинъ быть довольной новыми порядками, водворялся элементъ, вполнѣ преданный новому государю и чуждый екатерининскимъ гвардейцамъ, смотрѣвшимъ на новыхъ своихъ товарищей свысока, какъ на людей грубыхъ, необразованныхъ и худородныхъ. Вслѣдъ затѣмъ начались перемѣны въ обмундированіи, съ куклами и косами, по гатчинскому образцу, въ обученіи и въ хозяйственномъ устройствѣ гвардіи, а также въ арміи и во флотѣ. Уже 29 ноября, чрезъ три недѣли по воцареніи Павла, изданы были имъ воинскіе уставы о конной и пѣхотной службѣ, а 25 февраля морской уставъ. Строевая часть и служба въ войскахъ этими уставами опредѣлены были въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ; но, кромѣ того, особыми положеніями и частными повелѣніями государя, и въ другихъ отрасляхъ военнаго дѣла, совершены были крупныя преобразованія. Содержаніе солдатъ было улучшено, а въ хозяйственную часть введена строгая отчетность; устраненъ былъ произволъ частныхъ начальниковъ; для замѣщенія вакансій и для передвиженій въ личномъ составѣ офицеровъ установлены были строгія правила, военно-судная часть также преобразована на новыхъ основаніяхъ; наконецъ, для удобства въ администраціи, вся армія раздѣлена была на 11 дивизій, или округовъ, и 7 инспекцій. Короче, не было ни одной стороны въ военномъ дѣлѣ и военной администраціи, на которую не обратилъ бы вниманія новый императоръ, зорко слѣдившій за каждою мелочью въ примѣненіи новыхъ установленій и лично входившій во всѣ подробности военнаго управленія. Отъ фельдмаршала до солдата — всѣ должны были переучиваться, зажить внезапно нахлынувшей новой жизнію. Возбужденіе, охватившее войско, было тѣмъ сильнѣе, что, на первыхъ же порахъ, всѣ увидѣли послѣдствія небреженія къ тому, что Павелъ называлъ «службой». Послѣдствія эти особенно чувствительны были въ гвардіи, находившейся постоянно предъ глазами государя. «При императрицѣ»,— разсказываетъ Комаровскій, «мы думали только о томъ, чтобы ѣздить въ театры, въ общества, ходили во фракахъ, а теперь съ утра до вечера сидѣли на полковомъ дворѣ и учили насъ всѣхъ, какъ рекрутъ»; гвардейскіе солдаты, занимавшіеся прежде, въ свободное отъ службы время, торговлею, были такъ обременены постоянными ученьями и мелочами въ обмундированіи, что едва имѣли время для сна. И нельзя было не учиться: ежедневно, не смотря ни на какую погоду, императоръ присутствовалъ на вахтъ-парадѣ, и малѣйшія отступленія отъ устава не ускользали отъ его взгляда: тутъ же на мѣстѣ подвергалъ онъ взысканію виновныхъ и, какъ бы въ противовѣсъ этому, поощрялъ усердныхъ. Гвардейцы, однако, сами желали угодить новому своему государю, и чрезъ нѣсколько дней екатерининская гвардія, по крайней мѣрѣ по внѣшности, превратилась въ «гатчинскую».

Петербургъ также принялъ весьма быстро, насколько было возможно, гатчинскую физіономію. Шлагбаумы, мосты, будки, верстовые столбы окрашены были полосами черной и бѣлой краски, опредѣлены были формы одежды, угодной государю, число лошадей въ запряжкѣ, соотвѣтственно чинамъ обывателей, и строго воспрещено ношеніе круглыхъ шляпъ и фраковъ; тогда же велѣно было, при встрѣчѣ съ императоромъ и императрицею, всѣмъ ѣхавшимъ въ экипажахъ выходить изъ нихъ и отдавать поклонъ, при чемъ дамы могли стоять на подножкѣ экипажа. Даже образъ жизни обитателей столицы измѣнился сообразно привычкамъ государя, вставшаго очень рано, въ 5 часовъ утра, а въ 6 часовъ уже принимавшаго сановниковъ съ докладами: въ 10 часовъ вечера въ Петербургѣ уже гасили повсюду огни, и городъ казался вымершимъ. Простота образа жизни, единообразіе, водворялись въ столицѣ, къ радости государя и величайшему неудовольствію жителей, стѣсненныхъ въ своихъ ежедневныхъ привычкахъ.

Павелъ Петровичъ на первыхъ порахъ, однако, ничѣмъ, повидимому, не обнаруживалъ суровости и мелочности своего характера, а также стремленія отомстить за прежнія свои обиды ближайшимъ сотрудникамъ Екатерины. Оставивъ ихъ до времени на занимаемыхъ ими мѣстахъ, онъ отнесся къ нимъ вообще благосклонно, а многихъ, въ томъ числѣ князя Зубова, графа Безбородко, графа Остермана, онъ даже осыпалъ наградами наравнѣ со старыми гатчинскими своими слугами: Аракчеевымъ, Растопчинымъ, Плещеевымъ, Обольяниновымъ, Кутайсовымъ, братьями Куракиными, Кушелевымъ и др. Это былъ, говоря словами Рожерсона, «не дождь, а

потопъ всякого рода милостей». Но, само собою разумѣется, екатерининскіе вельможи сами чувствовали невозможность для себя оставаться у дѣлъ правленія при новомъ режимѣ, а Павелъ Петровичъ отнюдь не питалъ къ нимъ довѣрія и стремился окружить себя людьми, себѣ преданными. Еще въ то время, когда Екатерина томилась въ агоніи, онъ вызвалъ въ Петербургъ изъ Литвы князя Репнина, пожаловавъ его въ генералъ-фельдмаршалы, а изъ Москвы князя Александра Куракина, возведеннаго въ чинъ тайнаго совѣтника; вслѣдъ затѣмъ онъ призвалъ, для занятія при себѣ должности секретаря И. В. Лопухина и приглашалъ къ себѣ для совѣщаній по церковнымъ вопросамъ бывшаго своего законоучителя, московскаго митрополита Платона; вспомнилъ Павелъ Петровичъ и просилъ возвратиться ко двору своему и стараго своего друга, проживавшаго въ Смольномъ институтѣ, фрейлину Нелидову. Милости государя простерлись и на лицъ, пострадавшихъ въ предыдущее царствованіе: освобожденъ былъ изъ Шлиссельбургской крѣпости Новиковъ, дозволено было безвыѣздно жить у себя въ деревнѣ Радищеву, сосланному при Екатеринѣ въ Сибирь, и дарована была свобода, вмѣстѣ съ другими польскими плѣнными, Костюшко, которому Павелъ лично объявилъ объ освобожденіи; при этомъ Костюшко пожаловано было 80.000 рублей. Наконецъ повелѣно было освободить всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ, о которыхъ «усугубить попеченіе къ возможному ихъ излеченію» также для освобожденія ихъ по выздоровленіи; указано было, вмѣстѣ съ тѣмъ, тайной экспедиціи принять мѣры «къ лучшему и сколь можно спокойнѣйшему содержанію арестантовъ». Всѣ нижніе чины, находившіеся подъ судомъ и подъ слѣдствіемъ, кромѣ обвиненныхъ въ важныхъ преступленіяхъ, также были прощены. Поразительнѣе всего казалась милость Павла къ сыну Екатерины и Орлова—Бобринскому: указомъ 12 ноября 1796 г. ему пожаловано было графское достоинство, а затѣмъ укрѣплены были за нимъ имѣнія, предназначавшіяся ему при Екатеринѣ.

Въ одномъ отношеніи Павелъ Петровичъ остался непоколебимъ и послѣдователенъ—въ желаніи воздать должное памяти своего отца. Князь Ѳедоръ Барятинскій и графъ Алексѣй Орловъ были удалены отъ двора, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы, и, какъ бы въ противовѣсъ, призваны въ Петербургъ и обласканы дряхлые приверженцы Петра III: Гудовичъ, Измайловъ и др.; тогда же повелѣно было московскому главнокомандующему объявить княгинѣ Дашковой, проживавшей въ Москвѣ, «чтобы она, напамятовавъ происшествія, случившіяся въ 1762 г., выѣхала изъ Москвы въ дальнія деревни», и «чтобъ она выѣхала немедленно», прибавлялъ Павелъ. Желаніе воздать праху своего родителя почести, которыхъ онъ лишенъ былъ при своемъ погребеніи, возбудило въ горячей, мистически настроенной головѣ императора мысль устроить какъ бы загробное примиреніе его отца и матери, совершенное сыновней рукой: онъ велѣлъ выкопать прахъ отца изъ могилы, находившейся въ Александро-Невской лаврѣ, возложилъ на него корону и устроилъ торжественные совмѣстные отца и матери похороны въ Петропавловскомъ соборѣ; въ процессіи графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій долженъ былъ, по приказанію государя, нести императорскую корону. Похороны эти на всѣхъ современниковъ произвели тяжелое впечатлѣніе: они видѣли и чувствовали въ нихъ оскорбленіе памяти почившей императрицы. Несомнѣнно, однако, что, ознакомившись послѣ смерти Екатерины съ ея бумагами, Павелъ стремился, наоборотъ, выразить этими похоронами чувство, овладѣвшее имъ тогда при мысли, что рѣшеніе печальной судьбы отца зависѣло не отъ воли матери.

Отпечатокъ стремительности и впечатлительности въ характерѣ новаго государя, едва сдерживаемомъ обстоятельствами, нашелъ себѣ полное выраженіе и въ государственной его дѣятельности, въ которой онъ желалъ осуществить идеалъ государя, «для всѣхъ одинаково добраго и справедливаго». Императоръ Павелъ получилъ отъ матери тяжелое наслѣдіе. Злоупотребленія фаворитовъ, безотвѣтственность администраціи, войны съ сосѣдями, финансовыя трудности, вліяніе французской революціи на политику главныхъ европейскихъ державъ,—все это тяготѣло надъ русскимъ народомъ; мудрая его правительница, увѣнчанная славою, но удрученная и горестными вокругъ себя разочарованіями, и го-

дами, начинала терять ту энергію, ту силу, кои знаменовали успѣхами первые годы ея царствованія.

Павелъ Петровичъ ясно понималъ всю трудность своего положенія и необходимость, при такихъ условіяхъ, дѣйствовать твердо и рѣшительно. «По вступленіи нашемъ на всероссійскій императорскій престолъ», свидѣтельствуетъ самъ Павелъ, «входя по долгу нашему въ различныя части государственнаго управленія, при самомъ начальномъ ихъ разсмотрѣніи, увидѣли мы, что хозяйство государственное, не взирая на учиненныя въ разныя времена измѣненія доходовъ, отъ продолженія чрезъ многіе годы безпрерывной войны и отъ другихъ обстоятельствъ, о которыхъ, яко о прошедшихъ, излишнимъ считаю распространяться, подвержено было крайнимъ неудобностямъ. Расходы превышали доходы. Недостатокъ годъ отъ года возрасталъ, умножая долги внутренніе и внѣшніе; къ наполненію же части таковаго недостатка заимствованы были средства, большой вредъ и разстройство за собою влекущія. Въ трудномъ семъ положеніи предпочли мы однако-жъ искать поправленія подобныхъ вредныхъ средствъ и преграды имъ на будущее время, а потомъ уже положить лучшее и достаточнѣйшее основаніе государственному хозяйству». Изъ золъ екатерининскаго царствованія, которыя Павелъ находилъ нужнымъ пресѣчь въ самомъ началѣ, онъ указалъ наиболѣе важныя: «распространеніе военнаго пламени, которое изъ вознамѣреннаго предъ вступленіемъ нашимъ на престолъ содѣйствія большими силами противу французовъ неминуемымъ было бы слѣдствіемъ»; «тягость для подданныхъ нашихъ, уже готовую отъ умноженія арміи, для котораго и наборъ рекрутъ по одному со ста былъ тогда же предписанъ»; «сборъ провіанта и фуража, сопрягавшій съ собою безмѣрное для поселянъ изнуреніе, подвергая ихъ злоупотребленіямъ, которыя въ подобныхъ случаяхъ едва ли какое бдѣніе предостеречь можетъ», «необузданное своевольство, съ каковымъ предназначенныхъ на военную службу людей растаскивали на домашнія услуги, на поселенія въ собственныхъ деревняхъ и на такія употребленія, хотя при войскахъ, кои не для нужды и помощи оныхъ, но для одной прихоти и суетнаго оказательства служили»; своевольство это для Павла было тѣмъ возмутительнѣе, что оно мѣшало облегченію поселянъ «въ пунктѣ самомъ важнѣйшемъ, гдѣ сіи добрые и полезные члены государства жертвуютъ своею собратіею на оборону отечества».

Павелъ спѣшилъ осуществленіемъ своихъ намѣреній. Война съ Персіей была прекращена, и войскамъ, находившимся подъ начальствомъ Валеріана Зубова, приказано было возвратиться въ отечество. Въ то же время, извѣщая дружественные дворы о восшествіи своемъ на престолъ, императоръ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи со всѣми поддерживать добрый миръ и согласіе. «Россія», сказано было въ циркулярной нотѣ канцлера, графа Остермана, «будучи въ безпрерывной войнѣ съ 1756 года, есть поэтому единственная въ свѣтѣ держава, которая находилась 40 лѣтъ въ несчастномъ положеніи истощать свое народонаселеніе. Человѣколюбивое сердце императора Павла не могло отказать любезнымъ его подданнымъ въ пренужномъ и желаемомъ ими отдохновеніи, послѣ столь долго продолжавшихся изнуреній. Однако же, хотя россійское войско не будетъ дѣйствовать противъ Франціи по вышеозначенной и необходимой причинѣ, государь, не менѣе затѣмъ, какъ и покойная его родительница, остается въ твердой связи со своими союзниками и чувствуетъ нужду всевозможными мѣрами противиться неистовой французской республикѣ, угрожающей всю Европу совершеннымъ истребленіемъ закона, правъ, имущества и благонравія». Забывая старыя свои симпатіи къ Пруссіи, императоръ Павелъ выражалъ намѣреніе ни къ ней, ни къ Австріи «не показывать особливаго пристрастія», а, напротивъ, «приличнымъ почитаемъ», писалъ онъ, «руководствоваться въ разсужденіи ихъ свойственнымъ намъ лично и политикѣ нашей безпристрастіемъ». Въ этомъ смыслѣ даны были увѣренія Австріи, боявшейся не столько французской республики, сколько давней своей соперницы въ Германіи, Пруссіи. Давній другъ Павла Петровича, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ II, спѣшилъ поздравить императора со вступленіемъ на престолъ, отправивъ къ нему графа Брюля съ собственноручнымъ дружественнымъ письмомъ. «Я желалъ бы», отвѣчалъ ему Павелъ, «имѣть всегда возможность дѣйствовать по соглашенію съ вашимъ величествомъ. Скажу притомъ, что, будучи

врагомъ модныхъ философическихъ системъ, я полагалъ бы заодно съ вами принять мѣры, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшимъ потрясеніямъ и переворотамъ, — только уже не тѣми средствами, которыя возможны были въ самомъ началѣ, а согласно настоящему положенію дѣлъ, т. е. чрезъ водвореніе общаго мира. Этимъ единственно способомъ можно возстановить равновѣсіе». Когда же берлинскій дворъ сообщилъ императору Павлу секретные пункты договора своего съ Франціей объ уступкѣ ей лѣваго берега Рейна и о вознагражденіи Пруссіи, посредствомъ секуляризаціи, духовными германскими владѣніями, то получилъ отъ него совѣтъ отказаться отъ всякихъ посягательствъ на цѣлость германской имперіи. Для возстановленія всеобщаго мира въ Европѣ Павелъ Петровичъ не отклонилъ даже попытокъ Франціи завязать съ нимъ сношеніе черезъ посредство Пруссіи. Всего болѣе поражена была миролюбивыми рѣшеніями новаго императора Англія. Русской эскадрѣ, дѣйствовавшей совмѣстно съ англійскимъ флотомъ, повелѣно было немедленно возвратиться въ Россію. Именно въ это время возмущеніе матросовъ въ англійскомъ флотѣ поставило Англію въ крайне затруднительное положеніе: берега ея открыты были для враждебныхъ дѣйствій голландскаго флота. Русскій посолъ въ Лондонѣ, графъ С. Р. Воронцовъ, по усильной просьбѣ англійскаго правительства, согласился задержать русскую эскадру у береговъ Англіи на три недѣли, въ теченіе которыхъ бунтъ матросовъ былъ подавленъ. Англійскій король благодарилъ императора Павла за спасеніе Англіи въ моментъ величайшей для нея опасности.

Послѣдствія внезапной перемѣны внѣшней политики Россіи со вступленіемъ на престолъ императора Павла ясно доказали, какимъ вліяніемъ пользовалась Россія въ Западной Европѣ въ концѣ царствованія Екатерины. Устраняя себя отъ вмѣшательства въ чужія дѣла и настойчиво преслѣдуя выполненіе историческихъ задачъ своей страны, Екатерина достигла того, что Россія получила преобладающее значеніе среди европейскихъ державъ и ея содѣйствія заискивали одинаково и друзья, и недруги. Мирная политика Павла Петровича могла только укрѣпить это выгодное положеніе Россіи, если бы въ то же время онъ не счелъ нужнымъ объявить себя защитникомъ легитимности въ Европѣ: въ основаніе политической системы Россіи положено было такимъ образомъ новое, крайне шаткое и неопредѣленное начало открывавшее возможность для европейскихъ державъ увлечь императора Павла на путь активнаго вмѣшательства въ дѣла Европы. Вполнѣ яснымъ выраженіемъ симпатій императора къ жертвамъ нарушенія началъ легитимности явились, съ самаго начала, милости его къ французскимъ эмигрантамъ и конвенція, заключенная имъ съ мальтійскимъ орденомъ, 4-го января 1797 года, о принятіи этого ордена подъ его покровительство и о введеніи его въ предѣлахъ Россіи; Павелъ еще съ дѣтства сочувствовалъ рыцарскимъ традиціямъ ордена и въ 1776 г. въ честь его основалъ инвалидный домъ для 50 матросовъ на Каменномъ островѣ; входъ въ этотъ домъ до сихъ поръ осѣненъ мальтійскимъ крестомъ.

Твердое намѣреніе государя соблюдать миръ дало ему увѣренность приступить къ перемѣнамъ и во внутреннихъ дѣлахъ государства. Нескрываемое желаніе государя искоренить «тунеядцевъ—дворянъ» и облегчить тягости крестьянъ, «сихъ добрыхъ и полезныхъ членовъ государства»,—выразилось немедленно по восшествіи императора на престолъ въ цѣломъ рядѣ его распоряженій. Уже на второй день своего царствованія, 8 ноября, присутствуя на вахтъ-парадѣ, онъ объявилъ слѣдующее повелѣніе: всѣхъ числившихся въ полкахъ, но въ дѣйствительности не исполнявшихъ обязанностей военной службы, какъ то: камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и т. п., изъ таковыхъ списковъ исключить, а всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ, находившимся въ отпуску, немедленно явиться на службу. Послѣднее повелѣніе государя сообщено было начальникамъ всѣхъ губерній съ препровожденіемъ къ нимъ списковъ офицеровъ, числившихся въ отпуску, съ тѣмъ, чтобы, если въ подвѣдомственныхъ имъ губерніяхъ найдутся такіе офицеры, немедленно ихъ выслать въ Петербургъ. Это распоряженіе, повидимому мелочное, произвело величайшее возбужденіе. «Вездѣ и вездѣ», говоритъ Болотовъ, «слышны были одни только сѣтованія, озабочиванія и гореванія; вездѣ воздыханіе и утираніе слезъ, текущихъ изъ глазъ матерей и сродниковъ: никогда такое множество слезъ повсюду проливаемо не было, какъ

въ сіе время. Со всѣмъ тѣмъ повелѣніе государское должно было выполнить... Всѣ большія дороги усѣяны были кибитками скачущихъ гвардейцевъ и матерей, везущихъ на службу и на смотры къ государю своихъ малютокъ. Повсюду скачка и гоньба; повсюду сдѣлалась дороговизна въ наймѣ лошадей и повсюду неудовольствія». Объявлены были и другія распоряженія государя, клонившіяся къ уничтоженію «разврата» дворянъ на службѣ. Ни одинъ дворянинъ не могъ уже вступить въ службу иначе, какъ только нижнимъ чиномъ, а за поведеніемъ и службой въ гвардіи нижнихъ чиновъ изъ дворянъ установленъ былъ строгій надзоръ: если же они, говорилось въ указѣ, «будутъ не прилежны къ службѣ и не вѣжливы, также усмотрятся во фракахъ одѣтыми и дѣлать шалости по городу, то будутъ выписаны въ солдаты въ полевые полки».

10 ноября именнымъ указомъ отмѣненъ былъ чрезвычайный рекрутскій наборъ по 10 человѣкъ съ тысячи, объявленный незадолго до кончины Екатерины II. «Нельзя изобразить», говоритъ тотъ же Болотовъ, «какое пріятное дѣйствіе произвелъ сей благодѣтельный указъ во всемъ государствѣ,—и сколько слезъ и вздоховъ благодарности выпущено изъ очей и сердецъ многихъ милліоновъ обитателей Россіи. Все государство и всѣ концы и предѣлы онаго были имъ обрадованы, и повсюду слышны были единыя только пожеланія всѣхъ благъ новому государю». Затѣмъ 27 ноября «людямъ, ищущимъ вольности», предоставлено было право апеллировать на рѣшенія присутственныхъ мѣстъ, а 10 декабря послѣдовала отмѣна хлѣбной подати, крайне тягостной и раззорительной для крестьянъ, вслѣдствіе притѣсненій и злоупотребленій администраціи: взамѣнъ ея установленъ былъ особый денежный сборъ—по 15 коп. за четверикъ. Наконецъ, желая «открыть всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ», государь приказалъ поставить въ окнѣ нижняго этажа Зимняго дворца желѣзный желтый ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ, куда просители могли опускать свои прошенія. Прошенія прочитывались секретарями императора для доклада ему и государь немедленно клалъ на нихъ свои резолюціи.

Эти отношенія императора къ «господамъ» и льготы его, дарованныя поселянамъ, имѣли неожиданныя для него послѣдствія: въ нихъ закрѣпощенный народъ искалъ отвѣта на постоянно жившее въ немъ стремленіе къ освобожденію отъ помѣщичьей власти. Имя Павла въ народномъ представленіи уже связано было и съ пугачевскимъ движеніемъ, хотя и независимо отъ его воли, и съ дѣятельностью его въ Гатчинѣ. Въ Петербургѣ, въ первые же дни царствованія Павла Петровича, крѣпостные люди, собравшись толпою, подали ему на разводѣ челобитную, прося освободить ихъ отъ тиранства помѣщиковъ, говоря прямо, что они не хотятъ быть у нихъ въ услуженіи, а желаютъ лучше служить самому государю. «Сихъ дерзновенныхъ», разсказываетъ Болотовъ, «во страхъ другимъ и дабы никто другой не отваживался утруждать его такими недѣльными просьбами, императоръ приказалъ наказать публично нещаднымъ образомъ плетями. Симъ единымъ разомъ погасилъ онъ искру, которая могла бы произвесть страшный пожаръ и прогналъ у всѣхъ слугъ и рабовъ желаніе просить на господъ своихъ. Поступкомъ же симъ пріобрѣлъ себѣ всеобщую похвалу и благодарность отъ всего дворянства». Тѣмъ не менѣе, молва, будто всѣмъ крѣпостнымъ дана будетъ свобода новымъ государемъ, быстро распространялась среди крестьянъ. Уже 22 декабря появилось въ Петербургѣ извѣстіе о бунтѣ крестьянъ въ олонецкой губерніи; а вслѣдъ затѣмъ донесено было императору о неповиновеніи крестьянъ помѣщикамъ и о безпорядкахъ въ губерніяхъ: вологодской, орловской, московской, псковской, новгородской, ярославской, костромской, нижегородской, пензенской, калужской, тверской и новгородъ-сѣверской. Между крестьянами ходили слухи, что все будетъ «государщина», что дворянъ не будетъ; съ другой стороны, помѣщики были въ сильномъ страхѣ, боясь повторенія пугачевскаго бунта и истребленія дворянъ; любопытно, что въ Петербургъ, для доклада государю, самъ извѣстный масонъ-помѣщикъ Поздѣевъ писалъ, что крестьянскіе безпорядки «суть точно иллюминантическій духъ безначальства и независимости, распространившійся по всей Европѣ», и что «спокойство здѣшняго края требуетъ такова экзекутнаго духа, каковъ государевъ, для присылки команды». Павелъ вообще ненавидѣлъ своевольство черни и хотя

желалъ оградить крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, но въ то же время думалъ, что до поры до времени помѣщики являются лучшими блюстителями тишины и спокойствія въ государствѣ. Награждая своихъ приверженцевъ и сотрудниковъ своего отца и матери, онъ въ первые два мѣсяца своего царствованія онъ роздалъ имъ населенныя земли свыше чѣмъ съ 50 тысячами душъ крестьянъ, полагая, между прочимъ, что имъ легче будетъ жить подъ властью помѣщиковъ, чѣмъ въ казенномъ управленіи. Поэтому онъ спѣшилъ принять энергическія мѣры для подавленія безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что крестьянское движеніе разрасталось и количественно, и качественно, находя себѣ пособниковъ среди сельскаго духовенства. Какую важность придавалъ Павелъ этому движенію, видно изъ того, что усмиреніе взбунтовавшихся крестьянъ онъ поручилъ генералъ-фельдмаршалу Н. В. Репнину и вслѣдъ затѣмъ намѣревался самъ лично отправиться на мѣсто безпорядковъ, если бы къ этому представился поводъ; но, благодаря благоразумнымъ дѣйствіямъ кн. Репнина, безпорядки были прекращены еще въ началѣ марта 1797 г. частію путемъ убѣжденій, частію военною силою. Подавленіе крестьянскаго движенія, однако, не ослабило и въ дворянствѣ, ни среди крестьянъ убѣжденія, что императоръ скорѣе на сторонѣ послѣднихъ, чѣмъ первыхъ. Когда движеніе это стало затихать, Павелъ Петровичъ ясно выразилъ свой взглядъ, что крестьяне прикрѣплены лишь къ землѣ, а не составляютъ личной собственности помѣщиковъ. Именнымъ указомъ отъ 16 февраля 1797 г. было повелѣно «дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка или съ подобнаго на сію продажу торга». Еще ранѣе, указомъ отъ 3 января 1797 года, дворяне поставлены были на одну доску съ своими крѣпостными лишеніемъ важнѣйшей изъ привиллегій, дарованной имъ въ жалованной грамотѣ,—свободы отъ тѣлеснаго наказанія: «коль скоро снято дворянство», написалъ Павелъ на докладѣ Сената по одному судебному дѣлу, «то ужъ и привиллегія до него не касается, почему и впредь поступать» во мнѣніи государя, дворянское достоинство обязывало каждаго не доводить себя до преступленій, грозившихъ лишеніемъ дворянства.

Духовное сословіе также обратило на себя особое вниманіе государя. Съ дѣтства отличался онъ религіозностію, а отъ законоучителя своего Платона воспринялъ онъ любовь къ православію. «Модныя философическія системы», главнымъ образомъ «вольтерьянство», развившееся съ такою силою въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, поселяли въ немъ то безпочвенное невѣріе, тотъ духъ отрицанія, которые, по мнѣнію Павла Петровича, послужили главною причиною къ «развращенію нравовъ» и къ развитію «революціоннаго буйства» современной ему Франціи. Естественно, поэтому, что для нравственнаго и религіознаго подъема общества Павелъ считалъ необходимымъ придать болѣе значенія церковной жизни въ Россіи, возвысить въ глазахъ общества духовное сословіе, которое въ то время, въ лицѣ и низшихъ, и высшихъ своихъ представителей, находилось въ печальномъ нравственномъ и матеріальномъ положеніи. Возвышеніе это началось, конечно, прежде всего съ показной, внѣшней стороны. Смотря на духовенство съ точки зрѣнія службы государству, значеніе которой для отдѣльныхъ лицъ измѣрялось табелью о рангахъ, Павелъ косвеннымъ образомъ примѣнилъ эту табель и къ духовному сословію, чтобы сравнять его въ этомъ отношеніи съ главнымъ служилымъ сословіемъ — дворянствомъ. Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, награждая свѣтскихъ лицъ, онъ пожаловалъ, ко всеобщему удивленію, орденами и духовныхъ лицъ, чего прежде не было въ обычаѣ: митрополитъ Гавріилъ получилъ орденъ св. Андрея, архіепископы Амвросій и Иннокентій—св. Александра Невскаго; многія лица изъ бѣлаго духовенства также пожалованы были орденскими знаками; для священниковъ, всѣхъ вообще, тогда же предположено было, кромѣ того, установить и другія знаки отличія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лица священнаго сана наряду съ дворянствомъ и купечествомъ, указомъ отъ 22 декабря 1796 г., освобождены были отъ тѣлесныхъ наказаній за уголовныя преступленія, «ибо чинимое имъ наказаніе, въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя мысли къ презрѣнію священнаго сана». Чтобы очистить духовное сословіе отъ «праздныхъ» его членовъ, императоръ прибѣгнулъ къ оригинальной мѣрѣ, приказавъ «всѣхъ священно и церковно-

служительскихъ дѣтей, праздно живущихъ при отцахъ своихъ, для устройства состоянія ихъ съ лучшею выгодою какъ для общества, такъ и для нихъ собственно, обратить въ военную службу, гдѣ они будутъ употреблены съ пользою, по примѣру древнихъ левитовъ, которые на защиту отечества вооружались». Это распоряженіе Павла Петровича, закрѣпощавшее исключительно одно духовное сословіе на службу государству, вызвало въ духовенствѣ такое же волненіе, какое незадолго предъ тѣмъ возникло въ дворянскихъ семьяхъ при призывѣ отпускныхъ военныхъ на дѣйствительную службу.

Перечисленіе всѣхъ этихъ мѣръ императора Павла по отношенію къ сословіямъ приводитъ къ тому заключенію, что, по его взгляду, сословныя привиллегіи должны были существовать лишь тогда, когда онѣ требовались для пользы служенія даннаго сословія государству, тѣсно связаны были съ его обязанностями: дворяне, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, все-таки были, по мнѣнію государя, на службѣ государства, выполняя роль земской полиціи, а дѣти духовныхъ лицъ, жившія у своихъ отцовъ, являлись людьми «праздными». Легко понять поэтому стремленіе Павла, чтобы тѣ органы, которыми онъ долженъ былъ пользоваться для водворенія законности въ государственной и народной жизни, т. е. судъ и администрація, лишены были дворянскаго, сословнаго характера, какой они носили при Екатеринѣ, а выражали бы собою одну лишь волю самодержца. Сословнымъ характеромъ суда и администраціи Павелъ объяснялъ себѣ также, при распущенности нравовъ, бездѣятельность и злоупотребленія ихъ въ концѣ царствованія Екатерины. Въ центральныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ годами накоплялись нерѣшенныя дѣла: даже въ сенатѣ такихъ дѣлъ было свыше 11 тысячъ; взяточничество, произволъ чиновниковъ доходили до крайней степени и оставались безнаказанными. Принявъ временныя мѣры къ скорѣйшему окончанію старыхъ дѣлъ, Павелъ Петровичъ спѣшилъ, прежде всего, установленіемъ того же внѣшняго порядка въ чиновничьей службѣ, какой онъ ввелъ въ военной. Для чиновниковъ введены были мундиры по губерніямъ; въ присутственныхъ мѣстахъ занятія должны были начинаться съ 6-ти часовъ утра, а сенаторы являться въ засѣданія къ 8-ми часамъ утра. Государь лично невзначай наблюдалъ въ Петербургѣ за исполненіемъ этихъ постановленій, и на первыхъ же порахъ далъ строгій, публичный выговоръ старому своему другу, президенту военной коллегіи, Н. И. Салтыкову, котораго онъ не засталъ на мѣстѣ его службы въ установленное время. Этими мѣрами Павелъ предполагалъ уничтожить медлительность въ производствѣ дѣлъ и укоренившееся пренебреженіе къ обязанностямъ службы. Для искорененія взяточничества и неправосудія приняты были суровыя мѣры взысканія, но такъ какъ неправосудіе въ значительной мѣрѣ облегчалось хаотическимъ состояніемъ законодательства, то, указомъ отъ 16-го декабря 1796 г., повелѣно было давно бездѣйствовавшей екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія «собрать изданныя донынѣ узаконенія и извлечь изъ оныхъ три законовъ россійскихъ книги: 1) уголовную, 2) гражданскихъ и 3) казенныхъ дѣлъ, показавъ въ оныхъ прямую черту закона, на которой судья утвердительно основаться можетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссія переименована была въ «комиссію для составленія новыхъ законовъ». Чтобы возвысить уровень познаній гражданскихъ чиновниковъ и облагородить личный составъ ихъ привлеченіемъ на гражданскую службу молодыхъ дворянъ, императоръ 1-го января 1797 г. приказалъ возстановить при сенатѣ и коллегіяхъ бывшее при Петрѣ Великомъ учрежденіе юнкеровъ изъ молодыхъ дворянъ, не моложе 12 лѣтъ, для «обученія ихъ, сверхъ канцелярскаго дѣлопроизводства, прочимъ наукамъ, способствующимъ искусству въ штатскихъ должностяхъ и приличнымъ достоинству дворянина»; съ этою цѣлью при сенатѣ учреждены были двѣ школы. Быть можетъ, жалобы на плачевное состояніе русскихъ судовъ побудили Павла, не смотря на любовь его къ однообразію въ управленіи, возстановить старинные суды и мѣстныя привиллегіи въ Прибалтійскомъ краѣ, въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, а также въ Выборгской и въ Малороссіи, отмѣнивъ мѣры Екатерины къ сліянію этихъ областей съ коренною Россіей. Въ связи съ этимъ установлено было вызванное экономическими соображеніями новое раздѣленіе государства на губерніи, сокращавшее число ихъ: образовано было 30 губерній, управлявшихся общими для всей

имперіи законами, и 11 губерній—«на особыхъ по правамъ и привиллегіямъ ихъ основаніямъ». Въ этомъ распоряженіи государя современники болѣе всего отмѣтили неуваженіе къ памяти Екатерины, такъ какъ екатеринославская губернія переименована была въ новороссійскую.

Наконецъ состояніе финансовъ и государственнаго хозяйства также обратило на себя вниманіе императора. Прежде всего остановлена была предположенная Зубовымъ при Екатеринѣ перечеканка мѣдной монеты съ уменьшеніемъ ея стоимости, установлена высшая проба золотой и серебряной монеты и повелѣно было Совѣту при высочайшемъ дворѣ изыскать средства къ повышенію курса обезцѣненныхъ ассигнацій, признанныхъ императоромъ «истиннымъ и священнѣйшимъ общенароднымъ долгомъ на казнѣ нашей», и вообще «къ уплатѣ внутреннихъ долговъ дѣйствительными деньгами», такъ какъ «воля государя императора есть перевесть въ государствѣ всякаго рода бумажную монету и совсѣмъ ея не имѣть». Вслѣдъ затѣмъ, по приказанію Павла Петровича сожжено было предъ Зимнимъ дворцомъ ассигнацій на пять слишкомъ милліоновъ рублей, а масса придворныхъ серебряныхъ сервизовъ переплавлена была въ монету; передавали слова Павла, что онъ согласится до тѣхъ поръ ѣсть самъ на оловѣ, пока не доведетъ до того, чтобы рубли ходили рублями. Для лучшаго устройства финансовой части, она изъята была изъ вѣдѣнія генералъ-прокурора и поручена новому должностному лицу—государственному казначею, которымъ назначенъ былъ извѣстный екатерининскій дѣлецъ, тайный совѣтникъ Васильевъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1797 годъ императоръ Павелъ приказалъ обсудить и вѣдомость о государственныхъ расходахъ, «которая была учинена примѣрно по предположеніямъ его императорскаго величества», но по «надлежащемъ соображеніи дѣйствительныхъ государственныхъ расходовъ съ содержавшимся въ оной вѣдомости росписаніемъ», вѣдомость эта, произведеніе кабинетныхъ гатчинскихъ упражненій Павла, оказалась несостоятельной. Въ ней сумма ежегодныхъ государственныхъ расходовъ исчислялась въ 31.500.000 р., тогда какъ въ дѣйствительности ихъ оказалось до 80 милліоновъ, при расходѣ на одну военную часть свыше 34 милліоновъ, и бюджетъ на 1797 годъ заключенъ былъ съ дефицитомъ въ 8 слишкомъ милліоновъ рублей. Уменьшить расходы Павелъ старался пресѣченіемъ злоупотребленій, вкоренившихся въ разныхъ частяхъ управленія, особенно въ военной и придворной, а также прямымъ сокращеніемъ расходовъ по этимъ частямъ, и въ то же время для развитія торговли и промышленности возстановилъ бергъ и мануфактуръ коллегіи и издалъ новый тарифъ. Такъ какъ общее государственное оскудѣніе отзывалось крайней дороговизной хлѣба, то для пониженія цѣнъ императоръ приказалъ продавать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ; послѣдствіемъ этой мѣры было пониженіе цѣны хлѣба до двухъ рублей на четверть.

Заботы императора Павла, направленныя къ внутреннему благоустройству государства, сопровождались также мѣрами къ огражденію его отъ «революціонной заразы» и «духа якобинства» извнутри и извнѣ. Въ Петербургѣ и Москвѣ за проживавшими тамъ иностранцами установленъ былъ строгій надзоръ, и замѣченныхъ въ числѣ ихъ «людей подозрительныхъ, поведенія нескромнаго или непристойнаго», повелѣно «выгонять вонъ за границу съ запрещеніемъ паки показываться въ столицѣ подъ страхомъ неизвѣстнаго (sic) наказанія». 16 февраля 1797 г. утвержденъ былъ Павломъ весьма важный указъ, данный сенату императрицей Екатериной незадолго до ея кончины. Указомъ этимъ, «въ прекращеніе разныхъ неудобствъ, которыя встрѣчаются отъ свободнаго и неограниченнаго печатанія книгъ», повелѣно было закрыть всѣ вольныя типографіи, существовавшія безъ дозволенія правительства, и учредить духовную и свѣтскую цензуру—въ Петербургѣ и Москвѣ для книгъ, издаваемыхъ въ Россіи, а въ Ригѣ, Радзивилловѣ и Одессѣ—для книгъ, привозимыхъ чрезъ таможни изъ-за границы, чтобы не была напечатана въ Россіи или введена въ нее ни одна книга, «противная закону Божію, правиламъ государственнымъ, верховной власти и благонравію». Чтобы возвысить внѣшнимъ образомъ достоинство монархической власти, которое, по мнѣнію Павла, унижено было въ царствованіе его матери въ глазахъ высшаго дворянства, императоръ, по природѣ добрый и простой въ обхожденіи, установилъ при дворѣ стро-

жайшій этикетъ, которому должны были подчиняться всѣ безъ исключенія, и малѣйшее уклоненіе отъ него влекло за собою строжайшее взысканіе, такъ какъ могло быть преднамѣреннымъ: мужчины и дамы преклоняли колѣно предъ императоромъ и цѣловали ему руку; въ его присутствіи всѣ стояли и соблюдали строгое молчаніе. Желая поддержать монархическій принципъ и притомъ побуждаемый рыцарскимъ чувствомъ, Павелъ вызвалъ изъ Гродно въ Петербургъ развѣнчаннаго польскаго короля Станислава Понятовскаго, поселилъ его въ Мраморномъ дворцѣ, велѣлъ оказывать ему королевскія почести, но когда этотъ несчастный король, страдавшій подагрой, вздумалъ было присѣсть на одномъ изъ придворныхъ пріемовъ, то получилъ отъ императора чрезъ камергера приказаніе встать. Находившіяся при дворѣ лица постоянно испытывали боязнь какимъ-либо неумышленнымъ нарушеніемъ этикета разгнѣвать императора. Оттого на придворныхъ собраніяхъ, при Екатеринѣ столь веселыхъ и для всѣхъ привлекательныхъ, легла печать стѣсненія и скуки.

Всѣ эти разнообразныя по своему характеру и значенію мѣры новаго государя, сопровождаемыя массой распоряженій болѣе частныхъ, производили потрясающее дѣйствіе въ русскомъ обществѣ: ими охвачена была вся государственная жизнь Россіи, и, казалось, не было учрежденія или частнаго лица, котораго онѣ не касались бы въ насущныхъ его интересахъ. Впечатлѣніе было огромное, тѣмъ болѣе, что Павелъ Петровичъ, изъ боязни, что его могутъ обманывать и желая ускорить исполненіе своей воли, приказалъ печатать въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» всѣ свои повелѣнія, отдаваемыя при паролѣ, и фельдегеря ежедневно развозили по всей Россіи приказы государя, поражавшіе своею новостью или суровостью. Первыя дѣйствія Павла Петровича, направленныя къ водворенію порядка, были встрѣчены сочувственно, но, вслѣдъ затѣмъ, возникло неудовольствіе. Быстрота, съ какою приводились въ исполненіе всѣ эти важныя и мелочныя преобразованія усиливали это впечатлѣніе: нелегко было оставлять сразу свои старыя привычки и рѣшительно невозможно было усвоить, въ ущербъ себѣ, новые взгляды правительства. Императоръ, между тѣмъ, не считалъ нужнымъ подготовить почву для проведенія въ жизнь правительственной своей системы и, ни съ кѣмъ не совѣщаясь, издавалъ законъ за закономъ, не обращая вниманія на то, возможно ли на практикѣ немедленное ихъ осуществленіе, и «суровыми и сильными мѣрами» наказывалъ всякое противорѣчіе его волѣ. Сенатъ и Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ утратили почти всякое законодательное значеніе: государь хотѣлъ самъ все видѣть, все рѣшать и всѣмъ лично управлять. Зато особое значеніе пріобрѣли полицейскіе органы власти, наблюдавшіе за исполненіемъ воли государя, а еще болѣе лица безотвѣтственныя, не несшія никакой службы, а пользовавшіяся лишь случайною протекціею, дававшею имъ возможность видѣть государя, и своими льстивыми внушеніями умѣвшія давать направленіе его впечатлѣніямъ и дѣйствіямъ.

При вступленіи на престолъ Павла Петровича, всѣ сановники Екатерины, заправлявшіе дѣлами имперіи, остались на своихъ мѣстахъ. Но, разумѣется, и они не могли сочувствовать новой правительственной системѣ, бывшей осужденіемъ ихъ прежней дѣятельности, и самъ императоръ къ сотрудникамъ своей матери питалъ лишь одно недовѣріе. Поэтому, въ скоромъ времени изъ екатерининскихъ дѣльцовъ стали пользоваться милостію Павла Петровича только Безбородко, Трощинскій и с.-петербургскій военный губернаторъ Архаровъ, съумѣвшій угодить Павлу своею исполнительностью; другіе же, одинъ за другимъ, подвергались удаленію отъ дѣлъ, а нѣкоторые даже опалѣ, какъ напримѣръ Суворовъ, за рѣзкое осужденіе новыхъ порядковъ. Ближайшими исполнителями воли государя явились старые гатчинскіе его друзья и слуги, лично ему преданные, усердные, но вовсе не знакомые съ государственными дѣлами и, въ большинствѣ случаевъ, люди необразованные, неразвитые, не понимавшіе духа задуманныхъ Павломъ преобразованій; мало того, многіе изъ нихъ, хорошо зная нервную, впечатлительную натуру государя, въ своихъ дѣйствіяхъ руководились только мыслію сохранить его благоволеніе къ себѣ, примѣняясь къ его мелочнымъ требованіямъ, и обезопасить себя отъ возможныхъ интригъ своихъ недоброжелателей.

Ближайшими лицами къ Павлу Петровичу въ моментъ вступленія его на пре-

столъ, были супруга его, императрица Марія Ѳеодоровна, и Плещеевъ, но, чтобы сдерживать порывистый характеръ императора въ должныхъ предѣлахъ, они скоро почувствовали необходимость заручиться содѣйствіемъ давняго друга Павла Петровича, фрейлины Нелидовой, продолжавшей жить въ Смольномъ монастырѣ. Императрица Марія рѣшилась пожертвовать своими предубѣжденіями и, принявъ главное начальство надъ Смольнымъ уже чрезъ шесть дней по кончинѣ Екатерины, увидѣлась тамъ съ Нелидовой и заключила съ ней, послѣ трогательнаго объясненія, дружескій союзъ для блага императора и имперіи. Правда, Нелидова не согласилась оставить Смольнаго, но часто появлялась при дворѣ и, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, съ одной стороны, обуздывала порывы его раздражительности и суровости, а съ другой—помогала Маріи Ѳеодоровнѣ въ осуществленіи ея плановъ. Нелидова убѣдила императора не упразднять ордена св. Георгія, какъ ни желалъ онъ этого, и содѣйствовала мягкому отношенію его къ дѣятелямъ прежняго царствованія, когда постепенно обнаруживались при новыхъ порядкахъ ихъ старыя злоупотребленія; такъ, лишь благодаря ей, опала князя Платона Зубова ограничилась сначала лишь тѣмъ, что онъ получилъ приказаніе возмѣстить казнѣ начисленные на него убытки съ дозволеніемъ уѣхать за-границу. Вмѣстѣ съ Нелидовой, императрица побудила Павла продолжать переговоры о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, и на этотъ разъ, впрочемъ, окончившіеся неудачей. Но внѣ области чувствъ, въ дѣлахъ внутренней политики, императрица и Нелидова проявляли свое вліяніе только тѣмъ, что поддерживали старыхъ своихъ друзей, князей Куракиныхъ: Александра, назначеннаго вице-канцлеромъ, и Алексѣя, получившаго должность генералъ-прокурора. На ряду съ Куракиными, пріобрѣталъ значеніе у государя и Растопчинъ, состоявшій при немъ генералъ-адъютантомъ по военной части, — человѣкъ образованный, умный, но неразборчивый на средства и, подъ личиной преданности монарху, стремившійся къ собственному возвышенію: Екатерина отзывалась о немъ не иначе, какъ «сумасшедшій Ѳедька». Государь довѣрилъ его перу окончательную редакцію военнаго устава, составленнаго по прусскому образцу, и Растопчинъ, въ личныхъ своихъ цѣляхъ, отступилъ отъ своего образца, ослабивъ власть фельдмаршаловъ и усиливъ значеніе инспекторовъ войскъ, что было главною причиною неудовольствія Суворова; онъ же побудилъ государя удалить отъ себя Плещеева и Лопухина, увѣривъ его, что масоны были проводниками въ Россіи разрушительныхъ стремленій иллюминатовъ и намѣревались покуситься на жизнь Екатерины. Одновременно съ Растопчинымъ вкрался въ довѣріе Павла Петровича Архаровъ, ежедневно докладывавшій ему, въ качествѣ военнаго губернатора Петербурга, о всѣхъ событіяхъ въ жизни столицы: онъ съ неумолимою строгостью приводилъ въ исполненіе всѣ мелочныя повелѣнія Павла Петровича объ образѣ жизни обывателей столицы и въ то же время доводилъ до его свѣдѣнія о ихъ неудовольствіи, питая тѣмъ его подозрительность и возбуждая въ немъ боязнь заговоровъ. Роль Архарова въ гвардіи исполнялъ Аракчеевъ, отличавшійся своимъ жестокимъ и грубымъ обращеніемъ съ офицерами и солдатами, но, въ отличіе отъ Архарова, онъ дѣйствовалъ вполнѣ добросовѣстно, съ полнымъ сознаніемъ важности своихъ обязанностей и исполняемаго долга. Надъ всѣми этими далеко не государственными людьми высоко стоялъ по своимъ качествамъ Безбородко, хотя онъ мало вмѣшивался въ дѣла, желая только сохранить милость государя.

При такихъ условіяхъ, увлекавшійся преобразовательными планами Павелъ Петровичъ работалъ одинъ, безъ сотрудниковъ. Оттого законодательная его дѣятельность лишена была системы и устойчивости, часто зависѣла отъ настроенія его духа и свойства представлявшихся ему частныхъ поводовъ для законоположеній, не всегда строго обдуманныхъ и еще чаще дурно редактированныхъ. Павелъ не питалъ ненависти къ памяти матери, но онъ ненавидѣлъ порядки, установившіеся въ ея царствованіе, и все, что напоминало ему о нихъ. Этимъ объясняется порывистость въ его распоряженіяхъ: онъ ломалъ то, что попадалось ему на глаза, большое или малое, въ пылу борьбы съ остатками прошлаго, не отдавая себѣ отчета въ размѣрахъ зла, сопровождавшаго эту ломку. Между тѣмъ, около государя не было развитыхъ общественныхъ элементовъ, на

которые онъ могъ бы опереться въ своей дѣятельности; отсюда возникло стремленіе Павла Петровича въ цѣломъ рядѣ его распоряженій создать новое орудіе правительственной власти—чиновничество, которое должно было стоять внѣ круга сословныхъ интересовъ и быть точнымъ исполнителемъ воли монарха. Между тѣмъ, сознавая отсутствіе твердой для себя опоры, мнительный государь склоненъ былъ видѣть вокругъ себя измѣну и оттого крайне нервно относился ко всякому, хотя бы косвенному порицанію его дѣйствій. Когда обнаружилась невинность гвардейскихъ офицеровъ Дмитріева и Лихачева въ составленномъ ими будто бы заговорѣ противъ государя, чрезъ мѣсяцъ по вступленіи его на тронъ, и всѣ офицеры гвардіи увѣрили его по этому поводу въ своей преданности, государь сказалъ императрицѣ съ восхищеніемъ: «теперь я увѣренъ, что крѣпко сижу на престолѣ». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, много лицъ навлекали на себя неудовольствіе императора какимъ-либо неумышленнымъ словомъ или дѣйствіемъ, въ которыхъ онъ неосновательно заподозрѣвалъ противорѣчіе его волѣ или неодобреніе его распоряженіямъ. Въ числѣ пострадавшихъ были даже такіе, доказавшіе ему преданность люди, какъ митрополитъ Платонъ, бывшій его наставникъ, и князь Репнинъ; въ особенности часто, по совершенно ничтожнымъ поводамъ, дѣлались жертвами его подозрительности и повидимому безпричиннаго гнѣва придворные и военные чины, постоянно находившіеся у него на глазахъ. Желаніе придать скорѣе своей власти священный характеръ побудило Павла поспѣшить и своею коронаціей: манифестомъ 18 декабря 1796 г., въ день погребенія Екатерины II и Петра III, императоръ объявилъ, что коронованіе совершится въ апрѣлѣ 1797 года. Вслѣдъ затѣмъ сдѣланы были съ возможною поспѣшностію всѣ приготовленія къ ней; въ томъ числѣ изданъ былъ, для свѣдѣнія дворянству, собиравшемуся въ Москву на коронацію, указъ противъ роскоши въ одеждѣ и экипажахъ.

Коронація императора Павла совершилась въ Москвѣ 5 апрѣля 1797 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. И день, назначенный для коронаціи, и вся ея обстановка соотвѣтствовали высокому, религіозному понятію Павла о значеніи власти русскаго самодержца: въ этотъ день Павелъ Петровичъ объявилъ себя главою церкви и при коронованіи, прежде чѣмъ облечься въ порфиру, приказалъ возложить на себя далматикъ — одну изъ царскихъ одеждъ византійскихъ императоровъ, сходственный съ архіерейскимъ саккосомъ, но Св. Тайны въ алтарѣ принялъ изъ рукъ священнослужителя, а не самъ лично, вопреки распространившимся тогда слухамъ; при входѣ государя въ Царскія врата, митрополитъ Платонъ замѣтивъ шпагу, висѣвшую у его пояса, остановилъ императора словами: «здѣсь приносится безкровная жертва; отними, благочестивѣйшій государь, мечъ отъ бедра твоего». Вмѣстѣ съ тѣмъ, коронована была и супруга государя, императрица Марія, на главу которой императоръ возложилъ малую корону. Тотчасъ послѣ совершенія обряда коронованія, Павелъ Петровичъ исполнилъ давнюю свою мечту — о дарованіи государству «фундаментальныхъ законовъ»: съ высоты трона онъ самъ прочелъ въ храмѣ во всеуслышаніе актъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи по мужескому колѣну, составленный имъ вмѣстѣ съ своей супругой еще въ 1788 году, затѣмъ царскими вратами вошелъ въ алтарь и положилъ этотъ актъ въ особомъ ковчегѣ на св. престолъ для храненія на вѣчныя времена; вслѣдъ затѣмъ прочитаны были новыя узаконенія: «Учрежденіе объ императорской фамиліи», опредѣлявшее права и обязанности членовъ царствующаго дома, и «Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ». Милости народу были объявлены только для крестьянъ слѣдующимъ знаменитымъ манифестомъ въ день коронованія: «Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ Законъ Божій, въ девятословіи Намъ преподанный научаетъ Насъ седьмый день посвящать Ему; почему въ день настоящій, торжествомъ Вѣры Христіанской прославленный, и въ который Мы удостоились воспріять священное муропомазаніе и Царское на Прародительскомъ Престолѣ Нашемъ вѣнчаніе, почитаемъ долгомъ Нашимъ предъ Творцемъ всѣхъ благъ Подателемъ подтвердить во всей Имперіи Нашей о точномъ и непремѣнномъ сего закона исполненіи, повелѣвая всѣмъ и каждому наблюдать, дабы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ въ воскресные дни принуждать крестьянъ къ работамъ, тѣмъ болѣе, что для сельскихъ издѣльевъ

остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые, какъ для крестьянъ собственно, такъ и для работъ ихъ въ пользу, помѣщиковъ слѣдующихъ, при добромъ распоряженіи достаточны будутъ на удовлетвореніе всякимъ хозяйственнымъ надобностямъ». Въ тотъ же день, 5 апрѣля, объявлены были щедрыя награды лицамъ, окружавшимъ императора. Крестьянъ роздано было до 82.000 душъ. Болѣе всѣхъ получили Безбородко, возведенный въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости и князья Александръ и Алексѣй Куракины.

Торжество коронованія сопровождалось праздниками и балами. Всѣ они, по словамъ современниковъ, были утомительны и скучны: государь обращалъ строгое вниманіе на соблюденіе всѣхъ требованій этикета и самъ первый уставалъ отъ нихъ. Парады и смотры войскъ, собранныхъ подъ Москвой и не вполнѣ еще усвоившихъ всѣ требованія новаго устава, также происходили при напряженномъ состояніи духа всѣхъ участвующихъ, и императоръ неоднократно выражалъ свое неудовольствіе на «потемкинскій духъ» офицеровъ; многіе изъ нихъ тогда же пострадали по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Дурное настроеніе государя выразилось уже черезъ недѣлю послѣ коронаціи совершенно несвоевременнымъ указомъ отъ 13 апрѣля, которымъ не только подтверждался указъ отъ 12 января о тѣлесномъ наказаніи дворянъ за уголовныя преступленія, но онъ распространялся еще на гильдейскихъ гражданъ, священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ тѣ же преступленія, и такимъ образомъ отмѣнялись привиллегіи, незадолго предъ тѣмъ дарованныя духовенству самимъ же Павломъ. Митрополитъ Платонъ, въ качествѣ бывшаго наставника Павла, взялся быть предъ нимъ, по просьбѣ дворянъ, выразителемъ ихъ недовольства: дворяне просили митрополита доложить государю, что онъ крайне строгъ и что онъ долженъ перемѣнить свое обращеніе съ ними. Но Павелъ Петровичъ дурно встрѣтилъ слова Платона и приказалъ ему не выѣзжать изъ Москвы. Вмѣшательство Платона было тѣмъ непріятнѣе для Павла, что Платонъ еще до коронаціи отказывался принять орденъ св. Андрея Первозваннаго, не одобряя намѣренія государя изъ духовныхъ дѣлать «кавалеровъ». Павелъ Петровичъ перебилъ его рѣзко при многихъ свидѣтеляхъ и, пославъ ему рукою поцѣлуй, сказалъ: «прощайте, съ вами не сговоришь». Какъ бы въ отвѣтъ на неудовольствіе дворянства, часто проявлявшееся наружу во время пребыванія Павла въ Москвѣ, 29 апрѣля послѣдовалъ манифестъ о прощеніи отлучившихся самовольно нижнихъ чиновъ и всякаго званія людей, а 4 мая, на другой день послѣ отъѣзда императора изъ Москвы, объявленъ былъ именной указъ Сенату, «чтобы ни отъ кого ни въ какихъ мѣстахъ прошеній многими подписанныхъ не принимать», чѣмъ отмѣнялось право дворянства представлять о своихъ нуждахъ губернаторамъ, сенату и императорскому величеству. Воспоминанія о прошломъ не оставляли государя, и борьба со старыми порядками видимо подогрѣвала его старыя, горькія чувства. Проникнутый сознаніемъ полноты своей власти и подозрѣвая во всѣхъ сочувствіе къ порядкамъ прошлаго царствованія, онъ не терпѣлъ противорѣчія и дѣйствовалъ часто по минутному впечатлѣнію. «Когда императоръ чего либо *хочетъ*, — писалъ Рожерсонъ 10 іюня 1797 г., — не осмѣливаются дѣлать ему возраженій, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ какъ на ослушаніе. Иногда императрица и еще чаще Нелидова, въ особенности, когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣваютъ пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко». Такъ, орденъ св. Георгія не вошелъ въ «Установленіе» объ орденахъ, изданное въ день коронаціи, и лишь во время чтенія «Установленія» въ Успенскомъ соборѣ послѣ чина коронованія, Павелъ очевидно уступая настояніямъ Нелидовой, изустно съ престола узаконилъ этотъ военный орденъ. Павелъ не желалъ ни съ кѣмъ совѣтоваться, а приближенныя къ нему лица, примѣняясь къ его нраву, думали лишь о личныхъ выгодахъ. «При рѣдкомъ государѣ больше, какъ при Павлѣ», говоритъ изгнанный незадолго предъ тѣмъ Растопчинымъ секретарь государя Лопухинъ, «можно было бы сдѣлать добра для государства, если бы окружавшіе его руководились усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти». Оттого даже на манифестѣ отъ 5 апрѣля о крестьянской барщинѣ лежитъ печать необдуманности и поспѣшности: не было точно опредѣлено положеніе ни крестьянъ земледѣльцевъ, ни дворовыхъ, а дурная

редакція закона привела къ тому, что помѣщики смотрѣли на него съ разныхъ точекъ зрѣнія, сообразно съ своими выгодами: въ Малороссіи, гдѣ до тѣхъ поръ была лишь двухдневная барщина,—какъ на средство возвысить крестьянскія повинности, а въ Великороссіи, гдѣ барщина была чуть не повседневная,—только какъ на «совѣтъ» правительства, ни для кого не обязательный. Дворянство однако видѣло опасность для себя въ будущемъ при такомъ направленіи мыслей государя: шли глухіе, но оживленные толки о его деспотизмѣ, нарушеніи ихъ политическихъ правъ. «Неудовольствіе противъ императора», доносилъ 1 мая своему правительству изъ Москвы прусскій генералъ Брюль, «всеобщее. Наклонность русскихъ къ революціямъ, привычка ихъ къ женскому управленію, безнравственность ихъ побужденій,—все это могло бы повлечь за собою самыя прискорбныя послѣдствія, если бы добродѣтели императрицы не ставили ея выше всякаго искушенія. Императоръ, желая исправить ошибки предыдущаго царствованія, вводитъ новую систему въ управленіе, которая не нравится націи и недостаточно обдумана, а между тѣмъ осуществляется съ поспѣшностію, малопонятной и ничѣмъ не вызванной. При этомъ государь занимался лишь мелочами, всякаго рода церемоніями и пріемами, теряя оттого изъ виду важныя дѣла и принимая совѣты только отъ князя Безбородко и иногда отъ князя Репнина. Но Безбородко—человѣкъ лѣнивый и небрежный».

Наканунѣ отъѣзда своего изъ Москвы Павелъ Петровичъ назначилъ 2 мая императрицу Марію Ѳеодоровну главноначальствующею надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ и такимъ образомъ пріобщилъ ее къ дѣламъ управленія. 3 мая императорская чета выѣхала изъ Москвы—Марія Ѳеодоровна прямой дорогой въ Петербургъ, а Павелъ Петровичъ, сопровождаемый великими князьями, кружнымъ путемъ чрезъ литовскія губерніи. Предъ путешествіемъ императоръ отдалъ строгій приказъ, чтобы на пути его, для избѣжанія тягостей для крестьянъ, отнюдь не дѣлали никакихъ приготовленій, не поправляли дорогъ и не чинили мостовъ. Проѣзжая чрезъ слободу Пневу смоленской губерніи, государь увидѣлъ множество крестьянъ, чинившихъ дорогу. Помѣщикъ ихъ Храповицкій, на притѣсненія котораго при этомъ пожаловались государю крестьяне, едва было не пострадалъ, а крестьянамъ Павелъ Петровичъ приказалъ выдать 2500 рублей. Замѣчательно, что, отдавая въ первомъ порывѣ гнѣва приказъ о разстрѣлянія Храповицкаго, императоръ поручилъ написать приказъ объ этомъ великому князю Александру Павловичу, прибавивъ: «и напишите, чтобы народъ это зналъ, что дышете однимъ со мною духомъ». Въ Оршѣ государь посѣтилъ, между прочимъ, іезуитскій коллегіумъ, гдѣ обласкалъ іезуитовъ и прочее католическое духовенство, видя въ немъ оплотъ противъ революціонныхъ ученій на Западѣ, а въ Вильнѣ, Гроднѣ и Ковнѣ осмотрѣлъ войска, обученныя по новому уставу. Въ общемъ путешествіе произвело на Павла благопріятное впечатлѣніе.

Пока государь путешествовалъ, императрица Марія получила подробныя свѣдѣнія о неудовольствіи, господствовавшемъ среди войскъ и петербургскаго общества, вызванномъ мелочными мѣрами военнаго губернатора Петербурга Архарова. Этотъ любимецъ государя, при Екатеринѣ пользовавшійся лишь славою хорошаго сыщика, задумалъ, пользуясь слабыми сторонами характера Павла Петровича, сыграть какую то двусмысленную роль. Всѣ распоряженія императора по полицейской части, касавшіяся будничной жизни обитателей Петербурга, проводились Архаровымъ въ исполненіе съ преувеличенною точностію, а иногда даже искажались имъ съ цѣлію возбуждать неудовольствіе, донося о которомъ подозрительному, боявшемуся заговоровъ императору, онъ имѣлъ случай свидѣтельствовать о своемъ усердіи и полезности. Всѣ жители Петербурга ненавидѣли его, а, между тѣмъ, къ пріѣзду императора Архаровъ принуждалъ всѣхъ окрасить свои дома и даже двери и окна домовъ полосами чернаго и бѣлаго цвѣтовъ, какъ уже окрашены были мосты и шлагбаумы; въ то же время Архаровъ не обращалъ никакого вниманія на усиливавшуюся въ Петербургѣ дороговизну припасовъ первой необходимости, а между тѣмъ дороговизну эту объясняли корыстной стачкой полиціи со скупщиками жизненныхъ припасовъ. Поведеніе Архарова внушало многимъ подозрѣнія; существуетъ даже извѣстіе, что, сопровождая императрицу Марію на возвратномъ пути ея изъ Москвы, онъ

намекалъ ей на возможность переворота въ ея пользу. Но императрица, горячо любившая своего супруга, менѣе всего способна была къ какому-либо заговору противъ него; напротивъ того, по возвращеніи Павла въ Петербургъ, она, вмѣстѣ съ Нелидовой, сообщила ему о дѣйствіяхъ Архарова, основанныхъ, будто бы, на его словесныхъ приказаніяхъ. «Развѣ я дуракъ, чтобы отдавать подобныя приказанія?» вскричалъ Павелъ и велѣлъ Архарову немедленно выѣхать въ деревню. На его мѣсто назначенъ былъ женатый на подругѣ Нелидовой графъ Ѳ. Ѳ. Буксгевденъ, извѣстный прямотою своего характера и пользовавшійся расположеніемъ войскъ и жителей Петербурга. Тогда же, 6 іюня 1797 г., учреждена была «комиссія о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся»; президентомъ этой комиссіи назначенъ былъ великій князь Александръ Павловичъ.

Лѣто 1797 г. императоръ проводилъ въ Павловскѣ въ кругу своего семейства, такъ какъ государь не любилъ Царскаго Села, лѣтней резиденціи Екатерины. Изъ Павловска государь со всѣмъ своимъ семействомъ ѣздилъ на морскіе маневры; государь избралъ для своего пребыванія вновь выстроенный фрегатъ «Эммануилъ», т. е. «Съ нами Богъ». Предполагалась прогулка флота изъ Кронштадта въ Ревель, но противные вѣтры помѣшали эскадрѣ сняться съ якоря. Морскіе маневры, по своей кратковременности, не могли дать императору возможности проявить свою требовательность по отношенію къ флоту; тѣмъ съ большею ревностью предавался императоръ сухопутнымъ военнымъ экзерциціямъ въ Павловскѣ. Въ Павловскѣ расположена была лагеремъ почти вся гвардія, и императоръ ежедневно производилъ ей ученія и смотры; чтобы испытать бодрость и военную выправку солдатъ, онъ будилъ войска по ночамъ тревогами и выводилъ въ строй. Увлекаясь этими военными упражненіями, императоръ забывалъ свое достоинство самодержца и лично училъ войска, превращаясь въ самаго заурядnаго экзерцирмейстера. Особенно важное значеніе въ глазахъ императора имѣлъ вахтъ-парадъ, который превратился въ какой-то торжественный обрядъ и былъ настоящимъ театромъ, на которомъ русскій государь разыгрывалъ роль мелкаго и деспотическаго педанта. По разсказамъ современниковъ, при тогдашнихъ военныхъ пріемахъ, странный церемоніальный шагъ, дѣйствія флигельмановъ, выскакивавшихъ изъ рядовъ, чтобы телеграфировать ружьями самые вычурные знаки, балансированіе офицеровъ съ эспантонами,— все это казалось офицерамъ неумѣстнымъ, устарѣвшимъ и смѣшнымъ; но все это требовалось Павломъ, какъ необходимое и священное условіе военнаго ремесла. Особенное значеніе въ глазахъ его имѣло дѣйствіе эспантономъ, и важная минута была для офицеровъ та, въ которую, проходя мимо императора, они салютовали его эспантономъ, припрыгивая и покачиваясь на тихомъ шагу. Иные за ловкость тутъ же награждались или начинали блестящую карьеру; другіе своею неловкостью и упущеніемъ раздражали императора, навлекали на себя съ его стороны и грубыя слова, и самыя несоотвѣтствовавшія наказанія. Случалось, что Павелъ въ раздраженіи бросался на офицеровъ, вырывалъ у нихъ эспантоны, ругался, схватывалъ виновныхъ за воротникъ, за лацкана. Подобныя сцены доходили иногда до комизма: вырвавъ эспантонъ у офицера, Павелъ самъ проходилъ вмѣсто него, какъ бы испытывая хладнокровіе присутствовавшихъ, которые должны были сохранить серьезный видъ, глядя на эту небольшую фигуру, дѣйствовавшую съ какимъ-то убѣжденіемъ и со всею силою ничѣмъ не укротимой воли. Строгость и запальчивость государя по отношенію къ гвардейцамъ никогда не уменьшалась, такъ какъ, по мѣрѣ совершенствованія войскъ, вниманіе его ко всѣмъ даже мельчайшимъ упущеніямъ также увеличивалась, а въ мелкихъ отрядахъ погрѣшности становились замѣтнѣе. Въ Павловскѣ была также особая цитадель, или крѣпость Бипъ, куда офицеровъ сажали подъ арестъ. Солдаты были вообще менѣе недовольны строгостью императора, видя, что отъ нея преимущественно страдаютъ офицеры, которые, наравнѣ съ ними должны были нести всѣ тягости службы, но офицеры, самые усердные, бывали въ отчаяніи, не зная иногда, чѣмъ для нихъ окончится вахтъ-парадъ, такъ какъ Павелъ склоненъ былъ въ упущеніяхъ офицеровъ видѣть сознательное противодѣйствіе его волѣ. Изъ военныхъ приказовъ 1797 года видно, что съ 1 мая по 24 августа

исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д. 117 офицеровъ. Нѣкоторые изъ приказовъ были выраженіемъ горькихъ чувствъ Павла по отношенію къ прошедшему царствованію; такъ, въ приказѣ 14 августа было объявлено объ исключеніи одного офицера «за незнаніе должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и пляскѣ». Нервное состояніе государя и войскъ, его окружавшихъ, выразилось въ особенности въ двухъ военныхъ тревогахъ, случайно происшедшихъ въ Павловскѣ 2 и 4 августа; тревоги эти наполнили душу императрицы Маріи опасеніемъ за безопасность государя, такъ какъ ими могли воспользоваться злоумышленники или озлобленные имъ люди. Вмѣстѣ съ Нелидовой, она употребляла всѣ усплія смягчить своего супруга, побудить его къ болѣе мягкому, осторожному образу дѣйствій. Но въ умѣ Павла прочно укоренилась мысль о необходимости «суровыми и сильными мѣрами» пресѣчь «распущенность въ службѣ и въ нравахъ», призракъ революціи постоянно представлялся его воображенію, и, желая избѣжать опасностей, онъ самъ создавалъ ихъ тамъ, гдѣ они прежде не существовали. Тщетно Нелидова писала государю: «Вотъ, любезный другъ, что я нахожу, открывъ книгу наудачу: это подтвержденіе нашего разговора о томъ, что государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше мы поставлены, тѣмъ болѣе мы имѣемъ необходимыхъ отношеній къ людямъ и тѣмъ чаще приходится намъ показывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны». Въ отвѣтъ на убѣжденія Нелидовой Павелъ Петровичъ писалъ ей: «Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, пожалуй, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить совершенно. Всего было слишкомъ мало и, между тѣмъ, достаточно для того, чтобы въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ нѣтъ женщины, хотя здѣсь хотятъ только женщинъ» (намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины). Павелъ, добрый и великодушный отъ природы, не хотѣлъ показывать слабости и, какъ часто бываетъ съ слабохарактерными людьми, впадалъ въ противоположную крайность—допускалъ жестокость, которая, по своей искусственности, казалась иногда холодною и неумолимою; притомъ, прійдя въ раздраженіе, онъ уже не могъ себя сдерживать и часто былъ совершенно внѣ себя. По свидѣтельству Саблукова «императоръ вполнѣ сознавалъ это и глубоко этимъ огорчался, оплакивая собственную вспыльчивость, но не имѣлъ достаточно силы, чтобы побѣдить себя. Къ несчастію для Павла, его опасенія и недовѣрчивость были замѣтны для окружающихъ». «Дворъ и общество, которые съ самаго начала царствованія усвоили себѣ образъ мыслей, заставлявшій предугадывать о концѣ его», говоритъ, съ своей стороны графиня Головина, современникъ—очевидецъ описываемыхъ событій, «постарались по-своему объяснить себѣ военныя тревоги, происходившія въ Павловскѣ 2-го и 4-го августа. Ничто не способствуетъ такъ измѣнѣ, какъ постоянно высказываемая боязнь ея. Павелъ I не умѣлъ скрывать, до какой степени этотъ страхъ отравлялъ его душу. Боязнь эта проявлялась во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и много допущенныхъ имъ жестокостей было слѣдствіемъ этого постояннаго чувства его души, и, раздражая умы, онѣ привели наконецъ къ тому, что дали полное основаніе къ оправданію его подозрительности».

Послѣ переѣзда двора изъ Павловска въ Гатчину, въ концѣ августа, совершилось радостное для Павла событіе. Около Гатчины происходили маневры войскъ, обученныхъ по новому уставу. Маневры эти, такъ мало, по своей грандіозности, походившіе на бывшія здѣсь же, всего годъ тому назадъ, экзерциціи гатчинскихъ потѣшныхъ войскъ,—прошли блистательно. Государь былъ доволенъ и веселъ: теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что предначерталъ онъ этими экзерциціями и ради чего, въ первые десять мѣсяцевъ своего царствованія, преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. За послѣднимъ маневромъ и за послѣднимъ приказомъ велѣно было собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ. Императоръ повторилъ отданное въ приказѣ благоволеніе и удовольствіе всѣмъ войскамъ и затѣмъ сказалъ: «Я зналъ, господа, что образо-

ваніе войскъ по уставу было не совсѣмъ пріятно; ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго». Для мирнаго, плацпараднаго употребленія войска дѣйствительно достигли замѣчательной выправки и точности въ движеніяхъ: казалось, это были не люди, а машины. Но насколько этотъ развитый механизмъ могъ содѣйствовать развитію военнаго духа въ войскахъ и отвѣчать потребностямъ военнаго времени и ходу военныхъ операцій,— объ этомъ не могъ судить ни самъ Павелъ, ни его экзерцирмейстеры, никогда не бывшіе въ огнѣ.

Но и послѣ прекрасно сошедшихъ маневровъ отношенія государя къ офицерству не измѣнились; не измѣнилась и взыскательность императора. Признаки дурнаго настроенія проявились въ особенности въ преображенскомъ полку, которымъ командовалъ самый жестокій изъ всѣхъ гатчинцевъ—Аракчеевъ; его жестокость и грубость доводили офицеровъ до отчаянія, выражавшагося въ необдуманныхъ словахъ и толкахъ, а, между тѣмъ, Аракчеевъ, для своего оправданія, доносилъ императору, что они мало занимаются службой. «Свѣдалъ я,—писалъ Павелъ Аракчееву тотчасъ послѣ маневровъ,—что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали что—другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно бы тѣмъ угождали, то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить—отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки они прежде были, что я и исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороною государственною». Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало, 6 октября, увольненіе отъ службы многихъ офицеровъ преображенскаго полка и массы унтеръ-офицеровъ изъ этого полка. Легко понять, что этими мѣрами Павелъ очищалъ гвардію отъ екатерининскихъ офицеровъ: гатчинскіе экзерцирмейстеры считали ихъ неудобнымъ элементомъ во ввѣренныхъ имъ полкахъ и утверждали Павла Петровича въ подозрѣніи, что они не желаютъ подчиняться новымъ порядкамъ службы. «Такъ какъ всѣ эти гатчинцы», говоритъ Саблуковъ, самъ служившій въ это время въ гвардіи, «были всѣ лично извѣстны императору и имѣли связи съ придворнымъ штатомъ, то многіе изъ нихъ имѣли доступъ къ императору и заднее крыльцо дворца было для нихъ открыто. Это весьма вооружило насъ противъ этихъ господъ; мы вскорѣ открыли, что они доносили о малѣйшемъ случаѣ, о малѣйшемъ вырвавшемся словѣ. Не стоитъ перечислять всѣхъ этихъ именъ; объ одномъ, однако же, слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ онъ впослѣдствіи сдѣлался важнымъ человѣкомъ: то былъ Аракчеевъ. Часто, за ничтожные недосмотры и ошибки въ командѣ. офицеровъ, прямо съ парада, отсылали въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали на караулѣ, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать деньги взаймы товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе сего, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу... Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе». Горе это, однако, было горемъ преимущественно дворянскаго служилаго класса, по объясненію Саблукова. «Люди знатные», говоритъ онъ, «конечно, тщательно скрывали свое неудовольствіе, но чувство это иногда прорывалось наружу, и во все время коронаціи въ Москвѣ императоръ не могъ этого не-замѣтить. Зато низшія сословія съ такимъ восторгомъ привѣтствовали императора при всякомъ представлявшемся случаѣ, что онъ приписывалъ холодность и видимое отсутствіе привязанности къ себѣ дворянства лишь нравственной его испорченности и якобинскимъ наклонностямъ. Что касается до этой испорченности, то онъ былъ, конечно, правъ, такъ какъ нерѣдко многіе изъ самыхъ недовольныхъ, когда онъ обращался къ нимъ лично, отвѣчали ему льстивыми словами и съ улыбкою на устахъ; Павелъ же, по честности и откровенности своего нрава, никогда не подозрѣвалъ въ этомъ двоедушія, тѣмъ болѣе, что онъ

часто говорилъ, что, будучи всегда готовъ и радъ доставить законное и полное оправданіе всякому, кто считалъ себя обойденнымъ или обиженнымъ, онъ не боится быть несправедливымъ». Взыскательность государя по отношенію къ офицерамъ казалась тѣмъ болѣе естественною, что онъ проявлялъ ее и по отношенію къ собственнымъ дѣтямъ. Великій князь Александръ былъ шефомъ семеновскаго, а Константинъ—измайловскаго полковъ; Александръ былъ, кромѣ того и первымъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Каждое утро въ семь часовъ и каждый вечеръ въ восемь подавалъ онъ императору рапортъ. «При этомъ слѣдовало ему, разсказываетъ Саблуковъ, отдавать отцу отчетъ о мельчайшихъ подробностяхъ службы и за малѣйшую ошибку получалъ строгій выговоръ. Великій князь Александръ былъ еще молодъ, и характеръ его былъ робокъ». Великій князь Константинъ, отличавшійся горячностію нрава, часто позволялъ себѣ опрометчивые и жестокіе поступки, но одно напоминаніе о военномъ судѣ, котораго, по уставамъ Павла, могъ требовать себѣ каждый корнетъ надъ своимъ полковымъ командиромъ, было, по словамъ Саблукова, «Медузиной головой, которая оцѣпеняла ужасомъ его высочество». «Оба великіе князья, замѣчаетъ онъ, смертельно боялись своего отца, и, когда онъ смотрѣлъ сколько нибудь сердито, они блѣднѣли и дрожали какъ осиновый листъ».

Увлеченіе Павла Петровича мелочами военнаго дѣла мѣшало ему вникать во всѣ подробности внутренняго управленія имперіей, и при такихъ обстоятельствахъ генералъ-прокуроръ Алексѣй Куракинъ, поддерживаемый императрицею и Нелидовой, пріобрѣлъ, въ глазахъ многихъ, значеніе какъ-бы со-регента по дѣламъ гражданскимъ. Въ дѣйствительности, внутренняя политика Павла въ концѣ 1797 и въ началѣ 1798 г. продолжала достигать прежнихъ своихъ цѣлей. Цѣлымъ рядомъ узаконеній облегчена была въ своихъ тяготяхъ масса крестьянскаго населенія уменьшеніемъ натуральныхъ повинностей, установленіемъ цѣнъ на предметы первой необходимости и введеніемъ льготной продажи соли; всѣ казенные крестьяне получили надѣлъ по 15 десятинъ на душу и особое крестьянское управленіе. Возвышеніе подушной подати на 23 коп. съ души и переоброчка казенныхъ крестьянъ, послѣ 15 лѣтняго промежутка времени, сопровождались, по указу отъ 18 декабря 1797 г., сложеніемъ недоимки по 1 января этого года по этимъ же статьямъ въ суммѣ до 7 милліоновъ рублей. Для обезпеченія судьбы выпущенныхъ въ отставку нижнихъ чиновъ изъ крестьянъ также приняты были мѣры. Духовенство, согласно межевой инструкціи, изданной еще при Екатеринѣ, обезпечено было нарѣзкой къ сельскимъ церквамъ 30 десятинъ земли, съ правомъ пользоваться входомъ въ казенные лѣса, а къ обработкѣ церковной земли въ пользу причтовъ повелѣно было привлекать сельскія общества; архіерейскіе дома, соборные и нѣкоторые другіе церкви получили штаты и особыя суммы и даже угодья на содержаніе своего духовенства. Чтобы внушить уваженіе къ бѣлому духовенству, стоявшему въ то время значительно ниже чернаго, Павелъ началъ жаловать его орденами и особо для него установленными знаками отличія: наперснымъ крестомъ, митрою, камилавкою и скуфьею; кромѣ того, повелѣно было въ консисторіяхъ между присутствующими быть половинѣ изъ бѣлаго духовенства. Но особенно заботился Павелъ о просвѣщеніи духовенства. Указомъ отъ 18 декабря 1797 г. учреждены были въ Петербургѣ и Казани духовныя академіи, а на содержаніе духовныхъ училищъ ассигнованы особыя суммы. Замѣчательно, что, оказывая уваженіе православному духовенству, императоръ проявилъ свою вѣротерпимость по отношенію къ раскольникамъ: въ началѣ 1798 г. въ самомъ гнѣздѣ раскольниковъ, въ нижегородской губерніи, разрѣшено было старообрядцамъ имѣть свои церкви и при нихъ священнослужителей. Даже дворянство, привыкшее къ гоненіямъ, увидѣло наконецъ вниманіе государя къ своимъ матеріальнымъ нуждамъ. 18 декабря 1797 г. появился манифестъ императора Павла объ учрежденіи государственнаго вспомогательнаго банка для дворянства. «Съ крайнимъ прискорбіемъ видимъ», говорилось въ манифестѣ, «что многіе роды дворянскіе, стеная подъ бременемъ долговъ, изъ рода въ родъ съ наслѣдствомъ влекущихся или небережливостію нажитыхъ, не многіе изъ нихъ воспользовались сложеніемъ съ себя сего бремени способами, въ государственныхъ банкахъ отверзтыми, но большая часть, усугубляя свои долги, разстроила состояніе своихъ одолжителей и,

отъ неминуемой крайности впадая въ руки алчныхъ корыстолюбцевъ и ростовщиковъ, умножаютъ число сихъ зловредныхъ хищниковъ, а всего ужаснѣе приготовляютъ плачевный жребій нищеты невинному своему потомству». Ссуды выдавались банкомъ на 25 лѣтъ банковыми билетами въ размѣрѣ 40—75 рублей на душу, смотря по классу губерніи; заемщикъ пользовался 5% въ годъ съ билетовъ и уплачивалъ 6% и погашеніе по разсчету, сообразно взимаемому по частямъ капиталу. За невзносъ въ срокъ платежей имѣніе бралось въ опеку. Билетамъ банка присвоенъ былъ принудительный курсъ, и они должны были приниматься и казною, и частными лицами по номинальной цѣнѣ. Чтобы предохранить дворянское сословіе, заключавшее въ себѣ «ревностныхъ исполнителей монаршей воли и храбрыхъ защитниковъ отечества», отъ проникновенія въ него недостойныхъ элементовъ, повелѣно было еще въ началѣ царствованія не возводить никого въ дворянское достоинство безъ высочайшаго разрѣшенія; теперь повелѣно было составить общій дворянскій гербовникъ для внесенія въ него уже существующихъ дворянскихъ гербовъ и сочиненія новыхъ. Но наряду съ этимъ принимались мѣры къ очищенію дворянства отъ дурныхъ его членовъ и къ сокращенію его сословныхъ привиллегій съ такою же суровостію, какъ и прежде, тѣмъ болѣе, что дворяне толпами бѣжали отъ военной службы, гдѣ имъ не сладко жилось: 15 ноября 1797 г. послѣдовалъ указъ, чтобы дворяне, выключенные изъ военной службы, не были избираемы и опредѣляемы ни на какія должности по выборамъ и чтобы отъ нихъ не принимали даже голосовъ при выборахъ, а 14 генваря 1798 г.—повелѣно было не принимать ихъ и на гражданскую службу. Въ то же время, съ цѣлію уменьшить вліяніе дворянства на дѣла областнаго управленія, императоръ усилилъ власть губернаторовъ и повелѣлъ имъ присутствовать на дворянскихъ собраніяхъ «для соблюденія добраго порядку». Понятно, что дворянство увидѣло въ этихъ мѣрахъ желаніе государя приступить къ отмѣнѣ его сословныхъ привиллегій, дарованныхъ ему жалованной грамотой, и ожидало въ будущемъ еще худшаго. Даже вспомогательный для дворянства банкъ, учрежденный Павломъ по проекту Алексѣя Куракина, возбудилъ, немедленно по своемъ возникновеніи, цѣлый рядъ справедливыхъ жалобъ: билеты этого банка, имѣя принудительный курсъ, тотчасъ по выпускѣ упали въ цѣнѣ и, увеличивъ массу бумажныхъ цѣнностей, подрывали государственный кредитъ.

Но всѣ эти дѣйствія и распоряженія государя не могутъ объяснить намъ нервнаго напряженія русскаго общества—того ежедневнаго ожиданія постоянныхъ перемѣнъ, которое, если вѣрить современникамъ, не давало никому спокойно спать въ царствованіе императора Павла. Вводя порядокъ и дисциплину въ управленіе, императоръ на каждомъ шагу подводилъ итоги прошлымъ злоупотребленіямъ, и многіе платились за старыя свои прегрѣшенія, отвѣчали иногда только за то, что въ царствованіе Екатерины считалось возможнымъ и дозволительнымъ. Преслѣдуя старые порядки, Павелъ началъ преслѣдовать лица, а кто могъ считать себя вполнѣ чистымъ и правымъ съ идеальной точки зрѣнія государя? Штрафы, конфискаціи, увольненіе отъ должностей, иногда въ самой оскорбительной формѣ, высылка изъ столицъ,—поражали сегодня—одного, завтра—другаго: Давъ волю чувствамъ, Павелъ не щадилъ никого, даже мертвыхъ; пострадалъ Зубовъ, на котораго наложено было полумилліонное взысканіе за недочеты въ казенныхъ суммахъ,—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пострадалъ и Потемкинъ, могилу котораго повелѣно было задѣлать, а наслѣдники его должны были внести крупныя суммы на покрытіе его долговъ. Справедливость, ко всѣмъ равная, «не взирая на лица»,—была господствующимъ побужденіемъ государя, но равныя для всѣхъ мѣры возмездія сами по себѣ были несправедливы и производили иногда совершенно неожиданныя по своему ужасу или комизму послѣдствія. Не легче было и новымъ исполнителямъ воли государя: желтый ящикъ былъ вѣрнымъ проводникомъ къ государю всѣхъ жалобъ на неправосудіе и на злоупотребленія, но съ ними вмѣстѣ подавались и лживые доносы, прошенія «недѣльныя», нелѣпыя, а, между тѣмъ, государь, при своей впечатлительности, полагалъ на нихъ быстрыя, часто необдуманныя резолюціи. Кромѣ того, жителей Петербурга, Москвы и даже провинціи опутывала ежедневно тысяча мелочей, касавшихся даже будничной жизни каждаго. Полицейская опека надъ частной жизнію подданныхъ

доведена была Павломъ до крайнихъ предѣловъ, вытекая изъ патріахальныхъ взглядовъ его на отношенія государя къ подданнымъ какъ отца, главы семьи. Распоряженія объ образѣ жизни обывателей Петербурга, сдѣланныя по вступленіи на престолъ, оставались и затѣмъ въ полной силѣ и даже дополнялись новыми. Воспрещено было ношеніе фраковъ и разрѣшено нѣмецкое платье, съ точнымъ опредѣленіемъ цвѣта его и размѣровъ воротника; запрещены были жилеты, а вмѣсто нихъ дозволено употреблять камзолы; дозволены были башмаки съ пряжками, а не съ лентами, и запрещены короткіе сапоги съ отворотами или со шнурками; не позволялось «увертывать шею безмѣрно платками», а внушалось «повязывать ее безъ излишней толстоты» и т. д. и т. д. При этомъ «домоправителямъ, прикащикамъ и хозяевамъ строжайше подтверждалось, чтобы всѣмъ пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ объявляли они не только объ исполненіи сихъ предписаній, но и о всѣхъ прежде бывшихъ, и если окажется, что таковыхъ объявленій кому-либо учинено не было, то съ виновными поступлено будетъ по всей строгости законовъ». Павелъ, очевидно, не желалъ, чтобы слѣдовали французскимъ революціоннымъ модамъ; оттого подобныя же распоряженія сдѣланы были даже по отношенію къ женскимъ костюмамъ и прическѣ. Любопытно, что, по разнымъ соображеніямъ, императоръ обратилъ вниманіе даже на улучшеніе русскаго языка. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ императоръ приказалъ, чтобы во всѣхъ казенныхъ бумагахъ «изъяснялись самымъ чистымъ и простымъ слогомъ, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснить лучше самое дѣло, а высокопарныхъ выраженій, смыслъ потемняющихъ, всегда избѣгать». Это разумное, хотя трудно достижимое желаніе государя было парализовано послѣдующими его распоряженіями, благодаря которымъ, при изъясненіи дѣла не только письменно, но и устно, приходилось справляться со спискомъ словъ, запрещенныхъ къ употребленію. Такъ, слово «стража» замѣнено было словомъ «караулъ», «врачъ» — «лекарь», «выполненіе» — «исполненіе», «граждане» — «жители» или «обыватели», «отечество» — «государство», «степень» — «классъ» и т. д.; слово же «общество» совсѣмъ воспрещено было къ употребленію. Разумѣется, «усердные» слуги государя и полиція усиливали значеніе распоряженій императора; оттого при дворѣ и на службѣ даже говорить приходилось съ нѣкоторой опаской, взвѣшивая выраженія. Но, съ другой стороны, самъ Павелъ Петровичъ не стѣснялся, особенно въ порывахъ гнѣва, излагать свои мысли о лицахъ и вещахъ вполнѣ «ясно и вразумительно» не только устно, но и въ своихъ приказахъ, печатавшихся во всеобщее свѣдѣніе въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Приказы эти часто представляютъ собою не тщательно редактированныя правительственныя распоряженія, а просто лишь буквально записанную устную рѣчь императора по поводу всякихъ, важныхъ и неважныхъ, случаевъ, со всѣми присущими устной рѣчи, особенно при раздраженіи, рѣзкостями и недомолвками. Нужно удивляться и тому, что многіе изъ этихъ приказовъ публиковались, и тому, что эти приказы, очевидно, никѣмъ не редактировались; въ одномъ несомнѣнно заключалось ихъ достоинство, для всѣхъ ясное,— что они *говорились* вполнѣ искренно, отъ души, и прекрасно характеризовали самого государя. Вообще резолюціи и приказы Павла Петровича, въ большинствѣ случаевъ, преслѣдовали воспитательныя цѣли, а не однѣ служебныя, и это и было главною причиною ихъ опубликованія; поэтому же многіе изъ нихъ сопровождались подробной мотивировкой или объясненіями, которыя сами по себѣ вызываютъ иногда невольную улыбку. Такъ, генералу отъ инфантеріи кн. Голицыну объявленъ былъ выговоръ за то, что «рядовые его боятся дождя»; штабсъ-ротмистръ Бороздинъ посаженъ былъ въ крѣпость на 6 недѣль «за хвастовство, что онъ будетъ пожалованъ къ его величеству во флигель-адъютанты»; офицерамъ конно-гвардейскаго полка было объявлено, что «императоръ рекомендуетъ больше заниматься службой, нежели городскою жизнію»; военному с.-петербургскому губернатору сдѣлано «примѣчаніе, чтобы болѣе было учтивостей на улицахъ» и т. д. Любопытны были отношенія государя и къ частнымъ лицамъ. Мѣщанкѣ Хотунцовой, напримѣръ, просившей паспортъ, чтобы идти въ городъ Бари на поклоненіе мощамъ св. Николая Чудотворца, было отказано «по дальности и опасности пути»; отставному унтеръ-офицеру Рогожину, просившему пожаловать опустѣлое мѣсто для постройки часовни и кельи для себя лично, отказано было потому,

что «существо его просьбы вздорное»; отставному корнету Кобылинскому, просившему о пожалованіи земли, было объявлено, что «ему оной дать не за что» и т. д. и т. д.

Первый годъ царствованія Павла прошелъ, при всѣхъ этихъ условіяхъ, сравнительно спокойно, несмотря на то, что преобразованія императора вызывали повсюду возбужденіе. «Порядокъ вещей», писалъ другъ великаго князя Александра Павловича, князь Адамъ Чарторижскій, «казался установленнымъ на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному вліянію императрицы и ея подруги, Нелидовой. Общество мало-по-малу привыкало къ странностямъ и неровностямъ поведенія Павла». Личныя свойства впечатлительнаго, перемѣнчиваго государя однако никому не внушали увѣренности за будущее. Холодная разсчетливость въ дѣлахъ внѣшнихъ, постоянная систематическая работа во внутреннемъ управленіи государствомъ, были чужды его порывистому уму. Поэтому внѣшняя политика государя сдѣлалась для него постепенно политикой сердца, а дѣла внутреннія во многомъ зависѣли отъ личности докладчиковъ, отъ ихъ искусства направлять волю Павла Петровича сообразно личнымъ своимъ соображеніямъ, не всегда безкорыстнымъ. Главными дѣятелями сдѣлались два брата, князья Куракины: Александръ, вице-канцлеръ, по дѣламъ внѣшнимъ, и Алексѣй, генералъ-прокуроръ, по дѣламъ внутреннимъ. Оба брата пользовались особымъ покровительствомъ императрицы и Нелидовой, но оба они не внушали къ себѣ ни довѣрія, ни расположенія общества: князь Александръ—былъ человѣкъ добрый, но тщеславный и ничтожный въ умственномъ отношеніи, а князь Алексѣй былъ извѣстенъ своею жадностію, корыстолюбіемъ и страстію къ проектамъ, далеко не всегда обдуманнымъ: учрежденный по проекту Куракина вспомогательный банкъ вызвалъ всеобщее неудовольствіе; проектъ его же объ измѣненіи финансовой системы, представленный имъ въ началѣ 1798 г. и поддерживаемый Вутомъ, комиссіонеромъ голландскихъ банкировъ, вызвалъ сильное сопротивленіе князя Безбородко и государственнаго казначея Васильева, видѣвшихъ въ проектѣ опасность для государства. Князь Безбородко, въ качествѣ канцлера имперіи, являлся главнымъ совѣтникомъ государя и пользовался у него сначала, благодаря своей опытности въ дѣлахъ и придворной ловкости, огромнымъ довѣріемъ, но ему невозможно было бороться съ Куракиными, такъ какъ они всегда были поддерживаемы императрицей и Нелидовой, и когда, напримѣръ, Безбородко началъ возражать противъ финансоваго проекта Куракина, то ему, старому дѣльцу Екатерины, пришлось имѣть «преніе съ г. Вутомъ предъ императоромъ и императрицей». «Ея величество», писалъ Безбородко, «недовольна, что я не понимаю пользъ, г. Вутомъ предложенныхъ. Вообще она меня хотя очень хорошо трактуетъ, но не столько имѣетъ прежней intimité».

Въ то же время императрица Марія содѣйствовала новому направленію внѣшней политики Павла Петровича, измѣнившаго своему принципу невмѣшательства въ дѣла Европы и готовившагося обнажить свой мечъ противъ «развратной» и «мятежной» Франціи. Вокругъ императрицы Маріи и Нелидовой сгруппировались французскіе эмигранты; многіе изъ нихъ получили отъ Павла Петровича пенсіи и помѣстья, а другіе, какъ, напримѣръ, графъ Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и др., дѣятельно заботились о томъ, чтобы возбудить легитимныя чувства государя и заставить его оказать помощь Бурбонамъ, скитавшимся по Европѣ. Эмигрантамъ оказывали поддержку папскій нунцій Литта и братъ его, графъ Литта, убѣдившій Павла принять подъ свое покровительство мальтійскій орденъ и тѣмъ сдѣлать первый шагъ къ поддержанію легитимнаго принципа въ Европѣ. Австрія и Англія также желали втянуть Россію въ борьбу съ Франціей. Уже 14 апрѣля 1797 г., тотчасъ послѣ коронаціи, исполняя условія союзнаго договора, заключеннаго съ Австріей еще при Екатеринѣ, императоръ Павелъ приказалъ тремъ дивизіямъ готовиться къ походу на помощь Австріи, приведенной на край гибели побѣдами Бонапарта. Но, прежде чѣмъ русскія войска тронулись въ путь, Австрія поспѣшила леобенскимъ договоромъ принять предварительныя условія мира, предложенныя ей Бонапартомъ, а затѣмъ обратилась къ императору Павлу съ просьбою, чтобы онъ принялъ на себя посредничество для окончательнаго заключенія мира съ Франціей и содѣйствовалъ прекращенію злонамѣренныхъ дѣйствій Пруссіи, желавшей воспользоваться затруднительнымъ положе-

ніемъ старинной своей соперницы для усиленія своего въ Германіи. Императоръ изъявилъ согласіе быть посредникомъ, если Франція также обратится къ нему съ этою просьбою, и обѣщалъ употребить всѣ зависѣвшіе отъ него способы «къ отдаленію пристрастія или видовъ жадности». Но завязавшіеся переговоры съ директоріей, чрезъ посредство французскаго посла въ Берлинѣ, Кальяра, не привели Россію къ желаемому съ ней соглашенію. Французы однимъ изъ условій договора поставили «дружбу» Россіи съ Франціей, а дружбы съ революціоннымъ правительствомъ императоръ не хотѣлъ; въ то же время императоръ рѣшительно отказался исполнить требованіе Франціи не допускать въ Россію эмигрантовъ, — «не желая лишить себя права давать убѣжище несчастнымъ, которые только ищутъ одной для себя безопасности». Между тѣмъ, въ переговорахъ своихъ съ Австріей и Англіей о заключеніи мира, Франція обнаруживала несговорчивость и предъявляла новыя требованія, надѣясь на тайную поддержку Пруссіи. Тогда раздраженный государь, въ собственноручномъ письмѣ своемъ къ прусскому королю, сдѣлалъ Пруссіи энергическое предостереженіе. «Обвиняютъ кабинетъ вашего величества въ пристрастіи», писалъ онъ 30 сентября 1797 г., «распуская слухъ, будто бы онъ старается скрытно разстроить примиреніе Европы; говорятъ, что ваше величество, дозволяя французамъ завоеванія, ожидаете себѣ доли отъ раздробленія имперіи германской и даже будто бы намѣрены силою оружія принудить самого императора подписать этотъ договоръ... Васъ не должно удивить, если я скажу, что не останусь равнодушнымъ свидѣтелемъ разрушенія ея, но употреблю въ дѣйствіе всю власть и всѣ силы, врученныя мнѣ Провидѣніемъ». Тогда же русскому послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, повелѣно было обѣщать австрійскому правительству дѣятельное содѣйствіе Россіи въ случаѣ, если бы война возобновились отъ неумѣренныхъ притязаній Франціи или отъ происковъ Пруссіи. Но Австрія, истощенная войною и, боясь происковъ Пруссіи, 6 октября 1797 г. уже поспѣшила заключить съ Франціею сепаратный миръ въ Кампоформіо, отказавшись отъ защиты цѣлости владѣній германской имперіи, для рѣшенія судебъ которой рѣшено было созвать конгрессъ въ Раштадтѣ. Увлекаемые своими успѣхами, французы не только домогались уступки лѣваго берега Рейна, но и стремились къ распространенію республиканскихъ идей въ сосѣднихъ странахъ: французскіе агенты волновали умы всѣми возможными средствами, вооружали одно сословіе противъ другаго, пропагандировали демократическія и антихристіанскія идеи и возбуждали народъ къ возстанію противъ правительства, употребляя для этой цѣли даже вооруженную силу. Еще до заключенія кампоформійскаго договора они учредили въ Ломбардіи республику цизальпинскую, а въ Генуѣ—лигурійскую; въ январѣ 1798 г. образована была въ Голландіи батавская республика, а 1 апрѣля 1798 г. французы заняли своими войсками Швейцарію и провозгласили тамъ республику гельветическую. Въ средней и южной Италіи французы дѣйствовали также самовластно. Воспользовавшись ничтожнымъ поводомъ для разрыва съ папой Піемъ VI, они заняли войсками Римъ, низвергнули папское правленіе и 9 февраля 1798 г. провозгласили въ папской области римскую республику; самъ папа, глава католическаго христіанства, увезенъ былъ во Францію и посаженъ тамъ въ крѣпость. При такихъ условіяхъ установленіе республиканскаго образа правленія въ прочихъ итальянскихъ государствахъ и занятіе ихъ французскими войсками, очевидно, было только вопросомъ времени. Между тѣмъ, ходили слухи, что французы возбуждаютъ къ возстанію поляковъ, образовавшихъ уже въ республиканской арміи особые польскіе легіоны, и что цѣлью громадныхъ приготовленій къ морскому походу, производившихся тогда во Франціи, является или Англія, или русскія владѣнія на Черномъ морѣ.

Легко представить себѣ, какое дѣйствіе должно было произвести на Павла это распространеніе «революціонной заразы» по всей Европѣ. Примирительное настроеніе его политики по отношенію къ французамъ казалось ему теперь несообразнымъ. «Французы», писалъ Павелъ 21 апрѣля 1798 г., «примиряясь съ державами и областями, которыхъ вдругъ вовсе истребить или отвергнуть не были въ состояніи, разрываютъ съ ними дружбу, какъ скоро предвидятъ удобство успѣвать въ своемъ планѣ, чтобы достигать всемірнаго владычества посредствомъ заразы и утвержденія правилъ безбожныхъ и по-

рядку гражданскому противныхъ... Оставшіяся еще внѣ заразы государства ничѣмъ толь сильно не могутъ обуздать буйство сея націи, какъ тѣсною между собою связью и готовностію одинъ другаго охранять честь, цѣлость и независимость». Императоръ однако не желалъ еще вступать въ войну съ Франціей, а предполагалъ, ограничиваясь оборонительными мѣрами, сохранить сколь возможно долѣе блага мира для своей имперіи: «употребленіе сильныхъ средствъ къ ускоренію французовъ располагаемъ мы тогда», писалъ государь, «когда буйство ихъ простерлось бы на прямыя противъ насъ дѣйствія оружіемъ или возмущеніемъ противъ насъ нашихъ подданныхъ, или на овладѣніе городами ганзеатическими и сѣверною частію Германіи, или же на новое разрушеніе мира съ императоромъ, либо съ имперіею германскою,— который уже и такъ пріобрѣтенъ слишкомъ дорогою цѣною». Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и сочувствіе императора Павла къ жертвамъ французской революціи, которыя не находили уже себѣ убѣжища нигдѣ въ Европѣ послѣ того, какъ Англія и Австрія вступили въ переговоры съ Франціей: корпусу войскъ принца Конде, составленному изъ французскихъ эмигрантовъ и бывшему на австрійской службѣ, было прямо объявлено вѣнскимъ кабинетомъ, что Австрія уже не можетъ долѣе его содержать. Для принца Конде оставалась одна надежда на императора Павла Петровича, котораго онъ нѣкогда съ такимъ радушіемъ принималъ во время его путешествія по Франціи; къ нему обратился онъ съ просьбою принять его корпусъ въ русскую службу. «По сродному намъ великодушію», писалъ Павелъ своему послу въ Вѣнѣ, графу Разумовскому, «не могли мы не внять прошенію принца о принятіи войскъ подъ командою его состоящихъ, въ нашу службу, и вслѣдствіе этого рѣшилися мы дать убѣжище симъ людямъ, жертвовавшимъ собою вѣрности къ законному государю». Въ ноябрѣ 1797 года, корпусъ эмигрантовъ, численностію до 7.000 человѣкъ, расположенъ былъ на квартирахъ въ волынской и подольской губерніяхъ и получилъ содержаніе наравнѣ съ прочими русскими войсками. Въ то же время принцъ Конде, въ сопровожденіи сына своего, герцога Бурбона, и внука, герцога Энгіенскаго, явился въ Петербургъ благодарить государя за оказанныя милости. Пріемъ, оказанный ему императоромъ, превзошелъ всѣ ожиданія принца; Павелъ тогда же ему пожаловалъ андреевскій орденъ. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ пригласилъ прибыть въ Россію и гонимаго отовсюду Людовика XVIII, предложивъ ему для жительства Митавскій замокъ; на путевыя издержки королю назначено было 60.000 р., а на ежегодное содержаніе 200.000 р. Въ февралѣ 1798 г. Людовикъ уже поселился въ новомъ своемъ убѣжищѣ. Благодаря государя за великодушіе, Людовикъ просилъ его о новой милости. Вѣнскій дворъ насильно задерживалъ у себя изъ политическихъ разсчетовъ дочь несчастнаго казненнаго короля Людовика XVI, незадолго предъ тѣмъ освобожденную изъ рукъ революціонеровъ, и всѣ просьбы дяди ея, Людовика XVIII, о препровожденіи ея въ Митаву оставались безуспѣшны. Теперь Людовикъ просилъ императора Павла о содѣйствіи ему въ этомъ дѣлѣ. Въ отвѣтъ на эту просьбу онъ получилъ слѣдующее письмо отъ императора Павла: «Государь братъ мой! Королевская принцесса будетъ вамъ возвращена или я не буду Павелъ I», и графу Разумовскому повелѣно было потребовать отъ вѣнскаго двора именемъ государя освобожденія принцессы. Требованіе императора было исполнено, и принцесса, по прибытіи своемъ въ Митаву, вышла замужъ за герцога ангулемскаго, бывшаго ея женихомъ.

Для заключенія оборонительнаго союза съ Пруссіей и Австріей Павелъ Петровичъ отправилъ въ Берлинъ и Вѣну князя Репнина. Каждая изъ этихъ державъ преслѣдовала свои корыстныя цѣли къ Германіи, и потому онѣ соперничали другъ съ другомъ; мало того, Пруссія и Австрія уже доказали, что, ради соблюденія своихъ интересовъ въ Германіи, они готовы вступить въ союзъ даже съ предполагаемымъ общимъ своимъ врагомъ—Франціей. Павелъ стремился для общей цѣли сблизить своихъ союзниковъ и взялъ на себя посредничество между ними. «Мы ограничиваемъ наше желаніе», говорилъ Павелъ въ инструкціи Репнину, «тѣмъ только, чтобы между разными заинтересованными дворами скорѣе всякіе споры и недоразумѣнія миролюбное воспріяли окончаніе и черезъ то каждое благоустроенное государство нашлось въ состояніи, соединенно съ прочими, оградить себя отъ распространенія пагуб-

ныхъ замысловъ, къ разрушенію порядка и законной власти клонящихся. Оба сіи государя не могутъ не требовать себѣ нѣкотораго удовлетворенія, но надобно, чтобы они другъ къ другу относительно были справедливы и менѣе завистливы, а притомъ, чтобы въ столь непріятныхъ обстоятельствахъ, гдѣ расторженіе собственныхъ ихъ интересовъ влечетъ неминуемое предосужденіе для третьяго, желанія ихъ ограничивались крайнею умѣренностью, отвращая колико возможно большія перемѣны и потрясенія. Князю Репнину велѣно было напомнить и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, что государь «съ крайнимъ сожалѣніемъ взираетъ на то, что оба сильнѣйшія германскія государства ищутъ себѣ добычи въ ущербъ малосильнымъ и невиннымъ сочленамъ имперіи». Въ то же время Павелъ Петровичъ началъ готовиться и къ вооруженнымъ дѣйствіямъ противъ Франціи. Двѣ эскадры балтійскаго флота отправлены были въ Англію для соединенія съ англійскимъ флотомъ, а черноморскому флоту повелѣно было крейсировать въ Черномъ морѣ и быть готовымъ для содѣйствія Турціи, въ случаѣ покушенія французовъ на ея владѣнія, такъ какъ французы заняли Іоническіе острова.

Посольство Репнина въ Пруссію не имѣло успѣха. Тамъ, по кончинѣ 6 ноября 1797 г. короля Фридриха-Вильгельма II, молодой король Фридрихъ-Вильгельмъ III вполнѣ подчинился вліянію министра Гаугвица и не хотѣлъ ни связывать себя обязательствами по отношенію къ Австріи, ни вступать въ какой-либо союзъ противъ Франціи. «Не нахожу нужнымъ ходить за берлинскимъ дворомъ и вызывать его на трактатъ», отвѣчалъ Павелъ на донесеніе Репнина: «сей дворъ нашелъ бы самъ тѣснѣйшимъ сближеніемъ со мною свои выгоды и безопасность, но какъ коварный министръ короля прусскаго умѣлъ затмить своего государя, то и не остается мнѣ ничего дѣлать послѣ всего, что мною предпринято было». Зато въ Австріи спѣшили воспользоваться благопріятнымъ настроеніемъ Павла Петровича — для того, чтобы союзъ оборонительный противъ Франціи превратить въ наступательный. Цѣль эта была достигнута тѣмъ легче, что французы сами вызывали въ это время Павла Петровича на непріязненныя дѣйствія. Морскія приготовленія французовъ разрѣшились въ это время неожиданной экспедиціей генерала Бонапарта въ Египетъ. На пути туда, Бонапартъ внезапно появился передъ Мальтой, и великій магистръ ордена Гомпешъ сдалъ ему весь островъ, съ его неприступными укрѣпленіями и богатыми запасами. Французы выслали тогда русскаго посланника при мальтійскомъ орденѣ и объявили жителямъ Мальты и Іоническихъ острововъ, что всякій русскій корабль, появившійся у ихъ берега, будетъ потопленъ. Императоръ Павелъ былъ глубоко оскорбленъ этими поступками французовъ и обѣщалъ вѣнскому двору полную свою поддержку въ случаѣ разрыва съ Франціею. Черноморская эскадра адмирала Ушакова получила приказаніе двинуться къ Босфору для совмѣстнаго дѣйствія съ турецкимъ флотомъ противъ французовъ, и, наконецъ, 13 іюля 1798 г., повелѣно было 16-тысячному корпусу Розенберга собраться у Брестъ-Литовска для движенія на помощь Австріи; тогда же всѣ войска, находившіяся на западной границѣ имперіи поставлены были на военное положеніе, чтобы не только охранять спокойствіе въ новоприсоединенныхъ польскихъ областяхъ, но и «удерживать короля прусскаго въ нейтралитетѣ и совершенно въ пассивномъ положеніи». Вѣнскій дворъ былъ въ восторгѣ, и императоръ Францъ собственноручнымъ письмомъ выразилъ свою благодарность государю; тогда же, черезъ князя Репнина, положено было начало формальнымъ переговорамъ о бракѣ великой княжны Александры Павловны съ однимъ изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ. Большое участіе въ дальнѣйшихъ переговорахъ вѣнскаго двора съ петербургскимъ сталъ принимать съ этого времени находившійся на австрійской службѣ родной братъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцъ Фердинандъ виртембергскій. Въ то же время совершилось важное событіе, окончательно привязавшее императора Павла къ мальтійскому ордену: сановники и кавалеры россійскаго пріорства, собравшись въ Петербургѣ, торжественнымъ актомъ отъ 15 августа, признали Гомпеша виновнымъ въ «глупѣйшей безпечности» (de la plus stupide négligence) или соучастникомъ измѣны, объявили его низложеннымъ и просили императора Павла принять мальтійскій орденъ подъ свое державство. Императоръ Павелъ изъявилъ на это свое согласіе и манифестомъ отъ 30 августа 1798 г. далъ торжественный обѣтъ сохра-

нить свято всѣ учрежденія ордена, ограждать его преимущества и стараться всѣми силами поставить его на ту высшую степень, на которой онъ нѣкогда находился. Наконецъ 2 ноября 1798 г. онъ возложилъ на себя званіе великаго магистра ордена и вслѣдъ затѣмъ предался его дѣламъ со всѣмъ жаромъ пылкой своей души. Казалось, онъ стремился слить званіе великаго магистра съ высокимъ саномъ русскаго императора, чтобы тѣмъ самымъ придать мальтійскому ордену, отживавшему свой вѣкъ, новое значеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, усвоить русскому государю обязанность быть олицетвореніемъ средневѣковыхъ традицій ордена. Мальтійскій крестъ помѣщенъ былъ въ государственный гербъ и въ арматуру гвардейскихъ полковъ; кромѣ россійскаго католическаго пріорства учреждено было еще новое, греко-россійское, которое также состояло изъ значительнаго количества командорствъ, приносившихъ опредѣленные пожизненные доходы. Мальтійскій крестъ жалуемъ былъ за заслуги наравнѣ съ россійскими орденами. Странное зрѣлище представлялъ тогда мальтійскій орденъ, долженствовавшій служить опорой дворянства и католицизма и имѣвшій своимъ главою и покровителемъ русскаго православнаго монарха, объявившаго себя врагомъ исключительныхъ сословныхъ привиллегій и незадолго передъ тѣмъ отвѣчавшаго папѣ на его требованіе о возстановленіи нарушенныхъ правъ католическаго духовенства въ Россіи: «напрасно онъ симъ занимается»! Павла прельщалъ въ мальтійскомъ орденѣ его традиціонный рыцарскій характеръ и его мистически-религіозное направленіе, такъ отвѣчавшее его собственному религіозному міровоззрѣнію.

Въ личной жизни императора Павла происходила въ описываемый періодъ времени тяжелая драма. Павелъ Петровичъ всегда былъ ревностнымъ христіаниномъ и нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Вліяніе Нелидовой на его умъ и характеръ имѣло чисто нравственную основу, и это было признано самою императрицею Маріей Ѳеодоровною, сдѣлавшеюся другомъ и покровительницей фрейлины, возбуждавшей прежде ея негодованіе. И Марія Ѳеодоровна, и Нелидова, знали недостатки характера Павла и, желая ему добра, дѣйствовали совмѣстно, чтобы предохранять его отъ возможныхъ увлеченій, отъ послѣдствій его гнѣва и раздражительности. Но за два года царствованія Павла обнаружилось, что въ образѣ дѣйствій охранявшихъ его подругъ была существенная разница. Нелидова въ своихъ отношеніяхъ къ Павлу не преслѣдовала никакихъ личныхъ цѣлей, не навязывала ему никакихъ своихъ взглядовъ и симпатій, тогда какъ императрица Марія, ограничивая свою дѣятельность внѣшнимъ образомъ дѣлами благотворенія, тѣмъ не менѣе ярко выражала свою личность и въ вопросахъ, касавшихся внутренней и внѣшней политики государства. Прежде всего, императрица обнаруживала слишкомъ живое участіе къ дѣламъ многочисленной нѣмецкой своей родни, въ особенности къ судьбѣ своихъ братьевъ, не отличавшихся, въ большинствѣ случаевъ, высокими нравственными качествами; вмѣстѣ съ тѣмъ, при каждомъ представлявшемся случаѣ, она не умѣла скрыть своихъ симпатій къ Пруссіи. Приближая къ себѣ французскихъ эмигрантовъ изъ сочувствія къ легитимному принципу, императрица Марія въ то же время покровительствовала и католическому духовенству, если интересы его связаны были съ интересами эмигрантовъ; но въ особенности любила императрица выдвигать различныхъ нѣмецкихъ выходцевъ, оцѣнивая вмѣстѣ съ ними политическое положеніе по-преимуществу съ нѣмецкой точки зрѣнія. Въ дѣлахъ политическихъ Марія Ѳеодоровна ошибочно давала также мѣсто мелочнымъ соображеніямъ семейнаго характера, не всегда имѣвшимъ связь съ общими политическими интересами Россіи. Во внутреннемъ управленіи имперіей императрица вполнѣ довѣрялась искусству братьевъ Куракиныхъ и хотя ласкала князя Безбородко и уважала его опытность, но не питала сочувствія его политическому міросозерцанію, сложившемуся въ школѣ Екатерины. Вообще въ дѣйствіяхъ императрицы, уже прославившейся своими благотвореніями, замѣтна была мелочность побужденій, стремленіе внести въ государственныя дѣла соображенія семейнаго или сентиментально-нравственнаго характера. При этомъ императрица, подобно своему супругу, усвоила себѣ ложныя понятія объ этикетѣ, возбуждая противъ себя иногда преувеличенныя обвиненія въ гордости и тщеславіи. Нелидова, будучи подругой Маріи Ѳеодоровны, дѣйствовала сообразно съ ея взглядами и своимъ вліяніемъ на Павла Петровича

пользовалась иногда для достиженія ея цѣлей. Въ сущности эта невыгодная сторона вліянія обѣихъ подругъ на императора не имѣла серьезнаго значенія, сравнительно съ тѣмъ нравственнымъ равновѣсіемъ, которое, благодаря имъ, поддерживалось во впечатлительной душѣ государя, столь доступнаго постороннимъ внушеніямъ и дѣйствовавшаго часто подъ вліяніемъ первой минуты. Всегда простосердечный, искренній, государь искалъ искренности и въ другихъ, и дружба его къ Нелидовой, при его годами воспитанной подозрительности и мнительности, была для него нравственной опорой и утѣшеніемъ, такъ какъ въ ней онъ видѣлъ единственнаго человѣка, глубоко и, притомъ, совершенно безкорыстно ему преданнаго. Этимъ довѣріемъ Павла Петровича лично къ Нелидовой и объясняется относительная продолжительность вліянія на него императрицы, хотя онъ зналъ всѣ слабыя ея стороны и умѣлъ, когда считалъ это нужнымъ, противодѣйствовать ея вмѣшательству въ дѣла даже въ рѣзкой и иногда оригинальной формѣ: однажды онъ даже приказалъ арестовать императрицу, когда она, видя, что лично императоръ наказывалъ неисправнаго часоваго, бросилась къ государю, ходатайствуя о помилованіи. На постоянное заступничество Нелидовой за императрицу, ея единодушіе съ ней, подрывали довѣріе къ ней государя, и холодность его къ императрицѣ начинала постепенно отражаться на его отношеніяхъ и къ ея подругѣ. Этимъ обстоятельствомъ спѣшили воспользоваться люди, старавшіеся подчинить государя собственному своему вліянію.

Еще лѣтомъ 1797 года генералъ-адъютантъ Павла Растопчинъ слѣдующимъ образомъ отзывался объ императрицѣ и Нелидовой: «Жаль, что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя, нѣмцами и позволяетъ обманывать себя ницимъ (т. е. эмигрантамъ). Чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ m-lle Нелидовой, которую она ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала и которая однако сдѣлалась ея постояннымъ другомъ съ 6 ноября прошлаго года. Мы, три или четыре человѣка, отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ одному только императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали бы удалить князя Безбородко и замѣстить его княземъ Александромъ Куракинымъ, глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ военныхъ дѣлъ князя Репнина и управлять всѣмъ посредствомъ своихъ креатуръ. Это планъ Алексѣя Куракина, величайшаго бездѣльника, который грабитъ и запутываетъ все и безстыдно выпрашиваетъ себѣ подачки». Безбородко дѣйствительно былъ вынужденъ постоянно считаться съ Куракиными, въ особенности послѣ того, когда онъ вступилъ съ нимъ въ открытую борьбу по поводу финансовыхъ проектовъ Алексѣя Куракина. И Растопчинъ, и Безбородко, постоянные докладчики императора, умѣли указывать при удобномъ случаѣ на слабыя стороны императрицы и находили себѣ усерднаго помощника въ оберъ-гардеробмейстерѣ Кутайсовѣ, который по прежнему былъ брадобреемъ и камердинеромъ государя и въ лицѣ императрицы видѣлъ препятствіе къ дальнѣйшему своему возвышенію. Къ этимъ тремъ лицамъ, близко стоявшимъ къ особѣ государя, примыкала масса лицъ, также враждебно настроенныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, противъ императрицы. Почва для интригъ была подготовлена, и уже въ концѣ 1797 года императоръ неоднократно выражалъ своей супругѣ неудовольствіе по разнымъ поводамъ на столько сильно, что Нелидовой стоило большихъ усилій смягчать его гнѣвъ. Враги императрицы стремились однако поселить совершенное отчужденіе между государемъ и его супругой.

28 января 1898 года императрица Марія разрѣшилась отъ бремени четвертымъ сыномъ, Михаиломъ. Роды были трудные, и медики государыни, а также берлинскій профессоръ—акушеръ Мекель, нарочно приглашенный для этого случая, доложили Павлу Петровичу, что императрица не въ состояніи будетъ перенести другіе; современники разсказываютъ, что врачи эти были подкуплены врагами императрицы и прямо называютъ одного изъ нихъ—Кутайсова. Государь очень безпокоился о здоровьѣ своей супруги, тѣмъ болѣе, что она вслѣдъ затѣмъ потеряла свою мать, герцогиню виртембергскую, скончавшуюся среди приготовленій къ отъѣзду своему въ Россію. Медики предписали Маріи Ѳеодоровнѣ тихій и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ. Между тѣмъ, Растопчинъ позволялъ себѣ громко выражать свои мнѣнія объ императрицѣ и за

то 4 марта былъ уволенъ отъ службы. Но сочувствовавшая ему партія также не дремала. 5 мая Павелъ Петровичъ выѣхалъ изъ Петербурга въ сопровожденіи старшихъ сыновей своихъ для путешествія въ Москву и Казань. Встрѣча, оказанная императору въ Москвѣ, была восторженная, несравненно теплѣе, чѣмъ прежде, и государь неоднократно высказывалъ свое удовольствіе, замѣчая съ грустью, что въ Петербургѣ, какъ ему кажется, его «гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ». Тогда Кутайсовъ объяснилъ государю, что его считаютъ тамъ за тирана и что лишь вліяніемъ государыни и Нелидовой объясняютъ благодѣтельныя и разумныя распоряженія. Въ Москвѣ же Павелъ Петровичъ обратилъ вниманіе на 19-лѣтнюю дочь сенатора Лопухина, Анну Петровну, личность безцвѣтную, но добрую и простосердечную. Государю представили, что Лопухина любитъ его до безумія, и Павелъ Петровичъ, только что разочаровавшійся въ давнихъ своихъ привязанностяхъ, глубоко тронутъ былъ видимою привязанностію къ себѣ молодой, неопытной дѣвушки. По приказанію Павла, семья Лопухиныхъ приглашена была переѣхать въ Петербургъ, гдѣ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, долженъ былъ получить новое назначеніе. Въ Москвѣ и Казани строгій императоръ вообще показалъ себя милостивымъ ко всѣмъ сословіямъ, а отъ крестьянъ принималъ даже прошенія съ жалобами на помѣщиковъ; войска, со страхомъ шедшіе на смотры къ взыскательному государю, также встрѣтили его одобреніе. На возвратномъ пути въ Петербургъ, въ Тихвинѣ, Павелъ Петровичъ встрѣченъ былъ 8 іюня императрицей и Нелидовой; тамъ онѣ уже «узнали свою бѣду», хотя императоръ и не далъ имъ почувствовать своего неудовольствія. Но, по возвращеніи въ Павловскъ, Павелъ Петровичъ холодно сталъ относиться и къ Куракинымъ, и къ военному петербургскому губернатору Буксгевдену, какъ къ креатурамъ императрицы. Въ особенности дурно обошелся императоръ съ Куракиными, ошибки и злоупотребленія которыхъ не разъ и прежде вызывали его неудовольствіе; современники разсказываютъ, что Алексѣя Куракина императоръ неоднократно подвергалъ взысканіямъ въ самой оскорбительной формѣ. Приписывая перемѣну въ императорѣ исключительно вліянію чувства его къ Лопухиной, Марія Ѳеодоровна, узнавъ о предполагаемомъ ея пріѣздѣ въ Петербургъ, написала ей письмо, въ которомъ совѣтовала ей остаться въ Москвѣ. Эта неудачная мысль императрицы ускорила развязку. Павелъ вышелъ изъ себя, безпощадно обошелся съ своей супругой и Нелидовой и затѣмъ произвелъ цѣлый рядъ перемѣнъ въ высшемъ управленіи государствомъ, замѣняя лицъ, преданныхъ императрицѣ, людьми новыми и, по его мнѣнію, болѣе способными. Вмѣсто Куракиныхъ, вице-канцлеромъ назначенъ былъ племянникъ Безбородко, Кочубей, а генералъ-прокуроромъ отецъ Лопухиной, Петръ Васильевичъ Лопухинъ, ловкій придворный, но безкорыстный и опытный дѣлецъ; вновь принятый на службу Растопчинъ переименованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи, а Кутайсовъ пожалованъ былъ въ егермейстеры. Но важнѣе всѣхъ этихъ перемѣнъ было назначеніе военнымъ губернаторомъ Петербурга барона Палена, вмѣсто графа Буксгевдена. Паленъ былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ, которые пострадали въ царствованіе Павла. Тогда онъ былъ лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ и подвергся гнѣву императора за военныя почести, оказанныя имъ князю Зубову при проѣздѣ его чрезъ Ригу. 26 февраля 1797 г. императоръ писалъ Палену: «Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздѣ князя Зубова чрезъ Ригу; изъ чего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коемъ и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ»; вслѣдъ затѣмъ Паленъ былъ уволенъ отъ службы. Но осенью 1797 г., пользуясь содѣйствіемъ подруги своей жены, графини Ливенъ, воспитательницы великихъ княженъ, Паленъ былъ вновь принятъ на службу. Императоръ, отходчивый въ своемъ гнѣвѣ, цѣнилъ исполнительность и военныя дарованія Палена и назначилъ его командиромъ конной гвардіи. Находясь въ этой должности, Паленъ успѣлъ сблизиться съ Кутайсовымъ, который постоянно началъ доводить до свѣдѣнія государя самые лестные о немъ отзывы. «Никогда я не слыхалъ», выразился однажды Павелъ, «чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить». «Предавшись такому тече-

нію мыслей», разсказываетъ современникъ, «государь все милостивѣе и милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно-чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности важнѣйшей послѣ генералъ-прокурорской, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія». 25 іюля 1798 г. Паленъ назначенъ былъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Императоръ былъ радъ, что сбросилъ съ себя, какъ онъ выражался, *иго* императрицы и удалилъ отъ себя людей, ей преданныхъ. Многіе, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, были высланы изъ Петербурга, въ томъ числѣ графиня Буксгевденъ, подруга Нелидовой; тогда и Нелидова сама пожелала слѣдовать за своей подругой въ ея имѣніе, въ замокъ Лоде, и просила на это разрѣшеніе государя, заклиная его въ то же время, въ своемъ письмѣ по этому поводу, не довѣряться Кутайсову. Павелъ Петровичъ былъ крайне огорченъ этимъ намѣреніемъ своего друга и пытался удержать ее въ Петербургѣ. «Я не понимаю», писалъ онъ ей между прочимъ, «причемъ тутъ Кутайсовъ или кто другой въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ или кто другой, кто позволилъ бы внушать мнѣ или дѣлать что-либо, противное правиламъ моей чести и совѣсти, навлекъ бы на себя то же, что постигло теперь многихъ другихъ. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какъ я чувствителенъ и щекотливъ по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, злоупотребленія которыми, вы это знаете, я не въ силахъ выносить. Вспомните факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я самъ — точь-въ-точь такіе же. Я очень мало подчиняюсь вліянію того или другаго человѣка, вы это знаете... Клянусь предъ Богомъ въ истинѣ всего, что я говорю вамъ, и совѣсть моя предъ нимъ чиста, какъ желалъ бы я быть чистымъ въ смертный свой часъ. Вы можете увидѣть отсюда, что я не боюсь быть недостойнымъ вашей дружбы». Считая себя правымъ по отношенію къ императрицѣ, государь не замѣчалъ крайней опасности, которой онъ могъ подвергнуться, благодаря недостаткамъ своего характера—особенно въ это время, когда своими преобразованіями онъ возбудилъ противъ себя столько враговъ и недоброжелателей. Императрица Марія, горячо любившая своего супруга, ясно сознавала, что послѣ удаленія Нелидовой возлѣ Павла Петровича не оставалось болѣе никакого сдерживающаго элемента. «Сколько бы Иванъ (т. е. Кутайсовъ) ни говорилъ императору,» писала она Нелидовой, «что, по мнѣнію общества, вы и я вмѣстѣ управляемъ имъ и его дѣйствіями, — онъ не можетъ повѣрить этому, не припомнивъ себѣ, что мы только противодѣйствовали его горячности, его гнѣвнымъ вспышкамъ, его подозрительности, заклиная его оказать какую-либо милость или пробуя воспрепятствовать какой-либо жестокости, которая могла бы уронить его въ глазахъ его подданныхъ и отвратить отъ него ихъ сердца. Преслѣдовали ли мы когда-либо другую какую-либо цѣль, кромѣ его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великій Боже, имѣть что-либо другое въ виду, вы—какъ вполнѣ преданный, истинный его другъ, я—какъ его другъ, какъ его жена, какъ мать его дѣтей? У насъ никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совѣсть, но знаю, какое счастіе испытывали мы, когда имѣли возможность отдавать полную справедливость его великодушнымъ поступкамъ, его добрымъ и лояльнымъ намѣреніямъ!» Но надеждамъ Маріи Ѳеодоровны, что Павелъ Петровичъ еще можетъ возвратить ей свою дружбу, не суждено было осуществиться. Кутайсовъ и другія лица, окружавшія государя, постоянно питали его подозрительность, намекая, что императрица преслѣдуетъ честолюбивыя цѣли и, пользуясь недовольствіемъ гвардіи и дворянства, можетъ повторить революцію 1762 г. «Если вы, сударыня», сказалъ однажды Павелъ своей супругѣ, «захотите когда-либо сыграть роль Екатерины II, то, по крайней мѣрѣ, не ожидайте встрѣтить во мнѣ Петра III». Послѣ удаленія Нелидовой въ замокъ Лоде, императоръ велѣлъ даже вскрывать переписку ея съ императрицей, чтобы судить о чувствахъ и намѣреніяхъ своей супруги. Положеніе Маріи Ѳеодоровны сдѣлалось вскорѣ невыносимымъ, такъ какъ всѣ лица, оказывавшія ей участіе, были подозрительны для государя, и она думала даже отказаться отъ управленія воспитательными и благотворительными заведеніями; въ концѣ концовъ ей пришлось обратиться къ Павлу Петровичу «съ единственной просьбой» — относиться къ ней вѣжливо при публикѣ. Великіе князья Але-

ксандръ и Константинъ Павловичи также чувствовали недовѣріе къ себѣ со стороны отца, знавшаго о ихъ довѣріи къ матери. Дурной пріемъ встрѣтили у императора и два брата Маріи Ѳеодоровны, принцы виртембергскіе: Фердинандъ и Александръ, бывшіе на австрійской службѣ и явившіеся въ іюлѣ 1798 г. въ С.-Петербургъ просить государя оказать Австріи немедленную поддержку всѣми военными силами имперіи. Но государь ограничился только посылкою на помощь Австріи 16-тысячнаго корпуса Розенберга II, въ отвѣтъ на настоянія принцевъ, замѣтилъ имъ, что, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ дѣла своихъ сосѣдей, онъ желаетъ упрочить счастіе своей имперіи. Къ принцу Фердинанду императоръ относился вообще холодно и однажды даже повернулся къ нему спиной въ присутствіи всего двора. Для императрицы Маріи такой образъ дѣйствій императора былъ тѣмъ прискорбнѣе, что Фердинандъ явился просить руки великой княжны Александры Павловны для эрцгерцога Іосифа, палатина венгерскаго, и она боялась, что императоръ можетъ помѣшать осуществленію этого брачнаго проекта. Когда, вслѣдъ затѣмъ, корпусъ Розенберга, по вступленіи своемъ въ предѣлы Австріи, сталъ получать отъ австрійцевъ недостаточное количество провіанта, то императоръ приказалъ Розенбергу распустить войска и расположить ихъ по квартирамъ до тѣхъ поръ, пока австрійцы не образумятся. Вѣнскій дворъ спѣшилъ исправить свою ошибку и, по желанію императора Павла, приказалъ принцу Фердинанду, возвратившемуся изъ Петербурга, имѣть личное, ближайшее попеченіе о нуждахъ и удобствахъ русскихъ войскъ.

Политическія дѣла принимали такой оборотъ, что государь въ скоромъ времени увидѣлъ себя вынужденнымъ вступить для обузданія Франціи въ тѣснѣйшій союзъ съ Австріей и Англіей. Мало того, онъ потребовалъ отъ Пруссіи присоединенія къ коалиціи и угрожалъ ей войною, если она какимъ-либо образомъ помѣшаетъ Австріи въ ея приготовленіяхъ къ разрыву съ Франціей. Рѣшившись на войну ради желанія остановить развитіе «революціонной заразы», а не изъ жажды завоеванія, Павелъ Петровичъ ожидалъ такого же безкорыстія и со стороны своихъ союзниковъ. Розенбергу предписано было внушать повсюду, гдѣ будетъ находиться его корпусъ, что русскія войска пришли на помощь союзнику «отнюдь не въ видѣ споспѣшествовать властолюбивымъ намѣреніямъ, но для подкрѣпленія его къ обузданію народа, устремившагося на разрушеніе благоустроенныхъ державъ» и «для возстановленія престоловъ и алтарей». Уже въ октябрѣ черноморская эскадра адмирала Ушакова, соединившись съ турецкимъ флотомъ, двинулась къ Іоническимъ островамъ для изгнанія отсюда французовъ, а между тѣмъ въ Италіи французы принудили сардинскаго короля Карла-Эммануеля отказаться отъ престола, а въ декабрѣ заняли Неаполь, принудивъ неаполитанскаго короля Фердинанда IV бѣжать въ Сицилію, и провозгласили тамъ парѳенопейскую республику. Между тѣмъ вѣнскій дворъ медлилъ объявить войну Франціи, въ надеждѣ вызвать императора Павла на помощь въ бо́льшихъ размѣрахъ. Дѣйствительно, въ январѣ 1799 года, Павелъ Петровичъ, по просьбѣ Австріи, вмѣсто одного, отправилъ ей три вспомогательныхъ корпуса и, наконецъ, пожертвовавъ личными своими неудовольствіями, далъ ей, по желанію императора Франца, военачальника въ лицѣ Суворова. Маститый герой вызванъ былъ изъ села Кончанскаго, гдѣ онъ жилъ, скучая въ бездѣятельности, въ Петербургъ собственноручнымъ письмомъ императора. Еще въ началѣ 1798 г. Павелъ вызывалъ его въ Петербургъ, предлагая ему вступить въ службу, но старый фельдмаршалъ, очевидно, не хотѣлъ вступать въ ряды плацпарадныхъ генераловъ и уѣхалъ обратно въ деревню. Теперь призывъ къ боевой дѣятельности оживилъ стараго полководца, и онъ поспѣшилъ на зовъ государя. Не довѣряя «воображенію Суворова, заставляющаго его иногда забывать все на свѣтѣ», императоръ сначала думалъ дать ему дядьку въ лицѣ генерала Германа, но, увидѣвшись съ Суворовымъ и увлекшись его военнымъ геніемъ, сказалъ ему: «веди войну какъ знаешь» и предписалъ корпуснымъ командирамъ не писать императору ничего помимо фельдмаршала. Государь самъ возложилъ на Суворова орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго; разсказываютъ, что Суворовъ при этомъ упалъ на колѣни и воскликнулъ «Боже, спаси царя!»,—а государь отвѣчалъ ему: «Да спасетъ Богъ тебя для спасенія царей»! «Мы молимъ Господа Бога нашего», писалъ Павелъ Суворову предъ отъѣздомъ его въ Вѣну 1 марта, «да бла-

гословитъ ополченіе Наше, даруя побѣду на враги вѣры христіанской и власти, отъ Всевышняго постановленной, и да пребудутъ воины россійскіе словомъ, дѣломъ и помышленіемъ истинными сынами отечеству и Намъ вѣрноподданными».

Послѣднія слова Павла Петровича имѣли весьма серьезное значеніе и для войскъ, отправлявшихся въ заграничный походъ, и для объясненія многихъ распоряженій Павла по внутреннимъ дѣламъ имперіи. 4 января императоръ писалъ Розенбергу, командовавшему русскими войсками въ Австріи до прибытія Суворова: «Французскій посланникъ (въ Берлинѣ) аббатъ Сійесъ, между прочими своими вредными затѣями, вздумалъ напечатать на русскомъ языкѣ переводъ книги подъ названіемъ: «Право человѣка», «Катехизисъ» развратный и другія мерзкія сочиненія, коихъ развращеніе умовъ есть цѣлью, въ чемъ онъ полагаетъ предуспѣть, разсѣявъ множество экземпляровъ сихъ сочиненій какъ по границѣ, такъ и въ корпусахъ, за оными находящихся. Если сіе точно правда, то вѣрно присланы будутъ многіе люди для употребленія книгъ сихъ и между войсками, подъ командою вашею находящимися, присовокупляя къ сему лесть, обѣщанія и проповѣдуя пагубную вольность. И дабы для предупрежденія сего зла, отъ намѣреній сихъ произойти могущихъ, чинить крѣпкое смотрѣніе за всѣмъ тѣмъ, что на развращеніе умовъ можетъ подать поводъ, употребляя лазутчиковъ для развѣдыванія происходящаго между офицерами, и открыть, если кто изъ нихъ дѣломъ или словомъ какимъ вознамѣрится возстать противъ власти начальства или вводить язву моральную. Если же употребленныхъ по сему дѣлу найдутся быть подданные римскаго императора, то вы отнеситесь, извѣряя мнѣніе о семъ или начальствующихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сіе случилось, или же увѣдомляйте для истребованія виновнымъ наказанія къ послу Нашему, въ Вѣнѣ пребывающему».

Это письмо Павла ясно доказываетъ, что война съ французами пріобрѣла въ его глазахъ значеніе внутренняго дѣла для Россіи. Борьба съ «модными философическими системами» и «пагубными ученіями» велась не однимъ оружіемъ, но и другими средствами власти, бывшими въ распоряженіи императора. Но «моральную язву» государь преслѣдовалъ болѣе всего мѣрами полицейскими, забывая наставленіе Екатерины, что идеи нельзя уничтожать пушками. Еще въ апрѣлѣ 1798 г. былъ запрещенъ французамъ въѣздъ въ Россію, а вслѣдъ затѣмъ и всѣхъ прочихъ иностранцевъ повелѣно впускать въ Россію не иначе, какъ съ особаго на каждый отдѣльный случай высочайшаго разрѣшенія. Одновременно съ этимъ затрудненъ былъ до послѣдней возможности и выѣздъ русскихъ подданныхъ за границу. Запрещено было даже молодымъ людямъ ѣздить въ заграничные университеты для обученія, «по причинѣ возникшихъ нынѣ въ иностранныхъ училищахъ зловредныхъ правилъ къ воспаленію незрѣлыхъ умовъ, на необузданныя и развратныя умствованія подстрекающихъ, и вмѣсто ожидаемой отъ воспитанія посылаемыхъ туда молодыхъ людей пользы, пагубу имъ навлекающихъ». Но, «дабы не ограничить тѣмъ способовъ къ образованію и просвѣщенію, въ особенности благородному юношеству лифляндскому, эстляндскому и курляндскому, и тѣмъ наипаче воздѣйствовать къ общему и частному благу», разрѣшено было прибалтійскому дворянству, указомъ отъ 9 апрѣля 1798 г. основать собственный университетъ въ Дерптѣ. Все, что напоминало или могло напомнить о революціонныхъ идеяхъ вообще подвергалось строгому преслѣдованію императора даже въ мелочахъ; такъ, указомъ отъ 5 мая 1798 г., запрещено было фабрикантамъ выдѣлывать трехцвѣтныя ленты, а купцамъ торговать ими. Иногда совершенно невинныя замѣчанія или неудачныя выраженія даже приближенныхъ къ государю лицъ приводили его въ дурное настроеніе духа, если вызывали въ немъ мысль о «моральной язвѣ» революціонныхъ ученій. Во время путешествія Павла Петровича въ Казань статсъ-секретарь его, Нелединскій, сидѣвшій съ нимъ въ каретѣ, сказалъ государю, проѣзжая чрезъ какіе-то обширные лѣса: «Вотъ первые *представители* лѣсовъ, которые далеко простираются за Уралъ».—«Очень поэтически сказано», возразилъ съ гнѣвомъ императоръ, «но совершенно неумѣстно: извольте сейчасъ выйти вонъ изъ коляски». При такомъ нервномъ настроеніи государя неудивительно, что иногда самаго мельчайшаго случая было достаточно, чтобы навлечь на многихъ подозрѣніе въ «пагубномъ вольномысліи». Многіе посажены были въ крѣпость или отданы подъ надзоръ полиціи по самымъ ничтожнымъ поводамъ.

При дворѣ также не было спокойно. Государь боялся образованія партіи императрицы и удалилъ изъ Петербурга всѣхъ, кто уже извѣстенъ былъ въ качествѣ сторонниковъ; такой же участи подверглись, одинъ за другими, и всѣ лица, пользовавшіяся дружбою великаго князя Александра Павловича; въ томъ числѣ удаленъ былъ, по особому поводу, и князь Адамъ Чарторижскій, назначенный посланникомъ къ сардинскому королю. Даже переписка молодыхъ великихъ княгинь: Елисаветы Алексѣевны и Анны Ѳеодоровны подвергалась вскрытію. Новая фаворитка государя, Лопухина, не имѣла никакого вліянія на дѣла и владѣла умомъ государя въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Нелидова. По молодости и неопытности она не видѣла опасностей, окружавшихъ ея царственнаго поклонника, но по своей добротѣ часто испрашивала прощенія лицамъ, съ которыми императоръ поступалъ слишкомъ строго. Никѣмъ не сдерживаемый, всегда волнующійся, государь мучился тысячами подозрѣній, раздуваемыхъ для своихъ личныхъ цѣлей Кутайсовымъ и его согласниками. Императрица относилась къ Лопухиной всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу, и вела себя очень сдержанно и съ достоинствомъ. Но императоръ не довѣрялъ ея молчаливому терпѣнію. «Павелъ думалъ», разсказываетъ Чарторижскій «что сыновья недостаточно ему преданы, что его супруга сама хочетъ царствовать вмѣсто него. Ему успѣли внушить глубокое недовѣріе и къ ней, и къ его старымъ слугамъ. Тогда-то началось для всѣхъ тѣхъ, кто приближался ко двору, время боязни и вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышкѣ императора, который обыкновенно поручалъ эту непріятную коммисію гофмаршалу... Придворные балы и праздники были мѣстомъ, гдѣ рисковали потерять свое положеніе и свободу. Императоръ воображалъ иногда, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ особѣ, которую онъ уважалъ, или къ ея родственницамъ и подругамъ, и что это есть слѣдствіе злоумышленій императрицы. Этого было достаточно, чтобы императоръ приказывалъ тотчасъ удалить предполагаемаго виновнаго отъ двора. Недостаточно глубокій поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контрданса, или какой-либо другой промахъ въ этомъ родѣ, были поводомъ къ тому, что балы и другія придворныя собранія по вечерамъ, подобно тому, какъ утромъ парады, сопровождались прискорбными послѣдствіями для лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе или недовольствіе государя. Проявленія его гнѣва и его рѣшенія были внезапны и тотчасъ приводились въ исполненіе... Всѣ тѣ, кто составлялъ дворъ или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постоянной боязни; никто не былъ увѣренъ въ томъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегерь и не посадитъ его въ кибитку. Это были привычные случаи, которые сдѣлались даже предметомъ постоянныхъ шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени немилости къ m-lle Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ теченіе всего царствованія Павла».

При такихъ условіяхъ законодательная дѣятельность императора Павла приняла еще болѣе рѣзкій характеръ борьбы съ установившимися при Екатеринѣ порядками. Правительственные взгляды Павла Петровича проявились уже совершенно опредѣленно и слагались въ стройную систему. Императоръ хотѣлъ говорить не съ учрежденіями, а съ лицами, бывшими непосредственными исполнителями его повелѣній, и поэтому въ его царствованіе тихо, незамѣтно, совершался переходъ отъ коллегіальнаго начала къ единоличному, министерскому—въ высшемъ управленіи, отъ сословнаго—къ бюрократическому въ низшемъ. Еще въ царствованіе Екатерины коллегіальное начало управленія стало ослабѣвать въ своемъ значеніи. Президенты иностранной, военной и адмиралтействъ-коллегій, имѣя личные доклады у государя, оказывали сильное вліяніе на ходъ дѣлъ въ коллегіяхъ; сенатъ постепенно утрачивалъ функціи «правительствующаго» и пріобрѣталъ судебный характеръ; зато генералъ-прокуроръ, по идеѣ власть наблюдающая, совмѣщалъ въ своемъ лицѣ обязанности министровъ юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; остальныя вѣдомства также были на дорогѣ къ единоличному управленію. Императоръ Павелъ, со свойственною ему быстротою, при-

далъ этому движенію болѣе силы, стремясь, въ то же время, разграничить отдѣльныя вѣдомства и установить между ними необходимую связь. Черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Екатерины, возстановлены были на прежнемъ основаніи закрытыя ею бергъ, мануфактуръ и коммерцъ-коллегіи, «по крайней неудобности въ раздробленіи важныхъ отдѣленій государственной экономіи», но надъ президентами этихъ коллегій поставлены были главные директоры, имѣвшіе право личнаго доклада у императора. Вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 4 декабря 1796 г., финансовая часть отнята была у генералъ-прокурора и ввѣрена особому лицу, государственному казначею, которому подчинены были четыре экспедиціи. Генералъ-прокурору ввѣрена была зато вновь учрежденная экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства; у него же въ вѣдѣніи находилась основанная Павломъ при сенатѣ школа для обученія юнкеровъ (молодыхъ дворянъ), географическій департаментъ и, одно время, управленіе государственныхъ лѣсовъ. По отношенію къ сенату генералъ-прокуроръ всталъ въ еще болѣе независимое положеніе, чѣмъ при Екатеринѣ. Работа по составленію новаго уложенія поручена была ему, а не сенату; на него же возложена была «повсемѣстная бдительность въ благоуспѣшномъ теченіи разнаго рода дѣлъ, въ приказахъ производимыхъ, и о точномъ сохраненіи законовъ, на всѣ части государственнаго управленія». Сенатъ почти превращенъ былъ въ судебное мѣсто, такъ какъ всѣ его департаменты заняты были рѣшеніемъ запущенныхъ старыхъ дѣлъ, которыхъ къ началу царствованія Павла оказалось 11,746; для скорѣйшаго окончанія ихъ учреждены были даже три временныхъ департамента; лишь въ 1799 году сенатъ получилъ нѣкоторое значеніе въ администраціи установленіемъ сенаторскихъ ревизій по губерніямъ. Но и видоизмѣненныя коллегіи не удовлетворяли государя: онъ желалъ видѣть предъ собою не докладчиковъ только по дѣламъ какого-либо вѣдомства, но лицъ, отвѣтственныхъ за управленіе имъ. Въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», создавшемъ новый, дотолѣ не существовавшій департаментъ удѣловъ, завѣдываніе департаментомъ и отвѣтственность по дѣламъ его возложено было на *министра* удѣловъ. Эту должность Павелъ пытался примѣнить впослѣдствіи и къ другимъ частямъ государственной машины, такъ какъ въ 1800 году учреждено было министерство коммерціи и тогда же предположено было къ осуществленію министерство финансовъ. Но попытки эти не могли получить надлежащаго значенія, такъ какъ при бюрократическомъ элементѣ предполагалось еще сохранить коллегіальный, придавъ послѣднему роль исполнительную.

Если, такимъ образомъ, высшее управленіе въ Россіи при Павлѣ Петровичѣ находилось въ хаотическомъ состояніи, то причина тому заключается въ происходившей смѣнѣ старыхъ отжившихъ началъ съ новыми, еще не вполнѣ опредѣлившимися. При этомъ условіи невозможно было ни единство между разными частями управленія, ни правильный контроль надъ ними. Ни изумительная по своей мелочности государственная дѣятельность императора, ни его знаменитый желтый ящикъ, прибитый къ воротамъ Зимняго дворца для всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ,—не могли, разумѣется, помочь горю. Совѣтъ при высочайшемъ дворѣ игралъ по истинѣ жалкую роль, не исполняя никакой опредѣленной законодательной или административной функціи: дѣла, подлежавшія его разсмотрѣнію носили по большей части случайный характеръ. При различіи взглядовъ отдѣльныхъ вѣдомствъ рѣшать вопросы возможно было не иначе, какъ представляя ихъ на высочайшее усмотрѣніе. По вопросу, напримѣръ, о внутренномъ судоходствѣ представлено было императору три различныхъ мнѣнія: купечества, комерцъ-коллегіи и президента адмиралтействъ-коллегіи; Павелъ, по разсѣянности, утвердилъ ихъ всѣ. Къ сожалѣнію, предпринятая императоромъ въ самомъ началѣ его царствованія сложная кодификаціонная работа, возложенная на комиссію составленія законовъ, не отвѣчала его ожиданіямъ. Не смотря на участіе въ работахъ комиссіи извѣстнаго тогда законовѣда Полѣнова, работа комиссіи, быть можетъ благодаря нетерпѣливости Павла, поставлена была на ложную дорогу: невозможно было дать государству новое законодательство безъ предварительнаго историческаго собранія законовъ. Къ концу царствованія Павла, комиссія выработала однако 17 главъ о судопроизводствѣ, 9—о дѣлахъ вотчинныхъ и 13—объ уголовныхъ законахъ.

Успѣшному ходу законодательной дѣятельности Павла Петровича препятствовало въ значительной степени отсутствіе у государя талантливыхъ трудолюбивыхъ сотрудниковъ. Притомъ частая смѣна высшихъ государственныхъ сановниковъ сама по себѣ была уже достаточной причиной для медленнаго и непослѣдовательнаго производства дѣлъ. Малѣйшее неудовольствіе государя по какому-либо ничтожному поводу влекло иногда за собою увольненіе отъ должности даже такихъ лицъ, которыя по своему положенію, казалось, были надолго застрахованы отъ немилости: никто не зналъ, что ожидаетъ его завтра, и никто, поэтому, не имѣлъ охоты и возможности приниматься за дѣла, требовавшія долгой и усидчивой работы. Князь П. В. Лопухинъ, отецъ фаворитки Павла, смѣнившій князя Алексѣя Куракина въ должности генералъ-прокурора, — не усидѣлъ на ней, по интригамъ Кутайсова, и года: уже 7 іюля 1799 г. на его мѣсто назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Беклешовъ.—«Зналъ ли ты прежнихъ генералъ-прокуроровъ?» говорилъ государь только что опредѣленному Беклешову: «какой былъ генералъ-прокуроръ Куракинъ! какой Лопухинъ! Ты да я, я да ты: мы одни будемъ дѣла дѣлать»! Но Беклешовъ также не долго оставался генералъ-прокуроромъ, и уже 8 февраля 1800 г. императоръ могъ повторять назначенному на его мѣсто Обольянинову то же, что онъ говорилъ раньше Беклешову.

При хаотическомъ состояніи высшаго управленія неудивительно, что Павелъ долженъ былъ самъ входить во всѣ подробности и мѣстнаго управленія, желая все знать и всему давать направленіе. Переписка государя съ мѣстными начальниками, особенно съ командующими генералами и губернаторами, одна заняла бы цѣлые томы. Въ губернаторахъ Павелъ также желалъ видѣть отвѣтственныхъ правителей губерній, возлагая на нихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе правъ и обязанностей. Помимо обязанностей административно-полицейскихъ, они должны были нести отвѣтственность по дѣламъ фискальнымъ и даже судебнымъ. Казенные и частные убытки, происходившіе отъ какихъ-либо упущеній мѣстной администраціи, напримѣръ отъ грабежей, губернаторы должны были возмѣщать собственнымъ имуществомъ; во многихъ уѣздныхъ городахъ роль губернатора исполняли такъ называемые городничіе. Павелъ зорко слѣдилъ за дѣйствіями мѣстной администраціи: малѣйшая ошибка или недомолвка въ донесеніяхъ, малѣйшее злоупотребленіе или упущеніе, доходившее до свѣдѣнія государя, влекли за собою тотчасъ или его выговоръ, или увольненіе и исключеніе отъ службы; такъ, напримѣръ, вятскій губернаторъ Модерахъ за ошибку получилъ выговоръ въ формѣ «дурака», костромской—Кочетовъ, послѣ разграбленія почты въ его губерніи, вынужденъ былъ покрыть убытки казны и частныхъ лицъ отъ этого грабежа изъ собственнаго имущества, симбирскій—Корминъ былъ уволенъ отъ службы за принятіе почестей, ему несвойственныхъ, городничій Пирхъ, который, «забывъ всѣ обязанности служенія, публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ, и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе, употребляя также казенныхъ людей въ свои домашнія услуги», исключенъ былъ изъ службы и долженъ былъ просить прощенія на колѣняхъ при разводѣ у какого-то полковника Жукова и т. д. Наконецъ, для подробнаго изслѣдованія на мѣстѣ состоянія губерній и дѣйствій администраціи, Павелъ, именнымъ указомъ сенату отъ 6 октября 1799 г., возобновилъ сенаторскія ревизіи, раздѣливъ для этой цѣли, указомъ отъ 1 декабря, всѣ губерніи на 8 частей. Всѣ эти мѣры приводили къ тому, что въ губерніяхъ былъ образцовый по внѣшности порядокъ, хотя создавшаяся въ то время поговорка: «положеніе хуже губернаторскаго» свидѣтельствуетъ о всей тяжести службы правителей губерній: разбойничество, напримѣръ, столь развившееся въ царствованіе Екатерины въ приволжскихъ губерніяхъ, было совсѣмъ уничтожено. Вообще проявленіе произвола съ чьей бы то ни было стороны, хотя бы самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, вызывало гнѣвъ императора и строгія кары; генералъ-адъютантъ князь Щербатовъ, напримѣръ, за битье почтальоновъ и взятіе 12 лошадей вмѣсто 6, отставленъ былъ отъ службы. Но, съ другой стороны, и администрація, и мѣстные жители чувствовали себя въ угнетенномъ состояніи духа. Полицейскіе органы власти боялись отвѣтственности и за бездѣятельность, и за упущенія, даже за «язву моральную», сущности которой большинство не могло себѣ постигнуть. Со-

образно этому, въ Россіи павловскаго времени чрезвычайно усиленъ былъ полицейскій надзоръ—до такой степени, что, по разсказамъ современниковъ, боялись веселиться въ публичныхъ собраніяхъ и даже въ частныхъ домахъ и вести откровенные разговоры даже у себя дома. На всѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ и публичныхъ балахъ, «для смотрѣнія», всегда долженъ былъ присутствовать частный приставъ. Даже то оружіе, которымъ Павелъ Петровичъ думалъ уничтожить всякую несправедливость въ Россіи, «открывъ всѣ пути и способы, чтобы гласъ слабаго, угнетеннаго былъ услышанъ»,—знаменитый «желтый ящикъ» у воротъ Зимняго дворца, а также жалобы и прошенія, поступавшія непосредственно на высочайшее имя чрезъ почту, приводили иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ. Наряду съ просьбами о милостяхъ и жалобами на дѣйствительныя злоупотребленія или притѣсненія, поступала къ государю масса всякаго рода ложныхъ доносовъ, въ большинствѣ случаевъ анонимныхъ, и огромное количество ходатайствъ, ровно ни на чемъ не основанныхъ. Многія изъ этихъ «недѣльныхъ» прошеній возвращаемы были съ «наддраніемъ», и о нихъ, чтобы пристыдить просителей, въ примѣръ другимъ, публиковалось въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Но число ихъ все-таки умножалось до такой степени, что Павелъ Петровичъ вынужденъ былъ 23 мая 1799 г. особымъ указомъ объявить, «дабы недѣльными просьбами его императорскаго величества не утруждали», а затѣмъ, что «всякъ, дерзнувшій по двухкратной просьбѣ еще утруждать его императорское величество, имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ». Неосновательныя просьбы о милостяхъ, однако, не влекли за собою большихъ неудобствъ для государя, кромѣ отказа «съ наддраніемъ», но жалобы на неправосудіе и притѣсненія, даже основательныя сами по себѣ, возбуждали подробныя разслѣдованія, длительную переписку съ отдѣльными правительственными учрежденіями, просмотръ подлинныхъ дѣлъ самимъ государемъ и т. д. Этотъ фактическій контроль дѣйствій судебныхъ учрежденій и администраціи объяснялся отсутствіемъ высшаго правительственнаго учрежденія, обязаннаго слѣдить за точнымъ исполненіемъ законовъ, и хаотическимъ состояніемъ администраціи въ концѣ царствованія Екатерины. Тѣмъ не менѣе доносовъ одинаково боялись и честные, и дурные люди. Отъ «желтаго ящика» постарались, впрочемъ, избавиться оригинальнымъ образомъ: въ немъ государь сталъ находить эпиграммы и каррикатуры на самого себя, и тогда существованіе желтаго ящика прекратилось навсегда.

При этихъ печальныхъ условіяхъ императоръ Павелъ закрылъ для себя цензурными строгостями единственный остававшійся для него и самый могущественный способъ судить объ общественномъ настроеніи и воздѣйствовать на него—содѣйствіе литературы, тогда какъ самъ онъ постоянно подвергался общественному суду, часто ошибочному, во вредъ себѣ, но по собственной винѣ, печатая постоянно всѣ немотивированныя и дурно изложенныя резолюціи свои и приказы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Въ Москвѣ, впрочемъ, умѣли отчасти соединять общественныя силы, но петербургская литература сдѣлалась почти оффиціальной. Между тѣмъ, именно въ Петербургѣ въ 1798 г. произошло литературное событіе, которое могло бы заставить Павла измѣнить свои отношенія къ печати. Капнистъ написалъ въ это время комедію «Ябеда», въ которой осмѣивалъ взяточничество и неправосудіе чиновниковъ, и желалъ посвятить ее императору. «Досады, которыя мнѣ и другимъ надѣлала ябеда»,—писалъ онъ,—«были причиною, что я рѣшился осмѣять ее въ комедіи, а неусыпное стараніе правдолюбиваго монарха нашего искоренить ее въ судахъ, внушаетъ мнѣ смѣлость посвятить сочиненіе мое его императорскому величеству». Государь принялъ посвященіе, не читая пьесы, но когда она была поставлена на сцену и имѣла шумный успѣхъ, императору было доложено княземъ Лопухинымъ, генералъ-прокуроромъ, что Капнистъ далъ ужасный поводъ къ соблазну, что его наглость преувеличила дѣйствительность и что въ его пьесѣ находится явное попраніе монаршей власти въ ея ближайшихъ органахъ. Довѣрившись донесенію, императоръ, въ порывѣ гнѣва, приказалъ, какъ говорятъ, отправить автора въ Сибирь. Послѣ обѣда гнѣвъ государя, однако, остылъ, онъ усомнился въ справедливости своего приказанія и велѣлъ представить «Ябеду» въ своемъ присутствіи въ эрмитажномъ театрѣ. Зрителями пьесы былъ только онъ и великій князь Александръ Павловичъ. Послѣ пер-

ваго же акта государь, безпрестанно аплодировавшій пьесѣ, послалъ фельдъегеря за Капнистомъ, пожаловалъ ему, минуя два чина, чинъ статскаго совѣтника и щедро наградилъ его.

Особое впечатлѣніе производилъ во всей Россіи способъ, который употреблялъ императоръ Павелъ для объявленія своей воли. Фельдъегеря развозили его повелѣнія по всей имперіи, и они же, являясь неожиданно на своихъ тройкахъ или въ кибиткахъ, увозили на мѣсто назначенія, чаще всего въ Петербургъ, и тѣхъ лицъ, которыя вызвали на себя гнѣвъ государя, и тѣхъ, которыхъ, наоборотъ, государь желалъ наградить или видѣть по разнымъ причинамъ. Весьма часто случалось, что, отправляясь съ фельдъегеремъ въ Петербургъ, никто не зналъ, зачѣмъ его вызываютъ къ государю, и оттого фельдъегерская тройка, одинъ звукъ фельдъегерскаго колокольчика, внушали всѣмъ страхъ и опасенія; семейства увезенныхъ оплакивали ихъ какъ погибшихъ: всѣмъ грезилась крѣпость или Сибирь.

Естественно, что централизація власти вела къ упраздненію мѣстнаго самоуправленія, а бюрократическое начало—къ уничтоженію сословнаго, выборнаго. Дѣйствительно, императоръ Павелъ неуклонно продолжалъ выполнять свою программу по отношенію къ сословіямъ, опредѣляя имъ мѣсто въ государственной организаціи сообразно ихъ службы государству. Дворянство все болѣе стѣсняемо было въ своихъ привиллегіяхъ, низводилось къ прежнему своему назначенію — служилаго сословія, обязаннаго «защищать отечество»; соотвѣтственно этому, императоръ стремился улучшить положеніе крестьянъ, находившихся, по его мнѣнію, только въ управленіи, а не въ кабалѣ у помѣщиковъ. Въ 1799 г. уничтожены были губернскіе выборы дворянства, и должностныхъ лицъ повелѣно было избирать поуѣздно; точно также дворянская родословная книга каждой губерніи разбита была на уѣздныя книги, содержавшіяся также поуѣздно. Дворянскія опеки и сиротскіе суды, указомъ отъ 13 сентября 1798 г., подчинены были палатамъ, а члены нижнихъ земскихъ судовъ, избиравшіеся дворянствомъ замѣнены были, указомъ отъ 14 мая 1800 г., чиновниками отъ герольдіи, а губернаторамъ дозволялось только принимать просьбы на эти мѣста и отъ дворянъ, представляя ихъ сенату; значеніе этой мѣры было велико и для дворянъ—помѣщиковъ, и для крестьянъ, такъ какъ земскимъ судамъ предоставлено было полицейское управленіе въ уѣздѣ въ полномъ объемѣ. Въ военной службѣ зато даны были дворянамъ привиллегіи. Для производства въ унтеръ-офицерскій чинъ дворяне должны были служить рядовыми всего три мѣсяца, а не-дворяне—не менѣе 4-хъ лѣтъ. Въ 1798 г. было предписано, чтобы не представлять изъ не-дворянъ не только въ офицеры, но даже въ портупей-прапорщики и въ подпрапорщики, потому что «въ оныхъ званіяхъ одни дворяне должны состоять». Родовитое дворянство однако озлоблено было смысломъ этихъ повидимому льготныхъ для него распоряженій императора, видя въ нихъ уничтоженіе политическаго значенія дворян-ства. Представитель тогдашняго либерализма, гр. Строгоновъ, съ презрѣніемъ отзывался о служиломъ дворянствѣ въ царствованіе Павла. «Оно,» писалъ онъ, «состоитъ изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службой, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не постигать ничего выше власти императора: ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя, но не сопротивляясь... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія». Строгости военной службы, введенныя Павломъ не представляли однако въ ней ничего привлекательнаго для дворянъ, и они толпами стали записываться въ гражданскую. Тогда императоръ началъ энергически противодѣйствовать этому теченію. 14 іюня 1799 года повелѣно было сенату оставить только 50 юнкеровъ коллегіи, находившихся при немъ, а остальныхъ отправить въ военную коллегію; 5 октября 1799 г. было опредѣлено дворянскихъ дѣтей въ гражданскую службу не записывать безъ доклада государю, и это правило затѣмъ распространено было и на дѣтей личныхъ дворянъ; наконецъ 12 апрѣля 1800 г. вышедшіе изъ военной службы въ отставку лишены были права поступать въ статскую, а указомъ отъ 1 мая того же

года это право сохранено было лишь за тѣми, кто выбылъ изъ военной службы до вступленія императора Павла на престолъ. Дворянамъ, уже находившимся на военной службѣ, преграждена была возможность выйти изъ нея по своему желанію: 31 октября 1798 г. воспрещено было дворянамъ выходить въ отставку до производства въ первый офицерскій чинъ, а 6 октября 1799 г. повелѣно было не увольнять, а исключать изъ службы тѣхъ изъ нихъ, кто пожелаетъ выйти въ отставку, не выслужа года въ офицерскомъ званіи. Дворянъ, не служившихъ, но уклонившихся отъ должностей по выбору, велѣно даже было предавать суду. Легко представить себѣ недовольство дворянъ всѣми этими распоряженіями, уничтожавшими права, дарованныя имъ жалованною грамотою, отъ которой оставались одни клочки!

Тяжело было служить дворянамъ, но имъ тяжело было и жить въ деревняхъ при измѣнившихся порядкахъ. Въ особенности чувствительна была замѣна выбиравшихся дворянствомъ уѣздныхъ полицейскихъ и судебныхъ властей коронными чиновниками. «Помѣщичье село того времени», говоритъ К. П. Побѣдоносцевъ, «представляется какъ бы маленькимъ государствомъ посреди большаго; нельзя не замѣтить, какихъ усилій и трудовъ стоитъ центральной государственной власти проникнуть въ это маленькое государство, утвердить тамъ свою силу, исполнить свое распоряженіе. Сплошь да рядомъ мы видимъ, что помѣщикъ въ своемъ имѣніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ безнаказанно упорствуетъ въ неисполненіи всѣхъ требованій правительства, господствуетъ съ полнымъ произволомъ надъ своими крестьянами и даже, съ помощью этого господства, открыто возстаетъ противъ общественной власти... Сильный помѣщикъ всѣхъ посыльныхъ отъ суда встрѣчалъ такъ, какъ домохозяинъ встрѣчаетъ шайку грабителей: съ бранью и ругательствомъ, съ дубьемъ и оружьемъ, «собрався съ своими»! Своеволіе помѣщиковъ доходило до того, что, напр., незадолго до кончины Екатерины, воронежскій помѣщикъ гр. Девіеръ перестрѣлялъ изъ двухъ пушекъ весь ѣхавшій къ нему земскій судъ. Само собою разумѣется, что въ уѣздныхъ властяхъ, выбиравшихся дворянами, крѣпостные крестьяне вовсе не могли искать себѣ защиты отъ злоупотребленій помѣщичьей власти. Любопытно, что на содержаніе нижнихъ земскихъ судовъ, въ новомъ ихъ составѣ, установленъ былъ Павломъ особый сборъ только съ дворянскихъ имѣній. Далѣе, въ финансовыхъ своихъ дѣлахъ, дворянство также подвергалось стѣсненіямъ, такъ какъ Павелъ постоянно стремился къ уничтоженію роскоши и мотовства. Цѣль банкротскаго устава, изданнаго въ 1800 г., по словамъ Державина, «наиболѣе была въ томъ, чтобы воздержать дворянство отъ мотовства и дѣланія долговъ и для того довѣренность къ нимъ сжать въ тѣснѣйшіе предѣлы». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уставомъ этимъ преграждался доступъ дворянству и къ занятіямъ торговлею,—«не дворянскимъ дѣломъ», по взглядамъ того времени. Неудачные операціи вспомогательнаго банка для дворянства, учрежденнаго по проекту Куракина, побудили правительство сосредоточить дѣла по задолженности дворянскаго землевладѣнія въ сохранныхъ казнахъ воспитательныхъ домовъ, въ такъ называемыхъ опекунскихъ совѣтахъ. Такимъ образомъ задолженность дворянства была ограничена и всецѣло находилась подъ контролемъ правительства. Одновременно съ этимъ подтвержденъ былъ сборъ казенныхъ недоимокъ со всѣхъ дворянскихъ имѣній.

Стремленія государя къ централизаціи привели его къ ограниченію сословнаго самоуправленія также въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ «Уставомъ о цехахъ», 12 ноября 1799 г., и учрежденіемъ, 4 сентября 1800 г., во всѣхъ губернскихъ городахъ, вмѣсто магистратовъ, ратгаузовъ.

Церковь и крестьянское сословіе продолжали пользоваться заботами государя. Его глубокая религіозность, мистически настроенный умъ, восприняли особый оттѣнокъ со времени возложенія имъ на себя званія великаго магистра мальтійскаго ордена. 19 ноября 1799 г. въ Гатчинѣ, во время литургіи, которую совершалъ Амвросій, архіепископъ с.-петербургскій, «его императорское величество пріобщился Св. Таинъ внутри св. алтаря со святаго престола», о чемъ оберъ-прокуроръ синода, Хвостовъ, предложилъ синоду записать въ журналъ. Но преданность Павла къ православію не мѣшала его вѣротерпимости по отношеніи къ раскольникамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ ихъ сектъ, которыя отвергали свѣтскую власть или отличались изувѣрствомъ: духоборцы подвергались преслѣдованію, а глава скопцовъ, Кондратій Селивановъ, признанъ былъ сумасшедшимъ и посаженъ въ сумасшедшій домъ. Снис-

ходительное отношеніе государя къ раскольникамъ вызвало движеніе среди нихъ къ возсоединенію съ православною церковью. Въ 1800 году митрополитъ Платонъ составилъ правила единовѣрія, утвержденныя Св. Синодомъ, а вслѣдъ затѣмъ, указомъ отъ 27 октября 1800 г., старообрядцамъ разрѣшено было строить церкви.

Изъ мѣръ, принятыхъ императоромъ въ 1798—1800 гг. для улучшенія положенія крестьянъ, въ особенности помѣщичьихъ, замѣчателенъ указъ отъ 16 октября 1798 г. о непродажѣ малороссійскихъ крестьянъ безъ земли. Любопытно, что это повелѣніе государя послѣдовало вопреки мнѣнію сената, который полагалъ «позволить малороссійскимъ помѣщикамъ продавать крестьянъ своихъ безъ земли». Казенные крестьяне получили право пользоваться въ нѣкоторыхъ случаяхъ казенными лѣсами, со всѣхъ крестьянъ сложены были недоимки по поземельнымъ сборамъ за 15 лѣтъ; крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, въ большинствѣ освобождены были отъ заводскихъ работъ и поступили въ число государственныхъ. Въ сферѣ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ государь оставался неизмѣнно благожелательнымъ къ послѣднимъ. На ряду съ общими мелочными распоряженіями о томъ, чтобы помѣщики не создавали для себя изъ крѣпостныхъ такъ называемыхъ «казаковъ и гусаръ», Павелъ Петровичъ въ частныхъ случаяхъ смягчалъ суровыя требованія закона по отношенію къ крестьянамъ и одобрялъ дѣйствія въ этомъ смыслѣ мѣстной администраціи. Въ Великороссіи, напримѣръ, дѣйствовалъ еще законъ о продажѣ крестьянъ безъ земли. Когда въ 1799 году тамбовскій помѣщикъ, полковникъ Давыдовъ, продалъ своихъ крестьянъ на вывозъ и они должны были переселиться на новыя мѣста, оставивъ свое имущество, которое поступало въ пользу прежняго ихъ владѣльца, то крестьяне отказались уйти изъ своего села и стояли на своемъ рѣшеніи, не смотря на убѣжденія губернатора Литвинова. Губернаторъ немедленно донесъ объ этомъ происшествіи государю. Императоръ Павелъ отвѣчалъ ему слѣдующимъ рескриптомъ: «Получа рапортъ вашъ сего мѣсяца сентября 5 числа касательно крестьянъ, полковникомъ Давыдовымъ проданныхъ на вывозъ помѣщикамъ Хвощинскому и Мартынову, повелѣваю вамъ, оставя крестьянъ сихъ на прежнемъ ихъ мѣстѣ, сдѣлать отъ лица моего онымъ помѣщикамъ наистрожайшій выговоръ за учиненныя ими крестьянамъ чрезъ сіе намѣреніе разстройку и угнетеніе; вамъ же изъявляю мое благоволеніе за донесеніе ваше, сопряженное съ человѣколюбіемъ и добрымъ порядкомъ, всегда сходственнымъ съ волею моею». Но въ это же время Павелъ Петровичъ дозволилъ помѣщикамъ, въ интересахъ заселенія Забайкалья, ссылать туда своихъ крестьянъ на поселеніе съ зачетомъ ихъ въ рекруты, хотя въ царствованіе Павла былъ всего одинъ только рекрутскій наборъ въ 1798 г. по два съ тысячи душъ, вызванный началомъ войны съ Франціей. Нельзя не упомянуть объ одномъ человѣколюбивомъ распоряженіи императора Павла, относившемся по своему существу преимущественно къ крестьянскому сословію: указомъ отъ 19 ноября 1798 г. избавлены были отъ тѣлеснаго наказанія всѣ лица, имѣвшія болѣе 70 лѣтъ отъ роду.

Павелъ Петровичъ любилъ смотрѣть на Россію какъ на свое хозяйство и, какъ прежде, бывало, въ Гатчинѣ, заботился о насущныхъ нуждахъ населенія, о развитіи торговли и промышленности. Рядомъ указовъ подтверждены были старыя правила и установлены новыя о заведеніи во всѣхъ селеніяхъ, казенныхъ и помѣщичьихъ, запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ съ годовою пропорціею хлѣба, а также сдѣланы распоряженія о дешевой продажѣ соли во всѣхъ губерніяхъ. Всѣ современники единогласно свидѣтельствуютъ, что мѣры эти достигли своей цѣли. «За пересудами и за различною тогдашнею, отчасти до сей поры памятною, былью въ кругахъ службы», говоритъ, напримѣръ, Лубяновскій, «не безъ удовольствія вспоминаешь, что, не взирая на то, народъ бодрый, хотя также отъ страха какъ бы въ сторонѣ, благоденствовалъ, если на землѣ и то уже благоденствіе, когда дешевы хлѣбъ, соль да вино, да на плечахъ зипунъ и тулупъ, а на ногахъ лапти, не тяжелые къ тому рекрутскіе наборы и подати умѣренныя. Такой еще тогда вѣкъ былъ, что и отсутствіе первыхъ матеріальныхъ потребностей жизни въ народѣ не низко цѣнилось». Особенное вниманіе обратилъ Павелъ на сбереженіе лѣсовъ, поручивъ это дѣло лѣсному департаменту при адмиралтействъ-коллегіи, и на предохраненіе построекъ отъ пожаровъ: для этой цѣли, назначая суровыя взысканія за самовольныя порубки и хищенія въ казен-

ныхъ лѣсахъ, императоръ поощрялъ наградами разработку торфа и каменнаго угля и содѣйствовалъ распространенію въ селахъ землебитныхъ строеній; для охраны городовъ отъ большихъ пожаровъ, вслѣдствіе скученности деревянныхъ построекъ, выработаны были новые для нихъ планы. Конскіе казенные заводы подчинены были особому управленію—экспедиціи, во главѣ которой сталъ Кутайсовъ; на обязанности этой экспедиціи лежало заботиться объ улучшеніи качества лошадей для надобностей ремонта и земледѣлія. Заботы о здоровьѣ населенія и войскъ выразились въ концѣ 1798 года учрежденіемъ высшаго медицинскаго училища, преобразованнаго потомъ въ военно-медицинскую академію. Промышленность и торговля были оживлены возстановленіемъ мануфактуръ коллегіи, устройствомъ Маріинской системы, связывавшей Волгу съ Балтійскимъ моремъ, улучшеніемъ монетной системы и уничтоженіемъ разбойничества на Волгѣ. Изданъ былъ банкротскій уставъ, пересмотрѣны, хотя не вполнѣ удачно, тарифы и торговые договоры, особенно съ Англіей, закупавшей у насъ сырье и захватившей въ свои руки почти всю нашу отпускную торговлю. Съ цѣлію поощренія отечественной промышленности запрещенъ былъ ввозъ предметовъ роскоши, сукна, стали, стекла, даны были льготы фабрикантамъ, и поощрялось развитіе шелководства и разведенію полезныхъ растеній. При Павлѣ начались также торговыя сношенія съ Америкой: 3 августа 1798 г. утвержденъ былъ актъ россійско-американской компаніи, а 9 іюня 1798 г. она принята была подъ особое покровительство императора, который тогда же даровалъ ей привиллегію на 20 лѣтъ.

Не забудемъ, что эта кипучая дѣятельность императора по внутреннему управленію государствомъ проявилась именно въ то время, когда русскія войска, подъ предводительствомъ Суворова, на поляхъ Италіи и въ горахъ Швейцаріи покрывали себя славою въ битвахъ съ французами. Въ четыре лѣтніе мѣсяца 1799 г. Италія была очищена отъ французскихъ войскъ, не смотря на всѣ препятствія, которыя ставилъ геніальному полководцу вѣнскій гофкригсратъ; но когда вслѣдъ затѣмъ Суворовъ думалъ идти къ Генуѣ, чтобы, взявъ ее, вторгнуться въ предѣлы Франціи, австрійскій дворъ предложилъ новый планъ войны, требуя, чтобы французы предварительно изгнаны были изъ Швейцаріи. Но, прежде чѣмъ Суворовъ могъ войти въ ея предѣлы, австрійскія войска вышли изъ нея, оставивъ находившійся тамъ русскій корпусъ генерала Римскаго-Корсакова въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, и Корсаковъ, разбитый Массеной при Цюрихѣ, долженъ былъ отступить. Суворовъ, не имѣя при себѣ ни артиллеріи, ни продовольствія и проводниковъ, обѣщанныхъ ему австрійцами, долженъ былъ, войдя въ Швейцарію, принять на себя всю массу непріятельскихъ силъ, воодушевленныхъ побѣдами. Мужество русскихъ войскъ, геній ихъ престарѣлаго вождя, преодолѣли однако всѣ препятствія: непроходимыя горы были пройдены, превосходныя въ силахъ войска французовъ опрокинуты, и Суворовъ, расположившись осенью 1799 г. на зимнихъ квартирахъ въ Баваріи, ждалъ лишь дальнѣйшихъ повелѣній государя, чтобы предпринять новый походъ въ сердце Франціи.

Но мечта Павла Петровича быть «возстановителемъ потрясенныхъ троновъ и оскверненныхъ алтарей» уже охладѣла, а терпѣніе его истощилось: государь понялъ, что онъ былъ только орудіемъ въ рукахъ своихъ союзниковъ: Австріи и Англіи, дѣлавшихъ только видъ, что сочувствуютъ рыцарскимъ, возвышеннымъ его намѣреніямъ, а на самомъ дѣлѣ думавшихъ только о своихъ собственныхъ интересахъ. Во всѣхъ столкновеніяхъ Суворова съ вѣнскимъ гофкригсратомъ императоръ держалъ сторону своего полководца, требовалъ отъ вѣнскаго двора объясненій, даже грозилъ ему,—но конечная цѣль похода еще представлялась ему тогда достижимой. Но послѣдующія событія ясно доказали ему коварство австрійской политики: освобожденная отъ французовъ Италія была порабощена Австріей, которая отказывалась, подъ разными предлогами, возстановить сардинскаго короля въ его владѣніяхъ и подавляла малѣйшее стремленіе итальянскихъ народовъ къ независимости; мало того, считая для себя помощь русскихъ войскъ уже излишнею, австрійскія власти не оказывали имъ должнаго содѣйствія, даже вредили имъ, и наконецъ, при взятіи Анконы, нанесли оскорбленіе русскому знамени. Уже 14 октября 1799 г. Павелъ Петровичъ писалъ Суворову: «Желаю знать васъ соединенныхъ (съ Корсаковымъ) и отдаленныхъ

отъ весьма ненадежныхъ прежнихъ нашихъ союзниковъ, коихъ я оставилъ и предалъ ихъ собственному жребію, во-первыхъ — не хотя возстановить въ Европѣ другую Францію (т. е. Австрію), не искореня первой, а во-вторыхъ—не намѣренъ былъ жертвовать моими войсками для корыстолюбивыхъ и безстыдныхъ видовъ двора вѣнскаго. Теперь чрезъ Англію стараться буду сблизиться съ королемъ прусскимъ и положить совокупно препоны видамъ дома австрійскаго. Экспедиція въ Голландіи пойдетъ своимъ чередомъ и дѣла тамъ въ хорошемъ положеніи. Прощайте».

Когда государь писалъ эти строки, онъ не зналъ еще, что Англія поступитъ съ нимъ такъ же, если не хуже, какъ и Австрія. Русскій корпусъ Германа, назначенный содѣйствовать англичанамъ при высадкѣ ихъ въ Голландію, потерпѣлъ вмѣстѣ съ ними пораженіе отъ французовъ при Бергенѣ, столько же по винѣ англійскаго главнокомандующаго, герцога Іоркскаго, сколько по оплошности самого Германа; затѣмъ остатки русскаго корпуса отвезены были англичанами на зимовку на островъ Джерсей, и тамъ они терпѣли нужду. Но всего болѣе поразилъ государя неожиданный отказъ Англіи въ возвращеніи ему, какъ великому магистру мальтійскаго ордена, острова Мальты. Негодованію Павла Петровича не было предѣловъ: графъ Воронцовъ, русскій посолъ въ Лондонѣ, былъ отозванъ, а англійскому послу въ Петербургѣ, лорду Витворту, было предложено въ маѣ 1800 г. оставить Россію.

Вѣнскій кабинетъ, руководимый Тугутомъ, главнымъ виновникомъ всѣхъ враждебныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи,—пробовалъ сначала смягчить неудовольствіе государя, опасаясь союза его съ Пруссіей. Графу Кобенцелю, австрійскому послу въ Петербургѣ, даны были въ этомъ смыслѣ успокоительныя инструкціи, а въ началѣ октября 1799 г. прибылъ въ Петербургъ, для бракосочетанія съ великой княжной Александрой Павловной, эрцгерцогъ Іосифъ, въ сопровожденіи брата императрицы Маріи Ѳеодоровны, принца Фердинанда Виртембергскаго, и креатуры Тугута, графа Дидрихштейна, женатаго на графинѣ Шуваловой. «Мой дворецъ будетъ теперь зараженъ политикой!» воскликнулъ императоръ, когда узналъ, кто ѣдетъ съ эрцгерцогомъ. Дѣйствительно, императрица Марія, опираясь на французскихъ эмигрантовъ и всѣхъ сторонниковъ, всячески содѣйствовала брату, принцу Фердинанду, и эрцгерцогу Іосифу въ ихъ примирительной миссіи, тѣмъ болѣе, что возникло опасеніе, что второе сватовство великой княжны можетъ, въ виду дурныхъ отношеній императора къ Австріи, оказаться столь же неудачнымъ, какъ и первое. Павелъ Петровичъ не пожелалъ видѣть Дидрихштейна: его остановили у шлагбаума въ Гатчинѣ и сообщили ему приказъ государя въ восемь дней оставить Россію, хотя жена его имѣла порученіе сопровождать будущую эрцгерцогиню. Опасенія Маріи Ѳеодоровны, оплакивавшей судьбу дочери, не сбылись: бракосочетаніе Александры Павловны съ эрцгерцогомъ Іосифомъ совершилось 19 октября 1799 г., недѣлей позже бракосочетанія ея сестры великой княжны Елены Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ. Но ни просьбы Маріи Ѳеодоровны, ни убѣжденія эрцгерцога Іосифа и принца Фердинанда не могли поколебать императора: разъ обманутый, онъ требовалъ теперь удаленія Тугута, честнаго и искренняго объявленія вѣнскаго кабинета о его цѣляхъ и возвращенія королю сардинскому его владѣній. Съ этимъ отвѣтомъ эрцгерцогъ и уѣхалъ изъ Россіи въ сопровожденіи молодой своей супруги, несчастной жертвы политическихъ разсчетовъ; но, съ его отъѣздомъ, попытки повліять на рѣшеніе императора въ благопріятномъ для Австріи смыслѣ не прекратились. Лордъ Витвортъ, представитель второй нашей союзницы — Англіи, еще показывавшей Россіи въ то время наружные знаки дружества, дѣлалъ представленія императору, входилъ въ сношенія въ домѣ своей пріятельницы О. А. Жеребцовой, сестры опальныхъ Зубовыхъ, со всѣми приверженцами коалиціи и, подъ рукой, велъ переговоры съ Кобенцелемъ о болѣе тѣсной связи Австріи съ Англіей. Сильную поддержку Витвортъ нашелъ въ вице-канцлерѣ, графѣ Никитѣ Панинѣ, сочувствовавшемъ коалиціи, тогда какъ соперникъ Панина, графъ Растопчинъ, докладчикъ государя по иностраннымъ дѣламъ, былъ врагомъ его. Интрига опутывала государя со всѣхъ сторонъ. Императоръ былъ въ раздраженіи: онъ зналъ уже, что два посла его: Разумовскій—въ Вѣнѣ и Воронцовъ—въ Англіи, оба вполнѣ натурализовавшіеся въ странахъ, гдѣ они были аккредитованы, — писали ему свои

донесенія въ духѣ, завѣдомо сочувственномъ коалиціи, и скрывали отъ него истинное положеніе дѣлъ. Боясь интригъ, императоръ приказалъ не принимать Кобенцеля при дворѣ, а всему дипломатическому корпусу—прекратить съ нимъ всякія отношенія,—фактъ, неслыханный дотолѣ въ международныхъ отношеніяхъ; Суворовъ получилъ затѣмъ повелѣніе возвратиться съ арміей въ Россію. Между тѣмъ во Франціи совершился переворотъ 18 брюмера: генералъ Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ и весною 1800 г. нанесъ австрійцамъ пораженіе при Маренго, послѣ котораго они вновь потеряли всю Италію. Вскорѣ Кобенцель и Витвортъ должны были выѣхать изъ Россіи. Сѣмена посѣянной ими интриги однако остались въ Петербургѣ и принесли свои плоды; остались также О. А. Жеребцова, графъ Панинъ и только что уволенный за хищеніе въ лѣсномъ департаментѣ, неаполитанецъ по происхожденію, адмиралъ О. М. Рибасъ, другъ удаленнаго изъ Россіи сторонника коалиціи, неаполитанскаго посла, маркиза Санъ-Галло.

Перемѣну своей политики Павелъ Петровичъ такъ объяснялъ датскому посланнику Розенкранцу въ сентябрѣ 1800 г.: «Государь сказалъ», доносилъ Розенкранцъ, «что политика его вотъ уже три года остается неизмѣнною и связана съ справедливостію, тамъ, гдѣ его величество полагаетъ ее найти; долгое время онъ былъ того мнѣнія, что справедливость находится на сторонѣ противниковъ Франціи, правительство которой угрожало всѣмъ державамъ; теперь же въ этой странѣ въ скоромъ времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мѣрѣ по существу, что̀ измѣняетъ положеніе дѣла; онъ бросилъ сторонниковъ этой партіи, которая и есть австрійская, когда обнаружилось, что справедливость не на ея сторонѣ; то же самое онъ испыталъ относительно англичанъ. Онъ склоняется единственно въ сторону справедливости, а не къ тому или другому правительству, къ той или другой націи, и тѣ, которые иначе судятъ о его политикѣ, положительно ошибаются».

Эти слова Павла Петровича сказаны были уже въ то время, когда отчужденіе отъ старыхъ союзниковъ влекло за собою сближеніе Россіи съ Франціей, уже не «мятежной» и «развратной», а умиренной твердой рукой перваго консула. Бонапартъ постигъ рыцарскій характеръ Павла и спѣшилъ заручиться его расположеніемъ, въ увѣренности, что въ союзѣ съ Россіей Франція преодолѣетъ всѣ внѣшнія затрудненія. Узнавъ, что Австрія отказала императору въ просьбѣ освободить часть французскихъ плѣнныхъ, доставшихся ей благодаря побѣдамъ Суворова, въ обмѣнъ на русскихъ плѣнныхъ, находившихся во Франціи въ количествѣ 5,000 человѣкъ, первый консулъ приказалъ обмундировать ихъ и отпустить въ Россію, съ оружіемъ и знаменами, безъ всякаго обмѣна; въ письмѣ по этому поводу первый консулъ сообщалъ императору, что онъ дѣлаетъ это «единственно изъ уваженія къ доблести русской арміи, которую французы умѣли оцѣнить по достоинству на полѣ битвы»; въ томъ же письмѣ первый консулъ заранѣе соглашался на возвращеніе острова Мальты великому магистру мальтійскаго ордена. Павелъ Петровичъ принялъ это предложеніе съ радостію и отправилъ въ Парижъ для пріема и препровожденія русскихъ плѣнныхъ генерала Спренгпортена. Затѣмъ императоръ отправилъ 18 декабря первому консулу письмо, въ которомъ, извѣщая его объ отправленіи въ Парижъ своего уполномоченнаго, Колычева, писалъ: «Я не говорю и не хочу спорить ни о правахъ человѣка, ни объ основныхъ началахъ, установленныхъ въ каждой странѣ. Постараемся возвратить міру спокойствіе и тишину, въ которыхъ онъ такъ нуждается»; упомянувъ затѣмъ объ Англіи, которая попирала права народовъ и руководилась только собственнымъ эгоизмомъ, государь приглашалъ перваго консула соединиться съ нимъ для обузданія этой державы. Съ своей стороны, первый консулъ, принимая 10 декабря Спренгпортена, объявилъ ему о желаніи Франціи заключить миръ съ Россіей, такъ какъ, по его мнѣнію, оба государства уже по одному географическому своему положенію созданы для того, чтобы жить между собою въ тѣсной связи; при этомъ онъ выразилъ свое «особое уваженіе и почтеніе къ священной особѣ монарха и къ его возвышенному и справедливому характеру»; чтобы удовлетворить государя, не желавшаго бросать на произволъ судьбы всѣми оставленныхъ королей неаполитанскаго и сардинскаго, первый консулъ предложилъ возвратить имъ при заключеніи мира ихъ владѣнія, а также назначить приличныя границы свѣтской власти папы, въ судьбѣ

котораго императоръ. Павелъ принималъ особое участіе. Прямымъ послѣдствіемъ этого сближенія Россіи съ Франціей было изгнаніе изъ Россіи Людовика XVIII съ сопровождавшими его эмигрантами: «сумасшедшія французскія головы» уже давно надоѣли государю, и въ началѣ января 1801 г. курляндскій губернаторъ получилъ отъ графа Палена письмо, въ которомъ было сказано: «сообщите Людовику XVIII, что государь совѣтуетъ ему выѣхать изъ Россіи». 22 января Людовикъ уже выѣхалъ изъ Митавы въ Пруссію. Корпусъ принца Конде остался за границей и послѣ окончанія войны Россіи съ Франціей поступилъ на жалованье Англіи.

Новое направленіе русской политики и ея цѣли выражены были въ запискѣ гр. Растопчина, написанной имъ по приказанію государя, вслѣдствіе бывшаго по этому предмету разговора между ними, и представленной государю 30 сентября 1800 г. Въ отмѣткахъ, сдѣланныхъ на этой запискѣ императоромъ, видно, какъ глубоко потрясенъ онъ былъ измѣной своихъ союзниковъ. Къ словамъ Растопчина, что «Англія вооружила поперемѣнно угрозами, хитростію и деньгами всѣ державы противъ Франціи», Павелъ Петровичъ прибавилъ: «и насъ грѣшныхъ»; противъ словъ, что Англія «своей завистью, пронырствомъ и богатствомъ была, есть и пребудетъ не соперница, но злодѣй Франціи» — императоръ замѣтилъ: «мастерски писано!» Замѣчаніе Растопчина, что Австрія «подала столь справедливыя причины къ негодованію государя» и «потеряла изъ виду новѣйшую цѣль своей политики» сопровождалось восклицаніемъ Павла: «Чего захотѣлъ отъ слѣпой курицы!» Планъ Растопчина въ основаніе политики Россіи полагалъ тѣсный союзъ съ Франціей, а цѣлью его раздѣлъ Турціи при участіи Австріи и Пруссіи. Одобривъ записку Растопчина, Павелъ Петровичъ на заключительной ея части, гдѣ говорилось, что «Россія и XIX вѣкъ достойно возгордятся царствованіемъ вашего императорскаго величества, соединившаго воедино престолы Петра и Константина», съ грустью написалъ: «А меня все-таки бранить станутъ!»...

Личное настроеніе государя, выразившееся въ этомъ замѣчаніи, вполнѣ отвѣчало истинному положенію дѣлъ. Три года дѣятельности неустанной и разносторонней, основанной на искреннемъ желаніи добра и правды,—не принесли Павлу счастья, не привлекли къ нему сердецъ его подданныхъ. Напротивъ, онъ зналъ, что имя его внушаетъ страхъ и недовольство и предвидѣлъ необходимость новой борьбы при дальнѣйшемъ ходѣ преобразованій. Семейныя отношенія императора, въ особенности благодаря фаворитизму Лопухиной, вышедшей замужъ за князя Гагарина, также не могли дѣйствовать на него успокоительно. Еще въ ноябрѣ 1798 г. Растопчинъ писалъ Воронцову: «Я могу только негодовать, видя, что государь, расточившій вокругъ себя милліоны благодѣяній, не имѣетъ у себя вѣрныхъ слугъ. Его не любятъ даже собственныя его дѣти. Великій князь Александръ презираетъ своего отца; великій князь Константинъ боится его. Дочери, руководимыя, какъ и всѣ прочіе, матерью, смотрятъ на отца съ отвращеніемъ. Между тѣмъ, всѣ ему улыбаются»... Эти строки заклятаго врага императрицы Маріи рисуютъ, разумѣется, не чувства ея къ супругу, а общую картину отношеній, которыя установились постепенно и бросались въ глаза постороннему наблюдателю. Растопчинъ сообщалъ тогда же, что великій князь Александръ во многомъ виноватъ предъ своимъ отцомъ, а впослѣдствіи разсказывалъ, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи бумаги Александра, которыя могли бы погубить наслѣдника, если бы онѣ сдѣлались извѣстны его отцу. Это свидѣтельство человѣка, близкаго къ государю за послѣдніе два года его царствованія, показываетъ, какъ легко было окружающимъ возбудить подозрительность государя противъ старшаго его сына и объясняетъ разсказъ о томъ, что Павелъ Петровичъ призвалъ однажды къ себѣ великаго князя Александра и, показывая на указъ Петра Великаго о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, знаетъ ли онъ исторію этого царевича. Старшая и любимая дочь государя, великая княгиня Александра Павловна, уѣхала въ Австрію, вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, эрцгерцогомъ Іосифомъ, еще въ ноябрѣ 1799 г. По словамъ графини Головиной, императоръ разстался съ ней съ чрезвычайнымъ волненіемъ. Прощаніе было очень трогательно: онъ безпрестанно повторялъ, что ее приносятъ въ жертву.

Окружавшіе императора люди были почти тѣ же, которые находились возлѣ него въ Гатчинѣ въ 1793 году и изъ которыхъ

самый честный, по выраженію Растопчина, заслуживалъ быть колесованнымъ безъ суда. Но на этотъ разъ возлѣ Павла не было уже Нелидовой, умѣвшей сдерживать порывы его раздражительности, вносить успокоеніе въ его душу, и, потерявъ равновѣсіе, Павелъ Петровичъ не терпѣлъ противорѣчія, руководился не столько обдуманными мыслями, сколько мимолетными чувствами и впечатлѣніями, предаваясь крайностямъ и въ гнѣвѣ, и въ милости. Безбородко умеръ еще въ апрѣлѣ 1799 г. Поэтому, въ концѣ концовъ, возлѣ государя остались въ фаворѣ только тѣ люди, которые, въ личныхъ своихъ интересахъ, могли и хотѣли только примѣняться къ слабостямъ государя, имѣя цѣлью лишь пользоваться его милостями, а не заботиться о благѣ государя и имперіи. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ сдѣлался Кутайсовъ, возведенный въ графское достоинство и пожалованный оберъ-шталмейстеромъ и александровскимъ кавалеромъ. По чувствамъ и привычкѣ онъ дѣйствительно былъ преданъ государю, но весь мелкій его умъ изощрялся въ придворныхъ интригахъ и направленъ былъ къ своекорыстнымъ цѣлямъ. Исполняя въ теченіе всей своей жизни должность императорскаго брадобрея, онъ не вмѣшивался и, по своему развитію, не могъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла, но, зная, какъ никто, характеръ государя, косвенно имѣлъ на нихъ громадное вліяніе, умѣя внушать ему извѣстное настроеніе и опредѣлять его отношенія къ людямъ, не стѣсняясь даже клеветою. Когда обнаруживалась невинность оклеветаннаго, Павелъ собственноручно наказывалъ иногда Кутайсова палкою, грозилъ прогнать его, но, цѣня его преданность, въ концѣ концовъ оставлялъ при себѣ. Благодаря поддержкѣ Кутайсова, пользовались довѣріемъ Павла графъ Растопчинъ и графъ Паленъ,—оба ближайшіе сотрудники императора. Растопчинъ, сдѣлавшись графомъ и первымъ членомъ иностранной коллегіи, и въ новомъ своемъ значеніи остался «сумасшедшимъ Ѳедькой». Несомнѣнно, что онъ тоже преданъ былъ своему «благодѣтелю», любилъ свое отечество, отличался развитымъ образованнымъ умомъ, но эти его достоинства соединялись съ пронырливостью, самохвальствомъ и наглостью; бросалась въ глаза надменность его къ низшимъ, даже къ иностраннымъ посламъ, которыхъ онъ не допускалъ къ себѣ для личныхъ объясненій по дѣламъ службы, предоставивъ это вице-канцлеру, графу Панину; но въ то же время онъ ухаживалъ за Кутайсовымъ. «Въ теченіе 2-хъ лѣтъ», писалъ впослѣдствіи Растопчинъ, «я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ мнѣ можно было говорить о его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ, изобличавшихъ въ немъ иногда умоизступленіе, иногда бѣшенство. Мы оба искренно любили государя: я—по чувству чести, онъ же—постоянно оставаясь слугою. Замѣтивъ, что Кутайсовъ сдѣлался слишкомъ развязенъ и неразборчивъ, убѣдившись, что у него нѣтъ другихъ побужденій, кромѣ соблюденія во всемъ личной выгоды, я не только разошелся съ нимъ, но пересталъ посѣщать его и подходить къ нему. И я одинъ такъ дѣлалъ».

Нельзя допустить, чтобы Растопчинъ не зналъ раньше, что за человѣкъ былъ Кутайсовъ, но, очевидно, онъ совершенно не догадывался сначала, что ссора его съ Кутайсовымъ была подготовлена искусною рукою третьяго Императорскаго любимца, петербургскаго военнаго губернатора, барона Палена, пожалованнаго Павломъ въ графы и Андреевскіе кавалеры. Это былъ честолюбивый, энергическій и даровитый генералъ, умѣвшій пріобрѣсти довѣріе государя необычайною исполнительностію и усердіемъ къ службѣ. Его открытое, добродушное лицо невольно располагало къ нему каждаго; на самомъ же дѣлѣ, никто не превосходилъ его въ хладнокровіи, въ умѣньи скрывать свои истинныя чувства и мысли и въ разсчитанной жестокости. Изъ всѣхъ ближайшихъ къ государю лицъ онъ одинъ имѣлъ ясныя, опредѣленныя цѣли, и лишь онъ одинъ способенъ былъ идти къ нимъ медленно, осторожно, но съ неуклонною твердостію и послѣдовательностію. Обворожив государя своею кажущеюся преданностію его особѣ и усердіемъ къ службѣ, осыпанный его милостями, Паленъ никогда не забывалъ упрека въ «подлости», который сдѣланъ былъ ему Павломъ въ началѣ его царствованія и съ умысломъ, систематически, приводилъ въ исполненіе всѣ жестокія и необдуманныя распоряженія императора, даже преувеличивая ихъ значеніе. Паленъ зналъ, по какому скользкому пути идетъ онъ, при мнительности и подозрительности государя, но у него не было враговъ; напротивъ всѣ, даже

императрица Марія, предубѣжденная противъ всѣхъ новыхъ фаворитовъ своего супруга, считали Палена образцомъ рыцарства и прямодушія. Графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ и подруга жены Палена, еще болѣе утверждала её въ этомъ мнѣніи. Отъ возможныхъ случайностей Палена спасала дружба съ Кутайсовымъ, а чтобы упрочить за собою будущее, онъ вступилъ въ тѣсную связь съ дворомъ великаго князя Александра Павловича. Желая имѣть всегда точныя и вѣрныя свѣдѣнія о жизни наслѣдника и его супруги, Павелъ Петровичъ назначилъ въ 1799 г. графиню Паленъ гофмейстериной двора великой княгини Елизаветы Алексѣевны. Въ первое время Елизавета Алексѣевна чуждалась графини Паленъ, чопорной и скучной нѣмки, не безъ основанія видя въ ней приставницу, но постепенно графиня сумѣла побѣдить это предубѣжденіе. Впрочемъ, отношенія императора къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, испортившіяся въ 1799 году, измѣнились къ лучшему, когда умерла у нея дочь, великая княжна Марія Александровна. Императоръ повидимому былъ очень огорченъ этой смертью и испуганъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на Елизавету Алексѣевну: она почти не плакала, что очень обезпокоило Павла Петровича.

Кутайсовъ, Растопчинъ и Паленъ были тремя лицами, пользовавшимися дѣйствительнымъ значеніемъ при государѣ. Всѣ прочіе или не пользовались его довѣріемъ, какъ, напримѣръ, вице-канцлеръ графъ Никита Панинъ, или, какъ генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, принадлежали къ типу гатчинцевъ, т. е., исполняя съ усердіемъ и точностію волю государя, они не отличались ни умомъ, ни образованіемъ, и не въ состояніи были возвыситься до болѣе широкаго пониманія государственныхъ дѣлъ, слѣдуя всегда буквѣ повелѣній императора, а не духу ихъ. Самый усердный и сравнительно болѣе развитый въ умственномъ отношеніи гатчинецъ, Аракчеевъ, былъ уволенъ Павломъ въ концѣ 1799 г. за ложное доносеніе. Быть можетъ, самъ Кутайсовъ обязанъ былъ своимъ долгимъ, непрерывнымъ фаворомъ именно тому обстоятельству, что обязанности его ограничивались только личными услугами государю, а не касались служебныхъ дѣлъ, гдѣ Павелъ не прощалъ недобросовѣстности.

Тяготясь своимъ все увеличивающимся нравственнымъ одиночествомъ, императоръ высказалъ въ началѣ 1800 г. расположеніе примириться съ Нелидовой, которая возвратилась тогда, съ его разрѣшенія, въ Петербургъ и поселилась въ Смольномъ: его прогулки уже направлялись въ ту сторону, и онъ наконецъ выразилъ желаніе увидѣть стараго своего друга. Но императрица Марія своимъ стремленіемъ къ эффектамъ испортила дѣло: она пожелала придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ, назначила у себя вечернее собраніе и пригласила къ себѣ императора и Нелидову. Тогда Кутайсовъ и княгиня Гагарина подѣйствовали на самолюбіе Павла Петровича, и онъ прислалъ въ назначенный вечеръ сказать императрицѣ, что не можетъ быть у ея. Съ этого времени Нелидовой пришлось окончательно запереться у себя, въ Смольномъ. Взамѣнъ того на государя начали оказывать вліяніе іезуиты, главой которыхъ въ Россіи явился энергическій и ловкій патеръ Груберъ.

Всѣ эти обстоятельства могутъ уяснить тотъ фактъ, что въ 1800 г. личность и управленіе Павла носили на себѣ въ высшей степени перемѣнчивый характеръ, и тогда, въ полномъ смыслѣ слова, наступило для современниковъ «царство страха». Особенно бросалась въ глаза каждому несоразмѣрность наградъ и наказаній. При малѣйшемъ упущеніи не спасали виновнаго никакія заслуги: желаніе быть справедливымъ, «не взирая на лица», увлекало Павла Петровича въ противоположную крайность, и онъ совершалъ величайшія несправедливости, чтобы не сказать болѣе. Не было человѣка, котораго заслуги были бы признаны Павломъ въ такой степени, какъ заслуги Суворова; не было отличія, какого бы онъ не далъ ему, какъ писалъ онъ въ рескриптѣ, «за великія дѣла вѣрноподданнаго, которымъ прославляется царствованіе наше»: титулъ князя Италійскаго, санъ генералиссимуса, приказъ объ отдаваніи ему воинскихъ почестей, присвоенныхъ лишь императору, памятникъ, воздвигнутый при жизни,—все это служило мѣриломъ признательности государя къ увѣнчанному славой полководцу. Призывая Суворова въ Петербургъ, Павелъ предполагалъ отвести ему покои въ Зимнемъ дворцѣ и устроить тріумфальную встрѣчу. На самомъ же дѣлѣ Суворовъ, больной физически и подавленный нравственно, пріѣхалъ въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1800 г. какъ бы

тайкомъ, ночью, остановился у своего племянника, графа Хвостова, и, умирая подъ гнетомъ немилости къ нему государя, не былъ удостоенъ его посѣщеніемъ. Мало того, государь не проводилъ тѣла своего полководца до послѣдняго его жилища: онъ лишь выѣхалъ на путь, по которому шла печальная процессія и поклонился гробу, уронивъ нѣсколько сердечныхъ слезъ; цѣлый день онъ былъ невеселъ и ночью плохо спалъ, часто повторяя: «жаль». Оффиціальнымъ поводомъ къ негодованію Павла на Суворова было то, что Суворовъ, вопреки военному уставу Павла, имѣлъ при себѣ во все время похода дежурнаго генерала, а негласною причиною немилости можно предполагать возбужденное недоброжелателями Суворова самолюбіе Павла, оскорбленнаго признаніемъ Суворова, что артиллерійская, квартирмейстерская и провіантская части находилась въ австрійской арміи въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ русской: въ Суворовѣ онъ опять увидѣлъ екатерининскаго генерала, противника его преобразованій, а между тѣмъ недоброжелатели Суворова при дворѣ во-время напомнили государю, что онъ былъ въ родствѣ съ Зубовыми, находившимися въ опалѣ... Таково же было отношеніе Павла и къ войскамъ, возвратившимся изъ похода, гдѣ они покрыли себя славою и гдѣ ихъ мужество удивляло даже враговъ. Забыты были ихъ подвиги, и въ цѣломъ рядѣ приказовъ сдѣланы были выговоры за то, что «инспекторы и шефы полковъ мало прилагали стараній къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ было императорскому величеству угодно, и слѣдственно... сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службы», или «за то, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе; даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ» и т. п. Словомъ, государь былъ недоволенъ, что многіе изъ введенныхъ имъ плацпарадныхъ экзерцицій оказывались непригодны на поляхъ военныхъ дѣйствій. Когда великій князь Константинъ Павловичъ, возвратившись изъ швейцарскаго похода, доложилъ государю о неудобствахъ обмундированія арміи, оказавшихся въ походѣ, и представилъ образецъ пригоднаго солдатскаго обмундированія, государь былъ крайне недоволенъ, найдя, что образецъ этотъ напоминаетъ «потемкинскую» форму. Неудачи въ Швейцаріи и Голландіи, гдѣ командовали войсками плацпарадные генералы: Корсаковъ и Германъ, государь старался объяснить именно отступленіями отъ изданнаго имъ устава. 10 августа 1800 года объявленъ былъ приказъ: «его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи финляндской, что они видятъ сами, сколь далеки они даже отъ того, чтобы быть генералами даже посредственными, и что пока они будутъ таковы — вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты».

Полицейская опека надъ частною жизнію подданныхъ, боязнь «моральной язвы», также не ослабѣвали, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно находилъ себѣ пищу никогда не умиравшій въ душѣ Павла Петровича страхъ заговоровъ и какого-либо переворота. Паленъ, пользуясь поддержкою Кутайсова, умѣлъ однако направлять подозрѣнія императора и гнѣвъ его сообразно своимъ цѣлямъ. 18 апрѣля 1800 г. послѣдовалъ указъ сенату: «Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были, безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку». Даже академіи наукъ воспрещено было выписывать книги изъ-за границы. Въ самомъ Петербургѣ, подъ вліяніемъ разныхъ неосновательныхъ доносовъ, начались полицейскія строгости. «Негодяи», говоритъ Коцебу, «злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе и даже такіе, въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса». Преданный государю Коцебу самъ засыпалъ всегда со страшными предчувствіями и вскакивалъ ночью при каждомъ шумѣ. На его примѣрѣ легко видѣть, въ какомъ состояніи духа находился каждый житель Петербурга въ то время. Проѣзжая по улицѣ, онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, стараясь угадать, не ѣдетъ ли императоръ, чтобы своевременно отдать ему честь; онъ осматривалъ цвѣтъ и покрой одежды — нѣтъ ли чего въ нихъ противнаго указу; въ театрѣ, мѣстѣ его службы, онъ долженъ былъ угождать посредственностямъ, покровительствуемымъ Кутайсовымъ, и его фа-

вориткѣ, г-жѣ Шевалье, а во время спектаклей трепеталъ при мысли, что недремавшая (только для вздорныхъ доносовъ) полиція или ея тайные агенты найдутъ двусмысленныя или колкія выраженія въ разрѣшенныхъ имъ для игры пьесахъ. Всякій разъ, когда его жена и дѣти запаздывали на прогулкахъ, онъ боялся, что ихъ арестовали за неотданіе чести и посадили въ тюрьму. Разговоровъ съ кѣмъ-нибудь онъ чуждался, опасаясь доносовъ; писать онъ не могъ, потому что рукописи могли быть захвачены и превратно истолкованы, читать — также, такъ какъ всѣ иностранныя книги были запрещены. Въ довершеніе всего, осенью, зимою и весною, когда, по дѣламъ, ему приходилось идти около дворца, онъ бѣжалъ, чтобы не получить простуды, потому что, во всякое время года и при самой ужасной погодѣ, нужно было слѣдовать мимо дворца съ непокрытой головой, встрѣчая, почти на каждомъ шагу, кибитки съ ссыльными или людей, ведомыхъ подъ конвоемъ для наказанія». «Я сошлюсь», прибавляетъ Коцебу, «на всѣхъ жителей Петербурга, когда бы кто рѣшился упрекнуть меня въ преувеличеніи... О, если бы государь зналъ это! Онъ, который сердечно желалъ счастія своимъ подданнымъ!» Между тѣмъ, на Дону казненъ былъ, вопреки приказанію императора, преданный ему полковникъ Грузиновъ, котораго Паленъ и его сообщники не желали допустить въ Петербургъ, а въ самомъ Петербургѣ лейтенантъ Акимовъ, за эпиграмму на построеніе Исаакіевскаго собора, сосланъ былъ въ Сибирь съ урѣзаніемъ языка; пасторъ Зейдеръ, обвиненный въ томъ, что имѣлъ запрещенныя книги въ своей библіотекѣ,—былъ наказанъ кнутомъ; генералъ-лейтенантъ князь Сибирскій, по неосновательному доносу, закованъ былъ въ кандалы и также сосланъ. Военные вообще чаще подвергались всякаго рода взысканіямъ. Конногвардейскій полкъ въ началѣ 1800 г. переведенъ былъ въ Царское Село и отданъ для обученія великому князю Константину Павловичу; говорили, что, въ припадкѣ гнѣва на оплошность офицеровъ этого полка, у императора вырвалось даже слово: «въ Сибирь!» Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ въ маѣ 1800 г., по приговору военнаго суда, утвержденному императоромъ, прогнанъ былъ чрезъ строй и получилъ 1000 ударовъ шпицрутеномъ. Рѣдкій вахтъ-парадъ обходился безъ наказаній. Изъ ряда многихъ странныхъ распоряженій Павла за то время нельзя пройти молчаніемъ того, что въ ноябрѣ запрещенъ былъ пріѣздъ ко двору почти всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ на это право, за исключеніемъ лицъ, ближайшихъ къ императору, такъ какъ они оказались «невѣжами», аплодируя на придворномъ спектаклѣ, а въ январѣ 1801 г. прусскій купецъ Ширмеръ, ходатайствовавшій о дозволеніи учредить общество, «въ коемъ гражданскіе чиновники, купцы и художники могли бы найти препровожденіе времени по вечерамъ»,—посаженъ былъ на мѣсяцъ на хлѣбъ и воду, и затѣмъ высланъ за границу; еще ранѣе запрещено было офицерамъ посѣщать общественныя собранія. Разборомъ всѣхъ доносовъ и усерднымъ не по разуму исполнителемъ рѣшеній императора былъ, кромѣ Палена, «гатчинецъ», генералъ-прокуроръ Обольяниновъ, не вѣдавшій, что творилъ. «Время это было самое ужасное», разсказываетъ одинъ изъ его подчиненныхъ, Мертваго: «государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе вотчинной; знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревни. Государь занялся дѣлами церковными, преслѣдовалъ раскольниковъ (духоборцевъ), разбиралъ основаніе ихъ секты; многихъ брали въ тайную канцелярію, брили имъ бороды, били и отправляли въ поселеніе. Словомъ, ежедневный ужасъ. Начальникъ мой сталъ инквизиторомъ, все шло чрезъ него. Сердце болѣло, слушая шепоты, и радъ бы не знать того, что разсказываютъ». Замѣчательно, что именно въ это время, въ апрѣлѣ 1800 г., Павелъ говорилъ шведскому послу Стединку: «Меня выставляютъ за ужаснаго невыносимаго человѣка, а я не хочу никому внушать страха». Еще замѣчательнѣе, что самое спокойное время въ 1800 г. въ Петербургѣ было въ сентябрѣ и октябрѣ, когда графъ Паленъ былъ назначенъ командовать арміей на прусской границѣ, а должность петербургскаго военнаго губернатора съ 14 августа исполнялъ генералъ отъ инфантеріи Свѣчинъ.

Тревожное состояніе умовъ въ Петербургѣ вполнѣ совпадало съ планами лицъ, стремившихся къ устраненію Павла отъ престола и къ установленію регенства въ Россіи, такъ какъ казалось, что государь страдаетъ психическимъ разстройствомъ.

Мысль о возможности установленія регентства укрѣплялась подобными примѣрами, бывшими незадолго до этого времени въ Англіи и Даніи. Начало свое мысль эта получила въ бесѣдахъ честолюбиваго вице-канцлера графа Панина съ англійскимъ посломъ Витвортомъ, который въ маѣ 1800 г. долженъ былъ оставить Россію. Другъ Витворта, Ольга Александровна Жеребцова, сестра опальныхъ Зубовыхъ, и графъ Панинъ привлекли затѣмъ къ участію въ заговорѣ вице-адмирала Рибаса, хитраго и продажнаго, но ловкаго и способнаго человѣка, только что уволеннаго Павломъ отъ завѣдыванія лѣснымъ департаментомъ за обнаруженныя хищенія: неаполитанецъ по происхожденію, онъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ съ Алексѣемъ Орловымъ, принявъ участіе въ похищеніи извѣстной княжны Таракановой, и упрочилъ свою карьеру женитьбой на побочной дочери Бецкаго. Прослѣдить за первоначальными дѣйствіями этихъ друзей весьма трудно, но извѣстно, что въ сентябрѣ графъ Панинъ напрасно пытался подать государю записку о необходимости сближенія съ Англіей и Пруссіей, а въ то же время въ морскомъ вѣдомствѣ, гдѣ Рибасъ игралъ важную роль, не смотря на то, что ожидали войны съ Англіею, высочайшіе приказы за сентябрь и октябрь наполнены были болѣе, чѣмъ когда-либо, увольненіями отъ службы и въ отпускъ офицеровъ балтійскаго флота, который для войны съ Англіей необходимъ былъ въ полномъ своемъ составѣ. Вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ, графъ Панинъ явился къ петербургскому военному губернатору Свѣчину и объявилъ ему, что онъ стоитъ во главѣ заговора противъ императора, что предположено заставить императора отказаться отъ престола и возвести на него великаго князя Александра. Панинъ спрашивалъ затѣмъ, какое рѣшеніе думаетъ въ виду этого принять самъ Свѣчинъ, какъ командующій войсками въ Петербургѣ. Генералъ съ негодованіемъ отвергъ предложеніе Панина принять участіе въ заговорѣ, но объявилъ, что не измѣнитъ его довѣрію, чтобы доносомъ пріобрѣсти милость государя: «законъ», прибавилъ онъ, «даетъ мнѣ право и всѣ средства исполнить мою обязанность». Спустя нѣсколько дней къ Свѣчину явился Рибасъ съ тѣмъ же вопросомъ и получилъ тотъ же отвѣтъ. «Спустя два дня», пишетъ Свѣчинъ въ своихъ запискахъ, «я утромъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ того дня—отставленъ отъ службы». На его мѣсто 27 октября снова назначенъ былъ Паленъ, вошедшій уже въ тѣсную связь съ заговорщиками. Увольненіе Свѣчина современники объясняли интригой Кутайсова: на одной дочери Лопухина, сестрѣ фаворитки, женатъ былъ старшій сынъ его, Павелъ, а на другой — сынъ Жеребцовой, Александръ. Въ то же время Жеребцова польстила Кутайсову, сообщивъ ему, что, будто бы, братъ ея, князь Платонъ Зубовъ, желаетъ жениться на его дочери. Восхищенный Кутайсовъ, съ своей стороны, убѣдилъ государя простить братьевъ Зубовыхъ и вызвать ихъ въ Петербургъ. Зубовы пріѣхали въ Петербургъ въ ноябрѣ и осыпаны были милостями императора: имъ возвращены были ихъ имѣнія, и оба они были назначены шефами кадетскихъ корпусовъ. Тогда же, 1 ноября, графъ Паленъ исходатайствовалъ у императора неслыханную дотолѣ милость: высочайшимъ указомъ сенату дозволено было всѣмъ выбывшимъ или исключеннымъ изъ службы военной или гражданской вновь вступить на службу; но при этомъ сдѣлана была странная оговорка, чтобы всѣ таковые явились въ Петербургъ для личнаго представленія государю. Такимъ образомъ, въ скоромъ времени собралось въ столицѣ около 2000 человѣкъ, хотя и прощенныхъ, но дважды озлобленныхъ противъ императора, такъ какъ многіе изъ нихъ, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ три или четыре тысячи верстъ до Петербурга, чтобы потомъ пройти, быть можетъ, столько же до назначенныхъ имъ полковъ...

Въ это время уже начались непріязненныя дѣйствія Россіи противъ Англіи: 23 октября графъ Растопчинъ, по повелѣнію императора, объявилъ о наложеніи амбарго на англійскія суда, находившіяся въ русскихъ портахъ, въ отплату англичанамъ за захватъ Мальты, и начались дѣятельныя приготовленія Россіи къ войнѣ съ Англіей. Случайно заболѣлъ въ это время президентъ адмиралтействъ-коллегіи графъ Кушелевъ, и Рибасъ долженъ былъ, вмѣсто него, докладывать дѣла императору. Ловкость докладчика, его увѣренность въ счастливомъ исходѣ войны и сдѣланныя имъ предположенія объ оборонѣ Кронштадта очень понравились Павлу, и

онъ тотчасъ же началъ оказывать ему благоволеніе; говорили, что Рибасъ, польщенный этимъ, думалъ открыть императору планы заговорщиковъ. Случилось, однако, что Рибасъ внезапно заболѣлъ и скоро умеръ... Панинъ уже лишился тогда вице-канцлерскаго мѣста и былъ назначенъ въ сенаторы, но около 20 декабря вызвалъ на себя по ничтожному поводу неудовольствіе государя и былъ высланъ въ подмосковную деревню. Незадолго до своей опалы онъ нѣсколько разъ видѣлся съ великимъ княземъ Александромъ и убѣждалъ его принять на себя бремя правленія, но великій князь отвергъ это предложеніе. Послѣ удаленія Панина главой заговора сдѣлался графъ Паленъ.

4 декабря между Россіею и Швеціею заключенъ былъ союзъ противъ Англіи, которымъ ограждалась свобода морской торговли, а затѣмъ къ этому союзу приступили Пруссія и Данія. Союзъ Россіи съ Франціей былъ также обезпеченъ, такъ что противъ Англіи составилась грозная, еще невиданная коалиція морскихъ державъ. Король шведскій прибылъ въ Петербургъ, чтобы личнымъ свиданіемъ съ государемъ изгладить старыя недоразумѣнія,—но тщеславный и упорный нравъ его привелъ къ новому охлажденію къ нему Павла. Императоръ встрѣтилъ короля съ большимъ почетомъ и съ выраженіями полной дружбы, но король поступалъ такъ неосторожно, что Павелъ часто чувствовалъ себя оскорбленнымъ и сталъ питать отвращеніе къ своему гостю. Однажды, увидѣвъ въ балетѣ красныя шапочки на танцовщицахъ, онъ сказалъ, что эти шапки якобинцевъ.—«Можетъ быть», сказалъ сухо императоръ, «но у меня ихъ нѣтъ». Въ другой разъ Густавъ-Адольфъ пригласилъ Павла пріѣхать въ Швецію, обѣщая ему показать свою гвардію и выражая этимъ сомнѣніе на счетъ великаго совершенства русскихъ гвардейцевъ. «Слова эти», говоритъ современникъ, «тѣмъ болѣе возмутили Павла, что король, въ глазахъ императора, былъ ничтожный королекъ, а этимъ предложеніемъ онъ ставилъ себя наравнѣ съ нимъ, всемогущимъ самодержцемъ всея Россіи». Когда во время церемоніальнаго марша императоръ, во главѣ войскъ, лично отдалъ честь высокому гостю, гость этотъ отвѣтилъ только легкимъ наклоненіемъ головы. Король, наконецъ, не принялъ оффиціальнаго письма императора, потому что въ титулѣ былъ пропущенъ титулъ его «норвежскаго наслѣдника». Тѣмъ не менѣе Павелъ Петровичъ дружелюбно разстался съ королемъ и на другой день предъ самымъ его отъѣздомъ, послалъ къ нему графа Растопчина просить орденъ Серафимовъ для своего оберъ-шталмейстера, графа Кутайсова. Король отказалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что Кутайсовъ еще не имѣетъ ордена св. Андрея. Тогда императоръ, въ высшей степени разгнѣванный этимъ отказомъ, въ ту же минуту велѣлъ возвратиться придворной кухнѣ и свитѣ, назначенной провожать короля до границы, такъ что безъ помощи одного финскаго священника король и его дворъ не имѣли бы пропитанія; вмѣстѣ съ тѣмъ, Павелъ, чтобы загладить обиду, которую осмѣлились нанести его любимцу, поспѣшилъ тотчасъ наградить его орденомъ св. Андрея. Союзъ со Швеціей тѣмъ не менѣе остался въ силѣ. Кронштадтъ приготовлялся къ оборонѣ, поспѣшно собирались отпускные офицеры балтійскаго флота, для защиты береговъ собрана была армія; приняты были мѣры даже для обороны Соловковъ. Желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, «атаковать англичанъ тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительнѣе и гдѣ меньше ожидаютъ», императоръ, съ одной стороны, просилъ перваго консула сдѣлать диверсію нападеніемъ на берега Англіи, а съ другой—12 января 1800 г. далъ приказаніе атаману войска донского Орлову двинуться съ донскими полками въ походъ на Индію. Казаки, исполняя приказъ государя, 27 февраля тронулись въ путь, но 18 марта успѣли только переправиться чрезъ Волгу, и вслѣдъ за тѣмъ получили извѣстіе о кончинѣ императора. Нѣтъ сомнѣнія, что походъ этотъ, мало обдуманный и вовсе неподготовленный, не привелъ бы къ желаемой цѣли, такъ какъ неизвѣстна была даже дорога въ Индію, но та же неизвѣстность царила и въ Англіи относительно возможности этой экспедиціи, тѣмъ болѣе, что одновременно съ вѣстію о ней тамъ узнали о расширеніи предѣловъ Россіи за Кавказомъ: 18 января 1801 г., по завѣщанію послѣдняго грузинскаго царя Георгія, совершилось добровольное присоединеніе къ Россіи Грузіи. Все это произвело въ Англіи сильное впечатлѣніе, особенно въ торговыхъ сферахъ. Лондонскій кабинетъ, ко всеобщему удивленію, одинъ сохранялъ видимое спокойствіе и лишь въ концѣ февраля 1801 г. отправилъ

въ Балтійское море эскадру, подъ начальствомъ Нельсона.

Разрывъ съ Англіей какъ нельзя болѣе согласовался съ планами заговорщиковъ. Отпускная торговля наша цѣликомъ была въ рукахъ англичанъ, вывозившихъ русское сырье: хлѣбъ, кожу, лѣсъ и т. д. Прекращеніе этой торговли совпало со временемъ осеннихъ зародажъ, и появившіяся низкія цѣны на сырье ложились тяжелымъ бременемъ на дворянство и купечество. Осуждали политику государя, увѣряли, что Кронштадтъ не выдержитъ бомбардированія англійскаго флота, и предрекали Петербургу неминуемую гибель. Этими слухами и внушеніями думали, говоритъ де-Сангленъ, приготовить публику, и безъ того недовольную...

Графъ Паленъ, послѣ удаленія Панина давшій заговору другое направленіе, не терялъ времени. Не питая довѣрія къ характеру Платона Зубова, котораго считалъ онъ человѣкомъ ничтожнымъ и пустымъ, Паленъ избралъ правою рукою своею генерала Беннигсена, находившагося на русской службѣ, но бывшаго подданнымъ англійскаго короля по ганноверскому своему происхожденію. Беннигсенъ, подобно многимъ другимъ, былъ сначала уволенъ изъ службы, но, вслѣдствіе запрещенія государя, не могъ выѣхать за границу и затѣмъ получилъ назначеніе служить на кавказской линіи. Паленъ вызвалъ его въ Петербургъ и заранѣе ввелъ его во всѣ подробности заговора, предназначая ему роль руководителя. Государь только что переѣхалъ, 1 февраля 1801 г., въ новый дворецъ свой, Михайловскій замокъ, построенный на мѣстѣ разобраннаго Лѣтняго дворца, въ которомъ государь родился. «На томъ мѣстѣ, гдѣ родился, хочу и умереть», говорилъ императоръ. Разсказывали, что построеніе этого замка связано было съ мистическими воззрѣніями Павла и видѣніемъ часовому, при восшествіи Павла на престолъ, св. Архангела Михаила, въ честь котораго освящена была церковь замка и нареченъ младшій сынъ императора. Дворецъ былъ заложенъ 26 февраля 1797 года и строился 4 года. 8 ноября 1800 г., въ день Архангела Михаила, происходило освященіе замка, а 1-го февраля 1801 г. императоръ поспѣшилъ поселиться въ новомъ, великолѣпномъ, но еще сыромъ и не вполнѣ отдѣланномъ своемъ жилищѣ, чтобы успѣть пожить въ немъ до отправленія своего въ Москву, гдѣ онъ предполагалъ весною произвести смотръ войскамъ московской инспекціи. Михайловскій замокъ, по наружному виду, представлялъ рыцарскую крѣпость, окруженную рвами и гранитными брустверами, на которыхъ стояли орудія; сообщеніе производилось по подъемнымъ мостамъ, у которыхъ стояли караулы, но никакихъ подземныхъ ходовъ, о которыхъ ходила молва, въ замкѣ не было.

Для завершенія коварныхъ дѣйствій графа Палена и его сообщниковъ нужно было убѣдить великаго князя Александра въ истинѣ распущенныхъ по городу слуховъ, что Павелъ Петровичъ собирается заключить супругу свою въ монастырь, а старшихъ сыновей своихъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Слухи эти ничѣмъ, однако, не подтверждались, хотя подозрительность императора часто обращалась на старшаго его сына. Извѣстно только, что государь однажды, когда великій князь ходатайствовалъ предъ нимъ за нѣкоторыхъ провинившихся офицеровъ, увидѣлъ въ этомъ ходатайствѣ стремленіе сына къ популярности, въ ущербъ себѣ, и, поднявъ свою палку, съ гнѣвомъ закричалъ на него: «я знаю, что ты злоумышляешь противъ меня!» Великая княгиня Елисавета бросилась между отцомъ и сыномъ, и Павелъ ушелъ, пыхтя отъ гнѣва. Этимъ предубѣжденіемъ государя и воспользовался Паленъ для достиженія своихъ цѣлей: онъ старался вооружить отца противъ сыновей, а великихъ князей увѣрялъ, что заботится объ оправданіи ихъ поступковъ предъ ихъ родителемъ. Въ то же время Паленъ удалилъ, съ помощью Кутайсова, послѣдняго человѣка, который могъ стать ему поперекъ дороги. Растопчинъ, какъ директоръ почтъ, перехватилъ письмо, гдѣ шла рѣчь будто-бы о Цинцинаттѣ—Ренинѣ, впавшемъ въ немилость Павла, и, донеся о немъ императору, приписалъ его Панину, давнему своему сопернику. Ошибка или злоумышленіе Растопчина вскорѣ обнаружилось: авторомъ оказалось другое лицо; но Кутайсовъ воспользовался случаемъ, чтобы погубить стараго своего пріятеля. Объяснили дѣйствіе Растопчина въ самомъ черномъ видѣ, хотя почеркъ Панина былъ извѣстенъ самому государю. «Это чудовище!» воскликнулъ Павелъ: «онъ хотѣлъ сдѣлать меня орудіемъ частной мести!» 20 февраля Растопчинъ былъ уже уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ и уѣхалъ въ под-

московную свою деревню: его не допустили даже проститься съ государемъ. Его должности: перваго члена коллегіи иностранныхъ дѣлъ и директора почтъ—переданы были Палену.

Но уже 9 марта случилось нѣчто неожиданное. Павелъ, кажется, былъ кѣмъ-то предувѣдомленъ или началъ бояться Палена, давши ему въ руки такую всеобъемлющую власть. Поэтому, не говоря ему ни слова, онъ послалъ за Аракчеевымъ, жившемъ около Новгорода, причемъ самъ подписалъ подорожную. Но Паленъ перехватилъ фельдъегеря и представилъ государю пакетъ и подорожную, какъ подложные. Государь приказалъ ему отправить ихъ немедленно по назначенію и при этомъ невзначай спросилъ его, возможно ли теперь повтореніе событій 1762 г. Паленъ хладнокровно отвѣтилъ на это, что нѣкоторые и теперь задумываютъ подобное покушеніе, но исполнить его не такъ легко, какъ прежде: войско тогда не было еще въ рукахъ государя, и полиція не такъ дѣйствовала, какъ теперь. Предположивъ затѣмъ изъ дальнѣйшихъ словъ государя, что онъ, быть можетъ, хорошо освѣдомленъ о заговорѣ, широко распространявшемся среди офицеровъ гвардіи, Паленъ съ твердостью объяснилъ ему, что онъ самъ стоитъ во главѣ одного заговора для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями заговорщиковъ, потому что не имѣетъ силы помѣшать имъ теперь же; вслѣдъ затѣмъ онъ добавилъ, что не можетъ отвѣчать за безопасность государя, пока не будетъ имѣть въ рукахъ письменнаго повелѣнія, арестовать, въ случаѣ надобности, великаго князя Александра Павловича. Получивъ такимъ способомъ отъ государя это повелѣніе, распространенное на всѣхъ членовъ императорской фамиліи, Паленъ немедленно показалъ его великому князю Александру...

Павелъ Петровичъ, однако, не вполнѣ довѣрялъ Палену: онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ Аракчеева и скрывалъ свои мысли даже отъ Кутайсова, сказавъ ему только: «черезъ пять дней ты увидишь великія дѣла!» Но точныхъ свѣдѣній о заговорѣ государь не могъ имѣть: даже тѣ, кто желалъ бы предупредить его, боялись, что Павелъ Петровичъ не дастъ себѣ труда вникнуть въ дѣло и, довѣряя Кутайсову, выдастъ ихъ головою тому же Палену.

Наконецъ вечеромъ 11 марта прибылъ къ петербургской заставѣ давно ожидаемый Аракчеевъ, но здѣсь, по приказанію Палена, ему было объявлено, что его не могутъ пропустить безъ особаго повелѣнія государя. Въ этотъ день великихъ князей: Александра Павловича и Константина Павловича генералъ-прокуроръ Обольяниновъ приводилъ къ присягѣ на вѣрность императору-отцу, и оба они находились у себя въ комнатахъ подъ арестомъ. Въ тотъ же вечеръ Павелъ Петровичъ удалилъ отъ себя вѣрный караулъ отъ конной гвардіи, которую Паленъ представилъ ему какъ зараженную якобинствомъ, а, взамѣнъ его, поставилъ у дверей своей спальни двухъ унтеръ-лакеевъ...

Въ ночь съ 11 на 12 марта императора Павла Петровича не стало... «Судьбамъ Вышняго», возвѣщалъ манифестъ новаго императора, Александра Павловича, «угодно было прекратить жизнь любезнаго родителя нашего, государя императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля наслѣдственно императорскій всероссійскій престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да, по ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ намъ присягою предъ лицемъ всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ намъ силы къ снесенію бремени, нынѣ на насъ лежащаго».

Манифестъ этотъ произвелъ, по словамъ современниковъ, всеобщій восторгъ въ обществѣ, особенно въ средѣ дворянства: «всѣ умы и сердца успокоились». «Сынъ Екатерины (такъ объяснялъ это «успокоеніе» въ обществѣ представитель его, Карамзинъ), могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества. Къ неизъяснимому изумленію россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами; казнилъ безъ вины, награждалъ безъ заслугъ; отнялъ стыдъ у казни, у награды — прелесть; унизилъ чины и ленты расто-

чительностію въ оныхъ; легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ полкахъ нашихъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериной, и замѣнилъ его духомъ капральства. Героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ воинской службы; презиралъ душу, уважалъ шляпы и воротники; имѣя, какъ человѣкъ, природную склонность къ благотворенію, питался желчью зла; ежедневно вымышлялъ способы устрашать людей и самъ болѣе всѣхъ страшился; думалъ соорудить себѣ неприступный дворецъ—соорудилъ гробницу»!...

17-го марта, въ 7 часовъ вечера, тѣло почившаго императора, пріуготовленное на кровати въ коронѣ и порфирѣ, въ присутствіи ихъ величествъ и ихъ высочествъ было перенесено генералъ-и флигель-адъютантами изъ почивальной въ тронную залу Михайловскаго замка и выставлено на паратбетѣ; затѣмъ, 22-го марта, тѣло было перенесено изъ тронной на катафалкъ, устроенный въ военномъ залѣ. 23-го марта, въ Страстную субботу, останки почившаго государя перевезены были въ Петропавловскій соборъ. За гробомъ слѣдовалъ императоръ Александръ, имѣя на себѣ черную мантію и распущенную на головѣ шляпу съ флеромъ, за нимъ слѣдовалъ великій князь Константинъ Павловичъ съ супругой, великой княгиней Анной Ѳеодоровной; императрица Марія Ѳеодоровна, обезсилѣвшая отъ горя и слезъ, оставалась во время печальной церемоніи въ Михайловскомъ замкѣ, утѣшаемая заботами и попеченіями новой императрицы, Елизаветы Алексѣевны. Въ тотъ же день, 23-го марта, послѣдовало отпѣваніе и погребеніе тѣла императора Павла Петровича въ Петропавловскомъ соборѣ.

Рукописные матеріалы для исторіи императора Павла находятся во многихъ правительственныхъ архивахъ, въ особенности въ Государственномъ архивѣ, въ архивахъ министерства Императорскаго двора и министерства иностранныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, въ архивахъ центральныхъ учрежденій военнаго министерства, въ Сенатскомъ архивѣ, въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи и др. Важны также частныя собранія рукописей; таковы, напр., рукописи изъ собранія покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, пожалованныя Государемъ Императоромъ Императорскому Русскому Историческому Обществу. Изъ отдѣльныхъ изданій актовъ царствованія императора Павла выдѣляются по своему значенію: «Полное Собраніе Законовъ», тт. XXIV, XXV и XXVI, «Архивъ Государственнаго Совѣта», т. II, «Сенатскій Архивъ», т. I, «Собраніе трактатовъ и конвенцій», Мартенса. Масса правительственныхъ актовъ, писемъ и записокъ императора Павла и его современниковъ, вмѣстѣ съ другими разнообразными матеріалами, напечатана въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», въ «Архивѣ кн. Воронцова», въ «Архивѣ кн. Куракина», въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ» и въ журналахъ: «Библіографическія Записки», «Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», «Русскій Архивъ», «Русская Старина», «Древняя и Новая Россія», «Историческій Вѣстникъ»; см. также изданія Брикнера: «Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина», Choumigorsky: «Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorovna à m-lle Nélidow», Lise Troubetzkoy: «Correspondance de S. M. l'Impératrice Marie Féodorovna avec m-lle de Nélidow». Paris, 1896. Изъ записокъ современниковъ объ императорѣ Павлѣ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія: D'Allonville: «Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat». «Article ecrit par quelqu' un qui a beaucoup connu la princesse Anne Gagarine («Le Temps» du 3-e Février 1833). Ассебургъ (Asseburg: «Denkwürdigkeiten». Berlin, 1842. Бахметевъ, А. Н.: «Souvenirs» (ркп.). Башиловъ: «Записки о временахъ Екатерины II и Павла I». («Заря», 1871, 12). Башомонъ: «Записки» («Р. Стар.» 1882). Болотовъ: «Памятникъ протекшихъ временъ». М. 1875 и «Записки», XXXV, въ «Р. Стар.» 1889 г. Брей (Bray), кавалеръ: «Mémoire sur la Russie» (ркп.). Вигель: «Записки». М. 1864—1866, а также въ «Р. Арх.» 1894 г. Виже-Лебренъ (Vigée le Brun): «Souvenirs». Paris, 1869; перев. въ «Др. и Нов. Россіи.», 1876, 10 — 12. Волконскій, кн. П. М.: «Разсказы» («Р. Стар.», 1876, 5). Вяземскій, кн., П. А.: «Старая записная книжка» въ «Полномъ собраніи сочиненій», СПб., 1878—1887. Гарновскій: «Записки» (Р. Стар. 1876, 1—7), Гейкингъ: «Aus den Tagen Kaiser Pauls» von Bienemann. Leipzig, 1886 (Р. Стар.», 1887). Гельбигъ: «Russische Günstlinge». Tübingen. 1809 (Переводъ въ «Р. Стар.» 1886, 1887). Глинка, С. Н.: «Записки». СПб., 1895. Голицынъ, А. Н. кн.: «Разсказы» («Р. Арх.», 1886). Голицынъ, С. М., кн.: «Разсказы» («Р. Арх.», 1869). Голицынъ, Ѳ. Н., кн.: «Записки» (Р. Арх.», 1884, 1). Головина, графиня: «Записки». СПб. 1899, Грепни (Greppi): «Révelations diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie pendant la premiere et la dernière coalition». Paris, 1859. Грембло (Grimblot): «La cour de Russie il y a cent ans». Berlin, 1890. Гречъ, Н. И.: «Записки о моей жизни». СПб. 1886. Грязевъ: «Записки» (ркп.). Даль, В. И.: «Разсказы о временахъ Павла I» («Р. Стар.» 1870, 9). Дашкова, кн.: «Mémoires» («Арх. кн. Воронцова», XXI). Денисовъ, А. К.: «Записки» («Р. Стар.», 1874 — 1875). Державинъ: «Записки» (Сочиненія Державина, изд. Грота, т. VI). Дмитріевъ, И. И.: «Взглядъ на мою жизнь», М. 1866 г. Дмитріевъ М. А.: «Мелочи изъ запаса моей памяти». М. 1869. Долгорукій, кн., И. М.: «Капище моего сердца». М. 1874 и въ «Р. Арх.», 1893. «Europäische Annalen» vom Jahre 1807. Екатерина II: «Mémoires», London 1859. «Ermordung des Kaisers Paul I» (Sybel: «Historische Zeitschrift,

1860, 3»). Ермоловъ, А. П.: «Разсказы» («Чтенія Московскаго Общества» и проч., 1863, 4). Евгеній Виртембергскій, принцъ; «Memoiren» Frankfurt am O. 1862. — Helldorf: «Aus dem Leben des Prinzen Eugen von Würtemberg». Berlin, 1861. Жоржель: «Записки» (Georgel); «Mémoires pour servir à l'histoire des évenements de la fin du XVIII siècle, t. VI, Paris, 1820. Переводъ въ «Др. и Нов. Россіи», 1878, 6—12). Зейдеръ: «Der Todeskampf am Hochgericht». Hildesheim und Leipzig, 1803, а также въ «Р. Стар.» 1878, XXI и XXII. Зейме (Seume): Briefe uber dieneuesten Veränderungen in Russland. Leipzig 1797. Ильинскій «Записки» («Р. Арх.», 1869). «Историческій Сборникъ». Лондонъ, 1859. Кн. 1 и 2. Карабановъ: «Историческіе разсказы и анекдоты» («Р. Стар.», 1871, 1872). Karl Friedrich von Baden: «Politische Correspondenz» (1783 — 1806). Heidelberg, Ковалевскій, Е. П. «Послѣ смерти Павла I» (ркп.). Комаровскій, гр.: «Записки» («Р. Арх.», 1867, а также «Истор. Вѣстн.», 1898). Коцебу (Kotzebue: Das merkwürdigste Jahr meines Lebens. Berlin, 1801); его же: «Записка о кончинѣ императора Павла» (ркп.). Кутлубицкій: «Разсказы» («Р. Арх», 1868). Ланжеронъ, гр.: «Записки» (ркп., отрывки въ «Revue Britannique», 1895, и въ «Р. Ст.» 1895 г.). Ливенъ, кн. Д. Х.: «L'Empereur Paul» (ркп.) Лопухинъ, И. В.: «Записки» («Р. Арх.», 1884. 1). Лопухинъ кн. П. П.: «Разсказы» (ркп). Лубяновскій: «Воспоминанія» («Р. Арх.», 1872) Мальмсбюри, лордъ «Diaries aux correspondance». London, 1845. Массонъ (Masson): Mémoires secrets sur la Russie. Paris, 1802. Местръ, Жозефъ (Maistre): «Mémoires et correspondance». Мертваго: «Записки». М. 1877 или въ «Р. Арх». 1867 г. Paris, 1869. Муханова, М. С.: «Изъ записокъ» (въ неполномъ видѣ) («Р. Арх.», 1878, 1). Нессельроде, графъ К. В.: «Записки» («Р. Вѣстн.», 1865, 10). Оберкирхъ (Oberkirch): «Mémoires». Paris, 1853. Paul I. Von einem unbefangenen Beobachter. Leipzig, 1800. Пишчевичъ: «Жизнь А. С. Пишчевича, имъ самимъ описанная». М., 1885. Полетика, П. П.: «Записки» («Р. Арх.», 1885). Понятовскій, Станиславъ, кн.: «Souvenirs». Paris, 1895. Порошинъ: «Записки» (приложеніе къ «Р. Стар.», 1881). Спб. 1881. Растопчинъ, гр.: Ѳ. В. «Картина Европы въ началѣ XIX ст. и отношеніе къ ней Россіи» («Памятники новой русской исторіи», Кашпирева, Спб. 1871); его же «1812 годъ» («Р. Стар.», 1896, 1). Растопчинъ, гр. А. Ѳ.: «Matériaux inédits pour la biographie future du comte Rastoptchine». Bruxelles, 1864. Ржевская (Алымова): «Записки» («Р. Арх.», 1871, 1). Реймерсъ: «Петербургъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ» («Р. Стар.», 1883). Переводъ съ изданія: «St. Petersburg am Ende seines ersten Jahrhun-derts». St. Petersburg, 1805. Рибопьеръ, гр.: «Записки» («Р. Арх.», 1877, 1). Руничъ, Д. П.: «Изъ записокъ» («Р. Стар.», 1896) и (ркп.) Саблуковъ: «Записки» («Fraser's Magazine», 1865, «La mort de Paul I» — «Revue moderne 1865 et 1866». перев. въ «Р. Арх.», 1869, II), Сангленъ: «Записки» («Р. Стар.», 1882 и 1883). Сегюръ (Ségur) гр.: «Mémoires». Paris, 1827. Серра-Капріола: «Донесенія» (ркп.). Станиславъ Августъ: «Mémoires». Leipzig, 1862. Стединкъ (Stedingk): «Mémoires posthumes», Paris, 1844. Thugut: «Vertrauliche Briefe», Wien, 1872. Тургеневъ, А. М.: «Записки» («Р. Стар.», 1885, 1886, 1887, 1889, 1895). Тыртовъ: «Анекдоты объ императорѣ Павлѣ I», М. 1807. «Философъ горы Алаунской», М. 1801. Фонвизинъ, М. А.: «Записки», Лейпцигъ, 1861, а также въ «Р. Стар.», 1884). Хвостовъ: «Записки» («Р. Арх.», 1870, 3). Храповицкій: «Дневникъ». Спб., 1874. Циммерманъ: «Записки» (ркп.). Чарторижскій (Czartorisky), кн. Адамъ: «Mémoires». Paris, 1887. Чичаговъ: «Записки» («Mémoires de l'amiral Tchitschagoff», Leipzig, 1862 и «Архивъ адмирала Н. В. Чичагова», выпускъ I, Спб., 1885, а также «Р. Стар.», 1883, 1886, 1887, 1888). Шишковъ: «Записки». Берлинъ, 1870. Шуазель-Гуфье (Choiseul-Gouffier): «Mémoires historiques». Paris, 1829. Энгельгардтъ: «Записки». М. 1867. Изъ немногочисленной литературы объ императорѣ Павлѣ и его времени болѣе извѣстны и важны слѣдующія сочиненія: Кобеко: «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», Спб., 1887. Шумигорскій: «Императрица Марія Ѳеодоровна», т. I, Спб., 1892. Шильдеръ: «Императоръ Александръ Первый», т. I, Спб., 1897. «Leben Pauls I», Frankf. am M., 1804. (Переводъ Кряжова: «Жизнь Павла I», М. 1805). Schnitzler: «Kaiser Paul I vor und nach seiner Thronbesteigung» (Raumer: «Histor. Taschenbuch», 4-te Folge, 8-er Jahrgang». Leipzig, 1867). «Kaiser Pauls Ende» von R. R., Stuttgart, 1897. Шумигорскій: «Екатерина Ивановна Нелидова», Спб., 1897. Васильчиковъ: «Семейство Разумовскихъ», Спб., 1880. Бильбасовъ: «Исторія Екатерины Второй», т. 1 и 2, Спб., 1890—1891, т. XII, Берлинъ, 1896. Милютинъ: «Исторія войны 1799 года», Спб., 1852. Панчулидзевъ: «Исторія кавалергардскаго Ея Величества полка», Спб., 1899. Tatistcheff: «Paul I et Bonaparte» («Nouvelle Revue», 1887). Paris, 1887. Лебедевъ: «Преобразованіе русской арміи въ царствованіе императора Павла Петровича» («Р. Ст.», 1877, т. XVIII). «Графы Панины», Спб., 1863, его же. Корсаковъ: «Воцареніе императора Павла» («Ист. В.», 1896). Григоровичъ: «Канцлеръ кн. Александръ Андреевичъ Безбородко» (Сб. И. Р. И. О., т. XXVI и XXIX). «Хроника недавней старины», (изъ архива кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго), Спб. 1876. Thiers: «Histoire du consulat et de l'Empire» (3-e vol.). Rabbé: «Histoire d'Alexandre I», Paris, 1826. Chateaugiron: «Notice sur la mort de Paul I». Paris, 1820. Bernhardi: «Geschichte Russlands», Leipzig, 1875. Lloyd: «Alexander I» (aus dem Englischen), Stuttgardt, 1826. Bülau: «Personnages énigmatiques» (Traduit de l'allemand). Winterfeld: «Geschichte des Ordens sancti Iohannis», 1859. Андреевъ: «Представители власти въ Россіи», Спб., 1871. Морошкинъ: «Іезуиты въ Россіи», Спб., 1870. Blum: «Ein russischer Staatsmann» Leipzig, 1857. Пыпинъ: «Общественное движеніе при Александрѣ I», Спб., 1883. Градовскій: «Высшая администрація въ Россіи и генералъ-прокуроры», Спб., 1866. Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи», Спб., 1870. Семевскій: «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в.», Спб., 1888. Корфъ: «Жизнь гр. Сперанскаго», Спб., 1861. Щегловъ: «Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I», Ярославль, 1895. «Павловскъ» (очеркъ исторіи и описаніе), Спб., 1877. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», Спб., 1886—1889 и др.

Евгеній Шумигорскій.

Павелъ Фрязинъ, врачъ царей Ѳеодора Іоанновича и Бориса Годунова, гражданинъ гор. Милана, приглашался, письмомъ 1595 г. франц. короля Генриха IV къ царю Ѳеодору, въ Парижъ на свиданіе съ родственниками и друзьями, но, женившись въ Москвѣ, не могъ за старостію ѣхать въ свою землю и продолжалъ жить въ Россіи (1600).

Карамзинъ, X, пр. 463.

Павелъ Высокій, старецъ Нижегородскаго Печерскаго мон., духовный писатель XIV в., ум. 1 января 1383 г. (по древнему лѣтосчисленію въ 1382 г.), прославившись иноческою жизнью и заслуживъ общее уваженіе. Сочиненія Павла, по крайней мѣрѣ съ его именемъ, до насъ не дошли; Филаретъ приписываетъ ему, не ручаясь однако за достовѣрность, 5 поученій („Како жити крестьяномъ", „О спасеніи", „Къ духовнымъ братома", „Какъ подобаетъ милостыню творити", „Христіаномъ"), сохранившихся въ рукописныхъ сборникахъ XV в. въ библіотекахъ гр. Румянцева (№№ 435, 181, 182), гр. Толстого (№ 214), Царскаго (№№ 142, 179 и 363, 369, 137), Синодальной (№№ 230, 231), и изъ которыхъ одно было напечат. въ „Златоустѣ", изд. въ Почаевѣ 1795 г. и въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1854, № 12. Судя по указаніямъ лѣтописи, сочиненія П. дѣйствительно имѣли учительный характеръ и были написаны въ видѣ посланій („Писаше книги учительныя и къ епископомъ посылаше", говоритъ лѣтописецъ). Начитанный и образованный писатель, Павелъ сохранилъ о себѣ память и какъ о прекрасномъ проповѣдникѣ и наставникѣ вѣры; по словамъ лѣтописи, онъ былъ „много разсуденъ и полезенъ зѣло" и слово его было „солью божественною растворено".

„Никоновская лѣтоп." подъ 1382 г.; Срезневскій „Древніе памятники русс. письма и языка", 2-е изд., 249; Филаретъ „Обзоръ русс. духовной литер.", I, № 72; Евгеній „Словарь историч. о писателяхъ духовн. чина", 2-е изд., II, 143; Карамзинъ, V, пр. 137. *Вс. С-й.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Андреевичъ Глятковъ*), дворянинъ, основатель (1634) и первый строитель Оранской-Богородицкой-Словенской пустыни, Нижегород. губ. и уѣзда, въ 50 верст. отъ Нижняго, близъ дер. Ораны (Поляны), при р. Русѣ, построенной имъ въ честь имѣвшейся у него чуд. иконы Владим. Божіей Матери (копіи съ находящейся въ Моск. Успенскомъ соборѣ), — на мѣстѣ, называвшемся до того „Словенова гора", а послѣ того „Орано поле"; ум. 1665. Въ библіотекѣ Воскресенскаго, что̀ Новый Іерусалимъ, монастыря хранится бумажный каноникъ, гдѣ между прочимъ помѣщена напис. въ 1680 г. „Служба къ Пресв. Богородицѣ Владимірскаго новоявленнаго образа Словенскія пустыни близь Орана поля".

Амвросій „Исторія росс. іерархіи", V, 369; Строевъ „Списки іерарховъ", 627; Звѣринскій „Матеріалъ для изслѣдов. о правосл. монастыр. въ Росс. Имперіи", II, № 1027 (гдѣ указ. вся литература назв. монаст.).

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Степановичъ Гребневскій*), еписк. Владимірскій, сконч. 9 августа 1769 (1770)? Сынъ московскаго священника, онъ, по окончаніи курса въ мѣстной Славяно-греко-латинской Академіи, самъ былъ священникомъ сперва въ Москвѣ при церкви Гребневской Божіей Матери, потомъ въ Петербургѣ, состоя ключаремъ и проповѣдникомъ Петропавловскаго собора, а также членомъ Консисторіи. Принявъ затѣмъ монашество въ 1762 г., онъ былъ намѣстникомъ и архимандритомъ Тихвинскаго Успенскаго Богородицкаго мон. (Новгородской губ.), а 6 іюля 1763 хиротонисанъ во еписк. Владимірскаго и Муромскаго. Тѣло его погребено во Владим. Успенскомъ соборѣ.

„Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ" 1839, XXXIII, 456; Іоасафъ „Описаніе Владим. достопамятностей", 1853, с. 20—22; „Свѣдѣнія о С.-Петерб. епархіи", 1869, I, 119; Толстой „Списки архіереевъ", с. 15, № 114, и Строевъ „Списки іерарховъ", 64 и 658 (у обоихъ безъ обознач. мірской фамиліи); Н. Д. „Іерархія Всеросс. церкви", М. 1892, с. 80.

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Сергѣевичъ Зерновъ*), архіеписк. Казанскій и Симбирскій. Род. 1742, ум. 14 января 1815. Сынъ подьячаго Ильинской слободы, что̀ при Троице-Сергіевой лаврѣ, онъ воспитывался (съ 1750 по 1763) въ Троицкой семинаріи, гдѣ былъ любимымъ ученикомъ тогдашняго ректора Платона. По окончаніи курса, былъ опредѣленъ учителемъ пѣнія при домѣ лаврскаго намѣстника архим. Лаврентія (съ апрѣля 1763), переводчикомъ (съ іюля) и библіотекаремъ Троицкой семинаріи (съ сентября того же года). Затѣмъ, въ теченіе почти 10 лѣтъ, ему пришлось состоять при той же семинаріи учителемъ піитики и риторики (съ ноября 1765), вслѣдъ за принятіемъ

монашества (20 февраля 1767)—преподавателемъ богословія (съ сентября 1769) и ректоромъ (съ 5 октября 1770), а также занимать должность намѣстника въ Троице-Сергіевой лаврѣ и въ Саввинѣ-Сторожевскомъ монастырѣ. Возведенный въ санъ архимандрита, Павелъ былъ назначенъ ректоромъ Ярославской семинаріи и настоятелемъ Спасскаго мон. въ Ярославлѣ (съ 9 апрѣля 1775), но скоро переведенъ въ управляющіе Московскимъ Донскимъ монастыремъ (съ сентября 1776). По рукоположеніи въ архіерейскій санъ, послѣдовательно занималъ каѳедры епископа въ Костромѣ (съ 15 апрѣля 1778) и въ Твери (съ 15 января 1800), гдѣ потомъ получилъ санъ архіепископа (съ 15 сентября 1801); наконецъ, былъ архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ (съ 15 декабря 1803) до дня своей смерти.

Преосвященный Павелъ не печаталъ своихъ трудовъ; даже его рукописные переводы съ греческаго и французскаго языковъ, богословскія лекціи и проповѣди не сохранились въ архивѣ Троицкой семинаріи: тамъ уцѣлѣли только его „рапорты“ о преподаваніи и небольшая часть переписки съ митрополитомъ Платономъ. Тѣмъ не менѣе онъ остался памятенъ, особенно въ Казани, за свою привѣтливость, доброту и благотворительныя дѣла, какъ показываетъ „Надгробная пѣснь, сочиненная учителемъ Казанской духовной Академіи Михаиломъ Полиновскимъ“. (Казань 1815).

С. К. Смирновъ „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“, М. 1867, стр. 488; „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“, СПб. 1868, вып. IV, отд. II, стр. 67—68; А. А. Благовѣщенскій „Исторія старой Казанской дух. Академіи“, Казань 1875, стр. 46—51; П. М. Строевъ „Списки іерарховъ“, СПб. 1877, стр. 156, 168, 290, 339, 445 и 849; Ю. Толстой „Списки архіереевъ 1721—1871“, СПб. 1872, стр. 18, № 142; В. Самаряновъ „Пам. книжка для Костром. епархіи“, 1868, II, 20; К. Чередѣевъ „Біографіи Тверск. іерарховъ“, 1859, стр. 149; „Русская Старина“ 1883 г., кн. 11, стр. 367—368, и 1884 г., кн. 4, стр. 193—196.

Дим. Языковъ.

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Конюскевичъ* или *Конюшкевичъ*), послѣдній митрополитъ Тобольскій, извѣстный своимъ протестомъ противъ распоряженія императрицы Екатерины II относительно отобранія церковныхъ вотчинъ отъ духовнаго вѣдомства. Род. 1705, ум. 4 ноября 1770. Сынъ богатаго мѣщанина г. Самбора въ Галиціи, Конюскевичъ получилъ прекрасное для своего времени образованіе сначала въ Самборскомъ училищѣ, затѣмъ въ Кіевской духовной Академіи; по окончаніи курса былъ оставленъ при Академіи въ должности учителя піитики и вскорѣ послѣ того (1733) принялъ постриженіе подъ именемъ Павла. Въ 1740 г., во время путешествія въ Москву въ качествѣ дорожнаго шафаря при архим. Тимоѳеѣ Щербатскомъ, іеромонахъ Павелъ обратилъ на себя вниманіе высшаго начальства и былъ назначенъ проповѣдникомъ въ Славяно-греко-латинскую Академію, а въ 1744 г.—архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря, гдѣ оставался въ продолженіе 14-ти лѣтъ—до 1758 г., когда былъ хиротонисанъ въ епископскій санъ (23 мая) и поставленъ митрополитомъ Тобольскимъ. Десятилѣтнее служеніе въ Тобольскѣ составляетъ средоточіе всей его жизни: здѣсь онъ достигъ высшей степени власти, здѣсь онъ и лишился ея.

Дѣятельность Павла въ Сибири была направлена на три главныхъ предмета: на борьбу съ расколомъ, на развитіе миссіонерства среди язычниковъ и на распространеніе просвѣщенія въ Сибири, главнымъ образомъ для поднятія уровня образованія среди сибирскаго духовенства. Касательно борьбы Павла съ расколомъ и отношеній его къ раскольникамъ, извѣстія довольно разнорѣчивы; едва-ли эта борьба была ведена на гуманныхъ началахъ: вопреки указамъ императрицы Елисаветы Петровны „для вдохновенія истины, помѣшанныя старообрядчествомъ, употреблять органъ кроткій и миролюбивый и для обращенія заблужденныхъ—мечъ духовный (слово Божіе)“, сибирское духовное начальство, привлекая раскольниковъ на лоно православной церкви, надо думать, нерѣдко обращалось къ силѣ. Есть, напр., свидѣтельства, указывающія на учрежденіе митрополитомъ Павломъ особыхъ слѣдственныхъ коммиссій, какъ Екатеринбургская,—„для способнѣйшаго удоба возможнѣйшаго раскольническихъ поповъ и происходившихъ отъ нихъ дѣйствъ изысканія и истребленія“. Эта коммиссія обратила особое вниманіе на раскольниковъ „потаенныхъ“, т.-е. не записанныхъ въ приходскія книги, и „потаенныхъ раскольническихъ поповъ“. Дѣйствія ея, судя по даннымъ архива Тобольской консисторіи,

во многомъ напоминаютъ начала инквизиціи: по распоряженію коммиссіи, особыя команды, розыскивая раскольниковъ, ловили ихъ по деревнямъ и на базарахъ въ праздничные дни, при помощи лицъ, доносившихъ на нихъ чаще всего изъ-за денежной прибыли. Пытки, истязанія, заковка въ желѣзо были обычными средствами въ борьбѣ и увеличивали число самосожженій раскольниковъ.

Миссіонерская дѣятельность Павла среди язычниковъ получила развитіе послѣ прекращенія преслѣдованія раскольниковъ по высочайшему повелѣнію императора Петра Ѳедоровича 28 февр. 1762 г. Она не была богата послѣдствіями и ограничилась собственно учрежденіемъ должности двухъ миссіонеровъ (утверждено указомъ св. Синода 20 февраля 1764 г.), но и это дѣло стоило Павлу длиннаго ряда хлопотъ передъ высшимъ начальствомъ.

Главною, можно думать, мечтою Павла было улучшеніе Тобольской семинаріи и учрежденіе другихъ духовно-учебныхъ школъ; самъ онъ, какъ человѣкъ образованный, хорошо понималъ, что главной причиною неудачи борьбы съ расколомъ и язычествомъ, а также и другихъ бѣдъ Сибири, былъ низкій уровень образованности мѣстнаго духовенства. Тобольская семинарія, открытая еще въ 1704 г. Филоѳеемъ Лещинскимъ подъ названіемъ училища и переименованная въ семинарію при митроп. Антоніи Нарожницкомъ, была расширена при Павлѣ классомъ богословія—предмета, до тѣхъ поръ отсутствовавшаго, несмотря на его важность и существенность въ духовномъ образованіи. Для улучшенія состава учителей Павелъ выписалъ изъ Кіево-Печерской лавры двухъ ученыхъ іеромонаховъ, Савватія Исаевича и Веніамина Бялковскаго, и въ то же время самъ непосредственно наблюдалъ за ходомъ преподаванія наукъ. Что касается другихъ учебныхъ заведеній, то митрополитъ Павелъ первоначально предполагалъ устроить во всѣхъ „заказахъ“ своей епархіи (понятіе, близкое нынѣшнему „благочинническому округу“) Латино-славяно-россійскія школы; но полное осуществленіе этого плана было слишкомъ трудно, и Павелъ ограничился учрежденіемъ такихъ школъ лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ, именно —въ Барнаулѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Верхотурьѣ, Челябѣ, Нижнемъ Тагилѣ, Екатеринбургѣ и др. Едва ли, впрочемъ, эти школы соотвѣтствовали нуждамъ тогдашней Сибири и едва ли могли выставить изъ своей среды людей, способныхъ исполнять возложенныя на нихъ задачи; но это уже не вина преосвящ. Павла, такъ какъ таковы были вообще воззрѣнія того времени.

Управленіе Сибирской митрополіей окончилось для Павла не совсѣмъ благополучно; это дѣло находится въ связи съ вопросомъ объ отобраніи вотчинъ отъ монастырей. Именнымъ указомъ и манифестомъ 26 февраля 1764 г. императрица Екатерина II разрѣшила этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Закрытіе шести изъ 17-ти сибирскихъ монастырей, на которые всѣ сибирскіе митрополиты возлагали лучшія надежды, какъ на средство для борьбы съ расколомъ и язычествомъ, отнятіе отъ нихъ земель—единственнаго ихъ богатства, наконецъ обнаружившаяся скудость въ содержаніи архіерейскаго дома, возбудили энергическій протестъ со стороны митрополита. Этимъ протестомъ, впрочемъ, Павелъ не имѣлъ въ виду безусловно отвергать цѣлесообразность намѣреній правительства; онъ стремился только указать на непримѣнимость такой мѣры лишь по отношенію къ Сибирской митрополіи. Доводы его не были, однако, приняты во вниманіе св. Синодомъ: митрополита потребовали въ Петербургъ для личнаго объясненія; но Павелъ не обратилъ вниманія на распоряженіе св. Синода и продолжалъ управлять митрополіей. Такое поведеніе его привело къ тому, что въ засѣданіи Синода 22 іюня 1767 г. было постановлено: „буде его преосвященство, въ исполненіи Ея Императорскаго Величества повелѣнія по посланнымъ двумъ указамъ, изъ Тобольска по нынѣ еще не выѣхалъ, то св. Синодъ нынѣ послѣдній уже терминъ полагаетъ, чтобы непремѣнно въ путь отправился съ полученія того указа въ недѣлю“; на случай же, если митрополитъ и на этотъ разъ замедлитъ, губернатору Тобольскому было послано приказаніе „онаго преосвященнаго выслать изъ Тобольска безъ всякихъ отговорокъ“. Павелъ, впрочемъ, выѣхалъ изъ Тобольска еще до полученія третьяго указа и, явившись въ Москву, прямо обратился въ Синодъ съ просьбой объ увольненіи „отъ правленія епаршихъ дѣлъ—въ Кіево-Печерскую лавру“. Но здѣсь митрополита

ожидало возмездіе за его протестъ—лишеніе архіерейскаго сана. Исполненіе опредѣленія Синода, къ крайнему удивленію всѣхъ, было, однако, остановлено; Павелъ былъ даже приглашенъ къ Императрицѣ, ему предложили даже возвратиться въ Тобольскъ для управленія епархіей; тѣмъ не менѣе онъ отказался отъ епархіи, не поѣхалъ къ Императрицѣ и просилъ лишь отправить его въ Кіево-Печерскую лавру. Черезъ два года послѣ описаннаго событія, Павелъ скончался и былъ похороненъ въ усыпальницѣ подъ Стефановскимъ предѣломъ Лаврскаго собора, гдѣ и до нынѣ находится его тѣло, сохранившееся нетлѣннымъ.

Павелъ былъ ожесточенный фанатикъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но въ то же время человѣкъ высокаго ума. Образованіе его было нѣсколько односторонне: такъ, по словамъ французскаго астронома аббата Шаппа (l'abbé de la Chappe), наблюдавшаго въ 1761 г. въ Тобольскѣ прохожденіе Венеры черезъ солнечный дискъ, онъ не могъ повѣрить возможности движенія земли вокругъ солнца (le mouvement de la terre surtout le mettait toujours en fureur), за-то прекрасно зналъ Свящ. Писаніе и латинскій языкъ. Какъ человѣкъ, особенно въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, судя по устнымъ преданіямъ тобольскихъ жителей и по документамъ историческимъ, Конюскевичъ былъ чрезвычайно строгъ и взыскателенъ; онъ не пренебрегалъ для вразумленія виновныхъ ни черными работами по монастырямъ и въ архіерейскомъ домѣ, ни тѣлесными наказаніями, ни даже отлученіемъ отъ церкви. Такое суровое отношеніе къ ослушникамъ его воли и нарушителямъ церковныхъ правилъ естественно вызывало недовольство со стороны мѣстнаго духовенства, не упускавшаго случая, помощью доносовъ, чернить митрополита передъ Петербургскими властями. Въ этомъ случаѣ наиболѣе отомстилъ Павлу вызванный имъ самимъ изъ Кіево-Печерской лавры іеромонахъ Савватій, писавшій придворному іеромонаху Корнилію, что „жестокость и самоуправство митрополита Павла положительно возмущаютъ душу: семинаристовъ онъ дѣлаетъ чернорабочими, учителей наказываетъ плетьми, не стѣсняется крайне непристойно и поносно говорить о св. Синодѣ". Подобныя сообщенія, доходившія и отъ губернатора Соймонова, были несомнѣнно одною изъ главнѣйшихъ причинъ служебныхъ неудачъ Павла; эти доносы также могутъ объяснить слова императрицы Екатерины II въ ея „запискѣ", гдѣ она называетъ митрополита „мало достойнымъ его званія", а поступки его „достойными всякой хулы".

Н. Абрамовъ „Павелъ II Конюшкевичъ, митроп. Тобольскій и Сибирскій" („Странникъ", 1868, IV, 59—78); гр. М. Толстой „Святитель Павелъ, митропол. Тобольскій и Сибирскій" („Чтенія въ Моск. Общ. ист. и древн.", 1870, № 2, с. 158—168); А. Титовъ „Павелъ Конюшкевичъ, митр. Тобольскій и Сибирскій" („Истор. Вѣстникъ", 1888, № 1, с. 180—186); А. Козыревъ „Краткія свѣдѣнія о Павлѣ, митр. Тобольскомъ" (Кіевъ 1880); А. Недосѣковъ „Послѣдній Тобольскій митрополитъ Павелъ Конюшкевичъ" („Тобольскія епарх. вѣдом.", 1882, ч. неоф., № 23—24, стр. 475—489); „О заказныхъ латинскихъ и славянорусск. школахъ въ Тобольской губ. съ 1759—1818 г." (т. ж., 1885, № 20); И. Сырцовъ „Самосожигательство сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII стол." (т. ж., 1888, № 7—8); Сулоцкій „Тобольскіе и Томскіе архипастыри" (Омскъ 1881) и „Краткая исторія Тобольской и Томской епархій" („Иркутскія епарх. вѣдом.", 1881, часть неоф., стр. 435—436); Мамѣевъ „Списокъ духовныхъ и свѣтскихъ начальниковъ Тобольской губ." („Календарь Тобольской губ.", 1890, стр. 57); „Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г." (Тобольскъ 1884); „Краткія свѣдѣнія о третьемъ красноярскомъ протоіереѣ о. Алексѣѣ Михайловскомъ" („Енисейскія епарх. вѣдом." 1887, ч. неоф., № 18, с. 222—226); „Краткое показаніе о бывшихъ въ Сибири воеводахъ" (Тобольскъ 1792); Словцовъ „Историческое описаніе Сибири" (1844, т. 2); Н. В. Щегловъ „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири" (Иркутскъ 1883); Андріевичъ „Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II" (Одесса 1889, ч. II); Пекарскій „Бумаги имп. Екатерины II-й" (т. II, стр. 275—276: Записка Екатерины II къ Новгородскому митр. Димитрію о митроп. Павлѣ); L'abbé de la Chappe d'Auteroche „Voyage en Sibérie" (Paris 1768, pp. 79, 158 etc.); инокъ Пароеній „Сказаніе о странствованіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ" (М. 1855, I, 187); Смирновъ „Исторія Моск. Славяно-греко-лат. Акад." (М. 1855, с. 213); В. Аскоченскій „Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею" (К. 1856, т. II, с. 59—62); арх. Макарій „Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря" (1858, стр. 97); преосв. Амвросій „Исторія росс. іерархіи" (т. I, с. 112); Толстой „Списки архіереевъ" (стр. 14, № 197); П. Строевъ „Списки іерарховъ" (стр. 47, 317); преосв. Филаретъ Гумилевскій „Обзоръ русс. дух. литературы" (II, № 41); „Епарх. вѣд." 1868: „Черниг.", № 8, и „Кіев.", № 12.—Матеріалы необработанные и др. источники указаны въ примѣчаніяхъ къ статьямъ, здѣсь перечисленнымъ. *Вс. Срезневскій.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Лебедевъ*), архіепископъ Казанскій и Свіяжскій. Род. 12 декабря 1827, ум. 23 апрѣля 1892. Сынъ причетника Тверской епархіи, онъ

учился въ мѣстной семинаріи (1843—1849), изъ которой поступилъ въ Петербургскую дух. Академію (1849—1853). По окончаніи же курса въ послѣдней со степенью магистра богословія (1853 г.), имѣя уже санъ іеромонаха (съ 28 іюня того же года), началъ духовно-училищную службу въ званіи профессора и инспектора Петербургской семинаріи (1853—1859), а по возведеніи въ санъ архимандрита (14 сентября 1858 г.), состоялъ экстра-ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Петербургской дух. Академіи (1859—1861), ректоромъ Смоленской (1861—1866) и Петербургской (1866—1868) семинарій. Пятнадцатилѣтніе труды на учебномъ поприщѣ приготовили его къ высшему служенію. Хиротонисанный 8 сент. 1868 г., онъ былъ викаріемъ Петербургскаго митрополита въ званіи епископа Выборгскаго и Ладожскаго (1868—1871), самостоятельнымъ епископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ (съ 23 іюня 1871 г.), при чемъ получилъ санъ архіепископа (съ 1 апрѣля 1879 г.), экзархомъ Грузіи и членомъ Св. Синода (съ 16 іюля 1882 г.), наконецъ—архіепископомъ Казанскимъ и Свіяжскимъ (съ 29 сентября 1887 г.). Архипастырь Павелъ оставилъ по себѣ память, какъ энергичный духовный администраторъ и какъ замѣчательный проповѣдникъ: его слова и рѣчи непрерывно появлялись въ „Христіанскомъ Чтеніи", „Православномъ Собесѣдникѣ", „Православномъ Обозрѣніи" и „Церковныхъ Вѣдомостяхъ", а потомъ вышли отдѣльными изданіями (Спб. 1869; Кишиневъ 1879—1882, четыре тома, и Тифлисъ 1885, 237 стр.). Кромѣ того, имъ напечатаны: магистерская диссертація „О должностяхъ и учрежденіяхъ по церковному управленію въ древней восточной церкви" (Спб. 1857), брошюра „Православный разборъ иноземнаго привѣтствія Новому году" (Спб. 1859), „Біографія Константинопольскаго патріарха Фотія и переписка его съ разными лицами" (въ „Духовной Бесѣдѣ" 1859, №3—5, 7, 11—13, 19—20, 22—23, 26, 29, 31 и 34) и статья—„Значеніе и задачи Епархіальныхъ Вѣдомостей" (въ „Памятной книжкѣ Смоленской губ. на 1864 г.", ч. II, отд. 2, стр. 43—55).

И. Чистовичъ „Исторія С.-Петербургской дух. Академіи", Спб. 1857, стр. 456; его же „С.-Петербургская дух. Академія за послѣднія тридцать лѣтъ", Спб. 1889, стр. 14—15, 22, 40; Строевъ „Списки іерарховъ", Спб. 1877, стр. 268—269 и 553.— Періодическія изданія 1892 г.: „Библіограф. Записки", №8, стр. 569—570 (съ портретомъ); „Моск. Иллюстриров. Газета", №№ 113 и 117 (тоже); „Моск. Листокъ", № 14; „Моск. Церк. Вѣдом.", № 18; „Новое Время", № 5802 и 68-е приложеніе къ № 5809 (съ портретомъ); „Сѣверъ", № 18 (тоже); „Новости", 25 апр.; „Правит. Вѣст.", № 89; „Церк. Вѣдомости", № 17, прибавл., стр. 638—639, и № 19, стр. 694—700.

Д. Я.

Павелъ (въ мірѣ *Моравскій*), митрополитъ Рязанскій (1681—1686), одинъ изъ весьма почтенныхъ и образованныхъ іерарховъ своего времени. Біографическія данныя о немъ незначительны. Въ 1672 г., изъ игуменовъ Крестомаровскихъ, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Макарьева Желтоводскаго мон., Нижегородской епархіи, гдѣ пробылъ до 1675 г.; въ 1676 г. былъ рукоположенъ въ санъ епископа и поставленъ архіепископомъ Коломенскимъ и Каширскимъ, затѣмъ (6 сент. 1681 г.)—Суздальскимъ и, наконецъ (въ ноябрѣ 1681 г.),—митрополитомъ Рязанскимъ; черезъ пять лѣтъ послѣ занятія митрополичьей каѳедры онъ умеръ въ ночь на 5 сентября 1686 г. въ Рязани. Изъ выдающихся событій, совершившихся въ Рязанской области въ его правленіе, надо упомянуть: выдѣленіе изъ Рязанской епархіи двухъ новыхъ епархій—Тамбовской и Воронежской (1682), построеніе въ Переяславлѣ Рязанскомъ (нынѣшней Рязани)—Симеоновскаго монастыря для странноприимства и начало построенія Рязанскаго Успенскаго собора, самаго замѣчательнаго до нынѣ зданія въ городѣ Рязани. Въ исторіи русской духовной литературы Павелъ оставилъ по себѣ память своей замѣчательной грамотой къ архимандриту Богословскаго мон. Іосифу и келарю Солотченскаго мон. Пахомію, написанной имъ вскорѣ по занятіи митрополичьей каѳедры. Поводомъ написанія этой грамоты послужило то, что при объѣздахъ епархіи Павломъ было замѣчено много нарушеній церковныхъ правилъ и обрядовъ, установленныхъ „новоизданными Московскаго государства печатными книгами и соборнымъ чиновникомъ, иже учиненъ въ 1683 году". Не находя въ себѣ одномъ достаточно силъ для утвержденія вѣры въ паствѣ, „не могуще", какъ говоритъ грамота, „вся грады и веси нашея епархія за множество устноглаголательне научити", Павелъ обращается къ лицамъ, довѣреннымъ и извѣстнымъ преданностью

церкви, съ цѣлью привлечь ихъ къ содѣйствію въ исправленіи того, что̀ „за невѣдѣніемъ или невѣжствомъ въ седьми тайнахъ церковныхъ обрящется дѣемое не по преданію и уставу церковному“. Далѣе, основываясь на Священномъ Писаніи, онъ излагаетъ тѣ ошибки и заблужденія въ церковныхъ обрядахъ, которыя были распространены въ Рязанской области. Грамота 1683 г. осталась единственнымъ образцомъ богословской и проповѣднической дѣятельности Павла; она даетъ ясное понятіе какъ объ этой дѣятельности, такъ и о самомъ митрополитѣ, изображая его знатокомъ церковныхъ правилъ, хорошимъ начетчикомъ Священнаго Писанія и человѣкомъ, понимающимъ нужды области. Эту характеристику можно дополнить свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ; изъ нихъ видно, что Павелъ былъ хорошимъ ораторомъ, что говорилъ проповѣди обыкновенно безъ книги, какъ это было принято,—„яко всѣмъ дивитися его ученью“.

„Матеріалы для исторіи Рязанской епархіи, Павелъ Моравскій“ („Рязанскія епарх. вѣдом.“ 1879, стр. 465—468); Тих. Воздвиженскій „Историческое обозрѣніе Рязанской іерархіи“ (Москва 1820, стр. 169—188); преосв. Филаретъ „Обзоръ русс. дух. литературы“ (I, № 236); преосв. Амвросій „Исторія росс. іерархіи“ (1807, I, 246, 182, 133); Н. Д. „900-лѣтіе русс. іерархіи 988—1888“ (Москва 1888, стр. 36, 44, 46); П. Строевъ „Списки іерарховъ“ (СПб. 1877, стр. 613, 622, 657, 416, 1032). Упоминанія о митрополитѣ Павлѣ см. въ „Дополненіяхъ къ Актамъ историческимъ“ (т. IX и X); въ „Сборникѣ церковно-историч. и статистич. свѣдѣній о Рязанской епархіи“, арх. Макарія (Москва 1863, стр. 106, 116, 132—134); въ „Выходахъ царей“, П. Строева (стр. 689).—Грамота 1683 г. напечатана у Воздвиженскаго (стр. 171—181) и въ „Древнихъ грамотахъ и актахъ Рязанскаго края“, А. Н. Пискарева (СПб. 1854, № 51). *Вс. Срезневскій.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Алексѣевичъ Моревъ-Павловъ*), архіепископъ Тобольскій и Сибирскій. Род. 1779, ум. 18 декабря 1831. Уроженецъ Архангельской губ., сынъ священника Пинежскаго уѣзда, онъ воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса, состоялъ учителемъ (съ 1806). Постриженный затѣмъ въ монашество, П. былъ игуменомъ Корельской Николаевской обители (съ марта 1807 г.), архимандритомъ-настоятелемъ монастырей: Архангельскаго (съ 5 іюня 1810 г.) и Сійскаго Антоніева (съ 14 октября 1817 г.)—въ бытность префектомъ дух. училища (1809) и ректоромъ семинаріи (1818); потомъ—Крестнаго на островѣ Кіѣ (съ 5 апрѣля 1820 г.) и Борисо-Глѣбскаго въ Ростовѣ (съ мая 1821 г.), а послѣ хиротоніи въ Петербургѣ — епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ (съ 21 мая 1823 г.), Могилевскимъ и Витебскимъ (съ 19 марта 1827 г.), и, наконецъ, архіепископомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ (съ 7 августа 1831 г. до кончины).—Ему принадлежитъ „Рѣчь, говоренная Его Императорскому Величеству Александру Павловичу, въ Вяткѣ, 8 октября 1824 г.“, напеч. въ „Вѣстникѣ Европы“ (1824 г., ч. CXXXVIII, № 21, стр. 63).

„Могилевскія губ. Вѣдом.“ 1846, № 50; „Архангельскія губ. Вѣдом.“ 1850, № 40; Никитниковъ „Іерархія Вятской епарх.“, Вятка 1863, стр. 86; „Странникъ“ 1869, кн. 7, стр. 5—9; Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 319, 343, 495, 501, 819, 821, 824, 826. *Д. Я.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Подлипскій*), архіепископъ Черниговскій. Род. 23 іюня 1788, въ селѣ Подлипьѣ, Переяславскаго уѣзда, Владимірской губ.; сконч. 27 ноября 1861 въ Переяславскомъ Троицкомъ Даніиловомъ мон. Сынъ сельскаго причетника, онъ воспитывался во Владимірской и Троицкой Лаврской семинаріяхъ, а затѣмъ въ С.-Петербургской дух. Академіи; по окончаніи же академическаго курса со степенью кандидата (1814 г.), принялъ монашество и опредѣленъ учителемъ во Владимірскую семинарію, гдѣ и состоялъ инспекторомъ (съ 1817). Возведенный въ санъ архимандрита, онъ былъ настоятелемъ монастырей: Архангельскаго въ городѣ Юрьевѣ Польскомъ (съ 1 октября 1817 г.), Цареконстантинова (съ 15 ноября 1819 г.) и Троицкаго Даніилова въ Переяславлѣ (съ 1 марта 1820 г.), а также ректоромъ Владимірской семинаріи (1819—1830 г.); послѣ же хиротоніи служилъ: епископомъ Костромскимъ и Галичскимъ (съ 26 мая 1830 г.), епископомъ (съ 26 сентября 1836 г.) и архіепископомъ (съ 26 марта 1839 г.) Черниговскимъ и Нѣжинскимъ. Уволенный на покой (съ 18 апрѣля 1859 г.), онъ пребывалъ въ Переяславскомъ Даніиловомъ монастырѣ до самой смерти своей.

Имъ напечатаны (безъименно) „Описанія монастырей“: „Костромскаго Ипатіевскаго“ (М. 1832), „Переяславскаго Троицкаго Даніилова“ (М. 1834), „Костромскаго Крестовоздвиженскаго“ (М. 1835), „Макаріева Унженскаго, Костромской епархіи“

(М. 1835), „Николаевскаго Луховскаго, Костромской епархіи“ (М. 1836), и статья „Костромскія находки“—въ „Русс. Историческомъ Сборникѣ“, изд. Обществомъ Исторіи и Древностей Росс. (М. 1838, т. I, кн. 1, стр. 101—102). Ему же принадлежатъ письма: къ Гавріилу, архіепископу Рязанскому, напечатанныя въ „Чтеніяхъ“ того же Общества (1873, кн. 3, стр. 165—168), и къ Ѳ. А. Голубинскому, помѣщенныя въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Св. Отцевъ“ (1887, ч. XI, кн. 4). За свои труды и особенно за представленіе мѣдныхъ идоловъ, найденныхъ на берегу Галичскаго озера, онъ былъ избранъ въ члены Имп. Общества Исторіи и Древностей Росс. (въ ноябрѣ 1832 г.).

„Владимірскія губ. Вѣдом.“ 1861, № 49; „Странникъ“ 1863, кн. 12, стр. 83—89 (воспом. А. Свирѣлина); арх. Филаретъ „Обзоръ русской дух. литературы“, Черниговъ 1863, стр. 295; И. Чистовичъ „Исторія С.-Петербургской дух. Академіи“, Спб. 1857, стр. 368 и 442; Смирновъ „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“, М. 1867, стр. 533; Надеждинъ „Исторія Владимірской дух. семинаріи“, Владиміръ 1875, стр. 128—131 и 142; А. Свирѣлинъ „Описаніе Переясл. Троицко-Даніилова мон.“, М. 1860, стр. 92—95; арх. Филаретъ „Описаніе Черниговской епарх.“, Ч. 1861, стр. 99; „Памятная книжка для Костромской епарх.“, сост. В. Самаряновымъ, К. 1868, отд. II, стр. 23; Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 512, 669, 672, 676, 850; „Библіограф. Записки“ 1892, № 8, приложеніе, стр. 35—36; „Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Моск. Филарета“, т. I и дополн. *Д. Я.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Пономаревъ*), архіепископъ Ярославскій. Род. 1745 г., въ селѣ Александровой слободѣ (Дмитровскаго уѣзда, Московской губ.); сконч. 19 марта 1806. Сынъ діакона, онъ воспитывался съ 10 января 1760 г. въ Троицкой Лаврской семинаріи, изъ философскаго класса которой былъ отправленъ для изученія французскаго и нѣмецкаго языковъ въ Московскій Университетъ (1768), а для слушанія богословскихъ лекцій—въ Славяно-греко-латинскую Академію. По окончаніи университетскаго и академическаго курсовъ (1772), онъ состоялъ въ Троицкой Лаврской семинаріи учителемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ (1772—1779) и преподавателемъ исторіи (1779—1782), соединяя вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ постриженія въ монашество (въ іюнѣ 1775), должность намѣстника Свято-Троицкой Сергіевой лавры (съ 28 августа 1775 до августа 1782). Возведенный въ санъ архимандрита, II. недолго занималъ мѣсто ректора и учителя богословія въ Славяно-греко-латинской Академіи и управлялъ Заиконоспасскимъ монастыремъ (съ августа 1782), послѣ чего былъ настоятелемъ монастырей Московскій епархіи: Симонова (съ 27 ноября 1783), Воскресенскаго (съ 13 октября 1785) и Новоспасскаго (съ 14 января 1786), а также членомъ Св. Синода (съ 9 ноября 1792). Наконецъ, рукоположенный въ архіерейскій санъ, онъ состоялъ епископомъ Нижегородскимъ и Алатырскимъ (съ 12 февраля 1794), архіепископомъ Тверскимъ и Кашинскимъ (съ 26 октября 1798), Ярославскимъ и Ростовскимъ (съ 26 декабря 1799). Онъ погребенъ въ Успенскомъ соборѣ въ Ярославлѣ.—Его литературные труды: „Исторія о Епаминондѣ, Ѳивскомъ полководцѣ, съ примѣчаніями историческими и критическими, сочиненіе Серана де ла Тура“, перев. съ франц. (М. 1774); „Краткое историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры съ приложеніемъ знатныхъ происшествій, случившихся въ оной“ (Спб. 1782; М. 1790, 1794, 1796, 1801, 1809, 1815, 1818, 1825), и „Слово, говоренное 24 ноября 1793 г. въ Большой Придворной Церкви, въ день Тезоименитства Имп. Екатерины Алексѣевны“ (Спб. 1793); другія же проповѣди и переводъ съ франц.: „Церковная исторія“ Тильемона — остались въ рукописяхъ. Мнѣніе его о невозможности возстановленія Клинцовской раскольнической типографіи удостоилось Высочайшаго одобренія. Кромѣ того, какъ членъ Россійской Академіи, избранный въ февралѣ 1784 г., онъ принималъ участіе въ составленіи V и VI частей „Словопроизводнаго Словаря“, особенно занимаясь опредѣленіемъ правилъ ударенія въ русскомъ языкѣ.

Митр. Евгеній „Словарь о писателяхъ духовнаго чина“, Спб. 1827, т. II, стр. 144—145; „Нижегородскія губ. Вѣдом.“, 1849, № 10, стр. 37—39; Н. Чередѣевъ „Біографіи Тверскихъ іерарховъ“, Тв. 1859, стр. 147—149; В. Пассекъ „Историческое описаніе Моск. Симонова мон.“, М. 1843, стр. 222; архим. Макарій „Исторія Нижегородской іерархіи“, Спб. 1857, стр. 180—187; Смирновъ „Исторія Моск. Славяно-греко-латинской Академіи“, М. 1855, стр. 323—324 и 354—355; его же „Исторія Троицкой Лаврской семинаріи“, М. 1867, стр. 350—352, 372, 374, 505—506; Снегиревъ „Описаніе Моск. Новоспасскаго мон.“, М. 1863, стр. 58; арх. Филаретъ „Обзоръ русс. духовной литературы“, Черниговъ 1863, стр. 154—155; „Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи“, Спб. 1868, вып. IV, отд. II, стр. 68—69; „Православное Обозрѣніе“ 1868, кн. 9, стр. 10—13; „Русс. Вѣстникъ“ 1868, № 4, стр. 462

и слѣд.; „Русс. Архивъ“ 1869, № 7—8, стр. 1109; Сухомлиновъ „Исторія Россійской Академіи“, Спб. 1874, вып. I, стр. 10, 18, 230—232, 415, 420; Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 145, 147, 152, 160, 334, 445, 607; „Собр. мнѣн. и отзыв. митр. Моск. Филарета“, т. дополн., с. 17—19. *Д. Я.*

Павелъ (въ мірѣ *Алексѣй Яковлевичъ Поповъ 2-й*), епископъ Тотемскій. Род. 1827 г. въ Никольскомъ уѣздѣ, Вологодской губ.; сконч. 4 ноября 1874. Сынъ священника, онъ учился въ мѣстной семинаріи (1840—1846) и Московской духовной Академіи (1846—1850); по окончаніи же академическаго курса со степенью магистра богословія, былъ профессоромъ Св. Писанія, словесности, логики, патристики и латинскаго языка въ Вологодской семинаріи (1850—1857), а по принятіи священства—ректоромъ Вологодскихъ духовныхъ училищъ и членомъ Консисторіи (1857—1867). Постриженный затѣмъ въ монашество изъ вдовыхъ протоіереевъ, назначенъ былъ игуменомъ Арсеніево-Комельскаго монастыря (10 января 1867), но вскорѣ опредѣленъ ректоромъ Вологодской семинаріи и архимандритомъ-настоятелемъ Спасо-Прилуцкаго монастыря (съ 6 февраля 1867). Наконецъ, рукоположенный въ архіерейскій санъ (13 октября 1868 г.), состоялъ епископомъ Тотемскимъ, викаріемъ Вологодской епархіи, до самой кончины.—Нѣсколько проповѣдей его напечатаны въ „Вологодскихъ епарх. Вѣдомостяхъ“, а послѣднее „Слово“ появилось тамъ же уже послѣ смерти автора (1874 г., № 22).

Церковная лѣтопись „Духовной Бесѣды“ 1874, № 47, стр. 333—334; „Вологодскія епарх. Вѣдом.“ 1874, № 22, стр. 371—397, и 1875, № 1, стр. 1—10; „Тамбовскія епарх. Вѣдом.“ 1875, № 1, стр. 24; Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 734, 739, 754; С. Смирновъ „Исторія Московской дух. Академіи“, М. 1879, стр. 445 и 558. *Д. Я.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Поповъ 1-й*), епископъ Камчатскій. Род. 1813 г. въ Енисейской губ.; сконч. 25 мая 1877 г. въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ. Онъ воспитывался въ Иркутской дух. семинаріи и, по окончаніи курса (1833), былъ рукоположенъ во священника при Нерчинскомъ заводѣ (1834—1837), а оттуда переведенъ въ Красноярскій соборъ (1837—1860). Постриженный послѣ того въ монашество изъ вдовыхъ протоіереевъ, былъ хиротонисанъ въ архіерейскій санъ и послѣдовательно состоялъ: епископомъ Якутскимъ, викаріемъ Иркутской епархіи (съ 6 марта 1860), епископомъ Новоархангельскимъ (съ 9 ноября 1866), Енисейскимъ (съ 10 іюня 1870) и Камчатскимъ (съ 31 марта 1873). Онъ много потрудился на миссіонерскомъ поприщѣ: часто объѣзжалъ названныя епархіи, гдѣ служилъ епископомъ, и даже посѣщалъ Японію, куда впервые назначилъ православныхъ священниковъ и дьяконовъ.

Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 557, 1019—1020, 1022; „Мосьовскія епарх. Вѣдом.“ 1877, № 24, стр. 230. *Д. Я.*

Павелъ (въ мірѣ *Петръ Предтеченскій*), ректоръ Владимірской дух. семинаріи, сконч. 1803 г. Уроженецъ Ярославской губ., онъ воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи, гдѣ, по окончаніи курса (1781 г.), состоялъ учителемъ греческаго языка и риторики (1781—1786). Постриженный въ монашество (14 мая 1786), онъ былъ строителемъ монастырей: Троицкаго Варницкаго и Петровскаго въ Ростовѣ; затѣмъ — учителемъ философіи въ Ярославской семинаріи (1787—1788), префектомъ Невской семинаріи (1788—1789), преподавателемъ элоквенціи въ Тверской семинаріи (1789—1792), проповѣдникомъ и префектомъ при Московской Славяно-греко-латинской Академіи (1792—1797), архимандритомъ Переяславскаго Даніилова монастыря (съ 9 августа 1797) и ректоромъ Владимірской духовной семинаріи (1800—1803). Ему принадлежитъ: „Рѣчь на память усопшаго о Господѣ князя Александра Ильича Касаткина-Ростовскаго, по случаю дня его рожденія, сказанная въ Перервинскомъ монастырѣ, Московской Академіи проповѣдникомъ, іеромонахомъ Павломъ“, М. 1795 (Сопиковъ, № 10032).

С. К. Смирновъ „Исторія Московской Славяно-греко-латинской Академіи“, М. 1855, стр. 328, 364, 367; И. Чистовичъ „Исторія С.-Петербургской дух. Академіи“, Спб. 1857, стр. 83; А. Свирѣлинъ „Описаніе Переясл. Троицко-Даніилова мон.“, М. 1860, стр. 91; К. Надеждинъ „Исторія Владимірской дух. семинаріи“, Владиміръ 1875, стр. 120, 125—126; Строевъ „Списки іерарховъ“, Спб. 1877, стр. 354, 356, 368 и 669. *Д. Я.*

Павелъ (*Саббатовскій*), архіепископъ Астраханскій, сконч. 7 февраля 1832. Архимандритъ Смоленскаго Авраамиева мон., префектъ (1803) и ректоръ (1809) Смоленской дух. семинаріи, онъ былъ назначенъ 18 февраля 1817 епископомъ Слободско-Украинскимъ, а 26 января 1826 переведенъ въ Астрахань и 22 августа возведенъ въ санъ архіепископа.

Строевъ „Списки іерарховъ“, стр. 596, 594, 965; Ю. Толстой „Списки архіереевъ“, стр. 29, № 221; Н. Л. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, М. 1888, стр. 71 и 53; его же „Іерархія Всеросс. церкви“, М. 1892, стр. 170—60; „Харьк. епарх. вѣдом.“ 1869, № I, с. 31.

Павелъ (*Червенскій*), епископъ Перемышльскій въ 1410, съ 1412 въ Самборѣ, съ 1414 въ Санокѣ, въ 1415 упом. какъ епископъ Хельмскій; по нѣкоторымъ предположеніямъ, онъ былъ епископомъ Червенскимъ, т. е. Рущукскимъ, въ Болгаріи.

Карамзинъ V, пр. 238; Строевъ „Списки іерарх.“, 1045; Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, М. 1888, с. 38, и „Іерархія Всеросс. церкви“, М. 1892, с. 136; но ни у Чистовича въ „Очеркахъ изъ исторіи Зап.-Русск. церкви“, Спб. 1882, ни у Е. Голубинскаго въ „Очеркѣ исторіи правосл. церквей: болгар., серб. и румынской“, М. 1871,—онъ не упомянутъ.

Павелъ, епископъ Переяславскій, хиротонисанъ въ 1198, сконч. въ 1231.

Карамзинъ III, пр. 153; Строевъ „Списки іерарх.“, 1018; Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 28, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 146.

Павелъ, епископъ Черниговскій (1-й этого имени), хиротонисанъ изъ іеромонаховъ въ апрѣлѣ 1332, управлялъ епархіей до сентября 1335.

„Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1888, кн. 2, запись избранныхъ при св. Ѳеогностѣ епископовъ; Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 105, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 90.

Павелъ, епископъ Коломенскій (1-й этого имени), хиротонисанъ въ 1339 изъ архимандритовъ Владимірскаго Рождественскаго мон., сконч. въ 1392.

Карамзинъ, V, пр. 137 и 254; Соловьевъ „Исторія Россіи“, XI, 284, 360, 371, 372; Строевъ „Списки іерарх.“, 662 и 1029.

Павелъ, епископъ Коломенскій (2-й этого имени), управлялъ епархіей ок. 1450.

Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 46, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 23.

Павелъ, епископъ Коломенскій (3-й этого имени), хиротонисанъ 17 октября 1652 изъ игуменовъ Боровскаго Пафнутьева мон., былъ на соборѣ 1654, низложенъ въ декабрѣ того же года и сосланъ въ Палеостровскій мон., гдѣ и скончался.

Строевъ „Списки іерарх.“, 571 и 1031; Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 46, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 24.

Павелъ, епископъ Корельскій съ 1613, сконч. въ 1616.

Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 101, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 40.

Павелъ, митрополитъ Сарскій или Крутицкій (1-й этого имени), управлялъ епархіей въ 1612—13 гг.

Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи“, 40, и „Іерархія Всеросс. церкви“, 27.

Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій (2-й этого имени), сконч. въ 1636. Онъ былъ сперва архимандритомъ монастырей: Москов. Симонова (съ сентября 1612) и Новгород. Антоніева (съ августа 1613), потомъ архіепископомъ Псковскимъ и Изборскимъ (съ 12 октября 1623) и, наконецъ, митрополитомъ (съ 31 декабря 1626); погребенъ въ Крутицкой Воскрес. крестовой церкви.

Строевъ „Списки іерарх.“, 151, 59, 379, 1035; Н. Д. „Іерархія Всеросс. церкви“, 27.

Павелъ (въ мірѣ *Петръ*), митрополитъ Сарскій (3-й этого имени), Подонскій и Козельскій, — извѣстный дѣятель царствованія Алексѣя Михаиловича, проповѣдникъ, знакомый съ юго-западною ученостью, ревнитель просвѣщенія и покровитель ученыхъ, обладатель замѣчательной библіотеки. Умеръ 7 сент. 7184, т. е. 1675 г. (а по сентябр. лѣтосчисленію—1676 г.). Бывъ сначала священникомъ и протопресвитеромъ въ Москвѣ, Павелъ, по смерти жены, постригся въ монахи въ Спасо-Преображенскомъ (Ново-Спасскомъ) мон., а въ 1659 г., получивъ санъ архимандрита, занялъ мѣсто игумена Чудовскаго мон.; затѣмъ въ 1664 г. былъ хиротонисанъ въ митрополита Сарскаго. Находясь въ этомъ санѣ, онъ три раза былъ блюстителемъ патріаршаго престола во время между патріаршествъ; ему приходилось также не разъ управлять и другими епархіями (Казанской, Рязанской и Вятской).

Общественная дѣятельность Павла выказала его съ одной стороны — врагомъ и однимъ изъ главныхъ обличителей раскола, какъ указываютъ на это Симеонъ Полоцкій и Паисій, патріархъ Александрійскій, съ другой стороны—сторонникомъ равноправности въ отношеніяхъ церкви и государства. Ревностнымъ обличителемъ раскола онъ показалъ себя въ борьбѣ съ Никитою Пустосвятомъ, Лазаремъ, Ѳеодоромъ, Аввакумомъ и другими, „противу имже,—по выраженію надгробнаго слова, сказаннаго Симеономъ Полоцкимъ,—тако онъ сталъ, яко Петръ противу Симону волхву, яко Павелъ противу Еллину волхву и Еллинскимъ суесофомъ, яко Николай Чудотворецъ противу Арію и яко прочіи исповѣдники святіи противу иныхъ еретиковъ“. Взгляды на церковь и государство въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ были высказаны Павломъ

на соборѣ 1666—67 гг. при подписаніи акта о низложеніи Никона, гдѣ говорилось, между прочимъ, что патріархъ долженъ быть „послушливъ“ царю „яко сущему въ вящшемъ достоинствѣ и мѣстнику Божію“. Павелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и митрополитъ Рязанскій Иларіонъ, отказались подписаться подъ актомъ и удалились изъ засѣданія. Дѣйствія ихъ навлекли на нихъ опалу, и со стороны царя, и со стороны восточныхъ патріарховъ: они должны были отказаться отъ своихъ мнѣній относительно достоинства патріарха и покаяться передъ царемъ. Не смотря на просьбу о ходатайствѣ передъ государемъ, поданную ими патріархамъ, они подверглись, однако, значительному наказанію, именно временному запрещенію совершать богослуженіе; кромѣ того, Павелъ былъ отрѣшенъ отъ блюстительства патріаршаго престола. Иныя, согласныя съ взглядами правительства, воззрѣнія Павла высказались въ борьбѣ съ Никономъ: на томъ же соборѣ 1666—67 г. онъ былъ однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ противниковъ Никона. Между этими іерархами была жестокая вражда и вражда не изъ-за убѣжденій, а, можно думать, личная,—у Никона она возникла естественно, благодаря замѣщенію Павломъ вакантнаго патріаршаго престола, вслѣдствіе удаленія Никона, послѣ смѣщенія мѣстоблюстителя митрополита Іоны. Еще задолго до начала собора Павлу приходилось исполнять такія порученія, то царя, то патріарховъ, которыя были непріятны Никону. Но вражда была еще давнѣе. Уже въ 1660 г. Никонъ обвинялъ Павла, тогда еще Чудовскаго архимандрита, вмѣстѣ съ митрополитомъ Крутицкимъ Питиримомъ, въ намѣреніи его отравить,— „и онъ было отравилъ, да едва Господь помиловалъ: безцемъ камнемъ да индроговымъ пескомъ отпился“. Какъ объяснилось на розыскѣ, обвиненіе было ложное; но оно интересно, какъ характеристика отношеній Павла и Никона.

Богословско-литературная сторона дѣятельности Павла выразилась главнымъ образомъ въ порученномъ ему соборомъ 1674 г., какъ знатоку греческаго языка, надзорѣ за переводомъ Библіи; самый переводъ былъ предложенъ Епифанію Славинецкому при сотрудничествѣ другихъ лицъ. За смертью обоихъ главныхъ участниковъ перевода,—и Павла, и Епифанія, предпріятіе ихъ не было доведено до конца. Другой трудъ Павла касается русскаго церковнаго пѣнія; это именно „извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ вкратцѣ изложенныхъ со изящнымъ намѣреніемъ требующимъ учитися пѣнія“. Составленіе этого сочиненія имѣло цѣлью устранить разногласіе въ знаменномъ пѣніи и, можно думать, имѣло ближайшимъ поводомъ изданіе сочиненія монаха Евфросина „Сказаніе о различныхъ ересяхъ и о хуленіяхъ на Господа Бога и пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ“. По порученію царя Алексѣя Михаиловича, Павелъ пригласилъ знатоковъ этого дѣла „добрѣ вѣдущихъ знаменное пѣніе и знающихъ того знамени лица ихъ, разводы и попѣвки московскаго, что христіановъ и усольскихъ и иныхъ мастеровъ въ попѣвкахъ именуются“. Ближайшее участіе въ этомъ трудѣ принялъ нѣкто Александръ Мезенецъ, на что̀ указываютъ, между прочимъ, его вирши, приложенныя въ концѣ сочиненія. Надо еще отмѣтить духовное завѣщаніе Павла, имѣющее преимущественно поучительный характеръ; составленіе его приписывается, впрочемъ, съ бо̀льшей вѣроятностью Симеону Полоцкому, чѣмъ Павлу.

Какъ ораторъ, Павелъ пользовался большою извѣстностью; благодаря этому обстоятельству, ему часто приходилось говорить въ торжественныхъ случаяхъ (напримѣръ при встрѣчѣ и проводахъ восточныхъ патріарховъ въ 1666—67 гг.); ему же поручали говорить и переводы рѣчей иноземныхъ духовныхъ лицъ, послѣ произнесенія ихъ послѣдними на греческомъ языкѣ. Къ сожалѣнію трудно сказать, есть ли между тѣми рѣчами, которыя онъ говорилъ, — имъ самимъ сочиненныя; на это сомнѣніе наводитъ то обстоятельство, что, какъ извѣстно, Павелъ часто пользовался помощью своего близкаго друга Симеона Полоцкаго: на подлинникахъ многихъ рѣчей Симеона Полоцкаго, сохранившихся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, попадаются приписки его рукой: scripsi iussu ill-mi Pauli, na roskazanie metr. Paula, и т. п. Можно думать, что и переводы рѣчей восточныхъ патріарховъ составлялись заранѣе тѣмъ же Симеономъ: въ „Выходахъ патріаршихъ“ есть указаніе, что послѣ рѣчи патр. Паисія „по писму по тетради по-

лудестовой Павелъ митрополитъ Сарскій ту же рѣчь по русски говорилъ"; въ другомъ мѣстѣ сказано, что Паисій самъ передалъ Павлу переводъ послѣ произнесенія рѣчи. Несомнѣнно, Симеону было выгодно оказывать услуги Павлу въ виду большого значенія послѣдняго при дворѣ и среди духовенства.

Какъ человѣкъ, Павелъ оставилъ по себѣ добрую память. Извѣстны его многочисленныя пожертвованія монастырямъ, главнымъ образомъ обители св. Всемилостиваго Спаса, иже на Новомъ, гдѣ онъ принялъ монашество; извѣстны также его милостыня, раздача пищи бѣднякамъ и т. п. Въ то же время онъ извѣстенъ своею любовью къ научнымъ занятіямъ и рѣдкимъ трудолюбіемъ; у него въ домѣ, по словамъ Симеона Полоцкаго, „не ины бесѣды бываху, точію разсужденія богословская о различныхъ трудностяхъ священнаго писанія, ту состязанія философская совершахуся"; въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель называетъ домъ его „училищемъ мудрости".

При погребеніи Павла, Симеономъ Полоцкимъ было произнесено надгробное слово, дающее много матеріала для уясненія личности этого іерарха. Похороненъ онъ въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Н. Соловьевъ „Сарайская и Крутицкая епарх.", 84—91 („Чтен. въ Моск. Общ." 1894, III); Бѣлокуровъ „Къ біогр. Павла, митроп. Сарскаго и Подонскаго", гдѣ напечатаны: 1) Слово при погреб. Павла, 2) Хартія Новоспасс. мон-ря архим. Іосифа о пожертвованіяхъ митроп. Павла, 3) Духовное завѣщаніе митроп. Павла (въ „Христіан. Чтеніи" 1886, № 3—4, с. 593 и слѣд.); Строевъ „Библіологическій словарь", СПб. 1882, стр. 221; Евгеній „Словарь историческій о писателяхъ духовнаго чина", СПб. 1827, II, 143—144, и I, 180—181; Филаретъ „Обзоръ русск. духовной литературы", СПб. 1884, I, № 222; Макарій „Исторія русск. церкви", т. XIII, гл. III, и т. XII, гл. II (гдѣ указаны и другіе источники); Татарскій „Симеонъ Полоцкій", СПб. 1886, стр. 108—111; Л. Майковъ „Симеонъ Полоцкій" (въ „Очеркахъ изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст.", СПб. 1889, стр. 39, 48, 49); Ундольскій „Библіотека Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго" (въ „Временникѣ Имп. Моск. Общества исторіи и древностей", т. 5, отд. 3, стр. 65 и слѣд.); Ундольскій „Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи", М. 1846, стр. 12—14; Сахаровъ „О русск. церковномъ пѣснопѣніи" (въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." 1849, т. 61, стр. 172—179); Строевъ „Списки іерарховъ", стр. 163, 1036; Н. Д. „900-лѣтіе русск. іерархіи 988—1888", М. 1888, стр. 40; Амвросій „Исторія росс. іерархіи", I, 237; Филаретъ „Исторія русск. церкви", IV, 168—169; Соловьевъ „Исторія Россіи", XI, 340, 341, 358, 360, 369.—Источники необработанные: „Слово по представленіи почившаго о господѣ... кѵръ Павла, митрополита Сарскаго и Подонскаго въ Вечери Симеона Полоцкаго" („Описаніе славянскихъ рукописей Моск. Синодальной Библіотеки", II. 3, 216—218) и „Стихи надгробные Павлу митрополиту Сарскому" на греческ. языкѣ и въ славянскомъ переводѣ (тамъ же, стр. 250); „Выходы царей Михаила Ѳедоровича, Алексія Михаиловича, Ѳеодора Алексіевича", М. 1848, стр. 424; „Чинъ избранія и возведенія на патріаршество Новгородскаго митрополита Питирима" („Дополн. къ Актамъ историческимъ", т. VI, № 58); „Выходы патріаршіе" (тамъ же, т. V, № 26); „Дѣянія Московскаго собора 1666—1667 г." (кромѣ отдѣльнаго изданія, напечатаны въ тѣхъ же „Дополненіяхъ", т. V, № 102, и въ „Матеріалахъ для исторіи раскола", II, 49—144); рѣчь Полотскому архим. Игнатію („Древняя Росс. Вивліоѳика", т. III); грамота въ Колесникову пустынь („Ярославскія губ. вѣдом." 1853, № 41); письмо къ Вологодск. архіепископу Симону („Памятная книжка Вологодской губ. на 1860 г.", стр. 21). *Вс. Срезневскій.*

Павелъ 1-й, митрополитъ Тобольскій и Сибирскій,—архипастырь, извѣстный своею борьбой съ расколомъ и дѣятельностью по распространенію православія среди сибирскихъ инородцевъ. Біографическія свѣдѣнія о митр. Павлѣ до его рукоположенія въ архіереи и назначенія митрополитомъ Тобольскимъ и Сибирскимъ—весьма невелики; извѣстно лишь, что до этого времени онъ, въ санѣ архимандрита, занималъ мѣсто настоятеля сначала въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ въ Суздалѣ (1663—1671), причемъ принималъ участіе въ знаменитомъ соборѣ 1667 г., осудившемъ патр. Никона, и разъ, между прочимъ, былъ посланъ съ архіеписк. Арсеніемъ и арх. Сергіемъ къ Никону съ пригласительной грамотой патріарховъ; затѣмъ — въ Московскомъ Симоновомъ (1671—1674) и, наконецъ, въ Чудовомъ въ Москвѣ (1674—1679), когда и вѣдалъ патріаршій разрядъ, будучи въ то же время духовникомъ царевны Софіи Алексѣевны. Изъ этихъ данныхъ нельзя не заключить о сравнительно высокомъ положеніи Павла среди духовенства въ эпоху полученія имъ Сибирской митрополіи; расположеніе къ нему царской семьи, какъ видно изъ вниманія, которое она обращала на его просьбы и жалобы, продолжалось и послѣ—до самой его кончины. 21-го іюля 1679 г. (а не 1678 г., какъ видно изъ хранящейся въ Тобольской архіерейской ризницѣ ставленой грамоты патріарха Іоакима) Павелъ былъ хиротонисанъ въ Тобольскаго и Сибирскаго митрополита, и вскорѣ за симъ прибылъ въ Сибирь.

Состояніе края ко времени занятія Пав-

ломъ этой митрополіи было крайне печально: нравственная распущенность паствы, особенно духовенства, шаткость православія, распространеніе раскольническихъ сектъ и т. д. были ея отличительными чертами. Борьбою съ этими нестроеніями началась дѣятельность митр. Павла; ею она и окончилась. Главною задачею его было упорядоченіе состоянія духовенства,—эта задача была едва-ли не самою трудною: игуменъ Ѳеодосій въ 1683 г. писалъ митр. Павлу съ Селенги, что „попы, оставя церкви Божія, живутъ у часовень самовольствомъ", что „церкви стоятъ безъ пѣнія"; въ 1687 г., въ грамотахъ митрополита, читаются приказанія: слѣдить за священниками, „чтобъ они въ два голоса не говорили, выжидали бы концевъ и безчинства никакого не чинили, и не кощуняли, и въ кабаки не ходили, и не пили, и не бражничали". Громадныя пространства Сибирской митрополіи затрудняли, однако, и даже дѣлали немыслимыми всякія попытки къ упорядоченію духовенства, несмотря на всю строгость и требовательность въ дѣлахъ вѣры митр. Павла, о чемъ сохранилось не мало данныхъ. Низкое состояніе духовенства было причиной того, что православіе падало во всей странѣ, хотя правительство и поддерживало всякими мѣрами уваженіе народа къ церквамъ и духовенству, строго относилось къ людямъ, оскорблявшимъ духовныхъ особъ, тяжело наказывало святотатство, запрещало устраивать святочныя игрища, торговать у тѣхъ воротъ, черезъ которыя шли крестные ходы, и т. д. Но эти мѣры мало приносили пользы, и нестроенія среди духовенства только увеличивались; все это способствовало другому злу—распространенію раскола. Въ опроверженіи раскольничьихъ ученій и прекращеніи раскола въ Сибири состояла вторая цѣль дѣятельности Павла; эта цѣль, по мѣрамъ, принимаемымъ имъ, была близка къ третьей его цѣли—распространенію православія среди иновѣрныхъ инородцевъ.

Характеръ отношенія Павла къ миссіонерской дѣятельности, по крайней мѣрѣ въ первое время, былъ чрезвычайно гуманенъ,—это съ очевидностью высказывается въ грамотѣ Павла, данной имъ игумену Ѳеодосію и іеромонаху Макарію, при отправленіи ихъ изъ Москвы въ Даурскую область на Селенгу въ 1681 г.; въ этой грамотѣ Павелъ совѣтуетъ „иновѣрцевъ всякихъ вѣръ отъ невѣрствія ко истинной православной христіанской вѣрѣ призывати, поучая отъ божественныхъ писаній со всякимъ тщаніемъ и прилежаніемъ безлѣностно и крестити ихъ во имя Отца и Сына и св. Духа, и приводити къ тому святому Божьему дѣлу иновѣрцевъ безъ тчеславія и гордости..., безъ всякаго озлобленія..., чтобъ отъ какихъ словъ строптивыхъ иноземцевъ чѣмъ не отлучити, а отъ святого дѣла не отвратити". Эти гуманные взгляды Павла едва-ли часто находили откликъ среди его подчиненныхъ. Впрочемъ, и самъ Павелъ, можно думать, не всегда ихъ строго держался; на него не разъ жаловались московскому правительству разные инородцы, которыхъ онъ насильно крестилъ, и московскіе государи, сначала Ѳеодоръ, потомъ Иванъ и Петръ Алексѣевичи, запрещали ему указами насильственное крещеніе и предлагали „принимать и крестить въ православную вѣру" лишь „добровольно хотящихъ", „чтобы тѣмъ тобольскихъ татаръ и бухарцевъ и иныхъ земель пріѣзжихъ иноземцевъ не ожесточить". Съ другой стороны и Павелъ жаловался на этихъ инородцевъ, вслѣдствіе ихъ крайняго непочтенія къ обрядамъ православной церкви, предлагалъ разрушить въ Тобольскѣ татарскія мечети и выселить татаръ на Панинъ бугоръ; однако, только первая просьба была исполнена и царскій указъ 5-го апрѣля 1685 г. предписалъ татарамъ относиться съ бо́льшимъ почтеніемъ къ обрядамъ православной церкви. Изъ всего этого видно, насколько были натянуты отношенія между русскими и инородцами.

Но еще сильнѣе высказалась рѣзкость отношеній между православнымъ населеніемъ и раскольниками. Дерзость раскольниковъ была такъ велика, что разъ самъ митрополитъ, при выходѣ изъ собора послѣ литургіи, подвергся публичному оскорбленію за то, что совершалъ службу по исправленнымъ книгамъ; въ другой разъ раскольники сожгли въ свѣтлую заутреню церковь съ 400 молящихся. Впрочемъ и со стороны православныхъ было также не мало враждебныхъ дѣйствій: въ 1684 г. вышелъ указъ о наказаніи не только раскольниковъ, но и людей, у кого

они проживали, или тѣхъ, которые не доносили о расколѣ по начальству; въ то же время имѣло силу распоряженіе сжигать тѣхъ раскольниковъ, которые послѣ троекратной пытки не покорятся святой церкви. Эта послѣдняя мѣра противъ раскола распространила среди его приверженцевъ самосожженіе, которое было въ ходу и ранѣе, какъ принятіе мученическаго вѣнца. При митрополитѣ Павлѣ такихъ случаевъ религіозной ревности было семь, причемъ разъ (въ 1679 г.) по призыву раскольничьяго попа Дометіана собралось съ разныхъ мѣстъ Сибири до 1700 чел. (по другимъ свѣдѣніямъ 2700) и сгорѣло, несмотря на всѣ увѣщанія посланнаго митр. Павломъ духовенства. Кромѣ миссіонерско - проповѣднической, въ иныхъ случаяхъ насильственной, дѣятельности, митр. Павелъ считалъ необходимымъ для борьбы съ расколомъ и иновѣрчествомъ построеніе монастырей, увеличеніе числа церквей, крайне недостаточнаго для нуждъ паствы. Храмы, построенные митр. Павломъ, были первыми каменными зданіями въ Сибири; изъ монастырей, имъ основанныхъ, извѣстны два: Троицкій въ Селенгинскѣ и Посольскій-Преображенскій.

Если прослѣдить всю дѣятельность митр. Павла, взглянуть на ея результаты для Сибири, едва-ли можно вывести заключеніе о большомъ ея успѣхѣ: зло слишкомъ глубоко вкоренилось, чтобы быть прекращеннымъ однимъ человѣкомъ и съ помощью тѣхъ средствъ, которыя тогда употреблялись; надо прибавить къ этому и то, что власти свѣтская и духовная часто были враждебны между собой, и не могли поэтому дѣйствовать единодушно; напротивъ, царскіе воеводы „за презорство, гордость, неистовое житіе, за блудодѣяніе, за непристойныя и порочныя слова“ были даже предаваемы митрополитомъ анаѳемѣ (тобольскій воевода Михайло Васильевичъ Приклонскій) или сажаемы въ тюрьмы за поношеніе архіерея (тюменьскій воевода Тимоѳей Григорьевичъ Ртищевъ и якутскій—Иванъ Васильевичъ Приклонскій).

Митрополитъ Павелъ умеръ не далеко отъ города Соликамска (Пермской губ.) на Усольскомъ волоку Чикманѣ, по дорогѣ въ Москву, куда онъ былъ призванъ по царскому указу и ѣхалъ потрясенный не задолго до того апоплексическимъ ударомъ; первый ударъ былъ 26-го іюня 1691 г., второй—смертельный—4-го янв. 1692 г. Тѣло его похоронено въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ.

А. Недосѣковъ „Павелъ I, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій“ („Тобольскія епарх. вѣдомости“ 1888, №№ 13 — 14, стр. 274—284); Н. Абрамовъ „Павелъ I, второй митрополитъ Сибирскій и Тобольскій“ (тамъ же 1859, №№ 23 и 24); его же „Павелъ первый, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій“ („Странникъ“ 1867, окт., 26—36); его же „Матеріалы для исторіи христіанскаго просвѣщенія въ Сибири“ („Журналъ Мин. Нар. Просв.“ 1854, февр. и мартъ); его же „Тобольскіе пожары“ („Тобольскія губ. вѣдом.“ 1857, № 14); И. Сырцовъ „Самосожигательства сибирскихъ старообрядцевъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“ („Тобольскія епарх. вѣдом.“ 1887, №№ 13 и сдѣд.); П. А. Сулоцкій „Заботы Павла, митр. Тобольскаго и Сибирскаго, объ утвержденіи христіанства въ своей епархіи“ („Миссіонеръ“ 1873, № 34); его же „Тобольскіе и Томскіе архипастыри“ (Омскъ 1881); его же „Краткая исторія Тобольской и Томской епархіи“ („Иркутскія епарх. вѣдом.“ 1881, ч. н., 430); его же „Описаніе краткое всѣхъ церквей, существующихъ въ городѣ Тобольскѣ“ (М. 1852); арх. Мелетій „Древнія церковныя грамоты восточно-сибирскаго края 1653—1726 гг. и свѣдѣнія о Даурской миссіи“ (Казань 1875), гдѣ напечатаны почти всѣ грамоты митр. Павла; Мамѣевъ „Списокъ духовныхъ и свѣтскихъ начальниковъ Тобольской губ. со времени ея основанія“ („Календарь Тобольской губ. на 1890“, стр. 57); „Памятная книжка Тобольской губ. на 1884 г.“ (Тобольскъ 1884, стр. 85—86); Строевъ „Списки іерарховъ“ (стр. 151, 164, 317, 665); Н. Д. „Девятисотлѣтіе русс. іерархіи“ (1888, стр. 53); Амвросій „Исторія росс. іерархіи“ (1807, I, 110); Макарій „Исторія русск. церкви“ (т. XII); Филаретъ „Обзоръ русс. духовной литературы“ (3-е изд., I, стр. 256); Соловьевъ „Исторія Россіи“ (т. XI); В. К. Андріевичъ „Исторія Сибири“ (Спб. 1889, ч. II, стр. 23, 235, 328, 331—335); И. В. Щегловъ „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“ (Иркутскъ 1883); П. А. Словцевъ „Историческое обозрѣніе Сибири“, (Спб. 1886). Источники необработанные: въ „Актахъ историческихъ“ (т. V, №№ 46, 69, 134, 166, 211); въ „Дополненіяхъ къ нимъ“ (т. V, 154; т. VI, 160; VII, 305; VIII, 216, 217 — 219, 222, 223, 225, 314—315; т. X, 39); въ „Актахъ Археограф. Экспедиціи“ (т. IV, № 213); въ „Тобольскихъ губ. вѣдомостяхъ“ (1885, № 46); въ изд. Строева „Выходы царей“ (М. 1844, стр. 660, 661) и Указателѣ къ нимъ (стр. 66); А. Х. Востокова „Описаніе рукописей Румянцевскаго музеума“ (Спб. 1842, стр. 440) и А. Ѳ. Бычкова „Описаніе сборниковъ Имп. Публ. Библ.“ (стр. 355). *Вс. Срезневскій.*

Павелъ, 2-й митрополитъ Нижегородскій и Алатырскій съ 7 марта 1686, изъ казначеевъ Нижегор. архіерейскаго дома; сконч. 26 сентября 1696 и погребенъ въ мѣстномъ каѳедральномъ соборѣ.

„Древн. Росс. Вивліоѳ.“, XVIII, 95 и 121—7 (грамота); Строевъ „Списки іерарх.“, 605; „Нижегор. Сборникъ“, III, 327; „Опис. докум. и дѣлъ архива

Св. Сунода", I, с. 52, указат.; „Исторія Нижег. іерар.", 1857, с. 19—24.

Павелъ, епископъ Вологодскій и Бѣлоозерскій съ 29 января 1716, изъ іеромонаховъ Александро-Невскаго монаст., родомъ Вологжанинъ, сконч. 5 ноября 1725 и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ.

Ю. Толстой „Списки архіереевъ", стр. 4, № 12; Строевъ „Списки іерарх.", 732; „Опис. докум. и дѣлъ архива Св. Сунода", I, с. 52, указат.

Павинскій, *Григорій*, сотрудникъ-переводчикъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій". Род. въ Олонецкѣ 1725, ум. 19 февраля 1755 г. Воспитанникъ Новгородской семинаріи, онъ, какъ способный ученикъ, былъ выбранъ въ 1748 г. Имп. Академіею Наукъ въ студенты Университета. По окончаніи экзаменовъ, въ 1753 г., ему „опредѣлено быть при переводахъ ученыхъ дѣлъ". Хотя ректоръ Университета Крашенинниковъ тогда же призналъ Павинскаго достойнымъ званія магистра, однако канцелярія Академіи не утвердила его въ этомъ званіи. Переводами онъ занимался для „Ежемѣсячныхъ сочиненій" подъ наблюденіемъ Миллера.

П. Пекарскій „Редакторъ, сотрудники и цензура въ русск. журналѣ 1755—1764 гг.", Спб. 1867, с. 30—35; Д. Толстой „Академич. университетъ въ XVIII стол.", Спб. 1885, с. 43. *А. К.*

Павинскій, *Ив. Дмитр.*, священникъ, переводчикъ и писатель 1800—03 гг., впослѣдствіи архіепископъ *Іона* (см. это имя).

Павленковъ, *Емельянъ Осиповичъ*, ген.-маіоръ. Род. 1784, ум. послѣ 1826. Изъ дворянъ Полтавской губ., онъ вступилъ на службу въ 1800 г. унтеръ-офицеромъ въ Муромскій пѣх. полкъ, а черезъ три года произведенъ былъ въ прапорщики. Участвуя во всѣхъ кампаніяхъ съ 1806, онъ находился въ то время въ арміи ген. Бенигсена въ предѣлахъ Пруссіи и Польши, за отличія же въ сраженіяхъ при Смоленскѣ (1812), гдѣ былъ раненъ пулею въ правую ногу съ поврежденіемъ берцовой кости, повышенъ въ подполковники съ назначеніемъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Гренад. корпуса и съ переводомъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ, а при Люценѣ (1813)—въ полковники, съ опредѣленіемъ командиромъ Муромскаго пѣх. полка. Состоялъ затѣмъ при главнокомандующемъ арміей гр. Витгенштейнѣ и исполнялъ въ 1814 должность дежурнаго генерала арміи, причемъ, за отличія въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ, награжденъ былъ орденами: при Кульмѣ (1813)—св. Анны 2-го кл. съ алмазами, при Труа (1814)—св. Георгія 4-го кл. и подъ Парижемъ (когда былъ раненъ пулею въ лѣвую ногу)—св. Владиміра 3-го кл. Произведенный въ 1819 въ ген.-маіоры, П. былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й пѣх. дивизіи, а въ 1821 г.—2-й бригады 6-й пѣх. дивизіи. Награжденный золотою шпагою „за храбрость", онъ имѣлъ изъ иностранныхъ орденовъ — прусскій „за заслугу".

Дѣла Моск. отдѣленія Общ. Архива Гл. Штаба. *А. Н. П.*

Павленковъ, *И.*, переводчикъ. Онъ перевелъ съ франц: 1) соч. Левиса (по титулу: мисъ Радклифъ)—„Монахъ или пагубныя слѣдствія пылкихъ страстей", 4 ч., Спб., тип. Акад. Наукъ, 1802—03, 12°, во 2-мъ изд.—„Монахъ францисканскій"..., 4 ч., Спб., тип. Глазунова, 1805, 12°, вмѣстѣ съ И. Росляковымъ („Моск. Меркурій" I, 218; Шторхъ I, 1202; Смирд. 9028; по Сопик. 9392—перев. *И. Пвнкв* и *И. Рслкв*), и 2) соч. Радклифъ: „Замокъ Альберта, или движущійся скелетъ", 2 ч., Спб., тип. 1-го кад. корп., 1803, 12° (Смирд. 8819; у Шторха 1239—анонимно и какъ перев. *Леонтьева*).

Павликовскій, *Карлъ*, врачъ. Род. 1833 г. въ Радомѣ, ум. 29 іюля 1875 г. Окончивъ курсъ наукъ по медицинскому факультету въ Харьковскомъ унив-тѣ въ 1856 г., онъ временно исправлялъ должность въ больницѣ Младенца Іисуса въ Варшавѣ и затѣмъ въ больницѣ св. Лазаря. П. написалъ на польскомъ языкѣ нѣсколько диссертацій изъ области сифилидологіи и дерматологіи, которыя и помѣщены были въ Варшавскихъ медицинскихъ журналахъ: „Tygodnik lekarski", „Klinika", „Gazeta lekarska".

Kośmiński „Słownik lekarzów". *Ѳ. Ф. В.*

Павлина (въ мірѣ *Пелагія Ефимовна Овянникова*), игуменья Бѣлевскаго Крестовоздвиженскаго дѣвичьяго монастыря. Род. 10 апрѣля 1813, ум. 20 іюня 1877. По происхожденію крестьянка Орловской губ., Мценскаго уѣзда, она была опредѣлена въ 1831 (мая 17) въ Крестовоздвиженскій монастырь, въ 1837 (ноября 28) пострижена въ рясофоры подъ именемъ Глафиры, а въ 1840 (іюня 4)—въ мантію съ именемъ Павлины; въ началѣ авг. 1848 назначена настоятельницею монастыря, а

29 авг. посвящена въ санъ игуменьи. Во все время своего игуменства, Павлина неусыпно заботилась о благоустройствѣ ввѣренной ея управленію обители, которая отъ этого почти втрое увеличилась: къ ней было присоединено нѣсколько крупныхъ земельныхъ участковъ; построены были тамъ больница для сестеръ монахинь, новыя кельи и нѣсколько другихъ монастырскихъ зданій; былъ реставрированъ старый храмъ и воздвигнутъ новый. Въ награду за труды Павлина получила наперстный крестъ отъ св. Синода и Высочайшую награду—кабинетный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями.

I. Л. (іеромонахъ Леонидъ Кавелинъ) „Историч. описаніе Бѣлевскаго дѣв. Крестовоздвиженскаго третьекл. монастыря“, Спб. 1863; „Очеркъ жизни настоятельницы Бѣлевскаго Крестовоздвиженскаго дѣв. монастыря игуменьи Павлины“, Спб. 1881. — *А. К.*

Павлищева (рожд. *Пушкина*), *Ольга Сергѣевна*, писательница. Род. 20 ноября 1797, ум. 2 мая 1868. Родная сестра знаменитаго поэта А. С. Пушкина, она писала на французскомъ языкѣ съ молодыхъ лѣтъ свои воспоминанія (Mes Souvenirs), гдѣ была изложена хроника семейства Пушкиныхъ, Ганнибаловыхъ и характеристика посѣщавшихъ домъ ея родителей — литераторовъ и общественныхъ дѣятелей первой половины текущаго столѣтія, но потомъ сожгла ихъ въ 1854 г.; затѣмъ сочиняла стихи, большая часть которыхъ также была уничтожена ею, уцѣлѣвшіе же изъ нихъ напечатаны ея сыномъ Л. Н. Павлищевымъ въ его воспоминаніяхъ „Изъ семейной хроники“ въ „Истор. Вѣстникѣ“ 1888 г.

Кн. Голицынъ „Словарь русс. писательницъ“ 1889.

Павлищевъ, *Николай Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, мужъ родной сестры поэта Пушкина—Ольги Сергѣевны. Род. 6 мая 1802 въ с. Спичинцахъ, Литинскаго у. Подольской губ.; ум. 8 декабря 1879 въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ въ Новодѣв монастырѣ. Отецъ его, полковникъ Ив. Вас. Павлищевъ, служившій въ Маріупольскомъ гусарскомъ полку во время войнъ Наполеона (1805—1807 и 1812—1814 гг.), происходилъ изъ дворянъ Екатеринославской губ.

Окончивъ курсъ съ серебряной медалью 16 іюня 1819 г. въ бывш. благородномъ пансіонѣ Царскосельскаго лицея, Н. И. Павлищевъ опредѣленъ былъ 1 января 1820 г. своимъ крестнымъ отцомъ кн. П. Х. Витгенштейномъ, въ то время главнокомандующимъ 2-ю арміею,—въ его канцелярію въ г. Тульчинъ, откуда 10 января 1822 г. командированъ въ С.-Петербургъ съ найденными въ архивѣ Измаильской крѣпости документами для извлеченія изъ государственныхъ архивовъ свѣдѣній о турецкихъ войнахъ со временъ Петра Великаго, а 10 іюня 1827 г.—перешелъ на службу въ бывшую Государственную Коллегію иностранныхъ дѣлъ и 20 іюня 1828 г. былъ посланъ въ Сенатъ для перевода съ польскаго языка разныхъ бумагъ въ слѣдственной коммисіи надъ польскими мятежниками; затѣмъ 25 апрѣля 1830 г. назначенъ столоначальникомъ въ Азіатскій Департаментъ, а 13 сентября — начальникомъ библіотеки того же Департамента.

Состоя на службѣ, Н. И., какъ сверстникъ Пушкина, Илличевскаго, барона Дельвига, примкнулъ къ литературному кружку и сотрудничалъ въ издававшейся Дельвигомъ „Литературной газетѣ“. Онъ, между прочимъ, перевелъ, съ нѣмецкаго и напечаталъ романы Фанъ-деръ-Фельда, а, какъ любитель музыки, издалъ въ 1829 г. съ М. И. Глинкой „Лирическій альбомъ“.

28 января 1828 г. Павлищевъ женился, а 24 февраля 1831 г., по ходатайству своего тестя, Серг. Львов. Пушкина, былъ командированъ въ составъ учрежденнаго тогда Временнаго Правленія въ Царствѣ Польскомъ, предсѣдатель котораго т. с. Энгель послалъ его 12 іюня въ распоряженіе генералъ-интенданта, поручивъ ему наблюденіе надъ заготовкой продовольствія въ Пруссіи для нашихъ войскъ. Въ августѣ того же года, Н. И., имѣя знакъ военнаго достоинства, попалъ съ войсками въ Варшаву, гдѣ и посвятилъ себя потомъ дѣятельности на поприщахъ административномъ, педагогическомъ и ученомъ, продолжавшейся 40 лѣтъ.

15 января 1832 г., онъ былъ назначенъ управляющимъ канцеляріей генералъ-интенданта дѣйствующей арміи, а 17 іюля 1833 г.—исправляющимъ должность помощника статсъ-секретаря въ бывш. Государственномъ Совѣтѣ Царства Польскаго, утвержденъ же былъ въ этой должности 17 декабря, 1834 г.; затѣмъ, 7 февраля 1838 г., онъ былъ опредѣленъ, съ сохраненіемъ названной должности, профессо-

ромъ историческихъ наукъ въ Варшавской гимназіи, а 2 августа того же года—членомъ мѣстнаго Совѣта народнаго просвѣщенія.

Задавшись цѣлію во всѣхъ училищахъ края ввести русское преподаваніе не только историческихъ, но и другихъ наукъ, Н. И., назначенный преподавателемъ русской исторіи и статистики на юридическихъ и педагогическихъ курсахъ и поддержанный директоромъ Коммисіи внутреннихъ дѣлъ г.-ад. С. П. Шиповымъ, а также попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа г.-м. Окуневымъ, пріискалъ способныхъ наставниковъ, а самъ занялся изданіемъ русскихъ учебниковъ; согласно же предложенію министра, графа С. С. Уварова, составилъ и напечаталъ въ 1843 г. на русскомъ языкѣ для гимназій „Польскую исторію“, за которую 19 апрѣля того же года удостоенъ былъ Высочайшей награды, а для ознакомленія съ книгой родственниковъ учащихся — отпечаталъ ее въ 1844 г. и на польскомъ языкѣ.

Въ тоже время Павлищевъ приступилъ къ своему главному труду — „Историческому Атласу Россіи“, для военно-учебныхъ заведеній. Трудъ этотъ, посвященный вел. князю Михаилу Павловичу, исходатайствовавшему его автору—пособіе на покрытіе издержекъ по изданію, вышелъ въ 1845 г. и также удостоился 18 февраля 1846 г. Высочайшей награды.

По упраздненіи Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, Н. И. переименованъ былъ 11 мая 1842 г. въ помощники оберъ-прокурора Общаго Собранія Варшавскихъ Департаментовъ Сената, а 15 марта 1851 г. утвержденъ въ должности оберъ-прокурора того же Общаго Собранія.

Не говоря о многочисленныхъ проектахъ по законодательной части, отчетахъ и бюджетахъ края, можно отмѣтить проведенный имъ въ 1836 г. законопроектъ о польскомъ дворянствѣ, въ силу котораго $^4/_5$ шляхты, не доказавъ своихъ правъ, обратились въ крестьянское сословіе, а равно удостоенный 23 января 1854 г. Высочайшей награды и изданный Павлищевымъ въ двухъ томахъ, по званію оберъ-прокурора, „Гербовникъ дворянскихъ родовъ Царства Польскаго“, который былъ признанъ и мѣстной геральдіей.

16 сентября 1858 г. Н. И. былъ опредѣленъ членомъ X Департамента Варшавскаго Сената, безъ назначенія къ постоянному присутствованію въ отдѣленіи, а 9 іюля 1861 г., послѣ кратковременной отставки, по желанію, назначенъ состоящимъ при главнокомандовавшемъ 1-й арміею и намѣстникѣ графѣ Ламбертѣ, который и поручилъ ему 25 октября того же года составленіе для Государя Императора „Политическихъ еженедѣльныхъ обзоровъ Царства Польскаго“. Павлищевъ составлялъ эти обзоры и при слѣдовавшихъ за графомъ Ламбертомъ намѣстникахъ, за что 16 февраля 1870 г. награжденъ былъ 12-лѣтней арендой.

11 сентября 1863 г. Августѣйшій намѣстникъ вел. князь Константинъ Николаевичъ поручилъ П. Главное Управленіе внутреннею и иностранною цензурою, а 13 сентября и редакціею „Всеобщаго Дневника“, съ отдѣленіемъ этой офиціальной, на польскомъ языкѣ, газеты отъ бывшей правительственной Коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Преобразовавъ программу „Дневника“, Павлищевъ, при содѣйствіи Н. А. Милютина, основалъ въ октябрѣ 1864 г. первую русскую газету въ Привислянскомъ краѣ, „Русскій Варшавскій Дневникъ“,— по программѣ, къ которой приноровленъ былъ и вышеозначенный польскій органъ. Обѣ газеты выходили подъ его управленіемъ до 1871 г., а 4 іюня 1872 г. Павлищевъ, произведенный 1 нояб. 1874 г. въ тайные совѣтники, зачисленъ былъ по Военному Министерству.

Находясь уже въ Петербургѣ, Н. И. издалъ вторично въ 1873 г. свой „Историческій Атласъ Россіи“, значительно пополненный новыми матеріалами и картами, и за поднесеніе его Императору Александру Николаевичу удостоенъ былъ 30 марта 1874 г. полученія табакерки; затѣмъ въ 1878 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ монографію подъ заглавіемъ: „Польская анархія при Янѣ Казимірѣ и война за Украйну“, въ 3-хъ частяхъ, а потомъ двѣ другихъ монографіи: „Польша до Люблинской уніи“ и „Послѣдніе три Августа въ Польшѣ“, напечатанныя на Высочайше пожалованныя ему 12 декабря 1878 г. средства; его же „Семмицы Польскаго мятежа 1861—1864 г.“, въ двухъ томахъ, появились въ свѣтъ лишь черезъ 8 лѣтъ послѣ его смерти и

изданы были подъ наблюденіемъ Е. М. Гаршина въ 1887 г., но съ сокращеніями.

Къ числу другихъ историческихъ работъ Н. И. относятся главнымъ образомъ: напечатанная имъ въ „Холмскомъ календарѣ“ 1869—71 статья „Даніилъ Король Русскій“ и „Поѣздка въ Червонную Русь“, описанная послѣ открытія имъ въ 1844 г., во время этой поѣздки, слѣдовъ древняго города Червеня въ деревнѣ Чермно, Люблинской губ., не говоря о многочисленныхъ рукописныхъ трудахъ его. При изданіи же сочиненій А. С. Пушкина П. В. Анненковымъ въ 1855 г. Павлищевъ внесъ драгоцѣнный вкладъ въ „Матеріалы для біографіи своего зятя“, описавъ его дѣтство со словъ сестры поэта.

Хранящіеся въ семьѣ рукописные документы: официальные акты, собственноручныя записки покойнаго о его дѣятельности, черновыя бумаги, переписка съ Намѣстниками — кн. Паскевичемъ, гр. Бергомъ, и частная корреспонденція; дѣла Канцеляріи Военнаго Министерства № 33-й 1872 года и № 72-й 1879 года; некрологъ, помѣщенный 9 декабря 1879 въ „Новомъ Времени“, и біографія, напечатанная въ Парижѣ, въ „Archives des hommes d'état et des lettres“ 1850. *Л. Павлищевъ.*

Павлищевъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-лейтенантъ. Род. въ 1795 г., въ селѣ Метлинцахъ, Подольской губ.; ум. 14 августа 1863 г. въ Ахенѣ. По окончаніи домашняго образованія онъ поступилъ 14 мая 1810 г. въ Маріупольскій гусарскій полкъ, эскадрономъ котораго командовалъ его отецъ — ротмистръ Ив. Вас. Павлищевъ; 12 декабря 1811 г. былъ произведенъ въ корнеты, въ слѣдующемъ же достославномъ 1812 году находился въ рядахъ доблестныхъ защитниковъ отечества, участвуя въ разныхъ дѣлахъ, и явилъ личную храбрость: 14 августа въ генеральномъ сраженіи на берегахъ Кацбаха, 23 числа того же мѣсяца при Гохкирхѣ, 16 сент. подъ Мейсеномъ, и, наконецъ, съ 4 по 7 октября въ славной Лейпцигской битвѣ, за что 14 декабря того же года получилъ орденъ св. Анны 3 степ.

Переведенный 25 апрѣля 1814 г. въ л.-гв. конно-егерскій (впослѣдствіи драгунскій) полкъ, П. И. Павлищевъ произведенъ былъ 10 іюля въ поручики за оказанное мужество: 17 января подъ Бріеномъ и 20-го подъ Ларотьеромъ, участіе же его въ истребленіи французской пѣхоты 13 марта подъ Фершампенуазомъ доставило ему на другой день Высочайшее благоволеніе.

Возвратившійся въ Россію по заключеніи мира полкъ расположился въ Новгородѣ, гдѣ и простоялъ до 1828 г., и въ этотъ періодъ времени П. И. дошелъ въ послѣдовательномъ порядкѣ до чина подполковника.

Турецкая кампанія 1828 г. вызвала конно-егерей на поле брани. Переправясь черезъ Дунай, Павлищевъ находился 11 сентября при блокадѣ Варны, 29-го при ея покореніи, а съ 30-го сентября по 4-е октября при преслѣдованіи турокъ отъ этой крѣпости до р. Камчика, и, наконецъ, 24-го переправился черезъ Дунай для обратнаго похода въ Россію; затѣмъ 2 января 1831 г., уже въ чинѣ полковника, онъ вышелъ съ своими сослуживцами противъ польскихъ мятежниковъ.

Этотъ годъ доставилъ ему новыя отличія за дѣла: подъ Кусковомъ, Тыкочиномъ, Тополовомъ, при Остроленкѣ (гдѣ, за участіе въ разбитіи и потопленіи въ Наревѣ непріятельской пѣхотной колонны, получилъ золотую саблю) и за штурмъ Варшавы (знакъ отличія за военное достоинство—Virtuti militari).

Назначенный 6 декабря 1833 г. командиромъ Каргопольскаго драгунскаго (впослѣдствіи вел. князя Константина Николаевича) полка, Павлищевъ прослужилъ на этомъ посту до 1838 г., а 15 апрѣля того года получилъ должность командующаго 1 бригадою 1 драгунской дивизіи, и 16 декабря пожалованъ былъ орденомъ св. Георгія 4 кл. за 25-лѣтнюю службу; 1 января 1839 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности командира означенной бригады.

Съ наступленіемъ венгерской компаніи 1849 г., П. И. перешелъ 11 іюля границу Царства Польскаго у Томашева, слѣдовалъ въ Галиціи до г. Драгобича, а оттуда вернулся обратно въ предѣлы Россіи 7 сентября чрезъ м. Радзивиловъ, и за этотъ походъ получилъ 1850 г. два ордена: 17 февраля св. Анны 1 ст. съ короной и 27 ноября св. Владиміра 2 ст.

Опредѣленный 16 февраля 1851 г. командующимъ 5-ю легкою кавалерійскою дивизіею, П. И., съ производствомъ его 8 апрѣля въ генералъ-лейтенанты, полу-

чилъ 25 декабря 1852 г. должность инспектора гвардейскихъ запасныхъ эскадроновъ; съ 27 декабря 1853 г. былъ командующимъ помянутыми эскадронами и съ 18 января 1855 г.—1-й гвардейской резервной кавалерійской дивизіей, а съ 26 августа 1856 г. по 24 декабря 1861 г.—помощникомъ командующаго резервами гвардейской кавалеріи.

24 декабря 1861 г. онъ по болѣзни былъ зачисленъ по армейской кавалеріи и въ запасныя войска, а въ 1863 г. уѣхалъ за-границу для излеченія отъ постигшей его мучительной нервной болѣзни. Но леченіе не помогло, и онъ скончался на водахъ. Тѣло его перевезено было въ Россію и предано землѣ въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. П. И. женатъ былъ на А. Ф. Афросимовой, имѣлъ двухъ сыновей и четырехъ дочерей.

Послужные списки: составленный въ январѣ 1849 г. и полный 1861 года; письма къ брату Ник. Павлищеву; „Семейная хроника Л. Н. Павлищева", напеч. въ 1888 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ", глава II. *Л. Павлищевъ.*

Павлова, *Анна Михайловна* (рожд. *Соковнина*), писательница, ум. 13 ноября 1873 г. Отрывки „Изъ записной книжки" ея (анекдоты объ А. П. Сумароковѣ) напеч. въ „Русск. Архивѣ" 1874, кн. 2-я.

Кн. Голицынъ „Словарь русс. писательницъ", 1889.

Павлова, *Каролина Карловна* (рожд. *Яниш*), писательница и переводчица. Род. 10 іюля 1810 въ Ярославлѣ; сконч. 2 декабря 1893 въ Дрезденѣ. Дочь профессора и ученица Баратынскаго, она получила отличное воспитаніе и съ юныхъ лѣтъ постоянно встрѣчалась въ домѣ отца съ учеными и писателями, его друзьями, а по выходѣ замужъ за извѣстнаго литератора Н. Ф. Павлова въ концѣ 1830-хъ гг. еще болѣе сблизилась съ литературными кружками того времени, къ которымъ принадлежали воспѣвавшіе и прославлявшіе ее: Языковъ, кн. Вяземскій, М. А. Дмитріевъ, гр. Соллогубъ, И. И. Панаевъ. Какъ рано она предалась литературѣ, видно именно изъ стихотвореній Н. М. Языкова, посвященныхъ ей еще въ 1829 и 1831 гг., но первое время она занималась преимущественно переводами съ русскаго на нѣмецкій и французскій и съ нѣмецкаго на этотъ послѣдній, когда появились ея: „Das Nordlicht, Proben der neuen russ. Literatur" (Dresd. u. Leipz., 1833), „Les Préludes" (Paris, 1839, гдѣ помѣщ. ея переводъ „Полководца" Пушкина), „Jeanne d'Arc, trag. de Schiller, trad. en vers français" (Paris, 1839), а затѣмъ съ нѣмецкаго и англійскаго на русскій, причемъ она стала печатать свои переводы изъ Рюккерта, Гейне, Камбеля и особенно изъ Вальтеръ-Скотта—въ „Отеч. Запискахъ" 1839—40, изъ Байрона и Шиллера—въ „Москвитянинѣ" 1840—41, и проч. Одновременно съ этимъ начинаютъ, однако, появляться въ печати и оригинальныя стихотворенія Павловой въ тѣхъ же „Отеч. Зап." 1839—40 („Неизвѣстному поэту"—Милькѣеву), въ „Одесс. Альманахѣ" на 1840 („Поэтъ"), въ „Утренней Зарѣ" 1840 („Предѣлъ родной"), въ томъ же „Москвитянинѣ" 1843 („Донна Иннезилья", „Воспоминаніе"), въ „Современникѣ" 1843 („Была ты съ нами неразлучна"), въ „Литературномъ Вечерѣ" 1844 („Н. М. Языкову"), въ „Моск. Обозрѣніи" 1847 („Н. М. Языкову"), въ „Моск. Город. Листкѣ" 1847 („къ С."), въ „Моск. Сборникѣ" 1846 („Когда въ раздоръ съ самимъ собою"), 1847 („Въ часы раздумья и сомнѣнья") и 1848 („Отвѣтъ на отвѣтъ"). Въ послѣднихъ двухъ сборникахъ на 1847 г. печатались и отрывки изъ ея очерка „Двойная жизнь", вышедшаго отдѣльно въ Москвѣ въ 1848 г. и гдѣ К. К. коснулась весьма важныхъ вопросовъ — воспитанія свѣтскихъ дѣвушекъ, ихъ положенія въ обществѣ, ихъ браковъ, основанныхъ на разсчетѣ, ихъ неразвитости, отсутствія въ нихъ сердечности и совершеннаго незнанія ими жизни, быть можетъ, и привлекательнаго съ одной стороны, но очень бѣдственнаго—съ другой, при столкновеніи съ брачною жизнью и общественными отношеніями. Поэтому книга ея была встрѣчена единодушными похвалами журнальной критики. Послѣ того оригинальныя и переводныя стихотворенія Павловой продолжали появляться въ „Современникѣ" 1850 („Поетъ вѣтеръ", „Всегда и вездѣ") и 1854 (тоже и „Объясненіе псевдонима"), въ „Раутѣ" Сушкова 1851 (Разсказъ Лизы изъ повѣсти въ стих. „Кадриль") и 1854 (Изъ „Laterna Magica", „Москва", „Сходилась я и расходилась"), въ „Москвитянинѣ" 1852 („Гаррикъ во Франціи", ком. въ 2 д.), въ „Сѣв. Пчелѣ" 1854 („Разговоръ въ Кремлѣ", отпечат. также отдѣльно и послужившій поводомъ къ полемикѣ

между авторомъ его и редакторомъ „Современника“ И. И. Панаевымъ изъ-за критическаго анализа въ назв. журналѣ этого произведенія, гдѣ на 20 страницахъ перечислялись „всѣ важнѣйшіе моменты историческихъ судебъ трехъ государствъ—Россіи, Франціи и Англіи“). Потомъ произведенія К. К. печатались опять въ „Отеч. Запискахъ“ 1855 („Слѣпой“ изъ Шенье, „Въ ужасающей пустынѣ“, „О быломъ и погибшемъ“, „О старомъ“, „Старуха“, „Когда карателемъ великимъ“, „Праздникъ Рима“) и 1856 („Амфитріонъ“, драм. сцена, и „Люблю я васъ, младыя дѣвы“), въ „Пантеонѣ“ 1856 (тоже стих.), въ „Русск. Вѣстникѣ“ М. Н. Каткова 1856—60 (цѣлый рядъ стихотвореній, обратившихъ на себя вниманіе понимающихъ людей, въ томъ числѣ разсказы: „Кадриль“ въ 4 ч., въ стих.; „За чайнымъ столомъ“, „Ночлегъ-Витекинда“ и „Воспом. объ Ивановѣ“—знаменитомъ живописцѣ, 1858 г.), въ „Русск. Бесѣдѣ 1859 („Писали подъ мою диктовку“). По выходѣ въ свѣтъ „Стихотвореній“ Павловой въ Москвѣ въ 1863 г., ею были напечатаны по-нѣмецки въ Дрезденѣ два произведенія гр. А. К. Толстого: „Don Juan, drammat. Gedicht“, въ 1863, и „Zar Fedor Iwanowitsch, Trauersp. in 5 Aufz.“, въ 1869, а между этими двумя переводами съ русскаго появились еще два ея перевода съ нѣмецкаго, изъ Шиллера: „Монологъ Теклы“ изъ „Валленштейнова лагеря“—въ 1867 г., въ „Бесѣдѣ Моск. Общества любителей росс. словесности“, почетнымъ членомъ котораго она состояла, и „Смерть Валленштейна“ — въ 1868 г., въ „Вѣстникѣ Европы“. Послѣднимъ произведеніемъ ея являются „Мои воспоминанія“, напеч. въ „Русск. Архивѣ“ 1875 (№ 10).

Біографич. и библіограф. свѣдѣнія о ней, равно какъ и объ ея супругѣ, были помѣщ. С. Д. Полторацкимъ въ его изд. „Le comte Théodore Rostoptchine 1765—1826“ (Homburg, 1854, p. 43—44) и затѣмъ Н. В. Гербелемъ въ его „Хрестоматіи для всѣхъ“ (СПб. 1873, с. 414—6), а отзывы объ ея произведеніяхъ — въ „Соч. Бѣлинскаго“ (III, 119, и VII, 162); перечень послѣднихъ напечат. кн. Н. Н. Голицынымъ въ его „Библіограф. словарѣ русск. писательницъ“ (СПб., 1889), некрологъ же появился въ „Нов. Врем.“ 1893 (№ 6386).

Павловецъ, *Николай Ивановъ*, иконописецъ. Взятый 10 января 1668 въ Московскую Оружейную Палату, послѣ смерти Якова Куденетовича Черкасскаго, онъ оказался, по свидѣтельству Государевыхъ иконописцевъ, — „иконнаго художества и въ письмѣ мастеръ“, а потому, по написаніи на показъ своего мастерства трехъ образовъ: „Спаса“, „Божіей Матери“ и „Предтечи“, онъ былъ опредѣленъ въ жалованные иконописцы и жалованье ему положено было противъ Ѳедора Зубова, такъ какъ оба они писали „воображеніе святыхъ лицъ мелкимъ письмомъ“. Изъ его работъ сохранились иконы: свѣтло-писанная „Царь Царей“ отъ 11 нояб. 7185 (1677) — въ Моск. Новодѣвичьемъ мон. и очень мелко писанная „Пресв. Троица“ 7189 (1681)?— въ собраніи гр. Строганова; между тѣмъ въ „приходо-расходной книгѣ денежной казны Оруж. Палаты“ съ 7185 г. (1676—77), на л. 20, онъ отмѣченъ крестомъ, какъ умершій 24 марта 7186 (1678).

И. Забѣлинъ „Матер. для исторіи русск. иконоп.“ во „Времен.“, ч. V, с. 98, 99, 102, 109; Д. Ровинскій „Исторія русск. школъ иконопис.“ въ „Записк. Имп. Русск. Археол. Общ.“, т. VIII, с. 169—170; А. Викторовъ „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 412. *Н. С.*

Павловичъ, *Борисъ Антоновичъ*, историкъ. Род. 1840, ум. 18 іюня 1878 г. въ деревнѣ Лиговѣ, близь Петербурга. По окончаніи курса кандидатомъ на историко-филологическомъ факультетѣ университета св. Владиміра въ Кіевѣ, онъ состоялъ слушателемъ на педагогическихъ курсахъ при 2-ой С.-Петербургской военной гимназіи; съ 1871 г.— преподавателемъ русскаго языка и исторіи въ Василеостровской женской гимназіи и въ земской учительской школѣ, а послѣ пребыванія за границею—въ Маріинскомъ институтѣ и на женскихъ педагогическихъ курсахъ, гдѣ читалъ лекціи по педагогикѣ и русской исторіи. Онъ печаталъ педагогическія статьи и критическіе разборы книгъ въ разныхъ журналахъ („Семьѣ и Школѣ“, „Народной Школѣ“, „Педагогическомъ Листкѣ“, „Педагогическомъ Музеѣ“, „Женскомъ Образованіи“) и газетахъ („С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Новомъ Времени“ и „Сѣверномъ Вѣстникѣ“), а незадолго до смерти былъ утвержденъ редакторомъ ежедневнаго изданія „Невскій Вѣстникъ“. Главными же его трудами явились: 1) „Разсказы изъ Русской исторіи“,—напечатанные сначала отдѣльными брошюрами (въ 1872—73 гг.), они были собраны въ одинъ томъ (СПб. 1873 г., 341 стр., съ карт.) и выдержали четыре изданія (СПб. 1879, 1883, 1894 гг.);

2) „Исторія Греціи и Рима“ (СПб. 1873 г., 370 стр., съ картою); 3) „Историческая Хрестоматія по Русской исторіи“, 2 ч. (СПб. 1877—1878 гг.),—книга, составленная вмѣстѣ съ Я. Г. Гуревичемъ и напечатанная еще два раза (СПб. 1881 и 1887 гг.). Свои педагогическіе взгляды Павловичъ ясно и убѣдительно выразилъ въ брошюрѣ „О значеніи и цѣляхъ элементарнаго курса исторіи въ средне-учебныхъ общеобразовательныхъ заведеніяхъ“ (СПб. 1873 г.).

„С.-Петерб. Вѣдом.“ 1878, № 170; „Нов. Время“, №№ 831 и 841. *Д. Я.*

Павловичъ, *Емельянъ Васильевичъ*, товарищъ прокурора при Житомірскомъ окружномъ судѣ; ум. въ концѣ іюня 1885 г. въ Кіевѣ, лишивъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера, вслѣдствіе неизлечимой болѣзни, дѣлавшей ему въ тягость его существованіе. Даровитый и ученый юристъ, онъ былъ извѣстенъ въ періодической печати своими статьями по гражданскому праву.

„Моск. Лист.“ 27 іюня 1885, № 176; Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ пок. русс. писателей“, СПб. 1889, V, 118.

Павловичъ, *Мартинъ*, геологъ. Род. въ 1789 г. въ селеніи Ластишинъ, Минской губ.; ум. въ Варшавѣ 2 іюля 1830 г. Высшее образованіе онъ получилъ въ Виленскомъ унив-тѣ, послѣ чего состоялъ сначала учителемъ гимназіи. Въ 1817 г. онъ пріѣхалъ въ Варшаву и получилъ отъ университета заграничную командировку въ Парижъ и Фрибургъ, съ цѣлью основательнаго изученія минералогіи и геологіи. По возвращеніи въ Варшаву, П. привелъ въ порядокъ минералогическій кабинетъ, завѣдывалъ имъ впослѣдствіи и составилъ еще 12 коллекцій минераловъ для тогдашнихъ воеводскихъ гимназій; одновременно съ этимъ онъ былъ назначенъ преподавателемъ минералогіи въ Варшавскомъ лицеѣ и затѣмъ профессоромъ Александровскаго унив-та. Особо имъ издано лишь одно изслѣдованіе: „Rozprawa o własnościach i początku bazaltów“ (Варшава, 1822); нѣсколько изслѣдованій по своей спеціальности онъ помѣстилъ въ журналѣ „Pamiętnik Warszawski“; описалъ также свое путешествіе по Италіи („Dziennik Warszawski“, 1825). Въ 1829 г., вмѣстѣ съ Яницкимъ и Ширмою, онъ издавалъ въ Варшавѣ журналъ: „Pamiętnik fizycznych, matematycznych i statystycznych umiejętności z zastosowaniem do przemysłu“.

„Encyklopedya powszechna“; „Med.-chir. Zeit.“ 1831, № 34; Callisen „Medic. Schriftsteller-Lex.“, Kopenhagen 1830, XXXI, 377. *Ѳ. Ф. В.*

Павловскій, *Александръ Михайловичъ*, военный инженеръ, ген.-лейтенантъ (съ 1855 г.). Род. 1800, ум. 10 декабря 1867. Изъ Импер. Военно-сиротскаго дома онъ поступилъ прапорщикомъ въ Инжен. корпусъ въ 1817; съ 1831 былъ инспекторомъ классовъ въ Школѣ гвард. подпрапорщиковъ и кавалер. юнкеровъ, а съ 1850—директоромъ Сибирскаго кад. корпуса; послѣдніе годы состоялъ по Инжен. корпусу.

„Ежегодникъ русс. арміи“ 1869, с. 289.

Павловскій, *Алексѣй Павловичъ*, писатель. Біографическихъ свѣдѣній о немъ не имѣется; извѣстно только, что онъ былъ уроженецъ Великороссіи и лишь нѣкоторое время проживалъ въ Слободской Украйнѣ. Онъ написалъ: 1) „Королевство, поэзія и духъ поэта“, СПб. 1802 (у Смирд. 5757—анонимно); 2) „На кончину кн. А. А. Безбородко“ (ода), СПб. 1805; 3) „Вѣдьма и злодѣи, или чудное происшествіе“, СПб. 1808; 4) „Чудо изъ чудесъ, стихи г. ген.-фельдмаршалу, свѣтл. кн. А. И. Голенищеву-Кутузову Смоленскому, на пораженіе франц. войскъ“, СПб. 1813. Но наиболѣе важнымъ трудомъ П. слѣдуетъ признать „Грамматику малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое описаніе существеннѣйшихъ отличій, отдаливишихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго россійскаго языка“, СПб. 1818, представляющую первый и долгое время единственный опытъ въ этомъ родѣ. „Грамматика“ состоитъ изъ трехъ частей: грамматическихъ правилъ, статьи „О сочиненіи и стихотворствѣ малороссійскомъ“, съ небольшимъ словаремъ, и „Примѣровъ на малороссійское сочиненіе“. Россійская Академія нашла, что „трудъ сей самъ по себѣ похваленъ, но Р. Академія, имѣющая главнымъ предметомъ своихъ упражненій очищеніе языка отечественнаго, выдать сего сочиненія отъ имени своего не можетъ, потому что оно цѣли ея занятій не соотвѣтствуетъ“. По поводу рецензіи кн. Цертелева на грамматику (въ „Сынѣ Отечества“), П. издалъ „Прибавленіе къ грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія“, СПб. 1822.

„Сочиненія и переводы Росс. Академіи“, СПб. 1818, ч. VI, стр. 75; „Отчетъ о 29 присужд. наградъ гр. Уварова“, СПб. 1888, стр. 48, 62, 116—120, ст. Н. П. Дашкевича; А. Н. Пыпинъ „Исторія русс. этнографіи“, СПб. 1891, т. III, стр. 310—312. *Арк. Л—нко.*

Павловскій, *Андрей Алексѣевичъ*, протоіерей и проповѣдникъ. Род. въ 1810, ум. 14 января 1875. Сынъ сельскаго священника Шенкурскаго у. Архангельской губ., онъ, по окончаніи курса въ Архангельской дух. семинаріи въ 1829, посланъ былъ, какъ отличный студентъ, въ С.-Петербургскую дух. Академію, откуда и вышелъ 6 окт. 1833 со степенью магистра. Поступивъ тогда же инспекторомъ и учителемъ въ СПб. Петропавловское дух. училище, П. 17-ть лѣтъ исполнялъ обязанности по надзору за воспитанниками и 20-ть лѣтъ занимался обученіемъ, при чемъ, по отзыву училищнаго начальства, „доводилъ учениковъ своихъ по преподаваемымъ предметамъ до такой степени, что безуспѣшныхъ между ними не было“. По принятіи сана священника при церкви Госуд. Контроля съ іюля 1835 и при Петропавловскомъ каѳедр. соборѣ съ іюня 1836, онъ преподавалъ еще Законъ Божій: 17 лѣтъ въ высшемъ Коммерч. училищѣ, 2 года въ Училищѣ торговаго мореплаванія и болѣе 20 лѣтъ — въ частныхъ домахъ, исполняя въ то же время обязанность увѣщателя при Военно-судной Коммиссіи. Въ 1845 онъ назначенъ былъ членомъ Попечительства о бѣдныхъ дух. званія, гдѣ прослужилъ потомъ 25 лѣтъ, а въ 1853, произведенный за два года передъ тѣмъ въ протоіереи, — опредѣленъ настоятелемъ Больше-Коломенской Покровской церкви, благочиннымъ надъ причтами 18-ти церквей въ той же окраинѣ столицы, цензоромъ проповѣдей въ той мѣстности, наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ гражд. училищахъ и старшимъ членомъ Коммиссіи по постройкѣ Мало-Коломенской Воскресенской церкви. Наконецъ, въ августѣ 1855 онъ переведенъ былъ въ Знаменскую Входоіерусалимскую церковь, съ назначеніемъ экзаменаторомъ лицъ, готовящихся къ посвященію въ санъ діакона и священника, а въ 1856 избранъ въ члены Дух. Консисторіи. Памятникомъ его благочестія служитъ, между прочимъ, обновленный и благоукрашенный при немъ храмъ, гдѣ онъ служилъ послѣднее время, вновь устроенный на хорахъ этой церкви придѣлъ и учрежденное при ней, по его почину, Общество вспомоществованія бѣднымъ Знаменскаго прихода (съ сент. 1865). Слово и проповѣдь его состояли, по апостольскому выраженію, „не въ препретельныхъ словесахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи силы и духа“ — духа любви, кротости, долготерпѣнія и миролюбія.

Некрологи 1875 г.: отд. оттискъ изъ 18 № газ. „Современность“ (гдѣ помѣщ. надгроб. рѣчи протоіер. В. Гиляровскаго и свящ. А. Двукраева); „Церк. Вѣст.“, № 3, и „Церковно-Обществ. Вѣст.“, № 17; „Новости“, № 33.

Павловскій, *Андрей Ѳедоровичъ*, заслуженный профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета. Род. 30 ноября 1789 года въ г. Валкахъ, Харьковской губ., въ семьѣ небогатаго помѣщика Ѳ. К. Павловскаго; ум. 5 февраля 1875 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Валковскомъ народномъ училищѣ, а потомъ, по примѣру другихъ дворянскихъ дѣтей того времени, былъ помѣщенъ на полное содержаніе въ Харьковскій коллегіумъ, гдѣ ему дана была хорошая научная подготовка. На 17 году онъ вышелъ изъ предпослѣдняго философскаго класса коллегіума и поступилъ въ только что открывшійся тогда Харьковскій университетъ, въ число казеннокоштныхъ студентовъ физико-математическаго факультета, гдѣ своими выдающимися способностями обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго въ то время математика, профессора и ректора Осиповскаго, съ которымъ потомъ до самой его смерти не прекращалъ дружескихъ сношеній. Пройдя трехлѣтній университетскій курсъ, Павловскій съ 1810 г. началъ преподавать студентамъ алгебру, геометрію, тригонометрію и коническія сѣченія. Одновременно съ этимъ на юнаго преподавателя возложена была Совѣтомъ университета обязанность читать ариѳметику и геометрію гражданскимъ чиновникамъ, которые должны были слушать эти лекціи ради служебнаго производства. Въ первое время существованія Харьковскаго университета преобладающую въ немъ роль играли иностранцы. Павловскій былъ по времени и по дарованіямъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ. Это обстоятельство было замѣчено и оцѣнено по достоинству тогдаш-

нимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. По поводу замедленія производства въ адъюнкты Павловскаго, пять лѣтъ читавшаго математику въ простомъ званіи преподавателя съ незначительнымъ окладомъ, министръ нар. просв. А. К. Разумовскій, утвердивъ его въ 1815 г. адъюнктомъ, далъ слѣдующее предписаніе университету: „Такъ какъ университетъ обязанъ образовать собственныхъ питомцевъ для преемственнаго занятія всѣхъ мѣстъ въ университетѣ и въ особенности должно желать, чтобы профессорскія каѳедры были заняты природными русскими, я предписываю, чтобы состоявшееся въ засѣданіи и записанное въ журналъ Совѣта 30 декабря опредѣленіе,—чтобы каждый профессоръ предлагалъ достойнаго ученаго для занятія вакантныхъ каѳедръ, приводилось въ исполненіе такимъ образомъ, чтобы предлагались только и единственно русскіе, а никакъ не иностранцы". Послѣ того, въ 1819 г., новый адъюнктъ былъ избранъ въ экстра-ординарные профессора по каѳедрѣ чистой математики. На преподаваніе этого предмета посвящалось отъ 8 до 12 лекцій въ недѣлю.

Павловскій писалъ мало. Извѣстно въ печати только два его труда: актовая рѣчь 1821 г. о вѣроятности и логарифмическія таблицы Каллета, изданныя имъ около 1820 г. при матеріальной поддержкѣ со стороны университета. Послѣдній большой трудъ понесенъ былъ совершенно безкорыстно въ интересахъ слушателей. Съ 1826 г. Павловскій былъ ординарнымъ профессоромъ и, по порученію Совѣта, исполнялъ различныя должности. Не говоря о разныхъ испытательныхъ и друг. коммиссіяхъ, гдѣ нерѣдко онъ бралъ на себя большой трудъ, онъ полтора года (1828—1829) былъ секретаремъ Совѣта, семь лѣтъ (1830—1837) библіотекаремъ и въ то же время, въ теченіе двухъ лѣтъ (1833—35), инспекторомъ студентовъ. Въ 1837 г. Павловскій былъ назначенъ ректоромъ университета; но эта должность для него, какъ человѣка прямого и независимаго, была тягостной, поэтому онъ просилъ объ увольненіи и въ 1838 г. получилъ на то Высочайшее соизволеніе. Въ званіи профессора онъ неоднократно участвовалъ въ визитаціяхъ, т.-е. въ командировкахъ для устроенія учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа. Въ царствованіе Александра I университетъ заботился о распространеніи въ краѣ училищъ и посылалъ съ этой цѣлью профессоровъ визитаторами въ разныя мѣста учебнаго округа. Такимъ визитаторомъ командированъ былъ и Павловскій въ 1826 г. въ Донскую область, гдѣ онъ пробылъ 8 мѣсяцевъ. Въ концѣ 1849 г. онъ оставилъ каѳедру, которую съ честью занималъ 40 лѣтъ.

Это былъ профессоръ по призванію, горячо преданный своей наукѣ, университету и студентамъ. Онъ посильно противодѣйствовалъ тогдашнему злу университетской жизни—пансіонерству у профессоровъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Харьковскомъ университетѣ, при физико-математическомъ факультетѣ, на средства сына его, Ѳедора Андреевича Павловскаго, учреждена премія его имени за лучшія сочиненія по математикѣ.

Объ А. Ѳ. Павловскомъ въ печати было мало сообщеній: небольшая замѣтка въ кіев. газ. „Трудъ", повторенная съ дополненіями въ „Харьк. губ. вѣд." 1889 г. отъ 30 ноября, — по матеріаламъ, доставленнымъ сыномъ его, Ѳ. А. Павловскимъ; затѣмъ краткія замѣтки въ ст. Рославскаго-Петровскаго о Харьк. университетѣ—въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1855 г. (№ 7, стр. 17), и въ ст. Н. А. Лавровскаго о В. Н. Каразинѣ—въ томъ же „Журналѣ" 1872 г. (т. CLIX, стр. 201). Матеріалъ, находящійся въ архивѣ Харьк. унив., заключаетъ въ себѣ лишь сообщенія оффиціальнаго характера: такъ, дѣло по архиву № 662, карт. 34, — о выборѣ Павловскаго экстра-ординарнымъ профессоромъ, по предложенію Осиповскаго (причемъ онъ получилъ 5 избир. и 3 неизбир. голоса); дѣло 2987/157—о выборѣ его въ ректоры (19 избир. и 3 неизб. голоса) и о выдачѣ ему пособія въ 5000 руб. для предоставленія ему „возможности и по наружности быть достойнымъ представителемъ ученаго сословія Харьковскаго университета", какъ сказано въ отношеніи попечителя Харьк. учебн. округа къ министру народ. просвѣщ.; дѣло 3686/169 — о выдачѣ ему пособія въ 2000 р. по случаю разоренія отъ пожара; дѣло 4871/177— о дополнительной пенсіи и нѣск. друг. т. п.

Проф. Н. Сумцовъ.

Павловскій, *Аркадій Ильичъ*, географъ, ум. 1 сентября 1889 г. въ Петербургѣ. Воспитанникъ Педагогическаго Института и преподаватель географіи въ Смольномъ Институтѣ (1856 — 1889 гг.), онъ написалъ текстъ къ „Атласу", изданному Ю. Симашко, перевелъ сочиненіе Г. Вамбери „Исторія Бохары или Трансоксаніи" (СПб. 1873 г., 2 т.) и составилъ курсъ географіи, подъ названіемъ „Природа и люди" (СПб. 1859—1868 гг., шесть выпусковъ), руководясь идеями из-

вѣстнаго географа Риттера. Дополненіемъ къ послѣднему труду П. издалъ элементарный курсъ географіи для прохожденія въ школѣ и дома, подъ тѣмъ же заглавіемъ „Природа и люди“ (СПб. 1876 г., 92 стр.).

„Нов. Время“, 1889, № 4857; „Историч. Вѣстникъ“, 1889, кн. 11, стр. 460. *Д. Я.*

Павловскій, *Дмитрій Михайловичъ*, генер.-лейтенантъ (съ 1864). Род. 1817, ум. 5 марта 1875. Изъ Импер. Военно-сиротскаго дома (что̀ впослѣд. Павловскій кад. корпусъ), онъ вышелъ прапорщикомъ 6 артил. бригады въ 1824, былъ съ 1838 инспекторомъ классовъ Дворянскаго полка, а съ 1858—директоромъ Полоцкаго кад. корпуса; въ 1867 зачисленъ по арм. пѣхотѣ и въ запасныя войска.

„Русск. Инвал.“ 1875, № 53, и „Ежегодникъ русс. арміи“ 1876, ч. II, с. 71.

Павловскій, *Егоръ Саввичъ*, капитанъ-лейтенантъ, предсѣдатель Николаевскаго Статистическаго Комитета и редакторъ-издатель „Николаевскаго Вѣстника“. Род. 7 апрѣля 1837 и ум. 16 сентября 1870 въ Николаевѣ, Херсонской губ. Отецъ его—Савва Андр. Павловскій, дворянскаго происхожденія, былъ городскимъ врачемъ и домовладѣльцемъ въ г. Николаевѣ, и, состоя въ 30-хъ годахъ секретаремъ Николаевскаго Статистическаго Комитета, составилъ исторію г. Николаева, опубликованную уже послѣ его смерти его сыномъ въ „Николаевскомъ Вѣстникѣ“ за 1865 г., съ поправками и дополненіями на основаніи документовъ изъ мѣстныхъ архивовъ. Мать Е. С. П. была дочерью извѣстнаго на югѣ проповѣдника, протоіерея Карпа Павловскаго. Первоначальное образованіе онъ получилъ дома подъ руководствомъ отца, а затѣмъ учился въ частномъ пансіонѣ Акимова въ родномъ городѣ; въ 1850 г. поступилъ въ старшее отдѣленіе С.-Петербургскаго Морского Корпуса, гдѣ шелъ отлично и въ 1852 г. былъ произведенъ сперва въ гардемарины, потомъ въ унтеръ-офицеры, а въ 1853 г. совершилъ на корветѣ „Наваринъ“ (подъ командою Истомина) плаваніе въ Англію. Въ 1854 г. Е. С. блистательно окончилъ курсъ и былъ выпущенъ мичманомъ, но снова поступилъ въ офицерскіе классы Морского Корпуса, въ бытность въ которыхъ служилъ во флотѣ, назначенномъ во время восточной войны для защиты г. Кронштадта. Въ 1857 г. онъ окончилъ офицерскіе классы, произведенъ былъ въ лейтенанты и на корветѣ „Рысь“ совершилъ переходъ изъ Петербурга въ Николаевъ, гдѣ и остался на службѣ окончательно, главнымъ образомъ въ виду семейныхъ обстоятельствъ (отецъ его въ это время уже скончался), частью же вслѣдствіе любви къ г. Николаеву. Отклонивъ самыя лестныя служебныя предложенія изъ С.-Петербурга, Е. С. въ1858 г. перевелся въ Черноморскій флотъ. Тутъ ему приходилось постоянно плавать по Черному, Азовскому и Средиземному морямъ, а также исполнять различныя спеціальныя порученія: такъ, онъ былъ дѣлопроизводителемъ коммиссіи по очисткѣ Севастопольскаго рейда отъ потопленныхъ здѣсь во время войны судовъ; въ 1862 г. состоялъ адъютантомъ штаба главнаго командира Николаевскаго порта; въ 1864 г. руководилъ высадкою нашихъ десантныхъ войскъ у мыса „Адлеръ“; съ 1863 по 1867 г. служилъ помощникомъ начальника гидрографической части въ г. Николаевѣ.

Съ послѣднею службой связаны и его важнѣйшія спеціальныя работы: такъ, въ 1865 г. онъ былъ командированъ для осмотра береговъ Чернаго моря и пополненія порученнаго ему 2-го изданія „Лоціи Чернаго моря“, которое и вышло въ свѣтъ по выполненіи имъ этой работы въ 1866—1867 гг., а въ 1868 г. ему поручено было 2-е изданіе „Лоціи Азовскаго моря“, оставшееся не опубликованнымъ за его смертью, случившейся вслѣдъ за окончаніемъ этой работы, и редактированіе дополненій къ Лоціямъ обоихъ морей, изъ коихъ дополненій первое — къ Лоціи Чернаго моря было издано имъ въ 1870 г. За свои труды онъ получилъ въ 1868 г. чинъ капитанъ-лейтенанта, ордена св. Владиміра 4-й ст. и св. Станислава 2-й ст. и нѣкоторые иностранные.

Параллельно служебнымъ занятіямъ шли у Е. С. и литературныя. Съ 1862 г. онъ сдѣлался дѣйствительнымъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Николаевскаго Статистическаго Комитета, а также сотрудникомъ „Морского Сборника“, и въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ (см. №№ 4, 8, 9, 10 и 12 за 1862 г., №№ 2, 5, 6, 10 и 11 за 1863 г. и №№ 4 и 5 за 1864 г.) обращалъ вниманіе спеціалистовъ на значеніе г. Николаева, необходимость устрой-

ства въ немъ коммерческаго порта, желѣзной дороги и пр. Въ то же время онъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему издавать въ Николаевѣ газету „Николаевскій Вѣстникъ“. Добившись наконецъ весною 1864 г. дозволенія подвергать газету цензурѣ не въ Одессѣ, а въ Николаевѣ, Павловскій началъ съ января 1865 г. изданіе первой газеты въ этомъ городѣ. Издавалъ онъ свой „Вѣстникъ“ по 1870 г. при весьма неблагопріятныхъ для него условіяхъ. Обладая небольшими средствами — при значительномъ семействѣ, не пользуясь никакою субсидіей и къ тому же платя ежегодно значительную сумму за печатаніе газеты въ казенной типографіи, онъ долженъ былъ бороться и съ рутиннымъ отношеніемъ Николаевской публики, недовѣрчиво смотрѣвшей на новую газету и сперва слабо снабжавшей ее объявленіями. Не безъ труда и жертвъ вышелъ Павловскій изъ этой борьбы. Сперва онъ былъ чуть ли не единственнымъ сотрудникомъ своего изданія, но затѣмъ привлекъ къ сотрудничеству многихъ образованныхъ Николаевцевъ, особенно моряковъ, взялъ въ аренду казенную типографію, и газета стала не только содержательнѣе, но и лучше по внѣшнему виду, увеличился и форматъ ея. Жители Николаева привыкли имѣть собственную газету, на которую стали смотрѣть и какъ на органъ управленія Черноморскимъ флотомъ, да и на всемъ Югѣ „Николаевскій Вѣстникъ“ представлялъ уже замѣтное въ печати явленіе. Невозможно, разумѣется, перечислить всѣ статьи, которыя были напечатаны Павловскимъ и въ которыхъ отражались всѣ стороны Николаевской жизни, но нельзя не отмѣтить хотя того, что онъ помѣстилъ въ своей газетѣ (за 1865 г.) исторію г. Николаева, написанную его отцемъ. Самимъ же имъ составлены были: „Альманахъ или путеводитель по г. Николаеву“ и небольшая книжка для дѣтскаго чтенія—„Михаилъ Леонтьевичъ Фалѣевъ или начало г. Николаева“. Въ тоже время (съ 1865 по 1870 г.) Павловскій былъ предсѣдателемъ Николаевскаго Статистическаго Комитета и, будучи человѣкомъ очень живого и общительнаго характера, постоянно принималъ участіе въ разныхъ общественныхъ дѣлахъ г. Николаева: такъ онъ одинъ изъ первыхъ участвовалъ въ устройствѣ мѣстнаго Общества сбереженія, былъ директоромъ Николаевскаго Благороднаго Собранія и пр.

1870 годъ оказался для Е. С. особенно благопріятнымъ. Лѣтомъ онъ окончилъ занятія по Лоціи Азовскаго моря и готовился къ ея изданію; тогда же, газета его получила наконецъ ежегодную субсидію въ 2,000 р., но именно въ томъ же году Павловскому суждено было погибнуть, и притомъ такъ ужасно: поѣхавъ въ Одессу, онъ вечеромъ 16 сентября отправился послѣ театра ночевать на пароходъ Аргонафтъ, чтобы утромъ идти въ Николаевъ. Проходя черезъ пароходъ Язонъ, онъ упалъ въ незакрытый и неосвѣщенный люкъ и очутился въ трюмѣ, откуда его вынули уже мертвымъ съ разбитой головою. Тѣло его перевезено было въ Николаевъ и похороны его тамъ были весьма торжественны, вслѣдствіе той популярности, какою онъ пользовался въ родномъ городѣ, для процвѣтанія котораго онъ работалъ въ теченіе всей своей недолгой жизни.

На основаніи подробной біографіи Е. С. Павловскаго, написанной его дочерью Натальей Егоровной, и свѣдѣній, сообщенныхъ о. Мих. Павловскимъ. Краткіе некрологи были помѣщ. въ: „Никол. Вѣст.“, 1870, № 73; „Дѣятельности“, №: 184; „Витебскихъ губ. вѣдом,“, № 42, и пр.

Проф. А. Маркевичъ.

Павловскій, *Иванъ Даниловичъ*, писатель. Род. 30 марта 1852, ум. 26 апрѣля 1881, отъ чахотки, въ Полтавской губ. Онъ воспитывался въ мѣстной духовной семинаріи, но вслѣдствіе тяжкой болѣзни не окончилъ курса; по выздоровленіи же занималъ мѣста: псаломщика въ одной церкви и учителя въ сельской школѣ на родинѣ, а затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ почти до самой смерти, состоя сотрудникомъ „Оренбургскаго Листка“, „Сибири“, „Полтавскихъ и Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“, „Церковнаго Вѣстника“, „Церковно-Обществ. Вѣстника“ (подъ псевдонимомъ Юсковскаго), „Современности“, „Русской Старины“ (1874, т. X—XI; 1876, т. XVI—XVII; 1879, т. XXVI; 1880, т. XXVIII; 1883, т. XXXIX—XL), „Русскаго Архива“ (1878, кн. 5), „Древней и Новой Россіи“ (1879, кн. 10), „Историч. Библіотеки“ (1879, кн. 5), „Историч. Вѣстника“ (1881, кн. 3, 7 и 12). Особенными симпатіями его пользовались русская исторія и археологія. Нѣкоторое время онъ работалъ въ библіотекѣ одного богатаго помѣщика,

почему-то выписывавшаго всѣ губернскія и епархіальныя вѣдомости. Помимо того, онъ, часто посѣщая церковные архивы и библіотеки, извлекалъ изъ нихъ все, что̀ признавалъ интереснымъ и полезнымъ для уясненія старины. Хотя онъ и получалъ субсидіи изъ Литературнаго фонда, но умеръ при стѣсненныхъ обстоятельствахъ, употребляя все на леченіе рано развившейся чахотки. Статьи его, какъ чисто историческія, такъ и посвященныя сердечному изображенію прошлаго быта духовенства, указаны въ „Обзорѣ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей", Д. Д. Языкова, СПб. 1884—87, вып. I, стр. 35; вып. II, стр. 5; вып. III, стр. 5.

Некрологи 1881 г.: въ „Росс. Библіогр.", № 16, хроника, стр. 348; въ „Церк.-Обществ. Вѣстникѣ", № 70, и оттуда же въ „Историч. Вѣстникѣ", кн. 8, стр. 943—4. *Д. Я.*

Павловскій, *Иванъ Яковлевичъ*, лекторъ русс. языка въ Дерптскомъ унив-тѣ. Род. въ Ригѣ 23 сентября 1800 г., ум. тамъ же 13 іюля 1869 г. Онъ воспитывался въ мѣстной классической гимназіи, но вышелъ изъ нея, не окончивъ полнаго курса, и 20 сентября 1817 г. поступилъ на службу, въ качествѣ канцелярскаго служителя, при почтовой конторѣ въ уѣздномъ городѣ Валкѣ, Лифлянд. губ. Служба эта, повидимому, не соотвѣтствовала его наклонностямъ и способностямъ: 4 февраля 1821 г. онъ оставляетъ занимаемое имъ скромное мѣсто и черезъ 13 дней опредѣляется преподавателемъ русскаго языка и чистописанія при уѣздномъ училищѣ въ томъ же городѣ. Затѣмъ, 16 сентября 1831 г. переводится въ Ригу въ качествѣ преподавателя наукъ (wissenschaftlicher Lehrer) при русскомъ уѣздномъ училищѣ, а 24 августа 1837 г. назначается лекторомъ русскаго языка и переводчикомъ при Имп. Дерптскомъ, нынѣ Юрьевскомъ, университетѣ. Должность эту онъ занималъ болѣе двадцати лѣтъ и 3 сентября 1858 г., согласно прошенію, вышелъ по болѣзни въ отставку. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Ригѣ. Кромѣ преподавательской дѣятельности, И. Я. имѣлъ еще большія заслуги какъ составитель учебниковъ и лексиконовъ русскаго языка. Имъ были изданы: 1) „Russische Sprachlehre für Deutsche", Дерптъ, 1838 (2-е изд.: Митава, 1843); 3-е—1853; 4-е—1860); 2) „Theoretisch-practischer Cursus der russischen Sprache", Dorpat, 1838 (2-е изд.: Митава, 1843); 3) „Начертаніе географіи Россійской Имперіи для руководства при первоначальномъ преподаваніи въ уѣздныхъ училищахъ Дерптскаго учебнаго округа", Дерптъ, 1841; 4) „Русская хрестоматія", Митава, 1842; 5) „Пространная географія Россійской Имперіи", 2 тома, Дерптъ, 1843 (удостоенная отъ Академіи Наукъ почетнаго отзыва, на Демидовскомъ конкурсѣ 1843 г.; 2-е изд.: СПб., 1846); 6) „Руководство къ географіи Россійской Имперіи", 2 части, Дерптъ, 1844 (2-е, исправл. и дополн., изданіе Деп-та Народн. Просвѣщ.—1846; 3-е изд. — 1848; 4-е — 1852; 5-е — СПб., 1858); 7) „Kurzgefasste slavonische Grammatik für Deutsche", St. Petersburg, 1857. Самые же главные изъ его литературныхъ трудовъ, это его лексиконы: „Vollständiges deutsch-russisches Wörterbuch", 2 тома, Рига, 1856, и „Vollständiges russisch deutsches Wörterbuch", 2 тома, Рига, 1859. Лексиконы эти, безъ всякаго сомнѣнія, и по нынѣшній день — самыя лучшія книги этого рода. Нѣмецко-русскій лексиконъ, заслужившій на соисканіи Демидовскихъ наградъ въ Акад. Наукъ въ 1855 г. почетный отзывъ, вышелъ третьимъ изданіемъ въ 1886 г., а русско-нѣмецкій—вторымъ изданіемъ въ 1879 г. За поднесенный Государю Императору экземпляръ книги „Russische Sprachlehre" П-му пожалованъ былъ 18 ноября 1838 г. брилліантовый перстень, а за „Географію" объявлено было Монаршеское благоволеніе 5 го мая 1843 г.—И. Я. состоялъ, между прочимъ, членомъ-сотрудникомъ Имп. Русскаго Географическаго Общества въ СПб.

Архивныя дѣла Дерпт. (Юрьев.) унив-та.

В. Кордтъ.

Павловскій, *Карпъ Стефановичъ*, протоіерей-проповѣдникъ. Род. 26 мая 1771 г. въ Полтавской губ., въ селѣ Тохтауловѣ; ум. 15 февраля 1832. Сынъ священника, онъ долго жилъ сперва при отцѣ, помогая ему въ хозяйствѣ и обучаясь русской грамотѣ; 5 октября 1785 г. поступилъ въ Словенскую (въ г. Полтавѣ) семинарію, гдѣ отлично учился и которую окончилъ въ половинѣ 1794 г. Въ томъ же году, 17 сентября, онъ женился на дочери Новомиргородскаго протоіерея Григорія Саражиновича, Любови, и 12 октября былъ поставленъ священникомъ въ купеческую церковь Рождества Пресвят.

Богородицы въ г. Николаевѣ. Церковь эта тогда еще не существовала и ея устройство было именно дѣломъ о. Карпа Павловскаго, что̀ онъ и окончилъ въ 1800 г.; затѣмъ его же трудами основана была при церкви и богадѣльня; сверхъ того, онъ безвозмездно преподавалъ Законъ Божій въ штурманскомъ училищѣ. 4 октября 1797 г. Павловскій былъ возведенъ въ санъ протоіерея, а потомъ получилъ и другія, обычныя для духовенства, награды.

Послѣ 11-лѣтняго пребыванія въ Николаевѣ, о. Карпъ назначенъ былъ 27 октября 1805 г. настоятелемъ въ крѣпостной соборъ въ г. Херсонѣ и тамъ тоже безвозмездно преподавалъ Законъ Божій въ военномъ училищѣ; затѣмъ 7 іюля 1809 г. переведенъ былъ въ Елисаветградъ настоятелемъ же собора и въ этомъ званіи оставался до конца жизни. Въ 1820 г. его стараніями открыты были въ Елисаветградѣ уѣздное и приходское училища, при чемъ онъ былъ смотрителемъ уѣзднаго училища и преподавалъ въ немъ Законъ Божій и латинскій языкъ. По сохранившимся о немъ воспоминаніямъ, о. Карпъ Павловскій былъ человѣкъ очень добрый, прекрасно образованный и даже ученый, отличный преподаватель и энергичный дѣятель, какъ это онъ доказалъ своимъ поведеніемъ въ Елисаветградѣ во время чумы 1812—1813 г. Но болѣе всего онъ былъ извѣстенъ въ свое время, какъ проповѣдникъ; къ сожалѣнію, лучшія его слова, именно сказанныя во время чумы, повидимому утратились. Нынѣ же извѣстно всего 10 его проповѣдей, напечатанныхъ въ „Херсонскихъ Епарх. Вѣдом.“ 1861 г. (№ 12). Тамъ помѣщена его собственная автобіографическая записка, куда включены и двѣ произнесенныя имъ проповѣди, но въ запискѣ этой упомянуто еще нѣсколько сказанныхъ о. Павловскимъ рѣчей, а въ приложеніи къ ней напечатано всего 8 словъ 1813—1829 гг., произнесенныхъ въ Елизаветградѣ. Трудъ напечатанія записки и проповѣдей принялъ на себя протоіерей Арсеній Лебединцевъ, снабдившій записку примѣчаніями и сообщившій характеристику о. Карпа Павловскаго.

На основаніи автобіограф. записки, съ примѣч. о. А. Лебединцева. *Проф. А. Маркевичъ.*

Павловскій, *Людовикъ*, археологъ. Род. 27 августа 1816 г. въ Мощаницѣ, близь Дубна; ум. въ родномъ имѣніи 27 апрѣля 1853 г., отъ тифа. Онъ посѣщалъ Луцкую гимназію и Кременецкій лицей; съ 1838 г., поступивъ на государственную службу, проживалъ нѣкоторое время въ Житомирѣ и въ Орлѣ, но въ 1847 г. оставилъ ее и поселился у себя въ имѣніи. Вѣроятно, подъ вліяніемъ Ѳаддея Чацкаго, попечителя Кременецкаго лицея, П. полюбилъ нумизматику и археологію: сталъ собирать монеты—польскія, русскія и древне-классическія, памятники искусства и до-исторической старины, въ особенности же найденные въ Волынской губ. Богатою коллекціею его пользовались Крашевскій („Sztuka u słowian“) и Оссовскій („O niektórych zabytkach wieku kamiennego na Wołyniu“); самъ П. смотрѣлъ на нее, какъ на научный матеріалъ и имѣлъ намѣреніе написать сочиненіе о Волынскихъ древностяхъ, такъ какъ собиралъ для этого и письменные матеріалы: описанія могилъ, городищъ, планы мѣстностей и замковъ, самъ составлялъ описанія разныхъ предметовъ своей коллекціи и т. п. Эти записки, вмѣстѣ съ коллекціею, перешли къ Сигизмунду Глѣгеру, владѣльцу Ежева, Сѣдлецкой губ.

„Tygodnik Illustrowany“, 1880. *Ѳ. Ф. В.*

Павловскій, *Станиславъ Ивановичъ*, д. ст. сов. съ 1820, былъ Подольскимъ гражд. губернаторомъ въ 1816 г.

„Адресъ-Календаря“ 1818—22 гг.

Павловъ, *Александръ*, переводчикъ. Воспитанникъ дворянской гимназіи при Московскомъ унив—тѣ, а затѣмъ студентъ того же унив—та, числившійся въ военной службѣ во время своего ученья; какъ лучшій ученикъ, въ іюнѣ 1757 г., былъ представленъ куратору унив—та Шувалову и имп. Елисаветѣ Петровнѣ. Имъ переведены съ латинскаго: „Баумейстерова Логика“ (М. 1760 г.) и „Метафизика“ (М. 1764 г.), и съ французскаго: „Доказательство о бытіи Бога, соч. Фелелона“ (М. 1773). Его не надо смѣшивать съ другимъ Павловымъ—Алексѣемъ, авторомъ: „Сказки или басни о бѣлой кошкѣ“ (СПб. 1779) и ком. въ 3 д. „Три сундука или хитрость женщины“ (СПб. 1784).

С. Шевыревъ „Исторія Московскаго унив—та“, М. 1855 г., стр. 48, 49 и 92; „Біографіи питом-

цевъ Моск. унив.", с. 9; Смирд. 654 (у Сопик. 3220—съ 1778 г.); ср. Плавильщ. 4849 и 5940.
Д. Я.

Павловъ, *Андрей Михайловичъ*, писатель и переводчикъ. Біографическихъ данныхъ о немъ не находится. Извѣстно только, что онъ былъ д. студентомъ Московскаго унив. (до 1824) и много путешествовалъ по Россіи (до 1835), а затѣмъ жилъ въ Москвѣ (1835) и въ Петербургѣ (1838—1845). Ему принадлежатъ: 1) „Краткое обозрѣніе Кавказской губерніи уѣзднаго города Кизляра, со времени первоначальнаго образованія имп. Екатериною II, съ изъясненіемъ причинъ, увеличившихъ народную промышленность отъ распространившагося садоводства и упадка винодѣльной части, составляющей существенное богатство тамошнихъ жителей", М. 1822; а также, вѣроятно: 2) „Отставка", др. въ 1 дѣйств., съ франц., М. 1823, и 3) „Ложный мизантропъ или нашла коса на камень", ком. въ 1 дѣйств., М. 1824; затѣмъ: 4) „Валерія или слѣпая", ком. въ 3 дѣйств., изъ соч. Скриба, съ франц., М. 1835; 5) „Извлеченіе изъ путев. записокъ" (о средствахъ къ полученію урожаевъ хлѣба, болѣе постоянныхъ въ черноземной полосѣ Россіи), СПб. 1838; 6) „О ногайцахъ, кочующихъ по Кизлярской степи", и 7) „О индійцахъ, водворившихся въ Астрахани", СПб. 1842; 8) „Описаніе Свято-Троицкой Александро-Невской лавры", тамъ же; 9) „Азбука для малол. дѣтей", Дерптъ 1842 (его ли?); 10) „Разговоръ съ пустынникомъ въ хижинѣ и о Персіанахъ, водворившихся въ Астрахани", СПб. 1845.

Матер. пок. Геннади; „Систематич. реэстръ" М. Олькина, №№ 5664, 3171, 2227—8, 762, 3794, 6193; „Настольн. словарь" Толля, III, 3.—*Н. С.*

Павловъ, *Виссаріонъ Михайловичъ*, скульпторъ и архитекторъ. Род. 6 іюня 1762. Принятый въ Акад. Худож. въ 1767, онъ заслужилъ въ теченіе курса малую и большую серебр. медали и, по исполненіи барельефа „Женитьба Исаака на Ревеккѣ", выпущенъ былъ въ 1782; но, не имѣя занятій по своей спеціальности, перешелъ на архитектуру и съ 1788 сдѣлался Могилевскимъ губ. архитекторомъ.

„Сборникъ матер. для исторіи Акад. Худож." П. Н. Петрова, т. I, и „Указатель къ нему" А. Е. Юндолова. *Н. С.*

Павловъ, *Егоръ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины. Род. въ 1823, ум. въ 1866. Изъ мѣщанъ, онъ поступилъ въ 1841 въ СПб. Медико-Хирург. Акад., оттуда вышелъ въ 1846 лекаремъ въ Елецкій пѣх. полкъ; затѣмъ въ 1851 ему дана степень доктора медицины Медиц. Совѣтомъ Царства Польскаго, съ назначеніемъ въ уланскій принца Прусскаго полкъ; въ 1852 онъ опредѣленъ младшимъ ординаторомъ Варшавскаго военнаго госпиталя, въ 1854—правителемъ канцеляріи генер.-штабъ-доктора дѣйствующей арміи, въ 1862—помощникомъ главнаго доктора Варшавскаго же Александровскаго госпиталя и, наконецъ, въ 1864 — главнымъ докторомъ Виленскаго военнаго врем. госпиталя. Имъ помѣщено было, между прочимъ, въ „Вѣстникѣ Общества попеченія о раненыхъ" —изслѣдованіе: „По поводу гигроскопической ваты, какъ суррогата корпіи".

Л. Змѣевъ „Русс. врачи-писатели" до 1863, II, 45.

Павловъ, *Иванъ Григорьевичъ*, докторъ медицины. Род. 1802, ум. 10 апрѣля 1854 въ Томскѣ. Изъ вольнослушателей Москов. Медико-Хирург. Акад., онъ былъ лекаремъ II отд. съ 1826, а съ 29 іюня 1829, по возвращеніи изъ-за границы, — докторомъ медицины, съ опредѣленіемъ въ Бакинскую провинцію съ 1830. Получивъ въ томъ же году званіе акушера отъ СПб. Мед.-Хир. Акад., онъ былъ уволенъ въ 1833; съ 1834 состоялъ адъюнктъ-профессоромъ въ Моск. Акад., съ 1836—Орловскимъ уѣзд. врачемъ (до 1837), съ 1838—акушеромъ Томской врачеб. управы, съ 1839—инспекторомъ тамъ же и одно время (въ 1841) — инспекторомъ студентовъ Моск. Акад. Изъ его сочиненій извѣстны: докт. диссерт. — „De tussi convulsia", М. 1829, и двѣ статьи въ I ч. „Вѣстника естеств. наукъ и медицины", издав. въ Москвѣ професс. А. Іовскимъ: „О свирѣпствованіи холеры въ Баку" (с. 277, 286, 288) и „Заразительна или незаразительна холера" (с. 289).

Л. Змѣевъ, „Русс. врачи-писатели" до 1863, I, 45—46.

Павловъ, *Иванъ*, воевода Корочскій 1679 г.; участвовалъ въ боѣ съ Крымскими татарами на Косыхъ Буяракахъ.

„Доп. къ Актамъ Истор." IX, 346, 275.

Павловъ, *Ипполитъ Николаевичъ*, писатель, ум. 23 августа 1882 въ Москвѣ, отъ болѣзни сердца. Сынъ извѣстныхъ

писателей Николая Филипповича и Каролины Карловны Павловыхъ, онъ, по окончаніи курса въ Московск. унив-тѣ кандидатомъ историко-филологич. факультета (1859), былъ преподавателемъ русск. языка и словесности въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сотрудникомъ „Моск. Вѣдом.“, „Руси“, „Русс. Вѣст.“ (1860—61, 1867, 1870, 1873—74, 1876—79) и „Русс. Архива“ (1873), причемъ въ послѣднихъ двухъ печаталъ повѣсти и замѣтки подъ псевдонимомъ „Н. Бицына“, подъ каковымъ появились послѣ его смерти и его „Воспоминанія о К. С. Аксаковѣ“ („Русс. Арх.“ 1875), и, наконецъ, редакторомъ-издателемъ еженед. журнала „Кругозоръ“ (1880). Имъ изданы были отдѣльно: „Русс. хрестоматія для переводовъ на франц. и нѣм. языки въ высшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній“, М. 1873 (вмѣстѣ съ В. Я. Стоюнинымъ), и „Фаустъ, траг. Гёте, ч. 1, перев. съ нѣм.“, М. 1875 (изъ „Русс. Вѣст.“ 1867—74 гг.). Незадолго до смерти онъ читалъ моск. публикѣ лекціи о современной русс. литературѣ.

Некрологи 1882: „Моск. Вѣдом.“, № 234, и „Русь“, № 35; Д. Языковъ „Обзоръ жизни и трудовъ пок русс. писателей“, СПб. 1885, II, 38.

Павловъ, *Кесарь Африкановичъ*, генер.-лейтенантъ. Род. въ 1810, ум. 20 іюля 1881. Въ службу вступилъ фейерверкеромъ Артиллер. училища въ 1825; произведенъ въ прапорщики Конно-артилер. № 15 роты въ 1831; участвовалъ въ Польскомъ походѣ того года; былъ въ чинѣ капитана командиромъ Технической артиллер. школы съ 1844; затѣмъ, въ чинѣ подполковника,—8-го отдѣленія осаднаго Артиллер. № 2 парка съ 1849 и Херсонскаго артиллер. гарнизона съ 1852, а въ чинѣ полковника (1855)—Симбирскимъ губерн. воинскимъ начальникомъ съ 1868, когда произведенъ въ генералъ-маіоры; получилъ чинъ генер.-лейтенанта въ 1879, съ зачисленіемъ по полевой пѣш. артиллеріи и въ запасныя войска.

„Военный Календарь“ на 1883, с. 157.

Павловъ, *Михаилъ*, скульпторъ. Изъ церковнослужительскихъ дѣтей, онъ принятъ былъ въ ученики при Акад. Наукъ въ 1747 и обучался у рѣзнаго дѣла мастера Дункера (въ 1754); затѣмъ въ 1757 былъ подмастерьемъ, а въ 1766—мастеромъ.

Д. Ровинскій „Русс. граверы“, М. 1870, с. 85, 93, 94; „Отеч. Зап.“ 1855, № 10, науки и худож., с. 62, 75. *Н. С.*

Павловъ, *Михаилъ Васильевичъ*, лейтенантъ. Участвовалъ, вмѣстѣ съ лейтен. Муравьевымъ, въ экспедиціи, снаряженной для изслѣдованія пути изъ Архангельска по Ледовитому морю къ устьямъ Оби въ 1734—35 гг., не давшей, однако, никакихъ результатовъ.

„Зап. Адмиралт. Деп.“ 1820, IV, 362 и слѣд.

Павловъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, докторъ медицины и орд. профессоръ физики, минералогіи и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ. Род. въ 1793, ум. 3 апрѣля 1840 въ Москвѣ. Происходя изъ духовнаго званія Воронежской епархіи, среднее образованіе получилъ въ мѣстной семинаріи, гдѣ прошелъ также курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ въ объемѣ семинарскаго преподаванія. По выходѣ оттуда поступилъ 30 августа 1813 г. въ студенты Харьковскаго университета, гдѣ пробылъ, впрочемъ, только одинъ годъ, а затѣмъ перешелъ въ Московское отдѣленіе Медико Хирургической Академіи. Не находя медицинскій курсъ наукъ достаточно полнымъ, особенно въ его основной общей части, посвященной изученію необходимыхъ для медицины естественныхъ наукъ, П. оставался въ Академіи только до того времени, когда, по плану преподаванія, оканчивалось изученіе послѣднихъ и предстоялъ переходъ къ исключительнымъ занятіямъ по медицинскимъ наукамъ. Для пополненія сознаваемыхъ имъ тогда пробѣловъ въ оффиціальномъ преподаваніи—собственнымъ трудомъ, а также для продолженія занятій естественными науками, къ которымъ онъ чувствовалъ все возрастающую склонность, въ его распоряженіи оставалось одно средство—переходъ въ Московскій университетъ, гдѣ, одновременно съ прохожденіемъ курса медицинскихъ наукъ, на Медицинскомъ отдѣленіи можно было проходить курсъ Математическаго отдѣленія съ входящими тогда въ его составъ естественными науками. Воспользовавшись этимъ средствомъ и потому вторично перемѣня (въ 1815 г.) высшее учебное заведеніе, П. въ слѣдующемъ 1816 г. окончилъ курсъ по обоимъ отдѣленіямъ, получивъ притомъ за представленныя имъ сочиненія медали: золотую отъ Математическаго отдѣленія и серебряную—отъ Медицинскаго. Оставленный при университетѣ, онъ былъ прикомандированъ къ

Кабинету натуральной исторіи. Въ 1818 г. онъ заслужилъ степень доктора медицины за представленную имъ для пріобрѣтенія этого званія диссертацію — „Diss. inaug. physiologico-obstetrica de nutritione foetus hominis“ (Mosq. 1818, in-8°). Послѣ того онъ былъ посланъ на два года за-границу для спеціальнаго изученія естественной исторіи и сельскаго домоводства. Этой командировкой П. былъ обязанъ главнымъ образомъ основателю Московскаго Общества сельскаго хозяйства, московскову ген.-губернатору кн. Д. В. Голицыну, оставшемуся его покровителемъ и впослѣдствіи. За-границей онъ изучалъ сельское хозяйство у знаменитаго въ то время Теэра, преданнымъ почитателемъ котораго онъ остался затѣмъ на всю жизнь. Кромѣ своихъ спеціальныхъ предметовъ, П. занимался, какъ показываютъ его лекціи, натуръ-философскою системою Шеллинга, которая нашла въ немъ усерднаго послѣдователя, старавшагося распространять ея ученія всѣми находившимися въ его распоряженіи способами. Въ 1820 г. онъ возвратился въ Москву и вскорѣ (26 декабря того же года) былъ избранъ университетомъ на должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ минералогіи и сельскаго домоводства. По утвержденіи въ этой должности начальствомъ, онъ открылъ въ 1821 г. преподаваніе порученныхъ ему наукъ вступительною рѣчью: „О главныхъ системахъ сельскаго хозяйства съ приноравленіемъ къ Россіи“ (напеч. въ 1821 г.).

Помимо наукъ своей каѳедры, П. читалъ въ разное время въ университетѣ: физику (въ 1827 — 28, 1828 — 29, 1833—34, 1834—35, 1835—36 академическихъ годахъ), технологію и лѣсоводство. Но главнымъ любимымъ предметомъ его дѣятельности все-таки оставалось всегда сельское хозяйство. Не ограничиваясь чтеніемъ лекцій по этому предмету студентамъ, онъ со свойственною ему настойчивостью стремился распространить сельско-хозяйственную науку — въ почти или совершенно равнодушномъ къ ней обществѣ. Средствами распространенія служили для него публичное слово и печать. Онъ читалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Москов. университетѣ публичные курсы сельскаго хозяйства, охотно посѣщавшіеся любителями изъ публики и даже нѣкоторыми лицами высшаго круга. На университетскомъ актѣ 1823 г. онъ произнесъ рѣчь „О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи преимущественно предъ другими вѣтвями народной промышленности и о мѣрахъ, существенно къ тому относящихся“. Кромѣ этой рѣчи, напечатанной по обыкновенію при отчетѣ Университета, появились въ печати, именно въ „Моск. Вѣдом.“, еще и нѣкоторыя изъ публичныхъ лекцій П. Не считая достаточнымъ для осуществленія намѣченныхъ цѣлей такое случайное появленіе своихъ сельско-хозяйственныхъ статей въ печати, онъ два раза дѣлалъ продолжавшіяся по нѣсколько лѣтъ попытки изданія сельско-хозяйственнаго журнала. Одинъ изъ этихъ журналовъ, подъ названіемъ „Русскій Земледѣлецъ“, выходилъ самостоятельно; другой, озаглавленный „Записки для сельскихъ хозяевъ, заводчиковъ и фабрикантовъ“, появлялся въ видѣ приложенія къ издававшемуся П. литературному журналу „Атеней“ (послѣдній выходилъ въ 1828—30 гг., 24-мя книжками въ годъ). Оба изданія содержали въ себѣ много статей, принадлежавшихъ перу издателя. Популяризируя указанными путями сельско-хозяйственную науку въ обществѣ, П. не забывалъ и нужды ея спеціальнаго изученія. Ему онъ посвятилъ два своихъ труда: неоконченный „Курсъ сельскаго хозяйства“, вышедшій въ свѣтъ въ 2 томахъ, и напечатанную въ 1825 г. въ такомъ же числѣ томовъ „Земледѣльческую Химію, съ предварительнымъ изложеніемъ къ ней и ко всей наукѣ сельскаго хозяйства приготовительныхъ свѣденій изъ естественныхъ наукъ, съ показаніемъ разныхъ способовъ землеудобренія и съ начертаніемъ правилъ паханія“.

Покровительство кн. Д. В. Голицына, какъ основателя и вліятельнаго члена Московскаго Общества сельскаго хозяйства, открыло для П. возможность перенести свою пропаганду сельско-хозяйственной науки съ теоретической почвы въ область практическихъ приложеній научныхъ теорій. Средства для этого онъ получилъ, принявъ порученную ему Обществомъ по предложенію князя должность директора состоявшихъ при Обществѣ—Земле-

дѣльческой школы и Учебнаго опытнаго хутора. Въ этомъ послѣднемъ учрежденіи П. обращалъ особенное вниманіе на лучшую обработку земли усовершенствованными орудіями: расширилъ травосѣяніе и разведеніе корнеплодныхъ растеній; ввелъ различные сѣвообороты; установилъ строгую отчетность въ хозяйствѣ. Но, что̀ всего важнѣе,—открытіемъ свободнаго доступа на хуторъ, какъ своимъ слушателямъ, такъ и вообще всѣмъ желавшимъ познакомиться съ веденіемъ на немъ сельско-хозяйственнаго дѣла,—онъ способствовалъ распространенію между хозяевами-практиками употребляемыхъ на хуторѣ усовершенствованныхъ пріемовъ и орудій. Убѣдившись при этомъ на дѣлѣ въ важности ознакомленія съ основанной на научныхъ данныхъ практикой сельскаго хозяйства также и низшихъ его дѣятелей, т.-е. рабочихъ и прикащиковъ, П. послѣ оставленія, незадолго до своей смерти, должности директора упомянутыхъ учрежденій, открылъ собственное Земледѣльческое училище, назначенное для обученія крѣпостныхъ крестьянскихъ мальчиковъ современному сельскому хозяйству въ примѣненіи къ русскому быту и мѣстнымъ потребностямъ. Ему же было поручено завѣдываніе и устройство предположеннаго Правительствомъ къ открытію при Московскомъ университетѣ Агрономическаго института. По мысли законодателя, это учрежденіе, разсчитанное на 14 студентовъ 2-го отдѣленія Философскаго факультета, должно было приготовлять преподавателей сельскаго хозяйства для разныхъ учебныхъ заведеній Россіи. Кромѣ того имѣлось въ виду отличнѣйшихъ изъ кончившихъ курсъ отправлять для дальнѣйшаго усовершенствованія въ агрономіи за-границу, чтобы образовать этимъ путемъ ученыхъ агрономовъ, способныхъ взять на себя руководство сельскимъ хозяйствомъ всей страны. Павлову представлялась такимъ образомъ широкая и отвѣтственная дѣятельность. Но приступить къ ней ему не удалось: онъ умеръ скоропостижно въ теченіе одного часа отъ приступа крови къ верхней части груди.

Оцѣнка сельскохозяйственной дѣятельности П. со стороны близко стоявшихъ къ ней современниковъ, выразилась въ слѣдующихъ словахъ его покровителя кн. Д. В. Голицына, сказанныхъ въ засѣданіи Московскаго Общества сельскаго хозяйства при представленіи портрета Павлова для помѣщенія въ залѣ засѣданій: „въ лицѣ основателя теоріи земледѣлія въ Россіи, въ лицѣ покойнаго Павлова, мы понесли для науки великую потерю. Оставляя портретъ его въ залахъ засѣданія, мы отдадимъ торжественную дань признательности памяти покойнаго профессора, такъ много трудившагося для нашего Общества, для науки, для Отечества“. Отъ названнаго учрежденія онъ имѣлъ двѣ медали: серебряную за отличные успѣхи воспитанниковъ Землед. школы (1828) и золотую за заслуги по сельскому хозяйству (1838).

Не такіе, къ сожалѣнію, получаются выводы, если отъ оцѣнки дѣятельности П. по распространенію въ Россіи сельско-хозяйственной науки и ея практическихъ приложеній обратиться къ разсмотрѣнію научнаго значенія его трудовъ. Сколько-нибудь цѣнныхъ, ведущихъ къ дальнѣйшему развитію предмета, пріобрѣтеній не получила отъ него наука сельскаго хозяйства. За отсутствіемъ же оригинальныхъ работъ и изслѣдованій его по минералогіи и физики, біографу остается только бросить взглядъ на организацію и характеръ ихъ преподаванія П. въ университетѣ.

Минералогія, принадлежащая къ одной каѳедрѣ съ сельскимъ хозяйствомъ и проходимая по оффиціальнымъ планамъ въ одномъ съ нимъ объемѣ, приносилась П. въ жертву его спеціальному предмету. Отнимая въ пользу преподаванія послѣдняго значительную часть времени отъ минералогіи, онъ по-неволѣ долженъ былъ ограничиваться однимъ общимъ взглядомъ на науку или бѣглыми очерками. Такое положеніе дѣла имѣло, впрочемъ, и свою выгодную сторону, такъ какъ, удерживая профессора на почвѣ главныхъ фактовъ, оно не давало ему бо̀льшаго простора для искажающаго науку перекраиванія въ искусственныя и произвольныя формы натуръ-философской системы.

Гораздо менѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи физикѣ. Находящееся внѣ всякой связи съ преподаваніемъ сельскаго хозяйства и притомъ располагающее относительно весьма значительнымъ запасомъ времени, преподаваніе этой науки

открывало П. полный просторъ для переработки предмета въ духѣ самаго крайняго увлеченія натуръ-философской системой Шеллинга. Свою, выкроенную по ученію этого философа, систему физики П. изложилъ въ сочиненіи, предназначенномъ какъ для университетскихъ слушателей автора, такъ и для образованной публики вообще, и озаглавленномъ „Основанія физики“ (2 тома in 8°: 1-й вышелъ двумя изданіями въ 1825 и 1836 гг., 2-й—въ одномъ, въ 1836). Принимая въ физикѣ два способа изслѣдованія ея предмета: „опытность“ и „умозрѣніе“, П. даетъ послѣднему слѣдующее опредѣленіе: „симъ именемъ означается тотъ способъ изслѣдованія, по которому въ основаніе принимаютъ *начала, развитыя въ умѣ собственными его средствами, независимо отъ опытности*, и отъ сихъ началъ, по законамъ мышленія, поступаютъ чрезъ рядъ послѣдствій къ заключеніямъ. Для повѣрки заключеній обыкновенно обращаются къ опытности и, если находятъ въ ней подтвержденіе, причисляютъ ихъ къ свѣдѣніямъ, имѣющимъ все достоинство истины“. Такъ какъ такой контроль опыта возможенъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда умозрѣніе приводитъ къ заключеніямъ о природѣ и свойствахъ естественныхъ явленій, то онъ становится совершенно фиктивнымъ въ такихъ вопросахъ философіи науки, какъ опредѣленіе предмета и содержаніе послѣдней. Пользуясь съ одной стороны этимъ выгоднымъ для построенія quasi-научныхъ фантастическихъ системъ положеніемъ, а съ другой — метафизическими теоріями науки или „правилами наукословія“, П. преобразовываетъ физику до неузнаваемости, до полнаго разрыва съ ея прошлымъ и настоящимъ. „Физика“, учитъ онъ, „есть наука о силахъ природы“. Сила же есть „всякая причина явленій, будетъ ли она невещественная, напр. тяжесть, или вещественная, напр. воздухъ, или это будетъ процессъ, напр. планетный“. Какъ вслѣдствіе этого опредѣленія, такъ и для выполненія „правилъ наукословія“ о строгомъ разграниченіи областей наукъ, П. исключаетъ изъ физики: ученіе о движеніи вмѣстѣ со всѣмъ находящимся съ нимъ въ связи, т.-е. съ акустикою и „основными началами“ музыки; часть оптики, „касающуюся до видѣнія предметовъ“, т.-е. главнымъ образомъ ученіе объ оптическихъ приборахъ и зрѣніи; ученіе о газахъ и, наконецъ, „свѣдѣнія метеорологіи“, впрочемъ, съ допущеніемъ исключенія въ пользу „воздушнаго электричества“ и давленія атмосферы. По устраненіи всѣхъ этихъ, будто бы постороннихъ физикѣ, элементовъ, содержаніе ея составляютъ у него: 1) предметъ первой части науки или *Общей физики* — общія или міровыя силы: a) свѣтъ, какъ сила средобѣжная; b) тяжесть, какъ сила средостремительная; c) вещество, какъ сила составная изъ двухъ первыхъ; 2) предметъ второй части или *Физики частной* — силы частныя или планетныя: a) невещественныя—электричество, магнитизмъ, гальванизмъ; b) вещественныя—воздухъ, земля, вода; c) процессъ планетный или „взаимное дѣйствіе стихій земныхъ“; 3) предметъ третьей части или *Физики органической*—силы органическія: a) растительный процессъ, b) животный процессъ, c) міровой процессъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ система физики Павлова. Въ своемъ сочиненіи онъ изложилъ только ея первыя двѣ части. Что же касается третьей, то была ли она написана — намъ неизвѣстно; въ свѣтъ во всякомъ случаѣ она не появилась. Результаты, къ которымъ привело представляемое системой П. обращеніе съ данными науки, имѣющей за собою 2000-лѣтнее существованіе, предвидѣть не трудно. Въ наукѣ—ими были выводы въ родѣ слѣдующихъ: „Вещество есть свѣтъ, сгущенный и потемненный тяжестью при взаимномъ ихъ ограниченіи; самый же свѣтъ есть сила разширительная, а тяжесть—сила сжимательная“. „Свѣтъ есть проявленіе силы разширительной, еще неограниченной; электричество есть тотъ же свѣтъ, не стѣсненный въ предѣлахъ сильнѣйшаго ограниченія; оттуда дѣйствія его такъ порывисты, бурны, а именно—отъ усилія разторгнуть узы, столь противные его натурѣ“. „Электричество и магнитизмъ противуположны, какъ свѣтъ и тяжесть, какъ сила разширительная и сжимательная, какъ окружность и центръ“. „Гальванизмъ—это постоянное горѣніе, непрерывный химизмъ, видоизмѣненіе огня съ явными осязательными признаками своего первообраза“. Въ преподаваніи — безплодность П. для науки въ отноше-

нiи ея прямой задачи, хотя и умѣряемая нѣсколько логичностью системы, цѣльностью и стройностью ея построенiя. По отзыву одного изъ талантливѣйшихъ слушателей П. (Герцена), вполнѣ признававшаго значенiе его лекцiй для подъема философской мысли въ средѣ студенчества и даже ставившаго это въ особенную заслугу,—научиться по нимъ физикѣ (также и сельскому хозяйству) было невозможно. Въ томъ же духѣ высказывается и историкъ Московскаго университета, Шевыревъ. „Увлекателенъ", говоритъ онъ, „былъ Павловъ, по возвращенiи изъза-границы озарившiй новымъ блескомъ область естествовѣдѣнiя. Онъ вносилъ въ нее умозрѣнiя философiи Шеллинговой, можетъ быть не всегда умѣстной въ наукѣ природы, требующей изслѣдованiя самаго опредѣленнаго, точнаго, и не признающей надъ собой никакой иной философiи, кромѣ математики. Но логическiя стремленiя профессора дѣйствовали сильно на умы юношества и приносили пользу въ систематическомъ построенiи наукъ". За Павловымъ, слѣдовательно, должна быть признана весьма замѣтная доля участiя въ томъ оживленiи интереса къ философiи, которое наблюдалось въ молодыхъ кружкахъ образованнаго Московскаго общества 30-хъ и 40-хъ годовъ.

„Основанiя физики", какъ и слѣдовало ожидать, вызвали со стороны людей науки довольно неблагосклонные отзывы. Какъ на таковые можно указать на рецензiю, появившуюся въ 1825 г. въ „Dorpater Jahrbücher", и на рецензiю одного Ярославскаго ученаго, напечатанную въ 1837 г. въ „Моск. Наблюдателѣ". Крайне раздраженный ими, П. отвѣчалъ на первую—антикритикой, помѣщенной въ 1825 г. въ „Телескопѣ", на вторую—статьей „О неумѣстности математики въ физикѣ", напечатанной въ 1837 г. въ „Литературныхъ прибавленiяхъ къ Русск. Инвалиду". Совершенно иначе отнеслись къ „Основанiямъ физики" представители Московской университетской науки. Математики вполнѣ воздержались отъ выраженiя своего мнѣнiя; натуралисты осыпали книгу похвалами. Профессоръ Двигубскiй, соединивъ въ одной критической замѣткѣ, напечатанной въ „Ученыхъ Запискахъ Московск. унив—та" (1833, августъ, № II, стр. 317—319), такiя двѣ несходныя книги, какъ „Руководство къ опытной физикѣ" Д. Перевощикова и I-й томъ „Основанiй физики" Павлова, даетъ о нихъ слѣдующiй отзывъ: „Два сочиненiя—лучшiя изъ всѣхъ извѣстныхъ сочиненiй по части физики, русскихъ и иностранныхъ. Оба вполнѣ объемлютъ науку въ нынѣшнемъ ея состоянiи, но только то и другое написано по особому плану и съ особой точки зрѣнiя на предметъ. Обучающiеся физикѣ теперь имѣютъ въ сихъ двухъ книгахъ вѣрное руководство: имъ не нужно прибѣгать къ иностраннымъ сочиненiямъ, и слишкомъ дорогимъ, и затрудняющимъ иныхъ по языку. Кромѣ пріобрѣтенiя для науки, въ той и другой книгѣ получаемъ новое пріобрѣтенiе для отечественнаго языка, потому что обѣ написаны правильнымъ, чистымъ и изящнымъ слогомъ". Профессоръ Рулье, въ своемъ некрологѣ Павлова, находилъ въ сочиненiяхъ послѣдняго и въ частности въ „Основанiяхъ физики" — „новый и обширный взглядъ на многiе предметы и свѣтлыя о нихъ понятiя", вмѣстѣ съ „рѣзкой печатью самобытности"; считалъ немыслимымъ, чтобы при характеризующей Павлова „самостоятельности въ мнѣнiяхъ и поступкахъ" онъ могъ „пристать къ поклонникамъ какой-либо иностранной знаменитости"; наконецъ увѣрялъ, что въ своихъ отвѣтахъ рецензентамъ „Основанiй физики" Павловъ „громилъ" или „разилъ немилосердно своихъ противниковъ". На самомъ же дѣлѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось говорить безъ раздраженiя (см. предисловiе къ части II), онъ, очевидно, чувствовалъ, хотя можетъ быть и безсознательно, слабость своихъ натуръ-философскихъ построенiй; старался представить причиной спора „оскорбленное самолюбiе нѣкоторыхъ ученыхъ"; шелъ на уступки, умышленно или нѣтъ, маскируя неполнотой изложенiя ихъ принципiальную невозможность; наконецъ, требуя отъ противниковъ доказательства, „что начала физики механической вѣрнѣе началъ динамической", передавалъ рѣшенiе спора времени. И время сдѣлало свое дѣло: забвенiе стало удѣломъ не только динамической физики Павлова, но и самой, породившей ее, натуръ-философiи Шеллинга.

Свѣдѣнiямъ о жизни и дѣятельности Павлова были посвящены, насколько намъ извѣстно, два труда: 1) „Некрологiя", составленная проф. К. Рулье для

„Отчета о состояніи Имп. Моск. Унив. за 1839—40 академ. годъ“ (стр. 16 — 20) и 2) биограф. очеркъ, написанный для „Біограф. словаря профессоровъ и преподавателей Имп. Моск. Унив.“ (М. 1855) профессорами Щуровскимъ, Рулье и Калиновскимъ (см. ч. II, стр. 183 — 199). О трудахъ его по сельск. хозяйству—у С. Маслова, въ „Истор. Обозрѣніи дѣйствій и трудовъ Имп. Москов. Общества Сельск. Хозяйства“, М. 1850 (стр. 66, 245, 248, 126, 186). *Проф. В. В. Бобынинъ.*

Павловъ, *Михаилъ Тимофеевичъ*, воевода въ Каширѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ мартѣ 1651 г. царской грамотой ему предписывалось, въ виду намѣренія Крымскаго хана напасть на нашу Украину, жить въ Каширѣ „съ великимъ береженьемъ“, провѣдывать про крымцевъ, читать грамоту и въ торговые дни „кликать многажды“, чтобы тѣ, кому надлежитъ, вооружались и были готовы къ встрѣчѣ съ врагомъ.

„Акты Истор.“ IV, № 49. *А. Э.*

Павловъ, *Николай Филипповичъ*, писатель и журналистъ. Родился 7 сентября 1805 г. и ум. 29 марта 1864 г. въ Москвѣ. Происходя изъ крѣпостнаго состоянія, онъ впослѣдствіи былъ отпущенъ на волю; мать же его была грузинка, привезенная гр. В. А. Зубовымъ изъ персидскаго похода. Десяти лѣтъ онъ былъ отданъ въ Московское театральное училище, по окончаніи котораго дебютировалъ на сценѣ—сперва, вѣроятно, въ балетѣ „Лилія Нарбонская“, а потомъ въ драматической роли Эгиста въ трагедіи Вольтера „Меропа“. Сцена не была призваніемъ Павлова, и онъ подвизался на ней не болѣе двухъ лѣтъ. Покинувъ театръ, онъ поступилъ вольнослушателемъ въ Московскій унив—тъ и около того-же времени женился на княжнѣ Касаткиной, которая вскорѣ затѣмъ умерла.

Въ 1825 г. Павловъ окончилъ университетскій курсъ по этико-политическому факультету и поступилъ на службу въ Московскую Театральную дирекцію, гдѣ пробылъ однако не долго: его тянуло къ литературѣ. Вкусъ къ литературнымъ занятіямъ Павловъ, надо полагать, получилъ еще во время пребыванія въ театральной школѣ, ибо директоръ театровъ Кокошкинъ, полюбившій мальчика, постоянно бралъ его на свои литературные вечера. Поэтому и первые шаги Павлова въ литературѣ связаны съ театромъ. Онъ выступилъ съ переводомъ въ стихахъ французской передѣлки трагедіи Шиллера „Марія Стюартъ“ (М. 1825): пьеса эта шла на Московской сценѣ 27 нояб. 1825 г.; отрывки изъ нея, кромѣ отдѣльнаго изданія, появились въ „Мнемозинѣ“ и „Драматическ. Альбомѣ“ (1826 г.). Одновременно стали являться и лирическія стихотворенія Павлова, преимущественно въ „Московскомъ Телеграфѣ“ (1825—29 г.). Общее увлеченіе водевилемъ въ то время захватило и Павлова: онъ пишетъ комедію-водевиль „Старъ и Молодъ“ (отрывки—въ альманахѣ „Радуга“ 1830 г.); водевили „Щедрый“ (куплеты изъ него въ „Московск. Вѣстникѣ“ 1830 г., ч. I) и „На другой день послѣ преставленія свѣта, или комета 1832 года“ (куплеты изъ него —въ „Молвѣ“ 1832, № 8); послѣдній шелъ 29 января того-же года.

Общество, въ которомъ вращался въ то время Павловъ, и къ которому лежали его симпатіи, былъ тотъ молодой кружокъ, гдѣ назрѣвали славянофильскія идеи. Особенно хорошъ онъ былъ съ М. П. Погодинымъ. Въ похоронахъ безвременно погибшаго Венелина онъ принималъ самое горячее участіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не-смотря на сотрудничество въ „Московск. Вѣстникѣ“, онъ былъ близокъ и съ людьми противоположнаго направленія: онъ былъ искреннимъ другомъ Грановскаго, а В. Г. Бѣлинскаго ссужалъ даже деньгами, что впрочемъ и послужило впослѣдствіи къ взаимному ихъ охлажденію. Въ 1835 г. появились „Три повѣсти“ Павлова („Именины“, „Аукціонъ“, „Ятаганъ“), которыя особенно привѣтствовала современная критика. Помимо художественныхъ достоинствъ, въ нихъ сказалось несочувствіе автора къ крѣпостному праву. Либеральныя тенденціи повѣстей обратили на себя вниманіе Императора Николая Павловича. Кромѣ внутренняго содержанія ихъ, автору поставлено было на видъ и то обстоятельство, что виньетка на обложкѣ изображала чудовище, поражаемое рукою Невидимаго, а эпиграфъ гласилъ: Domestica facta. Цензоръ Снегиревъ получилъ за пропускъ книги строгій выговоръ; получилъ выговоръ и предсѣдатель Цензурнаго Комитета Д. П. Голохвастовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано конфисковать обложку, а книгу воспрещено перепечатывать. За это время Павловъ помѣщалъ стихотворенія въ „Телескопѣ“ (1831—32), „Молвѣ“ (1832), „Московск. Наблюдателѣ“ (1835—38). Въ 1838 г. вышли его

„Новыя повѣсти“ („Маскарадъ“, „Демонъ“, „Милліонъ“), которыя критикою были встрѣчены такъ-же сочувственно. Въ 1839 г. онъ перевелъ прекрасною прозою „Венеціанскаго купца“ Шекспира (въ „Отеч. Зап.“), а затѣмъ почти не принималъ участія въ литературѣ, ограничиваясь только рядомъ печатныхъ и непечатныхъ эпиграммъ на современниковъ. Впрочемъ въ 1840 г. его стихотворенія появились еще въ альманахѣ „Утренняя Заря“.

Въ 1841—42 Павловъ служилъ въ Тюремномъ Комитетѣ при Московскомъ военномъ ген.-губернаторѣ кн. Д. В. Голицынѣ. Его записки и доклады выдѣлялись своей дѣловитостью и образцовостью, а защита интересовъ людей низшаго класса привела его къ непріятностямъ, и со смертью Голицына онъ принужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1847 г. появились въ „Моск. Вѣдом.“ его „Письма къ Гоголю“ по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“. Эти письма произвели сильное впечатлѣніе на Гоголя, а Бѣлинскаго восхитили до такой степени, что онъ просилъ перепечатать ихъ въ „Современникѣ“, что̀ и было исполнено. Въ 1849 г. Павловъ помѣстилъ въ „Москвитянинѣ“ некрологъ Томаса Эванса.

Около этого времени онъ вторично женился на Каролинѣ Карловнѣ Янишъ, которая также писала стихи. Она была женщина со средствами, и это доставило возможность Павлову удовлетворять его постоянной страсти къ игрѣ. Гибельное увлеченіе Павлова послужило поводомъ къ семейной жалобѣ на него, и онъ былъ сосланъ въ Пермь подъ строгій надзоръ полиціи. Здѣсь онъ находился до конца 1853 года. Получивъ возможность вернуться въ Москву, Павловъ появляется въ литературѣ лишь съ 1856 года въ „Русс. Вѣстникѣ“, гдѣ, кромѣ стихотвореній, помѣщаетъ слѣдующія статьи: разборъ комедіи гр. Соллогуба „Чиновникъ“, выдвинувшій Павлова какъ недюжиннаго критика (1856); „Біографъ-оріенталистъ“ — статья, направленная противъ В. В. Григорьева, писавшаго о Грановскомъ, и возбудившая сочувствіе всѣхъ порядочныхъ людей (1857); „Вотяки и г. Дюма“, „Вопросъ о евреяхъ“ и „Иллюстрація“ (1858); „Итальянскій вопросъ“, „Рѣчь императора французовъ“, „Изъ Московскихъ записокъ“, „Письмо къ редактору“ (1859).

Въ 1859 г., при книгѣ „Объ источникахъ и формахъ русскаго баснословія“, Павловъ написалъ нѣсколько словъ о „Д. М. Щепкинѣ“. Съ 1860 г. (17-го января) онъ началъ издавать еженедѣльную политическую и литературную газету „Наше Время“, которая съ 1862 г. превратилась въ ежедневную. Здѣсь изъ статей издателя была замѣчательна критика драмы Островскаго „Гроза“ (1860, №№ 1 и 4), гдѣ онъ возсталъ противъ народнаго направленія драматурга, и полемика съ Катковымъ по поводу казенныхъ объявленій, вызвавшая немало юмористическихъ стихотвореній въ „Гудкѣ“ и „Искрѣ“ — Д. Д. Минаева, В. С. Курочкина, Б. Алмазова, Добролюбова. Сочиняли на него также эпиграммы С. А. Соболевскій и гр. Растопчина. Съ 3 октября 1863 г. Павловъ началъ издавать по три раза въ недѣлю газету „Русскія Вѣдомости“. По смерти его, въ „Петербург. Газетѣ“ 1868 г. появился отрывокъ изъ его ненапечатанной и недоконченной повѣсти, а въ „Русс. Архивѣ“ 1875 г. — его стихотвореніе „Иной всю жизнь отдалъ заботамъ“.

„Былое и Думы“, I, 324; „Русс. Вѣдом.“ 1864, марта 31; И. Арсеньевъ, „Николай Филип. Павловъ“ (М. 1864); „Мѣсяцесл.“ на 1865 г., с. 34; Гербель „Русскіе поэты“; „Русс. Арх.“ 1866, № 4, с. 574; 1875, II, 110; 1882, V, 95; И. Панаевъ „Литературныя воспоминанія“ (СПб. 1876); А. Пыпинъ „Бѣлинскій“ (СПб. 1876); „Русс. Стар.“ 1875, XII, 673; 1880, XII, 992; 1881, VIII, 600; 1885, № 3, с. 691—709; М. Сухомлиновъ „Изслѣдованія“ (СПб. 1889, II); кн. Вяземскій „Сочин.“, т. VIII; С. Пономаревъ „Н. Ф. Павловъ“ (СПб. 1889); Н. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“; Д. П. „Къ біографіи Н. Ф. Павлова“ („Моск. Вѣд.“ 1893, № 140); „Письма С. П. Шевырева къ Н. Ф. Павлову“ („Русс. Обозр.“ 1894, № 5).

М. Мазаевъ.

Павловъ, *Петръ Петровичъ*, натуралистъ, хранитель Зоологическаго музея при Имп. СПб. университетѣ; ум. 31 декабря 1877 г., въ Рязани. Еще кончая курсъ въ СПб. унив-тѣ, на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, онъ, по отзыву проф. М. Н. Богданова, рѣзко выдѣлялся въ средѣ своихъ сотоварищей — рѣдкой любознательностью и серьезнымъ, искреннимъ отношеніемъ къ наукѣ. Уже на практическихъ занятіяхъ въ немъ можно было видѣть самое горячее желаніе научиться техникѣ, овладѣть ею и сдѣлаться самостоятельнымъ работникомъ науки. Первая работа, исполненная имъ подъ руководствомъ

приватъ-доцента О. А. Гримма,—„наблюденія надъ зубами молодыхъ стерлядей“ (1876) доказала, что онъ обладаетъ и энергіей, и послѣдовательностью, и, наконецъ, способностью точнаго анализа—качествами, обѣщавшими много въ молодомъ натуралистѣ. Послѣ того онъ высказалъ желаніе заняться орнитологическими наблюденіями. СПбургское Общество естествоиспытателей съ живымъ участіемъ откликнулось на это намѣреніе и, пользуясь случаемъ, отправило П. П. на Ладожское озеро. Тамъ онъ долженъ былъ примкнуть къ гидрографической экспедиціи Андреева и обслѣдовать фауну озера, особенно птицъ. П—въ совсѣмъ уже собрался въ дорогу, какъ получилъ извѣстіе, что гидрографическія работы въ томъ году не состоятся. Огорченный неудачей, онъ, возвративъ Обществу оставшіяся у него деньги, отправился на родину въ Рязань и тамъ посвятилъ вторую половину лѣта и осень—„орнитологическимъ наблюденіямъ“. Значительная коллекція препарированныхъ птицъ, представленная имъ Обществу, ясно свидѣтельствовала, съ какой энергіей принялся онъ и за это дѣло. Эта энергія, эта страстная любовь къ наукѣ побудила и проф. Богданова относиться въ свою очередь къ П. П. съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ видѣлъ въ немъ серьезнаго и неутомимаго работника науки, отъ того задачей его и было направлять П. П. къ тому, чтобы онъ сталъ вполнѣ самостоятельнымъ въ своемъ трудѣ. Поэтому профессоръ, въ одной изъ своихъ бесѣдъ, заявилъ ему, что тогда только посмотритъ его коллекцію, когда онъ вполнѣ опредѣлитъ ее, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ П. П. свести итоги его наблюденій, чтобы оріентироваться въ нихъ и цѣлесообразнѣе вести послѣдующія работы. Въ началѣ декабря 1877 г. П—въ принесъ Богданову рукопись и показалъ ему опредѣленную уже коллекцію, причемъ оказалось, что въ ней не нашлось ни одного ошибочнаго опредѣленія. Рукопись поразила профессора дѣльностью и мѣткостью наблюденій и крайней осторожностью въ изложеніи ихъ, заключая въ себѣ такія добросовѣстныя наблюденія и цѣнные факты, что не напечатать ее нельзя было. Но П. П. и слышать не хотѣлъ, чтобы наблюденія его были напечатаны въ томъ видѣ, какъ они были изложены. Потому они появились въ „Трудахъ“ Общества лишь послѣ его смерти (1879). Редактируя рукопись, Богдановъ не счелъ нужнымъ ни измѣнять ничего существеннаго, ни дополнять, ни строить выводовъ изъ фактовъ, и отбросилъ только то, что при дальнѣйшихъ работахъ сократилъ бы и самъ авторъ. Здоровый, полный силъ и надеждъ приложить эти силы къ изученію природы своей родины, П. П., отъ котораго русская наука могла бы ждать еще многаго, въ половинѣ декабря 1877 поѣхалъ въ Рязань, къ роднымъ, съ цѣлью поохотиться тамъ и посмотрѣть на зимнюю жизнь животныхъ. 29-го числа онъ отправился на охоту около дер. Даниловской въ 7 верст. отъ Рязани, въ сопровожденіи младшаго брата. Поднимаясь на бугоръ по глубокому снѣгу, мальчикъ выбился изъ силъ, и П. П., желая помочь ему, взялъ у него ружье; но при этомъ курокъ задѣлъ за сумку, висѣвшую на мальчикѣ, и весь зарядъ дроби № 9 почти въ упоръ попалъ въ правый бокъ П. П. между 4 и 5 ребромъ, послѣ чего раненый провелъ два дня въ страшныхъ мученіяхъ, пока не умеръ.

„Труды СПб. Общ. Естествоиспыт.“, 1879, с. 1 (сообщ. проф. М. Богданова въ засѣд. зоолог. отдѣл. 11 марта 1878).

Павловъ, *Прокофій Яковлевичъ*, генер.-лейтенантъ. Род. 1796, ум. 15 марта 1868. Поступивъ на службу изъ бывшаго Дворянскаго полка въ Могилевскій пѣх. полкъ (1844), онъ участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828 — 1829 гг. и, по взятіи Варны, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4 кл. Произведенный, послѣ усмиренія Польши въ 1831 г., въ полковники (1834), онъ занималъ должности командира полковъ: Томскаго егерскаго (1834) и Либавскаго пѣхотнаго (1839), а съ производствомъ въ генер.-маіоры (1845) — бригадъ пѣх. дивизій: 1-й—въ 15-й (1845) и 2-й—въ 10-й (1847), равно какъ мѣсто командующаго запасной дивизіей 6 пѣх. корпуса (1847). Послѣ участія въ усмиреніи Венгріи въ 1849 (причемъ онъ находился въ дѣлахъ при Быстрицѣ, Серетѣ, Фальвѣ, Сасъ-Регенѣ), онъ былъ командующимъ 11-й пѣх. дивизіей (1851), а затѣмъ, произведеный уже въ ген.-лейтенанты (1853), —начальникомъ 1/-й пѣх. дивизіи (1855) и командиромъ резервной дивизіи 4-го арм. корпуса, пока не былъ отчисленъ по

арм. пѣхотѣ и въ запасныя войска (1856). За участіе въ войнѣ 1853—56 гг. (въ дѣлахъ при Ольшеницѣ, Силистріи и подъ Севастополемъ) онъ получилъ орденъ св.Георгія 3 кл.

„Ежегодникъ русс. арміи“, 1868, с. 289; „Воен. Сборникъ“, 1868, № 6 („Р. О.“); „Прибавл. къ Воен. Сборнику“, 1891, с. 109; „Списокъ георг. кавалер.“, Степанова и Григорьева, 1869, с. 21.

Павловъ, *Родіонъ Михайловичъ*, стольникъ и воевода Мангазейскій въ 1664—1667 г., а можетъ быть воевода въ г. Мангазеѣ до 1676 г., пока не сдѣлался воеводой Верхотурскимъ на мѣсто стольника Ивана Пушкина („Доп. къ Акт. Истор.“ V, № 16, XII). Верхотурскимъ воеводой П. былъ до 1681 г., когда его мѣсто занялъ Иларіонъ Лопухинъ. Постъ Верхотурскаго воеводы былъ весьма важнымъ постомъ, такъ какъ Верхотурье, хотя оно лежитъ и за Уральскимъ хребтомъ, представляло тогда какъ бы главную пограничную заставу между собственно Россіей и Сибирью. Изъ отписокъ Павлова въ Посольскій приказъ и изъ царскихъ граматъ къ нему видно, что Верхотурье было дѣйствительно заставой или таможней, которую не имѣли право миновать ни ѣдущіе изъ Сибири въ Москву, ни изъ Москвы въ Сибирь. Такъ, въ 1680 г. Павлову предписывалось строго слѣдить за провозомъ въ Сибирь и обратно товаровъ и мягкой рухляди, минуя Верхотурскую заставу, по старой дорогѣ чрезъ Китайскій острогъ; еще раньше П. данъ былъ приказъ у посланцовъ монгольскихъ, калмыцкихъ тайшъ, у якутскихъ и остяцкихъ князьковъ, возвращающихся въ Сибирь изъ Россіи, отбирать въ казну оружіе, порохъ и свинецъ, если таковые при обыскѣ найдутся, осматривать и не пропускать непоименованныхъ въ указныхъ росписяхъ напитковъ и товаровъ, при провозѣ ихъ въ Сибирь воеводами, дьяками и письменными головами, назначенными туда на службу; излишекъ противъ росписей приказано тоже отбирать въ казну. Важны также отписки Павлова о непріязненныхъ движеніяхъ инородцевъ противъ русскихъ, о заселеніи нѣкоторыхъ мѣстностей въ Сибири, о количествѣ собраннаго ясака, объ уклоненіяхъ инородцевъ отъ доставки его и пр. Подъ конецъ жизни П. получилъ чинъ окольничаго (1690 г.); былъ живъ еще въ 1692 г.

„Акты Истор.“, т. V; „Дополн. къ нимъ“, томы V, VII и VIII (см. указатели); Ивановъ, „Алфав. указат. къ боярск. книгамъ“, 312. *А. Э.*

Павловъ, *Семенъ*, Костромичъ, кормовой иконописецъ XVII в. при Московской Оружейной Палатѣ. Онъ находился сперва у письма въ Саввинскомъ мон. въ 1652, затѣмъ въ 1658 писалъ, вмѣстѣ съ друг., 5 праздничныхъ иконъ, а въ 1660 былъ присланъ въ Москву для Архангельскаго письма; кромѣ того, писалъ образа въ 1664—въ церковь св. Евдокіи мученицы и въ 1665—Н. И. Романову; наконецъ, въ 1668 былъ у письма въ Переяславскомъ Даніиловомъ мон., а въ 1677—писалъ, вмѣстѣ съ друг., въ иконномъ теремѣ 11-ть иконъ Деисуса и 12-ть—Праздниковъ, въ соб. церковь Богоявленія въ Ниловой пустыни.

И. Забѣлинъ „Матер. для исторіи русс. иконоп.“ во „Времен.“, ч. V, с. 12, 27, 33, 53, 55, 96; Д. Ровинскій „Исторія русс. школъ иконопис.“ въ „Записк. Имп. Русс. Археол. Общ.“, т. VIII, с. 170; А. Викторовъ „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 430, 445. *Н. С.*

Павловъ, *Филиппъ* (*Филька*), кормовой иконописецъ XVII в. при Московской Оружейной Палатѣ. Присланный въ Москву изъ Вологды въ 1660, онъ писалъ иконы: въ 1664 въ церковь св. Евдокіи мученицы и въ 1665—Н. И. Романову; въ 1665 былъ у письма въ церкви Спаса, въ 1668 раскрашивалъ корабль „Орелъ“ и др. въ селѣ Дениновѣ (Дѣдловѣ), въ 1669—1674 исполнялъ разныя живописныя работы для Государевыхъ хоромъ, въ 1677—расписывалъ съ товарищами „Книгу Царственную“ на александрійской бумагѣ въ десть; наконецъ, участвовалъ въ 1678—въ стѣнномъ письмѣ въ церкви св. Евдокіи, въ 1679—въ починкѣ иконъ въ Архангельскомъ соборѣ, а въ 1683—въ поновленіи образовъ въ придѣлѣ св .Филиппа, митроп. Московскаго, въ Успенскомъ соборѣ.

И. Забѣлинъ „Матер. для исторіи русс. иконоп.“ въ „Времен.“, ч. V, с. 34, 53, 55, 74; Д. Ровинскій „Исторія русс. школъ иконопис.“ въ „Записк. Имп. Русс. Археол. Общ.“, т. VIII, с. 170—1; А. Викторовъ „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ.“, II, 442, 445, 447; И. Снегиревъ „Памятники Моск. древности“, с. 10. *Н. С.*

Павловъ, *Ѳедоръ Михайловичъ*, сотрудникъ сатирическихъ журналовъ, ум. въ Москвѣ въ октябрѣ 1872. Сынъ извѣстнаго профессора сельскаго хозяйства при Московскомъ унив., онъ провелъ свою молодость на Кавказѣ въ военной службѣ,

затѣмъ жилъ въ разныхъ городахъ Россіи, въ послѣднее же время въ Петербургѣ и Москвѣ. Обладая природнымъ юморомъ и остроуміемъ, онъ одинаково легко передавалъ свои впечатлѣнія и въ прозѣ, и въ стихахъ, но никогда не подписывался подъ своими статьями, хотя и сотрудничалъ въ нѣсколькихъ сатирическихъ журналахъ, а свои фельетоны въ „Вѣстникѣ Москов. Политехнич. Выставки“ 1872 помѣщалъ подъ псевдонимомъ „Философъ съ Самотёки“. Послѣ его смерти осталось нѣсколько поэмъ въ рукописи.

„Вѣстникъ Моск. Политехнич. Выставки“, 1872, № 153, ст. С. Я.

Павлуцкій, *Антонъ Ивановичъ*, горный инженеръ. Род. 1800 г. въ Иркутской губ., ум. 1858 г. въ Нерчинскѣ. Выпущенъ 1 ноября 1820 г. изъ Горнаго Кадетскаго Корпуса и зачисленъ, съ чиномъ унтеръ-шихтмейстера, въ штатъ Колывано-Воскресенскихъ (нынѣ Алтайскіе) заводовъ, а въ 1822 г.—Нерчинскихъ, но все это время находился при Екатеринбургской гранильной фабрикѣ. Вся дальнѣйшая служба его прошла на Нерчинскихъ заводахъ, гдѣ онъ служилъ сперва на Кадаинскихъ рудникахъ, а затѣмъ, послѣдовательно, занималъ должности: помощника управляющаго Петровскимъ заводомъ (съ мая 1828), бергмейстера Петровскаго горнаго округа (съ сентября 1830), помощника управляющаго Нерчинскимъ заводомъ (съ марта 1832), управляющаго Шилкинскимъ заводомъ (съ марта 1834) и, наконецъ, Александровскимъ горнымъ округомъ (съ апрѣля 1847). 4-го іюня 1854 г. вышелъ по болѣзни въ отставку. Производя экономическими средствами поиски золота въ окрестностяхъ ввѣреннаго ему Шилкинскаго завода, П. открылъ въ 1838 г. весьма богатую розсыпь въ долинѣ р. Кары, впадающей въ Шилку. Открытіе это, за которое онъ получилъ пожизненную пенсію въ 428 р. 57 коп., составило эпоху въ Нерчинскомъ золотомъ производствѣ. Добыча золота, производившаяся здѣсь до той поры въ слабыхъ размѣрахъ, быстро начала возрастать, достигши въ 1845 г. уже 21 пуда въ годъ. Это зависѣло главнымъ образомъ отъ дѣятельности Карійскихъ промысловъ, хотя вмѣстѣ съ ними разрабатывались съ 1843 г. и другіе при-Шилкинскіе пріиски, изъ которыхъ многіе тоже были найдены П—мъ. Послѣдній, кромѣ того, открылъ въ 1850 г. богатую Шахтаминскую розсыпь (въ 17 в. отъ станицы Ундинскихъ-Кавыкучей), развѣданную лишь въ 1853 г.

Формуляръ въ Архивѣ Горнаго Деп—та; Озерскій „Очеркъ геологіи, минеральныхъ богатствъ и горнаго промысла Забайкалья“, СПб. 1867, въ л., стр. 49 и слѣд. *С. К.*

Павлуцкій, *Дмитрій Ивановичъ*, маіоръ Тобольскаго Драгунскаго полка. Род. въ Тобольскѣ; ум. 21-го марта 1747 г., прослуживъ все время въ Сибири, куда предокъ его шляхтичъ Янъ, выходецъ изъ Польши, былъ посланъ на службу въ 1622 г.

Указомъ 23 марта 1727 г., для „призыва въ подданство Россійскаго владѣнія непокорныхъ Коряковъ и Чукчей“ и для „сыску новыхъ землицъ“, отправлены были Якутскій казачій голова Аѳанасій Шестаковъ, вмѣстѣ съ Д. Павлуцкимъ (тогда въ чинѣ капитана), и съ придачей имъ въ помощь геодезиста, штурмана, подштурмана, рудознатца и команды. Но Павлуцкій, поссорившись съ безграмотнымъ Шестаковымъ, двинулся изъ Якутска къ Нижне-Колымску, а Шестаковъ пошелъ на суднѣ изъ Охотска на сѣверъ, пока около Тауска не потерпѣлъ крушеніе и не былъ убитъ стрѣлой въ горло (14-го марта 1730) Чукчами у Пенжины. Тогда главою Экспедиціи (такъ назыв. Чукотской) остался Павлуцкій, который и выступилъ въ мартѣ 1731 г. въ походъ изъ Анадырска, по направленію къ Чукотскому носу; трижды разбилъ Чукчей и, взявъ много плѣнныхъ, вернулся въ октябрѣ въ Анадырскъ; затѣмъ въ февралѣ 1732 г. усмирялъ на Гижигѣ непокорныхъ Коряковъ, а въ ноябрѣ, недовольный распоряженіями командира Охотскаго порта, Скорнякова-Писарева, возвратился въ Якутскъ. Отъ всей этой Экспедиціи—научныхъ результатовъ не получилось, хотя Сарычевъ и упоминаетъ о неизданныхъ журналахъ Павлуцкаго.

Между тѣмъ въ 1731 г. вспыхнулъ бунтъ Камчадаловъ, начавшійся въ Нижнекамчатскѣ, ими сожженномъ. Главною причиною бунта было грубое обращеніе съ ними казаковъ и непомѣрные поборы и грабежи приказчиковъ. Слѣдствіе по этому дѣлу поручено было произвести, по указу 21 мая 1733 г., Павлуцкому (уже маіору) и Мерлину, которые и про-

жили въ Камчаткѣ до августа 1739 г., возстановляя порядокъ и отстраивая Нижнекамчатскъ.

Къ этому же времени относятся первые опыты хлѣбопашества (какъ говорятъ, неудачные по негодности сѣмянъ), сдѣланные въ Камчаткѣ переселенцами съ береговъ Лены, а также—скотоводства, причемъ есть свѣдѣнія, что Павлуцкій подарилъ Камчадаламъ первую пару рогатаго скота. Послѣ того онъ снова вернулся въ Якутскъ и былъ назначенъ тамошнимъ воеводою, но по Сенатскому указу 1-го іюня 1742 г. вновь былъ посланъ въ Анадырскъ для усмиренія Чукчей, возобновившихъ свои набѣги на окрестныхъ Коряковъ. Два похода онъ сдѣлалъ удачно, но во время третьяго былъ убитъ Чукчами близь Анадырска; погибла тогда и большая часть его отряда.

Крашенинниковъ „Описаніе земли Камчатки“, 1819, IV, стр. 368 и слѣд.; Словцовъ „Истор. обозр. Сибири“ 1886, стр. 248—253; Щегловъ „Хронологич. перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири“; Сгибневъ „Матер. для истор. Камчатки“ въ „Морск. Сборн.“ 1869, февраль; Щукинъ „Походъ Павлуцкаго“ въ „Современникѣ“ 1852, т. 34. *С. К.*

Павлюкъ (онъ же Паулусъ, Полурусъ, Палій), Украинскій гетманъ 2-й четверти XVII вѣка. Таково было впрочемъ прозвище его: настоящее же имя его было—Карпъ Павловичъ Гудзанъ. Онъ былъ крещеный турокъ и раньше, до появленія своего въ Малороссіи, находился на службѣ у Крымскаго хана. Ему пришлось играть первенствующую роль въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя служили прологомъ къ великой народной драмѣ — Хмельнищинѣ: это были казацкія возстанія, начавшіяся вскорѣ по смерти гетмана Сагайдачнаго (въ 1625 г.) и окончившіяся въ 1639 г. бѣгствомъ Якова Остранина въ Московское государство. Правительство Рѣчи Посполитой напрягало всѣ свои силы, чтобы уничтожить казачество или, по крайней мѣрѣ, превратить его въ небольшой и покорный ему военный отрядъ. Но казачество въ это время не только не желало отказываться отъ правъ, достигнутыхъ при Сагайдачномъ, но еще расширило свою задачу, и его дѣло мало-по-малу превращалось изъ сословнаго въ общенародное. Чувствуя, что мирными средствами, путемъ петицій,—ничего достичь нельзя, казаки берутся наконецъ за оружіе и въ помощь себѣ привлекаютъ крестьянское населеніе Украйны, которое вступленіемъ въ ряды казачества надѣялось добиться свободы и уничтоженія крѣпостной зависимости. Естественно, что, при такихъ условіяхъ, опорнымъ базисомъ для всѣхъ повстанцевъ являлась Запорожская Сѣча, которая въ своемъ собственномъ внутреннемъ устройствѣ осуществляла въ значительный степени демократическій идеалъ соціальнаго равенства, столь привлекательный для „хлоповъ“ Украйны въ ихъ безправномъ положеніи. Съ другой стороны казачество пріобщаетъ къ своему дѣлу и религіозный вопросъ, въ которомъ такую важную роль игралъ въ недавнее передъ тѣмъ время Сагайдачный. Таково было общее положеніе дѣлъ; въ частности же исходнымъ пунктомъ для возстанія Павлюка послужилъ Крутовскій договоръ (1625 г.), тяжелыя условія котораго не могли ни уничтожить, ни даже смягчить неудачныя возстанія Тараса Трясила и Сулимы. Въ возстаніи Сулимы замѣтно обнаружилась рознь между „реестровыми“ и „нереестровыми“ казаками, которую всячески старались поддерживать и развивать поляки.

Въ 1637 г. поляки, для успѣшныхъ дѣйствій противъ казаковъ, поручили французскому инженеру Маріону поставить подъ наблюденіемъ гетмана Конецпольскаго крѣпость на урочищѣ Кудакѣ, надъ Днѣпромъ. Казаки догадались, въ чемъ дѣло, взбунтовались и убили полковника, наблюдавшаго за постройкой крѣпости. Зная, что поляки будутъ мстить имъ, и не имѣя (послѣ ими же самими убитаго, по подозрѣнію въ измѣнѣ, Саввы Кононовича) никакого предводителя, казаки рѣшились выбрать гетмана изъ своей среды, и выбрали Павлюка. Отважный, хотя и неопытный въ военномъ дѣлѣ, П. сразился съ поляками подъ Кумейками, но потерпѣлъ неудачу и отступилъ къ мѣстечку Боровицѣ или Поровицѣ, совсѣмъ неукрѣпленному. Здѣсь атаковалъ ихъ гетманъ Потоцкій и такъ стѣснилъ, что они вынуждены были выдать ему Павлюка съ четырьмя главными старшинами, подъ условіемъ, что имъ не будетъ сдѣлано никакого зла. Однако въ Варшавѣ ихъ обезглавили, а нѣкоторые увѣряютъ, что съ Павлюка живого содрали кожу и набили ее мякиной. Повѣствуя о дѣйствіяхъ Потоцкаго, лѣтописи не во всемъ согласны между собой: однѣ говорятъ, что стѣсненные въ Борови-

цѣ казаки приняли предложенный имъ Потоцкимъ миръ и данное именемъ короля обѣщаніе—подтвердить прежнія казацкія права и преимущества, и потому выдали Павлюка и старшинъ, но что поляки, какъ только казаки положили оружіе, напали на нихъ и многихъ перебили. Другія же лѣтописи передаютъ, что казаки, по взятіи у нихъ Павлюка, все-таки продолжали драться съ Потоцкимъ и даже, при р. Старчѣ, одержали побѣду надъ поляками, которые вошли съ ними въ переговоры о мирѣ, а потомъ, обманувши ихъ обѣщаніями, напали на нихъ, когда они положили оружіе.

„Южно-русскія лѣтоп.“, изд. Бѣлозерскимъ; „Лѣтописи“: Самовидца, Грабянки и Величка; „Сборникъ лѣтописей, относ. къ исторіи южн. и зап. Руси“, Кіевъ 1888; Симановскаго „Краткое описаніе о казацкомъ малоросс. народѣ“ (въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн.“ 1847, № 2); Ригельмана „Лѣтоп. повѣств. о М. Россіи“ (ib., № 5), вышедшее потомъ и отд. изданіемъ: М. 1848; Георгія Конисскаго „Исторія Руси“. *Проф. Д. Багалѣй* и *А. Э.*

Павскій, *Герасимъ Петровичъ*, протоіерей. Род. 1787 г. въ погостѣ Павахъ, Лугскаго уѣзда, С.-Петербургской губ.; ум. 7 апрѣля 1863 въ СПб. Отецъ его, сначала діаконъ, а потомъ священникъ названнаго погоста, принадлежалъ, какъ и все сельское духовенство въ прежнее время, къ числу людей не особенно богатыхъ и не особенно грамотныхъ, а потому и сына своего онъ могъ только научить читать и писать. Своимъ замѣчательнымъ образованіемъ Г. П. Павскій обязанъ былъ исключительно природнымъ дарованіямъ и усиленному труду. На 11-мъ году онъ былъ опредѣленъ въ Петербургскую Александро-Невскую семинарію, считавшуюся, по тому времени, однимъ изъ лучшихъ духовно-учебныхъ заведеній, такъ какъ туда, для высшаго образованія, присылались лучшіе воспитанники изъ другихъ семинарій и преподаватели ея готовили юношество не столько для духовныхъ должностей, сколько для учительскихъ каѳедръ. Здѣсь П. съ большою охотою занимался какъ изученіемъ философіи и богословія, такъ и языковъ, въ особенности еврейскаго; свободное же отъ занятій время онъ употреблялъ на чтеніе книгъ, относящихся къ изучаемымъ предметамъ. На сколько П. успѣшно учился въ семинаріи, можно видѣть изъ того, что, еще до окончанія курса въ ней, онъ былъ опредѣленъ учителемъ ариѳметики и ему заранѣе обѣщано было священническое мѣсто въ гор. Лугѣ, чему, впрочемъ, не пришлось осуществиться, такъ какъ въ 1808 г. былъ утвержденъ проектъ преобразованія дух. училищъ, согласно которому молодые люди, „отличившіеся способностью къ наукамъ и добрымъ поведеніемъ, но не старѣе 22 лѣтъ, должны быть присылаемы въ Академію“. Къ этому требованію было еще сдѣлано слѣдующее добавленіе: „учители и студенты, знающіе разные иностранные языки и имѣющіе отличныя способности и благонравіе, если пожелаютъ, могутъ быть предпочтительно въ Академію присылаемы, хотя бы были и старѣе вышеозначенныхъ лѣтъ“. Всѣмъ этимъ требованіямъ какъ нельзя лучше удовлетворялъ П.: онъ былъ уже и учителемъ, имѣлъ отличныя способности и зналъ иностранные языки, а потому и былъ принятъ въ число студентовъ Академіи.

Курсъ преподаваемыхъ въ Академіи наукъ въ то время отличался обширностью, такъ что преподаватели не успѣвали прочитывать положеннаго по программѣ, а у студентовъ не хватало ни времени, ни силъ одинаково успѣвать во всѣхъ наукахъ: большею частію они занимались любимыми предметами. Въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ П. говоритъ: „Академическое ученіе было крайне затруднительно. Всѣ сто студентовъ должны были сходиться въ классъ вмѣстѣ и въ одно время учиться всѣмъ наукамъ, которыя преподавались въ обширномъ видѣ. Изъ этого произошло то, что ученики, испуганные множествомъ предметовъ, по собственному произволу занимались только любимыми науками, а нѣкоторые до того испугались, что ничѣмъ не хотѣли заниматься и, послѣ курса ученія, выходили недоученными, или вовсе неученными“. Къ числу студентовъ, желавшихъ заниматься „любимыми науками“, принадлежалъ и П., избравшій для себя изученіе богословскихъ предметовъ и языковъ и вовсе переставшій изучать математику съ физикой. Такъ продолжалось образованіе П. до самаго окончанія курса въ Академіи, откуда онъ былъ выпущенъ первымъ магистромъ въ 1814 г. и гдѣ онъ занялъ каѳедру еврейскаго языка, бывшаго однимъ изъ любимыхъ предметовъ изуче-

нія во всѣ года его пребыванія въ Академіи.

Какъ на особенность преподаванія П. этого языка, можно указать на то, что онъ, излагая основныя правила грамматики въ простой и ясной формѣ, одновременно заставлялъ студентовъ читать еврейскій текстъ всѣмъ классомъ вслухъ. Подобное чтеніе приносило еще и ту пользу, что тутъ же указывалось примѣненіе грамматическихъ правилъ. А чтобы дать возможность студентамъ заниматься безъ руководителя, П. въ самомъ же началѣ преподавательской дѣятельности написалъ еврейскую грамматику—первую на русскомъ языкѣ—и составилъ еврейскую христоматію, которыя и были, по напечатаніи, приняты руководствами къ изученію этого языка и остались таковыми до настоящаго времени. Прекрасное произношеніе, краткое и ясное изложеніе лекцій имѣли ближайшимъ слѣдствіемъ то, что предметъ, несмотря на всю его сухость, дѣлался занимательнымъ и привлекалъ вниманіе слушателей. До какой степени студенты интересовались лекціями П., показываютъ слѣдующія слова одного изъ его учениковъ: „былъ въ Академіи профессоръ еврейскаго языка Г. П. Павскій. Несмотря на всѣ альфы и беты, кюббуцы и патахи, шфилы и гафалы, онъ такъ умѣлъ сдѣлать свои уроки занимательными, что студенты слушали ихъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, нежели самыя увлекательныя науки, изъ которыхъ многія были преподаваемы дѣльными наставниками“. И дѣйствительно, лекціи его посѣщались такими студентами, у которыхъ вовсе не было желанія изучать еврейскій языкъ; ходили же они единственно для того, чтобы глубже вникнуть въ смыслъ Свящ. Писанія и слышать филологическія объясненія къ его переводу.

Одновременно съ этимъ П. приходилось много работать въ различныхъ комитетахъ. Такъ онъ Коммиссіею дух. училищъ назначается членомъ Академической Конференціи и тутъ даются ему разнаго рода порученія; напр., предложеніе на разрѣшеніе вопроса: „полезно ли духовнымъ воспитанникамъ давать понятіе о разныхъ теоріяхъ и системахъ философскихъ наукъ“? — рѣшеннаго П. въ утвердительномъ смыслѣ; или порученіе производить ревизіи семинарій и училищъ—ревизіи, сопровождавшіяся самыми благодѣтельными послѣдствіями для заведеній. Извѣстно, напр., что слѣдствіемъ ревизіи Витебскаго дух. училища была покупка подъ училище собственнаго дома, котораго оно раньше не имѣло, помѣщаясь въ небольшой квартирѣ смотрителя.

Въ 1815 г. П. становится священникомъ Казанскаго собора въ С.-Петербургѣ; въ слѣдующемъ году онъ назначается членомъ Цензурнаго Комитета, а черезъ годъ (1817 г.) опредѣляется законоучителемъ въ Царскосельскій Лицей. Къ этому же времени относится и привлеченіе его къ участію въ Военной Коммисіи, Высочайше учрежденной вслѣдствіе ходатайства гр. Аракчеева, для составленія учебныхъ пособій кантонистамъ. Плодомъ дѣятельности П. въ этой Коммиссіи было сочиненіе: „Краткое наставленіе законоучителю кантонистовъ высшаго разряда касательно предметовъ ученія, методы и пособій“. Сочиненіе это заслужило не только полное одобреніе Военной Коммиссіи, но и обратило на автора вниманіе, бывшаго тогда попечителемъ СПб. Учебнаго округа, Д. П. Рунича, рѣшившагося ввести программу П. въ гимназіи вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. „По внимательномъ прочтеніи наставленія законоучителю кантонистовъ, пишетъ Руничъ П., касательно преподаванія предметовъ ученія, методы и пособій, я нашелъ руководство сіе столько же основательнымъ, какъ и правильнымъ. Весьма благодарю васъ за сообщеніе мнѣ сего особенно любопытнаго и прямо полезнаго труда вашего. Лучшаго придумать не могу для преподаванія законоученія въ гимназіи и пріуготовительныхъ классахъ оной“. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба этого наставленія.

Почти сряду по назначеніи П. священникомъ Казанскаго собора мы видимъ его дѣятельнымъ участникомъ въ Россійскомъ Библейскомъ Обществѣ, основанномъ въ 1812 г. и поставившемъ своею цѣлію изданіе и распространеніе Библіи на всѣхъ языкахъ. Дѣятельность П. состояла здѣсь въ томъ, что ему поручено было переводить на русскій языкъ евангеліе Матѳея и въ то же время онъ назначенъ главнымъ пересмотрщикомъ и справщикомъ изданія. А когда, въ 1820 г.,

было приступлено къ переводу книгъ Ветхозавѣтныхъ, то на него была возложена одна изъ не легкихъ обязанностей—приготовлять къ каждому собранію Комитета (учрежденнаго для пересмотра и приведенія въ единство разныхъ переводовъ) — извѣстное отдѣленіе перевода. Это приготовленіе состояло въ провѣркѣ переведеннаго съ еврейскимъ текстомъ и въ сличеніи съ переводомъ LXX толковниковъ. За такое дѣятельное участіе въ переводѣ Свящ. Писанія П. произведенъ былъ въ 1818 г. изъ баккалавровъ въ профессора еврейскаго языка, а въ 1821 г. возведенъ на степень доктора богословія и Высочайше награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. Членомъ же названнаго Общества П. оставался до самаго закрытія его въ 1826 г.

Съ открытіемъ въ 1819 г. С.-Петербургскаго университета, П. предоставлена была попечителемъ Учебнаго округа Уваровымъ каѳедра богословія. На этомъ новомъ мѣстѣ служенія до самаго выхода въ отставку, т.-е. до 1826 г., онъ привлекалъ своими лекціями въ аудиторію толпу студентовъ, слушавшихъ его съ непрерывнымъ вниманіемъ. Здѣсь, кромѣ чтенія догматическаго и нравственнаго богословія, П. читалъ еще „исторію постепеннаго раскрытія религіозныхъ понятій въ человѣческомъ родѣ“.—Отвлеченный предметъ, при простомъ историческомъ методѣ его изслѣдованія, болѣе другихъ наукъ интересовалъ студентовъ и приковывалъ ихъ вниманіе, несмотря на то, что богословскія науки считаются въ университетахъ менѣе всего занимательными,—все это, вмѣстѣ взятое, показывало въ П. человѣка, выходившаго изъ ряда лучшихъ дѣятелей тогдашняго времени на поприщѣ преподаванія богословскихъ наукъ. Для знакомства съ характеромъ лекцій П. въ университетѣ могутъ служить нѣкоторыя статьи, напечатанныя имъ въ „Христ. Чтеніи“, напр.: „о религіи“ въ 1821 г. и „о таинственной вечери І. Христа у христіанъ при апостолахъ и послѣ апостоловъ“ въ 1830 г.—статьи, составленныя имъ на основаніи его университетскихъ лекцій.

Благодаря такой многосторонне-ученой и плодотворной дѣятельности, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ высшую ученую степень—доктора богословія и обладая, наконецъ, высокимъ нравственнымъ характеромъ, весьма естественно, никто иной, какъ только П. могъ быть достойнымъ религіозно-нравственнымъ воспитателемъ Наслѣдника престола, впослѣдствіи Императора Александра II. Сознавая величіе и святость этой обязанности, П. долго колебался изъявить свое согласіе на сдѣланное ему предложеніе и, когда, наконецъ, согласился, то, по порученію Императора Николая I, составилъ программу преподаванія Закона Божія, по которой и началъ свои занятія съ Августѣйшимъ ученикомъ съ 30 ноября 1826 г.

Курсъ закона Божія начинался у него съ изученія молитвы Господней „Отче нашъ“, объясненной примѣнительно къ понятіямъ восьмилѣтняго возраста; съ изученія заповѣдей десятословія съ такими же объясненіями и съ ознакомленія съ содержаніемъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ при заучиваніи болѣе краткихъ изъ нихъ на память; далѣе, имъ предлагались разсказы изъ Ветхозавѣтной и Евангельской исторіи и т. п.

Недостатокъ въ учебникахъ давалъ себя чувствовать и при исполненіи П. обязанности законоучителя Цесаревича, а потому онъ долженъ былъ самъ позаботиться о составленіи руководствъ, изъ которыхъ извѣстны: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“, напечатанныя въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Со времени назначенія П. законоучителемъ Наслѣдника, а потомъ и великихъ княженъ: Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ, онъ, по Высочайшему повелѣнію, причисленъ былъ къ Большому собору Зимняго дворца и на него скоро было обращено вниманіе Императора и Императрицы, которые неоднократно и награждали его. Вскорѣ онъ былъ назначенъ духовникомъ своихъ высокихъ воспитанниковъ, награжденъ бриліантовымъ наперснымъ крестомъ, алмазными знаками св. Анны 2-й ст., орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и еще двумя бриліантовыми перстнями.

Здѣсь умѣстно сказать нѣсколько словъ и объ отношеніяхъ П. къ другимъ воспитателямъ и учителямъ Наслѣдника Цесаревича. Отличаясь всегда скромнымъ характеромъ и дѣловымъ направленіемъ, П. находился въ дружескомъ согласіи съ воспитателемъ В. А. Жуковскимъ и

военнымъ наставникомъ Вел. Князя, полковникомъ К. К. Мердеромъ, и всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Достаточно привести отрывокъ изъ письма В. А. Жуковскаго къ П по поводу отставки послѣдняго, чтобы судить объ этихъ отношеніяхъ. Жуковскій пишетъ: „Будучи свидѣтелемъ въ продолженіе восьми лѣтъ вашихъ дѣйствій, я имѣлъ возможность узнать васъ коротко, и на всю жизнь сохраню къ вамъ то почтеніе, которое вы вселили въ меня своимъ благороднымъ характеромъ, своею чистою нравственностью, основанною на вѣрѣ, своимъ умомъ просвѣщеннымъ и своимъ безкорыстнымъ усердіемъ въ исполненіи возложеннаго на васъ долга. Да послужитъ вамъ, при горестной разлукѣ вашей съ высокими воспитанниками, утѣшеніемъ мысль, что вы способствовали къ развитію въ сердцахъ ихъ чистѣйшихъ чувствъ и правилъ вѣры, что вы заслужили уваженіе и любовь и что ихъ привязанность никогда не ослабѣетъ“... („Духъ Христіанина“, 1863, іюнь, некрологъ). Такимъ же задушевнымъ характеромъ отличаются и письма Мердера къ П.

Повидимому все благопріятствовало П.: онъ пользовался благорасположеніемъ Государя Императора, любовью своихъ высокихъ воспитанниковъ и, наконецъ, прочіе воспитатели и наставники относились къ нему съ довѣріемъ и расположеніемъ, но судьба омрачила горизонтъ Герасима Петровича густыми облаками, которыя подъ конецъ собрались въ черную тучу, не замедлившую разразиться для него большими непріятностями.

Поводомъ къ этимъ непріятностямъ послужили упомянутыя выше руководства: „Начертаніе церковной исторіи“ и „Христіанское ученіе въ краткой системѣ“. Какъ ни ограниченно было число экземпляровъ этихъ книжекъ, тѣмъ не менѣе онѣ попали въ руки нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ духовныхъ лицъ. Скоро появились примѣчанія на нихъ, гдѣ указывались всѣ ошибки и недосмотры и гдѣ авторъ ихъ обвинялся въ недобросовѣстности и неблагонамѣренности. Въ отвѣтъ на эти примѣчанія П. писалъ, что „его книжки—учебныя тетрадки, наскоро напечатанныя для того, чтобы, при отчетѣ въ урокахъ, ученики имѣли предъ собою нить преподаннаго ученія. Онѣ напечатаны для домашняго употребленія и потому могутъ почитаться не болѣе, какъ корректурными листами, гдѣ можно прибавлять и убавлять“. Далѣе онъ говорилъ, что напрасно писавшій примѣчанія, находя въ его книжкахъ пропуски, заключаетъ изъ того о неблагонамѣренности сочинителя, такъ какъ сочинитель ихъ и не думалъ ставить ихъ на мѣсто катихизиса, а заключаютъ онѣ въ себѣ одно только „существенное, прямо изъ слова Божія извлеченное, ученіе христіанское, сколько нужно для познанія духа Христова“ („Объясненія“—въ „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс.“, 1870 г., кн. II, стр. 175—208).

Слѣдствіемъ названныхъ примѣчаній на книжки П. было то, что недоброжелатели его не замедлили довести это до свѣдѣнія Государя и представили его дѣйствія, какъ законоучителя, въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ. Къ счастью, Императоръ не обратилъ вниманія на подобныя заявленія и по прежнему продолжалъ оказывать П. свое благоволеніе. Для П. же было непріятно уже и то, что могло явиться подозрѣніе относительно его неблагонамѣренности, а потому онъ поспѣшилъ обратиться въ 1835 г. къ Императору Николаю Павловичу съ всеподданнѣйшею просьбою объ увольненіи его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. Снисходя на эту просьбу, Государь Императоръ уволилъ его и, переведя его въ болѣе уединенную и спокойную церковь Таврическаго дворца, сохранилъ за нимъ права и преимущества по службѣ.

Другою, болѣе крупною непріятностью для П. было—литографированіе студентами его перевода съ еврейскаго языка на русскій нѣкоторыхъ Ветхозавѣтныхъ книгъ. Если первая непріятность стоила П. отставки отъ занимаемыхъ должностей, то послѣдняя угрожала ему уже лишеніемъ сана, хотя до этого не дошло. Дѣло въ томъ, что П., какъ профессоръ еврейскаго языка, продолжалъ и по закрытіи Библейскаго Общества въ 1826 г. переводить со студентами Ветхій Завѣтъ на русскій языкъ и, до выхода въ отставку, въ 1834 г. довелъ свой переводъ до конца книгъ пророческихъ. Въ 1839 и 1841 гг. студенты XIII и XIV курсовъ, подъ предлогомъ литографированія лекцій, отлитографировали и находившіеся у нихъ списки перевода книгъ Свящ. Писанія съ

еврейскаго языка на русскій—съ цѣлью облегчить, по возможности, разумѣніе Свящ. книгъ В. З. при домашнемъ ихъ чтеніи и при переводѣ съ еврейскаго языка на русскій, въ той увѣренности, что греческій переводъ LXX толковниковъ, а, слѣд., и славянскій, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ далекъ отъ еврейскаго, и что для разумѣнія сихъ мѣстъ не излишне обращаться къ самому подлиннику. Такъ какъ каждый изъ студентовъ желалъ имѣть подъ руками такое пособіе, то и обратились къ литографированію. Подлинникъ для этой цѣли выбранъ былъ изъ списковъ перевода придворнаго протоіерея Г. П. Павскаго.

Когда о выпускѣ этого перевода дошло до свѣдѣнія высшаго дух. начальства, узнавшаго однако въ тоже время, что въ литографированіи П. не-принималъ никакого участія, тогда была образована Коммисія для истребованія объясненій отъ него, какъ виновника перевода. На допросы Коммисіи П. отвѣчалъ, что перевелъ въ Академіи всѣ пророческія и учительныя книги, исключая „Пѣсни Пѣсней“, и этотъ переводъ отдавалъ студентамъ въ видѣ лекцій; надписи, въ которыхъ излагалось содержаніе отдѣльныхъ главъ, признаетъ своими, за исключеніемъ „Экклезіаста“ и главъ Исаиныхъ, начиная съ XI гл. Что же касается того, что въ этихъ надписяхъ нѣтъ догматическихъ указаній, то это объяснялось тѣмъ, что онъ, переводя Библію, имѣлъ въ виду, какъ преподаватель еврейскаго языка, только филологическую сторону перевода, не касаясь догматики. „Я увѣренъ, писалъ онъ, что ни одинъ изъ моихъ учениковъ не скажетъ обо мнѣ, что я научилъ его чему то неправославному, что я не говорилъ о рожденіи Спасителя отъ Дѣвы, не приводилъ пророчествъ о жизни, дѣяніяхъ и страданіяхъ Его. Напротивъ, вообще пробуждать въ ученикѣ любовь къ Слову Божію, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, всегда было моею цѣлію и любимѣйшимъ занятіемъ“.

Хотя митрополитъ московскій Филаретъ, какъ этими объясненіями, такъ и бывшими у него въ частной бесѣдѣ, и остался недоволенъ, тѣмъ не менѣе былъ составленъ журналъ, въ которомъ члены Коммисіи признали себя исполнившими, по возможности, порученіе св. Синода и отвѣты П. съ заключеніемъ Коммисіи представили на дальнѣйшее благоусмотрѣніе св. Синода. Окончательное рѣшеніе дѣла П. послѣдовало только въ 1844 г., когда св. Синодъ, въ опредѣленіи отъ 7/10 марта, относительно протоіерея П. постановилъ — признать его не подлежащимъ отвѣтственности въ налитографированіи неправильнаго перевода и въ участіи распространенія онаго по имѣющимся уваженіямъ. Несмотря однакожъ на оправданіе, Синодъ потребовалъ отъ П. письменнаго исповѣданія вѣры. Вотъ оно: „Я нижеподписавшійся, по случаю падшаго на меня подозрѣнія, симъ искренно предъ Богомъ и святою Православною грекороссійскою церковію свидѣтельствую, что ея святое ученіе, изложенное какъ вообще въ Символѣ вѣры, такъ и подробно въ изданномъ отъ св. Синода катихизисѣ, я всегда содержалъ твердо и не нарушимо, и никогда не имѣлъ ни явнаго, ни тайнаго намѣренія противиться духу ученія св. Православной церкви нашей. Вмѣстѣ съ симъ исповѣданіемъ даю обязательство, что и впредь, при помощи Божіей, буду вести себя такъ, какъ первоначально обязался при крещеніи, такъ и вторично при вступленіи въ санъ священническій. Къ сему собственноручному исповѣданію и обязательству придворной Таврической церкви протоіерей Герасимъ Павскій руку приложилъ“.

„Такъ кончилось дѣло о переводѣ Библіи прот. Павскаго, пишетъ проф. Чистовичъ, но во всякомъ случаѣ этому переводу нельзя отказать въ большомъ значеніи. Не говоря о принципѣ, самый фактъ перевода заслуживаетъ полнаго вниманія, потому что имѣетъ за собою историческое значеніе. Это былъ первый опытъ перевода св. книгъ Ветхаго Завѣта на русскій языкъ, сдѣланный ученымъ, владѣвшимъ въ превосходной степени знаніемъ еврейскаго и русскаго языковъ. Ни до него, ни послѣ него не было ученаго профессора, такъ счастливо и въ такой мѣрѣ соединявшаго знаніе еврейскаго языка съ знаніемъ языка отечественнаго... Это, продолжаетъ онъ,—историческій памятникъ, который для науки не потеряетъ своей цѣны, какъ произведеніе русскаго ученаго, пріобрѣтшаго знаменитое имя, и какъ первый опытъ перевода Ветхозавѣтныхъ книгъ съ еврейскаго

языка на русскій". („Христ. Чтеніе" 1872, № 6, стр. 227—229).

Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ журналу „Духъ Христіанина" за 1861—64 гг.

Уволенный въ 1836 г. отъ всѣхъ прежде занимаемыхъ должностей и поселившись въ Таврическомъ дворцѣ, П. все свободное время посвятилъ занятіямъ наукою. Не стѣсняемый служебными обязанностями, онъ написалъ массу статей для періодическихъ изданій, составивъ, кромѣ того, капитальное сочиненіе по филологіи. Еще въ пору своей общественной дѣятельности онъ напечаталъ въ „Христіанскомъ Чтеніи" слѣдующія статьи: „О религіи" (1821 г.); рядъ статей о богословіи св. Григорія Богослова, какъ-то: 1) „предварительныя замѣчанія", 2) „ученіе о Богѣ и опроверженіе Евномія и его послѣдователей", 3) „ученіе о св. Троицѣ"; 4) „ученіе о соединеніи въ І. Христѣ божескаго и человѣческаго существа и опроверженіе аполлинаристовъ", 5) „о человѣкѣ и о спасеніи человѣка", 6) „о мірѣ и ангелахъ", 7) „о безсмертіи и судьбѣ по смерти" (1828 г.; см. о сихъ стат. въ „Чтен. Общ. Ист. и Древн. Росс." 1869 г., ч. I, стр. 57); „о таинственной вечери І. Христа у христіанъ при апостолахъ и послѣ апостоловъ" (1830 г.); „о цѣли говѣнія и порядкѣ благоговѣйныхъ занятій христіанина, приготовляющагося ко св. пріобщенію" (1833). Особенно же замѣчательны изъ всѣхъ статей его—толкованія евангельскихъ притчей: „о талантахъ" (1835); „о пшеницѣ и плевелахъ"; „о гостяхъ, званыхъ на вечерю" (1836); „о брачномъ пирѣ и званыхъ на пиръ"; „о виноградаряхъ" (1837) и „о смоковницѣ" (1841). Въ „Лѣтописи факультетовъ" за 1835 г. помѣщена была его статья: „о состояніи Россійской церкви подъ управленіемъ патріарховъ"; въ 1852 г. напечатана была въ 1 томѣ „Извѣстій II отдѣленія Академіи Наукъ"—„записка о новомъ изданіи русскаго словаря". Изъ отдѣльно изданныхъ сочиненій П. извѣстны: „Обозрѣніе книги псалмовъ", СПб. 1814 г.,—магистерское сочиненіе; „Еврейская граматика", СПб. 1822 г. (2 изд.—1855); „Еврейская христоматія". Въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ напечаны его: „Бесѣда съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ наканунѣ принесенія Е. И. В. присяги по случаю совершеннолѣтія"; „Христіанское ученіе въ краткой системѣ" и „Начертаніе церковной исторіи"; „Объясненія его на примѣчанія противъ сихъ книжекъ" появились въ „Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. Росс." 1870 г. (кн. II, стр. 175—208). Совмѣстный трудъ его съ другими студентами-товарищами составляетъ переводъ „Эстетическихъ разсужденій Ансильона", СПб. 1813 г.—„Примѣчанія его на мистическую книгу: Божественная философія Дю-Туа"—остались въ рукописи.

Но главный трудъ, на которомъ сосредоточено было все вниманіе П. въ теченіе многихъ лѣтъ,—это „Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка", вышедшія въ 1841—1842 гг. (первые три тома) и оконченныя въ 1850 г. (послѣдній 4 томъ). — Приступая къ составленію своихъ наблюденій, П. употребилъ не мало труда на то, чтобы предварительно ознакомиться со всѣми вспомогательными средствами, касающимися предмета его изслѣдованія: онъ тщательно разсматривалъ древнѣйшіе памятники славянской письменности; изучилъ: чешскій, польскій и краинскій языки; познакомился съ санкритскимъ и зендскимъ, греческимъ, латинскимъ и нѣмецкимъ со всѣми его отраслями (см. вступленіе, стр. 3—4). Безъ сомнѣнія, много пользы принесло ему и прежнее знакомство съ семитическими языками: еврейскимъ, арабскимъ и халдейскимъ. Поэтому нисколько не удивительно, что критикъ „Филологическихъ наблюденій" отзывался объ этомъ сочиненіи такъ: „оно представляетъ собою плодъ ученаго трудолюбія, изумительнаго сколько огромностью силъ и способовъ, столько же безпримѣрнымъ героическимъ самоотверженіемъ" („Отеч. Зап." 1844 г., т. 44, Критика, стр. 34). По выходѣ въ свѣтъ первыхъ трехъ томовъ, П. интересовало мнѣніе объ его сочиненіи Импер. Академіи Наукъ, которая, основываясь на отзывѣ академика А. Х. Востокова, присудила автору полную Демидовскую премію. Въ 1850 г. вышелъ 4-й томъ „Наблюденій" П., причемъ вновь изданы были первые три тома, исправленные по замѣчаніямъ Академіи и значительно дополненные самимъ авторомъ. По этому поводу П. А. Плетневъ, бывшій ректоромъ и профессоромъ

русской словесности въ С.-Петербургскомъ университетѣ, получившій въ подарокъ это сочиненіе отъ П., писалъ ему: „Я имѣлъ честь получить новое изданіе Филологическихъ наблюденій вашихъ надъ составомъ русскаго языка съ присовокупленіемъ четвертаго разсужденія. Этотъ даръ, самъ по себѣ драгоцѣнный, въ глазахъ моихъ еще выше, какъ лестный знакъ вашего ко мнѣ вниманія. Анатомія ваша русскихъ глаголовъ теперь ничего желать не оставляетъ намъ, занимающимся грамматикою отечественнаго языка. Приношу вамъ искреннѣйшую, глубокую благодарность за себя и за всѣхъ, на этомъ поприщѣ подвизающихся". Такой прекрасный отзывъ ректора и профессора университета вполнѣ тождественъ съ печатнымъ отзывомъ академика Давыдова: „Грамматическая литература наша обогатилась Филологическими наблюденіями надъ составомъ русскаго языка протоіерея Павскаго. Это сочиненіе и въ литературѣ богатой было бы встрѣчено благосклонно, въ нашей же, не имѣвшей до того времени ничего подобнаго, оно принято съ уваженіемъ. Филологическими паблюденіями началось новое направленіе въ изученіи отечественнаго языка... По появленіи сочиненія прот. Павскаго, *составившаго въ исторіи грамматики нашей эпоху*, планъ грамматики, начертанный въ 1842 г. II отдѣленіемъ Академіи, долженъ былъ измѣниться въ методѣ и объемѣ" (См. предисл. къ грам. Ломоносова, изд. II отд. Академіи Наукъ, въ воспом. 100-лѣтія русской грам., стр. 54—55). Съ этого времени Академія всегда высоко цѣнила глубокую ученость П. и сносилась съ нимъ въ своихъ занятіяхъ, а въ 1859 г. ея Отдѣленіе русскаго языка и словесности избрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ.—Въ такихъ трудахъ и занятіяхъ проводилъ время Герасимъ Петровичъ, выйдя въ отставку, повидимому, для возстановленія своихъ силъ, потраченныхъ прежде въ разнообразной служебной дѣятельности.

Изъ приведенныхъ писемъ и отзывовъ можно было достаточно познакомиться съ глубокою ученостью П.; остается сказать лишь нѣсколько словъ о томъ, что, при всей его учености, въ немъ не было и слѣда того самолюбія, по которому иные не терпятъ противорѣчій: онъ не вѣрилъ въ свою непогрѣшимость и съ благодарностію принималъ всякія замѣчанія отъ кого бы то ни было. Будучи строгъ къ своимъ ошибкамъ, онъ былъ снисходителенъ къ погрѣшностямъ другихъ и всегда готовъ былъ извинить. Такое кроткое направленіе ума и сердца было плодомъ тѣхъ нравственныхъ правилъ, которыя П. почерпнулъ изъ глубины ученія святой вѣры. Божественныя истины, познанныя имъ въ самомъ источникѣ, проникли все существо его и обратились въ немъ въ духъ и жизнь. Родившись въ бѣдности, онъ съ дѣтства привыкъ удовлетворяться малымъ, его природѣ противна была всякая роскошь: онъ довольствовался простою пищею и жилъ въ небольшой квартирѣ. Получая достаточное содержаніе, онъ и половины не употреблялъ на свои нужды,—остальное раздавалъ бѣднымъ и тратилъ на книги.

Послѣдніе годы свой жизни, страдая ревматизмомъ, П. былъ до такой степени слабъ, что едва могъ ходить по комнатѣ. Въ началѣ же 1863 года болѣзнь приняла острый характеръ, къ тому же онъ заболѣлъ тифозной горячкой, отъ которой и умеръ. Погребенъ онъ на кладбищѣ Императорскаго Фарфороваго завода, гдѣ похоронены жена, двѣ дочери и внукъ его.

„Протоіерей Г. П. Павскій", СПб. 1876 г.,—брошюра свящ. С. В. Протопопова, у котораго находились посмертныя бумаги покойнаго П—го, и который доставилъ возможность пользоваться приведеннымъ въ его брошюрѣ матеріаломъ; некрологъ П—го, составленный прот. А. Орловымъ и напечатанный въ журналѣ: „Духъ Христіанина" 1863 г., іюнь; другой, напис. Чистовичемъ, — въ „Странникѣ", т. II, отд. IV, стр. 63—71; „Исторія перевода Библіи на русскій языкъ" проф. Чистовича, помѣщ. въ „Христ. Чтеніи" за 1872 г., №№ 5 и 6; митроп. Филарета въ „Правосл. Обозр." 187-, № 1, стр. 106—118, и В. Палисадова въ „Церковно-Обществ. Вѣстникѣ" 1878 г., № 18; „Газетныя выписки о П—мъ", М. Погодина, въ „Моск. Вѣдом." 1863, № 156, и его же „Напоминаніе о П—мъ" въ „Русс. Архивѣ" 1870, № 12. *Арсеній Вольскій.*

Пагенкампфъ, *Иванъ Ивановичъ*, гофъ-хирургъ и акушеръ. Род. въ XVI ст., ум. 17 декабря 1765. Сынъ фельдмедика русс. арміи (пріѣхавшаго въ Россію въ 1703 и умершаго въ 1738), онъ, изучивъ медицину въ Парижѣ теоретически и практически, вступилъ въ русскую службу гофъ-хирургомъ 27 сент. 1721; указомъ имп. Анны Іоанновны 14-го мая 1730 назначенъ былъ главнымъ лекаремъ при СПб. Сухопутномъ

госпиталѣ, а 3 іюля 1732 переведенъ въ находившійся подъ вѣдѣніемъ Св. Синода Москов. госпиталь для преподаванія анатоміи и хирургіи лекарскимъ ученикамъ; но тамъ не поладилъ съ главнымъ докторомъ Ник. Бидлоо, на котораго и жаловался въ письмахъ своихъ къ архіятеру І. Х. Ригеру, какъ оказалось, однако, не совсѣмъ справедливо. Въ 1734—35 гг. онъ ѣздилъ съ капит. Засѣцкимъ въ Нижній-Новгородъ — для „освидѣтельствованія опасныхъ болѣзней“ въ Козьмодемьянскѣ и Царево-Кокшайскѣ и съ маіор. Шиповымъ—для осмотра полковъ, вышедшихъ изъ Персіи. Получивъ въ 1737, по представленію преемника Бидлоо, А. де Тейльса,—званіе оператора отъ Медиц. канцеляріи, П. занялъ мѣсто таковаго въ томъ же Московскомъ госпиталѣ, пока не былъ командированъ на Югъ съ докт. де Тейльсомъ и подлек. Субачевымъ, — въ Немировъ, въ свитѣ русс. уполномоченныхъ для заключенія мира съ Турками, и съ штадтъ-физикомъ І. Ф. Шрейберомъ въ армію фельдмарш. Ласси на Донъ для предотвращенія чумы; затѣмъ, снова былъ опредѣленъ ко Двору гофъ-хирургомъ по указу 21 марта 1738. Съ 1742 онъ жилъ въ Москвѣ въ отставкѣ, занимаясь частною практикою, а въ 1757 былъ назначенъ помощникомъ („лекаремъ-акушеромъ“) и переводчикомъ при И. Эразмусѣ, директорѣ вновь учрежд. акушерской школы, гдѣ сталъ дѣятельнымъ преподавателемъ. Имъ переведено было съ нѣмецкаго, при помощи моск. проф. Барсова,—соч. Горна: „Повивальная бабка“, М. 1764.

Richter, „Gesch. der Medic. in Russl.“, III, 211; Я. Чистовичъ „Очерки изъ исторіи русс. медиц. учрежденій“, 1870, с. 159—162 и 387.

Паглиновскій, *Дмитрій Моиссевичъ*, д. ст. сов., переводчикъ; ум. въ СПб. 24 апрѣля 1840. Ему принадлежитъ переводъ съ нѣмецкаго фантастич. повѣсти Гауффа: „Отелло“, СПб. 1835, 12°.

„Сѣв. Пчела“ 1840, № 94 (извѣстіе о смерти изъ „Вѣдом. СПб. Город. Полиціи“); „Систематич. реестръ“ М. Ольхина, 1846, № 5110.

Падеринъ. *Михаилъ*, учитель исторіи въ Московской гимназіи и переводчикъ. Ему принадлежатъ переводы: съ латинскаго—соч. Г. Рейхеля „Исторія о знатнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, съ краткимъ введеніемъ въ древнюю исторію, продолжающаяся до нынѣшнихъ временъ“, М. 1788, 8°, и съ французскаго—соч. Бюри „Краткая исторія о философахъ и славныхъ женахъ“, 2 ч., М. 1804, 8°.

В. Саитовъ, „Замѣтки и разъясненія къ опыту Сопикова“, 1878, с. 34; Шторхъ и Аделунгъ „Систематич. Обозрѣніе литературы въ Россіи съ 1801 по 1806 г.“, № 724.

Паддонъ, *Георгъ*, контръ-адмиралъ русс. службы; ум. 31 декабря 1718. Принятый изъ командоровъ англійскаго флота въ 1717 и имѣя флагъ на кораблѣ „Шлиссельбургъ“, онъ находился лѣтомъ въ крейсерствѣ съ флотомъ между Дагерордомъ и Финляндскими шхерами, а въ августѣ, командуя эскадрою изъ 14 кораблей, 1 фрегата и 1 галвота, прибылъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Послѣ того онъ участвовалъ, вмѣстѣ съ вице-адмираломъ Крюйсомъ, въ переводѣ на русскій языкъ уставовъ англійскаго и голландскаго флотовъ и адмиралтействъ и подалъ имп. Петру I предложенія: 1) объ улучшеніяхъ по содержанію флота и объ обученіи морскихъ командъ въ зимнее время, на особо установленныхъ передъ казармами мачтахъ,—дѣйствію парусами, такелажнымъ и др. работамъ; 2) о порядкѣ производства гардемаринъ и волонтеровъ въ мичмана и мичмановъ въ поручики, и, наконецъ, въ слѣд. году: 3) объ улучшеніи пищи во флотѣ, о лучшемъ составѣ кригсрихтовъ, о порядкѣ распредѣленія офицеровъ на суда, о производствѣ въ чины по экзамену, о подачѣ капитанами судовъ по окончаніи плаванія—„діюрналовъ“ (журналовъ) и о времени составленія росписанія нижнихъ чиновъ, достойныхъ повышенія по службѣ. Въ томъ же 1718 году онъ командовалъ эскадрою, которая крейсировала у Гангута и у Березовыхъ острововъ, и получилъ Императорское повелѣніе „объ освидѣтельствованіи“, вмѣстѣ съ капитанъ-командорами Сиверсомъ и Гордономъ, всѣхъ русс. офицеровъ—въ теоріи и практикѣ морскаго искутства.

„Общій морской списокъ“, I, 293.

Паддонъ, *Джоржъ*, капитанъ-командоръ въ русской службѣ; ум. 28 октября 1749 въ Кронштадтѣ. Родомъ англичанинъ, онъ былъ принятъ въ лейтенанты 2 марта 1720; въ 1725, послѣ командованія въ Ревелѣ брантвахтеннымъ фрегатомъ „Карлскронвалемъ“, просилъ о повышеніи его рангомъ, по производствѣ же 14 мая 1726 въ капитанъ-лейтенанты,

командовалъ сперва тѣмъ же фрегатомъ, потомъ фрегатомъ „Самсонъ“, на которомъ и находился въ крейсерствѣ между Оденсгольмомъ и Гангутомъ, а въ 1727—въ Ревелѣ. Затѣмъ, командуя фрегатомъ „Аронделъ“, отправился въ 1728 въ Киль, въ отрядѣ Бредаля, но, за поврежденіемъ этого фрегата, вернулся въ Ревель и, принявъ команду фрегата „Крейсеръ“, соединился въ Килѣ съ отрядомъ Бредаля, послѣ чего вернулся въ Кронштадтъ. Въ 1730 г., опять въ качествѣ командира фрегата „Самсонъ“, былъ въ плаваніи у Березовыхъ острововъ, а въ 1731, уже въ чинѣ капитана 3-го ранга, находился со своимъ фрегатомъ „Яхтъ-Хундъ“ въ крейсерствѣ между Наргеномъ и Финляндскими шхерами. Назначенный по росписанію 1732 г. снова командиромъ фрегата „Аронделъ“ и записанный по новому штату 1733 г. въ капитаны полковничьяго чина, онъ посланъ былъ въ Архангельскій портъ для отвода берегомъ—партіи морскихъ служителей, а 16-го же января 1735 назначенъ былъ въ присутствіе Архангельской конторы надъ портомъ и командиромъ „Сѣв. Звѣзды“, зимовавшей въ Архангельскѣ. Въ слѣдующемъ 1736 г., командуя отрядомъ изъ 4-хъ судовъ и имѣя брейдъ-вымпелъ на названномъ кораблѣ, онъ пришелъ въ Кронштадтъ и сталъ плавать у Красной Горки: въ 1737 на томъ же кораблѣ, въ 1738 на фрегатѣ „Войнъ“, въ 1739 на кораблѣ „Имп. Анна“, а 22 октября того же года опредѣленъ былъ завѣдующимъ 2-й морской дивизіей и 2-мъ морскимъ полкомъ. Въ 1740, въ качествѣ командира послѣдняго корабля, на которомъ имѣлъ свой флагъ вице-адмиралъ Обріенъ, онъ плавалъ съ Кронштадтской эскадрой у Березовыхъ острововъ; въ 1741, командуя кораблемъ „Сѣв. Орелъ“, находился въ Кронштадтѣ; затѣмъ, командуя „Св. Александромъ Невскимъ“, въ 1743,—въ Ревелѣ, въ эскадрѣ вице-адмир. Головина, и въ 1744, съ эскадрой,—у Красной Горки. Потомъ, въ качествѣ командира корабля „Счастіе“, былъ въ 1745 въ крейсерствѣ у Дагерорда, и корабля „Св. Александръ Невскій“ въ 1746—въ плаваніи съ эскадрой до Ревеля и Рогервика. Послѣ же назначенія 19 сентября того года исправляющимъ должность капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, командовалъ въ 1747 кораблемъ „Св. Петръ“, бывшимъ въ плаваніи въ Балтійскомъ морѣ, и, наконецъ, будучи произведенъ 5 апрѣля въ капитанъ-командоры, плавалъ съ флотомъ до острова Готланда, имѣя брейдъ-вымпелъ на кораблѣ „Фридемарсетъ“.

„Общій морской списокъ“, I, 294—6.

Падур(р)а, *Тимко*, т. е. *Ѳома*, одинъ изъ представителей такъ назыв. польской украинской школы. Род. 21 декабря 1801 въ м. Илинцахъ, Кіевской губ., въ небогатой шляхетской семьѣ; умеръ въ Казатинѣ, въ домѣ друга своего Маріана Васютынскаго, 8 сентября 1871 г. Предки его переселились въ Польшу изъ За-карпатской Руси въ 40-хъ годахъ XVII ст., несли военную службу и получили шляхетское званіе и гербъ Сасъ. Янъ, отецъ Ѳомы, былъ Брацлавскимъ коморникомъ; женившись на Анелѣ Пашковской, проживалъ въ названномъ мѣстечкѣ, гдѣ у него былъ домикъ и небольшой удѣлъ земли. Первоначальное образованіе П. получилъ въ родительскомъ домѣ и въ приходскомъ училищѣ въ Илинцахъ, гдѣ однимъ изъ сотоварищей его былъ извѣстный поэтъ польскій Северинъ Гощинскій. Оба они посѣщали тоже среднее учебное заведеніе въ Винницѣ. Въ 1820 г. П. опредѣлился въ секретари къ Вележинскому, инспектору училищъ, но оставался при немъ недолго: онъ предпочелъ поступить въ Кременецкій лицей, въ которомъ усердно изучалъ польскую и иностранныя литературы, въ особенности же произведенія Байрона и Оссіана.

Первые поэтическіе опыты П. на малорусскомъ нарѣчіи начинаются еще во время пребыванія его въ лицеѣ. Тогда же онъ познакомился съ Ходаковскимъ, отъ котораго получилъ записи думъ и преданій. Вскорѣ по окончаніи курса (1825) онъ сошелся съ Волынскимъ помѣщикомъ, однимъ изъ любопытнѣйшихъ польскихъ авантюристовъ, Неждою Вацлавомъ Ржевускимъ, много странствовавшимъ по Востоку и вернувшимся на родину съ титуломъ „золотобородаго эмира“. Въ его имѣніи зажилъ поэтъ и основалъ спеціальную школу лирниковъ и бандуристовъ, воспѣвавшихъ былые казацкіе подвиги, самъ же Эмиръ превратился въ „атамана Ревуху“. Искусственныя думы П. и его учениковъ распространялись ими при дворахъ Волынскихъ магнатовъ; но среди народа

имѣли малый успѣхъ. Такъ продолжалось до 1831, т.-е. до смерти Ржевускаго.

Черезъ него П. познакомился съ Сангушками, Олизаровскимъ, Заборовскимъ и другими, въ домахъ которыхъ онъ проживалъ постоянно, когда же ему опротивѣла шумная жизнь, онъ удалялся временно въ свою усадьбу въ Махновкѣ, Кіевской губ. Въ 1844 г. онъ посѣтилъ Варшаву, въ 1848 — предпринялъ поѣздку за границу. Полякъ по происхожденію и убѣжденіямъ, лучшія свои думы и пѣсни онъ написалъ на малорусскомъ нарѣчіи; самъ составлялъ къ своимъ пѣснямъ мелодіи или напѣвы; къ лучшимъ принадлежатъ: „Лирникъ", „Запорожецъ", „Золотая борода", „Гетманци", „Рожинскій". Часть пѣсенъ П., безъ вѣдома поэта и вмѣстѣ съ другими народными пѣснями, была издана Яблонскимъ во Львовѣ въ 1842 г. подъ загл.: „Pieśnia Tomasza Padurry". Самъ онъ издалъ лишь одинъ сборникъ: „Ukrainky z nułoja Tymka Padurry" (Варшава, 1844), состоящій изъ 12 малорусскихъ стихотвореній, съ польскимъ переводомъ самого поэта и съ нотами по транскрипціи Карла Липинскаго. П. переводилъ на малорусское нарѣчіе и произведенія другихъ литературъ, напр.: отрывки изъ Байрона, поэму Мицкевича „Konrad Wallenrod"; въ 40-хъ же годахъ написалъ поэму „Kudak",—рукопись этихъ произведеній была украдена у него за границею въ 1848 г.; сочинилъ также поэму: „Путешествіе Чайльдъ-Гарольда по славянскимъ землямъ". На польскомъ языкѣ П. написалъ лишь нѣсколько случайныхъ стихотвореній и историческихъ статей; лучшая изъ нихъ: „Mazepa" („Biblioteka Ossolińskich", 1864). Произведенія его изданы въ одномъ сборникѣ въ Львовѣ въ 1874 г. подъ заглавіемъ „Pyśma".

Стихотворенія и думы П., вызвавшія въ польской литературѣ благопріятные отзывы, пользовались нѣкоторое время громадною популярностью въ польскомъ обществѣ. Напротивъ того, критики малорусскіе находили въ нихъ искусственное одушевленіе, невѣрное освѣщеніе исторической жизни малорусскаго народа, обвиняли даже П. въ незнаніи малорусскаго языка—послѣднее замѣчаніе, впрочемъ, слишкомъ преувеличено.

„Biblioteka Warszawska" 1872, t. IV. (ст. В. Пржиборовскаго); „Prawdziwy życiorys T. Padury", Poznań, u Zupańskiego, 1875; „Encykl. powszechna", Warszawa, 1884, VIII, 395; „Кіевск. Старина" 1889, № 9 (ст. Ф. Ровита); „Отчетъ о 29 присужд. наградъ гр. Уварова", СПб. 1888, стр. 191—196 (рец. Н. Дашкевича книги Н. Петрова: „Очеркъ украинск. литерат. XIX ст."); А. Пыпинъ „Исторія русск. этнографіи", СПб. 1891, т. III, стр. 252—258.

Θ. Ф. В. и *Арх. Л—нко.*

Паевскій, *Осипъ Θаддеевичъ*, преподователь русской исторіи и всеобщей и русской статистики въ лицеѣ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ. Род. 1805; вышелъ въ отставку въ 1853. По окончаніи курса въ бывшемъ Виленскомъ университетѣ, онъ, чувствуя склонность къ наставнической дѣятельности и желая усовершенствоваться въ наукахъ и приготовить себя къ поприщу наставника, поступилъ въ 1827 въ Педагогическій институтъ при СПб. университетѣ. Здѣсь П. преимущественно занимался историческими науками, служебная же дѣятельность его начинается въ Меджибожскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ онъ былъ учителемъ съ 1828. Затѣмъ, черезъ 4 года, онъ былъ переведенъ въ Каменецъ-Подольскую гимназію, а оттуда перемѣщенъ въ 1839 г. — въ Черниговскую, старшимъ учителемъ исторіи и статистики. Будучи извѣстенъ начальнику какъ хорошо подготовленный наставникъ, П. назначенъ былъ 13 іюля 1840 въ лицей кн. Безбородко преподавателемъ исторіи и статистики; съ 1841 сдѣлался, кромѣ того, совѣтникомъ Правленія въ лицеѣ, а въ 1849 исправлялъ должность инспектора лицея и Нѣжинской гимназіи. Потрудясь тамъ 13 лѣтъ, онъ вышелъ 22 ноября 1853 въ отставку въ чинѣ колл. сов. и поселился въ Нѣжинѣ. П. былъ очень старательный и опытный преподаватель, но въ лекціяхъ его всегда чувствовался эклектизмъ, несмотря на все желаніе ихъ оживить и на всѣ ораторскіе пріемы.

Изъ печатныхъ сочиненій его извѣстна его рѣчь, произнесенная имъ на торжеств. актѣ лицея 27 сентября 1842, подъ заглавіемъ: „Краткое изложеніе понятій объ исторіи и историческомъ искусствѣ" и напечатанная въ „Отчетѣ лицея" за 1841—42 уч. годъ.

„Лицей кн. Безбородко", изд. Н. Гербеля, 1884 (ст. Н. Петрова).

Пазухинъ, *Алексѣй Дмитріевичъ*, правитель канцеляріи Мин. Внутр. дѣлъ, писатель. Род. въ 1845 въ Симбирской губ., ум 27 января 1891 г. въ С.-Петер-

бургѣ. Сынъ помѣщика, онъ окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ и первые годы своей дѣятельности посвятилъ родному уѣзду; будучи выбранъ въ 1872 г. участковымъ мировымъ судьей въ Алатырскомъ уѣздѣ и депутатомъ отъ дворянства тамъ же, онъ шесть лѣтъ исполнялъ эти обязанности, пока не удостоился въ 1878 г. избранія въ уѣздные предводители дворянства и почетные мировые судьи—въ томъ же уѣздѣ, гдѣ, сверхъ того, состоялъ потомъ еще почетнымъ попечителемъ мѣстной классической прогимназіи. Когда въ первой половинѣ 1880-хъ годовъ сталъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, вмѣстѣ съ другими преобразовательными задачами, обсуждаться вопросъ и объ устройствѣ мѣстнаго управленія, и образовалась особая коммиссія—съ цѣлью составленія проектовъ для него, А. Д. былъ призванъ въ нее въ 1885 г. въ качествѣ эксперта, какъ знающій хорошо условія сельскаго быта и нужды своего края. Тогда же имъ издана извѣстная въ свое время брошюра: „Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ". Занимаясь въ Коммиссіи, Пазухинъ обратилъ на себя вниманіе бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Д. Н. Толстого и тотъ предложилъ ему мѣсто правителя своей канцеляріи. Призываемый не разъ по мѣсту службы къ обсужденію важныхъ административныхъ и законодательныхъ вопросовъ, А. Д. принималъ особенно дѣятельное участіе въ разработкѣ новѣйшихъ преобразованій въ мѣстномъ управленіи и участвовалъ, въ качествѣ депутата министерства внутреннихъ дѣлъ, въ Коммиссіи министерства финансовъ по вопросамъ земскаго обложенія. Произведенный въ 1887 г. въ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника, онъ награжденъ былъ 2-го января 1891 г. орденомъ св. Станислава 1-й ст.

„Нов. Время", 29 янв. 1891, № 5359.

Пазухины, *Борисъ Андреевичъ* и *Семенъ Ивановичъ*, посланники царя Алексѣя Михайловича къ ханамъ бухарскому—Абдулъ-Азису, балкинскому—Надыръ-Махмету и, наконецъ, юргенчскому и хивинскому—Навшѣ-Мамбету въ 1669—73 гг. Получивъ изъ приказа Казанскаго дворца 22 іюля 1669 г. царскую грамату на означенное посольство, совмѣстно съ торговымъ человѣкомъ Иваномъ Савельевымъ и въ сопровожденіи стрѣльца Максимки Яковлева и иныхъ людей,—для выкупа и возврата русскихъ плѣнныхъ въ Бухарѣ, Балхѣ и Юргенчѣ(частью калмыковъ,ногайцевъ и др.), по ихъ челобитнямъ, а также для собранія свѣдѣній о путяхъ въ Индію и мощахъ священномуч. Симеона близъ Шемахи и привлеченія бухарцевъ къ торговлѣ шелкомъ съ Астраханью и Москвою, они должны были ѣхать изъ Москвы водою (рр. Окою и Волгою) въ Казань и, черезъ Самару и Саратовъ, въ Астрахань; представить тамъ особыя грамоты стольникамъ: кн. Ю. П. Трубецкому и А. Щербатову и боярамъ: И. В. Самарину и кн И. С. Прозоровскому и ихъ воеводамъ; взять въ послѣднемъ городѣ присланную на продажу изъ приказа большой казны и бывшую въ остаткѣ у цѣловальника кость „рыбья зуба" на 1445 р., а также проѣзжія грамоты для дальнѣйшаго пути черезъ Персію и Ширвань, за печатью Астраханскаго царства; не платить нигдѣ пошлинъ, но давать вездѣ небольшіе подарки въ шаховыхъ земляхъ, самимъ же ханамъ подносить пристойные поминки; ссылаться въ рѣчи къ Абдулъ-Азису на добрыя отношенія съ прежними бухарскими владѣтелями—отцомъ его Надыръ-Магометомъ и дядею Имамъ-Куліемъ, и иными государями; вездѣ требовать, чтобы ихъ садили за столомъ не ниже, а выше другихъ пословъ; говорить вообще осмотрительно и записывать все, о чемъ провѣдаютъ, въ статейный списокъ, отписываясь также кн. И. С. Прозоровскому, въ Астрахань.

Исполняя возложенныя на нихъ порученія, Пазухины выѣхали изъ Москвы 30 іюня 1669 г. и прибыли въ Казань 20 іюля. Проживъ тамъ три недѣли, они дождались головъ московскихъ стрѣльцовъ Дм. Полуектова и Ал. Соловцова, которые должны были сопровождать ихъ „для береженья". Выйдя изъ Казани 10 августа, они пришли въ Астрахань лишь 19 сентября—„за грузными стругами приказовъ московскихъ стрѣльцовъ". Оттуда, по совѣту кн. Прозоровскаго, они отправились въ Хиву сухимъ путемъ, т.-к. идти моремъ къ Караганской пристани, особенно въ осеннее время, и далѣе, не развѣдавъ путей, съ государевой казною было бы страшно, и 10 марта 1670 выѣхали въ сопровожденіи присланныхъ калмыц-

кимъ тайшей Дайчинымъ людей, принявъ отъ цѣловальника Ив. Берекецкого кости всего на 776 р. 50 к. (считая по 60 р. за пудъ за большую и по 40 р. за меньшую кость) и получивъ отъ него еще 125 р. отъ продажи вымѣненныхъ на остальное количество ея заморскихъ товаровъ. Въ дальнѣйшемъ пути ихъ сопровождали также толмачъ Никита Медвѣдевъ и цѣловальникъ Симонъ Ивановъ, сынъ подъячаго Афанасія Прошлецова. Добравшись хивинской дорогой до Дайчина тайши 24 марта, они оставались у него до 1 апрѣля; затѣмъ 13-го прибыли къ его внуку Назару-Мамуту, а черезъ мѣсяцъ, 14 мая,—въ урочище Кулабія, не дойдя до Хивы „за два днища“, и, наконецъ, 16-го числа,—въ первый хивинскій городъ Катъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ ханскій приставъ Худа-Берды съ подарками.

Придя въ Хиву 18-го мая, Пазухины, отказавшіеся послать хану Навшѣ поминки впередъ, были приняты имъ торжественно 21 числа въ свѣтлицѣ посреди сада, называвшейся золотою палатою, и посажены во время угощенья выше бухарскаго и калмыцкаго пословъ. На просьбу царя объ отпускѣ плѣнныхъ, онъ обѣщалъ однако отвѣтить послѣ, а тѣмъ временемъ русскіе послы склоняли подарками его приближенныхъ (аталыковъ и пр.) съ цѣлью заручиться ихъ содѣйствіемъ. За вторичнымъ же столомъ, 24 мая, ханъ объявилъ посламъ, что русскихъ плѣнниковъ у него нѣтъ, а есть у его хивинцевъ купленные ими отъ калмыковъ и башкировъ дорогою цѣною для работы русскіе люди, которыхъ онъ можетъ велѣть выдать не иначе, какъ послѣ выкупа ихъ по цѣнѣ, чтобы не причинять убытковъ своимъ подданнымъ отправкою ихъ работниковъ въ Астрахань, а потому послы просили его воспретить перепродавать послѣднихъ въ дальнія страны, въ ожиданіи царскаго приказа, и покупать русскихъ плѣнныхъ впредь, что̀ ханъ и обѣщалъ исполнить. Оставивъ Хиву 3-го іюня, Пазухины въ сопровожденіи ханскаго стольника Мурата-бека добрались на другой день до границы съ Бухарой, а 8-го отправились дальше, но въ Караколѣ отъ бухарскаго воеводы Мама-Демидъ-бека 19 числа и въ самой Бухарѣ отъ боярина Ташъ-Булатъ-бія 21 числа они узнали, что ханъ Абда-Азисъ находился въ то время съ своими ратными людьми противъ балховскаго хана въ гор. Ҡаршаки; тѣмъ не менѣе они были съ честью приняты въ ханской столицѣ 23 числа, къ хану же былъ посланъ особый гонецъ съ извѣстіемъ объ ихъ пріѣздѣ. Абда-Азисъ черезъ вернувшагося 14 числа гонца просилъ русскихъ пословъ не печалиться за задержку и ѣздить гулять въ его ханскіе заповѣдные сады, а самаго хана они дождались лишь въ декабрѣ. Настоявъ на своемъ, чтобы пріѣхать на ханскій дворъ на ханской же лошади и чтобы лично поднести ему царскую грамоту, а не черезъ диванъбега, Борисъ Пазухинъ съ товарищами былъ принятъ въ торжественной аудіенціи 30 числа Абда-Азисомъ, сидѣвшимъ на золотыхъ коврахъ на рундукѣ, на мѣстѣ передъ палатою, которое называлось курнышомъ, вышиною въ 6 ступеней, а длиною и шириною по 4 арш. по полу; 7-го же января 1671 послы поднесли хану дары, причемъ тотъ разспрашивалъ ихъ про потѣхи царя, и, наконецъ, 2 февраля были приглашены къ ханскому парадному столу, во-время котораго ханъ задавалъ имъ вопросы о звѣряхъ на Руси и о мѣстѣ рожденія кости „рыбій зубъ“. Послѣ того посламъ не разъ еще случалось обѣдать у хана Абда-Азиса (напр., 11 марта и 12 апрѣля), ибо тотъ все задерживалъ ихъ въ ожиданіи мира съ балховскимъ ханомъ, его братомъ, и прекращенія войны между калмыками.

Лишь 12 іюля, одаривъ весь составъ посольства драгоцѣнными одеждами и конями, ханъ объявилъ, чтобы готовились въ обратный путь, а 20 сентября прислалъ къ посламъ 9 русскихъ плѣнныхъ для отвода въ Москву, обѣщая отпустить и другихъ, если окажутся, но только по возвращеніи бухарскаго посольства отъ царя, причемъ завѣрялъ, что находящіеся въ Бухарѣ русскіе не взяты въ плѣнъ, а куплены у хивинцевъ по 40, 50 и больше рублей за человѣка, что̀ подтверждали и сами плѣнные, выкупленные послами. Надѣливъ еще 7 октября членовъ посольства деньгами на обратный путь, съ установленными вычетами въ пользу своей казны, ханъ отпустилъ ихъ домой, послѣ торжественной аудіенціи 20 числа, съ врученіемъ грамоты на имя царя, причемъ они успѣли за время своего пребыванія развѣдать разныя подробности о взаим-

ныхъ отношеніяхъ между правителями Хивы, Балхи, Бухары, Персіи, Индіи, объ ихъ войскѣ, средствахъ, имуществѣ, наконецъ, о путяхъ сообщенія и шелковой производительности въ тѣхъ странахъ, для развѣдокъ же въ самой Индіи посылался ими на мѣсто толмачъ Семенъ Измаиловъ, а въ Балхъ, къ Супхонь-Кули-хану, цѣлыхъ $1^1/_2$ года воевавшему съ Бухарскимъ ханомъ,—толмачъ Никита Медвѣдевъ еще въ маѣ 1671 г.

Выѣхавъ изъ Бухары 17 ноября, послы направились черезъ Персидскую землю Кизылбашскою дорогою, боясь идти Хивинскою, потому что ханъ Хивы думалъ задержать ихъ за остановку и ограбленіе его посла казаками въ Астрахани, почему онъ взялъ себѣ и везенные астраханскими посадскими людьми товары, а также потому, что у Даичина тайши была война съ черными калмыками. Но подойдя къ гор. Мовру 5 декабря, они встрѣтили препятствіе для дальнѣйшаго слѣдованія, т.-к. тамошній воевода, Зейнеръ-ханъ, отказывался пропустить ихъ черезъ Персидскую землю безъ вѣдомо шаха, почему пришлось посылать особаго гонца въ Испагань, откуда тотъ вернулся съ шаховымъ повелѣніемъ о проводѣ пословъ до гор. Мешети и дальше до Шемахи только 4 марта 1672. Добравшись до Мешети 29 марта, послы пришли въ Шемаху лишь ночью, черезъ Лянгаръ (иначе Свиной Базаръ) и Баку, испытавъ насиліе со стороны откупщиковъ, избившихъ до полусмерти Никиту Медвѣдева и Максимку Яковлева при вымогательствѣ пошлинъ въ Талыщахъ, и успѣли развѣдать по дорогѣ о мощахъ святого Шихъ-Аната или Пиръ-Магомета или иначе Пиръ-Мирузя, изъ Турецкой земли, котораго считали за священномуч. Семіона.

Прибывъ на Низовую пристань 5 октября, послы зазимовали тамъ, т.-к. сперва не было бусъ и судовъ, чтобы идти въ Астрахань, а потомъ, хотя и пришла буса Андрея Приклонскаго 9 ноября, зато наступили „грозныя морскія погоды“; за израсходованіемъ же всѣхъ денегъ, они заняли у польскаго посла Богдана Перса или Гурьдея въ Шемахѣ 250 р. на прокормленіе. И тутъ они должны были вынести опять налоги, грабительства и разныя обиды отъ шавкаловыхъ людей Темиръ-хана, которые не только гоняли и били русскихъ людей, когда они ходили въ деревни за дровами, травой и хлѣбомъ, но еще отняли у нихъ стрѣлецкую пищаль, стрѣляли въ нихъ и увели одного въ плѣнъ, тѣ же могли отбиваться отъ нихъ лишь камышами и водою, чтобы не учинить ссоры между царемъ и шахомъ, а когда пожаловались на этихъ разбойниковъ Шемахинскому хану и Дербенскому султану, послѣдніе приказывали имъ самимъ расправляться съ шавкаловыми людьми и лезгинами.

Проживъ въ Низовой 10 недѣль, послы отправились 11 іюня 1673 въ Астрахань на порожней бусѣ и подрядили съ собою разныхъ кладчиковъ съ персидскими и индѣйскими товарами, за которые пошлинъ приходилось на 4 т. р.; прибывъ же въ Астрахань 29 іюня, передали обо всемъ боярину кн. Як. Ник. Одоевскому и привезли въ Москву 24 русскихъ плѣнныхъ, за оставленіемъ еще 4-хъ, выкупленныхъ астраханцами въ Хивѣ, куда и отправился цѣловальникъ Симонъ Ивановъ Савельевъ.

Этимъ и окончилось посольство Пазухиныхъ въ Среднюю Азію.

„Наказъ Б. А. и С. И. Пазухинымъ на посольство въ Бухару, Балхъ и Юргенчъ, для выкупа русс. плѣнныхъ, съ прилож. статейнаго списка. 1669—73“. Изд. подъ ред. А. Труворова, Спб. 1894.

Паизіелло, *Джіованни*, оперный композиторъ въ Спб. (1776—85). Род. въ 1741 г. въ гор. Тарентѣ, ум. въ 1816 г. въ Неаполѣ. Ученикъ Дуранте, онъ сочинилъ множество обѣдень для органа, ораторій, духовныхъ концертовъ и проч., а потомъ выступилъ на драматическое поприще съ двумя комическими операми, которыя имѣли въ свое время большой успѣхъ. Оперы его: „Маркизъ Тулипано“, „Димитрій Артаксеркскъ“, „Небрежный“, „Китайскій идолъ“ и „Двѣ графини“ еще болѣе прославили его имя. Поступивъ ко двору Императрицы Екатерины II, онъ служилъ „надзирателемъ музыки“ и „инспекторомъ итальянской оперы“ и написалъ еще оперы: „Служанка-госпожа“, „Лунный міръ“, „Притворная любовница“, „Севильскій цирульникъ“; затѣмъ въ Варшавѣ онъ положилъ на музыку ораторію Метастазія „Страданія Спасителя“, а въ Вѣнѣ написалъ музыку для оперы „Король Ѳеодоръ“, представивъ образецъ финаловъ, о которыхъ прежде не имѣли

понятія. Возвратясь въ Италію, онъ сочинилъ еще очень много разныхъ пьесъ, изъ которыхъ лучшими считались: „La Molinara astata“ (мельничиха) и „Nina“, а также: „Дидону“, „Андромеду“, „Невольники по любви“, поставленные на СПб. театрахъ въ 1796—98 гг. Послѣ того Паизіелло прожилъ три года во Франціи, куда былъ призванъ Наполеономъ I, но въ концѣ-концовъ снова вернулся въ Италію.

„Энциклопед. Словарь“, Крайя и Старчевскаго. IX, 1, 137; „Архивъ дирек. Импер. театр.“, СПб, 1892, алфав.

Паисѣйны (Поисѣйны), *Борисъ* и *Иванъ*, Государевы иконописцы XVII в. въ Москвѣ. Составивъ смѣтную роспись расходамъ на исполненіе стѣннаго письма заново по золоту въ алтаряхъ и придѣлахъ большой Соборной и Апостольской церкви Успенія Пресв. Богородицы въ Москвѣ, согласно Царскому указу отъ 19 мая 7150 (1642), Иванъ Паисейнъ (бывшій на службѣ уже въ 1604) получалъ съ товарищи 14-ти человѣкъ, за писаніе стѣннаго письма, Государева жалованья поденнаго корму съ 2 іюля 1642 по алтыну на день на человѣка, а съ 3 іюля—по 2 алт. и, наконецъ, 6 сент., еще до окончанія работъ, въ числѣ 5 жалованныхъ иконописцевъ (вмѣстѣ съ Марк. Матвѣевымъ, Сидор. Поспѣевымъ и Бажен. Савиновымъ),—по 8 арш. камки индійской и по 4 арш. сукна. Его же работы 7 образовъ значились по описи 1651 въ Ярославской церкви Иліи прор.: 1) Господа Саваоѳа въ силахъ, съ молящимися, 2) Б. М. съ Арх. Михаиломъ и Ап. Петромъ, 3) Іоанна Предтечи съ Арх. Михаиломъ и Ап. Павломъ, 4) свят. Николая (по поясъ) съ преп. Ѳеодоромъ и Михаиломъ (на поляхъ), 5) Соловецкихъ Чудотв. Зосимы и Савватія, 6) Спаса на престолѣ, съ предстоящими: въ 1-мъ ряду — Богородицы, Іоанна Предт., Арх. Михаила и Гавріила, Ап. Петра и Павла, двухъ Іоанновъ Златоуста и Милостиваго, во 2-мъ—митроп. Петра, Алексія и Іоны, преп. Сергія, Варлаама, Дмитрія Прилуцкаго, Макарія Унженскаго, Василія Блаженнаго, 7) Николы Можайскаго, но изъ нихъ сохранились только 4 и 7.

А. Викторовъ „Описаніе книгъ и бумагъ стар. Дворц. приказ“, II, 397. 399. 410. 413. 414. 415 и 422 (изъ прих.-расх. кн. Ор. Пал. за № 944/937);— И. Забѣлинъ „Матер. для исторіи русс. иконоп.“, 8, и Д. Ровинскій „Исторія русс. школъ иконопис.“, 171;—„Отеч. Зап.“ 1821, VIII, 251;—„Русс. Стар.“ А. Мартынова и И. Снегирева“, VI, 53, и И. Снегирева же „Памят. Моск. древн.“, LXV, № 34; — И. Забѣлинъ „Бытъ русс. царей“ въ „Отеч. Зап.“ 1851, № 2, науки и худож.“, с. 167, и 1854, № 6, с. 52; Левшинъ „Опис. Моск. Успен. Соб.“, с. 10—15 и 179 — 217 (опис. стѣнной живоп., рис. которой не измѣнился и при поновленіи въ ц. Екатерины II, см. тамъ же отд. II, с. 4—5). *Н. С.*

Паисій, преп. Галичскій, игуменъ (съ 1385), потомъ архимандритъ (послѣ 1440) въ монастырѣ, неизвѣстно кѣмъ и когда построенномъ на берегу Галичскаго оз., по близости гор. Галича, Костромской губ.; преставился 23 мая 1460 (а не 6 іюня 1504, какъ значится въ нѣкот. источникахъ), проживъ 75 лѣтъ отъ постриженія до кончины. Монастырь, гдѣ онъ подвизался, носилъ названіе сперва Николаевскаго, потомъ Успенскаго—отъ бывшихъ въ немъ храмовъ во имя св. Николая и Успенія Пресв. Богородицы, изъ которыхъ послѣдній сооруженъ былъ, за ветхостью прежняго, въ княженіе в. к. Дмитрія Донскаго бояриномъ Іоанномъ Овиномъ, получившимъ въ видѣніи образъ Богоматери, прозванный Овинскимъ и увезенный впослѣдствіи въ Москву в. к. Василіемъ Васильевичемъ, послѣ войны противъ своего родного дяди, кн. Юрія Дмитріевича Галичскаго (1433). По завѣщанію сына послѣдняго, кн. Дмитрія Краснаго († 1440), послѣ битвы в. к. съ его братомъ Шемякою, преп. Паисій, бывшій духовнымъ отцомъ внука Овинова, Дмитрія Ярцева, ѣздилъ съ копіею названнаго выше образа въ Москву просить в. к. Василія Темнаго о покровительствѣ обители; былъ встрѣченъ, съ колокольнымъ звономъ и крестнымъ ходомъ,—самимъ княземъ, митрополитомъ Іоной и многочисленной толпой народа; получилъ грамоту къ намѣстникамъ о защитѣ монастыря отъ нападеній и возвратился въ сопровожденіи двухъ московскихъ архимандритовъ (Трифона изъ Спасскаго и Никандра изъ Чудовскаго мон.). Послѣ того самъ былъ поставленъ въ архимандриты, а монастырь названъ въ честь его Паисіевымъ. Мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ Успенской церкви. Наружность его описана въ „Иконописномъ подлинникѣ“ подъ 21 іюля: „подобіемъ сѣдъ, брада аки Макарія Желтоводскаго, на конецъ раздвоилась, курчавата; ризы монашескія“.

Амвросій „Исторія росс. іерарх.“, V, 447—450; кн. Эристовъ „Словарь историч. о святыхъ“, 224,

и во 2-мъ изд., 194; Филаретъ „Русс. святые“, 1861, май, 173—176; Муравьевъ „Житія святыхъ“ 1867, май, 410 — 421 (изъ рукоп. житія преп. въ его обит.); Сергій „Св. Востокъ“, т. II, ч. I, с. 136; Ключевскій „Древнерусс. житія свят.“, 357; Филимоновъ „Иконопис. подлинникъ“, 63; Строевъ „Списки іерарх.“, 862, и „Библіолог. Словарь“; Барсуковъ „Источники русс. агіогр.“, 419; Звѣринскій „Матеріалъ для истор.-топогр. изслѣд. о Прав. мон. Росс. Имп.“, т. II, № 1034.

Паисій, преп. **Печерскій**, извѣстенъ только по имени; жилъ въ XIV, в., спасаясь вмѣстѣ съ св. Меркуріемъ, съ которымъ и положенъ въ одномъ гробѣ въ Ѳеодосіевыхъ дальнихъ пещерахъ въ Кіевѣ; память его празднуется въ Кіево-Печерской лаврѣ, вмѣстѣ съ другими угодниками тѣхъ же пещеръ, 28 августа (а не 19 іюля, какъ значится въ нѣкот. источникахъ).

„Патер. Печер.“; Евгеній „Опис. Кіево-Печер. лавры“, 89; кн. Эристовъ „Словарь истор. о свят.“, 225; Филаретъ „Русс. святые“, авг., 126; Сергій „Св. Востокъ“, т. II, ч. I, с. 226.

Паисій, преп. **Угличскій** (въ мірѣ *Павелъ Ив. Гавреновъ*), игуменъ Покровскаго мон. близь Углича. Род. 8 января 1397, въ с. Богородскомъ, Нерехотскаго стана, по Кашинской дорогѣ; преставился, судя по найденной при его гробѣ записи, на 107-мъ году, 1504 (а не 1506), іюня 6, когда и празднуется мѣстно его память. Сынъ нѣкоего Іоанна Гавренова отъ его брака съ Ксеніей, дочерью полководца Вас. Аѳан. Кожи и родною сестрою преп. Макарія Калязинскаго, онъ, по смерти родителей, на 11-мъ году, былъ постриженъ послѣднимъ, какъ своимъ наставникомъ, подъ руководствомъ котораго занимался списываніемъ свящ. книгъ,—въ иноки Калязинскаго Троицкаго мон., гдѣ до послѣдняго времени хранилась книга твореній св. Григорія Богослова, его письма. Приглашенный (въ 1466) кн. Андреемъ Васильевичемъ, сыномъ в. к. Темнаго, въ Угличъ, для сооруженія монастыря, онъ построилъ его въ томъ же году (а не въ 1460) въ 3-хъ верстахъ отъ города, на берегу р. Волги, во имя Покрова Богородицы; пріявъ же священство отъ архіепископа Ростовскаго Тихона, былъ поставленъ имъ въ игумены названной обители. Пользуясь особенной любовью князя, онъ былъ воспріемникомъ его сыновей: Іоанна и Дмитрія (1478 — 9), заключеннаго, по смерти отца († 1493) въ Вологодскую тюрьму ихъ роднымъ дядею, в. к. Іоанномъ. Мощи Паисія почиваютъ подъ спудомъ въ соборной церкви построеннаго имъ монастыря, раззореннаго въ 1609 литовцами, но потомъ снова возобновленнаго жителями Углича. Наружность его описана въ „Иконописномъ подлинникѣ“: „подобіемъ сѣдъ, плѣшивъ; брада аки Саввы Звенигородскаго, круглая, продолговатая; ризы монашескія и схима на плечахъ“.

Амвросій „Исторія росс. іерарх.“, V, 585; кн. Эристовъ „Словарь истор. о свят.“, 223, и во 2-мъ изд., 193; „Истор. словарь свят.“, XXII и 190; Строевъ „Спис. іерарх.“, 348; Филаретъ „Русс. святые“, 1860—63, іюль, 28 (32); Муравьевъ „Житія свят.“, 1867, іюль, 53(67); Сергій „Св. Востокъ“, т. II, ч. I, с. 150, и ч. 3, с. 148; Ключевскій „Древнерусс. житія свят.“, 317; Филимоновъ „Иконопис. подлин.“, 57; Барсуковъ „Источники русс. агіогр.“, 420; Леонидъ „Св. Русь“, 727.

Паисій (въ мірѣ *Павелъ Бартеневъ*), игуменъ разныхъ монастырей въ XVIII ст. Происходя изъ шляхтичей, онъ былъ постриженъ въ монахи въ 1711 г. и вскорѣ возведенъ въ игумены Ниловой пустыни, но, пробывъ тамъ 5 лѣтъ, переведенъ по просьбѣ въ Волоколамскій Іосифъ монастырь. Возведенный затѣмъ въ 1727 въ архимандриты Торопецкаго Небина монастыря, онъ черезъ полгода отпросился въ Новоспаскій монастырь, откуда переведенъ былъ, по опредѣленію Св. Синода, опять игуменомъ въ Селижаровъ монастырь (1730) и, наконецъ, уволенъ по прошенію снова въ Нилову пустынь. По наведенной о немъ справкѣ, Св. Синодъ опредѣлилъ: „безпокойнаго, переходившаго изъ одной обители въ другую и оклеветавшаго передъ Императрицею, чрезъ продерзостнаго епископа Аарона, Синодъ, будто бы въ ономъ состоялось опредѣленіе о разстриженіи всѣхъ тѣхъ монаховъ, которые пострижены послѣ Регламента,— лишить: іеромонашества и монашества и послать въ Иркутскую епархію бѣльцомъ подъ именемъ Павла Бартенева въ бѣльческомъ платьѣ, а когда онъ въ Иркутскъ явится, то Иркутскій преосвященный снова долженъ возвратить ему монашество и священство, если только онъ, Бартеневъ, не дерзнетъ ранѣе, по дорогѣ, обнаруживать ни словомъ, ни дѣломъ, своего званія; въ семъ же послѣднемъ случаѣ лишеніе сана и монашества его — признать безвозвратнымъ и притомъ жестоко наказать, яко презрителя Высокомонаршей воли“. Однако въ 1737 г. еписк. Иннокен-

тій доносилъ, что Бартеневъ еще не явился на мѣсто своего назначенія.

„Иркут. епарх. вѣд.“ 1867, № 3, с. 29 — 32 Строевъ „Списки іерарх.“, 463—4 и 395.

Паисій (*Петръ Ивановичъ Величковскій*), инокъ Кіево-Печерской Лавры, пустынножитель на Аѳонѣ, основатель Нямецкаго мон. въ Молдавіи. Род. 1722 г. въ Полтавѣ, ум. 15 нояб. 1794 въ Валахіи, гдѣ жилъ съ 1764. Сынъ соборнаго протоіерея Успенской церкви, онъ началъ книжное ученіе подъ руководствомъ старшаго брата, заступившаго мѣсто отца послѣ его смерти. Когда же умеръ и тотъ, мать ихъ, желая удержать въ своемъ родѣ протоіерейское мѣсто, постоянно занимавшееся Величковскими, отправилась въ Кіевъ съ меньшимъ сыномъ, которому было въ то время всего 13 лѣтъ (1734), хлопотать о сохраненіи за нимъ той же должности. Привѣтствованный юнымъ Петромъ заранѣе приготовленною рѣчью, митрополитъ Рафаилъ опредѣлилъ его напередъ въ Кіевскую Духовную Академію. Однако, юноша оставался тамъ не долго и, влекомый къ иноческой жизни, пошелъ сперва въ Любечскій мон. въ послушаніе къ игум. Никифору, а затѣмъ въ Медвѣдовскій, гдѣ и былъ постриженъ въ рясофоръ на 19-мъ году подъ именемъ Платона. Но самымъ большимъ желаніемъ его было идти въ Молдавію: поэтому, пробывъ нѣкоторое время послѣ раззоренія названнаго монастыря католиками и уніатами въ Кіево-Печерской Лаврѣ при ея типографіи, для изученія рѣзьбы на мѣди у іеромон. Макарія, онъ отправился, лишь только нашелъ попутчика, въ Молдавскій скитъ Трѣйстѣны. Переходя потомъ изъ одного скита въ другой, онъ получилъ на св. горѣ Аѳонской мантію, вмѣстѣ съ именемъ Паисія, послѣ чего возвратился въ Валахію, въ скитъ Мернополяну, гдѣ, уступая просьбамъ другихъ пустынножителей, принялъ священство, будучи 25 лѣтъ отъ роду (1747). Испросивъ затѣмъ себѣ келью въ мон. Пантократора, онъ приступилъ къ основанію скита во имя св. прор. Иліи, а послѣ нападенія на него Турокъ, получилъ въ Яссахъ отъ господаря и митрополита мон. Драгомирнъ и принялъ тамъ схиму. Тамъ же занялся онъ и переводомъ на молдавскій и славянскій языки —отеческихъ и богословскихъ книгъ, которыя и читалъ своей братіи, а когда монастырь его, по заключеніи мира между Россіею и Турціей въ 1774, отошелъ къ Австріи, помогавшей Портѣ, Паисій переселился сперва въ мон. Сѣкулъ, потомъ, по повелѣнію князя Конст. Мурузи, въ Нямецъ (1779), гдѣ принялъ наконецъ санъ архимандрита въ 1790.

„Домаш. Бес.“ 1861, №№ 30 и 31, с. 587 и 603 (извлеч. изъ 2 изд. „Житія и писаній П.“, М. 1847); „Москвит.“ 1845, кн. 4, с. 276; Строевъ „Библіолог. Словарь“, 222; Филаретъ „Обзоръ дух. литер.“, II, № 67 б.

Паисій Лигаридъ или **Лихаридъ** (въ мірѣ *Пантелеймонъ*), митрополитъ Газы Іерусалимской, дух. писатель, ум. 24 августа 1678 въ Кіевѣ, въ братскомъ монастырѣ. Чуждый намъ по своему происхожденію, онъ, однако, „по великому своему участію —какъ выразился митр. Евгеній („Слов. о писат. дух. чина“, II)—въ дѣлѣ низложенія патр. Никона принадлежитъ къ исторіи нашей“. Паисій былъ родомъ грекъ съ о. Хіоса, воспитаніе получилъ въ Римѣ, въ іезуитской коллегіи, основанной папою Григоріемъ XIII для грековъ и, по показанію патр. Никона („Возраженіе Никона патр. противъ вопросовъ бояр. Сим. Стрѣшнева и на отвѣты Паисіевы“, по списку Воскрес. Новоіерусалим. мон. XVII в.), тамъ принялъ священный санъ. Вслѣдствіе сего, Фабриціи помѣстилъ его въ спискѣ грековъ латиномудрствовавшихъ. Есть также извѣстіе, что онъ былъ учителемъ въ Яссахъ, въ Молдавіи, и въ 1650 г. принималъ участіе въ извѣстномъ богословскомъ диспутѣ „о вѣрѣ“ съ греками старца Арсенія Суханова. Потомъ онъ удалился на Востокъ и, по собственному свидѣтельству, былъ въ Іерусалимѣ протопопомъ. Тамъ то онъ постригся въ монахи и посвященъ былъ митрополитомъ въ Солунь, а оттуда переведенъ въ Газу Іерусалимскую. Неизвѣстно, за какіе проступки подвергся онъ потомъ запрещенію патріарха и долго скитался по Греціи и Италіи. Извѣстный справщикъ богослужебныхъ книгъ Арсеній Грекъ, по его просьбѣ, писалъ о немъ патр. Никону, какъ о человѣкѣ обширной учености, а Константинопольскій патр. Парѳеній отзывался о немъ же, какъ о знатокѣ церковныхъ правилъ. И дѣйствительно, по отзыву С. М. Соловьева, II. Лигаридъ былъ самый образованный, самый представительный изъ греческихъ духовныхъ лицъ, являв-

шихся въ Москву. Но Н. И. Субботинъ къ этому прибавляетъ, что онъ „былъ въ тоже время самый истый Гречинъ, какой только пріѣзжалъ когда либо въ Россію, —хитрый, льстивый, пронырливый". П. В. Знаменскій именуетъ Лигарида интриганомъ, жертвовавшимъ для своихъ выгодъ и долгомъ, и совѣстью; преосв. Филаретъ прибытіе Паисія въ Россію относитъ къ несчастію церкви. Никонъ, нуждаясь въ образованныхъ людяхъ, былъ весьма радъ имѣть при себѣ Паисія, которому и писалъ объ этомъ 1 декабря 1656 г. Но неизвѣстно, по какому поводу не состоялся тогда пріѣздъ къ намъ Паисія.

Онъ появился въ Россіи въ началѣ 1662 г., подъ именемъ митрополита Газскаго Предтечева монастыря. Въ то время прошло уже болѣе четырехъ лѣтъ, какъ произошла размолвка между „собинными друзьями" ц. Алексѣемъ Михайловичемъ и патр. Никономъ, причемъ размолвка эта успѣла вырости въ открытую вражду. Паисій сразу очутился въ неловкомъ положеніи между царемъ и патріархомъ, одинаково къ нему расположенными. „Не знаю, куда мнѣ обратиться!—откровенно писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—потому что никто не можетъ работать двоимъ господамъ?.." Вскорѣ, однако, какъ и слѣдовало ожидать, Паисій перешелъ на сторону враговъ Никона. Онъ началъ съ того, что подалъ царю письмо, въ коемъ убѣждалъ его ревностнѣе заняться дѣломъ Никона для блага Церкви и государства. Уже здѣсь Паисій не обошелся безъ укоровъ по адресу патріарха. Никонъ отвѣчалъ ему въ свою защиту пространною грамотою на латинскомъ языкѣ. Тогда Лигаридъ выступилъ противъ Никона съ открытымъ обличеніемъ корня всѣхъ золъ—самолюбія; уговаривалъ патріарха „покаяться", „смириться, воздавъ кесарево кесареви" (П. Лигаридъ „О соборѣ, быв. въ Москвѣ на Никона" [1]), ч. 1, гл. XIII). Не внялъ Никонъ совѣтамъ Паисія, но еще болѣе раздражился, грозилъ отдаться на судъ папы. Угроза эта произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ. Паисія пригласили въ Патріаршую палату и поручили ему разобрать заявленіе Никона и выяснить: имѣетъ ли онъ право обращаться въ Римъ? Паисій, на основаніи византійскихъ хроникъ, рѣшилъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Успѣшное исполненіе этого порученія возвысило Лигарида въ глазахъ враговъ патріарха. На него стали смотрѣть, какъ на ученаго мужа, дорогого человѣка въ столь тревожное время. Его каноническими познаніями задумалъ воспользоваться одинъ изъ злѣйшихъ враговъ патр. Никона, боринъ Стрѣшневъ. Стрѣшневъ предложилъ Паисію 30 вопросовъ, въ которыхъ излагалось поведеніе Никона и отношенія патріарха къ царю, съ требованіемъ письменнаго отвѣта на нихъ, для доклада государю. Паисій со всею гибкостію ума отвѣчалъ на эти вопросы полнымъ осужденіемъ всѣхъ дѣйствій Никона. Отвѣты его составили цѣлую тетрадь, озаглавленную „Отписка боярину Симону Лукьяновичу Стрѣшневу митр. газскаго Паисія на тридесять вопросовъ отвѣты новыхъ обычаевъ Никоновыхъ, бывшаго патр. Московскаго во 171 году" (оригиналъ хран. въ Госуд. архивѣ въ С.-Н.-Б.). Отвѣты эти Паисій представилъ Стрѣшневу при письмѣ, въ которомъ говорилъ, призывая Бога во свидѣтели, будто, „не хотѣлъ для осужденія завидныхъ людей того дѣла начинати, вѣдаючи, что явную недружбу и непріятство имѣть буду съ патріархомъ"; выразилъ сожалѣніе, что не знаетъ русскаго языка, а долженъ довольствоваться плохими переводчиками, которые, „чего не разумѣютъ, опускаютъ, или толкуютъ противо любви и воли своей, покрываючи свою глупость". Еще бо̀льшую услугу противникамъ Московскаго патріарха оказалъ П. Лигаридъ совѣтомъ объявить восточнымъ патріархамъ все дѣло о Никонѣ.

Царскимъ указомъ 21 декабря 1662 г. было повелѣно: созвать въ Москвѣ, въ маѣ или іюнѣ 1663 г., соборъ, пригласивъ на него вселенскихъ патріарховъ и русскихъ архіереевъ. Паисій составилъ для патріарховъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ по дѣлу Никона, но только имя послѣдняго ни въ одномъ изъ нихъ не упоминалось. Вопросы и пригласитель-

[1]) Это соч. П. Лигарида извѣстно по греческ. списку, переписанному въ Египтѣ въ 1-й четв. XVIII ст. и находящемуся нынѣ въ Московской Синод. библіот., подъ № 469; оно составлено Паисіемъ въ Москвѣ, посвящено ц. Алексѣю Михайловичу и дѣлится на три части, съ подраздѣленіемъ каждой на главы; двѣ первыя части переведены кѣмъ-то на русс. яз. Списки перевода имѣются въ Главн. Арх. М. И. Д. въ Москвѣ и въ библіот. Москов. Дух. Акад.

ныя грамоты патріархамъ повезъ іерод. Мелетій, соотечественникъ и другъ Лигарида. Тѣмъ временемъ началось Боборыкинское дѣло, и Паисію пришлось видѣться впервые лицомъ къ лицу съ Никономъ. Боборыкинъ, какъ извѣстно, подалъ доносъ, будто Никонъ проклялъ ц. Алексѣя Михайловича. Для разъясненія этого дѣла была отправлена въ Воскресенскій монастырь комиссія; во главѣ ея поставили Лигарида. Озлобленный Никонъ жестоко разругалъ столь ненавистнаго ему грека. „Лучше бы мнѣ было не видѣть такого чудовища", говорилъ Никонъ царю, по возвращеніи изъ Воскресенскаго монастыря; „лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобъ не слышать его циклопскихъ криковъ и громкой болтовни!" Между тѣмъ надъ головою Лигарида стали собираться тучи. Восточные патріархи отозвались на царское приглашеніе (1664 г.). При этомъ патр. іерусалимскій Нектарій, провѣдавъ, что Паисій ищетъ титула экзарха патріаршескаго и уже называется такъ въ Москвѣ, объявлялъ черезъ своего посланнаго, что это самозванство. Затѣмъ и Никонъ, узнавъ, разными путями, преимущественно же черезъ грековъ, служившихъ и нашимъ и вашимъ, о разныхъ продѣлкахъ своего врага, всякій разъ, какъ только представлялось ему нужнымъ, пользовался этими свѣдѣніями. Озадаченный Паисій, особою челобитною на имя государя, ходатайствовалъ, чтобы взведенныя на него обвиненія были разсмотрѣны соборомъ. Соборъ былъ созванъ во дворцѣ, послѣ Ѳоминой недѣли, въ 1665 г. Многочисленные свидѣтели показали въ защиту Лигарида. Тогда послѣдній сталъ просить царя отпустить его домой, „пока не съѣхался въ царствующій градъ Москву соборъ вселенскій"... „Если столько терплю еще до собора,—прибавлялъ онъ—то что же буду терпѣть послѣ? Довольно уже, всемилостивѣйшій государь, довольно! Не могу болѣе служить твоей святой палатѣ".. Царь, разумѣется, не отпустилъ Паисія: онъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ нуженъ Алексѣю Михайловичу. Хотя нельзя отрицать того, что вѣрить Лигариду онъ сталъ менѣе прежняго. Въ бумагахъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ сохранилась грамота патр. константинопольскаго Діонисія, отъ 12 ноября 1666 г., въ которой онъ рекомендуетъ, въ качествѣ своего замѣстителя на соборѣ,—П. Лигарида, именуя его „святымъ и благоразумнымъ, разсуднымъ и свѣдущимъ" въ церковныхъ дѣлахъ. Царю вздумалось провѣрить, черезъ келаря Чудова монастыря Савву, поручалъ ли п. Діонисій митр. газскому быть его представителемъ на соборѣ. И вотъ, тутъ-то и открылось, что Діонисій подобнаго порученія Паисію не давалъ и грамоты никакой не посылалъ. „П. Лигаридъ лоза не константинопольскаго престола, я его православнымъ не называю"—писалъ Діонисій. Такъ-что съ тѣхъ поръ объ экзархествѣ своемъ Паисій больше уже не заикался.

Въ ожиданіи прибытія восточныхъ патріарховъ съѣхались въ Москву русскіе архіереи. Въ февралѣ 1666 г. открылся соборъ по дѣламъ раскола. Лигаридъ не участвовалъ на немъ, но ему, какъ человѣку ученѣйшему, царь и соборъ поручили составить опроверженіе на челобитную попа Никиты изъ Суздаля, заключавшую въ себѣ возраженія противъ новоисправленныхъ печатныхъ книгъ. А такъ какъ Паисій русскаго языка не зналъ, то челобитную Никиты пришлось для него перевести. Вслѣдствіе этого обстоятельства Лигардъ не имѣлъ возможности вникнуть, какъ слѣдуетъ, во всѣ подробности содержанія челобитной; отсюда и трудъ его оставляетъ желать многаго. Написанные Паисіемъ на латинскомъ языкѣ, а потомъ переведенные на русскій Симеономъ Полоцкимъ (библ. Моск. Дух. Акад., рукоп. № 68) „отвѣты обличительные на церковныхъ противниковъ", въ количествѣ 31-го, на такое же число возраженій Никиты „ефемернаго теолога, даже концемъ перста не вкусившаго теологіи", отличаются общностью. Какъ иностранецъ, Паисій старался углубляться во внутренній смыслъ русской жизни и въ расколѣ видѣлъ одно лишь порожденіе невѣжества, главнѣйшимъ средствомъ противъ котораго, какъ и слѣдовало ожидать, признавалъ просвѣщеніе.

2-го ноября 1666 г. пріѣхали въ Москву патріархи александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій. П. Лигаридъ, по приказанію государя, былъ приставленъ къ нимъ для ознакомленія ихъ во всѣхъ подробностяхъ съ дѣломъ Никона. Сохра-

нилась записка Лигарида съ изложеніемъ винъ московскаго патріарха. Можно себѣ представить—чего только ни наговорилъ въ ней Паисій на Никона! 7 ноября начались засѣданія собора для суда надъ Никономъ. Ихъ было 8. Паисій присутствовалъ на 2-мъ (разрѣшилъ вопросы объ умѣстности, правѣ и значеніи созваннаго собора), 5-мъ и, кажется, 8-мъ, по окончаніи же соборныхъ преній, когда крутицкій митр. Павелъ и рязанскій митр. Иларіонъ вдругъ отказались подписать приговоръ надъ Никономъ, Паисій много содѣйствовалъ убѣжденію ихъ (сказалъ 3 рѣчи въ защиту царской власти), такъ что упорствовавшіе архіереи не только подписали соборный актъ о низложеніи Никона, но даже еще вынуждены были просить о прощеніи (П. Лигаридъ „О соб. на Ник.“, III, гл. IX—XI).

12 декабря 1666 г. былъ осужденъ Никонъ и сосланъ въ Ѳерапонтовъ монастырь; не сдоровалъ, однако и Паисій. Въ 1668 г. патр. іерусалимскій Нектарій увѣдомлялъ ц. Алексѣя, что Паисій, за самовольную и продолжительную отлучку изъ своей епархіи и нѣкоторыя вины, давно уже проклятъ и лишенъ святительскаго сана. Но царь, будучи признателенъ Паисію за участіе его въ дѣлѣ Никона, просилъ патр. іерусалимскаго снять съ Лигарида запрещеніе. И патріархъ, „ради прощенія и любви самодержца русскаго“, освободилъ Паисія отъ отлученія и проклятія. Въ концѣ весны 1672 г. П. Лигаридъ собрался домой. Въ VII т. „Дополн. къ Акт. историч.“, подъ № 55, помѣщено „Дѣло объ отпускѣ изъ Москвы въ Палестину Газскаго митр. Паисія“, а въ немъ указъ ц. Алексѣя Михайловича въ Монастырскій Приказъ, отъ 31 мая: „указалъ вел. государь отпустить съ Москвы въ Палестину Газскаго митр. Паисія, а на Симоновскомъ подворьѣ, гдѣ онъ жилъ, хоромы и садъ, и погребъ, и всякое строеніе, по его вел. государя указу, приказано беречь посольскаго Приказу греческаго яз переводчику Миколаю Спотаріусу...“ Сверхъ того, царь предписывалъ кіевскому воеводѣ, кн. Григ. Аѳ. Козловскому съ товарищи, что когда Паисій будетъ въ Кіевѣ, то чтобы ему съ людьми давали „кормецъ по разсмотрѣнью“. Вслѣдствіе сего, мѣстныя власти оказывали Паисію полную предупредительность. Въ Кіевѣ Паисія, вмѣстѣ „съ причетники и съ племянникомъ и съ служки“, помѣстили въ Софійскомъ монастырѣ. Кіевъ Паисію понравился. Онъ тамъ остался и началъ преподавать въ Академіи философію. По свидѣтельству м. Евгенія, лекціи его по этому предмету хранились въ бумагахъ московскаго проф. Ант. Ал. Барсова. Въ 1673 г. кіевскіе воеводы доносили царю, что Паисій „со слезами бьетъ челомъ, чтобы ему или позволили вернуться въ Москву, или бы прибавили поденнаго корма“. Государь, снисходя на его просьбу, велѣлъ спросить у него: куда онъ хочетъ ѣхать—въ Москву или за рубежъ? Паисій отвѣчалъ, что „для своей болѣзни и за стужею къ Москвѣ ѣхать не сможетъ, а за рубежъ за воинскими людьми ѣхать нельзя“, и просилъ позволенія остаться въ Кіевѣ. Тѣмъ не менѣе въ Кіевѣ онъ оставался не долго. Онъ и оттуда сталъ дѣлать царю доносы на кіевское духовенство. Въ 1676 г. мы видимъ Паисія опять въ Москвѣ. Долго ли онъ пробылъ въ Москвѣ, не знаемъ. Но оттуда онъ снова воротился въ Кіевъ, гдѣ и умеръ. 6 декабря 1693 г. Адріанъ писалъ кіевскому митр. Варлааму, чтобы онъ „послѣ успшаго... Лигарида Газскаго митр.... въ Кіевѣ... мощи святыя и книги... и что чего-либо сыщется“ возвратилъ патр. іерусалимскому Досиѳею, ибо, „пишутъ, яко братъ Лигаридъ Газскій книги и мощи святыхъ иныя взялъ изъ Іерусалима, иныя изъ Газскія епархіи“ (рукоп. сборн. Чудова мон., № 330, л. 337).

М. Евгеній „Слов. о писат. дух. чина“, II, 145—8; А. В. Горскій „Нѣск. свѣд. о П. Лигаридѣ до приб. его въ Россію“ въ „Прибавл. къ твор. св. отцовъ“ 1862, XXI, 133; Макарій „Истор. Русс. Церк.“ 1883, XII, 379—380, 462, 754—7; Филаретъ Черниг. „Истор. Русс. Церкви“, 1862, періодъ 4-й, с. 41; Соловьевъ „Ист. Россіи“, 1880, XI, 268—9; Н. И. Субботинъ „Дѣло патр. Никона“, М. 1862, с. 49, 176—7; П. В. Знаменскій „Руковод. къ русс. церк. ист.“, Каз. 1876, с. 233; „Симбир. Сборникъ“, М. 1845, с. 47, 73; Г. А. Воробьевъ „П. Лигаридъ 1662—76“ въ „Русс. Арх.“ 1893, I, 11—26, 447; а также: Л. Я. Лавровскій „О Паисіи Лигаридѣ“ въ „Христ. Чтен.“ 1889, № 11—12, с. 672—736 (съ опроверженіемъ многихъ мнѣній о П. Л.), и проф. Н. Ѳ. Каптеревъ „Характеръ отнош. Россіи къ правосл. Востоку“, 1885 (съ приведеніемъ документовъ о смерти П. Л.). Кромѣ привед. изслѣдователей, о П. Лигаридѣ писали: В. Пальмеръ, посвятившій ему III т. своего (не переведеннаго на русс. яз.) соч. „The Patriarch and the Tzar“, London 1873, и Н. А. Гюббенетъ, написавшій

„Историч. изслѣд. дѣла патр. Никона“ СПБ. 1882. Въ 1-й полов. текущаго столѣтія акад. А. А. Куникъ и П. П. Строевъ собирали разныя русскія и иностранныя свѣдѣнія для біографіи Паисія (Н. П. Барсуковъ „Жизнь и труды П. М. Строева“, СПБ. 1870, стр. 463), но они до сихъ поръ не изданы.

Г. Воробьевъ.

Паисій (въ мірѣ *Петръ Лукичъ Михайловъ-Понятовскій*), настоятель Густынскаго монастыря. Род. въ октябрѣ 1800 въ слоб. Мокашевкѣ, Новохоперскаго у.; ум. въ 1879 въ названномъ монастырѣ. Сынъ діакона Луки Михайлова, онъ получилъ первое образованіе въ приходскомъ училищѣ для дѣтей духовнаго званія въ г. Новохоперскѣ, гдѣ его и прозвали за смѣтливость—Понятовскимъ; прозвище это и осталось за нимъ на всю жизнь. Затѣмъ онъ послѣдовательно прошелъ курсы: Воронежскаго училища и семинаріи и Кіевской Дух. Академіи, откуда вышелъ пятымъ ученикомъ. Удостоенный степени магистра, онъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскую семинарію на должность профессора словесности и французскаго языка и оставался тамъ 30 лѣтъ на службѣ, съ 1828 г.—профессоромъ, съ 1842 г.—инспекторомъ и съ 1849 по 1858—ректоромъ. Не пожелавъ, по смерти нѣжно любимой жены, съ которою прожилъ 14-ть лѣтъ, вторично жениться, несмотря на пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ постригся въ монахи въ 1847, удостоенъ былъ священническаго сана, въ 1851—возведенъ въ званіе игумена, а въ 1852—архимандрита. Послѣ управленія монастырями: Богородицкимъ, Оранскимъ и Благовѣщенскимъ въ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ, онъ, съ устраненіемъ отъ ректорства, былъ опредѣленъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, настоятелемъ Густынскаго монастыря, очень глухого и пустыннаго, на улучшеніе и обогащеніе котораго онъ много потрудился, благодаря какъ собственнымъ средствамъ, такъ и призыву другихъ жертвователей.

„Прибавл. къ Воронеж. епарх. вѣдом.“ 1879, № 23, стр. 998—1007, ст. свящ. І. Антонова.

Паисій (въ мірѣ *Пылаевъ*), архимандритъ, профессоръ (съ 1845) и инспекторъ (съ 1851) Казанской Дух. Академіи. Род. 1817 г. въ Твери, ум. 1864 г. Сынъ бѣжецкаго священника, онъ былъ, находясь на послѣднемъ курсѣ въ Кіевской Дух. Академіи, постриженъ въ монашество (22 октября 1842), а по окончаніи курса въ 1843, со степенью магистра богословія, опредѣленъ и. д. инспектора и преподавателемъ Свящ. Писанія въ Харьковскую дух. семинарію; затѣмъ, 9 октября 1845, перемѣщенъ баккалавромъ по каѳедрѣ литургики и каноники въ Казанскую Дух. Академію, послѣ чего преподавалъ тамъ еще нравственное богословіе. Возведенный въ сентябрѣ 1847 въ званіе экстраординарнаго профессора и члена конференціи, а въ апрѣлѣ 1851—въ званіе ординарнаго профессора, онъ былъ съ января 184[illegible] членомъ внѣшняго правленія, съ марта 1851 — 3-мъ членомъ внутренняго правленія въ Академіи и, наконецъ, членомъ Цензурнаго Комитета; съ ноября 1851 по конецъ марта 1852 исправлялъ должность инспектора; въ 1852 посылаемъ былъ на ревизію Кавказской семинаріи; 2 іюля того же года онъ возведенъ былъ въ санъ архимандрита; 7-го апрѣля 1853 состоялось назначеніе его инспекторомъ Академіи на мѣсто архим. Макарія, а въ маѣ 1854, онъ былъ переведенъ на должность ректора Тобольской семинаріи.

Человѣкъ правдивый, благочестивый и непрактичный до крайности, онъ весь былъ погруженъ въ свои книги и тетради, живя въ уединеніи и не имѣя никакихъ знакомствъ въ городѣ, кромѣ знакомства съ нѣкоторыми духовными лицами, въ томъ числѣ съ заподозрѣнными и даже завѣдомо участвовавшими въ хлыстовщинѣ, что̀, вѣроятно, и дало поводъ обвинять его въ хлыстовщинѣ. Представляя на самомъ дѣлѣ, подобно другимъ воспитанникамъ-монахамъ старой Кіевской Академіи, смѣсь схоластическаго и мистическаго направленій въ наукѣ и въ жизни съ замѣтнымъ преобладаніемъ направленія мистическаго, онъ въ аттестаціяхъ о поведеніи студентовъ выставлялъ на первый планъ: благочестіе, усердіе къ молитвѣ и богослуженію, любовь къ слову Божію, благоговѣйное содержаніе себя при богослуженіи, содержаніе себя въ чувствованіяхъ страха Божія, молитвенное настроеніе, изрѣдка прибавляя къ этому черты житейскаго характера: благодушіе, благожелательность, благородство, откровенность и ревность къ научнымъ занятіямъ. Вообще же къ инспекторской должности онъ былъ совсѣмъ не способенъ, ограничиваясь только каждодневнымъ аккуратнымъ обходомъ студенческихъ номеровъ

во время вечернихъ занятій и опросомъ студентовъ: чѣмъ они занимаются. Поэтому вся тяжесть инспекціи падала на его помощника. Наружностью своею онъ совершенно пренебрегалъ: ходилъ въ помятой одеждѣ и съ непричесанными волосами.

Человѣкъ не высокихъ талантовъ, съ странными взглядами полу-мистическаго, полусхоластическаго характера, о. Паисій былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ профессоровъ. Въ своемъ преподаваніи—и литургики, и нравственнаго богословія онъ болѣе всего заботился о полнотѣ и, логически-правильномъ, возможно болѣе сложномъ и мелкомъ, распредѣленіи всего своего научнаго матеріала по рубрикамъ. Изъ разныхъ выписокъ, переводовъ и старыхъ лекцій у него составился цѣлый ворохъ, изъ котораго нужныя, по времени, части онъ и носилъ съ собою въ аудиторію для прочтенія безъ всякой обработки. Его собственная работа надъ этимъ матеріаломъ, кажется, въ томъ только и состояла, что онъ разсортировалъ его по рубрикамъ системы, и то не столько при самомъ преподаваніи, сколько уже при составленіи экзаменскихъ конспектовъ. Послѣдніе могутъ служить также образомъ схоластическихъ ухищреній относительно безконечной дѣлимости науки и искусственной разсортировки ея дѣленій.

Ученыхъ трудовъ послѣ о. Паисія не осталось, кромѣ одной рѣчи, произнесенной имъ на академическомъ актѣ 8 ноября 1848: „Объ истинномъ христіанскомъ образованіи“, оставшейся въ рукописи вслѣдствіе заявленнаго самимъ авторомъ нежеланія видѣть ее въ печати.

П. Знаменскій „Исторія Казан. Духовн. Акад.“. 1891, 1, 99—103; 1892, II, 268—271 и 314—315; „Иркут. епарх. вѣд.“ 1890, № 5

Паисій (*Саховскій*), еписк. Пинскій и потомъ Туровскій (1603); прежде архим. Минскаго Вознесенскаго мон. (1595).

Строевъ „Списки іерарх.“, 540, 1046

Паисій (*Иполлитовичъ - Черковскій*), еписк. Холмскій въ Галичѣ съ января 1621, изъ игум. Мѣлецкаго Николаевскаго мон.; жилъ въ Яблочинскомъ св. Онуфріевомъ мон. еще въ 1633.

Строевъ „Списки іерарх.“, 1048 (года невѣр.); Н. Д. „Іерархія Всеросс. церкви“, М. 1892, с. 124, №28.

Паисій Ярославовъ, духовный писатель XV в. Предполагаютъ, что около половины XV в. Паисій былъ инокомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря; позднѣе онъ жилъ нѣкоторое время въ Троицко-Сергіевой лаврѣ (1467 — 1474) и, по настоятельному желанію великаго князя, сдѣлался тамъ даже игуменомъ (1479 — 1482), но скоро ушелъ оттуда, потому что „не могъ обратить чернецовъ на путь Божій, на молитву, постъ, воздержаніе, они хотѣли даже убить его...“ Затѣмъ мы видимъ его въ Москвѣ: въ 1484 г. великій князь совѣтуется съ нимъ по дѣлу митр. Геронтія (разссорившагося съ княземъ и хотѣвшаго оставить митрополію), и уговариваетъ Паисія быть митрополитомъ, но тотъ все-таки отказался; какъ причину отказа, лѣтописецъ приводитъ вышеупомянутый фактъ его неудачнаго игуменства. Потомъ Паисій присутствуетъ на соборахъ въ Москвѣ: 1490 г. по дѣлу о новгородскихъ еретикахъ и 1503 г. о вдовыхъ попахъ и монастырскихъ имуществахъ. Наиболѣе частымъ мѣстопребываніемъ Паисія были, повидимому, монастыри Кирилло-Бѣлозерскій и Спасо-Каменный, находившіеся въ предѣлахъ Ростовской епархіи, и вообще пустыни „заволжскія“. Годъ смерти его неизвѣстенъ. Вмѣстѣ съ „ученикомъ“ своимъ, Ниломъ Сорскимъ († 1508), Паисій Ярославовъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ, какъ въ средѣ современной ему русской іерархіи, такъ и отъ великаго князя. Въ 1489 г. новгор. архіепископъ Геннадій, вступая въ борьбу съ мѣстными еретиками и сообщая о нихъ ростовскому архіепископу, просилъ послѣдняго посовѣтоваться съ жившими въ предѣлахъ его епархіи Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, и привлечь ихъ къ борьбѣ: рѣчь шла о распространившихся въ народѣ толкахъ о близкой кончинѣ міра. Геннадій и самъ хотѣлъ поговорить съ авторитетными и учеными старцами и съ этою цѣлью даже приглашалъ ихъ къ себѣ. Съ еще бо́льшимъ уваженіемъ относился къ Паисію и Нилу самъ великій князь. По свидѣтельству современниковъ, оба старца „ради крѣпкаго жительства и добродѣтели множества имѣли великое дерзновеніе къ Державному и были зѣло преемлемы и почитаемы у него“... Паисій близокъ былъ и къ семейству велико-княжескому, являясь воспреемникомъ дѣтей великаго

князя. Въ 1480 г., вмѣстѣ съ митр. Геронтіемъ и архіеписк. Вассіаномъ, Паисій ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ за его брата.

Будучи духовнымъ руководителемъ знаменитаго Нила Сорскаго, котораго современники обыкновенно называютъ и „ученикомъ“ Паисія, Ярославовъ является старѣйшимъ представителемъ такъ называемыхъ „бѣлозерскихъ“ или „заволжскихъ старцевъ“ (т.-е. иноковъ отдаленныхъ монастырей вологодскихъ и бѣлозерскихъ, съ Кирилло-Бѣлозерскимъ во главѣ,—извѣстныхъ въ Москвѣ вообще подъ именемъ „заволжскихъ“). Взаимныя отношенія между Паисіемъ и Ниломъ, этими главными представителями идей и стремленій „заволжскихъ старцевъ“, повидимому вообще были постоянно самыми близкими. Въ упоминаніяхъ современниковъ ихъ имена чаще всего встрѣчаются вмѣстѣ, рядомъ. Въ числѣ посланій Нила Сорскаго едва ли два не были написаны имъ къ Паисію: мы не знаемъ по крайней мѣрѣ другого лица, съ которымъ могли бы быть у Нила столь глубокія нравственныя связи и къ которому въ тоже время онъ могъ бы относиться какъ къ своему духовному руководителю и наставнику. Въ одномъ изъ нихъ мы читаемъ между прочимъ: „свое чадо убогое не забывая, буди молитвенникомъ ко Господу о моемъ окаянствѣ“, а въ другомъ, прося опять молитвъ у того—„его же отъ пеленъ вожделѣхъ видѣти“, авторъ пишетъ: „Не могу комуждо, якоже прилучися, обнажити язвы души моея, но тебѣ токмо, святый владыко, яко и древняя моя цѣливщу“...

Общее направленіе идей „заволжскихъ“ было строго аскетическое, но несравненно болѣе внутренняго характера, чѣмъ какъ понимался аскетизмъ большинствомъ тогдашняго русскаго монашества. Общій фонъ ихъ стремленій былъ перевѣсъ духовнаго, идеальнаго, надъ внѣшнимъ и обрядовымъ. На взглядахъ и идеяхъ „старцевъ“ лежитъ отпечатокъ древне-христіанской духовности; въ своихъ стремленіяхъ они хотятъ приблизиться къ первобытному евангельскому идеалу. Иночество, по мнѣнію старцевъ, должно быть не тѣлеснымъ, но духовнымъ, и требуетъ не внѣшняго умерщвленія плоти, а внутренняго самосовершенствованія, т.-к. почва монашескихъ подвиговъ—не плоть, а мысль и сердце. Намѣренно обезсиливать, умерщвлять свое тѣло, по ихъ ученію, излишне: слабость тѣла можетъ даже препятствовать въ подвигѣ нравственнаго самоулучшенія. Поэтому, инокъ можетъ и долженъ питать и поддерживать тѣло, снисходя къ физическимъ слабостямъ, болѣзни, старости. Вообще физическое пощеніе, по ихъ понятію,—не самое главное. О предметѣ этомъ, столь важномъ по господствовавшему взгляду того времени, ученикъ Паисія, Нилъ Сорскій, дѣлаетъ лишь общее наставленіе. Вообще онъ врагъ всякой внѣшности; онъ считаетъ излишнимъ имѣть въ храмахъ дорогіе сосуды, золотые или серебряные, и украшать церкви, которыя должны быть чужды всякаго великолѣпія: въ нихъ нужно имѣть только необходимое—„повсюду обрѣтаемое и удобь покупаемое“. Чѣмъ жертвовать въ церкви,—лучше, по его словамъ, раздать нищимъ... Подвигъ нравственнаго самосовершенствованія инока долженъ быть разумно-сознательнымъ. Онъ долженъ совершать его не въ силу принужденій и предписаній,—а „съ разсмотрѣніемъ“, и „вся съ разсужденіемъ творити“. Нилъ Сорскій, какъ ученикъ Паисія и глава „бѣлозерскихъ старцевъ“, требуетъ отъ инока не механическаго послушанія, а сознательности въ подвигѣ. Здѣсь, какъ и вездѣ, „безъ мудрованія бъ и добрая на злобу бываетъ“—говоритъ онъ въ своемъ „Правилѣ ученикамъ“. Рѣзко возставая противъ „самочинниковъ“ и „самопретыкателей“, старцы не уничтожаютъ однако въ инокѣ личной, свободной воли. Это признаніе правъ личнаго, свободнаго разумѣнія, вмѣсто прежняго безотчетнаго, рабскаго „послушанія“, представляетъ характерную черту въ общемъ кругѣ воззрѣній Нила Сорскаго и всѣхъ „бѣлозерскихъ старцевъ“, послѣдователей Паисія. Личная воля инока (а равно и каждаго человѣка) должна подчиняться, по взгляду старцевъ, только одному авторитету—„божественныхъ посланій“. Это—единственный источникъ къ познанію нравственныхъ и религіозныхъ обязанностей инока. Поэтому „испытаніе“ божественныхъ писаній, изученіе ихъ—и есть главная обязанность инока. Любовь къ этому „испытанію“ и вообще книжныя занятія были, повидимому, отличительною чертою старцевъ. Недостойная же жизнь инока и

вообще человѣка исключительно зависитъ, по ихъ мнѣнію, — „отъ еже не вѣдѣти намъ святое писаніе“... И въ защитѣ своихъ мнѣній, старцы стараются исключительно стоять на этой почвѣ „писаній“, опираясь на авторитетъ „святыхъ правилъ“ и „многихъ книгъ“, и смотря на своихъ противниковъ, лишь какъ на незнающихъ или „клевещущихъ на истину евангельскую“... Впрочемъ, по мнѣнію старцевъ, писанія—„не вся божественна суть“. Съ изученіемъ божественныхъ писаній должно быть соединено критическое отношеніе къ общей массѣ письменнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны книжныя занятія самого Нила Сорскаго. Переписывая книги, онъ подвергаетъ списываемый матеріалъ болѣе или менѣе тщательной критикѣ. То же критическое отношеніе къ писаніямъ мы видимъ также у Вассіана Патрикѣева и вообще въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ школы „заволжцевъ“. Бѣлозерскіе старцы рекомендуютъ, так. образ., не простое чтеніе „писаній“, „почитаніе книжное“ (о необходимости котораго у насъ говорилось съ XI вѣка), но сознательное, критическое усвоеніе читаемаго. Эта мысль о критикѣ была чрезвычайно характерною въ воззрѣніяхъ „старцевъ“, и для тогдашняго круга грамотниковъ особенно необычайной. Въ глазахъ послѣднихъ—всякая вообще „книга“ (кромѣ тѣхъ, „ихъ же не подобало чести“, — граница которыхъ однако была крайне неопредѣленна и подвижна), все написанное носило характеръ одинаковаго авторитета, являлось одинаково не измѣняемымъ и неприкосновеннымъ, все безралично носило названіе „божественныхъ писаній“. Іосифъ Волоколамскій († 1515), одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, прямо доказывалъ, напр., что „гратскіи законы“ — „подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ“, а сборники Никона Черногорца (простого греческаго монаха XI в.) смѣло называлъ —„боговдохновенными писаніями“... Понятны поэтому укоры со стороны Іосифа Нилу Сорскому и его ученикамъ, что „Нилъ и ученикъ его Вассіанъ похулиша въ русской землѣ чудотворцевъ“, а также и тѣхъ, „иже и въ древняя лѣта и въ тамошнихъ (иностранныхъ) земляхъ бывшихъ чудотворцовъ чудесемъ ихъ не вѣроваша и отъ писанія изметаша чудеса ихъ“,—отчего Вассіанъ долженъ былъ защищаться. Одна попытка сколько-нибудь критическаго отношенія къ списываемому матеріалу даже лучшимъ людямъ казалась ересью.

Стремясь къ евангельскому идеалу, — бѣлозерскіе старцы не скрывали своего осужденія тѣмъ „нестроеніямъ“, которыя они замѣчали въ большинствѣ современнаго имъ русскаго монашества. Паисій Ярославовъ, какъ мы видѣли, тщетно пытался обратить подчиненныхъ иноковъ „на божій путь, молитву, постъ, воздержаніе“...—и молча протестовалъ противъ монастырской деморализаціи, оставляя игуменство и уходя изъ монастыря; его послѣдователи, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, открыто вооружались противъ нея. Нѣкогда святое житіе иноческое „нынѣ мерзко бысть“, пишетъ Нилъ. Точно также „бѣлозерскіе старцы“, и во главѣ ихъ Паисій Ярославовъ, съ названными учениками выступили, какъ извѣстно, самыми энергичными противниками монастырскихъ имуществъ и горячими проповѣдниками первобытной иноческой нищеты. Это вытекало непосредственно изъ общаго взгляда ихъ на сущность и цѣли иночества. Всякую собственность они считали противорѣчащей иноческимъ обѣтамъ и несовмѣстной съ стремленіями инока: инокъ отрекается отъ міра и всего, „яже въ немъ“; какъ же послѣ этого онъ можетъ тратить время на заботы о мірскихъ имуществахъ, земляхъ, богатствахъ? Иноки должны питаться исключительно своими трудами, и даже подаянія могутъ принимать только въ крайнихъ случаяхъ. Они не должны „не точію не имѣти имѣнія, но ни желати то стяжавати“. Обязательное для инока—старцы считали обязательнымъ и для монастыря: монастырь есть лишь собраніе людей съ одинаковыми, одними и тѣми же цѣлями и стремленіями, и предосудительное иноку — предосудительно и монастырю... Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ имѣлъ животрепещущее значеніе, и отрицательное отношеніе къ нему „старцевъ“, по отзыву современниковъ, — было одною изъ главныхъ причинъ враждебности къ нимъ такихъ людей, какъ Іосифъ Волоцкій, а равно взаимной вражды „старцевъ“ къ „презлымъ осифлянамъ“,—причиной, „по-

чему Кириллова монастыря старцы Іосифовыхъ старцовъ не любили". По словамъ современника, „то была межъ нихъ первая нелюбка".

Вмѣстѣ съ проповѣдью идеально-иноческой нестяжательности, — „бѣлозерскіе старцы" являлись проповѣдниками бо́льшей религіозной терпимости. Это касалось другого чрезвычайно важнаго общественнаго вопроса того времени—дѣла о новгородскихъ еретикахъ — и болѣе снисходительное отношеніе къ нимъ „старцевъ" было, по отзыву того же современника, новой причиной вражды къ нимъ осифлянъ, — „второй межъ нихъ нелюбкой". Старцы, дѣйствительно, въ этомъ случаѣ столь же рѣзко расходились съ господствовавшими взглядами большинства, какъ и въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. Даже лучшіе представители этого большинства, напр., новгор. архіеписк. Геннадій, собравшимся въ Москвѣ для суда надъ еретиками епископамъ—совѣтовалъ: „токмо того для учинити соборъ, что ихъ (еретиковъ) казнити — жечи да вѣшати"... Одинъ изъ современныхъ писателей, Іосифъ Волоцкій, тоже доказывалъ, что „еретика и отступника (рѣчь идетъ о тѣхъ же новгородскихъ еретикахъ) подобаетъ не токмо осужати, но и проклинати и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати". Бѣлозерскіе же старцы, какъ извѣстно, выступили рѣшительными противниками этого суроваго взгляда, и въ коллективномъ посланіи, оставаясь на почвѣ евангельской любви и прощенія,—по пунктамъ разбивали приведенные доводы Іосифа. Ссылаясь на „божественныя писанія", старцы Кириллова и всѣхъ вологодскихъ монастырей доказывали, что кающихся еретиковъ — церковь не казнитъ, а пріемлетъ „простертыми дланьми". Въ противность Іосифу, любившему ссылаться на Ветхій Завѣтъ, старцы указывали главн. образ. на Евангеліе.

Стоя на различныхъ точкахъ зрѣнія, бѣлозерскіе иноки нерѣдко расходились съ большинствомъ современнаго имъ духовенства и по другимъ, болѣе частнымъ, церковнымъ вопросамъ. Такимъ, напр., былъ вопросъ о „вдовыхъ попахъ". Извѣстно, что на соборѣ 1503 г. всѣ вдовые священники и дьяконы были лишены права священнослуженія. Бѣлозерскіе старцы, во главѣ съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ, присутствовавшими на соборѣ, высказались противъ соборнаго опредѣленія. Взгляды „старцевъ" поддерживались однако и нѣкоторыми отдѣльными лицами; такъ, напр., ростовскій священникъ Георгій Скрипица также подалъ протестъ противъ соборнаго рѣшенія,—и тоже тщетно. „Старцы" смотрѣли на дѣло однако вѣрнѣе, и впослѣдствіи, на Московскомъ соборѣ 1666 — 1667 гг., ихъ мнѣнія восторжествовали.

Таковы были въ общихъ чертахъ идеи школы, во главѣ которой стояли Паисій Ярославовъ и „ученикъ" его Нилъ Сорскій. Идеи „старцевъ", какъ извѣстно, вызвали сильную полемику; но въ ней не участвовалъ ни Паисій, ни его „ученикъ": она всецѣло была предоставлена ими болѣе молодому и энергичному послѣдователю ихъ, Вассіану Патрикѣеву; ему, вѣроятно, и принадлежало все, написанное отъ имени „заволжцевъ". И Паисій, и Нилъ держали себя какъ бы въ сторонѣ. О Паисіи Ярославовѣ въ этомъ отношеніи имѣется даже еще менѣе прямыхъ извѣстій, чѣмъ о Нилѣ Сорскомъ. Но и дошедшія, при всей ихъ краткости и отрывочности,—довольно опредѣленно указываютъ на симпатіи знаменитаго старца и солидарность его взглядовъ со взглядами и симпатіями его „учениковъ". На соборѣ 1503 г. Паисій Ярославовъ, вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ, выступали первыми смѣлыми и открытыми противниками монастырскихъ имуществъ. Повидимому, на авторитетъ знаменитыхъ старцевъ болѣе всего разсчитывалъ опереться Иванъ III, въ своей борьбѣ противъ вотчинныхъ правъ монашества,— оба вождя „заволжцевъ" призываются на соборъ и имъ предоставляется иниціатива дѣла. Вмѣстѣ съ Ниломъ Сорскимъ, Паисій Ярославовъ, повидимому, держался болѣе вѣротерпимыхъ взглядовъ и въ дѣлѣ о новгородскихъ еретикахъ. Мы видѣли, что въ 1489 г. новгор. архіеписк. Геннадій дѣлалъ попытку привлечь ихъ къ борьбѣ съ ересью,—приглашалъ даже къ себѣ. Неизвѣстны результаты стараній Геннадія; но, повидимому, они были не совсѣмъ таковы, какіе желались. По крайней мѣрѣ, больше мы не видимъ никакихъ сношеній Геннадія ни съ Паисіемъ, ни съ Ниломъ. Къ нимъ не обращался и главный противникъ ереси, Волоколамскій игуменъ:

какъ и Геннадій, онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ учеными старцами. Между тѣмъ оба старца не относились къ дѣлу безучастно: мы видимъ ихъ на соборѣ 1490 г., разбиравшемъ дѣло еретиковъ,—и едва ли даже это присутствіе не вліяло самымъ рѣшительнымъ образомъ на соборное постановленіе. Въ самомъ дѣлѣ, припомнимъ рѣшеніе собора 1490 г.: соборный приговоръ далъ совсѣмъ не то, чего ожидали. Наканунѣ соборныхъ засѣданій Геннадій писалъ собравшимся въ Москву іерархамъ: „Вамъ, своей братіи, пишу,—тѣхъ бы всѣхъ (еретиковъ) отецъ митрополитъ, да и вы, наша братія, проклятью предали... Дабы о вѣрѣ никакихъ рѣчей съ ними не плодили". Повидимому, этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлялся и большинствомъ: по сохранившемуся извѣстію, всѣ іерархи „стали крѣпко", и единогласно заявили, что „вся (всѣхъ еретиковъ) сожещи достоитъ"... И однако, что же въ результатѣ? Соборъ проклинаетъ двухъ-трехъ поповъ-еретиковъ, лишаетъ ихъ сана и отсылаетъ обратно къ Геннадію же; о тѣхъ, „къ кому они приходили въ соглашеніе или кто по нихъ руку держалъ", или о томъ, что кого-либо „сожещи достоитъ",—ни слова. Какъ произошелъ такой неожиданный поворотъ?.. По упомянутому извѣстію, противъ мнѣнія „всѣхъ" возсталъ митрополитъ Зосима. „Егда вси занеже мы отъ Бога не поставлены на смерть осуждати, но грѣшныя обращати къ покаянію"... Соборный приговоръ так. образ., судя по извѣстію, былъ собственно мнѣніемъ митрополита; но неужели онъ одинъ, безъ сторонниковъ, могъ такъ рѣзко воспротивиться голосу всего собора? Не было ли мнѣніе митрополита поддержано и нашими старцами?.. И не потому ли Іосифъ Волоцкій съ такой готовностью заподозривалъ и Нила Сорскаго, и его „ученика" Вассіана Патрикѣева, въ ереси?..

Изъ собственныхъ сочиненій Паисія Ярославова извѣстно лишь „Сказаніе о каменномъ монастырѣ" (бывшемъ на островѣ Кубенскаго оз., близъ Вологды), — родъ монастырскихъ лѣтописей; трудъ не безъинтересный въ историческомъ отношеніи и довольно оригинальный въ нашей письменности, послужившій источникомъ многихъ отдѣльныхъ житій святыхъ (изданъ въ „Правосл. Собес." 1861, I, 199—214). Что касается до „Выписи изъ грамоты къ в. кн. Василію Ивановичу о сочетаніи второго брака", — то она ни по времени, ни по своему содержанію, не могла принадлежать Паисію Ярославову.

Спеціальнаго изслѣдованія о Паисіи Ярославовѣ нѣтъ; отрывочныя свѣдѣнія см.: у Горскаго, въ „Прибавл. къ Твор. св. отцевъ", X, 511—512, и въ „Чтен. Моск. Общ. ист. и древн." 1878, IV, 66—68; Ключевскаго, въ „Древнерусс. житіяхъ святыхъ", 189—192 и 413—414; Павлова, въ его соч. „О секуляризаціи церковныхъ земель", 11—12 и 38—39; наконецъ, у Карамзина, т. VI, пр. 321; Соловьева, т. V, стр. 64. 203. 250, и Строева, въ „Списк. іерарх.", 348.

Проф. А. Архангельскій.

Паисій — неизвѣстное лицо, именемъ котораго названъ одинъ изъ замѣтельныхъ рукописныхъ сборниковъ XIV ст.; „Сборникъ Паисивской" (какъ написано на первой его тетради почеркомъ XVI в.) отмѣченъ въ первый разъ Шевыревымъ и описанъ И. Срезневскимъ. Кромѣ статей переводныхъ, въ сборникѣ этомъ находятся сочиненія русскихъ отцевъ церкви, между прочимъ поученія Ѳеодосія, Серапіона и др. Большой интересъ представляютъ статьи, касающіяся языческихъ обычаевъ, обрядовъ и воззрѣній Славянъ. Паисіевскій сборникъ, прежде находившійся въ Кирило-Бѣлоз. библіотекѣ, нынѣ принадлежитъ къ числу рукописей СПб. Духовной Академіи.

И. Срезневскій „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ", II, 297 и слѣд.; С. Шевыревъ „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь", М. 1850, II, 32 и слѣд.

Вс. С—ій.

Паисій, старецъ, былъ опредѣленъ 28 сент. 1676 въ знаменщики Моск. Синод. типографіи (на мѣсто Григ. Аврамова) и ум. около сент. 1682, успѣвъ назнаменить: заставицы Вседержителева образа, да 9 прописныхъ словъ грушевыхъ (за что получилъ 16 алт. 4 деньги еще 3 іюля 1676), доску антиминскую на оловѣ „съ лицы (9 фигурами) и со многими травами" (рѣз. іером. Іоасафомъ въ 1678), ц. Давида на грушевой доскѣ (для „Псалтыря" 1678), да полатки (рамки) къ 3 Евангелистамъ (для „Евангелія" 1677) съ травами и приличными аттрибутами (за что получилъ 5 р.— 12 окт. 1678).

В. Румянцевъ „Свѣд. о гравиров. и граверахъ при Моск. Печ. дворѣ въ XVI и XVII ст.", Б. 16—въ отд. отт. и въ прилож. къ изд. Д. Ровинскаго „Русс. Граверы", а также въ его „Русс. Нар. Карт.", IV, 625.

Н. С.

Пакатскій, *Гавріилъ Абрамовичъ*, священникъ при церкви Градскихъ богадѣленъ подъ Смольнымъ монастыремъ въ Петербургѣ, стихотворецъ и переводчикъ; ум. въ 1830. Ученикъ Новгородской семинаріи, онъ оставилъ слѣд. переводы и сочиненія, напечатанные въ СПб. въ 8—ку и 4—ку: 1) „Благоразумный Гражданинъ или напутствіе человѣку, вступающему въ должности общежитія", съ франц. (1789); 2) „Зримый свѣтъ или восхищающая Аврора", въ стихахъ (1805), — переложеніе перевода съ нѣмецкаго, сдѣланнаго Ив. Хмельницкимъ: „Свѣтъ, зримый въ лицахъ"; 3) „Священная поэма, состоящая изъ 9 пѣсней, воспѣтыхъ устами Богодухновенныхъ человѣковъ во славу... Бога, на случай торжественнаго со всѣми Европейскими державами и съ Персіей замиренія и на окончанія войны съ Наполеономъ" (1814); 4) „Плачъ Іереміи", поэма въ 9 пѣсняхъ, перев. въ стихахъ (1814); 5) „Псалтырь въ стихахъ" (1818); 6) „Книга примудрости Іисуса, сына Сирахова, заключающая въ себѣ наилучшія нравоученія, переложенныя въ стихи" (1818); 7) „Благочестивое говѣющихъ занятіе, или Канонъ Андрея Критскаго Іерусалимита, преложенный стихами" (1829). Въ 1818 г. онъ былъ уже слѣпой.

Арх. Филаретъ „Обзоръ русс. дух. литер.", II, 222; Я. Гротъ, въ примѣч. къ „соч. Державина", III, 426 (гдѣ помѣщенъ отвѣтъ Державину, приписываемый Г. Пакатскому: „Приказъ моему секратарю"); „Русс. Инвал." 1818, № 270 (ст.: „Человѣкъ къ мѣсту").

Паклинъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, основатель „Росс. Общества застрахованія судовъ". Род. 18 сентября 1812. Сынъ петербургскаго купца, онъ окончилъ курсъ наукъ въ СПб. Коммерческомъ Училищѣ и, пріобрѣтя обширныя и основательныя свѣдѣнія въ главныхъ европейскихъ языкахъ, съ 1826 по 1840 г. находился при великобританскомъ консульствѣ въ Кронштадтѣ, а съ 1840 г. по 1845 г. былъ на службѣ по Мин. Народ. Просвѣщенія. Въ 1850 г., Высочайшимъ указомъ, онъ былъ опредѣленъ почетнымъ смотрителемъ сначала Лугскаго, а потомъ Гатчинскаго уѣзднаго училища. Вѣрный цѣли полученнаго имъ воспитанія быть полезнымъ отечественной торговлѣ и промышленности, Паклинъ первый постигъ всю несомнѣнность одного изъ недостатковъ, препятствовавшихъ развитію нашей коммерческой самостоятельности и выражавшихся въ отсутствіи Русскаго купеческаго флота. Произведенія земли и плоды народнаго трудолюбія плавали на зыбкомъ основаніи, частію подъ обезпеченіемъ иностранныхъ кампаній и отдѣльныхъ страховщиковъ, частью же оставались на страхѣ самихъ владѣтелей, потому что страхованіе заграницею совершалось за дорогую премію, съ болѣе или менѣе чувствительною коммиссіею, сопряжено было съ потерею времени, требовало связей, сношеній и вообще способовъ, недоступныхъ для значительной части производителей, дѣйствовавшихъ на русскомъ торговомъ поприщѣ. Чтобы остановить теченіе капиталовъ нашихъ, годъ за годъ въ большихъ массахъ переливавшихся за границу въ видѣ премій и коммиссій, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать возможность обезпечивать предметы торговыхъ оборотовъ Россіи собственными ея средствами, Паклинъ, подъ названіемъ „Россійскаго морского и рѣчного страхового общества", рѣшился учредить такое страховое общество, въ которомъ каждый могъ бы соединять выгоды свои съ выгодами отечества. Составленныя имъ для того правила удостоились Высочайшаго утвержденія 26 августа 1844 г. Но образованіе этого истинно патріотическаго предпріятія съ самаго начала встрѣтило невѣроятныя препятствія со стороны санктпетербургскаго иностраннаго купечества и, въ особенности, англійскаго. Не взирая, однако же, на всѣ увѣренія въ несбыточности исполненія идеи Паклина, Общество образовалось — во-первыхъ, его неутомимыми трудами, ревностными заботами и настойчивостью, свойственными характеру, насколько сильному, настолько же и благородному; во-вторыхъ, содѣйствіемъ адмирала, командовавшаго внослѣдствіи двумя дивизіями Балтійскаго флота, П. И. Рикорда, и, въ-третьихъ, — при помощи лицъ, состоявшихъ преимущественно на службѣ государственной, а также московскаго и другихъ русскихъ городовъ купечества. При этомъ патріотическія чувства отозвались и въ отдаленныхъ Сибирскихъ губерніяхъ, откуда многіе присылали деньги за акціи, такъ что, открывъ дѣйствія свои въ маѣ 1846 г., „Россійское морское и рѣчное страховое обще-

ство“ по 1 февр. 1853 г. пріобрѣло свыше милліона ста тысячъ руб. серебр. страховой преміи; выдало болѣе 550 тыс. руб. сер. вознагражденія за потери отъ бурь и отъ иныхъ бѣдственныхъ приключеній съ застрахованною собственностью; уплатило 61% дивидента, отчисленнаго изъ чистой прибыли въ возвратъ суммъ, внесенныхъ за акціи, и отложило слишкомъ 28 тыс. руб. сер. въ запасъ на случай убытковъ, могущихъ возникнуть по прежнимъ застрахованіямъ. Сверхъ того, „Морское и рѣчное страховое общество“ увлекло за собою нѣсколькихъ послѣдователей, а именно: С.-Петербургскую коммерческую компанію морского, рѣчного и сухопутнаго страхованія подъ фирмою „Надежда“, компанію страховщиковъ, составленную изъ С.-Петербургскихъ купцовъ для морского страхованія, и еще двѣ компаніи, изъ которыхъ одна основана была въ Архангельскѣ, а другая въ Вязьмѣ для рѣчного страхованія. Словомъ, предметы русской торговли стали у насъ страховаться русскими, а не иностранными средствами. Съ присовокупленіемъ къ колоссальной преміи, пріобрѣтенной „Росс. морскимъ и рѣчнымъ страховымъ обществомъ“, еще премій всѣхъ помянутыхъ компаній,—получался значительный итогъ ихъ, обязанный Паклину сохраненіемъ этихъ суммъ въ отечествѣ. Но если взять суммы страховой преміи въ тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, до которыхъ дошли онѣ впослѣдствіи отъ дѣйствій подобныхъ въ Россіи компаній, учрежденныхъ по примѣру и по слѣдамъ „Росс. морского и рѣчного страхового общества“, то Паклинъ имѣетъ еще большее право на признательность всѣхъ своихъ соотечественниковъ, преимущественно же нашего высшаго купечества, занимающагося иностранной торговлей и, по всей справедливости, достоинъ занять почетное мѣсто въ ряду людей, принесшихъ важную пользу отечеству. Къ основанному имъ Обществу съ 1 февр. 1852 присоединены были, съ Высочайшаго разрѣшенія, операціи транспортированія и страхованія клади, — на основаніи правилъ, составленныхъ также Паклинымъ. Эти операціи облегчили перевозку товаровъ, а въ Восточную войну въ особенности споспѣшествовали быстрому передвиженію военныхъ тяжестей. Паклинъ былъ одинъ изъ первыхъ у насъ знатоковъ всѣхъ учрежденій англійскаго народа, по предмету торговли и купеческаго мореходства. Въ свое время онъ былъ не безъизвѣстенъ и литературными работами.

„Энциклопедическій Словарь“ Крайя и Старчевскаго, IX, 1, 137.

Паки-де-Совиньи, *Николай Николаевичъ*, профессоръ Харьковскаго университета. Родился около 1774 г. въ Нанси, умеръ въ глубокой старости. Бывшій аббатъ и докторъ философіи Парижскаго университета, онъ былъ выходцемъ изъ Франціи и самъ называлъ себя жертвою французской революціи. Поступивъ на службу въ Харьковскій университетъ по приглашенію попечителя, гр. Север. Осип. Потоцкаго, въ качествѣ адъюнкта, еще 1 октября 1803 г., т.-е. до оффиціальнаго открытія учрежденія, послѣдовавшаго, какъ извѣстно, 17 января 1805 г., онъ былъ возведенъ, 11 ноября 1812 г., въ экстраординарные профессора латинской словесности; въ 1813 году заслужилъ докторскую степень; въ 1836 году вышелъ въ отставку экстраординарнымъ же профессоромъ и получилъ въ пенсію полный окладъ жалованья: 1200 р.—изъ Государственнаго Казначейства и 800 р.—по особому Высочайшему повелѣнію („изъ Государственнаго Казначейства на извѣстное Его Имп. Величеству употребленіе“).

Паки-де-Совиньи принадлежитъ къ числу тѣхъ просвѣтителей русскаго юношества, которые въ огромномъ количествѣ являлись къ намъ изъ-за границы и нерѣдко приносили сомнительную лишь пользу. Но онъ очень типиченъ, и съ этой стороны заслуживаетъ нашего вниманія: подъ его вліяніемъ воспитались цѣлыя поколѣнія харьковскаго студенчества (онъ былъ преподавателемъ почти 35 лѣтъ) и потому онъ долженъ попасть въ число „русскихъ дѣятелей“. Преподавалъ онъ очень усердно — латинскій языкъ на низшихъ курсахъ и французскую словесность, хотя не отличался ни талантами, ни даже солидными знаніями. Много разъ онъ предпринималъ ходатайства о возведеніи его въ ординарные профессора, но Совѣтъ, очевидно, не считалъ его способнымъ къ занятію такой важной каѳедры, какъ латинскій языкъ и словесность на высшихъ курсахъ, и кое-какъ терпѣлъ его только въ качествѣ помощника проф. Балленъ

де Баллю и Шада. Его коллега по каѳедрѣ, проф. Роммель, оставилъ намъ о немъ слѣдующій отзывъ: „несравненно ниже Дегурова стоялъ мой адъюнктъ, Николай Паки-де-Совиньи, когда-то аббатъ... Лекціи де-Совиньи были образцомъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ, онъ оставался ограниченнымъ приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензорскою указкою. Докторскій дипломъ его, отпечатанный огромными буквами, висѣлъ подъ зеркаломъ. Безпрестанно рылся онъ въ старыхъ и новыхъ газетахъ и, какъ почти всѣ наши французы, былъ большой почитатель Наполеона". Отзывъ этотъ принадлежитъ большому спеціалисту въ области классической филологіи, отличавшемуся при этомъ и вообще широкимъ образованіемъ. Такимъ остался Паки-де Совиньи и въ послѣдніе годы своей службы въ Харьковскомъ университетѣ. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, о немъ бывшій его слушатель Н. И. Костомаровъ: „французскій языкъ тогда (въ 1834 г.) читалъ Паки-де-Совиньи, бывшій недавно передъ тѣмъ профессоромъ латинскаго языка. На лекціяхъ онъ либеральничалъ въ вольтеріанскомъ духѣ, но у него нельзя было научиться ни его языку, ни литературѣ; студенты ходили на его лекціи только для потѣхи... Ему извѣстна была только старая французская литература; о новой, современной, онъ не имѣлъ никакого понятія, да и знать о ней не хотѣлъ". О Паки-де-Совиньи сохранились анекдотическія повѣтствованія даже до настоящаго времени, по свидѣтельству Е. С. Гордѣенко (б. профессора и ректора.) Въ неприглядномъ свѣтѣ выступаетъ эта личность и съ нравственной стороны по замѣчанію Н. И. Костомарова. Разсказы очевидцевъ подтверждаются и документальными данными университетскаго архива.

Паки-де-Совиньи усиленно домогался званія ординарнаго профессора и утруждалъ своими искательствами и жалобами на Совѣтъ высшее начальство: попечителя и министра. Мы имѣли въ нашихъ рукахъ „дѣло", въ которомъ находятся его собственноручныя письма (на французскомъ языкѣ). Всѣ эти письма начинаются съ очень нетонкихъ комплиментовъ и прямой лести по адресу начальниковъ, но какъ бы не отъ него самаго, а отъ имени всей коллегіи, причемъ въ видѣ права на занятіе каѳедры латинскаго языка и словесности выставляются: давность преподаванія имъ, его извѣстные литературные труды и познанія, наконецъ, желаніе студентовъ и ихъ успѣшныя занятія у него. Въ концѣ концовъ, раздраженный очевидно назойливостью просителя, Попечитель рѣшился высказаться откровенно. „Долгомъ считаю донести, писалъ онъ Министру про Паки-де-Совиньи въ 1817 г., что профессоръ сей съ трудностью можетъ преподавать и временно высшій курсъ латинской словесности и по сей-то причинѣ, когда онъ входилъ прежде и ко мнѣ съ таковымъ же просительнымъ письмомъ, объявлено ему было, что къ положенному за новый трудъ жалованью по 600 р. можетъ послѣдовать прибавка тогда только, когда покажетъ онъ чрезъ особенное усердіе свое—отличные успѣхи. Сіе самое и теперь ему подтверждено". Въ слѣдующемъ 1818 году де-Совиньи обращается, однако, съ новой просьбой, желая найти утѣшеніе у начальства въ постигшихъ его бѣдствіяхъ: болѣзни жены, смерти сына и огорченіяхъ по университету,—его снова заболлитировали въ Совѣтѣ; но и на этотъ разъ безуспѣшно.

Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) латинская диссертація о преимуществѣ латин. и греч. языка предъ другими; 2) такая же диссертація объ изящномъ; 3) актовая рѣчь о воспитаніи (напечатанная на франц. и русс. языкахъ въ 1816 г.); 4) философская грамматика языковъ (на франц. и русс.), 1823 г.; 4) курсъ словесности (на франц. языкѣ), изд. въ 1824 г. (тотъ самый, по которому отвѣчалъ Н. И. Костомаровъ и училось нѣсколько поколѣній харьк. студентовъ),—вотъ его подлинное заглавіе: „Cours litteraire, formant le pendant de la suite de la grammaire générale et philosophique", Charkof, 1824, 64 pp. (съ посвященіемъ Е. И. В. Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ). Всѣ эти сочиненія никакого научнаго значенія не имѣли и въ свое время: послѣдняя книжечка—это тоненькій учебникъ, заключающій въ себѣ и эстетику, и свѣдѣнія о языкѣ и французской литературѣ. Совѣтъ Харьк.

университета очень низко цѣнилъ ученые труды своего члена; разсмотрѣвъ составленную имъ грамматику французскаго языка для русскаго юношества, онъ опредѣлилъ: не печатать ее не только на университетскій счетъ, но и на счетъ самого автора, и, такъ какъ по разсмотрѣніи означенной грамматики оказалось, что „адъюнктъ Паки-де-Совиньи самъ нуждается въ руководствѣ, то по § 31 устава поручить его каѳедру Де Баллю".

Харьк. Университетскій архивъ: дѣла Совѣта 1819 г., № 9, и канцеляріи попечителя, № 406, картона № 20; „Воспоминанія проф. Роммеля", изд. Я. О. Баляснаго, стр. 64—65; „Литературное наслѣдіе", Н. И. Костомарова, СПБ. 1890, стр. 20 и 25 — 26; Н. А. Лавровскаго: „В. Н. Каразинъ и открытіе Харьк. университета" („Журн. Мин. Нар. Просв.", 1872, т. 159, февраль, стр. 231).

Проф. Дм. Багалѣй.

Пако (Pascault), *Адольфъ Ивановичъ*, лекторъ франц. языка и словесности въ Московскомъ университетѣ. Род. 1800 г. въ гор. Оре (въ Нижней Бретани), ум. 1860 г. въ Москвѣ. Сынъ полковника Наполеоновской арміи въ Италіи, онъ, оставшись круглымъ сиротою, принятъ былъ безденежно, по приказанію Наполеона, въ лицей или коллегіумъ гор. Мулена, гдѣ, по окончаніи курса въ 1818 съ главной преміей „отличія" имени короля Людовика XVIII, сдѣлался затѣмъ преподавателемъ, пока не былъ назначенъ профессоромъ языковъ въ коллегіумъ Puy-en-Velay. Занявшись тамъ естественной исторіей, онъ написалъ похвальное слово В. Паскалю, удостоившееся Академическаго поощренія; съ передачей же коллегіума въ 1823 іезуитамъ, былъ отозванъ на время въ Парижъ. Познакомясь съ семействомъ Ѳ. В. Самарина, онъ прибылъ въ Россію въ качествѣ наставника и выдержалъ въ 1825 въ Москвѣ экзаменъ на званіе учителя. Продолжая занятія естеств. науками, онъ издалъ въ 1828 на франц. языкѣ—соч.: „Четыре времени года, или Ботаника, Зоологія, Космографія и Физика для юношества", а вслѣдъ за тѣмъ избранъ былъ въ члены Общества испытателей природы, при которомъ впослѣдствіи состоялъ долгое время секретаремъ и переводчикомъ. Въ 1835 г. онъ опредѣленъ былъ учителемъ франц. словесности въ Сиротскій институтъ, а въ 1836 лекторомъ въ Московскій университетъ и учителемъ естеств. исторіи въ Благородномъ пансіонѣ; тогда же онъ присягнулъ на подданство Россіи. Потомъ былъ учителемъ франц. словесности и естеств. исторіи въ Институтѣ дѣвицъ ордена Св. Екатерины. Принятый въ 1833 въ число дѣйствит. членовъ Московскаго Общества садоводства, онъ былъ избранъ въ 1844 Парижскимъ Восточнымъ Обществомъ въ члены-корреспонденты за познанія въ русс. языкѣ, а въ 1853 оставилъ по разстроенному здоровью службу въ университетѣ.

Кромѣ указаннаго сочиненія, онъ издавалъ періодически: „La Veillée du samedi, Lectures nouvelles offertes à la jeunesse", 9 vol. (М. 1834); помѣстилъ нѣсколько переводовъ въ „Бюллетеняхъ Моск. Общества испытат. природы" (путешествія: Карелина „На Уралъ", Языкова „По бассейну Волги" и проч.) и выдалъ руководства: 1) „Morceaux choisis dans les orateurs et les poètes français, avec une notice sur chacun d'eux" (1835); 2) „Cours de la langue française" (три изданія: 1850—53); 3) „Principes généraux et particuliers de la grammaire française" (М. 1860).

„Біограф. Словарь профессоровъ Моск. унив.", 1855, II, 200—202.

Палаузовъ, *Спиридонъ Николаевичъ*, историкъ. Род. 16 іюля 1818 въ Одессѣ, ум. 12 августа 1872 въ Павловскѣ. Онъ принадлежитъ къ семьѣ одесскихъ болгаръ Палаузовыхъ, игравшихъ видную роль въ дѣлѣ національнаго возрожденія и освобожденія своего народа. Предокъ ихъ, Степанъ Палаузовъ, былъ жителемъ въ болгарскомъ гор. Габровѣ и имѣлъ трехъ сыновей, изъ коихъ младшій, Петръ, умеръ на родинѣ, а двое жили уже въ Россіи. Среднему брату, Христофору, оставшемуся также въ Габровѣ, нерѣдко случалось наѣзжать по торговымъ дѣламъ въ Одессу; кажется, въ концѣ-концовъ, онъ совсѣмъ бѣжалъ туда, вслѣдствіе участія въ заговорѣ противъ турокъ,—по крайней мѣрѣ онъ умеръ въ Одессѣ и старшій сынъ его, Петръ, занятъ былъ тамъ торговлею же до самой смерти. Но еще во время пребыванія въ Габровѣ, въ 1829 г., Х. Палаузовъ, по желанію старшаго брата, отправилъ второго своего сына, Николая, учиться въ Одессу, гдѣ тотъ и поступилъ въ 1830 г. въ младшій классъ Кишиневскаго лицея, сдѣлался потомъ членомъ Одесской таможни, весьма виднымъ дѣятелемъ болгарскаго возрожденія и душой болгарскаго настоятельства, основаннаго

имъ и другими болгарами въ Одессѣ въ 1854 г. Наконецъ, самый старшій изъ трехъ братьевъ, Николай (р. въ Габровѣ въ 1776 г., ум. въ Одессѣ въ 1853 г.), уже взрослымъ спасаясь отъ наказанія за убійство турка, бѣжалъ съ однимъ товарищемъ въ Добруджу и оттуда въ Бессарабію (еще не принадлежавшую Россіи), гдѣ оба они стали чабанами (пастухами) у небогатаго помѣщика; но тамъ имъ не повезло и они перебрались въ Кишиневъ, а затѣмъ, въ 1804 г., въ Одессу. Долго пришлось работать Палаузову въ этомъ городѣ, пока онъ не сдѣлался приказчикомъ въ бакалейномъ магазинѣ какого-то грека; собравъ черезъ нѣсколько лѣтъ, путемъ неимовѣрной экономіи, небольшія средства, самъ открылъ, наконецъ, бакалейную торговлю, получая многіе товары изъ Болгаріи. Дѣла у него пошли удачно, онъ построилъ въ Одессѣ большой домъ, пріобрѣлъ значительный капиталъ и могъ уже дать дѣтямъ хорошее образованіе; словомъ, съ нимъ повторилась обычная съ одесскими негоціантами начала XIX в. исторія. Подобно другимъ одесскимъ болгарамъ того времени, Н. С. Палаузовъ считался сперва грекомъ и принадлежалъ къ сословію такъ-назыв. нѣжинскихъ грековъ, пользовавшихся у насъ большими льготами: позднѣе же, когда подъ вліяніемъ литературной дѣятельности Венелина, началось національное возрожденіе болгаръ, онъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Априловымъ, явился однимъ изъ первыхъ его бойцовъ: ихъ трудами и пожертвованіями, главнымъ образомъ, какъ извѣстно, было основано въ 1835 г. знаменитое болгарское училище въ Габровѣ, которого они и были первыми почетными директорами.

У Н. С. Палаузова было трое сыновей: Спиридонъ, сдѣлавшійся историкомъ, Андрей, служившій потомъ въ русс. военной службѣ, и Константинъ (ум. въ 1888),—не безъизвѣстный одесскій дѣятель и товарищъ городского головы, продолжавшій торговлю отца и принимавшій не малое участіе въ дѣлахъ болгарскаго настоятельства (благотворительнаго общества).

Біографія С. Н. Палаузова очень тѣсно связана именно съ біографіей Н. Х. Палаузова, его двоюроднаго брата. Вслѣдъ за послѣднимъ и еще нѣкоторыми болгарами, тоже учившимися тогда въ Ришельевскомъ лицеѣ, поступилъ туда въ 1832 г. и С. Н. Палаузовъ, получившій первоначальное образованіе дома и затѣмъ въ частномъ Одесскомъ пансіонѣ Владимірова. Онъ окончилъ тамъ въ 1840 г. курсъ, соотвѣтствовавшій среднему учебному заведенію, а въ 1841 г. вышелъ со 2-го курса собственно Лицея (юридическаго отдѣленія) и уѣхалъ учиться за-границу сначала въ Гейдельбергъ, потомъ въ Мюнхенъ, гдѣ и пріобрѣлъ степень доктора политико-экономическихъ наукъ. Въ 1844 г., по желанію одесскихъ болгаръ, посѣтилъ онъ Габровъ для осмотра училища, въ которомъ тогда не все шло, какъ бы слѣдовало, и потомъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ занимался славяновѣдѣніемъ подъ руководствомъ проф. Бодянскаго. Въ 1845 г. Палаузовъ получилъ степень кандидата философскаго факультета по I отдѣленію (историко-филологическому), а въ 1846 г. избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Имп. Моск. Общества Исторіи и Древностей, но вскорѣ переселился въ Петербургъ, продолжалъ тамъ свои занятія славяновѣдѣніемъ, преимущественно исторіей болгарской литературы, подъ руководствомъ И. И. Срезневскаго и выдержалъ экзаменъ на магистра славянской словесности; въ это-то время напечатанъ былъ, кажется, и первый его ученый трудъ: „Ростиславъ Михаиловичъ, князь Мачвы“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1851, ч. LXXI, №№ 1 и 2, и отдѣльно, подъ названіемъ: „Ростиславъ Михаиловичъ, русскій удѣльный князь на Дунаѣ“, СПб. 1851 г.), а затѣмъ: „Вѣкъ болгарскаго царя Симеона“ (СПб. 1852 г.)—его диссертація на степень магистра. Въ томъ же году онъ доставилъ проф. Срезневскому рукописное извлеченіе изъ житія Климента („Изв. И. А. Н.“ I, 244), кажется оставшееся ненапечатаннымъ, а въ 1853 г. опубликовано было имъ письмо къ редактору „Извѣстій Акад. Наукъ“, т.-е. къ проф. Срезневскому, о болгарской грамотѣ (ibid. II, 109). Изъ сохранившейся обширной переписки С. Н. Палаузова съ отцомъ и съ двоюроднымъ братомъ (Н. Х. Палаузовымъ) видно, что вопросъ о болгарскомъ правописаніи вообще занималъ въ то время нашего историка, и что онъ работалъ тогда еще надъ составленіемъ популярной исторіи Болгаріи на премію, завѣщанную для этой цѣли Априловымъ,

причемъ нѣкоторые отдѣлы этой исторіи были уже готовы, и С. Н. Палаузовъ, въ письмахъ къ роднымъ, выражалъ желаніе относительно перевода ихъ въ Одессѣ на хорошій болгарскій языкъ.

Однако, профессоромъ Университета С. Н. Палаузовъ не сдѣлался, и, какъ было слышно, причиною этого были недоразумѣнія, возникшія между нимъ и проф. Срезневскимъ; впрочемъ, кажется, С. Н. Палаузовъ въ то время и не очень стремился къ профессурѣ, такъ какъ средства позволяли ему жить самостоятельно (послѣ смерти отца въ 1853 г., торговлю его продолжалъ второй сынъ), необходимую же у насъ службу онъ нашелъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ставъ въ 1853 г. чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ этого Министерства.

Но вскорѣ С. Н. Палаузову пришлось потрудиться на иномъ поприщѣ: началась Восточная война и войска кн. Горчакова заняли Румынскія Государства и часть Болгаріи, что̀ вызвало въ ней стремленіе къ освобожденію; весною 1854 г. къ кн. Горчакову, для болгарскихъ дѣлъ, былъ прикомандированъ Н. Х. Палаузовъ, а когда, вслѣдъ затѣмъ, командующимъ Дунайской арміей былъ назначенъ фельдмаршалъ кн. Паскевичъ, то къ нему, для такихъ же дѣлъ, прикомандированъ былъ С. Н. Палаузовъ (съ оставленіемъ на службѣ по Департаменту М. Н. П.). У Палаузовыхъ былъ цѣлый планъ освобожденія Болгаріи, къ которому, однако, кн Паскевичъ и кн. Горчаковъ относились не особенно благопріятно: частью они не были увѣрены въ успѣхѣ нашихъ войскъ („мы не знаемъ, говорилъ кн. Паскевичъ Палаузовымъ, будетъ ли война наступательная, или оборонительная") и поэтому не желали, поднявъ болгаръ надеждами на освобожденіе, выдать ихъ потомъ на жертву турецкому мщенію; частью наши вожди не сочувствовали проэктированнымъ Палаузовыми способамъ болгарскаго освобожденія. Впрочемъ, имъ удалось склонить кн. Паскевича подписать 27 мая 1854 г. въ лагерѣ подъ Силистріей, и опубликовать прокламацію на болгарскомъ языкѣ, написанную С. Н. Палаузовымъ и напечатанную имъ въ Букарештѣ, но и то не къ болгарскому народу, а къ единовѣрнымъ братьямъ нашимъ, живущимъ въ турецкихъ земляхъ, съ обѣщаніемъ защиты христіанской церкви. Удалось тогда организовать и небольшое болгарское ополченіе, дѣйствовавшее съ нами подъ Силистріей.

Отступленіе осенью 1854 г. нашей арміи за р. Прутъ разрушило надежды болгаръ на освобожденіе, и многіе изъ нихъ тогда же, опасаясь турокъ, ушли вслѣдъ за арміей; для организаціи массоваго переселенія болгаръ въ Россію назначена была особая коммиссія, главными дѣятелями которой были Палаузовы же.

Въ бытность свою при арміи, С. Н. Палаузовъ не терялъ, однако, изъ виду и научныхъ интересовъ (тѣмъ болѣе, что болгарскими дѣлами особенно занятъ былъ Н. Х. Палаузовъ); онъ ознакомился съ источниками по исторіи румыновъ, въ то время почти никому у насъ неизвѣстными, и такое знакомство отразилось очень благопріятно на его послѣдующихъ ученыхъ работахъ.

По возвращеніи въ Петербургъ, С. Н. Палаузовъ вернулся и къ прежней службѣ въ Департаментѣ,—въ 1856 г. онъ назначенъ былъ исправл. должность чиновника особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и на этомъ мѣстѣ оставался до лѣта 1858 г., все время продолжая заниматься болгарскою и румынскою исторіей. Такъ имъ напечатаны были въ 1854—1855 гг.: „Болгарскія эпическія пѣсни по сборнику, составленному для него въ Шумлѣ, и по собранію Найдена Герова" („Изв. И. А. Н." III, прилож., стр. 289 и слѣд.; 327 и слѣд.; IV, прилож., стр. 12 и слѣд., потомъ вошедшія въ число „Памятниковъ и образцовъ народн. языка и словесности русс. и зап. славянъ", СПб. 1852—1856 г.); „Описаніе болгарскаго синодика Ц. Бориса" („Изв. И. А. Н.", IV, стр. 17); статья о синодикѣ Царя Бориса („Временн. И. Моск. Общ. Ист. и Др.", кн. XXI, 1855 г.), съ извлеченіями изъ подлинника; позднѣе: „Юго-востокъ Европы въ XIV столѣтіи" („Ж. М. Н. Пр." 1857 г., ч. XCIV, № 4, и ч. XCIV, № 10, и отдѣльно); „Грамота Патр. Каллиста, какъ новый источникъ болгарской церкви" („Изв. И. А. Н." 1858 г., т. VII, и отдѣльно) и „Джіованни Минотто, этеристъ первыхъ годовъ XVII в." („Отеч. Зап." 1858 г., т. CXVI, №№ 1 и 2, и отдѣльно).

Лѣтомъ 1858 г. С. Н. Палаузовъ пере-

шелъ на службу въ С.-Петерб. Цензурный Комитетъ и служилъ цензоромъ до 1860 г., продолжая свои занятія и печатаніе сочиненія: „Румынскія Господарства Валахія и Молдавія“ („Отеч. Зап.“ 1858 г., т. CXX, №№ 9 и 10, и т. CXXI, №№ 11 и 12); время же 1860 — 1861 г. провелъ внѣ службы, особенно занимаясь литературною работой; тутъ имъ напечатаны: „Австрія со времени революціи 1848 г.“ (СПб. 1860 г.), „Реформа и католическая реакція въ Венгріи“ („Русское Слово“ 1860 г., №№ 9 и 10), „Янъ Гуніади“ (ibid., №№ 11 и 12), „Политическое и этнографическое состояніе народностей въ Австріи“ (ibid., 1861 г., № 4), „Одно изъ средствъ австрійской политики“ (ibid., № 5), „Венгрія въ современныхъ ея отношеніяхъ къ Австріи“ (СПб. 1861) и еще нѣсколько статей. Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ С. Н. Палаузовъ являлся, впрочемъ, не столько историкомъ, сколько публицистомъ, и его статьи имѣли значеніе отвѣтовъ на вопросы, въ то время особенно занимавшіе русское общество.

Еще живѣе относился С. Н. Палаузовъ къ событіямъ, совершавшимся въ тѣ годы въ Болгаріи, т.-е. къ греко-болгарской церковной распрѣ, которая, казалось, грозила образованіемъ уніи между римскою и болгарскою церквами, и къ происходившимъ тогда же новымъ массовымъ переселеніямъ болгаръ въ предѣлы Россіи изъ Молдавіи, вслѣдствіе неисполненія молдавскимъ правительствомъ обѣщаній, данныхъ послѣ Парижскаго мира. Этимъ двумъ вопросамъ С. Н. Палаузовъ посвятилъ не мало статей въ еще вліятельной въ то время „Сѣверной Пчелѣ“ за 1860—1861 годы; но иныя изъ нихъ имъ подписаны, иныя анонимныя.

Въ 1861 г. С. Н. Палаузовъ снова поступилъ на службу, но уже въ Министерство Финансовъ, чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ внѣшней торговли, и осенью 1862 г. командированъ былъ на ревизію въ Одессу, гдѣ Имп. Одесс. Общество Исторіи и Древностей, въ засѣданіи 26 октября 1862 г., и выбрало его своимъ дѣйствительнымъ членомъ (кромѣ того, онъ былъ дѣйств. членомъ Имп. Русск. Обществъ: Археологическаго и Географическаго); въ 1864 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ Варшавскою таможней; въ 1866 г., въ чинѣ статскаго совѣтника,—начальникомъ кодификаціоннаго отдѣленія въ Деп. тамож. сборовъ, а въ 1867 г. — начальникомъ секретарскаго отдѣленія въ томъ же Департаментѣ и въ то же время чиновникомъ особыхъ порученій въ Имп. Человѣколюбивомъ Обществѣ. Видимо, или С. Н. былъ очень занятъ въ ту эпоху по службѣ, или вообще обстоятельства не благопріятствовали его научнымъ занятіямъ, но неизвѣстны его труды того времени, за исключеніемъ небольшой статьи о В. Е. Априловѣ въ „Энциклоп. Словарѣ, составл. русск. учен. и литер.“ (СПб. 1864 г.). Наконецъ, въ 1868 г. С. Н. Палаузовъ оставилъ службу въ Министерствѣ Финансовъ, а въ 1870 г. также и въ Имп. Человѣкол. Обществѣ; но въ 1868 г. онъ былъ назначенъ членомъ Археографической Коммиссіи, что̀ снова возвратило его къ научнымъ занятіямъ: подъ редакціей его и П. И. Савваитова изданы были „Великія Макарьевскія Четьи-Минеи“ (три тома), за 1—13 сентября, 14—24 сентября и 1—3 октября (СПб. 1868—1870 г.) и подъ его же редакціей „Лѣтопись по Ипатьевскому списку“ (второе изданіе, СПб. 1871 г.).

Послѣдніе годы жизни были для С. Н. Палаузова не совсѣмъ удачны: служба ему какъ-то не давалась, торговля, которую продолжалъ вести его братъ, тоже шла не вполнѣ удовлетворительно, и С. Н. получалъ отъ него деньги, и въ томъ числѣ причитающуюся ему часть дохода съ дома въ Одессѣ, очень неаккуратно, а хуже всего было, что небольшія, имѣвшіяся у него, средства онъ передалъ съ коммерческими цѣлями въ распоряженіе какого-то маклера, злоупотребившаго его довѣріемъ, и С. Н. Палаузовъ потерялъ все, что̀ имѣлъ; между тѣмъ онъ былъ обремененъ семьей, притомъ былъ нѣсколько избалованъ жизнью, и переносить неудачи было ему не легко. Онъ хлопоталъ о полученіи въ Одессѣ мѣста директора гимназіи, но такое назначеніе не состоялось, вѣроятно вслѣдствіе болѣзни ожиренія сердца, отъ котораго онъ и скончался. Уже послѣ его смерти напечатанъ былъ въ „Православ. Обозрѣніи“ (1873 г. №№ 7 и 8) его переводъ „Опроверженія богумильской ереси монаха Евг. Загобена“; но его „Исторія болгарской церкви“, судя по письмамъ къ роднымъ, хотя и оконченная, и часть „Исто-

ріи Болгаріи—такъ и не вышли на свѣтъ Божій и, вѣроятно, хранятся у кого-либо изъ членовъ его семейства; можетъ быть, отрывки изъ этихъ исторій и напечатаны были гдѣ-либо въ болгарскихъ журналахъ, т.-к. встрѣчалось указаніе, что вообще существуютъ статьи С. Н. Палаузова на болгарскомъ языкѣ. Прекрасная и даже имѣвшая щегольской видъ библіотека его пріобрѣтена была за 2,000 р. болгарскимъ правительствомъ для Софійской Національной библіотеки, въ которой она составляетъ лучшую часть; продажа ея, а еще болѣе принадлежавшей С. Н. Палаузову части дома въ Одессѣ—все же до нѣкоторой степени обезпечила его семью.

При обширномъ умѣ С. Н. Палаузовъ обладалъ и обширными знаніями: западноевропейскіе языки зналъ онъ кажется всѣ, не исключая испанскаго; прекрасно зналъ классическіе языки, греческій византійской эпохи, славянскіе, румынскій, а также отчасти и венгерскій. Какъ историкъ, онъ подавалъ большія надежды, не вполнѣ, впрочемъ, оправдавшіяся: его статья о „Ростиславѣ Михаиловичѣ, кн. Мачвы“ казалась очень хорошею, но въ сущности потому, что наши ученые того времени мало были знакомы съ тѣми видами иностранныхъ источниковъ, по которымъ работалъ Палаузовъ, самая же обработка историческихъ матеріаловъ у него—почти всегда односторонняя и спѣшная. То же можно сказать и о другихъ сочиненіяхъ Палаузова, въ томъ числѣ о „Румынскихъ Господарствахъ“, имѣвшихъ большой успѣхъ именно потому, что исторію Румыніи у насъ никто еще не зналъ, а важность ея для нашей исторіи уже начинала тогда сознаваться, въ чемъ Палаузову принадлежитъ не послѣдняя роль. Основательнѣе, конечно, написаны сочиненія его по болгарской исторіи, особенно: „Вѣкъ болгарскаго Царя Симеона“—трудъ весьма почтенный и, для своего времени, въ научномъ отношеніи безукоризненный, посвященный притомъ эпохѣ, важной для исторіи умственнаго развитія не только Болгаріи, но и Россіи, гдѣ въ X—XI в. письменность слагалась именно по болгарскимъ образцамъ IX—X в.; но теперь и этотъ трудъ Палаузова устарѣлъ, тѣмъ болѣе, что настоящимъ славянскимъ филологомъ онъ не былъ, а нынѣ все болѣе и болѣе выясняется важность филологическаго изученія памятниковъ для выясненія вопроса о культурномъ вліяніи Болгаріи на Россію въ древнѣйшій періодъ ея исторіи. Очень хвалятъ изданіе Палаузовымъ „Макарьевскихъ миней“; но въ его изданіи „Ипатьевской лѣтописи“ тоже чувствуется нѣкоторая спѣшность работы, обусловившая въ немъ не мало и ошибокъ. Тѣмъ не менѣе, С. Н. Палаузовъ былъ почтеный ученый, занимавшійся славяновѣдѣніемъ, когда оно привлекало къ себѣ еще немногихъ, и очень живо и сердечно относившійся къ тѣмъ вопросамъ, которые назрѣвали въ его время, поэтому можно только пожалѣть, что онъ не спеціализировался окончательно на этихъ ученыхъ занятіяхъ.

Нельзя не указать въ заключеніе, что, хотя и русскій чиновникъ, С. Н. Палаузовъ былъ страстный болгарскій патріотъ, всю жизнь интересовался дѣлами родины, помогалъ ей, какъ могъ и какъ умѣлъ, поддерживая фамильныя традиціи Палаузовыхъ. Какъ его, такъ и новыхъ членовъ этой семьи, бывшихъ на русской службѣ, не разъ упрекали за то, что они уже стали въ сущности русскими,—это хотя и вѣрно, но все же не вполнѣ точно: они умѣли соединить служеніе новой родинѣ съ энергическою дѣятельностью на пользу прежней, что, впрочемъ, вовсе было и не трудно въ виду полной солидарности интересовъ обоихъ народовъ; и кто знаетъ, принесли ли бы Палаузовы столько пользы Болгаріи, покинувъ для нея Россію, сколько принесли они ей, служа послѣдней. Быть можетъ, они украсили бы собою тогда турецкія висѣлицы и ихъ дѣятельность затерялась бы среди общаго страданія болгарскаго народа, а теперь имъ посвящено будетъ нѣсколько свѣтлыхъ строкъ въ исторіи развитія славянскаго сознанія и еще болѣе въ исторіи болгарскаго освобожденія.

Въ нравственномъ отношеніи, по общему отзыву, С. Н. Палаузовъ былъ тоже личностью очень симпатичною; кажется, главнымъ недостаткомъ его было излишнее довѣріе къ людямъ, которое не разъ вредило ему и въ ученой карьерѣ, и въ служебныхъ отношеніяхъ, и, наконецъ, повело къ потерѣ имъ состоянія.

По воспоминаніямъ лицъ, близко его знавшихъ, С. Н. Палаузовъ по наружности былъ не высокаго роста, очень полный

брюнетъ, съ крупными чертами лица и всегда бритый, какъ и подобало чиновнику того времени; живя въ Петербургѣ, онъ быстро потерялъ волосы и носилъ парикъ, такъ какъ вообще любилъ щегольство; одѣвался изящно, и манеры, и разговоръ, имѣлъ даже нѣсколько аффектированные. Человѣкъ очень добродушный, веселый, остроумный разсказчикъ, онъ былъ большой лакомка и въ письмахъ его къ роднымъ встрѣчаются просьбы о присылкѣ разныхъ рѣдкостей по части ѣды, которыми славится Одесса. Живость С. Н. Палаузова сказалась и въ томъ, что въ его бумагахъ сохранилось множество переписанныхъ имъ записокъ и стихотворѣній разныхъ авторовъ, преимущественно славянофиловъ, а также и на иностранныхъ языкахъ, которыя ходили по рукамъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, напечатаны же были гораздо позже, да и то еще не всѣ.

Написано о С. Н. Палаузовѣ очень немногое: два краткихъ некролога—Воронова въ „Русс. Старинѣ“ 1872 г., № 6, и Мурзакевича въ „Записк. Имп. Одесс. Общ. Ист. и Древн.“, т. IX, 1875 г. причемъ послѣдній некрологъ очень неточенъ и даже съ ошибочными показаніями; затѣмъ, свѣдѣнія о С. Н. Палаузовѣ разбросаны по тѣмъ книгамъ или статьямъ, гдѣ вообще говорится о дѣятельности одесскаго болгарства; авторъ же настоящаго очерка пользовался также устными сообщеніями о немъ Н. Х. Палаузова и проф. Вл. Ал. Яковлева, лично съ нимъ знакомаго, и, кромѣ того, отрывками изъ обширной переписки С. Н. Палаузова съ его одесскими родными, находящейся у Н. Х. Палаузова и опубликованіе которой въ настоящее время владѣлецъ ея находитъ еще преждевременнымъ.

Проф. А. Маркевичъ

Паленъ, фонъ-деръ, *баронъ Матвѣй Ивановичъ*, генералъ отъ кавалеріи. Род. въ 1776, ум. въ іюнѣ 1863 г. Происходя изъ дворянъ Эстляндской губ., онъ шести лѣтъ былъ записанъ квартирмейстеромъ въ л.-гв. Конный полкъ (въ 1784 г.), въ 1787 г. зачисленъ вахмистромъ, въ 1797 г. произведенъ въ корнеты Рижскаго кирасирскаго полка, въ 1798 г. переведенъ во вновь сформированный полкъ Неплюева съ производствомъ въ поручики, въ 1800 г. —въ Рижскій драгунскій, а въ 1807—въ л.-гв. Кавалергардскій полкъ и произведенъ въ штабъ-ротмистры Произведенный въ 1809 г. въ ротмистры и въ 1810 г. въ полковники, баронъ Паленъ пожалованъ былъ въ 1813 г. уже въ генералъ-маіоры, а въ 1816 г. получилъ въ командованіе 2-ю бригаду 1-й конно-егерской дивизіи, которую смѣнилъ въ 1817 г. на 1-ю бригаду 3-й кавалер. дивизіи. Въ 1818 г. онъ оставилъ военную службу и былъ въ 1821 г. избранъ ландратомъ дворянства Эстляндской губ., причемъ находился въ этой должности до 1828 г. Уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, баронъ М. И. Паленъ назначенъ былъ присутствующимъ въ Сенатъ, по 5 департаменту, въ 1828 г., и затѣмъ попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа, чѣмъ оставался до 1835 г. Въ 1830 г. онъ снова поступилъ въ военную службу, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ губерній Остзейскаго края. По производствѣ въ 1843 г. въ генералы отъ кавалеріи, баронъ Паленъ назначенъ былъ въ 1845 г. членомъ Государственнаго Совѣта, съ оставленіемъ въ званіи сенатора.

Баронъ М. И. Паленъ принималъ участіе въ кампаніи 1806 и 1807 гг. противъ французовъ, въ сраженіяхъ при м. Яновѣ, Ландсбергѣ, Прейсишъ-Эйлау и Остроленкѣ. Затѣмъ въ 1808 г. участвовалъ въ Финляндской войнѣ, въ дѣлахъ при киркѣ Липавиртѣ, городѣ Куопіо, Пихаіоки, г. Брагенштадтѣ, Саккіаки, при киркѣ Кельвіо, Перхо, Лаппо, при занятіи Тайволы, въ сраженіи при Иденсальмѣ, въ дѣлѣ при Вериме, Улеаборгѣ и друг. Въ 1809 г. былъ въ экспедиціи черезъ Аландскіе острова въ Швецію, съ участіемъ въ дѣлѣ при Гриссельгамѣ. Въ кампанію 1810 г. въ Турцію, баронъ Паленъ участвовалъ въ дѣлахъ при крѣпостяхъ Силистріи, Шумлѣ и Рущукѣ, и въ штурмѣ послѣдняго, а также въ генеральномъ сраженіи при Башинѣ (26 авг.) и при занятіи крѣпости Никополя. Въ Отечественную войну 1812 г. онъ находился въ корпусѣ гр. Витгенштейна и служилъ своимъ отрядомъ связью между этимъ корпусомъ и большою русскою арміей; участвовалъ въ дѣлахъ при Россіенахъ, при занятіи Кенигсберга (24 дек.), подъ крѣпостью Пиллау и при деревнѣ Логкодетѣ. Въ 1813 г. баронъ Паленъ состоялъ при кн. Чернышевѣ, и былъ въ дѣлахъ при гг. Вербенѣ, Зейгаузенѣ, Люнебургѣ, Нольценѣ, при деревнѣ Бракольде, въ трехдневномъ бомбардированіи маршаломъ Вандамомъ г. Гамбурга, въ генеральномъ сраженіи при г. Лейпцигѣ (20 мая), при Гроссъ-Беренѣ, Марцанѣ, Деневицѣ (25 авг.), при м. Швенцѣ, Торгау, м. Таухѣ, въ бою при

Лейпцигѣ (6 и 7 октября), а съ 9 по 21 ноября баронъ Паленъ держалъ въ блокадѣ крѣпость Гамбургъ, отражая многократныя вылазки непріятеля. Въ 1814 г. онъ блокировалъ датскую крѣпость Ренебургъ; въ предѣлахъ же Франціи участвовалъ въ дѣлахъ при замкѣ Порсье, г. Ретелѣ, Краонѣ, Лаонѣ, Суассонѣ, Реймсѣ, Эпернэ, Сенъ-Дизье, Сансѣ и др.

Во время войны съ польскими мятежниками 1831 г. баронъ Паленъ дѣйствовалъ съ особымъ отрядомъ противъ мятежныхъ шаекъ, скрывавшихся въ лѣсахъ и производившихъ оттуда набѣги на сообщенія русскихъ. Здѣсь онъ имѣлъ дѣла: при Элленской корчмѣ и станціи Кольве, Курляндской губ. (11 апр.), и при м. Янишки, Виленской губ. (12 апр.), а 15-го апр. отразилъ большую массу мятежниковъ, атаковавшихъ это мѣстечко. Затѣмъ, у него были дѣла при Тельшахъ (30 апрѣля) и въ лѣсахъ при Ретау (13 мая).

Изъ россійскихъ орденовъ онъ имѣлъ ордена: Св. Александра Невскаго, Св. Анны 1-й ст. съ алмазами, Св. Владиміра 2-й ст. и Св. Георгія 3-го класса. Изъ иностранныхъ — Прусскіе „за заслуги“ (1858), краснаго орла 2 ст. (1811), и Шведскій командорскій орденъ меча большого креста. Сверхъ того, имѣлъ золотую шпагу съ алмазными украшеніями и саблю съ подписью „за храбрость“.

Почти всѣ награды баронъ Паленъ получилъ за военные подвиги, въ томъ числѣ орденъ Св. Георгія 4 ст. — за дѣло при Иденсальмѣ 1808 г., и 3 класса за сраженіе при Деневицѣ 1813 г. Образовательный цензъ его опредѣленъ словами его формуляра: „по .россійски, французски и нѣмецки читать и писать умѣетъ“.

По архив. докум.—Крат. некрол. въ „Мѣсяцесл.“ 1864, с. 80. *А. Н. Петровъ.*

Паленъ, фонъ-деръ, *графъ Павелъ Петровичъ,* генералъ-лейтенантъ. Род. 7 іюля 1775, ум. 9 февр. 1834. Уроженецъ Ревельской губ., онъ вступилъ въ службу, 1 января 1782, въ л.-гв. Конный полкъ нижнимъ чиномъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ вице-вахмистры, а въ 1784 г. въ вахмистры. Къ 1790 г. (1 января) графъ Павелъ Петровичъ былъ уже произведенъ въ ротмистры съ переводомъ въ Оренбургскій драгунскій полкъ; въ августѣ 1792 г. прикомандированъ къ провіантскому вѣдомству, причемъ состоялъ оберъ-провіантмейстеромъ; въ маѣ слѣдующаго года, по производствѣ въ маіоры, переведенъ въ Московскій карабинерный полкъ, а въ августѣ 1795 г. снова въ л.-гв. Семеновскій полкъ капитанъ-поручикомъ Черезъ годъ онъ былъ опять перемѣщенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, съ чиномъ подполковника; въ 1798 г., по производствѣ въ полковники, назначенъ въ Кирасирскій Ея Величества полкъ, а 11-го марта 1800 г. произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ (шефомъ) Изюмскаго гусарскаго полка. Въ томъ же году гр. П. П. Паленъ былъ отчисленъ отъ службы, но снова поступилъ на нее съ назначеніемъ командиромъ Дерптскаго драгунскаго полка (конно-егерскаго); 13 марта 1814 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, съ утвержденіемъ начальникомъ 2-й конно-егерской дивизіи, имѣя отъ роду 42 года и состоя на службѣ въ офицерскихъ чинахъ 24 года. Такое быстрое прохожденіе чиновъ военной іерархіи объясняется войнами того времени, въ которыхъ графъ П. П. принималъ дѣятельное участіе. Такъ онъ участвовалъ въ войнахъ и сраженіяхъ 1794 и 1795 гг. противъ польскихъ мятежниковъ; въ 1796 г. въ войнѣ противъ Персіи, именно при осадѣ Дербента, при занятіи городовъ Кубы, Баку и Шемахи, при овладѣніи Казыкумыкскимъ ханствомъ, въ дѣйствіяхъ противъ крѣпости киргизъ и проч., причемъ часто находился въ числѣ охотниковъ при производствѣ вылазовъ. Потомъ, въ войну съ Турціей съ 1806 по 1812 г. гр. П. П. Паленъ участвовалъ въ сраженіи 9 марта 1807 при Турбатѣ и въ дѣйствіяхъ, вслѣдъ затѣмъ, подъ кр. Журной, а 2 іюня того же года въ знаменитомъ сраженіи при Оби-леш-ти и при спасеніи Бухареста, причемъ за сраженіе при Оби-леш-ти онъ былъ награжденъ — орденомъ Св. Георгія 4-й степени. Въ 1809 г. гр. Паленъ отличался въ дѣйствіяхъ противъ крѣпостей: Исакча, Тукчи, въ дѣлѣ при Бабодагѣ, при осадѣ крѣпости Гирсово, въ сраженіи при Россевати (4 сентября), за которое получилъ орденъ Св. Владиміра 3-й ст. Во время дѣйствій, въ томъ же году, арміи кн. Багратіона подъ Силистріей, онъ, за взятіе въ плѣнъ турецкаго паши

Махмутъ-Тирана, въ дѣлѣ при дер. Калонетра (19 іюля), получилъ въ награду золотую саблю, украшенную алмазами, съ надписью „за храбрость". Вслѣдъ затѣмъ, за бой 10 сентября при с. Тоторацѣ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ, гр. П. П. Паленъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Георгія 3-й ст. Не менѣе доблестно подвизался онъ и въ кампаніяхъ слѣдующихъ годовъ противъ турокъ. Такъ въ 1811 онъ принималъ видное участіе въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ крѣпостей Видина и Рущука, а также въ генеральномъ боѣ при послѣднемъ. Въ наступившую вслѣдъ за этимъ Отечественную войну гр. Паленъ участвовалъ не менѣе дѣятельно въ дѣлахъ при Владимірѣ Волынскомъ, при селеніи Клоднесь, гдѣ отрѣзалъ непріятелю переправу черезъ р. Бугъ, при м. Любони, при Волковискѣ, находясь постоянно въ авангардѣ Дунайской арміи Тормасова и прибывъ къ р. Березинѣ во время переправы черезъ нее французской арміи при Борисовѣ. При дальнѣйшемъ бѣгствѣ остатковъ Наполеоновской арміи гр. Паленъ неоднократно пользовался случаемъ налетать на французовъ съ своею кавалеріей, нанося имъ вредъ, до самой границы нашей. Въ 1813 г. онъ участвовалъ при блокадѣ кр. Торна, въ дѣйствіяхъ подъ Варшавой и Модлиномъ, въ сраженіи при м. Сапенѣ, при г. Гейльсбергѣ, Гейленсдорфѣ, въ бою при р. Кацбахѣ (съ 14 августа по 17 августа), при м. Левенбергѣ, причемъ за взятіе въ плѣнъ отряда генерала Пахто награжденъ былъ орденомъ Св. Анны 1-й ст. Въ бояхъ при Бауценѣ и Лейпцигѣ гр. Паленъ также принималъ участіе, при чемъ за бой при Лейпцигѣ получилъ бриллiантовое украшеніе къ ордену Св. Анны 1-й ст. Въ 1814 г. онъ съ такимъ же отличіемъ дѣйствовалъ въ бояхъ при Суассонѣ, Лаонѣ, Шалонѣ, Лаферте, Шампенуазѣ, при чемъ за отличіе подъ послѣднимъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, а за дѣйствіе подъ Парижемъ— орденомъ Св. Владиміра 2 ст. Сверхъ этихъ наградъ, графъ Паленъ былъ пожалованъ еще прусскимъ орденомъ краснаго орла 2-й ст. Такимъ образомъ, вся служебная карьера гр. П. П. Палена представляетъ непрерывный рядъ кампаній, боевъ и отличій, стяжавшихъ ему вполнѣ заслуженную боевую славу.

Женатъ былъ трижды: на граф М. П. Скавронской, Аграф. Ив. Лермонтовой, рожд. Орловой († 1810), и Ек. Вас. Орловой († 1853).

По архив. докум. *А. Н. Петровъ.*

Паленъ, фонъ-деръ, *графъ Петръ Алексѣевичъ*, генералъ отъ кавалеріи. Род. 17 іюля 1745 г., ум. 13 февр. 1826. Изъ дворянъ Эстляндской губ., онъ поступилъ въ 1760 г. рейтеромъ въ л.-гв. Конный полкъ, а въ 1769 произведенъ въ ротмистры, съ отправленіемъ въ дѣйствующую армію гр. Петра Ивановича Панина, гдѣ и находился въ Егерскомъ корпусѣ, участвуя въ дѣйствіяхъ подъ Бендерами въ 1770 г. (при чемъ былъ раненъ въ правое колѣно). Въ 1778 г., произведенный въ полковники, онъ получилъ въ командованіе Ямбургскій карабинерный полкъ, которымъ и командовалъ до производства въ генералъ-маіоры въ 1787 г. (апр. 21). Въ войну съ Турціей 1788 и 1789 гг. онъ находился при Екатеринославской арміи кн. Потемкина. Въ 1792 г. опредѣленъ былъ правителемъ Рижскаго намѣстничества и въ этой должности велъ всѣ переговоры о присоединеніи герцогства Курляндскаго къ Россіи. Въ 1795 г. былъ произведенъ въ генералъ-поручики, послѣ чего назначенъ первымъ русскимъ генералъ-губернаторомъ Курляндской губерніи. Состоя въ этомъ званіи, графъ П. А., по случаю проѣзда черезъ Ригу извѣстнаго князя Зубова, устроилъ ему торжественную встрѣчу и провожалъ его лично до Митавы. Это навлекло на него гнѣвъ Императора Павла, который далъ ему по сему слѣдующій рескриптъ отъ 26 февр. 1797 г.: „Съ удивленіемъ увѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздъ князя Зубова черезъ Ригу; изъ сего я и дѣлаю сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коему и поведеніе Мое противъ васъ соразмѣрено будетъ". Тѣмъ же чиномъ гр. Паленъ былъ „выключенъ изъ службы". Но вскорѣ онъ удостоился снова вниманія Императора: 20 сентября 1797 года онъ, тѣмъ же чиномъ, опять былъ принятъ на службу, получивъ право лично представиться Императору въ Петербургѣ, и 24 нояб. опредѣленъ въ л.-гв. Конный полкъ, а 1 дек. назначенъ инспекторомъ по кавалеріи С.-Петербургской и Финляндской дивизій. Въ слѣдующемъ 1798 г.,

приказомъ отъ 31 марта, онъ былъ пожалованъ чиномъ генерала отъ кавалеріи, а 28 іюля назначенъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, вмѣсто г.-л. графа Буксгевдена. Въ этой должности гр. П. А. Паленъ находился до 12 августа 1800 года, а 30 авг., въ ожиданіи войны съ Англіей, ему предназначалось командованіе одною изъ трехъ армій, состоящей изъ пяти корпусовъ, которую и предполагалось собрать у Брестъ-Литовска, но, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, армія эта собрана не была.

Будучи первоприсутствующимъ членомъ Иностранной Коллегіи, онъ, послѣ удаленія Ростопчина, руководилъ внѣшнею политикою въ самое послѣднее время царствованія Павла I.

12 марта 1801 года гр. Петръ Алексѣевичъ первымъ донесъ Военной Коллегіи о кончинѣ Императора Павла I и пригласилъ всѣхъ принять присягу, въ 8 часовъ утра, на вѣрность Императору Александру I-му. 18 февраля того же года онъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ почтъ въ Государствѣ, исполняя, въ тоже время, должность С.-Петербургскаго военнаго губернатора, съ подчиненіемъ ему и гражданской части въ С.-Петербургской губ. Но 17 іюня того же 1801 г. гр. Паленъ былъ уволенъ, „за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ“.

Высочайшимъ указомъ 22 февр. 1799 г., П. А. Паленъ получилъ графское достоинство съ нисходящимъ его потомствомъ. Онъ имѣлъ высшій орденъ Св. Андрея Первозваннаго, пожалованный ему 27 ноября 1798 г., и за дѣятельное участіе во взятіи Очакова—орденъ Св. Георгія 3-й ст. съ 14 апр. 1789 г.

По выходѣ въ отставку, гр. П. А. жилъ безвыѣздно въ своихъ помѣстьяхъ до самой смерти.

Женатъ былъ на Юл. Ив. Шепингъ, бывшей статсъ-дамой (р. 1753, † 1814).

Изъ дѣлъ Москов. Отдѣленія Общаго Архива Глав. Штаба—1827 г., № 36.—„Спис. Кавал.“, 241 и 329.—„Сенат. Архивъ“, I, 500.—„Мѣсяцесл. съ роспис. чиновн. особъ“ на 1793, с. 378.—„Спис. воинск. дел.“ 1793, с. 58, и 1795, с. 61.—„Матер. для жизнеопис. гр. Н. П. Панина“, А. Брикнера, т. I, V и VI.—„Словарь“ Бантышъ-Каменскаго, IV, 93.—„Росс. Родосл. книга“, кн. П. Долгорукова, II, 215.

А. Н. Петровъ.

Паленъ, фонъ-деръ, *графъ Петръ Петровичъ*, генералъ-адъютантъ и генералъ отъ кавалеріи. Род. въ 1778, ум. 19 апр. 1864 г. Служебная дѣятельность графа П. П. фонъ-деръПалена была чрезвычайно разновидна. Происходя изъ дворянъ Эстляндской губ., онъ 13 лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ вахмистромъ—въ л.-гв. Конный полкъ въ 1790 г., а 1 января 1792 г., 15-ти лѣтъ, былъ уже произведенъ въ ротмистры съ назначеніемъ въ Оренбургскій драгунскій полкъ, и затѣмъ, въ слѣдующемъ 1793 году, уже въ чинѣ премьеръ-маіора, переведенъ въ провіантское вѣдомство, съ назначеніемъ оберъ-провіантмейстеромъ. Потомъ, въ теченіе слѣдующихъ четырехъ лѣтъ, онъ перемѣнилъ три полка, побывавъ въ Московскомъ карабинерскомъ, Нижегородскомъ драгунскомъ и л.-гв. Кирасирскомъ Его Величества, а въ 1798 переведенъ былъ снова въ л.-гв. Конный полкъ подполковникомъ, когда тамъ оказалась свободная вакансія; но такъ какъ это было непріятно его новымъ товарищамъ, разсчитывавшимъ на ту же вакансію и имѣвшимъ на нее болѣе права, то гр. П. П., поступивъ въ полкъ подполковникомъ 28 сентября, вышелъ въ отставку 9 октября, т. е. черезъ 11 дней, но уже съ чиномъ полковника, имѣя отъ роду 21 годъ, а менѣе чѣмъ черезъ годъ снова поступилъ на службу полковникомъ же съ назначеніемъ адъютантомъ къ ген.-отъ-кавал., графу фонъ-деръ-Палену. Черезъ 9 дней послѣ того, именно 18 сентября 1800, юный полковникъ произведенъ былъ уже въ генералы-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ Каргопольскаго драгунскаго полка, въ слѣдующемъ году командовалъ — Сумскимъ гусарскимъ полкомъ, въ 1810 г. получилъ дивизію, а 15-го іюля 1812 г., за отличіе, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1815 г. назначенъ командиромъ 3-го резервнаго Кавалерійскаго корпуса; въ томъ же году принялъ въ командованіе 4-й резервный Кавалер. корпусъ, а въ 1823 г. вышелъ въ отставку. Въ 1827, онъ снова поступилъ на службу, съ назначеніемъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса, и въ томъ же году произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ къ Его Величеству. Прокомандовавъ первымъ корпусомъ 26 дней, П. П. принялъ въ командованіе 2-й пѣхотный корпусъ, а потомъ опять 1-й корпусъ, которымъ и

командовалъ уже до 26-го января 1834 г., когда былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго и Военнаго Совѣтовъ. Въ 1835 г. графъ П. П. Паленъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и уполномоченнымъ посломъ при французскомъ дворѣ, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Варантъ („Souvenirs du Baron de Barante", vol. V, p. 243), въ донесеніи о первомъ своемъ представленіи Императору Николаю Павловичу, говоритъ: „Puis il (Императоръ Николай I) m'a parlé du Comte Pahlen—celui là est l'homme de mon choix, il fera de la diplomatie comme je la conçois en loyal militaire; je suis reconnaissant de ce qu'il a cédé à mes instances et accepte ce poste. Vous me faites un grand plaisir en me disant qu'on lui rend justice à Paris. Vous n'avez pas d'intrigues à craindre de celui là,—il ne saurait comment s'y prendre".

Въ томъ же сочиненіи (vol. III, p. 12), въ письмѣ изъ Парижа, сказано: „Le Comte Pahlen est toujours parfaitement bien vu ici. Il est impossible de justifier plus complétement l'éstime publique. Et de tous les ambassadeurs russes que j'ai vu ici, aucun n'y a été aussi honoré, aussi digne, aussi simple, aussi magnifique, aussi convenable, droit, honnête, et surtout éloigné de toute intrigue. Il n'y la pas la moindre exagération dans tout ceci". Наконецъ, въ 1845 г. графъ Паленъ получилъ званіе генер.-инспектора всей кавалеріи, а февраля 7-го 1853 г. назначенъ былъ предсѣдателемъ Комитета о раненыхъ, гдѣ и оставался до самой смерти, послѣдовавшей на 87 году его жизни.

Графъ Петръ Петровичъ Паленъ участвовалъ въ кампаніи Персидской 1796 г. (при осадѣ крѣп. Дербента); состоялъ при русской арміи, дѣйствовавшей въ предѣлахъ Пруссіи, въ качествѣ ея союзника, въ 1806—1807 г. противъ французовъ (въ дѣлахъ при Лопачинѣ, Голыминѣ, Маковѣ; въ 1807 г. при Морунгенѣ, Прейсишъ-Эйлау, Лауноу, Гутштадтѣ, въ сраженіи при Гейльсбергѣ, Фридландѣ и др.). Въ эту кампанію гр. Паленъ находился всегда въ авангардѣ арміи съ своею кавалеріей. 14-го іюля 1812 г. Барклай-де-Толли, все еще не терявшій надежды соединиться съ Багратіономъ, приказалъ графу П. П. Палену съ авангардомъ удерживать непріятеля. А. П. Ермоловъ (см. его „Записки", М. 1865, ч. I, стр. 146), упоминая объ этомъ дѣлѣ, говоритъ: „Глаза мои не отрывались отъ авангарда и славнаго графа Палена. Отдаляющаяся армія, ввѣривъ ему свое спокойствіе, не могла оградить его силами, непріятелю соразмѣрными, но поколебать мужество его—ничто не въ состояніи; я скажу съ Гораціемъ: „Если разрушится вселенная, въ развалинахъ своихъ погребетъ его неустрашеннымъ" До пятаго часу продолжалось сраженіе съ равнымъ упорствомъ и аріергардъ отошелъ на другую сторону города, оставя непріятеля удивленнаго порядкомъ"... Въ 1812 г. онъ участвовалъ въ дѣлахъ при Витебскѣ, Агапоновчинѣ, Порѣчьѣ и Рунѣ; въ 1813 г.—въ бояхъ при Бауценѣ, Левенбергѣ, г. Донѣ, Гелленсдорфѣ, Герлицѣ, Альтенбургѣ, Вендишъ-Лейбѣ, Борнѣ, въ трехдневномъ боѣ при Лейпцигѣ и пр.; въ 1814 г.—въ сраженіяхъ при кр. Фольсбургѣ, Бріеннѣ, Мери, Ножанѣ на Сенѣ, Моршанѣ, Баръ-сюръ-Оби, Вилленоксѣ, С. Мартенѣ, въ бою при Арсисѣ, Феръ-Шампенуазѣ и въ дѣлахъ подъ Парижемъ, причемъ 13 марта 1814 г., при Феръ-Шампенуазѣ, онъ разбилъ Мортье, а 18 марта, первымъ изъ всѣхъ союзныхъ войскъ, вступилъ въ Парижъ. Въ войну съ Турціей въ 1829 г. гр. П. П. Паленъ участвовалъ при отраженіи вылазокъ изъ кр. Силистріи, въ бояхъ при Кулевчѣ, при овладѣніи Сливно, Адріанополемъ, Визой и др. Наконецъ, въ кампанію 1831 г. противъ польскихъ мятежниковъ, гр. П. П. Паленъ находился въ дѣлахъ: въ бою при Ваврѣ, при Гроховѣ, въ дѣлѣ при Минскѣ, Эндржіевѣ, въ генеральномъ сраженіи при Остроленкѣ и при штурмѣ Варшавы.

Такова была боевая жизнь гр. П. П.; участвуя во множествѣ сраженій, онъ былъ раненъ въ 1813 г. въ дѣлѣ при Левенбергѣ въ голову, а въ бою при Лейпцигѣ контуженъ въ голову и въ плечо.

Изъ россійскихъ орденовъ графъ П. П. Паленъ имѣлъ всѣ ордена до Св. Андрея Первозваннаго съ алмазами включительно: орденъ Св. Владиміра 1-й степени, Св. Александра Невскаго съ алмазами, Св. Георгія 2-й степени (за дѣло при Феръ-Шампенуазѣ въ 1814 г.) и друг., между прочимъ орденъ Св. Георгія 3-й ст. за бой при Прейсишъ-Эйлау, 8 апр. 1807 г., и 4 ст. за дѣло при Лопачинѣ, 27 янв. 1807 г. Изъ иностран-

ныхъ орденовъ: Маріи Терезіи 3-го класса, Прусскіе—чернаго и краснаго орла 1-й ст. и орденъ Іоанна Іерусалимскаго. Сверхъ того, алмазный портретъ Государя Императора для ношенія на груди, золотую саблю съ алмазами и проч.

Образовательный цензъ его опредѣленъ такъ: „по русски, нѣмецки и французски читать и писать умѣетъ, ариѳметику, геометрію, тригонометрію, исторію и географію знаетъ".

Архив. докум.; „Портрет. галлерея" Мюнстера, I, 79; ст. М. Богдановича въ „Русс. Инвал." 1864, № 94, и въ „Военн. Сбор." 1864, № 8, с. 411; „Прилож. къ „Военн. Сборн." 1891, с. 106 („Хронологія русск. воен. исторіи"). *А. Н. Петровъ.*

Паленъ, графъ *Ѳедоръ Петровичъ*, дѣйствит. тайный совѣтникъ, извѣстный дипломатъ. Род. въ 1780, ум. 8 января 1863. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ на 14-мъ году поступилъ въ Конно-гвардейскій полкъ, но пробылъ тамъ недолго, такъ какъ захотѣлъ посвятить себя дипломатической карьерѣ. Сперва въ Швеціи, потомъ въ Парижѣ и наконецъ въ Лондонѣ подготовлялся онъ къ занятію самостоятельной дипломатической должности; затѣмъ былъ посланникомъ въ Вашингтонѣ, Ріо-Жанейро и Мюнхенѣ, а по возвращеніи въ Россію дважды исправлялъ должность Новороссійскаго генералъ-губернатора и, вмѣстѣ съ Дибичемъ и Орловымъ, заключалъ Адріанопольскій міръ. Назначенный въ 1832 г. членомъ Государственнаго Совѣта, онъ оставался въ этомъ званіи до самой смерти, принимая подъ конецъ жизни горячее участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

„Мѣсяцесловъ" на 1864, с. 80.

Палеологъ, *Георгій Николаевичъ*, подполковникъ. Род. въ XVIII ст., ум. 1869 г. Вмѣстѣ съ А. Сивинисомъ, подъ редакціей В. С. Мельницкаго, онъ составлялъ (начиная съ V главы) „Исторію вмѣшательства Россіи, Англіи и Франціи въ войну за независимость Греціи" (СПб. 1863 г.), или „Историческій очеркъ народной войны за независимость Греціи и возстановленіе королевства, при вмѣшательствѣ великихъ державъ" (СПб. 1867).

Этотъ послѣдній трудъ, по смерти В. Мельницкаго, гг. Палеологъ и Сивинисъ составляли самостоятельно. Въ распоряженіе авторовъ былъ предоставленъ вдовою адмирала П. И. Рикорда (дѣятеля современной эпохи) богатый матеріалъ за 1828 и 1829 г., заключавшій въ себѣ обширную переписку политическаго характера между графомъ Н. Каподистріей и княземъ А. Ипсиланти, а также многіе историческіе документы, до того времени неизвѣстные и собранные въ приложеніяхъ къ означенному труду. Независимо отъ этого, Г. Н. Палеологъ, прямой потомокъ царственнаго рода въ Греціи, помѣщалъ много статей въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ по вопросамъ политико-экономическимъ. Горячо отстаивая крестьянскую реформу, онъ былъ противникомъ фритредерства, доказывая всегда, что для развитія русской промышленности необходимы высокія пошлины на иностранные товары, производство которыхъ возможно въ самой Россіи. Г. Н. Палеологъ, служившій до чина подполковника въ одномъ изъ гусарскихъ полковъ, вышелъ въ отставку и умеръ въ полной бѣдности на больничной койкѣ.

А. Н. П.

Палеологъ, *Михаилъ Григорьевичъ*, педагогъ и переводчикъ. Род. въ 1800 г. въ Константинополѣ, ум. въ Одессѣ 17 декабря 1861. На одиннадцатомъ году отъ роду онъ былъ перевезенъ въ Бухарестъ, гдѣ отецъ его служилъ при дворѣ Валахскаго господаря Михаила Суццо. Образованіе получилъ въ Бухарестскомъ лицеѣ, по окончаніи курса котораго принималъ участіе въ неудачномъ возстаніи кн. А. Ипсиланти противъ турокъ. Вынужденный спасаться отъ преслѣдованія, Палеологъ переселился въ Одессу, гдѣ сдѣланъ преподавателемъ эллино-греческаго языка въ греческомъ коммерческомъ училищѣ, а въ 1827 г. назначенъ его смотрителемъ, въ 1836-мъ же году, кромѣ того, приглашенъ преподавателемъ ново-греческаго языка въ Ришельевскомъ лицеѣ, гдѣ состоялъ до 1846 г., когда перешелъ на должность цензора иностранныхъ книгъ въ Одесскій цензурный комитетъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ смотрителемъ греческаго коммерческаго училища.

Палеологомъ были напечатаны въ Одессѣ: а) на русскомъ языкѣ: 1) Краткая грамматика ново-греческаго языка (1843) и 2) Разговоры русско-французско-греческіе, два изданія (1844 и 1860 г.); b) на греческомъ языкѣ: 3) Γραμματικὴ τῆς σιμερινῆς Ἑλληνικῆς γλάσσης (1845); 4) Перво-

начальное упражненіе въ ново-греческомъ языкѣ, шесть изданій (послѣднее 1860 г.); 5) Собраніе отрывковъ изъ греческихъ прозаиковъ и поэтовъ, 3 ч. (1833); c) переводы: на ново-греческій языкъ: 6) Новая методическая географія, съ французскаго изд. (1837); 7) О должностяхъ человѣка Сильвіо Пелико, съ итальянскаго (1838), и d) на русскій языкъ съ греческаго: 8) Отрывки изъ перипла Скилакса и 9) Изъ поэмы Скисика Хіосскаго (для Записокъ Одесскаго Общества исторіи и древностей).

„Зап. Одесс. Общ. ист. и древн. 1863, т. V. (ст. Ф. Бруна). *Проф. В. Яковлевъ.*

Палеховъ, *Иванъ*, кандидатъ физико-математическаго отдѣленія Московскаго университета, написалъ соч. для полученія степени магистра подъ загл.: „Разсужденіе объ употребленіи Астрономіи въ Навигаціи и Геодезіи“, М. 1817. 8°, 29 стр., съ чертежомъ.

„Сынъ Отеч.“, ч. 43, стр. 210.

Палицкіе, князья. Они составляютъ вѣтвь кн. Стародубскихъ (Стародуба на Клязьмѣ, Владимірской губ.) и происходятъ отъ удѣльнаго князя стародубскаго Давида Андреевича, прозваніемъ Палицы, чрезъ сына его Ивана. Родъ ихъ пресѣкся въ концѣ XVI в. Болѣе или менѣе видные представители этого рода — слѣдующіе:

1. *Княж. Ульяна*, д. Димитрія Ѳедоровича Щереды, съ ноября 1547 г. супруга младшаго брата царя Іоанна Грознаго, Юрія Васильевича. Въ 1560 г., схоронивъ единственнаго сына Василія (р. 1559 г.), а черезъ три года и мужа (1563 г.), она въ слѣдующемъ 1564 г. постриглась въ Новодѣвичьемъ мон—рѣ, принявъ имя Александры. Царь Іоаннъ Грозный относился къ ней, повидимому, съ любовью и уваженіемъ: онъ устроилъ ей въ келіяхъ пышный дворъ, приставилъ къ ней, для услугъ, разныхъ сановниковъ, далъ ей богатыя помѣстья, — но чрезъ нѣсколько лѣтъ (неизвѣстно, впрочемъ, насколько это достовѣрно) сдѣлался ея убійцей: есть извѣстіе, что она, въ 1569 г., вмѣстѣ съ матерью кн. Владиміра Андреевича Старицкаго Евфросиніей, была утоплена въ р. Шекснѣ по приказу царя, противъ котораго, будто бы, строила ковы.

2. *N. Ѳедоровна*, тетка предыдущей, д. Ѳедора большаго Ивановича,—была за окольничимъ Вас. Петр. Бороздинымъ, принимавшимъ участіе въ хлопотахъ Евфросиніи старицкой по доставленію сыну ея Владиміру Андреевичу престола.

3. *Андрей Дмитріевичъ*, одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей при Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1565 г. онъ былъ первымъ воеводой въ Орлѣ, а потомъ въ Новосилѣ, отъ котораго отбилъ крымцевъ, послѣ чего посланъ былъ первымъ воеводой съ передовыми войсками противъ литовцевъ, подошедшихъ къ В. Лукамъ; въ слѣдующемъ 1566 г., будучи въ Москвѣ, въ апрѣлѣ, онъ поручился за бояръ, поручителей по кн. М. И. Воротынскомъ, а въ іюлѣ былъ въ числѣ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, обсуждавшихъ предложеніе польскаго короля о перемиріи и составившихъ приговоръ о походѣ на него за взятіе имъ многихъ Лифляндскихъ городовъ въ свое обереганье. Въ 1569—70 гг., будучи первымъ воеводой въ Новосилѣ, онъ получилъ приказъ быть воеводой въ большомъ полку съ кн. Шуйскимъ, когда всѣ другіе воеводы соединятся съ ними противъ крымцевъ. Въ 1571 г. послѣдніе, дѣйствительно, подходили къ Новосилю, но чрезъ сутки ушли назадъ, о чемъ А. Д. и писалъ государю; въ томъ же году и въ такомъ же положеніи онъ былъ воеводой въ Орлѣ. Съ весны слѣдующаго 1572 г. онъ былъ первымъ воеводой въ Дѣдиловѣ, а потомъ — „сходнымъ“ воеводой въ большомъ полку, съ кн. М. И. Воротынскимъ и Шереметевымъ, на лѣв. бер. Оки, въ ожиданіи крымцевъ. Девлетъ-Гирей явился съ громадными силами и успѣлъ переправиться чрезъ Оку,—но русскіе воеводы нагнали его у Воскресенья въ Молодяхъ (село), въ 50 в. отъ Москвы, и заставили принять битву: ханъ былъ разбитъ на-голову и ночью, съ остатками войска, бѣжалъ назадъ, оставивъ на мѣстѣ битвы шатры, обозы и свое знамя. Въ 1573 г. А. Д. ходилъ въ Казань вторымъ воеводой лѣвой руки противъ возмутившейся луговой и горной черемисы, а въ 1574—75 гг. былъ посланъ для береженья строенія новаго города Кокшаги, въ которомъ ему приказано годовать въ качествѣ перваго воеводы. Въ послѣдующіе годы дѣятельность его сосредоточивалась преимущественно въ Ливоніи: въ 1576 г. онъ ходилъ къ Колывани съ нарядомъ (артиллеріей); въ 1577—78 гг. былъ посланъ изъ Пскова на помощь осажденнымъ

въ Ленневарденѣ, отсюда прошелъ въ Володимерецъ, но, по указу государя, долженъ былъ передвинуться въ Юрьевъ (Дерптъ), а оттуда—къ Полчеву (ОберъПалену). Около этого времени А. Д. мѣстничалъ съ Ѳ. Шереметевымъ, кн. Ѳ. Лыковымъ и Д. Хворостининымъ,—но, по разсмотрѣніи этого дѣла боярами, государь приказалъ всѣмъ троимъ противникамъ П. обвинить послѣдняго. Въ 1579 г., когда воеводамъ нужно было идти къ Кеси (Вен дену), А. Д. началъ опять мѣстническое дѣло съ кн. В. Сицкимъ—но ему отписано „взять списки и быть по росписи". По этимъ мѣстническимъ дѣламъ, къ воеводамъ присланъ былъ дьякъ Щелкановъ. Хотя воеводы и подошли потомъ къ Кеси, не кончивши своихъ счетовъ,—но, пока они мѣстничали, литовцы успѣли соединиться со шведами и нечаянно ударить на русскихъ: Д. А. съ кн. Голицынымъ, Шереметевымъ и Щелкановымъ, оставивъ войско и другихъ воеводъ на произволъ судьбы, бѣжали въ Юрьевъ. Не смотря на этотъ позоръ, П. въ томъ же году, по полученіи извѣстія о взятіи литовцами Невгина (Дюнебурга), посланъ былъ воеводою лѣвой руки противъ литовцевъ и лифляндцевъ. Сообразно съ приказомъ государя—или проникнуть къ осажденнымъ въ Полотскѣ или занять г. Соколъ, воеводы заняли послѣдній,—но литовцы 19 сентября (уже 1580 г.) осадили крѣпость, зажгли городъ, ворвались туда и, какъ въ немъ, такъ и внѣ его, произвели рѣзню. Въ этой рѣзнѣ и погибъ А. Д. Это былъ предпослѣдній изъ рода кн. П., такъ что его отчины перешли къ брату его Борису, послѣднему въ родѣ.

4. *Борисъ*, братъ предъидущаго. Въ 1576 г., по разрядамъ, онъ считается полковымъ воеводой въ Ливоніи, потомъ—въ большомъ полку на берегу Оки, въ 1578 г.—также значится полковымъ воеводой. Въ 1580 г., со смертью брата его Андрея, Б. остался единственнымъ представителемъ своего рода, а слѣдовательно и единственнымъ обладателемъ родовыхъ отчинъ. Что онъ былъ послѣднимъ въ родѣ, на это указываетъ и данная ему 5 марта 1580 г. отчинная грамота, въ которой государь говорилъ, что, въ случаѣ его смерти или постриженія, вмѣсто селъ въ монастыри (на поминъ души или просто какъ пожертвованіе) должны быть выданы деньги по его царскому уложенью, а самыя села должны быть взяты въ царскую казну. Время кончины Б. Д. — неизвѣстно.

5. *Борисъ Ивановичъ*, внукъ родоначальника П.—Ивана Давидовича, конюшій и бояринъ кн. Андрея Ивановича старицкаго. Въ 1537 г., когда кн. старицкаго посадили въ заключеніе, Б. И. взятъ былъ въ числѣ другихъ бояръ кн. Андрея, которые „его думу вѣдали"; его пытали, казнили торговою казнію и потомъ бросили въ наугольную стрѣльницу. Какъ ни странно это, но источники второй руки показываютъ, что впослѣдствіи Б. И. былъ на государевой службѣ, воеводой на вторыхъ мѣстахъ: въ 1540 г.—въ Костромѣ, въ 1544 г. — въ Казанскомъ походѣ, въ 1549 г. — въ шведскомъ походѣ и въ 1551 г. — въ походѣ къ Полотску.

6. *Василій Димитріевичъ*, сынъ Дм. Ѳедоровича Щереды, воевода Іоанна Грознаго. Въ 1562 г. онъ былъ воеводой въ Тулѣ, затѣмъ въ Пронскѣ (1565 г.) и Полотскѣ (1567 г.); далѣе, ему приказано (въ томъ же 1567 г.) собираться съ ратными людьми въ В. Лукахъ и быть воеводою смоленскихъ войскъ. По удаленіи съ театра военныхъ дѣйствій Сигизмунда и Іоанна Грознаго, В. Д., съ кн. П. Серебрянымъ, приказано было наблюдать за работами крѣпости Копіе. При нечаянномъ нападеніи на эту крѣпость литовцевъ, онъ былъ убитъ (въ томъ же 1567 г.).

7. *Давидъ Ѳедоровичъ*, сынъ Ѳедора меньшого Ивановича, внукъ Ив. Давидовича, воевода и окольничій Іоанна Грознаго, начинаетъ поминаться въ разрядахъ съ 1532 г., когда изъ Чухломы онъ посланъ былъ вторымъ воеводой передоваго полка въ погоню за татарами. Съ 1540 г. до самой кончины (1561 г.) почти не было года, въ который онъ не находился бы въ дѣйствующихъ противъ непріятелей войскахъ или въ ожиданіи ихъ — то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ. Отмѣтимъ болѣе видныя дѣйствія его, какъ воеводы. Въ 1540 г. Д. Ѳ. стоялъ во Владимірѣ, когда на Муромъ наступалъ казанскій царь; въ 1545 г., посланный на судахъ къ Казани, участвовалъ въ разбитіи казанцевъ и разореніи края; въ 1549 г. былъ въ походѣ на Казань: шелъ съ государемъ изъ Владиміра до Н. Новгорода и съ Работки посланъ былъ

къ Казани съ царемъ Шигъ-Алеемъ въ передовомъ полку; въ 1550 г. изъ Н. Новгорода посланъ былъ въ Рязань, гдѣ ожидали набѣга крымцевъ, а въ апрѣлѣ 1551 г., въ казанскій походъ, посланъ былъ для охраны строившагося на р. Свіягѣ города. Во время осады Казани Д. Ѳ., между прочимъ, участвовалъ во взятіи татарскаго острога за Арскимъ полемъ г. Арска, и въ опустошеніи всей Арской стороны. Въ 1555 г. онъ годовалъ въ Свіяжскѣ „для вылазокъ“, а въ слѣдующемъ году находился въ походѣ съ государемъ къ Коломнѣ, куда ожидали прихода крымцевъ. Послѣднимъ дѣломъ его была поѣздка, по царскому порученію, съ медалями для воеводъ, взявшихъ, въ 1560 г., Алыстъ (Маріенбургъ). Въ слѣдующемъ году онъ скончался.

8. *Димитрій Ѳедоровичъ*, прозваніемъ *Щереда*, сынъ Ѳедора большого Ивановича, внукъ Ив. Давидовича, началъ службу при Іоаннѣ III, но болѣе виднымъ дѣятелемъ на военномъ поприщѣ становится съ 1507 г., когда онъ назначенъ былъ воеводой въ Бѣлевъ. Укажемъ только на главные факты изъ служебной дѣятельности Д. Ѳ., такъ какъ послужной списокъ его чрезвычайно длиненъ. Въ 1533 г. онъ выходилъ на Оку противъ крымскаго царевича Ислама и изгнаннаго изъ Казани Сафа-Гирея, и разбилъ татаръ близь Зарайска; въ томъ же году сопровождалъ больного вел. князя въ Іосифовъ Волоколамскій мон., а оттуда въ Москву. Въ 1535 г. Д. Ѳ., изъ Новгорода и Пскова, ходилъ на Литву: воевалъ полотскія, витебскія и др. мѣста, а, по соединеніи съ подошедшими изъ Москвы войсками, съ огнемъ и мечомъ прошелъ до Вильны. Въ 1537 г., по заключеніи между Литвой и Москвой перемирія, вмѣстѣ съ бояриномъ В. Морозовымъ отвозилъ Сигизмунду перемирную грамоту, при чемъ ему, „имени для“, данъ былъ титулъ новгородскаго дворецкаго, а въ 1538 г. отправленъ былъ воеводою конной рати къ Казани. Въ тоже время онъ получилъ отъ правителей, опекуновъ малолѣтняго государя, титулъ дворецкаго дмитровскаго. Въ 1541 г. онъ присталъ къ Шуйскимъ противъ Ив. Бѣльскаго и митрополита, но защищалъ послѣдняго отъ разъяренной толпы дѣтей боярскихъ изъ партіи Шуйскихъ. Въ 1546 г. на него и на кн. И. Кубенскаго государь положилъ опалу „за ихъ (какую-то) неправду“, но вскорѣ, по ходатайству митрополита, простилъ. Въ томъ же году Д. Ѳ. съ кн. Д. Бѣльскимъ возвелъ на казанскій престолъ Шигъ-Алея, а въ слѣдующемъ, вѣроятно по случаю женитьбы на его дочери Ульянѣ государева брата Юрія, получилъ санъ боярина и былъ въ походѣ съ государемъ въ Коломну. Въ 1549 г. П. былъ въ шведскомъ походѣ, а на время казанскаго похода оставленъ въ Москвѣ при кн. Владимірѣ Андреевичѣ старицкомъ для обереганія столицы. Въ 1551 г. онъ ѣздилъ въ Казань къ царю Шигъ-Алею, царицѣ и князьямъ, съ разными подарками отъ государя. Вскорѣ по прибытіи туда, отъ него и Шигъ-Алея пригнали въ Москву гонцы съ извѣстіемъ, что многіе казанскіе и городовые князья ссылаются съ ногаями противъ царя, что они хотѣли убить и П., и царя, но сами были перебиты на пиру у послѣдняго. Во взятіи Казани (1552 г.) Д. Ѳ. принималъ дѣятельное участіе: съ А. Адашевымъ онъ ставилъ туры съ Арской стороны, а по взятіи города посланъ былъ въ него государемъ принять и представить ему плѣннаго казанскаго царя. Въ слѣдующемъ году, во время опасной болѣзни государя, П. велъ себя двусмысленно, неровно: сначала онъ одинъ изъ самыхъ первыхъ присягнулъ царевичу Димитрію, потомъ предлагалъ кн. Владиміру Андреевичу старицкому свое содѣйствіе къ возведенію его на престолъ на извѣстныхъ условіяхъ, наконецъ три раза ходилъ, по порученію государя, къ матери кн. Владиміра съ требованіемъ, чтобы она приложила свою княжескую печать къ клятвенной грамотѣ своего сына. Въ 1555 г., въ спорѣ со шведами за границу, П., тогда намѣстникъ новгородскій, пустошилъ мѣста около Выборга, а въ 1556 г., съ царевичемъ Кайбулой, сильно опустошилъ Лифляндію и опять подступилъ къ Выборгу, когда шведскій король отказался лично выѣхать на границу и казнить виновниковъ опустошительной для обѣихъ сторонъ войны. Въ слѣдующемъ году Д. Ѳ. находился при государѣ въ походѣ противъ крымцевъ, отъ которыхъ потомъ охранялъ Калугу, а въ 1559 — 60 гг. былъ вторымъ воеводой въ Казани. Онъ скончался въ 1561 г.

9. *Иванъ Ивановичъ*, прозваніемъ *Хрулъ*, внукъ основателя дома П., Ивана Давидовича, при Іоаннѣ III состоялъ въ боярскихъ дѣтяхъ. Будучи однимъ изъ приближенныхъ Іоаннова сына Василія, онъ участвовалъ въ замыслахъ дьяка Стромилова — погубить Іоаннова внука Димитрія, котораго вел. князь хотѣлъ объявить наслѣдникомъ престола, и доставить послѣдній Василію. Какъ участнику этого заговора, Ив. Ив. отсѣкли голову на р. Москвѣ 27 дек. 1498 г.

10. *Иванъ Ѳедоровъ*, прозваніемъ, какъ и братъ его Димитрій, *Щереда*, служилъ при в. кн. Василіи Іоанновичѣ. Въ 1506 г., вмѣстѣ съ Салтыковымъ, онъ ходилъ на смоленскія мѣста; въ 1519 г. говорилъ второму послу крымскаго хана Магметъ-Гирея, предлагавшаго в. кн. Василію свою дружбу,—рѣчь отъ имени своего государя, при чемъ оба стояли на колѣняхъ, „снявъ съ себя колпаки". Пожалованный въ 1524 г. въ окольничіе, онъ въ томъ же году ходилъ изъ Н. Новгорода къ Казани на судахъ съ хлѣбомъ и тяжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Въ мѣстахъ, гдѣ Волга усѣяна островами, черемисы запрудили рѣку каменьями и деревьями, а по приходѣ туда судовъ начали скатывать на нихъ съ крутого берега бревна и осыпать московскихъ ратниковъ стрѣлами, такъ что П. лишился здѣсь нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Въ 1529 г., когда казанскій царь Сафа-Гирей далъ клятвенную грамоту въ вѣрности московскому государю, послѣдній отправилъ въ Казань такую же грамоту отъ себя съ И. Ѳ., но П. узналъ въ Н. Новгородѣ, что Сафа-Гирей сталъ опять дѣйствовать враждебно противъ Москвы и даже обезчестилъ московскаго посла Пильемова, почему и возвратился въ Москву, а съ небольшимъ черезъ годъ (1531 г.) скончался.

11. *Семенъ Димитріевичъ*, сынъ Дм. Ѳедоровича Щереды, воевода Іоанна Грознаго. Въ 1563 г. онъ былъ у Полоцка съ дворомъ царя Шигъ-Алея и, вмѣстѣ съ кн. Ю. Рѣпнинымъ, встрѣтилъ 40 т. литовцевъ, шедшихъ на выручку Полоцка, подъ предводительствомъ гетмана Радзивилла, который, однако, не отважился на битву съ московскими воеводами. Въ слѣдующемъ году С. Д. палъ подъ Оршей въ битвѣ съ троцкимъ воеводой Н. Радзивилломъ.

12. *Ѳедоръ Димитріевичъ*, братъ предъидущаго, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, сынъ боярскій, а подъ старость—окольничій и воевода Іоанна Грознаго. Во время осады Казани, въ 1552 г., Ѳ. Д. посланъ былъ на Арское поле съ П. Булгаковымъ, вторымъ воеводой сторожевого полка. Онъ палъ вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ въ битвѣ подъ Оршей въ 1564 г.

13. *Ѳедоръ большой Ивановичъ*, сынъ Ив. Давидовича, воевода Іоанна III. Ѳ. И. былъ дядькой Іоаннова сына Василія, когда самъ былъ еще только простымъ боярскимъ сыномъ—изъ тѣхъ, „которые въ думѣ не живутъ". Несмотря на неоднократныя просьбы сына за своего дядьку, Іоаннъ не хотѣлъ пустить послѣдняго въ думу. Въ 1489 г. Ѳ. И. ѣздилъ, по порученію вел. князя, въ Литву для объясненій по нѣкоторымъ спорнымъ дѣламъ. Въ 1497 г., съ кн. С. Холмскимъ, онъ отправленъ былъ въ Казань возвести на престолъ Абдылъ-Летифа. Въ 1502—3 гг. значится въ разрядахъ воеводой сторожевого полка. Въ 1506 г. былъ въ походѣ на Казань, подъ которой и палъ.

1) „Никон. лѣт." VII, 59; „Продолж. Царств. кн." и „помянникъ Кирилло-бѣлоз. м—ря" у Карамз. (изд. Эйнерлинга) IX, пр. 84 и 85.— 2) „Царств. кн.", 345; Карамз. VIII, 209, пр. 379.—3) Разряды: въ „Симбирск. сборн.", 57, 58, 63, 64, 67; въ „Отеч. Зап." 1830 г., ч. 44, стр. 127, 147—8, 155—57, 163—4; у Карамз. IX, пр. 388, 394, 396, 523; „Акты Зап. Росс." III, № 105; „Акты Археогр. Эксп." I, 369; „Собр. гос. грам. и дог." I, №№ 191—192; Спиридовъ: „Сокращ. опис. служебъ благор. росс. дворянъ..." II, 62—63.— 4) Разряды въ „Отеч. Зап." 1830 г., ч. 44, стр. 142; „Собр. гос. гр. и дог." I, № 191; „Акты Археогр. Эксп." I, 368—70.—5) „Полн. собр. русс. лѣт." VIII, 294; „Новгор. 2-я", 69 (изд. 1879 г.); „Никон. лѣт." VII, 18; Спиридовъ, II, 60; Карамз. VIII, пр. 16.—6) „Собр. гос. гр. и дог." I, № 190—191; „Акты Археогр. Эксп." I, 369; „Сборн. Русск. Ист. Общ." LXXI, 533, 558; Карамз. IX, 70, пр. 229; Спиридовъ, II, 62.—7) „Никон. лѣт." VII, 44, 75; „Царств. кн.", 116; „Продолж. ея" у Карамз. VIII, пр. 578; Разряды въ „Отеч. Зап." 1830 г., ч. 44, стр. 69—71, 84, 87, 89, 91, 95, 100; Спиридовъ, II, 61.—8) „Полн. собр. русс. лѣт." VIII, 284, 288; „Соф. Времен." Строева, II, 318, 322—3, 419—420; „Никон. лѣт." VII, 5, 33, 46, 48, 91—95; „Царств. кн.", 116, 188, 340, 345; „Собр. гос. гр. и дог." II, № 39; „Акты Археогр. Эксп." I, 289, 369; „Доп. къ Акт. ист." I, 134; „Ист. о Казанск. царствѣ", 99—100, 239, 242; „Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.", т. 59 (по указателю); Новиковъ: „Древ. Росс. Вивліоѳ." (изд. 2-е), XIII, 36, и XX, 34; Разряды въ „Отеч. Зап." 1826 г., ч. 28, с. 414, и 1830 г., ч. 44, стр. 5, 17, 37, 38, 79, 99; Карамз. VII, пр. 321, и VIII, 24, 44, пр. 240—42, 380; Спиридовъ, II, 58—59.—9) „Полн. собр. русс. лѣт." VI, 43, 279, и VIII,

234; Карамз. VI, 171, пр. 444.—10) „Полн. собр. русс. лѣт.“ VIII, 272; „Ист. о Казанск. царствѣ“, 63; Новиковъ: „Вивліоѳ.“ XX, 24; „Русск. Времен.“, 216; „Записки о Московіи“ Герберштейна (перев. Анонимова), 147 и сл.; Разряды у Карамз. VII, пр. 31, 180, 269, и въ „Отеч. Зап.“ 1826 г., ч. 28.—11) Разряды въ „Симбирск. сборн.“, 5; „Акты Археогр. Эксп.“ I, 369; „Александро-Невск. лѣт.“ въ „Русск. Ист. Библ.“ III, 207; Карамз. IX, 21—22, 32.—12) „Никон. лѣт.“ VII, 165; „Алекс.-Невск. лѣт.“ въ „Русс. Ист. Библ.“ III, 207; „Акты Археогр. Эксп.“ I, 369; Разряды въ „Отеч. Зап.“ 1830 г., ч. 44, стр. 17—18; Карамз. IX, 32.—13) „Полн. собр. русс. лѣт.“ VI, 41, и VIII, 246; „Русск. Врем.“ II, 219, 249 и сл.; Разряды въ „Отеч. Зап.“ 1830 г., ч. 44, стр. 32, и Лихачевъ, „Разрядн. дьяки XVI в.“, 170. *А. Э.*

Палибинъ, *Никифоръ Алексѣевичъ*, лекторъ уголовнаго и гражданскаго права, ум. 3 декабря 1861 въ С.-Петербургѣ. Окончивъ въ 1831 курсъ Спб. университета со степенью кандидата по философско-юридическому факультету, онъ читалъ тамъ же „законы о состояніяхъ“, въ качествѣ адъюнкта проф. Врангеля; въ 1835, защитивъ диссертацію „О характерѣ уголовныхъ законовъ Русс. Правды, Судебника и Уложенія“, получилъ степень магистра; съ 1836 служилъ въ Провіантскомъ деп-тѣ Военнаго Мин-ства; съ 1837, будучи уволенъ изъ университета, читалъ лекціи въ Артиллер. училищѣ, съ 1838—въ Инженерномъ, по военно-уголовнымъ законамъ, и въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ качествѣ преподавателя государств. права, а съ 1841 — въ Ротѣ гвард. подпрапорщиковъ, до самой смерти своей.

Григорьевъ „Спб. Унив.; „Полъ-вѣка назадъ“ 1892; „Адресъ-Календ.“. *Вс. С—ій.*

Палибинъ, *Никифоръ Львовичъ*, флота генер.-маіоръ, ум. въ 1796. Поступивъ 8 іюля 1747 въ Морскую Академію ученикомъ, онъ былъ 30 ноября 1748 произведенъ въ гардемарины, находился съ 1749 въ кампаніяхъ въ Балтійскомъ морѣ, участвовалъ въ Кольбергской экспедиціи при дессантныхъ высадкахъ и сдѣлалъ два раза переходъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ и обратно. Произведенный 31 декабря 1751 въ мичмана и 5 сентября 1754 въ унтеръ-лейтенанты, онъ состоялъ въ 1755—57 при СПб. корабельной командѣ, а по производствѣ 21 января 1758 въ корабельные секретари и 8 марта 1759 въ лейтенанты—при береговой командѣ (1761) и при Адмиралтействъ-Коллегіи за экзекутора (1763), въ чинѣ же капитанъ-лейтенанта (съ 20 апрѣля 1764) командовалъ: придворною яхтою „Екатерина Вторая“, на которой плавалъ изъ Ревеля въ Балтійскій портъ съ Ея Величествомъ, новопостроеннымъ кораблемъ № 1, на которомъ дѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ (1765), 25-ю баночною галерою „Надежда“, на которой ходилъ изъ Петербурга до Фридрихсгама (1766), 10-ти баночною галерою „Казань“, на которой сопровождалъ Императрицу по Волгѣ отъ Твери до Симбирска и обратно до Ярославля (1767), наконецъ, кораблемъ „Св. Евстафій“, на которомъ плавалъ отъ Кронштадта до Гогланда (1768).

Достигнувъ чина капитана 2-го ранга (5 іюня 1769) и 1-го (7 іюня 1770), П. находился сперва въ должности совѣтника Коммиссаріатской Экспедиціи, а потомъ, командуя кораблемъ „Св. Георгій Побѣдоносецъ“, отправился изъ Кронштадта въ Средиземное море въ эскадрѣ контръ-адмир. Арфа. Будучи въ 1771—72 въ крейсерствѣ въ Архипелагѣ, участвовалъ при аттакахъ крѣп. Метелино, а въ 1773, прибывъ черезъ Ливорно въ Россію пассажиромъ, командовалъ двумя галлерами въ Балтійскомъ морѣ и тогда же былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4 кл. за Архипелагскую Экспедицію.

Находясь въ 1774 при командѣ галернаго флота, онъ въ 1775, командуя отрядомъ изъ 3 кораблей и 3 гукоровъ, сдѣлалъ на кораблѣ „Ингерманландъ“ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ, а въ 1776 командовалъ цѣлыми 3 дивизіями галернаго флота.

Въ чинѣ капитана бригадирскаго ранга (съ 21 апрѣля 1777), П. назначенъ былъ командовать кораблемъ „Владиміръ“; въ 1778 состоялъ членомъ Коммиссіи по раздѣлу призовыхъ денегъ за Архипелагскую Кампанію; въ 1780 — 81, командуя эскадрою, плавалъ отъ Кронштадта до высоты Лиссабона и обратно, а 28 іюня 1782 былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ генер.-маіора и пенсіономъ.

Сынъ его, Алексѣй Никифоровичъ († 1840), былъ Вологод. вице-губернаторомъ и управляющимъ Временною Контрольною Коммиссіею по части коммиссаріатской въ Петербургѣ.

„Общій Морск. Спис.“ 1885, II, 311; — „Сѣв. Пчела“ 1840, № 154.

Палибинъ, *Павелъ Ивановичъ,* инженеръ путей сообщенія, тайный совѣтникъ. Род. въ 1811, ум. 28 января 1881. По окончаніи курса въ 1828 въ Институтѣ инженеровъ Путей Сообщенія, онъ поступилъ на работы по устройству канала для соединенія рр. Москвы и Волги, гдѣ не только впервые примѣнилъ въ Россіи разборчатую плотину сист. Пуаре, но еще самъ придумалъ новую систему самооткрывающихся плотинъ, каковая, будучи устроена по его проекту въ 1830-хъ гг., почти на 30 лѣтъ предшествовала принятой впослѣдствіи скорооткрывающейся плотинѣ сист. Шануара. Замѣчательный проектъ этотъ опредѣлилъ дальнѣйшее направленіе молодого инженера и онъ получилъ массу заказовъ на проекты для изысканій: въ 1836 былъ командированъ для такихъ изысканій на р. Цну, гдѣ моршанскій караванъ часто останавливался за недостаткомъ воды, что̀ ему и удалось устранить прорытіемъ канала, а въ 1843 посланъ для усовершенствованія заграницу Глав. Управленіемъ Путями Сообщенія, обратившимъ вниманіе на его труды.

Интересуясь особенно работами по улучшенію судоходства, онъ напечаталъ по этому предмету не мало статей въ „Журналѣ Мин. Пут. Сообщ." (см. „Указатель" къ нему), по возвращеніи же изъ-за границы былъ членомъ Департамента разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ, потомъ вице-директоромъ и, наконецъ, директоромъ. За время его службы ни одно почти сооруженіе не обошлось безъ его содѣйствія. Многіе инженеры обращались къ нему за справками и совѣтами и потому много его идей попало на свѣтъ подъ чужими именами. Кромѣ большихъ свѣдѣній, онъ обладалъ и замѣчательною памятью.

Составленный и разработанный имъ проектъ Петербургскихъ водопроводовъ былъ вначалѣ не совсѣмъ удаченъ, но затѣмъ значительно улучшенъ имъ же самимъ. Отличаясь скромностью, честностью и безкорыстіемъ, онъ умеръ, ничего не оставивъ, кромѣ честнаго имени.

„Голосъ" 1881, № 36.

Палимпсестовъ, *Петръ Іустиновичъ,* профессоръ Казанской Дух. Академіи, д. ст. сов. (съ 1868). Род. 1819 въ Саратовской губ., ум. въ мартѣ 1879. Сынъ священника, онъ учился въ Саратовской семинаріи и Московской Дух. Академіи, по окончаніи которой баккалавромъ назначенъ былъ 28 сентября 1842 въ Казанскую Дух. Академію, гдѣ съ 23 октября 1843 состоялъ помощникомъ инспектора и съ самаго начала занялъ почетное мѣсто между свѣтилами, въ составѣ первыхъ академическихъ наставниковъ. Первые два года онъ долженъ былъ преподавать студентамъ и общую, и русскую исторію, что̀ было ему очень тяжело при его небогатомъ здоровьѣ. Главнымъ пособіемъ для него служила неизданная еще „Всеобщая Исторія" Фр. Лоренца, извѣстная тогда въ литографическихъ запискахъ, болѣе распространенныхъ, чѣмъ послѣдующее печатное ея изданіе, начавшееся съ 1845 г., а при чтеніи исторіи русской, по недостатку для нея матеріаловъ, руководствовался б. ч. Карамзинымъ и Устряловымъ. Лекцій онъ никогда не читалъ по тетради. Обладая счастливымъ даромъ слова, онъ всегда являлся въ аудиторію съ блестящей импровизаціей, которая увлекала всѣхъ студентовъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ онъ былъ очень строгъ, часто производилъ съ ними репетиціи и требовалъ отъ нихъ отчетливаго знанія. Репетиціи и экзамены производились, впрочемъ, не по его лекціямъ, а по печатному руководству Смарагдова, которое для этого нарочно было выписано имъ въ библіотеку въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Студенты III курса, успѣвшіе познакомиться съ печатнымъ изданіемъ первыхъ трехъ томовъ Лоренца, стали замѣчать, что профессоръ часто буквально передаетъ текстъ послѣдняго, но преподавательская репутація его не переставала держаться на прежней высотѣ и послѣ этого. Слушатели любили даже записывать за нимъ лекціи, хотя онъ этого никогда не требовалъ. Здоровье не позволило ему однако долго служить въ Казани. Въ 1845 онъ бралъ отпускъ въ Бугульму для леченія кумысомъ; весной 1847 перешелъ изъ духовнаго званія въ свѣтское; 17 сентября того же года былъ возведенъ въ экстраординарные профессора, а 9 ноября 1848 вышелъ уже въ отставку по Академіи и 28 апрѣля 1849 поступилъ помощникомъ столоначальника въ Департаментъ исполнительной полиціи въ Петербургѣ; съ 1850 опредѣленъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій тамъ же; въ 1854 наз-

наченъ старшимъ чиновникомъ Губернскаго Правленія въ Воронежѣ; черезъ годъ снова поступилъ въ Департаментъ исполнительной полиціи правителемъ канцеляріи; въ 1857 перешелъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Департаментъ Государственнаго Казначейства, гдѣ и служилъ до конца жизни (въ 1858—1871 начальникомъ отдѣленія).

П. Знаменскій „Исторія Казан. Дух. Акад.“, 1892, II, 193—195.

Палисадовъ, *Василій Петровичъ*, протоіерей, см. **Полисадовъ**.

Палицынъ, *Авраамій*, см. это имя.

Палицынъ, *Александръ Александровичъ*, писатель и архитекторъ. Род. въ началѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка, ум. въ началѣ 1816 г. Онъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, переселившейся изъ Великороссіи въ Слободско-Украинскую губ., и служилъ адъютантомъ при фельдмаршалѣ Румянцовѣ, вышелъ маіоромъ въ отставку, переселился изъ Петербурга на родину и безвыѣздно жилъ съ женою (Авд. Александр., рожд. Неплюевой, † 1806 г.) и дочерью—въ своей деревнѣ Поповкѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губ., посвящая все свободное время занятіямъ словесностью, архитектурой и отчасти живописью. По его проектамъ построены многіе дома и церкви въ Сумскомъ уѣздѣ. Около Палицына, какъ человѣка съ прогрессивными стремленіями, сгруппировался небольшой литературно-художественной кружокъ, членами котораго были: В. Н. Каразинъ, М. Г. Ушинскій, Е. И. Станевичъ, А. И. Кардашевскій, В. И. Ярославскій и воспитанникъ Палицына, Н. Ѳ. Алферовъ, извѣстный потомъ архитекторъ. Кружокъ этотъ, прозванный Поповскою Академіею, впослѣдствіи, во главѣ съ Каразинымъ, принималъ живѣйшее участіе въ основаніи Харьковскаго университета. Въ 1810 г. П. былъ избранъ въ почетные члены Харьковскаго университета, а въ 1814 въ дѣйствит. члены Общества наукъ, состоящаго при томъ же университетѣ. Литературой П. сталъ заниматься еще въ Петербургѣ, гдѣ познакомился съ С. Н. Глинкою, Державинымъ и другими писателями, принадлежавшими къ составу Бесѣды любителей русс. слова. Но, участвуя въ засѣданіяхъ Бесѣды, онъ не состоялъ членомъ ея. Въ своихъ литературныхъ воззрѣніяхъ онъ держался середины: Карамзинистовъ осуждалъ за „смѣшные“ галлицизмы, а сторонниковъ Шишкова за „дикіе“ славянизмы, которыми „словесность наша нелѣпо искажается“. Судя по отзыву В. И. Ярославскаго, П. былъ ревностнымъ почитателемъ Вольтера, и какъ писателя, и какъ мыслителя, чѣмъ и объясняется его холодное отношеніе къ обрядамъ православной религіи, за которое осуждаетъ П. его пріятель. Литературные труды П. состоятъ б. ч. изъ переводовъ, между которыми въ печати извѣстны слѣдующіе: 1) „Естественный законъ“, поэма Вольтера, Спб. 1802; 2) „Новая Элоиза“, Руссо, Спб. 1803—1804; изд. 2-е, М. 1820—1821; 3) „О составленіи ландшафтовъ“, Жерардена, Спб. 1804; 4) „Диѳирамбъ на безсмертіе души“, Делиля, М. 1804; 5) „Сады“, поэма Делиля (перев. въ 1803 г.), Харьковъ. 1814; 6) „Времена года“, Сенъ-Ламберта (перев. въ 1805 г.), Харьковъ. 1814. Къ оригинальнымъ сочиненіямъ относятся: 1) „Посланіе къ Привѣтѣ, или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русс. писателяхъ моего времени“, Х. 1807 (это литературныя характеристики въ стихахъ); 2) „Игорь, героическая пѣснь, переложенная стихами“, Х. 1807. Кромѣ того, П. печаталъ свои мелкія стихотворенія въ „Русск. Вѣстникѣ“, „Вѣстн. Европы“ и въ „Улѣ“. Онъ находился въ перепискѣ съ В. Н. Каразинымъ („Молодикъ“ 1844 г.), гр. Д. И. Хвостовымъ („Библіогр. Записки“ 1859 г., № 8) и В. И. Ярославскимъ, письма къ которому еще не изданы. Умирая, онъ завѣщалъ Поповку своему воспитаннику и ученику, Н. Ѳ. Алферову.

О значеніи А. А. Палицына проф. Н. Ѳ. Сумцовъ выражается такъ: „Очевидно, Поповская Академія въ свое время была для здѣшняго края просвѣтительнымъ учрежденіемъ... Душою ея былъ Палицынъ, соединявшій въ себѣ разностороннее и широкое образованіе съ мягкосердечіемъ, добродушіемъ и большою способностью сплачивать людей въ интересахъ общественнаго преуспѣянія, умственнаго и нравственнаго. Въ лицѣ Палицына, въ Харьковскомъ краѣ, въ лучшей, наиболѣе населенной и богатой его части, Сумскомъ и Ахтырскомъ уѣздахъ, явился разсадникъ западно-европейскаго просвѣ-

щенія, преимущественно просвѣтительной и филантропической французской литературы прошлаго вѣка. Дѣятельность Палицына совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью В. Н. Каразина, и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губ.".

Строительная дѣятельность А. А. Палицына имѣла также огромное значеніе для края и оно отмѣчено было ровно 50 лѣтъ тому назадъ самимъ Вас. Наз. Каразинымъ. „Палицынъ, пишетъ онъ, имѣлъ вкусъ въ архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ церковными и другими зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотеки и т. п. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта въ Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1000 душъ, были покрыты тростникомъ, что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами, что за столомъ служили дѣвки „въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ спидныцяхъ и червоныхъ черевыкахъ", что главные паны въ губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ съ музыкой надвесель..."

„Украин. Вѣстникъ" 1816 г., ч. I, II;—„Труды Общ. наукъ, состоящаго при Харьк. ун-тѣ" 1817 г.;—„Сѣв. Пчела" 1860 г., № 92;—„Соч. К. Н. Батюшкова", изд. 1887 г.;—„Кіевск. Старина" 1887 г., т. XIX, зап. Ярославскаго;—„Харьк. Сборникъ" 1888 г., в. II, ст. Н. Ѳ. Сумцова;—Д. И. Багалѣй „Опытъ исторіи Харьк. ун-та", т. I, в. 1, X. 1894;—„Русск. Старина" 1895 г., № 3. *В. Саитовъ.*

Палицынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, потомокъ пана Ивана Микулаевича, выѣхавшаго изъ Подоліи въ Россію въ 1373 г. Будучи сыномъ боярскимъ, онъ служилъ у окольничаго Якова Михайловича Годунова († 1607 г.), отъ котораго въ 1608 г. отъѣхалъ къ Тушинскому вору. Въ 1609 г., вмѣстѣ съ другими тушинцами, онъ посланъ былъ Заруцкимъ въ Тотьму выпустить изъ тамошней тюрьмы опальныхъ людей, съ каковою цѣлью тамъ же, въ Тотьмѣ, была составлена подложная грамота. Въ показаніяхъ II., на допросѣ схватившими его властями, есть указаніе на происхожденіе Лжедимитрія II и на окружавшій его служебный персоналъ. Вскорѣ затѣмъ онъ перешелъ на сторону Сигизмунда III: въ 1610 г. польскій король отправилъ изъ-подъ Смоленска грамоту на имя кн. Мстиславскаго и его соправителей о пожалованіи П. чиномъ стряпчаго. Но въ слѣдующемъ 1611 г. мы видимъ А. Ѳ. уже въ числѣ ратныхъ людей Троице-Сергіева мон.: когда въ послѣднемъ узнали, что поляки подожгли Москву, архимандритъ и келарь на-спѣхъ послали его къ столицѣ на помощь съ 50 слугами. Въ 1614 г. А. Ѳ., въ качествѣ воеводы, былъ подъ Осташковомъ, гдѣ его люди имѣли бой съ литовцами, взяли нѣсколько языковъ и отправили въ Москву. Впослѣдствіи П. былъ воеводой въ Муромѣ (1618) и Мангазеѣ (1631), откуда прибылъ, въ 1633 г., въ Москву и представилъ въ Приказъ Казанскаго Дворца чертежъ р. Лены и „роспись землицъ и людей", „кочевыхъ и сидячихъ", обитающихъ по берегамъ этой рѣки, которыхъ можно взять подъ высокую государеву руку и обложить ясакомъ. Въ 1639 г. А. Я. былъ воеводой въ Ярославлѣ. Когда онъ умеръ неизвѣстно, но въ боярскихъ книгахъ значится въ числѣ московскихъ дворянъ еще въ 1640 г.

„Собр. гос. грам. и дог." II, № 212; „Ак. Археогр. Эксп." II, 186, и III, 93; „Сказанія" Авр. Палицына, г. 1611; „Указат. къ бояр. книг." Иванова, 312; „Русск. Истор. Библ." III, 724—747, 962, 965; Родосл. „Русск. Стар." I, 269. *А. Э.*

Палицынъ, *Михаилъ Яковлевичъ*, генералъ-маіоръ. Род. въ 1795, ум. въ 1828 г. Изъ дворянъ Ярославской губ., онъ воспитывался во 2-мъ кад. корпусѣ, въ который поступилъ 2 января 1802 г. Окончивъ тамъ курсъ въ 1806 г., былъ зачисленъ подпоручикомъ въ 4-ю артиллерійскую бригаду, и въ томъ же году переведенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ, въ коемъ и находился до 1821 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 3-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, а потомъ 1-й бригады 5-й пѣхотной дивизіи. Принималъ участіе въ войнѣ 1807 г. противъ французовъ въ предѣлахъ Пруссіи и въ сраженіяхъ при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, гдѣ былъ раненъ пулей на вылетъ въ локоть правой руки. Въ Отечественную войну 1812 года участвовалъ

въ сраженіяхъ при Бородинѣ, Тарутинѣ, М. Ярославлѣ, Княжемъ и Красномъ. Въ 1813 г. принималъ участіе въ бояхъ при Люценѣ, Бауценѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ, когда раненъ былъ пулей въ правую же руку, а по выздоровленіи находился въ 1814 г. при взятіи Парижа.

Всѣ ордена и чины получилъ за военные подвиги; имѣлъ золотую шпагу за храбрость и проч.

Изъ дѣлъ Московскаго Отдѣла Архива Главн. Штаба. *А. Н. П.*

Палій (Палѣй), *Семенъ Филипповичъ* (фамилія его *Гуркó*, *Палій* же—прозвище). Родомъ изъ г. Борзны, онъ учился, должно быть, въ Кіевскомъ коллегіумѣ, военное поприще началъ въ Нѣжинскомъ полку, нѣкоторое время находился въ Запорожьѣ; съ 1685 г. былъ полковникомъ въ Хвастовѣ, на службѣ у польскаго короля Яна III. Несмотря на это, онъ неразъ помогалъ русскимъ войскамъ въ войнахъ съ татарами (походъ въ Казыкермень, побѣда на р. Кадымѣ) и неразъ просилъ принять его вмѣстѣ съ полкомъ въ русское подданство. Въ послѣднемъ, однако, получалъ отказы, вслѣдствіе нежеланія русскаго правительства разрыва съ Польшей. Послѣ указа коронаго гетмана (1699 г.) о распущеніи казаковъ на Волыни и Брацлавщинѣ, принялъ дѣятельное участіе въ народномъ возстаніи, начатомъ Самусемъ: П. захватилъ, между прочимъ, Бѣлую Церковь и здѣсь нѣкоторое время игралъ роль независимаго владѣтеля. Невзирая на настоянія русскаго правительства, онъ не спѣшилъ сдачею Бѣлой Церкви. Захваченный измѣнически въ 1704 (15 іюня) Мазепой, П. былъ отосланъ въ Москву и, по навѣтамъ гетмана, сосланъ въ Сибирь. Петръ Великій вернулъ его въ 1709 г. въ званіи охоченоменнаго Бѣлоцерковскаго полковника. Вскорѣ послѣ возвращенія, въ началѣ 1710 г., народный герой, побѣдитель татаръ и поляковъ, умеръ. Имя Палѣя до сихъ поръ хранится въ народной памяти. О немъ составились любопытнѣйшія сказанія и легенды. (См. В. Калламъ „Палій и Мазепа въ народной словесности“: „Этнограф. Обзор.“ 1889, № 2).

В. Г. Антоновичъ „Послѣднія времена козачества на прав. берегу Днѣпра“, К. 1868, стр. 61—176; — „Архивъ Ю.-З. Россіи“, ч. III, т. 2 (акты); — Соловьевъ „Исторія Россіи“, т. XV, гл. I; — Маркевичъ „Истор. Малорос.“, т. II, т. IV, стр. 150, 154; — Otwinowski „Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II (1696—1728)“, 1849; — Костомаровъ „Мазепа“, Спб. 1880, гл. VIII и IX; — М. Максимовичъ „Сочиненія“, Кіевъ 1876, т. I, стр. 649. *Арк. Л—нко.*

Палладій (въ мірѣ *Бѣлевцовъ*), намѣстникъ Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ, ум. 1842. Изъ казначеевъ, онъ былъ переведенъ въ 1815 въ строители Коренной Рожд. Богор. пустыни близъ Курска; въ 1816 получилъ санъ архимандрита и въ 1818 переведенъ въ Курскій Знаменскій мон., а въ 1829 намѣстникомъ въ Александро-Невскую лавру.

Строевъ „Списки іерарх.“, 640 и 638.

Палладій (въ мірѣ *Павелъ Ганкевичъ*), архіепископъ Волынскій. Род. 17 августа 1823 въ с. Городецкомъ, Чаусовскаго у., Могилевской губ.; ум. 13 января 1893, живя на покоѣ въ Почаевской лаврѣ (съ 25 ноября 1889). Онъ былъ сынъ священника и въ 1847 поступилъ изъ Могилевской семинаріи въ С.-Петербургскую Дух. Академію, гдѣ получилъ степени: 29 сентября 1851—учителя Могилевской семинаріи, 8 декабря 1852—кандидата и, будучи уже съ 27 сентября 1853 священникомъ, 10 февраля 1854—магистра; послѣ чего былъ инспекторомъ той же семинаріи съ 21 декабря 1859, а по постриженіи 16 августа 1860—игуменомъ, архимандритомъ съ 30 декабря 1862 и настоятелемъ съ 26 апрѣля 1863 Могилево-Братскаго мон., а также ректоромъ Могилевской семинаріи; наконецъ, епископомъ Выборгскимъ съ 16 марта 1871, Ладожскимъ—съ 28 сентября 1873, Тамбовскимъ съ 9 сентября 1876 и архіепископомъ Волынскимъ съ 4 мая 1885.

Ю. Толстой „Списки архіер.“ 1896 г., № 426.

Палладій (въ мірѣ *Кавваровъ*), извѣстный синологъ и миссіонеръ. Род. 1817 въ Казанской губ., ум 4 декабря 1878, скоропостижно, въ Марсели, на обратномъ пути изъ Пекина въ Россію. По окончаніи курса въ мѣстной семинаріи, онъ былъ вскорѣ постриженъ въ монашество и посвященъ въ іеромонаха Пекинскаго Успенскаго мон. (1839). Возведенный въ 1850 въ санъ архимандрита, онъ былъ назначенъ начальникомъ Пекинской дух. миссіи, въ 1856 перемѣщенъ въ Римъ, а въ августѣ 1865—снова въ Пекинъ. Живя 30 лѣтъ въ Китаѣ, онъ трудился надъ

переводомъ Свящ. Писанія на китайскій языкъ и печаталъ статьи въ разныхъ журналахъ, между прочимъ въ „Трудахъ членовъ дух. миссіи въ Пекинѣ“ (т. IV, с. 1—258: „Старинное Монгольское сказаніе о Чингисъ-Ханѣ“), въ „Запискахъ Сибирскаго отдѣла Имп. Русс. Геогр. Общ.“ (кн. 9 и 10: „Путевыя записки Китайца Джанъ-де-Хай во время путешествія въ Монголію въ 1-й половинѣ XIII в.“) и въ „Русс. Вѣстникѣ“ 1856 (№№ 6—9: „Восточная литература и русс. оріенталисты“).

Онъ былъ строгой подвижнической жизни и пользовался особымъ уваженіемъ отъ всѣхъ знавшихъ его лицъ. Въ числѣ высшихъ наградъ, жалуемыхъ архимандритамъ, онъ имѣлъ архіерейскую панагію и орденъ св. Анны 1 ст.

„Церк. Обществ. Вѣстн.“ 1879, № 12 (изъ „Моск. епарх. вѣд.“); „Волын. епарх. вѣд.“ 1879, II, 150.

Палладій (въ мірѣ *Павелъ Опьянковъ* или *Пьянковъ*), епископъ Олонецкій. Род. 1816 въ Пермской губ., ум. 8 января 1882 въ Петрозаводскѣ. Сынъ протоіерея, онъ окончилъ курсъ Пермской семинаріи въ 1834 и Московской Дух. Академіи 14 сент. 1840, послѣ чего былъ учителемъ въ Пермской семинаріи съ 21 октября того же года, 8-го августа 1841 получилъ степень магистра, 19 марта 1844 сдѣлался священникомъ, по смерти жены постригся въ монашество 16 нояб. 1846 и служилъ инспекторомъ семинарій: Саратовской—съ 16 апрѣля 1849 и Казанской—съ 14 ноября 1852 и ректоромъ: Пермской—съ 11 мая 1854 (въ санѣ архимандрита съ 20 мая), Подольской—съ 10 іюля 1860 и Орловской—съ 15 іюля 1864; будучи же хиротонисанъ, былъ епископомъ Кинешемскимъ, викаріемъ Костромской епарх.,—съ 31 октября (16 ноября) 1869; Сарапульскимъ, викаріемъ Вятской епарх.,—съ 24 іюня 1872; наконецъ, Олонецкимъ и Петрозаводскимъ—съ 28 февраля 1877. Изъ сочиненій его были напечатаны: „Обозрѣніе Пермскаго раскола, такъ назыв. старообрядства“, Спб. 1863; „Толкованіе на псалмы“, М. 1872 и Вятка 1874; „Толкованіе на книги XII малыхъ пророковъ“, 5 вып., Вятка 1872—1876.

Ю. Толстой „Списки архіер.“ 1896 г., № 417; Смирновъ „Исторія Моск. Дух. Акад.“, М. 1879, с. 163 и 432; „Моск. Церк. Вѣд.“ 1882, № 4, и „Моск. Вѣд.“ 1882, №№ 22 и 23; Д. Языковъ „Обзоръ жизни и трудовъ пок. русс. писат.“, Спб. 1885, II, 39.

Палладій (*Роговскій*), игуменъ Заиконоспасскаго монастыря, ректоръ Московской Славяно-латинской Академіи, русскій ученый богословъ XVII—XVIII в. Род. въ Кашинскомъ уѣздѣ (нын. Тверской губ.), въ вотчинахъ Колязинскаго Макарьева монастыря, въ 1655 г.; ум. 23 января 1703 г. Еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ ушелъ въ Новгородскую область и тамъ, въ Савинскомъ Вишерскомъ монастырѣ, по обѣту, принялъ монашество; пробывъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, онъ переселился въ Москву и здѣсь, вѣроятно, въ 1682 г. встрѣтился съ Леонтіемъ, только что хиротонисаннымъ въ епископы Тамбовскіе; епископъ Палладій обратилъ вниманіе на инока и, посвятивъ его въ діаконы, взялъ съ собою въ новую епархію. Служба Палладія въ Тамбовской епархіи прекратилась въ 1685 г., и онъ снова вернулся въ Москву, гдѣ въ это время въ келіяхъ Богоявленскаго монастыря открыли ученіе знаменитые братья Лихуды; „со усерднымъ желаніемъ“ Палладій билъ челомъ патріарху Іоакиму о принятіи его „ради ученія грецкаго и латинскаго языковъ“ въ „грецкія школы“, т.-е. въ Богоявленское училище Лихудовъ; просьбу эту, хотя и запоздалую нѣсколько, приняли: П. вступилъ въ число первыхъ учениковъ Лихудовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ діакономъ въ Богоявленскій монастырь. Ученіе Палладія въ Москвѣ продолжалось всего полтора года: неудовольствовавшись тѣмъ, что можно было изучить подъ руководствомъ ученыхъ грековъ, и желая, какъ онъ выразился, „совершеннаго ученія“, онъ рѣшилъ расширить свои научныя познанія въ заграничныхъ школахъ и оставилъ Россію, какъ можно думать, безъ разрѣшенія патріарха (1687). Первый годъ своего путешествія Палладій провелъ въ Вильнѣ въ іезуитской школѣ, тайно сохраняя православіе; слѣдующій годъ для изученія піитики онъ провелъ въ Силезіи въ городѣ Нейсе (Neisse); оттуда отправился въ Ольмюцъ (въ Моравіи) для изученія риторики; тамъ, для полученія права учиться въ іезуитской школѣ, ему пришлось присягнуть въ вѣрности римско-католической церкви, что онъ и исполнилъ, какъ онъ говоритъ, „ради наукъ“, „не сердцемъ, но едиными усты“.

По окончаніи курса „свободныхъ наукъ“ въ Ольмюцѣ „ради лучшаго ученія философіи и богословіи“, съ свидѣтельствомъ отъ іезуитовъ „яко бы единъ былъ отъ уніатъ“, Палладій направился въ Римъ; тамъ онъ былъ принятъ въ греко-уніатское училище и, по принужденію, посвященъ въ санъ священника находившейся при училищѣ уніатской церкви св. Аѳанасія. Черезъ семь лѣтъ Палладій кончилъ изученіе философіи и богословія, „воспріялъ на главу вѣнецъ, а на руку перстень“ и, по свидѣтельству всѣхъ докторовъ, былъ „поставленъ докторъ или учитель философіи и богословіи“.

Десять лѣтъ жизни за границею въ католической средѣ не заглушили въ Палладіи желанія видѣть родину и вѣрности православію; поэтому, тотчасъ по достиженіи докторской степени, онъ получилъ отъ папы разрѣшеніе отправиться въ малорусскіе уніатскіе монастыри, и въ Венеціи, благодаря чистосердечному покаянію передъ намѣстникомъ Константинопольскаго патріарха Мелетіемъ, митрополитомъ Филадельфійскимъ, былъ принятъ въ лоно православной церкви. Случай свелъ Палладія въ Венеціи съ возвращавшимся изъ Италіи въ Россію княземъ Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, подъ покровительствомъ котораго онъ и добрался до Москвы (1698 или 1699 г.). Возвращеніе въ Москву не кончило приключеній Палладія: патріархъ Адріанъ не сразу согласился на челобитье ученаго путешественника о прощеніи его отступленія отъ православія и предложилъ ему (10 февраля 1699 г.) составить исповѣданіе вѣры и проклятіе ереси римско-католической церкви, а затѣмъ, прочитавъ это сочиненіе передъ соборомъ и народомъ, покаяться въ своей измѣнѣ православію. Исповѣданіе Палладія было представлено патріарху 1 апрѣля 1699 г., а 2 іюня того же года этотъ трактатъ былъ принятъ „во извѣстіе покаянія“, Палладій былъ вновь присоединенъ къ православію и признанъ священникомъ. Новая дѣятельность его въ Россіи началась въ слѣдующемъ 1700 г.; въ томъ году онъ былъ назначенъ игумномъ Заиконоспасскаго монастыря и ректоромъ находившейся при немъ и близкой въ это время къ упадку Славяно-латинской Академіи. Бывшій ученикъ грековъ Лихудовъ, пройдя за границей суровую школу іезуитовъ, по возвращеніи въ Москву не сохранилъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ прежняго греческаго образованія; ставъ ректоромъ Академіи, онъ явился первымъ ея латинизаторомъ и началъ новый періодъ ея исторіи, который носилъ характеръ латинскаго образованія, вмѣсто прежде господствовавшаго греческаго. Служба Палладія въ Россіи была не долга, онъ скончался 48 лѣтъ отъ роду.

Палладій Роговскій, первый русскій докторъ богословія и философіи, стоитъ въ ряду замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, и какъ трудолюбивый ученый, жаждавшій знаній, любившій науку, и какъ путешественникъ, исходившій невѣдомыя заграничныя страны по своему почину, безъ средствъ и руководства, и какъ писатель-богословъ. Литературное значеніе его основывается на его замѣчательномъ исповѣданіи вѣры. По плану, данному патріархомъ Адріаномъ, это сочиненіе распадается на три части: 1) исповѣданіе вѣры „по мудрованію“ восточной церкви, 2) описаніе отступленія въ католичество и опредѣленіе тяжести этого грѣха и наказанія за него, 3) проклятіе римской ереси. Разработка темы патріарха была выполнена Палладіемъ превосходно и обнаружила въ немъ замѣчательнаго для своего времени ученаго; особеннаго вниманія заслуживаетъ третья часть его труда, значительно расширенная авторомъ противъ плана, предложеннаго патріархомъ, и излагающая точно и добросовѣстно, съ большимъ знаніемъ дѣла и сдержанностью, всѣ погрѣшности вѣроученья римскихъ католиковъ. Второе сочиненіе Палладія—его челобитная патріарху Адріану—представляетъ главнымъ образомъ біографическій интересъ. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить его переводную работу —„исторію церковную Никифора Каллиста Ксанфопула“, написанную имъ во время его игуменства въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Наконецъ, по предположенію Филарета, Палладію же принадлежитъ чрезвычайно любопытное описаніе Рима, сохранившееся въ Снигиревскомъ спискѣ Псковской лѣтописи.

„Челобитная къ патріарху Адріану, описаніе житія и ученія, и исповѣданіе вѣры игумена Заиконоспасскаго училищнаго монастыря Палладія Роговскаго“ („Древн. Росс. Вивліоѳ.“, изд. 2-е, т. 18, с. 148—197); — „Надписи Заиконоспасскаго училищнаго въ Москвѣ монастыря“ (ibid., т. 18, с. 198); — Историческое извѣстіе о Московской

Академія, сочиненное въ 1726 г. отъ справщика Ѳедора Поликарпова" (ibid., т. 16, с. 302);—Митр. Евгеній „Словарь истор. о бывшихъ въ Россіи писателяхъ дух. чина", СПб. 1827, т. II, 149;—Н. Надеждинъ „Палладій Роговскій, первый русскій докторъ" („Сынъ Отечества", 1840, т. 4, с. 548—628);—А. Смѣловскій „Братья Лихуды и направленіе теоріи словесности въ ихъ школѣ" („Журн Мин. Нар. Просв.", 1845, т. 45, отд. 5, с. 75—77);—С. Смирновъ „Исторія Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи", М. 1855, с. 24, 38, 78—81;—Н. Устряловъ, „Исторія царствованія Петра Великаго", т. 3, 1858, с, 355—357;—М. Никольскій „Русскіе выходцы изъ заграничныхъ школъ въ XVII стол." („Правосл. Обозр." 1861, № 2, с. 162 — 172); — П. Строевъ „Списки іерарх.", СПб. 1877, с. 158, и „Библіол. словарь", 1882, с. 223;—„Описаніе рукописей Соловецк. мон.", ч. 1, 1881, с. 731; — Порфирьевъ „Исторія русс. словесности", т. I (изд. 3), с. 625;—Филаретъ „Обзоръ русс. дух. литературы", 1885, с. 162;—Филаретъ „Исторія русс. церкви" 1895, с. 588;—Леонидъ „Систематич. описаніе славяно-росс. рукописей гр. Уварова", т. 3, с. 184.

Вс. С—ій.

Палладій 1-й (въ мірѣ *Павелъ Юрьевъ*), епископъ Рязанскій. Род. 1721 въ с. Дуделевѣ, Горбатовскаго у., Нижегород. губ.; ум. 2 декабря 1789 въ Нижегородскомъ Печерскомъ мон., гдѣ жилъ на покоѣ (съ 20 марта 1778). По окончаніи курса въ Нижегородской семинаріи, онъ былъ священникомъ въ мѣстномъ соборѣ, но, овдовѣвъ, постригся въ 1751 и былъ игуменомъ монастырей: Нижегородскаго Ивановскаго и Николаевскаго Амвросіева Дудина, съ 1753 архимандритомъ Нижегородскаго Печерскаго, а съ 18 іюня 1758—епископомъ Рязанскимъ и Муромскимъ (съ 1764—и Шатскимъ). Онъ извѣстенъ тѣмъ, что ввелъ въ Рязанской семинаріи преподаваніе греческаго и еврейскаго языковъ, ариѳметики и географіи и, наконецъ, богословія, до 1767 не преподававшагося тамъ. — „Поучительныя слова его", изд. въ 3 ч. въ Москвѣ въ 1763, въ л.,—не отличаются краснорѣчіемъ. Затѣмъ ему принадлежатъ: „Слово о созиданіи и разореніи Общества на день коронованія Имп. Екатерины II", М. 1777, 4⁰ (Соп. 10537); „Краткая хронологія, или показаніе лѣтъ отъ начала міра по 1776 г. по Р. Х., раздѣленная на седмь вѣковъ по церковному штилю", М. 1777, въ л.; „Духовное завѣщаніе", оставшееся въ рукописи (см. у Макарія въ его „Исторіи Нижегород. Іерархіи", СПб. 1857, с. 253, и въ „Памятникахъ церк. древностей въ Нижегород. губ.",—въ „Записк. Имп. Археол. Общ.", СПб. 1857, X, 253—255). Строевъ „Списки іерарх." 618, 611, 416; Ю. Толстой „Списки іерарх." 1896 г., № 100 (безъ обозначенія мірской фамиліи); Н. Д. „900-лѣтіе Русс. Іерар.", 1888, с. 36, № 59, и „Іерархія Всеросс. Церкви", 1892, с. 72, № 54; Филаретъ „Обзоръ русс. дух. литер.", II, № 62.

Палладоклисъ-Ксепатскій, *Антоній Павловичъ*, переводчикъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ и учитель греческаго языка. Родомъ грекъ, онъ, изъ Харьковскаго коллегіума, поступилъ на мѣсто Тененева учителемъ греческаго языка въ Троицкую семинарію въ 1767 г. и уволенъ былъ по прошенію въ сентябрѣ 1770 г. Имъ изданы были въ СПб., въ 4 ку: 1) Ода Его Сіят—ву Гр. Г. Г. Орлову... (на греческ. и русск. 1771); 2) „Истиннаго государствованія подвигъ на нынѣшнія военныя обстоятельства" (Похвала Екатеринѣ II); 3) „Калліопа о преславныхъ побѣдахъ Е. И. В. Екатерины Алексѣевны оружіемъ побѣдоноснымъ надъ Оттоманами съ 1769 по 1 5 одержанныхъ" (1775); 4) „Клія или повѣсть Черноморскаго Оттомановъ на Крымъ похода, и бывшихъ тогда между Кайнарджинскимъ миромъ и Айналыкавакскимъ его утвержденіемъ происшествій; сочин. въ Константинополѣ въ Перѣ въ 1779 г.".

С. Смирновъ „Исторія Троицкой Семинаріи" (М. 1867), стр. 503.

Палласъ, *Петръ Симонъ*,—одинъ изъ наиболѣе выдающихся естествоиспытателей всѣхъ странъ и временъ, — род. въ Берлинѣ 22 сентября 1741 г., ум. тамъ же 8 сентября 1811 г. Будучи, такимъ образомъ, иностранцемъ по рожденію своему, Палласъ, однакоже, въ теченіе 43-хъ лѣтъ проживалъ въ Россіи и составлялъ красу нашей Академіи Наукъ. Всестороннему изученію своего второго отечества онъ посвятилъ почти всю жизнь свою, а потому мы съ гордостью можемъ причислить его къ *русскимъ* ученымъ, между которыми, онъ, по глубинѣ своихъ знаній, по широтѣ научныхъ интересовъ и задачъ, а также по необычайному дару и точности наблюденій, занимаетъ одно изъ самыхъ первостепенныхъ мѣстъ.

Отецъ его Симонъ Палласъ, извѣстный хирургъ, былъ родомъ изъ Восточной Пруссіи. Молодой Петръ Симонъ былъ предназначенъ идти по стопамъ отца своего. Необыкновенная даровитость его проявилась уже въ раннемъ возрастѣ:

будучи 13-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ началъ слушать лекціи въ Берлинской медико-хирургической коллегіи, а въ 1758 г., когда ему было лишь 17 лѣтъ, онъ уже успѣшно выдержалъ экзаменъ изъ анатомическаго курса. Пробывъ еще два года въ университетахъ въ Галле, Лейденѣ и Гёттингенѣ, Палласъ, въ исходѣ 1760 г., получилъ степень доктора медицины, представивъ диссертацію о глистахъ человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ. Затѣмъ 19-лѣтній докторъ медицины отправился въ Лондонъ, гдѣ онъ, по желанію отца, собственно долженъ былъ посѣщать госпитали, но на самомъ дѣлѣ усердно посѣщалъ превосходныя естественно-историческія коллекціи города и вступилъ въ личныя сношенія съ тамошними наиболѣе выдающимися натуралистами. Возвратившись въ 1762 г. въ Берлинъ, Палласъ, въ слѣдующемъ году, получилъ отъ родителей разрѣшеніе переселиться въ Голландію, для пріисканія себѣ подходящаго мѣста; но, несмотря на усиленныя научныя занятія, ему не удалось получить такого мѣста, и онъ, въ 1766 г., снова вернулся въ родительскій домъ.

Въ этомъ послѣднемъ году были изданы въ Гагѣ два сочиненія Палласа, обратившія на него вниманіе ученаго міра; сочиненія эти, касавшіяся анатоміи и систематики низшихъ животныхъ, сразу проявили въ молодомъ авторѣ рѣдкую наблюдательность и проницательность. Благодаря этому, имя Палласа стало тотчасъ же очень извѣстнымъ и когда Императрица Екатерина II, задумавшая снарядить экспедицію для изслѣдованія Россіи въ естественно-историческомъ отношеніи, обратилась къ Лейпцигскому профессору Лудвигу за рекомендаціей въ вожди этой экспедиціи особенно свѣдущаго естествоиспытателя, тотъ остановился на Палласѣ. Академія Наукъ, 22 декабря 1766 г., избрала его въ свои члены, въ качествѣ профессора естественной исторіи; сначала онъ отказался, однако, такъ что уже имѣлось въ виду избрать, вмѣсто него, Іос. Гертнера; но въ апрѣлѣ 1767 г. изъявилъ свое согласіе, и 23 апрѣля того же года избраніе Палласа было подтверждено Академіею.

Лѣтомъ 1767 г. онъ переселился въ С.-Петербургъ и тотчасъ же занялся составленіемъ плановъ и инструкцій для задуманныхъ Императрицею путешествій по Европейской Россіи, Кавказу и Сибири. Сначала Палласъ предполагалъ-было участвовать въ эспедиціи, которую Академія, по приглашенію Королевскаго Великобританскаго Общества наукъ, снаряжала въ Камчатку, для наблюденія прохожденія Венеры передъ солнцемъ въ 1769 г.; но впослѣдствіи было рѣшено снарядить особую экспедицію, во главѣ коей долженъ былъ стоять Палласъ, который и принялъ на себя разработку общаго для нея плана, распредѣленіе отдѣльныхъ районовъ между участниками и пр. Кромѣ Палласа, въ этой достопамятной экспедиціи, продолжавшейся шесть лѣтъ, участвовали академики Гюльденштетъ, С. Г. Гмелинъ, Лепехинъ, Фалькъ, Георги; при каждомъ изъ нихъ находилось по нѣскольку „студентовъ“ Академіи. Почти цѣлый годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ экспедиціи, и лишь въ концѣ іюня 1768 г. Палласъ тронулся изъ Петербурга.

Мы не станемъ распространяться здѣсь о деталяхъ этого необыкновенно плодотворнаго путешествія, въ продолженіе котораго Палласу удалось открыть и сообщить Академіи чрезвычайно замѣчательные предметы изъ всѣхъ царствъ природы; назовемъ, напр., знаменитый образецъ самороднаго желѣза („Палласово желѣзо“), найденный на берегу Вилюя, голову носорога, и пр. Намѣтимъ лишь, въ главныхъ чертахъ, пути, пройденные Палласомъ.

Черезъ Москву, Владиміръ, Касимовъ, Муромъ, Арзамасъ и Пензу, Палласъ проѣхалъ въ Симбирскъ, гдѣ остался зимовать. Дорогою онъ часто останавливался, совершалъ многочисленныя экскурсіи изъ своихъ стоянокъ, вездѣ составлялъ коллекціи и нерѣдко на мѣстѣ, помимо точнаго путевого журнала, который велъ въ продолженіе всего своего путешествія, описывалъ попадавшіеся ему любопытные предметы. Такъ, напр., уже изъ Владиміра онъ прислалъ въ Академію ящикъ съ собранными имъ минералами и окаменѣлостями, а также описаніе найденной, близъ Владиміра, рѣчной губки. Во время зимовки въ Симбирскѣ, Палласъ разработалъ свой путевой журналъ, такъ что уже въ мартѣ 1769 г., въ экстренныхъ засѣданіяхъ Академіи, была прочитана

первая часть его путешествія. Въ то же самое время онъ покинулъ Симбирскъ и, черезъ Ставрополь и Самарскую луку, направился въ Самару, а оттуда, черезъ Сызрань, въ Сѣрный Городокъ; возвратившись въ Самару, онъ проѣхалъ, черезъ Борскъ, въ Оренбургъ и къ Илецкой защитѣ; осмотрѣвши тамъ залежи каменной соли, Палласъ отправился въ Яицкій Городокъ, средоточіе Яицкихъ казаковъ, гдѣ ознакомился съ ихъ хозяйствомъ, преимущественно же съ рыболовствомъ въ р. Уралѣ; вдоль этой послѣдней онъ проѣхалъ затѣмъ до Гурьева, гдѣ запасся свѣдѣніями о рыболовствѣ въ Каспійскомъ морѣ; наконецъ, изъ Гурьева Палласъ слѣдовалъ степью до Уфы, гдѣ провелъ зиму съ 1769-го на 1770-й годъ. Помимо многочисленныхъ наблюденій надъ горными породами, растеніями и животными этого края, Палласъ успѣлъ еще изучить бытъ трехъ племенъ, его населяющихъ, а именно: Яицкихъ казаковъ, Киргизовъ и Калмыковъ. Во время своей зимовки въ Уфѣ онъ окончилъ разработку перваго тома своего путешествія, который и появился въ 1771 году. Тогда же онъ составилъ описаніе 8-и неизвѣстныхъ дотолѣ видовъ млекопитающихъ и птицъ, которыхъ ему удалось наблюдать въ 1769 году.

Въ срединѣ мая 1770 г. Палласъ выѣхалъ изъ Уфы и направился въ „Исетскую провинцію“; всѣ лѣто онъ посвятилъ изслѣдованію Уральскихъ горъ и ихъ минеральныхъ богатствъ; между прочимъ онъ посѣтилъ Екатеринбургъ и тамошніе горные заводы; совершивъ затѣмъ еще нѣсколько небольшихъ путешествій, между прочимъ по р. Турѣ, и поселился на зиму въ г. Челябинскѣ („Челябѣ“). Около новаго года Палласъ проѣхалъ въ Тобольскъ и Тюмень, откуда возвратился въ Челябинскъ.—Въ половинѣ апрѣля 1771 г. онъ отправился въ Омскъ, куда пріѣхалъ около 20-го мая; отсюда, черезъ Алтай, проѣхалъ въ Томскъ, а затѣмъ въ Красноярскъ, гдѣ остался на зиму и приготовилъ къ печати второй томъ своего путешествія. Въ своихъ письмахъ къ секретарю Академій Наукъ, А. Эйлеру, Палласъ жалуется на плохое состояніе своего здоровья и отказывается отъ задуманнаго имъ путешествія въ Китай. Вообще онъ въ эту зиму сильно упалъ духомъ. Уже изъ Томска онъ пишетъ Эйлеру, что все путешествіе 1771 г. является почти сплошною цѣпью неудачъ и непріятностей; а въ письмѣ къ Фальку, изъ Красноярска, онъ признается, что потерялъ всякое желаніе къ дальнѣйшимъ путешествіямъ и почитаетъ себя сибирскимъ изгнанникомъ. Но, благодаря улучшенію здоровья, а также пріѣзду Георги, онъ снова ободрился.—Уже въ началѣ марта 1772 г. Палласъ пустился въ дальнѣйшій путь: черезъ Иркутскъ и озеро Байкалъ (по льду) онъ проѣхалъ въ Селенгинскъ, а оттуда въ Кяхту; по возвращеніи въ Селенгинскъ, посѣтилъ Даурію, гдѣ наблюдалъ бытъ тамошнихъ степныхъ Тунгусовъ, сильно смѣшавшихся съ Бурятами и Монголами; возвратившись опять въ Селенгинскъ, онъ снова побывалъ въ Кяхтѣ, а затѣмъ, черезъ Иркутскъ, проѣхалъ обратно въ Красноярскъ, гдѣ и пробылъ часть зимы.—Въ исходѣ января 1773 г. Палласъ оставилъ Красноярскъ и направился, черезъ Томскъ и Тару, обратно въ Европейскую Россію. Изъ Сарапула, гдѣ остановился на нѣкоторое время, онъ совершилъ экскурсію въ Казань, а, по возвращеніи своемъ, направился на югъ и, проѣхавъ Уральскою степью, въ началѣ сентября достигъ Царицына. Здѣсь онъ пробылъ зиму и часть весны 1774 г., въ которую совершилъ нѣсколько поѣздокъ, напр. въ Астрахань; посѣтивши еще гору Богдо и прилежащее озеро, онъ, черезъ Москву, возвратился въ С.-Петербуръ, куда прибылъ 30-го іюля.

И такъ, достопамятное путешествіе это продолжалось слишкомъ шесть лѣтъ. Тягости и лишенія, съ нимъ связанныя, пагубно отразились на здоровьѣ Палласа, который (какъ онъ самъ замѣчаетъ въ концѣ описанія своего путешествія) вернулся съ обезсиленнымъ организмомъ и съ сѣдѣющими волосами на 33-мъ году жизни. Вслѣдствіе ужасныхъ морозовъ, при которыхъ Палласу случалось наблюдать замерзаніе ртути въ термометрѣ, онъ однажды отморозилъ себѣ въ комнатѣ пятки. Но, несмотря на всѣ невзгоды температуры, не взирая на упорное воспаленіе глазъ, часто повторявшіяся дисентеріи и разныя другія болѣзни, онъ неутомимо преслѣдовалъ поставленную себѣ задачу, заключавшуюся во всесторонномъ изслѣдованіи странъ, имъ посѣщаемыхъ.

Литературнымъ плодомъ этого путешествія явилось знаменитое трехтомное описаніе его, вышедшее въ С.-Петербургѣ, на нѣмецкомъ языкѣ, въ 1771—1776 г. (вслѣдъ затѣмъ былъ отпечатанъ и русскій переводъ). Сочиненіе это,—несмотря на то, что оно издано болѣе ста лѣтъ тому назадъ,—и до настоящаго времени составляетъ чрезвычайно обильную сокровищницу не только для геологовъ, ботаниковъ и зоологовъ, но въ одинаковой же мѣрѣ и для этнографовъ, сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ. Масса описанныхъ здѣсь необыкновенно точныхъ наблюденій надъ предметами и явленіями изъ всѣхъ царствъ природы не только значительно расширила кругозоръ науки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, дала и правительству возможность ближе ознакомиться какъ съ нуждами и потребностями населенія, такъ точно и съ тѣми обильными средствами, которыми располагаетъ природа Россіи для удовлетворенія этихъ нуждъ. И такъ, плодотворное путешествіе это имѣло не только научное, но и въ высшей степени важное практическое значеніе. Собственно для науки описаніе это является особенно важнымъ, потому что оно касается обширнаго края въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился 125 лѣтъ тому назадъ, т.-е. въ то время, когда первобытные лѣса и степи восточной Россіи и Сибири, съ ихъ флорою и фауною, еще не успѣли подвергнуться тому разрушающему и видоизмѣняющему вліянію человѣка, которое такъ сильно выказывается въ настоящее время.

Дальнѣйшимъ плодомъ этого достопамятнаго путешествія является цѣлый рядъ важныхъ сочиненій и монографій, разработкою которыхъ Палласъ занялся по возвращеніи своемъ въ С.-Петербургъ. Уже въ 1776 г. появился первый томъ его знаменитаго сборника историческихъ свѣдѣній о монгольскихъ племенахъ („Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften"), между тѣмъ какъ второй томъ этого капитальнаго сочиненія изданъ лишь 25 лѣтъ спустя, т.-е., въ 1801 году. Оно составляетъ обильный источникъ важныхъ и до тѣхъ поръ въ Европѣ неизвѣстныхъ свѣдѣній не только для историковъ, но, въ особенности, и для антропологовъ. Не менѣе яснымъ доказательствомъ поразительной рабочей силы и проницательности ума Палласа слѣдуетъ считать его описаніе новыхъ грызуновъ („Novae species Quadrupedum e Glirium ordine"), появившееся въ 1778 году. Такой монографіи до того времени не существовало ни по одному отдѣлу млекопитающихъ и она еще въ настоящее время должна быть признана истинно образцовою; каждый зоологъ, занимающійся отдѣломъ грызуновъ, все снова черпаетъ изъ нея важныя свѣдѣнія, которыя не ограничиваются однимъ точнымъ описаніемъ отдѣльныхъ видовъ, но касаются множества крайне интересныхъ деталей по анатоміи и физіологіи этихъ животныхъ; въ послѣднемъ отношеніи особенно любопытны опыты надъ температурою тѣла грызуновъ во время ихъ зимней спячки.

Пытливость Палласа обнимала, какъ мы видимъ, весьма разнообразныя области науки. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ разработалъ русскую флору, которая, къ сожалѣнію, осталась не оконченною. Первый томъ этой прекрасно изданной Flora rossica вышелъ въ 1784-мъ, а второй въ 1788-мъ году. Одновременно, по порученію Императрицы Екатерины II-й, Палласъ составилъ „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій",—по матеріаламъ, собраннымъ большею частію самою Императрицею (I-я часть вышла въ 1787 г., II-я въ 1789 г). Въ началѣ 80-хъ годовъ неутомимый Палласъ сталъ издавать журналъ, подъ заглавіемъ: „Neue Nordische Beiträge", гдѣ онъ помѣстилъ весьма большое число какъ собственныхъ статей, такъ и составленныхъ имъ переводовъ съ русскихъ, частію рукописныхъ, извѣстій; по изданіи 4-хъ томовъ (съ 1781 по 1783 г.) насталъ продолжительный перерывъ, и лишь съ 1793 по 1796 г. изданы еще три тома. Сверхъ того, въ теченіе 70-хъ и 80-хъ годовъ напечатана Палласомъ еще цѣлая масса болѣе мелкихъ сочиненій и статей, Изъ нихъ особенно важны: 1) Мемуаръ объ измѣняемости животныхъ („Mémoires sur la variation des animaux"), напечатанный въ 1780 г., и 2) Наблюденія о строеніи горъ и перемѣнахъ, происшедшихъ на земномъ шарѣ, преимущественно по отношенію къ Россіи („Observations sur la formation des montagnes et les changements arrivés au globe, particulièrement à l'égard de l'empire Russe"),—напечатаны въ 1777 году.

Такая усиленная научная дѣятельность нашего ученаго, при слабости здоровья, сильно потрясеннаго во время долголѣтняго путешествія, должна была привести къ утомленію силъ его. Шумъ столицы и суета петербургской общественной жизни тяготили Палласа, и онъ рѣшился снова предпринять путешествіе, на сей разъ въ южныя губерніи, въ особенности въ Крымъ, лишь незадолго до того присоединенный къ Россіи. Въ февралѣ 1793 г. онъ оставилъ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи жены и дочери, а также имъ любимаго даровитаго рисовальщика Хр. Г. Гейслера изъ Лейпцига. При переѣздѣ черезъ р. Клязьму, ледъ ея былъ настолько слабъ, что Палласъ, вышедшій изъ экипажа, провалился въ прорубь до половины тѣла, а затѣмъ вынужденъ былъ, не мѣняя платья, проѣхать 37 верстъ до г. Судогды. Вслѣдствіе этого приключенія, здоровье его было окончательно подорвано, и онъ, до конца жизни своей, страдалъ отъ послѣдствій этой простуды. Проѣхавши черезъ Пензу, Саратовъ, Царицынъ и Сарепту, въ Астрахань, онъ совершилъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій по окрестнымъ сухимъ степямъ и, возвратившись въ Сарепту, поселился тамъ на нѣкоторое время, привлеченный богатствомъ формъ тамошнихъ растеній и насѣкомыхъ. Проѣхавъ затѣмъ снова въ Астрахань, Палласъ отправился оттуда къ Кавказской линіи, посѣтилъ разные минеральные источники и гору Бештау, а потомъ направился къ Азовскому морю, осмотрѣлъ дорогою развалины Маджаръ и переправился въ Крымъ. Въ исходѣ октября онъ пріѣхалъ въ Симферополь и остановился у своего друга Габлица (Habliz), мѣстнаго вице-губернатора, въ домѣ котораго и провелъ зиму. Въ началѣ марта 1794 г. онъ началъ объѣзжать полуостровъ и продолжалъ эти объѣзды до іюля мѣсяца.

Прелести природы Крыма его такъ плѣнили, что, возвратившись оттуда въ сентябрѣ въ С.-Петербургъ, онъ мечталъ о томъ, какъ бы поселиться тамъ навсегда и предаться въ уединеніи всецѣло разработкѣ и окончанію задуманныхъ и начатыхъ имъ научныхъ трудовъ. Императрица Екатерина, узнавши о таковомъ желаніи высокочтимаго ею ученаго, милостиво исполнила это желаніе: Государыня пожаловала Палласу нѣсколько имѣній въ Крыму, а также домъ въ Симферополѣ, и на устройство его еще 10,000 руб. Въ августѣ 1795 г. онъ переселился совсѣмъ въ этотъ послѣдній городъ, и домъ, имъ обитаемый, вскорѣ сталъ сборнымъ пунктомъ для всѣхъ путешественниковъ, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Изъ первыхъ можно назвать Кларка (Clarke), который пріобрѣлъ у Палласа его значительныя ботаническія коллекціи, перешедшія впослѣдствіи къ Ламберту; а изъ русскихъ путешественниковъ его посѣтилъ, между прочимъ, Измайловъ, который (въ своемъ „Путешествіи въ Полуденную Россію“ 1799 г.) сообщилъ нѣсколько замѣтокъ о личности Палласа и его частной жизни.

Здѣсь, въ Крыму, Палласъ съ увлеченіемъ юноши продолжалъ свои научныя изслѣдованія. Напечатавъ, уже въ 1795 г., на французскомъ языкѣ, естественно-историческое описаніе Таврида („Tableau physique et topographique de la Tauride“), нѣсколько разъ переведенное на нѣмецкій и русскій языки, Палласъ затѣмъ (въ 1799 и 1801 г.) напечаталъ двухтомное описаніе своего путешествія, совершеннаго въ 1793 и 1794 годахъ. Изданное на нѣмецкомъ языкѣ („Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794“) и переведенное на языки французскій и англійскій, замѣчательное сочиненіе это осталось безъ русскаго перевода. (Лишь нѣкоторыя главы его, касающіяся собственно Крыма, недавно были переведены г-жею М. Славичъ и появились въ „Запискахъ И. Одесск. Общ. истор. и древн.“, въ томахъ XII-мъ и XIII-мъ, 1881 и 1883 годовъ). Но важнѣйшая забота Палласа, въ проведенный въ Крыму періодъ, состояла въ разработкѣ давно имъ задуманной фауны Россіи, для которой онъ уже много лѣтъ усердно собиралъ матеріалы. Изъ Симферополя онъ неоднократно сообщалъ Академіи Наукъ о ходѣ разработки этого замѣчательнѣйшаго сочиненія, выходъ въ свѣтъ котораго былъ замедленъ разными неблагопріятными обстоятельствами, главнѣйше же недобросовѣстнымъ поступкомъ рисовальщика Гейслера, заложившаго въ Германіи изготовленныя имъ таблицы рисунковъ къ этому сочиненію. Наконецъ,

текстъ былъ отпечатанъ въ 1811 г., т.-е. въ самый годъ смерти Палласа; но въ свѣтъ вышло это сочиненіе лишь двадцать лѣтъ спустя, подъ заглавіемъ: „Zoographia Rosso-Asiatica“ (Petropoli, 1831, три тома 4°, и атласъ рисунковъ in fol.). Объ участи изданія этого знаменитаго сочиненія имѣется отчетъ академика К. М. Бэра, нарочно командированнаго Академіею Наукъ въ Лейпцигъ, для вырученія заложенныхъ Гейслеромъ рисунковъ. Отчетъ этотъ отпечатанъ въ 1831 г.

Палласъ жилъ въ Крыму попеременно то въ Симферополѣ, то въ Судакѣ. Принадлежавшія ему имѣнія вовлекали его неоднократно въ долговременныя тяжбы, вызывавшіяся, между прочимъ, тѣмъ, что права собственности сосѣднихъ Татаръ не были достаточно точно установлены. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ находятся въ статьѣ А. Солнцева: „Палласъ въ Крыму“ („Древняя и Новая Россія“, 1876, т. I, стр. 279—289, съ портретомъ). Разошедшись мирно со второю своею супругою (на которой онъ былъ женатъ съ 1786 года), Палласъ, въ 1808 году, переселился къ любимой дочери своей отъ перваго брака, вдовѣ генералъ-лейтенанта барона Вимпфена, жившей въ Крыму же, въ своемъ имѣніи Калмукъ-Карка. Здѣсь, въ уединеніи, онъ прожилъ счастливо два года, продолжая неутомимо свои научныя занятія. Но, будучи отрѣзанъ тамъ совершенно отъ научнаго міра и сильно озабочиваясь участью своей фауны, онъ, въ январѣ 1810 года, обратился въ Академію Наукъ съ просьбою объ исходатайствованіи ему безсрочнаго отпуска въ Берлинъ, откуда онъ могъ бы лучше слѣдить за изготовленіемъ и гравировкою рисунковъ къ своей „Zoographia“. Въ мартѣ испрашиваемый отпускъ, съ сохраненіемъ полныхъ окладовъ жалованья, былъ Высочайше разрѣшенъ, а въ исходѣ апрѣля Палласъ, въ сопровожденіи дочери своей, покинулъ Крымъ и, черезъ Броды и Бреславль, проѣхалъ въ Берлинъ, куда прибылъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Въ Берлинѣ Палласъ прожилъ спокойно слишкомъ годъ, высокоуважаемый тамошними учеными, которые (въ томъ числѣ біографъ его, знаменитый гельминтологъ К. А. Рудольфи) посѣщали его часто по вечерамъ и наслаждались неисчерпаемымъ источникомъ его знаній и глубиною его мыслей. Лѣтомъ 1811 г. повторились въ сильной степени припадки диссентеріи, которыми П. давно страдалъ, и 8-го сентября (27-го августа) онъ скончался на рукахъ любимой своей дочери. Похороненъ онъ въ Берлинѣ, на Галлейскомъ кладбищѣ, гдѣ, въ 1852 г., на совокупныя средства С.-Петербургской и Берлинской Академій Наукъ, надъ могилою его сооруженъ памятникъ.

Такъ какъ все вниманіе современниковъ сосредоточивалось на ученой дѣятельности Палласа, то о другихъ сторонахъ его выдающейся личности, а именно о характерѣ и домашней жизни его сохранилось очень мало извѣстій. Тѣ, которые знали лично Палласа, напр. знаменитый гельминтологъ Рудольфи и путешественникъ Измайловъ, хвалятъ ровность и веселость его характера и замѣчаютъ, что онъ любилъ удовольствія только какъ отдыхъ отъ тяжелаго умственнаго труда. Изъ факта, что Палласъ никогда не ссорился съ своими соперниками въ наукѣ, Кювье выводитъ заключеніе, что онъ былъ кроткаго нрава.

Къ этому можно присовокупить, что Палласъ отличался необыкновенною энергіею и силою воли, имѣвшею неоднократно случай выказаться въ долговременныхъ путешествіяхъ его, сопровождавшихся страшными трудностями, лишеніями и опасностями. Въ характерѣ Палласа замѣчательны еще гуманность и чувство справедливости. Это послѣднее привело его однажды (въ 1784 году) къ острому столкновенію съ тогдашнимъ президентомъ Академіи Наукъ, княгинею Дашковою, исключившею самовластно Зуева изъ числа адъюнктовъ Академіи. Палласъ, возмущенный такимъ несправедливымъ и своевольнымъ поступкомъ, заступился за своего товарища и письменно засвидѣтельствовалъ какъ его усердіе къ наукѣ, такъ и успѣхи его во время бытности адъюнктомъ Академіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ (въ засѣданіи 23-го февраля) предложилъ баллотировать вопросъ, не исполнялъ ли Зуевъ удовлетворительно всѣ обязанности адъюнкта? Но большинствомъ членовъ предложеніе это не было принято. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій (18-го марта) княгиня Дашкова приказала заявить, что она очень озадачена

протестомъ Палласа и желаетъ, чтобы гг. академики тутъ же высказались: дѣйствительно ли они недовольны ея личностью и ея управленіемъ? Всѣ, за исключеніемъ двухъ (Палласа и Лекселля), высказались за княгиню. Палласъ же потребовалъ приложить къ протоколу мотивированное объясненіе его (собственноручно писанное по-французски), въ которомъ значится м. пр. слѣдующее: „Pour moi j'ai toujours sû respecter dans la personne de Madame la Princesse et de ses Prédécesseurs, les Chefs préposés à l'Académie par nôtre grande Souveraine; mais je n'ai pas renoncé au droit, que ma place d'Académicien me donne, de dire mon sentiment librement dans les délibérations académiques". (Взято изъ протоколовъ засѣданій Академіи Наукъ, хранящихся въ ея архивѣ. Въ концѣ концовъ Зуевъ остался адъюнктомъ Академіи). Случай этотъ доказываетъ, какъ нельзя лучше, не только чувство справедливости, но и значительную степень гражданскаго мужества, которыми обладалъ Палласъ.

Не признавая возможнымъ перечислить здѣсь весьма многочисленныя сочиненія и статьи Палласа (важнѣйшія изъ нихъ, впрочемъ, приведены выше), я постараюсь дать, въ нѣсколькихъ строкахъ, общую картину его плодотворной научной дѣятельности. (До новѣйшаго времени не существовало полнаго списка научныхъ трудовъ Палласа; такой списокъ мною помѣщенъ недавно въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія", 1895 г., апрѣль). Уже изъ выше сказаннаго видно, что дѣятельность Палласа отличается необыкновенною многосторонностью: дѣйствительно, она обнимала многіе отдѣлы зоологіи и ботаники, минералогію и геологію, физическую географію (со включеніемъ метеорологіи), сельское и лѣсное хозяйство (вмѣстѣ съ технологіею), медицину, этнографію, нумизматику и археологію, языкознаніе. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить описанія его многолѣтнихъ путешествій, изданіе двухъ журналовъ, составленные имъ переводы, а также сочиненія другихъ авторовъ, изданныя Палласомъ. Къ тому же, по нѣкоторымъ изъ названныхъ отдѣловъ (въ особенности же по зоологіи, ботаникѣ и этнографіи) имъ изданъ рядъ крупныхъ и самыхъ капитальныхъ сочиненій. Предпошлемъ здѣсь оцѣнку научной дѣятельности Палласа, которую далъ нашъ извѣстный зоологъ и путешественникъ, Н. А. Сѣверцовъ: „Палласъ своими пріемами въ наукѣ, смѣлыми идеями, высказанными о связи всѣхъ трехъ царствъ природы,— идеями, окончательно разработанными въ нашемъ столѣтіи, своими наблюденіями надъ жизнью животныхъ и сравнительно-анатомическими работами стоитъ впереди ученыхъ XIX вѣка. Точность изслѣдованій и вѣрность воззрѣній ставятъ его рядомъ съ Кювье, но внесенная этимъ послѣднимъ реформа въ зоологію какъ будто бы заслонила заслугу первенства въ этомъ отношеніи, безспорно принадлежащую Палласу. Близкій къ тому, по признанію самого Кювье, чтобы произвести реформу зоологіи, онъ произвелъ ее на самомъ дѣлѣ въ геологіи, или—какъ тогда называли ее—въ *теоріи земли*. Онъ былъ основателемъ палеонтологіи; онъ установилъ такія прочныя воззрѣнія на значеніе метеорологическихъ, почвенныхъ и климатическихъ вліяній на явленія періодической жизни животныхъ, что къ этому послѣ него прибавлено было мало существеннаго. По духу своему и по неутомимой дѣятельности Палласъ также сходенъ съ Кювье; но не надо забывать, что Кювье вступилъ уже на почву, сильно разработанную Палласомъ, Мюллеромъ, Соссюромъ и другими" (см. магистерскую диссертацію Сѣверцова: „Періодическія явленія въ жизни звѣрей, птицъ и гадовъ Воронежской губерніи").

Первымъ и послѣднимъ по времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшимъ предметомъ его изслѣдованій были животныя. Будучи еще 15—17-лѣтнимъ мальчикомъ, онъ самостоятельно и усерднѣйше занимался изслѣдованіемъ глистовъ и насѣкомыхъ; тогда же онъ начертилъ новый распорядокъ птицъ. Въ своемъ „Elenchus zoophytorum" онъ впервые высказалъ замѣчательную и нынѣ общепринятую мысль, что всю систему организмовъ можно представить себѣ — въ видѣ дерева, которое, отъ самаго корня своего, дѣлится на два ствола (растенія и животныя), которые иногда другъ къ другу приближаются. Одинъ изъ этихъ стволовъ (обнимающій животныхъ) проходитъ отъ зоофитовъ чрезъ моллюсковъ, къ рыбамъ, отсылая отъ себя большую боковую вѣтвь для на-

сѣкомыхъ; отъ рыбъ стволъ проходитъ, чрезъ земноводныхъ, къ млекопитающимъ, отъ которыхъ отходитъ опять большая боковая вѣтвь для птицъ. Если сравнить этотъ остроумный взглядъ съ мнѣніями, господствовавшими въ то время (въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія), то легко убѣдиться, насколько авторъ его опередилъ своихъ современниковъ. Особенно важны были изслѣдованія его надъ классомъ червей, который, въ то время (и еще послѣ работъ Линнея), представлялъ собою смѣсь разнородныхъ животныхъ, принадлежавшихъ къ разнымъ типамъ. Палласъ, будучи еще 19-лѣтнимъ юношею, первый разобрался въ этой путаницѣ и выдѣлилъ изъ класса червей чуждые ему организмы

Съ удивленіемъ тогдашнее поколѣніе усмотрѣло въ этомъ молодомъ ученомъ соединенными вмѣстѣ достоинства двухъ знаменитыхъ естествоиспытателей: проницательность Бюффона и точность Добантона.

О нѣкоторыхъ другихъ, въ высшей степени замѣчательныхъ, работахъ Палласа по зоологіи (напр., о грызунахъ) было сказано выше. Изъ наиболѣе раннихъ его работъ слѣдуетъ упомянуть о фаунѣ насѣкомыхъ Маркъ-Бранденбургскихъ („Fauna Insectorum Marchica"), оставшейся ненапечатанною. Вообще въ молодости своей, Палласъ занимался много наблюденіями надъ насѣкомыми, надъ ихъ развитіемъ, превращеніями и пр. Сюда относится чрезвычайно любопытное (и впослѣдствіи вполнѣ подтвержденное) наблюденіе надъ партеногенезисомъ у двухъ мелкихъ чешуекрылыхъ, изъ семейства психидъ. И въ бытность свою въ Россіи П. не упускалъ изъ виду насѣкомыхъ: онъ напечаталъ нѣсколько выпусковъ изображеній и описаній новыхъ русскихъ насѣкомыхъ (преимущественно жуковъ), но объемистая рукопись его, подъ заглавіемъ: „Insecta Rossica", составляющая собственность Берлинскаго Зоологическаго Музея, къ сожалѣнію, осталась неизданною.

Напечатавъ цѣлый рядъ статей о рыбахъ, земноводныхъ, птицахъ и, въ особенности, о млекопитающихъ, которыхъ ему удалось открыть и наблюдать во время своихъ многолѣтнихъ путешествій по Европейской Россіи и Сибири, Палласъ, въ теченіе свыше 30-ти лѣтъ, разрабатывалъ свою знаменитую „Zoographia Rosso-Asiatica", о которой уже было говорено выше. Въ этомъ безсмертномъ памятникѣ его изслѣдованій надъ животными Россіи, не имѣющемъ ничего подобнаго и во всей послѣдующей зоологической литературѣ, соединено все, что, до того времени, было извѣстно (бо́льшею частью, по изслѣдованіямъ самого же Палласа) о позвоночныхъ животныхъ: млекопитающихъ, птицахъ, пресмыкающихся, земноводныхъ и рыбахъ, водящихся въ тогдашнихъ предѣлахъ Россіи. Въ этомъ неоцѣнимомъ кладѣ, къ которому приходится постоянно прибѣгать и придется прибѣгать еще нѣсколькимъ будущимъ поколѣніямъ, накоплена цѣлая масса любопытнѣйшихъ показаній, касающихся анатоміи, морфологіи и біологіи нѣсколькихъ сотенъ животныхъ, ихъ образа жизни, географическаго распространенія и пр.; сверхъ всего этого, тутъ собраны весьма тщательно тысячи народныхъ названій животныхъ, на многочисленныхъ инородческихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, употребительныхъ на всемъ огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Россіею.

То, что́ совершено Палласомъ по части ботаники, по важности своей, конечно, не можетъ сравниться съ его зоологическими трудами; пріохотился онъ къ изученію флоры лишь во время долголѣтняго путешествія своего, когда ему пришлось наблюдать многія интересныя растенія, не попадающіяся въ дикомъ видѣ на нивахъ и въ лѣсахъ Европы. Онъ задумалъ большое изданіе флоры Россіи, но успѣлъ выдать только двѣ части ея, касающіяся почти исключительно дикорастущихъ деревьевъ и кустарниковъ. Кромѣ того, Палласъ описалъ много новыхъ видовъ растеній, открытыхъ имъ самимъ или другими путешественниками, преимущественно въ Сибири. Нѣсколько семействъ и родовъ имъ обработаны монографически, какъ, напр.: виды рода *Astragalus*, породы ревеня, а также солянки.

По минералогіи и геологіи Палласъ издалъ хотя немного работъ, но одной изъ нихъ, какъ мы уже сказали, суждено было произвести переворотъ въ тогда еще юной наукѣ геологіи. Благодаря внимательному наблюденію строенія Уральскихъ горъ и Алтая, онъ подмѣтилъ, что постоянно въ серединѣ горъ залегаютъ граниты, надъ ними сланцы, а поверхъ

этихъ послѣднихъ — известняки. Кювье (G. Cuvier, „Eloges historiques“), а за нимъ Сѣверцовъ, замѣчаетъ, что этотъ знаменательный фактъ, высказанный впервые Палласомъ (въ мемуарѣ, читанномъ, въ 1777 году, въ засѣданіи И. Академіи Наукъ, въ присутствіи шведскаго короля Густава III), далъ исходную точку для всей новѣйшей геологіи. По минералогіи, со включеніемъ обработки металловъ, Палласъ напечаталъ нѣсколько статей, изъ которыхъ особенно замѣчательны: 1) о массѣ самороднаго желѣза, найденной въ Сибири, и 2) о старинныхъ рудныхъ копяхъ въ Сибири и ихъ подобіи съ венгерскими.

По физической географіи особенно важны: 1) „Физическое и топографическое описаніе Таврической губерніи“ (въ 1795 г.) и 2) статья „о Россійскихъ открытіяхъ на моряхъ между Азіею и Америкою“ (въ „Мѣсяцесловѣ истор. и геогр.“ на 1781 г.). Сюда же относится большинство свѣдѣній, заключающихся въ описаніяхъ двукратныхъ путешествій Палласа.

Въ программѣ большого путешествія Палласа значилось не только научное наблюденіе надъ предметами изъ всѣхъ трехъ царствъ природы, но также изслѣдованіе примѣненія этихъ предметовъ въ народномъ хозяйствѣ. Мы видѣли, что Палласъ съ одинаковымъ интересомъ изучалъ, во время своего путешествія, залеганіе, напр., каменной соли и другихъ полезныхъ ископаемыхъ, примѣняемыя въ хозяйствѣ или медицинѣ растенія (напр. породы ревеня и шелковистыя растенія), а также рыболовство и другія отрасли промышленности сельскаго и лѣсного хозяйства. Въ архивѣ Академіи Наукъ хранится оставшееся не напечатаннымъ сочиненіе Палласа по лѣсному хозяйству Россіи („Kurzgefasste Anweisung zur Forstwirthschaft für das Russische Reich“). Эта замѣчательная рукопись дѣлится на два главныхъ отдѣла: 1) Физико-экономическое описаніе деревьевъ и кустарныхъ, дикоростущихъ въ Россійской Имперіи, и 2) о главныхъ предметахъ лѣсного хозяйства, а именно: объ экономическомъ употребленіи лѣсонасажденій, о заботливомъ содержаніи и размноженіи ихъ, и о побочныхъ средствахъ для сбереженія лѣса. Очень интересно, что Палласъ уже тогда (въ 70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія), когда никто у насъ не думалъ о сбереженіи лѣса, обратилъ вниманіе на необходимость отысканія и употребленія каменнаго угля и торфа, съ цѣлью замѣненія ими дровъ.

Важнѣйшимъ трудомъ Палласа по этнографіи является его „Сборникъ историческихъ свѣдѣній о монгольскихъ племенахъ“. Кювье признаетъ этотъ сборникъ такимъ классическимъ описаніемъ народовъ, каковаго не имѣлось до тѣхъ поръ ни на одномъ языкѣ. Помимо точныхъ антропологическихъ свѣдѣній, а также богатыхъ извѣстій о нравахъ и обрядахъ монгольскихъ племенъ, въ книгѣ этой находится особенно любопытное описаніе выселенія изъ Астраханской губерніи калмыцкаго племени, состоявшаго изъ 60,000 семей. Выселеніе это, напоминающее выходъ израильтянъ изъ Египта, совершилось въ 1771 г., такъ сказать, на глазахъ самого Палласа. О томъ, что сдѣлано Палласомъ для лингвистики разработкою и изданіемъ задуманныхъ Императрицею Екатериною II „сравнительныхъ словарей всѣхъ языковъ и нарѣчій“, было сказано выше.

Будучи собственно медикомъ, по своему университетскому образованію, Палласъ, до самой глубокой старости, сохранилъ интересъ къ медицинскимъ наукамъ, въ особенности же къ анатоміи и къ составленію анатомическихъ препаратовъ,—о чемъ онъ и публиковалъ нѣсколько статей. Онъ сообщилъ также любопытныя свѣдѣнія о болѣзняхъ нѣкоторыхъ сибирскихъ народовъ, о ядахъ, ими употребляемыхъ, и проч.

Изъ этого краткаго обзора необыкновенно разнообразной и вмѣстѣ съ тѣмъ плодотворной научной дѣятельности Палласа можно вывести заключеніе—о томъ великомъ значеніи, какое имѣла эта дѣятельность не только для самой науки, которой онъ указывалъ новые пути и въ которой его смѣло можно поставить возлѣ Линнея и Бюффона, но также для примѣненія этой науки къ практической жизни. Въ теченіе свыше сорока лѣтъ дѣятельность Палласа была почти исключительно посвящена изслѣдованію Россіи, ставшей для него дорогимъ вторымъ отечествомъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что и до сего времени (за исключеніемъ развѣ академика Бэра) не было

и нѣтъ другого ученаго, которому Россія была бы настолько обязана изслѣдованіемъ своихъ природныхъ богатствъ и быта населяющихъ ее народовъ, какъ Петру Симону Палласу.

По указ. выше источникамъ. *Ѳ. Кеппенъ.*

Паловандовъ, *князь Захарій Михайловичъ*, писатель. Род. 1818, ум. 17 іюля 1845 въ Тифлисѣ. Родомъ грузинъ, онъ слушалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а съ начала 1845 сталъ издавать въ Тифлисѣ на грузинскомъ языкѣ „Закавказскій Вѣстникъ".

„Сѣв. Пчела" 1845, № 179.

Пальминъ, *Иліодоръ Ивановичъ*, юмористическій поэтъ и сотрудникъ разныхъ журналовъ. Род. въ Ярославской губ. 15 іюля 1841; ум. въ Москвѣ 26 окт. 1891 г. Потомокъ стариннаго дворянскаго рода, онъ, за заслуги отца, состоявшаго членомъ Комитета о раненыхъ, былъ, послѣ его смерти, помѣщенъ казенно-коштнымъ пенсіонеромъ въ 3-ю Спб. гимназію, гдѣ и окончилъ курсъ съ большимъ успѣхомъ, послѣ чего поступилъ на юридическій факультетъ Спб. университета, но долженъ былъ вскорѣ выдти оттуда по случаю его закрытія въ 1863 г. Унаслѣдовавъ отъ отца, печатавшаго свои стихи въ журналахъ 1820-хъ и 1830-хъ гг., любовь къ поэзіи и чувствуя съ дѣтства склонность къ литературѣ, П., изъ-за разстроенныхъ обстоятельствъ старухи-матери, сталъ искать средства къ жизни въ литературномъ трудѣ и первые его стихотворные опыты появились въ „Вѣкѣ" П. И. Вейнберга и „Библіотекѣ для Чтенія" А. Ѳ. Писемскаго. Войдя вскорѣ въ кружокъ В. С. Курочкина, онъ сдѣлался самымъ усерднымъ его сотрудникомъ, работая въ его „Искрѣ" почти до самаго ея прекращенія. Курочкинъ и склонилъ П. окончательно къ литературной дѣятельности и вообще много способствовалъ ему—руководствомъ, совѣтами и нравственнымъ вліяніемъ. Съ переселеніемъ П. въ Москву, въ 1869 г., онъ сдѣлался сотрудникомъ почти всѣхъ выходившихъ тамъ періодическихъ изданій, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, но не оставлялъ сотрудничества и въ Петербургскихъ изданіяхъ; такъ онъ участвовалъ въ: „Дѣлѣ" Дурново, „Женскомъ Вѣстникѣ", „Литературной Библіотекѣ" Богушевича, „Наблюдателѣ", „Русской Мысли", „Русской Сценѣ" Михно, „Всем. Иллюстраціи", „Будильникѣ", „Занозѣ", „Осколкахъ", „Стрекозѣ" и проч., работая то подъ своимъ именемъ, то подъ разными псевдонимами, какъ, напр.: Трефоваго короля, Маралы Іерихонскаго, гр. Каліостро, гр. Менто-Мори и друг. Любя очень Гейне, П. воспитался на его идеяхъ, но весьма недурно переводилъ также Мицкевича, Сырокомлю и иныхъ польскихъ поэтовъ, удачно передѣлывалъ на русскій ладъ юмористическіе романы нѣмецкаго поэта-каррикатуриста Буша, какъ: „Похожденіе холостяка (1887), и писалъ пьесы: „Супружескія тайны счастливаго брака" (1887), „Не хочу учиться, хочу жениться" (1888) и проч. Стихотворенія П. выходили и отдѣльными изданіями подъ заглавіями: „Сны на яву", „Цвѣты и злаки", а „Собранія стихотвореній" его были изданы редакціей „Русской Мысли" еще въ 1881 г. Отличаясь добрымъ, тихимъ, скромнымъ и незаносчивымъ характеромъ, П. внушалъ невольно симпатію къ себѣ и какъ человѣкъ.

„Нов. Время" 29 окт. 1891 г., № 5628; „Библіографъ" 1887—1888 г.г.

Пальминъ, *Михаилъ Архиповичъ*, профессоръ, надворный совѣтникъ. Род. въ 1784 г., ум. 15 марта 1852 г. въ Петербургѣ. Происходя изъ духовнаго званія, онъ съ 1797 по 1803 г. обучался въ Рязанской духовной семинаріи—грамматикѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, риторикѣ, поэзіи, греческому и латинскому языкамъ; 15 октября 1803 г. поступилъ въ С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ, откуда былъ выпущенъ студентомъ перваго отдѣленія; въ 1808 г. опредѣленъ въ С.-Петербургскую губернскую (теперь вторую) гимназію старшимъ учителемъ латинскаго языка, а съ 1814 г.—россійской словесности; въ 1820 г. назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ философіи и политической экономіи въ Казанскій университетъ, а въ 1822 г. утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора философіи, дипломатики и политической экономіи. Въ то же время онъ исполнялъ должности декана отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, секретаря Университетскаго Совѣта и члена Комитета издателей „Ка-

занскаго Вѣстника". Въ 1824 г. П. оставилъ Казанскій университетъ, а въ 1825 г., по прошенію, назначенъ ординарнымъ профессоромъ теоретической и практической философіи въ С.-Петербургскій университетъ; въ 1825—27 гг. былъ членомъ Училищнаго Комитета, въ 1825—26 гг. деканомъ философско-юридическаго факультета, а въ 1827 г. утвержденъ непремѣннымъ засѣдателемъ Университетскаго Правленія. Въ 1832 г. уволенъ отъ службы по учебному вѣдомству съ тѣмъ, что это увольненіе не должно служить препятствіемъ къ опредѣленію его во всякій другой родъ службы. Женатъ П. былъ на дочери надв. сов. Павла Острогорскаго и имѣлъ (въ 1835 г.) трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Изъ формулярнаго списка его видно, что П. перевелъ съ англійскаго сочиненіе Эдмунда Борка: „Философическое изслѣдованіе происхожденія нашихъ понятій о высокомъ и прекрасномъ". Была ли эта книга напечатана—нѣтъ свѣдѣній. Въ торжественномъ собраніи Казанскаго университета 5 іюля 1821 г. онъ читалъ „краткую историческую записку по Казанскому университету и его учебному округу за 1820—21 г.", напечатанную въ книгѣ: „Сочиненія, читанныя въ торжественномъ собраніи Имп. Казанскаго университета іюля 5 дня 1821 г.".

Григорьевъ „Имп. С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ 50 лѣтъ его существованія", Спб. 1870, стр. 42.—Дѣла архива Имп. Спб. университета. *Н. Т.*

Пальмъ, *Александръ Ивановичъ*, беллетристъ и драматургъ. Род. 1822 г., ум. 10 ноября 1885 г. въ Петербургѣ. Сынъ довольно извѣстнаго въ свое время карикатуриста, онъ воспитывался въ Дворянскомъ полку и въ 1842 г. выпущенъ былъ въ офицеры въ л.-гв. Егерскій полкъ, но, будучи въ чинѣ поручика, замѣшанъ въ дѣло Петрашевскаго (1849); послѣ же 8-ми мѣсячнаго содержанія въ крѣпости, „хотя въ его бумагахъ ничего предосудительнаго не оказалось, а, напротивъ, въ его литературныхъ трудахъ виднѣлась сильная любовь къ Россіи", какъ сказано въ обвинительномъ актѣ, былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію и служилъ на Кавказѣ и въ Крыму (1850—56), а послѣ Севастопольской кампаніи вышелъ въ отставку съ чиномъ маіора и, прослуживъ недолго въ гражданскомъ вѣдомствѣ, отдался окончательно литературной дѣятельности и театральному антрепренерству. Начавъ съ печатанія стихотвореній и мелкихъ статей еще въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1844 (кн. 4), „Литерат. Газетѣ" 1844, „Иллюстраціи" 1846—47 и „Отеч. Запискахъ" 1845 (кн. 3), онъ печаталъ затѣмъ романы и комедіи какъ въ послѣднихъ—въ 1849 (кн. 4 и 5), 1871 (кн. 3), 1873 (кн. 5: ком. „Старый баринъ"), 1880 (кн. 2 и 3), такъ и въ „Современникѣ" 1864 (кн. 6), а также въ „Вѣстникѣ Европы"—подъ псевдонимомъ П. Альминскаго въ 1872 (кн. 10—12: ром. „Алексѣй Слободинъ"), 1873 (кн. 2 — 3), 1874 (кн. 10 — 11), 1881 (кн. 4), въ „Словѣ" 1879 (кн. 12), „Русс. Богатствѣ" 1885 (кн. 1), „Сѣв. Вѣстникѣ" 1885 (кн. 3), наконецъ въ „Изящной Литературѣ" 1885 (кн. 2: біограф. замѣтка о С. Ѳ. Дуровѣ), равно какъ и отдѣльно: ром. „Больные люди" (1881, въ 2 т.) и „Петербургская саранча" (1884), да нѣкоторыя изъ театральныхъ пьесъ,—послѣднія большею частью литографически. Жена его, Ксенія Григорьевна († 10 нояб. 1892, въ Ялтѣ), была довольно извѣстной артисткой.

Некрологи и біографіи 1885 г.: „Нов. Время", № 3487, 3490, 3493 и 3497; „Новости", №№ 313 и 314; „Колосья" № 12, с. 321—326; „Всем. Иллюстр." 1886, № 880; „Русс. Стар." 1887, № 11, с. 415—424; „Обзоръ" Д. Языкова, V, 118.

Пальмъ, *Иванъ Ивановичъ*, художникъ-карикатуристъ, † 2 февр. 1866, въ Полтавѣ. Вмѣстѣ съ Л. Н. Неваховичемъ, онъ издавалъ въ концѣ 1849-хъ гг. „Ералашъ" и „Волшебный фонарь".

„Книж. Вѣст." 1866, № 5, с. 132, и „Иллюстр. Газ.", I, 224.

Пальчиковъ, *Николай Евграфовичъ*, собиратель русскихъ пѣсенъ. Род. 1838 г., ум. 25 сентября 1888 г. близъ Самары, гдѣ лѣчился отъ мышечнаго ревматизма желудка и кишекъ. По окончаніи курса въ Казанскомъ университетѣ, П., занимаясь сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи (с. Николаевкѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губ.), заинтересовался народными напѣвами своего околодка и губерніи, сталъ собирать крестьянскія пѣсни и записывать ихъ въ большомъ количествѣ. Сборникъ такихъ пѣсенъ, выпу-

щенный имъ въ С.-Петербургѣ, не задолго до смерти, обратилъ на себя вниманіе компетентныхъ лицъ, какъ добросовѣстною и тщательною записью, такъ равно своею полностью и новизною.

„Нов. Время“, 26 сент. 1888 г., № 4518, и „Истор. Вѣст.“, нояб., с. 520.

Пальцевъ, *Антипъ Ѳедоровичъ*, докторъ медицины, д. ст. сов. Род. 1804, ум. 23 апрѣля 1872. Изъ духовнаго званія, онъ былъ казеннымъ воспитанникомъ Спб. Медико-хирургической Академіи и служилъ затѣмъ лекаремъ пѣх. полковъ: Охотскаго съ 1823, 34-го егерскаго съ 1824, Якутскаго съ 1827, старшимъ врачемъ съ 1830, потомъ и. д. доктора пѣх. дивизій: 11-й съ 1832 и 4-й легкой кавалерійской съ 1835; наконецъ, послѣ командировки въ Темир-Хан-Шуру въ 1847 для изученія холеры, штабъ-докторомъ во 2-мъ пѣх. корпусѣ съ 1850 и главнымъ докторомъ военныхъ госпиталей: Херсонскаго съ 1856 и Московскаго съ 1857, а также непремѣннымъ членомъ Военно-медицинскаго Ученаго Комитета съ 1860. Его „Опыты леченія сифилитической болѣзни повторными оспопрививаніями въ Моск. военномъ госпиталѣ“ напечатаны въ „Протоколахъ Русс. Врачей“ 1860—61, с. 333.

„Медиц. Вѣст.“ 1872, 21 (о смерти его) и 1873, 4 (о преміи его имени по завѣщ.); Л. Змѣевъ „Русс. врачи писатели до 1863“, II, 46.

Палѣй, см. **Палій.**

Памбурхъ, *Петръ*, капитанъ флота при Петрѣ I. Принятый на службу капитаномъ и посланный въ Воронежъ въ 1698, онъ, командуя въ 1699 кораблемъ „Крѣпость“, участвовалъ въ походѣ съ флотиліей отъ Паншина до Азова и потомъ къ Таганрогу. Въ августѣ того же года, принявъ на корабль полномочнаго посла Украинцева, отправился изъ Таганрога, въ сопровожденіи нашей эскадры, до Керчи, а оттуда, конвоируемый турецкими кораблями, перешелъ черезъ Черное море и прибылъ въ Константинополь, причемъ снялъ карту „берегамъ моря и въѣзду въ городъ“, которая и была издана въ свѣтъ по возвращеніи автора въ Азовъ, куда онъ вернулся въ 1700, командуя названнымъ выше кораблемъ. Затѣмъ, въ іюнѣ 1702, находясь въ Архангельскѣ, командовалъ новопостроеннымъ на Вавгурской верфи фрегатомъ „Святой Духъ“, и плавалъ на немъ, въ эскадрѣ Крюйса, къ Соловецкому монастырю и до Нюхчи, а въ сентябрѣ, будучи на Нюхчѣ, былъ заколотъ на поединкѣ инженеръ-генераломъ Ламбертомъ.

Голиковъ, „Дѣянія Петра В.“, изд. 2-е, I, 147, и XIV, 40, 49;—„Общій морск. списокъ“, т. I.

Памва, преп. **Печерскій,** исповѣдникъ и затворникъ, сконч. 1241; память его, въ Кіево-Печерской лаврѣ 28 августа, вмѣстѣ съ другими угодниками, мощи коихъ тоже почиваютъ въ Ѳеодосіевыхъ пещерахъ, и еще на 2-й недѣлѣ Великаго поста, вмѣстѣ съ отцами Антоніевыхъ пещеръ.

Кн. Эристовъ, „Словарь истор. о святыхъ“, изд. 1-е, с. 225; Филаретъ, „Русс. святые“, августъ, 100; Сергій, „Св. Востокъ“, II, 1, 226; Леонидъ, „Св. Русь“, № 135.

Памва Берында, инокъ и архитипографъ Кіевопечерской лавры. Онъ принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей западнорусской литературы и образованія XVI—XVII в. То было время особеннаго религіознаго возбужденія всего западнорусскаго края; во главѣ движенія стояли церковныя братства, частныя лица и Кіевопечерская лавра. Послѣдняя, до конца XV в. остававшаяся въ запустѣніи, къ этому времени дѣлается самою богатою обителью края и быстро становится центромъ мѣстной печати. Кіевопечерскіе архимандриты, предшественники Петра Могилы, собираютъ около себя цѣлое общество ученыхъ иноковъ, главнымъ занятіемъ которыхъ дѣлается собираніе славянскихъ книгъ, ихъ провѣрка съ греческими подлинниками и ихъ печатаніе. Въ ряду этихъ иноковъ мы видимъ и Памву Берынду, но никакихъ біографическихъ свѣдѣній о немъ не сохранилось. Извѣстно только, что родомъ онъ былъ изъ Молдованъ, и монашество принялъ въ Іерусалимѣ; скончался же въ 1632 г. Сначала онъ работалъ въ Львовѣ, и здѣсь наиболѣе раннимъ трудомъ его было изданіе книжки: „На Рождество Христово, верши для утѣхи православнымъ христіанамъ“ (Львовъ, 1616). Затѣмъ его встрѣчаемъ въ Кіевѣ, въ лаврѣ. При участіи Берынды, въ качествѣ типографа, иногда переводчика или редактора, въ Кіевопечерской типографіи были напечатаны слѣ-

дующія изданія: 1) „Аѳологіонъ“, праздничная минея (Кіевъ, 1619),—„по чину восточнаго благочестія исправленная и по всему истиннѣ отъ греческаго переведена“; 2) „Тріодіонъ“, тріодь постная (1627),—„свѣренная съ греческимъ типографскимъ зводомъ“; 3) „Бесѣды Іоанна Златоуста на 14 посланій ап. Павла“ (1623) —переводъ былъ исправленъ съ греческаго Лаврентіемъ Зизаніемъ, Захаріемъ Копыстенскимъ и Памвою Берындою; 4) „Бесѣды Іоанна Златоуста на Дѣянія“ (1624) —книга была провѣрена по греческому подлиннику святогорскимъ инокомъ Іосифомъ, „въ конечномъ же исправленіи преведенія славянскаго и въ наблюденіи за самымъ печатаніемъ трудися Памво Берында съ прочими дѣлателями“; 5) „Толкованіе на Апокалипсисъ“, Андрея Кесарійскаго (1625); 6) „Поученія аввы Дорофея“ (1628), въ послѣсловіи къ коимъ указывается, что „исправися сіе отъ древняго истиннаго и славнаго еллино-греческаго діалекта всечестнымъ іеромонахомъ киръ Іосифомъ, вину же сему подаде иже во священно иноцѣхъ всечестный господинъ отецъ киръ Памва Берында, протосиггелъ Іерусалимскій и архитипографъ св. лавры, иже и многолѣтнѣ о сей душеполезнѣй вещи попечеся и нынѣ много, помощію Божіею, потрудися въ исправленіи (въ типографскомъ дѣлѣ) съ славянскаго языка“; надъ изданіемъ трудился и братъ Памвы, Стефанъ Берында, „мній въ типографіи“. Трудамъ Памвы Берынды приписывается нѣкоторыми и изданіе книжки: „Отъ отечника скитскаго повѣсть удивительна о діаволѣ, како пріиде къ Великому Антонію въ образѣ человѣческомъ, хотя каятися“ (Кіевъ, 1626), а также—составленіе грамотъ къ западнорусскимъ братствамъ, написанныхъ отъ имени патр. Ѳеофана. Важнѣйшимъ же литературнымъ трудомъ Памвы Берынды былъ „Лексиконъ славяно-россійскій и именъ толкованіе“, напечатанный въ Кіевопечерской типографіи въ 1627 г. (второе изданіе въ Кутеинскомъ монастырѣ, 1653 г.).

Помимо изданій богослужебныхъ, патристическихъ и вообще духовно-нравственныхъ, возникавшая западно-русская литература представляла и другое содержаніе. Уже въ братскихъ школахъ мы видимъ первые зародыши мѣстныхъ учебниковъ. По уставу ихъ, учителя должны были выдавать по нѣкоторымъ предметамъ ученикамъ „записки“; послѣднія, вѣроятно, и положили основаніе первымъ западнорусскимъ учебникамъ. Наиболѣе ранними изъ нихъ были: 1) „Граматыка словенска языка“, напечатанная „за прозьбою жителей“ и на средства кн. Острожскаго (въ Вильнѣ, 1588); 2) „Αδελφοτης. Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка“, составленная „отъ различныхъ грамматикъ спудейми (студентами) иже въ Львовской школѣ“ (Вильна, 1591); 3) „Наука ку читаню и разумѣню письма словенскаго“ (Вильна, 1596); 4) „Грамматика словенска“, съ приложеніемъ „Лексиса сирѣчь рѣченій вкратцѣ собранныхъ и изъ словенскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованныхъ“, Лаврентія Зизанія (Вильна, 1596). Несравненно выше ихъ стоялъ трудъ Мелетія Смотрицкаго († 1632): 5) „Грамматики словенскія правильное синтагма“ (Вильна, 1619), съ различными передѣлками,—почти до самой „Грамматики“ Ломоносова (1755), бывшей учебникомъ и въ Юго-западной, и въ Московской Руси.

Къ этому учебному отдѣлу возникшей западнорусской литературы принадлежалъ и „Лексиконъ“ Берынды. Трудъ послѣдняго имѣлъ, впрочемъ, характеръ не столько учебный, сколько обще-образовательный, и важенъ былъ не для одной школы.

Произведенія, обращавшіяся въ средѣ древне-русскихъ читателей и бо́льшею частью, если не исключительно, переводныя,—уже по самому тексту своему, помимо порчи при переписке́, представляли нерѣдко много неудобопонятнаго, требовали исправленій въ языкѣ или поясненій. Уже митр. Кириллъ II († 1280) жаловался на „неразумныя“ (непонятныя) правила церковныя,—„помраченныя облакомъ мудрости еллинскаго языка“. Позднѣе жалобы подобнаго рода слышатся все чаще. „Книги писаны закрыто; отеческое ученіе закрыто, и того ради прочитати не полезно“,—заявляютъ крылошане (люди духовнаго званія) Зиновію Отенскому († 1568) „Божественнаго Златоуста Бесѣды,—говоритъ авторъ „Статира“,—зѣло не вразумительны, не точію слышащимъ, но и чтущимъ, не точію отъ мірянъ, но и отъ священникъ: иностраннымъ языкомъ тая Златоустаго пи-

санія нарицахуся..." Юрій Крижаничъ, какъ извѣстно, былъ недоволенъ языкомъ всей вообще переводной славянской литературы, замѣчая, что: греческіе переводчики безъ нужды внесли въ книги, не говоря о множествѣ латинскихъ словъ, нѣкоторыя греческія и нѣмецкія слова,— „нашу рѣчь на свое копыто набили, извратили до основанія весь составъ и строй нашего языка, такъ что онъ сталъ не то русскимъ, не то греческимъ языкомъ .." („Греки нашу бесѣду на своје копито набили,—вес составъ и обличје нашего језика по обзору на свој језикъ изо дна извратили и претворили, тако да ни он јест греческив ни он русскив..."). Неясность текста вообще зависѣла отъ незнанія переводчиками свойствъ и особенностей языка русскаго и постояннаго смѣшенія его не только съ церковно-славянскимъ, но и сербскимъ, болгарскимъ, даже греческимъ; эта сторона дѣла вѣрно подмѣчена однимъ изъ помощниковъ Максима Грека, Ниломъ Курлятевымъ, который, говоря о высокомъ образованіи Максима Грека, прибавляетъ: „А прежніе переводницы нашего языка извѣстно (хорошо) не знали, и они перевели ино гресчески, ово словенскы, и ино сербскы, и другая болгарскы, и аже не удовалишася переложити на русскій языкъ..." Всѣ указанныя обстоятельства рано вызываютъ у насъ потребность въ различнаго рода толкованіяхъ—„не удобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчей". Древнѣйшій изъ дошедшихъ до насъ такихъ словарей относится уже къ XIII вѣку („Рѣчь жидовскаго языка",— рукоп. 1282 г.); другой изъ наиболѣе раннихъ принадлежитъ къ нач. XV в. (рукоп. 1431 г.—„Толкованіе неудобь познаваемыхъ въ писаніи рѣчемъ..."). Въ XVI в. такихъ словарныхъ статей встрѣчается довольно много и различнаго содержанія. Въ XVII в. являются уже цѣлыя энциклопедіи: „Азбуковники", задача которыхъ— толкованіе не только „не удобь познаваемыхъ" рѣчей, но и вещей.

Трудъ Берынды, вмѣстѣ съ ближайшимъ предшественникомъ своимъ, „Лексисомъ" Л. Зизанія,—по своимъ цѣлямъ и содержанію, тѣсно примыкаетъ какъ къ наиболѣе раннимъ краткимъ словарнымъ статьямъ, такъ и къ энциклопедическимъ „Азбуковникамъ", причемъ достоинствомъ своимъ во многихъ отношеніяхъ значительно превосходитъ не только первыя, но и послѣдніе. Сравнительно съ болѣе ранними словарными статьями, встрѣчающимися въ рукописяхъ, трудъ Берынды прежде всего отличается значительной обширностью своего содержанія. Уже „Лексисъ" Зизанія въ этомъ отношеніи представлялъ большой шагъ впередъ и объемомъ своимъ значительно превосходилъ всѣ болѣе ранніе опыты толковыхъ словарей; „Лексиконъ" же Б.— гораздо обширнѣе „Лексиса". Послѣдній почти цѣликомъ вошелъ въ „Лексиконъ", составляя собою лишь незначительную часть въ его общемъ содержаніи. Самый характеръ содержанія въ „Лексиконѣ"— другой, чѣмъ въ болѣе раннихъ статьяхъ и въ „Лексисѣ" Зизанія; оно—разностороннѣе, энциклопедичнѣе. Въ этомъ отношеніи „Лексиконъ" Берынды представляетъ прямой переходъ къ энциклопедическому составу, „Азбуковниковъ" XVII в. Кромѣ толкованій чисто филологическихъ, въ трудѣ Берынды встрѣчается не мало объясненій богословскихъ и по философіи; встрѣчаются попытки объясненій грамматическихъ формъ и частей рѣчи; даются объясненія по піитикѣ и риторикѣ, по естествознанію, изъ области быта, народныхъ суевѣрій и т. п. Очень многихъ изъ этихъ объясненій, особенно научныхъ, нѣтъ и въ „Азбуковникахъ". Филологическія толкованія „Лексикона", какъ и въ „Лексисѣ" Зизанія, обыкновенно состоятъ изъ объясненія иностранныхъ и славянскихъ словъ—словами малорусскими или польскорусскими. Тѣмъ же путемъ нерѣдко поясняются и слова чисто-русскія, т.-е. великорусскія, простонародныя. Самыя объясненія—глубже, разностороннѣе, отличаются большей обстоятельностью и, такъ сказать, ученостью. Берында нерѣдко ссылается на языки: еврейскій, греческій, латинскій, сближая слова этихъ языковъ съ славянскими. Уже въ „Лексисѣ" Зизанія обнаруживаются попытки объясненій словъ, болѣе или менѣе отвлеченныхъ; въ „Лексиконѣ" Берынды такихъ толкованій еще больше. Въ болѣе раннихъ рукописныхъ словарныхъ статьяхъ нерѣдко дѣлались объясненія именъ собственныхъ; въ „Лексисѣ" Зизанія объясненій собственныхъ именъ совсѣмъ нѣтъ; у Берынды объясняются изъ нихъ очень многія: греческія, еврейскія и др.,

при чемъ объясненія эти бываютъ иногда очень подробныя, съ ссылками на библейскія и другія книги, гдѣ эти имена встрѣчаются. При объясненіяхъ энциклопедическаго характера особенно любопытными и важными являются въ „Лексиконѣ“ Берынды стремленія къ большей научности. Въ этомъ отношеніи содержаніе „Лексикона“ по своимъ достоинствамъ, конечно, съ точки зрѣнія тогдашней „науки“, выгодно отличается (какъ замѣчено выше) не только отъ болѣе раннихъ рукописныхъ словарей, а также и „Лексиса“ Зизанія, но и отъ позднѣйшихъ „Азбуковниковъ“. Со стороны научности содержанія послѣдніе вообще стоятъ ниже „Лексикона“ Берынды. О многихъ предметахъ, о которыхъ мы читаемъ у Берынды,—въ „Азбуковникахъ“ или нѣтъ совсѣмъ свѣдѣній, или сообщаются данныя не столь обстоятельныя, а иногда и вѣрныя,—противъ Берынды. Собственно филологическихъ толкованій въ „Азбуковникахъ“ съ одной стороны меньше, чѣмъ у Берынды: въ нихъ, напр., опускаются толкованія большинства словъ славянскихъ, или славянорусскихъ (благодаренье, благодарю, благоговѣйный, благочестіе и т. п.); совсѣмъ не встрѣчается объясненій словъ чисторусскихъ, простонародныхъ; нѣтъ объясненій именъ собственныхъ, и т. д.; но съ другой стороны, въ „Азбуковники“ внесено не мало новыхъ толкованій,—словъ латинскихъ, греческихъ, малорусскихъ и польско-русскихъ. Въ послѣднемъ случаѣ иногда приводятся тѣ же слова, какія читаются и у Зизанія или у Берынды, но только—въ обратномъ порядкѣ: слова, объясняемыя у Берынды, дѣлаются объясняющими въ „Азбуковникахъ“ (напр. у Берынды: Воинъ,—рицеръ, жолнеръ; кощунство — жартъ, и пр.; въ „Азбуковникахъ“: Жолнеръ—воинъ; жартъ—кощунство и т. д.). Языкъ объясненій у Зизанія и Берынды—малорусскій или польскорусскій; въ „Азбуковникахъ“—великорусскій.

Трудъ Берынды былъ вполнѣ самостоятельнымъ; авторъ работалъ надъ „Лексикономъ“ около 30 лѣтъ. Исторію труда, обстоятельства, сопровождавшія его изданіе, и самую цѣль труда, авторъ указываетъ въ предисловіи: „Пребывая иногда въ дому пресвѣтломъ,— разсказываетъ онъ здѣсь, — благочестиваго пана Ѳедора Балабана, мужа мудрости, книгъ божественныхъ и знающихъ сія зѣлна рачителя, видѣхъ, яко въ своей вивліоѳицѣ имяше въ множествѣ книгъ и Вивліа святая пятьми языками (еврейски, халдѣйски, еллински, латински и сирски), Новый Завѣтъ 3 толкованьми именъ вивлійныхъ, въ Антверпіи типомъ изданная, и съ бесѣдованьми, мене же и прочихъ славенская Вивліа исправленная издати вожделѣвъ,—святѣйшаго Мелетія патріарху Александрійскаго, письмены съ дары моляше, да послетъ ему Вивлію еллински 70 толк. типомъ или перомъ начертанную, такмо подписомъ руки своей, яко чиста есть отъ блудовъ и измѣнъ иновѣрцовъ свидѣтельствованную. Между же сими понуди и мене, аще и проста, но тующде ревность имуща, реченія и имена славенска избирати, аки не у сущу тогда Лексикону, развѣ любомудра киръ Лаврентіа Зизанія, тогда дидаскала, нынѣ же пресвитера, его же и здѣ привнесеніе и исправленіе явственно буди. Оттуда убо начало вземъ азъ, егда смерть благодѣтеля моего тѣмъ и много запятъ отъ различныхъ книгъ и трудовъ, паче же отъ толкованія преп. Максима Святогорца, Мануила Ритора и инѣхъ. Еще же по мнозѣхъ лѣтѣхъ призванъ къ исправленію Бесѣдъ-посланій апостольскихъ въ типографію, и вней двалѣтіе пощеденствуя прилежавъ. Произвольники, на краехъ тамо оставленые, здѣ съ числомъ до листа тамо оставлены нѣкіе вписовавъ, равнѣ творя и отъ Бесѣды дѣяній апостольскихъ — сей Лексиконъ собрахъ и совокупихъ. Видя же отъ могущихъ трудъ сей презираемъ, не инамо, но въ поощреніе искуснѣйшимъ, и въ пользу спудеемъ, благости Христовой и молитвамъ, любви же благодателей ми и презрѣльныхъ вручився, зане много разорителей и хульниковъ къ сему обрѣтая, помощниковъ же и зидателей, якоже нѣгдѣ речеся, вельми мало; къ сему отъ благородныхъ ми въспріатіа худости моея дому немало истрошивъ, се типомъ отъ многихъ кратко събравъ, издаю, яко множайшая оставихъ, утѣшаяся о нѣмъ, св. Хрисостома, нѣсть, рекша, нѣсть исчерпсти когда ума писаній, источникъ бо нѣкій есть не имѣяй конца“.

Въ числѣ источниковъ, которыми пользовался Берында, первое мѣсто принадлежа-

ло „Лексису“ Зизанія,—какъ указываетъ и самъ Берында. „Лексисъ“ дѣйствительно вошелъ, какъ уже замѣчено, въ „Лексиконъ“ почти сполна, но Берында очень рѣдко заимствовалъ буквально: обыкновенно, заимствуемое Берында—или значительно пополнялъ, давая болѣе подробныя и обстоятельныя толкованія, или вообще измѣнялъ редакцію; нѣкоторыя же слова пропускалъ. Кромѣ „Лексиса“, пособіями для Берынды служили также болѣе раннія древнерусскія словарныя статьи, — начиная съ древнѣйшихъ: 1282 и 1431 г.г. Главные же источники труда Берынды—самостоятельныя выборки изъ различныхъ книгъ, рукописныхъ и печатныхъ. Берында это указываетъ самъ. Такъ онъ цитируетъ: книги св. Писанія — Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Іисуса сына Сирахова, Іереміи; творенія отцовъ церкви — Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова (слово на смерть Василія В.), Ефрема Сирина, Іоанна Златоустаго, Іоанна Кассіана Римлянина („Колловкій“), Кирилла Александрійскаго, Іоанна Лѣствичника, Андрея Критскаго (слово на рождество Пресв. Богородицы), Каллиста „еп. Рымск.“, Дороѳея, Ѳеофилакта, Іоанна Дамаскина. Кромѣ того, цитируются: Іоаннъ экз. Болгарскій, Никонъ Черногорскій; изданія и рукописи — „Уставъ“, „Книжица акафистъ“, „Еванг. Учит. тип. Крилос.“, „Прологъ“, „Номоканонъ“, „Нѣкіи повѣсти“, „Скитскій патерикъ“, „Патерикъ Солов. чуд.“, „Маргаритъ“, „Четь-Минеи“ Макарія, „Подлинникъ“; дѣлаются ссылки на Ѳукидида, Аристотеля, Арменопула, и нѣкот. друг. Какъ видимъ, одно перечисленіе источниковъ, на которые ссылается „Лексиконъ“,—наглядно говоритъ объ обширной начитанности его автора.

О Памвѣ Берындѣ наход. отрывочныя замѣчанія у м. Евгенія въ „Слов. историч. о дух. писат.“, II, 520—521; архіеп. Филарета въ „Обзорѣ рус. дух. литер.“, I, 184—185; Строева въ „Библіолог. Слов., 223, и Сахарова въ „Сказан. русс. народа“, II, 6; тамъ же, стр. 7 — 118, изданъ и самый „Лексиконъ“, но въ научномъ отношеніи весьма неудовлетворительно. *Проф. А. Архангельскій.*

Памфиловъ, см. **Панфиловъ**.

Памфилъ, игуменъ Спасо-Еліазарова монастыря, конца XV и начала XVI в. Онъ извѣстенъ, какъ авторъ посланія Псковскому намѣстнику (1505 г.) о необходимости принять мѣры къ прекращенію среди Псковичей—языческихъ, такъ называемыхъ купальскихъ, игръ въ ночь на рождество Іоанна Крестителя (23 — 24 іюня); посланіе Памфила даетъ любопытное описаніе остатковъ язычества въ Псковской области въ началѣ XVI в., по наблюденіямъ современника - очевидца. Сохранившееся въ нѣсколькихъ спискахъ сочиненіе это напечатано въ „Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ“ (т. I, № 22) и въ „Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей Московскихъ“ (1842, № 4); отрывокъ же изъ него помѣщенъ у Карамзина въ „Исторіи Госуд. Росс.“ (т. VII, пр. 372).

Филаретъ, „Обзоръ русс. дух. лит.“, I, № 114; Макарій, „Исторія Русской церкви“, VII, 261; Строевъ, „Списки іерарховъ“, 387; Карамзинъ, „Исторія Госуд. Росс.“ (1819), VII, 193; м. Евгеній, „Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духов. чина“ (1827), II, 154.

Вс. С—ій.

Панагіодоръ - Никовулъ, *Александръ Ѳедоровичъ*, археологъ-переводчикъ. Род. 1764 г., ум. 14 сент. 1848 г., на 85 году. Сынъ совѣтника - полиглота при князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, онъ былъ, за заслуги отца, уважавшагося за его знанія самимъ вельможей, зачисленъ, по волѣ послѣдняго, въ 1785 г. въ Екатеринославскій легкоконный полкъ офицеромъ, съ безсрочнымъ отпускомъ „для обученія наукамъ“, а въ 1795 г. состоялъ уже маіоромъ. Обязанный въ 1797 г. явиться къ мѣсту служенія, П., по слабости здоровья, не могъ однако этого сдѣлать, и потому, Высочайшимъ приказомъ императора Павла, былъ отставленъ отъ службы, вмѣстѣ со многими, ему подобными. Тогда, зная языки арабскій и турецкій, онъ отправился въ Константинополь къ тамошнему Русскому Посольству, но оставался тамъ недолго и, скоро вернувшись въ Россію, поселился въ Крыму, въ Кучукъ-Ламбатѣ, у Таврическаго губернатора А. М. Бороздина. Тутъ, будучи окруженъ классическими мѣстностями, П. и получилъ склонность къ археологіи, которой посвятилъ затѣмъ всю свою остальную жизнь.

Изъ Крыма онъ переселился въ Одессу, гдѣ жилъ очень скромно, съ двумя родными сестрами, часто нуждаясь матеріально, и, тѣмъ не менѣе, не измѣняя своему правилу не выставлять себя на видъ, такъ что даже, когда учредилось Общество Исторіи и Древностей въ Одессѣ, и его

избрали тамъ консерваторомъ, онъ уклонился отъ этой видной должности и продолжалъ свою работу въ уединеніи. Два Новороссійскихъ археолога того времени, Бларамбергъ и Стемпковскій, были постоянными его посѣтителями. Никовулъ объяснялъ имъ греческихъ авторовъ по подлинникамъ, а не по французскимъ и нѣмецкимъ переводамъ, которыми они пользовались до тѣхъ поръ; толковалъ, доказывалъ имъ и спорилъ съ ними горячо — то было его особое качество. Горячность его послужила причиною тому, что онъ разошелся въ концѣ концовъ съ Стемпковскимъ; поводомъ этому были его возраженія на изданную въ 1826 г. послѣднимъ книжку: „Изслѣдованіе о мѣстоположеніи древнихъ греческихъ поселеній на берегахъ Понта Евксинскаго“. Но съ Бларамбергомъ дружба продолжалась до конца жизни Никовула. И другіе ученые обращались къ нему за свѣдѣніями, хотя и съ ними у него выходили иногда недоразумѣнія. Такъ, у него были даже двѣ дуэли—одна изъ-за спора о Гомерѣ, такъ какъ противникъ доказывалъ, что Гомеръ—мифъ; вторая—изъ-за монеты, которую считали фальшивою, а онъ признавалъ настоящею, въ чемъ и оказался впослѣдствіи правъ.

По приглашенію Одесскаго Общества исторіи и древностей, Никовулъ занялся переводомъ съ греческаго: „Перипловъ Чернаго моря“ — безыменнаго автора и Схимна Хіосскаго. Первый помѣщенъ въ отдѣленіи II тома „Записокъ“ Общества (стр. 232 — 244) и конченъ печатаніемъ въ день кончины самого переводчика. Вышедшее въ Одессѣ въ 1836 г. изданіе: „Арріана Периплъ Понта Евксинскаго“ тоже обязано покойному многими полезными указаніями. Осиротѣвшій подъ конецъ жизни Никовулъ пользовался благодѣяніями своего друга А. С. Стурдзы, которому онъ и ввѣрилъ свою обширную классическую библіотеку.

Онъ погребенъ, послѣ отпѣванія въ греческой Свято-Троицкой церкви, на городскомъ кладбищѣ въ Одессѣ.

Статья Г. Соколова въ „Одесс. Вѣстн.“ 1843, № 76, стр. 399, и въ „Зап. Одесс. Общ. ист. и древ.“ 1853, III, 518—521 (съ примѣч. Н. М.).

Панагіотти, *Алексіано*, лейтенантъ и бригадиръ, прославившійся истребленіемъ Египетской флотиліи въ царствованіе имп. Екатерины II, служилъ съ 1772 по 1788 г. Родомъ грекъ, онъ пріобрѣлъ, въ чинѣ лейтенанта, извѣстность въ нашемъ флотѣ примѣрною храбростію. Получивъ въ 1772 г. въ свое распоряженіе, вмѣстѣ съ приказаніемъ гр. А. Г. Орлова, командовавшаго русскимъ флотомъ въ Архипелагѣ, отправиться къ Сирійскимъ и Египетскимъ берегамъ, чтобы развѣдать о приготовленіяхъ и намѣреніяхъ непріятеля,—всего фрегатъ, полаку и фелуху, П. вышелъ изъ Парросской гавани 6 октября и, узнавъ, что нѣсколько вооруженныхъ турецкихъ и варварійскихъ судовъ стоятъ на якорѣ подъ пушками крѣпости Даміетской, другія же находятся у Александріи, въ ожиданіи прибытія изъ Дамаска своего главнаго начальника Селимъ-бея, немедленно пошелъ къ Даміеттѣ, куда и прибылъ 21 числа, причемъ тотчасъ поднялъ на обоихъ оставшихся у него послѣ бури судахъ русскій флагъ. Не смотря на пушечную пальбу съ кораблей и крѣпости, нашъ отважный лейтенантъ овладѣлъ однимъ небольшимъ турецкимъ судномъ и, ворвавшись въ портъ, бросилъ якорь между двухъ большихъ судовъ. Во время отчаяннаго боя, продолжавшагося 2 часа, турки потеряли множество людей убитыми и раненными и, замѣтивъ опасную течь въ своихъ судахъ, бросились въ море на шлюпкахъ, баркасахъ и вплавь, пробираясь къ берегу. Послѣ потопленія двухъ большихъ судовъ и захвата нѣсколькихъ мелкихъ въ добычу, одержавшій побѣду П. поспѣшилъ къ Діаметтѣ и тамъ держался на рейдѣ въ ожиданіи появленія Селима-бея.

Когда же на другой день (22 окт.), предъ полуднемъ, онъ увидѣлъ идущее подъ турецкимъ флагомъ большое судно, то, допустивъ его на очень близкое разстояніе, вдругъ выставилъ у себя русскій флагъ и открылъ огонь изъ пушекъ. Эта неожиданность такъ сильно подѣйствовала на турокъ, что они, не сопротивляясь, сдались военно-плѣнными (въ томъ числѣ самъ Селимъ-бей съ 3 главнѣйшими агами и другими офицерами) и были тотчасъ перевезены на фрегатъ и другія взятыя въ Александріи суда, вмѣстѣ съ богатой добычей.

Извѣстіе о сдачѣ Селима-бея произвело столь сильное смятеніе въ Александріи,

что тамошній правитель, опасаясь вторичнаго прихода русской эскадры, приказалъ разоружить всѣ суда и снять съ нихъ войска для защиты крѣпости и гавани. Воспользовавшись наведеннымъ на непріятеля ужасомъ, П., своими смѣлыми разъѣздами у Египетскихъ береговъ, совсѣмъ пресѣкъ непріятельскую торговлю и распространилъ тревогу по всему Египту и Сиріи, куда отправился въ половинѣ ноября. Между тѣмъ, съ возобновленіемъ конгресса въ Бухарестѣ, возобновлено было перемиріе на 4 мѣсяца и П. получилъ повелѣніе отъ гр. Орлова возвратиться къ флоту, причемъ, въ награду за храбрость, ему данъ былъ въ раздѣлъ, со всѣми участниками его экспедиціи, весь взятый ими у непріятеля грузъ, кромѣ трофеевъ (8 знаменъ, 4 булавъ, 8 пушекъ, и множества разнаго оружія), которые были отправлены въ Петербургъ.

Затѣмъ, будучи уже бригадиромъ и пользуясь благосклонностью принца Нассау-Зигена, П. былъ назначенъ въ 1788 г. „за совѣтника“ при контръ-адмиралѣ Поль-Джонсѣ, но ихъ раздѣлила вражда, которая и была причиною обвиненія перваго послѣднимъ въ его „Запискахъ“; однако, подвиги П. и Нассау-Зигена подъ Очаковымъ въ іюлѣ того года должны служить защитой ихъ противъ взведенныхъ на нихъ обвиненій.

„Энциклоп. Словари“: „Военный“ Зедделера, X, 168, и приб., IV, 667, и „Русскій“ Березина, III 414.

Панаевъ, Владиміръ Ивановичъ, статсъ-секретарь, писатель. Род. 6 ноября 1792 г., въ Тетюшахъ; ум. въ Харьковѣ 20 ноября 1859, погребенъ же въ Петербургѣ, въ Александро-невской лаврѣ. Сынъ пермскаго губернскаго прокурора Ив. Ив. Панаева и Надежды Васильевны, рожд. Страховой, онъ обучался въ казанской гимназіи, а съ 1807 въ университетѣ, гдѣ и кончилъ курсъ кандидатомъ словесныхъ наукъ. Съ 1816 началъ гражданскую службу, которую проходилъ въ министерствахъ юстиціи, путей сообщенія, народнаго просвѣщенія, а съ 1832 по смерть занималъ должность директора канцеляріи министерства Имп. Двора съ званіемъ статсъ-секретаря. Панаевъ придавалъ большое значеніе чиновной карьерѣ и въ сильной степени былъ проникнутъ бюрократическимъ духомъ. Въ литературѣ онъ извѣстенъ идиліями, первоначальные опыты которыхъ относятся къ 1810 г. Тихая семейная жизнь среди сельской природы способствовала развитію въ немъ идиллическаго направленія. Руководствуясь совѣтомъ Державина, своего внучатнаго дѣда, онъ взялъ за образецъ Геснера, которому и старался подражать. Идилліи Панаева, печатавшіяся первоначально въ „Сынѣ Отеч.“ и въ „Благонамѣренномъ“, были изданы въ 1820 г. отдѣльно, съ посвященіемъ сестрѣ, П. И. Рындовской, и съ приложеніемъ статьи о пастушеской поэзіи. Всѣхъ идиллій 25-ть, изъ нихъ только послѣдняя написана во вкусѣ г-жи Дезульеръ. К. Н. Батюшковъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гнѣдичу, спрашивалъ: „Кто такой Панаевъ? Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шаликова и тминъ, спрыснутый водой“. Кромѣ идиллій, Панаевъ писалъ еще похвальныя слова: имп. Александру I (1816), Державину (1817) и Кутузову-Смоленскому (1823), а также мелкія стихотворенія и небольшія прозаическія повѣсти, печатавшіяся какъ въ указанныхъ журналахъ, такъ и въ „Вѣстн. Европы“, въ „Библіотекѣ для дачъ, пароходовъ и жел. дорогъ“ и въ слѣдующихъ альманахахъ и сборникахъ: „Полярная Звѣзда“ (1823), „Календарь музъ“ (1826), „Памятникъ отечеств. музъ“ (1827), „Невскій альманахъ“ (1827), „Сто русс. литераторовъ“ (1841), „Новоселье“ (1846), „Раутъ“ (1852), „Сборникъ въ память Смирдина“ (1858).

Въ „Вѣстн. Европы“ 1867 г. напечатаны 4 главы изъ „Воспом. Панаева“ (до 1832), имѣющихъ характеръ автобіографіи. Отрывочные разсказы изъ позднѣйшаго времени напечатаны въ „Русск. Старинѣ“ 1892 г., № 11, 12, и 1893 г., № 2, 5. Возраженія разныхъ лицъ по поводу разсказа Панаева о смерти императора Николая, появились въ газетѣ „Новое Время“ 1893 г. (№№ 6067, 6091, 6092, 6112). Нѣкоторыя главы „Записокъ“, касающіяся придворныхъ происшествій въ царствованіе Николая I и Александра II, не могли быть напечатаны въ настоящее время. Воспоминанія Панаева, не отличающіяся безпристрастіемъ, заключаютъ въ себѣ слишкомъ рѣзкія и несправедливыя сужденія о непріязненныхъ автору лицахъ. По выходѣ въ свѣтъ, они вызвали вполнѣ основательные протесты со стороны М. А. и Д. А. Пещу-

ровыхъ („Вѣстн. Евр.“ 1867, т. IV), Н. В. Путяты („Русс. Арх.“ 1868, № 1) и Шамшина („Вѣстн. Евр.“ 1868, № 4).

Панаевъ любилъ изящныя искусства и собиралъ картины и другія художественныя произведенія. Онъ былъ почетнымъ членомъ Академіи Художествъ и членомъ Академіи Наукъ и разныхъ ученыхъ и литературныхъ обществъ. Былъ знакомъ со всѣми литературными дѣятеями своего времени, но чуждался писателей Пушкинскаго кружка и очень неблагосклонно относился къ Гоголю и Бѣлинскому.

Б. М. Ѳедоровъ, „В. И. Панаевъ“, Спб., 1860; „Записки“ П. А. Каратыгина, Спб., 1880; „Воспом.“ И. И. Панаева, Спб. 1888; „Воспом.“ Л. Я. Головачевой-Панаевой, Спб., 1890; М. И. Сухомлиновъ, „Исторія Росс. Акад.“, т. VII, VIII; „Сочин.“ К. Батюшкова, изд. 1886 г., т. III; „Сборникъ Моск. Иллюстрир. Газеты“, М. 1891; М. Н. Мазаевъ, „Дружеское литерат. общество С. Д. Пономаревой“, Спб., 1892; Юрій Арнольдъ, „Воспоминанія“, М. 1893, вып. III. *В. Саитовъ.*

Панаевъ, *Иванъ Ивановичъ*, извѣстный писатель и одинъ изъ редакторовъ „Современника“. Род. въ Петербургѣ 15 марта 1812; умеръ тамъ же, въ ночь съ 18 на 19 февраля 1862 г., отъ аневризма. Получивъ воспитаніе въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ (что нынѣ 1-я гимназія), онъ вышелъ оттуда въ 1830 съ правомъ на чинъ 12 кл. и поступилъ на службу сперва въ Министерство Финансовъ по Департаменту Государственнаго Казначейства, а потомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, гдѣ состоялъ до 1845 при редакціи Журнала Министерства. По происхожденію, родству и связямъ, онъ могъ разсчитывать на блестящую служебную карьеру; понятія среды, въ которой онъ выросъ и воспитался, тогдашній взглядъ на литературу, общее желаніе родныхъ, наконецъ и личный его характеръ, не чуждый въ молодости суетности и тщеславія, казалось, все соединилось, чтобы заставить П. избрать эту торную дорогу, гдѣ ожидалъ его неизбѣжный и легкій успѣхъ Однако, любовь къ литературѣ пересилила всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя: П. очень скоро оставилъ службу, никогда уже не возвращался къ ней и не жалѣлъ, что пренебрегъ служебной карьерой для литературы. Начало его литературнаго поприща легко прослѣдить по его собственнымъ сочиненіямъ, особенно по „Литературнымъ воспоминаніямъ“, и, въ теченіе своего 30-тилѣтняго поприща, онъ имѣлъ въ литературѣ нашей свою долю вліянія и блестящаго, заслуженнаго успѣха: повѣсти его читались съ жадностью.

Первые литературные труды его появились въ самомъ началѣ 1830-хъ годовъ: его мелкіе беллетристическіе очерки встрѣчаются въ литературныхъ сборникахъ и альманахахъ того времени. Съ основанія же или возобновленія въ новомъ видѣ „Отечественныхъ Записокъ“ въ 1839 г., П. становится однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, талантливѣйшихъ сотрудниковъ этого журнала, въ особенности по части изящной словесности. Тамъ появляются съ 1841 по 1845 его повѣсти и разсказы; „Дочь чиновнаго человѣка“ (въ т. 3), „Раздѣлъ имѣнія“ (въ т. 8), „Бѣлая горячка“ (въ т. 10), „Прекрасный человѣкъ“ и „Очерки Петербургской жизни“ (въ т. 13), „Русскій фельетонистъ“ (въ т. 15), „Онагръ“ (въ т. 16), „Актеонъ“ (въ т. 19), „Тля, не повѣсть“ (въ т. 26), „Барышня“ (въ т. 32), „Маменькинъ сынокъ“, романъ въ 2 ч. (въ т. 38). Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній вышли потомъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а въ 1846 имъ выпущено было въ свѣтъ: „Необходимое объясненіе по поводу объясненія по нелитературному дѣлу, разосланнаго редакціей „Отечественныхъ Записокъ“. Но, кромѣ того, онъ печаталъ свои произведенія и въ другихъ изданіяхъ, какъ, напр., въ „Русс. Бесѣдѣ“ (1841—42) — разсказъ „Барыня“, въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ (1845) — „Парижскія увеселенія“ и проч.

Когда, въ 1846 г., нѣкоторые сотрудники, задумавъ основать свой журналъ, покинули „Отечественныя Записки“, то въ публикѣ и въ литературныхъ кружкахъ того времени говорили, что, послѣ Бѣлинскаго, важнѣйшею потерею для „Отечественныхъ Записокъ“ будетъ потеря—Панаева. Всѣмъ извѣстно, какія тѣсныя отношенія связывали П. съ Бѣлинскимъ и какъ послѣдній любилъ въ П.—надежнаго товарища, даровитаго писателя и честнаго человѣка; въ свою очередь П., горячо любившій и уважавшій Бѣлинскаго, самъ любилъ припоминать о своихъ отношеніяхъ къ нему,—онъ просто гордился ими. Вообще же говоря, П. любили всѣ,

кто только зналъ его: столько было въ немъ доброты, мягкости и привлекательности; но, разумѣется, были у него и враги, или, скорѣе, недовольные имъ, появлявшіеся особенно за послѣднія 14-ть лѣтъ его публицистической дѣятельности.

Въ 1848 г. П., вмѣстѣ съ Некрасовымъ, выпустилъ въ свѣтъ „Иллюстрированный альманахъ", а въ 1847 принялъ на себя отъ Плетнева изданіе журнала „Современникъ", гдѣ съ 1849 г., послѣ отказа Никитенко, сдѣлался отвѣтственнымъ редакторомъ. Лично принимая постоянное и дѣятельное участіе въ этомъ изданіи, онъ въ каждомъ почти нумерѣ помѣщалъ свои статьи, часто, правда, безъ подписи или подъ псевдонимомъ „Новаго поэта". Изъ наиболѣе значительныхъ трудовъ его, подписанныхъ полнымъ именемъ, появились въ „Современникѣ" 1847—51 гг.: повѣсть „Родственники" (въ т. I), романъ въ 3 ч.—„Львы въ провинціи" (въ т.т. 31—35), „Рашель въ Петербургѣ" (въ т.т. 42—43), „Опытъ о хлыщахъ—великосвѣтскій хлыщъ и провинціальный хлыщъ" (въ т.т. 48 и 56), „Воспоминанія о Бѣлинскомъ" (въ т. 79), „Мартыновъ" (въ т. 83), „Литературныя воспоминанія" (въ т.т. 85, 89 и 90), и проч. „Собраніе стихотвореній" его было издано въ 1855, а „Сочиненія" — гр. Кушелевымъ - Безбородко въ 1860 г., въ 4-хъ томахъ. Отрывки изъ „Записокъ" его появились въ „Нов. Врем." 1876 (№ 176), и „Воспоминанія" его были изданы отдѣльно въ 1880 г.

По его некрологу въ журналѣ „Время" 1862 (№ 2, смѣсь, с. 95), авторъ „Тли", „Онагра" и другихъ, болѣе и менѣе талантливыхъ произведеній, имѣвшихъ въ свое время большой успѣхъ и даже соціальное значеніе, не переставалъ писать до самой своей кончины; его „Литературныя воспоминанія" и его „Замѣтки Новаго поэта" были хорошо извѣстны публикѣ. Какъ человѣкъ, это былъ, по замѣчанію того же некрологиста,—честная и благородная личность. Доброта его сердца извѣстна всѣмъ, кто зналъ его близко. Какъ писатель, онъ былъ прямъ и откровененъ, иногда даже циниченъ, но не скептикъ—онъ вѣрилъ въ лучшее. Надъ собою онъ работалъ постоянно, въ немъ была благородная сила — самоосужденія. Но, въ то же время, какъ писатель, онъ не всегда замѣчалъ въ явленіяхъ жизни всю глубокую сущность ихъ; однако, никогда не отставалъ отъ развитія общества и всегда понималъ его требованія. Тѣло П. было погребено на кладбищѣ Фарфороваго завода, гдѣ схоронены его отецъ и дѣти.

„Современ." 1862, № 2, с. 1—6; „Время" 1862, № 2, смѣсь, с. 95, и 1861, № 1, с. 46—64 („Письмо посторонняго критика въ редакцію нашего журнала по поводу книгъ г. Панаева и Новаго поэта"); „Мѣсяцесл." на 1863, с. 59—60; „Русс. Архивъ" 1864, с. 10; „Русс. Худож. Лист." 1857, № 34; „Энциклопед. Словари": Старчевскаго IX, 1, 149, и Березина III, 415; „Библіот. для Чтен." 1861, т. 170, с. 176—178 (ст.: „Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литературы — Добролюбовъ или Панаевъ?").

Панаевъ, *Иванъ Ивановичъ*, пермскій прокуроръ, писатель, отецъ предыдущихъ. Род. въ Туринскѣ въ 1753, ум. въ Ирбитѣ 26 окт. 1796, отъ сильной горячки. Родитель его, надв. сов. Иванъ Андреевичъ П., былъ много лѣтъ Туринскимъ воеводою и пользовался въ своемъ краѣ общимъ уваженіемъ. Сыну онъ далъ очень скромное домашнее воспитаніе и 11-ти лѣтъ записалъ его въ гвардію; но до 15-тилѣтняго возраста Ив. Ив. оставался дома, и только когда обратилъ на себя вниманіе генералъ-губернатора Чичерина во время посѣщенія послѣднимъ его родителей при объѣздѣ Тобольской губ., былъ перечисленъ прапорщикомъ въ одинъ изъ стоявшихъ въ Сибири полковъ. Помѣщенный Чичеринымъ въ его домѣ и попавъ подъ надзоръ лучшихъ учителей, П. съ особеннымъ прилежаніемъ занялся богословіемъ, исторіей и словесностью, а по производствѣ въ подпоручики въ 1774, былъ отправленъ своимъ благодѣтелемъ въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году сдѣлался адъютантомъ ген.-маіора, гр. М. П. Румянцова, сына фельдмаршала, а черезъ четыре года—флигель-адъютантомъ ген.-аншефа, гр. Брюсса. Обласканный граф. Маріей Андреевной Румянцевой, матерью Задунайскаго, П. сталъ у нея домашнимъ человѣкомъ и вскорѣ сблизился съ образованнѣйшими людьми того времени, какъ высшаго, такъ и литературнаго круга. На ихъ собраніяхъ читались собственныя и чужія произведенія, въ томъ числѣ и Панаевскія, отличавшіяся особенной легкостью языка и удостоивавшіяся даже вниманія в. к. Павла Петровича; но, по скромности автора, они никогда не печатались, а оста-

вались въ рукописяхъ у его друзей. Кромѣ занятія литературой, П. подвизался и на домашнихъ театрахъ, научившись декламаціи у извѣстнаго актера Дмитревскаго и съ успѣхомъ исполняя иногда его роли.

Когда, при открытіи губерній, по новому учрежденію имп. Екатерины II-й, многіе молодые люди, оставивъ военную службу, заняли разныя губернскія мѣста сообразно своимъ чинамъ, ихъ примѣру послѣдовалъ и П., вышедшій въ отставку секундъ-маіоромъ въ 1781 и опредѣленный въ 1782 губернскимъ стряпчимъ въ Казань. Тамъ онъ женился на дочери мѣстной помѣщицы, Над. Вас. Страховой, приходившейся двоюродною племянницею поэту Державину. Переведенный черезъ три года губернскимъ прокуроромъ въ Пермь, онъ въ 1792, будучи въ чинѣ колл. сов., получилъ изъ рукъ имп. Екатерины II орденъ св. Владиміра 4 ст., для чего нарочно вызывался въ Петербургъ кн. Вяземскимъ. Снискавъ себѣ общее уваженіе какъ въ Казани, такъ и въ Перми, П. не оставлялъ и своихъ столичныхъ друзей, петербургскихъ и московскихъ, ведя съ иными постоянную переписку. Ему же литература обязана открытіемъ таланта въ 14-ти-лѣтнемъ Ал. Ѳед. Мерзляковѣ, которому онъ далъ образованіе, и посылкою Карамзина заграницу, при участіи друзей. Отправившись осенью 1796 со всѣмъ семействомъ къ больному отцу въ Туринскъ, онъ умеръ на обратномъ пути, всего за 10 дней до воцаренія имп. Павла. Поэтому, когда новый государь, вспомнивъ о П. по вступленіи на престолъ, велѣлъ ген.-прокурору, кн. Куракину, розыскать его,—его не было уже въ живыхъ.

„Біограф. Слов." Бантыша-Каменскаго; „Справ. Энциклоп. Словарь", Старчевскаго, IX, 1, 148.

Панаіотти 1-й, *Константинъ Юрьевичъ*, вице-адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Совѣта. Род. 1766 г., ум. 6 іюня 1840 г. Поступивъ въ 1778 г. въ греческую гимназію кадетомъ, онъ, по окончаніи наукъ въ ней, былъ переведенъ по Высочайшему повелѣнію 1783 г. въ Морской кадетскій корпусъ; въ слѣдующемъ году произведенъ въ гардемарины, въ 1786 г. въ мичмана. Въ 1787 г., при началѣ войны съ турками, командированъ съ партіею матросовъ и мастеровыхъ въ Херсонъ; въ 1788 г., на фрегатѣ Кинбурнъ подъ командою капитана 2-го ранга Ознобишина, былъ въ крейсерствѣ до турецкихъ береговъ, къ острову Ѳеодосіи, и находился въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ; въ томъ же году произведенъ въ лейтенанты; въ 1789 г., на кораблѣ „Рождество Христово" подъ командою генералъ-адъютанта Синявина, ходилъ отъ Херсона къ Кинбурнской крѣпости и въ Севастополь, а оттуда къ острову Ѳеодосіи и обратно въ Севастополь. Въ 1790 г., на томъ же кораблѣ подъ командою капитана 2-го ранга Ельчанинова, ходилъ отъ Севастополя къ Еникольскому проливу и былъ въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ; іюля 8-го контуженъ въ лѣвую ногу; потомъ, 28-го и 29-го августа, участвовалъ въ сраженіи близъ Гаджибея, гдѣ нашъ флотъ, разбивъ непріятельскую линію, отрѣзалъ два корабля, изъ коихъ одинъ, подъ флагомъ паши, былъ сожженъ, а другой взятъ въ плѣнъ. Въ 1791 году Константинъ Юрьевичъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и, находясь на томъ же кораблѣ „Рождество Христово", былъ въ сраженіи съ непріятельскимъ флотомъ у мыса Калакріи, за что̀ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ 1792 г. посланъ къ главнокомандующему арміею, генералу Каховскому, для исполненія порученій, относящихся до флота; по заключеніи же мира съ Оттоманскою Портою и выступленіи русскихъ войскъ изъ Молдавіи, а флотиліи съ Дуная, гдѣ находились 25 вновь построенныхъ мореходныхъ лодокъ, посланъ для приведенія послѣднихъ въ исправнѣйшее состояніе; нашелъ эти лодки спущенными лишь только съ стапеля, въ 20 дней вооружилъ ихъ и выпроводилъ изъ Дуная къ Днѣпровскому лиману, за что̀ получилъ отъ главнокомандующаго похвальный аттестатъ. Въ 1793 г., по Высочайшему повелѣнію, состоялъ при чрезвычайномъ послѣ М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ въ Константинополѣ, по секретной коммиссіи, для производства, на сколько можно, описи Константинопольскаго пролива и для разныхъ замѣчаній, до флота относящихся. Въ 1796 и 97 гг. находился въ Севастополѣ и Евпаторіи начальникомъ брантвахты; въ 1798 году, будучи командиромъ бригантины, потомъ фрегата „Златоустъ", крейсеровалъ изъ Севастополя до Козлова, острова Тендры, а

оттуда въ Николаевъ, Херсонъ и обратно въ Севастополь, и получилъ за это орденъ св. Анны 2-й степени.

Въ 1799 г., начальствуя надъ габарою „Валеріанъ", въ эскадрѣ подъ главнымъ начальствомъ адмирала Ушакова, былъ въ Константинополѣ, Корфу, Мессинѣ, Неаполѣ, а въ 1801 г., состоя командиромъ на фрегатѣ „Крѣпкомъ", ходилъ изъ Херсона до Глубокой пристани, къ Очакову и въ Севастополь; въ слѣдующемъ же году произведенъ въ капитаны 2-го ранга. Затѣмъ съ 1804 г. до 1806 г., на томъ же фрегатѣ, ходилъ въ Корфу, Бокади, Катаро, Тріестъ, Неаполь и Сиракузу; а въ 1807 г. былъ при взятіи г. Анапы, потомъ при блокадѣ Трапезунда. Наконецъ, за 18-ть шестимѣсячныхъ кампаній на морѣ, получилъ орденъ св. Георгія 4-го кл. и произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1808 и 1809 гг., командуя кораблемъ „Анапа", крейсеровалъ въ Черномъ морѣ до Варны, а въ 1810 г. пожалованъ въ капитанъ-командоры и начальствовалъ надъ кораблемъ „Полтава" въ дѣйствіяхъ противъ Варны. Въ 1811 г., по Высочайшему повелѣнію, назначенъ командиромъ на вновь строемый въ Херсонѣ 110-ти-пушечный корабль „12-ть Апостоловъ", и въ 1812—13 гг., на этомъ кораблѣ, ходилъ въ Черное море для практики. Съ 1814 г. до 1822 г. былъ въ Севастополѣ, состоя командиромъ 30-го флотскаго экипажа, а съ 1817 г. до 1819 г. командиромъ 3-й флотской бригады. Въ 1823 г., на кораблѣ „Императоръ Францъ", находился въ кампаніи на Черномъ морѣ для практики; въ 1824 г. произведенъ въ контръ-адмиралы и до 1826 г. былъ въ Севастополѣ командиромъ 2-й флотской дивизіи, а въ томъ году, за отлично-усердную службу, получилъ орденъ св. Владиміра 3-ей степ. Въ кампанію 1827 г. поднялъ свой флагъ на кораблѣ „Іоаннъ Златоустъ", будучи въ эскадрѣ подъ командою вице-адмирала Мессера на Черномъ морѣ для практики.

Въ 1829 г., опредѣленный начальникомъ Дунайской флотиліи, находился съ нею при блокадѣ и взятіи крѣпости Силистріи и, за отличіе въ этомъ дѣлѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ вице-адмираломъ. Въ 1830 и 1831 гг. былъ флотскимъ въ Севастополѣ начальникомъ, командующимъ Черноморскимъ флотомъ и временнымъ военнымъ губернаторомъ; въ 1831 г. получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., а въ 1832 г. тотъ же орденъ съ Императорскою короною; въ 1833 г., за неутомимую дѣятельность и быстроту вооруженія въ зимнее время эскадры Черноморскаго флота, ему объявлено Высочайшее благоволеніе и, въ награду за долговременную и усердную службу, пожаловано, вмѣсто аренды въ теченіе 12-ти лѣтъ, по двѣ тысячи рублей серебромъ ежегодно. Того же года, октября 11-го, по Высочайшему указу, опредѣленъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта, а въ 1834 г., 16-го февраля, повелѣно ему имѣть пребываніе въ Черноморскихъ портахъ; въ 1836 г., на основаніи новаго образованія Морского Министерства, назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта съ оставленіемъ въ Черноморскихъ портахъ. Въ 1837 г. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степ. и скончался 74-хъ лѣтъ отъ роду, сдѣлавъ всѣхъ кампаній на морѣ—30-ть и имѣя знакъ отличія безпорочной службы за 45 лѣтъ.

„Зап. Учен. Комит. Морск. Мин." 1842, с. 405.

Панафидинъ, *Михаилъ Тимофеевичъ*, академикъ архитектуры. Ум. въ 1876. Будучи вольноприход. ученикомъ И. А. Х., онъ занимался подъ руководствомъ профессора (впослѣдствіи ректора) К. А. Тона и за свои проекты получилъ медали: 2-ю серебряную—2 сентября 1848 за программу по строительному искусству „устройство сводовъ древняго строенія Термовъ Агриппы, согласно реставраціи Палладія" (выставленную въ 1849), 2-ю золотую—25 сент. 1852 за „проектъ инвалиднаго дома на 1000 человѣкъ (послѣ участія въ конкурсѣ 1851 г. „проектомъ казармъ кирасирскаго полка въ 6 эскадроновъ") и 1-ю, вмѣстѣ съ званіемъ художника 14 кл.,—6 октября 1854 за „проектъ публичной библіотеки для столицы" (послѣ участія въ конкурсѣ 1853 г. „проектомъ большого торговаго дома"). Отправленный съ Высочайшаго разрѣшенія (12 мая 1855), по ходатайству Академіи, казеннымъ пансіонеромъ въ Италію на 6 лѣтъ, онъ въ теченіе 1858—61 часто доносилъ о своихъ занятіяхъ заграницей, между прочимъ изъ Рима, Помпеи, Аѳинъ, Флоренціи и проч. (см. проток. засѣд. Акад. Сов.: 24 окт. 1858, 7 дек. 1859, 24 мая и 23

сент. 1860, 14 мар. и 30 сент. 1861). а по возвращеніи въ Петербургъ былъ признанъ 29 января 1863 академикомъ за представленныя работы, съ утвержденіемъ въ Общемъ Собраніи (27 авг. 1863). Помощникъ Р. И. Кузьмина и Э. Жибера, онъ служилъ архитекторомъ Придворной Конторы.

„Сборникъ матер. для исторіи И. А. Х.“, П. Н. Петрова, т. III, и „Указат. къ нему“, А. Е. Юндолова.—„Указат. выст. въ И. А. Х.“: 1849, № 9; 1852, № 235, и 1851, № 22; 1854, № 12, и 1853, № 24, —„Отч. И. А. Х.“: 1859—60, с. 85; 1860—61, с. 84; 1861—62, с. 75.—Въ Арх. И. А. Х., д. 12/П. *Н. С.*

Пандеръ, *Христіанъ-Генрихъ*, академикъ по зоологіи. Род. въ Ригѣ 12 іюля 1794, ум. въ С.-Петербургѣ 10 сентября 1865 года. Сынъ купца, онъ, по окончаніи курса въ Рижской гимназіи, поступилъ въ 1812 г. на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета, но оставилъ его уже въ началѣ 1814 г., чтобы слушать лекціи въ Берлинѣ и Геттингенѣ. Тамъ онъ пристрастился къ естественнымъ наукамъ и посвятилъ себя имъ всецѣло. Въ 1816 г. онъ переселился въ Вюрцбургъ, гдѣ, по настоянію извѣстнаго профессора Деллингера, началъ свои изслѣдованія о развитіи цыпленка въ яйцѣ. Результаты этихъ занятій онъ изложилъ въ своей печатной докторской диссертаціи „Diss. inaug. sistens historiam metamorphoseos, quam ovum incubatum prioribus quinque diebus subit. Wirceburgi, 1817“, и въ слѣдующемъ году въ своихъ „Beiträge zur Entwickelungsgeschichte des Hühnchens im Eye“. Потомъ онъ предпринялъ, вмѣстѣ съ профессоромъ д'Алтономъ, большое путешествіе черезъ Францію, Испанію, Голландію и Англію, чтобы осмотрѣть значительные анатомическіе музеи Европы и изслѣдовать морскихъ животныхъ побережья. Плодомъ этого путешествія были—изданныя, вмѣстѣ съ д'Алтономъ, сочиненія: „das Riesenfaulthier“, Bonn, 1821, съ 9-ю гравюрами, и „Die Skelette“ различныхъ млекопитающихъ животныхъ, со многими гравюрами. По возвращеніи въ Россію, Пандеръ сопровождалъ, какъ естество-испытатель, отправленное къ Бухару въ 1821 г. посольство ст. сов. Негри и барона Мейендорфа. Въ изданномъ впослѣдствіи барономъ Мейендорфомъ „Voyage d'Orenbourg à Boukhara“ онъ помѣстилъ на стр. 347—479: „Histoire naturelle de la Boukhara“. Въ 1821 г. онъ былъ избранъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ; въ 1823 г., по отклоненіи профессуры въ Казанскомъ университетѣ, экстраординарнымъ, а 15-го февраля 1826 г.—ординарнымъ академикомъ по зоологіи. Онъ привелъ зоологическій кабинетъ Академіи въ новый порядокъ и изслѣдовалъ зоологическія формаціи С.-Петербургской губерніи и окаменѣлые животные остатки. Такимъ образомъ, своею книгою „Beiträge zur Geognosie des russischen Reiches“ онъ является однимъ изъ основателей знанія силурійскихъ формацій. Въ 1826 г. Пандеръ оставилъ Академію и переселился въ свое имѣніе Царникау въ Лифляндской губ., не переставая, однако, заниматься изслѣдованіями о допотопныхъ животныхъ той мѣстности. Въ 1842 г. онъ опять поступилъ на службу въ горное вѣдомство и неоднократно предпринималъ путешествія въ Лифляндскую и Эстляндскую губ., въ центральную Россію и на Уралъ, съ цѣлью узнать палеонтологическій характеръ этихъ мѣстностей, главнымъ образомъ относительно границъ каменнаго угля. Эти изслѣдованія были изданы имъ въ сочиненіяхъ: „Monographie der fossilen Fische des silurischen Systems der russisch-baltischen Gouwernements“, St.-Petersburg, 1856, съ атласомъ in f°, и „Die Steinkohlen an beiden Abhängen des Urals“, St.-Petersburg, 1862.

Recke und Napiersky „Schriftsteller-Lexikon“, III, 360—362, и „Nachträge“, II, 90;—„Rigasche Biographien“, III, 98—100; — Рапортъ „Столѣтіе Горн. Институт.“, 47;—„Мѣсяцесл.“ на 1867, прилож., стр. 93. *К. Феттерлейнъ.*

Панезеровъ, *Дмитрій*, рисовальщикъ и граверъ крѣпкой водкой, † 1879 (?). Награвировавъ въ 1871—„Бѣгство Димитрія Самозванца изъ корчмы“, съ картины Мясоѣдова, и въ 1872—„Крестьянку съ ребенкомъ на колѣняхъ“, съ картины Пелевана, и работая въ 1876—1878 въ мастерской Кастелли въ Петербургѣ, онъ исполнилъ большую часть портретовъ замѣтокъ на поляхъ досокъ съ изображеніями „медалей въ честь русскихъ дѣятелей“, вошедшихъ въ изданіе Ю. Иверсена подъ этимъ заглавіемъ (1880—83).

Въ Архивѣ И. А. Х., дѣло 13/П, и Д. Ровинскій „Подроб. словарь русск. гравиров. портр.“, подъ слов. Дмитрій Самозв. и въ алфав. *Н. С.*

Панеке, изобрѣтатель молотильныхъ мельницъ на подобіе вѣтряныхъ. По происхожденію финляндскій крестьянинъ изъ деревни барона фонъ-Фридрикса, Шлиссельбургскаго у., онъ заслужилъ въ 1790 серебряную медаль отъ Имп. Вольно-Экономическаго Общества за свою молотильную и хлѣбовѣятельную машины.

А. Ходневъ, „Исторія Имп. Вольно-Эконом. Общ.“, Спб. 1864, с. 234, 238, 240.

Панины, служилые люди, дворяне и графы. Предки ихъ—выходцы изъ Лукской республики (Панини, Pagnini), прибывшіе въ Россію въ XIV ст. Въ отечественной исторіи родъ Паниныхъ извѣстенъ съ XVI в., а именно: одинъ изъ участниковъ казанскаго похода *Василій Панинъ* убитъ въ 1530 г.; при Іоаннѣ же Грозномъ трое Паниныхъ числятся рындами (камеръ-пажами). Начиная съ царствованія Михаила Ѳеодоровича, Панины достигаютъ высокихъ дѣятельностей. Самъ царь въ 1626 г. жалуетъ *Никиту Ѳед. Панина* крупной прибавкой къ жалованью—онъ былъ воеводой въ Суздалѣ (1635). Его сыновья: *Иванъ*—воевода въ Козьмодемьянскѣ (1636), а *Василій*—думный дворянинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ; внуки же: *Иванъ*, сынъ перваго,—воевода въ Саранскѣ († 1702), другой *Алексѣй*,—президентъ Ревиз. Коммиссіи (1726), а дѣти второго: одинъ—стольникъ при царскомъ дворѣ, двое другихъ, *Андрей* и *Иванъ*,—достигаютъ чина генералъ-маіора при Петрѣ Великомъ. Изъ нихъ: Иванъ Ивановичъ имѣлъ двухъ сыновей—губернаторовъ: *Александра*—въ Нижнемъ Новгородѣ (1754) и *Алексѣя*—въ Смоленскѣ († 1762), а Иванъ Васильевичъ, женатый на Аграфенѣ Васильевнѣ Еверлаковой (1688—1753), племянницѣ кн. А. Д. Меньшикова, былъ, въ царствованіе Анны Іоанновны, сенаторомъ и умеръ въ чинѣ генералъ-поручика въ 1736 г.

У его младшаго сына Петра Ивановича (род. 1721, ум. 1789), отъ первой жены Анны Алексѣевны Татищевой († 1764),—было 17-ть чел. дѣтей, но всѣ они умерли при его жизни, а отъ второй жены, Маріи Родіоновны Пейдель,—пятеро, изъ коихъ его пережили: Никита Петровичъ (род. 1770), женатый на Софьѣ Владиміровнѣ Орловой, и Софія Петровна.

Архивъ княг. М. А. Мещерской (рожд. граф. Паниной); „Русск. Арх.“ 1876, № 3, с. 376, и 1871, № 3, с. 370; П. Петровъ „Исторія родовъ росс. дворян.“, I, 302—3; Веркъ „Собраніе писемъ Петра I“, 249; Брикнеръ „Матер. для біографіи Н. П. Панина“, I, 1; Военно-энциклоп. Словарь“ Зедделера, X, 170; „Спис. воен. генер.“, 18, 57, 39, 77, 97, и 19, 40.

Панина (рожд. **Орлова**), графиня *Софья Владиміровна*, извѣстная благотворительница. Род. 1775; ум. 7 января 1844 въ Москвѣ. Дочь бывшаго президента Имп. Академіи Наукъ, она, по выходѣ замужъ за графа Никиту Петровича Панина, вся посвятила себя общественной благотворительности, особенно въ первопрестольной столицѣ. Графиня принадлежала къ числу тѣхъ лицъ, которыя добровольно возлагаютъ на себя нелегкую обязанность побуждать общественную мысль на подвиги милосердія и, несмотря даже на свои преклонныя лѣта, всегда дѣйствовала въ этомъ случаѣ неутомимо. Въ неусыпной заботливости о благосостояніи принадлежавшихъ ей крестьянъ и занимаясь дѣломъ благотворительности, она снискала себѣ любовь, уваженіе и признательность весьма многихъ. Послѣ кончины ея, многіе бѣдные Москвы приходили въ домъ ея поклониться ея праху или молились въ церквахъ объ упокоеніи ея души, а въ день отпѣванія и погребенія, происходившаго 11-го числа въ Донскомъ монастырѣ при большомъ стеченіи лицъ всѣхъ сословій, выраженіе общей, глубокой скорби и признательности облагодѣтельствованныхъ ею—было умилительнымъ зрѣлищемъ для присутствовавшихъ. Но, кромѣ благотворительности, явной и тайной, графиня отличалась еще весьма изящнымъ вкусомъ въ своей любви къ искусствамъ и природѣ. Съ живымъ участіемъ она слѣдила за появленіемъ лучшихъ произведеній литературы, русской и иностранной, и съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдовала о нихъ; всѣ замѣчательнѣйшія явленія въ музыкальномъ мірѣ также привлекали ея вниманіе; не мало покровительствовала она и воздѣлыванію садовъ въ Москвѣ, и ея живописное Марино осталось прекраснымъ памятникомъ изящности ея вкуса.

„Моск. Вѣд.“ 1844, № 8, с. 48; „Москвитян.“ 1844, ч. I, № 2, с. 642—3 (ст. О.), и ч. II, № 3, с. 235—236 („Нѣчто изъ воспомин. о граф. С. В. Паниной“, Н. Иванчина-Писарева).

Панинъ, графъ *Александръ Никитичъ*, д. ст. сов., начальникъ I-го отдѣле-

нія Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства, старшій сынъ графа Никиты Петровича и графини Софьи Владиміровны Паниныхъ, родился въ Москвѣ 22-го марта 1791 г., † тамъ же 15-го февраля 1850 г. Воспитывался сначала дома, затѣмъ подъ наблюденіемъ аббата Макартъ, наконецъ,—въ одномъ изъ петербургскихъ пансіоновъ. 15-го мая 1809 г. П. началъ службу актуаріусомъ въ Московскомъ архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, откуда 17-го августа 1812 г. уволился и черезъ 4 дня поступилъ, по желанію отца, въ московское ополченіе прапорщикомъ. Принявъ непосредственное участіе во многихъ сраженіяхъ 1812—1814 гг., гр. Панинъ, за отличіе подъ Бородинымъ, 26-го августа 1812 г. былъ произведенъ въ поручики, а за бой при Маломъ Ярославцѣ получилъ орденъ Анны 3-й степени; затѣмъ, переведенный 15-го іюня 1813 г. въ Псковскій кирасирскій полкъ, онъ отличился подъ Лейпцигомъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, а въ 1814 г., за участіе въ ночныхъ вылазкахъ противъ непріятеля около Гамбурга, произведенъ въ штабсъ-капитаны. Затѣмъ гр. Панинъ былъ переведенъ въ Екатеринославскій (1816) и въ Глуховскій (1820) кирасирскіе полки, 29-го апрѣля 1823 г. женился на Александрѣ Сергѣевнѣ Толстой и 1-го мая 1825 года вышелъ въ отставку съ чиномъ полковника. Пробывъ внѣ службы пять лѣтъ, П. 27-го апрѣля 1830 г., по предложенію императора Николая I, занялъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при вновь назначенномъ попечителѣ Московскаго учебнаго округа кн. С. М. Голицынѣ, съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники; князь поручилъ ему надзоръ надъ Московскимъ университетомъ съ его типографіею и надъ частными мужскими пансіонами и неоднократно командировалъ для осмотра училищъ подвѣдомственнаго ему округа. По свидѣтельству гр. М. В. Толстого, бывшаго въ Московскомъ университетѣ въ это время, гр. Панинъ отличался строгимъ формализмомъ при исполненіи предписаній начальства; онъ хорошо ознакомился съ составомъ университетскихъ преподавателей, что видно изъ написанной имъ 5-го апрѣля 1831 г. «Памятной записки о профессорахъ Московскаго университета», которую онъ хотѣлъ представить министру народнаго просвѣщенія кн. К. А. Ливену. Записка эта напечатана была сначала въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» (1870 г., кн. IV, смѣсь, стр. 214—219), а затѣмъ, въ болѣе исправномъ видѣ, въ «Русской Старинѣ» 1880 г. (т. XXVIII, стр. 780—782). Въ 1833 г. (27-го апрѣля) графъ былъ назначенъ на вновь учрежденную должность помощника попечителя Харьковскаго учебнаго округа, а 3-го іюня 1838 г. опредѣленъ членомъ Главнаго правленія училищъ, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Но личныя дѣла графа, вынуждавшія его отлучаться изъ Петербурга для наблюденія за обширными помѣстьями (у него съ братомъ, гр. В. Н. Панинымъ, было 11.465 душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ) заставили его уже 30-го ноября 1839 года выйти въ отставку. Въ томъ же 1839 г. гр. Панинъ былъ избранъ членомъ Московскаго общества сельскаго хозяйства, гдѣ съ 13-го февраля 1845 г. состоялъ начальникомъ 1-го отдѣленія, предназначеннаго для учебныхъ трудовъ по сельскому хозяйству; въ 1846 и 1847 г. онъ велъ подъ своимъ наблюденіемъ «Журналъ сельскаго хозяйства и овцеводства»; кромѣ того, руководилъ дѣлами статистическаго комитета для хозяйственнаго описанія Московской губерніи и былъ однимъ изъ членовъ совѣщаній по вопросу о всенародномъ распространеніи грамотности. По свидѣтельству С. А. Маслова, гр. Панинъ обладалъ значительными познаніями въ ботаникѣ и агрономіи, которою на практикѣ занимался въ своемъ имѣніи Дугино, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губ., и участвовалъ въ трудахъ Московскаго общества любителей садоводства, собиравшагося у его матери, бывшей въ числѣ первыхъ его учредительницъ. Въ Москвѣ графъ велъ очень открытый образъ жизни, и въ его домѣ на Никитской улицѣ часто устраивались балы и маскарады, заставлявшіе говорить о себѣ весь городъ.

Для характеристики гр. А. Н. Панина можетъ служить его близкое знакомство съ В. В. Пассекомъ, которому онъ въ 1834 г. предлагалъ занять мѣсто профес-

сора въ Харьковскомъ университетѣ; Т. П. Пассекъ съ особенною теплотой отзывается о томъ участіи, съ которымъ графъ относился къ ней и къ ея семьѣ, осиротѣвшей послѣ смерти этого молодого ученаго.

Архивъ Мин. Нар. Пр., дѣла № 51.445, 51.439, 55.879 и 62.371; С. А. Масловъ. Некрол. гр. П. въ «Журналѣ сельскаго хозяйства и овцеводства» 1850 г., № 3, отд. I, стр. 243—245; А. Г. Брикнеръ. «Матеріалы для жизнеописанія» гр. Н. П. Панина. 7 т. С.-Пб. 1888—1892; гр. Влад. Орловъ-Давыдовъ. Біографическій очеркъ гр. В. Г. Орлова, т. II, С.-Пб. 1878, стр. 283—284; А. А. Васильчиковъ «Семейство Разумовскихъ», т. V, С.-Пб. 1894, 155; Н. П. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», т. III, С.-Пб. 1890, стр. 8—9. С. А. Масловъ. «Истор. обозр. Моск. общ. сельск. хозяйства». М. 1846, прилож., стр. 138; Воспоминанія Т. П. Пассекъ, «Русск. Стар.» 1876, т. XVI, стр. 329, 331 и 649; Воспоминанія гр. М. В. Толстого: «Руск. Арх.» 1881, т. II, стр. 45, 51; Письма А. Я. Булгакова къ отцу: «Руск. Арх.» 1898, т. III, стр. 390; «Моск. Вѣд.» 1846 г., № 2; «Сѣверная Пчела», 1848 г., № 57; Г. Н. Геннади. «Указатель библіотекъ въ Россіи» («Ж. М. Нар. Просв.» 1864 г., CXXII, стр. 26, 31).

Б. Львовъ.

Панинъ, *Алексѣй Ивановичъ*, сынъ пелымскаго воеводы Ивана Ивановича П. († 1702), род. въ 1675 году; въ 1692—1714 г., неся званіе комнатнаго стольника, въ то же время состоялъ (съ 1698 г.) на службѣ въ л.-гв. Семеновскомъ полку въ чинѣ поручика; въ 1709 г. произведенъ въ капитанъ-поручики, въ 1715 г.— въ капитаны и въ 1717 г. назначенъ смотрителемъ работъ въ Кронштадтѣ и Ораніенбаумѣ. Онъ участвовалъ въ шведской войнѣ, по окончаніи которой ему, въ числѣ прочихъ, приказано было Петромъ Великимъ поселиться на о. Котлинѣ (1712), а затѣмъ (1714) — переселиться въ Петербургъ и строить домъ; въ 1718 г. Панинъ былъ въ чинѣ гвардіи капитана и подписался подъ приговоромъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ; въ февралѣ 1720 г. онъ упоминается уже въ званіи смоленскаго вице-губернатора, и носитъ чины полковника и отъ л.-гв. капитана. Занимая постъ вице-губернатора (до 1726 г.), П, еще при Петрѣ Великомъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, затѣмъ съ 1727 года до 27-го сентября 1730 г. былъ смоленскимъ губернаторомъ. 9-го іюля 1733 г. П. опредѣленъ въ товарищи къ сенатскому члену гр. С. А. Салтыкову въ Московскую сенатскую контору и около этого же времени состоялъ въ числѣ носящихъ званіе сенатора. Въ 1734 г. (27-го августа) назначенъ президентомъ Ревизіонъ-коллегіи; наконецъ, спустя шесть лѣтъ (12-го марта 1740 г.), уволенъ былъ, по прошенію, отъ службы и умеръ 2-го марта 1762 года.

Справки Разряднаго архива; П. Диринъ. «Исторія л.-гв. Семеновскаго полка», т. I, С.-Пб. 1883, прилож., стр. 133; «Архивъ кн. Ѳ А. Куракина», кн. III, С.-Пб. 1892, стр. 114; «Полное собраніе законовъ», т. V, VII и IX; П. Барановъ. «Опись высоч. указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ сенатскомъ архивѣ», т. II, С.-Пб., стр. X и № 3.890, 4.688, 4.979, 6.626 и 7.410; «Памятная книжка Смоленской губерніи на 1863 г.», стр. 51; И. И. Голиковъ. «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2-е, т. VII, X и XIII; «Сборн. Импер. русск. историч. общ.», т. 56 и 106; «Доклады и приговоры Сената въ царствованіе Петра Великаго», т. II, кн. 2, и т. IV, кн. 2; «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правит. Синода», т. II, С.-Пб. 1879, столб. 144—152 и 177; «Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства», т. IV, С.-Пб. 1884.

Б. Л.

Панинъ, *Василій Никитичъ*; въ 1647 г., 10-го декабря, пожалованъ изъ стряпчихъ въ стольники; въ этомъ чинѣ упоминается въ 1858—1668 гг. Въ походѣ 1655—1656 г. былъ головою у татарскихъ мурзъ, затѣмъ, въ 1671 г. былъ посыльнымъ воеводою къ полку кн. Ю. А. Долгорукова противъ сторонниковъ Стеньки Разина и, съ кн. Ю Н. Барятинскимъ, разбилъ мятежниковъ при деревнѣ Баевой, около Алатыря (7-го декабря) и 8-го декабря—при с. Тургеневѣ; въ 1673 г., 14-го марта, пожалованъ въ думные дворяне. Умеръ въ сентябрѣ 1674 г. въ Сѣвскѣ, гдѣ съ 1673 г. былъ воеводою.

Справки Разряднаго архива; П. Ивановъ. «Алфавитный указатель къ боярскимъ книгамъ», М. 1853, стр. 313; «Русская историческая библіотека», изд. Археогр. коммисс., т. X, С.-Пб., стр. 344; Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. II, С.-Пб. 1861 г., стр. 442 и 444. *Б. Л.*

Панинъ, графъ *Викторъ Никитичъ*, внукъ графа Петра Ивановича Панина (см. ниже), родился 28-го марта 1801 года въ Москвѣ, гдѣ временно проживалъ его отецъ, гр. Никита Петровичъ, находившійся въ опалѣ въ послѣднее время царствованія Павла I и только что незадолго до рожденія сына вызванный снова въ Петербургъ молодымъ императоромъ; супруга же его, Софья Владиміровна, оставалась въ Москвѣ. Первые годы дѣтства молодой гр. Панинъ проводилъ большею частью въ усадьбѣ Дугинѣ (въ

Смоленской губерніи, на берегу Вазузы, у села Хотькова), основанной извѣстнымъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, и воспитывался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своихъ родителей, изъ коихъ отецъ его былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, а мать отличалась не только образованіемъ, но и высшими душевными качествами и щедрою благотворительностью. Воспитывая своего сына дома, по господствовавшему тогда обычаю, родители взяли ему гувернера учителя, образованнаго нѣмца Бютгера, подъ руководствомъ котораго В. Н. Панинъ, былъ настолько хорошо подготовленъ, что выдержалъ экзаменъ въ Московскомъ университетѣ въ 1819 году и въ томъ же году (15-го декабря) поступилъ на службу актуаріусомъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ, гдѣ вскорѣ (1-го августа 1821 года) сдѣланъ переводчикомъ. Удостоенный ордена св. Владиміра 4-й степени 21-го апрѣля 1823 г. и затѣмъ произведенный въ титулярные совѣтники (въ 1824 г.), графъ Панинъ былъ опредѣленъ вторымъ секретаремъ при нашей миссіи въ Мадридѣ (5-го апрѣля 1824 года). Это назначеніе доставило ему удобный случай совершить путешествіе по Европѣ; въ бытность свою въ Веймарѣ онъ обратилъ на себя вниманіе великаго Гёте, выразившаго желаніе познакомиться съ русскимъ человѣкомъ, при томъ въ совершенствѣ владѣвшимъ нѣмецкимъ языкомъ. Образованность и свѣтскость графа были оцѣнены и въ Парижѣ. Что касается до службы его въ Мадридѣ въ качествѣ второго секретаря, то она не могла представлять собою чего-либо на столько замѣчательнаго, чтобы можно было упомянуть о ней, тѣмъ болѣе, что она была и непродолжительна: уже 20-го февраля 1826 года гр. Панинъ былъ отозванъ изъ Мадрида и, пожалованный 13-го іюля 1827 г. званіемъ камеръ-юнкера двора его величества, былъ произведенъ въ надворные совѣтники (5-го декабря того же года) и скоро назначенъ въ походную канцелярію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (5-го апрѣля 1828 г.), которая, по случаю нахожденія Его Величества при нашей арміи, дѣйствовавшей противъ турокъ, была направлена моремъ изъ Одессы къ Варнѣ, осаждаемой въ то время русскими войсками. Это пребываніе въ походной канцеляріи доставило графу Панину возможность быть оцѣненнымъ по достоинству императоромъ Николаемъ I. Вскорѣ (2-го іюня 1828 г.), гр. Панинъ по высочайшему повелѣнію былъ отправленъ въ Грецію къ нашему повѣренному въ дѣлахъ, камергеру графу Булгари, чтобы поддерживать гр. Каподистрію въ его намѣреніяхъ. О дѣятельности гр. Панина за это время данныхъ не имѣется; извѣстно только, что онъ находился въ Навпліи-Романія и былъ въ перепискѣ со своимъ отцомъ, жившимъ тогда то въ деревнѣ, то за границею и сообщавшимъ ему различныя политическія извѣстія. Но, безъ сомнѣнія, его способности по службѣ были тогда же замѣчены правительствомъ, такъ какъ уже 29-го мая 1829 года онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Греціи и вскорѣ произведенъ въ коллежскіе совѣтники (12-го іюня того же года), а затѣмъ пожалованъ въ званіе камергера двора ого величества (5-го декабря 1830 года). Отозванный изъ Греціи 7-го мая 1831 года къ дѣламъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Панинъ за исправленіе должности повѣреннаго въ дѣлахъ Греціи былъ произведенъ въ статскіе совѣтники (20-го ноября 1831 года) и на другой день, по высочайшему повелѣнію, назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту законовъ, «которому исправлять должность товарища министра юстиціи»; такое назначеніе очень обрадовало старика графа, выражавшаго, однако, въ письмѣ своемъ къ сыну сомнѣніе, будетъ ли у него достаточно времени исполнять обязанности по обѣимъ порученнымъ ему должностямъ. Въ 1832 году (31-го декабря) Панинъ сдѣланъ статсъ-секретаремъ Его Величества, а затѣмъ, чрезъ шесть мѣсяцевъ (25-го іюня 1833 г.), произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, съ оставленіемъ при прежней должности. Вскорѣ же (31-го декабря 1834 года) графъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Въ бытность свою товарищемъ министра юстиціи, онъ вознамѣрился вступить въ бракъ съ дочерью дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора

*

графа Тизенгаузена, Натальею Павловною. При докладѣ объ этомъ, императоръ Николай сказалъ, что «весьма радъ счастливому выбору графа Панина и желаетъ ему всякаго благополучія». Бракъ этотъ былъ совершенъ въ 1835 году. Слабое здоровье супруги графа побудило его просить увольненія за границу (въ маѣ 1837 г.) на одинъ годъ, но семейныя обстоятельства заставили его пробыть въ отпуску гораздо долѣе. Еще въ началѣ года отецъ его, графъ Никита Петровичъ, оканчивалъ свой грустный вѣкъ въ селѣ Дугинѣ, страдая болью въ ногѣ. Сынъ успѣлъ пріѣхать къ нему въ деревню и присутствовалъ при послѣднихъ дняхъ его жизни, прекратившейся въ ночь съ 28-го февраля на 1-е марта 1837 года. Значительное состояніе, доставшееся гр. В. Н. Панину отъ отца и заключавшееся преимущественно въ недвижимостяхъ и въ населенныхъ имѣніяхъ, расположенныхъ въ различныхъ губерніяхъ, заставляло его обратить вниманіе на деревенское хозяйство, требовавшее на первыхъ порахъ личнаго его присутствія. Это побудило его просить о дальнѣйшемъ отпускѣ, и таковой по высочайшему соизволенію отъ 7-го апрѣля 1838 г. былъ ему продолженъ впредь до того времени, пока будетъ ему (Панину) возможность возвратиться на службу къ своему мѣсту. Между тѣмъ, вслѣдствіе кончины министра юстиціи Д. В. Дашкова, Панинъ былъ вызванъ изъ отпуска и 31-го декабря 1839 года получилъ управленіе Министерствомъ Юстиціи, а съ небольшимъ чрезъ годъ (16-го апрѣля 1841 года) пожалованъ въ тайные совѣтники и утвержденъ министромъ юстиціи. Эту должность онъ отправлялъ около двадцати лѣтъ, въ продолженіи которыхъ, по главной обязанности генералъ-прокурора, на немъ лежавшей, гр. Панинъ настойчиво слѣдилъ и заботился о возможно скорѣйшемъ теченіи дѣлъ въ среднихъ и низшихъ судебныхъ инстанціяхъ и о пересмотрѣ остававшихся нерѣшенными дѣлъ. Съ этою послѣднею цѣлью, по предписаніямъ графа, открывались вечернія засѣданія въ тѣхъ судахъ, гдѣ обнаруживалось накопленіе дѣлъ, и отпускались временно дополнительныя суммы, на сколько это позволяли ограниченныя средства министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ гр. Панинымъ былъ установленъ болѣе точный надзоръ за дѣйствіями судебныхъ мѣстъ. Графъ особенно заботился о пополненіи ввѣреннаго ему вѣдомства лицами, отличающимися своимъ образованіемъ и способностями, стараясь привлекать ихъ на службу въ свое министерство въ замѣнъ представителей стараго, отживавшаго свой вѣкъ, чиновничества, къ которымъ относился съ вполнѣ понятной строгостью Затѣмъ, гр. Панинъ старался слѣдить за правильностью выборовъ на различныя должности по судебной части и вообще за приведеніемъ судебныхъ мѣстъ по мѣрѣ средствъ къ надлежащему благоустройству. Онъ первый у насъ обратилъ серьезное вниманіе на устройство архивовъ судебныхъ мѣстъ, заботился объ извлеченіи различныхъ свѣдѣній изъ архивныхъ документовъ и о приведеніи въ порядокъ дѣлъ, поступавшихъ въ архивы; съ этою цѣлью дѣла разбирались посредствомъ особо назначавшихся чиновниковъ. Такъ, при графѣ приведенъ въ порядокъ архивъ герольдіи и получилъ основаніе (въ 1853 году) извѣстный Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, составленный изъ бывшихъ въ Москвѣ при Сенатѣ двухъ архивовъ: Разряднаго и Старыхъ дѣлъ, а также Вотчиннаго Департамента. Въ этомъ архивѣ, заключающемъ въ себѣ массу старыхъ дѣлъ, столбцовъ, писцовыхъ книгъ и т. под., при графѣ же Панинѣ приступлено къ составленію описей и алфавитовъ, чѣмъ открыта была лицамъ, занимающимся наукою, возможность извлекать разнаго рода свѣдѣнія, относящіяся не только до русскаго права но и всей отечественной исторіи вообще. По своему званію министра юстиціи имѣя главное управленіе надъ государственнымъ межеваніемъ и учрежденнымъ для этого особымъ Межевымъ Корпусомъ, графъ Панинъ обратилъ вниманіе на укомплектованіе состава межевыхъ чиновъ преимущественно лицами, получившими образованіе въ спеціальныхъ межевыхъ заведеніяхъ (таковыми были Константиновскій Межевой Институтъ, Московскій Сиротскій Домъ и Школа межевыхъ топографовъ). При немъ была учреждена (въ 1846 г.) особая Школа Кавказскихъ межевщиковъ, съ цѣлью образо-

ванія землемѣровъ для государственнаго размежеванья Закавказскаго края, и окончательно преобразованъ составъ Межеваго Корпуса и Константиновскаго Межевого Института, получившихъ въ 1844 и 1850 годахъ военное устройство, что сопровождалось подчиненіемъ межевыхъ работъ ближайшему надзору военныхъ офицеровъ. Удовлетворительныя послѣдствія этой мѣры привели къ мысли о несомнѣнной пользѣ преобразованія на военное положеніе и губернской межевой части. Мысль эта удостоилась высочайшаго одобренія въ 1853 году, и тогда же повелѣно было приступить къ составленію самаго проекта преобразованія означенной части, не получившаго, однако, осуществленія за послѣдовавшими вскорѣ коренными преобразованіями по судебной части Имперіи вообще. Равнымъ образомъ, графъ Панинъ обратилъ вниманіе и на быстрое разрѣшеніе представленій по межевому управленію, возникающихъ по поводу размежеванія, развитіе котораго сопровождалось возбужденіемъ множества законодательныхъ вопросовъ, особенно по спеціальному полюбовному размежеванію, вообще крайне замедлявшемуся отъ неудовлетворительности различныхъ, до этого предмета относившихся, правилъ. Послѣднее обстоятельство вызвало пересмотръ этихъ правилъ и составленіе особыхъ правилъ судебно-межевого разбирательства, высочайше утвержденныхъ 30-го декабря 1853 года.

Въ управленіе министерствомъ графа Панина окончательно упразднены были Совѣстные суды (кромѣ Петербургскаго и Московскаго), и дѣла ихъ переданы въ 1857 году въ Уголовныя Палаты. Равнымъ образомъ графу Панину высочайше поручено было заняться проектомъ Уголовнаго Уложенія, вырабатывавшимся въ особомъ Комитетѣ при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи; на обязанности этого Комитета лежало составить общій планъ Уложенія и затѣмъ опредѣлить нравственныя начала, которыя постоянно должно имѣть въ виду при начертаніи самыхъ постановленій Уложенія. Панинъ былъ членомъ этого Комитета, а затѣмъ, когда, по одобреніи Его Величествомъ главныхъ началъ, былъ составленъ и внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ Уложенія (30-го марта 1844 года), то для разсмотрѣнія его была учреждена подъ предсѣдательствомъ графа Левашева особая Коммиссія, въ составъ которой вошелъ и графъ Панинъ. Проектъ этотъ съ небольшими измѣненіями удостоился высочайшаго утвержденія 15-го августа 1845 года. Позднѣе графъ Панинъ участвовалъ въ разсмотрѣніи проектовъ гражданскаго судопроизводства 1857 года.

Будучи министромъ юстиціи, графъ Панинъ участвовалъ и въ особомъ Комитетѣ объ устройствѣ питейныхъ сборовъ (1842 года), и, вмѣстѣ съ весьма немногими, рѣшительно возражалъ противъ предложеннаго тогда Позеномъ способа заготовленія казною всего вина для откупа. Гр. Панинъ находилъ, что, помимо недостатка средствъ, необходимыхъ для этого, самая операція является вредною сама по себѣ, потому что обращаетъ въ монополію казны дѣло частной промышленности. Участвуя въ Комитетѣ 1847 г., обсуждавшемъ вопросъ о предоставленіи крестьянамъ продающихся съ публичныхъ торговъ имѣній права выкупаться на волю, гр. Панинъ, вмѣстѣ съ прочими, одобрялъ эту мысль, а также составленный планъ для ссуды тѣмъ изъ выкупающихся крестьянъ, которые не въ состояніи были бы внести подлежащую съ нихъ сумму.

Графъ Панинъ, назначенный еще ранѣе въ особый секретный Комитетъ 1839 года, собранный для обсужденія вопросовъ, на какомъ основаніи можно впредь дозволить помѣщикамъ увольнять своихъ крестьянъ, и какія мѣры будутъ признаны успѣшнѣйшими для составленія инвентарей по каждой губерніи, былъ также назначенъ въ особый Комитетъ, начавшій собираться съ 3-го января 1857 года для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи, который немного позже,—именно 8-го января 1858 года, получилъ формальное наименованіе Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу и явился какъ бы отдѣленіемъ Государственнаго Совѣта. Этотъ Комитетъ составилъ для руководства образованныхъ Редакціонныхъ Коммиссій извѣстныя начала о порядкѣ разсмотрѣнія проектовъ положеній губернскихъ Комитетовъ

и затѣмъ окончательно разсматривалъ труды и предположенія Редакціонныхъ Коммиссій. При этомъ Главномъ Комитетѣ существовала одно время *особая Коммиссія* изъ четырехъ лицъ (въ числѣ которыхъ, на ряду съ Ростовцовымъ, Муравьевымъ и Ланскимъ, былъ и гр. Панинъ)—для предварительнаго разрѣшенія поступавшихъ изъ губернскихъ Комитетовъ проектовъ положеній объ улучшеніи и устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ и для ближайшаго сношенія съ депутатами означенныхъ Комитетовъ, которыхъ положено было вызвать для представленій высшему правительству всѣхъ свѣдѣній, могущихъ оказаться необходимыми при окончательномъ разсмотрѣніи каждаго проекта. По званію члена этой коммиссіи, графъ Панинъ написалъ подробную записку по поводу проекта крестьянскаго положенія, составленнаго Губернскимъ Симбирскимъ Комитетомъ. Этого рода занятія дали графу Панину возможность близко ознакомиться съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, которое скоро должно было поступить подъ его непосредственное руководство. Нельзя, однако, не упомянуть, что за время управленія гр. Панинымъ министерствомъ сложился о немъ цѣлый рядъ разсказовъ, во многомъ анекдотическаго свойства. Всѣ эти разсказы о разсѣянности, сухости, даже безсердечіи графа, сильно раздутые въ журналѣ Герцена «Колоколъ», совершенно не справедливы. Такъ, извѣстна, напримѣръ, доброта графа, который часто давалъ изъ своихъ собственныхъ средствъ пособія бѣднымъ чиновникамъ, не знавшимъ вовсе, что это исходитъ отъ самого графа. Правда, онъ былъ нѣсколько разсѣянъ, не всегда понималъ, въ силу своего исключительнаго положенія богатаго человѣка, нужды мелкаго чиновничества и поэтому, окруженный лишь весьма немногими лицами, состоявшими съ нимъ въ непосредственномъ сношеніи, могъ казаться остальнымъ чиновникамъ какимъ-то богомъ Олимпа, о которомъ разсказывались чудеса. Но все это не мѣшало ему зорко и внимательно слѣдить за служащими по ввѣренному ему вѣдомству и оцѣнивать ихъ по достоинству. Привыкнувъ съ молоду самъ все исполнять въ точности и буквально, графъ требовалъ и отъ служащихъ скораго и буквальнаго исполненія всѣхъ приказаній и при томъ единственно во имя служебнаго долга, совершенно безкорыстно. Онъ умѣлъ сразу подмѣчать людей способныхъ и талантливыхъ, но, за то, и спрашивалъ съ нихъ больше и положительно заваливалъ ихъ работою.

Графъ Панинъ относился съ большимъ уваженіемъ и оказывалъ особенное вниманіе тѣмъ чиновникамъ, которые продолжительное время занимали одну и ту же должность. Но случалось иногда и такъ, что онъ, по личному своему усмотрѣнію, безъ всякой о томъ просьбы, переводилъ ихъ на другое мѣсто, не допуская, чтобы кто-либо могъ возражать по поводу такого перемѣщенія, а тѣмъ болѣе—отказаться отъ него. Служба при графѣ была тяжелая, но даже не сторонники его признаютъ, что онъ не требовалъ соблюденія бюрократическихъ формальностей, не требовалъ даже тщательной переписки бумагъ, а довольствовался лишь тѣмъ, чтобы работа была четко написана. Онъ не допускалъ препятствій при исполненіи разъ имъ задуманнаго, строго соблюдалъ установленные законы и не любилъ скрывать истину. По поводу отчета по его же министерству, написаннаго однимъ изъ его чиновниковъ, графъ Панинъ сказалъ: «Я вовсе не желаю себя хвалить — это не въ моихъ правилахъ. Отчетъ долженъ представлять то, что сдѣлано, а по отношенію того, что нельзя было сдѣлать, я долженъ представить оправданіе или болѣе или менѣе уважительныя къ тому причины». Графъ очень заботился о консультаціи при Министерствѣ Юстиціи, куда поступали на разсмотрѣніе дѣла по разногласіямъ изъ Общаго Собранія Сената, и строго наблюдалъ за очередью разрѣшенія дѣлъ. Кромѣ того, при графѣ Панинѣ совершилось весьма существенное преобразованіе въ личномъ составѣ чиновъ Министерства Юстиціи. Поколѣніе старыхъ дѣльцовъ, лицъ, по большей части не получившихъ высшаго образованія, но тѣмъ не менѣе занимавшихъ высокія должности по судебному вѣдомству, онъ постепенно замѣнилъ людьми молодыми, окончившими курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Наиболѣе значительный въ этомъ отношеніи контингентъ дало основанное въ 1835 г. Училище правовѣдѣнія, воспитанникамъ

коего удалось сломить крѣпко державшійся дотолѣ строй представителей старинныхъ порядковъ и это исключительно благодаря энергіи гр. Панина. Будучи безгранично преданъ монархическому началу и признавая охранительную постепенность залогомъ надежнаго для народовъ преуспѣянія, онъ допускалъ развитіе законодательства лишь въ строгой исторической послѣдовательности; поэтому-то онъ отстаивалъ и тѣлесныя наказанія, когда возникъ вопросъ о внезапной отмѣнѣ ихъ. Онъ не видѣлъ, чѣмъ этотъ родъ наказанія будетъ замѣненъ при совершенномъ неустройствѣ, всей нашей тогдашней тюремной системы. Къ тому же, онъ полагалъ, что отмѣна тѣлесныхъ наказаній не соотвѣтствуетъ степени развитія и образованности народа. Въ крестьянскомъ вопросѣ онъ ясно видѣлъ, что человѣкъ, какъ существо нравственно свободное, не можетъ быть рабомъ, вещью, что необходимо, поэтому, его освободить, но на какихъ основаніяхъ — представлялось ему вопросомъ спорнымъ.

Вслѣдствіе кончины Я. И. Ростовцева на графа Панина 18-го февраля 1860 г. было возложено предсѣдательство въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ, состоявшихъ при Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу, съ освобожденіемъ его, по этому случаю, отъ управленія Министерствомъ Юстиціи. Немного позднѣе, 13-го (25-го) октября 1860 г., послѣдовало другое высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы графу Панину не заниматься дѣлами Министерства Юстиціи до окончательнаго разсмотрѣнія положеній, составленныхъ въ Редакціонныхъ Коммиссіяхъ.

Это новое назначеніе, котораго удостоился графъ Панинъ, было встрѣчено многими далеко не сочувственно вслѣдствіе сложившагося убѣжденія, что онъ не только консерваторъ, но и крѣпостникъ, какъ тогда выражались; другими словами, графа Панина, со свойственною въ этихъ случаяхъ людямъ склонностью къ преувеличеніямъ, считали противникомъ крестьянской реформы. Отъ новаго предсѣдателя требовалось прежде всего, чтобы онъ стремился неуклонно осуществить на дѣлѣ волю императора и такимъ лицомъ былъ, именно графъ Панинъ. По рожденію, служебному положенію и понятіямъ графъ принадлежалъ къ высшему дворянству, и назначеніе его лишало дворянство повода жаловаться на то, что для довершенія реформы, столь близко ихъ касавшейся, былъ избранъ не его представитель. Кромѣ того, было извѣстно, что гр. Панинъ былъ всегда точнымъ исполнителемъ приказаній государя, а въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ это и являлось вѣрнѣйшимъ залогомъ успѣшнаго его окончанія... Въ рѣчи своей къ депутатамъ при первомъ ихъ пріемѣ 22-го февраля, графъ прямо высказалъ: «Мы должны пристально заняться настоящимъ, и какія бы ни были убѣжденія каждаго изъ насъ, всѣмъ намъ слѣдуетъ стремиться къ главному: *озаботиться обезпеченіемъ быта нашихъ крестьянъ*, не упуская изъ виду, что за нихъ нѣтъ между нами представителей, и потому намъ самимъ предлежитъ отстаивать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не должны забывать, что богатымъ людямъ, какъ я, напримѣръ, ни въ какомъ случаѣ переворотъ не будетъ слишкомъ ощутителенъ; но что наша обязанность озаботиться положеніемъ *неимущихъ дворянъ*, «оградить исключительно ихъ интересы». Графъ признавалъ, что у каждаго изъ присутствующихъ могутъ быть убѣжденія, не согласныя съ его собственными, и онъ совѣтывалъ держаться своихъ убѣжденій, не увлекаясь сторонними внушеніями.

Графъ Панинъ изучилъ дѣло крестьянской реформы во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Неоднократно онъ указывалъ, что надо вести его осторожно, выслушивалъ всякое мнѣніе и возражалъ въ немногихъ словахъ. Онъ говорилъ въ засѣданіяхъ Коммиссій вообще не много. «Мнѣ необходимо оставить себѣ зады для Главнаго Комитета и Государственнаго Совѣта», — объяснялъ онъ самъ. Другими словами, онъ не хотѣлъ себя связывать въ мнѣніяхъ и лишать себя свободы дѣйствій относительно предположеній Редакціонныхъ Коммиссій, въ пользѣ и справедливости которыхъ онъ сомнѣвался. Тѣмъ не менѣе и немногое, высказанное графомъ въ засѣданіяхъ Коммисій, указываетъ несомнѣнно на то, что онъ полагалъ, что земля не можетъ быть отнята изъ пользованія крестьянъ до ея выкупа; кто же изъ крестьянъ не можетъ ее выкупить, тотъ, по его мнѣнію, долженъ

оставить ее у себя въ пользованіе безъ срока; что не надо оставлять дворянству мысли, что послѣ переходнаго состоянія могутъ перемѣниться въ чемъ-либо основанія крестьянскихъ положеній. Онъ неоднократно говорилъ, что должно имѣть постоянно въ виду, что цѣль правительства—*доставить крестьянамъ существенное облегченіе*, что правительство не можетъ допустить, чтобы повинности крестьянъ увеличивались. Поэтому, лицамъ, высказывавшимся въ пользу увеличенія крестьянскихъ оброковъ, графъ говорилъ: «по теоріи вы правы, но государь заявилъ помѣщикамъ о желаніи своемъ облегчить бытъ крестьянъ». Равнымъ образомъ, графъ Панинъ находилъ, что, въ видахъ государственныхъ, необходимо положить въ основаніе преобразованія убѣжденіе, что не слѣдуетъ крестьянъ совершенно приковывать къ землѣ. Въ отношеніи къ производительнымъ силамъ это прикрѣпленіе могло бы впослѣдствіи нанести вредъ. Точно также важно, чтобы крестьянинъ могъ покупать участки земли по своимъ средствамъ, а не слѣдуетъ его принуждать къ покупкѣ и при томъ болѣе того, что онъ желаетъ пріобрѣсти. Исходя изъ того, что о человѣческихъ дѣлахъ надо и судить по-человѣчески, графъ Панинъ, при разсмотрѣніи проекта положенія о дворовыхъ людяхъ, высказывалъ, что личность человѣка не подлежитъ оцѣнкѣ, а потому, какъ ни называть платежъ, взносимый дворовымъ, онъ, т.-е. платежъ, остается платежомъ, а потому за дворовыхъ людей выкупа назначать не слѣдуетъ. Дворовый, прослужившій безпорочно до извѣстныхъ лѣтъ, пріобрѣлъ тѣмъ самымъ право призрѣнія отъ помощника; бросать его безъ пропитанія, такъ сказать, на произволъ судьбы — было бы безчеловѣчно, и это не должно быть допущено.

Графъ Панинъ велъ пренія въ совѣщаніяхъ весьма терпѣливо, стараясь выяснить все главное. «Тутъ надо рѣшить все существенное, самые принципы»,—говорилъ онъ по одному поводу,—«а что же намъ входить въ разборъ, какъ поставлены слова, въ какомъ порядкѣ одно послѣ другого». Онъ считалъ, что нѣтъ важнѣе вопроса, какъ вопросъ о повинности за землю и о надѣлахъ и потому входилъ въ самое подробное разсмотрѣніе оцѣнокъ земель, отводимыхъ крестьянамъ въ надѣлѣ для опредѣленія ежегоднаго оброка и выкупной ихъ стоимости. Вопросъ этотъ о надѣлахъ, или точнѣе—о предоставленіи крестьянамъ ихъ надѣловъ изъ помѣщичьихъ земель въ безсрочное пользованіе, породилъ разногласіе гр. Панина съ большинствомъ (19) членовъ Редакціонной Коммиссіи. по поводу котораго онъ представлялъ всеподданнѣйшій докладъ государю императору, высказывая, что вопросъ о срочности и безсрочности пользованія землею долженъ оставаться открытымъ до разсмотрѣнія въ главномъ комитетѣ. Его Величество противъ этого начерталъ 19-го апрѣля 1860 г. «Вопросъ этотъ предоставляю себѣ рѣшить, когда онъ обсужденъ будетъ въ Главномъ Комитетѣ». Точно также вопросъ о предоставленіи крестьянамъ, одновременно съ личнымъ освобожденіемъ, возможности пріобрѣтать въ собственность отъ помѣщиковъ, по добровольному съ ними соглашенію, достаточное количество земли для упроченія своей осѣдлости и обезпеченія своего быта вызвалъ со стороны гр. Панина особый докладъ Государю, въ которомъ онъ говорилъ, между прочимъ, что если примѣненіе сей системы будетъ относиться къ добровольнымъ соглашеніямъ (противъ этого Его Величество начертать изволилъ: «непремѣнно»), то она можетъ быть признана полезною, но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, слѣдуетъ остеречься ограниченія даннаго крестьянамъ права и распространенія онаго такими мѣрами, кои могли бы имѣть понудительный характеръ. Его Величество изволилъ начертать 21-го февраля 1860 года: «при будущемъ свиданіи Я вамъ лично объясню мою мысль; Я ее считаю одною изъ главныхъ основъ всей работы».

Являясь въ качествѣ предсѣдателя Редакціонной Коммиссіи, какъ и вообще всегда, неуклоннымъ и точнымъ исполнителемъ высочайшихъ приказаній и предначертаній, гр. Панинъ довольно быстро велъ дѣло разсмотрѣнія всѣхъ крестьянскихъ положеній въ Редакціонной Коммиссіи. Между тѣмъ, въ засѣданіи 25-го сентября 1860 г. было объявлено высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы къ 10-му октября были окончены

непремѣнно всѣ занятія Редакціонныхъ Коммиссій,—къ каковому сроку предназначено было ихъ закрыть.

И дѣйствительно, въ этотъ день уже послѣдовало закрытіе Редакціонныхъ Коммиссій, и всѣ составленныя ими крестьянскія положенія, а также и неоконченныя работы, переданы были въ вѣдѣніе и распоряженіе государственнаго секретаря, представлявшаго эти положенія на разсмотрѣніе Главнаго Комитета по крестьянскимъ дѣламъ, а затѣмъ и Государственнаго Совѣта. Въ Главномъ Комитетѣ гр. Панинъ первоначально выразилъ несогласіе съ представленнымъ проектомъ положеній по четыремъ предметамъ. Онъ полагалъ предоставить помѣщикамъ вотчинную полицію въ предѣлахъ ихъ имѣній; затѣмъ, онъ не допускалъ, чтобы право помѣщиковъ на земли ихъ, состоявшія въ пользованіи крестьянъ, признавалось по закону неполнымъ правомъ собственности на эти земли. Точно также, по мнѣнію графа Панина, земли помѣщиковъ, поступившія во владѣніе крестьянъ, не могли быть отданы имъ въ *безсрочное пользованіе*, такъ какъ таковаго вида владѣнія не существуетъ въ нашемъ законодательствѣ, которое не допускаетъ вовсе безсрочныхъ договоровъ. Наконецъ, онъ находилъ сомнительными цифры высшаго размѣра душевыхъ надѣловъ, принятыя для нѣкоторыхъ мѣстностей. Графъ Панинъ очень долго стоялъ за свои мнѣнія, не смотря на выраженное государемъ императоромъ желаніе, чтобы, не насилуя своихъ убѣжденій, онъ примкнулъ къ большинству. Только послѣ долгихъ доводовъ и убѣжденій, онъ отказался отъ первыхъ двухъ своихъ мнѣній, а по третьему—удалось устроить компромиссъ, такъ какъ рѣчь шла не столько о существѣ дѣла, сколько о редакціи правила; отъ четвертаго же—о неправильности размѣровъ надѣловъ—возникъ рядъ споровъ, было приступлено къ провѣркѣ самихъ цифръ, и графу Панину была сдѣлана небольшая уступка, именно: въ мѣстностяхъ всѣхъ уѣздовъ Новороссійскихъ губерній, въ которыхъ назначенъ былъ размѣръ высшаго надѣла въ семь десятинъ, таковой опредѣленъ въ шесть съ половиною десятинъ. Этою крайне незначительною уступкою и закончилось разсмотрѣніе крестьянскихъ положеній въ Главномъ Комитетѣ, которыя, по высочайшемъ ихъ утвержденіи, обнародованы при манифестѣ 19-го февраля 1861 года.

Кромѣ высочайшаго рескрипта на имя графа Панина отъ 17-го апрѣля 1861 года, въ которомъ выражалось особое, вполнѣ заслуженное высочайшее благоволеніе всѣмъ членамъ Редакціонныхъ Коммиссій вообще. Графъ Панинъ 23-го апрѣля того же года былъ награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, «въ изъявленіе», какъ говорилось въ особомъ рескриптѣ императора, «искренней признательности за огромные и полезные труды, понесенные въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости и вообще за ревностную и полезную службу престолу и отечеству въ важныхъ государственныхъ должностяхъ»... Немного ранѣе, 19-го февраля 1861 года, гр. Панинъ былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, учрежденнаго для окончательнаго разсмотрѣнія различныхъ вопросовъ, возникавшихъ по примѣненію на дѣлѣ крестьянскихъ положеній. Графъ Панинъ, имѣвшій высочайшее разрѣшеніе отъ 15-го января 1861 г. не вступать въ управленіе Министерствомъ Юстиціи впредь до устройства домашнихъ дѣлъ, былъ, по разстроенному своему здоровью, уволенъ отъ званія министра юстиціи 21 го октября 1861 года, съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта и непремѣннымъ членомъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и статсъ-секретаремъ Его Величества. Ему повелѣно было присутствовать въ Соединенномъ Присутствіи Департаментовъ Законовъ и Экономіи Государственнаго Совѣта при разсмотрѣніи составленнаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, которое по особенному высочайшему повелѣнію непремѣнно должно было быть окончено до 1 го января 1864 года. Въ происходившихъ по этому предмету преніяхъ въ Государственномъ Совѣтѣ гр. Панинъ былъ въ числѣ лицъ, поддерживавшихъ сословный характеръ земскихъ учрежденій и желавшихъ предоставить предсѣдательство въ уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ уѣздному предводителю дворянства а въ губерніяхъ—губернскому предводителю (а не лицу,

избранному собраніемъ). Равнымъ образомъ, графъ Панинъ не считалъ возможнымъ передать вѣдѣнію земствъ попеченіе о народномъ образованіи, народномъ здравіи и о тюрьмахъ, находя, что эти предметы требуютъ слишкомъ многосторонняго разсмотрѣнія. Онъ также былъ противъ предложенія князя Щербатова (городского головы г. Москвы) объ отдѣленіи земскихъ повинностей губернскихъ отъ государственныхъ и о допущеніи вліянія земства и на ту часть земскихъ сборовъ, которыя составляютъ государственныя повинности или, по крайней мѣрѣ, о предоставленіи новымъ учрежденіямъ участія въ составленіи смѣтъ и образованіи расходовъ по симъ смѣтамъ.

По утвержденіи положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1-го января 1864 года, графу Панину повелѣно было 27-го февраля 1864 г. быть главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ, а также присутствовать въ Департаментѣ Законовъ Государственнаго Совѣта и исправлять должность предсѣдателя онаго, по случаю увольненія за границу графа М. А. Корфа. Кромѣ непосредственно возложенныхъ на II Отдѣленіе Собственной е. и. в. Канцеляріи обязанностей по составленію и изданію «Полнаго собранія законовъ» и «Свода законовъ», а также «Продолженій къ своду», на разсмотрѣніе II Отдѣленія поступали также почти всѣ вообще законодательные вопросы и проекты. Предшественникъ графа Панина графъ Корфъ, съ высочайшаго соизволенія, установилъ въ 1862 году обязательное для всѣхъ вѣдомствъ правило, по которому на заключеніе II Отдѣленія должны были сообщаться, прежде внесенія въ Государственный Совѣтъ, всякіе проекты новаго закона и всякіе вообще законодательные вопросы. Этотъ порядокъ, безспорно полезный, имѣлъ и свое неудобство: нѣкоторое замедленіе въ ходѣ законодательныхъ работъ и отвлеченіе силъ II Отдѣленіе иногда на разрѣшеніе вопросовъ второстепенныхъ. Въ виду этого, графъ Панинъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіи Отдѣленіемъ, испросилъ (въ 1866 г.) высочайшее разрѣшеніе на измѣненіе вышеприведеннаго правила въ томъ смыслѣ, что доставленіе законодательныхъ проектовъ и предположеній во II Отдѣленіе предоставлено было *собственному усмотрѣнію* отдѣльныхъ вѣдомствъ.

Во время непродолжительнаго управленія графомъ Панинымъ Отдѣленіемъ, кромѣ обычныхъ изданій «Продолженій къ своду законовъ» были изданы также томы: XXXVI, XXXVII, XXXVIII, XXXIX «Полнаго собранія законовъ», «Каммеръ-фурьерскій журналъ» за 1774 годъ, томы VII и VIII «Памятниковъ дипломатическихъ сношеній нашей Имперіи съ другими иностранными державами» (изданіе которыхъ въ то время также лежало на II Отдѣленіи), при чемъ графъ Панинъ, въ виду равнодушія общества къ симъ трудамъ, полагалъ для большаго и нагляднаго ознакомленія съ ними высылать по экземпляру этихъ памятниковъ не только въ высшія учебныя заведенія всѣхъ вѣдомствъ, но также и въ нѣкоторыя изъ среднихъ по соглашенію подлежащихъ вѣдомствъ, а также и въ городскія публичныя библіотеки, гдѣ таковыя существуютъ. Равнымъ образомъ однимъ изъ чиновниковъ II Отдѣленія, г. Полѣновымъ, съ разрѣшенія графа Панина, составлено обозрѣніе дѣйствій Палаты объ Уложеніи 1700—1703 годовъ. Графъ Панинъ внесилъ въ Государственный Совѣтъ обширное представленіе по вопросу, возбужденному еще гр. М. А. Корфомъ,— объ отдѣленіи законовъ отъ постановленій административныхъ, а также о согласованіи «Уложенія о наказаніяхъ» 1845 года съ изданнымъ въ 1864 году «Уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями», и, по высочайшемъ утвержденіи этого представленія 27-го декабря 1865 года, приступлено было при графѣ Панинѣ къ составленію новаго изданія «Уложенія о наказаніяхъ». Графъ Панинъ представлялъ на высочайшее воззрѣніе предположенія о новомъ изданіи нѣкоторыхъ томовъ «Свода законовъ», о порядкѣ дальнѣйшаго изданія «Свода» и о новомъ порядкѣ обнародованія законовъ, — предположенія, удостоившіяся высочайшаго утвержденія 30-го іюня 1866 года, при чемъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы главноуправляющіе отдѣльными частями при непосредственномъ внесеніи въ Госу-

дарственный Совѣтъ законодательныхъ вопросовъ сообщали II Отдѣленію *копіи* съ своихъ представленій.

Разстроенное здоровье графа Панина и, въ особенности, плохое состояніе зрѣнія, заставлявшія его нерѣдко ѣздить для лѣченія за границу и ранѣе, побудили его, наконецъ, просить объ увольненіи отъ должности главноуправляющаго II Отдѣленіемъ Собственной е. и. в. Канцеляріи въ 1867 году, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе 16 го апрѣля, при чемъ графу была выражена монаршая признательность за продолжительное и обильное полезными результатами служеніе и при именномъ рескриптѣ, въ изъявленіе искренняго благоволенія Его Императорскаго Величества, пожалованы были брилліантовые знаки къ ордену Андрея Первозваннаго. Оставшись членомъ Государственнаго Совѣта, графъ Панинъ не долго, однако, могъ принимать дѣйствительное участіе въ его занятіяхъ: уже въ мартѣ 1868 года онъ былъ уволенъ въ безсрочный отпускъ за границу и внутреннія губерніи и, вернувшись въ Петербургъ въ декабрѣ 1869 года, праздновалъ юбилей *пятидесятилѣтняго* своего служенія, по поводу котораго 15-го декабря 1869 года, въ ознаменованіе признательности Его Величества и полнаго къ графу благоволенія, Государь Императоръ пожаловалъ ему украшенный алмазами портретъ свой для ношенія въ петлицѣ на Андреевской лентѣ; при этомъ въ рескриптѣ было выражено сердечное желаніе Его Величества, чтобы Ему и горячо любимому отечеству дано было еще много лѣтъ пользоваться содѣйствіемъ просвѣщеннаго ума и долголѣтней опытности графа. Самый рескриптъ заканчивался словами «искренно васъ любящій и благодарный Александръ».

Прослуживъ послѣ этого еще нѣсколько лѣтъ въ званіи члена Государственнаго Совѣта, графъ Панинъ, 14-го мая 1872 года, былъ уволенъ по болѣзни въ безсрочный отпускъ за границу, а 1-го (12-го) апрѣля 1874 года скончался въ Ниццѣ. Тѣло его погребено въ Троицко-Сергіевской пустынѣ близъ Петербурга.

Будучи человѣкомъ весьма образованнымъ, графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, проводилъ большую часть свободнаго отъ государственныхъ занятій времени преимущественно дома, за книгами, и до самаго конца своей жизни слѣдилъ за литературою. Онъ имѣлъ въ Петербургѣ весьма значительную библіотеку, богатую историческими сочиненіями о Россіи, преимущественно купленными у князя Лобанова-Ростовскаго, а также сочиненіями по законодательству всѣхъ странъ. Кромѣ того, графъ имѣлъ обширную библіотеку въ селѣ Марьинѣ, близъ Москвы, гдѣ было и значительное собраніе автографовъ. Графъ Панинъ свою библіотеку пожертвовалъ въ Московскій Публичный и Румянцевскій Музеи.

Графъ Панинъ состоялъ съ 1824 года членомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и въ началѣ принималъ участіе въ его занятіяхъ, отъ которыхъ былъ отвлеченъ впослѣдствіи многосложными государственными обязанностями. Будучи также однимъ изъ старѣйшихъ членовъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (съ 1846 года), графъ снискалъ себѣ право на благодарную память соотечественниковъ, какъ человѣкъ, живо сочувствовавшій дѣятельности Общества. Графъ Панинъ, кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества и былъ не чуждъ даже общей литературѣ. Такъ, онъ опубликовалъ весьма любопытные матеріалы о Таракановой («О самозванкѣ, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны», отд. оттискъ—М. 1867 г.) въ «Чтеніяхъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей» (1867 г., январь), почетнымъ членомъ котораго онъ состоялъ до самой своей кончины, а также въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»: письма графа Петра Ивановича Панина къ сыну (въ т. V), а въ томѣ VI того же «Сборника»—бумаги графа Петра Ивановича Панина о Пугачевскомъ бунтѣ.

Графъ В. Н. Панинъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ дѣятелей, кои не проходятъ незамѣченными среди современниковъ и заслуживаютъ памяти потомства. Обиліе научныхъ знаній, опредѣлительность воззрѣній, талантливое ихъ изложеніе, твердое и неуклонное исполненіе долга—вотъ отличительныя черты его продолжительнаго

государственнаго служенія, при нѣкоторомъ, до извѣстной степени понятномъ, равнодушіи къ людямъ, не раздѣлявшимъ его взглядовъ, и руководившимся совсѣмъ иными, чѣмъ онъ, въ дѣятельности своей, пріемами. Такое равнодушіе не прощается представителями посредственности, особливо, когда нѣкоторая внѣшняя суровость и своеобразность формъ, хотя и безукоризненныхъ по внѣшности, сопровождаютъ этотъ недостатокъ сочувствія къ толпѣ. Судъ современниковъ въ отношеніи такихъ людей никогда не былъ и не будетъ правдивымъ, но потомство, съ болѣе доступнымъ для него безпристрастіемъ, сохранить о графѣ Викторѣ Никитичѣ воспоминаніе не какъ о вельможѣ, отводившемъ въ дѣлахъ слишкомъ большое мѣсто угодничеству, а какъ о высокомъ, просвѣщенномъ, неутомимомъ, безкорыстномъ и безпристрастномъ труженикѣ на пользу отечества въ весьма тяжелую эпоху его исторіи.

Всеподданнѣйшіе отчеты по Министерству Юстиціи за время съ 1840 по 1860 годъ; «Матеріалы для жизнеописанія графа Ник. Петр. Панина», собранные Брикнеромъ, т. V, VI, VII; «Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II», Н. П. Семенова, т. I, стр. 10, 13; II, стр. 680 и слѣд.; III, стр. 763 и слѣд.; «Русскій Архивъ» 1887 г., декабрь, статья Н. П. Семенова; «Русск. Стар.» 1887 г., ноябрь, статья г. Колмакова; «Русск. Стар.» 1886 г., т. 49, стр. 451; «Эпоха великихъ реформъ» Джаншіева, стр. 35—75 и 342 и слѣд.; Отчеты: Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1876 годъ; Императорскаго Вольно - Экономическаго Общества за 1874 годъ; «Портретная галлерея» Мюнстера, т. I, стр. 104; Бумаги Хвостова—въ Императорской Публичной библіотекѣ, т. II, стр. 665; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 97; стр. 170, и слѣд.; «Гражданинъ» 1875 г., № 8 — 9; «Всеобщій Календарь» на 1875 годъ; «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Собственной Е. И. В. Канцеляріи», подъ редакціею Н. Ѳ. Дубровина, выпускъ 9, стр. 9, 20, 23; Дѣло Архива Государственнаго Совѣта о службѣ графа Панина; Дѣла бывшаго II отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи за время съ 1864 по 1867 г., хранящіяся въ Архивѣ Государственнаго Совѣта.—Некрологи: «Голосъ» 1874 г., № 103; «Домашняя Бесѣда» 1874 г., № 17; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1874 г., № 101.

П. М. Майковъ.

Панинъ, *Иванъ Васильевичъ*, сынъ Василія Никитича П., отецъ гр. Никиты и Петра Ивановичей (см. ниже), род. въ 1673 году; въ 1686 г. былъ стольникомъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, а въ 1694 г. пожалованъ въ государевы стольники. Въ 1700—1703 г.—«въ начальныхъ людяхъ», въ чинѣ капитана, отпущенъ къ Москвѣ послѣ Ругодевской службы; въ 1712 г., уже будучи полковникомъ, получилъ, въ числѣ прочихъ, приказаніе поселиться на о. Котлинѣ. До 1714 г. служилъ комендантомъ въ г. Перновѣ, гдѣ командовалъ полкомъ, а затѣмъ былъ назначенъ въ полевую армію къ кн. Репнину. Съ 13-го ноября 1716 г. П. управлялъ «коммиссарскими дѣлами» въ Ростокѣ; въ 1718 г. мы видимъ его служащимъ по коммиссаріатскому же вѣдомству въ Данцигѣ. Въ 1720 г., 9-го апрѣля, П. назначенъ старшимъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ при кавалеріи въ Украинскомъ корпусѣ; 6-го апрѣля 1722 г. опредѣленъ, съ оставленіемъ въ званіи оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссара, управляющимъ Военнымъ Главнымъ коммиссаріатомъ и завѣдующимъ въ Низовомъ корпусѣ раздачей жалованья и аммуниціи. 1-го января 1726 г. получилъ чинъ генералъ-маіора, оставаясь въ прежней должности до 1734 г. Въ это же время П. упоминается въ числѣ сенаторовъ. 8-го февраля 1734 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ поручики и уволенъ отъ службы съ награжденіемъ половиной села Пустотина въ Ряжскомъ уѣздѣ (до того у него было только 400 душъ). Наконецъ, 22-го сентября 1735 г. П. былъ назначенъ къ постоянному присутствованію въ Московской Конторѣ Сената. Панинъ пользовался расположеніемъ Петра Великаго участвовалъ во многихъ сраженіяхъ и умеръ 11-го мая 1736 г. отъ множества полученныхъ имъ ранъ. Былъ женатъ на Аграфенѣ Васильевнѣ Еверлаковой, племянницѣ кн. А. Д. Меньшикова.

Справки Разряднаго архива; Госуд. Арх. М. И. Д.: Кабинетскія дѣла II, № 21, л. 68; № 28, л. 489 и 491 и № 32, л. 167; П. И. Барановъ. Опись высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ Сенатскомъ Архивѣ, т. II, С.-Пб. 1875, стр. X и №№ 4843 и 5278; Кн. П. В. Долгоруковъ. Россійская родословная книга, т. I, стр. 166; Осмнадцатый вѣкъ, П. И. Бартенева, т. III, стр. 24; Сочиненія Д. И. Фонвизина, С.-Пб. 1866, стр. 216—217; Письма и бумаги Петра Великаго т. II, С.-Пб. 1889; Архивъ кн. Ѳ. А. Куракина, кн. 3 С.-Пб. 1892, стр. 306; Доклады и приговоры Сената, т. II, кн. 2, и т. IV, кн. 2; И. И. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, изд. 2, т. VI и X; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства II, т. VI, С.-Пб. 1891; Полное Собраніе Законовъ, т. IX, стр. 583, 873 и 874; Списокъ, военнымъ генераламъ со времени Имп. Петра I. до Импер. Екатерины II. С.-Пб. 1809, стр. 18.

Б. Л.

Панинъ, графъ *Никита Ивановичъ*, воспитатель императора Павла I. Род. 18-го сентября 1718 г., въ Данцигѣ, гдѣ отецъ его въ то время служилъ по коммисаріатскому вѣдомству; скончался 31-го марта 1783 г.

Первые годы дѣтства, о которомъ мы почти ничего не знаемъ, были проведены Панинымъ въ нѣмецкомъ городкѣ Перновѣ, Ревельской губ., гдѣ отецъ его, Иванъ Васильевичъ одно время былъ комендантомъ. Начало служебной дѣятельности Н. И. Панина относится еще къ царствованію Анны Іоанновны: въ 1740 г. онъ былъ изъ вахмистровъ конной гвардіи произведенъ въ корнеты. Нѣкоторыя дошедшія до насъ сообщенія иностранныхъ резидентовъ при петербургскомъ дворѣ отъ 1743 г. даютъ поводъ предположить, что уже въ первые годы царствованія Елизаветы Н. И. игралъ при дворѣ извѣстную роль: онъ былъ, будто бы, въ нѣкоторой степени даже опаснымъ соперникомъ Разумовскаго и И. И. Шувалова, чѣмъ и объясняется послѣдующее назначеніе совершенно молодого еще человѣка посланникомъ въ Данію. Въ 1747 г. Н. И. отправился къ своему посту черезъ Дрезденъ, въ Берлинѣ представлялся Фридриху II, а въ Гамбургѣ получилъ извѣстіе о своемъ пожалованіи въ камергеры. Но изъ Копенгагена онъ въ томъ же году перемѣщенъ былъ въ Стокгольмъ, гдѣ и пробылъ почти 12 лѣтъ. Положеніе русскаго посланника въ Швеціи было въ это время весьма трудное: задачей русской политики было, какъ извѣстно, препятствовать всѣми возможными средствами возстановленію тамъ самодержавія, при чемъ приходилось вести постоянную борьбу противъ представителей французскаго правительства. Панинъ съ самаго начала своего пребыванія въ Стокгольмѣ сознавалъ трудность своего положенія и безполезность многорѣчивыхъ деклараціи, которыя онъ долженъ былъ предъявлять шведскому правительству; онъ не разъ просилъ о своемъ отозваніи, но получалъ отказъ въ самыхъ лестныхъ для него выраженіяхъ. Особенно затруднительнымъ стало его положеніе послѣ смерти короля (1751 г.), когда Франція и Пруссія домогались заключить съ Швеціей союзъ противъ Россіи. Ненависть къ русскому посланнику въ то время доходила до того, что когда, въ страшные стокгольмскіе пожары 1751 г., народъ сталъ кричать о поджигателяхъ, имя Панина неоднократно называлось при этомъ. Послѣдовавшій затѣмъ полнѣйшій переворотъ въ политическихъ отношеніяхъ Европы (сближеніе Россіи съ Франціей и англо-прусская конвенція) совершенно измѣнили условія, въ которыхъ Панину приходилось дѣйствовать; кромѣ того, на положеніи его не замедлила отразиться и та борьба, которая именно въ то время велась при петербургскомъ дворѣ противъ канцлера Бестужева. Бестужевъ покровительствовалъ Панину и потому послѣдній имѣлъ при дворѣ могущественныхъ враговъ въ лицѣ гр. Воронцова и И. И. Шувалова. Отдавая справедливость донесеніямъ Панина, Бестужевъ не разъ сообщалъ ему, что они «больше злостныхъ, нежели разсмотрительныхъ критиковъ возбудили». Въ 1756 г. въ Стокгольмъ прибылъ съ спеціальнымъ порученіемъ Ягужинскій, зять И. И. Шувалова. Въ письмахъ къ Бестужеву Панинъ жаловался, что Ягужинскій очень скрытенъ съ нимъ, что черезъ переводчика своего онъ допытывается о знакомствахъ Панина, объ его перепискѣ съ нимъ, Бестужевымъ, и т. п. Когда Панинъ, которому, какъ и другимъ русскимъ посланникамъ, трудно было сразу войти въ дружелюбныя отношенія съ представителями Франціи, пытался доказывать невыгодность союза съ этою державой, онъ получилъ изъ Петербурга гнѣвный рескриптъ, поправленный рукой самого Воронцова: «самопроизвольныя» разсужденія Панина, какъ видно изъ этого документа, повлекли за собой строгое предписаніе, чтобы «онъ, по всеподданнѣйшей его должности, впредь съ большею осмотрительностью и согласно съ намѣреніями нашими о дѣлахъ разсуждалъ и поступалъ».

Панинъ, убѣжденный, что въ Коллегіи «твердо рѣшились искоренить его», и удрученный денежными заботами, писалъ, что счелъ бы себя счастливымъ, «еслибъ представился случай честною смертью избавить себя отъ всего»; тѣмъ не менѣе онъ и послѣ этого письма къ Бестужеву еще почти три года пробылъ въ Швеціи.

Когда послѣ сверженія Бестужева (1758 г.) иностранными дѣлами сталъ

завѣдывать Воронцовъ при помощи Шувалова, положеніе Панина стало совсѣмъ невозможнымъ; но 29-го іюня 1760 г. онъ совершенно неожиданно назначенъ былъ на мѣсто Бехтѣева воспитателемъ великаго князя Павла Петровича и оберъ-гофмейстеромъ къ его императорскому высочеству. При томъ вліяніи, которымъ пользовались въ то время враги Панина, это назначеніе его всегда казалось непонятнымъ, и врядъ ли можно удовлетвориться объясненіемъ, что «Елизавета не любила отнимать дѣятельности у людей, выдававшихся своими способностями». Какъ бы то ни было, новое назначеніе Панина оказало рѣшающее вліяніе на всю его карьеру. Ознакомившись по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1760 г. съ положеніемъ дѣлъ, Панинъ тотчасъ сталъ на сторону Екатерины. Его сближенію съ великой княгиней содѣйствовала извѣстная ему, конечно, близость Екатерины съ Бестужевымъ, а также положеніе его, какъ воспитателя Павла Поэтому, когда, незадолго до кончины Елизаветы, И. И. Шуваловъ обратился къ Панину съ словами, что всѣ убѣждены въ неспособности Петра, но одни желаютъ выслать изъ Россіи какъ его самого, такъ и жену его, и устроить правленіе именемъ Павла Петровича, а другіе—выслать лишь одного Петра, Панинъ категорически отказался отъ содѣйствія—подъ предлогомъ, что «всѣ подобные происки суть способы къ междоусобной погибели», и сообщилъ объ этихъ разговорахъ Екатеринѣ. По предположенію же Соловьева, этотъ отказъ послѣдовалъ только потому, что Панинъ могъ заподозрить неискренность предложеній, исходившихъ отъ непріязненныхъ ему людей. Дѣйствительно, уже въ то время враги, по его собственнымъ словамъ, пытались лишить его значенія, удаливъ отъ должности воспитателя цесаревича, и съ этою цѣлью предлагали ему мѣсто вице-канцлера. Вступленіе Петра III на престолъ еще болѣе сблизило Панина съ Екатериной. Личныя отношенія Панина къ новому императору, еще наканунѣ восшествія своего на престолъ оскорблявшему его, не могли быть хороши. Петръ, хотя не только оставилъ Панина воспитателемъ Павла, но еще пожаловалъ его (6-го апрѣля 1762 г.) чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и (2-го мая 1762 г.) орденомъ св. Андрея Первозваннаго, тѣмъ не менѣе, не довѣрялъ ему, почему при немъ всегда находился одинъ изъ флигель-адъютантовъ императора, и положеніе Панина было не прочно: ему грозила опасность быть вновь отправленнымъ въ Швецію, гдѣ ему предстояло, совмѣстно съ прусскимъ посланникомъ, хлопотать о возстановленіи самодержавія, противъ чего онъ самъ же боролся раньше всѣми средствами. Мысль о необходимости перемѣны въ правленіи все болѣе и болѣе тогда распространялась при дворѣ, но взгляды по сему предмету великой княгини Екатерины Алексѣевны и Панина были различны: «Панинъ,—какъ разсказывала впослѣдствіи сама императрица,—хотѣлъ, чтобы переворотъ совершился въ пользу моего сына». Есть извѣстія, хотя и не вполнѣ опредѣленныя, что стремленія Панина и тогда уже шли дальше, чѣмъ простая замѣна Екатерины Павломъ. Княгиня Дашкова разсказываетъ, напримѣръ, что когда она заговорила съ Никитой Панинымъ о необходимости перемѣны на престолѣ, то онъ, соглашаясь съ нею, прибавилъ, что недурно было бы также установить правительственную форму на началахъ шведской монархіи.

Не смотря, однако, на извѣстныя Екатеринѣ намѣренія Панина, онъ не только сохранилъ свое положеніе при Павлѣ Петровичѣ, но пріобрѣлъ еще большее значеніе, сдѣлавшись однимъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ императрицы. Но если планы Панина относительно возведенія на престолъ Павла Петровича и не осуществились, то онъ во всякомъ случаѣ не оставилъ, какъ кажется, мысли ввести большую правильность въ управленіи. Уже въ манифестѣ отъ 6-го іюня Императрица наиторжественнѣйше обѣщала императорскимъ словомъ «узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло», а уже въ августѣ, если не раньше, Панинъ представилъ ей обширный проектъ, касавшійся реформы верховнаго правительства.

Проектъ этотъ, прекрасно выражающій взгляды Панина, особенно заслу-

живаетъ подробнаго разсмотрѣнія. Прежде всего авторъ характеризуетъ дѣятельность Сената и рисуетъ картину той неурядицы, того произвола, который развился у насъ, вслѣдствіе существовавшихъ въ предыдущую эпоху порядковъ. Сенатъ, имѣющій подъ своимъ управленіемъ всѣ судебныя мѣста, вынужденъ, по его замѣчанію, руководствоваться законами и уставами, изданными въ разныя времена и, «быть можетъ, по большей части наивреднѣйшія, т.-е. тогда, когда, при настояніи случая, что востребовалось. Сенатъ не можетъ имѣть попеченій о томъ, чтобы натуральная перемѣна временъ, обстоятельствъ и вещей всегда была обращена на пользу государственную», такъ какъ первымъ его правиломъ является «наблюдать теченіе дѣла и производить ему принадлежащее, по силѣ выданныхъ законовъ и уставовъ на каждое судебное слѣдствіе!.. Сенатъ же рѣшаетъ дѣла не только по законамъ, изданнымъ въ разныя времена, но иногда скоропостижно, неосмотрительно и даже пристрастно... Всѣ дѣла разныхъ государственныхъ частей производятся въ ихъ собственныхъ коллегіяхъ и приказахъ еще больше съ наблюденіемъ одного приказнаго порядка, и Сенатъ не можетъ служить объединяющимъ учрежденіемъ. «Изъ сего—продолжаетъ Панинъ—«а наипаче изъ власти законоданія и самодержавной, само собою заключается, что главное истинное и общее о всемъ государствѣ попеченіе замыкается въ персонѣ государевой. Онъ же никакъ однако ее въ полезное дѣйствіе произвести не можетъ, какъ разумнымъ ея раздѣленіемъ между нѣкоторымъ малымъ числомъ избранныхъ къ тому единственно персонъ». Доказывая затѣмъ неудачу всѣхъ предшествовавшихъ попытокъ создать такое высшее учрежденіе, въ которомъ сосредоточена была бы законодательная дѣятельность, Панинъ особенно подробно останавливается на царствованіи Елизаветы Петровны, которому и даетъ очень рѣзкую критику. И въ бывшихъ прежде верховныхъ мѣстахъ «выборы къ нимъ персонъ были обращаемы въ чины, въ знатное происхожденіе и отличности припадочнымъ людямъ». Елизаветинскій же Домовый кабинетъ окончательно превратился въ «домашнее, а не государственное мѣсто, которымъ воспользовались тогдашніе припадочные люди для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ». Это-то мѣсто и было гибельно для государства и вредно для самого государя, именемъ котораго всегда прикрывались «припадочные люди». «Въ такомъ положеніи государство оставалось подлинно безъ общаго государственнаго попеченія. Государь былъ отдаленъ отъ правительства. Большіе и случайные господа не имѣли предѣловъ своимъ стремленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ; не улучшила дѣла и Елизаветинская конференція — «конференція-монстръ», такъ какъ фаворитъ оставался душою животворящею или умерщвляющею государство: прихоть была единственнымъ правиломъ, по которому дѣла къ производству были избираемы. «Да иначе—кончаетъ Панинъ—и быть невозможно тамъ, гдѣ въ верховномъ государевомъ мѣстѣ части государственныя безъ раздѣленія, и ни которыя никому особливо не поручены». Главная причина всѣхъ неурядицъ и описаннаго гибельнаго порядка заключается, по мнѣнію Панина, въ томъ, что «въ производствѣ дѣлъ всегда дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, и недоставало такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердо сохранить могли». «Необходимо, поэтому,—говоритъ онъ,—установить формою государственное верховное мѣсто лежисляціи или законоданія, изъ котораго, яко отъ единаго государя, и изъ единаго мѣста истекать будетъ собственное монаршее изволеніе оживотворяющеее и которое оградитъ самодержавную власть отъ скрытыхъ иногда похитителей оныя». Такимъ мѣстомъ и являлся проектированный Панинымъ Императорскій Совѣтъ, въ компетенцію котораго входили бы всѣ дѣла, принадлежащія, по уставамъ государственнымъ и по существу, самодержавной власти. Совѣтъ состоялъ бы не болѣе, чѣмъ изъ восьми, и не менѣе, чѣмъ изъ шести членовъ и раздѣлялся бы на 4 департамента: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ, военныхъ и морскихъ, каждымъ изъ которыхъ управлялъ бы одинъ изъ членовъ Совѣта—подъ названіемъ статсъ-секретаря или министра; министры эти могли быть,

однако, назначаемы и не изъ членовъ Совѣта, число которыхъ и при такомъ назначеніи со стороны оставалось бы неизмѣннымъ. Въ засѣданіяхъ Совѣта, которыя происходили бы пять разъ въ недѣлю въ присутствіи императора, «каждый министръ по своему департаменту предлагаетъ дѣла, принадлежащія къ его докладу и высочайшему императорскому рѣшенію», а «совѣтники императорскіе, своими мнѣніями и разсужденіями, оныя оговариваютъ, и мы нашимъ самодержавнымъ повелѣніемъ опредѣляемъ нашу послѣднюю резолюцію. Всякое новое узаконеніе, актъ, постановленіе, манифестъ, грамоты, патенты, которые государи сами прописываютъ, должны быть конгрясигнированы тѣмъ штатскимъ министромъ, по департаменту котораго оное дѣло производилось, дабы тѣмъ публика оныя отличать могла. Исходить же изъ Совѣта ничто не можетъ инако, какъ за собственноручнымъ монаршимъ подписаніемъ, и только въ случаяхъ маловажныхъ запросовъ и справокъ по дѣламъ, они подписываются однимъ изъ членовъ Совѣта или правителемъ его канцеляріи». Кромѣ учрежденія Совѣта, Панинъ предлагалъ нѣкоторыя измѣненія въ учрежденіи Сената, которому онъ желалъ предоставить право «имѣть свободность представлять на Высочайшія повелѣнія, ежели они въ исполненіи своемъ могутъ утѣснить наши государственные законы или народа нашего благосостояніе».

«Есть, какъ это извѣстно Вамъ,—писалъ Панинъ императрицѣ въ концѣ докладной записки,—такія особы, которымъ, для извѣстныхъ имъ особливыхъ видовъ и резоновъ, противно такое новое распоряженіе правительства; поэтому, дѣло требуетъ особаго монаршаго попеченія и цѣломудренной твердости, чтобы Совѣтъ взялъ тотчасъ свою форму и приведенъ былъ въ теченіе и чтобы не пришлось вскорѣ, какъ это бывало прежде, вновь развращать установленное».

Исторія этого проекта, однако, довольно печальна. Екатерина, обѣщавшая, какъ мы знаемъ, уже черезъ недѣлю по вступленіи на престолъ—«узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло»—и сама же поручившая Панину составленіе проекта, считала, казалось, вопросъ объ учрежденіи Совѣта дѣломъ рѣшеннымъ, такъ какъ въ проектѣ манифеста о возвращеніи Бестужева, онъ назначался «первымъ совѣтникомъ вновь учрежденнаго при дворѣ Императорскаго Совѣта»; но въ печатномъ манифестѣ отъ 31-го августа это мѣсто было уже исключено, и Екатерина предложила нѣсколькимъ лицамъ высказать свои соображенія по поводу проекта. Всѣ авторы замѣчаній желали, конечно, устранить изъ него все, что̀ являлось хотя бы отдаленнымъ намекомъ на ограниченіе самодержавной власти. Одинъ изъ авторовъ (редакторъ VII тома «Сборника Историческаго Общества» предполагаетъ въ немъ Бестужева) — видѣлъ опасность въ томъ пунктѣ учрежденія Сената, которымъ ему предоставлялось «имѣть свободность Ея Императорскому Величеству представлять и на собственныя Ея Величества повелѣнія». Фельдцейхмейстеръ Вильбоа полагалъ, что авторъ проекта, подъ видомъ защиты монархіи, такимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. «По крайней мѣрѣ,—говорилъ онъ,—если есть намѣреніе къ такому переустройству, то Императорскій Совѣтъ представился-бы первымъ къ тому шагомъ».

Нельзя сказать, чтобы проектируемый Панинымъ Совѣтъ былъ учрежденіемъ, пріятнымъ для императрицы. Уже докладная записка, представленная Н. И. Панинымъ при проектѣ, вся проникнута страстнымъ стремленіемъ уничтожить произволъ, устранить возможность вліянія фаворитизма и установить такую «твердую форму правительства», при которой государство управлялось «не изволеніемъ лицъ, а властью мѣстъ государственныхъ». Но, и помимо этого, нельзя не признать, что формою узаконенный Государственный Совѣтъ, безъ вѣдома, безъ подписи котораго не могъ быть изданъ ни одинъ актъ верховной воли, совѣщаться съ которымъ было обязательно—и самъ по себѣ, и, въ особенности, по сравненію съ порядками эпохи «припадочныхъ людей», былъ учрежденіемъ, очень неудобнымъ для представителей власти, а проектировав-

шееся Панинымъ право Сената представлять на высочайшія повелѣнія, будучи даровано Сенату спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ началѣ XIX-го столѣтія, даже и тогда вызвало опасенія въ средѣ защитниковъ неприкосновенности самодержавной власти и потому было вскорѣ отмѣнено. Учрежденный же Екатериной частный тайный Совѣтъ не имѣлъ уже того значенія, какое могли бы пріобрѣсти проектированные Панинымъ Совѣтъ и Сенатъ, и такъ какъ учрежденіемъ такого Совѣта не достигалась главная цѣль панинскаго проекта — «утвержденіе правительства на твердыхъ и непремѣнныхъ основаніяхъ закона», то неудивительно, что онъ былъ недоволенъ имъ.

Во всякомъ случаѣ, Панинъ на этотъ разъ потерпѣлъ пораженіе: 28-го декабря манифестъ объ учрежденіи Императорскаго Совѣта и о раздѣленіи Сената на департаменты былъ уже подписанъ императрицей, но затѣмъ листъ былъ разорванъ, — и Совѣтъ не былъ учрежденъ.

Объясненія требуетъ только вопросъ, какимъ образомъ Панинъ, при такихъ съ его стороны стремленіяхъ, могъ, почти до самой своей смерти, занимать, однако, столь выдающееся положеніе при дворѣ. Главной причиной вліянія Панина было, несомнѣнно, то значеніе, которое онъ могъ имѣть въ качествѣ воспитателя цесаревича Павла и которое должно было быть особенно велико вслѣдствіе тѣхъ особыхъ обстоятельствъ, какими сопровождалось вступленіе Екатерины на престолъ, и тѣхъ отношеній, какія затѣмъ существовали между императрицей и ея сыномъ: и самъ Панинъ, и императрица, и всѣ окружавшія ихъ лица связывали, какъ мы видимъ, значеніе Панина съ ролью его въ качествѣ воспитателя цесаревича. Дѣятельность Н. И., какъ воспитателя, вызывала въ литературѣ много нареканій. Начиная съ Лебедева и кончая г. Шумигорскимъ, всѣ упрекали его въ томъ, что онъ не только небрежно относился къ воспитанію наслѣдника, но намѣренно развращалъ его и, изъ-за своихъ личныхъ цѣлей, содѣйствовалъ раздору между императрицей и ея сыномъ. Намъ представляется болѣе правильнымъ взглядъ проф. Иконникова, указавшаго (въ рецензіи на соч. Кобеко) на то обстоятельство, что, внимательно изучая «Мнѣнія Панина о воспитаніи великаго князя Павла Петровича» и записки Порошина, необходимо придти къ убѣжденію, что Панинъ вѣрно понималъ свое назначеніе и, по мѣрѣ силъ и возможности, добросовѣстно исполнялъ свою обязанность. Онъ предлагалъ удалить отъ великаго князя «всякое излишество, великолѣпіе и роскошь, искушающія молодость»; требовалъ, чтобы кавалеры, опредѣляемые въ услугу его императорскому высочеству, были всѣ «благородныхъ сентиментовъ, добрыхъ нравовъ и обычаевъ», но какъ, по его замѣчанію, два послѣднія качества рѣдко прямо открыть въ общемъ обращеніи службъ и знакомствъ, ибо ихъ дѣйство больше (видно) въ своихъ семьяхъ и между домашними, нежели на общемъ театрѣ, того ради полезнѣе бъ было для его высочества, если бы на первое время никакихъ рангов къ тѣмъ должностямъ присвоено не было, но довольно опредѣлить достаточное къ тому жалованье». Въ особенности же Панинъ возражалъ противъ всякихъ преждевременныхъ ласкательствъ. Точно также обвиненія Панина въ томъ, что онъ, при воспитаніи Павла Петровича, мало обращалъ вниманія на изученіе имъ своего отечества, допускалъ насмѣшки надъ всѣмъ русскимъ, что онъ даже развращалъ цесаревича—врядъ ли основательны. Ставя на первый планъ изученіе исторіи, Панинъ прибавлялъ, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обратить вниманіе «предпочтительно на свое отечество». Далѣе онъ указывалъ на необходимость «добраго изученія нашего языка, успѣхомъ котораго сильно содѣйствовали Ломоносовъ и Сумароковъ», и совѣтовалъ блюсти за чистотой слова. Напротивъ, «Планъ воспитанія», составленный Панинымъ, указываетъ на всесторонность его образованія; самый способъ обученія, принятый Порошинымъ и которому онъ вполнѣ сочувствовалъ, былъ предложенъ Панинымъ; самъ Порошинъ, наконецъ, съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ бесѣды и наставленія, которыя могли, по его мнѣнію, оказать нравственное вліяніе на образъ мыслей цесаревича. «Н. И. Панинъ — говоритъ онъ, — изволилъ разсказывать о нѣкоторыхъ подробностяхъ, знаменующихъ истинную

великость государя Петра Великаго». «Его превосходительство, смотря на изображенія здѣшнихъ мѣстъ и обычаевъ, разсуждалъ, какъ много у иностранныхъ писателей въ разсужденіяхъ сего погрѣшностей, что по большей части пишутъ наугадъ и по невѣрнымъ сказкамъ; что сожалѣтельно, что сами мы о исправленіи оныхъ ошибокъ труда не прилагаемъ и не дѣлаемъ вѣрныхъ и обстоятельныхъ всему своему описаніи». «Его превосходительство Никита Ивановичъ и гр. Захаръ Григорьевичъ (Чернышевъ) разсуждали, какъ просвѣщенные люди, объ основаніяхъ любви къ отечеству, о союзахъ, присоединяющихъ насъ къ отечеству и пр. Я весьма былъ доволенъ, что Его Высочество слушалъ таковыя разсужденія». При этомъ, во многихъ случаяхъ Порошинъ считаетъ необходимымъ замѣтить о «благородныхъ сентиментахъ» Н. И. Панина, какъ, напримѣръ, послѣ его бесѣды о вредѣ лжи, «какъ въ разсужденіи дѣлъ общихъ, такъ и партикулярныхъ. Коль благополучно было бы сообщество, если бы много было сограждан съ такими благородными и великими мыслями», прибавляетъ онъ. Не менѣе дорожилъ Порошинъ и тѣми бесѣдами Панина, въ которыхъ выражались гуманные его взгляды,—бесѣдами о состояніи нынѣшнихъ нравовъ, сравнительно съ прежними вообще: каковы, напримѣръ, замѣчанія Панина по дѣлу Волынскаго, при чемъ о книгѣ прежнихъ приговоровъ, составленной несчастнымъ казненнымъ, Порошинъ замѣчаетъ: «при семъ разсуждалъ Н. И. Панинъ и казалось, что само человѣколюбіе изъ устъ его говорило». Неоднократно Порошинъ отмѣчаетъ также нравственныя наставленія цесаревичу, по поводу его поступковъ, и также одобряетъ ихъ. Вообще невозможно допустить, чтобы у Панина существовало неблаговидное намѣреніе вліять въ дурномъ направленіи на развитіе цесаревича; а не вполнѣ соотвѣтствовавшіе возрасту Павла Петровича разговоры, допускавшіеся въ его присутствіи, объясняются лишь общими условіями времени и среды: сама императрица-мать позволяла себѣ подобные разговоры съ сыномъ. Нельзя видѣть ничего предумышленнаго и въ томъ, что Панинъ позволялъ себѣ иногда при цесаревичѣ критическое отношеніе къ нѣкоторымъ порядкамъ екатерининскаго царствованія. Но какъ бы то ни было, вліяніе Панина на Павла Петровича было громадно; объ отношеніяхъ между ними иностранные послы говорили, что врядъ ли симпатіи между отцомъ и сыномъ могутъ быть сильнѣе; при необыкновенной измѣнчивости привязанностей и недовѣрчивости, обнаруженныхъ еще въ дѣтствѣ, Павелъ только къ Панину питалъ неизмѣнно полное довѣріе и находился подъ исключительно сильнымъ его вліяніемъ. При этомъ вліяніи, непрочность положенія, естественная послѣ каждаго насильственнаго переворота, и извѣстныя Екатеринѣ намѣренія Панина относительно возведенія на престолъ Павла естественно заставили ее быть очень осторожной по отношенію къ Панину и, въ то же время, исключали возможность искренне дружелюбныхъ къ нему отношеній. Цѣлый рядъ волненій въ теченіе всего царствованія дѣлалъ императрицу еще болѣе подозрительной, такъ какъ особенно часто въ этихъ волненіяхъ, хотя, безъ сомнѣнія, совершенно неосновательно, упоминалось имя Н. И. Панина. Уже осенью 1762 г., во время заговора Гурьевыхъ, заговорщики говорили: «мы стоимъ за то, для чего царевичъ не коронованъ, а теперь сомнѣніе у Панина съ Шуваловымъ, кому правителемъ быть». Въ слѣдующемъ году возникло извѣстное дѣло первыхъ пособниковъ Екатерины—Ласунскаго, Рославлева и Хитрово, по поводу даннаго, будто бы, императрицей Панину обѣщанія передать престолъ Павлу Петровичу. Въ крайне возбужденномъ состояніи Екатерина писала тогда сенатору Суворову: «Нельзя, чтобы онъ (Хитрово) не къ чему-нибудь вздумалъ, будто бы я обѣщала Панину быть правительницей. Нельзя статься, чтобы онъ ложь такую отъ А. и Г. Орловыхъ, какъ онъ сказалъ, слышалъ». Зависимость своего положенія отъ упомянутыхъ обстоятельствъ Екатерина понимала и сама очень хорошо. «Сначала,—говоритъ она Храповицкому,—мнѣ не было воли, а послѣ, по политическимъ соображеніямъ, не брала его отъ Панина. Всѣ думали, что если не у Панина, такъ онъ пропалъ». И дѣйствительно, въ литературѣ было уже указываемо на то, что въ самые

критическіе моменты императрица не рѣшалась брать на себя отвѣтственности относительно великаго князя, не получивъ согласія Панина. Совершенно такъ же смотрѣли, какъ мы уже говорили, на положеніе Панина и всѣ его враги, смотрѣлъ, наконецъ, онъ самъ. Всѣ интриги враговъ были всегда направлены къ удаленію Панина отъ должности воспитателя. Еще при Елизаветѣ Петровнѣ онъ, какъ мы знаемъ, отказывался отъ должности вице-канцлера, чтобы быть только при Павлѣ Петровичѣ. Въ началѣ царствованія Екатерины онъ самъ говорилъ, что его значеніе будетъ продолжаться только до тѣхъ поръ, пока его постель будетъ во дворцѣ, т.-е. пока онъ будетъ воспитателемъ. Этими отношеніями опредѣлялось до извѣстной степени положеніе Панина при дворѣ Екатерины.

Первое время Панинъ былъ лишь неоффиціальнымъ совѣтникомъ императрицы по вопросамъ внѣшней политики и долженъ былъ выдержать сильную борьбу со своимъ старымъ другомъ Бестужевымъ, съ которымъ онъ совершенно разошелся во взглядахъ. Иностранные послы сообщали своимъ правительствамъ объ интригахъ Бестужева и Григорія Орлова противъ Панина, который высказывалъ, поэтому, сильное желаніе удалиться отъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, 4-го октября 1763 г., по увольненіи въ отпускъ за границу гр. Воронцова, Панинъ былъ сдѣланъ старшимъ членомъ Иностранной коллегіи; въ октябрѣ же, по удаленіи Бестужева, Панину поручено было, «по теперешнимъ небезтруднымъ обстоятельствамъ», завѣдываніе дѣлами коллегіи. Не будучи оффиціально назначенъ канцлеромъ, онъ былъ поставленъ выше вице-канцлера князя Голицына и, въ теченіе почти цѣлаго двадцатилѣтія, оставался главнымъ совѣтникомъ Екатерины и руководителемъ внѣшней политики Россіи. Степень вліянія Панина на ходъ событій опредѣлить съ точностью, конечно, трудно: это вліяніе, какъ и вообще вся дипломатическая дѣятельность Панина, находилось въ связи съ борьбой придворныхъ партій и съ положеніемъ его при дворѣ; въ теченіе первыхъ лѣтъ царствованія вліяніе это было сильнѣе въ виду неопытности императрицы, которая позднѣе принимала все болѣе и болѣе опредѣленное и самостоятельное отношеніе къ отдѣльнымъ вопросамъ. Съ именемъ Панина прежде всего связывается представленіе о системѣ «Сѣвернаго союза» и о слѣпомъ подчиненіи русской политики видамъ и намѣреніямъ прусскаго короля Фридриха II. Панина обвиняютъ въ доктринерствѣ и въ томъ, что, находясь подъ совершенно исключительнымъ вліяніемъ польскаго короля, онъ, въ угоду ему, жертвовалъ русскими интересами. Разрѣшая эти вопросы, необходимо, прежде всего, различать подчиненность сознательную, злонамѣренную, отъ невольной, и необходимо далѣе, въ данномъ случаѣ, отличать дѣятельность Панина до 1772 года—до раздѣла Польши – и послѣ него. Панинъ, всегда и прежде всего, имѣлъ въ виду интересы Россіи и до 1772 г. относился довольно недовѣрчиво къ Фридриху, что̀ не мѣшало, однако, тому, чтобы послѣ 1772 г. онъ все болѣе и болѣе склонялся къ мысли о безусловной необходимости для Россіи прусскаго союза, въ то время, какъ императрица все болѣе и болѣе склонялась къ Австріи; въ теченіе этого періода дѣятельность Панина находится въ особенной зависимости отъ его личнаго положенія, отъ его отношеній къ Павлу Петровичу и къ императрицѣ.

Идея «Сѣвернаго аккорда», или концерта состояла, какъ извѣстно, въ томъ, что всѣ сѣверныя державы: Россія, Пруссія, Данія, Швеція и Польша, вмѣстѣ съ Англіей, должны были заключить общій наступательный и оборонительный союзъ для поддержанія мира на сѣверѣ Европы и противодѣйствія стремленіямъ бурбонской и габсбургской династій. Творцомъ этой системы нельзя, однако, считать, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, одного только Панина. Ненавистью къ Франціи, а слѣдовательно и къ Австріи, были проникнуты также и другіе русскіе дипломаты—Кейзерлингъ и Корфъ, изъ которыхъ первый еще раньше доказывалъ необходимость союза съ Пруссіей въ польскихъ дѣлахъ, а второй представилъ Екатеринѣ въ 1764 г. проектъ, въ которомъ предлагалъ на обсужденіе вопросъ: «нельзя ли на Сѣверѣ составить знатный и сильный союзъ противъ державъ бурбонскаго союза».

*

Воспринявъ горячо эту идею, Панинъ всѣ свои усилія направилъ къ ея осуществленію. «Этой новой и никогда въ сѣверной части Европы небывалой политической системой соединенія взаимной пользы и интересовъ всѣхъ между собой сосѣдственныхъ державъ въ независимости отъ посторонннихъ имъ дѣлъ интересовъ»,—системой, которая должна была, по мысли Панина, возвеличить Россію,—опредѣлилась политика его по отношенію къ отдѣльнымъ государствамъ. Въ стремленіи соединить совершенно разнородные интересы и сказалось доктринерство панинской политики: Польша должна была безусловно находиться подъ вліяніемъ Россіи, въ Швеціи и Даніи должно было быть устранено французское вліяніе, и Англія должна была съ этою цѣлью платить Швеціи субсидію; Пруссія была, конечно, особенно важнымъ членомъ предполагавшагося союза, но убѣдить Англію въ пользѣ, которую принесетъ ей платимая ею Швеціи субсидія, и убѣдить Фридриха II въ полезности для него союза съ Англіей было трудно.

Дѣятельность Панина по осуществленію этой системы началась съ установленія отношеній Россіи къ Пруссіи и русскаго вліянія въ Польшѣ. Фридрихъ жаждалъ союза съ Россіей; Панинъ же старался извлечь изъ этого союза, необходимаго для совмѣстныхъ съ Пруссіей дѣйствій въ Польшѣ, возможно большія выгоды и указывалъ постоянно прусскому послу Сольмсу на то, что въ Петербургѣ только онъ и императрица являются сторонниками прусскаго союза, и что Фридрихъ, если желаетъ союза, долженъ согласиться на нѣкоторыя уступки.

Въ Польшѣ прежде всего стоялъ на очереди вопросъ объ избраніи короля; энергичная, вполнѣ отвѣчавшая желаніямъ Екатерины, дѣятельность Панина въ этомъ направленіи сильно укрѣпила его положеніе. «Поздравляю васъ,—писала ему Екатерина послѣ выбора Понятовскаго,—съ королемъ, котораго мы дѣлали; сей случай наивящше умножаютъ къ вамъ мою довѣренность». На письмѣ Панина къ Репнину, предостерегавшему его отъ какой-то опасности, Екатерина, къ словамъ Панина: «Пожалуй, мой другъ сердечный, будь споконъ и увѣренъ, что все, кромѣ моего презрѣнія, ничего не заслуживаетъ»,—приписала: «А я, Екатерина, говорю, что Панину бояться нечего». Слѣдующими на очереди вопросами въ польскихъ дѣлахъ были вопросы о правахъ диссидентовъ и о нѣкоторыхъ преобразованіяхъ польской конституціи. Въ обоихъ этихъ вопросахъ во взглядахъ Панина сказалась, повидимому, нѣкоторая двойственность: стремленіе удовлетворить требованіямъ практическимъ и требованіямъ справедливости; по обоимъ этимъ вопросамъ онъ нѣкоторое время расходился и съ императрицей, и съ Фридрихомъ. Защищая права диссидентовъ, онъ прежде всего думалъ о пріобрѣтеніи этимъ путемъ вліянія въ Польшѣ; но въ защитѣ этихъ правъ онъ шелъ такъ далеко, что вызвалъ яростное сопротивленіе поляковъ и вынужденъ былъ согласиться на нѣкоторое сокращеніе своихъ первоначальныхъ требованій относительно расширенія свѣтскихъ правъ диссидентовъ. Стремленіемъ во что бы то ни стало укрѣпить свое вліяніе въ Польшѣ объясняется и то, что Панинъ такъ круто выступилъ противъ гайдамацкаго движенія, вызваннаго его же политикой относительно диссидентовъ въ Польшѣ: это движеніе могло скомпрометтировать русскую политику въ Польшѣ. Что касается вопроса о liberum veto, то въ то время, какъ Фридрихъ былъ противъ всякой попытки улучшенія государственнаго строя Польши, Панинъ былъ, какъ кажется, по крайней мѣрѣ первое время, иного мнѣнія. Онъ смотрѣлъ на Польшу, какъ на необходимаго члена «сѣвернаго аккорда» и говорилъ поэтому, что «Польша, если бы торговля ея и учрежденія были благоустроеннѣе, могла бы замѣнить для союзниковъ Австрію, не дѣлаясь для нихъ опасной». Вообще онъ находилъ слишкомъ жестокимъ лишить поляковъ возможности выйти изъ ихъ варварскаго состоянія; Фридрихъ же былъ безусловно противъ всякихъ реформъ, а императрица, колебавшаяся сначала, высказалась затѣмъ рѣшительно противъ отмѣны liberum veto; нѣкоторыя частныя реформы были, однако, проведены. Желая усилить вліяніе Россіи, Панинъ устранилъ при этомъ вмѣшательство Пруссіи, отъ Польши же потребовалъ заключенія до-

говора, который гарантію реформъ передавалъ въ руки русскаго правительства, что́ было, конечно, очень оскорбительно для поляковъ. Хотя Станиславъ-Августъ въ неудачѣ своихъ реформаторскихъ стремленій и обвинялъ главнымъ образомъ Фридриха, который открылъ будто бы глаза русскому двору на значеніе отмѣны liberum veto; но поляки всю свою ненависть обратили противъ Россіи и именно противъ Панина, который, желая какъ будто вывести Польшу изъ анархіи, въ то-же время довершалъ ея порабощеніе.

Привлекши къ русско-польскому договору и Фридриха, Панинъ былъ въ восторгѣ отъ своего дѣла и думалъ, что положилъ такимъ образомъ прочную основу своей сѣверной системѣ. Одновременно съ разрѣшеніемъ вопросовъ о русско-польскихъ и русско-прусскихъ отношеніяхъ, Панинъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ системѣ Англію и Данію; разность интересовъ не допускала сближенія съ Англіей, союзъ же съ Даніей былъ заключенъ, но сближеніе Даніи съ Пруссіей и Швеціи съ Россіей оказывалось невозможнымъ. Сотни тысячъ русскихъ денегъ были истрачены въ Швеціи, «которая въ разсужденіи дѣлъ и интересовъ нашихъ, по образу правленія его и по равнымъ націю шведскую раздѣляющимъ партіямъ, находилась въ томъ точно самомъ положеніи, въ каковомъ была по сю пору, да впредь всегда пребудетъ Польша», — для поддержки русской партіи. Но разразившаяся въ 1768 г. война съ Портой показала всю искусственность сооружаемой Панинымъ системы; вызванная главнымъ образомъ русской политикой въ Польшѣ, она показала особенно ясно недальновидность этой политики.

Война эта заставила прежде всего поднять голову всѣхъ противниковъ панинской прусской системы. Непріятно подѣйствовало на Панина прежде всего выраженное императрицей желаніе возстановить елизаветинскую конференцію,—ту самую конференцію-монстръ, которую онъ такъ жестоко характеризовалъ въ своей докладной запискѣ; «отъ сегодня до завтра,—писалъ онъ императрицѣ,—никакъ невозможно вдругъ учредить непремѣнный Совѣтъ, или конференцію, да и сіе на первый годъ истинно не нужно». Панинъ старался сдѣлать этотъ Совѣтъ временнымъ и, на вопросъ Екатерины, кого назначить членами, назвалъ, между прочимъ, осторожно и своего врага, гр. Орлова. Въ первомъ же засѣданіи Совѣта Панинъ былъ непріятно пораженъ еще тѣмъ, что Екатерина, совершенно помимо него, вмѣстѣ съ Орловымъ выработала планъ знаменитой «экспедиціи въ Средиземное море».

Панину приписывались теперь всѣ неудачи: «онъ раздражалъ поляковъ, раздражалъ Австрію и Францію, слѣдствіемъ чего было поднятіе Турціи, и, вмѣсто естественнаго союза съ Австріей, которая могла бы помочь противъ Турціи, выдумалъ какую-то сѣверную систему». Сольмсъ тогда же писалъ королю, что говорятъ объ удаленіи Панина, виновнаго въ настоящемъ замѣшательствѣ. Въ томъ же смыслѣ и англійскій посолъ Каткартъ доносилъ своему правительству, что Панинъ съ очень немногими долженъ выдерживать напоръ французской и австрійской партіи. По мнѣнію Каткарта, Панину нельзя было устоять противъ Орловыхъ, Чернышева, Разумовскаго, обоихъ Голицыныхъ и всѣхъ недовольныхъ новой системой и защищавшихъ австрійскую.

Въ засѣданіи Совѣта Панину предлагались нѣкоторые щекотливые вопросы. Чернышевъ, напримѣръ, прямо говорилъ, что «всѣ теперь дѣлаютъ приготовленія внутри государства, а о внѣшнихъ неизвѣстно, и тѣмъ осмѣливается спросить, есть ли при нынѣшнемъ случаѣ такіе союзники, на которыхъ бы можно во время нужды положиться». Когда позже, вмѣсто Голицына главнокомандующимъ первой арміей въ Турціи былъ назначенъ Румянцевъ, а не Петръ Панинъ, то близкіе Панинымъ люди были очень недовольны.

Открывшаяся война очень затрудняла дипломатическую дѣятельность Панина, тѣмъ болѣе, что въ то же время сдѣлалось очень тревожнымъ положеніе дѣлъ на сѣверѣ—въ Швеціи, гдѣ Россіи приходилось бороться съ сильнымъ французскимъ вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе частнымъ успѣхомъ должно считаться то, что Панину удалось заставить Фридриха II, который хлопоталъ о возобнов-

леніи трактата 1764 года, дать обязательство совершить диверсію въ шведскую Померанію, въ случаѣ какого-либо переворота въ Швеціи; въ декабрѣ 1769 г. ему удалось возобновить союзъ и съ Даніей. Такимъ образомъ, еще болѣе скрѣплены были узы, связующія Россію съ старыми друзьями—Пруссіей и Даніей. Привлеченіе же другихъ государствъ было несравненно труднѣе. Съ Англіей еще задолго до разрыва съ Турціей шли переговоры, но, не смотря на всю настойчивость Панина, союзъ не могъ быть заключенъ, такъ какъ Англія не соглашалась взять на себя часть издержекъ по выбору польскаго короля и не хотѣла принимать на себя никакихъ обязательствъ на случай разрыва съ Турціей; единственно, на что она соглашалась,—была поддержка деньгами Даніи и Россіи въ смыслѣ сохраненія на сѣверѣ спокойствія и противодѣйствія вліянію Франціи. Послѣ того, какъ старанія русскаго посла въ Стокгольмѣ Остермана заключить русско-шведскій союзъ рушились, Панинъ старался сблизить Пруссію съ Даніей и создать между ними союзъ, который былъ бы третьимъ шагомъ на пути къ сѣверной системѣ, но и это оказалось невозможнымъ, вслѣдствіе сопротивленія прусскаго короля, который хотѣлъ изолировать Россію отъ другихъ государствъ и такимъ образомъ убѣдить ее въ необходимости прусской дружбы.

Наиболѣе важнымъ слѣдствіемъ русско-турецкой войны былъ вызванный ею раздѣлъ Польши, къ которому привелъ Россію Фридрихъ.

Когда король, чтобы испытать Н. И. Панина относительно этого вопроса, послалъ въ февралѣ 1769 г. въ Петербургъ составленный имъ—и извѣстный подъ названіемъ проекта графа Линара—планъ раздѣла, то Панинъ развилъ цѣлый проектъ союза между Австріей, Пруссіей и Россіей съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы, при чемъ Австрія должна была быть вознаграждена турецкими владѣніями, Пруссія—польскими, а Россія, какъ говорилъ Панинъ, не нуждается въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ. Когда, затѣмъ, во время пребыванія принца Генриха въ Петербургѣ, Екатерина и нѣкоторые изъ ея приближенныхъ, послѣ занятія Цинца австрійцами, прямо предлагали Генриху вопросъ, почему бы и имъ не владѣть частью Польши,—Панинъ высказалъ совершенно противоположное мнѣніе. «Пруссія и Россія,—говорилъ онъ Сольмсу,—должны лучше отвратить Австрію отъ ея намѣренія, чѣмъ слѣдовать ея примѣру; онъ самъ никогда не дастъ своей повелительницѣ совѣта забирать другія владѣнія». Онъ просилъ, далѣе, Сольмса не содѣйствовать этому плану, такъ какъ онъ не желалъ бы проповѣдывать Россіи стремленіе къ новымъ пріобрѣтеніямъ только ради выгодъ. Каковы бы ни были, однако, истинныя мнѣнія Панина по этому вопросу, онъ былъ вынужденъ тяжелымъ положеніемъ, въ которое Россія была поставлена Турецкой войной, согласиться на предложенный Фридрихомъ планъ раздѣла Польши. Въ началѣ войны, Панинъ старался еще возвратить свою самостоятельность и упорно отклонялъ предложенія Фридриха о посредничествѣ; онъ говорилъ, что во всякомъ случаѣ къ этому посредничеству необходимо привлечь и Англію. Это очень разсердило Фридриха, который, для болѣе успѣшнаго хода переговоровъ, послалъ въ Петербургъ своего брата Генриха. Но Панинъ, и въ разговорахъ съ нимъ, настаивалъ на необходимости объявленія Австріей и Пруссіей войны Турціи; онъ старался объяснить Генриху эту «прекраснѣйшую и счастливѣйшую идею тройного союза». Однако, Фридрихъ былъ уже занятъ исключительно мыслью о раздѣлѣ Польши,—только для этого онъ желалъ тройственнаго союза,—а никакъ не для войны съ Турціей. Переговоры кончились, какъ извѣстно, пораженіемъ Панина. Уже соглашаясь на предлагаемый раздѣлъ, Панинъ явно понималъ, что нельзя смотрѣть на польскія пріобрѣтенія, какъ на награду за Турецкую войну, такъ какъ Австрія и Пруссія получали части Польши даромъ, и хотѣлъ поэтому условиться съ Австріей относительно Турціи; тѣмъ не менѣе, онъ вынужденъ былъ согласиться на раздѣлъ, потому что безъ него невозможно уже было заключеніе выгоднаго мира съ Портой.

Послѣ прежнихъ своихъ заявленій о несправедливости такой мѣры, Панинъ теперь утѣшалъ себя разсужденіемъ о

томъ, что Польша можетъ и послѣ раздѣловъ существовать, какъ значительное государство, а отторгнутыя части ея не потеряютъ ничего, не будучи болѣе подчинены столь безпорядочному правительству.

Если уже разрывъ съ Турціей отразился на положеніи Панина, то пораженіе, которое Россія потерпѣла теперь отъ Пруссіи, еще болѣе повредило ему. такъ какъ съ этого времени онъ находится въ разладѣ съ самой императрицей. Россія оказалась въ смѣшномъ положеніи. Екатерина увидѣла ясно, что была въ рукахъ Фридриха только орудіемъ для достиженія его цѣлей. Французскій повѣренный въ дѣлахъ доносилъ своему двору, что русскіе люди особенно упрекаютъ Панина за усиленіе Пруссіи. Григорій Орловъ говорилъ публично, что люди, составлявшіе раздѣльный договоръ, заслуживаютъ смертной казни. Панинъ, какъ передаютъ, самъ признавался, что обстоятельства завели его далеко противъ желанія.

Въ 1772 г., кромѣ раздѣла Польши, произошло и другое событіе, на которое нельзя не смотрѣть, какъ на пораженіе Панина. Въ августѣ этого года молодой шведскій король Густавъ III произвелъ переворотъ, возстановлявшій самодержавіе и заставшій совершенно врасплохъ русское правительство. Къ веснѣ 1773 г. Панинъ мечталъ о заключеніи мира съ Турціей, о вторженіи Россіи въ Финляндію, Даніи въ Далекарлію и Пруссіи—въ Померанію, но Франція и Швеція приложили всѣ усилія, чтобы поддержать войну между Турціей и Россіей; Панинъ вынужденъ былъ временно согласиться на мирныя предложенія Густава III.

Съ этого момента мнѣнія Панина и императрицы начинаютъ все болѣе и болѣе расходиться: Панинъ остается приверженцемъ прусскаго союза въ то время, какъ императрица, все болѣе и болѣе увлекаясь восточной политикой, убѣждается въ необходимости сближенія съ Австріей. Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что это разногласіе находилось въ связи съ положеніемъ Панина при дворѣ и борьбой придворныхъ партій. Именно въ эти годы Панину пришлось выдержать особенно сильную борьбу съ своими противниками и именно въ эти годы особенно обострились отношенія обоихъ братьевъ Паниныхъ къ императрицѣ. Съ этого момента Панинъ и его воспитанникъ. цесаревичъ Павелъ Петровичъ, разладъ котораго съ матерью все болѣе и болѣе усиливался съ теченіемъ времени, являются единственными горячими приверженцами прусскаго союза.

Въ 1771—1772 г.г. особенно сильна была борьба Панина съ гр. Орловымъ: воспользовавшись отъѣздомъ послѣдняго въ Москву на время чумы и, позже, поѣздкой его на конгрессъ въ Фокшаны, Панинъ съумѣлъ, какъ будто, на нѣкоторое время подорвать его вліяніе, выдвинувъ на его мѣсто Васильчикова, но это былъ только временный и, быть можетъ, только кажущійся успѣхъ, такъ какъ императрица всегда скрывала отъ Панина свою переписку съ Орловымъ. «Глубокомысленные политики, — какъ писалъ Сольмсъ, — думали, что императрица будетъ очень довольна имѣть Орлова по близости, какъ лицо довѣренное, и пользоваться его услугами въ томъ случаѣ, если гр. Панинъ, именемъ великаго князя, задумалъ бы предпринять что-либо противъ нея».

Въ эти интриги вмѣшался Сальдернъ—русскій дипломатъ, ведшій раньше, по порученію Панина, переговоры съ Фридрихомъ II и бывшій затѣмъ посланникомъ въ Варшавѣ. Разошедшись съ Панинымъ по польскому вопросу, Сальдернъ, по возвращеніи изъ Варшавы, адресовался къ нему съ «самыми ужасными предложеніями», но, отвергнутый имъ, обратился къ великому князю и наклеветалъ на Панина. Панинъ говорилъ, что не можетъ оглашать этого поступка, не компрометируя великаго князя, но считалъ Сальдерна своимъ главнымъ врагомъ. Сальдернъ хлопоталъ, будто бы, о возвращеніи Орлова, пріобрѣлъ этимъ довѣріе Екатерины и пользовался имъ теперь, чтобы низвергнуть его, Панина. Достигнуть этого было легко, такъ какъ Екатерина, по словамъ Панина, обращеннымъ къ Сольмсу, не проститъ ему, Панину, того, что онъ откровенно говорилъ ей про графа Орлова. Отношенія Екатерины къ Панину въ это время были таковы, что, когда Панинъ высказался за присоединеніе Данцига къ Пруссіи (хотя раньше былъ противоположнаго мнѣнія), императрица

отвѣтила ему, что совѣтовать ей такъ можетъ только тотъ, кто желаетъ предать Россію; дѣло это было настолько серьезно, что, по словамъ Панина, сказаннымъ Сольмсу, «императрица и онъ, находясь вмѣстѣ почти цѣлый день, не разговариваютъ». Панинъ, по разсказамъ современниковъ, былъ настолько удрученъ этимъ, что думалъ, по заключеніи мира, отказаться отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и сохранить за собой мѣсто только при особѣ великаго князя. Великому князю предстояло вскорѣ вступить въ бракъ, и Панинъ принималъ мѣры, чтобы сохранить за собой вліяніе на будущую супругу своего воспитанника; посредникомъ въ выборѣ невѣсты былъ близкій Панину человѣкъ — бывшій датскій посолъ въ Петербургѣ Ассебургъ. Перлюстрація доставила Екатеринѣ письмо Ассебурга къ Панину, «что ландграфиня (мать невѣсты Павла Петровича) весьма хорошо настроена, что не будетъ слушать ничьихъ совѣтовъ, кромѣ Панина, и что она будетъ слушаться его и повиноваться ему во всемъ». Впослѣдствіи Панина обвиняли и въ томъ, что онъ помогъ Ассебургу скрыть отъ Екатерины, что «невѣста Павла Петровича страдала искривленіемъ позвоночнаго столба». Императрица была въ негодованіи отъ этого вмѣшательства Панина. Въ отвѣтъ на ея письмо по поводу этого, баронъ Черкасовъ отвѣчалъ: «Графъ Панинъ сильно ошибается, желая вести ваши дѣла на свой манеръ. Онъ едва самъ умѣетъ вести себя, и то довольно худо». Съ вступленіемъ Павла въ бракъ, императрица не замедлила воспользоваться представившимся ей удобнымъ случаемъ и богато одаривъ Панина, удалила его отъ должности оберъ-гофмейстера. «Домъ мой, — пишетъ она недѣлю спустя послѣ свадьбы (въ октябрѣ 1773 г.) госпожѣ Бьелке, — очищенъ или почти что очищенъ. Всѣ жеманства происходили, какъ я предвидѣла, но, однако же, воля Господня совершилась, какъ я предсказывала».

Къ тому же времени относятся нѣкоторыя сообщенія объ отношеніяхъ между императрицей и обоими братьями Паниными (Петръ Панинъ былъ очень близокъ со своимъ братомъ Никитой), которыя показываютъ, насколько нехороши были эти отношенія въ дѣйствительности. Екатерина имѣла какъ будто причины быть особенно недовольной Петромъ Панинымъ и писала о немъ въ Москву главнокомандующему князю Волконскому, какъ о дерзкомъ болтунѣ, котораго слѣдовало бы унять. «Но,—продолжаетъ она,—какъ богатствомъ я брата его осыпала выше заслугъ и превознесла,—полагаю, что и онъ его уйметъ же, и домъ мой очистится отъ каверзы». Еще любопытнѣе эпизодъ съ назначеніемъ Петра Панина главнокомандующимъ противъ Пугачева. Въ собранномъ, послѣ взятія Казани, засѣданіи Совѣта Екатерина выразила желаніе лично отправиться противъ мятежниковъ; Никита Панинъ доказывалъ неудобство такого намѣренія и, по закрытіи засѣданія, предложилъ ей услуги своего брата. Екатерина выразила радость и увѣряла, что никогда не умаляла къ Панину своей довѣренности, но истинныя ея чувства и отношенія къ обоимъ братьямъ выясняются изъ частной переписки. «Я,—писалъ Никита брату,—съ перваго же примѣтить могъ, что, сколько по разсудку употребленіе тебя къ настоящему твоему дѣлу почтено было совершенно нужнымъ и необходимымъ, однако же столько же по послѣдней мѣрѣ сочтено внутренно крайнимъ и чувствительнымъ себѣ уничиженіемъ». И Никита Ивановичъ не ошибался. «Увидишь,—писала Екатерина въ то же время Потемкину,—что господинъ графъ Панинъ изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльной властью въ лучшей части имперіи. Что, если я подпишу (дѣло идетъ о полномочіяхъ, которыхъ требовалъ Панинъ), то не токмо князь Волконскій, но я сама ни малѣйше не сбережена, какъ передъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, но, боясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю».

Главнымъ средствомъ Панина удержать свое положеніе и отстоять союзъ съ Пруссіей, срокъ которому истекалъ въ 1777 г., было, по удаленіи его отъ должности оберъ-гофмейстера, вліяніе на молодой дворъ. По смерти Натальи Алексѣевны (15-го апрѣля 1776 г.), въ выборѣ которой участвовалъ Панинъ, Павелъ Петровичъ женился очень скоро вторично, но Н. И. съумѣлъ не только сохранить, но даже и усилить свое вліяніе

на Павла Петровича и его жену: онъ очень скоро съумѣлъ пріобрѣсти полное довѣріе Маріи Ѳедоровны, такъ что даже ея родители, въ затруднительныхъ случаяхъ, дѣйствовали согласно его указаніямъ.

Нѣтъ основанія предполагать, что Н. И. Панинъ пользовался своимъ вліяніемъ исключительно для того, чтобы возстановлять молодой дворъ противъ Екатерины,—онъ пользовался имъ для того, чтобы упрочить свое положеніе противъ ненавистныхъ фаворитовъ и отстаивать свою политическую систему. Когда, напримѣръ, въ іюнѣ 1777 г. въ Петербургъ пріѣхалъ шведскій король Густавъ II, съ цѣлью сближенія съ Россіей и обезпеченія, при посредствѣ ея, шведской Помераніи отъ Фридриха II, то Павелъ Петровичъ въ разговорѣ съ нимъ выказалъ себя страстнымъ поклонникомъ Фридриха и съ негодованіемъ сообщилъ Н. И. Панину нелестные отзывы Густава о прусскомъ королѣ.

Изъ переписки Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны съ Панинымъ за это время видно, какое единомысліе и взаимное довѣріе господствовали въ этомъ кружкѣ: Марія Ѳедоровна со всѣми просьбами обращалась къ Панину и съ удивительною откровенностью жаловалась ему на свое тяжелое положеніе. Когда, годомъ позже, Марія Ѳедоровна желала выдать свою сестру за принца Петра Голштинскаго, ей содѣйствовалъ въ этомъ Н. И., не смотря на то, что Екатерина въ душѣ желала женить его на дочери принца Фердинанда Брауншвейгскаго. Когда, наконецъ, послѣ Тешенскаго мира Екатерина, занятая уже своимъ восточнымъ проектомъ, окончательно склонилась на сторону Австріи, Н. И. Панину пришлось вступить въ борьбу съ вліяніемъ Іосифа II. Австрійскій императоръ, заботливостью своей о семьѣ Маріи Ѳедоровны, старался привлечь ее на свою сторону—и не безъ успѣха, несмотря на противодѣйствіе Панина: есть извѣстіе, что сама мать Маріи Ѳедоровны убѣждала Павла Петровича и свою дочь не такъ подчиняться внушеніямъ Панина, для того, чтобы сойтись съ Екатериной. Іосифъ, пріѣхавшій лѣтомъ 1780 г. въ Петербургъ, старался произвести на великокняжескую чету наилучшее впечатлѣніе и для этого, какъ писала Марія Ѳедоровна, даже «чрезвычайно ласкалъ нашего дорогого графа Панина». Іосифъ дѣйствительно привлекъ симпатіи Маріи Ѳедоровны предложеніемъ выдать ея сестру за своего племянника, наслѣдника австрійскаго престола. Когда же, по отъѣздѣ Іосифа, въ Петербургъ пріѣхалъ племянникъ прусскаго короля Фридрихъ-Вильгельмъ, Панинъ старался объяснить наслѣдникамъ обоихъ престоловъ систему политики, которой должны были держаться оба двора, и доказывалъ, что союзъ между ними долженъ былъ быть вѣчнымъ; подъ вліяніемъ Панина Фридрихъ-Вильгельмъ и Павелъ Петровичъ обмѣнивались увѣреніями въ вѣчной дружбѣ, но, не смотря на всѣ усилія Панина, сближеніе княжеской четы съ Габсбургскимъ домомъ все таки состоялось, а это равнялось отчужденію ея отъ Пруссіи.

Екатерина была очень недовольна происками Н. И. Панина противъ брака Елизаветы съ наслѣдникомъ австрійскаго престола, и объ опалѣ его, какъ видно изъ писемъ принцессы Доротеи, ходили слухи уже въ началѣ 1781 г. Но, помимо этого, опала Панина находится въ нѣкоторой, хотя и мало намъ извѣстной, связи съ дѣятельностью его о декларації вооруженнаго нейтралитета и отношеніямъ его къ Потемкину.

Возникновеніе вооруженнаго нейтралитета объяснялось придворными интригами: Потемкинъ хотѣлъ, будто бы, чтобы Россія заключала миръ съ Англіей, а Панинъ, на зло Потемкину, убѣдилъ императрицу издать декларацію, явно направленную противъ Англіи. Въ томъ, что Гаррисъ съ Потемкинымъ старались дѣйствовать противъ Панина и что послѣдній былъ противникомъ Англіи,—нѣтъ сомнѣнія. Не выясненнымъ остается только вопросъ о томъ, каково было участіе Панина въ созданіи самого акта—о вооруженномъ нейтралитетѣ, т.-е. вопросъ о томъ, насколько онъ былъ созданъ безъ его вѣдома. Во всякомъ случаѣ, Гаррисъ, будучи увѣренъ во враждебности Панина, велъ противъ него интриги и въ декабрѣ 1780 г., въ разговорѣ съ императрицей, прямо сказалъ ей, что Панинъ ее обманываетъ, что онъ вошелъ въ секретную сдѣлку съ французскимъ посланникомъ и служитъ

прусскому королю больше, чѣмъ самой императрицѣ.

Наконецъ, въ маѣ 1781 г. Панинъ взялъ отпускъ и удалился въ пожалованное ему имѣніе Дугино. Но когда вопросъ о поѣздкѣ Павла Петровича съ молодой женой за границу былъ рѣшенъ окончательно, Панинъ, въ началѣ сентября 1781 г., возвратился въ Петербургъ; какъ разсказываетъ Гаррисъ, объ этомъ возвращеніи умолялъ Панина Фридрихъ. Возвращеніе въ Петербургъ послѣдовало подъ предлогомъ желанія присутствовать при прививтіи оспы дѣтямъ Павла Петровича. Панинъ дѣлалъ все возможное, чтобы помѣшать этому путешествію: Марію Ѳедоровну онъ пугалъ опасностью оспы для дѣтей. Павлу же внушалъ, будто бы, опасенія за положеніе дѣлъ въ Россіи. Не будучи въ состояніи задержать поѣздку, онъ старался возбудить великую княгиню противъ Іосифа, и надѣялся, что цесаревичъ побываетъ также въ Берлинѣ. Во все время путешествія Павла Петровича Панинъ поддерживалъ съ нимъ переписку; въ отсутствіе же великокняжеской четы за границей, разыгралось извѣстное бибиковское дѣло. Въ одномъ перехваченномъ письмѣ флигель-адъютанта Бибикова къ Куракину, сопровождавшему Павла, Екатерина прочла жалобу на страданіе отечества, на грустное положеніе всѣхъ, «сколько насъ ни на есть добромыслящихъ и имѣющихъ еще нѣкоторую энергію», что автора письма поддерживаютъ еще только надежда на будущее и мысль, что все приметъ свой естественный порядокъ. Хотя отправленныя съ тѣмъ же курьеромъ письма Панина были спасены отъ перлюстраціи, но на нихъ ссылался въ своемъ письмѣ Бибиковъ, и Екатерина поняла, что за этими лицами стояли другія, болѣе важныя, бывшія или слывшія приверженцами Павла Петровича. Донельзя взволнованная, она безуспѣшно старалась узнать подробности и намѣренія этихъ «добромыслящихъ людей»; дѣломъ Бибикова была во всякомъ случаѣ окончательно и безповоротно осуждена вся панинская партія.

По возвращеніи молодой четы изъ заграницы измѣнились, хотя какъ будто вынужденно (быть можетъ, именно подъ вліяніемъ этого дѣла), отношенія ея къ Панину. Посѣтивъ Панина на другой день послѣ пріѣзда, Павелъ затѣмъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца не заглядывалъ къ нему. 29-го марта 1783 г. молодые супруги, по разсказу самого Павла, когда разговаривали о Панинѣ, «пришли въ несказанную чувствительность»; «онъ веселъ и свѣжъ былъ, какъ я его уже года три не видывалъ». Черезъ два дня послѣ того (31-го марта 1783 г.) Панинъ умеръ на рукахъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны, прибывшихъ къ нему при первомъ извѣстіи, что ему стало хуже. По словамъ убитаго горемъ Павла, «онъ оставилъ по себѣ общее уваженіе, заставляющее молчать и непріятелей его, стыдящихся не одного быть мнѣнія съ публикой, чему доказательствомъ былъ день похоронъ его, гдѣ, будучи на выносѣ, поѣхало народу, которыхъ съ роду у него не видали». Екатерина была иного мнѣнія: уже по смерти Панина, сравнивая его съ Орловымъ, она нашлась только сказать, что Панинъ умѣлъ скрывать свои недостатки. Увѣковѣчить свою признательность Панину Павелъ могъ лишь по смерти Екатерины, воздвигнувъ ему въ 1797 г. памятникъ въ церкви св. Магдалины въ Павловскѣ.

Каковы бы ни были мнѣнія о дипломатическихъ талантахъ Панина: онъ былъ прежде всего однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени; на образованіе его имѣло, безъ сомнѣнія, большое вліяніе двѣнадцатилѣтнее пребываніе его заграницей. Изъ записокъ Порошина мы узнаемъ затѣмъ, какіе вопросы въ особенности интересовали Панина: разговоры за столомъ Павла Петровича особенно часто касались государственнаго устройства и политики иностранныхъ державъ. Таковы: разсужденія о шведскихъ учрежденіяхъ и вліяніи ихъ на коллегіальное устройство въ Россіи; о государственныхъ учрежденіяхъ и правленіи въ Даніи («изъ сего вышли и генеральныя о государственныхъ уставахъ разсужденія»), Англіи и Франціи, Голландіи и Гамбурга; о судахъ, училищахъ и просвѣщеніи вообще. Когда однажды зашла рѣчь вообще о системѣ государственныхъ доходовъ по поводу книги Дантесса о коммерціи Англіи и Франціи, Панинъ замѣтилъ, напримѣръ, что авторъ

«все выкралъ изъ одного англійскаго писателя»; отъ Панина великій князь, по словамъ Гарриса, получилъ порядочное знаніе и новѣйшей исторіи Европы. Съ Порошинымъ Панинъ вступалъ и въ болѣе отвлеченные научные разговоры, напримѣръ, о Лейбницѣ, Даламберѣ, Фонтенелѣ, сочиненіе котораго «о множествѣ міровъ» онъ позволилъ прочесть великому князю, какъ «представляющее въ пріятномъ видѣ наитруднѣйшія вещи»; нерѣдко касался онъ и новой политической литературы. Очень часто разговоръ заходилъ также о вопросахъ русской исторіи: о предшествующихъ царствованіяхъ вообще, о воспитаніи Петра II, объ Остерманѣ, о царствованіи Елизаветы, о современномъ состояніи Россіи и разныхъ событіяхъ, «о законахъ и штатскихъ учрежденіяхъ, о положеніи Россійской Академіи Наукъ, которая оставлена безъ всякаго попеченія, и о томъ, что нижнихъ школъ для воспитанія юношества и приготовленія онаго къ академическимъ наукамъ у насъ нѣтъ, что оныя, для распространенія наукъ, необходимы потребны»; «о нѣкоторыхъ подробностяхъ, знаменующихъ истинную великость государя Петра Великаго». Многіе изъ разговоровъ указываютъ на гуманные взгляды Панина и на отношеніе его къ нравамъ, предшествующей эпохи. Когда рѣчь зашла разъ о Волынскомъ, Панинъ «изволилъ сказывать, что онъ недавно читалъ это дѣло, и чуть его параличъ не убилъ». «Сказывалъ мнѣ, — говоритъ Порошинъ,—его превосходительство, что онъ собралъ нынѣ отвсюду рапорты, гдѣ какіе колодники содержатся и по какимъ дѣламъ въ разныя правленія разосланы. Изволилъ говорить, что прелестная у него теперь о томъ книга, что вчера читалъ ее и съ удивленіемъ видѣлъ, что люди за такія вины кнутьями сѣчены и батогами биты были, за которыя бы выговоромъ только строгимъ наказать было достойно; что потому нѣкоторымъ образомъ можно разсуждать о правахъ тѣхъ временъ». Не разъ проскальзываютъ у Порошина также отзывы, указывающіе на критическое отношеніе Панина къ современнымъ нравамъ и къ порядкамъ блестящаго двора Екатерины. Основной чертой взглядовъ Панина является стремленіе къ установленію законности. Произволъ, который онъ клеймилъ въ объяснительной запискѣ къ проекту Государственнаго Совѣта и который, какъ онъ не могъ не видѣть, продолжалъ господствовать и въ его время, дѣлалъ Россію въ его глазахъ государствомъ деспотическимъ. По поводу возраженій, представленныхъ петербургскимъ академикомъ Штрубе-де-Бирмонтъ (въ соч. «Lettres Russiennes») на тѣ мѣста «Духа Законовъ», въ которыхъ авторъ, говоря о деспотическихъ государствахъ, нѣсколько разъ называетъ и Россію. Панинъ говорилъ: Штрубе «a dit tout ce qu'il a pû dire», а «Монтескье все Монтескье останется». Любопытна характеристика взглядовъ, Панина которую далъ одинъ изъ наиболѣе близкихъ къ нему людей, знаменитый авторъ «Недоросля» и «Бригадира»: «По внутреннимъ дѣламъ, — пишетъ Фонвизинъ,—гнушался онъ въ душѣ своей поведеніемъ тѣхъ, которые, по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству, составляли государственный секретъ изъ того, что въ части благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причина налоговъ и прочее. Не могъ онъ терпѣть, чтобы по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя коммиссіи, помимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленіе. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государства: пойдетъ ли кто съ докладомъ къ Государю прямо о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ Сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчіе въ сегодняшнемъ постановленіи противъ вчерашняго, услышитъ ли онъ о безмолвномъ временщикамъ повиновеніи тѣхъ, которые по званію обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ, всякій подвигъ презрительной корысти или пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастьемъ на знаменитыя степени,—приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу».

«Верховная власть,—говорилъ Панинъ въ своемъ упомянутомъ выше политиче-

скомъ завѣщаніи,—ввѣряется государю для единаго блага его подданныхъ... Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ высшей Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменовать ни могущества, ни достоинства своего иначе, какъ постановя въ государствѣ своемъ правила непреложныя, основанныя на благѣ общемъ и которыхъ не могъ бы нарушить самъ, не преставъ быть достойнымъ государемъ. Безъ сихъ правилъ, или точнѣе объясниться, безъ непремѣнныхъ государственныхъ законовъ не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя... Державшійся правоты и кротости просвѣщенный государь не поколеблется никогда въ истинномъ своемъ величествѣ, ибо свойство правоты таково, что самое ее никакія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и немощный, великій и малый, богатый и убогій—всѣ на одной чредѣ стоятъ; добрый государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ... Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частью естественной своей вольности, вручила свое благо его попеченію, его правосудію, его достоинству, что онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣла правленія и что слѣдственно ихъ преступленія, имъ терпимыя, становятся его преступленіями».

Панинъ былъ врагъ суевѣрія и въ области вѣры допускалъ нѣкоторое свободомысліе. Когда въ законоучители къ Павлу Петровичу приглашался митрополитъ Платонъ, Н. И. интересовался, главнымъ образомъ, вопросомъ о томъ, не суевѣренъ ли онъ. «Невозможно ждать,—писалъ онъ гр. Воронцову, который заболѣлъ отъ постной пищи, — чтобы здравіе человѣческое только жъ безпосредственно, одною Его святой десницей, сохраняемо было,—и тогда бы кальвинское предопредѣленіе между нами внѣдрилось неизбѣжно—догматъ, всѣхъ другихъ ересей опаснѣйшій. Необходимо заботиться о здоровьѣ. Спасительное есть дѣло закону повиноваться, но онъ токмо требуетъ не здоровья, но нашихъ страстей разворенья, еже одними грибами и рѣпой едва ли учинить можно». «Поэтому-то,—говоритъ онъ,—на Западѣ люди дольше сохраняются и живутъ дольше». Н. И. Панинъ былъ членомъ многихъ массонскихъ ложъ, и въ одной современной пѣснѣ восхваляется за то, что своимъ совѣтомъ «въ храмъ дружбы сердце царско ввелъ».

О честности и добротѣ Н. И. Панина и въ его время не было двухъ разныхъ мнѣній: въ честности его были убѣждены даже его политическіе враги, которые уважали его, какъ личность гордую, благородную, безусловно неподкупную; объ этомъ свидѣтельствовалъ даже такой врагъ его, какъ Гаррисъ. «Панинъ,—писалъ онъ,—во многихъ отношеніяхъ представляетъ исключеніе изъ всего, мною видѣннаго въ его отечествѣ». Какъ на доказательство необыкновенной доброты Панина, указывается на то, что изъ 9.000 душъ, пожалованныхъ ему по вступленіи Павла Петровича въ бракъ, половину онъ роздалъ своимъ секретарямъ: Фонвизину, Убри и Бакунину.

По натурѣ своей сибаритъ, принадлежа къ числу тѣхъ русскихъ, которые особенно быстро усваивали блескъ утонченной западно-европейской жизни, Панинъ любилъ хорошо пожить. По словамъ Безбородко, у него была лучшая поварня въ городѣ.

Въ заключеніе не мѣшаетъ замѣтить, что, несмотря на всю разностороннюю дѣятельность, которую Панину приходилось проявлять, онъ былъ до невозможности лѣнивъ и медленъ. Екатерина говорила про него, что когда-нибудь онъ умретъ отъ того, что поторопится. Отъ этой лѣности образовался большой застой въ дѣлахъ, и еще въ 1785 г. гр. Воронцовъ писалъ, что гр. Панинъ какъ бы околдовалъ коллегію, такъ что даже послѣ его смерти долго не могъ возстановиться порядокъ.

Лебедевъ. «Графы Н. и П. Панины». С.-Пб. 1863; Кобеко, Д., «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ», С.-Пб. 1883; Рецензія проф. Иконникова на сочиненіе Кобеко,—въ Отчетѣ о 28-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Шумигорскій, Е. «Императрица Марія Ѳеодоровна», Москва. 1890, Чечулинъ, Н. «Проектъ Императорскаго Совѣта» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1894, № 3); Чечулинъ, Н., «Внѣшняя политика Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II». С.-Пб. 1896; Arnheim, «Beiträge zur Geschichte der Nordischen Frage («Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», т. II—V, VII. 1889—1892); Проектъ Императорскаго Совѣта, въ «Сборникѣ Имп. Русскаго Историческаго Общества», т. VII; О проектѣ Фонвизина см. «Русскую Старину». 1884, № 12; Корсаковъ, Д., «Изъ жизни русскихъ дѣя-

телей XVIII-го вѣка». Казань. 1891 г. Обширную переписку Н. И. Панина съ равными лицами, находимъ въ Архивѣ князя Воронцова, «Русскомъ Архивѣ» и «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» и др. Изъ нихъ отмѣтимъ: «Письма и Записки Екатерины II къ гр. Н. И. Панину и его отвѣты» 1762—1768. («Чт. Моск. Общ. Исторіи и Древностей» 1863 г.); Переписка графа Н. И. и П. И. Панина во время Пугачевскаго бунта. («Сб. Русск. Истор. Общества», т. VI); Переписка гр. Н. И. Панина съ гр. П. А. Румянцевымъ. («Русск. Архивъ» 1882 г.); Письма Павла Петровича къ Н. И. Панину, письма вел. кн. Маріи Ѳеодоровны и др. къ Н. И. Панину. («Русск. Арх.», кн. I); Разсказъ Н. И. Панина о воцареніи Екатерины II (изъ записокъ бар. Ассебурга), съ предисл. Л. Н. Майкова. («Русск. Арх.» 1879); Изъ бумагъ гр. Н. И. Панина, относящихся къ крѣпостн. праву, морейской экспед. и первой турецкой войнѣ. («Русскій Архивъ», 1878). Какъ первоисточникъ къ біографіи Н. И. Панина можно разсматривать 23—29 томы Исторіи С. М. Соловьева, въ которыхъ напечатаны обширныя извлеченія изъ дипломатической переписки Н. И. Панина.

А. И. Браудо.

Панинъ, графъ *Никита Петровичъ*, вице-канцлеръ.

Вторая супруга графа Петра Ивановича Панина—Марія Родіоновна, урожденная Вейдель, скончалась въ 1775 г., оставивъ двухъ дѣтей: сына Никиту Петровича, родившагося въ Харьковѣ 17-го апрѣля 1770 г., и дочь Софью. Овдовѣвшій Петръ Ивановичъ поручилъ воспитаніе сына брату своему, Никитѣ Ивановичу. Послѣ кончины дяди и воспитателя (1783), Н. П. возвратился къ отцу, жилъ то въ Москвѣ, то въ имѣніяхъ, и, желая посвятить себя военной карьерѣ, занимался изученіемъ тактики, стратегіи, фортификаціи и пр. подъ руководствомъ нѣкоего г. Розьера.

Лѣтомъ 1788 г. началась война со Швеціею. Графъ Петръ Ивановичъ, преданный великому князю Павлу Петровичу, узнавъ объ отправленіи цесаревича въ Финляндію и желая ознакомить сына съ военною службою, а также приблизить его къ великому князю, отправилъ Н. П. въ походъ волонтеромъ съ чиномъ бригадира. Въ Финляндіи, однако, Н. П. не имѣлъ случая участвовать въ какихъ-либо военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ еще до пріѣзда туда молодого графа образованіе конфедераціи въ Аньяла заставило короля Густава III на время прекратить военныя операціи. За то Н. П. именно въ пребываніе свое въ Финляндіи сблизился съ Павломъ Петровичемъ, пользуясь благопріятнымъ расположеніемъ и полнымъ довѣріемъ великаго князя, при которомъ онъ послѣ похода занималъ нѣкоторое время должность камеръ-юнкера.

Вскорѣ по возвращеніи Н. П. къ отцу въ Москву, графъ Петръ Ивановичъ скончался скоропостижно (15-го апрѣля 1789 г.). Около этого же времени Н. П. вступилъ въ бракъ съ дочерью графа Владиміра Григорьевича Орлова, Софьею. Множество писемъ Н. П. къ женѣ по случаю кратковременныхъ ихъ разлукъ свидѣтельствуетъ о безграничной любви обоихъ супруговъ другъ къ другу. Изъ десяти дѣтей, родившихся у Паниныхъ, пять скончались въ младенческомъ возрастѣ. Остались въ живыхъ—сыновья: Александръ и Викторъ (о нихъ см. выше) и дочери: Аделаида, Софья и Вѣра. Послѣ женитьбы, Н. П. оставался еще нѣкоторое время въ Москвѣ или въ имѣніи, считаясь въ качествѣ камеръ-юнкера въ отпуску. Не раньше, какъ въ 1791 г. онъ переселился въ С.-Петербургъ. До этого года его отношенія къ великокняжеской четѣ имѣли характеръ дружбы и интимности, но въ 1791 г. произошла неблагопріятная перемѣна на этотъ счетъ. Поводомъ послужило отношеніе Павла Петровича къ Нелидовой. Взаимное довѣріе и уваженіе исчезли, и дѣло доходило почти до окончательнаго разлада. Екатерина, съ цѣлью устранить столкновенія между Павломъ Петровичемъ и Панинымъ, назначила его (въ 1791 г.) церемоніймейстеромъ. Въ 1793 г. онъ сдѣланъ былъ камергеромъ. Годомъ позже заговорили объ отправленіи Н. П. въ качествѣ русскаго дипломата въ Неаполь; далѣе имѣлось въ виду назначить его посланникомъ въ Гаагу. Однако, поѣздка Н. П. въ Неаполь или въ Нидерланды не состоялась, и онъ, оставаясь пока въ С.-Петербургѣ, былъ переименованъ въ генералъ-маіоры.

Жизнь при дворѣ не могла нравиться молодому графу; особенной охоты къ военной карьерѣ онъ не имѣлъ. Болѣе всего онъ желалъ служить отечеству въ качествѣ дипломата. Но это было достигнуто нѣсколько позднѣе, а въ 1795 г. онъ былъ назначенъ въ Гродно литовскимъ губернаторомъ и командиромъ бригады, подъ начальство генералъ-фельдмар-

шала князя Н. В. Репнина. Изъ переписки графа съ С. Р. Воронцовымъ видно, что Н. П. неохотно принялъ сдѣланное ему предложеніе посвятить себя административной дѣятельности въ Литвѣ. Пребывая въ Гроднѣ, онъ постоянно мечталъ о возвращеніи въ С.-Петербургъ, гдѣ легче могъ бы воспользоваться удобнымъ случаемъ занять мѣсто въ дѣлахъ внѣшней политики. О характерѣ дѣятельности графа въ Гроднѣ извѣстно лишь очень немногое. Онъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ, и возлагаемые на него труды не соотвѣтствовали его вкусу и наклонностямъ. Къ тому же, онъ не любилъ тратить время на обѣды, ужины и балы и уклонялся, по возможности, отъ участія въ пиршествахъ, устраиваемыхъ то генералъ-губернаторомъ, княземъ Репнинымъ, то королемъ Станиславомъ-Августомъ, проживавшимъ въ это время въ Гроднѣ. Въ 1796 году ему, однако, представился случай дѣйствовать въ качествѣ дипломата. Вслѣдствіе третьяго раздѣла Польши, Пруссія и Россія сдѣлались непосредственными сосѣдями. Приходилось опредѣлить самымъ точнымъ образомъ границу между обоими государствами. Въ 1796 г. началась «демаркація», въ которой Панину приходилось играть самую важную роль въ видѣ главнаго коммиссара со стороны Россіи. Тутъ впервые онъ и имѣлъ случай выказать свои дипломатическія способности. Засѣданія прусскихъ и русскихъ коммиссаровъ происходили въ Гроднѣ у Панина. Предпринимались поѣздки вдоль границъ и въ направленіи къ Бресту и къ Мемелю. Работы продолжались полгода (февраль-августъ). Такъ называемая «Convention intérimale» была заключена 4-го мая 1796 г., а настоящій договоръ состоялся въ началѣ августа. Во время переговоровъ Панину обыкновенно принадлежала иниціатива по обсужденію спорныхъ вопросовъ, и онъ, очевидно, былъ главнымъ редакторомъ протоколовъ засѣданій. Впрочемъ, и въ это время Н. П. былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и разсчитывалъ на возвращеніе въ столицу, куда, наконецъ, онъ и отправился въ августѣ 1796 г.

Вскорѣ послѣ того скончалась Екатерина II. До начала царствованія Павла I. графъ, имѣя отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, считался въ военной службѣ подъ начальствомъ князя Репнина. Въ то время ходили слухи о предстоявшемъ назначеніи его посланникомъ въ Неаполь или въ Константинополь. 4-го декабря 1796 г. онъ былъ переименованъ въ статскій чинъ съ опредѣленіемъ третьимъ членомъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Весною 1797 г. онъ отправился въ Москву, гдѣ находился тогда дворъ и происходила коронація. Панинъ, однако, и въ то время не пользовался расположеніемъ государя. Онъ работалъ много и успѣшно, просматривалъ переписку съ иностранными государями и былъ редакторомъ важнѣйшихъ записокъ. Такъ, напр., письма Павла къ королю Фридриху-Вильгельму II и императору Францу были составлены Панинымъ, и объ ихъ редакціи онъ устно и письменно разсуждалъ съ княземъ Безбородко. Не смотря, однако, на важность такихъ работъ, онѣ не могли служить поводомъ къ сближенію между государемъ и Панинымъ. Впрочемъ, въ послѣднемъ не только нуждались, какъ въ редакторѣ политическихъ записокъ, но намѣревались даже дать ему важное дипломатическое порученіе: въ апрѣлѣ 1797 г. возникла мысль объ отправленіи его въ Германію. Поѣздка эта, впрочемъ, тогда не состоялась. Самъ же онъ въ это время желалъ назначенія посланникомъ въ Стокгольмъ. Вмѣсто этого, произошло (въ іюлѣ) назначеніе его чрезвычайнымъ полномочнымъ министромъ къ прусскому двору; но оно не соотвѣтствовало желаніямъ графа. Императрица Марія Ѳеодоровна, расположеніемъ которой онъ пользовался въ это время, и князь Безбородко обѣщали ему до его отъѣзда въ Берлинъ содѣйствовать перемѣщенію его въ ближайшемъ будущемъ на другой постъ.

Графъ прибылъ въ Берлинъ въ августѣ 1797 г. и оставался тамъ два года. Его дипломатическая дѣятельность за границею относилась къ тому времени, когда борьба между французскою республикою и остальною Европою была въ полномъ разгарѣ. Успѣхи французскаго оружія, миръ въ Кампо-Форміо, занятіе Рима, учрежденіе республикъ гельветійской и партенопейской, занятіе острова Мальты и пр.,—не могли не вызвать реакціоннаго движенія со стороны европейскихъ державъ. Въ этомъ направленіи трудились русскіе дипломаты въ Лондонѣ,

Копенгагенѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и пр. Весною 1799 г. началась такъ называемая вторая коалиціонная война; лѣтомъ того же года подвиги Суворова стали эпохою въ борьбѣ противъ революціи.

Но Пруссія во всѣхъ этихъ событіяхъ не участвовала. Поэтому въ Берлинѣ графъ Панинъ работалъ въ качествѣ противника Франціи, съ цѣлью привлечь Пруссію къ участію въ наступательномъ движеніи противъ республики. Эта цѣль, однако, не была достигнута.

Графу, впрочемъ, сначала было поручено въ Берлинѣ вести переговоры съ французскимъ дипломатомъ Кальяромъ и содѣйствовать, такимъ образомъ, сближенію между Россіею и Франціею. Это порученіе нисколько не соотвѣтствовало политическимъ воззрѣніямъ Панина. Онъ отправился въ Берлинъ, питая надежду, что цѣль, къ которой онъ долженъ былъ стремиться, не будетъ достигнута; мало того, онъ намѣревался употребить всѣ средства для образованія коалиціи противъ революціонной Франціи.

Обстоятельства оправдали образъ мыслей Панина. Договоръ съ Франціей оказался невозможнымъ; нужно было скорѣе думать о сближеніи Австріи съ Пруссіею съ цѣлью наступательныхъ дѣйствій противъ Франціи. Панинъ чуть не гордился неудачею переговоровъ съ Кальяромъ и не переставалъ придерживаться системы враждебнаго отношенія къ революціи. Его бесѣды съ Кальяромъ и съ Гаугвицемъ, редакція записокъ въ сношеніяхъ съ прусскими министрами, замѣчательный тактъ, мѣткость мыслей при составленіи проектовъ договоровъ—все это обнаруживаетъ зрѣлость и опытность, рѣдко встрѣчаемыя особливо въ 27-лѣтнемъ человѣкѣ, новичкѣ въ дѣлѣ дипломатіи.

Въ сношеніяхъ съ Кальяромъ Н. П. обнаруживалъ нѣкоторую холодность и сдержанность; это обстоятельство содѣйствовало неудачѣ переговоровъ. Въ бесѣдахъ съ Гаугвицемъ онъ обращалъ вниманіе послѣдняго на опасность, грозившую берегамъ Рейна со стороны Франціи. Осенью 1797 г. узнали въ С.-Петербургѣ объ арестованіи русскаго консула на островѣ Занте французами. Павелъ вслѣдствіе этого приказалъ Панину прекратить сношенія съ Кальяромъ.

Скоро послѣ этого скончался король Фридрихъ-Вильгельмъ II. Вопросъ о союзѣ Пруссіи съ Россіею, Англіею и Австріею сдѣлался жгучимъ въ первое время царствованія Фридриха-Вильгельма III. Въ то же время Франція дѣлала все возможное, чтобы настраивать Пруссію противъ Австріи. Благодаря нерѣшимости короля, Пруссія оставалась нейтральною. При такомъ положеніи дѣлъ дипломатическая дѣятельность Панина въ Берлинѣ являлась чрезвычайно сложною и трудною. Не даромъ онъ еще до отправленія въ Берлинъ былъ сильно предубѣжденъ противъ Пруссіи. Его ожиданія на этотъ счетъ оправдались; въ его донесеніяхъ къ Павлу и въ его письмахъ къ разнымъ государственнымъ людямъ встрѣчаются довольно рѣзкіе отзывы о королѣ, о Гаугвицѣ и пр.

Главною своею задачею во время пребыванія въ Берлинѣ, какъ уже было сказано, Н. П. считалъ образованіе коалиціи противъ Франціи, борьбу противъ революціи вообще. Россія въ это время играла роль посредника для устройства дѣлъ Германской Имперіи и для сближенія Австріи и Пруссіи между собою. Не смотря на всѣ усилія Панина, а также и князя Репнина, отправленнаго въ Берлинъ и Вѣну въ 1798 г. на нѣкоторое время, «медіяція» Россіи не имѣла успѣха. Короля Фридриха-Вильгельма III окружали люди, которые доказывали, что для Пруссіи выгоднѣе выжидать, оставаться зрителемъ, нежели участвовать въ борьбѣ противъ Франціи. Панинъ не успѣлъ расшевелить Пруссію, побѣдить индифферентизмъ и апатію короля и такимъ образомъ измѣнить положеніе дѣлъ въ Европѣ.

Разочарованнымъ, разстроеннымъ графъ въ іюнѣ 1799 г. покинулъ Берлинъ, надѣясь отдохнуть въ Карлсбадѣ и Теплицѣ. Туда ему писали Гренвиль и прусскіе министры съ приглашеніемъ вернуться въ Берлинъ для возобновленія конференцій. Узнавъ тутъ, что король до заключенія договора съ Россіею и Англіею желаетъ еще попытаться путемъ негоціаціи заставить Францію добровольно отказаться отъ Голландіи, Панинъ объявилъ, что не можетъ продолжать переговоровъ при столь неблагопріятныхъ условіяхъ. Дипломатическій постъ въ Берлинѣ былъ упраздненъ, и Н. П. возвратился въ Теплицъ.

Тутъ онъ получилъ рескриптъ, въ которомъ Павелъ назначилъ его вице-канцлеромъ на мѣсто преемника Куракина, графа Кочубея.

Едва ли Панинъ, возвращаясь на родину въ 1799 г., могъ быть особенно доволенъ результатами своей дипломатической дѣятельности въ Берлинѣ. Итоги его трудовъ оказались неотрадными. Однако, современники, въ томъ числѣ и графъ Воронцовъ, хвалили его способности, и самъ Павелъ, при всемъ своемъ личномъ нерасположеніи къ графу, былъ имъ доволенъ.

Занимая должность вице-канцлера въ послѣднее время царствованія Павла, Н. П. въ сущности продолжалъ ту же самую дѣятельность въ области внѣшней политики Россіи, которой онъ посвящалъ свои лучшія силы во время своего пребыванія въ Берлинѣ. Главною цѣлью его стремленій и въ это время, какъ прежде, было содѣйствовать образованію сильной коалиціи противъ Франціи. Онъ не переставалъ обращать главное вниманіе на прусскій кабинетъ, на который онъ старался дѣйствовать чрезъ барона Крюденера, русскаго представителя въ Берлинѣ.

Образованіе коалиціи оказалось невозможнымъ; борьба противъ Франціи не только была безуспѣшною, но на нѣкоторое время даже совершенно прекратилась. Этому содѣйствовали успѣхи Наполеона въ самой Франціи и въ военныхъ операціяхъ противъ Австріи, а далѣе—разладъ между Россіею съ одной стороны и Австріею и Англіею съ другой. Панинъ всячески старался препятствовать особенно разладу съ Австріею и въ ноябрѣ 1799 г., а также въ сентябрѣ 1800 г. въ подробныхъ запискахъ доказывалъ важность для всей Европы и существенную выгоду для Россіи поддержанія коалиціи между обѣими державами. Крайне озабоченный разладомъ между Англіею и Россіею, графъ Н. П. тѣмъ менѣе былъ въ состояніи препятствовать этому разладу, что не находилъ никакой поддержки въ графѣ Ростопчинѣ, главномъ членѣ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, не раздѣлявшемъ мнѣнія Панина о значеніи и пользѣ союза Россіи съ Австріею и Англіею.

Къ крайнему прискорбію Панина, въ это же время происходило нѣкоторое сближеніе между Франціею и Россіею. Павелъ даже намѣревался-было, заодно съ Наполеономъ, дѣйствовать противъ прежняго друга и союзника,—противъ Англіи. Все это нисколько не соотвѣтствовало видамъ Панина, и это разногласіе содѣйствовало его удаленію отъ вице-канцлерскаго поста осенью 1800 г. Нѣкоторыя мѣры, принятыя противъ Англіи, относятся къ эпохѣ вице-канцлерства Панина, который даже участвовалъ въ составленіи направленнаго противъ Англіи вооруженнаго нейтралитета (въ августѣ 1800 г.).

Графъ Н. П. пробылъ въ С.-Петербургѣ отъ половины сентября 1799 г. до половины декабря 1800 г. Осенью 1799 г. онъ былъ опредѣленъ на вице-канцлерскую должность, но не раньше какъ въ началѣ 1800 г. былъ пожалованъ вице-канцлеромъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Отставкою отъ должности вице-канцлера въ половинѣ ноября 1800 г. и назначеніемъ въ Сенатъ прекратилась дѣятельность графа въ области внѣшней политики при Павлѣ.

Кругъ дѣятельности графа въ качествѣ вице-канцлера былъ довольно ограниченнымъ, благодаря тому обстоятельству, что онъ во все это время не пользовался расположеніемъ государя и развѣ только въ видѣ исключенія имѣлъ возможность говорить о дѣлахъ съ Павломъ; отношенія его къ Ростопчину также были неблагопріятными и даже натянутыми. Такимъ образомъ, онъ находился въ нѣкоторомъ уединеніи и не могъ оказывать сильнаго вліянія на дѣла или давать имъ направленіе; не зная часто о томъ, что помимо его происходило въ области внѣшней политики, графъ не могъ имѣть иниціативы и весьма часто долженъ былъ оставаться безмолвнымъ свидѣтелемъ политическихъ дѣйствій, діаметрально противоположныхъ его воззрѣніямъ и убѣжденіямъ. Тѣмъ не менѣе онъ и въ это время, какъ прежде, выказывалъ изумительную рабочую силу. Пользуясь расположеніемъ и безусловнымъ довѣріемъ иностранныхъ дипломатовъ, онъ съ ними находился въ тѣмъ болѣе оживленныхъ сношеніяхъ, что Ростопчинъ былъ почти вовсе недоступнымъ и избѣгалъ встрѣчи съ представителями другихъ державъ. Особенно

оживленными были сношенія графа съ англійскими государственными людьми.

Совмѣстная политическая дѣятельность Ростопчина и Панина оказалась невозможною. Ростопчинъ былъ готовъ довольствоваться ролью царедворца, машинально исполняющаго приказанія; отказываясь отъ всякаго участія въ политической иниціативѣ, онъ предоставлялъ всю отвѣтственность одному Павлу. Панинъ, напротивъ, и какъ патріотъ, и какъ способный государственный дѣятель, считалъ себя обязаннымъ настаивать на томъ, чтобы минутное увлеченіе было замѣнено планомъ, чтобы вмѣсто произвола господствовали твердо основанныя воззрѣнія, чтобы при рѣшеніи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ правительство руководствовалось если не какою-либо системою, то, по крайней мѣрѣ, какими бы то ни было началами.

Однако, Панина не спрашивали, на его образъ мыслей не обращали вниманія; его записки, назначенныя для государя, не доходили до Павла; онъ не могъ оставаться вице-канцлеромъ, товарищемъ Ростопчина; кризисъ оказался неизбѣжнымъ.

Опала графа при Павлѣ совершилась, такъ сказать, въ два пріема: 15-го ноября онъ былъ отставленъ отъ вице-канцлерскаго поста, а во второй половинѣ декабря — былъ сосланъ въ свое имѣніе Дугино (въ Смоленской губ.).

Пробывъ лишь нѣсколько дней въ Дугинѣ, графъ, по полученіи извѣстія о разрѣшеніи ему жить въ окрестностяхъ Москвы, переселился въ Петровское-Разумовское. Послѣ опалы, постигшей и Ростопчина, виновника гнусной интриги, направленной противъ Панина, сему послѣднему было разрѣшено (въ февралѣ 1801 г.) пребываніе въ столицахъ.

Графъ Панинъ еще осенью 1800 г. сблизился съ наслѣдникомъ. Благодаря этому, онъ тотчасъ же послѣ воцаренія Александра былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Государь предложилъ ему вновь занять мѣсто вице-канцлера: Панинъ удовольствовался постомъ члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ сущности же, онъ въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра былъ министромъ и руководилъ внѣшнею политикою.

Самымъ важнымъ событіемъ въ это время было заключеніе англо-русскаго договора въ началѣ іюня 1801 г. Приходилось заботиться о возстановленіи благопріятныхъ отношеній между Англіею и Россіею. Пребываніе Нельсона съ большимъ флотомъ близъ Ревеля было сильною демонстраціею. Въ то же время, однако, въ С.-Петербургъ прибылъ англійскій посолъ, лордъ С. Эленсъ; съ нимъ Панинъ велъ переговоры о трактатѣ, въ силу котораго Россія отказалась отъ нѣкоторыхъ правилъ вооруженнаго нейтралитета 1780 и 1800 г.г.

Кромѣ того, отношенія къ Франціи служили предметомъ особеннаго вниманія министра. Панинъ переписывался о состояніи дѣлъ съ русскимъ дипломатомъ въ Парижѣ, Колычевымъ, велъ переговоры съ французскимъ дипломатомъ Дюрокомъ, прибывшимъ въ С.-Петербургъ лѣтомъ 1801 г., и давалъ инструкціи графу А. И. Моркову, отправленному во Францію для заключенія договора. Этотъ трактатъ былъ заключенъ наканунѣ прекращенія политической дѣятельности графа. Состоялось что-то въ родѣ французско-русскаго протектората въ Германіи. Обѣ державы пришли къ нѣкоторому соглашенію по вопросу о такъ называемыхъ индемнизаціяхъ, т.-е., о случаяхъ секуляризаціи и медіатизаціи. Впрочемъ, воззрѣнія императора Александра I и Панина на счетъ пользы сближенія Россіи съ Франціею расходились. Личныя и чрезвычайно благопріятныя отношенія государя къ французскимъ дипломатамъ, въ особенности къ Дюроку, болѣе или менѣе отличались отъ нѣкоторой холодности, съ которою обращался съ представителями Франціи министръ Эта разница между образомъ мыслей и дѣйствій Александра и Панина въ отношеніи къ Франціи не лишена даже нѣкотораго значенія при удаленіи отъ дѣлъ графа.

Положеніе Панина и успѣхъ его дѣятельности зависѣли отъ благопріятныхъ отношеній его къ государю. Не было, какъ казалось, основанія сомнѣваться въ безусловномъ довѣріи Александра къ Панину. Онъ имѣлъ случай сблизиться съ нимъ еще до воцаренія, и эти сношенія имѣли особенное значеніе. Приглашеніе Панина въ С.-Петербургъ въ минуту перемѣны на престолѣ, въ которой графъ, разумѣется, не принималъ ни малѣйшаго участія, заключало въ себѣ

лучшее доказательство уваженія молодого монарха къ графу. Сей послѣдній былъ вполнѣ авторитетнымъ руководителемъ внѣшней политики Россіи и въ первое время новаго царствованія дѣйствовалъ заодно съ государемъ. Иностраннымъ дипломатамъ положеніе Панина казалось совершенно прочнымъ. Люди, стоявшіе ближе къ дѣламъ, какъ, напр., князь Адамъ Чарторыйскій, Кочубей и др., разсуждали иначе. Между Александромъ и Панинымъ возникли какія-то недоразумѣнія по поводу заключенія договора съ Англіею. Уже въ іюлѣ 1801 г. графъ жаловался на неловкость своего положенія, былъ убѣжденъ въ томъ, что противъ него направлены интриги, и что Александръ оказался легко доступнымъ внушеніямъ недоброжелателей графа. Въ это же время многолѣтнія дружескія отношенія къ нему С. Р. Воронцова превратились въ ненависть, представляющую собою психологическую проблему, и эта ненависть доходила до того, что Воронцовъ всячески старался вредить Панину въ глазахъ государя. Наконецъ, и разладъ, происшедшій между вице-канцлеромъ Куракинымъ и Панинымъ, содѣйствовалъ, какъ кажется, кризису, а кризисъ этотъ, какъ и вся дальнѣйшая судьба графа, состоялъ въ нѣкоторой связи съ событіемъ перемѣны на престолѣ въ мартѣ 1801 г., въ которомъ, повторяемъ, Панинъ не принималъ и не могъ принимать участія.

30-го сентября 1801 г., во время пребыванія въ Москвѣ по случаю коронаціи, графъ *просилъ* объ увольненіи его отъ должности министра. Иниціатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала ему. Внутреннимъ побужденіемъ была немилость государя. Графъ въ это время не могъ знать настоящей причины этой немилости; онъ не подозрѣвалъ, что его политическая дѣятельность прекратилась навсегда.

Вся остальная жизнь Панина была посвящена попыткамъ быть полезнымъ отечеству, но онѣ оставались тщетными; всѣ старанія привести въ ясность свое положеніе, оправдать себя, доказать неосновательность подозрѣній, въ силу которыхъ онъ считался какъ бы опаснѣйшимъ государственнымъ преступникомъ, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Труды графа на пользу Россіи, продолжавшіеся лишь нѣсколько лѣтъ, благодаря трагическому перелому въ его жизни, оставались какъ бы эпизодомъ въ исторіи.

Пользуясь съ 30-го сентября 1801 г. трехлѣтнимъ отпускомъ, Н. П. надѣялся по истеченіи этого срока вернуться на службу. Возвратившись осенью 1801 г. въ С.-Петербургъ, онъ лѣтомъ 1802 г. собирался со своимъ семействомъ за границу. Для поѣздки онъ избралъ путь чрезъ Финляндію и Швецію. Но въ Финляндіи ему было объявлено о нежеланіи короля Густава IV пребыванія Панина въ его владѣніяхъ, и онъ былъ принужденъ вернуться въ С.-Петербургъ. Со стороны правительства не было принято мѣръ для защиты графа предъ Швеціею.

Побывавъ въ Германіи, Австріи, Швейцаріи и Италіи, графъ осенью 1804 г. вернулся въ Россію. Въ это время ему отъ имени государя было объявлено запрещеніе пребывать въ столицѣ. Считаясь въ это время еще на службѣ, Панинъ въ концѣ декабря подалъ просьбу объ окончательной отставкѣ. Въ то же время онъ требовалъ производства слѣдствія надъ его образомъ дѣйствій. Желаніе узнать о приписываемой ему винѣ, о причинѣ опалы оставлена безъ послѣдствій. За то его просьба объ увольненіи была исполнена немедленно.

Въ концѣ 1806 г. Панинъ былъ выбранъ смоленскимъ дворянствомъ въ начальники земской милиціи Смоленской губерніи, учрежденной въ виду опасности, грозившей предѣламъ Россіи со стороны французовъ. Принявъ на себя это званіе, Н. П. въ продолженіе трехъ недѣль съ обычною ему энергіею посвящалъ себя трудамъ, сопряженнымъ съ этою должностью. Но какъ скоро въ С.-Петербургѣ узнали объ этомъ, тотчасъ же воспослѣдовало запрещеніе Панину занимать должность начальника земской милиціи.

Живя въ уединеніи, въ своемъ имѣніи Дугинѣ, графъ при случаѣ считалъ себя обязаннымъ высказывать свое мнѣніе и давать совѣты. Сохранилось нѣкоторое число записокъ, составленныхъ графомъ во время Отечественной войны и относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ, къ условіямъ заключенія мира съ Наполеономъ и пр. Сохранились и бумаги, относящіяся къ вопросу объ опалѣ. Въ

1810 г. онъ обратился къ графу Толстому съ просьбою ходатайствовать о рѣшеніи вопроса, насколько его свобода должна была оставаться ограниченною. Отвѣта, какъ кажется, не было. Когда графъ въ 1818 г. намѣревался-было отправиться въ С.-Петербургъ, ему было запрещено предпринимать это путешествіе. Опала продолжалась до кончины императора Александра, и положеніе графа не измѣнялось и при императорѣ Николаѣ I.

Большую часть времени графъ проживалъ въ Дугинѣ, гдѣ занимался управленіемъ своихъ помѣстій, чтеніемъ, охотою, перепискою съ родственниками. Иногда онъ предпринималъ путешествія за границу (1816—1817, 1820—1822, 1829—1830, 1832), особенно съ цѣлью поправить разстроенное здоровье. Заболѣвъ серьезнѣе въ сентябрѣ 1836 г., онъ скончался въ Дугинѣ въ ночь на 1-е марта 1837 года.

«Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина», С.-Пб. 1888—1892, т. I—VII; «Русс. Стар.» 1873 г., № 9 и 1874 г., №№ 5—7, ст. М. Н. Сердобина.

Проф. А. Г. Брикнеръ.

Панинъ, *Никита Ѳедоровичъ*, сначала былъ воеводой въ Ржевѣ Володимеровой (1618 г.), потомъ—въ Суздалѣ (1635 г.). Въ промежуткѣ между этими годами (1627—1629 г.) онъ составлялъ, съ подъячимъ Семеномъ Копыловымъ, писцовыя книги Заонежскихъ погостовъ и Водлозерскаго и Оштинскаго становъ. По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно заключить, что Н. Ѳ. составлялъ писцовыя книги не совсѣмъ добросовѣстно, но замѣчательно то, что народная память о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно умномъ, и о томъ, какъ онъ давалъ названія селеніямъ и поселкамъ Заонежья, до настоящаго времени сохранилась въ послѣднемъ. Названія онъ давалъ, будто бы, по первому впечатлѣнію или по первому подходящему поводу: напр., увидитъ стаю воробьевъ, подъѣзжая къ селенію, и названіе послѣднему готово: *Воробьи*. Когда Н. Ѳ. скончался, неизвѣстно.

«Акт. Ист.» V, 257; «Дополн.» къ нимъ, т. III, 290—291; VI, 227; IX, 186; «Списокъ» съ его писц. кн. въ «Чтен. Общ. Ист. и Др. Росс.» 1870 г., кн. IV; «Олонецк. губ. вѣд.» 1868 г. № 48: «Разск. о томъ, какъ Панинъ давалъ имена Заонеж. деревнямъ»—Е. Барсова.

А. Экземплярскій.

Панинъ, *Николай*, генералъ-маіоръ. Годъ рожденія неизвѣстенъ. Поступилъ въ военную службу въ 1751 году лейбъ-гвардіи въ Конный полкъ, въ которомъ прослужилъ шесть лѣтъ. Съ началомъ Семилѣтней войны онъ былъ переведенъ въ Казанскій кирасирскій полкъ и назначенъ адъютантомъ къ генералу Петру Ивановичу Панину, съ которымъ участвовалъ почти во всѣхъ сраженіяхъ этой войны.

Въ 1759 году, послѣ сраженія при Куннерсдорфѣ, по личному желанію онъ былъ назначенъ въ передовыя войска къ генералу Тотлебену, командовалъ небольшими партіями и въ особенности отличился при взятіи города Берлина. 4-го января 1763 г. изъ секундъ-маіоровъ Казанскаго Кирасирскаго полка переведенъ опять въ Конную гвардію секундъ-ротмистромъ, 14-го мая того-же года выпущенъ въ армейскіе полки подполковникомъ, а 24-го ноября 1764 года былъ произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Нижегородскаго карабинернаго (нынѣ Нижегородскій драгунскій) полка. Съ ввѣреннымъ ему полкомъ Панинъ принялъ самое живое участіе въ Турецкой войнѣ 1769—1774 годовъ. Въ этой войнѣ онъ въ особенности отличился въ сраженіи при Кагулѣ—21-го іюля 1770 года, въ которомъ, по словамъ реляціи, «съ ввѣреннымъ ему полкомъ между кареями атаковалъ многократно непріятельскую конницу и, насквозь пробившись чрезъ густую ихъ толпу, мужественно опрокидалъ оную». За этотъ подвигъ Панинъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а 25-го сентября 1771 года былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ въ командованіе бригаду, состоявшую изъ Нижегородскаго и Сибирскаго карабинерныхъ полковъ. Съ этою бригадою онъ участвовалъ при штурмѣ и взятіи крѣпости Журжи 24-го октября 1771 года. Панинъ скончался въ Кіевѣ 29-го октября 1773 года.

В. Потто. «Исторія 44-го драгунскаго Нижегородскаго полка». С.-Пб. 1892 г., т. I. Полный списокъ шефовъ, полковыхъ командировъ и офицеровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка съ 1731 по 1864 г. С.-Пб. 1864, стр. 59; Вѣчный списокъ кавалерамъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія, хранящійся въ архивѣ Капитула орденовъ.

Г. А. Мокринскій.

*

Панинъ, графъ *Петръ Ивановичъ*, генералъ-аншефъ, младшій сынъ сенатора Ивана Васильевича, П. (см. выше) родился въ 1721 г. въ родовомъ селѣ Везовнѣ, Мещовскаго уѣзда, Калужской губерніи; умеръ скоропостижно въ Москвѣ 15-го апрѣля 1789 года.

Дѣтство свое Петръ Ивановичъ провелъ, вмѣстѣ съ братомъ Никитой Ивановичемъ, въ семьѣ отца въ городѣ Перновѣ, гдѣ Иванъ Васильевичъ былъ прежде комендантомъ. Съ воцареніемъ же Анны Іоанновны, Петръ Ивановичъ жилъ въ семьѣ своей старшей сестры, Александры Ивановны, выданной замужъ за оберъ-шталмейстера князя А. Б. Куракина. Родство это имѣло весьма важное значеніе для него, потому что, благодаря ему, П. И. вошелъ въ весьма близкія сношенія со многими представителями русской знати.

Отецъ Петра Ивановича, не обладая большимъ состояніемъ, а также вслѣдствіе особыхъ условій своей службы, не могъ дать дѣтямъ выдающагося образованія; онъ однако много старался объ ихъ воспитаніи, «насколько позволяло ему посредственное богатство и положеніе, въ каковомъ находилось тогда его отечество». Но въ этомъ отношеніи Петру Ивановичу, вѣроятно, принесло гораздо большую пользу пребываніе въ домѣ сестры. Самъ же онъ впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ къ брату, говорилъ, что «ни отъ кого онъ своему ремеслу и другимъ познаніямъ не учился, какъ за отцовскіе 100 рублевъ отъ Герварта».

Тѣмъ не менѣе, для своего времени, Панинъ могъ считаться образованнымъ человѣкомъ. Нравственныя качества Петра Ивановича, какъ это доказывается всею его жизнью, были поставлены на весьма твердые устои еще съ дѣтства.

П. И. Панинъ вступилъ на службу 14 лѣтъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ, но вскорѣ былъ взятъ отцомъ въ продолжительный отпускъ. Въ это время ясно обнаружился характеръ юноши по поводу производства его въ капралы по просьбѣ отца. Этимъ производствомъ молодой капралъ былъ очень недоволенъ, ибо, какъ онъ самъ писалъ, отецъ этимъ «ввергаетъ его въ стыдъ и презрѣніе подчиненныхъ его чину, что онъ званія своего меньше еще знаетъ, нежели они, и что онъ будетъ ихъ ученикомъ, а не они будутъ его учениками». Только вспоминая, въ какое время высказывались такія мысли, можно вполнѣ оцѣнить ихъ значеніе: здѣсь уже проявляется то чувство собственнаго достоинства и то строгое отношеніе къ самому себѣ, которыя, при строгомъ и правдивомъ отношеніи къ другимъ, являлись всегда отличительными чертами дѣятельности П. И. Панина.

Едва начавъ службу, П. И. вслѣдствіе незначительнаго проступка, совершеннаго имъ при исполненіи караульной службы во дворцѣ императрицы Анны Іоанновны, сразу впадаетъ въ ея немилость и несетъ тяжкое наказаніе: изъ гвардіи его переводятъ въ армію, дѣйствовавшую тогда (въ 1736 г.) на югѣ Россіи подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха. Во время крымскихъ походовъ П. И. участвовалъ во взятіи Перекопа и Бахчисарая; здѣсь же онъ ознакомился съ особенностями степной войны и съ характеромъ дѣйствій татаръ.

Итакъ, военная карьера П. И. Панина началась при условіяхъ, весьма для него неблагопріятныхъ.

Въ то время, время владычества иностранцевъ, военное искусство (послѣ Петра Великаго) сдѣлало шагъ назадъ. Боевая жизнь, походы, стычки, взятіе укрѣпленныхъ пунктовъ — все это могло быть прекрасной практической школой, но этого было еще недостаточно вслѣдствіе неудовлетворительнаго общаго характера условій обстановки того времени. Условія эти могли измѣниться лишь съ 1741 г., когда вступила на престолъ императрица Елисавета, которая рѣшила возстановить порядки своего отца, выразивъ это знаменательными словами: «быть, какъ было при блаженной памяти Петрѣ Великомъ». Только съ этого времени въ молодыхъ русскихъ силахъ начала возрождаться увѣренность въ себѣ и съ этого же момента стали подготовляться тѣ выдающіеся люди, которые озарили своими подвигами эпоху Семилѣтней войны и еще болѣе эпоху императрицы Екатерины II. Къ числу этихъ людей и принадлежалъ П. И. Панинъ.

По окончаніи крымскихъ походовъ онъ возвратился въ Петербургъ въ 1740 г.

съ побѣдоносною арміею и снова былъ переведенъ въ л.-гв. Измайловскій полкъ.

Вскорѣ началась война со Швеціей (1741—1743 г.г.). Теперь, состоя въ арміи, дѣйствовавшей въ Финляндіи подъ начальствомъ настоящаго знатока военнаго дѣла, прошедшаго школу Петра Великаго,—фельдмаршала графа Ласси, П. И. могъ уже въ значительной степени усовершенствовать свою военную подготовку. По занятіи крѣпости Фридрихсгама, 28-го іюля 1742 года, графъ Ласси весьма замѣтно отличилъ капитанъ-поручика Панина, отправивъ его съ двумя взятыми знаменами и съ донесеніемъ къ императрицѣ. Вскорѣ П. И. получилъ чинъ полковника арміи (1748), а въ 1751 г. былъ посланъ въ Стокгольмъ для поздравленія короля Адольфа-Фридриха со вступленіемъ на престолъ.

Незадолго до Семилѣтней войны П. И. командовалъ Новгородскимъ пѣхотнымъ полкомъ и считался однимъ изъ лучшихъ командировъ во всей арміи, а въ 1755 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры.

Россія, принявъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, начала первую кампанію весной 1757 г. походомъ въ Восточную Пруссію генералъ-фельдмаршала С. Ѳ. Апраксина. Панинъ состоялъ при главнокомандующемъ въ качествѣ дежурнаго генерала. Во время переправы русской арміи черезъ р. Прегель былъ выдвинутъ прикрывающій отрядъ подъ начальствомъ Панина, а затѣмъ, и по переправѣ всѣхъ войскъ, отрядъ его прикрывалъ всю армію противъ покушеній противника.

Въ реляціи, представленной послѣ сраженія при Гросъ-Егерсдорфѣ (30-го августа), фельдмаршалъ особенно выдѣлилъ то, что «во все время безсмѣннаго дежурнаго генералъ-маіора Панина, а во время всей баталіи находившись во всѣхъ наиопаснѣйшихъ мѣстахъ и раздавая мои ордеры», П. И. оказалъ особыя услуги. Поэтому, въ виду его выдающейся дѣятельности, Апраксинъ послалъ его курьеромъ въ Петербургъ и «рекомендовалъ въ особливую монаршую милость и благоволеніе».

Во время разгара боя, когда смертельная рана и плѣненіе пруссаками генерала Лопухина (начальника дивизіи), смерть генерала Зыбина и громадныя потери настолько разстроили стоявшую въ центрѣ 2-ю дивизію, что правый ея флангъ началъ отступать подъ сильнымъ натискомъ пруссаковъ,—вотъ въ это-то «самонужнѣйшее» время четыре полка резерва, бывшіе подъ командой генерала Румянцева, неизвѣстно по чьей иниціативѣ перешли въ наступленіе и безповоротно вырвали побѣду у пруссаковъ, ударивъ, въ свою очередь, во флангъ. То обстоятельство, что Апраксинъ былъ особенно доволенъ дѣятельностью Панина, косвеннымъ образомъ указываетъ на вѣроятное участіе его въ принятіи рѣшенія неизвѣстнымъ лицомъ, давшимъ столь блестящій примѣръ примѣненія иниціативы въ моментъ, рѣшавшій участь всего сраженія; предположеніе это тѣмъ болѣе вѣроятно, что собственно во время этого періода боя распоряженій самого главнокомандующаго почти не было.

При данныхъ условіяхъ служба въ арміи Апраксина являлась прекрасною боевою школою прежде всего для младшихъ начальниковъ, а затѣмъ и для всѣхъ его чиновъ, изъ коихъ каждый не могъ не усвоить себѣ высокаго сознанія служебнаго долга и увѣренности въ своихъ силахъ, а равно и въ возможности побѣды. Вотъ гдѣ П. И. могъ вновь переучиться и окончательно доучиться военному дѣлу, ибо воочію видѣлъ теперь примѣненіе на дѣлѣ началъ, положенныхъ Петромъ Великимъ, и даже лично, по мѣрѣ силъ и возможности, содѣйствовалъ ихъ примѣненію.

Отправившись по назначенію, Панинъ явился въ С.-Петербургъ уже на 7-й день послѣ славнаго боя съ радостной вѣстью объ одержанной побѣдѣ.

За отличіе въ сраженіи при Гроссъ-Егерсдорфѣ императрица наградила его орденомъ св. Александра Невскаго.

Въ 1759 г. новый главнокомандующій русскою арміею, генералъ, гр. В. В. Ферморъ издалъ «инструкцію дежурному при арміи генералъ-майору». По этой инструкціи, на Панина возлагалось: наблюденіе за охраненіемъ войскъ въ походѣ и на отдыхѣ, высылка разъѣздовъ, докладъ главнокомандующему о собранныхъ свѣдѣніяхъ; во время же боя онъ долженъ былъ состоять при главнокомандующемъ. Кромѣ того, Панину приходилось командовать бригадою.

Въ кампанію 1758 г., 22-го января былъ занятъ Кенигсбергъ. еще ранѣе покинутый гарнизономъ. Затѣмъ, вскорѣ заняты и другіе прусскіе и даже польскіе города; изъ нихъ Эльбингъ занятъ отрядомъ, въ составъ котораго входила бригада Панина, а 24-го августа Ферморъ занялъ позицію на лѣвомъ берегу р. Митцель у д. Цорндорфъ. Тогда Фридрихъ II переправился черезъ Одру и 25-го августа атаковалъ русскую армію.

Рано утромъ 25-го августа колонны пруссаковъ выдвинулись изъ Цихерскаго лѣса, продолжая обходное движеніе въ тылъ русской арміи на Вилькендорфъ и Цорндорфъ. Тогда армія наша была повернута кругомъ, вслѣдствіе чего вторая линія сдѣлалась первою, правое крыло—лѣвымъ, а лѣвое правымъ. Войсками праваго фланга командовалъ тогда самъ Ферморъ, а войсками лѣваго фланга — Броунъ; бригада же Панина стала на правомъ флангѣ во второй линіи.

Бой начался въ 9 часовъ утра съ «неслыханною жестокостью» артиллерійскимъ огнемъ, подъ прикрытіемъ котораго прусскій авангардъ генерала Мантейфеля подошелъ къ нашему правому флангу на дистанцію ружейнаго выстрѣла, вся же первая линія (прусская) подъ начальствомъ Каница, наступая уступами, приняла направленіе слишкомъ вправо, вслѣдствіе чего въ прусской арміи образовался разрывъ. Наша первая линія русскаго праваго фланга произвела стремительную контръ-атаку и непосредственнымъ результатомъ ея явилось бѣгство авангарда Мантейфеля. Наша вторая линія слѣдовала за первой «на нѣкоторой дистанціи въ достаточномъ порядкѣ». Видя все это прусскій король посылалъ Зейдлицу (у котораго было 40, а позже 56 эскадроновъ) нѣсколько приказаній нанести ударъ на правый флангъ русской арміи. Зейдлицъ выбралъ удобный моментъ, послалъ противъ нашего праваго фланга и тыла 31 эскадронъ, а со стороны Цоридорфа пустилъ въ атаку 15 эскадроновъ. «Русской пѣхотѣ въ этотъ періодъ боя пришлось выдержать высшую пробу своей нравственной силы». Наша первая линія, за неимѣніемъ времени для выстраиванія каре, собралась въ кучи, но правый флангъ второй линіи, подъ личнымъ начальствомъ Панина, сохранялъ порядокъ и отступившіе наши пѣхотные полки, «подкрѣплены будучи другими, вновь непріятеля прогнали въ короткое время». Между тѣмъ Панинъ былъ контуженъ пулею въ грудь и вынесенъ съ поля сраженія, но, придя въ себя, онъ снова явился передъ своими полками. Однако громадныя потери вынудили нашъ правый флангъ уступить сильнѣйшему натиску пруссаковъ и пѣхота отступила частью къ Кварчену, а частью за оврагъ Гальгенгрундъ, но и Зейдлицъ былъ не въ состояніи продолжать свою атаку.

Отсутствіе Фермора на правомъ флангѣ давало Панину полную самостоятельность, и онъ доказалъ, какъ онъ можетъ ею воспользоваться. Кавалерія противника была отбита; бой же длился до 10-ти часовъ вечера и въ результатѣ обѣ арміи «разбились одна объ другую». Русская армія удержалась на позиціи, и каждый чувствовалъ, что произошло нѣчто необыкновенное: армія, предводительствуемая самимъ Фридрихомъ, была отбита. Однимъ изъ главныхъ виновниковъ этой «нравственной» побѣды былъ именно Панинъ, выказавшій необычайную стойкость, присутствіе духа, умѣнье поднять и поддержать духовныя силы своихъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выказавшій себя надежнымъ носителемъ принципа взаимной поддержки. За отличіе подъ Цорндорфомъ Панинъ получилъ чинъ генералъ-поручика.

Въ 1759 г. Панинъ сначала принялъ временно командованіе 4-ю дивизіею; ему же была ввѣрена и «коммиссія въ разверстаніи третьихъ батальоновъ и рекрутовъ, къ арміи прибывающихъ».

Въ маѣ главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ-фельдмаршалъ гр. П. С. Салтыковъ. Въ іюнѣ Фридрихъ сосредоточилъ 30.000 армію Мантейфеля (котораго потомъ смѣнилъ Ведель) у Ландсберга съ цѣлью активныхъ дѣйствій противъ русской арміи, сосредоточенной у Познани. Послѣ перемѣны нашею арміею операціонной линіи на Бентченъ-Цюллихау ей предстояло исполнить опасный фланговый маршъ. Ведель рѣшилъ атаковать русскую армію, что и привело къ сраженію при Пальцигѣ. 23-го іюля, около полудня, русская армія расположилась на

позиціи впереди д. Пальцига, фронтомъ отъ дороги въ Кроссенъ до ручья у д. Эйхмюле. Весь правый флангъ поступилъ подъ начальство Панина.

Въ 3 часа дня пруссаки открыли артиллерійскій огонь. Четыре полка прусской пѣхоты, прикрываясь буграми, были направлены для охвата первой линіи праваго фланга, главныя же силы лѣвой колонны пруссаковъ повели атаку противъ самаго праваго фланга нашего. Эта охватывающая атака не была неожиданною для русскихъ: 2-й Московскій и Выборгскій полки во́-время произвели контръ-маневръ, перемѣнивъ соотвѣтственно фронтъ, а затѣмъ, примыкавшій къ нимъ 1-й Гренадерскій полкъ былъ поставленъ подъ угломъ на два фронта. Въ результатѣ всѣ атаки лѣвой прусской колонны были отбиты.

Тогда Ведель, поручивъ общее командованіе войсками лѣваго фланга генералу Воберснову, произвелъ атаку вновь (по счету уже третью), при чемъ прусская конница одержала вначалѣ успѣхъ, но, обдаваемая сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ и, въ свою очередь, атакованная нашею конницею подъ начальствомъ Демику и Еропкина, была принуждена отступить. Вслѣдъ затѣмъ русская конница, подъ начальствомъ во время прибывшаго сюда генерала Панина, довершаетъ ударъ, гонитъ пруссаковъ, опрокидываетъ даже ихъ передовыя пѣхотныя части и своей «молодецкой атакой» обращаетъ непріятеля «въ полное (паническое) бѣгство». Эта катастрофа влечетъ за собой общее безпорядочное отступленіе прусской арміи по направленію къ Цюллихау, а затѣмъ къ Чихерзиху.

Опять-таки и въ этомъ бою выразился замѣчательный, совершенно необычайный въ эпоху линейной тактики, образецъ активной обороны, проявленіе частной иниціативы и взаимной поддержки между различными родами оружія, и снова тотъ же генералъ Панинъ играетъ выдающуюся роль: его энергичный ударъ, произведенный по личному его почину, окончательно разстраиваетъ пруссаковъ; здѣсь, при Пальцигѣ, онъ является отличнымъ кавалерійскимъ генераломъ, обладающимъ всѣми необходимыми для такого начальника качествами: глазомѣромъ, рѣшимостью и энергіей.

Изъ письма П. И. къ его брату отъ $^{15}/_{26}$-го іюля 1759 г. (слѣдовательно, посланнаго черезъ два дня послѣ описаннаго боя) видно, что эти подвиги были совершены имъ въ болѣзненномъ состояніи: «нѣсколько дней до сей баталіи наижесточайше мучился подагрою, а и въ баталію велѣлъ себя людямъ встащить на лошадь и до самой ночи на ней въ должности былъ». Тогда же онъ писалъ о ходѣ боя: «непріятель $^{12}/_{23}$-го числа пополудни въ два часа... атаковать насъ... наижесточайшимъ образомъ... началъ; не взирая на то, *храбростью и предусмотрительнымъ постоянствомъ, терпѣніемъ и послушаніемъ нашихъ войскъ*, онъ всегда съ великимъ уономъ и разстройкою отбитъ былъ»...

О себѣ въ этомъ письмѣ — ни слова. Нельзя не отмѣтить этой скромности человѣка, только что совершившаго блистательный подвигъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, чувствовавшаго, что собственное сознаніе исполненія своего долга само въ себѣ заключаетъ награду, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что онъ дѣлился мыслями съ самымъ близкимъ человѣкомъ, передъ которымъ не было причинъ скрываться. Письмо это характеризуетъ также отчасти и отношенія Панина къ русскому народу, русскому войску, русскому солдату и даже къ противнику. Панину ставили въ укоръ его яко-бы пренебрежительное отношеніе къ способностямъ русскаго народа, недовольство русскимъ войскомъ и обратно — необыкновенное пристрастіе къ прусскимъ военнымъ порядкамъ. Дѣйствительно, въ этомъ письмѣ онъ не выражаетъ презрительнаго отношенія къ непріятелю, но въ то же время здѣсь нѣтъ и слѣда тѣхъ ѳиміамовъ, которые и во времена Панина любили воскуривать прусской арміи. Впослѣдствіи (уже по окончаніи войны) онъ ходатайствовалъ даже объ отмѣнѣ «прусской экзерциціи» и объ «употребленіи прежней», и это ходатайство было уважено императрицею, повелѣвшею принять это къ руководству *во всей арміи*.

О своемъ родномъ народѣ и о своихъ войскахъ Панинъ говоритъ въ томъ же письмѣ: «Я знаю, сколько васъ можетъ обрадовать извѣстіе *о добродѣтеляхъ народа*... Во всей баталіи все *войско наше такъ порядочно и послушливо поступало*,

какъ того только самые искуснѣйшіе люди въ самомъ лучшемъ учебномъ строю требовать отъ всякой арміи могутъ... Мужества и великодушія столько показано, что въ которые пѣхотные полки кавалерія непріятельская врывалась, то не только ихъ не разсыпала, но тѣ, въ которыхъ уже въѣхали, штыками людей и лошадей поражали... Когда же армія наша черезъ непріятельскія тѣла и раненыхъ перешла, то *никто наши* никому изъ нихъ никакого *огорченія не дѣлалъ* и ничего съ труповъ не снимали и плѣннымъ никакого неудовольствія не показывали, но къ особливому удивленію сами мы видѣли, что многіе *наши легко раненые непріятельскихъ тяжело раненыхъ на себѣ изъ опасности выносили, и солдаты наши своимъ хлѣбомъ и водою, въ коей сами великую нужду тогда имѣли, ихъ снабжали*, такъ какъ бы они единодушно положили *помрачать злословящихъ войско наше въ нерегулярствѣ и безчеловѣчіи*».

Наблюденія Панина надъ добродушнымъ отношеніемъ нашихъ солдатъ къ раненымъ пруссакамъ и особенно мысли, выраженныя имъ по этому поводу, обрисовываютъ, какъ нельзя лучше, доброе и чуткое сердце самого автора письма.

Между тѣмъ, Фридрихъ II рѣшилъ двинуться въ направленіи, наиболѣе опасномъ, т.-е.—противъ русской арміи, для чего переправился черезъ р. Одру, а это привело къ сраженію при Кунерсдорфѣ.

Къ началу боя русская армія занимала позицію въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ — войска русскія и австрійскія (въ резервѣ) подъ начальствомъ графа Фермора; въ центрѣ—2-я дивизія графа Румянцева (на Большомъ Шпицѣ, до оврага Кунгрундъ); на лѣвомъ флангѣ — обсерваціонный корпусъ (на Мюльбергѣ до Беккергрунда).

12-го августа, въ 9 часовъ утра, начались атаки: противъ лѣваго фланга и центра и демонстративная—противъ праваго фланга. Къ полудню пруссаки овладѣли Мюльбергскими высотами. Тогда главнокомандующій приказалъ Панину взять Ростовскій пѣхотный и 2-й Гренадерскій полки и стать за оврагомъ Кунгрундъ, фронтомъ къ непріятелю, и отразить его атаку. Эти полки были поддержаны еще австрійскими гренадерскими ротами и общее начальство поручено было Брюсу. Съ подошедшими изъ центра полками всего здѣсь образовалось три линіи.

Едва Панинъ выстроилъ первую линію, какъ пруссаки спустились съ Мюльберга. Настала критическая минута. Опасность увеличивалась еще тѣмъ, что сильнѣйшій и весьма дѣйствительный артиллерійскій огонь прусскихъ орудій пронизывалъ ряды нашихъ войскъ, а прусская конница Зейдлица и принца Виртембергскаго «въ ретраншаменты пошла», т.-е. противъ дивизіи Румянцева. Панинъ понималъ, что онъ *долженъ* былъ задержать пруссаковъ, ибо ихъ успѣхъ повлекъ бы за собой занятіе ими Большого Шпица, откуда обстрѣливались сильнѣйшимъ огнемъ подступы со стороны д. Кунерсдорфъ. Понимая, такимъ образомъ, требованія обстановки совершенно правильно, Панинъ *отбилъ атаку*. Фридрихъ II, узнавъ о неудачѣ атакъ противъ центра и противъ лѣваго фланга, приказалъ Зейдлицу снова атаковать Большой Шпицъ, а противъ позиціи за Кунгрундомъ повести атаку съ трехъ сторонъ: съ фронта (какъ и въ первый разъ)—обходомъ пѣхотою Кунгрунда и «особливою колонною» Финка, усиленною конницею—съ тыла. Теперь только Панинъ, охваченный и атакованный съ трехъ сторонъ, — уступилъ превосходнымъ силамъ пруссаковъ, воодушевленныхъ личнымъ присутствіемъ короля, покинулъ Кунгрундъ и отошелъ съ сильно разстроенными войсками до Лаудонова оврага; но достаточно было подойти свѣжимъ полкамъ, чтобы снова положить предѣлъ успѣхамъ пруссаковъ и на этотъ разъ окончательно. Рѣшительный переходъ нашихъ войскъ въ наступленіе безповоротно обратилъ въ бѣгство пруссаковъ къ 7-ми часамъ вечера.

Такимъ образомъ была одержана полная побѣда.

Панинъ игралъ выдающуюся роль въ этомъ славномъ для русскаго оружія сраженіи. Императрица Марія-Терезія за оба боя пожаловала Панину (въ числѣ другихъ наградъ) 1.500 червонцевъ.

Къ началу 1760 г. Панинъ заболѣлъ и былъ временно уволенъ изъ арміи для поправленія здоровья. Возвратившись затѣмъ къ арміи, онъ, въ началѣ кампаніи, состоялъ въ 3-ей дивизіи Салтыкова 1-го.

Въ концѣ сентября было рѣшено выслать отрядъ Тотлебена, усиленный корпусомъ генералъ-поручика Чернышева, для операцій противъ Берлина, при чемъ главныя силы должны были быть готовы поддержать Чернышева. 3-го октября Тотлебенъ подошелъ къ Берлину, но былъ отбитъ. Чернышевъ, узнавъ о прибытіи къ защитникамъ Берлина подкрѣпленій, выжидалъ, въ свою очередь, прибытія къ нему первой дивизіи Панина. Панинъ двинулся форсированнымъ маршемъ къ Берлину, гдѣ, какъ младшій, подчинился Чернышеву. 7-го октября Панинъ подошелъ къ Берлину только съ авангардомъ (5 эскадроновъ и 6 ротъ), главныя же силы прибыли лишь 9-го октября съ разсвѣтомъ. Между тѣмъ, въ ночь съ 8-го на 9-е октября, когда русскія войска выстраивались по диспозиціи Чернышева для штурма прусской столицы, оставшійся въ городѣ незначительный гарнизонъ сдался на капитуляцію. Поздно узнавъ о заблаговременномъ отступленіи отряда, оборонявшаго Берлинъ (около 14.000 чел.), Чернышевъ въ 7 ч. утра приказалъ Панину: «сдѣлать все, что возможно» для преслѣдованія противника. Панинъ правильно понялъ приказаніе и немедленно двинулъ всю свою конницу съ частью гренадеръ въ направленіи къ Шпандау, куда отступали пруссаки. Однако, чтобы самому не оказаться слабымъ и не остаться безъ поддержки, онъ послалъ своего адъютанта, съ приказаніемъ принять участіе въ преслѣдованіи непріятеля, во всѣ части легкихъ войскъ, какія только могутъ встрѣтиться. Пруссаки воспользовались промежуткомъ времени, протекшимъ между началомъ ихъ отступленія (3 ч. ночи) и моментомъ полученія Панинымъ приказанія о преслѣдованіи,—и главныя силы ихъ избѣжали катастрофы. Преслѣдовавшія части обрушились на арріергардъ (около 3.000 чел.), который и былъ совершенно уничтоженъ: 2.000 убитыхъ и раненыхъ и 1.000 плѣнныхъ являлись результатомъ этого урагана, пущеннаго Панинымъ на пруссаковъ. На пути до Шпандау все было уничтожено. Это одинъ изъ очень немногихъ примѣровъ замѣчательной энергіи, проявленной *при преслѣдованіи* за все время Семилѣтней войны. Форсированный маршъ, совершенный наканунѣ, свѣжесть войскъ противника — ничто не ослабило несокрушимой энергіи не знавшихъ устали Панина и его войскъ.

Въ рапортѣ «о показанныхъ отличностяхъ» при взятія Берлина, генералъ Чернышевъ такъ аттестуетъ Панина: «Поспѣшнымъ своимъ маршемъ съ ввѣреннымъ ему деташементомъ, къ нему въ подкрѣпленіе, и обратнымъ отшествіемъ къ арміи учинилъ то съ совершеннымъ распорядкомъ и безъ потерянія одного человѣка. Также при занятіи лагеря подъ Берлиномъ,—мужественнымъ образомъ оное исполнилъ; съ преимуществомъ, учрежденіями своихъ батарей надъ непріятельскими, расположился и, при порученіи атакованія арьергарду непріятельскаго, распорядки чинилъ весьма похвальные».

Въ кампанію 1761 г. въ дѣйствіяхъ главныхъ силъ русской арміи, гдѣ состоялъ Панинъ, не произошло ничего замѣчательнаго. Въ началѣ же 1762 г. императоръ Петръ III, прекративъ войну противъ Пруссіи, началъ готовиться къ войнѣ съ Даніей.

Въ январѣ 1762 г. главнокомандующій Салтыковъ, вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, предписалъ Панину сдать дивизію и смѣнить генералъ-губернатора Восточной Пруссіи В. Суворова. Обязанности Панина въ этой должности были очень сложны, ибо, кромѣ управленія краемъ, на него возлагалось общее завѣдываніе тыломъ арміи. Это административное назначеніе весьма не нравилось такому боевому генералу, какъ Панинъ, и поэтому, въ іюнѣ 1762 г., онъ писалъ брату: «...сколь въ великихъ я трудностяхъ теперь нахожусь, по которымъ опасаюсь не толико подъ неповинное какое прегрѣшеніе подпасть, но и репутацію потерять: ибо ни отъ кого я никакихъ наставленій въ свое время не получалъ и получить не могу, но и всякій отъ меня отрекается». Далѣе онъ съ нетерпѣніемъ «...ждетъ прибытія сюда Воейкова, (чтобы) тотъ день возможно было къ назначенной арміи въ Померанію поѣхать...» Въ новой должности П. И. Панинъ пробылъ до конца іюня 1762 г.

Но еще въ мартѣ 1762 г., когда Румянцевъ, по повелѣнію императора Петра III, началъ организовать армію для дѣйствій противъ Даніи, графъ Салтыковъ и Панинъ получили приказанія

содѣйствовать Румянцеву, во всемъ исполняя его требованія, какъ именные указы императора.

Въ апрѣлѣ былъ заключенъ съ Фридрихомъ II трактатъ, по коему русскіе могли обращаться «съ землями (короля прусскаго) какъ такими, кои принадлежатъ дружественной и союзной державѣ».

Императрица же Екатерина II, 28-го іюня 1762 г., повелѣла Румянцеву сдать армію Панину, а Панину, произведенному въ *полные генералы*, послала рескриптъ, въ коемъ приказывала: «повелѣваемъ вамъ принять корпусъ генерала Румянцева подъ свою команду, съ которымъ, получа сіе, немедленно въ Россію возвратиться имѣете, ни малаго времени не терять, всѣ осторожности принять, дабы (короля прусскаго) землямъ никакихъ причинъ не подавать къ озлобленію».

Еще 2-го іюня посланъ указъ о совмѣстномъ движеніи съ корпусомъ Чернышева, дабы: «въ потребномъ случаѣ графу Чернышеву къ облегченію его возвратнаго пути способствовать».

Но графъ Салтыковъ, предполагая, что Чернышевъ, бывшій на пути къ Познани, не будетъ задержанъ королемъ, приказалъ Панину (между 12-мъ и 16-мъ іюля) «маршъ за Вислу продолжать». 11-го іюля Панинъ собралъ въ Кенигсбергѣ военный совѣтъ, на коемъ было рѣшено выждать присоединенія, кромѣ Чернышева, еще и отряда Брандта, находившагося въ Мекленбургскихъ владѣніяхъ и являвшагося ближайшею поддержкою Чернышева на случай, если бы Фридрихъ намѣревался оставить Чернышева при себѣ. Въ виду этихъ соображеній, нельзя не отдать справедливости Панину, выказавшему при этомъ замѣчательную способность, исполняя повелѣнія императрицы,—проявлять и свою иниціативу въ размѣрахъ на столько широкихъ, на сколько это требовалось обстановкою.

Такимъ образомъ наша армія была задержана въ Пруссіи до половины августа, но за то войска были выведены «безъ всякихъ политическихъ недоразумѣній», что является чуть ли не всецѣло дѣломъ Панина.

Панинъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для того, «дабы», какъ объяснялъ онъ въ реляціи, «здѣшнія земли и крѣпости изъ рукъ не упустить и здѣшнюю армію слабѣйшему состоянію уже не подвергнуть. Мнѣ, писалъ онъ далѣе, никакъ невозможно отсель отдалиться, пока деташементъ изъ Мекленбургіи за два марша отсюдова будетъ», «будучи *въ двойныхъ обстоятельствахъ*: или возвращаться въ Россію, или же удержать всѣ конкеты въ своей поссесіи, то... здѣшнихъ магазейновъ и прочаго невозможно удержать, какъ на судахъ, чтобы въ случаѣ—или съ нихъ выгружать, или оныя обратно къ Россійскимъ берегамъ отправить». Это было образцовое рѣшеніе вопроса объ устройствѣ *продовольственной* части арміи въ такомъ неопредѣленномъ положеніи. Далѣе онъ писалъ: «но если корпусу графа Чернышева удержаніе произойдетъ, то я Померанію и Кольберха изъ рукъ не упущу; а въ Пруссію предупредить, чтобы полки отъ Вислы не отдаляли и сохранили мосты Торунскій и Маріенвердерскій и были бы въ ежечасной готовности къ движенію». Затѣмъ на случай, если корпусъ Чернышева не будетъ задержанъ, Панинъ просилъ денегъ, разрѣшенія получать фуражъ въ «зачетъ контрибуціи» и заготовленія въ своихъ предѣлахъ квартиръ и продовольствія.

Все изложенное Панинымъ въ его реляціи было вполнѣ уважено императрицей и такимъ образомъ, благодаря отличной предусмотрительности П. И., вышесказанное передвиженіе арміи внутрь Россіи совершилось съ полнымъ успѣхомъ. Панинъ предугадалъ при этомъ и желаніе главнокомандующаго относительно порядка выступленія, а между тѣмъ не только рѣшеніе этого вопроса, но и вообще исполненіе обязанностей высшаго командованія затруднялось до нельзя удивительнымъ разнорѣчіемъ въ предписаніяхъ (письмахъ) Салтыкова, что еще болѣе усложняло и безъ того затруднительное и неопредѣленное положеніе Панина, которое онъ характеризуетъ въ письмѣ къ брату, между прочимъ, слѣдующими словами: главнокомандующій «совѣтуетъ только, а не приказываетъ. Въ ордерѣ же пишетъ быть мнѣ точнымъ во всемъ командиромъ, да и приказываетъ отсель мнѣ къ себѣ ѣхать и не ѣхать».

Итакъ, во время Семилѣтней войны

П. И. Панинъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ по организаціи, устройству войскъ и по воспитанію ихъ въ духѣ истинно боевой подготовки, при развитіи въ нихъ надлежащихъ, возможно болѣе высокихъ, духовныхъ качествъ. Онъ былъ также участникомъ почти всѣхъ походовъ и сраженій этой войны, при чемъ на поляхъ Цорндорфа, Пальцига и Кунерсдорфа—исходъ боя во многомъ зависѣлъ отъ него.

Его способность дѣйствовать *сообразно съ обстановкой*, при умѣстномъ проявленіи *частной иниціативы*, должное отношеніе къ принципу *взаимной поддержки*, знаніе и умѣніе пользоваться *разными родами оружія* и *національными особенностями* русскаго солдата, несокрушимая его *энергія* и способность поднять въ подчиненныхъ ихъ *духовныя силы*—все это доказываетъ, что «идеально храбрый» Панинъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ выдающихся и талантливыхъ генераловъ временъ Семилѣтней войны. Наконецъ, *отраженіе атакъ* конницы Зейдлица при Цорндорфѣ и *бой за Кунгрундъ* при Кунерсдорфѣ, явившіеся всецѣло дѣломъ Панина, должны почитаться *образцами классическими*.

Послѣ Семилѣтней войны Панинъ начальствовалъ надъ войсками, расположенными въ Финляндіи и составлявшими финляндскую дивизію (6 пѣхотныхъ и 1 карабинерный полки). Въ день коронаціи, 22-го сентября 1762 г., онъ получилъ золотую, украшенную брилліантами шпагу. Императрица всегда была очень довольна Панинымъ въ этотъ періодъ его службы, въ виду отличнаго состоянія подчиненныхъ ему полковъ. Въ своей дивизіи Панинъ составилъ особый отрядъ *егерей*, для чего отъ каждой роты было выбрано по 5 человѣкъ рядовыхъ. Хотя это былъ и не первый опытъ (въ русской арміи) образованія легкой пѣхоты, но именно введеніе этой реформы Панинымъ въ финляндской дивизіи и послужило началомъ къ созданію въ нашей арміи егерей, и, по его примѣру, съ 1765 г. были учреждены при каждомъ пѣхотномъ полку егерскія команды, сведенныя послѣ боевого опыта въ отдѣльные батальоны.

Въ это же время дѣятельность Панина коснулась разрѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Такъ, онъ былъ назначенъ членомъ (изъ числа наличнаго «лутчаго генералитета») во «временную особливую коммиссію», которая сочиняла штаты всей арміи и разсматривала всѣ «несправедливости», вкравшіяся во время Семилѣтней войны. Въ $176^2/_3$ году П. И., вмѣстѣ съ братомъ, представилъ докладъ императрицѣ о Новой Сербіи, по коему повелѣно было достроить крѣпость св. Елисаветы (начатую еще въ 1754 г.). Будучи назначенъ сенаторомъ, онъ не могъ, по своей дѣятельной натурѣ, взирать спокойно на господствовавшіе тогда въ Сенатѣ формализмъ и равнодушное отношеніе къ дѣламъ даже первостепенной важности. Неудивительно поэтому, что здѣсь его энергія возбуждала изумленіе и неудовольствіе среди его товарищей-сенаторовъ. Въ одномъ изъ засѣданій Общаго собранія Сената Панинъ необыкновенно смѣло проявилъ свою самостоятельность, основанную на пониманіи дѣла и на чувствѣ долга. Императрица, пріѣхавъ въ это засѣданіе, приказала генералъ-прокурору князю Вяземскому прочесть указъ о «нѣкоторыхъ перемѣнахъ». По прочтеніи указа, всѣ сенаторы, кромѣ Панина, встали и начали благодарить императрицу, которая, увидя, что Панинъ остался на своемъ мѣстѣ, спросила его, соглашается ли и онъ съ предполагаемою реформою? Но Панинъ, вставъ, отвѣчалъ, что если государыня приказываетъ, то онъ первый повинуется ея волѣ; но если изволитъ требовать его мнѣнія, то онъ осмѣливается сдѣлать нѣкоторыя свои замѣчанія. Послѣ этого императрица приказала исполненіе указа пріостановить, а Панину пріѣхать на другой день для объясненія; «сказываютъ», пишетъ одинъ изъ современниковъ Панина, «что его замѣчанія были приняты».

Въ 1762 г. П. И. состоялъ въ коммиссіи, разсматривавшей дѣла несостоятельныхъ должниковъ, а въ 1763 г. онъ подалъ императрицѣ записку по поводу крестьянскаго вопроса. Записка эта доказываетъ, на сколько взгляды Панина были просвѣщенны и гуманны, конечно, въ сравненіи со взглядами большинства тогдашняго русскаго общества. Поводомъ къ представленію этой записки была безплодность и несоотвѣтствен-

ность мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для прекращенія волненій крестьянъ и побѣговъ ихъ за польскій рубежъ. Въ запискѣ своей Панинъ подробно разсматриваетъ причины этихъ печальныхъ явленій и, между прочимъ, указываетъ на строгость духовенства и корыстныя «приметки» къ раскольникамъ; на жестокость, проявляемую помѣщиками и начальствомъ при рекрутскихъ наборахъ; на «ничѣмъ неограниченную помѣщичью власть, при чемъ неумѣренная роскошь заставляетъ... употреблять людей въ работы... превосходящія силы человѣческія»; на «лихоимство, неправосудіе и нерадѣніе къ общему дѣлу»; на «выборъ городскихъ начальниковъ для пользы посылаемыхъ туда особъ, а не для пользы поручаемыхъ имъ дѣлъ». Для прекращенія злоупотребленій Панинъ предлагаетъ замѣчательныя мѣры: дабы привлечь переселенцевъ и раскольниковъ—«отдать ихъ на попеченіе кого-нибудь изъ министровъ или сенаторовъ»; облегчить рекрутскіе наборы; продавать крестьянъ только цѣлыми семьями; возложить на губернаторовъ надзоръ за помѣщиками, выходящими изъ предѣловъ умѣренности; сочинить положеніе крестьянскимъ для помѣщиковъ работамъ, при чемъ помѣщики не должны требовать отъ крестьянъ болѣе четырехъ рабочихъ дней въ недѣлю, а величину оброка опредѣлить не болѣе двухъ рублей».

Однако, упомянутыя мѣры, предлагаемыя Панинымъ, не смотря даже на совѣты—вродѣ «секретнаго» примѣненія постановленій,—не могли быть поняты большинствомъ его современниковъ. Даже вопросъ, поднятый Панинымъ въ Сенатѣ о томъ, кто и при какихъ случаяхъ долженъ считаться настоящимъ вотчинникомъ, показался сенаторамъ неумѣстнымъ.

Въ 1764 г. П. И. сопровождалъ императрицу при поѣздкѣ ея по Прибалтійскому краю.

Въ томъ же году онъ былъ назначенъ членомъ «верховнаго суда» надъ Мировичемъ. Во время производства этого дѣла, Панинъ выказалъ себя однимъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ употребленія пытки.

Въ 1765 г. онъ былъ членомъ въ нѣсколькихъ коммиссіяхъ, а именно: 1) совѣщавшейся относительно работъ въ Балтійскомъ портѣ, 2) разсматривавшей всѣ постановленія о размежеваніи земель и 3) обсуждавшей вопросы о заводахъ и заводскихъ крестьянахъ.

Въ томъ же году Панинъ представилъ императрицѣ докладъ о финансовыхъ учрежденіяхъ (послѣ «обозрѣнія» ихъ по высочайшему повелѣнію), которыя были въ его «дирекціи», а именно: о Камеръ-коллегіи и Коллегіи экономіи. Въ этомъ докладѣ, написанномъ весьма обстоятельно и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно, Панинъ предлагаетъ нѣкоторыя замѣчательныя по тому времени реформы, какъ, напримѣръ, присоединеніе или обращеніе Коллегіи экономіи въ департаментъ (въ случаѣ «препорученій всѣхъ вообще государственныхъ доходовъ... во управленіе и надзираніе въ одно государственное мѣсто»); учрежденіе комитета для сочиненія новаго «регламента» о коллегіи и для обсужденія нынѣшнихъ основаній и положеній о «новомъ преобразованіи всѣхъ оброчныхъ статей», о «винномъ доходѣ». Въ заключеніи Панинъ указываетъ на болѣе раціональныя мѣры къ тому, чтобы преобразованія были дѣйствительно исполнены, а не только «для канцелярскихъ переписокъ».

Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ еще въ коммиссіи «для разсмотрѣнія устава касательно Шляхетнаго кадетскаго корпуса».

Въ 1767 г. Панинъ былъ избранъ депутатомъ отъ дворянъ Московскаго уѣзда въ извѣстную «Коммиссію объ уложеніи». Въ данномъ ему наказѣ московское дворянство «полагалось на его извѣстную и общепризнанную способность, отличное въ управленіи государственныхъ дѣлъ искусство и прозорливость, пріобрѣтенную заслугами и достоинствами, какъ у ея императорскаго величества, такъ и въ публикѣ, общую довѣренность, а напослѣдокъ и испытанное въ толь многихъ случаяхъ патріотическое усердіе о истинномъ благѣ отечества». Въ самой коммиссіи Панинъ былъ избранъ кандидатомъ въ члены «дирекціонной коммиссіи» и членомъ «благодарственной депутаціи» къ императрицѣ. Между двумя противоположными мнѣніями по крестьянскому вопросу, онъ былъ однимъ изъ представителей среднихъ (въ чемъ онъ сходился

съ императрицей), и во всякомъ случаѣ однимъ изъ вліятельныхъ людей, сочувствовавшихъ идеѣ ограниченія крѣпостного права.

22-го сентября 1767 г. Панинъ былъ возведенъ въ графское достоинство.

Ко времени первой турецкой войны возрожденіе русскаго военнаго искусства въ духѣ идей Петра Великаго, обозначившееся еще въ Семилѣтнюю войну, стало на прочное основаніе и вступило на путь неукоснительнаго движенія впередъ. По мнѣнію самой императрицы Екатерины II, это являлось результатомъ «дружныхъ усилій всѣхъ лицъ, стоявшихъ у дѣла». Въ ряду ихъ видное мѣсто занималъ П. И. Панинъ, много способствовавшій и въ этотъ періодъ своей мирной дѣятельности прогрессу родного военнаго искусства: такъ, онъ имѣлъ значительное вліяніе на раціональное примѣненіе и даже развитіе уставныхъ началъ во время командованія финляндскою дивизіею, что̀ затѣмъ продолжалось и въ первую турецкую войну.

Въ концѣ 1768 г. произошелъ разрывъ между Турціею и Россіею.

Въ ноябрѣ того же года императрица учредила «Совѣтъ» (членами котораго были и братья Панины). На одномъ изъ засѣданій этого Совѣта П. И. предложилъ составить историческое описаніе послѣдней турецкой войны, но, какъ кажется, это предложеніе было преждевременно, ибо едва ли могло оыть понято большинствомъ членовъ Совѣта; о результатѣ его ничего не извѣстно.

4-го ноября, въ засѣданіи того же Совѣта (подъ предсѣдательствомъ императрицы) былъ рѣшенъ въ общихъ чертахъ планъ кампаніи, сводившійся къ слѣдующему: I-я армія «*наступательная*» (до 80.000 чел.), подъ начальствомъ князя Голицына, сосредоточивалась у Кіева и должна была оборонять доступы въ Польшу; II-я армія «*оборонительная*» (до 40.000 ч.), подъ начальствомъ графа Румянцева — при Усть-Сакмарѣ и у Бахмута — при условной поддержкѣ III-й арміи генералъ-аншефа Олица, стоявшей на линіи Баръ-Броды.

Въ этомъ назначеніи главнокомандующихъ замѣтно желаніе удалить генераловъ, нелюбимыхъ вліятельнымъ тогда графомъ З. Г. Чернышевымъ: П. И. Панинъ, съ которымъ Чернышевъ враждовалъ, былъ отстраненъ совсѣмъ, а Румянцевъ поставленъ на второй планъ.

Въ сентябрѣ 1769 г. императрица, недовольная дѣйствіями кн. А. М. Голицына, назначила главнокомандующимъ I-й арміей—графа Румянцева, а II-й—графа П. И. Панина, котораго на этотъ разъ уже нельзя было обойти.

Къ этому времени II-я армія состояла изъ 14 пѣхотныхъ и 9 кавалерійскихъ полковъ, при 97 орудіяхъ, а всего 33.500 чел. (не считая 2.000 чел. нерегулярныхъ войскъ). Въ крымскомъ корпусѣ было 18.500 чел. (въ томъ числѣ 14.000 чел. нерегул.).

Поручая командованіе II-ю арміею, до прибытія графа П. И. Панина, кн. В. М. Долгорукову, Румянцевъ, въ виду полученныхъ свѣдѣній о томъ, что турки намѣреваются перейти Днѣстръ у Хотина и дать намъ сраженіе, приказалъ Долгорукову передвинуть армію къ сл. Добрянкѣ на р. Синохѣ, дабы приблизить ее къ I-й арміи.

При исполненіи этого распоряженія, отрядъ Зорича былъ высланъ за р. Синюху и Бугъ, съ цѣлью распространенія слуховъ о движеніи всей II-й арміи къ Каменцу.

Между тѣмъ П. И. Панинъ прибылъ 17-го сентября въ Добрянку. Къ тому же времени въ петербургскомъ Совѣтѣ было положено, что, для рѣшительныхъ дѣйствій въ Молдавіи, должно было овладѣть крѣпостью Бендерами, что и было возложено на II-ю армію; I-я же армія должна была прикрывать эту осаду. Съ своей стороны П. И., вслѣдствіе наступленія холодовъ и отсутствія осадной артиллеріи, рѣшилъ ограничиться въ 1769 г. лишь попыткою захватить Бендеры незначительнымъ отрядомъ графа Витгенштейна (4 батальона и 1 полкъ драгунъ), которымъ онъ усилилъ отрядъ Зорича. Однако, дѣйствія Витгенштейна имѣли значеніе лишь рекогносцировки, которая показала, что безъ правильной осады невозможно взять эту крѣпость, имѣвшую сильный гарнизонъ (до 10.000 чел.) при 400 орудіяхъ. Панинъ надѣялся также, что отрядъ Витгенштейна будетъ усиленъ отрядомъ изъ I-й арміи, но, узнавъ, что и Румянцевъ не находилъ возможнымъ взять Бендеры безъ осадной артиллеріи,

отозвалъ Витгенштейна къ арміи, которая въ ноябрѣ расположилась на зимнихъ квартирахъ между Кременчугомъ и Харьковомъ.

Это убѣжденіе въ невозможности предпринять осаду въ 1769 г. было высказано Панинымъ въ письмѣ къ брату отъ 14-го октября: «Чтобы назначенныя осадной артиллеріи тяжелыя орудія везти туда нынѣшнею погодою и на обывательскихъ здѣшнихъ лошадяхъ,—къ тому я совершенно моей возможности не нахожу. Ибо сколько осады при достаточномъ всего учрежденіи полезны и славны, столь въ противность тому оныя убыточны и неудачны, а нашему войску особливо будутъ тѣмъ безславнѣе, если еще и свѣту показать новую въ нихъ неудачу». Эти строки, написанныя въ то время, когда Витгенштейнъ подходилъ къ Бендерамъ, во многомъ объясняютъ кажущуюся медлительность и осторожность П. И. во время бендерской операціи. Хотя онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій отъ Витгенштейна, но въ то же время отлично понималъ, что дѣйствія послѣдняго могутъ увѣнчаться успѣхомъ лишь благодаря какой-нибудь случайности, при чемъ самая высылка этого отряда являлась слѣдствіемъ желанія исполнить полученное изъ Петербурга приказаніе, на сколько это допускала обстановка.

Въ то же время Панинъ приказалъ генералъ-поручику Бергу предпринять «диверсію» въ Крымъ, но она не состоялась вслѣдствіе отказа казаковъ и самовольнаго ухода калмыковъ.

Вся зима прошла въ дѣятельной работѣ по *подготовкѣ* къ предстоящей кампаніи. Хотя заготовленій 1769 г. хватило бы и на 1770 г., но всѣ они находились на лѣвомъ берегу Днѣпра и на Украинской линіи; теперь же, когда главная операція II-й арміи предполагалась на правомъ берегу Днѣпра, приходилось перевозить ихъ во вновь учреждаемые магазины: по Бугу, въ Елисаветградѣ, Новороссіи и Бахмутѣ. При каждомъ полку былъ организованъ воловій транспортъ съ двухмѣсячнымъ запасомъ сухарей въ виду того, что предстоявшія движенія должны были производиться по мѣстности безлѣсной, а потому печеніе хлѣба было бы крайне затруднительно.

Этими заботами о самыхъ существенныхъ потребностяхъ арміи Панинъ выказалъ надлежащую дѣятельность и умѣнье сообразоваться съ требованіями измѣняющейся обстановки: въ отношеніи продовольствія армія была вполнѣ обезпечена на все время предстоявшей кампаніи.

Главное назначеніе II-й арміи, превращаемой теперь, въ кампанію 1770 г., въ «*наступательную*», сводилось къ *овладѣнію Бендерами*; на нее же возлагалось охраненіе всей нашей южной границы со стороны Очакова и Крыма, ей же, наконецъ, приходилось считаться и съ возможностью обращенія противникомъ всѣхъ силъ противъ I-й арміи. Въ этомъ случаѣ II-я армія должна была бы имѣть возможность поддержать I-ю. Въ виду такой тройственной задачи, Панинъ предполагалъ довести силу II-й арміи до 100.000 чел. и составить ее изъ трехъ отдѣльныхъ корпусовъ.

Въ дѣйствительности, организація и численность ея къ началу кампаніи представлялись въ слѣдующемъ видѣ: 1) и 2) главныя силы, назначенныя для дѣйствій на правомъ берегу Днѣпра: пѣхоты около 22.000, кавалеріи — около 7.000, нерегулярныхъ войскъ—20.000; всего около 49.000 (вмѣсто предположеннымъ сначала 60.000), при 197 пушкахъ и 100 понтонахъ. Главныя силы, по переправѣ черезъ Бугъ, должны были выдѣлить отдѣльный корпусъ (по первоначальному предположенію въ 25.000 изъ 60.000) для наблюденія за Очаковомъ и предупрежденія покушеній непріятеля противъ нашихъ границъ и тыла главныхъ силъ II-й арміи. Остальныя войска (35.000) назначались для покоренія крѣпостей въ томъ случаѣ, если I-я армія будетъ въ состояніи удержать главныя силы непріятеля; въ противномъ же случаѣ они должны были соединиться съ I-й арміей, разбить противника и затѣмъ уже обратиться къ покоренію крѣпостей; 3) корпусъ генералъ-поручика Берга, на лѣвомъ берегу Днѣпра,—изъ 6.000 регулярныхъ и 15.000 нерегулярныхъ, а всего 21.000 человѣкъ,—долженъ былъ прикрывать всю южную границу и произвести диверсію въ Крымъ.

Предполагаемое Панинымъ назначеніе почти половины главныхъ силъ для

второстепенныхъ операцій не отвѣчало бы дѣйствительной надобности, а между тѣмъ ослабило бы главныя силы, коимъ предстоялъ трудный, далекій походъ съ опасными переправами, а затѣмъ—осадныя работы и дѣйствія. Позже Панинъ, главнымъ образомъ въ виду приведенія II арміи въ меньшій составъ противъ его предположеній, не могъ не уразумѣть опасности подобнаго ослабленія главныхъ силъ, а потому и былъ озабоченъ принятіемъ возможныхъ мѣръ къ обезпеченію своей операціонной линіи. Мѣры эти принимались имъ еще во время расположенія на зимнихъ квартирахъ, когда онъ вошелъ въ сношенія съ татарами, что вполнѣ согласовалось съ видами императрицы, желавшей «сдѣлать испытаніе, не можно ли будетъ Крымъ и всѣ татарскіе народы поколебать въ вѣрности къ Портѣ». Въ помощь Панину для этого дѣла были назначены секретарь Коллегіи иностранныхъ дѣлъ Равичъ и весьма опытный въ сношеніяхъ съ татарами, канцеляріи совѣтникъ Веселицкій. Сообразно съ полученными изъ Петербурга указаніями были заготовлены письма къ хану крымскому, ко многимъ мурзамъ и къ татарамъ степныхъ ордъ. Увѣдомляя татаръ, «что искреннее желаніе Ея Величества состоитъ въ томъ, чтобы Крыму и всѣмъ принадлежащимъ къ нему татарскимъ ордамъ доставить на вѣчныя времена благоденственное существованіе, не зависимое ни отъ какой державы, въ чемъ Россія ручается своимъ покровительствомъ», — Панинъ требовалъ, чтобы, въ случаѣ желанія татаръ освободиться отъ Турціи, они прислали къ нему своихъ депутатовъ, и тогда военныя дѣйствія Россіи противъ нихъ будутъ прекращены; въ противномъ же случаѣ грозилъ имъ нашествіемъ и разореніемъ.

Во время расположенія на квартирахъ, со стороны Панина замѣчается тщательное веденіе всѣхъ подготовительныхъ операцій. Въ ряду мѣръ, сюда относящихся и принятыхъ имъ по собственной иниціативѣ, обращаютъ на себя вниманіе: устройство продовольственной базы (см. выше); устройство укрѣпленій при устьѣ р. Синюхи и въ верховьяхъ р. Ташлыка для обезпеченія Елисаветградской провинціи отъ покушеній татаръ и для прикрытія тыла арміи. Въ февралѣ былъ высланъ отрядъ для занятія моста на р. Бугѣ. Сверхъ того, Панинъ заблаговременно озаботился отысканіемъ на Днѣстрѣ лѣсистыхъ мѣстъ для производства необходимыхъ деревянныхъ заготовленій въ виду предстоявшихъ осадныхъ работъ.

Наконецъ, II-я армія выступила съ зимнихъ квартиръ 20-го—25-го марта, но, вслѣдствіе проливныхъ дождей, была пріостановлена, и возобновила маршъ къ Днѣпру лишь 15-го апрѣля (въ нѣсколькихъ колоннахъ), кромѣ войскъ, стоявшихъ уже въ Елисаветградской провинціи, которыя были направлены, подъ начальствомъ генералъ-поручика Эльмпта, къ Ладыжину съ цѣлью занятія позиціи на р. Бугѣ, освѣщенія мѣстности по этой рѣкѣ и прикрытія лѣваго фланга I-й арміи. Для прикрытія Елисаветградской провинціи былъ назначенъ отрядъ генералъ-майора графа Мусина-Пушкина, занявшій укрѣпленіе Павловское (на р. Ташлыкъ). Этотъ отрядъ долженъ былъ содержать связь съ отрядомъ Эльмпта и освѣщать мѣстность до праваго берега Днѣпра.

Для наблюденія за Очаковомъ были назначены: запорожское войско (6—7.000 чел.), 5.000 калмыковъ, 1 полкъ кампанейскихъ казаковъ, 1 драгунскій полкъ съ 6 орудіями—всего до 13.000 чел. Отрядъ этотъ поступилъ подъ начальство генералъ-майора князя Прозоровскаго. Наконецъ, корпусъ Берга долженъ былъ сосредоточиться у верховьевъ р. Кальміуса, а затѣмъ дѣйствовать противъ Крыма. Время для выступленія главныхъ силъ было нѣсколько позднее, но это объясняется необходимостью выждать присоединенія артиллеріи, прибывавшей изъ Кіева поэшелонно (въ февралѣ, мартѣ и маѣ), необходимостью подготовить армію къ походу во всѣхъ отношеніяхъ и въ особенности—крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ дорогъ. Даже и въ апрѣлѣ было еще много затрудненій: дороги были еще весьма трудно проходимы, а переправа черезъ Днѣпръ, (сначала на судахъ и паромахъ, при ширинѣ разлива рѣки до 6 верстъ, а затѣмъ съ 11-го мая—по выстроенному мосту у Кременчуга) вслѣдствіе разлива, была очень затруднительна.

Послѣ перехода черезъ Днѣпръ, въ серединѣ мая, Панинъ отправилъ генералъ-квартирмейстера Броуна для выбора мѣста переправы черезъ р. Бугъ, а отъ отряда Эльмпта былъ высланъ генералъ-майоръ Бурманъ—съ полкомъ пѣхоты, 4 орудіями и командами гусаръ и казаковъ, для занятія позиціи на лѣвомъ берегу р. Днѣстра и для прикрытія пространства между I-й и II-й арміями. Кромѣ того, въ этихъ же видахъ, 4 роты гренадеръ съ 4 полевыми орудіями были направлены къ м. Сороки для занятія тамъ позиціи на правомъ берегу Днѣстра. Благодаря этимъ мѣрамъ, положеніе арміи на маршѣ къ концу мая было вполнѣ обезпечено.

Около середины мая армія, пройдя Елисаветградъ, начала сосредоточиваться у Выси, а затѣмъ перешла къ Злынкѣ. Здѣсь пришлось выждать прибытія изъ Кременчуга подвижного магазина. Этою пріостановкою Панинъ воспользовался для приведенія арміи въ полный порядокъ: уже въ Выси онъ произвелъ собравшимся войскамъ «смотръ съ маневрами». Въ Злынкѣ были получены разныя ложныя свѣдѣнія о язвѣ въ Бендерахъ и о намѣреніи непріятеля (конфедератовъ) произвести нападенія на тылъ II-й армім; но Панинъ, посредствомъ шпіоновъ и высланныхъ вновь разъѣздовъ, уяснилъ себѣ неосновательность этихъ слуховъ.

3-го іюня армія выступила изъ Злынки, а 7-го перешла черезъ Бугъ у Ольвіополя. Здѣсь Панинъ издалъ «*Наставленіе войску на предводительство въ наступательныя дѣйствія противу войска турецкаго*», противъ непріятеля «не изъ однихъ только татаръ, но и изъ самыхъ турковъ, озлобленныхъ не только на все христіанство, но и на самого Христа Спасителя нашего». Но наше войско, говорилъ онъ, «ихъ превосходитъ», ибо турки «*не имѣютъ настоящаго регулярства*» и имѣютъ «распорядки, которые изобрѣтены, когда еще въ войскахъ огненнаго оружія не состояло». Атаки противника не могутъ быть страшны «нашему регулярному фронту, если оный въ своихъ сомкнутыхъ рядахъ и шеренгахъ мужественно приметъ ихъ примкнутыми на своихъ фузеяхъ гораздо длиннѣе сабель,—штыками». Ихъ, хотя и многочисленная, кавалерія уступаетъ нашей въ дѣйствіи «сомкнутыми швадронами, подкрѣпленными и закрытыми, на устроеніе послѣ произведенныхъ въ непріятеля ударовъ, нашею артиллеріею и пѣхотою, коими наша кавалерія во всѣхъ удобныхъ случаяхъ поддерживана будетъ».

«Чтобы сіе наставленіе,—продолжалъ онъ,—читано было передъ полками, ротами и командами ко внимательнѣйшему во оное вразумленіе всякаго чина, а наипаче нижнихъ».

Это «наставленіе документально доказываетъ намъ, что Панинъ смотрѣлъ совершенно правильно на вопросъ о воспитаніи и образованіи войскъ, при чемъ отлично понималъ національныя особенности русской арміи. Обращая серьезное вниманіе на развитіе въ солдатѣ духовныхъ силъ, онъ полагалъ въ основу воспитанія и образованія—заботу о поддержаніи присущаго русскому человѣку религіознаго чувства (тотъ же пріемъ, что и у перваго воспитателя нашихъ войскъ—Петра Великаго).

Вся тактика, которую П. И. преподавалъ своимъ войскамъ, основывалась на способности русскихъ къ бою въ сомкнутомъ строю и особенно къ употребленію холоднаго оружія, но при этомъ онъ не забывалъ и объ оружіи огнестрѣльномъ. По отношенію къ дѣйствіямъ всѣхъ родовъ оружія, онъ обращалъ особенное вниманіе на развитіе въ войскахъ чувства взаимной поддержки. Замѣчательно (даже съ точки зрѣнія нашего времени), что онъ требовалъ отъ кавалерійскихъ начальниковъ, кромѣ надлежащаго исполненія ихъ обязанностей въ бою,—дѣйствовать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ по собственной иниціативѣ. Столь же достойно вниманія и то, что онъ приказывалъ прочитывать всѣ свои наставленія всѣмъ чинамъ, а «наипаче нижнимъ».

Между тѣмъ, движеніе арміи было пріостановлено въ ожиданіи перенесенія понтоннаго моста съ р. Буга на р. Кодыму и мостового матеріала изъ Кременчуга на р. Бугъ. Только 11-го іюня Панинъ перешелъ р. Кодыму и затѣмъ усиленнымъ маршемъ двинулся къ д. Недѣлькѣ, куда прибылъ 14-го іюня, выславъ на походѣ (12-го) отрядъ полковника Фелькерзама (1.500—2.000 чел. съ 6 орудіями) для занятія Балты и

генералъ-квартирмейстера Броуна—для рекогносцировки и исправленія предстоящаго пути. У Недѣльки армія простояла до 18-го іюня вслѣдствіе неприбытія притягиваемаго къ ней отряда Эльмпта. Дальнѣйшее движеніе до Днѣстра было произведено вдоль р. Ягорлыка. По мѣрѣ приближенія къ Днѣстру, устраивался на каждомъ переходѣ небольшой редутъ на 30 человѣкъ при 1 орудіи, для обезпеченія сообщенія между Днѣстромъ и Бугомъ.

28-го іюня армія подошла къ м. Ягорлыкъ на р. Днѣстрѣ, куда были сплавлены мостовыя и осадныя матеріалы. Отсюда, при помощи казаковъ, была установлена связь съ передовыми постами I-й арміи. Сверхъ того, Панинъ выслалъ Броуна съ 4-мя полками для открытія непосредственной связи съ Румянцевымъ и личныхъ съ нимъ совѣщаній по вопросу о согласованіи операцій обѣихъ армій. Немедленно же были высланы на правый берегъ гусарскіе и казачьи отряды, которые выставили «пикеты» по р. Реутъ и доходили до р. Быка, а нѣкоторые и до Бендеръ. Затѣмъ, 29-го іюня, часть главныхъ силъ переправилась черезъ Днѣстръ, и переправа продолжалась до 2-го іюля. Въ это время состояніе арміи было вполнѣ удовлетворительно, осадный же паркъ и продовольственная часть въ совершенномъ порядкѣ. Панинъ былъ пока вполнѣ доволенъ столь успѣшными результатами движенія арміи къ Днѣстру съ переправою черезъ эту рѣку, какъ это видно изъ письма его къ брату отъ 29-го іюня: «...Я получилъ счастье первый еще изъ россійскихъ генераловъ въ іюнѣ мѣсяцѣ не только съ разоренною, но сколь съ малою, столь наилучшею, ничѣмъ не ослабѣвшею арміею перейти р. Днѣстръ, до котораго тѣ войски въ прежнюю войну, коимъ къ Днѣстру дѣйствовать было надлежало, никогда не достигали». О своихъ трудахъ въ томъ же письмѣ Панинъ говоритъ, что онъ ѣздитъ «часовъ по двѣнадцати, не сходя съ лошади» и далѣе—«что оное производится человѣкомъ, не имѣющимъ ни на одно мгновеніе ока во всякіе сутки спокойствія отъ страдальческихъ во всѣхъ членахъ болей»...

Для обложенія Бендеръ съ лѣваго берега былъ отдѣленъ 2-го іюля отрядъ генералъ-майора Каменскаго (2 пѣхотныхъ и 3 конныхъ полка), къ коему присоединился и отрядъ полковника Фелькерзама, стоявшій прежде у Дубоссаръ.

На обоихъ берегахъ Днѣстра, у переправы, были устроены тетъ-де-поны,—въ видахъ обезпеченія владѣнія ближайшимъ къ переправѣ участкомъ рѣки. Затѣмъ, для лучшей ориентировки, были высланы къ крѣпости небольшіе развѣдывательные отряды и, сверхъ того, шпіоны, которые и донесли, что численность гарнизона доходила до 5.000 человѣкъ и что въ крѣпости свирѣпствовали заразительныя болѣзни. 6-го іюля была переправлена осадная артиллерія, а армія тотчасъ же двинулась къ Бендерамъ. Но и въ этихъ мѣстахъ поднявшаяся даже въ небольшихъ рѣчкахъ вода сильно затрудняла движеніе, обозы отставали. Въ то же время начались столкновенія нашихъ передовыхъ отрядовъ съ противникомъ. 13-го іюля Панинъ лично произвелъ рекогносцировку окрестностей Бендеръ для выбора мѣста подъ лагерь.

Къ началу осады армія состояла изъ 18.567 чел. пѣхоты, 5 145 чел. кавалеріи, 5.528 чел. нерегулярныхъ, 3.574 чел. артиллеріи и инженерныхъ командъ, а всего 32.814 чел. (не считая 930 чел. больныхъ).

15-го іюля была произведена переправа черезъ р. Быкъ, а затѣмъ армія въ пяти колоннахъ, съ высланными передъ каждой колонной кавалерійскими частями, подошла къ Бендерамъ и начала уже располагаться лагеремъ, какъ была атакована почти всѣмъ гарнизономъ, вышедшимъ изъ крѣпости въ поле. Распорядительность, постоянныя заботы о полной готовности арміи ко всякаго рода случайностямъ и умѣнье Панина поднять духъ подчиненныхъ—заставили, однако, противника обратиться вспять; наши войска преслѣдовали его по пятамъ, но Панинъ пріостановилъ ихъ въ тотъ моментъ, когда они были уже готовы ворваться въ крѣпость. Причиной этой пріостановки были: 1) недостатокъ точныхъ свѣдѣній о силахъ противника и 2) обстоятельства, которыя онъ самъ опредѣлилъ въ письмѣ къ брату отъ 31-го іюля слѣдующими словами: «не совсѣмъ бездѣлица... службу свою проводить въ ножевомъ востріи отъ моровой язвы,

имѣя при томъ всю свою честь и репутацію къ оному волосомъ привязанными... Но если кто у васъ сыщется говорить, для чего я крѣпости не штурмую, то на то надобно себѣ представить, что когда изъ девяти тысячъ пѣхоты что-нибудь знатнаго потеряется, то уже не останется съ чѣмъ послѣ удержаться передъ стѣнами, и что крѣпость имѣетъ, конечно, свои мины, и что, штурмомъ въ нее вбѣжавъ, неминуемо забѣжишь и въ моровую язву»... Ознакомившись затѣмъ лучше съ состояніемъ крѣпости и гарнизона, Панинъ все-таки не обращается къ штурму, но избираетъ вѣрнѣйшій и выгоднѣйшій, хотя и медленный, способъ овладѣнія крѣпостью — постепенную атаку.

16-го іюля инженеръ—генералъ-маіоръ Гербель составилъ соображеніе для плана предстоявшей атаки. Въ ночь съ 19-го на 20-е іюля приступлено къ открытію первой параллели, заложенной въ 300 саженяхъ отъ крѣпостной ограды; въ ночь на 21-е открыты подступы ко второй параллели и съ батарей открытъ огонь, а въ ночь на 22-е—занятъ покинутый противникомъ «ретраншаментъ» и обращенъ во вторую параллель.

Однако и гарнизонъ началъ производить частыя вылазки, при чемъ контръатаки его велись съ необыкновенной энергіей и отвагой; но наши войска ни разу не были застигнуты врасплохъ, и успѣхъ въ этихъ бояхъ склонялся на нашу сторону.

Между тѣмъ, 25-го іюля къ Панину прибыла депутація отъ едичанской и бѣлгородской (буджанской) ордъ (послѣ кагульскаго погрома и предъявленія Румянцевымъ требованія полной покорности), съ просьбой прекратить военныя дѣйствія противъ нихъ и дозволить перейти въ Крымъ. Однако, Панинъ, принимая въ соображеніе успѣхи Румянцева и вѣроятность скораго паденія Бендеръ, заговорилъ теперь съ татарами иначе: онъ требовалъ въ 6-ти-дневный срокъ согласія на «отторженіе отъ бѣдственнѣйшаго... турецкаго скипетра» и чтобы, «предаваясь въ протекцію, а не въ подданство Ея Императорскаго Величества»..., татары обязывались «прекратить немедленно враждебныя дѣйствія и удалиться отъ I-й арміи»... для расположенія между нею и Аккерманомъ; увѣдомить, въ какомъ именно мѣстѣ они остановятся, въ какомъ числѣ будутъ состоять, не будетъ ли полезно назначить, съ ихъ согласія, небольшое число нашихъ войскъ въ ихъ степи, въ видахъ охраненія ихъ безопасности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ требовалъ отъ нихъ клятвеннаго обѣщанія, заложниковъ и подписки отъ знатныхъ татаръ. Въ случаѣ согласія на эти условія, имъ были обѣщаны безопасность и покровительство; что же касается пропуска ихъ въ Крымъ, то это ставилось въ зависимость отъ согласія крымцевъ на принятіе покровительства Россіи; впрочемъ, едичанской ордѣ дозволялось жить въ той части Крымской степи, которая была уже покорена нашими войсками, или же предполагалось отвести имъ земли въ русскихъ владѣніяхъ.

5-го августа явились аманаты отъ едичанской, буджакской и ногайской ордъ съ изъявленіемъ согласія на принятіе покровительства Россіи, съ просьбою о разрѣшеніи пропуска ихъ въ Крымъ и, въ доказательство своей искренности, съ донесеніемъ о расположеніи крымскаго хана съ 20.000 турокъ и враждебныхъ Россіи татаръ у урочища Паланка (въ 60 вер. отъ Бендеръ) и о намѣреніи его атаковать Панина. Тогда Панинъ выслалъ противъ хана дивизію Эльмпта и послалъ приказаніе Прозоровскому отдѣлить калмыковъ для той же цѣли; союзнымъ же татарамъ обѣщалъ прекратить враждебныя дѣйствія и дозволилъ имъ расположиться на прежнихъ мѣстахъ, но въ то же время требовалъ, чтобы они, съ своей стороны, старались свергнуть хана и избрать на его мѣсто сочувствовавшаго Россіи Бахты-Гирея.

Между тѣмъ крымскій ханъ, отказавшись отъ намѣренія идти на освобожденіе Бендеръ, велъ себя крайне двусмысленно. Поэтому Панинъ приказалъ Бергу и Прозоровскому (отрядъ котораго былъ усиленъ еще однимъ карабинернымъ полкомъ при 2-хъ орудіяхъ) дѣйствовать противъ хана рѣшительно, дабы не пропустить его въ Крымъ, а отъ самого хана требовалъ категорическаго выясненія его политики. Однако, ханъ успѣлъ пробраться къ Очакову, а въ то же время нѣкоторые крымскіе мурзы увѣряли Панина въ своемъ еди-

номыслiи съ едичанской и буджакской ордами и просили свободнаго пропуска въ Крымъ, откуда обѣщали начать немедленно переговоры о вступленiи въ дружбу съ Россiей. Панинъ согласился на ихъ просьбу, но потребовалъ отъ нихъ присылки аманатовъ и письменныхъ обязательствъ, объявленiя себя независимыми отъ Турцiи и признанiя только такого хана, который будетъ съ ними согласенъ. Эти переговоры вызвали среди крымскихъ татаръ разногласiя, значительно ихъ ослабившiя; вслѣдствiе этого ханъ не могъ двинуться противъ Бендеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ упустилъ случай поставить Панина въ критическое положенiе. Такимъ образомъ Панинъ успѣшно подготовилъ почву къ окончательному убѣжденiю крайне недовѣрчивыхъ едичанскихъ и бѣлгородскихъ татаръ въ благопрiятности (по его мнѣнiю) для нихъ, какъ и для окончательнаго замиренiя всѣхъ татаръ, истинныхъ намѣренiй русскаго правительства. Въ этомъ нельзя не усмотрѣть значительной доли полезнаго воздѣйствiя, произведеннаго стратегiею (въ лицѣ Панина) на политику, не взирая на то, что сама эта стратегiя находилась далеко не въ безопасномъ положенiи.

Веденiе переговоровъ съ татарами и необходимость считаться съ угрожавшею—въ лицѣ извѣстной части ихъ — опасностью нисколько не отразились на осадныхъ дѣйствiяхъ подъ Бендерами. 30-го iюля была заложена 3-я параллель, а 3-го августа начаты работы въ подземныхъ галлереяхъ; вообще же, атакующiй все болѣе и болѣе стягивалъ охватившее крѣпость желѣзное кольцо въ видѣ траншей, параллелей, батарей и подземныхъ минъ. Съ своей стороны и осажденные проявляли замѣчательную энергiю, возраставшую по мѣрѣ приближенiя рѣшительнаго момента: вылазки и контръ-атаки, производимыя съ бѣшенною отвагою, стали учащаться, а 10-го августа были открыты контръ-мины. Въ виду этого Панинъ приказалъ 11-го августа углубить рвы передъ брешъ-батареями. Между тѣмъ, производившееся не совсѣмъ разсчетливо бомбардированiе крѣпости привело къ быстрому расходованiю боевыхъ припасовъ. Поэтому пришлось ограничить значительно этотъ расходъ въ то самое время, когда артиллерiйскiй огонь становился болѣе дѣйствительнымъ. Слѣдствiями этого явились потеря времени и до извѣстной степени непроизводительная трата силъ войскъ.

28-го августа, въ виду предстоявшаго штурма, Панинъ произвелъ рекогносцировку крѣпости, но противникъ 29-го сдѣлалъ отчаянную вылазку и, не смотря на понесенныя имъ громадныя потери отъ нашего картечнаго огня, достигъ переднихъ подступовъ атакующаго. Однако геройская стойкость крѣпкихъ духомъ войскъ Панина заставила его отступить обратно.

3-го сентября атакующiй взорвалъ лѣвую мину подъ гласисомъ, послѣ чего приступилъ къ вѣнчанiю послѣдняго. 6-го была взорвана наша правая мина. Тогда комендантъ (паша бендерскiй), въ ожиданiи штурма, взялъ клятву съ гарнизона драться до послѣдней крайности. Въ то же время и подземная война велась весьма дѣятельно съ обѣихъ сторонъ, которыя сошлись, наконецъ, настолько близко, что 8-го сентября въ подземныхъ галлереяхъ завязалась перестрѣлка.

Въ общемъ, атака шла успѣшно. Тѣмъ не менѣе необычайная стойкость гарнизона, сильная убыль въ рядахъ нашихъ войскъ и недостатокъ въ артиллерiйскихъ снарядахъ вынуждали Панина, по его мнѣнiю, къ крайней осторожности. При такихъ условiяхъ штурмъ представлялся ему рискованнымъ, а потому, желая имѣть возможность повторить штурмъ въ случаѣ его отбитiя и вообще дѣйствовать съ достаточною увѣренностью въ успѣхѣ, онъ просилъ графа Румянцева подкрѣпить II-ю армiю отрядомъ, присоединенiе котораго могло бы обезпечить его въ указанномъ отношенiи. 15-го сентября Панинъ получилъ извѣстiе о высылкѣ изъ I-й армiи отрядовъ Ржевскаго и Игельштрома (бывшихъ подъ начальствомъ кн. Репнина). Осторожность Панина не была лишена основанiй, какъ это видно изъ писемъ его къ брату. Такъ, напр., онъ говоритъ въ письмѣ отъ 4-го августа: «комнатныя заключенiя о нашихъ противъ непрiятеля обращенiяхъ совсѣмъ... неправедныя и фальшивыя... Можетъ ли уже быть... какое сбереженiе... гдѣ непрiятель въ крѣпости, будучи почти ровенъ,

своею пѣхотою, осаждающему — силою, вотъ уже дней шесть сряду... дѣлаетъ самыя отчаянныя вылазки и заставляетъ меня... метаться по всей своей, необходимо весьма пространно державной, но только десятью пѣхотными полками, позиціи; твой братецъ, будучи главнымъ командиромъ, почти всякую ночь... рѣдко больше къ сраженію противу непріятеля... выводитъ, какъ до тысячи человѣкъ пѣхоты»; и въ письмѣ отъ 5-го сентября: «будучи она (осада)... отправлена и снаряжена на слабую непріятельскую оборону, и встрѣтилась съ такою, какая рѣдко и въ самомъ регулярномъ непріятелѣ бываетъ; сей варварскій... непріятель... слѣдуетъ одному только своему отчаянію, то... какъ можетъ духъ мой быть... безъ крайняго напряженія?.. Отнимая отъ... непріятеля крѣпость, видѣть и ежеминутно ожидать..., что ни людей, ни пороху, ни ядеръ совсѣмъ уже не достаетъ. Такимъ же образомъ въ нынѣшнемъ... мѣсяцѣ и ожидайте вы отъ меня или конечнаго взятія сего города, или потерянія подъ нимъ столько людей, что съ остаткомъ отъ оныхъ невозможно уже будетъ удержаться впродолженіи осады».

Такъ или иначе, считая себя обезпеченнымъ на случай неудачи, Панинъ рѣшилъ, не выжидая прибытія подкрѣпленій, произвести штурмъ тотчасъ по окончаніи необходимыхъ къ нему приготовленій. Къ 15-му сентября была готова самая сильная мина — «globe de compression», заряженная 400 пудовъ пороха, и въ тотъ же день отдана диспозиція для атаки.

По взрывѣ этой мины, войска должны были идти на штурмъ въ трехъ колоннахъ: полковниковъ Вассермана, Корфа и Миллера; при этомъ за каждой колонной былъ свой частный резервъ. Руководство атакою было поручено генералъ-маіорамъ: на правомъ флангѣ — Каменскому, на лѣвомъ флангѣ — графу Мусину-Пушкину, а въ центрѣ — Сентъ-Марку; самъ же Панинъ оставилъ въ своемъ распоряженіи общій резервъ, расположенный за флангами первой параллели — пѣхоту генералъ-поручика Вернеса.

15-го сентября въ 10 час. вечера мина была взорвана и войска двинулись на штурмъ. Противникъ оборонялся съ ожесточеніемъ; наши же войска, воодушевленныя удачнымъ взрывомъ, хорошо уже ознакомившіяся съ мѣстностью, во-время поддерживаемыя резервами, хотя и съ громадными потерями, неудержимо подвигались впередъ. Бой длился всю ночь, и, вслѣдствіе его продолжительности и упорства, пѣхота нашего общаго резерва была введена въ дѣло. Тогда Панинъ приказалъ замѣнить ее (въ резервѣ) спѣшенною кавалеріею. Контръ-атака противника (около 1.500 чел. конницы и 500 чел. пѣхоты), произведенная неожиданно въ обходъ лѣваго фланга противъ тыла атакующаго, поставила наши войска на время въ критическое положеніе; но и здѣсь нѣкоторые частные начальники, по собственной иниціативѣ, бросились къ обозу съ бывшими подъ рукою частями пѣхоты и кавалеріи и успѣли дать первый отпоръ, а затѣмъ были поддержаны подоспѣвшими эскадронами генералъ поручика Вернеса и генералъ-маіора Зорича.

Войска эти дружно атаковали со всѣхъ сторонъ зарвавшагося непріятеля, при чемъ были еще поддержаны артиллерійскимъ огнемъ изъ задней параллели,— и турки были разсѣяны. Послѣ этого частнаго успѣха Панинъ обратился снова противъ крѣпости, въ которой кипѣлъ уже ожесточенный бой, такъ какъ ворвавшимся туда войскамъ нашимъ пришлось выбивать турокъ чуть ли не изъ каждаго дома. При этомъ городъ былъ охваченъ пожаромъ, который усиливался все болѣе и болѣе, такъ какъ турки, увидѣвъ невозможность сопротивленія, сами зажигали различныя зданія; вслѣдствіе этого, вскорѣ отъ города остались лишь однѣ развалины.

Около 8 часовъ утра изъ крѣпости была выслана депутація для переговоровъ о капитуляціи, но Панинъ отвергъ какія бы то ни было условія, вслѣдствіе чего весь гарнизонъ и жители (всего 11.794 человѣка обоего пола, въ томъ числѣ янычаръ и спаговъ 5.390) сдались въ плѣнъ. Сверхъ того, трофеями были 348 орудій и множество боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

Потери при штурмѣ доходили: у непріятеля убитыми и ранеными до 5.000 человѣкъ, а у насъ до 2.593 чел.; въ теченіе же всего времени осады потери наши простирались до 6.236 человѣкъ.

При взятіи Бендеръ, Панинъ представилъ императрицѣ слѣдующее донесеніе: «L'ours est mort... и сколь онъ бендерскую мерлогу ни крѣпку, а ногтей—почти больше егерей—имѣлъ, и сколь ни безпримѣрно свирѣпъ и отчаянъ былъ, но. . отправленныхъ на него егерей стремленіе... соблюсти достоинство славы оружья..., со врожденными въ нихъ вѣрностью и усердіемъ..., храбрость съ бодростью, нашли способъ по лѣстницамъ перелѣзть черезъ стѣны его мерлоги и совершенно сокрушить его... челюсти; непростительно бы я согрѣшилъ передъ моею государынею, если бы этого не сказалъ, что предведенные мною на сію охоту ея егеря справедливо достойны высочайшей милости, въ которую дерзаю совокупно съ ними и себя повергнуть».

Императрица была, однако, недовольна большими потерями и разрушеніемъ Бендеръ (города), что̀ и выразила словами: «чѣмъ столько потерять и такъ мало получить, лучше бы вовсе не брать Бендеръ». Она была очень сдержана въ своихъ милостяхъ къ Панину,—по сравненію съ милостями, оказанными Румянцеву и А. Орлову: онъ получилъ за взятіе Бендеръ орденъ св. Георгія I-й степени при весьма сухомъ рескриптѣ (отъ 5-го октября 1770 г.).

Впрочемъ, отношенія императрицы къ Панину были довольно сухи еще задолго до паденія Бендеръ. Это подтверждается тѣмъ, что̀ онъ писалъ брату еще 31-го іюля... «я же невѣдомо сколько времени отъ двора ничего... въ полученіи не имѣю»; и 5-го сентября: «радуясь и тому, что хотя отъ васъ однихъ... пріобрѣтаю въ партикулярныхъ письмахъ извѣстія о неблагоудности ея величества къ моей теперечной... службѣ, не имѣя никакого настоящаго отзыва ни на одну мою по переходѣ Днѣпра реляцію, слѣдовательно и не имѣя-жъ ничѣмъ отъ высочайшаго ея имени своимъ подчиненнымъ къ одобренію весьма трудной и уронной экспедиціи отозваться».

Для того, чтобы оцѣнить вполнѣ правильно дѣятельность Панина во время Бендерской операціи, необходимо прежде всего выяснить условія, въ которыя была поставлена, въ его лицѣ, стратегія—тогдашнею политикою. Хотя въ это время послѣдняя сдѣлала большой шагъ впередъ въ сравненіи съ дѣятельностью знаменитой конференціи, руководившей операціями въ Семилѣтнюю войну, но все-таки она не могла еще вполнѣ отказаться отъ традицій и пріемовъ своей предшественницы, прибавивъ къ этому и нѣкоторые новые пріемы, не всегда отвѣчавшіе требованіямъ обстановки. На одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій операціи ведутся двумя арміями, находящимися подъ начальствомъ двухъ независимыхъ другъ отъ друга главнокомандующихъ, и, такимъ образомъ, сразу же нарушается принципъ объединенія власти въ рукахъ одного полководца. Хотя власть эта и объединяется въ Петербургѣ въ рукахъ «Совѣта» и отчасти «Военной Коллегіи», но, во-первыхъ, и при этомъ не было полнаго объединенія, а, во-вторыхъ, руководство операціями изъ столицы, почти за 2.000 верстъ, могло приносить дѣлу только вредъ, а не пользу. При томъ, главнокомандующіе вообще не могли пользоваться необходимою «полною мочью», въ частности же положеніе ихъ было болѣе или менѣе затруднительно, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ ихъ отношенія къ болѣе вліятельнымъ членамъ вышеупомянутыхъ учрежденій. Съ этой точки зрѣнія положеніе Панина было довольно неблагопріятно, ибо нѣкоторые изъ числа послѣднихъ были явными его недоброжелателями и, вмѣсто того, чтобы оказывать ему всегда должное содѣйствіе, нерѣдко тормозили его дѣятельность разными проволочками, неисполнимыми требованіями и т. п. Это подтверждается и письмами Панина къ брату: а) отъ 5-го ноября 1769 г. онъ жалуется, напр., на З. Г. Чернышева: «Здѣсь влагаю копіи съ полученнаго отъ него (письма)... какъ тутъ продирается всегдашній замыселъ похищенія надъ всѣми (его гораздо заслуженнѣе) персональной власти военнаго министра...; и для того васъ прошу... ея величеству представить, какъ мы, будучи возращены дѣтьми тѣхъ отцовъ, которые при главныхъ ихъ командованіяхъ надъ войсками никогда ни въ чьемъ персональномъ подчиненіи, кромѣ самихъ государей или учреждаемыхъ особъ изъ первыхъ степеней присутственныхъ мѣстъ, да и сами уже собственно дослужившись сей степени, никогда въ та-

комъ подтвержденіи не бывали, то и не можетъ оное, а мнѣ наипаче, быть инако, какъ убійственно... Я... шелъ и иду моею... дорогою, имѣвъ то несчастливое врожденіе, что не только такому свойственному, ни вамъ собственно... не въ состояніи заслуженнаго своего званія въ порабощеніе предать. А потому и нельзя мнѣ никакъ, получа счастье предводительствовать въ полѣ... цѣлою арміею, снизвергнуться на то, чтобы отъ колежскихъ вице-президентовъ зависѣть». Или въ письмѣ отъ12-го марта 1770 г., гдѣ заключаются жалобы на крайне непонятныя и неисполнимыя распоряженія того же Чернышева; или, наконецъ, въ письмѣ отъ 10-го апрѣля 1770 г., гдѣ Панинъ жалуется на вмѣшательство того же Чернышева въ сферу его власти: «Въ Россіи и всѣ другіе государи, не только Великая Екатерина, сами собственно всегда войну вели и ею распоряжали, а не матушка Военная Коллегія и не изображающійся военный министръ, котораго персональную власть россійскіе генералы по такому воспитанію не могутъ еще не давившись проглатывать. 23-го іюня того же года онъ пишетъ: «мнѣ видится, что... гдѣ я мимо Военной Коллегіи... съ представленіями къ своему монарху прихожу, изволитъ онъ своими препятствіями вмѣшиваться». Подобное положеніе дѣлъ, конечно, порождало излишнія заботы и распоряженія, непроизводительные труды, недоразумѣнія и всевозможныя упущенія.

Двоевластіе на одномъ и томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій если и не принесло всего возможнаго вреда, то лишь благодаря случайности—хорошимъ отношеніямъ между главнокомандующими. Однако, и при этомъ происходило неизбѣжное въ подобныхъ случаяхъ треніе, сопряженное съ извѣстнымъ взаимнымъ неудовольствіемъ и вызывавшее потерю времени, а иногда и ошибочные разсчеты, и, какъ слѣдствіе таковыхъ,—рѣшенія, болѣе или менѣе не отвѣчавшія дѣйствительному положенію дѣлъ. Характеръ и значеніе недоразумѣній, происходившихъ между главнокомандующими, выясняются отчасти также изъ писемъ Панина къ брату—а) отъ 25-го января 1770 г.: «предыдущія мои съ пріобщенными отъ графа Румянцева ко мнѣ и отъ меня къ нему письмами вамъ, надѣюсь, довольно показали, что онъ и меня, такъ, какъ и васъ, осыпаетъ откровенными словами, которыя только о его точныхъ намѣреніяхъ и утвердительныхъ положеніяхъ (коихъ, думаю, и никогда нѣтъ) ничего не сказываютъ»; б) отъ 10-го апрѣля того же года: «не поскучь прочесть съ графомъ Петромъ Александровичемъ (Румянцевымъ) переписку и скажите мнѣ откровенно, кто изъ насъ больше резону имѣлъ: я ли принимать заблаговременныя мѣры къ заготовленію магазейновъ изъ Польши, а не изъ Россіи, между Буга и Синюхи рѣкъ съ осторожностьми, чтобъ безъ общей въ томъ съ нимъ связи не сдѣлать той или другой арміи подрыву и въ цѣнахъ возвышенія, или на его сторонѣ остается справедливой къ тому резонъ, чтобъ заблаговременныхъ магазейновъ не заводить, ожидая расположенія оныхъ изъ слѣдствія нынѣшней кампаніи».

Само собою разумѣется, что въ подобныхъ случаяхъ не былъ виновенъ ни Румянцевъ, ни Панинъ, такъ какъ каждый изъ нихъ стремился, да и обязанъ былъ стремиться, къ достиженію лишь той цѣли, которая была поставлена его арміи, но не могъ принимать въ соображеніе интересовъ арміи своего товарища, если только они шли въ разрѣзъ съ интересами первой. Едва ли, однако, подобный взглядъ на дѣло существовалъ въ Петербургѣ, гдѣ многіе были склонны всегда если не оправдать Румянцева, то обвинить Панина. Въ свою очередь, послѣдній, конечно, не могъ не принимать возможныхъ мѣръ къ самозащитѣ.

Такимъ образомъ, политика создала для стратегіи крайне затруднительныя условія, отчасти вслѣдствіе непониманія вліятельными членами Совѣта и Военной Коллегіи сущности вопроса объ отношеніяхъ политики къ стратегіи, не говоря уже о руководствѣ операціями, отчасти—вслѣдствіе личныхъ счетовъ между тѣми же членами и главнокомандующимъ II-ю арміею и, особенно, вслѣдствіе неблагопріятныхъ для него придворныхъ теченій, способствовавшихъ возстановленію противъ него самой императрицы.

Въ виду вышесказаннаго, должно со-

блюдать извѣстную сдержанность въ отношеніи оцѣнки дѣятельности стратегіи (въ лицѣ Панина), которая, при такихъ условіяхъ, не могла дать надлежащаго сочетанія рѣшительности съ осторожностью. Всѣ вышеуказанныя неблагопріятныя условія усугубляли осторожность и безъ того весьма осторожнаго Панина.

Самъ Панинъ, будучи не достаточно оріентированъ въ самомъ началѣ кампаніи, отступилъ отъ принципа экономіи силъ: отдѣленіе отрядовъ Прозоровскаго и другихъ настолько ослабили главныя силы II-й арміи, что въ критическую минуту на рѣшительномъ пунктѣ у Панина изъ 49.000 чел., состоявшихъ къ началу кампаніи, было подъ рукою въ день штурма не болѣе 15.000 чел. (въ томъ числѣ около 11.000 пѣхоты), то-есть, столько, сколько было и у противника. Впрочемъ, и это нарушеніе указаннаго принципа было далеко не столь значительно, какъ это можетъ представиться на первый взглядъ, ибо, во-первыхъ, регулярныя войска, составлявшія лучшую часть его арміи, были выдѣлены изъ главныхъ силъ—въ такомъ числѣ, какое представлялось безусловно необходимымъ, а, во-вторыхъ, при осадѣ армія потеряла до 4.000 чел. Въ исполненіи Панинымъ предначертаннаго свыше плана операціи должно отмѣтить, прежде всего (въ началѣ похода), принятіе мѣръ, ставившихъ армію въ положеніе надлежащей безопасности, каковы: назначеніе корпуса Берга для производства диверсіи противъ крымскихъ татаръ, высылка прикрывающихъ и развѣдывательныхъ отрядовъ и устройство тетъ-де-поновъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, онъ создалъ для своей арміи довольно благопріятное (говоря сравнительно) исходное положеніе. Далѣе, не смотря на отсутствіе внезапности, Панинъ все-таки захватилъ иниціативу и господствовалъ надъ положеніемъ противника. Безопасность операціонной линіи была достигнута имъ благодаря какъ вышеприведеннымъ мѣрамъ, такъ и устройству комуникаціонной линіи (редуты) и отдѣльнымъ укрѣпленіямъ съ гарнизонами.

Панинъ имѣлъ главнымъ предметомъ дѣйствій не живую силу врага, но указанную ему крѣпость, заключавшую въ себѣ, однако, весьма цѣнную часть этой силы. Уразумѣвъ вполнѣ качества послѣдней, онъ отлично рѣшилъ вопросъ о постановкѣ своихъ войскъ передъ боемъ (т.-е. передъ штурмомъ) въ наиболѣе выгодное положеніе. Сознавая значеніе вышеуказаннаго ослабленія арміи, онъ проситъ Румянцева о подкрѣпленіи его отрядами изъ I-й арміи. Живая же сила противника (гарнизона) была настолько ослаблена, что, не смотря на необыкновенное сопротивленіе, — штурмъ былъ сравнительно не труденъ.

Въ теченіе всей операціи разсчетъ преобладалъ надъ случайностями, при чемъ сама операція вполнѣ отвѣчала *принципу единства* въ ея развитіи.

Въ общемъ, стратегическое искусство Панина въ этой операціи хотя не является первостепеннымъ образцомъ, но ставитъ его все-таки весьма высоко въ ряду полководцевъ того времени: слѣдованіе завѣтамъ Петра Великаго и продолжительный боевой опытъ въ Семилѣтнюю войну подготовили его въ достаточной степени къ командованію арміею и дали ему возможность стоять на высотѣ своего назначенія. Если при этомъ онъ и подалъ, какъ казалось, нѣкоторые поводы къ упрекамъ—сначала въ недостаточно энергичномъ веденіи операціи, а затѣмъ въ непроизводительномъ расходованіи силъ, то эти упреки отпадаютъ чуть ли не вполнѣ, если принять въ соображеніе довольно сложную и неблагопріятную обстановку, при которой ему приходилось дѣйствовать.

Таковъ былъ первый опытъ Панина въ самостоятельномъ командованіи арміею (не считая вывода арміи изъ Пруссіи въ 1762 г.). При этомъ ему приходилось во многомъ вновь устраивать и реорганизовать свою армію; передвиженіе же ея съ тяжелыми обозами и осадной артиллеріей было подвигомъ для войскъ, состоявшихъ частью изъ новобранцевъ и малонадежныхъ «нерегулярныхъ» войскъ.

Между тѣмъ, его врагамъ и завистникамъ представился прекрасный случай для сравненія скромныхъ, повидимому, результатовъ дѣятельности Панина съ одной стороны съ блестящими побѣдами А. Орлова и особенно Румянцева съ другой. Съ точки зрѣнія недоброжелателей Панина, имѣвшихъ власть судить и присуждать, это сравненіе явля-

лось какъ нельзя болѣе кстати именно потому, что оно было не въ пользу Панина; поэтому, онъ и «былъ заслоненъ Румянцевымъ и Алексѣемъ Орловымъ». Но побѣды Румянцева при Рябой Могилѣ (17-го іюня), Ларгѣ (7-го іюля) и Кагулѣ (21-го іюля) были одержаны надъ противникомъ, хотя и обладавшимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ, но далеко нестойкимъ въ открытомъ полѣ,—тогда какъ Панину съ его арміей, еще не снабженной необходимыми осадными приспособленіями, было поставлено цѣлью овладѣніе крѣпостью, за валами которой сидѣлъ противникъ, отлично себя чувствовавшій именно при подобной оборонѣ и выказавшій при этомъ громадную духовную силу.

По взятіи Бендеръ, Панинъ собралъ военный совѣтъ для обсужденія предстоявшихъ дѣйствій. Позднее время года, большія потери въ рядахъ арміи и разстройство матеріальной части не допускали рѣшительныхъ дѣйствій противъ Очакова, а потому Панинъ рѣшилъ оставить 3.000 чел. пѣхоты для занятія Бендеръ и 2.000 чел. конницы (4 эскадрона кавалеріи съ 3 полками казаковъ) для содержанія постовъ, отправить 700 чел. для конвоированія плѣнныхъ и выслать отрядъ Каменскаго (5 батальоновъ пѣхоты, 2 полка конницы при 10 орудіяхъ) для усиленія отряда Игельштрома, осаждавшаго Аккерманъ.

6-го октября, оставивъ въ Бендерахъ гарнизонъ (5.538 чел.), Панинъ отошелъ съ остальными войсками къ Екатериненскому шанцу, а затѣмъ армія расположилась на зимнихъ квартирахъ, имѣя штабы дивизій въ Полтавѣ и Кременчугѣ. Квартирный районъ охранялся *авангардами*, занявшими устроенныя для сего укрѣпленія, и *кавалеріею*, выставившею «форпосты» и высылавшею разъѣзды.

Такимъ образомъ, закончились операціи II-й арміи подъ начальствомъ Панина, но не закончились еще переговоры съ татарами. Капланъ-Гирей (крымскій ханъ) продолжалъ хитрить, не соглашался на предложенія Панина и, оставаясь у Очакова, возбуждалъ татаръ, находившихся въ Крыму. Въ это же время Панинъ поручилъ генералъ-майору Медему, находившемуся на Кубани, разузнать между черкесами о Гиреевой фамиліи, дабы затѣмъ выбрать подходящаго хана. Между тѣмъ, было получено извѣстіе, что крымскіе татары только ожидаютъ прихода степныхъ ордъ, чтобы отложиться отъ Турціи. Панинъ отправилъ къ ихъ старшинамъ письма, въ которыхъ осуждалъ образъ дѣйствій Капланъ-Гирея и, напомнивъ о паденіи Бендеръ, угрожалъ обращеніемъ оружія противъ Крыма (какъ бы давая понять, что дѣйствія его не будутъ имѣть временнаго характера, подобно дѣйствіямъ войскъ Берга), при чемъ совѣтовалъ выбрать другого хана. Въ октябрѣ Панинъ разрѣшилъ отложившимся отъ Турціи татарамъ занять ихъ степи отъ урочища Каменки до Азова, при чемъ имъ оказывалось всякое къ тому содѣйствіе. Мирный исходъ этихъ переговоровъ произвелъ весьма выгодное вліяніе на заключеніе мирныхъ же условій и съ другими ордами, въ томъ числѣ даже отчасти и съ крымцами. Отъ нихъ были получены письма, гласившія о готовности вступить въ союзъ. Панинъ, съ своей стороны, совѣтовалъ татарамъ образовать державу, которой Россія оказывала бы надлежащую поддержку, и, вообще, принималъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы склонить къ принятію покровительства Россіи и послѣднихъ крымскихъ татаръ, еще упорствовавшихъ въ желаніи остаться подъ властью Турціи.

На этомъ и пріостановилась пока служебная дѣятельность Панина. Изъ переписки его съ братомъ и другими лицами видно, что онъ давно и сильно страдалъ отъ болѣзни («подагрическіе припадки»), которая, усиливаясь при боевой обстановкѣ, заставляла его постоянно жаловаться на чрезмѣрные труды. Душевное состояніе Панина было также весьма тяжело: его безпокоило хотя и благородное, но слишкомъ чувствительное самолюбіе, страдавшее вслѣдствіе борьбы съ графомъ Чернышевымъ, не совсѣмъ удобныхъ уже въ то время отношеній къ графу Румянцеву и, что всего важнѣй, нескрываемаго неудовольствія императрицы, особенно ясно выразившагося послѣ паденія Бендеръ.

Панинъ считалъ пожалованную ему награду несоотвѣтствовавшею его заслу-

гамъ и, въ особенности, былъ обиженъ невниманіемъ къ его реляціямъ. При такихъ обстоятельствахъ, дѣлу положилъ конецъ не совсѣмъ милостивый указъ императрицы, побудившій Панина просить объ увольненіи отъ командованія арміею.

Указомъ Сенату объ отставкѣ Панина отъ 19-го ноября 1770 г. было повелѣно: «...Въ знакъ монаршаго къ нему благоволѣнія за долговременную его службу и знаменитыя услуги... производить ему по смерть полное по его чину жалованье вмѣсто пенсіона».

Главнокомандующимъ II-й арміею на мѣсто Панина былъ назначенъ князь В. М. Долгоруковъ.

Чувства, волновавшія Панина передъ отъѣздомъ его изъ арміи, выражены отчасти въ письмѣ къ брату отъ 27-го ноября 1770 г.: «нынѣ отправлена моя реляція въ отвѣтъ учиненнаго разбора по моимъ о отличившихся подчиненныхъ представленіямъ... Потому же сами вы разсудите, сколь весьма трудно удерживать себя въ великодушіи, видѣвъ оное все попраннымъ ногами, а преодолѣннымъ тѣми людьми, которые всю свою службу ведутъ на однихъ коварствахъ и на вмѣщеніяхъ собственныхъ своихъ выгодъ, видовъ и корысти».

Истинныя причины удаленія Панина были ясны настолько, что даже въ то время общественное мнѣніе было на его сторонѣ. Такъ, англійскій посолъ лордъ Каткартъ писалъ статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ графу Рошфору: «Панинъ находитъ, что армія его подвергалась дурному обращенію, совѣты его были пренебрежены, а успѣхи не оцѣнены по достоинству. Онъ горячъ, враги его стараются удалить его,—и это имъ удалось. Они достигли удаленія человѣка, весьма полезнаго брату (?) и государству, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ военномъ вѣдомствѣ». «Генералъ Панинъ, уважаемый и любимый офицерами и солдатами, по взятіи Бендеръ, принужденъ выйти въ отставку».

Огорченіе Панина, въ виду всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ, не было лишено основанія; въ теченіе послѣднихъ 14 ти мѣсяцевъ онъ служилъ имперatрицѣ и Россіи вѣрою и правдою и результаты этой службы были весьма цѣнны: 1) взятіе крѣпости, хотя и съ большими потерями, имѣло большое значеніе для обезпеченія операцій I-й и II-й армій въ будущую кампанію; оно способствовало возвышенію престижа русскаго оружія, а это было особенно важно при колебавшихся въ то время отношеніяхъ къ намъ татаръ; 2) ведя искусно переговоры съ татарами, во́-время стращая ихъ, во́-время льстя имъ, устраняя къ тому же весьма умѣло недоразумѣнія между ними и запорожцами, съ успѣхомъ склоняя татаръ къ принятію покровительства Россіи посредствомъ возбужденія между ними несогласій и добиваясь, такимъ образомъ, ослабленія ихъ иногда весьма опасной силы,—Панинъ въ результатѣ съумѣлъ внушить имъ довѣріе; добившись, благодаря этому, умиротворенія большинства ордъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчилъ дальнѣйшія сношенія съ татарами и даже покореніе Крыма.

Панинъ не могъ забыть рѣзко обозначившагося пренебреженія къ его дѣятельности по командованію II-й арміею. Уѣхавъ изъ арміи, онъ проводилъ большею частью зиму въ Москвѣ, а остальное время года—въ своемъ подмосковномъ имѣніи Михалковѣ, гдѣ онъ началъ рѣзко выражать свое неудовольствіе. Онъ не могъ разсчитывать на милостивый пріемъ въ Петербургѣ, гдѣ долженъ былъ бы, во всякомъ случаѣ, сталкиваться съ людьми, ему несимпатичными и даже прямо враждебными; съ лицами же близкими и съ друзьями онъ велъ въ это время довольно оживленную переписку. Изъ числа первыхъ, кромѣ графа Никиты Ивановича Панина, обращаетъ на себя особенное вниманіе внучатный племянникъ братьевъ Паниныхъ, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ наслѣдникомъ престола великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ и сообщавшій графу Петру Ивановичу о многомъ, происходившемъ при дворѣ. Особенное значеніе для Панина имѣло также знакомство его съ извѣстнымъ писателемъ Д. И. Фонвизинымъ, служившимъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сообщавшимъ ему подробныя свѣдѣнія о ходѣ политическихъ дѣлъ и военныхъ дѣйствій и присылавшимъ ему даже копіи съ дипломатическихъ бумагъ.

Въ своихъ письмахъ къ А. Б. Кура-

кину Панинъ давалъ необходимыя, по его мнѣнію, наставленія, но въ то же время высказывалъ, не стѣсняясь, и свои мнѣнія о нѣкоторыхъ лицахъ, принадлежавшихъ къ придворнымъ сферамъ, при чемъ, между прочимъ, отъ него сильно доставалось вельможамъ, не имѣвшимъ за собой ни личныхъ заслугъ, ни старинаго знатнаго происхожденія.

Въ 1771 г. въ Москвѣ свирѣпствовали чума и мятежъ. Главнокомандующій, гр. П. С. Салтыковъ, лишенный поддержки властей и даже войскъ, не дождавшись разрѣшенія императрицы, «отлучился изъ Москвы». Эта «отлучка» не прошла ему даромъ: въ 1772 г. онъ былъ уволенъ отъ должности и вскорѣ послѣ того умеръ отъ огорченія. Мѣстное начальство не дѣлало никакого распоряженія объ его похоронахъ. Панинъ, возмущенный униженіемъ заслуженнаго полководца и желая отдать послѣднія почести бывшему своему начальнику, отправился немедленно въ Марѳино въ полной парадной формѣ, подошелъ къ гробу Салтыкова и, ставъ съ обнаженнымъ оружіемъ, сказалъ: «До тѣхъ поръ буду стоять здѣсь на часахъ, пока не пришлютъ почетнаго караула для смѣны» и этимъ заставилъ отдать подобающія почести усопшему фельдмаршалу.

Между тѣмъ до императрицы доходили слухи о рѣзкихъ выраженіяхъ Панина даже по ея адресу; враги же его, конечно, не дремали: указанные слухи раздувались, насколько это было возможно. Были даже доносы на Панина, оказавшіеся, впрочемъ, ложными и слишкомъ уже нелѣпыми и возмутительными. Такъ, напр., нѣкая Марія Пассекъ, на допросѣ, по поводу покушенія на жизнь своей матери, между прочимъ показала, что, народный бунтъ въ Москвѣ, во время чумы, былъ произведенъ по внушеніямъ Панина, желавшаго возвести на престолъ великаго князя Павла Петровича.

Все это кончилось весьма печально для П. И. Панина. Императрица стала считать его «первымъ врагомъ», «себѣ персональнымъ оскорбителемъ» и «дерзкимъ болтуномъ», а потому повелѣла учредить за нимъ надзоръ. Князь М. Н. Волконскій (московскій главнокомандующій) доносилъ императрицѣ 9-го сентября 1773 г.: «повелѣть изволили, чтобы я послалъ въ деревню Петра Панина надежнаго человѣка выслушать его дерзкія болтанія; подлинно, что сей тщеславный самохвалъ много и дерзко болталъ, и до меня нѣсколько доходило, но все оное состояло въ томъ, что все и всѣхъ критикуетъ»; 30-го сентября 1773 г. кн. Волконскій писалъ: «...я употребилъ надежныхъ людей присматривать за Панинымъ (который на сихъ дняхъ изъ деревни въ Москву переѣхалъ); онъ... сталъ въ болтаніяхъ своихъ скромнѣе»; или 7-го января 1774 г.: «...на сихъ дняхъ манифестъ о злодѣѣ Пугачевѣ публикованъ, здѣсь все тихо и смирно, только одинъ большой... болтунъ вздоръ болтаетъ, но все ничего не значущее».

Причинами такого недовѣрія къ Панину были: его дружественныя отношенія къ наслѣднику престола, установившіяся еще со времени назначенія его брата Никиты Ивановича оберъ-гофмейстеромъ двора его высочества, и предполагаемая его солидарность съ братомъ, являвшимся главою такъ называемой Панинской партіи. Никита Ивановичъ не казался опаснымъ безъ Петра Ивановича, пользовавшагося чуть ли не всеобщимъ уваженіемъ въ Москвѣ и любимаго войсками.

Подобное отношеніе къ П. И. Панину продолжалось до разгара Пугачевскаго бунта. Во время волненій, разразившихся этимъ бунтомъ, недовольные, которыхъ въ то время было вообще много въ Россіи, подняли свой голосъ и въ Москвѣ. Недовольны были не только поднявшійся народъ, но даже и дворянство съ московскою знатью во главѣ; послѣдняя роптала на нерѣшительность правительства. Могъ ли самъ Панинъ относиться спокойно къ происходившимъ событіямъ, когда и тутъ онъ видѣлъ прежде всего печальные плоды дѣятельности все того же Чернышева, а затѣмъ уже оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа и командовавшаго въ 1773 г. войсками въ Казанской и Оренбургской губ., генералъ-маіора Кара, приведшія не къ усмиренію, но къ усиленію мятежа. Панинъ громко выражалъ свои взгляды и говорилъ, что дѣйствовалъ бы иначе, если бы имѣлъ власть въ своихъ рукахъ. Этому желанію его суждено было осуществиться; но, при недовѣріи къ нему императрицы, вопросъ о врученіи

Панину полномочій для усмиренія мятежа, если и могъ разрѣшиться, то не иначе, какъ подъ давленіемъ обстоятельствъ.

Хотя съ назначеніемъ А. И. Бибикова дѣла приняли благопріятный оборотъ, но замѣстившій его, послѣ его смерти (1774 г.), князь Щербатовъ, не обладая достаточною властью, необходимою энергіею и рѣшительностью, былъ неспособенъ на исполненіе столь труднаго дѣла,—и волненія усилились еще болѣе.

Только въ это время всѣ начали сознавать, что не одинъ «Пугачевъ важенъ» и опасенъ для спокойствія всей имперіи. Императрица убѣдилась окончательно въ неотложности назначенія лица, облеченнаго полною властью, обладавшаго надлежащими способностями и снабженнаго всѣми необходимыми средствами для усмиренія столь опаснаго волненія. Она искала, но была еще въ нерѣшительности, на комъ остановиться.

Незадолго передъ тѣмъ Н. И. Панинъ уже имѣлъ случай напомнить государынѣ о своемъ братѣ по поводу его «разговоровъ» въ Москвѣ; теперь же онъ доложилъ ей, что Петръ Ивановичъ готовъ принять на себя усмиреніе пугачевщины. Самого Никиту Ивановича въ то время устрашало быстрое возвышеніе Г. А. Потемкина, котораго онъ, однако просилъ о поддержкѣ сдѣланнаго имъ предложенія. Потемкинъ самъ находилъ это назначеніе для себя выгоднымъ, въ видахъ привлеченія на свою сторону партіи Паниныхъ, которая могла быть ему весьма полезною въ борьбѣ съ противниками. Поэтому онъ также убѣждалъ императрицу назначить П. И. Панина. Между тѣмъ Никита Ивановичъ, не получивъ даже категорическаго отвѣта императрицы, писалъ брату 22-го іюля 1774 г. о предстоящемъ его назначеніи «къ пресѣченію пугачевскаго смятенія».

Благодаря вышеприведеннымъ обстоятельствамъ, въ положеніи Панина произошла рѣзкая перемѣна. Сама императрица, рѣшавшаяся уже ѣхать въ Москву, дабы тамъ лично распоряжаться усмиреніемъ, сразу отказалась отъ этого намѣренія, найдя человѣка, на котораго можно было положиться. Она отлично знала непоколебимый, суровый характеръ П. И. Панина, его твердость и энергію и, если не рѣшалась призвать его на столь выдающійся постъ, то, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того недовѣрія, которое она питала къ преданности своего «персональнаго оскорбителя»; убѣжденная же Н. И. Панинымъ и, въ особенности, Потемкинымъ въ неосновательности этого недовѣрія, она съумѣла подавить въ себѣ воспоминанія объ его «болтаніяхъ» и только выжидала соотвѣтствующаго шага со стороны Петра Ивановича. Изъ ея письма къ князю Волконскому отъ 28-го іюля 1774 г. видно, что еще въ это время она колебалась назначить П. И. Панина, при чемъ обращалась и къ дѣятельности самого Волконскаго; писала Румянцеву о высылкѣ изъ дѣйствующей арміи Суворова и, наконецъ, возлагала нѣкоторыя надежды на П. Д. Еропкина.

Между тѣмъ П. И. Панинъ 26-го іюля писалъ брату: .....«Падите къ ногамъ... августѣйшей государыни..., поблагодарите за возобновленіе ея ко мнѣ довѣренности и за употребленіе остальныхъ дней живота и сѣдинъ моихъ въ служеніе себѣ и отечеству; увѣряйте, что никто никогда въ ненарушимой вѣрности и усердіи... къ ея величеству и къ отечеству не превосходилъ и не превзойдетъ, потому что я не притворствомъ, но существомъ службы на оное готовъ былъ и есмь всегда посвящать мой животъ». Въ тотъ же день онъ писалъ императрицѣ: «...отъ брата моего... предварило меня увѣдомленіе, что вашему императорскому величеству благоугодно... избрать меня къ употребленію на пресѣченіе... Пугачевскаго смятенія»; затѣмъ, говоря о своей готовности «посвятить остальные дни живота въ то особливо служеніе», онъ далѣе писалъ: «Повелѣвайте, всемилостивѣйшая государыня, и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности...»; при этомъ, на случай своей смерти, Панинъ просилъ: «снабдите меня такимъ генераломъ, который бы съ надеждою и съ соотвѣтственнымъ чиномъ въ такомъ приключеніи могъ занять мое мѣсто и съ тою же властью и довѣренностью, какую Вы мнѣ... ввѣрить изволите», «чтобы въ такомъ случаѣ не могли произойти слѣдствія, подобныя послѣ покойнаго генерала Бибикова»...

Такимъ образомъ шагъ, ожидаемый отъ П. И. Панина, былъ имъ сдѣланъ и при томъ въ формѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей точкѣ зрѣнія государыни. Тотчасъ же по полученіи этого письма, императрицею были даны (29-го іюля): указъ Сенату и рескриптъ П. И. Панину о назначеніи его главнокомандующимъ войсками. Въ черновыхъ указахъ Сенату и Военной Коллегіи императрица вычеркнула слова: «опредѣлили мы нашего генералъ-аншефа Петра Панина для прекращенія»... и собственноручно замѣнила словами: «узнавъ желаніе нашего генерала графа Петра Панина служить намъ къ пресѣченію бунта»...

Въ тотъ же день Потемкинъ, также не желавшій ставить императрицу въ неловкое положеніе, вслѣдствіе необходимости вызывать Панина на службу, писалъ П. И.: «Въ проѣздъ мой черезъ Москву слышалъ я отъ вашего сіятельства, что вы желали бы охотно принять команду войскъ, отряженныхъ противъ бунтовщика... По смерти... Александра Ильича (Бибикова) обстоятельства тамошнія столь худы сдѣлались, что уже однимъ оружіемъ кончить не надежно; а нуженъ мужъ, испытанный въ искусствѣ и ревности, могущій возстановить порядокъ; обратить каждаго къ своей должности и, словомъ, вложить душу въ разстроенный народъ. Сіи качества, соединенныя въ особѣ вашей, подали мнѣ поводъ, при нонѣшнихъ обстоятельствахъ, открыть Ея Величеству желаніе ваше, въ чемъ подтвердилъ предъ Ея Величествомъ... братецъ вашъ... Я опустился на сіе еще больше тѣмъ, что мнѣ извѣстна безпредѣльная ваша вѣрность къ монархинѣ... Ежели я найдусь къ чему ни есть вамъ потребенъ, не щадите меня: я всякое ваше приказаніе съ охотою исполню»... Такимъ образомъ, императрица должна была убѣдиться, что «болтуны» съ П. И. Панинымъ во главѣ были отчасти правы, и, въ виду этого, принесла въ жертву даже личное чувство оскорбленія; поэтому нельзя считать, чтобы назначеніе Петра Ивановича было лишь слѣдствіемъ интригъ Панинской партіи, ибо эта партія хлопотала о назначеніи главнокомандующимъ — человѣка, вполнѣ того достойнаго по мнѣнію самой императрицы и наиболѣе довѣреннаго лица ея.

Тотчасъ по назначеніи Панина, Государыня (въ письмѣ отъ 30-го іюля) просила Волконскаго забыть прежнее и оказать П. И. полное содѣйствіе. Волконскій отвѣчалъ, что окажетъ всякое содѣйствіе и надѣется на успѣхъ, «довольно зная его способныя качества, усердіе и бодрый духъ».

Переписка, веденная въ это время императрицей и Н. И. Панинымъ съ новымъ главнокомандующимъ, выясняетъ взгляды Петра Ивановича на значеніе власти начальника военнаго и гражданскаго управленія края при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. 26-го іюля П. И. писалъ брату: «...на удобовозможный успѣхъ въ столь важномъ на меня возложеніи потребны мнѣ неминуемыя слѣдующія снабженія:

1. «Полную мочь и власть не только надъ всѣми воинскими командами, употребленными къ пресѣченію происходящаго въ имперіи возмущенія, но надъ всѣми жителями, городами и судебными мѣстами, гдѣ и до которыхъ мѣстъ оное возмущеніе касаться и къ которымъ прилежать станетъ, съ властью на мѣстѣ живота и смерти развѣ со исключеніемъ только нѣкоторыхъ классовъ чиновъ». 2. «Собственно моею властью набрать мнѣ къ себѣ штатъ изъ тѣхъ, кого я гдѣ изъ способныхъ изберу»—далѣе такое же требованіе относительно сверхштатныхъ. 3. «Чтобы съ первою почтою снабженъ былъ я точнымъ и подробнымъ росписаніемъ, въ какихъ именно мѣстахъ какіе именно полки и команды теперь дѣйствительно состоятъ, и кто для какого употребленія или намѣренія полевые и поселенные сверхъ тѣхъ, которые теперь находятся въ первой арміи за Днѣстромъ, во второй за Днѣпромъ, а въ Польшѣ—за вновь пріобрѣтенными нашими губерніями, яко ко внутренности имперіи, и чтобъ я ко онымъ полкамъ и командамъ имѣлъ власть по случаю надобности дать прямо повелѣнія и маршруты, куда имъ и какимъ образомъ подъ мой ордеръ маршировать». Остальныя требованія касались снабженія достаточными денежными средствами, назначенія нѣсколькихъ чиновъ изъ генеральнаго штаба, доставленія точныхъ свѣдѣній о войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ мятежниковъ и т. д.

Повидимому, императрица была сперва

недовольна требованіями П. И. Панина, о чемъ и писала Потемкину: ...«Господинъ графъ Панинъ (Н. И.) изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властью, что если сіе я подпишу, то не токмо князь Волконскій будетъ огорченъ и смѣшонъ, но я сама ни малѣйше не сбережена, но предъ всѣмъ свѣтомъ перваго враля и мнѣ персональнаго оскорбителя, побоясь Пугачева, выше всѣхъ смертныхъ въ имперіи хвалю и возвышаю. Гордыя затѣи сихъ людей всѣхъ прочихъ выше». Императрица въ этомъ письмѣ выразила не принципіальный свой взглядъ на неумѣстность чрезмѣрной власти, а лишь опасеніе вручать эту власть человѣку, котораго она все еще считала своимъ врагомъ. Уяснивъ себѣ, однако, истинныя намѣренія П. И. Панина, она почти вполнѣ согласилась съ его требованіями, какъ это видно изъ рескрипта ея Панину отъ 29-го іюля: «Чѣмъ болѣе интересуетъ общее имперіи благо, безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ Мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ Нашей, любовь и вѣрность къ отечеству, также отличныя качества, способность и дарованія, испытаны нами... во многихъ случаяхъ». Императрица писала это до извѣстной степени искренно, ибо была вполнѣ увѣрена, что Панинъ, взявъ на себя такой тяжелый подвигъ, будетъ занятъ исключительно исполненіемъ своихъ обязанностей и, при своей сильной волѣ, съумѣетъ заставить слушать себя одного, и потому не побоялась облечь его «полною мочью» надъ войсками, «кои дѣйствительно уже противу Пугачева употребляемы были со всѣми гарнизонами и другими разными деташементами, въ тѣхъ окрестностяхъ находящимися: но, какъ намѣреніе Наше... не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять, чтобъ поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ, но паче въ томъ, чтобъ, поелику возможно сокращая пролитіе крови заблуждающихся, кое для матернаго и человѣколюбиваго Нашего сердца толь оскорбительно, возвращать ихъ на путь исправленія, черезъ истребленіе мглы, духи ихъ помрачившей; для соединенія въ одну цѣль сего сугубаго предмета,— отдаемъ Мы равно въ главную вашу команду губернаторовъ Казанскаго, Оренбургскаго и Нижегородскаго со всѣми ихъ правленіями, а, сверхъ всего, еще снабжаемъ васъ отверстымъ указомъ, дабы всѣ и каждый безъ изъятія, кому принадлежитъ по должности и званію какая-либо часть власти духовнаго, воинскаго и гражданскаго правленія Нашего, вездѣ исполняли ваши требованія и приказанія»... «Употребленіе дѣйствительныхъ мѣръ предаемъ Мы съ полной довѣренностью собственной вашей разборчивости..., удостовѣряясь напередъ, что патріотическій вашъ духъ не упуститъ ничего такого, что̀ только къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на васъ важнаго государственнаго дѣла».

Такимъ образомъ, императрица не исполнила только одного изъ вышеупомянутыхъ требованій Панина: Московская губернія была оставлена во власти князя Волконскаго. Сверхъ того, императрица оставила въ своемъ вѣдѣніи секретныя коммиссіи (Оренбургскую и Казанскую), предсѣдателемъ коихъ былъ назначенъ казанскій губернаторъ генералъ-майоръ П. С. Потемкинъ. Панинъ, пройдя послѣдовательно на боевомъ поприщѣ всѣ ступени военной іерархіи до главнокомандующаго включительно, научился, прежде всего, отлично повиноваться (въ широкомъ смыслѣ), а это помогало ему подготовиться къ тому, чтобы такъ же, точно повелѣвать. Онъ вполнѣ понималъ непреложную истину, формулированную впослѣдствіи Суворовымъ: «Полная мочь избранному полководцу». Исходя изъ этой истины и помня, къ тому же горькій опытъ кампаній 1769—1770 г.г., онъ желалъ предупредить вредное для дѣла новое вмѣшательство въ сферу его дѣятельности Петербургскихъ совѣтовъ и коллегій. Мало того, понимая лучше многихъ, стоявшихъ въ то время у дѣла, значеніе этого полномочія, онъ въ своихъ требованіяхъ настаивалъ и на *безпрерывности* власти, для чего просилъ о назначеніи ему *преемника*

При желаніи быстро окончить усмиреніе, необходимо было принятіе мѣръ чрезвычайныхъ и импонирующихъ населенію, что̀ и было возможно лишь при наличности такой власти, такихъ силъ и средствъ, какихъ требовалъ Панинъ.

Главная заслуга П. И., если принимать въ соображенія условія самыя неблагопріятныя, и заключалась въ томъ, что онъ положилъ конецъ неясности во взглядахъ лицъ, стоявшихъ у дѣла, съ правительствомъ во главѣ, какъ на размѣры самаго зла, такъ и на наилучшій способъ къ его прекращенію. По распоряженію императрицы, подъ начальство Панина назначались значительныя силы, а именно: 7 полковъ и 3 роты пѣхоты, 9 «легкихъ полевыхъ» командъ, 18 гарнизонныхъ батальоновъ, 7 полковъ и 11 эскадроновъ кавалеріи, 4 донскихъ полка, 1.000 малороссійскихъ казаковъ, казанскій и пензенскій дворянскіе корпуса, — всего около 19—20.000 человѣкъ.

Панинъ получилъ указъ о назначеніи его главнокомандующимъ 2-го августа, но онъ считалъ невозможнымъ выѣхать тотчасъ же изъ Москвы: вновь назначенныя войска только стягивались, а о движеніяхъ мятежниковъ имѣлись неполныя свѣдѣнія даже въ отрядахъ, преслѣдовавшихъ Пугачева. Однако, онъ въ тотъ же день началъ дѣйствовать въ предѣлахъ имѣвшейся къ тому возможности. Князь Волконскій предоставилъ въ его распоряженіе отрядъ генералъ-майора Чорбы (полкъ пѣхоты, 2 полка и 2 эскадрона конницы при 8 орудіяхъ,— всего 3.162 чел.), еще ранѣе прикрывавшій Москву. Панинъ обѣщалъ оставить этотъ отрядъ между рр. Москвою и Клязьмою впредь до прибытія ожидавшихся къ Москвѣ войскъ и выдѣлилъ изъ него только 3 эскадрона и 30 казаковъ при 3 орудіяхъ подъ начальствомъ полковника Дрезица, приказавъ ему двинуться на Переяславль Рязанскій и Ряжскъ, для прикрытія Москвы на случай, если бы самозванецъ двинулся на Тамбовъ.

3-го августа Панинъ донесъ императрицѣ о сдѣланныхъ имъ наканунѣ распоряженіяхъ: «...Усердіе мое и напряженіе къ скорѣйшему и удобовозможному исполненію... внушили мнѣ... вчерашняго дня»... отправить инструкціи губернаторамъ, начальникамъ отрядовъ» и, сдѣлавъ «конференціи» съ княземъ Волконскимъ о «условленіи и сношеніяхъ, ...подполковнику Михельсону предписать, чтобы онъ ...продолжалъ поискъ въ общей связи съ Муффелемъ и Меллинымъ... на совершенное истребленіе скопища и... поимку онаго изверга»... При этомъ П. И. указывалъ, чтобы Михельсонъ «превратилъ себя въ такой маршъ и позицію», которыя не давали бы возможности мятежникамъ броситься на Москву. Такое приказаніе, конечно, не могло стѣснить Михельсона, ибо послѣдній и самъ держался такой «позиціи».

Въ то же время Панинъ обратилъ вниманіе и на отношеніе къ дѣлу духовенства. Его особенно возмутило поведеніе духовныхъ лицъ при занятіи Пугачевымъ Саратова, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ иконами и обѣдалъ въ Петровскомъ монастырѣ у архимандрита Александра. Панинъ просилъ императрицу: «...Не соизволите ли повелѣть Правительствующему Синоду издать... увѣщаніе и угроженіе, чтобы духовный чинъ особливо не дерзалъ впадать и сообщаться въ таковыя злодѣянія».

Панинъ былъ недоволенъ дѣйствіями Меллина и Муффеля и сдѣлалъ имъ замѣчаніе за то, что они не поспѣшили на помощь Саратову (6—9-го августа) и, находясь вблизи лагеря самозванца, не рѣшились атаковать мятежниковъ. И дѣйствительно, хотя Меллинъ и Муффель шли по пятамъ Пугачева, но послѣдній, почти на ихъ глазахъ, разорилъ цѣлый рядъ городовъ; въ то же время, когда Пугачевъ былъ въ Саратовѣ, они стояли въ 55 верстахъ отъ города въ ожиданіи прибытія Михельсона. По этому поводу въ ордерѣ Михельсону Панинъ писалъ: «Видно, что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными передъ ними дарованіями и мужествомъ, приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи». Къ такимъ выраженіямъ прибѣгалъ Панинъ не разъ, чтобы возбудить полную энергію въ своихъ подчиненныхъ на пользу дѣла.

Онъ отлично понималъ, что не его дѣло ловить Пугачева и приведеннымъ ордеромъ предоставилъ Михельсону достаточную свободу дѣйствій, насколько это отвѣчало требованіямъ обстановки. Къ тому же замѣчанія его вызвали вполнѣ умѣстное соединеніе отрядовъ Михельсона, Муффеля и Меллина (въ 80 верстахъ за Саратовымъ). Равнымъ образомъ, благодаря Панину, эти войска

получили прямое назначеніе, освободившись отъ дѣйствій противъ мелкихъ бродившихъ шаекъ, такъ какъ назначенные для этой цѣли отряды уже вступали въ зараженныя мятежемъ мѣстности.

Самъ Панинъ выѣхалъ 17-го августа въ Шацкъ. Въ Коломнѣ онъ получилъ подробныя свѣдѣнія о разореніи Саратова, а также о размѣрахъ возстанія; болѣе же всего его огорчило недостойное поведеніе находившихся въ Саратовѣ казаковъ и регулярныхъ войскъ. Такимъ образомъ, онъ на мѣстѣ и воочію началъ убѣждаться въ справедливости своихъ требованій относительно назначенія достаточныхъ силъ. Далѣе, переѣхавъ Оку и вступивъ въ предѣлы края, охваченнаго уже возстаніемъ во всемъ его разгарѣ, П. И. доносилъ императрицѣ 25-го августа, что «открывается во всей черни злодѣево бунтовщичье возженіе». Среди этой черни распространился слухъ, что Панинъ, какъ «братъ дядькинъ его императорскаго высочества», ѣдетъ «встрѣчать съ хлѣбомъ солью Пугачева». Конечно, это не могло не возмутить хотя и не жестокосердаго, но отчасти суроваго главнокомандующаго, питавшаго глубокое отвращеніе къ какому бы то ни было проявленію безпорядка и принявшаго безповоротное рѣшеніе—разъ навсегда покончить съ мятежомъ въ кратчайшее время и не останавливаясь ни передъ какими, хотя бы самыми крутыми, мѣрами. При этомъ ему пришлось отступить отъ буквы указаній, данныхъ ему императрицею въ рескриптѣ отъ 26-го іюля. Подъ давленіемъ обстоятельствъ онъ рѣшилъ примѣнить «изъявленіе въ здѣшнемъ краѣ жестокихъ казней начальникамъ бунтовщичьихъ дѣйствъ..., для показанія, съ какимъ хлѣбомъ и солью я противъ самозванца и всего его сонмища ѣду. Если преступлю я въ этомъ... нѣжныя чувствія Вашего Императорскаго Величества материнскаго и человѣколюбиваго къ своимъ подданнымъ сердца, то заранѣе... испрашиваю прощенія, пріемля съ радостью пролитіе проклятой крови такихъ государственныхъ злодѣевъ на себя и на чадъ моихъ. Узнавъ объ этомъ, сама императрица, хотя и напоминала ему вновь о человѣколюбіи своемъ и милосердіи, но согласилась, что «въ теперешнемъ случаѣ казнь нужна»...

Въ то же время (25-го августа) Панинъ послалъ лишь наканунѣ пріѣхавшаго генералъ-поручика Суворова съ предписаніемъ «для принятія команды надъ самыми передовыми корпусами».

Получая затѣмъ донесенія о ходѣ мятежа, Панинъ, для возстановленія спокойствія, рѣшилъ издать объявленіе, въ которомъ доказывалъ, что самозванецъ есть никто иной, какъ Емелька Пугачевъ; увѣщевалъ совратившихся, обѣщалъ награду въ 10.000 руб. за доставленіе Пугачева живымъ и въ 5.000 за доставленіе его мертвымъ; отстающимъ отъ мятежниковъ обѣщалъ награды и прощеніе, а тѣмъ, которые останутся при Пугачевѣ, грозилъ «лютѣйшей смертной казнью».

Вскорѣ положеніе дѣлъ уже измѣнилось значительно къ лучшему, но это не могло быть еще извѣстно П. И. Панину, догонявшему ранѣе направленный изъ Пензы отрядъ Чорбы. Панинъ предполагалъ продолжить маршъ «впередъ къ р. Медвѣдицѣ съ усмиреніемъ возмущенной во всей здѣсь окрестности черни». Не получая до тѣхъ поръ утѣшительныхъ извѣстій, онъ находился въ мрачномъ настроеніи, а потому и писалъ Фонвизину 29-го августа: «Самыхъ бездѣлицъ недостаетъ: людей, денегъ, пропитанія и извѣстности еще—откуда, что и въ какихъ мѣстахъ заготовлять въ срединѣ огня... Моя рѣшимость теперь еще... въ томъ только, чтобы умереть съ честью».

30-го августа въ Шацкѣ и въ ночь на 2-е сентября въ Керенскѣ Панинъ получилъ донесеніе объ отбитіи Пугачева отъ Царицына (21-го августа) и о пораженіи его же Михельсономъ у Сальникова завода (24-го августа). Донося объ этомъ императрицѣ, П. И. отдалъ должную справедливость заслугамъ Михельсона. При этомъ онъ полагалъ, что «здѣшній городъ (Керенскъ)—самое сердце взволнованной... черни», но надѣялся, однако, «возвратить ее въ *безмолвное* повиновеніе». Отряды, высланные съ этой цѣлью, также имѣли успѣхъ.

Между тѣмъ, узнавъ, что Пугачевъ бѣжалъ за Волгу, Панинъ доносилъ императрицѣ 6-го сентября: «Изгнаніемъ его (Пугачева) совсѣмъ изъ имперіи Вашей на степь и низложеніемъ его силы освободилось государство отъ опасности... и

доставило мнѣ способы... удобнѣе раздѣлять свои команды... на совершенное истребленіе, въ четырехъ губерніяхъ, бунтовъ и измѣнъ... и поставить сѣти, когда бы сей злодѣй опять дерзнулъ появиться, то чтобы не приставать къ нему, но всѣ его ловить для законнаго наказанія стали».

10-го сентября Панинъ пришелъ въ Нижній-Ломовъ, гдѣ помиловалъ нѣкоторыхъ раскаявшихся мятежниковъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, насколько ему представлялось возможнымъ, въ духѣ рекомендуемыхъ императрицею «человѣколюбія и милосердія», онъ въ то же время старался произвести возможно сильнѣйшее воздѣйствіе на склонную къ мятежу часть населенія посредствомъ казней, производимыхъ нерѣдко съ примѣненіемъ пріемовъ, хотя и жестокихъ, но отвѣчавшихъ, по его мнѣнію, этой цѣли. Такъ, въ Керенскѣ и въ Нижнемъ-Ломовѣ по всѣмъ выѣздамъ изъ города были поставлены висѣлицы, колеса и глаголи, на которыхъ, по словамъ одного очевидца, тѣла казненныхъ «значились» долгое время. Въ Пензѣ Панинъ казнилъ наиболѣе виновныхъ. Духовенство, «встрѣчавшее злодѣевъ со крестами», оказалось лишеннымъ священнодѣйствія по изданному Св. Синодомъ опредѣленію.

Въ Пензѣ П. И. выдалъ денежныя пособія дворянскимъ вдовамъ и дѣтямъ. Наконецъ, здѣсь же 18-го сентября было получено радостное извѣстіе о поимкѣ Пугачева. Въ тотъ же день Панинъ донесъ императрицѣ: «Имѣю честь поздравить Ваше Императорское Величество со избавленіемъ имперіи отъ язвительнѣйшаго ея врага». Затѣмъ онъ поспѣшилъ въ Симбирскъ, куда приказалъ привезти Пугачева.

Самозванецъ былъ пойманъ не преслѣдовавшимъ его отрядомъ: загнанная, отчаявшаяся въ его предпріятіи шайка, узнавшая къ этому времени о его происхожденіи, измѣнила своему вождю, и онъ былъ захваченъ бывшими своими соумышленниками на берегахъ Узени, отвезенъ въ Яицкій городокъ (въ ночь съ 14-го на 15-е сентября) и сданъ капитану Маврину, бывшему здѣсь по порученію П. С. Потемкина для изслѣдованія причинъ неудовольствій Яицкихъ казаковъ. 16-го сентября прибыли въ Яицкій городокъ Суворовъ и Голицинъ; послѣдній и донесъ немедленно главнокомандующему о поимкѣ самозванца. Въ то же время П. Потемкинъ требовалъ, чтобы Пугачевъ былъ доставленъ въ Казань, но это не могло быть исполнено вслѣдствіе вышеупомянутаго распоряженія Панина о доставленіи его въ Симбирскъ.

Между тѣмъ, Панинъ не забывалъ объ «искрахъ», которыя могли еще вспыхнуть, но «которыя, конечно, въ тотъ же моментъ потушены будутъ». Находясь на пути къ Симбирску, 25-го сентября онъ издалъ «Извѣщеніе», въ которомъ объявлялъ о поимкѣ самозванца и угрожалъ сомнѣвающимся въ самозванствѣ Пугачева, что они будутъ считаться, «какъ самъ бунтовщикъ» и «(будутъ) до поимки къ заслуженной казни... гонимы и преслѣдованы». Въ Симбирскѣ Панинъ приказалъ привести къ себѣ самозванца. Самъ онъ, описывая эту встрѣчу, говорилъ: «Пугачевъ... отвѣдалъ тутъ отъ моей распалившейся крови на его произведенныя злодѣянія нѣсколько моихъ пощечинъ». Въ Симбирскѣ встрѣтились Панинъ, Суворовъ, П. Потемкинъ и Михельсонъ.

До прибытія въ Симбирскъ, не зная еще, при какихъ обстоятельствахъ былъ схваченъ Пугачевъ, главнокомандующій приписалъ сначала это дѣло Суворову; но и теперь, когда всѣ подробности были извѣстны, онъ выражалъ наибольшую благодарность ему же. Въ донесеніи императрицѣ (отъ 3-го октября) онъ тоже особенно выставилъ заслуги Суворова и, сверхъ того, князя Голицына, что было несправедливо по отношенію къ Михельсону, болѣе всѣхъ потрудившемуся, и заслуги котораго къ тому же ранѣе признавалъ самъ Панинъ.

Для обезпеченія доставки Пугачева въ Москву, Панинъ заранѣе подготовилъ путь, назначивъ въ мѣста ночлеговъ пѣхотныя команды. Затѣмъ, согласно указу императрицы, Пугачевъ былъ сданъ капитану Галахову, который и доставилъ его въ Москву.

Панинъ не скрывалъ своего удовольствія и радости по поводу поимки самозванца послѣ столькихъ трудовъ и усилій. Хотя П. И. лично и не принесъ для этого много жертвъ, хотя самъ онъ и не принималъ, да и не могъ, и даже

не долженъ былъ принимать никакого непосредственнаго участія въ гоньбѣ за Пугачевымъ, онъ, какъ главный руководитель, принялъ самое цѣлесообразное участіе въ данномъ случаѣ, поставивъ надлежащія цѣль и требованія и давъ при этомъ полную свободу дѣйствій исполнителямъ. Дѣйствія послѣднихъ и привели шайку Пугачева къ сознанію своего полнаго безсилія. Исполнителей и слѣдовало благодарить за труды, при этомъ понесенные. Панинъ нисколько не хотѣлъ присваивать себѣ ихъ заслуги, а если онъ излишне выхвалялъ Суворова, то это можетъ быть объяснено вполнѣ понятнымъ желаніемъ главнокомандующаго поставить на надлежащее мѣсто П. С. Потемкина, который явно стремился играть роль, совершенно не соотвѣтствовавшую дѣйствительнымъ его заслугамъ.

3-го октября Панинъ, вновь поздравляя императрицу «съ благополучнымъ окончаніемъ главнаго (на него) всемилостивѣйшаго возложенія», доносилъ: «Бунты внутри государства... низложены, безопасность и повиновенія прежнія возстановлены, осталась... презрѣнія... достойная маленькая война на киргизъ-кайсаковъ и (въ) нѣкоторыхъ селеніяхъ башкирское неспокойствіе, которые... пресѣчены будутъ... моими распоряженіями». Затѣмъ, въ томъ же письмѣ слѣдуютъ указанія на «невѣрность башкирцевъ, которые не были отягощены». и на набѣги киргизовъ а потому государыня предлагала Панину прежде всего обдумать способы ихъ усмиренія и сдѣлать распоряженіе для осмотра прилегающей къ Иргизу страны, въ которой укрывалось много бѣглыхъ, раскольниковъ, воровъ и разбойниковъ и основать тамъ малые города.

Для усмиренія башкиръ П. С. Потемкинъ посылалъ воззванія и грозилъ истребленіемъ, но эти увѣщанія подѣйствовали лишь отчасти; поэтому Панинъ послалъ туда Суворова,—и въ ноябрѣ край былъ усмиренъ.

16-го октября императрица возложила на Панина заботы о прокормленіи населенія Казанской губерніи и поселенныхъ около Саратова колонистовъ. 29-го октября П. И. доносилъ: «не болѣе какъ въ два мѣсяца разбито 59 бунтовщичьихъ шаекъ»... «Теперь отъ всѣхъ мѣстъ... рапортуютъ..., и съѣхавшіеся сюда по призыву моему на конференцію о пропитаніи народномъ, губернаторы Нижегородской и Казанской губерній обнадежили, что вся чернь въ... законной власти..., да и прибывшіе изъ Оренбурга... и отъ сибирскихъ границъ послѣдніе рапорты меня обнадеживаютъ, что киргизскія и башкирскія дерзновенія почти совсѣмъ уже пресѣклись». Затѣмъ Панинъ просилъ о дозволеніи явиться къ императрицѣ въ Москву.

Между тѣмъ онъ совѣтовался съ губернаторами и выработалъ слѣдующія мѣры противъ голода: въ видахъ обезпеченія продовольствія войскъ и населенія были устроены провіантскіе магазины; для предупрежденія голода въ 1775 г. разрѣшено купить, для раздачи, нижегородскому губернатору—40.000, а казанскому—50.000 четвертей хлѣба; наконецъ, для предупрежденія чрезмѣрнаго повышенія цѣнъ на хлѣбъ, Панинъ издалъ объявленіе, въ которомъ требовалъ, чтобы всѣ классы населенія оставили корыстолюбивые виды и не возвышали цѣнъ на провіантъ и фуражъ, а ослушникамъ грозилъ наказаніемъ и даже казнью.

Въ донесеніи отъ 2-го ноября Панинъ, выясняя свое незнакомство съ бытомъ киргизовъ и съ мѣстнмыи условіями и ссылаясь также на нездоровье, представлялъ на высочайшее воззрѣніе «бремя», приводившее его «въ ужасный трепетъ» (по вопросу объ усмиреніи и устройству дѣлъ этого народа). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ осяятіи съ него недавно ему порученнаго «попеченія» по «хлѣбоснабженію колонистовъ», мотивируя эту просьбу слѣдующими словами: «ничего тутъ другого не предвѣщаетъ. кромѣ новыхъ противъ меня пагубныхъ орудій злодѣямъ и завистникамъ моимъ». Кромѣ высказанныхъ императрицѣ, имѣлись еще и другія причины (изложенныя въ письмахъ къ брату), побуждавшія его отпрашиваться отъ усмиренія киргизовъ и отъ пропитанія колонистовъ, а именно: отъ *перваго*—опасеніе новыхъ счетовъ съ Военною Коллегіею, старавшеюся, по его мнѣнію, свалить на него дѣло. завѣдомо крайне затруднительное и испорченное другими, а отъ *второго*—несоотвѣтственность «провіантмейстерства» съ его положеніемъ.

Съ другой стороны Панинъ доносилъ о неотложной необходимости принятія мѣръ для устройства разграбленныхъ городовъ и укрѣпленія нѣкоторыхъ изъ нихъ, для обезпеченія края и спокойствія въ немъ и, наконецъ, для «умноженія болѣе нравительствъ» и «присутственныхъ полицейскихъ надзирателей». Необходимость подобныхъ мѣръ была очевидна, ибо неустройство административной части и беззащитность городовъ особенно облегчали успѣхи Пугачева. Мысль Панина объ «умноженіи правительствъ» послужила основаніемъ къ новому раздѣленію въ 1775 г. государственной территоріи на губерніи. число которыхъ было увеличено на счетъ ихъ пространства.

Сверхъ того Панинъ вообще (и еще раньше) обращалъ серьезное вниманіе на неудовлетворительный личный составъ и бездѣятельность администраціи. Въ октябрѣ онъ разослалъ губернаторамъ ордера, предлагая имъ заняться разборомъ дѣлъ, и удивлялся, что они до сихъ поръ не объѣхали своихъ губерній. 5-го октября онъ издалъ особое «предложеніе» «губернскимъ, воеводскимъ и всякаго рода и званія судебнымъ и расправнымъ мѣстамъ», которымъ писалъ, что «въ дѣлахъ штатскаго теченія производятся безъ стыда и страха взятки, пристрастія и отступленія отъ правосудія»; при этомъ онъ требовалъ, чтобы «съ сего времени онаго не было». 4-го ноября Панинъ вновь приказалъ, «въ случаѣ требованія взятокъ, подарковъ или какихъ-либо сборовъ, таковыхъ задерживать,... не взирая ни на какой чинъ и лицо, приводить прямо къ нему, для неупустительнаго по всей строгости законовъ наказанія». Въ дѣйствительности устраненіе этихъ злоупотребленій было бы возможно лишь въ случаѣ обновленія всего состава администраціи и введенія всѣхъ вообще требованій Панина въ постоянную программу мѣстныхъ представителей власти; самъ же Панинъ могъ бы надѣяться достичь удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи лишь въ томъ случаѣ, если бы управленіе краемъ оставалось въ его рукахъ въ теченіе достаточно продолжительнаго времени.

Обращая снова вниманіе на поведеніе духовенства, Панинъ доносилъ императрицѣ: «...чинъ церковный еще погруженъ въ самомъ высшемъ невѣжествѣ и... заслуживаетъ къ исправленію своему вашего прозорливаго о лучшемъ наученіи и воспитаніи... вниманія; если бы онъ хотя мало инаковъ былъ..., то бы конечно теперешняя вредность государства до такой степени возрасти не могла». Въ виду этихъ соображеній, Панинъ предлагалъ принять рѣшительныя мѣры, на что изъявилъ согласіе и Св. Синодъ.

10-го и 19-го ноября Панинъ доносилъ о поимкѣ разбойничьихъ атамановъ Ивановыхъ (трехъ) и извѣстнаго въ народѣ бѣглаго араба, «послѣ которыхъ... ни одинъ въ живыхъ или не пойманныхъ изъ бунтовщичьихъ или разбойничьихъ предводителей» не остался, а «тишина и... повиновеніе... обстоитъ нынѣ въ самой лучшей степени».

5-го декабря онъ доносилъ, что, продолжая принимать мѣры къ ослабленію голода, считаетъ необходимымъ переводить войска «къ возможному соблюденію несчастныхъ поселянъ», для чего нѣкоторыя части онъ перевелъ въ киргизскія и башкирскія земли. Въ то же время онъ предлагалъ, для облегченія продовольствія, распустить сформированные по случаю мятежа уланскіе корпуса.

При объѣздѣ губерній Панинъ былъ всюду встрѣчаемъ съ радостью; особенно было благодарно ему дворянство, разореніе котораго сильно его озабочивало. Въ Симбирскѣ онъ былъ избранъ въ губернскіе предводители, но отказался отъ этого почетнаго званія. Здѣсь же дворянинъ Похвисневъ, отъ имени всего дворянскаго сословія губерніи, привѣтствовалъ его благодарственною рѣчью, въ которой высказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Кому иному, кромѣ тебя, приличествуетъ первенство? Чистота души твоей, чуждое всякаго пристрастія сердце, никакими превратностями слѣпого стеченія случаевъ не потрясаемая твоя твердость, примѣрная любовь, усердіе, ревность ко главѣ и всему составу твоего отечества, предпочтеніе его пользѣ всему собственно до тебя надлежащему» и т. д. Сдѣланная Похвисневымъ характеристика Панина была довольно вѣрна, ибо особенное достоинство Петра Ивановича дѣйствительно заключалось въ томъ, что онъ былъ

чуждъ интригъ и «слѣпого стеченія случаевъ».

Императрица, въ письмѣ къ Панину отъ 20-го ноября, отдала должную справедливость его трудамъ, разрѣшила ему пріѣхать въ Москву, выразила желаніе пользоваться и впредь его трудами и совѣтами по устройству только что усмиреннаго края и сняла съ него заботу о продовольствіи колонистовъ. Въ тотъ же день Панину былъ данъ благосклонный рескриптъ; императрица обѣщала Панину вознаградить всѣхъ соучаствовавшихъ въ «таковомъ общемъ благѣ».

25-го января 1775 г., будучи уже въ Москвѣ, Панинъ доносилъ о результатахъ своей дѣятельности за 5 мѣсяцевъ слѣдующими словами:

«1. Пресѣкши... государственный мятежъ..., всѣ... мѣста... оставлены мною во всякой тишинѣ и спокойствіи. 2. Разрушенныя и поврежденныя злодѣями правительства всѣ приведены въ прежнее установленіе... 3. Башкирскій народъ возвращенъ въ... повиновеніе. 4. Всѣ главные предводители... шаекъ... и... самозванецъ доставлены живыми къ монаршему правосудію, а затѣмъ оставшіеся изъ нихъ воспріяли или казнь, или пали подъ... военнымъ мечемъ. 5. Киргизскій народъ удержался нынѣ отъ хищнической дерзости... впаденіями (нападеніями) на имперію... и ждетъ Вашего Императорскаго Величества распоряженія къ обузданію на будущія времена»... (въ удостовѣреніе чего Панинъ представлялъ письма отъ хановъ). 6. Злодѣйскими руками лишено жизни дворянъ тысяча пятьсотъ семьдесятъ два, а всего съ разночинцами двѣ тысячи восемьсотъ сорокъ шесть человѣкъ. Къ пресѣченію сего... злодѣянія... и на устрашеніе впадшей въ остервененіе черни лишены жизни казнью по моимъ собственнымъ рѣшеніямъ токмо триста двадцать шесть человѣкъ. 7. По милосердо пожалованному мнѣ... дозволенію употребить... во вспоможеніе разореннымъ домамъ отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ рублей, я, соображаясь со истощеніемъ казенныхъ доходовъ,... произвелъ въ роздачи по время моего въ Москву прибытія (въ концѣ декабря 1774 г.) только сорокъ двѣ тысячи пять сотъ девяносто два рубля, раздѣливъ оные на вспоможеніе четырехъ сотъ шестидесяти домовъ разоренныхъ дворянъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, а нѣсколько и мѣщанскихъ»... 29-го января П. И. представилъ отвѣты киргизовъ, которые изъявили «непремѣнность своей всеподданнической вѣрности», а затѣмъ донесъ и о принятыхъ имъ самимъ мѣрахъ по усмиренію и устройству тамошняго края. По его порученію, статскій совѣтникъ Рычковъ, имѣвшій «самыя полныя и лучшія свѣдѣнія» объ этомъ краѣ, представилъ ему доклады («историческій экстрактъ» и «руководство») о состояніи народовъ башкирскаго и киргизъ-кайсацкаго. Панинъ, не желая откладывать надолго принятіе необходимыхъ административныхъ мѣръ, учредилъ въ Оренбургской губернской канцеляріи «на теперешній случай отдѣльную *особую экспедицію* единственно къ правленію тамошнихъ пограничныхъ и иновѣрческихъ дѣлъ» въ которую членомъ назначилъ того же Рычкова. Донося обо всемъ этомъ, Панинъ представилъ и свои соображенія о цѣлесообразности разсмотрѣнія имѣющихся у него данныхъ о киргизъ-кайсакахъ какимъ-либо правительственнымъ учрежденіемъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, въ свою очередь, представило краткое о томъ мнѣніе императрицѣ.

Собственно относительно башкиръ Панинъ еще раньше (5-го декабря 1774 г.) писалъ, что, по примѣру усмиренія прежнихъ бунтовъ, слѣдовало взять съ нихъ лошадей для войскъ, «потерпѣвшихъ убытки въ своихъ лошадяхъ по ихъ возмущенію». Но императрица сначала не согласилась съ этимъ предложеніемъ. Въ февралѣ Панинъ снова напомнилъ объ этомъ императрицѣ, которая указомъ 19-го февраля 1775 г. повелѣла «учинить тотъ сборъ съ башкирцевъ до четырехъ тысячъ лошадей; какимъ же то образомъ и въ какое время, оное оставляю вашему благоизобрѣтенію», однако съ тѣмъ, чтобы «не могло произойти вреднаго послѣдствія».

Въ мартѣ Панинъ представилъ на высочайшее воззрѣніе проектъ учрежденія банковъ «ко вспомоществованію разореннымъ подданнымъ минувшимъ Пугачевскимъ возмущеніемъ». Банки эти должны были имѣть цѣлью поддержать благосостояніе дворянъ: «при тѣхъ губернскихъ канцеляріяхъ учредить и наставленіями снабдить банковыя кон-

торы во всемъ такія, какія учреждены въ Москвѣ и Петербургѣ о дворянскомъ банкѣ»...

9-го августа императрицею былъ данъ Панину рескриптъ объ его увольненіи, слѣдующаго содержанія: «Въ настоящее время, когда уже исчезли всѣ безпокойства внутреннія, когда повсюду тишина возстановлена въ полной мѣрѣ, да и когда прощеніе обнародовано, Я увѣрена, что вы чувствуете въ себѣ душевное удовольствіе, видя съ симъ купно окончаніе и той коммиссіи, въ которой вашъ самопроизвольный подвигъ прославилъ вѣчно усердіе ваше къ отечеству, и о коемъ оказанную вамъ Мою отличную признательность видѣла уже публика. Я сію вновь вамъ подтверждаю засвидѣтельствованіемъ Моего благодаренія за ваши полезные труды, и увольняя васъ нынѣ отъ коммиссіи успокоенія внутреннихъ возмущеній, которыя, Богу благодареніе, болѣе не существуютъ, слѣдственно и дѣла объ оныхъ прекращены. Послѣ чего остается вамъ теперь упомянутыя дѣла отдать губернаторамъ, или которыя куда надлежатъ, и быть впрочемъ благонадежнымъ, что заслуги ваши не будутъ никогда забвенны, какъ и Я не престану быть вамъ благосклонна».

Въ томъ же (1775) году, «по поводу празднованія мира съ Турціей», Панинъ въ награду за труды по усмиренію бунта получилъ: 1) похвальную грамоту, 2) мечъ, украшенный алмазами, 3) алмазные крестъ и звѣзду ордена св. Ап. Андрея Первозваннаго и 4) 60.000 рублей «на поправленіе экономіи».

Оцѣнка дѣятельности Панина по усмиренію Пугачевщины — не легка. Получивъ дѣйствительно обширную и даже исключительную власть, Панинъ доказалъ, что онъ былъ неспособенъ пользоваться этою властью для какихъ-либо личныхъ цѣлей и даже часто тяготился ею: онъ постоянно указывалъ въ своихъ письмахъ къ императрицѣ, брату и другимъ лицамъ на непосильность для себя возложенной на него задачи. 15-го ноября 1774 г. (т.-е. всего черезъ три съ половиной мѣсяца по назначеніи) онъ уже писалъ, напр., брату: «нѣтъ другой справедливости, какъ ожидать на мою просьбу всемилостивѣйшаго дозволенія прибыть въ Москву, а потомъ возвратиться въ прежнее мое уволенное отъ службы положеніе». Но Панинъ смотрѣлъ на Пугачевскій бунтъ не только какъ на возмущеніе противъ правительства, но и какъ на борьбу черни противъ дворянъ. Поэтому на просьбу московскихъ дворянъ дать имъ совѣтъ во время разгара мятежа (еще до назначенія своего главнокомандующимъ), онъ отвѣчалъ: «Умереть», а самъ, вооруживъ своихъ служителей, намѣревался идти съ ними на присоединеніе къ отрядамъ, дѣйствовавшимъ противъ мятежниковъ. Естественно, облеченый обширной властью, Панинъ сразу далъ понять, что пощады и милосердія отъ него ждать нельзя; своими суровыми мѣрами онъ устрашилъ населеніе, что́, въ связи со многими другими обстоятельствами (поимка Пугачева и наиболѣе опасныхъ самозванцевъ и зачинщиковъ и усиливавшійся голодъ), повело къ окончательному усмиренію мятежа.

Являясь строгимъ и даже отчасти жестокимъ карателемъ бунтовавшей черни, Панинъ не забывалъ однако о возможномъ облегченіи крестьянъ: такъ, онъ призналъ необходимымъ обязать ихъ вносить подати лишь съ 1-го сентября 1774 г., сложивъ недоимки за прежнее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не грѣшилъ излишнею снисходительностью и по отношенію къ помѣщикамъ: при раздачѣ денегъ (изъ разрѣшенныхъ императрицей 200—300.000 р.) онъ выказалъ себя весьма сдержаннымъ по отношенію къ дворянамъ.

Весьма вѣроятно, что, пользуясь властью (послѣ испытанныхъ обидъ), Панинъ хотѣлъ доказать, что онъ стоитъ большаго,—или, по меньшей мѣрѣ, онъ желалъ сойти съ исторической сцены очищеннымъ отъ клеветы и освобожденнымъ отъ тяготѣвшей надъ нимъ опалы; главная же причина, побудившая его самого просить этой власти (что такъ подчеркиваетъ императрица въ рескриптѣ и указѣ), вытекала изъ его взглядовъ и убѣжденій, что не случайные люди, «припадками счастья обогащенные» и не «актеры», распоряжавшіеся судьбами государства, были способны оказывать исключительныя и существенныя заслуги престолу и отечеству, но что къ такимъ подвигамъ должно призывать людей, обладавшихъ

достоинствами несомнѣнными и доказанными на дѣлѣ. Причисляя себя къ послѣднимъ, онъ дѣйствительно обнаруживалъ гордость и тщеславіе; считая себя выше своихъ враговъ и отличаясь смѣлостью, присущею честнымъ и прямымъ характерамъ, онъ, правда, не соблюдалъ должной осторожности и, не стѣсняясь, «болталъ въ Москвѣ». Но описываемыя Державинымъ и Руничемъ сцены устраивавшихся Панинымъ въ Саратовѣ пріемовъ и затѣмъ представленія ему Пугачева—иллюстрируютъ полную безвредность такъ называемаго «тщеславія» и «хвастовства» Панина.

Съ осени 1775 г. П. И. Панинъ, страдая все болѣе и болѣе отъ болѣзней, уже не принималъ непосредственнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, имѣются указанія: 1) о назначеніи его командующимъ Петербургскою дивизіею и 2) о томъ, что онъ состоялъ «первенствующимъ въ воинской коммисіи», обсуждавшей (въ числѣ другихъ) вопросъ объ оборонѣ государства. Въ 1778 г. Панину было предложено званіе почетнаго благотворителя С.-Петербургскаго Воспитательнаго дома, но онъ отказался отъ этой чести, приводя при этомъ слѣдующее объясненіе: «...дряхлость..., продолжающаяся болѣе 30 лѣтъ, принудила меня просить увольненія изъ всѣхъ званій службы Ея Величества и моего отечества...; поставлялъ, и нынѣ не поставлять не могу, за непростительный и за величайшій грѣхъ — того, чтобы принятое на себя званіе и служеніе государю и отечеству нести мимоходомъ, а не исполнять его съ углубленіемъ размышленій и трудовъ моихъ по всей естественной силѣ и возможности». Въ дѣйствительности, Панинъ снова считалъ себя обиженнымъ, вслѣдствіе устраненія его отъ государственной службы, на которую его если и призывали, то лишь въ такіе исключительные моменты, когда безъ него не могли обойтись и когда даже его враги не могли этому воспрепятствовать.

Такъ или иначе, П. И. Панинъ, хотя и принадлежалъ къ партіи недовольныхъ, не принималъ активнаго участія ни въ борьбѣ придворныхъ сферъ, ни въ противодѣйствіи императрицѣ. Въ этомъ отношеніи личность его обрисовывается яснѣе и болѣе всего изъ отношеній его къ наслѣднику престола. Проживая въ Петербургѣ (въ 1760-хъ годахъ), Панинъ имѣлъ возможность часто бывать у великаго князя и бесѣдовать съ нимъ. Изъ записокъ Порошина, бывшаго наставникомъ великаго князя, видно, что П. И. Панинъ въ этихъ бесѣдахъ, посвященныхъ самымъ разнообразнымъ предметамъ, съ пользою примѣнялъ свои обширныя познанія, пріобрѣтенныя долголѣтнимъ опытомъ. Характеръ этихъ бесѣдъ былъ весьма симпатиченъ самому Порошину, большому поклоннику всего русскаго, что указываетъ также на отсутствіе у Панина пристрастія къ иноземнымъ порядкамъ. Здѣсь, во дворцѣ, Панинъ говорилъ о законахъ, о межеваніи земель, о деревенской экономіи, о заводахъ и т. п. «Петръ Ивановичъ нѣсколько сатирически (говорилъ) о установленныхъ здѣсь коммиссіяхъ, изъ коихъ многія учреждены съ самаго вступленія на престолъ Ея Величества, а до нынѣ еще не начинались». Болѣе всего Порошину нравились разговоры о «способностяхъ русскаго народа» и о «военномъ дѣлѣ»; самъ Панинъ производилъ впечатлѣніе большого знатока военнаго искусства и «присвоялъ великое достоинство и отличное почтеніе сей профессіи». Такъ, Петръ Ивановичъ говорилъ о «мужествѣ нашихъ войскъ», о храбрости казаковъ и о высокихъ качествахъ русскаго воина вообще, «о способахъ, которыми войну производить должно въ ту или другую сторону предѣловъ нашихъ, о послѣдней войнѣ прусской»... «Всѣ эти разговоры такого рода были и столь основательными наполнены разсужденіями, что я (замѣчаетъ Порошинъ) внутренно радовался, что въ присутствіи Его Высочества текло остроуміе и обширное знаніе». Иногда Панинъ подсмѣивался надъ нѣкоторыми изъ присутствовавшихъ у Его Высочества, говоря: «а вы, господа, о послѣдней войнѣ по газетамъ знали только, что она производилась». Въ разговорѣ объ артиллеріи Панинъ коснулся разъ злоупотребленій во время Семилѣтней войны: «Удивительно, какъ Шуваловскія гаубицы во время Петра Ивановича Шувалова были хо-

роши и сильны, нынѣ такъ обезсилѣли. Многихъ произвели они въ чины великіе; забывъ совѣсть и присягу, неустыдилися превозносить ихъ, опровергая старую артиллерію; объявили то публично и подписалися, что старая артиллерія передъ новою не годится, въ то время, какъ жестокая война происходила, и долгъ сына отечества заставлялъ думать только о спасеніи онаго... Я не желаю онымъ людямъ, кои себя столь низкими и клятвопреступными оказали, никакого несчастья, хотя они, по справедливости, достойны быть перевѣшаны; однако, по крайней мѣрѣ, желалъ бы, чтобы о имянахъ ихъ обнародовано было, дабы вѣдали, сколько на ихъ вѣрность, клятву и правдушіе положиться можно». Эти бесѣды производили на большинство присутствовавшихъ (быть можетъ, не совсѣмъ безгрѣшныхъ) сильнѣйшее впечатлѣніе, что и подтверждается Порошинымъ: «представлялося мнѣ, что вижу нѣкоего изъ тѣхъ мужей, коихъ великимъ и отмѣннымъ дарованіямъ, описанныхъ Плутархомъ, толь много мы дивимся. Какъ возвратилися мы съ гулянья (разговоръ происходилъ во время прогулки), то свита Его Высочества все мало-по-малу убавлялась; всякой отходилъ во-свояси»...

Зато эти же бесѣды нравились великому князю. Онъ убѣдился въ обширныхъ познаніяхъ П. И. Панина, особенно касательно военныхъ вопросовъ, и постоянно обращался къ нему за разъясненіями и совѣтами. Когда Панинъ жилъ въ Москвѣ, отношенія эти не измѣнились и поддерживались перепиской при участіи А. Б. Куракина, князя Репнина и др., отчасти же и непосредственно. Изъ сохранившейся переписки между ними видно, что они обсуждали разнообразные вопросы, касавшіеся, главнымъ образомъ, различныхъ сторонъ военной системы государства и отчасти государственнаго управленія и устройства. Наслѣдникъ цесаревичъ и Панинъ обсуждали и многіе важные вопросы. Такимъ образомъ этотъ многоопытный дѣятель поучалъ будущаго императора, который самъ требовалъ у него имнѣній и совѣтовъ, ссылаясь на «пространныя свѣдѣнія» Панина, «касавшіяся до нашей земли» и на его «познаніе вещей».

Въ тѣхъ случаяхъ, когда иниціатива въ разработкѣ обсуждаемыхъ вопросовъ исходила не отъ Панина, онъ соглашался съ великимъ княземъ почти безъ возраженій, быть можетъ, даже иногда противъ своего убѣжденія.

По всему вѣроятію, нежеланіе противорѣчить являлось слѣдствіемъ того, что Панинъ, зная хорошо характеръ Павла Петровича, не желалъ подавать ему повода къ перемѣнѣ весьма выгоднаго о себѣ мнѣнія. Весьма вѣроятно также, что, по мнѣнію Панина, его вліяніе могло принести пользу Россіи въ смыслѣ выясненія вреда, являвшагося слѣдствіемъ извѣстной великому князю дѣятельности ненавистныхъ имъ обоимъ нѣкоторыхъ придворныхъ сферъ. Въ устныхъ и письменныхъ бесѣдахъ видно постоянное желаніе Панина поддерживать въ наслѣдникѣ престола невысокое мнѣніе объ этихъ сферахъ.

Петръ Ивановичъ Панинъ былъ вообще прекраснымъ семьяниномъ, любящимъ братомъ и заботливымъ отцомъ.

Онъ былъ женатъ два раза; въ первый разъ онъ женился въ 1748 г. на Аннѣ Алексѣевнѣ Татищевой. Вѣнчаніе происходило въ присутствіи великокняжеской четы; Анну Алексѣевну повели изъ покоевъ императрицы, которая «убирала невѣсту къ вѣнцу» и присутствовала на свадебномъ балу.

Отъ первой жены Панинъ имѣлъ семнадцать дѣтей, но всѣ они умерли при его жизни. Анна Алексѣевна умерла 27-го октября 1764 года.

Во второй разъ Петръ Ивановичъ женился на Маріи Родіоновнѣ Вейдель, бывшей фрейлинѣ двора императрицы Елисаветы Петровны. Петръ Ивановичъ очень любилъ ее и постоянно, даже во время войны, бралъ ее съ собой. У нихъ было пятеро дѣтей, изъ которыхъ, послѣ смерти Петра Ивановича, въ живыхъ остались двое: сынъ Никита Петровичъ (см. выше) и дочь Софья Петровна. Петръ Ивановичъ очень любилъ дѣтей своихъ и много заботился о воспитаніи и образованіи своего сына.

Братья Никита и Петръ Ивановичи Панины наслѣдовали отъ отца 400 душъ. Императрица Елисавета Петровна наградила ихъ значительными помѣстьями. Затѣмъ П. И. Панинъ получалъ также помѣстья и значительныя денежныя

награды въ царствованіе императрицы Екатерины II. Однако, содержаніе семьи вызывало большіе расходы, а иногда и долги. Не взирая на эти затрудненія, Петръ Ивановичъ былъ всегда строго безкорыстенъ. Такъ, онъ отказался отъ седьмой доли наслѣдства (изъ 2.000 душъ) послѣ смерти первой жены въ пользу ея родныхъ и возвратилъ подаренныя ему Матюшкинымъ имѣнія (3.000 душъ) обойденной послѣднимъ его внучкѣ. Наконецъ, въ 1755 г. Петръ Ивановичъ, въ виду жалобъ брата на недостаточность получаемаго содержанія, обѣщалъ ему поддержку и при этомъ писалъ: «...всеконечно себя почитаю быть вамъ братомъ и другомъ на то, чтобъ все хорошее и худое дѣлить пополамъ».

Въ началѣ 1789 года Петръ Ивановичъ, уступая просьбамъ сына, полюбившаго Софію Владиміровну Орлову, заставилъ себя забыть прежнюю вражду къ Орловымъ и сдѣлалъ предложеніе, отъ имени сына, Софіи Владиміровнѣ; но отцу не было суждено дожить до свадьбы сына. Петръ Ивановичъ скончался скоропостижно въ Москвѣ 15-го апрѣля 1789 года.

Когда П. И. Панинъ скончался в. к. Павелъ Петровичъ и в. к. Марія Ѳеодоровна были очень опечалены его смертію и выразили свое участіе въ письмахъ къ Никитѣ Петровичу; императрица же, по отзыву современниковъ, отнеслась къ извѣстію объ этой смерти «равнодушно».

Согласно волѣ, выраженной П. И. Панинымъ еще при жизни, онъ былъ похороненъ въ с. Дугинѣ (Смоленской губ.).

Графъ П. И. Панинъ обладалъ твердымъ, непреклоннымъ и прямымъ характеромъ, правдивымъ и отзывчивымъ сердцемъ и большимъ просвѣщеннымъ умомъ; онъ любилъ горячо свое отечество и ставилъ выше всего его благо; при этомъ, будучи истинно русскимъ дворяниномъ, родившимся, получившимъ воспитаніе и жившимъ всегда въ Россіи— онъ обнаружилъ въ своей дѣятельности патріотизмъ высокій, но имѣвшій иногда особый отпечатокъ, вслѣдствіе присущихъ ему сословныхъ взглядовъ. Послѣдніе вытекали логически изъ глубокаго его убѣжденія въ томъ, что дворянство, вполнѣ хорошо воспитанное и образованное (а такимъ только оно, по его мнѣнію, и должно было быть), составляетъ главную опору престола и отечества.

По наружному виду онъ казался гордымъ аристократомъ, проникнутымъ чувствомъ собственнаго достоинства и сильнымъ, не скрываемымъ честолюбіемъ, переходившимъ иногда даже въ тщеславіе. Въ дѣйствительности эта оболочка заключала въ себѣ иного рода сущность: онъ считалъ службу отечеству священнымъ долгомъ, при чемъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ самоотверженное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу. Во всю свою жизнь онъ проводилъ эти убѣжденія и громогласно ихъ выказывалъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, даже въ присутствіи первыхъ лицъ въ государствѣ; при этомъ, чѣмъ выше стоялъ тотъ или другой человѣкъ, тѣмъ болѣе строгія требованія онъ ему предъявлялъ. При такихъ условіяхъ онъ неминуемо долженъ былъ сталкиваться со многими вліятельными лицами и высшими сановниками; но это нисколько не ослабляло ни его энергіи, ни размѣровъ и характера его требованій. Само собою разумѣется, что онъ одинъ, поддерживаемый (условно) лишь немногими, не могъ пересилить многихъ, а потому и очутился въ числѣ недовольныхъ. Враги и завистники воспользовались его выдающимся и въ тоже время исключительнымъ положеніемъ въ составѣ «Панинской партіи», всячески подъ него подкапывались и очернили его въ глазахъ императрицы, что и окончилось для него опалой. Тѣмъ не менѣе, онъ не колебался въ выборѣ образа дѣйствій, когда дѣло касалось сохраненія его чести, репутаціи и самостоятельности. Правда, онъ могъ, въ сознаніи своей правоты, такъ рѣшительно отстаивать все, что ему было дорого — благодаря своимъ связямъ и обезпеченному положенію; но все-таки онъ представлялъ, какъ кажется, единственный (въ то время) примѣръ подобной нравственной устойчивости.

Вся его жизнь и сохранившаяся переписка доказываютъ, что онъ живо интересовался военнымъ дѣломъ во всемъ его объемѣ, а также внутреннею жизнью государства и его политическими отношеніями, при чемъ проникалъ, по мѣрѣ

своего пониманія, въ сущность происходившихъ явленій.

Не будучи первостепеннымъ полководцемъ (стратегомъ), онъ былъ однако вполнѣ способенъ командовать арміей (1762, 1769—1770 г.г.): оцѣнивая вѣрно обстановку, онъ дѣйствовалъ согласно съ ея требованіями, при чемъ понималъ вполнѣ правильно значеніе главнокомандующаго и кругъ его дѣятельности. Въ области тактики онъ являлся однимъ изъ проводниковъ идей Петра Великаго; при чуткомъ пониманіи особенностей русскаго военнаго дѣла и русской арміи, онъ обнаружилъ въ этомъ отношеніи такія высокія качества, которыя, по всей справедливости, ставятъ его почти на-ряду съ первѣйшими генералами нашей арміи во всѣ времена ея существованія.

Далеко немаловажною представляется и его государственная дѣятельность, въ области которой онъ проявилъ несомнѣнныя дарованія, хотя и тутъ не возвысился до всеобъемлющаго пониманія сущности высшей внутренней политики.

Будучи удаленъ отъ дѣлъ и находясь даже въ положеніи опальнаго, но ставъ, не смотря на это, въ близкія отношенія къ наслѣднику престола, Панинъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ, разъяснялъ ему различные недостатки тогдашнихъ придворныхъ и высшихъ административныхъ сферъ и въ то же время внушалъ ему идеи твердой власти, основанной на законѣ, силѣ и правдѣ.

Питая отвращеніе къ неблаговиднымъ интригамъ и къ кривымъ путямъ и будучи непримиримымъ противникомъ такихъ дѣятелей, у коихъ личныя выгоды стояли выше всѣхъ другихъ побужденій, Панинъ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ, но и послѣ того не падалъ духомъ до самаго конца: нравственной побѣды надъ нимъ враги его не одержали.

Хотя такъ называемая Панинская партія и пала окончательно за нѣсколько лѣтъ до его смерти, но тѣмъ не менѣе самъ Петръ Ивановичъ, при сохранившихся отличныхъ отношеніяхъ его къ великому князю, безпокоилъ еще упомянутыя высшія сферы и только его преклонный возрастъ и ненадежное здоровье давали возможность относиться къ нему до извѣстной степени равнодушно.

Въ общемъ, безпристрастное изслѣдованіе почти полувѣковой дѣятельности графа П. И. Панина не можетъ не привести къ заключенію, что онъ оставилъ въ исторіи Россіи слѣдъ на многихъ поприщахъ государственной и особенно военной дѣятельности, а потому и долженъ быть признанъ государственнымъ человѣкомъ, послужившимъ престолу и отечеству усердно, успѣшно, безкорыстно какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщахъ.

Семейный Архивъ княгини М. А. Мещерской (рожденной гр. Паниной); анонимный авторъ «Графъ Н. И. Панинъ» («Русс. Арх.». 1888, кн. 3); Бантышъ-Каменскій: «Словарь достоп. людей», т. IV; Берхъ «Собраніе писемъ Петра I»; Бартеневъ «Осьмнадцатый вѣкъ», I; Брикнеръ «Матеріалы для біографіи Н. П. Панина», т. I; Военно-Учен. Архивъ Гл. Шт., отд. 2, №№ 408 и 409; № 4956, тетр. 2; Я. К. Гротъ «Державинъ и Панинъ»; Дубровинъ «Пугачевъ и его сообщники»; Державинъ «Сочиненія», т. VIII; «Журналъ второй арміи» 1770 года; «Записка о нещастливомъ продолженіи службы генерала Графа Панина»; «Исторія л.-гв. Измайловскаго полка» (Зноско-Боровскаго); «Историческое обозрѣніе л.-гв. Измайловскаго полка; Карновичъ «Замѣч. богатства частныхъ лицъ»; Кобеко «Цесаревичъ Павелъ Петровичъ»; Лебедевъ: «Графы Н. и П. Панины»; Масловскій Записки по исторіи военнаго иск.», вып. I и II; Его же: «Русская армія въ Семилѣт. войну», вып. I, II и III; Мордовцевъ «Кто былъ усмиритель Пугачевщины» («От. Зап.» 1869 г., № 11); Опись дѣлъ секретн. повытья Моск. Отд. Общ. Архива Гл. Штаба (47-я), подъ ред. полк. Масловскаго; Пушкинъ «Ист. Пугач. бунта»; «Полн. Собр. Законовъ»; П. Петровъ «Исторія родовъ россійскаго дворянства»; А. Петровъ «Война Россіи съ Турціей и польскими конфедератами»; Порошинъ «Записки»; Реляціи о турецкой войнѣ («Прибавленія къ С.-Петерб. Вѣдом.», 1769—1770 г.г. и т. д.): Библ. Главн. Шт. 32,—1—22; «Русс. Архивъ». 1865 г., стр. 483; 1867 г., стр. 1022; 1871 г., № 3, 0.370; 1874 г., № 5, 1.322; 1876 г., № 5, 15—38, 129—130; 1878 г., т. III, 451; 1888, т. II, стр. 67—93; т. III, стр. 305—363; 1890, т. I, стр. 57—58; т. II, стр. 17;—«Русск. Вѣстникъ» 1869 г., т. LXXX и LXXXI;—«Русск. Старина» 1870, № 10, стр. 319; 1873, т. VIII, стр. 340; 1879, т. XXVI, стр. 623: 1875, № 2, стр. 363; 1882, т. XXXIII, стр. 403—418, 739—764; Соловьевъ Исторія Россіи», т. XXV, стр. 173, 284: XXVI, 132, 133; XXVIII, 9, 13, 33, 118, 119, 220; XXIX, 159; «Сборникъ Импер. Русс. Истор. Общ.», т. IV, 66, 225—234; VI, 80—213; VII, 77, 102, 103, 363: X, 1, 2, 32, 50, 100, 101; XIII, 43, 420 — 427; XIX, 153, 166, 425; XXVII, 43, 172; XXVIII; 106—113; XXXII, 6; XXXVI, 157, 158; XXXVIII, 73; XLVIII, 58; XLVI, 199; LVII, 48: LX, 460; LXXIX, 199; В. Семевскій «Крестьянскій вопросъ», I; «Сынъ Отечества» 1847 г., стр. 5; Фонъ-Визинъ «Сочиненія», подъ ред. Ефремова; — Храповицкій «Записки»; Хроника Русс. Имп. арміи, Ч. I,

стр. 18;—Шпилевской «Описаніе войны 1741—1743 г.г.», 147; Шумигорскій «Импер. Маріи Ѳеодоровна»; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1897 г., № 9, ст. Д. А. Корсакова.

П. А. Гейсманъ и *А. Н. Дубовской.*

Панинъ, *Степанъ Алексѣевичъ*, граверъ на мѣди; сынъ подъячаго, род. въ 1739,ум. 4-го ноября 1776 г.Воспитывался съ 27-го января 1749 г. въ Академической гимназіи; съ 1750 г. служилъ въ Словолитной палатѣ при Академіи Наукъ ученикомъ, до 1753 г., когда былъ взятъ въ ученики къ мастеру ландкартнаго дѣла М. И. Махаеву «для обученія ландкартамъ и литерамъ» и, по отзыву извѣстнаго гравера И. А. Соколова (въ 1754 г.), подавалъ хорошія надежды къ усовершенствованію. Затѣмъ служилъ въ Грыдоровальномъ Департаментѣ, откуда въ 1761 г., по требованію И. И. Шувалова, былъ опредѣленъ въ Академію Художествъ съ званіемъ словорѣза при «грыдурномъ классѣ». Въ 1763 г. онъ упоминается въ дѣлахъ Академіи въ качествѣ учителя «для надписей въ гридорованье»; затѣмъ, вмѣстѣ съ И. Лапинымъ, въ 1764 г. завѣдывалъ костюмами академическаго театра; въ 1773 г. числился гравировальнымъ мастеромъ и въ 1775 г. давалъ въ воспитательномъ училищѣ при Академіи уроки «россійской рукописи». Изъ работъ его (извѣстныхъ въ числѣ 25 нумеровъ), кромѣ гравированныхъ заставокъ, картинокъ и виньетокъ, выдаются портреты Екатерины II (съ Чемесова), Петра I (1761 г.) и И. И. Шувалова (1762 г.).

Д. А. Ровинскій: «Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. С.-Пб. 1895 и «Указатель» къ нему, Е. Н. Тевяшова; П. Н. Петровъ: «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Акад. Худож.», С.-Пб. 1864; «Примѣчанія къ нимъ. С.-Пб., s. a., стр. 634; Матеріалы для исторіи Имп. Академіи Наукъ, т. IX, С.-Пб. 1897, стр. 732. Н. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, С.-Пб. 1899, ст. 24—25.

Б. Львовъ.

Панкевичъ, *Адамъ Осиповичъ*, врачъ, родомъ изъ крестьянъ, католикъ, род. въ 1808 г., среднее образованіе получилъ въ Бѣлостокской гимназіи. Въ 1832 г. Панкевичъ поступилъ въ Виленскую Медико-хирургическую академію, въ 1836 г. былъ назначенъ лѣкаремъ въ пѣхотный графа Дибича полкъ и въ 1845 г. пріобрѣлъ въ Московскомъ университетѣ званіе штабъ-лѣкаря. Въ 1848 г. П. получилъ должность старшаго врача Гусарскаго короля Нидерландскаго полка, въ 1855 г. перешелъ въ Кишиневскій военный госпиталь, а въ 1857 г. былъ назначенъ помощникомъ главнаго доктора Сѣдлецкаго военнаго госпиталя. Съ 1863 г. Панкевичъ служилъ старшимъ ординаторомъ въ Люблинскомъ военномъ госпиталѣ, а въ 1872 г. былъ уволенъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Въ 1845 г. Панкевичъ написалъ научную работу «О госпитальномъ антоновомъ огнѣ» за которую получилъ званіе штабъ-лѣкаря.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», вып. II, С.-Пб. 1886 г., стр. 47.

Н. К—къ.

Панкевичъ, *Михаилъ Ивановичъ*, преподаватель Московскаго университета, род. въ 1757 году въ Малороссіи, близъ Нѣжина. По происхожденію принадлежалъ къ духовному сословію. Окончивъ курсъ наукъ въ Кіевской духовной академіи, П. поступилъ въ 1780 году для дальнѣйшаго образованія въ Московскій университетъ. Произведенный въ томъ же году въ студенты, онъ слушалъ курсы логики и метафизики, латинскаго краснорѣчія, ученой исторіи, математики и экспериментальной физики. Въ 1782 году П. поступилъ въ учрежденную профессоромъ Шварцомъ при университетской гимназіи Педагогическую или учительскую Семинарію, гдѣ главными предметами занятій П., съ разрѣшенія конференціи семинаріи, были математика и физика. Кромѣ нихъ, онъ для пополненія своего образованія занимался еще натуральной исторіей, химіей и анатоміей.

На слушаніе лекцій и связанныя съ нимъ изученія и занятія П. употребилъ почти 6 лѣтъ и къ самостоятельной педагогической дѣятельности приступилъ съ 1787 года въ качествѣ преподавателя высшаго ариѳметическаго класса въ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Кромѣ главнаго предмета, ариѳметики, онъ преподавалъ здѣсь въ 1790—1796 гг. артиллерію и фортификацію. Въ 1788 г. (11-го октября) П. получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ, для пріобрѣтенія которой, послѣ успѣшно выдержаннаго экзамена, представилъ напечатанную на латинскомъ языкѣ диссертацію «De praecipuis machinis hydrauli-

cis, quibus elasticorum serventis aquae vaporum ponderisque atmosphaerae ope, aqua ad insignem altitudinem elevari potest». Эта диссертація была единственнымъ ученымъ трудомъ Панкевича. Въ печати, дѣйствительно, кромѣ нея и двухъ публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ на университетскихъ актахъ 30-го іюня 1792 и 1800 гг., не появилось никакихъ другихъ его трудовъ. Эти рѣчи были напечатаны, по обыкновенію, при университетскихъ отчетахъ за соотвѣтствующіе годы подъ заглавіями: 1) «Слово о подлинной цѣли математическихъ наукъ и о сообразномъ ей расположеніи упражненій въ оныхъ» и 2) «Слово объ отличительныхъ свойствахъ, источникахъ и средствахъ просвѣщенія».

Профессорская дѣятельность П. началась съ 1791 года, когда онъ былъ назначенъ на оставшуюся послѣ смерти проф. Роста вакантной каѳедру прикладной математики. Занявъ ее въ званіи экстраординарнаго профессора, онъ читалъ по четыре 2-хъ-часовыхъ лекціи въ недѣлю. Предметы каѳедры излагались имъ въ теченіе 3-лѣтняго періода въ слѣдующемъ порядкѣ. Первый годъ—механика, гидравлика и аэрометрія съ объясненіемъ устройства машинъ; второй—оптика, перспектива, катоптрика и діоптрика; третій—сферическая тригонометрія, астрономія сферическая и теоретическая, математическая географія и навигація. Какъ показываютъ немногіе сохранившіеся каталоги университетскихъ лекцій того времени, онъ слѣдовалъ этому распредѣленію все время своей преподавательской дѣятельности, лишь изрѣдка допуская незначительныя отступленія. Если судить по указанному въ лекціонныхъ каталогахъ для употребленія слушателей руководству Вейдлера, то придется заключить, что лекціи П. были вполнѣ элементарными. Но этому заключенію противорѣчатъ нѣкоторыя, попавшія въ печать, свидѣтельства, исходящія, впрочемъ, изъ вторыхъ рукъ и утверждающія, что П. пользовался для своихъ лекцій сочиненіями позднѣйшихъ писателей и даже употреблялъ «высшія исчисленія». Эти свидѣтельства подтверждаются до нѣкоторой степени тѣмъ, что въ каталогахъ лекцій за 1800 и 1801 годы предполагалось навигацію «выбрать изъ лучшихъ, особливо новѣйшихъ сочиненій», а въ каталогахъ за 1808 и 1809 годы руководствомъ по оптикѣ указана вышедшая въ 1802 году оптика Лакаля. Въ виду этихъ свидѣтельствъ и фактовъ не остается ничего другого, какъ, согласившись съ ними, предположить, что указаніе каталогами руководства Вейдлера представляетъ minimum требованій, предъявляемыхъ профессоромъ своимъ слушателямъ. Такимъ образомъ, за Панкевичемъ должна быть признана заслуга совершенія весьма важнаго шага въ развитіи нашего университетскаго математическаго преподаванія. Отъ своего первоначальнаго состоянія, выражающагося преподаваніемъ исключительно однѣхъ элементарныхъ частей математики и пользованіемъ въ прикладныхъ наукахъ только пріемами и методами элементарнаго характера, оно совершило въ лекціяхъ Панкевича переходъ къ той болѣе высокой фазѣ развитія, когда для профессоровъ математическихъ наукъ сдѣлались необходимыми знакомство съ текущей литературой предмета и пользованіе въ преподаваніи высшими частями математики и прежде всего высшимъ анализомъ.

Прогрессъ, совершившійся въ лекціяхъ Панкевича, стоилъ ему самому чрезвычайно большихъ трудовъ. Вынеся изъ университета только знаніе элементарной математики и привычку къ пользованію ея методами и пріемами, онъ былъ поставленъ въ необходимость овладѣть высшей математикой собственнымъ трудомъ. Вслѣдствіе этого чтеніе и усвоеніе пользующихся ею новыхъ писателей, и въ особенности составленіе и обработка по нимъ лекцій, требовали отъ него чрезвычайнаго напряженія ума и большой затраты времени. По собственному его признанію, переданному намъ современниками, приготовленіе къ каждой лекціи стоило ему усиленныхъ трудовъ въ теченіе цѣлаго дня. И все-таки изложеніе его лекцій нерѣдко было до крайности темнымъ и непонятнымъ. Случалось также, что, сдѣлавъ ошибку въ вычисленіяхъ и вслѣдствіе этого получивъ невѣрный выводъ, онъ приходилъ въ крайнее замѣшательство и смущеніе. Передѣлывая вычисленія для исправленія ошибокъ, онъ дѣлалъ еще

большія и сбивался и путался до того, что двухчасовая лекція иногда совершенно безплодно затягивалась до 4 часовъ и болѣе. Подобные случаи настолько, повидимому, были нерѣдкими, что П. въ виду ихъ всегда назначалъ для своихъ лекцій послѣдніе часы учебнаго дня. Не смотря на такіе серьезные недостатки лекцій П., содержаніе ихъ было настолько проникнуто духомъ новой науки, что пробуждало въ слушателяхъ серьезные научные интересы и даже прямо любовь къ наукѣ. Одинъ изъ слушателей П., профессоръ чистой математики Щепкинъ, говорилъ въ своемъ дневникѣ: «въ семъ знаменитомъ человѣкѣ университетъ потерялъ твердую свою опору. Ему обязанъ я привязаностью своею къ математическимъ наукамъ; наиболѣе же старался подражать умѣренности жизни его». Что касается послѣдняго качества, то оно было естественнымъ послѣдствіемъ хилости П., происходившей, главнымъ образомъ, отъ припадковъ падучей болѣзни, развившейся у него вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ въ молодости.

Дѣятельность Панкевича по развитію просвѣщенія въ отечествѣ не ограничивалась однимъ отправленіемъ профессорскихъ обязанностей, но распространялась также и на постановку учебно-воспитательнаго дѣла въ подвѣдомственныхъ университету среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Состоя въ продолженіи 8 лѣтъ членомъ училищнаго комитета, онъ не разъ принималъ на себя обязанности визитатора училищъ. Какъ таковой, онъ осматривалъ учебныя заведенія губерній Вологодской, Калужской, Костромской, Тверской, Тульской и Ярославской. Кромѣ того, въ теченіе 3 лѣтъ онъ былъ членомъ комитета испытаній лицъ, желающихъ получить чинъ 8-го класса. Званіе ординарнаго профессора онъ получилъ въ 1796 году и затѣмъ былъ три раза избираемъ деканомъ физико-математическаго отдѣленія.

Панкевичъ умеръ скоропостижно 14-го августа 1812 года. Прогуливаясь въ этотъ день вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями по берегу Москвы рѣки, онъ вдругъ почувствовалъ дурноту, заставившую его немедленно отправиться домой. Но дойти до дома ему не суждено было, и его подняли на улицѣ уже мертвымъ.

О научно-литературныхъ трудахъ Панкевича, представляемыхъ, кромѣ магистерской диссертаціи, двумя вышеуказанными рѣчами, можно сказать немного. Не представляя ничего замѣчательнаго и оригинальнаго, они отличались крайне тяжелымъ языкомъ, требующимъ для своего уразумѣнія со стороны слушателей самаго напряженнаго вниманія. Вотъ, наприм., какъ разсуждалъ онъ о пользѣ и «увеселительности» физическихъ наукъ въ своей первой рѣчи: «Привлекая любопытство, удовлетворяя оному самыми пріятными и заманчивыми средствами, и такимъ образомъ, помощью сего каждому отъ натуры премудрымъ устроеніемъ высочайшаго Промысла къ его счастію врожденнаго побужденія, дѣйствуя на склонности человѣка, возбуждаютъ охоту къ неослабному продолженію вниманія къ ихъ внушеніямъ, тѣмъ постояннѣе и благоуспѣшнѣе не только подкрѣпляемую, но и постепенно умножающуюся, что плодъ сего любопытства не безъ особливаго удовольствія вспомоществуетъ въ разрѣшеніи къ собственной пользѣ почти ежедневныхъ, и такихъ по большей части случаевъ, относительно къ которымъ, по тѣсной ихъ связи съ необходимостями и выгодами жизни, никто не можетъ быть равнодушенъ».(Рѣчи, часть II, стр. 316—317). Если такимъ же языкомъ излагались и лекціи Панкевича, то приведенное выше свидѣтельство современниковъ о темнотѣ и непонятности нѣкоторыхъ изъ этихъ лекцій должно быть разсматриваемо какъ весьма смягченное констатированіе печальнаго факта неудовлетворительнаго состоянія университетскаго преподаванія въ разсматриваемую эпоху.

Немногочисленность научно-литературныхъ трудовъ Панкевича и ихъ составленіе съ исключительной цѣлью удовлетворенія оффиціальныхъ требованій отъ лицъ, ищущихъ степени магистра или занимающихъ профессорскія должности, показываютъ, что П. брался за перо очень неохотно и только въ крайнихъ случаяхъ. Такъ, возложенное на него попечителемъ М. Н. Муравьевымъ и въ высшей степени важное для

русской науки порученіе перевесть на русскій языкъ знаменитое твореніе Ньютона «Principia mathematica philosophiae naturalis» осталось неисполненнымъ и притомъ не по недостатку времени, такъ какъ попечительство Муравьева продолжалось съ 1803 по 1807 годъ. Гораздо большую склонность имѣлъ П. къ занятіямъ устройствомъ приборовъ и въ особенности солнечныхъ часовъ, два экземпляра которыхъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, были изготовлены имъ для Донского монастыря и Троицкой Лавры. Устройство перваго экземпляра, по находившейся на немъ надписи, относилось къ 1805 году.

Жизнеописаніе П. предпосланное перепечаткѣ его рѣчей во II-й части изданныхъ Обществомъ любителей россійской словесности «Рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ Императорскаго Московскаго университета русскими профессорами онаго» (стр. 291—294); формулярный списокъ 1800 г.; «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета (часть II, М. 1855 г., стр. 202—208); «Словарь русскихъ свѣтскихъ писателей», митрополита Евгенія (томъ II, М. 1845 г., стр. 114—115); С.-П. Шевыревъ. «Исторія Московскаго университета». М. 1855, стр. 237, 246, 267, 298, 323, 328, 332, 363, 393, 405, 424; В. И. Аскоченскій. «Кіевъ съ его академіею». Кіевъ. 1856, ч. II, стр. 323—324; Воспом. И. М. Снегирева въ «Русск. Арх.», 1866, стр. 746; «Русск. Арх.» 1881, I, 387, 389, 394.

В. В. Бобынинъ.

Панкратій, преподобный Печерскій. Извѣстенъ, какъ іеромонахъ-затворникъ Кіево-Печерскаго монастыря (нынѣ — лавры), жившій въ XIII вѣкѣ, исцѣлявшій больныхъ молитвою, постомъ и помазаніемъ масломъ. Мощи этого подвижника открыто почиваютъ въ Кіевѣ въ Ѳеодосіевой пещерѣ, а память его чтится 28-го августа и на 2-й недѣлѣ великаго поста. Въ священной пѣснѣ о немъ говорится: «въ постницѣхъ явился еси великъ, во іереяхъ же нарочитъ и въ чудотвореніяхъ дарѣхъ показася славенъ».

Филаретъ. «Житія святыхъ», августъ.

Здр.

Панкратій, псковскій посадникъ. Подъ 1404 г. въ лѣтописяхъ говорится, что псковичи заложили каменную стѣну возлѣ р. Псковы при кн. Даніилѣ Александровичѣ и посадникѣ II. Въ 1407 (1408 г.) августа 18-го ливонскій магистръ Конрадъ Фитинговъ подошелъ къ Пскову, и такъ какъ всѣ броды были заграждены, то бились черезъ рѣку. Когда нѣмцы пошли обратно, псковичи погнались за ними, догнали ихъ на Лозоговицкомъ полѣ, гдѣ произошелъ бой, въ которомъ, въ числѣ другихъ посадниковъ, палъ и Панкратій.

«Полн. собр. русск. лѣт.» IV, 196; V, 18, 20; «Никон. лѣт.» V, 11; Карамз. V, пр. 254.

А. Экз.

Панкратій (Чарнуцкій, Чарныйскій или Чарнысскій), архимандритъ Елецкаго Черниговскаго монастыря. Сынъ казака, родился въ самомъ началѣ XVIII ст., учился въ Черниговской дух. семинаріи, въ 1733 г. постригся въ монашество съ именемъ Панкратія; въ 1739—1742 гг. П. былъ наставникомъ и префектомъ въ Черниговской семинаріи и затѣмъ проповѣдникомъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, гдѣ, между прочимъ, 6-го іюня 1744 г. произнесъ «Слово въ высочайшее присутствіе... императрицы Елисаветы Петровны и наслѣдника ея в. к. Петра Ѳедоровича... о дѣлахъ мздовоздаятельныхъ», тогда же напечатанное. Изъ Троицко Сергіевой лавры онъ вышелъ въ 1746 г., будучи произведенъ въ архимандриты Переславскаго Данилова монастыря. Послѣ этого онъ постепенно настоятельствовалъ въ Іосифовомъ Волоколамскомъ (съ 6-го мая 1753 г.), Лужецкомъ Можайскомъ (съ января 1754 г.), Крестовоздвиженскомъ Бизюковѣ (съ 15-го августа 1757 г.) и Елецкомъ Черниговскомъ (съ 4-го сентября. 1761 г.) монастыряхъ. Въ самомъ началѣ 1762 г. онъ переведенъ былъ въ Троицкій-Ильинскій Черниговскій монастырь, но черезъ годъ (21-го февраля 1761 г.) снова назначенъ настоятелемъ Елецкаго Черниговскаго монастыря, гдѣ и скончалъ дни свои въ 1773 г. О дѣятельности его, какъ настоятеля, свѣдѣній не имѣется.

Строевъ. Списки іерарховъ; М. Филаретъ. «Истор.-статист. опис. Черниг. епархіи»; А. С. Родосскій. «Описаніе книгъ гражданской печати XVIII ст. С-Пб. Дух. Акад.». С-Пб. 1899, стр. 495.

Здр.

Панкратьевы, *Григорій и Даніло*, родные братья, дьяки приказа Казеннаго Двора. *Григорій* П. былъ продолжительное время (1620—1654 г.) дьякомъ приказа Казеннаго Двора, и хотя, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, служилъ не безгрѣшно (бралъ посулы),

однако не только не подвергался наказаніямъ, но и обратилъ вниманіе,—конечно, своей практичностью и дѣловитостью, — самого государя на своихъ родныхъ, какъ на людей дѣльныхъ. Онъ умеръ въ 1654 г., и тогда же государь приказалъ быть на его мѣстѣ брату его *Данішлу*, конечно, какъ человѣку дѣловитому, энергичному: государь, вмѣстѣ съ назначеніемъ Д., приказывалъ ему безъ всякаго замедленія (время было горячее: присоединялась Малороссія) готовить «въ крымскую посылку» все, что касается его, какъ дьяка Казеннаго приказа. До 1654 г. Д. былъ гостемъ (купцомъ) и имѣлъ (съ 1638 г.) соляныя варницы на р. Выми, которыя доставляли казнѣ пошлинъ отъ 700 до 1.000 рублей. Эти варницы онъ держалъ и сдѣлавшись дьякомъ. Изъ-за этихъ варницъ у него произошелъ споръ съ братіей Соловецкаго монастыря (1658 г.), которой неправильно сданы были крестьянами Сереговской волости мѣста на Выми, принадлежавшія П—ву. Этотъ процессъ продолжалъ вести за отца и выигралъ сынъ Даніила—Иванъ.

«Акт. Ист.» III, 118, 484; «Допол. къ нимъ» III, 151, 159, 160, 240, 507; VI, 346—349; «Указат. къ бояр. книг. Иванова», 314.

А. Экземплярскій.

Панкратьевъ, *Никита Петровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ. Дворянинъ Кіевской губерніи, старшій сынъ бывшаго Кіевскаго губернатора П. П. Панкратьева (см. ниже), родился въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года въ Москвѣ; воспитаніе и образованіе получилъ дома. Въ 1807 году, восемнадцати лѣтъ отъ роду, Никита Петровичъ поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую въ Турціи армію и въ томъ же году 7-го и 11-го іюня участвовалъ при сожженіи и взятіи турецкихъ судовъ при м. Платанѣ и при атакѣ г. Трапезонта. Вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ адъютантомъ въ милицію 6-й области, а въ началѣ слѣдующаго года (4-го февраля) былъ произведенъ въ прапорщики съ опредѣленіемъ въ 29-й егерскій полкъ. Въ рядахъ этого славнаго полка Панкратьевъ участвовалъ въ 1809 году при осадѣ Браилова и въ неудачномъ штурмѣ (20-го апрѣля) этой крѣпости. Въ 1810 году, уже въ чинѣ поручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу-отъ-инфантеріи М. Л. Голенищеву-Кутузову, впослѣдствіи фельдмаршалу.

Въ слѣдующемъ году Никита Петровичъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Рущукомъ, при пораженіи верховнаго визиря (20-го и 22-го іюня), а съ 28-го августа по 3-е октября въ разныхъ дѣлахъ противъ турокъ на лѣвомъ берегу р. Дуная и за храбрость, оказанную имъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, былъ переведенъ тѣмъ-же чиномъ лейбъ-гвардіи въ Егерьскій полкъ и удостоился получить орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Въ 1812 году, состоя адъютантомъ при главнокомандующемъ князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ, Панкратьевъ участвовалъ во многихъ аріергадныхъ дѣлахъ при отступленіи нашей арміи и 26-го августа въ достопамятномъ Бородинскомъ бою и за отличіе, оказанное имъ въ этомъ сраженіи, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

Затѣмъ онъ вошелъ въ составъ партизанскаго отряда полковника князя Кудашева и участвовалъ во многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ. Такъ, 27-го сентября онъ находился при пораженіи французскихъ фуражировъ у селенія Никольскаго, а 2-го октября, командуя донскимъ казачьимъ полкомъ Жирова, при разбитіи восьми эскадроновъ французскихъ кирасиръ у села Шарапова.

4-го октября, командуя двумя сотнями казаковъ, Никита Петровичъ разбилъ при селеніи Клевинѣ саксонскихъ кирасиръ и роту польской пѣхоты, при чемъ захватилъ въ плѣнъ болѣе 50 человѣкъ, а 13-го октября, при Боровскѣ, въ сраженіи съ войсками маршала Нея, взялъ въ плѣнъ болѣе 500 человѣкъ.

Вскорѣ послѣ этого Панкратьевъ вернулся къ прежней своей должности—адъютанта при фельдмаршалѣ князѣ Кутузовѣ-Смоленскомъ и участвовалъ въ четырехдневномъ сраженіи при Красномъ (3—6 ноября).

За отличіе, оказанное имъ въ партизанскихъ дѣлахъ, онъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и алмазными знаками ордена св. Анны 2-й степени.

Послѣ смерти фельдмаршала князя Кутузова онъ вернулся обратно лейбъ-гвардіи въ Егерьскій полкъ, участвовалъ съ нимъ въ весеннемъ походѣ 1813 года въ Германію и находился въ сра-

женіи подъ Бауценомъ (8-го и 9-го мая) и въ другихъ дѣлахъ до заключенія Рейхенбахскаго перемирія.

Произведенный весною того-же года въ штабсъ-капитаны, Никита Петровичъ участвовалъ 4-го августа, въ составѣ корпуса генерала барона Винценгероде, въ кавалерійской экспедиціи къ г. Вельцигу, а 25-го августа въ сраженіи при Денневицѣ. Вслѣдъ затѣмъ (23-го сентября) онъ былъ произведенъ въ капитаны съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству, а 5-го, 6-го и 7-го октября участвовалъ въ сраженіи подъ Лейпцигомъ и за отличіе, имъ оказанное, былъ произведенъ въ полковники, получивъ, такимъ образомъ, въ продолженіе одного года три чина. Съ ноября мѣсяца до начала 1814 года Панкратьевъ исправлялъ должность дежурнаго генерала въ корпрсѣ барона Винценгероде и 2-го и 19-го февраля (подъ непосредственнымъ начальствомъ генерала Чернышева) участвовалъ при взятіи штурмомъ г. Суассона. Затѣмъ, 22-го февраля онъ находился въ авангардномъ дѣлѣ при Краонѣ, 25-го—въ сраженіи при Лаонѣ и 6-го марта — при вторичномъ взятіи г. Реймса.

10-го марта, получивъ приказаніе отправиться къ государю императору въ г. Бріеннъ, по дорогѣ туда П. былъ отрѣзанъ непріятелемъ отъ главной арміи и атакованъ французскою кавалеріею на дорогѣ къ г. Баръ-ле-Дюку. Но по пути онъ соединился съ отрѣзаннымъ же казачьимъ отрядомъ гвардіи капитана Шульца, при чемъ соединенный отрядъ насчитывалъ всего 90 казаковъ. Съ этою горстью удальцовъ 11-го марта П. прорвался черезъ Баръ-ле-Дюкъ, занятый 8-ю эскадронами французской кавалеріи и за этотъ выдающійся подвигъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

14-го марта, въ окрестностяхъ г. Шомона, онъ былъ атакованъ тысячной толпой вооруженныхъ жителей и отбилъ ихъ нападеніе, а 18-го, командуя отрядомъ, въ составѣ двухъ ротъ пѣхоты и трехъ эскадроновъ кавалеріи, выгналъ французскій отрядъ изъ названнаго города. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года ему было поручено сопровождать изъ окрестностей г. Орлеана въ г. Бернъ Вестфальскаго короля Іеронима, а въ сентябрѣ онъ находился съ государемъ императоромъ на конгрессѣ въ г. Вѣнѣ.

Съ наступленіемъ кампаніи 1815 года Никита Петровичъ былъ командированъ въ корпусъ барона Винценгероде, гдѣ получилъ въ командованіе 59-й егерьскій полкъ и былъ оставленъ наблюдать за французскими партизанами. 22-го іюля онъ имѣлъ дѣло близъ Саарбрюка, по дорогѣ къ г. Нанси, съ партизаномъ Брисомъ, котораго разбилъ на голову. Въ 1817 году, 29-ти лѣтъ отъ роду, Панкратьевъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ затѣмъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гренадерской дивизіи, которою командовалъ пять лѣтъ. Затѣмъ онъ командовалъ 2-ю бригадою 11-й пѣхотной дивизіи, а въ началѣ 1827 года получилъ въ командованіе 2-ю бригаду 20-й пѣхотной дивизіи, находившуюся въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ.

Открылась война съ Персіей,—и Никитѣ Петровичу пришлось принять въ ней самое дѣятельное участіе. Съ 18-го по 22-е апрѣля 1827 г. онъ участвовалъ въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ непріятелемъ при Худоперинскомъ мостѣ, а 25-го произвелъ рекогносцировку къ сторонѣ Маральянъ и занялъ сильную позицію при Козлучаѣ, угрожая непріятелю переправою чрезъ р. Араксъ. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ приступилъ къ разработкѣ дороги къ Гирюсамъ и далѣе къ горѣ Сальварти, для установленія сообщенія съ главнымъ корпусомъ. Въ то же время, получивъ свѣдѣнія о намѣреніи Мехти-Кули-Хана Карабахскаго покориться нашему правительству, Панкратьевъ направился въ Арахлинское ущелье и переселилъ этого хана съ четырьмя тысячами семействъ въ Карабахъ.

Назначенный въ скоромъ времени (5-го іюля) начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи, онъ до сентября мѣсяца наблюдалъ за доставленіемъ провіантскихъ транспортовъ изъ Ахъ Ошана въ Гирюсы и далѣе—для продовольствія главнаго корпуса, при чемъ неоднократно отражалъ нападенія непріятельскихъ партій на наши транспорты.

Затѣмъ онъ, съ ввѣренной ему дивизіей, поступилъ въ составъ отряда ге-

нералъ-лейтенанта князя Эристова. Съ 15-го по 20-е сентября П. участвовалъ въ преслѣдованіи Аббаса-Мирзы отъ Нахичевани до Чорса. Командуя авангардомъ отряда князя Эристова, 27-го сентября онъ переправился черезъ р. Араксъ, а 28-го атаковалъ персовъ въ Дарадизскомъ ущельѣ и принудилъ ихъ отступить къ ретраншаменту, занятому двумя тысячами сарбазовъ; на слѣдующій же день овладѣлъ этимъ ретраншаментомъ и Дарадизскимъ ущельемъ. 13-го октября Панкратьевъ, съ тремя баталіонами и четырьмя орудіями, былъ направленъ къ г. Тавризу и 19-го занялъ этотъ городъ, а вскорѣ затѣмъ занялъ и г. Марагу.

За быстрое занятіе Тавриза онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. 15-го января 1828 года П. занялъ г. Урмію и оставался тамъ до заключенія мира съ Персіей. Затѣмъ ему было ввѣрено управленіе Хойской и Урмійской областями и командованіе войсками, тамъ находившимися.

Вслѣдствіе вызывающаго образа дѣйствій одного изъ куртинскихъ хановъ, Яя-Бека, который въ своей крѣпости Чагрикъ укрывалъ мятежниковъ, Панкратьевъ отправилъ противъ него одинъ баталіонъ съ двумя орудіями. Отрядъ этотъ разогналъ мятежниковъ, занялъ крѣпость и овладѣлъ двумя орудіями. Затѣмъ, 27-го іюля, онъ отразилъ куртинцевъ при деревнѣ Маглашъ, а 5-го августа разбилъ мятежниковъ, напавшихъ на обывательскія кочевья близъ селенія Кюркенды. За командованіе отрядомъ въ Хойской области П. получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Война съ Турціей вызвала Никиту Петровича опять на боевое поприще и открыла ему новый путь къ отличіямъ. 9-го ноября 1828 г. онъ выступилъ, съ ввѣреннымъ ему отрядомъ, въ Баязетскій пашалыкъ, а 12-го принялъ начальство надъ войсками, тамъ расположенными, открылъ областное правленіе въ г. Баязетѣ, сильно укрѣпилъ этотъ городъ и крѣпости Топрадъ-Кале и Діадинъ и не разъ отражалъ нападеніе мушскихъ куртинцевъ.

Съ наступленіемъ 1829 года Панкратьеву пришлось принять болѣе активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, 25-го марта онъ выступилъ изъ Баязета и 1-го іюня прибылъ въ с. Катанлы, гдѣ былъ назначенъ сборъ войскамъ дѣйствующаго корпуса, находившагося подъ непосредственною командою фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго. Здѣсь онъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й колонны дѣйствующихъ войскъ.

11-го іюня ему пришлось участвовать въ рекогносцировкѣ дороги отъ с. Катанлы къ урочищу Дели-Мусали-Фурни, а 13-го—въ переходѣ черезъ Саганлугскій хребетъ до рѣчки Инжасу и въ движеніи къ непріятельскому укрѣпленному лагерю Гагки-Паши. На слѣдующій день П. отбивалъ атаки турецкой кавалеріи, а 15-го и 16-го занялъ высоты, окружавшія непріятельскій укрѣпленный лагерь. Всѣ эти движенія и дѣйствія были, если можно такъ выразиться, прелюдіей къ трехдневному бою, разыгравшемуся въ окрестностяхъ Милидюза. 18-го іюля, въ первый день боя, П. пришлось демонстрировать противъ турокъ, маскируя, съ войсками ввѣренной ему колонны, движеніе нашихъ главныхъ силъ къ Гункерсу. На слѣдующій день, при селеніи Каинлы, въ началѣ сраженія онъ находился въ арріергардѣ, прикрывая движеніе обоза. Затѣмъ, въ часъ дня, при столкновеніи нашей боевой линіи съ непріятелемъ, когда турецкая кавалерія атаковала нашъ лѣвый флангъ, П. быстро двинулся впередъ, атаковалъ правый флангъ турокъ, опрокинулъ ихъ, преслѣдовалъ и захватилъ много плѣнныхъ и одно орудіе. Подъ вечеръ Панкратьевъ атаковалъ лѣвый флангъ непріятельской позиціи и обратилъ турокъ въ бѣгство; 20-го, рано утромъ, онъ атаковалъ турецкій лагерь при Милидюзѣ, принудилъ турокъ къ поспѣшному отступленію и захватилъ у нихъ лагерь, восемь орудій, два знамени и много плѣнныхъ.

За выдающееся отличіе въ этомъ трехдневномъ бою Панкратьевъ удостоился получить высшую воинскую награду—орденъ св. Георгія 3-го класса.

Дальнѣйшее участіе его въ турецкой войнѣ ознаменовалось занятіемъ крѣпостей: Гассанъ-Кале (23-го іюня) и Арзерума. Прибывъ, 27-го іюня, утромъ, къ Арзеруму, Панкратьевъ атаковалъ Топъ-Дагъ (одинъ изъ передовыхъ фортовъ) и открылъ сильную канонаду по

городскимъ укрѣпленіямъ. Когда же къ нему пришли городскіе старшины съ ключами, онъ двинулся впередъ, занялъ крѣпость и цитадель, захватилъ много орудій и три знамени и затѣмъ, съ одною ротою 42-го егерьскаго полка, направился къ дому сераскира и взялъ его съ тремя пашами въ плѣнъ. Занятіемъ Арзерума закончилась боевая дѣятельность П. въ турецкую войну. Произведенный въ то же время, за отличіе по службѣ, въ генералъ-лейтенанты, онъ, по окончаніи войны, остался временно, съ ввѣренною ему дивизіею, въ Арзерумской области и за отличное управленіе ею былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени съ императорскою короною и 30.000 рублей ассигнаціями. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, но болѣе полугода не прибывалъ къ своей новой должности, отвлеченный экспедиціями противъ горцевъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1830 года онъ прибылъ съ 20-ю пѣхотною дивизіею изъ Арзерума и Карса на кавказскую линію, принялъ въ командованіе отрядъ, находившійся въ экспедиціи за Кубанью и имѣлъ частыя перестрѣлки съ абадзехами во время слѣдованія отряда отъ урочища Длиннаго лѣса къ Пшебскому укрѣпленію. Затѣмъ, онъ поступилъ въ составъ главнаго отряда, находившагося подъ начальствомъ фельдмаршала Паскевича-Эриванскаго и участвовалъ во многихъ дѣлахъ при взятіи и разореніи горскихъ ауловъ въ Азипскомъ и Абинскомъ ущельяхъ.

Возстаніе поляковъ вызвало фельдмаршала князя Паскевича съ Кавказа въ Польшу, для командованія арміей. На время его отсутствія, по высочайшему повелѣнію, управленіе Закавказскимъ краемъ и командованіе войсками, расположенными тамъ, было ввѣрено Панкратьеву, по особому ходатайству Паскевича, и вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ его императорскому величеству. П. блестящимъ образомъ выполнилъ возложенныя на него обязанности. 4-го сентября онъ принялъ начальство надъ всѣми войсками и выступилъ въ походъ въ Дагестанъ, для усмиренія горцевъ, поднятыхъ Кази-муллою.

Прибывъ въ г. Дербентъ 30-го сентября, онъ немедленно направилъ въ верхнюю Таборосань, для обузданія мятежниковъ, три отдѣльныя подвижныя колонны. Благодаря быстрымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ этихъ отрядовъ, въ весьма непродолжительномъ времени мятежники были разсѣяны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были разорены селенія: Хучни, Дювекъ и другія, считавшіяся самыми крѣпкими оплотами горцевъ въ Таборосани.

Затѣмъ Панкратьевъ направился въ Шамхальскія владѣнія и на пути туда получилъ извѣстіе, что сторонникъ Кази-муллы, Умалатъ-бекъ, съ 10.000 человѣкъ занялъ укрѣпленное селеніе Эрпели. Селеніе это, состоявшее изъ 500 каменныхъ домовъ, было расположено почти въ неприступномъ мѣстѣ между глубокими оврагами и густымъ лѣсомъ и было сильно укрѣплено шанцами и завалами.

23-го октября П. штурмовалъ это селеніе и, послѣ двухчасового боя, овладѣлъ имъ, захвативъ большую добычу, много плѣнныхъ и почетное знамя Умалатъ-Бека.

Продолжая дальнѣйшее движеніе со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 2.500 человѣкъ пѣхоты, 12 орудій и 1.500 человѣкъ кавалеріи, П. 25-го октября подошелъ къ селенію Черкей, расположенному на лѣвомъ берегу рѣки Койсы. Селеніе это было занято дагестанцами, чеченцами и салатовцами, приверженцами Кази-муллы, числомъ до 4.000 человѣкъ. Несмотря на то, что всѣ мосты на р. Койсу были уничтожены и не было бродовъ, наша артиллерія и стрѣлки съ противоположнаго берега сбили горцевъ и послѣ трехдневнаго боя непріятель принужденъ былъ сдаться.

17-го ноября, при усиленной рекогносцировкѣ къ селенію Гимры, Панкратьевъ узналъ, что Кази-мулла соединился въ горахъ съ Гамзадъ-бекомъ-Аварскимъ. Чтобы уничтожить послѣдній оплотъ перваго въ Дагестанѣ, П. отправилъ отрядъ полковника Миклашевскаго для взятія урочища Чумкескента Отрядъ этотъ 1-го декабря, послѣ упорнаго боя, овладѣлъ Чумкескентомъ, истребивъ мятежниковъ, засѣвшихъ въ немъ. Такимъ образомъ, благодаря энергичнымъ и быстрымъ дѣйствіямъ Панкратьева,

возстаніе въ Дагестанѣ было подавлено. За искусныя дѣйствія при подавленіи этого мятежа и за управленіе Закавказскимъ краемъ Панкратьевъ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго.

Но недолго пришлось ему пробыть на Кавказѣ: уже 4-го ноября 1832 г. благодаря ходатайству фельдмаршала Паскевича, онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта управленія и членомъ Государственнаго Совѣта Царства Польскаго, а 18-го мая 1833 г. былъ назначенъ варшавскимъ военнымъ губернаторомъ. 9-го сентября того же года за отличноусердную службу ему было пожаловано 50.000 рублей ассигнаціями.

Съ 5-го ноября 1833 года по 9-е октября 1834 года, по высочайшему повелѣнію, Панкратьевъ состоялъ предсѣдателемъ Верховнаго уголовнаго суда, бывшаго въ Варшавѣ надъ государственными преступниками, и за отличноусердную службу былъ награжденъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго.

Н. П. Панкратьевъ скончался въ концѣ 1836 года, всего сорока восьми лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству современниковъ, онъ былъ человѣкъ «неглупый отъ природы», образованный, необыкновенно интересный и обладалъ при этомъ недюжиннымъ остроуміемъ. Онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ и покровительствомъ фельдмаршала Паскевича, много способствовавшаго блеску его военной карьеры.

Послужной списокъ Панкратьева, хранящійся въ Общемъ архивѣ Главнаго Штаба; Сообщеніе дочери Н. П. Панкратьева; А. Лацинскій. «Хронологія русской военной исторіи». С-Пб. 1891 г.; Сочиненія Д. В. Давыдова. С.-Пб. 1893; Воспоминанія Н. Н. Муравьева въ «Русск. Архивѣ»; кн. Щербатовъ. Генер.-фельдмарш. кн. Паскевичъ. С.-Пб. *Г. А. Мокринскій.*

Панкратьевъ, *Петръ Прокофьевичъ*, тайный совѣтникъ, кіевскій гражданскій губернаторъ, род. въ 1757 г. въ небогатой дворянской семьѣ. Воспитывался въ Кіевской Духовной академіи, а 1-го января 1772 г. опредѣлился на службу въ Харьковскій гусарскій полкъ ротнымъ квартермистромъ; 1-го мая 1780 г. переведенъ аудиторомъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ и, произведенный въ подпоручики, 13-го мая опредѣленъ секретаремъ въ штабъ генералъ-аншефа (впослѣдствіи фельдмаршала) кн. Н. В. Репнина и одно время управлялъ его имѣніями; 24-го сентября 1784 г. П. сдѣланъ генеральсъ-адъютантомъ князя. Уже въ это время за нимъ была большая боевая опытность; такъ, онъ былъ въ походахъ 1772—1773 г., въ 1776 и 1778 г. ходилъ противъ кубанцевъ въ Крымъ, былъ въ сраженіи при р. Салгирѣ (1779) и затѣмъ подъ Очаковомъ, гдѣ за отличіе былъ произведенъ въ секундъ-маіоры (14-го декабря 1789 г.). Въ 1791 г. (3-го августа) П. былъ переведенъ въ Сумскій легкоконный полкъ подполковникомъ, отличившись передъ тѣмъ въ сраженіи при Мачинѣ, за что получилъ (18-го марта 1791 г.), орденъ св. Георгія 4 ст.; былъ также подъ Измаиломъ и Бендерами. Въ томъ же 1791 г. онъ находился при заключеніи съ верховнымъ визиремъ Юсуфъ-пашею мирныхъ «прелиминарныхъ» пунктовъ, а въ 1793 г. былъ посланъ фельдмаршаломъ гр. Н. И. Салтыковымъ на Донъ для прекращенія безпорядковъ между казаками. 1-го мая 1794 г. П. былъ уволенъ изъ военной службы съ чиномъ полковника и тогда же опредѣленъ первымъ директоромъ Государственнаго Заемнаго Банка, но уже 23-го октября 1795 г. получилъ назначеніе оберъ-комендантомъ въ Нерчинскую область, гдѣ, кромѣ управленія военною и гражданскою частью, завѣдывалъ, между прочимъ, мѣстными рудниками. Вскорѣ, 21-го ноября 1796 г., П. былъ переведенъ въ Петербургъ вице-губернаторомъ, 24-го декабря 1797 г. назначенъ, уже въ чинѣ статскаго совѣтника, старшимъ совѣтникомъ въ учрежденный императоромъ Павломъ Вспомогательный Банкъ для дворянства; 3-го марта 1798 г. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе, а 14-го іюля 1800 г. — въ тайные совѣтники. Наконецъ, 4-го іюня 1801 г. назначенъ петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а 19-го іюля 1802 г. переведенъ въ ту же должность въ Кіевъ, гдѣ и оставался до конца своей жизни. Умеръ П. въ Кіевѣ 13-го марта 1810 г. и погребенъ въ Кирилловскомъ монастырѣ, вмѣстѣ съ женой, Елизаветой Ивановной Литке († 9-го ноября 1809 г.), приходившейся родной теткой гр. Ѳ. П. Литке.

Панкратьевъ былъ однимъ изъ бла-

городнѣйшихъ и честнѣйшихъ администраторовъ своего времени. Извѣстна, напримѣръ, его плодотворная дѣятельность въ качествѣ кіевскаго губернатора, преданія, о которой долгое время сохранялись между современниками. Заботясь о благоустройствѣ ввѣреннаго ему края, П. соорудилъ въ Кіевѣ нѣсколько прекрасныхъ зданій (напр., каменныя присутственныя мѣста), увеличилъ доходы Приказа общественнаго призрѣнія, устроилъ двѣ богадѣльни, домъ для умалишенныхъ, рабочій домъ улучшилъ больницы и инвалидный домъ, построилъ мостъ на Кіевопечерскъ, водопроводы, началъ гостиный дворъ, а въ 1809 г. преобразовалъ Межигорскую фаянсовую фабрику (близъ Кіева), ставшую впослѣдствіи знаменитой. Въ 1803 г. онъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе свои соображенія объ усиленіи ея средствъ; мнѣнія его были одобрены имп. Александромъ I, и фабрика стала приносить казнѣ значительный доходъ. П. принялъ ее подъ свое непосредственное завѣдываніе, пригласилъ хорошихъ русскихъ мастеровъ и достигъ того, что издѣлія этой фабрики по качествамъ своимъ сравнялись съ заграничными.—До насъ дошла любопытная записка, составленная П. по поводу дошедшихъ до него слуховъ о желаніи преобразовать Кіевскую духовную академію въ гимназію и ввести въ ней преподаваніе на польскомъ языкѣ. П. выступилъ въ своей запискѣ ревностнымъ защитникомъ ея самобытности и доказывалъ необходимость оставить въ ней преподаваніе на русскомъ языкѣ. Записка эта напечатана въ I книгѣ «Чтеній въ Московск. Общ. исторіи и древностей» за 1861 г. (Смѣсь, стр. 166—172).

П. былъ совершенно безкорыстный человѣкъ; онъ съ негодованіемъ отвергалъ обычныя въ его время подношенія со стороны подчиненныхъ и помѣщиковъ и умеръ въ совершенной бѣдности: даже похороненъ онъ былъ на деньги, собранныя среди населенія Кіева (до 5.000 р.), которое позаботилось и объ оставшихся почти безъ всякихъ средствъ сиротахъ этого благороднаго человѣка (у него, какъ значится въ формулярѣ, было всего 58 душъ крестьянъ въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ). На похороны П. собрался весь городъ, несшій его прахъ до самаго монастыря; надъ могилой сказали теплое слово извѣстный кіевскій проповѣдникъ и витія Іоаннъ Леванда и предсѣдатель Гражданскаго Суда К. Н. Проскура. Рѣчь послѣдняго, въ переводѣ съ польскаго, была тогда же напечатана въ «Вѣстникѣ Европы». Для характеристики П. интересенъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что въ 1808 г. кіевскій губернскій маршалъ, отъ лица всего тамошняго дворянства, поднесъ П. П. золотую, цѣною въ 24 тысячи рублей, табакерку, на которой бриллiантами было изображено: «за добродѣтели и труды отъ шляхты кіевской».

Архивъ Пр. Сената: Списокъ о находящихся въ Кіевской губ. при должностяхъ разныхъ чиновникахъ; учиненъ декабря 17 дня 1795 г.; «Русск. Вѣстн.» 1810 г., ч. 10, № 6, стр. 51—60 (некрологъ, Вас. Брилевича); «Вѣстн. Европы» 1810 г., ч. 50, № 5, стр. 63—65 и № 7, стр. 240; ч. 51, № 10, стр. 150—154 (рѣчь К. Н. Проскуры); ч. 52, № 16 (о рѣчи І. Леванды); Сенатскій архивъ, т. I, С.-Пб. 1888, стр. 14, 65, 334, 360 и 636; Журналы Комитета Министровъ, т. I, С.-Пб. 1888 и т. II, С.-Пб. 1891; Н. Н. Бантышъ-Каменскій. «Словарь достоп. люд. рус. земли», ч. IV, М. 1836, стр. 126—127; «Кіево-софійской протоіерей І. Леванда». Кіевъ. 1879, т. I, стр. 56, 86, 282, 311; В. П. Безобразовъ «Гр. Ѳ. П. Литке», С.-Пб. 1888, стр. 15, 18, 19, 52, 55; Н. Барадиновъ. «Исторія Мин. Вн. Дѣлъ», ч. I, С.-Пб. 1858, стр. 240; «Русск. Арх.» 1876, т. III, стр. 264; «Кіевск. Стар.» 1884 г., № 1, стр. 177—181 и т. IX, стр. 438, 440—442; «Русск. Стар.» 1877, т. XX, стр. 666—667 (Письмо И. Н. Инзова къ П—ву); Грибоѣдовская Москва. Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской—въ «Вѣстн. Европы» 1875 г., № 8, стр. 680; С. Глинка. Русскіе анекдоты, ч. III, М. 1820, стр. 61—66; Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, т. I—III, С.-Пб. 1893—1898. Сочиненія Д. В. Давыдова, т. III, С.-Пб. 1893 г., стр. 169. Сборн. Ист. Общ., т. XVI, стр. 355.

Б. Модзалевскій.

Панкратьевъ, *Семенъ Ивановичъ*, гость московскій и инспекторъ С.-Петербургской ратуши, сынъ московскаго первостатейнаго купца Ивана Даниловича; въ 1687 г (17-го января) по указу царей Іоанна и Петра Алексѣевичей получилъ, въ числѣ прочихъ, «за денежныя подати, которыя въ мимошедшія времена на жалованье ратнымъ людямъ, не жалѣя пожитковъ своихъ, давалъ изъ торговыхъ своихъ промысловъ и пошлины платилъ»—помѣстный окладъ въ 750 четв. и денежный—85 р.; промышлялъ П., солью, селитрой и сѣ-

рой; торговыя его связи были очень обширны: онъ велъ дѣла на Устюгѣ Великомъ, въ Устюжнѣ Желѣзопольской, Вологдѣ и др. мѣстахъ, а склады имѣлъ въ Московскомъ гостиномъ дворѣ. Въ 1705 г. инспекторъ ратуши Курбатовъ говорилъ о Панкратьевѣ, какъ о «лучшемъ изъ худшихъ» выборныхъ бурмистровъ, засѣдавшихъ въ ратушѣ. По указу Сената отъ 11-го іюля 1711 г. П. было приказано быть на Денежномъ Серебряномъ Дворѣ въ Китаѣ-городѣ «для управленія» съ стольникомъ Н. О. Коковинскимъ, а 26-го ноября того же года онъ, въ числѣ 4-хъ лучшихъ купецкихъ людей, былъ выбранъ Сенатомъ для отсылки въ Петербургъ по требованію Петра Великаго, какъ свѣдущій въ торговыхъ дѣлахъ человѣкъ, по случаю предложенія англійскаго и голландскаго посланниковъ заключить съ Россіей новый торговый договоръ и для составленія торговаго устава. Въ 1713 г. оберъ-коммиссаръ Соловьевъ, по приказанію Сената, составлялъ въ Москвѣ «коллегіумъ» для совѣщанія о торговыхъ дѣлахъ, и П. вошелъ въ число членовъ этого коллегіума, какъ одинъ изъ лучшихъ купеческихъ людей. Въ томъ же году П. служилъ «съ товарищи» въ Московской большой таможнѣ бурмистромъ, въ 1714 г., въ числѣ другихъ 90 гостей первой и второй статьи, былъ, по государеву указу, высланъ изъ Москвы въ Петербургъ на житье, а въ февралѣ 1715 г. уже упоминается въ званіи инспектора Петербургской ратуши, стоявшей во главѣ финансоваго управленія въ Россіи. Въ этомъ же званіи П. упоминается въ 1716, 1717, 1718 и 1719 гг. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна. Въ 1713 г. Сенатъ сказалъ про П., что онъ «человѣкъ знатной, торговой уставъ знаетъ, грамотѣ умѣетъ и у государевыхъ дѣлъ бывалъ у многихъ».

Полн. Собр. Закон., т. II, стр. 846; т. IV, стр. 703 и т. VI, стр. 684 и 735; П. И. Барановъ. «Архивъ Правит. Сената», т. I, С.-Пб. 1872, стр. 53 и 61; С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, изд. Обществ. Пользы, т. IV, стр. 8 и 156; Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго — подъ ред. Н. В. Калачова и Н. Ѳ. Дубровина, тт. I—V, С.-Пб. 1880—1897.

Б. Львовъ.

Панкратьевъ, *Теофилъ Петровичъ*, д. с. с., херсонскій гражданскій губернаторъ, младшій сынъ кіевскаго губернатора Петра Прокофьевича (см. выше), род. въ 1796 г.; получивъ домашнее воспитаніе, онъ, по смерти отца, былъ привезенъ въ Петербургъ и опредѣленъ (въ 1810 г.) на службу въ свиту его величества по квартирмейстейской части колонновожатымъ, а въ 1813 г., 16 лѣтъ отъ роду, переведенъ прапорщикомъ въ 14-й гренадерскій полкъ. Затѣмъ, служа въ 15-мъ егерскомъ полку, онъ въ 1825 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ штабсъ-капитана, въ слѣдующемъ году опредѣлился членомъ Одесской Портовой таможни и прослужилъ въ таможенномъ вѣдомствѣ до 1840 г. Въ это время онъ женился на дочери т. с. Целестинѣ Антоновнѣ Фонтонъ. Въ 1844 г. послѣ того, какъ въ Одесской таможнѣ была обнаружена растрата, вслѣдствіе которой Т. П. былъ невинно отданъ подъ судъ, тянувшійся нѣсколько лѣтъ, онъ, по ходатайству кн. М. С. Воронцова, былъ опредѣленъ въ его штатъ и въ слѣдующемъ году (25-го января) назначенъ херсонскимъ вице-губернаторомъ; затѣмъ, пробывъ исправляющимъ должность губернатора около года, онъ былъ утвержденъ въ этомъ званіи 17-го апрѣля 1855 г. Скончался П. въ Одессѣ 23-го марта 1859 г., оставивъ, по словамъ некролога, самыя лучшія воспоминанія въ кругу сослуживцевъ, подчиненныхъ и всего мѣстнаго населенія своей честностью и прямодушіемъ. По отзыву гр. Ѳ. П. Литке, росшаго вмѣстѣ съ Т. П., послѣдній былъ человѣкъ «ума солиднаго, тихъ, кротокъ, добръ и разсудителенъ».

«Херсонскія Губернск. Вѣдом.» 1859 г., № 13, стр. 31 и № 17, стр. 39—41; «Русск. Стар.», т. XCI, сент., стр. 654 и 656; Формул. списокъ его отца; В. П. Безобразовъ. «Гр. Ѳ. П. Литке». С.-Пб. 1888, стр. 55, 56—57.

Б. Львовъ.

Панкъ, *Адольфъ Васильевичъ* (Eduard Panck), родомъ изъ Курляндіи, сынъ доктора медицины и хирургіи, родился 21-го сентября 1802 г., воспитывался на Медицинскомъ факультетѣ Дерптскаго университета съ 1820 по 1825 годъ; издавъ докторскую диссертацію «De diagnosi et cura pemphidi» (Dorpat. 1825), онъ получилъ искомое званіе 18-го декабря 1825 г. По окончаніи курса П. былъ врачемъ въ Туккумѣ (1826 г.), затѣмъ (съ 1826 по 1832 г.) домашнимъ

*

врачемъ въ имѣніи кн. Мещерскихъ Ашейкинѣ (Московской губ.). Въ 1830 г. получилъ дипломъ на званіе акушера и въ томъ же году былъ членомъ предохранительнаго отъ холеры комитета въ Волоколамскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Съ 9-го февраля 1833 по 1858 г. П. былъ врачемъ, а затѣмъ старшимъ докторомъ въ Московскомъ Александровскомъ сиротскомъ институтѣ, переименованномъ въ 1851 г. въ Александринскій сиротскій кадетскій корпусъ. Умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, 10-го октября 1858 г.

«Medic. Zeitung Russlands» 1858, S. 368 и 1859, S. 24; A. Hasselblatt und G. Otto. «Album Academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat». D. 1889, S. 103, № 1495; Формулярный списокъ 1848 г.; Адресъ-календари 1849—1858 г.

Б. Львовъ.

Пановскій, *Николай Михайловичъ*, писатель, родился въ 1802 г., умеръ въ Москвѣ 9-го сентября 1872. Происходилъ изъ дворянъ, слушалъ лекціи въ Московскомъ университетѣ и началъ службу (24-го марта 1818 г.) подпрапорщикомъ въ Таврическомъ гренадерскомъ полку, изъ котораго перешелъ (14-го октября 1818 г.) въ Кіевскій гренадерскій полкъ, а изъ него въ Ахтырскій гусарскій (27-го января 1821 г.). Въ 1823 г. (6-го марта) онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра. Со 2-го апрѣля 1832 г. по 14-е февраля 1834 г. служилъ въ Управленіи варшавскаго военнаго губернатора, завѣдуя столомъ высшей полиціи. Съ 28-го января 1835 по 5-е января 1836 г. находился въ Главномъ дежурствѣ дѣйствующей арміи, а 20-го ноября 1837 г. назначенъ редакторомъ «Оффиціальной газеты царства Польскаго»; съ 30-го ноября 1838 г. занималъ должность секретаря 2-го класса въ отдѣленіи общаго управленія Правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, и съ 15-го января 1840 г. находился въ Канцеляріи Варшавскаго военнаго генералъ-губернатора. 19-го іюня 1849 г. Пановскій вышелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и сталъ заниматься литературой.

На литературное поприще онъ выступилъ не по призванію, а случайно: прожившъ легкомысленно свое состояніе, онъ волей-неволей принужденъ былъ искать заработка и съ 1850 г. сдѣлался сотрудникомъ «Москвитянина», въ которомъ началъ печатать фельетоны изъ заграничной жизни, обратившіе на себя вниманіе публики остроуміемъ, живостью и занимательностью изложенія. Затѣмъ, онъ помѣщалъ статьи самаго разнообразнаго содержанія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современной Лѣтописи» (1861—1871 гг.), въ газетѣ Н. Ф. Павлова «Наше Время» (1860—1863 гг.) и въ газетѣ С. П. Яковлева «Вѣстникъ Московской политехнической выставки» (1872 г.), подписываясь псевдонимомъ «Вдвоемъ». Разсказъ Пановскаго «Могила братьевъ», напечатанный въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1858 г. (т. XVI, августъ, кн. I, стр. 507—535) переведенъ на французскій языкъ А. Дюма, съ которымъ авторъ находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Пановскій отличался беззаботностью, легкомысліемъ, но былъ умный, начитанный, разносторонне образованный человѣкъ, обладавшій литературнымъ тактомъ и вкусомъ, сохранившій до старости хорошую память, остроуміе и веселость. Москвичи любили его и, по словамъ А. Н. Андреева, «главнѣе всего за умѣнье хорошо кушать и быть въ этомъ случаѣ незамѣнимымъ застольнымъ товарищемъ». Его экспромпты и сатирическія стихотворенія пользовались въ Москвѣ большою извѣстностью. Пановскій былъ пріятелемъ Льва Сергѣевича Пушкина.

«Вѣстникъ Московской политехнической выставки» 1872 г., № 134; «Московскія Вѣдомости» 1872 г., № 226; «Русскій Міръ» 1872 г., № 237; «Русскій Архивъ» 1890 г., кн. I, стр. 545—547; Л. Н. Павлищевъ. «Изъ семейной хроники». М. 1890; Архивъ Департамента Герольдіи (формулярный списокъ).

В. Саитовъ.

Пановъ, *Андрей Варламовичъ*, врачъ, род. въ 1831 г., умеръ въ 1872 г.; врачебное искусство изучалъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Получивъ въ 1854 г. званіе лѣкаря, Пановъ былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Кронштадтскаго Военнаго госпиталя; въ 1855 г. онъ перешелъ въ 17-й, въ 1856 г.—въ 5-й, въ 1863 г.—въ 6-й, наконецъ, въ 1871 г.—въ 3-й флотскій экипажъ. Пановъ напечаталъ: «Къ вопросу о причинахъ болѣзненности на судахъ: на кораблѣ «Орелъ» въ 1859 г.» («Медиц. прибавл. Морск. Сборн.» 1861 г.,

стр. 211 и слѣд.) и «Цынга на кораблѣ «Орелъ» въ плаваніи 1859 г. въ Финляндскомъ заливѣ» (тамъ же, стр. 239 и слѣд.); «Со шхуны «Компасъ» — въ Проток. Общ. кронштт. врачей» 1862—1863; «Три случая отореи, обусловившихъ страданіе мозга» (тамъ же, 1864—1865, стр 44—51); «Островъ Веве и лазаретъ промѣрной партіи на немъ» («Мед. приб. Морск. Сборника» 1864 г., стр. 276); «О воспаленіи сухихъ жилъ» (тамъ же, 334); «О ногтоѣдѣ» (тамъ же, 336 и «Другъ Здр.» 1864 г., № 23); «Лѣченіе эмфиземы разрѣженнымъ воздухомъ и сифилиса повторными оспопрививаніями»—въ Проток. Общ. Русск. Врачей 1873—1874 г., стр. 227.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писат., вып. II. С.-Пб. 1886 г., стр. 47, и вып. III, С.-Пб. 1887, стр. 43. *Н. К—нъ.*

Пановъ, *Антипъ Тимоѳѣевичъ*, нюхонскій крестьянинъ, лоцманъ и перевозчикъ архіепископа Аѳанасія, замѣчателенъ по слѣдующему эпизоду. Во время второго посѣщенія Архангельска Петромъ Великимъ въ 1694 г., царь отправился оттуда 30-го мая съ архіепископомъ и большою свитою на яхтѣ «Св. Петръ» въ Соловецкій монастырь. Къ вечеру 1-го іюня, уже въ 120 верстахъ отъ Архангельска, внезапно поднялась жесточайшая буря; всѣ растерялись и уже начали прощаться другъ съ другомъ, не видя никакой надежды на спасеніе; архіепископъ Аѳанасій даже причастилъ царя св. таинъ. Петръ, узнавъ, что на суднѣ находится опытный лоцманъ Пановъ, приказалъ ему стать на руль; боясь опаснаго прохода черезъ Унскіе рога, царь вмѣшался въ его распоряженія. Антипъ сердито закричалъ на государя, говоря, чтобы онъ не мѣшалъ ему и, дѣйствительно, благополучно провелъ судно среди подводныхъ камней и мелей и 2-го іюня присталъ къ берегу у Пертоминскаго монастыря. Царь поцѣловалъ спасшаго его Панова, пожаловалъ ему свое платье и шапку, наградилъ деньгами и опредѣлилъ пенсію (по другому источнику—навсегда освободилъ отъ монастырскихъ работъ), которую тотъ и получалъ до самой своей смерти.

Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ («Русск. Архивъ» 1885, кн. II, стр. 209); И. И. Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, изд. 2-е, т. XV, М. 1843 г., стр. 7 и 8; И. Поромовъ — въ «Арханг. Губерн. Вѣдомостяхъ» 1861 г., ч. неофф., № 6, стр. 46. *Б. Львовъ.*

Пановъ, *Василій*, въ 1601 году былъ дьякомъ при воеводѣ Юріи Нелединскомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ январѣ 1603 года мы видимъ его уже дьякомъ въ Верхотурьѣ при воеводѣ кн. Андреѣ Вас. Голицынѣ и товарищѣ его Никитѣ Пушкинѣ.

«Акты Истор.» II, 44, 46; «Русс. Ист. Библ.» т. II, стр. 835.

Пановъ *Василій Алексѣевичъ*, писатель, славянофилъ. Сынъ богатаго помѣщика Курмышскаго уѣзда, Симбирской губерніи, отставного гвардіи штабсъ-капитана Алексѣя Ниловича П. († 4-го февраля 1834 г.), В. А. родился въ имѣніи отца, селѣ Анастасовѣ, того же уѣзда, 17-го августа 1819 г.; воспитывался онъ съ 1836 или 1837 г. на филологическомъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ и окончилъ курсъ съ званіемъ кандидата. Живя въ Москвѣ, онъ близко сошелся съ семьей А. П. Елагиной и ея сыновьями—П. В., И. В. Кирѣевскими, а затѣмъ—съ семьей С. Т. Аксакова (съ которымъ былъ въ родствѣ), Ю. Ѳ. Самаринымъ, А. С. Хомяковымъ, А. Н. Поповымъ и другими славянофилами, съ кружкомъ которыхъ былъ всегда очень близокъ и которые, въ свою очередь, высоко ставили его познанія и способности. Въ 1840 г. П. познакомился у С. Т. Аксакова съ Гоголемъ, отъ сочиненій котораго приходилъ въ восторгъ и, «пожертвовавъ всѣми своими разсчетами», вызвался сопровождать одинокаго и больного писателя въ его второе путешествіе за-границу. Онъ относился къ Гоголю съ благоговѣніемъ, окружалъ его нѣжною заботливостью, былъ при немъ почти безотлучно, сообщалъ о немъ извѣстія московскимъ пріятелямъ, слѣдилъ за его работами; по словамъ жившаго тогда въ Римѣ Ѳ. И. Буслаева, П. «вполнѣ предался неустаннымъ попеченіямъ о Гоголѣ, былъ для него и радушнымъ, щедрымъ хозяиномъ и заботливою нянькою, когда ему нездоровилось, и домашнимъ секретаремъ, когда нужно было что переписать, даже услужливымъ приспѣшникомъ на всякую мелкую потребу». И дѣйствительно, П. постоянно переписывалъ на-бѣло черновики произведеній Гоголя; такъ, напримѣръ,

сохранились сдѣланныя имъ копіи съ «Ревизора», «Мертвыхъ душъ» и «Женитьбы». Проживъ въ Западной Европѣ около двухъ лѣтъ, П. въ 1842 г. посѣтилъ славянскія земли (Далмацію, гдѣ провелъ 4 мѣсяца, а также Черногорію и Герцоговину) и въ 1844 г., уже по возвращеніи въ Москву, издалъ брошюру «Путешествіе по землямъ западныхъ и южныхъ славянъ. I. Которскій округъ въ Далмаціи». Издавая свою брошюру, П. думалъ пробудить въ русской публикѣ интересъ къ ея далекимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ, а вырученныя отъ ея продажи деньги хотѣлъ употребить «на покупку церковныхъ книгъ и утварей для нуждающихся православныхъ храмовъ и монастырей въ Далмаціи и Герцеговинѣ». Въ очеркѣ своемъ, П. подробно касается мало еще извѣстныхъ тогда географіи, этнографіи и бытовыхъ чертъ мѣстныхъ славянъ, а также даетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ городахъ и монастыряхъ. На друзей П. брошюра его произвела самое хорошее впечатлѣніе. Въ 1845 году П. вмѣстѣ съ родственникомъ своимъ Д. А. Валуевымъ († 1845 г.) издалъ извѣстный «Синбирскій Сборникъ», въ который, между прочимъ, сообщилъ и свои семейныя бумаги. Наконецъ, въ 1846 и 1847 г. онъ издалъ два тома «Московскаго Сборника», гдѣ приняли участіе и куда сообщили свои произведенія многіе изъ тогдашнихъ столповъ славянофильства, но статей самого Панова нѣтъ. Кромѣ того, въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1845 г. (№ 2, ч. неофф., стр. 14—15) помѣщена восторженная статья П. о лекціяхъ, читанныхъ въ Москвѣ Шевыревымъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1844 г. Статья эта, носящая заглавіе «Нѣсколько словъ о публичномъ курсѣ исторіи русской словесности профессора Шевырева», очень понравилась единомышленникамъ П. и друзьямъ лектора, такъ какъ въ ней ясно проглядываютъ славянофильскія увлеченія автора. Въ томъ же 1845 г. П. сотрудничалъ въ издавшейся Д. А. Валуевымъ «Библіотекѣ для воспитанія», въ которой помѣстилъ нѣсколько популярныхъ статей по славяновѣдѣнію какъ-то: «Очеркъ Черногорской исторіи», отд. 2, ч. III, стр. 1—30, съ подписью «П.»), «О настоящихъ жилищахъ южныхъ и западныхъ славянъ и ихъ разселеніи въ Европѣ» (отд. 1, ч. IV, стр. 177—199, съ подп. «В. П.»), «Исторія хорватовъ» (отд. 1, ч. V, стр. 114—139, съ подписью «В. П.») и «Исторія Болгарскаго государства» (отд. 1, ч. VI, стр. 112—174); имъ же, вѣроятно, написано объясненіе по поводу пріостановки изданія «Библіотеки» по случаю смерти Валуева (подп. «П.») и «Біографія Д. А. Валуева» (М. 1846), подписанная буквой «В.»: Н. М. Языковъ въ письмѣ къ Гоголю говоритъ, что Пановъ написалъ какую-то біографію своего покойнаго друга. Въ 1847 г. Пановъ женился, а въ октябрѣ или ноябрѣ 1849 г. внезапно скончался, вызвавъ глубокую горесть въ своихъ пріятеляхъ. Гоголь очень опечалился, узнавъ о смерти этого «близкаго» ему человѣка. По словамъ В. И. Григоровича, П., вмѣстѣ съ Д. А. Валуевымъ, «достоинъ стать у насъ среди первыхъ начинателей науки славянской». Съ 1847 г. В. А. состоялъ на службѣ, занимая должность второго переводчика въ 1-мъ Отдѣленіи Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Архивъ Департамента Герольдіи: дѣла о дворянствѣ Пановыхъ по Симбирской губерніи 1835 и 1853 гг.; Сочин. С. Т. Аксакова, т. III, С.-Пб. 1886, стр. 344; И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. I, М. 1888, стр. 73, 148, 264, 289, 393 и 426 и прилож., стр. 72—73 (стихотв. «Панову»); т. II, М. 1888, стр. 254 и т. III, С.-Пб. 1892, стр. 438; Н. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина», т. V, VII, VIII и IX, С.-Пб. 1892—1895; Сочиненія и письма Гоголя, подъ ред. Кулиша, т. V, С.-Пб. 1857, стр. 424—425 и 427 и т. VI, С.-Пб. 1857, стр. 267 и 498; Сочиненія Гоголя, подъ ред. Тихонравова и Шенрока, т. I и II, М. 1889; Ѳ. И. Буслаевъ. Мои воспоминанія. М. 1897 г., стр. 106—107, 258—260, 289 и 291; «Симб. губ. вѣдом.» 1867, № 9; «Русск. Архивъ» 1877, т. II, стр. 494; 1879, т. III, стр. 315, 316 и 324; 1880, т. II, стр. 298; 1884, т. II, стр. 852, 286, 336 (изображеніе Панова среди пріятелей Хомякова) и III, 210; 1888, т. II, стр. 484, 485 и 489; «Русск. Старина» 1889, т. 61, стр. 148, 152 и 153; 1890, т. 67, стр. 212, 1891, т. 69, стр. 236 и 242; 1896, т. 88, стр. 640 и 641; Памятная книжка Симбирской губерніи на 1868 г., ч. II, стр. 68; Адресъ-календари на 1848, 1849 и 1850 г.

Б. Модзалевскій.

Пановъ, *Василій Максимовичъ*, писатель и сельскій хозяинъ-практикъ. Занимаясь съ 1832 года агрономіей въ Московской губерніи и въ имѣніи своей жены (урожд. Улыбышевой)—въ сельцѣ Ягодномъ, Нижегородскаго уѣзда. П. много поработалъ для улучшенія сель-

скаго хозяйства въ теоріи и на практикѣ, за что въ 1835 г. былъ избранъ въ члены-корреспонденты Московскаго Общества сельскаго хозяйства, а въ 1838 г.—въ корреспонденты С.-Пб. Вольно-Экономическаго Общества. Изъ сочиненій его извѣстны: 1) «Картофель въ торговыхъ произведеніяхъ...», перев. съ нѣмецкаго и французскаго языка (М. 1836 г.); 2) «Нужнѣйшія строенія для сельскаго хозяйства, простыя, удобныя и недорогія... частью изобрѣтены, частью улучшены, съ подробнымъ описаніемъ, планами и чертежами» (М. 1837 г., изд. 2-е—М. 1839 г.)—брошюра, составленная изъ нѣсколькихъ статей; одна изъ нихъ—«Описаніе дешевыхъ и безопасныхъ сушиленъ для зернового хлѣба», была читана 3-го февраля 1836 г. въ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства, тогда же напечатана въ «Земледѣльческомъ журналѣ» (№ 1, стр. 87—94) и послужила поводомъ, по испытаніи сушиленъ на особой опытной фермѣ П. около Москвы и по распространеніи ихъ среди помѣщиковъ, къ избранію его въ дѣйствительные члены Общества (1838 г.); 3) «Практическое руководство къ размноженію и воздѣлыванію картофеля, съ описаніемъ его происхожденія, различныхъ породъ, болѣзней, выгоднѣйшихъ способовъ удобренія..., съ приложеніемъ 33 литографир. изображеній» (М. 1838 г.)—заимствовано изъ сочиненія веймарскаго агронома Путша; 4) «Сельскій хозяинъ XIX вѣка ..» (2 ч. М. 1838—1839 г.г.)—огромный трудъ Панова (662+706 стр.), составленный имъ по различнымъ источникамъ и содержащій въ себѣ подробные отдѣлы по лѣсоводству, садоводству, огородничеству, пчеловодству, шелководству, сахароваренію и технологіи пищевыхъ и растительныхъ продуктовъ; въ нѣкоторыхъ частяхъ сочиненіе это, служащее продолженіемъ изданныхъ въ 1835—1837 гг. И. Я. Вилькинсомъ первыхъ 3-хъ частей «Сельскаго хозяина», составлено по трудамъ извѣстнаго А. Т. Болотова. Сочиненія П. были въ большомъ количествѣ покупаемы Вольно-Экономическимъ Обществомъ для распространенія въ средѣ сельскихъ хозяевъ; спеціальные журналы давали о нихъ самые лестные отзывы. Въ 1839 г. П. занимался близъ Москвы разработкой торфа, который успѣшно употреблялъ на водоподъемной машинѣ, доставлявшей въ Москву воду изъ Алексѣевскаго; въ 1840 г. выработалъ типъ улучшеннаго крестьянскаго овина. Умеръ П. послѣ 1846 года.

Къ женѣ П., Екатеринѣ Дмитріевнѣ, рожд. Улыбышевой, писаны были извѣстныя «Философскія письма», П. Я. Чаадаева, питавшаго къ ней дружескія чувства.

С. А. Масловъ. Историч. обозрѣніе Импер. Московскаго Общества сельскаго хозяйства. М. 1846, стр. 93 и 99 и приложеніе, стр. 186, 266; А. И. Ходневъ. Исторія Импер. Вольно-Экономическаго Общества. С.-Пб. 1865 г., стр. 283, 341 и 365; «Земледѣльческій Журналъ» 1836 г., № 1, стр. 87—88 и 1838 г., № 4, стр. 124—134; «Русск. Арх.» 1868 г., стр. 985 и 1328; «Ист. Вѣстн.» 1885 г., т. XIX, стр. 469.

Б. Львовъ.

Пановъ, *Владиміръ Васильевичъ*, родомъ изъ Симбирской губерніи, воспитывался въ Казанскомъ университетѣ; въ 1817 г. перевелъ на французскій языкъ «Бѣдную Лизу» Карамзина («La pauvre Lise; nouvelle russe». Casan. 1817. 8°). Умеръ отъ холеры, въ 1831 г., въ молодыхъ годахъ.

М. Ѳ. Де-Пуле. Отецъ и сынъ—«Русскій Вѣстникъ». 1875 г., № 8, стр. 609; Rossica Публ. Библ.. т. I, стр. 621. *Б. Л.*

Пановъ, *Иванъ Васильевичъ*, воевода; происходилъ, вѣроятно изъ гор. Атемаръ (казанскаго пригорода), ибо документъ называетъ его «атемаряниномъ». Въ 1645 году П. былъ назначенъ воеводою въ Тетюши (также казанскій пригородъ), гдѣ мы видимъ его въ 1647 г.

Руск. Истор. Библ., т. X, зап. кн. Московск. стола, стр 311. *Н. В.*

Пановъ, *Иванъ Степановичъ*, иллюстраторъ и офортистъ, родился 18-го марта 1844 г., въ г. Устюжнѣ, Новгородской губ., умеръ въ Петербургѣ 4-го октября 1883 г. Сынъ небогатаго ремесленника (портного), П. первоначальное общее образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а первые уроки живописи—въ мастерской дяди—плохого мѣстнаго иконописца, а затѣмъ участвовалъ въ артели ходячихъ иконописцевъ. Въ 1862 г. онъ поступилъ въ число воспитанниковъ Имп. Академіи Художествъ. Недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ заставилъ его тогда же много рисовать на деревѣ для всевозможныхъ иллюстрированныхъ изданій, благодаря чему онъ вскорѣ такъ набилъ руку въ этомъ дѣлѣ, что его стали заваливать зака-

зами. Начавъ съ копированія чужихъ композицій, Пановъ быстро перешелъ къ собственнымъ и, еще на школьной скамьѣ, пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность. Но такая усиленная работа, развивая въ немъ талантъ рисовальщика, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнимала много времени и силъ отъ классныхъ занятій, и онъ окончилъ курсъ, въ 1873 г., далеко не такъ блестяще, какъ можно было ожидать, судя по его способностямъ, и то, предварительно перейдя изъ академистовъ въ вольные слушатели. Онъ получилъ только малую поощрительную медаль и званіе некласснаго художника. Выйдя изъ Академіи, И. С. Пановъ вполнѣ уже посвятилъ себя дѣятельности иллюстратора. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ его работъ, и въ періодическихъ (напр., въ «Пчелѣ», «Дѣтскомъ Чтеніи», «Игрушечкѣ», «Живописномъ Обозрѣніи» и «Нивѣ» 1870—1880-хъ годовъ, въ «Семьѣ и Школѣ» К. Н. Модзалевскаго), и въ другихъ изданіяхъ (напр., въ книгѣ М. И. Семевскаго «Павловскъ» въ изданіи П. Н. Петрова «Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и былинъ» 1872 г.), такъ какъ, онъ составлялъ украшенія для меню, орнаментаціи дипломовъ и адресовъ, проекты театральныхъ костюмовъ, отличающіеся большимъ вкусомъ и оригинальностью замысла; Пановъ награвировалъ также три офорта: «Дворъ избы», «Маленькій пейзажъ съ лѣсомъ» и «Голову козла». Въ 1876 г. онъ состоялъ преподавателемъ въ школѣ Общества поощренія художествъ.

Лучшими его произведеніями считаются заставки и виньетки, украшающія изданный, въ 1875 г., П. Н. Полевымъ, сборникъ стихотвореній, подъ заглавіемъ «Родные отголоски». Панову принадлежатъ изданія: «Балагуръ» (М. 1882, 1884, 1887 и 1894) и «Чародѣй. Сборникъ легкихъ фокусовъ». (1882, изд. 4-е 1892)—въ библіотечкѣ А. Д. Ступина. Кромѣ того, онъ писалъ разсказы и стихотворенія къ своимъ виньеткамъ, особенно въ «Дѣтскомъ Чтеніи», въ которомъ, напримѣръ, помѣщена его статья «Мужикъ-Балагуръ» (1878 г.).

«Отчетъ Общ. поощр. художн.» 1878 г., стр. 10; «Художеств. Новости» 1883 г. № 20, стр. 624—625; Ровинскій, Д. А. «Словарь русскихъ граверовъ». Т. II. С.-Пб. 1895 г., ст. 759; Собко, Н. П. «Словарь русскихъ художниковъ», Т. III, вып. I, С.-Пб. 1899 г., стр. 26—27; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей; вып. IV, С.-Пб. 1888, стр. 17—18; «Историч. Вѣстн.» 1883, т. XIV, стр. 463; «Русск. Стар.», т. 31, стр. 316—324 и т. 58, стр. 444, 446; «Нива» 1884 г., № 40; «Историч. Вѣстн.» 1894 г., № 11, стр. 340—353 (въ воспоминаніяхъ А. В. Круглова).

А. П. Новицкій.

Пановъ, *Николай Ивановичъ*, изъ дворянъ Воронежской губерніи, родился въ 1817 году. Получивъ домашнее воспитаніе, онъ въ 1836 г. окончилъ свое образованіе въ Московскомъ университетѣ по физико-математическому факультету и, затѣмъ, въ 1838 году былъ удостоенъ степени магистра. Поступивъ въ томъ же году (17-го августа) на службу въ 1-й Департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ старшимъ помощникомъ столоначальника, Пановъ былъ утвержденъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника и продолжалъ службу по означенному Департаменту до 1847 года. Онъ обращалъ на себя вниманіе своимъ трудолюбіемъ и ревностнымъ отношеніемъ къ дѣламъ службы. Вслѣдствіе этого, постепенно повышаясь въ чинахъ, былъ онъ уже въ 1847 году (23-го апрѣля) назначенъ совѣтникомъ въ Тверскую Палату Государственныхъ Имуществъ. Произведенный 13-го апрѣля 1849 года въ коллежскіе совѣтники, Пановъ уже въ началѣ 1850 года былъ снова перемѣщенъ въ 1-й Департаментъ Государственныхъ Имуществъ; здѣсь принималъ участіе въ работахъ по составленію новаго «Устава о земскихъ повинностяхъ», удостоившагося Высочайшаго утвержденія въ 1851 году и дѣйствовавшаго вплоть до 1899 г, когда вышло новое изданіе этого устава. При этомъ Пановъ обратилъ на себя вниманіе Заблоцкаго-Даятовскаго, бывшаго въ то время статсъ-секретаремъ, и былъ перемѣщенъ въ составъ Канцеляріи Государственнаго Совѣта (26-го августа 1853 года) на должность экспедитора (соотвѣтствующую должности дѣлопроизводителя) въ чинѣ статскаго совѣтника, полученномъ имъ немного ранѣе—13-го августа. Съ этого времени впродолженіи 28 лѣтъ Пановъ непрерывно продолжалъ службу въ Государственной Канцеляріи, и именно—въ Департаментѣ Государственной Экономіи, занимаясь по преимуществу дѣлами по земскимъ сборамъ и повинностямъ, по разсмотрѣнію смѣтъ земскихъ повин-

ностей на трехлѣтія и по сведенію государственной росписи доходовъ и расходовъ, составляемой ежегодно на основаніи смѣтъ, доставляемыхъ изъ отдѣльныхъ министерствъ и главныхъ управленій. При работахъ этого рода Пановъ отличался замѣчательнымъ трудолюбіемъ, безукоризненною честностью и добросовѣстностью; обладая обширными познаніями по смѣтной части, онъ сберегъ государству не одинъ милліонъ рублей сер. при разсмотрѣніи какъ государственной росписи, такъ равно и испрашивавшихся постоянно разными вѣдомствами сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Безпристрастное отношеніе Панова къ смѣтнымъ представленіямъ и объ отпускахъ денегъ снискали ему общее уваженіе не только всѣхъ его сослуживцевъ, но и всѣхъ бывшихъ при немъ предсѣдателей Департамента Государственной Экономіи и многихъ министровъ. Единственно своимъ трудамъ и знанію Пановъ былъ обязанъ какъ постепеннымъ повышеніемъ въ служебной іерархіи Государственной Канцеляріи, такъ и тѣми высочайшими наградами, которыми онъ былъ удостоенъ впродолженіи своей многолѣтней службѣ въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта. Такъ, назначенный 25-го февраля 1859 г. помощникомъ статсъ секретаря, Пановъ получилъ: 1-го января 1861 г. — орденъ св. Владиміра 3 й степени, 1-го января 1863 г. Станислава 1-й степени, а въ 1864 году (31-го декабря)—Анны 1-й степени. 15-го мая 1867 года П. былъ назначенъ исправляющимъ должность статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта и, произведенный въ чинъ тайнаго совѣтника 1-го января 1868 года, утвержденъ въ этой должности 1-го января 1869 года, послѣ чего 1-го января 1870 г. удостоился получить орденъ Владиміра 2-й степени; вскорѣ послѣ этого (въ 1872 г.) получавшаяся имъ съ 1867 г. аренда была увеличена до 2.500 р. Необходимо при этомъ замѣтить, что Пановъ, кромѣ исполненія прямыхъ, непосредственно лежавшихъ на немъ обязанностей, привлекался и къ различнымъ другимъ дѣламъ; такъ, напр., въ 1859 г. онъ былъ назначенъ производителемъ дѣлъ Высочайше учрежденной Коммиссіи для разсмотрѣнія отчета Главноначальствующаго Почтовымъ Департаментомъ, а въ 1863 году—членомъ и управляющимъ дѣлами Комитета, учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта Метлина, для пересмотра постановленій о казенныхъ заготовленіяхъ, подрядахъ, поставкахъ и хозяйственныхъ операціяхъ.

Продолжая усердную свою службу, Пановъ, во вниманіе къ полезной его дѣятельности, былъ сдѣланъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла (1-го января 1874 г.), а затѣмъ—Александра Невскаго (1-го января 1877 г.) и удостоился получить золотую, брилліантами украшенную, табакерку съ портретомъ Его Величества—1-го января 1880 года. Не имѣя семейства, Пановъ впродолженіи своего многолѣтняго служенія посвящалъ все свое время дѣламъ государства и почти не пользовался отпусками. Пробывъ въ должности статсъ-секретаря болѣе 14 лѣтъ, П. въ 1881 г. (7-го октября) вышелъ въ отставку, при чемъ за многолѣтніе отлично усердные труды былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Послѣ этого П. прожилъ не долго и умеръ 10-го января 1888 г.; погребенъ онъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Женатъ П. не былъ, не имѣлъ значительнаго круга близкихъ знакомыхъ, а потому и смерть его прошла совершенно незамѣченною.

Можно съ полною основательностью предположить, что именно Н. И. Пановъ былъ авторомъ разсужденія «О зажигательныхъ линіяхъ и поверхностяхъ», написаннаго, какъ сказано въ заглавіи, «кандидатомъ Николаемъ Пановымъ для полученія степени магистра въ Москвѣ, въ 1837 году» (М. 1837 г.). Кромѣ того, Н. И. Пановъ сообщилъ нѣсколько историческихъ матеріаловъ въ «Русскую Старину».

Дѣло о службѣ П. въ Архивѣ Государственнаго Совѣта; докладъ Государственнаго секретаря отъ 6-го октября 1881 г.; «Новое Время» 1888 г., № 4263 и 4265. *П. Майковъ.*

Пановъ, *Семенъ Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ. 15-го сентября 1801 года онъ былъ пожалованъ изъ военныхъ совѣтниковъ въ генералъ-маіоры. Въ 1812 году былъ членомъ въ коммиссіи для окончанія нерѣшенныхъ дѣлъ военнаго вѣдомства, а съ 1813 по 1816 г. занималъ должность генералъ-аудитора и директора Аудиторіатскаго Департамента; въ

1812 г. былъ членомъ Коммиссіи, назначенной для изслѣдованія дѣла объ убійствѣ хана меньшой Киргизъ-Кайсацкой орды Джантюра Айчувакова. 16-го марта 1816 г. П. былъ уволенъ отъ службы. Онъ скончался въ Петербургѣ, въ ночь на 18-е октября 1844 года, 86-ти лѣтъ отъ роду; погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи: дѣло Панова 1831 г.; надгробная надпись на Смоленскомъ кладбищѣ; «Журналы Комитета Министровъ», т. II, С.-Пб. 1891 г., стр. 397; «Сѣверная Пчела» 1844 г., № 240; Адресъ-календари 1812—1816 г. *Г. Мокринскій.*

Пановъ, *Ѳедоръ Андреевичъ*, генералъ-лейтенантъ, военный губернаторъ области сибирскихъ киргизовъ; дворянинъ Ярославской губерніи, П. родился въ 1804 году и воспитывался въ Императорскомъ Военно-Сиротскомъ Домѣ, изъ котораго въ 1825 году былъ выпущенъ прапорщикомъ съ назначеніемъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (въ настоящее время Генеральный Штабъ). Въ 1831 году, въ чинѣ поручика, П. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ Главнаго Штаба 1-й арміи и въ томъ же году былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны съ переводомъ въ Генеральный Штабъ. Въ 1834 году, вслѣдствіе упраздненія Главнаго Штаба 1-й арміи, П. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса по части Генеральнаго Штаба и занималъ эту должность три года. За это время онъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени и чиномъ капитана. 27-го ноября 1838 года Пановъ былъ опредѣленъ въ число офицеровъ, полагавшихся по штату при главной квартирѣ дѣйствующей арміи, для разныхъ работъ по канцеляріи и особыхъ порученій, а въ слѣдующемъ году, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ подполковники и назначенъ начальникомъ 1-го отдѣленія Управленія генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи; пробылъ онъ въ этой должности 9 лѣтъ, во время которыхъ, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ полковники. 1-го марта 1848 г. П. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ Главный Штабъ дѣйствующей арміи по части Генеральнаго Штаба и въ составѣ штаба арміи находился въ Венгерской кампаніи 1849 г. Здѣсь ему пришлось принять участіе въ сраженіяхъ подъ Вайценомъ (5-го іюля) и подъ Дебречиномъ (21-го іюля); за отличіе, имъ оказанное, П. былъ награжденъ орденами: Анны 2-й степени и австрійскимъ—Желѣзной Короны.

2-го августа 1854 г. П. былъ опредѣленъ въ распоряженіе начальника Главнаго Штаба и генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи для особыхъ порученій, а черезъ два года былъ награжденъ орденомъ Владиміра 3-й степени. Въ началѣ 1857 г. онъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Семипалатинской области и произведенъ въ генералъ-маіоры. Пробывъ въ этой должности шесть лѣтъ, П. 10-го апрѣля 1863 г. былъ назначенъ командующимъ войсками Семипалатинской области съ оставленіемъ въ должности военнаго губернатора, а въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ Анны 1-й степени съ короною и мечами надъ орденомъ.

Въ началѣ 1865 года П. былъ переведенъ военнымъ губернаторомъ Области сибирскихъ киргизовъ и командующимъ мѣстными войсками, а черезъ годъ, отозванный съ этого поста, назначенъ состоять при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ, съ оставленіемъ въ Генеральномъ Штабѣ. Послѣднею наградою ему былъ орденъ Владиміра 2-й ст., полученный имъ 3-го мая 1867 г. Ѳ. А. Пановъ скончался 30-го августа 1870 года и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Послужной списокъ Панова, находящійся въ общемъ архивѣ Главнаго Штаба.
Г. Мокринскій.

Пановъ, *Ѳеодоръ Васильевичъ*, дьякъ Приказа Казанскаго дворца; должность эту занималъ съ 1632 г. по 1639 годъ. Судя по массѣ подписанныхъ и скрѣпленныхъ имъ грамотъ, онъ былъ очень дѣятельнымъ по службѣ человѣкомъ. Въ сентябрѣ 1632 года мы видимъ его въ числѣ должностныхъ лицъ, на которыхъ возложена была обязанность доставить на своихъ подводахъ припасы подъ Смоленскъ къ осаждавшему этотъ городъ боярину Шеину; въ маѣ 1645 года П. назначенъ былъ воеводою въ г. Данковъ, гдѣ пробылъ до 1-го марта 1647 г.,

когда, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, былъ смѣненъ.

«Акты Истор.», т. III, стр. 317, 328, 341, 372; «Доп. къ Акт. Ист.», т. II, стр. 149, 150; «Русск. Ист. Библ.», т. II, стр. 470, 475, 478, 506, 510, 528, 530, 531, 533, 551, 716—764; т. XI, стр. 36, 38; Разрядныя кн., т. II, стр. 207.

Н. Воронковъ.

Панпушко, *Семенъ Васильевичъ*, писатель, химикъ; родился въ Петербургѣ 15-го мая 1856 года, былъ сыномъ генералъ-маіора Василія Артемьевича П. (род. 1814, † 1893 г.). Получивъ воспитаніе въ Нижегородскомъ кадетскомъ корпусѣ и во 2-мъ военномъ Константиновскомъ и Михайловскомъ артиллерійскомъ училищахъ, П. былъ произведенъ младшимъ фейерверкеромъ въ 35-ю артиллерійскую бригаду, изъ вольноопредѣляющихся, чему поводомъ послужило обвиненіе его въ одномъ проступкѣ противъ дисциплины (въ которомъ, какъ оказалось позже, онъ не былъ виноватъ). Вскорѣ (1875 г.) П. былъ произведенъ въ подпоручики съ переводомъ въ 28-ю артиллерійскую бригаду, а вскорѣ—въ Кронштадтскую крѣпостную артиллерію.

Поступивъ затѣмъ въ Михайловскую артиллерійскую академію, П. кончилъ въ ней курсъ въ 1880 г. и, какъ первый по выпуску, былъ записанъ на почетную мраморную доску и получилъ денежную премію имени генер.-лейт. Цебрикова. Вслѣдъ за этимъ С. В. поступилъ на Петербургскій орудійный заводъ, а затѣмъ въ Петербургскій арсеналъ.

Еще будучи въ училищѣ, П. особенно полюбилъ химію, которою занимался непрестанно и по выпускѣ изъ академіи онъ посѣщалъ ея химическую лабораторію, а потомъ, воспользовавшись 4-хъмѣсячнымъ отпускомъ, отправился на свои средства заграницу, въ Висбаденъ, гдѣ и работалъ съ большимъ успѣхомъ надъ производствомъ химическихъ анализовъ въ лабораторіи проф. Фрезеніуса. Въ 1882 г. П. занялъ мѣсто репетитора химіи въ артиллерійской академіи, а 1-го сентября 1887 г. получилъ командировку заграницу на 1 годъ. Посѣтивъ Германію, Бельгію, Францію, Англію, Италію и Австрію, П. осматривалъ пироксилиновые, динамитные и пороховые заводы и особенно занимался изученіемъ свойствъ и приготовленія различныхъ взрывчатыхъ веществъ, а въ Парижѣ работалъ въ лабораторіи извѣстнаго русскаго спеціалиста по термо-химіи Лугинина. По возвращеніи изъ командировки, П. занялся обработкой накопленныхъ имъ свѣдѣній, и въ 1890 г. выпустилъ замѣчательную работу «Заводское приготовленіе пироксилина и нитроглицерина» (С.-Пб.), удостоенную, по присужденію артиллерійской академіи, Михайловской преміи. Въ эту книгу С. В. включилъ и сдѣланныя имъ, по порученію начальства, замѣчательныя «соображенія» по поводу предполагавшейся тогда постройки въ Петербургѣ пироксилиноваго завода. Равнымъ образомъ, по порученію начальства, П. постоянно исполнялъ различныя ученыя работы; такъ, напр., онъ дѣлалъ опыты надъ вліяніемъ влажности на различные пороха, заключенные въ разнаго рода укупорки; изслѣдованіе различныхъ бездымныхъ пороховъ, анализъ селитряныхъ земель, доставленныхъ изъ Закавказья, разсматривалъ, по порученію Артиллерійскаго Комитета, сочиненія, касавшіяся изобрѣтеній и предположеній по части взрывчатыхъ веществъ и т. п. Въ 1890 г. онъ снова былъ командированъ за-границу и провелъ 6 недѣль во Франціи, изучая требованія, которымъ долженъ удовлетворять пироксилинъ для выдѣлки бездымнаго пороха. Въ 1891 г. П., безъ всякаго экзамена, единственно въ силу оказанныхъ имъ успѣховъ, былъ признанъ конференціею артиллерійской академіи имѣющимъ право на преподаваніе технологіи взрывчатыхъ веществъ, и былъ утвержденъ штатнымъ преподавателемъ Михайловской академіи и училища. Занимаясь крайне опасными опытами надъ снарядами, начиненными меленитомъ, П. 28-го ноября 1891 г. производилъ стрѣльбу на Главномъ артиллерійскомъ полигонѣ, при чемъ самъ заряжалъ орудіе; вслѣдствіе незначительной неловкости, меленитная 6-тидюймовая бомба взорвалась въ рукахъ С. В.—и онъ былъ убитъ на мѣстѣ съ тремя бывшими около него солдатами. Смерть его вызвала большое сожалѣніе всѣхъ, знавшихъ П. и какъ замѣчательнаго ученаго, и какъ рѣдкаго человѣка. Погребенъ онъ въ Царскомъ Селѣ, на городскомъ (Казанскомъ) кладбищѣ. П. имѣлъ чинъ штабсъ-капитана и числился по гвардейской пѣшей артиллеріи. Онъ

состоялъ также преподавателемъ въ Пажескомъ корпусѣ.

П. напечаталъ еще статью «Объ уравненіяхъ, примѣняемыхъ при не прямыхъ анализахъ» — докладъ, читанный въ Русскомъ физико-химическомъ Обществѣ (въ журналѣ этого Общества и въ «Zeitschrift für analytische Chemie») и издалъ: «Сборникъ задачъ по химіи съ объясненіемъ ихъ рѣшеній. Съ приложеніемъ таблицъ и чертежа кривыхъ растворимости» (С.-Пб. 1887) и курсъ своихъ лекцій по общей части взрывчатыхъ веществъ — учебное изданіе, не выпущенное въ продажу.

«Артиллер. Журналъ» 1891 г., № 12, стр. 29—34; «Новое Время», 1891 г., № 5663; «Русскій Инвалидъ» 1891 г., № 260; Архивъ Департамента Герольдіи (метрика рожденія); некр., составл. Г. Забудскимъ. С.-Пб. 1891. *Б. Л.*

Панснеръ, *Лаврентій Ивановичъ*, топографъ и учредитель Минералогическаго Общества. Род. 3-го мая 1777 г. въ г. Арнштадтѣ (въ Тюрингіи), † 22-го марта 1851 г. Сынъ церковнаго старосты, П. окончилъ въ 1800 г. курсъ въ Іенскомъ университетѣ и въ слѣдующемъ же году былъ возведенъ въ степень доктора философіи за диссертацію: «Dissertatio physica de investigatione motuum et sonorum quibus laminae elasticae contremiscant» (1801). Въ 1803 г. П. вызванъ былъ по высочайшему повелѣнію въ Россію и былъ опредѣленъ въ Картографическое Депо, гдѣ и состоялъ до 1817 г.; при этомъ съ 1805 по 1807 г. П. находился, въ качествѣ минералога и физика, при русскомъ посольствѣ графа Головкина въ Китай, а затѣмъ (1807—1809) занимался въ Московской, Новгородской и С.-Петербургской губ. тригонометрическою съемкой и астрономическимъ опредѣленіемъ различныхъ пунктовъ. Собранныя во время путешествія въ Китай данныя послужили Панснеру къ составленію картъ Колывано-Воскресенскаго горнаго округа (на 9 листахъ) и части Средней Азіи (на 12 л.); обѣ карты изданы Военно-Топографическимъ Депо въ 1816 году. При составленіи послѣдней карты, Панснеръ воспользовался также матеріаломъ, который онъ собралъ, приготовляясь, тотчасъ по пріѣздѣ въ Россію, къ путешествію по Средней Азіи, почему-то не состоявшемуся. Помимо личныхъ трудовъ, Панснеръ способствовалъ еще успѣхамъ географическихъ работъ тѣмъ, что изобрѣлъ новый дорожный барометръ и способъ опредѣлять разстояніе помощью звука, а занятія подъ его руководствомъ подготовили къ дальнѣйшей дѣятельности офицеровъ Генеральнаго Штаба Теннера, Иванова и барона Диста. Топографическія работы не помѣшали Панснеру продолжать свои занятія естественной исторіей, къ которой онъ съ самого дѣтства чувствовалъ сильное влеченіе. Особенно привлекала его минералогія. Знакомясь съ любителями этой науки, Панснеръ собиралъ ихъ у себя на квартирѣ для совмѣстныхъ занятій и обмѣна мыслей. Эти собранія навели его на мысль учредить Минералогическое Общество, при помощи котораго распространеніе въ Россіи познаній по минералогіи могло бы стать на болѣе прочную почву. Предложеніе Панснера было встрѣчено его сотоварищами съ одобреніемъ, и онъ единогласно былъ избранъ, 7-го января 1817 г., директоромъ возникавшаго Общества (покинулъ эту должность въ 1824). Уставъ послѣдняго былъ написанъ Панснеромъ и высочайше утвержденъ 12-го іюня 1817 г. Минералогическое Общество, уже считая въ рядахъ своихъ такія крупныя имена, какъ Севергинъ, Соколовъ, Купферъ, Теряевъ и др., въ началѣ обладало весьма скудными средствами, почему члены его должны были помѣщать свои, часто выдающіеся, труды въ повременныхъ изданіяхъ другихъ ученыхъ учрежденій; только въ 1830 году, когда, благодаря высочайшимъ повелѣніямъ императоровъ Александра I и Николая I (1825 и 1827), Общество имѣло до 10.000 ассигнаціями годового дохода, оно могло само начать изданіе своихъ трудовъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сочиненій.

Основаніе Минералогическаго Общества дало поводъ попечителю Главнаго Педагогическаго института (впослѣдствіи—университета) предложить Панснеру мѣсто ординарнаго профессора минералогіи, которое тотъ принялъ въ 1818 г. и покинулъ въ 1822 г., уйдя изъ университета вмѣстѣ съ другими профессорами, не могшими вынести гнетъ Рунича и Магницкаго. Съ 1819 по 1824 г. Панснеръ состоялъ инспекторомъ классовъ въ С.-Петербургскомъ Воспитатель-

номъ Домѣ, а съ 3-го мая 1826 г. по 15-е апрѣля 1834 г.—директоромъ С.-Петербургскаго Коммерческаго училища; къ этому времени относятся занятія Панснера русской нумизматикой. Выйдя въ 1834 г. въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника, Панснеръ провелъ остальную свою жизнь въ родномъ городѣ, по прежнему интересуясь естественными науками; предметомъ его послѣднихъ изслѣдованій былъ крыжовникъ.

Панснеромъ написаны:

1) «Der Pyrotelegraph, oder Beschreibung wie man bei Nacht das Ort eines Feuers schnell und richtig bestimmen kann». Jena. 1801 (тоже перепечатано въ 1829 г.; Leipzig); 2) «Französisch-Deutsches Mineralogisches Wörterbuch». 8⁰, Iena u. Leipzig. 1802; 3) «Das Reisebarometer». St.-Petersb. 1808; 4) «Specimen inaug. mathematicum de proprietate et usu lineae meridianae». Iena. 1809; 5) «Versuch einer deutlichen Darstellung der Methode Distanzen durch Schall zu bestimmen. Zum militär. Gebrauch entworfen». St.-Petersb. 1812; 6) «Resultate der Untersuchungen über die Härte und specifische Schwehre der Mineralien». St.-Petersb. 1813; 7) «Versuch einer Tabellarischen Uebersicht d. Russ. Münzen». (4 Tafeln). St. Petersb. 1833; 8) «Höhen der Oerter über die Meeresfläche im Europ.- und Asiat. Russland, aus Barometerbeobachtungen, die während der Reise nach China in den Jahren 1805—1807, so wie auf einigen späteren Reisen im Russ. Reiche angestellt wurden». Berlin. 1836; 9) Предисловіе къ сочиненію Thompson'a о крыжовникѣ (1846); 10) «Versuch einer Monographie d. Stachelbeeren» (посмертный трудъ), bearbeitet und geordnet von Maurer. Iena. 1852.

Н. И. Кокшаровъ. Къ портрету Панснера—въ «Сборникѣ, изд. къ 50-ти-лѣтнему юбилею Императорскаго Минералогическаго Общества» 1867 г. (автобіографія, дополненная позднѣйшими свѣдѣніями; та же автобіографія на нѣмецкомъ языкѣ была напечатана раньше, во 2-мъ томѣ 2-й серіи «Записокъ Мин. Общ.»). В. В. Григорьевъ. Импер. С.-Петербургскій университетъ. С.-Пб. 1870; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи С.-Петербургскаго Коммерческаго училища», т. 1—3, С.-Пб. 1889 г.

С. Н. Кулибинъ.

Пантелеймонъ, епископъ Черниговскій, скончался въ 1142 году. Въ лѣтописи онъ называется «блаженнымъ», что указываетъ на его подвижническую и богоугодную жизнь. Другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

М. Филаретъ. Истор.-стат. опис. Черниг. епархіи. *Здр.*

Пантелеймонъ (въ мірѣ Петръ Савельевичъ Прохоровъ), подвижникъ, основатель Костычевской Смоленской женской общины. Сынъ крестьянина села Старыхъ Костычей, Сызранскаго уѣзда Симбирской губерніи, П. родился въ 1811 году; грамотѣ не учился; въ 1829 г. былъ уже женатъ, имѣлъ семью, но велъ подвижническую жизнь—носилъ вериги и путешествовалъ по св. мѣстамъ. Послѣ десятилѣтней супружеской жизни оставилъ жену и въ 1840 г. ушелъ на Аѳонъ, гдѣ въ Пантелеймоновскомъ монастырѣ несъ различныя послушанія, былъ постриженъ въ рясофоръ съ именемъ Пахомія и въ мантію—съ именемъ Пантелеймона, видѣлъ труды отшельниковъ, хотѣлъ самъ предаться подвигамъ, но получилъ указаніе подвизаться въ Россіи и обращать въ православіе раскольниковъ. Онъ совершилъ великое путешествіе по Палестинѣ, гдѣ изумлялъ всѣхъ своимъ строгимъ подвигомъ; посѣтилъ всѣ св. мѣста въ Россіи, а возвратившись на родину, затворился въ 1860 г. въ кельѣ и проводилъ время въ молитвѣ, стоя на гранитномъ камнѣ и питаясь прѣснымъ хлѣбомъ и водою. Въ 1861—1870 гг. своею подвижнически - аскетическою жизнью много содѣйствовалъ обращенію въ православіе раскольниковъ. Подвиги его стали извѣстны далеко и привлекали много народу съ немалыми пожертвованіями, которыя онъ отсылалъ на Аѳонъ и въ Іерусалимъ. Въ 1866 г. онъ предпринялъ еще путешествіе на Аѳонъ и въ Іерусалимъ, гдѣ принялъ схиму съ именемъ Пантелеймона. Возвратившись на родину, принялся, безъ всякихъ средствъ, за постройку церкви и устройство при ней женской общины. Препятствія встрѣчались на каждомъ шагу. Въ 1869 г. была готова кладбищенская церковь во имя Смоленской Божіей Матери въ с. Костычахъ, а въ 1883 году, послѣ многихъ затрудненій, старцу Пантелеймону удалось добиться разрѣшенія на открытіе женской общины въ с. Костычахъ, давно уже неоффиціально тамъ существовав-

шей. Окончивъ дѣло, старецъ скончался 3-го января 1884 года.

Жизнеопис. основателя Костычевской Смоленской женской общины Сызр. у. Симбир. губ.—подвижн.-старца П. С. Прохорова, въ схимѣ Пантелеймона. *Здр.*

Пантелѣевъ, *Петръ Максимовичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ новгородскихъ дворянъ, родился въ 1703 г.; съ 5-го сентября 1747 г. онъ состоялъ контролеромъ Адмиралтейства, 7-го мая 1757 г. изъ подполковниковъ былъ произведенъ въ полковники и назначенъ морскимъ оберъ-провіантмейстеромъ; оставался въ этомъ званіи до 22-го сентября 1764 г., когда опредѣленъ былъ оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаромъ, а 1-го января 1766 г. былъ уволенъ отъ службы, уже ранѣе получивъ чинъ генералъ-маіора. Время смерти его неизвѣстно.

В. В. Руммель. Родословный сборникъ русскихъ дворянскихъ фамилій, т. II, С.-Пб. 1887 г., стр. 248; Архивъ кн. Воронцова, т. III, стр. 411; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1757 г., № 39; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства, т. III, С.-Пб. 1882 г., стр. 531 и 563; т. VII, С.-Пб. 1895 г., стр. 569, 598 и 750 и т. VIII, С.-Пб. 1898 г., стр. 2 и 3. *Б. Л.*

Пантелѣевъ, *Семенъ Осиповичъ*, инженеръ. Родился въ 1791 году и происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1810 году вступилъ воспитанникомъ въ только что открытый Институтъ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія. По экзамену въ 1811 году П. былъ произведенъ въ прапорщики, а въ 1812 году въ подпоручики. Въ Отечественную войну, въ виду крайняго недостатка въ офицерахъ въ дѣйствующей арміи, по высочайшему повелѣнію двѣнадцать воспитанниковъ института, произведенные въ подпоручики, отправлены въ армію, съ тѣмъ, чтобы, по миованіи въ нихъ надобности, они могли возвратиться въ институтъ для окончанія образованія; четверо же самыхъ лучшихъ воспитанниковъ не были отправлены въ армію, а оставлены при Главномъ Управленіи Путей Сообщенія для занятій по строительнымъ работамъ. Въ числѣ этихъ послѣднихъ находился и С. О.; онъ вмѣстѣ съ А. Д. Готманомъ состоялъ при работахъ Каменноостровскаго моста въ С.-Петербургѣ. Мостъ этотъ построенъ былъ по проекту генерала Бетанкура, вмѣсто моста плашкоутнаго, на одномъ изъ рукавовъ р. Невы, называемомъ Малою Невкою, для соединенія Аптекарскаго острова съ Каменнымъ. При постройкѣ этого, перваго постояннаго на Невѣ, моста были въ первый разъ въ Россіи употреблены деревянныя арки. Къ работамъ было приступлено въ 1811 году, а 30-го августа 1813 года онъ былъ открытъ для движенія. За участіе въ этой работѣ С. О. награжденъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени.

Изъ послѣдующихъ работъ С. О. наибольшими были работы по устройству ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ; онѣ производились имъ также по проекту Бетанкура. Въ мартѣ 1825 года П. былъ командированъ въ Отдѣльный округъ Военныхъ поселеній, откуда вскорѣ перемѣщенъ въ Главное Управленіе Путей Сообщенія членомъ Комитета для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ.

Въ 1826 году П. назначенъ былъ помощникомъ директора Кондукторской школы, завѣдующимъ учебною частью, а въ 1827 году занялъ мѣсто директора; за это время онъ произвелъ значительныя улучшенія въ учебной части и повысилъ образовательный курсъ. Управлялъ С. О. школою не долго, скончавшись въ 1828 году въ чинѣ подполковника.

Формулярный списокъ; Николаи. Историческій обзоръ мостовъ. *С. М. Житковъ.*

Пантеніусъ, *Вильгельмъ*, род. въ Курляндіи 23-го февраля 1806 г., въ 1826—1829 г. слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ Дерптскаго университета, гдѣ кончилъ курсъ кандидатомъ и получилъ серебряную медаль за сочиненіе; затѣмъ, былъ домашнимъ учителемъ въ Paulsgnade (въ Курляндіи), въ 1835—1849 г. занималъ мѣсто пастора въ латышской церкви св. Анны въ Митавѣ. Съ 1835 по 1849 г. П. былъ редакторомъ Латышской газеты: «Latweeschu Awises», а съ 1839 по 1849 г.—директоромъ Латышскаго литературнаго Общества. Скончался въ Митавѣ 8-го іюля 1849 г.

A. Hasselblatt und G. Otto. Album Academicum der Kais. Universität Dorpat. Dorpat. 1889, S. 155, № 2189.

Пантюхинъ, *Алексѣй*—кларнетистъ второго оркестра императорской русской оперы; 25-го ноября 1796 г. изъ музы-

кантовъ л.-гв. Преображенскаго полка опредѣленъ на службу дирекціи императорскихъ театровъ съ окладомъ 103 р. 81 к. въ годъ при казенной квартирѣ. 1-го марта 1800 г. былъ уволенъ отъ службы «за неспособностью». Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ. С.-Пб. 1892. *К. Хр.*

Панфилія или Памфилія (въ мірѣ Параскева Коротнева), игуменія Воскресенскаго Горицкаго монастыря Новгородской епархіи въ 1714—1727 гг. Единственное извѣстіе о ней то, что въ 1720 г. она выхлопотала монахинямъ Горицкаго монастыря жалованье. Другихъ свѣдѣній нѣтъ.

Опис. дѣлъ и докум. Арх. Св. Син., т. I; Строевъ. Списки іерарховъ. *Здр.*

Панфиловичъ, *Василій Станиславовичъ*, врачъ, католикъ, изъ дворянъ, родился въ Могилевской губерніи 5-го декабря 1814 г., умеръ въ мартѣ 1854 года. Панфиловичъ получилъ врачебное образованіе въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которую поступилъ 1-го сентября 1833 г. казенно-коштнымъ воспитанникомъ. 20-го іюля 1838 г. онъ окончилъ курсъ со званіемъ лѣкаря I-го отдѣленія и былъ награжденъ золотою медалью, а кромѣ того получилъ 100 р. за исправленіе должности ординатора хирургической клиники Академіи; 17-го августа того же 1838 года П. былъ назначенъ врачемъ въ Учебную артиллерійскую бригаду, а черезъ годъ—репетиторомъ частной терапіи при Медико-Хирургической Академіи въ помощь профессору О. Ѳ. Калинскому (а не Экку, какъ ошибочно указываетъ Крестовскій). Эту должность онъ исполнялъ съ 31-го іюля 1839 г. по 6 е сентября 1843 г.; 14-го сентября 1842 г. онъ получилъ въ Академіи званіе штабъ-лѣкаря. Съ 1846 до 1848 г. Панфиловичъ исполнялъ обязанности врача при двухъ ротахъ С.-Петербургскаго арсенала (на Выборгской сторонѣ), а въ 1848 г. безвозмездно исполнялъ такія же обязанности при С.-Петербургской артиллерійской лабораторіи; 21-го апрѣля того же года академическая Конференція признала его докторомъ медицины. Въ слѣдующемъ году Панфиловичъ вернулся во 2-ю Учебную бригаду; а въ 1854 г. умеръ отъ тифа.

Панфиловичъ напечаталъ: составленныя имъ «Терапевтическія записки О. Ѳ. Калинскаго» С.-Пб. 1842 г., 8°; «О горячкахъ вообще» («Военно-Мед. Журн.» 1843 г., ч. 42, II и III); «Лѣченіе сифилитической болѣзни Ганнемановскою ртутью (subnitritas hydrargyri ammoniacatus)»—Тамъ же, 1845 г., ч. 46, II; «De tuberculoseos chronicae physiologia, vel pathogenia proussus tuberculosi». Докт. диссерт. С.-Пб. 1849, 8°; «Патогенія бугорковъ и обыкновенныхъ ихъ сопряженій, такъ называемой жирной печени и зернистой почки (morbus Brighti)—«Зап. Дуб.» 1849 г., 2, I, 29; «Hiperemia (sic) pulmonum suffocativa, vel asthma adultorum—«Другъ Здравія» 1852 г., ч. 15.

Архивъ Д-та Герольдіи Прав. Сената: Дѣло о дворянствѣ Панфиловичей; Змѣевъ. Русскіе врачи-писат., вып. 2, С.-Пб. 1886, стр. 47; Исторія Военно-Медиц. Академіи за сто лѣтъ. С.-Пб. 1898, стр. 407; П. Крестовскій. Матеріалы къ исторіи каѳедры частной патологіи и терапіи. С.-Пб. 1898 г., стр. 121, 175. *Н. Кульбинъ.*

Панфиловъ, *Александръ Ивановичъ*, адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Совѣта. Род. въ февралѣ 1808 г., † 13-го мая 1874 г. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ 21-го апрѣля 1821 г., а выпущенъ былъ мичманомъ 18-го апрѣля 1824 г. Прослуживъ четыре года въ Балтійскомъ флотѣ, П. отправился на три года въ Средиземное море, гдѣ поступилъ на корветъ «Наваринъ» подъ команду П. С. Нахимова, съ которымъ съ этого времени и проходилъ почти всю службу до конца его дней. Въ 1834 г. П. былъ переведенъ по собственному желанію въ Черноморскій флотъ и въ 1835 г., въ чинѣ лейтенанта (съ 1830 г.), командовалъ тендеромъ «Лучъ». Послѣ двухлѣтняго плаванія въ Архипелагѣ, П. поступилъ въ службу на Кавказскій берегъ въ званіи дежурнаго штабъ-офицера и въ теченіе десяти лѣтъ участвовалъ во всѣхъ боевыхъ дѣлахъ и въ занятіи мѣстъ Кавказскаго берега, лично распоряжался десантами и амбаркаціями для укрѣпленія возникшей Черноморской береговой линіи, при чемъ особенно отличился въ дѣлѣ съ горцами 3 го октября 1838 г. при высадкѣ десанта въ Субаши на Кавказѣ, за что произведенъ въ капи-

танъ-лейтенанты. За отличіе же произведенъ въ 1841 г. въ капитаны 2-го ранга. По возвращеніи, въ концѣ сороковыхъ годовъ, съ Кавказа въ чинѣ капитана 1-го ранга (съ 1845 г.), А. И. былъ назначенъ командиромъ одного изъ лучшихъ тогда кораблей «Двѣнадцать Апостоловъ», который онъ принялъ отъ В. А. Корнилова; на немъ въ 1850 г. провелъ пять сутокъ великій князь Константинъ Николаевичъ, обратившій вниманіе на образцовый порядокъ, найденный имъ на кораблѣ. Въ 1853 г. П. былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи и на томъ же кораблѣ принималъ блестящее участіе въ знаменитомъ Синопскомъ бою (1853), за отличіе въ которомъ награжденъ орденомъ Владиміра 3-й степени съ мечами. Передъ началомъ Крымской войны, имѣя свой флагъ на томъ же кораблѣ, П. совершилъ въ эскадрѣ Нахимова (въ сентябрѣ) замѣчательно счастливую для паруснаго флота перевозку и высадку 19.000 войскъ на Кавказѣ. Во время начавшейся уже Севастопольской войны П. былъ посланъ съ эскадрою изъ пароходовъ вдоль линіи кавказскихъ укрѣпленій, а въ мартѣ 1854 г. ему дано было важное порученіе снять гарнизоны черноморской береговой линіи и сжечь и уничтожить самыя укрѣпленія, что и было исполнено имъ въ виду англійскихъ и французскихъ крейсеровъ, съ которыми 3-го іюня 1854 г. П. пришлось имѣть серьезное дѣло, съ честью имъ выполненное, несмотря на неравенство силъ. Во время обороны Севастополя П. командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, гдѣ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, днемъ и ночью, неустанно укрѣплялъ разрушаемое непріятелемъ и геройски отражалъ атаки противника. Защищаемый имъ «Большой редантъ», какъ называлъ его непріятель, сдѣлался историческимъ. Въ ноябрѣ 1854 г. за службу на севастопольскихъ бастіонахъ П. награжденъ былъ орденомъ Георгія 3 ст.; кромѣ этой награды, онъ получилъ золотую, осыпанную бриллiантами, саблю за отбитіе штурма 6-го іюня 1855 г. Штурмъ 27-го іюня того же года также былъ отбитъ имъ вмѣстѣ съ Хрулевымъ. Послѣ смерти Нахимова (30-го іюня) П. занялъ его важный постъ—помощника начальника гарнизона и былъ произведенъ въ вице-адмиралы съ назначеніемъ начальникомъ 5-й флотской дивизіи. При отступленіи нашихъ войскъ, П. оставилъ Севастополь послѣднимъ (за что получилъ при рескриптѣ Анну 1-й степени съ короною) и на гичкѣ переправился на сѣверную сторону подъ непріятельскими ядрами. Здѣсь онъ назначенъ былъ начальникомъ укрѣпленій сѣверной стороны съ ихъ гарнизонами въ званіи командира Севастопольскаго порта. Затѣмъ, П. отправился въ Николаевъ для представленія Александру II, а когда въ октябрѣ въ Николаевъ были переведены морскія команды, П. была поручена оборона этого города. Назначенный въ 1856 г. губернаторомъ и начальникомъ морской части г. Николаева, онъ обратилъ, между прочимъ, особое вниманіе на положеніе многочисленныхъ больныхъ, очень плохо и тѣсно помѣщенныхъ, вслѣдствіе чего смертность доходила до $3^1/_2$ тыс. въ мѣсяцъ. Онъ устроилъ госпиталь изъ мѣстнаго канатнаго завода, часть помѣщавшихся въ землянкахъ ратниковъ взялъ къ себѣ, часть приказалъ взять начальнику штаба, а остальныхъ всѣхъ размѣстилъ между обывателями. Благодаря этимъ мѣрамъ и заболѣваемость, и смертность значительно уменьшились. Пробывъ затѣмъ, уже по окончаніи войны, нѣкоторое время главнымъ командиромъ Свеаборгскаго порта, П. 17-го апрѣля 1858 г. назначенъ былъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта, а 1-го января 1866 г. произведенъ въ полные адмиралы. Празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея службы его (въ апрѣлѣ 1874 г.) не могло состояться по его болѣзни; 13-го мая того же 1874 г. Панфиловъ скончался; погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Біографія Ал. Ив. Панфилова. С.-Пб. 1872 г.; Общій морской списокъ, ч. VIII, Царств. Имп. Александра I. С.-Пб. 1894 г., стр. 10—13; «Всеобщій календарь» на 1875 г., изд. Гоппе, некрологъ; «Русск. Художеств. листокъ» Тимма, 1856 г., № 10, стр. 3; «Морской сборникъ» 1874 г., т. 143, № 7, стр. 137—141; Н. Дубровинъ. Матеріалы для исторіи Крымской войны и обороны Севастополя. С.-Пб. 1871 г., вып. 3, приложенія; «Гражданинъ» 1875 г., № 8—9; «Биржевыя Вѣдомости» 1874 г., № 152; «Голосъ» 1874 г., № 139; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1874 г., № 58; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. V, стр. 546, изд. 1891 г.

П. Клокачевъ.

Панфиловъ, *Іоаннъ Ивановичъ* (1720 † 1794 гг.), протоіерей, духовникъ императрицы Екатерины II, членъ Св. Синода. Его отецъ, Іоаннъ Панфиловъ, родомъ изъ села Фалалеева, Владимірской губерніи, Суздальскаго уѣзда, былъ въ Москвѣ причетникомъ, а затѣмъ—священникомъ церкви Введенія Пресв. Богородицы при Семеновскомъ полку; съ переводомъ въ 1718 г. лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка изъ Москвы въ С.-Петербургъ, перешелъ на жительство въ новую столицу; здѣсь 9-го апрѣля 1720 г. родился у него сынъ Іоаннъ, ставшій впослѣдствіи знатнымъ духовнымъ сановникомъ. Послѣ домашняго воспитанія, продолжавшагося до 12-ти лѣтъ, І. Панфиловъ въ 1733 г., по распоряженію С.-Петербургскаго духовнаго правленія, былъ внесенъ въ списокъ священно-и церковно-служительскихъ дѣтей Петербурга и всего новозавоссваннаго края, подлежавшихъ «къ опредѣленію въ Александроневскую семинарію для обученія», по синодскому указу 10-го сентября того года отобранъ отъ отца и помѣщенъ въ зданіе семинаріи. Здѣсь онъ учился въ теченіе 1733—1739 гг. Ректоромъ семинаріи въ 1733—1736 гг. былъ архим. Смѣличъ, родомъ сербъ, а смотрителемъ за семинаристами и учителемъ латинскаго языка—извѣстный датчанинъ, принявшій православіе, Адамъ Селлій, авторъ нѣсколькихъ сочиненій о Россіи на латинскомъ языкѣ. Съ 1736 г. Александроневская семинарія трудами ректора архим. Стефана Калиновскаго и вызванныхъ имъ изъ Московской Славяно-греко-латинской академіи учениковъ его: Г. Ѳ. Кременецкаго и А. С. Зертисъ-Каменскаго, впослѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными іерархами, получила прочное и опредѣленное устройство въ качествѣ организованнаго учебнаго заведенія. Молодой Панфиловъ, подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ, обучался латинскому и греческому языкамъ, географіи, исторіи, піитикѣ и риторикѣ. Въ 1740 году отецъ Панфилова былъ перемѣщенъ изъ С.-Петербурга къ Московскому Благовѣщенскому придворному собору. Съ этимъ перемѣщеніемъ соединенъ былъ и переходъ Панфилова въ Московскую академію. Здѣсь онъ изучалъ философію и богословіе и окончилъ въ 1744 году курсъ своего образованія, высшаго, какое только было тогда возможно въ предѣлахъ Россіи. Воспитанники Александроневской семинаріи и Московской академіи, наравнѣ съ учившимися въ Кіевской академіи, считались въ то время образованнѣйшими людьми своего времени, предназначались къ видной дѣятельности въ церкви и государствѣ и были всегда на счету у церковнаго правительства. Полученное Панфиловымъ образованіе, положеніе его отца въ Москвѣ и личныя его свойства обратили на него вниманіе тогдашняго московскаго архіепископа Іосифа Волчанскаго. Вскорѣ по окончаніи академическаго курса, онъ произведенъ былъ—31-го марта 1745 г., 24-хъ лѣтъ отъ роду—во священники въ Москву къ церкви Успенія Пресв. Богородицы, что въ Печатникахъ. Здѣсь онъ служилъ семь лѣтъ. Въ періодъ своего образованія въ Петербургѣ и Москвѣ и своей московской службы Панфиловъ—сынъ, благодаря служебному положенію отца, имѣлъ возможность получать свѣдѣнія о придворныхъ и политическихъ событіяхъ въ отечествѣ, объ отношеніяхъ и политикѣ правительства касательно церкви и духовенства, о положеніи и личныхъ свойствахъ современныхъ іерарховъ, о перемѣнахъ въ іерархіи и о положеніи бѣлаго духовенства. Онъ и самъ лично могъ видѣть и знать многихъ современныхъ іерарховъ и кандидатовъ на іерархическія должности и наблюдать современное положеніе духовенства. Изъ извѣстныхъ іерарховъ, лично знавшихъ его, нѣкоторые занимали въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія высокое положеніе въ С.-Петербургѣ: таковы его учители—Стеф. Калиновскій, Амвр. Зертисъ-Каменскій, Гавр. Кременецкій, Порф. Крайскій, бывшіе около этого времени или архіереями, или членами Св. Синода. Каѳедру с.-петербургской епархіи съ 1750 года занялъ бывшій ректоръ Кіевской академіи, основатель Костромской семинаріи, преосвященный Сильвестръ Кулябка. Онъ съ особенною заботливостью старался собирать въ составъ петербургскаго духовенства лицъ образованныхъ. Панфиловъ, уроженецъ Петербурга, извѣстный между іерархами по образованію и служебному положенію отца, 1-го іюня 1752 г. былъ переведенъ преосвященнымъ Сильве-

стромъ въ Петербургъ и опредѣленъ къ Николаевской, что на морскомъ полковомъ дворѣ, церкви. Положеніе священника на этомъ мѣстѣ было замѣтное, отъ него требовалась энергія и просвѣщенная дѣятельность. При церкви числилось около этого времени, въ качествѣ прихожанъ, не менѣе 3.500 чиновъ морского вѣдомства. кромѣ ихъ женъ и дѣтей. Храмъ былъ деревянный и обветшавшій, но въ самый годъ перевода Панфилова, 16-го апрѣля 1752 г., состоялся высочайшій указъ императрицы Елизаветы Петровны о построеніи, на мѣстѣ деревянной,—каменной церкви. Послѣ закладки 15-го іюля 1753 г., постройка храма производилась по распоряженіямъ и подъ наблюденіемъ Адмиралтействъ-Коллегіи на казенныя средства по преимуществу, а отчасти и на пожертвованія. Это былъ первый величественный двухъ-этажный каменный храмъ въ С.-Петербургѣ, долженствовавшій служить къ украшенію новой столицы. Панфиловъ принималъ, конечно, живое участіе въ дѣлѣ построенія храма, при которомъ онъ долженъ былъ быть настоятелемъ и онъ привлекалъ жертвователей, въ особенности своими проповѣдями. Построеніе храма и снабженіе его надлежащими принадлежностями продолжалось до конца 1762 г., и Панфиловъ, за труды проповѣданія слова Божія и за участіе въ построеніи, освященіи и украшеніи храма, 17-го марта 1762 г. былъ произведенъ въ протоіереи. Настоятель новооткрытаго храма сталъ извѣстнымъ въ разныхъ классахъ населенія столицы и виднымъ представителемъ петербургскаго духовенства.

Въ первой половинѣ 1762 г. былъ вполнѣ приготовленъ къ освященію и главный алтарь храма въ верхнемъ этажѣ. Освященіе состоялось 20-го іюля 1762 г., въ первомъ мѣсяцѣ по восшествіи на престолъ императрицы Екатерины. На торжество это въ первый разъ, по восшествіи на престолъ, открыто предъ народомъ изволила прибыть сама императрица, свидѣтельствуя этимъ свое усердіе къ церкви. Принимавшій видное участіе въ освященіи церкви прот. Панфиловъ имѣлъ счастіе впервые здѣсь обратить на себя благосклонное вниманіе государыни.

Іюля 26-го того же года назначенъ былъ петербургскимъ архіепископомъ казанскій преосвященный Гавріилъ Кременецкій. Онъ лично зналъ Панфилова съ дѣтства, какъ своего ученика по Александроневской семинаріи, и цѣнилъ его, между прочимъ, потому, что онъ учился въ Московской академіи (гдѣ и самъ докончилъ свое образованіе, начатое въ Кіевской академіи), но въ особенности потому, что Панфиловъ отличался усердіемъ въ проповѣданіи слова Божія: въ Морской соборъ всегда стекалось очень много богомольцевъ, а преосв. Гавріилъ заботливо поощрялъ проповѣданіе и обязывалъ къ тому священнослужителей, получившихъ богословское образованіе. Панфиловъ пріобрѣлъ извѣстность и уваженіе среди населенія, какъ протоіерей величественнаго собора и какъ усердный проповѣдникъ. Онъ былъ на виду у членовъ Св. Синода, знавшихъ его лично. Его знали многіе изъ высшихъ и придворныхъ сановниковъ, какъ образованнаго пастыря и проповѣдника. Императрица посѣщала соборъ въ торжественныхъ случаяхъ и оказывала ему свое благоволеніе. Въ 1770 году, 25-го февраля, ею изданъ высочайшій указъ, коимъ повелѣвала: «Богоявленскаго собора, что въ Морской, протопопа Іоанна Панфилова, котораго мы опредѣлили быть нашимъ духовникомъ, перевести въ протопопы московскаго Благовѣщенскаго собора». По полученіи сего указа, Св. Синодомъ опредѣлено: объявить указъ духовнику и «послать для вѣдома указы къ синодальнымъ чинамъ, епархіальнымъ архіереямъ, въ ставропигіальные монастыри, въ Коллегію Экономіи, и въ Правительствующій Сенатъ вѣдѣніе»: имя Панфилова стало извѣстно духовенству всей Россіи. Панфиловъ умѣлъ не только поддерживать, но, можно сказать, съ каждымъ годомъ усиливать благоволеніе къ нему императрицы. Онъ сталъ однимъ изъ приближенныхъ къ престолу и вліятельнымъ въ церкви и духовенствѣ лицомъ. Іюня 21-го 1774 г. послѣдовалъ еще «Указъ нашему Синоду. Всемилостивѣйше повелѣваемъ нашему духовнику, Благовѣщенскаго собора протоіерею Іоанну присутствовать въ нашемъ Синодѣ». Въ Св. Синодѣ 23-го

іюня состоялось опредѣленіе: указъ протоіерею Панфилову объявить въ Св. Синодѣ по надлежащему, привесть его къ членской присягѣ, а для вѣдома послать въ епархіи указы и въ Сенатъ вѣдѣніе». Въ самый годъ назначенія Панфилова синодальнымъ членомъ онъ былъ украшенъ непосредственно императрицею золотымъ наперснымъ, осыпаннымъ брилліантами, крестомъ на широкой голубой лентѣ, который онъ надѣвалъ при богослуженіи поверхъ фелони. Благоволеніе государыни къ Панфилову, непрерывно выражаясь въ разныхъ милостяхъ и формахъ, въ 1786 году было ознаменовано чрезвычайнымъ, неслыханнымъ дотолѣ знакомъ монаршей милости къ представителю бѣлаго православнаго духовенства: ноября 28-го канцлеръ А. А. Безбородко письмомъ увѣдомлялъ И. И. Панфилова: «по отзывамъ ея императорскаго величества я заключаю, что она хочетъ почтить васъ отличнымъ знакомъ ея милости. Я для сего совѣтую вашему высокопреподобію завтрашнюю обѣдню служить особою вашею, разумѣя просто, безъ собора; ибо, кажется, такъ положено, чтобы послѣ обѣдни васъ удостоить той почести». И дѣйствительно, 29-го ноября, послѣ окончанія литургіи, которую совершалъ Панфиловъ въ придворной церкви, государыня изволила самолично возложить на его голову украшенную драгоцѣнными камнями митру. До этого времени митра служила украшеніемъ лишь святителей и архимандритовъ. Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого, 28-го декабря того же года, государыня лично повелѣть Панфилову соизволила: «при шествіи ея, для обозрѣнія губерній, быть ему въ свитѣ ея величества, въ Кіевѣ и въ другія мѣста». По сему повелѣнію о. Панфиловъ сопровождалъ государыню въ путешествіи ея въ 1787 г. въ Новороссійскій край. На обратномъ пути императрица была въ Москвѣ. Здѣсь она присутствовала 29-го іюня въ Успенскомъ соборѣ на литургіи, которую совершалъ московскій архіепископъ Платонъ въ сослуженіи ему Панфилова. Духовникъ ея величества, по тайному ея повелѣнію, въ надлежащее время въ литургіи, первый, неожиданно и къ изумленію молящихся, провозгласилъ Платона московскимъ митрополитомъ. Всѣмъ присутствовавшимъ было ясно, что духовникъ Панфиловъ находится въ особомъ довѣріи и благоволеніи государыни. Безпримѣрнымъ по отношенію къ духовнымъ лицамъ благоволеніемъ императрицы онъ пользовался до конца своей жизни. Скончался онъ утромъ 20-го іюня 1794 г.; погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александроневской Лавры.

Ни одинъ духовникъ высочайшихъ особъ не былъ удостоиваемъ такого благоволенія, какъ Панфиловъ. Чрезвычайнымъ расположеніемъ императрицы онъ пользовался благодаря исключительно своимъ личнымъ свойствамъ. Онъ былъ человѣкъ весьма по своему времени образованный, наблюдательный, осторожный въ словахъ и дѣйствіяхъ, кроткій, обходительный, привѣтливый, почтительный къ высшимъ лицамъ соотвѣтственно ихъ положенію, но съ сохраненіемъ спокойнаго, тихаго настроенія и съ сознаніемъ своего священнаго сана и іерархическаго достоинства Современники признавали отличительными чертами его личности: кротость, благожелательность, постоянство въ дружбѣ, участливое отношеніе къ судьбамъ однихъ, но безъ ущерба справедливости въ отношеніи къ другимъ, снисходительность къ недостаткамъ ближнихъ и человѣколюбіе. Онъ былъ внимателенъ къ лицамъ, подвергшимся неудачамъ въ жизни, притѣсненіямъ и бѣдствіямъ, и обнаруживалъ готовность оказать имъ возможную для него помощь, но въ предѣлахъ законовъ. Успѣхи его въ жизни и постепенное возвышеніе въ служебномъ положеніи не измѣняли его нравственнаго настроенія, ровнаго, спокойнаго характера, а открывали ему еще болѣе широкую, такъ сказать, легальную возможность проявлять его добрыя личныя свойства. Въ отношеніяхъ къ высшимъ іерархамъ онъ всегда помнилъ свою іерархическую подчиненность, но безъ приниженія и угодливости, и умѣлъ всегда сохранять неизмѣннымъ разъ пріобрѣтенное имъ благорасположеніе и вниманіе къ нему іерарховъ, вельможъ, придворныхъ лицъ и самой императрицы. Личною своею жизнью и служебною дѣятельностью онъ не подавалъ повода къ какимъ-либо упрекамъ или неодобренію: онъ держалъ себя без-

*

упречно корректно. Лишь завистливость нѣкоторыхъ монашествующихъ лицъ къ его небывалому въ бѣломъ духовенствѣ возвышенію и наградамъ изобрѣтала насмѣшливыя, но безвредныя выходки противъ него. Московскій архіерей Платонъ, не любившій Панфилова за оборону лицъ бѣлаго духовенства отъ горделивыхъ и несправедливыхъ его распоряженій, далъ ему среди іерарховъ прозвище—popus mitratus.

Благоволеніемъ императрицы Панфиловъ пользовался не лично для себя, но на пользу другихъ лицъ или церковныхъ установленій. Екатерина II, несмотря на отличительныя «просвѣщеннаго времени» (Aufklärungs-Zeit) отношенія ея къ церкви и духовенству, относилась къ о. Панфилову не только благоволительно, какъ императрица, но почтительно, уважительно и довѣрчиво, какъ духовная дочь къ своему духовнику, и сердечно, какъ человѣкъ къ человѣку. Она внимала его внушеніямъ и совѣтамъ и иногда задумывалась надъ вопросами, которые онъ дѣлалъ ей на исповѣди; принимала искреннее участіе въ его семейныхъ событіяхъ—воспринимала отъ крещенія его сына, выражала соболѣзнованіе по случаю болѣзни его дочери, дозволяла ему приглашать ея докторовъ и разрѣшила ему являться къ ней, когда ему угодно. Императрица сдѣлала своего духовника довѣреннымъ лицомъ въ дѣлахъ своей благотворительности и благочестія. Она нерѣдко отсылала ему значительныя суммы на вспомоществованіе бѣднымъ или съ указаніемъ лицъ, которымъ назначена отъ царскихъ щедротъ милость, или безъ указанія,—въ распоряженіе самого духовника по его усмотрѣнію; часто она поручала ему быть ея замѣстителемъ при крещеніи дѣтей, удостовѣряться въ искренности обращенія въ православіе взрослыхъ лицъ, передавать отъ нея иконы въ благословеніе вступающимъ въ бракъ и т. п. Панфиловъ, по повелѣніямъ и отъ имени императрицы, распоряжался заказами иконъ для дворца, для церковныхъ учрежденій и для личной раздачи государыни. Чрезъ него, какъ духовника, подносились императрицѣ иконы, книги, благодарственныя письма, проповѣди и объявлялись подносителямъ выраженія благоволенія монархини. Она иногда допускала ходатайство предъ нею Панфилова о воспособленіяхъ монастырямъ и церквамъ изъ суммъ Коллегіи Экономіи или отъ личныхъ ея щедротъ. Она довѣряла ему тайны свои относительно нѣкоторыхъ іерарховъ и своей политики въ отношеніи къ церкви и духовенству, уважала его рекомендаціи кандидатовъ въ епархіальные архіереи и имѣла его, какъ члена Синода, своимъ вѣрноподданнѣйшимъ совѣтникомъ въ дѣлахъ церкви, вполнѣ усвоившимъ ея принципы касательно отношеній государственной власти къ церкви и способнымъ легально, тихо, но и настойчиво поддерживать, проводить и осуществлять эти принципы при рѣшеніяхъ текущихъ въ Синодѣ дѣлъ.

Благодаря отношеніямъ къ государынѣ и личнымъ свойствамъ своимъ, о. Панфиловъ, какъ синодальный членъ, имѣлъ весьма важное значеніе въ дѣлахъ Синода во все время своего состоянія въ его составѣ (1774—1794 г.). Въ теченіе двадцати лѣтъ онъ былъ безсмѣннымъ и почти постоянно присутствующимъ въ засѣданіяхъ членомъ Св. Синода. Одновременно съ нимъ постоянно присутствующими и безсмѣнными членами были только два іерарха: петербургскій митрополитъ Гавріилъ Петровъ и архіепископъ псковскій Иннокентій Нечаевъ. Прочіе члены Св. Синода въ теченіе 1774—1794 г. смѣнялись довольно часто. Нѣкоторые іерархи того же времени носили титулъ синодальныхъ членовъ, но присутствіе и занятія ихъ въ означенный періодъ времени продолжались недолго,—они пребывали въ управляемыхъ ими епархіяхъ. Другіе же члены Синода присутствовали и принимали участіе въ его занятіяхъ сравнительно съ о. Панфиловымъ очень непродолжительное время. Безсмѣнность и продолжительность времени пребыванія о. Панфилова въ Синодѣ, сообщавшая ему опытность и знанія въ синодскихъ дѣлахъ, придавала его сужденіямъ и голосу особенный вѣсъ и значеніе въ средѣ прочихъ членовъ. Затѣмъ, всѣ монашествующіе члены Синода, состоявшіе въ его составѣ за все время пребыванія о. Панфилова синодальнымъ членомъ, были моложе его по лѣтамъ и по времени образованія, а члены изъ лицъ бѣлаго духо-

венства—ниже его по іерархическому положенію. Такимъ образомъ, о. Панфиловъ получалъ значеніе въ синодскихъ дѣлахъ наравнѣ съ двумя безсмѣнными членами - іерархами: преосвященными Гавріиломъ и Иннокентіемъ. Съ ними онъ имѣлъ весьма доброжелательныя сношенія и отношенія. Всѣ трое получили образованіе въ Московской Славяно-греко-латинской академіи, всѣ трое были изъ великоруссовъ, отличались сходными взглядами, чертами характеровъ и нравственнаго настроенія. Поэтому между ними не было разногласій, а господствовали мирныя, спокойныя и взаимно-уважительныя отношенія. Таковыя отношенія, въ связи съ извѣстнымъ благоволеніемъ государыни къ о. Панфилову, открывали ему возможность принимать дѣятельное и вліятельное участіе въ обсужденіяхъ, постановленіяхъ и рѣшеніяхъ синодскихъ дѣлъ. Къ тому же, занятія о. Панфилова въ Синодѣ составляли главный и почти исключительный предметъ, которому онъ могъ, по своему служебному положенію, посвящать свой трудъ и свое время, а преосвященные Гавріилъ и Иннокентій имѣли въ своемъ вѣдѣніи обширныя епархіи, по которымъ имъ приходилось обязательно разрѣшать множество дѣлъ и совершать сложныя и многочисленныя архипастырскія отправленія. Имъ иногда необходимо было, по дѣламъ своихъ епархій, пропускать засѣданія Св. Синода; но протоіерей Панфиловъ всегда имѣлъ возможность являться въ засѣданія. И дѣйствительно, синодальные протоколы за время 1774—1794 гг. почти всѣ подписаны о. Панфиловымъ, за исключеніемъ 1787 г., въ которомъ онъ сопутствовалъ императрицѣ въ ея путешествіи въ Новороссійскій край, и 1794 г., когда его постигла болѣзнь, сведшая его въ могилу. Есть много синодскихъ протоколовъ за означенный періодъ времени, которые подписаны лишь тремя членами: іерархами Гавріиломъ и Иннокентіемъ и духовникомъ Панфиловымъ; есть не мало протоколовъ, подъ которыми нѣтъ подписи или Гавріила, или Иннокентія, но имѣется подпись Панфилова. Есть протоколы, заключающіе въ себѣ распоряженія отъ имени Св. Синода, подписанные однимъ Панфиловымъ, духовникомъ. Таковы протоколы 2-го января 1775 г., №№ 1 и 5, изъ которыхъ въ первомъ прописано, что, по опредѣленію Св. Синода, с.-петербургскій архіепископъ Гавріилъ, назначенный 1-го января и архіепископомъ новгородскимъ, приведенъ къ присягѣ и присяжный листъ подписанъ духовникомъ Панфиловымъ. Знакомство съ синодальными протоколами и дѣлами за періодъ времени съ 1774 по 1794 г. вселяетъ убѣжденіе, что о. Панфиловъ внимательно изучалъ каждое важное дѣло или, по крайней мѣрѣ, былъ освѣдомленъ о всѣхъ предметахъ, по которымъ составлялись синодскіе протоколы, имъ подписанные. Понятно, что голосъ о. Панфилова въ обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ дѣлъ Синодомъ имѣлъ вѣское значеніе,—въ особенности при твердомъ и основательномъ сознаніи имъ опредѣленно поставленныхъ временемъ и государственнымъ правительствомъ задачъ и мѣръ, которыя должны были проводиться Синодомъ въ жизнь церкви, іерархіи и духовенства.

Въ теченіе всего XVIII в. до временъ Екатерины II русская церковная іерархія и духовенство—монашествующее и бѣлое—находились постоянно въ тревожномъ состояніи, не исключая и времени царствованія императрицы Елизаветы Петровны, благочестивой и благорасположенной къ церкви. Самымъ чувствительнымъ нервомъ въ состояніи іерархіи означеннаго времени былъ вопросъ о положеніи архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ. Возбужденный Петромъ I, но оставленный имъ безъ разрѣшенія, жгучій вопросъ о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ оставался въ колебательномъ положеніи при его преемникахъ до времени Екатерины II и даже при ней въ первое время послѣ неожиданнаго вступленія ея на престолъ. Общее завѣдываніе церковными вотчинами въ теченіе означеннаго времени не разъ переходило отъ Св. Синода къ государственнымъ учрежденіямъ и отъ нихъ къ Св. Синоду. Крѣпко, упорно, даже съ фанатизмомъ отстаивали право обладанія означенными вотчинами за монашествующею іерархіею и общаго завѣдыванія ими за подвластными Св. Синоду учрежденіями выдвинутые Петромъ I на іерархическую высоту русской церкви малороссы—изъ кіевскихъ уче-

ныхъ. Они преемственно съ рѣдкимъ единодушіемъ шли въ отстаиваніи означеннаго права наперекоръ постепенно усиливавшемуся въ правительствѣ и въ народномъ сознаніи стремленію къ переводу церковныхъ вотчинъ изъ вѣдѣнія представителей церковной въ вѣдѣніе государственной власти. Для успѣшнаго противодѣйствія этому стремленію малороссы-іерархи старались удерживать и считали какъ бы своею монополіею высшіе іерархическіе посты въ Синодѣ, въ епархіяхъ и въ богатыхъ монастыряхъ и рѣдко допускали къ занятію ихъ монашествующихъ изъ великоруссовъ. Отличительною чертою іерарховъ малороссовъ было заимствованное ими отъ польско-латинскихъ епископовъ и прелатовъ личное, широкое, безотчетное предъ государственнымъ правительствомъ, независимое отъ мѣстныхъ правителей государства и не поддающееся опредѣленіямъ законодательства властвованіе надъ паствою и въ особенности—надъ крѣпостнымъ къ церковнымъ учрежденіямъ населеніемъ и надъ бѣлымъ духовенствомъ. Въ Св. Синодѣ, членами котораго были по большей части іерархи-малороссы, постоянно происходили пререканія между присутствіемъ и оберъ-прокурорами не только до вступленія Екатерины на престолъ, но и въ первые годы ея царствованія до назначенія духовника ея Панфилова въ синодальные члены. При назначеніи кандидатовъ въ архіереи, въ настоятели богатыхъ и значительныхъ монастырей и въ ректоры семинарій члены Св. Синода обыкновенно избирали малороссовъ, а великороссы намѣренно устранялись и предлагались лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Епархіальные архіереи сознавали себя въ своихъ епархіяхъ въ полномъ смыслѣ «владыками» своей паствы. Съ мѣстными государственными властями они часто входили въ пререканія, пользуясь недостаточностью законодательнаго распредѣленія границъ церковной и гражданской подсудности. Въ отношеніяхъ къ бѣлому духовенству они ставили себя на недоступную высоту, считая его вполнѣ зависимымъ, подчиненнымъ и подвластнымъ—какъ бы крѣпостнымъ и тяглымъ сословіемъ. Посему бѣлое духовенство было забито, беззащитно и сознавало себя въ печальномъ состояніи. «Черкасы» стали почти ненавистны великороссамъ. Между тѣмъ, съ распространеніемъ семинарій въ великорусскихъ епархіяхъ, и изъ среды великороссовъ стали выходить лица съ образованіемъ, не уступавшимъ кіевской учености малороссовъ, съ пониманіемъ унизительнаго положенія духовенства и съ надеждою на возможность мѣръ къ выходу изъ него.

Императрица Екатерина первымъ, по вступленіи на престолъ, дѣломъ своей правительственной власти и тактики сочла окончательно разрѣшить законодательствомъ вопросъ о переведеніи церковныхъ вотчинъ въ вѣдѣніе государства и объ уничтоженіи тяглаго положенія бѣлаго духовенства въ отношеніи къ епархіальнымъ архіереямъ. Она разрѣшила означенный вопросъ при дѣятельномъ содѣйствіи іерарховъ изъ великоруссовъ: Дмитрія Сѣченова, Сильвестра, епископа старогородскаго, и Гавріила Кременецкаго. Протесты нѣкоторыхъ іерарховъ изъ малороссовъ (Арсенія Маціевича, и Павла Конюшкевича, архіерея тобольскаго) сопровождались самою печальною участью для протестантовъ. Прочее высшее духовенство изъ малороссовъ замолчало. Послѣ разрѣшенія главнаго вопроса, касающагося церкви, Екатерина II, конечно, не безъ совѣщаній съ представителями государственнаго и церковнаго правительства, предначертала Св. Синоду слѣдующія мѣры: въ Св. Синодѣ водворить между присутствіемъ и оберъ-прокуроромъ согласіе и мирныя отношенія, на іерархическіе посты назначать и великороссовъ, въ отправленіяхъ епархіальныхъ властей ввести опредѣленность, правильность и отвѣтственность предъ Св. Синодомъ, въ отношеніяхъ епархіальныхъ архіереевъ съ мѣстными гражданскими властями установить взаимныя приспособленія; а въ отношеніи ихъ къ духовенству и паствѣ—человѣколюбіе, снисходительность и гуманность; — бѣлое духовенство вывести изъ приниженнаго состоянія и поставить подъ защиту высшей власти. Въ проведеніи всѣхъ перечисленныхъ мѣръ въ дѣйствіе и въ жизнь и оказалъ весьма важное содѣйствіе духовникъ императрицы Панфиловъ.

Между всѣми синодальными оберъ-

прокурорами, бывшими до 1770 года, и присутствіемъ Св. Синода весьма нерѣдко происходили такія пререканія и столкновенія, которыя доходили до свѣдѣнія высочайшей власти и которыя оканчивались для большей части оберъ-прокуроровъ увольненіемъ или даже отстраненіемъ ихъ отъ должности. Въ бытность Панфилова въ составѣ Св. Синода оберъ-прокурорами были: ст. сов. С. В. Акчуринъ, ст. сов. А. И. Наумовъ и д. ст. сов. графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Въ теченіе времени, когда Панфиловъ занималъ мѣсто синодальнаго члена, благодаря личному благоволенію государыни къ вліятельнѣйшимъ членамъ Св. Синода и въ особенности къ ея духовнику, а равно и личнымъ его свойствамъ, по которымъ онъ умѣлъ согласовать мнѣнія и умѣрять противорѣчія съ наблюденіемъ справедливости и законности, почти вовсе не происходило пререканій между присутствіемъ Св Синода и оберъ-прокуроромъ, по крайней мѣрѣ столь рѣзкихъ, которыя бы обращали на себя особенное вниманіе государыни.

При Елизаветѣ Петровнѣ въ 1754 г. данъ былъ Св Синоду высочайшій указъ — представлять кандидатами въ архіереи и архимандриты не однихъ малороссіянъ, но и великороссіянъ. Екатерина II съ самаго начала своего царствованія не благоволила къ такимъ іерархамъ изъ малороссіянъ, которые не чужды были «папежскаго духа» и клерикальныхъ тенденцій, и которыхъ она считала нерасположенными къ предполагавшимся ею церковнымъ реформамъ. Въ особенности роняли въ ея глазахъ іерарховъ-малороссіянъ рѣзкіе протесты Арсенія Маціевича и Павла Конюшкевича противъ секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, почему она желала замѣстить іерархическіе посты въ Св. Синодѣ, на епархіальныхъ каѳедрахъ и въ штатныхъ монастыряхъ лицами изъ великороссіянъ, получившими образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ великороссійскихъ епархій. И вотъ, начиная съ 1763 года, ей стали представлять отъ Синода кандидатовъ въ архіереи по преимуществу изъ великоруссовъ, съ обозначеніемъ въ докладахъ ихъ народности, образованія и пройденныхъ должностей. Изъ 22-хъ лицъ, посвященныхъ въ архіерейскій санъ въ теченіе 1763—1774 гг., малороссіянъ было не болѣе 5. Въ теченіе же 1774—1794 гг., когда въ составѣ Св. Синода состоялъ Панфиловъ, было посвящено въ архіереи 34 лица, и между ними малороссіянъ можно считать не болѣе 4 человѣкъ. Протоіерей Панфиловъ весьма внимательно относился къ избранію въ Синодѣ кандидатовъ въ архіереи и пользовался въ этомъ дѣлѣ значительнымъ вліяніемъ, по вниманію прочихъ синодальныхъ членовъ къ его обширнымъ свѣдѣніями о лицахъ, которыя могли быть представляемы Св. Синодомъ къ назначенію на іерархическіе посты. Въ періодъ своего образованія въ Александроневской семинаріи и въ Московской академіи и во время семилѣтней службы въ Москвѣ, Панфиловъ могъ лично знать всѣхъ въ то время служившихъ съ нимъ и учившихся въ означенныхъ заведеніяхъ лицъ, которыя постригались въ монашество въ надеждѣ на достиженіе іерархическаго положенія. Во время своего 18-ти-лѣтняго служенія въ С.-Петербургѣ, при церкви на морскомъ дворѣ, онъ, какъ человѣкъ образованный и наблюдательный, слѣдившій за всѣми переѣнами въ іерархіи и въ назначеніяхъ въ префекты и ректоры академій и семинарій, также лично могъ знать всѣхъ архимандритовъ, которые вызывались Св. Синодомъ въ Александроневскій монастырь на очередь служенія и проповѣданія слова Божія въ С.-Петербургѣ. По назначеніи же его въ члены Св Синода, ему обязательно представлялись, какъ и прочимъ синодальнымъ членамъ, очередные архимандриты. Многіе архимандриты, считавшіе себя достойными кандидатуры въ архіереи, или лично, или письменно старались ознакомить его съ собою. Наконецъ, Панфиловъ, усердно занимавшійся поступавшими изъ епархій дѣлами Св. Синода, имѣлъ полную возможность пріобрѣтать свѣдѣнія о личныхъ и служебныхъ достоинствахъ кандидатовъ въ архіереи и самихъ архіереевъ. Доказательствомъ вниманія императрицы къ рекомендаціямъ Панфилова можетъ служить слѣдующее письмо отъ 25-го апрѣля 1782 г. одного изъ статсъ-секретарей ея къ духовнику: «Ея императорское величество высочайше указать соизволила увѣдомить ваше вы-

сокопреподобіе, что сегодня данными Св. Синоду указами всемилостивѣйше пожалованы: въ Казань архіепископомъ — преосвященный Антоній (Зыбелинъ), архіепископъ нижегородскій; въ крутицкіе епископы — преосв. Амвросій (Зертисъ-Каменскій), епископъ сѣвскій; въ нижегородскіе епископы — архимандритъ Іосифъ (Заболотскій), оставивъ при немъ титулъ синодальнаго члена; въ олонецкіе епископы — архимандритъ Викторъ (Онисимовъ); въ сѣвскіе епископы — архимандритъ Дамаскинъ (Семеновъ-Рудневъ); при чемъ ея величество, въ разсужденіи сего новаго епископа отозваться изволила, что теперь не можно было опредѣлить его на вакансію 2-го класса, но при первомъ случаѣ ея величество не преминетъ оказать свое особое къ нему благоволеніе». Какъ приведенное письмо, такъ и очень многія письма іерарховъ къ о. Панфилову, доказываютъ, что духовнику Екатерины считали себя обязанными благодарностію весьма многіе іерархи или за удостоеніе архіерейской степени, или за перемѣщеніе изъ низшей, по классу, епархіи — въ высшую.

Въ 1775 г. издано Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской имперіи. Россія была раздѣлена на новые административные округа — губерніи и уѣзды. Съ этою реформою предположено было согласовать и церковное раздѣленіе на епархіи и на округа духовныхъ правленій и установить соотношенія между присутственными учрежденіями государства и церкви въ губерніяхъ и уѣздахъ. Съ этою цѣлью Св. Синодъ циркулярно въ 1782 г. предписывалъ въ епархіи, чтобы духовныя консисторіи и правленія не вступали въ непринадлежащія до нихъ дѣла; въ 1784 г. онъ требовалъ, чтобы духовное начальство безъ замедленія доставляло требуемыя свѣтскими присутственными мѣстами свѣдѣнія по дѣламъ и при открытіи губерній въ теченіе періода 1775 — 1785 гг. разсылалъ архіереямъ соотвѣтственныхъ губерніямъ епархій указы относительно ихъ участія въ торжествахъ открытія. Въ маѣ 1788 г. послѣдовалъ высочайшій указъ — приводить раздѣленіе епархій въ сообразность съ новымъ раздѣленіемъ губерній. Въ исполненіе этого указа, Св. Синодъ предписывалъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они всѣ свои дѣйствія и распоряженія по введенію новаго административнаго дѣленія въ государствѣ и церкви согласовали съ дѣйствіями и распоряженіями губернскихъ властей, входили въ сношенія съ намѣстниками и губернаторами, и такимъ образомъ, вмѣсто столкновеній, обычныхъ въ предшествующія времена, сохраняли съ ними миръ и согласіе. Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Св. Синода принималъ усердное и предусмотрительное участіе протоіерей Панфиловъ.

Прилежному участію протоіерея Панфилова въ производствѣ, обсужденіи и рѣшеніяхъ дѣлъ въ Св. Синодѣ слѣдуетъ приписать улучшеніе церковнаго судопроизводства во времена Екатерины II. По духовному регламенту, лица, подчиненныя епархіальнымъ властямъ, имѣли право жаловаться на нихъ Св. Синоду, и «епископы таковымъ на себя челобитчикамъ и истцамъ должны сію свободу попускать и не удерживать ихъ, ниже угрожать, ниже, по отшествіи оныхъ къ духовному коллегіуму, печатать или грабить ихъ домы». Но какъ принимались въ Св. Синодѣ жалобы или апелляціонные иски на епархіальныхъ архіереевъ свидѣтельствуетъ указъ императора Петра III Св. Синоду отъ 26-го марта 1762 г.: «Уже съ давняго времени, къ нашему неудовольствію и къ общему соблазну, примѣчено, что приходящіе въ Синодъ на своихъ властей или епархіальныхъ архіереевъ челобитчики, по долговременной сперва здѣсь волокитѣ, наконецъ, обыкновенно безъ всякаго рѣшенія, къ тѣмъ же архіереямъ отсылаются на разсмотрѣніе, на которыхъ была жалоба; а потому въ Синодѣ или не исполняется существительная онаго должность, или, и того хуже, дѣлается одна только повадка епархіальнымъ начальникамъ; такъ что въ семъ пунктѣ Синодъ походитъ больше на опекуна знатнаго духовенства, нежели на строгаго наблюдателя истины и защитника бѣдныхъ и невинныхъ» и т. д. Отчасти подъ вліяніемъ сего указа, въ царствованіе Екатерины II жалобы на епархіальныхъ властей въ Св. Синодъ поступали въ такомъ количествѣ, что Синодъ приходилъ въ затрудненіе отъ ихъ множества. Въ періодъ 1774—1794 гг.,

въ бытность о. Панфилова въ составѣ Св. Синода, циркулярными и отдѣльными синодскими указами предписывалось епархіальнымъ архіереямъ поступать въ производствѣ дѣлъ по законамъ и по прежде посланнымъ указамъ, дополнялись и разъяснялись руководственныя правила о производствѣ дѣлъ, кассировались рѣшенія и приговоры епархіальныхъ судовъ, требовался отъ нихъ пересмотръ тѣхъ или другихъ дѣлъ, дѣлались указанія на несоблюденіе законовъ и правилъ, на неясность, необстоятельность и неполноту рапортовъ, разъяснялась принадлежность недовольнымъ рѣшеніями епархіальныхъ судовъ права обращаться къ Св. Синоду съ аппелляціею по исковымъ дѣламъ и по обвиненію въ проступкахъ и преступленіяхъ, узаконенъ переносъ нѣкоторыхъ дѣлъ изъ епархіальныхъ учрежденій въ Синодъ въ ревизіонномъ порядкѣ,—и, такимъ образомъ, постепенно усовершенствовалось дѣлопроизводство и судопроизводство въ церковныхъ учрежденіяхъ.

Улучшеніе касалось не только формальнаго права—въ дѣлопроизводствѣ и судопроизводствѣ, но весьма замѣтно выразилось и въ матеріальномъ церковно-дисциплинарномъ правѣ въ отношеніи мірянъ и духовныхъ лицъ.

Въ первой половинѣ XVIII в., до временъ Екатерины, не было въ русской церкви общихъ правилъ, опредѣлявшихъ систему, виды и примѣненіе церковныхъ наказаній соразмѣрно степени виновности наказуемыхъ. Въ царствованіе Екатерины законодательными и распорядительными актами были устранены тѣлесныя наказанія изъ области дѣйствій духовныхъ лицъ и учрежденій и замѣнены мѣрами, соотвѣтственными ихъ церковному назначенію. Въ этой чрезвычайно важной реформѣ и особенно въ проведеніи ея въ жизнь принималъ дѣятельное участіе кроткій, человѣколюбивый и справедливый духовникъ императрицы, въ бытность его синодальнымъ членомъ. По ходатайствамъ и распоряженіямъ Св. Синода было допущено участіе ученыхъ священниковъ въ уголовномъ слѣдственномъ процессѣ въ видѣ увѣщаній обвиняемыхъ къ сознанію ихъ въ совершеніи преступныхъ дѣяній взамѣнъ пытокъ. Св. Синодомъ предписывалось, чтобы священники въ теченіе постовъ исповѣдывали колодниковъ, увѣщевали ихъ къ раскаянію, а во время производства слѣдствій спрашивали ихъ — были ли у исповѣди, и располагали ихъ давать показанія по совѣсти (П. С. З., №№ 11.744, 11.750, 14.579,—Синодск. прот. 1777 г. $\frac{\text{янв. } 15}{\text{февр. } 1}$). Свѣтскимъ судамъ, указами 1780 и 1785 гг., запрещено назначать осужденнымъ за преступленія, подлежащія и церковнымъ наказаніямъ, время и виды этихъ наказаній и вмѣнялось въ обязанность присылать виновныхъ въ нихъ къ церковнымъ судамъ съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ ихъ преступленій Священникамъ предписывалось и подтверждалось (напр. 1780 г. марта 21-го) назначать эпитиміи на виновныхъ осмотрительно. Епархіальные архіереи и консисторіи обязаны были не сами, по своему усмотрѣнію, налагать эпитиміи на лицъ, присылаемыхъ къ нимъ изъ свѣтскихъ командъ, а представлять о таковыхъ Св. Синоду съ объясненіемъ обстоятельствъ ихъ преступленій и съ проектомъ предположеннаго времени покаянія и способа прохожденія эпитиміи. Въ теченіе 1774—1794 г. Св. Синодъ обыкновенно уменьшалъ назначавшійся епархіальными судами срокъ прохожденія эпитиміи и опредѣлялъ меньшую часть этого срока проходить въ монастырѣ, а бо́льшую — на мѣстѣ жительства. Виновнымъ, понесшимъ тѣлесное наказаніе въ свѣтскихъ командахъ за свое преступленіе, подлежащее и церковному наказанію, срокъ церковной эпитиміи, положенный по правиламъ церкви, уменьшался на половину. Военныя лица, по опредѣленіямъ Св. Синода, незначительную часть эпитимійнаго срока проходили въ монастырѣ, а прочее время—на мѣстѣ службы, подъ смотрѣніемъ полковыхъ священниковъ. Съ 1774 г., по распоряженіямъ Св. Синода, присылались ему ежегодно вѣдомости о находящихся въ монастыряхъ подъ эпитиміями людяхъ, съ прописаніемъ—кто, когда, по какимъ указамъ, и опредѣленіямъ, на сколько времени и за что посланы (П. С. З., № 14.597). Въ составленіи рѣшеній Св. Синода по означеннымъ дѣламъ и въ образованіи синодальною практикою болѣе или менѣе опредѣленныхъ нормъ въ установленіи

сроковъ, способовъ и мѣста прохожденія эпитимій принималъ близкое участіе протоіерей Панфиловъ.

Ко времени присутствія въ Св. Синодѣ того же протоіерея относится развитіе самостоятельнаго русско-церковнаго законодательства по брачному праву и ревизіоннаго процесса по бракоразводнымъ дѣламъ. Протоіерей Панфиловъ, служившій около 25 лѣтъ священнослужителемъ въ многолюдныхъ приходахъ, изъ которыхъ къ одному принадлежали тысячи лицъ воинскаго званія, болѣе, чѣмъ другіе его синодальные сочлены, былъ знакомъ съ бытовыми условіями русскаго народа, имѣющими отношенія къ брачному праву, и несомнѣнно принималъ преимущественное участіе въ разработкѣ и составленіи синодальныхъ опредѣленій и указовъ относительно различныхъ сторонъ брачнаго права. Въ періодъ 1774—1794 гг. издано значительное число циркулярныхъ указовъ Св. Синода по брачному праву. Въ 1775 г. разосланъ по епархіямъ указъ о мѣрахъ къ предотвращенію незаконныхъ брачныхъ сочетаній; въ указахъ 1774, 1779 и 1781-гг. съ подробностью былъ изложенъ порядокъ производства бракоразводныхъ дѣлъ о вступавшихъ въ супружество прежде достиженія узаконенныхъ для брака лѣтъ. Съ особенною заботливостью Св. Синодъ относился въ означенные годы къ положенію вдовъ, остававшихся по смерти нижнихъ воинскихъ чиновъ. Эта заботливость объясняется тѣмъ, что о. Панфиловъ 18 лѣтъ служилъ настоятелемъ при церкви на морскомъ полковомъ дворѣ. Изъ Синода посылались указы, которыми полковые священники обязывались доставлять своевременно епархіальнымъ архіереямъ свѣдѣнія объ умершихъ унтеръ-офицерахъ и рядовыхъ солдатахъ, у которыхъ остались на ихъ родинѣ жены, епархіальные архіереи—къ доставленію вѣдомостей о томъ же предметѣ въ Св. Синодъ,—а полковые команды къ извѣщенію о тѣхъ же лицахъ властей тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ имѣли жительство вдовы умершихъ (II. С. З., № 14.664, 14.914, 14.987). Въ 1783 г. запрещено Св. Синодомъ вѣнчать военно-служащихъ безъ вѣдома и письменныхъ свидѣтельствъ подлежащихъ начальствъ, и лицъ, принадлежащихъ къ иностраннымъ исповѣданіямъ, съ православными, состоящими съ ними въ степеняхъ родства, запрещенныхъ къ бракосочетанію православною церковью. Въ видахъ устраненія незаконныхъ бракосочетаній и основательнаго разбора законности браковъ Св. Синодомъ предписывалось въ 1779 г. по епархіямъ объ исправномъ веденіи и содержаніи метрическихъ записей и книгъ. Въ тотъ же періодъ Св. Синодомъ узаконенъ ревизіонный порядокъ веденія и рѣшенія бракоразводныхъ дѣлъ: епархіальные власти обязывались представлять Св. Синоду на ревизію всякое рѣшеніе о расторженіи и признаніи брака недѣйствительнымъ съ обстоятельнымъ «экстрактомъ» изъ дѣла и приводить это рѣшеніе лишь по утвержденіи его Св. Синодомъ (1787 г. П. С. З., № 16.577). Участію о. Панфилова въ обсужденіи бракоразводныхъ дѣлъ въ Св. Синодѣ многія семейства обязаны устраненіемъ отъ нихъ несчастій, проистекавшихъ отъ признанія недѣйствительными такихъ бракосочетаній, которыя заключены по невѣдѣнію сочетавшимися препятствій къ ихъ супружеству. Вслѣдствіе получившаго извѣстность расположенія о. Панфилова къ охраненію брачнаго союза, къ нему обращались разныя лица за совѣтами по семейнымъ несчастіямъ и искали отъ него получить наставленіе, успокоеніе и указанія къ миру и устроенію благополучія въ семейной жизни.

Особенное значеніе протоіерей Панфиловъ имѣетъ въ исторіи бѣлаго духовенства въ Россіи. Впродолженіи всей своей службы въ Св. Синодѣ онъ употреблялъ свои усилія къ поднятію бѣлаго духовенства изъ его приниженнаго нравственнаго, экономическаго и юридическаго положенія. Прежде всего онъ старался вывести изъ употребленія въ оффиціальныхъ бумагахъ унизительныхъ названій «попъ», «протопопъ», «дьячекъ» и замѣнить названіями: священникъ, протоіерей, священно-и церковно-служители и достигъ желаемаго. Самъ онъ всегда подписывался подъ протоколами Св. Синода протоіереемъ, какъ онъ именованъ и въ высочайшемъ указѣ о назначеніи его синодальнымъ членомъ. Съ уничтоженіемъ въ 1764 году издавна взыскивавшихся съ лицъ приходскаго духовенства многоразличныхъ даней и пошлинъ въ пользу епархіальныхъ властей

и съ прекращеніемъ «тяглаго» состоянія его въ отношеніи къ епархіальнымъ архіереямъ, Св. Синодъ принималъ настойчивыя мѣры къ прекращенію незаконныхъ въ пользу епархіальныхъ учрежденій налоговъ, на введеніе которыхъ въ 1774—1797 гг. дѣлались попытки въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напримѣръ въ Московской. Извѣстія о введеніи этихъ налоговъ сообщались иногда изъ епархій непосредственно Панфилову. При несомнѣнномъ содѣйствіи его были строго запрещены и, по всей вѣроятности, выведены изъ употребленія унизительныя и тяжелыя повинности, которыя налагались епархіальными архіереями на ставленниковъ въ пользу архіерейскихъ домовъ (работы въ садахъ, на поляхъ и въ другихъ хозяйственныхъ архіерейскихъ учрежденіяхъ). Панфиловъ заботливо слѣдилъ по дѣламъ въ Св. Синодѣ, чтобы строго исполнялись изданныя въ 1766 и 1771 годахъ узаконенія о томъ, чтобы священнослужителямъ, по производившимся о нихъ въ епархіальныхъ консисторіяхъ дѣламъ, не чинились «пристрастные распросы и тѣлесныя наказанія чрезъ побои», лишеніе свободы, сажаніе на цѣпь и т. п.,—чтобы вмѣсто тѣлесныхъ наказаній они исправлялись «приличными духовенству трудами», «взысканія съ нихъ были всегда соображаемы съ человѣческими немощами и съ добрымъ въ священствѣ поведеніемъ», и чтобы «исправленія возлагались умѣренныя—епитиміями или деньгами на богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, отрѣшеніями отъ доходовъ и отъ прихода по разсмотрѣнію». Дѣла о духовныхъ лицахъ, поступавшія изъ епархій въ Св. Синодъ, по апелляціямъ или по жалобамъ ихъ, какъ въ ревизіонномъ порядкѣ, разсматривались и рѣшались въ Св. Синодѣ не только далеко не всегда такъ, какъ они направлялись по указаніямъ епархіальныхъ архіереевъ, но и съ законнымъ вниманіемъ къ положенію и поступкамъ жаловавшихся и осужденныхъ. Священно- и церковно-служители находили себѣ въ Синодѣ защиту отъ притѣсненій епархіальныхъ властей. Нерѣдко приговоры епархіальныхъ судовъ отмѣнялись и смягчались. Случалось, что отъ Синода посылались архіереями выговоры. Были случаи, что епархіальные архіереи увольнялись на покой и даже на смиреніе. Духовенство было защищаемо Св. Синодомъ и отъ свѣтскихъ властей Въ 1782 г. было запрещено воинскимъ командирамъ самимъ штрафовать полковыхъ священниковъ, а велѣно обращаться съ донесеніемъ объ ихъ неисправностяхъ къ духовнымъ властямъ. Въ 1791 г. учреждена была должность депутатовъ со стороны духовной во всѣхъ епархіяхъ для присутствованія при производствѣ слѣдствій и при обсужденіи дѣлъ по обвиненію духовныхъ лицъ въ уголовныхъ преступленіяхъ,—а также при производствѣ при размежеваніи земель въ удѣлъ церквамъ (П. С. З., № 16.986, 17.053. Имя Панфилова было извѣстно въ духовенствѣ всей Россіи и соединялось съ понятіемъ о немъ, какъ не только о представителѣ, защитникѣ и оборонителѣ бѣлаго духовенства въ Св. Синодѣ, но и какъ о ходатаѣ предъ верховною властью. Панфиловъ, дѣйствительно, при производствѣ оффиціальныхъ дѣлъ въ Св. Синодѣ ограждалъ бѣлое духовенство отъ произвольныхъ и суровыхъ отношеній къ нему монашествующихъ властей и духовныхъ консисторій и правленій. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи не тотько по оффиціальнымъ дѣламъ въ Синодѣ, но и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ современными ему іерархами.

Панфиловъ велъ обширную корреспонденцію съ духовными лицами. Составитель біографическаго его очерка о. прот. Сила Топильскій имѣлъ подъ руками 1.060 писемъ *) къ о. Панфилову разныхъ лицъ и по преимуществу—іерарховъ. Панфиловъ, безъ сомнѣнія, не оставлялъ безъ отвѣтовъ письма къ нему іерарховъ, къ которымъ онъ по сану своему всегда относился весьма почтительно. Предметами письменныхъ сношеній Панфилова съ іерархами были, конечно, и вопросы объ отношеніяхъ іерарховъ къ духовенству. Кромѣ того, со многими іерархами о. Панфиловъ имѣлъ и непосредственныя личныя свиданія. Проникнутый цѣлью водворенія между іерархами и бѣлымъ духовенствомъ кроткихъ и мирныхъ отношеній, Панфиловъ, безъ сомнѣнія, и при-

*) Къ сожалѣнію, мы не могли узнать, гдѣ теперь эти письма.

мѣромъ своего обращенія, и своими воззрѣніями выражалъ іерархамъ желанія и просьбы о благосклонныхъ отношеніяхъ ихъ къ духовенству. Не даромъ въ письмахъ нѣкоторыхъ изъ духовныхъ лицъ Панфилову писалось: «Человѣколюбія исполненный духъ вашъ меня, какъ и всѣхъ прочихъ, удивляетъ»; или: «На безпомощныхъ призирая милостивымъ окомъ, подражаете снисхожденію Спасителеву къ намъ грѣшнымъ»; или: «Ваша добродѣтельная душа, благотворящая всѣмъ, помощи требующимъ, непрестанными отъ всѣхъ нелестными возвышается похвалами». «Ваше искреннее къ судьбѣ моей участіе, ваши благоразумные совѣты,—писалъ одинъ архимандритъ о. Панфилову,—были всегда для меня цѣлительнымъ пластыремъ». «Ваша ученость, ваша кротость, ваше человѣколюбіе, ваша прозорливая внимательность къ справедливости свѣдущихъ приводятъ, а имѣющихъ свѣдать приведутъ въ бодрость и отженутъ неправедный страхъ, унынiемъ сердца стѣсняющій», писалъ о. Панфилову кроткій, добродушный другъ и сотоварищъ св. Тихона воронежскаго, костромской епископъ Симонъ Лаговъ, отличавшійся снисходительностью къ духовенству, простотою обращенія и благотворительностью, неспособный къ лести и притворству.

Человѣколюбіе и благотвореніе проявлялъ въ своей жизни о. Панфиловъ и внѣ отношеній своихъ къ духовенству. Извѣстно, что при Екатеринѣ II стараніями И. И. Бецкаго въ 1763 году былъ учрежденъ Воспитательный Домъ въ Москвѣ, а въ 1772 г. открыто отдѣленіе его и въ С.-Петербургѣ. И. И. Панфиловъ въ апрѣлѣ 1771 года вступилъ въ число попечителей Дома; въ январѣ 1772 года переименованъ въ «заопекуна»; въ сентябрѣ 1780 года выбылъ изъ чина «заопекуновъ»; 1788 г., 1-го октября, онъ участвовалъ въ освященіи церкви Воспитательнаго Дома и 4-го октября обоими Опекунскими Совѣтами былъ принятъ, по предложенію Бецкаго и гр. Апраксина, въ «почетные благотворители». Почетные благотворители, по приглашенію Совѣта Дома, принимали участіе въ засѣданіяхъ опекуновъ, «стараясь разстроенные гласы Совѣта, съ приличною кротостію, соединять въ силу узаконенныхъ учрежденій, для соблюденія всѣхъ правъ, а паче кредита Воспитательнаго Дома». О характерѣ дѣятельности Панфилова въ отношеніи къ Воспитательному Дому свидѣтельствуютъ письма графа М. Апраксина и И. И. Бецкаго. «Вы, Иванъ Ивановичъ, будучи членомъ Опекунскаго Совѣта,—пишетъ 30-го ноября 1788 г. гр. Апраксинъ,—по своему доброму сердцу соотвѣтствуете назначенію сего дома, основаннаго на благотвореніи, и всякому усердствуете подать руку помощи». И. И. Бецкій въ письмѣ къ Панфилову свидѣтельствуетъ ему свою признательность за благодѣтельное его попеченіе о пользахъ Воспитательнаго Дома, и, будучи убѣжденъ опытами усердія его, выражаетъ особенное желаніе, чтобы о. протопресвитеръ, «принявъ званіе попечителя, навсегда продолжалъ свое добродѣтельное стараніе къ успѣхамъ пользъ Воспитательнаго Дома». Бецкій въ извѣстительномъ письмѣ о принятіи Панфилова Опекунскими Совѣтами въ число почетныхъ благотворителей Воспитательнаго Дома пишетъ ему: «Ваши добродѣтели, украшающія вашъ священный санъ, а притомъ и человѣколюбіе, съ которымъ вы прежде, въ званіи заопекуна, благодѣтельствуя Воспитательному Дому, изволили приносить много пользы, были побудительною причиною мнѣ и гг. почетнымъ благотворителямъ предложить вамъ вступить въ число ихъ. Зная ваше благорасположеніе, я надѣюсь, что вы не отречетесь отъ наименованія почетнаго благотворителя и возложите на себя сей пріятный долгъ, столь свойственный вашему сердцу».

Въ 1783 году (30-го сентября), состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи Россійской Академіи. При открытіи Академіи, въ первомъ и торжественномъ засѣданіи его—21-го октября 1783 г.—провозглашены имена первыхъ 34-хъ ея членовъ: 1) княгиня Е. Р. Дашкова (предсѣдатель), 2) Гавріилъ Петровъ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, 3) Иннокентій Нечаевъ, архіепископъ псковскій и рязанскій, 4) протоіерей Иванъ Ивановичъ Панфиловъ и т. д. О дѣятельности Панфилова въ Академіи упоминаютъ академическіе годовые отчеты. Въ теченіе первыхъ шести лѣтъ послѣ поступленія въ академію онъ довольно усердно посѣщалъ академическія

засѣданія и на нихъ участвовалъ въ составленіи первой и второй части словопроизводнаго «Словаря»,—а именно: «способствовалъ къ совершенству словаря», «доставлялъ пополненія къ аналогической таблицѣ», «вспомоществовалъ въ разсматриваніи листовъ» т. е. предварительной росписи словъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Избраніе Панфилова въ Академію доказываетъ, что современники признавали за нимъ выдающуюся образованность, любовь къ литературѣ и наукѣ. Сохранились указанія, что Панфиловъ былъ замѣчательный церковный ораторъ, но проповѣдей его не сохранилось ни одной; онъ оказывалъ расположеніе къ ученымъ, помогалъ нѣкоторымъ лицамъ въ напечатаніи ихъ сочиненій и, въ качествѣ мецената, представлялъ книги и печатныя проповѣди нѣкоторыхъ авторовъ на милостивое усмотрѣніе императрицы.

Въ заключеніе представленнаго біографическаго очерка о. Панфилова скажемъ, что значеніе его въ исторіи русской церкви и духовенства будетъ выясняться съ полнотою и точностью по силѣ научной разработки исторіи церкви за время царствованія Екатерины.

Дѣла Синодальнаго архива 1770 г. № 93, 25-го февр.; 1774, 21-го іюня, № 1; 1781, іюня 18-го, № 21; 1787, янв. 8-го, № 1; 1794, іюня 21-го; Протоколы Св. Синода за время 1774—1794 гг., подписанные о. Панфиловымъ, и соотвѣтствующія имъ дѣла; «Записки Россійской Академіи», 1 л., 108 об. и 211; Словарь Россійской Академіи, ч. II, стр. VII; Бекетова, Портреты именитыхъ людей Росс. церкви, 1843; И. М. Снегиревъ. Жизнь московскаго митр. Платона, 1856, ч. I, стр. 82—83; Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1874, стр. 20, 235; Письма Платона, московскаго митрополита, къ преосвященнымъ Амвросію Подобѣдову и Августину Виноградскому, съ примѣчаніями С. Смирнова, 1870, стр. 9 и 11; Прот. Сила Топильскій, въ «Историко-статистическихъ свѣдѣніяхъ о С.-Пб. епархіи, 1871, вып. 2, стр. 241—249; «Русскій Архивъ» 1871, № 1: «Изъ бумагъ прот. Панфилова»; «Вѣстникъ Европы» 1874, ноябрь, стр. 293; М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», 1874, вып. I, стр. 16, 278—279; «Русская Старина» 1875, стр. 158, 361; П. Знаменскій, Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія Екатерины II—въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1875, май—іюнь, стр. 34—39; его же, «Руководство къ русской ц. исторіи», изданіе 3-е, Казань. 1873, стр. 417; его же, «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра», Казань. 1873, стр. 639—643. *Профессоръ, прот. М. Горчаковъ.*

Панфиловъ, *Иванъ Кузьмичъ*, кораблестроитель, отецъ адмирала А. И. П. (см. выше), род. въ 1764 г. Начавъ службу ластовымъ подмастерьемъ по кораблестроительной части въ вѣдомствѣ Адмиралтейства, П. въ 1798 г. получилъ первый чинъ, а въ 1800 г.—званіе корабельнаго подмастерья. Съ этихъ поръ онъ постоянно и съ отличіемъ работалъ надъ постройкою судовъ: въ 1800 г. онъ получилъ чины 13-го и 12-го класса за участіе въ постройкахъ, спускъ и проводку на камеляхъ 74-пушечныхъ кораблей: «Зачатіе св. Анны» и «Михаила», 130-пушечнаго «Благодати» и 84-пушечнаго «Рафаила». Въ 1803 г. П. вышелъ въ отставку съ чиномъ 9-го класса, но уже въ 1806 г. (7-го февраля), «по приглашенію начальства», снова поступилъ на службу съ званіемъ помощника корабельнаго мастера и былъ командированъ въ Олонецкую губернію на Серьмянскую пристань для заготовки матеріаловъ, а потомъ переведенъ снова въ Петербургъ въ Главный гребной портъ; здѣсь онъ занимался починкой кораблей и получалъ командировки для осмотра судовъ въ Ригу и Архангельскъ. Въ 1819 г. выйдя въ отставку, П. въ слѣдующемъ году поступилъ корабельнымъ мастеромъ въ Кронштадтскую контрольную экспедицію, гдѣ въ 1821 г. за отличіе получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст., а въ 1827 г., при новомъ образованіи Морского Министерства, опредѣленъ былъ по Высочайшему повелѣнію непремѣннымъ членомъ Учетнаго Кораблестроительнаго Комитета. Умеръ онъ въ 1835 г.

Формулярный списокъ 1828 г.; Архивъ Капитула Орденовъ; Опис. дѣлъ Архива Морского Министерства, т. III, С.-Пб. 1882 г., стр. 834.

Б. Л.

Панфиловъ (или **Памфиловъ**), *Иванъ Павловичъ*, скульпторъ, родился въ 1843 г. въ Серпуховѣ, умеръ 16-го октября 1876 г. въ Римѣ. Пятнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Московское Училище живописи и ваянія, гдѣ, за вылѣпленную, по заданной программѣ, статую: «Мученіе св. Севастіана», въ 1866 г. получилъ малую серебряную, а въ слѣдующемъ году, за статую «Мальчикъ съ собакою»—большую серебряную медаль. Въ 1868 г. онъ перешелъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ въ слѣдующемъ же году, за исполненіе программы «Геній искусства», получилъ малую золотую медаль, а въ

1871 г., за программу «Олимпійскія игры дискоболовъ»,—большую золотую медаль съ правомъ поѣздки за-границу на казенный счетъ. За-границей П. прожилъ шесть лѣтъ. Осмотрѣвъ сперва художественныя собранія въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Венеціи и Флоренціи, онъ съ осени 1872 г. поселился въ Римѣ и исполнилъ тамъ изъ мрамора статую въ натуральную величину «Дѣвочки, играющей съ козою»; статуя эта въ 1876 г. была пріобрѣтена за двѣ тысячи рублей императоромъ Александромъ II; затѣмъ, онъ вылѣпилъ статую «Мальчика-неаполитанца», эскизъ статуи «Ребенка, прислушивающагося къ ходу часовъ» и сочинилъ также статую «Гладіатора въ Колизеѣ». Кромѣ того, П. вылѣпилъ съ натуры нѣсколько бюстовъ, этюдовъ и эскизовъ для предполагаемыхъ работъ. Скоротечная чахотка пресѣкла его дѣятельность въ самомъ началѣ, и онъ умеръ, не успѣвъ даже вполнѣ окончить свое образованіе.

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества №№ 95, 159 и 168; «Біографическія свѣдѣнія о членахъ Академіи и вообще художникахъ, умершихъ въ 1875—1878 гг.». С.-Пб. 1879 г., стр. 42—43; «Указатель выставки Имп. Академіи Художествъ 1869 г.»; «Отчеты Имп. Академіи Художествъ за $186^{8}/_{9}$ г., стр. 17; $18^{70}/_{71}$ г., стр. 15; $187^{1}/_{2}$ г., стр. 79; $187^{2}/_{3}$ г., стр. 73; $187^{3}/_{4}$ г., стр. 64 и $187^{4}/_{5}$ г., стр. 68; «Каталогъ выставки ученическихъ работъ въ училищѣ живописи и ваянія 1872 г.»; Указатель первой годичной выставки Общества выставокъ художественныхъ произведеній 1876 г.»; Ѳ. И. Булгаковъ, «Наши художники». С.-Пб., 1890 г., т. II, стр. 84; Н. П. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. II, вып. I, С.-Пб., 1899 г., стр. 29; въ общемъ Архивѣ Министерства Импер. Двора. Дѣла кабинета Е. И. В., столъ I, отд. I, оп. 402—1432; № 78—74. См. «Всеобщій Календарь», 1878 г., прилож., стр. 24.

А. П. Новицкій.

Панценбитеръ, *Карлъ Кирилловичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1755 г. † въ 1819 г.; по окончаніи воспитанія въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ корпусѣ, П. 18-го февраля 1785 г. былъ выпущенъ поручикомъ въ Кіевскій пѣхотный полкъ, съ которымъ и участвовалъ въ операціяхъ на границѣ Россіи во время Шведской войны; переведенный 15-го мая 1789 г. въ Великолуцкій пѣхотный полкъ, П. за отличіе, оказанное въ дѣлахъ со Шведами, былъ произведенъ (30-го іюня 1789 г.) въ капитаны. Прослуживъ въ Великолуцкомъ полку десять лѣтъ, онъ 29-го марта 1799 г. перешелъ маіоромъ въ Рязанскій пѣхотный полкъ, гдѣ въ 1804 г. (6-го декабря) получилъ чинъ подполковника. Въ кампаніи 1806 г. онъ участвовалъ въ сраженіи при Пултускѣ, а въ 1807 г., между прочимъ, подъ Прейсишъ-Эйлау (27-го января), гдѣ за отличіе получилъ орденъ Владиміра 3-й ст.; въ томъ же году П. былъ назначенъ комендантомъ въ Кенигсбергѣ и за успѣшное исполненіе своихъ обязанностей 27-го ноября 1807 г. получилъ орденъ Анны 2-й ст., а 12-го декабря—чинъ полковника. Принявъ участіе въ новой Шведской войнѣ 1808 и 1809 гг., П. 19-го октября 1810 г. былъ назначенъ шефомъ Александропольскаго пѣхотнаго полка, стоя во главѣ котораго онъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ 1812—1814 гг. Такъ, 11-го іюля П. былъ въ сраженіи при Салтановкѣ, гдѣ получилъ контузію въ голову, и подъ Смоленскомъ (4-го и 6-го августа); затѣмъ, при Бородинѣ (24-го и 26 го августа) онъ за отличіе получилъ орденъ Георгія 4-й степени; наконецъ, за участіе въ битвѣ при Маломъ-Ярославцѣ (12-го октября) награжденъ былъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость», а за бой подъ Краснымъ (6-го ноября)—Анной 2-й ст. съ алмазами. Въ 1813 г. П. былъ при блокадѣ крѣпости Модлина, въ 1814 г. вступилъ съ русскими войсками въ Парижъ, а затѣмъ нѣкоторое время находился во Франціи. Въ 1815 г. (30-го августа) П. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 12-й пѣхотной дивизіи. Въ этомъ званіи онъ и умеръ въ 1819 г. (исключенъ изъ списковъ умершимъ въ приказѣ 16-го мая).

Формулярный списокъ въ Архивѣ Главнаго Штаба. *Б. Л.*

Панцеръ, *Феликсъ (Людовикъ) Войцѣховичъ*, инженеръ, родился 28-го мая 1798 года, происходилъ изъ дворянъ. Первое образованіе получилъ въ Вонхоцкомъ и Краковскомъ училищахъ; въ послѣднемъ кончилъ съ отличіемъ полный курсъ наукъ въ 1815 году. Для окончательнаго образованія П. поступилъ въ Краковскій Университетъ, гдѣ изучалъ науки философскаго факультета. Послѣ двухлѣтнихъ занятій, получивъ

отличный университетскій дипломъ въ 1818 году, П. опредѣлился на службу кондукторомъ въ Инженерный Корпусъ бывшаго польскаго войска. Въ это время правительство поручило инженерамъ произвести съемку г. Варшавы и ея окрестностей. Панцеръ, участвовавшій въ этой съемкѣ, своею смѣтливостью, знаніемъ дѣла и быстрымъ исполненіемъ возложенныхъ порученій, вскорѣ успѣлъ обратить на себя вниманіе начальства, которое, оцѣнивая эти труды и другія его техническія занятія, произвело его въ подпоручики въ 1820 году. Однимъ изъ выдающихся проектовъ, составленныхъ П. въ это время, представляется проектъ желѣзнаго моста объ одномъ пролетѣ черезъ р. Вислу близъ Варшавы. Подробности этого смѣлаго проекта изложены въ изданной значительно позже брошюрѣ, написанной П. на польскомъ языкѣ: «Новая система желѣзныхъ мостовъ значительнаго пролета» («Wiadomość o nowym rodzaju mostów żelaznych na wielką otwartość z zastosowaniem do rzeki Wisły pod Warszawą»). Варшава. 1830 года. Императоръ Александръ I, послѣ осмотра укрѣпленій города Замостья, пожаловалъ П. поручикомъ,—и съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ возрастаетъ его извѣстность, какъ опытнаго и талантливаго строителя.

Въ 1825 году П-у поручено было составить проектъ и произвести постройку деревяннаго моста съ разводною частью для пропуска судовъ на р. Наревѣ близъ укрѣпленія Новогеоргіевска. Успѣшное и весьма скорое окончаніе (въ 1826 году) предпринятаго сооруженія небходимо приписать дѣйствію примѣненныхъ приспособленій, изобрѣтенныхъ строителемъ, какъ-то: черпаковъ и всего механизма для водоотлива, механическихъ копровъ, оказавшихся на практикѣ весьма удобными и значительно облегчающими забивку свай.

Послѣ окончанія названнаго сооруженія, П. съ 1-го января 1827 года получилъ мѣсто профессора въ Военномъ приготовительномъ училищѣ и нѣсколько лѣтъ читалъ въ этомъ высшемъ учебномъ заведеній курсъ путей сообщенія и гидротехническихъ сооруженій. Какъ профессоръ, П. не только устно излагалъ свои мысли въ ясной и удобопонятной формѣ и съ талантомъ, но и составилъ для своихъ слушателей прекрасныя письменныя руководства. За труды по училищу въ 1829 г. П. пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степени.

Въ 1830 году П. оставилъ военную службу и тотчасъ же поступилъ въ Правительственную Коммиссію финансовъ и казначейства, въ которой, по порученіямъ тогдашняго министра, составилъ много проектовъ по части техническихъ усовершенствованій въ подвѣдомственныхъ Коммиссіи горныхъ заводахъ. Въ 1831 году, въ декабрѣ, за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ занятій, П. оставилъ занятія въ Коммиссіи «съ рекомендаціею»—какъ сказано въ формулярѣ—«тогдашнему временному правительству и Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи». Бездѣйствіе П-а продолжалось недолго: уже въ маѣ 1832 г. онъ поступилъ инженеръ-референтомъ или инженеръ-дѣлопроизводителемъ въ Правительственную Коммиссію Внутреннихъ Дѣлъ и вскорѣ — въ ноябрѣ 1832 г.—сдѣланъ былъ членомъ Строительнаго Совѣта Царства Польскаго. Кромѣ весьма важныхъ техническихъ занятій въ Строительномъ Совѣтѣ, П. принялъ на себя обязанность читать лекціи строительной механики на приготовительныхъ курсахъ, открытыхъ въ то время при Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ для готовящихся къ техническимъ занятіямъ. Въ 1838 году П. назначенъ и. д. инспектора путей сообщенія и утвержденъ въ этой должности въ 1841 г.

Въ это время П построилъ деревянный мостъ на р. Вепржѣ, близъ крѣпости Ивангорода. Мостъ замѣчателенъ по значительнымъ размѣрамъ арки и по хорошо обдуманнымъ деталямъ. Обыкновенные пролеты деревянныхъ арокъ рѣдко превышаютъ 25 саженъ, а вепржскій мостъ состоитъ изъ одной арки пролетомъ въ $36^1/_2$ саженъ. Мѣстныя обстоятельства, препятствовавшія значительному возвышенію мостовой настилки, принудили строителя избрать систему висячаго моста, при которой, вообще, весьма затруднительно придать надлежащую устойчивость деревяннымъ формамъ, но Панцеръ соотвѣтственнымъ устройствомъ преодолѣлъ эти трудности съ полнымъ успѣхомъ. Орденъ св. Владиміра 4-й степени былъ наградою талантливому строителю. При образова-

нiи въ 1842 году Управленія путей сообщенія въ Царствѣ Польскомъ, П. былъ назначенъ его членомъ. Въ 1847 году онъ назначенъ былъ инспекторомъ и членомъ Общаго Присутствія Правленія XIII (Варшавскаго) Округа Путей Сообщенія. За разсматриваемый періодъ П. произвелъ многочисленныя работы: ему принадлежитъ сооруженіе мостовъ на Петербургскомъ шоссе подъ Зегрже и Остроленкою; укрѣпленіе береговъ Вислы отъ Варшавы до Новогеоргіевска и улучшеніе судоходства на этомъ пространствѣ тоже произведено при участіи П-а; исполненными работами онъ положилъ предѣлъ разрушительному дѣйствію частыхъ наводненій и упрочилъ весьма непостоянное русло р. Вислы. Самымъ выдающимся сооруженіемъ, воздвигнутымъ Панцеромъ, представляется Варшавскій спускъ, который по своей громадности и смѣлости проекта останется навсегда прекраснымъ памятникомъ выдающихся способностей и обширныхъ свѣдѣній въ строительномъ дѣлѣ Панцера. Спускъ находится въ Варшавѣ, около Кирилловскаго замка, и нынѣ ведетъ непосредственно на воздвигнутый (въ 1864 году) постоянный чрезъ р. Вислу мостъ. При своей же постройкѣ спускъ способствовалъ удобнѣйшему передвиженію грузовъ съ береговой части Вислы въ центральную часть города. Въ составъ спуска входитъ семь большихъ арокъ, изъ которыхъ четыре открыты для проѣзда. Вторая, наибольшая часть спуска состоитъ изъ высокой земляной насыпи, ограниченной откосами въ 45 градусовъ. Въ точкѣ соприкосновенія съ арками насыпь возвышается на 65 футъ. Варшавскій спускъ сооруженъ въ 1846 году. За труды по производству этой работы П. награжденъ двухъ-годовымъ окладомъ жалованья (около 3.000 руб.).

Въ послѣдующее время онъ составилъ проектъ снабженія водою города Варшавы и проектъ постояннаго моста на р. Вислѣ подъ Варшавою; проекты были представлены на утвержденіе правительства, но осуществленія не получили. Кромѣ того, П. принималъ участіе въ конкурсахъ, обявляемыхъ за границею. Составленный имъ проектъ Кельнскаго моста на Рейнѣ, хотя и не премированъ, но показываетъ обычную изобрѣтательность составителя. Ф. В. Панцеръ скончался 16-го марта 1851 года.

Формулярный списокъ; «Журналъ Министерства Путей Сообщенія»: а) Краткій очеркъ жизни инженера Панцера,—Езеровскаго (1862 г., т. 38), б) Деревянный висячій мостъ на р. Вепржѣ,—Ястржембскаго (1845 г., т. 1), в) Описаніе работъ, произведенныхъ при сооруженіи Варшавскаго спуска,—Езеровскаго (1864 г., т. 42); «Gazeta Warszawska» 1851 г. *С. М. Житковъ.*

Панчиковскій, *Людовикъ*, актеръ, родился въ 1804 г. въ Старомъ Сончѣ въ Галиціи, гдѣ, по окончаніи гимназіи, состоялъ чиновникомъ префектуры. Любовь къ сценѣ заставила его бросить неблагодарную службу: въ 1825 г. онъ пріѣхалъ въ Варшаву и поступилъ въ драматическое училище; 11-го февраля 1827 г. онъ въ первый разъ выступилъ на сценѣ и съ тѣхъ поръ до конца жизни постоянно принадлежалъ къ составу Варшавскихъ театровъ и былъ любимцемъ мѣстной публики. Панчиковскій, какъ человѣкъ, былъ скромный, честный и набожный, какъ артистъ,—обладалъ большимъ дарованіемъ драматически-комическимъ; въ особенности удачно воспроизводилъ онъ на сценѣ въ оригинальныхъ пьесахъ мѣстные типы: мелкихъ помѣщиковъ-шляхтичей, купцовъ, ремесленниковъ, подмастерьевъ и т. п. Умеръ въ Варшавѣ 13-го августа 1871 года.

«Klosy», XIII. *Ѳ. Ф. В.*

Панчулидзевъ, *Александръ Алексѣевичъ*, сынъ слѣдующаго, тайный совѣтникъ, Пензенскій гражданскій губернаторъ. Родился въ 1789 г. и, по окончаніи домашняго образованія, началъ службу корнетомъ л.-гв. въ Гусарскомъ полку (11-го октября 1807 г.), откуда вышелъ въ 1810 г. съ чиномъ поручика; въ 1812 г. онъ поступилъ въ Черниговскій Конно-егерьскій полкъ, а въ 1814 г. снова вернулся въ л.-гв. Гусарскій, гдѣ въ 1815 г. былъ произведенъ въ штабсъ-ротмистры и въ томъ же году (10-го декабря) назначенъ флигель-адъютантомъ къ его императорскому величеству. Выйдя 9-го января 1819 г. въ отставку съ чиномъ полковника, Панчулидзевъ 1-го января 1822 г. былъ избранъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и пробылъ въ этомъ званіи три трехлѣтія (1822—1831), послѣ чего 12-го февраля 1831 г. былъ назначенъ и. д. Пензенскаго граждан-

скаго губернатора и вскорѣ (1-го января 1832 г.) утвержденъ въ должности съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Губернаторомъ П. прослужилъ въ теченіе 28 лѣтъ. Въ 1856 году онъ съ большой торжественностью отпраздновалъ 25-лѣтній юбилей своего губернаторства въ Пензѣ, получивъ къ этому дню милостивый рескриптъ и брилліантовую табакерку съ портретомъ государя. П. жилъ въ Пензѣ очень широко, держалъ свой оркестръ; онъ пользовался большой популярностью въ своей губерніи; по случаю юбилея его губернаторства мѣстнымъ дворянствомъ было рѣшено содержать въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ пансіонера его имени. Панчулидзевъ вышелъ въ отставку 14-го августа 1859 г. послѣ весьма непріятныхъ для него разоблаченій, сдѣланныхъ ревизовавшимъ Пензенскую губернію сенаторомъ Сафоновымъ; ревизія эта была вызвана статьею «Дневной грабежъ въ Пензѣ», напечатанной въ «Колоколѣ» Герцена. Послѣ этого П. удалился въ свою деревню, въ Пензенскомъ уѣздѣ, гдѣ и умеръ 7-го января 1867 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника. Онъ былъ женатъ на Варварѣ Николаевнѣ Загоскиной, сестрѣ извѣстнаго писателя М. Н. Загоскина.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула Орденовъ; Ф. Ф. Вигель. Записки; приложніе къ VII части. М. 1893, стр. 71; «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 101; «Вѣдом. Моск. Городск. Полиціи» 1856 г., № 63; «Русск. Мысль» 1897, № 7, стр. 21 и 24 (воспом. И. А. Салова); Г. В. Гераковъ. Путевыя записки. С.-Пб. 1828, стр. 33; «Русск. Архивъ» 1884, кн. I, стр. 347—348; «Историч. Вѣстн.» 1898 г., № 3, стр. 918—921.

Б. Львовъ.

Панчулидзевъ, *Алексѣй Давидовичъ*, д. с. с., Саратовскій гражданскій губернаторъ. Начавъ службу въ 1768 году (2-го ноября) фурьеромъ артиллеріи и дослужившись до чина подпоручика, П. въ 1785 году, 30-го мая, перевелся въ Саратовскую Палату Уголовнаго Суда на вакансію совѣтника, а черезъ три года перешелъ въ Гражданскую Палату на то же мѣсто. Въ 1791 году, 31-го декабря, послѣ того какъ въ Запасной Соляной Экспедиціи были обнаружены большія злоупотребленія, П. былъ переведенъ туда совѣтникомъ. Ему пришлось взять на себя управленіе Элтонской соляной операціей; онъ очень слѣдилъ за своими подчиненными, такъ что уже при слѣдующей сенаторской ревизіи, въ 1800 году, за отличную службу былъ пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ. Въ 1791 году, 11-го мая, Панчулидзевъ былъ назначенъ Саратовскимъ вице-губернаторомъ, оставшись при этомъ управляющимъ Элтонской экспедиціей соляныхъ запасовъ и сохранилъ за собою эту должность до своей отставки отъ должности губернатора. Съ 1807 по 1808 годъ ему пришлось управлять губерніей, при чемъ онъ выказалъ большія административныя способности, благодаря чему уже 30-го марта 1808 года «за скорое прекращеніе возникшей въ губернскомъ городѣ Саратовѣ и во многихъ селеніяхъ чумы», назначенъ былъ Саратовскимъ гражданскимъ губернаторомъ Въ 1810 году, 15-го августа, П. былъ произведенъ въ д. с. с. П. имѣлъ большое вліяніе на благоустройство города: при немъ возведены постройки Александровской больницы, дома умалишенныхъ, рабочаго дома, гостинаго двора и др. При посредствѣ П. открыта губернская гимназія, для которой онъ уступилъ свой домъ; возобновлена губернская типографія. При немъ же выстроенъ небольшой театръ, въ которомъ игралъ оркестръ и давала представленія труппа его дворовыхъ. Вообще «это былъ человѣкъ образованный, честный, сдѣлавшій много для Саратовской губерніи, освободивъ ее отъ закоренѣлыхъ взяточниковъ». Какъ знакъ уваженія и любви къ нему можетъ служить тотъ фактъ, что въ 1810 году ему отъ всего саратовскаго дворянства была поднесена табакерка съ девизомъ: «любовь, усердіе и признательность». Въ 1820 году, 14-го декабря, онъ избранъ былъ почетнымъ членомъ Казанскаго университета. Въ 1826 году, 26-го ноября, П., вслѣдствіе интригъ, былъ уволенъ съ должности, отданъ подъ судъ и судился, но былъ оправданъ. Послѣ отставки А. Д. жилъ въ Саратовѣ, выѣзжая только на лѣто въ свое имѣніе — с. Безсоновку, Саратовскаго уѣзда. Умеръ въ 1832 году.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи; «Саратовскій край», вып. I. Саратовъ; «Саратовскій Листокъ» 1877 г., № 262, 1878 г. № 44; «Воспоминанія А. М. Фадѣева» (1790—1867). Одесса. 1897 г., стр. 157; Г. В. Гераковъ. «Путевыя записки». С.-Пб. 1828 г., стр. 29,

32, 36; «Саратовскій Сборникъ», т. 1, Саратовъ, стр. 512; «Журналы Комитета министровъ», т. I. С.-Пб. 1888; «Русская Старина», т. 85.

В. Егоровъ.

Панчулидзевъ, *Иванъ Семеновичъ*, сынъ ген.-м. Семена Давидовича П. (р., инженеръ; род. въ 1813 году. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Институтѣ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, произведенъ въ поручики въ 1831 году съ прикомандированіемъ къ Институту въ должность репетитора. Въ Институтѣ П. оставался до 1837 года, занимаясь, кромѣ того, обученіемъ кантонистовъ кондукторской школы топографической съемкѣ въ 1835—1837 годахъ. Въ 1838 году И. С. причисленъ къ коммиссіи для ревизіи всѣхъ отчетовъ. Въ «Журналѣ Путей Сообщенія» 1837 года помѣщенъ исполненный И. С. переводъ статьи Прони: «Записка о приложеніи вычисленія къ опредѣленію возвышенія горизонта въ рѣкахъ (подпорнаго горизонта) при встрѣчѣ устоевъ моста или плотинъ съ водоспускомъ»; умеръ въ 1853 г. въ сумасшествіи.

Формулярный списокъ; «Систематическій Указатель Журнала Путей Сообщенія» 1826—1865; «Записки Ф. Ф. Вигеля», ч. VII, М. 1893, прилож., стр. 71. *С. М. Житковъ.*

Паншинъ, *Михайло Васильевичъ*, первостатейный купецъ, депутатъ отъ Купеческаго общества г. Мещовска въ Коммиссію о сочиненіи новаго уложенія 1767 г.; былъ въ числѣ большинства представителей отъ купеческаго сословія, присоединившихся къ мнѣніямъ депутатовъ, стоявшихъ за расширеніе правъ и привилегій, дарованныхъ купечеству императоромъ Петромъ I. Поддерживалъ ходатайства: о недозволеніи производить торговлю и имѣть фабрики дворянамъ, крестьянамъ, разночинцамъ, ремесленникамъ и иновѣрцамъ, если они не запишутся въ купечество на вѣчныя времена; о предоставленіи купцамъ права покупать подъ фабрики и заводы земли и крѣпостныхъ крестьянъ и судиться между собою въ магистратахъ и ратушахъ. Поддерживалъ также мнѣнія депутатовъ, возражавшихъ на обвиненія русскихъ купцовъ въ нерадѣніи къ внѣшней торговлѣ и ссылавшихся на отсутствіе у нашихъ торговцевъ свободы и привилегій купцовъ иностранныхъ. Стоялъ за мнѣнія о необходимости существовавшей формы словеснаго суда, въ которомъ истецъ былъ поставленъ въ худшія сравнительно съ отвѣтчикомъ условія, что во время преній нерѣдко вело къ затемнѣнію дѣла и безконечной волокитѣ.

«Сборникъ Императ. русскаго историч. Общ.», т. VIII, стр. 37—45, 155 и 177; т. XIV, стр. 61; т XVII, стр. 114. *П. Клокачевъ.*

Паншъ, *Иванъ Яковлевичъ* (Johann Pahnsch), род. въ Курляндіи въ декабрѣ 1808 г.; съ 1832 г. воспитывался въ Дерптскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со степенью кандидата философскаго факультета (1835 г.), а въ 1833 г. получилъ за сочиненіе золотую медаль. По окончаніи курса, П. состоялъ сверхштатнымъ помощникомъ астронома въ обсерваторіи университета, а съ 1-го января 1836 г. до самой смерти служилъ старшимъ учителемъ математики въ Ревельской гимназіи; ум. 13-го марта 1861 г. въ чинѣ коллежскаго совѣтника.

Г. Левицкій. Астрономы Юрьевскаго университета. Юрьевъ. 1899, стр. 163; A. Hasselblatt und G. Otto. Album academicum der K. Universität Dorpat. Dorp. 1889, № 3064; Адресъ-календари. *Б. Л.*

Панюта, (Панютинъ, Понятовскій), *Семенъ Васильевичъ*. Род. 1747 г. Изъ древней польской фамиліи шляхетскаго достоинства, но прадѣдъ его перешелъ на службу въ Малороссію. Состоя копіистомъ полкового Нѣжинскаго суда, П. былъ избранъ депутатомъ отъ малороссійскихъ казаковъ въ Коммиссію о сочиненіи новаго уложенія 1767 г. и участвовалъ въ засѣданіяхъ этой коммиссіи въ С.-Петербургѣ съ 7-го апрѣля по 9-е сентября 1768 г. Въ 1780 г. былъ Борзенскимъ сотникомъ Нѣжинскаго полка, въ 1788 г.—бунчуковымъ товарищемъ въ статской службѣ; въ 1792 г.—премьеръ-маіоромъ и въ томъ же званіи бунчуковаго товарища.

Родословная книга Черниговскаго намѣстничества, сост. 10-го янв. 1788 г., ч. IV, л. 57; А. Лазаревскій «Описаніе старой Малороссіи», т. II, полкъ Нѣжинскій. Кіевъ. 1893 г., стр. 135; «Сборникъ Импер. русск. историч. Общ.», т. XXXII, стр. 619; Архивъ Д-та Герольдіи, дѣло П. 1798—1813 г., № 95. *П. Клокачевъ.*

Панютинъ, *Василій Константиновичъ*, генералъ маіоръ, филантропъ; изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ 1788 году. О первыхъ годахъ его жизни свѣдѣній не имѣется по настоя-

щее время; извѣстно только, что въ 1806 году, іюня 16-го, онъ поступилъ на службу канцеляристомъ въ Тульское Губернское правленіе и былъ произведенъ въ чинъ коллежскаго регистратора 31-го декабря 1809 года. Это даетъ основаніе предполагать, что Панютинъ получилъ только одно домашнее образованіе. При наступленіи отечественной войны 1812 года, сочувствуя общему движенію, охватившему населеніе при вступленіи враговъ въ предѣлы отечества, Панютинъ вступилъ въ ряды арміи, былъ зачисленъ прапорщикомъ въ тульское ополченіе 17-го августа 1812 г., имѣя отъ роду 24 года, и стоялъ на аванпостахъ по берегамъ Оки съ сентября по 7-е ноября 1812 года. Послѣ этого онъ, вмѣстѣ съ тульскимъ ополченіемъ, подвинулся къ западной границѣ, перешелъ ее и слѣдовалъ за войсками чрезъ герцогство Варшавское въ Пруссію, гдѣ участвовалъ въ обложеніи Данцига и его осадѣ. Это дало ему случай участвовать во многихъ дѣлахъ съ французами, происходившихъ подъ стѣнами этой крѣпости, послѣ сдачи которой онъ вмѣстѣ съ прочими войсками былъ направленъ къ берегамъ Рейна. Въ 1814 году (12-го декабря) Панютинъ по желанію своему былъ переведенъ корнетомъ въ Литовскій уланскій полкъ и сталъ довольно быстро повышаться въ чинахъ, такъ что въ 1817 году онъ былъ уже штабсъ-ротмистромъ. Увлекшись довольно распространенною въ то время въ военномъ обществѣ карточною игрою, Панютинъ проигралъ до четырехъ тысячъ казенныхъ денегъ и, не имѣя средствъ ихъ пополнить, обратился непосредственно къ императору Александру I съ прошеніемъ о всемилостивѣйшемъ вспоможеніи, обѣщая послѣдующею службою своею сдѣлаться достойнымъ таковой монаршей милости. Великодушный монархъ не отказалъ ему въ своей помощи, и Панютинъ, избѣгнувъ этимъ гибельныхъ послѣдствій, старался своею службою исполнить данное обѣщаніе.

Переведенный въ 1818 г. въ Сибирскій уланскій полкъ, Панютинъ былъ отправленъ въ Харьковскую губернію для покупки ремонтныхъ лошадей. Встрѣтивъ при этомъ 25 тысячъ малороссійскихъ казаковъ, переселяемыхъ въ Черноморію, въ самомъ бѣдственномъ положеніи, онъ немедленно написалъ объ этомъ малороссійскому генералъ-губернатору кн. Репнину, который не замедлилъ поблагодарить его за сообщенныя ему свѣдѣнія въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. За доставленіе хорошихъ ремонтовъ Панютинъ 29-го января 1823 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ и произведенъ въ ротмистры въ 1825 году. Узнавъ о кончинѣ своего благодѣтеля въ Таганрогѣ, Панютинъ открылъ подписку на устройство въ Ромнахъ больницы для бѣдныхъ имени почившаго Государя. Это было принято съ великимъ участіемъ, и въ настоящее время эта больница въ Ромнахъ принимаетъ неимущихъ на лѣченіе безденежно. Встрѣчая неоднократно отставныхъ солдатъ въ крайней бѣдности, П. ходатайствовалъ о нихъ, но безуспѣшно. Это побудило его, наконецъ, написать императору Николаю I, что распоряженія августѣйшаго брата его, императора Александра I, къ успокоенію вѣрныхъ слугъ его не исполняются, многіе изъ нихъ блуждаютъ безъ пристанища, съ поникшею главою и угнетеннымъ сердцемъ, и изсохшими руками испрашиваютъ нищенское себѣ подаяніе. Вслѣдствіе этого письма Панютинъ неоднократно подвергался разнымъ допросамъ со стороны своего начальника, генерала Левашева, а въ результатѣ всего состоялся указъ, помѣщенный въ Сводѣ Законовъ (т. XIV, Уст. о пред. и пресѣч. преступ., ст. 236 по изд. 1856 года). Въ 1826 году Панютину было снова поручено купить ремонтъ для прусскаго кирасирскаго его величества полка; отличное исполненіе этого порученія—и при томъ съ значительнымъ сбереженіемъ—доставило Панютину монаршую награду: онъ получилъ брилліантовый перстень. Въ 1826 году онъ былъ, по своей о томъ просьбѣ, сдѣланъ членомъ Херсонскаго Губернскаго попечительнаго о тюрьмахъ комитета, что доставило ему возможность помогать бѣднымъ и страждущимъ. Часто посѣщая тюрьмы и видя дѣтей въ средѣ преступниковъ, онъ испросилъ разрѣшеніе начальства опредѣлять таковыхъ бѣдныхъ дѣтей въ кантонистскіе баталіоны и эскадроны.

Произведенный въ 1827 году, 8-го нояб-

ря, въ полковники, Панютинъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 и 1829 годовъ и находился при осадѣ Варны, а затѣмъ въ 1831 году, назначенный командиромъ Бѣлгородскаго уланскаго полка, онъ принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа и дѣйствовалъ сперва въ литовскихъ губерніяхъ, а съ 20-го сентября 1831 года—въ предѣлахъ Царства Польскаго и отличился въ сраженіи при Остроленкѣ. Получивъ за отличіе по службѣ въ 1832 году орденъ св. Анны 2-й степени, а затѣмъ въ 1835 году произведенный въ генералъ-маіоры, Панютинъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, а вскорѣ послѣ того (1836 г.) начальникомъ 1, 2, 3, и 4-го кавалерійскихъ округовъ Новороссійскихъ военныхъ поселеній и въ этомъ званіи сдѣлалъ много для страждущихъ. По его предложенію, въ Новогеоргіевскѣ (Херсонской губ.) была устроена больница для бѣдныхъ по подпискѣ, доставившей 20 т. руб. Увидѣвъ въ ратушѣ закованныхъ мѣщанъ, назначенныхъ къ высылкѣ въ отдаленныя мѣста за неплатежъ податей, онъ подалъ просьбу о томъ, чтобы таковыхъ лицъ, не высылая, отдавали въ поселенный полкъ, находившійся вблизи. Это было уважено. Встрѣтивъ однажды пасшаго свиней на большой дорогѣ бѣднаго ребенка, который оказался сыномъ дворянина, П. исходатайствовалъ исполненіе указа 1828 года, марта 8-го, — объ опредѣленіи дѣтей бѣдныхъ дворянъ въ кантонистскія заведенія, изъ которыхъ они могли поступать на службу офицерами. Въ 1836 г. въ Славянскѣ, заштатномъ городѣ Изюмскаго уѣзда, врачъ Яковлевъ открылъ цѣлебныя свойства озера Рѣпнаго, лежащаго близъ города, и его водами началъ пользовать больныхъ, но не имѣлъ средствъ къучрежденію надлежащаго лѣчебнаго заведенія. Между тѣмъ, П. получивъ въ 1837 году, октября 5-го, орденъ св. Владиміра 3-й степени и выйдя въ отставку въ 1838 году, пріѣхалъ туда лѣчиться, увидѣлъ жалкое состояніе цѣлебныхъ водъ и предложилъ устроить больницу для бѣдныхъ по подпискѣ. Получаемыя этимъ путемъ деньги расходовались на устройство помѣщенія для неимущихъ больныхъ и ихъ содержанія. Позднѣе, въ 1843 году, Панютинъ хлопоталъ объ учрежденіи больницы при Рѣпномъ озерѣ, что и осуществилось въ 1844 году открытіемъ больницы на 30 кроватей въ домѣ, пожертвованномъ помѣщикомъ Карповымъ. Эта больница постепенно все увеличивалась а вмѣстѣ съ тѣмъ учреждалось болѣе правильно и удобно само пользованіе водами въ Славянскѣ. Панютинъ ходатайствовалъ объ учрежденіи отдѣленія Харьковскаго благотворительнаго общества въ Славянскѣ и употреблялъ постоянно, со свойственнымъ ему безкорыстіемъ, всѣ доходы съ его имѣнія на дѣла благотворительности. Въ послѣдніе годы жизни онъ очень занимался вопросомъ о мнимо-умершихъ и о предупрежденіи возможности ихъ погребенія. Онъ писалъ объ этомъ Святѣйшему Синоду и выстроилъ особое помѣщеніе для таковыхъ лицъ возлѣ кладбища въ имѣніи своей жены (Екатеринославской губ., Павлоградскаго уѣзда, дер. Екатериновка), куда привозили нерѣдко мнимоумершихъ. Онъ постоянно былъ занятъ мыслью объ осуществленіи какого-либо благотворительнаго предположенія и, умирая 67 лѣтъ 19-го декабря 1855 года, завѣщалъ своему старостѣ любить и отнюдь не угнетать крестьянъ. Поставивъ цѣлью своей жизни великія слова: «любите другъ друга», онъ не упускалъ случая помогать ближнимъ и особенно облегчать участь страждущихъ и заключенныхъ. По человѣколюбію онъ можетъ быть названъ Говардомъ Южной Россіи.

Общій архивъ Главнаго Штаба, формул. списокъ 1840 г.; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» 1865 года. Прибавленія къ № 8 и 9.

П. Майковъ.

Панютинъ, *Левъ Константиновичъ*, талантливый беллетристъ и поэтъ; происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи и былъ сыномъ отставного лейтенанта (а потомъ штабсъ-капитана) Константина Петровича П.; род. въ Елизаветградскомъ уѣздѣ 22-го февраля 1831 г. Въ 1853 г. онъ имѣлъ чинъ колл. рег. и служилъ засѣдателемъ въ Херсонскомъ уѣздномъ судѣ. Свое литературное поприще П. началъ въ 1858 г., издавъ въ Москвѣ сборникъ своихъ «Стихотвореній». Въ началѣ 60-хъ годовъ онъ переселился въ Петербургъ, а съ 1863 г. въ «Голосѣ» стали появляться его фельe-

тоны (подъ псевдонимомъ «Нилъ Адмирари»), обратившіе на себя вниманіе своимъ живымъ языкомъ, наблюдательностью и вѣрнымъ изображеніемъ петербургской жизни и нравовъ; фельетоны эти въ 1872 г. были изданы отдѣльно въ 2-хъ томахъ подъ заглавіемъ «Собраніе повѣстей, очерковъ, корреспонденцій и проч. Нила Адмирари» (С.-Пб.). Кромѣ «Голоса» П. сотрудничалъ еще въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1867 г., т. XXI: «Элементы европейской цивилизаціи» и «Партіи въ Сибири»), въ «Недѣлѣ» (1866 г., № 1: «О трагедіи гр Толстого «Смерть Іоанна Грознаго»; «Увеселительные разсказы. Легенда о Петѣ ревнивомъ. О человѣкѣ-тряпкѣ»—приложеніе къ 7 № 1866 и къ 10 № 1867 г.) и въ «Будильникѣ». Изъ статей его въ «Голосѣ» назовемъ слѣдующія: «Нѣчто по поводу столицъ» (1863 г., № 100); «По вопросу о пролетаріатѣ» (1864 г., № 194 и 196); «Отвѣтъ г. Натальину» (о Публичной Библіотекѣ) — 1869 г., № 136; «Нѣчто о Неронѣ, трагедіи Н. П. Жандра» (1869 г., № 342—345); «Смерть Герцена. Толки по поводу ея. Наши герценисты и ихъ противники» (1870 г., № 18); «О комедіи Островскаго «Бѣшеныя деньги» (1870 г., № 107); «Горе отъ ума» на Александринской сценѣ» (1871 г. № 343 и 347 и мн. др.

Л. К. Панютинъ умеръ въ Петербургѣ, въ Обуховской больницѣ, 1-го декабря 1882 г. и погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи (дѣло Панютиныхъ по Херсонской губ., 1846 г.); Межовъ. Русск. Историч. Библіографія; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. II—IV; «Голосъ» 1870 г., № 172 (дѣло по обвиненію его купцомъ Мазуринымъ за оскорбленіе въ печати); «С.-Петерб. Вѣдомости» 1872 г., № 121; «Иллюстрир. Газета» 1872 г., № 15, стр. 234. *Б. Львовъ.*

Панютинъ, *Степанъ Ѳеодоровичъ*, статсъ-секретарь Е. В., тайный совѣтникъ; по происхожденію своему принадлежалъ къ древнему дворянскому роду, записанному по Нижегородской губерніи. Онъ родился 23-го октября 1822 года отъ брака отца его, Ѳеодора Сергѣевича (см. ниже) съ дѣвицею Надеждою Евграфовною Мерлиною (изъ дворянъ Московской губерніи). Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія С. Ѳ. Панютинъ, въ 1832 году, былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда, однако, по неспособности въ военной службѣ, былъ выпущенъ въ 1842 году для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. П. поступилъ тогда-же чиновникомъ для письма въ собственную канцелярію намѣстника Царства Польскаго—князя Паскевича-Эриванскаго, очень хорошо знавшаго отца Панютина, который въ то время командовалъ одною изъ дивизій, расположенныхъ въ предѣлахъ Царства. Пройдя послѣдовательно разныя канцелярскія должности, молодой Панютинъ скоро сдѣланъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ-фельдмаршалѣ и, какъ таковой, былъ, между прочимъ, посланъ оказать помощь населенію Радомской губерніи, пострадавшему отъ сильнаго разлива Вислы и развившагося вслѣдствіе этого тифа. Разъѣзжая по деревнямъ для облегченія страждущихъ и раздачи имъ денегъ, С. Ѳ. Панютинъ самъ заразился тифомъ, отъ котораго едва не умеръ. За успѣшное исполненіе своего порученія Панютинъ былъ награжденъ званіемъ камеръ-юнкера двора его величества. Затѣмъ П. находился въ свитѣ намѣстника, т.-е. при Главной квартирѣ дѣйствующей арміи во время непродолжительнаго Венгерскаго похода, былъ очевидцемъ многихъ сраженій и въ то же время состоялъ при Полномочномъ Коммисарѣ австрійскаго правительства для облегченія сношеній послѣдняго съ нашими войсками и за свое усердіе къ службѣ удостоился, по окончаніи кампаніи, пожалованія австрійскимъ орденомъ св. Стефана 4-й степени. Кромѣ того, П. былъ назначенъ секретаремъ бывшей въ Варшавѣ конференціи между нашимъ и австрійскимъ правительствами по опредѣленію долговой суммы за продовольствіе нашихъ войскъ въ предѣлѣ австрійской имперіи. Продолжая и послѣ этого состоять при намѣстникѣ Царства Польскаго князѣ Паскевичѣ въ должности чиновника особыхъ порученій, Панютинъ сопровождалъ его въ 1854 году въ Бухарестъ, куда князь направился въ званіи главнокомандующаго нашихъ войскъ, расположенныхъ по западной и южной границамъ и направленныхъ для дѣйствій противъ турокъ во время возникшей въ то время войны съ ними. Сильная контузія, полученная И. Ѳ.

Паскевичемъ 27-го мая 1854 года при осадѣ крѣпости Силистріи на Дунаѣ, принудила князя оставить театръ военныхъ дѣйствій и возвратиться въ Варшаву, гдѣ онъ скоро и скончался (20-го января 1856 г.) Панютинъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ покинулъ дѣйствующую армію и находился до самой его кончины въ Варшавѣ. Онъ съ великою благодарностью относился въ памяти князя Паскевича, портретъ котораго, а также и фотографическая копія съ памятника фельдмаршала неизмѣнно висѣли въ кабинетѣ Панютина до конца жизненнаго его пути.

Съ назначеніемъ намѣстникомъ Царства Польскаго князя М. Д. Горчакова, Панютинъ не нашелъ возможнымъ продолжать службу въ Варшавѣ и былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, и только вспыхнувшій мятежъ въ Сѣверо-западномъ краѣ вновь вызвалъ Панютина къ дѣятельности въ Варшавѣ, но весьма не надолго: онъ былъ назначенъ въ 1863 году предсѣдателемъ Слѣдственной Коммиссіи для разбора дѣлъ по политическимъ преступленіямъ и обратилъ на себя вниманіе графа М. Н. Муравьева (въ то время генералъ-губернатора Западнаго края), по представленію котораго и былъ назначенъ губернаторомъ въ Вильну. Въ этой должности Панютинъ явился однимъ изъ ближайшихъ и ревностнѣйшихъ сотрудниковъ какъ графа Муравьева, такъ и его преемниковъ—К. П. фонъ-Кауфмана и графа Э. Т. Баранова, принимавшихъ рѣшительныя мѣры къ усмиренію возстанія въ западныхъ губерніяхъ, къ возможному устраненію его на будущее время, а также къ обезпеченію крестьянскаго населенія этихъ мѣстностей землею и доставленію имъ независимости отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Панютинъ много заботился о постройкѣ православныхъ церквей, объ обезпеченіи быта православнаго духовенства, объ обученіи въ народныхъ школахъ русскому языку и о приданіи ему того значенія, которое онъ долженъ былъ имѣть въ Западномъ краѣ Однимъ словомъ, Панютинъ является выдающимся дѣятелемъ въ борьбѣ съ польскимъ вліяніемъ; какъ таковой, онъ и подвергся нападкамъ въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати того времени. Въ 1866 году въ Вильнѣ появилась холера, быстро развивавшаяся вслѣдствіе мѣстныхъ условій (какъ-то: густо населенныхъ домовъ, узкихъ улицъ, маленькихъ дворовъ, грязнаго содержанія домовъ и улицъ и т. д.). Благодаря личнымъ энергическимъ заботамъ губернатора, холера скоро прекратилась, и признательное городское общество просило Панютина принять званіе почетнаго гражданина г. Вильны. Но онъ скромно отказался отъ этой чести. Когда, съ назначеніемъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ генерала А. Л. Потапова, послѣдовали измѣненія въ отношеніи мѣръ дальнѣйшаго обрусенія края, Панютинъ оказался вынужденнымъ въ 1868 году оставить свою службу въ Вильнѣ. Онъ былъ снова причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника. По этому поводу существуетъ разсказъ, что предъ оставленіемъ Вильны Панютинъ имѣлъ разговоръ съ предшественникомъ Потапова, графомъ Барановымъ, сообщившимъ Панютину, что онъ заготовилъ уже представленіе о назначеніи ему майората въ Ковенской губерніи въ 5.000 рублей дохода. Панютинъ вспылилъ и сказалъ, что онъ долженъ былъ конфисковать и конфисковалъ имѣнія мятежниковъ, но никакъ не съ тѣмъ, чтобы они или ихъ дѣти могли когда-либо сказать, что онъ дѣлалъ это для того, чтобы передать чужія имѣнія своимъ дѣтямъ и внукамъ, и что поэтому онъ откажется отъ такой монаршей милости, если она уже состоялась. Барановъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія императора Александра II, который назначилъ Панютину при его причисленіи къ Министерству пожизненное содержаніе въ шесть тысячъ рублей.

Состоя при Министерствѣ, Панютинъ сдѣлался скоро членомъ, а затѣмъ и виднымъ дѣятелемъ образованнаго по почину императрицы Маріи Александровны Общества Краснаго Креста. Событія на Балканскомъ полуостровѣ, предшествовавшія минувшей войнѣ нашей съ Турціею, и въ особенности кровавя борьба въ Черногоріи побудили Общество Краснаго Креста послать въ Цетинье всѣ необходимыя средства для подачи раненымъ необходимой помощи. Съ этою цѣлью былъ снаряженъ въ Черногорію особый отрядъ подъ началь-

ствомъ главноуполномоченнаго Обществомъ П. А. Васильчикова, вскорѣ по домашнимъ обстоятельствамъ вернувшагося въ Россію. На мѣсто его прибылъ въ Цетинье, 9-го мая 1876 г., Панютинъ, вложившій всю свою душу въ дѣло помощи жертвамъ геройскаго народа. Дѣятельность отряда Краснаго Креста за это время чрезвычайно расширилась: приходилось помогать и черногорскому войску, и черногорскому народу, и его переселенцамъ. Пріѣхавъ 15-го мая 1876 г. въ Цетинье, Панютинъ вступилъ въ управленіе санитарнымъ отрядомъ и сталъ ежедневно обходить мѣстныя больницы, не разъ ѣздилъ въ Нѣгуши, чтобы устроить тамъ главную больницу, распоряжался всѣмъ съ особенною энергіею и, благодаря этому, весь санитарный персоналъ, ухаживавшій за больными, явился образцомъ человѣколюбія и самоотверженія. Труды Панютина были оцѣнены въ письмѣ къ нему князя Николая Черногорскаго отъ 17-го октября 1876 г.—передъ отъѣздомъ Панютина изъ Цетинье,— въ которомъ князь благодарилъ С. Ѳ. за его безграничное усердіе, ревностную дѣятельность и примѣрную распорядительность, благодаря коимъ дѣло благотворительности превзошло всѣ ожиданія и удовлетворило всѣмъ многочисленнымъ и жесточайшимъ лишеніямъ. Раненые, больные и неимущіе въ Черногоріи нашли въ Панютинѣ благодѣтеля, не отступавшаго ни передъ чѣмъ. Князь Николай наградилъ Панютина орденомъ князя Даніила 1-й степени, а императоръ Александръ II—орденомъ св. Владиміра 2 й степени за особыя услуги, оказанныя имъ черногорскимъ раненымъ.

Но возстаніе, охватившее Балканскій полуостровъ, вынудило, какъ извѣстно, Россію явиться на защиту ея единоплеменниковъ, послѣдствіемъ чего явилось памятное движеніе нашихъ войскъ чрезъ Балканскія горы къ стѣнамъ Константинополя въ 1877—1878 году. Ко времени заключенія перемирія въ Санъ-Стефано скопилось въ разныхъ пунктахъ, на пути отъ Балканскихъ горъ до Константинополя, огромное количество жертвъ войны, быстро пополнявшееся новыми; безусловно необходимо было быстро удалить этихъ больныхъ и раненыхъ съ театра войны, то-есть, было необходимо устроить правильную эвакуацію ихъ, ранѣе тормозившуюся ходомъ военныхъ дѣйствій. Это побудило главнокомандующаго нашею арміею въ 1878 году, графа Э. И. Тотлебена, предложить Панютину (14-го мая 1878 года), послѣ кончины князя Черкасскаго, принять на себя званіе предсѣдателя эвакуаціонной коммиссіи, вновь преобразованной для устройства правильной системы размѣщенія раненыхъ и больныхъ по госпиталямъ и лазаретамъ, расположеннымъ по южному склону Балканъ, далѣе въ предѣлы имперіи.

Панютинъ согласился и, явившись за Дунай въ качествѣ уполномоченнаго Краснаго Креста, умѣлою рукою быстро исполнилъ возложенную на него обязанность. Онъ обратилъ вниманіе на устроенный въ Санъ-Стефано складъ бѣлья, лѣкарствъ и госпитальныхъ принадлежностей, который дѣйствовалъ до конца эвакуаціи, а также на офицерскій госпиталь; кромѣ того, открылъ бараки и госпитальные шатры въ Андріанополѣ, Филиппополѣ, Софіи, Казанлыкѣ, Чаталджѣ, Горлу и др.; всѣ эти военные госпитали снабжались всѣмъ необходимымъ изъ складовъ; санитарный персоналъ былъ усиленъ врачами и сестрами Краснаго Креста. Для облегченія эвакуаціи учреждены были особые эвакуаціонные и этапные пункты. Развивавшаяся съ мая мѣсяца эпидемія вызвала усиленное передвиженіе больныхъ и раненыхъ на пароходахъ, на которыхъ были сдѣланы необходимыя къ тому приспособленія. Все это дало возможность эвакуировать болѣе 60.000 больныхъ и раненыхъ, при чемъ благодаря правильной сортировкѣ больныхъ, строгому наблюденію, при перевозкѣ, гигіеническихъ условій и предоставленіи больнымъ необходимыхъ удобствъ, не смотря на самое тщательное соблюденіе интересовъ казны—на пути умерло всего 75 человѣкъ.

Къ 6-му сентября 1878 года эвакуаціонная коммиссія закончила порученное ей дѣло. Графъ Тотлебенъ въ письмѣ къ Военному Министру Милютину свидѣтельствовалъ объ особенно полезной дѣятельности Панютина, благодаря усиленнымъ трудамъ и разумной распорядительности котораго была организована правильная эвакуація больныхъ

моремъ. При этомъ графъ Тотлебенъ ходатайствовалъ о награжденіи Панютина, который и удостоился въ концѣ 1878 года получить званіе статсъ-секретаря его величества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ сдѣланъ товарищемъ предсѣдателя Главнаго Управленія Краснаго Креста. Панютинъ отправлялъ эту обязанность до конца своей жизни. Нельзя не упомянуть, что, посѣщая госпиталь въ Санъ-Стефано, Панютинъ получилъ солнечный ударъ, который, какъ полагаютъ, былъ отдаленнымъ началомъ его предсмертной болѣзни, до появленія которой онъ очень короткое время служилъ съ графомъ Тотлебеномъ въ Одессѣ (въ бытность его временнымъ одесскимъ генералъ-губернаторомъ), завѣдуя гражданскою частью по управленію всего Новороссійскаго края. Здѣсь Панютинъ получилъ анонимное извѣщеніе за подписью Комитета анархистской партіи, что онъ обреченъ на казнь, а въ случаѣ неудачи—смерть должна была постичь его дочь, лѣчившуюся въ то время въ Крыму. По возвращеніи изъ Одессы въ 1880 году, Панютинъ принялся было за составленіе своихъ записокъ, но почти при самомъ началѣ отнялись у него въ 1883 году пальцы правой руки. Онъ сталъ-было пріучать себя писать лѣвою рукою, но врачи это ему воспретили, однако не могли остановить развитія прогрессивнаго паралича, вслѣдствіе котораго Панютинъ скоро лишился и лѣвой руки. Затѣмъ, въ продолженіе около двухъ лѣтъ, боролся онъ съ тяжкимъ недугомъ, не произнося ни ропота, ни жалобы на свое положеніе. Онъ умеръ въ Петербургѣ 4-го октября 1885 года и погребенъ въ С.-Петербургскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ; при похоронахъ его священникъ Казанскаго собора Михаилъ Соколовъ произнесъ надгробное слово, въ которомъ указалъ, что умершій Панютинъ, будучи человѣкомъ глубокихъ искреннихъ убѣжденій, не скрывалъ ихъ, не искалъ ни похвалъ, ни популярности, имѣлъ сострадательное сердце, всегда готовое самоотверженно послужить страждущему брату, и былъ при томъ человѣкомъ, ничего не ищущимъ и ни о чемъ не просящимъ. С. Ѳ. Панютинъ былъ чрезвычайно трудолюбивъ, энергиченъ, скроменъ и безкорыстенъ. По словамъ «Русской Старины», послѣ Панютина осталось ни мало интересныхъ бумагъ, и нельзя не пожелать, чтобы онѣ были разобраны и опубликованы. Панютинъ былъ съ 1844 года женатъ на фрейлинѣ Любови Ѳедоровнѣ Мирковичъ (род. въ 1821 году † 4-го октября 1885 года).

«Вѣстникъ Россійскаго Общества Краснаго Креста» 1885 г., № 41; «Московскія Вѣдомости» 1885 г., № 280, и 1852 г., № 282; «Русскій Инвалидъ» 1885 г., № 255; «Нива» 1885 г., № 50; «Русскій Архивъ» 1885 г., № 12, стр. 566; «Новое Время» 1885 г., № 3452; «Гражданинъ» 1885 г., № 80; «На память о Степанѣ Ѳедоровичѣ Панютинѣ», С.-Пб. 1886 г.; «Виленскій Календарь» на 1886 годъ, стр. 236; «Русская Родословная Книга»—Лобанова-Ростовскаго, изд. 1895 года, т. I, стр. 392; Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. 5-й, стр. 119. *П. Майковъ.*

Панютинъ, *Ѳедоръ Сергѣевичъ*, членъ Государственнаго Совѣта (отецъ предыдущаго), сынъ гв. прапорщика Сергѣя Ѳедоровича П. и Надежды Ѳедоровны, урожденной Козловой, родился въ 1790 году, и, получивъ первоначальное домашнее воспитаніе, въ 1807 г. былъ опредѣленъ въ Пажескій корпусъ, откуда, окончивъ курсъ ученія въ 1809 году, выпущенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ. Продолжая службу въ этомъ полку по 1820 годъ, Панютинъ уже въ чинѣ полковника былъ переведенъ послѣ извѣстной исторіи съ полк. Шварцемъ, въ Сѣвскій пѣхотный полкъ, а затѣмъ—назначенъ командиромъ Ревельскаго пѣхотнаго полка (въ 1826 году, 16-го сентября). Вмѣстѣ съ Семеновскимъ полкомъ, Панютинъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ Отечественной войны 1812 года; въ Бородинской битвѣ 24-го и 25-го августа онъ находился въ резервѣ арміи, а въ день 26-го августа—и въ самомъ сраженіи; затѣмъ, онъ былъ при Тарутинѣ и Малоярославцѣ. Точно также онъ находился и при переходѣ войскъ черезъ Нѣманъ, участвовалъ въ 1813 году въ сраженіи при Люцинѣ, Бауценѣ и въ Лейпцигской битвѣ (гдѣ былъ контуженъ ядромъ въ правую ногу) и, наконецъ, при взятіи Парижа 18-го марта 1814 года За всѣ эти сраженія онъ получилъ Анну 4 ст. за храбрость, Владиміра 4 ст. съ бантомъ и прусскій орденъ «Pour le mérite».

Произведенный въ 1828 г. (29-го сентября) въ генералъ-маіоры за отличіе, Панютинъ былъ назначенъ командиромъ

2-ой бригады 20-й пѣхотной дивизіи и, при возникшей въ 1828 году войнѣ съ Турціею, вмѣстѣ со всею дивизіею направленъ былъ на усиленіе войскъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, дѣйствовавшаго противъ Турціи со стороны Малой Азіи. Панютинъ участвовалъ въ упорномъ сраженіи при Баязетѣ, длившемся 32 часа, и былъ тяжело раненъ пулею въ бедро правой ноги. За отмѣнную храбрость, выказанную въ этомъ сраженіи, онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-го класса, но полученная имъ рана лишила его возможности участвовать въ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ Турецкой войны, окончившейся миромъ 1-го октября 1829 года По заключеніи мира, войска 20-й дивизіи возвратились на Кавказскую линію и были направлены главнокомандующимъ на Кавказѣ (въ то время графомъ Паскевичемъ) для покоренія непріязненныхъ Россіи народовъ, населявшихъ Кавказскія горы, въ особенности на р. Пшебсу, чтобы дѣйствовать противъ шапсуговъ.

Вспыхнувшее въ ноябрѣ 1830 года возстаніе въ Царствѣ Польскомъ заставило для его усмиренія направить русскую армію подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича въ предѣлы Польши. Панютинъ состоялъ при немъ въ это время и, слѣдуя къ арміи, былъ взятъ мятежниками въ плѣнъ, въ которомъ оставался съ 8-го по 20-е августа, а затѣмъ, вмѣстѣ съ ввѣреннымъ ему небольшимъ отрядомъ (1 полкъ пѣхоты съ полкомъ кавалеріи при 4 орудіяхъ), занималъ мѣстечко Петрикау до самаго окончанія этой войны въ 1831 году.

Командуя послѣ этого полками, а затѣмъ—8-й и 9-й дивизіями, Панютинъ стоялъ въ предѣлахъ бывшаго Царства Польскаго не вдалекѣ отъ австрійской границы. Возникшіе въ Галиціи и городѣ Краковѣ безпорядки были причиною того, что особый отрядъ русскихъ войскъ изъ Кельца подъ командою Панютина былъ направленъ въ предѣлы Австріи, занялъ Краковъ, а затѣмъ, по возстановленіи порядка, снова возвратился въ предѣлы Царства Польскаго.

Вскорѣ послѣ этого вспыхнуло возстаніе въ Венгріи, поставившее Австрію въ крайне затруднительное положеніе. Спасеніе Вѣны отъ гибели, по словамъ князя Шварценберга (въ письмѣ его къ Паскевичу), заключалось единственно въ немедленномъ появленіи русскихъ войскъ на правомъ крылѣ венгерцевъ (овладѣвшихъ уже Коморномъ на Дунаѣ); императоръ австрійскій, писалъ Шварценбергъ, не можетъ сомнѣваться въ намѣреніи своего августѣйшаго союзника, но опасается только, что извѣстіе о настоящемъ положеніи дѣлъ можетъ достигнуть до его величества лишь тогда, когда уже слишкомъ поздно будетъ помогать такими силами, которыхъ теперь было бы достаточно.

Паскевичъ, въ то время бывшій намѣстникомъ Царства Польскаго, не замедлилъ сообщить о томъ его величеству, а между тѣмъ получилъ отъ австрійскаго правительства новыя, еще болѣе настоятельныя просьбы о немедленной помощи, такъ какъ венгерскія войска подъ начальствомъ Гёргея уже приближались къ Вѣнѣ. Паскевичъ, не сомнѣваясь въ твердомъ намѣреніи своего государя оказать помощь Австріи, которой грозила неминуемая гибель, послалъ, не ожидая особаго высочайшаго повелѣнія, отдѣльный отрядъ изъ 4-хъ пѣхотныхъ полковъ и одной артиллерійской бригады подъ начальствомъ Панютина на усиленіе 7-й части австрійской арміи, которой угрожала наибольшая опасность отъ венгерцевъ.

Панютинъ немедленно двинулся съ дивизіею по желѣзной дорогѣ изъ Кракова къ Вѣнѣ и, доѣхавъ на другой день до Градиша (между Ольмюцемъ и Гедингомъ), по просьбѣ австійцевъ остановился (30-го апрѣля 1849 года), а затѣмъ двинулся къ нимъ на присоединеніе, такъ какъ въ это время венгерскія войска занялись осадою Офена, и австрійскій главнокомандующій Вельденъ (вскорѣ замѣненный фельдмаршаломъ бароном Гайнау) намѣревался перейти въ наступленіе. Панютинъ двинулся чрезъ Вартенбергъ къ Діосту, гдѣ находилась австрійская армія, и долженъ былъ находиться при главной арміи до сближенія ея съ арміею Паскевича.

Гёргей намѣревался разбить австрійцевъ до соединенія ихъ съ русскими войсками, но это ему не удалось, ибо въ сраженіи 8-го (20-го) іюня подъ Перёдомъ русскія войска Панютина доставили австрійцамъ побѣду, очень для

нихъ важную: они были на время обезпечены отъ нападеній венгерцевъ и могли сосредоточить свои войска на правомъ берегу Дуная для дѣйствія на Раабъ и Пештъ. Панютинъ при этомъ сжегъ еще мостъ чрезъ р. Ваагъ у Немеди. За это блестящее дѣло онъ былъ сдѣланъ генералъ-адъютантомъ его величества, австрійскій же императоръ наградилъ его орденомъ Желѣзной Короны 1-й степени.

Гёргей послѣ этого сраженія отошелъ къ Коморну, сильной крѣпости на р. Дунаѣ, къ которой скоро приблизились и австрійскія войска. Гайнау, разсчитывая на превосходство своихъ силъ, желалъ рѣшительнаго сраженія, которое произошло 20-го іюня (2-го іюля) и было сначала не благопріятно для австрійцевъ, но Панютинъ быстро, двинувшись имъ на помощь, своими удачными распоряженіями во время самого боя, доставилъ возможность нанести пораженіе венгерцамъ, которые отступили и заперлись въ крѣпости. Ихъ предводитель Гёргей былъ раненъ саблею въ голову, а командованіе венгерскими войсками принялъ Клапка.

Послѣ этого Гайнау чрезъ Офенъ и Пештъ двинулъ свои войска на лѣвый берегъ Дуная, чтобы идти къ нижней Тиссѣ и дѣйствовать противъ венгерскаго ополченія. При этомъ произошло сраженіе при Темешварѣ, въ которомъ Панютинъ опять оказалъ большую услугу тѣмъ, что, своевременно занявъ важное мѣсто Бѣшеново, далъ возможность австрійцамъ нанести венгерцамъ пораженіе, послѣ котораго ихъ южная армія перестала существовать. Панютинъ за участіе и распорядительность въ этомъ дѣлѣ былъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго; австрійцы же въ реляціи объ этомъ сраженіи совершенно умолчали о томъ участіи, которое выпало въ немъ на его долю.

Тѣмъ временемъ армія Гёргея сдалась Паскевичу, и Панютинъ получилъ приказаніе присоединиться съ ввѣренными ему войсками въ главной русской арміи, чѣмъ и закончилась эта двухмѣсячная кампанія, послѣ которой Панютинъ возвратился въ предѣлы отечества и былъ назначенъ въ 1849 году командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса.

Въ наступившую Крымскую войну при формированіи въ 1855 году въ Юго-Западномъ Краѣ средней арміи, Панютинъ былъ назначенъ командующимъ оною, но не имѣлъ случая принять дѣйствительнаго участія въ борьбѣ нашей съ англо-французскими войсками. Ввѣренная ему армія имѣла назначеніемъ, кромѣ охраненія края, служить главнымъ резервомъ для войскъ нашихъ, дѣйствовавшихъ и на Дунаѣ, и подъ Севастополемъ. За распорядительность и сформированіе необходимыхъ подкрѣпленій Панютинъ пожалованъ былъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени, а при расформированіи этой арміи послѣ заключенія Парижскаго мира былъ назначенъ Варшавскимъ военнымъ губернаторомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, присутствующимъ въ Варшавскихъ Департаментахъ Сената.

Позднѣе, въ 1861 году, Панютинъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта. Разстроенное его здоровье заставило его въ 1865 году просить объ увольненіи въ отпускъ за границу, но, получивъ на это разрѣшеніе, онъ вскорѣ же скончался—31-го мая 1865 года.

Панютинъ состоялъ шефомъ Александропольскаго пѣхотнаго полка и числился въ спискахъ л.-гв. Семеновскаго полка.

«Военный Сборникъ» 1865 года, № 7 и 1876 г., № 9 и 12; «Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 24; «Сынъ Отечества» 1865 г., № 133; «Мѣсяцесловъ на 1866 г.», стр. 101; «Русскій Инвалидъ» 1865 г., № 133; Справочн. энцикл. словарь Старевскаго, т. IX, ч. 1; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 185 лѣтъ. Фридрихсгамнъ. 1897 г., стр. 150—152, 872; Г. А. Мокрицкій. «Исторія 113-го пѣхотнаго Старорусскаго полка». С.-Пб. 1900 г., стр. 107—110, 127—149, 365—367.

П. М. Майковъ.

Паньковскій, *Левъ Лукичъ*, протоіерей Свято-Николаевской церкви въ мѣст. Верховичахъ, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи. Сынъ уніатскаго священника, Леопольдъ П. родился 31-го октября 1791 г. невдалекѣ отъ г. Бялы, въ Царствѣ Польскомъ. Образованіе получилъ въ Бяльскомъ публичномъ училищѣ (до 1812 г.), затѣмъ (съ 1818 г.)—въ Свислочской гимназіи и въ Виленскомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ, именовавшемся Главною семинаріею, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1821 г. со степенью магистра богословія. Въ 1823 г. 23-го іюля Паньковскій рукоположенъ былъ въ уніатскаго священника въ мѣстечкѣ Верховичахъ, Брестскаго

уѣзда, Гродненской губерніи, гдѣ и прослужилъ безсмѣнно 43 года, т.-е. до самой кончины своей, послѣдовавшей 31-го іюля 1866 г.

Протоіерей Паньковскій всю жизнь свою работалъ на пользу православной церкви среди окружающихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ козней и самыхъ трудныхъ препятствій, поставляемыхъ всюду защитниками «польско-папской справы». Ему выпало на долю быть участникомъ того громаднаго дѣла, каковымъ было единовременное и единодушное возвращеніе путемъ убѣжденія, а не насилія, всей уніатской митрополіи къ вѣрѣ отцовъ—вѣрѣ православной, насильно отнятой у ихъ прапрадѣдовъ папскимъ латинствомъ. Вотъ хронологическія даты участія его въ этомъ великомъ дѣлѣ: въ 1824 г.—экзаменаторъ Каменецкаго благочинія; 1-го мая 1827 г. — депутатъ присутственныхъ мѣстъ въ Брестскомъ уѣздѣ; 15-го сентября 1833 г., вмѣстѣ съ другими лучшими образованными людьми изъ греко-уніатскаго духовенства, вызванъ въ Жировицы по дѣлу присоединенія уніатовъ къ православію и назначенъ засѣдателемъ Литовской Консисторіи, затѣмъ, 28-го мая 1838 г.,—засѣдателемъ греко-уніатской духовной коллегіи или 2-го департамента римско-католической коллегіи; въ 1835 г. ѣздилъ по тому же дѣлу въ Петербургъ (гдѣ пробылъ до 1840 г.) и 15-го іюля 1837 г. произведенъ въ протоіереи. Обладая знаніемъ страны и населенія, знакомый съ средствами, сильными и слабыми сторонами польско-іезуитской пропаганды, о. Паньковскій безъ сомнѣнія трудился въ этомъ дѣлѣ съ большою пользою. По возсоединеніи уніатовъ, ему пришлось воспитывать народъ въ истинахъ православія и отражать интриги противниковъ, чего онъ и достигалъ постоянными проповѣдями, бесѣдами и наставленіями прихожанъ своихъ въ догматахъ вѣры и правилахъ христіанской нравственности.

«Литовскія Епарх. Вѣдом.» 1866 г., № 17, стр. 731—748 (Некрологъ, А. Будзиловича) и Архивъ Деп. Герольдіи. *К. Здравомысловъ.*

Папаегоровъ, *Егоръ Дмитріевичъ*, вице-адмиралъ. Родился въ 1776 г., а въ 1787 г. поступилъ въ Херсонскій кадетскій корпусъ, изъ котораго выпущенъ въ 1790 г. гардемариномъ. Съ этого года по 1798 г. П. плавалъ въ Черномъ морѣ, а затѣмъ на кораблѣ «Св. Михаилъ» отправился въ Корфу и до 1800 г. крейсировалъ въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ. Въ слѣдующемъ году онъ производилъ опись лѣсовъ въ Крыму, а въ 1802 г., на кораблѣ «Св. Марія Магдалина», снова началъ плавать въ Черномъ морѣ и, съ небольшими перерывами для службы на берегу, проплавалъ на разныхъ судахъ почти 25 лѣтъ. Въ 1828 г., въ чинѣ капитана 1-го ранга, командуя кораблемъ «Св. Іоаннъ-Златоустъ», участвовалъ въ сраженіяхъ подъ крѣпостями Анапа и Варна, гдѣ за то, что «заставилъ замолчать турецкія батареи и стрѣлковъ», удостоился особаго монаршаго благоволенія и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и 2-хъ-годовымъ окладомъ жалованья. Въ 1830 г., произведенный въ контръ-адмиралы, П. командовалъ 2-й бригадой 4-й флотской дивизіи; въ 1847 г. пожалованъ въ вице-адмиралы. Умеръ въ Одессѣ 4-го декабря 1852 г.

Общій морской списокъ, т. V; «Морск. Сборн.» 1861 г. т. LV, № 9. Лееръ: Энциклоп. военн. и морск. наукъ, т. V; А. Кротковъ: Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. С.-Пб., 1894 г. *Б. Сав.*

Папандопуло (Попандопуло), *Григорій Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, членъ Аудиторіата штаба Черноморскаго флота и портовъ; род. въ 1786 г. въ Греціи, на о. Зеа, въ дворянской семьѣ, на 8-мъ году отъ роду поступилъ въ Греческій кадетскій корпусъ, но въ 1796 г. перешелъ въ С.-Петербургскій Морской корпусъ, откуда въ 1798 г. поступилъ въ Балтійское штурманское училище ученикомъ. Окончивъ курсъ, П. остался здѣсь учителемъ и занимался съ учениками училища практическими работами въ теченіе 1800, 1801, 1802 и 1803 гг.; въ 1800 г. П. былъ произведенъ въ штурмана 14-го класса; получивъ 10-го марта 1803 г. чинъ мичмана, П. былъ въ заграничномъ плаваніи на разныхъ судахъ до 1812 г., въ 1810 г. получилъ чинъ лейтенанта, а въ 1821 г.—капитанъ-лейтенанта. Въ 1812—1814 гг. П. былъ въ Черномъ морѣ, служа въ Севастополѣ, въ 82-мъ флотскомъ экипажѣ, гдѣ занимался обученіемъ гардемариновъ «эволюціи и пушечной экзерциціи» и съ этого

времени уже безпрерывно состоялъ въ Черноморскомъ флотѣ, сперва въ качествѣ офицера, а съ 1818 г.—командира разныхъ канонерскихъ лодокъ, при чемъ начальствомъ всегда отмѣчался, какъ «лучшій офицеръ». Съ 1820 г. по 1826 г. П. служилъ въ Николаевѣ въ разныхъ флотскихъ экипажахъ. Въ 1827 г. (24-го августа) П. былъ назначенъ, съ переименованіемъ въ подполковники,—командиромъ 14-го рабочаго экипажа, гдѣ и прослужилъ до 1832 г., когда высочайшимъ приказомъ отъ 18-го мая былъ опредѣленъ членомъ Аудиторіата штаба Черноморскаго флота и портовъ; за время многолѣтней службы своей въ этомъ званіи, П. неоднократно получалъ ордена и другія награды и произведенъ былъ 4-го ноября 1836 г. полковникомъ, а 30-го августа 1848 г. — генералъ-маіоромъ. П. умеръ въ 1855 (?) году. Онъ былъ женатъ на Елизаветѣ Ивановнѣ Бордака, дочери генералъ-маіора; одинъ изъ его сыновей—Иванъ Григорьевичъ—былъ вице-адмираломъ (см. ниже).

Формулярный списокъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи (дѣло о дворянствѣ П.); «Русск. Арх.», 1881 г., т. III, стр. 367; Архивъ Капитула Орденовъ. *Б. Львовъ.*

Папандопуло, *Иванъ Григорьевичъ*, вице-адмиралъ, герой севастопольской обороны, сынъ предыдущаго, родился въ Николаевѣ 20-го апрѣля 1823 года, умеръ 31-го октября 1891 года въ Одессѣ; похороненъ въ Севастополѣ. 14-ти лѣтъ, въ 1837 году, И. Г. поступилъ на службу въ Черноморскій флотъ гардемариномъ и въ 1839 г. былъ произведенъ въ мичманы; въ 1849 году онъ получилъ чинъ лейтенанта. Въ 1850 году П. былъ назначенъ сопровождать наслѣдника цесаревича Александра Николаевича и великихъ князей Константина, Николая и Михаила Николаевичей въ ихъ заграничномъ плаваніи, по возвращеніи изъ котораго былъ награжденъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ бриллiантовымъ перстнемъ. Вскорѣ затѣмъ началась Крымская война, и И. Г. былъ назначенъ старшимъ лейтенантомъ на «Владимірѣ». 5-го ноября 1853 года генералъ-адъютантъ Корниловъ приказалъ этому судну, подъ командою адмирала Г. И. Бутакова, отправиться къ азіатскому берегу Чернаго моря. Здѣсь, между Керемпе и Амастро, «Владиміръ» встрѣтилъ турецко-египетскій 10-ти-пушечный корабль «Первасъ-Бахры» и вступилъ съ нимъ въ бой. Послѣ непродолжительнаго сраженія «Первасъ-Бахры» сдался и былъ названъ «Корниловымъ» и, подъ командой Папандопуло, приведенъ былъ въ Севастополь. И. Г. за отличіе въ этомъ сраженіи произведенъ въ капитанъ-лейтенанты и награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Когда англо-французскія войска осадили Севастополь, Папандопуло командовалъ фрегатомъ «Одесса». 26-го мая 1855 года непріятель бросился на приступъ Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Въ это время И. Г. со своимъ фрегатомъ подошелъ къ Киленъ-Балкѣ, гдѣ наканунѣ былъ взорванъ непріятельскій пороховой погребъ, и обстрѣливалъ редутъ, что много способствовало непріятельской неудачѣ. Несмотря на то, что въ этотъ день сигналисты насчитали 3.000 бомбъ, упавшихъ на редуты, непріятель не пріобрѣлъ ни одного клочка земли. Утромъ 6-го іюня союзныя войска устремились на 1-й и 2-й бастіоны и Малаховъ курганъ. Папандопуло съ своего фрегата обстрѣливалъ наступившихъ непріятелей до тѣхъ поръ, пока штурмъ не былъ отбитъ. За отличіе въ этомъ сраженіи И. Г. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 2-й степени съ мечами. Во время послѣдняго штурма на Малаховъ курганъ, 27-го августа, П. дѣйствовалъ между Киленъ-бухтой и Георгіевскими погребами. Одна изъ бомбъ, упавшихъ на фрегатъ, произвела пожаръ: одновременно загорѣлись кормовая и носовая части, и запылала шкиперская каюта. П. не потерялся: онъ хладнокровно сдѣлалъ распоряженіе объ отступленіи съ боевой позиціи и сохранилъ невредимымъ почти весь свой экипажъ. За это онъ получилъ въ награду орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами. Во время Крымской войны, командуя бастіономъ № 5-й, И. Г. былъ сильно контуженъ въ заднюю часть головы, вслѣдствіе чего ему было разрѣшено носить во всѣхъ случаяхъ вмѣсто шляпы фуражку. За отличія въ кампаніи П., кромѣ упомянутыхъ наградъ, получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость» и орденъ св. Георгія 4-й степени.

По окончаніи войны, И. Г. Папандопуло былъ переведенъ въ Балтійскій флотъ и

опредѣленъ командиромъ винтового корвета «Посадникъ», назначеннаго въ дальнее плаваніе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ снова былъ переведенъ въ Черное море и назначенъ командиромъ корвета «Удавъ» и 40-го флотскаго экипажа. Въ 1866 году онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а въ 1868 награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени съ мечами надъ орденомъ. Въ 1871 г. онъ былъ назначенъ завѣдующимъ морскою частью въ Севастополѣ, а въ 1873 г.—командиромъ Севастопольскаго порта. Въ 1874 году П. произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1877 г. во время Русско-турецкой войны онъ былъ назначенъ завѣдующимъ оборономъ съ моря и начальникомъ флотиліи, а въ 1884 г. произведенъ въ вице-адмиралы и уволенъ отъ службы. Независимо отъ боевого поприща, И. Г. занималъ много административныхъ должностей. Будучи въ послѣднее время командиромъ надъ Севастопольскимъ портомъ, онъ не разъ исполнялъ должность Севастопольскаго градоначальника, участвовалъ въ 1872 г. въ качествѣ члена Высочайше утвержденной подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Аракса, коммиссіи, по устройству Севастополя въ военномъ, административномъ и коммерческомъ отношеніяхъ. Въ 1888 и 1889 гг. И. Г. вторично принималъ участіе въ коммиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ адмирала А. А. Пещурова, по тому же вопросу. Интересующій всѣхъ севастопольцевъ-моряковъ вопросъ о постройкѣ военнаго музея живо интересовалъ и П., который и состоялъ предсѣдателемъ коммиссіи по устройству этого музея. Благодаря его энергичной дѣятельности, музей обладаетъ нынѣ массою драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. И. Г. былъ также предсѣдателемъ комитета Минковской школы для дѣтей морскихъ инвалидовъ.

Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей (Севастопольской) войны. Изд. Н. Путилова, кн. I, С.-Пб. 1854 г., отд. IV, стр. 20, 22, 23; кн. 29, С.-Пб. 1856 г., стр. 360; «Новое Время» 1891 г., № 5635; Русскій календарь Суворина на 1893 г, стр. 333; «Крымскій Вѣстникъ» 1891 года, № 237 и 240; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1891 г., № 129; «Новороссійскій Телеграфъ» 1891 г., № 527; «Одесскія Новости» 1891 г., № 2107; Метрическое свидѣтельство о рожденіи, хранящееся въ Департаментѣ Герольдіи. *И. Давидовичъ.*

Папандопуло (Попондопуло), *Константинъ Анастасьевичъ*, врачъ, писатель; происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1787 г. Получивъ образованіе въ «университетскомъ, 150 рублеваго содержанія, пансіонѣ», а затѣмъ—въ Ясской и Бухарестской гимназіяхъ, П. поступилъ въ 1808 г. въ Московскій университетъ, гдѣ слушалъ лекціи: всеобщей и русской исторіи, краснорѣчія и поэзіи, теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, антропологіи, политической экономіи, римскаго права и физики, обучая въ то же время (съ 1809 г.) классъ этимологіи греческаго языка въ Университетской гимназіи. Въ 1812 г. П. окончилъ курсъ университета и получилъ званіе кандидата, а въ 1814 г.—степень магистра словесныхъ наукъ, избранъ былъ членомъ Общества испытателей природы и 11-го марта того же года уволился отъ преподаванія греческаго языка въ гимназіи. Опредѣлясь 15-го іюня того же года въ коммиссаріатскій штатъ коммиссіонеромъ 9-го класса, П. во время кампаніи 1815 г. находился при дѣйствующей арміи сперва въ коммиссаріатѣ, а затѣмъ—въ канцеляріи генер.-лейт. Канкрина; въ 1816 г. онъ уволился въ отставку и занялся въ Москвѣ медициной; въ 1818 г. онъ издалъ книгу: «Антипанацея, или о причинахъ, каковыя по большой части дѣлаютъ трудными къ лѣченію или неизлѣчимыми болѣзни, которыя сами въ себѣ не суть таковы; сочиненіе Анастасія Георгіевича; переводъ съ эллино-греческаго» (М. 1818); за поднесеніе ея имп. Александру I-му получилъ отъ него въ 1823 г. брилліантовый перстень. Въ 1821 г. П. сдалъ экзаменъ при Московскомъ университетѣ, отъ котораго 1-го іюля и получилъ званіе лѣкаря второго отдѣленія. Занявшись съ этихъ поръ частной практикой, П. въ 1826 г. опредѣлился на казенную службу лѣкаремъ при Московскомъ Почтамтѣ и въ томъ же году (13-го декабря) произведенъ былъ штабъ-лѣкаремъ; въ 1831 г. онъ занялъ тамъ должность младшаго доктора и въ томъ же году получилъ, по представленію Московскаго военнаго генералъ-губернатора, орденъ Анны 3-й степени за успѣшную дѣятельность по прекращенію въ Москвѣ холеры. Въ 1844 г. П. вышелъ изъ почтоваго вѣдомства а, 9-го іюня 1845 г. опредѣлился

лѣкаремъ въ Московскую контору Государственнаго Коммерческаго Банка, и, прослуживъ здѣсь до 1848 г., вышелъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Съ 1850 года онъ служилъ штабъ-лѣкаремъ при Московскомъ Горномъ Правленіи; въ этомъ званіи упоминается еще въ 1864 году; время смерти его неизвѣстно.

Въ 1820 г. П. подарилъ въ библіотеку Московской Практической Коммерческой Академіи 10 экз. изданной имъ «Россійско-греческой грамматики», которой, однако, мы не нашли въ каталогахъ. Въ 1864 г. П. издалъ еще маленькую брошюру (8 стр.): «Краткое гигіеническое наставленіе» (М.). П. былъ женатъ на дочери академика Любови Андреевнѣ Мартыновой, двоюродной сестрѣ извѣстныхъ братьевъ А. Я. и К. Я. Булгаковыхъ; онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ славнымъ докторомъ М. Я. Мудровымъ. Въ 1864 г. П. былъ членомъ Физико-медицинскаго Общества; вообще онъ пользовался извѣстностью, какъ человѣкъ, многосторонне-образованный, хорошій медикъ и естествоиспытатель.

Сенатскій Архивъ, форм. списки 1813 г., № 55, л. 111; Архивъ Департ. Герольдіи: дѣла П. по Московской губ. 1834 и 1850 г.; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1820 г., № 20, стр. 224; «Русск. Архивъ» 1870 г., стр. 376; «Книги адресовъ г. Москвы» 1850—1865 г.; «Русск. Архивъ» 1900 г., № 8, стр. 452.

Б. Львовъ.

Папандопуло (Попандопуло), *Эммануилъ Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ русской службы, родомъ грекъ. Образованіе получилъ въ Россіи—въ учрежденной кн. Потемкинымъ-Таврическимъ греческой гимназіи при Инженерно-артиллерійскомъ шляхетномъ корпусѣ (нынѣ 2-й кадетскій). Въ 1781 г. П. былъ выпущенъ изъ корпуса офицеромъ. Во время 2-й турецкой войны онъ въ 1788 г. участвовалъ въ штурмѣ Очакова и въ другихъ дѣлахъ противъ турокъ, при чемъ за отличіе подъ мѣстечкомъ Коушанъ былъ переведенъ въ Генеральный штабъ. По заключеніи мира съ Портою, П. сопровождалъ наше посольство въ Царьградъ и участвовалъ въ описаніи двухъ ведущихъ къ нему дорогъ. Въ 1803 г. изъ войскъ Каменецкаго гарнизона П. сформировалъ, въ составѣ баталіона и артиллерійской команды съ 12-ю орудіями, отрядъ, съ которымъ въ 1804 г. отправился въ Корфу, гдѣ занятъ былъ устройствомъ регулярной арміи Іонической республики. Въ томъ же году произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1805 г. съ сформированнымъ имъ изъ греческихъ народностей легіономъ отплылъ съ русской эскадрой въ Неаполь и въ 1806 г. командовалъ нашими войсками въ Бокка-ди-Каттаро. Отличился въ дѣлѣ противъ французовъ при Кастель-Нуово и послѣ длившагося болѣе 7 часовъ сраженія занялъ Кастель-Нуово 19-го сентября 1806 г. Въ исходѣ 1806 г. П. сдѣланъ былъ шефомъ Колыванскаго мушкетерскаго полка и, принявъ начальство надъ этимъ полкомъ и всѣми греческими войсками, противодѣйствовалъ съ успѣхомъ Али-Пашѣ Янинскому. Въ крѣпости Парча, въ 1807 г., образовалъ еще три легіона, а на островѣ Санто-Мавро, которому угрожало нападеніе Али-Паши, устроилъ нашу оборону. Послѣ Тильзитскаго мира П. возвратился съ своимъ полкомъ черезъ австрійскія владѣнія въ Россію. Находясь потомъ въ составѣ Молдавской арміи, онъ отличился въ нѣсколькихъ дѣлахъ съ турками, а 11-го іюня 1810 г. былъ убитъ подъ Шумлою. Мужского потомства послѣ него не осталось. Дочь его, *Марія Эммануиловна* (ум. въ Одессѣ въ январѣ 1873 г.), воспитанница С.-Пб. Екатерининскаго института (вып. 1823 года), пріобрѣла извѣстность въ Одессѣ своею широкою благотворительностью и полезными трудами въ мѣстномъ женскомъ благотворительномъ Обществѣ.

Энциклопедія военн. и морскихъ наукъ, т. V, стр. 547, изд. 1891 г.; Военно-энциклоп. лексиконъ, изд. 2-е, т. X, стр. 174; «Военн. журналъ» 1810 г., кн. 3, стр. 89—91 (некрологія). Некрологъ М. Э. Попандопуло. Одесса. 1873 г.

П. Клокачевъ.

Папаригопуло, *Александръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, дѣятель Кавказскаго края, ум. 10-го апрѣля 1890 года въ Петербургѣ. Служилъ сначала въ русской арміи (съ 18-го января 1845 г.), а потомъ, въ 1848 году, оставилъ военную службу и поступилъ въ Канцелярію кавказскаго намѣстника князя М. С. Воронцова—исправляющимъ должность столоначальника Новороссійскаго стола, съ чиномъ коллежскаго регистратора. Въ 1850 г. онъ былъ назначенъ младшимъ, а черезъ годъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій при намѣстникѣ Кавказа. Въ должности чиновника особыхъ пору-

ченій П. былъ до 1868 года, служа, кромѣ Воронцова (до 1854 г.), при намѣстникахъ: генералѣ отъ инфантеріи Н. Н. Муравьевѣ I—съ 1854 по 1856 г.; князѣ А. И. Барятинскомъ—съ 1856 г. по 1863 г., и великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ—съ 1863 г. по 1868 годъ. За это время службы А. И. въ 1860 г. былъ произведенъ въ статскіе, а 1863 г. (28-го декабря) въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1868 г. Папаригопуло былъ назначенъ вице-директоромъ Департамента Главнаго Управленія намѣстника кавказскаго; въ этой должности онъ находился до 1873 г., когда былъ опредѣленъ на постъ начальника почтоваго округа Кавказа. Въ 1876 году произведенный былъ въ тайные совѣтники, П. въ 1880 г. вышелъ въ отставку, въ которой былъ по 1888 годъ, когда снова поступилъ на службу при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, гдѣ и находился до смерти. Одно время П. состоялъ еще членомъ Совѣта Закавказскаго дѣвичьяго института.

«Новое Время» 11-го апрѣля 1890 г., № 5069; Адресъ-календари 1849—1890 гг.

Ив. Давидовичъ.

Папафило, *Николай,* магистръ словесныхъ наукъ. Былъ лекторомъ итальянскаго и греческаго языковъ въ Московскомъ университетѣ. Упоминается въ спискѣ лекцій на 2-ю половину 1757 г. («Итальянскаго языка обучать будетъ, а притомъ піитъ и риторовъ греческихъ изъяснять имѣетъ») и по 1758 г., но въ спискѣ на 1759 г. его уже нѣтъ. Папафило домогался званія экстраординарнаго профессора, но на это не послѣдовало согласія Шувалова. Въ гимназіи онъ преподавалъ тоже итальянскій языкъ и начала греческаго. Въ маѣ 1762 г. уѣхалъ за границу.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго университета». М. 1855 г., т. II, стр. 208. *Н. Тупиковъ.*

Папахристо, *Григорій Аргировичъ,* вице-адмиралъ, членъ Аудиторіатскаго Департамента Морского Министерства, род. въ 1780 г., ум. 16 го февраля 1848 г. въ С.-Петербургѣ. Воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ въ 1796 г. Произведенный въ 1797 г. въ гардемарины, П. плавалъ два года въ Балтійскомъ морѣ и 1-го мая 1799 г. произведенъ былъ въ мичманы. Службу началъ на эскадрахъ, крейсировавшихъ въ Балтійскомъ морѣ между Кронштадтомъ, Стокгольмомъ, Фридрихсгамомъ и Роченсальмомъ, гдѣ въ 1801 г. командовалъ канонерской лодкой, а въ 1803 и 1804 гг. находился въ кампаніи на брандвахтенныхъ судахъ. Въ 1805 г. П. командовалъ военнымъ транспортомъ № 8, на которомъ перешелъ изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Затѣмъ, въ 1806 г., на кораблѣ «Сильный», въ отрядѣ капитанъ-командора Игнатьева, перешелъ изъ Кронштадта въ Корфу и въ эскадрѣ вице-адмирала Сенявина плавалъ въ Адріатическомъ морѣ. Въ чинѣ лейтенанта (1807 г) на фрегатѣ «Арменія» перешелъ изъ Бокка-ди-Каттаро въ Корфу, откуда на бригѣ «Фениксъ» — въ Тріестъ и на томъ же бригѣ въ Венецію, гдѣ и оставался до 1810 г. По сдачѣ брига французскому начальству, онъ отправился вмѣстѣ съ командою сухимъ путемъ изъ Неаполя въ Николаевъ. Съ 1811 по 1815 г. П. крейсировалъ на бригѣ «Евлампій» и кораблѣ «Лѣсной» въ Черномъ морѣ у абхазскихъ и румелійскихъ береговъ и былъ въ кампаніи на Севастопольскомъ рейдѣ на кораблѣ «12 Апостоловъ». Командовалъ въ 1816 г. люгеромъ «Экспедиціонъ» у береговъ Мингреліи и по 1821 г, уже въ чинѣ капитанъ лейтенанта, крейсировалъ ежегодно въ Черномъ морѣ. Въ 1821 г. начальствовалъ бригомъ «Орфей», плавалъ съ гардемаринами и штурманскими учениками по портамъ Чернаго моря, а въ слѣдующіе четыре года на томъ же бригѣ былъ въ крейсерствѣ у абхазскихъ береговъ и при практической эскадрѣ; въ 1825 г. получилъ чинъ капитана 2-го ранга, а въ 1826 г. назначенъ былъ командиромъ 35-го Флотскаго экипажа въ Николаевѣ и вновь строившагося тамъ же корабля «Императрица Марія», который, затѣмъ, привелъ въ Севастополь. Въ августѣ 1828 г. командуя тѣмъ же кораблемъ, участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ Варны, куда доставилъ сухопутный десантъ 2-го октября 1828 г. П. перешелъ на томъ же кораблѣ съ императоромъ Николаемъ изъ Варны въ Одессу, выдержавъ на пути сильный штормъ; въ продолженіе

48 часовъ, привязанный къ мачтѣ, П. не покидалъ своего поста, и когда императоръ приказалъ ему пристать къ берегу, то онъ, въ почтительной формѣ, но рѣшительно отказался отъ исполненія приказанія, чему государь не противорѣчилъ. 8-го октября онъ былъ за отличіе награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ декабрѣ того же года П. присоединился со своимъ кораблемъ къ флоту адмирала Грейга. 1-го января 1829 г. былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга и въ томъ же году, командуя тѣмъ же кораблемъ, въ составѣ крейсировавшей у турецкихъ береговъ эскадры контръ-адмираловъ Кумани и Стожевскаго, находился при взятіи Инады, Мидіи и Сизополя; за взятіе послѣдняго награжденъ золотой саблей съ надписью «за храбрость». Въ 1830 г. П. перевозилъ изъ Турціи войска и тяжести въ Крымъ и Одессу, въ 1831 и 1832 гг. находился въ Севастополѣ. Въ 1833 г. командуя тѣмъ же кораблемъ, перешелъ изъ Севастополя въ Константинопольскій проливъ на Буюкдерскій рейдъ, откуда съ десантными войсками перешелъ въ Ѳеодосію. Въ память пребыванія въ Константинополѣ россійскихъ вспомогательныхъ войскъ, онъ получилъ отъ турецкаго султана золотую медаль. На томъ же кораблѣ находился въ 1834 г. въ практическомъ крейсерствѣ по Черному морю. 6-го апрѣля 1835 г. П. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й флотской дивизіи въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1836 г. П. былъ въ крейсерствѣ съ флотомъ адмирала Кроуна и зимовалъ съ своимъ отрядомъ въ Свеаборгѣ. До 1843 г. ежегодно крейсировалъ по Балтійскому морю, имѣя свой флагъ попеременно на корабляхъ: «Іезекіилъ», «Императоръ Александръ I», «Императрица Александра» и «Гангутъ». Въ 1840 г. П. былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 1-й степени, а 6-го декабря 1843 г. произведенъ въ вице-адмиралы и назначенъ членомъ Морского Генералъ-Аудиторіата. Скончался скоропостижно 16-го февраля 1848 г. при выходѣ изъ Зимняго Дворца послѣ большого придворнаго бала. Государь, узнавъ о случившемся, самъ сошелъ внизъ и отдавалъ приказанія. 19-го февраля, въ день погребенія (на Смоленскомъ кладбищѣ), государь шелъ за гробомъ изъ адмиралтейской церкви до Исаакіевскаго моста.

Общій Морской списокъ, ч. VI, «Царствованіе Павла I», С.-Пб., 1892 г., стр. 160—162; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», т. V, стр. 547, изд. 1891 г.; «Морской Сборникъ», 1849 г., № 2, стр. 139—142; «Русская Старина» т. 33, стр. 830 и т. 75 (1892 г.: Русскіе достопамятные люди изъ собранія С. Д. Полторацкаго), стр. 28—29; «Русскій Архивъ» 1888 г., т. 3: Изъ записной книжки гр. П. Х. Граббе, стр. 230 и 365. *П. Клокачевъ.*

Папенгутъ, *Христоферъ Ивановичъ* (Christoph-Maximilian-Heinrich), врачъ, сынъ врача колл. асс. Ивана Христоферовича Папенгута (Iohann-Friedrich, р. 1744, ум. 14-го октября 1825 г.), родился въ имѣніи «Атлитценъ», въ Курляндіи, 9-го октября 1785 г. (метрика; въ его диссертаціи сказано, что онъ родился въ 1783 г., а Рекке и Напіерскій датой его рожденія считаютъ 18-го октября 1785 г.), гдѣ жилъ его отецъ, служившій тогда хирургомъ при дворѣ герцога Курляндскаго; первоначально обучался въ школѣ въ Суббатѣ, съ 1799 до 1802 г. былъ ученикомъ въ митавской аптекѣ Куммерауша, затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ; здѣсь онъ служилъ аптекарскимъ помощникомъ и въ то же время слушалъ медицинскія лекціи. Въ 1807 г., во время войны, Папенгутъ состоялъ при походной аптекѣ, въ 1809 г. открылъ собственную аптеку въ Гродненской губерніи, а въ 1818 г. напечаталъ диссертацію и получилъ степень доктора медицины и хирургіи отъ медицинскаго факультета въ Бреславлѣ; затѣмъ онъ подвергался въ Виленскомъ университетѣ испытаніямъ на тѣ же степени 3-го сентября 1827 г. Въ 1825 г. онъ присягалъ на вѣрность Россіи. Въ 1846 и 1847 г., въ чинѣ коллежскаго ассессора, служилъ операторомъ Волынской врачебной управы и врачемъ Волынской губернской гимназіи, но съ 1848 г., за смертію или выходомъ въ отставку, уже не значится въ Адресъ-Календаряхъ.

Дисс.: «De vi dynamica, quam exserunt in organismum humanum res externae tribus naturae regnis enatae» Vratislaviae, 1818, 4°, 44 стр.

Архивъ Департ. Герольдіи (Дѣло о дворянствѣ Папенгутовъ 1833—1835 г.); Рекке и Напіерскій: Allgem. Schriftst. und Gelehrten—Lex. T. III, Митава. 1831, стр. 362; Адресъ-Календари на 1847 и 1848 г., ч. I.

Н. Кулябинъ.

Папенфусъ, *Карлъ Ивановичъ*, ветеринарный врачъ; медицинское образованіе получилъ за границей. Въ 1808 г., при основаніи ветеринарнаго отдѣленія Медико-хирургической Академіи, Папенфусъ былъ выписанъ изъ Вѣны въ Петербургъ по рекомендаціи Ивана Дмитріевича Книгина, который былъ назначенъ профессоромъ анатоміи и эпизоотологіи новаго отдѣленія Академіи. Папенфусъ занялъ должность ученаго кузнеца съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ. Помощникомъ Папенфуса былъ студентъ 4-го класса Колупановъ, а затѣмъ—ветеринарный помощникъ Питюгановъ. Ученый кузнецъ былъ въ то же время однимъ изъ ближайшихъ помощниковъ профессоровъ ветеринарной клиники. Въ 1824 г. Папенфусъ поссорился съ профессоромъ ветеринарнаго отдѣленія Яновскимъ и наговорилъ ему дерзостей. Конференція Академіи предложила ему извиниться, но онъ отказался и былъ вынужденъ покинуть Академію. Мѣсто его занялъ ветеринарный лѣкарь, Дрейеръ. Впослѣдствіи П. состоялъ (въ чинѣ надв. сов. 1844 г.) ветеринарнымъ лѣкаремъ въ Технической школѣ при С.-Петербургскомъ Арсеналѣ. Въ 1849 г. въ Адресъ-Календарѣ уже не значится.

Исторія Императорской Военно-медицинской Академіи за сто лѣтъ. С.-Пб. 1898 г.; Адресъ-Календари. *Н. Кульбинъ.*

Папинъ, *Василій*, неизвѣстный по его общественному и служебному положенію, посланъ былъ в. кн. Иваномъ III къ азіатскимъ государямъ съ кречетами. Въ путешествіи Аѳанасія-Тверитянина о немъ говорится безсвязно, что онъ прошелъ Нижній-Новгородъ, между тѣмъ какъ самому Аѳанасію представились препятствія. Лѣтописи, упоминая о путешествіи Аѳанасія, говорятъ, что Папинъ отправился съ нимъ въ чужія страны. Онъ вернулся изъ путешествія черезъ орду за годъ до Казанскаго похода 1469 г., а во время этого похода застрѣленъ подъ Казанью.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., VI, 330—332, 445—446; Карамз., VI, пр. 629.

А. Экз—скій.

Папковичъ (Попковичъ), *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, писатель; родился въ концѣ прошлаго столѣтія въ Смоленской губ., былъ сыномъ оберъ-офицера; въ 1810—1812 г. онъ обучался въ Бѣльской приходской школѣ и, по выпускѣ оттуда, былъ опредѣленъ писцомъ въ одно изъ присутственныхъ мѣстъ. Проникнутый любовью къ просвѣщенію, П. нашелъ возможность переѣхать въ Петербургъ, гдѣ и опредѣлился на службу въ одинъ изъ департаментовъ. Въ Петербургѣ онъ «занялся серьезнымъ чтеніемъ и сблизился съ просвѣщенными людьми; занялся латинскимъ языкомъ, вдался въ филологическія изслѣдованіи о древнемъ санскритскомъ языкѣ, принялся за разработку историческихъ матеріаловъ». На него обратили вниманіе тогдашніе литераторы, между прочимъ извѣстный своею добротой Ѳ. Н. Глинка. П. сошелся съ нѣкоторыми членами Вольнаго Общества любителей россійской словесности и въ началѣ 1818 г. былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ, а уже въ іюлѣ — дѣйствительнымъ членомъ Общества, благотворительно—просвѣтительнымъ цѣлямъ котораго онъ горячо сочувствовалъ: это ярко выразилось въ его рѣчи, произнесенной по поводу возведенія его въ дѣйствительные члены и напечатанной въ III ч. «Соревнователя» (№ 7, стр. 117—120). Общество цѣнило знанія и способности Папковича; это видно изъ того, что онъ неоднократно былъ избираемъ въ должностныя лица: такъ, во вторую половину 1819 г. онъ былъ цензоромъ прозаическихъ статей, въ первой половинѣ 1820 г.—библіотекаремъ и членомъ цензуры и комитета, въ которомъ во вторую половину состоялъ, кромѣ того, и секретаремъ. П. умеръ въ Петербургѣ «не старѣе 35 лѣтъ», т.-е. около 1835 г. Онъ состоялъ также дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

Изъ статей Папковича напечатаны въ «Соревнователѣ Просвѣщенія и благотворенія» слѣдующія: 1) «Изустныя народныя преданія о городѣ Бѣломъ, Смоленской губерніи» (1818 г., ч. II, № 4, стр. 126—130; перепечатано въ «Смоленскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1857 г., ч. неофф., № 34); 2) «Жизнь И. И. Шувалова» (тамъ же, № 6, стр. 401—423),—статья, составленная по запискамъ, сообщеннымъ кн. Ѳ. Н. Голицынымъ, и читанная на полугодичномъ собраніи Общества 24-го іюня 1818 г.; 3) «О воображеніи» (перев. изъ «Dziennik Wilenski»—(1819 г., ч. VII, стр. 25—42);

4) «Плачъ родителей надъ прахомъ сына. Отрывокъ изъ поэмы Рама-Яна, творенія на санскритскомъ языкѣ индіянина Вальминія; переведено изъ недавно вышедшей въ Варшавѣ книги «O Stacoianach i ichpobratymcach»(ч. VIII, стр. 3—21).

Кромѣ того, П. въ 1818 г. на публичномъ собраніи Общества 20-го мая читалъ свое сочиненіе въ прозѣ «Поляки въ 1812 году».

«Смоленскія Губернскія Вѣдомости» 1857 г., ч. неофф., № 34, стр. 206—208; «Соревнователь Просвѣщенія и благотворенія» 1818 г., ч. II, № 5, стр. 267; ч. III, № 7, стр. 117, 1819 г., № 7; 1820 г., ч. X, № 4, стр. 101; ч. XI, № 8, стр. 245; ч. XII, № 11, стр. и др.; Бумаги Общества любит. росс. словесн. (здѣсь въ 1818 году П. значится съ чиномъ подпоручика) по сообщенію И. А. Кубасова. *Б. Модзалевскій.*

Папковъ, *Петръ Аѳанасьевичъ*, генералъ-маіоръ, братъ слѣдующаго, происходилъ изъ дворянъ Екатеринославской губерніи; родился въ 1772 г.; 1-го января 1784 г. вступилъ въ службу вахмистромъ Таганрогскаго драгунскаго полка, въ 1787 г. произведенъ былъ кадетомъ въ Астраханскій драгунскій полкъ, а въ 1790 г. переведенъ въ Тифлисскій мушкатерскій полкъ адъютантомъ. Произведенный 19-го февраля 1790 г. штыкъ-юнкеромъ по служенію во 2-мъ Фузелерномъ полку, П. принялъ съ нимъ участіе въ походѣ къ крѣпости Анапѣ, предпринятомъ подъ начальствомъ командовавшаго кавказскою линіею генералъ-аншефа Гудовича и былъ при взятіи ея, 22-го іюня, штурмомъ; за бой этотъ П. получилъ чинъ подпоручика. Затѣмъ, съ 28-го апрѣля 1796 г. П. находился въ Персіи, былъ при осадѣ и занятіи Дербента и въ другихъ дѣлахъ этой кампаніи; 8-го іюня этого года онъ получилъ чинъ поручика и черезъ полгода переведенъ былъ штабсъ-капитаномъ въ батальонъ ген.-маіора Миллера, гдѣ черезъ годъ произведенъ былъ въ капитаны. Уволенный въ 1798 г. въ отставку, П. 22-го апрѣля 1799 г. былъ снова принятъ на службу — въ лейбъ-гвардіи артиллерійскій батальонъ; служа здѣсь, онъ 3-го августа 1800 г. получилъ отъ императора Павла орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго, а 8 го октября того же года — чинъ полковника. Въ 1803 г. П. назначенъ былъ командиромъ артиллерійскихъ понтонныхъ ротъ, переименованныхъ потомъ въ Понтонный артиллерійскій полкъ. Съ 1806 г. П. состоялъ бригаднымъ командиромъ 14-й артиллерійской бригады, съ которой участвовалъ въ войнахъ этого года, а въ слѣдующемъ былъ въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ, за что получилъ прусскій орденъ «За заслуги», а 21-го декабря 1807 г. уволенъ былъ отъ службы съ награжденіемъ чиномъ генералъ-маіора. Уже въ слѣдующемъ, 1808 г., Папковъ былъ зачисленъ по арміи (31-го декабря) съ назначеніемъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, и на этомъ посту получилъ орденъ Георгія 3-й степени (21-го апрѣля 1808 г.). Въ 1810 г., (31-го января) Папковъ былъ назначенъ Таганрогскимъ, Ростовскимъ, Нахичеванскимъ и Маріупольскимъ градоначальникомъ, главнымъ попечителемъ купеческаго по Азовскому морю судоходства и начальникомъ Таганрогскаго таможеннаго округа. Покинувъ свой постъ въ 1821 или началѣ 1822 г., П. до 3-го февраля 1833 г. состоялъ по арміи, а затѣмъ, выйдя въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи — селѣ Красномъ-Кутѣ, Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи. Здѣсь онъ и умеръ въ глубокой старости 18-го мая 1853 года.

Въ 1833 г. П. былъ избранъ членомъ Главнаго Московскаго Общества улучшенія овцеводства и въ органѣ его — «Журналѣ овцеводства» помѣстилъ слѣдующія статьи: «О стадѣ тонкошерстныхъ овецъ» (1833 г.), «Объ ангорскихъ козахъ» (1833 г.) и «О продажѣ ангорскихъ козъ» (1839 г.). Свѣдѣнія объ овцеводствѣ его сообщены въ томъ же журналѣ за 1844 г.

Архивъ Департамента Герольдіи: книги рѣшенныхъ дѣлъ 1806 г., № 118, лл. 22—27; Архивъ Капитула Орденовъ: дѣло 1854 г. по 2-му отдѣленію 2-го стола, № 208; Мѣсяцесловы 1809—1822 г.; «Русск. Стар.» 1897 г., авг., стр. 347; С. А. Масловъ. «Историч. обозрѣніе Импер. Моск. Общества сельскаго хозяйства», М. 1846, стр. 228, 280. *Б. Львовъ.*

Папковъ, *Поликарпъ Аѳанасьевичъ*, братъ предыдущаго, родился въ 1756 г.; воспитывался въ Артиллерійскомъ и инженерномъ (нынѣ 2-й) кадетскомъ корпусѣ, откуда 25-го октября 1775 г. былъ выпущенъ сержантомъ во 2-й фузелерный полкъ и въ 1776—1779 г. былъ въ походѣ въ Крымъ; 16-го мая 1779 г.

онъ переведенъ былъ штыкъ-юнкеромъ сперва въ Моздокскій, а затѣмъ—Кизлярскій гарнизонъ, прослуживъ въ коемъ до 1784 г., перешелъ въ Переволоченскій гарнизонъ подпоручикомъ. Въ этомъ году П. работалъ по снятію спеціальныхъ картъ и размежеванію Кавказской линіи, при чемъ обошелъ болѣе 200 т. десятинъ, а затѣмъ состоялъ помощникомъ оберъ-квартирмейстера Фохта при прокладкѣ дороги въ Грузію. Въ томъ же году П. участвовалъ своими работами въ построеніи новыхъ крѣпостей по р. Кубани, при чемъ ему поручено было снабженіе ихъ артиллерійскими орудіями, припасами и командою. Слѣдующій, 1785, годъ П. провелъ въ исправленіи артиллеріи по Кавказской линіи; состоя съ 1-го января этого года въ 1-мъ фузелерномъ полку, онъ, уже въ чинѣ поручика, принялъ участіе въ Персидскомъ походѣ, былъ при штурмѣ Дербента, гдѣ получилъ рану въ лѣвую руку, и въ другихъ дѣлахъ этого года. Получивъ въ 1798 г. чинъ подполковника, а въ 1799 г.—полковника въ 7-мъ артиллерійскомъ полку (въ который переведенъ былъ 23-го января 1797 г.), П. въ 1799 г., по предписанію гр. Аракчеева, тогда инспектора всей артиллеріи, былъ командированъ въ крѣп. Усть-Каменогорскую для исправленія артиллеріи, а въ 1800 г. (28-го октября) былъ переведенъ командиромъ Московскаго артиллерійскаго гарнизона; сверхъ того, 5-го февраля 1801 г. П. былъ назначенъ присутствующимъ членомъ въ Московское артиллерійское депо. Здѣсь онъ пробылъ до 1808 г., когда, уже въ чинѣ генералъ-маіора, получилъ назначеніе цейхмейстеромъ морской артиллеріи, но, уже въ 1810 г., переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, опредѣленъ былъ управляющимъ Московской учетной конторой Государственнаго Ассигнаціоннаго Банка. Въ этомъ званіи П. состоялъ до своей смерти, послѣдовавшей внезапно въ февралѣ 1817 г., въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на племянницѣ Министра Полиціи А. Д. Балашева.

Архивъ Департамента Герольдіи: книги рѣшеныхъ дѣлъ 1806 г., лл. 22—27; Мѣсяцесловы съ 1802 по 1816 г.; «Русск. Архивъ» 1875 г., т. III, стр. 34 и 1883 г., т. 1, стр. 500 (въ перепискѣ Кристина съ княж. Туркестановой); «Ист. Вѣстн.» 1888, т. 33.

Б. Львовъ.

Паплонскій, *Иванъ Ивановичъ*, писатель и педагогъ, происходилъ изъ дворянъ Ковенской губерніи, родился въ Видахъ, той же губерніи, 21-го ноября 1819 года. Окончивъ курсъ Виленской гимназіи, П. поступилъ въ Московскій университетъ, изъ котораго вышелъ со степенью кандидата 1-го отдѣленія философскаго факультета въ 1840 г. и въ томъ же году (19-го сентября) опредѣленъ былъ и. д. учителя русскаго языка въ Варшавское уѣздное училище, а 20-го іюля слѣдующаго года назначенъ и. д. младшаго учителя русскаго языка во вторую Варшавскую гимназію; оставаясь на этой должности, П. 20-го іюля 1843 г. получилъ назначеніе и. д. профессора русской словесности на Варшавскихъ юридическихъ курсахъ (до 20-го іюля 1846 г.), затѣмъ былъ и. д. учителя того же предмета въ Варшавской художественной школѣ (26-го іюля 1844 г.), въ Варшавской губернской гимназіи (20-го іюля 1845 г.), въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ (съ 11-го августа 1848 г.), былъ переводчикомъ при Медицинскомъ Совѣтѣ царства Польскаго (съ 19-го апрѣля 1850 г.), преподавалъ всеобщую исторію въ Художественной школѣ (съ 28-го іюля 1850 г.), гдѣ, кромѣ того, съ 19-го декабря того же года читалъ и курсъ русской словесности. Въ 1853 г. (11-го января) П. былъ назначенъ старшимъ цензоромъ Варшавскаго цензурнаго комитета, съ оставленіемъ въ званіи учителя Художественной школы, но уже 18-го августа 1855 г. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при попечителѣ Варшавскаго учебнаго округа; черезъ четыре года ему было поручено временное управленіе Высшимъ женскимъ училищемъ, а еще черезъ мѣсяцъ (въ сентябрѣ 1859 г.)—преподаваніе русскаго языка и словесности въ бывшей Варшавской Римско-Католической Духовной Академіи. Въ теченіе этого періода времени П. неоднократно ревизовалъ различныя учебныя заведенія, разсматривалъ рукописи учебниковъ, составляемыхъ для училищъ Варшавскаго учебнаго округа, состоялъ предсѣдателемъ Комитета, учрежденнаго для разсмотрѣнія разсужденій, писанныхъ учениками мѣстныхъ заведеній для полученія медалей, выбиралъ темы для подобныхъ сочиненій и т. под. Въ

*

1860 г. П. былъ назначенъ (22-го апрѣля) членомъ Совѣта Александринскаго Дѣвичьяго института въ Новой Александріи, 19-го сентября слѣдующаго года—членомъ Совѣта Народнаго Просвѣщенія и визитаторомъ учебныхъ заведеній Царства Польскаго, а въ 1864 году (12-го февраля) приглашенъ къ временному присутствованію въ административныхъ засѣданіяхъ бывшей Правительственной Коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ томъ же году (20-го октября) П. занялъ каѳедру сравнительной филологіи въ бывшей Главной школѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получилъ въ завѣдываніе Варшавскій институтъ глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, оставаясь въ званіи профессора Духовной академіи и состоя дно время членомъ Комитета для составленія проекта преобразованія Главной школы въ Варшавскій университетъ. Въ 1870 г., по выслугѣ 30 лѣтъ, П. вышелъ изъ состава профессоровъ и обратилъ всѣ свои силы на устройство Института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, который сумѣлъ довести до степени высокаго совершенства; при немъ построена была новая часть зданія Института, увеличено число мастерскихъ, открыты во всѣхъ классахъ параллельныя отдѣленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличенъ и штатъ преподавателей. П. издалъ 14 руководствъ и учебниковъ для своихъ обездоленныхъ питомцевъ, открылъ при Институтѣ ботаническій садъ и педагогическій музей, основалъ для окончившихъ курсъ воспитанниковъ особыя общества, а въ хуторѣ Увелины (близъ Варшавы), который онъ исхлопоталъ у казны, намѣренъ былъ открыть курсы сельскаго хозяйства, на которыхъ глухонѣмые изъ крестьянъ могли бы вести практическія занятія, а также пріютъ для стариковъ и идіотовъ. Такая плодотворная дѣятельность П. была отмѣчена правительствомъ, которое неоднократно командировало его за-границу для знакомства съ постановкой дѣла воспитанія и обученія глухонѣмыхъ и слѣпыхъ на Западѣ; отчетъ о первой изъ такихъ командировокъ былъ напечатанъ П. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1869 г. (ч. 146, ноябрь, отд. III, стр. 1—42 и декабрь, отд. III, стр. 187—189 и отд. оттиски—С.-Пб. 1870 г. подъ заглавіемъ «Заведенія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы»), другіе же печатались въ основанномъ имъ изданіи «Pamiętnik Warszawskiego Instytutu głuhoniemych i ociemniałych». П. въ 1868 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1880 г. получилъ орденъ Станислава 1-й степени, а 16-го ноября 1885 г. умеръ въ Варшавѣ.

Кромѣ указанной выше статьи, П. напечаталъ еще слѣдующія работы: а) *на русскомъ языкѣ*: «О Реймсскомъ Евангеліи» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1848 г., т. 57, отд. II, стр. 105—156, 191—251 и т. 58, отд. II, стр. 1—31, №№ 2, 3 и 4 и отд. оттиски); «Самуилъ-Богумилъ Линде» («Москвитянинъ» 1842 г., кн. 11); «О трудахъ Линде. Письмо изъ Варшавы» (тамъ же, 1854 г., кн. 5 и отд. оттиски); «Филологическія замѣтки о русскомъ языкѣ въ связи съ церковно-славянскимъ и другими славянскими нарѣчіями» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1854 г., кн. 6 и отд. оттиски—С.-Пб. 1854); «Литературныя извѣстія изъ Варшавы» («Труды Мацѣевскаго. Слѣды слав.-церк. письменности въ Польшѣ. Русско-польскіе писатели XVI и XVII столѣтій. Аллодій. Діоскоридъ. Слово о полку Игоревѣ. Горный Словарь Лабэнцкаго» («Москвитянинъ» 1854 г., кн. 20—21 и отд. оттиски); «Письма изъ Варшавы: о польской литературѣ» («Русская Бесѣда» 1856 г., кн. 3 и 1857 г., кн. 6); «Общественное воспитаніе въ Царствѣ Польскомъ: общій взглядъ и планъ реформы» («Русскій Инвалидъ» 1861 г., № 263 и 280); «Вѣнскій конгрессъ о воспитаніи слѣпыхъ» («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1874 года, ч. 175, сентябрь, отд. III, стр. 17—56); «Практическія правила русскаго правописанія и произношенія». Варшава. 1875; изд. 2-е—Варшава. 1876 (дополненное); изд. 3-е—Варшава. 1884 и тоже на польскомъ языкѣ «Practyczne prawidła języka rosyjskiego» (изд. 1-е—Warszawa. 1875; изд. 2-е—Warszawa. 1876). б) *на польскомъ языкѣ*: «Rękopism psałterza Małgorzaty» («Bibliot. Warszawska», 1869); Переводъ хроникиГельмгольда (Варшава. 1862); «Lekcya wstępna filologii porównawczéj słowianskiéj» (Warszawa. 1864); «Odczyły gramatyki porównawczéj języków

indo-europejskich» (литогр. лекціи 1865). Изъ числа статей, помѣщенныхъ въ основанномъ имъ сборникѣ «Pamiętnik Warszawskiego Instytutu głuchoniemych i ociemniałych», назовемъ слѣдующія: «O Szkole głuchoniemych i Instytucie ociemniałych w Petersburgu» (1872); «Historya Instytutu Warszawskiego głuch oniemych i ociemniałych» (1872, 1873 и 1875); наконецъ — докладъ, составленный П. по поводу участія ввѣреннаго ему Института на Парижской выставкѣ: «Institut des sourds muets et des aveugles de Varsovie» (1878 г.). Кромѣ того, статьи П. помѣщались въ слѣдующихъ польскихъ изданіяхъ: «Gazeta polska», «Kronika rodzinna», «Kłosy», «Czytelnia niedzielna», «Izraelita», «Przyjaciel dzieci» и въ «Encykłopedya powszechna».

Формулярный списокъ П.; «Pamiętnik Instytutu głuchoniemych» 1885 и 1886 г.; «Женское Образованіе» 1885 г., кн. 10, стр. 694—696; «Библіографъ» 1886 г., № 8, стр. 115; «Новь» 1886 г., кн. 3, стр. 213; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. V, С.-Пб. 1888, стр. 120 и вып. VI, С.-Пб. 1890, стр. 9; «Энциклопедическій словарь Брокгауза, т. XXII, стр. 722; «Отечественныя Записки» 1855 г., т. XCVIII, отд. IV, стр. 65—66; Карточный каталогъ Публичной Библіотеки.

Б. Львовъ.

Паппадопуло, *Дмитрій Ивановичъ*, писатель; съ 1842 по 1849 годъ онъ былъ преподавателемъ греческаго языка въ Петербургской Ларинской гимназіи, а съ 1849 по 1851 г. состоялъ въ чинѣ колл. асс., въ числѣ чиновниковъ Археографической Коммиссіи. Время смерти его намъ неизвѣстно.

П. издалъ слѣдующія книги: «Новые разговоры россійскіе и греческіе, раздѣленные на сто уроковъ, для употребленія юношества и всѣхъ начинающихъ учиться симъ языкамъ» С.-Пб. 1826 г.; «Стратегемы Поліена, заимствованныя изъ сочиненій разныхъ авторовъ, писавшихъ о важнѣйшихъ древнихъ полководцахъ, герояхъ и знаменитыхъ женщинахъ; перев. съ греческаго языка на русскій, С.-Пб. 1842 г. и Греческую грамматику; кромѣ того, перевелъ съ русскаго языка на греческій: «Чинъ дѣйствія, какимъ образомъ совершилось св. коронованіе Е. И. В. Государя Императора Николая Павловича», съ приложеніемъ перевода рѣчей митрополитовъ Филарета, Серафима и Евгенія; С.-Пб. 1826 г. (русскій и греческій текстъ); «О воспитаніи», соч. А. А. Прокоповича-Антонскаго, 1828 г.; «Краткое начертаніе Галловой системы головного мозга», соч. П. Пузино, 1829 г. и «Краткое обозрѣніе ипохондріи и ея лѣченіе», соч И. Энгольма.

Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Ларинской гимназіи 1836—1886 г., С.-Пб. 1886, стр. 15—16, прилож., стр. 3 и 74—75; Адресъ—Календари 1842—1851; карточный каталогъ Публичной Библіотеки.

Б. М.

Паприцъ, *Константинъ Эдуардовичъ*, талантливый, преждевременно скончавшійся поэтъ и беллетристъ, род. въ 1858 г., ум. 9-го октября 1883 г. въ Москвѣ. Образованіе К. Э. получилъ въ Петровской Земледѣльческой Академіи, по окончаніи курса которой поступилъ на службу въ Статистическій Комитетъ Самарскаго земства, гдѣ пробылъ одинъ годъ. Еще студентомъ началъ Паприцъ писать стихотворенія и разсказы; служба въ Статистическомъ Комитетѣ, гдѣ К. Э. пришлось лицомъ къ лицу столкнуться съ тьмою и невѣжествомъ крестьянской массы Самарской губерніи — съ одной стороны, съ другой — съ беззастѣнчивой эксплуатаціей и издѣвательствомъ надъ крестьянами имѣющихъ надъ ними какую-либо власть, — представляла неисчерпаемый матеріалъ для его чуткаго ума и сердца, и свою душевную боль за оскорбляемыхъ и унижаемыхъ, свое рвеніе къ свѣту и счастію для обездоленныхъ онъ выражалъ въ задушевныхъ стихотвореніяхъ и трогательныхъ повѣстяхъ. Нѣсколько стихотвореній его напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ; изъ произведеній въ прозѣ помѣщены: «На Волгѣ», повѣсть,— въ «Русской Мысли» за 1881 г.; «Келейникъ» и «Бурлакъ», очерки, — въ «Русскомъ Курьерѣ» за 1883 г.

Д. Языковъ: «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. III, С.-Пб., 1887 г., стр. 64; «Русскія Вѣдомости» 1883 г., № 279, некрологъ Виктора Гольцева.

Ив. Давидовичъ.

Парадіевъ, *Тимоѳей Ильичъ*, протоіерей г. Астрахани, распространитель православія между калмыками, сынъ дьячка, род. въ 1813 году, ум. 3-го ноября 1875 г. въ Астрахани. Образованіе П. получилъ въ Астраханской Духовной Семинаріи, по окончаніи курса которой въ 1836 г., по второму разряду, вскорѣ рукоположенъ былъ во священники

с. Ѳеодоровскаго, Астраханскаго уѣзда. 20-го іюля 1844 г. онъ переведенъ былъ въ Астрахань къ Крестовоздвиженской церкви, но 31-го августа того же года назначенъ въ г. Красный-Яръ настоятелемъ Владимірскаго собора и благочиннымъ. 20-го апрѣля 1846 г. Парадіевъ высочайше утвержденъ въ званіи члена Красноярскаго попечительнаго тюремнаго комитета; 28-го февраля 1847 г. онъ былъ переведенъ въ г. Енотаевскъ настоятелемъ и благочиннымъ и 26-го апрѣля 1848 г. утвержденъ былъ въ званіи члена Енотаевскаго попечительнаго тюремнаго комитета Съ 26-го февраля 1852 г. по 5-е октября 1854 г. Т. И. состоялъ членомъ Комитета общественнаго здравія. 5-го октября 1854 г. онъ переведенъ снова въ Астрахань къ Казанской церкви, съ званіемъ настоятеля. Въ періодъ времени съ 1851 г. по 1854 г. Парадіевъ доставлялъ Императорскому Географическому Обществу климатическія и этнографическія свѣдѣнія по Астраханскому краю, за что два раза была выражена ему отъ Общества благодарность. 27-го января 1871 г. Т. И былъ назначенъ для присутствія въ Астраханскомъ уѣздномъ оспенномъ комитетѣ. Парадіевъ близко принималъ интересы школы и обучалъ дѣтей Закону Божію и другимъ предметамъ, безвозмездно; также отличался онъ усердіемъ и къ проповѣданію слова Божія. и 58 калмыковъ привелъ въ лоно православной церкви.

«Астраханскія Епархіальн. Вѣдомости» 1875 г., № 14, ч. неоффиц. *Ив. Давидовичъ.*

Парадовскій, *Александръ Осиповичъ*, генералъ-маіоръ. Род. въ 1789 г., ум. въ 1844 г. Изъ дворянъ Волынской губ., воспитанія домашняго. Вступилъ въ военную службу юнкеромъ въ 1806 г., произведенъ въ корнеты въ 1811 г., съ переводомъ изъ л.-гв. Уланскаго въ Маріупольскій гусарскій полкъ (принца Гессенъ-Кассельскаго). Въ томъ же году переведенъ въ Новгородскій кирасирскій полкъ, съ которымъ и находился въ походѣ и сраженіяхъ 1813 года; въ томъ же году переведенъ въ бывшій Лифляндскій конно-егерьскій полкъ, а затѣмъ, въ 1818 г.,—въ Волынскій уланскій. Въ 1822 г., съ производствомъ въ маіоры, Парадовскій былъ переведенъ въ Литовскій уланскій (Е. И. Выс. эрцъ-герцога австрійскаго) и затѣмъ, въ томъ же году, въ л.-гв. Гродненскій гусарскій полкъ. Въ 1832 г., уже въ чинѣ полковника, назначенъ былъ командиромъ жандармскаго полка, въ 1835 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 1-й уланской дивизіи, а въ 1836 г. командиромъ 1-й бригады 3-й легкой кавалерійской дивизіи, которою и командовалъ до своей смерти. Что касается боевой жизни А. О., то сюда относится его участіе въ Турецкой войнѣ 1807 г., съ августа мѣсяца. Въ отечественную войну 1812 г. онъ находился въ сраженіи при Бородинѣ и другихъ дѣлахъ. Въ 1813 г. состоялъ при ген.-лейт. Ланскомъ, отрядъ котораго дѣйствовалъ въ предѣлахъ Царства Польскаго и участвовалъ, между прочимъ, въ дѣлахъ при Люценѣ, Бауценѣ и другихъ. Въ польскую кампанію 1830 г. А. О., находясь въ Варшавѣ, участвовалъ въ составѣ войскъ, занимавшихъ Царство Польское въ цѣляхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ, при отступленіи русскихъ войскъ за р. Бугъ. Въ кампанію 1831 г. находился въ дѣлахъ при Гроховѣ, Остроленкѣ и друг. пунктахъ, состоя въ летучихъ отрядахъ ген.-маіора Герштенцвейга и ген.-маіора Штрандмана и при штурмѣ Варшавы. Въ сраженіи при Бородинѣ А. О. былъ раненъ саблею въ голову и пикою въ бокъ и въ безчувственномъ состояніи взятъ въ плѣнъ. По выздоровленіи, онъ былъ отправленъ французами, въ числѣ прочихъ плѣнныхъ, въ г. Минскъ, гдѣ и былъ освобожденъ русскими войсками, при бѣгствѣ французовъ изъ предѣловъ Россіи.

Формулярный списокъ. *А. Петровъ.*

Парампша (или **Парамжа**, **Парамшинъ**), серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, жилъ въ XIV-мъ вѣкѣ; извѣстно, что въ 1356 г. онъ сдѣлалъ икону и крестъ «золотомъ кованы». Работы его, какъ видно изъ духовныхъ грамотъ, хранящихся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, цѣнились очень высоко и переходили по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ величайшая драгоцѣнность. Всѣ великіе князья, начиная съ Ивана Ивановича, благословляли ими дѣтей своихъ.

См.: «Софійскій Временникъ», т. II, стр. 354; «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. VI.

стр. 279; «Древн. Россійск. Вивліоѳика»; «Собраніе Госуд. Грамотъ и Договоровъ»; Строевъ, въ «Сынѣ Отечества» 1814 г., ч. XI, № 6, стр. 239—243; Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго»; Сахаровъ, И. «Обозр. русск. археологіи», стр. 38; Забѣлинъ, Ив. «О металлич. производствѣ въ Россіи до XVII столѣтія»; Снегиревъ, И. «Памятники Московск. древности», стр. XI; Вельтманъ, А. «Московская Оружейная Палата»; «Художества въ Россіи до Петра В.» Художеств. Газета 1838 г., № 10, стр. 316, 1841 г., № 26, стр. 2; Андреевъ, А. «Живопись и живописцы главнѣйшихъ европейскихъ школъ», стр. 471.

А. П. Новицкій.

Параскева, преподобная, игуменія женскаго Ржевскаго монастыря, неканонизована; погребена въ церкви сего монастыря, нынѣ упраздненнаго.

Н. Барсуковъ. Источники русской агіографіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 421; арх. Леонидъ. Святая Русь. С.-Пб. 1891 г., стр. 122—123.

А. Никольскій.

Параскевы—см. **Прасковіи**.

Парасуковъ, *Аѳанасій* (**Поросуковъ** и даже **Порусуковъ**), родомъ изъ Галича Костромского, въ 1677 г. былъ посланъ гонцомъ къ Діонисію, патріарху Константинопольскому, съ граматой о смерти царя Алексѣя Михаиловича и о восшествіи на престолъ Ѳеодора Алексѣевича. На возвратномъ пути, находясь въ Валахіи и узнавъ, что Ибрагимъ-Паша, великій визирь турецкаго султана Магомета IV, подступаетъ къ Украйнѣ съ многочисленнымъ войскомъ, донесъ тайно объ этомъ царю Ѳеодору Алексѣевичу черезъ стольника Василія Перхурова. Около того времени гетманъ Юрій Хмѣльницкій, сынъ Богдана, передался турецкому султану и велъ войско на Украйну. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не желая войны, послалъ А. Парасукова къ турецкому султану съ «любительной» (т.-е. дружественной) грамотой; однако, военныя дѣйствія продолжались. По «росписямъ» войскъ, которыя были назначены для войны съ турками въ 1699 г., А. Парасуковъ упоминается, какъ глава московскихъ стрѣльцовъ. Въ чинѣ стольника и полковника онъ засѣдалъ въ Стрѣлецкихъ приказахъ.

«Древн. Росс. Вивліоѳика», 2 изд., ч. XVI, отд. XXXIV, стр. 306; Доп. къ Акт. Истор., т. IX, стр. 116 (записная разр. книга); «Разряды», изд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. II, стр. 1158, 1193, 2201, 1251, 1312, 1316, 1380, 1385; «Русск. Истор. Библіот.», т. XI, стр. 394, 421, 446, 480, 483, 513, 517.

Н. Воронковъ.

Паратичъ, *Сигизмундъ*, писатель, австрійскій сербъ. Какъ землякъ вліятельнаго въ Харьковскомъ учебномъ округѣ профессора Харьковскаго университета Стойковича, и лицо имъ покровительствуемое, Паратичъ получилъ мѣсто старшаго учителя исторіи, географіи и статистики въ Курской гимназіи, преобразованной въ 1808 году изъ Главнаго народнаго училища. Въ благодарность за оказанное покровительство и въ надеждѣ на его продолженіе въ будущемъ, Паратичъ принялъ участіе въ торговыхъ дѣлахъ Стойковича, сдѣлавшись его агентомъ по продажѣ въ Курскѣ безпошлинно, и потому незаконно, получаемыхъ имъ изъ Австріи товаровъ: венгерскаго вина, золотыхъ часовъ, лентъ, гранатъ и картинъ. Нѣкоторые изъ нихъ были даже запрещены таможеннымъ уставомъ. За свои труды по этому дѣлу, о размѣрахъ которыхъ можно судить по тому, что однихъ гранатъ было имъ продано на 1.300 рублей, Паратичъ не только не получалъ отъ Стойковича никакого вознагражденія, но разъ даже долженъ былъ серьезно поплатиться собственными средствами (300 рублями), такъ какъ, по недоразумѣнію, продалъ нѣкоторыя изъ присланныхъ ему вещей по цѣнамъ ниже назначенныхъ хозяиномъ. Позднѣе, въ 1812 году, когда производилось слѣдствіе по дѣлу о незаконной и убыточной для казны торговлѣ Стойковича, этотъ послѣдній заявилъ, съ согласія и при непосредственномъ подтвержденіи своего агента, что Паратичъ продавалъ собственные товары, купленные имъ въ Австріи послѣ полученія въ 1810 году доставшагося ему въ Венгріи наслѣдства.

Имѣя за собою сильнаго покровителя, Паратичъ держалъ себя въ Курской гимназіи очень независимо относительно мѣстнаго начальства и, не стѣсняясь, проявлялъ предосудительное, по мнѣнію послѣдняго, стремленіе къ самостоятельности мнѣній и дѣйствій. Это заставило его принять дѣятельное участіе въ ссорѣ и враждебныхъ столкновеніяхъ, происшедшихъ въ началѣ

1812 года между курскимъ учебнымъ начальствомъ, представляемымъ директоромъ Любарскимъ, и смотрителемъ уѣзднаго училища Кондратьевымъ, и его подчиненными, то-есть учителями гимназіи и уѣзднаго училища. При разборѣ этого дѣла старанія Стойковича выгородить своего кліента привели къ вмѣшательству Министерства и къ большимъ непріятностямъ для Совѣта Харьковскаго университета. Въ отношеніи Паратича дѣло кончилось переводомъ его изъ Курска въ Орелъ,—также на должность старшаго учителя исторіи, географіи и статистики въ гимназіи.

Во время службы въ Курскѣ Паратичемъ была составлена и издана «Краткая всеобщая статистика европейскихъ государствъ, собранная изъ разныхъ нѣмецкихъ знаменитыхъ писателей» (Харьковъ. 1812). Второе сочиненіе Паратича, также посвященное одному изъ предметовъ, преподаваемыхъ имъ въ гимназіи, было написано въ Орлѣ. Оно вышло въ свѣтъ уже послѣ оставленія авторомъ службы въ гимназіи подъ заглавіемъ «Краткое начертаніе математической географіи, собранное изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей для чтенія титулярнымъ совѣтникомъ Сигизмундомъ Паратичемъ, бывшимъ старшимъ гимназическимъ учителемъ исторіи географіи и статистики въ губернскомъ городѣ Орлѣ» (Москва. 1815 г., 122 стр.). Въ обращеніи «къ читателямъ», замѣняющемъ предисловіе, авторъ говоритъ: «По особливой склонности моей къ землеописанію, собравъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей все удобнѣйшее для краткаго начертанія математической географіи, рѣшился я не оставить оное въ неизвѣстности, а выдать въ свѣтъ для пользы Благороднаго Россійскаго юношества, которому пространныя сочиненія весьма бываютъ скучны и почти безполезны. Питаясь надеждою, что сіе краткое изданіе юнымъ умамъ принесетъ сверхъ удовольствія и первоначальное по сей части просвѣщеніе, употребилъ я все стараніе въ изысканіи способа, не можно ли, обойдясь безъ глобусовъ, простымъ и яснымъ слогомъ дать юношѣ удовлетворительное понятіе о нашемъ подлунномъ мірѣ и, сверхъ того, возбудить охоту къ чтенію полезныхъ книгъ.—Естьли я ошибся въ моемъ намѣреніи, то утѣшаюсь тѣмъ, что моя ошибка столь мала, сколь и самой сей трудъ не великъ» (стр. 9—10).

Паратичъ оставилъ государственную службу, повидимому, въ 1815 году. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы занять предложенную ему частную должность библіотекаря при библіотекѣ графа С. М. Каменскаго. Посвящая по этому случаю новому патрону свое второе сочиненіе, Паратичъ обращается къ нему со слѣдующимъ выраженіемъ благодарности: «При вступленіи моемъ въ должность библіотекаря у Вашего Сіятельства, предпринялъ я твердое намѣреніе какимъ-нибудь публичнымъ актомъ изъявить Вашему Сіятельству искреннѣйшую признательность и душевную благодарность за щастіе, котораго удостоился я, достигнувъ по многимъ превратностямъ фортуны наконецъ желаемой цѣли, провести остальные дни моей жизни подъ покровомъ Вашего Сіятельства въ такой должности, какую я только имѣть желалъ» (стр. 5—6)

Д. И. Баладѣй. Опытъ Исторіи Харьковскаго университета. X. 1899; сочиненія Паратича.

В. В. Бобынинъ.

Парвовъ, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, писатель; служилъ нѣкоторое время въ Императорской Публичной Библіотекѣ, но въ 1878 г. впалъ въ душевно-нервную болѣзнь и умеръ въ больницѣ св. Николая въ Петербургѣ 24-го августа 1880 г., въ чинѣ губ. секр.

Парвовъ началъ свою литературную дѣятельность въ 1868 г.; статьи его (передовыя, по внутреннимъ и городскимъ вопросамъ), корреспонденціи, репортерскія сообщенія и бытовые разсказы и повѣсти помѣщались въ «Вѣстникѣ Европы» (напр. «Шустенокъ. Разсказъ изъ народной жизни»—1872 г., т. 6, № 12, стр. 683—717), «Всемірномъ Трудѣ» («Кладъ. Разсказъ изъ народнаго быта» 1872 г., № 4, стр. 1—27), въ «Новомъ Времени», «Новостяхъ», «Николаевскомъ Вѣстникѣ», «Петербургскомъ Листкѣ», «Нивѣ», «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и другихъ изданіяхъ. Отдѣльно напечатаны: «Недавніе сбытчики фальшивыхъ ассигнацій. (Изъ жизни осужденныхъ арестантовъ)», С.-Пб. 1876 г. и «Полиція и разбойники въ селахъ. Разбои на большихъ дорогахъ въ Холмскомъ и Старорус-

скомъ уѣздахъ: Шустенка, Степы и Слизки съ 1856 до конца 1864 г.» С.-Пб. 1878 г.

Архивъ Пост. Комм. для пособ. нужд. литерат. и ученымъ при Импер. Акад. Наукъ, дѣло 1895 г., № 215; «Новое Время» 1880 г., № 1617, стр. 3. *Б. Л.*

Пардалоцкій, *Ѳедоръ Ѳедоровичъ*, писатель, смотритель уѣздныхъ училищъ: Крестецкаго (Новгородской губ.), а затѣмъ—Валдайскаго; въ послѣдней должности онъ пробылъ до выхода своего въ отставку; умеръ въ Валдаѣ въ серединѣ 1880-хъ годовъ; состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Новгородскаго Губернскаго Статистическаго Комитета и почетнымъ членомъ Археологическаго института.

Въ продолженіе своей службы въ Новгородской губерніи Пардалоцкій напечаталъ большое количество статей по мѣстной исторіи, этнографіи, народной словесности и т. под. Изъ нихъ назовемъ слѣдующія. напечатанныя въ «Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ»: «Нѣсколько мѣстныхъ Валдайскихъ словъ» (1855, № 22), «Коледа» (пѣсня, 1855, № 14 и 1873, № 34), «Простонародный календарь» (1873, № 15), «Замѣтка о старинныхъ русскихъ пѣсняхъ» (1876, № 37), «Замѣтка о пословицахъ» (1873, № 41), «Замѣтка о загадкахъ» (1873, № 35), «Нѣсколько привѣтствій, употребленныхъ вмѣсто «Богъ помочь!» (1874, № 35); «Наказаніе за невѣріе и обращеніе отъ раскола въ православіе» (1873, № 43), «Въ память столѣтія г. Валдая» (1873, № 4 и 11) и «Замѣтка объ основаніи г. Череповца и нѣсколько мѣстныхъ словъ» (1874, № 35); въ «Гдовско-Ямбургскомъ листкѣ» помѣщена его замѣтка о «Загадкахъ крестьянъ Новгородской губ.» (1873, № 21); наконецъ, въ «Русской Старинѣ» 1891 г., уже послѣ смерти Пардалоцкаго напечатана его статья; «Валдайская Старина 1777 — 1797» (т. LXV, стр. 775—789).

«Русск. Стар.» 1891, т. LXV, стр. 789 и т. LXXI, стр. 642; Библіографіи Ламбиныхъ и Межова; Адресъ-календари. *Б. Л.*

Паренаго, *Михаилъ Алексѣевичъ*; составитель словарей и переводчикъ; род. въ 1780 г., умеръ въ Петербургѣ 29-го ноября 1832 г.; происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода, на службу поступилъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ, съ причисленіемъ къ Московскому архиву, 28-го іюля 1799 г.; въ 1800 г. былъ назначенъ переводчикомъ, а въ 1811 перемѣщенъ изъ Архива въ Коллегію. Въ 1812 г. Паренаго находился при государственномъ канцлерѣ, который сопровождалъ императора въ его постоянныхъ разъѣздахъ, а затѣмъ числился въ Коллегіи «при особомъ порученіи и, сверхъ того, при просматриваніи и поправленіи переводовъ съ нѣмецкаго языка», въ каковомъ званіи онъ значится въ 1818—1828 гг. Паренаго умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника (съ 21-го апрѣля 1823 г), занимая должность начальника 3-го отдѣленія Департамента внутреннихъ сношеній. Онъ отличался трудолюбіемъ, благородствомъ характера и добротою. Вотъ списокъ его трудовъ: 1) «Англія и Италія», соч. Архенгольца. Пер. съ нѣм. вмѣстѣ съ Ив. Татищевымъ, 6 частей. М. 1802—1805; 2) «Исторія XVIII столѣтія, или обстоятельное описаніе всѣхъ важнѣйшихъ происшествій и достопамятныхъ перемѣнъ, случившихся въ XVIII столѣтіи, съ пріобщеніемъ подробныхъ извѣстій о жизни и дѣлахъ всѣхъ славныхъ и достойныхъ примѣчанія мужей, въ теченіе онаго жившихъ». Пер. съ нѣм. вмѣстѣ съ Петромъ Озеровымъ, ч. I—XI. М. 1804—1807; 3) «Стихотворческія красоты Эдуарда Іонга». Пер. съ англ. (прозою). М. 1806; 4) Начало Россійскаго государства. Въ историческихъ картахъ, хронологическихъ и генеалогическихъ таблицахъ, представленное профессоромъ Шлёцеромъ». Пер. съ нѣм. 2 тетради. М. 1809—1810; 5) «Новый англійско-россійскій словарь, составленный по англійскимъ словарямъ Джонсона, Еберса и Робинета», ч. II—IV. М. 1811—1817 гг. Часть I. (М. 1808 г.) составлена Н. Ѳ. Грамматинымъ; 6) «Теоретическо-практическая грамматика англинскаго языка». С.-Пб. 1820; 7) «Словарь нѣмецкой и французской купеческой юриспуденціи, съ присовокупленіемъ въ алфавитномъ порядкѣ сокращеній, употребительныхъ въ языкахъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ», М. 1824; изд. 2-е, испр. и дополн.—С.-Пб. 1829; изд. 3-е.—М. 1832.

«Сѣверная Пчела» 1832 г., № 292; Архивъ кн. Воронцова, т. XXX; Формулярный списокъ 1828 г. въ архивѣ Департамента герольдіи. *В. С—зъ.*

Паренсовъ, *Дмитрій Тихоновичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. въ 1778 г., умеръ въ 1868 г. Происходилъ изъ духовнаго званія и былъ уроженцемъ Ярославской губ. Въ 1796 г. поотупилъ въ гражданскую службу въ Костромское Губернское Правленіе, съ званіемъ регистратора, а въ 1805 г. опредѣлился въ свиту его величества по квартирмейстерской части колонновожатымъ. Произведенный въ подпоручики въ 1806 г., онъ состоялъ по квартирмейстерской части вплоть до 1826 г., когда былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (21-го мая), съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 6-й пѣхотной дивизіи. Въ томъ же году былъ назначенъ начальникомъ по выдѣлу корабельныхъ лѣсовъ на казенныхъ земляхъ сѣвернаго округа. Въ 1833 г. отчисленный состоять по арміи, П. въ 1835 г. (12-го декабря) былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Статистическаго отдѣленія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а въ 1845 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и вскорѣ избранъ членомъ-сотрудникомъ Русскаго Географическаго Общества (1847 г.). Боевая служба Дмитрія Тихоновича опредѣлилась участіемъ его во многихъ кампаніяхъ: въ 1807 г. онъ состоялъ въ арміи ген. Беннигсена и находился въ дѣлахъ при р. Пасаргѣ, у Ломитена и въ генеральномъ сраженіи при Гейльсбергѣ. Въ 1808 и 1809 г. находился при военномъ министрѣ съ порученіемъ описанія военныхъ дорогъ. Въ 1812 г. Дм. Тих. состоялъ въ корпусѣ гр. Витгенштейна и участвовалъ въ нѣсколькихъ дѣлахъ, а затѣмъ, находясь при отрядѣ г.-м. Гашена, дѣйствовавшаго противъ маршала Макдональда, участвовалъ во многихъ дѣлахъ; сверхъ того, съ отрядомъ подполковника Родіонова велъ партизанскія дѣйствія на лѣвомъ берегу р. Зап. Двины. Затѣмъ, онъ руководилъ дѣйствіями различныхъ легкихъ отрядовъ, участвовалъ въ сраженіи при Чашникахъ, въ дѣлѣ при Лукомлѣ, Борисовѣ при переправѣ на Березинѣ у Студёнки. Въ 1813 г. П. участвовалъ въ занятіи Берлина, бомбардированіи крѣпости Виттенберга, въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ и Лейпцигомъ. Въ 1814 г. при взятіи крѣпости Форъ-Луи онъ исполнялъ должность оберъ-квартирмейстера 1-го пѣхотнаго корпуса и въ этомъ званіи вступилъ съ русскими войсками въ Парижъ, а въ 1815 г. вторично вступилъ въ предѣлы Франціи. По окончаніи отечественной войны, Д. Т. Паренсовъ служилъ по военнымъ поселеніямъ и въ 1821 г. назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ корпуса военныхъ поселеній, а въ 1827 г.—начальникомъ выдѣла корабельныхъ лѣсовъ низового округа. Въ этомъ новомъ званіи ген.-маіоръ Паренсовъ обнаружилъ чрезвычайную энергію и полное безкорыстіе, прекративъ злоупотребленія по расходованію казеннаго корабельнаго лѣса, которымъ до того произвольно пользовались безплатно какъ казенныя управленія, такъ даже и частныя лица. Начальникъ Главнаго морскаго штаба въ отношеніи своемъ къ военному министру указалъ на то, что если бы не особыя заслуги г.-м. Паренсова по охраненію казенныхъ лѣсовъ, то русскій флотъ не имѣлъ бы матеріала для сооруженія судовъ. Въ награду за столь ревностную службу Д. Т., получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, а въ 1846 году аренду на 12 лѣтъ по 1500 р. ежегодно и орденъ св. Владиміра 2 ст.; въ 1856 г. онъ награжденъ былъ орденомъ Бѣлаго Орла и брилліантовою табакеркою съ портретомъ государя императора.

Формулярный списокъ. *А. Петровъ.*

Паризинотти—см. **Перезинотти.**

Паризіусъ, Адамъ-Іосифъ, онъ же Парисъ (Adam-Joseph Paris), врачъ, австріецъ изъ Песля, учился семь лѣтъ въ Вѣнскомъ университетѣ и 27-го іюля 1781 г. получилъ степень доктора медицины Въ 1782 г. онъ экзаменовался въ Россіи въ Медицинской Коллегіи и 19-го октября получилъ право практики. Вѣроятно, этотъ же Паризіусъ служилъ съ 6-го марта 1760 г. генералъ-штабъ-лѣкаремъ при главномъ штабѣ генералъ-фельдмаршала гр. Салтыкова.

Я. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи. С.-Пб. 1883; Платонъ Барановъ. Опись высочайш. указ. и повелѣн., хранящ. въ С.-Пб. сенатск. архивѣ за XVIII вѣкъ. 1740—1762. С.-Пб. 1878 г.—см. указат. къ 3-му тому. *Н. Кульбинъ.*

Парисъ—фамилія нѣсколькихъ артистовъ французской труппы императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ: 1) *Парисъ*—актеръ «на роли резонеровъ

въ комедіяхъ и первыя роли (по надобности) какъ трагическія, такъ и комическія». Состоялъ въ службѣ съ 1-го декабря 1788 г. по 1-е декабря 1794 г. по контракту, возобновлявшемуся чрезъ три года, и получалъ 1.600 р. жалованья и 400 р. «вояжныхъ» денегъ.—2) *Парисъ д'Обиньи (Paris d'Aubigni)*, Этьенъ, состоялъ въ службѣ съ 25-го іюня 1789 г. по 1 іюля 1792 г. по контракту; получалъ 1.200 р. жалованья и 300 р. «вояжныхъ». На его обязанности лежало занимать роли «des financiers, manteaux, des grimes, des pères nobles et resonneurs, des grands confidents à recis des seconds rois et de premiers au besoin».—3) *Парисъ (Denis-Guillaume Alexis Paris)* род. въ 1756 г., ум. 18-го января 1840 г.—капельмейстеръ французскаго театра. 1-го марта 1799 г. поступилъ на службу дирекціи театровъ, обязуясь по контракту «faire exécuter tous les opéras bouffons et tous les opéras français, de meme que les balets, pantomimes et divertissements des pièces, pour enseigner aux acteurs, qui l'exigeront, les rôles des nouveaux opéras». Получалъ жалованья 2.600 р. въ годъ. Имъ написана музыка къ балету «L'arrivée des Thetis» (1799 г.).—4) *Парисъ*—актриса французской труппы; состояла на службѣ до 18-го апрѣля 1788 г. съ жалованьемъ сперва по 1.200 р., потомъ 1.500 р. въ годъ.

Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ. С.-Пб. 1892; Сборникъ Имп. Русск. Историч. Общества, т. 62, стр. 132. *К. Храневичъ.*

Парійскій, *Николай Михайловичъ*, протоіерей Рождественской, что на Пескахъ въ С.-Петербургѣ, церкви (1816—1886 гг.). Родился въ 1816 г., образованіе получилъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ кончилъ курсъ къ 1843 г. со степенью магистра богословія. Сряду же поступилъ священникомъ къ Рождественской церкви и 43 года прослужилъ на одномъ мѣстѣ. Скончался онъ 9-го августа 1886 года.

Чистовичъ, «Исторія С.-Пб. Дух. Академіи», часть I. *Здр.*

де-Парма, графъ *Яковъ*, веронскій дворянинъ; служилъ въ Италіи въ пѣхотныхъ войскахъ; будучи поручикомъ, въ 1785 г. онъ былъ приглашенъ на русскую службу кн. Потемкинымъ-Таврическимъ и, съ цѣлью развитія шелководства на югѣ Россіи, назначенъ смотрителемъ бывшаго Ново-Водолажскаго казеннаго шелковичнаго завода, коего въ 1799 г. опредѣленъ директоромъ, а въ 1800 г., при преобразованіи завода, назначенъ его инспекторомъ. Въ 1801 г. онъ составилъ проектъ преобразованій въ области шелководства и поднесъ его императору Павлу. Въ званіи инспектора графъ Парма и умеръ въ 1815 г., имѣя чинъ надворнаго совѣтника. Сынъ его—графъ *Иванъ Яковлевичъ* (род. 1776 † послѣ 1840 г.), будучи капитаномъ венеціанской службы, пріѣхалъ въ Россію и 2-го апрѣля 1793 г., 16-ти лѣтъ отъ роду, опредѣленъ былъ «директорскимъ помощникомъ» къ своему отцу; въ 1800 г., переименованный въ тит. сов., онъ назначенъ былъ инспекторомъ надъ шелководствомъ въ губерніяхъ Кіевской и Подольской, въ 1804 г. переведенъ на ту же должность по Слободско-Украинской и Екатеринославской губерній, въ 1817 г. получилъ домъ въ Новыхъ Водолагахъ, гдѣ жилъ директоръ прежняго казеннаго завода (его отецъ), а въ 1827 г. присоединилъ къ прежнимъ двумъ еще Таврическую губернію. Графъ Парма вышелъ въ отставку, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, 12-го декабря 1837 г. и поселился въ Стародубовскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, гдѣ еще жилъ въ 1840 году.

Архивъ Департамента Герольдіи: дѣла о дворянствѣ гр. де-Пармъ 1835 и 1840 г.; Архивъ Капитула Орденовъ (формул. списокъ); «Полное Собр. Законовъ», 1797 годъ, стр. 795; Мѣсяцесловы за разные годы; «Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей», т. X, стр. 266 и т. XI, стр. 508. *Б. Львовъ.*

Парначевъ, *Павелъ Васильевичъ*, врачъ, сынъ титул. совѣтника, родился въ 1805 г, учился съ 30-го мая 1818 г. въ Казанской гимназіи, а затѣмъ, 2-го сентября 1820 г., поступилъ въ Казанскій Университетъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Въ 1825 г. Парначевъ окончилъ университетскій курсъ, получилъ званіе лѣкаря 2-го отдѣленія и былъ опредѣленъ въ 3-й баталіонъ 2-го учебнаго карабинернаго полка; въ 1829 году онъ былъ признанъ штабъ-лѣкаремъ и въ 1830 г. назначенъ старшимъ врачемъ того же полка; въ 1843 г. Парначевъ былъ уволенъ отъ службы; умеръ въ чинѣ надворнаго совѣтника, до 1854 года. Парначевъ напечаталъ:

«Описаніе болѣзни, называемой холерой (cholera morbus), съ изложеніемъ предохранительныхъ отъ оной средствъ и способовъ лѣченія». Москва. 1830 г

Архивъ Департамента Герольдіи (формулярный списокъ); Л. Ѳ. Змѣевъ, «Русскіе врачи писатели», вып. 2-й, С.-Пб. 1886 г., стр. 47.
Н. Кульбинъ.

Парпура, *Константинъ Максимовичъ*, писатель, сынъ слѣдующаго, род. въ 1793 г.; въ 1811 г. былъ своекоштнымъ студентомъ Харьковскаго Университета; дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Изъ сочиненій Парпуры извѣстны слѣдующія: 1) «Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому». Харьковъ. 1811 г., съ посвящ. гр. С. О. Потоцкому; 2) «Благополучіе человѣка, мечта» (стих.), С.-Пб. 1812 г., съ посвящ. И. И. Дмитріеву; 3) «Ода на кончину графа Петра Васильевича Завадовскаго, послѣдовавшую сего генваря 10 дня 1812 г.». С.-Пб. 1812; 4) «Ода на объявленіе войны французами». С.-Пб. 1812, и 5) «Эфиказъ индѣецъ». Повѣсть. Часть I. 1819, съ посвящ. И. И. Дмитріеву.

Формуляръ отца за 1798 г.; А. М. Лазаревскій. «Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.». Кіевъ. 1890 г., стр. 25—27; Карточный каталогъ Импер. Публ. Библіотеки. *Б. Гарскій.*

Парпура, *Максимъ Осиповичъ* (род. въ 1763 г., ум. 11-го іюня 1828 г.), писатель; конотопскій дворянинъ, сынъ значковаго товарища Нѣжинскаго полка и жены его Степаниды Павловны Езучевской, бывшей во второмъ бракѣ за Петромъ Базилевичемъ и извѣстной пожертвованіемъ на Конотопскую богадѣльню 10.000 р.; получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи; въ 1783 г. состоялъ канцеляристомъ С.-Петерб. Госуд. Банка и въ томъ же году (15-го мая) поступилъ сперва въ школу С.-Петербургскаго Генеральнаго сухопутнаго госпиталя, а потомъ въ Императорскій Медико-хирургическій институтъ. Опредѣлившись въ 1785 г. въ Императорскій Воспитательный домъ репетиторомъ повивальнаго искусства, онъ 21-го января 1787 г. былъ назначенъ учителемъ нѣмецкаго и россійскаго языка въ С.-Петербургскую Хирургическую Школу и въ концѣ того же года (27-го октября) опредѣлился переводчикомъ въ 1-ю Экспедицію (экономическую) Медицинской Коллегіи. Служа тамъ въ 1798 г., имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора. Впослѣдствіи П. былъ директоромъ учрежденій на Аптекарскомъ островѣ и Медицинской типографіи.

Парпура извѣстенъ своею благотворительностью, выразившеюся въ крупныхъ пожертвованіяхъ (по завѣщанію 1825 г.) на Конотопское повѣтовое училище (16.000 р.) и богадѣльню (30.000 р.), на Новгородсѣверскую гимназію (16.000 р.) и Харьковскій университетъ (16.000 р.). Изъ литературныхъ трудовъ Парпуры извѣстны: 1) «Несчастіе отъ Очакова, или торжествующее коварство въ Царьградѣ». Театральное зрѣлище. С.-Пб. 1789; 2) «Начальное основаніе всеобщей и врачебной химіи Іосифа-Франциска Жакина», 2 части. С.-Пб. 1796; изд. 2-е. С.-Пб. 1800. 3) «Фармакологія, или описаніе лѣкарствъ». Для императорскихъ росс. сухопутныхъ войскъ. Сочинилъ Іоганнъ-Георгъ-Давыдъ Еллизенъ. С.-Пб. 1797; 4) «Жизнь и военныя дѣянія генералиссимуса князя Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго, соч. маіора Фридриха Антинга, 4 ч. С.-Пб. 1799—1800.

Въ 1798 г. Парпура издалъ книгу, напечатанную въ Петербургѣ: «Энеида, на малороссійскій языкъ перелиціованная И. Котляревскимъ».

Сенатскій Архивъ, форм. списки 1798 г., № 34, лл. 16—17 и 52; Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», тетрадь 2-я. С.-Пб. 1886; А. М. Лазаревскій. «Описаніе старой Малороссіи», т. II. Кіевъ. 1893, стр. 42—43; П. Житецкій. «Энеида Котляревскаго». Кіевъ. 1900; Списки черниговскихъ дворянъ 1783 г., изд. А. М. Лазаревскаго. Кіевъ. 1890 г., стр. 17, 18, 25—27. *В. С—въ.*

Парпура, *Самонъ Григорьевичъ* (а не Симонъ), докторъ медицины; сынъ губ. секр. Григорія Моисеевича, П. родился въ Новгородѣ-Сѣверскомъ 15-го ноября 1798 г.; 1-го августа 1810 года, по окончаніи курса въ Новгородъ-Сѣверскомъ повѣтовомъ училищѣ, поступилъ тамъ же въ губернскую гимназію, гдѣ также кончилъ курсъ, а 10-го сентября 1815 г. опредѣлился въ Московскій Университетъ. 23-го ноября 1820 г. онъ съ отличнымъ аттестатомъ былъ выпущенъ, получивъ званіе лѣкаря, и опредѣленъ въ Московскій военный госпиталь, гдѣ 6-го мая 1821 г. утвержденъ былъ лѣкаремъ 2-го отдѣленія. 18-го мая 1830 г. П., по законномъ испытаніи, былъ утвержденъ

въ степени доктора медицины за представленную диссертацію «De remediorum domesticorum usu atque praestantia» (М. 1830, 8°, 39 стр.). Выйдя въ отставку, П. въ 1831—1838 г. жилъ въ своемъ имѣніи—селѣ Богородицкомъ, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ въ 1834 г. энергично боролся съ холерной эпидеміей; затѣмъ онъ проживалъ вольнопрактикующимъ врачемъ въ Москвѣ. Умеръ въ 1863 г.

Архивъ Департамента Герольдіи (дѣло по прошеніямъ П., 1861 г.); Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», вып. II, С.-Пб. 1886. *Б. М.*

Парротъ, *Георгъ-Фридрихъ*, сынъ придворнаго врача герцога Карла Виртембергскаго, родился 24-го іюня (5-го іюля) 1767 г. въ Монбелярѣ, Виртембергскомъ городѣ, нынѣ принадлежащемъ Франціи. По достиженіи девятилѣтняго возраста онъ былъ опредѣленъ въ мѣстную гимназію, а по выходѣ изъ нея въ 1782 г., поступилъ въ Штутгартскую академію, которой незадолго передъ тѣмъ Іосифомъ II были дарованы права университета. Парротъ избралъ для изученія «экономическую науку», но, помимо того, съ увлеченіемъ занимался математикой и физикой. Къ этому же времени относится его сближеніе съ знаменитымъ Кювье.

Во время пребыванія Паррота въ академіи, въ Штутгартъ пріѣхалъ въ сентябрѣ 1782 года цесаревичъ Павелъ Петровичъ, посѣтившій, между прочимъ, и академію. Профессоръ вызвалъ на лекціи Паррота и предложилъ ему доказать въ присутствіи высокаго посѣтителя существованіе Бога. «Я не могу сдѣлать этого», смѣло отвѣтилъ пятнадцатилѣтній юноша. «Какъ,—сердито воскликнулъ цесаревичъ,—вы отрицаете существованіе Бога?» «Нѣтъ, Ваше Высочество,—убѣжденно отвѣтилъ будущій другъ сына Павла Петровича,— я не отрицаю: я чувствую его, а это сильнѣе всякаго логическаго доказательства».

Въ 1786 году юный Парротъ покинулъ Штутгартскую академію и вслѣдъ за тѣмъ женился на дочери баденскаго профессора Лефорта, происходившаго изъ того же женевскаго рода, какъ и извѣстный любимецъ Петра Великаго. Послѣ своей женитьбы Парротъ поступилъ воспитателемъ въ домъ графа Герици въ Нормандію. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ астрономомъ Лаландомъ, который уговорилъ его напечатать написанный имъ учебникъ математики. Однако, труду Паррота не было суждено появиться въ печати по небрежности издателя, затерявшаго ввѣренную ему рукопись. Въ 1788 году Парротъ переѣхалъ въ Карлсруэ и сначала въ этомъ городѣ, а потомъ въ Офенбахѣ на-Майнѣ сталъ снискивать себѣ средства къ жизни преподаваніемъ математики. Не блестящее матеріальное положеніе, усложнившееся рожденіемъ двухъ сыновей, заставляло его думать объ улучшеніи своей участи; это и побудило его въ 1793 году согласиться принять мѣсто домашняго воспитателя въ Лифляндіи. По дорогѣ въ Россію, въ Байрейтѣ, у Паррота опасно заболѣла жена. Болѣзнь жены, кончившаяся смертью, потребовала нѣсколькихъ недѣль остановки въ Байрейтѣ. Тѣмъ временемъ предложенное Парроту мѣсто было отдано другому, и ему пришлось остаться въ Байрейтѣ, гдѣ онъ и прожилъ три года. Лѣтомъ 1795 года Парротъ вмѣстѣ съ дѣтьми отправился въ Лифляндію, гдѣ поступилъ воспитателемъ въ домъ графа Сиверса. Но и здѣсь онъ оставался не долго: въ 1797 году онъ принялъ предложенное ему мѣсто постояннаго секретаря Экономическаго общества въ Дерптѣ, гдѣ уже и основался окончательно, вступивъ незадолго передъ тѣмъ во второй бракъ.

Литературные и научные труды Паррота и его дѣятельность какъ секретаря экономическаго общества обратили на него всеобщее вниманіе, такъ что въ 1800 году ему была предложена каѳедра физики въ учреждавшемся тогда Дерптскомъ университетѣ.

Въ 1801 году Кёнигсбергскій университетъ удостоилъ его степени доктора, а вслѣдъ за тѣмъ Парротъ вступилъ на представившееся ему новое поприще дѣятельности, съ котораго не сходилъ уже въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ. Исторія Дерптскаго университета за эти 25 лѣтъ тѣсно связана съ именемъ Паррота; онъ оставилъ въ ней яркій слѣдъ какъ организаторъ, какъ профессоръ и какъ ученый.

Въ маѣ 1802 г. черезъ Дерптъ проѣзжалъ императоръ Александръ и при этомъ случаѣ посѣтилъ только что открытый университетъ. На долю Пар-

рота выпало привѣтствовать его рѣчью на французскомъ языкѣ, обратившею на себя вниманіе государя. Къ этому-то времени относится первое знакомство Паррота съ императоромъ Александромъ.

Въ августѣ того же года Парротъ былъ избранъ ректоромъ Дерптскаго университета и въ качествѣ такового отправился два мѣсяца спустя въ Петербургъ, чтобы выхлопотать утвержденіе выработаннаго въ Дерптѣ университетскаго устава, или, какъ онъ былъ названъ, «акта постановленія» Дерптскаго университета.

Пріѣздъ Паррота въ Петербургъ окончательно способствовалъ установленію его дружбы съ императоромъ Александромъ. Парротъ, ничего не искавшій и даже рѣзко отклонявшій всякое внѣшнее изъявленіе царской милости, всецѣло предался Александру со всѣмъ пыломъ, свойственнымъ идеальнымъ стремленіямъ его возвышеннаго ума и любящаго сердца. Постепенно онъ усвоилъ себѣ роль сокровеннаго вдохновителя своего царственнаго друга. Императоръ Александръ, съ своей стороны, разъ на всегда далъ Парроту безусловное разрѣшеніе писать ему обо всемъ съ полной откровенностью и когда онъ того пожелаетъ или найдетъ нужнымъ; во время же посѣщеній Парротомъ Петербурга онъ приглашался прямо въ кабинетъ государя и въ дружеской откровенной бесѣдѣ проводилъ съ нимъ цѣлые вечера. Простодушный идеализмъ Паррота, не лишенный нѣкоторой доли сентиментальности, несомнѣнно нравился императору Александру эпохи преобразованій, а восторженное и искреннее обожаніе, ярко сквозившее въ каждомъ словѣ новаго друга, невольно подкупало императора въ его пользу.

Насколько Александръ всецѣло завладѣлъ симпатіями Паррота, видно изъ сохранившагося отрывка воспоминаній послѣдняго, въ которомъ онъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ въ Петербургъ въ 1802 году. Описывая свое первое свиданіе съ Александромъ, онъ, подъ вліяніемъ мысли о сродствѣ ихъ душъ, восклицаетъ патетически: «О, природа! не существуетъ никакихъ преградъ, которыхъ не могли бы ниспровергнуть сердца, внемлющія тебѣ. Какъ прекрасно понимали мы другъ друга!»

Изъ этого же отрывка видно, что̀ именно привязало Паррота къ императору Александру: его плѣнили обнаруженныя государемъ въ разговорѣ съ нимъ простота, сердечность и широкіе гуманные взгляды. Александръ сразу и безповоротно покорилъ себѣ молодого профессора. Какою-то влюбленностью, чисто юношескимъ пыломъ проникнуты строки, въ которыхъ Парротъ описываетъ конецъ своего перваго разговора съ Александромъ въ Петербургѣ въ 1802 г.

«Прощайте», сказалъ государь,—передаетъ Парротъ въ своихъ запискахъ,—затѣмъ онъ любовно посмотрѣлъ на меня, бросился мнѣ на шею, прижалъ меня къ своему сердцу и съ влажными глазами поспѣшилъ выйти изъ комнаты. Нѣсколькихъ словъ, сказаныхъ имъ на ходу, я не понялъ.

«Я продолжалъ стоять тамъ. Ощущеніе моего счастья почти душило меня.

«Въ жизни каждаго человѣка встрѣчается очень счастливый періодъ, періодъ первой любви. Въ продолженіе этого времени бываетъ моментъ высшаго восторга, моментъ, когда возлюбленная говоритъ: я люблю тебя. Что-то подобное, хотя и въ другомъ родѣ, было въ моемъ тогдашнемъ состояніи. Влюбленные уединяются, берегутъ свое счастье, свою любовь для самихъ себя. Со мною же было иначе: я принадлежалъ всему человѣчеству, братался съ тысячами, работать для которыхъ съ успѣхомъ теперь становилось возможнымъ для меня. Къ этому возвышенному чувству примѣшивалась нѣжнѣйшая и сильнѣйшая привязанность къ милому (an den Liebenswürdigen), которому я вполнѣ принадлежалъ теперь, который тоже принадлежалъ мнѣ, и такимъ образомъ въ моей груди соединялось все, что можетъ осчастливить человѣка».

Въ чемъ же заключалась та работа для тысячъ, о которой Парротъ говоритъ съ такимъ чисто юношескимъ увлеченіемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даютъ письма Паррота къ императору Александру, письма къ «благороднѣйшему» (an dem Alleredelsten) «обожаемому» (au bien-aimé) Александру, какъ надписывалъ онъ на обложкахъ, въ которыхъ хранилъ черновики своихъ писемъ. Работа эта заключалась въ не-

устанныхъ усиліяхъ Паррота, путемъ разговоровъ, писемъ, просьбъ, почти требованій, приблизить Александра Павловича къ тому идеалу государя-самодержца, который Парротъ создалъ въ своемъ представленіи, и осуществленіе котораго обезпечило бы, по его мнѣнію, Александру величіе и славу. Какъ ангелъ-хранитель, стоялъ онъ на стражѣ малѣйшихъ событій и тотчасъ же обращался къ Александру со своими увѣщаніями и совѣтами, какъ ему поступить въ данномъ случаѣ... Онъ смѣло раскрывалъ передъ нимъ всѣ злоупотребленія администраціи, призывалъ къ любви и милосердію, давалъ наставленія даже въ области внѣшней политики и военнаго искусства. Во всемъ этомъ единственнымъ двигателемъ дѣйствій Паррота было его безкорыстное страстное желаніе пользы и славы для обожаемаго «героя Александра». Письма Паррота къ Александру Павловичу написаны такъ, какъ могутъ писать только заботливая до самозабвенія мать, строгій холодный наставникъ, страстная, увлеченная до самоослѣпленія любовница... Парротъ, самъ того не сознавая, обманывалъ самого себя, когда съ такимъ пыломъ говорилъ о «работѣ для тысячъ»... Работа для тысячъ имѣла для него значеніе лишь настолько, насколько она обезпечивала счастье и славу Александра... Въ его глазахъ Александръ заслонялъ собою всю Россію... Нельзя винить Паррота за то, что Россія, русскіе, оставались чуждыми ему.. Онъ былъ иностранецъ, отдавшійся наукѣ, узкимъ интересамъ мѣстно-университетской жизни, и знакомый лишь съ одною страстью — страстью къ «обожаемому Александру». Онъ самъ высказываетъ это въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему; говоря о побужденіяхъ, руководившихъ имъ въ разсказываемомъ случаѣ, онъ прибавляетъ, что дѣйствовалъ такъ «въ интересахъ государства, которое— сознаюсь въ этомъ—люблю лишь въ лицѣ васъ, въ интересахъ человѣчества, защитникомъ котораго съ такою радостью вижу васъ». Трудно опредѣлить съ большею вѣрностью истинный характеръ отношеній Паррота къ Александру, чѣмъ это сдѣлалъ самъ Парротъ въ приведенныхъ строкахъ его письма.

Опредѣлить, въ какой степени нравственное менторство Паррота могло вліять на дѣйствія императора Александра, представляется рѣшительно невозможнымъ. Александру нравилось боготвореніе Паррота, а его рѣдкое безкорыстіе невольно подкупало его; быть можетъ, въ первое время ихъ знакомства были даже моменты, когда Парротъ своею восторженностью искренно увлекалъ его на мгновенье, но внутренняя и внѣшняя политика Александра не носятъ на себѣ, по крайней мѣрѣ, явныхъ слѣдовъ вліянія Паррота. Только въ двухъ случаяхъ можно съ положительностью сказать, что увѣщанія Паррота не остались безъ воздѣйствія на государя: въ первомъ случаѣ—когда онъ съ удивительнымъ пониманіемъ обстановки русской жизни уговаривалъ государя отказаться отъ намѣренія ввести въ Россіи представительный образъ правленія, и во второмъ случаѣ, когда онъ указывалъ ему на необходимость посѣщенія больницъ, тюремъ и различныхъ общественныхъ учрежденій.

Александръ позволялъ Парроту писать себѣ о чемъ угодно, терпѣливо переносилъ подчасъ непріятныя для *своего* самолюбія истины, выслушивалъ *его* восторженныя рѣчи, но, безъ сомнѣнія, среди громадности лежавшихъ на немъ обязанностей, дѣлъ, заботъ, окруженный множествомъ людей, имѣвшихъ право на постоянныя съ императоромъ личныя сношенія, онъ менѣе и менѣе удѣлялъ времени Парроту. Послѣднее свиданіе императора Александра съ Парротомъ вызвало со стороны послѣдняго письмо, наглядно доказавшее государю, что Парротъ подмѣтилъ въ *его* характерѣ особенность, которую тотъ тщательно скрывалъ. «Ваше воспитаніе, царствованіе вашего лица, ваше собственное царствованіе и въ особенности характеръ вашихъ вельможъ должны были сдѣлать васъ подозрительными. Самъ ангелъ сдѣлался бы такимъ на вашемъ мѣстѣ. Это не можетъ укрыться отъ тѣхъ, въ интересахъ коихъ наблюдать вашъ характеръ; этою-то недовѣрчивостью и стараются воздѣйствовать на васъ. Не возражайте мнѣ на это указаніемъ на частые проблески довѣрія, а еще менѣе того—на наши взаимныя отношенія. Въ этихъ случаяхъ въ васъ снова оживаетъ то, что врожденно вамъ, и пробиваетъ броню, которою несчаст-

ный и печальный опытъ сковалъ ваше сердце».

Слишкомъ откровенное и рѣзкое письмо это не понравилось императору Александру, и онъ рѣшилъ прекратить личныя сношенія съ Парротомъ. Около этого времени въ немъ уже начало происходить полное перерожденіе его взглядовъ, мыслей и чувствъ, постепенное крушеніе его политическихъ и общественныхъ идеаловъ, и Парротъ въ своихъ разговорахъ съ государемъ конечно не преминулъ бы высказать по этому поводу много горькихъ истинъ. Въ особенности онъ не замедлилъ бы коснуться дѣла Сперанскаго, только что совершившагося. Все это склоняло государя къ разрыву съ Парротомъ, и свиданіе ихъ 16-го марта 1812 года было послѣднимъ въ ихъ жизни.

Какъ только государь въ 1814 году возвратился изъ заграничнаго похода въ Петербургъ, Парротъ поспѣшилъ пріѣхать въ столицу, чтобы привѣтствовать своего возлюбленнаго Александра и выразить «герою», увѣнчанному лаврами недавнихъ побѣдъ, чувства радости и восторга, вызванныя въ немъ славнымъ окончаніемъ многолѣтней борьбы. Однако, тщетно этотъ безкорыстный и восторженный почитатель императора Александра умолялъ его о назначеніи свиданія; страстное желаніе Паррота было оставлено безъ вниманія, и ему уже не суждено было еще хоть одинъ разъ испытать въ жизни ту радость, которая озаряла лучезарнымъ свѣтомъ труженическую жизнь этого скромнаго профессора. Одно упорное молчаніе со стороны императора Александра было отвѣтомъ на его пылкія строки.

Парротъ не сразу понялъ переломъ, совершившійся въ воззрѣніяхъ и чувствахъ императора Александра послѣ 1812 года; онъ только постепенно усвоилъ себѣ печальную истину, что отнынѣ императоръ и профессоръ лишены возможности понимать другъ друга, что воззрѣнія ихъ раздѣляетъ уже пропасть, и что воскресить прошлое представляется невозможнымъ, и оно должно быть предано забвенію. Тогда Парротъ, разочарованный въ своихъ чувствахъ и глубоко оскорбленный встрѣченнымъ явнымъ равнодушіемъ, излилъ свою скорбь въ слѣдующихъ грустныхъ строкахъ:

«Жребій брошенъ! Ваше Величество желаетъ, чтобы я видѣлъ въ васъ лишь властелина Россіи. Вы, безъ сомнѣнія, имѣете на это свои основанія, которыя кажутся вамъ справедливыми. Я не обращусь за защитой къ будущему, которое оправдываетъ меня уже теперь. Но я обжалую благородному чувству вашего величества тотъ способъ, которымъ вамъ было угодно произвести разрывъ, признанный вами необходимымъ. Я просилъ васъ порвать со мною связь съ тѣмъ же прямодушіемъ, которое соединило насъ. Вы отказали мнѣ и тѣмъ самымъ признали меня недостойнымъ этого. Вотъ что удваиваетъ мою печаль, и если бы подданный осмѣливался говорить своему государю, что онъ не правъ, я сказалъ бы вашему величеству, что вы не правы въ данномъ случаѣ. Развѣ я совершилъ какое-либо преступленіе? Вотъ уже 13 лѣтъ, государь, какъ я живу только для васъ; мое служебное положеніе, мои обязанности, даже мои литературные труды—у меня все связывалось съ вами. Я хотѣлъ быть и казаться достойнымъ довѣрія, которымъ ваше величество, противно установившемуся порядку вещей, удостаивали меня. Я любилъ васъ, вы знаете это, съ увлеченіемъ, которое иногда вызывало ваше удивленіе. Я никогда не слѣдовалъ столь обыденному правилу, что лучше нравиться министру, чѣмъ государю. Да что я говорю такое? Я никогда не хотѣлъ нравиться вамъ; я хотѣлъ лишь любить васъ и служить вамъ. Къ тому же, государь, вы не скупились въ области чувства; если же мое чувство, быть можетъ, было значительно сильнѣе вашего, я зналъ, что тотъ избытокъ чувства, которымъ такъ богата ваша душа, былъ предназначенъ для милліоновъ вашихъ подданныхъ, для которыхъ вы желали бы быть отцемъ, и я радовался этому. Но какъ разъ именно это чувство вашего величества не согласуется съ тѣмъ способомъ, какимъ вашему величеству угодно было разойтись со мною.

«Государь! Если когда-либо случай снова столкнетъ Ваше Величество съ отзывчивымъ человѣкомъ, который, привлеченный благородствомъ вашей души, захочетъ всецѣло отдаться вамъ, во имя Божества, которое вы чтите такъ же, какъ я, оттолкните его съ самаго начала. Удовольствуйтесь одной жертвой чувства!

«Таковы послѣдніе звуки голоса, въ теченіе одиннадцати лѣтъ звучавшаго въ душѣ вашего величества. Быть можетъ, я долженъ былъ бы придать имъ другой тонъ и скрыть свое горе. Но я хочу остаться вѣрнымъ самому себѣ; я никогда не научусь притворяться».

Парротъ дѣйствительно умолкъ и—надолго: впродолженіе пяти лѣтъ онъ не безпокоилъ императора Александра своими письмами. Въ 1821 году переписка, однако, возобновилась; Парротъ обратился къ государю съ письмомъ, начинавшимся словами, что старѣйшій дерптскій профессоръ осмѣливается представить государю свою записку. Эта записка относилась къ дѣламъ университета. Затѣмъ, когда въ 1822 году императоръ оказалъ благодѣяніе одной бѣдной вдовѣ, Парротъ не могъ удержаться, чтобы не поблагодарить государя за это доброе дѣло, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь представившимся случаемъ, снова далъ волю своему перу и, какъ онъ самъ выразился, впалъ въ свой «прежній стиль». Съ этого времени онъ старался доказывать необходимость освобожденія Греціи, началъ громить мѣропріятія по министерству народнаго просвѣщенія и безпощаднымъ образомъ клеймилъ просвѣтительные подвиги Магницкаго.

Въ началѣ 1826 года, послѣ 25-ти-лѣтней службы въ Дерптскомъ университетѣ въ качествѣ ординарнаго профессора физики и математики, Парротъ вышелъ въ отставку, но затѣмъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года, былъ избранъ ординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ и переѣхалъ въ Петербургъ. Переселеніе Паррота въ Петербургъ почти совпало съ воцареніемъ императора Николая. Новый государь не зналъ лично Паррота, но, конечно, не могъ не слышать о немъ и объ его отношеніяхъ къ императору Александру. Къ тому же, послѣ смерти Александра Павловича, ему пришлось, по всей вѣроятности, увидѣть письма Паррота къ покойному государю, и изъ нихъ онъ понялъ, что за человѣкъ Парротъ. Только этимъ можно объяснить то, что, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего восшествія на престолъ, Николай Павловичъ черезъ графа Уварова обратился къ Парроту съ просьбою высказаться по нѣкоторымъ вопросамъ. Какіе это были вопросы, до сихъ поръ не удалось выяснить. Во всякомъ случаѣ, отвѣтъ Паррота, должно быть, былъ встрѣченъ государемъ сочувственно, потому что, поблагодаривъ его черезъ посредство графа Бенкендорфа, шефа жандармовъ, онъ предложилъ ему, время отъ времени, писать о тѣхъ или другихъ вопросахъ государственнаго управленія. При этомъ государь высказалъ графу Бенкендорфу желаніе, чтобы Парротъ писалъ о всемъ, о чемъ ему вздумается, но лишь бы то было чистосердечно и исходило прямо изъ сердца. Парротъ широко воспользовался сдѣланнымъ предложеніемъ и въ теченіе 22 лѣтъ, до 1849 года, написалъ государю до 200 съ лишнимъ записокъ и писемъ, ни разу не получивъ отъ него собственноручнаго отвѣта и въ продолженіе всего этого промежутка времени только разъ удостоившись чести лично бесѣдовать съ государемъ и то по какому-то спеціально-техническому вопросу. Посредникомъ по передачѣ писемъ Паррота государю и по сообщенію Парроту въ рѣдкихъ случаяхъ устныхъ отвѣтовъ государя и впечатлѣній, вынесенныхъ имъ по прочтеніи поданныхъ записокъ и писемъ, являлся тотъ же графъ А. Х. Бенкендорфъ. Отличительная черта писемъ Паррота къ императору Николаю Павловичу—поразительная смѣлость и откровенность, съ которыми онъ иногда высказывалъ государю свое несочувствіе нѣкоторымъ его мѣропріятіямъ. Онъ доходилъ даже до того, что указывалъ императору на необходимость произвести революцію сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями русскаго народа. Въ своихъ письмахъ къ императору Николаю Павловичу Парротъ проявлялъ несравненно болѣе свободомыслія и того, что онъ называлъ любовью къ человѣчеству, чѣмъ въ своихъ письмахъ къ императору Александру: это слѣдуетъ приписать, помимо измѣнившихся условій русской жизни, и тому, что личность императора Александра заслоняла для него не только Россію, но подчасъ и дорогое ему «человѣчество». Лишь полною увѣренностью Николая Павловича въ безусловной преданности Паррота Россійскому престолу и въ безвредности воззрѣній «идеолога» можно объяснить то, что подъ-часъ слишкомъ

рѣзкія и откровенныя письма Паррота не навлекли на него гнѣва государя.

Въ декабрѣ 1840 года Парротъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Умеръ онъ въ преклонныхъ лѣтахъ 8-го іюня 1852 года во время поѣздки въ Гельсингфорсъ.

Для характеристики дѣятельности Паррота, какъ ученаго, мы приведемъ здѣсь слѣдующія строки изъ «Обзора дѣятельности Дерптскаго университета»: «Въ послѣднемъ отношеніи (научныя работы) надо обратить вниманіе на участіе, которое Парротъ принималъ въ развитіи важнаго ученія проницаемости органическихъ перепонокъ, когда онѣ образуютъ раздѣльную стѣнку между разнородными жидкостями. Однако, обширное значеніе этого ученія было признано лишь впослѣдствіи, послѣ того, какъ Дютроше въ 1826 г. примѣнилъ его подъ именемъ эндосмоза и экзосмоза къ объясненію образованія сока въ растеніяхъ, и особенно въ новѣйшія времена, послѣ того, какъ Грагамъ основалъ на немъ новый способъ раздѣленія (смѣсей) химическихъ соединеній, такъ называемый «діализъ». Но Парроту принадлежитъ та заслуга, что онъ въ 1802 г. не только повторилъ основной опытъ, сдѣланный аббатомъ Нолле въ срединѣ прошедшаго столѣтія, но и высказалъ мысль, что этотъ процессъ можетъ дать ключъ къ объясненію выдѣленія соковъ железами тѣла животныхъ, усвоенія (пищевыхъ продуктовъ организмомъ) и размноженія. Далѣе онъ противопоставилъ теоріи соприкосновенія Вольта (въ ученіи объ электричествѣ) гипотезу химическую и высказалъ нѣсколько положеній, впослѣдствіи снова найденныхъ Деляривомъ и Фарадеемъ. Такимъ образомъ, повліявъ въ замѣтной мѣрѣ на развитіе науки и обнаруживъ при этомъ остроту сужденія, предугадывающую всю широту возможныхъ примѣненій отдѣльныхъ ученій, онъ не оставлялъ безъ вниманія и полезныхъ примѣненій физическихъ ученій и занимался, напримѣръ, усовершенствованіемъ говорной трубы, насоса, громоотвода и др.».

Наиболѣе выдающіеся изъ ученыхъ трудовъ Паррота слѣдующіе: «О вліяніи физики и химіи на ученіе о лѣкарствахъ съ приложеніемъ физической теоріи лихорадки и чахотки», «Теоретическое и практическое руководство къ превращенію всякаго рода свѣта въ такой, который подобенъ дневному», «Основаніе теоретической физики для употребленія при лекціяхъ». 3 части (третья подъ заглавіемъ: «Основаніе физики земного шара и геологіи»); «Взглядъ на животный магнетизмъ»; «О волосности» и «Разговоры о физикѣ».

Переписка Паррота съ императоромъ Александромъ I и съ императоромъ Николаемъ I; Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Н. Шильдера. С.-Пб. 1897 — 1898 г., 4 т.; Статья Бинемана: «Kaiser und Professor» — «St.-Petersburger Zeitung» 1895; Allgemeine Deutsche Biographie. 25-ter Band. Leipzig. 1889; «Georg-Friedrich Parrot's Jugendleben» von Friedrich Bienemann» — «St. Petersburger Zeitung» 1897.

Н. Шильдеръ.

Парротъ, фонъ-, *Іоганнъ-Якобъ-Фридрихъ-Вильгельмъ*, врачъ, профессоръ; родился въ Карлсруэ, въ Швабіи, 14-го октября 1791 г., умеръ 3-го января 1841 г. Первоначальное образованіе П. получилъ въ домѣ своего отца и въ рижской школѣ, затѣмъ учился въ гимназіи въ Дерптѣ, а въ 1807 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета. Парротъ началъ свою научную дѣятельность еще на студенческой скамьѣ: въ 1809 г. онъ получилъ серебряную медаль за свою первую научную работу «Abhandl. über die Unentbehrlichkeit einer Theorie für die Ausübung der Arzeneikunde»; въ 1810 г. былъ награжденъ такою же медалью за вторую работу «Abhandl. über das Verdienst» и въ 1812 году получилъ за третью работу: «Uber Gasometrie» (см. ниже) золотую медаль; изъ этихъ работъ двѣ послѣднія были напечатаны на счетъ университета. Въ 1811 г. Парротъ совершилъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ минералогомъ Морицомъ фонъ-Энгельгардтомъ путешествіе въ Крымъ и на Кавказъ, въ 1812 г. исполнялъ въ Дерптскомъ временномъ военномъ госпиталѣ обязанности младшаго врача, въ 1814 году получилъ въ Дерптскомъ университетѣ степень доктора медицины и хирургіи и былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ. Въ томъ же году Парротъ отправился въ Вѣну, а въ 1815 году былъ назначенъ въ дѣйствующую армію штабъ-лѣкаремъ перваго класса и совершилъ походъ во Францію; затѣмъ онъ путе-

шествовалъ по Швейцаріи и Италіи, гдѣ опредѣлилъ при своемъ восхожденіи на гору Monte Rosa истинную границу вѣчныхъ снѣговъ. Изъ Италіи онъ отправился во Францію, а оттуда въ Испанію. Пробывъ за границей болѣе пяти лѣтъ, Парротъ вернулся въ Россію и въ 1821 г. былъ назначенъ въ Дерптскій университетъ ординарнымъ профессоромъ физіологіи, патологіи и семіотики.

Въ 1825 г. Парротъ былъ избранъ членомъ училищной коммиссіи, а въ 1826 г. перешелъ въ томъ же университетѣ на каѳедру физики, которую и занималъ до своей смерти. Въ 1829 г. Парротъ совершилъ научное путешествіе на Араратъ, въ 1830 и 1831 г. былъ проректоромъ, а съ 1831 до 1833 г.—ректоромъ Дерптскаго университета; въ 1837 году онъ предпринялъ еще одно путешествіе—на Нордкапъ. Умеръ П. въ чинѣ статскаго совѣтника.

Парротъ напечаталъ, кромѣ двухъ, упомянутыхъ выше, слѣдующія научныя работы: 3) «Ueber Gasometrie, nebst einigen Versuchen über die Verschibbarkeit der Gase. Eine von der philosoph. Fakultät der Kaiserl. Univers. zu Dorpat gekrönte Preisschrift». Dorpat. 1814, съ 8 таблиц., рѣзан. на мѣди; 4) Диссертація «De motu sanguinis in corpore humano». Дерптъ. 1814; 5) «Reise in die Krimm und den Kaukasus», съ 6-ю таблиц. на мѣди и картами, 2 части. Берлинъ. 1815 (написано вмѣстѣ съ М. ф.-Энгельгардтомъ); 6) «Ansichten über die allgemeine Krankheitslehre». Митава. 1820. 7) «Abhandl. über die Unterbindung der bedeutenden Schlagadern...» и пр., переводъ съ итальянскаго. Берлинъ. 1821; 8) «Reise in den Pyrenäen», съ 3-мя литограф. прилож. Берлинъ. 1823. То-же напечатано въ «Naturwissenschaftl. Abhandlungen aus Dorpat», т. I, 1823 г.; 9) «Ueber die Ernährung neugeborner Kinder mit Kuhmilch»—по собств. и чужимъ наблюденіямъ. Митава, 1826, 30 стр., 8°; 10) «Ueber ein zweckdienliches Verfahren bei der sogenannten Thränenfistel Operation» и пр. въ «Hufelands Journal der pract. Heilkunde», 1820; 11) «Ueber die Schneegränze auf der mittägl. Seite des Rosagebierges, und barometrische Messungen»—«Journal für Chemie und Physik», XIX; 12) Вмѣстѣ съ Г. Ф. Заменомъ: «Ueber die Witterungs- und Krankheits-Constitution der Stadt Dorpat in den Jahre 1822, 1823 und 1824—«Vermischen Abhandl. aus dem Gebiete der Heilkunde», 3-te Sammlung, St.-Petersb., 1825, 8°, стр 12—26 и 266—270; 13) Рѣчь, произнесенная при первомъ юбилеѣ Импер. Дерптскаго университета. Дерптъ. 1828 г.

Рекке и Напіерскій: «Allgem. Schriftst. und Gelehrten Lexicon», т. III. Митава. 1831, стр. 374; А. Гассельблаттъ и Г. Отто: «Album academ. der Kaiserl. Univ. Dorpat. Dorp. 1889, стр. 22; «Allgemeine deutsche Biographie», B. 25, S. 186—189. *Н. Кульбинъ.*

Парротъ, *Морицъ Федоровичъ*, инженеръ; уроженецъ Лифляндской губерніи, сынъ статскаго совѣтника, родился 22-го августа 1831 года. Въ 1854 году получилъ званіе кандидата въ Императорскомъ Дерптскомъ университетѣ по физико-математическому факультету, по разряду математическихъ наукъ. Находясь въ университетѣ, Парротъ получилъ въ 1852 г. золотую медаль за представленное сочиненіе: «Критическій обзоръ теорій, употребляемыхъ со времени путешествія Антркасто и Гумбольдта для опредѣленія силы магнитизма».

По экзамену въ Институтѣ Корпуса инженеровъ путей сообщенія П. былъ произведенъ въ поручики въ 1860 году, при чемъ назначенъ репетиторомъ въ Институтѣ. Въ томъ же 1860 г. онъ былъ опредѣленъ начальникомъ мастерской Телеграфнаго управленія съ оставленіемъ репетиторомъ Института.

Въ 1862 году, съ разрѣшенія главноуправляющаго путями сообщеній, П. назначенъ былъ преподавателемъ технической телеграфіи, съ званіемъ инспектора классовъ, учрежденныхъ для лицъ, поступающихъ на службу въ телеграфное вѣдомство.

Въ 1864 г., въ преобразованномъ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія, П. былъ назначенъ преподавателемъ курса телеграфовъ съ оставленіемъ въ должности начальника мастерскихъ. Въ 1865 году онъ былъ переведенъ въ телеграфный корпусъ, и, съ преобразованіемъ въ 1866 г. Телеграфнаго управленія въ Департаментъ, назначенъ былъ начальникомъ школы и мастерской при Телеграфномъ Департаментѣ. Здѣсь служебныя занятія М. Ф. были весьма обширны какъ въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ практическихъ

*

трудахъ: онъ производилъ опыты по опредѣленію сопротивленія, встрѣчаемаго гальваническимъ токомъ въ проволокѣ изъ разныхъ сортовъ русскаго и заграничнаго желѣза, для сравненія единицы Сименса съ принятою въ Россіи электрическою единицею; имъ же производились изслѣдованія дѣйствія гальваническихъ батарей Мейдингера, Морзе, Деви и Лекланше. Съ высочайшаго соизволенія въ 1867 г., П. былъ командированъ съ директоромъ телеграфовъ въ Парижъ, на всемірную выставку, для составленія описанія всѣхъ усовершенствованій и изобрѣтеній по телеграфической части. Позже, въ 1870 г., онъ, въ качествѣ эксперта, занимался разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ предметовъ, относящихся къ электротехникѣ и представленныхъ на всероссійскую выставку 1870 г.

Пространная дѣятельность Паррота заключалась какъ въ устройствѣ телеграфическихъ линій, такъ и въ ихъ освидѣтельствованіи. Въ 1865 году онъ былъ командированъ на Никольскіе заводы для освидѣтельствованія проволоки, заказанной Телеграфнымъ Управленіемъ; въ томъ же 1865 году ему порученъ былъ осмотръ вновь устроенной телеграфной линіи отъ Новой-Ладоги до Тихвина. Въ 1868 г. онъ былъ командированъ для инспекціи линій къ востоку отъ Москвы и вдоль Волги. Въ 1869 г. П. участвовалъ въ пріемѣ вновь устроенной телеграфной линіи С.-Петербургъ-Либава. Сверхъ сего, участвовалъ въ экспедиціи для проложенія телеграфнаго кабеля въ Балтійскомъ морѣ для русско-датской телеграфной линіи.

Вслѣдствіе преобразованія Телеграфнаго Управленія изъ военнаго въ гражданское М. Ф. въ1868 г. переименованъ былъ въ надворные совѣтники.

Въ 1870 году Парротъ перечислился въ Министерство Финансовъ старшимъ ревизоромъ Департамента Неокладныхъ Сборовъ. Въ этой должности онъ оставался до 1872 года, когда причислился непосредственно къ Департаменту Неокладныхъ Сборовъ. Въ 1876 году М. Ф. перешелъ въ общество Балтійской желѣзной дороги, которымъ былъ отправленъ заграницу, на два мѣсяца, для осмотра различныхъ электрическихъ сигналовъ для желѣзныхъ дорогъ. Съ 1879 года М. Ф. состоялъ причисленнымъ къ Министерству Путей Сообщенія до кончины своей—1-го января 1882 года; скончался онъ въ чинѣ статскаго совѣтника, въ которомъ состоялъ съ 1875 года.

Въ «Журналѣ Путей Сообщенія» М. Ф. помѣстилъ нѣсколько статей, имѣющихъ важное научное значеніе: «Теорія и устройство электро-магнитныхъ телеграфовъ» (1859 г.); «О выгоднѣйшемъ употребленіи гальваническихъ баттарей на телеграфныхъ линіяхъ» (1861 г.); «Изслѣдованіе гальваническихъ баттарей и законовъ электрическаго тока». (1864 г.); «Устройство телеграфныхъ станцій. Главная станція въ С.-Петербургѣ» (1865 г.); «Описаніе телеграфныхъ аппаратовъ, употребляемыхъ въ Россіи» (1865 г.). Отдѣльно изданы были слѣдующіе труды Паррота: 1) «Гальваническія батареи и законы электрическаго тока». С.-Пб. 1864, ч. I: Телеграфы; 2) «Телеграфы», ч. I, II и III, С.-Пб. 1864—1865; 3) «Устройство телеграфныхъ линій». Лекціи, читанныя въ 1873—1874 гг. въ Институтѣ инженеровъ путей сообщенія. С.-Пб. (литографир. изданіе); 4) «Электрическіе сигналы на желѣзныхъ дорогахъ». С.-Пб. 1874

Формулярный списокъ; Систематич. указатель статей «Журнала Путей Сообщенія»; Отчеты Института инженеровъ путей сообщенія; A. Hasselblatt und G. Otto. Album academicum der Kais. Universität Dorpat. Dorp. 1889; карточный каталогъ Имп. Публичн. Библіотеки.

С. М. Житковъ.

Паршинъ, *Василій Петровичъ*, писатель; сынъ казака-урядника, род. въ Иркутскѣ въ 1805 г., воспитывался въ мѣстной Губернской Гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ 10-го мая 1823 г казакомъ въ Иркутскій Казачій полкъ и въ августѣ того-же года произведенъ въ урядники. Прикомандированный, затѣмъ, къ Канцеляріи Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія, Паршинъ 5-го мая 1832 г., имѣя чинъ пятидесятника, былъ уволенъ отъ службы съ исключеніемъ изъ казачьяго званія «для избранія другого рода жизни»; пробывъ въ отставкѣ годъ, Паршинъ опредѣленъ былъ (14-го апрѣля 1833 г.) учителемъ 1-го класса въ Якутское уѣздное училище, но черезъ два мѣсяца переведенъ въ званіе инспектора въ Троицкосавскую Войсковую Русско-

монгольскую школу, при чемъ ему поручена была должность учителя 1-го класса и въ Троицкосавскомъ Уѣздномъ училищѣ (1833—1835 г.). Затѣмъ, съ 15-го мая 1835 г., П. былъ опредѣленъ учителемъ сперва 1-го, а потомъ 2-го класса въ Нерчинскомъ уѣздномъ училищѣ, гдѣ онъ, кромѣ того, былъ штатнымъ смотрителемъ и учителемъ рисованія, черченія, исторіи и географіи (безвозмездно). Получивъ въ 1838 г. чинъ коллежскаго секретаря, П. 25-го ноября 1840 г. опредѣленъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при Иркутскомъ Общемъ Губернскомъ Правленіи, гдѣ въ 1842 г. назначенъ былъ начальникомъ 1-го отдѣленія и произведенъ въ тит. сов. Въ 1845 г. онъ перешелъ на должность Совѣтника Иркутскаго Губернскаго Суда, а 30-го апрѣля 1849 г. вышелъ въ отставку; 9-го іюля того-же года онъ отправился изъ Иркутска въ Москву, гдѣ въ 1852 г. опредѣлился штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища; въ слѣдующемъ году онъ уже не значится на этой должности. Умеръ Паршинъ въ концѣ 1850-хъ или самомъ началѣ 1860-хъ годовъ.

Изъ произведеній его извѣстны слѣдующія: 1) «Цвѣтокъ (Бурятская пѣсня)», переведена П. съ бурятскаго языка въ Нерчинскѣ и напечатана въ «Сынѣ Отечества» 1839 г., т. XI, стр. 116—117 и въ «Чтеніяхъ о русскомъ языкѣ» Н. И. Греча (т. I, С.-Пб. 1840 г., стр. 231—232); 2) «Моя звѣздочка», стихотвореніе, въ «Сынѣ Отечества» 1840 г., янв., кн. 2, стр. 301—302; обѣ пьесы обличаютъ въ авторѣ несомнѣнное дарованіе; 3) «Поѣздка въ Забайкальскій край» (2 ч., М. 1844 г.), гдѣ П. провелъ пять лѣтъ, — книга очень полезная и дѣльная; первая часть содержитъ всесторонній обзоръ края, а 2-я посвящена исторіи города Албазина. Въ Нерчинскѣ П. случайно нашелъ старую рукопись, содержавшую въ себѣ выписку изъ сочиненій Миллера о дѣлахъ русскихъ на Амурѣ, дополнилъ ее архивными данными и изустными преданіями старожиловъ, во многомъ исправилъ, приложилъ 35 интересныхъ документовъ изъ Нерчинскаго архива и въ такомъ видѣ обнародовалъ ее во 2-й части сво его весьма интереснаго труда; 4) «Описаніе пути отъ Иркутска до Москвы, составленное въ 1849 г. В. П. [аршинымъ]. М. 1851 г. Это не что иное, какъ добросовѣстное, но довольно скучное описаніе путешествія, предпринятаго авторомъ послѣ выхода въ отставку; но и здѣсь проглядываетъ любознательный и наблюдательный самородокъ, и въ сочиненіи этомъ можно найти много интереснаго. Наконецъ, 5) въ 1845 или 1846 г. онъ, какъ значится въ формулярѣ, былъ «всемилостивѣйше награжденъ, за составленіе статистическаго описанія Нерчинскаго округа, 150 рублями серебромъ»; но трудъ этотъ, кажется, остался неизданнымъ.

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ; Адресъ-Календарь на 1853 г.; «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., апрѣль, кн. 2: Современная лѣтопись, стр. 346. *Б. Модзалевскій.*

Парѳененко (Парфененко), *Адріанъ Герасимовичъ*, врачъ; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1815 г., умеръ въ 1879 г. Образованіе получилъ въ Медико-Хирургической Академіи и въ 1840 г. былъ назначенъ лѣкаремъ въ Красносельскій военный госпиталь, а въ 1842 г. прикомандированъ ко 2-му Петербургскому военному сухопутному госпиталю. Въ 1844 г. Парѳененко получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1845 г. былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ Симбирскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, въ 1850 г. переведенъ въ Севастопольскій военный госпиталь, въ 1853 г.—въ Кавказскій корпусъ и въ 1858 г.—въ Тифлисскій военный госпиталь. Съ 1862 г. онъ служилъ въ Кавказскомъ линейномъ № 31 баталіонѣ, въ 1868 г. перешелъ въ такой же баталіонъ № 21, а въ 1871 г. былъ назначенъ главнымъ врачемъ Зурнабскаго военнаго полугоспиталя. Парѳененко имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; умеръ онъ отъ воспаленія мозга. Изъ трудовъ Парѳененко назовемъ: «Вывихъ праваго колѣна съ лимфатической опухолью необыкновенной величины»—«Другъ Здравія» 1842; «Невыгоды калійно-известковаго порошка, рекомендуемаго Пейаномъ противъ вросшаго ногтя, и замѣненіе его argento nitrico по способу Виллье» — тамъ же, 1843; «Врожденное сращеніе вѣкъ обоихъ глазъ»—тамъ же, 1853 г.; «Случай извлеченія костей младенца чрезъ задній проходъ матери» — «Военно-Мед. Журн.» 1855 г., ч. 66;

«Свищъ желудка, счастливо вылѣченный посредствомъ операціи» — «Сборн. Кавк.» I, 1866, II, 37 — 47; «Сращеніе вѣкъ праваго и фунгозный дегенератъ лѣваго глаза» — тамъ же, III, 1867, II, 66; «Лѣченіе лихорадки пульверизованнымъ растворомъ сѣрно-кислаго хинина» — «Тр. Кавк. Вр.» 1867—68 г.; «Липома на затылкѣ» — тамъ же, 1869—70 г.; «Случай уродливости» — тамъ же, стр. 322; «Колотая рана живота съ выпаденіемъ сальника» — тамъ же, 1871—72 г., стр. 523; «Рядъ наблюденій надъ мѣстной анэстезіею» — тамъ же, стр. 563; «Порѣзанная рана живота съ выпаденіемъ кишекъ и печени» — тамъ-же 1872—73 г., стр. 638.

Л. Ѳ. Змѣевъ «Русскіе врачи-писатели», тетр. II. С.-Пб. 1886 г., стр. 48 и 1887 г., стр. 45.
Н. Кульбинъ.

Парѳеній, епископъ Смоленскій во 2-й половинѣ XIV вѣка. О немъ только и извѣстно, что онъ хиротонисанъ былъ въ епископа смоленскаго св. митрополитомъ всероссійскимъ Алексіемъ послѣ 1356 г., но не позднѣе 1365 г.; оставилъ смоленскую каѳедру въ 1370 г. Мѣсто, занимаемое имъ въ ряду смоленскахъ іерарховъ, указывается неодинаково: отъ 8-го до 16-го.

Строевъ. «Списки іерарховъ», стр. 589; Н. Д. «900-лѣтіе русской іерархіи», стр. 31—32; А. Санковскій. «Кратк. описаніе церквей Смоленской епархіи», вып. I, стр. 14; Амвросій. «Ист. Росс. іерархіи», часть I, стр. 161; Дѣло Арх. Св. Син. 1778 г., № 424, стр. 156; прот. Діевъ, «Вторич. повѣрка іерархич. каталоговъ» — рукопись Синод. Архива, № 261, стр. 138—139. *Здр.*

Парѳеній (Парѳей), былъ владычнымъ намѣстникомъ въ Псковѣ. Въ 1427 году великій князь литовскій Витовтъ особенно сильно и упорно добивался покоренія Пскова. Псковичи отправляли къ нему нѣсколько посольствъ съ предложеніями мира, но посольства эти не имѣли успѣха. Наконецъ, они отправили въ Вильну съ посадникомъ Сильвестромъ Парѳенія, — и съ литовскимъ княземъ былъ заключенъ мирный договоръ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., IV, 205; V, 26.
А. Э—скій.

Парѳеній, митрополитъ Астраханскій, съ 1666 г. по 1672 г. архимандритъ Юрьева монастыря въ Новгородѣ; присутствовалъ на соборахъ въ Москвѣ — въ 1666 г. о низложеніи патріарха Никона и въ 1667 г. — объ учрежденіяхъ Россійской Церкви. Хиротонисанъ на каѳедру астраханскую по убіеніи мятежниками митрополита Іосифа — не ранѣе 27-го ноября 1671 г. и не позднѣе марта 1672 г., потому что въ мартѣ этого года Парѳеній присутствовалъ въ санѣ митрополита на соборѣ въ Москвѣ объ учрежденіи епархіи въ Нижнемъ-Новгородѣ, а въ іюлѣ того же года участвовалъ въ хиротоніи московскаго митрополита Питирима. Скончался 4-го октября 1681 г.

Прот. М. Діевъ. Іерархическихъ катологовъ... повѣрка съ лѣтописями и актами. Рукопись 1853 г., стр. 31 — 33, въ Архивѣ Св. Синода; П. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійской Церкви. С.-Пб. 1877 г., стр. 300. *А. Никольскій.*

Парѳеній (въ мірѣ Петръ *Аггѣевъ*, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ *Андреевъ*), основатель и игуменъ Гуслицкаго Спасо-Преображенскаго монастыря, бывшій раскольникъ, писатель-самородокъ, родъ. въ Молдавіи, въ Яссахъ, около 1807 года, ум. въ февралѣ 1878 года въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. По обращеніи въ 1837 году въ православную церковь, П. прибылъ въ Россію, въ Кострому, подъ именемъ монаха Паисія, но скоро, не желая оставаться въ единовѣріи, возвратился въ Молдавію, а потомъ въ 1839 году уѣхалъ на Аѳонскую гору и тамъ постригся въ 1841 г. въ монашество. Въ 1847 году, по приказанію прозорливаго аѳонскаго старца іеросхимонаха Арсенія, онъ опять, черезъ Молдавію, пріѣхалъ въ Россію, въ Томскъ, подъ мірскимъ именемъ Петра Аггѣева, и подалъ прошеніе о принятіи его въ число братства Геѳсиманскаго скита. По наведеніи справокъ о немъ, просьба его по ходатайству митропол. Филарета, была удовлетворена въ 1854 г. Въ слѣдующемъ году П. рукоположенъ въ іеромонахи и въ 1856 г. назначенъ строителемъ Берлюковой пустыни, которая и была окончена черезъ годъ, а Парѳеній былъ назначенъ ея настоятелемъ. Въ 1858 году ему было поручено, съ цѣлью «духовнаго дѣйствованія» на раскольническое населеніе, устройство Гуслицкаго монастыря. Монастырь былъ оконченъ и освященъ въ 1859 году, и П. за учрежденіе его былъ награжденъ кабинетнымъ крестомъ и опредѣленъ его игуменомъ.

Оставивъ самъ расколъ, П. много содѣйствовалъ обращенію на путь истины и своихъ собратій, какъ посредствомъ устныхъ убѣжденій, такъ и своими письменными трудами. Ему принадлежатъ: «Книга о Промыслѣ Божіемъ, какъ онъ чрезъ православіе ведетъ ко спасенію» (Москва. 1857 г.); «О настоящемъ состояніи Гуслицкаго монастыря» (М. 1863 г.); «Письмо православнаго инока-священника, схимника, къ старообрядцу въ Молдавію» (М. 1863 г.); «Разборъ окружнаго посланія лжеархіепископа Антонія» (М. 1863 г.); «Обличеніе отвѣтовъ въ защиту австрійскаго священства» (М. 1864 г.); «Опроверженіе записки о русскомъ расколѣ» (М. 1864 г.); «Мечъ духовный на раскольничью апологію» (М. 1864 г.); «Виноградъ церковный, или свидѣтельство св. отцовъ» (М. 1865 г.); «Вертоградъ духовный, съ изложеніемъ отвѣтовъ Пѣшехонова на вопросы поморцевъ и романовцевъ» (М. 1866 г.); «Книга возобличенія на поморскіе отвѣты» (М. 1867 г.). Кромѣ этихъ апологетическихъ и обличительныхъ сочиненій, не отличающихся, впрочемъ, особенными достоинствами, П. написалъ еще имѣвшее значительный успѣхъ «Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и св. Землѣ», въ 5-ти томахъ; 4 тома изданы авторомъ въ Москвѣ въ 1856 году, 5-й же, авторомъ неизданный, сообщенъ архимандритомъ Никономъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» за 1898—1900 годы. Въ послѣднемъ томѣ находится собственная автобіографія Парѳенія, которая доведена до 1854 года, и заключаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности преосвященнаго Аѳанасія, епископа томскаго, характеризующія пастырское служеніе этого святителя въ далекой Сибири, и рисующія намъ его свѣтлую личность и благородный характеръ.

«Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митроп. московскаго и коломенскаго по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ», т. III, М. 1885 г., стр. 469 — 470, 471; т. IV, М. 1886 г., стр. 231, п. 2, 232, 268. 269, 320, 414; т. V, М. 1887 г., стр. 211, 217—224; т. дополнительный, С.-Пб. 1887 г., стр. 458—460, 512—515; «Душеполезное Чтеніе» 1868 г., іюнь, стр. 55—164; 1898 г., май, стр. 17—18; «Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія» 1877 г., сентябрь, стр. 76—77; «Письма митроп. Филарета къ высочайшимъ особамъ», Тверь. 1888 г., стр. 55—56, 83—84, 193—194, 198 и прим. I; 205—207, 219—220, 223 и прим. 234 — 235; т. II, стр. 12 — 13, 62, 257 — 258; «Письма м. Филарета къ намѣстнику Троицко-Сергіевской лавры архимандриту Антонію», ч. III, М. 1883 г., стр. 122—123, 264—265, 298, 311; ч. IV, М. 1884 г., стр. 178, 182; «Письма м. Филарета къ А. Н. Муравьеву», Кіевъ. 1869 г., стр. 387, 542, 557, 560. *Ив. Давидовичъ.*

Парѳеній (въ мірѣ Петръ Стефановичъ *Гуриновскій*), архимандритъ Устюжскаго Архангельскаго монастыря. Онъ былъ сынъ московскаго священника, родился въ 1770 г.; съ 1778 г. обучался въ Московской Академіи, откуда былъ отправленъ въ Петербургъ въ Коммиссію народныхъ училищъ, но въ 1800 году (18-го февраля) опредѣленъ былъ въ Александроневскую академію учителемъ еврейскаго и греческаго языковъ, гдѣ въ томъ же году, 5-го августа, постригся въ монашество съ именемъ Парѳенія и произведенъ въ іеродіаконы. Далѣе, о. Парѳеній состоялъ учителемъ грамматики, синтаксическаго класса, поэзіи и реторики, когда въ 1804 г. былъ возведенъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ Верхотурскаго монастыря, 1-мъ ректоромъ Пермской Духовной семинаріи, учителемъ богословія и краснорѣчія и присутствующимъ въ духовной консисторіи. При немъ произошло въ семинаріи устройство административной части. Въ маѣ 1807 г. архим. Парѳеній перемѣщенъ былъ въ Устюжскій Архангельскій монастырь Вологодской епархіи, гдѣ и скончался 15-го января 1812 года.

Исторія Пермской семинаріи; Дѣла Арх. Св. Синода: 1800 г., № 363 и 1812 г., № 205. *Здр.*

Парѳеній (въ мірѣ Петръ Ивановичъ *Краснопѣвцевъ*), іеросхимонахъ, старецъ Кіево-Печерской лавры. Сынъ причетника, родился 24-го августа 1790 года въ с. Симоновѣ, Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи, и образованіе получилъ въ Тульскомъ духовномъ училищѣ, а затѣмъ въ семинаріи, откуда, до окончанія курса, уволился въ 1815 г. и поступилъ въ Кіево-Печерскую лавру, гдѣ подвизался въ трудѣ, молитвѣ, полномъ послушаніи и неосужденіи. Въ 1824 г. (20-го сентября) постригся въ монашество съ именемъ Парѳенія, былъ рукоположенъ въ іеромонахи и сдѣлалъ духовникомъ Лавры; въ 1838 г. онъ принялъ схиму; скончался онъ 25-го марта 1855 года. Въ печати

извѣстны его мудрыя изреченія и составленная имъ ежедневная молитва.

Поселянинъ. «Іеросхимонахъ Парѳеній, его жизнь, изреченія и ежедневная молитва».

Здр.

Парѳеній *(Нарольскій)*, архимандритъ Костромского Богоявленскаго монастыря и ректоръ Костромской Духовной семинаріи, сынъ великороссійскаго священника, ум. въ 1814 году. Образованіе П. получилъ въ Московской славяно-греко-латинской Академіи, гдѣ принялъ и монашество въ 1762 году. По окончаніи академіи, онъ былъ назначенъ архимандритомъ Рязанскаго Солотчинскаго монастыря и преподавателемъ философіи въ Рязанской Духовной семинаріи; послѣ четырехъ лѣтъ преподаванія философіи, ему дали каѳедру богословія въ той же семинаріи. Въ 1780 г., указомъ Святѣйшаго Синода, Парѳеній былъ переведенъ въ Костромской Богоявленскій монастырь архимандритомъ же и опредѣленъ ректоромъ Костромской Духовной семинаріи и учителемъ въ ней по богословію. Около 1796 года онъ былъ уволенъ отъ должности ректора, но въ должности архимандрита оставался до 1809 года, когда, за старостью, ушелъ на покой, оставшись въ томъ же монастырѣ. Парѳенію Нарольскому принадлежитъ составленное по указу Синода отъ 24-го апрѣля 1781 г., обстоятельное описаніе Богоявленскаго монастыря, напечатанное въ «Исторіи россійской іерархіи», Т. III, стр. 399—402; другіе труды его остались неизвѣстными.

Прот. М. Я. Діевъ. «Ученые дѣлатели Костромскаго Вертограда». Изд. А. А. Титова. Москва. 1892 г., стр. 30; Историческія записки о Костромской духовной семинаріи. Николая Андроникова. Кострома. 1874 г., стр. 49.

Ив. Давидовичъ

Парѳеній (въ мірѣ Пахомій *Петровъ*, или *Пахомовъ*), епископъ Архангельскій и Холмогорскій. Былъ сыномъ священника Новгородской епархіи, родился въ 1748 году и образованіе получилъ въ Новгородской Духовной семинаріи; съ 1770 г. онъ состоялъ въ ней учителемъ, а 26-го ноября 1776 года постригся въ монашество съ именемъ Парѳенія; въ 1777 г. Парѳеній былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ 1778 г. — въ іеромонаха; въ томъ же году 22-го апрѣля назначенъ ректоромъ Архангельской Духовной семинаріи, а черезъ годъ возведенъ въ санъ архимандрита Сійскаго монастыря Архангельской епархіи; затѣмъ архимандритъ Парѳеній постепенно настоятельствовалъ: въ Александро-Свирскомъ (съ 26-го мая 1790 г.), въ Вяжицкомъ Николаевскомъ (съ 6-го февраля 1800 г.), въ Иверскомъ Богородицкомъ (съ 14-го іюня 1802 г.) и въ Новгородскомъ Юрьевскомъ (съ 12-го января 1804 г.) монастыряхъ. Изъ послѣдняго монастыря 16-го апрѣля 1809 года онъ былъ назначенъ и 6-го іюня хиротонисанъ въ епископа Архангельскаго и Холмогорскаго, гдѣ послѣ десятилѣтняго святительства скоропостижно скончался 22-го іюля 1819 г. Изъ ученыхъ трудовъ его извѣстна «Симфонія на Пятикнижіе Моисея»; полагаютъ, что подъ его же руководствомъ составлены симфоніи на Іова и книги Соломона и Іисуса сына Сирахова, на пророковъ Исаію, Іеремію, Іезекіиля, Даніила и др.

Строевъ. Списки іерарховъ...; «Странникъ» 1879 г., II, 3—10.

Здр.

Парѳеній (въ мірѣ Петръ Тихоновичъ *Поповъ*), архіепископъ Иркутскій и Нерчинскій. Сынъ священника Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи, родился въ 1811 г. Образованіе получилъ въ Воронежской Духовной семинаріи и Кіевской Академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1835 г., со степенью магистра богословія. Служебная его дѣятельность началась 7-го октября 1835 г. съ поступленіемъ его въ преподаватели Орловской Духовной семинаріи; черезъ годъ, 13-го октября 1836 г., онъ принялъ санъ священства, а 1-го октября 1840 г. возведенъ въ протоіерея Елецкаго собора; вскорѣ же овдовѣвъ, онъ 16-го ноября 1841 года постригся въ монашество съ именемъ Парѳенія. Въ 1842 г. (24-го октября) онъ назначенъ былъ инспекторомъ Орловской семинаріи, а 6-го декабря того же года возложены на него обязанности игумена и управляющаго Болховскимъ Оптинымъ монастыремъ. Въ 1844 г. (20-го мая) онъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита и постепенно состоялъ ректоромъ: въ Орловской (съ 20-го апрѣля 1844 г.), Харьковской (съ 22-го октября 1845 г.) и Херсонской (съ 12-го апрѣля 1848 г.) семинаріяхъ и въ Казанской Духовной академіи (съ 29-го февраля 1852 г.); въ то же время онъ

постепенно былъ настоятелемъ Старо-Харьковскаго и Одесскаго монастырей. Въ 1854 г. (23-го января) онъ былъ назначенъ и 14-го марта хиротонисанъ въ епископа Томскаго и Енисейскаго, а 13-го сентября 1860 г. перемѣщенъ на каѳедру епископа Иркутскаго и Нерчинскаго, гдѣ 31-го марта 1863 г. возведенъ былъ въ санъ архіепископа и 21-го января 1873 года скончался. Извѣстны въ печати двѣ его рѣчи, сказанныя предъ и послѣ присяги сердобольныхъ вдовъ Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ, а также—любопытныя и характеристическія письма его къ епископу Костромскому Платону; имъ оставлены деньги на изданіе собранія проповѣдей.

Строевъ. Списки іерарховъ...; «Иркутскія Епарх. Вѣдом.» 1873 г.; «Странникъ» 1871 г., IV, 177; «Пастыр. Собес.» 1889—1890 гг. *Здр.*

Парѳеній (въ мірѣ Петръ *Постниковъ*), архимандритъ, ректоръ Троицкой Лаврской семинаріи въ Москвѣ, въ началѣ 2-й половинѣ XVIII столѣтія. Образованіе получилъ въ Троицкой семинаріи, гдѣ кончилъ курсъ въ 1753 г. и былъ въ той же семинаріи учителемъ фары, инфимы, еврейскаго и греческаго языковъ, реторики, философіи и богословія, съ іюля 1763 г.—префектомъ и съ мая 1765 года—ректоромъ. Въ монашество съ именемъ Парѳенія постригся 14-го августа 1758 года, а скончался 6-го августа 1766 года, бывъ ректоромъ семинаріи только одинъ годъ.

Строевъ, Списокъ іерарховъ...; С. Смирновъ. Исторія Троицко-Лаврской семинаріи. *Здр.*

Парѳеній (въ мірѣ Павелъ *Сопковскій*), епископъ Смоленскій и Дорогобужскій въ концѣ XVIII столѣтія. Онъ былъ родомъ малороссіянинъ (род. въ 1716 г.). обучался въ Кіевской Академіи, откуда еще въ 1744 г. былъ вызванъ въ Новгородскую Духовную семинарію и состоялъ учителемъ синтаксимы и потомъ—реторики; въ 1750 г. сдѣланъ былъ префектомъ, а 18-го февраля 1756 г. произведенъ въ архимандриты Антоніева монастыря и назначенъ ректоромъ семинаріи; 23-го апрѣля 1758 г. перемѣщенъ былъ въ Хутынскій монастырь, но продолжалъ быть ректоромъ семинаріи; 1-го октября 1759 г. опредѣленъ епископомъ Кексгольмскимъ и Ладожскимъ, викаріемъ Новгородской епархіи. Послѣ 17-ти лѣтней службы въ Новгородѣ, 7-го марта 1761 года преосвященный Парѳеній, «яко весьма къ тому способный и достойный», былъ назначенъ епископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ. Затѣмъ, вскорѣ онъ былъ избранъ членомъ Св. Синода и состоялъ въ этомъ званіи до самой смерти, послѣдовавшей 7-го марта 1795 года. Имъ, вмѣстѣ съ Георгіемъ Конисскимъ, составлено сочиненіе: «О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», которое въ 1797 г. введено въ С.-Пб. Духовной Академіи въ руководство для наставниковъ; оно выдержало нѣсколько изданій и переведено на англійскій языкъ докторомъ Пальмеромъ, который принялъ его за сочиненіе классическое. Изъ поученій П. напечатано только слово при открытіи Полоцкаго намѣстничества (1779 г.). Епископъ Парѳеній содержалъ многихъ сиротъ на своемъ иждивеніи въ училищахъ, а нѣкоторыхъ на свой счетъ отправлялъ въ Московскій Университетъ.

Дѣла Арх. Св. Синода: 1759 г., № 88; 1760 г., № 110; 1795 г., № 93. *Здр.*

Парѳеній *Юродивый* (или *Уродивый*), писатель-полемистъ, житель гор. Суздаля; жилъ въ первой половинѣ XVI вѣка. Извѣстны два его труда: «Канонъ св. архангелу Михаилу» и «Посланіе къ неизвѣстному противъ люторовъ». Первое произведеніе П. находится въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры, въ канонникахъ XVII вѣка, № 280, 284, 287 и 293, и въ «Слѣдованной Псалтыри» того же вѣка, между канонами суздальскимъ святымъ, написанными агіографомъ инокомъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря Григоріемъ. «Посланіе» же, представляющее собой образецъ русской первоначальной полемики противъ лютеранъ, помѣщено въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ (№ 423) библіотеки И. Н. Царскаго, вошедшей въ составъ библіотеки графа А. С. Уварова. Оно свидѣтельствуетъ о глубокомъ знаніи авторомъ Св. Писанія и заключаетъ въ себѣ опроверженіе, на основаніи Евангелія и Апостоловъ, главныхъ пунктовъ лютеранскаго ученія и можетъ служить и теперь орудіемъ противъ штундизма.

«Памятники Древней Письменности». С.-Пб. 1886 г., сообщеніе архимандрита Леонида; П. М. Строевъ. «Описаніе рукописей И. Н. Царскаго», М. 1848 г., стр. 519. *Ив. Давидовичъ.*

Парѳеній (въ мірѣ Павелъ Васильевичъ *Васильевъ - Чертковъ*), архіепископъ Воронежскій и Задонскій (1782—1853 гг.). Сынъ діакона, онъ родился въ Москвѣ 10-го августа 1782 года; съ 1790 г. обучался въ Московской славяно-греко-латинской Академіи, а по окончаніи курса, съ января 1803 года, остался въ ней учителемъ—сначала грамматики, затѣмъ поэзіи, реторики и высшаго краснорѣчія, съ преподаваніемъ и катехизическаго ученія. Въ 1810 году, 28-го октября, онъ постригся въ монашество съ именемъ Парѳенія, затѣмъ опредѣленъ былъ въ Академію проповѣдникомъ, причисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ Донского монастыря и 25-го ноября 1811 г. назначенъ префектомъ Академіи, а 17-го декабря того же года возведенъ былъ въ санъ архимандрита Московскаго Крестовоздвиженскаго монастыря. Въ 1814 г. (12-го августа) архим. Парѳеній назначенъ былъ настоятелемъ Лужецкаго монастыря и ректоромъ Виѳанской семинаріи съ преподаваніемъ богословскихъ наукъ; въ 1817 г., 30-го іюля, онъ уже былъ назначенъ настоятелемъ Московскаго Заиконоспасскаго монастыря и ректоромъ Московской семинаріи. Въ 1818 г. Парѳеній избранъ въ дѣйствительные члены конференціи Московской духовной Академіи, а въ іюнѣ 1819 г. опредѣленъ настоятелемъ Донского монастыря и членомъ Московской Синодальной Конторы. Прекрасное исполненіе такихъ видныхъ должностей выдвигало архим. Парѳенія, и уже въ іюлѣ 1821 г. онъ былъ назначенъ, а 21-го августа хиротонисанъ во епископа Владимірскаго и Суздальскаго. Въ 1833 г. 25-го декабря онъ возведенъ былъ въ санъ архіепископа. Въ 28 лѣтъ святительства на Владимірской каѳедрѣ онъ весьма много сдѣлалъ для нея: привелъ въ блестящее состояніе архіерейскій домъ и обезпечилъ его средствами содержанія; заботился о поднятіи уровня нравственнаго состоянія духовенства; не мало положилъ заботъ и на приведеніе церквей въ благолѣпный видъ. Въ 1850 г. 25-го февраля арх. Парѳеній назначенъ былъ архіепископомъ Воронежскимъ и Суздальскимъ, гдѣ почти все время проболѣлъ и скончался 5-го августа 1853 года, 71 года отъ роду, прослуживъ церкви почти 50 лѣтъ. Преосвященный Парѳеній былъ извѣстнымъ проповѣдникомъ, и многія его проповѣди имѣются въ печати.

«Высокопреосвященный Парѳеній, бывшій архіепископъ Владимірскій; его біографія и проповѣди». Владиміръ. 1882 г.

К. Здравомысловъ.

Парѳеній Ѳедоровичъ, нижегородскій бояринъ. Послѣ истребленія въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1374 г., татарскаго отряда, сопровождавшаго ханскихъ пословъ, во главѣ которыхъ былъ мурза Сарайка, Мамай послалъ на Нижегородскую землю войско, которое опустошило берега Киши и Пьяны и повырѣзало множество тамошнихъ жителей. Въ числѣ послѣднихъ погибъ и начальствовавшій тамъ бояринъ Парѳеній Ѳедоровичъ.

Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., VIII, 22; Никон. лѣтоп., IV, 40—41. *А. Экз.*

Парѳеновъ, *Александръ Демидовичъ*, генералъ-маіоръ свиты Его Величества Род. въ 1833 г., ум. 29-го сентября 1889 г. П. получилъ образованіе въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, куда поступилъ фейерверкеромъ въ 1850 г. и окончилъ курсъ въ 1852 г. съ производствомъ въ прапорщики полевой артиллеріи, а въ 1854 г. переведенъ въ гвардейскую. Въ 1858 г. П. поступилъ въ Николаевскую Академію Генеральнаго Штаба, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1860 г., а въ 1862 г. переведенъ былъ въ Генеральный Штабъ, въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ начальникомъ отдѣленія бывшаго Инспекторскаго Департамента, а въ 1866 г., по сліяніи этого департамента съ Главнымъ Управленіемъ Генеральнаго Штаба, А. Д. получилъ новое назначеніе—начальникомъ штаба 25-й пѣхотной дивизіи, а потомъ—28-й и 16-й пѣхотныхъ дивизій. Ознакомившись основательно со службою въ штабахъ, полковникъ Парѳеновъ перешелъ въ строй, получивъ въ 1873 году въ командованіе 2-й лейбъ-уланскій Курляндскій Его Величества полкъ, которымъ командовалъ до 1880 г., при чемъ въ этомъ году за отличное командованіе полкомъ удостоенъ званія флигель-адъютанта Его Величества. Въ томъ же году П. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его

Величества и получилъ въ командованіе 1-ю бригаду 11-й кавалерійской дивизіи, а въ 1886 г. назначенъ командиромъ 1-й бригады 4-й кавалерійской дивизіи. Тяжкая и продолжительная болѣзнь свела А. Д. Парѳенова въ преждевременную могилу.

«Новое Время» 1889 г., № 4886.

А. Петровъ.

Парѳентьевъ-Горяевъ, *Алексѣй Ивановичъ*, врачъ, родился въ 1814 г., умеръ 29-го декабря 1881 г. Получилъ медицинское образованіе въ Медико-Хирургической Академіи, въ которой былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Въ 1844 г. Парѳентьевъ окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, былъ оставленъ при Академіи на одинъ годъ и, избравъ своею спеціальностью хирургію, былъ одинимъ изъ первыхъ учениковъ и помощниковъ Н. И. Пирогова, въ клиникѣ котораго былъ ординаторомъ въ 1845 г. Умеръ въ чинѣ дѣйст. статск. совѣтника.

П. А. Бѣлогорскій. Госпит. хирургич. клиника при И. В.-Мед. Академіи. С.-Пб. 1898 г.; Исторія Военно-Мед. Академіи за сто лѣтъ. С.-Пб. 1898 г.; Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ., т. 62. С.-Пб. 1888 г.

Н. Кульбинъ.

Пасевьевъ, *Петръ Степановичъ*, С.-Петербургскій гражданскій губернаторъ; происходилъ изъ Симбирскихъ дворянъ, род. 9-го августа 1759 г.; въ службу зачисленъ былъ въ 1765 г., по всей вѣроятности,—въ одинъ изъ гвардейскихъ полковъ. Съ 1783 по 1786 годъ онъ занималъ должность экзекутора въ 4-мъ, а съ 1786 по 1790 г. въ 1-мъ Департаментахъ Сената. 13-го августа 1801 г. Пасевьевъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 28-го октября 1804 г. назначенъ былъ С.-Петербургскимъ гражданскимъ губернаторомъ; за усердную и весьма добросовѣстную службу въ этомъ званіи онъ получилъ орденъ св. Анны 1-й степени. Выйдя 31-го января 1808 г. въ отставку по прошенію, Пасевьевъ проживалъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 4-го іюля 1816 г.; погребенъ онъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Списокъ чинамъ первыхъ пяти классовъ на 1805 г.; Мѣсяцесловы 1786—1790 гг.; «Памятная книжка С.-Петербургской губерніи на 1899 г., стр. XVI; «Записки С. П. Жихарева», М. 1890 г., стр. 321 и 326; «Сочиненія Державина», т. V, С.-Пб., 1880 г.; «Архивъ Госуд. Совѣта», т. IV, С.-Пб. 1897 г.; «Историч. Вѣстн.», т. I; «Русск. Стар.», т. XL, стр. 722, и 1896 г., сент., стр. 621 и 646 и 1897 г., мартъ, стр. 606; В. И. Саитовъ. «Петербургскій некрополь», М. 1883 г., стр. 101.

Б. Гарскій.

Пасенко, *Дмитрій Степановичъ*, Полтавскій вице-губернаторъ, род. въ 1779 г., происходилъ изъ дворянъ Козелецкаго уѣзда, Черниговской губ. Начавъ службу въ 1792 г. въ Козелецкомъ Уѣздномъ Судѣ, П. въ 1797 г. перешелъ въ Петербургъ, къ генералъ-ренетмейстерскимъ дѣламъ (нынѣ Коммиссія прошеній), послѣ чего въ 1803 г. перешелъ въ Сенатъ, въ Канцелярію Общаго Собранія, а затѣмъ, прослуживъ съ 1809 по 1819 г. секретаремъ 2-го отдѣленія 3-го Департамента, былъ назначенъ Тобольскимъ губернскимъ прокуроромъ. Въ 1823 г. Пасенко тамъ же былъ сдѣланъ предсѣдателемъ Казенной Палаты, а въ 1826 г., пробывъ передъ тѣмъ годъ причисленнымъ къ Министерству Финансовъ, получилъ назначеніе Предсѣдателемъ Коммиссіи, учрежденной для розысканія похищеній изъ золотыхъ промысловъ Урала. Порученіе свое П. исполнилъ весьма успѣшно, открывъ множество злоупотребленій и доведя доходность пріисковъ до значительной степени, въ сравненіи съ прежней: такъ, количество золота, поступавшаго съ Златоустовскихъ заводовъ, увеличилось вдвое, а съ Екатеринбургскихъ—въ $1^1/_2$ раза.

Въ 1830 г. Пасенко былъ назначенъ Кіевскимъ вице-губернаторомъ, а въ 1832 г.—Полтавскимъ; въ этой должности онъ и скончался въ Полтавѣ, въ чинѣ дѣйствит. статск. совѣтника, 6-го сентября 1846 г., заслуживъ общее уваженіе прямотой своего характера и рѣдкимъ безкорыстіемъ.

«Полтавскія Губернскія Вѣдомости» 1846 г., № 39, ч. неофф., стр. 477—478; «Мѣсецесловъ на 1848 г.», стр. 167.

Б. Гарскій.

Паскаль, *Евгеній*, архитекторъ, родился въ 1791 г. Получивъ художественное образованіе въ Парижской Академіи Художествъ, онъ поступилъ на службу въ Коммиссію по сооруженію храма Христа-Спасителя въ Москвѣ, гдѣ прослужилъ около года. Затѣмъ, на основаніи положенія Комитета Министровъ отъ 4-го іюля 1822 г., онъ вмѣстѣ съ академикомъ Келлеромъ былъ посланъ въ Крымъ, «для отысканія и

принятія мѣръ къ сохраненію древнихъ достопамятностей въ Тавридѣ». Съ 27-го сентября 1823 г. по 1-е января 1827 г. онъ состоялъ при Комитетѣ гидравлическихъ работъ въ Петербургѣ, а потомъ, со 2-го ноября 1827 г. — каменныхъ дѣлъ мастеромъ, и съ 26-го августа 1828 г. — рисовальщикомъ въ Коммиссіи по построенію Исаакіевскаго собора. 6-го іюля 1833 г., за проектъ театра, Паскаль былъ признанъ «назначеннымъ въ академики», послѣ чего выставилъ на академической выставкѣ проектъ церкви въ русскомъ стилѣ, а 21-го сентября 1835 г. получилъ званіе академика за «проектъ зданія для публичной выставки произведеній промышленности въ столицѣ». Послѣ этого онъ построилъ четыре дома для генерала Адама и три дома для полковника Брюна и, въ 1841 г., составилъ на конкурсъ «проектъ церкви на полѣ Полтавскаго сраженія». Въ 1843 г. Паскаль былъ уволенъ отъ службы, а въ 1847 г. ему было назначено исполнить, на званіе профессора архитектуры, «проектъ грекороссійской церкви». Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется.

Полное собраніе законовъ, т. XXXVIII, № 29.105; П. Н. Петровъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ, т. II, стр. 299, 327, 413; т. III, стр. 75; Указатель выставки въ Императорской Академіи Художествъ 1833 г.; Отчеты Императорской Академіи Художествъ за 1840—1841 гг.; Н. Собко, Словарь русскихъ художниковъ. т. III, вып. 1, стр. 36. *А. Новицкій.*

Паскевичъ, *Владиміръ Григорьевичъ*, Калужскій губернскій прокуроръ, коллежскій совѣтникъ, род. въ 1780 г., ум. 26-го іюня 1845 г. въ Калугѣ. Получивъ домашнее образованіе, В. Г. 15-ти лѣтъ поступилъ на службу въ канцелярію волынскаго гражданскаго губернатора и находился тамъ до 1802 г., когда перешелъ на должность по таможенной части, гдѣ оставался до 1827 года; оставивъ же эту службу, былъ опредѣленъ сначала помощникомъ управляющаго Псковскою удѣльною конторой, а потомъ, въ 1829 г.—уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ въ Грузію. Въ этомъ званіи онъ съ 1829 года по 1831 г. исправлялъ должность прокурора Верховнаго грузинскаго правительства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію главноуправляющаго въ Грузіи гр. Паскевича-Эриванскаго, занимался составленіемъ проекта устройства таможенной и торговой части въ Закавказскомъ краѣ. Удовлетворительнымъ исполненіемъ возложеннаго порученія В. Г. обратилъ на себя вниманіе главноуправляющаго и по распоряженію его былъ перемѣщенъ на турецкую границу начальникомъ карантинной линіи; вмѣстѣ съ этимъ званіемъ ему поручено было исправленіе должности прокурора Ахалцыхскаго временнаго Областного Управленія. По упраздненіи означенныхъ должностей В. Г. назначенъ былъ въ 1832 г. къ исправленію должности совѣтника Верховнаго правительства, а въ слѣдующемъ году опредѣленъ прокуроромъ Армянскаго областного правленія; съ упраздненіемъ этой должностя онъ былъ назначенъ въ томъ же 1833 г. прокуроромъ въ Олонецкую, а въ слѣдующемъ году въ Тобольскую губернію. Въ послѣдней должности онъ пробылъ до 28-го октября 1837 г., когда опредѣленъ былъ саратовскимъ губернскимъ прокуроромъ, а въ 1839 г. назначенъ предсѣдателемъ Саратовской Палаты гражданскаго суда. Въ 1844 году П. опредѣленъ былъ Калужскимъ губернскимъ прокуроромъ, отъ каковой должности уволенъ былъ только за нѣсколько дней до смерти, съ причисленіемъ къ Департаменту Министерства Юстиціи.

Послужной списокъ за 1839 г.; «Калужскія Губернскія Вѣдомости» 1845 г., № 29, часть неоффиц. *Ив. Давидовичъ.*

Паскевичъ-Эриванская, графиня *Елизавета Алексѣевна*, свѣтл. княгиня **Варшавская**, дочь помѣщика коллежскаго совѣтника Алексѣя Григорьевича Грибоѣдова отъ перваго брака его съ княжною Александрою Сергѣевною Одоевскою; родилась въ 1800 году. По окончаніи домашняго воспитанія, она вступила въ 1817 году въ бракъ съ генераломъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Паскевичемъ (см. ниже). 6-го декабря 1823 года, при обрученіи великаго князя Михаила Павловича, она была причислена къ кавалерственнымъ дамамъ меньшаго креста ордена св. Екатерины. Подобная награда являлась въ то время исключительною, такъ какъ ея удостаивались только супруги генералъ-адъютантовъ и высшихъ придворныхъ и военныхъ чиновъ, между тѣмъ какъ

Паскевичъ въ то время былъ только генералъ-лейтенантомъ. Немного позднѣе, 16-го іюня 1829 года, Елизавета Алексѣевна пожалована была статсъ-дамою и наконецъ 25-го мая 1846 г. удостоилась получить орденъ св. Екатерины первой степени. Императоръ Николай письма свои къ Паскевичу, обыкновенно заканчивалъ словами: «цѣлую ручки княгини» и т. д. Княгиня Паскевичъ не долго пережила своего супруга и скончалась въ Берлинѣ 30-го апрѣля 1856 года.

«Русская Старина» 1870 г., т. III, № 3, стр. 181; Портретная галлерея А. Мюнстера; Кн. Щербатовъ. Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. *П. Майковъ.*

Паскевичъ, *Иванъ Ивановичъ*, врачъ, сынъ прапорщика Ивана Васильевича, изъ дворянъ Полтавской губ.; род. въ 1784 г., умеръ въ 1826 г. Съ 8-го мая 1801 г. изучалъ врачебное искусство въ Петербургской Медико-Хирург. Академіи. Въ 1803 г. онъ перешелъ въ Кронштадтскій военный госпиталь на должность фельдшера, а въ 1805 г. получилъ въ Петербургѣ при военномъ госпиталѣ званіе кандидата хирургіи; въ томъ же году Паскевичъ былъ назначенъ лѣкаремъ въ Московскій гренадерскій полкъ, въ 1807 г. переведенъ въ Молдавію, въ Фокшанскій военно-временный госпиталь; въ войну 1805—1807 гг. П. находился въ походахъ за-границей и былъ въ сраженіяхъ при Прейсишъ-Эйлау и Фридландѣ, 22-го сентября 1808 г. онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1812 г. перешелъ въ 13-ю артиллерійскую бригаду, съ которой принималъ участіе въ заграничныхъ походахъ, въ 1814 г.—въ 35-ю батарейную роту. Въ 1816 г. онъ занялъ должность ординатора въ Крымскомъ военномъ госпиталѣ, въ 1821 г. назначенъ снова старшимъ врачемъ Изюмскаго военнаго госпиталя, а затѣмъ—ординаторомъ Кременчугскаго военнаго госпиталя; съ 1823 г. П. служилъ врачемъ на Екатеринославской суконной фабрикѣ; имѣлъ чинъ колл. совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени. Совмѣстно съ Вас. Чачковымъ перевелъ и издалъ: «Консбрухъ. Физіологія, или наука о естествѣ человѣческомъ». С.-Пб. 1804, 8°.

Формулярный списокъ 1824 г. въ Архивѣ Департамента Герольдіи; Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. С.-Пб. 1886, стр. 48.
Н. Кульбинъ.

Паскевичъ-Эриванскій, графъ *Иванъ Ѳедоровичъ*, свѣтлѣйшій князь **Варшавскій**, родился 8-го мая 1782 г. въ Полтавѣ. Отецъ его, предсѣдатель Верхняго Земскаго Суда бывшей Вознесенской губерніи, колл. сов. Ѳедоръ Григорьевичъ (умеръ 14-го апрѣля 1832 г., въ Харьковѣ), потомокъ полкового товарища Полтавскаго полка (1698 г.) Ѳедора Цаленко, былъ помѣщикомъ Полтавской губерніи, гдѣ имѣлъ 500 душъ крестьянъ. Обучивъ сына французскому и нѣмецкому языкамъ, онъ опредѣлилъ его вмѣстѣ съ другимъ своимъ сыномъ, Степаномъ (см. ниже), въ Пажескій корпусъ, бывшій въ то время придворно-воспитательнымъ, а не исключительно военнымъ заведеніемъ; вслѣдствіе этого пажи бывали часто при пышномъ дворѣ императрицы Екатерины II, оставившемъ неизгладимыя впечатлѣнія въ душѣ молодого Паскевича, о которыхъ онъ съ восторгомъ вспоминалъ въ семейномъ кругу, будучи уже фельдмаршаломъ. Научное образованіе пажей было неудовлетворительно, но дѣдъ молодого Паскевича, Григорій Ивановичъ—жившій тогда въ Петербургѣ—слѣдилъ за воспитаніемъ внуковъ и старался восполнить пробѣлы ихъ образованія, поручивъ внуковъ своихъ Ивану Ивановичу Мартынову (впослѣдствіи довольно извѣстному ученому, лингвисту и литератору), которому будущій графъ и былъ обязанъ не только научнымъ образованіемъ, но и своею привычкою къ труду.

Пожалованный въ 1798 г. въ камеръ-пажи, а за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска—въ лейбъ-пажи, молодой Паскевичъ понравился императору Павлу I и былъ выпущенъ, въ октябрѣ 1800 года, поручикомъ въ л. гв. Преображенскій полкъ, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ государю. Онъ ежедневно присутствовалъ на ученіяхъ, смотрахъ и вахтъ-парадахъ и исполнялъ разныя высочайшія повелѣнія по осмотру въ войскахъ вводимыхъ новыхъ строевыхъ порядковъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I все измѣнилось, и молодой Паскевичъ, пользуясь досугомъ, нерѣдко уѣзжалъ въ отпускъ къ родителямъ; только въ 1805 году онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Михельсона (побѣдители Пугачева), командовавшаго въ то время

арміею нашею на западной границѣ между Гродномъ и Брестъ-Литовскомъ. Михельсону и его арміи не пришлось принять участія въ кампаніи противъ французовъ, окончившейся сраженіемъ при Аустерлицѣ. Въ виду ожидаемой войны съ Турціей, онъ былъ назначенъ въ 1806 году главнокомандующимъ южною, Днѣстровскою (молдавскою), арміею и вскорѣ вступилъ въ Молдавію и Валахію. Въ это время началась и боевая дѣятельность Паскевича. Когда, въ мартѣ 1806 года, подъ Журжею, въ темнотѣ ночи, проводники колоннъ сбились съ дороги,—онъ съ неустрашимостью поѣхалъ одинъ открывать дорогу въ степи, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Послѣ этого Паскевичъ былъ въ отрядѣ, занятомъ блокадою Измаила, и, по словамъ Михельсона, «явилъ себя неустрашимымъ и войну понимающимъ офицеромъ, каковыхъ поболѣе желать надлежитъ». За эту кампанію Паскевичъ былъ награжденъ при высочайшемъ рескриптѣ золотою саблею «за храбрость».

Тильзитскій миръ 1807 года пріостановилъ военныя дѣйствія съ Турціей; въ Слободзеѣ начались переговоры о мирѣ, въ продолженіи которыхъ Михельсонъ умеръ, а новый главнокомандующій—князь Прозоровскій, не смотря на преклонные годы (ему было 75 лѣтъ), со свойственною ему энергіею, послалъ немедленно Паскевича въ Константинополь съ порученіемъ объявить Портѣ, что перемиріе, подписанное Лошкаревымъ и ратифицированное барономъ Мейендорфомъ, какъ старшимъ за смертью Михельсона, не утверждено императоромъ, и что наши войска не будутъ очищать Придунайскихъ Княжествъ. Паскевичъ очень благополучно исполнилъ возложенное на него порученіе, успѣлъ собрать, кромѣ того, нѣкоторыя свѣдѣнія о турецкой арміи, съ которыми благополучно вернулся въ главную квартиру князя Прозоровскаго, но вскорѣ былъ снова посланъ въ Константинополь по поводу размѣна плѣнныхъ. За успѣшное исполненіе этихъ порученій Паскевичъ въ концѣ января 1808 года былъ произведенъ въ капитаны съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта. Скоро въ армію Прозоровскаго пріѣхалъ назначенный ему помощникомъ Мих. Илл. Кутузовъ и съ нимъ—Карлъ Өед. Толь, только что произведенный въ полковники; онъ отнесся къ Паскевичу хотя и внимательно, но не дружелюбно, чѣмъ можно объяснить нерасположеніе къ нему и Кутузова, выразившееся уже въ томъ, что когда Прозоровскій намѣревался отправить Паскевича снова съ дипломатическими порученіями въ Константинополь, Кутузовъ сумѣлъ отклонить это и возложить порученіе на Толя. Но позднѣе Прозоровскій назначилъ на мѣсто Толя своего адъютанта Беклемишева, успѣвшаго склонить Турцію на то, чтобы переговоры о мирѣ велись не въ Парижѣ, а на нашихъ границахъ и безъ посредничества Франціи, которое было совершенно устранено послѣ Эрфуртскаго конгресса. Тѣмъ временемъ наша армія расположилась на зимнія квартиры, и на Паскевича были возложены различныя порученія по наблюденію за обезпеченіемъ арміи провіантомъ, доставка котораго въ огромномъ количествѣ была очень затруднительна. Между тѣмъ, въ Константинополь прибылъ англійскій посолъ. Принимая сближеніе Дивана съ Англіею (съ которою Россія находилась тогда во враждѣ) за признакъ недружелюбнаго къ намъ отношенія, императоръ Александръ приказалъ Прозоровскому немедленно послать въ Стамбулъ офицера съ объявленіемъ, что если чрезъ двое сутокъ англійскій посолъ не будетъ высланъ изъ Царьграда, то Россія немедленно приступитъ къ военнымъ дѣйствіямъ и не начнетъ мирныхъ переговоровъ. Прозоровскій съ этимъ сообщеніемъ послалъ въ Константинополь зятя Кутузова—флигель-адъютанта Хитрово, но послѣдній, получивъ ушибъ руки, дорогою передалъ депешу корнету Боку, что очень встревожило Прозоровскаго, немедленно послывшаго Паскевича взять депеши у Бока и, какъ можно скорѣе, доставить ихъ въ Константинополь. Паскевичъ, не смотря на сильную бурю, отправился изъ Варны моремъ, быстро пріѣхалъ въ Царьградъ и, послѣ переговоровъ съ Рейсъ-эфенди, немедленно послалъ князю Прозоровскому донесеніе о томъ, что Порта рѣшается объявить войну Россіи, а затѣмъ самъ, съ боль-

шимъ трудомъ, пріѣхалъ къ Прозоровскому, доставивъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ немаловажныя свѣдѣнія о военныхъ силахъ Турціи. Бойна началась осадою Браилова, а затѣмъ и неудачнымъ его штурмомъ въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣля, при чемъ Паскевичъ былъ раненъ пулею въ голову. Это заставило его для лѣченія уѣхать въ Яссы и только въ концѣ іюня онъ опять прибылъ къ фельдмаршалу въ лагерь около Галаца у Сербешти. Прозоровскій былъ уже боленъ, имѣлъ непріятныя недоразумѣнія съ Кутузовымъ, скоро удаленнымъ изъ арміи: онъ былъ назначенъ Литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Паскевичъ былъ сперва назначенъ въ отдѣльный отрядъ дунайской арміи, занятой въ то время исключительно боевымъ дѣломъ, къ атаману М. И. Платову, дѣйствовавшему около Браилова, а затѣмъ въ отрядъ Засса—за Дунай, имѣвшій задачею овладѣть Исакчею, Тульчею и островомъ Чаталъ, противъ Измаила. По исполненіи этого Паскевичъ прибылъ къ Мачину, гдѣ умиралъ князь Прозоровскій, командуя арміею. Предъ кончиною (9-го августа) онъ еще, въ письмѣ къ государю, указалъ для пользы службы монарху и отечеству на пятерыхъ человѣкъ изъ окружавшихъ его, «коихъ отмѣнныя способности заслуживаютъ особаго вниманія его величества». Въ числѣ ихъ былъ и Паскевичъ *). На мѣсто князя Прозоровскаго былъ назначенъ старшій генералъ дунайской арміи, князь Багратіонъ, предложившій генералъ-маіору Маркову овладѣть Мачиномъ; въ этотъ отрядъ былъ командированъ и Паскевичъ. Мачинъ скоро сдался, а послѣ этого отрядъ двинулся къ Кюстенджи. Паскевичъ участвовалъ въ дѣлѣ при Россоватомъ, а затѣмъ при обложеніи Силистріи, при чемъ онъ отличился въ сраженіи подъ Татарицей и былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени, хотя и былъ представленъ къ св. Георгію 4-й степени. Штурмъ крѣпости былъ невозможенъ въ виду 30 ти-тысячной арміи Пелигвана-паши, стоявшей въ близкомъ разстояніи въ сильной позиціи. Къ тому же, дѣло подходило къ осени, и болѣзненность и смертность въ нашей арміи вызывали необходимость въ отдыхѣ и хорошихъ зимнихъ квартирахъ. Это побудило Багратіона перейти обратно Дунай, при чемъ Паскевичъ былъ посланъ въ Яссы для распоряженія по ускоренію подвоза къ арміи провіанта и фуража, что было невозможно, такъ какъ дороги были въ ужасномъ состояніи.

Въ февралѣ 1810 года на мѣсто Багратіона былъ назначенъ графъ Каменскій 2-й, пользовавшійся большимъ довѣріемъ арміи, не смотря на его строгость. Паскевичъ былъ скоро назначенъ командующимъ Смоленскимъ мушкатерскимъ полкомъ, находившимся въ Гирсовѣ въ корпусѣ графа Каменскаго 1-го, родного брата главнокомандующаго. Этотъ корпусъ долженъ былъ занять Черноморское прибрежье, очистивъ отъ турокъ Мангалію, Базарджикъ и Варну, въ то время какъ главная армія, овладѣвъ Силистріею и Шумлою, должна была двинуться къ Тырнову и Ловчѣ.

Вскорѣ Паскевичъ, по своей о томъ просьбѣ, былъ назначенъ командиромъ Витебскаго пѣхотнаго полка, въ отрядѣ кн. Долгорукова, участвовалъ въ штурмѣ Базарджика, 22-го мая съ «неизрѣченною храбростью сорвалъ двѣ батареи у непріятеля и на его плечахъ взошелъ въ укрѣпленія», за что былъ награжденъ 29-го іюня 1810 г. орденомъ св. Владиміра 3-й степени; затѣмъ онъ отличился при осадѣ Варны, отбивъ сильное нападеніе на него турокъ; онъ получилъ за это орденъ Георгія 4-й степени 7-го 1810 года, а послѣ другого сраженія съ турками былъ представленъ къ св. Георгію 3-й степени, какъ заслужившій предъ прочими особенное вознагражденіе, ибо распоряженіями и мужествомъ своимъ далъ войскамъ побѣду 17-го іюня подъ Варною.

Тѣмъ временемъ графъ Каменскій блокировалъ Рущукъ. Верховный визирь поручилъ спѣшить на выручку этой крѣпости Куманецъ-агѣ изъ Никополя. Для предупрежденія соединенія этихъ двухъ турецкихъ отрядовъ приказано было графу Каменскому 1-му съ другимъ отрядомъ стать на дорогѣ въ село Батино. Турки скоро подошли, и тогда послѣдовало при Батинѣ, 26-го августа, сраженіе, въ которомъ турки были совершенно разбиты и самъ Куманецъ-ага

*) Остальные затѣмъ были: князь Долгоруковъ, Чевкинъ, Беклемишевъ и Безакъ.

убитъ. Паскевичъ очень много содѣйствовалъ благопріятному для насъ исходу сраженія; за это, еще недавно получившій чинъ полковника, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а затѣмъ получилъ и орденъ св. Георгія 3-й степени при рескриптѣ отъ 30-го января 1811 года.

Рущукъ вскорѣ послѣ Батинскаго сраженія сдался, а послѣ него сдались, почти безъ боя, Турнъ и Никополь.

Въ декабрѣ того же 1810 г. Паскевичъ былъ назначенъ шефомъ новаго, еще несформированнаго, Орловскаго полка въ Кіевѣ, несмотря на свое желаніе оставаться въ дѣйствующей арміи.

Въ это время ему было всего 28 лѣтъ; ему приходилось теперь браться за новое дѣло — формированіе и обученіе войскъ, въ виду предстоявшей кровавой борьбы съ новымъ и страшнымъ врагомъ. Паскевичъ не заботился о выучкѣ и блестящей внѣшности войскъ, но обратилъ вниманіе на улучшеніе содержанія солдатъ, на прекращеніе своеволія и дурного обращенія съ ними офицеровъ, на введеніе разумной дисциплины, на внушеніе солдату понятія о храбрости, чести и нравственности. Онъ достигъ желаемаго, и Орловскій полкъ скоро обратилъ на себя вниманіе Багратіона. Паскевичъ отъ трудовъ заболѣлъ сильною нервною горячкою, отъ которой едва не умеръ, а по выздоровленіи былъ назначенъ (въ январѣ 1812 года) начальникомъ 26-й дивизіи,—всего одиннадцать лѣтъ послѣ того, какъ оставилъ школьную скамью въ Пажескомъ корпусѣ.

Скоро началась знаменитая Отечественная война 1812 года; французы перешли Нѣманъ 12-го іюня 1812 года. Князь Багратіонъ предпринялъ свое извѣстное движеніе изъ Слуцка чрезъ Бобруйскъ къ Могилеву на соединеніе съ первою арміею, при чемъ впереди шла 26-я дивизія, съ которою Паскевичъ участвовалъ въ сраженіи при Салтановкѣ (близъ Могилева), послѣ котораго французы заперлись въ Могилевѣ и дали возможность нашимъ двумъ арміямъ соединиться подъ Смоленскомъ. Затѣмъ, по доводамъ Паскевича произошло упорное побоище въ самомъ городѣ Смоленскѣ (а не впереди города), за которое Багратіонъ и Барклай де-Толли оба благодарили Паскевича.

Послѣ этого началось, по плану Барклая де-Толли, отступленіе къ Дорогобужу, Царево-Займищу и Бородину, при чемъ 26-я дивизія участвовала въ дѣлѣ подъ Колоцкимъ монастыремъ 23-го августа, а потомъ—въ достопамятные дни Бородина — Паскевичъ оборонялъ центральный Курганъ, устроивъ тамъ заранѣе редуты по берегамъ р. Колочи до обрывистыхъ береговъ р. Москвы. На это мѣсто были направлены главныя атаки французовъ, вслѣдствіе которыхъ дивизія Паскевича подъ конецъ была почти вся истреблена, и только подкрѣпленіе Барклая де-Толли удержало за нами эту позицію. Генералъ Паскевичъ нѣсколько разъ впереди всѣхъ водилъ свои батальоны въ штыки.

При дальнѣйшемъ отступленіи къ Москвѣ, а затѣмъ на Калужскую дорогу и къ Тарутину Паскевичъ занимался формированіемъ заново своей дивизіи, обучалъ молодыхъ рекрутъ только необходимому—стрѣльбѣ и нѣкоторымъ построеніямъ и съ ними участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Малымъ-Ярославцемъ, въ головѣ корпуса Раевскаго, и удерживалъ непріятеля въ окрестностяхъ Медыня. Затѣмъ, находясь въ авангардѣ Милорадовича, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Вязьмою, при Ельнѣ и Красномъ, послѣ котораго съ дивизіею перешелъ Днѣпръ у Копыси и находился вблизи Борисова, но не могъ подоспѣть къ утру 16-го ноября къ Березинѣ, когда Наполеонъ съ остатками своихъ войскъ, переправившись чрезъ нее, бѣжалъ въ Вильно, гдѣ позднѣе Паскевичъ принялъ командованіе 7-мъ корпусомъ вмѣсто Раевскаго (который очень занемогъ) и, въ составѣ отряда генерала Милорадовича, вступилъ въ Герцогство Варшавское. Во время этой кампаніи Паскевичъ получилъ ордена Св. Анны 1-й степени и св. Владиміра 2-й степени большого креста при высочайшихъ рескриптахъ. Паскевичъ, по распоряженію главнокомандующаго, былъ скоро отряженъ въ крѣпость Модлинъ и сталъ въ Закрочимѣ, чтобы блокировать эту крѣпость, которую обороняли голландецъ генералъ Дендельсъ и польскіе генералы Козецкій и Красинскій. Скоро прибыли изъ Грауденца прусскія осадныя орудія и резервныя войска арміи князя Лобанова-Ро-

стовскаго и дали возможность Паскевичу еще болѣе стѣснить блокаду Модлина. Послѣ неудачной вылазки Козецкаго началась осада этой весьма важной крѣпости, во время которой изъ главной квартиры императора получено было извѣстіе о перемиріи съ французами, при чемъ каждому повелѣвалось оставаться на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ его извѣстіе это застанетъ. Такимъ образомъ, предстояла скучная и продолжительная блокада, во время которой была сформирована въ Литвѣ особая (польская) армія подъ начальствомъ Беннигсена; въ составъ ея вошелъ и корпусъ Паскевича, скоро направленный къ главной арміи чрезъ Бреславль, Нейсаркъ и Лигницъ къ Бунцлау. Вскорѣ Паскевичъ имѣлъ дѣло съ войсками маршала Сенъ-Сира близъ мѣстечка Дона и Пирна, послѣ котораго Сенъ-Сиръ укрылся за дрезденскими укрѣпленіями. Оставивъ отрядъ для наблюденія за нимъ, Беннигсенъ, по высочайшему повелѣнію, форсированнымъ маршемъ, не смотря на дожди и ненастье, пошелъ къ Лейпцигу и принялъ участіе въ сраженіи 6-го октября, при чемъ 26-я дивизія, съ Паскевичемъ во главѣ, дѣйствовала противъ Гольцгаузена и Штейнберга, а также Цвейнаундорфа. Благодаря рѣшительному его натиску французы принуждены были отступить; войска польской арміи 7-го октября, имѣя 26-ю дивизію впереди, прошли чрезъ Штетрицъ, двинулись къ Гриммскимъ воротамъ Лейпцига, ворвались въ городъ и подошли къ берегамъ Эльстера и Плейссы. Городъ былъ взятъ, а Паскевичъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Вмѣстѣ съ другими войсками арміи Беннигсена онъ долженъ былъ, не отходя отъ Эльбы, наблюдать за крѣпостями Дрезденомъ, Торгау и Магдебургомъ. Но вскорѣ польская армія была присоединена къ шведской, стоявшей у Гамбурга,—и дивизія Паскевича подошла на смѣну дивизіи Воронцова. Блокада Гамбурга сперва состояла изъ мелкихъ кавалерійскихъ стычекъ; тѣмъ временемъ Паскевичъ былъ назначенъ начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи и долженъ былъ спѣшить въ Базель, гдѣ узналъ, что главная армія аттаковала французовъ при Бріеннѣ. Послѣ этого Паскевичъ явился къ императору Александру въ Шомонѣ. Государь принялъ его очень ласково, но высказалъ, что данная ему дивизія очень распущена и дерется плохо. Оказалось, по словамъ Паскевича, что солдаты не имѣли должнаго продовольствія, изморились отъ голоднаго похода, и прибѣгали къ мародерству и грабежу. Онъ скоро устроилъ надлежащимъ образомъ продовольственную часть, требовалъ, чтобы всѣ полки его дивизіи получали ежедневно по фунту мяса и по чаркѣ водки или рому на человѣка — и мародерство и грабежи прекратились. Эта дивизія, вмѣстѣ съ русскою гвардіею, подъ общимъ начальствомъ Барклая де-Толли, отличались въ сраженіи при Арсисъ-сюръ-Объ, а затѣмъ подъ Паршремъ. Находясь въ мѣстечкѣ Витри, она съ Паскевичемъ во главѣ двинулась на Бельвильскія высоты и Менильмонтянь и дошла до заставы парижской. Паскевичъ за взятіе Парижа былъ награжденъ орденомъ Св Александра Невскаго. При этомъ онъ былъ рекомендованъ великому князю Николаю Павловичу императоромъ, сказавшимъ своему брату: «познакомься съ однимъ изъ лучшихъ генераловъ моей арміи, котораго я еще не успѣлъ поблагодарить за его отличную службу».

По возвращеніи нашихъ войскъ въ предѣлы Россіи, Паскевичъ съ дивизіею стоялъ въ Ригѣ и побывалъ въ отпуску у своихъ родителей въ Малороссіи.

Побѣгъ Наполеона съ острова Эльбы вызвалъ опять движеніе русскихъ войскъ во Францію. Паскевичъ подходилъ опять къ Франкфурту на Майнѣ (4-го іюня 1815 года), какъ послѣдовала битва при Ватерло, измѣнившая движеніе союзныхъ войскъ; они всѣ направились къ Парижу, готовясь опять къ торжествамъ, парадамъ и разводамъ. Эти приготовленія (новое обмундированіе дивизіи) воспрепятствовали Паскевичу съ дивизіею явиться въ Парижѣ, и начальникъ гренадерскаго корпуса Ермоловъ испросилъ разрѣшеніе государя прислать вмѣсто 2-й дивизіи третью. Паскевичъ остался этимъ недоволенъ и объяснялъ это желаніемъ Ермолова ему повредить. Онъ получилъ, впрочемъ, важное порученіе занять небольшую крѣпость Туль (близъ Нанси на Мозелѣ), французскій гарнизонъ кото-

рой хотя и призналъ королемъ Людовика XVIII и присягнулъ ему, но относился къ союзнымъ войскамъ очень враждебно. Паскевичъ удачно и быстро исполнилъ данное ему порученіе, затѣмъ двинулся на высочайшій смотръ войскъ при Вертю, а оттуда въ Смоленскъ, гдѣ назначена была постоянная квартира 2-й гренадерской дивизіи. Во время движенія по Германіи произошла ссора и драка между солдатами гренадерскаго корпуса и обывателями Крейцнаха; вслѣдствіе жалобы сихъ послѣднихъ государь приказалъ генералу Эртелю (генералъ-полицмейстеру арміи) изслѣдовать все дѣло. Послѣдствіемъ этого было то что командиръ Московскаго полка Куприяновъ былъ отставленъ отъ службы, а Паскевичу былъ объявленъ въ приказѣ высочайшій выговоръ. Это до крайности его огорчило; онъ хотѣлъ подать просьбу объ отставкѣ, но старикъ-отецъ уговорилъ его этого не дѣлать. Онъ послѣдовалъ родительскому совѣту и продолжалъ службу въ Смоленскѣ, гдѣ для солдатъ появились новыя требованія. Аракчеевъ сталъ требовать красоту фронта, доходившую до акробатства, преслѣдовалъ старыхъ офицеровъ и солдатъ; военныя боевыя качества замѣнились экзерцирмейстерской ловкостью. Это очень не нравилось Паскевичу; онъ старался, по возможности, избѣгать этихъ новыхъ правилъ и мечталъ, вмѣстѣ съ Воронцовымъ, уничтожить произволъ въ наказаніи нижнихъ чиновъ. Въ это время Паскевичъ былъ вызванъ на новую борьбу съ врагомъ, не менѣе опаснымъ и вреднымъ.

Императоръ Александръ 18-го февраля 1816 г. поручилъ Паскевичу подробно разслѣдовать такъ называемое Липецкое дѣло, состоявшее, какъ представляли, въ томъ что удѣльные крестьяне Смоленской губерніи Липецкаго приказа, не смотря на то, что съ нихъ было сложено 60.000 руб. недоимки и отпущено на 21.000 руб. хлѣба, въ видѣ вознагражденія за убытки, понесенные при нашествіи Наполеона I въ Россію, отказывались отъ платежа податей за 1814 годъ. Крестьяне же представляли, что они не воспользовались прощеніемъ недоимокъ, ибо подати со всѣми жестокостями были взысканы съ нихъ бурмистромъ, который продалъ на корню ихъ хлѣбъ. Тѣмъ не менѣе, обвиняемые были приговорены къ наказанію плетьми чрезъ палача, не исключая и двухъ 80-лѣтнихъ стариковъ. Пока этотъ приговоръ восходилъ на ревизію въ Уголовную Палату и Сенатъ, Паскевичъ повелъ энергично возложенное на него по высочайшей волѣ разслѣдованіе, увидѣлъ, что многіе крестьяне посажены въ тюрьму и приговорены первою судебною инстанціею единственно по ябедѣ приказныхъ и конторскихъ удѣльныхъ чиновниковъ, даже безъ допроса ихъ и донесъ государю, что, можетъ быть, безсовѣстныя дѣянія удѣльныхъ чиновниковъ облечены формою закона, но по совѣсти они преступны и всякому безпорядку они одни настоящая причина. Результатомъ этого разслѣдованія было то, что обвиняемые крестьяне были освобождены отъ наказанія и, кромѣ того, имъ было назначено денежное пособіе *потому что примѣръ человѣчности и состраданія до сихъ поръ никогда еще не былъ вреднымъ*, какъ представлялъ Паскевичъ, и что какъ бы ни было чистосердечно раскаяніе крестьянъ, но если имъ не будутъ даны средства платить повинностей имъ будетъ нечѣмъ и они впадутъ опять въ прежніе проступки». Позднѣе онъ доносилъ, что послѣ разсрочки оброчной подати, выдачи пособія крестьянамъ и смѣны управляющаго Смоленскою Удѣльною конторою,—тишина и спокойствіе водворились среди крестьянъ.

По окончаніи этого слѣдствія Паскевичъ продолжалъ командовать дивизіею въ Смоленскѣ, а въ 1817 г. вступилъ въ бракъ съ дочерью Ад. Гр. Грибоѣдова Елизаветою Алексѣевною. Онъ надѣялся воспользоваться спокойною жизнью и позаботиться немного о своихъ дѣлахъ, но уже 22-го іюля 1817 года получилъ съ фельдъегеремъ высочайшее повелѣніе прибыть въ Петербургъ, чтобы сопровождать въ путешествіи по Россіи и Европѣ брата императора—великаго князя Михаила Павловича, въ которомъ императрица Марія Ѳедоровна, его мать, при всемъ его остромъ умѣ, доброй нравственности и душевномъ благородствѣ, усматривала излишнюю пылкость нрава и недостаточную любознательность, проистекавшія отъ страсти къ фронтовымъ занятіямъ, которая все

болѣе и болѣе усиливалась и отвлекала великаго князя отъ умственныхъ занятій. Императрица выразила Паскевичу желаніе, чтобы ея сынъ во время путешествія болѣе занимался гражданскою частью и елико возможно менѣе военною и чтобы онъ старался внушать ему, что для него несравненно важнѣе узнать внутренній бытъ государства.

Сообразно съ этимъ была составлена особая программа для великокняжескихъ путешествій. Отправившись 11-го августа 1817 года изъ Петергофа путешественники (съ ними были еще: Глинка и Алединскій) посѣтили Новую Ладогу, Тихвинъ, Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Тамбовъ, Пензу, Воронежъ, Казань, Симбирскъ, Новочеркасскъ и уже 26-го сентября были въ Ѳеодосіи; проѣхавъ по горной дорогѣ, они 3-го октября прибыли въ Севастополь, гдѣ въ первый разъ отдохнули отъ походовъ, смотровъ и ученій. Затѣмъ, дорогою чрезъ Перекопъ, Херсонъ и Николаевъ великій князь спѣшилъ въ Одессу, осматривая на пути войска и едва останавливаясь для ночлеговъ. Посѣтивъ затѣмъ Полтаву, гдѣ осматривали мѣсто Полтавской битвы, путешественники проѣхали въ Харьковъ, Курскъ и, слѣдуя далѣе чрезъ Орелъ и Тулу, 1-го ноября прибыли въ Москву, гдѣ находился государь и вся царская фамилія. Этимъ окончилось путешествіе, впродолженіе котораго Паскевичъ весьма часто писалъ письма императрицѣ Маріи, удостоившей его лестнымъ рескриптомъ, при которомъ была прислана ему золотая табакерка.

Паскевичъ былъ назначенъ тогда же командиромъ 2-й гвардейской дивизіи, но въ дѣйствительное командованіе ею не вступалъ, потому что, вслѣдствіе жалобъ удѣльныхъ крестьянъ Гжатскаго уѣзда, былъ снова посланъ для разслѣдованія дѣла, подобнаго Липецкому, а затѣмъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича въ его путешествіи по Европѣ, продолжавшемся съ марта 1817 года до 3-го іюня 1819 г., то-есть, болѣе двухъ лѣтъ; объ этомъ путешествіи Паскевичъ оставилъ не мало любопытныхъ свѣдѣній въ воспоминаніяхъ своихъ, составленныхъ имъ позднѣе; оно было посвящено премущественно развлеченіямъ и удовольствіямъ и посѣщеніямъ родственныхъ дворовъ, при чемъ императрица Марія приказывала сыну присмотрѣться къ одной изъ внучекъ Кассельскаго курфюрста *); въ Мобёжѣ былъ сдѣланъ смотръ войскамъ корпуса Воронцова, котораго очень любилъ и уважалъ Паскевичъ. Побывавъ въ Берлинѣ, Веймарѣ, Кассельѣ и Голландіи путешественники направились въ Англію. Эта страна возбудила любознательность Паскевича, какъ страна благоустройства и порядка, и обратила на себя его вниманіе своею промышленностью, удобствами домашней обстановки и т. д. Но великій князь скучалъ при разныхъ осмотрахъ, а потому, объѣхавъ быстро Англію и Шотландію, онъ торопился въ Веймаръ, гдѣ гостила въ то время у своей дочери его августѣйшая мать. Паскевичъ, удостоившись получить алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго, 15-го ноября 1818 года отправился съ великимъ княземъ чрезъ Страсбургъ въ Лозанну, гдѣ они остановились у старика Цезаря Лагарпа, который проводилъ ихъ чрезъ Женеву въ Италію. Посѣтивъ главные города ея, великій князь съ Паскевичемъ въ Римѣ представлялись папѣ, провели здѣсь масляницу, а затѣмъ поѣхали въ Неаполь; оттуда чрезъ Болонью, Венецію и Тироль они прибыли въ Вѣну, а затѣмъ 3-го іюня 1819 г. вернулись въ Царское Село. Въ этотъ же день Паскевичъ высочайшимъ приказомъ былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ, который тогда же вступилъ въ качествѣ генералъ-фельдцейхмейстера, въ управленіе всею артилеріею.

Вскорѣ политическія событія въ западной Европѣ и революціонное движеніе въ Италіи вынудили императора Александра I направить къ западнымъ нашимъ границамъ войска гвардіи двумя колоннами, при чемъ Паскевичъ былъ назначенъ начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, а также 2-й колонны войскъ. Гвардія едва успѣла дойти до Вильны, какъ политическія обстоятельства, вызвавшія это движеніе, измѣнились; однако императоръ, полагая, что либеральное направленіе офицеровъ вдали отъ столицы если не прекратится, то

*) Позднѣе великій князь вступилъ въ бракъ, какъ извѣстно, съ принцессою Шарлоттою Виртембергскою.

по крайней мѣрѣ, ослабѣетъ, приказалъ размѣстить гвардію по городамъ и селамъ шести сѣверо-западныхъ губерній. Паскевичъ поэтому жилъ съ супругою въ Вильнѣ, гдѣ у него въ это время родились двѣ дочери-близнецы. Скоро былъ назначенъ смотръ войскъ и маневры въ высочайшемъ присутствіи при Бѣшенковичахъ (подъ Вильною), послѣ которыхъ Паскевичъ съ 23-го января 1822 года, вступилъ временно въ командованіе гвардейскимъ корпусомъ, а затѣмъ, послѣ высочайшаго смотра, 22-го мая возвратился вмѣстѣ съ гвардіею въ Петербургъ, гдѣ 12-го февраля 1825 года былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ (награда очень рѣдкая при Александрѣ I) и командиромъ 1-го армейскаго корпуса, главная квартира котораго была въ Митавѣ, куда онъ и переѣхалъ съ семьею. Паскевичъ располагалъ отдохнуть немного, но заболѣлъ горячкою, и едва оправившись, получилъ извѣстіе о кончинѣ императора въ Таганрогѣ. Послѣдовавшія послѣ этого событія 14-го декабря вызвали Паскевича въ Петербургъ. Онъ былъ назначенъ членомъ Верховнаго надъ декабристами суда, по окончаніи занятій котораго отправился въ Москву для предстоящей коронаціи, но за двѣ недѣли до нея, по желанію государя, былъ отправленъ командовать войсками на Кавказѣ, гдѣ персіяне вторгнулись въ наши закавказскія провинціи, заняли Ленкорань и Карабагъ и въ большомъ количествѣ шли къ Тифлису. На Кавказѣ въ то время главнокомандующимъ Кавказскимъ корпусомъ былъ Ермоловъ, которымъ былъ недоволенъ еще Александръ I, за самоуправные поступки, за то, что войска были распущены, въ дурномъ состояніи, безъ дисциплины, и за то, что въ корпусѣ воровство было необыкновенное; люди были неудовлетворены за нѣсколько лѣтъ, во всемъ нуждались, матеріальная часть находилась вся въ запущеніи и т. д. Александръ I хотѣлъ на мѣсто Ермолова назначить Рудзевича, но это осталось неисполненнымъ. Получивъ отъ Ермолова донесенія о вторженіи персіянъ, императоръ Николай написалъ ему: «для подробнѣйшаго изъясненія вамъ моихъ намѣреній посылаю вамъ генерала-адъютанта моего Паскевича, коему сообщилъ оныя во всей подробности». Для приведенія намѣренія государя въ дѣйствіе поручалось командованіе войскъ Паскевичу, подъ главнымъ начальствомъ Ермолова, и онъ долженъ былъ доносить о всемъ непосредственно государю. Такое неестественное положеніе не могло не породить между ними взаимныхъ столкновеній и неудовольствій, имѣвшихъ послѣдствіемъ отозваніе Ермолова съ Кавказа, тѣмъ болѣе, что взглядъ его на положеніе дѣлъ нашихъ въ Персіи противорѣчили мнѣніямъ и министра иностранныхъ дѣлъ, и самого императора. Николай I прямо писалъ Дибичу: «я, виноватъ, Ермолову менѣе всѣхъ вѣрю».

Прибывъ на Кавказъ уже въ чинѣ генерала отъ-инфантеріи*), Паскевичъ нашелъ, что для дѣйствія противъ персіянъ и возмутившихся обывателей Талышинскаго и Ширванскаго ханства, Ермоловымъ сформированы два отряда: одинъ противъ Елисаветполя, подъ начальствомъ Мадатова, а другой — противъ Эривани. Скоро (3-го сентября 1826 г.) Мадатовъ имѣлъ удачное для него дѣло при Шамхорѣ, послѣ этого, по прибытіи къ его отряду Паскевича, онъ занялъ Елисаветполь, Паскевичъ быстро двинулся навстрѣчу самому Аббасу-Мирзѣ, двигавшемуся съ значительнымъ войскомъ по дорогѣ къ Елисаветполю. Произошло сраженіе 14-го сентября, въ которомъ персы были совершенно разбиты. Паскевичъ донесъ объ этомъ государю и Ермолову и былъ награжденъ золотою шпагою съ бриллiантами съ надписью: «за пораженіе персіянъ при Елисаветполѣ». Кромѣ того, онъ получилъ очень дружеское письмо отъ государя, въ которомъ говорилось: «Я увѣренъ, что если бы не ваши старанія и умѣніе, такихъ послѣдствій не было бы, и зная это — послалъ я васъ». Ермоловъ не рѣшался, пользуясь паническимъ страхомъ персіянъ, вторгнуться въ Эриванское ханство, какъ предлагалъ Паскевичъ, и за неимѣніемъ достаточнаго продовольствія, занялся изгнаніемъ мятежныхъ хановъ изъ Ширванской и Кубинской областей, при чемъ Паскевичъ имѣлъ возможность перейти вбродъ р. Араксъ и возвратить около 600 семействъ, угнанныхъ персами изъ гра-

*) Онъ произведенъ былъ въ этотъ чинъ въ день коронаціи—22-го августа 1826 года.

ницъ нашихъ Онъ сталъ 25-го сентября лагеремъ при р. Черскени, а самъ скоро вернулся въ Тифлисъ, откуда писалъ Дибичу, что не находитъ для себя возможнымъ продолжать службу съ Ермоловымъ, что здоровье его не позволяетъ ему пребывать на Кавказѣ и поэтому проситъ отозвать его обратно въ Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ доносилъ о результатахъ своихъ инспекторскихъ смотровъ нѣкоторыхъ кавказскихъ войскъ, которые найдены были имъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ жаловался на вынужденное бездѣйствіе, на неудовлетворительность плана первой кампаніи, на трудности предстоящаго весенняго похода и т. д. Въ такомъ же родѣ Паскевичъ писалъ генералъ-квартирмейстеру графу Сухтелену, помощнику Дибича. Все это доводилось до свѣдѣнія императора. Было очевидно, что отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ обострились до полной невозможности совмѣстнаго служенія. При этомъ каждый изъ нихъ отдѣльно составилъ и послалъ въ Главный Штабъ свои предположенія о предстоящей кампаніи, которыя являлись какъ бы замѣчаніями на планъ военныхъ дѣйствій, присланный изъ Петербурга и составленный Дибичемъ. Вскорѣ въ Тифлисѣ было получено высочайшее согласіе на планъ кампаніи, представленный Ермоловымъ, а въ то же время государь писалъ Паскевичу (31-го января 1827 года), что скоро прибудетъ въ Тифлисъ Дибичъ, «уполномоченный дѣйствовать, какъ обстоятельства потребуютъ: *и это я вамъ однимъ даю знать*». Дибичъ, согласно высочайшей инструкціи, совершенно увѣривности въ неспособности или дурной волѣ Ермолова, имѣлъ право уволить его отъ управленія краемъ и отъ командованія кавказскими войсками. Въ донесеніяхъ своихъ государю о всемъ усмотрѣнномъ на Кавказѣ и слышанномъ про Ермолова, Дибичъ старался внушить убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ, находя, что Паскевичъ не способенъ его замѣнить. По мнѣнію Дибича, Паскевичъ былъ слишкомъ довѣрчивъ, вовсе не знакомъ съ гражданскимъ управленіемъ края; удачныя же его военныя дѣйствія не давали права предполагать въ немъ способности стать во главѣ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дибичъ представилъ государю составленный вмѣстѣ съ Ермоловымъ планъ военныхъ дѣйствій, по которому предполагалось занять Эриванскую область съ ея крѣпостями и Нахичевань, направляясь двумя дорогами: Талышинской и чрезъ Башабарань. Паскевичъ въ составленіи этого плана не участвовалъ; онъ занимался выясненіемъ степени готовности кавказскихъ войскъ къ походу по различнымъ предметамъ ихъ довольствія. Но, несмотря на всѣ донесенія Дибича, государь письмомъ отъ 12-го марта 1827 года предписалъ ему объявить Ермолову, если новыхъ обстоятельствъ не откроется, увольненіе отъ занимаемыхъ имъ на Кавказѣ должностей, предназначивъ Паскевича для его замѣщенія. На этомъ основаніи 28-го марта 1827 года Паскевичъ вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и въ управленіе Кавказскимъ краемъ. Одновременно съ Ермоловымъ были уволены герои Кавказа—Мадатовъ и Вельяминовъ 2-й. Дибичъ уѣхалъ скоро изъ Тифлиса, и Паскевичъ приступилъ къ рѣшительному покоренію Эриванской области. Онъ скоро перешелъ за Араксъ, занялъ Нахичевань, и, обложивъ защищавшую этотъ городъ крѣпость Аббасъ. Абадъ, на лѣвомъ берегу Аракса, разбилъ при Джеванъ-Буланѣ персовъ, спѣшившихъ подъ начальствомъ Аббаса-Мирзы на выручку крѣпости, которою Паскевичъи овладѣлъ 7-го іюля 1827 г. Паскевичъ былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Двинувшись послѣ этого къ Эривани, Паскевичъ овладѣлъ крѣпостью Сардарь-Абадъ, находившеюся на его пути, перешелъ р. Зангу и 5-го октября, послѣ упорной обороны, овладѣлъ Эриванью—большимъ городомъ персидской Арменіи, за что удостоился получить орденъ св. Георгія 2-й степени. Такимъ образомъ, двѣ богатѣйшія области Закавказья были покорены въ три мѣсяца.

Извѣстіе о покореніи Эривани произвело удручающее вліяніе на персовъ: они не рѣшались болѣе защищаться и сдавались русскимъ войскамъ при ихъ приближеніи. Такъ, 11-го октября 1827 года былъ занятъ Паскевичемъ Тавризъ, съ значительнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ, а со взятіемъ этого го-

рода занята была и вся Адербижанская провинція, послѣ чего Аббасъ-Мирза началъ переговоры о мирѣ, не имѣвшіе, однако, послѣдствій, по несогласію персидскаго шаха на нѣкоторыя изъ предложенныхъ ему мирныхъ условій. Это было причиною дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій и въ 1828 году, когда нашими войсками были заняты: Урмія, Мараги и Ардебиль; послѣ этого Паскевичъ 7-го января двинулся къ Тегерану и навелъ этимъ такой ужасъ на персидскій дворъ, что имъ были высланы уполномоченные съ полнымъ согласіемъ на всѣ мирныя предложенія. Это дало возможность Паскевичу 10-го февраля 1828 года заключить миръ съ Персіею въ деревнѣ Туркманчаѣ, по которому Персія уступала Россіи ханства (области) Эриванское и Нахичеванское и обязывалась уплатить 20 милл. рублей военной контрибуціи. За это Паскевичъ былъ возведенъ въ графское достоинство съ именованіемъ Эриванскаго и получилъ изъ контрибуціи милліонъ рублей ассигнаціями.

Вскорѣ послѣ этого возникла война съ Турціею имѣвшая цѣлью присовокупныхъ усиліяхъ европейскихъ державъ положить конецъ притѣсненіямъ турками нашихъ единовѣрцевъ и оказать содѣйствіе грекамъ, боровшимся за вѣру и независимость. По общему плану военныхъ дѣйствій, Паскевичъ, для отвлеченія силъ турокъ отъ главнаго театра войны на Балканскомъ полуостровѣ, долженъ былъ напасть на азіатскія ихъ владѣнія. Лично командуя войсками, онъ выступилъ 14-го іюня 1828 г. изъ Гумровъ къ Карсу, подъ стѣнами его разбилъ турецкую кавалерію и затѣмъ, осадивъ эту крѣпость (цитадель), принудилъ ее сдаться съ значительнымъ количествомъ орудій и пороха. Послѣ штурма въ войскахъ появилась чумная зараза, прекращенная быстрыми и энергическими распоряженіями Паскевича, который, совершивъ трудный переходъ чрезъ высокій Чатырдагскій хребетъ, подошелъ къ крѣпости Ахалкалаки и взялъ ее штурмомъ 23-го іюля, послѣ чего сдалась и близлежащая крѣпость Хертвисъ. Тѣмъ временемъ другимъ отрядомъ войскъ была взята крѣпость Поти. Паскевичъ удостоенный лестнаго рескрипта государя и назначенный шефомъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, двинулся отъ Ахалкалаки къ крѣпости Ахалцыху и, разбивъ многочисленную турецкую кавалерію, пришедшую ей на помощь, началъ ея осаду. Въ это время подошла турецкая армія въ 30.000 человѣкъ и стала въ укрѣпленной позиціи въ трехъ верстахъ отъ города. Послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося цѣлый день, эта армія была разбита 9-го августа, а затѣмъ произведенъ 15-го числа штурмъ Ахалцыха, который и сдался на капитуляцію 16-го августа. Паскевичъ былъ награжденъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго, а Ширванскій пѣхотный полкъ названъ его именемъ. Пользуясь ужасомъ, наведеннымъ на турокъ, Паскевичъ занялъ крѣпости: Ацхуръ, Ардаганъ, Баязетъ и Діадинъ и направилъ часть войска для отдыха въ Грузію въ октябрѣ мѣсяцѣ. Назначенный новый турецкій главнокомандующій Салегъ-Паша Мандайскій, въ февралѣ 1829 года, рѣшился отнять Ахалцыхъ, а потому, обложивъ его, неоднократно штурмовалъ эту крѣпость. Паскевичъ послалъ Бурцова и Муравьева съ отрядами освободить Ахалцыхъ, что и было ими исполнено, а самъ, въ виду значительныхъ приготовленій турокъ къ новой кампаніи, сталъ между Карсомъ и Ардаганомъ, чтобы дѣйствовать по усмотрѣнію прямо на Эрзерумъ. Турки же сосредоточивались на Саганлугскомъ хребтѣ, черезъ который идетъ дорога изъ Карса въ Эрзерумъ. Послѣ незначительныхъ стычекъ, 20-го іюля Паскевичъ овладѣлъ лагеремъ турокъ и совершенно разсѣялъ ихъ войска, а затѣмъ, двинувшись немедленно къ Эрзеруму, онъ 25-го іюля подошелъ къ этой столицѣ Анатоліи и потребовалъ ея сдачи. Несогласіе на это турокъ заставило Паскевича овладѣть укрѣпленною высотою Топъ-Дагъ, послѣ чего Эрзерумъ сдался. Паскевичъ, только что награжденный алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго за пораженіе турокъ, за покореніе Эрзерума былъ пожалованъ орденомъ св. Георгія 1-й степени.

Тѣмъ временемъ горныя племена Лазовъ покусились вытѣснить наши войска изъ крѣпости Байбурта. Паскевичъ лично двинулся противъ нихъ и разсѣялъ ихъ совершенно. Послѣ этого онъ дѣлалъ небольшія экспедиціи въ разныя стороны

отъ Эрзерума для изгнанія непріятельскихъ отрядовъ. Извѣстіе главной квартиры о заключеніи мира съ Оттоманскою Портою прекратило военныя дѣйствія и въ Малой Азіи, послѣ чего на Паскевича, въ день заключенія Андріанопольскаго мира (22-го сентября 1829 года) пожалованнаго въ званіе генералъ-фельдмаршала, высочайше возложено было покореніе горскихъ народовъ, населявшихъ Кавказскія горы. Онъ началъ дѣйствія въ 1830 году, противъ лезгинъ Бѣлокатанскихъ принудилъ ихъ дать присягу на подданство и заложилъ крѣпость при Закатальскомъ ущельѣ. Направившись затѣмъ на сѣверную сторону Кавказа, онъ постепенно стѣснялъ горцевъ за Кубанью, возводилъ укрѣпленія въ землѣ шапсуговъ и абазеховъ, овладѣлъ тѣсниною Гагры, занялъ Соукъ-су и бухту Пицундскую, а затѣмъ переправился на лѣвый берегъ Кубани, ниже Екатеринодара, гдѣ разсѣялъ шапсуговъ и истребилъ множество ихъ ауловъ. Хотя гражданское управленіе Кавказскимъ краемъ было возложено на особое лицо (генералъ-адъютанта Сипягина), но оно находилось подъ главнымъ завѣдываніемъ Паскевича, который былъ недоволенъ распоряженіями Сипягина, обратившаго преимущественное вниманіе на постройки и украшеніе городовъ, тогда какъ управленіе и въ особенности судъ и полиція были въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Паскевичъ обратилъ особенное вниманіе на нужды края и на благосостояніе жителей; онъ заботился о приведеніи въ извѣстность казеннаго имущества всякаго рода, исправленіи всѣхъ укрѣпленій, искорененіи по возможности всѣхъ вопіющихъ злоупотребленій въ сферахъ суда и администраціи въ этомъ отдаленномъ краѣ. Онъ старался также о заселеніи края русск. людьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ положеніе объ управленіи армяно-грегоріанскою церковью, а также о преобразованіи благороднаго училища въ Тифлисѣ—въ гимназію. По его представленію въ этомъ же городѣ, учрежденъ Институтъ благородныхъ дѣвицъ и приступлено къ устройству Тифлисской Публичной библіотеки. Онъ также положилъ основаніе газетѣ «Тифлисскія Вѣдомости». Въ его же управленіе была окончательно присоединена (въ 1828 году) къ Россійской имперіи Гурія.

Климатъ Кавказа неблагопріятно вліялъ на здоровье Паскевича, и въ концѣ 1830 года, готовясь къ зимней экспедиціи противъ нѣкоторыхъ чеченцевъ, онъ занемогъ и просилъ государя вызвать его съ Кавказа. По особому высочайшему повелѣнію, Паскевичъ въ 1831 году былъ вызванъ, но—для усмиренія Польши.

Какъ извѣстно, въ Варшавѣ 17-го ноября 1830 года вспыхнуло возстаніе, быстро распространившееся по всему королевству. Для усмиренія его направлены были среди суровой зимы войска подъ начальствомъ фельдмаршала графа Дибича, который оттѣснилъ мятежниковъ къ Вислѣ и, послѣ сраженія при Гроховѣ и Остроленкѣ, умеръ отъ холеры въ Пултускѣ. Усмиреніе мятежа было возложено на графа Паскевича. Онъ прибылъ 13-го іюня 1831 г. въ Пултускъ къ главнымъ силамъ арміи, двинулся изъ Плоцка внизъ по Вислѣ, переправился близъ прусской границы у Осѣки, обошелъ сильную позицію поляковъ подъ начальствомъ Скржинецкаго и оттѣснилъ его къ Варшавѣ, которую скоро обложилъ съ лѣваго и отчасти и праваго берега Вислы. Желая избѣгнуть кровопролитія, Паскевичъ предложилъ полякамъ условія сдачи, которыя были ими отвергнуты. Послѣдствіемъ этого 25-го августа, былъ штурмъ предмѣстья Варшавы,—укрѣпленнаго селенія Воля, взятаго послѣ отчаяннаго сопротивленія въ 11 часовъ утра. Мятежники вступили въ переговоры, но не хотѣли согласиться на безусловную сдачу города и возвращеніе польскаго народа къ покорности. Поэтому Паскевичъ прекратилъ переговоры и приступилъ немедленно къ штурму города Варшавы. Началось жестокое сраженіе, въ которомъ Паскевичъ получилъ сильную контузію ядромъ въ лѣвую руку. Скоро поляки были сбиты съ отдѣльныхъ укрѣпленій, и наши войска готовились уже ворваться въ самый городъ, какъ поляки предались безусловно великодушію императора. 26-го августа Паскевичъ донесъ его величеству: «Варшава у ногъ вашихъ, польская армія по моему назначенію отходитъ къ Плоцку». За эту побѣду Паскевичъ получилъ лестный высочайшій рескриптъ отъ 4-го сентября 1831 года, былъ возведенъ въ званіе князя Россійской имперіи съ титуломъ свѣтлѣйшаго и наименованіемъ Вар-

шавскаго, а малолѣтній сынъ его Ѳедоръ пожалованъ въ прапорщики Эриванскаго имени его отца полка. Послѣ сдачи Варшавы война продолжалась недолго; отдѣльные отряды польскихъ войскъ были или разсѣяны, или обезоружены, а главная армія польская, стоявшая близь Модлина, была оттѣснена Паскевичемъ въ Пруссію, гдѣ и положила оружіе.

По усмиреніи мятежа были приняты мѣры для отвращенія подобнаго бѣдствія на будущее время и для исцѣленія раны, причиненной странѣ войною, продолжавшеюся около 8 мѣсяцевъ. Паскевичъ является при этомъ точнымъ исполнителемъ предначертаній государя, стремившагося къ прочному объединенію бывшаго Польскаго королевства съ имперіею, какъ это видно изъ обширной переписки императора Николая I съ Паскевичемъ за все время управленія послѣднимъ Польшею. Николай I старался сдѣлать невозможнымъ на будущее время какое-либо возстаніе въ Польшѣ. «Я твердо устою», писалъ онъ Паскевичу,—«въ рѣшимости ни на волосъ не отступать отъ принятыхъ правилъ, и чѣмъ они (т.-е. поляки) будутъ хуже, тѣмъ я строже буду и тѣмъ хуже для нихъ. Но если мы подадимъ малѣйшій видъ послабленія отъ боязни du qu' en diга-t-on (того что объ этомъ будутъ говорить), то все рѣшительно пропадетъ». Другой разъ императоръ писалъ: «законъ есть, есть сила, а еще болѣе есть постоянная твердая воля».

Руководствуясь этимъ, Паскевичъ, съ высочайшаго разрѣшенія, принялъ мѣры къ упроченію русскаго господства въ губерніяхъ бывшаго Царства Польскаго. По мнѣнію Паскевича, короче всего было бы присоединить Царство къ Имперіи и устроить общее русское управленіе, но эта мысль не была принята въ то время вполнѣ, и для управленія краемъ образовано особое намѣстничество и саномъ намѣстника, указомъ 23-го марта 1832 года, былъ облеченъ Паскевичъ съ особыми уполномочіями по управленію краемъ. Для завѣдыванія судебною частью образованы позднѣе въ Варшавѣ два особыхъ департамента Правительствующаго Сената. Устройство учебной части въ Польшѣ было возложено на Министерство Народнаго Просвѣщенія въ имперіи. Николай I нашелъ это очень обдуманнымъ и надѣялся, что это принесетъ плоды. Скоро было издано положеніе о юридическихъ курсахъ для юношества Царства Польскаго, въ особыхъ, учреждаемыхъ при варшавскихъ гимназіяхъ, юридическихъ классахъ, а также положеніе о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, домашнихъ наставникахъ и учителяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принимались мѣры съ цѣлью доставленія юношеству края способовъ къ основательному изученію россійскаго языка. Для того, чтобы устроить судьбу края на прочныхъ основаніяхъ, принимались строгія мѣры въ отношеніи помѣщиковъ и шляхты, и вскорѣ утверждены были правила объ обязательномъ совершеніи договоровъ между владѣльцами частныхъ имѣній и живущими на ихъ земляхъ крестьянами (т.-е. правила очиншеванія). Каждому крестьянину должно было обязательно отвести извѣстное количество земли, за которую по оцѣнкѣ онъ и платилъ владѣльцу оной денежный оброкъ. Немного позднѣе воспрещено было владѣльцамъ земли самовольно выселять изъ ихъ имѣній крестьянъ и отнимать у послѣднихъ отведенную имъ землю или уменьшать ее количество. Точно также отмѣнены были всякіе сгоны, толоки, принужденные наймы, даремщины и т. д. Паскевичъ обратилъ особенное вниманіе на устройство шоссейныхъ дорогъ въ краѣ, а также на сооруженіе нѣкоторыхъ крѣпостей, какъ-то: Александровской цитадели въ Варшавѣ, въ Ивангородѣ и Новогеоргіевскѣ (или Модлинѣ), по поводу которыхъ императоръ ему писалъ: «надо твою распорядительность и настойчивость, чтобы подобныя предпріятія дѣлать возможными». Николай I, довольный Паскевичемъ, сдѣлалъ его генералъ-инспекторомъ всей пѣхоты и затѣмъ пожаловалъ ему въ 1840 году (іюня 28-го) обширное имѣніе Демблинское (въ Подлясской губерніи, Луковскаго обвода, въ Зелеховскомъ повѣтѣ, — иначе въ Люблинской губерніи близъ Ивангородской крѣпости), состоящее изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстечекъ и фольварковъ, которое по высочайшему повелѣнію переименовано въ честь графа Паскевича въ Ивановское. Энергическія мѣры Паскевича по управленію краемъ

не могли не вызвать въ лицахъ, мечтавшихъ о самобытномъ польскомъ королевствѣ неудовольствія, выразившіяся, между прочимъ, въ покушеніи на жизнь Паскевича, совершенное подъ Брестомъ въ октябрѣ 1833 года, нѣкіимъ Завишею, но не имѣвшемъ послѣдствій, а также въ заговорѣ, составленномъ въ 1844 году съ цѣлью овладѣть Александровскою цитаделью, напасть на замокъ, умертвить князя Паскевича и вырѣзать всѣ войска русскія въ Варшавѣ. Но этотъ заговоръ былъ своевременно открытъ.

Усиленныя письменныя занятія по управленію краемъ повліяли на состояніе зрѣнія Паскевича; онъ сталъ очень страдать глазами, что́ до крайности тревожило государя, неоднократно въ письмахъ своихъ совѣтовавшаго Паскевичу лѣчиться. Между тѣмъ возстаніе, вспыхнувшее въ Венгріи въ мартѣ 1849 года побудило австрійское правительство обратиться непосредственно къ Паскевичу съ просьбою о военной помощи. Князь Шварценбергъ прямо писалъ ему, что спасеніе Вѣны отъ гибели заключается единственно въ немедленномъ появленіи русскихъ войскъ на правомъ крылѣ венгерцевъ. Паскевичъ сообщивъ объ этомъ его величеству, одновременно выслалъ отдѣльный отрядъ подъ командою Панютина по желѣзной дорогѣ, а затѣмъ, по полученіи приказаній государя, быстро стянулъ войска къ западной границѣ. Императоръ Николай прибылъ 5-го мая 1849 года въ Варшаву, гдѣ, совмѣстно съ императоромъ австрійскимъ, также пріѣхавшимъ въ этотъ городъ, составилъ планъ военныхъ дѣйствій, по которому русскія войска, подъ предводительствомъ Паскевича, совершивъ переходъ чрезъ Карпатскія горы, 5-го іюня 1849 года вступили въ Венгрію. Въ то же время другіе два отряда, подъ командою Лидерса и Гротенгельма, вступили въ Трансильванію. Паскевичъ, дорожа своею репутаціею, преимущественно держалъ свои войска сосредоточенными, съ цѣлью, будучи готовымъ на всякую случайность, предоставить исходъ дѣла собственному теченію. Онъ полагалъ что война въ Венгріи должна быть рѣшена одними маневрами, тѣмъ болѣе, что силы враждующихъ сторонъ оказались чрезвычайно несоразмѣрными. Послѣ ряда успѣховъ, одержанныхъ нашими войсками надъ венгерцами, и, наконецъ, пораженія венгерской арміи Гергея подъ Коморномъ, эта война окончилась сдачею русскимъ войскамъ 1-го августа всей арміи Гергея въ 30.000 человѣкъ, послѣ чего войска наши возвратились 25-го сентября 1849 года въ предѣлы имперіи. За успѣшное окончаніе этой кампаніи указомъ 4-го августа Паскевичу предоставлено было пользоваться тѣми же *воинскими* почестями, какія воздаются только особѣ его величества.

Вскорѣ послѣ этого, при празднованіи 50-лѣтняго служебнаго юбилея Паскевича, ему пожалована была государемъ особая брилліантовая надпись на фельдмаршальскомъ жезлѣ, а король прусскій и императоръ австрійскій возвели его также въ фельдмаршалы своихъ войскъ. Продолжая по прежнему управлять краемъ, Паскевичъ былъ снова вызванъ на театръ военныхъ дѣйствій, происходившихъ на Дунаѣ, вслѣдствіе новой войны нашей съ Турціею и разрыва съ западными европейскими державами. Смѣлый планъ войны императора Николая I, состоявшій въ быстромъ движеніи чрезъ Балканскія горы, былъ подъ вліяніемъ Паскевича существенно измѣненъ на болѣе осторожный, въ основаніи котораго лежало предварительное занятіе различныхъ крѣпостей на Дунаѣ.

Наши войска подъ начальствомъ князя М. Д. Горчакова вступили въ Молдавію и Валахію, и въ 1853 г. имѣли уже нѣсколько дѣлъ съ турками подъ Ольтеницею, Калафатомъ, Четати и т. д. Тогда по высочайшему повелѣнію главнокомандующимъ нашими войсками на западной и южной границахъ былъ назначенъ въ 1854 году Паскевичъ, прибывшій въ началѣ апрѣля мѣсяца (5-го числа) въ дунайскую армію. Онъ немедленно принялъ начальствованіе надъ войсками 3-го, 4-го и 5-го армейскихъ корпусовъ и, сдѣлавъ новыя распоряженія о размѣщеніи ихъ, скоро приблизился къ крѣпости Силистріи на Дунаѣ. Предполагая заняться осадою этой крѣпости, Паскевичъ лично дѣлалъ 27-го мая 1854 года рекогносцировку, при чемъ былъ сильно контуженъ ядромъ; это принудило его сдать командованіе арміею опять Горчакову и выѣхать 1-го іюня въ Яссы,

откуда, съ высочайшаго соизволенія, для поправленія здоровья и отдыха, онъ поѣхалъ въ свое имѣніе Гомель. Хотя Паскевичъ и оправился отъ контузій настолько, что въ состояніи былъ снова вступить въ управленіе Царствомъ Польскимъ, но эта контузія очень повліяла на его здоровье. Онъ сталъ видимо угасать, а различные недуги быстро развивались. Онъ недолго пережилъ чрезвычайно любившаго его государя и скончался въ Варшавѣ, 74 лѣтъ, 20-го января 1856 года въ 10 часовъ утра, удостоившись получить въ 1855 году отъ новаго императора особый знакъ монаршей къ нему милости, именно—портреты обоихъ государей Николая I и Александра II, для ношенія въ петлицѣ. По отпѣваніи тѣла въ каѳедральномъ Свято-Троицкомъ соборѣ, останки фельдмаршала, по его желанію, были преданы землѣ въ селѣ Ивановскомъ (бывшемъ Демблинѣ).

Во всѣхъ войскахъ и въ цѣломъ Царствѣ Польскомъ былъ наложенъ трауръ на девять дней впродолженіе этого времени всѣ театры были закрыты.

Вскорѣ по кончинѣ Паскевича было приступлено къ сооруженію ему памятника въ Варшавѣ на площади дома намѣстника, въ Краковскомъ предмѣстьѣ; памятникъ этотъ былъ торжественно открытъ 21-го іюня 1870 года въ присутствіи императора Александра II.

«Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Его жизнь и дѣятельность; по неизданнымъ источникамъ составилъ генералъ-маіоръ князь Щербатовъ». С.-Пб. 1888 г. и слѣд., 5 томовъ; изложеніе доведено до 1832 года. «Жизнеописаніе генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго, по оффиціальнымъ документамъ», составилъ Перцовъ. Варшава. 1870; «Essai historique et biographique sus le Feld-Maréchal prince se Varsovie», pas j. Tolstoy; «Біографія Ермолова», Погодина; «Описаніе военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ противъ венгерскихъ мятежниковъ въ 1849 году»—«Военный Сборникъ» 1873 года, т. 103 и 1874 года, т. 105, № 6-й; «Война съ Турціею и разрывъ съ западными державами», Е. П. Ковалевскаго—«Русская Старина»; 1872 г., №№ 7, 8, 12; 1876 г. № 1—3, № 12; «Русскій Архивъ» 1873 г., № 8, 9; 1875, № 11, 12; «Кавказскій Календарь» 1868 г., стр. 1—6; Мюнстеръ: Портретная галлерея, т. I; Б. Модзалевскій. Як. Никол. Толстой. Біогр. очеркъ. С.-Пб. 1899 г.; «Русскій художественный листокъ» 1856 г., № 6-й; «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ» Леера. *П. М. Майковъ.*

Паскевичъ, *Николай Семеновичъ*, курскій вице-губернаторъ. Происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1751 году. Въ мартѣ 1774 года П. вступилъ въ службу подканцеляристомъ въ Камеръ-контору, откуда вскорѣ же былъ переведенъ въ Межевую экспедицію Сената. Отсюда въ декабрѣ 1777 года П. перешелъ на службу въ Экспедицію о государственныхъ доходахъ, гдѣ оставался до 5-го мая 1788 года, когда былъ переведенъ въ Курскую Казенную Палату совѣтникомъ. Въ слѣдующемъ 1789 году, имѣя уже чинъ надворнаго совѣтника (съ 20-го декабря 1784 г.), П. 31-го августа былъ назначенъ директоромъ экономіи Курскаго намѣстничества. Находясь въ этой должности, П. былъ 2-го сентября 1793 года произведенъ въ чинъ коллежскаго совѣтника и получилъ 22-го сентября 1794 года орденъ св. Владиміра 4-й степени. 9-го января 1798 года П. получилъ мѣсто предсѣдателя 2-го Департамента Курской Палаты Суда и расправы, 23-го февраля 1799 г. произведенъ въ статскіе совѣтники, а 18-го іюля того же года назначенъ Курскимъ вице-губернаторомъ, коимъ былъ еще въ 1802 году. Какъ человѣкъ, П. отличался добротою, честностью и большими способностями къ службѣ. Умеръ П. въ чинѣ д. с. с. въ концѣ 1814 или въ началѣ 1815 г.

Сенатскій Архивъ: Формулярные списки по Курской губерніи за 1802 годъ, л. 3—4; Сочиненія Державина, т. V, С.-Пб. 1869 г., стр. 628, 655; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 117. *В. Гарскій.*

Паскевичъ, *Степанъ Ѳедоровичъ*, членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ; родной братъ фельдмаршала, род. въ 1785 году и восьми лѣтъ отъ роду поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда 10-го декабря 1803 г. былъ выпущенъ изъ камеръ-пажей поручикомъ въ Фанагорійскій гренадерскій полкъ. Въ 1805 году П. былъ въ походѣ въ Галиціи, Силезіи и Моравіи и въ сраженіи подъ Аустерлицемъ получилъ рану въ правую руку. Въ слѣдующемъ году П., въ чинѣ штабсъ-капитана, участвовалъ въ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ Молдавіи и Валахіи, за отличіе получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и орденъ св. Анны 4-й степени за дѣло подъ Браиловымъ. Затѣмъ, П. находился въ Болгаріи, участвовалъ въ сраженіи при Базарджикѣ, гдѣ снова отличился, получивъ золотой крестъ и орденъ св. Владиміра 4-й сте-

пени за участіе въ штурмѣ и Анну 2-й степени—за разбитіе войскъ великаго визиря; 14-го іюня 1810 года П., уже въ чинѣ капитана, за отличіе былъ переведенъ на службу въ л.-гв. Егерьскій полкъ. За дѣло при селеніи Батинѣ (26-го августа 1810 года), въ которомъ была разбита 40-тысячная армія турокъ, П. получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени (26-го ноября). Въ 1812 году П. былъ переведенъ на службу въ Орловскій пѣхотный полкъ съ производствомъ въ подполковники, въ каковомъ чинѣ и находился въ сраженіяхъ: подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ и Малымъ Ярославцемъ, а въ 1813 году—подъ Магдебургомъ. Въ этомъ же году (15-го декабря) П. вышелъ въ отставку, а 3-го февраля 1816 года былъ произведенъ въ полковники. Черезъ четырнадцать лѣтъ П. вступилъ въ гражданскую службу, будучи назначенъ 1-го февраля 1827 года исправляющимъ должность Слободско-Украинскаго вице-губернатора съ причисленіемъ къ Министерству Финансовъ. Въ этомъ же году, 1-го марта, онъ былъ переименованъ въ коллежскіе совѣтники, а 11-го ноября—послѣдовало утвержденіе его въ должности вице-губернатора. Затѣмъ, въ чинѣ статскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, П. занималъ слѣдующія должности: съ 1827 по 1831 годъ—Слободско-Украинскаго вице-губернатора, съ 2-го іюля 1831 по 8-е октября 1832—Тамбовскаго губернатора, съ 2-го апрѣля 1834 до 13-го января 1835—Курскаго губернатора, съ 13-го января 1835 по 23-е апрѣля 1836 — Владимірскаго губернатора, а въ 1837—39 годахъ—члена Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ. На этой должности П. и скончался 9-го апрѣля 1840 года.

Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Паскевичей; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 185 лѣтъ, Фридрихсгамнъ. 1897 г., стр. 135, 858; «Русск. Архивъ» 1867 г., стр. 1176; 1876 г., т. II, стр. 237—8; «Историч. Вѣстникъ» 1880 г., т. III, стр. 125; В. Степановъ и Н. Григоровичъ. Въ память 100-лѣтняго юбилея ордена св. Георгія, С.-Пб. 1869 г., № 2283;—Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ на: 1830, стр. 145; 1831, стр. 150; 1832, стр. 121; 1835, стр. 134; 1836, стр. 91; 1837, стр. 514; 1838, стр. 507; 1839, стр. 459.

В. Гарскій.

Паскинъ, *Петръ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ, начальникъ штаба Отдѣльнаго корпуса внутренней стражи. Происходилъ изъ дворянъ Кіевской губерніи, род. 1-го октября 1798 г. Получивъ воспитаніе въ Дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское училище), П. въ 1817 г. выпущенъ былъ въ Брестскій пѣхотный полкъ, откуда въ слѣдующемъ же году переведенъ былъ въ л.-гв. Волынскій полкъ, стоявшій въ Варшавѣ. Пробывъ съ 1823 по 1826 г. въ отставкѣ, П. вновь поступилъ на службу маіоромъ въ бывшій 49-й Егерьскій полкъ, а въ 1828 г. былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ въ 29-й Егерьскій полкъ, за приведеніе котораго въ отличное состояніе въ слѣдующемъ же году былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1831 г. П. принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія, за отличіе при м. Войславицѣ получилъ чинъ полковника и назначенъ былъ командиромъ 49-го Егерьскаго полка Когда въ 1833 году 6-й пѣхотный корпусъ былъ переформированъ, П. былъ назначенъ командиромъ Волынскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ разстался въ 1840 г., будучи назначенъ командиромъ 2-й бригады 14 й пѣхотной дивизіи. Въ 1839 г. П. за отличіе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а въ 1841 и 1842 г. былъ въ дѣлахъ по усмиренію горцевъ на Кавказѣ, командуя названной бригадой по приказанію начальника праваго фланга Кавказской линіи ген.-лейтен. барона Засса. Въ началѣ 1842 г. П. былъ назначенъ окружнымъ генераломъ 7-го округа отдѣльнаго корпуса внутренней стражи, а въ 1847 г.—начальникомъ штаба этого корпуса. Произведенный въ 1849 г. въ генералъ-лейтенанты Паскинъ умеръ 30-го іюля 1853 года; онъ погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Справочн. энциклопедич. словарь Старчевскаго, т. IX, ч. I, С.-Пб. 1854, стр. 175—176; «Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общества», т. 62, стр. 733; Высоч. приказъ отъ 4-го августа 1853 г.

Б. Львовъ.

Паскій, *Иванъ Тимоѳеевичъ* меньшой, С.-Петербургскій купецъ, род. 11-го апрѣля 1740 г., умеръ 1-го мая 1810 г. Нѣсколько лѣтъ сряду Паскій былъ гласнымъ Учетной Конторы по векселямъ; за честное и усердное исправленіе этой должности онъ въ 1803 году былъ награжденъ императоромъ Александромъ I золотою именною медалью, а въ 1809 г.

получилъ титулъ именитаго гражданина и коммерціи совѣтника

Ю. Б. Иверсенъ. «Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ» стр. 83—84; «Мѣсяцесловы съ росписью чиновныхъ особъ» 1803—1809 гг.; В. Саитовъ. Петербургскій некрополь. М. 1883, стр. 101.

Пассекъ, *Богданъ Ивановичъ* (ум. въ 1758 г. (?)), «смоленскій шляхтичъ»; началъ службу въ Малороссійскомъ Генеральномъ войсковомъ судѣ, затѣмъ находился въ военной службѣ; въ 1734 г., будучи ротмистромъ, былъ уволенъ изъ Малороссійскаго Генеральнаго войсковаго суда; въ 1736 г. онъ былъ подполковникомъ, въ 1739 г. былъ назначенъ товарищемъ Бѣлгородскаго губернатора, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, а въ 1742—Бѣлгородскимъ вице-губернаторомъ. Изъ отписанныхъ у него въ казну, за разные проступки, деревень велѣно было возвратить ему лишь тѣ, которыя принадлежали его матери. Въ 1754 г. отписанный въ казну каменный домъ его въ Петербургѣ велѣно было передать въ вѣдомство Придворной Конторы для помѣщенія въ немъ придворныхъ служителей. Въ 1758 г. отписанныя у Б. И. Пассека дворы, деревни и пожитки отданы, вслѣдствіе его смерти, его вдовѣ и дѣтямъ.

Тѣ немногія свѣдѣнія о П., которыя сохранились за цѣлую четверть вѣка (1734 — 1758 гг.), рисуютъ его въ непривлекательномъ свѣтѣ. Такъ, будучи членомъ Малороссійскаго Генеральнаго войскового суда, а затѣмъ—товарищемъ Бѣлгородскаго губернатора и Бѣлгородскимъ вице-губернаторомъ, онъ бралъ взятки съ малороссійскихъ обывателей, за что былъ отданъ подъ судъ (1742 г.) и содержался въ Бѣлгородѣ подъ карауломъ (1753 г.); кромѣ того, въ Сенатѣ разсматривалось (1751 г.) какое-то дѣло о его дерзостяхъ.

Описаніе Сенатскаго Архива, сост. П. И. Барановымъ, см. указатель къ II и III томамъ; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родосл. книга, т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 74.

В. Корсакова.

Пассекъ, *Вадимъ Васильевичъ*, этнографъ-историкъ и литераторъ. Онъ родился 20-го іюня 1808 года въ Тобольскѣ, гдѣ жилъ въ это время въ ссылкѣ его отецъ Василій Васильевичъ (смотри ниже). Рожденіе Пассека почти совпало съ самымъ труднымъ временемъ жизни его семьи въ Сибири, когда, вслѣдствіе притѣсненій Тобольскаго губернатора фонъ-Брина, осенью 1808 года, было рѣшено перевести отца Вадима Васильевича изъ Тобольска въ селеніе Абалатъ. На помощь Пассекамъ въ эту минуту явился инспекторъ Врачебной управы И. Х. Кернъ, взявшій ребенка подъ свое покровительство и пріютившій его у себя въ домѣ; такимъ образомъ, несчастье Пассековъ почти не коснулось Вадима Васильевича въ пору его младенчества. Съ тягостью жизни ссыльныхъ онъ началъ знакомиться съ 1818 г., когда послѣ смерти Керна вернулся въ родную семью, и понесъ наравнѣ съ взрослыми ея членами всѣ постигшія ее невзгоды. Возвращеніе въ Россію Пассекамъ было разрѣшено въ 1824 году; они поселились въ Москвѣ, гдѣ жили и ранѣе ссылки. Въ 1826—1827 году Вадимъ Васильевичъ поступилъ въ университетъ на этико-политическое отдѣленіе философскаго факультета, которое и окончилъ, по всей вѣроятности, въ 1830 году, со степенью кандидата. Въ университетѣ Пассекъ близко сошелся съ Герценомъ; они явились другъ друга дополняющими величинами: Пассекъ могъ пользоваться отъ Герцена и членовъ его кружка тѣмъ, что дала имъ жизнь съ дѣтства и воспитаніе въ центрѣ русскаго просвѣщенія; съ своей стороны онъ познакомилъ ихъ съ жизнью, полною лишеній, нужды и несчастій, съ знаніемъ свободы и любовью къ волѣ; всѣхъ ихъ соединяло въ одно цѣлое влеченіе къ наукѣ, литературные интересы и общія мечты объ осуществленіи въ дѣйствительности ихъ идеальныхъ стремленій. Время окончанія Пассекомъ университетскаго курса совпало съ страшной холерой, опустошившей Москву осенью 1830 года; борьбою съ холерой Пассекъ и началъ свою службу; отдавъ себя въ распоряженіе холернаго комитета, онъ работалъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и, не довольствуясь своею обязанностью по завѣдыванію канцеляріей и хозяйственной частью больницы, ухаживалъ за больными наравнѣ съ докторами, показывалъ примѣры пріема лѣкарствъ и даже дѣлалъ на себѣ опыты прилипчивости болѣзни, чтобъ доказать сравнительную безопасность холеры и этимъ привлечь новыя силы къ борьбѣ съ нею. По окон-

чаніи холеры Пассекъ предался подготовленію къ магистерскому экзамену, работѣ надъ диссертаціей по русской исторіи и отчасти литературнымъ занятіямъ; къ этому же времени (1832 г.) относится его женитьба на родственницѣ Герцена, пріобрѣтшей впослѣдствіи извѣстность, Т. П. Кучиной (см. ниже). Весною 1834 г., еще до защиты диссертаціи, Пассекъ получилъ отъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа графа А. Н. Панина (см. это имя) предложеніе занять каѳедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ; случайное совпаденіе времени этого приглашенія съ арестомъ Герцена лишило его возможности занять каѳедру: по пріѣздѣ въ Харьковъ еще до начала чтеній онъ получилъ запрещеніе читать лекціи. Неосуществленіе мечты Пассека о давно желанной профессурѣ оказалось для него почти одновременнымъ съ рядомъ огорченій, происшедшихъ вслѣдствіе охлажденія къ нему его прежнихъ друзей: ни Герценъ, ни другіе не поняли начавшагося въ это время въ Пассекѣ увлеченія историческими работами, его восторженнаго отношенія къ прошлому Руси; принявъ это за ренегатство и переходъ въ «лагерь служебнаго патріотизма», они совершенно отъ него отвернулись. Между тѣмъ, недостатокъ средствъ къ жизни принудилъ Пассековъ перебраться въ ихъ харьковское имѣніе; здѣсь начались работы Пассека по этнографіи, а съ 1836 г.— по составленію статистическаго описанія Харьковской губерніи; эта послѣдняя работа, порученная Пассеку Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, опредѣлила его служебное положеніе, какъ причисленнаго къ Министерству, съ откомандированіемъ въ Харьковскую губернію. Вслѣдъ за статистическимъ описаніемъ Харьковской губерніи, представленнымъ въ Министерство въ 1837 году, Пассеку было поручено описаніе Таврической губерніи; эта работа заставила его перекочевать въ Одессу для архивныхъ разысканій, затѣмъ направила въ Крымъ; описаніе Таврической губерніи было имъ окончено въ 1838 году. На ряду съ этими работами Пассекъ занимался въ тѣ годы изслѣдованіемъ южно-русскихъ кургановъ, и городищъ и подготовкой матеріаловъ для будущаго своего изданія «Очерки Россіи». Малороссъ по дальнимъ предкамъ, харьковскій помѣщикъ, онъ еще въ Москвѣ, въ своей книгѣ «Путевыя замѣтки», выказалъ себя пламеннымъ украинскимъ патріотомъ. Это обстоятельство въ связи съ начавшимися работами по южной этнографіи и статистикѣ поставило его въ рядъ начинателей украинофильства и сильно сблизило съ кругомъ лицъ, предавшихся дѣлу изученія малорусской народности—И. И. Срезневскимъ, А. Л. Метлинскимъ, А. П. Рославскимъ, О. С. Евецкимъ и др. Но временный пылъ увлеченія Малороссіей скоро у него охладѣлъ; уже въ 1839 году, еще въ бытность Пассека на югѣ Россіи, стали замѣтны въ немъ общерусскія, даже всеславянскія идеи, мечты о созданіи общеславянскаго государства подъ верховною властью Россіи. Въ 1839 году Пассекъ переселился въ Москву; первые годы жизни здѣсь были имъ посвящены изданію «Очерковъ Россіи»; затѣмъ, послѣ поѣздки въ Петербургъ, онъ получилъ порученіе составить статистическое описаніе Московской губерніи; съ 1841 года онъ былъ назначенъ редакторомъ новаго оффиціальнаго изданія «Прибавленій къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ». Рядъ историко-этнографическихъ и археологическихъ работъ Пассека въ «Очеркахъ Россіи» и въ другихъ изданіяхъ въ годы жизни въ Москвѣ ввелъ его въ кругъ славянофиловъ; это были: А. Ѳ. Вельтманъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, В. И. Даль, М. Н. Загоскинъ и др.; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ знакомъ еще до поѣздки на югъ. Его прежніе друзья изъ кружка Герцена, съ которыми его вновь заставила столкнуться сила обстоятельствъ, были отъ него далеки; соціализмъ и политическія идеи, увлекавшія ихъ, въ немъ были заглушены идеями народности и ни мало его не интересовали. Герценъ съ своей стороны видѣлъ въ немъ отсталаго человѣка, «привинченнаго къ 1833 году», и совершенно не понималъ его интересовъ, его «славянизма» и «ортодоксности». Общаго между прежними товарищами не было ничего; только къ самому концу жизни Пассека сгладилось нѣсколько ихъ охлажденіе, но и то, сколько можно думать, исключительно на почвѣ старой дружбы. Пассекъ умеръ 25-го октября 1842 года на

34-мъ году жизни отъ скоротечной чахотки, возникшей вслѣдствіе простуды. По странной случайности одна изъ послѣднихъ работъ его—«Историческое описаніе Симонова монастыря» была оплачена по просьбѣ автора вмѣсто гонорара отведеніемъ мѣста на монастырскомъ кладбищѣ.

Въ дѣятельности Пассека можно различить двѣ области, одна съ другой соприкасающіяся: во-первыхъ, дѣятельность редактора и издателя, во-вторыхъ, дѣятельность писателя. Главная заслуга въ первомъ отношеніи заключается въ изданіи повременнаго сборника «Очерковъ Россіи» (1838 — 1842). Цѣлью «Очерковъ» была популяризація трудовъ по русской исторіи, древностямъ, статистикѣ, географіи, этнографіи, народному быту, естествовѣдѣнію и пр., и пр.; кромѣ того, редакторъ имѣлъ въ виду сосредоточить въ своемъ изданіи «по возможности всѣ разсѣянныя понятія и знанія, пріобрѣтенныя болѣе опытомъ и основанныя на дѣйствительности, нежели выведенныя изъ умозрѣнія»; онъ хотѣлъ также «завлечь къ содѣйствію въ наблюденіи и изслѣдованіи всего отечественнаго; развить и упрочить вѣрнымъ знаніемъ горячее чувство любви къ отечеству и благоговѣніе къ его великой судьбѣ». Широкая цѣль «Очерковъ» исключала, какъ казалось Пассеку, возможность работы одного человѣка: «въ этомъ отношеніи», говоритъ онъ, «Очерки» не принадлежатъ мнѣ...—они принадлежатъ равно каждому изъ насъ—принадлежатъ отечеству; я счастливъ тѣмъ, что раскрываю книгу, въ которую каждый можетъ вписать свою мысль, свое чувствованіе, знаніе, даже замѣчаніе о той странѣ, гдѣ онъ живетъ». «Очерки» были для своего времени явленіемъ замѣчательнымъ; и, должно отдать справедливость, ихъ значеніе признано современною критикой; они были оцѣнены и ученымъ Обществомъ исторіи и древностей, давшимъ Пассеку на окончаніе его «полезныхъ для русской исторіи очерковъ» полторы тысячи рублей ассигнаціями; въ оффиціальныхъ сферахъ на нихъ было также обращено вниманіе: изданіе «Очерковъ» по преимуществу явилось поводомъ назначенія Пассека редакторомъ «Прибавленій къ Московскимъ Вѣдомостямъ». Дѣятельность по редактированію этого послѣдняго изданія стоитъ въ близкомъ отношеніи къ дѣятельности Пассека, какъ издателя «Очерковъ». Это изданіе, несмотря на свой оффиціальный характеръ, подъ его руководствомъ представило собою чрезвычайно полезный журналъ, давъ на своихъ страницахъ много хорошаго матеріала, главнымъ образомъ, по археологіи края, и рядъ статей, обсуждающихъ какъ научные вопросы, такъ и вопросы текущей жизни. Въ заслугу Пассеку, какъ редактору «Прибавленій», нельзя не поставить умѣнія привлечь сотрудниковъ; этому, конечно, способствовали его обширныя знакомства во второй періодъ московской жизни.

Собственно литературная дѣятельность Пассека началась въ 1831 году, задолго до выхода первыхъ книжекъ «Очерковъ», тотчасъ по окончаніи университетскаго курса, статьею «Три дня въ Москвѣ во время холеры. Статья эта представляетъ собою три отрывка изъ записокъ Пассека, веденныхъ имъ во время службы его въ холерномъ комитетѣ 1830 года; она даетъ довольно наглядное и рельефное изображеніе бѣдствія, обрушившагося на Москву. Слѣдующей работой Пассека были высмѣянныя Бѣлинскимъ «Путевыя записки Вадима*» (Москва. 1834), послужившія однимъ изъ поводовъ къ охлажденію его дружбы съ кружкомъ Герцена. Эти записки, «путевыя» только по названію, раскрываютъ историко-романтическія воззрѣнія Пассека на прошлыя судьбы Россіи и на Малороссію и интересны, какъ ясная характеристика автора въ началѣ его дѣятельности. Дальнѣйшія работы Пассека печатались по преимуществу въ «Очеркахъ Россіи» и въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ»; небольшая часть ихъ появилась въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», въ «Московскомъ Наблюдателѣ», въ «Живописномъ Обозрѣніи», «Москвитянинѣ», «Матеріалахъ для статистики россійской имперіи», «Русскомъ историческомъ сборникѣ» и, наконецъ, отдѣльными изданіями. Работы его чрезвычайно разнообразны какъ по содержанію своему, такъ и по цѣлямъ, ими преслѣдуемымъ.

Наибольшее значеніе въ свое время имѣли статьи по народовѣдѣнію, едва ли не первыя въ завлекательномъ и простомъ изложеніи ознакомившія русское общество съ его родиной. Они дали изображеніе разныхъ племенъ Россіи («Осетины», «Самоѣды Березовскаго уѣзда», «Повѣрье финновъ»), описаніе быта и обычаевъ и записи пѣсенъ Великой и особенно Малой Руси («Малорусскія святки», «Малорусская свадьба», «Малорусскія повѣрья», «Купало», «Веснянки», «Русскій простонародный костюмъ Тверской губ.» и др.), замѣчанія по народной словесности и исторіи литературы (предисловіе къ статьѣ Макарова «Москва въ своихъ родныхъ пѣсняхъ», «Котляревскій и его Энеида»), статьи по исторической географіи («Границы южной Россіи до нашествія татаръ»), свѣдѣнія объ историческихъ мѣстностяхъ Россіи («Кіево-печерская обитель», «Историческое описаніе Симонова монастыря», «Царево-Борисовъ», «Переславль», «Окрестности Переяславля», «О состояніи Москвы и Московской губерніи въ царствованіе Петра Великаго», «Кіевскія золотыя ворота»), историческія замѣчанія о русскомъ языкѣ («Олеговъ ключъ»), путевыя замѣтки о южной Россіи («Отрывки изъ путешествія въ Крымъ», «Ногайскія степи», «Слобода Хаплуновка» и пр.). Статьи, относящіяся къ этому ряду, оказали въ свое время несомнѣнную пользу; нынѣ онѣ имѣютъ значеніе лишь историческихъ памятниковъ — образцовъ научнаго романтизма второй четверти столѣтія; исключеніе могутъ составить немногія изъ нихъ, каково, напр., «Описаніе Симонова монастыря», подробное и тщательное изслѣдованіе серьезнаго характера. Съ рядомъ перечисленныхъ статей соприкасаются труды по изученію кургановъ и городищъ; они разнятся отъ первыхъ отсутствіемъ популяризаторскихъ цѣлей. Пассекъ предполагалъ изслѣдовать курганы и городища на всемъ протяженіи Россіи «отъ Дуная до Забайкалья», какъ онъ выразился въ представленіи Московскому Обществу исторіи и древностей; не имѣя возможности осуществить этотъ громадный планъ, Общество поручило ему обозрѣть курганы какой-нибудь одной губерніи, что и было имъ исполнено по отношенію къ Харьковской губерніи (описаніе кургановъ и городищъ было напечатано въ нѣсколькихъ редакціяхъ). Совершенно особнякомъ стоятъ работы Пассека по статистикѣ — работы оффиціальнаго характера, исполнявшіяся по порученію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; это суть: «Историко-статистическое описаніе Харьковской губерніи», «Города Харьковской губерніи» (оба труда были напечатаны въ «Матеріалахъ для статистики Россійской имперіи»), «Статистическое описаніе Таврической губерніи» и «Статистическое описаніе Московской губерніи» (напечатаны не были). Къ этимъ работамъ надо причислить неоффиціальныя работы по статистикѣ, напечатанныя въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ».

Изъ настоящаго краткаго обзора литературно-ученой дѣятельности Пассека ясно видно разнообразіе предметовъ, его занимавшихъ; нельзя не отмѣтить при этомъ, что настоящее разнообразіе не обусловливается принадлежностью той или другой статьи къ различнымъ эпохамъ жизни ихъ автора: всѣ научно-литературныя занятія, не смотря на ихъ несходство, интересовали Пассека одновременно, часто являясь дополненіемъ, подмогой одно другому. Пассекъ на нихъ какъ бы испытывалъ свои силы; онъ не успѣлъ создать того, что хотѣлъ, не успѣлъ подробно развить свои воззрѣнія и только намеками указалъ свои цѣли. Если довольно ясно бросается въ глаза отношеніе Пассека къ наукѣ, далеко не такъ опредѣленно политическое его міросозерцаніе: юношескія увлеченія западомъ, идеями Герцена смѣнились у него въ зрѣломъ возрастѣ стремленіемъ къ народу, украинствомъ, славянофильскими мечтами. Трудно сказать, дѣйствительно ли это была неустойчивость убѣжденій, неясность взглядовъ, а не слѣдствіе желанія быть внѣ всѣхъ партій, чтобы общими силами осуществить искреннія и завѣтныя свои стремленія дать возможность и способы изученія Россіи русскому обществу.

Т. П. Пассекъ: Изъ дальнихъ лѣтъ. С.-Пб. 1878—1889 (т. 1—3); А. И. Герценъ: Былое и думы, т. I. Лондонъ. 1858; Герценъ: Сочиненія, т. I. Женева. 1875; П. В. Анненковъ: Идеалисты тридцатыхъ годовъ («Анненковъ и его друзья». С.-Пб. 1892), с. 16—18; Е. Некрасова: Связка писемъ А. И. Герцена 1838—1840 гг. («Сѣверн. Вѣстн.»

1894 г., № 8, стр. 23—25); А. Н. Пыпинъ: Исторія русской этнографіи, т. I, С.-Пб. 1890, стр. 229—240; В. И. Срезневскій: В. В. Пассекъ и его письма къ И. И. Срезневскому («Русск. Старина» 1893, т. 78—79); В. И. Срезневскій: Списокъ сочиненій Пассека («Книговѣдѣніе» 1894 г., № 4); В. В. Пассекъ («Харьковскій сборникъ», в. I, стр. 144—146); Библіографія статей о Пассекѣ и отзывовъ о его сочиненіяхъ помѣщена въ прим. 54-мъ ко 2-му т. «Полнаго собранія сочиненій В. Г. Бѣлинскаго» подъ редакціею С. А. Венгерова. С.-Пб. 1900 г., стр. 522—524.

В. Срезневскій.

Пассекъ, *Василій Богдановичъ*, писатель, сынъ колл. сов. Богдана Васильевича; родился въ 1854 г. и, окончивъ курсъ кандидатомъ въ Харьковскомъ университетѣ, выдержалъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ экзаменъ на степень магистра международнаго права. Въ 1879 г. Пассекъ поступилъ на службу въ Азіатскій департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, но уже въ 1882 г. получилъ назначеніе на мѣсто вице-консула въ Рагузу. Въ 1883 г. онъ, по просьбѣ извѣстнаго Іонина, ѣздилъ съ нимъ вмѣстѣ въ Софію, въ качествѣ его ближайшаго сотрудника; затѣмъ, нѣкоторое время П. управлялъ русскою миссіею въ Черногоріи, гдѣ очень сблизился съ княземъ Николаемъ. Скончался онъ внезапно въ Рагузѣ, 16-го декабря 1888 года.

Пассекъ обладалъ недюжиннымъ литературнымъ дарованіемъ; изъ его сочиненій наиболѣе извѣстны: «Изъ записокъ рядового перваго призыва»,—произведеніе надѣлавшее много шума въ военныхъ кругахъ («Вѣстникъ Европы» 1875 г., № 9), и «Наша степь: люди и нравы» въ «Русской Рѣчи» (1879 г., № 3), гдѣ онъ велъ также политическое обозрѣніе. Пассекъ писалъ также и стихи.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895, стр. 76; «Новое Время» 1888 г., № 4601; «Историч. Вѣстн.» 1889, т. XXXV, мартъ, стр. 780.

Б. Львовъ.

Пассекъ, *Василій Васильевичъ*, род. въ 1772 г., ум. въ 1831 г., авторъ весьма интересныхъ записокъ, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 г. подъ заглавіемъ: «Отрывокъ жизни Василія Пассека, имъ самимъ сочиненный»; сынъ Василія Богд. Пассека и его двоюродной сестры Елиз. Ильин. Обруцкой. Вас. Богд. увлекшись своею кузиной не могъ, конечно, иначе вступить съ ней въ бракъ, какъ тайно; бракъ этотъ былъ обставленъ рядомъ романтическихъ обстоятельствъ. Оставивъ на берегу рѣки одежду, чтобы подумали, что она, купаясь, утонула, Елиз. Ильин. была отправлена женихомъ въ его украинское имѣніе подъ именемъ Надежды Петровны; тамъ онъ обвѣнчался съ ней въ присутствіи своего родного брата, Петра, котораго очень любилъ. Остальные родные считали Елизавету Ильинишну умершей и узнали истину только по смерти Вас. Богд., который сдѣлалъ духовное завѣщаніе въ пользу жены и сына, а душеприкащиками назначилъ графа Ив. Сем. Гендрикова и своего брата Петра Богд. Пассека (см. ниже).

Къ несчастью для пятилѣтняго въ то время Вас. Вас. гр. Гендриковъ вскорѣ же скончался и онъ остался на исключительномъ попеченіи П. Б. Пассека, который всячески старался принудить вдову Вас. Богд. не отыскивать своихъ правъ, а довольствоваться тѣмъ, что онъ будетъ ежегодно выдавать ей Однажды, въ отсутствіе Елиз. Ильин., Петръ Богд. приказалъ не впускать ее въ домъ, когда она возвратится. Такъ и было сдѣлано, и Елиз. Ильин. переѣхала изъ с. Спасскаго къ своимъ роднымъ, а Вас. Вас. былъ отданъ въ 1781 г. въ Петербургъ, въ пансіонъ Масона, гдѣ учился четыре года, но Петръ Богд., рѣшивъ пресѣчь его дальнѣйшее развитіе, взялъ его изъ пансіона, увезъ съ собою въ Могилевъ, гдѣ былъ генералъ-губернаторомъ, и отдалъ въ Вологодскій мушкатерскій полкъ, подъ именемъ *Паскова*, сказавъ ему, что это произошло по ошибкѣ писаря и что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ ее исправитъ а самъ, между тѣмъ, однимъ говорилъ, что В. В.—его племянникъ, а другимъ, что пріемышъ.

Въ 1787 г. В. В. выпущенъ былъ изъ Конной гвардіи въ Рижскій карабинерный полкъ ротмистромъ, потомъ опредѣленъ кн. Потемкинымъ въ Сумскій легко-конный полкъ и взятъ имъ къ себѣ на дежурство В. В. былъ во время осады и при взятіи Измаила, за что произведенъ въ маіоры, пожалованъ похвальнымъ листомъ и знакомъ отличія, но вскорѣ былъ выключенъ изъ числа произведенныхъ въ дежурствѣ кн. Потемкина, вслѣдствіе пріяз-

ненныхъ отношеній П. Б. Пассека съ Вас. Степ. Поповымъ, извѣстнымъ домашнимъ секретаремъ и «конфидентомъ» Потемкина. Въ 1787 г. П. Б. продалъ принадлежавшее В. В. смоленское имѣніе М. С. Салтыковой, на которой впослѣдствіи женился, выдавая это имѣніе за свое собственное, и, чтобы легче устроить продажу, выхлопоталъ В. В-чу дозволеніе на поѣздку въ чужіе края, средства на что дала гр. Анна Родіоновна Чернышева, двоюродная сестра В. В., съ признательностью вспоминавшая отношеніе къ ней Вас. Богд., бывшаго ея опекуномъ по смерти ея родителей.

По возвращеніи В. В. въ Россію въ 1792 года, онъ разсчитывалъ скоро получить свое собственное, доставшееся по наслѣдству отъ отца состояніе, чтобы затѣмъ ѣхать учиться въ какой-нибудь заграничный университетъ, а затѣмъ поступить на службу.

Въ 1793 г. графъ Суворовъ-Рымникскій извѣстилъ П., что дядя его Петръ Богд. ѣдетъ въ Дубоссары, для размѣна плѣнныхъ, и совѣтовалъ ему ѣхать съ нимъ для устройства своихъ дѣлъ. В. В. послѣдовалъ этому совѣту, и при встрѣчѣ съ дядей подалъ ему письмо, прося извѣстить, какое наслѣдство осталось послѣ его отца и когда онъ его получитъ? Дядя, вмѣсто имѣнія, предложилъ выдать В. В. обезпеченіе вексель, соразмѣрный его наслѣдству, или передать ему имѣніе съ тѣмъ, чтобы В. В. принялъ на себя 26.000 изъ его долговъ.

Опасаясь, чтобы императрица не узнала о его дѣйствіяхъ, Петръ Богд., по выраженію В. В., «скопилъ надъ его головой ужасную бурю», вслѣдствіе которой и начались его бѣдствія. Правитель Екатеринославской губ. Каховскій, передавшій В. В. назначенную ему въ награду землю въ Очаковской степи, внезапно перемѣнилъ о немъ мнѣніе, и, несмотря на просьбы В. В. о разслѣдованіи его невинности, въ началѣ 1794 г. послалъ донесеніе императрицѣ, сообщая, что образовалась партія людей, опасныхъ для отечества, въ числѣ которыхъ будто бы находится и В. В. Мнимые заговорщики были задержаны, а В. В., желая избѣгнуть той же участи, захвативъ съ собой изъ-подъ ареста одного изъ обвиненныхъ, тайно уѣхалъ съ нимъ въ Яссы, думая найти тамъ законную защиту у генеральнаго консула. Однако, вышло иначе: ихъ обоихъ заковали въ цѣпи и повезли, въ Петербургъ, въ Тайную экспедицію состоявшую въ вѣдѣніи гр. А. М. Самойлова. Кромѣ допросовъ по доносу Каховского, В. В. понапрасну обвиняли и въ написаніи акростиха, порицающаго императрицу; онъ былъ написанъ въ Могилевѣ нѣкимъ Симоновичемъ, который далъ прочитать его В. В., а тотъ забылъ возвратить автору, и, не желая погубить семейнаго человѣка, скрылъ истину, когда акростихъ былъ найденъ въ его бумагахъ. Но гр. Самойловъ, убѣдившись въ томъ, что В. В. принялъ на себя чужую вину изъ великодушія, освободилъ его изъ тюрьмы, гдѣ онъ пробылъ, однако, шесть мѣсяцевъ.

Между тѣмъ, П. Б., чтобы лишить племянника возможности хлопотать о своемъ наслѣдствѣ, представилъ его императрицѣ шалуномъ и мотомъ, котораго слѣдуетъ усмирить; поэтому ему запрещенъ былъ въѣздъ въ столицы.

В. В. отправился въ Гродно, гдѣ одно время служилъ дежурнымъ при командовавшемъ войсками кн. С. Ѳ. Голицынѣ. Послѣ кн. Голицына командующимъ былъ назначенъ Обресковъ, свояк Петра Богд; желая быть отъ него подальше, В. В. выпросилъ у него дозволеніе съѣздить въ полкъ и медлилъ возвратиться изъ отпуска. Въ это время полку было велѣно идти въ походъ. Петръ Богд. распустилъ, между тѣмъ, слухъ, что В. В.—якобинецъ, дѣлавшій фальшивыя ассигнаціи и чеканившій рубли и прощенный императрицею будто бы по его просьбѣ. Въ Вильнѣ В. В. былъ схваченъ и безъ изслѣдованія и объявленія причины, по повелѣнію императора Павла, въ декабрѣ 1796 г. посаженъ въ Дюнаминдскую крѣпость; пробывъ здѣсь 4 года и 3 мѣсяца, онъ сталъ хворать и совершенно посѣдѣлъ на 26-мъ году отъ роду. Между тѣмъ, дядя пользовался его наслѣдственнымъ имуществомъ. Въ бытность свою въ Дюнаминдѣ, Павелъ I спросилъ у коменданта: «Гдѣ Пассекъ? Какъ онъ себя ведетъ, и нѣтъ ли за нимъ прежнихъ замашекъ?»—Кромѣ добраго, я не могу ничего донести о немъ вашему императорскому величеству. «Спросите у него, чего онъ желаетъ?» —

Быть суждену. «Болѣе ничего?» — Ничего, государь. «Онъ молодъ! Пускай еще посидитъ: сей урокъ пригодится ему для переду». Въ январѣ 1798 г. В. В. получилъ извѣстіе, что его друзья Валуевы отвезены въ Тайную экспедицію, вслѣдствіе доноса на нихъ и на В. В., сдѣланнаго поручикомъ Высоцкимъ, (котораго В. В. совсѣмъ не зналъ), будто бы они умышляютъ на жизнь императора. Валуевы оправдались, ихъ произвели въ слѣдующіе чины, запретивъ всякія сношенія съ П., а ему, въ свою очередь, не дозволили употребленіе пера и чернилъ.

Такъ какъ письмо В. В., писанное ранѣе того изъ крѣпости на имя императора, осталось безъ всякаго отвѣта, то В. В. началъ изыскивать другія средства для полученія свободы: онъ былъ долженъ бѣжавшему изъ Риги казначею Шемилину болѣе 1.000 р., и заявилъ, чтобы подано было ко взысканію. Когда лифляндскій губернаторъ спросилъ В. В., какъ онъ можетъ произвести уплату, В. В. отвѣчалъ, что онъ пока не можетъ уплатить, такъ какъ имѣніе его еще не вышло изъ-подъ опеки дяди его Петра Богд. Отнеслись къ Петру Богд.; тотъ далъ отзывъ, въ которомъ говорилъ о В. В., какъ о пріемышѣ, не участвующемъ въ имѣніи Пассековъ. В. В. просилъ, чтобы истребовали отъ дяди завѣщаніе его отца. Тогда Петръ Богд., болѣе 20 лѣтъ скрывавшій завѣщаніе брата, представилъ его Смоленскому Губернскому Правленію въ мартѣ 1799 г., при чемъ утверждалъ, что В. В. пріемышъ и что Вас. Богд. только назвалъ его своимъ сыномъ и т. под. Только три мѣсяца спустя, въ іюлѣ 1799 г., ему дозволено было написать возраженіе. Впослѣдствіи В. В. добился полученія изъ Тайной экспедиціи копіи съ важныхъ бумагъ, касающихся права его собственности, и увидалъ, что докладъ Павлу былъ сдѣланъ генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ въ выгодахъ дяди, а его доказательства были пропущены.

В. В. былъ освобожденъ изъ крѣпости 25-го марта 1801 г. Александромъ I, который объявилъ его невинно-пострадавшимъ и произвелъ въ чинъ надворнаго совѣтника. В. В. хотѣлъ поступить въ Иностранную Коллегію и обратился съ этой просьбой къ вице-канцлеру графу Н. П. Панину, который приходился ему двоюроднымъ племянникомъ, но тотъ отклонилъ эту просьбу подъ благовиднымъ предлогомъ неимѣнія свободныхъ вакансій.

При восшествіи на престолъ Александра I, Петръ Богд. подалъ ему прошеніе, чтобы воспитаннику его брата Паскову были даны гербъ и фамилія Пассековъ, и чтобы было утверждено за нимъ украинское имѣніе, принадлежащее будто бы самому Петру Богд. Когда В. В. пріѣхалъ въ свое имѣніе, то оказалось, что оно совершенно разорено, а библіотека и всѣ цѣнныя вещи похищены дядей.

В. В., несомнѣнно, сумѣлъ бы доказать несправедливость дяди по отношенію къ нему, но окончательно погубилъ себя однимъ необдуманнымъ поступкомъ. Двоюродный братъ В. В.—князь Д. К. Кантемиръ, просидѣвъ за сумасбродство 17 лѣтъ въ Ревельской крѣпости, помѣшался на томъ, что онъ владѣтель Молдавіи и Валахіи. Еще до заключенія въ крѣпость, кн. Кантемиръ обвѣнчался въ концѣ масляницы, что не дозволено православной церковью, а потому бракъ его и дѣти не были признаны законными. Желая угодить гр. Аннѣ Род. Чернышевой (двоюродной сестрѣ кн. Кантемира и В. В. Пассека), эстляндскій губернаторъ Лангель уговаривалъ кн. Кантемира, чтобы онъ просилъ императора узаконить его дѣтей, но настойчивость Лангеля до такой степени разсердила князя, что онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Тогда В. В., думая сдѣлать добро, написалъ кн. Кантемиру шуточное письмо, въ которомъ говорилъ, что его несчастія растрогали государя и что онъ скоро потребуетъ у турецкаго султана Молдавію и Валахію и совѣтовалъ кн. Кантемиру просить государя объ узаконеніи дѣтей. В. В., не измѣняя своего почерка, подписалъ подъ письмомъ «П. Волконской». Кн. Кантемиръ, дѣйствительно, подалъ прошеніе императору объ узаконеніи своихъ дѣтей, а В. В. былъ обвиненъ въ оскорбленіи величества и въ противозаконныхъ поступкахъ и сосланъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія.

Т. П. Пассекъ такъ отзывается о своемъ

свекрѣ въ воспоминаніяхъ своихъ: «Вас. Вас. былъ лучшій изъ людей, какъ я слышала объ немъ не только отъ его семейства, благоговѣйно чтущаго память этого страдальца, но отъ многихъ людей, достойныхъ уваженія, коротко знавшихъ его. Всѣ вспоминали съ любовью объ его умѣ, благородствѣ, любезности и добросердечіи.

«Осужденный несчастливецъ, съ женой и двумя малолѣтними сыновьями: Евгеніемъ и Леонидомъ, отправился въ Сибирь, гдѣ и пострадалъ слишкомъ 20 лѣтъ. Когда Евгеній и Леонидъ достигли юношескаго возраста, тогда, тайно отъ родителей, написали прошеніе императору, въ которомъ просили освободить ихъ родителей и рожденныхъ отъ нихъ въ Сибири дѣтей, предлагая самимъ остаться за нихъ на всю жизнь въ Сибири. Узнавъ, что государя ожидаютъ въ Екатеринбургѣ, они отправились туда частью пѣшкомъ, несмотря на пятьсотъ верстъ разстоянія, достигли до Екатеринбурга и лично подали государю прошеніе. Вслѣдствіе ходатайства и личнаго доклада генералъ-губернатора западной Сибири Капцевича, въ 1824 году, всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ В. В. Пассекъ со всѣмъ своимъ семействомъ былъ возвращенъ изъ Сибири по прошенію его дѣтей». Что касается правъ дворянства, то таковыя были возвращены Пассекамъ лишь въ 1836 году.

Будучи въ Дюнаминдской крѣпости, В В. написалъ нѣсколько статей: «Какимъ образомъ завести лучшаго разбора скотъ, такъ, чтобы это ничего не стоило казнѣ и обывателямъ»; «Правила народнаго просвѣщенія»; «Улучшеніе воспитательныхъ домовъ, больницъ, смирительныхъ домовъ и институтовъ»; «Улучшеніе земской полиціи для произведенія дешевизны безъ угнетенія кого-либо» и нѣсколько статей по отношенію къ преступникамъ.

Кромѣ нѣсколькихъ записокъ изъ его жизни, осталась краткая выписка изъ его оправданій, подъ которою онъ означилъ: «Екатеринбургъ, февраля 1825 года. Василій Пассекъ, возвращающійся на родину свою»; въ очеркахъ Россіи Вадима Васильевича Пассека былъ помѣщенъ отрывокъ изъ воспоминаній Василія Васильевича подъ заглавіемъ: «Записки моего отца. Картина Сибири 1804—1809 г.» (т. I, С.-Пб. 1838 г., стр. 118—124) съ подписью «—ъ».

«Русск. Архивъ» 1863 г.; «Изъ дальнихъ лѣтъ». Воспоминанія Т. П. Пассекъ, С.-Пб. 1878 г., т. I, стр. 370—374; т. II, стр. 237—252.

В. Корсакова.

Пассекъ, *Василій Васильевичъ*, писатель, сынъ предыдущаго и братъ слѣдующаго; родился въ Тобольскѣ 14-го іюля 1816 г., первоначальное воспитаніе получилъ подъ руководствомъ своего отца; переѣхавъ, въ 1825 году, въ Москву, П. поступилъ въ первую Московскую гимназію, а затѣмъ — въ Московскій университетъ, гдѣ, въ исходѣ 1830-хъ годовъ, и окончилъ курсъ кандидатомъ историко-филологическаго факультета. Переселившись, въ началѣ 1840-хъ годовъ въ Петербургъ, гдѣ въ то время велось судебное дѣло его по наслѣдственнымъ правамъ съ кн. Шаховскими, онъ поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; здѣсь П. прослужилъ болѣе 10 лѣтъ. Въ 1848 г. процессъ съ кн. Шаховскими окончился, В. В. получилъ на свою часть имѣніе въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, гдѣ и поселился, по выходѣ въ началѣ 1850-хъ годовъ въ отставку, и занялся сельскимъ хозяйствомъ и научными работами. Въ 1861 г. онъ переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ постепенно впалъ въ психическое разстройство, вызванное сотрясеніемъ мозга при паденіи. П. умеръ въ Харьковѣ на рукахъ своей сестры въ маѣ 1864 года.

Интересуясь историческими вопросами, В. В. Пассекъ написалъ нѣсколько работъ, изъ коихъ только одна: «Историческія изысканія г. Соловьева въ сравненіи съ историческими данными» была напечатана при его жизни (С.-Пб. 1852 г.); здѣсь онъ полемизируетъ съ Соловьевымъ, съ которымъ былъ лично знакомъ, но со многими мнѣніями котораго не соглашался. Остальныя же изслѣдованія П. появились въ свѣтъ уже послѣ его смерти; таковы: 1) «Общій очеркъ періода удѣловъ»—въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» 1868 г., кн. 3 и отд. оттискъ—Москва. 1869 г.; 2) «Новгородъ самъ въ себѣ», тамъ же 1869 г., № 4, и отд. оттискъ—М. 1870 г., 187 стр.; 3) «Княжеская и

*

до-княжеская Русь», тамъ-же, 1870 г., № 3 и отд. оттискъ—М. 1870 г., 158 стр.; эти работы были собраны и изданы Обществомъ исторіи и древностей въ одной книгѣ подъ заглавіемъ «Изслѣдованія въ области русской исторіи». М. 1870 г.

Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 76; сообщеніе племянника Вас. В—ча — Алексѣя Вячеславовича Пассекъ; карточный каталогъ Императорской Публичной Библіотеки.

Б. Модзалевскій.

Пассекъ, *Діомидъ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, герой Кавказской войны (братъ предыдущаго), род. въ 1808 году въ Тобольскѣ, гдѣ тогда жилъ его отецъ; убитъ 11-го іюля 1845 г. въ схваткѣ съ горцами при Дарго. Пассекъ учился сначала въ Тобольскомъ уѣздномъ училищѣ и Тобольской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ на математическомъ факультетѣ, который окончилъ въ 1830 году со степенью кандидата; въ томъ же 1830 году онъ поступилъ въ Институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія въ Петербургѣ, портупей-прапорщикомъ 1-го разряда. Здѣсь, черезъ полъ-года онъ былъ произведенъ въ прапорщики, 14-го іюля 1831 г.—въ подпоручики и 9-го іюня 1832 г.—въ поручики съ назначеніемъ въ резервъ названнаго корпуса и съ оставленіемъ при Институтѣ въ должности репетитора. 11-го октября 1834 г. Пассекъ перешелъ изъ резерва въ 1-й округъ путей сообщенія, а 31-го октября 1836 г. поступилъ въ Военную Академію, гдѣ находился по 16-е декабря 1837 года. Еще 6-го декабря 1836 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны корпуса инженеровъ путей сообщенія, а 13-го декабря слѣдующаго года, по окончаніи курса въ Академіи, причисленъ къ Генеральному Штабу и прикомандированъ для изученія фронтовой службы къ Образцовому кавалерійскому полку, а 25-го декабря 1838 г. переведенъ въ Генеральный Штабъ. 25-го января 1839 года П. назначенъ былъ на службу въ 6-й пѣхотный корпусъ и въ августѣ того же года участвовалъ въ празднованіи Бородинской годовщины. Въ маѣ 1840 г. онъ назначенъ былъ на службу въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Прибывъ на Кавказъ, Д. В. поступилъ въ распоряженіе ген.-маіора Клюки фонъ-Клугенау, командовавшаго войсками въ сѣверномъ и нагорномъ Дагестанѣ, и скоро обратилъ на себя вниманіе своею храбростью; 14-го сентября 1840 г. онъ участвовалъ въ пораженіи скопищъ Шамиля въ Гимрынскомъ ущельѣ, во взятіи штурмомъ завалова, укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи съ боя селенія Гимры. 21-го января 1841 г. Пассекъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ въ Кавказскую резервную гренадерскую бригаду. Въ это время начались безпорядки въ Аваріи. Одинъ изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ бековъ, Хаджи-Муратъ, заподозрѣнный въ сношеніяхъ съ Шамилемъ, былъ арестованъ и отправленъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, но дорогою бѣжалъ отъ сопровождавшаго его конвоя, и, собравъ своихъ приверженцевъ, засѣлъ съ ними въ аулѣ Цельмесъ. Ген.-маіоръ Клюки-фонъ-Клугенау отправилъ туда баталіонъ пѣхоты съ двумя горными орудіями, подъ начальствомъ Пассека; но отрядъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе и потерпѣлъ значительный уронъ безъ всякой существенной пользы. Хаджи-Муратъ перешелъ затѣмъ въ дер. Тлохъ, нѣсколько далѣе отъ границъ Аваріи, продолжая собирать приверженцевъ и возмущать окрестныя селенія. 15-го мая того же года, состоя при дагестанскомъ отрядѣ, Д. В. участвовалъ въ рукопашномъ боѣ при взятіи соединенными силами отрядовъ дагестанскаго и чеченскаго Хубарскихъ высотъ; затѣмъ, онъ находился при войскахъ, назначенныхъ для возведенія на правомъ берегу р. Сунжи Евгеньевскаго укрѣпленія; потомъ былъ прикомандированъ къ войскамъ главнаго чеченскаго отряда, занятаго постройкой укрѣпленій Заканъ-Юрта и Казанъ-Кичу на р. Сунжѣ; 16-го октября П. былъ въ сильной схваткѣ съ горцами въ Богаевскомъ лѣсу; 23-го числа находился при истребленіи лѣсныхъ хуторовъ, въ рукопашномъ боѣ и сильной перестрѣлкѣ съ толпами чеченцевъ, а 29-го ноября, командуя авангардомъ, состоявшимъ изъ 2-хъ батальоновъ, при двухъ горныхъ орудіяхъ, опрокинулъ непріятеля съ Бетлынской горы и овладѣлъ селеніемъ Бетлы. За указанныя заслуги Пассекъ 19-го іюня 1841 года произведенъ былъ въ подполковники, а 5-го ноября 1842 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 3-й степ. съ бантомъ.

Среди постоянныхъ военныхъ тревогъ и различныхъ порученій, возлагавшихся на Д. В. начальствомъ, онъ находилъ еще время знакомиться съ нравами и обычаями многочисленныхъ горныхъ племенъ и вникать въ устройство и духъ общественныхъ учрежденій. Особенно занималъ Пассека Шамиль, и онъ изучалъ подробно характеры, личныя качества, подвиги и взаимныя отношенія главнѣйшихъ его сподручниковъ. Не менѣе вниманія обращалъ онъ также и на изученіе мѣстности, играющей столь важную роль въ горной войнѣ; его замѣтки, къ сожалѣнію, утраченныя, могли бы служить богатымъ матеріаломъ для топографіи Кавказа. Въ исходѣ 1842 года Д. В. былъ командированъ въ распоряженіе завѣдывавшаго лезгинскою кордонною линіею ген.-маіора Шварца, гдѣ находился до половины января 1843 года, когда на него было возложено порученіе по изысканію средствъ для снабженія дровами гарнизоновъ укрѣпленій нагорнаго Дагестана,—порученіе, выполненное, несмотря на многочисленныя трудности, весьма успѣшно. Съ 16-го ноября по 19-е декабря того же 1843 года П. руководилъ геройской защитой укрѣпленія зырянъ, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе императора: произведенный, 1-го января 1844 г., за отличіе по службѣ, въ полковники и назначенный командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка (25 го февраля), онъ награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степ., а на другой день — и чиномъ генералъ-маіора. Весною 1844 г., когда возмущеніе Акуши и Аваріи вызвало волненіе въ Мехтулинскомъ ханствѣ и владѣніяхъ Шамхала Тарковскаго, Пассеку порученъ былъ отрядъ, состоявшій изъ трехъ батальоновъ Апшеронскаго полка и 38-го Донского казачьяго полка, въ составѣ шести сотенъ и 6-ти горныхъ 10-ти-фунтовыхъ орудій; онъ занялъ центральную позицію между селеніемъ Большой-Дженгутай, Дургелли, Гилли, Параулъ и Кака-Шура, откуда производилъ наблюденія за горцами, ставшими на высокой горѣ въ 5-ти верстахъ отъ нашего лагеря. 2-го іюня мюриды заняли, безъ сопротивленія, Кака-Шуру и 3-го числа начали сраженіе: 9 главныхъ наибовъ Шамиля съ 27.000 чел. устремились на слабый нашъ отрядъ, состоявшій въ началѣ боя изъ 1.000 чел., а по полученіи Пассекомъ подкрѣпленія, изъ 1.400 человѣкъ; ободряемые личнымъ примѣромъ генерала, солдаты дрались отчаянно: было отнято знамя даргинскаго народа, 20 значковъ, убито нѣсколько сотенъ горцевъ. Важнѣйшимъ результатомъ этой побѣды было успокоеніе мехтулинскаго и шамхальскаго владѣній, удаленіе акушинцевъ отъ нашихъ границъ и такой упадокъ духа горцевъ, что они отказали въ помощи бывшему султану Элисуйскому, который, вслѣдствіе этого, черезъ 4 дня легко былъ разбитъ на голову генераломъ Шварцомъ. За храбрость въ этомъ дѣлѣ П. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Черезъ три недѣли послѣ этой знаменитой побѣды, Пассекъ съ ввѣреннымъ ему Апшеронскимъ полкомъ участвовалъ въ экспедиціи ген.-отъ инфантеріи Лидерса для покоренія Даргинскаго округа, а затѣмъ вскорѣ корпусной командиръ генералъ Нейдгардтъ поручилъ Пассеку отрядъ изъ 12 баталіоновъ полковъ Апшеронскаго и Минскаго пѣхотныхъ и Житомирскаго, Люблинскаго и Подольскаго егерскихъ,—для наказанія салатавцевъ за измѣны, что было исполнено имъ успѣшно, почти безъ потерь; послѣ этого, 3-го ноября 1844 года Д. В. былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи. Въ 1845 году прибылъ на Кавказъ назначенный главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ и намѣстникомъ кавказскимъ графъ М. С. Воронцовъ. Пассекъ удостоился отъ него самаго лестнаго вниманія. Ободренный привѣтливостью начальства, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала военныхъ дѣйствій. Сдавъ Апшеронскій полкъ своему преемнику, Д. В. отправился къ своей бригадѣ. Вскорѣ наши войска перешли черезъ хребты непроходимыхъ горъ, поражая горцевъ въ неприступныхъ убѣжищахъ на высотахъ Анчимеера и у вратъ Андійскихъ. Послѣ упорнаго боя овладѣли они убѣжищемъ Шамиля и штыками проложили себѣ дальнѣйшій путь, разсѣявъ многочисленныя скопища непріятеля, старавшагося преградить дальнѣйшее наступательное движеніе отряда. Въ этой трудной экспедиціи, Пассекъ находился постоянно въ первыхъ рядахъ. Отброшенный непріятель утвердился въ Ми-

чикальскомъ ущельѣ; его позиція находилась по дорогѣ въ Гумбетъ, куда князь Воронцовъ предполагалъ двинуть войска; въ Гумбетъ, кромѣ этой дороги, можно было пройти еще черезъ Перевалъ-Кыркъ, но послѣдній, по словамъ развѣдчиковъ, былъ до такой степени испорченъ, что считался непроходимымъ, и поэтому горцы ограничились тамъ только наблюдательнымъ постомъ изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Чтобы убѣдиться лично, до какой степени возможенъ былъ переходъ черезъ Перевалъ-Кыркъ, кн. Воронцовъ выступилъ 5-го іюня въ этомъ направленіи, взявъ съ собою небольшой отрядъ войскъ, командованіе которыми ввѣрилъ Пассеку. Движеніе было сдѣлано быстро и довольно скрытно, но когда войска наши появились на высотахъ и стали спускаться къ перевалу, то конныя и пѣшія партіи горцевъ начали поспѣшно стягиваться изъ Мичикальской позиціи, по находящейся противъ Перевала-Кыркъ горѣ Анчимееръ. Д. В. блистательно перешелъ черезъ считавшійся непроходимымъ перевалъ и 5-го іюля овладѣлъ съ бою горою Анчимееръ. По ходатайству Воронцова, П. получилъ за это орденъ Станислава 1-й степени. Занятіе Анчимеерской горы открыло намъ путь въ Салатавію и Гумбетъ. Пассекъ съ авангардомъ изъ пяти баталіоновъ двинулся впередъ противъ значительнаго отряда непріятеля, наблюдавшаго за нашими дѣйствіями, разсѣялъ его и остановился на дорогѣ, ведущей изъ Мичикала черезъ Гумбетъ въ Андію. Между тѣмъ наступила необыкновенная стужа и въ горахъ выпалъ глубокій снѣгъ; несмотря на это, войска шли съ твердостью и 14-го іюня достигли такъ называемыхъ Бурцукальскихъ воротъ, на хребтѣ, отдѣляющемъ Гумбетъ отъ Андіи. Горцы всегда считали эту позицію непреодолимой преградой вторженію русскихъ, и теперь Шамиль объявилъ, что самъ будетъ защищать ее. Но, къ удивленію всѣхъ, онъ отступилъ и расположился съ 5.000—6.000 чел. на горѣ, господствующей надъ главнымъ селеніемъ Андіи. Нашъ отрядъ спустился въ дер. Гогатль, и главнокомандующій приказалъ ген.-лейт. Клюки-фонъ-Клугенау занять сел. Андію съ авангардомъ изъ трехъ баталіоновъ, грузинскою милиціею и частью кавалеріи. Порывъ храбрецовъ былъ такъ стремителенъ, что дѣло окончилось скоро, и горцы поспѣшно отступили. Самъ Шамиль также бѣжалъ и, послѣ тщетнаго истребленія богатыхъ деревень андійскихъ, показалъ разореннымъ племенамъ, что онъ не въ состояніи держаться даже противъ горсти русскихъ. Пассекъ участвовалъ въ этомъ блистательномъ подвигѣ, командуя частями ввѣренной ему бригады, которой безспорно принадлежитъ бо́льшая часть славы этого достопамятнаго дня. 6-го іюля войска выступили изъ Андіи въ Дарго, главное убѣжище Шамиля, куда и прибыли къ вечеру. Во время пребыванія войскъ въ Дарго, отдѣлена была колонна подъ начальствомъ генерала Клюки фонъ-Клугенау, навстрѣчу транспорту, отправленному изъ Андіи съ продовольственными и другими припасами. Авангардомъ этой колонны командовалъ Пассекъ; исполнивъ порученіе, онъ возвращался въ Дарго, но дорогой долженъ былъ выдержать самый упорный натискъ непріятеля; въ этой жестокой схваткѣ генералы Пассекъ и Викторовъ умѣли собственнымъ примѣромъ ободрить подчиненныхъ, но оба со славой пали подъ шашками горцевъ, оставившихъ 400 труповъ на мѣстѣ Тѣло Пассека было поднято и его повезли на лошади; но при наступившей темнотѣ лошадь съ вожатымъ, вѣроятно, были убиты и не возвратились въ Дарго.

Получивъ прекрасное образованіе, П. любилъ литературу и самъ занимался ею; изъ его сочиненій замѣчательно «Сравненіе Карла XII съ Петромъ Великимъ, какъ полководцевъ» первая часть напечатана въ издававшихся его братомъ Вадимомъ «Очеркахъ Россіи», 1840 г., кн. IV; въ «Игрушечкѣ» 1880 г. (№ 32) и 1883 (№ 20) были помѣщены его «Воспоминанія о Сибири и Казани (1826 г)».

«Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», сост. ген.-лейт. Лееромъ. т. V. С.-Пб. 1891 г., стр. 576; «Кавказскій Сборникъ», т. I, стр. 215—236: Отступленіе отъ Хунзаха (1843 г.). Пассекъ; «Нива» 1872 г., № 32, стр. 504—508: Воспоминанія о Слѣпцовѣ и Пассекѣ. К. Бѣлевича; «Русскій Художественный Листокъ», В. Тимма, 1852 г. № 7 (портретъ), 8 и 9, статья А. Вранкена (изъ газеты «Кавказъ»); «Русская Старина» 1876 г., т. XVI, № 6, стр. 309—326: Воспоминанія Т. П. Пассекъ, 1810—1842 гг.; ibid., стр. 351—382: Очеркъ военныхъ дѣйствій и со-

бытій на Кавказѣ; С. Новоселовъ: Кавказцы, или подвиги и жизнь замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ. С.-Пб. 1858 г.

И. Давидовичъ.

Пассекъ, *Петръ Богдановичъ*, сенаторъ, сынъ Богдана Ивановича (см. выше), родился 18-го февраля 1736 года. По тогдашнему обычаю, былъ зачисленъ въ службу еще ребенкомъ (8 лѣтъ)—мушкетеромъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ (30-го сентября 1744 г.), въ который вступилъ лишь придя въ возрастъ. Въ 1761 году, въ чинѣ поручика, онъ былъ командированъ въ Ревель съ манифестомъ о кончинѣ императрицы Елизаветы Петровны и о воцареніи Петра III. Началомъ блестящей служебной карьеры Пассека было его близкое участіе въ дворцовомъ переворотѣ, послѣдствіемъ котораго было воцареніе Екатерины II. Въ заговорѣ этомъ, близко къ которому стоялъ Н. И. Панинъ, Пассекъ наравнѣ съ братьями Орловыми, занялъ видную роль: онъ былъ «главнымъ» въ одномъ изъ четырехъ отдѣловъ, на которые дѣлились участники заговора. Горячность, съ которою Пассекъ принялся за оборудованіе успѣха задуманнаго переворота, была причиной его неосторожнаго поведенія, коимъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе и былъ арестованъ. Арестъ Пассека послужилъ сигналомъ къ началу дѣйствій: 27-го іюня 1762 г. онъ былъ арестованъ, а уже 28-го былъ произведенъ переворотъ. Арестъ его сопровождался слѣдующими обстоятельствами: между солдатами распространился слухъ, будто императрица погибла; 27-го іюня, когда П. находился въ полковой канцеляріи казармъ своего полка, къ нему вошелъ солдатъ и, передавъ дошедшій до него слухъ, сталъ упрекать въ бездѣйствіи, Пассекъ постарался разувѣрить солдата и убѣдить въ ложности этого слуха; однако, несмотря на всѣ увѣренія, тотъ не успокоился, а отъ него отправился къ другому офицеру, капитану Измайлову, которому и выразилъ вновь свои опасенія и при томъ пересказалъ свой разговоръ съ Пассекомъ. Измайловъ, не принадлежа къ числу соумышленниковъ, тотчасъ отправился къ маіору Воейкову и донесъ обо всемъ, что зналъ. Воейковъ немедленно арестовалъ Пассека, а обо всемъ происшедшемъ послалъ донесеніе въ Ораніенбаумъ, къ императору. Когда слухъ объ арестѣ Пассека распространился, соучастники, въ свою очередь, также немедля приступили къ дѣйствіямъ. Находившійся же подъ стражей и отклонившій предложенія солдатъ дать ему свободу, Пассекъ рано утромъ 28-го іюня былъ освобожденъ самой императрицей Екатериной, прибывшей изъ Петергофа въ казармы Измайловскаго полка, и, какъ говорятъ, больше всѣхъ торжествовалъ по пути шествія императрицы въ Казанскій соборъ. Послѣ удавшагося переворота, на сторонниковъ его посыпались разнаго рода милости; въ томъ числѣ и Пассекъ получилъ (3-го августа 1762 года) 24.000 р. и слѣдующій чинъ гвардіи капитана, какъ сказано было въ рескриптѣ—«за отмѣнную службу, вѣрность и усердіе намъ и отечеству; для незабвенной памяти о нашемъ къ нему благоволеніи». Въ томъ же году, 22-го сентября, Пассекъ, въ день коронаціи императрицы Екатерины II, находясь въ Москвѣ, былъ сдѣланъ дѣйствительнымъ камергеромъ, а въ ноябрѣ ему было пожаловано село подъ Москвой и мыза въ Ревельскомъ уѣздѣ съ 250 душами. Указомъ отъ 15-го іюля 1765 года Пассекъ въ числѣ другихъ, бывшихъ при восшествіи императрицы на престолъ, пожалованъ былъ въ награду, единовременнымъ пособіемъ въ 4.000 рублей. Черезъ годъ (16-го іюля 1766 г.), также въ числѣ многихъ лицъ, бывшихъ при переворотѣ, онъ получилъ ежегодный пенсіонъ въ 1.000 рублей; но уже 4-го декабря того же года, согласно прошенію, по болѣзни, уволился съ чиномъ генералъ-поручика, полнымъ окладомъ жалованья и единовременною выдачею ему, сверхъ того, 15.000 рублей изъ императорскаго кабинета «на оплату долговъ». Пробывъ около двѣнадцати лѣтъ вдали отъ служебной дѣятельности, Пассекъ 6-го іюля 1778 г. былъ вновь принятъ на службу и опредѣленъ правителемъ (губернаторомъ) Могилевскаго намѣстничества. Въ этой должности Петръ Богдановичъ пробылъ до 1781 г., когда (2-го іюля) былъ уволенъ безсрочно, «вслѣдствіе надобности въ немъ по другимъ дѣламъ», и опредѣленъ къ присутствію въ 1-й Департаментъ Правительствующаго Сената, откуда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ вновь назначенъ Бѣлорусскимъ генералъ-

губернаторомъ въ Могилевскую и Полоцкую губерніи на мѣсто гр. З. Г. Чернышева. Въ этомъ же году онъ получилъ чинъ полнаго генерала и орденъ Александра Невскаго. Въ должности генералъ-губернатора Пассекъ пробылъ 14 лѣтъ. Ко времени пребыванія въ Могилевскомъ намѣстничествѣ, сначала въ качествѣ губернатора, а впослѣдствіи, вторично, генералъ-губернатора, относятся воспоминанія, служившаго при немъ Гавр. Ив. Добрынина, въ которыхъ не мало мѣста удѣлено характеристикѣ личности Пассека, какъ дѣятеля и человѣка. Съ первыхъ словъ, авторъ воспоминаній характеризуетъ его, какъ «бояроватаго вельможу, въ неоплатныхъ долгахъ». По вступленіи въ должность губернатора, Пассекъ вошелъ въ близкую дружбу съ совѣтникомъ Могилевскаго намѣстничества, Васильемъ Ипатьевичемъ Полянскимъ, человѣкомъ умнымъ и способнымъ, но крайне честолюбивымъ. Эти качества, по мнѣнію Добрынина, сообщали устойчивость дружбѣ между начальникомъ и подчиненнымъ, тѣмъ болѣе усиливавшейся еще и потому, что Пассекъ, который «ничѣмъ не хотѣлъ заниматься, кромѣ картъ, лошадей, любовницы, побочнаго сына и титула губернаторскаго», конечно, сильно нуждался въ такомъ совѣтникѣ. Результатомъ было то, что въ непродолжительномъ времени вся власть и управленіе перешли въ руки Полянскаго, а губернаторъ, какъ ядовито замѣчаетъ авторъ воспоминаній, «желая пользоваться перемѣною воздуха, разъѣзжалъ». Въ этотъ же періодъ губернаторства Пассека, Могилевъ посѣтила имератрица Екатерина II съ императоромъ Іосифомъ II, въ память чего была заложена церковь во имя Св. Іосифа, съ которой случилась слѣдующая, характерная для Пассека, исторія. Она строилась въ теченіе 18-ти лѣтъ, потому что, по свидѣтельству того же Добрынина, губернаторъ «подрядчика по строенію церкви, купца Чирьева почтилъ отличнымъ своимъ покровительствомъ, для того, чтобы онъ тѣмъ же матеріаломъ и работниками отдѣлывалъ ему мызу Пипенбергъ». Выстроена была эта церковь уже тогда, когда порвались отношенія между генералъ-губернаторомъ и подрядчикомъ,—и послѣдній сталъ доносить на своего патрона, а тотъ, въ свою очередь, сдѣлался его «мстителемъ и гонителемъ»: онъ лишилъ его откуповъ и подрядовъ и посадилъ въ тюрьму. Далѣе, изъ переписки одного иностраннаго путешественника, который въ Могилевѣ былъ представленъ генералъ-губернатору, осталось весьма подробная характеристика и описаніе Пассека. «Генералъ Пассекъ», пишетъ онъ, «ростомъ 5 футъ 8 дюймовъ, геркулесовскаго сложенія; лицо его можетъ быть чрезвычайно привѣтливо, взглядъ у него гордый и, покуда онъ не заговоритъ, по выраженію лица можно думать, что онъ уменъ; ему лѣтъ около 60-ти, однако онъ проводитъ ежедневно предъ зеркаломъ часа 2, хотя весь его туалетъ состоитъ въ томъ, чтобы надѣть парикъ, завитой заранѣе».

Въ правленіе Пассека было интересное, въ бытовомъ отношеніи, ходатайство бѣлорусскихъ евреевъ, по примѣру своихъ прибалтійскихъ собратьевъ,—объ ихъ нуждахъ. Евреи подали прошеніе Пассеку, который переслалъ его къ генералъ-прокурору Вяземскому. Евреи ходатайствовали о надѣленіи ихъ нѣкоторыми правами, которыми они не пользовались, какъ не христіане. Сенатъ приказалъ потребовать отъ генералъ-губернатора объясненій на пункты въ прошеніи евреевъ. Какіе отвѣты онъ далъ, подлинно не извѣстно; извѣстно только то, что въ дѣлѣ винокуренія онъ отстаивалъ интересы дворянъ, выразивъ мнѣніе, что они легко могутъ замѣнить евреевъ своими собственными людьми, а что послѣднихъ необходимо выселять изъ деревень и мѣстечекъ, въ интересахъ благосостоянія христіанъ. Вслѣдъ за смертію Екатерины II судьба Пассека обратилась совсѣмъ въ другую сторону. Павелъ I указомъ Сенату отъ 17-го декабря 1796 г. повелѣлъ отставить Пассека отъ службы и запретилъ ему въѣздъ въ обѣ столицы. Вслѣдъ за этимъ, на Пассека посыпались всякія неудачи. Оффиціально раскрылось нѣсколько злоупотребленій, сдѣланныхъ имъ во время правленія его Могилевскимъ намѣстничествомъ, на которыя обратилъ вниманіе самъ императоръ. Такъ, указомъ отъ 10-го октября 1797 г. Павелъ I, препровождая Сенату дошедшую до него жалобу отъ Моргани, урожденной княжны Радзивиллъ, на тянувшееся уже десять лѣтъ дѣло ея

о брилліантахъ, отправленныхъ ею въ С.-Петербургъ для продажи, но задержанныхъ Толочинскою таможнею и, подъ видомъ конфискаціи, перешедшихъ въ руки Бѣлорусскаго генералъ губернатора Пассека, и въ виду того, что это была уже не первая жалоба на конфискацію брилліантовъ, повелѣлъ донести «въ чемъ сіе дѣло состоитъ и зачѣмъ оное остается столь долговременно безъ рѣшенія», а также ускорить его окончаніе. Опала съ Пассека была снята лишь со вступленіемъ на престолъ Александра I: онъ разрѣшилъ ему въѣздъ въ столицу, чѣмъ Пассекъ тотчасъ и воспользовался, вернувшись на житье въ Петербургъ. Но здѣсь уже онъ оставался не у дѣлъ вплоть до своей смерти, послѣдовавшей 22-го марта 1804 г. Погребенъ Пассекъ въ Александро-Невской лаврѣ. Личность П. запятнана его извѣстнымъ возмутительнымъ поступкомъ съ оставленнымъ на его попеченіи племянникомъ В. В. Пассекомъ (см. выше). Съ 1794 по 1797 г. П. носилъ званіе президента Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества, но роли никакой не сыгралъ, такъ какъ за всѣ три года былъ въ собраніяхъ только одинъ разъ

«Высочайшіе указы Сенатскаго Архива», кн. 97, л. 7; кн. 102, л. 93, 326; кн. 115, л. 95—96; кн 119, л. 61; кн. 120, л 241; кн. 141, л. 263; кн. 147, л. 4, 43, 66; кн. 148, л. 90; кн. 149, л 342; кн. 175, л. 65; кн. 181, л. 94; кн. 186, л. 50; «Свѣдѣнія о службѣ П. Б. П.»—въ канцеляріи л.-гв. Преображенскаго полка; «Русская Старина», т.т. V, VIII, XXII, XXXIII, XXXV, LXXX, 1895 г. декабрь, стр. 96; 1896 г. мартъ, стр. 472, 473; 1897 г. августъ, стр. 411; «Записки Добрынина»—«Русская Старина», т. IV. Воспоминанія Т. П. Пассекъ—«Русская Старина» т. XVI, стр. 90, 121 — 123, 344; «Историческій Вѣстникъ» 1884 г., т. 15, стр. 254; «Древняя и Новая Россія» 1876 г., т. I, стр. 170; «Русскій Архивъ» 1867 г., стр. 487; 1873 г., стр. 26; 1876 г., т. II; 1879 г., стр. 364, 365; 1887 г., т. III, стр. 188; 1883 г., т. II, стр. 129; 1894 г., т. I, стр. 156—162, 171, 177, 298, 309, 443, 444, 465. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русскихъ», ч. IV, М. 1836 г.; стр. 128—129; «Дневникъ А. В. Храповицкаго 1782—1793 г.», С.-Пб., 1874 г.; «Родословная книга» князя Лобанова-Ростовскаго, т. II, С.-Пб., 1895 г., стр. 75; «Записки Л. Н. Энгельгардта, 1766—1836 г.». М. 1867 г.; «Архивъ кн. Воронцова», т. V, XII. XIII, XIV, XXIV, XXV; «Исторія Россіи» Соловьева, кн. V; «Камеръ-фурьерскіе журналы» съ 1776 по 1796 г.; «Дѣла Архива Морского Министерства», т. IV; «Архивъ Государственнаго Совѣта: Совѣтъ въ царствованіе Екатерины II», т. I, ч. I, стр. 661, 873, 918, 985, донесенія, т. I, ч. II; «Царствованіе Александра I», т. II; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», тт. 4, 7, 16, 26, 27, 28, 42, 47, С.-Пб.; «Сенатскій Архивъ», т. I, 40, 295, 584. А. И. Ходневъ, «Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества», С.-Пб., 1865 г., стр. 644.

М. Татьевъ.

Пассекъ, *Татьяна Петровна*, рожденная Кучина, писательница; род 25-го іюля 1810 г. въ дер. Новосельѣ, Тверской губ., Корчевскаго уѣзда, умерла 24-го марта 1889 г. въ Петербургѣ. Дѣтство Т. П. провела частью въ с. Карповкѣ и гор. Корчевѣ, частью въ Москвѣ у родныхъ своей матери — княгини Хованской и И. А. Яковлева. Девяти лѣтъ отъ роду она поступила въ московскій пансіонъ г-жи Доннвартъ, а затѣмъ была переведена въ пансіонъ г-жи Воше. По выходѣ оттуда на 12-мъ году, она семь лѣтъ провела въ домѣ И. А. Яковлева, гдѣ тогда жилъ и А. И. Герценъ, ея двоюродный братъ, въ то время студентъ Московскаго университета. Окружавшая Т. П. въ домѣ Яковлева среда, состоявшая изъ ученыхъ, литераторовъ и художниковъ, развила и въ ней любовь къ занятіямъ литературой. Въ 1832 году Т. П. вышла замужъ за Вадима Васильевича Пассека (см. выше). Къ этому времени относятся и первыя ея литературныя работы, которыя были помѣщаемы въ издававшихся ея мужемъ «Очеркахъ Россіи». Затѣмъ она работала въ «Живописномъ Обозрѣніи» Плюшара и, наконецъ, издала имѣвшую въ то время значительный успѣхъ книгу «Чтеніе для юношества». Но эти работы ее не удовлетворяли. По ея обширному литературному образованію и большому уму, ей было нужно болѣе широкое поприще дѣятельности. И вотъ она, при участіи извѣстныхъ въ то время ученыхъ и писателей, выработала программу журнала для матерей «Природа», которая и была представлена на утвержденіе; однако, разрѣшенія издавать журналъ не послѣдовало. Послѣ этого Т. П. занялась переводами для разныхъ журналовъ и изданій. На одиннадцатомъ году супружества она лишилась мужа, и, оставшись съ двумя сыновьями, Александромъ и Владиміромъ, продолжала литературныя занятія. Въ 1859 году она уѣхала съ дѣтьми за границу, гдѣ находилась слишкомъ два года; здѣсь Т. П. понесла тяжелую утрату: въ Парижѣ она лишилась своего любимаго старшаго сына,

По возвращеніи изъ Парижа въ Петербургъ, П. въ 1871 году познакомилась съ М. И. Семевскимъ, редакторомъ-издателемъ «Русской Старины», который пригласилъ ее участвовать въ его журналѣ и помѣстить на его страницахъ составлявшіяся Татьяной Петровной воспоминанія «Изъ дальнихъ лѣтъ». Предложеніе было принято, и «Воспоминанія» съ 1872 года стали печататься въ «Русской Старинѣ», въ 1873 г. были запрещены, но въ 1876 г. снова дозволены къ печатанію. Въ 1878—1879 гг. «Воспоминанія» были выпущены отдѣльнымъ изданіемъ въ двухъ томахъ. Затѣмъ, Т. П. снова задалась мыслью издавать журналъ,—на этотъ разъ уже для дѣтей. Въ 1880 г., 3-го февраля, вышелъ 1-й номеръ ея журнала «Игрушечки». Этотъ журналъ пользовался громкой и вполнѣ заслуженной извѣстностью. Но въ разгаръ его успѣха Т. П. постигло новое горе. Ея второй сынъ, помогавшій ей своими литературными трудами въ изданіи «Игрушечка», тяжело заболѣлъ, и она должна была бросить все и ѣхать съ нимъ за границу, гдѣ онъ скоро и скончался. По возвращеніи изъ-за границы, надорванная горемъ и очень стѣсненная въ средствахъ, Т. П. продолжала свое изданіе «Игрушечки» и довела его 1887 года, когда 1-го октября, передала его своей сотрудницѣ А. Н. Тюфяевой-Толивѣровой (Якоби). Въ послѣдніе годы, при содѣйствіи близкихъ лицъ, Пассекъ предприняла изданіе 3-го тома «Изъ дальнихъ лѣтъ», который окончила за недѣлю до своей кончины. Т. П. обладала здравымъ практическимъ умомъ, но реализмъ ея не былъ грубый: онъ смягчался ея добросердечіемъ и рѣдкою отзывчивостью. Интересъ къ идеѣ гуманности она сохранила до конца своей жизни, до 80-лѣтняго возраста; ея постояннымъ обществомъ были литераторы, которые всѣ любили и уважали эту «литературную бабушку».

«Новое Время» 1889 г., № 4696; «Недѣля» 1889 г., № 14. Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго. С.-Пб. 1888 г., стр. 69 и 132; «Всемірная Иллюстрація» 1889 г., т. XLI, стр. 265—267, ст. Н. Лѣскова; «Историческій Вѣстникъ» 1889 г., т. XXXVI, май, стр. 468; «Изъ раннихъ лѣтъ, изъ жизни дальней». Воспоминанія Т. П. Пассекъ, 1810—1842 гг. — «Русская Старина» 1872, 1873 и 1876 гг. Wahrheit und Dichtung. Статья Д. Голохвастова по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ—«Русскій Архивъ» 1874 г., № 4, стр. 1053—1095; 1876 г., № 6, стр. 231 — 236; Подлевскіе. Сообщилъ А. С. Ломачевскій—«Русская Старина» 1876 г., т. XVII, № 9, стр. 174—175. (По поводу «Записокъ» Т. Пассекъ).

Ив. Давидовичъ.

Пастернацкій, *Иванъ Романовичъ*, врачъ, профессоръ Варшавскаго университета, сынъ священника Минской губерніи, родился въ 1848 г., умеръ 24-го мая 1887 г. Получилъ высшее образованіе въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической академіи, гдѣ въ 1872 г. окончилъ курсъ со званіемъ лѣкаря и въ томъ же году напечаталъ свои первыя научныя работы; служа въ Новогеоргіевскомъ, а затѣмъ въ Уяздовскомъ Варшавскомъ госпиталяхъ, онъ спеціально занимался психіатріей и вскорѣ пріобрѣлъ себѣ научную извѣстность; выдержавъ экзаменъ на степень доктора медицины, онъ (8-го февраля 1876 года) защитилъ въ Варшавскомъ университетѣ диссертацію, въ которой разсмотрѣлъ новѣйшія изслѣдованія по локализаціи мозга и обнародовалъ собственныя наблюденія, касающіяся двигательныхъ центровъ головного мозга. Затѣмъ онъ продолжалъ свою научную дѣятельность и въ 1880 г. былъ посланъ на два года за границу для усовершенствованія; вернувшись въ Россію, онъ до самой своей смерти работалъ въ Варшавскомъ госпиталѣ. Въ 1882 г. Пастернацкій былъ единогласно избранъ медицинскимъ факультетомъ Варшавскаго университета въ званіе приватъ-доцента душевныхъ и нервныхъ болѣзней, затѣмъ получилъ должность штатнаго доцента и тамъ же былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ психіатрической каѳедры. Онъ умеръ въ Варшавѣ, въ полномъ расцвѣтѣ своей научной дѣятельности; на его могилѣ и въ экстренномъ засѣданіи Медицинскаго совѣщанія врачей Уяздовскаго госпиталя были произнесены рѣчи, выдержки изъ которыхъ были напечатаны въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ; авторы ихъ характеризовали П., какъ въ высокой степени добросовѣстнаго и энергичнаго работника, всецѣло преданнаго своему дѣлу; портретъ его былъ повѣшенъ въ отдѣленіи для душевно-больныхъ въ Уяздовскомъ госпиталѣ вмѣстѣ съ серебрянымъ вѣнкомъ, возложеннымъ на него

гробъ больными этого отдѣленія, а на могилѣ былъ поставленъ памятникъ на средства товарищей врачей.

Онъ напечаталъ слѣдующіе труды: «О пользѣ плаванія» въ «Вѣдом. С.-Петербургск. городск. полиціи» 1872 г.; «О питательныхъ свойствахъ: яицъ, молока и мяса» — тамъ же; «Статистическое изслѣдованіе самоубійствъ въ Петербургѣ за 1870—1873 годъ» въ «Медиц. Вѣстн.» 1873 г., № 34—42; «О вліяніи алкоголя на организмъ человѣка» въ «Вѣдом. С.-Петерб. городск. полиціи» 1874 г., № 191 — 192; «Къ вопросу о психомоторныхъ центрахъ головного мозга». Варшава. 1876 г., съ листомъ рисунковъ (докт. диссертація); «Разборъ изслѣдованія П. Ковалевскаго: Состояніе чувства мѣста и тяжести у меланхоликовъ» въ «Медиц Вѣстн.» 1877 г., № 8—11; «По поводу замѣтки В. Я. Данилевскаго», тамъ же, № 38 — 40. (Замѣтка В. Я. Данилевскаго касалась докторской диссертаціи Пастернацкаго); «Вѣнская психіатрическая клиника» и «Объ афазіи» во «Врачѣ» 1880 г., № 35 и 38; «Истеро эпилепсія». Лекціи Шарко по нервнымъ болѣзнямъ въ 1880 г. и лекціи Маньяна по судебной психіатріи и объ алкоголизмѣ», тамъ же 1881 г., №№ 3, 6, 7, 12—14; «О бредовомъ психозѣ, или первичномъ помѣшательствѣ» и «О галлюцинаціяхъ», тамъ же 1882 г., №№ 30, 31, 36 и 37. Это—двѣ пробныя лекціи для полученія званія приватъ-доцента психіатріи въ Варшавскомъ университетѣ; «Анатомическія основы ученія о душевныхъ болѣзняхъ» въ «Медиц. Библіотекѣ» 1882 г., кн. 9 и отд. отт. С.-Пб. 1882 г; «Sur le siège de l'épilepsie corticale et des hallucinations; сообщ. проф. Vulpian'омъ въ 1881 г. въ Парижск. академіи наукъ («Comptes rendus»); «Recherches expérimentales sur l'origine du tremblement qui accompagne les mouvements volontaires», въ «Archiv de physiologie» 1881; «Experimentelle Untersuchungen über das von Grosshirnrinde abhängige Zittern», въ «Jahrb. f. Psych.» 1882 г. и «Le Progrès médical» 1885 г.; «Zum Baue des Hirnschenkelfusses und der Linsenplatte» въ «Archiv f. Psychiatrie» 1888 г.; «Рѣдкій случай большой истеріи», «Къ вопросу о призрѣніи нашихъ душевныхъ больныхъ», «Прогрессивный параличъ умалишенныхъ», «Нравственное лѣченіе психіатровъ», «Извлеченіе изъ отчета», «Судебно-психіатрическій случай» и «Къ вопросу о домахъ умалишенныхъ въ Россіи» — помѣщены въ «Архивѣ Психіатріи» съ 1883 по 1887 г.

Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей; выпускъ VII. М. 1892; «Врачъ» 1887 г., № 25, стр. 503 и 1882 г., № 26. стр. 436; Виларе. Энцикл. мед. словарь, перев. подъ ред. проф. И. Р. Тарханова и д-ра В. Окса С.-Пб. 1893 г. *Н. Кульбинъ.*

Пастуховъ, *Димитрій*, граверъ рѣзцомъ XVIII вѣка. Происходя изъ купеческой семьи, онъ сдѣлался іереемъ и работалъ, въ качествѣ гравера, для фабрики Артемьева въ Москвѣ, при чемъ подписывалъ свои произведенія или полнымъ именемъ, или иниціалами: ід, па, пд, р. дп. Изъ произведеній его извѣстны: громадный видъ Соловецкаго монастыря, гравированный на шести доскахъ; 54 картинки въ лицевую Библію, состоящую изъ 60 картинокъ въ малую четверку, 1760 — 1763 г.; «Сусанна и старики»; «Моисей передъ купиной»; «Матерь Божія»; «Моленіе о чашѣ»; «Преп. Никола Святоша»; «Святый митрополитъ Димитрій, Ростовскій Чудотворецъ»; «Св. вкм Варвара»; «Видъ крѣпости и торговой площади города Тулы отъ Оружейнаго завода», съ рисунка Болотова-сына, и 39 листовъ «Рисовальной азбуки», съ изображеніемъ человѣческаго лица и тѣла и съ другими картинками, на первомъ листѣ которой помѣчено: «делано при фабрике изобретателя тушеванно тисненнаго искуства михаилы артемова резалъ дмитрей пастуховъ».

Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки, т. III и IV; Болотовъ. Записки; А. П. Новицкій. Къ исторіи русской гравюры—«Русск. Архивъ» 1893 г., т. II, стр. 302; Д. А. Ровинскій. Словарь русскихъ граверовъ, т. II, стр. 759—760. Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. II, вып. I, стр. 49—50. *А. Новицкій.*

Пастуховъ, *Петръ Ивановичъ*, сенаторъ, родился 9-го января 1732 года. Образованіе получилъ въ Сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ который поступилъ 13-ти лѣтъ въ 1745 году. Въ 1761 году Пастуховъ былъ выпущенъ поручикомъ арміи и, въ числѣ другихъ, былъ оставленъ при корпусѣ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ своего пре-

бываніе въ корпусѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ издававшемся при корпусѣ журналѣ «Праздное время, въ пользу употребленное». Журналъ этотъ выходилъ еженедѣльно и просуществовалъ съ января 1759 года по декабрь 1760 года. Петръ Ивановичъ помѣщалъ въ немъ, главнымъ образомъ, оригинальныя статьи, но были также, компилятивныя и переводныя. Изъ 40 статей, помѣщенныхъ имъ въ III и IV частяхъ «Празднаго Времени», только 4 статьи переведены съ нѣмецкаго. Въ статьяхъ своихъ Пастуховъ затрагивалъ вопросы воспитанія, напр. въ статьяхъ: «О худомъ воспитаніи большихъ сыновей дворянъ, живущихъ въ деревнѣ съ примѣромъ хорошаго воспитанія сына Евдокса и дочери Леонтины», «О презрѣніи училищъ», «О презрѣніи рукодѣлій и художества». Другія статьи его были чисто нравоучительнаго характера: «О притворствѣ», «Нравоучительныя правила» наконецъ, были статьи изъ миѳологіи, какъ, напримѣръ: «Плутонъ, подземный богъ, Прозерпина, его супруга и Протезилай умершій», «Миносъ, Адскій судья и Сострат Разбойникъ», «Лукреція, Клеопатра и Прозерпина» и другія. Съ прекращеніемъ журнала окончилась и литературная дѣятельность Пастухова. По окончаніи корпуса, какъ уже было упомянуто выше, онъ занялся педагогической дѣятельностью. 16-го іюня 1762 года П. былъ пожалованъ въ маіоры арміи и назначенъ былъ «быть при воспитаніи цесаревича (Павла Петровича) субъинформаторомъ»; 22-го сентября 1773 г. онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и получилъ назначеніе быть при особѣ императрицы для принятія подаваемыхъ на высочайшее имя прошеній; въ этой должности кабинетъ-секретаря онъ пробылъ больше 20-ти лѣтъ. 9-го іюля 1779 года, будучи камеръ-юнкеромъ, П. былъ отправленъ въ свитѣ навстрѣчу принцессѣ Софіи-Доротеѣ Вюртембергской, будущей великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, въ городъ Мемель—«для обученія ея дорогой русской азбукѣ; и впослѣдствіи, уже въ бытность ея императрицей, онъ продолжалъ давать ей уроки русскаго языка. Въ 1782 году П. былъ избранъ въ особую коммиссію для устройства въ Россіи народныхъ школъ, образованную подъ предсѣдательствомъ тайн. сов. П. В. Завадовскаго. Назначеніе этой коммиссіи состояло «въ приготовленіи хорошихъ учебныхъ книгъ, въ образованіи способныхъ и надежныхъ преподавателей и въ устройствѣ народныхъ училищъ на основаніи современныхъ педагогическихъ началъ». 24-го октября 1786 года П. былъ назначенъ предсѣдателемъ въ особо образованномъ при вышеупомянутой коммиссіи комитетѣ, въ составъ котораго вошли надворные совѣтники Кохъ и Туманскій. На этотъ комитетъ было возложено издательство учебныхъ пособій для будущихъ гимназій и университетовъ. Образцами для этихъ работъ служили австрійскіе учебники; однако; всѣ работы комитета оказались безполезными, такъ какъ учебники къ тому времени, когда въ нихъ явилась надобность, уже устарѣли. 7-го ноября того же 1782 года коммиссія для устройства школъ въ полномъ составѣ, а въ томъ числѣ и Пастуховъ, вошла въ другую коммиссію, которой было поручено, вслѣдствіе столкновеній академиковъ съ директоромъ Домашневымъ, «разсмотрѣть всѣ установленія здѣшней Академіи Наукъ и на какомъ ей быть основаніи, сочинить новые проекты уставы и штаты». Въ эту коммиссію вошли также: генералъ-прокуроръ кн. А. А. Вяземскій и т. сов. гр. Ал. Ром. Воронцовъ.

Въ 1778 голу Пастуховъ былъ пожалованъ званіемъ камергера, а 21-го мая 1779 года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. 28-го іюня 1786 года П. былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ и назначенъ къ присутствію въ Сенатъ, въ 3-й департаментъ, въ то же время оставаясь при Кабинетѣ у принятія прошеній. Въ 3-мъ департаментѣ П. пробылъ до 3-го іюля 1795 года, когда состоялся его переводъ въ 4-й департаментъ. 27-го ноября 1796 года П. получилъ отъ императора Павла въ вѣчное и потомственное владѣніе 1088 душъ въ Литовской губ., а 5-го апрѣля 1797 года произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и пожалованъ 800-ми душами въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи; наконецъ, въ той же губерніи получилъ еще 45 душъ 13-го февраля 1798 года.

Умеръ Пастуховъ 11-го ноября 1799

года и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

В. Саитовъ. Петерб. некрополь. М. 1883 г.; «125-ти-лѣтній юбилей 1-го кадетскаго корпуса». С.-Пб. 1857 г., стр. 28; А. Вороновъ: «Ѳ. И. Янковичъ-де-Мириево», С.-Пб. 1858 г., стр. 90 и 141; «Русская Старина», т. IX. стр. 525; 1896 г., сентябрь, стр. 490; «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 829; 1881 г., стр. 423; 1889 г. III, стр. 517; «Архивъ князя Куракина», стр. 257; 26; 62; 63; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г.», стр. 15; «Камеръ-Фурьерскіе журналы» съ 1776 по 1799 годъ; «Дѣла Архива Морского Министерства» 4 т.; «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества», т. 1, 23, 26, 27, 28; «Сенатскій Архивъ»—I—Именные указы императора Павла I, стр. 16, 144, 157, 204, 234, 351; А. А. Палицынъ. «Посланіе къ Привѣтѣ», Харьковъ. 1807 года, стр. 14; А. Н. Неустроевъ. «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703 — 1802 г., стр. 477. С.-Пб. 1898 г.; Л. Н. Майковъ. «Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII ст., С.-Пб. 1889 г., стр. 396; Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеч. изъ «Архива М. Н. Пр.», т. I. С.-Пб. 1893 г.

М. Леонидовъ.

Пасхаловъ, *Викторъ Никандровичъ*, композиторъ. Происходилъ изъ дворянской семьи, род. 18-го апрѣля 1841 г. въ г. Саратовѣ; двѣнадцати лѣтъ поступилъ въ мѣстную гимназію, которую кончилъ въ 1860 г., затѣмъ нѣкоторое время слушалъ лекціи въ Казанскомъ университетѣ. Еще въ гимназіи все свободное время П. посвящалъ музыкѣ, къ которой чувствовалъ призваніе съ самаго ранняго возраста. Будучи принужденъ оставить университетъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, П. рѣшилъ всецѣло посвятить себя музыкѣ и съ этою цѣлью поступилъ въ Московскую консерваторію, но чрезъ два года былъ исключенъ изъ нея вслѣдствіе недоразумѣній съ Н. Г. Рубинштейномъ. Тогда П. уѣхалъ въ Парижъ и поступилъ вольнослушателемъ въ мѣстную консерваторію, въ которой пробылъ 4 года. Въ Парижѣ П. пришлось терпѣть самую крайнюю нужду: онъ жилъ чуть не на чердакѣ, занималъ уголъ въ семьѣ какого-то захудалаго портного и голодалъ по нѣсколько дней до потери сознанія. Въ одну изъ такихъ голодовокъ П. написалъ музыку на слова Томаса Гуда «Пѣсня о рубашкѣ»—по отзывамъ, лучшее изъ произведеній этого композитора (осталось ненапечатаннымъ). По возвращеніи на родину П. поселился въ Казани и сталъ давать уроки музыки. Въ 1875—1876 гг. онъ жилъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ завѣдывалъ безплатными курсами пѣнія въ Соляномъ Городкѣ, а затѣмъ снова поселился въ Казани, занимаясь частными уроками. Въ 1881 г. П. сталъ завѣдывать безплатной школой Казанскаго кружка любителей музыки, но чрезъ полтора года оставилъ эту школу, а вскорѣ потомъ пересталъ давать и уроки. Около 1880 г. П. началъ писать оперу «Винокуръ-Бѣдокуръ» на сюжетъ изъ русскихъ сказокъ (либретто сочинилъ Бугульминскій), но работа шла вяло, съ большими перерывами; самъ композиторъ былъ недоволенъ ею и сжегъ предъ смертью.

П. написалъ цѣлый рядъ романсовъ, изданныхъ фирмой Бесселя, Гутхейля и Юргенсона. Лучшіе изъ этихъ романсовъ: «Дитятко, милость Господня съ тобой» (самый популярный); «Я-ль не люблю тебя, дѣвушка милая»; «Протоптала я дороженьку», «Подъ душистою вѣткой сирени», «Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ», «Съ тѣхъ поръ какъ я одинъ», «Когда я умру», «Слышишь ли, милый», «Къ страданьямъ чужимъ», «Прости мнѣ», «Нивушка», «Сбылись ожиданья», «Ты не спрашивай», «Отчего тяжело мнѣ», «Спасибо, добрая моя», «Зашумѣла, разгулялася», «Что, моя милая», «Богъ съ тобой», «Я плачу», «Дай на тебя наглядѣться» и др. Музыка романсовъ П. отличается большею частью грустно-элегическимъ характеромъ; иногда сказывается подражаніе русской народной пѣснѣ, поклонникомъ которой былъ композиторъ. Послѣдніе годы жизни П. провелъ въ самой тяжелой нищетѣ. Страдая несчастнымъ пристрастіемъ къ вину, онъ потерялъ частные уроки, доставлявшіе ему средства къ жизни, романсы же запродавались имъ издателямъ за безцѣнокъ. Композиторъ впалъ въ нервное удрученное состояніе и покончилъ жизнь самоубійствомъ (1-го марта 1885 г.): его нашли повѣсившимся въ своей комнатѣ.

А. И. Рубецъ, «Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей», С.-Пб. 1886 г. Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. V, С.-Пб. 1888 г. И. Астраханъ, Викторъ Никандровичъ П. («Волжскій Вѣстникъ» 1885 г., № 56); Н. Бугульминскій, Либретто и планъ оперы П. «Винокуръ-Бѣдокуръ» (ib. № 61); А. А. Викторъ Никандровичъ П. какъ человѣкъ—изъ

воспоминаній о покойномъ (ib., № 67); М. Правдинъ, «Надъ гробомъ П.» — экспромтъ (ib., № 50); Некрологи и замѣтки: «Волжскій Вѣстникъ» 1885 г., №№ 49, 52 и 101; «Нувеллистъ» 1885 г., № 4; «Казанскій Биржевой Листокъ» 1885 г., №№ 26 и 27; «Библіографъ» 1885 г., № 4; «Суфлеръ» 1885 г., №№ 19 и 21; «Казанскія Губ. Вѣдом. 1885 г., № 26; «Историческій Вѣстн.» 1893 г., т. LIII, стр. 842 (о его могилѣ) и 1898 г., т. LXXIII, стр. 167—168.

К. І. Храневичъ.

Пасынковъ, *Кириллъ Михайловичъ*, контръ-адмиралъ, внукъ генералъ-цейхмейстера Ѳ. И. Пасынкова, сынъ Грязовецкаго уѣзднаго предводителя дворянства Михаила Ѳедоровича П., род. въ Вологодской губерніи 1-го октября 1820 г.; воспитывался въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ (съ 1833 г.), откуда выпущенъ былъ мичманомъ въ 8-й флотскій экипажъ 21-го декабря 1839 г.; въ 1848 г., въ чинѣ лейтенанта (съ 1843 г.); назначенъ былъ командиромъ яхты Императорскаго яхтъ-клуба «Александра», съ которой былъ въ Бѣломъ морѣ, Сѣверномъ океанѣ и Нѣмецкомъ морѣ, затѣмъ въ 1854 г. назначенъ командиромъ тендера «Копчикъ» съ переводомъ въ 23-й флотскій экипажъ, гдѣ командовалъ батареей; въ 1855 г. П. былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты, въ слѣдующемъ году получилъ въ командованіе сперва винтовую канонерскую лодку «Лѣшій», а затѣмъ шхуну «Градъ». Затѣмъ П. служилъ въ 17-мъ, 25-мъ и 26-мъ экипажахъ (въ 1857—1858 г.), а въ 1859 г. назначенъ былъ младшимъ помощникомъ капитана надъ Кронштадтскимъ портомъ, въ 1862 г. произведенъ въ капитаны 2-го, а въ 1866 г.—въ капитаны 1-го ранга. Въ 1872 г. (15-го февраля) К. М. Пасынковъ произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, а черезъ мѣсяцъ 15-го февраля 1872 года скончался въ Кронштадтѣ, гдѣ и погребенъ.

Пасынковъ началъ плаванія въ 1838 году, еще будучи кадетомъ, въ Балтійскомъ морѣ и съ тѣхъ поръ ежегодно въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы несъ службу на разныхъ судахъ, при чемъ въ 1841 г. онъ ходилъ къ берегамъ Даніи и Голландіи, въ 1845 г. плавалъ въ Бѣломъ морѣ, а въ 1855 г., состоя съ 1854 г. командиромъ батареи № 1 въ Ревельской военной гавани, былъ въ перестрѣлкѣ, происшедшей 8-го іюля между батареей Сѣвернаго Больверка той же гавани и англійскою 3-хъ мачтовою паровою канонерскою лодкою, гнавшеюся по рейду за вольными нашими судами, которыя направлялись въ Ревельскую гавань.

Въ «Морскомъ Сборникѣ» 1859 года (т. XLII, № 7 и 8) К. М. Пасынковъ помѣстилъ «Извѣстія» о плаваніи транспорта «Нѣманъ» подъ его командою; отчетъ этотъ присланъ имъ былъ изъ Копенгагена.

Формул. списокъ и метрика рожденія въ Архивѣ Департамента Герольдіи Правит. Сената; И. Петровъ. Указатель статей «Морского Сборника», С.-Пб. 1875 г., № 12486; Сообщеніе дочери адмирала—А. К. Пасынковой.

Б. Гарскій.

Пасынковъ, *Лаврентій*, жилецъ Московскій, въ 1679 году посланъ былъ съ государевой грамотой въ Малороссію (въ Путивль и другіе города), къ воеводамъ, оборонявшимъ въ этомъ году Малороссію отъ вторженія непріятеля. Съ нимъ же послана была этими воеводами въ Разрядъ и перечневая роспись боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ и количества войскъ, находившихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ 1681 году П. получилъ порученіе доставить хлѣбъ на Донъ къ казакамъ, но за болѣзнью, случившейся съ нимъ во время пути, не могъ доставить порученное и остался въ г. Новосилѣ. Въ слѣдующемъ 1682 году на него была подана жалоба отъ донскихъ казаковъ «о недовезенномъ хлѣбѣ». По наведеніи слѣдствія и выяснилась причина. Въ 1683 году онъ былъ капитаномъ московскихъ стрѣльцовъ.

Разрядныя книги, изд. II отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріей 1853—55 г., т. II, стр. 1209, 1254, 1255, 1306, 1310, 1317, 1318, 1333, 1343, 1346, 1348, 1359; Доп. къ Акт. Истор., т. X, стр. 75, 76, 144. Русск. Истор. Библіот., т. XI, стр. 426, 427, 448, 477, 479, 484, 493—495, 497, 501.

Н. Воронковъ.

Пасынковъ, *Николай Ѳедоровичъ*, Костромской гражданскій губернаторъ, сынъ генералъ-цейхмейстера Ѳ. И. Пасынкова (см. ниже). Родился въ 1769 г.; поступивъ 28-го марта 1781 г. кадетомъ въ Морской корпусъ, П. 1-го мая 1783 г. былъ выпущенъ изъ гардемаринъ во флотъ мичманомъ и ровно черезъ три года произведенъ былъ въ лейтенанты. Въ 1788 — 1790 г., во время Шведской войны, онъ участвовалъ въ четырехъ сраженіяхъ съ шведскимъ флотомъ; за-

тѣмъ, 1-го января 1796 г. получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта, 24-го марта 1798—капитана 2-го ранга, 28-го ноября 1799—капитана 1-го ранга, а въ 1806 г. (17-го января) вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ капитанъ-командора и съ пенсіей. За время своей морской службы, П. сдѣлалъ 20 кампаній и былъ въ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Средиземномъ моряхъ и въ Сѣверномъ океанѣ. Уже 16-го августа 1807 г. П., по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ былъ Костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. На этой должности онъ долгое время служилъ счастливо, получилъ въ 1810 г. орденъ Анны 1-й степени, но въ 1815 или началѣ 1816 г. былъ отданъ подъ судъ, по обвиненію въ лихоимствѣ; въ 1827 г. онъ проживалъ въ Петербургѣ, но, по свидѣтельству гр. М. В. Толстого, такъ и умеръ (до 1837 г.), находясь подъ судомъ.

Архивъ Департ. Герольдіи; Общій морской списокъ. Ч. IV, С.-Пб. 1890 г.; Сенатскій Архивъ, формулярные списки по Костромской губерніи 1813 г., № 84, л. 2; Архивъ капитула орденовъ; Адресъ-календари 1814—1816 г.; «Русск. Архивъ» 1881, ч. I, стр. 272, 273 (Записки гр. М. В. Толстого); «Русскій Вѣстникъ» 1895 г., № 6, стр. 9; «Взглядъ на мою жизнь» И. И. Дмитріева, въ собр. соч., 1893 г., т. II, стр. 97—98.

Б. Львовъ.

Пасынковъ, *Ѳедоръ Ивановичъ*, генералъ-поручикъ, флота генералъ-цейхмейстеръ, изъ коренныхъ дворянъ Костромской губ., сынъ Ивана Евстафьевича П., род. въ 1720 г. Въ 1737 г. П. опредѣленъ былъ ученикомъ въ Морскую академію, откуда черезъ два года былъ выпущенъ канониромъ въ морскую артиллерію; служа здѣсь, П. проходилъ чины сержанта (1741), подконстапеля (1746), констапеля (1752), унтеръ-лейтенанта (1755), лейтенанта (1756); затѣмъ, 31-го марта 1758 г. произвенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты, затѣмъ—въ капитаны 3-го (1762) и 2-го (12-го ноября 1764 г.) ранга. Въ 1766 году (21-го апрѣля) П. былъ назначенъ испр. должн. совѣтника, черезъ три года (1769) утвержденъ въ ней, а 7-го іюля 1776 г. назначенъ «морской артиллеріи цейхмейстеромъ ранга бригадирскаго», 1-го января 1779 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры морской артиллеріи, а 21-го апрѣля 1785 г. назначенъ флота генералъ-цейхмейстеромъ; занимая этотъ отвѣтственный постъ, онъ 22-го сентября 1786 г. получилъ орденъ Владиміра 2-й степени. Произведенный 22-го сентября 1787 г., въ генералъ-поручики, П. 14-го апрѣля 1789 г. былъ уволенъ отъ службы «за старостію» съ пенсіей получавшагося имъ жалованья. Въ 1797 году императоръ Павелъ пожаловалъ ему, за прежнюю усердную службу, 400 душъ крестьянъ въ Плескомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, въ селѣ Никифоровѣ съ деревнями. Пасынковъ прошелъ на практикѣ всю трудную службу морского артиллериста; съ 1740 г. онъ находился постоянно въ плаваніяхъ и различныхъ командировкахъ; такъ, съ 1741 по 1746 г. онъ былъ «при магазинахъ у содержанія прихода и расхода», а въ 1746 г. посланъ былъ въ Ярославль, для прожитія тамъ и отвоза въ Архангельскъ, на вновь построенные корабли, артиллерійскихъ орудій; здѣсь П. провелъ 1747—1749 г., когда вернулся въ Кронштадтъ, чтобы въ будущемъ 1750 году снова отправиться въ Архангельскъ на 4 года. Въ 1761 г. П. находился въ морскомъ сраженіи у Кольберга, гдѣ отличился своей искусной стрѣльбой, затѣмъ вернулся въ Петербургъ и до 1765 г. присутствовалъ въ качествѣ члена въ Артиллерійской экспедиціи, а затѣмъ былъ опредѣленъ главнымъ командиромъ артиллеріи Кронштадтскаго порта; 1768—1770 г. онъ провелъ въ командировкѣ въ Сибирь, на литейныхъ заводахъ, для наблюденія за изготовленіемъ артиллерійскихъ орудій; вернувшись въ Кронштадтъ въ 1770 г., П. снова занялъ должность командира мѣстной морской артиллеріи; онъ оставилъ этотъ постъ въ 1776 г., когда былъ назначенъ цейхмейстеромъ морской артиллеріи.

Выйдя въ отставку, П. поселился въ своемъ родовомъ имѣніи—селѣ Хвостовѣ, Буевской округи (нынѣ Нерехотскій уѣздъ), пожалованномъ за службы его предкамъ. Умеръ онъ 22-го марта 1802 г. въ Костромѣ.

Архивъ Департ. Герольдіи: Дѣло Пасынковыхъ по Костромск. губ. 1858 г., л. 25, 26, 28 и др. и Книга рѣшенныхъ дѣлъ, № 127, лл. 6—8; Архивъ Капитула Орденовъ; Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства, т. III, С.-Пб. 1882, стр. 625, 639, 643, 650, 667; т. V, С.-Пб., 1888,

стр. 111, 599, 600, 601, 659, 790, 816, 872; т. VIII, С.-Пб. 1898, стр. 400, 409, 451, 454, 471 и 517; А. Кротковъ. Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ. С.-Пб. 1894, стр. 403; Общій морской списокъ, ч. II, С.-Пб. 1885 г., стр. 317. *Б. Львовъ.*

Пасютевичъ, *Ксаверій*, врачъ; родился въ 1832 г. въ Люблинской губерніи; окончивъ мѣстную гимназію, онъ поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ былъ удостоенъ лѣкаря съ отличіемъ (1853 г.). Былъ сотрудникомъ журнала «Tygodnik lekarski», въ которомъ помѣстилъ двѣ работы: «Przypadek nosacizny» и «O skuteczności kamfory w czarnéj kroście». Въ 1863 г. онъ издалъ въ Варшавѣ изслѣдованіе: «O wrzodach na goleni», по защитѣ котораго удостоенъ былъ степени доктора медицины Варшавской Медико-хирургической академіи. Умеръ 26-го іюля 1887 г. въ Новой-Александріи.

Ѳ. Ф. В.

Патаніоти 1-й, *Константинъ Юрьевичъ*, вице-адмиралъ, членъ Адмиралтействъ-Совѣта—см. выше, стр. 173—174: **Панаіотти**, какъ онъ иногда именовался въ оффиціальныхъ бумагахъ. Къ библіографіи о немъ слѣдуетъ прибавить:

«Общій Морской Списокъ», ч. IV, С.-Пб. 1890 г., стр. 533—537; «Морской Сборникъ» 1861 г., т. LV, № 9, ч. неофф., стр. 141; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», С.-Пб. 1894 г.

Патаніоти 2-й, *Николай Юрьевичъ*, контръ-адмиралъ, командиръ Дунайскихъ портовъ и 3-й бригады 5-й флотской дивизіи, братъ предыдущаго. Вступилъ въ службу въ 1796 г. волонтеромъ въ Черноморскій флотъ и, произведенный въ слѣдующемъ году въ гардемарины, въ 1799 году совершилъ свое первое заграничное плаваніе на фрегатѣ «Іоаннъ Златоустъ», а въ 1801 г. (9-го мая) получилъ чинъ мичмана. Затѣмъ П. плавалъ съ 1802 по 1809 г. въ Средиземномъ и Адріатическомъ моряхъ на фрегатѣ «Михаилъ» и другихъ судахъ. Въ 1809 г. произведенъ въ лейтенанты, а въ слѣдующемъ году возвратился сухимъ путемъ изъ Тріеста въ Николаевъ и немедленно на кораблѣ «Ратный» пошелъ къ Турецкимъ берегамъ до Анапы и Варны, затѣмъ возвратился въ Севастополь, а оттуда въ Трапезонтъ. Проплававъ на разныхъ судахъ 1812—1818 гг., П. въ 1819 г. получилъ чинъ капитанъ-лейтенанта и назначенъ былъ и. д. капитана Карантиннаго порта въ Одессѣ, гдѣ и пробылъ до конца этого года, а затѣмъ, по распоряженію главнаго командира Черноморскаго флота, опредѣленъ былъ командиромъ транспортной флотиліи изъ 12 судовъ, назначенной для перевезенія провіанта въ Мингрельскіе и Крымскіе магазины подъ начальствомъ графа А. Ѳ. Ланжерона. Въ 1820 году П. былъ переведенъ въ 36-й флотскій экипажъ, а въ слѣдующемъ году, за мужество, оказанное въ Евпаторійскомъ портѣ при спасеніи погибавшихъ въ штормѣ семи матросовъ, а въ Одессѣ 12 человѣкъ, получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени. Переведенный въ 1825 году въ 39-й флотскій экипажъ, онъ снова былъ назначенъ командиромъ транспортной флотиліи для перевоза провіанта, и въ это время получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени. Въ 1827 г. П. произведенъ былъ въ капитаны 2-го ранга и назначенъ командиромъ 42-го флотскаго экипажа, съ которымъ былъ отправленъ къ крѣпости Измаилу, гдѣ и находился въ 1828 г., съ начала Турецкой войны, для приготовленія разныхъ вспомогательныхъ боевыхъ средствъ; участвуя въ сраженіяхъ съ турками 27 го—30-го мая, Патаніоти былъ раненъ въ лѣвую сторону шеи и въ лѣвую руку во время высадки десанта и наводки моста близъ крѣпости Исакчи. За выказанную здѣсь храбрость П. былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость», а экипажъ его получилъ знакъ отличія на кивера. Затѣмъ П. былъ въ сраженіяхъ при Тульчѣ и при Силистріи. Въ слѣдующемъ, 1829 г. состоялось назначеніе капитана Патаніоти командиромъ 34 го флотскаго экипажа и 84-хъ-пушечнаго корабля «Чесма»; принявъ послѣдній, онъ отправился въ г. Сизополь для соединенія съ эскадрою контръ-адмирала Кумани, а затѣмъ крейсеровалъ отъ Сизополя до Ахтиболя и Ніады, и далѣе—до Константинопольскаго пролива и Пендераклія. По возвращеніи въ Сизополь, П., назначенный командиромъ 110-ти-пушечнаго корабля «Императоръ Францъ», остался въ этомъ городѣ для защиты его отъ могущихъ быть нападеній. Въ 1832 г. Патаніоти исправлялъ должность начальника флота

въ Николаевѣ, произведенъ былъ въ контръ-адмиралы, переведенъ въ Кронштадтъ начальникомъ 1-й бригады 2-й флотской дивизіи и слѣдующіе годы совершалъ разныя плаванія по Балтійскому морю. Въ августѣ 1835 г. онъ назначенъ былъ командиромъ 1-й бригады 4-й флотской дивизіи съ переводомъ въ Севастополь, плавалъ ежегодно въ Черномъ морѣ, пока въ 1837 г. не былъ опредѣленъ командиромъ Дунайскихъ портовъ и 3-й бригады 5-й флотской дивизіи. Въ этомъ званіи онъ и умеръ 23-го февраля 1838 г.

«Записки Ученаго Комитета Морского Министерства» 1838 г., ч. XIV, стр. 369—376; «Общій Морской Списокъ», т. VIII, С.-Пб. 1894 г., стр. 19—21; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ», С.-Пб. 1894 г. *Б. Гарскій.*

Патерсенъ, *Веньяминъ*, живописецъ и граверъ, англичанинъ, родомъ изъ Варберга. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ 1787 году, по крайней мѣрѣ, въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» этого года находится его публикація, что онъ пишетъ портреты и историческія пьесы масляными красками и карандашомъ рисуетъ. Спустя четыре года, онъ женился на Кексгольмской уроженкѣ, дѣвицѣ Христинѣ Юліевнѣ Тильманъ; а въ 1798—1800 гг. былъ занятъ исполненіемъ видовъ Петербурга, при чемъ за каждый видъ получалъ по семи сотъ рублей. Изъ гравюръ его извѣстны: «Sur le bord de la Néva à St.-Pétersbourg»; «La statue équestre de Pierre le Grand à St.-Pétersbourg»; «La statue de Souvoroff et l'obélisque de Roumiantzef à St.-Pétersbourg»; и «Vue de la grande parade au Palais de l'Empereur Alexandre I à St.-Pétersbourg». Первая изъ нихъ имѣетъ дату 1799 г., вторая — 1807 г., а послѣднія двѣ—1815 г.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1787 г., стр. 97; П. Н. Петровъ. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», т. I, стр. 575; Д. А. Ровинскій. «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», т. I, III и IV; Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. I, стр. 50—51.

А. Новицкій.

Паткановъ, *Керопэ Петровичъ*, оріенталистъ. Родился въ Нахичевани на-Дону 4-го мая 1833 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 2-го апрѣля 1889 г. Происходилъ изъ армянскаго рода, давшаго многихъ выдающихся лицъ на поприщѣ литературной и общественной дѣятельности. Предокъ К. П., Теръ-Петросъ Минасибъ былъ священникомъ армянской церкви въ Константинополѣ (1678—1744). Сынъ послѣдняго, Петросъ, тоже священникъ, членъ національнаго совѣта при патріархѣ, знатокъ арабскаго и турецкаго языковъ, далъ хорошее образованіе своимъ дѣтямъ, изъ которыхъ Михаилъ, женившійся на дочери богатаго итальянца Рестэна и унаслѣдовавшій его фамилію, прославился своимъ трехтомнымъ «Врачебникомъ Рестэнъ», а Серафимъ съ дѣтства предназначался къ поступленію въ монахи ордена Мхитаристовъ въ Венеціи, но не имѣя склонности къ такой дѣятельности, переѣхалъ въ Россію, былъ учителемъ въ Астрахани, сочинялъ пѣсни, изданныя впослѣдствіи подъ заглавіемъ «Пѣсни Серовпе Варжапета Патканьяна». Изъ сыновей Серафима особенною извѣстностью пользуется Гавріилъ, магистръ богословія и армянской словесности, проповѣдникъ, редакторъ-издатель газ. «Араратъ», отецъ популярнѣйшаго и талантливаго армянскаго поэта Рафаэла Патканяна, (см. ниже). Другой сынъ Серафима, Петръ, отецъ К. П., былъ священникъ, энергичный проповѣдникъ христіанской религіи между армянами, жившими среди черкесъ и утратившими христіанство: онъ учредилъ школу въ Армавирѣ. Мать К. П. была дочь Аламдаряна, извѣстнаго составителя «Россійско-армянскаго словаря» (1821) и дѣятельнаго сотрудника католикоса Нерсеса Аштаракскаго въ дѣлѣ учрежденія духовной семинаріи въ Тифлисѣ.

Первоначальное образованіе К. П. получилъ въ Ставропольской гимназіи, откуда перешелъ въ Лазаревскій институтъ на стипендію С.-Петербургской армянской церкви. По окончаніи курса въ Лазаревскомъ институтѣ, Паткановъ пробылъ еще нѣкоторое время на камеральномъ факультетѣ Дерптскаго университета, при чемъ успѣлъ изучить нѣмецкій языкъ и настолько пристраститься къ нѣмецкой литературѣ, что сталъ дѣлать переводы сочиненій Гёте, Шиллера и др. Въ 1853 г. П. перевелся на историческій разрядъ филологическаго факультета Педагогическаго института, въ которомъ предался изученію литературъ русской, французской, нѣ-

мецкой, англійской и итальянской. Въ эту раннюю пору студенческой жизни въ К. П. особенно проявилась его поэтическая натура, которою въ большей или меньшей степени были одарены многіе представители его рода. Онъ сочинилъ много пѣсенъ, которыя, по новизнѣ своей, быстро получили широкое распространеніе среди учащейся армянской молодежи. Изящны въ особенности стихотвореніе «Верджинъ Вардъ» («Послѣдняя Роза»), посвященное женѣ его, когда она была невѣстою, и «Не для меня придетъ весна». По окончаніи университета въ 1857 г., К. П. сталъ преподавать русскую словесность въ Закавказскомъ Дѣвичьемъ Институтѣ и, одновременно съ этимъ, сталъ изучать всеобщую исторію и армянскую литературу; послѣдняя, занимая, по обилію сохранившихся памятниковъ, почетное мѣсто въ ряду литературъ Востока, заинтересовала К. П. въ такой степени, что въ 1860 г. онъ поѣхалъ за границу, съ цѣлью ознакомиться съ библіотеками Венеціи, Мюнхена, Парижа и Вѣны, и въ томъ же году помѣстилъ въ «Запискахъ Имп. Академіи Наукъ» статью: «Catalogue de la littérature Arménienne depuis le commencement du IV-ème siècle jusque vers le milieu du XVII». Въ 1861 г. С.-Петербургскій университетъ назначилъ К. П. адъюнктомъ по каѳедрѣ армянской словесности, въ 1871 г.—экстраординарнымъ профессоромъ, а въ слѣдующемъ—ординарнымъ. Профессорской дѣятельности К. П. не покидалъ до самой смерти. «Ни одинъ изслѣдователь судьбы арійскихъ народовъ въ Азіи», говоритъ проф. Н. И. Веселовскій, «не можетъ обойтись безъ трудовъ К. П., отличавшагося добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу, критическимъ тактомъ».

К. П. Паткановъ перевелъ на русскій языкъ и издалъ съ своими объясненіями многихъ армянскихъ историковъ (Моисея Каганкатваци, Себеоса, Гевонда, Магакія, Мехитара Айриванкскаго и др.); издалъ цѣлый рядъ текстовъ армянскихъ писателей, нѣкоторые—впервые. Въ 1863 г. К. П. защитилъ магистерскую диссертацію на тему «Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ по. свѣдѣніямъ, сообщаемымъ армянскими писателями» («Труды Вост. Отд. И. Русск. Археол. Общ.», ч. VIII). С.-Пб. 1863 г. За два выпуска «Исторіи Монголовъ по армянскимъ источникамъ» (С.-Пб. 1873 г.) онъ былъ награжденъ медалью отъ Археологическаго Общества. Сочиненія К. П. показываютъ, съ какою серьезностью, ученымъ рвеніемъ и прилежаніемъ онъ умѣлъ относиться къ самымъ кропотливымъ вопросамъ. Такъ, для статьи «Драгоцѣнные камни, ихъ названія и свойства по понятіямъ армянъ въ XVII в.» (С.-Пб. 1873 г.) онъ предварительно изучилъ минералогію и ювелирное дѣло. Изслѣдованіе К. П. объ «Армянской географіи VII вѣка по Р. Х., приписывавшейся Моисею Хоренскому» (С.-Пб. 1877 г.) обратило на него вниманіе ученаго міра и удостоилось большой серебряной медали Археологическаго Общества.

Кромѣ занятій историческою литературою, К. П. положилъ много труда въ области науки о языкѣ. Еще въ 1873 г., на первомъ съѣздѣ оріенталистовъ, К. П. сдѣлалъ сообщеніе объ изученіи армянскаго языка во Франціи и Германіи и о Ванскихъ клинообразныхъ надписяхъ: «Ванскія надписи и значеніе ихъ для исторіи передней Азіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1874, 1875, 1881 и 1883 гг. и отд. отт. С.-Пб. 1881 г.). Занятія ассиріологіею и чтеніемъ клинообразныхъ надписей пріобрѣли ему всеобщую извѣстность. Въ трудѣ своемъ «О клинообразныхъ надписяхъ Ванской системы, открытыхъ въ предѣлахъ Россіи» (С.-Пб. 1883 г.), К. П. обнаружилъ замѣчательную тонкость, смѣтливость и остроуміе въ дѣлѣ дешифровки клинописи. Онъ показалъ, какую пользу можетъ принести древне-армянскій языкъ для чтенія клинообразныхъ надписей, находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ древней Арменіи.

По языковѣдѣнію К. П. оставилъ много работъ, среди которыхъ особенно выдаются его докторская диссертація: «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка» (С.-Пб. 1864 г.), «О мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ языкомъ въ кругу индоевропейскихъ» (Тифлисъ. 1879 г.) и др. К. П. исполнялъ ученыя работы свои на русскомъ языкѣ, несмотря на то, что хорошо зналъ и другіе. Большинство трудовъ его переведено на европейскіе языки, безъ его участія.

Въ 1882 г. К. П. былъ избранъ однимъ изъ редакторовъ журнала «Muséon» въ Лувенѣ, а въ 1885 г., за ученые тру-

ды,—членомъ-корреспондентомъ Импер. Академіи Наукъ.

К. П. принадлежалъ къ ученымъ въ самомъ строгомъ смыслѣ слова и, благодаря трудамъ своимъ, занялъ мѣсто въ ряду первѣйшихъ арменистовъ Европы.

«Записки Восточн. Отд. Имп. Русск. Археол. Общ.», т. V, стр. 243—263, біографическій очеркъ и хронологическій списокъ трудовъ, составленный проф. Н. И. Веселовскимъ; его же: «К. П. Патканов». Біографическій очеркъ, съ портретомъ. С.-Пб. 1890 г.; «Словарь профессоровъ и преподавателей С.-Петербургскаго Университета», т. II, стр. 89—97, статья Н. Марра; «Историч. Вѣстн.» 1889 г., т. XXXVI, май, стр. 748; A. Hasselblatt und G. Otto. «Album Academicum der Kaiserl. Univers. Dorpat». D. 1889, № 5695; «Сѣверная Пчела» 1864 г., № III, стр. 362, 363, статья М. М. Міансарова; проф. Эминъ. «Патканов, какъ оріенталистъ». С.-Пб. 1874.

Гр. Тиграновъ.

Патканьянъ, *Рафаэлъ*, извѣстный армянскій поэтъ, писавшій подъ псевдонимомъ Гамаръ-Катибы; родился 30-го ноября 1830 г. въ Нахичевани на Дону. Отецъ его былъ священникомъ и пріобрѣлъ извѣстность своими богословскими и учеными трудами. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ отца, П. поступилъ затѣмъ въ 1840 г. въ Московскій Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Окончивъ здѣсь курсъ въ 1850 г., П. опредѣлился учителемъ въ Тифлисскую армянскую Нерсесовскую семинарію, но пробылъ тамъ только два года и въ 1852 г. поступилъ въ Дерптскій университетъ, окончивъ который переѣхалъ въ Петербургъ. Уже въ Дерптѣ П. сочинялъ студенческія пѣсни, пользовавшіяся большою популярностью, но только въ 1855 г. издалъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами, сборникъ своихъ стихотвореній. Въ 1862 г. П. открылъ въ Петербургѣ армянскую типографію и, между прочимъ, издалъ на армянскомъ языкѣ: «Жизнь Петра Великаго», «Робинзонъ Крузое», «Пѣсенникъ» и нѣсколько своихъ произведеній. Въ 1865 г. П. основалъ въ Петербургѣ журналъ «Сѣверъ», который долженъ былъ замѣнить московское «Сѣверное Сіяніе» Назарьянца. «Сѣверъ» просуществовалъ всего два года и принужденъ былъ закрыться, такъ какъ не имѣлъ достаточно подписчиковъ. Въ 1867 г. П. поселился въ Нахичевани на-Дону и занялъ здѣсь мѣсто инспектора ремесленнаго училища. П. писалъ какъ на общеармянскомъ языкѣ, такъ и на нахичеванскомъ нарѣчіи. Особенной извѣстностью между его стихотвореніями пользуются патріотическія. Вначалѣ П. углубился въ исторію армянскаго народа и, идеализируя ее, создалъ историческую армянскую балладу. Русско-Турецкая война 1877—1878 гг. вызвала подъемъ патріотическаго чувства въ армянахъ, а также и въ П. Написанные имъ въ теченіе этого періода стихотворенія дышатъ особенной силой, энергіей и надеждой на лучшее будущее армянскаго народа. Онъ становится пѣвцомъ народнаго горя, яркими красками рисуетъ страданія армянъ подъ турецкимъ ярмомъ, набѣги курдовъ, похищеніе армянскихъ дѣвушекъ въ турецкіе гаремы, разграбленіе селъ и городовъ, злоупотребленія турецкой администраціи, поруганіе религіи. Исходъ войны 1877—1878 гг., не оправдавшій надеждъ турецкихъ армянъ, отразился на общемъ характерѣ творчества П., придавъ ему меланхолическій, безотрадный оттѣнокъ. Вліяніе П. на армянское интеллигентное общество было громадно. Его искреннія, сильныя и свѣжія пѣсни вдохновляли армянскую молодежь и внушали ей новые идеалы. Изъ особенно выдающихся произведеній П. укажемъ слѣдующія: «Армянская дѣвушка», «Колыбельная пѣсня», «Художникъ», «Смерть храбраго Вардана Мамикольяна», «Слезы Аракса», «Старикъ Ванецъ», «Новое поколѣніе», «Армянская кровь», «Желаніе армянъ», «Патріотъ» и др. П. писалъ также прозой мелкіе разсказы и повѣсти, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользуются: «Я была обручена», «Монтъ», «Госпожа и служанка», «Честолюбецъ», «Холостякъ» и др. Въ 1893 г. вышло въ свѣтъ третье собраніе сочиненій П. Многіе изъ стихотвореній его переведены на иностранные языки. П. скончался 23-го августа 1892 г. въ Нахичевани на-Дону.

Гр. Чалхушіанъ. «Армянская поэзія въ лицѣ Р. Патканьяна». Ростовъ. 1886 г.; Ю. Веселовскій. «Рафаэлъ Патканьянъ»—въ слов. Брокгауза, т. XXIII; Мих. Берберьянъ; «Рафаэлъ Патканьянъ», біографическій очеркъ въ сборникѣ «Армянскихъ беллетристовъ» М. 1893; «Всемірная Иллюстрація» 1892 г., № 1241, стр. 357; «Новое Время» 1892 г., №№ 5923 и 5924; «Новости» 1892 г., № 234; «Ардзаганкъ» 1885 г., № 26; «Das Magazin für die Litteratur» 1886 г., № 1.

*

Паткуль, *Александръ Владиміровичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, членъ Военнаго Совѣта (сынъ слѣдующаго), родился въ 1817 г. Воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ II подъ руководствомъ Мёрдера и Жуковскаго; онъ былъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ сверстниковъ наслѣдника; въ то же время П. состоялъ пажомъ Пажескаго корпуса; 6-го декабря 1835 г., въ день тезоименитства императора Николая Павловича, закорпусный камеръ-пажъ Александръ Паткуль явился къ нему съ поздравленіемъ, и государь при этомъ поздравилъ его прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. 12-го декабря того же года Паткуль былъ назначенъ состоять при наслѣдникѣ цесаревичѣ, августѣйшемъ шефѣ Павловскаго полка. Будучи подпоручикомъ, Паткуль сопровождалъ наслѣдника во время его образовательнаго путешествія по Россіи и за-границу и, съ производствомъ въ поручики (25-го іюня 1839 года), былъ назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу. Въ 1840 г. Паткуль участвовалъ въ военныхъ дѣлахъ на Кавказѣ и между прочимъ — при Туапсе и Псезуапе; за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Имѣя уже чинъ полковника, П. 19-го февраля 1855 года былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ его величеству, а 17-го апрѣля того же года произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту его величества.

24-го мая 1855 г. состоялось назначеніе Паткуля командиромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, который въ это время находился въ Западномъ краѣ, въ мѣстечкѣ Волковыски; 24-го апрѣля вмѣстѣ съ полкомъ П. выступилъ оттуда въ Москву, куда и прибылъ въ концѣ іюня; 26-го августа Паткуль участвовалъ въ церемоніалѣ коронованія императора Александра II, а 7-го декабря 1856 г., уже вторично, получилъ благодарность отъ государя за прекрасное состояніе полка, когда его величества удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ. 30-го августа Паткуль получилъ телеграмму отъ государя. Его величество поздравлялъ полкъ съ праздникомъ, «а тебя», писалъ государь въ телеграммѣ, «поздравляю съ твоими имянинами и Владиміромъ на шеѣ».

Заботясь о благосостояніи нижнихъ чиновъ ввѣреннаго ему полка, Паткуль обратилъ вниманіе на солдатскихъ дѣтей. Школы кантонистовъ уже были тогда уничтожены, и солдатскіе дѣти зачастую оставались совсѣмъ безъ образованія. Паткуль обратилъ на этотъ вопросъ особое вниманіе и учредилъ при полку школу для солдатскихъ дѣтей, а чтобы обогатить ея средства, онъ устраивалъ спектакли, въ которыхъ принимали участіе какъ семейство Паткуля, такъ и офицеры полка. Спектакли эти охотно посѣщались обществомъ офицеровъ другихъ полковъ, а потому школа замѣтно богатѣла. Нѣсколько разъ подобные спектакли посѣщалъ и императоръ Александръ II.

15-го ноября 1860 года Паткуль простился съ полкомъ, такъ какъ высочайшимъ приказомъ отъ 12-го ноября былъ назначенъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, съ зачисленіемъ по гвардейской пѣхотѣ и въ списки л.-гв. Павловскаго полка. Съ этой должности Паткуль былъ принужденъ уйти, вслѣдствіе крупныхъ непріятностей, въ 1862 г. Впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи и находился въ Варшавѣ; въ 1861 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1869 году будучи назначенъ членомъ Военнаго Совѣта (съ производствомъ въ генералы-отъ-инфантеріи) и состоя почетнымъ членомъ Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся, Паткуль умеръ въ Царскомъ Селѣ 17-го августа 1877 г.

О. фонъ-Фрейманъ. «Пажи за 185 лѣтъ». Фридрихсгамнъ. 1897 г., стр. 303; «Исторія л.-гв. Павловскаго полка», Воронова, Бутовскаго, Вальберга и Карепова. С.-Пб. 1890 г., изд. 2-е; «Русскій Инвалидъ» 1876 г., № 73; «Русскій Міръ» 1876 г., № 32. «Русская Стар.» 1885 г., т. XLV, XLVI, XLVII, XLIX, LXVI, LXXXIII; «Русскій Архивъ» 1879 г., кн. II, стр. 316; «Русскій Инвалидъ» 1877 г., № 181; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I—III, С.-Пб. 1895—1896.

Б. Татьевъ.

Паткуль, *Владиміръ Григорьевичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сынъ Рейнгольда-Людвига П. (см. ниже), родился 10-го ноября 1783 г. Получивъ образованіе въ домѣ отца, онъ 24-го августа 1799 г. поступилъ на службу подпрапорщикомъ л.-гв. въ Семеновскій полкъ,

гдѣ прослужилъ вплоть до 1816 года, пройдя офицерскіе чины съ прапорщика (1802 г.) до полковника (съ 7-го ноября 1811 г.) и занимая съ 19-го октября 1813 г. должность баталіоннаго командира. Августа 30-го 1816 г. Паткуль произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 1-й гренадерской дивизіи, а 9-го августа принялъ командованіе 1-й ея бригадою и въ 1817 г. утвержденъ командиромъ этой бригады. Въ 1824 году (13-го сентября) В. Г. назначенъ былъ состоять по арміи «съ нахожденіемъ при его королевскомъ высочествѣ принцѣ (что̀ послѣ былъ владѣтельнымъ герцогомъ) Веймарскомъ по особымъ порученіямъ», а черезъ два года (14-го марта 1825 г.) получилъ командованіе 2-й пѣхотной гвардейской бригадой. Будучи назначенъ 16-го марта 1828 г. въ свиту его величества, Паткуль 25-го того же марта опредѣленъ былъ первымъ комендантомъ въ Ревель. Занимая этотъ постъ, онъ 10-го апрѣля 1832 г. получилъ чинъ генералъ-лейтенанта, 6-го декабря 1848 года—произведенъ былъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а 30-го іюня 1852 г. былъ награжденъ орденомъ св. Александра-Невскаго. Въ 1854 г. П. около девяти мѣсяцевъ былъ и. д. Ревельскаго военнаго губернатора, а затѣмъ, назначенный 13-го декабря 1854 г. членомъ генералъ-аудиторіата, скончался 14-го ноября 1855 года.

Боевая дѣятельность В. Г. Паткуля выразилась участіемъ его въ кампаніяхъ 1805—1807 гг.; онъ былъ въ сраженіяхъ при Гутштадтѣ и Гейльсбергѣ, а подъ Фридландомъ (2-го іюня 1807 г.) былъ раненъ пулею въ ногу, за что получилъ въ награду орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Во время войны 1812 года онъ командовалъ Копорскимъ пѣхотнымъ полкомъ, съ которымъ принималъ участіе въ сраженіи подъ Смоленскомъ, гдѣ за отличіе получилъ орденъ Георгія 4-й степени. Подъ Бородинымъ онъ былъ раненъ въ пахъ осколкомъ гранаты и контуженъ въ правую ногу, заслуживъ этимъ награду орденомъ Владиміра 3-й степени. Въ 1813 г. П. съ тѣмъ же полкомъ былъ въ нѣсколькихъ мелкихъ сраженіяхъ съ французами, подъ Кульмомъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», прусскій орденъ «Pour le mérite» и знакъ отличія желѣзнаго креста. Принявъ затѣмъ участіе въ сраженіи при Лейпцигѣ и во вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ, Паткуль вернулся въ Россію.

Сынъ его, Александръ Владиміровичъ, прижитый отъ перваго брака его съ баронессой Маріей-Елизаветой Арпсгофенъ († 1819 г.), былъ также генераломъ отъ-инфантеріи (см. выше).

П. П. Дириnъ. «Исторія л.-гв. Семеновскаго полка; Формулярный списокъ въ Архивѣ Главнаго Штаба; «Сѣверная Пчела» 1853 г., № 76.

Б. Гарскій.

Паткуль, *Іоганнъ-Рейнгольдъ* (Johann-Reinhold von-Patkull), лифляндскій дворянинъ, капитанъ шведской, генералъ-маіоръ польской службы, русскій посланникъ при польскомъ дворѣ. Годъ рожденія П. въ точности неизвѣстенъ, но есть основаніе предполагать, что онъ родился въ 1660 г.; насчетъ мѣста его рожденія существуетъ тоже нѣсколько мнѣній; наиболѣе вѣроятное изъ нихъ то, которое высказалъ Вольтеръ: въ 1657 г. отецъ П.—Friedrich-Wilhelm, лифляндскій ландратъ и шведскій майоръ, былъ заключенъ въ Стокгольмскій тюремный замокъ, по обвиненію въ сдачѣ безъ достаточныхъ основаній крѣпости Вольмаръ непріятелю; хотя впослѣдствіи ему и удалось оправдаться, но въ 1660 году онъ еще содержался въ заключеніи, куда за нимъ добровольно послѣдовала его жена Гертруда, урожденная Гольстферъ; въ тюремномъ замкѣ и родился П. О дѣтствѣ и юности его извѣстно немногое. Въ 1666 г. отецъ его умеръ, а мать, нѣкоторое время спустя, вышла вторично за-мужъ, за ротмистра Генриха Мюллера. Маленькій П. получилъ первоначальное образованіе въ своей семьѣ; впослѣдствіи онъ уѣхалъ за-границу, гдѣ много путешествовалъ. Тамъ же, за-границей, онъ получилъ высшее образованіе и, ко времени своего возвращенія народину, обладалъ серьезными познаніями въ юриспруденціи, математикѣ, инженерныхъ наукахъ, тактикѣ и фортификаціи; кромѣ того, онъ свободно владѣлъ четырьмя новыми и двумя древними языками. Вернулся П. въ Лифляндію осенью 1680 г., тотчасъ же вступилъ во владѣніе своими тремя, унаслѣдованными отъ отца, имѣніями: «Kegeln», «Podsem» и «Waidau», и немедленно поступилъ въ

шведскую военную службу. Въ 1688 г. противъ него было возбуждено дѣло по обвиненію въ тяжеломъ оскорбленіи, нанесенномъ нѣкоей дѣвицѣ Планъ, невѣстѣ лифляндца Михаила Фосса. П. самъ велъ свою защиту и, по всей вѣроятности, вышелъ бы по суду оправданнымъ, такъ какъ акты, хранящіеся въ архивѣ лифляндскаго суда, доказываютъ его полную невиновность, но, въ виду наступившихъ событій, разбирательство дѣла было пріостановлено и приговоръ не былъ произнесенъ. Въ концѣ 1688 г. король шведскій Карлъ XI, вопреки дарованнымъ лифляндскому дворянству привилегіямъ и несмотря на неоднократныя обѣщанія сохранять ихъ въ неприкосновенности, издалъ постановленіе о присоединеніи къ короннымъ владѣніямъ всѣхъ тѣхъ лифляндскихъ земель, которыя нѣкогда входили въ ихъ составъ, а въ то время, въ значительной своей части, уже принадлежали лифляндскому дворянству. Въ данномъ случаѣ, Карлъ XI опирался на соотвѣтствующее рѣшеніе шведскаго парламента, въ которомъ, кстати сказать, не было ни одного лифляндскаго представителя. Между лифляндскимъ дворянствомъ поднялся ропотъ; П., имѣнія котораго уцѣлѣли отъ редукціи, примкнулъ все-таки, къ недовольнымъ и въ 1689 г. былъ выбранъ вмѣстѣ съ старшимъ ландратомъ и ассессоромъ Дерптскаго суда, барономъ Леонардомъ-Густавомъ Будбергомъ, въ депутацію отъ дворянства Лифляндіи къ королю шведскому, имѣвшей цѣлью просить Карла XI о возстановленіи нарушенныхъ правъ и привилегій Лифляндскаго дворянства. 12-го октября 1690 г. Будбергъ и Паткуль пріѣхали въ Стокгольмъ; первый вскорѣ вернулся обратно, не достигнувъ никакихъ результатовъ, а второй добился 18-го ноября 1691 г. длинной аудіенціи у короля. На этой аудіенціи П. со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ доказывалъ Карлу XI необходимость отмѣны редукцій, ссылаясь на привиллегіи дворянства и бѣдственное положеніе страны. Король выслушалъ его внимательно и, какъ говорятъ, даже похвалилъ за стойкую защиту интересовъ родного края. Въ этомъ обнаружилась лицемѣрная политика Карла XI, который незадолго передъ этимъ назначилъ лифляндскимъ генералъ-губернаторомъ Гастфера, человѣка, извѣстнаго своею жестокостью, а 22-го мая 1691 г. издалъ указъ, по которому всѣ королевскія резолюціи, прежде чѣмъ перейти къ исполненію, поступали на благоусмотрѣніе генералъ-губернатора данной мѣстности, вслѣдствіе чего Гастферъ получилъ фактически неограниченную власть надъ Лифляндіей. П. вернулся въ Ригу 21-го декабря 1691 г., а въ мартѣ 1692 года оба депутата отдали отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ лифляндскому дворянству, которое собралось на ландтагъ въ Венденѣ. Ландтагъ постановилъ избрать коммиссію изъ четырехъ лицъ для защиты интересовъ Лифляндіи и послать прошеніе на имя короля объ отмѣнѣ редукцій. Однимъ изъ членовъ избранной коммиссіи былъ и П.; онъ же былъ составителемъ прошенія. Въ это же время, по порученію троихъ капитановъ своего полка, П. написалъ жалобу на оберъ-лейтенанта Магнуса Гельмерсена. Гастферъ, еще раньше возмущавшійся поведеніемъ П., оспаривавшій подлинность «privilegium Sigismundi Augusti», на которую опиралось лифляндское дворянство и депутація его, и имѣвшій личные счеты съ П., усмотрѣлъ въ подачѣ жалобы государственное преступленіе и приказалъ отдать подателей подъ военный судъ. П. защищался, но, видя, что судьи были и обвинителями, рѣшилъ бѣжать, что и исполнилъ, уѣхавъ въ Курляндію. Оттуда онъ написалъ Карлу XI письмо, въ которомъ старался оправдать свой побѣгъ, жаловался на Гастфера и просилъ охранной граматы для пріѣзда въ Лифляндію. Между тѣмъ, несогласія между лифляндскими чинами и шведскимъ дворомъ дошли до того, что было велѣно первыхъ предать суду за неповиновеніе. Указомъ 10-го августа 1693 г. всѣ подписавшіеся подъ прошеніемъ королю дворяне и составитель его П. вызывались въ Стокгольмъ. П., предвидя приговоръ, бѣжалъ въ Германію. Военный судъ постановилъ троихъ товарищей его, оказавшихъ неповиновеніе распоряженіямъ правительства, казнить, какъ мятежниковъ. То были Фитингофъ, Будбергъ и Менгденъ. Относительно ихъ приговоръ былъ смягченъ замѣной смертной казни шестилѣтнимъ заключеніемъ въ Марстрандѣ. П. же явился, въ чинѣ генералъ-маіора поль-

былъ приговоренъ къ лишенію правой руки, чести, имѣній и жизни; во всѣхъ шведскихъ владѣніяхъ было объявлено о бѣгствѣ его и назначена премія за его голову. Уѣзжая, П. оставилъ два письма: одно оправдательное, другое — на имя Карла XI съ просьбой о помилованіи; всѣ же бумаги, которыя, по его мнѣнію, могли служить къ его оправданію, онъ взялъ съ собой. Впослѣдствіи, посовѣтовавшись съ двумя выдающимися нѣмецкими юристами, онъ въ 1701 г. издалъ всѣ акты, относящіеся къ его бѣгству и причинамъ послѣдняго. Въ отвѣтъ на это, сторонники короля издали въ высшей степени оскорбительное для П. сочиненіе, которое, по приказанію Петра Великаго, было публично сожжено на площади палачомъ. Не довольствуясь этимъ, П. написалъ отвѣтъ на отвѣтъ, въ которомъ проводилъ мысль, что лифляндскіе чины имѣютъ законное право свергнуть шведское правительство.

Послѣ своего бѣгства П. жилъ, подъ фамиліей Фишеринга, попеременно въ Германіи и Швейцаріи, въ особенности въ «Прангинѣ», имѣніи Бранденбургскаго министра Данкельмана, и въ Лозаннѣ. Во время своего путешествія по Франціи и Италіи онъ узналъ о смерти Гастфера, что дало ему смѣлость ходатайствовать передъ шведскимъ королемъ о помиловании; въ этомъ его поддерживали дворы Вѣнскій и Берлинскій, но просьба П. была отклонена. Тогда онъ въ 1698 г., по предложенію генерала Флемминга, поступилъ съ чиномъ полковника на службу къ саксонскому курфюрсту, впослѣдствіи королю польскому, Августу, которому внушалъ мысль о необходимости войны со Швеціей, доказывая, что, тотчасъ послѣ объявленія войны, вся Лифляндія возстанетъ противъ шведовъ (см. письмо Паткуля къ Августу изъ Гродна, 1-го января 1699 г.). Насколько это было далеко отъ дѣйствительности, доказывается тѣмъ, что часть лифляндскаго дворянства и горожанъ подписали заявленіе, въ которомъ говорилось, что они считаютъ П. измѣнникомъ, что они въ королѣ польскомъ видятъ врага, что они вмѣстѣ со своими дѣтьми и дѣтьми дѣтей своихъ навсегда останутся вѣрны христіаннѣйшему, справедливому, милостивому королю шведскому. Когда П., при началѣ Великой Сѣверной войны, ской службы, во главѣ 1.500 драгунъ въ Лифляндію, родная мать его Гертруда Миллеръ отказала ему въ свиданіи. Впрочемъ, П. несомнѣнно удалось склонить часть лифляндскаго дворянства на сторону короля польскаго.

Въ 1699 г. П. поѣхалъ въ Копенгагенъ съ цѣлью убѣдить датскаго короля вступить въ союзъ съ Польшей противъ Карла XII. Осенью того же 1699 г. онъ, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ Карловичемъ, былъ посланъ въ Москву къ Петру Великому и 11-го декабря того же года заключилъ въ Преображенскомъ отъ имени Августа союзъ Россіи съ Польшей. Въ 1701 г. отношенія между П. и приближенными Августа, въ особенности Флеммингомъ стали портиться, и П. заявилъ князю Долгорукову о желаніи своемъ поступить въ русскую службу. Долгоруковъ далъ знать царю,—и въ августѣ того же года П. сталъ русскимъ офицеромъ въ званіи генералъ-коммиссара; немного времени спустя онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Весь поглощенный мыслью о мести королю шведскому, П. часто забывалъ объ интересахъ Россіи и нерѣдко шелъ въ разрѣзъ съ намѣреніями Петра Великаго. Несмотря на это, въ 1702 г. (по другимъ свѣдѣніямъ въ 1704 г.) онъ былъ назначенъ русскимъ посланникомъ въ Польшу съ порученіемъ закрѣпить заключенный союзъ; въ концѣ іюня мы находимъ П. въ Краковѣ, а 8-го іюля онъ, въ свитѣ Августа, присутствовалъ при несчастной битвѣ у Клиссова.

Петръ Великій имѣлъ намѣреніе вступить въ союзъ съ Франціей; въ силу этого П. велъ съ посланникомъ Людовика XIV Du-Heron'омъ, переговоры, которые привели къ тому, что въ Москву былъ посланъ чрезвычайный французскій посолъ Балюзъ (1703 г.). Съѣздивъ въ Вѣну для переговоровъ съ графомъ Кауницемъ, П. черезъ Кіевъ поѣхалъ въ Москву, куда и прибылъ 16-го марта 1703 г. Въ 1703—1704 г. мы видимъ его опять въ Польшѣ, гдѣ главной его задачей было настоять на союзѣ Рѣчи Посполитой съ Россіей — противъ шведовъ; задачу эту ему удалось выполнить, и 1-го октября 1703 г. былъ заключенъ польско-русскій договоръ. Проводивъ короля Августа въ Дрезденъ, П. отправился въ Берлинъ съ цѣлью склонить Прус-

сію къ войнѣ со Швеціей, но не достигъ успѣха. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ командиромъ русскаго отряда, посланнаго Петромъ Великимъ на помощь Августу. Гордость и рѣзкость, даже жестокость характера П. возбудили противъ него неудовольствіе въ офицерахъ и солдатахъ отряда; его обвиняли въ корыстолюбіи, въ незнаніи дѣла, даже въ измѣнѣ.

При содѣйствіи русскаго отряда Августу удалось вернуть себѣ Варшаву, занятую шведами; затѣмъ П. со своимъ войскомъ приступилъ къ осадѣ Познани, также занятой шведами и, простоявъ тамъ около мѣсяца, узналъ, что Карлъ XII съ главными силами перешелъ Одеръ у Нидерлаузитца; П., не желая рисковать напрасно жизнью ввѣренныхъ ему людей, отвелъ отрядъ на зимнія квартиры въ Оберлаузитцъ, оставивъ Познань на произволъ судьбы. За это отступленіе многіе обвиняютъ П., приписывая его недостатку мужества, но нужно думать, что и это обвиненіе такъ же мало основательно, какъ и многія другія. Изъ Оберлаузитца П., въ своихъ донесеніяхъ Петру Великому, постоянно жаловался на дороговизну продовольствія для войска и на недостатокъ денегъ; грозилъ оставить русскую службу, упрекалъ царя за то, что онъ не пришелъ самъ въ Польшу, очень рѣзко отзывался о способностяхъ короля Августа и его приближенныхъ, словомъ,—доказывалъ невозможность оставаться дольше на зимнихъ квартирахъ въ Саксоніи; и дѣйствительно, положеніе русскихъ войскъ въ Саксоніи было крайне бѣдственно. Въ отвѣтъ на эти донесенія Петръ Великій приказалъ П. предпринять одно изъ двухъ: или вывести отрядъ черезъ Польшу въ Россію, или, если это окажется невозможнымъ, передать его временно на службу императору и затѣмъ вернуться черезъ Венгрію. П., переговоривъ съ австрійскимъ посланникомъ Штраатманомъ, рѣшился на послѣднее: онъ заключилъ съ нимъ 15-го декабря 1705 г. договоръ, по которому «русское войско, находившееся въ Саксоніи, предоставлялось цесарю, для опыта, на одинъ годъ»,—и объявилъ объ этомъ оберъ-гофмаршалу Саксонскому Пфлугу. Саксонскій тайный совѣтъ, управлявшій государствомъ, потребовалъ, чтобы П. оставилъ войска въ Саксоніи. П. не согласился, и министры рѣшились арестовать его, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ дѣйствуетъ самовольно, будто бы даже въ разрѣзъ съ желаніями Петра Великаго. Конечно, причина ареста П. заключалась не въ отказѣ его оставить войско, но что́ было истиннымъ поводомъ къ его преслѣдованію,—въ точности неизвѣстно. Нужно думать, что наиболѣе вѣроятно слѣдующее мнѣніе: Августъ, подъ вліяніемъ побѣдъ Карла XII, пришелъ къ мысли о необходимости заключить съ нимъ, въ тайнѣ отъ Петра Великаго, миръ, иными словами—нарушить договоръ, заключенный съ русскимъ царемъ. П., непримиримый врагъ Швеціи, узналъ объ этомъ, и саксонскіе министры съ вѣдома или безъ вѣдома короля польскаго, рѣшили его арестовать, боясь, чтобы онъ не донесъ объ этомъ Петру Великому. Какъ бы то ни было, но 20-го декабря 1705 г., когда Августъ былъ въ г. Гродно, гдѣ состоялось его свиданіе съ Петромъ Великимъ, П. былъ арестованъ въ Дрезденѣ въ домѣ совѣтника Ленте. Русскій царь очень энергично протестовалъ противъ такого грубаго нарушенія международнаго права, и князь Голицынъ въ качествѣ русскаго посланника, оффиціально обратился, къ саксонскому двору съ протестомъ противъ ареста П. Такъ какъ незадолго передъ этимъ П. женился на вдовѣ датскаго посланника при саксонскомъ дворѣ, то къ протесту присоединился также и датскій посланникъ; графъ Штраатманъ, съ своей стороны, послалъ письменное заявленіе, въ которомъ грозилъ выѣхать изъ Саксоніи, если П. не будетъ освобожденъ; когда же ихъ протестъ былъ оставленъ безъ вниманія, посланники выѣхали изъ Дрездена. По XI-му пункту Альтранштадтскаго мира, заключеннаго въ 1706 г. П. былъ выданъ шведскому правительству.

Напрасно Петръ Великій протестовалъ противъ этого; Августъ не осмѣлился идти въ разрѣзъ съ желаніями Карла XII, и П., находившійся въ заключеніи сперва въ крѣпости Зонненштейнъ при Пирнѣ, а затѣмъ—въ крѣпости Кенигштейнъ, 28-го марта 1707 г. былъ выданъ шведамъ. Существуетъ недоказанное предположеніе о томъ, что Августъ, боясь Петра Великаго, тайно

отдалъ приказъ коменданту Кенигштейна дать П. возможность бѣжать; комендантъ потребовалъ у П. выкупъ, но тотъ отказался, и, такимъ образомъ, дѣло затянулось до прибытія шведскаго отряда. Выданный шведамъ, П. былъ отвезенъ въ Альтранштадтъ, гдѣ провелъ два мѣсяца въ цѣпяхъ, а затѣмъ, 7-го октября того же года, подъ прикрытіемъ 30 драгунъ, препровожденъ былъ въ мѣстечко Казимиржъ, близъ Познани, гдѣ сданъ полковнику Никласу фонъ-Гьельмсу (von-Hjelms). Между тѣмъ Карлъ XII, на возвратномъ пути изъ Саксоніи, утвердилъ приговоръ военнаго суда, бывшаго подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала Реншильда, осуждавшій П. къ смертной казни черезъ колесованіе снизу вверхъ и затѣмъ черезъ четвертованіе. Казнь была приведена въ исполненіе 10-го октября 1707 г. въ Казимиржѣ. Умеръ П. мужественно. Впослѣдствіи Августъ приказалъ собрать прахъ его и отвезти въ Варшаву, а казнь П. объявилъ дѣломъ, недостойнымъ Карла XII.

Паткуль оставилъ слѣдующія сочиненія: «Gründliche, jedoch bescheidene Deduction der Unschuld Hrn. Johann-Reinhold von-Patkul». Leipzig 1701; «Echo, oder rechtmässige Beantwortung auf die von denen infamen schwedischen» и т. д. 1702; «Unmassgebliches Bedenken über das dessein» и т. д. Grodnau. 1 Jan. 1699; Рукопись: «Wiederlegung der Praetexte deren sich die sächsischen Minister wegen ihres Verfahrens gegen Patkul bedienen».

L. Hagen. Unpartheiischer Bericht von der Aufführung Patkul's». 1707; Copiae einiger an der Moscowitischen Zaar. etc. 1705; Unschuldige Nachrichten von J.-R. v.-Patkul. 1707; Ein Muster des wandelbaren Glücks Rades an dem Rade der Justiz. 1708; Letzte Stunden J.-R. Patkuls. Cöln. 1714; A short narrative of the Life and Leath of J.-R. Patkull. Lond. 1717; Die merkwürdige Lebensgeschichte. Leipz. 1753; Anecdotes concerning the famous J.-R. Patkul. Lond. 1761; Nachrichten von dem Leben und der Hinrichtung Patkuls. Götting. 1783; Patkul's Geschichte въ «Büsching's Magazin» VIII, 492—496; Patkul's Anschläge und Begebenheiten,—ebend. XV, 279—302; «J.-R. v.-Patkul» въ «Woltmann's Monatschrift. Geschichte und Politik» 1802, I, I—39; «Welche Antheil hatte der general Patkul an der preussischen Königswürde?» въ «Berl. Monats.» 1803, № 5; Happelii Hamburger Kern Chronick von 1705—1709; «Menken. Biblioth. virorum militia, aeque ac scriptis illustrium», стр. 330; Bernoulli. J.-R. v.-Patkul's Berichte an das zarische Cabinet», ч. I—III, 1792—1797; O. Wernich: «Der Livländer J.-R. v.-Patkul», ч. I, 1849; Schirren «Livl. Antwort» 1869; F. Bienemann. «Aus baltischer Vorzeit», VI, 1870; K. v. Sarochowski. «Patkul's Ausgang» въ «Neues Archiv für sächs. Geschichte», ч. III, 1882 — 1883; Otto Sjögren. «J.-R. Patkul» 1882; Schirren. «Ueber Carlson's Carl XII». Th. 1, Götting. gel. Anz. 1883; E. Bodemann. «Leibnitzen's Plan einer Societät der Wissenschaften in Sachsen» въ «Neues Archiv für sächs. Geschichte», ч. 4, 1883; Schirren. «Patkul und Leibnitz» въ «Mitt. aus der livl. Geschichte», ч. 13, 1884; Metting. «J.-R. v.-Patkul» въ «Nordische Rudsch.», ч. 3, 1885; Bruiningk. «Patkuliana a. d. livl. Hofgerichtsarchive» въ «Mitt. aus d. livl. Geschichte», ч. 14, 1886; E. Bergmann: «J.-R. v.-Patkul vor dem Richterstuhle der Nachwelt». Leipz. 1886, «Fragment aus einer ungedruckten Geschichte Peter's des Grossen» въ «Livona» 1815, стр. 121—135, и «Peter der Grosse als Mensch und Regent», ч. II, Königsberg 1824; «Convers. Lexik.», VII, 305; Patkul's Rohheit» въ «Rig. Stadtbl.» 1816; «Interessante Anekdoten» u. s. w. 1808, 134; Gauhe. «Adel's Lexic.», II, 863; Nordberg. «Leben Karl's XII», II, 41; Limiers. «Histoire de Suède», ч. 14, стр. 397; Buchholtz. «Beiträge zur Lebensgeschichte J. R. Patkul's» Leipz. 1893; Hermann. «J. R. Patkul» въ «Neue Jahrb. d. Geschichte und Politik» 1848; Устряловъ. «Исторія царствованія Петра Великаго», т. IV, 1863; Recke und Napiersky. Allg. Schr. u. Gel. Lex.», т. III; «Minnes pennig. öfver enskilde svenska män och quinnor», № 1; Voltaire. «Histoire du Charles XII»; «Иллюстрація» 1846, т. II, № 14, стр. 230—231; «Литер. Газета» 1841, № 119, стр. 473—475; «Вѣст. Евр.» 1806, ч. 30, № 21, 3—24; Иверсенъ. «Медали въ честь рус. гос. дѣят.», С.-Пб. 1881; «Allg. deutsche Biographie», т. 25, стр. 225—237; «Русскій Вѣстн.» 1841, т. 4, стр. 188—190; «Письма и бумаги Петра Великаго», подъ ред. Бычкова, С.-Пб. 1887—1893; И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2-е, М. 1842; кромѣ того, романъ Лажечникова «Послѣдній Новикъ».

Б. Савинковъ.

Паткуль, *Рейнгольдъ-Людвигъ* (von-Patkull), генералъ-маіоръ; отецъ его, Карлъ-Густавъ ф.-П. (р. 5-го мая 1686 г., ум. 26-го марта 1750 г.), родной племянникъ предыдущаго, будучи ротмистромъ шведской службы, былъ взятъ въ плѣнъ подъ Полтавою и сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до 1722 г., вступивъ тамъ въ бракъ (въ 1712 г.) съ Іоанной-Шарлоттой фонъ-Дрентельнъ; вернувшись изъ Сибири, Карлъ П. поступилъ въ русскую армію маіоромъ, затѣмъ былъ гвардіи ротмистромъ (1733 г.) и, наконецъ, полковникомъ, а по выходѣ въ отставку—Лифляндскимъ ландратомъ. Рейнгольдъ-Людвигъ, младшій изъ сыновей его, родился 3-го мая 1730 г.; въ 1755 г. онъ былъ принятъ изъ ротмистровъ саксонской службы поручикомъ въ Кирасирскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, гдѣ въ 1760 г. получилъ чинъ ротмистра, въ 1767 г.—секундъ-маіора, а 22-го сен-

тября 1768 г.—премьеръ-маіора въ Рязанскомъ карабинерномъ полку, за отличіе въ штурмѣ подъ Краковомъ. Затѣмъ П., пройдя чины подполковника въ Тобольскомъ карабинерномъ полку (1770 г.), полковника (1774 г.) и бригадира (1779 г.) снова въ Кирасирскомъ Наслѣдника полку,—24-го ноября 1780 г. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры; выйдя послѣ 1784 г. въ отставку, Паткуль поселился въ своемъ имѣніи «Obergahlen» въ Лифляндіи, гдѣ и скончался 15-го сентября 1801 года. Сынъ его—Владиміръ Григорьевичъ—былъ генераломъ-отъ-инфантеріи (см. выше).

Въ 1757 г. Паткуль принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и былъ въ битвахъ подъ Дрезденомъ, Эгерсдорфомъ, Пальцигомъ, Франкфуртомъ и др. Во время войны съ Польшей онъ былъ подъ Краковомъ, гдѣ «съ особливымъ деташементомъ удерживалъ мятежниковъ», и при штурмѣ этого города получилъ рану въ лѣвое плечо на-вылетъ; затѣмъ, П. былъ въ стычкѣ подъ мѣстечкомъ Добрымъ «при разбитіи непріятеля и взятіи у него 18 пушекъ»; за дѣло 3-го февраля 1770 г. онъ получилъ орденъ Георгія 4-го класса (онъ былъ самымъ первымъ кавалеромъ этой степени военнаго ордена) и въ томъ же году вторично былъ раненъ пулею на-вылетъ. Затѣмъ Паткуль принималъ участіе въ Турецкой войнѣ и, находясь подъ начальствомъ генералъ-поручика Штофеля, былъ въ сраженіи подъ Хотиномъ (гдѣ взялъ двѣ пушки) и во многихъ другихъ дѣлахъ всей этой кампаніи вплоть до 1774 г.

Родословная, выданная Лифляндской Ландратской Коллегіей; формулярный списокъ въ Архивѣ Главнаго Штаба; В. С. Степановъ и Н. И. Григоровичъ. «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія». С.-Пб. 1869 г.; Списокъ Воинскому Департаменту... на 1776 г., стр. 71, 278 и поправка къ стр. 71; Архивъ капитула орденовъ: «Журналъ Капитула 10-го марта 1802 г.». № 37, § 8. *Б. Гарскій.*

Патлаевскій, *Иннокентій Іустиновичъ*, финансистъ, профессоръ Новороссійскаго университета, писатель. Родился онъ въ купеческой семьѣ, въ г. Золотоношѣ (Полтавской губ.) въ 1839 г., учился сначала въ Золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, но, замѣченный во время ревизіи А. А. Глушановскимъ, былъ взятъ имъ въ Полтавскую гимназію, въ коей былъ директоромъ. Окончивъ гимназическій курсъ въ 1858 г. съ медалью, П. поступилъ въ университетъ св. Владиміра, на юридическій факультетъ, гдѣ особенно усердно занимался политико-экономическими науками у проф. Н. Х. Бунге, и, выйдя въ 1862 г. со званіемъ кандидата юридическихъ наукъ, 9-го іюля 1863 г. опредѣленъ былъ и. д. профессора законовъ казеннаго управленія въ Нѣжинскій Лицей кн. Безбородко. Здѣсь П. преподавалъ вплоть до 1866 г., сблизившись съ лучшими профессорами Лицея — И. В. Лашнюковымъ и Ѳ. Я. Воронымъ. Въ 1865 г. П. сдалъ при университетѣ св. Владиміра экзаменъ на магистра финансоваго права и уже готовилъ магистерскую диссертацію, какъ былъ, по указанію Ѳ. И. Леонтовича, приглашенъ и. д. доцента финансоваго права въ Новороссійскій университетъ; утвержденіе П. въ этой должности послѣдовало 4-го августа 1866 г.; онъ велъ курсъ до конца 1868 г., хотя уже въ началѣ этого года получилъ командировку заграницу; въ это же время онъ напечаталъ свою диссертацію «Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 по 1762 г.» («Записки Имп. Новоросс. Университета», т. II и отд. изд. Одесса. 1868 г.), которую защитилъ 31-го декабря того же года. Въ началѣ 1869 г. П. уѣхалъ за-границу и занимался преимущественно въ Гейдельбергѣ, а вернувшись въ Одессу, 11-го апрѣля 1871 г. защитилъ и докторскую диссертацію на тему: «Теорія денежнаго обращенія Рикардо и его послѣдователей» («Записки Имп. Новоросс. Университета» и отд. изд. Одесса. 1871 г.); 13-го апрѣля, по представленію проф. М. М. Вольскаго, избранъ былъ экстра-ординарнымъ, а 20-го сентября 1871 же года—ординарнымъ профессоромъ финансоваго права. Съ 8-го апрѣля 1871 г. по 8-е апрѣля 1874 г. П. былъ секретаремъ, а съ 14-го мая 1881 г. по 20-е августа 1882 г.—деканомъ юридическаго факультета и неоднократно избирался членомъ университетскаго суда,—что свидѣтельствуетъ о его нравственныхъ достоинствахъ. Занимая каѳедру, П., послѣ тяжелой болѣзни, заставившей его ѣздить на Кавказъ, умеръ въ Одессѣ 10-го августа 1883 г. Въ послѣдніе годы жизни П. занималъ еще должность директора Одесскаго Коммерческаго училища (съ

1882 г.) и былъ секретаремъ Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ.

Кромѣ диссертацій, проф. Патлаевскій напечаталъ еще статью «О подоходныхъ налогахъ (актовая рѣчь 1876 г.)—въ выходившемъ подъ редакціей В. П. Безобразова «Сборникѣ государственныхъ знаній» (т. IV, С.-Пб. 1877 г.), а также «Отчеты Одесскаго Комитета Торговли и Мануфактуръ о состояніи торговли г. Одессы за 1880 и 1881 г.» (Одесса. 1881 и 1882 г.). Послѣ смерти П. университетомъ былъ изданъ читанный имъ «Курсъ финансоваго права» («Записки Имп. Новоросс. Университета», т. XLII и отд. изд. Одесса. 1885 г.), съ біографіей П., написанной его ученикомъ—проф. В. Н. Палаузовымъ.

Какъ человѣкъ, И. І. Патлаевскій отличался чрезвычайной скромностью, но, въ то же время, обладалъ обширными свѣдѣніями по своей спеціальности, а особенно хорошо зналъ сочиненія французскихъ экономистовъ.

«Записки Имп. Новоросс. Универс.», т. XLII: Проф. А. И. Маркевичъ. «Двадцатипятилѣтіе Имп. Новоросс. Университета». Одесса. 1890 г., стр. 540—541, 569, 657 и 666; Н. В. Гербель. «Лицей кн. Безбородко». С.-Пб. 1881 г., стр. 297; «Моск. Вѣдом.» 1883 г., № 291; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей». Вып. III, С.-Пб. 1886 г., стр. 64—65; «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.» 1869 г., ч. 145, № 9, отд. 2, стр. 160—175 (рец. проф. А. Г. Брикнера). *Б. Львовъ.*

Патонъ, *Георгъ*, контръ-адмиралъ и *Джорджъ*, капитанъ-командоръ — см. **Паддонъ**.

Патонъ, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-отъ-инфантеріи, сенаторъ; род. въ 1796 г., ум. 9-го сентября 1871 г. П. происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губ.; поступилъ на службу 15-го февраля 1812 г. колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части (нынѣ Генеральный Штабъ) и въ томъ же году (18-го октября) произведенъ былъ, за отличіе въ сраженіи подъ Клястицами, въ прапорщики. Получивъ затѣмъ чины: подпоручика (за отличіе въ сраженіяхъ при Баръ-сюръ-Объ и г. Троа—1814 г.), штабсъ-капитана (1819) и капитана (1822) Генеральнаго Штаба, Патонъ 6-го декабря 1826 года, за отличіе по службѣ, получилъ чинъ подполковника и переведенъ былъ въ Уфимскій пѣхотный полкъ; въ 1828 г. онъ былъ назначенъ батальоннымъ командиромъ въ 35-й егерьскій полкъ; въ 1829 г., тоже за отличіе по службѣ П. произведенъ былъ въ полковники, а въ 1830 г.—назначенъ командиромъ 33-го егерьскаго полка, по расформированіи котораго, въ 1833 г. (6-го апрѣля) получилъ въ командованіе Колыванскій егерьскій полкъ. Въ 1838 г. П. за отличіе былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (28-го января), а 8-го мая того же года былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи. Въ 1841 г. назначенный командиромъ 1-й бригады той же дивизіи, онъ въ 1846 г. переведенъ былъ командующимъ резервною дивизіею 4-го пѣхотнаго корпуса и 10-го сентября 1849 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Въ слѣдующемъ году (12-го марта) Патонъ былъ назначенъ комендантомъ въ Оренбургъ, но уже 26-го декабря слѣдующаго 1853 года онъ былъ назначенъ присутствовать въ Сенатѣ (съ оставленіемъ по арміи)—сперва въ 8-мъ, съ 1862 г. — въ 6-мъ, съ 1869 г. — въ соединенныхъ 7-мъ и 8-мъ и затѣмъ въ 6-мъ департаментахъ. 26-го ноября 1869 г. за ревностную службу П. награжденъ былъ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи

Боевая дѣятельность П. И. Патона была очень обширна и долговременна. Вступивъ въ ряды дѣйствующей арміи во время Отечественной войны 1812 г., онъ находился, между прочимъ, въ отрядѣ графа Витгенштейна; состоя при генералѣ Довре, П. участвовалъ въ дѣлахъ при Клястицахъ, затѣмъ — подъ г. Полоцкомъ (гдѣ получилъ орденъ св. Анны 4-й степени за храбрость), подъ Старымъ Борисовымъ, при переправѣ французовъ черезъ Березину и въ дѣлѣ при дер. Студянкѣ. Въ 1813 г. онъ находился при блокадѣ г. Данцига, въ дѣлахъ при деревнѣ Доничка и Скирницы, при бомбардированіи кр. Виртемберга, затѣмъ—въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Люценомъ и Бауценомъ (8-го и 9-го мая). Въ 1814 г. П. былъ въ дѣлахъ при Баръ-сюръ-Объ, г. Троа, Фершампенуазѣ и подъ Парижемъ, въ который и вступилъ вмѣстѣ съ войсками союзниковъ. Состоявъ потомъ при коммиссіи демаркаціи границъ королевства Польскаго (1814 г.), онъ въ 1823 г. находился при военныхъ поселеніяхъ Херсонской

и Екатеринославской губерній, а съ наступленіемъ Турецкой войны 1828 г. снова выступилъ въ походъ и участвовалъ въ сраженіи противъ турокъ при Шумлѣ; въ 1829 г. онъ находился въ бою при сел. Кулевчѣ, въ генеральномъ сраженіи при Чафликѣ, при взятіи редута на позиціи у Киприкіой, въ переходѣ черезъ Балканы и занятіи Адріанополя; за сраженіе при с. Яникіой (11-го января) получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. По заключеніи мира съ Турціей, П. въ 1830—1832 гг. находился со своимъ полкомъ въ Валахіи. Въ 1840 г., находясь на судахъ Черноморскаго флота, онъ участвовалъ въ занятіи форта «Лазаревъ» и во множествѣ другихъ дѣлъ на восточномъ берегу Чернаго моря, за что и получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ январѣ 1844 г. бригада, коей командовалъ тогда Патонъ, была назначена дѣйствовать противъ горцевъ на Кавказской линіи. Когда Шамиль съ большими силами явился около крѣпости Андреевой, П. было поручено съ небольшимъ отрядомъ охранять отъ нападеній кр. Темиръ-Ханъ-Шуру, гдѣ была квартира 5-го пѣхотнаго корпуса. Въ экспедиціи противъ чеченцевъ онъ изъ крѣп. Грозной выступилъ съ главнымъ отрядомъ для занятія позиціи при Чахъ-Киры, которая и была взята 22-го августа 1844 года, при чемъ онъ командовалъ авангардомъ; вслѣдъ затѣмъ, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, онъ занялъ съ бою позицію на р. Аргуни при аулѣ Хозенъ-Юртъ и былъ при закладкѣ укрѣпленія Воздвиженскаго, при чемъ завѣдывалъ всѣми работами по постройкѣ его; здѣсь онъ и пробылъ до 1845 г. Наконецъ, въ въ 1848 г. ему поручено было охраненіе границъ Галиціи отъ вторженія венгерцевъ. Высшей изъ полученныхъ П. И. Патономъ наградъ былъ орденъ св. Владиміра 2-й степ. съ мечами, пожалованный ему 18-го октября 1862 г.

Формулярный списокъ о службѣ; матеріалы сенатора Баранова въ Импер. Русскомъ Историч. Обществѣ. *Б. Гарскій.*

Патонъ, *Петръ Юрьевичъ*, архитекторъ, сынъ бывшаго придворнаго мундкоха, родился въ 1734 г.; онъ изучалъ архитектуру подъ руководствомъ П. Трезини, работая въ качествѣ его помощника въ теченіе двухъ лѣтъ. Въ 1749 г. П. поступилъ къ знаменитому графу Растрелли, у котораго занимался исполненіемъ чертежей по постройкѣ Зимняго дворца и наблюденіемъ за работами; это онъ исполнилъ настолько успѣшно, что 10-го декабря 1752 г., по аттестаціи своего патрона, былъ признанъ достойнымъ званія «гезеля» и принятъ въ Канцелярію строеній «архитектуріи помощникомъ третьяго класса», въ чинѣ прапорщика, съ окладомъ по 80 р. въ годъ. Въ 1755 году П. строилъ въ Ораніенбаумѣ театръ, два года спустя былъ возведенъ въ званіе «за-архитектора» въ чинъ сухопутнаго капитана, а 11-го октября 1762 г. получилъ званіе архитектора, въ рангѣ секундъ-маіора; 23-го ноября 1767 г. П. былъ опредѣленъ въ Коммерцъ-Коллегію и 29-го марта 1770 г. уволенъ изъ Канцеляріи строеній; въ 1767 г. онъ былъ архитекторомъ въ Ораніенбаумѣ, 8-го іюля 1782 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а въ 1783—1802 г. состоялъ архитекторомъ при Сенатѣ. Умеръ 2-го декабря 1809 г.

«Иллюстрація» 1847 г., № 5, стр. 75; Собко. «Словарь русскихъ художниковъ». Т. III, вып. I, стр. 51; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 98. *А. Новицкій.*

Патренъ, *Е. М. Л.*—см. **Патринъ.**

Патрикій, священникъ, ключарь Владимірскаго Успенскаго собора, родомъ грекъ, замѣчателенъ своей трагической смертью. Онъ пріѣхалъ въ Россію съ митрополитомъ Фотіемъ. Въ 1411 году Даніилъ Борисовичъ, князь нижегородскій, въ борьбѣ съ великимъ княземъ московскимъ за свою отчину не разбиравшій никакихъ средствъ для нанесенія вреда своему противнику, тайно призвалъ къ себѣ татарскаго царевича Талыча съ отрядомъ татаръ и послалъ его съ своимъ бояриномъ Семеномъ Карамышевымъ на Владиміръ, откуда, незадолго до ихъ прибытія, выѣхалъ митролитъ Фотій. Пока татары безполезно преслѣдовали святителя, П. собралъ всѣ драгоцѣнности Успенскаго собора «и вознесе на церковь» (вѣроятно, подъ церковную кровлю) посредствомъ приставныхъ лѣстницъ, которыя потомъ убрали. Возвратившись изъ погони за митрополитомъ, татары выломали церковныя двери, пограбили все, что П. не успѣлъ спрятать, и начали требовать отъ ключаря остальныхъ церковныхъ со-

кровищъ. П. ничего не хотѣлъ сказать о нихъ. Тогда татары муками рѣшились добиться отъ него желаемаго: ставили его на раскаленную сковороду, вбивали подъ ногти спицы, сдирали съ него кожу, привязывали къ конскому хвосту и волочили по землѣ,—ничто не помогло: П. въ этихъ мукахъ испустилъ духъ (3-го іюля), но ни слова не сказалъ о скрытыхъ имъ церковныхъ сокровищахъ. П. погребенъ у Преображенской церкви въ с. Сутенъ, что на озерѣ Святѣ, на границѣ Владимірской и Рязанской губерніи. Неканонизованъ.

«Полн. собр. русс. лѣт.», VIII; «Русск. Временн.», I, 280—281; «Степ. кн.», II, 31—32; Карамз., V, пр. 211; Н. Барсуковъ. «Источники русской агіографіи». С.-Пб. 1882, стр. 421—422; арх. Сергій. Полный мѣсяцесловъ Востока, т. II. М. 1876, прилож., стр. 67. *А. Экз.*

Патрикій *(Аристовскій)*, духовный писатель и проповѣдникъ XVIII вѣка. Біографическія данныя о немъ крайне скудны; извѣстно только, что до 1754 г. онъ былъ игуменомъ Седмиезерной Воскресенской пустыни (въ 17-ти верстахъ отъ Казани), съ 1755 по 1757 г.—архимандритомъ Казанскаго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, и съ 1757 по 1763 г. архимандритомъ Казанскаго Зилантово-Успенскаго монастыря. Есть предположеніе, что воспитаніе онъ получилъ въ Московской или Кіевской духовной академіи и былъ вызванъ въКазань епископомъ Лукою на мѣсто учителя семинаріи.

Какъ проповѣдникъ, Патрикій, получилъ извѣстность, главнымъ образомъ, благодаря слову, сказанному имъ въ Казанскомъ Благовѣщенскомъ соборѣ 29-го іюня 1750 г.; проповѣдь эта, безукоризненная по конструкціи, чрезвычайно жизненная вслѣдствіе своего публицистическаго характера, представляетъ большой интересъ, какъ одна изъ попытокъ перенестиборьбу свѣтской и духовной власти на церковную каѳедру. Главной задачей ея было порицаніе дѣйствій казанской гражданской администраціи въ отношеніи корыстной поддержки магометанства; рѣшительная рѣчь проповѣдника возмутила его враговъ и дала имъ поводъ донести на него въ Петербургъ; упреки его были истолкованы, какъ противодѣйствіе указамъ правительствующаго сената и какъ порицаніе правилъ духовнаго регламента; представленная въ сенатъ жалоба, впрочемъ, сколько извѣстно не имѣла успѣха, такъ какъ разъясненія епископа Луки передъ синодомъ доказали правоту Патрикія. Несомнѣнно, тому же проповѣднику принадлежатъ и проповѣди, которыя вошли въ писанный большей частью его рукою сборникъ, хранящійся въ библіотекѣ Зилантова монастыря. Изъ другихъ трудовъ Патрикія съ именемъ его сохранился переводъ съ греческаго трехъ каноновъ, сложенныхъ Матѳеемъ Кипрскимъ, исполненный имъ въ 1746 году. Наконецъ, его же слѣдуетъ считать составителемъ книги, къ которой приписаны эти каноны, носящей названіе: «Синтагматіонъ, въ немъ-то содержатся каноны же и молитвы молебныя ко Господу нашему Іисусу Христу и ко Пресвятѣй Богородицѣ, собранные убо изъ различныхъ книжицъ, болѣе же отъ святаго Ефрема, читаемыя на всякій вечеръ седмицы отъ хотящихъ побѣдити свое произволеніе ко страстемъ и сластемъ прилежащее, начинающіися отъ субботы вечера и кончащіяся въ пятокъ вечера».

Н. Барсовъ. «Малоизвѣстные русскіе проповѣдники XVIII столѣтія»; («Христ. чт.» 1874 г. апрѣль, стр. 609—623); П. М. Строевъ. «Библіологическій словарь». (С.-Пб. 1882 г.), с. 224—225; П. М. Строевъ. «Списки іерарховъ». С.-Пб. 1877. стр. 296, 301, 304. *В. Ср—кій.*

Патрикій Наримантовичъ, кн. литовскій (пинскій), сынъ Нариманта Гедиминовича, въ 1383 году пріѣхалъ изъ Литвы въ Новгородъ, гдѣ приняли его съ честью и дали города: Орѣховъ, Корельскій городокъ (Кексгольмъ), половину Копорья и село Лужское (Луское—по лѣтоп.). Но тамошніе жители не взлюбили его, вслѣдствіе чего въ Новгородѣ поднялся мятежъ: Славянскій конецъ, получившій отъ Патрикія дары, стоялъ за него, другіе концы — противъ. Споръ окончился тѣмъ, что Патрикію дали Ладогу, Русу и Наровскій берегъ. Въ 1386 г., когда Димитрій Донской хотѣлъ наказать Новгородъ за многія его своевольства и разбои, новгородцами предводительствовалъ, съ нѣкоторыми другими князьями, Патрикій, что, конечно, не могло нравиться Димитрію, и можно съ увѣренностью полагать, что именно по настоянію вел. князя новгородцы, въ 1388 г., отняли у

Патрикія Русу и Ладогу и отдали ихъ Лугвенію Семену Ольгердовичу. Уже при преемникѣ Донского Патрикій перешелъ въ Москву на службу къ великому князю. Но болѣе его замѣчательными оказались на службѣ московскимъ князьямъ сынъ его Юрій, внукъ Иванъ и правнукъ Василій Косой (см. ниже).

«Полн. собр. русск. лѣт.», III, 93; IV, 90; VIII, 50; «Никон. лѣт.», IV, 143; «Временн.» Строева, I, 380. *А. Экз.*

Патрикъ, *Николай Петровичъ*, генералъ маіоръ, родился 19-го апрѣля 1816 года и воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи; въ 1833 г. онъ, не имѣя образовательнаго ценза и сословныхъ преимуществъ, поступилъ на службу простымъ матросомъ въ учебный морской экипажъ, гдѣ въ 1836 г. получилъ чинъ унтеръ-офицера съ переводомъ въ 4-ю бригаду корпуса морской артиллеріи, а 2-го апрѣля 1845 г., произведенный въ прапорщики, былъ переведенъ въ военно-рабочія роты Инженернаго корпуса, съ оставленіемъ при Комитетѣ, Высочайше учрежденномъ для производства опытовъ надъ подводными минами, въ коемъ онъ состоялъ еще съ 1839 г., усердно занимаясь этимъ, тогда еще новымъ вопросомъ. Знаніе П. дѣла послужило поводомъ къ назначенію его и правителемъ дѣлъ вышеназваннаго Комитета; въ этомъ званіи онъ прослужилъ съ 1847 г. по 1853 годъ, всегда заслуживая одобренія со стороны непосреднаго начальства. Въ 1853 г. П. былъ прикомандированъ для занятій къ академику Якоби, занимавшемуся работами по сооруженію подводныхъ минъ, а черезъ два года уже самостоятельно устроилъ таковыя при крѣп. Дюнаминде, за что и получилъ въ награду чинъ штабсъ-капитана. Въ 1856 г. П. вошелъ въ составъ Техническаго гальваническаго заведенія, а въ 1858 г. (30-го ноября) былъ назначенъ помощникомъ завѣдующаго С.-Петербургскимъ военнымъ и полицейскимъ телеграфомъ. Произведенный въ 1862 г. въ маіоры, Патрикъ переведенъ былъ въ армію, при чемъ устроилъ телеграфное сообщеніе между батареями и фортами Кронштадта, а въ 1864 г. снова зачисленъ былъ по Инженерному корпусу. Уже имѣя чинъ полковника (съ 14-го августа 1869 г.). Н. П. Патрикъ въ 1876 г. былъ назначенъ завѣдующимъ С.-Петербургскимъ городскимъ телеграфомъ, а 30-го августа 1879 г. получилъ чинъ генералъ-маіора, съ зачисленіемъ по инженерному вѣдомству и съ оставленіемъ въ той же должности. Патрикъ умеръ 13-го октября 1885 г. въ С.-Петербургѣ и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Архивъ Департ. Герольдіи; Формулярный списокъ; Списки генераламъ. *Б. Г.*

Патрикѣева, княгиня *Марія Васильевна*, дочь великаго князя Василія Димитріевича. О ней только и извѣстно, что въ 1418 г. она выдана была въ замужество за московскаго боярина кн. Юрія Патрикіевича Патрикѣева.

«Полн. собр. русск. лѣтоп.», VII, 254; «Ист. Госуд. Росс.» Карамзина, V, пр. 254; «Древняя Росс. Вивліоѳ.», т. XVI, ч. VI, стр. 192. *А. Э.*

Патрикѣевъ, *Борисъ Исаковичъ*, братъ Ивана, дьякъ. Въ 1642—1643 гг. онъ былъ дьякомъ при воеводѣ во Псковѣ, а въ 1644 г.—при воеводѣ въ г. Томскѣ, гдѣ и умеръ около 1649 г.

«Акты Арх. Экспедиціи», т. III, стр. 463, 465, 466, 468; «Русск. Истор. Библ.», т. II, стр. 758, 768; «Дополн. къ Актамъ историческимъ, т. III, стр. 106; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», кн. III, отд. II, изд. 2-е; Н. Оглоблинъ. «Обозр. столбцовъ Сибирскаго приказа. М. 1900 г.

Патрикѣевъ, *Василій Артамоновичъ*, генералъ-поручикъ, сынъ стольника Артамона Ивановича, родился въ 1706 г. Происходилъ изъ дворянъ Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда опредѣлился въ службу ко двору герцогини Курляндской Анны Іоановны, (впослѣдствіи императрицы) пажомъ—1-го января 1718 г. и пробылъ въ этомъ званіи до марта 1726 года, когда, вмѣстѣ съ прочими пажами, былъ выпущенъ въ драгунскіе полки вахмистромъ; черезъ два года (28-го іюня 1728 г.) онъ получилъ чинъ прапорщика; затѣмъ, будучи въ Низовомъ корпусѣ, произведенъ былъ въ адъютанты (1733) и поручики (1735), потомъ получилъ чины: капитана (1738), секундъ-маіора (1749), преміеръ-маіора (1754), наконецъ, полковника (25-го декабря 1755 г.) и 3-го марта 1763 г.—генералъ-маіора.—Съ 1765 г. по 1768 г. онъ состоялъ при С.-Петербургской дивизіи, а въ 1769 г.—при полевыхъ полкахъ. Въ томъ же 1769 году, 11-го ноября, Патрикѣевъ, за болѣзнію и дряхлостью, вышелъ въ отставку, получивъ

при этомъ чинъ генералъ-поручика и пенсіею. Затѣмъ онъ проживалъ въ своемъ имѣніи — сельцѣ Самойловѣ, Устюжскаго уѣзда; упоминается еще въ 1774 году.

Въ продолженіе своей службы, Патрикѣевъ участвовалъ во многихъ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ. Такъ, въ 1733 году, находясь въ Низовомъ корпусѣ, онъ состоялъ въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ Чеченцевъ; въ 1736 г. былъ при взятіи г. Азова, въ слѣдующемъ—въ Крымскомъ походѣ и при взятіи г. Карасубазара, при чемъ былъ раненъ пулею въ лѣвое плечо, а въ 1738 г. получилъ сильную рану саблей въ голову въ дѣлѣ подъ Перекопомъ; подъ этимъ же городомъ онъ сражался и въ 1739 г., а въ 1742 г. участвовалъ въ Кизлярскомъ походѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената: дѣло о дворянствѣ Патрикѣевыхъ; Московское отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба, оп. 30, кн. 236 армейскаго повытья: прошеніе П. объ отскавкѣ; «Списокъ военныхъ генераловъ со временъ Петра I до Екатерины II», С.-Пб. 1809, стр. 125; Воинскіе календари; Списки генералитету и штабъ-офицерамъ и «Списокъ Воинскому Департаменту...» на 1769 г. стр. 17.

Б. Львовъ.

Патрикѣевъ, князь *Василій Ивановичъ*, по прозванію *Косой*, въ монашествѣ *Вассіанъ*, бояринъ и воевода в. кн. Іоанна III. До невольнаго постриженія въ монашество В. И. оказалъ услуги какъ на военномъ, такъ и на дипломатическомъ поприщахъ. Въ 1492 г. онъ посланъ былъ великимъ княземъ въ Угличъ арестовать дѣтей кн. Андрея Углицкаго, тогда же арестованнаго въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Даніиломъ Васильевичемъ Щеней, взялъ Вязьму и привелъ въ Москву тамошнихъ князей и пановъ. Въ 1494 г. В. И. ѣздилъ съ кн. С. И. Ряполовскимъ въ Вильну къ кн. Александру «свершити любовь и сватовство» (Елены, дочери Іоанна III). Чрезъ два года в. кн. послалъ его изъ Новгорода, вмѣстѣ съ другими воеводами, въ Каянскую (Гамскую) землю, въ Финляндіи; землю эту воеводы «пусту сотвориша» и возвратились съ большой добычей и полономъ. Но болѣе замѣчательнымъ В. И. становится въ монашествѣ. Во время извѣстной опалы Іоанна III на старую боярскую партію (1499 г.), по дѣлу внука его Димитрія, сына Василія и супруги, Софьи Ѳоминичны, Патрикѣевы избавились отъ смертной казни только благодаря заступничеству митрополита Симона и другихъ святителей, а можетъ быть, и родству съ вел. княземъ, — но они должны были постричься въ монахи. В. И. постригся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, принялъ имя Вассіана и, живя въ этомъ монастырѣ, сдѣлался ревностнымъ ученикомъ и послѣдователемъ главы такъ называемыхъ бѣлозерскихъ или заволжскихъ старцевъ, Нила Сорскаго. Послѣдній былъ убѣжденнымъ и искреннимъ противникомъ извѣстнаго Іосифа Волоцкаго по взглядамъ его на монашескую жизнь: Нилъ Сорскій заявлялъ протесты противъ любостяжанія монаховъ, противъ монастырскихъ вотчинъ и т. п.,—проповѣдывалъ, что монахъ долженъ жить и питаться дѣломъ рукъ своихъ; онъ не признавалъ также внѣшняго благочестія и считалъ безполезными посты, молитву, поклоны, даже присутствіе при богослуженіи, если все это не соединено съ стремленіемъ къ внутреннему совершенствованію, внутренней переработкѣ души. Въ 1508 г. онъ скончался, но продолжателемъ его ученія выступилъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Онъ велъ ожесточеннѣйшую письменную борьбу съ Іосифомъ, а по смерти его и съ его учениками. Вассіанъ обладалъ начитанностью и, можно сказать, литературнымъ талантомъ; вообще — это былъ человѣкъ умный. Вел. князь очень уважалъ его за ученость и нравственную жизнь, перевелъ его въ Симоновъ монастырь и любилъ бесѣдовать съ нимъ. Живя и въ Москвѣ, Вассіанъ продолжалъ полемику съ своими противниками. Рѣзко отзываясь о любостяжаніи современныхъ монастырей, онъ касался и святителей, а также сильно возвышалъ голосъ противъ казни еретиковъ вообще (см. Нилъ Сорскій), хотя, опасаясь раздражить вел. князя, не осмѣливался отрицать власти государя—казнить нераскаянныхъ еретиковъ. Іосифъ, а потомъ ученики его, съ неменьшей запальчивостью, опровергали его и даже старались уличить его въ ереси. Они, между прочимъ, ссылались на «Кормчую» (Номоканонъ), а Вассіанъ указалъ ми-

трополиту Варлааму и духовному собору на противорѣчія Евангелію и Апостоламъ, существовавшія въ этомъ кодексѣ. Митрополитъ благословилъ его составить новый сводъ правилъ, ничего, впрочемъ, не измѣняя по существу дѣла, и Вассіанъ выбравъ болѣе исправный сербскій списокъ Кормчей, свѣрилъ его, (1518 г.) при помощи Максима Грека (съ которымъ недавно сошелся въ Чудовомъ монастырѣ и который рѣшительно принялъ его сторону), съ греческимъ подлинникомъ и составилъ новый сводъ. Къ своей «Кормчей» Вассіанъ приложилъ такъ называемое «Собраніе», направленное противъ его антагонистовъ. Вассіанъ поднесъ «Кормчую» государю. Великому князю, конечно, пріятно было бы воспользоваться монастырскими вотчинами, но въ то же время было бы опасно лишиться той нравственной поддержки со стороны духовенства, которую искони послѣднее оказывало свѣтской власти и которая такъ сильно дѣйствуетъ на народъ. При томъ же у великаго князя уже тогда была мысль о разводѣ съ женой, а митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ послѣдователями Вассіана не сочувствовалъ этой мысли, между тѣмъ какъ «осифляне», то-есть, послѣдователи Іосифа Волоцкаго, любившіе льстить и угодничать свѣтской власти, поддержали бы великаго князя въ его стремленіи. И вотъ, въ 1522 г. Василій Іоанновичъ, устранивъ Варлаама, взялъ на его мѣсто осифлянина Даніила, игумена Волоколамскаго монастыря. Даніилъ началъ сильно преслѣдовать какъ Вассіана, такъ и Максима Грека. Въ это время великій князь обратился съ мучившимъ его вопросомъ о разводѣ къ Даніилу и Вассіану. Не трудно угадать, что́ отвѣтилъ митрополитъ, но Вассіанъ чрезвычайно рѣзко отозвался о намѣреніи государя, противномъ ученію Христову и правиламъ апостольскимъ. Великій князь, конечно, не могъ оставить безнаказанной дерзость Вассіана, но не рѣшался сдѣлать этого немедленно,—понятно, по какимъ причинамъ. Максимъ Грекъ былъ уже сосланъ, но Вассіана еще не трогали. Между тѣмъ великій князь окончательно перешелъ на сторону осифлянъ и, какъ бы въ доказательство этого, съ цѣлью помолиться о дарованіи ему сына, началъ ѣздить по монастырямъ и дѣлать вклады въ нихъ. Наконецъ, въ 1530 г. онъ дождался желаемаго: у него родился сынъ. Вскорѣ послѣ этого (1531 г.) назначенъ былъ надъ Вассіаномъ соборный судъ, на которомъ предсѣдателемъ и вмѣстѣ судьей былъ митрополитъ Даніилъ. Сила была, конечно, на сторонѣ послѣдняго, и судъ нуженъ былъ, такъ сказать, только для формальной чистоты совѣсти судей: Вассіанъ обвиненъ былъ въ искаженіи Номоканона и истинъ христіанской вѣры въ своихъ писаніяхъ. Какъ бы въ насмѣшку надъ его убѣжденіями, его полемикой съ осифлянами, онъ сосланъ былъ въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь и вскорѣ тамъ умеръ, а по сказанію Курбскаго—уморенъ осифлянами по повелѣнію великаго князя.

«Полн. собр. русс. лѣт.», VI, 43, 243; VIII, 228, 231, 236; «Временн». Строева, II, 240, 243, 247, 252—253, 261; «Архангелогор. лѣт.», 170. 171, 173, 174; «Русск. Временн.», II, 195, 209, 215; «Степенн. кн.», II, 159—160; «Собр. гос. гр. и дог.», I, № 150; «Труды вольн. росс. собр.» I, 226; «Разряды» въ «Отеч. Зап.» 1830 г., ч. 44, стр. 24; Спиридовъ. «Сокр. опис. служебъ росс. двор.», I, 29—30: «Сказанія Курбскаго», 4—5: «Судное дѣло Вассіана» въ «Чтен. Общ. Ист. и Др.» 1847 г., № 9 и 1859, III, стр. 1—16; Хрущовъ. «Князь — инокъ Вассіанъ Патрикѣевъ» въ «Др. и Нов. Россіи» 1875 г., № 3; П—овъ: «Васс. Патрикѣевъ и его полемика» въ «Чтен. въ Общ. любит. дух. просвѣщенія» 1873 г., № 5; Костомаровъ: «Исторія въ жизнеопис.», т. I, стр. 180. Бантышъ-Каменскій, Словарь достоп. людей, ч. IV, М. 1836 г., стр. 131—132; полная библіографія—у С. А. Венгерова въ «Источни. кахъ словаря русскихъ писателей», т. I, С.-Пб. 1900, стр. 507—508 и въ его же «Критико-Біографическомъ Словарѣ», т. IV. С.-Пб. 1895 г., стр. 184—189. *А. Экземплярскій.*

Патрикѣевъ, *Гавбъ*, дьякъ (1649 г.). Въ 1653 г. былъ вторымъ посломъ въ Имеретію къ царю Александру и въ Грузію къ царю Теймуразу, тестю Александра. Послы ѣхали съ граматой для Александра, въ которой царь Алексѣй Михайловичъ обѣщалъ взять Имеретію подъ свое покровительство.

«Акты Историческіе» IV, 231; «Акты Археографической Экспедиціи» IV, 60. *А. Э.*

Патрикѣевъ, *Иванъ*, рѣзчикъ, сынъ солдата, родился въ 1745 г. и девяти лѣтъ поступилъ на службу въ контору строеній Его Императорскаго Величества домовъ и садовъ. Въ 1794 г. онъ получилъ званіе «за мастера», а въ слѣдующемъ году, по смерти рѣзного мастера Дункера, по ходатайству архи-

тектора Старова, былъ пожалованъ въ «мастера». Въ 1804 г. онъ состоялъ въ Гофъ-Интендантской конторѣ. Умеръ раньше 1830 г., такъ какъ въ этомъ году упоминается уже вдова его.

Н. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. IV, вып. I, стр. 52. *А. Новицкій.*

Патрикѣевъ, *Иванъ Исааковичъ*, въ продолженіе полувѣка (1629—1677 гг.), если не болѣе, былъ дьякомъ въ разныхъ приказахъ: въ Приказѣ Большого Прихода (1648 г.), Сыскномъ и Сибирскомъ (1649 г.), въ Приказѣ Казанскаго дворца (1658—1660 гг.), въ Стрѣлецкомъ (1664 г.) и Новгородскомъ (1671—1674 гг.), наконецъ, былъ Путивльскимъ дьякомъ (1676—1678 гг.). Надобно полагать, что онъ считался человѣкомъ дѣльнымъ, такъ какъ ему давались иногда довольно важныя порученія. Въ 1642 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ отправилъ въ Данію окольничаго Степана Проѣстева и этого Патрикѣева, какъ говорится въ оффиціальномъ документѣ,—«о государственныхъ великихъ дѣлахъ, кои настоятъ обоимъ государямъ къ покою, ти шинѣ» и пр.; но главнымъ образомъ поручено было трактовать о бракѣ царевны Ирины Михаиловны и датскаго королевича Вальдемара. Однако, послы не въ точности выполнили порученіе своего государя: когда датскіе вельможи спросили ихъ, въ какомъ положеніи, въ какой чести будетъ королевичъ у великаго государя, они, въ противность государеву указу, не дали на то отвѣта, а говорили о предметахъ, не идущихъ къ дѣлу, и говорили «самыми короткими словами»; вообще—о государевомъ дѣлѣ не радѣли, почему имъ при датскомъ дворѣ и отказали. Кромѣ того, въ случаѣ какого-либо замѣшательства въ переговорахъ или отказа, послы должны были отписать о томъ государю и не выѣзжать изъ Даніи до государева указа, а они поступили совершенно наоборотъ. И за все это государь положилъ на нихъ свою опалу Въ 1665 г. П., вмѣстѣ съ бояриномъ Ив. Дан. Милославскимъ, приводилъ въ исполненіе государевъ указъ о строгомъ запрещеніи подъячимъ Ивановской площади писать для магометанъ купчія на литовскихъ плѣнниковъ. Когда скончался И. Патрикѣевъ,—неизвѣстно.

«Собр. гос. гр. и дог.», III, №№ 117, 166;—IV, №№ 40, 77; «Акт. Арх. Экп.», IV, №№ 48, 51, 60, 237; «Акт. Ист.», IV, №№ 66, 277—278, 282, 284, 286, 292, 332—333, 335, 476—478; «Дополн.» къ нимъ III, 143, 154—160, 213; IV, №№ 169—172, 177, 226; VI, №№ 99, 120, 122, 123, 129, 173, 175, 180, 181, 183, 186—187; VII, № 266; IX, №№ 168, 255. *А. Экз.*

Патрикѣевъ, *Иванъ Юрьевичъ*, воевода Василія Темнаго, первый московскій бояринъ и дворецкій Іоанна III Васильевича, род. въ 1419 г., ум. въ 1499 г. Изъ довольно длиннаго послужного списка Ивана Юрьевича отмѣтимъ только выдающіеся моменты его служебной дѣятельности. Въ 1455 г. онъ ходилъ съ войсками къ Окѣ и ниже Коломны разбилъ татаръ. Послѣ неудачнаго похода на Вятку князя Ив. Вас. Горбатаго и Перхушкова въ 1458 г., въ слѣдующемъ году великій князь послалъ туда И. Ю., какъ воеводу болѣе благонадежнаго, и послѣдній оправдалъ довѣріе государя: онъ взялъ Котельничъ и Орловъ, потомъ подступилъ къ Хлынову (Вяткѣ), подъ которымъ стоялъ долго, пока, наконецъ, вятчане не добили челомъ великому князю на всей его волѣ. Въ 1462 г., при составленіи великимъ княземъ духовнаго завѣщанія, И. Ю. былъ первымъ изъ свидѣтелей, что̀ указываетъ какъ на высокое положеніе его при дворѣ, такъ и на довѣріе къ нему великаго князя. Но еще большимъ довѣріемъ пользовался онъ при сынѣ и преемникѣ Темнаго, Іоаннѣ III, что̀ видно будетъ изъ краткаго обозрѣнія дальнѣйшей служебной дѣятельности его. Въ 1467 г. онъ сдѣлалъ неудачный походъ съ царевичемъ Касимомъ на Казань, въ которой послѣдній долженъ былъ воцариться. Удачнѣе былъ казанскій походъ 1469 г., когда онъ съ братьями великаго князя, Юріемъ и Андреемъ, заставилъ царя Ибрагима заключить миръ на всей волѣ московскаго государя. Исключительную роль сыгралъ И. Ю. въ походѣ 1478 г. на Новгородъ: онъ находился въ полку самого великаго князя и былъ употребляемъ послѣднимъ во всѣхъ важныхъ переговорахъ съ представителями Новгорода. Въ 1480 г., при нашествіи Ахмата, онъ оставленъ былъ великимъ княземъ въ Москвѣ—блюсти столицу. Все это указываетъ на исключительное довѣріе къ нему государя. До чего, вообще, близокъ былъ И. Ю. къ послѣднему, показываетъ еще и то обстоятельство, что въ 1491 г. Андрей Углиц-

кій, прослышавъ объ угрожающей ему со стороны великаго князя опасности, обратился къ посредничеству этого вельможи, но И. Ю. отклонилъ отъ себя такое щекотливое дѣло. О громадной силѣ, какую онъ имѣлъ при дворѣ Іоанна III, знали и сосѣди: такъ, въ періодъ времени отъ 1491 до 1493 г., во время сватовства великаго князя литовскаго Александра на дочери Іоанна III Еленѣ, литовскіе сенаторы часто обращались по этому дѣлу прежде всего къ И. Ю. Но, несмотря на такую громадную силу и вліяніе, которыми пользовался Патрикѣевъ при Московскомъ дворѣ, онъ въ 1499 г., во время постигшей старую боярскую партію государевой опалы, избавился отъ смертной казни только благодаря заступничеству высшаго духовенства. И все-таки онъ долженъ былъ постричься въ монахи, въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, гдѣ въ томъ же году и скончался.

«Полн. собр. русск. лѣт.», IV, 132, 149; V, 274; VI, 43, 180, 187, 209—215, 218—219, 225, 243; VIII, 147, 152, 157, 187—188, 217, 236; «Никон. лѣт.», VI, 4; «Временн.» Строева, II, 64, 66, 179, 182—189, 197, 208, 220, 232, 260; «Архангелогор. лѣт.», 137, 173—174; «Русск. Временн.», II, 39, 51, 161; «Степ. кн.», II, 25, 27, 100, 122, 160; «Собр. гос. грам. и дог.», I, №№ 86, 87, 104, 112, 130; «Дѣло польск.» у Карамз., VI, пр. 381, 394—454; «Сборн. русск. ист. общ.», т. II; Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопам. людей», ч. IV, М. 1836, стр. 129—131. *А. Экз.*

Патрикѣевъ, *Калина*. Въ 1673 г. былъ дьякомъ въ Астрахани и въ томъ же году (во второй половинѣ его), переведенъ въ Казань, гдѣ упоминается еще въ 1675 г. Въ 1680 г. онъ былъ дьякомъ во Псковѣ, а въ 1686 г. состоялъ дьякомъ же въ Разбойномъ Сыскномъ Приказѣ, который съ 1689 г. переименованъ былъ въ Разбойный Приказъ, а затѣмъ вскорѣ сталъ называться Сыскнымъ Приказомъ, гдѣ мы застаемъ Калину Патрикѣева съ 1700 по 1701 г., когда Приказъ этотъ былъ уничтоженъ.

«Доп. къ актамъ истор.», VI, стр. 287, 288; IX, 5, 134, 140, 144, 145; «Акты, относ. до юридич. быта древней Россіи», т. I, стр. 435; т. II, стр. 697. *Н. В.*

Патрикѣевъ, *Козьма*. Будучи еще подъячимъ Помѣстнаго Приказа, онъ участвовалъ въ составленіи переписныхъ Двинскихъ книгъ 1646 г., находясь при составителѣ ихъ — Иванѣ Философовѣ. Затѣмъ, подъячимъ же онъ былъ объѣзжимъ головою гор. Москвы, въ Бѣломъ городѣ (районъ объѣзда отъ Неглинной до Срѣтенской улицы). Въ 1649 г., 13-го апрѣля, государь Алексѣй Михаиловичъ, пожаловалъ его въ дьяки и назначилъ быть дьякомъ при воеводѣ въ Теркахъ. Въ 1715 г., уже будучи въ чинѣ окольничаго, Патрикѣевъ производилъ государственный заемъ, а въ 1717 г. скончался. Петръ I, желая почтить память Патрикѣева, положилъ на гробницу его 20 червонныхъ.

«Русск. истор. библіот.», т. X, стр. 453, 466; т. XII, стр. 88; «Сборн. выпис. изъ архивн. бум. о Петрѣ Вел.», т. II, стр. 18; Голиковъ, «Дѣянія Петра Вел.», т. XI, стр. 475. *Н. В.*

Патрикѣевъ, *Михаилъ*. Имя его, какъ подъячаго Сибирскаго Приказа, встрѣчается уже въ актѣ 1622 г. Въ 1637 г. 1-го апрѣля онъ назначенъ былъ дьякомъ въ Сибирскій Приказъ, а въ 1639 г., 14-го февраля,—въ Холопій Приказъ. Въ 1640 г. П. былъ объѣзжимъ головою въ Москвѣ, въ Китаѣ-городѣ. Въ 1641 г. онъ былъ въ Холопьемъ Судѣ, а въ слѣдующемъ году ему велѣно быть дьякомъ въ Астрахани при воеводѣ кн. Ѳ. Телятевскомъ; вмѣстѣ съ нимъ П. дозволялъ себѣ всякія злоупотребленія, на что подана была жалоба отъ его прочихъ товарищей по управленію черезъ Пахомія, архіепископа Астраханскаго. Въ 1647 году мы видимъ П. уже въ Помѣстномъ Приказѣ, куда назначенъ онъ былъ, можетъ быть, и въ концѣ 1646 г., такъ какъ ноября 30-го онъ уже былъ въ Москвѣ. На время отлучекъ царя изъ Москвы на богомолье или по другимъ надобностямъ М. Патрикѣевъ не разъ назначался государемъ среди большого числа другихъ лицъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ». Такъ, онъ былъ назначенъ въ 1636 г. на 24-е, 27-е и 30-е сентября; въ 1637 г.—на 23-е мая, въ 1638 г.—на 5-е октября; въ 1640 г. на 17-е и 30-е сентября, въ 1646 г. на 30-е ноября и въ 1647 г. на 24-е апрѣля. М. Патрикѣевъ извѣстенъ еще, какъ составитель Московскихъ писцовыхъ книгъ 1636—1637 гг.

«Акты истор.», т. III, стр. 169, 177, 361, 363; т. IX, 84; «Доп. къ акт. истор.», т. X, 48; «Русск. истор. библіот.», т. X, стр. 18, 43, 84, 91, 105, 123, 125, 203, 213, 216, 299, 339, 366, 375; «Древн. Росс. Библіот.», т. XX, отд. II, стр. 395 и 408. *Н. Воронковъ.*

Патрикѣевъ, *Николай Алексѣевичъ*, врачъ; въ 1829 г., изъ податного сословія,

онъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ въ 1834 г. и окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря I-го отдѣленія, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ во 2-й Учебный карабинерный полкъ. Въ 1839 г. П. получилъ въ Московскомъ университетѣ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1844 г. перешелъ на должность Суздальскаго (Владимірской губерніи) городового врача, а въ 1845 г. вернулся въ военную службу и былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ Московскаго военнаго госпиталя. Въ 1847 г. Патрикѣевъ перешелъ въ Люблинскій военный госпиталь, въ слѣдующемъ году—въ Замосцскій, а въ 1850 г.—снова въ Люблинскій госпиталь; въ 1856 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ главнаго доктора Ивангородскаго военнаго госпиталя, въ 1857 г.—младшимъ ординаторомъ Варшавскаго военнаго госпиталя, а въ 1858 г.—Люблинскаго госпиталя, въ 1861 г.—старшимъ штабъ-лѣкаремъ Семипалатинской области, въ 1862 г.—младшимъ ординаторомъ Новороссійскаго военнаго госпиталя; въ 1863 г. Патрикѣевъ получилъ тамъ же должность старшаго ординатора, а въ 1873 г. былъ уволенъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Работа его—«Эпидемическое гноеточивое воспаленіе глазъ» была представлена, какъ разсужденіе на званіе штабъ-лѣкаря въ Московскомъ университетѣ 1839—1840 гг.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели». С.-Пб. 1886 г., тетр. II, стр. 48. *Н. К—нъ.*

Патрикѣевъ, *Юрій Патрикіевичъ*, бояринъ и воевода, служилъ великимъ князьямъ Василію Димитріевичу и сыну его Василію Темному. Къ первому онъ былъ такъ близокъ и пользовался такимъ уваженіемъ его, что въ 1418 г. вел. князь выдалъ за него дочь свою Марію (см. выше), а въ 1425 г. Ю. П былъ первымъ въ числѣ свѣтскихъ свидѣтелей при составленіи великимъ княземъ своего духовнаго завѣщанія. Въ дѣятельности Ю. Патрикѣева можно отмѣтить слѣдующіе моменты. Въ 1433 году онъ ходилъ къ Костромѣ на дѣтей князя Юрія Димитріевича Галицкаго, Василія Косого и Димитрія Шемяку, но при р. Куси разбитъ былъ ими и взятъ въ плѣнъ; въ 1437 г., по порученію великаго князя, съ успѣхомъ ѣздилъ въ Новгородъ за такъ называемымъ чернымъ боромъ, а въ 1439 г., при нашествіи хана Улу-Махмета, оставленъ былъ бѣжавшимъ великимъ княземъ въ Москвѣ блюсти столицу.

«Полн. собр. русс. лѣт.» V, 265; VI, 149, 169, VII, 254; VIII, 98, 107, 114; XV, 490; «Никон. лѣт.», V, 115—116, 136; «Архангелог. лѣт.», 119; «Русск. Временн.» I, 362; Карамзинъ, т. V, пр. 254; «Собр. гос. грам. и дог.» I, №№ 39, 41, 42. *А. Экз—ій.*

Патринъ (Patrin), *Евгеній-Мельхіоръ-Людовикъ*, извѣстный минералогъ и естествоиспытатель; родился во Франціи, около Ліона, 3-го апрѣля 1742 г. Окончивъ первоначальное образованіе, П., съ раннихъ лѣтъ чувствовавшій особенное стремленіе къ занятіямъ естественными науками, при первой возможности отправился путешествовать по Европѣ съ научными цѣлями. Онъ посѣтилъ Германію, Австрію, Богемію, Венгрію и Польшу. Въ Вильнѣ онъ встрѣтился со своимъ соотечественникомъ Gilibert'омъ (профессоромъ ботаники въ мѣстномъ университетѣ), который далъ П. рекомендательныя письма къ нѣкоторымъ членамъ Петербургской Академіи Наукъ, между прочимъ—къ П. С. Палласу. Проведя нѣкоторое время въ Петербургѣ, П. 12-го октября 1779 г. былъ избранъ, по предложенію Палласа, въ члены-корреспонденты Академіи Наукъ; немного ранѣе этого, онъ, въ сопровожденіи русскаго унтеръ-офицера, отправился, съ одобренія Палласа, въ научное путешествіе по Сибири, гдѣ и провелъ почти 8 лѣтъ, совершая непрестанныя поѣздки и путешествія пѣшкомъ въ глубь неизвѣданныхъ странъ, подвергаясь всевозможнымъ лишеніямъ, но и обогащая свои научныя коллекціи, посылая открытія въ Петербургъ и переписываясь съ Палласомъ, Лепехинымъ и другими учеными. Получивъ званіе шихтмейстера, П. поселился сначала въ Колывани, а затѣмъ въ Барнаулѣ, откуда также совершалъ свои экскурсіи. Въ 1781 г. онъ посѣтилъ Алтайскій хребетъ, сдѣлавъ при этомъ много открытій, описанныхъ имъ въ формѣ письма, которое было напечатано въ Петербургѣ въ 1783 г. подъ заглавіемъ «Rélation d'un voyage aux Monts d'Altaïce, en Sibérie, fait en 1781 par M. Patrin...» (оно перепечатано въ сочиненіи Палласа «Neue nordische Beyträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung...»

*

Vol. IV, S.-Petersb. 1783, S. 183—198). Указомъ императрицы Екатерины II отъ 8-го августа 1785 г. «шихтмейстеръ Патринъ» былъ назначенъ, въ качествѣ спеціалиста-естествоиспытателя, въ составъ извѣстной экспедиціи Биллингса, посланной къ берегамъ р. Ковыми и Берингову проливу. Выборъ П. былъ сдѣланъ Палласомъ, руководившимъ научнымъ снаряженіемъ экспедиціи. Патрину была дана составленная Палласомъ же инструкція изъ X пунктовъ, изъ которой видно, какъ высоко ставилъ нашъ ученый познанія П. и какую пользу онъ думалъ извлечь изъ экспедиціи, благодаря его участію въ ней. Императрица обѣщала П. чинъ коллежскаго ассесора за участіе въ экспедиціи и снабдила его деньгами на расходы. Однако П., здоровье котораго было расшатано суровымъ климатомъ и многочисленными лишеніями, не могъ присоединиться къ членамъ экспедиціи, которые прибыли въ Томскъ, гдѣ былъ тогда Патринъ, 14-го февраля 1786 г. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Петербургъ, выславъ впередъ богатѣйшія, собранныя имъ, коллекціи, главнымъ образомъ, минералогическія. Вернувшись въ 1787 г. во Францію, П. вскорѣ послѣ революціи занялъ мѣсто библіотекаря въ парижскомъ Institut des mines. Выйдя затѣмъ въ отставку, онъ умеръ въ St. Vallier 15-го августа 1815 г. Онъ извѣстенъ многими открытіями въ минералогіи и какъ авторъ сочиненія «Elemens de minéralogie et de géologie, ou Histoire naturelle des minéraux» (Paris. 1801, 5 vol.) и статей во многихъ французскихъ журналахъ. Въ «Nova acta Academiae Petropolitanae» (t. III, Hist., p. 57—59) помѣщенъ «Extrait d'une lettre à Mr. le Conseiller de Collège Pallas, datée d'Irkouzk le 1 janvier 1785 (sur quelques minéraux et plantes de la Sibérie»), а въ «Neue nordische Beyträge...» Палласа (т. IV, стр. 164—198)—письмо къ нему П. изъ Барнаула отъ 10-го февраля 1782 г. Кромѣ того, въ 1779 г. онъ прислалъ Палласу свой научный журналъ, веденный во время поѣздки между Петербургомъ и Москвою, а въ 1780 г., уже изъ Барнаула, свой трудъ «Flora Barnaulensis», который переданъ былъ въ музей Академіи.

«Путешествіе флота капитана Г. Сарычева по сѣверовосточной части Сибири... при экспедиціи, бывшей подъ начальствомъ флота капитана Биллингса». С.-Пб. 1802 г., ч. I, стр. IX, 1, 3, 4, 5, 9—10 и 12; Pallas. «Neue nordische Beyträge...», t. II, S. 364—373; «Voyage, fait par ordre de l'Impératrice Catherine dans le Nord de la Russie asiatique... par Billings, redigé par M. Sauer, trad. de l'anglais... par. J. Castéra», Paris. 1802, t. I, p. 16 et t. II, pp. 371—378 (инструкція Палласа); «Biographie universelle»; «Annales encyclopédiques» 1818, t. IV, pp. 58—71; «Протоколы засѣданій конференціи Импер. Академіи Наукъ, т. II, 1771—1785 г.», С.-Пб. 1900, стр. 412, 423, 433, 436, 484, 511, 518, 726; В. Лагусъ. «Эрикъ Лаксманъ». С.-Пб. 1890. *Б. М—ій.*

Патринъ, *Николай Степановичъ*, писатель; происходилъ «изъ солдатскихъ дѣтей»; въ 1759 г. поступилъ въ военную службу, участвовалъ въ турецкой войнѣ и былъ при взятіи Бендеръ; 23-го августа 1773 г. онъ получилъ чинъ капитана, а 9-го октября 1777 г. вышелъ въ отставку маіоромъ. Опредѣлившись затѣмъ въ статскую службу, П. былъ назначенъ городничимъ въ г. Новомиргородъ, гдѣ и служилъ до выхода въ отставку, получивъ 11-го апрѣля 1785 г. чинъ надворнаго совѣтника. П. былъ живъ еще въ 1818 г., но вскорѣ умеръ По выходѣ въ отставку, занимался сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи въ Елизаветградскомъ (послѣ Бобринецкій) уѣздѣ Херсонской губерніи, гдѣ у него было около 2.500 десятинъ земли. Въ 1805 г. онъ представилъ въ Вольно-Экономическое Общество «Отвѣтъ на задачу 1805 года о приведеніи пеньки въ доброту льна», удостоенный отъ Общества награжденія золотой медалью въ 30 червонныхъ (назначенной М. Н. Муравьевымъ) и напечатанный въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» (1806 года, ч. 58, стр. 271—274); въ слѣдующемъ, 1806 г., онъ получилъ назначенныя Д. П. Трощинскимъ золотыя медали въ 20 червонныхъ: за «Отвѣтъ на девятую задачу 1806 года о изобрѣтеніи простой и дешевой молотильной махины» («Труды Вольно-Экономическаго Общества» 1807 г., ч. 59, стр. 175—180, съ рисункомъ) и въ 25 червонцевъ — за искусство добыванія поташа изъ разныхъ травяныхъ растеній.

Архивъ Департам. Герольдіи Правит. Сената (дѣло о дворянствѣ и др. свѣдѣнія); «Труды Вольно-Экономическаго Общества» 1806 г., ч. 58, стр. 305—307; А. И. Ходневъ. «Исторія Импер. Вольно-Экономическаго Общества». С.-Пб. 1805 г., стр. 403, 405 и 406. *Б. Львовъ.*

Патрицкій, *Александръ Павловичъ*, врачъ; происходилъ изъ духовнаго сосло-

вія, родился въ 1815 г., умеръ въ 1854 г. Учился въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ; въ 1841 г. былъ назначенъ лѣкаремъ въ артиллерійскій паркъ 3-й бригады, въ томъ же году перешелъ въ Азовскій пѣхотный полкъ, а въ 1842 г.—въ 6-й саперный баталіонъ. Въ 1845 г. Патрицкій былъ переведенъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ, а въ 1847 г.—въ Темиръ-Ханъ-Шуринскій военный госпиталь; прослуживъ здѣсь до 1852 г., онъ перешелъ въ госпиталь 6-го кавалерійскаго округа украинскихъ военныхъ поселеній, а въ слѣдующемъ году—въ Полтавскій кадетскій корпусъ; имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора, умеръ въ Харьковской городской больницѣ, гдѣ лѣчился отъ душевной болѣзни. Онъ напечаталъ: «Застарѣлый вывихъ плеча» въ «Другѣ Здравія» 1844 года и «Прекращеніе рвоты и икоты отъ соды съ лимоннымъ сокомъ»—тамъ же.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели». С.-Пб., тетр. II, стр. 48. *Н. Кулибинъ*

Патрушевъ, *Иванъ Кузьмичъ*, рудознатецъ, уроженецъ дер. Кашиной, Тверской губ.; сынъ «трубника» при государевыхъ палатахъ. Въ 1697 г., въ числѣ другихъ русскихъ учениковъ, былъ посланъ для обученія рудному и монетному дѣлу въ Саксонію, откуда черезъ годъ вернулся въ Москву. Въ началѣ 1701 г. Патрушевъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ бергмейстеромъ Блюэромъ, былъ вновь посланъ въ Саксонію, чтобы тамъ нанять и привезти съ собою плавиленныхъ мастеровъ.

Императоръ Петръ Великій, заботясь о развитіи на сѣверѣ Россіи горнаго дѣла, указомъ 9-го февраля 1702 г. отрядилъ партію рудознатцевъ «для происку серебряныхъ и мѣдныхъ рудъ въ Заонѣжьѣ». Патрушевъ состоялъ дозорщикомъ этой партіи, въ составѣ коей находился, между прочимъ, и Блюэръ. Въ томъ же году около Патмозера (въ 65 в. отъ нынѣшняго Петрозаводска на С.-В.) партія нашла мѣдную руду и тутъ же поставила плавильныя печи, въ которыхъ работа, въ небольшихъ размѣрахъ и съ перерывами, велась до 1706 г. Въ слѣдующемъ году, по распоряженію Олонецкаго коменданта Чоглокова, на Кончозерѣ были сложены постоянныя печи и въ нихъ плавилась руда какъ патмозерская, такъ и найденная близъ Пертозера. Дѣло не шло, однако, успѣшно, и Патрушевъ, вмѣстѣ съ партіею, въ 1711 г. былъ вызванъ изъ края въ Москву. Вслѣдъ за этимъ нѣкоторое время онъ управлялъ имѣніями кронъ-принцессы Софіи-Шарлотты. Въ 1715 г. его вызвали изъ Москвы и хотѣли отправить вмѣстѣ съ Блюэромъ въ Большую Кабарду, но Патрушевъ отговорился, ссылаясь на болѣзнь и домашнія обстоятельства, при чемъ просилъ отпустить его на родину. Въ 1720 году Бергъ-Коллегія назначила для управленія вновь возникшими Уральскими заводами В. Н. Татищева, въ помощь которому были приданы Блюэръ и, теперь уже въ званіи бергъ-шрейбера, Патрушевъ; послѣдній въ началѣ имѣлъ главное завѣдываніе всѣми заводскими приходами и расходами, находясь въ Кунгурѣ, а затѣмъ, при отъѣздѣ Татищева съ Урала, въ 1722 г. былъ переведенъ въ Уктусъ (въ званіи бергъ-фохта) для управленія Канцеляріею высшаго горнаго начальства.

На Уралѣ Патрушевъ пробылъ, повидимому, до самой своей смерти; по крайней мѣрѣ, де-Геннинъ, смѣнившій Татищева, въ одномъ изъ своихъ писемъ (въ октябрѣ 1722 г.) говоритъ о болѣзни Патрушева, мѣшавшей послѣднему вести дѣла горнаго начальства. Какъ дѣятель самостоятельный, Патрушевъ не имѣлъ значенія, но заслуживаетъ памяти, какъ одинъ изъ первыхъ русскихъ, получившихъ спеціальное образованіе за-границею, какъ полезный и свѣдующій исполнитель въ административной машинѣ Петровской эпохи.

Германъ. «Историч. начертаніе горнаго производства въ Россіи» 1809; Н. Чупинъ. «Татищевъ и его первое пребываніе на Сибирскихъ заводахъ («Сборн. статей о Пермской губ.», вып. I, 1882 г.); Рожковъ. «Дѣятельность Татищева на Уралѣ», прилож. I («Горн. Журн.» 1834 г., № 7 и 8; тутъ же письмо Де-Геннина о болѣзни Татищева, № 8, стр. 268); Рожковъ. «Горнозав. промыселъ въ Олонецкомъ краѣ» («Горн. Журн.» 1888 г., № 2).
С. Кулибинъ.

Патулло, русскій врачъ, приглашенный для лѣченія любимой сестры Петра Великаго, Натальи Алексѣевны; вмѣстѣ съ Патулло были приглашены: Бидлоэ, оба Блюментроста, Шиберъ, Ванъ-деръ-Гульстъ и Севасто; всѣ они общими силами составили исторію болѣзни, которая была послана за-границу къ различ-

нымъ иностраннымъ врачамъ; тѣ, въ свою очередь, написали цѣлыя монографіи. Весь этотъ матеріалъ былъ посланъ къ Бургаву, который составилъ обширный очеркъ и назначилъ больной лѣченіе. Патулло пользовался извѣстностью, какъ опытный практикъ съ большими познаніями.

Джунковскій. «Краткое обозрѣніе врачебной науки въ Россіи» («Всеобщій журн. врач. науки». С.-Пб. 1811 г., № 2, стр. 25); П. Крестовскій. «Матер. къ исторіи каѳедры частной патологіи и терапіи». С.-Пб. 1898 г., стр. 17.

Н. Кульбинъ.

Пау, *Рейнеріусъ* (Reinhard Pauw), онъ же **Павъ**, *Романъ* **Паудъ** или **Пауа**, врачъ, голландецъ; родился около 1582 года, практиковалъ въ Амстердамѣ, служилъ въ Россіи отъ 1638 г. до 1643 г. 10-го декабря 1637 г. аккредитованный голландецъ, названный въ рукописяхъ Андреемъ Денисьевымъ, вручилъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ Москвѣ письмо отъ штатгальтера голландскаго принца Генриха Нассау-Оранскаго: въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 5-мъ іюня 1637 г., принцъ писалъ царю, что докторъ Пау проситъ его содѣйствія и рекомендаціи для вступленія въ царскую службу; главной причиной такого желанія былъ хорошій пріемъ, оказанный бывшему въ Россіи и незадолго умершему доктору Полиданусу; основаніемъ для рекомендаціи послужили: 1) хорошіе аттестаты доктора Пау по врачебной части и его ученость; 2) 24-лѣтнее занятіе его практикою и 3) доброе мнѣніе, коимъ пользовались этотъ врачъ и его родственники въ Голландіи. По приказу царя, о докторѣ Пау были наведены справки у всѣхъ голландцевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву; голландцы отвѣтили, что Пау жилъ въ теченіе долгаго времени въ Амстердамѣ и учинился извѣстенъ практикой, и что при своихъ 45-ти годахъ онъ имѣетъ великую опытность въ своемъ искусствѣ. Послѣ этого Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ принцу Оранскому отвѣтъ на письмо и позволилъ врачу пріѣхать въ Москву, обѣщавъ ему достаточное жалованье. 25-го іюля 1638 г. Пау пріѣхалъ въ Архангельскъ съ двумя сыновьями, племянницей и тремя служителями; пробывъ тамъ до 8-го сентября, онъ отправился въ Москву; отъ Архангельска до Устюга и Вологды онъ пользовался угощеніемъ на царскій счетъ. При въѣздѣ въ Москву 11-го декабря 1638 г. д-ръ Пау былъ принятъ царемъ такъ же милостиво, какъ и другіе врачи. Михаилъ Ѳеодоровичъ опредѣлилъ его докторомъ Аптекарскаго Приказа и назначилъ ему 220 рублей жалованья въ годъ и по 60 р. столовыхъ ежемѣсячно, кромѣ припасовъ, которые отпускались врачамъ по обыкновенію, и подарковъ, сдѣланныхъ при первой аудіенціи.

Это громадное по тому времени вознагражденіе показалось д-ру Пау недостаточнымъ,—и черезъ нѣкоторое время онъ потребовалъ прибавки къ жалованью и столовымъ деньгамъ. Въ виду этого, приказано было разслѣдовать его службу, и результаты слѣдствія не соотвѣтствовали ожиданіямъ Пау; ему объявили, что хотя онъ и былъ посланъ по указу Аптекарскаго Приказа къ разнымъ боярамъ, но не могъ вылѣчить ни одного изъ нихъ; онъ неудачно пользовалъ Богдана Хитрово, Василія Ляпунова, сына князя Юрья Андреевича Сицкаго и многихъ другихъ. Разсмотрѣвъ дѣло, царь повелѣлъ выдать доктору Пау аттестатъ, въ которомъ обозначить, что онъ можетъ отправиться въ свое отечество или туда, куда заблагоразсудитъ, потому что въ Россіи для него нѣтъ праздного мѣста. Такимъ образомъ въ 1643 г. Пау былъ высланъ изъ Россіи.

Вильгельмъ Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи», ч. II. Москва. 1820 г., стр. 66; Л. Змѣевъ. «Чтенія по врачебной исторіи Россіи». С.-Пб. 1896 г., стр. 237; Н. П. Загоскинъ. «Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи». Казань. 1891 г., стр. 58.

Н. Кульбинъ.

Паузе, *Іоганнъ-Вернеръ*, первый переводчикъ при Императорской Академіи Наукъ, магистръ философіи Іенскаго университета, род. въ Тюрингіи въ 1670 г., умеръ въ 1735 г. въ Петербургѣ. Прибывъ около 1703 года въ Россію вмѣстѣ съ другими иностранцами, приглашенными Іоганномъ-Рейнгольдомъ фонъ-Паткулемъ на русскую службу, П. былъ сперва учителемъ, а съ 1705 г. директоромъ Московской школы, основанной въ 1703 году плѣннымъ шведскимъ пасторомъ-оріенталистомъ Глюкомъ въ домѣ Нарышкина на Покровкѣ. Отъ времени пребыванія П. въ Москвѣ осталось множество его записокъ, писемъ и нѣсколько стихотвореній на раз-

ные случаи; все это хранится теперь во II (иностранномъ) Отдѣленіи академической библіотеки. Между записками особенно замѣчательны: «Monumenta qua de vitae ac studiis meis testabantur». Любопытны также и письма его о Московской школѣ, относящіяся къ 1706 году, представляющія собой интересный матеріалъ для исторіи русскаго просвѣщенія. Въ Москвѣ Паузе занимался и переводами на русскій языкъ и, между прочимъ, перевелъ, какъ видно изъ названныхъ бумагъ его, трудъ Гюйгенса—«Cosmoteoros», подъ заглавіемъ: «Книга міровоззрѣнія», которая была издана въ 1717 и 1724 гг. Переводами онъ обратилъ на себя вниманіе и въ 1724 году былъ приглашенъ занять мѣсто переводчика при Академіи Наукъ. Здѣсь, кромѣ переводовъ, П. писалъ также и оригинальныя сочиненія; такъ, въ 1729 г. онъ написалъ «Россійскую грамматику»; далѣе, въ «Катологѣ писателей, объясняющихъ россійскую исторію» Селлія ему приписываются слѣдующія сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ: «Показаніе всѣхъ русскихъ великихъ князей новгородскихъ, суздальскихъ, рязанскихъ, владимірскихъ, московскихъ, галицкихъ и проч.»; «Родословное описаніе всѣхъ русскихъ князей, бояръ и древнихъ благородныхъ русскихъ фамилій»; «Описаніе рѣкъ, дорогъ, городовъ и знатнѣйшихъ мѣстъ, съ показаніемъ верстъ русскихъ». Но, по предположенію митрополита Евгенія, эти сочиненія есть только лишь переводы, первое—«Синопсиса» Кіевскаго, второе—«Родословной дворянской книги», и третье—«Большого чертежа». Паузе перевелъ еще «Несторову лѣтопись», съ сокращеніями, «Степенную книгу» и одну безымянную историческую рукопись.

«Словарь русск. свѣтск. писателей», митроп. Евгенія, т. II, М. 1845 г., стр. 115—116; «Матеріалы для исторіи Импер. Академіи Наукъ», т. I, С.-Пб. 1885 г. и т. II, С.-Пб. 1886 г.; П. Пекарскій. «Исторія Импер. Академіи Наукъ», т. I, С.-Пб. 1870 г.; Его же: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», т. I и II. *Ив. Давидовичъ.*

Паукеръ, *Адольфъ Егоровичъ* (Adolf-Wilhelm-Christian), инспекторъ Александровскаго Лицея, писатель; младшій сынъ Магнуса, братъ Карла и Германа Паукера, род. въ Митавѣ 13-го мая 1824 года, умеръ въ С.-Петербургѣ 26-го марта 1875 года. Онъ обучался сперва въ Митавской классической гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ Морской Корпусъ, который и окончилъ 30-го декабря 1842 г. мичманомъ (въ 24-й экипажъ), бывъ передъ тѣмъ фельдфебелемъ гардемаринской роты. Въ чинѣ лейтенанта П. сопровождалъ на фрегатѣ «Паллада» герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго на островъ Мадеру, откуда въ іюлѣ 1850 года вернулся въ С.-Петербургъ; въ 1855 г. онъ былъ старшимъ офицеромъ на кораблѣ «Іезекіилъ». Въ 1855 году Паукеру было поручено привести въ порядокъ библіотеку Гидрографическаго Департамента Адмиралтейства, въ февралѣ 1856 года онъ былъ назначенъ репетиторомъ и воспитателемъ, а вскорѣ послѣ этого—и преподавателемъ англійскаго языка при Императорскомъ Лицеѣ въ С.-Петербургѣ. Въ то же время, онъ состоялъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ англійскаго языка въ Морскомъ Корпусѣ, Морскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ пансіонахъ. Съ 1867 года П., въ чинѣ капитана 1-го ранга, состоялъ по день смерти инспекторомъ сначала воспитанниковъ, а потомъ и классовъ Лицея. Его сочиненія слѣдующія: «Англійская морская христоматія» (1865 г.); «Французская христоматія»; «Англійская христоматія съ приложеніемъ англо-русскаго словаря», два изд. и «Manual of Russian conversation». Въ «Морскомъ Сборникѣ» П. помѣстилъ статьи: «Собраніе шведскихъ морскихъ законовъ и постановленій (1824—1851), хранящихся въ Гидрографическомъ Департаментѣ» (1856, т. XX, № 1, стр. 17—30, библ.), «Приливы и отливы» (1856, т. XXI, № 4, стр. 14—16); «Желѣзныя мачты для кораблей, проектированныя г. Финчемъ и Лампортомъ», перев. (1856, т. XXII, № 5, стр. 16—23), «Составная мачта Д. Робба» (тамъ же, стр. 23—25); «Англійскій индѣйскій флотъ» (1856, т. XXII, № 7, стр. 126—129); «Арктическое теченіе», перев. съ датскаго (1856, т. XXIII, № 8, стр. 268—278) и «О теченіяхъ моря», перев. съ нѣмецкаго (1856 г., т. XXV, № 13, стр. 302—328).

H. J. Paucker. «Die Familie Paucker». Reval. 1885, стр. 43—44; «Кронштадтскій Вѣстникъ» 1875 г., № 53; «Памятная книжка Импер. Алек-

сандровскаго Лицея на 1886 г.», стр. 84–88; «Морской Сборникъ», 1863, № 9.

К. Феттерлейнъ.

Паукеръ, *Германъ Егоровичъ*, министръ путей сообщенія. Родился 12-го октября 1822 г., въ Митавѣ, гдѣ отецъ его, Магнусъ-Георгъ Андреевичъ Паукеръ (см. ниже), извѣстный математикъ и членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ былъ преподавателемъ математики въ Gymnasium illustre; здѣсь Г. Е. и учился съ 1834 по 1837 годъ.

«Въ 1837 г., лѣтомъ»,—разсказывалъ про себя Г. Е. Паукеръ при разставаніи въ 1882 г. съ Инженерной Академіей: «меня, молодого парня. на 15-мъ году отъ роду, привезли въ Петербургъ. Послѣ кратковременнаго, трехнедѣльнаго подготовленія въ пансіонѣ капитана Кори, привели на экзаменъ въ тогдашнее Главное инженерное училище. Экзаменъ въ IV-й, кондукторскій, классъ я выдержалъ, былъ принятъ и затѣмъ мѣсяца три съ новыми товарищами ежедневно являлся въ статскомъ платьѣ въ училище на ученье маршировкѣ и ружейнымъ пріемамъ. Въ декабрѣ выдержалъ экзаменъ въ III-й классъ, въ числѣ немногихъ кандидатовъ, и въ началѣ января поступилъ въ роту и въ III-й классъ». «Прошли послѣ кондукторскихъ классовъ и два года офицерскихъ (нынѣ академическихъ). Кончилъ я въ нихъ курсъ въ 1842 г. поручикомъ, оставленъ при училищѣ репетиторомъ, а мѣсяцъ спустя уже читалъ свою первую лекцію изъ дифференціальнаго исчисленія, еще юношей, не полныхъ двадцати лѣтъ. Началась моя преподавательская служба, въ первые годы которой — да и не только въ первые,— я, конечно, учился самъ болѣе, чѣмъ обучалъ другихъ. Въ это время при училищѣ образовался кружокъ молодыхъ товарищей-преподавателей, работавшихъ соединенными силами и другъ друга поддерживавшихъ. Припомню изъ членовъ этого кружка... А. И. Квиста и Н. В. Болдырева. Центромъ же кружка и предсѣдателемъ нашихъ еженедѣльныхъ общихъ обѣдовъ былъ нашъ причудливый до невмѣняемости малороссъ, М. В. Остроградскій, любившій въ свободное время живую бесѣду молодежи»...

Лѣтомъ 1847 г. Паукеръ былъ посланъ на годъ за-границу, главнымъ образомъ для изученія, подъ руководствомъ французскихъ инженеровъ, примѣненія механики къ строительнымъ работамъ. Въ предписаніи о командировкѣ указаны были лица, руководствомъ которыхъ Паукеръ долженъ былъ воспользоваться. Въ числѣ этихъ лицъ упоминались Коши, Штурмъ, Бине, Ліувиль, Леверье, Понселе, Беланже, Санъ-Венанъ, Арданъ, Якоби, Дирихле и др.

По возвращеніи изъ-за-границы, Паукеръ напечаталъ двѣ статьи: одну, на русскомъ языкѣ, о сводахъ—въ «Инженерныхъ Запискахъ» за 1849 г; другую, на французскомъ языкѣ, — о рядахъ. въ журналѣ Креля. Эти двѣ статьи сразу доставили Паукеру извѣстность, какъ математику и механику.

Въ 1850 г. Паукеръ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ строительнаго искусства въ томъ же Инженерномъ училищѣ. Онъ подробно изучилъ химію, чтобы возможно полнѣе и научнѣе разъяснить тѣ вопросы изъ строительной техники, которые соприкасаются съ химіею, какъ, напримѣръ, вопросы объ известяхъ, цементахъ, кирпичномъ производствѣ, краскахъ, асфальтѣ и др. Не однимъ кабинетнымъ изученіемъ вопросовъ ограничивался Паукеръ; посвящая лѣтнее каникулярное время осмотру различныхъ строительныхъ работъ въ разныхъ русскихъ крѣпостяхъ, онъ на практикѣ изучалъ кирпичное производство, приготовляя и выжигая кирпичи. Переданные Паукеромъ въ химическую лабораторію Инженерной Академіи образцы глинъ и коллекція минеральныхъ красокъ представляютъ цѣнное собраніе. Въ лабораторіи Паукеръ собственноручно испыталъ множество цементовъ и замазокъ съ цѣлью опредѣлить наилучшій составъ замазки для заполненія трещины, появившейся въ Александровской колоннѣ (въ С.-Петербургѣ) и угрожавшей прочности этого монументальнаго сооруженія. Предложенный Паукеромъ составъ блистательно оправдалъ предположенія, совершенно предохранивъ колонну отъ поврежденій.

Въ 1855 г. Г. Е. Паукеръ получилъ громкую извѣстность устройствомъ лѣсовъ Петропавловскаго шпица (въ С.-Петербургѣ). Проектъ и постройка въ 1773 году смѣлаго высокаго деревяннаго Петропавловскаго шпица принадлежатъ

Брауеру, архитектору при Петергофскомъ дворцѣ. До 1854 г. поправки были произведены только дважды: въ 1828 и 1829 гг., когда крестъ вмѣстѣ съ ангеломъ наклонился и угрожалъ паденіемъ. Въ это время совершилъ свой извѣстный подвигъ молодечества Телушкинъ, поднявшійся на крестъ шпица при помощи одной только веревки и произведшій тамъ нужныя исправленія. Въ 1854 г. снова покривился крестъ на шпицѣ и самый шпицъ началъ примѣтно качаться отъ вѣтра. Инженерный Департаментъ Военнаго Министерства объявилъ конкурсъ на составленіе проекта лѣсовъ для снятія съ вершины шпица креста и ангела и для осмотра шпица по всей высотѣ его. Осмотръ этотъ имѣлъ цѣлью рѣшить, можно ли ограничиться одними исправленіями и укрѣпленіями стараго шпица и если можно, то какими именно,— или же нужно разобрать старый шпицъ и устроить новый. На конкурсѣ избранъ былъ проектъ, составленный инженеръ-капитаномъ Г. Е. Паукеромъ, и лѣса были имъ построены во время лѣта 1855 г. Для осмотра стараго шпица въ 1855—1856 гг. были назначены разновременно три коммиссіи, въ которыхъ принималъ участіе Г. Е. Паукеръ. Коммиссіи признали необходимымъ замѣнить деревянныя стропила желѣзными, что исполнено по проекту подполковника Д. И. Журавскаго. При возведеніи новаго шпица, пользовались лѣсами, построенными Г. Е. Паукеромъ.

«Продолжалась»,—говоритъ Г. Е. Паукеръ: «моя спокойная, научно-учебная жизнь до Крымской кампаніи и даже до сдачи Севастополя. Въ это время прибылъ въ Петербургъ Э. И. Тотлебенъ, и, въ ожиданіи на лѣто 1856 г. усиленной атаки Кронштадта соединенными флотами Англіи и Франціи, ему поручены обширныя работы по усиленію Кронштадтской позиціи временными укрѣпленіями. Въ числѣ нѣсколькихъ инженерныхъ офицеровъ былъ прикомандированъ къ нему и я. Но, до окончанія этихъ работъ, былъ заключенъ Парижскій миръ, работы прекращены и Э. И. Тотлебенъ уѣхалъ за границу, гдѣ пробылъ слишкомъ три года. Меня же, по его рекомендаціи, назначили состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ великомъ князѣ Николаѣ Николаевичѣ, генералъ-инспекторѣ по инженерной части, отчисливъ отъ Инженерной Академіи. Этому моему отчисленію Инженерная Академія сопротивлялась всѣми мѣрами. Но съ особенною энергіей сопротивлялся тогдашній главный начальникъ военно-учебныхъ заведеній Я. И. Ростовцевъ, въ вѣдѣніи котораго тогда состояла Академія. Онъ настоятельно убѣждалъ и уговаривалъ меня не оставлять Академіи, даже просилъ государя не соглашаться на мое отчисленіе. Но когда оно, тѣмъ не менѣе, состоялось, онъ перемѣнилъ тонъ, отечески благословилъ меня на новую дѣятельность и сердечно пожелалъ успѣха. Служба моя внѣ Академіи сначала пошла было бойко. Скоро ни одно техническое дѣло не восходило до высшаго начальства, не побывавъ прежде въ моихъ рукахъ. Не знаю, приносилъ ли я тогда ощутительную пользу, но на меня эта служба имѣла большое вліяніе, заставивъ изучать всѣ отрасли военно-инженернаго дѣла. До того я былъ почти одностороннимъ математикомъ, съ этого же времени сталъ инженеромъ».

Въ 1858 г. Г. Е. Паукеръ осмотрѣлъ Николаевъ, Вознесенскъ, Херсонъ, южный берегъ Крыма, Керчь, изслѣдовалъ Керчь-Еникальскій проливъ и составилъ первый проектъ укрѣпленій этого пролива. Въ томъ же году, въ замѣнъ гранитныхъ морскихъ фортовъ, Паукеръ выработалъ проектъ земляной морской батареи «Константинъ» въ Кронштадтѣ, послужившей образцомъ для всѣхъ остальныхъ новѣйшихъ морскихъ батарей въ Кронштадтѣ и Очаковѣ. Когда Паукеръ предложилъ построить батарею «Константинъ» на слоѣ насыпного песку, то ему пришлось выслушать цѣлый рядъ возраженій со стороны инженеровъ. Такъ, было высказано мнѣніе, что «песокъ, сдавленный зданіемъ форта, выдавится изъ-подъ него въ сторону, зданіе погрузится въ песокъ и при этомъ можетъ получить значительныя поврежденія. Паукеру ничего не оставалось, какъ только съ цифрами въ рукахъ доказать, что для данной нагрузки имѣется предѣлъ глубины, за которымъ выдавливаніе песка становится невозможнымъ. Для теоретическаго рѣшенія вопроса Паукеръ представилъ весьма остроумную схему взаимодѣйствія двухъ призмъ: призмы

обрушенія и призмы сопротивленія и выразилъ математически условія ихъ равновѣсія посредствомъ формулы, извѣстной подъ названіемъ *формулы Паукера*. Практически правильность формулы повѣрялась тогда же, въ 1858 г., опытами въ Петропавловской крѣпости. Формулою Паукера обыкновенно руководствуются при опредѣленіи глубины заложенія основаній, преимущественно мостовыхъ опоръ.

Въ 1859 г. Г. Е. Паукеръ былъ назначенъ производителемъ дѣлъ въ Комитетъ, разсматривавшій состояніе укрѣпленій Балтійскаго и Чернаго морей. «Но», говоритъ Паукеръ: «неопытность жизни, непривычка къ условіямъ практической службы взяли свое. По возвращеніи Э. И. Тотлебена возникли столкновенія и вскорѣ обострились до такой степени, что мнѣ предстояло или оставить инженерную службу, или служить гдѣ-то въ отдаленномъ, никому не интересномъ мѣстѣ Россіи, истлѣть вдали отъ всего, что для меня было дорого для поддержанія и развитія умственной жизни. Кто же меня выручилъ, кто спасъ отъ невзгоды и защитилъ меня? Все та же незлопамятная Академія, отъ которой я же было отшатнулся. Академія приняла меня и даже открыла мнѣ болѣе широкую дѣятельность, чѣмъ прежняя. Я былъ назначенъ инспекторомъ классовъ, а нѣсколько лѣтъ спустя и ординарнымъ профессоромъ».

Должность инспектора классовъ Николаевской Инженерной академіи и училища Г. Е. Паукеръ занималъ съ 1860 по 1866 годъ. Въ 1866 году Паукеръ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а въ 1868 году утвержденъ профессоромъ по механикѣ; онъ занималъ эту должность до 1882 года. Съ 1872 по 1879 годъ онъ, кромѣ того, занималъ каѳедру строительной механики въ С.-Петербургскомъ Практическомъ Технологическомъ институтѣ. Въ 1879 году тяжкая болѣзнь заставила Г. Е. Паукера прекратить лекціи въ Технологическомъ институтѣ; однако, онъ не потерялъ съ нимъ связи, такъ какъ былъ назначенъ почетнымъ членомъ учебнаго комитета института.

За все время педагогической дѣятельности не прекращалась стоительная дѣятельность Г. Е. Паукера. Въ 1857 году онъ былъ опредѣленъ присутствовать въ Строительной конторѣ Министерства Императорскаго Двора спеціально по дѣламъ постройки дворцовъ, сначала Великому князю Николаю Николаевичу, а вслѣдъ затѣмъ Великому князю Михаилу Николаевичу. Служба его въ дворцовой Строительной конторѣ окончилась въ 1882 году, вслѣдствіе ея упраздненія. Какъ членъ этой конторы, Паукеръ принималъ близкое участіе во всѣхъ строительныхъ работахъ Министерства Двора. Изъ этихъ работъ заслуживаетъ особаго вниманія желѣзный куполъ надъ церковью Царскосельскаго дворца проектированный Г. Е. Паукеромъ и строившійся съ 1863 по 1865 годъ. Имъ замѣненъ былъ куполъ, построенный архитекторомъ Стасовымъ и сгорѣвшій въ іюлѣ 1863 года. Куполъ Паукера представляется однимъ изъ первыхъ, устроенныхъ въ Россіи изъ желѣза. Другою выдающеюся постройкою были деревянныя стропила, съ подвѣснымъ потолкомъ, проектированныя Паукеромъ для большого манежа л.-гв. Коннаго полка. Эти стропила перекрываютъ пролетъ въ 13 саженъ и 1 аршинъ.

Г. Е. Паукеръ былъ награжденъ высочайшими подарками за участіе въ перестройкѣ берейторскихъ конюшенъ (1868 г.), за перестройку главнаго зданія Императорской Академіи Художествъ (1868 г.), за участіе въ коммиссіи по устройству отопленія и вентиляціи въ Зимнемъ Дворцѣ (1873—1877 г.), за участіе въ работахъ по устройству клиники Вилліе (1868—1873 г.), у котораго Г. Е. Паукеръ состоялъ душеприказчикомъ по наслѣдству.

Въ 1868 году на Кронштадтскихъ укрѣпленіяхъ нѣкоторые изъ 11-дюймовыхъ пушекъ были установлены на *скрывающихся лафетахъ* системы Г. Е. Паукера. Сущность этой установки заключается въ слѣдующемъ. Поворотная рама кругового вращенія съ лафетомъ и орудіемъ помѣщена на прочный, составленный изъ желѣзныхъ рамъ и раскосовъ прямоугольный параллелепипедъ, расположенный надъ колодцемъ. Параллелепипедъ этотъ подвѣшенъ на цѣпяхъ къ неподвижнымъ блокамъ и уравновѣшенъ грузами, такъ что вся система, несмотря на свою значительную тяжесть (нѣсколько тысячъ пудовъ) можетъ легко опускаться въ колодезь и подниматься

изъ него. Для производства этихъ движеній служитъ центральный винтъ, закрѣпленный на днѣ колодца; матка этого винта неподвижно скрѣплена съ параллелепипедомъ. При вращеніи маховика въ извѣстномъ направленіи вся установка поднимается и орудіе производитъ выстрѣлъ, а при вращеніи въ обратномъ направленіи послѣ выстрѣла установка опускается, скрывая орудіе и лафетъ за брустверъ. Этимъ изобрѣтеніемъ Г. Е. Паукеръ далъ наилучшее изъ рѣшеній для скрывающейся установки берегового орудія. Не имѣется установки болѣе простой, болѣе прочной, наименѣе подверженной дѣйствію непріятельскаго огня, какъ та, которая дана Г. Е. Паукеромъ. На конкурсъ, открытый въ 1873 году предъ постройкою Александровскаго моста черезъ р. Неву, Паукеръ выработалъ оригинальный проектъ висячаго цѣпного моста жесткой конструкціи съ красивыми башнями. 1-го января 1876 года Паукеръ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты. Во время восточной войны 1877 года имъ былъ проектированъ для сообщенія чрезъ Дунай понтонный мостъ, который предполагалось построить между городами Зимницею и Систовомъ. Мостъ проектировался длиною 900 саженъ, изъ желѣзныхъ понтоновъ, соединенныхъ между собою желѣзными и деревянными балками, поверхъ которыхъ настилаются доски. На берегахъ проектировались особыя башни-устои. Для подъема полотна моста Г. Е. Паукеръ примѣнилъ, какъ и для подъема установки 11-дюймовой пушки—винты. Всѣ металлическія части для понтоннаго моста были заказаны на заводахъ въ Россіи и за границею. Однако, заказъ своевременно выполненъ не былъ, — и проектированный мостъ не былъ осуществленъ на Дунаѣ, но впослѣдствіи былъ переданъ въ Ново-Георгіевскую крѣпость. Состоя членомъ Совѣта главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, Г. Е. Паукеръ принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи многихъ техническихъ вопросовъ желѣзнодорожнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, по его иниціативѣ было произведено усовершенствованіе въ устройствѣ опоръ всѣхъ малыхъ мостовъ.

Кромѣ того, Г. Е. Паукеръ принималъ весьма дѣятельное участіе въ многочисленныхъ коммиссіяхъ, занимавшихся вопросами объ улучшеніи нашихъ путей сообщенія: Маріинской водной системы, урегулированіемъ Волги и Западной Двины, портовъ Либавскаго, Рижскаго, Батумскаго и желѣзныхъ дорогъ—Закавказской, Владикавказской и другихъ. Для Петербургскаго порта имъ былъ выработанъ совершенно оригинальный проектъ. Въ октябрѣ 1882 года Г. Е. Паукеръ сопровождалъ военнаго министра при осмотрѣ построенной военнымъ вѣдомствомъ Жабинско-Пинской дороги.

Не было инженернаго вопроса, къ которому бы Г. Е. Паукеръ не относился съ живѣйшимъ усердіемъ и съ самостоятельнымъ, оригинальнымъ взглядомъ. Онъ принималъ участіе въ проектѣ зданія для Московской выставки 1882 года, въ постройкѣ вращающейся башни для пулковскаго рефрактора и въ разработкѣ мѣръ противъ гибельныхъ послѣдствій пожаровъ въ театрахъ. Не только инженерные, но всякіе научные вопросы живо интересовали Г. Е. Паукера, до послѣднихъ дней сохранившаго юношескую свѣжесть и пылкость ума. Недаромъ, за свои бесѣды въ профессорской, въ минуты отдыха, онъ заслужилъ названіе «профессора профессоровъ». Твердымъ безкорыстіемъ Паукеръ прославился еще при самомъ началѣ своей строительной дѣятельности. Безукоризненная честность и всегдашняя готовность оказать помощь хорошо были извѣстны всѣмъ, кто съ нимъ приходилъ въ сношеніе по разнообразнымъ случаямъ.

1-го декабря 1882 года заслуженный профессоръ Инженерной Академіи Г. Е. Паукеръ былъ назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, и съ этого дня прекращается его профессорская дѣятельность. 7-го декабря 1882 года Инженерная Академія избрала его въ свои почетные члены, а 12-го декабря профессора и военные инженеры давали ему торжественный обѣдъ. На обѣдѣ многочисленные ученые, достигшіе уже громкой извѣстности своими техническими трудами (Н. П. Петровъ, А. Р. Шуляченко, Д. С. Заботкинъ и др.) и сослуживцы восторженно и пылко указывали на значеніе Г. Е. Паукера и на тѣ важныя заслуги, которыя далъ онъ инженерному дѣлу въ Россіи.

Въ томъ же 1882 году (10-го ноября)

Г. Е. Паукеръ былъ назначенъ почетнымъ членомъ Совѣта Торговли и Мануфактуръ и членомъ общаго присутствія состоящей при Военномъ Совѣтѣ Коммиссіи по устройству казармъ. 24-го декабря 1883 года Г. Е. Паукеръ былъ избранъ въ почетные члены Академіи Наукъ, а 30-го августа 1885 года ему пожалованы были бриллiантовые знаки ордена Александра Невскаго. Въ 1887 году Паукеръ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи для подробнаго осмотра и освидѣтельствованія Закаспійской желѣзной дороги. Кромѣ осмотра Закаспійской дороги, Г. Е. Паукеръ осмотрѣлъ древнюю плотину на р. Мургабѣ, ясно указалъ на важное ея значеніе, чѣмъ и способствовалъ ея возстановленію

7-го ноября 1888 года Г. Е. Паукеръ былъ назначенъ Министромъ Путей Сообщенія съ оставленіемъ во всѣхъ прочихъ занимаемыхъ имъ должностяхъ. Въ кратковременное управленіе Министерствомъ состоялись два очень существенныя законоположенія. Завѣдываніе дѣлами, касающимися руководительства дѣйствіями частныхъ желѣзныхъ дорогъ по установленію тарифовъ, а равно направленіе тарифнаго дѣла казенныхъ желѣзныхъ дорогъ перешло изъ Министерства Путей Сообщенія въ распоряженіе Министерства Финансовъ, гдѣ для сей цѣли организованы, по закону 8-го марта 1889 года: 1) Совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, 2) Тарифный Комитетъ и 3) Департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Второе законоположеніе относится къ переводу въ инженеры путей сообщенія техниковъ, служащихъ по вѣдомству путей сообщенія. Менѣе чѣмъ черезъ пять мѣсяцевъ послѣ назначенія министромъ 29-го марта 1889 года, Г. Е. Паукеръ скончался отъ воспаленія легкихъ. 3-го апрѣля онъ погребенъ на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.

Г. Е. Паукеръ не былъ женатъ. Исполняя его волю, наслѣдники предоставили Николаевской Инженерной академіи обширную его библіотеку, занимающую семь большихъ шкафовъ.

Изъ многихъ научныхъ работъ Г. Е. Паукеръ напечаталъ только нѣкоторыя, что объясняется недостаткомъ времени при обширныхъ практическихъ занятіяхъ и большою требовательностію къ печатному слову. Не слѣдуя господствовавшему обычаю предоставлять самимъ учащимся составлять для себя записки, Г. Е. Паукеръ самъ написалъ записки (напр., по строительной механикѣ), постоянно исправлялъ и дополнялъ ихъ, но при жизни автора онѣ имѣлись только въ литографированномъ видѣ, хотя, напр., выработанные Г. Е. Паукеромъ и приведенные въ запискахъ типы желѣзныхъ стропилъ, постоянно, безъ всякаго измѣненія деталей, примѣнялись цѣлыми поколѣніями строителей на практикѣ. Печатные труды Г. Е. Паукера слѣдующіе: 1) «Note relative à quelques règles sur la convergence des séries»—«Journal des mathematiques pures et appliqueés de M. A. Z. Crelle», tome XLII, 1849. 13 pages; 2) «О повѣркѣ устойчивости цилиндрическихъ сводовъ» въ «Инженерныхъ Запискахъ», часть XXXII, 1849 г., № 1, стр. 1—118; 3) «Начало возможныхъ перемѣщеній» въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго практическаго Технологическаго института» 1877 г., ч. XII, стр. 303 – 345.

Послѣ смерти Г. Е. Паукера напечатаны: 4) «Пояснительная записка къ проекту морской батареи» въ «Журналѣ Министерства Путей Сообщенія» 1889 г., книжка 40, стр. 217—238 и 5) «Строительная механика». Курсъ Николаевской инженерной академіи. Подъ редакціею Н. Л. Кирпичева. С.-Пб. 1891 г. 410 стр.

Формулярный списокъ; Составленная Н. Л. Кирпичевымъ біографія при сочиненіи Г. Е. Паукера: «Строительная механика»; «Прощальный обѣдъ, данный военными инженерами генералъ-лейтенанту Г. Е. Паукеру»—«Инженерный Журналъ» 1882 г., № 11 и 12; «Описаніе работъ по возведенію верхней части колокольни Петропавловскаго собора въ С.-Петербургской крѣпости». Д. Журавскаго—«Журналъ Путей Сообщенія» 1859 г., т. XXX, стр. 96—97; «О сопротивленіи естественныхъ основаній» В. Курдюмова—«Журналъ Министерства Путей Сообщенія» 1889 г., № 8, стр. 33—71; «Къ вопросу о сопротивленіи естественныхъ основаній» Инж. В. Курдюмова — Извѣстія Собранія Инженеровъ Путей Сообщенія» 1891 г., № 9 — 10; С. Будаевскій. «Курсъ артиллеріи», С.-Пб. 1898 г., стр. 123; «Опытъ наводки моста на желѣзныхъ цилиндрахъ, предназначавшагося для переправы чрезъ р. Дунай» инженеръ-капитана Я. Мясковскаго—«Инженерный Журналъ» 1880 г., №№ 4 и 5; Оффиціальная часть «Журнала Министерства Путей Сообщенія» за 1889 г., № 13; «Ген.-лейт. Паукеръ»—«Русскій Инвалидъ» 1889 г., № 74; «Всемірная Иллюстрація». Т. XL, стр. 403; «Нива» 1888 г., стр. 1253; Приложеніе къ отчету Государственнаго Совѣта за 1889 годъ, стр. 80 — 82.

С. М. Житковъ.

Паукеръ, *Карлъ Егоровичъ* (Carl-Heinrich-Johann), сынъ Магнуса, братъ Германа и Адольфа, род. въ Митавѣ 7-го декабря 1820 г., умеръ въ Ревелѣ 7-го августа 1883 г. По окончаніи курса въ Митавской гимназіи, онъ поступилъ въ 1838 г. на филологическій факультетъ Юрьевскаго университета и получилъ въ 1842 г. степень кандидата. Для дальнѣйшаго своего образованія онъ отправился за-границу и жилъ большею частію въ Берлинѣ, гдѣ слушалъ лекціи перваго въ то время филолога—знаменитаго Бёка. Послѣ возвращенія на родину, онъ, на основаніи своей диссертаціи «De Sophocle herois medici sacerdote», Dorpati. 1850 г., получилъ ученую степень магистра, а въ мартѣ 1870 г., за сочиненіе «De latinitate scriptorum historiae Augustae meletemata». Dorpati. 1870 г. — степень доктора классической филологіи. Въ мартѣ 1850 г. П. былъ назначенъ старшимъ учителемъ греческаго языка въ Митавской гимназіи, гдѣ съумѣлъ пріобрѣсти общую любовь своихъ многочисленныхъ учениковъ. Хотя П. нѣсколько разъ былъ приглашаемъ въ заграничные университеты, какъ напр., въ Прагу, Берлинъ и др.,—однако онъ не пожелалъ оставить своего отечества и принялъ въ 1861 г. (11-го октября) приглашеніе Дерптскаго университета занять каѳедру ординарнаго профессора исторіи литературы, древнеклассической филологіи и педагогики. Въ 1863 г. П. былъ командированъ съ ученою цѣлью за-границу, а съ 1867 г. до 1870 г. занималъ должность директора университетской библіотеки. По выслугѣ 25-ти лѣтъ въ учебномъ вѣдомствѣ, онъ въ октябрѣ 1875 года, былъ назначенъ, отклонивъ предложеніе занять профессуру въ Казанскомъ университетѣ, курляндскимъ губернскимъ училищнымъ директоромъ, а въ мартѣ 1878 г. переведенъ на такую же должность въ Ревель. Послѣ 30-ти-лѣтней службы П. вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя всецѣло научнымъ изслѣдованіямъ, но скончался послѣ продолжительной болѣзни уже черезъ три года. Паукеръ принадлежалъ къ выдающимся филологамъ своего времени; главныя его работы касаются исторіи латинскаго языка и преимущественно лексикографіи. Перечень его многочисленныхъ сочиненій и мелкихъ статей находится у Rönsch'a въ «Nachwort zu Pauckers Vorarbeiten zur lateinischen Sprachgeschichte».

I. Müller, «Biographisches Jahrbuch». Jahrgang VI, 1883, p. 93 и сл.; Heinr. Paucker. «Die Familie Paucker». Reval. 1885; Формулярный списокъ 1864—1864 гг.; «Allgem. deutsche Biographie», t. XXV, S. 240. *К. Ѳ. Феттерлейнъ.*

Паукеръ, *Карлъ* (Carl-Julius-Albert), братъ Магнуса, род. въ пасторатѣ св. Симонисъ, Эстляндской губерніи, 22-го апрѣля 1798 г., умеръ въ Ревелѣ отъ натуральной оспы 26-го ноября 1856 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Дерптской гимназіи, переселился потомъ къ своему брату Магнусу въ Митаву и окончилъ тамъ гимназическій курсъ въ 1815 г. Два года онъ слушалъ лекціи юридическаго факультета въ Юрьевѣ, но долженъ былъ отправиться въ Гёттингенъ, такъ какъ нѣкоторые профессора-юристы въ то время были уволены, и ихъ лекціи были прекращены. Въ 1818 г., по защитѣ своей диссертаціи «De vero poenarum forensium fine», П. былъ удостоенъ степени доктора и въ 1819 г. вернулся, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Боннѣ и Гейдельбергѣ, на родину. Онъ началъ свою службу секретаремъ Эстляндскаго мангерихта, свободное время посвящая исключительно литературной и научной дѣятельности. Когда въ 1834 г. высочайше назначена была коммиссія для составленія «Свода законовъ» Остзейскаго края, эстляндское дворянство выбрало его членомъ этой коммиссіи, въ которой онъ выработалъ спеціальную часть судопроизводства для Эстляндской губерніи. Въ 1836 г. П. отправился въ С.-Петербургъ, въ качествѣ члена ревизіонной коммиссіи мѣстныхъ узаконеній въ Остзейскомъ краѣ, состоявшей при тогдашнемъ II-мъ Отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и принималъ, какъ представитель маленькихъ эстляндскихъ городовъ и города Нарвы, дѣятельное участіе въ законодательныхъ работахъ этой коммиссіи до ея закрытія въ 1839 г. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ эстляндскимъ губернскимъ прокуроромъ, а въ 1841 г. избранъ профессоромъ русскаго права въ Дерптъ, но въ этой должности утвержденъ не былъ. Отъ вторичнаго вызова профессоромъ мѣстныхъ законовъ,

который послѣдовалъ въ слѣдующемъ году, онъ отказался. Кромѣ многочисленныхъ работъ по юридическимъ наукамъ, Паукеръ въ особенности оказалъ большія заслуги исторіи Остзейскаго края и спеціально Эстляндіи. Онъ первый началъ заниматься первоисточниками; изучая архивные документы, онъ своими основательными работами по древней исторіи Эстляндіи, генеалогіи, исторіи помѣстій и т. п. указалъ новѣйшимъ историкамъ дорогу, по которой имъ должно слѣдовать, и тѣмъ не мало способствовалъ дальнѣйшему развитію исторіографіи Его неутомимая дѣятельность была вполнѣ оцѣнена тѣмъ, что онъ былъ избранъ въ члены многочисленныхъ русскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ. Его труды приведены въ «Schriftsteller-Lexikon» Recke und Napiersky, Nachträge II, стр. 99—109.

Heinr. Paucker. «Die Familie Paucker». Reval. 1885; «Inland» 1857, № 1; Recke und Napiersky, l. c. *К. Феттерлейнъ.*

Паукеръ, *Магнусъ-Георгъ* (Magnus-Georg), сынъ пастора, род. въ пасторатѣ св Симонисъ, Эстляндской губерніи, 15-го ноября 1787 г., умеръ въ Митавѣ 19-го августа 1855 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ родительскомъ домѣ его учитель-математикъ И. Гейзеръ, впослѣдствіи профессоръ, пристрастилъ его къ математическимъ наукамъ. Въ 1805 г. П. поступилъ на физико-математическій факультетъ Дерптскаго университета, гдѣ слушалъ лекціи у знаменитаго физика Парота и астронома Пфаффа, посвящая себя исключительно физикѣ, математикѣ, гидравликѣ и астрономіи. Еще будучи студентомъ, онъ напечаталъ нѣсколько статей астрономическаго содержанія. Первымъ его большимъ трудомъ было написанное имъ въ 1808 г. сочиненіе «Vermessung des Embachstroms in Livland», которое лежало долгое время въ рукописи въ Дерптской астрономической Обсерваторіи, и было напечатано только незадолго до его смерти, въ 1855 г. По окончаніи курса въ 1809 г., Паукеръ отправился въ С.-Петербургъ и построилъ въ Царскомъ Селѣ первый въ Россіи телеграфъ. Онъ уже хотѣлъ поступить на службу офицеромъ въ Корпусъ водяныхъ путей сообщеній, но получилъ приглашеніе занять мѣсто старшаго учителя въ Выборгской гимназіи, которое и принялъ. Уже въ слѣдующемъ году, однако, онъ былъ назначенъ обсерваторомъ Астрономической обсерваторіи въ Дерптѣ, а лѣтомъ 1812 г.—приватъ-доцентомъ математики. Въ 1813 г. П. защитилъ свою докторскую диссертацію «De nova explicatione phaenomeni elasticitatis corporum rigidorum» и былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ математики, но оставилъ это мѣсто, чтобы переселиться въ Митаву въ качествѣ старшаго учителя математики и астрономіи тамошней Gymnasium illustre. Въ 1820 г. П. вторично отказался отъ профессуры въ Дерптѣ, а позднѣе—отъ званія члена Императорской Академіи Наукъ. Въ 1832 г. онъ получилъ за свою работу о русской метрологіи большую Демидовскую премію въ 5.000 рублей и на изданіе рукописи еще 5.000 рублей. Кромѣ многочисленныхъ работъ по своей спеціальности и разныхъ научныхъ статей, П., какъ секретарь Курляндскаго общества литературы и художествъ (коего былъ однимъ изъ основателей), редактировалъ его «Записки» и обогащалъ ихъ разными статьями. Паукеръ состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ какъ въ Россіи, такъ и за-границею. Полный перечень его трудовъ помѣщенъ въ «Schriftsteller-Lexikon» Recke und Napiersky, т. III, стр. 390—393, и Nachträge, II, стр. 109—113.

«Inland» 1855, № 40-42; Heinr. Paucker. «Die Familie Paucker». Reval. 1885; «Allgem. deutsche Biographie», t. XXV, S. 240; «Девятое присужденіе наградъ Демидова», С.-Пб. 1840 г., стр. 37—40; Г. Левицкій. «Астрономы Юрьевскаго университета съ 1802 по 1804 г.», Юрьевъ. 1899 г. *К. Феттерлейнъ.*

Паукеръ, *Фридрихъ-Августъ*, врачъ, родился 18-го января 1801 г. въ Эстляндіи, въ пасторатѣ св. Симонисъ, въ которомъ его отецъ былъ проповѣдникомъ, умеръ въ Гатчинѣ 6-го января 1837 г. Паукеръ учился въ Ревельской и Митавской гимназіяхъ, въ 1818 г. поступилъ на медицинскій факультетъ Дерптскаго университета и въ 1826 г., окончивъ курсъ, получилъ тамъ же званіе врача. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ младшимъ врачомъ въ Гатчинскій госпиталь, въ 1827 г. защитилъ въ Дерптскомъ университетѣ диссертацію и получилъ степень доктора медицины. Во время русско-турецкой войны онъ слу-

жилъ съ 1828 до 1830 г. добровольнымъ врачомъ въ дѣйствующей арміи и въ главной квартирѣ въ Адріанополѣ и получилъ орденъ св. Анны 3-й степени. Въ 1830 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ Гатчинскаго госпиталя и оставался въ этой должности по смерть; онъ былъ убитъ душевно-больнымъ паціентомъ. Имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника; онъ напечаталъ: «Dissertatio inaug. med. de cura syphilidis sine Mercurio». Dorpat. 1826, 116 стр.

Рекке и Напіерскій. «Allg. Schriftst. Lexicon», т. III, Митава, 1831 г.; Гассельблатъ и Отто, «Alb. Acad. d. Kaiserl. Univ. Dorpat», D. 1899 г.; H Paucker. Die Familie Paucker. Reval. 1885 г.

Н. Кульбинъ.

Паули, де-, *Густавъ Густавовичъ*, гимнастъ, писатель, родился въ Швеціи, гдѣ прожилъ до конца 1820-хъ г. Здѣсь, въ 1823 году, онъ получилъ отъ Шведскаго Общества распространенія плаванія званіе и дипломъ магистра этого искусства. Въ 1830 г. Паули, съ высочайшаго соизволенія, открылъ въ Гельсингфорсѣ гимнастическое заведеніе, которое существовало еще въ 1834 г., когда онъ уже переселился въ Россію, будучи приглашенъ нашимъ правительствомъ для приготовленія въ армію монитеровъ, т.-е., помощниковъ учителей гимнастики; профессоръ Паули обучалъ ихъ преимущественно практически, уже обладая въ это время большимъ опытомъ. Въ 1834—1839 гг. онъ былъ на казенной русской службѣ, имѣлъ званіе учителя анатоміи и математики и состоялъ преподавателемъ гимнастики во всѣхъ кадетскихъ корпусахъ (напр., въ Пажескомъ, 1-мъ и 2-мъ), въ Императорской гвардіи и учителемъ калистиніи въ нѣкоторыхъ казенныхъ женскихъ институтахъ. Въ 1834 году Паули основалъ въ Петербургѣ (на Невѣ, близъ Лѣтняго сада) первое заведеніе для обученія плаванію по своей системѣ, которая принята была въ 20 казенныхъ заведеніяхъ и заслужила одобреніе Общества русскихъ врачей и Общества нѣмецкихъ врачей въ Петербургѣ; одновременно съ этимъ онъ основалъ и гимнастическій институтъ, который помѣщался въ Большой Милліонной улицѣ. «Этотъ отличный и просвѣщенный гимнастъ», говорилось про Паули въ 1838 г. въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара, «посредствомъ упражненій довелъ свое тѣло до удивительной степени ловкости и силы: онъ подымаетъ съ земли 14 пудовъ вѣсу». Съ 1841 г. Паули уже не значится въ Адресъ-календаряхъ.

Г. Г. Паули издалъ слѣдующія руководства по предмету своихъ спеціальностей: 1) «Краткій обзоръ нѣкоторыхъ частей гимнастики и калистиніи для дѣвицъ». С.-Пб. 1834 г.; 2) «Руководство къ плаванію, съ показаніемъ пользы этого искусства въ войнѣ». Съ литографированными рис. С.-Пб. 1838 г.; 3) «Зимнія забавы и искусство бѣга на конькахъ, съ фигурами». 4 части съ 9 таблицами. С.-Пб. 1838 г. и 4) «Разсужденіе объ употребленіи средствъ врачебной гимнастики, приспособленныхъ къ лѣченію извѣстнаго рода болѣзней». С.-Пб. 1838 г. Кромѣ того, въ XVI томѣ «Энциклопедическаго Лексикона» Плюшара (С.-Пб. 1839 г.) онъ помѣстилъ нѣсколько статей, напр.: «Deltoides» (плечевые мускулы), «Динамометръ» и др.

Сочиненія Паули; «Адресъ-календари» 1838 и 1839 гг.; «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара, т. XIV. С.-Пб. 1838 г., стр. 232; статья «Гимнастика» А. Липскаго—въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза (т.VIII, стр. 710—711); Карточный каталогъ Императорской Публичной Библіотеки.

Б. Львовъ.

Паули, *Густавъ-Ѳедоръ Христіановичъ* (род. 1817 г., ум. 20-го декабря 1867 г.), авторъ извѣстнаго иллюстрированнаго изданія «Les peuples de la Russie», происходилъ изъ иностранцевъ королевско-прусской службы; воспитаніе получилъ въ Берлинскомъ университетѣ. Въ русскую службу П. вступилъ изъ подпоручиковъ прусской арміи 14-го февраля 1841 г. сначала корнетомъ въ Гусарскій Его Имп. Выс. герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго полкъ. Прибывъ къ оному, какъ сказано въ послужномъ спискѣ, 20-го марта 1841 года, онъ былъ зачисленъ поручикомъ съ 20-го іюня того же года, а 4-го мая 1842 г. отставленъ отъ службы тѣмъ же чиномъ. Затѣмъ П. опредѣлился на службу по вѣдомству Департамента Внѣшней Торговли въ должность надзирателя полубригады пограничной стражи (съ 24-го марта 1845 г.), но, не вступивъ еще въ эту должность, былъ уволенъ изъ таможеннаго вѣдомства уже съ 12-го числа слѣдующаго мѣсяца. Съ 16-го іюня того же 1845 г. П. опредѣленъ былъ въ С.-Петербургскій Воспитательный домъ по-

мощникомъ полицеймейстера на опытъ. Утвержденный въ этой должности 29-го ноября 1845 г., П. 7-го марта 1846 г. переименованъ въ губернскіе секретари. Кромѣ того и независимо отъ должности помощника полицеймейстера ему же поручено было съ 1-го марта 1846 г. преподаваніе нѣмецкаго языка при Сиротскомъ институтѣ. Для этого онъ подвергся экзамену на званіе учителя нѣмецкаго языка и литературы при С.-Петербургскомъ университетѣ и, по выдержанію такового, ему было выдано свидѣтельство на право преподаваніе этихъ предметовъ. Въ должности учителя нѣмецкаго языка Ѳедоръ Христіановичъ утвержденъ былъ только 8-го января 1848 г. Своими литературными трудами Паули пріобрѣлъ себѣ не только извѣстность, но и признательность высочайшихъ особъ. Такъ, 26-го февраля 1848 г. ему пожалована была золотая табакерка за поднесенную Ея Императорскому Величеству книгу своего сочиненія «Память въѣзда въ С.-Петербургъ Ея Императорскаго высочества государыни великой княгини Александры Іосифовны», а въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., за поднесеніе своего сочиненія (вѣроятно «Народы Россіи») шаху персидскому, получилъ орденъ Льва и Солнца третьей степени, при чемъ подношеніе сдѣлано было по ходатайству принца П. Г. Ольденбургскаго. Изъ остальныхъ данныхъ послужного списка можно еще упомянуть слѣдующее: 6-го мая 1851 г. П. былъ произведенъ былъ въ коллежскіе секретари, а въ титулярные совѣтники — 16-го декабря того же года. Уволившись 26-го октября 1854 г. отъ должности преподавателя нѣмецкаго языка въ Сиротскомъ Институтѣ, онъ утвержденъ былъ тамъ же экономомъ по съѣстной части (4-го ноября 1854 г.), а съ 25-го января 1855 г. назначенъ въ эту же должность при С.-Петербургскомъ Сиротскомъ институтѣ и Александринскомъ Сиротскомъ домѣ. Съ 13-го декабря 1855 г. по 21-е января 1856 г. П. исправлялъ должность директора хозяйственной части, а 25-го февраля 1860 г. уволенъ былъ отъ должности экономa и отъ службы, по прошенію. Умеръ онъ въ чинѣ статскаго совѣтника. Паули принималъ близкое участіе въ основаніи Россійскаго Общества покровительства животнымъ, дѣлами котораго онъ завѣдывалъ со времени его возникновенія въ 1865 году. Что Паули способствовалъ въ высокой степени достиженію цѣлей, которымъ служитъ это Общество, говорилось не только въ некрологахъ: то же самое засвидѣтельствовано и въ изданномъ въ 1891 г. «Историческомъ очеркѣ дѣятельности Россійскаго Общества покровительства животнымъ за 25 лѣтъ его существованія». Въ первое время даже канцелярія правленія Общества находилась въ квартирѣ Ѳ. Х. Паули. Ему же принадлежали и всѣ подготовительныя работы по основанію Общества покрововителества животнымъ. Еще въ 1864 г., крайне интересуясь дѣломъ покровительства, П. изучилъ его за-границею, а затѣмъ выработалъ проектъ устава и подписалъ его въ качествѣ одного изъ учредителей Общества. Паули былъ весьма полезенъ обществу своей преданностью и своими богатыми свѣдѣніями по дѣлу покровительства животнымъ, собранными имъ за границею, куда онъ нарочно ѣздилъ съ этою цѣлью.

Другая заслуга Паули связана съ исторіею русской этнографіи и изученіемъ племенъ Россійской Имперіи въ отношеніи ихъ нравовъ, обычаевъ, хозяйственнаго быта и пр.: въ 1862 г. онъ издалъ книгу «Description des peuples de la Russie». А. Н. Пыпинъ въ своей исторіи русской этнографіи, правда, говоритъ объ этомъ сочиненіи только слѣдующее: «Иллюстрированныя изданія, какъ «Les peuples de la Russie», или изданіе съ тѣмъ же заглавіемъ Паули, имѣютъ только популярное значеніе». Но подробный разборъ труда П., помѣщенный въ «Запискахъ Имп. Русскаго Географич. Общества» (1862 г., кн. 2-я, отд. библіографіи, стр. 10 и слѣд.), и описаніе этого труда убѣждаютъ въ иномъ. «Description ethnographique des peuples de la Russie». St.-Petersbourg (Bellizard). 1862 г., издано было въ память тысячелѣтія Россіи; оно заключаетъ въ себѣ 63 хромолитографированныхъ таблицы съ приложеніями. Оно представляетъ изъ себя результатъ коллективной работы: въ ней принимали участіе академикъ Беръ и Р. фонъ-Эркертъ; первый составилъ краніологическую таблицу и написалъ предисловіе, а послѣдній занимался собираніемъ и сводкою статистическихъ данныхъ, менѣе всего удовлетворитель-

ныхъ въ этомъ сочиненіи. Все изданіе распадается на три части: 1) художественную, 2) этнографическую и 3) статистическую. Терпѣніе, трудолюбіе и самоотверженіе въ отношеніи употребленныхъ на изданіе денежныхъ средствъ, обнаруживающееся въ исторіи этого труда, даетъ полное право приписать Паули не малую заслугу въ совершеніи этого дѣла. До него сдѣлано было для обработки данныхъ, собранныхъ объ этнографіи народовъ, обитающихъ въ Россіи, весьма мало. Съ 1812 по 1860 гг. не было ни одного сочиненія о полномъ составѣ русскаго населенія, а художественная сторона дѣла, собираніе этнографическихъ рисунковъ со времени Рота (1774 г.) мало подвинулось впередъ. Итакъ, несмотря на разные промахи, сочиненіе Паули имѣло, въ свое время, полное право считаться *единственнымъ* въ своемъ родѣ. Со 2-го октября 1857 г. П. состоялъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Дѣло въ Архивѣ собств. Е. И. В. Канц. по учрежден. императрицы Маріи, 1845 — 1860 гг., № 668; «Иллюстриров. Газета» 1868 г., стр. 15; «Истор. очеркъ дѣятельности Росс. Общ. покровительства животнымъ со дня его основанія 4-го октября 1865 г. по 1891 г., или за 25 лѣтъ его существованія. С.-Пб. 1891 г.; «Зап. Импер. Русск. Геогр. Общ.» 1862 г., № 2, отд. библіографіи и критики, стр. 10—22; «Вѣстникъ Росс. Общ. покровительства животнымъ» 1868 г., № 1: М. Гриневскій. Некрологъ Ѳ. Х. Паули.

Э. А. Вольтеръ.

Паули, *Христіанъ-Августъ-Фридрихъ* (August-Friedrich Pauli aus Rittmarshausen), профессоръ Казанскаго университета; род. въ 1811 г., умеръ 10-го октября 1840 года.

Въ 1832 г. Паули поступилъ въ Гёттингенскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ на медицинскомъ факультетѣ въ 1835 г., а 24-го февраля 1838 года былъ утвержденъ докторомъ медицины, хирургіи и повивальнаго искусства. Въ концѣ копіи съ его «паспорта» (такъ названъ документъ въ подлинникѣ) на нѣмецкомъ языкѣ сказано, что въ бытность его студентомъ онъ не замѣченъ былъ ни въ чемъ предсудительномъ и не участвовалъ ни въ какомъ запрещенномъ союзѣ. 22-го іюня 1838 г. попечитель Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ утвердилъ его прозекторомъ анатоміи въ Казанскомъ университетѣ. Вѣроятно, незнакомство Паули съ русскимъ языкомъ было одной изъ причинъ того, что въ дѣлахъ Совѣта Казанскаго университета не сохранилось никакихъ его заявленій, ничего характеризующаго его личность; но возможно и другое предположеніе,—что онъ держался въ сторонѣ, будучи отъ природы несообщительнаго характера и тихаго нрава.

Архивъ Казанскаго университета: 1) Дѣло правленія полицейскаго стола 1838 г., № 77; 1840 г., № 128; 2) Дѣла Совѣта Казанскаго университета 1838 г., № 58. *В. Корсакова.*

Пауловичъ, *Константинъ Павловичъ*, профессоръ международнаго права въ Харьковскомъ университетѣ, сербъ, «изъ благороднаго званія», род. въ 1781 г. въ Венгріи, умеръ въ 1860-хъ годахъ въ Харьковѣ. Учился К. П. сначала въ гимназіи Сегединской и Будимской, потомъ въ Пештскомъ университетѣ по факультетамъ: философскому, физико-математическому, историческому и юридическому; тамъ же получилъ въ 1805 г. дипломъ доктора свободныхъ наукъ и философіи; затѣмъ, въ академіи Шарошъ-Патакской онъ вторично слушалъ курсъ юридическихъ наукъ до 1806 г., когда былъ назначенъ присяжнымъ нотаріусомъ. Въ 1806 же году П. былъ вызванъ въ Россію своимъ землякомъ, сербомъ А. И. Стойковичемъ, ректоромъ Харьковскаго университета, и опредѣленъ въ 1807 г. въ Черкасскъ, въ гимназію войска Донского учителемъ естественной исторіи, техническихъ и коммерческихъ наукъ и латинскаго языка. Изъ Черкасска онъ былъ переведенъ въ 1808 г. въ Слободско-Украинскую гимназію преподавателемъ тѣхъ же предметовъ и въ этой должности, съ августа 1809 г., по порученію начальства Харьковскаго университета, читалъ римское право студентамъ университета, а съ 1-го мая 1810 г. по 1-е декабря 1811 года и гражданскимъ чиновникамъ, службою обязаннымъ. Въ 1810 г. П. избранъ былъ адъюнктомъ университета по этико-политическому отдѣленію, для преподаванія студентамъ римскаго права; съ 1811 г. по 1815 г. онъ состоялъ секретаремъ нравственно-политическаго отдѣленія; въ 1817 г. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ международнаго права и находился въ этой должности до 1834 г.; въ 1832 г.

онъ произведенъ въ статскіе совѣтники. Послѣ профессорства П. былъ членомъ совѣта въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ по хозяйственной части. 70-тилѣтнимъ старикомъ онъ предпринялъ путешествіе за границу, которое описалъ въ нѣсколькихъ томахъ. Изъ трудовъ Пауловича извѣстны: «О состязательныхъ истинахъ уголовныхъ законовъ» 1816 г.; «Конспектъ, или краткое обозрѣніе дипломатики вообще». Харьковъ. 1829 г.; «Конспектъ римскаго правовѣдѣнія». Харьковъ. 1829 г.; «Замѣчанія о Лондонѣ и объ Италіи. Три отрывка изъ путешествія по Европѣ, части Азіи и Африки», 3 части. Харьковъ. 1846 г.; «Замѣчанія объ Италіи, преимущественно о Римѣ. Отрывка два изъ путешествія по Европѣ, части Азіи и Африки». Харьковъ. 1856 г.

«Русскій Архивъ» 1886 г., кн. 10, стр. 221—225: статья Н. Рѣшетова—«Люди и дѣла давно минувшихъ дней»; «Харьковскія Губерн. Вѣдомости» 1869 г., № 43, статья Розальонъ-Сошальскаго: «Мои воспоминанія»; 1870 г., № 36, статья И. Б.: «Воспоминанія о Полтавской гимназіи и Харьковскомъ университетѣ, за полстолѣтія назадъ»; проф. Д. И. Багалѣй. «Опытъ исторіи Харьковскаго университета» т. I (1802—1815 гг.), вып. 2-й. Харьковъ. 1896, стр. 221; вып. 3-й, Харьковъ. 1898 г., стр. 951; Сенатскій Архивъ, формулярные списки 1819 г., № 92, ч. 2, л. 48—52. *Ив. Давидовичъ.*

Паулуччи, маркизъ *Филиппъ Осиповичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи. Отецъ его, дѣйствительный тайный совѣтникъ австрійскаго двора, пользовался особеннымъ довѣріемъ императора Іосифа II, а мать происходила изъ знатной Пармской фамиліи графовъ Кастелари. Маркизъ Паулуччи родился въ 1779 году въ Моденѣ. Въ ранней еще молодости вступивъ въ піемонтскую военную службу, онъ отличился въ кампаніи 1794 года противъ французовъ, а по присоединеніи Піемонта къ Франціи перешелъ въ австрійскую службу и получилъ званіе камергера австрійскаго двора. Впослѣдствіи П. опять вступилъ (1801 г.) въ ряды арміи вновь образованнаго Итальянскаго королевства (съ чиномъ полковника); затѣмъ—былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и принялъ участіе въ походахъ революціонной войны. Выйдя въ отставку, Ф. О. Паулуччи 8-го декабря 1806 года былъ принятъ во французскую службу полковникомъ и зачисленъ въ генеральный штабъ, но начавшаяся вслѣдъ затѣмъ война Россіи съ Турціей побудила его просить принятія его въ русскую службу; ходатайство его было уважено,—и въ маѣ 1807 года маркизъ Паулуччи получилъ чинъ полковника и былъ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандовавшему арміею нашею противъ турокъ—генералу Михельсону, а затѣмъ прибылъ къ отряду генерала Исаева, блокировавшаго въ Сербіи, вмѣстѣ съ Чернымъ Георгіемъ крѣп. Нѣготинъ. Управлявшій тогда Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ баронъ Будбергъ поручилъ Паулуччи передать Черному Георгію письмо, въ которомъ убѣждалъ послѣдняго выслушать маркиза и склониться на его доводы. Ф. О. съ успѣхомъ исполнилъ свою миссію, такъ какъ сумѣлъ доказать Черному Георгію, что въ Австріи, къ коей онъ думалъ обратиться за помощью, онъ тщетно будетъ искать поддержки, которую можетъ встрѣтить только со стороны единовѣрной съ нимъ Россіи. Убѣжденный словами Паулуччи, Черный Георгій 28-го іюня 1807 г. подписалъ конвенцію, по которой Сербія просила императора Александра I принять ее подъ свое покровительство, дать странѣ управителей и выработать для нея конституцію. Въ 1808 г. назначенъ былъ начальникомъ штаба 6-й пѣхотной дивизіи, расположенной въ Финляндіи. Вслѣдъ затѣмъ, съ этой страной Россія начала войну, во время которой Паулуччи за отличія получилъ чинъ генералъ-маіора (22-го іюня) и орденъ Георгія 4-й ст. (7-го мая). Въ 1810 году состоялось назначеніе Паулуччи на должность начальника Штаба Грузинскаго Корпуса; въ томъ же, 1810 году онъ отличился въ дѣлѣ близъ мѣст. Ахалкалаки, въ ночь съ 4-го на 5-е сентября; съ отрядомъ въ 800 человѣкъ онъ напалъ на 10.000 корпусъ персіянъ и турокъ, находившійся подъ начальствомъ сардаря и царевича Александра Грузинскаго, разбилъ ихъ и завладѣлъ всѣмъ лагеремъ. За это отличіе Паулуччи былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта (22-го октября 1810 г.).

Іюля 6-го 1811 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о назначеніи маркиза Паулуччи на мѣсто генерала-отъ-кавалеріи Тормасова—главнокомандующимъ Грузіею и войсками, тамъ расположенными.

П. принялъ начальство надъ Кавказомъ въ смутное для него время: на югѣ собралась значительная часть турецкихъ войскъ и, въ ожиданіи прибытія персидскихъ силъ, уже двинулась къ границамъ Грузіи; населеніе, вслѣдствіе голода роптало и угрожало возстаніемъ. Но П. ловко вышелъ изъ всѣхъ затрудненій; нечаяннымъ нападеніемъ послан наго имъ полк. Котляревскаго, 8-го декабря 1811 года была взята крѣп. Ахалкалаки, и это имѣло большое вліяніе на умиротвореніе всего края. Въ то же время Аббасъ-Мирза перешелъ черезъ персидскую границу и вторгся въ Карабахское ханство. Паулуччи, возвращавшійся изъ Дербента, куда онъ ѣздилъ по случаю присоединенія къ Россіи Куринскаго ханства, въ февралѣ 1812 года самъ двинулся съ отрядомъ въ 1.000 человѣкъ къ Зардобу, но внутреннія смуты и волненія въ Кахетіи, Карталиніи и др. мѣстностяхъ заставили его, сдавъ командованіе, возвратиться въ Тифлисъ. Достигнувъ успѣха въ Дагестанѣ, Ширванскомъ и Карабахскомъ ханствахъ, П. въ февралѣ того же 1812 года сдалъ командованіе генералу Н. Ѳ. Ртищеву, будучи вызванъ въ Петербургъ вслѣдствіе назначенія начальникомъ Главнаго Штаба 1-й Западной арміи; однако, уже въ октябрѣ того же года онъ былъ опредѣленъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ. Немедленно же по вступленіи въ новую должность Паулуччи занялся удаленіемъ изъ Курляндіи остатковъ французскихъ войскъ; съ 2.000 человѣкъ онъ преслѣдовалъ ихъ, почти уже безъ сопротивленія съ ихъ стороны, вплоть до Мемеля, который и былъ занятъ 15-го декабря, и въ томъ же мѣсяцѣ, по приказанію императора Александра, вступилъ съ прусскимъ генераломъ Іоркомъ въ переговоры, результатомъ которыхъ было отдѣленіе Пруссіи отъ союза съ Франціей. За всѣ отличія маркизъ Паулуччи получилъ въ 1812 г.: орденъ св. Владиміра 2-й степени, Георгія 3-й степени (25-го апрѣля) и званіе генералъ-адъютанта (11-го іюля). Съ 1819 года въ управленіи маркиза Паулуччи состояла и Эстляндія, а въ 1821 году ему повелѣно быть Лифляндскимъ, Эстляндскимъ, Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ (въ 1823 г. къ нимъ присоединена и Псковская губернія) и управляющимъ гражданскою частью этихъ областей. Декабря 12-го 1823 года П. былъ награжденъ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи. Особенно полезна была дѣятельность П. по вопросу объ освобожденіи крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, введенномъ въ дѣйствіе съ 1-го января 1820 г., но начавшемся еще въ 1817 году. Въ русской службѣ маркизъ Паулуччи оставался до 31-го декабря 1829 года, когда вышелъ въ отставку, чтобы возвратиться въ Италію. Здѣсь онъ вскорѣ же занялъ видное служебное положеніе, будучи назначенъ главнымъ инспекторомъ войскъ короля Сардинскаго, генералъ-губернаторомъ провинціи и города Генуи и начальникомъ Генуезскаго военнаго округа. Въ 1845 г. (24-го октября) онъ получилъ отъ Императора Николая орденъ св. Владиміра 1-й степени. Маркизъ Паулуччи умеръ въ Ниццѣ 25-го января н. с. 1849 г. въ званіи государственнаго министра Сардинскаго короля. Какъ человѣкъ, онъ отличался здравымъ умомъ, прямотою, рѣшительностью и добродушнымъ, привѣтливымъ нравомъ, а его остроуміе пользовалось большою извѣстностью среди его современниковъ.

«Русская Старина» 1876 г., т. XVII, № 11 (ст. А. П. Берже); «Энциклопедія военныхъ и морскихъ наукъ», ген.-лейт. Леера; «Военно-Энциклопедическій Лексиконъ», изд. 2, т. X, стр. 197; «Кавказскій Календарь на 1867 г.» и отд. отт.—Тифлисъ. 1866; «Сынъ Отечества» 1813 г., ч. III, стр. 291—4; «Россійское еженед. изданіе въ Ригѣ». 1816 г., № 44, стр. 174; А. Н. Петровъ. «Война Россіи съ Турціей» 1806—1812 г., т. 2. ч. V; Н. Ѳ. Дубровинъ. «Отечественная война въ письмахъ современниковъ». С.-Пб. 1882; Его же: «Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Импер. Александра I». С.-Пб. 1883; Д. А. Ровинскій. «Подробный Словарь русскихъ гравир. портретовъ», т. II, С.-Пб. 1889; «Акты Кавказской Археографической Коммиссіи», Тифл. 1873, т. V (съ портретомъ); Dr. W. v. Gutzeit. Urtheile über den Marquis Paulucci—«Mitheil. aus dem Gebiete der Geschichte Liv.-Ehst.-und Kurland». 11 B., 2 и 3 Heft, S. 546 — 550; Г. Казбекъ. «Военная исторія Грузинскаго гренад. полка», Тифл. 1865, гл. 3; В. В. Крестовскій. «Исторія 14-го уланскаго Ямбургскаго полка». С.-Пб. 1873, гл. 24; «Сборн. Импер. Русск. Историч. Общ.», т. 73 и 78; «Сѣверная Пчела» 1849, № 63 и 67; «Inland» 1849, № 9; Ѳ. В. Булгаринъ. «Воспоминанія», ч. IV. С.-Пб. 1848, стр. 260—261; «Русск. Архивъ» 1886 г., т. II, стр. 109 — 112; 1892 г., т. I; «Русск. Стар.» 1870 г., т. I; 1881 г., т. XXX; «Журналы Комитета Министровъ», т. II, С.-Пб. 1891. «Архивъ кн. Воронцова».

К. Петровъ.

*

Паульсонъ, *Готлибъ Христофоровичъ*, архитекторъ, сынъ надворнаго совѣтника, родился въ 1746 г. Изучивъ архитектуру подъ руководствомъ Фельтена и получивъ хорошую аттестацію, какъ отъ него, такъ и отъ профессора Деламотъ, онъ былъ 15-го іюня 1763 г. принятъ на службу въ Главную полицію архитекторскимъ ученикомъ и въ слѣдующемъ году признанъ былъ архитектуріи помощникомъ и опредѣленъ къ постройкѣ Зимняго дворца. Въ маѣ 1766 года онъ взялъ двухъ-годовой отпускъ и отправился, для усовершенствованія въ своемъ дѣлѣ, за-границу. Въ февралѣ 1772 г., повредивъ себѣ ногу, П. принужденъ былъ выйти въ отставку въ чинѣ подпоручика, но потомъ снова поступилъ въ службу въ Строительную экспедицію полицейместерской канцеляріи; въ 1776 г. получилъ чинъ поручика, а 21-го декабря 1778 г.—званіе архитектора. 4-го іюля 1782 г. П. перешелъ на службу архитекторомъ въ С.-Петербургскую Управу благочинія, гдѣ въ 1784 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, въ 1796 г.—коллежскаго и въ 1798 г.—статскаго совѣтника. Пожалованный 22-го сентября 1802 года орденомъ св. Владиміра 4-й степени, П. 31-го октября 1809 г. вышелъ въ отставку съ пенсіей; умеръ 21-го января 1814 г.

Архивъ Департамента Герольдіи (формулярный списокъ, выданный при отставкѣ); «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1808 г., стр. 670 и 687; Н. Собко, «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. I, стр. 52—53; «Сборн. Имп. Русск. Ист. Общ.», т. 62, стр. 136. *А. Новицкій.*

Паульсонъ (Паульсенъ), *Оттонъ Михайловичъ*, зоологъ, профессоръ университета св. Владиміра; родился 22-го января 1837 г. въ Нарвѣ, умеръ въ Кіевѣ 1-го іюня 1886 г. Паульсонъ воспитывался въ 3-й гимназіи въ Петербургѣ, а затѣмъ—на физико-математическомъ факультетѣ Петербургскаго университета. Будучи студентомъ 4-го курса, онъ написалъ сочиненіе на тему «изслѣдовать различные сорта русскаго поташа, добываемаго въ различныхъ мѣстностяхъ и изъ различныхъ матеріаловъ и опредѣлить относительное ихъ достоинство» и получилъ за это сочиненіе золотую медаль. Въ 1857 г. П. окончилъ курсъ факультета со степенью кандидата, и затѣмъ до 1860 г. занимался частными уроками; въ то же время онъ слушалъ частные курсы анатома-профессора Грубера и академика-зоолога Брандта и практически изучалъ анатомію человѣка въ Медико-хирургической академіи. Въ началѣ 1861 г. Паульсонъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ Вюрцбургскомъ и другихъ университетахъ. Вернувшись въ Россію, онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ университета св. Владиміра по каѳедрѣ зоологіи и читалъ частные курсы до 1869 г. Въ 1867 г. онъ защитилъ въ томъ же университетѣ диссертацію на степень магистра зоологіи, а въ 1869 г. получилъ тамъ же штатную доцентуру. Въ 1875 г. Паульсонъ представилъ новую диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора зоологіи, а въ слѣдующемъ году занялъ въ университетѣ св. Владиміра каѳедру зоологіи; съ 1876 г. до 1877 г. онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ, а затѣмъ до 1886 г.—ординарнымъ. Кромѣ того, съ ноября 1876 г. до 4-го мая 1881 г. онъ былъ секретаремъ физико-математическаго факультета, а съ 1881 г. до 1884 г.—проректоромъ университета св. Владиміра. Паульсонъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность не только научными трудами по сравнительной анатоміи и гистологіи, но и тѣмъ, что распространилъ на югѣ Россіи раціональное пчеловодство. Научные труды его слѣдующіе:

«Производство поташа съ приложеніемъ анализовъ русскихъ сортовъ поташа». С.-Пб. 1862 г.; «Zur Anatomie des Diplozoon paradoxum»—въ «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg», 1862 года, т. IV, № 5; «Гистологическое развитіе костей и значеніе его въ сравнительной анатоміи»—«Натуралистъ» 1863 г.; «Die epidermis von Protopterus annectens»—въ «Bulletin biologique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg» 1864 г.; «Строеніе epidermis у рыбъ»—лекція для полученія званія приватъ-доцента.—«Кіевскія Университ. Извѣстія» 1865 года, № 1; «Анатомія Diplzooon Paradoxum и взглядъ на процессы сліянія и соединенія организмовъ», диссертація на степень магистра зоологіи—«Кіевскія Университ. Извѣстія» 1867 года, № 8; «Очеркъ естественной исторіи пчелы и

практическія наставленія къ пчеловодству». Кіевъ. 1872 г.; «Ueber fossile Reste eines in Russland gefundene Zeuglodon»—въ «Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de St.-Pétersbourg» 1873 г.; «Изслѣдованія ракообразныхъ Краснаго моря съ замѣтками относительно ракообразныхъ другихъ морей, ч. I: «Podolphtalmata и Edriophtalmata (Cumacea)». Кіевъ. 1875 г. (диссертація для полученія степени доктора зоологіи); «Карцинологическія замѣтки»—«Записки Кіевскаго Общ. естествоиспытателей» 1875 г.; «Изслѣдованія, относящіяся къ развитію глаза позвоночныхъ, опубликованныя въ нынѣшнемъ году»—«Кіевскія Университ. Извѣстія» 1877 г., № 11.

Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. VI, Писатели, умершіе въ 1886 г. С.-Пб. 1889 г.; «Біографическій словарь профессоровъ и преподават. Унив. св. Владиміра», подъ редакціей В. С. Иконникова». Кіевъ. 1884 г. *Н. Кульбинъ.*

Паульсонъ, *Павелъ*, врачъ, сынъ мельника, переселившагося изъ Финляндіи въ Лифляндію, род. въ имѣніи Веснерсгофѣ, подъ Дерптомъ, въ началѣ XVIII столѣтія; былъ ученикомъ у военнаго врача, затѣмъ учился въ Дерптѣ, въ городской школѣ и наконецъ отправился въ Галле, гдѣ получилъ высшее врачебное образованіе; въ 1747 г. онъ напечаталъ тамъ же диссертацію о способѣ лѣченія хроническихъ болѣзней и, защитивъ ее, получилъ 17-го мая 1747 года докторскій дипломъ. Вскорѣ послѣ этого Паульсонъ вернулся въ Россію и, выдержавъ испытаніе въ Медицинской канцеляріи, 18-го августа 1750 г. получилъ право практики въ Россіи. Поселившись въ Дерптѣ, онъ занимался частной практикой; изъ поѣздки за-границу онъ вывезъ свѣжую новость — лѣченіе электричествомъ и былъ первымъ изъ врачей, примѣнявшихъ этотъ способъ въ Лифляндіи.

Въ 1755 г. (3-го іюля) онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ докторомъ въ финляндскую дивизію и поступилъ подъ начальство А. И. Шувалова. При этомъ Паульсонъ получилъ инструкцію о должности дивизіоннаго доктора и объ осмотрѣ неспособныхъ къ службѣ; инструкція, между прочимъ, налагала на него обязанность набирать въ Выборгѣ мальчиковъ для обученія ихъ медицинѣ и хирургіи. Исполняя это порученіе при содѣйствіи думбоста Магнуса Алопеуса и ректора выборгской школы Саксберга, онъ нашелъ только двухъ учениковъ: братьевъ Ивана и Каспара Валеріановъ; первый, старшій изъ нихъ впослѣдствіи занималъ должность старшаго доктора С.-Пб. генеральнаго адмиралтейскаго госпиталя и пріобрѣлъ большую извѣстность.

Паульсонъ проявилъ большую заботливость о здоровьѣ солдатъ финляндской дивизіи и старался уничтожить различныя злоупотребленія военнаго начальства; такъ, напр., онъ писалъ Медицинской канцеляріи о тѣсномъ размѣщеніи солдатъ Великолуцкаго и Кабардинскаго полковъ въ Вильманстрандѣ, Кексгольмѣ и Выборгѣ, о томъ, что они получаютъ очень недостаточную и плохую пищу и пьютъ соленую воду по небрежности военнаго начальства, не желающаго вырыть колодцы или доставлять воду издалека; что въ то же время солдаты обременены тяжелой работой и отъ перечисленныхъ причинъ много хвораютъ и умираютъ, о чемъ военные командиры вовсе не заботятся, сваливая вину въ этомъ на лѣкарей Командиръ Владимірскаго полка, баронъ фонъ-Альбедиль подтвердилъ справедливость жалобы Паульсона (31-го августа 1756 г.). Паульсонъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, по окончаніи которой былъ назначенъ старшимъ докторомъ С.-Петербургскаго Генеральнаго сухопутнаго госпиталя (27-го октября 1760 г.); 7-го апрѣля 1761 г. онъ вступилъ въ должность и черезъ мѣсяцъ (7-го мая) уже получилъ прибавку къ содержанію (по штату 1733 г. ему полагалось 600 руб. въ годъ; къ этому было прибавлено изъ госпитальныхъ суммъ 200 руб.); 13-го декабря 1764 г. онъ былъ переведенъ въ Малороссійскую канцелярію докторомъ (съ чиномъ надворнаго совѣтника); на Украйнѣ онъ жилъ въ Глуховѣ; помощниками у него были: одинъ штабъ-лѣкарь и одинъ лѣкарь. Его работа: «Diss. inaug. med. de methodo generaliori morbos chronicos tractandi». Halae. 1747. 4°.

Я. Чистовичъ. «Исторія первыхъ медиц. школъ въ Россіи». С.-Пб. 1883 г.; В. Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи», ч. III, стр. 516. Москва 1820 г.; Рекке и Напіерскій. «Allg. Schriftst. u. Gelehrt.-Lexic.», т. III. Митава. 1831 г., стр. 397. *Н. Кульбинъ.*

Паульсонъ, *Христіанъ-Вильгельмъ*, врачъ, род. въ 1707 г.; служилъ старшимъ врачомъ въ л.-гв. Конномъ полку до 10-го апрѣля 1742 г., и затѣмъ снова—съ 1750 г. до дня своей смерти, послѣдовавшей 28-го января 1768 года.

«Полный списокъ шефовъ, полк. команд. и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка съ 1731 по 1886 г.» С.-Пб. 1886 г., стр. 505; «Сборн. Импер. Русск. Историч. Общ.», т. 62.

Паульсонъ (онъ же **Паульсенъ**), *Христофоръ Михайловичъ*, врачъ, гофъ-хирургъ, родился въ 1693 г., умеръ въ 1781 г. (по Рихтеру онъ умеръ въ 1780 году, 80-ти лѣтъ отъ роду).

Паульсонъ лѣчилъ Петра Великаго во время его послѣдней, смертельной болѣзни въ 1725 г.; онъ съ честью продолжалъ свою дѣятельность при Екатеринѣ I, Петрѣ II, Аннѣ Іоанновнѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и Екатеринѣ II. Въ спискѣ придворныхъ врачей онъ названъ гофъ-хирургомъ Екатерины Великой; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника.

Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи». Москва. 1820 г., ч. III, стр. 183; Н. Купріяновъ. «Исторія медицины въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго». С.-Пб. 1872 г.; «Сборн. И. Р. Историч. Общ.», т. 62, 1888 г.

Н. Кульбинъ.

Паупертъ, *Иванъ Михайловичъ*, генералъ-лейтенантъ. Французъ по происхожденію, онъ родился въ 1738 году. Вступивъ въ службу въ 1753 г. кадетомъ въ одинъ изъ полковъ французской арміи, П. перешелъ затѣмъ въ «цесарскую службу» хорунжимъ въ пѣхотный полкъ Мерси д'Аржанто, гдѣ постепенно получилъ чины подпоручика, поручика и капитана. Затѣмъ Паупертъ перешелъ въ королевско-польскую службу, въ которую былъ принятъ съ чиномъ маіора (1769 г.) и здѣсь произведенъ былъ: въ августѣ 1775 г.—въ подполковники, въ 1776 г.— въ полковники и въ іюнѣ 1790 г.—въ генералъ-маіоры. По присоединеніи къ Россіи польскихъ областей, онъ 15-го апрѣля 1793 г. принятъ былъ въ русскую службу съ тѣмъ же чиномъ генералъ-маіора; 28-го марта 1798 г. П. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ шефомъ Харьковскаго кирасирскаго полка, но уже 5-го октября того же 1798 года, по именному указу императора Павла, былъ отставленъ отъ службы. Паупертъ, до поступленія въ русскую армію, участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ, въ 1769 г. дрался въ Польшѣ, во время Барской конфедераціи, и въ 1794 и 1795 г. во время польскаго возстанія.

Московское Отдѣленіе Общаго Архива Главнаго Штаба: Формулярные списки 1798 г., № 329; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1798 г., № 81, стр. 1974.

Б. Гарскій.

Пауффлеръ, *Фридрихъ - Николай* (фонъ), вице-президентъ Генеральной Консисторіи, сынъ купца, родился въ Митавѣ 18-го ноября 1778 года, умеръ въ С.-Петербургѣ 4-го января 1855 года. Первоначально онъ обучался въ Митавской гимназіи, а потомъ слушалъ лекціи на богословскомъ факультетѣ университетовъ Кёнигсберскаго и Іенскаго. Вслѣдствіе извѣстнаго указа императора Павла I, онъ долженъ былъ оставить университетъ и вернуться назадъ въ Россію раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Первое время послѣ возвращенія онъ былъ домашнимъ учителемъ и воспитателемъ въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ, а 13-го ноября 1803 года былъ избранъ пасторомъ въ Дальбингенѣ, Курляндской губерніи. Однако, уже черезъ четыре года онъ былъ переведенъ въ пасторатъ Курситенъ, а въ 1828 году въ городъ Виндаву. Какъ пробстъ Гольдингенскаго прихода и членъ Курляндской лютеранской Духовной Консисторіи, онъ весьма усердно работалъ надъ устройствомъ народныхъ школъ въ Курляндіи, стараясь какъ можно болѣе противодѣйствовать господствовавшему тогда въ лютеранской церкви раціонализму и школьнымъ принципамъ Руссо. Въ 1835 году Пауффлеръ былъ назначенъ духовнымъ членомъ Генеральной Консисторіи, а потомъ, въ 1838 году, генералъ-суперинтендентомъ и вице-президентомъ этой Консисторіи. Онъ переселился въ С.-Петербургъ, гдѣ, какъ духовникъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, вскорѣ вошелъ въ сношенія со многими высокопоставленными лицами. Пауффлеръ весьма много заботился о центральномъ Библейскомъ Обществѣ, котораго предсѣдателемъ онъ состоялъ, былъ однимъ изъ учредителей существующей до сихъ поръ кассы вспомоществованія вдовамъ и сиротамъ пасторовъ, евангелической библіотеки и служилъ центромъ всѣхъ общеполезныхъ стремленій нѣмецкой колоніи. Въ знакъ

особеннаго своего расположенія къ Пауффлеру, императоръ Николай I пожаловалъ ему, 23-го января 1851 года, почетное званіе епископа евангелическо-лютеранской церкви,—званіе, которымъ въ первый разъ въ Россіи былъ удостоенъ пасторъ.

Wold. Knieriem. Bischof Pauffler. Riga. 1856.
К. Феттерлейнъ.

Пафнутій, затворникъ Печерскій, преподобный, скончавшійся въ XII вѣкѣ; мощи его находятся въ Ѳеодосіевыхъ пещерахъ въ Кіевѣ. Память его чтится 15-го февраля и 28-го августа. Подвижническая жизнь его была особенно замѣчательна неистощимыми слезами о грѣхахъ, такъ какъ онъ постоянно представлялъ себѣ въ умѣ страшный часъ разлученія души съ тѣломъ.

Н. Барсуковъ. Исторіи русск. агіографіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 248. *Здр.*

Пафнутій, епископъ Луцкій, съ каѳедры Владиміро-Волынской, на которую хиротисанъ былъ въ 1513 г. изъ архимандритовъ Супрасльскаго монастыря (Гродненской губерніи); въ 1521 г. перешелъ на каѳедру Луцкую, болѣе богатую; скончался въ Луцкѣ въ 1528 г. Будучи епископомъ Владиміро-Волынскимъ, Пафнутій стойко защищалъ церковныя епископскія земли отъ притязаній польскихъ дворянъ, благоустроялъ ихъ и пріобрѣталъ новыя, выхлопатывая у короля Сигизмунда I подтвердительныя на нихъ грамоты.

Н. Теодоровичъ. Городъ Владиміръ, Волынской губерніи, въ связи съ исторіей Волынской іерархіи. Почаевъ. 1893 г., стр. 47—49; М. Діевъ, Іерархическихъ каталоговъ... повѣрка. Рукописная книга 1858 г., стр. 414—415 (Архивъ Св. Синода); П. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. С.-Пб. 1877. *А. Никольскій.*

Пафнутій, епископъ Суздальскій и Торусскій во 2-й половинѣ XVI вѣка. О немъ лишь извѣстно, что хиротонисанъ онъ въ епископа въ 1566 году; въ 1568 г. находился въ Соловецкомъ монастырѣ, будучи туда посланъ царемъ для изслѣдованія о поведеніи митрополита Филиппа и по этому дѣлу, говоритъ А. Н. Муравьевъ, «скоро получилъ мзду: заточеніе было ему наградою». Скончался онъ 26-го ноября 1570 года.

М. Діевъ. Іерархическихъ каталоговъ... повѣрка (Рукопись 1858 г. въ Архивѣ Св. Синода). *Здр.*

Пафнутій, инокъ Соловецкій, писатель послѣдней четверти XVI вѣка. Ему принадлежатъ: «Посланіе къ игумену Іакову, съ отвѣтами на богословскіе вопросы» (Описаніе славяно-россійскихъ рукописей... графа Ѳ. А. Толстого, т. II, № 276); «Жизнь святителя Филиппа» (ibid., т. II, № 112; Описаніе Библіотеки Царскаго, № 115, 116); «Описаніе перенесенія (въ 1584 г.) мощей святителя Филиппа изъ Отрочь-монастыря въ Соловецкій монастырь» и «Служба святителю Филиппу» (Минея декабрьская, М. 1645 г.).

Обзоръ русской духовной литературы, Филарета (Гумилевскаго), архіеп. Черниговскаго, изд 3-е, кн. I, С.-Пб. 1884 г., стр. 165.
Ив. Давидовичъ.

Пафнутій, митрополитъ Сарскій и Подонскій, изъ архимандритовъ Чудова монастыря, въ которомъ въ его настоятельство находился нѣкоторое время въ числѣ братіи Григорій Отрепьевъ, впослѣдствіи самозванецъ Лжедимитрій. Въ санѣ архимандрита Чудова монастыря Пафнутій въ 1598 г. былъ на соборѣ объ избраніи царя Бориса. Изъ лѣтописей не видно, когда онъ хиротонисанъ на Крутицкую каѳедру, но въ 1599 г. онъ упоминается еще чудовскимъ архимандритомъ. Въ числѣ чиновниковъ Государственнаго совѣта при самозванцѣ находился и митрополитъ Сарскій и Подонскій; онъ присутствовалъ 8-го мая 1606 г. и при бракосочетаніи Отрепьева съ Мариною. Въ 1606 г. (въ іюнѣ) Пафнутій присутствовалъ при коронованіи царя Василія Шуйскаго; въ февралѣ 1607 г. онъ ѣздилъ въ Старицу за патріархомъ Іовомъ для разрѣшенія народа отъ клятвы царю Борису. Когда Пафнутій скончался, неизвѣстно, но 29-го іюля 1612 г. идетъ уже дѣло объ избраніи ему преемника.

М. Діевъ. Іерархическихъ каталоговъ... повѣрка. Рукописная книга 1858 г., стр. 197—199. (Архивъ Св. Синода); П. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. С.-Пб. 1877 г. *А. Никольскій.*

Пафнутій, архіепископъ Тверской и Кашинскій, хиротонисанъ 17-го февраля 1620 г. изъ игуменовъ Нижегородскаго Дудина монастыря; упоминается до 1628 г.

П. Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. С.-Пб. 1877 г.; М. Діевъ. Іерархическихъ каталоговъ... повѣрка.

Рукописная книга 1858 г., стр. 135 (Архивъ Св. Синода); А. Титовъ. Тверскіе епископы. М. 1890, стр. 22. *А. Никольскій.*

Пафнутій, преподобный *Боровскій* (въ мірѣ—Парѳеній), основатель и 1-й игуменъ Пафнутіева монастыря Калужской епархіи, въ срединѣ XV столѣтія. Родился онъ въ селѣ Кудиновѣ, Боровскаго уѣзда, съ юныхъ лѣтъ прилежно изучалъ священное писаніе и уже 12 лѣтъ отъ роду постригся въ монашество съ именемъ Пафнутія, въ Высоко-Покровскомъ монастырѣ близъ г. Боровска; въ теченіе 20 лѣтъ онъ несъ различныя послушанія, затѣмъ 13 лѣтъ былъ игуменомъ, заболѣлъ, принялъ схиму и сложилъ съ себя начальство въ обители, пожелалъ безмолвнаго житія. Вскорѣ и на уединенномъ мѣстѣ подвиговъ преподобнаго создалась обитель, названная Пафнутіевскою. Скончался преподобный Пафнутій 1-го мая 1477 года. Къ лику святыхъ причтенъ въ 1547 году.

Житіе препод. Пафнутія Боровскаго; Н. Барсуковъ. Источники русской агіографіи. С.-Пб. 1882 г. *Здр.*

Пафнутій (въ мірѣ *Петръ Алексѣевъ Олисовъ*), духовный писатель начала XVIII вѣка. Серебренникъ по ремеслу, Пафнутій былъ сынъ торговаго человѣка гостинной сотни Алексѣя Якимова Олисова. Увлекшись проповѣдью знаменитаго пропагандиста протестантскихъ взглядовъ Дмитрія Евдокимова Тверитинова, которому приходился шуриномъ, онъ сталъ его послѣдователемъ. По словамъ самого Пафнутія на очной ставкѣ съ Тверитиновымъ, сомнѣнія его въ вѣрѣ продолжались около трехъ лѣтъ, т.-е. приблизительно до 1703 года. Вернувшись въ православіе, еще въ молодыхъ лѣтахъ, какъ указывалъ Тверитиновъ, уговоренный иноками Кирилломъ и Макаріемъ, онъ бѣжалъ изъ дома родителей и постригся въ монахи въ Николаевскомъ на Болотѣ монастырѣ (подъ Переяславлемъ Залѣсскимъ). Скоро изъ сторонника и послѣдователя Тверитинова, онъ превратился въ ревностнаго его противника. Рѣшительная дѣятельность Пафнутія въ этомъ направленіи началась съ 1710 года; пріѣхавъ въ Москву, уже въ санѣ іеродіакона, онъ принялъ участіе въ спорахъ и диспутахъ съ своимъ зятемъ и его послѣдователями, опровергалъ его мнѣнія письменно, явился рѣзкимъ обвинителемъ его при судебномъ разслѣдованіи его дѣла. По желанію архимандрита Александро-Невскаго монастыря Ѳеодосія, именнымъ приказомъ Петра Великаго Пафнутій былъ переведенъ въ Невскій монастырь; оставаясь іеродіакономъ этого монастыря, Пафнутій въ 1721 г. былъ опредѣленъ протоинквизиторомъ для Москвы и городовъ, принадлежавшихъ къ бывшей патріаршей области, съ назначеніемъ быть строителемъ Московскаго Данилова монастыря. Годъ смерти Пафнутія неизвѣстенъ.

Пафнутій не получилъ никакого школьнаго образованія и пріобрѣлъ свои знанія, какъ талантливый самоучка, исключительно прилежнымъ изученіемъ священнаго писанія. Въ духовной литературѣ имя Пафнутія сохранилось благодаря его труду, явившемуся результатомъ его преній съ Тверитиновымъ и озаглавленному «Рожнецъ духовный противо лютерская и калвинская и иныхъ еретикъ умствующихъ и не покоряющихся восточнѣй, соборнѣй и апостольстѣй церкви, вкратцѣ собранный отъ божественныхъ писаній». Заглавіе это не вполнѣ точно указываетъ содержаніе книги: авторъ имѣлъ цѣлью не опроверженіе протестантства вообще а борьбу съ Тверитиновымъ и его послѣдователями, и опровергалъ поэтому съ одной стороны только тѣ догматы протестантства, которые были приняты русскими вольнодумцами, съ другой стороны мнѣнія русскихъ еретиковъ, выработанныя ими независимо отъ протестантскихъ догматовъ. Какъ результатъ устныхъ споровъ, «Рожнецъ» получилъ форму бесѣды и состоитъ изъ 46 возраженій противъ православія и 46 опроверженій. Чуждый діалектическихъ пріемовъ, краткій и серьезный трудъ Пафнутія ясно обнаруживаетъ и умъ автора, и его знаніе писанія, съ помощью котораго онъ долженъ былъ бороться противъ лицъ, на одномъ только писаніи основывавшихъ свои противныя православію убѣжденія. Недостатокъ «Рожнеца» заключается въ его отрывочности, прямомъ слѣдствіи того, что онъ явился какъ бы возстановленіемъ бесѣдъ; то же обстоятельство было причиною невыдержанности его языка и слога.

[1] Ф. А. Терновскій: «Рожнецъ духовный и Камень вѣры» («Православное Обозрѣніе» 1863. №№ 11 и 12); Ф. А. Терновскій: «Московскіе ере-

тики въ царствованіе Петра I» («Прав. Обозрѣніе» 1863, № 4); Н. С. Тихонравовъ: «Московскіе вольнодумцы начала XVII вѣка и Стефанъ Яворскій (Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. 2, М. 1898); Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, т. 1 и 2. С.-Пб. 1868 и 1878; Отчетъ Имп. Публичной библіотеки за 1863 г., стр. 102—103.

В. С—кій.

Пафнутій (*Шикинъ*), лжеепископъ Казанскій, изъ крестьянъ Казанской губерніи, умеръ въ половинѣ декабря 1890 года, въ Черемшанѣ. Въ епископы онъ былъ поставленъ архіепископомъ Московскимъ Антоніемъ (Шутовымъ) 10-го января 1856 г. для вновь открытой тогда архіерейской каѳедры у казанскихъ раскольниковъ. До смерти Антонія (въ 1881 г.), то-есть, большую половину своего епископства, П. пользовался репутаціей искренняго, убѣжденнаго окружника и смѣлаго обличителя грубыхъ раскольническихъ лжеученій, которыя старался распространять среди поповцевъ австрійскаго согласія Антоній Шутовъ, оставшійся безпоповцемъ, не смотря на свое мнимое архіерейское званіе. Но эта репутація Пафнутія обусловливалась лишь его враждой къ Антонію, въ которомъ П., тайно питая надежды сдѣлаться московскимъ архіепископомъ, видѣлъ себѣ соперника; преданности же окружному посланію на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ. Окружное посланіе П. принялъ подъ свою защиту какъ только увидѣлъ двусмысленныя, а потомъ и явно-враждебныя къ нему отношенія Антонія. Въ возникшей затѣмъ борьбѣ между окружниками и противоокружниками П. постоянно являлся горячимъ сторонникомъ первыхъ и для защиты ихъ интересовъ предпринималъ даже путешествіе за-границу, въ Австрію и Турцію на составлявшіеся тамъ раскольническіе соборы по дѣлу окружного посланія. Въ обличеніе Антонія П. писалъ также письма къ разнымъ лицамъ и цѣлыя сочиненія, весьма искусно, съ большимъ знаніемъ святоотеческихъ писаній. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій – въ «Замѣчаніяхъ уклоненій отъ іерархическаго порядка, учиненныхъ архіепископомъ Антоніемъ по одноличному своему произволу» (напечатано въ приложеніяхъ ко 2-му выпуску «Современныхъ лѣтописей раскола», изд. въ 1869 г.), П. обличаетъ лжеученія Антонія и разныя антиканоническія дѣйствія, запечатлѣнныя безпоповскимъ характеромъ. Антоній поручилъ Онисиму Швецову составить отъ его, Антонія, имени «Отзывы на письмо Пафнутія, епископа казанскаго». П., не оставаясь въ долгу, съ своей стороны составилъ «Замѣчанія противъ отзыва московскаго архіепископа Антонія Шутова» (напечатано въ приложеніи къ «Лѣтописямъ происходящихъ въ расколѣ событій», 1891 г., № 3, стр. 209; № 4, стр. 295; № 5, стр. 363). Кромѣ того, П. написалъ сочиненіе: «Раскольническій лжеучитель Швецовъ предъ судомъ одного изъ своихъ собственныхъ епископовъ» (напечат. послѣ смерти Пафнутія, М. 1891 г. и въ «Братскомъ Словѣ» 1891 г., т. I, №№ 9 и 10). П. былъ человѣкъ хорошо начитанный, разсудительный, умѣвшій хорошо писать, но совсѣмъ не владѣвшій живою рѣчью. Онъ видѣлъ лживость многихъ раскольническихъ мнѣній и не питалъ особенной вражды къ православной церкви. Голосъ его очень цѣнился умѣренными и разумными старообрядцами. Чуждый раскольническаго фанатизма, П. возмущался тѣми проявленіями его, какими особенно отличался Антоній Шутовъ. Но такимъ онъ былъ въ первую половину своего епископства, до смерти Антонія; со смертью же послѣдняго, въ дѣятельности Пафнутія происходитъ крутой поворотъ: мелкое честолюбіе, нарушеніе каноническихъ постановленій легло темнымъ пятномъ на его память. Къ удивленію всѣхъ искреннихъ окружниковъ, онъ не только не противодѣйствовалъ изданному впослѣдствіи Духовнымъ Совѣтомъ акту о подтвержденіи уничтоженія окружного посланія, хотя находился въ это время въ Москвѣ, но и началъ даже защищать и оправдывать его изданіе, а возвратившись въ свою епархію, сталъ преслѣдовать поповъ, заявившихъ себя искренними окружниками. Такимъ образомъ, старикъ П. подъ конецъ жизни обезславилъ себя измѣной окружному посланію, за которое ратовалъ столько лѣтъ, и изъ окружниковъ сдѣлался псевдо-окружникомъ. Объясненіе такой перемѣны въ Пафнутіи—въ желаніи его стать во главѣ раскольнической іерархіи, для чего ему нужно было заискивать предъ властными въ расколѣ людьми. Однако эти

происки не имѣли успѣха. Въ избраніи новаго московскаго архіепископа П. былъ обойденъ, преемникомъ Шутова былъ назначенъ ничтожный невѣжда Савватій, что П. принялъ за личное себѣ оскорбленіе. Послѣ этого онъ перешелъ на жительство въ Черемшанскій женскій скитъ, близъ Хвалынска, и это поставило его въ непріязненныя отношенія къ саратовскому раскольническому епископу Паисію, въ епархіи котораго находился Черемшанъ, и породило между ними вражду, изъ-за которой П. нарушилъ даже церковныя правила: онъ отказался повиноваться грамотѣ Духовнаго Совѣта объ удаленіи его изъ Черемшана, гдѣ онъ оставался до самой смерти, отправляя священнослуженіе, не смотря на мѣропріятія со стороны Духовнаго Совѣта съ цѣлью его «обузданія». Впослѣдствіи Совѣтъ отказался отъ воздѣйствія на него въ надеждѣ, что Самъ Богъ накажетъ его за неправильныя дѣйствія.

«Братское Слово» 1886 г., № 5, стр. 383, статья: «Личный составъ раскольнической іерархіи въ настоящее время»; 1891 года, № 3, стр. 199—209: «Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій»; «Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, т. V, ч. 2, М. 1888 г., стр. 632.

Ив. Давидовичъ.

Пахиревъ, *Прокопій*, дьякъ государя и въ Приказѣ сыскныхъ дѣлъ (1618—1627 г.). Въ 1618 г., когда польскій королевичъ Владиславъ приближался къ Москвѣ, въ послѣдней, въ присутствіи царя Михаила, состоялся соборъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ, на которомъ распредѣлены были разные участки столицы между извѣстными лицами для защиты, въ случаѣ осады Москвы, польско-литовскимъ войскомъ; дьяку П-ву съ Влад. Вешняковымъ и Өед. Философовымъ поручена была защита Чертольскихъ воротъ. Когда онъ умеръ—неизвѣстно, но въ 1629 г. былъ еще живъ и значился не у дѣлъ.

«Акты Арх. Экспед.», III, 90, 118, 124, 142, 191, 200; IV, 3; «Акты Ист.» I, 337, 309; II, 90, 97; III, 136, 159, 170, 182, 192, 237; «Дополненія» къ нимъ I, 214; II, 226; «Собр. гос. гр. и дог.» III, № 40; «Указат. къ бояр. кн.» Иванова, стр. 316.

А. Экз.

Пахманъ, *Викентій Филипповичъ*, адъюнктъ Ришельевскаго лицея; сынъ чиновника австрійской службы, родился въ 1793 г. въ Прагѣ (въ Чехіи). По окончаніи ученія въ Пражской гимназіи, поступилъ въ Пражскій же университетъ, гдѣ слушалъ лекціи по философскимъ, филологическимъ, юридическимъ и математическимъ наукамъ. Пріѣхавъ въ Россію въ 1816 году, Пахманъ опредѣлился преподавателемъ въ Одесскій благородный институтъ, по преобразованіи коего, въ 1818 г., въ Ришельевскій лицей, былъ назначенъ въ немъ учителемъ музыки; утвержденный въ 1828 г. (3-го сентября) адъюнктомъ лицея, П. преподавалъ сначала въ низшихъ классахъ разные предметы (латинскій языкъ и словесность, математику коммерческую и гражданскую бухгалтерію) и, сверхъ того, занялъ должность цензора въ Одесскомъ цензурномъ комитетѣ (съ 1831 г.). Со введеніемъ въ Лицеѣ новыхъ штатовъ, былъ назначенъ (24-го марта 1838 г.) адъюнктомъ по каѳедрѣ римскаго законовѣдѣнія. По этой наукѣ, составлявшей главный предметъ его спеціальныхъ знаній, онъ вносилъ въ свой курсъ не только исторію и систему римскаго права, но и очеркъ византійскаго права, въ виду же связи послѣдняго съ русскимъ правомъ вошелъ въ особое изслѣдованіе, напечатанное въ видѣ актовой рѣчи 1844 г. (на латинскомъ языкѣ) о «Кормчей книгѣ». Кромѣ того, въ разные годы временно преподавалъ энциклопедію и исторію правовѣдѣнія, въ 1842 г.—философію права, международное право, коммерцію и исторію русскаго права. 26-го февраля 1844 г. П. получилъ чинъ статскаго совѣтника; во все это время онъ продолжалъ службу въ Одесскомъ цензурномъ комитетѣ, гдѣ въ 1844 г. временно былъ предсѣдателемъ, а съ 1845 г. состоялъ сторонним цензоромъ; отъ этой должности былъ уволенъ 3-го августа 1849 г.

Въ 1853 году В Ф. Пахманъ вышелъ въ отставку и, оставаясь въ Одессѣ, умеръ въ іюлѣ 1878 г.

Архивъ Департ. Герольдіи (формулярный списокъ, 1853 г.); І. Михневичъ. Истор. обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея. Одесса 1857 г., стр. 33, 90—91; «Ришельевскій лицей и Имп. Новороссійскій Университетъ», ч. I. Одесса. 1898. стр. 14—15. Сообщеніе его сына—сенатора С. В. Пахмана.

Б. М—ій.

Пахолковъ, *Николай Ивановичъ*, врачъ, мѣщанинъ по происхожденію, род. 21-го апрѣля 1838 г., умеръ въ 1888 г.: врачебное образованіе получилъ въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ былъ стипендіатомъ Военнаго Министерства

и гдѣ окончилъ курсъ въ 1862 г. Въ 1863 г. онъ былъ назначенъ въ Сибирскій линейный № 3 бат., въ 1866 г. былъ переведенъ въ управленіе Тобольскаго воинскаго начальника, а въ слѣдующемъ году — въ Петропавловскій военный лазаретъ; въ 1873 г. П. получилъ тамъ же должность старшаго врача. Сознавая неполноту своего образованія, онъ добивался возможности пополнить запасъ своихъ научныхъ свѣдѣній и въ 1874 г. былъ прикомандированъ къ Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Здѣсь онъ сталъ заниматься съ такимъ увлеченіемъ, что отъ переутомленія въ немъ развилось душевное заболѣваніе, къ которому у него было наслѣдственное предрасположеніе. Пробывъ нѣсколько мѣсяцевъ въ клиникѣ, П. выздоровѣлъ и возобновилъ свои научныя занятія. Въ 1875 г. онъ представилъ очень добросовѣстную диссертацію, получилъ степень доктора медицины и отправился въ Омскъ, гдѣ и служилъ врачемъ при Корпусѣ, а затѣмъ — главнымъ врачемъ Военнаго госпиталя. Кромѣ того, П. служилъ нѣсколько лѣтъ въ Омской женской гимназіи, сначала врачемъ, а затѣмъ консультантомъ. Въ Омскѣ онъ продолжалъ свою научную дѣятельность и пользовался чрезвычайной популярностью среди товарищей и общества.

29-го апрѣля 1888 г. въ Омскѣ торжественно праздновался 25-тилѣтній юбилей его службы; изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ служилъ, къ нему явились депутаты: было рѣшено учредить въ честь юбиляра по одной стипендіи его имени въ Петропавловскѣ, Омскѣ и Тарѣ; пожертвованія на эти стипендіи поступили изъ Петропавловска, Тары, Тобольска, Томска, Каракола, Омска и др. мѣстъ. Въ томъ же году Пахолковъ застрѣлился, вѣроятно, подъ вліяніемъ наслѣдственнаго недуга.

Пахолковъ напечаталъ: «Матеріалы для топографіи питательныхъ отверстій и сосудовъ костей верхней конечности» въ «Военно-мед. Журн.» 1875 г., ч. 123, II, 145—88; Диссерт. на степ. д-ра мед. подъ тѣмъ же названіемъ — С.-Пб. 1875 г., и нѣсколько статей въ «Трудахъ Омскаго общества врачей».

«Врачъ» 1888 г., № 27, стр. 536 и № 40, стр. 804; Л. Ф. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, С.-Пб. 1889 г., стр. 53. *Н. Кульбинъ.*

Пахомій, епископъ Ростовскій и Ярославскій въ началѣ XIII вѣка. Съ 1196 года онъ жилъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и тамъ постригся въ монашество съ именемъ Пахомія; въ 1201 г. онъ сдѣланъ былъ игуменомъ Высокопетровскаго монастыря въ Москвѣ и исполнялъ обязанности духовника великаго князя Константина Всеволодовича. Въ декабрѣ 1214 г. былъ хиротонисанъ въ епископа Ростовскаго и Ярославскаго; при немъ заложенъ знаменитый Спасо-Ярославскій монастырь. Скончался въ 1216 году.

М. Діевъ. Іерархич. каталоговъ... повѣрка (рукоп. въ Архивѣ Св. Синода); «Лѣтопись о Ростовскихъ архіереяхъ», изд. Общ. Люб. Древн. Письм. подъ ред. А. А. Титова. С.-Пб. 1890. *Здр.*

Пахомій, преподобный «иже на езерѣ», въ началѣ XV вѣка. Свѣдѣнія о немъ очень скудны. Извѣстно только, что начало иноческихъ подвиговъ онъ положилъ въ Спасокаменномъ монастырѣ вологодской епархіи, гдѣ подвизался вмѣстѣ съ св. Діонисіемъ Глушицкимъ, съ которымъ ушелъ въ пустынное мѣсто на безмолвіе. Когда къ нимъ стали приходить посѣтители, то св. Діонисій удалился, а Пахомій основалъ на мѣстѣ подвиговъ Николаевскій монастырь, приписанный послѣ къ Вологодскому Борисоглѣбскому монастырю.

І. Вѣрюжскій. Историческія сказанія о святыхъ, подвизавш. въ Вологод. епархіи. *Здр.*

Пахомій, преподобный Кенскій, ученикъ преподобнаго Антонія Сійскаго, неканонизованъ; основалъ въ 50 верстахъ отъ Каргополя Спасскій монастырь, въ которомъ и игуменствовалъ. Скончался въ 1515 г. Мощи почиваютъ подъ спудомъ въ упраздненномъ въ 1764 г. монастырѣ.

Н. Барсуковъ. Источники русской агіографіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 429; арх. Леонидъ. Святая Русь. С.-Пб. 1891 г., стр. 100—101; П. Строевъ. Списки іерарховъ. *А. Никольскій.*

Пахомій, инокъ, духовный писатель XVI вѣка. Пахомій извѣстенъ, какъ составитель житія ярославскихъ князей Василія и Константина Всеволодовичей, дѣтей князя Всеволода Константиновича, погибшаго во время татарскаго нашествія въ 1238 г. Поводомъ къ написанію житія послужилъ рядъ чудесъ надъ

обрѣтенными въ 1501 г., послѣ пожара Успенской соборной церкви въ Ярославлѣ, нетлѣнными мощами двухъ князей, носившихъ, какъ было видно изъ надписей на гробахъ, имена Василія и Константина. Житіе было написано по благословенію Ростовскаго и Ярославскаго архіепископа Кирилла, занимавшаго каѳедру съ 1526—1538 годъ, въ княженіе великаго князя Василія Ивановича, умершаго въ 1533 г.; такимъ образомъ, оно относится къ 1526—1533 годамъ. При составленіи своего труда авторъ руководствовался, отчасти, мѣстными преданіями, отчасти собственными, не всегда вѣрными соображеніями; желая придать житію нѣкоторую литературную обработку, онъ пользовался, по обычаю современныхъ агіографовъ, житіями другихъ святыхъ; такъ, онъ примѣнилъ къ Василію и Константину характеристику князя Ѳеодора Чернаго, написанную Ярославскимъ іеромонахомъ Антоніемъ въ концѣ XV вѣка, воспользовался предисловіемъ Пахомія Логоѳета къ житію митрополита Алексія для начала своей повѣсти, заимствовалъ разсказъ о смерти Батыя въ Болгаріи у Антонія и пр.; всѣ эти ненужныя заимствованія въ связи съ ошибками противъ историческихъ данныхъ и добавленіями риторическаго характера чрезвычайно умаляютъ значеніе работы Пахомія. Оправданіемъ автору является то обстоятельство, что князья Василій и Константинъ, при жизни своей оставшіеся незамѣтными, прославились только черезъ триста лѣтъ послѣ смерти; мало того, при открытіи мощей не было даже въ точности извѣстно, именно ли дѣтей Всеволода Константиновича, а не другихъ князей — ихъ тезокъ, слѣдуетъ считать святыми; самыя преданія о нихъ, вѣроятно, сложились уже послѣ открытія мощей; чтобы объяснить нетлѣнность ихъ тѣлъ и чудеса, автору пришлось обратиться къ помощи вымысла и заимствованій; присоединившееся къ этому плохое знаніе исторіи края еще болѣе увеличило путаницу въ сообщеніяхъ житія. — Второе сочиненіе Пахомія — канонъ князьямъ, житіе которыхъ онъ составилъ, вошедшій въ минею іюльскую печатную (Москва, 1646) — по своему историческому значенію близко къ его первому труду. Списки повѣсти Пахомія въ рукописяхъ встрѣчаются не часто.

В. О. Ключевскій. «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». 1871 г., стр. 175—176; Филаретъ. «Обзоръ русской духовной литературы». 1885 г., стр. 154; П. М. Строевъ. «Библіологическій словарь». 1882 г., стр. 234; Н. П. Барсуковъ. «Источники русской агіографіи». 1882 г., стр. 26; Филаретъ. «Житія святыхъ, чтимыхъ православною церковью». С.-Пб. 1885 г., іюнь, стр. 273. *В. С—ій.*

Пахомій, инокъ, жилъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в.в., ученикъ раскольчителя инока Корнилія, вмѣстѣ съ которымъ подвизался въ Олонецкихъ предѣлахъ. Онъ написалъ «Житіе» своего учителя, которое впослѣдствіи переработалъ Трифонъ Петровъ.

Пересказъ житія, написаннаго Пахоміемъ, помѣщенъ у Максимова, въ «Разсказахъ изъ исторіи старообрядчества».

В. Г. Дружининъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1884 г., № 9; П. С. Смирновъ, «Внутреннія вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ», С.-Пб. 1898. *В. Дружининъ.*

Пахомій, преподобный, мученикъ въ 1-й половинѣ XVIII вѣка. Родился въ Малороссіи и въ молодыхъ годахъ взятъ былъ въ плѣнъ татарами, которые продали его въ г. Усаки турецкому кожевнику, гдѣ онъ прожилъ 27 лѣтъ, много потерпѣлъ за вѣру во Христа, но магометанства не принялъ. Однажды онъ заболѣлъ и впалъ въ безпамятство. Турки одѣли его въ свои одежды и разгласили, что онъ отрекся отъ Христа. По выздоровленіи, онъ отправился въ Смирну, сбросилъ турецкія одежды и отплылъ на св. гору Аѳонъ, гдѣ въ монастырѣ св. Павла постригся въ монашество съ именемъ Пахомія и прожилъ тамъ 12 лѣтъ; затѣмъ онъ перешелъ въ пустынь къ одному подвижнику и тамъ 6 лѣтъ провелъ въ смиреніи, постѣ и молитвѣ, но все время душевно страдалъ, сомнѣваясь, не произнесъ ли онъ во время болѣзни какихъ-либо словъ противъ христіанства и въ посрамленіе Христа. Это заставило его рѣшиться на подвигъ исповѣдничества. Въ иноческомъ одѣяніи онъ возвратился къ туркамъ въ г. Усаки: турки обвинили его въ измѣнѣ Магомету, осыпали его бранью, мучили и въ концѣ концовъ, 7-го мая 1730 года, отсѣкли ему голову. Нетлѣнныя мощи

его покоятся на о. Патмосѣ въ обители св. Іоанна Богослова; память его чтится 7-го мая.

Игнатій. «Краткія жизнеописанія святыхъ». *К. Здр.*

Пахомій (въ мірѣ *Іаковъ Игнатьевъ*), преподобный Нерехтскій, основатель въ г. Нерехтѣ Константиновскаго монастыря, въ XIV вѣкѣ. Родился въ г. Владимірѣ, былъ сынъ священника, грамотѣ обучался, былъ чрезвычайно религіозенъ, поступилъ въ Рождественскій монастырь, несъ тамъ различныя послушанія и на 21-мъ году отъ рожденія постригся въ монашество съ именемъ Пахомія. Въ 1352 г. онъ былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха, а въ 1365 году, по возобновленіи Константиновскаго монастыря, назначенъ былъ первымъ его игуменомъ. Устроя обитель, преподобный Пахомій сгоралъ желаніемъ уединенія и вскорѣ удалился въ пустынное мѣсто близъ г. Нерехты, гдѣ построилъ храмъ и въ глубокой старости скончался 23-го марта 1384 г.

См.: Н. Барсуковъ. Источн. русск. агіографіи. С.-Пб. 1882 г., стр. 429—430; «Словарь о святыхъ...», стр. 226; арх. Леонидъ. Св. Русь. С.-Пб. 1891, № 734; В. Ключевскій. «Древне-русскія житія святыхъ» 1871 г., стр. 311; В. В. Звѣринскій. Монастыри по штатамъ 1764 г., С.-Пб. 1892 г., стр. 376; Игнатій. «Краткія жизнеописанія святыхъ». *К. Здравомысловъ.*

Пахомій, архіепископъ Астраханскій и Терскій, духовный писатель XVII вѣка. Достовѣрныя біографическія данныя о Пахоміи имѣются только съ 1638 года, когда онъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новгородскаго Хутынскаго Спасо-Варлааміева монастыря на мѣсто перешедшаго на архіепископскую каѳедру въ Астрахани архимандрита Рафаила. О болѣе раннемъ времени жизни Пахомія сохранились не вполнѣ несомнѣнныя свѣдѣнія, сообщающія, что до назначенія архимандритомъ онъ жилъ въ Вологдѣ, по всей вѣроятности, при мѣстномъ архіепископѣ Варлаамѣ. По смерти архіепископа Рафаила (1640) Пахомій былъ рукоположенъ въ епископы и въ 1641 году назначенъ на его мѣсто, которое и занималъ до самой смерти, послѣдовавшей 31-го мая 1655 года во время жестокаго морового повѣтрія, опустошившаго край. Какъ администраторъ, Пахомій проявилъ много энергіи при защитѣ ногайскихъ татаръ отъ притѣсненій астраханскаго воеводы Телятевскаго; указавъ царю Михаилу Ѳедоровичу злоупотребленія воеводы, онъ по приказу царя вмѣстѣ съ вторымъ воеводою Иваномъ Траханіотовымъ посадилъ Телятевскаго за приставы и управлялъ дѣлами края, пока не прибылъ въ Астрахань новый воевода кн. Репнинъ. Какъ видно изъ этихъ сообщеній, Пахомій пользовался довѣріемъ царя; дѣятельностью своей онъ снискалъ уваженіе вмѣстѣ съ тѣмъ и со стороны паствы, и со стороны иновѣрцевъ. Въ нѣсколько иномъ видѣ его изображаютъ показанія, данныя Косткою Конюховскимъ, сторонникомъ самозванца Тимоѳея Акундинова, выдававшаго себя за сына царя Василія Шуйскаго; подъ пыткой на дыбѣ, батогами и огнемъ Костка сообщилъ, что архіепископъ Пахомій былъ въ заговорѣ съ Акундиновымъ и обѣщалъ оказать ему содѣйствіе въ предполагаемомъ имъ походѣ на Казань и Астрахань для добыванія престола; доносъ, вѣроятно, не былъ признанъ заслуживающимъ вниманія, такъ какъ Пахомій сохранилъ за собою каѳедру, несмотря на то, что Акундиновъ былъ четвертованъ въ 1653 году.

Пахомій извѣстенъ, какъ составитель хронографа, дошедшаго до нашего времени въ позднихъ спискахъ. Хронографъ распадается на двѣ части: 1) Лѣтописчикъ вкратцѣ отъ сотворенія міра (доведенный до взятія Царьграда Турками) и 2) Лѣтописчикъ вкратцѣ о русской земли, отъ котораго колѣна россійскіе и словянскіе люди, и по чему именуется Россія и Словяне, и откуду влечашеся родъ великихъ князей. Списки хронографа хранили интересное письмо Пахомія къ іеромонаху Мисаилу (напечатано Поповымъ въ «Обзорѣ хронографовъ») съ просьбой о помощи въ перепискѣ его труда со столбцовъ, какъ онъ писался, въ книгу; изъ того же письма видно, что хронографъ былъ составленъ въ 1650 году (въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ дополненъ сообщеніями о событіяхъ, касающихся послѣдующихъ лѣтъ). Источниками труду Пахомія послужило по преимуществу священное писаніе и хронографы; русскія статьи заимствованы частью также изъ хронографовъ, частью изъ степенной книги; лишь небольшая доля лѣтописчика представляетъ собою не компиля-

цію, а самостоятельный трудъ Пахомія; эта доля касается событій 1619—1650 годовъ и, по словамъ А. Попова, заслуживаетъ вниманія, благодаря отзывамъ составителя о патріархахъ Филаретѣ и Іоасафѣ и по разсказу его о Смоленскомъ походѣ Шеина.

Н. Каменскій. «Краткая исторія Астраханской іерархіи» («Астраханскія епарх. вѣдомости», 1883 № 3; «Матеріалы для исторіи Астраханской епархіи» (въ «Астраханскихъ епарх. вѣд.», 1880, № 10); П. Строевъ: «Списки іерарховъ» 1877 г., стр. 50; 310; С. Соловьевъ; «Исторія Россіи». 1894 г., т. 2, стр. 1648; А. Поповъ: «Обзоръ хронографовъ русской редакціи», т. 2. М. 1869, стр. 236—242; П. Строевъ, «Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія... Царскому 1848 г., стр. 198—199; Отчетъ Имп. публичной библ. за 1867 годъ (1868). с. 98—99; «Акты историческіе», т. 3. № 299; т. 4. № 32. *В. С—кій.*

Пахомій, іеромонахъ (въ мірѣ Петръ Назаровичъ *Леоновъ*), строитель Саровской пустыни, родился въ г. Курскѣ, сынъ купца; П. былъ постриженъ въ монашество въ 1762 г., въ Москвѣ, преосвященнымъ Димитріемъ, митрополитомъ Новгородскимъ; въ 1764 г. посвященъ въ іеромонахи, а въ 1777 г. избранъ въ строители съ единодушнаго согласія всей братіи. Время его управленія обителью замѣчательно тѣмъ, что при немъ явились такіе подвижники въ пустыни Саровской, которымъ обязаны своимъ благоустройствомъ и другія пустыни, какъ-то: Дороѳеева Южская въ Ярославской епархіи и Коренная Знаменская близъ Курска, а особенно древній Валаамъ. Пахомій скончался въ глубокой старости 6-го ноября 1794 года. При немъ построено нѣсколько каменныхъ монастырскихъ зданій, въ числѣ которыхъ больница и странноприимница.

Описаніе Сатисо-Градо-Саровской пустыни, выбранное изъ разныхъ записей и указовъ, въ оной пустыни хранящихся. Муромъ. 1869 г., стр. 104—106. *А. Никольскій.*

Пахомій *Логоѳетъ*, писатель XV вѣка. Почти не сохранилось никакихъ свѣдѣній о жизни этого замѣчательнаго дѣятеля русской литературы XV вѣка; дошедшія извѣстія — отрывочны, неясны, нерѣдко противорѣчивы. Несомнѣнно только, что онъ былъ родомъ сербъ («сербинъ», какъ называется онъ въ нашихъ рукописяхъ), жилъ сначала на Аѳонѣ, и, повидимому, еще въ молодыхъ годахъ пришелъ въ Россію. Послѣднее случилось въ царствованіе великаго князя Василія Васильевича (1425—1462 гг.), и, нужно думать, значительно раньше 1440 г., около котораго уже появляется первый литературный трудъ Пахомія въ Россіи—«Житіе преподобнаго Сергія». Бо́льшую часть жизни въ Россіи Пахомій провелъ въ Москвѣ и Троицко-Сергіевой лаврѣ, отчасти въ Новгородѣ (1458—1462 гг). Гдѣ и когда скончался, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, не ранѣе 1484 г.—не ранѣе этого года могло быть составлено Пахоміемъ приписываемое ему въ рукописяхъ «Житіе Новгородскаго архіепископа Моисея».

Сношенія древней Руси съ православнымъ Востокомъ, особенно Константинополемъ и Аѳономъ, вообще были не рѣдки. Аѳонъ и Константинополь, вмѣстѣ съ Болгаріей и Сербіей, были для древнерусской письменности источниками неистощимыхъ книжныхъ богатствъ. Въ теченіе всего древняго періода отсюда шли къ намъ, въ славянскихъ переводахъ, библейскія и богослужебныя книги, творенія отцовъ церкви, кормчія, патерики, житія святыхъ, сборники, наконецъ, вся южнославянская литература «похвальныхъ словъ». Въ XIV—XV вв. вліяніе Аѳона на русскую письменность дѣлается особенно сильнымъ. На Аѳонѣ образовывается въ это время цѣлое общество иноковъ, главное занятіе которыхъ—переводъ отеческихъ твореній на славянскій языкъ и списываніе книгъ; то и другое быстро дѣлается достояніемъ русской книжности. И сами русскіе иноки въ Аѳонскихъ и Константинопольскихъ монастыряхъ списываютъ книги, дѣлаютъ переводы съ греческаго, сличаютъ славянскій текстъ св. писанія съ подлинникомъ, переводятъ книги богослужебныя, составляютъ сборники. Здѣсь для русскихъ иноковъ—какъ бы школа книжнаго труда, центръ высшаго духовнаго образованія. Въ виду сказаннаго, появленіе на Руси «сербина» Пахомія не представляло ничего страннаго.

Наиболѣе раннимъ литературнымъ трудомъ Пахомія, какъ мы замѣтили, было «Житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго» (ум. 1391 г.), составленное около 1440 г.: оно читается уже въ сборникѣ, писанномъ въ 1432—1443 гг., и разсказываетъ о чудесахъ преподобнаго, совершившихся въ 1438 г. Трудъ

этотъ представляетъ передѣлку житія, написаннаго ранѣе Епифаніемъ, съ дополненіемъ къ нему разсказа о чудесахъ, и сдѣланъ съ цѣлью приноровить излишне обширное житіе къ чтенію въ церкви, а отчасти, можетъ быть, и съ цѣлью дать ему большую распространенность въ средѣ читателей; трудъ Пахомія дѣйствительно, повидимому, устранилъ собой Епифаніевскій, который почти совершенно не встрѣчается въ рукописяхъ. Вторымъ сочиненіемъ Пахомія считаютъ «Житіе митрополита Алексѣя» (ум. 1377 г.) съ канономъ, написанное Пахоміемъ по волѣ «великаго князя, митрополита и опредѣленію всего собора». Трудъ относится къ 1450—1459 гг. и состоитъ въ передѣлкѣ, при томъ съ не малыми ошибками и путаницей, житія, написаннаго Питиримомъ (ум. 1445 г.), съ присоединеніемъ повѣствованія о чудесахъ, и сдѣланъ опять съ цѣлью чтенія его въ церкви. Въ періодъ пребыванія въ Новгородѣ, гдѣ Пахомій засталъ еще архіепископа Евѳимія (ум. 1458 г.), имъ были составлены, по порученію преемника Евѳимія, Іоны: «Сказаніе о чудѣ преподобнаго Варлаама Хутынскаго» (ум. 1192 г.), «Житіе» его съ похвальнымъ ему словомъ и канономъ, «Житія» княгини Ольги, преподобнаго Саввы Вишерскаго (ум. 1460 г.) и упомянутаго Евѳимія, съ канонами имъ, и служба преподобному Онуфрію. За исключеніемъ «Житія Евѳимія», написаннаго Пахоміемъ отчасти въ качествѣ очевидца и потому менѣе страдающаго общими мѣстами, всѣ остальныя—крайне скудны и бѣдны содержаніемъ «Житіе Саввы Вишерскаго» въ этомъ отношеніи особенно характерно: оно не обнаруживаетъ въ авторѣ никакихъ свѣдѣній ни о самомъ святомъ, ни о его монастырѣ, хотя святой происходилъ изъ довольно извѣстнаго рода Бороздиныхъ, и Тверской Саввинъ монастырь, гдѣ онъ сначала подвизался, также хорошо былъ извѣстенъ въ то время. Авторъ, очевидно, и не искалъ историческихъ фактовъ и не нуждался въ нихъ, а считалъ вполнѣ возможнымъ удовлетвориться общими мѣстами въ разсказѣ; при томъ и въ занесенныхъ фактахъ онъ дѣлаетъ ошибки и неточности. Это характеризуетъ степень его историческихъ интересовъ. Къ этому же времени относится составленіе Пахоміемъ, послѣ смерти митрополита Іоны (ум. 1461 г.), службы ему, написанной по просьбѣ Новгородскаго владыки. Вернувшись изъ Новгорода въ «Московскія страны», Пахомій работалъ надъ «Житіемъ преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго» (ум. 1427 г.), для чего предварительно, по повелѣнію великаго князя и новаго митрополита, ѣздилъ на Бѣлоозеро. Порученный Пахомію трудъ вызывался насущной потребностью. Въ продолженіе болѣе 30 лѣтъ по кончинѣ чудотворца, въ его монастырѣ не только не было составлено житія основателя, но не имѣлось и никакихъ предварительныхъ записокъ о его жизни. Среди самой братіи, очевидно, не было способныхъ къ тому людей. Отсутствіе всякаго повѣствованія о жизни такого подвижника, какъ преподобный Кириллъ Бѣлозерскій, живо чувствовалось не только въ самой обители, но и среди всего круга грамотныхъ мірянъ; Кирилло-Бѣлозерскій игуменъ и съ своей стороны просилъ Пахомія написать «хоть что-нибудь о святомъ». Новый трудъ Пахомія является лучшимъ его произведеніемъ. Пахомій засталъ въ Кирилловомъ монастырѣ многихъ очевидцевъ и учениковъ преподобнаго, и житіе, имъ написанное, составленное на основаніи современныхъ свидѣтельствъ, передастъ много живыхъ подробностей, характеризующихъ и время, и людей. Въ самомъ изложеніи нерѣдко чувствуется вліяніе устнаго живого разсказа. Въ 1472 г., по случаю открытія и перенесенія мощей митрополита Петра, Пахомію поручено было «великимъ княземъ и митрополитомъ» написать въ память этого событія «похвальное слово» и службу. Около того же времени, «повелѣніемъ» Пермскаго епископа Филоѳея (1472—1501 гг.), Пахомій пишетъ канонъ Стефану Пермскому (ум. 1396 г.). Послѣднимъ трудомъ Пахомія вѣроятно было «Житіе Новгородскаго архіепископа Моисея» (ум. 1362 г.). Житіе отличается общностью изложенія и легендарностью разсказа и черпаетъ содержаніе свое преимущественно изъ цикла Новгородскихъ легендъ; судя по одному эпизоду, оно написано не ранѣе 1484 г.

Кромѣ перечисленныхъ, Пахомію въ

нашихъ рукописяхъ приписываются: «Житіе Новгородскаго архіепископа Іоанна» (ум. 1185 г.), «Повѣсть о страданіи Черниговскаго князя Михаила и боярина его Ѳеодора» (ум. 1244 г.), съ службой имъ; «Похвальное слово на Покровъ Богородицы», «Похвальное слово Знаменію Богородицы» (чудо 1169 г.) и каноны въ службахъ Знаменію и святымъ мученикамъ Борису и Глѣбу. «Житіе Іоанна» содержаніемъ своимъ представляетъ рядъ легендъ, почерпнутыхъ изъ того же цикла Новгородскихъ сказаній, которымъ пользуются «житія» Варлаама и Моисея. Многія изъ этихъ сказаній, вѣроятно, впервые собирались и заносились въ нашу письменность Пахоміемъ. «Повѣсть о князѣ Михаилѣ» — стилистическая передѣлка болѣе древняго повѣствованія о томъ же событіи мѣстами украшенная реторическими распространеніями, мѣстами новыми фактами, но сомнительнаго качества.

Уже сказаннымъ опредѣляется характеръ литературной дѣятельности Пахомія. Не считая написанныхъ имъ «каноновъ» (около 18), 3-хъ или 4-хъ «похвальныхъ словъ», до шести различныхъ «сказаній»,—изъ 10 «житій», имъ составленныхъ, только 2—3 могутъ считаться его оригинальными произведеніями; остальныя—или новыя редакціи, или передѣлки прежде существовавшихъ. Передъ нами, такимъ образомъ, не столько авторъ въ строгомъ смыслѣ, сколько компиляторъ и редакторъ. Онъ свободно пользуется чужими трудами или прямо сырыми матеріалами и придаетъ имъ ту или другую, удобную для практическаго употребленія, литературную форму. «Запасъ русскихъ черновыхъ воспоминаній, накопившійся къ половинѣ XV в.,—замѣчаетъ изслѣдователь, — надобно было ввести въ церковную практику и въ составъ душеполезнаго чтенія, обращавшагося въ ограниченномъ кругу грамотнаго русскаго общества. Для этого надобно было облечь эти воспоминанія въ форму церковной службы, слова или житія,—въ тѣ формы, въ какихъ только и могли они привлечь вниманіе читающаго общества, когда послѣднее еще не видѣло въ нихъ предмета не только для научнаго знанія, но и для простого историческаго любопытства. Въ этой стилистической переработкѣ русскаго матеріала и состоитъ все литературное значеніе Пахомія»... Его литературныя передѣлки и компиляціи удовлетворяли насущной потребности, живо чувствовавшейся и въ церковной критикѣ, и въ читающемъ обществѣ. Заслуга была тѣмъ важнѣе, что другихъ силъ не было. Въ XIV—XV вв. въ Московской Руси мы видимъ крайнюю бѣдность литературнаго развитія. Иногда въ цѣломъ монастырѣ не было не только никого, сколько-нибудь способнаго къ литературной работѣ, — но даже ни одного грамотнаго монаха. Даже въ такихъ монастыряхъ, какъ Кирилло-Бѣлозерскій, не всегда можно было, какъ мы видѣли, найти человѣка, способнаго къ литературной работѣ. При такомъ недостаткѣ силъ, даже незначительный литературный талантъ могъ дать писателю быстрый и широкій успѣхъ. И это мы видимъ на судьбѣ Пахомія. Какъ писатель, онъ вовсе не можетъ быть поставленъ высоко; онъ бѣденъ мыслями, не имѣетъ литературной гибкости и изобрѣтательности, не разнообразенъ, часто повторяетъ себя, — не отличается даже широтой познаній. И при всей этой посредственности—вызываетъ въ ряду нашихъ грамотѣевъ удивленіе къ себѣ, смѣшанное съ благоговѣніемъ, является въ ихъ глазахъ мужемъ, «отъ юности совершеннымъ въ божественномъ писаніи и во всякомъ наказаніи книжномъ и въ философскомъ истинномъ ученіи, еже знаменаетъ по степенемъ граматикію и прочіи философіи, яко превзыти ему мудростію и разумомъ всѣхъ книгчій»... Онъ, повидимому, едва успѣваетъ удовлетворять всѣмъ обращающимся къ нему заказамъ, а иногда, какъ видимъ изъ одного свидѣтельства современника, принужденъ даже отказываться, несмотря на всѣ убѣжденія и награды. Его труды быстро создаютъ ему положеніе оффиціальнаго писателя. Съ литературными порученіями къ нему обращаются: самъ великій князь, митрополитъ «со всѣмъ соборомъ святителей», епархіальные архіереи. Все это показываетъ, какъ сильна была нужда въ подобной дѣятельности, — какой насущной потребности она удовлетворяла. Этимъ и опредѣлялось важное значеніе Пахомія, какъ писателя, и его заслуга. Обширной массѣ письменнаго матеріала, давно накапли-

вавшагося и остававшагося сырымъ или плохо обработаннымъ, онъ далъ литературную жизнь и возможность служить потребностямъ возникавшаго круга древнерусскихъ читателей.

Что касается собственно литературной стороны трудовъ Пахомія, — роль его въ этомъ отношеніи въ исторіи нашей агіографіи исключительно стилистическая. Пахомій окончательно и надолго упрочилъ литературные пріемы, съ колебаніями вводившіяся впервые Кипріаномъ и Епифаніемъ, и вкусъ къ которымъ давно уже получили наши читатели подъ вліяніемъ нахлынувшей къ намъ юго-славянской письменности. Пахомій заботится не о фактѣ, а лишь о болѣе красивой его передачѣ; онъ не изучаетъ историческихъ матеріаловъ, чаще всего прибѣгая къ помощи общихъ мѣстъ. Фактъ самъ по себѣ не имѣетъ для автора значенія, и онъ не занятъ ни его собираніемъ, ни его критической провѣркой; цѣли, которыя ставятся труду, исключительно моральныя, назидательныя. Для автора важно не описать событія, а ихъ подборомъ очертить морально-аскетическій идеалъ. Пахомій поэтому безъ сожалѣнія опускаетъ фактическія подробности, можетъ быть, драгоцѣнныя для историка, но неудобныя для церковнаго чтенія, или переиначиваетъ самый фактъ въ виду стилистическихъ соображеній. Общія мѣста—любимый его пріемъ, и въ этомъ отношеніи Пахомій съ своей стороны еще болѣе способствуетъ обезличенію нашей агіографіи, этой отличительной ея особенности. Подъ его перомъ, напримѣръ, изчезаютъ черты живой дѣйствительности, занесенныя въ Епифаньевское «житіе Сергія». Уходя въ пустыню, преподобный Сергій у Епифанія оставляетъ имущество своему младшему брату, у Пахомія раздаетъ бѣднымъ; Епифаній просто говоритъ, что въ лѣсу, гдѣ поселился Сергій, было много звѣрей и всякаго гаду, у Пахомія въ звѣрей и гадъ преображаются бѣсы, смущающіе подвижника, и т. п. По взгляду Пахомія, такъ выходило красивѣе въ «житіи», назидательнѣе. Общія мѣста совершенно устраняютъ личные взгляды автора, и за исключеніемъ двухъ-трехъ фактовъ, мы почти не видимъ въ его сочиненіяхъ его собственной личности и его симпатій.

Любовь Пахомія Логоѳета къ общимъ мѣстамъ и его авторская безличность не являются, впрочемъ, его отличительными чертами; въ этомъ отношеніи Пахомій—типическій представитель взглядовъ, искони господствовавшихъ въ нашей агіографіи, а отчасти и во всей древнерусской письменности. На задачи и цѣли «житія» Пахомій смотритъ такъ же, какъ смотрѣли на это всѣ наши писатели «житій» вплоть до XVII вѣка, а равно и все читавшее древнерусское общество. Въ представленіи и тѣхъ и другихъ «житіе» было неразрывно съ святостью жизни описываемаго лица, и только такая святая жизнь имѣла право быть предметомъ «житія».

Литературная исторія древнерусскаго житія вообще исчерпывается исключительно исторіей его стиля, и въ развитіи послѣдняго Пахомію Логоѳету принадлежитъ весьма видное мѣсто. Его творенія послужили образцами для послѣдующихъ русскихъ агіографовъ, создали новую литературную школу, — послѣдователи которой скоро даже обогнали своего основателя. «Разсказъ Кипріана и Пахомія Логоѳета, замѣчаетъ изслѣдователь, кажется сухимъ и сжатымъ сравнительно съ изложеніемъ ихъ русскихъ подражателей XV—XVI вв. Въ Макарьевское время Пахоміева біографія Никона Радонежскаго, кажется уже неудовлетворительной въ литературномъ отношеніи и передѣлывается въ еще болѣе украшенномъ стилѣ. «Плетеніе словесъ» пришлось по вкусу...

В. О. Ключевскій. «Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ». Москва. 1871 г., стр. 113—167; Ив. Некрасовъ, Пахомій-сербъ, писатель XV в.—«Записки Новороссійскаго университета», т. VI. Одесса. 1871 г.; преосв. Макарій. «Исторія русс. церкви», т. VII. С.-Пб. 1874 г., стр. 144—170. *А. Архангельскій.*

Пахомій (*Подлускій* или *Подлузкій*), Кіево-Выдубицкій игуменъ, а затѣмъ ректоръ Кіево-Могилянской коллегіи и игуменъ Братскаго монастыря. Свѣдѣнія о немъ крайне скудны и отрывочны. Онъ докончилъ образованіе за-границею—«въ училищахъ латинскихъ» (замѣтки на рукописномъ «каталогѣ» настоятелей Выдубицкаго монастыря), — что, очевидно, и выдвинуло его изъ числа рядовой монашествующей братіи. Начало игуменства Подлускаго въ Выдубицкой обители, послѣ Ѳеодосія Углиц

каго, относится къ 1688 г. (а не къ 1690 г., какъ полагаетъ историкъ Кіево-Выдубицкаго монастыря о. Троцкій). Въ этомъ году, по его ходатайству, былъ выданъ гетманомъ Мазепою универсалъ, подтверждавшій права Выдубицкаго монастыря на село Лѣсники; въ этомъ же году «въ Выдубицкой монастырь ему, игумену Пахомію Подлускому, съ братіею, для осторожности отъ приходу непріятельскихъ людей, отдана (по распоряженію Кіевскаго воеводы) пищаль мѣдная... на время». Въ 1690 г. Пахомій обращался съ челобитьемъ къ государямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и получилъ отъ нихъ, кромѣ «милостыни» братіи (соболей на тридцать рублей), жалованную грамату, подтверждавшую права обители на ея земельныя имущества.

Ректоромъ Кіево-Могилянской коллегіи и игуменомъ Братскаго монастыря Подлускій избранъ былъ не ранѣе начала 1690—1691 учебнаго года. Въ первыхъ числахъ августа 1691 г. имъ отправлено было посольство въ Москву съ челобитьями государямъ о нуждахъ коллегіи и монастыря. Посольство состояло изъ префекта коллегіи іеромонаха Силуана Озерского, трехъ учителей (іеромонаха Ипполита Зарудецкаго, іеромонаха Захарія Корниловича и іеродіакона Митрофана Орловскаго) и трехъ учениковъ, при чемъ для государей изготовленъ былъ пышный панегирикъ (гравюра), который «отъ имени всего училищнаго собранія Кіевскаго» и былъ поднесенъ стольникомъ Иваномъ Обидовскимъ, окончившимъ курсъ философскихъ наукъ въ коллегіи. 4-го августа 1691 г., по просьбѣ Подлускаго, гетманомъ Мазепою выданъ былъ универсалъ, гдѣ подтверждались права Кіево-братскаго училищнаго монастыря на его имущественныя владѣнія и вновь жаловалось селеніе Выговзовъ, находившееся около г. Остра, что̀ вызвало сильные протесты со стороны Остерскихъ жителей и послужило поводомъ къ неоднократнымъ столкновеніямъ ихъ съ братскими иноками. Въ ректорство Одорскаго продолжалась постройка, на средства Мазепы, великолѣпной братской церкви, заложенной въ 1690 г. на мѣстѣ бывшей деревянной, а послѣдняя была разобрана и перенесена на гору Вздыхальницу, теперь Андреевскую, на то мѣсто, гдѣ «изстари» стояла церковь Воздвиженская, «въ 184 году, въ приходъ непріятельскихъ крымскихъ людей, отъ пушечной стрѣльбы сгорѣвшая». Ректоромъ коллегіи Подлускій состоялъ не долѣе начала 1692 г. Дальнѣйшая судьба его остается неизвѣстною.

Архивъ Выдубицкаго монастыря; Московскій Архивъ Минист. Юстиціи: книги Кіевскаго повытья, № 17, л. 145 об. и № 20, л. 162 об.; о Троцкій. «Кіево-Выдубицкій монастырь»; «Вѣстникъ Зап. Россіи» 1865—1866 гг., кн. XI, отд. II, стр. 56; Моск. Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ: дѣла Малорос., 1691 г., связ. 87, № 39; Д. А. Ровинскій. «Подробный словарь русскихъ гравир. портретовъ», изд. съ фототип., С.-Пб. 1888 г., т. III, столб. 1523—1533; Н. Мухинъ. «Кіево-братскій училищный монастырь». Кіевъ. 1893 г., прилож. № XX; А. З. Р., т. V, № 252; «Кіевская Стар.» 1892 г., № 1,—статья И. В. Лучицкаго: «Гетманъ Мазепа и Остерскія общія земли».

С. Т. Голубевъ.

Пахомій *(Симанскій)*, епископъ Устюжскій во 2-й половинѣ XVIII столѣтія. Съ 1753 г. былъ архимандритомъ Іосифова Волоколамскаго монастыря, а въ 1758 г., 25-го мая, хиротонисанъ въ епископа Тамбовскаго. Незаконное отлученіе отъ церкви вліятельныхъ лицъ изъ личной мести, пристрастное рѣшеніе слѣдственныхъ дѣлъ, своекорыстное удержаніе денегъ и чрезмѣрно строгое обращеніе съ духовенствомъ заставило Св. Синодъ въ ноябрѣ 1766 г. перевести епископа Пахомія на каѳедру Устюжскую (Вологодскую), но и здѣсь онъ оставался недолго и, по жалобамъ духовенства, 11-го іюля 1767 г. былъ уволенъ на покой сперва въ Новоспасскій монастырь, а потомъ въ Спасо-Андроніевъ Московскій, гдѣ и скончался 5-го мая 1789 г.

П. Строевъ. «Списки іерарховъ». *Здр.*

Пахомій *(Шпаковскій)*, митрополитъ Воронежскій и Елецкій въ началѣ XVIII столѣтія. Принадлежалъ къ дворянскому роду, родился въ 1672 г. въ Валахіи; былъ извѣстенъ императору Петру I, который возлагалъ на него разныя государственныя порученія по сношенію съ Турціею. Въ 1714 г., 25-го апрѣля, онъ изъ архимандритовъ Бессерриканскаго Благовѣщенскаго монастыря въ Валахіи хиротонисанъ былъ прямо въ санъ митрополита Воронежскаго и Елецкаго. Въ 1720 г. П. исполнялъ чреду священнослуженія въ С.-Петербургѣ, а въ

1721 г. доносилъ Св. Синоду о бѣдности монастырей ввѣренной ему епархіи. Скончался 23-го сентября 1723 г.; передъ смертью былъ подъ судомъ.

П. Строевъ. «Списки іерарховъ». *Здр.*

Пахомовъ, *Алексѣй Алексѣевичъ*, архитекторъ, сынъ петербургскаго купца, родился въ 1814 г. Въ сентябрѣ 1824 г. онъ держалъ экзаменъ при Императорской Академіи Художествъ и хотя попалъ по экзамену въ третій разрядъ, но, въ виду того, что хорошо выдержавшихъ экзаменъ было только двадцать человѣкъ, при пятидесяти вакансіяхъ, былъ принятъ въ Академію, а при распредѣленіи учениковъ по профессорамъ, попалъ подъ руководство къ А. П. Брюллову, у котораго и оставался до окончанія курса. Въ 1834 г. П. получилъ малую серебряную, а въ 1836 году — большую серебряную медаль и осенью того же года былъ выпущенъ съ званіемъ класснаго художника. 15-го февраля 1837 г. П. поступилъ въ десятники при строеніи главной обсерваторіи въ Пулковѣ, а 18-го января 1838 года, вслѣдствіе представленія старшихъ архитекторовъ — Штауберта, Стасова и Брюллова, по Высочайшему повелѣнію былъ опредѣленъ архитекторскимъ помощникомъ по чертежной части въ Высочайше учрежденную коммиссію для возобновленія Зимняго дворца, гдѣ и прослужилъ до 19-го іюля 1841 г., получивъ въ награду за отлично усердную службу, чинъ XII-го класса, годовой окладъ жалованья (1.500 р. асс.), золотую медаль въ память возобновленія дворца и брилліантовый перстень; 25-го сентября 1850 года, «во уваженіе извѣстныхъ Академіи трудовъ по части архитектуры и многихъ произведенныхъ по собственнымъ проектамъ строеній, свидѣтельствующихъ объ искусствѣ и познаніяхъ въ архитектурномъ художествѣ», П. былъ возведенъ въ званіе академика. Умеръ въ 1851 г.—во Владимірѣ на-Клязьмѣ.

«Отчетъ Императорской Академіи Художествъ» за 1850—1851 гг., стр. 46; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1851 г., № 258; П. Н. Петровъ. «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ», т. II; Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. I, стр. 54.

А. Новицкій.

Пахомовъ, *Алексѣй Игнатьевичъ*, генералъ-маіоръ, цейхмейстеръ морской артиллеріи; родился въ концѣ XVII столѣтія; въ службу поступилъ въ 1716 г., опредѣлившись констапельскимъ ученикомъ, въ 1722 г. былъ произведенъ въ подконстапели, а 31-го декабря 1735 г.—въ констапели; 6-го сентября 1737 г. П. получилъ чинъ унтеръ-лейтенанта морской артиллеріи, а 16-го февраля 1742 года—званіе цейхвахтера. При преобразованіи корпуса морской артиллеріи, П. зачисленъ былъ (7-го ноября 1751 г.) въ капитанъ-лейтенанты, а въ 1759 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1761 г., онъ участвовалъ въ осадѣ крѣпости Кольберга, гдѣ 24-го сентября и 26-го октября отличился своимъ искусствомъ въ стрѣльбѣ изъ артиллерійскихъ орудій, коими управлялъ. Пріобрѣтя, такимъ образомъ, репутацію хорошаго артиллериста, П. 22-го сентября 1763 г. былъ назначенъ цейхмейстеромъ морской артиллеріи; въ этомъ званіи онъ прослужилъ очень недолго: уже 30-го декабря 1764 г. онъ уволился отъ службы, получивъ при отставкѣ чинъ генералъ-маіора и пенсію.

«Общій Морской списокъ», ч. II. С.-Пб. 1885 г., стр. 318; «Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства», т. II, С.-Пб. 1882 г и т. VII, С.-Пб. 1895 г.; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ». С.-Пб. 1894 г. *Б. Гарскій.*

Пахомовъ, *Матвѣй Сергѣевичъ*, писатель; родился въ 1745 г.; въ 1772 г. онъ, изъ «студентовъ не у дѣлъ», былъ опредѣленъ въ Воспитательное Общество благородныхъ дѣвицъ «для производства письменныхъ дѣлъ въ должность секретаря совѣта, также и для обученія благородныхъ дѣвицъ и мѣщанскихъ», а въ 1775—1780 гг. имѣлъ чинъ коллежскаго регистратора; затѣмъ П., оставаясь секретаремъ, обучалъ дѣвицъ россійскому правописанію, а съ 1779 г.—также географіи, исторіи и другимъ предметамъ; въ 1783 г. онъ состоялъ при И. Ѳ. Яковичѣ-де-Мириево въ Коммисіи о учрежденіи народныхъ училищъ и въ этомъ году былъ назначенъ при Обществѣ благородныхъ и училищѣ мѣщанскихъ дѣвицъ надзирателемъ и обучалъ воспитанницъ переводамъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ на русскій и ариѳметикѣ, а также былъ секретаремъ, по-

лучая за это сперва 500, а затѣмъ 800 р. при готовой квартирѣ. Состоя въ этихъ званіяхъ, Пахомовъ дослужился до чина коллежскаго ассессора, а въ 1792 году, по прошенію, былъ уволенъ изъ Общества и замѣненъ колл. асс. Тим. Прокоф. Кириакомъ.

Въ 1775—1784 гг. П. вмѣстѣ со священникомъ Ив. Сидоровскимъ перевелъ съ греческаго языка «Разговоры Лукіана Самосатскаго» (3 ч. С.-Пб.); затѣмъ, съ тѣмъ же Сидоровскимъ, онъ перевелъ съ греческаго языка «Твореніе велемудраго Платона» (3 ч., въ 4 книгахъ. С.-Пб. 1780—1785) и «Павсаній, или Павсаніево описаніе Еллады, то-есть, Греціи» (3 т. С.-Пб. 1788—1789). Кромѣ того, въ журналѣ «Ростущій виноградъ» 1786 г. онъ помѣстилъ слѣдующія статьи: «Разсужденіе о бытіи Божіи», «Надгробное слово великомудраго Платона» (съ греч. яз.), «О краснорѣчіи», «О началѣ и прекращеніи краснорѣчія между древними», «Аксіохъ, или о смерти» (съ греч. яз.) и «Слово похвальное Людовику, наслѣднику французскаго престола» (съ франц. яз.). Въ «Русской Старинѣ» 1878 г., (т. XXIII, стр. 316—318) напечатанъ одинъ изъ его еженедѣльныхъ отчетовъ о ходѣ занятій и успѣхахъ смолянокъ съ 27-го ноября по 3-е декабря 1783 г., представленный въ Коммиссію о учрежденіи народныхъ училищъ.

Е. О. Лихачева. «Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи» (1086—1796). С.-Пб. 1890 г., стр. 147, 207, 215, 220, 221, 224 и 228 (примѣч.); Мѣсяцесловъ съ росп. чин. особъ на 1792 г., стр. 96; В. И. Лядовъ. «Историч. очеркъ столѣтней жизни Воспит. Общ—ва благор. дѣвицъ. С.-Пб. 1864 г., стр. 33; А. Н. Неустроевъ. «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1702—1802 г.г. С.-Пб. 1898 г.; «Русская Стар.» 1878, т. XXIII, стр. 316—318; В. Г. Анастасевичъ. Роспись книгамъ Смирдина; В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту росс. библіографіи» Сопикова. М. 1900; М. Куторга—«Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1891, № 5, стр. 118; П. И. Прозоровъ. «Систематич. указат. книгъ и статей по греческой филологіи». С.-Пб. 1898 г.

Б. М—ій.

Пахомовъ, *Петръ Алексѣевичъ*, генералъ-лейтенантъ. Происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился 30-го сентября 1811 года; воспитаніе получилъ въ 1 кадетскомъ корпусѣ, откуда 2-го іюня 1831 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 19-ю артиллерійскую бригаду, съ 1834 г.—переименованную въ 15-ю а съ 1835 г.—въ 12-ю. Въ 1837 г., мая 17-го, подпоручикъ (съ 1834 г.) Пахомовъ назначенъ былъ адъютантомъ къ командовавшему парками дѣйствующей арміи, въ 1838 же году получилъ чинъ поручика, а въ 1840 г. переведенъ адъютантомъ же къ начальнику 2-й артиллерійской дивизіи. Черезъ два года П. получилъ назначеніе командующимъ дивизіонною фейерверкерскою школою 2-й артиллерійской дивизіи съ переводомъ въ 6-ю артиллерійскую бригаду; въ этой должности онъ пробылъ до 1848 г., когда школа была закрыта. Имѣя съ 1848 г. чинъ капитана, П. былъ переведенъ въ 5-ю бригаду, гдѣ уже 21-го іюля 1849 г. получилъ за отличіе чинъ подполковника, въ декабрѣ назначенъ былъ командиромъ легкой № 1 батареи 4-й артиллерійской бригады, а въ мартѣ 1853 г.—батарейной № 3 батареи 5-й бригады. За отличіе въ сраженіи произведенный въ полковники (4-го августа 1855 г.), П. въ 1857 г. былъ назначенъ командиромъ 1-й артиллерійской бригады, а въ 1863 г., кромѣ того, состоялъ временнымъ военнымъ начальникомъ Новгородскаго уѣзда; въ томъ же 1863 году получилъ чинъ генералъ-маіора по полевой пѣшей артиллеріи (24-го сентября) и орденъ Владиміра 3-й степени съ мечами и былъ назначенъ помощникомъ начальника 27-й пѣхотной дивизіи. Будучи назначенъ въ 1873 г. командиромъ 1-й бригады этой дивизіи, П. въ 1874 г. произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты, но вскорѣ же, состоя по полевой пѣшей артиллеріи и въ запасныхъ войскахъ, скончался (исключенъ изъ списковъ умершихъ въ приказѣ 10-го декабря 1874 года).

Боевая дѣятельность П. А. Пахомова выразилась участіемъ его въ венгерской кампаніи 1849 года, когда онъ съ 20-го мая находился въ походѣ; за храбрость, оказанную имъ въ перестрѣлкѣ при переправѣ черезъ Тейссу (13-го и 14-го іюля), онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (31-го августа), а за участіе въ дѣлѣ при Дебречинѣ получилъ кавалерскій крестъ австрійскаго ордена Леопольда. Во время Крымской кампаніи П. находился въ сраженіи при Черной рѣчкѣ (4-го августа 1855 г.), а въ 1863 г., во время польскаго возстанія, состоялъ въ

должности начальника Ошмянскаго (Виленской губ.) и Поневѣжскаго (Ковенской губ.) уѣздовъ; въ 1864 г. П. былъ назначенъ почетнымъ мировымъ судьей мироваго съѣзда Виленскаго округа.

Архивъ Департамента Герольдіи; Формулярный списокъ; Списки генераловъ за разные годы; «Русскій Инвалидъ» 1874 г., № 269.

Б. Гарскій.

Пахомовъ, *Семенъ* (*Семейка*), дьякъ при Іоаннѣ Грозномъ. Въ 1581 году, 18-го августа, онъ, въ качествѣ пристава, былъ высланъ государемъ, находившимся въ то время въ гор. Старицѣ, за двѣ версты отъ этого города къ селу Бороздину—для встрѣчи іезуита Антонія Поссевина, пріѣзжавшаго въ качествѣ посла римскаго папы Григорія XIII. При встрѣчѣ заранѣе велѣно было высланнымъ съ Пахомовымъ приставамъ Внукову и Страхову, спросить о здоровьѣ какъ папы, такъ и его, посла; Пахомову же приказано объявить послу, что для него приготовленъ дворъ, гдѣ онъ долженъ остановиться. Кромѣ того, Внукову и Страхову велѣно было чередоваться въ дежурствахъ, дьяку же Пахомову быть безсмѣнно и заботиться о продовольствіи посла Пристава Внуковъ, Страховъ и дьякъ С. Пахомовъ находились при Поссевинѣ, пока онъ не уѣхалъ 14-го сентября къ Стефану Баторію, чтобы стать посредникомъ въ мирныхъ переговорахъ между Баторіемъ и Грознымъ. При отъѣздѣ пристава проводили его до того мѣста, гдѣ ранѣе его встрѣтили. Въ скоромъ времени, когда отъ Стефана Баторія 16-го іюля 1582 года прибыли польскіе послы—кн. Зборажскій, воевода Брацлавскій съ товарищами—для подтвержденія царемъ заключеннаго 6-го января 1582 года въ дер. Киверовой Горкѣ (между Порховымъ и Заволочьемъ), при посредствѣ Антонія Поссевина, десятилѣтняго перемирія, тогда при польскихъ послахъ назначенъ былъ состоять въ приставахъ между прочимъ и дьякъ Семенъ Пахомовъ.

«Древн. Росс. Вивліоѳика», изд. 2-ое, кн. VI, отд. IV, стр. 73, 78; «Пам. Дипл. Сношѳ.», т. X, стр. 60—62, 71, 72, 80, 111, 179, 181, 183, 238; Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки въ XVI в.», стр. 97. Н. Бантышъ-Каменскій. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній», т. III, стр. 105.

Н. Воронковъ.

Пахтусовъ, *Петръ Козьмичъ*, корпуса флотскихъ штурмановъ подпоручикъ, изслѣдователь Новой Земли; родился въ 1800 г. въ Кронштадтѣ, умеръ 7-го ноября 1835 г. въ Архангельскѣ. Пахтусовъ былъ сыномъ бѣднаго отставного шкипера 13-го класса; до 7 лѣтъ онъ жилъ въ Сольвычегодскѣ, Вологодской губерніи, откуда мать его, послѣ смерти мужа, въ поискахъ за лучшимъ заработкомъ, переѣхала въ Архангельскъ. Здѣсь Пахтусовъ поступилъ въ существовавшее тогда Военно-сиротское Отдѣленіе (впослѣдствіи баталіонъ военныхъ кантонистовъ). Обстановка для обученія была очень неблагопріятна: мальчику, чтобы имѣть необходимыя учебныя принадлежности—приходилось собирать щепу въ Адмиралтействѣ и вымѣнивать ее на бумагу и перья у портовыхъ писарей. Сильный не по лѣтамъ, Пахтусовъ рано привыкъ къ морю. Имѣя собственную лодку, онъ одинъ уѣзжалъ далеко на взморье стрѣлять птицъ и ловить рыбу. Не обладая выдающимися способностями, П. прилежаніемъ достигъ того, что его успѣхи обратили на него вниманіе училищнаго начальства, по ходатайству котораго онъ былъ переведенъ въ 1816 г. въ Кронштадтъ, въ Штурманское училище. Переѣздъ туда былъ совершенъ моремъ, и это было первымъ его морскимъ путешествіемъ. На слѣдующій (1817 г.) годъ онъ уже плавалъ на кораблѣ «Трехъ іерарховъ» къ берегамъ Франціи, а на другой годъ—къ берегамъ Испаніи. Возвращаясь изъ Кадикса, Пахтусовъ, вслѣдствіе крушенія судна у мыса Скагена, попалъ, въ числѣ прочихъ спасшихся лицъ экипажа, въ Копенгагенъ, провелъ здѣсь зиму и только въ 1819 году возвратился въ училище. Окончивъ въ 1820 г. свое спеціальное образованіе, Пахтусовъ получилъ при выходѣ изъ училища званіе штурманскаго помощника унтеръ-офицерскаго чина. Лѣтомъ того же года онъ на транспортѣ былъ командированъ изъ Кронштадта въ Архангельскъ. Съ 1821 по 1824 г., состоя помощникомъ штурмановъ 12-го класса Попова и Иванова, П. участвовалъ при описи р. Печоры и берега Ледовитаго океана до о-ва Вайгача. Въ эту экспедицію онъ коротко ознакомился съ суровой природой края и безстрашнымъ характеромъ и предпріимчивостью его жителей. Это же знакомство породило въ немъ мысль

и желаніе проникнуть на неизвѣстный до того времени восточный берегъ о-вовъ Новой Земли и описать его. Намѣреніе это окрѣпло еще болѣе во второе его пребываніе на берегу океана въ 1826 г., когда онъ, находясь подъ начальствомъ штурмана Бережныхъ, описывалъ берегъ къ западу отъ р. Печоры до Бѣлаго моря и острововъ Колгуевъ. Съ 1827 по 1831 г. Пахтусовъ, переименованный въ кондукторы корпуса флотскихъ штурмановъ, занимался подъ начальствомъ извѣстнаго гидрографа, тогда капит.-лейт., М. М. Рейнеке описью и промѣромъ Бѣлаго моря; за этотъ трудъ онъ былъ произведенъ въ 1828 г. въ прапорщики, а въ 1831 г.—въ подпоручики съ наградою въ размѣрѣ годового оклада жалованья. Между тѣмъ, онъ не покидалъ своего намѣренія и еще въ 1829 году подалъ въ Морское министерство проектъ описи восточнаго берега Новой Земли. Проектъ этотъ былъ одобренъ начальствомъ, но выполнить его Пахтусову удалось только благодаря частной инціативѣ и помощи. Въ томъ же 1829 г. онъ познакомился въ Архангельскѣ съ ученымъ лѣсничимъ Клоковымъ, который мечталъ оживить край посредствомъ возобновленія покинутыхъ русскими торговцами старинныхъ путей на востокъ, изъ Бѣлаго моря къ устью рѣкъ Енисея и Оби, и для этого прежде всего считалъ необходимымъ произвести опись береговъ Новой Земли, какъ первой на этомъ пути станціи. Клокову удалось заинтересовать и привлечь къ выполненію своего плана архангельскаго купца коммерціи совѣтника В. И. Брандта, обезпечившаго предпріятіе съ денежной стороны. Благодаря помощи этихъ двухъ лицъ, Пахтусовъ, съ разрѣшенія начальства, даровавшаго иниціаторамъ привилегію на 25 лѣтъ свободнаго промысла звѣрей въ океанскихъ водахъ могъ осуществить, наконецъ, свой планъ и въ августѣ 1831 г. подошелъ къ южной оконечности Новой Земли, откуда, перезимовавъ, весною началъ опись берега къ сѣверу до р. Саввиной. Въ 1833 г. (13-го августа) онъ вошелъ въ устье Маточкина-Шара, изслѣдовавъ и снявъ впервые берегъ Новой Земли на протяженіе около 200 морскихъ миль. Не имѣя запасовъ для вторичной зимовки и не встрѣтивъ своего товарища съ другимъ судномъ (лейтенанта Кротова, отправившагося прямо къ устью Енисея), Пахтусовъ принужденъ былъ вернуться въ Архангельскъ, опредѣливъ, кромѣ описи береговъ, астрономическое положеніе 3 точекъ вполнѣ и нѣсколькихъ—только по широтѣ. Въ 1834 г. Пахтусовъ, по распоряженію Морского министерства, былъ вновь посланъ на Новую Землю для продолженія описи восточнаго берега острова къ сѣверу отъ Маточкина-Шара. На этотъ разъ Пахтусову, теперь уже вторично перезимовавшему на островѣ, удалось пройти къ сѣверу до острова его имени (74°24′18″ с. ш.), снявъ берегъ на протяженіи около 140 верстъ. Далѣе идти препятствовалъ ему ледъ; нанеся приблизительно высокій мысъ (Дальній), виднѣвшійся верстахъ въ 40 къ сѣверу, Пахтусовъ возвратился въ Архангельскъ, гдѣ вскорѣ и умеръ, разстроивъ свой организмъ въ тяжелой борьбѣ съ суровой природой сѣвера. Благодаря его трудамъ, мы имѣемъ карты восточныхъ береговъ Новой Земли отъ южной оконечности ея до острова Пахтусова, далѣе же и до сихъ поръ описи берега до Ледяной гавани не существуетъ. Въ 1886 г. Пахтусову поставленъ памятникъ въ Кронштадтѣ. Дневникъ его экспедицій напечатанъ въ «Запискахъ Гидрографическаго Департамента» въ статьѣ подъ заглавіемъ «Экспедиція подпоручика Пахтусова къ Новой Землѣ въ 1832 и 1833 годахъ» (1842 г., ч. I, стр. 1—244) и «Вторая Экспедиція подпоручика Пахтусова къ Новой Землѣ 1834—1836 г.,» (1844 г., ч II, стр. 1—159);

С. Ѳ. Огородниковъ. «П. К. Пахтусовъ». С.-Пб. 1886 г.; «Біографія корпуса флотск. штурмановъ подпоручика П. К. Пахтусова»—статья С. П. Крашенинникова — «Записки Гидрографическаго Деп—та Морск. Министр.» 1844 г., ч. 2, стр. 412—420; «Сѣв. Пчела» 1836 г. №111 и 112; «Пахтусовъ, и его плаванія къ Новой Землѣ». Изъ Архангельска, 20-го ноября—«Московск. Вѣдом.» 1833 г., № 100; И. Паромовъ. «Русскіе замѣч. люди изъ уроженцевъ Архангельск. губ.»—«Арханг. Губ. Вѣдом.» 1861 г., №№ 4—10; «С.-Петербург. Вѣдом.» 1845 г., № 210; «Яхта» 1876 г. № 4—11; статья В. Прокофьева—«Новое Время» 1886 г., 19-го окт., № 3822; біографія, сост. Ю. М. Шокальскимъ—«Энцикл. слов. Брокгауза» т. 23, стр. 59—60; «Подвиги русскихъ моряковъ» сост. В Шульцъ. С.-Пб. 1853 г.; «Новая Земля въ географическомъ, естественно-историческомъ и промышленномъ отношеніяхъ». Сост. К. Свенске. С.-Пб. 1866 г., стр. 28—37; О гидрографическихъ описяхъ европейскихъ и азіатскихъ береговъ Россіи, произведенныхъ въ настоящее (Николая I) царствованіе—«Морской Сборникъ» 1854 г., т. XI, № 2,

ч. офф., стр. 67—72; № 3, ч. офф., стр., 106—123; I. Morozewicz. Z dalekiej północy—«Wszechswiat», т. XV, 1896 г., № 31, стр. 486—487;

Инн. Соколовъ.

Пахтъ, *Раймундъ*, врачъ, род. 27-го сентября 1822 г., умеръ въ Петербургѣ 2-го іюля 1854 г. Съ 1841 до 1846 г. онъ учился въ Дерптскомъ университетѣ врачебному искусству и минералогіи, въ 1847 г. получилъ званіе кандидата, а въ 1849—степень доктора философіи. Затѣмъ П. отправился за границу и продолжалъ свои занятія въ Лейпцигскомъ университетѣ и Фрейбергской академіи. Въ 1852 г. получилъ степень доктора философіи въ Берлинѣ, затѣмъ вернулся въ Россію и въ 1853 и 1854 г. жилъ частными уроками; въ 1853 г. предпринялъ научное путешествіе на югъ Россіи, а затѣмъ былъ консерваторомъ Императорской Академіи Наукъ.

А. Гассельблатъ и Г. Отто. Alb. Acad. d. Kaiserl. Univers. Doprat. Дерптъ. 1889 г.

Н. Кульбинъ.

Пацевичъ, *Петръ*, родился въ Литвѣ; въ 1836 г. получилъ въ Montpellier степень доктора медицины. Онъ напечаталъ «Quelques considérations sur l'érysipéle».

Пацевичъ (то же лицо?), имѣвшій званіе лѣкаря, былъ адъюнктомъ каѳедры зоотоміи домашнихъ животныхъ, сравнительной физіологіи, скотоводства, зоохирургіи, наружнаго осмотра животныхъ и ветеринарныхъ клиникъ въ Имп. Медико-Хиругической Академіи; въ этой должности онъ состоялъ съ 1831 по 1833 годъ.

Козминскій. «Słownik liekarzew polskich» 1882 г.; Исторія Имп. Военно-Медиц. Академіи за сто лѣтъ. С.-Пб. 1898 г.; Проф. В. Е. Воронцовъ. Истор. очеркъ каѳ. эпизоотологіи и бывшаго ветерин. отдѣленія Имп. Мед.-Хир. Акад. С.-Пб. 1898.

Н. Кульбинъ.

Пацевичъ, *Петръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, инженеръ путей сообщенія; происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился въ 1800 г. Двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ П. И. лишился отца и вмѣстѣ съ матерью, урожденной Львовой, поселился въ Петербургѣ, въ семействѣ своего дяди, Ѳедора Петровича Львова (отца Алексѣя Ѳедоровича Львова, творца народнаго русскаго гимна). Въ этой высокообразованной талантливой семьѣ П. И. провелъ дѣтство и юность, получилъ прекрасное образованіе и вмѣстѣ со своими дворюродными братьями, Львовыми, поступилъ въ 1818 году въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, гдѣ по экзамену произведенъ въ 1820 году въ прапорщики и въ 1823 году, въ чинѣ поручика, выпущенъ на службу по устройству шоссе отъ Москвы до Твери. На этихъ работахъ П. И. оставался до 1826 г., исполняя въ послѣдующее время отдѣльныя порученія и командировки. Отъ августа по декабрь 1826 года П. И. было поручено устраненіе безпорядковъ по управленію судоходствомъ на р. Волгѣ на участкѣ Нижній-Новгородъ—Саратовъ. До апрѣля 1827 г. подъ наблюденіемъ П. производились работы въ городѣ Ладогѣ у шлюзовъ Ладожскаго канала. Со второй половины 1827 года П. почти годъ былъ въ командировкѣ къ полковнику Треттеру для изысканія средствъ къ доставкѣ лиственныхъ лѣсовъ изъ Пудожскаго уѣзда къ С-Петербургскому Адмиралтейству. Для означенной цѣли П. произвелъ съемки и промѣры частей Онежскаго озера и рѣки Свири, въ устьѣ которой онъ устроилъ казарму и гавань для причала казенныхъ судовъ и пароходовъ. Съ іюня 1828 г. по іюль 1831 г. П. руководилъ работами по устройству бечевниковъ на рр. Сухонѣ и Сѣверной Двинѣ. Въ 1831 г. (по май 1832 г. онъ занимался устройствомъ бечевника на р. Невѣ. Въ маѣ 1832 года П. И были поручены изысканія и составленіе проекта на постройку шоссе отъ города Острова до Бобруйска. По окончаніи этихъ работъ онъ съ конца 1832 года) состоялъ директоромъ работъ по устройству и содержанію дорогъ около С.-Петербурга. Въ этой должности П. И. оставался до 1838 года, когда былъ назначенъ директоромъ работъ на Московскомъ шоссе отъ Едрова до Москвы. Главноуправляющій графъ Толь неоднократно въ своихъ приказахъ выражалъ П. И. благодарность за прекрасное состояніе шоссе и за исправное его содержаніе. Въ 1840 году графъ Толь выразилъ особую благодарность П-чу за отличную его дѣятельность и усердіе по наведенію въ г. Твери Волжскаго моста, снесеннаго лѣсными гонками при необычайномъ разливѣ. Отличаясь идеальною честностью, исполнительностью, добротою и деликатностью, П. И., при

тогдашнемъ строѣ русской жизни, не всегда оказывался желаннымъ сотрудникомъ и вынужденъ бывалъ оставлять государственную службу. Первый разъ П. И. вышелъ въ отставку въ февралѣ 1841 года, но черезъ годъ вновь поступилъ на службу въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній. При установленіи, 18-го мая 1843 года, штата Департамента военныхъ поселеній, П. И. назначенъ былъ состоять при Департаментѣ на случай командировокъ. Въ этой должности, однако, онъ пробылъ недолго, оставивъ службу уже въ ноябрѣ 1843 года. Вновь на службу П. И. поступилъ въ іюнѣ 1846 года въ чинѣ полковника, въ распоряженіе I (Петербургскаго) Округа Путей Сообщенія, въ которомъ, въ январѣ 1847 года, былъ назначенъ членомъ Общаго Присутствія Правленія Округа. Въ мартѣ 1848 г. П. И. былъ командированъ въ г. Моршанскъ для принятія мѣръ къ устраненію остановокъ по Цнинскому судоходству. Въ октябрѣ 1848 года П. И. назначенъ былъ членомъ Коммисіи, Высочайше учрежденной для сооруженія въ С.-Петербургѣ Воскресенскаго женскаго монастыря (Ново-Дѣвичьяго), а въ іюнѣ 1849 года—непремѣннымъ членомъ Общаго Присутствія С.-Петербургской Губернской Строительной и Дорожной Коммиссіи. Въ этой должности П. И. состоялъ до мая 1858 года, когда занялъ постъ исправляющаго должность начальника IX (Казанскаго) Округа Путей Сообщенія. Въ апрѣлѣ 1860 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ утвержденіемъ въ должности начальника Округа. Въ этомъ званіи онъ пробылъ до своей кончины, послѣдовавшей 7-го апрѣля 1865 года.

Время управленія П. И. Казанскимъ Округомъ было весьма неблагопріятное для водныхъ путей. Все вниманіе правительства было обращено на устройство желѣзныхъ дорогъ, а на водные пути, находившіеся единственно во владѣніи Казанскаго Округа, несмотря на всю ихъ важность и значеніе (р. Волга и ея притоки: Сура, Кама, Чусова, Бѣлая и др.), отпускались самыя ограниченныя средства. Въ размѣрѣ скромныхъ ассигнованій П. И. было сдѣлано все, чтобы облегчить плаваніе, какъ-то: обстановка затруднительнѣйшихъ перекатовъ, устройство пристаней, справедливый и скорый разборъ всякихъ споровъ и пререканій между судоходцами и пароходовладѣльцами. Благодаря подобному внимательному отношенію судоводство и особенно пароходство непрерывно развивалось на рр. Волгѣ и Камѣ и достигло весьма значительныхъ размѣровъ; самъ же П. И. Пацевичъ пользовался большою любовью и популярностію среди многочисленныхъ волжскихъ судопромышленниковъ и пароходовладѣльцевъ.

Формулярный списокъ; свѣдѣнія, полученныя отъ родственниковъ и сослуживцевъ.

С. Житковъ.

Пацовскій, *Андрей Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ, полякъ по происхожденію, сынъ Стародубовскаго поручика Григорія-Осипа Ивановича П.; род. въ 1788 г. въ Вильнѣ (крещенъ 23-го ноября); находясь въ военной службѣ, П. пріобрѣлъ себѣ имя храбраго и распорядительнаго офицера во время многочисленныхъ войнъ при покореніи Кавказа. Въ 1825 г. П былъ уже полковникомъ и командиромъ 44-го Егерскаго полка; въ этомъ году онъ находился въ Абхазіи, только-что покоренной, съ полномочіемъ занимать край, устраивать и управлять имъ по его усмотрѣнію. «Выборъ начальника,»—говоритъ Г. И. Филипсонъ,—«былъ очень удаченъ: Пацовскій былъ человѣкъ умный и опытный. Онъ построилъ укрѣпленія Бомборы, и Пицунду, Дранды, Илори и Гогры». Въ 1827 г. онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степени. Въ 1829 г. П. съ двумя батальонами своихъ егерей, 4 орудіями и 500 челов. гурійской милиціи ходилъ къ берегу Чернаго моря къ укрѣпленному турецкому завалу Лимани и участвовалъ въ разбитіи турокъ. 6-го августа 1830 г., за отличіе въ сраженіи, онъ получилъ орденъ Георгія 4-й степени, а 16-го іюня 1831 года—Анны 2-й степени. Въ 1835 или 1836 г. П. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, а затѣмъ, состоя по арміи, былъ командующимъ войсками, въ Абхазіи и начальникомъ Ахалцыхской провинціи, и 16-го апрѣля 1839 г. былъ исключенъ изъ списковъ умершимъ.

Архивъ Департам. Герольдіи Правит. Сената (метрика крещенія); Архивъ Капитула Орденовъ: кавалерскіе списки по орд. Георгія 4-й степени;

«Акты Кавказской Археографической Экспедиціи», т. VII и VIII; «Кавказскій Сборникъ», т. II, стр. 150; «Русскій Архивъ» 1883 г., ч. III, стр. 303—304 (Записки Г. И. Филипсона); В. Степановъ и Н. Григоровичъ. «Въ память 100 л. юбилея ордена св. Георгія». С.-Пб. 1869 г., стр. 117 (невѣрно указанъ годъ). *Б. Гарскій.*

Пашенный, *Николай Степановичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Воронежской губерніи и родился 11-го марта 1820 г. Получивъ воспитаніе во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, П. въ 1839 г. выпущенъ былъ прапорщикомъ въ Невскій морской полкъ; будучи прикомандированъ, въ чинѣ подпоручика, къ л.-гв. Финляндскому полку (1843 г.), онъ въ 1844 г. перешелъ въ этотъ полкъ прапорщикомъ и, постепенно повышаясь, въ 1853 году произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ ротнымъ командиромъ. Получивъ въ 1855 г. (30-го августа) чинъ капитана, П. 21-го октября 1860 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ и. д. младшаго штабъ-офицера, но въ слѣдующемъ году снова вернулся въ Финляндскій полкъ, также въ званіе штабъ-офицера, а 23-го апрѣля того же года награжденъ чиномъ полковника. Января 26-го 1862 г. П. былъ назначенъ командиромъ 4-го резервнаго баталіона Костромского пѣхотнаго полка. Состоя съ 1863 г. командиромъ этого полка, переименованнаго вскорѣ въ 107-й пѣхотный Троицкій, П. 3-го августа 1873 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 30-й пѣхотной дивизіи.

Н. С. Пашенный участвовалъ въ Венгерскомъ походѣ, во время Крымской кампаніи находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежье Балтійскаго моря, а во время польскаго возстанія 1863 г. былъ въ Виленской и Витебской губерніяхъ. Онъ умеръ 30-го января 1874 г.

Формулярный списокъ въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Пашино, *Петръ Ивановичъ*, извѣстный оріенталистъ-путешественникъ и литераторъ; сынъ придворнаго пѣвчаго, Ивана Пашúны, онъ родился въ 1836 г. въ г. Ирбитѣ. Послѣ смерти отца П. остался двухлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ у матери, которая вскорѣ переѣхала съ сыномъ въ Соликамскъ, гдѣ П. И. провелъ первые годы своего дѣтства и гдѣ, подросши, сталъ ходить въ приходское училище. Шести лѣтъ Пашино былъ перевезенъ матерью въ г. Чердынь, гдѣ и опредѣленъ въ Уѣздное училище, въ которомъ окончилъ всѣ три класса. Здѣсь уже у него проявилась необыкновенная способность къ инородческимъ языкамъ. Находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ туземными татарами и киргизами, мальчикъ быстро освоился съ нихъ нарѣчіями и даже выучился на нихъ писать и читать. Затѣмъ П. былъ перевезенъ въ Пермь, гдѣ и поступилъ въ первый классъ гимназіи. Въ это время мать его, имѣвшая уже признаки чахотки, простудилась, и вскорѣ умерла. Какъ сынъ пѣвчаго придворной капеллы, Пашино, послѣ смерти отца, былъ записанъ 57-мъ кандидатомъ въ Гатчинскій сиротскій институтъ, но, вслѣдствіе смерти матери и особаго ходатайства директора гимназіи, немедленно былъ принятъ на казенный счетъ въ первую Казанскую гимназію, куда и поступилъ въ декабрѣ 1845 г. Директоромъ гимназіи въ это время былъ спутникъ графа Литке, Н. А. Галкинъ, обращавшій особенное вниманіе на преподаваніе исторіи и географіи и своимъ прошлымъ, переполненнымъ различными приключеніями, о которыхъ онъ часто разсказывалъ воспитанникамъ, развивалъ въ нихъ страсть къ изученію путешествій знаменитыхъ людей. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и посѣяло въ П. стремленіе къ изученію невѣдомыхъ странъ. Уже въ четвертомъ классѣ онъ обращалъ на себя особенное вниманіе и директора, и преподавателей своими успѣхами по языкамъ: онъ свободно изъяснялся и писалъ по-татарски, по-монгольски, прекрасно говорилъ по-киргизски, а также дѣлалъ большіе успѣхи по-латыни, французскому и нѣмецкому языкамъ, зналъ малороссійскій, а за сочиненія по русскому языку получалъ лучшія отмѣтки въ классѣ, избирая всегда предметомъ разработки историческія темы; онъ, однако, былъ зачинщикомъ всѣхъ шалостей и всевозможныхъ выходокъ гимназистовъ, но, не смотря на это и на частое сидѣнье въ карцерѣ, ему за хорошее ученье прощалось многое, а находчивость и остроумные отвѣты часто избавляли его отъ наказаній. Случайно его узналъ попечитель Казанскаго учебнаго

округа Молоствовъ и сталъ приглашать его къ себѣ играть съ дѣтьми. Посѣщеніе дома Молоствовыхъ оказало благотворное вліяніе на П. И. и имѣло значеніе для будущей его жизни. Онъ встрѣтился тамъ съ В И. Григоровичемъ, который, обративъ особенное вниманіе на способности мальчика, взялъ его подъ свое покровительство. Подъ его руководствомъ и сталъ развиваться П. Впослѣдствіи В. И. спасъ своего любимца отъ исключенія изъ Казанскаго университета за дурное поведеніе.

Литературная дѣятельность Пашино началась уже со времени его пребыванія въ 7-мъ классѣ гимназіи. Во время урока турецкаго языка пріѣхалъ въ гимназію профессоръ И. Н. Березинъ и, услышавъ, какъ хорошо Пашино переводилъ съ турецкаго языка на русскій какую-то статью, предложилъ мальчику перевести съ татарскаго на русскій языкъ одинъ отрывокъ изъ книги Халифина, обѣщая его переводъ, разъ онъ окажется удовлетворительнымъ, напечатать въ «Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ профессоръ состоялъ редакторомъ неоффиціальнаго отдѣла. Переводъ былъ сдѣланъ Петромъ Ивановичемъ и помѣщенъ въ № газеты отъ 5-го марта 1851 г. подъ заглавіемъ «Татарскія сказанія», съ примѣчаніями отъ редакціи.

Окончивъ успѣшно гимназію въ 1852 году, Пашино поступилъ на историко-филологическій факультетъ Казанскаго Университета по Восточному его отдѣленію и весь отдался новой для него студенческой жизни, протекавшей среди кутежей, занятій и различныхъ шалостей вырвавшейся на свободу молодежи. Въ своихъ воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1881 г. подъ заглавіемъ «Живые и мертвые», П. въ весьма яркихъ краскахъ описываетъ свою студенческую жизнь въ Казанскомъ Университетѣ, гдѣ судьба столкнула его со многими будущими литературными дѣятелями. Въ 1852 г. на лекціяхъ по русской исторіи Пашино познакомился съ П. Д. Боборыкинымъ, но никогда съ нимъ близко не сходился.

Въ 1855 году при С.-Петербургскомъ Университетѣ открылся Восточный факультетъ, Восточное отдѣленіе въ Казани было закрыто,—и 19-ти-лѣтнему Пашино пришлось переѣхать въ Петербургъ. Здѣсь, черезъ товарища своего Шимановскаго, П. познакомился съ Добролюбовымъ и серьезно отдался изученію русской литературы. Вскорѣ П. познакомился съ вернувшимся изъ-за границы А. И. Поповицкимъ, издателемъ «Современнаго Листка», а потомъ «Церковно-общественнаго Вѣстника», и его разсказы о заграничныхъ путешествіяхъ разжигали въ юношѣ непремѣнное желаніе предпринять путешествіе съ цѣлью изслѣдованія чужихъ странъ. Въ 1856 году, прямо со студенческой скамьи, Пашино, какъ выдающійся, получилъ ученую командировку для объѣзда Казанской губерніи съ цѣлью научно-историческихъ изысканій и раскопокъ въ Болгарахъ на Волгѣ. На эту поѣздку ему было назначено 250 рублей.

Надѣясь на поддержку со стороны родныхъ и знакомыхъ въ Казани, П. отправился съ этими небольшими деньгами и, дѣйствительно, разсчеты его оправдались. Въ Казани онъ радушно былъ принятъ родственниками, которые оказали ему матеріальную поддержку, а губернаторъ Боратынскій далъ ему даровую подорожную, благодаря чему П. и добрался благополучно до Болгаръ. Однако, тамъ его ожидали непріятности. Мѣстный священникъ былъ противъ раскопокъ и подговорилъ сельскаго старосту, въ районѣ котораго должны были производиться работы, не давать рабочихъ. Пашино мотивируя это тѣмъ, что тотъ-де «кандидатъ» а, слѣдовательно, бѣглый съ военной службы; много стоило усилій П. И. чтобы доказать сначала священнику, а потомъ и старостѣ свое соціальное положеніе. Успокоенный староста выслалъ рабочихъ, и дѣло было выполнено успѣшно. Среди множества рѣдкихъ монетъ, найденныхъ при раскопкахъ, одна изъ нихъ представляла собою необычайную нумизматическую рѣдкость: она была чеканки Дмитрія Донского. По возвращеніи въ Петербургъ, Пашино подарилъ всю коллекцію въ нумизматическій Кабинетъ С.-Петербургскаго Университета, а рѣдкую монету передалъ въ С.-Петербургское Археологическое общество. Сдѣлавъ сообщеніе въ университетѣ о результатахъ своей поѣздки, П. представилъ и подробный отчетъ о своей

дѣятельности, который былъ принятъ тамъ за кандидатскую диссертацію, вслѣдствіе чего П. и былъ оставленъ въ университетѣ на 5-й годъ для прохожденія магистрантскаго курса. По успѣшномъ окончаніи его, П. поступилъ на службу въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Работу свою Петръ Ивановичъ напечаталъ въ «Современникѣ» 1860 года съ подписью «П. А. Шино». Возвращаясь изъ казанской командировки, П. въ Нижнемъ-Новгородѣ познакомился съ «Казакомъ Луганскимъ» — Далемъ. Въ «Извѣстіяхъ Русскаго Археологическаго Общества» 1858 г. (т. I, стр. 41 и 313), въ отчетѣ общества было сообщено о доставленныхъ ему служащимъ въ Азіатскомъ Департаментѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ П. И. Пашино рѣдкихъ золотоордынскихъ монетахъ.

Работая въ «Современникѣ» въ качествѣ сотрудника, Пашино сошелся съ редакторомъ его И. И. Панаевымъ и Чернышевскимъ, въ обществѣ которыхъ часто проводилъ время. Въ «Современникѣ» были напечатаны три разсказа П. И. подъ общимъ заглавіемъ «Волжскіе татары»; въ нихъ авторъ въ живыхъ краскахъ рисуетъ бытъ приволжскихъ татаръ въ связи съ русскими крестьянами. Въ 1857 г., когда въ Петербургѣ начали издаваться уличные листки, Пашино былъ издателемъ и сотрудникомъ листка «Потѣха», прекратившаго свое существованіе на второмъ нумерѣ изданія.

Тяжелое матеріальное положеніе заставило Петра Ивановича искать себѣ работы, и онъ, въ томъ же 1857 г., началъ составлять сочиненія на темы для офицеровъ Академіи Генеральнаго штаба; два изъ нихъ «О торговлѣ чаемъ» и «Исторія Остъ-Индской компаніи» были признаны достойными печати. Трудъ этотъ оплачивался довольно сносно, по 300 рублей за тему.

Въ томъ же 1857 г. Петръ Ивановичъ очень близко сошелся съ извѣстнымъ публицистомъ, подполковникомъ корпуса лѣсничихъ Н. В. Шелгуновымъ, только что возвратившимся тогда изъ поѣздки своей по Башкиріи и редактировавшимъ журналъ «Лѣсоводство и охота». Познакомившись черезъ Шелгунова съ помощникомъ его Михайловскимъ, большимъ знатокомъ татарскихъ нарѣчій, Пашино занялся совмѣстно съ нимъ переводами и перевелъ «Татарскую поэму», напечатанную въ томъ же году въ «Современникѣ». По отъѣздѣ Шелгунова за границу, Пашино сдѣлался соредакторомъ Михайловскаго въ журналѣ «Лѣсоводство и охота». Всѣ статьи въ немъ, помѣщавшіяся въ отдѣлѣ «Охота», подписанныя «Ѳ. И. Коневъ» и представлявшія собою талантливо написанные очерки, принадлежали на самомъ дѣлѣ перу Пашино, получавшему отъ Ѳ. И. Конева только сырой матеріалъ въ видѣ дневниковъ охотника. Въ это же время Пашино былъ приглашенъ для преподаванія въ Лѣсной институтъ, гдѣ въ короткій срокъ пріобрѣлъ любовь и довѣріе воспитанниковъ. Но начальство недружелюбно относилось къ Петру Ивановичу, какъ допускавшему вольности по отношенію къ ученикамъ и за образъ его мыслей.

Въ 1861 г. Министерство Иностранныхъ дѣлъ командировало Пашино въ качествѣ второго секретаря посольства въ Персію. Мечты Петра Ивановича осуществлялись: ему предстояло ѣхать, въ прекрасныхъ условіяхъ въ мало знакомую европейцамъ страну, и онъ принялся за ея изученіе. Дипломатическая карьера теперь была обезпечена для П., знаніе восточныхъ языковъ (въ университетѣ онъ въ совершенствѣ изучилъ персидскій, индустани и др.) могло его сразу выдвинуть впередъ по службѣ, а его наблюдательность въ изученіи новой страны, умѣнье въ простой, но увлекательной формѣ излагать свои путевыя впечатлѣнія и знаніе исторіи и географіи Востока являлись хорошими задатками. Однако, среда, въ которую попалъ простой въ обращеніи со всѣми, честный и прямодушный П., не соотвѣтствовала его характеру. Съ одной стороны давнишняя цѣль его была достигнута, съ другой же — пребываніе въ посольствѣ сдѣлалось для него невыносимымъ. П. не могъ ужиться съ людьми, готовыми для достиженія своихъ цѣлей на всевозможныя униженія. Льстить и заискивать П. не умѣлъ, а потому вскорѣ возстановилъ противъ себя почти всѣхъ членовъ русскаго посольства въ Персіи. Пребываніе его среди дипломатовъ сдѣлалось для него невыноси-

мымъ въ такой степени, что въ сентябрѣ 1862 г. онъ взялъ отпускъ и, объѣхавъ всю сѣверную Персію, вернулся прямо въ Петербургъ. Лѣсной Институтъ былъ закрытъ, при Министерствѣ П. получалъ грошовое жалованье, путешествіе по Персіи истощило всѣ его сбереженія; положеніе его становилось бѣдственнымъ, а потому новое назначеніе въ Персію, уже первымъ секретаремъ посольства, явилось для него весьма кстати. Отъѣздъ былъ уже назначенъ, какъ вдругъ П. получилъ письмо отъ своего начальника барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что поѣздка въ Персію была отложена. Дѣло заключалось въ томъ, что однажды среди газетъ, получаемыхъ П., ему были подкинуты два экземпляра нелегальнаго листка «Земля и Воля». Прочитавъ эти листки и найдя ихъ по содержанію несоотвѣтственными настроенію общества и написанными весьма плохимъ языкомъ, П. одинъ разорвалъ, а другой снесъ въ Министерство и показалъ своему пріятелю персіанину Якубъ-Хану, котораго считалъ порядочнымъ человѣкомъ. Персіанинъ взялъ этотъ листокъ и донесъ жандармамъ. Былъ произведенъ обыскъ, ничего не обнаруживший; но П. однако, не былъ арестованъ только потому, что министерское начальство заступилось за него и не допустило ареста. Тѣмъ не менѣе, командировка П. въ Персію была отмѣнена. Черезъ университетскаго товарища своего Ровинскаго П. познакомился съ редакторомъ «Очерковъ», гдѣ и началъ печатать собранные имъ за свое путешествіе по Персіи матеріалы о междоусобныхъ войнахъ, разгорѣвшихся въ то время въ Афганистанѣ между туземными принцами изъ-за престолонаслѣдій.

Въ то же время Петръ Ивановичъ началъ обработку и печатаніе своихъ путевыхъ очерковъ по Персіи подъ заглавіемъ «Письма о Персіи». Одно изъ такихъ писемъ было напечатано въ газетѣ «Русь» (1864 г., № 16 и 17), которая, впрочемъ, скоро прекратилась изданіемъ, и продолженіе этихъ писемъ было напечатано въ «Еженедѣльныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» за 1864 г. (№№ 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43 и 45). Очерки Пашино представляли собою весьма интересныя описанія новой страны; они въ яркихъ краскахъ передавали бытъ населенія, его особенности, описаніе природы и путей по мало извѣстной странѣ. Въ особенности же П. отмѣчалъ историческую сторону, не пренебрегая какъ своими личными наблюденіями, такъ и разспросными свѣдѣніями. Послѣдующія «Письма о Персіи» и статья «За Эриванью» печатались въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1865 г. (№ 131, стр. 527—527 и № 132, стр. 531—532) издававшихся подъ редакціей А. С. Суворина, который, оцѣнивъ недюжинный талантъ П., пригласилъ его сотрудничать и въ другихъ отдѣлахъ газеты

Въ 1865 году П. сошелся съ Н. С. и В. С. Курочкиными, Д. Д. Минаевымъ и другими литературными дѣятелями, сотрудничалъ въ разныхъ газетахъ, занимаясь въ то же время совершенствованіемъ своихъ знаній о Востокѣ. Предметомъ изслѣдованія и мѣстомъ предполагаемаго путешествія П. уже давно намѣтилъ себѣ Индію и Афганистанъ. Въ 1866 г. онъ выхлопоталъ себѣ командировку въ Ташкентъ, куда въ концѣ февраля и отправился. Результатомъ этой поѣздки было появившееся въ свѣтъ въ 1868 г. роскошное изданіе его сочиненій: «Туркестанскій край въ 1866 году Путевыя замѣтки» (С.-Пб. 1868 г., 4^0), иллюстрированное 20-ю рисунками Д. И. Вележева (виды Туркестана, Ташкента, Ходжента и др., виньетки съ изображеніемъ замѣчательныхъ типовъ, видовъ городовъ, фортовъ и т. п.) и съ картою К. В. Струве. Книга эта была посвящена графу Илларіону Ивановичу Воронцову-Дашкову и заключала въ себѣ описаніе быта степняковъ-киргизъ и городскихъ обывателей. До выхода въ свѣтъ этого сочиненія въ русской печати почти ничего не появлялось о Туркестанскомъ краѣ, а потому книга П. И. въ ея интересномъ изложеніи, являлась единственной, заключающей въ себѣ подробное описаніе вновь покореннаго края, и имѣла поэтому большой успѣхъ.

Въ концѣ 1871 г. П. задумалъ издавать ученo-литературный журналъ «Азіятскій Вѣстникъ». Цѣлью этого изданія было желаніе познакомить русское общество въ популярныхъ и научныхъ статьяхъ съ Азіей, куда нача-

лось движеніе Россіи. Журналъ долженъ былъ выходить ежемѣсячно книжками отъ 20 до 25 листовъ. П. сумѣлъ привлечь къ себѣ лучшія литературныя силы. Первый нумеръ журнала вышелъ въ началѣ 1872 г. и начинался прекрасною статьею Н. В. Шелгунова «Что такое Азія?» Однако, новое изданіе не встрѣтило сочувствія публики, и уже послѣ выхода въ свѣтъ второй книжки изданіе было прекращено. Тогда П. И. началъ хлопотать о передачѣ ему газеты «Кавказъ» въ Тифлисѣ, гдѣ въ то время находился его университетскій товарищъ Л. Н. Модзалевскій, съ которымъ онъ и велъ продолжительную переписку по этому вопросу. Однако, и это намѣреніе его не могло тогда осуществиться.

Въ мартѣ 1873 г. у П. явилась мысль отправиться въ Индію съ научною цѣлью, и онъ представилъ свой проектъ въ Министерство. Послѣ многихъ хлопотъ и трудовъ онъ добился командировки черезъ Индію въ Туркестанскій край для собиранія свѣдѣній о современномъ политическомъ настроеніи въ этихъ краяхъ и для изученія быта населенія и его характера.

10-го іюня 1873 г. П. отправился изъ Петербурга, въ Тріестъ, Александрію, а затѣмъ въ Аденъ, Бомбей, Аллагабадъ и черезъ Кашмиръ, не смотря на запугиваніе мѣстныхъ властей, двинулся черезъ Ясинь и Даркотъ въ Туркестанъ. Все это путешествіе Пашино совершилъ инкогнито, въ мусульманскомъ платьѣ, съ выбритой головою и подстриженными усами и соблюдалъ всѣ мусульманскіе обряды. При путешествіи по Афганистану онъ выдавалъ себя за турецкаго подданнаго Шейха - Мухамеда - Алба - Эфенди, родомъ изъ Аясунука, изъ-подъ Смирны, но иногда ему приходилось разыгрывать роль слуги у преданнаго афганца-проводника Абдулгани. Несмотря на подобныя мѣры, П. чуть не погибъ въ Амальсѣ, афганскомъ городкѣ, гдѣ былъ узнанъ и выданъ однимъ афганцемъ, бывшимъ въ Самаркандѣ и видѣвшимъ Пашино въ свитѣ генерала Кауфмана. Позванный на допросъ, П. готовился на погибель и, урвавъ минуту, передалъ своему вѣрному слугѣ всѣ деньги и бумаги, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и совѣтовалъ ему, ради полученія большой награды, доставить въ Ташкентъ свѣдѣнія о его гибели. Однако, знаніе языка, а главное — знаніе наизустъ многихъ стиховъ Корана, спасло П.; онъ былъ отпущенъ, а доносчикъ жестоко поплатился за свою «клевету». Послѣ этого эпизода Пашино не рѣшился слѣдовать дальше въ глубь Афганистана и возвратился въ Гильгитъ, а оттуда въ Лагоръ, гдѣ всѣ его знакомые, а въ особенности представитель эмира Ширъ-Али, Серафзаръ-ханъ, и племянникъ эмира, высланный изъ Кабула Зульфикаръ-ханъ, выражали крайнее удивленіе, увидя его здравымъ. «Пашино Богадуръ-ханъ», какъ называлъ Петра Ивановича его другъ афганецъ, совершилъ, по словамъ послѣдняго, удивительный подвигъ: европейцы всѣ погибали обыкновенно около Даркота. Изъ Лагора смѣлый путешественникъ вернулся обратно въ Россію, но въ Мадрасѣ былъ задержанъ англійскими властями, принявшими его за шпіона и продержавшими его подъ арестомъ до выясненія черезъ Министерство его соціальнаго положенія. По возвращеніи въ Петербургъ, П. напечаталъ въ «Голосѣ» (1874 г.) цѣлый рядъ фельетоновъ о своихъ путешествіяхъ подъ заглавіемъ «Шесть мѣсяцевъ въ коровьемъ царствѣ». Въ 1874 г. Пашино предпринялъ снова путешествіе въ Индію и Афганистанъ; теперь ужъ онъ путешествовалъ одинъ, подъ видомъ туземца-бѣдняка, подвергая себя множеству лишеній. Онъ проникъ въ самыя дебри Афганистана и Кафиристана, куда еще не проникалъ ни одинъ европеецъ. Правда, это не дало возможности Петру Ивановичу доставить точнаго географическаго и метеорологическаго матеріала, напр., съемка ему, нищему-скитальцу, была мало доступна, и онъ могъ дать только этнографическія описанія, картины мѣстности, наблюденія за погодой во время своего путешествія, а географическія и историческія свѣдѣнія могъ собирать только по распроснымъ источникамъ, весьма точнымъ въ тѣхъ краяхъ, гдѣ жители не знаютъ ни картъ, ни печатныхъ изданій. Въ 1885 году вышелъ первый томъ своего сочиненія «Вокругъ свѣта. По Индіи (Путевыя впечатлѣнія)», но въ этотъ томъ вошли лишь первыя два путешествія по Индіи и Афганистану: къ

сожалѣнію, третье путешествіе Петра Ивановича, совершенное имъ въ 1875—1876 годахъ, осталось ненапечатаннымъ въ отдѣльномъ изданіи, а разбросано по газетамъ. Будучи членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Пашино читалъ тамъ сообщенія о своихъ путешествіяхъ; такъ, напримѣръ, въ «Извѣстіяхъ» Общества 1877 г. отмѣчена его лекція о путешествіи по Бирманской имперіи. Въ томъ же году рядъ его интересныхъ статей наполнялъ столбцы газетъ. Такъ, въ «Новостяхъ» 1877 г. (№ 222 и 223) Пашино напечаталъ свои прекрасныя статьи «Пути въ Индію». Въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1877 г. въ девяти нумерахъ были помѣщены его интересные фельетоны съ описаніемъ послѣднихъ путешествій по Индіи и Персіи. Въ «Голосѣ» 1878 г. (№ 228 и 289)—«Воспоминаніе о Пенджабѣ», представляющее важный матеріалъ для составленія исторіи Афганистана и его правителей.

Въ 1878 г., когда разгоралась Англо-Афганская война, когда въ Россіи готовились къ походу въ Индію, статьи Пашино были особенно цѣнными и знакомили, кромѣ того, общество съ тѣми странами и народами, гдѣ происходили современныя событія. Статья его въ «Русскомъ Мірѣ» 1878 г. (№ 299) «Два слова объ афганцахъ» дала полную характеристику этому симпатичному и храброму племени, вступившему въ неравную борьбу съ англичанами. Оберегая правду, ярый сторонникъ справедливости, Пашино въ «Русскомъ Мірѣ» (1878 г., № 94) выступилъ съ письмомъ противъ статьи секретаря географическаго общества Венюкова, нападавшаго въ статьѣ своей, помѣщенной въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1878 г., № 92) на статью Весина «О путяхъ въ Индію» напечатанную въ «Голосѣ» (1878 г., № 81). Пашино, опровергнувъ всѣ доводы, на которыхъ основывалась статья Венюкова, называлъ поступокъ ея автора неприличнымъ по отношенію къ обществу. Въ «Обзорѣ» 1880 г., въ восьми фельетонахъ, напечатано еще описаніе путешествій Пашино подъ заглавіемъ «Изъ записокъ туриста. По забытой сторонѣ (отъ Бушира до Исфагани)». Вообще, всѣ литературные труды Пашино цѣнны тѣмъ, что они внесли въ нашу литературу о Востокѣ совершенно новое, неописанное, а свѣдѣнія объ афганцахъ, имъ сообщенныя, даже и въ настоящее время представляютъ собою весьма цѣнный матеріалъ. Какъ человѣкъ, Петръ Ивановичъ былъ всегда всѣми любимъ, а его добродушіе, умѣнье ладить съ людьми оставили объ немъ добрую память. Онъ былъ всегда скроменъ и не претендовалъ никогда ни на какіе лавры. «Я не писатель», — говорилъ онъ, — «я дилетантъ, а работы мои развѣ тѣмъ цѣнны, что переполнены одною правдой». И дѣйствительно, правдивость была отличительной чертою его характера. Въ послѣдніе дни его жизни тяжесть путешествій и лишенія, перенесенныя имъ, отозвались на организмѣ П. Параличъ, разбившій его, отнялъ у него возможность заниматься литературнымъ трудомъ; онъ былъ помѣщенъ друзьями въ Петербургскую городскую богадѣльню, гдѣ и скончался 3-го сентября 1891 года. Погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Кромѣ указанныхъ выше, П. И. Пашино принадлежатъ еще слѣдующія статьи: некрологъ С. И. Барана («С.-Петербургскія Вѣдом.» 1863 г., № 281; стр. 1147); «Встрѣча съ Вамбери въ Персіи» (съ подп. П. А. Шино, въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1864 г., № 175); «Возможенъ-ли походъ въ Индію»—«Новости» 1878 г., № 76; «Живые и мертвые», воспоминанія — въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1881 г., №№ 183, 187, 199, 202, 206; «Благовоспитанный Ванъ-Цзы» («Семейные вечера» 1883 г.); «Очерки Бирмы» («Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1877, т. XIII).

В. Владиміровъ. Историч. записка о 1-ой Казанской гимназіи, вып. III, Казань, 1868, прил., стр. 28; «Голосъ» 1875, № 102; Д. И. Романовскій, «Замѣтки по средне-азіатскому вопросу» С.-Пб. 1868; «Новое Время» 1891 г., № 5574; «Историческій Вѣстникъ» 1891, № 11 стр. 547; воспоминанія П. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» 1881 г.; письма П. къ Л. Н. Модзалевскому.

Пашинъ, *Иванъ Ивановичъ*, отважный мореходъ и рыбопромышленникъ, сынъ архангельскаго мѣщанина, род. около 1800 г., погибъ въ 1837 г. Съ семилѣтнаго возраста онъ со своимъ отцомъ, также промышленникомъ, часто ѣздилъ по Бѣлому морю и ближайшимъ мѣстамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана, и эти плаванія научили его любить море. Потомъ

П. поступилъ въ Архангельскую гимназію, но, привыкши къ морю и о немъ постоянно мечтая, онъ не думалъ объ ученіи вскорѣ оставилъ гимназію и занялся промысломъ отца. Въ 1829 г. онъ пріѣзжалъ, въ качествѣ приказчика, изъ Колы въ Петербургъ. На обратномъ пути Пашинъ потерпѣлъ у береговъ Великобританіи аварію и долженъ былъ поэтому нѣсколько времени провести въ Лондонѣ. Пользуясь временемъ, онъ поступилъ здѣсь въ частную школу и изучилъ англійскій языкъ. По исправленіи брига, П. возвратился на родину. Желая изучить мореплаваніе теоретически, П. въ одну изъ поѣздокъ въ Англію остановился въ Ливерпулѣ и бралъ тамъ уроки по мореходству. Вскорѣ затѣмъ И. И. обзавелся собственной мореходной ладьей «Св. Николай» и на ней плавалъ отъ Архангельска на Мурманскій берегъ и въ Норвегію, гдѣ изучилъ и языкъ норвежскій. Въ 1834 году на той же ладьѣ (въ 48 коммерческихъ ластовъ, около 5.000 пудовъ) съ разной рыбой онъ прибылъ въ Петербургъ, совершивъ этотъ рейсъ въ 103 дня и вытерпѣвъ въ Сѣверномъ океанѣ и Балтійскомъ морѣ много лишеній. Своей отвагой П. разсѣялъ общее убѣжденіе въ невозможности плаванія по этому пути на плоскодонномъ суднѣ съ бѣломорской оснасткой.

Появленіе архангельской ладьи на Петербургскомъ рейдѣ изумило жителей столицы, и множество любопытныхъ сбиралось отовсюду посмотрѣть на незатѣйливое бѣломорское суденышко, приплывшее изъ Сѣвернаго океана въ Балтійское море, и полюбоваться его отважнымъ лоцманомъ. Благодаая этому П. познакомился со многими извѣстными лицами столицы и особенно съ адмираломъ Ѳ. П. Литке, который приглашалъ его нѣсколько разъ къ себѣ, разспрашивалъ, давалъ ему полезные совѣты относительно постройки судовъ и мореплаванія и подарилъ ему свое сочиненіе «Путешествіе вокругъ свѣта». Тогда же въ Петербургѣ П. выдержалъ экзаменъ по мореплаванію. Вниманіе, оказанное ему въ Петербургѣ, ободрило П. еще болѣе. Распродавъ рыбу и передѣлавъ свою ладью въ шкуну, онъ возвратился на Мурманскій берегъ, гдѣ съ энергіей отдался своему промыслу. Первымъ дѣломъ его было составленіе проекта о ловлѣ въ Кольской губѣ акулъ, которыя, охотясь за рыбой въ мѣстахъ ея добычи, приносили много вреда промышленникамъ. Изучая способы ловли акулъ, онъ узналъ у норвежцевъ, что они употребляютъ ихъ въ пищу и старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ съѣдобности мяса акулъ. Съ этою цѣлью онъ въ 1836 году привезъ въ столицу нѣсколько подводъ съ акулами; одна изъ акулъ была представлена имъ въ Академію Наукъ для изслѣдованія (отзывъ Академіи напечатанъ въ № 19 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1837 г.); императоръ Николай, за открытіе новаго промысла, наградилъ П. бриллiантовымъ перстнемъ. Тогда же, по ходатайству графа Е. Ф. Канкрина, было выдано Пашину пособіе изъ казны въ нѣсколько тысячъ рублей на заведеніе промысловыхъ снастей и судна для ловли акулъ. Но планы Пашина не осуществились: при вторичной попыткѣ пройти съ Мурманскаго берега въ Петербургъ онъ погибъ въ океанѣ съ женой и всѣмъ экипажемъ, и только днище судна было найдено у береговъ Норвегіи. Однако, начатое имъ дѣло не заглохло: ловля акулъ развилась впослѣдствіи въ доходный промыселъ сѣверныхъ поморовъ.

«Архангельскія Губ. Вѣдомости» 1861 г., № 7, ч. неоф.; «Сѣверная Пчела», 1835 г., № № 92 и 93, 205 и 206, 1837 г., № 33; «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1834 г., ч. 14, № 10, стр. 90. *Ив. Марченко.*

Пашинъ, *Иларіонъ*; въ 1650 г. онъ былъ подъячимъ въ Разрядѣ. Въ этомъ году съ нимъ изъ Разряда послана была разрядная книга къ царю Алексѣю Михайловичу, который въ это время почему-то особенно интересовался этими книгами. Въ 1660 г. П. былъ дьякомъ въ городѣ Дмитрія-Царевича, а въ 1662 г. во Псковѣ. Вслѣдствіе упущеній по службѣ (невысылка казенныхъ «раздаточныхъ» денегъ въ полкъ, стоявшій въ то время близъ Пскова, и недосмотръ въ отчетности), онъ былъ посаженъ во Псковѣ на три дня въ тюрьму; но такъ какъ, по разслѣдованіи дѣла, оказалось, что его проступокъ не былъ сдѣланъ умышленно, а былъ результатомъ оплошности, то онъ по выходѣ изъ тюрьмы былъ опять допущенъ къ отправленію служебныхъ обязанностей. Въ 1667 г.

И. Пашинъ былъ еще дьякомъ во Псковѣ, а въ 1680 г.—снова въ Разрядѣ, но уже въ должности дьяка. Въ 1690 г. онъ былъ опять дьякомъ во Псковѣ

«Акты Истор.», т. V, стр. 84; «Доп. къ Акт. Истор.», т. V, стр. 317; т. VII, стр. 77, 78, 80, 83, 85, 87, 89; т. IX, стр. 179; «Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 339; «Акты, относящ. до юрид. быта древней Россіи», т. I, 342; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 374, 630; «Русск. Истор. Библіот.», т. X, стр. 496, 570—573, 575. 577, 578; **Н. П. Лихачевъ** «Разрядные дьяки XVI в.», стр. 47; «Памятн. дипломатич. сношеній», т. IV, стр. 2 и 12; «Древн. Росс. Вивліое.», кн. XI, стр. 408. *Н. Воронковъ.*

Пашкевичъ, *Василій* (или *Паскевичъ*), композиторъ и скрипачъ оркестра императорскихъ театровъ; 23-го августа 1783 г., «за недостаткомъ хорошихъ скрипачей», былъ переведенъ камеръ-музыкантомъ въ первый оркестръ, а 1-го марта 1789 г. назначенъ былъ дирижеромъ музыки на придворныхъ балахъ съ обязанностью «игранія въ оркестрѣ, когда надобность того потребуетъ» и съ жалованьемъ 600 р. въ годъ. 6-го октября 1790 г., «за разное сочиненіе музыки и труды сверхъ должности», получилъ единовременно 1.600 р. Состоялъ впослѣдствіи въ рангѣ полковника. П. написалъ музыку къ слѣдующимъ операмъ: 1) «Несчастье отъ кареты» (текстъ Я. Б. Княжнина)—представлена въ первый разъ въ Эрмитаж. театрѣ 7-го ноября 1779 г.; 2) «Скупой», комич. оп. въ 1 д. (текстъ Княжнина); 3) «Своя ноша не тянетъ», ком. оп. въ 2 д. (текстъ В. Л. Левшина); 4) «Калифъ на часъ» (текстъ Горчакова); 5) «Неудачливый въ любви подъячій» (текстъ Нехачина); 6) «Милена» (слова Хераскова); 7) «Тунисскій паша» (словк Матинскаго; 8) «Февей», комич. оп. въ 4 д. (текстъ имп. Екатерины II), раньше неправильно приписывавшаяся Бруксу; эта опера издана была въ 1789 г. и переиздана фирмой Юргенсона въ 1895 г. Кромѣ того, въ оп. «Ѳедулъ съ дѣтьми» имъ написаны: оркестровая интродукція и большинство хоровъ. Судя по этимъ операмъ, П. получилъ довольно основательное музыкальное образованіе; музыка его оперъ написана умѣлой рукой, модуляціонный планъ всегда простъ и ясенъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что П. не чуждъ былъ стремленія внести народный элементъ въ музыку своихъ оперъ: такъ, хоры въ операхъ «Начальное управленіе Олега» имѣютъ сильное тематическое сродство съ русскими народными пѣснями. По характеру композиціи, оперы П. носятъ слѣды вліянія французской школы. Наконецъ, П. написана въ 1793 г. музыка къ стихотворенію Державина «Пѣсня», сочиненному имъ на сговоръ Александра I съ в. к. Елизаветой Алексѣевной и тогда же изданному вмѣстѣ съ нотами.

«Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ», С.-Пб. 1892; С. Ѳ. Свѣтловъ «Русская опера въ XVIII ст.» («Приложеніе къ Ежегоднику императорскихъ театровъ», сезонъ 1897 — 1898 г.г.); В. Морковъ «Историческій очеркъ русской оперы». С.-Пб. 1862; «Русская опера прошлаго столѣтія»—«Нувеллистъ» 1895, № 7—8; Сочиненія Державина подъ ред. Грота, т. I, С.-Пб. 1864, стр. 539; М. Евгеній. Словарь русск. свѣтск. писателей., т. I, М. 1845, стр. 288; Кашпиревъ. Памятники новой русской исторіи, т. III, С.-Пб. 1873, отд. II, стр. 6; П. Н. Араповъ. Лѣтопись русск. театра. С.-Пб. 1866, стр. 114—115; «Драматическій Словарь», М. 1787, стр. 93 и 129—130; В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту росс. библіографіи» Сопикова. М. 1900. *К. Храневичъ.*

Пашкевичъ, *Іосифъ Степановичъ*, профессоръ Императорской Медико-Хирургической Академіи, ветеринаръ, членъ Вольно-Экономическаго Общества, умеръ въ 1871 г. въ Петербургѣ; спеціальное образованіе онъ получилъ въ ветеринарномъ отдѣленіи Медико-Хирургической Академіи, гдѣ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ и окончилъ курсъ въ 1841 г. съ званіемъ ветеринарнаго врача II-го Отдѣленія (по «Историческому очерку» проф. Воронцова—въ 1842 г. съ званіемъ ветерин врача I-го Отдѣленія). Въ 1842 г. Пашкевичъ былъ назначенъ придворнымъ ветеринарнымъ врачемъ въ штатъ наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, а впослѣдствіи состоялъ въ штатѣ императора Александра II. Уже съ 1840 г. онъ сталъ редакторомъ-издателемъ старѣйшаго въ Россіи ветеринарнаго органа «Журналъ Ветеринарной Медицины», въ которомъ помѣщалъ многочисленныя статьи по своей спеціальности, и продолжалъ его изданіе до 1850 года. Въ 1841 г. цензура сочиненій по ветеринарной части была возложена на конференцію Медико-Хиругической Академіи; Академія поручила ее профессорамъ-ветеринарамъ В. И. Всеволодову и Г. М. Прозорову; Пашкевичъ имѣлъ съ ними столкновенія изъ-за своего журнала и жаловался Конференціи на ихъ притѣсне-

нія и производимыя ими поправки. Въ декабрѣ 1847 г., послѣ ухода изъ Академіи В. И. Всеволодова, попечитель Академіи, генералъ-адъютантъ Анненковъ представилъ на освободившуюся каѳедру Пашкевича, и военный министръ назначилъ его исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора по ветеринарной части; въ Академіи ему было поручено преподаваніе патологіи, зоохирургіи, скотоводства и экстерьера (съ жалованьемъ по 1.500 р. ассигнаціями). Дѣятельность Пашкевича въ Академіи была непродолжительна: въ 1849 г. у него произошло столкновеніе со студентами, и онъ былъ вынужденъ оставить каѳедру; оффиціальной причиной его ухода было разстроенное здоровье. Оставивъ Академію, Пашкевичъ продолжалъ свою научную дѣятельность. Онъ долгое время состоялъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества и принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ III-го Отдѣленія Совѣта Общества. Печатные его труды, кромѣ статей въ «Журналѣ Ветеринарной Медицины», который онъ издавалъ и редактировалъ съ 1840 до 1850 г.: «Ручной конскій лѣчебникъ» 1845 г., «Зоофармакологія», перев. съ нѣмецкаго (руководство для студентовъ Академіи), «О содержаніи домашняго скота», С.-Пб. 1865 г. и др.

Документы архива Военно-Медиц. Академіи; проф. В. Е. Воронцовъ, Историч. очеркъ каѳедры эпизоотологіи и бывшаго Ветеринарнаго отдѣленія Имп. Медико-Хиругич. Академіи. С.-Пб. 1898 г. стр. 24, 53 и 86—87; Исторія Импер. Военно-Медиц. Академіи за 100 лѣтъ, С.-Пб. 1898 г., стр. 374, 450, 452 и въ прибавл., стр 234; Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. 62. С.-Пб. 1888 г.; А. И. Ходневъ. Исторія Импер. Вольно-Эконом. Общества. С.-Пб. 1865 г., стр. 137, 279, 285. *Н. Кульбинъ.*

Пашкевичъ, *Левъ Осиповичъ*, врачъ, сынъ сельскаго священника, родился въ 1859 году въ Волынской губ., умеръ 5-го февраля 1891 г.; учился въ Петербургѣ, въ гимназіи Человѣколюбиваго Общества, затѣмъ поступилъ на Медицинскій факультетъ университета Св. Владиміра и тамъ въ 1883 году получилъ званіе врача. Пашкевичъ сначала служилъ при Курскомъ губернскомъ земствѣ въ качествѣ врача запаса, а затѣмъ перешелъ въ Тимское и, наконецъ, въ Путивльское земство; онъ горячо былъ преданъ своему дѣлу и не стѣснялся указывать вліятельнымъ земцамъ на ихъ промахи и за это былъ уволенъ отъ службы земскимъ собраніемъ. Между тѣмъ, Пашкевичъ уже въ 1887 г. нашелъ у себя признаки сахарной болѣзни, которая поражаетъ, главнымъ образомъ, людей, переносящихъ сильныя нервныя потрясенія и душевныя волненія; отъ этой болѣзни П. и умеръ всего 32-хъ лѣтъ отъ роду; по словамъ некролога, «это былъ одинъ изъ тѣхъ скромныхъ огоньковъ, горящихъ въ разныхъ углахъ Россіи, дѣятельность которыхъ, пожалуй, много плодотворнѣе дѣятельности нѣкоторыхъ «свѣтилъ». Въ послѣднее время своей жизни Пашкевичъ служилъ частнымъ врачомъ въ одномъ имѣніи (селѣ Копыловѣ) Кіевской губерніи; П. напечаталъ статьи: «Два случая непроходимости кишекъ и лѣченіе ея промываніемъ желудка»—въ «Проток. Совѣта врачей курскихъ больницъ», (1886 г.), «Аномалія печени»—тамъ же и «Къ вопросу о примѣненіи мятнаго масла въ хирургіи»—тамъ же.

«Врачъ» 1891 г., № 13, стр. 352.

Н. Кульбинъ.

Пашковскій, *Адольфъ Ѳеофиловичъ*, инженеръ путей сообщенія. Происходилъ изъ дворянъ Виленской губерніи и родился 29-го ноября 1847 года въ Вильнѣ. Девяти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Виленскую гимназію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1864 году. Во время пребыванія въ гимназіи, скончался отецъ А. Ѳ., и онъ переѣхалъ жить къ Киркору, редактору газеты «Kurjer Wilenski», у котораго собиралась вся мѣстная интеллигенція; годы, проведенные А. Ѳ. въ его домѣ, имѣли большое вліяніе на его умственное развитіе. Въ августѣ 1864 г. А. Ѳ. пріѣхалъ въ Петербургъ, для поступленія въ университетъ, куда, однако, его не приняли по причинѣ молодости: ему тогда не было еще 17 лѣтъ. Послѣ неудачной попытки поступить въ Институтъ инженеровъ Путей Сообщенія, А. Ѳ. опредѣлился вольнослушателемъ въ Технологическій институтъ. Здѣсь онъ окончилъ курсъ въ 1868 году по механическому отдѣленію со званіемъ инженеръ-технолога и въ томъ же году поступилъ въ Институтъ инженеровъ Путей Сообщенія. Пятилѣтній курсъ Института А. Ѳ. прошелъ въ три года, что представлялось возможнымъ выпол-

нять только для лицъ, поступавшихъ въ институтъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Еще будучи студентомъ, А. Ѳ. обращалъ на себя вниманіе своими способностями и распорядительностью, которыя были замѣтны при практическихъ занятіяхъ, и Пашковскому, еще студенту, поручались самостоятельныя работы.

По окончаніи въ 1871 году курса въ Институтѣ, П. тотчасъ же поступилъ въ Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, на Александровскій Механическій заводъ, гдѣ занялъ должность инженера для особыхъ порученій при управляющемъ заводомъ, которымъ былъ тогда инженеръ Рехневскій, опытный и извѣстный практикъ. Служба эта дала ему возможность близко ознакомиться съ заводскою администраціею, техническою постановкою дѣла и основательно изучить желѣзнодорожный подвижной составъ. Своими познаніями, распорядительностью и аккуратностью А. Ѳ. обратилъ на себя вниманіе директора Николаевской дороги И. Ѳ. Кенига, который назначилъ его, 1-го ноября 1873 года, и. д. помощника главнаго инженера службы тяги и подвижного состава. А. Ѳ. вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе и вскорѣ, 15-го ноября 1878 года, былъ назначенъ на отвѣтственный, важный и вполнѣ самостоятельный постъ главнаго инженера службы тяги и подвижного состава Николаевской желѣзной дороги. Въ этой должности А. Ѳ. состоялъ до 4-го января 1884 года, когда былъ назначенъ замѣстителемъ директора Николаевской желѣзной дороги. Тринадцатилѣтнія занятія П. по службѣ тяги совпали съ большими усовершенствованіями, въ осуществленіи которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Одною изъ важнѣйшихъ заботъ П. было улучшеніе состава службы тяги. Съ этою цѣлью онъ призвалъ мѣстныя техническія силы, преимущественно инженеръ-технологовъ, которыми замѣщалъ должности, требующія знаній и технической подготовки; принималъ также дѣятельное участіе въ разрѣшеніи вопроса объ учрежденіи спеціальныхъ желѣзнодорожныхъ училищъ, изъ которыхъ было открыто только одно—Бологовское, въ которомъ А. Ѳ. былъ назначенъ попечителемъ. Это училище сдѣлалось его излюбленнымъ дѣтищемъ. Онъ умѣлъ обставить въ немъ дѣло обученія всѣмъ необходимымъ, старался увеличить его средства, способствовалъ учрежденію благотворительнаго общества для вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ и часто посѣщалъ ввѣренное ему училище. Съ тою же цѣлью поднятія уровня познаній у паровозныхъ служащихъ при А. Ѳ. была установлена классификація машинистовъ и ихъ помощниковъ. Кромѣ условій, улучшающихъ составъ служащихъ, П. обращалъ особенное вниманіе на улучшеніе самыхъ условій службы.

Цѣлесообразность всѣхъ принятыхъ А. Ѳ. мѣръ по улучшенію личнаго состава выразилась нагляднѣе всего въ частныхъ случаяхъ ненормальнаго усиленія движенія на Николаевской желѣзной дорогѣ. Такіе случаи неоднократно имѣли мѣсто, напримѣръ, въ періодъ войны 1877—1878 гг. и особенно въ періодъ коронаціонныхъ торжествъ 1883 года, когда движеніе достигло своего крайняго предѣла. Несмотря на это, правильность и безопасность движенія въ эти періоды не были нарушены, благодаря личной неустанной энергіи и распорядительности А. Ѳ. и благодаря достигнутой имъ дисциплинѣ среди всего состава подчиненныхъ ему служащихъ.

Въ примѣненіи различныхъ мѣропріятій, способствовавшихъ усиленію провозоспособности Николаевской желѣзной дороги, А. Ѳ. проявилъ широкую иниціативу. Одною изъ первыхъ мѣръ было улучшеніе и расширеніе Александровскаго механическаго завода, въ которомъ сосредоточены главныя мастерскія. При П. были вновь построены многія зданія завода, въ мастерскихъ его паровыя машины замѣнены лучшими, усовершенствованной конструкціи. Однимъ изъ главныхъ улучшеній слѣдуетъ считать введеніе съ 1878 года на пассажирскихъ паровозахъ и вагонахъ автоматическихъ воздушныхъ тормазовъ Вестингауза, съ установкою которыхъ оказалось возможнымъ довести среднюю скорость курьерскихъ поѣздовъ до 50 верстъ въ часъ, не уменьшая безопасности ихъ движенія, а также увеличеніе и улучшеніе вагоннаго парка и коренное улучшеніе подвижного состава и т. д. Благодаря произведеннымъ улуч-

шеніямъ въ подвижномъ составѣ и количественному его увеличенію, явилась возможность значительно увеличить число поѣздовъ, ихъ скорость и составъ. Оцѣнку своихъ трудовъ А. Ѳ. получилъ на Московской всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года: Александровскому механическому заводу, за работы, исполненныя имъ въ управленіе и подъ наблюденіемъ А. Ѳ., былъ присужденъ государственный гербъ, въ награду, какъ выражено въ дипломѣ: «За постройку паровозовъ и вагоновъ высокаго достоинства и за разныя части подвижного состава, изготовляемыя заводомъ въ большомъ размѣрѣ».

Насколько цѣнились труды и знанія А. Ѳ. Пашковскаго въ Министерствѣ Путей Сообщенія, показываетъ многократное участіе его въ различныхъ правительственныхъ коммиссіяхъ. Въ 1877 году онъ принималъ участіе въ коммиссіи относительно постройки узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ; съ 1879 года онъ неоднократно былъ приглашаемъ въ качествѣ совѣщательнаго члена въ засѣданія временнаго управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1883 году получилъ назначеніе состоять постояннымъ совѣщательнымъ членомъ техническаго комитета при Департаментѣ желѣзныхъ дорогъ.

Въ 1879 году А. Ѳ. разработалъ проектъ организаціи службы тяги и подвижного состава для частной Уральской желѣзной дороги. Въ собиравшихся ежегодно техническихъ желѣзнодорожныхъ съѣздахъ по службѣ тяги А. Ѳ. являлся однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ, своими знаніями много помогая правильному рѣшенію вопросовъ, обсуждавшихся на съѣздахъ.

Послѣ А. Ѳ. не осталось научныхъ печатныхъ работъ по техникѣ желѣзнодорожной. Многосложная дѣятельность поглощала все его время, но онъ слѣдилъ всегда за техническою литературою, и ни одна изъ выдающихся статей, встрѣчавшихся въ отечественныхъ и иностранныхъ техническихъ изданіяхъ, не ускользала отъ его вниманія.

Чрезмѣрная дѣятельность разрушила его вообще не сильное здоровье, и послѣ краткой болѣзни А. Ѳ. Пашковскій скончался 20-го октября 1884 года въ С.-Петербургѣ.

Формулярный списокъ; «А. Ѳ. Пашковскій» (некрологъ, Подгаецкаго въ «Желѣзнодорожномъ Дѣлѣ» 1884 г., № 47); «Очеркъ эксплуатаціи Николаевской желѣзной дороги Главнымъ Обществомъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ 1868 по 1893 годъ»; «Отчетъ о всероссійской художественно-промышленной выставкѣ 1882 года въ Москвѣ»; Работы экспертныхъ коммиссій.

С. М. Житковъ.

Пашковскій, *Іоаннъ Прокопіевичъ*, священникъ изъ Малороссійскаго края, въ 1697—1699 году сопровождалъ боярина Б. П. Шереметева на островъ Мальту, и есть полное основаніе думать, что именно онъ и былъ авторомъ «Похожденія въ Мальтійскій островъ боярина Бориса Петровича Шереметева». Подозрѣвать, что именно Пашковскій былъ авторомъ «Похожденія», есть слѣдующія основанія. Во-первыхъ, подробности изложенія указываютъ ясно на то, что авторъ былъ очевидцемъ событій; во-вторыхъ, авторъ начинаетъ изложеніе «Похожденія» отъ лица Шереметева, но скоро, говоря о боярингѣ, начинаетъ говорить въ третьемъ лицѣ, что́ ясно показываетъ, что авторомъ былъ не самъ Шереметевъ, а кто-нибудь изъ спутниковъ. Въ-третьихъ, весьма типичная для писателей изъ лицъ духовныхъ форма вступленія къ «Похожденію» изобличаетъ, что авторомъ было лицо духовное. Часто встрѣчающіяся въ этомъ сочиненіи слова, не свойственныя русскому языку, но одному изъ нарѣчій, находящихся подъ вліяніемъ Польши, показываютъ, что авторъ не принадлежалъ къ великороссійскому племени, но или живалъ въ Польшѣ, или происходилъ изъ Бѣлоруссіи или Малороссіи. Всѣ указанныя основанія естественно заставляютъ признать за автора «Похожденія» священника изъ Малороссійскаго края, какимъ и былъ Пашковскій. Хотя «Похожденіе» принадлежитъ къ разряду путешествій, но по сухости своего изложенія (при обильныхъ подробностяхъ, но крайней скудости личныхъ впечатлѣній), это сочиненіе скорѣе походитъ на «статейный снисокъ». Не отличаясь литературными достоинствами, «Похожденіе», однако, для исторіи должно представлять особенный интересъ. Путешествіе Шереметева совершено еще на зарѣ великихъ реформъ Петра (во время его

перваго путешествія за-границу), и путешественники представляли собою уже новое поколѣніе, людей уже новыхъ взглядовъ. Они не гнушаются обществомъ западныхъ народовъ: Шереметева и его спутниковъ мы видимъ на банкетахъ въ обществѣ польскихъ паннъ, проводящими время за разговорами и танцами. Авторъ «Похожденія», не смотря на свой духовный санъ, будучи человѣкомъ передовымъ, ни однимъ словомъ не осуждаетъ ни банкетовъ, ни нѣмецкаго платья бояръ, ни танцевъ.

«Памятн. дипломат. сношеній», т. X, стр. 1581—1698; Н. Н. Бантышъ-Каменскій. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.», ч. II, С.-Пб. 1896 г., стр. 256. *Н. Воронковъ.*

Пашковскій, *Осипъ*, польскій литераторъ, родился въ селеніи Стоки, Гродненской губерніи, 19-го марта 1787 г.; образованіе получилъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ Борунахъ, Гроднѣ и Свислочѣ. Въ 1810 г. пріѣхалъ въ Варшаву, поступилъ въ военную службу и участвовалъ въ походахъ Наполеона на Россію и въ сраженіи подъ Лейпцигомъ. Въ 1815 г. онъ былъ зачисленъ въ 4-ую компанію конной артиллеріи, въ 1820 г. назначенъ учителемъ кадетскаго корпуса въ Калишѣ и затѣмъ—военнаго училища въ Варшавѣ; около 1830 г., въ чинѣ полковника, состоялъ командиромъ артиллерійскаго парка въ Модлинѣ (нынѣ Ново-Георгіевскѣ); былъ также членомъ Варшавскаго общества любителей наукъ и авторомъ сочиненія: «Nauka praktyczna kanoniera» (Варшава. 1830). Въ 1831 г. Пашковскій оставилъ военную службу и открылъ въ Варшавѣ мужской пансіонъ; съ 1837 по 1842 годъ онъ исправлялъ должность инспектора дополнительныхъ педагогическихъ курсовъ. П. сотрудничалъ въ журналахъ: «Dzwon literacki», «Pielgrzym», «Album warszawskie», «Wieniec», въ которыхъ помѣщалъ повѣсти и очерки изъ общественнаго быта и солдатской жизни. Его мемуары подъ заглавіемъ «Wojna w Polsce w roku 1831» были изданы послѣ его смерти во Львовѣ, въ 1861 г. Умеръ П. въ деревнѣ Цѣльцы, Калишской губерніи, 7-го октября 1858 года.

«Tygodnik Illustrowany» 1860 и 1861.
Ѳ. Ф. В.

Пашковъ, *Александръ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ оберъ-егермейстера В. А. Пашкова (см. ниже); родился въ Москвѣ 1-го января 1792 г.; получивъ домашнее воспитаніе, онъ 12 лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ въ службу юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ (11-го апрѣля 1804 г.), откуда вышелъ въ декабрѣ 1806 г. и 7 го декабря слѣдующаго поступилъ аудиторомъ въ генералъ-аудиторіатъ, а 10-го февралѣ 1810 г. перешелъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ юнкеромъ. Произведенный 10-го декабря того-же 1810 года въ корнеты, онъ въ 1813 г. получилъ чины: поручика (23-го февраля), штабсъ-ротмистра (18-го сентября) и ротмистра (7-го октября), а въ 1816 году (7-го марта)—полковника. Въ 1817 г. (іюня 4-го) П. переведенъ былъ въ Тверской драгунскій полкъ, а 12-го февраля 1818 г. назначенъ командиромъ Ахтырскаго гусарскаго полка; декабря 12-го 1824 г. П. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 2-й гусарской дивизіи, а 21-го декабря 1825 г. назначенъ состоять по арміи; во время Турецкой войны онъ былъ отправленъ въ дѣйствующую армію и 26-го іюля 1829 г. опредѣленъ командиромъ 1-й бригады 4-й уланской дивизіи, а въ мартѣ 1830 г.—той же бригады 2-й конно-егерской дивизіи, съ которой принялъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа, состоя нѣкоторое время начальникомъ Люблинскаго воеводства; 23-го октября 1831 г. П. былъ назначенъ начальникомъ 1-й гусарской дивизіи, а 10-го декабря 1832 г. вышелъ въ отставку. Проживая затѣмъ въ Петербургѣ, П. умеръ въ 1868 году.

Во время Отечественной войны Пашковъ принималъ участіе во многихъ сраженіяхъ; такъ, онъ былъ подъ Витебскомъ и Смоленскомъ, при Бородинѣ, гдѣ получилъ орденъ св. Анны 4-й ст., при Тарутинѣ, Маломъ-Ярославцѣ и др.; подъ Краснымъ онъ заслужилъ награду орденомъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, подъ Калишемъ—Анны 2-й ст., подъ Люценомъ (18—20-го апрѣля 1813 г.)—прусскимъ орденомъ «pour le mérite»; затѣмъ онъ сражался подъ Бауценомъ, при Денневицѣ получилъ золотую саблю съ надписью «за храбрость», а за отличіе при взятіи г. Касселя произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры и награжденъ шведскимъ военнымъ орденомъ Меча; нако-

нецъ, за отличіе въ генеральномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ получилъ чинъ ротмистра, а затѣмъ, въ 1814 г., участвовалъ, состоя адъютантомъ у генерала Винценгероде, въ дѣлахъ при Дюссельдорфѣ, при взятіи г. Суассона, подъ г. Краономъ, Лаономъ, Реймсомъ и др. Въ войну 1829 г. за участіе во взятіи крѣп. Шумлы, онъ получилъ орденъ Владиміра 3-й ст., а за разбитіе 25-го и 28-го іюля войскъ верховнаго визиря удостоился вторичнаго награжденія золотою, алмазами украшенною, саблей съ надписью «за храбрость». Отличившись въ 1831 г. въ сраженіяхъ подъ Казимиржемъ и при дер. Боровѣ, онъ за первое получилъ орденъ Анны 1-й ст., а за второе—Владиміра 2-й стенени. Среди своихъ товарищей Пашковъ пользовался репутаціей отчаяннаго храбреца, что̀ и доказалъ на дѣлѣ рядомъ поименованныхъ отличій, полученныхъ имъ въ многочисленныхъ сраженіяхъ.

Указъ объ отставкѣ и метрика рожденія въ Архивѣ Департамента Герольдіи Правит. Сената; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 80; К. Н. Манзей. Исторія л.-гв. Гусарскаго Е. В. полка, ч. III, С.-Пб. 1859 г.; «Русск. Архивъ» 1868 г., стр. 903; 1876 г., т. I, стр 264; «Русск. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 352, 366, 369—370, 381, 382, 383; 1895 г., № 11, стр. 176 и 178; Соч. Д. В. Давыдова, т. II, С.-Пб. 1893 г.; кн. Щербатовъ. Генералъ-фельдм. князь Паскевичъ, т. IV, С.-Пб. 1894 г., прилож.

Б. Гарскій.

Пашковъ, *Андрей Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, егермейстеръ; родился 21-го марта 1792 г. Получивъ домашнее образованіе, онъ поступилъ въ военную службу—въ Кавалергардскій полкъ, гдѣ въ 1811 г. (ноября 20-го) былъ произведенъ въ корнеты. Принимая участіе въ Отечественной войнѣ, онъ находился въ 14-ти сраженіяхъ и былъ контуженъ подъ Бородинымъ. Очень быстро проходя свою служебную карьеру, онъ былъ адъютантомъ у генерала-отъ-кавалеріи Ѳ. П. Уварова, потомъ перешелъ въ лейбъ гвардіи Гусарскій полкъ и въ 1819 г. (октября 30-го) былъ уже произведенъ въ полковники. Въ 1826 г. (27-го февраля) А. И. вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ.

Пробывъ очень короткое время не у дѣлъ, онъ 22-го августа 1826 г. былъ пожалованъ въ егермейстеры къ Высочайшему двору; здѣсь будучи нрава очень неуживчиваго, онъ вскорѣ не поладилъ съ оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ, на котораго подалъ доносъ, не оправдавшійся при слѣдствіи и принудившій П. выйти въ отставку. Кромѣ того, владѣя нераздѣльно вмѣстѣ съ двумя братьями и матерью отцовскимъ состояніемъ, онъ при дѣлежѣ наслѣдства затѣялъ съ ними процессъ, въ которомъ обѣ стороны вели себя одинаково запальчиво. Мать, вмѣстѣ съ двумя сыновьями, принесла императору Николаю Павловичу жалобу на своего сына Андрея; тѣмъ не менѣе, наслѣдство все-таки не было подѣлено, а послѣ смерти матери вражда между братьями достигла крайнихъ предѣловъ; въ 1840 г. это дѣло вторично дошло до Государственнаго Совѣта, который, видя, что помирить братьевъ нѣтъ никакой возможности, рѣшилъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ, обративъ дѣло къ разбору съ нижней инстанціи и взявъ спорное имѣніе въ опеку съ устраненіемъ всѣхъ трехъ братьевъ отъ управленія имъ. Кромѣ этого, А. И. имѣлъ множество другихъ процессовъ, которые онъ проигралъ, несмотря на свои личныя связи и родство жены, рожденной графини Моденъ.

Кромѣ этой печальной извѣстности, слишкомъ, по словамъ почитателей его, преувеличенной многочисленными врагами, А. И. пріобрѣлъ себѣ извѣстность, какъ магнетизеръ, очень удачно лѣчившій нервныхъ больныхъ. Увлекшись въ сороковыхъ годахъ явленіями магнитизма, къ которому въ то время сталъ распространяться у насъ интересъ, А. И. съ 1843 г. началъ имъ заниматься и исцѣлять многихъ больныхъ; въ числѣ ихъ была, между прочимъ, престарѣлая Ек. Алекс. Висковатова, рожд. Корсакова, которая, послѣ 12-го сеанса, стала ходить и, несмотря на преклонный возрастъ, совершенно выздоровѣла и даже пережила самого Пашкова. Въ 1843 же году А. И. исцѣлилъ нервно-больную дѣвицу Чекину; журналъ ея лѣченія хранится въ семействѣ Пашковыхъ, а отецъ ея напечаталъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» письмо объ исцѣленіи своей дочери (1843 г., № 256). Въ томъ же году А. И. вылѣчилъ армянскаго патріарха Нарсеса, котораго разбилъ параличъ. При помощи совѣтовъ и предписаній Е. А. Висковатовой, онъ въ теченіе 6-ти недѣль воз-

становилъ силы патріарха до такой степени, что къ нему возвратилось употребленіе разбитой параличомъ стороны. Послѣ трехъ этихъ случаевъ удачнаго лѣченія А. И. пріобрѣлъ большую практику, которую не оставлялъ до своей смерти, послѣдовавшей 5-го февраля 1850 г. въ С.-Петербургѣ.

Формулярный списокъ 1828 г.; метрика рожденія въ Архивѣ Департамента Герольдіи; «Сѣверная Пчела» 1850 г., № 32; «Ребусъ» 1885 г., т. IV, стр. 419—421 и 430—432; «Русская Старина» 1899 г., августъ и ноябрь; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 874; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II. С.-Пб. 1895 г.; «Московскія Вѣдомости» 1863, № 180 и 182.

Б. Еловскій.

Пашковъ, *Аѳанасій*, священникъ города Козельска, Калужской губ., при церкви Св. Духа, благочинный. Время жизни его—конецъ XVIII и начало XIX вѣка. Извѣстна его «Рѣчь по случаю всемилостивѣйше отъ Его Императорскаго Величества Калужской губ. благородному дворянскому сословію, за отличные въ составленіи и образованіи подвижного земскаго войска подвиги, изъявленнаго... благоволенія..., говоренная города Козельска въ Успенскомъ соборѣ 1810 года мая 15-го дня», М. 1811 г.

Дѣло, хранящ. въ архивѣ Св. Сунода, 1811 г., № 87. *Ив. Давидовичъ.*

Пашковъ, *Аѳанасій Филипповичъ*—см. *Филиппъ* **Пашковъ**

Пашковъ, *Василій Александровичъ*, оберъ-егермейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сынъ колл. асс. Александра Ильича П. отъ брака его съ дочерью извѣстнаго богача и заводчика И. С. Мясникова—Дарьей Ивановной, доставившей своему мужу колоссальное богатство (она получила послѣ отца 19.000 душъ крестьянъ и 4 богатѣйшихъ завода). В. А. Пашковъ родился 25-го марта 1764 г., а уже въ 1775 г. опредѣленъ на службу въ л.-гв. Преображенскій полкъ; будучи сержантомъ (съ 12-го марта 1780 г.), онъ 23-го декабря 1786 г. перешелъ вахмистромъ въ л.-гв. Конный полкъ, въ которомъ 1-го января 1788 г. получилъ чинъ корнета, въ слѣдующемъ—подпоручика и въ 1790 г.—поручика. Въ 1789 г. онъ, въ качествѣ волонтера, участвовалъ въ походѣ въ Финляндію, а 17-го марта 1792 г. былъ назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ гр. Салтыкову и уже въ слѣдующемъ, 1793 году (18-го февраля), былъ произведенъ въ подполковники. Въ 1795 году, января 17-го, П. былъ назначенъ контролеромъ въ Счетную экспедицію Военной Коллегіи, а 8-го ноября 1798 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора. Пробывъ не у дѣлъ 5 лѣтъ, онъ 16-го ноября 1803 г. снова былъ принятъ въ службу—членомъ Военной Коллегіи, 12-го января 1806 г. перемѣщенъ былъ въ генералъ аудиторіатъ, а 4-го марта 1810 г. опять вышелъ въ отставку. Въ слѣдующемъ году П. былъ назначенъ 2-мъ егермейстеромъ Двора Его Величества, 1-го іюля 1817 г.—оберъ-гофмаршаломъ, а 12-го декабря 1819 г.—2-мъ оберъ-егермейстеромъ, каковое званіе и носилъ до самой своей смерти.

31-го октября 1821 г. Пашковъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а 22-го января 1825 г. ему повелѣно было занять постъ предсѣдателя въ Департаментѣ законовъ; въ этомъ званіи онъ пробылъ до 22-го декабря 1828 г., когда былъ уволенъ отъ всѣхъ занятій предсѣдателя, а 5-го апрѣля 1830 года получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; 5-го января 1831 г. Пашковъ снова назначенъ на ту же должность; занимая ее, онъ умеръ 2-го января 1834 г., будучи членомъ учрежденныхъ при Воспитательномъ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и училищѣ ордена св. Екатерины Совѣтовъ; онъ погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Супруга его *Екатерина Александровна*, рожд. графиня *Толстая*, (род. 24-го января 1768 г., ум. 24-го декабря 1835 г., погребена съ мужемъ), 9-го февраля 1816 г. была пожалована орденомъ св. Екатерины, а 21-го апрѣля 1828 г.—назначена статсъ-дамой Ея Величества.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора; Архивъ Государственнаго Совѣта; «Полный списокъ шефовъ, командировъ и офицеровъ л.-гв. Коннаго полка». С.-Пб. 1886 г.; П. Н. Даневскій. «Исторія образованія Государственнаго Совѣта въ Россіи». С.-Пб. 1859; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г.; «Русская Старина» 1871, т. III, стр. 281: 1873 г., т. VII, стр. 39. *Б. Львовъ.*

Пашковъ, *Виталій Кузьмичъ*, харьковскій писатель, правнукъ Ивана Дмитріевича (см. ниже), родился 18-го февраля 1824 года въ Обоянскомъ уѣздѣ Курской

губ., гдѣ поселился временно его отецъ—отставной раненый маіоръ Кузьма Васильевичъ; умеръ въ Харьковѣ 9-го октября 1885 г. Черезъ два или три года послѣ рожденія В. К. семейство Пашковыхъ переселилось въ родовое свое имѣніе,—въ Изюмскій уѣздъ Харьковской губ. Здѣсь, въ Украйнѣ, выросъ и получилъ домашнее воспитаніе живой и способный мальчикъ. Каково было дѣтство Пашкова, объ этомъ онъ разсказываетъ самъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ». Изъ впечатлѣній дѣтства онъ вынесъ любовь къ природѣ и страсть къ охотѣ; отъ тѣхъ же впечатлѣній, быть можетъ, сохранилась въ немъ душевная чистота, расположеніе къ людямъ и доброта—качества, которыми отличался и всегда привлекалъ къ себѣ покойный. Смолоду полюбилъ онъ также музыку, обзавелся скрипкой и, по мнѣнію товарищей, былъ недурнымъ исполнителемъ и страстнымъ поклонникомъ Вьетана.

Выросши въ зажиточной семьѣ, не чуждой образованія и умственныхъ интересовъ, но не получивъ правильной школьной подготовки въ дѣтствѣ, П. пополнилъ этотъ пробѣлъ, какъ только представился къ тому случай: онъ сталъ готовиться къ поступленію въ Харьковскій университетъ, куда и выдержалъ экзаменъ. Объ университетской своей жизни Пашковъ самъ разсказываетъ очень подробно въ своихъ запискахъ.

Службу свою В. К. Пашковъ началъ въ Харьковѣ въ мѣстной Палатѣ Гражданскаго Суда, куда поступилъ 23-го декабря 1847 года; здѣсь онъ пробылъ полтора года; затѣмъ около двухъ лѣтъ прожилъ въ Петербургѣ, состоя канцелярскимъ чиновникомъ Палаты Уголовнаго Суда (съ 11-го апрѣля 1852 г.), а въ 1854 уволился отъ службы и снова переѣхалъ въ Харьковъ, гдѣ около двухъ лѣтъ прослужилъ въ Конторѣ Государственнаго коммерческаго банка. Въ 1856 г. онъ окончательно оставилъ службу, поселился въ своей деревнѣ, женился и сталъ заниматься хозяйствомъ. Впослѣдствіи, когда дѣти подросли и потребовалось дать имъ образованіе, а доходы съ имѣнія не увеличивались, онъ продалъ свою «батькивщину», купилъ на вырученныя деньги въ Харьковѣ домъ и жилъ здѣсь съ семьей; ограниченный кружокъ знакомыхъ, заботы о воспитаніи дѣтей, занятія музыкой и литературой наполняли съ тѣхъ поръ его жизнь. Ближайшими друзьями П. въ это время были: бывшій предводитель дворянства Зеньковскаго уѣзда (Полт. губ.), товарищъ по Нѣжинскому лицею Н. В. Гоголя,—Т. Г. Пащенко и извѣстный харьковскій поэтъ Я. И. Щоголевъ; ихъ соединяла общая страсть—любовь къ музыкѣ: Т. Г. Пащенко, подобно Пашкову, игралъ на скрипкѣ, а у Щоголева всѣ дѣти получили прекрасное музыкальное образованіе и артистически играли на скрипкѣ (сынъ) и арфѣ (дочь). Пашковъ имѣлъ небольшой репертуаръ давно разученныхъ пьесъ, которыя постоянно и игралъ. Къ несчастью, слухъ у него былъ слишкомъ плохой, и это его очень мучило, но за игрой на скрипкѣ онъ забывалъ все на свѣтѣ.

Онъ былъ чуждъ какой бы то ни было общественной дѣятельности: его не занимали ни сословныя собранія, ни служба, ни борьба партій; это была жизнь однообразная, безъ всякихъ выдающихся событій, ровная, спокойная и независимая. На горькія событія общественной жизни онъ смотрѣлъ, какъ на временное зло, представляя себѣ будущее въ розовомъ свѣтѣ, и былъ оптимистомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: перенося лично и зачастую суровыя невзгоды судьбы, онъ рѣдко жаловался на нихъ.

Память у него была громадная. Малѣйшія событія самаго далекаго прошлаго рисовались передъ его глазами, какъ происшествія вчерашняго дня. Оттого въ нѣсколькихъ дружескихъ кружкахъ, гдѣ онъ бывалъ какъ свой, онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ и—что́ весьма характерно — всякому возрасту ровесникъ: могъ заговорить всякаго—ребенка, юношу и старика.

Для довершенія характеристики В. К. Пашкова должно еще замѣтить, что онъ былъ образцовый семьянинъ; особенныя надежды возлагалъ онъ на старшаго сына Евгенія, который былъ уже на второмъ курсѣ въ университетѣ (21 года), и вдругъ этотъ сынъ застрѣлился. Кончина этого юноши была скорбнымъ, роковымъ часомъ для отца и повліяла самымъ удручающимъ образомъ на его душевное состояніе: въ церкви на похоронахъ онъ былъ очень страненъ; въ такомъ же угнетенномъ настроеніи на-

ходился онъ и въ слѣдующіе дни: началъ просить, чтобы связали ему руки, говоря, что неодолимая сила влечетъ его къ самоубійству. Отчаяніе его было такъ велико, что онъ не совладалъ съ собою: 9-го октября 1885 года, черезъ двѣ недѣли по смерти сына, онъ тайно ушелъ изъ дому, купилъ револьверъ, выѣхалъ за городъ и застрѣлился.

В. К. Пашковъ усердно занимался литературой: ему принадлежитъ цѣлый рядъ небольшихъ разсказовъ, почти исключительно изъ стариннаго мѣстнаго харьковскаго быта. Хотя онъ и не былъ по происхожденію малоросомъ, но, живя съ трехлѣтняго возраста на лонѣ украинской природы, въ живописномъ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ протекалъ Донецъ и находились знаменитыя Святыя горы, среди малороссіянъ—крестьянъ и помѣщиковъ, онъ прекрасно изучилъ мѣстный стародавній бытъ и его особенности, а обширная память помогла ему по истеченіи многихъ лѣтъ возстановить былое. Статьи В. К. Пашкова печатались большею частью въ мѣстныхъ газетахъ. Вотъ возможно полный перечень ихъ, составленный, главнымъ образомъ, по реестру самого автора:

Статьи, напечатанныя въ «Харьк. Губ. Вѣдомостяхъ»: «Изъ воспоминаній о Дм. Ив. Коченовскомъ» (1873 г., № 7); «Нѣсколько словъ о харьковскихъ рѣчкахъ» (1874 г., № 109); «Изъ прошлаго здѣшняго края» (1876 г., №№ 1—8, 10, 12, 14, 16—19, 21—25); «Нѣсколько словъ къ исторической памяти о югозападныхъ славянахъ» (1876 г., № 185). Статьи, напечатанныя въ газетѣ «Харьковъ»: «Воспоминанія студента 1840-хъ годовъ» (1877 г., № 30 и прибавленіе къ 30-му номеру); «Г. Славянскъ въ сороковыхъ годахъ» (1878 г., № 242, 246 и 1879 г., № 423 и 424); «Черногорецъ М. Г. Средоновичъ» (1878 г., № 176); «Для сельскихъ хозяевъ» (1879 г., № 309); «Объ экзаменѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ» (1880 г., № 619) и нѣкотор. др. Статьи, напечатанныя въ газетѣ «Южный Край»: «Харьковъ въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ» (1881 г., № 269, 276 и 296); «Михайловская площадь въ сентябрѣ 1843 года» (1883 г., № 744); «О Куликовскомъ» (1883 г., № 931); «Императоръ Николай Павловичъ въ Харьковскомъ университетѣ и на маневрахъ въ Чугуевѣ» (1884 г., № 1244); «Избіеніе турокъ въ Валкахъ въ 1812 году» (1884 г., № 1275); «Воспоминаніе о Святыхъ горахъ» (1884 г., № 1315 и 1318); «Сцены изъ далекаго прошлаго» (1884 г., № 1327); «Страшная встрѣча» (1884 г., № 1356); «Разсказъ капитана А. В. Пашкова о бунтѣ поселянъ въ новгородскомъ военномъ поселеніи въ 1831 году» (1885 г., № 1385); «Замѣчательный оригиналъ» (1885 г., № 1420 и 1425). Статьи напечатанныя въ газетѣ «Берегъ»: «Разсказъ кавказскаго ветерана объ А. С. Пушкинѣ» (1880 г., № 97); «Черты изъ жизни Гоголя» (1880 г., № 268). Кромѣ того, многія статьи П. остались ненапечатанными.

Наконецъ, сохранились двѣ печатныя брошюры Пашкова—его оригинальныя басни: «Споръ рояли со скрипкой», «Баснописецъ и басни» и «Двѣ кумы», не представляющія, впрочемъ, интереса въ литературномъ отношеніи.

Среди всѣхъ сочиненій П. первое мѣсто, несомнѣнно, принадлежитъ воспоминаніямъ его о прошломъ Харьковскаго края, о Харьковскомъ университетѣ, о гор. Харьковѣ, Чугуевѣ, Славянскѣ и Святыхъ горахъ въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка. Желательно было бы всѣ эти статьи перепечатать, такъ какъ въ нихъ заключается весьма цѣнный матеріалъ для мѣстной исторіи. Къ сожалѣнію, одна рукопись—«Воспоминанія о Харьковскомъ уѣздѣ»—затерялась въ редакціи журнала «Кіевская Старина» при редакторѣ Лашкевичѣ.

Помѣщенныя здѣсь біографическія данныя обязательно доставлены были двумя друзьями покойнаго Пашкова—библіотекаремъ Харьковскаго университета Я. О. Балясным и извѣстнымъ харьковскимъ поэтомъ Я. И. Щоголевымъ; первый былъ товарищемъ нашего автора по Университету и остался хорошимъ знакомымъ до самой его смерти; второй сдѣлался другомъ Пашкова уже въ преклонныхъ его лѣтахъ.

Проф. Д. И. Багалѣй.

Пашковъ, *Егоръ Ивановичъ*, дѣятель первой половины XVIII-го столѣтія, астраханскій губернаторъ, ум. въ 1740 году. Сынъ стольника Ивана Еремѣевича большого Пашкова, Е. И. при Петрѣ Великомъ служилъ деньщикомъ и былъ произведенъ имъ около 1709 г. въ капитаны гвардіи. Въ 1717 г. П. участвовалъ въ слѣдствіи по дѣлу си-

бирскаго губернатора князя Гагарина обвиненнаго извѣстнымъ фискаломъ Алексѣемъ Нестеровымъ въ расхищеніи казны; въ 1722 г. (18-го января) онъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Военную Коллегію и производилъ дознаніе по дѣлу о взяточничествѣ названнаго фискала Нестерова, а въ слѣдующемъ, 1723 г., опредѣленъ членомъ «Вышняго суда». Затѣмъ П. былъ членомъ бестужевскаго кружка сторонниковъ возведенія на престолъ Петра II, при которомъ въ 1727 г. былъ назначенъ членомъ Военной Коллегіи, съ пожалованіемъ въ бригадиры. Съ 1728 г. по 1-е декабря 1734 П. былъ въ должности Воронежскаго вице-губернатора, а въ 1739 году назначенъ астраханскимъ губернаторомъ, послѣ чего вскорѣ и умеръ.

«Дѣянія Петра Великаго» И. И. Голикова, Изд. II, т. VI, М. 1838 г., стр. 285; т. VII, стр. 116, т. IX, стр. 414, 448, 475, 515; т. X, М. 1839 г., стр. 155; т. XIII, М. 1840 г., стр. 355; «Исторія Россіи». С. Соловьева, кн. IV, изданіе товарищества «Общественная Польза», стр. 186, 187, 769, 940, 1031, 1064, 1075—1077, 1080, 1081, 1192, 1193; князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II. изд. 2, С.-Пб. 1895 г., стр. 78; «Осмнадцатый вѣкъ» П. Бартенева, кн. 3. М. 1869 г., стр. 152, 154; «Сборникъ Императ. Русскаго Историч. Общества», т. 11, стр. 121, 122, 421; т. 94, стр. 422, 726, 754; т. 104, стр. 79, 450; т. 108, стр. 68—70, 87, 88, 110, 452; «Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства», т. IV, С.-Пб. 1884 г., т. V, С.-Пб. 1891 г.

И. Марченко.

Пашковъ, *Егоръ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, братъ Андрея и Николая Ивановичей (см. эти имена), родился 24-го іюня 1795 года. Получивъ домашнее воспитаніе, П. 14-го февраля 1814 г. поступилъ юнкеромъ въ Гродненскій гусарскій полкъ, изъ котораго уже 14-го апрѣля того же года былъ переведенъ «за отличіе» въ Кавалергардскій полкъ; здѣсь онъ 22-го января 1815 г. произведенъ былъ въ эстандартъ-юнкеры, а 18-го декабря — въ корнеты. Іюля 1-го 1817 г. онъ перешелъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ и уже 28-го августа получилъ чинъ поручика; 23-го марта 1819 г. онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генералу-отъ-инфантеріи П. А. Толстому, а 5-го іюля произведенъ въ штабсъ-ротмистры; состоя затѣмъ, съ 20-го февраля 1823 года, въ чинѣ ротмистра, П. 19-го марта 1826 г. переведенъ былъ, съ чиномъ полковника, сперва въ Иркутскій гусарскій (19-го марта 1826), а затѣмъ (3-го іюля того же года)—въ Павлоградскій гусарскій полкъ, коего 1-го октября 1827 г. назначенъ былъ командиромъ. Пробывъ въ этой должности пять лѣтъ, П. 25-го декабря 1832 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора.

Пашковъ со своимъ полкомъ принималъ участіе въ турецкой кампаніи 1828—1829 года, находясь въ Молдавіи и Валахіи; онъ былъ при осадѣ Силистріи, подъ Журжею, подъ Шумлою и Кулевчею, гдѣ отличился во время разбитія и преслѣдованія арміи великаго визиря (за что получилъ орденъ Анны 2-й ст. съ короной) и во многихъ мелкихъ дѣлахъ этой кампаніи. Затѣмъ П. подавлялъ польское возстаніе 1831 года сначала со своими павлоградцами, а потомъ, по раскомандированіи полка по частямъ, находясь при начальникѣ главнаго штаба дѣйствующей арміи—графѣ Толлѣ; состоя въ свитѣ его, онъ принималъ участіе въ штурмѣ Варшавы.

Въ Москвѣ, гдѣ онъ поселился по выходѣ въ отставку, Пашковъ жилъ широко, обладая огромнымъ наслѣдственнымъ состояніемъ; домъ его на Чистыхъ Прудахъ былъ всегда открытъ для гостей. Жена его, Ольга Алексѣевна, рожденная Панчулидзева, была извѣстна своей красотою. Е. И. Пашковъ умеръ въ 1862 году. Съ 1825 г. онъ состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

Аттестатъ, выданный при отставкѣ и метрика рожденія—въ Архивѣ Департамента Герольдіи; К. Н. Манзей. «Исторія л.-гв. Гусарскаго Его Велич. полка», ч. III, С.-Пб. 1859, стр. 90; «Русск. Архивъ» 1897 г., т. II, стр. 186, 187, 198, 200, 202, 371, 534; т. III, стр. 252; «Русская Старина» 1881 г., т. XXXII, стр. 742—745; С. А. Масловъ. «Историч. обозр. Импер. Моск. Общ-ва сельск. хозяйства» М. 1846, прилож., стр. 266; «С.-Петерб. Вѣдом.» 21-го іюня 1862 г., № 133.

Б. Гарскій.

Пашковъ, *Еремѣй Аѳанасьевичъ* — см. *Филиппъ* **Пашковъ**.

Пашковъ, *Иванъ Дмитріевичъ*, правитель Харьковскаго намѣстничества, дѣйств. статск. совѣтникъ. Происходилъ изъ потерявшихъ дворянство однодворцевъ Курской губерніи; пробывъ нѣсколько времени въ Сумской воевод-

ской полковой канцеляріи, П. въ 1749 году вступилъ въ военную службу капраломъ, прошелъ чины подпрапорщика и каптенармуса (1751), ротнаго квартермистра (1752), вахмистра (1753), подпоручика (1757), поручика (1760), штабсъ-капитана (1762) и капитана (1763); 25-го апрѣля того же года онъ былъ пожалованъ въ флигель-адъютанты, 1-го декабря 1765—въ адъютанты маіорскаго ранга, а 1-го января 1770 г.—въ подполковники. Впродолженіи этой службы Пашковъ находился въ рядахъ войскъ во время войнъ: 1752—1762 г.—въ Пруссіи, въ 1769 г.—въ Польшѣ, затѣмъ въ турецкихъ владѣніяхъ, гдѣ участвовалъ во взятіи крѣп. Хотина и во многихъ другихъ сраженіяхъ 1769—1770 гг. Уволенный 31-го января 1771 г. отъ службы съ чиномъ полковника, Пашковъ уже въ маѣ этого года былъ назначенъ членомъ въ Диванъ княжества Молдавскаго, гдѣ и прослужилъ по 23-е декабря 1774 г., а 1-го іюля 1775 г. былъ причисленъ къ Герольдіи, но уже 31-го числа того же мѣсяца назначенъ членомъ въ Харьковскую Межевую Контору. Апрѣля 7-го 1777 года ему велѣно было быть воеводою въ Сумской провинціи; въ 1779 г. (декабря 20-го) Пашковъ «за ревностное и усердное возложенной на него должности исправленіе» былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника, а 1-го мая 1780 г., по личному представленію генералъ-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, былъ назначенъ директоромъ экономіи въ новоучреждавшемся тогда Харьковскомъ намѣстничествѣ. Марта 14-го 1783 г., по именному указу Екатерины II, П. былъ опредѣленъ поручикомъ правителя (вице-губернаторомъ) Харьковскаго намѣстничества, 23-го декабря 1784 г. пожалованъ былъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, наконецъ 18-го февраля 1788 г. назначенъ правителемъ того же Харьковскаго намѣстничества. Отъ этой должности Пашковъ былъ уволенъ 28-го февраля 1790 года, оставивъ по себѣ во всей губерніи самыя добрыя воспоминанія, а 4-го іюня 1809 г. скончался въ своемъ имѣніи Пашковѣ, близъ Харькова.

Моск. Архивъ Министерства Юстиціи: Книги журналовъ и протоколовъ Общаго Собранія Правит. Сената (1775 г., л. 353; 1777 г., л. 25, 29; 1779 г., л. 285 и 286; 1780 г., л. 16—21; 1783 г., л. 627; 1784 г., л. 324; 1788 г., л. 51, 56); «Описаніе дѣлъ Архива Морского Министерства», т. IV, С.-Пб. 1884 г., стр. 678—679; «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» 1876 г., № 1, 2, 3, (воспом. его правнука—Виг. Кузьм. Пашкова); Архивъ Капитула Орденовъ: кавалерскіе списки по орд. Владиміра 3-й степени. *Б. Львовъ.*

Пашковъ, *Илья Ивановичъ*, полковникъ Стародубскій; сынъ поручика Ивана Еремѣевича меньшого Пашкова. Въ 1722 году, въ чинѣ подполковника, былъ назначенъ комендантомъ въ Стародубъ, а 9-го февраля 1726 — полковникомъ Стародубскаго полка, вмѣсто Ивана Кокошкина, уволеннаго отъ должности въ 1725 г. На полковничествѣ Пашковъ оставался по 11-е января 1729 года, когда, по протоколу Верховнаго Тайнаго совѣта, вслѣдствіе жалобъ, поданныхъ на него за лихоимство, сборъ на себя денегъ съ купцовъ и другія насилія—онъ былъ отрѣшенъ отъ своей должности. Затѣмъ о немъ извѣстно только то, что еще въ 1734 году онъ былъ живъ и имѣлъ тотъ же чинъ полковника.

А. М. Лазаревскій. «Описаніе старой Малороссіи», т. I. «Полкъ Стародубскій». Кіевъ. 1889, стр. 48, 50, 129, 130, 414, 422; П. Барановъ, «Опись указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ С.-Петербургскомъ Сенатск. Архивѣ», т. II, С.-Пб. 1875, № 3291; «Сборникъ Императорск. Русскаго Историч. Общества», т. 84, стр. 703; т. 94, стр. 22, 23, 24, 758, 765; т. 108, стр. 349; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская Родословная книга», изд. 2-е, т. II, С. Пб. 1895, стр. 79.
Вад. М—ій.

Пашковъ, *Ипполитъ Александровичъ*, писатель и журналистъ, род. въ 1847 г. въ Москвѣ, ум. 23-го августа 1889 г. въ Петербургѣ. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, И. А. поступилъ на службу въ Азіатскій Департаментъ, и въ семидесятыхъ годахъ былъ назначенъ консуломъ въ Яссахъ. Въ 1882 году онъ состоялъ членомъ международнаго суда въ Каирѣ, въ качествѣ представителя русскаго правительства, а послѣ занятія Каира англичанами продолжалъ службу въ Азіатскомъ Департаментѣ въ должности начальника отдѣленія. П. сотрудничалъ въ повременныхъ изданіяхъ по вопросамъ внѣшней политики; подъ псевдонимомъ «Влади—ровъ» онъ велъ въ 1880 и 1881 гг. отдѣлъ иностранной хроники въ «Русской Мысли»; политическія статьи его появлялись также въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова, въ

«Руси» Аксакова и въ «Новомъ Времени» съ 1877 года. Кромѣ сего, съ 1882 до 1887 г. Пашковъ былъ издателемъ «Игрушечки», журнала своей тетки Т. П. Пассекъ

«Историческій Вѣстникъ» 1889 г., т. 38, ноябрь, стр. 460, некрологъ; 1883 г., т. 13, стр. 237; «Русская Старина» 1889 г., т. 63, стр. 643—646; 1890 г., т. 65, стр. 442, 447, 457; «Новое Время» 1889 г., № 4847. *Ив. Давидовичъ.*

Пашковъ, *Михаилъ Васильевичъ*, генералъ-лейтенантъ, управляющій Департаментомъ Внѣшней Торговли, инспекторъ пограничной стражи и членъ Совѣта Государственнаго коннозаводства; сынъ оберъ-егермейстера В. А. П. (см. выше), родился 2-го іюня 1802 г. въ Москвѣ. Получивъ домашнее воспитаніе, П. 15-го августа 1819 года опредѣлился юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ и въ томъ же году, 30-го декабря, получилъ чинъ корнета. Черезъ годъ (1820) онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генер.-адъют. Закревскому, черезъ два года вернулся во фронтъ. Въ ноябрѣ 1829 г. П. былъ уволенъ изъ полка съ чиномъ ротмистра, а въ слѣдующемъ, 1830 году (6-го апрѣля) былъ пожалованъ въ званіе камеръ юнкера и причисленъ къ Департаменту Удѣловъ. Въ 1832 г. П. вновь поступилъ въ военную службу—штабсъ-ротмистромъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ, а 30-го августа 1834 г., уже ротмистромъ, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству. Состоя въ этомъ званіи, П. 3-го апрѣля 1838 г. получилъ чинъ полковника, а 6-го декабря 1847 г.—генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Величества; 1-го іюня 1848 г., оставаясь въ свитѣ, П. былъ назначенъ вице-директоромъ Департамента Внѣшней торговли и инспекторомъ пограничной стражи, въ 1850 г. ему поручено было исправленіе должности Директора, а въ 1852 г.—онъ назначенъ управляющимъ названнымъ Департаментомъ. Съ 1854 г. П., кромѣ того, состоялъ членомъ Комитета Государственнаго Коннозаводства, въ работахъ котораго принималъ участіе, какъ членъ различныхъ спеціальныхъ коммиссій, а въ 1859 г. назначенъ былъ членомъ Совѣта Госуд. Коннозаводства. Августа 26-го 1856 г. П., за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты.

Во время бытности П. флигель-адъютантомъ, онъ ежегодно исполнялъ многоразличныя порученія по службѣ, дававшіяся ему нерѣдко самимъ императоромъ Николаемъ. За службу свою П. получилъ множество русскихъ и иностранныхъ орденовъ. Изъ первыхъ, высшимъ у него былъ орденъ Бѣлаго Орла, полученный имъ 3-го апрѣля 1860 года; кромѣ того, за особые труды по управленію Департаментомъ Внѣшней Торговли, онъ въ 1862 г. получилъ, при Высочайшемъ рескриптѣ отъ 22-го января, золотую, бриллiантами украшенную табакерку съ портретомъ императора Александра II.

М. В. Пашковъ умеръ въ Парижѣ 7(19) іюня 1863 года. Онъ обладалъ огромнымъ богатствомъ: у него было $6^1/_2$ тысячъ душъ крестьянъ и 162.000 десятинъ земли.

Формулярный списокъ; метрика рожденія въ Архивѣ Департамента Герольдіи; «Сѣверная Пчела» 1862 г., № 169; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», ч. II, С.-Пб. 1895 г. *Б. Гарскій.*

Пашковъ, *Николай Ивановичъ*, пѣвецъ-любитель и музыкантъ, братъ Андрея и Егора Ивановичей, родился въ Москвѣ 20-го января 1800 г.; получивъ образованіе въ домѣ своего отца, П. въ 1817 году поступилъ юнкеромъ въ л.-гв. Гусарскій полкъ, въ которомъ 22-го января 1818 г. получилъ чинъ корнета, а 12-го октября 1821 г. — поручика; 28-го октября 1824 г. онъ вышелъ въ отставку, черезъ $1^1/_2$ года (19-го марта 1826 г.) былъ опредѣленъ въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ коллежскаго ассессора и проживалъ въ Москвѣ. Спустя 2 года (16-го марта 1828 г.) П. былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Римѣ сверхъ штата, а 19-го марта 1831 г. произведенъ былъ въ надворные совѣтники. Взявъ въ 1832 г. отпускъ на 4 мѣсяца, онъ уже не вернулся на службу и въ 1834-г. подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Въ бытность свою въ Италіи, П. занялся музыкой и пѣніемъ, въ которыхъ достигъ значительной степени совершенства, обработавъ свой голосъ (теноръ) у лучшихъ итальянскихъ пѣвцовъ. Поселившись, послѣ возвращенія изъ-за границы, въ Москвѣ, П. вскорѣ же пріобрѣлъ большую извѣстность въ велико-

свѣтскихъ салонахъ Москвы и Петербурга, какъ исполнитель романсовъ и даже цѣлыхъ оперныхъ ролей; такъ, напримѣръ, сохранилось извѣстіе о томъ, что онъ исполнялъ роль гр. Альмавивы въ «Севильскомъ Цырульникѣ». По свидѣтельству гр. П. Д. Бутурлина, Пашковъ, называвшійся «московскимъ Рубини», «свободно весьма бралъ высокія ноты фистулой и удачно довольно подражалъ иногда Рубини, часто имъ слышанному въ Италіи, съ легкостью дѣлалъ рулады; грудныя ноты были неясны и немного даже сиповаты (voix voilée); но за всѣмъ тѣмъ методъ и манера у него были, и онъ близко подходилъ къ итальянскимъ оперным пѣвцамъ, второго только разряда». Онъ «пѣвалъ аріи, писанныя для Рубини, цѣлымъ тономъ ниже противъ оригинальной партиціи». Изъ сочиненныхъ имъ романсовъ намъ извѣстны: «Люби меня» (для 1 голоса), «Онъ меня разлюбилъ» (для 1 и для 2 голосовъ), «Еще томлюсь» (для 1 голоса) и «Мы, двѣ дѣвицы» (для 2 голосовъ); всѣ они принадлежатъ къ разряду такъ называемыхъ «цыганскихъ» романсовъ и изданы фирмою Юргенсона.

Аттестатъ объ отставкѣ и метрика рожденія въ Архивѣ Департамента Герольдіи; К. Н. Манзей. «Исторія л.-гв. Гусарскаго Его Велич. полка», ч. III, С.-Пб. 1859 г., стр. 96; «Записки гр. Д. П. Бутурлина» въ «Русскомъ Архивѣ» 1897 г., т. II, стр. 186, 206, 549, 551 и 583; «Русскій Архивъ» 1871 г., стр. 1879; «Русск. Стар.» 1899 г., № 8, стр. 288, 289; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій—«Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1885, стр. 80; «Историч. Вѣстн.» 1900 г., т. LXXIX, стр. 517—518. *Б. М—ій.*

Пашковъ, *Филиппъ Ивановичъ*, по прозванію «Истома», внукъ выѣхавшаго при Грозномъ изъ Польши Григорія Пашкевича, былъ соловскимъ сыномъ боярскимъ и казачьимъ атаманомъ. Во время смуты, будучи на сторонѣ Лжедимитрія II, во главѣ воровскихъ шаекъ, набранныхъ изъ казаковъ, стрѣльцовъ, боярскихъ холоповъ и прочихъ подобныхъ лицъ, онъ разорялъ и грабилъ мѣстности на окраинахъ Московскаго государства. Когда онъ вмѣстѣ съ другими такими же шайками подступилъ къ Москвѣ для осады, то послѣ побѣды войскъ царя Василія Ивановича Шуйскаго (въ 1606 г., 2-го декабря) онъ былъ пойманъ вмѣстѣ съ другими атаманами. Однако, онъ не былъ казненъ, но, пощаженный царемъ Шуйскимъ, сталъ служить ему и даже отличился въ битвѣ на Пчельнѣ (въ 1607 г., 1-го мая). Сынъ его *Аѳанасій Филипповичъ* (по прозванію отца—Истоминъ) упоминается въ числѣ лицъ, которымъ велѣно было государемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1638 г. на 4-е октября, во время отлучки его изъ Москвы на богомолье, «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ. Съ 1644 по 1646 г. онъ былъ воеводою Кеврольскимъ и Мезенскимъ и въ 1646 г., въ декабрѣ мѣсяцѣ, былъ смѣненъ; въ 1648 г. Аѳанасій Пашковъ былъ объѣзжимъ головою въ г. Москвѣ, въ раіонѣ отъ Пятницкой по Голутвенную улицу, и съ 1650 по 1655 г. воеводою Енисейскимъ. Въ бытность его воеводою въ Енисейскѣ, извѣстнымъ Хабаровымъ, увлеченнымъ разсказами Пояркова, совершившаго въ 1643 году первымъ изъ русскихъ путешествіе на р. Амуръ, была сдѣлана попытка проникнуть и занять Амурскій край (Даурію). Такъ какъ этотъ край находился подъ покровительствомъ богдыхана («Богдойскаго царя», по выраженію актовъ), то это навлекло непріязненныя отношенія Китая къ Россіи. Къ этому присоединилось еще неудачное посольство въ 1654 г. боярскаго сына Петра Байкова, своимъ упрямствомъ и неумѣніемъ вести переговоры еще болѣе обострившаго отношенія. Въ половинѣ 1655 г. Аѳ. Пашковъ посланъ былъ въ Даурію воеводою. Уже отъ августа 1655 г. имѣется грамота съ приказаніемъ новому Енисейскому воеводѣ снабдить Аѳ. Пашкова, отправляющагося въ Даурію, боевыми припасами и провіантомъ. Въ Дауріи, въ виду грозившей войны съ китайцами, П. проявилъ свою дѣятельность въ поспѣшномъ, однако основательномъ укрѣпленіи цѣлаго ряда городовъ, отнятыхъ и покинутыхъ туземцами (даурами). Въ числѣ укрѣпленныхъ имъ городовъ находились Нерчинскъ и Албазинъ. Въ 1660 г. П. былъ смѣненъ съ почетной должности «воеводы всей Дауріи», и въ 1661 г. отправленъ въ Иргенскій острогъ, но уже 25-го мая 1662 г. былъ оттуда отпущенъ. Смѣненъ же онъ былъ съ поста воеводы всей Дауріи вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій съ китайцами (разбитіе русскихъ китайцами на р. Шилкѣ, вслѣдствіе отсут-

ствія дисциплины въ войскахъ). «Отписка» самого Аѳ. Пашкова объ этомъ событіи рисуетъ намъ картину полной распущенности дисциплины въ его войскахъ, напр.: грабежи, производимые его служилыми людьми среди инородческаго населенія, уже находившагося въ подданствѣ у московскаго государя, даже ограбленіе служилыми людьми оружія у своихъ же сотоварищей въ главномъ отрядѣ, посланномъ подъ начальствомъ сына Аѳ. Пашкова, Еремѣя, а также вполнѣ самостоятельныя дѣйствія отдѣлившихся самовольно отрядовъ. Такое отсутствіе авторитета среди подчиненныхъ лицъ объясняется характеромъ и поведеніемъ Аѳ. Пашкова. Въ одномъ изъ актовъ мы видимъ, что правительство въ наказѣ новому Енисейскому воеводѣ, смѣнившему Аѳ. Пашкова, когда онъ былъ посланъ въ Даурію, рекомендуетъ мѣры предосторожности, боясь какъ бы Пашковъ не завладѣлъ собраннымъ съ туземцевъ, но еще не отосланнымъ въ Москву ясакомъ. Скончался Аѳ. Пашковъ въ 1664 г.

Сынъ Аѳанасія, *Еремѣй Аѳанасьевичъ* въ 1655 г. былъ назначенъ воеводою въ «товарищи» своему отцу, отправлявшемуся въ Даурію. Еремѣй Пашковъ былъ сдѣланъ тамъ начальникомъ главнаго отряда. Въ 1676 г., 21 го ноября, уже бывшій тогда стольникомъ Еремѣй Пашковъ былъ назначенъ въ Казанскій разрядный приказъ. Въ 1682 г. въ январѣ мѣсяцѣ стольникъ Еремѣй Пашковъ участвуетъ на Соборѣ по уничтоженіи царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ мѣстничества. Его имя мы находимъ въ числѣ лицъ, подписавшихся подъ «Соборнымъ дѣяніемъ» въ качествѣ выборнаго человѣка.

Для Истомы Пашкова см.: кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II. С.-Пб. 1895 г., стр. 78; «Собр. Гос. Грам. и Дог.», т. II, 319—321; Для Аѳанасія Пашкова см.: «Доп. къ Акт. Истор.», т. III, стр. 77, 78, 343; т. IV, 40, 53, 56, 145, 176, 260, 262, 272, 278 т. VIII, 346, т. IX, 32, 45, 210, т. X, 299; С. М. Соловьева. «Исторія Россіи», т. XII, стр. 324; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. op. cit., т. II, С.-Пб. 1895, стр. 78; «Собр. Госуд. Грам. и Догов.», т. III, стр. 455; «Русск. Истор. Библіот.», т. X, 118, 213, 314, 487; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», т. III, отд. II, стр. 183, 185, 188, 190, 193; «Русск. Архивъ» 1879, кн. II, стр. 5, 6, 24—27, 35 и 36. Для Еремѣя Пашкова см.: «Доп. къ Акт. Истор.», т. IV, 40—41, 262; «Собр. Гос. Грам. и Догов.», т. IV, стр. 409; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», т. III, отд. II, стр. 185, 188, 190.

Н. Вороновъ.

Пашутинъ, *Иванъ Петровичъ*, депутатъ въ Коммиссію о сочиненіи новаго Уложенія 1767 г. Род. въ 1744 г., происходилъ изъ дворянъ; въ службу вступилъ въ 1760 году въ Домовую контору цесаревича Петра Ѳедоровича. По смерти императора Петра III находился у описи и отдачи въ разныя мѣста гардероба Его Величества, а затѣмъ, въ 1764 г., переведенъ на службу въ Кабинетъ, копіистомъ; произведенный въ 1768 г. канцеляристомъ, онъ былъ избранъ депутатомъ отъ ясашныхъ крестьянъ Симбирской губерніи въ Коммиссію о сочиненіи новаго Уложенія. 12 го ноября 1768 г. находился въ числѣ лицъ, избранныхъ Коммиссіею въ поздравительную депутацію къ императрицѣ. Участвовалъ въ обсужденіи проекта правъ благородныхъ, послужившаго впослѣдствіи основаніемъ дарованной въ 1785 г. грамоты дворянству. Когда обсуждался вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія дворянскихъ правъ, и мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, П. присоединился къ мнѣнію депутата кн. Вяземскаго, предлагавшаго, предварительно обсужденія, просить императрицу «объ учиненіи разбора» дворянству и о занесеніи всѣхъ дворянъ въ особый списокъ, каковымъ и руководствоваться при разсмотрѣніи проекта. Поддерживалъ мнѣнія о включеніи въ списки дворянъ тѣхъ, кто получилъ дворянскія права по узаконеніямъ имп. Петра I и о необходимости опредѣлить точно тѣ науки, которыя слѣдуетъ знать дворянину для полученія офицерскаго чина. Въ 1773 г. П. былъ назначенъ регистраторомъ въ Контору строенія домовъ и садовъ. Въ 1779 г. онъ былъ секретаремъ петергофскихъ дворцовыхъ строеній; въ 1787 г.—казенныхъ дѣлъ стряпчимъ въ С.-Петербургской губ., въ 1789—ассесоромъ С.-Петербургскаго верхняго Надворнаго суда; 2-го января 1797 г. переведенъ на службу въ Правит. Сенатъ секретаремъ, 5-го апрѣля 1797 г. произведенъ въ надв. сов., а съ 17-го декабря 1799 г. по 16 окт. 1803 г.—былъ на ревизіи губерній съ сенаторомъ Трощинскимъ.

Архивъ Департамента Герольдіи: Книги рѣшенныхъ дѣлъ 1803, № 81, лл. 428—429; Архивъ Прав. Сената; Сборн. Импер. Русскаго

Историческаго Общества, т. XXXII, стр. 182, 214, 260 и 291 и т. XXXVI, стр. 111.
Н. А. Мурзановъ и *П. Клокачевъ.*

Пашъ, *Лоренцъ*, живописецъ и граверъ. Въ 1775 г. имъ награвированъ портретъ графа А. С. Строгонова, а въ 1778 г.—портреты Павла I и Маріи Ѳеодоровны. Кромѣ того, имъ же награвирована картина И. Екимова, изображающая «портретъ какого то француза. съ орденомъ почетнаго легіона въ петлицѣ».

Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, III, и IV—Д. А. Ровинскій, Словарь русскихъ граверовъ. Т. II, стр. 761. *А. Новицкій.*

Пащевскій, *Ипполитъ Семеновичъ*, врачъ, сынъ сельскаго священника, родился въ 1856 г., умеръ въ 1891 г.; учился въ семинаріи, а затѣмъ на медицинскомъ факультетѣ университета св. Владиміра, гдѣ былъ стипендіатомъ Военнаго Министерства. По окончаніи университетскаго курса онъ получилъ въ 1884 г. званіе врача и поступилъ въ военную службу; отслуживъ обязательный срокъ, Пащевскій посвятилъ себя служенію народу, желая работать въ той средѣ, которую онъ, какъ сынъ сельскаго священника, хорошо зналъ и любилъ: онъ занялъ должность сельскаго врача въ Кіевской губерніи и, по свидѣтельству доктора А. П. Боряковскаго, «вложилъ въ свою дѣятельность всю душу и потому приносилъ мѣстному населенію большую пользу». Дѣятельность его, къ сожалѣнію, была непродолжительна: 35-ти лѣтъ отъ роду онъ былъ убитъ молніей.

«Врачъ» 1891 г., № 25, стр. 608.
Н. Кульбинъ

Пащенко, *Дмитрій Романовичъ*, авторъ «Описанія Черниговскаго намѣстничества», 1781 года. Происходилъ изъ малороссійскаго казачьяго рода, восходящаго ко второй половинѣ XVII вѣка. Сынъ войскового товарища Романа Ивановича, П. родился въ 1759 году, и 6-го февраля 1772 года, тринадцати лѣтъ отъ роду, поступилъ на службу въ полковую Гадяцкую канцелярію, откуда въ 1777 году былъ переведенъ въ Малороссійскую Коллегію. Произведенный въ чины: полкового канцеляриста (10-го января 1774 года), коллежскаго канцеляриста (18-го декабря 1777 года) и войскового товарища (22-го января 1781 года), П. съ 12-го августа 1779 года находился въ особой коммиссіи, учрежденной графомъ П. А. Румянцевымъ-Задунайскимъ и имѣвшей цѣлью описаніе Малороссіи въ статистическомъ отношеніи для руководства при раздѣленіи Малороссіи на три губерніи. По открытіи въ 1782 году Черниговскаго намѣстничества, П., окончивъ свои занятія въ Коммиссіи, опредѣленъ былъ секретаремъ въ 1-й Департаментъ Черниговскаго Губернскаго Магистрата и одновременно съ этимъ находился въ Коммиссіи о размежеваніи малороссійскихъ губерній. 31-го сентября 1783 года П. былъ произведенъ въ чинъ полкового писаря, а 31-го декабря 1784 вышелъ въ отставку, 1-го января слѣдующаго (1785) года П. былъ избранъ отъ дворянства засѣдателемъ въ бывшій Березинскій уѣздный судъ, а 20-го мая того-же года переименованъ въ титулярные совѣтники. Оставаясь въ должности засѣдателя Березинскаго уѣзднаго суда два трехлѣтія, т.-е. по 1-е января 1791 года, П. съ 1-го января 1794 года былъ избранъ въ тотъ же судъ судьею, коимъ и оставался до упраздненія г. Березнаго, послѣдовавшаго 1-го мая 1797 года. 10-го марта 1796 года П. былъ произведенъ въ коллежскіе ассесоры, и съ 1-го мая 1797 по 1798 годъ находился членомъ суда, особо учрежденнаго въ селѣ Хлопяникахъ, Городницкаго уѣзда. Въ 1802 году П. избранъ былъ подкоморіемъ Городницкаго уѣзда, въ каковой должности состоялъ еще въ 1809 году.

Находясь съ 1779 по 1782 годъ въ упомянутой выше Коммиссіи, учрежденной Румянцевымъ, П. въ 1781 году составилъ «Описаніе Черниговскаго Намѣстничества». Рукопись этого труда найдена была въ 1860-хъ годахъ А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ Черниговскаго Губернскаго Правленія между дѣлами бывшей Малороссійской Коллегіи и напечатана имъ въ «Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1867 (№№ 44, 45, 46, 47 и 48) и 1868 года (№№ 1, 4, 6, 7 и 9), въ «Запискахъ Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета» 1868 года (книга 2-ая, выпуски 1-й и 2-й, стр. 1—55) и отдѣльно въ Черниговѣ, въ 1868 году. Описаніе это принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ статистическихъ работъ, сдѣланныхъ по распо-

ряженію Румянцева для ближайшаго изученія находившейся подъ его управленіемъ Малороссіи и содержитъ въ себѣ множество цифровыхъ данныхъ, касающихся населенія, экономическаго положенія каждаго села и знакомитъ насъ какъ съ производительностью земли, такъ и съ промыслами сельскаго населенія. Трудъ этотъ, несомнѣнно легшій въ основаніе подобнаго же труда Шафонскаго («Черниговскаго Намѣстничества топографическое описаніе», Кіевъ. 1851), ставитъ автора его въ число видныхъ изслѣдователей мѣстной исторіи и статистики.

Архивъ Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената: дѣла о дворянствѣ Пащенковъ; Сенатскій Архивъ, формулярные списки за 1809 годъ, № 48, л. 30; «Записки Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета» 1868 года, книга 2-я, выпуски 1 й и 2-й, стр. I—IV, 1—56; «Историческій Вѣстникъ» 1880 года, т. I, стр. 32. *Вад. Модзалевскій.*

Пащенко, *Константинъ Львовичъ*, Ставропольскій губернаторъ; сынъ слѣдующаго, родился въ 1814 году. Образованіе получилъ въ благородномъ пансіонѣ при С.-Петербургскомъ университетѣ (нынѣ Первая гимназія). По окончаніи курса въ 1830 году, онъ поступилъ на службу въ Почтовый Департаментъ, въ 1835 году вышелъ въ отставку, а въ 1836 г. поступилъ на службу въ Государственный Контроль, изъ котораго въ 1842 г. перешелъ въ Штабъ военныхъ поселеній. Въ 1846 г. П. назначенъ былъ управляющимъ Палатою Государственныхъ Имуществъ Пензенской губерніи. Тамъ онъ рьяно принялся за взысканіе платежей съ государственныхъ крестьянъ и этимъ навлекъ на себя мѣстное неудовольствіе, вслѣдствіе чего въ 1848 году былъ причисленъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ, безъ содержанія. Въ 1853 году на П. было возложено весьма серьезное порученіе: разслѣдованіе открытой въ Ярославской губерніи секты раскольниковъ, называвшейся «Странническою или Сопенковскою». Дѣло по этому предмету разрослось въ 22 тома, съ 25000 листами. По заявленію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, существенная и большая часть въ этомъ трудѣ принадлежала Пащенкѣ. Въ 1854 году онъ вновь назначенъ былъ управляющимъ Вятскою Палатою Государственныхъ Имуществъ, но по разстроенному здоровью въ 1856 году оставилъ должность, съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и съ причисленіемъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Въ 1857 году, окончивъ назначенную ревизію Казанскаго, Нижегородскаго и Саратовскаго управленій государственныхъ имуществъ, онъ перешелъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и въ 1861 году, 4-го сентября, назначенъ директоромъ финансоваго департамента главнаго управленія намѣстника Кавказскаго. Въ 1862 г. П. былъ назначенъ Ставропольскимъ гражданскимъ губернаторомъ, на каковой должности пробылъ до 1866 г., мая, когда вышелъ въ отставку. Умеръ въ восьмидесятыхъ годахъ XIX столѣтія.

Формулярный списокъ; сообщенія родственниковъ. *П. Вереха.*

Пащенко, *Левъ Корниліевичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ Охтенскаго порохового завода; сынъ секундъ-маіора, родился въ 1782 году и, по окончаніи курса наукъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, произведенъ былъ 8-го декабря 1799 года въ подпоручики съ опредѣленіемъ въ 5-й артиллерійскій батальонъ, переименованный въ 1803 году въ 3-й артиллерійскій полкъ. Въ 1805 году, 16-го февраля, Пащенко произведенъ былъ въ поручики, а 1-го сентября того же года переведенъ въ 10-й артиллерійскій полкъ. Находясь здѣсь, Пащенко, 10-го августа 1806 года получилъ чинъ штабсъ-капитана и въ томъ же году, 23-го августа, переведенъ былъ на службу въ 16-ю артиллерійскую бригаду. Произведенный 26-го октября 1808 года въ капитаны, Пащенко участвовалъ въ походахъ 1808 и 1809 годовъ въ Молдавіи и былъ при блокадѣ крѣпости Браилова, гдѣ отличился и получилъ орденъ Анны 4-й степени, а также былъ при блокадахъ крѣпостей Кюстенджи и Силистріи. 8-го января 1810 года Пащенко произведенъ былъ въ маіоры съ переводомъ въ 18-ю артиллерійскую бригаду, съ коей принималъ участіе: 26-го мая—во вторичной блокадѣ крѣпости Силистріи, гдѣ за отличіе получилъ орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, и при осадѣ крѣпостей Журжи и Шумлы. Въ 1811 году, 9-го февраля, Пащенко получилъ чинъ подполковника

и назначенъ былъ командиромъ 18-й артиллерійской бригады, которая въ 1814 году была переименована въ 11-ю и въ 1816—въ 9-ю. Въ 1812—1815 годахъ Пащенко былъ въ походахъ противъ французовъ и участвовалъ въ сраженіяхъ съ ними, между прочимъ, подъ Кобриномъ, Городечномъ (31-го іюня), гдѣ, за отличіе, получилъ орденъ Анны 2-й степени; при Березинѣ (16-го ноября), гдѣ получилъ орденъ Георгія 4-й степени; при Торнѣ, Дрезденѣ, Кенигсвартѣ, Бауценѣ и при рѣкѣ Каубахъ. По возвращеніи изъ заграничнаго похода, Пащенко былъ назначенъ: 15-го іюля 1816 года командиромъ подвижнаго № 15 парка, 24-го мая 1817 года—командиромъ 80-й понтонной роты, а 8-го мая 1819—командиромъ 9-й артиллерійской бригады. Получивъ 1-го іюля 1819 года чинъ полковника, Пащенко 25-го декабря того же года назначенъ былъ командиромъ 4-й парочной батарейной роты съ паркомъ 18-й артиллерійской бригады, въ каковой должности оставался по 18-е марта 1826 года, когда опредѣленъ былъ помощникомъ командира Шостенскаго порохового завода. Въ 1828 году, 25-го марта, Пащенко произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ (31-го іюля того-же года) командиромъ Охтенскаго пороховогозагода, въ каковомъ званіи оставался по 24-е февраля 1834 года, когда былъ уволенъ въ отставку. Умеръ въ томъ же 1834 году.

Архивъ Департ. Герольдіи Правит. Сената: дѣла о дворянствѣ рода Пащенковъ; формулярный списокъ 1834 г. *В. Гарскій.*

Пащенко, *Марья Дмитріевна*, рожд. *Новицкая*, артистка императорскихъ С.-Пб. театровъ; род. въ 1815 г., воспитывалась въ Театральномъ училищѣ, гдѣ изучала хореографическое искусство подъ руководствомъ балетмейстеровъ Дидло, Огюста и Титюса. По окончаніи курса, была принята въ балетную труппу и въ первый годъ службы исполняла вторыя роли въ тогдашнихъ балетахъ «Марсъ и Венера», «Амадисъ», «Фюльбертъ» и «Венеціанскія забавы». Въ сезонъ 1834 г. на сценѣ недавно предъ тѣмъ открытаго Александровскаго театра была поставлена опера «Фенелла», въ которой пантомимную роль Фенеллы (нѣмой) поочередно исполняли Телешова и Новицкая. Хотя преимущество въ отношеніи художественности исполненія было на сторонѣ Телешовой, но публика отдавала полное предпочтеніе Новицкой-П., на сторонѣ которой была молодость, красота и самая обворожительная граціозность. «Послѣ перваго представленія» (Фенеллы), — говоритъ Вольфъ, — имя Новицкой сдѣлалось знаменитымъ, и у ея прелестныхъ ножекъ очутился цѣлый рой поклонниковъ, просящихъ—конечно не руки и не сердца, но готовыхъ на всевозможныя жертвы». Слава ея, однако, была очень непродолжительна. Вышедши замужъ за извѣстнаго драматическаго артиста Н. О. Дюръ, П. вскорѣ перешла на пантомимныя роли благородныхъ матерей и знатныхъ дамъ, а съ пріѣздомъ Тальони совершенно стушевалась. Задумавъ перейти въ драматическую труппу, П. стала учиться драматическому искусству подъ руководствомъ А. М. Каратыгиной и 2-го іюля 1840 г. дебютировала въ роли Антигоны въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ» и обнаружила довольно хорошее умѣніе читать и держать себя на сценѣ. Въ труппѣ П. заняла амплуа первой драматической артистки, исполняла роли «Эсмеральды», «Гризельды», Луизы («Коварство и любовь» Шиллера), Каролины («Отцовское проклятіе») и др. Не обладая большимъ талантомъ, П. могла справляться только съ такими ролями, которыя не требовали большого одушевленія и нервной силы: впрочемъ, благодаря добросовѣстному исполненію, она имѣла у публики успѣхъ. Весьма посредственно образованная, лишенная огня и врожденной привязанности къ искусству, П. терпѣливо и вяло дослуживала срокъ театральной службы, мечтая получить пенсію и зажить безмятежной жизнью гдѣ-нибудь въ деревенской глуши; по остроумному выраженію Каратыгина, она «не могла назваться жрицею Таліи или Мельпомены, а была ихъ покорнѣйшею служанкою». Кромѣ перечисленныхъ П. выступала въ роляхъ—Христины («Ломоносовъ»), Маріи («Материнское благословеніе»), леди Мильфортъ («Коварство и Любовь»), Марины Мнишекъ («Смерть Ляпунова»), Маріи («Дочь Карла Смѣлаго) и др. Начиная съ 1842 г. ей ежегодно давали бенефисъ. Въ ноябрѣ

1854 г. состоялся прощальный бенефисъ П.; въ послѣдній разъ она выступила на сценѣ въ роли боярыни Гвоздевой («Русская Свадьба» Сухонина) и аптекарши Плакиды Львовны («Деньщикъ» Н. Кукольника). По выходѣ въ отставку П. (овдовѣвшая еще въ 1839 г.) сочеталась бракомъ съ своимъ давнимъ поклонникомъ Александромъ Львовичемъ П. и поселилась въ Волынкиной деревнѣ (близъ С.-Пб.). Скончалась въ 1868 г.

Біографія, составленная П. П. Каратыгинымъ (въ библіотекѣ Историч. Общ.); А. Вольфъ. Хроника С.-Пб. театровъ С.-Пб. 1877.

К. Храневичъ.

Пащенко, *Степанъ Даниловичъ*, генералъ-лейтенантъ; родился въ 1793 году; получивъ домашнее воспитаніе, 6-го октября 1811 г. онъ поступилъ на службу юнкеромъ въ батарейную роту 18-й артиллерійской бригады, съ коей принялъ участіе въ Отечественной войнѣ; за отличіе въ сраженіи, 16-го апрѣля 1813 г. получилъ чинъ прапорщика, въ 1814 г. вступилъ съ войсками въ Парижъ, а затѣмъ служилъ въ разныхъ батареяхъ 9-й, 18-й и 11-й бригадъ; въ составѣ послѣдней П. участвовалъ въ Турецкой войнѣ 1828—1829 гг. и за отличіе въ сраженіи получилъ 1-го октября 1828 г. орденъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1831 г. П. былъ въ войскахъ, усмирявшихъ польскій мятежъ и 2-го сентября этого года за храбрость былъ награжденъ орденомъ Анны 3 ст. съ бантомъ. Въ февралѣ 1834 г. онъ, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ переведенъ въ 5-ю артилл. бригаду съ назначеніемъ командиромъ резервной № 2-й батареи и въ томъ же году получилъ чинъ капитана; черезъ два года (22-го сентября 1836 г.) П. былъ опредѣленъ командиромъ подвижного запаснаго парка 17-й артиллерійской бригады, а 25-го іюня 1838 г. произведенъ въ подполковники. Получивъ, затѣмъ, 27-го марта 1855 г. чинъ генералъ-маіора, П. состоялъ командиромъ 16-й гарнизонной артиллерійской бригады, а съ 1858 г. въ запасныхъ войскахъ и по полевой пѣшей артиллеріи. 11-го февраля 1861 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-лейтенанта и поселился въ Томскѣ, гдѣ и умеръ 5-го декабря 1871 года.

Формулярный списокъ; «Голосъ» 1872 г., № 7; «Сынъ Отечества 1872 г., № 7. *Б. Гарскій.*

Паюсовъ (Паясовъ), *Болдырь*, великокняжескій дьякъ XV в. Былъ назначенъ великимъ княземъ для возвращенія кіевскому митрополиту Іонѣ сына его, бывшаго въ Москвѣ плѣнникомъ. Въ томъ же году онъ велъ переговоры съ Гартингеромъ, посломъ императора Максимиліана, ходатайствовавшаго передъ великимъ княземъ о возобновленіи въ Новгородѣ ганзейской торговли.

Карамзинъ, т. VII, 19, 49. *А. Экз.*

Пегеловъ, *Даніилъ* (Daniel-Gottfried-Dietrich Pegelow), врачъ, родомъ изъ Бранденбурга, поступилъ 25-го іюня 1764 года въ русскую службу лѣкаремъ въ С.-Петербургскій Генеральный сухопутный госпиталь, а затѣмъ былъ переведенъ, лѣкаремъ-же, въ Шлиссельбургскій пѣхотный полкъ. Присмотрѣвшись къ ходу медицинской службы въ Россіи, онъ вышелъ 31-го декабря 1769 г. въ отставку для того, чтобы продолжать свое медицинское образованіе, отправился въ Страссбургъ и тамъ получилъ степень доктора медицины. Изъ Страссбурга П. поѣхалъ въ Парижъ и Лондонъ, а затѣмъ вернулся въ Россію, выдержалъ экзаменъ въ Медицинской Конторѣ и получилъ право практики въ Россіи.

Существовалъ еще *Іоганнъ Пегелау*, въ 1793 г. служившій, въ чинѣ коллежскаго ассесора, штабъ-лѣкаремъ при московскомъ баталіонѣ, находившійся въ русской службѣ съ 1743 г. и въ 1771 г. принимавшій участіе въ борьбѣ съ чумой въ Москвѣ. Рихтеръ упоминаетъ еще полкового лѣкаря Пегелау, бывшаго въ Россіи въ 1757 г.

Я. Чистовичъ. «Исторія первыхъ мед. школъ въ Россіи». С.-Пб. 1883 г.; В. Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи», ч. III. Москва. 1820; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 217; «Описаніе моровой язвы». М. 1775 г., стр. 250, 305, 303, 334, 335, 399 и 559. *Н. Кульбинъ.*

Педановъ, *Иванъ Васильевичъ*, полковникъ Корпуса военныхъ топографовъ, родился 12-го февраля 1812 г., происходилъ изъ солдатскихъ дѣтей. Вступивъ на службу 30-го марта 1832 г. изъ кантонистовъ С.-Петербургскаго баталіона топографовъ топографомъ 2-го класса, онъ 27-го апрѣля былъ назначенъ въ роту Военно-Топографическаго депо и унтеръ-офицеромъ отправился на съемку

Псковской губерніи, гдѣ проработалъ съ 1833 по 1837 г. Выдержавъ экзаменъ на топографа 1-го класса (3-го апрѣля 1838 г.), П. былъ командированъ въ составѣ Школы топографовъ, на съемку г. Москвы; эта съемка производилась лѣтомъ 1838 и 1839 гг., а зимой Школа помѣщалась въ домѣ князя Лобанова у Троицы на Хамовникахъ, гдѣ продолжались классы. По окончаніи этой съемки, П. продолжалъ работы въ Псковской губерніи до 1843 г., когда сдалъ экзаменъ на прапорщика (13-го апрѣля) и назначенъ былъ состоять при 1-мъ Отдѣленіи Военно-Топографическаго Депо. Въ 1845 г. (съ 16-го марта по 3-е мая) онъ былъ производителемъ работъ, подъ начальствомъ полковника Оберга 1-го, по тріангуляціи Калужской губерніи, при чемъ участвовалъ въ составленіи «сплошной» первоклассной тригонометрической сѣти, а въ 1846 и 1847 годахъ—въ Тульской губерніи; получивъ въ 1848 г. (20-го мая) чинъ подпоручика, П. до 1857 г. пробылъ на тріангуляціонныхъ работахъ въ Орловской, Черниговской, Полтавской и Курской губерніяхъ, а потомъ работалъ въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ (1858—1862 гг.) при производствѣ первоначальнаго ряда, соединившаго Орловскую съ Саратовскою тріангуляціею и назначавшагося, главнымъ образомъ, для градуснаго измѣренія по 52-й параллели. При производствѣ всѣхъ этихъ работъ (начиная съ 1845 г.), первоначальные углы измѣрялись имъ 8-ми и 9-ти дюймовыми универсальными инструментами по способу Струве (въ 6 пріемовъ) и астрономическимъ теодолидомъ Рейхенбаха. Въ 1865 г. 6-го апрѣля, уже въ чинѣ подполковника, Педановъ былъ назначенъ помощникомъ начальника тріангуляціи области Войска Донского; здѣсь, подъ его наблюденіемъ, проложена была первоначальная сѣть рядами (4 ряда) и второклассная — такимъ же образомъ. Этой тріангуляціей былъ опредѣленъ 141 первоклассный пунктъ, 649 временныхъ пунктовъ 2-го и 3-го класса и 225 постоянныхъ; она производилась 8-ми-дюймовыми универсальными инструментами, 8-ми-дюймовыми земными и такими же астрономическими теодолидами. Получивъ чинъ полковника (3-го апрѣля 1870 г.), П. былъ прикомандированъ 20-го августа 1871 г. къ Военно-Топографическому Отдѣлу Главнаго Штаба, а черезъ годъ (14 марта 1872 г.) уволенъ отъ службы по болѣзни. Умеръ 4-го марта 1881 г.

Общій архивъ Главнаго Штаба: полный послужной списокъ 10-го февраля 1872 г.; «Историческій очеркъ дѣятельности Корпуса военныхъ топографовъ 1822—1872 г.», С.-Пб. 1872 г., приложенія (послужные списки), № 168, стр. 32 и стр. 197, 251, 252, 253, 254, 542, 543, 544.

Н. Артамоновъ.

Педрилло, *Адамъ* (Pedrillo, *Пьетро-Мира*), придворный шутъ временъ Анны Іоанновны, по происхожденію итальянецъ, сынъ небогатаго скульптора Альвіаго П. Въ началѣ царствованія Анны Іоанновны пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и былъ принятъ на службу въ придворномъ театрѣ для исполненія ролей буффа и игры на скрипкѣ въ оркестрѣ итальянской оперы. Не поладивъ съ капельмейстеромъ Арайя, П., благодаря покровительству Бирона, которому успѣлъ оказать какія-то услуги, былъ перечисленъ въ придворные шуты съ жалованьемъ по 100 руб. въ годъ. Педрилло пользовался большимъ довѣріемъ и расположеніемъ императрицы. На придворныхъ банкетахъ она обыкновенно поручала ему играть за себя и расплачиваться при проигрышахъ, въ обыденные же вечера онъ былъ постояннымъ партнеромъ императрицы. П. исполнялъ и другія порученія: при его посредствѣ выписывали изъ-за границы пѣвцовъ и пѣвицъ, нерѣдко посылали покупать драгоцѣнные камни, матеріи и т. п.; въ 1735 г. русскій дворъ велъ чрезъ него переговоры съ Гастономъ Медичи Тосканскимъ о покупкѣ знаменитаго тосканскаго алмаза, не увѣнчавшіеся успѣхомъ. Своимъ положеніемъ П. умѣло пользовался въ цѣляхъ наживы, постоянно выпрашивалъ себѣ подачки и занимался ростовщичествомъ за высокіе проценты. Скопивъ такимъ путемъ изрядное состояніе, П. переселился на родину. О книжкѣ анекдотовъ, приписанныхъ П. («Умные, острые, забавные и смѣшные анекдоты Адамки Педрилло, бывшаго шутомъ при дворѣ императрицы Анны Іоанновны во время регенства Бирона». 2 ч. М. 1836 г.) рѣзкій, но справедливый отзывъ далъ рецензентъ «Сѣверной Пчелы», заявившій, что это «глупые, тупые, скучные и жал-

кіе анекдоты, набранные изъ старыхъ книгъ, разсказанные плохимъ, грубымъ слогомъ и приписанные Адаму П.».

С. Н. Шубинскій. «Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны», въ сборникѣ «Историческ. очерки и разсказы». С.-Пб. 1893 г., 3 изд.; Письмо придворнаго шута Петра Мира. «Русск. Арх.», 1864 г.; «Сѣверн. Пчела», 1836 г., № 200. *К. Храневичъ.*

Пежемскій, *Петръ Ивановичъ*, лѣтописецъ г. Иркутска: о немъ извѣстно лишь то, что въ 20-хъ г. XIX в. онъ былъ приказчикомъ у одного иркутскаго купца. П., на основаніи ходившихъ по рукамъ рукописныхъ мѣстныхъ лѣтописей, разсказовъ старожиловъ, провѣренныхъ по возможности, (какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ лѣтописи), по печатнымъ источникамъ, составилъ лѣтопись г. Иркутска, начиная съ основанія его въ 1652 г. и кончая первыми годами XIX столѣтія. Въ первый разъ она была напечатана въ «Современникѣ» (1850 г., т. 21, стр. 97—144 и т. 22, стр. 1—38, 115—158) подъ заглавіемъ «Панорама Иркутской губерніи», но съ большими пропусками, сдѣланными редакціей. Послѣднее обстоятельство побудило П. переиздать лѣтопись, и онъ помѣстилъ ее въ «Иркутскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» за 1858 г., №№ 20—52; 1859 г. №№ 20—50; 1860 г. №№ 6—37 и 1861 г. №№ 18—32; Лѣтопись эта содержитъ нѣкоторыя любопытныя данныя, касающіяся исторіи мѣстнаго управленія краемъ, характеристики администраторовъ и проч.; поэтому она не разъ цитировалась сибирскими историками. П., кромѣ того, принадлежатъ статьи: «Къ Иркутскому лѣтописцу поясненіе»—въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. ист. и древн.» 1859 г., кн. 3; «Замѣчанія и наблюденія въ Иркутскѣ»—въ «Москвитянинѣ» 1851 г., ч. III, № 12, кн. 2; «Замѣтка къ письму Сперанскаго»—«Иркутскія Губ. Вѣд.» 1859 г., № 38; «Иркутскій Вознесенскій монастырь»—тамъ же 1861 г., №№ 15—25; «Сельскій деревянный календарь»—въ «Москвитянинѣ» 1852 г., ч. I, № 2, кн. 2; то же въ «Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщ.» 1852 г., ч. 73, № 2; «Якуты»—въ «Иллюстраціи» 1848 г., № 24; «Рыбная производительность оз. Байкала»—въ «Вѣстникѣ Имп. Русск. Геогр. Общ.» 1873 г., т. 4, № 4, стр. 168—179. *Инн. Соколовъ.*

Пезаровіусъ (Поміанъ—), *Павелъ Павловичъ* (Paul-Wilhelm), основатель «Русскаго Инвалида», филантропъ, писатель; родился 17-го февраля 1776 г. близъ города Вольмара, Лифляндской губерніи, въ семьѣ лютеранскаго пастора. Закончивъ высшее образованіе въ Іенскомъ университетѣ, молодой докторъ философіи поступилъ въ 1803 г. на службу, въ качествѣ «секретаря иностранной переписки», въ Канцелярію т. с. Н. Н. Новосильцова, откуда въ слѣдующемъ году перешелъ въ Коммиссію составленія законовъ редакторскимъ помощникомъ. Въ 1807 г. мы видимъ П. въ Департаментѣ министра юстиціи, гдѣ съ 1808 г. онъ исполняетъ назначеніе совѣтника государственной Юстицъ-коллегіи и награждается, четыре года спустя, «за усердную и ревностную службу» орденомъ св. Владиміра 4-й степени и чиномъ коллежскаго совѣтника.

Патріотическое одушевленіе, охватившее Россію въ достопамятную годовщину Отечественной войны, произвело на П. потрясающее впечатлѣніе и дало ему исключительный случай проявить рѣдкія качества человѣколюбія и любви къ родинѣ. Страсть къ военному дѣлу, одушевлявшая П. еще въ ранней молодости, нашла для себя исходъ въ неудержимомъ сочувствіи къ защитникамъ родины и въ глубокомъ интересѣ ко всякому извѣстію, доносившемуся съ театра войны. По его собственнымъ словамъ, эта страсть была въ немъ такъ сильна, что, будучи уже членомъ коллегіи, въ 1810 г., онъ почувствовалъ величайшую охоту выучиться ружейнымъ пріемамъ и, чтобы не отнимать времени у служебныхъ занятій, долженъ былъ вставать для этой цѣли въ 2 часа по-полуночи и отправляться пѣшкомъ отъ Семеновскаго моста, гдѣ онъ тогда жилъ, на Милліонную, въ казармы Преображенскаго полка. Унтеръ-офицеры Каченовскій и Черняевъ такъ основательно занимались его обученіемъ, что, по выраженію П., синія пятна на лѣвомъ боку могли наглядно свидѣтельствовать какъ объ усердіи учителей, такъ и о прилежаніи ученика. Позже онъ испыталъ «припадокъ» любви къ барабану, заставившій онъ изучить этотъ военный инструментъ. Отсюда понятенъ тотъ восторгъ, съ какимъ слѣдилъ П.

*

за успѣхами русскаго оружія. Побѣды Суворова при Рымникѣ, Треббіи и Нови, переходъ его черезъ Альпы дѣлали П. истинно счастливымъ. Эпоха 1812 года представлялась ему религіозной эпохой страданій и вмѣстѣ прекраснѣйшаго обнаруженія любви русскихъ къ отечеству; когда пушки Петропавловской крѣпости возвѣстили рѣшительныя побѣды подъ Тарутинымъ и Малоярославцемъ и, наконецъ, полное отступленіе французовъ, восторгъ П. достигъ высшей степени энтузіазма.

На смѣну этому чувству явилось не гордое самоуслажденіе сознаніемъ побѣды, но глубокая человѣчная мысль. «Тогда, вспоминалъ по этому поводу П., душою моею овладѣло пламенное желаніе указать всѣмъ и каждому на то, какой благодарности заслуживали отъ насъ наши защитники-герои за свое непоколебимое мужество и самоотверженіе, увѣнчавшееся освобожденіемъ отечества». Но что могъ онъ сдѣлать съ незначительными средствами, какія были у него въ распоряженіи? Изъ 2.250 руб. ассигнаціями жалованья 750 руб. онъ уже обязался жертвовать на все время войны. Всякое предпріятіе требовало прежде всего крупныхъ денежныхъ затратъ, и долго обдумывалъ П. разнаго рода планы, не приходя къ опредѣленному рѣшенію. Наконецъ, въ январѣ 1813 г. ему пришла въ голову счастливая мысль издавать газету и сразу захватила его. Въ исполненіи ея онъ увидѣлъ возможность не только передавать во всеобщее свѣдѣніе извѣстія съ театра войны, но и доставить хотя какое-либо облегченіе 50 или даже 100 инвалидамъ, которые, возвращаясь на родину, пойдутъ черезъ Петербургъ. Безъ всякаго мало мальски опредѣленнаго плана, но съ лихорадочной поспѣшностью приступилъ П къ исполненію своего рѣшенія. Отправившись къ министру народнаго просвѣщенія за разрѣшеніемъ, онъ только въ пріемной министра придумалъ назвать ее «Русскимъ Инвалидомъ». За разрѣшеніемъ дѣло не стало; гораздо труднѣе было найти типографщика, который согласился бы печатать въ кредитъ. Послѣ долгихъ поисковъ и тщетныхъ переговоровъ, П. нашелъ такое лицо въ извѣстномъ Плюшарѣ, который не побоялся риска. «Eh bien,—замѣтилъ онъ полушутливо при этомъ, «à sur et mesure qu'il y aura des abonnés, nous ferons votre gazette, et si dans un mois il ne s'en presentera plus — nous fermerons la boutique». Послѣ этого П. считалъ дѣло уже состоявшимся и 1-го февраля 1813 г. выпустилъ программу своей газеты, которая была, вмѣстѣ съ тѣмъ, и первымъ ея номеромъ. Въ «Русскомъ Инвалидѣ», изданіи «историческо-политическаго содержанія», издатель обѣщалъ помѣщать: «выписки изъ военныхъ происшествій, обозрѣнія и сужденія объ оныхъ.—Черты любви къ отечеству и храбрости, извлеченныя изъ древней и новѣйшей россійской и всеобщей исторіи.—Всякія въ продолженіе сей войны происходящія славныя дѣянія, являющія храбрость, человѣколюбіе, отважную рѣшительность и личное пожертвованіе для блага общаго.—Иностранныя извѣстія, сколько-нибудь любопытныя для читателя листковъ сихъ.—Направленіе общаго мнѣнія о нынѣшнихъ происшествіяхъ къ настоящей цѣли — и, наконецъ, всякое хорошее умопроизведеніе, важное или шуточное, когда оно согласно будетъ съ цѣлію сихъ листовъ». Далѣе сообщалось, что издатель, отказываясь отъ всякой личной выгоды за свой трудъ, намѣренъ всю чистую прибыль употребить на вспоможеніе инвалидамъ, солдатскимъ вдовамъ и сиротамъ. Цѣна въ годъ за 52 номера, выходившіе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, полагалась въ 12 руб. ассигн. въ Петербургѣ и въ 15 руб. съ пересылкой въ другіе города, при чемъ каждый изъ подписчиковъ получалъ право хлопотать за извѣстныхъ ему раненыхъ и увѣчныхъ въ послѣдней войнѣ. Первый номеръ «Русскаго Инвалида», въ небольшую четвертку сѣрой бумаги, никого не поразилъ ни своимъ внѣшнимъ видомъ, ни своимъ содержаніемъ, представлявшимъ, въ значительной степени, перепечатки изъ «Сѣверной Почты» (издававшейся въ то время Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ) и старыхъ газетъ. Онъ доставилъ своему издателю сначала 6, а чрезъ нѣсколько дней—12 подписчиковъ (городскихъ, иногороднихъ не было ни одного). Увлекаясь филантропическою цѣлью изданія, П. мало думалъ въ началѣ о своевременности и точности сообщаемыхъ свѣдѣній; онъ

не догадался даже выписать одну—двѣ иностранныя газеты, откуда могъ почерпнуть наиболѣе въ то время обстоятельныя и разнообразныя извѣстія о ходѣ военныхъ дѣлъ. Но глубокая вѣра П. въ чистоту и святость начатаго дѣла не дали погибнуть его газетѣ отъ равнодушія публики, уже злословившей на тему о томъ, что «Инвалиду» предстоитъ самому вскорѣ умереть отъ ранъ своихъ... На помощь явились случайныя обстоятельства. П. разослалъ первый номеръ своей газеты, между прочимъ, всѣмъ членамъ императорской фамиліи. Послѣдніе отнеслись съ горячимъ сочувствіемъ къ предпріятію П., вмѣсто подписной платы они передали въ распоряженіе П. 1.400 руб., изъ нихъ 75 руб. были уплачены типографщику, а остальныя 1.325 руб. [были отложены для помощи инвалидамъ. Покровительство членовъ царской семьи обратило общественное вниманіе на Пезаровіуса, подписка усилилась, и черезъ мѣсяцъ въ № 4 «Русскаго Инвалида» появился первый отчетъ о состояніи кассы, съ показаніемъ всѣхъ пожертвованій и расходовъ. Въ теченіе перваго мѣсяца статьи изъ иностранныхъ газетъ для русскаго изданія «Инвалида» переводилъ извѣстный впослѣдствіи филологъ А. Х. Востоковъ, но вскорѣ ученыя и служебныя занятія заставили его отказаться отъ этой работы. Тогда П. указали на почтамтскаго цензора Оденталя который оказался ему чрезвычайно полезенъ въ сообщеніи самыхъ свѣжихъ новостей, и за «Русскимъ Инвалидомъ» быстро установилась репутація газеты, получающей извѣстія съ театра войны непосредственно чрезъ особыхъ курьеровъ. Подписка поднялась до 800 человѣкъ; особымъ успѣхомъ пользовались «чрезвычайныя прибавленія», заключавшія въ себѣ краткія извѣстія о выдающихся успѣхахъ нашихъ войскъ, и они во множествѣ продавались. Пожертвованія въ пользу инвалидовъ увеличились еще, благодаря предоставленію артистомъ Боркомъ въ распоряженіе П. сбора съ своего бенефиса. Благотворительная цѣль собрала, несмотря на лѣтнюю пору, на спектакль этого довольно посредственнаго актера многочисленную публику, платившую за билеты въ 2 р. 50 коп., по 25 руб., 50 руб. и до 300 р. Чистый сборъ со спектакля составилъ сумму въ 3.000 руб. «Никогда не надѣялся, — говорилъ Пезаровіусъ, получить столь значительную сумму. Въ величайшей радости сѣлъ я за столъ, чтобы извѣстить публику посредствомъ газеты о такомъ неожиданномъ мною сборѣ. Я еще не думалъ ни о чемъ другомъ, но, взявъ въ руку перо, написалъ, — собственно не зная самъ, что дѣлаю,—что эти три тысячи хочу положить въ ломбардъ для составленія основного капитала, который скоро будетъ значительнымъ, и въ свое время передать его правительству для обращенія въ пользу инвалидовъ». Узнавъ объ этомъ рѣшеніи, императрица Марія Ѳеодоровна стала присылать П. послѣ каждой крупной побѣды по нѣсколько тысячъ рублей отъ имени «счастливой матери и дѣтей ея». Примѣръ императрицы вызвалъ подражаніе въ публикѣ, и къ П. стали стекаться значительныя суммы. 4-го декабря того же 1813 г. онъ получилъ отъ московскаго главнокомандующаго графа В. Ѳ. Ростопчина 42.000 рублей, собранныхъ для вышеуказанной цѣли жителями Москвы по случаю побѣды при Лейпцигѣ. По тому же случаю и петербургское купечество собрало въ коммерческомъ обществѣ для инвалидовъ 20.000 руб.; два концерта въ Филармонической залѣ (второй былъ исполненъ придворными пѣвчими подъ управленіемъ Бортнянскаго) доставили 10.000 и т. д.,—къ концу 1813 г., словомъ, П. могъ показать въ отчетѣ слѣдующія суммы: въ неприкосновенномъ инвалидномъ капиталѣ — 115.000 руб.; во вспомогательной кассѣ—31.575 руб.; въ кассѣ на издержки по изданію — 22.477 руб. Число инвалидовъ, получившихъ пособіе изъ вспомогательной кассы, большею частью за годъ впередъ, простиралось до 825 и солдатскихъ вдовъ — 40. Слѣдующій разсказъ самого П. чрезвычайно интересенъ для характеристики какъ тогдашняго общественнаго настроенія, такъ и личности этого поразительно-скромнаго человѣка. «Инвалиды», при проѣздѣ черезъ Петербургъ, временно размѣщались по квартирамъ на Петербургской сторонѣ. На дорогѣ къ нимъ нерѣдко случалось мнѣ встрѣчать знакомыхъ. Узнавъ, что я иду къ раненымъ, почти

каждый изъ нихъ давалъ мнѣ что-нибудь въ пользу заслуженныхъ воиновъ, и такимъ образомъ я приходилъ къ своимъ друзьямъ съ бо́льшимъ запасомъ пособія, нежели съ какимъ выходилъ изъ дому. Должно замѣтить, во-первыхъ, что никогда не давалъ я пособія инвалидамъ отъ своего имени, а всегда отъ имени правительства, и, во-вторыхъ, я никогда никого не просилъ заботиться объ инвалидахъ, ибо такія просьбы, по моему убѣжденію, были бы оскорбленіемъ ихъ заслугъ, запечатлѣнныхъ кровью. Но я долженъ также отдать полную справедливость русской публикѣ: она проникнута была священной обязанностью доказать на дѣлѣ свою признательность раненымъ воинамъ, сколько кому позволяли обстоятельства». Дѣйствительно, общество выказало рѣдкое сочувствіе къ судьбѣ инвалидовъ. Въ пользу ихъ дѣлались складчины, устраивались спектакли, вечера и лотереи, воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній собирали свои карманныя деньги и отсылали ихъ въ редакцію «для инвалидовъ». Пожертвованія, отъ 20, 30 и даже 40 тысячъ рублей въ мѣсяцъ, присылались изъ многихъ губерній и даже отдаленныхъ поселеній Сѣверо-американской компаніи. Къ декабрю 1815 г. инвалидный капиталъ достигъ 395.000 рублей; 1.200 инвалидовъ пользовались постоянными пособіями,—дѣло распоряженія такими крупными денежными оборотами становилось сложнымъ и затруднительнымъ для одного человѣка. Поэтому, тотчасъ по возвращеніи императора Александра въ Петербургъ, П. обратился къ государю и повергъ на его усмотрѣніе какъ собранный имъ капиталъ, такъ и дальнѣйшую судьбу призрѣвавшихся инвалидовъ Удостоивъ П. рескриптомъ и орденомъ св. Анны съ алмазами, государь опредѣлилъ передать эту сумму въ незадолго передъ тѣмъ учрежденный Комитетъ по оказанію помощи раненымъ военнымъ чинамъ, изданіе газету продолжать и впредь, подъ названіемъ «Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости», а инвалидамъ производить пособіе въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они получали его отъ П. Еще съ 1814 г. «Русскій Инвалидъ» сталъ выходить два раза въ недѣлю, съ возвышеніемъ подписной платы съ 15 до 25 рублей въ годъ, что, впрочемъ, нисколько не отразилось на подпискѣ. Съ 1816 г., оставаясь редакторомъ газеты, уже перешедшей въ вѣдѣніе Комитета, П. сталъ выпускать ее ежедневно, и, въ теченіе пяти послѣдующихъ лѣтъ своего редакторства, довелъ доходность ея отъ 40 до 60 тысячъ рублей, такъ что общая цифра собраннаго П. инвалиднаго капитала составила, по исчисленію его формулярнаго списка, милліонъ тридцать двѣ тысячи четыреста двадцать четыре рубля. Въ 1822 г., по оставленіи имъ редакторства, изданіе «Инвалида» было изъято изъ вѣдѣнія Комитета и передано А. Ѳ. Воейкову, но при немъ газета потеряла прежній интересъ и, несмотря на поддержку П. и А. А. Краевскаго въ сороковыхъ годахъ, когда газета снова перешла къ ея первому редактору-издателю, прежнее вліяніе ея окончательно упало.

П. умеръ 2-го іюля 1847 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, прослуживъ съ 1833 по 1-е января 1847 г. въ должности президента С.-Петербургской Евангелическо-лютеранской консисторіи и члена Комитета для оказанія помощи инвалидамъ. Въ приказѣ императора Николая по случаю увольненія П. отъ службы, незадолго до смерти, основаніе имъ инвалиднаго капитала было названо «незабвеннымъ подвигомъ въ эпоху Отечественной войны», а въ некрологѣ «Московскихъ Вѣдомостей», на другой день его смерти, характеристикѣ П. были посвящены, между прочимъ, слѣдующія въ высокой степени правдивыя строки: «Благотворить нуждающимся, жертвовать всѣмъ для ближняго, забывать собственные интересы — вотъ была единственная цѣль, единственное занятіе этой долговременной, полезной обществу жизни... Всегда скромный и молчаливый, онъ никому не разсказывалъ о своихъ поступкахъ и не любилъ, чтобы ему напоминали о нихъ»... Похороненъ П. на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Изъ сочиненій П., напечатанныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ, безъ обозначенія своего имени, съ достовѣрностью могутъ быть указаны два: 1) «Christliche Katechismusübung, nach Grundlage des kleinen Katechismus Dr. Martin Luthers, zu Nutz und Frommen beydes, der Schlüer

und Lehrer, verfasst und herausgegeben in Jahr des Heils 1820». St. Petersburg; Mit mehreren Zusätzen neue aufgelegt. Dresden. 1822 и 2) «Ein Wort der Wahrheit über die Schmähschrift: Meine Verfolgung in Russland, von Karl Limmer, vormals Consistorial-Rath und Prediger zu Saratow, das heist: welcher Limmer nie verfolgt warden, nicht vormals sondern niemals Consistorial-Rath gewesen». Leipzig. 1823.

«Краткая исторія газеты «Русскій Инвалидъ». Составилъ П. Пезаровіусъ. С.-Пб. 1843 г.; «Забытый филантропъ», статья С. Н. Шубинскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1896 г., № 3 стр. 864—880; «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», подъ ред. В. И. Саитова, т. I, С.-Пб. 1899 г.; Полное собраніе законовъ; некрологъ—«Москов. Вѣдомости» 1847 г., № 81; «Сѣверная Пчела» 1847 г., № 150; «Русскій Инвалидъ» 1843 г., № 22—24, 26—27 и 30, 1859 г., № 26 и 1863 г., № 1; Recke und Napierski. Lexicon, III, 400. *Евг. Ляцкій.*

Пезе-де-Корваль, *Амедей Карловичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1836 г., происходилъ изъ дворянъ Лифляндской губерніи, воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи; въ 1854 г. поступилъ унтеръ-офицеромъ въ Сумскій гусарскій полкъ, гдѣ 31-го декабря 1855 года произведенъ въ корнеты. Въ кампанію 1855 — 1856 гг. П. съ полкомъ находился въ Курляндской губерніи; 8-го апрѣля 1859 г. онъ получилъ чинъ поручика, а вслѣдъ затѣмъ переведенъ былъ сотникомъ въ пѣшій батальонъ Амурскаго казачьяго войска. Здѣсь П. въ 1860 г. и въ 1861 г. состоялъ при военномъ губернаторѣ Амурской области, потомъ командовалъ 3-ею и 1-ю сотнею второго полка коннаго казачьяго войска, 5-го апрѣля 1862 г. былъ произведенъ въ есаулы и, наконецъ, 23-го мая снова переведенъ ротмистромъ въ 10-й гусарскій Ингерманландскій полкъ. Здѣсь П. пробылъ только до 5-го августа, а затѣмъ снова перешелъ въ Сумскій полкъ и съ нимъ участвовалъ въ 1863 г. въ усмиреніи польскаго мятежа. Произведенный въ 1868 г. въ маіоры, онъ исполнялъ затѣмъ обязанности помощника командира полка по строевой части, потомъ по хозяйственной, 24-го августа 1872 г. былъ произведенъ въ подполковники, съ 5-го сентября по 19-е октября 1874 г. командовалъ полкомъ въ отсутствіе командира и, наконецъ, получивъ 22-го февраля 1875 г. чинъ полковника, былъ 25 го іюня назначенъ командиромъ резервнаго эскадрона 12-го гусарскаго Ахтырскаго полка; 31-го марта 1879 г. онъ снова перешелъ командиромъ же запаснаго эскадрона въ Сумскій полкъ, а на слѣдующій годъ, 10-го іюля, вышелъ въ отставку. Умеръ 12-го сентября 1886 г.

Полный послужной списокъ отъ 3-го мая 1880 года.

Пейкеръ, *Александръ Александровичъ*, тайный совѣтникъ, директоръ Канцеляріи Капитула орденовъ; сынъ слѣдующаго; родился въ 1804 г. Получивъ воспитаніе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, П. 23-го февраля 1820 г. былъ выпущенъ мичманомъ въ 19-й флотскій экипажъ, а 30-го марта 1825 г. перешелъ въ первый морской полкъ поручикомъ и черезъ годъ, уже въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ былъ адъютантомъ къ командиру 1-й бригады 1-й пѣхотной дивизіи. Будучи переведенъ 2-го іюля 1827 г. во Владимірскій пѣхотный полкъ, П. принялъ участіе въ турецкой войнѣ 1828 г., отличившись при занятіи крѣпости Браилова и получивъ орденъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Пробывъ въ отставкѣ 1½ года, П. въ концѣ 1830 г. снова поступилъ на службу—въ Астраханскій гренадерскій полкъ, 26-го января 1831 г. былъ прикомандированъ къ Главному Штабу Его Имп. Вел. по военному поселенію, а 21-го августа того же года — назначенъ исправляющимъ должность старшаго адъютанта къ командиру резервной дивизіи гренадерскаго корпуса. Августа 22-го 1832 г. П. переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, прикомандированъ къ Департаменту военныхъ поселеній, а 6-го января 1834 г. уволенъ отъ службы за болѣзнью съ чиномъ капитана. Въ 1835 г. (18-го января) П. поступилъ въ Военно-походную канцелярію Его Величества, гдѣ вскорѣ назначенъ былъ производителемъ дѣлъ; въ этой должности онъ оставался до 1853 г., постоянно сопровождая императора Николая въ его путешествіяхъ по Россіи и за-границей (1838, 1840, 1841, 1842, 1844, 1846, 1847, 1849, 1850, 1851 и 1852 гг.). За ревностную службу по этой должности онъ 11-го апрѣля 1848 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; кромѣ того, П. участвовалъ въ составленіи проекта по-

ложенія объ управленіи генералъ-фельдцейхмейстера (1838 г.), былъ производителемъ дѣлъ: въ коммиссіи о снабженіи арміи лошадьми (1846 г.) и комитетѣ для пересмотра Устава о службѣ гражданской (1846—1850 г.), а съ 1843 года состоялъ, кромѣ того причисленнымъ къ Почтовому Департаменту. Въ 1852 г. (6-го декабря) П. занялъ мѣсто директора Канцеляріи Капитула орденовъ и пробылъ въ этой должности до самой своей смерти, въ 1858 г. получивъ чинъ тайнаго совѣтника. Умеръ въ С.-Петербургѣ 13-го ноября 1861 года.

Формулярный списокъ 1852 г.; Адресъ-календари; Архивъ Капитула орденовъ: дѣло Канцеляріи Капитула, 1861 г., Общ. арх. № 2023.

Б. Гарскій.

Пейкеръ, *Александръ Эммануиловичъ*, генералъ-лейтенантъ, род. 27-го ноября 1776 г. въ Дерптѣ, гдѣ отецъ его служилъ переводчикомъ при Городовомъ судѣ, умеръ 7-го іюля 1834 г. въ Нарвѣ. Первоначальное образованіе А. Э. получилъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ Дерпта, откуда, спустя два года, уже по смерти своего отца, былъ отправленъ въ 1789 г. въ Петербургъ къ родственнику, который опредѣлилъ его въ 1790 г. капраломъ въ 5-й флотскій баталіонъ, находившійся въ Кронштадтѣ. Лѣтомъ 1793 года П. находился при командѣ, препровождавшей изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ партію арестантовъ. Арестанты, пользуясь ночнымъ временемъ и малочисленностью конвоя, задумали силою освободиться отъ конвоировавшихъ ихъ солдатъ и уже начали дѣйствовать, но замыселъ ихъ, благодаря распорядительности Пейкера, остался безъ результата. Узнавъ объ этомъ тогдашній генералъ-адмиралъ великій князь Павелъ Петровичъ перевелъ А. Э. въ свои гатчинскія войска съ переименованіемъ въ подпрапорщики; черезъ годъ онъ былъ произведенъ въ портупей-прапорщики, а въ 1795 г. въ подпоручики; послѣ этого П. поступилъ въ баталіонъ великаго князя Александра Павловича. Въ ноябрѣ 1796 г., по смерти императрицы Екатерины II, императоръ Павелъ, желая вознаградить свои гатчинскія войска, опредѣлилъ всѣхъ тѣми же чинами въ гвардію, при чемъ баталіонъ великаго князя Александра Павловича, въ которомъ служилъ Пейкеръ, поступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Находясь въ этомъ полку, А. Э. получилъ послѣдовательно чины: въ 1797 г. поручика, въ 1799 г. штабсъ-капитана, въ 1801 г. капитана, въ 1805 г. полковника и былъ награжденъ двумя орденами: въ 1800 г. св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1804 г. св. Анны 3-й степени на шпагу. Послѣ слишкомъ девяти лѣтъ службы въ Семеновскомъ полку, П. въ апрѣлѣ 1806 года перевелся въ 1-й морской полкъ и въ январѣ 1807 г. былъ назначенъ его шефомъ; въ январѣ 1810 года онъ былъ перемѣщенъ тѣмъ же званіемъ во 2-й морской полкъ, а въ іюнѣ 1811 г. поступилъ въ бригадные командиры 1-го и 2-го морскихъ полковъ, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ и шефомъ послѣдняго изъ нихъ. Передъ этимъ назначеніемъ, за мѣсяцъ, ему былъ пожалованъ «за ревностную службу и обученіе экипажей Балтійскаго флота» орденъ св. Владиміра 4-й степени. Въ 1812 г. Пейкеру было поручено обученіе новгородскихъ дружинъ, послѣ чего, въ половинѣ октября, подъ начальствомъ князя Волконскаго (имѣвшаго въ виду охранять московскую дорогу и пути, ведущіе отъ Гжатска — черезъ Зубцовъ и Ржевъ — на Осташковъ) онъ пошелъ черезъ Старую Руссу и Осташковъ на Торопецъ, а оттуда форсированнымъ маршемъ двинулся на Витебскъ. Вступивъ, затѣмъ, въ предѣлы Пруссіи, П. участвовалъ въ преслѣдованіи выступавшихъ изъ Курляндіи войскъ маршала Макдональда, до Диршау, лежащаго на Вислѣ, къ югу отъ Данцига. Оттуда онъ пошелъ 12-го января 1813 г. для блокированія крѣпости Пиллау со стороны моря въ то время, какъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Сиверса обложилъ ее съ сухого пути. П выступилъ со вторымъ морскимъ полкомъ, двумя эскадронами конницы и шестью орудіями артиллеріи и прибылъ подъ Пиллау 25-го января, совершивъ затруднительный и опасный переходъ по ненадежному льду черезъ заливъ Фришгафъ. Черезъ два дня крѣпость сдалась. П. возвратился прежней дорогой къ Диршау, откуда въ половинѣ февраля поступилъ въ составъ войскъ, назначенныхъ для блокады Данцига, защищеннаго 30-ти-тысячнымъ гарни-

зономъ подъ начальствомъ генерала Раппа. Пейкеръ съ своимъ полкомъ находился у генералъ-маіора Кульнева. 12-го марта непріятель сдѣлалъ смѣлую вылазку, особенно изъ предмѣстья Лангфуръ, и, сбивъ нѣкоторые изъ нашихъ передовыхъ постовъ, возвратился въ крѣпость. Командовавшаго на лѣвомъ крылѣ генерала Вельяминова тяжело раненаго, заступилъ генералъ Горбунцовъ, который въ скоромъ времени заболѣлъ, и тогда командованіе надъ отрядомъ лѣваго крыла было поручено Пейкеру. Въ первой половинѣ апрѣля начальство надъ всѣмъ блокаднымъ корпусомъ принялъ генералъ-отъ-кавалеріи герцогъ Александръ Виртембергскій. По своемъ прибытіи онъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ, и при этомъ поручилъ Пейкеру центральный отрядъ, расположенный въ Пицкендорфѣ, Вонебергѣ и Шенфельдѣ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля П. принялъ начальство надъ 25-ю пѣхотной дивизіей и отправился съ нею къ Франкфурту на Одерѣ на усиленіе арміи Витгенштейна. Онъ выступилъ туда 1-го мая, но на пути получилъ приказаніе возвратиться подъ Данцигъ. Прибывъ туда 15-го мая, онъ вступилъ сначала въ командованіе резервомъ центра, но черезъ нѣсколько дней принялъ опять начальство надъ прежнимъ отрядомъ; съ нимъ, ночью 19-го мая, онъ выбилъ непріятеля изъ укрѣпленія подъ Штольценбургомъ и срылъ подъ непріятельскими выстрѣлами самое укрѣпленіе. Черезъ нѣсколько дней непріятель вышелъ изъ предмѣстья Шидлицъ и атаковалъ наши посты у Вонеберга, стараясь пробиться сквозь нихъ, но былъ удержанъ храбростью нашихъ войскъ и распорядительностью Пейкера. За дѣла 19-го и 28-го мая П. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и золотою шпагой съ надписью: «за храбрость». На другой день, 29-го мая, герцогъ Виртембергскій получилъ извѣщеніе о перемиріи, заключенномъ союзными государями съ Наполеономъ въ Пойшвицѣ, близъ Рейхенбаха, и вслѣдствіе этого военныя дѣйствія были остановлены. Они возобновились 12-го августа, и такъ какъ передъ этимъ временемъ было замѣчено, что французы особенно укрѣплялись противъ отряда Пейкера, у Штольценберга, то съ нашей стороны Пейкеръ построилъ три редута, каждый на 40 человѣкъ пѣхоты и 15 казаковъ. По возобновленіи военныхъ дѣйствій, Раппъ тревожилъ наши войска почти ежедневными вылазками, изъ которыхъ сильнѣйшія происходили 18-го, 20-го, 21-го и 22 го августа. Въ эти четыре дня П. и порученныя ему войска почти не выходили изъ огня и особенно отличились при вытѣсненіи непріятеля изъ лѣса, близъ предмѣстья Оры. Въ награду за это Пейкеру былъ пожалованъ Владимірскій крестъ 3-й степени, а черезъ три недѣли, 15-го сентября, онъ былъ произведенъ за отличія, оказанныя до перемирія, въ генералъ-маіоры. Дѣйствія подъ Данцигомъ продолжались безъ особенныхъ происшествій до 20-го октября, когда П. получилъ приказаніе вытѣснить непріятеля изъ предмѣстья Штольценбурга и заложить тамъ батарею съ траншеями. Онъ исполнилъ это порученіе съ небольшими силами и всю ночь производилъ работы подъ жесточайшимъ огнемъ; но на разсвѣтѣ былъ атакованъ французами въ превосходныхъ силахъ, и, не получивъ подкрѣпленія, долженъ былъ отступить въ прежнюю позицію съ потерею слишкомъ 300 человѣкъ. Невольную эту неудачу А. Э. вознаградилъ въ слѣдующіе дни, атаковавъ и взявъ Штольценбургъ: Раппъ долженъ былъ сдать крѣпость, и наши войска вступили въ нее 21-го декабря 1813 г. П. оставался въ Данцигѣ до 10-го марта 1814 г., когда получилъ предписаніе идти при 25-й дивизіи генералъ-лейтенанта Вельяминова въ Варшавское герцогство, а оттуда въ Гродненскую губ. до города Лидъ, гдѣ, за отсутствіемъ Вельяминова, командовалъ дивизіей въ продолженіе восьми мѣсяцевъ. По возвращеніи Вельяминова, въ апрѣлѣ 1815 г., когда пришло извѣстіе о возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, П. повелъ бригаду свою (первый и второй морскіе полки) во Францію, но дошелъ только до Цвикау, въ Саксоніи. Рѣшительная побѣда надъ Наполеономъ при Ватерло остановила дальнѣйшее движеніе 25-й дивизіи и ей велѣно было идти обратно въ Россію. Императоръ Александръ, вполнѣ довольный службой Пейкера и отличнымъ состояніемъ ввѣренной ему бригады, пожало-

валъ ему въ 1819 г. орденъ св. Анны 1-й степени, а 11-го мая 1824 г. онъ назначенъ былъ начальникомъ 1-й пѣхотной дивизіи. Императоръ Николай Павловичъ 22-го августа 1826 г., въ день своей коронаціи, произвелъ Пейкера въ генералъ-лейтенанты. Между тѣмъ, здоровье А. Э. видимо разстраивалось. Чувствуя ослабленіе силъ и трудность начальствованія дивизіей, онъ просилъ мѣста болѣе покойнаго, и вслѣдствіе этого былъ назначенъ 11-го февраля 1828 г. комендантомъ въ Нарву. Въ этой новой должности, въ маѣ 1831 года, во время перваго появленія въ Россіи холеры, ему поручено было устроить карантинъ въ Нарвѣ съ кордонною линіей отъ Финскаго залива, вдоль лѣваго берега рѣки Наровы и по восточнымъ берегамъ Чудскаго и Псковскаго озеръ, до границы Псковской губерніи. Нарвскимъ комендантомъ П. былъ до самой кончины своей, послѣдовавшей 7-го іюля 1834 г.

«Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812—1815 годахъ. Военная галлерея Зимняго дворца». А. И. Михайловскаго-Данилевскаго и А. В. Висковатова, т. VI, С.-Пб. 1848—1849 г.; «Военная исторія Россійскаго государства», ч. 5, С.-Пб. 1839 г.; Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула орденовъ, 1831 г., № 624.

И. Марченко.

Пейкеръ, *Иванъ Устиновичъ*, сенаторъ; родился въ 1784 году, воспитывался въ 1 кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1801 году былъ выпущенъ корнетомъ въ Павлоградскій гусарскій полкъ съ назначеніемъ состоять при Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ; 6-го февраля 1802 года Пейкеръ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ. Во время войны съ французами въ 1805 году онъ былъ въ походѣ съ 10-го по 15-ое октября до австрійской границы, а съ того числа выступилъ въ походъ заграницу и прошелъ черезъ Галицію и Силезію въ Моравію. 20-го ноября П. находился въ сраженіи при Аустерлицѣ, гдѣ былъ награжденъ орденомъ Анны 4-й степени. По окончаніи кампаніи, П. 7-го апрѣля 1806 года вернулся обратно, черезъ Венгрію и Галицію, въ Россію. Въ 1807 году онъ вновь принялъ участіе въ походахъ: съ 13-го февраля по 24-е марта онъ ходилъ до прусской границы, а съ того числа былъ за границей; 24-го и 25-го мая, находясь въ резервѣ, участвовалъ при преслѣдованіи французскихъ войскъ до рѣки Пасаржи; 29-го мая участвовалъ въ дѣлѣ подъ Гейльсбергомъ, а 2-го іюня въ сраженіи при Фридландѣ, гдѣ былъ раненъ картечью въ лѣвую руку и грудь и отъ разрыва гранаты получилъ три контузіи, за что былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Затѣмъ, П. слѣдовалъ обратно въ Россію, а 23-го сентября 1807 года былъ уволенъ «за ранами» отъ службы съ мундиромъ и пенсіономъ полнаго жалованья.

Нѣсколько времени спустя (3-го января 1809 года), вновь вступилъ на службу — въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, при чемъ былъ произведенъ въ подполковники. Но черезъ два года (27-го ноября 1811 года) снова былъ, по прошенію, «за ранами» уволенъ. Въ 1819 году (17-го декабря) П. былъ назначенъ на должность Костромского вице-губернатора, а въ 1821 году (23-го ноября) его назначили Рязанскимъ вице-губернаторомъ. Здѣсь, какъ значится въ формулярномъ спискѣ, «въ 1823 году въ селѣ Тереховѣ, Спасскаго уѣзда, гдѣ числилось 600 душъ, П. лично открылъ 383 души, прописанныхъ по 6-й и 7-й ревизіи, кои, по предложенію его, съ собственнаго прошенія, Казенною Палатою въ окладъ были причислены»; «таковое дѣйствіе послужило руководствомъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ, по коимъ казна пріобрѣла весьма значительное приращеніе въ доходъ»; въ воздаяніе за это Пейкеръ въ 1824 году пожалованъ былъ орденомъ Владиміра 4-й степени, а 17-го февраля того же года произведенъ въ статскіе совѣтники и назначенъ предсѣдателемъ Рязанскаго Губернскаго Правленія. Въ апрѣлѣ 1825 года Пейкеръ былъ опредѣленъ оберъ-прокуроромъ Межевого Департамента Правительствующаго Сената. Затѣмъ, 5-го марта 1829 года онъ былъ назначенъ директоромъ Департамента Государственнаго Хозяйства и Публичныхъ Зданій. Къ этому времени относятся воспоминанія А. М. Фадѣева, который въ 1830 году былъ вытребованъ въ С.-Петербургъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ графомъ Закрев-

скимъ для переустройства управленія колоній и сокращенія штата колонистскаго управленія и обращенія содержаній послѣдняго на самихъ колонистовъ. Здѣсь-то и имѣлъ случай авторъ воспоминаній столкнуться съ Пейкеромъ, которому было поручено преобразованіе управленія колоній Но «Пейкеръ, по словамъ Фадѣева, не выказалъ при этомъ ни достаточныхъ познаній, ни проницательности. Далѣе, Пейкеръ получилъ назначеніе (1-го марта 1831 года) состоять при графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ и все время польскаго возстанія находился при главной квартирѣ въ мѣстечкѣ Шеницѣ, при чемъ получалъ разныя командировки по продовольственной части. Въ 1831 году (13-го іюня), по смерти графа Дибича, онъ состоялъ при графѣ Паскевичѣ - Эриванскомъ, при которомъ также получалъ тѣ же командировки; 14-го декабря 1831 года Пейкеръ былъ произведенъ въ тайные совѣтники. Въ 1832 году (21-го іюня) ему повелѣно было присутствовать въ I отдѣленіи 5 Департамента Сената, затѣмъ, 6-го декабря того же года было возложено подробное обозрѣніе межевыхъ канцелярій и конторъ и поручена выработка мѣръ къ лучшему устройству межевой части, а въ январѣ 1834 года ему былъ порученъ проектъ Устава объ Интендантскомъ Управленіи большой дѣйствующей арміи. 18-го января 1834 года онъ былъ пожалованъ орденомъ Владиміра 2-й степени большого креста «за ревизію межевыхъ канцелярій и конторъ»; 19-го января того же года и 15-го мая слѣдующаго 1835 года онъ былъ командированъ, съ правами ревизующаго сенатора, въ Москву «для приведенія въ порядокъ дѣлъ Межевой Канцеляріи». 2-го октября 1842 года Пейкеръ былъ уволенъ по прошенію отъ должности главнаго директора Межевого Корпуса, но оставленъ въ званіи сенатора. Въ слѣдующемъ, 1843 году (4-го мая) онъ былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ Соединенномъ Присутствіи С.-Петербургскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената; 29-го октября 1844 года Пейкеръ умеръ.

Формулярный списокъ; «Мѣсяцесловъ» на 1846 годъ, стр. 165; «Русская Старина», т. XLI, стр. 398; т. LXX стр. 58; 1900 г., т. CII, май, стр. 417, 418, 420 и 421; «Русскій Архивъ» 1891 г.; т. I, стр. 419; «Сѣверная Пчела» 1844 года, № 249. *М. Леонидовъ.*

Пейкеръ, *Марья Григорьевна*, рожд. *Лашкарева*, дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорія Сергѣевича Л., вдова статскаго совѣтника, родилась въ Витебскѣ 1-го апрѣля 1827 г. Получивъ прекрасное образованіе, П. провела молодость въ большомъ свѣтѣ, но, рано овдовѣвъ и оставшись съ весьма ограниченными средствами, отдала всю себя общественной дѣятельности въ христіанскомъ духѣ: такъ, она была директриссою Петербургскаго Тюремнаго Комитета, которымъ, по ея почину и ея стараніями, устроено въ Петербургѣ «Убѣжище для женщинъ, освобожденныхъ отъ тюремнаго заключенія»; этимъ убѣжищемъ М. Г. завѣдывала нѣсколько лѣтъ сряду съ большимъ усердіемъ, энергіею и сердечностью. «Подчиняясь сильному религіозному возбужденію, — говоритъ Н. С. Лѣсковъ, «Пейкеръ предприняла изданіе иллюстрированнаго народнаго журнала «Русскій рабочій», въ которомъ «очень полно выражался духъ ея благочестія—англоманскій, но чистый и высокій». Журналъ этотъ, выходившій съ 1875 г. по 1887 г. (съ 1881 г. онъ издавался дочерью Марьи Григорьевны — Александрой Ивановной Пейкеръ), отличался изящною, даже художественною внѣшностью и, благодаря дешевизнѣ подписной цѣны (1 руб.), получилъ широкое распространеніе. Несмотря на строго религіозное направленіе журнала, онъ причинялъ издательницѣ множество хлопотъ, такъ какъ духовная цензура, постоянно слѣдившая за нею, часто доходила до нелѣпостей въ своихъ придиркахъ. По словамъ Лѣскова, М. Г. имѣла много высокихъ друзей въ самыхъ большихъ центрахъ Европы; въ 1872 г. она присутствовала на всемірномъ тюремномъ конгрессѣ въ Лондонѣ. Какъ убѣжденная христіанка, М. Г. всегда и вездѣ помогала искавшимъ у нея совѣта или помощи. Скончалась она въ Петербургѣ 27-го февраля 1881 г. и погребена на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», вып. I, С.-Пб. 1885 г., стр. 36; кн. Н. Н. Голицынъ. «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ». С.-Пб.

1889 г., стр. 195; С. И. Пономаревъ «Наши писательницы». С.-Пб. 1891 г., стр. 49; «Нов. Время» 1881 г., № 1798 (некрологъ, написанный Н. С. Лѣсковымъ); Н. С. Лѣсковъ. «Великосвѣтскій расколъ»; «Словарь Брокгауза», т. 23, стр. 64; Архивъ Департамента Герольдіи: Дѣло Лашкаревыхъ, 1837 г. *Б. Львовъ.*

Пейкеръ, *Николай Ивановичъ* (*Адамъ-Николай*), дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель, сынъ сенатора И. У. Пейкера (см. выше), род. въ Петербургѣ 9-го ноября 1809 г., воспитывался дома, а 15-го октября 1826 г. поступилъ на службу подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскій полкъ съ зачисленіемъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. 25-го марта 1828 г. П. былъ произведенъ въ прапорщики и немедленно отправился на театръ турецкой войны, гдѣ и участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Вернувшись съ полкомъ въ Петербургъ въ началѣ 1830 г., П. былъ назначенъ (31-го января) исправляющимъ должность старшаго адъютанта въ штабѣ оставшихся въ Петербургѣ войскъ Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса; въ 1832 году онъ женился на дочери сенатора И. Ѳ. Журавлева,—Любови Ивановнѣ и въ томъ же году, въ чинѣ подпоручика (съ 28-го января), опредѣленъ былъ исправляющимъ должность старшаго адъютанта въ Штабъ Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а 6-го декабря того же 1832 г. получилъ чинъ поручика съ утвержденіемъ въ должности адъютанта, и въ то же время состоялъ правителемъ дѣлъ Комитета училищъ солдатскихъ дѣтей, за труды въ которомъ получилъ брилліантовые перстни въ 1838 и 1842 годахъ; въ 1841 г. П. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и назначенъ состоять при Штабѣ Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса (13-го мая); 12-го января 1844 г. онъ былъ уволенъ отъ военной службы съ переименованіемъ въ надворные совѣтники, а черезъ недѣлю состоялось его назначеніе директоромъ Горыгорѣцкой земледѣльческой школы. Переходъ этотъ не долженъ казаться слишкомъ рѣзкимъ, ибо по наклонностямъ своимъ П. былъ страстный агрономъ: онъ настолько серьезно занимался этимъ дѣломъ, что еще въ 1836 г., въ чинѣ поручика, былъ избранъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества; поводомъ къ этому избранію послужили статьи, имъ написанныя, а также изданіе въ 1835 году «Карманной книжки для сельскихъ хозяевъ, содержащей въ себѣ полное собраніе главнѣйшихъ правилъ сельскаго хозяйства и разныхъ системъ раздѣленія полей, со всѣми исчисленіями, относящимися до полевыхъ работъ..., передѣланной изъ агрономическаго сочиненія г. Шнэ и примѣненной къ россійскому полеводству» (С.-Пб.); позднѣе, въ 1840 г. П. перевелъ и пополнилъ сочиненіе В. А. Крейссиха—«Совѣты о средствахъ противъ убытковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, причиняемыхъ вліяніемъ неблагопріятной погоды» (С.-Пб.). Въ 1846 году Н. И. былъ командированъ за-границу для изученія нѣкоторыхъ отраслей сельскаго хозяйства и для осмотра высшихъ сельско хозяйственныхъ учебныхъ заведеній въ Германіи. По преобразованіи школы въ Институтъ, П. былъ назначенъ его директоромъ (30-го іюня 1848 г.) и оставался на этой должности до 24-го апрѣля 1849 г., когда былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ чиномъ статскаго совѣтника. 3 го октября 1850 г. П. опредѣлился цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Тяжелая служба эта, сопряженная въ то время съ громадной отвѣтственностью, съ работой до потери зрѣнія, ставила цензора въ то непріятное положеніе, что часто приходилось дѣйствовать противъ убѣжденія, единственно въ силу существовавшей тогда строгости. Н. И. получилъ строгій выговоръ за то, что пропустилъ танецъ польку, названную «Мазепой». По отзыву А. В. Старчевскаго, П., «какъ цензоръ, былъ благороднѣйшая личность», хотя и отличался большою строгостью въ исполненіи своихъ обязанностей. Прослуживъ цензоромъ до 11-го апрѣля 1856 г., П. уволился отъ службы и въ слѣдующемъ году, по избранію дворянства С.-Петербургской губерніи, былъ назначенъ членомъ Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій; въ этомъ званіи пробылъ онъ два трехлѣтія. Въ 1861 г. П. принималъ ревностное участіе, въ качествѣ члена, въ Петербургскомъ Комитетѣ и коммиссіяхъ, учрежденныхъ для отмѣны крѣпостного права, и во временной коммиссіи по введенію въ дѣйствіе крестьянскаго положенія; за труды въ этомъ званіи П. въ

1861 же году получилъ Высочайшее благоволеніе и тогда же брилліантовый съ вензелемъ перстень за особые труды по званію члена Совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій; въ 1864 г. (19-го апрѣля) П. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а 6-го мая слѣдующаго года окончательно вышелъ въ отставку. Скончался онъ въ Петербургѣ 10-го іюня 1894 г.; погребенъ на Волковскомъ лютеранскомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ 1865 г.; Архивъ Департамента Герольдіи, дѣло Пейкеровъ 1889 г.; «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 529, 1890 г., т. LXV, стр. 32; «Историческій Вѣстникъ» 1890 г., т. XLI, стр. 535—536, 1891 г., т. XLV, стр. 584, 585, 587—590; «Письма А. П. Корнилова 1834—1845 гг.», С.-Пб., стр. 153; сообщеніе его сына генералъ-маіора Н. Н. Пейкера.

Б. М—ій.

Пейкеръ, *Платонъ Петровичъ*, генералъ-маіоръ, изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, родился 18-го ноября 1839 г.; воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда и поступилъ 30-го іюля 1858 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Стрѣлковый Его Величества баталіонъ; 23-го апрѣля 1861 г. онъ былъ произведенъ въ подпоручики, на слѣдующій годъ въ поручики и затѣмъ, получая чины въ послѣдовательномъ порядкѣ, 14-го марта 1873 г. произведенъ былъ въ полковники; 29-го марта 1863 г. П. былъ назначенъ помощникомъ начальника отдѣленія Штаба Отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, а 8-го сентября слѣдующаго года, по переименованіи этого Штаба въ Штабъ войскъ гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа, опредѣленъ туда помощникомъ старшаго адъютанта. Сентября 12-го 1874 г. П. былъ назначенъ въ Бахмутскій уѣздъ воинскимъ начальникомъ съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ, и въ этой должности оставался до 1-го января 1877 г., въ каковомъ году 7-го іюля ему поручено было исполненіе должности воинскаго начальника Тверского уѣзда. 18-го мая 1880 г. П. вышелъ въ отставку, съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Умеръ 31-го декабря 1882 г.

Полный послужной списокъ отъ 12-го марта 1880 г.; «Новое Время» 1883 г., № 2459; О. фонъ-Фрейманъ. «Пажи за 185 лѣтъ». Фридрихсгамъ. 1893 г., стр. 536.

Пекарскій, *Михаилъ Николаевичъ*, полковникъ, участникъ подавленія Пугачевскаго бунта, происходилъ изъ уфимскихъ дворянъ, род. около 1760 г., ум. въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія въ Уфѣ. П. оставилъ записки о пугачевщинѣ, напечатанныя В. И. Далемъ въ «Москвитянинѣ» М. П. Погодина за 1841 годъ (ч. III, № 6, стр. 438—464), подъ заглавіемъ: «Записки полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ, что нынѣ уральскіе, казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ донскомъ казакѣ Пугачевѣ». Разсказъ въ этихъ запискахъ очевидца — далеко недостовѣрный: перемѣшаны событія, искажены собственныя имена и страдаетъ хроника.

«Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ». (Изъ «Памятной книжки Уфимской губерніи», П. Гурвича, ч. II, Уфа. 1873 г., стр. 87, 88, 89); Р. Игнатьевъ. «Осада г. Уфы (тамъ же); Я. Гротъ. «Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. И. Пекарскомъ». С.-Пб. 1873 г., стр. 55; Н. Ѳ. Дубровинъ. «Пугачевъ и его сообщники», С.-Пб. 1884 г., т. II. стр. 102, 123, 313, 314; т. III, стр. 396.

Ив. Ефимовичъ.

Пекарскій, *Петръ Николаевичъ*, коллежскій совѣтникъ, губернскій предводитель дворянства Оренбургской губерніи, изъ уфимскихъ дворянъ, выходцевъ изъ Польши, род. 6-го декабря 1764 г. въ Уфѣ, ум. тамъ же 10-го сентября 1853 г. Выучившись грамотѣ у одного нѣмца, сосланнаго въ Уфу, П. вмѣстѣ съ своимъ меньшимъ братомъ, былъ записанъ въ пѣхотный полкъ, стоявшій тогда близъ Уфы; въ 1775 г. онъ сопровождалъ въ Петербургъ депутацію, посланную для принесенія вѣрно-подданнической благодарности императрицѣ Екатеринѣ II за милости, дарованныя Оренбургскому краю съ введеніемъ учрежденій для управленія губерніями; въ послѣдующее затѣмъ время П. служилъ въ полку, потомъ находился дежурнымъ штабъ-офицеромъ при намѣстникѣ А. А. Пеутлингѣ, а въ концѣ XVIII столѣтія былъ шефомъ и командиромъ Тептярскаго полка, который защищалъ Оренбургскую границу. Вышедши вскорѣ изъ военной службы, П. служилъ предводителемъ дворянства Оренбургской губерніи — сначала уѣзднымъ, а потомъ губернскимъ. Эта послѣдняя его служба совпала со временемъ нашествія непріятелей на Россію въ 1812 г., когда огромныя пожертво-

ванія дворянства и снаряженіе ополченій требовали особенныхъ трудовъ и заботливости отъ предводителей дворянства. За ревностные труды на этомъ поприщѣ П. удостоился награды орденами св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 4-й степени, а дворянство Оренбургское, признательное къ его заслугамъ, поднесло ему благодарственный адресъ. Проведя всю свою долголѣтнюю жизнь въ Оренбургскомъ краѣ, Пекарскій подробно зналъ его исторію, какъ очевидецъ и участникъ. Онъ былъ живою лѣтописью многихъ замѣчательныхъ для Оренбургскаго края событій.

«Оренбургскія Губернскія Вѣдомости» 1853 г., № 45, часть неоффиціальн., некрологъ П. Пекарскаго; «Памятная книжка Уфимской губерніи», П. Гурвича, ч. II, Уфа. 1873 г., стр. 89—92, статья «Извѣстія объ уфимскихъ дворянахъ Пекарскихъ»; Полное собраніе законовъ Россійской имперіи 1798 г., № 18.701; Я. Гротъ. «Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ. С.-Пб. 1873 г., стр. 55. *Ив. Ефимовичъ.*

Пекарскій, *Петръ Петровичъ*, академикъ Императорской Академіи Наукъ, сынъ предыдущаго, родился 19-го мая 1828 г. около Уфы. Закончивъ въ 1847 г. высшее образованіе въ Казанскомъ университетѣ по юридическому факультету со степенью кандидата, П. поступилъ 22-го апрѣля 1848 года на службу въ Оренбургское Губернское Правленіе помощникомъ столоначальника, а черезъ полъ-года былъ переведенъ въ Самарскую Удѣльную Контору. Въ ноябрѣ 1851 г. онъ перешелъ на службу въ Канцелярію Министерства Финансовъ гдѣ и оставался по февраль 1862 г. Ученыя работы П. стали появляться въ петербургской періодической печати съ 1855 г.; но только съ переходомъ на службу въ Государственный Архивъ на должность старшаго архиваріуса (29-го марта 1862 г., а съ 1864 г.—начальника отдѣленія), а особенно съ избраніемъ въ адъюнкты Академіи Наукъ (1863 г.), явилась П. возможность безъ помѣхи всецѣло отдаться историческимъ изысканіямъ. Экстраординарный академикъ съ 1864 г., ординарный съ 1868 г., возведенный 25-го апрѣля 1872 г. совѣтомъ Казанскаго университета въ степень доктора русской исторіи honoris causa, П. умеръ въ Павловскѣ 12-го іюля 1872 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; похороненъ онъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ въ С.-Петербургѣ.

Научная и литературная дѣятельность П. направлена была преимущественно на изученіе исторіи русскаго просвѣщенія XVIII столѣтія. Къ первому періоду этой дѣятельности (1855 –1862 гг.) относятся статьи въ «Современникѣ» [главнымъ образомъ: «Русскіе мемуары XVIII вѣка» (1855 года), «Поѣздка графа Матвѣева въ Парижъ» (1856 г.), «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи» (1857 г.), «Петербургская Старина» (1860 года)] и въ «Отечественныхъ Запискахъ» [напримѣръ: «Баронъ Гюйсенъ» (1860 г.), «Нейбауеръ и его брошюра противъ Россіи» (1860 г.), «Представители кіевской учености» (1862 г.)], служившія какъ бы введеніемъ въ его капитальный трудъ: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (2 т. С.-Пб. 1862 г.). Книга эта, увѣнчанная полною Демидовскою преміею въ 30-е ихъ присужденіе, представляетъ изъ себя, по выраженію А. В. Никитенко, «цѣлую библіотеку свѣдѣній о зачаткахъ нашего умственнаго движенія, возникшаго изъ реформъ Петра Великаго». Послѣднія десять лѣтъ жизни П. разрабатывалъ Архивъ Государственный («Маркизъ-де-ла-Шетарди въ Россіи, 1740—1742 гг.». С.-Пб. 1862 г.), приготовилъ къ печати два тома «Бумагъ императрицы Екатерины II» въ «Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (тт. VII и X); но главныя его занятія сосредоточились на архивѣ Академіи Наукъ: «Путешествія академика Н. І. Делиля», «Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова» (С.-Пб. 1865 г.), «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» (С.-Пб. 1867 г.), «Сношенія» его съ Академіею Наукъ, «Новыя извѣстія о В. Н. Татищевѣ» (С. Пб. 1864 г.), «Редакторъ сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 гг.» (С.-Пб. 1867 г.) и нѣкоторыя иныя предшествовали другому капитальному сочиненію Пекарскаго «Исторіи Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ» (С.-Пб. 1870 — 1873 гг.). Смерть помѣшала П. довести до конца свой трудъ, остановившійся на 1767 г. Другія работы П.: «Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II» (С.-Пб. 1863 г.), изданія: «Слово о полку

Игоревѣ», по списку XVIII вѣка; «Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву» (совмѣстно съ Я. К. Гротомъ) и «Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ». Полный перечень трудовъ П. помѣщенъ въ «Русской Старинѣ» 1872 г. (102 №№, въ томъ числѣ 18 статей на буквы А и Е. въ «Энциклопедическомъ Словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами»).

Архивный работникъ по преимуществу, Пекарскій можетъ служить образцомъ неутомимаго трудолюбія, рѣдкаго постоянства и вѣрности разъ намѣченной цѣли. Точный и методичный въ занятіяхъ, онъ работалъ неуклонно и упорно. Но тотъ ошибется, кто захочетъ въ его произведеніяхъ найти законченное изображеніе прошлой жизни: коллекторъ зачастую перевѣшиваетъ въ П. историка. Не будучи издателемъ собственно матеріаловъ, онъ не былъ и ихъ изслѣдователемъ. Черезъ мѣру осторожный, П. точно пугался дѣлать выводы, напрашивавшіеся изъ богатаго матеріала, находившагося въ его рукахъ. Нисколько не заботясь объ отдѣлкѣ, нерѣдко излагая свою мысль языкомъ тяжелымъ, П. выходилъ изъ того убѣжденія, что время для обобщеній еще не наступило. Чуждый критики, онъ ограничивался поэтому сухимъ изложеніемъ фактовъ, разработкою чисто матеріальной стороны дѣла, довольствуясь ролью добросовѣстнаго фотографа. Быть можетъ, нигдѣ эти черты не выступаютъ такъ ярко, какъ въ обоихъ главныхъ трудахъ П.: «Наука и литература при Петрѣ Великомъ» — собственно пересказъ документовъ или дословныя выдержки изъ нихъ, а «Исторія Академіи Наукъ», составленная по тому же плану, скорѣе біографическій словарь членовъ Академіи, чѣмъ ея «исторія». Передача матеріала въ полусыромъ видѣ лишила трудъ стройности и единства; передъ читателемъ не картина внутренней жизни учрежденія, а лишь перечень внѣшнихъ событій.

За то, благодаря указанному методу, въ трудахъ П. рѣзко выдѣляется другая черта: документальность изложенія, обиліе новыхъ свѣдѣній, положительность и достовѣрность въ передачѣ фактовъ. Добросовѣстность автора позволитъ любому изслѣдователю спокойно опереться на нихъ. Труды П. еще долго будутъ играть роль первоисточника, всегда богатаго и обильнаго. Два главныхъ его труда—незамѣнимая и, можно сказать, настольная книга для историка русскаго просвѣщенія первой половины XVIII столѣтія.

Я. К. Гротъ. «Воспоминаніе о П.» въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 г., 1-го августа и въ «Запискахъ Академіи Наукъ», т. XXII; А. В. Никитенко — въ «Отчетѣ II-го Отдѣленія Академіи Наукъ за 1872 г.»—тамъ же; «Русская Старина» 1872 г., т. VI; Некрологъ П. — въ «Вѣстникѣ Европы» 1872 г., № 9.

Е. Шмурло.

Пекарскій, *Францъ Игнатьевичъ*, врачъ; воспитывался на казенный счетъ въ Виленскомъ университетѣ, въ 1826 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія и былъ назначенъ врачемъ въ гор. Камышловъ, Пермской губерніи, но тогда же защитилъ диссертацію на степень доктора медицины и былъ посланъ въ Ялтинскую заставу Ѳеодосійскаго карантина. Въ слѣдующемъ году Пекарскій былъ назначенъ штабъ-лѣкаремъ Керченскаго карантиннаго дома, въ 1828 г. тамъ же — главнымъ медицинскимъ чиновникомъ, въ 1830 г.— инспекторомъ Одесскаго врачебнаго управленія, а въ 1840 г.—инспекторомъ Керченскаго карантина. Въ томъ же году онъ былъ уволенъ; имѣлъ чинъ статскаго совѣтника. П. напечаталъ: «De maxillae inferioris amputatione et partiali extirpatione». Dissertatio D. M. Vilnae. 1826. 8°.

Змѣевъ. Русскіе врачи писатели, т. II, С.-Пб. 1886, стр. 49.

Н. Кульбинъ.

Пеккенъ, *Карлъ Христіановичъ*, генералъ-маіоръ, родственникъ слѣдующихъ; венгерецъ по происхожденію, онъ родился въ г. Ризенау въ 1729 г. и былъ сыномъ доктора медицины; въ 1751 г. П. поступилъ на службу, «изъ цесарскихъ волонтеровъ», прапорщикомъ во 2-й ландмилицкій гренадерскій полкъ, стоявшій тогда въ Лифляндіи, а въ слѣдующемъ году переведенъ былъ въ Ревскій ландмилицкій же полкъ, гдѣ въ 1757 г. получилъ чинъ поручика; въ слѣдующемъ году (22-го октября) онъ произведенъ былъ въ капитаны съ переводомъ въ Желтый гусарскій полкъ. Затѣмъ П. служилъ: съ 1759 г. въ Молдавскомъ (затѣмъ Самарскомъ поселенномъ), съ 1765 г.—въ Бахмутскомъ, съ

1770 г.—въ Луганскомъ инженерномъ полку съ чиномъ премiеръ-маiора; въ томъ же полку онъ получилъ чины: подполковника (8-го августа 1773 г.) и полковника (22-го октября 1779 г.). Въ 1782 г. (3-го августа) П. былъ назначенъ комендантомъ въ крѣпость Азовъ, съ производствомъ въ бригадиры. Занимая эту должность, П. 8-го iюня 1797 г. получилъ чинъ генералъ-маiора, а 9-го апрѣля 1798 г. вышелъ въ отставку.

Боевая дѣятельность Пеккена выразилась въ участiи его въ 1759 г. въ войнѣ съ Пруссiей, во время которой онъ былъ въ сраженiи при Пальцигѣ и Франкфуртѣ, а въ слѣдующемъ году, въ бытность въ Померанiи, былъ взятъ въ плѣнъ. Съ 1769 г. онъ находился въ Крымскомъ и Турецкомъ походахъ и въ разныхъ сраженiяхъ 1770—1774 г. въ Крыму и на Кавказѣ. Въ 1774 г. участвовалъ въ дѣйствiяхъ противъ Пугачева, а въ 1775 году былъ командированъ въ Оренбургскую губернiю для защиты Самарской и Уральской линiи отъ набѣговъ киргизовъ.

Московское Отдѣленiе Общаго Архива Главнаго Штаба: формулярные списки за 1798 г., № 258. *Б. Гарскiй.*

Пеккенъ, *Матвѣй Христiановичъ*, врачъ, профессоръ, сынъ слѣдующаго; родился въ Петербургѣ въ 1755 г., умеръ 6-го ноября 1819 г.; образованiе получилъ въ Гёттингенѣ, тамъ же былъ удостоенъ степени доктора медицины, затѣмъ вернулся въ Россiю, экзаменовался въ Медицинской Коллегiи у Аша и Лерхе и 3-го сентября 1779 г. (спустя десять дней послѣ смерти своего отца) получилъ право практики въ Россiи. Въ ноябрѣ того же года онъ былъ опредѣленъ на службу въ С.-Петербургскiй Генеральный адмиралтейскiй Госпиталь младшимъ врачемъ (съ жалованьемъ по 300 рублей и казенной квартирой). Пеккенъ просилъ о томъ, чтобы ему было поручено читать лекцiи по акушерству въ обоихъ петербургскихъ госпиталяхъ; Медицинская Коллегiя приняла его предложенiе и въ мартѣ 1781 г. назначила ему 150 рублей прибавки къ жалованью за предположенный курсъ, а въ маѣ того же года онъ былъ переведенъ въ Кронштадтскiй Генеральный адмиралтейскiй Госпиталь лекцiоннымъ докторомъ вмѣсто Максимовича-Амбодина, который былъ переведенъ въ Петербургъ къ повивальному дѣлу (10-го мая 1781 г.).

Пеккенъ преподавалъ въ Кронштадтѣ различные медицинскiе предметы; 6-го декабря 1783 г. онъ получилъ званiе профессора, а лѣтъ черезъ десять сталъ проситься къ какой-либо изъ столичныхъ госпиталей; въ 1786 г. (4-го декабря) онъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника.

Въ то время были предприняты коренныя преобразованiя въ постановкѣ русскихъ врачебныхъ школъ. Еще въ 1763 г. былъ учрежденъ «факультетъ медицинскiй подъ правленiемъ двухъ департаментовъ: перьвой есть Коллегiя Медицинская, а другой—Канцелярiя».

Затѣмъ, въ 1786 г. русскiя медицинскiя школы были отдѣлены отъ госпиталей, сдѣланы самостоятельными и получили названiе медико-хирургическихъ училищъ. Въ 1789 г. начальникъ Медицинской Коллегiи, главный директоръ, баронъ фонъ-Фитингофъ, представилъ Екатеринѣ II-й докладъ, въ которомъ говорилъ, что Коллегiя неспособна доводить учащихся до докторской степени, «потому что не въ такомъ образѣ теперь существуетъ ученiе», и предлагалъ учредить новую высшую медицинскую школу. При докладѣ былъ приложенъ проектъ устава будущей академiи, который, по мнѣнiю проф. Скориченко, былъ составленъ докторомъ Тереховскимъ.

Коллегiя была устранена отъ участiя въ дѣлѣ, которое по закону входило въ ея прямыя обязанности; Фитингофъ получилъ высшую санкцiю, назначилъ въ предположенную академiю профессоровъ, а директоромъ опредѣлилъ Матвѣя Христiановича Пеккена, которому и поручилъ доставить Коллегiи уставъ новаго училища. Между тѣмъ, Фитингофъ заболѣлъ и вскорѣ скончался; преемникомъ его былъ назначенъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, талантливый и гуманный администраторъ, будущiй основатель Медико-Хирургической Академiи.

Профессоръ Пеккенъ, вызванный въ 1791 г. изъ Кронштадта Фитингофомъ и назначенный директоромъ проектированной академiи, завѣдывалъ ея устройствомъ и постройкой для нея

зданія на Аптекарскомъ островѣ. По смерти Фитингофа, Коллегія немедленно учинила опредѣленіе: «какъ уже по смерти главнаго директора въ оном Пеккенѣ надобности здѣсь не состоитъ,—потому, дабы при настоящемъ его мѣстѣ въ Кронштадтскомъ медико-хирургическомъ училищѣ юношество ученія болѣе не лишалось,—явился онъ по прежнему къ своему мѣсту до будущаго впредь положенія о врачебномъ училищѣ». Пеккенъ отвѣчалъ, что покойный главный директоръ поручилъ ему установленіе и смотрѣніе надъ новоучрежденнымъ врачебнымъ училищемъ». «Поелику таковая возложенная на него должность требуетъ его здѣсь пребыванія и поелику оное училище благосоизволеніемъ ея императорскаго величества нынѣ уже открываемо быть долженствуетъ и поелику въ оном училищѣ велѣніемъ покойнаго главнаго директора онъ уже устроился и расположился со всей семьей въ назначенныхъ для него покояхъ, то онъ, слѣдовательно, безъ вышняго на то повелѣнія отъ даннаго ему мѣста отдалиться не смѣетъ и повелѣніе Коллегіи о возвращеніи въ Кронштадтъ исполнить не можетъ. Наипаче болѣзнь воспрещаетъ оное, такожде и препорученные отъ директора переводы учебныхъ книгъ требуютъ пребыванія въ С.-Петербургѣ въ разсужденіе потребныхъ ему ученыхъ пособій». Въ прошеніи, поданномъ ея императорскому величеству, онъ изложилъ все дѣло и ждалъ отвѣта. Однако Пеккену не было суждено окончить дѣло, порученное ему Фитингофомъ. Коллегія обратила вниманіе Васильева на то, что «нельзя толико важное дѣло поручать одному человѣку, когда объ оном заботиться долженствуетъ вся Коллегія, а на сіе она имѣетъ право по инструкціи. Пеккенъ въ своей должности не утвержденъ да и не будетъ утверждаемъ Коллегіей. О томъ, что ему поручены переводы, Коллегіи неизвѣстно; она ему ничего не поручала, да таковыя обязанности отвлекаютъ профессора отъ ученія. Что же касается болѣзни, то странно, что больной человѣкъ не отказывается отъ столь труднаго дѣла, какъ устройство новаго училища».

Васильевъ согласился съ мнѣніемъ Коллегіи, и Пеккенъ, по выраженію проф. Скориченка, былъ отправленъ въ почетную ссылку. Коллегія назначила его старшимъ докторомъ Рижскаго полевого госпиталя. Коллегія вообще была противъ учрежденія новаго училища и предлагала усилить преподаваніе въ имѣвшихся уже школахъ, а недостроенное зданіе на Аптекарскомъ островѣ обратить въ фабрику хирургическихъ инструментовъ.

Пеккенъ не согласился ѣхать въ Ригу и 24-го марта 1793 г. вышелъ въ отставку, послѣ чего переѣхалъ въ Москву и тамъ поселился. Московскій климатъ, увѣрялъ онъ, оказался такъ для него хорошъ, что онъ намѣренъ всю жизнь тамъ прожить; въ то же время онъ снова просилъ назначить его преподавателемъ и осенью того же года былъ опредѣленъ въ Московскій госпиталь профессоромъ патологіи и медицинской практики, вмѣсто проф. Александра Шумлянскаго, который былъ переведенъ къ повивальному дѣлу (11-го ноября 1793 г.).

16-го октября 1794 г. Шумлянскій и Пеккенъ «по своимъ талантамъ, трудолюбію, учености и нѣкоторыми сочиненіями прославившіеся», были признаны почетными членами Медицинской Коллегіей, смѣнившей гнѣвъ на милость.

Въ 1795 г., послѣ преобразованія столичныхъ медицинскихъ школъ, профессорамъ было предоставлено избрать адъюнктовъ, и 30-го сентября того же года, по желанію Матвѣя Пеккена, къ нему былъ назначенъ адъюнктомъ лѣкарь Ефремъ Мухинъ, состоявшій до этого времени при Московскомъ университетѣ. При помощи Мухина Пеккенъ учредилъ по указу Медицинской Коллегіи, 29-го января 1797 г., въ Московскомъ госпиталѣ «постоянную клиническую палату», которая была открыта 10-го февраля 1797 г. Это была первая терапевтическая клиника въ Россіи, устроенная по заграничному образцу и снабженная всѣмъ необходимымъ. Въ первое время въ клиникѣ было только 10 кроватей. 10-го февраля 1812 г. Пеккенъ удостоился избранія въ число почетныхъ членовъ Медико-хирургической Академіи.

Пеккенъ считался выдающимся практикомъ и очень способнымъ и добросовѣстнымъ преподавателемъ. Одною изъ главнѣйшихъ его заслугъ было то, что

онъ составилъ и перевелъ нѣсколько полезныхъ учебниковъ.

Онъ напечаталъ: «Физіологія, или наука о естествѣ человѣческомъ; соч. д. м. Матвѣя Пекена». С.-Пб., 1788 г.; «Начальныя основанія дѣятельныя врачебныя науки; ч. I, о лихорадкахъ; соч. Матвѣя Пекена». С.-Пб., 1790 г. (то же вошло въ книгу «О сохраненіи здравія»); «Начальныя основанія рукодѣятельныя врачебныя науки» (т.-е. хирургіи); соч. г. Рихтера перев. съ нѣм., 7 частей, съ фигурами. С.-Пб. 1790, 1801, 1809, 1814. (Первыя четыре части перевелъ проф. М. Х. Пекенъ, а послѣднія три—В. Джунковскій; «Домашній лѣчебникъ, или простой способъ лѣченія болѣзней; соч. Христ. Пекеномъ, исправл. и знатно дополненный Матв. Пекеномъ». 2 ч., М., 1797 г. (2 первыхъ изданія были напечатаны его отцомъ; та-же книга выдержала въ 1800 г. 4-е изданіе); «О сохраненіи здравія и жизни; соч. медицины доктора М. Пекена», 3 ч., М., 1801 г.; то же, изд. II-е съ дополн., 3 ч. М., 1812 г.; «Домашняя аптека» М., 1801 г.

Я. Чистовичъ. «Исторія первыхъ медицинск. школъ въ Россіи». С.-Пб. 1883 г.; «Исторія Имп. Военно-Мед. Акад. за 100 л.». С.-Пб. 1898 г., введеніе, составленное проф. Скориченкомъ, стр. 15—30 и прибавл., стр. 199; В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту россійск. библіогр.» В. С. Сопикова. Москва. 1900 г., стр. 162; В. Сопиковъ. «Опытъ россійск. библіографіи». С.-Пб. 1813—1821 г., №№ 5961, 6681, 6688, 11139, 11140, 12366; В. Рихтеръ. «Истор. медиц. въ Россіи», ч. III. Москва. 1820 г.; «Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ.», т. 62. С.-Пб. 1888 г.; Л. Ѳ. Змѣевъ. «Чтенія по исторіи медиц. въ Россіи»; С.-Пб. 1896 г.; Митроп. Евгеній. «Словарь русскихъ свѣтск. писателей», т. I, 116. Москва. 1845 г.; Виларе. «Энц. мед. слов.» пер. подъ ред. проф. Тарханова, т. III, С.-Пб. 1893 г., стр. 118.

Н. Кулябинъ.

Пеккенъ, *Христіанъ* (Christian Pecken), врачъ, отецъ предыдущаго, родомъ венгерецъ, родился въ городѣ Ризенау, умеръ въ Петербургѣ 24-го августа 1779 г. Сперва П. учился математикѣ, а потомъ—врачебному искусству—въ Виттенбергѣ и Галле. Въ 1751 г. представилъ и защитилъ диссертацію «De causis et effectis plethorae» и получилъ въ Виттенбергѣ степень доктора медицины. Вернувшись на родину, Пеккенъ занялъ должность физика въ графствѣ Геммеръ; въ 1754 году онъ былъ уволенъ отъ службы, а въ 1755 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ поступилъ на государственную службу и былъ назначенъ врачемъ въ госпиталь; кромѣ того, онъ былъ врачемъ въ кадетскомъ корпусѣ. Назначенный членомъ Медицинской Коллегіи, Пеккенъ заслужилъ особое довѣріе своихъ сослуживцевъ и былъ избранъ на должность ученаго ея секретаря. Въ 1777 г. Коллегія составила и разсмотрѣла, при участіи всѣхъ петербургскихъ врачей и аптекарей, россійскую фармакопею («Pharmacopaea Rossica»), и Пеккенъ принималъ дѣятельное участіе въ этомъ изданіи; въ 1778 г. оно было напечатано подъ его надзоромъ. Въ 1770 г., лѣтомъ, Пеккенъ былъ посланъ въ Смоленскъ для осмотра карантиновъ; по соглашенію съ губернаторомъ Т. П. Текутьевымъ, онъ составилъ планъ карантиннаго дома на форпостѣ и прислалъ его на утвержденіе въ Коллегію, которая представила этотъ планъ въ Сенатъ. Въ Смоленскѣ Пеккенъ пробылъ болѣе года и, послѣ прекращенія чумы въ Москвѣ, вернулся въ Петербургъ. При этомъ возникла очень интересная переписка о его казенномъ содержаніи; въ командировкѣ онъ получалъ полное содержаніе: 800 р. за прежнюю службу въ госпиталѣ и кадетскомъ корпусѣ, 300 р.—въ качествѣ члена Медицинской Коллегіи и 400 р.—въ качествѣ ученаго ея секретаря. Вернувшись изъ командировки, онъ сохранилъ то же содержаніе, хотя уже не служилъ нигдѣ, кромѣ Коллегіи. За разрѣшеніемъ вопроса обратились въ высшія инстанціи, и Высочайше утвержденный 29-го декабря 1775 г. докладъ Сената утвердилъ за Пеккеномъ полное содержаніе, основываясь на формулѣ: «что разъ Высочайше даровано, то уже не отнимается». Въ 1779 г., 21-го мая, Пеккенъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники, а 24-го августа того же 1779 года умеръ.

По порученію Медицинской Коллегіи, Пеккенъ составилъ первую въ Россіи народную врачебную книгу подъ названіемъ: «Домашній лечебникъ, или простой способъ леченія болѣзней, сочиненный Христіаномъ Пеккеномъ; перевелъ съ нѣмецкаго Алексѣй Протасовъ». С.-Пб. 1765 г., 8°; то же, 2-е изданіе. М. 1786 г.; та же книга, исправленная и «знатно» дополненная его сыномъ Матвѣемъ, выдержала еще два изданія (см. выше). Кромѣ того онъ напечаталъ:

«Способъ, какъ сельскимъ обывателямъ пользовать себя въ оспѣ» (перевелъ академикъ А. П. Протасовъ) въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», ч. II, стр. 220 и отдѣльное изданіе—С.-Пб. 1765 г.

Я. Чистовичъ. «Исторія перв. мед. школъ въ Россіи». С.-Пб. 1883 г.; В. Рихтеръ. «Ист. мед. въ Россіи», ч. III. М. 1820, 16°, стр. 505; А. Никитинъ. «Краткій обзоръ сост. мед. въ Россіи въ царств. имп. Екатер. II». С.-Пб. 1855 г., стр. 56; В. Сопиковъ. «Опытъ россійск. библіографіи». С.-Пб. 1813—1821 г., №№ 2010, 5960—5961, 11203 и т. II, стр. 395; В. Н. Рогожинъ. «Указатель къ «Опыту россійской библіогр.» Сопикова; М. 1900 г., стр. 162; А. Н. Неустроевъ. «Указатель къ русск. поврем. изд. и сборникамъ за 1703—1802 гг.» С.-Пб. 1898, стр. 538; Его же. «Истор. розысканіе о русск. поврем. изданіяхъ». С.-Пб. 1874 г.; Джунковскій. «Всеобщ. журн. врач. науки». 1811 г., № 3, стр. 44; А. И. Ходневъ. «Исторія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества». С.-Пб. 1865 г., стр. 3, 8, 12, 297, 314, 320 и 657.

Н. Кульбинъ.

Пелатье, *Францъ*, адъюнктъ химіи и хирургіи Казанскаго университета; сынъ купца, родился во Франціи въ 1798 году, воспитывался въ Парижѣ и Монпелье и въ 1816 г. получилъ степень баккалавра словесности, а въ 1820 г.—доктора медицины. До пріѣзда своего въ Россію въ 1822 г. занимался медициной во Франціи. Въ 1823 г., 5-го мая, П. находившійся, вѣроятно подъ покровительствомъ попечителя округа М. Л. Магницкаго, былъ опредѣленъ, помимо совѣта университета, адъюнктомъ химіи и хирургіи; въ 1824 г. онъ былъ представленъ ректоромъ Фуксомъ къ избранію въ ординарные профессора, но былъ забаллотированъ; въ то же время онъ производилъ изслѣдованіе Сюкеевскихъ (близъ г. Тетюшъ) минеральныхъ водъ. Представленные П. въ 1824 г. два сочиненія: «Исторія химіи» и «О пользѣ химіи» не были приняты факультетомъ. Съ 1825 г. П. въ университетъ не появлялся, поселившись, вѣроятно въ качествѣ домашняго врача, въ имѣніи кн. Грузинскаго—селѣ Лысковѣ (Нижегородской губерніи). Судьба П. послѣ 1828 г. неизвѣстна.

Н. П. Загоскинъ. Дѣятели Импер. Казанскаго Университета 1805—1900 г. Казань. 1900 г., стр. 146.

Пелегрини, *Францъ*, художникъ; воспитывался въ Императорской Академіи Художествъ съ 1797 по 1809 г.; въ 1808 году получилъ по 2-й серебряной медали: за рисунокъ и за живопись съ натуры, а затѣмъ, исполнивъ эскизъ на золотую медаль по портретной живописи на тему: «Священникъ, толкующій двумъ молодымъ людямъ заповѣди Божіи», получилъ отъ Академіи, при выпускѣ, аттестатъ 1-й степени. Вѣроятно сынъ его, Александръ Францевичъ П., преподававшій рисованіе въ московскомъ учебномъ заведеніи Дюкерле (1829 г.), въ 1830—1840 гг. работалъ въ Москвѣ, какъ живописецъ миніатюристъ.

Н. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. 1, С.-Пб. 1899 г., стр. 66.

Пелепелицынъ, *Василій*, дьякъ. Въ 1575—1578 г. былъ головою въ г. Арскѣ, съ 1580 года воеводою и намѣстникомъ Чердынскимъ. Во время его воеводства Строгановы, владѣвшіе на обширномъ пространствѣ землями въ томъ краѣ и обязавшіеся защищать этотъ край на свои средства, призвали на службу къ себѣ Ермака, атамана казаковъ, грабившихъ тогда по Волгѣ купеческіе и царскіе караваны и уже назначенныхъ къ поимкѣ и осужденныхъ заочно на казнь. Призвавъ Ермака Тимоѳеевича съ его казаками, присоединивъ къ нимъ своихъ ратныхъ людей, снабдивъ ихъ съѣстными и боевыми припасами и одеждою, давши проводниковъ, знакомыхъ съ Сибирскими путями и языками Сибирскихъ народовъ, Строгановы отпустили ихъ всѣхъ въ походъ въ Сибирь на Сибирскаго султана. Неожиданно и случайно, какъ разъ въ тотъ же день, 1-го сентября 1581 г. Пелымскій князь, собравъ толпы пелымцевъ, вогуличей, вотяковъ и др. инородцевъ, напалъ на Пермскія мѣста—Чердынь и владѣнія Строгановыхъ. Строгановы, не имѣя достаточной защиты, не могли сдержать этого нападенія: Пелымскій князь произвелъ сильныя опустошенія, а Строгановы послали жалобу къ Іоанну Грозному прося его помощи; царь поручилъ Пермскому воеводѣ и намѣстнику князю Елецкому собрать земское ополченіе въ 200 чел. ратниковъ на помощь Строгановымъ. Въ слѣдующемъ 1582 году, можетъ быть по долгу службы, а можетъ быть, (какъ предполагаетъ Соловьевъ), не поладивъ со Строгановыми, Пелепелицынъ, какъ Чердынскій воевода, отписалъ государю

и жаловался, что Строгановы, вмѣсто защиты Пермскаго края, послали казаковъ воевать Сибирскаго султана. Результатомъ донесенія Пелепелицына была грозная грамата государева, повелѣвавшая воротить казаковъ, часть ихъ и ратныхъ людей оставить для охраны края, а остальную отправить въ Чердынь и вмѣстѣ съ Пелепелицынымъ воевать вогуличей и остяковъ за нанесенныя ими обиды.

«Древн. Росс. Вивл.», кн. XIV, отд. XI, стр. 347, отд. XII, стр. 365; «Сибирскій сборникъ» (Разряды), кн. I, стр. 56, 65; Соловьевъ, «Ист. Россіи» изд. 1871 г., т. VI, стр. 375, 376, доп. XXII; Карамзинъ, «Ист. Гос. Росс.», т. IX, стр. 383; «Доп. къ Акт. Истор.», т. I, 184—185.

Н. Воронковъ.

Пелехинъ, *Иванъ Павловичъ*, врачъ, братъ слѣдующаго, родился въ 1810 г.; врачебное образованіе получилъ въ Медико-хирургической Академіи, въ которую поступилъ въ 1829 г. Окончивъ курсъ въ 1834 г. съ званіемъ лѣкаря 1-го отдѣленія, Пелехинъ былъ назначенъ ординаторомъ въ Севастопольскій морской госпиталь; въ 1838 г. онъ былъ переведенъ на такую же должность въ Петербургскій морской госпиталь и въ томъ же году былъ признанъ штабъ-лѣкаремъ въ Медико-хирургической Академіи. Въ 1839 г. Пелехинъ былъ назначенъ репетиторомъ при каѳедрѣ судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены въ Медико-хирургической Академіи и былъ помощникомъ у своего брата. Обязанности его въ Академіи состояли въ повтореніи студентамъ профессорскихъ лекцій; кромѣ того, онъ долженъ былъ присутствовать при лекціяхъ, наблюдать за поведеніемъ и прилежаніемъ студентовъ, приготовлять все необходимое для судебно-медицинскихъ вскрытій и судебно-химическихъ изслѣдованій и помогать при нихъ профессору, а также вести переписку съ полиціей. Въ отсутствіе профессора и при его болѣзни репетиторъ былъ обязанъ самостоятельно производить судебно-медицинскія вскрытія. Въ 1843 г. въ Академіи были уничтожены всѣ должности репетиторовъ, и въ сентябрѣ этого года, П., по просьбѣ проф. Н. И. Пирогова и проф. Петра Пелехина (его брата), былъ опредѣленъ вторымъ ассистентомъ при каѳедрѣ патологической анатоміи и госпитальной хирургіи «для производства въ госпиталѣ и клиникахъ химическихъ изслѣдованій мертвыхъ тѣлъ въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи». Вмѣстѣ съ тѣмъ Пелехинъ долженъ былъ состоять при каѳедрѣ судебной медицины «для распознаванія составныхъ частей жидкостей, въ мертвыхъ тѣлахъ находящихся».

16-го іюня 1845 г. попечитель Академіи прислалъ предписаніе уволить П., такъ какъ онъ не имѣлъ степени доктора медицины, необходимой для ассистентовъ. Конференція ходатайствовала за него, основываясь на томъ, что онъ уже началъ держать докторскіе экзамены, но тѣмъ не менѣе П. былъ уволенъ министромъ 5-го августа 1845 г.; послѣ него ассистентомъ къ каѳедрѣ судебной медицины былъ назначенъ бывшій помощникъ Эйхвальда, адъюнктъ-профессоръ Ярошевскій. П. считался въ Академіи спеціалистомъ-химикомъ; будучи репетиторомъ, онъ оставался въ то-же время ординаторомъ С.-Петербургскаго Морского госпиталя.

А. К. Европинъ. «Историческій очеркъ каѳедры судебной медицины», С.-Пб. 1898, стр. 79—83; З. Г. Суровцовъ. Матеріалы для исторіи каѳедры гигіены, С.-Пб. 1898 г., стр. 16—17; Проф. А. И. Таренецкій. Каѳедра и музей нормальной анатоміи. С.-Пб. 1895 г., стр. 163; Исторія Военно-медицинской Академіи за сто лѣтъ. С.-Пб. 1898 г., стр. 383 и 409 и въ прибавленіи стр. 230.

Н. Кульбинъ.

Пелехинъ, *Петръ Павловичъ*, врачъ, профессоръ Императорской Медико-хирургической Академіи, братъ предыдущаго; родился въ 1789 г., умеръ 22-го сентября 1871 г. Происходилъ изъ семьи бѣднаго священника Кіевской губерніи и воспитывался первоначально въ Кіевской Духовной Академіи, гдѣ въ 1811 г. окончилъ курсъ, а затѣмъ остался въ ней учителемъ грамматическихъ классовъ и преподавалъ нѣмецкій, французскій и древне-еврейскій языки и церковную исторію. Не удовлетворенный этой дѣятельностью, Пелехинъ задумалъ учиться медицинѣ и въ 1820 г., прослуживъ въ Духовной Академіи 9 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ и сдѣлавъ кое-какія сбереженія изъ своего небольшого содержанія, вышелъ въ отставку, а 28-го сентября того же года, на 32-мъ году жизни, поступилъ волонтеромъ въ Императорскую Медико-хирургическую Академію. Въ Академіи онъ занимался очень

успѣшно и въ 1824 году окончилъ курсъ по первому разряду, а академическая Конференція наградила его золотою медалью, оставила для исполненія должности адъюнктъ-профессора физіологіи и патологіи и въ 1825 г. избрала въ число 4-хъ лѣкарей, отправляемыхъ за-границу. Пелехинъ, бывшій однимъ изъ бѣднѣйшихъ вольнослушателей Академіи, подалъ въ Конференцію просьбу о выдачѣ ему заимообразно нѣкоторой суммы денегъ, которую онъ могъ бы послать бѣднымъ престарѣлымъ родителямъ, получавшимъ отъ него и до того времени матеріальную поддержку. Конференція уважила просьбу Пелехина и исходатайствовала ему 2 000 р., которые были выданы ему съ обязательствомъ отслужить въ военномъ вѣдомствѣ извѣстное число лѣтъ въ качествѣ казеннокоштнаго воспитанника Академіи. При отправленіи за-границу Пелехину было рекомендовано заниматься спеціально фармакологіей, токсикологіей, гигіеной и терапіей. Отправленіе молодыхъ врачей за-границу практиковалось Академіей въ описываемое время еще въ первый разъ. Всѣмъ имъ была дана подробная и краснорѣчивая инструкція, содержавшая не только планъ занятій, но и отеческое наставленіе съ подробными правилами жизни. Эта инструкція приведена цѣликомъ въ «Исторіи Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ» (стр. 293 — 296). Въ теченіе двухлѣтняго пребыванія въ Германіи Пелехину и его товарищамъ выдавалось по 1.000 р. серебромъ въ годъ, а въ теченіе такого же пребыванія въ Англіи—по 1.500 р.

Въ мартѣ 1825 г. Пелехинъ отправился за-границу. Осмотрѣвъ университеты и медицинскія учрежденія въ Лембергѣ и Краковѣ, онъ остановился въ Вѣнѣ и тамъ, заручившись покровительствомъ профессора Франка, которому русское консульство поручило оказывать содѣйствіе русскимъ врачамъ, слушалъ лекціи по фармакологіи, токсикологіи, гигіенѣ и терапіи. Изъ Вѣны онъ отправился въ Берлинъ, затѣмъ—въ Бреславль и Парижъ, во всѣхъ этихъ городахъ слушая университетскія лекціи; въ 1827 г. онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Іенскаго минералогическаго общества. Въ 1828 г. Пелехинъ продолжалъ свое научное усовершенствованіе въ Лондонѣ и былъ избранъ почетнымъ членомъ Дженнеровскаго общества, затѣмъ выдержалъ въ Эдинбургѣ экзамены на званіе хирурга, тамъ-же представилъ диссертацію «De neurosibus in genere», защитивъ которую получилъ степень доктора медицины, а на слѣдующій день былъ избранъ членомъ Королевскаго физическаго эдинбургскаго общества. Лѣтомъ 1829 г. онъ былъ въ голландскихъ университетахъ и затѣмъ снова слушалъ лекціи въ Парижѣ. Въ теченіе описываемаго путешествія Пелехинъ былъ избранъ членомъ многихъ заграничныхъ медицинскихъ обществъ. Мы уже упоминали о признаніи его научныхъ заслугъ въ Іенѣ, Лондонѣ и Эдинбургѣ; кромѣ того, онъ былъ избранъ корреспондентомъ Медико-хирургическаго общества въ Берлинѣ, корреспондентомъ Бреславскаго общества для отечественнаго усовершенствованія (въ 1829 г.) и членомъ Медико-хирургическаго общества въ Лондонѣ (въ 1830 г.).

Въ 1829 г. Пелехинъ вернулся въ Россію и 26-го августа того-же года былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнктъ-профессора окулистики (глазныхъ болѣзней) при проф. Груби, при чемъ ему была предоставлена небольшая глазная клиника. Въ томъ-же году онъ выдержалъ докторскіе экзамены и получилъ отъ Медико-хирургической Академіи званіе доктора медицины безъ диссертаціи, «honoris causa»; 29-го августа 1830 г., послѣ прочтенія въ Конференціи пробной лекціи «de amaurosibus» (на латинскомъ языкѣ) и другой пробной лекціи «объ искусственномъ зрачкѣ» (на русскомъ языкѣ), онъ былъ утвержденъ въ званіи адъюнктъ-профессора, но вслѣдъ за тѣмъ былъ вынужденъ покинуть Академію на нѣсколько лѣтъ.

Въ то время въ Россіи свирѣпствовала холера, и правительствомъ была созвана коммиссія для изученія и прекращенія этой эпидеміи. Пелехинъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи, въ которой участвовали, кромѣ него, профессора Медицинской Академіи Калинскій и Горяиновъ, и посланъ въ Саратовъ, а затѣмъ въ Астрахань, гдѣ и пробылъ три года. Пелехинъ со свойственнымъ

ему жаромъ всецѣло отдался новому дѣлу, изучалъ холеру на мѣстѣ первоначальнаго ея появленія, принималъ всевозможныя мѣры для ея прекращенія, лѣчилъ больныхъ и въ 1831 г. самъ заразился жестокою формою холеры, отъ которой едва не умеръ.

Выздоровѣвши П. не покинулъ своего дѣла, не смотря на то, что нуждался въ отдыхѣ для укрѣпленія своего здоровья, и отправился въ калмыцкіе улусы, гдѣ холера вызвала полную панику между кочевниками; здѣсь онъ работалъ чрезвычайно энергично и самоотверженно, о чемъ впослѣдствіи единогласно свидѣтельствовали всѣ мѣстныя власти: военный и гражданскій губернаторы, главный приставъ калмыцкаго народа, сенаторъ Лавровъ и командиръ Астраханскаго порта. Только-что Пелехинъ справился съ своей работой, какъ возникли слухи о чумѣ, и ему пришлось ѣхать въ Бертольскій карантинъ для разслѣдованія дѣла; къ счастью слухи оказались преувеличенными, и въ концѣ 1833 г. Пелехинъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ получилъ, въ награду за свои ревностные труды годовой окладъ жалованья (800 р.).

Въ 1834 г. Пелехинъ былъ командированъ въ Лондонъ на 1 годъ для изученія камнедробленія по способу Гертлу и другихъ вопросовъ. При этомъ ему было выдано 3.000 р. содержанія и 200 червонныхъ на дорогу, да еще 5.000 р. на покупку инструментовъ, плату д-ру Гертлу и иныя издержки. Вмѣстѣ съ Пелехинымъ былъ отправленъ адъюнктъ Московскаго отдѣленія Академіи, Иванъ Гильтебрандтъ. Въ томъ-же году скончался проф. Груби, и Пелехинъ былъ утвержденъ въ должности ординарнаго профессора окулистики, но въ 1836—1837 уч. г. вступилъ въ силу новый уставъ Академіи, каѳедра ученія о глазныхъ болѣзняхъ была упразднена, и Пелехинъ остался сверхштатнымъ ординарнымъ профессоромъ; при этомъ ему были поручены: преподаваніе окулистики, исторіи и литературы медицины и изъясненіе древнихъ медицинскихъ авторовъ. Пелехинъ подалъ прошеніе, въ которомъ указывалъ на то, что ему «поручено преподавать такіе предметы, которыхъ онъ никогда не преподавалъ, почему онъ и не можетъ принять такой каѳедры»; 10-го мая 1837 г. онъ даже подалъ прошеніе объ отставкѣ, не выслуживъ полной пенсіи; не смотря на это, ему пришлось покориться необходимости. Въ скоромъ времени онъ перенесъ и другія неудачи въ своей преподавательской дѣятельности: по выходѣ въ отставку профессора С. А. Громова, онъ былъ назначенъ профессоромъ судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены и въ то же время ему было поручено «изъясненіе древнихъ медицинскихъ авторовъ»; не имѣя возможности отказаться, онъ долженъ былъ принять каѳедру. Въ 1839 г. Медицинскій Совѣтъ, которому правила 1838 г. предоставили право возведенія въ высшія медицинскія званія безъ экзамена, добавилъ П. степень доктора хирургіи. Въ 1840—1841 уч. г. П. было поручено читать и теоретическія лекціи по офтальмологіи вмѣсто проф. Саломона, а въ 1843 г. ему былъ зачтенъ срокъ его прежней учебной дѣятельности въ духовномъ вѣдомствѣ въ число лѣтъ академической службы. Въ томъ же году онъ былъ утвержденъ въ званіи заслуженнаго профессора, а въ 1846 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника. Оставивъ академію, П. вернулся на родину въ Кіевъ; въ 1849 г. онъ сдѣлался преподавателемъ медицины въ Кіевской Духовной Академіи, оставался въ этой должности до 1870 г. и умеръ 22-го сентября 1871 г. на 83-мъ году жизни, окруженный многочисленной семьей.

Пелехинъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ, оцѣнившихъ по достоинству экспериментальную постановку преподаванія врачебныхъ наукъ и считалъ безусловно необходимымъ полное практическое ознакомленіе студентовъ съ читаемыми имъ научными предметами. Читая судебную медицину и медицинскую полицію, онъ представилъ 1-го декабря 1843 г. свои весьма цѣнныя соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для улучшенія постановки ихъ преподаванія; но указанныя имъ мѣры не были приведены въ исполненіе, и преподаваніе оставалось, вопреки его желаніямъ, почти исключительно теоретическимъ, тѣмъ болѣе, что число посвященныхъ ему часовъ было очень недостаточно. Въ 1843 г., при соста-

вленіи новаго проекта преподаванія въ академіи, Пелехинъ подалъ отдѣльное мнѣніе, въ которомъ, между прочимъ, писалъ,что «время, опредѣленное для преподаванія двухъ наукъ (медицинской полиціи и судебной медицины) въ теченіе одного полугодія и при томъ кратчайшаго, состоящаго изъ $3^1/_2$ мѣсяцевъ, вовсе не достаточно», и что «если оныя такимъ образомъ будутъ ограничены, то неотмѣнно погрузятся въ свою первобытную ничтожность, бывшую до введенія этихъ наукъ въ Россіи». Прося увеличить срокъ преподаванія, онъ говорилъ, что только въ такомъ случаѣ онъ не будетъ находиться въ вынужденномъ положеніи преподавать одну только азбуку государственныхъ наукъ». Но и это требованіе Пелехина не было исполнено.

П. П. Пелехинъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ лингвистовъ своего времени, а современники свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ краснорѣчіи: проф. Бушъ даже называлъ его «академическимъ Цицерономъ»; поэтому конференція Академіи постоянно поручала ему произносить публичныя и привѣтственныя рѣчи. Въ то же время онъ былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени и обладалъ замѣчательной эрудиціей. Тѣмъ не менѣе П. не оставилъ послѣ себя почти никакихъ научныхъ сочиненій. Часть собранной имъ значительной библіотеки, а именно сочиненія по судебной медицинѣ и окулистикѣ, была въ 1874 г. пожертвована Медико-хирургической Академіи его сыномъ, профессоромъ Павломъ Пелехинымъ.

Сочиненія Пелехина: «De neurosibus in genere». Diss d. m. Edinburghii. 1829. 8°; «Oratio jubilaea quam ord. prof. Petrus Pelechin secundum die novembris 1836 anno in conventu amplissimorum virorum publice peroravit». (Рѣчь, произнесенная въ день 50-ти-лѣтняго юбилея Петра Андр. Загорскаго). Юбилейная брошюра 1838 г., стр. 21—23. Записки (рукописныя) по предметамъ, которые онъ читалъ въ Медико-хирургической Академіи, были приготовлены къ печати, но не напечатаны.

А. К. Европинъ. «Историч. очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіею». С.-Пб. 1898 г. (дисс.), стр. 73—83; «Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ». 1898 г., стр. отъ 266 до 674; Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели». С.-Пб. 1886 г., тетр. II, стр. 49 и 1887 г., стр. 45; З. Г. Суровцовъ. «Матеріалы для исторіи каѳедры гигіены». С.-Пб. 1898, стр. 13, 15, 16—20. *Н. Кульбинъ.*

Пеликанъ, *Венцеславъ Александровичъ*, врачъ, внукъ слѣдующаго; образованіе получилъ въ Императорской Медико-хирургической Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1869 г. съ серебряной медалью. Въ русско-турецкую войну онъ служилъ въ дѣйствующей арміи и заразился при исполненіи своихъ обязанностей сыпнымъ тифомъ, отъ котораго и умеръ въ 1878 г. въ Александрополѣ. Имя его занесено на траурную доску въ церкви Военно-медицинской Академіи.

«Врачъ» 1900 г., № 1: «Списокъ погибшихъ при выполненіи своего долга врачей»; «Исторія Имп. Военно-медиц. Академіи», С.-Пб. 1898 г., прибавленія, стр. 253. *Н. Кульбинъ.*

Пеликанъ, *Венцеславъ* (Wacław) *Венцеславовичъ*, профессоръ Виленскаго университета, профессоръ и президентъ Императорской Медико-хирургической Академіи, директоръ Медицинскаго Департамента; по происхожденію изъ литовскихъ дворянъ, родился въ г. Слонимѣ 11-го сентября 1790 г., умеръ 2-го іюля 1873 г. въ своемъ имѣніи, въ Жмуди.

Пеликанъ получилъ первоначальное образованіе въ Институтѣ при Виленскомъ университетѣ, въ 1809 г. окончилъ тамъ курсъ философскихъ наукъ и осенью того же года (14-го августа) перешелъ въ число студентовъ медицинскаго отдѣленія Петербургской Медико-хирургической Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1813 г. первымъ ученикомъ; 22-го марта получилъ званіе лѣкаря I-го отдѣленія и былъ награжденъ золотою медалью. Тотчасъ послѣ этого П. былъ произведенъ въ X-й классъ и назначенъ къ знаменитому хирургу И. Ѳ. Бушу репетиторомъ при каѳедрѣ хирургической патологіи и клиники; въ то же время ему было поручено исполнять должность помощника инспектора. Такимъ образомъ, Пеликанъ уже съ первыхъ дней своей службы соединилъ научную дѣятельность съ административной, и это соединеніе было характерно для всей дальнѣйшей его карьеры. Въ лицѣ Буша П. нашелъ прекраснаго руководителя, который дѣлалъ все возможное для

того, чтобы доставить своимъ помощникамъ возможность усовершенствоваться и постоянно хлопоталъ объ ихъ награжденіи за научные успѣхи.

Въ 1814 г. Пеликанъ представилъ Конференціи списокъ сдѣланныхъ имъ 58-ми важныхъ операцій и просьбу о допущеніи его къ экзаменамъ на степень доктора. Конференція постановила: въ виду опытности и отличныхъ знаній по хирургіи, а также и отличнаго окончанія Пеликаномъ курса, освободить его отъ экзамена. Въ томъ же году онъ представилъ диссертацію «De aneurismate»; Бушъ, Зузичъ и Энегольмъ, которымъ было поручено ея разсмотрѣніе, дали о ней отличный отзывъ, и авторъ былъ допущенъ къ защитѣ ея, но заболѣлъ, а послѣ выздоровленія былъ освобожденъ отъ диспута по ходатайству Буша и утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія въ степени доктора медицины и хирургіи.

9-го сентября 1816 года П. прочелъ пробную лекцію: «о препятствіяхъ, встрѣчающихся при извлеченіи камня изъ мочевого пузыря и способы преодолѣнія оныхъ»; лекція была признана блестящей, и 21-го декабря онъ получилъ должность адъюнктъ-профессора. 19-го апрѣля 1817 г. Виленскій университетъ избралъ П. ординарнымъ профессоромъ на каѳедру теоретической и практической хирургіи и хирургической клиники.

Здѣсь П. съ 1820 по 1824 годъ преподавалъ, кромѣ хирургіи, еще анатомію и публичную медицину; жалованье, которое онъ получалъ за послѣдній предметъ (500 р.), онъ жертвовалъ на улучшеніе кабинета хирургической клиники. Научная дѣятельность Пеликана выразилась за это время въ нѣсколькихъ научныхъ статьяхъ въ мѣстномъ журналѣ и въ изданіи руководства по анатоміи (на польскомъ языкѣ). Въ 1824 г. онъ занялъ должность префекта Медицинскаго Института при Университетѣ и былъ избранъ деканомъ медицинскаго отдѣленія. Кромѣ университетской дѣятельности, Пеликанъ принималъ большое участіе въ мѣстной общественной жизни и политическихъ дѣлахъ. Въ 1824 г. онъ былъ предсѣдателемъ особаго комитета для составленія проекта новаго устройства училищъ Виленскаго учебнаго округа и новаго устава Университета; въ то же время онъ былъ предсѣдателемъ Виленской Главной Духовной Семинаріи и предсѣдателемъ Комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ при Университетѣ. Въ 1829 г. Пеликанъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Виленскаго Цензурнаго Комитета, а въ 1830 г., когда вспыхнулъ польскій мятежъ, ему пришлось принимать мѣры для сохраненія порядка въ средѣ учащихся; эту трудную задачу онъ выполнилъ съ такимъ успѣхомъ, что заслужилъ особую благодарность и признательность министра.

Въ 1832 г., когда было предположено учредить вмѣсто Виленскаго Университета Медико-хирургическую Академію, министръ внутреннихъ дѣлъ поручилъ Пеликану первоначальное устройство академіи и высшаго богословскаго училища. Этимъ закончилась дѣятельность его въ польскомъ краѣ. Еще съ 1833 г. П. прекратилъ учебную дѣятельность и занималъ исключительно административныя должности въ различныхъ медицинскихъ учрежденіяхъ Въ 1838 г. онъ получилъ должность старшаго врача Московскаго военнаго госпиталя.

Пеликанъ во все это время былъ и практическимъ врачомъ и въ Москвѣ пріобрѣлъ обширную медицинскую практику.

Осенью 1846 г. П. занялъ постъ директора Медицинскаго Департамента Военнаго Министерства; на этомъ поприщѣ его дѣятельность выразилась въ разработкѣ вопроса объ усовершенствованіи военныхъ врачей въ хирургіи, поднятаго еще его предшественникомъ Д. К. Тарасовымъ; кромѣ того, онъ возбудилъ и разработалъ вопросъ о заготовленіи медикаментовъ хозяйственнымъ способомъ въ видахъ экономіи; при Пеликанѣ же были пересмотрѣны и дополнены старые каталоги лѣкарственныхъ веществъ для госпиталей и войскъ.

Въ 1851 г., по смерти Шлегеля, Пеликанъ былъ назначенъ президентомъ Медико-хирургической Академіи, сохранивъ за собой въ то же время должность директора Медицинскаго Департамента. Испрашивая Высочайшее соизволеніе на такое совмѣщеніе двухъ должностей, попечитель и министръ указывали на близость Медицинскаго Департамента и Академіи: оба учрежденія предназначены

для образованія врачей и опредѣленія ихъ на службу и потому желательно дать имъ одного руководителя-начальника. Въ дѣйствительности это оказалось недостижимымъ: Пеликанъ не имѣлъ времени заниматься академическими дѣлами и работалъ почти исключительно въ Департаментѣ. При его предшественникѣ Шлегелѣ въ Академіи не было вице-президента; Пеликанъ же получилъ помощника въ лицѣ вице-президента Бальбіани, и въ дѣйствительности почти все управленіе Академіей перешло въ руки послѣдняго. Много способствовала этому и Крымская война, увеличившая работу въ Департаментѣ. Въ результатѣ получилось то, что при новомъ президентѣ академическія дѣла затормозились, и не было предпринято почти никакихъ мѣръ къ улучшенію учебной и административной частей. Бальбіани не обладалъ административными способностями, да и Пеликанъ не проявилъ ихъ въ Академіи. Здекауеръ въ своихъ воспоминаніяхъ даже заявляетъ, что Пеликанъ былъ «самый ученый изъ всѣхъ президентовъ, но самый плохой изъ нихъ администраторъ». Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ, введенныхъ по предложенію Пеликана, состояла въ томъ, что засѣданія академической конференціи были въ 1852 г. раздѣлены на экзаменаціонныя, административныя и ученыя. Въ первый годъ было 7 ученыхъ засѣданій, въ которыхъ профессора читали свои научные доклады, но съ конца 1853 года въ дѣлахъ Академіи указаній на содержаніе ученыхъ засѣданій уже нѣтъ; Пеликанъ, въ противоположность своему чрезмѣрно снисходительному предшественнику, требовалъ отъ профессоровъ неукоснительнаго соблюденія обязанностей и аккуратнаго посѣщенія лекцій и засѣданій. Несогласія въ конференціи, доходившія при Шлегелѣ до крайностей, прекратились при Пеликанѣ. Особенно заботился онъ объ увеличеніи числа врачей, обязанныхъ служить въ военномъ вѣдомствѣ; съ этою цѣлью онъ освобождалъ своекоштныхъ студентовъ отъ платы, при обязательствѣ поступить за это на военную службу. Хозяйственная часть въ Академіи была въ плохомъ состояніи. Казеннокоштныхъ студентовъ кормили такъ плохо, что весной 1856 г. они лично жаловались государю во время его прогулки около Лѣтняго сада. Студенты были наказаны, но жалоба ихъ достигла цѣли. Безпорядки и злоупотребленія, царившіе въ Клиническомъ госпиталѣ, достигли при Пеликанѣ высшей степени своего развитія. Въ 1856 г. военный министръ Сухозанетъ посѣтилъ госпиталь и нашелъ въ немъ массу упущеній. Смотритель госпиталя былъ отрѣшенъ отъ должности, завѣдывающему хозяйствомъ и старшему врачу Попову былъ сдѣланъ выговоръ; Пеликану министръ выразилъ свое неудовольствіе за слабый надзоръ въ госпиталѣ. Безпорядки по управленію и содержанію госпиталя и слѣдствіе надъ дѣйствіями академической администраціи заставили Пеликана въ 1856 г. просить увольненія отъ должности президента Академіи. Покинувъ ее 3-го іюня того же года, онъ оставался директоромъ Медицинскаго Департамента до 10-го февраля 1857 года.

Съ 1854 года П. состоялъ предсѣдателемъ Военно-медицинскаго ученаго Комитета. Въ 1861 г. онъ достигъ предѣльнаго возраста и долженъ былъ окончательно выйти въ отставку, но, въ виду своихъ заслугъ, былъ оставленъ непремѣннымъ членомъ названнаго выше Комитета. Въ 1863 году исполнилось 50-тилѣтіе его службы, но Медико-хирургическая Академія не приняла участія въ юбилейной подпискѣ.

1-го января 1865 года, уже 69-ти лѣтъ отъ роду Пеликанъ снова получилъ высокій и отвѣтственный постъ, будучи назначенъ предсѣдателемъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. По оффиціальному признанію, административная дѣятельность Пеликана была весьма успѣшна; типичнымъ отличіемъ ея была чрезвычайная разносторонность, и, вѣроятно, это обстоятельство было главной причиной того, что въ качествѣ президента Медико-хирургической Академіи Пеликанъ не стоялъ на высотѣ своего призванія. Въ 1873 году 22-го марта исполнилось 60-ти-лѣтіе его службы, а 9-го іюля онъ умеръ.

Съ 1817 г., когда Пеликанъ перешелъ въ Виленскій университетъ, онъ былъ членомъ-корреспондентомъ Медико-хирургической Академіи; кромѣ того, онъ былъ почетнымъ членомъ Виленскаго и Варшавскаго медицинскихъ Обществъ,

Курляндскаго Общества словесности и наукъ, Общества кіевскихъ врачей и Харьковскаго университета.

Научные труды Пеликана слѣдующіе: «De anevrismate» («Происхожденіе аневризмовъ въ наружныхъ боевыхъ жилахъ черезъ разрывъ внутренней или существенныхъ оболочекъ оныхъ»). С.-Пб. 1814; «Міологія для учащихся», 1823 г.; кромѣ того, трактатъ: «О примѣненіи электричества въ медицинѣ» и много статей, помѣщенныхъ въ польскомъ журналѣ «Дневникъ медицины, хирургіи и фармаціи»; онѣ перечислены у Козминскаго.

Документы, хранящіеся въ архивѣ Имп. Военно-Медицинской Академіи (протоколы засѣданій Конференціи, дѣла 1856 г. за № 590 и др.); «Исторія Имп. Военно-Медицинской Академіи за сто лѣтъ», періодъ III, составленный П. А. Введенскимъ, С.-Пб., 1898, 4°; А Ландшевскій, «Ист. очеркъ каѳедры академич.-хирург. клиники Военно Медиц. Акад.», С.-Пб., 1898, дисс., М. Шмигельскій, «Ист. очеркъ каѳедры госпитальной терапевтич. клиники. Военно-Медиц. Акад.», С.-Пб. 1897. В. Верекунцовъ, «Ист. очеркъ каѳедры діагностики и пр.», С.-Пб. 1898, проф. А. И. Таренецкій, «Каѳедры и музей норм. анатоміи при Военно-Медиц. Акад.», С.-Пб., 1895, 8°; Kosmiński. Słownik lekarzów. Warsz. 1882. Bieliński, «Stan nauk lekarskich».

Н. Кульбинъ.

Пеликанъ, *Викторъ Венеславовичъ*, управляющій С.-Петербургскою Контрольною Палатой; сынъ предыдущаго. родился въ 1822 году. Окончивъ курсъ Московскаго Университета, онъ поступилъ на государственную службу. Въ 1855 г. онъ состоялъ секретаремъ Канцеляріи Департамента Хозяйственныхъ дѣлъ при Главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій; въ 1859 г. онъ перевелся въ Военное Министерство и состоялъ помощникомъ начальника IV отдѣленія Инспекторскаго Департамента Главнаго Штаба. Въ 1861 г. П. былъ назначенъ директоромъ военной типографіи, а въ 1863 г. перевелся въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и состоялъ при Департаментѣ общихъ дѣлъ. Самостоятельная и замѣтная дѣятельность П. началась во время службы его въ Государственномъ Контролѣ со времени введенія единства кассы. Государственный контролеръ В. А. Татариновъ, творецъ системы единства кассы, былъ высокаго мнѣнія о П. и, при самомъ введеніи новой системы, назначилъ его въ 1865 г. управляющимъ Рижской контрольной палатой. Если введеніе единства кассы въ Россіи вообще вызвало борьбу со стороны привыкшаго къ безконтрольности чиновничества, то эта борьба была еще значительнѣе въ остзейскихъ губерніяхъ, такъ какъ въ нихъ чиновничество, кромѣ того, опиралось еще на мѣстныя особенности, которыя общее направленіе новой контрольной системы не принимало во вниманіе. П. велъ себя съ должной твердостью и достоинствомъ въ борьбѣ съ разными мѣстными управленіями. Послѣдовательно П. былъ назначенъ управляющимъ палатами: Виленской, Варшавской и, наконецъ, Петербургской. Кромѣ того, П. состоялъ одно время представителемъ Государственнаго Контроля во временномъ комитетѣ при Главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ по пересмотру казачьихъ законоположеній. Затѣмъ П. принималъ участіе въ особой коммиссіи, учрежденной при II Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, для составленія предположеній объ измѣненіи и отмѣнѣ нѣкоторыхъ узаконеній, относящихся къ правамъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями. П. былъ вполнѣ дѣловымъ человѣкомъ и эту черту всѣ въ немъ цѣнили. Между прочимъ, онъ занималъ отвѣтственныя должности въ нѣкоторыхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Не смотря на занятія по управленію самой большой изъ контрольныхъ палатъ и на частныя работы, П. находилъ время и для литературнаго труда. Онъ состоялъ въ числѣ сотрудниковъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и помѣстилъ нѣсколько статей въ «Финансовомъ Обозрѣніи» при редакторствѣ Ѳ. Баймакова. П. умеръ въ Петербургѣ 30-го апрѣля 1876 г.

«Иллюстрированная Газета» 1876 г., № 24, стр. 192; «Новое Время» 1876 г., № 69.

Пеликанъ, *Евгеній Венеславовичъ*, врачъ, профессоръ Медико-хирургической Академіи, братъ предыдущаго; родился въ 1824 г. въ Вильнѣ, умеръ 6-го мая 1884 г. въ Петербургѣ. Богато одаренный способностями, П. съ самаго дѣтства былъ поставленъ въ условія, благопріятныя для умственнаго развитія. Получивъ, какъ говорятъ, прекрасное домашнее воспитаніе, онъ поступилъ въ одну изъ пе

тербургскихъ гимназій и окончилъ въ ней полный курсъ 16 лѣтъ отъ роду; затѣмъ онъ перешелъ въ 1840 г. въ Московскій Университетъ, на медицинскій факультетъ, а въ 1845 г. (по Языкову—въ 1846 г.) окончилъ курсъ по первому разряду (лѣкаремъ I-го отдѣленія) и былъ назначенъ сверхштатнымъ ординаторомъ въ Московскій Военный госпиталь. Въ слѣдующемъ году П. былъ прикомандированъ къ Медицинскому Департаменту Военнаго Министерства и въ то же время переведенъ въ С.-Петербургскій Военно-сухопутный госпиталь ординаторомъ. Въ 1847 г., выдержавъ экзамены въ Московскомъ университетѣ и защитивъ диссертацію «De fractura colli femoris», онъ получилъ степень доктора медицины; въ 1848 г. ему было поручено завѣдывать редакціей «Военно-Медицинскаго Журнала»; по рекомендаціи проф. Буяльскаго, онъ взялъ себѣ въ помощники Я. А. Чистовича, который и исполнялъ почти всю работу по редакціи. 8-го октября того года П. былъ назначенъ и. д. адъюнктъ-профессора каѳедры акушерства въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, при чемъ ему было поручено и преподаваніе дѣтскихъ болѣзней, хотя относительно ихъ онъ и говорилъ, что «никогда этимъ предметомъ не интересовался»; поэтому и дѣятельность П. въ качествѣ преподавателя дѣтскихъ болѣзней, по собственнымъ его словамъ, была «совершенно случайна». Въ 1849 г. П. былъ назначенъ, сверхъ занимаемыхъ имъ должностей, врачомъ Высочайше утвержденной Коммиссіи для разбора бродячихъ женщинъ развратнаго поведенія. Въ 1850 г. (21-го іюля), по прочтеніи русской и латинской пробныхъ лекцій («О маточномъ кровотеченіи» и «De hydrocephalo acuto»), П. былъ утвержденъ въ должности адъюнктъ-профессора каѳедры акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней; въ томъ же году онъ сталъ издателемъ газеты «Другъ Здравія». Въ 1852 г. П., оставаясь профессоромъ Академіи, сталъ сотрудникомъ пользовавшагося чрезвычайной благосклонностью императора Николая Павловича и имѣвшаго громадное вліяніе при дворѣ лейбъ-медика Мандта, будучи назначенъ старшимъ врачомъ основаннаго Мандтомъ «образцоваго» госпиталя для придворныхъ служителей, въ которомъ онъ лѣчилъ посредствомъ собственной «атомистической теоріи», имѣвшей близкое соотношеніе съ гомеопатіей. Впрочемъ, госпиталь этотъ успѣха не получилъ и черезъ полъ-года былъ закрытъ.

Въ томъ же 1852 году въ Академіи освободилась каѳедра судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены, и 20-го сентября Конференція ходатайствовала о перемѣщеніи на эту каѳедру П. Въ ходатайствѣ этомъ говорилось: «Съ перемѣщеніемъ Заблоцкаго-Десятовскаго мы не знаемъ въ Россіи другого, болѣе достойнаго занять эту каѳедру, какъ адъюнктъ нашей Академіи г. Пеликанъ. По сущности этой каѳедры должно, конечно, согласиться, что хорошимъ преподавателемъ ея можетъ быть только человѣкъ, по преимуществу многосторонне образованный и долго занимавшійся спеціально разнородными предметами этой каѳедры. П. завѣдывалъ редакціей «Военно-Медицинскаго Журнала», для котораго обработывалъ отдѣлъ судебно-медицинскій, медицинской полиціи и гигіены, и пользуется извѣстностью, какъ писатель по предмету судебной медицины. Ученыя заслуги П. даютъ ему полное право занять мѣсто ординарнаго профессора этой каѳедры. Сверхъ того, онъ владѣетъ языками: русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, знаетъ также англійскій и итальянскій языки, почему замѣщеніе это принесетъ существенную пользу учащимся».

9-го ноября 1852 г. П. былъ назначенъ и. д. профессора судебной медицины, медицинской полиціи и гигіены; 3-го февраля 1853 г. Конференція Академіи избрала его ординарнымъ профессоромъ той же каѳедры и въ томъ же году онъ занялъ должность консультанта сыпной больницы. Помощникомъ П. былъ знаменитый впослѣдствіи Я. А. Чистовичъ, назначенный 3-го марта 1853 г. адъюнктъ-профессоромъ Академіи.

Оффиціально каѳедра оставалась попрежнему состоящей изъ трехъ предметовъ, но въ дѣйствительности Пеликанъ и Чистовичъ раздѣлили между собою преподаваніе: первый читалъ судебную медицину съ токсикологіей, а второй — гигіену и медицинскую полицію. Судебно медицинскія вскрытія они дѣлали

совмѣстно. П. читалъ лекціи три раза въ недѣлю для IV курса и одинъ разъ въ недѣлю велъ практическія занятія съ IV и V курсами.

Въ концѣ 1840-хъ и началѣ 1850-хъ за-границей стало появляться много физіолого-токсилогическихъ работъ; токсикологія приняла научное экспериментальное направленіе, и П., дѣятельно участвовавшій въ разработкѣ различныхъ научныхъ вопросовъ по своей спеціальности, ввелъ въ Академіи научный, опытный способъ преподаванія токсикологіи. Онъ производилъ на своихъ лекціяхъ гораздо бо̀льшее число опытовъ, чѣмъ его предшественники; такъ, напр., въ 1854—1855 учебномъ году имъ было сдѣлано болѣе 200 опытовъ, а въ 1855—1856 году—100; число вскрытій тоже увеличилось и доходило до 100 въ годъ. Раздѣленіе труда по преподаванію облегчило ему возможность излагать свой предметъ болѣе широко и научно.

Въ 1856 г. П. подалъ въ Конференцію рапортъ, въ которомъ говорилъ: «Образованіе экспертовъ для различныхъ судебно-медицинскихъ изслѣдованій составляетъ весьма важный предметъ высшаго фармацевтическаго преподаванія. Истина эта въ настоящее время признана всѣми образованными государствами, и польза такового учрежденія доказывается ежегодно отчетами, представляемыми учеными экспертами заграницей. У насъ, въ Россіи, на этотъ предметъ еще очень мало обращено вниманія со стороны преподавателей судебной медицины и другихъ естественныхъ наукъ, а между тѣмъ ежедневный опытъ убѣждаетъ насъ въ необходимости образованія отдѣльныхъ экспертовъ для судебно-медицинскихъ операцій». Въ виду этого, онъ просилъ разрѣшить ему занятія судебно медицинскими и судебно-химическими изслѣдованіями со студентами IV и V курсовъ въ свободные утренніе часы. Конференція, конечно, дала свое разрѣшеніе, и съ февраля 1856 г. П. велъ эти занятія со студентами и молодыми врачами.

П. занималъ каѳедру судебной медицины съ 1852 г до 1858 г. Въ теченіе этого времени онъ очень часто прекращалъ чтеніе лекцій и отправлялся въ различныя командировки, не имѣвшія ничего общаго съ профессурой. Такъ, 18-го августа 1851 г. онъ былъ командированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Москву для того, чтобы показать всѣ московскія врачебныя учрежденія и въ томъ числѣ клиники университета лейбъ-медику короля бельгійскаго барону Сетену, съ которымъ онъ былъ посланъ въ томъ же году и на Кавказъ, чтобы показать тамошнимъ врачамъ усовершенствованную Сетеномъ клеевую повязку; возвращаясь изъ этой командировки, онъ обозрѣвалъ, по предписанію управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, всѣ больницы гражданскаго вѣдомства для опредѣленія степени развитія проституціи и числа сифилитическихъ больныхъ. 4-го апрѣля 1853 г. онъ былъ командированъ въ Москву для устройства холернаго отдѣленія при войсковомъ лазаретѣ и для руководства въ лѣченіи тамъ больныхъ нижнихъ чиновъ по атомистическому способу Мандта. Съ Мандтомъ П. не прекращалъ своихъ отношеній и даже получилъ Высочайшую благодарность за лѣченіе больныхъ по его способу. Въ августѣ того же года П. былъ посланъ съ Мандтомъ въ Динабургъ и Варшаву, чтобы тамъ организовать борьбу съ холерой по тому же способу. Въ декабрѣ 1854 г. онъ получилъ новую командировку для осмотра военныхъ госпиталей въ Царствѣ Польскомъ и вернулся только въ маѣ 1855 г. Лѣтомъ того же года онъ находился съ проф. Пироговымъ на перевязочныхъ пунктахъ въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ. Въ январѣ 1857 г. П. подалъ академической Конференціи рапортъ, въ которомъ просилъ отправить его на 16 мѣсяцевъ заграницу для ближайшаго ознакомленія съ новѣйшими усовершенствованіями и способами преподаванія судебной медицины. Конференція рѣшила ходатайствовать объ исполненіи этой просьбы, постановивъ «завѣдываніе каѳедрой поручить адъюнктъ-профессору Я. А. Чистовичу, который неоднократно завѣдывалъ ею во время ежегодныхъ командировокъ П.». Отправляясь за-границу, П. получилъ инструкцію, выработанную имъ самимъ и профессорами Зининымъ, Загорскимъ и Заблоцкимъ. Эта инструкція, между прочимъ, обязывала его представлять Конференціи отчетъ о своихъ занятіяхъ черезъ каждые 6 мѣсяцевъ. Въ то же время П. былъ назначенъ про-

фессоромъ-консультантомъ при С.-Петербургской больницѣ для чернорабочихъ по части патологической анатоміи, судебной медицины и микроскопіи; 29-го апрѣля 1857 г. онъ отправился за границу и уже не возвратился въ Академію.

Въ началѣ 1858 г. министръ внутреннихъ дѣлъ, черезъ посредство военнаго министра, запросилъ президента Академіи, «не представляется ли препятствія къ перемѣщенію проф. Пеликана изъ Академіи на должность помощника директора Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ?» Конференція высказала желаніе, «чтобы П. представилъ отчетъ о своей заграничной командировкѣ и тѣмъ бы выполнилъ возложенное на него порученіе, согласно данной инструкціи». 2-го мая 1858 г. онъ былъ уволенъ военнымъ министромъ изъ Академіи съ обязательствомъ представить отчетъ; однако, этого требованія онъ не исполнилъ и 24-го апрѣля 1858 г. П. былъ назначенъ вице-директоромъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; 7-го декабря 1861 г. онъ занялъ тамъ же должность директора вмѣсто Отсолига и оставался въ ней до 1876 г., въ 1873 г. занявъ мѣсто предсѣдателя Медицинскаго Совѣта, освободившееся по смерти его отца, Венцеслава Пеликана, и мѣсто предсѣдателя Ветеринарнаго Комитета; кромѣ того, онъ былъ непремѣннымъ членомъ Военно-Медицинскаго Ученаго Комитета. Въ то же время П. не прекращалъ своихъ научныхъ занятій, а въ 1859 и 1860 гг. прочелъ въ Пассажѣ нѣсколько лекцій по целлюлярной патологіи Вирхова и до 1862 г. велъ преподаваніе при С.-Петербургской больницѣ для чернорабочихъ, въ качествѣ профессора-консультанта; до конца семидесятыхъ годовъ онъ постоянно издавалъ свои новыя изслѣдованія по токсикологіи и судебной медицинѣ.

Занимая высокія административныя должности, П. заботился о повышеніи уровня образованія врачей, объ улучшеніи ихъ быта и матеріальнаго положенія, принималъ личное участіе въ рѣшеніи различныхъ санитарныхъ вопросовъ, расширилъ дѣятельность врачебныхъ учрежденій гражданскаго вѣдомства, вообще выказавъ себя талантливымъ и гуманнымъ администраторомъ. Въ 1865 г. онъ основалъ при Медицинскомъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ журналъ «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены», который былъ замѣненъ въ 1872 г. «Сборникомъ статей по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигіенѣ, эпидеміологіи, медицинской географіи и статистикѣ»; этотъ журналъ разсылался безплатно всѣмъ врачамъ, служившимъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, сильно способствовалъ развитію въ Россіи судебно-медицинской экспертизы и былъ особенно необходимъ въ виду великихъ реформъ 60-хъ годовъ, создавшихъ новые суды и земство. Кромѣ того, П. основалъ при Медицинскомъ Департаментѣ «Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ». Содержаніе городовыхъ и уѣздныхъ врачей при П. было увеличено, равно и содержаніе врачебныхъ инспекторовъ.

Въ 1865 г. П. осмотрѣлъ карантины Австріи; тогда же онъ изучалъ эпидемическое воспаленіе черепного и спиннаго мозга, господствовавшее въ Германіи и въ томъ же году участвовалъ въ международной медицинской коммиссіи, собравшейся въ Константинополѣ для изслѣдованія причинъ появленія холеры и для изысканія средствъ борьбы съ нею; въ 1868 г. онъ изслѣдовалъ эпидемію сибирской язвы на берегахъ Шексны, а въ 1873 г. принималъ участіе въ занятіяхъ вѣнской коммиссіи по вопросамъ о холерѣ.

Въ 1860 г. по проекту П. былъ открытъ Комитетъ общественнаго здравія въ С.-Петербургѣ. Съ 1867 г. до 1874 г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ рѣшеніи различныхъ санитарныхъ вопросовъ въ С.-Петербургской городской управѣ. 27-го декабря 1874 г. очень торжественно праздновался 30-ти-лѣтній юбилей его служебной и ученой дѣятельности; на собранные по подпискѣ 11.494 р. были учреждены двѣ стипендіи его имени при Московскомъ Университетѣ. Съ 1868 г. П. былъ тайнымъ совѣтникомъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ страдалъ прогрессивнымъ параличемъ; за полтора мѣсяца до своей смерти онъ оставилъ свою должность въ Медицинскомъ Совѣтѣ (20-го марта 1884 г.); умеръ 6-го мая 1884 г. въ Петербур-

гѣ. Библіотека его (1.125 томовъ) была пожертвована его дочерью Военно-Медицинской Академіи. Е. В. Пеликанъ былъ почетнымъ членомъ Военно-Медицинской Академіи, Московскаго и Харьковскаго Университетовъ и многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ.

Главная заслуга П. состоитъ въ его многочисленныхъ научныхъ трудахъ по токсикологіи, судебной медицинѣ, гигіенѣ, эпидеміологіи и др. предметамъ. Въ этомъ отношеніи его дѣятельность была въ высшей степени почтенна и плодотворна, и работы его, большая часть которыхъ основывалась на многочисленныхъ физіологическихъ опытахъ, сильно способствовали развитію названныхъ наукъ, давая въ то же время цѣнный матеріалъ по физіологіи, химіи и эпидеміологіи.

Труды Пеликана слѣдующіе. Въ «Военно - Медицинскомъ Журналѣ»: «Процессъ Праленъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи» (1847 г.); «О бедренной немочи» (1847) и «Нѣсколько вопросовъ по поводу распространенія холеры въ 1847 г.» (1847); «О значеніи нѣкоторыхъ явленій при распознаваніи бедренной немочи» (1848); «Нѣсколько вопросовъ относительно эпидемической холеры въ С.-Петербургѣ въ 1847—50 гг.» (1850); «О проституціи въ медико-полицейскомъ отношеніи» (1850); «Вступительная лекція изъ судебной медицины» (1853); «Опытъ приложенія современныхъ физико-химическихъ изслѣдованій къ ученію объ ядахъ» (1854); «Ледойенова жидкость и концентрированный растворъ азотно-кислаго свинца» (1854); «О точномъ распознаваніи крови и кровяныхъ пятенъ при судебно-медицинскихъ изслѣдованіяхъ» проф. Розе, съ примѣчаніями Е. В. Пеликана (1854); «Новый примѣръ такъ называемаго обыкновеннаго самосгоранія человѣческаго тѣла, съ критическимъ взглядомъ на этотъ предметъ»; «Двухромокислое кали въ судебно медицинскомъ отношеніи» (1855); «О гигіеническомъ приготовленіи мяса, бульона и хлѣба, преимущественно на основаніи химическихъ изслѣдованій» (1855); «Токсикологія ціанистыхъ металловъ» (1855); «Нитроглицеринъ и другія гремучія тѣла» (1855); «О затрудненіяхъ при изслѣдованіи кровяныхъ пятенъ въ уголовныхъ случаяхъ» (1855); «Стрѣльный ядъ кураре» («Труды Общ. Русскихъ Врачей» 1857 г., стр. 125—132); «О мимолетныхъ выстрѣлахъ», вмѣстѣ съ проф. Савельевымъ («Арт. Журналъ» 1856 г.); «Какъ должно понимать введеніе въ организмъ разныхъ лѣкарственныхъ веществъ помощью гальваническаго тока», вмѣстѣ съ проф. Савельевымъ («Военно-Медицинскій Журналъ» 1854 г.); «О дѣйствіи іодистаго калія», вмѣстѣ съ д-ромъ Арнетомъ и проф. Здекауеромъ (тамъ же, 1855 г.); «Untersuchungen über Tanghinia venenifera», вмѣстѣ съ проф. Келликеромъ («Würzburger Verhandl. der Phys.-medic. Gesellsch.» 1858 г.); «Beiträge zur gerichtlichen Medicin, Toxicologie und Pharmacodynamik.» Würzburg. 1858 г.; «Изслѣдованіе о вліяніи нѣкоторыхъ ядовъ на мышечную дѣятельность» («Военно-Медиц. Журн.» 1859 г.); «Патологическая анатомія нѣкоторыхъ новообразованій» («Мед. Вѣст.» 1861 г., №№ 1, 3 и 5); «Замѣтка по поводу брошюры «Живая покойница» (ibid 1861 г.); «Recherches sur l'action des differents poisons de coeur» («Gazette méd. de Paris» 1861 г.); «Recherches sur l'action d'un nouveau poison de coeur» (ib.); «Къ токсикологіи олеандера» («Мед. Вѣст.» 1861 г., № 1); «Процессъ Кути-ла-Помере» (ib., 1863 г., № 34); «О новомъ сердечномъ ядѣ... («Архивъ Суд. Медиц.» 1865 г.); «Разсмотрѣніе дѣла о крестьянкѣ Волоховой» («Архивъ Суд. Медиц.» 1867 г.); «Мѣстный параличъ отъ сантонина» (тамъ же, 1865 г., № 3); «Письмо въ редакцію «С.-Петербургской Нѣмецкой Газеты» относительно способа распространенія холеры» (тамъ же, 1867 г. № 3); «О значеніи естественныхъ наукъ для юриспруденціи» (тамъ же, 1868 г., № 2); «Извлеченіе изъ отчета о поѣздкѣ на Маріинскую водную систему въ 1870 г.» (тамъ же, 1871 г., № 1); «Главнѣйшія положенія Тифлисской санитарной коммиссіи» (тамъ же, 1871 г., № 2); «Труды коммиссіи, учрежденной къ изысканію мѣръ противъ сибирской язвы, на рѣкѣ Шекснѣ», 1868 г.; «Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества» (С.-Пб., 1873 г.); Рабюто. «Руководство къ токсикологіи» («Elémente de toxicologie»). Перев. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. Пеликана, 1878 г., и нѣкоторыя другія.

Большая часть перечисленныхъ здѣсь русскихъ статей была помѣщена авторомъ, кромѣ того, и въ «Medicinische Zeitung Russlands», а также въ иностранной періодической печати: въ «Virchow's Archiv», «Comptes rendus de l'Institut de France», «Prager Vierteljahrschrift» и другихъ.

А. К. Европинъ. «Историч. очеркъ каѳедры судебной медицины съ токсикологіей». С.-Пб. 1898, стр. 121—141; З. Г. Суровцовъ. «Матеріалы для исторіи каѳедры гигіены». С.-Пб. 1898, стр. 22—27; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, умершихъ въ 1884 г.». Вып. 4. С.-Пб., 1888, стр. 69; «Исторія Военно-Медиц. Академіи за 100 лѣтъ», сост. подъ ред. проф. Н. П. Ивановскаго. С.-Пб. 1898, стр. 408, 409, 555 и проч.; проф. Н. И. Быстровъ. «Краткій истор. очеркъ клиники дѣтскихъ болѣзней». С.-Пб., 1899, стр. 7—22; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1860, № 5. *Н. Кульбинъ.*

Пелипенко, *Василій Кондратьевичъ.* Родился въ 1828 году, въ г. Каневѣ, Кіевской губерніи; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; учился сначала въ Каневскомъ училищѣ, а потомъ въ Кіевской 2-й гимназіи, по окончаніи въ которой курса въ 1845 году поступилъ въ число студентовъ II-го отдѣленія Философскаго факультета университета св. Владиміра. Университетскій курсъ онъ окончилъ въ 1850 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Въ томъ же году, будучи еще студентомъ, П. получилъ отъ факультета золотую медаль за сочиненіе на заданную для соисканія медалей тему по астрономіи: «Изложить подробно и отчетливо явленія, съ которыми познакомили астрономовъ пятна, усматриваемыя на лунѣ». Избравъ съ этого времени спеціальнымъ предметомъ своихъ занятій астрономію, Пелипенко сдѣлалъ въ ней такіе успѣхи, что Совѣтъ Кіевскаго Университета нашелъ возможнымъ командировать его въ 1851 году въ г. Житомиръ для наблюденія солнечнаго затменія. Результаты работъ по исполненію этого порученія онъ изложилъ въ статьѣ: «Наблюденія, сдѣланныя дѣйствительнымъ студентомъ Пелипенко по случаю полнаго солнечнаго затменія 16—28-го іюля 1851 г. въ г. Житомирѣ», напечатанной въ сборникѣ «Наблюденія надъ затменіемъ солнца, бывшимъ 16—28 іюля 1851 г.» (Кіевъ. 1852 г., стр. 29—44). Въ слѣдующемъ, 1852 году, по приглашенію профессора астрономіи Ѳедорова, Пелипенко исполнялъ обязанности астронома-наблюдателя въ университетской астрономической обсерваторіи. Въ 1853 году онъ пріобрѣлъ по экзамену степень кандидата математическихъ наукъ и былъ назначенъ исправляющимъ должность астронома-наблюдателя, которымъ и оставался до своего перехода въ 1857 году на службу въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Назначенный въ этомъ году учителемъ математики и физики Кіевскаго кадетскаго корпуса, онъ перешелъ къ педагогической дѣятельности и, повидимому, совсѣмъ оставилъ ученыя занятія. Утвержденный въ 1859 году въ званіи учителя 3-го рода, онъ послѣдовательно получалъ назначенія на должности: въ 1861 году помощника инспектора классовъ Кіевскаго кадетскаго корпуса, въ 1866 году тамъ же инспектора классовъ и въ 1868 году—чиновника особыхъ порученій при Главномъ Штабѣ военно-учебныхъ заведеній. Переѣхавъ для занятія этой должности въ С.-Петербургъ, Пелипенко рѣшилъ, повидимому, сдѣлаться его постояннымъ жителемъ. Вслѣдствіе этого, онъ отказался отъ предложенной ему должности инспектора классовъ въ Омскомъ кадетскомъ корпусѣ и, чтобы удержаться на службѣ въ томъ же вѣдомствѣ, долженъ былъ занять положеніе, съ котораго началъ, то-есть снова сдѣлаться преподавателемъ (штатнымъ) математики и физики въ 1 ой С.-Петербургской военной гимназіи (нынѣ 1-й корпусъ). Въ этой должности онъ и умеръ 21-го іюня 1871 года въ С.-Петербургѣ отъ холеры, въ чинѣ статскаго совѣтника; погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Какъ преподаватель математики и физики, а въ Кіевскомъ корпусѣ, кромѣ того, и химіи, Пелипенко оставилъ по себѣ въ своихъ ученикахъ добрую память. Его заслуживающею упоминанія характеристическою чертою была замѣчательная способность къ ремесламъ токаря, слесаря, механика и оптика, результатомъ которой было изготовленіе многихъ прекрасныхъ приборовъ и въ числѣ ихъ выдающихся по своему совершенству хронометра и барометра.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Университета св.

Владиміра». Кіевъ. 1884 г., стр. 542—544; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1872 г., 20-го іюня; «Академич. списки Имп. Университета св. Владиміра». Кіевъ. 1884 г., стр. 42, 94 и 96. *В. В. Бобынинъ.*

Пелка-Полинскій, *Михаилъ*.—**Полинскій-Пелка.**

Пеллисьеръ (Пиллисьеръ), *Иванъ Адамовичъ*, дѣйствитсльный статскій совѣтникъ; родился въ Швейцаріи, служилъ въ голландскомъ флотѣ, а 2-го марта 1788 г., будучи поручикомъ голландской морской службы, перешелъ въ русскую съ чиномъ капитанъ-лейтенанта; съ этого же года П. принялъ участіе въ войнѣ со Швеціей, сначала командуя пакетботомъ «Поспѣшный» и состоя при адмиралѣ Грейгѣ «для посылокъ»; въ 1789 году, находясь на фрегатѣ «Проворномъ», онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ въ эскадрѣ принца Нассау-Зигена; 22—23-го августа принялъ участіе въ Роченсальмскомъ сраженіи, командуя шебекою «Прозерпина» и, за отличную храбрость, награжденъ былъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ слѣдующемъ, 1790 году П. былъ командиромъ гребного фрегата «Св. Александръ», участвовалъ въ сраженіи у Красной Горки, затѣмъ плавалъ къ Питкопасу, гдѣ, находясь въ отрядѣ кап. Кроуна, былъ въ стычкѣ съ непріятельскимъ гребнымъ флотомъ, а 8-го сентября 1790 г. былъ «за труды и храбрость» пожалованъ чиномъ капитана 2-го ранга. Съ 1791 по 1798 г. П. находился по большей части при Петербургскомъ портѣ, командуя 5-ю-гребною эскадрой и совершая недальніе морскіе переходы, а 2-го января 1798 г. былъ уволенъ изъ морской службы съ чиномъ капитана 1-го ранга. Опредѣлившись въ Лѣсной Департаментъ Адмиралтействъ-Коллегіи, П. получилъ званіе оберъ-форстмейстера, а 29-го декабря 1799 г. занялъ въ томъ же Департаментѣ должность старшаго совѣтника. Въ 1803 г. П. получилъ чинъ дѣйств. статскаго совѣтника и званіе присутствующаго въ Лѣсномъ Департаментѣ (каковое сохранилъ до самой своей смерти); съ 1804 г. онъ неоднократно былъ командированъ въ разныя губерніи по разнообразнымъ вопросамъ, касавшимся управленія лѣсами, главнымъ образомъ казенными; въ 1805 г. П. былъ назначенъ инспекторомъ по лѣсной части въ губерніяхъ: Тульской, Московской, Калужской, Орловской, Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской и Владимірской и поселился близъ г. Козельска въ казенномъ домѣ, гдѣ находился учрежденный въ 1804 г. Лѣсной Институтъ, находившійся въ его вѣдѣніи. Въ этой должности Пеллисьеръ оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей въ началѣ 1815 года. Кн. И. М. Долгоруковъ (извѣстный поэтъ), близко знавшій П. и посѣтившій его въ 1810 г. въ его уединенномъ Лѣсномъ Институтѣ, даетъ самый лучшій отзывъ объ этомъ добромъ, скромномъ и очень работящемъ человѣкѣ, любившемъ и понимавшемъ то дѣло, блюсти которое было ему поручено.

«Общій Морской списокъ», ч. IV, стр. 558—559, и ч. V, стр. 441; «Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. XIII, С.-Пб. 1890 г., стр. 409, 429, 595, 668; Архивъ Капитула орденовъ; «Полное Собраніе законовъ», т. XXV, стр. 925, т. XXVII, стр. 923, 924, т. XXVIII, стр. 330, 877—878, т. XXIX, стр. 634, 868 и т. XXXIII, стр. 53; кн. И. М. Долгоруковъ. «Славны бубны за горами, или мое путешествіе кое-куда». М. 1870 г., стр. 336—339; Адресъ-календари 1802—1815 гг.; В. Степановъ и Н. Григоровичъ. «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія» С.-Пб. 1869 г., стр. 37. *Б. Гарскій.*

Пелль, *Петръ Андреевичъ*, преподаватель агрономіи въ Казанскомъ Университетѣ. Родился въ Петербургѣ 2-го сентября 1807 г. въ семьѣ чиновника и въ 1819—1827 г. служилъ въ Канцеляріи Пажескаго корпуса, откуда 9-го января 1828 г. поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1830 г., а въ 1836 г. получилъ степень кандидата философіи; послѣ этого Пелль 7-го апрѣля того же года назначенъ былъ адъюнктъ-профессоромъ Алькустгофскаго (Alt-Kusthof, около Дерпта) Земледѣльческаго института. Отправленный 30-го іюля 1838 г. за-границу для усовершенствованія въ агрономіи, Пелль работалъ въ Тарандѣ (близъ Дрездена) и Гогенгеймѣ; по возвращеніи въ Россію, 30-го октября 1841 г. опредѣленъ былъ въ Казанскій университетъ преподавателемъ на вновь учрежденную каѳедру агрономіи, получая окладъ экстраординарнаго профессора. Въ слѣдующемъ, 1842 г., Пелль былъ, по распоряженію попечителя Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусина-Пушкина, отправленъ на 1½ мѣсяца, въ учено-агрономическое

путешествіе по губ. Казанской, Симбирской, Нижегородской, Вятской и Оренбургской. Въ 1845—1848 гг. Пелль, кромѣ того, былъ преподавателемъ сельскаго хозяйства въ Казанской Духовной Академіи, а въ 1844—1854 гг. читалъ сельское хозяйство и прикладную ботанику студентамъ Камеральнаго факультета Казанскаго Университета. Уволенный отъ службы 31-го марта 1859 г., Пелль умеръ въ Петербургѣ 18-го декабря 1861 г. Ему принадлежитъ работа: «О превращеніи растеній». Казань. 1857 г.

Проф. Н. П. Загоскинъ. «Дѣятели Императ. Казанскаго Университета 1805—1900 г.» Казань. 1900 г., стр. 86—87; A. Hasselblatt und G. Otto. «Album academicum der Kais. Universität Dorpat». Dorp. 1889, S. 172, № 2.414. *Б. Гарскій.*

Пельскій, *Аѳанасій Ивановичъ*, съ 1736 по 1745 г. обучался въ Александроневской семинаріи, гдѣ впослѣдствіи преподавалъ латинскій языкъ; съ 1745 по 1754 г. былъ преподавателемъ греческаго языка и риторики въ Московской Духовной академіи, послѣ чего опредѣленъ товарищемъ директора Синодальной типографіи въ Москвѣ; съ 4-го іюня 1764 г. имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника, а съ 1768 г. состоялъ директоромъ той же типографіи. Умеръ 26-го августа 1784 года въ чинѣ коллежскаго совѣтника; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ.

С. К. Смирновъ. «Исторія Московской Славяно-греко-латинской академіи». М. 1855 г., стр. 221; Чистовичъ, «Исторія С.-Пб. Духовной академіи». С.-Пб. 1857 г., стр. 40; «Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ московскимъ». М. 1793 г., ч. IV, стр. 134 (Донской монастырь). *В. С—въ.*

Пельскій, *Петръ Аѳанасьевичъ*, писатель, сынъ предыдущаго; родился въ 1765 г. Получивъ образованіе въ Московскомъ Университетѣ, онъ занималъ должность цензора въ Москвѣ, гдѣ и умеръ 13-го мая 1803 г., въ чинѣ коллежскаго асессора; погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Пельскій сталъ заниматься литературой еще во времена своего студенчества. Стихотворенія его печатались въ «Вечерней Зарѣ» 1782 г., въ «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени» 1795 г. и въ «Аонидахъ» 1796—1799 гг. Вся дальнѣйшая литературная дѣятельность его была посвящена переводамъ съ французскаго, изъ которыхъ въ печати извѣстны слѣдующіе: 1) «Эрмитажный театръ Великія Екатерины», изд. Кастеры, 2 ч. М. 1802 г.; 2) «Ефраимскій левитъ», поэма Ж. Ж. Руссо. М. 1803 г.; 3) «Адель де-Сенанжъ, романъ графини де-Флаго, впослѣдствіи баронессы Сузы», 2 ч. М. 1803 г.; 4) «Кумъ Матвѣй», романъ Дюлорана, 4 ч. М. 1803 г. По выходѣ въ свѣтъ, книга эта, «дерзкая» для своего времени, была конфискована по приказанію военнаго губернатора, гр. И. П. Салтыкова. Это обстоятельство, по свидѣтельству біографа Пельскаго, послужило причиною преждевременной кончины переводчика. По смерти Пельскаго было издано собраніе его мелкихъ сочиненій, переводовъ и подражаній подъ заглавіемъ «Мое кое-что» (М. 1803 г.), съ приложеніемъ силуэта автора и стиховъ на кончину его, сочиненныхъ Карамзинымъ, который находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Между современниками Пельскій слылъ за умнаго, образованнаго и свободомыслящаго человѣка, предпріимчиваго, смѣлаго, но нѣсколько легкомысленнаго.

«Моск. Вѣстникъ» 1809 г., №№ 21 и 22; «Труды Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ» 1826 г., ч. VI; С. П. Шевыревъ. «Исторія Московскаго Университета». М. 1855 г.; «Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи». С.-Пб. 1862 г.; «Письма Карамзина къ Дмитріеву». С.-Пб. 1866 г.; «Русскій Архивъ» 1891 г., № 12. *В. Саитовъ.*

Пельтъ, *Иванъ Александровичъ*, лекторъ французскаго языка и словесности въ Московскомъ университетѣ; происходилъ изъ старинной дворянской французской фамиліи, родился 3-го іюня 1780 г. въ Мецѣ, умеръ 15-го іюля 1829 г. Въ 1803 г., съ чиномъ инженеръ-поручика, прибылъ въ Россію, а съ 1810 г. началъ педагогическую дѣятельность въ разныхъ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ: въ Коммерческомъ училищѣ (съ 1810 г.), въ Екатерининскомъ институтѣ (съ 1811 г.), въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ (съ 1814 г.), въ Университетѣ (съ 1816 по 1829 гг.) и въ кадетскомъ корпусѣ (съ 1826 г.). Студентамъ П. преподавалъ синтаксисъ и объяснялъ теоретическія правила словесности; онъ отличался хорошимъ произношеніемъ французскихъ стиховъ.

«Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета». М. 1855 г., ч. II, стр. 208; «Моск. Вѣдом.» 1829 г., № 26. *А. К.*

Пельцигъ, *Октавій Оттовичъ*, инженеръ-генералъ-маіоръ; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей Лифляндской губерніи (изъ города Феллина); родился 3-го мая 1817 г., воспитывался въ Кондукторскихъ ротахъ Учебнаго морского рабочаго экипажа (съ 21-го августа 1830 г.), по окончаніи курса въ которыхъ былъ произведенъ въ прапорщики (8-го іюня 1838 г.); назначенный въ С.-Петербургскій портъ, онъ вскорѣ же перешелъ въ Астраханскій портъ (28-го сентября 1838 г.), откуда въ 1850 году, уже въ чинѣ поручика (съ 1846 г.)—въ Ревельскій портъ; 5-го декабря 1859 г., въ чинѣ капитана, П. снова переѣхалъ въ Астрахань, получивъ должность старшаго судостроителя. Въ 1860 г.(31-го марта) П. былъ назначенъ инспекторомъ корабельныхъ работъ Астраханскаго порта и произведенъ (17-го октября) въ подполковники, а въ 1866 году, декабря 26-го, вслѣдствіе упраздненія Астраханскаго порта, опредѣленъ штатнымъ корабельнымъ инженеромъ Бакинскаго порта. Произведенный 1-го января 1867 г. въ полковники, Пельцигъ 9-го мая 1870 г. получилъ новое назначеніе—членомъ Кораблестроительнаго Отдѣленія Морского Техническаго Комитета и въ этой должности, за отличіе по службѣ, былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора (31-го марта 1874 г.); умеръ въ С.-Петербургѣ 17-го февраля 1886 года; погребенъ онъ въ г. Феллинѣ, Лифляндской губерніи. Сверхъ исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, П. въ 1855—1856 гг. былъ и. д. помощника капитана надъ Ревельскимъ портомъ, съ 1856 г. состоялъ совѣщательнымъ членомъ Кораблестроительнаго Техническаго Комитета, въ 1872 г. былъ членомъ отъ Морского Вѣдомства въ учрежденной при Министерствѣ Финансовъ Коммиссіи по вопросу объ устройствѣ таможеннаго крейсерства, въ 1873 г.—членомъ Коммиссіи по улучшенію положенія Сибирской флотиліи и Приамурскаго края, а въ 1880 г.—и. д. предсѣдателя Кораблестроительнаго Отдѣленія. Въ «Морскомъ Сборникѣ» 1863 г. (т. LXVIII, № 10, стр. 20—24) П. помѣстилъ статью: «Нѣсколько словъ о розсыпяхъ на устьяхъ рѣки Волги».

Формулярный списокъ; «Новое Время» 1886 г., № 3.585. *Б. Гарскій.*

Пельчинскій, *Викентій Станиславовичъ*, камергеръ, писатель. Воспитывался въ Виленскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ съ званіемъ магистра философіи; въ 1822 г. онъ жилъ въ Вильнѣ и въ первой половинѣ этого года былъ избранъ въ члены-корреспонденты С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей россійской словесности; 25-го марта 1827 г. П. поступилъ на службу, въ слѣдующемъ году получилъ въ награду брилліантовый перстень, а въ 1831 г.—званіе камергера и орденъ св. Анны 3-й степени. Въ 1834 г. П., въ чинѣ надворнаго совѣтника, состоялъ чиновникомъ для особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ (до 1844 г.) и членомъ Мануфактурнаго Совѣта при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли; послѣднее званіе онъ сохранилъ до 1853 г., будучи 16-го іюня 1840 г. произведенъ въ статскіе совѣтники. Выйдя затѣмъ въ отставку, П. умеръ въ концѣ 1855 или въ самомъ началѣ 1856 года. Большую часть своей службы П. провелъ исполняя разныя порученія русскаго правительства за-границей, гдѣ былъ тайнымъ агентомъ; особенными дарованіями онъ не отличался.

Пельчинскій издалъ слѣдующія книги: «Мануфактурная Россія, или состояніе россійскихъ мануфактуръ въ 1827 г.». С.-Пб. 1827 г.; «О дѣйствіи причинъ, имѣвшихъ неблагопріятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи», С.-Пб. 1827 г. (изъ «Сѣвернаго Архива»—см. ниже); «О состояніи промышленныхъ силъ Россіи до 1832 г.», С.-Пб. 1833 г.; «Виды цѣнъ хлѣба, банковъ, фондовъ, отвоза и привоза, дохода и расхода Англіи съ 1790 по 1841 г., s. a. et l.; на французскомъ языкѣ: «De l'état des forces industrielles en Russie, jusqu'à 1832 г.» Par Mr. V. Peltschinsky, chambellan de S. Maj. etc. St.-Pétersb. 1834 г., 104 p. avec 2 tables; «La Russie en 1844. Système de legislation, d'administration et de politique de la Russie en 1844. Par un homme d'état russe». Leipzig et Paris. 1845 г. 8°, 142 p. (два изданія); нѣмецкій переводъ этого сочиненія вышелъ подъ заглавіемъ: «Russland im Jahre 1844. Ein Nachtrag zu dem enthülten Russland, bearbeitet von Adolph Heller. Grimma. 1845 г.

8°; «L'Angleterre et la France en 1851» Paris. 1851 г. (помѣчено 1852 годомъ), 8°, 47 р. Кромѣ того, П. помѣщалъ свои статьи въ «Journal des débats» 1846 и 1847 г. Въ русскихъ журналахъ намъ извѣстны слѣдующія его работы: «О дѣйствіи причинъ, имѣвшихъ неблагопріятствующее вліяніе на общественныя выгоды въ Россіи»—въ «Сѣвернomъ Архивѣ» Булгарина за 1827 г. (ч. 29, № 18, стр. 128 и слѣд.) и «О С.-Петербургскихъ фабрикахъ»—въ «Журналѣ мануфактуръ и торговли» 1828 г. (кн. V).

«Труды Вольнаго Общества любит. россійск. словесности» 1822 г., ч. XIX, стр. 228; Адресъ-календари и списки чинамъ; Архивъ капитула орденовъ (списки по ордену св. Анны 3-й степени); G.Ghénnady. «Les écrivains franco-russes». Dresde. 1874, p. 49; «Rossica Импер. Публ. Библіотеки», т. II. С.-Пб. 1873 г., стр. 86; С. Каратаевъ. «Библіографія финансовъ, промышленности и торговли». С.-Пб. 1880 г.; «Русск. Старина» 1899 г., № 7, стр. 23 (въ запискахъ бар. М. А. Корфа); «Записки Н. И. Греча», С.-Пб. 1886 г.; «Каталогъ библіотеки С.-Петербургскаго Университета», т. I. С.-Пб. 1897 г.; «Записки Ивана Головина». Лейпцигъ. 1859, стр. 90, 93, 97, 98, 99, 101. *Б. Львовъ.*

Пелярино, *Симонъ*, врачъ, сынъ слѣдующаго, получилъ медицинское образованіе и степень доктора въ Италіи, затѣмъ отправился въ Константинополь, откуда въ годъ смерти своего отца (1718) былъ приглашенъ русскимъ посланникомъ на царскую службу и тогда же отправленъ въ Москву. Пробывъ въ Россіи около шести лѣтъ, онъ покинулъ ее 24-го февраля 1724 г. и, воспользовавшись случаемъ, поѣхалъ изъ Москвы въ Константинополь, вмѣсто курьера, съ депешами къ посланнику Неплюеву.

В. Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи», ч. III. Москва. 1820 г. *Н. Кульбинъ.*

Пелярино, *Яковъ Дмитріевичъ* (Jacob Pelarino), врачъ, родился 9-го января 1659 г., умеръ 18-го іюня 1718 г.; родомъ грекъ изъ Кефалоніи, Пелярино учился врачебному искусству въ Падуѣ, тамъ же получилъ докторскій дипломъ, затѣмъ отправился въ Кандію, а оттуда въ Константинополь. Въ Константинополѣ Пелярино прослужилъ 6 лѣтъ, послѣ чего перешелъ на службу въ Бухарестъ къ господарю Валахіи, князю Сербану Кантакузену, у котораго пробылъ 4 года. Приглашенный царемъ на русскую службу въ одно время съ докторомъ Карбонаріемъ, онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1690 г. и, повидимому, предназначался въ придворные врачи; пробывъ 2 года въ Москвѣ, онъ былъ отпущенъ въ Венецію и отправился туда въ 1692 г. вмѣстѣ съ дворяниномъ Петромъ Васильевичемъ Посниковымъ, который впослѣдствіи сталъ извѣстнымъ врачомъ. Уволенный изъ русской службы, Пелярино поѣхалъ въ Левантъ и сдѣлался венеціанскимъ консуломъ въ Смирнѣ и Египтѣ; послѣдніе года своей жизни онъ прожилъ въ Венеціи, а умеръ въ Падуѣ. Яковъ Пелярино былъ первымъ изъ европейскихъ врачей, поднявшихъ вопросъ объ инокуляціи; онъ обнародовалъ открытый имъ способъ оспенной прививки въ сочиненіи: «Nova et tuta variolas excitandi per transplantationem methodus»; кромѣ того, онъ напечаталъ: «La medicina divensa overa riflessi di disinganni sopra, nuovi sentimenti contenuti vel libro intitulato: Il mondo ingannato de falsi Medici».

Я. Чистовичъ. «Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», С.-Пб. 1883, стр. CCLI; В. Рихтеръ. «Исторія медицины въ Россіи», ч. II, М. 1820 г., стр. 368; Н. Купріяновъ. «Исторія медицины въ Россіи въ царствованіе Петра В.», С.-Пб. 1872, стр. 1; Н. П. Загоскинъ. «Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи», Казань. 1891 г.; Л. Ф. Змѣевъ. «Чтенія по врач. исторіи Россіи», С.-Пб. 1896 г.; Вилларе. «Энцикл. медиц. слов.», т. III, стр. 122. С.-Пб. 1893 г. *Н. Кульбинъ.*

Пенго, *Константинъ Константиновичъ*, консерваторъ Зоологическаго кабинета при Харьковскомъ университетѣ, писатель; родился 16-го декабря 1841 г. въ с. Лодомировкѣ, Валуйскаго уѣзда, Воронежской губ. и былъ сыномъ полковника; воспитывался онъ въ частномъ пансіонѣ въ Харьковѣ, затѣмъ поступилъ въ Харьковскій университетъ на естественно-историческій факультетъ въ 1860 г. Съ 1867 года П., прослушавъ университетскій курсъ, занялъ должность хранителя при Зоологическомъ кабинетѣ Харьковскаго университета. Въ 1870 г. онъ получилъ степень кандидата естественныхъ наукъ, съ 1869 г. состоя сотрудникомъ, а съ 1870 г. дѣйствительнымъ членомъ Общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ. Въ 1870 г. П. совершилъ зоологическую экскурсію къ Днѣпровскому лиману съ цѣлью изученія отно-

*

шеній прѣсноводныхъ формъ къ морскимъ; скончался 7-го іюля 1878 г. Слѣдующія работы П. помѣщены въ «Трудахъ Общества испытателей природы при Харьковскомъ университетѣ»: «О родовыхъ и видовыхъ признакахъ гадюки» (1870 г., т. II); «О нахожденіи рѣчного угря въ Азовскомъ морѣ» (1872 г., т. VI); «О подвижной приморской зоолого-ботанической станціи» (1874 г., т. VIII); кромѣ того, П. напечаталъ: «Воспоминаніе о пазоряхъ и сполохахъ 23-го января 1872 г. въ Харьковѣ» («Харьковскія Вѣдом.» 1872 г., № 16) и «Разъясненіе нѣкоторыхъ явленій сполоховъ и пазорей 23-го января 1872 г. въ Харьковѣ, наблюдавшихся въ южной части небеснаго свода» (тамъ же, № 26).

Анатолій Богдановъ. «Матеріалы для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся къ ней областямъ въ 1850—1888 г.». М. 1889 г., т. II.

А. О. Т.

Пензинъ, *Александръ Сергѣевичъ*, литераторъ, родился въ 1839 г., воспитывался въ 3-й С.-Петербургской гимназіи, въ которой кончилъ курсъ съ золотой медалью, а затѣмъ слушалъ лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, но вышелъ съ 3-го курса; съ 1859 г. онъ началъ сотрудничать въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ: «Русск. Инвалидѣ» (при редакторѣ полк. Лебедевѣ), «Сѣв. Пчелѣ», «Русск. Мірѣ» и «Вѣсти» В. Д. Скарятина, гдѣ былъ часть 1867 года помощникомъ редактора, и «Новомъ «Времени», въ которомъ, равно какъ и въ «Голосѣ» состоялъ корректоромъ. П. писалъ также и стихотворенія въ журналахъ 1860-хъ годовъ, а за одну пьесу, поднесенную императору Александру II, получилъ высочайшій подарокъ. Умеръ въ Петербургѣ 2-го мая 1892 г. и погребенъ на Большой Охтѣ. П., какъ человѣкъ, отличался добротою, сердечностью, отзывчивостью и большимъ трудолюбіемъ.

«Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго». С.-Пб. 1888, стр. 107; «Новое Время» 1892, № 5810; «Историч. Вѣстн.» 1892 г., № 7, стр. 230; «Библіогр. Записки» 1892 г., № 9, стр. 646.

Пенинскіе, князья; происходятъ изъ рода князей Оболенскихъ, и такъ какъ не теряли связи съ этимъ родомъ, то очень часто назывались также князьями Пенинскими - Оболенскими. Родоначальникомъ Пенинскихъ (Пѣнинскихъ или Пьнинскихъ) былъ *Андрей Михайловичъ* сынъ князя Михаила Ивановича Оболенскаго, потомокъ въ VII колѣнѣ Михаила Всеволодовича, кн. Черниговскаго. Андрей Михайловичъ былъ полковымъ воеводою при царѣ Василіи III Іоанновичѣ въ войнахъ противъ Литвы. Такъ, въ 1513 году, когда войско царя было на Угрѣ, кн. Андрей Михайловичъ былъ сдѣланъ воеводой полка «лѣвой руки».

Сыновья кн. Андрея Михайловича: *Иванъ* по прозванію «Овчина», *Юрій* Большой и *Юрій* Меньшой Андреевичи служили брату царя Василія III Андрею Іоанновичу, удѣльному князю Старицкому. Когда, послѣ смерти царя Василія III, его младшихъ братьевъ Юрія и Андрея постигла опала отъ имени малолѣтняго царя Іоанна IV, а на самомъ дѣлѣ отъ правительницы царицы Елены и ея любимца кн. Овчины Телепнева-Оболенскаго, то кн. Пенинскіе, какъ вѣрные приверженцы своего удѣльнаго князя Андрея Іоанновича, раздѣляли съ нимъ его участь, равно какъ и другіе вѣрные служилые князья: Пронскіе, Палецкіе, Хованскіе и другіе. Въ 1537 году на этихъ приверженцевъ Андрея была наложена царская опала: велѣно было ихъ пытать и казнить торговою казнью; въ числѣ ихъ были князья Пенинскіе: бояринъ Иванъ Андреевичъ, да Юрій Андреевичъ Большой.

Кн. Юрій Андреевичъ Меньшой Пенинскій пережилъ своихъ братьевъ и служилъ удѣльному князю Владиміру Андреевичу Старицкому, двоюродному брату царя Іоанна Грознаго, сыну Андрея Іоанновича. Въ 1541 году Юрій Андреевичъ Меньшой сражался, находясь въ войскѣ Владиміра Андревича, вмѣстѣ съ царскими войсками противъ татаръ, напавшихъ на Московское государство. Будучи уже бояриномъ у кн. Владиміра Андреевича, онъ участвовалъ въ торжествѣ свадьбы своего удѣльнаго князя, когда, судя по Разрядамъ, ему велѣно было «слать постелю». Послѣдній изъ рода Пенинскихъ - Оболенскихъ, сынъ Ивана Андреевича, прозваннаго «Овчина», кн. *Ѳедоръ Ивановичъ* умеръ бездѣтнымъ въ молодыхъ годахъ при царѣ Іоаннѣ IV; по извѣстію кн. А. М. Курб-

скаго, онъ былъ убитъ въ 1544 г. царемъ Іоанномъ Грознымъ.

«Полное Собр. Лѣтоп.», т. VIII, стр. 294, 300; «Древн. Росс. Вивл.», кн. XIII, отд. VI, стр. 47, 48; Карамзинъ. «Ист. Гос. Росс.», т. VIII, стр. 16, прим. 16; т. IX, пр. 405; Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. VI, стр. 13, 14, прим. 20; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій, «Русская родословная книга», т. I, стр. 38; кн. П. Долгорукій. «Россійская родословная книга», ч. I, стр. 52.

Н. Воронковъ.

Пенинскій, *Владиміръ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, инженеръ путей сообщенія; сынъ слѣдующаго, родился въ С.-Петербургѣ 5-го мая 1825 года. Вступивъ кадетомъ въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія въ 1840 году, П. по окончаніи въ немъ курса наукъ, въ 1846 году, въ чинѣ подпоручика опредѣленъ былъ на дѣйствительную службу въ VI (Казанскій) Округъ Путей Сообщенія. Въ этомъ Округѣ В. И. Пенинскій прошелъ всю свою службу, которая состояла, главнымъ образомъ, въ наблюденіи за правильностію и успѣшностью судоходства по р. Волгѣ. При незначительномъ отпускѣ суммъ на водные пути, все, что возможно было сдѣлать для успѣшнаго судоходства, было имъ достигнуто. Въ 1871 году Пенинскому была объявлена Высочайшая благодарность за порядокъ на фарватерѣ и на пристаняхъ р. Волги, оказавшійся во время путешествія Императора Александра II. Въ 1879 году В. И. Пенинскій, послѣ производства въ дѣйствительные статскіе совѣтники, оставилъ государственную службу и скончался 10-го января 1885 года въ Казани.

Дѣло архива Департамента Герольдіи (метрика рожденія); Формулярный списокъ.

С. Житковъ.

Пенинскій, *Иванъ Степановичъ*, (Пе́ннинскій) писатель. Происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1791 г., обучался въ Александро-Невской Духовной Семинаріи, гдѣ курса не окончилъ и, уволенный изъ училищнаго вѣдомства 11-го октября 1813 г., 1-го декабря поступилъ на службу въ Хозяйственный Департаментъ Министерства полиціи, но скоро же (9-го ноября 1814 г.) перешелъ въ Медицинскій Департаментъ (въ это время въ судьбѣ П. принималъ участіе Г. Р. Державинъ) и здѣсь съ 1817 г. занималъ должность журналиста, а 1-го марта 1818 г. опредѣлился въ Благородный Пансіонъ при Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учителемъ латинскаго и русскаго языковъ въ среднихъ классахъ, состоя въ то же время (съ 15-го іюня 1818 г. по 7-е іюня 1820 г.) въ Исполнительномъ Департаментѣ Министерства полиціи, а съ 12-го іюня 1820 г.—помощникомъ столоначальника въ Департаментѣ государственныхъ имуществъ. Уволившись изъ пансіона 23-го апрѣля 1821 г. (вслѣдствіе какого-то столкновенія съ учениками), П. опредѣлился (28-го февраля 1822 г.) секретаремъ въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, состоя въ то же время (съ 8-го ноября 1822 г.) штатнымъ смотрителемъ училищъ Ораніенбаумскаго уѣзда, а съ 19-го января 1823 г.—старшимъ учителемъ русской словесности, логики и славянскаго языка въ С.-Петербургской гимназіи; въ октябрѣ 1823 г. онъ уволился отъ должности секретаря Цензурнаго Комитета, а въ сентябрѣ 1827 г. покинулъ мѣсто смотрителя училищъ. Кромѣ 1-й гимназіи, П. преподавалъ тѣ же предметы въ 3-й С.-Петербургской гимназіи (съ 1823 г.), а съ 26-го мая 1820 г. по 1-е августа 1829 г. и въ Домѣ воспитанія бѣдныхъ дѣтей (нынѣ гимназія Человѣколюбиваго Общества). Въ должности старшаго учителя 1-й С.-Петербургской гимназіи П. пробылъ до 22-го іюля 1837 г., получивъ при отставкѣ чинъ надворнаго совѣтника. Съ этихъ поръ онъ проживалъ въ Петербургѣ, Выборгѣ и Ригѣ, занимаясь изданіемъ учебныхъ книгъ по русскому языку. Послѣ выхода въ отставку П. проживалъ въ Петербургѣ, Выборгѣ и Ригѣ (1865 г.) и умеръ въ 1868 (?) году.

Пенинскій извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ издатель многихъ учебниковъ по русскому языку; ему принадлежатъ слѣдующія работы: «Надгробныя слова Боссюэта», перев. С.-Пб. 1822 г., вызвавшій весьма похвальный отзывъ рецензента «Отечеств. Записокъ» (1823 г., ч. XIII, № 33, стр. 139—144); «Славянская грамматика, заимствованная преимущественно изъ грамматики г. Добровскаго» [«Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris. Vindabonae. 1822]. С.-Пб. 1825 г. (изд. 2-е, 1826 г., съ изд. 3-го—подъ заглавіемъ «Грамматика славянская», С.-Пб. 1827 г., изд. 10-е, С.-Пб. 1856 г.), о которой данъ былъ весьма сочувственный отзывъ въ «Библіографи-

ческихъ Листахъ» Кеппена (1825 г., № 25, столб. 349—359); «Славянская хрестоматія, или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія», С.-Пб. 1828 г., изд. 7-е. С.-Пб. 1859 г.; «Россійская хрестоматія, или отборныя сочиненія отечественныхъ писателей въ прозѣ и стихахъ». 2 части, С.-Пб 1833—1834 г., изд. 2-е, 2 ч., С.-Пб. 1837 г., изд. 3-е, 2 ч., С.-Пб. 1842 г; «Книга для чтенія и упражненія въ языкѣ, составленная для уѣздныхъ училищъ и низшихъ классовъ гимназій», С.-Пб. 1848; изд. 7-е, С.-Пб. 1860; «Правила стихосложенія», С.-Пб. 1838 г., (были разсмотрѣны Російской Академіей), изд. 2-е, С.-Пб. 1845; изд. 3-е, С.-Пб. 1848 г. Всѣ учебники, составленные Пенинскимъ, пользовались весьма широкимъ распространеніемъ и были вытѣснены изъ обихода лишь въ 1850-хъ годахъ работами Галахова.

Кромѣ того, въ «Журналѣ древней и новой словесности» 1818 г. (ч. III, стр. 18—21) П. помѣстилъ переводъ рѣчи Боссюэта «Изображеніе Кромвеля», а въ «Сынѣ Отечества» 1818 г. «Отрывокъ изъ рѣчи Боссюэта на смерть Генріетты-Анны, герцогини Орлеанской» (т. XLVI, стр. 246—259) и 1819 г. (ч. 52, № 8, стр. 49—62)—«Отрывки изъ надгробной рѣчи Боссюэта Великому Конде».

Архивъ Департамента Герольдіи (формулярный списокъ); Архивъ Капитула орденовъ (кав. списки по орд. Владиміра 4-й ст., кн. VII, стр. 53); А. Надеждинъ. «Исторія С.-Петербургской Духовной семинаріи», С.-Пб. 1885 г., стр. 117 и 640; Указатель къ «Собранію мнѣній... митр. Филарета», С.-Пб. 1891 г., стр. 236; «Семидесятипятилѣтіе Гимназіи Имп. Человѣколюбиваго Общества», въ С.-Пб. 1898, прилож., стр. 59; Н. М. Аничковъ. «Историческая записка 50-лѣтія 3-й С.-Петербургской гимназіи», С.-Пб. 1873 г., стр. 84, 109 и прилож., стр. 23—24; «Сочиненія Державина», подъ ред. Я. К. Грота, т. VI, С.-Пб. 1871 г., стр. 381; «Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. I и II, С.-Пб. 1896 г.; «Историч. Вѣстникъ» 1893 г., т. LI, стр. 253; «Молва» при «Телескопѣ» 1834 г., № 43 и 44, стр. 264—270 и 278—283 (ред. В. С. Межевича); «Русск. Стар.» 1901 г., т. 105, стр. 436. А. С. Вороновъ. Историко-статистич. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа. С.-Пб. 1854. *Б. Львовъ.*

Пенкальскій, *Войтѣхъ*, юристъ, драматическій писатель и журналистъ. Въ 1809—1814 годахъ онъ былъ секретаремъ Варшавскаго и затѣмъ Калишскаго Департамента уголовнаго суда, а впослѣдствіи—членомъ Управленія Варшавскихъ правительственныхъ театровъ; съ 1814 по 1826 годъ П. состоялъ редакторомъ журнала: «Gazeta korrespondenta warszawskiego i zagranicznego». Съ 1807 го 1815 гг. П. перевелъ для варшавскихъ театровъ 65 пьесъ съ языковъ французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго; онъ писалъ также и оригинальныя комедіи, которыя хотя и были поставлены на сценѣ, но не появились въ печати. Онъ издалъ слѣдующія сочиненія: «Rotmistrz Gorecki, opera narodowa» (1807); «Motiwa kodeksu francuskiego kryminalnego sądowego postępowania» (1811); «Mowa przy obchodzie pamiątki zeszłych braci», членовъ массонской ложи Изиды (1811); «Wiersz przyjożni», въ честь Петра Рейха, члена той же ложи (1814).

«Encyklopedya powszechna», XX, 620; Estreicher. «Bibliografia polska», II, 20.
Θ. Ф. В.

Пенкевичъ, *Адамъ*, врачъ и поэтъ, родомъ изъ сѣверо-западнаго края; окончивъ курсъ наукъ въ Виленскомъ университетѣ по медицинскому факультету, П поселился въ Вилькомирѣ, а затѣмъ въ Клодавѣ, гдѣ и умеръ 27-го января 1879 г. Литературныя произведенія его, которыя онъ печаталъ подъ псевдонимомъ Рустейко, слѣдующія: «Wybór poezyi z pisarzów polskich» (7 томовъ. Вильна. 1835 — 1837); сборникъ стихотвореній разныхъ авторовъ подъ заглавіемъ «Bojan» (Вильна. 1838) и сборникъ оригинальныхъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Piésni», Вильна. 1848.

Kośmiński. «Słownik lekarzów». Warsz. 1882.
Θ. Ф. В.

Пенкина, *Зинаида Михайловна*, по мужу *Триполитова*, первая женщина-библіографъ; родилась въ Калугѣ, въ 1861 г., училась въ нѣмецкой Петровской школѣ въ Москвѣ (до 1877), потомъ окончила Бестужевскіе женскіе курсы по словесному разряду. Скончалась 29-го декабря 1887 г. Подъ руководствомъ В. И. Межова занималась библіографіей. Ей принадлежатъ слѣдующіе библіографическіе труды: 1) «Полѣсье. Библіографическіе матеріалы по исторіи, географіи, статистикѣ, этнографіи и экономическому состоянію Полѣсья», С.-Пб. 1883; 2) «Русская библіографія морского дѣла, 1761—1882 г.»,

С.-Пб. 1885; 3) «Библіографическіе матеріалы по желѣзнодорожному дѣлу, 1876—1883», С. Пб. 1888; 4) «Закаспійскій край (1865 — 1885). Систематич. сборникъ книгъ и статей о Закаспійскомъ краѣ», С.-Пб. 1888 г.

С. И. Пономаревъ. «Наши писательницы». С.-Пб. 1891, стр. 49; Воспоминанія В. И. Межова въ «Библіографѣ» 1889 г., № 4.

А. Лященко.

Пенкинъ, *Яковъ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, предсѣдатель Кіевской Казенной Палаты; сынъ купца, родился въ 1791 году, воспитывался въ частномъ пансіонѣ, а въ 1802 г. уже поступилъ на службу—въ Контору главнаго командира Черноморскаго флота копіистомъ. Перейдя въ 1808 г. въ Канцелярію херсонскаго гражданскаго губернатора, П. въ 1811 г. опредѣлился къ военному губернатору въ Бухарестѣ и вице-президенту Дивана Валахскаго, въ 1812 г.—къ гродненскому губернатору д. с. с. Булгакову, въ 1813 г.—въ канцелярію фельдмаршаловъ: Кутузова-Смоленскаго, а по смерти его—кн. Барклая-де-Толли и въ 1814 г. получилъ орденъ Владиміра 4-й степени; во все продолженіе войны 1812—1815 г. П. безотлучно находился при дѣйствующей арміи, въ 1821 г. (26-го февраля) назначенъ былъ помощникомъ начальника, а въ 1826—начальникомъ Отдѣленія Канцеляріи главнокомандующаго 1-ю арміею, 25-го февраля 1828 г. награжденъ чиномъ военнаго совѣтника, будучи, во время службы въ Канцеляріи, много разъ награждаемъ орденами, чинами, подарками и денежными суммами. Марта 15-го 1830 г. П. назначенъ былъ Олонецкимъ вице-губернаторомъ съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники, а 17-го іюня 1832 г. переведенъ былъ на ту же должность въ Кіевъ и 23-го декабря пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника; неоднократно П. управлялъ губерніею за отсутствіемъ губернатора, а 7-го августа 1836 г. произведенъ, за отличіе, въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Назначенный 3-го іюня 1837 г. предсѣдателемъ Кіевской Казенной Палаты, П. въ 1840 г. получилъ въ награду 2.000 десят. земли въ Вятской губерніи и въ 1842 г—орденъ Станислава 1-й ст.; 7-го апрѣля 1853 г. П. былъ уволенъ отъ службы, остался на житье въ Кіевѣ, гдѣ и умеръ въ 1856 году.

Архивъ Департамента Герольдіи: дѣла о дворянствѣ 1829, 1836 и 1871; Архивъ Капитула Орденовъ: кавал. списки по ордену Станислава 1-й степени.

Б. Гарскій.

Пенскій, *Платонъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ старинныхъ дворянъ Смоленской губерніи. Получивъ офицерскій чинъ въ 1793 году, П. въ 1796 г., поручикомъ, былъ зачисленъ въ Свиту Его Величества, по квартирмейстерской части, будучи переведенъ туда изъ Генеральнаго Штаба; въ 1799 г. принималъ участіе въ Итальянскомъ походѣ Суворова; въ 1803 г., въ чинѣ маіора, состоялъ по квартирмейстерской части. Въ 1810 г. П., уже въ чинѣ полковника, преподавалъ рисованіе и черченіе въ Училищѣ для колонновожатыхъ въ Петербургѣ; въ 1812 г. П. получилъ орденъ св. Анны 2-й ст., въ 1813—Владиміра 3-й ст., а въ 1814—золотую шпагу съ надписью «за храбрость»; въ 1816 г. получилъ орденъ Георгія 4-й степени за 25 лѣтъ. Произведенный 12-го декабря 1819 года въ генералъ-маіоры, П. съ 1817 по 1829 г. занималъ должность начальника 6-го Отдѣленія и Литографіи Военно-Топографическаго Депо Главнаго Штаба. Выйдя въ отставку въ 1829 году, П. умеръ въ С.-Петербургѣ въ маѣ 1843 года.

П. былъ извѣстенъ, какъ превосходный чертежникъ и рисовальщикъ картъ. По возвращеніи изъ похода 1799 г., онъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ, участвовалъ въ черченіи «Атласа Швейцарской кампаніи», изданнаго въ Петербургѣ вскорѣ же по ея окончаніи.

Архивъ Департамента Герольдіи: Адресъ-календари 1877–1829 г.; В. Степановъ и Н. Григоровичъ. «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія». С.-Пб. 1869 г.; «Русск. Архивъ» 1880 г., кн. III, стр. 295 и 303; «Сѣверная Пчела» 1843, № 105; «Списки генералитету по старшинству» (С.-Пб. 1820 и 1826 г.); Н. П. Глиноецкій. «Исторія русскаго Генеральнаго Штаба», т. I, С.-Пб. 1883 г., стр. 161, 217, 229, 246, 396, 400.

Б. Г.

Пенхержевскій, *Александръ Лаврентьевичъ*, генералъ-лейтенантъ, Кіевскій комендантъ; происходилъ изъ дворянъ Каменецъ-Подольской губерніи, былъ сыномъ штабсъ-капитана войскъ польскихъ Лаврентія Александровича П. и родился въ 1787 году. Въ службу вступилъ П. въ 1803 году юнкеромъ въ Ма-

ріупольскій гусарскій полкъ, затѣмъ служилъ въ Уланскомъ Его Высочества полку и, за отличіе въ сраженіи, получилъ 21-го сентября 1807 г. орденъ Анны 4-й степени, въ 1812 году, за храбрость, былъ награжденъ золотою саблею и орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а за отличіе въ дѣлѣ 13-го марта 1814 г. штабсъ-капитанъ П. получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени; нѣкоторое время П. служилъ въ л.-гв. Драгунскомъ полку, гдѣ былъ полковымъ квартермистромъ (1813); 8-го ноября 1817 г. онъ получилъ чинъ полковника, въ 1821 году состоялъ въ л.-гв. Подольскомъ кирасирскомъ, а въ 1823 году въ Литовскомъ Уланскомъ полку. Получивъ 6-го декабря 1826 г. чинъ генералъ-маіора, П. въ 1828 г. находился при начальникѣ гвардейской кавалерійской дивизіи въ Варшавѣ, а затѣмъ состоялъ командиромъ 2-й бригады гвардейской кавалерійской дивизіи бывшаго резервнаго корпуса войскъ, находившихся подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Во время польскаго возстанія фельдмаршалъ Дибичъ назначилъ П. командиромъ 1-й бригады 6-й уланской дивизіи (23-го января 1831 г.), а вскорѣ (24-го февраля) онъ былъ опредѣленъ военнымъ начальникомъ въ Подляское воеводство Царства Польскаго и, «за отличное усердіе и благоразумныя распоряженія, оказанныя по управленію симъ воеводствомъ», получилъ орденъ Анны 1-й степени (3-го апрѣля 1831 г.). По взятіи Варшавы гр. Паскевичъ назначилъ П. и. д. Варшавскаго коменданта (13-го сентября 1831 г.), а 26-го апрѣля 1832 г. онъ былъ утвержденъ въ этой должности и 17-го ноября 1834 г. былъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-й степени. Получивъ 6-го декабря 1835 года чинъ генералъ-лейтенанта, П. былъ начальникомъ 1-й легкой гвардейской кавалерійской дивизіи (1836), а затѣмъ назначенъ комендантомъ г. Кіева и Кіево-Печерской цитадели. На этомъ посту онъ былъ уже въ 1841 г. и занималъ его до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1851 году (исключенъ изъ списковъ умершимъ въ приказѣ 29-го августа 1851 г.).

Дѣла архива Департамента Герольдіи; Архивъ Капитула Орденовъ; Н. Григоровичъ и В. Степановъ. «Въ память столѣтняго юбилея ордена св. Георгія». С.-Пб. 1869; Высоч. приказъ по военному вѣдомству 29-го августа 1851 г.—«Русск. Инвалидъ» 1851 г.; «Русск. Архивъ» 1884, кн. II. стр. 167—168 и 1885 г., кн. III, стр. 474 (въ Запискахъ Н. Н. Муравьева-Карскаго); «Русск. Стар.» 1885 г., т. XLVII; 1892 г., т. LXXV, стр. 512, 515, т. LXXVI, стр. 360 и 512; 1893 г., т, LXXVII, стр. 422, 426, 439. Списки генераламъ по старшинству за 1828 и 1844 годы.

Б. Гарскій.

Пеньковскій, *Карлъ*, поэтъ и журналистъ, сотрудникъ варшавскихъ періодическихъ изданій «Kłosy» и «Tygodnik Illustrowany», въ которыхъ печаталъ переводы изъ Гейне, Мюссе, Мольера и Кальдерона. Къ оригинальнымъ и лучшимъ произведеніямъ его принадлежатъ: драма «Scena za scenę» (Варшава. 1861 г.); «Poezye dramatyczne (Варшава. 1862 г.) и «Rozmowa szwaczki z gwiazdą» (Львовъ. 1872 г.). П. написалъ тоже четыре повѣсти: «Cyrograf» (Варшава. 1869 г.), «Garbusek», «Pamiętnik młodéj kobiety», «Następstwa» (Львовъ. 1873 г.). Комедія «Odrodzony» (Варшава. 1860 г.) и драма «Idealni» (тамъ же, 1861 г.) составлены имъ по романамъ І. И. Крашевскаго; не лишенъ научнаго значенія историческій очеркъ П. подъ заглавіемъ: «Czarnogóra pod względem geograficznym, statystycznym i historycznym» (Львовъ. 1869 г.). П. умеръ въ Варшавѣ 17-го марта 1877 года.

«Echo» 1877 г., № 83 и 86; «Biblioteka Warszawska» 1877 г. II, 375; K. Estreicher, «Bibliografia polska», III, 385.

Θ. Ф. В.

Пеньковъ, князь *Василій (Васьянъ) Даниловичъ*, сынъ слѣдующаго; начинаетъ упоминаться въ качествѣ воеводы съ 1516 г. Въ 1518 г. онъ былъ пожалованъ въ бояре, въ 1521 г., во время нашествія крымцевъ, стоялъ въ Каширѣ, въ 1525 г. посланъ былъ въ Казань для утвержденія на казанскомъ престолѣ Сафа-Гирея и для приведенія казанцевъ къ присягѣ въ вѣрности, а въ 1531 г. ѣздилъ въ Казань же съ царемъ Еналеемъ; въ 1540 г. онъ былъ воеводой въ Казанскомъ походѣ, а въ 1551 г.—въ Полотскомъ. Князь Василій Даниловичъ скончался въ 1552 г.

«Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», VI, 264; VIII, 271; «Русская родословная книга», кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, т. II. С.-Пб. 1895 г., стр. 151.

А. Э—скій.

Пенько, князь *Ярославскій*, *Даніилъ Александровичъ*, сынъ послѣдняго Ярославскаго князя Александра Брюхатаго.

Въ 1469 г. князь Д. А. былъ въ Казани первымъ воеводою; подъ 1485 г. въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ его домѣ поселили плѣннаго казанскаго царя съ семьей; въ 1492—1495 гг. онъ былъ первымъ воеводой въ походахъ на Литву и къ Великимъ Лукамъ, затѣмъ — первымъ намѣстникомъ въ Новгородѣ, гдѣ тогда же встрѣчалъ великаго князя. Въ 1500 г. онъ получилъ боярство и, во время нашествія на Казань татаръ, былъ первымъ воеводою вспомогательныхъ войскъ, посланныхъ на помощь царю казанскому; въ томъ же году онъ былъ тысяцкимъ на свадьбѣ дочери великаго князя Ѳеодосіи съ княземъ Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ. Въ 1501 г. князь Д. А. посланъ былъ великимъ княземъ на помощь Пскову противъ угрожавшихъ послѣднему ливонцевъ, задержался тамъ на три недѣли и тѣмъ причинилъ городу большіе убытки. Псковичи жаловались на его бездѣйствіе великому князю, и послѣдній приказалъ ему выступить противъ ливонцевъ. Вскорѣ, однако, онъ возвратился во Псковъ, «не учинивши ничего же», а въ слѣдующемъ, 1502 г. во время второго похода въ Ливонію потерпѣлъ даже неудачу; но, соединившись затѣмъ съ княземъ Даніиломъ Васильевичемъ Щенею, опустошилъ Ливонскую землю отъ Ивангорода до Колывани. Вскорѣ потомъ П. ходилъ первымъ воеводою противъ шведовъ и въ Литву (1503 г.). Онъ скончался въ 1520 году.

«Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.»; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 151. *А. Э—скій.*

Пеньковъ, князь *Иванъ Даниловичъ*, по прозванью *Хомякъ*, сынъ предыдущаго, бояринъ и воевода великихъ князей Василія Ивановича и сына его Ивана (Грознаго). Въ 1512 г. П. былъ воеводой сторожевого полка въ походѣ на Литву, въ 1520 — первымъ воеводой въ Каширѣ. Въ 1524 г. онъ пожалованъ въ бояре, а въ 1527 г. былъ, въ числѣ другихъ бояръ, поручителемъ за вѣрность Михаила Глинскаго. Въ 1528 великій князь выдалъ за него свою свояченицу, княжну *Марью Васильевну* Глинскую, которая, въ день смерти великаго князя въ 1533 г., находилась при великой княгинѣ Еленѣ. По смерти великаго князя, П. попалъ въ число двадцати бояръ, составлявшихъ при Еленѣ Верховную Думу. Въ іюнѣ 1536 г. онъ сопровождалъ Елену къ Троицѣ, а въ 1538 г. посланъ былъ воевать въ Литовскую землю. Умеръ въ 1544 году.

«Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», VIII, 272, 290; «Др. Росс. Вивл.» т. XX; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 151. *А. Э—скій.*

Пербандъ, *Фридрихъ-Гейнрихъ-Карлъ*, врачъ; родился 28-го мая 1799 г. въ Больдераа, въ Лифляндіи, умеръ въ 1860 г. въ г. Ковровѣ, Владимірской губерніи. Врачебное образованіе П. получилъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ который поступилъ въ 1817 г. Въ 1821 г. онъ окончилъ курсъ медицинскаго факультета, въ 1822 г. защитилъ диссертацію и, получивъ степень доктора медицины, служилъ въ Москвѣ, затѣмъ совершилъ путешествіе по Германіи и, вернувшись въ Россію, практиковалъ въ Петербургѣ; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника. П. напечаталъ: «Diss. inaug. de virtute balnei marini medica ejusque applicandi modo»; Dorpati. 1822 г., 60 стр.

A. Hasselblatt und G. Otto. «Album Acad. der Kaiserl. Univ. Dorpat.»; 1889 г. Дерптъ; I. Рекке и К. Напіерскій. «Allgem. Schriftst. und Gelehrten-Lexic.»; Митава, т. III, 1831 г., стр. 399. *П. Кульбинъ.*

Первольфъ, *Іосифъ Іосифовичъ*, славистъ, по происхожденію чехъ. Родился въ 1841 г. въ Южной Чехіи, близъ г. Писка, въ которомъ окончилъ курсъ гимназіи. Послѣ окончанія университетскаго курса (въ Прагѣ) по философскому факультету П. служилъ (съ 1864 г.) въ Національномъ Чешскомъ Музеѣ. Занятія подъ руководствомъ профессоровъ Палацкаго, Гатталы и Ганки выработали у П. строгіе научные пріемы и сообщили ему горячую любовь къ избранной спеціальности. Уже первыя работы (на чешскомъ языкѣ) Первольфа обратили на себя вниманіе (напр. «Sněmy v ňekdejši Rusi»). Въ одной изъ нихъ («Vyňin idey vzájemnosti u narodův slovanskýchъ») онъ обратился къ вопросу о развитіи идеи взаимности у славянскихъ народовъ, вопросу, послужившему главной темой его дальнѣйшихъ изысканій. Его завѣтной мечтой было прекращеніе взаимныхъ враждебныхъ отношеній между отдѣльными славянскими племенами. Въ шестидесятыхъ годахъ П. принималъ

лѣятельное участіе въ «Slovnik naučný» Ф. Ригра. Въ 1871 г., по приглашенію П. А. Лавровскаго, онъ занялъ каѳедру славяновѣдѣнія въ Варшавскомъ Университетѣ, въ которомъ его преподавательская дѣятельность продолжалась около 20 лѣтъ. Въ Россіи имъ напечатаны, кромѣ ряда отчетовъ о научныхъ занятіяхъ, статей о славянской взаимности и по исторіи восточнаго вопроса, слѣдующіе труды: 1) «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. (магистерская диссертація). С.-Пб. 1874 г.; 2) «Германизація балтійскихъ славянъ» (докторская диссерт.) С.-Пб. 1876 г.; 3) «Варяги—Русь и балтійскіе славяне» — въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1877 г., № 7; 4) «Словѣнскій языкъ и его судьба у народовъ славянскихъ» (въ «Меѳодіевскомъ Сборникѣ», изд. Варшавскимъ Университетомъ въ 1885 г.). Но главнымъ трудомъ П. является: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи», т. I. Очеркъ исторіи славянъ до XVIII в. (1886 г.); т II. «Славянская идея въ литературѣ до XVIII в.» (1888 г.); т. III. «Славянская идея въ политическихъ и культурныхъ сношеніяхъ славянъ до конца XVIII в. Ч. I. Западные Славяне». (1890 г.). Къ сожалѣнію, трудъ этотъ остался незаконченнымъ; наибольшій интересъ долженъ былъ бы представлять т. IV, посвященный исторіи славянскаго возрожденія и развитія панславистской идеи въ XIX в. Но и въ незаконченномъ видѣ работа Первольфа является выдающимся явленіемъ въ нашей литературѣ. Умеръ П. 21-го декабря 1891 г.

Поминки по проф. І. І. Первольфѣ (съ портретомъ), проф. К. Я. Грота (въ «Варшавск. Унив. Изв.» 1892 г., III). Тутъ находимъ полный списокъ трудовъ П. (62 №№), біографію, рѣчи проф. И. П. Совоновича, К. Я. Грота, Д. Л. Мордовцева; К. Я. Гротъ въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1892 г., № 2; «Славянское Обозрѣніе» 1892 г., № 1. Статья А. (Будиловича). *А. І. Лященко.*

Первухинъ, *Михаилъ Борисовичъ*, авторъ «Турецко-татарско-русскаго словаря» родомъ изъ Вятской губерніи; воспитывался въ Казанской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1831 году поступилъ въ Казанскій Университетъ, откуда былъ выпущенъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента словесныхъ наукъ. Пробывъ нѣкоторое время учителемъ арабскаго языка въ Астрахани, П. 10-го ноября 1834 г. былъ опредѣленъ преподавателемъ арабскаго же языка въ 1-ю Казанскую гимназію, гдѣ прослужилъ до 1841 г., а въ 1837 г., кромѣ того, временно читалъ лекціи татарскаго языка въ Казанскомъ Университетѣ вмѣсто находившагося въ командировкѣ проф. А. К. Казембека. Съ 1846 по 1853 г. П., сначала въ чинѣ тит. сов., а затѣмъ—коллежскаго ассессора и надворнаго совѣтника, былъ младшимъ переводчикомъ въ Оренбургской пограничной Коммиссіи, а съ 1853 г. носилъ званіе попечителя прилинейныхъ киргизовъ въ той же Коммиссіи. Съ 1857 г. онъ уже не значится въ Адресъ-Календаряхъ.

Въ 1840 г. Первухинъ издалъ въ Казани «Турецко-татарско-русскій словарь, съ присовокупленіемъ употребительныхъ арабскихъ и персидскихъ словъ».

Н. П. Загоскинъ. «Дѣятели Импер. Казанскаго Университета 1805—1900 г.». Казань. 1900 г., стр. 61; Адресъ-Календари 1837 — 1856 г.; В. Владиміровъ. «Историческая записка о 1-й Казанской гимназіи», т. II, Казань. 1868 г., стр. 213 и 220 и прилож., стр. 17. *Б. Львовъ.*

Первухинъ, *Николай Григорьевичъ*, этнографъ и археологъ, инспекторъ народныхъ училищъ въ Глазовскомъ уѣздѣ, Вятской губерніи, а до того учитель исторіи Нижегородскаго Маріинскаго женскаго Института; умеръ въ г. Глазовѣ 22-го декабря 1889 года. При многочисленныхъ разъѣздахъ по уѣзду П., интересовавшійся этнографическими вопросами, началъ изучать бытъ бесермянъ, пермяковъ и, главнымъ образомъ, вотяковъ. Привлекши къ дѣлу учителей изъ вотяковъ, П. составилъ, почти до конца, словарь вотскаго языка, который не былъ напечатанъ только вслѣдствіе его смерти и которымъ очень интересовался венгерскій филологъ Б. Мункачи. Одновременно съ этимъ, П. собиралъ произведенія вотскаго народнаго творчества, какъ то: молитвы, легенды, сказки, пѣсни и т. п., переводилъ ихъ на русскій языкъ и печаталъ; такъ, имъ изданъ сборникъ молитвъ и пѣсенъ (на вотскомъ и русскомъ языкахъ) и сказки (только на русскомъ языкѣ), имѣющія несомнѣнный интересъ для этнографа. Въ 1888 г. П. издалъ два эскиза, посвященныхъ вѣрованіямъ и культу гла-

зовскихъ вотяковъ («Эскизы преданій и быта инородцевъ Глазовскаго уѣзда», Вятка. 1888 г.), за которыми послѣдовали три другихъ (Вятка. 1889—1890 г.), а въ 1889 г. въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатана его статья объ обрядахъ при рожденіяхъ и бракахъ. Занимаясь и археологіею, П. доставилъ въ Московское Археологическое Общество обильный матеріалъ, добытый имъ съ Глазовскихъ городищъ, а также трудъ, посвященный археологическому описанію Глазовскаго уѣзда.

И. Смирновъ. Некрологъ П. въ «Этнографическомъ Обозрѣніи» 1890 г., № 1, стр. 199–201; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1888 г., ч. 260, № 12, отд. II, стр. 328—329 (рец.). *Б. Л.*

Первушинъ, *Иванъ Ивановичъ*, купецъ, извѣстенъ своей дѣятельностью въ Ташкентѣ, родился въ Москвѣ въ 1842 году. Центромъ своей дѣятельности П. избралъ Ташкентъ, велъ довольно обширную торговлю ташкентскимъ шелкомъ и построилъ тамъ винокуренный заводъ, а кромѣ того, онъ первый завелъ въ Ташкентѣ фабрику для производства игристыхъ водъ. Въ 1871 году П. ѣздилъ въ Италію по дѣламъ торговли шелкомъ. Въ февралѣ онъ пріѣхалъ въ Москву а 22-го марта 1871 года, разряжая пистолетъ, нанесъ себѣ нечаянно рану, отъ которой умеръ.

Онъ былъ членомъ Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

«Иллюстрированная Газета» 1871 г., № 1-й, стр. 286; «Иллюстрированный Календарь» на 1872 г., приложеніе, стр. 67.

Первушинъ, *Михаилъ Михѣевичъ*, оспопрививатель, завѣдующій вакцинаціоннымъ заведеніемъ при Вольно-Экономическомъ Обществѣ, умеръ 9-го мая 1891 г. въ Петербургѣ. Занимая до своей дѣятельности въ Петербургѣ мѣсто священника въ одномъ изъ приходовъ Пермской губерніи, П. обратилъ вниманіе на громадное количество жертвъ оспы, привитіе которой въ то время, до введенія земскихъ учрежденій, было организовано крайне неудовлетворительно. Ясно понимая, что незначительное вниманіе, оказываемое дѣлу прививки оспы, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ недостаточности сознанія народной массой важности этой мѣры, П. задался цѣлью пропагандировать ее всевозможными способами; между прочимъ, онъ писалъ брошюры по данному вопросу, которыя выдерживали по нѣсколько изданій и расходились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Рано потерявъ жену и оставивъ духовный санъ, П. вскорѣ получилъ возможность посвятить свои силы заинтересовавшему его дѣлу, въ качествѣ завѣдующаго (съ 1879 г.) оспопрививательнымъ заведеніемъ Вольно-Экономическаго Общества, и отдался ему со всею энергіею: заготовка телячьей лимфы, разсылка ея по Россіи и ежедневная прививка оспы сотнямъ дѣтей занимали почти все его время. Этотъ постоянный трудъ не остался безъ вліянія на его здоровье и сравнительно рано свелъ его въ могилу. М. М. Первушину принадлежатъ слѣдующіе труды: «Какъ прививать оспу. Опыты практическаго пособія для желающихъ заняться оспопрививаніемъ». С.-Пб. 1878 г.; второе улучшенное изданіе, С.-Пб. 1880 г.; «Наставленіе родителямъ о прививкѣ оспы дѣтямъ». С.-Пб. 1881 г.; «Объявленіе. Прививайте оспу и уничтожайте пожары». С.-Пб. 1873 г., открытый листокъ; «Отчего наши пожары и какъ ихъ уничтожить». С.-Пб. 1873 г.; «Прививайте оспу. Воскресныя домашнія бесѣды священника съ своими прихожанами о прививаніи коровьей предохранительной оспы». С.-Пб. 1872 г.; изданіе 2-е, С.-Пб. 1873 г.; «Уходъ за оспопрививтыми дѣтьми», издано Императорскимъ Вольно-Экономическимъ Обществомъ, С.-Пб. 1884 г.; второе изданіе, С.-Пб. 1889 г.; «Что такое натуральная и прививная оспа?» С.-Пб. 1872 г.; «Случай устройства временнаго телятника для вакцинаціи въ г. Красноуфимскѣ» («Здоровье», 1881 г., № 166).

«Историческій Вѣстникъ» 1891 г., XLV, іюль, стр. 238, некрологъ; «Труды Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества» 1891 г., № 5, сентябрь—октябрь, стр. 42; «Новое Время» 1891 г., № 5459; «Всеобщій календарь Гоппе» на 1892 г., стр. 530. *Ив. Ефимовичъ.*

Перебаскинъ, *Александръ Степановичъ*, генералъ-маіоръ, преподаватель военно-учебныхъ заведеній и дѣятель по ихъ преобразованію, род. въ 1820 г., ум. 20-го іюня 1877 г. въ Петербургѣ. Окончивъ въ 1843 г. полный курсъ наукъ офицерскаго класса Инженернаго училища П., два года спустя, поступилъ, преподавателемъ математики въ школу

гвардейскихъ подпрапорщиковъ (потомъ Николаевское кавалерійское училище) и скоро зарекомендовалъ себя талантливымъ педагогомъ. Затѣмъ, онъ нѣсколько лѣтъ былъ инспекторомъ классовъ Орловскаго-Бахтина кадетскаго корпуса, а въ 1863 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ началось уже преобразованіе корпусовъ въ военныя гимназіи. Въ Петербургѣ П. принималъ дѣятельное участіе въ формированіи второй военной гимназіи, въ 1865 же году на него было возложено преобразованіе «Петербургскаго училища военнаго вѣдомства» въ военно-чертежную школу, а вскорѣ онъ былъ назначенъ и директоромъ этой школы. Эту должность П. занималъ до 1875 г., когда военно-чертежная школа была вновь преобразована въ военную прогимназію.

«Голосъ» 1877 г., № 140, некрологъ.
Ив. Давидовичъ.

Переверзевъ, *Иванъ Аѳанасьевичъ,* писатель; получилъ образованіе въ Харьковскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ былъ назначенъ учителемъ Воронежской семинаріи, гдѣ оставался до 1780 года; оттуда онъ опять возвратился въ Харьковъ и былъ, наконецъ, директоромъ Харьковскаго народнаго училища (преобразованнаго впослѣдствіи въ 1-ю гимназію); скончался онъ въ Харьковѣ въ 1794 году. Такія біографическія свѣдѣнія сообщаетъ о немъ митр. Евгеній. Онъ же приписываетъ ему два сочиненія: 1) «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества». М. 1788 и 2) «Краткія правила россійскаго правописанія для употребленія малороссіянъ по свойству украинскаго діалекта», М. 1788. Первое сочиненіе представляетъ весьма цѣнный матеріалъ и по своему характеру близко подходитъ къ извѣстному труду Шафонскаго («Топографическому описанію Черниговскаго намѣстничества»). По характеру источниковъ, оно дѣлится на двѣ части: историческое введеніе (отъ 1-й до 25-й стр.) и главная часть, содержащая въ себѣ подробное, всестороннее географическое и статистическое описаніе нынѣшней Харьковской губ. въ концѣ прошлаго вѣка: 1-я часть не имѣетъ теперь никакого значенія, 2-я же и въ настоящее время является драгоцѣннымъ собраніемъ историко-географическихъ матеріаловъ о Харьковскомъ краѣ, почерпнутыхъ, несомнѣнно, изъ оффиціальныхъ сферъ. Замѣтимъ кстати, что оно почти цѣликомъ было перепечатано (безъ указанія источника) въ «Новомъ и Полномъ Географическомъ Словарѣ», изданномъ въ 1789 г. въ Москвѣ; тамъ, въ VI-й части, на стр. 107—174, подъ словомъ Харьковъ, помѣщено то, что относится къ г. Харькову и Харьковскому намѣстничеству; въ другихъ мѣстахъ перепечатаны свѣдѣнія объ остальныхъ городахъ. Съ большою долею вѣроятности можно предположить, что въ основу этого сочиненія положено не дошедшее до насъ подробное статистическое описаніе Харьковскаго намѣстничества оффиціальнаго происхожденія (1785 года). 1-е изданіе «Топографическаго Описанія» вышло въ Москвѣ, въ 1788 г.; второй разъ оно было перепечатано въ особомъ прибавленіи къ газетѣ «Харьковъ» за 1865 г.; 3-е изданіе напечатано проф. Багалѣемъ въ 1888 г. (ровно черезъ 100 лѣтъ послѣ перваго) въ «Харьковскомъ Сборникѣ» на 1888 годъ (было и небольшое количество отдѣльныхъ оттисковъ). Митр. Евгеній не сомнѣвался въ принадлежности Переверзеву даннаго сочиненія: онъ категорически говоритъ объ этомъ, хотя и не указываетъ источника своего извѣстія. Мнѣніе митр. Евгенія было принято и нѣкоторыми мѣстными харьковскими изслѣдователями (проф. Сокальскимъ, г. Ефименкомъ). Но въ 1886 г. (въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины») появилась замѣтка г. Черняева, который, ссылаясь на «Вѣдомость московскаго цензора — игумена Моисея», разрѣшившаго къ печати рукопись «Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества» капитана Загоровскаго, прямо заявляетъ, что авторомъ ея былъ не Переверзевъ, а Загоровскій. Въ предисловіи къ изданію «Топографическое Описаніе» я хотя и склонялся къ мнѣнію г. Черняева, но съ большими колебаніями. «Вопросъ объ авторѣ «Топографическаго Описанія» — говорилъ я, — можно считать *формально* разрѣшеннымъ. Но остается все-таки много неяснаго въ этомъ дѣлѣ: каково было отношеніе къ Харьковскому краю Загоровскаго? Откуда онъ почерпнулъ свои любопытныя свѣдѣнія? Правда, изъ «XVIII-го вѣка»

Бартенева мы узнаемъ, что Загоровскій написалъ еще 3 сочиненія, но это свѣдѣніе не разъясняетъ намъ нашихъ недоумѣній (ибо они по своему содержанію не имѣютъ ни малѣйшей связи съ интересующими насъ). Остается также неизвѣстнымъ источникъ грубой ошибки митр. Евгенія. Возможно предположеніе, что Загоровскій принялъ на себя авторство передъ цензоромъ; могло быть и такъ, что фактическій матеріалъ Загоровскому доставилъ Переверзевъ; а тотъ только придалъ ему литературную обработку». Теперь послѣ замѣтки, напечатанной по этому вопросу, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1888 г., августъ), я еще болѣе склоняюсь къ мысли, что дѣйствительнымъ составителемъ этой книги былъ не Загоровскій, а Переверзевъ, которому доступны были оффиціальные источники, положенные въ основу настоящаго труда. Авторъ «Топографическаго Описанія», какъ видно изъ текста книги, былъ великороссіянинъ, но хорошо знавшій и любившій малороссіянъ; этому условію болѣе удовлетворяетъ Переверзевъ, чѣмъ Загоровскій; второе сочиненіе Переверзева также указываетъ на то, что это былъ великороссъ, долго жившій въ Малороссіи и хорошо ознакомившійся съ малорусскимъ языкомъ.

Д. И. Багалѣй.

Переверзевъ, *Иванъ Никандровичъ*, врачъ; происходилъ изъ купеческой семьи, родился въ Курской губерніи 7-го января 1840 г., умеръ 10-го марта 1878 г. на войнѣ.

Переверзевъ учился въ Курской гимназіи, затѣмъ отправился въ Петербургъ и поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ Медико-Хирургическую Академію. Окончивъ курсъ въ 1863 г. съ званіемъ лѣкаря, онъ поступилъ тогда же врачомъ въ Саратовскій пѣхотный полкъ, затѣмъ (1864 г.) былъ переведенъ въ 106 пѣхотный Уфимскій, въ 1865 г.—въ 14-й пѣхотный Митавскій, еще черезъ годъ въ 94-й пѣхотный Енисейскій и въ томъ же году—въ 95-й пѣхотный Красноярскій полкъ. Въ 1867 г. Переверзевъ былъ прикомандированъ къ Медико-Хирургической Академіи для усовершенствованія; въ 1871 г., послѣ защиты диссертаціи (26-го мая), получилъ отъ Академіи степень доктора медицины, а въ 1872 г. былъ отправленъ на 2 года за границу. Въ 1877 году, во время русско-турецкой войны, онъ былъ назначенъ старшимъ ординаторомъ военно-временнаго № 84-й госпиталя, а въ слѣдующемъ году заразился свирѣпствовавшимъ тогда въ войскахъ тифомъ и умеръ. Научныя изслѣдованія, которыя онъ производилъ, были посвящены, главнымъ образомъ, патологической анатоміи. П. напечаталъ: «О дифтеритѣ въ кишкахъ и въ брызжеечныхъ лимфатическихъ железахъ въ гистологическомъ отношеніи» (дисс. на степ. д-ра мед.), С.-Пб. 1871 г. 33 стр.; «Развитіе рака почекъ изъ эпителія мочевыхъ канальцевъ» въ «Медицинскомъ Обозрѣніи» 1874 г., т. I, стр. 187 (рефер.):

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели». Вып. 1889 г., С.-Пб. *Н. Кульбинъ.*

Переверзевъ, *Иванъ Петровичъ*, врачъ, прозекторъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, умеръ въ 1848 г.; до поступленія на медицинскій курсъ былъ въ теченіе 5 лѣтъ учителемъ и инспекторомъ въ Обоянскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ; получивъ званіе врача, онъ служилъ лѣкаремъ въ Измайловскомъ полку, а въ 1837 г. получилъ должность помощника прозектора при каѳедрѣ физіологической и патологической анатоміи въ Медико-Хирургической Академіи; должность прозектора исполнялъ тогда Теремецкій, по смерти котораго въ 1838 г. Переверзевъ, поступившій въ томъ же году ординаторомъ въ С.-Пб. Обуховскій госпиталь, былъ предложенъ профессоромъ Буяльскимъ въ кандидаты на должность прозектора. Переверзевъ представилъ три хорошихъ анатомическихъ препарата, которые были разсмотрѣны Конференціей Академіи, и получилъ должность прозектора; въ 1842 г. онъ занялъ должность ординатора во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ, оставаясь прозекторомъ. Въ 1843 году онъ экзаменовался снова и получилъ званіе медико-хирурга. Будучи прозекторомъ Академіи, Переверзевъ ничего не напечаталъ, но очень дѣятельно занимался увеличеніемъ коллекцій анатомическаго музея и прославился своими препаратами. Съ 1843 года онъ началъ заниматься микроскопіей, которая въ то время была еще со-

вершенно новымъ дѣломъ; приготовленные имъ препараты по микроскопической анатоміи заслужили одобреніе Пирогова и, по совѣту послѣдняго, были куплены Конференціей для Академіи. Въ 1844 г. онъ изготовилъ новую серію подобныхъ же препаратовъ, приспособивъ къ нимъ особый приборъ съ микроскопомъ, дававшій возможность очень удобно разсматривать ихъ на лекціяхъ; эти препараты онъ представилъ на соисканіе только что объявленной преміи Загорскаго. Коммиссія изъ знаменитыхъ профессоровъ Пирогова, Бэра и Загорскаго нашла, что препараты очень удачны, но не подходятъ къ условіямъ преміи, такъ какъ они микроскопическіе; Конференція рѣшила представить автора къ приличной наградѣ и, кромѣ того, въ 1845 г. пріобрѣла препараты для академіи, оцѣнивъ 70 препаратовъ въ 1.000 р. ассигнаціями. Въ 1848 г. Переверзевъ умеръ, заразившись холерой. Въ 1845 г. онъ имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника.

Документы архива Имп. Военно-Медиц. Академіи. Проф. А. И. Таренецкій. «Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Военно-Медиц. Академіи», С.-Пб., 1895 г., стр. 75. «Исторія Военно-Медиц. Академіи», С.-Пб., 1898 г.; М. Д. Лавдовскій. «Истор. очеркъ каѳедры гистологіи и эмбріологіи», С.-Пб., 1898 г., стр. 2.

Н. Кулябинъ.

Переверзевъ, *Ѳедоръ Лукичъ*, тайный совѣтникъ, сенаторъ. Родился въ послѣднемъ десятилѣтіи XVIII вѣка, въ дворянской семьѣ; 30-го августа 1807 г. поступилъ въ Харьковскій университетъ, откуда, по окончаніи курса, выпущенъ былъ кандидатомъ 12-го класса (30-го августа 1812 г.), а 16-го мая 1813 г. опредѣлился, съ чиномъ подпоручика, въ 6-й полкъ Владимірскаго ополченія, но участія въ дѣлахъ противъ французовъ ему принимать не пришлось Декабря 12-го 1814 г. П. перешелъ въ Черниговскій пѣхотный полкъ, гдѣ былъ полковымъ адъютантомъ, а 24-го марта 1818 г., уже въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ 2-го пѣхотнаго корпуса. Въ 1820 году (20-го января) онъ переведенъ былъ капитаномъ въ л.-гв. Гренадерскій полкъ, но уже въ ноябрѣ 1821 г. снова перешелъ въ армію—подполковникомъ въ Олонецкій пѣхотный полкъ, а 25-го февраля 1822 г. вышелъ въ отставку и 15-го іюня 1823 г. поступилъ въ Министерство Финансовъ чиновникомъ особыхъ порученій. Въ октябрѣ того же года ему поручено было исправлять должность правителя Канцеляріи въ Департаментѣ внѣшней торговли, въ 1824 г. онъ былъ и. д. начальника 1-го Отдѣленія, а 31-го іюля 1825 г. назначенъ нижегородскимъ вице-губернаторомъ, при чемъ неоднократно замѣнялъ губернатора этой губерніи. Января 29-го 1830 г. П. опредѣленъ былъ директоромъ Канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, въ томъ же году исправлялъ должность директора Департамента государственнаго хозяйства и публичныхъ зданій и, будучи назначенъ членомъ въ Высочайше учрежденную коммиссію по пресѣченію холеры, находился въ концѣ 1830 и началѣ 1831 г. при гр. А. А. Закревскомъ въ качествѣ управляющаго перепиской,—при поѣздкѣ его по разнымъ губерніямъ, въ которыхъ холера свирѣпствовала; за отличіе П. былъ произведенъ 14-го февраля 1831 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники; 14-го іюля того же 1831 г. онъ былъ назначенъ Саратовскимъ гражданскимъ губернаторомъ и неоднократно получалъ высочайшія благодарности за управленіе губерніей, успѣшное взысканіе податей и обезпеченіе продовольствія; здѣсь онъ занимался также преслѣдованіемъ раскола и при немъ были закрыты иргизскіе мнимо-раскольничьи монастыри. Во всей губерніи П. пользовался общими симпатіями за свою справедливость, дѣятельность и желаніе принести краю пользу. Назначенный 1-го декабря 1835 г. кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, П. въ 1837 г. и началѣ 1838 г. былъ командированъ въ составъ учрежденной въ Петербургѣ особой коммиссіи для разсмотрѣнія проекта положенія объ управленіи государственными имуществами, а 12-го апрѣля 1839 г. былъ назначенъ членомъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; находясь здѣсь, П. исполнялъ разныя порученія; такъ, въ 1839 г. онъ былъ предсѣдателемъ временной Коммиссіи для окончанія дѣлъ, счетовъ и отчетовъ бывшаго Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 5-го іюня 1840 г. былъ командированъ «для исполненія особо возложеннаго на него

порученія», состоялъ въ числѣ членовъ Комитета для разсмотрѣнія представленій касательно учрежденія по Волгѣ отъ Астрахани до Твери буксирнаго пароходства (1842 г.), ревизовалъ дѣла С.-Петербургской Управы Благочинія (1842), участвовалъ въ Высочайше учрежденной Коммиссіи для разбора бродягъ и мошенниковъ въ С.-Петербургѣ (1844), присутствовалъ при образованіи и открытіи Самарской губерніи (1850) и т. п. Произведенный 21-го апрѣля 1843 г. въ тайные совѣтники, П. 2-го марта 1856 г. былъ назначенъ директоромъ Департамента разныхъ податей и сборовъ, въ 1858 г. получилъ орденъ Бѣлаго Орла, а въ 1860—золотую, брилліантами украшенную табакерку съ портретомъ Его Величества и въ этомъ же году, съ 22-го іюня по 13-е сентября исправлялъ должность товарища министра финансовъ. 1-го января 1861 г. П. было повелѣно присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, во 2-мъ Отдѣленіи 6-го (Московскаго) Департамента, но въ скоромъ времени онъ умеръ: 26-го августа 1861 г.

Послѣ Переверзева осталось не мало писемъ къ нему (около 2.300) и бумагъ, представляющихъ нѣкоторый историческій интересъ; всѣ онѣ были пожертвованы въ рукописное отдѣленіе Императорской Публичной Библіотеки въ 1886 и 1887 гг. В. И. Саитовымъ.

Формулярный списокъ 1861 г.; «Саратовскій край». вып. I, С. 1893 г., стр. 201, 202, 203—236; Отчетъ Импер. Публичной Библіотеки за 1886 г., С.-Пб. 1888 г., стр. 33—35 и за 1887 г., С.-Пб. 1890 г. стр. 59—68; В. И. Межовъ. «Русск. историч. библіографія 1865—1876 г.», т. III, № 32.056; В. С. Иконниковъ. «Опытъ русской исторіографіи». Кіевъ. 1892 г.; «Русск. Стар.» 1890 г., т. 66, стр. 41. *Б. Г.*

Перевлѣсскій, *Петръ Мироновичъ*, педагогъ и писатель; умеръ 3-го сентября 1866 г. Сынъ дьякона Рязанской губерніи, села Перевлѣса, отъ котораго получилъ свою фамилію, онъ учился въ Рязанской Духовной Семинаріи, а затѣмъ—въ Московскомъ университетѣ, куда ему удалось попасть только благодаря содѣйствію попечителя Рязанской Гимназіи Н. Г. Рюмина. Окончивъ, въ концѣ 1839 года, курсъ въ Педагогическомъ Институтѣ Московскаго Университетета со степенью кандидата П. опредѣленъ былъ на должность учителя русской словесности и логики въ Ярославскую гимназію. Не долго передъ тѣмъ онъ занимался еще уроками въ Костромѣ и въ Рязани. Въ Костромѣ, какъ и въ Ярославлѣ П. руководилъ занятіями извѣстной поэтессы Ю. В. Жадовской, старательно развивая ея эстетическій вкусъ. Своими успѣхами по русской словесности въ пансіонѣ Прибытковой (въ Костромѣ) Ж. обратила на себя его вниманіе и, въ концѣ концовъ, молодой преподаватель и его ученица влюбились другъ въ друга. Отецъ Жадовской, однако, не хотѣлъ и слышать о неравномъ бракѣ своей дочери съ бывшимъ семинаристомъ. Покорившись волѣ отца, Ж. разсталась съ любимымъ человѣкомъ и вскорѣ переѣхала въ Ярославль къ отцу; нравственная связь ихъ, однако, не прерывалась, и здѣсь она продолжала пользоваться руководительствомъ П. Когда отецъ Жадовской рѣшилъ дать ходъ ея даровитію и повезъ ее въ Москву и Петербургъ, П. также переселился въ Москву, гдѣ жилъ и преподавалъ во времена попечительства графа Строганова, увлекаясь примѣрами и идеями Хомякова, Аксакова и Грановскаго. Съ августа 1843 года П. перешелъ на службу въ Москву, занявъ мѣсто учителя въ Дворянскомъ институтѣ, а съ 1844 года, сверхъ того, и въ Лазаревскомъ Институтѣ восточныхъ языковъ; гдѣ и прослужилъ до 1848 года. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ на службу въ Александровское училище. Въ 1849 г. Дворянскій Институтъ былъ упраздненъ, и П. остался за штатомъ, а затѣмъ, получивъ мѣсто инспектора Московской третьей (въ то время реальной) гимназіи, онъ оставилъ службу въ Александровскомъ училищѣ.

Литературная дѣятельность П. начинается въ 1842 г., когда онъ издалъ практическую орѳографію съ предварительными къ ней замѣчаніями. Первый трудъ этотъ былъ неудаченъ, но, говорилъ П. «педагогу и учителю надо печатать свои труды, чтобы не закоренѣть въ заблужденіи и, что хуже того, въ гордой самоувѣренности». Второе его сочиненіе, «Практическій синтаксисъ сложнаго предложенія и стихосложенія», вышедшее тоже въ 1842 г. было посвящено Ивану Ивановичу Давыдову. Въ предисловіи П. излагаетъ свою методу,

заимствованную имъ отъ нѣмецкаго педагога Вурста, которымъ уже съ 1836 года обработана была нѣмецкая грамматика, затѣйливо названная «Denksprachlehre». Учебникъ его долженъ былъ содержать: примѣры, объясненіе ихъ, правила и затѣмъ задачи для упражненія, на которыя обращено имъ было особое вниманіе: утверждая правила грамматики примѣрами отъ классическихъ отечественныхъ писателей, П. желалъ этимъ еще «пріучать ихъ дѣтей къ благозвучію изящной родной рѣчи... знакомить съ именами замѣчательныхъ въ литературѣ лицъ и обогащать память хорошими оборотами». Не желая вступать въ соперничество съ общеупотребительными грамматиками Греча и Востокова, онъ на первый разъ предложилъ только синтаксисъ сложнаго предложенія. Сверхъ того, П. счелъ нужнымъ прибавить статью о стихосложеніи, которое оставлено было безъ вниманія у названныхъ грамматиковъ. Эта статья въ 1849 г. вышла особой книжкой, дополненной ученіемъ о стихосложеніи народныхъ пѣсенъ, стихосложеніи метрическомъ и силлабическомъ. Печальное состояніе преподаванія въ семинаріи, недостатокъ книгъ для чтенія и ознакомленія съ классическими произведеніями отечественной литературы натолкнули П. на мысль издать по возможности самую дешевую библіотеку русскихъ писателей, что̀ и онъ началъ осуществлять съ 1846 года, когда вышелъ первый томъ его «Собранія извѣстнѣйшихъ русскихъ писателей», а именно сочиненія Ломоносова, а въ 1849 г.—сочиненія Кантемира и Тредьяковскаго (по 60 коп. каждый томъ). Въ 1858 г. изданы были избранныя сочиненія Языкова и Фонвизина. «Русскій синтаксисъ» П. сразу обратилъ на себя весьма благосклонное вниманіе тогдашнихъ педагоговъ (ср.: «Отеч. Зап.» 1847 г., № 7 и 10, «Литер. Газ.», № 33; «Рижскій Вѣстн.», № 8).

Въ С.-Петербургѣ кончаются постоянные переходы изъ одного учебнаго заведенія въ другое. Не успѣлъ онъ занять должности инспектора Костромской Гимназіи, какъ въ іюлѣ 1851 г. былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея, гдѣ въ концѣ того же года былъ опредѣленъ и секретаремъ Лицейскаго Совѣта. Сверхъ того, П въ 1852—1860 г. былъ преподавателемъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ 1862 г. (оставаясь до 1864 года секретаремъ Совѣта) онъ назначенъ былъ исправляющимъ должность профессора русской словесности. Болѣзнь, заставившая П. сначала отказаться отъ должности секретаря, окончилась разстройствомъ умственныхъ способностей и была причиной его отставки весною 1866 года, а осенью—и его смерти. Большая часть педагогической дѣятельности П. протекла въ стѣнахъ Лицея, среди воспитанниковъ котораго онъ оставилъ по себѣ самую хорошую память, какъ преподаватель и какъ человѣкъ. Это былъ, дѣйствительно, рѣдкій учитель, съ упорнымъ трудолюбіемъ. Мѣткость его сужденій была удивительна; очень часто однимъ словомъ онъ характеризовалъ человѣка, и за нѣкоторыми изъ его учениковъ остались на всю жизнь названія, которыя онъ имъ далъ шутя. Свое знаніе, свою любовь къ дѣлу онъ постоянно передавалъ ученикамъ и всѣми силами стремился къ тому, чтобы они поняли русскую жизнь и умѣли служить ей. Всѣ почитали и любили его, потому что это былъ наставникъ и другъ юношества, умѣвшій соединить суровое слово правды съ словомъ ласки и утѣшенія.

Изъ литературныхъ произведеній П. въ петербургскій періодъ слѣдуетъ указать его «Практическую русскую грамматику» и «Грамматику старославянскаго языка» и отмѣтить увлеченіе идеями Песталоцци и мыслью объ изданіи книгъ для народнаго чтенія. В предисловіи къ «Грамматикѣ старославянскаго языка», написанномъ 9-го сентября 1851 года, П. опредѣлилъ прекрасно необходимость его изученія: многія темныя стороны родного языка, по его мнѣнію, уясняются только съ его помощью; многіе трудные вопросы въ изслѣдованіи законовъ русскаго языка удовлетворительно разрѣшаются только благодаря знанію свойствъ славянскаго; безъ него должна погибнуть масса драгоцѣнныхъ памятниковъ древней нашей литературы и письменности. Но, желая замѣнить своею работою грамматику Пенинскаго, составленную по Добровскому, онъ ставилъ себѣ задачею, во-первыхъ, внести въ школьную грамма-

тику новыя изслѣдованія, разсѣянныя тамъ и сямъ; во-вторыхъ, онъ настаиваетъ на томъ, чтобы славянскій языкъ проходили какъ языкъ, чуждый намъ, и изучали только его особенности отъ русскаго». Къ этой сравнительной грамматикѣ русско-славянской П. впослѣдствіи присоединилъ «Изборникъ». Взявъ на себя редактированіе 10-го изданія (1879 г.), В. В. Никольскій, преемникъ П. въ Лицеѣ, назвалъ «Славянскую грамматику» любимою книгою во всѣхъ школахъ, по которымъ она расходилась въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. П. постоянно перерабатывалъ свой трудъ; извѣстно, что никогда два послѣдовательныхъ изданія его руководствъ не были повтореніемъ одного и того же текста, но каждое вносило какія-либо измѣненія въ предыдущее. Сочиненія свои Перевлѣсскій составлялъ не въ кабинетѣ, а въ классѣ, не выдумывалъ ихъ въ часы уединенныхъ размышленій, а вырабатывалъ на практикѣ во время самаго преподаванія. Когда крестьянскій вопросъ приближался къ своему счастливому разрѣшенію, и П. сталъ думать о книгахъ для народнаго чтенія, случайно ему попалась въ руки англійская книжка, вышедшая тридцатымъ изданіемъ; она была составлена по идеѣ Песталоцци и приноровлена къ понятіямъ начинающихъ ученіе. Въ предисловіи къ книгѣ своей «Предметные уроки» онъ останавливается на англійской методѣ по наблюденіямъ, между прочимъ, г. Куломзина (1860 г.) надъ элементарнымъ образованіемъ въ Англіи. Если труженическая жизнь П. мало замѣтна въ смыслѣ прогресса науки, то для исторіи преподаванія русскаго и церковно-славянскаго языка его учебники и взгляды играютъ немаловажную роль, и историку русской педагогики придется непремѣнно подробнѣе остановиться на личности Перевлѣсскаго.

Сочиненія П. слѣдующія: «Практическая орѳографія, съ предварительными замѣчаніями», М. 1842; «Практическій синтаксисъ сложнаго предложенія и стихосложеніе», М. 1842; «Избранныя сочиненія Ломоносова», М. 1846; «Начертаніе русскаго синтаксиса», М. 1847. 2-е изд. 1848; «Избранныя сочиненія Тредьяковскаго», М. 1849; «Избранныя сочиненія Кантемира», М 1849; «Русское стихосложеніе», Изд. 2-е. М. 1849; изд. 3-е. С.-Пб. 1853; «Грамматика старославянскаго языка», С.-Пб. 1852. Изд. 2-е. 1856, изд. 3-е. 1862; «Практическая русская грамматика». Ч. 1—4. С.-Пб. 1854—1855. Изд. 2-е. 1861, съ 1884—1887 въ 3-хъ частяхъ; изд. 11. М. 1886; «Памятники старославянскаго языка». Изд. для Лицея. С.-Пб. 1884; «Избранныя сочиненія Фонвизина», С.-Пб. 1858; «Стихотворенія Н. Языкова». Ч. 1—2. С.-Пб. 1858; «Предметные уроки по мысли Песталоцци. Руководство для занятій въ школѣ и дома съ дѣтьми отъ 7 до 10 лѣтъ», С.-Пб. 1862. Изд. 8-е вышло въ 1896 г. въ М. у братьевъ Салаевыхъ; «Что надобно для нашихъ школъ?» (Изъ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г., № 35), С.-Пб. 1862; «Наука грамотѣ съ изборникомъ для послѣдовательнаго письма съ голоса», С.-Пб. 1865; «Славянская грамматика съ изборникомъ»— переработка «Грамматики старослав. языка», 14-е изданіе 1896 года, печатано и издано на счетъ бр. Салаевыхъ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» 1867, № 28 (рѣчь Богоявленскаго); «Русскій Архивъ» 1868, стр. 2015; «Голосъ» 1866, № 301 (статья Классовскаго); Памятная книжка Импер. Александровскаго Лицея на 1886 годъ; Краткій очеркъ исторіи Лицея, составл. Н. И. Карѣевымъ (стр. 67—69); Полное собраніе сочиненій Ю. В. Жадовской. Т. I. С.-Пб. 1885. *Э. Вольтеръ.*

Перевощиковъ, *Василій Матвѣевичъ*, профессоръ Дерптскаго университета, писатель; братъ слѣдующаго. Происходилъ изъ дворянъ Пензенской губерніи. Отецъ его служилъ въ военной службѣ и участвовалъ въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. Перевощиковъ родился въ гор. Саранскѣ 1-го апрѣля 1785 года, воспитывался съ 25-го апрѣля 1800 г. въ Казанской гимназіи (нынѣ 1-я), а затѣмъ (съ 18-го февраля 1805 г.)—въ Казанскомъ же университетѣ, гдѣ во все время своего тамъ пребыванія «правилъ должность камернаго студента». Сентября 26-го 1806 г. П. былъ опредѣленъ старшимъ учителемъ философіи и словесности въ Пензенскую гимназію, а 24-го февраля 1809 г., по представленному сочиненію, былъ признанъ Казанскимъ университетомъ магистромъ словесныхъ наукъ. Переведенный въ университетъ 5-го іюня 1809 г., онъ 25-го августа былъ назначенъ помощникомъ инспектора студентовъ (до 1814 г.)

и въ то же время, утвержденный адъюнктомъ университета (23-го марта 1811 г.), читалъ лекціи по исторіи, географіи и статистикѣ Россійской имперіи. Въ 1814 г. (26-го марта) П. былъ опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ, а 16-го февраля 1820 г. — ординарнымъ профессоромъ россійской исторіи, географіи и статистики. Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей по званію профессора, П. въ это время былъ членомъ издательскаго комитета и редакторомъ «Казанскихъ Извѣстій» (съ 21-го сентября 1811 г. по 27-е марта 1813 г.), членомъ комитета для составленія «Ученыхъ Записокъ» (съ 3-го января 1816 г.), цензоромъ «Казанскихъ Извѣстій» (съ 10-го февраля 1816 г. по 2-е іюня 1819 г.), членомъ Правленія университета (1817 г.) и Училищнаго Комитета (1817—1818 г.). Въ 1814 году онъ говорилъ на актѣ рѣчь «О пользѣ наукъ вообще и въ особенности о пользѣ Казанскаго университета» (она напечатана въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 г., № 18 и отд. изд. Казань. 1814). Въ 1820 году (26-го октября) П. былъ назначенъ профессоромъ русской словесности въ Дерптскій университетъ (на мѣсто А. Ѳ. Воейкова); здѣсь онъ прослужилъ около 10 лѣтъ, впродолженіе которыхъ занимался со студентами письменными упражненіями въ переводахъ съ нѣмецкаго на русскій языкъ, читалъ имъ лекціи по русской грамматикѣ, исторіи русской литературы «съ обозрѣніемъ произведеній наиболѣе выдающихся писателей», давая «критическія объясненія русскихъ прозаиковъ и поэтовъ», разсматривалъ ихъ произведенія, давая «филологическія и эстетическія объясненія» и т. п.

Въ 1820-хъ годахъ П. былъ занятъ составленіемъ курса «Исторіи россійской словесности» (начатаго имъ еще въ началѣ 1810-хъ годовъ), котораго, однако, не издалъ; только небольшіе отрывки изъ него были имъ напечатаны въ 1822 г. въ «Вѣстникѣ Европы» подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи Россійской словесности». Когда въ 1827 году учрежденъ былъ при университетѣ «Профессорскій Институтъ» для приготовленія къ профессорскому званію молодыхъ ученыхъ, окончившихъ курсъ въ Московскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ или Харьковскомъ университетахъ, П. былъ назначенъ его директоромъ и, кромѣ того, принималъ постоянное участіе въ состоявшей при Дерптскомъ университетѣ «Педагогическо-Филологической Семинаріи». Въ 1824 и въ 1827 г. П. состоялъ деканомъ историко-филологическаго отдѣленія философскаго факультета, былъ дѣлопроизводителемъ университета по части оффиціальной переписки на русскомъ языкѣ, а также имѣлъ надзоръ за тѣми изъ обучавшихся въ Дерптѣ студентовъ, которые находились въ вѣдѣніи Воспитательнаго Дома. Въ одномъ изъ собраній университета онъ произнесъ «Слово о превосходствѣ самодержавнаго правленія». (Дерптъ. 1826 г.). Какъ профессоръ, П. не пользовался общими симпатіями, и лекціи его посѣщались лишь немногими русскими студентами; въ числѣ послѣднихъ были, между прочимъ, Н. И. Пироговъ, Ю. К. Арнольдъ и Н. М. Языковъ, съ которымъ у П. были очень близкія отношенія, основанныя на взаимномъ расположеніи и уваженіи. П. высоко ставилъ поэтическій талантъ Языкова, а послѣдній цѣнилъ знанія и эрудицію своего профессора.

Выйдя въ отставку 14-го мая 1830 г., П. поселился въ Петербургѣ; въ 1835 г. (21-го декабря), по предложенію Шишкова, онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, а въ 1841 г. (21-го ноября) вошелъ въ составъ почетныхъ членовъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Академіи Наукъ, преобразованнаго изъ Россійской Академіи. Въ качествѣ академика, П. неоднократно разсматривалъ различныя сочиненія, присылавшіяся въ Россійскую Академію. Онъ состоялъ еще членомъ: Казанскаго Общества любителей отечественной словесности (съ 23-го апрѣля 1806 г.), Московскаго Общества россійской словесности (съ 18-го марта 1816 г.) и Общества любителей словесности, наукъ и художествъ.

Перевощиковъ умеръ въ Петербургѣ 6-го октября 1851 г., въ чинѣ статскаго совѣтника; погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Сочиненія П. находятся: въ «Цвѣтникѣ» 1809 г. и 1810 г. (напримѣръ, «Кумская Сивилла» (изъ «Lettres à Emilie»), стих.; «Экспромптъ одной дѣвицѣ», стих.;

«Павелъ и Виргинія»,романсъ, съ франц.; «Модестъ и Софія», повѣсть; «Пѣсня», съ франц.; «Утро», стих.; «Элегія Парни» и др.; въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» 1812 г., «Вѣстникѣ Европы» (1814 г., напримѣръ перев. двухъ Броннеровыхъ идиллій),«РоссійскомъМузеумѣ»(1815 г.), «Трудахъ Общества любителей россійской словесности» (1817 г.), «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія» (1825 г.), «Славянинѣ» (1827 г.), «Атенеѣ» (1828 г., ч. 2, № 6: біографія Б. Ѳ. Кнорринга, вышедшая и отд. изд.). Нѣкоторыя изъ разсѣянныхъ по журналамъ статей П. были собраны имъ въ сборникъ «Опытовъ Василія Перевощикова» (Дерптъ. 1822 г.). Изъ другихъ сочиненій П. извѣстны слѣдующія: «О русскихъ лѣтописяхъ и лѣтописателяхъ, по 1240 годъ. Матеріалы для исторіи россійской словесности», С.-Пб. 1836 г. и «Роспись книгамъ и рукописямъ Императорской Россійской Академіи», С.-Пб. 1840 г.

Формулярный списокъ 1820 г.; И. П. Загоскинъ. «Дѣятели Импер. Казанскаго университета 1805—1900 гг.», Казань. 1900 г., стр. 48; «Историческая записка о четырехъ Отдѣленіяхъ Казанскаго университета». Казань. 1899 г., № 64; Е. В. Пѣтуховъ. «Каѳедра русскаго языка въ Юрьевскомъ (Дерптскомъ) университетѣ», Юрьевъ. 1900 г., стр. 9, 47—60, 88; Н. Н. Буличъ. «Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго университета», ч. I. Казань. 1887 г.; М. И. Сухомлиновъ. «Исторія Россійской Академіи», ч. VII, стр. 474—475 и 612 и ч. VIII, стр. 292—293; Н. И. Пироговъ. Сочиненія, т. I, С.-Пб. 1887 г., стр. 336—337; Ю. К. Арнольдъ. «Воспоминанія», вып. I. М. 1892 г., стр. 148—149; «Вѣстн. Европы» 1897 г., № 11, стр. 160; «Русск. Стар.» т. IX, X, XIII, XLV, LXX, LXXIV, LXXV, LXXVI, LXXXV; «Русскій Архивъ» 1867 г., 1878 г., 1890 г., 1897 г.; «Историческій Вѣстникъ», т. XIV; «Соч. кн. П. А. Вяземскаго», т. IX, стр. 145; «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1852 г., LXXIII, стр. 41—42; П. А. Плетневъ; «Отчеты Импер. Академіи Наукъ по Отд. Русск. яз. и словесн.» 1841—1852 г., С.-Пб. 1852 г., стр. 347; М. П. Погодинъ. «Годъ въ чужихъ краяхъ», ч. I, М. 1844 г., стр. 25; А. Ѳ. Селивановъ. «Біографіи» (изъ «Памятной книжки Пензенской губерніи на 1889 г.»), Пенза. 1889 г., стр. 38—40. *Б. М—ій.*

Перевощиковъ, *Димитрій Матвѣевичъ*, математикъ, писатель, экстраординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, братъ предыдущаго; родился 17-го апрѣля 1788 г. по однимъ извѣстіямъ въ г. Саранскѣ, а по другимъ въ Шишкѣевѣ (теперь заштатномъ городѣ) Пензенской губерніи, въ помѣщичьей семьѣ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду (въ 1802 г.) Д. М. поступилъ въ Казанскую Гимназію, откуда въ 1805 г. былъ принятъ въ только еще открывшійся тогда Казанскій Университетъ, гдѣ былъ товарищемъ С. Т. Аксакова, съ которымъ вмѣстѣ закончилъ университетъ и впослѣдствіи находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ. Свою служебную дѣятельность Д. М. началъ въ 1809 г. (января 1-го) старшимъ учителемъ математики и физики въ Симбирской гимназіи, но, пробывъ здѣсь семь слишкомъ лѣтъ, 20-го апрѣля 1816 г. вышелъ въ отставку и сталъ жить частными уроками. Черезъ два года онъ совсѣмъ оставилъ Симбирскъ, переѣхавъ въ 1818 г. въ Москву вмѣстѣ съ семействомъ бывшаго симбирскаго вице-губернатора Е. Е. Ренкевича, переведеннаго на ту же должность въ Москву,— въ качествѣ домашняго учителя. Въ томъ же году (декабря 26-го) Д. М. поступилъ въ Московскій Университетъ преподавателемъ трансцендентальной геометріи, а въ слѣдующемъ, 1819 г., получивъ по ходатайству попечителя Московскаго учебнаго округа кн. Оболенскаго званіе адъюнкта сверхъ штата, занялъ свободную съ 1810 г. каѳедру астрономіи при томъ же университетѣ. Сдѣланный въ 1826 г. (мая 3-го) экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ астрономіи, онъ въ томъ же году (декабря 8-го) получилъ званіе ординарнаго профессора по той же каѳедрѣ. Съ этого времени до выхода своего въ отставку въ 1851 г. (сентября 25-го) Д. М. не покидалъ Московскаго Университета, читая, кромѣ астрономіи, и много другихъ предметовъ по различнымъ отраслямъ математическихъ знаній. Такъ, начавъ свое преподаваніе въ университетѣ съ алгебры и трансцендентальной геометріи, онъ съ 1824/5 учебнаго года сталъ читать раціональную астрономію по сочиненію Шуберта; въ слѣдующемъ учебномъ году по тому же сочиненію преподавалъ сферическую астрономію, затѣмъ послѣдовательно читалъ вплоть до 1834 г. сферическую тригонометрію и теоретическую астрономію (уже по собственному курсу); объяснивъ теорію параллаксовъ, движенія земли и луны, онъ давалъ слушателямъ задачи для практическихъ вычисленій; кромѣ того, читалъ сферическую астрономію, теорію

эллиптическаго движенія, теорію планетъ и кометъ, временно преподавалъ прикладную математику и механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Съ 1834 г. Д. М. перешелъ на одну астрономію, читая: о предвареніи равноденствій и колебаній, о годичномъ параллаксѣ и аберраціи, о временахъ года, теорію планетныхъ возмущеній, общее изложеніе небесныхъ явленій, объясненіе ихъ по законамъ тяготѣнія, историческое обозрѣніе астрономіи и геодезію. Съ 1837 г. его лекціи уже сопровождались еженедѣльными посѣщеніями обсерваторіи. Это чтеніе Д. М. продолжалъ до 1851 г. Въ это же время (съ 1820-хъ годовъ) имъ напечатано множество математическихъ сочиненій.

Пребываніе Д. М. въ Московскомъ Университетѣ, кромѣ чисто научной и педагогической дѣятельности, соединялось еще съ отправленіемъ многихъ другихъ разнообразныхъ обязанностей. Такъ, въ 1828 г. онъ былъ избранъ совѣтомъ университета директоромъ Медицинскаго Института при Московскомъ Университетѣ (хотя мѣсто это по уставу принадлежало профессору медицинскаго факультета) и инспекторомъ казенно-коштныхъ студентовъ. Характеристику Д. М., какъ инспектора, дѣлаетъ въ письмѣ къ родителямъ находившійся тогда въ числѣ казеннокоштныхъ студентовъ Московскаго Университета В. Г. Бѣлинскій: «Инспекторъ Д. М. Перевощиковъ человѣкъ весьма извѣстный въ ученомъ свѣтѣ. Онъ строгъ, любитъ порядокъ и устройствомъ нашего казеннаго быта большею частью одолженъ ему». Далѣе, упомянувъ о томъ, что казеннокоштные студенты пользуются извѣстной свободой, Бѣлинскій прибавляетъ: «Впрочемъ, эти постановленія, а особливо въ разсужденіи свободы нашей, зависятъ отъ воли инспектора, и потому если инспекторъ хорошъ, то и казенное житье хорошо».

Съ 1827 по 1829 г. Д. М. былъ членомъ училищнаго комитета; оставивъ въ 1830 г. должность инспектора студентовъ онъ поступилъ (іюня 2-го) въ секретари университетскаго совѣта, гдѣ пробылъ два года (по 20-е августа 1832 г.), нѣсколько разъ былъ избираемъ въ деканы и участвовалъ въ комитетѣ редакціи «Ученыхъ записокъ» при университетѣ по физико-математическому факультету (съ іюля 1833 г. по іюль 1836 г.). Въ 1834 г. онъ былъ назначенъ инспекторомъ надъ частными учебными заведеніями г. Москвы, при чемъ эту должность занималъ два раза; былъ цензоромъ въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ (съ 14-го апрѣля 1835 г. по 11-е іюля 1837 г.). Преподавалъ математику въ частномъ московскомъ пансіонѣ Чермака. Въ 1835 г. ревизовалъ учебныя заведенія Костромской губ. въ 1842 г. избранъ въ проректоры Московскаго Университета, а въ 1848 г. (апрѣля 6-го) занялъ постъ ректора, на которомъ и оставался до выхода въ отставку. Выйдя въ отставку въ 1851 г., Д. М. переселился въ Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году (марта 6-го 1852 г.) Академія Наукъ избрала его въ свои адъюнкты по чистой математикѣ. Въ 1855 году онъ получилъ званіе экстраординарнаго академика, 21-го августа 1856 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, 1-го января 1860 г. получивъ орденъ Владиміра 3-й степени, 17-го ноября 1862 г. Станислава 1-й степени, а 26-го октября 1865 г. Анны 1-й степени. Переселившись въ Петербургъ, Д. М. не только не оставилъ своей ученой дѣятельности, но, пользуясь большей свободой, всецѣло предался научнымъ работамъ, помѣщавшимся въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Д. М. Перевощиковъ умеръ въ Петербургѣ 3-го сентября 1880 г.; онъ погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Хотя чисто ученые труды Д. М. не внесли ничего существенно-цѣннаго и новаго въ науку, тѣмъ не менѣе его преподавательская дѣятельность, доставившая Россіи многихъ извѣстныхъ математиковъ и воспитавшая нѣсколько поколѣній, имѣетъ громадное значеніе. Онъ поднялъ математическое образованіе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ изданіемъ цѣлой серіи математическихъ учебниковъ, преимущественно переводныхъ, въ то время, когда въ нашей учебной литературѣ не было почти никакихъ руководствъ по математикѣ. Можно сказать, что П. положилъ у насъ начало учебной математической литературѣ.

Какъ человѣкъ, Д. М. пользовался всеобщими симпатіями, всѣ лучшіе люди сороковыхъ годовъ находились съ

нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Т. Н. Грановскій въ письмѣ къ своему другу Станкевичу, говоритъ: «Между профессорами, я, разумѣется, сошелся ближе всего съ молодыми, изъ стариковъ мнѣ болѣе всего понравились Каченовскій и Перевощиковъ»; Д. М. особенно близко и дружески былъ знакомъ съ семействомъ М. С. Щепкина; сыновья ихъ, дружные съ дѣтства, встрѣтились въ университетѣ. Д. М. былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ семействомъ Аксаковыхъ, водилъ знакомство съ М. П Погодинымъ и др.

Въ заключеніе, приведемъ перечень сочиненій Д. М. и журналовъ, гдѣ онъ сотрудничалъ:

Уже въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія Д. М. издавалъ обширный трудъ: «Ручную математическую энциклопедію», печатавшуюся болѣе десяти лѣтъ (въ 13-ти томахъ), съ 1826 по 1838 г.; затѣмъ, онъ издалъ: «Курсъ чистой математики», соч. Франкера, ч. 1-я, 1819 г. Переводъ (совмѣстный съ профессоромъ П. С. Щепкинымъ); «Ариѳметика для начинающихъ». М. 1820 г.; «Главныя основанія аналитической геометріи трехъ измѣреній». М. 1822 г.; «О предметѣ и пользѣ астрономіи», рѣчь, читанная 1823 г., ноября 6-го, при вступленіи въ должность астронома-наблюдателя; «Дифференціальное исчисленіе», соч. Франкера съ перемѣнами и прибавленіями, изданная при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. 1824 г.; «Сферическая Тригонометрія», соч. Франкера. 1825 г.; «Слово о неподвижныхъ звѣздахъ». Москва. 1826 г.; «О разложеніи раціональныхъ дробей» въ «Соревнователѣ» 1825 г., ч. 30, стр. 199 — 210; «Астрономія для незнающихъ математики, или полное обозрѣніе сей науки въ новѣйшемъ ея состояніи, съ присовокупленіемъ жизнеописаній знаменитѣйшихъ астрономовъ. Соч. Бальи. Переведена съ французскаго. М. 1829 г.; «Разсмотрѣніе Ломоносова разсужденія о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ». М. 1831 г.; «Руководство къ Астрономіи». М. 1831 г.; «Обозрѣніе преподаванія Астрономіи въ Академическомъ 1832—1833 г.» (1-е прибавленіе). М. 1832 г.; «Руководство къ опытной физикѣ». М. 1833 г.; «Курсъ чистой математики», соч. Лакруа: 1) Ариѳметика съ примѣчаніями, 1-е изд. 1826 г., 2-е изд. 1833 г. 2) Геометрія, 1835 г. 3) Основанія прямолинейной и сферической тригонометріи и приложеніе алгебры къ геометріи, 1835 года; «Гимназическій курсъ чистой математики, содержащій ариѳметику, основанія алгебры и геометріи, прямолинейную тригонометрію и коническія сѣченія». М. 1837 г. (три изданія); «Des observations météorologiques faites à Moscou». М. 1838 г.; «Основанія астрономіи». М. 1842 г. (См. рецензію о ней въ 12-мъ присужденіи Демидовскихъ наградъ (1843 г.), стр. 87—104); «Предварительный курсъ астрономіи», изд. 2-е. М. 1847 г.; «Черты изъ исторіи Московскаго Университета», статья 2-я (изъ «Москов. Городского Листка»). М. 1847 г.; «Правила времясчисленія, принятаго православною церковью». М. 1850 г.; «Распредѣленіе тепла по земной поверхности (статьи)—въ «Отеч. Запискахъ» 1850 г., т. LXXIII, II, стр. 128; «О предвареніи равноденствій»—въ «Трудахъ Академіи Наукъ» 14-го (26-го) ноября 1851 г., въ «Bull. phys.-math.», т. X, № 7 и 8, стр. 97 — 117 и «Mél. math. et astr.», т. I, стр. 377 — 405; «Алхимія и алхимики»—«Отеч. Зап.» 1852 г., т. LXXXII, II, стр. 27 — 42; «Франсуа Араго»—«Отеч. Зап.» 1853 г., т. XCI. II, стр. 49; «Полное солнечное затменіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, 1852 г. декабря 11-го по новому стилю»—«Ученыя Зап.», т. I, вып. 2-й (1853 г.), стр. 202—209; «О предвареніи равноденствій и колебаніи земной оси»—«Уч. Зап.», т. I, вып. 4 (1853 г.), стр. 447—477; «Гаусовъ способъ вычислять элементы планетъ и его приложеніе къ Астреѣ»—«Учен. Зап.», т. II, вып. 1-й (1854 г.), стр. 49—88; «Фигура земли по меридіанамъ парижскому и индійскому и по наблюденіямъ надъ маятникомъ»—«Учен. Зап.», т. II, вып. 4-ый (1854 г.), стр. 580—595; «О лѣтосчисленіи»—«Мѣсяцесловъ» на 1855 г., стр. 242—256; «Основанія алгебры». С.-Пб. 1854 г. (приняты М. Н. П., какъ пособіе для преподаванія въ гимназіяхъ); «Объ эллиптическомъ движеніи планетъ». С.-Пб. 1855 г.; «Метеорологическія замѣтки. II. Наблюденія термометрическія. III. Явленія гигрометрическія» (изъ «Журнала М. Н. П.») 1856 г.,

№ 5, 7 и 8; «Вѣковыя возмущенія семи большихъ планетъ», отдѣленія I — IV. С.-Пб. 1857—1861 г.; «Новыя изслѣдованія о предваренiи равноденствій и колебаніи земной оси». —«Mémoires. VII Sér.», т. I, № 8 (1859 г.), стр. 24; «О сѣверномъ сіяніи» — въ «Журн. Мин. Народ. Просв.», часть 25, отдѣлъ II, стр. 227; «Открытія Ньютона» — тамъ же, часть 32, отдѣлъ II, стр. 1; «Послѣдователи и противники Ньютонова ученія» — тамъ же, часть 39, отд. II, стр. 131; «Метеорологическая замѣтка» — тамъ же, часть 90, отд. II, стр. 145 и 256, и часть 91, отд. II, стр. 71 и 75; «Разборъ сочиненія священника Іоанна Яковкина: «Пасхалія ариѳметическая» 1863 г.—въ 32-омъ присужденіи Демидовскихъ наградъ (1863 г., стр. 115—122); «Теорія планетъ», отдѣленія I—V, 1863—1868 г.: «Труды Ломоносова по физикѣ и физической географіи» — въ ж. «Радуга» 1865 г., № 4-й, стр. 176—201; «Замѣтка объ интегрированіи раціональныхъ дробей»—«Записки И. Акад. Наукъ», т. XI, кн. I (1867 г.), стр. 112—121; «Прибавленіе» къ «Замѣткѣ объ интегрированіи раціональныхъ дробей»—«Записки И. А. Н.», т. XII, кн I (1867 г.), стр. 23—28; «Интегрированіе ирраціональныхъ дробей» — «Записки И. А. Н.», т. XVI, кн. I (1869 г.), стр. 1 — 34; «Интегрированіе двучленныхъ дифференціаловъ»—«Записки И. А. Н.», т. XVIII, книга 2-я (1871 г.), стр. 123 — 136, кромѣ того С.-Пб. 1870 г.; «Интегрированіе функцій тригонометрическихъ» — «Записки И. А. Н.», т. XIX, кн. 2-я (1871 г.), стр. 154—181; «Интегрированіе логариѳмическихъ функцій»—«Записки И. А. Н.», т. XVI, кн. I (1872 г.), стр. 87 — 106; «Интегрированіе дифференціаловъ со многими перемѣнными»—«Записки И. А. Н.», т. XXII. кн. 2-я (1873 г.), стр. 201—213.

Перевощиковъ, кромѣ того, сотрудничалъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» (1826 года), «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828 г.); «Атенеѣ» (1828 г.); «Отечественныхъ Запискахъ» (1839, 1840, 1842, 1844 г.); «Москвитянинѣ» (1842, 1846 г.) и «Современникѣ» (1848, 1849, 1852, 1853, 1854, 1855 г.). Сверхъ того, «Магазинъ Естественной Исторіи» и «Ученыя записки Московскаго университета» наполнены его учеными работами.

«Памятная книжка Пензенской губерніи на 1859 годъ». Пенза. 1888 г., стр. 430; «Русская Старина» 1876 г., т. XV, стр. 59, 62; 1886 г., № XII, стр. 614; 1887 г., т. LIII, стр. 270; т. LV, стр. 643, 661; 1888 г., № I, стр. 32; № XI, стр. 400; 1891 г., № V, стр. 395, 401; № VII, стр. 105; 1892 г., № X, стр. 123, 127, 132, 134, 136; «Русскій Архивъ» 1881 г., т. I, стр. 400; 1889 г., т. I, стр. 540; т. II, стр. 359; т. III, стр. 564; 1898 г., т. II, стр. 85; 1899 г., т. II, стр. 297, 299, 363; 1900 г., т. I, стр. 652; «Историческій Вѣстникъ» 1881 г., т. IV, стр. 483; 1893 г., т. LI (51), стр. 242; «Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты 1824 — 1870 г.» С.-Пб. 1890 г., стр. 67 и 150»; «Отчетъ Имп. Академіи Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1880 г.», стр. 2; «Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета 1755—1855 г.», часть II, Москва. 1855 г., стр. 209—216; «Астрономы Юрьевскаго Университета съ 1802 по 1894 годъ» проф. Г. Левицкаго. Юрьевъ. 1899 г., стр. 106; «Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ». 1870 г., № 4, стр. 214—219; «Энциклопедическій лексиконъ Плюшара», т. VII, стр. 9; «Энциклопедическій словарь» Брокгауза, т. XXIII, стр. 189—190; Безгинъ. «Симбирская губернская гимназія». С.-Пб. 1888 г., стр. 39; «Московскій Городской Листокъ» 1847 г., № 14—16; 192—195 и 209; Н. П. Барсуковъ. «Жизнь и труды М. П. Погодина»; «Новое время» 1880 г., № 1624; «Голосъ» 1880 г., № 245; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 243 и 245.

Перевощиковъ, *Ефимъ Григорьевичъ*, бывшій раскольникъ Спасова согласія, знатокъ старопечатныхъ книгъ, писатель, изъ крестьянъ Панина, род. въ с. Работкахъ, Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губ., умеръ 23-го мая 1876 г. въ г. Вольскѣ. Первоначально П. жилъ на своей родинѣ и занимался судопромышленностью, потомъ онъ ушелъ въ «странничество» и странствовалъ 13 лѣтъ, но въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ взятъ полиціей, какъ не имѣвшій паспорта, и препровожденъ на родину въ Работки. Не много поживъ дома, П. отправился въ 1845 г. въ Москву и здѣсь самоучкой изучилъ славянскую грамматику. Потомъ онъ поступилъ корректоромъ въ единовѣрческую типографію и въ этой должности прослужилъ 4 года. Затѣмъ онъ лѣтъ 11 торговалъ книгами въ Лысковѣ, послѣ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Казани. Въ 1876 г. П. поѣхалъ на ярмарку въ г. Вольскъ, гдѣ умеръ и погребенъ на единовѣрческомъ кладбищѣ.

По знанію въ книгахъ Е. Г. усту-

палъ развѣ только знаменитымъ въ Москвѣ торговцамъ Пискареву и Т. Ѳ. Большакову, и то лишь относительно книгъ южной печати, а книги московской печати зналъ лучше ихъ: у него каждое типографское отличіе одного изданія отъ другого было въ памяти. Также и въ рукописяхъ онъ зналъ толкъ лучше всѣхъ торговцевъ. Основательное знаніе древней письменности, при большомъ умѣ, снискало П. знакомство и уваженіе людей ученыхъ: такъ, онъ былъ знакомъ съ М. П. Погодинымъ, съ извѣстнымъ знатокомъ и собирателемъ старинныхъ книгъ и рукописей В. М. Ундольскимъ; его уважалъ также и пользовался его совѣтами другой собиратель и владѣлецъ старинныхъ и старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ А. И. Хлудовъ; въ Казани съ нимъ знакомы были профессора В. И. Григоровичъ и Добротворскій. Но особенно чтили П. старообрядцы-начетчики: Е. С. Морозовъ; И. Е. Ксеносъ, авторъ «Окружного посланія», и В. А. Сапелкинъ, ревнитель соединенія старообрядцевъ съ церковью. Особенную важность имѣли сношенія П. съ тѣми старообрядцами, для которыхъ въ расколѣ онъ былъ наставникомъ, такъ какъ потомъ, присоединившись къ церкви, онъ былъ для нихъ совѣтникомъ и руководителемъ въ обращеніи изъ раскола въ православіе. Подъ его вліяніемъ и при дѣятельномъ его участіи открылось пять единовѣрческихъ приходовъ, въ Костромской, Нижегородской и во Владимірской губ. Кромѣ того, Осиновскій раскольническій женскій скитъ по Спасову согласію, находящійся въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижегородской губ., благодаря П., обратился въ единовѣрческій. Изъ литературныхъ произведеній П. извѣстны: «Книга о антихристѣ и прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ», Казань. 1873 г. и 1892 г.; «Указатель ученія объ антихристѣ», Псковъ. 1881 г.; напечатана съ именемъ Кунгурскаго миссіонера-священника Стефана Луханина; «Сборникъ, содержащій свидѣтельства о томъ, что Іисусъ Христосъ Сынъ Божій есть основаніе церкви». Эта книга составлена въ духѣ безпоповства; «Собраніе изъ разныхъ книгъ старописьменныхъ и старопечатныхъ объ ересяхъ и еретикахъ, ихъ свойствахъ и ученіи».

«Братское Слово» 1891 г., № 3 стр. 233—236; № 8, стр. 612—622, статья Н. И. Прохорова: «Воспоминанія о Е. Г. Перевощиковѣ»; В. Борисовъ. «Мои воспоминанія» (Изъ жизни въ расколѣ). М. 1891 г., стр. 22, 49—52.

Ив. Давидовичъ.

Перезинотти, *Антоніо* (Peresinotti, или Perigiuotti), живописецъ декорацій и перспективныхъ видовъ, родился въ Болоньѣ въ 1708 г. Живописи учился у Джироламо Бона. Въ 1743 г. онъ былъ приглашенъ въ Россію и принятъ на службу въ Контору Строенія Его Императорскаго Величества домовъ и садовъ, состоя, кромѣ того, придворнымъ театральнымъ живописцемъ. Имъ исполнены сочиненные Штелинымъ аллегорическіе плафоны Царскосельскаго дворца; въ 1748 г. П. написалъ плафоны въ церкви и въ залѣ вновь строившагося Аничкова дворца; въ 1750 г., вмѣстѣ съ другими художниками, писалъ онъ декораціи въ Оперномъ домѣ, близъ Еловой рощи; въ 1755 г. писалъ декораціи для оперы Сумарокова «Цефалъ и Прокриса», а въ 1759 г., вмѣстѣ съ Валеріани,—для пролога Сумарокова же «Новые лавры». Въ маѣ 1766 г., по представленнымъ въ Императорскую Академію Художествъ картинамъ, онъ былъ признанъ «назначеннымъ», а 5-го марта слѣдующаго года, «чрезъ представленную отъ него сего года къ генварскому собранію, по задачѣ академической, картину, представляющую остатки въ видѣ развалинъ древней архитектуры, украшенную колоннами и статуями, общимъ во избраніи согласіемъ принятъ академикомъ академическаго собранія» и вскорѣ затѣмъ сдѣлался первымъ, по времени, преподавателемъ перспективной живописи въ академическихъ классахъ. Въ музеѣ Академіи находятся двѣ, подаренныхъ имъ для копированія, его картины: «Пейзажъ съ античными развалинами» и «Развалины Салоны». Въ 1773 г. (11-го мая) онъ женился на Іоганнѣ-Шарлотѣ Эрнстъ, а черезъ пять лѣтъ, 28-го октября 1778 г., умеръ въ Петербургѣ.

«Россійскій Ѳеатръ» 1788 г., XVIII, 41, 85. 99; «Художественная Газета» 1838 г., стр. 547; «Репертуаръ» 1841 г., кн. III, стр 38; «Отечественныя Записки» 1855 г., № 10, стр. 70—71; А. И. Сомовъ. «Каталогъ оригинальныхъ произведеній живописи картинной галлереи Императорской Академіи Художествъ», т. I, С.-Пб. 1872 г., стр. 144; «Сборникъ Русскаго Историческаго Обще-

ства», т. XVII, стр. IV—V; Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. I, стр. 68—69. *А. Новицкій.*

Перекомскій, *Авивъ Михайловичъ*, капитанъ 1-го ранга; поступивъ въ Черноморскій флотъ артиллерійскимъ унтеръ-офицеромъ въ 1837 г., онъ въ 1840 г. былъ произведенъ въ прапорщики морской артиллеріи, плавалъ на судахъ Балтійскаго и Чернаго морей и участвовалъ въ занятіи береговъ Кавказа; въ 1849 г. съ чиномъ лейтенанта переведенъ былъ во флотъ, въ 1854 г. участвовалъ въ морскомъ бою, подъ командою контръ-адмирала Панфилова, противъ трехъ англійскихъ кораблей. Всю осаду Севастополя П. состоялъ въ его гарнизонѣ и былъ контуженъ 1-го апрѣля 1854 г. осколкомъ бомбы, за что и награжденъ былъ орденомъ Георгія 4-й степ. Его именемъ была названа 15-я батарея 4-го бастіона. Кромѣ того за храбрость П. получилъ орденъ Анны 3-й ст. съ мечами и Станислава 2-й ст. съ короной и за отличіе былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты. Въ 1856—1858 г. П. командовалъ 42-мъ флотскимъ экипажемъ, въ 1860 — 1861 г. транспортомъ «Ѳеодосія» въ Черномъ морѣ, въ 1862 г. командовалъ 2-мъ своднымъ черноморскимъ экипажемъ, а въ 1863 г. назначенъ былъ смотрителемъ морского госпиталя въ г. Николаевѣ. Въ 1866 г. произведенъ въ капитаны 1-го ранга, а 27-го іюня того же 1866 г. выключенъ изъ списка умершимъ.

«Общій морской списокъ», ч. XI, стр. 152—153; «Морской Сборникъ» 1854 г., № 12; Н. Ѳ. Дубровинъ. «Исторія Крымской войны», ч. II и III, С.-Пб. 1900 г. *П. Бѣлавенецъ.*

Перекрестовъ (или **Перекрестъ**), *Даніилъ Ивановичъ* и братъ его *Яковъ Ивановичъ*—дѣти слѣдующаго. Съ именами братьевъ Перекрестовыхъ соединяются два памятника, имѣющихъ отношеніе къ царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ: не дошедшій до насъ гравированный листъ, изображающій царей Іоанна и Петра Алексѣевичей и царевну Софью съ изливающимися надъ нею семью дарами Духа Святаго (подпись: «труды и тщаніе Данила и Якова Перекрестовъ») и служащая объясненіемъ къ листу книга «Дары Духа Святаго, славою всему свѣту восіявшіи на пресвѣтлѣйшемъ достоинствѣ великія державы Божіею милостію пресвѣтлѣйшихъ и самодержавнѣйшихъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и яже есть сокровище даровъ Духа Святаго великой государыни, царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны», напечатанная въ Черниговѣ въ 1688 году (подпись: «въ кратцѣ списаны и типомъ изданы тщаніемъ Даніила и Іякова Ивановича Перекрестововъ»). Какъ выяснилось изъ розыскного дѣла о Н. Гладкомъ и С. Медвѣдевѣ, и листъ, и книга были произведеніемъ нѣкоего Богдановскаго, учителя дѣтей Ивана Перекреста; исполненные Богдановскимъ по порученію Ѳ. Шакловитаго, они были поднесены царевнѣ Даниломъ и Яковомъ Перекрестами совмѣстно съ Богдановскимъ; по словамъ Ивана Перекреста, Ѳедоръ Шакловитый посовѣтовалъ сдѣлать на листѣ и книгѣ подпись Перекрестовъ, а не Богдановскаго, потому, что Богдановскій былъ человѣкъ не знатный, а Перекресты «хотя и не умѣютъ, только де имъ пристойно подписать для того, что де они по немъ Иванѣ знатны». Подтвержденіемъ этихъ данныхъ о неучастіи Данила и Якова въ сочиненіи книги «Дары Духа Святаго» является и то обстоятельство, что, сколько видно изъ изложенія, книга—не совмѣстный трудъ нѣсколькихъ авторовъ, а составлена отъ лица одного сочинителя.

Даніилъ П. за Свейскій походъ 1701 г., въ которомъ онъ участвовалъ съ отцомъ своимъ, былъ назначенъ, по просьбѣ полчанъ, управляющимъ Ахтырскимъ полкомъ; онъ былъ живъ еще въ 1727 году.

«Розыскныя дѣла о Ѳедорѣ Шакловитомъ и его сообщникахъ», т. I, 1884 г., стр. IX, 595, 657—661; «Дары Духа святаго». Черниговъ: 1688 г.; Архивъ Департамента Герольдіи. *В. С—ій.*

Перекрестовъ, *Иванъ Ивановичъ*, стольникъ и полковникъ Ахтырскаго Слободскаго полка, видный дѣятель Слободской Украйны конца XVII и начала XVIII вѣка. Въ характерѣ П. ярко отразились черты вѣка: военныя доблести въ немъ сочетались съ такою страстью къ стяжанію, которая приближаетъ его къ стяжателямъ лѣвобережной Малороссіи, талантливо очерченнымъ въ очеркахъ А. М. Лазаревскаго. И сходство здѣсь не случайное: одинаковыя

причины порождали одинаковыя слѣдствія. Внутреннее (соціально-экономическое) состояніе Слободской Украйны въ это время сильно напоминаетъ намъ такое же положеніе гетманской Малороссіи; въ частности сходство распространяется и на полковничій режимъ; разница была только въ томъ, что въ Слободской Украйнѣ не было даже той высшей мѣстной власти, которую представлялъ изъ себя въ Малороссіи гетманъ: она замѣнялась властью Бѣлгородскаго воеводы, который, конечно, не могъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки въ такой мѣрѣ, какъ гетманъ. Выборное начало въ Слободской Украйнѣ также постепенно осложнялось, какъ и въ гетманщинѣ; вліяніе «полчанъ», т.-е. рядовыхъ казаковъ отступило на задній планъ. Въ такое-то время пришлось дѣйствовать ахтырскому полковнику Ивану Ивановичу Перекрестову, одаренному, повидимому, значительными военными способностями и огромной энергіей. Благодаря имъ, онъ и возвысился до важнаго полковничьяго ранга. Отецъ его былъ, вѣроятно, такимъ же выходцемъ изъ Заднѣпровья, какъ и другіе Слобожане; въ актахъ 1665 и 1681 гг. упоминается черкашенинъ Иванъ Яковлевичъ Перекрестовъ; фамилія его свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ выкрещенный еврей. Сынъ его началъ казацкую службу еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и продолжалъ ее при царѣ Ѳеодорѣ. Въ началѣ 80-хъ годовъ XVII в. (въ 1681 г.) мы видимъ его уже Ахтырскимъ полковникомъ. Царская жалованная грамота 1686 г. велитъ ему быть по прежнему полковникомъ ахтырскимъ по выбору всѣхъ полчанъ и въ судныхъ и во всякихъ дѣлахъ исправу чинить по старымъ казацкимъ обыкновеніямъ. Грамота 1685 г. отмѣчаетъ тотъ фактъ, что Ахтырскій полковникъ постоянно оберегаетъ границы своего полка отъ татарскихъ набѣговъ, самъ чинитъ надъ ними промыслъ и посылаетъ для наблюденія за татарами и поляками своихъ казаковъ въ Заднѣпровье. Перекрестовъ со своимъ полкомъ принималъ участіе въ неудачныхъ крымскихъ походахъ кн. В. В. Голицына; особенно пострадали его казаки во второмъ походѣ 1689 г.: изъ двухъ Слободскихъ полковъ (Ахтырскаго и Сумскаго) послѣ нападенія на нихъ татаръ у Черной долины осталось въ живыхъ всего 250 человѣкъ, а самъ полковникъ ахтырскій былъ раненъ въ плечо. Дѣятельное участіе Перекрестовъ принималъ и въ Великой Сѣверной войнѣ. Царь Петръ въ награду за это сдѣлалъ сына Ивана Ивановича Даніила (см. выше) помощникомъ отцу по части полкового управленія; это давало ему право надѣяться занять впослѣдствіи мѣсто отца. Но вышло совсѣмъ иначе. Въ 1704 г. Ив. Ив. Перекрестовъ былъ отстраненъ, по Высочайшему повелѣнію, отъ полковничьяго уряда, а всѣ огромныя имѣнія его были отобраны отъ него въ казну. Въ 1714 г. онъ жилъ въ загонѣ въ своемъ небольшомъ хуторѣ. Въ 1721 г. началось дѣло о расхищеніи описныхъ перекрестовскихъ маетностей, а вслѣдъ затѣмъ и его самого потребовали къ отвѣту по какимъ-то дѣламъ въ Архангельскъ. Онъ лежалъ въ это время на смертномъ одрѣ; объ этомъ сообщили начальству, тѣмъ не менѣе велѣно было исполнить данный приказъ—и старецъ скончался на пути.

Причины этихъ гоненій не вполнѣ ясны, но онѣ, кажется, лежатъ въ стяжательности самого Ив. Ив. Перекрестова. Ахтырскій полковникъ слишкомъ быстро уже хотѣлъ нажиться и не пренебрегалъ никакими средствами для достиженія своей цѣли. Мы имѣемъ обширную челобитную ахтырскихъ полчанъ на обиды и притѣсненія Ив. Ив. Перекрестова (1692 г.). Тутъ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующую жалобу и обвиненіе. Онъ, по словамъ жалобщиковъ, отдалъ селеніе Пѣвни съ казаками въ подданство своему родственнику также перекресту (т.-е. выкресту) Семену Бугаенку, который отягощалъ ихъ несносными работами; затѣмъ слѣдуетъ 25 пунктовъ челобитной, въ которыхъ говорится о грабежѣ движимаго имущества, захватѣ недвижимости, бояхъ, вымогательствахъ и другихъ аналогичныхъ обидахъ. Впрочемъ, нужно сознаться, что жалобы эти исходили отъ личныхъ противниковъ Перекрестова, желавшихъ низвергнуть его изъ полковничьяго уряда, главнымъ образомъ отъ бывшаго наказного ахтырскаго полковника Андрея Прокофьева. Пре-

тендентомъ на ахтырское полковничество являлся въ это время сынъ сумскаго полковника Романъ Герасимовичъ. Борьба была очень напряженная. Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи мы нашли столбцы, заключающіе въ себѣ подробности этого столкновенія двухъ выдающихся слободско-украинскихъ фамилій. Изъ прочтенія ихъ мы вынесли впечатлѣніе, что все дѣло было въ личностяхъ претендентовъ; полчане-масса играли тутъ роль орудія въ рукахъ той или другой стороны. По крайней мѣрѣ, мы нашли двѣ челобитныя полчанъ—діаметрально противоположнаго содержанія: въ одной говорится о притѣсненіяхъ Перекрестова, а въ другой заявляется, что Ив. Перекрестовъ «къ старшинѣ и казакамъ держитъ ласку и привѣтъ и расправу чинитъ въправду» и «опричь его другого такого разумнаго человѣка нѣтъ». Перевѣсъ въ борьбѣ оказался на сторонѣ Ив. Перекрестова, между прочимъ и потому, что за него былъ Бѣлгородскій воевода Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Когда къ Шереметеву явился Романъ Кондратьевъ поздравить съ праздникомъ, по своему черкасскому обыкновенію, то онъ, по наговорамъ Перекрестова, началъ его бить смертнымъ боемъ, за волосы дралъ и топталъ, раскровавилъ носъ и ротъ и выбилъ ребро; и все это дѣлалось слободскому полковнику въ присутствіи многихъ русскихъ начальныхъ людей и иноземцевъ, въ томъ числѣ и самого Ив. Перекрестова. Такъ велика была теперь уже власть Бѣлгородского воеводы! О причинѣ благорасположенія начальныхъ людей къ Перекрестову догадаться не трудно: онъ былъ очень богатый человѣкъ и могъ, конечно, по обычаю того времени, хорошенько ихъ одаривать. Романъ же Кондратьевъ, по выраженію акта, не имѣлъ даже въ Ахтыркѣ собственнаго двора и проживалъ «въ сосѣдяхъ». Печальна была судьба Перекрестовскихъ имѣній: они были расхищены и только небольшая часть ихъ попала въ руки сына Ив. Ив.—Даніила и дочери, вышедшей замужъ за Ѳедора Гречанаго. Внукъ Ивана Ивановича — *Василій Даниловичъ* Перекрестовъ женился впослѣдствіи на вдовѣ одного изъ Осиповыхъ, разбогатѣлъ, выступилъ подъ именемъ Перекрестова-Осипова, конкурентомъ Ив. Ив. Кондратьева на сумское полковничество—и теперь повторилась такая же борьба, какая нѣкогда имѣла мѣсто между ихъ предками.

«Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и сосѣднихъ губерній» Д. И. Багалѣя, I, стр. 163—169; митр. Филаретъ. «Историко статистическое описаніе Харьковской епархіи», III, стр. 35 — 47 и др.; ср. также статью А. Д. Твердохлѣбова: «Наслѣдственное полковничество» въ «Кіевской Старинѣ» 1887 г., май, стр. 152—170; «Розыскныя дѣла о Ѳ. Шакловитомъ и его сообщникахъ», 1884.

Проф. Д. И. Багалѣй.

Перекрестовъ, *Степанъ*, войсковой обыватель, депутатъ отъ города Сумъ въ Коммиссію о сочиненіи проекта Новаго уложенія 1767 г.; былъ въ числѣ депутатовъ, присоединившихся къ высказаннымъ мнѣніямъ объ измѣненіи существовавшихъ формъ словеснаго суда, въ которомъ истецъ былъ поставленъ въ худшія сравнительно съ отвѣтчикомъ условія. При обсужденіи вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія Коммиссіей проекта дворянскихъ правъ, когда мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, П. присоединился къ мнѣнію депутата князя Вяземскаго, предлагавшаго, предварительно обсужденія вопроса, просить императрицу «объ учиненіи разбора дворянству» и о занесеніи всѣхъ дворянъ въ особый списокъ, каковымъ и руководствоваться при разсмотрѣніи проекта.

«Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества», т. XIV, стр. 61 и т. XXXII, стр. 260 и 290.

П. Клокачевъ.

Перекусихина, *Марія Саввишна*, любимая и довѣренная камеръ-юнгфера императрицы Екатерины II, сестра слѣдующаго. Происходила изъ дворянскаго небогатаго дома Рязанской губерніи и родилась въ 1739 г. Женщина безъ всякаго образованія, не знавшая ни одного иностраннаго языка, занимая скромное оффиціальное положеніе при дворѣ, П. своею искреннею привязанностью и расположеніемъ къ Императрицѣ Екатеринѣ II, въ которой она видѣла не только царицу, но и человѣка со всѣми его достоинствами и слабостями, сумѣла снискать себѣ со стороны ея «особую довѣренность». Императрица постоянно оказывала П. особливое, часто трогательное вниманіе. Въ качествѣ довѣренной камеръ-юнгферы, «уважаемой собесѣдницы» и друга императрицы, П.

всегда находилась при ней безотлучно. Выдающееся положеніе ея при особѣ государыни дѣлало ее извѣстнымъ и нужнымъ человѣкомъ почти для всего вліятельнаго сословнаго и чиновнаго Петербурга того времени. Многіе фавориты добивались многаго черезъ Марію Саввишну. По смерти своей покровительницы, П. должна была потерять и свое положеніе, и вліяніе, и то поклоненіе, которымъ она ото всѣхъ была «достойно уважена». Указомъ императора Павла I было повелѣно «уволить отъ двора дѣвицу Марію Перекусихину и производить ей по службѣ пенсію изъ Кабинета по тысячѣ по двѣсти рублей въ годъ». М. С. умерла 8-го августа 1824 года въ Петербургѣ, но вдали отъ двора и свѣтскаго общества, въ полной безызвѣстности. Похоронена она на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Сама М. С. не оставила никакихъ воспоминаній о жизни императрицы Екатерины II, которая ей была такъ хорошо извѣстна, но ея разсказы, между прочимъ, послужили П. И. Сумарокову матеріаломъ при составленіи имъ книги «Досуги Крымскаго судьи», отрывокъ изъ которой, подъ заглавіемъ «Черты Екатерины II», былъ напечатанъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1870 года.

Бантышъ-Каменскій. «Словарь достопамятныхъ людей», ч. II, С.-Пб. 1847 г., стр. 568—570; Д. Л. Мордовцевъ. «Русскія женщины новаго времени». С.-Пб. 1874 г., т. I; «Истор. Вѣстникъ» 1899 г., т. LXXV, стр. 96—116. (Біографическій очеркъ, составленный В. О. Михневичемъ); Записки Д. Н. Свербеева, М. 1889, т. I, стр. 242 и сл.; В. И. Саитовъ. «Петербургскій некрополь». М. 1883; А. С. Шишковъ. «Записки». Берлинъ. 1870.

А. Круглый.

Перекусихинъ, *Василій Саввичъ*, сенаторъ, тайный совѣтникъ; родной братъ предыдущей. В. С. родился 20-го февраля 1724 г. Учился онъ въ сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, куда поступилъ 20-го января 1737 г.; 14-го февраля 1746 г. былъ произведенъ въ коммиссары и въ 1751 г. (апрѣля 1-го) выпущенъ изъ корпуса въ артиллерію капитаномъ съ опредѣленіемъ къ работамъ по постройкѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведенный въ 1761 г. въ премьеръ-маіоры, П. вскорѣ оставилъ военную службу и переименовался въ гражданскій чинъ коллежскаго совѣтника. Съ этого времени онъ начинаетъ быстро подвигаться по службѣ,—благодаря покровительству сестры. Принятый въ 1763 г. (августа 11-го) на службу въ Канцелярію Опекунства объ иностранныхъ единовѣрцахъ, онъ уже въ 1765 г. (іюля 5-го) былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4-го Департамента Сената, гдѣ и оставался до 22-го сентября 1777 г. Болѣзненное состояніе не мѣшало В. С., благодаря вліянію сестры, пользоваться служебными успѣхами и, не смотря на частыя манкировки, иногда и очень продолжительныя (какъ, напр., въ 1767 г.—8 мѣсяцевъ, въ 1770 г.—6 мѣсяцевъ, въ 1775 г.—одинъ годъ), онъ не только ничего не терялъ, такъ какъ впродолженіе всѣхъ этихъ отпусковъ пользовался полнымъ оберъ-прокурорскимъ содержаніемъ, но какъ разъ въ этотъ промежутокъ времени (съ 1765 по 1777 г.) получилъ болѣе всего имущественныхъ наградъ, улучшившихъ его благосостояніе. Такъ, въ 1768 г. ему пожалованъ дворъ въ г. С.-Петербургѣ на Литейной (въ Хамовой улицѣ), въ 1770 г. ему вмѣстѣ съ сестрой дана была 1.000 десятинъ земли въ Воронежской губерніи, въ 1773 г.—имѣніе въ Нижегородскомъ уѣздѣ.

Выйдя въ 1777 г. изъ оберъ-прокуроровъ 4-го Департамента съ чиномъ тайнаго совѣтника, В. С. сохранилъ, однако, оберъ-прокурорское жалованье. Въ 1783 г. онъ былъ сдѣланъ сенаторомъ и присутствовалъ сначала во 2-мъ, а съ 1785 г. въ 1-мъ Департаментахъ. Въ 1788 г., октября 10-го, В. С. совсѣмъ оставилъ службу, и въ видѣ особой милости ему назначена была полная пенсія съ сохраненіемъ жалованья—всего 4.250 р. Этою милостью онъ недолго, впрочемъ, пользовался, такъ какъ 2-го декабря того же 1788 г. скончался въ С. Петербургѣ; по приказу императрицы его пышно похоронили на казенный счетъ въ Александро-Невской Лаврѣ.

Формулярный списокъ; «Именной списокъ кадетамъ», С.-Пб. 1761 г., стр. 23 и 157; «Русскій Архивъ» 1864 г., стр. 119, 138 и 141; 1867 г., стр. 938; «Полное Собраніе Законовъ», т. XIX, стр. 324 и т. XX, стр. 755; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895; «Историческій Вѣстникъ» 1899 г., январь, стр. 112 — 113; Дневникъ А. В. Храповицкаго, С.-Пб. 1874 г., стр. 170, 201, 206; В. И. Саитовъ. «Петербургскій некрополь», М. 1883 г., стр. 102; «Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства», С.-Пб. *Б. Еловскій.*

Перелешинъ, *Иванъ Григорьевичъ*, капитанъ-командоръ, первоприсутствующій въ Казанской Адмиралтейской Конторы. Происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи; въ 1774 г. (15-го іюня) онъ поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ и, по окончаніи въ немъ курса, былъ произведенъ 15-го мая 1777 года въ гардемарины; съ этихъ поръ до 1780 года Перелешинъ ежегодно плавалъ по Балтійскому морю и сдѣлалъ переходъ изъ Архангельска въ Кронштадтъ на кораблѣ «Благополучіе». По окончаніи плаванія, онъ въ 1779 году (1-го мая) былъ произведенъ въ мичмана. Въ 1780 году на кораблѣ «Слава Россіи» П. ходилъ изъ Кронштадта въ Средиземное море, откуда въ 1781 году возвратился на кораблѣ «Америка». По производствѣ въ лейтенанты, онъ плавалъ на кораблѣ «Царь Константинъ» въ эскадрѣ вице-адмирала Чичагова въ заграничномъ плаваніи, съ 1782 по 1784 годъ—отъ Кронштадта до Ливорно и обратно. Въ томъ же году, по возвращеніи изъ заграничнаго плаванія, лейтенантъ Перелешинъ былъ командированъ въ Вятку для привода новобранцевъ, съ которыми и прибылъ въ Петербургъ. Въ 1785 году онъ былъ переведенъ изъ Балтійскаго флота въ Черноморскій и, командуя транспортомъ № 3, плавалъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Въ слѣдующемъ году онъ командовалъ въ Черномъ морѣ пинкой № 2, а въ 1787 году (1-го января) былъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты.

Крейсируя въ 1788 г. на кораблѣ «Марія Магдалина» по Черному морю. Перелешинъ выдержалъ ужасную бурю, вмѣстѣ съ кораблемъ, потерпѣвшимъ серьезныя поврежденія, былъ занесенъ въ Константинопольскій проливъ и взятъ здѣсь въ плѣнъ турками вмѣстѣ со всею командою. Четыре года пробыли русскіе моряки въ плѣну у турокъ, и только лишь послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ экипажъ былъ возвращенъ въ 1792 году. Послѣ освобожденія изъ плѣна, Перелешинъ командовалъ бригантиною № 2 и плавалъ опять по Черному морю между Севастополемъ и Николаевомъ. Въ слѣдующемъ году онъ получилъ командировку изъ Херсона въ Смоленскъ «для набора школьниковъ въ 450 человѣкъ», съ которыми и прибылъ въ Херсонъ въ томъ же году. Съ 1794 по 1795 годъ П. состоялъ совѣтникомъ интендантской экспедиціи Черноморскаго флота, а потомъ присутствовалъ въ Херсонской портовой конторѣ. По производствѣ въ капитаны 2 го ранга (1-го января 1796 года), онъ находился у проводки двухъ ново построенныхъ кораблей, отправлявшихся изъ Херсона на Глубокую пристань, послѣ чего былъ командированъ въ Калужское намѣстничество для привода рекрутъ въ Херсонѣ. Въ Херсонѣ Перелешинъ былъ оставленъ для надзора за постройкою гребныхъ и транспортныхъ судовъ, а по окончаніи этихъ работъ 1-го февраля 1798 года получилъ назначеніе командира (капитана) надъ Николаевскимъ портомъ и 5-го октября того же года былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1801 году, за отличное командованіе портомъ и образцовое состояніе ввѣреннаго флота, Перелешинъ удостоился высочайшей награды—брилліантовымъ перстнемъ и, оставаясь на занимаемой должности, 10-го февраля 1804 года былъ произведенъ въ капитанъ командоры, а въ 1805 году назначенъ на должность начальника 2-го Отдѣленія Счетной экспедиціи при Адмиралтействъ-Коллегіи. За усердную службу Перелешинъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени въ 1806 году, а въ 1809 году (14-го іюня) назначенъ на должность первоприсутствующаго Казанской адмиралтейской конторы, на каковой должности оставался до 12-го марта 1823 года, т.-е. до увольненія въ отставку.

«Общій Морской Списокъ», часть IV, стр. 544.
Б. Тагѣевъ.

Перелешинъ, *Михаилъ Александровичъ*, капитанъ 1-го ранга, командиръ 3-го бастіона при осадѣ Севастополѣ. Происходитъ изъ дворянъ Костромской губерніи, воспитаніе получилъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (съ 1831 года), изъ котораго и вышелъ въ 1836 году, поступивъ на службу въ Черноморскій флотъ (23-го декабря). Служба П. въ Черномъ морѣ носила на себѣ слѣды воспитанія, полученнаго подъ руководствомъ М. П Лазарева: онъ всегда слылъ прекраснымъ офицеромъ, совершившимъ много компаній на разныхъ судахъ (въ 1837 г.—къ Абхазскимъ берегамъ, въ

1838 и 1839 на корветѣ «Орестъ»—въ Константинополь, а оттуда въ Архипелагъ и Средиземное море, 1840—1844 г.—снова у Абхазскихъ береговъ, 1846—1849 г. и 1850—1852 г. крейсировалъ въ Черномъ морѣ), всегда отличаясь прекраснымъ знаніемъ своего дѣла, находчивостью и рѣшительностью въ критическія минуты грозящей опасности. Состоя въ 1853 г. на кораблѣ «Великій князь Константинъ», П. съ нимъ принялъ участіе въ Синопскомъ сраженіи, за отличіе въ которомъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4-й степени. Съ самаго начала обороны Севастополя М. А. Перелешинъ поступилъ на Малаховъ Курганъ, подъ начальство Истомина, которому выпала на долю тяжелая обязанность защищать въ первое время этотъ ключъ нашей позиціи съ 4-мя экипажами матросовъ при 4-хъ орудіяхъ. По постройкѣ «Корнилова редута», 1-го и 2-го бастіоновъ, впослѣдствіи — Волынскаго, Селенгинскаго и Камчатскаго редутовъ,—Перелешинъ съ перваго же дня сталъ исполнять должность начальника артиллеріи 4-го отдѣленія, будучи еще со 2-го октября 1852 г. въ чинѣ капитана-лейтенанта. Обязанность лежавшая на немъ, была въ высшей степени серьезна, а при страшномъ непріятельскомъ огнѣ была сопряжена съ огромной опасностью для жизни. Подъ управленіемъ Перелешина огонь былъ необыкновенно точенъ, бомбы ложились соотвѣтственно его расчетамъ, причиняя большой вредъ непріятелю. Перелешинъ неустанно руководилъ огнемъ, дѣятельность и хладнокровіе его оставались неизмѣнными въ самые критическіе моменты. Послѣ смерти Истомина его мѣсто занялъ капитанъ 1-го ранга Юрковскій, но и онъ былъ вскорѣ смертельно раненъ; тогда Перелешинъ остался начальникомъ артиллеріи при капитанѣ 1-го ранга Кернѣ.

Послѣ смерти Нахимова, когда должность его занялъ адмиралъ Панфиловъ, Перелешинъ поступилъ на мѣсто послѣдняго начальникомъ артиллеріи 3-го отдѣленія. На Малаховомъ Курганѣ Перелешинъ сражался съ войсками обѣихъ союзныхъ армій и принялъ теперь командованіе артиллеріей противъ англичанъ.

На другой же день вступленія П. на должность, англичане ночью вздумали пробраться къ нашимъ траншеямъ чтобы поразбить мерлоны, подбить орудія и позасыпать траншеи, они открыли усиленный огонь по 3-му бастіону и выслали своихъ рабочихъ для разрушенія сооруженій бастіона. Однако, капитанъ-лейтенантъ Перелешинъ встрѣтилъ эту попытку непріятеля цѣлымъ градомъ картечи, удерживая противника до послѣдняго грознаго бомбардированія, рѣшившаго судьбу окровавленнаго Севастополя. Съ 5 го по 27-е августа 1855 г. непріятель осыпалъ бастіонъ Перелешина ужаснымъ огнемъ, но энергичный и безстрашный командиръ 3-го бастіона оставался тѣмъ же хладнокровнымъ и распорядительнымъ начальникомъ и среди этого ада огня и смерти. По его приказаніямъ, люди быстро исправляли поврежденія, причиняемыя непріятельскими снарядами, подбитыя орудія замѣнялись новыми, убыль людей пополнялась, а при недостаткѣ снарядовъ изъ мортиръ летѣли въ непріятельскій отрядъ камни и бомбы противника, собранныя на бастіонѣ. Разрушенныя батареи, ужасныя потери, не приводили въ отчаяніе Перелешина; онъ продолжалъ свое дѣло, всегда открывая огонь, когда онъ только становился необходимъ.

27-го августа 1855 г. въ моментъ штурма, когда непріятель вышелъ изъза траншеи, которую когда-то Перелешинъ принялъ отъ адмирала Панфилова, и находился въ 350 шагахъ отъ 3-го бастіона, по приказанію Перелешина, изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ орудій былъ открытъ по англичанамъ картечный огонь. Самъ Перелешинъ стоялъ на брустверѣ и съ пистолетомъ въ рукѣ ожидалъ штурмующія колонны. Наконецъ, англичане достигли кроны глассиса, перебросили лѣстницы и ринулись черезъ ровъ Съ тою же непоколебимою стойкостью встрѣтилъ врага Перелешинъ, и первый англичанинъ, взобравшійся на валъ, былъ убитъ имъ изъ пистолета. Въ то же мгновеніе пуля раздробила кисть храбраго капитана,—и онъ былъ принужденъ отойти за брустверъ. Въ это время ворвались въ бастіонъ англичане, но храбрые селенгинцы съ полковникомъ Мезенцевымъ во главѣ выбили ихъ вонъ, потерявъ своего начальника. Рана Перелешина оказалась очень серьезною, и онъ былъ принужденъ оставить поле брани.

Въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ (съ 13-го сентября 1854 по 28-е августа 1855 г.) пробылъ Перелешинъ въ Севастопольскомъ гарнизонѣ и всегда былъ дѣятеленъ, неустрашимъ, хладнокровенъ, всегда служа примѣромъ храбрости и безстрашія для солдатъ и вполнѣ заслуживъ названіе героя Севастопольской обороны, за отличія въ которой былъ награжденъ орденами Георгія 4-й, а затѣмъ 3-й степени. 11-го мая 1855 г. произведенный, за отличіе же, въ капитаны 1-го ранга, П. въ 1856 г. былъ назначенъ командиромъ сперва корвета «Гридень», затѣмъ—«Бояринъ», но уже 13-го ноября 1857 г. скончался.

«Морской Сборникъ» 1856 г., т. XX, № 1, пр. р., XII и т. XXII, № 7, стр. 287—291; «Общій морской списокъ», ч. XI, С.-Пб. 1900, стр. 155—156; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ». С.-Пб. 894. Н. Ѳ. Дубровинъ. Исторія Крымской войны. С.-Пб. 1900 г. *Б. Татьевъ.*

Перелоговъ, *Тимовей Ивановичъ*, профессоръ Московскаго Университета. Родился 18-го февраля 1765 года въ селѣ Перелогахъ, Суздальскаго уѣзда, Владимірской губерніи, гдѣ его отецъ, Иванъ Ивановичъ (впослѣдствіи Іоакимъ іеромонахъ Московскаго Новоспасскаго монастыря), былъ священникомъ. Молодой Перелоговъ сначала учился въ Суздальской Духовной Семинаріи, гдѣ ему была дана, по обычаю того времени, его фамилія, а потомъ во Владимірской Семинаріи, послѣ присоединенія къ ней Суздальской. Въ 1782 году П. поступилъ въ Московскій Университетъ вслѣдствіе приглашенія, съ которымъ университетское начальство обратилось къ лучшимъ изъ семинаристовъ.

Особенное вниманіе во время своего студенчества Перелоговъ обращалъ на изученіе французскаго языка, которое онъ началъ и продолжалъ нѣкоторое время подъ руководствомъ преподавателя этого языка въ состоявшей при Университетѣ Гимназіи Бодуеня, сдѣлавшагося позднѣе экстраординарнымъ профессоромъ. Уроки этого преподавателя, посѣщаемые по распоряженію начальства также и студентами Университета, состояли главнымъ образомъ въ чтеніи учениками и слушателями французскихъ газетъ съ переводомъ читаемаго на русскій языкъ. Такое чтеніе, по мнѣнію преподавателя, доставляло учащимся и матеріалъ для упражненія въ языкѣ, и знакомство съ послѣдними новостями. Частью благодаря преподаванію Бодуеня, главнымъ же образомъ съ помощью собственнаго усиленнаго труда Перелогову удалось въ достаточной степени овладѣть теоріею языка. Что же касается его практическаго усвоенія, то оно было пріобрѣтено Перелоговымъ въ семьѣ другого преподавателя того же языка, Дешана, въ которой онъ съ этою цѣлью жилъ нѣкоторое время. Такъ же усиленно и съ тѣми же результатами занимался онъ и изученіемъ англійскаго языка, преподававшагося въ Университетѣ до конца 1784 года профессоромъ Десницкимъ, а послѣ—лекторомъ Джономъ Бели. Пріобрѣтенныя Перелоговымъ свѣдѣнія въ обоихъ языкахъ были настолько обширны и серьезны, что Университетъ безъ колебаній ввѣрилъ ему ихъ преподаваніе сперва въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, а потомъ и въ самомъ Университетѣ. Къ трудамъ по преподаванію этихъ языковъ свелась и вся литературная дѣятельность Перелогова. Для облегченія и руководства какъ собственныхъ учениковъ и слушателей, такъ и вообще всѣхъ изучавшихъ французскій языкъ Перелоговъ написалъ и напечаталъ слѣдующія сочиненія: «Этимологія, или подробныя наставленія о измѣненіи словъ французской рѣчи» (Москва, въ Университетской типографіи, 1797 г., 8°); «Французская Грамматика, содержащая въ себѣ легкій и основательный способъ учиться сему языку» (Москва, въ Университетской типографіи, 1801 г., 8°; изд. 3-е и 4-е съ дополненіями, тамъ же, 1814 и 1822 года, 8°; изд. 6-е, тамъ же); «Самоучитель для учениковъ, или собраніе лучшихъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ, въ пользу молодыхъ людей, начинающихъ учиться французскому языку» (Москва, въ Университетской типографіи, 8°; 2-е изд. вышло тамъ же въ 1826 году); «Хрестоматія для учащихся, или собраніе въ прозѣ и стихахъ разныхъ поучительныхъ и занимательныхъ статей для употребленія молодыхъ людей, которые начинаютъ учиться французскому языку» (Москва, въ Университетской типографіи, 8°; 2-е изд. тамъ же, 1826; это изданіе, повидимому,

и было вторымъ изданіемъ предыдущаго сочиненія) и «Manuel de l'écolier» (1831). Какъ лекторъ англійскаго языка, которымъ онъ былъ съ 1801 по 1812 г., Перелоговъ составилъ и напечаталъ англійскую хрестоматію и англійскую грамматику. Очень дѣятельное участіе принималъ Перелоговъ также и въ редакціи извѣстнаго, изданнаго Селивановскимъ, труда Татищева «Полный французско-россійскій словарь, составленный по новѣйшему изданію лексикона Французской Академіи и умноженный вновь введенными словами, также техническими терминами» (2 части, Москва, въ типографіяхъ Селивановскаго и Университетской, 1816 г., 4°). Во второмъ, дополненномъ и исправленномъ изданіи тотъ же трудъ имѣлъ заглавіе «Полный Французско-Россійскій Словарь, составленный по новѣйшему изданію Французскаго Лексикона Бальи и нѣкоторыхъ другихъ» (2 ч., Москва, въ типографіи Селивановскаго, 1827—28 годы, 4°).

Другимъ предметомъ, привлекавшимъ особенное вниманіе Перелогова какъ во время его студенчества, такъ и послѣ, была математика. Съ 1784 года онъ даже преподавалъ ее въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Любовь къ этой наукѣ, и еще болѣе—сознаніе непрочности своего положенія, какъ лектора иностранныхъ языковъ, при существовавшемъ въ то время предубѣжденіи противъ ихъ преподаванія русскими, заставили Перелогова стремиться къ занятію каѳедры математики въ званіи профессора. Но знанія, вынесенныя имъ изъ университетскаго курса, были для этого совершенно недостаточны: имъ не была пройдена какъ слѣдуетъ даже элементарная алгебра, тогда какъ по новымъ требованіямъ сдѣлались необходимыми основательныя свѣдѣнія въ дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ и аналитической геометріи. Изучить обѣ эти обширныя области математическаго анализа и въ то же время пополнить пробѣлы своихъ свѣдѣній въ элементарной математикѣ Перелогову пришлось собственными силами, безъ всякой посторонней помощи. Онъ долженъ былъ усиленно работать, обращая нерѣдко ночь въ день, или, какъ онъ говорилъ, «ночеденствуя». Результатомъ была тяжкая нервная болѣзнь, для излѣченія которой потребовалось временное прекращеніе всякихъ занятій,—и достиженіе завѣтной цѣли — занятія каѳедры математики, вслѣдствіе этого, замедлилось. Только въ 1813 году Перелоговъ получилъ возможность оставить преподаваніе французскаго и англійскаго языковъ и приступить къ чтенію въ Университетѣ лекцій по чистой математикѣ въ званіи адъюнкта.

Создать оригинальный университетскій курсъ своего предмета Перелоговъ, однако же не, оказался въ состояніи. Вслѣдствіе этого, первые четыре года своего университетскаго преподаванія математики, когда въ его составъ входили элементарная алгебра, тригонометрія, рѣшеніе высшихъ уравненій, коническія сѣченія и дифференціальное и интегральное исчисленія, Перелоговъ пользовался при чтеніи лекцій, какъ руководствомъ, «Курсомъ математики» Безу въ русскомъ переводѣ Василія Загорскаго. Съ прекращеніемъ преподаванія въ Университетѣ элементарной алгебры и тригонометріи и съ переходомъ послѣ 1817 года преподаванія высшей алгебры и аналитической геометріи въ руки молодыхъ ученыхъ Щепкина и Перевощикова, Перелоговъ получилъ возможность значительно расширить читаемый имъ курсъ дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Съ этого времени и до своего выхода въ отставку въ 1825 году онъ пользовался уже, какъ руководствомъ, сочиненіемъ Бушарла «Éléments de Calcul différentiel et de Calcul intégral». О характерѣ и свойствахъ математическаго преподаванія Перелогова его слушатель и біографъ, профессоръ Зерновъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Преподаваніе его носило на себѣ печать задумчивости, которую оставилъ недугъ; въ немъ строгіе цѣнители не находили, можетъ быть, той живости, которая составляетъ, такъ сказать, приправу въ урокѣ точной науки, чуждомъ всякаго краснорѣчія. Но люди, лучше понимавшіе цѣну истины, изложенной ясно и со всею строгостью, видѣли, что его лекціи совершенно открывали путь къ чтенію оригинальныхъ писателей, а потому отдавали имъ полную справедливость. Если же имъ было

бы извѣстно, что это преподаваніе есть плодъ перехода собственными силами отъ первыхъ началъ науки до исчисленія безконечно малыхъ, то конечно признали бы этотъ переходъ за истинный подвигъ труженика, достойный всякаго вниманія и участія. Точное и добросовѣстное исполненіе должности составляло отличительную черту Перелогова, которая вошла у всѣхъ въ пословицу. Звонокъ, возвѣщавшій начало его лекціи, никогда не застигалъ его ниже верхней ступеньки лѣстницы, ведшей въ его аудиторію, или даже на порогѣ ея; пропустить же цѣлую лекцію для него было дѣломъ почти невозможнымъ. По словамъ того же біографа, слушатели математическихъ лекцій Перелогова могли запомнить только два случая пропуска имъ лекцій: 8-го декабря 1821 г., вслѣдствіе смерти старшей дочери, оканчивавшей ученіе въ Екатерининскомъ Институтѣ, и 20-го февраля 1822 года въ день похоронъ жены Большинствомъ слушателей преподаваніе Перелогова, повидимому, цѣнилось не особенно высоко. Его біографъ, дѣйствительно, говоритъ: «Онъ никогда не былъ любимцемъ толпы; но оцѣниваетъ ли она истинныя заслуги? Она любитъ не понимать своихъ кумировъ. За то многіе, сами удаляясь отъ этой толпы, когда разсѣивался для нихъ чадъ ложнаго очарованія, припоминали и припоминаютъ Т. И., какъ рачительнаго и полезнаго наставника».

Званіе экстраординарнаго профессора чистой математики Перелоговъ получилъ въ 1814 году, а ординарнаго—въ 1820 году. При выходѣ въ отставку въ 1825 году послѣ 25-лѣтней службы въ Университетѣ съ чиномъ коллежскаго совѣтника и орденомъ св. Владиміра 4-й степени, Перелоговъ, по ходатайству начальства, сохранилъ за собою въ видѣ пенсіи весь получаемый имъ годичный окладъ жалованья, то-есть 2,000 рублей ассигнаціями.

Отставка относилась, впрочемъ, только къ университетской службѣ Перелогова, кромѣ которой онъ съ 1813 года имѣлъ еще и другую: въ Московскомъ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ преподавалъ французскій языкъ и математику. Эту должность онъ также удерживалъ за собою до истеченія 25-лѣтняго срока въ 1839 году. Годичный окладъ жалованья, получаемаго имъ въ этомъ учрежденіи въ размѣрѣ 860 рублей ассигнаціями, былъ также оставленъ за нимъ въ видѣ прибавки къ прежней пенсіи. Пользоваться такою значительною въ его положеніи и по тому времени пенсіею вмѣстѣ съ доставленнымъ ею отдыхомъ Перелогову не пришлось однако же долго: 29-го марта 1841 года онъ умеръ въ Москвѣ, погребенъ П. на Лазаревскомъ кладбищѣ.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета. 1755—1855». Часть II. М. 1855, стр. 216—225; С. П. Шевыревъ. «Исторія Импер. Московскаго Университета». М. 1855, стр. 251, 267, 360, 366, 375, 414, 424, 444; А. В. Смирновъ. «Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи». Вып. I. Владиміръ. 1896, стр. 94—102 и 243.

В. В. Бобынинъ.

Перелыгинъ, *Петръ Андріановичъ*, лѣсоводъ, писатель; сынъ чиновника, родился въ 1802 г.; первоначальное воспитаніе получилъ въ Псковской гимназіи; въ 1817 году онъ поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, переименованный впослѣдствіи въ С.-Петербургскій Университетъ; въ 1823 году П. окончилъ курсъ по физико-математическому факультету и получилъ званіе старшаго учителя гимназіи, но, за неимѣніемъ вакансіи, къ этой должности опредѣленъ не былъ, а поступилъ на службу въ Воспитательный Домъ. Въ 1825 году адъюнктъ профессоръ С.-Петербургскаго Форстъ-Института Кастальскій, преподававшій въ институтѣ лѣсныя науки, вышелъ въ отставку. П. явился претендентомъ на эту должность и представилъ программу по лѣсной технологіи, разведенію и сбереженію лѣсовъ. Начальникъ Форстъ-Института Брейтенбахъ заявилъ, что, «смотря по программѣ, Перелыгинъ оныя науки надлежащимъ образомъ знаетъ». Вслѣдствіе такой аттестаціи, П. въ 1825 году былъ назначенъ преподавателемъ лѣсной технологіи, разведенія и сбереженія лѣсовъ, а съ 1826 года читалъ лѣсоводство, лѣсную технологію, дирекцію и таксацію. Въ 1829 году, оставаясь преподавателемъ П. былъ назначенъ запаснымъ лѣсничимъ, а въ 1839 году, по болѣзни, вышелъ въ отставку и умеръ въ 1840 г.

Въ 1828 году за сочиненіе о ботаникѣ П. получилъ въ награду 800 рублей. Не

получивъ спеціальнаго лѣсного образованія, П., тѣмъ не менѣе, сослужилъ не малую службу русскому лѣсоводству. Изданное имъ въ 1831 году сочиненіе: «Начертаніе правилъ лѣсоводства», можно сказать, положило основаніе нѣкоторой части русской лѣсоводственной терминологіи и ознакомило русскую публику съ научнымъ тогдашняго времени состояніемъ лѣсоводственнаго ученія въ Германіи. Сочиненіе это, составленное исключительно по нѣмецкимъ источникамъ и при томъ крайне схоластично, служило долгое время руководствомъ для воспитанниковъ Форстъ-Института. Въ 1835 году П. издалъ «Лѣсоохраненіе, или правила сбереженія растущихъ лѣсовъ», включая подъ это заглавіе и таксацію. Этотъ второй трудъ въ значительной степени уступаетъ первому: составленъ онъ безъ знакомства съ практикою дѣла. Кромѣ этихъ, отдѣльно изданныхъ сочиненій, Перелыгину принадлежитъ рядъ статей въ «Лѣсномъ Журналѣ». Изъ нихъ въ свое время обратили на себя вниманіе лѣсоводовъ: «Объ охраненіи лѣса отъ вреда, причиняемаго домашнимъ скотомъ» (1833 г.); «О вліяніе лѣсовъ на органическую и неорганическую природу» (1833 г.); «Планъ составленія статистико-географическаго описанія лѣсовъ» (1834 г.); «О лѣсо-ботаническихъ системахъ» (1836 г.); «О пользѣ тайнобрачныхъ» (1838 г.) и др. Въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» напечатана его статья «Объ оплодотвореніи растеній» (1825 г., ч. XXXI, стр. 113—150), читанная предварительно въ публичномъ собраніи С.-Петербургскаго Университета 17-го февраля 1823 года. Въ 1835 г. П. читалъ публичныя лекціи лѣсоводства при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, о которыхъ извѣстно только, что онѣ посѣщались немного, но, вѣроятно, не столько по причинѣ качествъ лектора, сколько вообще по малому въ тогдашнее время интересу къ лѣсоводству, въ особенности среди столичной публики. Въ 1839 году П., осмотрѣвъ лѣса Петербургской губерніи, составилъ проектъ устройства учебнаго Лѣсотехническаго Института въ Гдовскомъ уѣздѣ. Проектъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ и тамъ такъ затерянъ, что тщательные поиски въ теченіе двухъ лѣтъ не могли его найти; не найденъ онъ и по настоящее время.

Личное дѣло въ архивѣ Министерства земледѣлія и госуд. имущ.; Рудзкій и Вереха. «Литература русскаго лѣсоводства». С.-Пб. 1878 г.; «Лѣсной Журн.» съ 1833 по 1840 г.; А. И. Ходневъ. Исторія Импер. Вольно-Экономич. Общества, С.-Пб. 1865 г., стр. 278, 279, 282; «Труды Вольно-Экономическаго Общества», т. LXXIII, стр. 102. *Проф. П. Вереха.*

Переносовъ, *Иванъ Григорьевичъ*, дьякъ. Въ 1624—1625 году онъ былъ въ г. Вязьмѣ, а въ слѣдующемъ, 1626 г.— въ Москвѣ. Уже 8-го января 1626 года мы видимъ П. въ числѣ другихъ приглашенныхъ дьяковъ у царскаго стола. Въ томъ же году (съ 22-го марта по 25-е апрѣля) вмѣстѣ съ Сем. Вас. Колтовскимъ онъ состоялъ приставомъ при шведскихъ послахъ короля Густава-Адольфа; равнымъ образомъ, онъ былъ назначенъ приставомъ и при второмъ шведскомъ посольствѣ того же года. Съ 1628 до 1631 года П. былъ дьякомъ Приказа Большой Казны; за время этой службы П. на долю его выпадало исполнять и другія обязанности; такъ, въ 1629 году онъ съ кн. А. Дан. Пріимковскимъ-Ростовскимъ назначенъ былъ въ 1-ую, меньшую встрѣчу—встрѣчать кизильбашскихъ посла и купчины на крыльцѣ при пріемѣ ихъ государемъ (23-го февраля, 15-го марта, 24-го апрѣля). Въ октябрѣ того же года П. былъ назначенъ приставомъ при французскомъ послѣ и встрѣчалъ, по повелѣнію государя, посла, ѣхавшаго черезъ Псковъ и Новгородъ, на Тверской дорогѣ и находился при послѣ на пріемѣ его государемъ 9-го и 12-го ноября. Въ концѣ слѣдующаго, 1630 года П. былъ приставомъ при голландскихъ послахъ. Въ 1631 году онъ упоминается въ спискѣ лицъ, которыя должны были находиться при государѣ 17-го мая при пріемѣ шведскаго посла Антонія Монира. Съ 1632 по 1634 годъ П. былъ дьякомъ въ Приказѣ Казанскаго Дворца. За время службы его здѣсь онъ участвовалъ съ Мих. Матв. Бутурлинымъ въ первой, меньшой встрѣчѣ турецкаго посла Ѳомы Кантакузена при пріемѣ его государемъ и патріархомъ 27-го и 31-го декабря 1632 года и 16-го января, 4-го и 5-го февраля 1633 года, а также при пріемѣ посла шведской королевы Христины 3-го

сентября 1633 г. Ноября 29-го 1633 года П. получилъ порученіе съ кн. Ив. Волконскимъ встрѣчать турецкаго посла Алея-Агуна на Троицкой дорогѣ и затѣмъ быть при немъ приставомъ. Въ 1634 году (24-го октября) онъ былъ назначенъ отправиться съ бояриномъ Алексѣемъ Мих. Львовымъ, съ думнымъ дворяниномъ Ст. Матв. Проѣстевымъ и съ дьякомъ Мих. Даниловымъ въ посольство къ литовскому и польскому королю Владиславу. На это посольство было возложено трудное порученіе: подтвердить (дать ратификацію) Поляновскій договоръ, который и былъ подтвержденъ королемъ 23-го апрѣля. Помимо этого, поручено было посольству добиваться отобранія договора объ избраніи королевича Владислава, даннаго отъ бояръ въ Москвѣ, въ 1610 году, гетману Жолкѣвскому. Но въ этомъ русскимъ посламъ было отказано подъ тѣмъ предлогомъ, что договоръ этотъ утерянъ. Кромѣ этихъ порученій, послы получили тѣло Вас. Ив. Шуйскаго, умершаго въ плѣну, а также тѣло его брата Дм. Ив. Шуйскаго съ княгиней. За посольскую службу участники посольства, въ виду важности полученныхъ ими результатовъ, были щедро награждены: такъ, Переносову была пожалована шуба въ 140 рублей, серебряный кубокъ, да въ придачу къ окладу 30 рублей. По возвращеніи изъ посольства, онъ былъ скоро назначенъ въ Помѣстный Приказъ. Есть грамота 1635 года, гдѣ онъ упоминается, какъ дьякъ этого Приказа. Начавъ въ Помѣстномъ Приказѣ службу съ 1635 года, П. служилъ тамъ до мая 1643 года. За это время П. былъ назначенъ въ 1-ю, меньшую встрѣчу Датскихъ пословъ и королевича Вольдемара датскаго, котораго государь прочилъ себѣ въ зятья, думая выдать за него свою старшую дочь царевну Ирину Михайловну. Королевичъ и пріѣхалъ съ цѣлью сватовства, но дѣло, какъ извѣстно, разстроилось, такъ какъ датчане не соглашались на перемѣну вѣроисповѣданія королевичемъ. Переговоры длились долго, потребовался цѣлый рядъ пріемовъ и при всѣхъ этихъ пріемахъ на Переносова съ П. Гр. Очинымъ-Плещеевымъ возлагалась обязанность участвовать въ первой встрѣчѣ пословъ въ сѣняхъ. Равнымъ образомъ, онъ участвовалъ въ 1-ой, меньшей встрѣчѣ Турецкаго посла Мустафа-Челебея при пріемѣ у государя 22-го марта 1642 года, а въ сентябрѣ, при вторичномъ посольствѣ Мустафы, во 2-й встрѣчѣ въ проходныхъ сѣняхъ съ Ив. В. Хилковымъ. Въ маѣ 1643 года Переносовъ былъ назначенъ первымъ дьякомъ въ Тобольскъ, гдѣ и былъ до мая 1646 года, и въ этомъ же 1646 году въ іюнѣ мѣсяцѣ умеръ, не успѣвъ возвратиться изъ Сибири.

Ив. Гр. Переносовъ извѣстенъ также описью «Московскаго Архива». Организованный окончательно при Іоаннѣ IV Грозномъ, архивъ тогда же получилъ опись дѣлъ, составленную въ то время (1556—1570 г.) въ Посольскомъ Приказѣ дьякомъ Ив. Висковатымъ. Описи архива производились также и въ послѣдующее время. Московскій пожаръ 1626 года, уничтожившій много цѣнныхъ историческихъ документовъ, потребовалъ самаго тщательнаго разбора архивныхъ бумагъ и ихъ описи. Дѣло было поручено окольничему Бутурлину, да дьякамъ Болотникову и Нечаеву. Но эта опись потребовала дополнительной описи, которая и была произведена въ 1632 г. окольничьимъ Далматовымъ-Карповымъ и дьякомъ Ив. Переносовымъ.

Переносовъ много разъ назначаемъ былъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ», когда государь уѣзжалъ изъ Москвы (въ 1626, 1627, 1634, 1636, 1637, 1638 и 1639 гг.). Много разъ онъ былъ среди другихъ приглашенныхъ у государева стола (6-го января, 13-го марта, 20-го апрѣля, на родины царицы Пелагеи Михаиловны и 25-го ноября 1628 года; 9-го апрѣля, 2-го іюля и 12-го іюля 1637 г.; 1-го сентября 1638 г.; 14-го апрѣля 1639 г.); былъ также среди приглашенныхъ у стола патріарха 15-го августа 1643 года. Въ 1639 году ему пришлось «дневать и ночевать у гроба скончавшагося царевича Ивана Михаиловича на 18-е января и царевича Василія Михаиловича, на 6-е апрѣля.

«Акты Арх. Эксп.», т. III, стр. 323, 492; «Акты Историч.», т. III, стр. 97, 291, 305, 317, 328; «Доп. къ Акт. Историч.», т. III, стр. 159, т. IV, стр. 182; «Русск. Истор. Библ.», т. II, стр. 470, 475, 478, 508, 510, 525, 528, 530, 531, 533; т. VIII, стр. 211; т. IX, стр. 430, 431, 433, 497, 506, 509, 528, 531, 533, 548, 566, 573, т. X, стр. 2, 18, 38, 41, 82, 94, 95, 99, 105, 110, 119, 137, 169, 183, 189, 190, 202, 211, 216, 229, 233,

249, 250, 253, 255, 296, 298; «Памятники Диплом. Сношн.», т. III, стр. 42, 43, т. VI, стр. 1601; Н.Н. Бантышъ-Каменскій. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи», т. III, стр. 118; «Древн. Росс. Вивл.», кн. III, отд. II, стр. 126, 167; кн. XX, отд. III, стр. 281, 318, 359; «Акты Москов. Госуд.», т. I, стр. 335, 391, 547, 583, 617; т. II, стр. 17, 42, 43, 56, 116, «Дворцовые разряды», т. I, стр. 734, 791, 795, 799, 817, 865, 871, 874, 875, 972, 995, 1006; т. II, стр. 7, 15, 19, 27, 43, 46, 62, 63, 95, 99, 102, 103, 106, 163, 172, 173, 177, 187, 211, 309, 310, 316, 313, 345, 404, 471, 659, 660, 667, 669, 675, 691, 692, 707; т. II, приложеніе, стр. 841, 851, 861, 864, 867, 874, 877, 936, 962, 968; т. III, стр. 10; В. С. Иконниковъ. «Опытъ Русск. Исторіогр.», т. I, кн. I, стр. 105.

Н. Воронковъ.

Перепелицынъ, *Максимъ Степановичъ*, благочинный и настоятель Херсонскаго Успенскаго собора, род. около 1797 г., ум. 21-го декабря 1862 г. въ Херсонѣ. Онъ устроилъ въ Херсонѣ «Обитель Перепелицына», пріютъ для 50 престарѣлыхъ и немощныхъ служителей церкви и столькихъ же сиротъ, безродныхъ дѣвицъ и вдовъ духовнаго званія. На это учрежденіе имъ пожертвовано было все его состояніе.

«Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости» 1863 г., ч. VIII, № 2-й, стр. 99—102; «Одесскій Вѣстникъ» 1863 г., № 2, стр. 9, некрологъ А. Чиркова (письмо изъ Херсона).

Перепелицынъ, *Поликарпъ Дмитріевичъ*, писатель; родился около Одессы въ 1818 году; воспитывался въ одномъ изъ Одесскихъ учебныхъ заведеній, а затѣмъ поступилъ въ военную службу и 19-го іюля 1837 г. получилъ первый офицерскій чинъ; 24-го апрѣля 1863 г. П. изъ ротмистровъ 7-го гусарскаго Бѣлорусскаго Великаго Князя Михаила Павловича полка произведенъ былъ въ маіоры, а 15-го января 1868 г., будучи маіоромъ 13-го гусарскаго Нарвскаго Его Импер. Высоч. Великаго Князя Константина Николаевича полка, награжденъ былъ, за отличіе по службѣ, чиномъ подполковника; выйдя, затѣмъ, съ чиномъ полковника, въ отставку, П. занялся литературными трудами по части теоріи и исторіи музыки. Онъ самъ былъ довольно хорошимъ музыкантомъ, и въ 1850-хъ годахъ обратилъ на себя вниманіе, участвуя въ собраніяхъ квартетистовъ въ Варшавѣ. Будучи знакомъ со многими русскими и иностранными композиторами и музыкантами, П. и самъ писалъ музыку, не представляющую, впрочемъ, ничего выдающагося. П. умеръ въ Петербургѣ 2-го іюня 1887 г. и погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Перепелицыну принадлежатъ слѣдующія работы: «Музыкальный словарь; энциклопедическій справочный сборникъ», М. 1884 г., изд. П. Юргенсона; «Музыкальная памятная и записная книжка», С.-Пб. 1887 г. (вмѣстѣ съ М. И. Ивановымъ) и изданная послѣ его смерти «Исторія музыки въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Съ 66 портретами извѣстнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ музыки въ Россіи и 31 рисункомъ въ текстѣ», С.-Пб. 1889 г. изд. т-ва Вольфъ (раньше была напечатана въ журналѣ «Новь» подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи музыки въ Россіи» (съ 1885 г., кн. 12, до 1887 г., кн. 24). Этотъ послѣдній трудъ П. не выдерживаетъ критики: онъ представляетъ изъ себя только компиляцію, но факты, въ немъ сообщаемые, часто невѣрны, характеристики неправильны, много пропусковъ, мѣстами же изложеніе черезчуръ растянуто. Кромѣ перечисленныхъ работъ, П. принадлежитъ еще статья: «Замѣтки по поводу кавалерійскихъ вопросовъ», напечатанная въ «Военномъ Сборникѣ» 1866 г. (№ 3, стр. 133—142).

«Новь» 1887 г., кн. 16, отд. II, стр. 83—85 (съ портретомъ); «Историч. Вѣстн.» 1887 г., кн. 8, стр. 471; «Исторія музыки» Перепелицына, стр. 257; «Историч. Вѣстн.» 1889, т. 36, стр. 440—443 (рец. А. Н. Сиротинина); Н. М. Лисовскій. «Обозрѣніе литературы по театру и музыкѣ за 1889—1891 г.» С.-Пб. 1893 г.; списки маіоровъ, 1864 г. *Б. М.*

Перепечинъ, *Александръ Ивановичъ*, писатель; происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1745 году; въ 1759 г. онъ былъ въ Московской университетской благородной гимназіи, а въ 1760 г.— уже въ Московскомъ университетѣ, курсъ въ которомъ окончилъ около 1764 г.; въ 1767 году онъ былъ «подпоручикомъ при Университетѣ», считаясь на службѣ съ 1755 года и находясь въ Коммиссіи о сочиненіи Проекта Новаго Уложенія. Въ 1777—1779 г. П., въ чинѣ титулярнаго совѣтника (съ 17-го февраля 1777 г.— коллежскаго ассессора), состоялъ при Университетѣ, имѣя «смотрѣніе надъ классами», а съ 1782 по 1796 годъ былъ членомъ Канцеляріи Университета, занимая, кромѣ того, должность цензора

печатавшихся въ университетской типографіи книгъ. Выйдя въ отставку около 1796 г., по болѣзни, П. умеръ въ Москвѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, въ августѣ 1801 года.

Въ журналѣ «Доброе намѣреніе» 1764 г. П. помѣстилъ духовную оду и молитву (въ стихахъ) и, кромѣ того, издалъ отдѣльными брошюрами слѣдующія произведенія, представляющія собою чистую форму оффиціальной лирики XVIII столѣтія: «Ода на пришествіе въ Москву Императрицы Екатерины II», М. 1762 г.; «Ода на день Восшествія на престолъ Екатерины II... сочиненная іюня 28 дня 1764 г.», М. 1764; «Ода» на тотъ же случай, М. 1765 г.; «Ода Екатеринѣ Алексѣевнѣ... на день восшествія на всероссійскій престолъ», М. 1767 г.; «Епистола Императрицѣ Екатеринѣ II». М. 1771; «Стихи на всерадостнѣйшее изъ Таврической области въ Москву прибытіе ...Екатерины Вторыя... по благополучномъ окончаніи предпринятаго въ южныя страны путешествія», М. 1787 г.; «Стихи на день... тезоименитства... Екатерины Вторыя...», С.-Пб. 1787; «Стихи на первое пришествіе въ Москву Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича...», М. 1787; «Стихотворенія 1788 года Александра Перепечина. Печатано въ Санктпетербургѣ. Иждивеніемъ Б. и Д. Н. П. августа 30, 1789 года» (38 стр.); «Стихи всероссійскому Божеству, Благотворительницѣ вселенной на миръ... съ Оттоманской Портой, декабря 29-го 1791 г.», С.-Пб. 1792; «Ода на день спасительнаго восшествія Екатерины II на россійскій престолъ», С.-Пб. 1792; «Пѣснь поютъ... Екатеринѣ Второй всѣ села, грады, страны и блаженствующіе въ нихъ разные народы въ день торжества мира съ Оттоманскою Портою, 1793 года, сентября 2 дня», С. Пб. 1793 г.

Н. И. Новиковъ. «Опытъ историч. словаря о росс. писателяхъ», С.-Пб. 1867, стр. 81 (изд. Ефремова); «Словарь воспитанниковъ Московскаго университета» (М. 1855 г., неизд.), стр. 215 и 218; С. П. Шевыревъ. «Исторія Московскаго университета». М. 1855 г., стр. 169; Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. IV, стр. 236; А. Неустроевъ. «Историч. розысканіе о русск. поврем. изд. и сборникамъ» и «Указатель» къ нему (1874 и 1898 г.); Н. В. Губерти. «Матеріалы для русской библіографіи», вып. III, М. 1891, стр. 365; Сопик. № 3740, 7081, 7169, 7253, 7277, 7306, 11428, 11506, 11547; свящ. Іос. Михайловъ. «Слово на погребеніе А. И. Перепечина, говоренное... 14-го августа 1801 г.», М. 1801; Списки чинамъ 1780, 1793; Мѣсяцесловы съ 1777 по 1796 г.; С. А. Венгеровъ. «Русская поэзія», т. I.; Карточный каталогъ Импер. Публичной Библіотеки. *Б. М—ій.*

Перепечинъ, *Иванъ Михайловичъ*, капитанъ 1-го ранга. Въ 1749 г. поступилъ на службу матросомъ, въ 1752 г. опредѣленъ ученикомъ Морской Академіи, а въ 1754 г. переведенъ кадетомъ въ Морской Корпусъ и въ 1758 г. произведенъ въ мичманы. Въ 1769 году, командуя бомбардирскимъ кораблемъ «Громъ», П. перешелъ въ эскадрѣ адмирала Спиридова въ Средиземное море и участвовалъ въ Морейской экспедиціи и Хіосскомъ и Чесменскомъ бояхъ, при чемъ 26-го іюня 1770 г., за участіе въ сожженіи турецкаго флота, получилъ орденъ Георгія 4-й ст. «за храбрость». Затѣмъ П. участвовалъ въ атакѣ крѣпостей Пелари, Митилены, Бодрумъ и Станчо, въ 1774 получилъ чинъ капитана 2-го ранга «за отличіе», командовалъ фрегатомъ «Африка» въ Архипелагѣ, а въ 1778 г. (7-го января) былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ капитана 1-го ранга.

Общій Морской списокъ, т. II, стр. 319—320, «Матеріалъ по исторіи русскаго флота», т. XI и XII; «Записки Гидрогр. Департамента», т. VII; Журналъ Хметевскаго въ «Современникѣ» 1856 г.; Журналъ Грейга въ «Морск. Сборн.» 1849 г.; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ русскомъ флотѣ».

П. Бѣлавенецъ.

Перепечинъ, *Николай Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, писатель, вѣроятно братъ А. И. П. (см. выше), родился 14-го октября 1749 года; воспитаніемъ своимъ, по собственнымъ словамъ, былъ обязанъ И. И. Шувалову; въ службѣ состоялъ съ 1762 года, 17-го ноября 1783 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а 3-го февраля 1789 г. былъ назначенъ однимъ изъ директоровъ Ассигнаціоннаго Банка, въ которомъ и служилъ до самой смерти, занимая затѣмъ мѣсто совѣтника и будучи пожалованъ 6-го декабря 1798 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Умеръ П. въ Петербургѣ 20-го марта 1799 года въ чинѣ тайнаго совѣтника; погребенъ онъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Изъ произведеній П. извѣстны: «Ода на всерадостный день тезоименитства... Екатерины II...», М. 1777 г.; «Ода на всерадостный день рожденія Его Императорскаго Высочества... Великаго Князя

Павла Петровича, Наслѣдника Всероссійской Имперіи...», М. 1777 г. и «Торжество добронравія надъ красотою, опера въ 5 дѣйствіяхъ; сочинена Н. П.», М. 1780 г. (съ посвященіемъ куратору Московскаго университета И. И. Шувалову; писана стихами), напечатанная послѣ того въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ» 1788 г. (ч. XXVI, стр. 3—66). Въ исторіи нашего театра П. заслужилъ память о себѣ тѣмъ, что обнаружилъ талантъ извѣстнаго впослѣдствіи трагика А. С. Яковлева, которому оказывалъ покровительство и содѣйствовалъ опредѣленію его на сцену.

Списки чинамъ 1793 и 1799 г.; В. И. Саитовъ. «Петербургскій некрополь», М. 1883 г., стр. 103; «Русская Талія» на 1825 г., стр. 50; «Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства», т. IV, С.-Пб. 1864 г., стр. 670 и 672; А. Н. Неустоевъ. «Указатель къ русск. поврем. изд. и сборникамъ» С.-Пб. 1898 г. *Б. М—ій.*

Переплетчиковъ, *Ѳедоръ Петровичъ*, коммерціи совѣтникъ, общественный дѣятель, благотворитель, канатный фабрикантъ, род. 17-го февраля 1779 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, умеръ 10-го января 1845 г. тамъ же. Выучившись въ дѣтствѣ только грамотѣ и ариѳметикѣ, П., благодаря своимъ дарованіямъ, восполнилъ этотъ недостатокъ постояннымъ чтеніемъ, и былъ весьма образованнымъ человѣкомъ. Всякое общественное предпріятіе, каждое гуманное дѣло находило въ немъ ревностнѣйшаго и разумнаго сторонника и дѣятеля. Въ служеніи своимъ согражданамъ и помощи бѣднымъ прошла вся жизнь П. Съ 1810 г. по 1813 г. онъ состоялъ гласнымъ отъ купечества 2-й гильдіи въ городской думѣ, въ которой служилъ до 1823 года. Во время войны 1812 г. онъ пожертвовалъ на нужды отечества часть своего имущества, и, кромѣ того, отдалъ свой домъ въ пользованіе москвичамъ, искавшимъ пріюта въ Нижнемъ. Въ 1814 г. онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Нижняго-Новгорода для поздравленія императора Александра I съ благополучнымъ возвращеніемъ, послѣ войны съ Наполеономъ, въ Петербургъ; съ 1816 по 1819 гг. онъ былъ городскимъ головою. Въ первый годъ этой его дѣятельности прекрасныя зданія Макарьевскаго Гостинаго Двора были уничтожены пожаромъ. Правительство рѣшилось перевести знаменитое торжище на удобнѣйшее мѣсто и избрало для этого Нижній-Новгородъ, но, не приступая къ рѣшительнымъ мѣрамъ, предварительно велѣло губернскому начальству собрать на мѣстѣ свѣдѣнія о томъ, удобна ли и полезна ли будетъ такая перемѣна. П. въ качествѣ городского головы былъ въ этомъ вопросѣ правою рукою тогдашняго Нижегородскаго гражданскаго губернатора Быховца и настаивалъ на томъ, чтобы ярмарка непремѣнно была переведена въ Нижній. Купеческія общества, Московское и Ярославское, и жители г. Макарьева подали въ началѣ 1817 года противъ перевода ярмарки въ Нижній протестъ, который былъ препровожденъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ къ Нижегородскому губернатору. П., въ опроверженіе его, представилъ Быховцу записку, согласно съ которой было имъ сдѣлано представленіе въ Министерство,—и протестъ былъ отвергнутъ, а въ томъ же 1817 г. купечество всей Россіи сознало выгоды такого перенесенія ярмарки въ Нижній-Новгородъ. Въ 1824 г. нижегородское купечество избрало Ѳ. П. директоромъ Нижегородской ярмарочной Конторы Коммерческаго Банка; съ 1825 г. по 1828 г. онъ вторично несъ обязанности городского головы. Въ 1826 г., по Высочайшему повелѣнію, П. вызванъ былъ вмѣстѣ съ прочими губернскими головами въ Москву, для присутствія при короноваціи Николая I. Въ 1832 г. Переплетчиковъ служилъ второй разъ директоромъ ярмарочной Конторы Коммерческаго Банка, а съ 1834 по 1837 г., по просьбѣ общества, въ третій разъ былъ городскимъ головою. Сверхъ этого, онъ былъ членомъ комитетовъ: мануфактурнаго (съ 1827 г.), оспеннаго, строительнаго по сооруженію Нижегородскаго каѳедральнаго собора, строительнаго, учрежденнаго для улучшенія Нижняго-Новгорода (съ 1834 г.); былъ также членомъ коммиссіи для составленія ярмарочной инструкціи. Въ бытность П. членомъ комитета по устройству Нижняго-Новгорода, благодаря ему, нѣкоторыми гражданами была уступлена земля для устройства набережной у Волги; тогда же были выстроены на Нижнемъ Базарѣ, подъ Кремлемъ, на берегу Волги казармы—на проценты отъ оцѣночной суммы съ долговъ.

При отправленіи названныхъ многообразныхъ служебныхъ занятій, П. отличался особеннымъ усердіемъ и по представленію начальства былъ награжденъ многими отличіями. Кромѣ золотой медали на Анненской лентѣ, полученной имъ за первую службу городскимъ головою, въ 1826 г. онъ получилъ другую золотую медаль, на Андреевской лентѣ, въ 1835 г. пожалованъ орденомъ св. Станислава 4-й степ., и въ томъ же году награжденъ снова золотою, украшенною брилліантами медалью, на Андреевской лентѣ, съ надписью: «За усердную службу». Въ 1837 г. П. пожалованъ былъ орденъ св. Анны 3-й степ. Въ 1835 г. онъ былъ возведенъ въ потомственное почетное гражданство, а въ 1845 г. пожалованъ въ коммерціи совѣтники. Сверхъ того, какъ владѣлецъ древнѣйшей въ Нижнемъ-Новгородѣ канатной фабрики, за усовершенствованіе издѣлій, представленныхъ на Московскую выставку въ 1843 г., П. получилъ серебряную медаль. Извѣстенъ былъ Ѳ. П. и благотворительностью, какъ частной, такъ и общественной: во время своего служенія городскимъ головой онъ вносилъ значительныя суммы за бѣдныхъ мѣщанъ для уплаты государственныхъ податей, подавая примѣръ и другимъ купцамъ. Онъ образовалъ также капиталъ изъ частныхъ приношеній и собственныхъ пожертвованій для пособія бѣднымъ жителямъ Нижняго-Новгорода, а умирая завѣщалъ въ даръ городскому обществу принадлежавшій ему каменный домъ съ торговыми помѣщеніями, съ тѣмъ, чтобы доходы съ онаго (до 11.000 рублей ассигнаціями въ годъ) употреблялись на пособія бѣднымъ гражданамъ купеческаго и мѣщанскаго званій. Будучи не чуждымъ просвѣщенія, Ѳ. П. составилъ любопытную родословную нижегородскаго гражданина Косьмы Минина.

«Московскія Вѣдомости» 1845 г., № 31, некрологъ, П. Веретенникова; «Нижегородскія Губ. Вѣдомости» 1845 г., № 6, стр. 68—72 и № 7, стр. 84—87 (статья П. И. Мельникова).

И. Ефимовичъ.

Пересвѣтовъ, *Иванъ Семеновичъ*, писатель-публицистъ конца XVI вѣка. Нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о себѣ сообщаетъ самъ Пересвѣтовъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій; по словамъ его, онъ потомокъ Пересвѣта, погибшаго на Куликовскомъ побоищѣ, жилъ долгое время внѣ русскихъ предѣловъ, былъ на службѣ у королей венгерскаго, чешскаго и польскаго, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ у воеводы молдавскаго Петра, затѣмъ при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ выѣхалъ къ нему и былъ пожалованъ помѣстьемъ; сочиненія свои онъ представлялъ непосредственно самому царю. Трудно сказать, выдумка ли всѣ эти біографическія данныя или есть въ нихъ доля правды; анахронизмы въ сочиненіяхъ Пересвѣтова говорятъ за первое предположеніе; но кое-какія мелочи языка его произведеній, указывая на то, что авторъ былъ знакомъ съ рѣчью нерусскихъ славянъ, какъ бы позволяютъ дать нѣкоторую вѣру его словамъ; ссылка на инока Пересвѣта едва ли правдоподобна: скорѣе можно думать, что именемъ Пересвѣта авторъ воспользовался, какъ символомъ, означающимъ вѣрнаго сына отечества, готоваго за него положить свою жизнь. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, самое прозвище «Пересвѣтовъ»—псевдонимъ, и даже псевдонимъ сборный, которымъ прикрывались русскіе сатирики, рѣшившіеся обнаружить дурное состояніе Московскаго государства.

Сочиненій Пересвѣтова сохранилось три: «Эпистола Ивашки Семенова Пересвѣтова», «Сказаніе о Петрѣ Волошскомъ, какъ писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русіи» (иначе «Мудрыя рѣчи воеводы Волошскаго Петра») и «Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ Турскомъ Магметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія». Первыя два сочиненія иногда соединяются въ спискахъ въ одно «Премудрости греческихъ философовъ и латинскихъ докторовъ и Петра Волоскаго воеводы. Царю Іоанну Васильевичу отъ Ивана Пересвѣтова»; тѣмъ не менѣе, кажется, ихъ слѣдуетъ считать двумя самостоятельными сочиненіями; это въ особенности указываютъ ссылки списковъ «Эпистолы» на «Мудрыя рѣчи Петра», какъ на переданныя царю ранѣе и такимъ образомъ какъ бы существовавшія отъ нея независимо. Слѣдуетъ отмѣтить, что кромѣ рѣчей Петра въ «Эпистолѣ» упоминается еще о рѣчахъ царскихъ: Подалъ есми тебѣ двѣ книжки съ рѣчьми царскими, что есми вывезъ

изъ иныхъ королевствъ,... и будетъ тебѣ не полюбилися, и ты, государь, тѣ книжки обѣ мнѣ вели отдати назадъ». Описка ли переписчика, назвавшаго рѣчи Петра царскими рѣчами, другое ли это произведеніе Пересвѣтова, въ настоящее время сказать затруднительно.

Смыслъ и цѣль сочиненій Пересвѣтова наиболѣе рѣзко выразились въ «Эпистолѣ» и особенно въ «Мудрыхъ рѣчахъ Петра» и заключаются въ стремленіи оправдать борьбу Ивана Грознаго противъ боярства и доказать необходимость сильной самостоятельной самодержавной власти; чтобы имѣть возможность свободнѣе говорить о злѣ, происходящемъ отъ силы высшихъ сословій, и о худомъ положеніи русскаго государства, авторъ—убѣжденный врагъ боярства—переноситъ дѣйствіе въ Византію, гибнущую, по его словамъ, изъ-за бояръ: тамъ они отняли у царя счастье и мудрость, помутили царство неправедными судами, обобрали народъ кормленіями, унизили рабствомъ, разбогатѣли отъ крови и слезъ христіанскихъ, мѣстничествомъ сгубили войско; и авторъ рѣчами воеводы Петра высказываетъ свою боязнь, чтобъ и съ Россіей не произошло того же: царь русскій, говорилъ воевода, долженъ быть «грозенъ и самоупрямливъ и мудръ безъ воспрашиванья», онъ долженъ самъ заботиться о войскѣ, необходимомъ для охраны южныхъ украинъ отъ крымскаго хана, для смиренія Казанскаго царства, онъ долженъ управлять «своимъ разсмотрѣньемъ», не полагаясь на бояръ; подъ ихъ властью все погибнетъ, такъ какъ наибольшая ихъ забота клонится къ созданію собственнаго личнаго блага. «Сказаніе о Магметѣ» представляетъ много странностей и съ фактической стороны не имѣетъ ничего общаго съ исторіей: ни желанія перейти въ христіанство, что приписывается повѣстью Мухамеду, ни намѣренія уничтожить греческія книги не было у завоевателя Царьграда, а эти положенія являются основой всего сказанія. По идеѣ своей, сказаніе приближается къ другимъ сочиненіемъ Пересвѣтова: оно проповѣдуетъ необходимость крѣпкой власти, грознаго, равнаго для всѣхъ суда и какъ бы оправдываетъ жестокости Ивана Грознаго; бѣдствія Византіи представляютъ образецъ того, до чего могутъ дойти христіане при такомъ отношеніи къ вѣрѣ и жизни, каково было въ описываемой авторомъ Византіи, подъ которой онъ разумѣлъ современную ему Русь.

Время написанія сочиненій Пересвѣтова неопредѣленно. Упоминанія о Казани относятъ ихъ къ началу царствованія Ивана Грознаго; то же указываютъ и описанія неистовствъ бояръ; но жестокости Мухамеда и видимое сближеніе ихъ съ проявленіемъ гнѣва Грознаго говорятъ за составленіе повѣстей въ концѣ Іоаннова царствованія. По словамъ автора въ «Эпистолѣ», сочиненія его писаны въ разное время, именно, «Мудрыя рѣчи Петра» на 11 лѣтъ опережаютъ «Эпистолу»; если это показаніе сопоставить съ упомянутымъ предположеніемъ о томъ, что повѣсти перепутаны между собой при перепискѣ, то нѣкоторое объясненіе ихъ хронологическихъ несообразностей можетъ быть найдено; въ виду того, что такое объясненіе можетъ быть только предположительнымъ, слѣдуетъ сказать, что позднѣйшій предѣлъ составленія повѣстей относится къ концу XVI, или въ крайнемъ случаѣ къ началу XVII в., такъ какъ уже отъ начала XVII в. сохранились списки сочиненій Пересвѣтова.

И. Добротворскій. «Памятники русской и славянской письменности и литературы»—въ «Ученыхъ Запискахъ Имп. Казанскаго Университета», 1865 г., т. I, стр. 21—46; А. Поповъ. «Обзоръ хронографовъ русской редакціи». М. 18?9, т. II, стр. 85—87; А. Поповъ. «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенный въ хронографы русской редакціи» М. 1869, стр. 165—167; А. Пыпинъ: «Исторія русской литературы». С.-Пб. 1898, т. II, стр. 496—497; С. Соловьевъ. «Исторія Россіи», т. II, 1894, стр. 333, 530—531; Н. Карамзинъ. «Исторія государства россійскаго» т. IX, пр. 849, С.-Пб. 1821; Строевъ. «Библіологическій словарь» 1882, стр. 136.

В. С—кій.

Пересвѣтъ, *Александръ*, нѣкогда Брянскій (по другимъ Любечскій) боярин̀ъ и мужественный воинъ, потомъ монахъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ 1380 г., когда великій князь Дмитрій Ивановичъ бралъ благословеніе на битву съ татарами у преподобнаго Сергія, послѣдній отпустилъ съ нимъ Александра Пересвѣта и Ослябю, вручивъ имъ, вмѣсто шлемовъ, одежды схимниковъ съ крестами. Еще до начала общей битвы П. палъ въ единоборствѣ

съ печенѣгомъ, Мамаевымъ богатыремъ, сразивъ его съ коня и вмѣстѣ съ нимъ испустивъ духъ. Прахъ его покоится въ Москвѣ, на кладбищѣ Симонова монастыря.

«Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», I, 233; IV, 81; VI, 96; VIII, 40.

А. Э—скій.

Переславскій, *Иванъ Петровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Ученаго Комитета Министра финансовъ, писатель; происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1792 г.; воспитывался въ Духовной Академіи, откуда, по экзамену поступилъ (1-го сентября 1810 г.) студентомъ въ Московскій Университетъ; кончивъ здѣсь курсъ 27-го іюня 1813 г. кандидатомъ, П. 20-го іюня 1816 г. получилъ отъ того же университета степень магистра этико-политическихъ наукъ и, готовя себя къ ученой дѣятельности, въ томъ же году читалъ пробную лекцію, но въ 1818 г. уволился изъ университета и поступилъ младшимъ помощникомъ столоначальника въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія; уже въ 1822 г. П. состоялъ младшимъ секретаремъ въ Совѣтѣ Путей Сообщенія, въ 1828 г. былъ правителемъ Особенной Канцеляріи Главнаго Управленія Путей Сообщенія, гдѣ пробылъ до 1842 года, имѣя съ 25-го іюня 1838 г. чинъ статскаго совѣтника, въ 1842 г. былъ назначенъ и. д. директора 2-го Департамента того-же управленія, а съ 1846 по 1851 г. состоялъ членомъ Ученаго Комитета Министерства финансовъ. Выйдя въ отставку, П. умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ Царскомъ-Селѣ, въ первой половинѣ апрѣля 1873 года, все свое имущество оставивъ, по завѣщанію, въ пользу бѣдныхъ.

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1816 г. (ч. LXXXVII, № 10, стр. 105 и слѣд.) помѣщена статья П.: «О разныхъ состояніяхъ россійскихъ подданныхъ, о ихъ повинностяхъ и преимуществахъ», представляющая изъ себя вышеуказанную пробную его лекцію; здѣсь авторъ разсматриваетъ положеніе дворянства, духовенства, купечества, мѣщанства и крестьянъ, ихъ права, обязанности и преимущества, основывая свою работу на различныхъ указахъ. Кромѣ того, въ «Сынѣ Отечества» 1818 г. (ч. XLIX, стр. 108—115) П. напечаталъ статью свою «О библейскихъ обществахъ».

Формулярный списокъ 1820 г. въ Сенатскомъ архивѣ; Адресъ-календари 1822—1851; С. Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета, М. 1855 г., стр. 460 газета; «Сынъ Отечества» 1873 г., № 85.

Б. Львовъ.

Перетцъ, *Абрамъ Израилевичъ*, откупщикъ, одинъ изъ первыхъ образованныхъ русскихъ евреевъ; родился въ маленькомъ городкѣ Любарь на Волыни, въ концѣ XVIII столѣтія, въ богатой семьѣ; полученное имъ высшее богословское образованіе не удовлетворяло его, и онъ всегда старался пополнить свои знанія общими науками. Слухъ о П. дошелъ до извѣстнаго богача и ученаго, надв. сов. фонъ-Цейтлина, жившаго тогда въ своемъ имѣніи Устье, между г. Кричевомъ и г. Могилевомъ на Днѣпрѣ; Цейтлинъ приблизилъ его къ себѣ и выдалъ за него свою дочь. Цейтлинъ, будучи приближеннымъ лицомъ къ князю Г. А. Потемкину, имѣлъ случай представить ему своего зятя, котораго назначилъ (въ концѣ XVIII в.) представителемъ дома Цейтлина въ Петербургѣ, гдѣ евреевъ тогда почти еще не было. П. отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи своего друга Льва Неваховича, ставшаго извѣстнымъ впослѣдствіи въ русской литературѣ. Знаніе русскаго языка приблизило молодыхъ людей къ тогдашнему высшему образованному обществу, и послѣднее на столько повліяло на нихъ, что отвлекло ихъ отъ своихъ единовѣрцевъ и, послѣдуя тогдашнему общему теченію германскихъ евреевъ, они приняли христіанство.

Скончался П. въ началѣ царствованія императора Николая I.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о П. можно найти въ брошюрѣ Ю. И. Гессена «Сто лѣтъ назадъ». С.-Пб., 1898 г.

В.

Перетцъ, *Александръ Абрамовичъ*, горный инженеръ, членъ Горнаго Совѣта и Горнаго Ученаго Комитета. Родился въ 1812 году, умеръ 6-го сентября 1872 г. въ С.-Петербургѣ. Окончивъ въ 1833 году курсъ въ Горномъ Кадетскомъ Корпусѣ, онъ былъ опредѣленъ на службу въ музей этого Корпуса, но въ декабрѣ 1834 г. былъ переведенъ на Уралъ, гдѣ и пробылъ въ Златоустов-

скомъ Округѣ до конца 1844 года, при чемъ лѣтомъ того же года сопутствовалъ извѣстному французскому ученому Ле-Пле (Le-Play) въ его поѣздкѣ съ геологической цѣлью по Уралу. Въ 1844 г. Перетцъ вышелъ въ отставку, но въ 1846 снова поступилъ на службу, сперва въ Департаментъ Внѣшней Торговли, а затѣмъ въ Горное Вѣдомство—въ Штабъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ; въ 1847 г. онъ былъ командиромъ Горной Технической школы (при Технологическомъ Институтѣ), а въ 1861 г. получилъ назначеніе на весьма видную и вліятельную въ то время должность начальника Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ. Съ 5-го мая 1863 г., по уничтоженіи Штаба, Перетцъ состоялъ членомъ Совѣтовъ Горнаго и Министра Финансовъ и Горнаго Ученаго Комитета. Въ 1861 году, когда составлена была Коммиссія для разработки вопроса объ освобожденіи горнозаводскаго населенія отъ обязательнаго труда, Перетцъ принималъ въ ней участіе и въ слѣдующемъ году, по высочайшему повелѣнію, былъ командированъ на Уралъ для осмотра казенныхъ горныхъ заводовъ, съ цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ совершавшимся преобразованіемъ горнаго населенія и устройствомъ этихъ заводовъ на началахъ вольнаго труда. Въ отчетѣ своемъ, поданномъ министру финансовъ 17-го ноября 1862 года, Перетцъ высказалъ, не оправдавшееся, впрочемъ, мнѣніе, что освобожденіе указомъ 8-го марта 1861 года горнозаводскаго населенія отъ обязательныхъ работъ не только не отзовется дурно на дѣйствіи заводовъ, но, напротивъ того, предсказываетъ имъ благопріятную будущность. Имя Перетца тѣсно связано съ существованіемъ эмеритальной кассы Горныхъ Инженеровъ, начавшей свое дѣйствіе съ 1-го іюля 1860 года: подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ шло дѣло объ ея учрежденіи. Нѣсколько статей его помѣщено въ «Горномъ Журналѣ» (1837, 1840 и 1841 гг.).

Некрологъ (сост. К. Лисенко) въ «Горномъ Журналѣ» 1872 г., № 9, а также въ «Отчетѣ Географическаго Общества за 1872 г.»

С. Кулибинъ.

Перетцъ, *Григорій Григорьевичъ*, писатель; родился 11-го ноября 1823 года, воспитывался во 2-й С.-Петербургской Гимназіи и уже здѣсь обнаруживалъ склонность къ литературнымъ занятіямъ; отсюда, по окончаніи гимназическаго курса (въ 1839 г.), П. въ 1840 году поступилъ въ С.-Петербургскій Университетъ на 2-е отдѣленіе философскаго (нынѣ филологическій) факультета. Выйдя съ 3-го курса, П. поступилъ на службу въ С.-Петербургскую Коммиссаріатскую коммиссію съ прикомандированіемъ къ Коммиссаріатскому Департаменту (22-го августа 1843 г.), но уже въ слѣдующемъ году оттуда уволился, а въ 1849 г., по прочтеніи пробной лекціи по русскому языку, получилъ право преподаванія этого предмета и былъ опредѣленъ учителемъ въ Главное Инженерное училище (24-го августа 1849 г.); здѣсь П. прослужилъ до 28-го февраля 1853 г., а въ 1856 г. (1-го сентября) поступилъ учителемъ русскаго языка въ Строительное училище Главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій. Съ 1860 по 1862 годъ онъ состоялъ преподавателемъ исторіи русской литературы и русскаго языка въ Маріинскомъ Институтѣ, давая уроки также въ Школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и въ Технологическомъ Институтѣ. Бросивъ службу въ 1862 г. П., отдался литературной дѣятельности, работая во многихъ тогдашнихъ газетахъ и журналахъ, главнымъ образомъ, по отдѣламъ библіографіи и критики. Нѣкоторое время онъ завѣдывалъ внутреннимъ отдѣломъ «Правительственнаго Вѣстника», а затѣмъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Голоса». Въ 1873 г. П. поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ и нѣсколько разъ былъ командированъ за-границу для изученія вопроса о поддѣлываніи нашихъ ассигнацій; служба въ Министерствѣ, сопряженная съ усиленными занятіями, вынудила П. выйти въ отставку; онъ умеръ въ Петербургѣ 11-го декабря 1883 года. Изъ произведеній П. намъ извѣстны слѣдующія: въ журналѣ «Маякъ» стихотворенія: «Коломбъ» (1840 года, ч. 12, стр. 18), «Смерть» и «Разочарованнымъ» (1842 г., т. III, стр. 10—13); въ «Библіотекѣ для Чтенія» стих.: «На кладбищѣ» (1843 г., т. 60, стр. 90), «Увядшая Роза», «Незнакомецъ» и «Фонтанъ» (1846 г., т. 76, стр. 5—8); «Гете, его произведенія и

литературная дѣятельность»—въ «Пантеонѣ» 1848 г. (т. I, кн. 1, отд. IV, стр. 1—40); «Послѣдніе дни греческой трагедіи», статья Э. Дешанеля, перев. (тамъ же, т. III, стр. 87—93); «Тальма, великій трагикъ, по разсказу Одибера» (тамъ же, стр. 113—123); «Знаменитые живописцы Италіи» (Андрей Органья, Спинелло, Делло, Пауло Учелло), ст. А. Дюма, перев. (тамъ же, стр. 16—22); «Сочиненія Княжнина» — тамъ же, 1850 г. (т. I, № 1, критика, стр. 1—16) и «Карамзинъ и его литературная дѣятельность»—въ «Литературной Библіотекѣ» 1866 г., № 4 (ноябрь, кн. 2, стр. 1—15). Кромѣ того, въ 1845 г. П. издалъ книжечку своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Стихотворенія Петра Штавера» (С.-Пб. 1845), о которыхъ Бѣлинскій далъ сочувственный отзывъ, высказавъ надежду, что молодой авторъ съ лѣтами усовершенствуетъ свое дарованіе.

Вся литературная дѣятельность П. протекла въ Петербургѣ; впрочемъ, онъ много путешествовалъ по Россіи, которую очень любилъ, хотя и былъ убѣжденнымъ западникомъ и ревностнымъ поклонникомъ Бѣлинскаго и Герцена.

Сообщеніе дочери Г. Г. Перетца—А. Г. Бородиной; формулярный списокъ; А. Круглый и А. Кургановичъ. Историч. записка 75-лѣтія 2-й С.-Пб. гимназіи, ч. II, С.-Пб. 1894 г., стр. 373 и 393; Н. С. Карцовъ. Маріинскій Институтъ (1797—1897), С.-Пб. 1897 г., стр. 13 (приложенія); Сочиненія Бѣлинскаго, ч. X, М. 1860 г., стр. 91—101. *Б. М—ій.*

Перетцъ, *Николай Григорьевичъ*, педагогъ, писатель; родился 19-го іюля 1846 г., воспитывался во 2-й С.-Петербургской гимназіи. Не имѣвъ возможности поступить въ университетъ, П. занялся самообразованіемъ, началъ работать на педагогическомъ поприщѣ и вскорѣ выдвинулся, какъ талантливый препо аватель. Получивъ мѣсто наблюдателя въ Технологическомъ Институтѣ и учителя въ гимназіи Человѣколюбиваго Общества, П. заслужилъ общую любовь какъ студентовъ, такъ и многочисленныхъ учениковъ гим назіи и нѣсколькихъ частныхъ пансіоновъ, въ которыхъ онъ преподавалъ математику. Все свободное время П. посвящалъ работѣ надъ различными общественными и педагогическими вопросами; такъ, напр., онъ составилъ проектъ о народныхъ читальняхъ, о вспомогательной кассѣ педагоговъ и т. п.; какъ членъ Педагогическаго Общества, П. принималъ дѣятельное участіе въ его работахъ и прочелъ тамъ нѣсколько рефератовъ, а въ качествѣ секретаря Комитета грамотности и члена Общества доставленія дешевыхъ квартиръ много трудился въ пользу начальнаго образованія бѣдныхъ дѣтей. Въ 1873 г. П. ѣздилъ въ Тамбовъ для руководства учительскими курсами, но вскорѣ захворалъ, почти лишился зрѣнія и послѣ двухлѣтнихъ страданій умеръ въ Лѣсномъ 21-го іюля 1875 г. Погребенъ въ 1-мъ Парголовѣ, близъ Петербурга.

Литературная дѣятельность П. выразилась сотрудничествомъ его въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша, «Семьѣ и Школѣ» и «Народной Школѣ».

«Недѣля» 1875 г., № 31, стр. 1019—1020; «Иллюстрированная Недѣля» 1875 г., № 31; «С.-Петерб. Вѣдомости» 1875 г., 23-го іюля; «Р. Арх.» 1877 г., т. II, стр. 88.

Переяславцевъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, тайный совѣтникъ, дѣятель по военному вѣдомству, род. около 1825 г., ум. 30-го августа 1880 г. на Маломальскомъ пріискѣ въ Нерчинскомъ округѣ, похороненъ въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ. По окончаніи курса наукъ въ Аудиторскомъ училищѣ съ отличіемъ (записанъ на мраморной доскѣ), П. 25-го іюля 1847 года поступилъ на службу аудиторомъ къ новороссійскому генералъ-губернатору П. И. Ѳедорову въ чинѣ коллежскаго регистратора. Въ 1852 г. онъ былъ произведенъ въ губернскіе секретари, а черезъ два года былъ переведенъ въ Петербургъ, въ Комендантское управленіе, гдѣ состоялъ оберъ-аудиторомъ при ордонансъ-гаузѣ. Въ 1857 г. Переяславцевъ опредѣленъ былъ въ Главный штабъ, въ Инспекторскій департаментъ, съ производствомъ въ титулярные совѣтники. Здѣсь онъ состоялъ 1864 года, когда былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при статсъ-секретарѣ у принятія прошеній, на высочайшее имя приносимыхъ. Въ 1866—1867 г.г. П. состоялъ при Аудиторіатскомъ департаментѣ въ чинѣ статскаго совѣтника, 12-го ноября 1867 года былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, въ 1870 г. находился

на службѣ при Главномъ военно-судномъ управленіи. Около 1874 г. А. Ѳ. вышелъ въ отставку и до смерти занимался золотопромышленными дѣлами на принадлежавшихъ ему пріискахъ въ Восточной Сибири и въ Пермской губ. П. принималъ участіе въ пересмотрѣ Свода военныхъ законовъ; послѣ покушенія на Александра II Каракозова онъ былъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ Верховную Коммиссію подъ предсѣдательствомъ графа Муравьева; кромѣ того, состоялъ въ Коммиссіи генералъ-адъютанта Ланского и былъ членомъ Военно-Кодификаціоннаго Комитета. Онъ имѣлъ всѣ ордена до Станислава 1-й ст. включительно.

Адресъ Календари на 1847 — 1880 гг.; Сообщеніе сына — Ѳ. А. Переяславцева; «Новое Время», 1881 г., № 1869. *И. Ефимовичъ.*

Периньонъ, *Алексѣй* (Pérignon), портретистъ, родился въ Парижѣ 15 го марта 1808 г. Живописи учился у своего отца и у Гро (Gros). Съ октября 1852 г. до половины августа 1853 г. П. жилъ въ Петербургѣ и написалъ портреты съ г-на и съ г-жи Карамзиныхъ, кн. Василія Голицына, княгини Салтыковой и княгини Барятинской.

L. Dussieux. «Les artistes français à l'étranger», стр. 253 и 572. *А. Новицкій.*

Перковскій, *Осипъ*, іезуитъ, писатель, родился въ 1781 г. въ селѣ Островѣ, Витебской губерніи; окончивъ гимназію въ Полоцкѣ, онъ вступилъ въ орденъ іезуитовъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ въ теченіе 8 лѣтъ состоялъ проповѣдникомъ и учителемъ Закона Божія. Послѣ высылки іезуитовъ изъ Россіи, въ 1820 г., П. поселился въ Галиціи и посвятилъ себя учительской дѣятельности и литературнымъ занятіямъ: составлялъ житія святыхъ, молитвенники, катехизисы и т. п. книжки. Важнѣе другихъ: «Powinności chrześcijańskie, albo katechizm misyjny» (Тарновъ. 1834; Лешно. 1839, 1861; Варшава. 1848); «Modlitwy i pieśni misyjne» (Тарновъ. 1834); «Krotkie zebranie tajemnic wiary świętej» (Львовъ. 1837 и 1846); «Nabożeństwa dziesięciodniowe» (Львовъ. 1844); «Krótki rys zycia Ignacego hr. Raczyńskiego, arcybiskupa Gnieznieńskiego» (Львовъ. 1844); «Wiadomośc o żywocie Józefa Morelowskiego» (Познань. 1845). П. умеръ въ 1857 г. въ монастырѣ Станіонтка, близъ Кракова. *Ѳ. Ф. В.*

Пермскій, *Иванъ Степановичъ*, педагогъ, писатель; родился въ 1833 году; по окончаніи курса въ Псковской губернской гимназіи въ 1852 году, онъ поступилъ въ Главный Педагогическій Институтъ, откуда былъ выпущенъ въ 1856 году; началъ преподавательскую дѣятельность на службѣ въ Западномъ краѣ, съ 1858 по 1863 годъ былъ учителемъ естественныхъ наукъ въ Шавельской гимназіи, а съ 1863 г.—въ Виленской гимназіи. Въ 1873 году П. назначенъ былъ инспекторомъ Бѣлостокскаго реальнаго училища, а въ 1876 г. перешелъ учителемъ математики и педагогики въ С.-Петербургскую Коломенскую женскую гимназію, гдѣ прослужилъ до 1878 года; имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; умеръ въ Петербургѣ 9-го іюня 1886 года. Его труды: «Ариѳметика для народныхъ училищъ», Вильна. 1865 г. Изд. 2-е, Вильна. 1871 г. и «Популярныя лекціи естествовѣдѣнія», четыре лекціи, Вильна. 1871—1872 г., 48 стр. и 11 листовъ чертежей.

«Новь», 1886 г., кн. 17, отд. II, стр. 303; П. Говорливый. «Историч. Записка 50-лѣтія Псковской губернской гимназіи». С.-Пб. 1884 г., стр. 100; Адресъ-календари. 1859—1878 г. *Б. Львовъ.*

Пермскій, *Михаилъ*, писатель; родился въ Петербургѣ, происходилъ изъ духовнаго званія и обучался въ Александро-Невской семинаріи. Въ 1751 г. онъ былъ отправленъ въ Англію причетникомъ при посольской церкви, въ 1753 г. возвратился въ Россію и продолжалъ свое образованіе въ Московскомъ университетѣ. Въ 1765 г. П. опредѣленъ былъ въ Морской корпусъ переводчикомъ и учителемъ англійскаго языка, а въ 1769 г. перешелъ на службу въ Банковую контору для вымѣна государственныхъ ассигнацій. Пермскій занимался переводами съ латинскаго и въ особенности съ англійскаго языка и, будучи студентомъ, сотрудничалъ въ «Свободныхъ Часахъ» 1763 г. и въ «Добромъ Намѣреніи»,—московскихъ журналахъ, издававшихся Херасковымъ и Санковскимъ. Кромѣ того, ему принадлежитъ первый русскій

переводъ «Практической англійской грамматики», изданной въ Петербургѣ, въ 1766 г.; Пермскій умеръ въ 1770 году.

«Словарь» митрополита Евгенія; И. А Чистовичъ. «Исторія С.-Пб. Духовной Академіи»; «Русскій Архивъ», 1879 г., кн. III.

В. Саитовъ.

Пермяковъ, *Гавріилъ Яковлевичъ*, граверъ, сынъ подканцеляриста Адмиралтействъ-Коллегіи, родился въ Екатерингофѣ 3-го іюля 1777 г., умеръ послѣ 1810 г.; съ 1-го ноября 1786 г. былъ опредѣленъ въ Академію Художествъ, гдѣ съ успѣхомъ занимался гравированіемъ пунктиромъ и карандашной манерой; въ 1800 году получилъ двѣ вторыхъ серебряныхъ медали за гравированіе и въ томъ же году былъ оставленъ при Академіи въ качествѣ казеннаго пенсіонера для занятій въ натурномъ классѣ. Изъ работъ П. извѣстны: 1) портретъ Александра I, съ оригинала Вендрамини (около 1810 г.); 2) голова Персея (1799), съ ориг. Лосенко; 3) фигура Германика (1800 г.), съ ориг. Лосенко и 4) ваза, съ ориг. Bouchardon'a.

Н. П. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Академіи Художествъ, т. I, С.-Пб. 1864, стр. 171, 334, 409, 413, 415, 416. Н. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, С.-Пб. 1899 г., стр. 73; Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895 г., стр. 513.

Б. Г.

Пернцъ (или **Перницъ**), *Александръ Ѳеодоровичъ*, живописецъ по стеклу; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, родился въ 1810 г.; художественное образованіе получилъ въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ былъ ученикомъ акад. Варнека. Въ 1831 г. онъ получилъ малую и большую серебряныя медали за рисунки съ натуры, а въ слѣдующемъ году былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ свободнаго художника. Съ 30-го октября 1836 г. П. былъ опредѣленъ преподавателемъ рисованія въ школу Императорскаго Фарфороваго завода. Онъ участвовалъ своими трудами въ украшеніи залы выставки издѣлій въ 1838 г. и. по предписанію Кабинета Его Императорскаго Величества, съ 1843 г. занимался живописью на стеклѣ для загородныхъ дворцовъ. Когда, въ 1845 г., онъ представилъ въ Академію Художествъ одну изъ подобныхъ работъ, съ изображеніемъ царицы Александры, бывшую потомъ на выставкѣ 1846 г., то Совѣтъ Академіи положилъ: «Какъ Перницъ, за успѣшный опытъ въ этомъ родѣ живописи, у насъ еще доселѣ новой, достоинъ ободренія, то и предоставить Его Императорскому Высочеству Президенту ходатайствовать о немъ у Его Императорскаго Величества, по благоусмотрѣнію Его Императорскаго Высочества». Послѣ того П. исполнилъ еще алтарное окно въ Исаакіевскомъ соборѣ, съ изображеніемъ Воскресенія Христова, а 4-го іюня 1855 г., по разстройству здоровья, вышелъ въ отставку, съ пенсіею по 190 р. въ годъ и съ единовременнымъ пособіемъ, въ размѣрѣ 570 р., составлявшемъ годовой окладъ его жалованья.

Указатель выставки въ Императорской Академіи Художествъ 1846 г.; П. Н. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Художествъ, т. II, стр. 264, 268, 299; т. III, стр. 44; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, стр. 72.

А. Новицкій.

Пернеръ, *Христоферъ Ивановичъ*, педагогъ; сынъ купца, П. родился въ Нарвѣ 17-го апрѣля 1796 года; съ 1813 по 1818 годъ онъ обучался въ Петербургскомъ Лѣсномъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ былъ 17-го марта со званіемъ форстмейстера и съ чиномъ XIV класса. Будучи назначенъ землемѣромъ въ Виленскую губернію, П. 23-го іюля того же 1817 г. переведенъ былъ землемѣромъ же въ штатъ оберъ-форстмейстера С.-Петербургской губерніи, а въ 1819 году получилъ, за командировку въ Павловскъ для снятія плановъ лѣсовъ, принадлежавшихъ Департаменту Государственныхъ Имуществъ, золотые часы съ цѣпочкою и печатью. Уволившись въ отставку 6-го декабря 1820 г., П., чувствовавшій призваніе къ дѣятельности педагогической, 24-го января 1829 г. поступилъ на службу учителемъ нѣмецкаго языка въ Главное Инженерное училище и уже въ слѣдующемъ году получилъ награду за усердную дѣятельность, а въ 1832 г. былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ. Іюня 13-го 1832 г. П. поступилъ младшимъ учителемъ географіи въ 3-ю С-Петербургскую Гимназію, оставаясь и въ Инженерномъ училищѣ; съ 1836 г. онъ преподавалъ въ гимназіи статистику и исторію, а 17-го декабря 1837 г. былъ

назначенъ инспекторомъ 2-й С.-Петербургской Гимназіи; въ этой должности онъ оставался до 1-го сентября 1866 г., пользуясь всегда любовью своихъ многочисленныхъ питомцевъ и учениковъ. Умеръ П. въ С.-Петербургѣ 28-го марта 1867 года въ чинѣ статскаго совѣтника.

Формулярный списокъ; А. Кургановичъ и А. Круглый. Историческая записка 75-лѣтія С.-Петербургской 2-й гимназіи, ч. II, С.-Пб. 1894 г., стр. 314—315; «Голосъ» 1867 г., № 88 и 89; «Иллюстриров. Газета» 1867 г., № 14; Мѣсяцесловъ на 1868 г. *Б. Гарскій.*

Перовскій, *Алексѣй Алексѣевичъ*, писатель, извѣстный подъ псевдонимомъ *Погорѣльскаго*; род. въ 1787 г. въ Москвѣ отъ графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго и дѣвицы Маріи Михайловны Соболевской (впослѣдствіи по мужу генеральши Денисьевой). Въ царствованіе Александра I графу удалось всѣхъ своихъ дѣтей отъ Соболевской приписать къ дворянству (фамилію Перовскихъ получили они, безъ сомнѣнія, отъ подмосковнаго имѣнія Разумовскихъ —«Перова»), и ихъ дѣтство и первоначальное воспитаніе были обставлены со всевозможною роскошью. Трудно предполагать, чтобы будущій романистъ въ первые годы своего сознательнаго существованія могъ тяготиться своимъ незаконнымъ рожденіемъ, такъ какъ онъ изъ дома матери вынесъ въ жизнь неистощимый запасъ веселости; но отъ времени до времени онъ долженъ былъ являться передъ грозныя очи строгаго отца, и оттого его веселость носила тихій, немного какъ бы придавленный характеръ. Мы ничего не знаемъ ни о системѣ воспитанія Алексѣя П., ни о томъ, къ какому роду занятій онъ чувствовалъ особую наклонность; но нѣтъ сомнѣнія, что учителя у него были хорошіе и что учился онъ очень усердно, такъ какъ намъ документально извѣстно, что 18-ти лѣтъ (16-го августа 1805 г.) онъ вступилъ студентомъ въ Московскій университетъ, а черезъ 2 года и 2 мѣсяца (16-го октября 1807 г.) уже былъ произведенъ въ доктора философіи и словесныхъ наукъ. На основаніи § 102 Университетскаго устава 1804 г., для полученія этой степени Алексѣй П. читалъ три пробныя лекціи, которыя въ слѣдующемъ 1808 году издалъ отдѣльной книжкой, посвященной гр. Льву Кир. Разумовскому. Первая лекція была озаглавлена: «Wie sind Thiere und Gewächse von einander unterschieden undwelches ist ihr Verhältniss zu den Mineralien» (т. е. «Какъ различаются животныя отъ растеній и какое ихъ отношеніе къ минераламъ»); вторая—«Sur le but et l'utilité du système des plantes de Linné» (т. е. «О цѣли и пользѣ Линнеевой системы растеній»), и третья—«О растеніяхъ, которыя бы полезно было размножать въ Россіи». Всѣ три лекціи отличаются замѣчательно яснымъ и логичнымъ изложеніемъ, а русская имѣетъ характерное заключеніе, показывающее, что докторантъ былъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ автора «Писемъ русскаго путешественника»: «Примите», обращается онъ къ профессорамъ, «должную дань справедливой моей благодарности; она пребудетъ во вѣки незабвенною въ душѣ моей. Пока буду чувствовать, что ношу въ себѣ священный долгъ, до тѣхъ поръ не перестану имѣть выгоднаго мнѣнія о собственномъ своемъ сердцѣ». 9-го января 1808 г. Алексѣй П. въ чинѣ коллежскаго ассесора поступилъ на службу въ 6-ой Департаментъ сената. Двадцати лѣтъ отъ роду, съ хорошими средствами, съ такимъ по тогдашнему крупнымъ чиномъ и съ такой огромной протекціей— отецъ его въ то время былъ назначенъ попечителемъ Московскаго округа, а черезъ два года — министромъ народнаго просвѣщенія—П. могъ бы наслаждаться всѣми выгодами столичной жизни и быстро подвигаться по ступенямъ іерархической лѣстницы. Но онъ хотѣлъ не чиновъ, а настоящей службы, и уже въ августѣ 1809 г. прикомандировался «для исправленія письменныхъ дѣлъ» къ сенатору Обрѣзкову, ревизовавшему губерніи Пермскую, Казанскую, Нижегородскую и Владимірскую. По возвращеніи изъ командировки, которая продолжалась болѣе полугода, онъ получилъ высочайшее благоволеніе «за отличное усердіе и успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій». Однако и эта дѣятельность, повидимому, не удовлетворила П., и онъ вскорѣ перепросился въ родную Москву на должность экзекутора во 2-е Отдѣленіе 6-го Департамента Сената (утвержденъ въ должности въ ноябрѣ 1810 г.), очевидно не ради должности, а ради московскаго обще-

ства, въ которомъ онъ видѣлъ больше жизни, нежели въ петербургскомъ. Здѣсь П. вступилъ въ близкія сношенія съ роднымъ университетомъ, (онъ состоялъ членомъ Общества испытателей природы, членомъ Общества исторіи и древностей россійскихъ и, въ числѣ другихъ, подписалъ заявленіе объ основаніи Общества любителей россійской словесности), познакомился съ В. А. Жуковскимъ и близко сошелся съ кн. П. А. Вяземскимъ, который въ своемъ стихотворномъ посланіи характеризуетъ его словами: «проказникъ милый»; здѣсь же пытался онъ проникнуть въ тайны тогдашняго масонства, съ крупными представителями котораго былъ знакомъ черезъ отца. Но, очевидно, и въ Москвѣ П. не нашелъ полнаго себѣ удовлетворенія, и въ январѣ 1812 г. снова перешелъ въ Петербургъ секретаремъ министра финансовъ «отъ Департамента внѣшней торговли». Это мѣсто болѣе экзекуторскаго соотвѣтствовало серьезной подготовкѣ П., но такъ какъ изъ послѣдующей его карьеры легко убѣдиться, что честолюбія у него было очень мало, то весьма вѣроятно, что и новая служба надоѣла бы ему довольно скоро; какъ вдругъ, по волѣ судьбы, докторъ философіи и ученый ботаникъ, подобно многимъ другимъ молодымъ русскимъ дворянамъ, превратился въ защитника отечества. Инстинктъ или историческій тактъ, развитой университетскимъ образованіемъ (а, можетъ быть, и какія-либо случайныя обстоятельства) направили его именно къ тому роду оружія, который долженъ былъ больше всѣхъ способствовать гибели «двунадесяти языковъ» и ихъ геніальнаго предводителя: уже 10-го іюля П. былъ зачисленъ въ 3-й Украинскій полкъ штабъ-ротмистромъ. Онъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ партизанской войнѣ и, какъ сказано въ его формулярѣ: «кромѣ многихъ авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлъ, находился въ дѣйствительныхъ противъ непріятеля сраженіяхъ 1812 г.: октября 26-го подъ мѣстечкомъ Морунгеномъ, октября 28-го подъ мѣстечкомъ Лосецы; 1813 г.: августа 13-го, 14-го и 15-го въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, августа 17-го и 18-го въ сраженіяхъ при Кульмѣ». Въ двухъ послѣднихъ битвахъ П. участвовалъ уже въ качествѣ прикомандированнаго къ начальнику Главнаго штаба кн. Волконскому (съ 27-го мая 1813 г.), а 8-го октября того же года былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ при генералъ-губернаторѣ Королевства Саксонскаго кн. Н. Г. Репнинѣ. Причинъ такого почетнаго и важнаго назначенія незачѣмъ искать въ связяхъ и протекціи (хотя кн. Репнинъ и былъ женатъ на Варв. Алексѣевнѣ Разумовской): если въ войнѣ 1812 г. П. могъ служить казачьимъ офицеромъ, то здѣсь, въ Европѣ, образованный молодой человѣкъ, прекрасно знающій языкъ страны, не говоря уже о французскомъ, только по недоразумѣнію могъ бы оставаться въ рядахъ. Перовскій оставался въ Саксоніи, главнымъ образомъ въ Дрезденѣ, почти два года и хотя, судя по наградамъ, которыя получилъ онъ (2-го января 1814 г. получилъ Владиміра 4-ой степени, 18-го января тѣмъ же чиномъ перечисленъ въ гвардію, 7-го ноября пожалованъ орденомъ *Зеленаго креста*; 8-го января 1815 г.—Анной 2-ой степени и пр.), П. дѣятельно работалъ по службѣ, онъ, безъ сомнѣнія, находилъ время пополнять свое научное и, главное, художественное образованіе, для чего въ столицѣ Саксоніи было столько удобныхъ случаевъ. Между прочимъ, какъ разъ въ это время въ Дрезденѣ проживалъ знаменитый фантастъ Амедей Гофманъ, съ которымъ П. могъ встрѣчаться лично и произведеній котораго онъ не могъ не знать. По окончаніи работъ саксонской *Коммиссіи*, П. возвратился въ Россію; въ ноябрѣ 1816 г. онъ перечислился въ надворные совѣтники, а 27-го декабря поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій по Департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, директоромъ котораго былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и лучшихъ людей своего времени—А. И. Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Пушкина и кн. П. А. Вяземскаго. Въ этой должности П. оставался 5 лѣтъ, службой, повидимому, занимался немного, но былъ близокъ съ своимъ начальникомъ и его друзьями, сильно и дѣятельно интересовался русской литературой (см. «Остафьевскій Архивъ», т. I, стр. 96, 136; т. II, 72, 74 и мн. др.) и довольно часто уѣзжалъ въ отпуски; когда, въ началѣ 20-хъ го-

довъ, гр. Алексѣй Разумовскій медленно угасалъ въ Почепѣ, П. почти постоянно находился при отцѣ; немедленно послѣ смерти отца онъ вышелъ въ отставку и поселился въ принадлежавшемъ ему сельцѣ Погорѣльцахъ. Здѣсь онъ собралъ хорошую библіотеку, много читалъ и началъ свою самостоятельную литературную дѣятельность подъ псевдонимомъ *Антонія Погорѣльскаго*: въ 1825 г., въ мартовской книжкѣ «Новостей Литературы», издававшихся Воейковымъ, появилась съ этою подписью фантастическая повѣсть: «Лафертовская маковница», которая привела въ совершенный восторгъ Пушкина; вотъ что писалъ онъ брату подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (27-го марта 1825 года): «Что за прелесть Бабушкинъ Котъ! Я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Аркадіемъ Фалалѣевичемъ Мурлыкинымъ. Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертываю голову и выгибаю спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій, не правда-ли?» Въ томъ же 1825 году П. вновь поступилъ на службу на постъ видный, вполнѣ достойный его образованія и способностей: Министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Шишковъ предложилъ ему (оффиціально отъ 10-го іюня) вступить въ управленіе Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Изучивъ дѣла округа, доставленныя ему въ деревню, П. въ началѣ августа отправился въ Харьковъ, познакомился съ чинами университета и задумалъ предпринять объѣздъ округа; но ему пришлось немедленно ѣхать въ Таганрогъ, чтобы привести «по возможности» въ порядокъ Таганрогскую коммерческую гимназію къ пріѣзду Александра I и потомъ снова спѣшить туда же, чтобы принять государя (3-го октября). Конецъ 1825 г. и начало слѣдующаго П. дѣятельно занимался дѣлами университета и округа, а 2-го марта онъ уѣхалъ въ Петербургъ для совѣщанія съ министромъ. Тамъ 1-го мая 1826 г. онъ былъ утвержденъ въ должности съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а черезъ 2 недѣли былъ назначенъ, сверхъ того, Членомъ Комитета по устройству учебныхъ заведеній. Лѣто П. пробылъ въ Москвѣ у своей матери, въ сентябрѣ же къ прежнимъ его должностямъ прибавилась новая и весьма видная: ему повелѣно быть предсѣдателемъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ пособій. Весною 1827 г. П. попросился на три мѣсяца за границу, въ Карлсбадъ. Увѣрившись изъ письма министра, что онъ своевременно получитъ отпускъ, онъ поѣхалъ сперва въ Погорѣльцы, а оттуда въ Харьковъ. За границей П. пробылъ почти полгода и, по возвращеніи оттуда, гораздо болѣе занимался литературою, нежели службою (окончательно вышелъ онъ въ отставку 20-го марта 1830 г.). Въ 1828 г. вышла книга Антонія Погорѣльскаго: «Двойникъ, или мои вечера въ Малороссіи»; это—четыре повѣсти (въ томъ числѣ и «Лафертовская маковница»), связанныя между собою то шутливыми, то серьезными, разговорами автора съ его двойникомъ съ массою небольшихъ разсказовъ о привидѣніяхъ, явленіяхъ послѣ смерти и пр. Книжка эта очень понравилась «романтикамъ», но вызвала довольно сдержанную рецензію въ «Сѣверной Пчелѣ», которая безусловно была довольна только изложеніемъ и языкомъ ея. Въ началѣ 1829 г. П. подъ обычнымъ псевдонимомъ издалъ небольшую книжку «Черная курица, или подземные жители, волшебная повѣсть для дѣтей», которую онъ, по преданію, написалъ для своего племянника и воспитанника, будущаго поэта графа Алексѣя Толстого; сюжетъ и нѣкоторыя подробности ея отчасти заимствованы изъ Ламотъ-Фуке, отчасти изъ Гофмана и изъ народныхъ нѣмецкихъ сказаній о гномахъ; но все это очень искусно приспособлено къ русской жизни. Въ этомъ году петербургскіе романтики настолько собрались съ силами, что стали издавать свой журналъ подъ названіемъ «Бабочка»; тамъ появилась очень сочувственная рецензія на «Черную курицу» и тамъ же участвовалъ П. подъ своимъ обычнымъ псевдонимомъ. Въ томъ же 1829 г. много надѣлалъ шуму давно ожидаемый романъ Булгарина «Иванъ Выжигинъ», который читался на расхватъ чуть не всѣми грамотными русскими людьми и за который Булгарина иные называли русскимъ Адиссономъ и В. Скоттомъ. Въ «Бабочкѣ» появилась очень неглупо и сдержанно написанная статья объ «Иванѣ Выжи-

гинѣ», подписанная тремя буквами: *й*, *ъ*, *й*, которыя какъ разъ подходятъ и къ дѣйствительному имени и къ псевдониму Перовскаго: умѣренно похваливъ новый романъ за слогъ, нѣкоторыя описанія и нравственныя мысли, рецензентъ порицаетъ его за преувеличенія и несообразности и за неумѣнье пользоваться *благодарною формою романа*. Въ 1830 г. «Бабочка» прекратилась, и на мѣсто ея появилась «Литературная Газета», издаваемая бар. Дельвигомъ при близкомъ участіи его друга Пушкина. Уже съ первыхъ двухъ №№ въ ней появляется Антоній Погорѣльскій съ началомъ фантастическо-бытового романа «Магнетизеръ», который такъ и остался безъ продолженія. Въ № 11 редакція сообщаетъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ романа Погорѣльскаго: «Монастырка», въ которомъ, по словамъ журнала, заслуживаетъ особой похвалы «живость картинъ, вѣрность описаній, счастливо схваченныя черты нравовъ Малороссіи и прекрасный слогъ. Въ №№ 14 и 15 было помѣщено начало «Монастырки», а въ № 16—почти восторженная рецензія только что вышедшей 1-ой части романа, который является настоящимъ и, *вѣроятно, первымъ у насъ романомъ нравовъ* (явный намекъ на неосновательность претензій Булгарина). Та же 1-ая часть «Монастырки» вызвала цѣлый рядъ очень характерныхъ рецензій въ другихъ журналахъ того времени: Булгаринъ подъ видомъ похвалъ «милому» произведенію язвитъ автора за его знаніе «анатоміи» женскаго сердца и восхваляетъ себя за безпристрастіе; «Полярная Звѣзда» и «Русскій Инвалидъ» сравниваютъ «Монастырку» съ романами Булгарина къ невыгодѣ послѣднихъ; «Московскій Телеграфъ» Полевого и «Атеней», органы московскихъ романтиковъ, признаютъ ее недостаточно романтичною и только заслуживающей названіе повѣсти; напротивъ того, «Галатея» Раича довольна тѣмъ, что въ ней нѣтъ *романтическаго изступленія*. Эти разнообразные журнальные толки прославили «Монастырку» на столько, что незнакомство съ ней было для образованнаго человѣка того времени такимъ же позоромъ, какъ для насъ незнакомство съ «Анной Карениной»; а несомнѣнныя литературныя достоинства романа Перовскаго: его изящная простота, занимательность и добродушный юморъ сдѣлали его для людей 30-хъ и 40хъ годовъ одной изъ самыхъ любимыхъ книгъ, иныя выраженія которой стали поговорками, а имена дѣйствующихъ лицъ нарицательными. Историко-литературное значеніе «Монастырки» заключается, во-первыхъ въ томъ, что она—одно изъ самыхъ типичныхъ произведеній русскаго умѣреннаго романтизма (въ которомъ чудесное поддается реальному объясненію), а во-вторыхъ, вътомъ, что это—ранній и очень удачный продуктъ нашей этнографической беллетристики, прокладывавшій дорогу «Вечерамъ» Гоголя. Казалось бы, что послѣ такого успѣха, какой имѣла 1-я часть «Монастырки», П., теперь вполнѣ свободный человѣкъ, долженъ былъ всецѣло отдаться литературѣ; но онъ и здѣсь оказался такимъ же непосѣдой, какимъ былъ на служебномъ поприщѣ. Помѣстивъ въ «Литературной Газетѣ», въ томъ же 1830 г. шутливо-философское письмо отъ имени буквы Ѣ къ барону Гумбольдту и напечатавъ черезъ три года 2-ую часть «Монастырки» (вмѣстѣ съ переизданіемъ 1-ой), которая привлекла на себя несравненно меньшее вниманіе, П., повидимому, прекратилъ свою литературную дѣятельность, хотя остался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ, Крыловымъ, Гречемъ, Лобановымъ и пр. Въ послѣдніе годы своей жизни П. усердно занимался воспитаніемъ своего племянника графа А. К. Толстого и вмѣстѣ съ нимъ и его матерью много путешествовалъ. Изъ письма Пушкина къ женѣ отъ 4-го мая 1836 года мы узнаемъ, что въ это время П. жилъ въ Москвѣ и жилъ, повидимому, большимъ бариномъ. Онъ, очевидно, очень интересовался живописью и, поймавъ знаменитаго Брюллова, «перевезъ его къ себѣ, заперъ подъ ключъ и заставилъ работать. Брюлловъ насилу отъ него уѣхалъ». Въ письмѣ отъ 11-го мая Пушкинъ разсказываетъ, что онъ былъ у Перовскаго (съ которымъ онъ на *ты*), и воспроизводитъ очень комичную сцену, какъ П., показывалъ ему картину Брюллова «Взятіе Рима Гензерихомъ», восхищался произведеніемъ и въ то же время ругалъ послѣдними словами художника. Менѣе,

чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ этого Перовскаго уже не было въ живыхъ; онъ скончался 9-го іюля 1836 г. по дорогѣ за-границу, въ Варшавѣ, гдѣ захватилъ его острый припадокъ грудной болѣзни, отъ которой онъ ѣхалъ лѣчиться.

Сочиненія П. изданы Смирдинымъ въ 1853 г.; «Монастырка» перепечатана въ послѣднее время два раза, въ томъ числѣ въ «Дешевой библіотекѣ» А. С. Суворина, гдѣ перепечатана также и «Черная Курица».

Г. Горленко въ «Кіевской Старинѣ» 1888 г., апрѣль; Статья А. И. Кирпичникова, въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1890 г., перепечатана въ его «Очеркахъ по исторіи новой русской литературы». С.-Пб. 1896 г.

Проф. А. И. Кирпичниковъ.

Перовскій, графъ *Борисъ Алексѣевичъ*, генералъ-адъютантъ, членъ Государственнаго Совѣта, младшій изъ воспитанниковъ графа А. К. Разумовскаго, родился 10-го января 1815 г., въ деревнѣ своего отца с. Погорѣльцахъ, Черниговской губерніи, Сосницкаго уѣзда и, получивъ домашнее воспитаніе, былъ опредѣленъ (9-го іюня 1831 г.) на службу унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Кавалергардскій Ея Величества полкъ; имѣя отъ роду 19 лѣтъ, онъ былъ произведенъ въ 1833 г. (1-го іюня) въ корнеты и, продолжая службу въ полку, въ 1839 г. былъ командированъ на Кавказъ, гдѣ участвовалъ въ экспедиціи генерала Граббе противъ чеченцевъ; при этомъ П. участвовалъ въ сраженіяхъ при урочищѣ Ахметъ-Тала, при замкѣ Саясанъ и при аулѣ Буртунаѣ, а также при взятіи укрѣпленія Ташанъ-Хаджи. При дальнѣйшемъ движеніи отряда въ глубь Дагестана, Перовскій находился въ дѣйствіяхъ во время переправы черезъ рѣку Койсу, а затѣмъ—во время обложенія пріобрѣвшаго извѣстность замка Ахульго, въ которомъ заперся Шамиль со своими мюридами. Послѣ продолжительной осады Ахульго былъ взятъ штурмомъ, въ которомъ дѣятельно участвовалъ и Перовскій, награжденный за это участіе золотымъ палашомъ съ надписью «за храбрость» (18-го февраля 1840 г.) и орденомъ св. Анны 3-ей степени съ бантомъ (6-го ноября) и кромѣ того онъ получилъ серебряную медаль. Въ чинѣ поручика Перовскій, по возвращеніи съ Кавказа, въ 1840 году былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику гвардейской кирасирской дивизіи въ то время генералъ-адъютанту графу Апраксину. Но въ этомъ званіи П. состоялъ не долго и уже въ январѣ 1843 г. былъ уволенъ отъ военной службы по домашнимъ обстоятельствамъ, переименованъ въ коллежскіе ассесоры и въ мартѣ того же 1843 года опредѣленъ на службу въ Почтовый департаментъ. Произведенный въ надворные совѣтники, Перовскій въ февралѣ 1847 года вышелъ въ отставку съ награжденіемъ чиномъ коллежскаго совѣтника. Чрезъ 2 года (въ маѣ 1849 года) П. вновь вступилъ на службу въ л.-гв. Кавалергардскій Ея Величества полкъ ротмистромъ и былъ назначенъ сперва адъютантомъ къ генералъ — фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Павловичу, а въ сентябрѣ того же 1849 года назначенъ флигель адъютантомъ Его Величества, при чемъ до 1854 года продолжалъ состоять въ строю Кавалергардскаго полка «для узнанія фронтовой службы».

Произведенный въ ноябрѣ 1854 года въ полковники, Перовскій, въ виду могущихъ быть военныхъ дѣйствій въ прилегающихъ къ столицѣ мѣстностяхъ по случаю возникшей войны съ англо-французами, былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника штаба войскъ, въ Эстляндіи расположенныхъ, а позднѣе командированъ въ Кронштадтъ для исполненія той же должности при командующемъ войсками. Во вниманіе къ заслугамъ его брата, министра удѣловъ, генералъ-адъютанта Льва Алексѣевича Перовскаго, возведеннаго въ графское достоинство въ 1849 году, было Всемилостивѣйше повелѣно, особымъ указомъ Сенату отъ 20-го ноября 1856 года и согласно желанію умершаго бездѣтнымъ графа Перовскаго, передать Борису Алексѣевичу графское достоинство съ нисходящимъ отъ него потомствомъ. Въ 1858 году графъ Перовскій былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи и съ назначеніемъ въ свиту Его Величества. Въ то же время онъ былъ назначенъ начальникомъ Штаба Корпуса путей сообщенія.

Черезъ два года графъ Перовскій былъ отчисленъ отъ должности начальника

штаба и 6-го декабря 1860 года назначенъ состоять при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ великихъ князьяхъ Александрѣ Александровичѣ (впослѣдствіи императорѣ Александрѣ III) и Владимірѣ Александровичѣ. Эту обязанность онъ отправлялъ до 1862 года, когда назначенъ былъ (17-го апрѣля) генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, а въ 1865 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Августа 16-го 1874 г. состоялось назначеніе гр. Перовскаго членомъ Государственнаго Совѣта, а 16-го апрѣля 1878 года онъ былъ произведенъ въ генералы отъ-кавалеріи. Послѣдніе годы П. для лѣченія болѣзни находился въ Каннѣ, на югѣ Франціи, гдѣ и скончался 25-го ноября 1881 года.

Графъ Перовскій былъ женатъ на Софіи Константиновнѣ Булгаковой, дочери извѣстнаго Петербургскаго почтъ-директора К. Я.; онъ имѣлъ всѣ ордена до знаковъ ордена св. Александра Невскаго включительно.

Б. А. Перовскій собралъ богатую коллекцію автографовъ, поступившихъ по его кончинѣ въ Чертковскую библіотеку въ Москвѣ.

«Отчетъ по Государственному Совѣту за 1881 г.» С.-Пб. 1883 г., стр. 32—35; «Новое Время» 1881 г., № 2067; «Военный Календарь» на 1883 г., стр. 161; «Русская Родословная книга» князя А. Б. Лобанова Ростовскаго, т. II, С.-Пб., 1895 г., стр. 85; «Семейство Разумовскихъ» соч. А. А. Васильчикова, т. II, стр. 113; «Русскій Архивъ» 1881 г., т. III, стр. 475; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1881 г., № 299; «Русскій Инвалидъ» 1881 г., № 263; «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 823. *П. Майковъ.*

Перовскій, графъ *Василій Алексѣевичъ*, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта и Адмиралтействъ-Совѣта, одинъ изъ выдающихся дѣятелей царствованія императора Николая I. Третій изъ сыновей графа А. К. Разумовскаго, Василій Алексѣевичъ Перовскій родился 9-го февраля 1795 года въ Почепѣ, Черниг. губ.; воспитывался онъ въ Москвѣ и, по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата, поступилъ въ Муравьевскую школу колонновожатыхъ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1811 году. Въ 1812 году Василій Алексѣевичъ былъ назначенъ квартирмейстерскимъ офицеромъ при казачьихъ полкахъ въ арріергардѣ 2-й, Багратіоновской, арміи и состоялъ все время при генералѣ Винценгероде. Восемнадцатилѣтнимъ юношей Василій Алексѣевичъ участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, во время котораго ему непріятельской пулей оторвало указательный палецъ на лѣвой рукѣ, вслѣдствіе чего онъ всегда потомъ носилъ на немъ длинный серебряный наконечникъ. 1-го сентября 1812 года, при отступленіи русскихъ войскъ, Перовскій съ двумя казаками, отправился въ Москву и 2-го сентября ѣздилъ по городу, исполняя порученія. Возвращаясь въ 5-мъ часу черезъ Лефортовскую заставу, Перовскій увидѣлъ два небольшіе конные отряда и двухъ генераловъ: русскаго и французскаго; послѣдній былъ генералъ Себастіани. Разговоръ между ними происходилъ о пропускѣ русскихъ войскъ, отрѣзанныхъ французами. Генералъ Себастіани заключилъ перемиріе и разрѣшилъ пропускъ войскамъ, позволивъ и Перовскому ѣхать въ свой лагерь. Однако, видя, что Перовскій замѣшкался, отыскивая своихъ казаковъ и отсталъ отъ своихъ, вернулъ его обратно и направилъ въ Москву къ королю Неаполитанскому—Мюрату, остановившемуся въ домѣ Баташевыхъ за Яузскимъ мостомъ. Мюратъ принялъ Перовскаго въ кабинетѣ и былъ очень удивленъ, узнавъ, что передъ нимъ не плѣнный русскій офицеръ; однако, на возвращеніе въ русскій отрядъ разрѣшенія не далъ, а направилъ его къ Бертье. По пути Перовскій видѣлъ, какъ вели на казнь русскихъ плѣнныхъ, обвинявшихся въ поджигательствахъ, и это зрѣлище сильно взволновало его. Бертье также отказалъ въ просьбѣ Перовскаго о пропускѣ черезъ французскую линію и объявилъ ему, что доложитъ о немъ императору. Въ ожиданіи результатовъ П. былъ посаженъ въ церковь, въ которой просидѣлъ совершенно забытый цѣлыя сутки въ самомъ ужасномъ нравственномъ состояніи. На утро 5-го сентября нѣсколько французовъ съ офицеромъ во главѣ, сломавъ замокъ, вошли въ церковь и начали ее грабить. Увидя русскаго офицера, солдаты донесли о немъ начальнику, который приказалъ имъ отвести плѣнника въ подвалъ, въ которомъ были заперты осужденные на

смерть «поджигатели». Услышавъ роковой приговоръ, Перовскій вырвался отъ солдатъ, догналъ уходящаго офицера и объяснилъ ему, какимъ образомъ попалъ въ церковь. Французскій капитанъ въ весьма вѣжливой формѣ извинился за свою ошибку, которая, впрочемъ чуть не стоила жизни Перовскому и приказалъ отвести его къ принцу Экмюльскому—маршалу Даву. Даву грубо обошелся съ Перовскимъ и вдругъ будто узналъ въ немъ офицера, взятаго въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжавшаго отъ французовъ. Маршалъ несомнѣнно ошибался: Перовскій никогда въ плѣну не былъ, но очевидно онъ очень походилъ на бѣжавшаго плѣнника, такъ какъ Даву настаивалъ на своемъ и въ концѣ концовъ приказалъ Перовскаго разстрѣлять, что̀ и было бы исполнено, если бы вдругъ суровому Даву не пришло въ голову провѣрить личность Перовскаго черезъ адъютанта, бывшаго подъ Смоленскомъ при взятіи въ плѣнъ бѣжавшаго затѣмъ офицера. Позванный адъютантъ пристально посмотрѣлъ на Перовскаго. «Нѣтъ, это не тотъ!» сказалъ онъ,—и судьба Перовскаго была рѣшена; онъ былъ спасенъ, но все же остался военноплѣннымъ, такъ какъ трехдневное пребываніе его въ лагерѣ французовъ не давало маршалу возможности отпустить его. Тяжелая жизнь съ цѣлымъ рядомъ испытаній началась для Перовскаго. Онъ былъ помѣщенъ въ ужасномъ подвалѣ, исполнялъ разныя работы, ходилъ съ прочими рѣзать быковъ для французской кухни и въ теченіе 12-ти дней занимался исключительно мясницкимъ ремесломъ. Наконецъ, партія плѣнныхъ вмѣстѣ съ отступавшими французами двинулась къ Смоленску. На первомъ же переходѣ конвойный французъ отобралъ сапоги отъ Перовскаго, предоставивъ ему идти босикомъ по замерзшей грязи. Ноги болѣли у П., силы ему измѣняли, а отдыхать было невозможно, такъ какъ французы разстрѣливали отставшихъ. Перовскій въ своихъ запискахъ съ ужасомъ вспоминаетъ, какъ однажды на его глазахъ французъ, приставя дуло своего ружья къ головѣ изнеможеннаго русскаго плѣнника, три раза спускалъ курокъ,—и трижды ружье его давало осѣчку.

Въ теченіе полугода длилось мучительное движеніе, и вотъ, будучи уже въ Орлеанѣ и узнавъ, что около города показались казаки, Перовскій вмѣстѣ съ другимъ плѣнникомъ — П. Н. Семеновымъ рѣшился бѣжать. 9-го февраля они покинули бивуакъ и, преодолѣвъ множество опасностей, наконецъ нашли проводника. У Перовскаго было 300 франковъ, за которые одинъ крестьянинъ и согласился вывести бѣглецовъ къ русской линіи. «Надо быть въ плѣну», пишетъ Перовскій въ своихъ запискахъ, «и вытерпѣть то, что я вытерпѣлъ, чтобы понять чувство надежды черезъ нѣсколько минутъ быть среди соотечественниковъ и на свободѣ». Однако, проводникъ ошибся и вывелъ плѣнниковъ не туда: они прямо наткнулись на французскій пикетъ и были взяты имъ снова въ плѣнъ, въ которомъ Перовскій и находился до взятія Парижа. Вернулся Василій Алексѣевичъ въ Россію, перенеся тяжелыя испытанія, пройдя тяжелый путь, который, однако, на всю жизнь закалилъ въ немъ силу воли, умѣнье переносить всѣ невзгоды и выработавъ твердый рѣшительный характеръ и то достоинство полководца и солдата, которыми онъ особенно отличался. По окончаніи войны Перовскій былъ зачисленъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ (въ 1814 г.) и состоялъ нѣкоторое время адъютантомъ генерала П. В. Голенищева-Кутузова. Въ 1816 г. онъ былъ опредѣленъ въ л.-гв. Егерьскій полкъ. До назначенія въ 1818 г. адъютантомъ къ великому князю Николаю Павловичу Перовскій сопровождалъ великаго князя въ 1816 и 1817 годахъ въ его образовательномъ путешествіи по Россіи и чужимъ краямъ. Въ началѣ 1818 года П. окончательно сблизился съ великимъ княземъ и сдѣлался любимцемъ будущаго государя. Въ этомъ же году онъ состоялъ на службѣ въ Измайловскомъ полку (съ 12-го февраля 1818 г.) и 28-го апрѣля того же года былъ произведенъ въ капитаны, а 10-го ноября 1819 г.—въ полковники.

Въ 1818 году (17-го апрѣля), когда въ Кремлѣ, въ Чудовомъ монастырѣ, у великой княгини Александры Ѳеодоровны и великаго князя Николая Павловича родился августѣйшій первен-

нецъ — сынъ Александръ, Перовскій былъ посланъ въ Петербургъ для извѣщенія императора Александра I объ этомъ радостномъ событіи, что и упомянуто въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя Перовскаго отъ 26-го августа 1856 года. Въ 1818 году при дворѣ великаго князя Николая Павловича появился Жуковскій. Знакомый съ братомъ Перовскаго Алексѣемъ Алексѣевичемъ, извѣстнымъ въ литературѣ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, Жуковскій быстро сошелся съ В. А., и между ними завязались самыя дружескія отношенія, которыя не прерывались до конца ихъ жизни. Письма великаго писателя къ Перовскому дышатъ любовью и искренностью. Стихотвореніе его, написанное Перовскому послѣ 1818 года: «Товарищъ, вотъ тебѣ рука» краснорѣчиво говоритъ объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Василію Алексѣевичу, рисуя при этомъ и личность самого Перовскаго. Вообще Василій Алексѣевичъ умѣлъ выбирать друзей. Его обширный умъ искалъ ихъ среди образованныхъ, выдающихся людей, той эпохи. Карамзинъ, Пушкинъ, кн Вяземскій и другія извѣстныя лица были въ числѣ ихъ. Самъ Перовскій, человѣкъ, какъ про него говорили, «по-европейски образованный», былъ желательнымъ собесѣдникомъ въ кружкѣ ученыхъ людей, а его жизненный опытъ при молодыхъ лѣтахъ придавалъ еще болѣе вѣса его сужденіямъ — голосъ Перовскаго тогда уже имѣлъ свое значеніе.

Въ 1822 году Перовскій сильно заболѣлъ и принужденъ былъ уѣхать въ Италію, гдѣ и пролѣчился почти два года. Въ 1824 году онъ вернулся въ Петербургъ. Послѣ кончины императора Александра Павловича, состоя адъютантомъ при Николаѣ Павловичѣ, Перовскій исполнялъ его приказанія во время междуцарствія; при вступленіи же на престолъ императора Николая I, Перовскій въ чинѣ полковника былъ назначенъ флигель-адъютантомъ и, находясь при императорѣ во время возмущенія 14-го декабря 1825 года, получилъ ударъ въ спину полѣномъ, когда толпа мятежниковъ, собравшихся на Исаакіевской площади, грозила нападеніемъ на государя. Въ 1827 году императоръ Николай I послалъ Перовскаго изслѣдовать безпорядки въ Черноморіи. Среди зимы Василій Алексѣевичъ прибылъ въ Керчь, затѣмъ въ Екатеринодаръ, гдѣ и изслѣдовалъ поступки атамана черноморскихъ казаковъ Власова, обвинявшагося въ злоупотребленіяхъ, а оттуда выѣхалъ въ Тамань въ началѣ апрѣля 1828 г. Теперь Перовскому пришлось дѣйствовать противъ крѣпости Анапы. Собравъ небольшой отрядъ, порученный его начальству, Василій Алексѣевичъ засѣлъ въ камышахъ Кубани и ожидалъ появленія флота, чтобы перейти рѣку и одновременно съ флотомъ атаковать крѣпость. Между тѣмъ флотъ, задержанный встрѣчнымъ вѣтромъ, не приходилъ, но когда, наконецъ, 2-го мая показались на горизонтѣ корабли, крѣпость была взята, и въ этомъ славномъ дѣлѣ П. выказалъ свою обычную храбрость и распорядительность; за это онъ получилъ орд. Георгія 4-й ст. Въ томъ же году Перовскій принималъ дѣятельное участіе во взятіи Варны, но во время штурма онъ былъ раненъ въ лѣвую сторону груди. Пулю пришлось вырѣзывать, и операція эта вмѣстѣ съ прежней контузіей въ спину, весьма неблагопріятно отозвалась на его богатырскомъ до того здоровьѣ; въ особенности пострадали его легкія, вслѣдствіе чего Василій Алексѣевичъ всегда носилъ на лѣвомъ боку фонтонель. По выздоровленіи отъ раны и послѣокончанія Турецкой войны, В. А. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры (28-го іюня 1828 г.) съ назначеніемъ въ Свиту Его Величества и получилъ орденъ св. Анны 1-й степени, а затѣмъ отправился въ Италію къ умиравшему другу своему, племянницѣ Жуковскаго А. А. Воейковой, къ которой, какъ и къ дядѣ ея, питалъ самую теплую дружбу. П. по возвращеніи изъ отпуска въ 1829 году П. былъ назначенъ директоромъ Канцеляріи Морского штаба и зачисленъ въ корпусъ флотскихъ штурмановъ. Теперь уже совершенно подготовленный къ самостоятельной дѣятельности, испытанной и жизнью, и рядомъ военныхъ дѣлъ, съ выработанными взглядами и характеромъ умственно и научно развитой, любимый императоромъ, Перовскій не смотря на свой небольшой чинъ вдругъ получилъ важный и отвѣтственный постъ. Въ 1833 г. на 38-мъ году, въ чинѣ генералъ-маіора, Василій Алексѣевичъ былъ назначенъ

на мѣсто скоропостижно умершаго 20-го марта того же года генералъ-адъютанта графа Павла Петровича Сухтелена,— Оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Оренбургъ впервые со дня своего существованія встрѣчалъ такого молодого губернатора: до того времени постъ начальника обширнаго Оренбургскаго края, пограничнаго въ тѣ времена, когда орды дикихъ кочевниковъ постоянно производили на него набѣги, занимали люди старые, заслуженные, испытанные временемъ и имѣвшіе административный опытъ: Ив. Ив. Неплюевъ, князь А. А. Путятинъ, И. В. Якоби, баронъ О. А. Игельстромъ, князь Г. С. Волконскій и другіе. Молодой Перовскій прибылъ въ край, будучи снабженъ огромными полномочіями, какихъ еще не имѣли его предшественники и когда, по пріѣздѣ его въ Оренбургъ, начальникъ 26-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ Жемчужниковъ не захотѣлъ явиться къ нему, считая себя старшимъ, то былъ тотчасъ уволенъ въ отставку, а Перовскій вслѣдъ за этимъ случаемъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты (6-го декабря 1833) съ назначеніемъ генералъ-адъютантомъ. Первой заботой П. по пріѣздѣ въ Оренбургъ, было ознакомленіе съ новымъ краемъ, особенно съ пограничной полосой его, гдѣ подданные наши киргизы, кочевавшіе по степямъ, начинающимся за Ураломъ, дѣлали набѣги на русскіе поселки и даже на пригороды, увозили русское населеніе далеко въ степи и продавали ихъ тамъ въ рабство хивинцамъ и въ Бухару. Преслѣдованіе хищниковъ являлось невозможнымъ, степи были совершенно неизвѣстны русскимъ, и углублявшіеся далеко въ нихъ казаки зачастую гибли сами, попадаясь въ руки кочевниковъ. Во избѣжаніе этого бывшій губернаторъ князь Волконскій строго запретилъ преслѣдовать киргизовъ и далеко углубляться въ степи. Такимъ образомъ, киргизы свободно грабили имущество русскихъ крестьянъ, угоняли табуны, стада и часто безнаказанно увозили людей. Одиночному жителю нельзя было выйти за городъ. Адаевцы, эти самые смѣлые и безпокойные киргизы, особенно отличались дерзкими нападеніями; они занимали ю.-в. полосу Каспійскаго побережья и, вслѣдствіе отдаленности и недоступности, упорно отстаивали свою независимость, служа единовѣрной Хивѣ и презирая законы и власть надъ ними Россіи. Вотъ въ это то тяжелое время и прибылъ въ край Перовскій. Онъ обратилъ особенное вниманіе на дерзкихъ кочевниковъ и старался оградить русское населеніе отъ ихъ хищническихъ набѣговъ. Для этой цѣли Перовскій сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ на пути ихъ движенія, на берегу залива Мертваго Култука (Койдакъ, или заливъ Цесаревича) укрѣпленіе, которое и было окончено уже къ осени 1834 года и названо Ново-Александровскимъ. (Въ 1846 году это укрѣпленіе было перенесено на Мангышлакскій полуостровъ къ Тюкъ Карагайскому заливу съ переименованіемъ въ «Ново-Петровское», нынѣ фортъ Александровскій). Для поддержанія же сообщенія этого укрѣпленія съ Гурьевымъ городкомъ, конечнымъ пунктомъ Оренбургскаго края, Перовскимъ была выработана особая система промежуточнаго сообщенія посредствомъ пикетовъ. Военныя занятія не мѣшали Василію Алексѣевичу заниматься и прочими нуждами своей губерніи: онъ интересовался сельскимъ хозяйствомъ, открылъ въ Троицкѣ, гдѣ вовсе не имѣлось школъ, въ томъ же году уѣздное училище и заложилъ сразу нѣсколько зданій въ Оренбургѣ. Въ 1835 году по представленію Перовскаго о необходимости проложенія новой укрѣпленной линіи отъ крѣпости Орской по прямому направленію степью къ сѣверо-востоку на рѣку Уй до редута Березовскаго, ходатайство его было утверждено въ томъ же году (5-го марта), и подъ личнымъ наблюденіемъ П. были воздвигнуты на этомъ пространствѣ укрѣпленія: Наслѣдницкое, Константиновское, Николаевское и Михайловское съ редутами, между которыми были еще устроены пикеты съ наблюдательными маяками. Какъ бы на зло Перовскому, со времени постановки имъ укрѣпленій кочевники стали съ еще большею смѣлостью производить нападенія. Весною 1836 года ими былъ увезенъ смотритель Эмбенскихъ водъ, лѣтомъ у рѣки Иргиза былъ ограбленъ караванъ и т. д. Наконецъ, когда осенью на Каспійскомъ морѣ былъ взятъ въ плѣнъ русскій че-

тырехъ-пушечный ботъ съ командиромъ, орудіями и всей командой, Перовскій, возмущенный подобною дерзостью киргизовъ, послалъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Дренякина отрядъ, состоявшій изъ 1000 человѣкъ башкировъ при 2-хъ орудіяхъ и 30 стрѣлкахъ, посаженныхъ на коней. Отрядъ этотъ 4-го іюля 1836 года выступилъ изъ Орска, въ теченіе 20-ти дней настигъ хищниковъ въ 500 верстахъ отъ Оренбурга и вернулъ все взятое ими, захвативъ множество скота и плѣнныхъ. Затѣмъ П. командировалъ войскового старшину Осипова съ тремя сотнями казаковъ наказать Адаевцевъ, дерзнувшихъ напасть на Ново-Александровское укрѣпленіе. Осиповъ, благодаря прекрасной инструкціи Перовскаго, предусматривавшей всѣ случайности, а также благодаря мужеству казаковъ и личной храбрости, разбилъ скопища въ пескахъ Туйсуйчана, близъ крѣпости Кулашной. Для того, чтобы окончательно отучить адаевцевъ нападать на русскія укрѣпленія, Перовскій начерталъ новый планъ для предстоящаго урока. Для этого онъ предпринялъ въ 1836 году набѣгъ 550 уральскихъ казаковъ подъ командою полковника Мансурова къ полуострову Бузачи. Выступивъ 20-го декабря, уральцы въ Усть-Уртской пустынѣ настигли киргизовъ, многихъ перебили и взяли въ плѣнъ, освободили русскихъ, захваченныхъ кочевниками и угнали столько скота, что продажей его были возмѣщены всѣ расходы по набѣгу. 24-го января 1837 г. уральцы вернулись въ укрѣпленіе, сдѣлавъ по степи въ 21 день, зимою при 25° холода, болѣе 1000 верстъ. Эти уроки, успѣшно преподанные киргизамъ только благодаря умѣлой распорядительности Перовскаго, и водворили полный порядокъ. Весь 1837 годъ прошелъ спокойно, и Василій Алексѣевичъ посвятилъ его мирнымъ занятіямъ. Желая поднять торговлю въ краѣ, онъ исходатайствовалъ еще на 6 лѣтъ продолженіе безпошлинной торговли, предоставивъ русскимъ купцамъ всевозможныя льготы. Для увеличенія же дохода казны и въ видѣ нѣкоторой мѣры наказанія для кочевого населенія, онъ установилъ особый сборъ за пропускъ киргизскаго скота на внутреннюю сторону Оренбургской линіи. Кромѣ того, имъ былъ учрежденъ также кибиточный сборъ съ киргизовъ прилежащихъ къ Оренбургской губерніи ордъ. Въ краѣ водворилось спокойствіе, и только въ серединѣ 1838 года киргизы средней орды начали открыто дѣйствовать противъ Россіи. Три главныхъ возмутителя: Серезанъ Каипъ Галіевъ, батырь Джуламанъ и Исетай собрали большія скопища чужеземцевъ и произвели рядъ смѣлыхъ нападеній на русскія укрѣпленія. Положеніе становилось серьезнымъ; Перовскій видѣлъ, что здѣсь не киргизы играли главную роль: онъ сразу устремилъ свой взоръ на настоящій источникъ всѣхъ золъ — на Хиву. Разбивъ на голову шайку Исетая, потомъ на Эмбѣ (полковникъ Геке) Джуламана и др., Перовскій заставилъ мятежниковъ принести повинную, а главарей ихъ бѣжать въ Хиву и продолжалъ бороться съ самымъ опаснымъ и настойчивымъ врагомъ-султаномъ Кениссарой Кассимовымъ. Но не это безпокоило Перовскаго — онъ зналъ прекрасно, что въ концѣ концовъ дерзкіе барантачи (разбойники) покорятся русскому оружію; это обстоятельство меньше безпокоило его, нежели мысль, что у хивинскаго хана томилось до 2000 человѣкъ русскихъ плѣнниковъ, которыми хивинцы торговали, скупая ихъ у киргизовъ за высокую плату. Гибель одного изъ такихъ плѣнниковъ, Щукина, живьемъ зарытаго въ землю, заставила Василія Алексѣевича дѣйствовать энергичнѣе, тѣмъ болѣе, что не одинъ только Щукинъ нашелъ себѣ въ Хивѣ мученическую смерть. Когда въ 1836 году на пограничную линію нашу вышло изъ Хивы до 500 купеческихъ каравановъ съ азіатскими товарами на сумму свыше $1^1/_2$ милліона рублей, Василій Алексѣевичъ тотчасъ же приказалъ задержать ихъ и до тѣхъ поръ не выпускать изъ границъ Россіи, пока хивинскій ханъ не освободитъ русскихъ плѣнныхъ. Мѣра эта помогла, и въ слѣдующемъ, 1837 году, въ первый разъ 25 русскихъ плѣнниковъ были освобождены изъ неволи. 18-го ноября прибыли несчастные въ Оренбургъ и были встрѣчены Перовскимъ со всѣмъ городомъ; въ числѣ плѣнныхъ былъ старикъ, который пробылъ въ плѣну 55 лѣтъ. Увидя, что хивинцы выслали людей, которые имъ были уже

не пригодны къ работѣ, Перовскій сразу понялъ уловку хана и не поддался на нее. За присланныхъ плѣнныхъ онъ освободилъ только пятерыхъ хивинскихъ купцовъ, а остальные по прежнему остались на линіи. Видя, что Перовскій шутить не любитъ, хивинцы въ слѣдующемъ году прислали еще 5 плѣнниковъ, а въ 1839 году разомъ 80 человѣкъ. Послѣдніе прибыли въ городъ 16-го августа, въ день коронаціи, и самъ начальникъ края угощалъ ихъ обѣдомъ: онъ, бывшій въ плѣну у французовъ, ближе всѣхъ понималъ, что должны были испытывать вернувшіеся. Прибывшимъ посламъ хивинскаго хана Перовскій еще разъ объявилъ свое требованіе и одного отпустилъ въ Хиву, а другого задержалъ до возвращенія изъ плѣна всѣхъ безъ исключенія русскихъ невольниковъ. Новые набѣги, очевидно съ цѣлью пополненія возвращенныхъ невольниковъ, сильно повліяли на П. и онъ теперь настойчивѣе началъ хлопотать о походѣ въ Хиву. Еще съ 1833 г., передъ назначеніемъ своимъ въ Оренбургъ, Перовскій думалъ о хивинскомъ походѣ, но его представленіе по этому вопросу не увѣнчалось тогда успѣхомъ: въ военныхъ и придворныхъ сферахъ не сочувствовали стремленіямъ П., указывая на трудность движенія по безводнымъ степямъ и вспоминая при этомъ трагическую смерть князя Бековича-Черкасскаго, а также вслѣдствіе рискованности огромныхъ затратъ, которыя, по мнѣнію военнаго министра А. И. Чернышева, не могли ничѣмъ окупиться.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1838 г. П. готовился къ пріему великаго князя цесаревича Александра Николаевича, совершавшаго вмѣстѣ со своимъ наставникомъ Жуковскимъ образовательное путешествіе по Россіи. Много хлопотъ Перовскому стоили эти приготовленія, но 28-го іюня онъ, наконецъ, встрѣтилъ августѣйшаго гостя. Возвращаясь изъ Илецкой защиты, куда наслѣдникъ ѣздилъ 14-го іюня осматривать соляныя копи, его императорское высочество былъ остановленъ уральцами, которые подали ему коллективную жалобу на Перовскаго и на различные новые порядки, введенные имъ. Наслѣдникъ былъ очень взволнованъ неожиданностью остановки, но Перовскій вскорѣ привелъ все въ порядокъ, а потомъ раздѣлался съ казаками, когда получилъ царское повелѣніе «выбить дурь изъ уральцевъ».

Между тѣмъ, мечты П. начинали осуществляться; поведеніе хивинскаго хана уже начинало выводить изъ себя и терпѣливое правительство. Теперь составленный Перовскимъ проектъ походовъ въ Хиву былъ принятъ и принциціально уже рѣшенъ; ожидали лишь окончанія военныхъ дѣлъ Англіи въ Афганистанѣ, для того, чтобы вліяніе наше было выше въ Средней Азіи. Предполагалось смѣстить безпокойнаго хана Хивы и посадить вмѣсто него султана Кайсадскаго. 12-го марта 1839 г. состоялось, наконецъ, утвержденіе журнала особой Коммиссіи, состоявшей изъ вице-канцлера графа Несельроде, военнаго министра Чернышева и Оренбургскаго военнаго губернатора Перовскаго; въ журналѣ этомъ, между прочимъ, было постановлено сохранять втайнѣ цѣль движенія отряда вглубь азіатскихъ степей, назвавъ оффиціально это движеніе войскъ экспедиціею съ научною цѣлью для изслѣдованія оазисовъ средне-азіатскихъ пустынь. Успѣхъ предпріятія противъ Хивы, по мнѣнію Перовскаго, заключался въ хорошемъ снаряженіи отряда, въ обезпеченіи продовольствія и въ правильномъ выборѣ времени выступленія. Разсмотрѣвъ всѣ извѣстные пути, Перовскій остановился на линіи отъ Илецкой защиты на Усть Юртъ и, предполагая до Хивы 1.250 верстъ, разсчитывалъ пройти туда въ 50 переходовъ, не дѣлая ихъ длиннѣе 25 верстъ.

Въ составъ экспедиціоннаго отряда Перовскимъ были назначены $3^1/_2$ баталіона изъ отборныхъ людей 22-й дивизіи, два батарейныхъ, 4 конныхъ казачьихъ орудія, 8 горныхъ единороговъ и 3 казачьихъ полка: Уральскій, Башкирскій и Оренбургскій. Кромѣ обыкновенной артиллеріи отрядъ былъ еще снабженъ мортирами, ракетами генерала Шильдера, ракетами для сигналовъ и фальшфейерами. При отрядѣ находились также двѣ разборныхъ лодки и шесть бударъ (челновъ) для могущихъ встрѣтиться переправъ. Для поднятія всего транспорта было назначено къ закупкѣ 12.000 верблюдовъ. Предполагая, что экспедиція затянется за полъ-года, Перовскій рѣшилъ двухмѣсячное продовольствіе поднять на вер-

блюдахъ, а также сложить его на пути слѣдованія отряда. Независимо отъ складовъ, Перовскій признавалъ необходимымъ обезпечить продовольствіе отряда во время его пребыванія въ Хивѣ, куда бы оно могло быть привезено изъ ближайшихъ морскихъ пунктовъ; этимъ пунктомъ онъ избралъ Ново-Александровское укрѣпленіе, куда должно было быть доставлено 2.500 четвертей сухарей и 250 четвертей крупъ. Солдатамъ въ пути предполагалось отпускать мясную и винную порцію. Отрядъ долженъ былъ поднять собою полный комплектъ боевыхъ зарядовъ и патроновъ. Кромѣ того, полъкомплекта зарядовъ и милліонъ патроновъ находились: одна половина въ запасномъ артиллерійскомъ паркѣ, слѣдовавшемъ при отрядѣ, а другая—на становищахъ. Понимая, что киргизы могли принести большую пользу отряду, Перовскій, опытный въ обращеніи съ туземцами, достигъ ихъ расположенія щедрыми подарками, розданными старшинамъ и простымъ киргизамъ.

Временемъ выступленія въ походъ Перовскій избралъ весну 1840 года, но, вслѣдствіе оказавшихся потомъ не заслуживавшими уваженія совѣтовъ генерала С. Т. Ціолковскаго, умѣвшаго снискать довѣріе Перовскаго, измѣнилъ свое рѣшеніе. Ловкій полякъ, замѣшанный въ возстаніи 1831 года, сумѣлъ сдѣлаться необходимымъ человѣкомъ и совѣтникомъ Перовскаго; онъ отговорилъ его имѣть въ отрядѣ начальника штаба, отсовѣтовалъ назначать провіантмейстера и вагенмейстера, увѣряя, что тѣ непремѣнно будутъ воровать; онъ взялъ на себя самого обязанность заготовить фуражъ для кавалеріи, начальникомъ которой онъ былъ и назначенъ; Ціолковскому, поэтому, не выгодно было выступленіе раннею весною; онъ гораздо больше бы нажилъ, если бы отрядъ выступилъ зимой; съ этою цѣлью Ціолковскій сумѣлъ убѣдить Перовскаго, что движеніе лѣтомъ по безводной степи будетъ гибельно для отряда, который не будетъ въ состояніи удовлетворить себя водою, между тѣмъ какъ зимою отрядъ не будетъ терпѣть отъ недостатка ея. Въ виду рѣшенія не имѣть вагенмейстера, верблюды не были куплены въ собственность экспедиціи, а наняты съ киргизами лаучами (возчиками). Перовскій поддался увѣреніямъ ловкаго поляка и послалъ государю донесеніе о выступленіи своемъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1839 г.

Выработавъ типъ теплой одежды (которая, однако, оказалась на практикѣ никуда не годной) Перовскій выслалъ 21-го октября изъ Оренбурга первый транспортъ, а затѣмъ въ 4 дня четырьмя колоннами двинулся и весь отрядъ. Съ перваго дня выступленія ударилъ морозъ въ 30°, но люди шли бодро, и у Джанчи-Карабулакъ, въ 150 верстахъ отъ Оренбурга, оказалось только 34 больныхъ; 5-го декабря отрядъ прибылъ въ Бишъ-Тамакъ, въ 270 верстахъ отъ Оренбурга. Между тѣмъ, Перовскій начиналъ тревожиться донесеніями, получаемыми со становищъ; тамъ люди болѣли цингою и горячкою вслѣдствіе перемѣны климата и воды. 19-го декабря, въ 500 верстахъ отъ Оренбурга, на 32-й день выступленія, отрядъ былъ на рѣкѣ Эмбѣ; здѣсь число больныхъ росло съ каждымъ днемъ; 34 человѣка уже умерло, а въ безнадежномъ состояніи находилось 202. Во время пребыванія въ укрѣпленіи Аты-Якши Перовскій получилъ донесеніе отъ начальника Акбулакскаго укрѣпленія о первомъ натискѣ хивинцевъ, отбитомъ 18-го декабря съ потерей съ нашей стороны 5 убитыхъ и 13 раненыхъ.

13-го января 1840 г. Перовскій прибылъ въ Акъ-Булакъ. Снѣгъ покрывалъ глубокимъ слоемъ весь путь; морозы и вьюги были постоянными спутниками отряда. Верблюды дохли, люди умирали, провіантъ не приходилъ въ виду того что пароходы были затерты льдами. Штабъ Перовскаго, состоявшій изъ людей, жаждавшихъ легкаго отличія, роптalъ; изнѣженные офицеры, не привыкшіе къ подобной обстановкѣ, рвались домой. Изъ 10.000 верблюдовъ осталось всего 5.200, а въ строю осталось только 1.900 человѣкъ,—остальные умерли по пути. Тутъ Перовскій понялъ свою ошибку и проклиналъ Ціолковскаго, кавалерія, котораго также сидѣла безъ фуража. Въ виду такого тяжелаго положенія, Перовскій рѣшилъ отступить, подкрѣпляя свои заключенія тою мыслью, что лучше быть побѣжденнымъ стихіями, нежели потерять отрядъ, не нанеся никакого вреда непріятелю.

Къ 18-му февраля стянулся отрядъ

на рѣку Эмбу, потерявъ еще 1.800 верблюдовъ. Только 8-го іюня войска вступили обратно въ Оренбургъ, привезя съ собою 680 больныхъ цингою и оставивъ въ степяхъ похороненными 1.000 человѣкъ, да побросавъ въ дорогѣ множество различныхъ запасовъ.

Во время похода П. велъ дѣятельную переписку съ военнымъ министромъ графомъ Чернышевымъ и московскимъ почтъ-директоромъ А. Я. Булгаковымъ, письма къ которому были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1878 г. (т. II, стр. 34 и слѣд.). Въ нихъ В. А. въ самыхъ яркихъ краскахъ описывалъ всѣ невзгоды и лишенія, которыя выпали на долю его отряда. Однако, Перовскій даже и въ походѣ сумѣлъ окружить себя такими людьми, какъ извѣстный «Казакъ Луганской» В. И. Даль, В. В. Григорьевъ, Ильминскій, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и Як. Влад. Ханыковъ, къ сожалѣнію (за исключеніемъ В. И. Даля), не оставившіе своихъ воспоминаній объ этой экспедиціи. Близость же къ Перовскому Ціолковскаго была для всѣхъ загадочна и не соотвѣтствовала тому обществу, которое окружало Василія Алексѣевича даже и въ хивинскихъ степяхъ. Строгій, но справедливый Перовскій по отношенію къ этому человѣку держалъ себя очень странно. Звѣрства, которыя дозволялъ себѣ Ціолковскій въ обращеніи съ измученными солдатами, возмущали весь отрядъ, но Перовскій на все это смотрѣлъ сквозь пальцы; близость этого человѣка была одною изъ темныхъ страницъ дѣятельности П. Даже государь, узнавъ о томъ, что довѣреннымъ лицомъ у его любимца былъ Ціолковскій, писалъ Василію Алексѣевичу, прося его держаться подальше отъ «ссыльнаго поляка», но Перовскій и здѣсь не измѣнилъ себѣ.

Возвратился П. изъ похода въ ночь на 14-е апрѣля 1840 г., измученный нравственно и физически, подъ тяжкимъ давленіемъ сознанія своей неудачи. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы лично объяснить все государю. Однако, до отъѣзда своего онъ занялся окончаніемъ разграниченія степей Сибирскихъ и Оренбургскихъ вѣдомствъ, исходатайствовалъ для охраненія спокойствія въ краѣ право судить киргизовъ военнымъ судомъ и, считая ихъ полезными для Россіи лишь какъ кочевое населеніе, не допускалъ киргизовъ до осѣдлости. Между тѣмъ, благодаря его же хлопотамъ русскіе купцы, торговавшіе въ степныхъ укрѣпленіяхъ и считавшіеся купцами 2-ой гильдіи, пользовались правами первогильдейства. Сверхъ того, Перовскій открылъ приходскія школы въ Троицкѣ и Челябинскѣ и учредилъ въ г. Оренбургѣ библіотеку, въ которую выписывались не только русскія, но и иностранныя изданія. Въ настоящее время эта библіотека принадлежитъ Оренбургскому отдѣлу Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1840 г. П. оставилъ Оренбургъ, а въ іюнѣ докладывалъ государю о своей неудачной экспедиціи, выхлопотавъ награды чинамъ отряда за тѣ лишенія, которыя перенесли они во время суровой зимы въ азіатскихъ степяхъ.

Чувствуя себя не въ силахъ снова обратиться къ административнымъ работамъ, Перовскій просилъ государя отпустить его лѣчиться за-границу, такъ какъ турецкая рана его открылась и вообще весь организмъ сильно расшатался. вслѣдствіе невыгодныхъ климатическихъ условій, во время Хивинскаго похода. Въ 1842 г., согласно прошенію, Василіи Алексѣевичъ былъ уволенъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта, а въ 1843 г. произведенъ былъ въ генералы-отъ-кавалеріи. За этотъ промежутокъ времени Перовскій лѣчился за-границей, и, «залѣчивъ свою тяжелую турецкую рану», вернулся въ Петербургъ. Въ 1845 г. онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-ой степени, а въ 1847 г. назначенъ членомъ Адмиралтействъ-Совѣта.

Кабинетная дѣятельность и засѣданія въ Государственномъ Совѣтѣ были не по сердцу Перовскому, привыкшему къ самостоятельной дѣятельности; онъ уже успѣлъ вполнѣ отдохнуть душою и тѣломъ и снова его тянуло въ степи, въ которыхъ онъ пережилъ столько лишеній и невзгодъ, но которыя не переставали быть цѣлью его стремленій. Идея о проложеніи путей въ Азію не переставала его занимать, и онъ снова началъ хлопотать о назначеніи его въ Оренбургъ.

Хлопоты эти на первыхъ порахъ оказались неудачными, но, наконецъ, государь уступилъ просьбамъ своего любимца, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1851 года состоялся приказъ о назначеніи генерала-отъ-кавалеріи, генералъ-адъютанта Перовскаго генералъ-губернаторомъ Оренбургской и Самарской губерній. Соединеніе этихъ губерній было спеціально сдѣлано для того, чтобы создать постъ, на который было бы прилично назначить заслуженнаго Перовскаго. 29-го мая 1851 г. онъ прибылъ уже въ Оренбургъ, принялъ управленіе отъ генерала В. А. Обручева и со всей энергіей, присущей ему, занялся обозрѣніемъ того, что было сдѣлано за его девятилѣтнее отсутствіе. Теперь уже не Хива, а кокандцы не давали покою Россіи; они подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей производили нападенія на нашихъ подданныхъ киргизовъ, брали съ нихъ подати, угоняли скотъ, словомъ—поступали такъ же, какъ хивинцы до 1839 г. Это обстоятельство заставило Перовскаго выступить въ 1853 г. изъ Оренбурга съ отрядомъ въ 2.170 человѣкъ при 12 орудіяхъ для занятія Кокандской крѣпости Акъ-Мечеть; 7-го іюня отрядъ прибылъ въ Аральское укрѣпленіе, откуда, по соединеніи съ гарнизономъ этого укрѣпленія, выступилъ далѣе. Во время движенія отряда къ Акъ-Мечети, Перовскій приказалъ заложить укрѣпленія: одно при истокѣ рукава Казалы и Сыра, другое—при впаденіи въ Сыръ-Дарью Караузляка; первое названо было «Фортъ № 1», а второе «Фортъ № 2», а затѣмъ еще была занята крѣпостца Кумышъ-Курганъ, названная «Фортъ № 3».

2-го іюля Акъ-Мечеть была обложена нашими войсками подъ личнымъ руководствомъ генералъ-адъютанта Перовскаго. Желая избѣжать кровопролитія, начальникъ отряда поѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости для мирныхъ переговоровъ съ кокандцами, но по немъ былъ открыть огонь, такъ что какіе бы то ни было переговоры были невозможны. Узнавъ о томъ, что въ Акъ-Мечеть спѣшитъ подкрѣпленіе изъ г. Коканда, Перовскій послалъ генерала Падурова съ 2 сотнями оренбургскихъ казаковъ и 50 башкирцами при 3-хъ-фунтовомъ единорогѣ для занятія крѣпости Джулекъ, лежащей по пути изъ Коканда. 23-го крѣпость эта сдалась, а 27-го отрядъ возвратился обратно. Между тѣмъ, осадныя работы приходили къ концу, и въ ночь на 28-е іюля Перовскій, собравъ военноначальниковъ, объяснилъ каждому его задачу. Въ 3½ часа по полуночи Перовскимъ былъ данъ сигналъ для взрыва. Были пущены 3 ракеты, черезъ нѣсколько минутъ земля вздрогнула и при блѣдномъ свѣтѣ зари поднялись надъ миною и рухнулись обратно 2 тяжелыя глыбы земли; густое облако пыли заволокло крѣпость и страшный вопль раздался внутри ея. Дѣйствіе взрыва было произведено очень удачно. Часть сѣверной стѣны открыла проломъ въ 10 саженъ ширины. Изъ крѣпости открытъ былъ сильный ружейный огонь. По приближеніи къ бреши первой роты капитана Шкуна съ командою охотниковъ лейтенанта Эрдели во главѣ, огонь съ нашихъ батарей былъ прекращенъ. Два раза атаковали брешь солдаты и матросы, и оба раза съ большимъ урономъ отступали ко рву. Наконецъ, третья атака увѣнчалась успѣхомъ; подошедшая вторая рота и 50 казаковъ вмѣстѣ съ остальными бросились на башни, находившіяся справа и слѣва отъ бреши, и овладѣли ими. Весь штурмъ длился 20 минутъ, а въ 4¼ часа крѣпость пала. Комендантъ ея Мухаметъ-Вали былъ убитъ при самомъ началѣ штурма, всѣ сподвижники его, между ними и сотникъ Лефесъ, начальствовавшій надъ крѣпостью при прошлогоднемъ ея штурмѣ, произведенномъ полк. Бларамбергомъ, легли, какъ обѣщались. Изъ крѣпостныхъ валовъ было собрано 230 труповъ, въ плѣнъ было взято 74 человѣка, въ томъ числѣ 35 раненыхъ. Наши потери состояли изъ 9 убитыхъ и 39 раненыхъ нижнихъ чиновъ и 2 тяжело и 5 легко раненыхъ офицеровъ. Во время осадныхъ работъ умерло отъ ранъ 25 человѣкъ, за то съ самаго прибытія отряда подъ Акъ-Мечеть ни одинъ человѣкъ не умеръ отъ болѣзней. Перовскій приложилъ всѣ свои заботы къ тому, чтобы обезпечить здоровье людей: онъ самъ постоянно осматривалъ пищу, самъ руководилъ работами, не позволяя людямъ переутомляться. Подъ непріятельскими пулями и оружейнымъ огнемъ В. А. объѣзжалъ батареи, ободряя солдатъ и внушая имъ отвагу и храбрость. «Считаю

долгомъ еще разъ упомянуть»—писалъ онъ въ своемъ донесеніи, «вообще о нижнихъ чинахъ отряда. Всѣ они: саперы, артиллеристы, линейная пѣхота, казаки, башкиры находились во время осады безсмѣнно либо на батареяхъ, либо занимаясь проложеніемъ редутовъ. И, несмотря на работу въ ночную сырость и дневной жаръ, подъ мѣткимъ огнемъ противника, люди нисколько не теряли бодрости и трудныя обязанности свои отправляли весело съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ». Въ Акъ-Мечети Перовскимъ было взято 2 бунчука, 8 значковъ, 2 мѣдныхъ орудія, нѣсколько фальконетовъ, 66 крѣпостныхъ ружей, 150 шашекъ, 2 кольчуги и много боевыхъ запасовъ. По взятіи Акъ-Мечети генералъ-адъютантъ Перовскій заложилъ новое укрѣпленіе на мѣстѣ павшей крѣпости, которое и было закончено къ 31-му августа и названо «Фортомъ Перовскимъ». Такъ образовалась Сыръ-Дарьинская укрѣпленная линія, имѣвшая въ то время огромное значеніе.

Начавъ такимъ блестящимъ образомъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ, Перовскій находилъ необходимымъ укрѣпиться на занятыхъ мѣстахъ и разъ навсегда открыть свободный доступъ русскимъ въ Среднюю Азію, удержавъ за собою берега Сыръ-Дарьи. Между тѣмъ, кокандцы всѣми силами старались разрушить стремленіе Перовскаго, и шайки ихъ не замедлили появиться въ виду форта. 24-го августа Перовскій отправилъ подъ начальствомъ сотника Бородина отрядъ въ 275 человѣкъ, который, будучи атакованъ превосходными силами противника, отбивался съ 11 часовъ утра до сумерокъ и понесъ небольшія потери, оставивъ четырехъ убитыми и ранеными 21 человѣка, въ томъ числѣ 2 офицеровъ. 16-го, 17-го и 18-го декабря кокандцы появились у Джулека; 16-го они предприняли обходъ форта, но, встрѣченные отрядомъ полковника Огарева, были имъ обращены въ бѣгство. Трофеями побѣды были 4 бунчука, 7 знаменъ, 17 орудій и 130 пудовъ пороху; за то и русскій отрядъ потерялъ убитыми 7 нижнихъ чиновъ и ранеными 2 офицеровъ и 47 нижнихъ чиновъ. Это была первая и послѣдняя попытка кокандцевъ овладѣть «Фортомъ Перовскимъ». Послѣ того Перовскій считалъ, что съ ихъ стороны дерзкія попытки прекратятся, что и исполнилось на дѣлѣ. Въ 1853 же году Перовскимъ были заказаны два парохода для Сыръ-Дарьи, стоившіе правительству 50.000 рублей; при немъ же была основана Аральская флотилія, произведены промѣры Аральскаго моря и изслѣдованы его берега. Это была одна изъ важныхъ заслугъ Перовскаго. Затрудненное движеніе по степямъ сразу облегчилось водянымъ сообщеніемъ, и суда къ тому же были гарантированы отъ нападенія кочевниковъ, не имѣвшихъ возможности преслѣдовать пароходы.

Въ 1854 году Перовскій получалъ донесенія о военныхъ приготовленіяхъ въ Кокандѣ и Ташкентѣ, а потому главнымъ образомъ спѣшилъ обезпечить безопасность линіи, для чего вошелъ съ представленіемъ объ увеличеніи числа гарнизоновъ въ укрѣпленіяхъ. По его представленію былъ сформированъ баталіонъ тысячнаго состава, предназначенный для службы по Сыръ-Дарьинской линіи. Не разъ самъ Перовскій, верхомъ или на почтовыхъ, объѣзжалъ укрѣпленную линію, стараясь врасплохъ застать подчиненныхъ. Всѣ знали строгость своего начальника и держали себя на чеку.

Кончина императора Николая сильно отразилась на Перовскомъ. Энергія его вдругъ упала; между тѣмъ, вступившій на престолъ молодой императоръ Александръ II ласково отнесся къ Василію Алексѣевичу: 19-го февраля 1855 года, въ день восшествія своего на престолъ, государь написалъ ему письмо, характеризовавшее отношеніе молодого монарха къ Перовскому: «Что во мнѣ происходитъ, любезнѣйшій Василій Алексѣевичъ», писалъ государь, «Вы поймете! Спасибо Вамъ, отъ имени незабвеннаго благодѣтеля нашего, за Вашу долговременную вѣрную и усердную службу при немъ. Я Васъ знаю и Вы меня знаете. Будьте тѣмъ, чѣмъ всегда были. Обнимаю Васъ отъ души». Конечно, письмо это произвело сильное впечатлѣніе на Василія Алексѣевича, но все же онъ чувствовалъ, что время его прошло. Въ августѣ П. поѣхалъ въ Петербургъ проводить на коронацію молодого царя и просить его объ увольненіи на отдыхъ. Но государь обласкалъ Перовскаго и 26-го августа 1856 г., въ день священнаго коронованія,

пожаловалъ его высшей наградой—бриллiантовыми знаками ордена Андрея Первозваннаго (еще ранѣе, 17-го апрѣля 1855 г., возвелъ его въ графское достоинство). Такая царская милость не дала возможности Перовскому отказаться отъ своей помощи въ трудную минуту первыхъ дней царствованія, и онъ, ободренный, обласканный, съ еще большею нравственною силою вернулся въ Оренбургъ продолжать начатое дѣло. Однако, уже 31-го декабря 1856 г., по настоянію Перовскаго прибылъ въ Оренбургъ генералъ А. А. Катенинъ, чтобы подъ его руководствомъ подготовиться къ предназначенной для него должности Оренбургскаго генералъ-губернатора, но Перовскій оставался полнымъ начальникомъ края до 7-го апрѣля 1857 года. За это послѣднее время своего пребыванія въ краѣ, Перовскій, для предупрежденія на будущее время безпорядковъ на Сыръ-Дарьинской линіи, счелъ за необходимость взять Хивинское укрѣпленіе Ходжа-Ніязъ, лежавшее въ 150 верстахъ отъ «Форта Перовскаго» и въ 85-ти верстахъ отъ «Форта № 2». По занятіи укрѣпленій, П. разрушилъ его и возвратился въ «Фортъ Перовскій. Это была послѣдняя военная экспедиція Василія Алексѣевича. Здоровье его ухудшалось, онъ жаловался на боль въ раненомъ боку и, наконецъ, 7-го апрѣля 1857 года былъ уволенъ по болѣзни отъ должности генералъ-губернатора Оренбургскаго края и корпуснаго командира, а вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ изъ Оренбурга, скромно отклонивъ проводы подчиненныхъ.

Память о Перовскомъ настолько твердо сохранилась между оренбургскими жителями, что и теперь казаки поютъ о немъ пѣсни. При всей своей строгости, иногда доходившей до жестокости, Перовскій былъ любимъ своими подчиненными; недовольны имъ были только уральцы, да и тѣ болѣе были противъ новыхъ порядковъ, введенныхъ по распоряженію свыше, такъ что Перовскій являлся лишь исполнителемъ руководящей воли.

Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ человѣкомъ высокихъ идеаловъ, сильныхъ страстей и великодушныхъ побужденій. При дарованіяхъ и художественномъ складѣ ума, онъ отличался твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ. Впродолженіе трехъ царствованій онъ сумѣлъ пріобрѣсти полное расположеніе государей, проведя большую часть своей дѣятельности вдали отъ двора и столичнаго блеска. Вслѣдствіе неограниченнаго довѣрія къ П., императоръ Николай давалъ Василію Алексѣевичу особые бланки за своею подписью: на нихъ П. имѣлъ полномочіе написать все, что онъ нашелъ бы нужнымъ. Работая для пользы отечества, Перовскій не щадилъ своего здоровья, которое до того разстроилось, что онъ по совѣту врачей принужденъ былъ уѣхать въ Крымъ, гдѣ и поселился въ имѣніи князя Воронцова—Алупкѣ. Тамъ и скончался графъ Перовскій 8-го декабря 1857 г. Послѣ Василій Алексѣевича не осталось наслѣдниковъ: женатъ онъ не былъ, а побочный сынъ его Алексѣй умеръ въ молодости. Такимъ образомъ, линія Василія Алексѣевича совершенно прекратилась, и онъ умеръ, оставя по себѣ только одно дѣтище «Фортъ Перовскій».

Приложеніе къ III выпуску Сборника «Русскій Туркестанъ»; «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей», 1860 г., кн. I; Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. III, стр. 87 и ч. VII, стр. 208; Письма и бумаги, хранящіяся въ Публичной Библіотекѣ: «Энциклопедическій Словарь Брокгауза», буква П., стр 348; Сборникъ историч. матеріаловъ изъ архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. VII, С.-Пб. 1895 г., стр. 18; Д. И. Романовскій. Замѣтки по средне-азіатскому вопросу. С.-Пб. 1838, стр. 25; Тайное общество и 14-е декабря 1895 г. Лейпцигъ. s a., стр. 55; А. Н. Пыпинъ: «Исторія русской этнографіи», стр. 343. Мѣсяцесловъ на 1859 г., стр. 327; «Военный Сборникъ» 1872 г., № 5, стр. 58; «Историческій Вѣстникъ» 1891, X, 172—182; 1898 г., VIII, стр. 538; «Уральскій Листокъ» 1894 г., № 42 и весь этотъ годъ; «Правительственный Вѣстникъ» 1871 г., № 142; «Русская Старина» 1886 г., т. LII, 1888 г., т. LVII, т. LVIII, т. LIX, т. LX, 1889 г., т. LXI, т. LXIII, 1890 г., т. LXVI, т. LXVIII, 1891 г., т. LXIX, т. LXX, т. LXXII, 1892 г., т. LXXIII, т. LXXIV, т. LXXV, 1894 г., т. LXXXII, іюль, ноябрь, 1895 г., № 4, 1896 г., т. LXXXVI, № 5, стр. 409—429 и № 6, стр. 521—551. 1897 г., октябрь и ноябрь, т. LXXXIX, 1898 г., т. XCV, августъ; «Русскій Архивъ» 1865 г., № 3; 1867 г. (статья В. И. Даля), 1870 г. (въ Запискахъ Имберга), 1872 г., 1873, 1877, кн. 3; 1878, кн. 1—3; 1879 г., кн. 2; 1880, кн. 3; 1881 г., кн. 1; 1883, кн. 3; 1886, кн. 1; 1888, кн. 2; 1889, кн. 1; 1891 г., 1895 г., кн. 2 и 3; 1896 г., кн. 1 и 3; 1897, кн. 1 и 2; «Историческій Вѣстникъ». 1882 г., т. X; 1883, т. XIII; 1886, т. XXIII; 1894, т. LVIII; 1899 г., т. LXXVI. Уже по отпечатаніи этой статьи вышла въ свѣтъ работа И. Н. Захарьина: «Графъ В. А. Перовскій и его зимній походъ въ Хиву», С.-Пб. 1901 г. *Б. Татьевъ.*

Перовскій, графъ *Левъ Алексѣевичъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ, членъ Государственнаго Совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, братъ предыдущихъ, родился 9-го сентября 1792 года. Л. А. Перовскій получилъ прекрасное домашнее воспитаніе, а затѣмъ поступилъ въ Московскій Университетъ, гдѣ окончилъ полный курсъ въ 1811 году кандидатомъ. Къ этому времени относятся его литературныя занятія, плодомъ которыхъ явились переводы его съ французскаго языка нравственно-религіозныхъ разсужденій, напечатанныхъ отдѣльными брошюрами, посвященными графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому (въ то время Попечителю Московскаго Университета) и его брату графу Льву Кирилловичу. Таковы: 1) «Письмо Фенелона къ Людовику XIV». Москва. 1808 г.), 2) «Разсужденія о тщетѣ и опасности свѣта, выбранныя изъ «Журнала для сердца и ума». (Москва. 1808) и 3) «Твердость и непоколебимость духа нѣкотораго Японца въ Христіанской вѣрѣ». (Москва. 1807). По своему желанію, П., по окончаніи университетскаго курса, былъ опредѣленъ въ военную службу (апрѣля 11-го 1811 г.), въ отрядъ Колонновожатыхъ, и вскорѣ зачисленъ въ Свиту Его Императорскаго Величества по квартимейстерской части; около этого времени онъ учился еще въ частной математической школѣ Н. Н. Муравьева. По производствѣ въ прапорщики, 27-го января 1812 года, П. съ февраля мѣсяца состоялъ при главной квартирѣ большой арміи и въ войну 1812 года принималъ дѣятельное участіе въ знаменитыхъ ея сраженіяхъ, именно: въ битвѣ при Бородинѣ, при Мало-Ярославцѣ, подъ Вязьмою и въ трехдневной битвѣ подъ Краснымъ. По изгнаніи французовъ изъ предѣловъ Россіи, Перовскій въ войну 1813 года состоялъ при начальникѣ главнаго штаба арміи—князѣ Волконскомъ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Люценомъ, Бауценомъ и, наконецъ, въ трехдневной битвѣ гигантовъ подъ Лейпцигомъ. При дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ въ предѣлы Франціи, въ 1814 году, Перовскій принималъ участіе въ сраженіе при Арсисѣ, Фершампенуазѣ и подъ стѣнами Парижа—18-го марта 1814 года. Впродолженіи 1815 года онъ также находился въ заграничномъ походѣ, состоя, какъ и прежде, при начальникѣ главнаго штаба арміи. Во время вторичнаго слѣдованія нашихъ войскъ къ Парижу Перовскій былъ посланъ съ депешами къ фельдмаршалу Барклаю-де-Толли изъ Саарбурга по дорогѣ къ Нанси, и будучи при этомъ раненъ въ ногу выбѣжавшими изъ лѣсу французами, принужденъ былъ вскорѣ уѣхать изъ арміи для лѣченія раны. Возвратясь въ Россію штабсъ-капитаномъ гвардейскаго Генеральнаго Штаба, Перовскій съ 1816 по 1817 годъ находился при Военно-Топографическомъ Депо, а съ іюля 1817 г. по іюнь 1818 года исправлялъ должность оберъ-квартирмейстера при Московскомъ гвардейскомъ отрядѣ. Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ (въ октябрѣ) оберъ-квартирмейстеромъ 1-го резервнаго кавалерійскаго Корпуса и отправлялъ эту обязанность до 26-го ноября 1823 года, будучи 15-го февраля 1819 года произведенъ въ полковники по квартирмейстерской части. Къ этому періоду жизни П. должно отнести кратковременное, впрочемъ, участіе его въ одномъ изъ тайныхъ обществъ, возникшихъ въ то время въ нашемъ отечествѣ. По словамъ Ан. Ев. Розена, Перовскій былъ даже однимъ изъ основателей «Союза благоденствія», а затѣмъ членомъ и новаго возникшаго тайнаго общества, которое онъ оставилъ въ 1821 году. Онъ до такой степени былъ причастенъ къ дѣлу 14-го декабря 1825 г., что въ донесеніи о немъ Слѣдственной Коммиссіи имя Перовскаго упоминается три раза, но онъ и другіе два: князь И. А. Долгорукій и И. А. Бибиковъ были освобождены отъ суда, ибо заслужили при милостивомъ прощеніи его величества совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго ихъ отмѣнною молодостью.

Въ ноябрѣ 1823 года Перовскій былъ уволенъ отъ военной службы съ производствомъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, назначенъ камергеромъ двора Его Величества и причисленъ къ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Прослуживъ около трехъ лѣтъ при Коллегіи, Перовскій 29-го октября 1826 г. опредѣленъ былъ членомъ Совѣта Департамента Удѣловъ, въ 1828 году, за ревностную службу, былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени большого

креста, а съ 11-го апрѣля того же 1828 года сталъ исправлять обязанности вице-президента Департамента, въ каковой должности утвержденъ 13-го апрѣля 1829 года съ пожалованіемъ въ гофмейстеры; 6-го декабря 1840 г. Перовскій былъ назначенъ товарищемъ министра удѣловъ князя Петра Михайловича Волконскаго (бывшаго въ то же время министромъ Императорскаго двора), а по кончинѣ сего послѣдняго въ 1852 г., когда удѣльное вѣдомство было вновь отдѣлено отъ Министерства Двора, графъ Перовскій сталъ самостоятельнымъ министромъ удѣловъ и занималъ эту должность до самой своей кончины Графъ Перовскій сдѣлался душою удѣльнаго вѣдомства, и съ именемъ его связанъ самый блестящій періодъ въ исторіи удѣловъ. Его энергія, дальновидность, хозяйственное пониманіе и предпріимчивость сказались во многихъ полезныхъ нововведеніяхъ и начинаніяхъ, имѣвшихъ государственное значеніе и оставившихъ неизгладимые слѣды въ судьбахъ удѣльнаго вѣдомства. Осуществляя непосредственныя задачи удѣловъ, онъ въ то же время по возможности соединялъ съ ними и общія государственныя цѣли, какъ это видно изъ слѣдующаго краткаго перечня наиболѣе существенныхъ мѣропріятій, осуществленныхъ по удѣльному вѣдомству при графѣ Перовскомъ. Такъ, уже въ 1831 году (мая 12-го) были утверждены составленныя подъ его руководствомъ правила о замѣнѣ подушной подати крестьянъ удѣльнаго вѣдомства поземельнымъ сборомъ, который опредѣляли по количеству обрабатываемой каждымъ крестьяниномъ земли (а не по душамъ или тягламъ вообще), при чемъ по числу дѣйствительныхъ поселянъ-работниковъ отводилось каждому селенію и извѣстное количество земли и вмѣстѣ съ тѣмъ производилась оцѣнка ея по ея доходности и урожайности. Задуманныя еще съ 1827 года, для болѣе надежнаго обезпеченія продовольствія крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, взамѣнъ сбора хлѣба съ души, общественныя запашки получили при Перовскомъ полное развитіе и явились источникомъ капиталовъ, которые дали возможность предпринять рядъ образовательныхъ мѣръ въ пользу населенія въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Такъ, на эти средства было устроено около Петербурга, близъ нынѣшней станціи Удѣльной, особое Земледѣльческое училище, открытое въ 1833 году, въ которомъ до 300 сыновей крестьянъ удѣльнаго вѣдомства подробно на практикѣ ознакомлялись съ сельскимъ хозяйствомъ, съ цѣлью сдѣлать изъ каждаго—образцоваго русскаго хозяина, который впослѣдствіи долженъ былъ умѣть вести отдѣльное фермерское хозяйство. Примѣняя и распространяя свои знанія на практикѣ въ качествѣ хозяевъ образцовыхъ усадебъ, устраиваемыхъ съ этою цѣлью во многихъ удѣльныхъ селеніяхъ, эти окончившіе курсъ въ училищѣ могли имѣть полезное вліяніе на сосѣднихъ крестьянъ и содѣйствовать распространенію сельскохозяйственныхъ свѣдѣній и введенію правильнаго сельскаго хозяйства среди мѣстнаго населенія. Перовскій очень часто посѣщалъ учрежденное имъ училище, входилъ во всѣ подробности его организаціи, всякій разъ о всемъ найденномъ имъ дѣлалъ собственноручныя отмѣтки въ особой заведенной книгѣ и т. д. Помимо этого училища, были учреждены двѣ женскія хозяйственныя или профессіональныя школы: въ Симбирскѣ и Алатырѣ.

Благодаря тому же источнику принимались мѣры улучшенія крестьянскаго скотоводства и пріобрѣтались изъ-заграницы (Штиріи, Тироля, Голландіи) племенныя животныя, которыя раздавались на извѣстныхъ условіяхъ удѣльнымъ крестьянамъ. Съ этою же цѣлью близъ г. Сенгилея былъ устроенъ особый скотный дворъ, служившій источникомъ производителей для поволжскихъ удѣльныхъ имѣній. Для развитія среди крестьянъ огородничества и садоводства имъ раздавались черенки разныхъ фруктовыхъ деревьевъ и учреждались учебные огороды и сады при образцовыхъ усадьбахъ, церквахъ, приказныхъ домахъ и училищахъ. На счетъ доходовъ отъ общественныхъ полей содержались отчасти народныя школы и больницы для удѣльныхъ крестьянъ. Въ 1828 году были изданы постоянныя правила объ удѣльныхъ школахъ и учреждены для подготовки народныхъ учителей два главныхъ сельскихъ училища, въ которыхъ обучали также ремесламъ, а лѣтомъ—знакомили съ земледѣльческими

работами и особенно—огородничествомъ. Число сельскихъ училищъ удѣльнаго вѣдомства, составлявшее въ началѣ 1830-хъ годовъ только 44, достигло до 1844 годъ цифры 200; школы находились почти при всѣхъ приказахъ удѣльныхъ имѣній. Въ виду отдаленности многихъ селеній отъ школъ, нуждающимся крестьянамъ назначались пособія на содержаніе мальчиковъ или только на обувь и пищу. Кромѣ школъ, обученіе мальчиковъ возлагалось на писарей приказовъ.

При помощи того же крестьянскаго хлѣбнаго капитала въ селеніяхъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства было устроено въ 1839 году страхованіе крестьянскихъ построекъ (это былъ первый примѣръ подобнаго учрежденія въ нашемъ отечествѣ), которое сопровождалось такимъ успѣхомъ, что къ концу перваго трехлѣтія была застрахована отъ огня почти треть всего количества строеній, существовавшихъ въ удѣльныхъ селеніяхъ, на сумму болѣе двухъ милліоновъ руб. (въ 1858 году—было уже до 7.150.000 руб.). Гораздо позднѣе, уже въ 1859 году, введено обязательное страхованіе строеній. Нельзя не упомянуть, что при Перовскомъ на средства, доставляемыя общественными запашками были учреждены и первыя кредитныя установленія для удѣльныхъ крестьянъ (въ 1836 году). Сперва они занимались только выдачею ссудъ, но съ начала 1840-хъ годовъ они стали принимать вклады для приращенія процентами, и такимъ образомъ устроились настоящіе сельскіе банки, число которыхъ быстро возрастало; къ 1863 году ихъ насчитывалось до 129, съ оборотнымъ капиталомъ до милліона рублей.

Помимо всего этого, управленіе удѣловъ ревностно заботилось также объ улучшеніи нравственности крестьянъ и даже образа жизни нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ то чувашъ въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губ. и др.

Всѣ эти мѣропріятія графа Перовскаго, безспорно, весьма полезныя, но имѣвшія въ основаніи своемъ принудительный характеръ и удобно примѣняемыя при господствовавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ, не могли удержаться въ своей силѣ, коль скоро 20-го іюня 1858 года (почти за два года до освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ) послѣдовалъ указъ о дарованіи удѣльнымъ крестьянамъ правъ личныхъ и по имуществу, представленныхъ прочимъ свободнымъ сельскимъ сословіямъ, а затѣмъ 5-го марта 1861 г. были изданы правила новаго поземельнаго устройства для крестьянъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ имѣній. Это имѣло послѣдствіемъ уничтоженіе общественной запашки, являвшейся тяжелою натуральною повинностью, отвлекавшею отчасти крестьянъ отъ своевременной обработки собственныхъ земель. Кромѣ того, не располагая уже по своему усмотрѣнію сыновьями удѣльныхъ крестьянъ, удѣльное вѣдомство не могло пополнять ими основанныхъ вѣдомствомъ земледѣльческихъ училищъ, ни посылать окончившихъ въ тѣ мѣстности, гдѣ въ нихъ чувствовалась потребность. Училища поэтому были закрыты въ 1862 году, а съ отмѣною общественной запашки прекратились средства, на которыя содержались банки, больницы и т. д. Поэтому, закрыты были больницы, существовавшія на этотъ источникъ; удѣльные же банки переданы въ распоряженіе волостныхъ правленій, а ссудные торгово-промышленные — закрыты; всѣ удѣльныя училища перешли въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія (исключеніе изъ этого составляютъ удѣльныя училища въ юго-западномъ краѣ и нѣкоторыя училища въ тѣхъ имѣніяхъ, въ которыхъ вѣдомство ведетъ еще хозяйство), такъ какъ съ введеніемъ крестьянской реформы попеченіе о народномъ образованіи перестало входить въ кругъ обязанностей удѣльнаго управленія. Но все это совершилось уже послѣ Перовскаго, который, заботясь о благосостояніи удѣльныхъ крестьянъ, въ то же время прилагалъ стараніе о повышеніи доходности самихъ имѣній, очень увеличившейся за его управленіе, безъ отягощенія крестьянъ, на которыхъ къ 1831 году не числилось никакихъ недоимокъ въ платежѣ всякаго рода податей. Во время своего управленія удѣлами Перовскій въ 1830 году ѣздилъ въ Казань и далѣе въ Саратовъ и Астрахань для принятія мѣръ противъ распространенія появившейся въ 1830 году въ нашемъ отечествѣ холеры. Такая полезная дѣятельность Перовскаго снискала ему большое расположеніе императора Николая I, ко-

торый щедро, по-царски, награждалъ его. Такъ, получивъ въ 1825 году орденъ св. Анны 1-й ст., а затѣмъ и св. Владиміра 2-й ст., Перовскій былъ назначенъ въ 1829 году гофмейстеромъ и ему объявлено Высочайшее благоволеніе за совершенный порядокъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Департамента удѣловъ; въ 1831 году онъ сдѣланъ сенаторомъ и получилъ аренду въ 7.000 руб. ассигнаціями на двадцать пять лѣтъ. Въ 1832 г. Перовскій снова удостоился Высочайшаго благоволенія за немаловажное приращеніе доходовъ удѣльнаго вѣдомства; въ 1833 году ему пожаловано единовременно 50.000 руб., а въ 1834 году — 25.000 руб. и вмѣстѣ съ тѣмъ орденъ Бѣлаго Орла; въ 1835 году онъ награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1836 году—Высочайшимъ рескриптомъ, съ объявленіемъ признательности и благоволенія за порядокъ, введенный въ управленіе удѣльными имѣніями и за благоустройство всѣхъ частей, состоявшихъ въ вѣдѣніи Департамента удѣловъ; въ 1837 году пожалована ему аренда въ 14 000 руб. на двѣнадцать лѣтъ (т.-е. увеличена вдвое прежде пожалованная ему аренда). Въ 1838 году Перовскій удостоился снова получить 25.000 руб. единовременно, а въ 1839 году—брилліантовые знаки къ ордену св. Александра Невскаго. Въ 1840 году онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и товарищемъ министра удѣловъ.

Въ 1841 и 1842 гг. Перовскій былъ привлеченъ къ новой дѣятельности. Въ 1841 году, 21-го октября, онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ съ оставленіемъ при прежней должности въ Министерствѣ удѣловъ и членомъ Комитета объ устройствѣ Закавказскаго края (29-го сентября), а также членомъ Комитета по дѣламъ западныхъ губерній (18-го октября). Черезъ годъ Перовскій назначенъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія положенія о калмыкахъ (19-го января 1842 г.), для устройства Петербурго-Московской желѣзной дороги (27-го января), для уравненія земскихъ повинностей (12-го февраля), для разсмотрѣнія предположеній лифляндскаго Ландтага объ улучшеніи быта тамошнихъ крестьянъ (9-го іюля) и для составленія закона объ эмеритурѣ имперіи (16-го октября).

Энергичная дѣятельность Перовскаго снискала ему новые знаки монаршаго къ нему благоволенія. Въ 1843 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ 1846 г. — награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени; въ 1849 году возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи, а въ 1852 г., за кончиною князя Петра Михайловича Волконскаго, былъ назначенъ министромъ удѣловъ и управляющимъ Кабинетомъ Его Императорскаго Величества и Академіею Художествъ, всѣми археологическими въ Россіи изысканіями, а также предсѣдателемъ Коммиссіи по построенію Исаакіевскаго собора и оставался въ вышеозначенныхъ должностяхъ до своей кончины.

Сослуживецъ Перовскаго по вѣдомству удѣловъ, В. И. Панаевъ, авторъ воспоминаній, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1867 года (онъ былъ начальникомъ 1-го распорядительнаго Отдѣленія въ то время), говоритъ, что Перовскій былъ человѣкъ желчнаго, холерическаго сложенія, имѣлъ характеръ твердый, настойчивый, былъ непомѣрно милостивъ къ немногимъ, которые ему нравились, и невнимателенъ къ тѣмъ, которые ему не нравились. Онъ плохо и мало писалъ самъ, но умѣлъ хорошо оцѣнять достоинства и недостатки въ редакціи другихъ. Онъ любилъ окружать себя людьми способными и оказывать имъ сильное покровительство; занимался нѣкоторыми науками; былъ господинъ своего слова, не терпѣлъ низкихъ поступковъ и т. д. П. мало зналъ о главныхъ дѣйствующихъ въ правительствѣ лицахъ и рѣшительно ничего о второстепенныхъ. Уволивъ постепенно всѣхъ прежнихъ управляющихъ удѣльными конторами (нѣкоторыхъ не совсѣмъ справедливо), онъ очень затруднялся, по недостатку связей и по неимѣнію въ виду способныхъ людей, замѣщеніемъ упраздненныхъ должностей. Большая часть новыхъ была опредѣлена по рекомендаціи Панаева, отчасти по указанію его старшаго брата, Алексѣя Алексѣевича, тогда попечителя Харьковскаго округа. Насколько справедливы слова Панаева—трудно, конечно, сказать, но изъ біографіи Алексѣя Алексѣевича едва ли можно найти подтвержденіе этимъ словамъ Панаева: живя

далеко отъ университета и учебнаго округа, онъ едва ли могъ близко знать людей, оканчивавшихъ образованіе въ его округѣ.

Не входя въ подробное разсмотрѣніе одиннадцатилѣтняго управленія Перовскимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, обратимъ вниманіе только на наиболѣе существенное, совершенное имъ въ сферѣ этого столь же разносторонняго, какъ и обширнаго вѣдомства, замѣтивъ предварительно, что многія невзгоды, разразившіяся надъ нашимъ отечествомъ въ этотъ періодъ времени, требовавшія для борьбы съ ними всего вниманія просвѣщеннаго и дѣятельнаго министра, отвлекали его тѣмъ самымъ отъ болѣе производительной дѣятельности. Такъ, за это время неоднократно значительныя части имперіи страдали отъ голода, особенно въ 1842, 1845 и 1847 годахъ (подробности объ этомъ имѣются въ «Исторіи Минист. Внутреннихъ Дѣлъ» г. Варадинова, ч. III, кн. 4), при чемъ мѣры обезпеченія продовольствія оказались въ крайне неудовлетворительномъ состояніи. Перовскій предложилъ вводить общественныя запашки у крестьянъ, но мѣра эта оказалась рѣшительно не достигающей цѣли...

Въ 1847 и 1848 годахъ въ имперіи свирѣпствовала холера, борьба съ которою поглощала все вниманіе министра. Въ то же время появились въ разныхъ мѣстахъ губительные скотскіе падежи, а въ 1849 г. во многихъ губерніяхъ развилась страшная цынга. Кромѣ того, оспа свирѣпствовала въ нашемъ отечествѣ почти постоянно и губила не мало дѣтей. Перовскій, объясняя это неудовлетворительнымъ состояніемъ оспопрививанія, настойчиво старался развить это дѣло, обращая также вниманіе и на другія болѣзни, имѣвшія заразный характеръ (какъ, напримѣръ, сифилисъ).

Вскорѣ послѣ вступленія въ управленіе Министерствомъ, Перовскій позаботился составить новое учрежденіе для Губернскихъ правленій съ цѣлью ускоренія и упрощенія самаго дѣлопроизводства, при чемъ изданы были и новые штаты этихъ правленій (1845 г., явваря 2-го, № 18.580); но столь одностороннее мѣропріятіе, не касавшееся сущности обязанностей Губернскихъ правленій, не принесло желаемой пользы. П. принялъ за правило по возможности чаще производить обозрѣнія различныхъ присутственныхъ мѣстъ его вѣдомства чрезъ посредство командируемыхъ имъ чиновниковъ или же чрезъ мѣстныхъ властей, и мѣра эта была чрезвычайно полезна.

Съ самаго начала своего управленія Министерствомъ П. обратилъ вниманіе на административную статистику городовъ, безъ которой всѣ правительственныя соображенія не могутъ быть вѣрны, а всѣ дѣйствія и распоряженія—положительны, и нѣтъ возможности приступить къ новому и основательному устройству администраціи и слѣдить послѣ того за ея состояніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ. Временной отдѣлъ Хозяйственнаго Департамента занялся поэтому административною статистикою городовъ, обративъ вниманіе на состояніе какъ наружнаго ихъ благоустройства, такъ и общественнаго городского управленія, съ тою цѣлью, чтобы административныя распоряженія могли соотвѣтствовать потребностямъ общества и правительства, въ особенности при разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ городскихъ доходовъ и расходовъ. Послѣдствіемъ этихъ трудовъ явилась въ 1849 году инструкція о составленіи, утвержденіи и исполненіи городскихъ росписей или смѣтъ доходовъ и расходовъ для всѣхъ городовъ, кромѣ столицъ, Одессы и Риги, имѣвшихъ особыя на то инструкціи. Помимо этого, усмотрѣны были различные безпорядки и разныя отъ силы и истиннаго разума Городового Положенія 1785 года отступленія, а потому, въ видахъ лучшаго устройства общественнаго управленія, было составлено новое Положеніе, примѣненное къ потребностямъ времени, которое и удостоилось Высочайшаго утвержденія 13-го февраля 1846 года. Первоначально оно было примѣнено только къ городу Петербургу. По этому Положенію общественное управленіе города состояло изъ городского головы и гласныхъ, избираемыхъ отъ всѣхъ четырехъ городскихъ сословій въ отдѣльности и почетныхъ, изъ среды которыхъ избиралась распорядительная дума, состоящая изъ головы, члена отъ правительства и двѣнадцати членовъ по выбору (отъ каждаго сословія по три). Это Положеніе 1846 г. было точкою отправленія при составленіи Городового

Положенія 1870 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Перовскій заботился объ умноженіи городскихъ доходовъ, а также обратилъ вниманіе на неудовлетворительность мѣстнаго полицейскаго управленія въ губерніяхъ. По Учрежденію о губерніяхъ 1775 года, служащаго во многомъ и понынѣ основаніемъ губернскаго управленія, обязанности полиціи въ уѣздахъ лежали на Нижнихъ земскихъ судахъ, которые, состоя изъ исправника и двухъ засѣдателей, какъ отъ дворянъ, такъ и сельскихъ обывателей, во время ихъ учрежденія соотвѣтствовали условіямъ времени и мѣста. Но съ тѣхъ поръ народонаселеніе не только удвоилось, но мѣстами утроилось и учетверилось, а дѣлопроизводство и переписка вообще, вслѣдствіе развитія промышленности, торговли и движенія населенія вообще, увеличились до чрезвычайности и этимъ самымъ являлась необходимою несравненно большая дѣятельность полиціи. Все это вызвало еще въ 1837 году іюня 3-го (№ 10.305) раздѣленіе уѣздовъ въ полицейскомъ отношеніи на станы, которые поручены были завѣдыванію особыхъ становыхъ приставовъ, подчиненныхъ исправнику и Земскому суду. Но это преобразованіе не сопровождалось желаемымъ успѣхомъ: земская полиція по прежнему находилась въ неудовлетворительномъ положеніи, а при дурномъ устройствѣ ея являлось безсильнымъ законодательство и невозможнымъ — правосудіе. Дурная полиція, писалъ Перовскій, не приводитъ законовъ въ исполненіе, не наблюдаетъ за постояннымъ его дѣйствіемъ, не обезпечиваетъ спокойствія и безопасности и, наконецъ, можетъ вводить въ безпрестанныя ошибки всѣ судебныя мѣста, не исключая высшихъ, которыя должны основывать свои рѣшенія на неправильно произведенныхъ дознаніяхъ. Перовскій находилъ, что становой не въ силахъ исполнять возложенныя на него обязанности, такъ какъ на немъ одномъ въ станѣ лежитъ исполненіе всѣхъ обязанностей полиціи, подробно перечисленныхъ въ 22 обширныхъ статьяхъ Положенія. Земскій же судъ не имѣлъ никакихъ средствъ заставить станового быть дѣятельнымъ и исполнять на дѣлѣ все необходимое; онъ поэтому ограничивался только безплодною съ становымъ перепискою, которая возрастала до невѣроятности. Учрежденіе становыхъ приставовъ учредило только лишнюю инстанцію, раздробило полицейскую власть въ уѣздѣ и при томъ нисколько не сблизило полицію съ обывателями. Поэтому Перовскій полагалъ нужнымъ упразднить какъ становыхъ, такъ и раздѣленіе уѣздовъ на станы, присоединить становыхъ опять къ составу Земскаго суда, усилить штатъ послѣдняго и поставить исправника въ такое отношеніе, чтобы онъ могъ болѣе заниматься сущностью лежащихъ на немъ обязанностей, освободивъ его отъ завѣдыванія его канцеляріею, которое Перовскій предполагалъ возложить на одного изъ засѣдателей. Кромѣ того, всѣ дѣла Нижняго земскаго суда онъ желалъ раздѣлить на 1) распорядительныя — разрѣшаемыя совѣщательнымъ порядкомъ по журналамъ присутствія, и 2) исполнительныя—разрѣшаемыя непосредственно однимъ исправникомъ. Кромѣ того, Перовскій предполагалъ упростить письмоводство, завести строгую денежную отчетность и дать Земскому суду небольшія команды для разъѣздовъ и обходовъ по уѣзду.

Проектъ Перовскаго былъ разсмотрѣнъ въ особомъ Комитетѣ, и затѣмъ былъ по Высочайшему повелѣнію въ 1845 году разосланъ для подробнаго разсмотрѣнія въ особыхъ Комитетахъ по губерніямъ, подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, и для доставленія о немъ заключенія. Поступившіе отзывы были разсмотрѣны въ особомъ Комитетѣ; но весь проектъ не получилъ, однако, въ то время дальнѣйшаго движенія, по значительности издержекъ, требовавшихся для его осуществленія на дѣлѣ. Немного позднѣе (въ 1851 году) возникла мысль осуществить проектъ Перовскаго въ видѣ опыта въ одной Петербургской губерніи. Но уже въ началѣ 1852 года, согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 31-го января, поручено было министру внутреннихъ дѣлъ войти въ соображеніе о соединеніи городскихъ и земскихъ полицій въ одно учрежденіе. По этому поводу возникла обширная переписка, продолжавшаяся уже при преемникахъ графа Перовскаго и тянувшаяся до начала шестидесятыхъ годовъ, когда, за послѣдовавшимъ освобожденіемъ крестьянъ, возникли также

и новыя предположенія объ устройствѣ полицейскаго управленія въ уѣздѣ.

При этомъ нельзя не упомянуть, что императоръ Николай I, замѣтивъ крайне несоразмѣрное раздѣленіе имперіи на губерніи, поручилъ Перовскому представить соображенія о перегражденіи нѣкоторыхъ губерній тамъ, гдѣ неокругленность объема, чрезмѣрное населеніе и отдаленность частей отъ средоточія управленія представляли существенныя затрудненія какъ ходу правительственной дѣятельности, такъ и успѣшному развитію прочихъ внутреннихъ условій народнаго благоустройства и благосостоянія. Во исполненіе этой монаршей воли Перовскимъ были составлены предположенія частью объ образованіи новыхъ губерній, частью объ измѣненіяхъ границъ въ губерніяхъ существующихъ. Эти предположенія были утверждены во многомъ въ 1850 году. (См. 2-е Полн. Собр. Зак., томъ XXV).

Вскорѣ послѣ этого, въ 1851 г., были утверждены составленныя послѣ продолжительныхъ трудовъ съ 1802 года новыя правила по предмету уравненія и правильнаго исполненія земскихъ повинностей, составляющія законъ, дѣйствующій во многомъ и по настоящее время. Повинности по этимъ правиламъ были раздѣлены на натуральныя и денежныя, на постоянныя и временныя. Денежныя, кромѣ того, дѣлились на общія—для удовлетворенія потребностей всего государства и мѣстныя—для удовлетворенія нуждъ губернскихъ или областныхъ. Правила эти подробно указали потребности, удовлетворяемыя натуральными повинностями, которыя также дѣлятся на общія и частныя.

При Перовскомъ послѣдовало также обращеніе квартирной повинности (или постоя) изъ натуральной въ денежную, и это было совершено при немъ въ отношеніи къ 26 городамъ.

За время Перовскаго были закрыты всѣ пансіоны при различныхъ женскихъ римско-католическихъ монастыряхъ и взамѣнъ таковыхъ на содержаніе свѣтскихъ женскихъ училищъ ежегодно ассигновано Министерству Народнаго Просвѣщенія по 70 тысячъ рублей. Равнымъ образомъ, при его управленіи Министерствомъ (1848 году) было заключено съ уполномоченнымъ римскаго первосвященника условіе о разграниченіи католическихъ епархій въ Россіи и учрежденіи новой, седьмой епархіи въ Харьковѣ (П. С. Зак., № 22.766). Онъ же обратилъ особенное вниманіе на еврейскія общества, находящіяся въ имперіи. По его распоряженію были собраны подробныя свѣдѣнія какъ объ еврейскихъ обществахъ, такъ и объ еврейскомъ населеніи, послѣ чего было приступлено къ составленію весьма важныхъ законоположеній о евреяхъ, удостоившихся Высочайшаго утвержденія, а именно о евреяхъ-земледѣльцахъ (1844 г., № 18.562), о коробочномъ сборѣ евреевъ (№ 18.562) и о подчиненіи евреевъ общему губернскому, уѣздному и городскому управленіямъ и объ уничтоженіи кагаловъ (1844 г., № 18.546).

При Перовскомъ была произведена также общая народная перепись (т.-е. ревизія) въ 1850 г. по манифестамъ 11-го января 1850 г. (№ 23.817 и 23.818).

Участвуя въ одномъ изъ секретныхъ (*пятомъ*, 1846 года) Комитетовъ для пересмотра различныхъ законоположеній о крестьянахъ, Перовскій изложилъ въ особой запискѣ свои предположенія объ уничтоженіи крѣпостного права въ Россіи. Онъ полагалъ, что крестьяне безусловно не могутъ быть уволены ни безъ земли, ни даже съ землею: они должны быть до извѣстной степени привязаны къ землѣ самыми узаконеніями; помѣщикъ же долженъ былъ имѣть по закону нѣкоторую степень полицейской власти надъ проживавшими на его землѣ крестьянами. Въ постепенномъ ограниченіи крѣпостного права должно дѣйствовать осмотрительно, не произнося опасныхъ словъ «вольность и свобода». Необходимо начать предварительно 1) съ приведенія въ возможное устройство мѣстнаго управленія въ уѣздѣ и полиціи, особенно земской; 2) съ устройства повинностей и ихъ уравненія; 3) съ обезпеченія народнаго продовольствія. Послѣ этого приступить къ опредѣленію правъ, обязанностей и повинностей сельскихъ обывателей, при чемъ безусловный свободный переходъ крестьянъ съ одного мѣста на другое не долженъ быть допущенъ; отъ разрѣшенія же крестьянамъ переходить на извѣстныхъ условіяхъ, когда имѣется въ виду общество, изъявляющее готовность при-

нять ихъ въ свою середу,—нельзя, по мнѣнію Перовскаго, ожидать многочисленныхъ переходовъ. Необходимо немедленно воспретить всякое отчужденіе крестьянъ безъ земли, а также переводъ крестьянъ изъ состава деревень въ число дворовыхъ людей, прекратить отдачу всякаго рода людей въ выучку, услугу и работы и предоставить право увольнять излишнихъ людей для поселенія по желанію. Эти предположенія были одобрены вполнѣ Комитетомъ 1846 г., но не получили осуществленія въ свое время, хотя правительство наше и въ то время сочувственно относилось къ попыткамъ упорядоченія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ, не признавая однако возможнымъ совершить это собственною властью. Такъ, когда въ 1847 г. на обыкновенномъ собраніи рязанскаго дворянства извѣстный А. И. Кошелевъ представилъ свои предположенія по этому предмету, вполнѣ согласныя съ видами правительства, то по докладу объ этомъ Перовскимъ государю было сообщено рязанскому дворянству, что его величество находитъ неудобнымъ въ настоящее время (т.-е. въ 1847 г.) подвергать это дѣло обсужденію дворянства, но если бы *самъ Кошелевъ* пожелалъ подать такой благой примѣръ упорядоченія отношеній помѣщика къ крѣпостнымъ людямъ по своимъ имѣніямъ, то таковыя его дѣйствія вполнѣ *заслужили бы одобреніе* его императорскаго величества. За время управленія Перовскимъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, была составлена особая записка объ элементахъ, подготовляющихъ политическіе перевороты въ государствахъ, представленная его величеству, а также записка по дѣлу г-жи Татариновой и ея послѣдователяхъ; обѣ записки—секретныя.

Перовскій, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, пріобрѣлъ огромную извѣстность въ отечествѣ искорененіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій въ обширной сферѣ ввѣреннаго ему управленія; было время, когда въ среднихъ и низшихъ классахъ только и говорили о разныхъ перемѣнахъ, предпринимаемыхъ имъ на ихъ пользу, въ особенности же на пользу бѣдныхъ сословій столицы. Но, работая по 10—12 часовъ въ день, Перовскій разстроивалъ свое здоровье, и это побуждало его сперва въ лѣтнее время совершать поѣздки въ Крымъ и на Кавказъ для отдохновенія и лѣченія, а затѣмъ и вовсе отказаться отъ управленія Министерствомъ: 30-го августа 1852 г. на его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ генералъ-отъ-инфантеріи Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (бывшій кіевскій, подольскій и волынскій генералъ-губернаторъ), а Перовскій, награжденный орденомъ св. Андрея Первозваннаго, сохранилъ за собою Министерство Удѣловъ и прочія возложенныя на него обязанности.

Продолжая завѣдывать какъ Удѣлами, такъ и Кабинетомъ Его Величества, Перовскій обратилъ вниманіе на Алтайскій округъ и горные заводы Кабинета и на усовершенствованіе горной части онаго. Онъ заказывалъ новыя машины въ Бельгіи, выписывалъ механиковъ, составлялъ топографическія карты Алтайскаго округа, чрезъ что можно было ожидать увеличенія доходовъ Кабинета.

При наступленіи Крымской войны съ англо-французами, когда на счетъ удѣльнаго вѣдомства былъ сформированъ особый стрѣлковый баталіонъ Императорской фамиліи (въ 1854 году), Перовскій былъ переименованъ въ генералы-отъ-инфантеріи, а въ 1854 году, августа 26-го, пожалованъ въ генералъ-адъютанты Его Величества. Это была уже послѣдняя для него награда. Вскорѣ, именно въ ночь съ 9-го на 10-е ноября 1856 г., Перовскій скончался; онъ погребенъ въ Лазаревской церкви Александро-Невской лавры въ С.-Петербургѣ. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Горчаковой (состоявшей въ первомъ бракѣ за Дм. Петр. Уваровымъ), но дѣтей не имѣлъ.

Перовскій былъ большой любитель изящнаго: картины, статуи, рѣдкая бронза украшали его комнаты, а ласковость и учтивость его обхожденія снискивали ему расположеніе всѣхъ, лично его знавшихъ. Это какъ бы противорѣчитъ отзыву Н. И. Греча, что Перовскій былъ «гордецъ, который, кажется, на свѣтѣ никого не любитъ». Но отзывъ Греча можно, повидимому, объяснить словами самого же Греча. Л. Перовскій, какъ человѣкъ благородный, относился гордо и даже презрительно къ такимъ лицамъ, какъ Гречъ, кото-

рые, по собственнымъ же словамъ Грeча, «какъ всѣ подлецы журналисты расхваливали Погорѣльскаго, ибо видѣли въ немъ будущаго Министра Народнаго Просвѣщенія. (См. «Русскій Вѣстникъ» 1872 г., май, стр. 5). Труднѣе объяснить себѣ отзывъ о Перовскомъ графа Блудова, записанный княземъ П. А. Вяземскимъ въ его «Старой записной книжкѣ», что «Pérovsky est une bête, mais quelque fois une bête féroce»... Едва ли можно допустить, чтобы Блудовъ считалъ Перовскаго глупымъ или злымъ вообще, такъ какъ онъ таковымъ не былъ по свидѣтельству лицъ, знавшихъ его и съ нимъ вмѣстѣ служившихъ. Скорѣе можно допустить, что такой отзывъ Блудова послѣдовалъ подъ вліяніемъ какого-либо распоряженія или мѣры, принятой Перовскимъ вслѣдствіе неизвѣстныхъ намъ въ настоящую минуту обстоятельствъ, вызвавшихъ, быть можетъ, такое со стороны Перовскаго распоряженіе, которое и могло показаться Блудову не совсѣмъ гуманнымъ. Не должно упускать изъ виду общаго направленія того времени, въ которое управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ Перовскій, и вызванной тогда заботливости правительства къ предупрежденію въ нашемъ отечествѣ проявленія того движенія умовъ, которое охватило всю Европу въ концѣ сороковыхъ годовъ.

Тѣмъ же можно объяснить также и изданный имъ циркуляръ всѣмъ предводителямъ дворянства о томъ, чтобы русскіе дворяне не носили бороды, при чемъ высказывалось, что на Западѣ борода—знакъ, вывѣска извѣстнаго образа мыслей; у насъ этого нѣтъ, но государь изволитъ считать, что борода будетъ мѣшать дворянину служить по выборамъ. То же самое стремленіе выражается и въ извѣстномъ разговорѣ его съ писателемъ Далемъ, служившимъ подъ начальствомъ Перовскаго, по поводу повѣсти перваго «Картины изъ русскаго быта», напечатанной въ «Москвитянинѣ». Перовскій, замѣтивъ Далю, что «охота-де ему писать что-нибудь кромѣ бумагъ по службѣ», поставилъ ему дилемму: коли писать—такъ не служить; коли служить—такъ не писать.

Любя науку, Перовскій съ увлеченіемъ посвящалъ свои досуги археологіи. Желая произвести археологическія изслѣдованія въ Россіи въ мѣстностяхъ, извѣстныхъ по важности бывшихъ въ нихъ историческихъ происшествій, Перовскій, предложилъ графу А. С. Уварову въ 1850 г. изслѣдовать мѣсто близъ Новгорода и его окрестностей. Графъ изъявилъ на это согласіе и предложилъ вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать также Суздаль, Владиміръ и другіе города Суздальскаго княжества. При этомъ изслѣдованіи открыта была гробница на дворѣ Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря. Перовскій составилъ себѣ драгоцѣнное собраніе старинныхъ медалей, монетъ, а также древнихъ русскихъ серебряныхъ вещей (какъ-то: братинъ, кубковъ, кружекъ и т. д.), въ числѣ которыхъ были предметы XVII в. Плодомъ многолѣтнихъ стараній и любви Перовскаго къ нумизматикѣ, явилась также коллекція въ нѣсколько тысячъ штукъ медалей и монетъ, въ числѣ которыхъ было очень много весьма рѣдкихъ, какъ-то: бакурійскихъ, индо-скиескихъ, а также бронзовыхъ пантикапейскихъ и царей босфорскихъ. (Эта коллекція поступила потомъ въ Императорскій Эрмитажъ). Перовскій производилъ археологическія розысканія въ губерніяхъ Владимірской, Ярославской, Екатеринославской и Таврической, и розысканія эти привели ко многимъ любопытнымъ открытіямъ. Перовскій состоялъ почетнымъ членомъ Одесскаго Общества исторіи и древностей; по его почину были установлены систематическія раскопки кургановъ въ Крыму въ 1852 году; 12-го января 1855 г. Перовскій былъ избранъ въ почетные члены Московскаго Университета.

Перовскій умеръ 63 лѣтъ, до послѣдней минуты сохранивъ свѣжесть мысли и всю энергію сильной воли. Государь лишился въ немъ вѣрнаго слуги, а отечество—преданнаго сына, горячо любившаго все родное, и государственнаго сановника безукоризненнаго, не имѣвшаго никогда личныхъ видовъ при сужденіи о дѣлахъ управленія. «Подчиненные утратили въ немъ начальника справедливаго», говоритъ авторъ статьи о П., «умѣвшаго оцѣнять трудъ добросовѣстный и, при всей своей взыскательности, извинявшаго невольныя ошибки». Отличительнымъ свойствомъ его была силь-

ная воля, доброта, таившаяся подъ оболочкою наружной холодности; сочувствіе ко всему изящному, горячая любовь къ отечеству, благотворительность, избѣгавшая всякой гласности. Онъ всю жизнь оставался вѣренъ девизу, избранному имъ къ своему гербу: «Не слыть, а быть».

Къ сожалѣнію, однако, при всѣхъ своихъ душевныхъ качествахъ, П. не обладалъ ни глубиною убѣжденій, ни просвѣщенностью взглядовъ, ни природною прозорливостью, столь необходимыми для веденія порученнаго ему дѣла такъ, чтобы событія не заставали врасплохъ, не нарушали житейскаго теченія, а по возможности укладывались въ намѣченныхъ заранѣе и, быть можетъ, даже приспособленныхъ къ тому государственною мудростью пространствахъ.

А. А. Васильчиковъ. «Семейство Разумовскихъ», т. II; В. И. Саитовъ. «Петербургскій некрополь», М. 1883 г., стр. 102; Н. П. Барсуковъ. «Жизнь и труды Погодина»; Н. Барадиновъ. «Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», ч. III, кн. 4; «Mémoires» кн. П. В. Долгорукова, гл. XV; кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г.; «Столѣтіе Удѣловъ», С.-Пб. 1897 г.; «Вѣстникъ Европы» 1867 г., № 3 и 4; «Матеріалы, собранные для Высочайше учрежденной Коммиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій», ч. I, отд. I, стр. 150—169; П. И. Бартеневъ. «XIX вѣкъ», кн. II, стр. 185 и слѣд.; «Справочный энциклопед. словарь» Старчевскаго, т. IX, ч. I, С.-Пб. 1854, стр. 197—199; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1856 г., № 249; «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 252; «Виленскія Губернскія Вѣдомости» 1856 г., № 48; «Мѣсяцословъ на 1858 г.», стр. 253—254; «Отечественныя Записки» 1856 г., т. 109, отд. IV, стр. 44—45; «Христіанское Чтеніе» 1898 г., № 9, стр. 348—350; «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. 94, стр. 104; «Самарскій справочный листокъ» 1867 г., № 100—103; «Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества» 1859 г., т. I, стр. 23; «Записки Одесскаго Общества исторіи и древностей», № 5, стр. 915; «Чтенія Московскаго Общества исторіи и древностей» 1868 г., кн. 4, отд. V; «Русск. Вѣстн.» 1872 г., № 5—8.

П. Майковъ.

Перовскій, *Левъ Николаевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, членъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ; сынъ слѣдующаго и внукъ графа А. К. Разумовскаго, родился въ 1816 году. По окончаніи курса въ Институтѣ Корпуса инженеровъ путей сообщенія въ 1831 г., онъ былъ выпущенъ прапорщикомъ въ тотъ же Корпусъ съ оставленіемъ при Институтѣ для продолженія научныхъ занятій. Въ 1836 г., оставивъ Корпусъ путей сообщенія, П. поступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, гдѣ состоялъ адъютантомъ у командира гвардейскаго пѣхотнаго корпуса. Въ 1845 г. (марта 10-го) П. по болѣзни совсѣмъ оставилъ военную службу съ чиномъ штабсъ-капитана. Пробывъ недолгое время въ отставкѣ, Л. Н. въ 1846 г. (марта 22-го) поступилъ вновь на службу — старшимъ помощникомъ столоначальника въ VI Отдѣленіе Почтоваго Департамента и въ маѣ того же года переименованъ въ титулярные совѣтники. Въ 1847 г. онъ перешелъ на службу въ Таможенное вѣдомство, откуда въ 1854 г. назначенъ въ Экспедицію Государственныхъ кредитныхъ билетовъ младшимъ директоромъ 1-го Отдѣленія.

Перейдя затѣмъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Перовскій былъ назначенъ Псковскимъ вице-губернаторомъ, 7-го іюля 1861 г., въ чинѣ статскаго совѣтника, переведенъ на ту же должность въ С.-Петербургъ, а вслѣдъ затѣмъ, съ 1-го января 1865 года, занялъ постъ С.-Петербургскаго губернатора, гдѣ пробылъ очень недолго (по 22-е іюля 1866 г.), будучи назначенъ членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Эту должность Л. Н. занималъ до своей смерти, послѣдовавшей въ ночь на 13-е февраля 1890 года въ С.-Петербургѣ, гдѣ онъ и похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Умеръ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ который былъ произведенъ 31-го августа 1862 года.

Дѣти его пострадали въ царствованіе императора Александра III за участіе въ политическихъ преступленіяхъ, главнымъ же образомъ дочь *Софья*, повѣшенная 3-го апрѣля 1881 года.

Формулярный списокъ; «Памятная книжка С.-Петербургской губ. на 1899 г.»; «Новое Время», № 5016; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895.

В. Алексѣевскій.

Перовскій, *Николай Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Оеодосійскій градоначальникъ, родился въ 1785 г. и былъ старшимъ сыномъ графа А. К. Разумовскаго; воспитывался въ домѣ тетки своей Н. К. Загряжской и въ 1799 г. поступилъ на службу въ Государственную Коллегію Иностранныхъ дѣлъ студентомъ, съ причисленіемъ къ

Константинопольской миссіи; въ 1801 году (1-го января) онъ перешелъ къ Вѣнской миссіи, а затѣмъ (въ 1803 г., 31-го августа)—къ Дрезденской. Въ 1805 г. мы встрѣчаемъ его въ посольствѣ графа Ю. А. Головкина въ Китай, въ числѣ 7-ми дворянъ посольства (среди нихъ былъ и Ф. Ф. Вигель).

Прослуживъ затѣмъ очень недолго въ военной службѣ (въ Сумскомъ драгунскомъ полку), П. снова зачислился въ вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и въ 1811 году отряженъ былъ къ Херсонскому военному губернатору для иностранной переписки.

Перейдя на службу въ Министерство Финансовъ, П. былъ опредѣленъ въ чиновники Государственной канцеляріи и 20-го ноября 1812 года назначенъ въ Комиссію составленія законовъ. Въ 1816 году, по Высочайшему повелѣнію, онъ ѣздилъ въ Амстердамъ для контрассигнированія частныхъ облигацій по Голландскому займу, что и исполнилъ съ успѣхомъ. 28-го мая 1817 г. онъ былъ назначенъ Таврическимъ вице-губернаторомъ съ производствомъ въ статскіе совѣтники, 25-го мая 1820 г. занялъ постъ Ѳеодосійскаго градоначальника, а черезъ два года (25-го февраля 1822 г.) былъ назначенъ Таврическимъ губернаторомъ съ оставленіемъ въ должности Ѳеодосійскаго градоначальника. Къ этому времени относится знакомство его съ К. Н. Батюшковымъ, который жилъ въ то время въ Крыму больнымъ. Перовскій окружалъ его своими попеченіями, а затѣмъ со своимъ докторомъ отправилъ его въ С.-Петербургъ.

Въ 1822 г. (30-го марта) П. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а вскорѣ послѣ того, (16-го октября 1823 г.) уволенъ отъ должности Таврическаго губернатора, съ оставленіемъ Ѳеодосійскимъ градоначальникомъ. Уѣхавъ въ 1824 году въ разрѣшенный ему (23-го апрѣля) годовой отпускъ, онъ не вернулся къ должности и Высочайшимъ указомъ былъ причисленъ (24-го марта 1825 г.) къ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ. Выйдя, затѣмъ, въ отставку, П. проживалъ въ Симферопольскомъ уѣздѣ, Таврической губерніи, гдѣ и умеръ 22-го апрѣля 1858 г.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи; Архивъ капитула Орденовъ, дѣло V Отдѣленія 3-го стола 1858 г., № 1, стр. 167—168; «Русскій Архивъ» 1890 г., апрѣль, стр. 481; Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля; кн. А. Б. Лобановъ Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, С.-Пб. 1895 г.; Сочиненія К. Н. Батюшкова подъ ред. Л. Н. Майкова и В. И. Саитова. С.-Пб. 1887 г. *Б. Алексѣевскій.*

Перовскій, *Петръ Николаевичъ*, генеральный консулъ въ Генуѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, сынъ предыдущаго, родился въ 1818 г. Образованіе получилъ въ Императорскомъ Царскосельскомъ лицеѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1835 году. Въ томъ же году П. поступилъ на службу въ Статистическое отдѣленіе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1838 г. онъ былъ уволенъ, по прошенію, изъ Министерства и поступилъ въ Первый Департаментъ Государственныхъ Имуществъ исправляющимъ должность младшаго помощника столоначальника. Въ 1841 г. П. переведенъ былъ въ Азіатскій Департаментъ младшимъ помощникомъ столоначальника, а въ 1846 г. назначенъ былъ старшимъ столоначальникомъ. Опредѣленный въ 1852 году начальникомъ 1-го Отдѣленія Азіатскаго Департамента, П въ 1863 г. назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Геную. Здѣсь онъ и умеръ 13-го (25-го) августа 1865 года.

Князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. I, С.-Пб. 1895 г., стр. 86; Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея» на 1898—1899 учебный годъ, С.-Пб. 1899 г. стр. 175; формулярный списокъ. *А. О. Т.*

Перовъ, *Василій Григорьевичъ*, живописецъ; родился 21-го декабря 1833 г. въ Тобольскѣ, умеръ 29-го мая 1882 г. въ деревнѣ Кузьминкахъ, около Москвы. Отецъ его, баронъ Григорій Карловичъ Криденеръ, бывшій губернскимъ прокуроромъ въ Тобольскѣ, не могъ передать П. даже своего имени, такъ какъ тотъ рожденъ былъ до брака, а законы объ усыновленіи отличались въ то время большою строгостью; поэтому П. пришлось впослѣдствіи приписаться къ Арзамасскому мѣщанскому обществу.

Все свое дѣтство нашему будущему художнику пришлось перекочевывать съ одного мѣста на другое. Отецъ его былъ очень добрымъ и образованнымъ человѣкомъ, прекрасно игралъ на скрипкѣ и фортепьяно, владѣлъ нѣсколькими иностранными языками и даже былъ не

чуждъ литературѣ; но иногда онъ бывалъ не совсѣмъ воздержанъ на языкъ, что́ и отразилось на его карьерѣ. Годъ спустя послѣ рожденія своего первенца баронъ Криденеръ, согласно прошенію, былъ переведенъ въ болѣе умѣренный климатъ—въ Архангельскъ. Но не прослужилъ онъ здѣсь и двухъ лѣтъ, какъ принужденъ былъ выйти въ отставку изъ-за французскихъ стиховъ, написанныхъ имъ на всю губернскую администрацію. Тогда ему пришлось переѣхать съ семьей сперва въ Петербургъ, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ свое родовое имѣнье «Сусланъ» (въ окрестностяхъ г. Юрьева), принадлежавшее его старшему брату Морицу. Здѣсь маленькій Перовъ, подъ руководствомъ своей матери, выучился читать и писать. Проживъ здѣсь всего лишь одинъ годъ, семья Криденеровъ переѣхала въ Самарскую губернію, сперва въ деревню Кротовку, къ Д. В. Панову, женатому на дочери барона Г. К. Криденера отъ перваго брака, а чрезъ полгода—въ деревню Кольцовку, къ другому зятю барона П. И. Степанову. Здѣсь Перовъ сперва продолжалъ заниматься съ матерью, но вскорѣ его отдали въ ученье сперва къ мѣстному священнику, а затѣмъ—къ заштатному дьячку. Этотъ послѣдній, неглупый, начитанный человѣкъ и большой юмористъ и анекдотистъ, училъ мальчика Закону Божію, ариѳметикѣ, славянскому языку и чистописанію, при чемъ въ послѣднемъ искусствѣ тотъ оказывалъ всего болѣе успѣховъ, отчего учитель и прозвалъ его Перовымъ; это прозвище и перешло потомъ въ его фамилію, такъ какъ своего родового имени, какъ мы сказали, онъ не могъ носить.

Когда Перову исполнилось девять лѣтъ, въ 1842 г., отецъ его получилъ мѣсто управляющаго у г. Языкова, и вся семья переѣхала въ Арзамасскій уѣздъ Нижегородской губ., въ имѣніе «Саблуково». Вскорѣ по переѣздѣ сюда, мальчикъ едва было не ослѣпъ отъ жестокой оспы, слѣды которой остались у него на всю жизнь. Только самоотверженный уходъ матери и удачное лѣченіе спасли его отъ смерти. Едва успѣлъ онъ оправиться отъ болѣзни, какъ къ нимъ пріѣхалъ изъ Арзамаса живописецъ, котораго вызвалъ баронъ Г. К. Криденеръ, чтобы поручить ему переписать на своемъ портретѣ собаку. Это дало толчокъ мальчику испробовать свои силы въ рисованіи, и при этомъ сказалась замѣчательная черта въ его характерѣ: въ противоположность всѣмъ дѣтямъ, онъ сразу сталъ стараться рисовать съ натуры и перешелъ къ копированію картинъ только тогда, когда мать его, видя неудачу его попытокъ, посовѣтовала ему лучше рисовать сперва съ оригиналовъ. Когда П. вполнѣ оправился отъ болѣзни, его отдали въ уѣздное Арзамасское училище, и онъ поселился у преподавателя этого училища, г. Фаворскаго. Здѣсь П. окончилъ курсъ въ три года, особенно отличившись въ рисованіи, которое и тогда уже было введено въ училищахъ, какъ средство къ эстетическому развитію. Въ это же время съ семействомъ Криденеръ познакомился одинъ изъ арзамасскихъ купцовъ, М. Г. Безобразовъ, выдѣлявшійся изъ мѣстнаго купечества своимъ умомъ и образованіемъ и обладавшій порядочною библіотекою, книгами изъ которой охотно снабжалъ Перова, очень его полюбившаго. Этотъ же Безобразовъ, постоянно поощряя занятія мальчика рисованіемъ, по окончаніи имъ курса училища, сталъ уговаривать родителей П. отдать его въ извѣстную мѣстную художественную школу Ступина. Мать долго не соглашалась на это, предпочитая, чтобы сынъ ея поступилъ въ Нижегородскую гимназію, такъ какъ А. В. Ступинъ, очень строго относясь къ художественнымъ занятіямъ своихъ учениковъ, не обращалъ никакого вниманія на ихъ нравственность, и объ нихъ въ Арзамасѣ шла молва, какъ о пьяницахъ. Но упорныя настоянія самого мальчика и М. Г. Безобразова побѣдили ее, и въ 1846 г. Перовъ поступилъ въ школу Ступина, но на особыхъ условіяхъ: онъ долженъ былъ только два раза въ недѣлю ѣздить въ школу, жилъ же въ деревнѣ, у отца. Такъ продолжалось дѣло только три мѣсяца, потому что опасенія матери начали оправдываться: товарищи завели однажды Перова на именины къ одной портнихѣ, онъ вернулся оттуда на-веселѣ,—и мать поспѣшила взять его изъ школы. Но не на долго: вскорѣ Криденеръ лишился мѣста управляющаго и со всей семьей переселился въ Арзамасъ, нанявъ тамъ квартиру какъ разъ напротивъ

школы Ступина. Тогда мальчика опять отдали въ школу, и теперь уже занятія его стали ежедневными. Ступинъ часто бывалъ въ гостяхъ у Криденеръ и нерѣдко говаривалъ матери: «Ты, матушка, не безпокойся, Васенька не пропадетъ,—у него талантъ, изъ него выйдетъ художникъ; это я тебѣ говорю». «Хотя юному Василію,—разсказываетъ біографъ его, «страстно хотѣлось писать масляными красками, но на всѣ его просьбы Ступинъ отвѣчалъ одно: «Нѣтъ, батюшка, рисуй-ка карандашомъ, будь потверже въ карандашѣ, а тамъ начнешь и красками». Между тѣмъ, рисунками его Ступинъ былъ очень доволенъ. Поэтому одинъ изъ учениковъ, нѣкто Ивановскій, сталъ уговаривать В. Г. писать красками потихоньку отъ Ступина и совѣтовалъ ему написать копію съ картины Брюллова «Старикъ», бывшей въ ихъ школѣ. Сказано-сдѣлано. Натянули холстъ на подрамокъ, и началась работа тайкомъ». Однако, какъ-то Ступинъ увидѣлъ работу Перова и, вмѣсто выговора похвалилъ мальчика, сказавъ ему: «Хорошо, братъ, хорошо! Ты теперь пиши красками, пора уже». «В. Г. прибѣжалъ домой, не помня себя отъ радости, что похвалили его первую работу масляными красками. Ему шелъ тогда пятнадцатый годъ. Такимъ образомъ», заключаетъ авторъ: «какъ прежде въ рисованьѣ, такъ теперь въ живописи онъ доходилъ до всего самъ, почти безъ посторонней помощи, если не считать помощью указаній другихъ лицъ, матери и товарищей, на предметы занятій».

Черезъ годъ (въ 1849 г.) баронъ Г. К. Криденеръ опять получилъ мѣсто управляющаго имѣніемъ у директора Московскаго Опекунскаго Совѣта Михайлова, куда и переѣхалъ съ семействомъ, а Перовъ поселился у Ступина. При отъѣздѣ мать взяла съ него слово, что онъ не будетъ увлекаться дурнымъ примѣромъ своихъ товарищей, что онъ и сдержалъ крѣпко. Но это не могло не отразиться на его отношеніяхъ съ ними и окончилось полною ссорой, въ которой Перовъ, выведенный изъ терпѣнія однимъ изъ старшихъ учениковъ, за обѣдомъ пустилъ въ него тарелкою съ горячею кашей. Тотъ пожаловался Ступину, а старикъ, требовавшій, чтобы младшіе относились къ старшимъ съ уваженіемъ, обвинилъ во всемъ Перова. Тогда Перовъ собралъ немедленно свои пожитки, оставилъ школу и къ вечеру пришелъ къ своимъ, сдѣлавъ пѣшкомъ 35 верстъ. Семья вполнѣ одобрила его поступокъ, и онъ остался въ деревнѣ, продолжая тамъ работать съ тѣхъ оригиналовъ, которые ему тайкомъ доставляли нѣкоторые изъ его бывшихъ товарищей, оставшіеся съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но вскорѣ копіи перестали удовлетворять его, и онъ перешелъ къ самостоятельной работѣ. Онъ выбралъ себѣ изъ деревенскихъ парней одного очень красиваго сверстника и сдѣлалъ его своимъ натурщикомъ, помощникомъ и даже другомъ; при его помощи, подъ впечатлѣніемъ наступившаго великаго поста онъ задумалъ написать «Распятіе». Они сколотили большой деревянный крестъ, ввернули кольца для рукъ и ногъ, уставили его въ темномъ углу гостиной, и Иванъ, раздѣтый, продѣвалъ руки и ноги въ кольца и, кромѣ того, привязывался къ кресту широкими ремнями. Онъ несъ такія добровольныя мученія цѣлыхъ шесть недѣль, пока Перовъ написалъ такимъ образомъ все тѣло Распятаго съ натуры, измѣнивъ только лицо. Какъ разъ къ Страстной недѣлѣ картина была готова, и молодой художникъ рѣшилъ пожертвовать ее въ сосѣднюю сельскую церковь. Прежде всего онъ повезъ ее въ ближайшее къ нимъ село Каваксу; но такъ какъ тамъ прихожане были преимущественно старовѣры, то хотя картина понравилась священнику, тѣмъ не менѣе, находя, что какъ форма креста, такъ и расположеніе рукъ не «истовы», они просили художника передѣлать ее, согласно ихъ указаніямъ. Но онъ, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, оказался настолько самостоятельнымъ, что увезъ обратно картину и отдалъ ее въ другое ближайшее село — Никольское, гдѣ ее приняли съ радостью, безъ всякихъ перемѣнъ, и гдѣ она остается и до сихъ поръ. Послѣ этого, тутъ же, въ деревнѣ, Перовъ написалъ свой собственный портретъ и портреты отца и другихъ членовъ семьи. Кромѣ того, онъ много занимался чтеніемъ, охотою и бесѣдами съ крестьянами.

Въ это время къ нимъ въ деревню

пріѣхалъ племянникъ отца, П. П. Мюнцендорфъ, только что окончившій тогда курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. По его настояніямъ и въ виду быстрыхъ успѣховъ сына въ искусствѣ, мать Перова рѣшилась въ маѣ 1852 г. ѣхать въ Москву, чтобы доставить ему возможность получить настоящее художественное образованіе. Здѣсь, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, они попали къ преподавателю Училища Живописи и Ваянія Н. А. Рамазанову, который обласкалъ юношу, а уже въ концѣ 1853 г. Перовъ поступилъ въ Училище. Поселился онъ у смотрительницы одного женскаго пріюта, Марьи Любимовны Штрейтеръ, родственницы доктора Оберлинга, который, какъ другъ барона Криденера, тоже принималъ большое участіе въ устройствѣ художественной карьеры талантливаго юноши. Эта почтенная старушка очень тепло относилась къ Перову, постоянно оказывая ему и нравственную, и даже матеріальную поддержку, когда отецъ его, обремененный большимъ семействомъ и самъ крайне нуждавшійся, принужденъ былъ прекратить всякую помощь сыну и пересталъ присылать ей деньги на его содержаніе. Но осенью 1855 года она умерла, и Перовъ очутился въ такомъ отчаянномъ положеніи, что уже подумывалъ бросить свое дальнѣйшее художественное образованіе и устроиться гдѣ-нибудь въ провинціи учителемъ рисованія. Но судьба спасла его. Въ это время одинъ изъ преподавателей Училища, Ег. Як. Васильевъ, узнавъ случайно о такомъ положеніи П., предложилъ ему поселиться у него безплатно, а одновременно съ этимъ одинъ изъ членовъ Московскаго Художественнаго Общества, Н. И. Іохемсинъ, записалъ его на свое имя, чѣмъ избавилъ его отъ платы за ученье.

Теперь, избавленный отъ грозившей ему суровой нужды, Перовъ горячо принялся за работу. «Иногда», разсказываетъ В. В. Безсоновъ, «далеко за полночь онъ просиживалъ съ карандашемъ въ рукѣ, воспроизводя въ рисункѣ всякую мысль, даже случайно запавшую въ голову и такимъ упражненіемъ выработалъ въ рукѣ своей вѣрную союзницу для головы. Композиція сдѣлалась любимымъ его занятіемъ, и множество прекрасныхъ эскизовъ были результатомъ непрерывнаго энергическаго труда... Все это не могло не обратить серьезнаго вниманія профессоровъ на даровитаго ученика».

Въ декабрѣ 1856 г., за представленный Училищемъ этюдъ: «Голова мальчика», написанный съ двѣнадцатилѣтняго брата художника, Николая, Перовъ получилъ отъ Академіи Художествъ вторую серебряную медаль. Ободренный этимъ успѣхомъ, онъ принялся писать картину: «Пріѣздъ станового на слѣдствіе», которую и исполнилъ въ концѣ 1857 г., а въ слѣдующемъ году получилъ за нее отъ Академіи первую серебряную медаль. Картина была выставлена сперва въ Училищѣ, а затѣмъ въ Академіи и имѣла и тамъ, и тутъ громадный успѣхъ.

Послѣ этого художникъ взялъ тему изъ русской народной пѣсни: «Мать плачетъ, какъ рѣка льется; сестра плачетъ, какъ ручей течетъ; жена плачетъ, какъ роса падаетъ,—взойдетъ солнышко, росу высушитъ», и назвалъ ее «Сценою на могилѣ». Когда онъ окончилъ ее въ 1859 г., то на всѣхъ, кому онъ ее показывалъ, картина производила сильное впечатлѣніе по экспрессіи дѣйствующихъ лицъ; но самъ художникъ остался недоволенъ не только ею, но и вообще своимъ рисункомъ; чтобы достичь болѣе основательнаго знанія въ рисункѣ, онъ, будучи уже конкуррентомъ на золотую медаль, снова, въ теченіе трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, начинаетъ аккуратно посѣщать вечерніе классы и усердно рисуетъ тамъ, наравнѣ съ младшими учениками. Послѣ этого П. берется за новую картину: «Сынъ дьячка, получившій первый чинъ», гдѣ главнаго героя пишетъ съ пріятеля своего—Каллистова, дьячка—съ Филиппыча, служившаго въ приходской церкви Училища, а портного—съ училищнаго портного—и, приготовивъ эскизъ, посылаетъ его въ Академію, чтобы ему отвели тамъ мастерскую и назначили содержаніе, какъ дѣлалось въ то время конкуррентамъ на золотую медаль. Въ февралѣ 1860 г. Академическій Совѣтъ утвердилъ эскизъ, а въ сентябрѣ того же года наградилъ Перова второю золотою медалью. На выставкѣ же картина эта имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ первая.

Отъ 7-го января 1861 г. сохранилось

одно поданное въ Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества прошеніе П., которое обрисовываетъ не только его матеріальное положеніе, но и художественные вкусы. «Занимаясь въ Училищѣ въ теченіе шести лѣтъ», пишетъ онъ: «я никогда не обращался къ гг. членамъ съ просьбою объ матеріальномъ вспомоществованіи, не пользовался ни пособіями, ни наградами и даже казенными натурщиками, несмотря на то, что во все вышеозначенное время принужденъ былъ усиленною работою пріобрѣтать средства для произведенія картинъ, за которыя и получалъ академическія награды. Одинъ только разъ для отправленія картины моей въ Академію, отъ которой теперь получилъ поощреніе и приглашеніе пользоваться предлагаемыми мнѣ средствами для дальнѣйшихъ занятій моихъ, я былъ вынужденъ обратиться за помощью къ кассѣ Училища. гдѣ и занялъ 40 р. сер. Выплатить мой долгъ въ настоящее время я не могу, потому что устройствомъ моихъ дѣлъ и средствами къ переѣзду въ Петербургъ я обязанъ только вниманію и помощи Кузьмы Терентьевича Солдатенкова [† 1901 г.]; безъ взноса же оныхъ денегъ, бумагъ моихъ получить не могу. Вслѣдствіе этого, я и рѣшился обратиться къ Совѣту Училища съ покорнѣйшею просьбою о позволеніи мнѣ заработать взятыя мною деньги, тѣмъ болѣе, что мнѣ было бы весьма пріятно оставить о себѣ память въ Училищѣ. которому я обязанъ своимъ первоначальнымъ развитіемъ и потому предлагаю Совѣту Училища копіи съ тѣхъ картинъ Эрмитажа, которыя мнѣ больше нравятся, и которыя надѣюсь скопировать добросовѣстно: первая—«Явленіе Христа Магдалинѣ», картина Иванова, которую предлагаю Совѣту Училища за 500 рублей сер.; вторая—«Этюдъ изъ жизни Давида», картина Ванъ-деръ-Верфа, — за 300 р. сер. Ежели же Совѣтъ не пожелаетъ имѣть копіи моей работы, то прошу, по крайней мѣрѣ, отсрочить срокъ платежа до окончанія программы, которую я буду исполнять на первую золотую медаль».

Въ отвѣтъ на это Совѣтъ постановилъ: «Числящійся за Перовымъ долгъ, 40 р. сер., сложить съ него».

Сюжетомъ для картины на большую золотую медаль Перовъ выбралъ: «Проповѣдь въ селѣ на текстъ: «Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога» и еще въ ноябрѣ 1860 г. окончилъ эскизъ и представилъ его на утвержденіе Академическаго Совѣта. Совѣтъ утвердилъ эскизъ, потребовавъ только, чтобы риза священника была замѣнена рясою. Несмотря на болѣзнь, которая значительно задержала работу, въ августѣ того же года картина была окончена, и въ сентябрѣ Перовъ получилъ отъ Академіи первую золотую медаль, дававшую ему право на поѣздку на три года за-границу на казенный счетъ. Но, при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ, картина эта обратила на себя гораздо меньше вниманія публики, чѣмъ предыдущія.

Около этого же времени написаны художникомъ портретъ одного генерала, «Сельскій крестный ходъ на Пасхѣ» (1861 г.), «Чаепитіе въ Мытищахъ» и «Диллетантъ» (1862 г.). Наконецъ, осенью 1862 г. Перовъ выѣхалъ за-границу, успѣвъ передъ этимъ жениться на Еленѣ Эдмундовнѣ Шейнсъ, племянницѣ Ѳ. Ѳ. Рѣзанова.

Пріѣхавъ въ Парижъ, нашъ художникъ пробуетъ свои силы въ нѣсколькихъ картинахъ: «Внутренность балагана на парижскомъ гуляньѣ, во время представленія» (2 эскиза), «Итальянецъ, продающій статуи», «Савояръ», «Шарманщикъ», «Шарманщица», «Слѣпой музыкантъ», «Дѣвушка въ профиль», «Старикъ съ кружкой», «Продавецъ пѣсенниковъ» (неоконченная картина), «Праздникъ въ окрестностяхъ Парижа» (эскизъ и неоконченная картина), «Нищіе на одномъ изъ парижскихъ бульваровъ», «Парижскіе тряпичники» и «Уличная сцена въ Парижѣ». Но всѣ эти работы написаны какъ будто совсѣмъ иною кистью: всѣмъ имъ далеко даже до первыхъ опытовъ художника, исполненныхъ на разныя темы. Это ясно сознавалъ и самъ авторъ ихъ и 4-го іюня 1864 г. онъ прислалъ въ Академію слѣдующее замѣчательное прошеніе: «Осмѣливаюсь покорнѣйше просить Совѣтъ», писалъ онъ: «о позволеніи возвратиться мнѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1864 г. въ Россію. Причины, побуждающія меня просить объ этомъ, я постараюсь здѣсь представить: живя за-границею почти два года и несмотря на все мое жела-

ніе, я не могъ исполнить ни одной картины, которая бы была удовлетворительна, — незнаніе характера и нравственной жизни народа дѣлаютъ невозможнымъ довести до конца ни одной изъ моихъ работъ; я увѣдомлялъ Совѣтъ Академіи о начатыхъ мною работахъ, которыми я занимаюсь и въ настоящее время, и буду имѣть честь ихъ представить въ Академію въ октябрѣ мѣсяцѣ этого года, но не какъ конченныя картины, а какъ труды для разработки технической стороны искусства; посвятить же себя на изученіе страны чужой нѣсколько лѣтъ—я нахожу менѣе полезнымъ, чѣмъ, по возможности, изучить и разработать безчисленное богатство сюжетовъ какъ городской, такъ и сельской жизни нашего отечества. Имѣю въ виду нѣсколько сюжетовъ изъ русской жизни, которые я бы исполнилъ съ любовью и сочувствіемъ и, надѣюсь, болѣе успѣшно, чѣмъ изъ жизни народа, мнѣ мало знакомаго; при этомъ желаніе сдѣлать что-нибудь положительное и тѣмъ оправдать милостивое вниманіе ко мнѣ Совѣта даетъ мнѣ смѣлость надѣяться на снисхожденіе къ моей покорнѣйшей просьбѣ. Получивши разрѣшеніе и деньги, поѣду на два мѣсяца по Италіи, откуда возвращусь прямо въ Россію, гдѣ надѣюсь написать зимою картину, а лѣто 1865 г. посвятить на этюды и путешествія».

Эти слова характерны не только для Перова, но и для всей плеяды художниковъ, къ которой онъ принадлежалъ; это ихъ profession de foi. Какая тутъ противоположность съ предшествующимъ поколѣніемъ, которое жизнь за границею считало за особенное счастье, и если обращалось въ Академію съ какими-нибудь просьбами, то, напротивъ, только о продленіи заграничной командировки!

Высочайшее соизволеніе на возвратъ его на родину послѣдовало 29-го іюля того же года, а осенью Перовъ уже вернулся въ Москву и поселился въ домѣ дяди своей жены, Ѳ. Ѳ. Рѣзанова. Здѣсь онъ сразу проявилъ свой талантъ, къ этому времени успѣвшій еще болѣе окрѣпнуть. Еще въ Парижѣ онъ задумалъ большую, сложную картину: «Монастырскую трапезу». Теперь, написавъ сперва «Дворника, отдающаго квартиру барынѣ» (котораго впослѣдствіи онъ повторилъ), онъ окончилъ эту «Трапезу», въ первоначальномъ видѣ, только передѣлавъ ее потомъ, въ 1875 г.; но на выставку этой картинѣ, при жизни художника, попасть не удалось. Съ слѣдующими картинами Перовъ перешелъ отъ прежняго сатирическаго направленія къ болѣе драматическимъ сюжетамъ, полнымъ грусти и сочувствія къ «униженнымъ и оскорбленнымъ». Таковыми уже являются: «Проводы покойника», получившіе первую премію отъ С.-Петербургскаго Общества Поощренія Художествъ и впослѣдствіи повторенные, и «Очередная у бассейна», получившая первую премію отъ Московскаго Общества Любителей Художествъ. Въ томъ же 1865 г. написанъ имъ еще «Гитаристъ - бобыль». Въ слѣдующемъ году за картины: «Тройка, ученики-мастеровые» и «Пріѣздъ гувернантки въ купеческій домъ», онъ получилъ званіе академика. Тогда же имъ написаны: «Мальчикъ-мастеровой», «Сцена на почтовой станціи» и «Чистый понедѣльникъ». Въ 1867 г. картины его: «Проводы покойника», «Гитаристъ», «Тройка», «Сынъ дьячка» и «Диллетантъ», вмѣстѣ съ работами другихъ русскихъ художниковъ, были посланы на Парижскую всемірную выставку и обратили тамъ на себя особенное вниманіе публики и критики, вслѣдствіе чего въ январѣ 1868 г. вице-президентъ Академіи представилъ министру Двора слѣдующій рапортъ:

«Академикъ живописи народныхъ сценъ Перовъ, обнаружившій отличный талантъ свой еще до отправленія его въ 1862 г. за границу, пенсіонеромъ отъ правительства, возвращенъ оттуда, по особому Высочайшему разрѣшенію, объявленному мнѣ вашимъ сіятельствомъ 29-го іюля 1864 г., для изученія русскаго народнаго быта, къ которому онъ, по врожденнымъ своимъ наклонностямъ, проживая въ центрѣ Россіи — Москвѣ, имѣетъ призваніе. Трудясь постоянно и неутомимо, онъ произведеніями своими доказываетъ постепенное развитіе своего таланта, при строгомъ изученіи природы. Изъ произведеній его одно, бывшее на Парижской всемірной выставкѣ: «Дѣти, находящіяся въ ученьѣ у мастерового, тащатъ въ гору чанъ съ во-

дою въ зимній бурный день», заслужило всеобщее вниманіе иностранцевъ, всегда болѣе строгихъ, что̀ весьма естественно, къ художникамъ чужеземнымъ. Кромѣ того, и на прошлогодней выставкѣ въ Академіи было также нѣсколько картинъ этого художника, по всей справедливости заслуживающаго право на особенное поощреніе, чтобы дать ему возможность трудиться еще нѣкоторое время безъ заботы о насущномъ содержаніи, особенно въ настоящее тяжелое для художниковъ время, когда нѣтъ никакого сбыта ихъ произведеніямъ. Во вниманіе къ такой полезной дѣятельности отечественнаго таланта, Совѣтъ Академіи признавалъ справедливымъ, по случаю истекающаго въ семъ году срока пенсіона, ходатайствовать о продолженіи Перову, въ видѣ особой Монаршей милости, пенсіонерскаго содержанія еще на два года. О такомъ опредѣленіи Совѣта Академіи, утвержденномъ и Общимъ Собраніемъ Академіи, 10-го сентября прошлаго года, считаю долгомъ представить вашему сіятельству и покорнѣйше просить, не изволите ли признать возможнымъ ходатайствовать предъ Всемилостивѣйшемъ Государемъ Императоромъ о пожалованіи академику Перову, во вниманія къ его отличнымъ трудамъ и таланту, содержанія еще на два года». 2-го мая 1868 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на продленіе пенсіона на два года, по 300 червонцевъ въ годъ.

Въ 1867 г. Перовымъ были написаны: «Учитель рисованія», картина, вызванная воспоминаніями о неудачно сложившейся жизни талантливаго художника П. М. Шмелькова, эскизъ и картина «Утопленица», содержаніе которой послужило также поводомъ къ составленному художникомъ разсказу, подъ заглавіемъ: «На натурѣ. Фанни подъ № 30», напечатанному въ «Художественномъ журналѣ» 1881 г. и «Христосъ и Матерь Божія у житейскаго моря», воспроизводящая собою сонъ художника.

Въ это же время одинъ случай заставилъ художника обратиться къ портретной живописи, которою раньше онъ занимался очень мало. Одному изъ учениковъ Училища живописи и ваянія, Брызгалову, необходимо было получить званіе художника. Не надѣясь на собственныя силы, онъ обратился къ помощи Перова. Тотъ взялъ кисти и прошелъ съ начала до конца плохо написанный этюдъ «Старика-читальщика». Явилась такая прекрасная вещь, что Брызгаловъ не только получилъ желанное званіе художника, но еще и золотую медаль за экспрессію, которой не имѣлъ и самъ Перовъ. Удивленный такимъ неожиданнымъ успѣхомъ, Перовъ и самъ принялся за портретную живопись и, благодаря этому, мы имѣемъ не мало такихъ портретовъ, которые по справедливости считаются одними изъ лучшихъ во всей русской школѣ. Въ слѣдующемъ же году онъ написалъ превосходный эпизодъ «Ѳомушка-сынъ» и портреты Ѳ. Ѳ., Н. Ѳ., Ѳ. И. и Н. Ѳ. Рѣзановыхъ, Л. С. Медвѣдева, Г. И. Хлудова, своей жены Е. Э. Перовой и С. И. Миллера; въ послѣднемъ участвовалъ И. М. Прянишниковъ. Кромѣ того — картины: «Дворникъ-самоучка», «Сцена у шлагбаума желѣзной дороги», получившая первую премію отъ Московскаго Общества Любителей Художествъ, «Послѣдній кабакъ у заставы», эскизъ «Путешествіе квартальнаго съ семействомъ на богомолье» и исполнилъ рисунокъ «Толкучій рынокъ», гдѣ предполагалось представить болѣе шестидесяти типовъ. Въ 1869 году Перовымъ исполнены два лучшихъ его портрета: В. В. Безсонова и А. А. Борисовскаго. За первый онъ получилъ 1-ю премію Московскаго Общества любителей художествъ, а для второго нарочно ѣздилъ въ Петербургъ и копировалъ въ Эрмитажѣ портреты Веласкеза, Кристи и Ванъ-Дейка, хотя работа его не имѣетъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ вліянія этихъ мастеровъ, а отличается полною самостоятельностью. Въ это же время имъ написаны: «Осень. Дорога въ распутицу», «Шарманщикъ, ночная сцена», «Подслушивающая у двери», «Дѣвочка съ кувшиномъ», «Булочникъ», этюдъ старика и портреты А. Ѳ. Писемскаго и князя Щербатова. Первыя три картины остались неоконченными.

Въ ноябрѣ 1870 г. Перовъ получилъ отъ Академіи званіе профессора, за двѣ картины: «Странникъ» и «Птицеловъ». Послѣдняя картина, кромѣ того, доставила художнику первую премію отъ Общества поощренія художествъ и вооб-

ще имѣла большой успѣхъ. И для насъ она имѣетъ особенное значеніе, потому что, начиная съ нея, творчество Перова еще разъ перемѣнило свое направленіе—на элегическое, сходное, по характеру, съ Тургеневскими охотничьими разсказами. Въ этомъ же году онъ написалъ собственный портретъ, портреты А. В и Н. П. Ланиныхъ, А. А. Кузнецовой, князя Гагарина, Н. Г. и А. Г. Рубинштейновъ и художника Степанова, эскизъ и картину «Спящія дѣти», картины: «Къ Троицѣ», «Наканунѣ дѣвичника» и неоконченную картину «Пріѣздъ институтки къ слѣпому отцу».

Въ это время въ жизни Перова вообще произошло много перемѣнъ. Въ 1869 г. умерла его первая жена, оставивъ его съ троими маленькими дѣтьми, изъ которыхъ двое старшихъ, Николай и Надежда, тоже вскорѣ умерли, и онъ остался только съ однимъ сыномъ, Владиміромъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи тоже художникомъ. Самъ Перовъ, до тѣхъ поръ отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ, тоже простудился на охотѣ, и у него стала развиваться чахотка, сведшая его потомъ въ могилу. Къ тому же времени у него возникли нелады съ Академіею, и одновременно съ этимъ онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ учредителей Товарищества передвижныхъ выставокъ и дѣятельнѣйшимъ членомъ Правленія этого товарищества. Съ этихъ поръ работы его болѣе уже не появляются на академическихъ выставкахъ, за то всѣ передвижныя выставки изобилуютъ ими. Наконецъ, 13-го марта 1871 г. Перовъ назначенъ преподавателемъ живописи въ Училище живописи, ваянія и зодчества, съ окладомъ жалованья по 800 р. въ годъ. Такимъ образомъ, не только направленіе живописи Перова, но и вся жизнь его рѣзко измѣнилась.

Въ томъ же 1871 г. П. написалъ картины: «Рыболовъ» и «Охотники на привалѣ», портреты: А. Н. Островскаго, Е. П. и А. И. Тимашевыхъ, г. Осокина, князя Лобанова-Ростовскаго и И. С. Тургенева и эскизы: «Бесѣда студентовъ съ монахомъ у часовни» и «Петръ Петровичъ Пѣтухъ со своимъ поваромъ», изъ поэмы Гоголя «Мертвыя души».

Какъ преподаватель, Перовъ оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія во всѣхъ своихъ ученикахъ. Его взгляды, которые онъ проводилъ въ своей педагогической дѣятельности, ясно выражены въ одномъ мѣстѣ его разсказа «Наши учителя», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Чтобы быть вполнѣ художникомъ, нужно быть творцомъ; а чтобы быть творцомъ, нужно изучать жизнь, нужно воспитать умъ и сердце, воспитать не изученіемъ казенныхъ натурщиковъ, а неусыпной наблюдательностью и упражненіемъ въ воспроизведеніи типовъ и имъ присущихъ наклонностей... Этимъ изученіемъ нужно такъ настроить чувствительность воспринимать впечатлѣнія, чтобы ни одинъ предметъ не пронесся мимо васъ, не отразившись въ васъ, какъ въ чистомъ, правильномъ зеркалѣ.. Художникъ долженъ быть поэтъ, мечтатель, а главное—неусыпный труженикъ .. Желающій быть художникомъ долженъ сдѣлаться полнымъ фанатикомъ, живущимъ и питающимся однимъ искусствомъ, и только искусствомъ».

Въ 1872 г. Перовъ женился вторично—на Елизаветѣ Егоровнѣ Другановой. Въ томъ же году у него началась размолвка съ товариществомъ передвижныхъ выставокъ; размолвка эта постепенно росла и кончилась въ 1877 г. выходомъ П. изъ товарищества.

За это время П. написаны: въ 1872 г.—«Берегъ Днѣпра, подъ Кіевомъ», «Выгрузка извести на Днѣпрѣ» и портреты: И. С. Камынина, М. П. Погодина, Ѳ. М. Достоевскаго, В. И. Даля, второй портретъ И. С. Тургенева, А. Н. Майкова, С. Т. Аксакова и П. С. Кампіони. Въ 1873 г.—картина «Отпѣтый», за которую онъ получилъ вторую премію отъ Общества поощренія художествъ, три эскиза и шесть этюдовъ къ «Пугачевскому бунту» и портреты г. Кузнецова и А. И. Казначеева. Къ этому же году, повидимому, относятся эскизъ и картина «Вечеръ въ Великую субботу», которая потомъ была уничтожена и на ней написанъ «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду». Въ 1874 г.—картины: «Пластуны», «Старики родители на могилѣ сына», (подъ впечатлѣніемъ смерти Базарова въ романѣ Тургенева «Отцы и дѣти»)—двѣ композиціи, изъ которыхъ вторая разрѣзана художникомъ на два этюда: «Старичокъ» и «Старушка»; «Пріѣздъ

странника-семинариста», «Крестьянка», «Возвращеніе дѣвушки съ купанья», «Возвращеніе крестьянки съ дѣвочкой съ поля», этюды улья и яблони въ цвѣту, «Крестьянка Рязанской губерніи», «Возвращеніе жницъ съ поля», «Голубятникъ», «Ботаникъ», «Божьи дѣти» и портреты: г. Бородаевскаго, Т. Д. Зотовой, генерала Дурново, В. И. Ахшарумова и князя В. А. Долгорукова. Въ 1875 г.—эскизъ «Быть или не быть?», «Божій человѣкъ», неоконченную картину «Пугачевскій бунтъ» и портреты: князя В. А. Долгорукова (съ фотографіи), гг. Сергѣевыхъ, П. И. Николаева и г. Колюбакина. Въ 1876 г.—«У ссудной кассы», и портреты императора Александра II, въ ростъ, и Н. Г. Дьяговченко. Въ 1877 г.—повтореніе «Пластуновъ», «На тягѣ», и портретъ Л. К. Шфеля. Въ 1878 г.—повтореніе «Дворника», эскизъ «Ярмарки», «Голову Іоанна Крестителя», «Голову слѣпого», «Голову Христа», эскизъ и картину «Христосъ въ Геѳсиманскомъ саду», неоконченную картину «Снятіе со креста», «Распятіе» (оно потомъ уничтожено, и на немъ написана картина «Пугачевскій бунтъ»), «Поволжскіе хищники» и портреты: В. С. Бровскаго, А. К. Саврасова и гг. Кирилловыхъ; къ этому же году, повидимому, относится эскизъ картины «Опахиванье». Въ 1879 г.—эскизъ «Рыбная ловля острогою», «Рыбаки», «Охота на медвѣдя зимою», для редакціи журнала. «Природа и Охота»; «Охота на овсахъ», для нея же; «Странница въ полѣ», эскизъ, и картину «Дѣвушка, бросающаяся въ воду», (картина эта потомъ была передѣлана въ «Плачъ Ярославны»); эскизъ «Приближеніе весны», три эскиза «Снѣгурочки», эскизъ «Иванъ-Царевичъ и сѣрый волкъ», эскизъ «Григорій Отрепьевъ и Пименъ», оконченную картину «Пугачевскій бунтъ» и портреты Н. И. Гребенскаго, своей второй жены и сестры ея, М. Е. Горбуновой. Въ 1880 г.—этюды головокъ дѣвушекъ, «Возвращеніе крестьянъ съ похоронъ зимою», «Плачъ Ярославны», «Весна», эскизъ и картину «Первые русскіе христіане» и портреты М. Г. и П. А. Горбуновыхъ, второй портретъ А. И. Тимашева и второй портретъ А. А. Борисовскаго. Наконецъ, въ 1881 г.—эскизъ и картину «Никита Пустосвятъ», портретъ Н. В. Медынцева и четыре портрета императора Александра III.

По поводу послѣдней изъ упомянутыхъ здѣсь картинъ мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности, еще не появлявшіяся до сихъ поръ въ печати и любезно сообщенныя намъ вдовою художника. Самая идея картины, вѣроятно, явилась у художника подъ вліяніемъ П. И. Мельникова (Печерскаго), съ которымъ Перовъ познакомился около этого времени и съ которымъ очень много бесѣдовалъ о расколѣ. Мельниковъ же доставилъ ему и нужныя для лѣвой стороны картины портреты. Приняться же за такую большую картину подбилъ Перова И. И. Шишкинъ, такъ какъ онъ долго не рѣшался взяться за работу, которая должна была поглотить много и времени, и расходовъ, а на продажу которой такъ мало было шансовъ. Всего труднѣе художнику было найти подходящаго натурщика для самого Никиты Пустосвята. Наконецъ, онъ нашелъ такого среди бродягъ. Но все же тотъ никакъ не могъ придать своему лицу того выраженія, какое требовалось для картины. Это выраженіе однажды художникъ увидѣлъ во снѣ, конечно, подъ вліяніемъ долгихъ думъ объ немъ, и тутъ же, ночью, зажегъ огонь и наскоро зарисовалъ его, а потомъ внесъ въ картину. Эта картина, такъ хорошо передающая, по словамъ знатоковъ, самый смыслъ раскола, была лебединою пѣснью художника. Онъ работалъ надъ нею даже тогда, когда уже едва былъ въ состояніи держать кисти въ рукахъ.

Давно таившаяся болѣзнь, наконецъ сломила Перова окончательно. Лѣчилъ его д-ръ Остроумовъ и находилъ необходимымъ отправить больного въ Крымъ, но на это у Перова не было средствъ. Правда, за все время своей трудовой жизни ему удалось скопить пять тысячъ рублей, на которые, въ 1875 г., онъ купилъ себѣ маленькое имѣньице, сельцо Стрѣлково, около станціи Клинъ, Николаевской желѣзной дороги (гдѣ онъ и проводилъ послѣдніе годы каждое лѣто), которое жена совѣтовала ему заложить, чтобы употребить эти деньги на поѣздку. Но онъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ, боясь лишиться послѣднихъ крохъ, какія онъ могъ оставить женѣ и сыну. Тогда въ

это дѣло вмѣшался графъ Л. Н. Толстой. Онъ года за два передъ тѣмъ помѣстилъ свою дочь, Татьяну Львовну, въ Училище, и самъ сталъ часто посѣщать классы училища, заводя горячіе споры съ В. Г. Перовымъ и М. И. Прянишниковымъ, начинавшіеся въ классѣ, а кончавшіеся, обыкновенно, уже въ квартирѣ Перова, за чайнымъ столомъ. Узнавъ о болѣзни художника, графъ Толстой пріѣхалъ къ нему и сталъ уговаривать позвать доктора Захарьина. Графъ Толстой самъ поѣхалъ и привезъ профессора. Захарьинъ нашелъ, что поѣздка въ Крымъ можетъ принести больше вреда, чѣмъ пользы: поэтому онъ совѣтовалъ переѣхать въ Тарасовку, по Ярославской дорогѣ, не столько изъ-за климатическихъ достоинствъ этого мѣстечка, сколько изъ-за того, что тамъ находился въ это время, въ должности земскаго врача, бывшій ассистентъ Захарьина, д-ръ Толстой, о которомъ Захарьинъ отзывался самымъ лучшимъ образомъ.

Между тѣмъ, въ Тарасовкѣ на это лѣто уже нанялъ себѣ прекрасную дачу П. М. Третьяковъ. Узнавъ о совѣтѣ Захарьина, Третьяковъ предложилъ къ услугамъ Перова всю свою дачу, вплоть до времени своего переѣзда. Такъ и было сдѣлано, а 12-го мая больного уже перевезли оттуда къ роднымъ, въ Кузьминки, за 40 верстъ. Эта дорога была страшно мучительна. Перовъ не разъ просилъ окружающихъ сократить какъ-нибудь ему жизнь. Въ 3 часа дня 29-го мая 1882 г. Перовъ тихо скончался. Тѣло его перевезли въ Москву и отпѣли въ приходской церкви Училища, откуда гробъ его вплоть до могилы въ Даниловомъ монастырѣ несли на рукахъ его бывшіе ученики.

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества №№ 138, 140, 154, 159, 199, 291 и 404; Личныя воспоминанія, сообщенныя автору вдовою художника Е. Е. Перовой, ученикомъ его Н. А. Богатовымъ и нѣкот. друг.; «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императорской С.-Петербургской Академіи Художествъ», т. III, стр. 276, 306, 351, 356, 367 и 383; Отчеты Императорской Академіи Художествъ за $186^{2}/_{3}$, $186^{3}/_{4}$, $186^{4}/_{5}$, $186^{5}/_{6}$, $186^{7}/_{8}$, $186^{8}/_{9}$, $18^{69}/_{70}$, $187^{3}/_{4}$ и $18^{79}/_{80}$ гг. «Отчеты Общества Любителей Художествъ за 1866—1877 гг. и за 1882 г.; «Указатели Академическихъ выставокъ 1858, 1860—1862 и 1867—1870 гг.; Указатели Передвижныхъ выставокъ 1871, 1872, 1874 и 1875 гг.; Каталогъ выставки Общества Любителей Художествъ 1869 г.; «Exposition universelle. Catalogue de la Section russe. Beux—arts». Paris. 1878; «Художественный журналъ» 1881 и 1882 гг.; Н. П. Собко. «Василій Григорьевичъ Перовъ, его жизнь и произведенія». Изданіе Д. А. Ровинскаго. С.-Пб. 1892 г.; А. П. Новицкій. Матеріалы для описанія галлереи П. М. Третьякова («Русскій Художественный Архивъ» 1892 г.); Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г. и множество журнальныхъ и газетныхъ статей, довольно полный перечень которыхъ помѣщенъ въ послѣднемъ изъ указанныхъ изданій.

А. Новицкій.

Пероговскій, *Василій Игнатьевичъ*, писатель, этнографъ, род. 12-го апрѣля 1824 г., умеръ 21-го мая 1881 г. въ м. Гороховѣ, Владимірскаго у. Волынской губ. Сынъ священника, П. воспитывался въ Волынской Духовной Семинаріи, откуда, по окончаніи богословскаго курса, поступилъ на юридическій факультетъ Университета св. Владиміра. Окончивъ здѣсь курсъ въ числѣ первыхъ кандидатовъ, онъ былъ зачисленъ въ Канцелярію Кіевскаго, Подольскаго и Волынскаго генералъ-губернатора Бибикова. Недостаточность матеріальныхъ средствъ побудила его вскорѣ оставить эту службу и въ началѣ 1852 года занять мѣсто коннаго засѣдателя при Дубенскомъ Уѣздномъ Судѣ. При открытіи должности судебныхъ слѣдователей въ 1860 году П. назначенъ былъ слѣдователемъ въ Старо-Константиновскій уѣздъ. Литературная дѣятельность его началась въ 1859 году, когда онъ издалъ сочиненіе «О началахъ международнаго права относительно иностранцевъ у народовъ древняго міра». Въ сочиненіи своемъ онъ обозрѣлъ съ интересовавшей его точки зрѣнія законодательства: китайское, индійское, египетское, еврейское, греческое и римское; трудъ этотъ признавался самимъ авторомъ не лишеннымъ значенія потому, что «предметъ, имъ избранный,—новый и еще не обработанный и западными юристами». И дѣйствительно, особаго изслѣдованія по этому вопросу на русскомъ языкѣ нѣтъ и до сихъ поръ (см. статью Н. Бруна: «Права иностранцевъ» въ «Энц. Словарѣ» Брокгауза, т. XXIV, стр. 845).

Въ 1864 г., послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы въ различныхъ глухихъ мѣстечкахъ Волыни, П. былъ назначенъ Новоградволынскимъ уѣзднымъ судьею, откуда, за отказомъ занять должность старшаго совѣтника Волынскаго Губернскаго Правленія, переведенъ былъ

уѣзднымъ судьею въ г. Житомиръ. При введеніи института мировыхъ судей въ Юго-западномъ краѣ, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Мирового Съѣзда и участковымъ мировымъ судьею въ г. Овручѣ. Отдаленность отъ центра Волыни и глушь мѣстности заставили его перейти въ Харьковскую Судебную Палату, а отсюда, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, временно выйти въ отставку. Съ мая 1880 года П. состоялъ участковымъ мировымъ судьею Владиміро-Волынскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Гороховѣ, гдѣ и умеръ отъ паралича сердца. На службѣ П. состоялъ почти 33 года, но умеръ бѣднякомъ. Онъ очень любилъ книжное дѣло и родную старину; какъ знатокъ мѣстной исторіи, П. страстно любилъ свой край, который и изобразилъ въ цѣломъ рядѣ монографій, помѣщенныхъ имъ исключительно въ мѣстныхъ «Епархіальныхъ» или «Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Трудная судейская служба не дала ему возможности заняться наукою исключительно; тѣмъ не менѣе среди изслѣдователей Волыни Пероговскій занимаетъ видное мѣсто; къ сожалѣнію, его брошюры и книги, представляющія собою оттиски изъ мѣстныхъ «Вѣдомостей», мало были распространены и извѣстны только спеціалистамъ. Въ Петербургѣ труды П. оцѣнены были въ 1879 г. редакціей «Древней и Новой Россіи» и составителями изданнаго П. Н. Батюшковымъ сочиненія «Волынь». Къ исторіи мѣстъ своего жительства — городовъ Старо-Константинова, Дубна, Заслава и Новоградволынска онъ возвращался въ своей жизни нѣсколько разъ отъ 1867 по 1881 годъ. Среди изслѣдователей Волыни гг. Стецькаго, Любо-Радиминскаго, Хойницкаго, Трипольскаго и Андріяшева П. выдается, какъ изслѣдователь судебъ русскаго народа въ краѣ. Безкорыстіе, честность и трудолюбіе этого образованнаго провинціальнаго дѣятеля внѣ всякаго сомнѣнія; они сохранятъ ему добрую память и почетное мѣсто въ исторіи русской культуры на Волыни.

Сочиненія П. слѣдующія: «О началахъ международнаго права относительно иностранцевъ у народовъ древняго міра. Кіевъ. 1859 г.; «Историческія воспоминанія о Волыни»—въ «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1867 г., № 12 и въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» 1867, кн. 6, стр. 140—145; «Историческое и статистическое описаніе города Новоградъ-Волынска»—тамъ же, № 40; «Мѣстечко Почаевъ и фундаторъ каменныхъ зданій Почаевской лавры, староста Каневскій Потоцкій» – въ «Вѣстникѣ Западной Россіи» 1867 г., кн. 6, стр. 145—154; «Городъ Старо-Константиновъ, исторія его и настоящее его состояніе» — въ «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1867, № 105 и сл.; 1868, № 3—7; отд. оттискъ. Житомиръ. 155 стр.; «Анна-Алоизія, княжна Острожская» — тамъ же 1868, № 53 и слѣд.; отд. оттискъ— 1868, 110 стр.; «Мѣстечко Берестечно и битва подъ Берестечномъ 1651 года»— тамъ же 1869 г., № 34; отд. оттискъ— 63 стр.; «Мѣстечки Заславскаго уѣзда: Славуша, Шепетовка, Судилновъ, Грицовъ, Бѣлгородка, Корница, Лабунь и селенія: Городище, Полоково и Зѣлинцы»—тамъ же 1868 г. и отд. оттискъ, 31 стр.; «Городъ Заславъ, исторія его и теперешнее состояніе»—тамъ же 1869, № 81—85 и отд. оттискъ, 28 стр.; «Городъ Дубно, нѣсколько историческихъ объ немъ свѣдѣній и теперешнее его состояніе» — тамъ же 1870 г., № 58 и слѣд. и 1877, № 49, 53 (см. Батюшковъ. «Волынь», прим. 247) и 1878, № 76; «Мѣстечко Корецъ и князья Корецкіе» — тамъ же 1876 года, № 79 и слѣд. и отд. оттискъ, 63 стр.; «Историческія и статистическія свѣдѣнія о Житомирѣ» — тамъ же 1878 г., № 27 и слѣд., 1879, № 1 и слѣд. (Срв. «Древн. и Нов. Россія» 1879, № 1 — 3, стр. 148 и 589); «Матеріалы для исторіи Волыни». Житомиръ. 1879, 496 стр. (отд. оттискъ изъ «Волынскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» 1878—1879 гг.); «Волынскія украинскія пѣсни» (годъ неизвѣстенъ); «Нѣсколько замѣчаній на статью «Историческій очеркъ Волынской Духовной Семинаріи»—отд. оттискъ, 11 стр.; «Бывшіе православные монастыри въ городѣ Дубнѣ, основанные князьями Острожскими» — тамъ же 1880, № 28 и 29 и отд. оттискъ, 72 стр.; «Отрывокъ изъ исторіи присоединенія на Волыни уніатовъ въ царствованіе Екатерины II и Павла I»—отд. оттискъ, 42 стр.; «Замѣчанія на статью о. Сендульскаго: «Г. Ровно и дополненіе къ ней»—отд. оттискъ, 25 стр.; «Отрывокъ изъ исторіи

города Старо-Константинова»—тамъ же 1881, стр. 61, 109 и слѣд. и отд. оттискъ, 64 стр.

«Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» 1881 г., стр. 596—598 (Некрологъ); «Кіевлянинъ» 1881 г., № 151; Д. Д. Языковъ. «Обзоръ». Вып. 2, С.-Пб., 1885 г., стр. 6; В. Р — въ, замѣтка въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгауза, полут. 45, стр. 351; «Кіевская Старина» 1882, т. I, стр. 582; «Древняя и Новая Россія» 1879, т. XVI, № 1—3, стр. 148 и 579. *Э. Вольтеръ.*

Пережинскій, *Матѳій*, врачъ, получилъ образованіе въ Виленскомъ Университетѣ; окончивъ въ 1824 г. курсъ медицинскаго факультета, онъ получилъ степень магистра медицины, а въ маѣ того же года защитилъ въ томъ же Университетѣ диссертацію и былъ удостоенъ степени доктора медицины, послѣ чего остался вольнымъ практикомъ. Его диссертація: «De hydarthro» напечатана въ Вильнѣ въ 1824 году (29 стр.).

О. М. Бѣлинскій. «Doctorowie medycyny promowani w Wilnie»; «Pamiętnik towarzystwa lekarskiego», Варш., 1886; Л. Змѣевъ, «Русскіе врачи-писатели», вып. I, тетр. II, 1886 г., стр. 49. *Н. Кульбинъ.*

Перозіо, *Николай Павловичъ*, писатель по экономическимъ вопросамъ; родился въ 1819 году въ Одессѣ, гдѣ отецъ его, эмигрировавшій въ концѣ XVIII столѣтія изъ Генуи, былъ биржевымъ маклеромъ и домовладѣльцемъ. Нѣкоторое время П. воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ поступилъ на службу къ кн. Кочубею въ качествѣ управляющаго его имѣніями. По смерти кн. Кочубея, П. женился въ Кіевѣ на дочери камергера Затаевича и переселился въ Петербургъ. Въ концѣ 1859 г. онъ выступилъ обличителемъ Русскаго Общества пароходства и торговли, правленіе котораго обвинялъ въ различныхъ злоупотребленіяхъ въ рядѣ статей (см. ниже); разгорѣвшаяся полемика грозила затянуться на долго, и, чтобы прекратить ее, П. предложилъ Обществу покончить споръ публичнымъ диспутомъ. Оппонентомъ его выступилъ г. Смирновъ, и диспутъ состоялся въ декабрѣ 1859 г. въ залѣ Пассажа; онъ собралъ громадную аудиторію слушателей, заинтересованныхъ какъ самымъ дѣломъ, такъ и новизною пріема, примѣненнаго П. Событіе это надѣлало большого шума и обсуждалось во многихъ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ до «Искры» включительно. (Напр: «Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности», статья Н. Т—нова въ «Современникѣ» 1859 г., № 12, т. LXXVIII, стр. 403—422, «Г. Смирновъ и Перозіо» въ «Русскомъ Словѣ» 1860, № 1, стр. 92—108 и др.). Въ томъ же 1859 г. П. былъ приглашенъ занять должность секретаря при князѣ Павлѣ Павловичѣ Гагаринѣ, предсѣдателѣ Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта. Въ 1872 году кн. Гагаринъ умеръ, и П. переселился въ окрестности Генуи, гдѣ купилъ себѣ роскошную виллу. П. умеръ въ маѣ 1877 г. въ Генуѣ, гдѣ и погребенъ на кладбищѣ Staglieno

Перозіо принадлежитъ цѣлый рядъ статей и брошюръ по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ, какъ-то: «Очеркъ русскихъ акціонерныхъ компаній», С.-Пб. 1859, 43 стр. (изъ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1859 г., № 191, 193 и 194); «Вліяніе гласности на русскія акціонерныя компаніи», С.-Пб. 1860, 31 стр. (изъ «Сѣверной Пчелы» 1860 г., № 139); «Обзоръ дѣйствій русскихъ акціонерныхъ компаній за истекшее полугодіе и виды на будущій дивидендъ», С.-Пб. 1860, 13 стр. (изъ «Сѣв. Пчелы» 1860 г.); «Акціонерамъ русскихъ компаній по поводу новаго года», С.-Пб. 1860, 15 стр. (изъ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1860 г., № 1); «Акціонерные убытки и причины ихъ», С.-Пб. 1860, 51 стр. (изъ «Сѣв. Пчелы» 1860 г.); «Балансъ акціонерныхъ компаній за 1861 г.», С.-Пб. 1861, 12 стр. (изъ «Сѣв. Пчелы» 1861 г.); «Протестъ противу статьи г. Новосельскаго: «Сравненіе русскаго общества пароходства и торговли, французской компаніи «Service maritime des menageries impériales» и «Австрійскаго Ллойда» (см. «Морской Сборникъ» 1859 г., № 10), С.-Пб. 1859, 21 стр. (изъ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1859 г., № 230); «Отвѣтъ на статью г. Смирнова, помѣщенную въ 150 № «Журнала для акціонеровъ» по поводу «Протеста противъ статьи г. Новосельскаго», С.-Пб. 1859, 7 стр. (изъ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1859 г., № 261); эти брошюры вызвали полемику (см. у С. П. Каратаева, Библіографія финансовъ, № 3876—3878). «По поводу статьи гг. Х. Х. (О Русскомъ Обществѣ пароходства и торговли)», С.-Пб. 1860, 22 стр. (изъ «С.-Петерб. Вѣд.»

1860 г., № 8); «Проектъ главныхъ основаній организаціи Русск. Общ. парох. и торговли», С.-Пб. 1862, 33 стр. и 1 табл. (изъ «Сѣв. Пчелы» 1862 г.); «Проектъ бюджета мастерскихъ, эллинга и ремонта пароходовъ Русскаго Общ. парох. и торговли», С.-Пб. 1862, 14 стр. (изъ «Сѣв. Пчелы» 1862 г.); «Экономическое изслѣдованіе акціонернаго пароходства въ Россіи». С.-Пб. 1862, 4°, 104 стр. и 1 табл. Кромѣ того, П. напечаталъ двѣ статьи въ «Морскомъ Сборникѣ»: «Пароходныя Общества въ Россіи за 1862 г. (Разборъ дѣятельности)—1863 г., т. LXVIII, № 10, ч. неофф., стр. 173—192 и «Экономическое изслѣдованіе акціонернаго пароходства въ Россіи» (1863 г., т. LXV, № 3, приложеніе) и въ «Библіотекѣ для Чтенія»—статьи: «Замѣчанія на отчетъ Русскаго Общества пароходства и торговли за 1858 г.» (1859 г., т. 155), на которую былъ отвѣтъ г. Тонди въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (1859 г., № 103), а на него возраженіе П. въ т. 158-мъ «Библіотеки для Чтенія»; статью о «Памятной книжкѣ и отчетѣ Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1858 г.» (1859 г., т. 157) и «О финансовомъ балансѣ Россіи и о недостаткѣ звонкой монеты» (1860 г., т. 158); сверхъ того, отдѣльно было издано изслѣдованіе П. «Страховыя отъ огня общества въ Россіи съ 1828 по 1864 г.,» С.-Пб. 1864.— П. былъ членомъ Вольно-Экономическаго Общества, въ трудахъ котораго принималъ довольно дѣятельное участіе.

Сообщеніе сына Н. П.—Ив. Н. Перозіо; В. Пфаффъ. Систематическій каталогъ книгъ на русскомъ языкѣ по части правовѣдѣнія, С.-Пб. 1863; С. П. Каратаевъ. Библіографія финансовъ, С.-Пб. 1880. *Б. Львовъ.*

Пероттъ, *Фаустинъ Ѳаддеевичъ*, инженеръ; происходилъ изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1819 году. Вступивъ кадетомъ въ Институтъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія въ 1832 году, П. въ 1837 году былъ выпущенъ оттуда поручикомъ съ назначеніемъ репетиторомъ при Институтѣ, а въ 1847 году назначенъ профессоромъ элементарной математики. Въ 1860 году онъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Ученаго Комитета, который состоялъ при Главномъ Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій и коимъ вѣдѣніемъ котораго находились учебныя заведенія вѣдомства. Въ этой должности Пероттъ пробылъ не долго, оставивъ за болѣзнью службу уже въ концѣ 1862 года. Однако, по выздоровленіи, черезъ годъ, онъ вновь поступилъ на службу въ Институтъ, въ которомъ, послѣ его преобразованія въ 1864 году, назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ высшей математики, а въ 1867 году назначенъ ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ. Въ концѣ 1877 года Ф. Ѳ. Пероттъ вышелъ въ отставку въ чинѣ д. с. совѣтника (съ 28-го апрѣля 1872 г.). Скончался онъ въ 1883 году.

Въ «Журналѣ Путей Сообщенія» Пероттъ помѣстилъ статьи: за 1852 годъ—«Геометрическое изслѣдованіе косыхъ сводовъ» (переводъ) и за 1853 годъ—«Объ условіяхъ устойчивости висячихъ мостовъ».

Формулярный списокъ. *С. Житковъ.*

Перренъ, *Петръ Яковлевичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній; происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи и былъ сыномъ коллежскаго совѣтника (вѣроятно—сыномъ архитектора Якова П.); родился въ 1782 году, воспитывался во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 16-го января 1803 г. былъ выпущенъ, съ чиномъ подпоручика, въ 5-й артиллерійскій баталіонъ, а въ 1806 г. назначенъ адъютантомъ къ графу Аракчееву, тогда инспектору всей артиллеріи. Состоя съ того же 1806 г. въ 5-й артиллерійской, а съ 1807 г.—въ Кіевской резервной бригадахъ, П. 20-го августа 1808 г., за отличіе въ сраженіи, былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій батальонъ и, оставаясь все это время адъютантомъ Аракчеева и, по его представленію, получивъ за усердіе брилліантовый перстень, 26-го декабря 1811 года произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны, а 1-го января 1812 г. былъ назначенъ къ командованію легкою № 9 ротою 5-й артиллерійской бригады и черезъ годъ (13-го января 1813 г.) произведенъ въ капитаны. Декабря 10-го 1816 г. П. былъ произведенъ прямо въ полковники и утвержденъ командиромъ 7-й батарейной роты 7-й же артиллерійской бригады, во главѣ которой стоялъ уже съ сентября 1814 г., а

*

въ серединѣ 1817 г. былъ переведенъ командиромъ 28-й (переименованной вскорѣ въ 27-ю) артиллерійской бригады и батарейной № 55 ея роты. Произведенный, затѣмъ, послѣ изъявленія неоднократныхъ благодарностей и денежныхъ наградъ за отлично усердную службу и образцовое веденіе своего дѣла, въ генералъ маіоры (21-го апрѣля 1826 г.), П. въ маѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи 3-го пѣхотнаго корпуса, находившагося въ г. Житомірѣ, а одновременно съ тѣмъ, по распоряженію цесаревича Константина Павловича,—«презусомъ коммиссіи военнаго суда, учрежденнаго въ г. Бѣлостокѣ надъ злоумышленниками», гдѣ и находился съ 1-го января по 31-е октября того же 1826 года. Едва прибывъ къ своему корпусу, П. получилъ новое назначеніе—(1-го января 1827 г.)—командиромъ Казанскаго порохового завода, но, еще до вступленія въ эту должность, былъ, по волѣ великаго князя Михаила Павловича, тогда генералъ-фельдцейхмейстера, опредѣленъ управляющимъ Артиллерійскимъ Училищемъ и учебною артиллерійскою бригадой (19-го марта 1827 г.) и за усердіе, проявленное въ бытность въ этихъ должностяхъ, былъ награжденъ орденами св. Владиміра 3-й (въ 1828) и 2-й степени (22-го августа 1831 г.). Назначенный, затѣмъ, непремѣннымъ членомъ въ Совѣтѣ Императорской Военной Академіи (1832 г.) и членомъ Совѣта военно-учебныхъ заведеній, съ состояніемъ по артиллеріи (14-го января 1834 г.), П. 1-го января 1835 г. былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ первой половинѣ апрѣля 1837 года скончался.

Въ 1805 г., молодымъ подпоручикомъ, П. выступилъ въ заграничный походъ и находился въ сраженіи подъ Аустерлицемъ; въ 1807 г., состоя адъютантомъ при военномъ министрѣ, онъ былъ командированъ въ шведскую Финляндію для наблюденія за исправнымъ продовольствіемъ находившагося при селеніи Липивертѣ корпуса генералъ-лейтенанта Тучкова, при коемъ, во время взятія города Куопіо, въ дѣйствительномъ сраженіи находился. Затѣмъ, во время войны 1812 г. П., командовавшій тогда артиллерійскою легкой № 9 ротой 5-й артиллерійской бригады и находившійся въ корпусѣ графа Витгенштейна, дѣйствовалъ на западныхъ границахъ Россіи, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, а подъ г. Полоцкомъ 6-го августа былъ настолько тяжело раненъ картечью въ лѣвую ногу, что болѣе 8 мѣсяцевъ долженъ былъ лѣчиться въ Петербургѣ. За это П. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и 1000 р. асс. Въ 1815 г. онъ снова былъ съ войсками въ заграничномъ походѣ.

Кромѣ прямыхъ своихъ обязанностей, П., по порученію великаго князя Михаила Павловича, принималъ участіе въ Комитетѣ о составленіи Артиллерійскаго устава, былъ предсѣдателемъ Комитета о дивизіонныхъ артиллерійскихъ школахъ, членомъ въ коммиссіяхъ: о составленіи для кадетскихъ корпусовъ положенія и штатовъ, о составленіи «Курса артиллеріи», предсѣдателемъ въ коммиссіи объ испытаніи образцовой артиллеріи и непремѣннымъ членомъ въ Императорской Военной Академіи. Нѣсколько разъ, кромѣ того, П. временно командовалъ артиллеріею, расположенною въ Петербургѣ. Службой своей П. пріобрѣлъ себѣ расположеніе со стороны императора Николая I, который награждалъ его многочисленными знаками своей милости, какъ-то: денежными наградами, арендой, пособіями, золотой табакеркой, съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Величества (1831 г.) и нѣсколькими похвальными аттестатами.

Формулярный списокъ въ Московскомъ Отдѣленіи Архива Главнаго Штаба, въ книгѣ №1426/1 по Инженерному Училищу; приказъ 16-го апрѣля 1837 г.; А. Платовъ и А. Кирпичевъ, «Историческій очеркъ Артиллерійскаго Училища», С-Пб. 1870, стр. 68, 87, 101, 105.

Б. Гарскій.

Перренъ, *Яковъ Яковлевичъ*, генералъ-лейтенантъ, членъ Совѣта Государственнаго Контроля, братъ предыдущаго; родился въ 1786 году, воспитаніе получилъ во 2-мъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда 1-го февраля 1804 г. былъ выпущенъ подпоручикомъ съ опредѣленіемъ въ 1-й конно-артиллерійскій баталіонъ; переведенный 23-го августа 1806 г. въ 6-ю артиллерійскую бригаду, П. въ составѣ ея, а затѣмъ—С.-Петербургской резервной артиллерійской бригады при-

нялъ участіе въ заграничныхъ походахъ и въ сраженіяхъ при Черновѣ (гдѣ заслужилъ награду орденомъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ), Новосильскѣ и при Пултускѣ и за отличіе по службѣ былъ переведенъ (7-го ноября 1807 г.) въ л.-гв. артиллерійскій баталіонъ. Будучи произведенъ 6-го ноября 1810 г. въ капитаны, съ переводомъ въ 23-ю артиллерійскую бригаду, П. черезъ мѣсяцъ (9-го декабря 1810) получилъ чинъ маіора, а уже 5-го февраля 1811 г.—подполковника, состоя въ это время въ 3-й запасной артиллерійской бригадѣ, съ которою и принялъ участіе въ движеніи нашихъ войскъ въ Пруссію и Силезію (1813 г.). Затѣмъ П. служилъ въ 3-й гренадерской артилл. бригадѣ и находился въ походѣ во Францію (1815 г.), а въ 1817 г. назначенъ былъ командиромъ 14-й бригады, переименованной въ 1820 г. въ 1-ю; служа здѣсь, П. 1-го іюля 1819 г. былъ произведенъ въ полковники, а 25-го марта 1828 г. за отличіе по службѣ, въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 3-й пѣхотной дивизіи; 17-го іюля того же года онъ былъ опредѣленъ командующимъ артиллеріею 1-го пѣхотнаго корпуса, съ которымъ съ начала января 1831 г. участвовалъ въ подавленіи польскаго мятежа. Вступивъ въ Царство Польское, П. участвовалъ въ цѣломъ рядѣ дѣлъ, всегда отличаясь беззавѣтною храбростью и пріобрѣтя множество знаковъ отличія. Такъ, 5-го, 6-го и 7-го февраля 1831 г. онъ былъ въ стычкахъ при м. Калушинѣ, г. Минскѣ, въ генеральномъ сраженіи при корчмѣ Ваверъ и 13-го въ такомъ же сраженіи подъ Прагою, на Гроховскихъ поляхъ; орденъ Анны 1-й степени былъ ему наградою за храбрость, здѣсь проявленную; съ 17-го по 23-е марта П. находился въ движеніи арміи къ р. Вепржу, 27-го числа—былъ въ сраженіи близъ м. Латовичи, 12 го—18-го апрѣля—во фланговомъ движеніи къ Минску, въ сраженіи подъ послѣднимъ и въ обратномъ походѣ къ Сѣдлецу, за что получилъ орденъ Анны 1-й степени съ короной. Затѣмъ, въ этомъ же году П., бывшій во всѣхъ дѣлахъ кампаніи, какъ-то: при Эндржеевѣ, подъ Пысками, у д. Замосць и др.,—получилъ: орденъ Владиміра 2-й степени и золотую шпагу съ надписью «за храбрость» и съ алмазами (за сраженіе при Остроленкѣ 14-го мая), орденъ Георгія 3-й степени, медаль и аренду въ 1000 р.—за взятіе приступомъ Варшавскихъ укрѣпленій (25-го, 26-го и 27-го августа), и польскій знакъ отличія за военныя достоинства 2-й степени. Апрѣля 18-го 1837 г. П., за отличіе по службѣ, былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта, съ оставленіемъ въ прежней должности, 3-го декабря 1840 г. — назначенъ членомъ Совѣта Государственнаго Контроля, а 20-го октября 1852 г. былъ уволенъ, по прошенію, отъ службы. Перенъ умеръ въ 1853 году, 66 лѣтъ отъ роду.

Дѣло Инспекторскаго Департамента Главнаго Штаба 3-го Отдѣленія 3-го стола, за 1853 г. въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба (св. 420, № 746); Архивъ Капитула Орденовъ. *Б. Гарскій.*

Перретъ, *Елизавета Варѳоломеевна*, вдова генералъ-маіора, начальница Московскаго училища, ордена св. Екатерины; въ 1802 г., по указанію извѣстной начальницы Петербургскаго Екатерининскаго Института А. И. Брейткопфъ, П. была назначена императрицей Маріей Ѳеодоровной на должность инспектриссы только что учрежденнаго ею Московскаго Отдѣленія Училища ордена св. Екатерины, гдѣ съ 1804 г. П. исправляла должность директриссы, а съ 1805 г. и члена Совѣта. Занявъ съ 23-го января 1807 г. мѣсто директриссы послѣ временно управлявшей училищемъ А. И. Брейткопфъ, П. во все время служенія своего пользовалась неизмѣннымъ расположеніемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, цѣнившей ея педагогическія способности, опытность и любовь къ дѣлу. Во главѣ училища П. стояла до 19-го мая 1814 года.

Историческая записка о Московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ, М. 1875 г., стр. 14, 16, 32—33, 55, 56 и 219; Адресъ-календари 1804—1814 г.

Перро (Perrot), *Викторъ*, живописецъ; французъ по происхожденію, родился въ г. Брестѣ въ 1810 году, былъ ученикомъ Гюдена (Gudin); живя во Франціи, П. исполнилъ, кромѣ картинъ, много (болѣе 300) литографій, а въ Россіи (куда пріѣхалъ около 1839 г.) большое количество заказовъ императрицы

Александры Ѳеодоровны, а также нѣсколько морскихъ видовъ; онъ началъ изданіе «Видовъ С.-Петербурга и его окрестностей», но 16-го сентября 1841 г. умеръ въ Петербургѣ.

«Сынъ Отечества» 1841 г., № 39, III, отд. II, стр. 589; Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», т. III, вып. I, С.-Пб. 1899, стр. 174; L. Dussieux. «Les artistes français à l'étranger». Paris. 1876.

Перро (Perrot), *Жюль-Жозефъ*, балетмейстеръ императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ; родился въ 1810 г. въ Ліонѣ. П. началъ свою артистическую дѣятельность очень рано на провинціальныхъ сценахъ Франціи. Не имѣя еще двадцати лѣтъ, онъ достигъ такой извѣстности въ мірѣ хореграфическаго искусства, что занялъ должность балетмейстера въ театрѣ Парижской Большой оперы. Послѣ того П. служилъ еще въ парижскомъ театрѣ «Renaissance», а въ 1847 г. былъ приглашенъ въ Петербургъ. Вступивъ въ томъ же году на службу Дирекціи, сначала въ качествѣ танцовщика въ балетной труппѣ, П. на первыхъ же порахъ своей дѣятельности зарекомендовалъ себя талантливымъ хореграфомъ и балетмейстеромъ; поставленные имъ балеты: «Эсмеральда» (21-го декабря 1848 г.) и «Катарина, дочь разбойника» (4-го февраля 1849 г.) имѣли большой успѣхъ и до сихъ поръ продолжаютъ держаться въ репертуарѣ. Въ 1851 г. П. занялъ должность балетмейстера, съ обязательствомъ сочинять и ставить на сцену ежегодно по два новыхъ балета. Эту должность онъ исполнялъ прекрасно въ теченіе девяти лѣтъ. Въ 1859 г. дѣятельность П., какъ хореграфа, почти прекратилась вслѣдствіе постигшихъ его болѣзней, а также домашнихъ дѣлъ, требовавшихъ его продолжительной отлучки изъ Петербурга. Въ 1860 г. онъ окончательно оставилъ службу при Дирекціи императорскихъ театровъ и, вернувшись во Францію, поселился на родинѣ. Не говоря уже о множествѣ балетовъ его сочиненія, исполнявшихся на петербургской сценѣ, П. извѣстенъ въ исторіи балета еще болѣе тѣмъ, что ввелъ въ танцы новые, почти неизвѣстные до тѣхъ поръ элементы, а именно: смыслъ и дѣйствіе; у него каждый танецъ есть въ то же время мимическое и пластическое выраженіе дѣйствія драмы. Другой отличительной чертой его дарованія, какъ хореграфа и балетмейстера, было умѣнье пользоваться массой кордебалета; выпуская его на сцену лишь въ исключительные моменты, П. достигалъ этимъ необыкновеннаго усиленія впечатлѣнія. Благодаря трудамъ П., петербургская балетная труппа снова поднялась на ту высоту, которой она достигла во времена балетмейстера Дидло, балетные спектакли вновь пріобрѣли интересъ, и любовь публики быстро вернулась къ этому роду искусства. Изъ балетовъ, сочиненныхъ П., особенно выдѣляется слѣдующія: «Мечта художника» (поставлена на петербургской сценѣ въ 1848 г.), «Питомица фей» (1850 г.), «Наяда и рыбакъ» (1851 г.), «Война женщинъ» (1852 г.), «Газельда, или цыгане» (1853 г.), «Фаустъ» (1854 г.), «Армида» (1855 г.), «Маркитантка» (1855 г.), «Мраморная красавица» (1856 г.), «Роза, фіалка и бабочка» (1857 г.), «Корсаръ» (1858 г.), «Эолина и Дріада» (1858 г.).

Какъ танцовщикъ, П. обладалъ необыкновенной легкостью и былъ замѣчательнымъ мимистомъ. Извѣстный знатокъ балета Теофилъ Готье называетъ его «воплощеніемъ танцевъ» и «величайшимъ танцовщикомъ своего времени». За время своей службы при Дирекціи императорскихъ театровъ П. исполнилъ 28 ролей, изъ которыхъ лучшими считались: Пьеръ Гренгуаръ («Эсмеральда»), Дьяволино («Катарина»), Корзинщикъ («Своенравная жена»), Мефистофель («Фаустъ») и друг. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, П. сочинилъ еще нѣсколько дивертиссементовъ для придворныхъ спектаклей въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, Эрмитажѣ и во дворцѣ принца Ольденбургскаго и, между прочимъ, ему же было Высочайше поручено устройство праздника въ Петергофѣ въ 1851 г., а въ 1856 г. онъ принималъ участіе въ устройствѣ въ Москвѣ театральныхъ торжествъ по поводу коронаціи императора Александра II. Перро скончался у себя на родинѣ въ іюлѣ 1892 г., отъ солнечнаго удара.

«Ежегодникъ Императорскихъ театровъ», сезонъ 1891—1892 г.г., стр. 484—486; «Всеобщій календарь» на 1893 г., стр. 543; А. Вольфъ.

«Хроника Петербургскихъ театровъ» ч. I, II и III, С.-Пб. 1877—1884; А. Плещеевъ. Нашъ балетъ, С.-Пб. 1896 г. (съ портретомъ П.); К. А. Скальковскій. Балетъ. С.-Пб. 1882 г., стр. 216 и слѣд. *А. Т.*

Персидскій, *Алексѣй Ивановичъ*, тайный совѣтникъ, членъ Общаго присутствія Департамента Военныхъ Поселеній; происходилъ изъ дворянъ, родился 17-го марта 1770 года; въ службу вступилъ канцеляристомъ въ Кіевское Намѣстническое Правленіе 11-го мая 1782 года, откуда 12-го декабря 1787 года переведенъ сержантомъ въ Кіевскій гарнизонный батальонъ; 1-го января слѣдующаго (1788) года онъ былъ произведенъ аудиторомъ, а 15-го марта 1792 года—подпоручикомъ съ назначеніемъ въ С.-Петербургскій драгунскій полкъ, съ коимъ участвовалъ въ 1792—1793 годахъ въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Польшѣ; 21-го февраля 1797 года П. былъ переведенъ на службу въ Коммиссаріатскій штатъ, откуда 7-го іюня 1809 года поступилъ въ Военно-походную его императорскаго величества канцелярію. Въ томъ же 1809 году (31-го декабря) П. произведенъ былъ въ коллежскіе ассессоры, а 19-го марта 1811 года назначенъ помощникомъ редактора въ Коммиссію составленія военныхъ уставовъ. При образованіи Военнаго Министерства, Персидскій 1-го марта 1812 года былъ опредѣленъ секретаремъ новаго Министерства. Во время Отечественной войны 1812 года онъ находился въ командировкѣ при дѣйствующей арміи по коммиссаріатской части и, состоя при военномъ министрѣ и главнокомандующемъ I-ою западною арміею, генералѣ-отъ-инфантеріи Барклаѣ-де-Толли, былъ въ сраженіи при Бородинѣ. За отличіе по службѣ въ теченіе этой командировки, Персидскій получилъ орденъ Анны 2-ой степени (17-го октября 1812 года); 10-го декабря 1815 года ему повелѣно было состоять по особымъ порученіямъ при графѣ А. А. Аракчеевѣ, и съ этихъ поръ вся послѣдующая служба Персидскаго была связана съ созданными Аракчеевымъ военными поселеніями; 31-го декабря 1817 года онъ былъ произведенъ въ военные совѣтники, а 1-го февраля 1818 года назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта по Департаменту военныхъ дѣлъ. 11-го іюня 1821 года П. былъ произведенъ въ 5-ый классъ съ назначеніемъ предсѣдателемъ Экономическаго Комитета Военныхъ Поселеній. Получивъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (27-го января 1823 года) и орденъ Владиміра 3-ей степени (6-го декабря 1826 года), онъ назначенъ былъ 13-го октября 1827 года членомъ Комитета, учрежденнаго для начертанія правилъ отчетности по Департаменту Военнаго Министерства, съ оставленіемъ въ должности предсѣдателя Экономическаго Комитета Военныхъ Поселеній. Находясь въ послѣдней своей должности, Персидскій получилъ слѣдующія награды и чины: 13-го апрѣля 1829 года—чинъ тайнаго совѣтника, 6-го декабря 1830 года—орденъ Станислава 1-й степени, 10-го апрѣля 1832 года—Анны 1-й степени, 20-го мая 1834 года—единовременно 10.000 рублей и 17-го апрѣля 1835 года—орденъ Анны 1-й степени съ короною. По упраздненіи (13-го іюля 1835 года) Экономическаго Комитета Военныхъ Поселеній, коего онъ былъ предсѣдателемъ, Персидскій, 1-го сентября того-же года былъ назначенъ членомъ Общаго присутствія Департамента Военныхъ Поселеній, которымъ и оставался до своей кончины. Въ 1836—1837 годахъ онъ временно исправлялъ должность директора того же Департамента и 18-го апрѣля 1837 года получилъ орденъ Владиміра 2-й степени. Скончался Персидскій 13-го февраля 1842 года и погребенъ на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

Сенатскій Архивъ, формулярные списки за 1837 г., № 11, л. 1—8; Дѣло Архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената о дворянствѣ Персидскихъ; «Сѣверная Пчела» 1842 г., № 41; «Русская Старина» 1889 г., августъ, стр. 361; 1896 г., мартъ, стр. 487, май, стр. 291, 296; Мѣсяцесловъ на 1823 г. ч. I, стр. 79; В. И. Саитовъ, Петербургскій Некрополь, М. 1883, стр. 102. *В. Г.*

Персидскій, *Григорій Ивановичъ*, полковникъ, агрономъ; будучи членомъ Вольно-Экономическаго Общества, П. сообщалъ ему о результатахъ различныхъ опытовъ своихъ по сельскому хозяйству, производившихся въ имѣніи его—въ Камышинскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи; изъ напечатанныхъ въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества» пи-

семъ П. видно, что онъ занимался овцеводствомъ, разведеніемъ табаку, обдѣлкою льна и пеньки, шелководствомъ, выдѣлкою вина и спирта изъ арбузовъ, наконецъ—изготовлялъ бархатное сукно. Въ 1806 году онъ получилъ награды (двѣ золотыхъ медали) за «Отвѣтъ на XI задачу о приготовленіи горчичнаго масла» (напеч. въ «Трудахъ Вольно-Экономическаго Общества», ч. 59, стр. 112—120) и за «Отвѣтъ на X задачу о китайской коноплѣ и II задачу о земляныхъ миндаляхъ» (напечатано тамъ же, стр. 167—169).

«Труды Вольно-Экономическаго Общества», ч. 59, 60, 61, 63, 64, 69, 70; А. И. Ходневъ. «Исторія Импер. Вольно-Экономическаго Общества», С.-Пб. 1865 г., стр. 405 и 406. *Б. Г.*

Персидскій, *Макаръ Никитичъ*, первый атаманъ Волгскаго казачьяго войска, основаннаго вольными малороссійскими черкасами, начавшими, по вызову правительства, селиться около Царицынской линіи съ 1717 года. Впослѣдствіи, въ 1731 году, разрѣшено было переходить туда же Донскимъ казакамъ, поселившимся на отведенныхъ имъ земляхъ по рѣкамъ Волгѣ, Балаклеѣ и Камышенкѣ. Эти переселенцы (въ 1733 году ихъ было уже 1.050 дворовъ) получили названіе Волгскаго казачьяго войска; первымъ атаманомъ его и былъ Персидскій. 20-го января 1734 года пожалована была ему съ войскомъ высочайшая грамота, по коей войску дарованы были многія вольности и мѣста, на которыхъ оно поселилось. За услуги, оказанныя Персидскимъ, вѣроятно, въ Семилѣтнюю войну, ему была пожалована въ 1762 году золотая медаль, цѣною въ 50 червонцевъ, для ношенія на шеѣ, съ груднымъ изображеніемъ императрицы Екатерины II. Въ 1771 году Персидскій снова получилъ Высочайше пожалованную грамоту объ оставленіи войска при прежнихъ вольностяхъ и на мѣстахъ, имъ занятыхъ. Умеръ Персидскій до 1773 года. Оставшіяся послѣ его смерти пожалованныя ему: золотую медаль повелѣно 23-го мая 1773 года носить сыну его, войсковому старшинѣ *Андрею Персидскому*, «въ разсужденіе усердія отца его и его службы», а портретъ императрицы Екатерины II повелѣно 31-го октября 1775 года имѣть въ домѣ. Сынъ его *Василій Макаровичъ П.*, въ 1771 году, состоя въ чинѣ наказного атамана и старшины Волгскаго казачьяго войска, былъ награжденъ Екатериной II золотою медалью, цѣною въ 30 червонцевъ, для ношенія на шеѣ,—«за долговременную его и отца его службу», а 23-го мая 1773 года, будучи войсковымъ атаманомъ того же войска, получилъ для ношенія саблю отца, съ тѣмъ, какъ сказано въ грамотѣ, «чтобы сынъ ревностію и усердіемъ подражалъ отцу». Въ должности войскового атамана Василій Персидскій оставался по 7-е сентября 1780 года, когда былъ уволенъ отъ службы за старостью, съ чиномъ подполковника, получивъ при отставкѣ, «въ воздаяніе 50-ти-лѣтней его службы и извѣстныхъ заслугъ отца его», въ вѣчное и потомственное владѣніе, 12.341 десятину земли по р. Иловлѣ, съ поселенными имъ слободами Ольховкою и Гусевкою.

Дѣла Архива Департамента Герольдіи Правит. Сената о дворянствѣ рода Персидскихъ; Ю. Б. Иверсенъ. Медали въ честь русскихъ государственныхъ дѣятелей и частныхъ лицъ, выпускъ III, С.-Пб. 1881, стр. 89, 90; П. Бутковъ. Матеріалы для исторіи Кавказа, т. I, С.-Пб. 1869, стр. 167, 168, т. III, стр. 125; В. Скворцовъ. «Историко-статистическій очеркъ Астраханскаго казачьяго войска», Саратовъ, 1890, стр. 5.
В. Гарскій.

Персидскій, *Николай Алексѣевичъ*, тайный совѣтникъ; род. 22-го февраля 1819 г., ум. въ Петербургѣ 27-го декабря 1882 г. и погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

Сынъ А. И. Персидскаго (см. выше), онъ въ 1840 г., тотчасъ по окончаніи курса въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія (въ 1-мъ его выпускѣ), опредѣленъ былъ младшимъ помощникомъ секретаря въ канцелярію 4-го Департамента Правительствующаго Сената, гдѣ вскорѣ (1841 г.) назначенъ секретаремъ, а въ 1847 г. (20-го августа) переведенъ въ Синодъ младшимъ секретаремъ, и здѣсь въ 1853 г. былъ назначенъ старшимъ секретаремъ и временно исполнялъ обязанности оберъ-секретаря Св. Синода. Въ 1856 г. П. былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ Главномъ Управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій, въ 1859 г., за отличное усердіе и особенные труды, получилъ перстень съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго имени; осенью

того же года онъ былъ назначенъ вице-директоромъ Департамента хозяйственныхъ дѣлъ въ Министерствѣ Путей Сообщенія, въ 1861 г. (23-го апрѣля) произведенъ въ д. ст. сов., а въ 1865 г., при преобразованіи частей этого Министерства изъ военнаго въ гражданское, назначенъ исправляющимъ должность его юрисконсульта. Въ этой должности П. пришлось много потрудиться надъ окончаніемъ старыхъ подрядныхъ дѣлъ по работамъ водяныхъ и шоссейныхъ сообщеній, а равно въ работахъ коммиссіи по пересмотру «Устава Путей Сообщенія», въ каковой коммиссіи онъ былъ очень дѣятельнымъ членомъ. Наконецъ, въ 1871 г. онъ былъ назначенъ сверхштатнымъ, а въ 1878 г.,—штатнымъ членомъ Совѣта Министерства Путей Сообщенія. Умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 1873 г.).

Формулярный списокъ; воспоминанія сослуживцевъ, сообщенныя *С. М. Житковымъ*.

В. Корсакова.

Персинъ, *Владиміръ Петровичъ*, гвардейскаго экипажа мичманъ, герой войны 1877—1878 гг., ум. 16-го іюля 1878 г. въ Петербургѣ. Воспитывался въ Морскомъ училищѣ, началъ службу въ 1870 г., въ гардемарины произведенъ въ 1872, а въ мичмана въ 1874 году. За геройскія дѣйствія свои на Дунаѣ, въ теченіе полугода получилъ слѣдующія награды: св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, св. Анны 4-й ст. съ надписью «за храбрость», св. Анны 3-й ст. съ мечами и бантомъ и св. Владиміра 4-й ст. съ мечами и бантомъ. Въ первыхъ числахъ іюня 1878 г. П. былъ назначенъ командиромъ миноносца «Пращъ».

«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1878 г., № 84; «Голосъ» 1878 г., № 196; «Герои и дѣятели русско-турецкой войны 1877 — 1878 гг.». Изд. 2-ое, В. Турбы, С.-Пб. 1878 г., стр. 70, 72.

Персинъ 2-й, *Михаилъ Сергѣевичъ*, врачъ, происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; врачебное образованіе получилъ въ С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи, въ которую поступилъ въ 1823 г.; въ 1827 г. онъ успѣшно окончилъ курсъ и получилъ званіе лѣкаря перваго отдѣленія, а въ 1828 г. поступилъ на 6 лѣтъ въ морское вѣдомство въ 1-й флотскій экипажъ; въ 1830 г. онъ перешелъ въ 5-й флотскій экипажъ, въ 1831 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря, въ 1834 г. былъ переведенъ въ 27-й флотскій экипажъ, а въ 1842 г. уволенъ отъ службы. Съ 1844 до 1846 г. онъ былъ врачомъ больницы Приказа общественнаго призрѣнія въ Иркутскѣ; имѣлъ чинъ надворнаго совѣтника.

П. напечаталъ: «Extr. nucis vomicae въ параличѣ»—въ «Другѣ Здравія» 1851 г., № 14; «Замѣчательное раненіе брюшины и кишекъ у 15-ти-лѣтней дѣвушки»—тамъ же 1851 г., № 16.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», вып. I, С.-Пб. 1886 г.; «Исторія Военно-Медицинской Академіи за 100 л.», С.-Пб. 1898 г., 4, прибавл., стр. 222. *Н. Кульбинъ.*

Персинъ 1-й, *Николай Сергѣевичъ*, врачъ, братъ предыдущаго, получилъ высшее образованіе въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической Академіи, въ которой былъ волонтеромъ; въ 1827 г. онъ окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря второго отдѣленія и поступилъ въ 25-й флотскій экипажъ, въ слѣдующемъ году перешелъ въ 13-й флотскій экипажъ, въ 1831 г. получилъ званіе штабъ-лѣкаря и въ томъ же году перешелъ сперва въ 10-й флотскій экипажъ, а затѣмъ—въ артиллерійскій госпиталь. Въ 1834 г. П. поступилъ въ больницу Удѣльнаго Земледѣльческаго училища, но въ слѣдующемъ году вернулся въ морское вѣдомство—въ 10-й флотскій экипажъ, въ 1836 г. перешелъ въ Кронштадтскій морской госпиталь, въ 1841 г.—въ С.-Петербургскій, въ 1845 г.—въ 3-й рабочій экипажъ, гдѣ въ 1860 г. былъ назначенъ старшимъ врачемъ, а въ 1863 г. уволенъ за упраздненіемъ экипажа. Въ 1867 г. жилъ въ Петербургѣ, имѣя чинъ статскаго совѣтника. Напечаталъ три наблюденія въ «Другѣ Здравія» 1842 г., № 6.

Л. Ѳ. Змѣевъ. «Русскіе врачи-писатели», вып. I, С.-Пб., 1886 г. *Н. Кульбинъ.*

Персіяни, *Иванъ Эммануиловичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при Ганноверскомъ и Ольденбургскомъ Дворахъ; родился въ 1790 г. и происходилъ изъ бояръ княжества Валахскаго; 27-го іюля 1815 г. П. былъ принятъ въ русскую службу съ чиномъ коллежскаго совѣтника, а 11-го февраля 1816 г., по принятіи присяги на подданство Россіи, былъ опредѣленъ въ Вѣдомство Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Назначенный, затѣмъ канцелярскимъ чиновникомъ къ Франкфуртской нашей миссіи (11-го августа 1817 г.), онъ съ ноября 1818 г. занялъ тамъ же мѣсто секретаря посольства, на которомъ и былъ до 17-го апрѣля 1829 г., получивъ въ это время ордена св. Владиміра 4-й степени (1821 г.) и Анны 2-й степени (1825 г.) и чинъ статскаго совѣтника. Пробывъ $1^1/_2$ года при дѣлахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, П. 21-го февраля 1831 г. былъ опредѣленъ 1-мъ (старшимъ) секретаремъ миссіи нашей въ Греціи, гдѣ 11-го ноября 1843 г. занялъ постъ повѣреннаго въ дѣлахъ, а 30-го декабря слѣдующаго года былъ награжденъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1857 г. П. назначенъ былъ чрезвычайнымъ посланникамъ и полномочнымъ министромъ при Дворахъ Ганноверскомъ и Ольденбургскомъ, будучи произведенъ 7-го апрѣля 1857 г. въ тайные совѣтники. Пробывъ въ этомъ званіи до 1864 г., П. вышелъ въ отставку и умеръ 27-го мая 1888 года; онъ былъ въ первомъ бракѣ женатъ на княжнѣ Мурузи, за которой получилъ 3.000 десятинъ земли въ Бендерскомъ уѣздѣ, Бессарабской области.

Формулярный списокъ 1849 г.; списки чинамъ первыхъ классовъ и Адресъ-календари; «Новое Время» 1888 г., № 4403.

Б. Г.

Перскій, *Михаилъ Степановичъ*, директоръ 1-го Кадетскаго корпуса; родился 18-го іюня 1776 г. По окончаніи курса въ Шляхетномъ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, П. былъ выпущенъ 25-го іюня 1793 г. поручикомъ въ Софійскій пѣхотный полкъ, а чрезъ годъ былъ переведенъ въ 4-й батальонъ Финляндскаго корпуса; 1-го мая 1795 г. состоялось его опредѣленіе въ 1-ый Кадетскій корпусъ, но Итальянская кампанія 1798—1799 г отвлекла его на театръ военныхъ дѣйствій: 6-го марта 1799 г. онъ былъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію адъютантомъ къ генералу отъ-кавалеріи фонъ-деръ-Фельдену, при которомъ онъ и находился по 31-е декабря 1799 г., принимая активное участіе во многихъ сраженіяхъ этой кампаніи. Съ 1806 г. начинается непрерывная въ теченіе 25 лѣтъ съ лишкомъ служба Перскаго въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ: сначала въ должности инспектора классовъ (съ 28-го апрѣля 1806 г.), затѣмъ въ должности батальоннаго командира (съ 20-го мая 1815 г.), и наконецъ, съ 29-го декабря 1820 г.—въ званіи директора корпуса; въ этомъ званіи Перскій и скончался 2-го ноября 1832 года въ Петербургѣ; погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Одновременно со службой въ 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ П. получалъ различныя другія порученія по Высочайшему повелѣнію, какъ-то: 19-го марта 1811 г. былъ назначенъ членомъ конференціи, учрежденной при коммиссіи составленія «Воинскаго Устава», а 9-го февраля 1816 г.—членомъ Комитета, занимавшагося разсмотрѣніемъ и продолженіемъ сочиненія «Воинскаго Устава», въ 1817 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи для опредѣленія способовъ къ обученію кантонистовъ поселенныхъ войскъ. Съ 20-го мая 1815 г. П. состоялъ флигель-адъютантомъ императора Александра I.

Какъ начальникъ 1-го Кадетскаго корпуса, П. оставилъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія среди своихъ многочисленныхъ сослуживцевъ и питомцевъ. Послѣднимъ онъ отдавалъ все свое время и съ кадетами былъ въ корпусѣ безотлучно. Взявъ на себя исключительно наблюденіе за научною частью и отстранивъ отъ себя фронтовую и наказанія за нарушенія дисциплины, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ, П. имѣлъ обыкновеніе ежедневно посѣщать уроки всѣхъ преподавателей, хотя бы на самый короткій срокъ. Человѣкъ съ широкимъ образованіемъ, прекрасно владѣвшій новыми языками, П. весьма добросовѣстно относился къ педагогическому дѣлу; обладая большимъ тактомъ и находчивымъ умомъ, П. не разъ своими откровенными и благородными отвѣтами предъ высшимъ начальствомъ отклонялъ отъ воспитанниковъ бѣды, которыя могли ихъ постигнуть. Привѣтливый, ласковый въ обращеніи, честный и справедливый въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и своимъ питомцамъ, онъ сумѣлъ снискать себѣ среди нихъ всеобщее уваженіе. «Онъ жилъ,—говоритъ Н. С. Лѣсковъ,—и умеръ честнымъ человѣкомъ, безъ пятна и упрека».

А. В. Висковатовъ. «Краткая исторія 1-го Кадетскаго корпуса». С.-Пб. 1832, стр. 54, 82; «Русск. Старина» 1870 г., изд. 1, т. I, стр. 421; т. XLIX,

стр. 93; «Отеч. Записки» 1876, № 2, стр. 461—463; «Записки» Н. И. Греча. С.-Пб. 1886, стр. 330; «Воспоминанія Ѳ. Булгарина», С.-Пб. 1846, т. II, стр, 57, 71; Сочиненія Н. С. Лѣскова, С.-Пб. 1897, т. II, стр. 61—75; «Сѣверная Пчела» 1832, № 259; формулярный списокъ въ архивѣ 1-го Кадетскаго корпуса. *А. Круглый.*

Перскій, *Тимофей Гавриловичъ*, капитанъ-командоръ. Поступивъ кадетомъ въ Морской корпусъ въ 1766 г., П. въ 1780 г. (2-го марта) былъ произведенъ въ гардемарины, въ 1782 г. (1-го мая)—въ мичманы, а въ 1785 г.—въ лейтенанты. За это время П. ежегодно находился въ плаваніяхъ въ Балтійскомъ и Черномъ моряхъ и сдѣлалъ переходы до Лиссабона и въ Англійскій каналъ, а въ 1782 г. былъ командированъ въ Донскую флотилію. 7-го іюня 1788 г. П. произведенъ былъ въ капитанъ-лейтенанты и 17-го числа того же мѣсяца, командуя батареею № 4, въ составѣ гребного флота, участвовалъ въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ въ Лиманѣ и подъ Очаковомъ. За храбрость, выказанную имъ въ этомъ сраженіи, онъ былъ награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени и золотою шпагою. Въ ту же кампанію Перскому еще пришлось участвовать въ сраженіяхъ съ турецкимъ флотомъ при Керченскомъ проливѣ и у Гаджибея (въ 1790 г.), а въ слѣдующемъ году—при Каліакріи; за послѣднее сраженіе онъ получилъ орденъ Владиміра 4-й степ. Съ 1792 г. служба П. протекала почти все время въ плаваніи по Черному морю и командованіи судами портовъ этого моря. Только въ 1804 г. онъ плавалъ съ отрядомъ изъ 3-хъ кораблей для высадки дессантныхъ войскъ къ берегамъ Мингреліи и въ 1805 г., съ тою же цѣлью, ходилъ изъ Севастополя къ острову Корфу. Съ 1797 г. капитанъ 2-го ранга, съ 1799—1-го ранга, П. въ 1807 г. (11-го января) былъ произведенъ въ капитанъ-командоры. Умеръ онъ 10-го іюня 1809 г.

«Общій морской списокъ», т. IV, стр. 548, 549; А. Кротковъ. «Повседневная запись замѣчательныхъ событій въ россійскомъ флотѣ». С.-Пб. 1894 г., стр. 192; «Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. XII и XV. *И. Соколовъ.*

Перскій, *Тихонъ Леонтьевичъ*, генералъ-маіоръ, совѣтникъ Казанской Адмиралтейской конторы; въ 1765 г. поступилъ въ Морской корпусъ кадетомъ, а въ 1768 г. (30-го апрѣля) былъ произведенъ въ гардемарины; по 1770 г. онъ плавалъ въ Балтійскомъ морѣ, въ слѣдующемъ году (28-го іюля) былъ произведенъ въ мичманы и, въ эскадрѣ контръ-адмирала Арфа, перешелъ изъ Кронштадта въ Архипелагъ, гдѣ съ 1771 по 1775 г. его корабль несъ крейсерскую службу и гдѣ ему пришлось участвовать при атакѣ крѣпостей Метелино, Будрума и Станчо. Въ 1775 г., 30-го августа, П. былъ произведенъ въ лейтенанты и вернулся въ Ревель, а въ 1777 г. былъ переведенъ изъ корабельнаго въ галерный флотъ. Помимо прямыхъ своихъ обязанностей по службѣ въ галерномъ флотѣ, П. въ 1778 г. и 1786 г. былъ дважды командированъ для набора рекрутовъ. Съ 1783 по 1785 г. онъ состоялъ въ должности помощника капитана надъ галернымъ портомъ и завѣдывалъ постройкою кораблей, а въ 1787 г. былъ опредѣленъ въ должность совѣтника Интендантской экспедиціи. Въ слѣдующемъ году, командуя фрегатомъ «Св. Маркъ» (въ эскадрѣ контръ-адмирала фонъ-Дезина), онъ плавалъ между Кронштадтомъ и Гогландомъ, послѣ чего находился въ крейсерствѣ у Гангута, въ 1791 г. былъ назначенъ на должность начальника Роченсальмскаго порта и, оставаясь въ этой должности, въ 1792 г. получилъ командованіе гребною флотиліею. Въ 1796 г. (1-го января), произведенный въ капитаны 1-го ранга, П. назначенъ былъ совѣтникомъ Казанской Адмиралтейской конторы. Произведенный затѣмъ 28-го ноября 1799 г. въ генералъ-маіоры, П. 20-го октября 1804 г. былъ уволенъ отъ службы.

«Общій морской списокъ», т. IV, стр. 549—551; «Матеріалы для исторіи русскаго флота», ч. XII, XIII и XIV. *И. Соколовъ.*

Персонъ, *Иванъ Ивановичъ*, почетный лейбъ-медикъ, инспекторъ медицинской части С.-Петербургскихъ учрежденій Вѣдомства императрицы Маріи, членъ Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, родился въ С.-Петербургѣ 12-го августа 1797 г., умеръ 10-го октября 1867 г. Получивъ среднее образованіе въ С.-Петербургской Петропавловской нѣмецкой школѣ, П. поступилъ въ Медико-Хирургическую Академію и, окончивъ ея курсъ 14-го августа 1817 г., поступилъ ординаторомъ въ городскую Обуховскую боль-

ницу. Вскорѣ послѣ этого онъ отправился за-границу для научнаго усовершенствованія и провелъ тамъ около 4-хъ лѣтъ, работая въ главнѣйшихъ университетахъ и больницахъ Западной Европы. Вернувшись въ Россію, онъ служилъ въ разное время врачомъ при Государственномъ Банкѣ, при Монетномъ Дворѣ и при Воспитательномъ Домѣ и пріобрѣлъ въ публикѣ и среди товарищей репутацію выдающагося практика-врача съ основательной научной подготовкой. Въ теченіе тридцати лѣтъ Персонъ работалъ въ Училищѣ Глухонѣмыхъ и произвелъ въ немъ много существенныхъ улучшеній въ гигіеническомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ; назначенный помощникомъ инспектора медицинской части учрежденій Вѣдомства императрицы Маріи, а съ 1863 г.—инспекторомъ, онъ произвелъ въ петербургскихъ гражданскихъ больницахъ много полезныхъ преобразованій и улучшеній. По его почину, въ больницахъ устраивались совѣщанія врачей («больничныя конференціи»), которыя доставили ординаторамъ возможность обсуждать, подъ предсѣдательствомъ главнаго доктора, научные вопросы, характеръ господствующихъ болѣзней, отдѣльныя исторіи болѣзней и всѣ подробности гигіеническаго и діэтетическаго содержанія больныхъ. Эти совѣщанія возвысили научный и нравственный уровень больничнаго персонала. По представленію Персона, почти во всѣхъ больницахъ были учреждены должности прозекторовъ, которымъ были даны необходимыя научныя пособія для анатомическихъ изслѣдованій и для составленія анатомо-патологическихъ коллекцій. Благодаря стараніямъ Персона, была учреждена должность эксперта химіи, которому былъ порученъ анализъ патологическихъ продуктовъ, отправляемыхъ къ нему больничными врачами; вообще Персонъ заботился о примѣненіи въ больницахъ микроскопіи и патологической химіи для распознаванія болѣзней; кромѣ того, предметомъ его живѣйшей заботливости были больничная статистика и гигіена. Петербургскія больницы обязаны ему введеніемъ искусственной вентиляціи. Кромѣ больничнаго дѣла и городской практики Персонъ посвящалъ часть времени занятіямъ въ столичномъ Комитетѣ общественнаго здравія и въ исполнительной и городской санитарныхъ коммиссіяхъ. Въ Медицинскомъ Совѣтѣ, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ, онъ участвовалъ въ разработкѣ многихъ важныхъ врачебно-полицейскихъ мѣръ, особенно по вопросу о борьбѣ съ заразными болѣзнями (оспопрививаніе и пр.). Во время бывшихъ въ Петербургѣ эпидемій возвратной горячки и холеры Персонъ выказалъ замѣчательную энергію въ борьбѣ съ этими болѣзнями.

Не смотря на многочисленныя служебныя обязанности, Персонъ находилъ время для широкой благотворительности: такъ, онъ дѣятельно трудился въ Медико-филантропическомъ комитетѣ, въ которомъ былъ членомъ; по мнѣнію Пеликана, «Максимиліановская лѣчебница для приходящихъ, которой онъ былъ консультантомъ-основателемъ, безъ преувеличенія можно сказать, болѣе всего обязана Персону своею полезною дѣятельностью и заслуженною репутаціею». Въ теченіе 30-ти лѣтъ онъ безплатно исполнялъ обязанности врача въ сиротской школѣ при Петропавловской церкви.

Въ обществѣ Персонъ пользовался очень большимъ успѣхомъ, какъ врачъ-практикъ. Въ 1865 г. онъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники; 14-го августа 1867 г. торжественно праздновался 50-ти-лѣтній юбилей его дѣятельности, а черезъ 2 мѣсяца онъ умеръ отъ развившейся у него «хронической болѣзни въ груди». Въ 1877 году въ Императорской Медико-Хирургической Академіи была учреждена стипендія его имени (242 р.), ежегодно назначаемая одному изъ бѣднѣйшихъ и способнѣйшихъ студентовъ, начиная со 2-го курса.

«Сѣверная Почта» 1867 г., № 226—некрологъ, составленный Евг. Пеликаномъ; «Московская Медиц. Газета» 1865 г., № 18; «Исторія Имп. Военно-Медицинской Академіи», С.-Пб. 1898 г., стр. 519 и въ прилож. стр. 194; «Вѣдомости С.-Петербургской городской полиціи» 1867 г., № 1867.

Н. Кульбинъ.

Де-Пертэ (Pérthées), *Людовикъ*, писатель; происходилъ изъ французской семьи, родился около 1820 г. гдѣ-то на Украйнѣ; въ 1840-хъ годахъ былъ сотрудникомъ повременныхъ изданій: «Magazyn mod», «Tygodnik Peterburski» и «Kuryer Wilenski»; особо онъ издалъ три тома оригинальныхъ своихъ стихо-

твореній подъ заглавіемъ: «Poezye» (Вильна. 1842—1846); умеръ въ Бѣлой-Церкви въ апрѣлѣ 1887 г.

«Ateneum» 1887. *Ѳ. Ф. В.*

Перфильевъ, *Андрей Яковлевичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ и Архангельскій гражданскій губернаторъ; род. въ С.-Петербургѣ въ 1765 г. и при рожденіи былъ записанъ сержантомъ въ Морской Кадетскій корпусъ; въ этомъ чинѣ въ 1779 г. на фрегатѣ «Наталія», (а послѣ крушенія его на купеческой шкунѣ) онъ былъ отправленъ въ Англію, откуда въ слѣдующемъ году благополучно возвратился въ Петербургъ и до 1782 г. состоялъ при Морскомъ Корпусѣ; 19-го января этого года онъ получилъ чинъ мичмана и назначенъ былъ адъютантомъ къ контръ-адмиралу Ив. Ант. Борисову, а въ слѣдующемъ—къ генералъ-цейхмейстеру И. А. Ганнибалу. Произведенный въ 1784 г. въ лейтенанты, П. до 1785 г. состоялъ при корпусѣ «въ рангѣ поручика», плавалъ ежегодно въ Балтійскомъ морѣ а въ 1789 г. участвовалъ въ Эландскомъ сраженіи. Затѣмъ онъ плавалъ съ гардемаринами Морского корпуса, въ 1798 г. произведенъ въ маіоры, въ 1800 г., «за благородное поведеніе и порядокъ во время нахожденія гардемаринъ въ Стокгольмѣ», получилъ монаршее благоволеніе, 14-го марта 1801 г. произведенъ въ полковники и въ слѣдующемъ (1802 г.) назначенъ былъ въ должность капитана надъ портомъ главнаго гребного флота. Выйдя въ отставку 21-го сентября 1806 г. съ чиномъ генералъ-маіора, П. 19-го сентября 1807 г. былъ опредѣленъ Архангельскимъ гражданскимъ губернаторомъ съ переименованіемъ въ д. с. с. Въ этой должности онъ прослужилъ почти 16 лѣтъ и скончался 29-го іюня 1823 г. При погребеніи его епископъ Архангельскій и Холмогорскій Неофитъ сказалъ прочувствованное слово. П. похороненъ въ монастырѣ св. Архангела-Михаила. За свою службу онъ былъ награждаемъ многими знаками отличія, изъ коихъ высшимъ былъ орденъ св. Владиміра 2-й степени.

Общій Морской списокъ, ч. IV, С.-Пб. 1890 г., стр. 551—552; «Рѣчь, говоренная при отпѣваніи тѣла А. Я. П. еписк. Неофитомъ» —«Сынъ Отеч.» 1823 г., ч. 89, № 43, стр. 107—112; В. Чернышевъ въ «Архангельск. Губернск. Вѣдом.» 1846 г., № 45; «Журналы Комитета Министровъ», т. I, С.-Пб. 1888 г. *Б. Гарскій.*

Перфильевъ, *Аѳанасій Петровичъ*, сотникъ Яицкаго казачьяго войска, одинъ изъ главнѣйшихъ сообщниковъ Пугачева; родился въ 1731 году, а въ 1748 г. уже поступилъ на службу. По смерти императора Петра III, въ 1762 г., имѣя отъ роду уже 30 лѣтъ, присягнулъ императрицѣ Екатеринѣ II.—Яицкое казачье войско давно уже передъ тѣмъ начало волноваться, но только къ 1770 годамъ волненія настолько усилились, что дали благодатную почву для пугачевщины. Волненія породили двѣ партіи, сильно враждовавшія между собою. Одна изъ нихъ, партія войсковая—защищала свои старыя права и привилегіи и боролась за нихъ противъ посягательства противной партіи. Другую партію—старшинскую—составляли старшины и ихъ приверженцы, стремившіеся къ усиленію власти своей и атаманской за счетъ войска, пользовавшагося правомъ свободнаго выбора и смѣны должностей. Партія старшинская находила себѣ поддержку въ лицѣ правительства, а потому старшины, помимо преслѣдованія своихъ должностныхъ интересовъ, допускали всякія злоупотребленія. Войсковая партія искала защиты своихъ правъ у правительства и неоднократно посылала депутаціи въ Петербургъ, результатомъ чего были высылки на слѣдствіе уполномоченныхъ отъ Военной Коллегіи лицъ; но они, разумѣется, не были безпристрастными судьями. Такая политика все ухудшала дѣло и, наконецъ, привела къ вооруженному столкновенію партій 13-го января 1772 года. Аѳ. Перфильевъ, всегда горячій защитникъ интересовъ народной партіи, въ этомъ столкновеніи, однако, не принималъ участія. Смуты въ войскѣ всегда сопровождались перемѣною властей; такъ и теперь, уже чрезъ три дня, 16-го января 1772 года старый полковникъ Витошновъ былъ смѣненъ и замѣненъ Аѳ. Перфильевымъ. Съ этой поры П. выступаетъ однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей борьбы. При первомъ извѣстіи о бунтѣ, происшедшемъ среди казаковъ, изъ Москвы былъ посланъ на Яикъ ген. Фрейманъ и на него было возложено порученіе: перемѣнить управленіе войска, уничтожить чины войскового атамана и старшинъ, а казаковъ, раздѣливъ на полки, подчинить

вѣдомству Оренбургскаго войска. Войска Фреймана и Оренбургскаго губернатора стали стягиваться къ Разсыпной крѣпости. Подъ вліяніемъ слуховъ о наступленіи все большихъ войскъ, казаки рѣшили, отославъ женъ и дѣтей въ Яицкій городокъ, выслать Фрейману депутацію съ привилегіями и документами, что и было исполнено 30-го іюня 1772 г. Забравъ документы, избранные депутаты — Аѳ. Перфильевъ съ товарищами — отправились въ станъ Фреймана. Тотъ отказалъ имъ въ просьбѣ пропустить депутацію въ Петербургъ, а отъ себя объявилъ, что онъ присланъ съ цѣлью наказать бунтовщиковъ, но прибавилъ, что если они выдадутъ 40 человѣкъ зачинщиковъ, то остальныхъ онъ оставитъ въ покоѣ. П. сообщилъ объ этомъ войску, но оно не согласилось на подобное предложеніе, а часть казаковъ перешла р. Ембулатовку, желая попытать счастья въ битвѣ. Разбитые въ двухъ сраженіяхъ Фрейманомъ, они отступили въ Яицкій городокъ, но, не видя никакой возможности защищаться, выступили изъ города, и его занялъ Фрейманъ. Среди сражавшихся былъ и Аѳ. Перфильевъ. Дѣйствуя гдѣ силой, гдѣ увѣщаніями, Фрейманъ успѣлъ водворить въ войскѣ относительное спокойствіе; въ Оренбургѣ онъ началъ производить слѣдствіе, сопровождавшееся столь многочисленными арестами, что за недостаткомъ помѣщенія въ тюрьмахъ, арестованныхъ пришлось держать въ лавкахъ гостинаго двора. Приговоръ по этому слѣдствію былъ не скорый, но чрезвычайно суровый: съ казаковъ велѣно было взыскать за порчу и разграбленіе казеннаго имущества около 37.000 руб.; это навело на войско уныніе, которое порождало отчаяніе и дѣлало казаковъ способными прибѣгнуть ко всякимъ средствамъ; этимъ настроеніемъ нѣсколько времени позже и воспользовался Пугачевъ. Не имѣя возможности уплатить требуемое съ нихъ, казаки рѣшили въ послѣдній разъ послать къ императрицѣ депутатовъ и подыскивали смѣльчака, который бы рѣшился взяться за это дѣло. Таковымъ оказался Аѳ. Перфильевъ съ товарищами; къ этому побуждала его горячая преданность интересамъ народной партіи. Въ началѣ осени 1773 г. депутаты прибыли въ Петербургъ, сочинили прошеніе (по собственному признанію, оно было пристрастное, съ ложнымъ освѣщеніемъ: «что могли вымыслить въ оправданіе войсковой стороны, закрывая сколько можно свою вину, дабы чрезъ то можно было получить испрашиваемое»). Въ виду невозможности лично подать прошеніе императрицѣ, они обратились къ посредничеству гр. Ал. Григ. Орлова (Орловыхъ считали покровителями казачества). Чрезъ нѣсколько времени, когда депутаты были вызваны для выслушанія резолюціи, Орловъ, желая воспользоваться ими для государственныхъ цѣлей, далъ совѣтъ: въ интересахъ благопріятнаго для казаковъ рѣшенія ихъ дѣла у императрицы, съѣздить на родину и уговорить казаковъ отстать отъ появившагося тамъ самозванца, назвавшагося императоромъ Петромъ III, а если возможно, то и выдать его въ руки правительства. При этомъ Орловъ сообщилъ, гдѣ и когда появился этотъ самозванецъ. Затѣмъ, когда депутаты согласились,—помимо и даже тайно отъ Военной Коллегіи и ея президента гр. З. Г. Чернышева испрошено было лично у императрицы дозволеніе отправить ихъ съ таковымъ порученіемъ на Яикъ; императрица велѣла выдать сотнику Яицкаго войска Аѳ. Перфильеву и казаку П. Герасимову паспорты изъ Петербурга до Казани и обратно, «назвавъ въ оныхъ обоихъ ихъ для извѣстныхъ ген.-прокурору причинъ черкесами». Снабженные этими странными паспортами, «черкесы» черезъ 2 дня отбыли изъ Петербурга. Дорогою Перфильевъ съ Герасимовымъ, которому пришлось раньше видѣть Петра III (другой Герасимовъ и Плотниковъ оставлены были въ Петербургѣ), бесѣдуя о самозванцѣ, порѣшили «никакого умысла злого противъ него не имѣть». 25-го ноября 1773 года они прибыли въ Казань и отсюда должны были съ манифестами о самозванцѣ и письмами Казанскаго губернатора ѣхать подъ видомъ курьеровъ къ Яицкому коменданту полк. Симонову. 28-го ноября они выѣхали изъ Казани въ Самару, чтобы оттуда отправиться въ Яицкій городокъ. Но въ Самарѣ не повѣрили ихъ страннымъ паспортамъ; къ тому же они были узнаны казакомъ Ергучевымъ случайно проѣзжавшимъ

здѣсь изъ Яицкаго городка съ донесеніями отъ коменданта Симонова. Препровожденные въ Симбирскъ, они только по наведеніи надлежащихъ справокъ были отпущены, опять чрезъ Самару пробрались на Яикъ и явились въ Яицкомъ городкѣ коменданту Симонову, не желавшему долго вѣрить ихъ миссіи. Отсюда Герасимовъ направился въ Нижне-Яицкіе казачьи посты, а П. въ Бердскую слободу въ сопровожденіи 2-хъ казаковъ. Такимъ образомъ, П. пришлось сразу признать или не признать Пугачева государемъ, не узнавъ, какъ раньше было условлено, мнѣнія объ этомъ П. Герасимова. Дорогою П. повѣдалъ своимъ спутникамъ о цѣли пріѣзда на Яикъ, но тѣ съ угрозами смерти заставили его отказаться отъ всякой мысли агитировать противъ назвавшаго себя государемъ Пугачева. П. тогда уже сразу замѣтилъ, какъ сильно движеніе охватило войско, а вскорѣ онъ и самъ втянулся въ него и всею душою предался ему. Около 6-го декабря 1773 г. П. прибылъ въ Берду, въ станъ самозванца, и тотчасъ явился къ своему старому другу Андрею Овчинникову, теперь первому атаману Пугачева. Придя къ Овчинникову, онъ объявилъ, что, будучи въ Петербургѣ, прослышалъ о появленіи здѣсь государя и бѣжалъ, желая служить ему. Хотя неожиданный пріѣздъ П. и вызвалъ нѣкоторое подозрѣніе Овчинникова, но онъ все-таки представилъ его самозванцу, который принялъ П. ласково и разспрашивалъ о слухахъ про него въ Петербургѣ; при этомъ онъ напоилъ П. до-пьяна, подарилъ ему красный кармазинный кафтанъ, 13 рублей денегъ, своего сѣраго коня и зачислилъ въ команду Овчинникова. «Послѣ сего,— признавался потомъ на слѣдствіи П.,— ни одного казака уже не склонялъ, да и изъ сердца своего все объявленное отъ гр. Орлова повелѣніе истребилъ, а только думалъ и старался о томъ, чтобы оказать злодѣю услугу, а чрезъ то и быть большимъ человѣкомъ». Прибытіе П. изъ Петербурга было на руку Пугачеву. Онъ воспользовался имъ для распространенія слуха, что тотъ прибылъ съ чрезвычайнымъ извѣстіемъ отъ наслѣдника Павла Петровича, который и идетъ съ большимъ войскомъ; а когда, спустя нѣсколько дней, Пугачевъ съ толпою въ 2.000 чел. подошелъ къ Оренбургу, то, чтобы показать П-ва тѣмъ яицкимъ казакамъ, которые знали о посылкѣ его въ Петербургъ и находились въ крѣпости, оставаясь вѣрными правительству, Пугачевъ заставилъ его, выѣхавъ впередъ, войти въ переговоры съ казаками, собравшимися у стѣнъ города. П. объявилъ, что онъ прибылъ изъ Петербурга, будучи присланъ отъ Павла Петровича съ повелѣніемъ идти и служить Его Величеству Петру Ѳеодоровичу; однако, такъ какъ онъ не могъ подтвердить своихъ словъ документами, то ему не повѣрили. Одновременно съ осадой Оренбурга М. Шигаевымъ, велась осада и Яицкаго городка, который былъ взятъ М. Толкачевымъ. Во время пребыванія Пугачева въ Яицкомъ городкѣ, П. былъ неоднократно присылаемъ отъ М. Шигаева съ разными порученіями и письмами. Когда передъ отъѣздомъ въ Берду Пугачевъ велѣлъ читать имянной указъ на имя казачьяго Яицкаго войска, подтверждавшій старыя привилегіи и дававшій новыя, П., присланный отъ Шигаева, случайно находился при самозванцѣ. Послѣ прочтенія указа Пугачевъ велѣлъ казакамъ избрать себѣ атамана и старшинъ,—и въ числѣ двухъ выбранныхъ старшинъ оказался и П., который и поселился въ Яицкомъ городкѣ. Послѣ своего отъѣзда Пугачевъ возложилъ осаду укрывшагося въ ретраншементѣ яицкаго коменданта Симонова на вновь избраннаго атамана Каргина, но тотъ ничего не могъ подѣлать съ отважнымъ комендантомъ. П. задумалъ склонить Симонова къ сдачѣ переговорами; тотъ выслалъ капитана Андрея Крылова (отца баснописца), но всѣ старанія П. были безрезультатны: онъ убѣждалъ Крылова покориться Пугачеву, а Крыловъ укорялъ П. за его измѣну.

Затѣмъ, мы видимъ Перфильева участвующимъ въ битвѣ пугачевцевъ съ генераломъ Мансуровымъ. Послѣ побѣды при Татищевой, Мансуровъ, идя по Яицкой дорогѣ, 15-го апрѣля 1774 г. у р. Быковки въ тѣсномъ проходѣ встрѣтилъ главнаго пугачевскаго атамана, Овчинникова, съ незначительнымъ отрядомъ войска. Здѣсь произошла битва, въ которой участвовалъ и П. Эта битва была несчастлива для казаковъ; однако,

Перфильеву удалось убѣжать въ степь, съ толпою казаковъ въ 300 человѣкъ, сначала къ Бугуруслану, а потомъ къ Бугульмѣ; прорвавшись чрезъ новомосковскую дорогу и совершивъ окружный путь верстъ въ 300, они ушли въ Башкирію; проходя по деревнямъ, казаки распускали слухъ, что за ними идетъ нѣсколько тысячъ донскихъ казаковъ и калмыковъ. Проблуждавъ съ остатками отряда, Овчинниковъ и Перфильевъ подъ крѣпостью Магнитной присоединились къ прочимъ силамъ Пугачева. Когда затѣмъ мятежники взяли Казань, Пугачевъ съ толпою, среди которой былъ и Перфильевъ, разъѣзжалъ по городу, стрѣляя въ своихъ противниковъ. Все послѣдующее время П. находился при самозванцѣ, принимая участіе во всѣхъ битвахъ, за что получилъ отъ Пугачева медаль, которую, привязавъ на небольшой ленточкѣ, носилъ до самой смерти, и награжденъ былъ отъ него же чиномъ генералъ-аншефа. Когда положеніе Пугачева сдѣлалось шаткимъ, а вѣрность даже главныхъ предводителей сомнительной, Ѳ. Перфильевъ продолжалъ выказывать къ нему особенную преданность, раздѣляя съ нимъ всѣ труды и опасности. Когда разбитый подъ Сальниковымъ 24-го августа 1774 г. Пугачевъ съ остатками войска бѣжалъ къ Черному Яру и сталъ переправляться чрезъ Волгу, П. съ 40 казаками отсталъ отъ него, не имѣя возможности послѣдовать за нимъ на ту сторону, вслѣдствіе чрезмѣрной усталости людей и лошадей, и вынужденъ былъ остаться на островѣ среди рѣки. На другой день они переправились черезъ Волгу, но уже не нашли Пугачева, и, проблуждавъ нѣсколько дней на пути въ Яицкій городокъ, отдались добровольно одной изъ разъѣздныхъ командъ, послѣ чего и были доставлены въ Секретную Коммиссію.

Спасшись, Пугачевъ однако палъ духомъ, потерявъ своихъ приверженцевъ, особенно П., въ преданность котораго безусловно вѣрилъ и которому, послѣ битвы подъ Магнитной крѣпостью, давалъ секретнѣйшія коммиссіи, поручивъ завѣдывать разспросами «злоумышлявшихъ» противъ государя и доносить ему лично о всѣхъ производимыхъ имъ розыскахъ. Со дня переправы П. уже не встрѣчался съ Пугачевымъ до самой казни. Всѣ приговоренные къ смерти принесли передъ казнью покаяніе (за что получили разрѣшеніе на причастіе) кромѣ П., котораго за то, «яко сущаго раскольника», до самой послѣдней минуты жизни своей «отвергшаго всѣ опасительныя, ему предоставленныя средства», было положено «оставить связаннаго вѣчною анаѳемою». Самымъ жестокимъ казнямъ, послѣ Пугачева, подверглись Зарубинъ (Чика) и П., который сейчасъ же вслѣдъ за самозванцемъ былъ четвертованъ 10-го января 1775 г. Взойдя на эшафотъ, П. стоялъ молча, неподвижно, потупя глаза въ землю. Это былъ человѣкъ большого роста, сутулый и свирѣповидный. Предъ самымъ моментомъ казни онъ выказалъ замѣчательную твердость и не волновался. Перекрестясь, онъ простерся ницъ—и остался недвижимъ.

Вѣрилъ ли Перфильевъ или нѣтъ въ то, что Пугачевъ былъ дѣйствительно Петръ III? Въ началѣ можетъ быть и вѣрилъ, потому что ему, какъ стороннику казачьей вольности, хотѣлось тому вѣрить. Ни личныя качества, ни честолюбіе не были причинами того, что, даже разувѣрившись въ Пугачевѣ, онъ ему былъ преданъ; нѣтъ, Пугачевъ былъ для него лишь знамя, подъ которое встали борцы за войсковые интересы и за сохраненіе правъ, освященныхъ традиціей.

Н. Ѳ. Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники», т. I, стр. 78, 92, 93, 186; т. II, стр. 129. 130, 131, 132, 133, 146, 147, 148, 149, 150, 267, 274, 284, 388, 394; т. III, стр. 30, 155, 156, 157, 161, 180, 251, 255, 259, 280, 281, 356, 361, 363, 364, 365, 380, 394.; «Русская Старина» 1876 г., т. XVI, статья: «Главные пособники Пугачева»; «Русская Старина» 1870 г., т. II: «Записки П. С. Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ»; «Сѣверное сіяніе» за 1864 г., т. III, стр. 367; «Сборн. Имп. Русскаго Истор. Общества», т, XIII и XXVII; «Архивъ Государственнаго Совѣта», изд. 1869 г.; А. С. Пушкинъ. «Исторія Пугачевскаго бунта» изд. 1887 г., Суворина, т. VII, стр. 44, 87, 94, 142—144, 249 (прим); Д. Н. Бантышъ-Каменскій, «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», М. 1836 г., ч. IV, стр. 132—133.

Н. В—въ.

Перфильевъ, *Василій Степановичъ*, тайный совѣтникъ, почетный опекунъ и бывшій гражданскій губернаторъ Москвы, сынъ генерала-отъ-кавалеріи С. В. Перфильева (см. ниже); родился въ Москвѣ 19-го января 1826 г., воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ

лицеѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1845 г. съ правомъ на чинъ 9-го класса, въ которомъ и былъ утвержденъ въ 1846 г. Въ томъ же году П. былъ зачисленъ на службу въ штатъ Московской Провіантской Коммиссіи, а въ 1850 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ коллежскаго ассесора. На дворянскихъ выборахъ 1857 г. П. былъ избранъ и въ 1858 г. утвержденъ въ должности предводителя дворянства Кирсановскаго уѣзда Тамбовской губерніи, гдѣ у него было большое имѣніе, полученное въ приданное за женою гр. Прасковьею Ѳедоровной Толстой, дочерью гр. Ѳ. И. Толстого («Американца»). Въ 1861 г., съ высочайшаго соизволенія, П. былъ назначенъ членомъ Тамбовскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ 1864 г. получилъ чинъ надворнаго совѣтника, а за труды по приведенію въ дѣйствіе Положенія о крестьянахъ, получилъ въ 1868 г. установленный знакъ отличія. Въ 1866 г. за отлично-усердную и ревностную службу П. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. и произведенъ въ коллежскіе совѣтники. Въ 1869 г., за поземельное устройство государственныхъ крестьянъ, П. награжденъ былъ знакомъ отличія, а въ 1870 г. назначенъ Московскимъ вице-губернаторомъ. Награжденный въ 1871 г. орденомъ св. Владиміра 3-й ст. и произведенный въ статскіе совѣтники, П. уже въ 1873 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ слѣдующемъ году, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, назначенъ предсѣдателемъ Попечительства надъ арестантами московской исправительной тюрьмы. Въ томъ же году П. былъ пожалованъ въ званіе камергера двора Его Императорскаго Величества, въ 1875 г. назначенъ предсѣдателемъ особаго Комитета, учрежденнаго для наблюденія за производствомъ работъ по постройкѣ зданія центральной пересыльной тюрьмы, а въ 1876 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 1-й ст. Въ слѣдующемъ году Перфильеву была объявлена Высочайшая благодарность за успѣшную дѣятельность по призыву запасныхъ нижнихъ чиновъ и поставкѣ лошадей въ дѣйствующую армію. Въ 1878 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. и назначенъ Московскимъ губернаторомъ. Въ слѣдующемъ году назначенный предсѣдателемъ частныхъ собраній Попечительскаго Совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, П. въ 1883 г. былъ пожалованъ въ тайные совѣтники, а за полезные труды по промышленно-художественной выставкѣ, бывшей въ Москвѣ, ему было объявлено высочайшее благоволеніе. Въ 1884 г. П. былъ избранъ товарищемъ предсѣдателя управленія «Краснаго Креста». а въ 1886 г.—награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й ст. и персидскимъ орденомъ «Льва и Солнца» 1-й ст. Въ 1887 г., согласно прошенію, П. былъ уволенъ отъ должности Московскаго губернатора и назначенъ почетнымъ опекуномъ Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта учрежденій Императрицы Маріи, а въ 1888 г. ему повелѣно быть управляющимъ Императорскимъ Московскимъ вдовьимъ домомъ. П. скончался въ Москвѣ 21-го іюня 1890 г. и похороненъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи (метрика рожденія); «Московскій Листокъ» 1890 г., №№ 173, 174; «Московскія Вѣдомости» 1890 г., №№ 168, 170, 171, 172; «Русскій Календарь» на 1891 г., стр. 282; «Артистъ» 1891 г., № 18, декабрь, стр. 178. *А. Т.*

Перфильевъ (чаще **Перфирьевъ**), *Иванъ*, енисейскій сынъ боярскій. Съ 1662 г. онъ управлялъ Иркутскимъ острогомъ; въ ноябрѣ 1675 г. ему было приказано отправиться со служилыми и бѣломѣстными казаками вверхъ по р. Иркуту для постройки новаго острога близъ р. Тунки. Затѣмъ, П. до 1684 г. правилъ Селенгинскимъ острогомъ, подчиненнымъ Иркутскому воеводѣ. Въ 1688 году воеводѣ Тарскому стольнику Вас. Трегубову было предписано произвести сыскъ про воеводу Енисейскаго Новосильцова, а до указу велѣно было Енисейскъ передать въ управленіе сыну боярскому Ив Перфильеву. Вскорѣ ему снова пришлось управлять Иркутскомъ, но при совсѣмъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Въ 1695 году на смѣну прежнему воеводѣ, кн. Ив. Гагарину, пріѣхалъ новый воевода—Аѳ. Савеловъ. Послѣдній дозволялъ себѣ всякія жестокости и злоупотребленія и, какъ ни старался скрыть ихъ, слухи о томъ все-таки дошли въ Москву, до Сибирскаго Приказа, и, противъ обыкновенія, еще до истеченія срока трехлѣтія Савелов-

ского воеводства, въ Иркутскъ былъ посланъ новый воевода — стольникъ Сем. Тим. Полтевъ. Полтевъ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ Николаемъ прибылъ уже въ Сибирь, но, не доѣхавъ до мѣста службы и находясь въ Идинскомъ острогѣ, заболѣлъ и умеръ. Жена его съ сыномъ все таки явилась въ Иркутскъ. Казаки и прочіе жители, едва выносившіе притѣсненія Савелова, были глубоко огорчены смертью Полтева и, чтобы все-таки избавиться отъ ненавистнаго воеводы, рѣшились на чрезвычайно оригинальное средство. Пользуясь указомъ, они смѣстили Савелова и избрали воеводою двухлѣтняго Николая Полтева, регентомъ же для управленія, отъ его имени, назначили Енисейскаго сына боярскаго Ив. Перфильева, который, какъ мы знаемъ, ранѣе уже управлялъ Иркутскомъ. Во время сдачи дѣлъ присутствовалъ и малолѣтній воевода. Сибирскій Приказъ молчаніемъ своимъ допустилъ подобное управленіе Такимъ образомъ Ив. Перфильевъ управлялъ Иркутскомъ до 1699 года, т.-е. до истеченія срока трехлѣтія воеводства умершаго Полтева. Въ которомъ году умеръ Ив. Перфильевъ, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ, нѣсколько ранѣе 1703 года, такъ какъ въ этомъ году его денежный окладъ уже считался выбылымъ.

«Русск. Истор. Библ.», т. VIII, стр. 815; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», изд. 2-е, кн. III, отд. II, стр. 197, 269; «Пам. Сиб. Истор.», т. I, стр. 217; «Доп. къ Акт. Истор.», т. VI, стр. 176, 177; т. VII, стр. 344; т. VIII стр. 206; т. IX стр. 336; т. X. стр. 242; Н. Н. Оглоблинъ. «Обозрѣніе книгъ и столбцовъ Сибирскаго Приказа», т. I, стр. 203; «Дѣло» за 1866 г., кн. I, статья И. Щукина: «Сибирскіе воеводы». *Н. В.*

Перфильевъ, *Нечай* — дьякъ. Въ 1580 году онъ былъ дьякомъ при воеводѣ въ г. Юрьевѣ (Ливонскомъ). Въ 1595 году, въ декабрѣ, князю Вас. Звенигородскому, Сем. Безобразову, да двумъ дьякамъ: Нечаю Перфильеву и Постнику Шипилову съ гордовымъ мастеромъ поручено было построить въ Смоленскѣ каменную крѣпость и городъ, при чемъ роспись расходовъ и смѣту велѣно было государемъ представить дьяку Нечаю Перфильеву да городовому мастеру. Въ августѣ 1598 года Перфильевъ подписался подъ «утвержденной граматой объ избраніи царемъ Бориса Ѳедоровича Годунова». Въ 1608 году онъ былъ дьякомъ при воеводѣ Тобольскомъ, гдѣ и умеръ въ 1613 году.

«Акты Арх. Экспед.», т. I, стр. 450, 451, т. II, стр. 45; «Древняя Росс. Вивліоѳика», т. III, отд. II, стр. 123, 129; «Памятн. диплом. сношен.», т. I, стр. 817; Н. П. Лихачевъ. «Разрядные дьяки XVI вѣка», стр. 514 (примѣч.). *Н. В.*

Перфильевъ, *Степанъ Васильевичъ*, генералъ-маіоръ, род. въ 1734 г., умеръ въ мартѣ 1793 г.; происходилъ изъ дворянскаго рода, восходящаго къ началу XVII вѣка. Съ 29-го сентября 1756 г. онъ состоялъ коммиссаромъ при Шляхетномъ Корпусѣ. Состоя при томъ же корпусѣ, П. 20-го марта 1758 г. былъ произведенъ въ поручики, а 16-го ноября 1760 г.— въ капитанъ-поручики; 31-го декабря 1761 г. онъ былъ пожалованъ флигель-адъютантомъ Императора Петра III и ему поручено было наблюденіе за гр. Ал. Григ. и Григ. Григ. Орловыми. Въ ночь съ 27-го на 28-е іюня 1762 г., когда гр. Ал. Гр. Орловъ спѣшилъ въ Петергофъ къ императрицѣ Екатеринѣ II съ предупрежденіемъ, что капитанъ Пассекъ арестованъ и слѣдуетъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, гр. Григ. Орловъ оставался въ Петербургѣ и задерживалъ при себѣ Перфильева, чтобы занять его и отвлечь отъ наблюденій. Однако, уже въ 1764 и 1765 г. П. состоялъ, вмѣстѣ съ княземъ И. С. Барятинскимъ и С. А. Порошинымъ, при цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ въ качествѣ одного изъ воспитателей. Будучи въ чинѣ полковника, онъ былъ избранъ депутатомъ отъ Судайскаго уѣзда въ Коммиссію о сочиненіи Новаго Уложенія 1767 г. Въ чинѣ генералъ-маіора, 28-го мая 1773 г. онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. Съ 22-го сентября 1773 г. П. былъ Петербургскимъ губернаторомъ, отъ каковой должности уволенъ въ отставку 10-го сентября 1774 года. П. былъ въ составѣ главной провинціальной русской масонской ложи; въ 1773—1774 г. онъ состоялъ въ должности великаго провинціальнаго хранителя сокровищъ, а въ 1782—83 гг. Новиковъ въ письмѣ къ петербургскому масону Ал. Андр. Ржевскому даже рекомендовалъ П. въ будущіе члены національнаго капитула. П. былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Г. Р. Державинымъ и кн. А. И. Мещерскимъ. Знаменитую оду «На смерть Мещерскаго» Державинъ посвятилъ Перфильеву. Умеръ П. въ

1793 г. и 24-го марта погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

Именной списокъ кадетамъ Шляхетнаго корпуса. С.-Пб. 1761 г., стр. IX, XII, XXIII; Н. Н. Бантышъ-Каменскій. «Историч. собраніе списковъ кавалеровъ четырехъ россійскихъ орденовъ». М. 1814 г., стр. 313; «Описаніе архива Морского Министерства». т. I, стр. 392 и 963 и т. V, стр. 440; «Гербовникъ», IX, 64; «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 468; Сочин. Державина съ объясн. примѣч. Я. К. Грота, т. I, стр. 83 и т. VI, стр. 535; М. Н. Лонгиновъ. «Новиковъ и московскіе мартинисты». М. 1867 г., стр. 95 и 197; «Русскій Архивъ» 1873 г.; А. П. Барсуковъ. «Жизнеописаніе кн. Григ. Григ. Орлова», стр. 25 и 26; В. И. Саитовъ, «Петербургскій некрополь». М. 1883 г., стр. 102, Памятная книжка С.-Петерб. губерніи на 1899 г., стр. XIV. *П. Клокачевъ.*

Перфильевъ, *Степанъ Васильевичъ*, генералъ-отъ-кавалеріи, почетный опекунъ Московскаго присутствія Опекунскаго Совѣта; родился въ 1796 году, воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ 19-го февраля 1812 г. въ лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ съ чиномъ подпоручика, участвовалъ въ Отечественной войнѣ, отличившись въ одномъ изъ сраженій, и, произведенный 26-го января 1813 г. въ поручики, 14-го декабря того же года переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Служа здѣсь, П. получилъ чины штабсъ-капитана (1816), капитана (1817), подполковника (1819) и полковника (20-го сентября 1821 г.), а 26-го января 1823 г. вышелъ въ отставку. Пробывъ внѣ службы почти четыре года, П. 12-го января 1827 г. поступилъ въ корпусъ жандармовъ. Проживая въ Москвѣ, П. въ 1828 г. находился при наборѣ рекрутъ въ Московской губерніи, а затѣмъ былъ опредѣленъ членомъ коммиссіи по принятію въ Москвѣ предохранительныхъ мѣръ противъ холеры (1830 г.); 26-го іюня 1831 г. онъ былъ назначенъ Рязанскимъ гражданскимъ губернаторомъ (съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники) и оставался въ этой должности до 1836 г., когда, переименованный въ генералъ-маіоры (20-го января 1836 г.) снова перешелъ въ корпусъ жандармовъ, во 2-й его округъ, находившійся въ Москвѣ. Произведенный 23-го марта 1847 г. въ генералъ-лейтенанты, П. впослѣдствіи занялъ мѣсто начальника 2-го округа корпуса жандармовъ, 17-го апрѣля 1860 г. произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи въ 1853 г. получилъ золотую табакерку съ портретомъ императора Николая I, а въ 1856 г.—орденъ св. Александра Невскаго. Одновременно со службой въ корпусѣ жандармовъ, П. съ 1849 г. по 1867 г. носилъ званіе предсѣдателя частныхъ собраній Московскаго Попечительнаго Совѣта Общественнаго призрѣнія, состоялъ попечителемъ Московской Преображенской богадѣльни, и 25-го ноября 1867 г. былъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, а затѣмъ и предсѣдательствующимъ въ Московскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ и попечителемъ Московскаго Коммерческаго Училища. Кромѣ того, съ 24-го апрѣля 1868 г. по 22-е января 1869 г. онъ состоялъ членомъ Совѣта Московскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго. Выйдя въ отставку въ 1874 г., П. умеръ въ Москвѣ 1-го февраля 1878 г. на 82 году отъ рожденія; погребенъ онъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

Во 2-мъ бракѣ П. былъ женатъ (съ 15-го іюля 1832 г.) на гр. Анастасіи Сергѣевнѣ Ланской, дочери д. т. с. графа С. С. Ланского, бывшаго министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Архивъ Департамента Герольдіи; адресъ-календари и списки генераламъ; «Историческая записка о Московскихъ училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ», М. 1875 г., стр. 218; «Хроника Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи», С.-Пб. 1878 г., прилож., стр. 37; «Московскія Вѣдомости» 1878 г., № 34, стр. 3; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. I, С.-Пб. 1895 г., стр. 302. *Б. Гарскій.*

Перфильевъ (чаще **Перфирьевъ**, иногда **Перфурьевъ**), *Томило*—дьякъ. Въ 1646 году онъ былъ дьякомъ Приказа Казанскаго дворца; въ маѣ 1650 года во время Псковскаго хлѣбнаго бунта, государь для прекращенія его, рѣшилъ послать войско подъ начальствомъ воеводъ: бояръ кн. Ал. Ник. Трубецкаго, кн. М. П. Пронскаго, окольничаго Тим. Ѳ. Бутурлина и Богд. Матв. Хитрово, къ нимъ же «дьякомъ съ разрядомъ» назначилъ Томилу Перфильева; но въ виду того, что бунтъ сталъ утихать, посылка не состоялась. Въ томъ же году, 3-го іюня, когда государь былъ въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, онъ, въ виду слуховъ о набѣгѣ крымцевъ, назначилъ въ Тулу тѣхъ воеводъ и воинскихъ людей, которые ранѣе были назначены въ Псковъ, но не посланы,

а «дьякомъ съ разрядомъ» былъ снова назначенъ Т. Перфильевъ. По возвращеніи со службы въ Тулѣ, Т. Перфильевъ состоялъ снова дьякомъ Приказа Казанскаго дворца, гдѣ и былъ до 1654 г., когда сдѣланъ былъ дьякомъ Приказа Тайныхъ дѣлъ, и находился въ числѣ лицъ, вышедшихъ изъ Москвы съ государемъ, отправившимся лично на войну противъ польскаго короля Яна Казиміра и Польши. Въ 1656 году пріѣзжалъ въ Россію Венеціанскій посланникъ Альбертъ Виминъ, чтобы получить въ Россіи для венеціанцевъ право свободной торговли, а также добиться помощи донскими казаками (чтобы, нападая на Турцію, казаки тѣмъ самымъ отвлекли часть турецкихъ силъ и заставили бы Турцію вести войну на два фронта). По болѣзни Виминъ не могъ вести переговоровъ лично и тогда предстать предъ лицомъ государя былъ уполномоченъ Т. Перфильевъ для заочнаго веденія переговоровъ государя и бояръ съ посланникомъ. Въ 1647 году 3-го и 30-го іюня, за отсутствіемъ государя изъ Москвы, онъ былъ въ числѣ лицъ, назначенныхъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ».

«Акты Истор.», т. IV, стр. 46, 53, 140, 178, 188, 212, 238—239; «Русск. Истор. Библ.», т. X, стр. 375, 378; «Древн. Росс. Вивл.», изд. 2-ое, кн. XIII, отд. XVIII, стр. 229; «Памятн. дипл. сношн.», т. X, стр. 902, 903, 905, 906, 921, 925, 1023, 1024; «Дворцовые Разряды», т. III, стр. 85, 164, 170, 414, 445. *Н. В.*

Перфильевъ, *Яковъ*, подполковникъ и оберъ-кригскоммиссаръ, депутатъ Суздальскаго уѣзда въ Коммиссію о сочиненіи Новаго Уложенія 1767 г. Здѣсь П. присоединился къ мнѣнію депутатовъ, ратовавшихъ за отмѣну дарованныхъ жителямъ Лифляндской и Эстляндской губерній привилегій, а также поддерживалъ мнѣніе о необходимости отмѣны существовавшей формы словеснаго суда. П. былъ противъ освобожденія крестьянъ, считая эту мѣру для Россіи вредной. При обсужденіи вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія Коммиссіей проекта дворянскихъ правъ, когда мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, присоединился къ мнѣнію депутата кн. Вяземскаго, предлагавшаго, предварительно обсужденія, просить императрицу «объ учиненіи разбора» дворянству и о занесеніи всѣхъ дворянъ въ особый списокъ, каковымъ и руководствоваться при разсмотрѣніи Проекта. 5-го іюня 1768 г., когда Коммиссія засѣдала въ Петербургѣ, П. выбранъ былъ въ помощники къ члену особой «Коммиссіи для разсмотрѣнія образа сборовъ и образа расходовъ» А. Толстому.

«Сборникъ Импер. Русскаго Историческаго Общества», т. VIII, стр. 335 и 336; т. XIV, стр. 61; т. XXXII, стр. 233, 260. 279 и 289 и т. XXXVI, стр. 427. *П. Клокачевъ.*

Перхуровъ, *Василій*—стольникъ и стрѣлецкій полковникъ, участникъ бывшей въ 1672—1681 г. войны съ Турціей, окончившейся Бахчисарайскимъ перемиріемъ. Когда въ 1677—1678 г., послѣ нѣкотораго затишья въ войнѣ, возобновились нападенія на Украйну татаръ и турокъ, пришедшихъ съ бывшимъ гетманомъ Юр. Хмельницкимъ, и Хмельницкій завоевалъ нѣсколько городовъ и сталъ управлять Малороссіей на вассальныхъ отношеніяхъ къ турецкому султану, и когда въ слѣдующемъ году нападенія турокъ настолько усилились, что стали угрожать даже всей Малороссіи, то собранъ былъ чрезвычайный Соборъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ въ присутствіи государя Ѳеодора Алексѣевича; на Соборѣ было рѣшено принять энергическія мѣры, и резолюція эта была послана со стольникомъ Вас. Перхуровымъ къ боярамъ и воеводамъ кн. Гр. Гр. и сыну его кн. Мих. Гр. Ромодановскимъ; а 13-го іюня того же года было приказано тому же В. Перхурову съ Стрѣлецкимъ Приказомъ идти въ «Запороги», чтобы «отчины царя и великаго князя, Кіевъ, отъ истребленія уберечь», при чемъ ему, Перхурову, предоставлялась полная свобода дѣйствій: «чинить, смотря по тамошнему, какъ его Господь Богъ наставитъ и смысла и разума подастъ». 9-го февраля 1682 г. П., по грамотѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, получилъ окладъ въ 1.000 четвертей, будучи въ это время стольникомъ же. До нашего времени сохранился интересный актъ, рисующій нравственный обликъ В. Перхурова и его товарищей — это именной (отъ начала мая 1682 г.) царскій указъ, сказанный ему и его товарищамъ въ отвѣтъ на челобитную, поданную государю подчиненными ему стрѣльцами. Этотъ документъ упоми-

наетъ о ихъ взяточничествѣ, о насильственномъ принужденіи къ работамъ, о жестокихъ побояхъ нежелавшимъ подчиняться ихъ требованіямъ, о присвоеніи стрѣлецкихъ земель. отведенныхъ имъ подъ дворы, и о прочихъ совершенныхъ ими преступленіяхъ. За это царскимъ указомъ повелѣно было виновныхъ, въ томъ числѣ и В. Перхурова, наказать—«бить батоги».

«Акты Арх. Эксп.», т. IV, стр. 358; «Собр. Госуд. Грам. и Дог.», т. IV, стр. 357; Русс. Ист. Библіот., т. XI, стр. 461—462, 466, 470, 507. 508, 510, 511; «Доп. къ Акт. Ист.», т. IX, стр. 116, 118; Разряды, изд. 2-го отд. Собст. Е. И. В. Канцеляріи, т. II, стр. 1283, 1290, 1296, 1369, 1370, 1371, 1375, 1376. *Н. В.*

Перхуровъ, *Петръ Ильичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи, родился около 1754 года и, записанный въ службу 1-го января 1767 года, въ 1771 г., поступилъ въ артиллерію, а съ 23-го февраля 1773 г. опредѣленъ былъ сержантомъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ; здѣсь онъ получилъ чинъ прапорщика (1779 г.) и подпоручика (1780 г.), послѣ чего, выпущенный въ армію премьеръ-маіоромъ (1781 г.), былъ опредѣленъ въ Выборгскій пѣхотный полкъ; 1-го января 1786 г. онъ получилъ чинъ подполковника въ Пермскомъ, а 1-го января 1793 г. полковника — въ Бѣлевскомъ пѣхотномъ полку. Затѣмъ, 14-го сентября 1797 г. Перхуровъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и опредѣленъ шефомъ Великолуцкаго мушкатерскаго полка, а 11-го февраля 1798 г., по повелѣнію императора Павла, былъ выключенъ изъ полка «за неприбытіемъ къ нему въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ». Проживая въ Петербургѣ, Перхуровъ умеръ 9-го октября 1807 г. и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ. Въ кампаніяхъ онъ не участвовалъ.

Московское Отдѣленіе Общаго архива Главнаго Штаба, кн. № 457: формулярный списокъ за 1796 г.; «Сборн. Импер. Русск. Историч. Общ.», т. 62, стр. 734. *Б. Г.*

Перхушковъ, *Лашукъ Владиміровичъ*, подъячій Ямского Приказа (какъ таковой, онъ и получилъ, вѣроятно, прозвище «Лашука»—испорченное слово «лошакъ») Перхушковъ часто бывалъ въ приставахъ при посольствахъ, причемъ обыкновенно на его обязанности лежало встрѣчать пословъ съ другими приставами, почти безсмѣнно состоять при посольствѣ и выдавать продовольствіе («давать кормъ»). Такъ, въ 1555 г. (съ 12-го января по 8-е февраля) онъ состоялъ приставомъ при польскомъ посланникѣ Юр. Вас. Тышкевичѣ, въ 1558 году (съ 5-го іюня по 1-е іюля)—также при польскомъ посланникѣ Янѣ Юрьевичѣ Волчкѣ; въ 1559 г. (съ 1-го ноября по 13-е декабря)—при посланникѣ Андреѣ Иван. Хоружемъ, въ 1560 г. (съ 14-го января по 2-е февраля)—при посланникѣ Мартынѣ Володковичѣ и въ 1563 году (съ 18-го ноября по 9-ое января 1564 г.) при посланникѣ Юр. Алекс. Хоткевичѣ. Въ 1565 году П. сталъ дворцовымъ дьякомъ удѣльнаго князя Владиміра Андреевича. До насъ дошли двѣ писанныя Перхушковымъ, какъ дворцовымъ дьякомъ, мѣновыя граматы царя съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ—обѣ 1566 года: одна—отъ 15-го января, другая—отъ 11-го марта.

«Сборникъ Императ. Русск. Истор. Общ.», т. LIX, стр. 457—458, 552—554, 592, 599—600; т. LXXI, стр. 192, 193; «Собраніе Госуд. Грам. и Догов.», т. I, стр. 529, 533. *Н. В.*

Перцовъ *Владиміръ Петровичъ*, писатель-публицистъ, поборникъ русскихъ интересовъ въ Прибалтійскомъ краѣ, братъ Эр. Петр. (см. ниже); род. въ Казани 15-го іюля 1822 года, умеръ въ половинѣ января 1877 г. въ Москвѣ. Получивъ домашнее образованіе, П. поступилъ въ Казанскій Университетъ, и, окончивъ курсъ его, служилъ сначала въ провинціи, а затѣмъ въ Петербургѣ, въ Министерствахъ Государственныхъ Имуществъ и Внутреннихъ Дѣлъ и съ 1861 года находился въ отставкѣ. Благодаря продолжительнымъ путешествіямъ, въ которыхъ онъ всесторонне изучилъ русскую и заграничную жизнь, П. имѣлъ отличную подготовку къ публицистической дѣятельности. Еще состоя на службѣ, онъ постоянно помѣщалъ свои статьи въ различныхъ петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ, но особенно близкое участіе принималъ въ газетѣ «Русскій Дневникъ», издававшейся въ Петербургѣ въ концѣ 1850-хъ годовъ. Въ 1866 г. П. былъ приглашенъ въ качествѣ помощника редактора въ предпринятую въ то время И. С. Аксаковымъ газету «Москва», гдѣ онъ всей душой отдался литературному труду. Кромѣ завѣдыванія техническою частью

изданія, П. редактировалъ отдѣлъ внутреннихъ извѣстій, и, сверхъ того, еженедѣльно писалъ въ газету одну статью по различнымъ вопросамъ тогдашней русской жизни. Въ ряду другихъ интересовъ, особенно близко было для П. положеніе русскаго дѣла въ Прибалтійскомъ краѣ. Тщательно ознакомившись съ исторіей и современнымъ состояніемъ этой окраины, П. дѣлалъ все, отъ него зависѣвшее, чтобы привлечь вниманіе коренного русскаго общества къ ея судьбамъ. Въ 1865 г. онъ помѣстилъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» рядъ писемъ о Прибалтійскомъ краѣ (изданы впослѣдствіи особой книгою подъ заглавіемъ «Рижскія письма»), въ которыхъ правдиво и мѣтко изобразилъ господствовавшіе тамъ порядки. Участвуя въ редакціи газеты «Москва», онъ поддерживалъ дѣятельныя сношенія съ прибалтійскимъ духовенствомъ, народными учителями и, внимательно слѣдя за всѣмъ, совершавшимся въ краѣ, постоянно отдавалъ въ томъ отчетъ читателямъ. По прекращеніи «Москвы», П. не замедлилъ перейти отъ слова къ дѣлу: преимущественно по его почину былъ образованъ въ концѣ 1868 г. частный комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу православныхъ церквей и школъ Прибалтійскаго края, и, благодаря его же неутомимой дѣятельности въ Москвѣ было собрано для этой цѣли нѣсколько десятковъ тысячъ рублей деньгами и вещами, а устроенная имъ затѣмъ выставка пожертвованныхъ вещей въ залѣ Московскаго Университета вызвала новые сборы. П. завѣдывалъ всѣми дѣлами комитета, велъ переписку съ Прибалтійскими братствами и школами и своимъ теплымъ участіемъ не мало содѣйствовалъ поддержанію въ тамошнихъ дѣятеляхъ энергіи среди тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Архивъ Департамента Герольдіи (метрика рожденія); «Голосъ» 1877 г., № 46.

И. Давидовичъ.

Перцовъ, *Николай Митрофановичъ*, студентъ-медикъ, сынъ бѣднаго чиновника, родился въ 1861 г. въ г. Землянскѣ, Воронежской губерніи, умеръ въ Сердобскомъ уѣздѣ осенью 1892 года. П. прослушалъ полный курсъ медицинскаго факультета Казанскаго (?) университета и въ 1892 г. долженъ былъ сдавать экзамены на званіе врача. Когда въ бѣдственный для Россіи 1892 годъ студенты-медики различныхъ университетовъ пошли на помощь народу въ борьбѣ съ тифомъ и холерой,—въ ихъ числѣ былъ и П., боровшійся съ эпидеміей холеры въ Сердобскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи. Работая въ санитарномъ отрядѣ, онъ заразился холерой и умеръ при исполненіи долга. Мѣстное земское собраніе постановило: «назначить пособіе матери Перцова по 500 р. въ годъ по ея смерть, а затѣмъ сестрѣ покойнаго — въ уменьшенномъ размѣрѣ — по 300 р. въ годъ до выхода ея за-мужъ и не болѣе, какъ на 15 лѣтъ отъ времени смерти Перцова». Кромѣ того, на могилѣ П. была поставлена чугунная доска съ описаніемъ обстоятельствъ его смерти.

«Врачъ» 1892 г., № 40, стр. 1026, и № 43, стр. 1100.

Н. Кульбинъ.

Перцовъ, *Эрастъ Петровичъ*, писатель; сынъ помѣщика Казанской губерніи, отставного поручика Петра Алексѣевича П. (умершаго въ 1830 году), родился въ г. Воронежѣ 29-го ноября 1804 г. Воспитывался П. въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, по окончаніи въ которомъ курса въ 1823 году, поступилъ на службу. Въ концѣ 1820-хъ годовъ онъ, живя въ Петербургѣ, вошелъ въ кружокъ литераторовъ и познакомился, между прочимъ, съ Пушкинымъ, который очень сочувственно относился къ нему самому и къ его литературнымъ занятіямъ; въ 1830 году (по указанію кн. П. А. Вяземскаго) П. работалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» и издалъ небольшую (74 стр.) книжку «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная въ бумагахъ Тяжалкина, умершаго титулярнаго совѣтника» (С.-Пб. Въ типографіи Греча. 1830 г.),—сатиру, направленную противъ столь распространеннаго въ то время зла. Въ 1831 г. П. жилъ въ Казани, гдѣ познакомился и близко сошелся съ бывшимъ тамъ въ это время Е. А. Боратынскимъ; послѣдній, въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому, писалъ, что П., «извѣстный своими стихотворными шалостями, котораго намъ хвалилъ Пушкинъ»... «человѣкъ очень умный и очень образованный, съ рѣшительнымъ талантомъ». «Онъ мнѣ читалъ,—пишетъ Боратынскій

въ другомъ письмѣ, въ 1832 году,—«комедію, написанную прекраснѣйшими стихами, исполненную остроумія, и ея многіе характеры изображены вѣрно и живо. Онъ съ рѣшительнымъ талантомъ; но, видно, не всѣ роды ему одинаково даются». Піеса, упоминаемая Боратынскимъ, предназначалась имъ для «Европейца» Кирѣевскаго; это, вѣроятно, та самая комедія, которую П. издалъ въ 1833 г. подъ заглавіемъ «Андрей Бичевъ, или смѣшны мнѣ люди» (С.-Пб.). Въ концѣ 1833 г. П. проживалъ въ Казани, гдѣ съ нимъ видѣлся проѣзжавшій въ Оренбургъ Пушкинъ. П. принадлежалъ къ лучшимъ представителямъ Казанской интеллигенціи, былъ «однимъ изъ двигателей мѣстной общественной жизни, первымъ затѣйщикомъ всякихъ литературныхъ чтеній, любительскихъ спектаклей, концертовъ, пикниковъ и т. под.» и былъ постояннымъ посѣтителемъ литературныхъ собраній у Казанской поэтессы и писательницы А. А. Фуксъ. Въ 1836 г. П. имѣлъ чинъ коллежскаго ассессора, въ 1839 году жилъ еще въ Казани, а въ 1845 и 1846 годахъ занималъ должность правителя Канцеляріи Департамента хозяйственныхъ дѣлъ Главнаго Управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, послѣ чего вышелъ въ отставку съ чиномъ надворнаго совѣтника. Въ 1847—1854 г. П. былъ редакторомъ «Журнала общеполезныхъ свѣдѣній», а въ 1849 г. издалъ «Общенародный курсъ механики» (С.-Пб., изд. 2-е тамъ же. 1874 г.), вызвавшій неодобрительные отзывы критики. Кромѣ того, въ юности, П. помѣстилъ въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» 1824 г. нѣсколько своихъ переводовъ, а живя въ Казани, сотрудничалъ въ «Заволжскомъ Муравьѣ» и, по словамъ Н. Я. Агафонова, помѣщалъ свои стихотворенія въ «Библіотекѣ для чтенія». Избранный въ 1842 г. въ члены Вольно-Экономическаго Общества, П. принималъ въ трудахъ его весьма дѣятельное участіе, такъ какъ интересовался предметами, входящими въ кругъ его занятій. Въ 1844 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» (т. XXXIV, отд. IV, стр. 1—16) П. помѣстилъ свое теоретическое изслѣдованіе «О сорныхъ травахъ».

Проживая въ Петербургѣ, Э. П. Перцовъ скончался 12-го іюля 1873 года, лишивъ себя жизни вслѣдствіе совершеннаго разстройства своихъ денежныхъ дѣлъ. Онъ былъ женатъ на дочери ген.-лейт. Варварѣ Николаевнѣ Мандрыкѣ, умершей 7-го апрѣля 1891 года.

Архивъ Департамента Герольдіи; Адресъ-календари; Проф. А. С. Архангельскій, А. С. Пушкинъ въ Казани. К. 1899 г.; «Волжскій Вѣстникъ» 1899 г., № 44; «Исторія Московскаго Университета», М. 1855 г., стр. 463; Н. Загоскинъ. «Пушкинъ въ Казани». К. 1892 г., и «Историч. Вѣстн.» 1899 г., № 5, стр. 594, 596, 599, 605—606, 608; «Татевскій Сборникъ», С.-Пб. 1899 г., стр. 32, 35, 38 и 42; А. И. Ходневъ. «Исторія Импер. Вольно-Экономическаго Общества», С.-Пб. 1865 г., стр. 137, 285; Сочиненія Пушкина, изд. Литерат. Фонда, т. VII; Собр. сочин. кн. П. А. Вяземскаго, т. IX; «Труды Вольно-Экономическаго Общества» 1843 г., ч. I, стр. 247 и слѣд. г.г.; «Москвитянинъ» 1850 г., ч. II, № 5, кн. 1, стр. 23—24; «Труды Вольно-Экономич. Общ.» 1850 г., т. I, отд. 4, стр. 104—105; «Отеч. Записки» 1850 г., т. 68, № 1, отд. 6, стр. 30—33. *Б. Модзалевскій.*

Песковъ, *Григорій Николаевичъ*, преподаватель 1-го Кадетскаго корпуса, педагогъ, сынъ дьячка Казанской губ., род. въ 1845 г., умеръ 2-го сентября 1885 года въ С.-Петербургѣ. Образованіе получилъ въ 1-ой Казанской гимназіи. Въ 1870 г. онъ былъ подвергнутъ испытанію на право преподаванія русскаго языка и словесности въ военныхъ гимназіяхъ, послѣ чего былъ назначенъ (8-го сентября 1870 г.) преподавателемъ названныхъ предметовъ во 2 Петербургскую военную гимназію, а 10-го августа 1871 г. поступилъ частнымъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ и въ 1 Петербургскую военную гимназію; 14-го ноября 1876 г. онъ опредѣленъ былъ тамъ же штатнымъ преподавателемъ, и въ 1883 г. получилъ чинъ статскаго совѣтника; 11-го декабря 1883 года за болѣзнью П. вышелъ въ отставку, но 11-го ноября 1884 г. вновь опредѣленъ на службу въ 1 Кадетскій корпусъ штатнымъ преподавателемъ.

Г. Н. Песковъ написалъ нѣсколько статей по дидактикѣ и методикѣ и редактировалъ изданіе Кожанчикова: «Сборникъ переводовъ по педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ, пособіе для занимающихся обученіемъ и воспитаніемъ» (С.-Пб. 1872 г., 2 т.); кромѣ того, извѣстна еще «Словесность, курсъ VI класса, составленный кадетами 1-го Кад. корп. по урокамъ преподавателя Г. Н. Пескова» 1882—1883 г. С.-Пб.

Послужной списокъ въ архивѣ I Кадетскаго корпуса; «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ рус-

скихъ писателей», Д. Д. Языкова, вып. V, С.-Пб. 1889 г., стр. 121; «Библіографъ» 1886 г., № 12, стр. 182—183; «Новь» 1885 г., № 22. *И. Давидовичъ.*

Песковъ, *Иванъ*, дьякъ; еще въ 1639 году онъ былъ подъячимъ въ Разрядномъ Приказѣ (въ то время, «разсыльнымъ» подъячимъ); въ 1646 году—дьякомъ Разбойнаго Приказа, гдѣ былъ до 1648 года; въ 1648 г., 16-го января, онъ присутствовалъ на 1-ой свадьбѣ царя Алексѣя Михаиловича, гдѣ ему поручено было стоять у дверей Золотой палаты съ Арт. Ив. Агибаловымъ; въ томъ же году онъ былъ назначенъ дьякомъ при воеводѣ въ Астрахани, гдѣ былъ до 1650 года. Въ 1652 году мы видимъ П. уже въ Москвѣ, гдѣ 28-го мая ему была дана очная ставка съ самозванцемъ Тимоѳеемъ Анкундиновымъ, выдававшимъ себя за царевича Ивана, будто бы сына царя Василія Ивановича Шуйскаго. На пыткѣ сообщникъ Анкундинова, Конюховъ, сотоварищъ его по московской службѣ (также бывшій подъячій Новой Чети), сообщилъ, что передъ бѣгствомъ изъ Москвы самозванецъ сжегъ свой домъ и жену, а дѣтей (сына и дочь) отвезъ ночью къ Пескову. Песковъ впалъ въ подозрѣніе. На очной же ставкѣ и пыткѣ самозванца было выяснено, что Песковъ прежде дѣйствительно былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Анкундинову, но потомъ сдѣлался его недругомъ, и, какъ удостовѣрилъ самъ самозванецъ на пыткѣ, онъ дѣтей Пескову не поручалъ. Въ 1657 г. Песковъ былъ дьякомъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ. Въ началѣ марта 1658 года государь назначилъ его въ посланникахъ при стольникѣ Як. Ник. Лихаревѣ къ Леопольду, королю Венгерскому и Чешскому, сыну императора Германскаго (Римскаго) Фердинанда III, умершаго въ предыдущемъ 1657 году, и для посольства положилъ выдать имъ денежнаго жалованья на два года: стольнику Лихареву 155 рублей подмоги и въ приказъ 445 рублей да соболей на 120 рублей; Пескову же—140 рублей жалованья денежнаго, въ приказъ 260 рублей, да соболей на 80 рублей, помимо соболей, данныхъ изъ казны для раздачи и подарковъ при посольскомъ дѣлѣ, гдѣ это потребуется. Ссылаясь на то, что Лихаревъ беретъ своихъ племянниковъ «во дворянѣхъ» при посольствѣ, Песковъ подалъ государю челобитную съ просьбою отпустить также съ нимъ въ посольствѣ и сына его, *Ивана П.*, служившаго тогда по жилецкому списку, «для моего безлюдства и одиночества», какъ онъ выражался; на это 11-го марта вышло отъ государя разрѣшеніе «быть жильцу Ивану Пескову при посольствѣ во дворянѣхъ» и дать ему жалованья 10 рублей, да подмоги и въ приказъ 60 рублей. 1658 года, 11-го апрѣля, посольство выѣхало въ Вѣну, взявъ съ собою двѣ грамоты къ королю Леопольду съ сожалѣніемъ о кончинѣ его отца: одну, какъ къ королю венгерскому и чешскому, другую, на случай, съ титуломъ величества, какъ императора германскаго. 15-го іюня, проѣздомъ черезъ Варшаву, они были у польскаго короля, 18-го сентября двинулись въ Вѣну и 4-го октября приняты были на аудіенціи Леопольдомъ I, и, такъ какъ 18-го іюля Леопольдъ былъ избранъ императоромъ, то посланники вручили ту изъ двухъ государевыхъ грамотъ, которая была съ титуломъ величества; 23-го ноября, когда посланники были у императора на отпускѣ, онъ предложилъ себя въ посредники при заключеніи вѣчнаго мира между Россіей и Польшею. Выѣхавъ 2-го декабря того же 1658 года изъ Вѣны, они морскимъ путемъ вокругъ Европы прибыли на корабляхъ (29-го августа 1659 года) къ Архангельску и подали государю двѣ грамоты отъ императора Леопольда I; одна была съ увѣдомленіемъ о восшествіи его на престолъ, другая—съ благодарностью за высказываемое царемъ соболѣзнованіе; слѣдуя примѣру отца, Леопольдъ обѣщалъ быть посредникомъ въ примиреніи государя съ польскимъ королемъ. Во время 2-ой польской войны Песковъ былъ дьякомъ при стольникѣ и полковомъ воеводѣ Сем. Зміевѣ, полкъ котораго былъ въ Нѣжинѣ. 13-го іюня 1661 г. П. доносилъ государю о смерти въ бою этого воеводы, вслѣдствіе чего послѣдовало царское распоряженіе: кіевскому полковому воеводѣ Чаадаеву быть воеводою въ Нѣжинѣ вмѣстѣ со своимъ полкомъ, а дьяку Пескову быть при немъ. Въ 1663 году, 15-го іюня, П. былъ посланъ въ Новгородскій Разрядъ съ окольничимъ кн. Дм. Долгоруковымъ и

кн. Ив. Н. Барятинскимъ, но въ томъ же 1663 г. опять сдѣланъ былъ дьякомъ во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ, а въ 1665 г. (въ январѣ) назначенъ былъ съ двор. Сем. Ѳед. Толочановымъ состоять «въ приставахъ» при посланникахъ Голландскихъ Штатовъ Яковѣ Борелѣ съ товарищами. Въ 1666 году П. былъ дьякомъ Большой Казны, въ 1668 г., въ третій разъ, опять во Владимірскомъ Судномъ Приказѣ; будучи дьякомъ послѣдняго, онъ и скончался въ началѣ ноября того же 1668 года. Въ 1646 году, (30-го ноября) и въ 1647 г. (апрѣля 23-го и іюня 1-го) онъ былъ въ числѣ лицъ, назначенныхъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ» въ отсутствіе государя изъ Москвы, а въ 1665 году (27-го сентября) ему, въ числѣ другихъ лицъ, было поручено объявить по Приказамъ, кому назначено «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ» этотъ день, при чемъ Ив. Пескову пришлось объявлять въ Патріаршемъ Приказѣ.

«Акты Моск. Госуд.», т. II, стр. 86; «Русск. Истор. Библіот.», т. X, стр. 155, 161, 302, 339, 367, 378, 549; т. XI, стр. 300; «Акты Архив. Экспед.», т. IV, стр. 35; «Акты Истор.», т. IV, стр. 29, 31; «Доп. къ Акт. Истор.», т. III, стр. 264; «Памятники Диплом. Сношен.», т. III, стр. 873, 875—879, 881, 884, 885, 890—895, 898, 903, 907, 908, 914, 917, 919, 922-926, 931, 938—942, 949, 953, 954, 957—959, 961—1120, (статейный списокъ посольства); т. IV, стр. 153, 192, 324, 439, 482, 487, 502, 503, 944, 1097, 1134, 1269; т. V, стр. 542. С. М. Соловьевъ, т. X, по изд. тов. «Обществ. Польза», кн. II, стр. 1647; Н. Н. Бантышъ-Каменскій. «Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи по 1800 г.», т. I, стр. 21; «Древняя Росс. Вивліоѳика», изд. 2-ое, кн. XIII, отд. XVIII, стр. 229; кн. XX, ч. III, стр. 294, 295; «Дворцовые разряды», изд. 2-ое, т. III, стр. 85, 103, 132, 184, 586, 587, 595, 627; «Доп.» къ III-му т., стр. 125, 272, 381.

Н. Воронковъ.

Песковъ, *Михаилъ Ивановичъ*, живописецъ и литографъ; род. въ Иркутскѣ въ 1834 г. Поступивъ въ Императорскую Академію Художествъ въ 1855 г., онъ пользовался тамъ совѣтами профессора А. Т. Маркова. Въ 1859 г., за этюдъ съ натуры, получилъ вторую серебряную медаль и, въ томъ же году, другую такую же медаль за картину «Домикъ въ Коломнѣ», на сюжетъ изъ повѣсти Пушкина, а въ слѣдущемъ (1860) году—первую серебряную медаль, за картину: «Ермакъ Тимофѣевичъ, сговаривающій атамановъ волжскихъ шаекъ къ походу на Сибирь». Въ 1861 г. онъ получилъ вторую золотую медаль за картину: «Воззваніе къ нижегородцамъ гражданина Минина». Эта картина была куплена, за тысячу рублей, извѣстнымъ финансистомъ и коллекціонеромъ, В. А. Кокоревымъ, а изъ его галлереи, впослѣдствіи, пріобрѣтена наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и подарена въ Румянцевскій Музей. Въ 1862 г., за картину «Кулачный бой при Іоаннѣ IV Васильевичѣ Грозномъ», онъ получилъ золотую медаль «за экспрессію». Въ 1863 г. П. написалъ еще картину, уже бытового характера: «Ссыльно-переселенецъ, сибирская сцена», выставленную на Академической выставкѣ и, въ томъ же году, долженъ былъ конкурировать на первую золотую медаль Но тутъ наступило памятное въ исторіи русскаго искусства 9-е ноября 1863 г., когда всѣ конкуренты отказались писать на заданную программу и подали прошенія о выдачѣ имъ свидѣтельствъ на званіе классныхъ художниковъ. Такъ же поступилъ и М. И. Песковъ и, выйдя изъ Академіи, принялъ участіе въ устройствѣ организовавшейся тогда С.-Петербургской Художественной артели. На выставкѣ 1867 г., въ Обществѣ Поощренія Художествъ, находилась его картина: «Пастухъ съ собакой». Кромѣ того, извѣстны еще три его оригинальныхъ литографіи въ «Русскомъ Художественномъ Альбомѣ» за 1861 г., изображающія: «Торговку», «Русскаго въ шубѣ и въ высокой шапкѣ» и «Голову мужчины, смотрящаго вверхъ». Умеръ П. въ Ялтѣ, отъ чахотки, 1-го августа 1864 г., прежде, чѣмъ талантъ его успѣлъ получить полное развитіе.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Императ. Академіи Художествъ, т. III, С.-Пб. 1866 г.; Указатель художественныхъ произведеній, выставленныхъ въ залахъ Импер. Академіи Художествъ 1859, 1860, 1860—1861, 1861—1862 и 1862—1863 г.; Каталогъ постоянной выставки Общества Поощренія Художествъ 1867 г.; А. Н. Андреевъ, Указатель картинъ и художеств. произведеній галлереи В. А. Кокорева, М. 1863 г.; И. Н. Крамской, его жизнь и переписка, С.-Пб. 1888 г.; А. Новицкій, Художественная галлерея Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея. М. 1889 г.; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, С.-Пб. 1899 г.

А. Новицкій.

Пескорскій, *Иванъ Яковлевичъ*, живописецъ и граверъ; род. въ 1757 г. и

уже въ 1766 году поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ въ 1771 г., за рисунокъ съ натуры, получилъ вторую серебряную медаль. Въ 1777 г., за программу: «Жертвоприношеніе Авраама», онъ получилъ вторую золотую, а въ 1778 г, тоже за программу: «Проклятіе Хама Ноемъ» — первую золотую медаль, съ правомъ поѣздки за-границу, на казенный счетъ, на четыре года. При выпускѣ онъ произнесъ публичную рѣчь на французскомъ языкѣ. Упомянутыя нами картины выказали недюжинный талантъ художника и заставили возлагать на него большія надежды, которыя, къ сожалѣнію, не оправдались. Пріѣхавъ въ Парижъ, въ 1779 г., онъ увлекся тамъ картежною игрою и другими развлеченіями и почти вовсе не занимался искусствомъ. За все время своего заграничнаго пенсіонерства онъ написалъ только одну картину: «Воспитаніе Купидона Меркуріемъ» и семейный портретъ: «Фамилія маркиза де-Водреля, адмирала флота». Боясь послѣдствій такого времяпрепровожденія, онъ не рѣшился, по окончаніи пенсіонерскаго срока, вернуться въ Россію и остался въ Парижѣ, хотя ему были высланы деньги для возвращенія на родину. Послѣ того онъ совсѣмъ бросилъ занятія искусствомъ, которое, повидимому, никогда и не любилъ, и свѣдѣнія о немъ достигли Россіи только два раза: въ 1811 г. онъ прислалъ, чрезъ русскаго посла, князя А. Б. Куракина, къ министру народнаго просвѣщенія, графу А. К. Разумовскому, свою рукопись: «Maximes générales pour juger les peintres, leurs ouvrages et le degrès auquel ils sont parvenus», для посвященія ея государю императору и для изданія на казенный счетъ. Но Совѣтъ Академіи, которому поручено было разсмотрѣть ее, обнаружилъ, что она представляетъ собою простыя выписки изъ собранія сочиненій Рафаэля Менгса, изданныя въ 1787 г., «почему Совѣтъ—говорилось въ докладѣ—съ удивленіемъ замѣчаетъ, что г. Пескорскій отважился, въ письмѣ своемъ къ государю императору, сказать о семъ сочиненіи, что онъ осмѣливается посвятить его величеству сей слабый опытъ трудовъ своихъ въ теченіе 30-ти лѣтъ, когда весь сей трудъ есть сочиненіе славнаго Менгса, у котораго онъ переставлялъ только иногда слова, и то въ невыгоду свою». Второй разъ о немъ дошелъ слухъ, когда Н. И. Уткинъ, впослѣдствіи нашъ знаменитый граверъ, пріѣхалъ въ Парижъ, въ качествѣ пенсіонера. Тогда Пескорскій, познакомившись съ нимъ въ качествѣ соотечественника, старался и его втянуть въ карточную игру.

Кромѣ упомянутыхъ работъ есть еще гравированный имъ, въ бытность его въ Академіи, пейзажъ, съ подписью: «гр. воспит. 3-го возр. Ив. Пескорскій».

Сборн. матер. для исторіи Импер. Академіи Художествъ, т. I. С.-Пб. 1866 г.; Отчетъ Импер. Академіи Художествъ за 1862—1863 г.; Д. А. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., т. II. С.-Пб. 1895 г.; Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г. *А. Новицкій.*

Песоцкій, *Александръ Яковлевичъ*, учитель Волынской Духовной Семинаріи. Родился въ 1825 г. въ Екатеринославской епархіи, обучался съ 1839 г. по 1845 г. въ Екатеринославской семинаріи, а съ 1845 г. по 1849 г.—въ Кіевской Духовной Академіи; 20-го марта 1850 г. П. опредѣленъ былъ исправляющимъ должность смотрителя и учителемъ латинскаго языка въ Маріупольскомъ духовномъ училищѣ, въ 1852 г. (12-го августа) перемѣщенъ, по прошенію, въ Волынскую Семинарію учителемъ Священнаго Писанія, 30-го апрѣля 1853 г. возведенъ въ степень магистра богословія и въ ноябрѣ того же года опредѣленъ секретаремъ семинарскаго Правленія. Въ 1859 г. (20-го іюля) П. рукоположенъ былъ во священника къ Варшавской Троицкой Подвальной церкви и въ томъ же году ему было поручено быть наставникомъ Варшавскаго духовнаго училища и преподавать архіерейскимъ пѣвчимъ изъ воспитанниковъ Волынской Семинаріи психологію, логику, патристику и латинскій языкъ. Должность наставника въ училищѣ П. занималъ по 4-е апрѣля 1861 г. Въ 1860 г. (5-го октября) онъ былъ перемѣщенъ на священническую вакансію при Варшавскомъ каѳедральномъ соборѣ, 20-го октября 1860 г. назначенъ присутствующимъ въ Варшавской Духовной Консисторіи, а 18-го августа 1861 г. опредѣленъ законоучителемъ въ находившихся въ Варшавѣ воскресно-ремесленныхъ школахъ и вос-

кресно-коммерческомъ училищѣ. Въ 1863 году П. возвратился на службу по собственному желанію въ Волынскую епархію и 15-го апрѣля того же года опредѣленъ протоіереемъ къ Старо-Константиновской соборной церкви, съ порученіемъ ему должностей цензора проповѣдей и катехизическихъ поученій и перваго члена Духовнаго Правленія, а съ 30-го сентября 1864 г. и должности благочиннаго Старо-Константиновскихъ градскихъ церквей. Въ 1865 г. высочайше утвержденъ директоромъ Старо-Константиновскаго Попечительнаго о тюрьмахъ Комитета. Въ 1869 г. П. оставилъ епархіальную службу и снова опредѣленъ наставникомъ Священнаго Писанія, а 3-го апрѣля 1871 г. и секретаремъ семинарскаго правленія. Скончался 11-го сентября 1872 г. отъ холеры, на 48 году отъ рожденія.

«Волынскія Епархіальныя Вѣдомости» 1872 г., № 20, стр. 768 и сл. *Антонъ Никольскій.*

Песоцкій, *Данила Андреевичъ*, полковникъ Прилуцкій; былъ назначенъ на эту должность во второй половинѣ 1663 г вмѣсто Дмитрія Чернявскаго, сосланнаго въ первой половинѣ того же года въ Сибирь. Песоцкій принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ тому «гультяйству запорожскому», изъ котораго вновь поставленный гетманъ Брюховецкій набралъ послѣ Черной рады въ Нѣжинѣ новыхъ полковниковъ вмѣсто старыхъ, имъ уничтоженныхъ. Песоцкій пользовался, повидимому, особымъ довѣріемъ Брюховецкаго, такъ какъ ему, въ числѣ трехъ, гетманъ поручилъ присутствовать при происшедшей 18-го сентября 1663 года въ Борзнѣ казни Якима Сомка, Василія Золотаренка и другихъ полковниковъ. Въ этомъ же году П. было пожаловано, въ числѣ другихъ полковниковъ, за принятіе присяги на вѣрность царю въ Батуринѣ, сорокъ соболей и сорокъ рублей. Песоцкій пробылъ на полковничествѣ не долго: въ слѣдующемъ (1664) году онъ, при нашествіи Яна-Казиміра на Малороссію, присоединился къ полякамъ, а вмѣсто него полковникомъ избранъ былъ Лазарь Горленко.

А. М. Лазаревскій. «Описаніе Старой Малороссіи», т. III, полкъ Прилуцкій, (Приложеніе къ «Кіевской Старинѣ» за 1900 г., май, стр. 8); «Книги Разрядныя», т. II, С.-Пб. 1855 г., стр. 940, 953, 991, 999, 1030, 1039; «Черниговская лѣтопись по новому списку (1587—1725) и Коломацкія челобитныя», Кіевъ. 1890 г., стр. 14; С. Соловьевъ, «Исторія Россіи», изданіе товарищ. «Обществ. Польза», т. III, стр. 115. *Вад. М—ій.*

Песоцкій, *Иванъ Петровичъ*, извѣстный издатель 1840-хъ годовъ; умеръ весною 1849 г. отъ чахотки. Сынъ купца, человѣкъ безъ всякаго почти образованія, но весьма смѣтливый и предпріимчивый, онъ пріобрѣлъ своею издательскою дѣятельностью довольно громкую извѣстность въ литературномъ и театральномъ мірѣ. Помимо изданія переводныхъ романовъ, дѣтскихъ повѣстей и иллюстрированныхъ сборниковъ, Песоцкій издавалъ въ 1839 и 1841 гг. основанный имъ, при содѣйствіи нѣкоторыхъ тогдашнихъ литераторовъ, «Репертуаръ русскаго театра» подъ редакціею В. С. Межевича и Ѳ. А. Кони поперемѣнно, а съ 1841 г.—хозяйственную газету «Экономъ». Самымъ замѣчательнымъ изданіемъ Песоцкаго была, однако, «Военная галлерея Зимняго Дворца», то-есть, собраніе портретовъ генераловъ 1812 г. съ ихъ біографіями, написанными А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и А. В. Висковатовымъ. Среди многихъ своихъ знакомыхъ Песоцкій пользовался репутаціей услужливаго и добраго человѣка. Похороненъ онъ на Парголовскомъ кладбищѣ.

«Русская Старина» 1880 года, т. XXIX, стр. 314—315 (біогр. свѣд.); «Биржевыя Вѣдомости» 1872 г., №№ 284 и 285 (Воспом. о немъ В. П. Бурнашева). *А. Круглый.*

Пестель, *Андрей Борисовичъ*, генералъ-маіоръ, сынъ Бор. Влад. Пестеля (см. ниже) и братъ сибирскаго ген.-губернатора Ив. Бор. П.; родился 23-го ноября 1779 года, обучался дома и съ раннихъ лѣтъ былъ записанъ въ военную службу. Будучи сержантомъ л.-гв. Преображенскаго полка (въ 1781 году), въ которомъ и продолжалъ службу, онъ былъ произведенъ въ 1793 году (января 1-го) въ капитаны и переведенъ маіоромъ сперва (въ 1798 г., ноября 2-го) въ Московскій 2-й полевой баталіонъ, а затѣмъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ (12-ноября 1800 года). Произведенный въ полковники 23-го августа 1806 г., онъ участвовалъ съ этимъ полкомъ, которымъ и командовалъ, въ войнѣ 1806—1807 г. противъ Наполеона, совершалъ переправу чрезъ р. Алле и отличился въ сраженіи при Прейсишъ-

Эйлау (26-го и 27-го января 1807 года); за это сраженіе онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. По окончаніи войны и заключеніи Тильзитскаго мира, П. со своимъ полкомъ былъ направленъ въ 1808 году въ Финляндію, гдѣ происходила война со Швеціею. Здѣсь онъ особенно отличился въ сраженіи при Иденсальми (15-го октября 1808), при чемъ былъ раненъ штыкомъ въ лѣвый пахъ. За отличіе въ этомъ сраженіи П. получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Продолжая командовать Тенгинскимъ полкомъ и послѣ войны со Швеціею, П. въ началѣ 1812 года (марта 12-го) былъ назначенъ шефомъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, расположеннаго на Кавказѣ и въ Грузіи и, вслѣдствіе этого, былъ лишенъ возможности принять дѣятельное участіе въ войнѣ 1812 года и послѣдовавшемъ затѣмъ дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ къ стѣнамъ Парижа. Въ это время онъ дѣйствовалъ противъ персовъ и побуждалъ Казахскаго моурава къ дѣятельнымъ противъ нихъ мѣрамъ, въ особенности къ занятію казахцами всѣхъ дорогъ, ведущихъ къ Эривани. Бунтовавшій въ то же время въ Кахетіи царевичъ Александръ, усилившійся толпами лезгинъ въ числѣ 3.000 человѣкъ, былъ разбитъ подъ Сигнахомъ, при чемъ двинулся со своимъ полкомъ на перерѣзъ дороги мятежному царевичу: онъ же доставилъ патроны и артиллерію въ Сигнахъ. Послѣ этого П. принималъ участіе въ дѣлахъ противъ персовъ на маршѣ отъ р. Тальши до Аракса, при переходѣ этой рѣки 30-го марта 1813 года и вытѣсненіи персовъ, упорно изъ засадъ защищавшихъ переправу. Онъ участвовалъ также въ послѣдовавшемъ сраженіи съ персами и въ преслѣдованіи ихъ въ горахъ на границѣ Эриванскаго ханства. Послѣ этого П. находился въ продолжавшемся болѣе пяти часовъ сраженіи съ персидскими войсками подъ начальствомъ эриванскаго сардаря Гуссейнъ-Хана при Карабюрки и былъ награжденъ за это сраженіе орденомъ св. Анны 2-ой степени.

Позднѣе, въ 1814 году, Пестелю удалось доставить къ главнокомандующему войсками въ Закавказьѣ—генералу Н. Ѳ. Ртищеву перехваченное имъ письмо о томъ, что командующій войсками въ Трапезундѣ (со стороны Трапезунда) и начальникъ Эрзерумскаго округа (со стороны Ахалцыха) намѣрены одновременно и внезапно ворваться въ русскія владѣнія—въ Имеретію, истребить русскія войска, возстановить власть грузинскаго дома и подчиниться по прежнему власти турокъ. Перехваченное письмо дало возможность принять мѣры противъ грозившей опасности. Въ слѣдующемъ, 1815 году полковникъ Пестель былъ посланъ объявить выходцамъ изъ Карсскаго пашалыка, чтобы они положительно высказались, кто изъ нихъ намѣренъ возвратиться обратно и кто желаетъ навсегда остаться въ Грузіи, и затѣмъ составить подробный списокъ тѣмъ и другимъ. Только весьма малая часть этихъ выходцевъ пожелала возвратиться въ предѣлы Персіи. Переименованный въ 1815 г. изъ шефа полка въ командиры его, П. былъ 30-го августа 1816 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ 2-ой бригады 20-ой пѣхотной дивизіи. Вскорѣ ему же было поручено окружное управленіе Кубы (Дагестанской области). Онъ доносилъ новому главнокомандующему на Кавказѣ генералу А. П. Ермолову, что намѣревается ласковыми мѣрами дѣйствовать противъ Каракайтагскаго Урмія, дабы удержать его въ повиновеніи, обращая въ то же время вниманіе на возмутившіеся уже округа въ Дагестанѣ Ермоловъ писалъ ему о необходимости развѣдать съ возможною вѣрностью о расположеніи Аварскаго хана и дагестанскихъ владѣльцевъ, принять всевозможныя мѣры къ отвращенію опасности отъ возстанія въ Дагестанѣ, даже сдѣлать движеніе войскъ къ Дербенту, къ урочищу Дарбахъ и къ Башлѣ и совершенно разорить это гнѣздо разбойниковъ. Пестель потребовалъ аманатовъ у даргинскихъ обывателей, а вскорѣ послѣ этого двинулся со стороны Дагестана къ Башлѣ и, по словамъ Ермолова въ письмѣ его къ хану Ширванскому отъ 9-го января 1819 г., «съ храбрымъ своимъ отрядомъ проникъ въ Башлы, прогналъ всѣхъ измѣнниковъ и совершенно очистилъ это разбойничье гнѣздо. Однимъ словомъ, въ Башлы не осталось камня на камнѣ, и слѣды основанія его совершенно изглажены. Вотъ что значитъ измѣнить

государю!» Ермоловъ остался очень доволенъ дѣйствіями Пестеля, который своими войсками удерживалъ мятежниковъ отъ вторженій въ Кубинскую и Дербентскую провинціи. Коварство горцевъ побудило П. занять Башлы, что онъ и сдѣлалъ, но не принялъ никакихъ мѣръ противъ нечаяннаго съ ихъ стороны нападенія. Находясь рано утромъ въ веселомъ расположеніи духа и предаваясь кутежу, столь свойственному въ ту эпоху среди военныхъ, П. не обратилъ вниманія на происходившее вокругъ него. Онъ не замѣтилъ, что обыватели вывозили свое имущество изъ Башлы и находились въ открытыхъ сношеніяхъ съ горцами, близко подошедшими съ разныхъ сторонъ къ Башлы. Войска наши, не ожидая никакого нападенія, были застигнуты врасплохъ напавшими на нихъ горцами и едва успѣли укрыться въ замкѣ-цитадели, гдѣ и заперлись вмѣстѣ съ П., чрезвычайно растерявшимся отъ такой неожиданности. Горцы яростно бросались въ атаку, окружили цитадель и стали окапываться около Башлы. Наши войска держались трое сутокъ не только безъ пищи, но и безъ сна и крова и, наконецъ, рѣшились выступить и покинуть городъ. Горцы ихъ преслѣдовали, но безъ успѣха. Посланный въ Башлы князь Мадатовъ нашелъ русскій отрядъ въ самомъ печальномъ положеніи; кромѣ того всѣ роптали на неблагоразумное поведеніе Пестеля, ибо отступленіе его было принято горцами за полную побѣду. Стали опасаться, чтобы послѣдствіемъ этой неудачи не оказались еще болѣе плачевные результаты. Ермоловъ лично съ небольшимъ отрядомъ двинулся въ Карабудагкенъ (въ восьми часахъ хода отъ Башлы), гдѣ остановился П. лагеремъ. Страшная снѣжная вьюга, морозъ и глубокіе снѣга до крайности препятствовали быстрому движенію Ермолова и дали возможность горцамъ приготовиться къ упорной оборонѣ; они укрѣпились въ Ханъ-Мамедъ-Кале. Но Ермоловъ скоро разбилъ ихъ, усмирилъ возставшее населеніе горцевъ и приказалъ Пестелю, оставивъ въ Дербентѣ одну роту, возвратиться для отдыха на прежнія квартиры въ Кубинскую провинцію. Послѣ этого 20-го апрѣля 1820 г. Пестель былъ уволенъ въ отпускъ за границу до излѣченія болѣзни и зачисленъ по арміи. Въ 1834 году онъ былъ вовсе уволенъ отъ службы за ранами. Онъ умеръ 31-го октября 1863 года и погребенъ въ Петербургѣ, на лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ.

Формулярный списокъ о службѣ А. Б. Пестеля въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива Главнаго штаба: книга по архиву № 570; надгробная надпись; «Акты Кавказской Археографической Коммиссіи», томъ V, стр. 689, 810, 811, т. VI, ч. I, стр. X.; п. 2, стр. 2, 3, 5, 9, 23, 24, 36—39, 49, 52—59, 61, 72, 78, 92, 216, 799; Н. Ѳ. Дубровинъ. «Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ» изд. 1885 г., стр. 306, 312, 319, 353. *П. Майковъ.*

Пестель, *Борисъ Владиміровичъ*, Московскій почтъ-директоръ; по своему происхожденію былъ саксонецъ, въ 1751 году поступившій, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, на русскую службу. Онъ служилъ по почтовой части, только что получавшей въ то время свое развитіе въ нашемъ государствѣ. Хотя пересылка государственныхъ бумагъ и частной корреспонденціи совершалась еще въ XVII столѣтіи посредствомъ особыхъ ямовъ, бывшихъ въ завѣдываніи особаго Ямского Приказа, но уже въ 1718 г. (П. С. З., № 3208) въ меморіи иностранца Фика объ учрежденіи почтъ говорилось, что: «Коллегіямъ дѣла свои управлять не можно, ежели порядочной почты верховой чрезъ всѣ главные города и губерніи государства единожды или дважды въ недѣлю не пойдетъ; сіе есть одно изъ потребнѣйшихъ и притомъ легчайшихъ средствъ». Поэтому предписывалось устроить сію почту сперва отъ Петербурга до всѣхъ главныхъ городовъ, «гдѣ губернаторы обрѣтаются нынѣ и потомъ управителю почтъ опредѣлять отъ тѣхъ городовъ въ дальніе города ихъ, куда нужно». Почты учреждались постепенно, а въ 1722 г., августа 13-го (П. С. З., № 4073), издана была генералъ-почтъ-директору инструкція. Онъ завѣдывалъ иностранною почтою, посылаемою отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (отъ Шафирова), а также Купеческою. Первымъ такимъ почтъ-директоромъ былъ назначенъ 29-го апрѣля 1722 г. Алексѣй Дашковъ, а затѣмъ завѣдываніе этою почтою перешло въ 1727 году къ вице-канцлеру (въ то время барону Остерману), на которомъ лежала обязанность по управ-

ленію почтою, постепенно развивавшеюся въ нашемъ отечествѣ. Очень вѣроятно, что для лучшаго устройства по образцу нѣмецкому этого рода почты, совершенно изъятой изъ вѣдѣнія губернаторовъ и воеводъ, были приглашены знакомые съ этимъ дѣломъ иностранцы, въ томъ числѣ и Пестель, который уже въ 1765 году, въ чинѣ коллежскаго ассесора, былъ почтъ-директоромъ въ Москвѣ. За особые труды по почтовому вѣдомству Пестель былъ произведенъ 9-го іюня 1770 г. въ канцеляріи совѣтники. Находясь въ Москвѣ во время свирѣпствовавшей тамъ чумы 1771 года, П. принималъ весьма успѣшныя мѣры для огражденія отъ нея почтоваго двора. Онъ воспретилъ входъ въ самое зданіе, а пріемъ писемъ учредилъ такъ, чтобы таковыя окуривались у воротъ, а затѣмъ подносились къ окну, на которомъ стояли два горшка съ уксусомъ: въ одинъ обмакивали письма, а въ другой—опускали слѣдуемыя за отправку письма деньги. Почтальоны, разнося письма, передавали ихъ чрезъ особыя черныя вощанки. Вездѣ въ почтовыхъ помѣщеніяхъ письма окуривались уксусомъ, можжевеловыми ягодами, дегтемъ и т. д. Мѣры эти оказались очень полезными. Вѣроятно за это онъ удостоился получить 29-го сентября 1775 г. въ Бѣлорусской губерніи въ Себежскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мелкихъ деревняхъ 454 души крестьянъ, которыя и перешли затѣмъ къ его сыну Ивану Борисовичу. Должность почтъ-директора онъ отправлялъ до конца своей службы будучи еще въ 1782 году произведенъ въ чинъ статскаго совѣтника. Когда графъ А. А. Безбородко былъ наименованъ главнымъ директоромъ почтъ, онъ нашелъ почтовую часть въ неудовлетворительномъ состояніи, по докладу объ этомъ московскаго почтъ-директора Пестеля, и поручилъ ему въ 1787 году обревизовать почтовыя станціи отъ Москвы до Смоленска и до Риги. По ревизіи этой оказалось, что на многихъ станціяхъ крестьяне, обязавшіеся содержать почтовую гоньбу за извѣстную плату, не держатъ особыхъ лошадей ни для проѣзжающихъ, ни для перевозки почтъ, а прямо приводятъ для этого, въ случаѣ надобности, своихъ рабочихъ лошадей съ поля; почтовые дома запущены; дворы и конюшни нерѣдко безъ крышъ; почтальоновъ не имѣется; почту отправляютъ въ рваныхъ мѣшкахъ, безъ провожатыхъ; писаря на станціяхъ, изъ крѣпостныхъ, безграмотные, не заботятся нисколько объ исправномъ ходѣ почтъ и нерѣдко отправляютъ ее съ пѣшимъ человѣкомъ; были станціи, гдѣ лошадямъ не давали овса по дороговизнѣ и т. под. Уже и въ то время евреи пробирались до завѣдыванія почтовыми станціями. Всѣ почтовыя мѣста найдены были П. въ самомъ разстроенномъ положеніи. Обширность занятій по управленію почтовыми учрежденіями въ такомъ значительномъ государствѣ указывала на необходимость выдѣлить это управленіе изъ круга дѣятельности Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. За эту ревизію П. былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени (въ 1788 году) и вскорѣ послѣ этого (3-го октября 1789 года) оставилъ службу въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; на его мѣсто московскимъ почтъ-директоромъ былъ назначенъ его сынъ Иванъ Борисовичъ, бывшій до того его помощникомъ. Б. В. Пестель умеръ 15-го апрѣля 1811 г.

Архивъ Правит. Сената, книга высоч. указовъ № 138, л. 246; Собраніе законовъ по почтовому управленію, томъ I (1649 — 1762 годы), стр. 105; «Древняя и Новая Россія» 1878 г., № 9, стр. 81; Мѣсяцесловы на 1765, 1766, 1767 и 1788 гг.; И. Хрущовъ. «Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій въ Россіи отъ древнѣйшихъ временъ». С.-Пб. 1884 г., стр. 65—66; статья г. Гана о почтовыхъ учрежденіяхъ въ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о Россіи», т. II, изд. 1854 г.; Канивецъ. «Очеркъ почтовыхъ учрежденій» въ «Вѣстникѣ Европы» 1869 г., т. VI, № 11, стр. 278; Н. И. Григоровичъ. «Канцлеръ А. А. Безбородко», С.-Пб. 1879—81 г.; Я. К. Гротъ въ Собр. соч. Державина, т. V, стр. 433; «Архивъ кн. Воронцова», pass. *П. Майковъ.*

Пестель, *Борисъ Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, сынъ Сибирскаго генералъ-губернатора, братъ Павла Ивановича, род. въ 1796 г.; 6-го іюля 1803 г. онъ записанъ былъ въ службу—въ Пажескій корпусъ, откуда въ мартѣ 1810 г. уволенъ съ чиномъ XIV класса; тогда же, произведенный въ губернскіе секретари, онъ зачисленъ былъ въ штатъ Канцеляріи Сибирскаго генералъ-губернатора (своего отца), гдѣ, получивъ слѣдующіе чины, прослужилъ до 12-го декабря 1817 г. Уволившись оттуда, П. 31-го декабря 1817 г. былъ опредѣленъ Мини-

стерства Внутреннихъ Дѣлъ въ Департаментъ Хозяйственныхъ и публичныхъ зданій на вакансію помощника столоначальника; 13-го іюня 1818 г. онъ былъ прикомандированъ къ Канцеляріи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для занятія по особеннымъ порученіямъ, а 12-го августа того же года опредѣленъ секретаремъ при Министерствѣ отъ Департамента Мануфактуръ и Внѣшней Торговли. Когда означенный Департаментъ былъ присоединенъ къ Министерству Финансовъ, П. съ 23-го января 1820 г. перемѣщенъ былъ въ Канцелярію Министра къ той же должности. Получивъ 26-го октября 1821 г. чинъ коллежскаго совѣтника, онъ 14-го іюня 1823 г. перемѣщенъ былъ на вакансію чиновника особыхъ порученій въ Департаментъ Государственныхъ Имуществъ, съ оставленіемъ при прежней должности, а 15-го октября того же года назначенъ былъ и. д. начальника 1-го Отдѣленія по Департаменту Внѣшней торговли; 8-го августа 1824 года П. былъ утвержденъ начальникомъ 1-го Отдѣленія, 28-го августа 1825 г.—опредѣленъ былъ членомъ Коммисіи для окончанія строеній на Биржевой площади, а 29-го апрѣля 1827 г. назначенъ Олонецкимъ вице-губернаторомъ, 14-го февраля 1830 г. переведенъ на ту же должность въ Смоленскъ, а 1-го іюля 1832 г.—въ Слободско-Украинскую губернію. Въ чинѣ статскаго совѣтника (съ 31-го декабря 1829 г.) П. 19-го апрѣля 1835 г. переведенъ былъ вице-губернаторомъ же во Владиміръ, гдѣ по своей должности былъ и предсѣдателемъ Казенной Палаты; 14-го іюня 1835 г. онъ получилъ орденъ Владиміра 3-й ст. Вице-губернаторомъ во Владимірѣ П. былъ до 1-го февраля 1838 г., послѣ чего занималъ должность только предсѣдателя Казенной Палаты, отъ каковой, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, по прошенію и былъ уволенъ указомъ 13-го января 1839 г. Получивъ, затѣмъ, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и проживая въ Петербургѣ, П. умеръ въ январѣ 1848 года.

Формулярный списокъ въ архивѣ Владимірскаго Губернскаго Правленія; «Сѣверная Пчела» 1848 г., № 15; Н. И. Гречъ. «Записки». С.-Пб. 1886 г. *А. В. С.*

Пестель, *Владиміръ Ивановичъ*, сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, младшій сынъ слѣдующаго и братъ предыдущаго; родился въ 1789 году, воспитывался сперва дома, затѣмъ нѣкоторое время въ Дрезденѣ у своей бабушки и, наконецъ, въ Пажескомъ Корпусѣ; 13-го іюня 1813 г. изъ камеръ-пажей онъ былъ выпущенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ и тотчасъ принялъ участіе въ Отечественной войнѣ; съ 27-го сентября 1813 года онъ находился за границей, въ Саксоніи, 4-го, 5-го и 6-го октября былъ подъ Лейпцигомъ и затѣмъ—въ преслѣдованіи непріятеля до Франкфурта, а потомъ до рѣки Рейна. Въ 1814 году, послѣ переправы черезъ Рейнъ, П. вступилъ во Францію, гдѣ 20-го января былъ подъ Бріенномъ, 13-го марта въ дѣйствительномъ сраженіи при Феръ-Шампенуазѣ, за что получилъ орденъ св. Анны 3-ей степени, 18-го марта—при взятіи Парижа; отсюда, по окончаніи кампаніи, онъ вернулся въ Россію въ октябрѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ послѣдовало его производство въ слѣдующемъ порядкѣ: 16-го января 1816 г. въ поручики; 25-го іюня того же года въ штабсъ-ротмистры; 9-го ноября 1819 года въ ротмистры и 12-го декабря 1824 года въ полковники. Находясь 14-го декабря 1825 года въ строю, въ войскахъ гвардейскаго корпуса, собранныхъ на Дворцовой и Исаакіевской площадяхъ противъ мятежниковъ, П. «удостоился въ числѣ прочихъ получить монаршую признательность», объявленную въ приказѣ 15-го декабря 1825 г. Въ январѣ 1826 года онъ былъ награжденъ одреномъ Анны 2-й степени, а 14-го іюня, не задолго до казни брата, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ 1827 г. (въ мартѣ) «въ воздаяніе отличнаго усердія къ службѣ» П. былъ награжденъ алмазными знаками ордена Анны 2-й степени. Въ 1828 и 1829 годахъ онъ получалъ командировки; послѣдняя была для надзора за пріемомъ рекрутъ и для выбора изъ нихъ въ гвардію; въ этой командировкѣ онъ былъ съ 3-го ноября 1829 г. по 2-е февраля 1830 г. и за выполненіе ея получилъ монаршее благоволеніе. Въ 1831 году, во время польскаго возстанія, П. принялъ участіе въ его подавленіи и былъ 9-го мая въ сраженіи при Жолткахъ, при преслѣдованіи непріятеля къ Остроленкѣ, 13-го

мая—въ стычкѣ при старомъ Якацѣ близъ Пысковъ и, наконецъ, 25-го, 26-го и 27-го августа—при взятіи Варшавы, за что и получилъ серебряную медаль и польскій знакъ отличія «за военныя достоинства»; 6-го октября 1831 года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 25-го февраля 1832 года назначенъ бригаднымъ командиромъ 1-ой кирасирской дивизіи. Наконецъ, 26-го декабря 1836 года П. былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ для назначенія на должность гражданскаго губернатора, при чемъ удержалъ за собой военное званіе. Какъ только открылась вакансія въ Херсонской губерніи, Пестель и былъ на нее назначенъ (13-го августа 1839 г.) сперва исправляющимъ должность, а затѣмъ, (18-го іюля 1840 г.) былъ и утвержденъ Херсонскимъ губернаторомъ; 22-го апрѣля 1841 года, сверхъ должности гражданскаго губернатора, онъ былъ назначенъ и военнымъ губернаторомъ. Служеніе П. въ Херсонѣ принесло много пользы городу, который до него утопалъ въ грязи, темнотѣ и очень страдалъ отъ частыхъ пожаровъ. При немъ устроены были мостовыя, освѣщеніе города и пожарная команда, замѣчательная въ то время по ея устройству. При тогдашнемъ порядкѣ управленія соединяя въ себѣ администратора, судью и воина, П. не дозволялъ себѣ извѣстной въ то время рѣзкости въ обращеніи, не допускалъ угрозъ и запугиваній и отличался деликатностью и мягкостью обращенія. Доступный для всѣхъ, онъ сочувственно относился къ нуждамъ и къ положенію каждаго. Въ Херсонѣ П. оставался до 22-го января 1845 года, когда былъ опредѣленъ Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ. Получивъ въ 1842 г. орденъ Станислава 1-й ст., а въ 1844 г.—Анны 1-й ст., П. 17-го марта 1845 года былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. За это время дѣятельность его проявилась въ слѣдующемъ: 2 раза онъ взыскалъ сполна: годовой окладъ податей (въ 1849 г.) и въ 1850 г.—полугодовой «совокупно со вступившими недоимками»; затѣмъ онъ «оказывалъ содѣйствіе Ангальтской Колоніи, бывшей въ предѣлахъ Таврической губерніи и за это получилъ отъ герцога Ангальтъ-Кеpенскаго орденъ Медвѣдя большого креста. Во время Крымской войны П. было приказано, въ случаѣ высадки непріятеля, вывезти изъ Симферополя бумаги всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. И, дѣйствительно, послѣ того, какъ 4-го сентября 1854 года непріятель высадился въ Евпаторіи и сталъ производить опустошенія неподалеку отъ Симферополя и когда пришло извѣстіе о пораженіи 8-го сентября подъ Альмой, а посланные къ главнокомандующему за свѣдѣніями курьеры и чиновники особыхъ порученій не возвращались, и городу начинала грозить опасность отъ непріятеля,—П. рѣшился привести въ исполненіе данное ему на этотъ случай предписаніе. Взявъ на подводахъ бумаги, часть архивовъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и всѣ большія, по случаю военнаго времени, суммы изъ казначейства, П. 10-го сентября выѣхалъ изъ города во главѣ этого поѣзда. Жители, оставленные только съ нѣсколькими ротами гарнизона и инвалидной командой, перепугались и бросились вслѣдъ за губернаторомъ. Извѣстія о безопасности застигли бѣглецовъ уже на дорогѣ, и весь поѣздъ, по приказанію кн. Меньшикова, долженъ былъ вернуться обратно. Свѣдѣнія объ этомъ дошли до Петербурга и, несмотря на то, что П. объяснилъ въ главной квартирѣ причины, побудившія его къ бѣгству, онъ 11-го ноября 1854 года былъ уволенъ отъ должности губернатора; 2-го мая 1855 года ему повелѣно было присутствовать въ I отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената. Въ Сенатѣ онъ присутствовалъ попеременно то въ 1-мъ отдѣленіи 6-го департамента, то въ 7-мъ департаментѣ. 1-го января 1862 года онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла, въ 1863 году ему была назначена аренда въ 3.000 руб., а черезъ два года былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Пестель умеръ въ Москвѣ 19-го января 1865 года.

Формулярный списокъ; «Русская Старина», т. XIV, стр. 549; т. LVI, стр. 672; т. LXV, стр. 667; т. LXXVII, стр. 159; «Русскій Архивъ» 1874 г., стр. 698; 1897 года, т. II, стр. 290—292, 298; «Одесскій Вѣстникъ» 1865 г., № 70 и 1883 г., № 61, 62; В. В. Руммель. «Родосл. сборникъ», т. I, стр. 288; О. фонъ-Фрейманъ. «Пажи за 183 г.» Фридрихсгамнъ. 1894 г.; Н. Ѳ. Дубровинъ. «Исторія Крымской войны и обороны Севастополя», т. I, С.-Пб. 1900 г., стр. 81, 280 и 295; Записки Н. И. Греча. С.-Пб. 1886 г.; «Сенатскія Вѣдом.» 1865 г., № 11.

М. С. Леонидовъ.

Пестель, *Иванъ Борисовичъ*, членъ Государственнаго Совѣта, т. с., саксонецъ по происхожденію, родился въ Москвѣ 6-го февраля 1765 года и въ дѣтскомъ возрастѣ (2-го мая 1774 года) былъ зачисленъ своимъ отцомъ, Борисомъ Ивановичемъ, въ то время почтъ-директоромъ въ Москвѣ, на службу въ армейскій полкъ Саксонскаго короля Станислава Августа (который былъ также и королемъ поль скимъ), пожаловавшаго его прямо въ маіоры. Но уже въ 1780 году (27-го декабря) молодой Пестель въ чинѣ ротмистра перешелъ въ русскую службу, а затѣмъ, 20-го марта 1782 г., былъ уволенъ въ отставку секундъ-маіоромъ и опредѣленъ, съ чиномъ коллежскаго ассесора, на службу въ Московскій почтамтъ помощникомъ почтъ-директора. Служа при своемъ отцѣ, Пестель въ порядкѣ постепенности былъ произведенъ 25-го октября 1784 года въ надворные совѣтники, а затѣмъ награжденъ (6-го іюня 1787 года) орденомъ св. Владиміра 4-й степени. По увольненіи его отца отъ службы 3-го октября 1789 года, надворный совѣтникъ Иванъ Пестель былъ назначенъ на его мѣсто Московскимъ почтъ-директоромъ; онъ имѣлъ тогда отъ роду съ небольшимъ 24 года.

Въ 1792 году (22-го сентября) Пестель былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники, а затѣмъ, въ 1793 году (сентября 2-го) былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Около этого времени онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Крока, Елизаветою Ивановною, женщиною очень умною, образованною и даже ученою; отъ нея Пестель имѣлъ нѣсколько сыновей (см. выше о Борисѣ и Владимірѣ и ниже — о Павлѣ Ивановичахъ П.). Вступленіе на престолъ императора Павла I и послѣдовавшее затѣмъ его коронованіе, повидимому, доставили Пестелю случай обратить на себя благосклонное вниманіе новаго императора, который нѣкоторое время щедро его награждалъ. Желая перестроить домъ графа А. А. Безбородко въ Москвѣ, пріобрѣтенный казною для предстоявшаго коронованія, императоръ Павелъ предписалъ Пестелю исполнить эту коммиссію, равно какъ приказалъ отпустить ему на этотъ предметъ 15.000 рублей изъ почтовыхъ доходовъ (9-го декабря 1796 г.); пожалованный, 13-го ноября 1796 г., чиномъ статскаго совѣтника, П. въ день коронованія императора Павла, 5-го апрѣля 1797 г., былъ награжденъ орденомъ Анны 2-й степени; кромѣ того, государь пожаловалъ ему, въ вѣчное и потомственное владѣніе, триста душъ въ Трубчевскомъ округѣ Орловской губ. Черезъ годъ (15-го мая 1798 г.) П. былъ произведенъ уже въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Недовольный медленнымъ доставленіемъ ему бумагъ отъ петербургскаго почтъ-директора Балашева, императоръ вызвалъ къ себѣ Пестеля и назначилъ его почтъ-директоромъ въ Петербургѣ (30-го октября 1798 г.) на мѣсто д. с. с. Гана, за старостью и болѣзнями уволеннаго отъ всѣхъ дѣлъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ Главнаго Почтоваго Правленія. Вскорѣ (6-го апрѣля 1799 года) Пестель сдѣланъ былъ правящимъ должность президента Главнаго Почтоваго Правленія, на мѣсто уволеннаго отъ этой должности Д. П. Трощинскаго, и награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степени. Указомъ 17-го апрѣля 1799 года Пестелю, кромѣ того, было ввѣрено вѣдѣніе и управленіе состоящими при С.-Петербургскомъ почтамтѣ секретной экспедиціей и цензурой иностранныхъ газетъ и юридическихъ сочиненій, при чемъ повелѣно было сопряженный съ этою частью за пересылку по почтѣ доходъ обратить въ его пользу. Но вскорѣ, впрочемъ, и Пестель подвергся гнѣву императора и въ томъ же 1799 году былъ уволенъ отъ занимаемой имъ должности, причисленъ къ Герольдіи, послѣ чего, не получая никакого назначенія, проживалъ въ Москвѣ со своимъ семействомъ, находясь въ крайне стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Это послѣднее побудило его немедленно по вступленіи на престолъ императора Александра I ѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ предполагалъ, по совѣту петербургскаго военнаго губернатора Палена, друга его отца, просить о возвращеніи ему прежде занимаемаго имъ мѣста президента Почтоваго Департамента. Но, пріѣхавъ въ столицу, П. узналъ, что Паленъ оставилъ службу и уѣхалъ изъ Петербурга. Оставшись безъ покровителя, П. обратился съ просьбою непосредственно къ

молодому императору, который 21-го апрѣля 1801 г. пожаловалъ его въ тайные совѣтники и назначилъ присутствовать въ Московскомъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, по неимѣнію средствъ жить въ столицѣ, и опредѣлилъ ему пожизненную пенсію въ 3.000 рублей. Пестелю скоро, въ бытность государя въ Москвѣ, пришлось докладывать въ Сенатѣ при Его Величествѣ дѣло одного знатнаго вельможи съ отставнымъ прапорщикомъ, обратившее на себя вниманіе государя. Вскорѣ послѣ этого П. былъ посланъ на ревизію въ Вятскую губернію (въ 1802 году) вмѣстѣ съ сенаторомъ Н. Н. Салтыковымъ и удостоился высочайшаго рескрипта съ благодарностью за благоразумное и на правилахъ строгой справедливости основанное обревизованіе. Въ 1804 г. ему же поручена была ревизія Казанской губерніи по случаю доноса о мѣстныхъ злоупотребленіяхъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ П. изслѣдовалъ всякаго рода злоупотребленія и, возвратясь въ іюлѣ 1804 года, занемогъ горячкою. За эту ревизію онъ былъ также награжденъ очень лестнымъ высочайшимъ рескриптомъ съ выраженіемъ благодарности за достохвальное окончаніе ввѣреннаго ему порученія; при этомъ 22-го іюня 1804 г. Пестелю назначено было по 3.000 руб. въ годъ столовыхъ денегъ, сверхъ получаемаго имъ жалованья.

Послѣ кратковременнаго присутствованія въ апелляціонномъ департаментѣ Сената въ Москвѣ, П. былъ, по личному избранію императора, опредѣленъ 3-го марта 1806 г. генералъ-губернаторомъ Иркутскимъ, Тобольскимъ и Томскимъ на мѣсто уволеннаго отъ службы сенатора т. с. И. О. Селифонтова. П., по его собственнымъ словамъ, долго отказывался отъ этого назначенія, указывая на суровый, тяжелый климатъ Сибири, на свое слабое здоровье, на многочисленность семейства, на крайнюю недостаточность средствъ своихъ и въ особенности на то, что всѣ предшествовавшіе генералъ-губернаторы Сибири оканчивали свое служебное поприще тѣмъ, что, лишенные этого званія, долгое время находились послѣ подъ судомъ. Послѣ долгихъ колебаній П., однако, подчинился желанію государя и просилъ выдать ему заимообразно на 10 лѣтъ 40.000 руб. для уплаты своихъ долговъ. Императоръ приказалъ выдать ему таковую сумму изъ Кабинета Его Величества на десять лѣтъ безъ платежа процентовъ и безъ залога, и въ іюнѣ мѣсяцѣ 1806 года Пестель, со всѣмъ своимъ семействомъ, отправился по мѣсту своего новаго служенія въ Иркутскъ.

Сибирь того времени не имѣла особливыхъ постановленій, примѣненныхъ къ потребностямъ различныхъ ея мѣстностей и разнообразнаго ея населенія: она не имѣла учрежденій, соотвѣтствующихъ обширности трехъ губерній, на которыя дѣлилось ея пространство отъ Уральскихъ горъ до Камчатки и Восточнаго океана. Кромѣ того, въ виду отдаленности всего края отъ центра управленія и отсутствія всякаго надзора за дѣйствіями главныхъ начальниковъ, въ Сибири господствовалъ полный произволъ личности. Все это было, конечно, извѣстно въ Петербургѣ, и императоръ, назначая на эту трудную должность Пестеля, вѣроятно руководился тѣмъ, что тотъ уже заявилъ себя передъ этимъ нѣкоторою независимостью мнѣній въ Сенатѣ и довольно строгими ревизіями тѣхъ губерній, въ которыя онъ былъ посылаемъ. Но П. не только не искоренилъ существовавшихъ въ управленіи злоупотребленій, но еще болѣе усилилъ ихъ въ силу крайне своеобразнаго отношенія къ возложеннымъ на него обязанностямъ, хотя самъ былъ дѣятеленъ, честенъ, не терпѣлъ взяточничества и лѣности въ чиновникахъ; но его крайнее себялюбіе, желчность, страсть къ произволу, потворство своимъ любимцамъ, неумолимая мстительность въ преслѣдованіи лицъ, снискавшихъ почему-либо его нерасположеніе—все это являлось отличительною чертою его характера и было причиною того, что его управленіе Сибирью, напоминающее поистинѣ управленіе проконсуловъ въ римскихъ провинціяхъ, надолго оставило печать вреднаго своего вліянія на страну.

Еще предшественнику Пестеля — Селифонтову—была дана для управленія Сибирью особая инструкція, составленная В. П. Кочубеемъ вмѣстѣ съ М. М. Сперанскимъ, инструкція, не чуждая различныхъ неопредѣленностей, неполноты, дву-

смысленностей, и хотя Пестель просилъ объ измѣненіи ея, но безуспѣшно. Этою инструкціею опредѣлялась власть генералъ-губернатора, при чемъ въ указѣ, данномъ Пестелю, государь выразилъ: «при дѣятельности и личныхъ правилахъ вашихъ, вы предуспѣете въ теченіе времени утвердить во ввѣренномъ управленію вашемукраѣ доброе устройство и связь всѣхъ его частей, обезпечить порядокъ въ законномъ отправленіи правосудія, усилить надзоръ полиціи» и пр., и пр.

На все это требовалось, конечно, время, пребываніе П. въ самой Сибири и усердное занятіе дѣлами по управленію краемъ; но этого именно и недоставало Пестелю для осуществленія предначертаній императора; кромѣ того, онъ не имѣлъ достойныхъ сотрудниковъ, хотя ему и «предоставлено было выбрать чиновниковъ для особыхъ распоряженій по разнымъ предметамъ, къ усовершенствованію правленія принадлежащимъ». Если и позднѣе его Сперанскій также жаловался на недостатокъ дѣльныхъ, честныхъ чиновниковъ, когда уже прибыло не мало таковыхъ изъ Россіи, то можно себѣ легко представить, какъ ихъ было мало при Пестелѣ, встрѣчавшемъ въ своихъ подчиненныхъ на каждомъ шагу взяточничество, обманъ, пьянство, распутство и воровство. Ближайшіе его помощники—губернаторы того времени: Тобольскій—Б. А. Гермесъ—не имѣлъ никакого знанія въ дѣлахъ, былъ готовъ на всѣ несправедливости и позволялъ себѣ ужасные поступки; Томскій—В. С. Хвостовъ—не разъ судился за лихоимство, а Иркутскій слѣдовалъ всѣмъ корыстолюбивымъ замысламъ правителя своей канцеляріи. На его мѣсто П. пригласилъ бывшаго смоленскаго вице-губернатора Трескина, который превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ въ несоблюденіи законовъ и въ неисполненіи ихъ. Повсемѣстно въ Сибири слышались жалобы, преимущественно на дѣйствія земской полиціи и лихоимство властей; но были злоупотребленія вопіющія по Томской губерніи, обнаруживавшія явные слѣды неправосудія и пристрастія. П., прибывъ въ Томскъ, учредилъ коммиссію для разсмотрѣнія всѣхъ жалобъ, и вскорѣ Хвостовъ былъ отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Послѣ этого П. поѣхалъ въ Тобольскъ, гдѣ губернаторъ былъ также преданъ имъ суду Сената. Кромѣ того, онъ привлекъ къ суду генералъ-маіора Куткина, завѣдывавшаго провіантскимъ и магазинами. Пробывъ около недѣли въ Иркутскѣ и предоставивъ неограниченный просторъ дѣйствій новому иркутскому губернатору Трескину, П. предпринялъ поѣздку по всей Сибири до границъ Китая, былъ въ Кяхтѣ, Нерчинскѣ, видѣлъ монголовъ, посѣтилъ Колыванскіе рудники и намѣревался ѣхать въ Петербургъ съ своими предположеніями о пользахъ ввѣренныхъ ему губерній и съ проектомъ новой генералъ-губернаторской инструкціи. Но, не получивъ изъ Петербурга разрѣшенія на пріѣздъ, онъ долженъ былъ оставаться въ Иркутскѣ. Въ это время у него возникли столкновенія съ командующимъ войсками въ Сибири генералъ-лейтенантомъ Г. И. Глазенапомъ, вслѣдствіе которыхъ П. получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого, въ концѣ 1808 года онъ опять былъ въ Тобольскѣ, а зимою 1809 года—въ Петербургѣ и, оставаясь генералъ-губернаторомъ Сибири до 1819 года, продолжалъ управлять краемъ изъ столицы, очевидно полагаясь во всемъ на представленія губернаторовъ, которымъ, уѣзжая въ декабрѣ 1808 года, онъ передалъ всѣ свои полномочія. За кратковременное его пребываніе въ Сибири, ему еще 5-го апрѣля 1808 г. былъ пожалованъ орденъ св. Александра Невскаго. По прибытіи въ Петербургъ, П. былъ очень ласково принятъ государемъ, сказавшимъ ему, по собственнымъ словамъ П.: «требую отъ васъ, чтобы ни съ кѣмъ не имѣли бы дѣла на счетъ вашего управленія въ Сибири, кромѣ со мною, безъ всякаго посредничества». Это давало П. основаніе безъ всякаго посредничества представлять прямо государю о всѣхъ его распоряженіяхъ по Сибири. Всѣ заговорили въ городѣ о великомъ расположеніи государя къ П., который былъ не только приглашаемъ не разъ на обѣды Его Величества въ числѣ весьма немногихъ, но также и на вечернія собранія къ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, составлявшіяся съ очень строгимъ выборомъ. «Все это,—говоритъ Пестель,—не вскружило мнѣ головы. Я былъ очень остороженъ». Благосклонное расположеніе

къ нему императора выразилось послѣдовавшимъ 12-го сентября 1809 года повелѣніемъ присутствовать Пестелю по дѣламъ ввѣренныхъ ему губерній какъ въ 5-мъ Департаментѣ Правительствующаго Сената, гдѣ таковыя дѣла производились, такъ и въ С.-Петербургскомъ общемъ собраніи Сената. Въ томъ же году, 17-го ноября, ему пожалована была на 12 лѣтъ деревня въ Гродненской губерніи. Продолжая жить въ Петербургѣ, Пестель въ 1814 г. былъ назначенъ членомъ особаго Комитета (подъ предсѣдательствомъ князя В. П. Лопухина), состоявшаго изъ графовъ: Кочубея, Гурьева и Вас. Ст. Попова, для изысканія причинъ оказавшагося на содержателяхъ виннаго откупа долга казнѣ въ 15 милліоновъ рублей. При этомъ П. составилъ проектъ новыхъ условій для содержанія виннаго откупа, удостоившійся высочайшаго утвержденія. Чрезъ годъ, 15-го декабря 1815 г., П. былъ назначенъ въ особый Комитетъ, при Сенатѣ учрежденный, для изслѣдованія откупнаго управленія за истекшее 4-хъ-лѣтіе и причинъ недоимокъ, накопившихся по откупу въ каждой губерніи имперіи. Онъ вмѣстѣ съ Гурьевымъ убѣдилъ винныхъ откупщиковъ сдѣлать весьма важную надачу на цѣны по откупамъ,— отъ чего они въ концѣ разорились. Въ 1816 г. (февраля 22-го) онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта съ оставленіемъ при занимаемой должности, при чемъ ему повелѣно было присутствовать въ Департаментѣ Законовъ Государственнаго Совѣта.

Продолжая заниматься государственными дѣлами въ Петербургѣ, П. только заочно управлялъ Сибирью, а потому и не могъ имѣть большого вліянія на судьбу края. Онъ, по словамъ Вас. Сем. Хвостова, бывшаго Томскаго губернатора, оставлялъ многія полезныя представленія, ему дѣлаемыя, безъ послѣдствій, не имѣя возможности вполнѣ оцѣнить ихъ полезность. Такъ, напримѣръ, о перенесеніи города Нарыма на болѣе удобное и выгодное мѣсто, объ уничтоженіи города Туруханска, о заведеніи школы въ Сагайской степи, о порядкѣ сбора ясака въ натурѣ, о устроеніи солеваренаго завода въ Красноярскихъ степяхъ вверху р. Енисея и т. д. Но къ словамъ Хвостова, какъ преданнаго Пестелемъ суду, должно относиться очень осторожно. Нельзя не замѣтить, что если за время управленія Пестелемъ Сибирью и не послѣдовало существенныхъ измѣненій въ административныхъ ея учрежденіяхъ, то тѣмъ не менѣе при немъ произведено было не мало отдѣльныхъ улучшеній. Такъ, напримѣръ, улучшена была пересылка арестантовъ въ Сибирь въ 1807 г., при чемъ учреждены этапы, и сопровожденіе арестантовъ возложено на башкиръ и мещеряковъ, объявлены правила для устройства городовъ и селеній; учреждена въ г. Иркутскѣ строительная экспедиція. При Пестелѣ же началась систематическая организація Сибирскаго казачьяго войска, издано Положеніе о новомъ образованіи Сибирскаго линейнаго войска (1808 г., августа 19-го), также правила о водвореніи киргизовъ и о покупкѣ россійскими подданными киргизскихъ дѣтей (1808 г., мая 23-го), о вызовѣ изъ чужихъ краевъ ветеринарныхъ врачей для Сибири (22-го мая 1809 г.), о усиленіи населенія Томской губерніи въ зимовьяхъ Туруханскаго края (30-го іюля 1809 г.), о преобразованіи военнаго и гражданскаго управленія Камчатки въ 1812 году, и т. д. При П. было обращено вниманіе на устройство воинскихъ чиновъ, потерявшихъ здоровье на службѣ, и на участь семействъ убитыхъ и раненыхъ; было также составлено новое Положеніе объ инвалидныхъ ротахъ. Онъ много заботился о постановкѣ виннаго откупнаго дѣла, составлявшаго существенную часть правительственнаго дохода, въ наивыгоднѣйшія для казны условія. Заселеніе края, начатое еще при Селифонтовѣ, продолжалось и при Пестелѣ; однако, производилось оно, какъ видно изъ дѣла о начальникѣ Нижнеудинскаго края Лоскутовѣ, съ большою жестокостью и сопровождалось злоупотребленіями, неизбѣжными при правительственной опекѣ въ далекой окраинѣ. При П. заселялся трактъ отъ Якутска въ Охотскъ, а также Туруханскій край; но поселенія находились въ бѣдственномъ состояніи вслѣдствіе мѣстныхъ условій и едва могли прокормить себя.

Тѣмъ не менѣе, отсутствіе П. освобождало мѣстное начальство отъ всякаго надзора и давало полный просторъ всякаго рода насиліямъ и при-

тѣсненіямъ, которыя, въ свою очередь, вызывали справедливыя жалобы со стороны притѣсненныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развивали ябедничество. Сибиряки еще при Екатеринѣ II были признаны кляузниками, людьми безпокойными, ябедниками; это клеймо доставляло безопасность притѣснителямъ, способствовало расширенію ихъ произвола. Народъ стоналъ отъ несправедливостей и поборовъ, но его стоны заглушались тою же властью, которая ихъ вызывала. Жаловаться съ успѣхомъ было очень трудно; къ тому же П. принялъ строгія мѣры противъ извѣтовъ и доносовъ и предписывалъ жалобщиковъ не выпускать изъ предѣловъ Сибири. Такъ, напр., Пестель за жалобы на дѣйствія и распоряженія мѣстныхъ властей, обращаемыя Сенатомъ къ нему же для объясненій, выслалъ одного Сибирякова — въ Нерчинскъ, а другого брата—въ Жиганы; Мыльникова—въ Баргузинъ; какой-то Киселевъ—даже пропалъ безъ вѣсти, откупщика Передовщикова онъ всячески притѣснялъ, а также и начальника Тобольскаго провіантскаго магазина генералъ-маіора Куткина, съ котораго при всѣхъ натяжкахъ пришлось взыскать всего 275 рублей. Тѣмъ не менѣе, такія жалобы доходили до разсмотрѣнія въ Петербургѣ, находили поддержку въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и не мало вредили П., несмотря на то, что такого рода жалобы разсматривались при его же содѣйствіи. Такъ, дѣло Иркутскаго вице-губернатора Левицкаго, дѣлавшаго страшныя злоупотребленія; или дѣло Туруханское, т.-е. о погибели отъ голода, по недостатку продовольствія, множества обывателей этого края, вызвавшее на II. неудовольствіе государя относительно управленія краемъ. Это побудило П., по его словамъ обратиться къ посредничеству графа Аракчеева, расположеніемъ котораго онъ пользовался, при чемъ онъ узналъ отъ него, что императоръ имѣетъ очень выгодное о немъ, Пестелѣ, мнѣніе и предполагаетъ даже назначить его министромъ полиціи. Но подобнаго назначенія не послѣдовало, а жалобы на Пестеля, какъ генералъ-губернатора, не прекращались и не мало колебали довѣріе къ нему государя. Въ 1818 году былъ полученъ большой доносъ по Иркутской только губерніи, отъ Гарновскаго, бывшаго нѣкогда предсѣдателемъ Иркутской Уголовной палаты и удаленнаго по суду отъ должности. По этому доносу были затребованы объясненія отъ П., послѣ чего Комитетъ Министровъ, разсматривавшій это дѣло, призналъ за лучшее командировать двухъ сенаторовъ въ Иркутскую губернію для производства на мѣстѣ слѣдствія, при чемъ имъ предоставлялось обревизовать, въ случаѣ надобности, и двѣ другія губерніи. При этомъ нѣкоторые члены Комитета полагали, что для облегченія сенаторамъ исполненія возлагаемаго на нихъ порученія, слѣдовало бы освободить П. отъ обязанностей генералъ-губернатора Сибири. П. же въ своей автобіографіи говоритъ, что онъ самъ охотно бы сталъ просить императора объ увольненіи его отъ службы, чтобы не увеличивать ежегодно возраставшихъ долговъ, но не рѣшался на это изъ-за могущаго возникнуть подозрѣнія въ томъ, что онъ страшится слѣдствія.

Тѣмъ временемъ Сперанскій, будучи уже губернаторомъ въ Пензѣ, просился объ увольненіи его въ отпускъ въ Петербургъ. Императоръ Александръ I, не желая этого, указомъ 22-го марта 1819 г. назначилъ Сперанскаго генералъ-губернаторомъ Сибири и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ ему удостовѣриться въ истинныхъ основаніяхъ разныхъ жалобъ, обозрѣть главныя части мѣстнаго управленія и представить его величеству отчетъ объ ихъ настоящемъ положеніи. При этомъ, однако, не было ничего упомянуто о Пестелѣ и это побудило его по прежнему посѣщать засѣданія какъ Государственнаго Совѣта, такъ и собраній Правительствующаго Сената. Во все это время Пестель пользовался благосклонностью Государя, былъ приглашаемъ, какъ членъ Совѣта, на всѣ празднества и торжественные случаи при дворѣ и всякій разъ при недостаткѣ члена въ одномъ изъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта, былъ, по особому каждый разъ высочайшему повелѣнію, назначаемъ на это свободное мѣсто.

Тѣмъ временемъ Сперанскій усиленно занимался своею сибирскою ревизіею, въ подробности которой едва ли необходимо здѣсь входить, такъ какъ ревизія

эта касалась непосредственно дѣйствій и распоряженій мѣстныхъ сибирскихъ властей, за которыхъ Пестель могъ являться лицомъ отвѣтственнымъ только какъ главный начальникъ, отвѣчающій за дѣйствія своихъ подчиненныхъ. Сообщимъ только, что Сперанскій, для разсмотрѣнія всѣхъ доносовъ и безпорядковъ по Сибири, учредилъ нѣсколько комитетовъ, послѣ чего два губернатора были отставлены и отданы подъ судъ Сената, а о результатахъ своей ревизіи представилъ особый отчетъ, который, по высочайшему повелѣнію, былъ разсмотрѣнъ въ особомъ Комитетѣ подъ предсѣдательствомъ графа В. П. Кочубея По высочайше утвержденному журналу этого Комитета (отъ 2-го октября 1821 г.), П. былъ обвиненъ въ томъ, что, находясь около 12 лѣтъ внѣ губерній, управленію его ввѣренныхъ, онъ передалъ значительную часть своей власти мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ. Изъ нихъ бо́льшую часть, лѣтъ девять, онъ провелъ въ Петербургѣ, ноочевидно съ вѣдома государя: Пестель заявляетъ, что «когда Комитетъ Министровъ требовалъ, чтобы я отправился въ Сибирь, то монархъ самъ на это не согласился»; тѣмъ самымъ онъ принялъ бо́льшую часть распоряженій ихъ, по точной силѣ и словамъ инструкціи 1803 года, на свою собственную отвѣтственность. Обвиненіе говорило, что противозаконныя мѣры, особенно по Иркутской губерніи, не могли бы имѣть столь продолжительнаго дѣйствія, если бы не были утверждаемы, попускаемы и даже защищаемы Пестелемъ. На основаніи этого журнала состоялся 26-го января 1822 г. Высочайшій указъ, которымъ бывшій сибирскій генералъ-губернаторъ тайный совѣтникъ Пестель былъ отставленъ отъ службы.

Послѣ этого Пестель въ концѣ декабря того же 1822 года оставилъ Петербургъ для устройства личныхъ своихъдѣлъ и съ 19-го іюня 1823 г. поселился со своимъ семействомъ въ небольшомъ имѣніи своей супруги—«Василевѣ», Смоленской губерніи. Онъ жилъ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, получая всего только тѣ 3.000 р., которые ему были пожалованы пожизненно еще въ 1801 году, и уплачивая изъ нихъ долги свои, которыхъ было не мало. Мысль расплатиться честно съ долгами не покидала его и, по странному стеченію обстоятельствъ, уплативъ послѣдній долгъ свой, онъ скончался. Должно упомянуть, что онъ 17-го апрѣля 1824 года, ходатайствовалъ предъ императоромъ о продолженіи его аренды и о дарованіи ему столовыхъ денегъ, получавшихся имъ по званію сенатора въ размѣрѣ 3.000 руб. и государь всемилостивѣйше повелѣлъ (16-го іюня 1824 г.) производить П. на будущее время столовыя деньги. Поэтому для уплаты обременявшихъ его долговъ Пестель 19-го февраля 1825 года вновь просилъ о продолженіи ему аренды, и императоръ Александръ, 12-го августа 1825 года, повелѣлъ выдѣлить П. въ Витебской губерніи аренду въ 3.289 руб., но какъ таковая была свободна только съ 1828 года, то, не въ примѣръ другимъ, повелѣно было уплачивать Пестелю такую же сумму изъ Государственнаго Казначейства въ 1826 и 1827 годахъ.

Вскорѣ П. постигло горе: старшій сынъ его, Павелъ, оказался однимъ изъ главныхъ участниковъ заговора и возмущенія 14-го декабря 1825 г. и былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ несчастный отецъ имѣлъ съ нимъ свиданіе 3-го іюня 1826 года въ присутствіи коменданта. Возвратясь послѣ этого въ деревню, онъ узналъ, что его сынъ былъ повѣшенъ. Съ тѣхъ поръ П. жилъ постоянно въ деревнѣ, въ Смоленской губерніи, велъ самый уединенный образъ жизни, терпѣлъ всякія лишенія, чтобы выплатить долги въ количествѣ 200 тысячъ руб., нажитые имъ во время службы. Въ 1836 г. онъ лишился своей супруги, томившейся десять лѣтъ послѣ потери сына, а чрезъ семь лѣтъ, 18-го мая 1843 года умеръ и самъ на 78 году жизни въ г. Смоленскѣ, на рукахъ единственной своей дочери Софіи.

Пестель отличался истинно-христіанскимъ благочестіемъ и строгостью правилъ своей жизни. Онъ былъ очень занимательный собесѣдникъ и пользовался любовью и уваженіемъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. По словамъ Н. И. Греча, онъ былъ очень умный и хорошо образованный человѣкъ, но это, конечно, не дѣлало его хорошимъ генералъ-губернаторомъ мало извѣстнаго и отдаленнаго края, особенно въ виду его характера и большой склонности къ

личному произволу; къ тому же, онъ былъ властолюбивъ, не терпѣлъ лѣнивыхъ и взяточниковъ. Объѣхавъ Сибирь и узнавъ всю нравственную грязь сибирскаго чиновничества того времени, онъ въ Петербургѣ смотрѣлъ на сибирскія дѣла чужими глазами, слушалъ чужими ушами и не имѣлъ возможности знать истиннаго положенія дѣла.

В. И. Вагинъ. «Историческія свѣдѣнія о дѣятельности гр. Сперанскаго въ Сибири съ 1819 по 1823 годъ», т. I, С.-Пб. 1872 г.; И. В. Щегловъ. «Хронологич. перечень данныхъ изъ исторіи Сибири», 1883 г.; В. К. Андріевичъ. «Сибирь въ XIX столѣтіи». 1889 г., ч. II; С. В. Максимовъ. «Сибирь и Каторга», 1891 г., ч. III; «Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива I Отдѣленія С. Е. И. Величества Канцеляріи», т. I; В. И. Межовъ. «Сибирская библіографія», С.-Пб. 1891; В. С. Иконниковъ. «Графъ Н. С. Мордвиновъ», С.-Пб. 1873 г., стр. 264—275, 391; «Русскій Архивъ» 1875 г., т. I, ст. 369 и слѣд., 1870 г., стр. 599 и слѣд. (Записки Вас. Сем. Хвостова); «Русская Старина» 1874 г., № 9, стр. 56, а также 1873 г., т. 7, стр. 659 и слѣд.; «Записки» Н. И. Греча, С.-Пб., 1886 г.; И. И. Дмитріевъ. «Взглядъ на мою жизнь»; Архивъ Правительствующаго Сената: Высочайшіе указы, книги: №№ 168, л. 290; 173, л. 190; 184, л. 44; 191, л. 156; 204, л. 152; 208, л. 293; 214, л. 80, 81; 296, л. 384; 408, л. 188; 194, л. 195; «Древняя и Новая Россія», 1877 г., т. I стр. 395 и слѣд.; Сенатскій Архивъ, т. I, 1888 г.; Въ память графа М. М. Сперанскаго. С.-Пб. 1872.

П. Майковъ.

Пестель, *Николай Борисовичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, братъ предыдущаго, происходилъ «саксонской націи изъ дворянъ», родился въ 1768 году. Записанный въ службу въ л.-гв. Конный полкъ 7-го марта 1784 г., онъ 1-го января 1793 г. былъ произведенъ въ вахмистры конной гвардіи, а 4-го марта 1794 г. выпущенъ въ армію капитаномъ и въ апрѣлѣ опредѣлился провіантмейстеромъ провіантскаго штата. Состоя присутствующимъ въ Провіантской конторѣ, П., послѣ раздѣла Польши, былъ командированъ въ Варшавскую провіантскую коммиссію и за отличіе получилъ старшинство въ чинѣ съ 3-го мая 1796 года. Апрѣля 22-го 1797 г. П. былъ опредѣленъ помощникомъ Московскаго почтъ-директора (то-есть, своего брата Ивана Борисовича) съ чиномъ колл. асс., 30-го мая получилъ чинъ надв. сов., а 30-го октября того же года—чинъ коллежскаго совѣтника, при назначеніи своемъ на постъ Московскаго почтъ-директора, вмѣсто брата, переведеннаго на ту же должность въ Петербургъ. Уволенный отъ этой должности 2-го декабря 1799 г., онъ въ 1801 г. причисленъ былъ къ Герольдіи, а 28-го января 1806 г. опредѣленъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 8-й департаментъ Сената; 13-го марта того же года П. получилъ чинъ статскаго совѣтника и былъ прикомандированъ къ своему брату И. Б. Пестелю, тогда Сибирскому генералъ-губернатору, «для устроенія тамошняго края», и 19-го октября 1811 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; въ томъ же званіи онъ состоялъ и въ 1817 году; въ 1823—25 г. состоялъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ 8-мъ Департ. Сената.

Формулярный списокъ П. за 1817 г. въ Сенатскомъ Архивѣ; мѣсяцесловъ 1823 и 1825 г.

Пестель, *Павелъ Ивановичъ*, полковникъ, командиръ Вятскаго пѣхотнаго полка, главный дѣятель заговора декабристовъ; родился въ Москвѣ 24-го іюня 1793 года, казненъ въ Петербургѣ 13-го іюля 1826 года.

До 12 лѣтъ П. воспитывался въ домѣ своего отца, Ивана Борисовича (см. выше), съ 1805 г., въ теченіе 4 лѣтъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Владиміромъ (см. выше) учился за-границей, въ Дрезденѣ, подъ руководствомъ воспитателя Зейделя, впослѣдствіи вступившаго въ русскую службу. По возвращеніи въ Россію, П. поступилъ въ маѣ 1810 г. въ старшій классъ Пажескаго корпуса. Блестящія способности и прекрасная подготовка обращали на него общее вниманіе въ корпусѣ Экзамены въ октябрѣ 1810 г., такъ же какъ выпускные 1811 года, въ присутствіи государя, онъ выдержалъ первымъ по списку и былъ записанъ на мраморную доску (которая послѣ событій 14-го декабря была разбита и замѣнена другою). Въ декабрѣ 1810 г. онъ былъ произведенъ въ камеръ-пажи и 14-го декабря слѣдующаго 1811 года выпущенъ прапорщикомъ въ л.-гв Литовскій полкъ. Въ составѣ этого полка Пестель участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ французовъ съ апрѣля 1812 г до сраженія при Бородинѣ, въ которомъ, подъ самый вечеръ 26-го августа, былъ жестоко раненъ ружейною пулей въ ногу, съ раздробленіемъ костей и поврежденіемъ сухожилій; за отличіе въ этомъ сра-

женіи онъ получилъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость». Восемь мѣсяцевъ затѣмъ Пестель лѣчился въ Петербургѣ, въ домѣ родителей; въ маѣ 1813 г., съ незакрывшейся раной, изъ которой все еще выходили кусочки костей, онъ отправился за-границу, въ штабъ дѣйствовавшей арміи и здѣсь вскорѣ, 14-го августа, назначенъ былъ адъютантомъ къ главнокомандующему, графу Витгенштейну. За отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1813—1814 г. Пестель получилъ рядъ наградъ: за сраженія при Пирнѣ и при Дрезденѣ въ августѣ награжденъ чиномъ поручика, за Лейпцигскую битву—орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и австрійскимъ орденомъ Леопольда 3-й степени; за сраженіе при гор. Труа въ кампаніи 1814 г.—орденомъ св. Анны 2-го класса. По окончаніи войны П. былъ переведенъ, 21-го августа 1814 г., въ Кавалергардскій полкъ, съ оставленіемъ въ должности адъютанта гр. Витгенштейна, и получилъ въ этомъ полку чины штабсъ-ротмистра (1817 г.) и ротмистра (1818 г.). Въ сентябрѣ 1814 г., состоя при графѣ Витгенштейнѣ, онъ жилъ въ Митавѣ; въ апрѣлѣ 1815 г., сопровождая его, отправился въ дѣйствующую армію за-границу, и въ сентябрѣ вмѣстѣ съ нимъ возвратился въ Митаву (пробывъ короткое время у родителей въ Петербургѣ). Въ 1818 г. гр. Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ 2-й арміи, расположенной на югѣ. Съ этого времени Пестель нѣсколько лѣтъ провелъ въ Тульчинѣ, состоя при главной квартирѣ 2-й арміи, пользуясь величайшей довѣренностью главнокомандующаго, и въ особенности начальника штаба П. Д. Киселева. Киселевъ высоко цѣнилъ умъ и способности Пестеля, давалъ ему наиболѣе отвѣтственныя порученія по службѣ и сблизился съ нимъ дружески. А. А. Закревскій нѣсколько разъ въ письмахъ своихъ къ Киселеву предостерегалъ его объ опасности сближенія съ Пестелемъ. «Здѣсь говорятъ,—писалъ Закревскій въ іюнѣ 1819 г. изъ Петербурга,—что Пестель, адъютантъ его (Витгенштейна), все изъ него дѣлаетъ: возьми свои мѣры. Государь о немъ мнѣнія не перемѣнялъ и не перемѣнитъ. Онъ его, кажется, хорошо знаетъ». «До меня слухи доходятъ,—писалъ Закревскій въ сентябрѣ 1820 г.,—что тебя въ арміи не любятъ и что ты свободное время проводишь большею частью съ Пестелемъ... И какая связь дружбы соединила тебя съ Пестелемъ, о характерѣ и нравственности котораго ты писалъ мнѣ неоднократно?» Въ отвѣтъ на эти предостереженія Киселевъ указывалъ на достоинства Пестеля и не удалялъ его отъ себя.

Декабря 6-го 1819 г. Пестель переведенъ былъ въ Маріупольскій гусарскій полкъ съ производствомъ въ подполковники, а 20-го марта 1821 г. перечисленъ въ Смоленскій драгунскій полкъ. Въ 1821 г. онъ три раза командированъ былъ въ Бессарабію для собранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ Ипсиланти въ Молдавіи. Одна изъ записокъ его по этому вопросу обратила на себя вниманіе императора Александра I, который «остался весьма доволенъ яснымъ изложеніемъ всѣхъ подробностей этого дѣла». 1-го ноября 1821 г. Пестель произведенъ былъ въ полковники и 15-го ноября, 27 лѣтъ отъ роду, назначенъ командиромъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Полкъ этотъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и считался самымъ худшимъ во всей южной арміи. Его поручили Пестелю въ увѣренности, что онъ сумѣетъ водворить въ немъ дисциплину. Пестель прибылъ къ своему полку 8-го января 1822 г., и не прошло полъ-года, какъ дивизіонный генералъ, князь Сибирскій, сдѣлавъ смотръ полку, засвидѣтельствовалъ успѣшность стараній молодого командира въ слѣдующихъ словахъ приказа: «Впрочемъ, хотя и весьма короткое время вступленіе полковника Пестеля въ командованіе Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ, но усердіе его и жертвованіе даже собственныхъ денегъ на приведеніе полка не только въ должную исправность, но даже и видимое его желаніе сравнить полкъ, ему ввѣренный, съ лучшими,—столь успѣшно и очевидно, что остается только благодарить и ожидать перемѣны по полку во всѣхъ частяхъ и въ столь короткое время». Старанія Пестеля увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ приказѣ главнокомандующаго, послѣ смотра въ 1825 г., Вятскій полкъ поставленъ былъ въ числѣ тѣхъ шести полковъ, которые наиболѣе заслужили вниманіе начальства своими успѣхами, при чемъ было замѣ-

чено, что эти шесть полковъ стали наравнѣ съ лучшими полками во всей арміи.

Открывавшаяся передъ Пестелемъ блестящая военная карьера не удовлетворяла его честолюбія, служебная дѣятельность не наполняла его жизни, полученное имъ военное образованіе не казалось ему достаточнымъ; поэтому онъ началъ работать надъ пополненіемъ своихъ знаній и главнымъ интересомъ его стали занятія юридическими науками. Во всѣхъ отвѣтахъ Слѣдственному комитету Пестель самъ, съ замѣчательнымъ самосознаніемъ, выяснилъ, откуда возникъ въ немъ живой интересъ къ занятіямъ политической наукой и какимъ образомъ они приняли то направленіе, которое привело его на эшафотъ. Заговоръ декабристовъ былъ отголоскомъ политическихъ переворотовъ Западной Европы, подъ вліяніемъ ознакомленія нашей военной молодежи съ ея жизнью во время заграничныхъ походовъ александровскаго царствованія.

Пестель не могъ указать никого, кому бы онъ могъ приписать первое внушеніе воспринятыхъ имъ идей: онѣ развились въ немъ сами собой подъ вліяніемъ знакомства съ европейской жизнью, чтенія и размышленія о современномъ положеніи Россіи. Начальное знакомство съ юридическими науками Пестель получилъ изъ уроковъ профессора академика Германа, читавшаго эти науки въ Пажескомъ корпусѣ и подготовлявшаго его къ вступительному экзамену въ корпусъ. По выходѣ изъ корпуса, Пестель продолжалъ заниматься политическими и военными науками. Зимою 1816—1817 гг. онъ прослушалъ курсъ этихъ наукъ у академика Германа въ его квартирѣ на Васильевскомъ Островѣ, но почерпнулъ у него мало новыхъ познаній, потому что онъ въ приватныхъ лекціяхъ читалъ почти то же самое, что и въ Пажескомъ корпусѣ. Въ представленной Слѣдственному комитету своей, такъ сказать, политической исповѣди Пестель отмѣчаетъ тѣ событія и порядки внутренней жизни Александровскаго царствованія, которые возбудили въ немъ «внутренній ропотъ противу правительства». Наиболѣе возмущало его крѣпостное право и связанное съ нимъ привилегированное положеніе дворянства. Затѣмъ: военныя поселенія, «упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ», наконецъ, «преимущества разныхъ присоединенныхъ областей», т.-е. Финляндіи и Польши, которыя, какъ извѣстно, съ одной стороны, возбуждали чувство обиды въ русскихъ людяхъ, съ другой стороны, заставляли ихъ ожидать политической свободы и для Россіи; эти и другія наблюденія рисовали воображенію Пестеля «цѣлую картину народнаго неблагоденствія...» Вскорѣ онъ пришелъ къ убѣжденію, что единственныя средства для достиженія лучшихъ порядковъ заключаются въ революціи и установленіи республики. Убѣжденіе это возникло изъ соображеній о «возвращеніи Бурбонскаго дома на французскій престолъ», которыя онъ называетъ «епохою въ своихъ политическихъ мнѣніяхъ». Онъ замѣтилъ, что «бо́льшая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны», и что «тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій»,—и сдѣлалъ отсюда выводъ, что, слѣдовательно, «революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть весьма полезна». На укрѣпленіе Пестеля въ республиканскомъ образѣ мыслей повліялъ Новиковъ, членъ Союза благоденствія. Сильно повліяли на него также сочиненія извѣстнаго въ свое время французскаго публициста графа Детю де Траси (Destutt de Tracy: «Commentaire de l'esprit des lois»); затѣмъ, собственныя размышленія о республикахъ Греціи, Рима и Великаго Новгорода, наконецъ, газеты и политическія сочиненія, прославлявшія возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и приписывавшія это государственному ихъ устройству. Весьма сильно укрѣпили его, далѣе, въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей «происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи»: «Я въ нихъ находилъ, по моимъ понятіямъ, неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя

достаточныя причины недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя».

Плодомъ всѣхъ этихъ размышленій и изученій была написанная Пестелемъ въ формѣ законодательнаго акта, предназначавшагося для примѣненія въ жизни, «Русская Правда, или заповѣдная государственная грамата великаго народа россійскаго, служащая завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства и содержащая вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія». Слабая сторона этого проекта Пестеля замѣчена была, однако, уже современниками—членами Сѣвернаго общества.

Наиболѣе рѣшительный антагонистъ Пестеля, Никита Муравьевъ стоялъ за образованіе изъ Россіи федеративнаго государства по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Пестель считалъ федеративную систему неудобной вообще и совершенно пагубной для Россіи и составилъ направленное по адресу Муравьева обстоятельное разсужденіе о недостаткахъ федеративной системы, въ которомъ доказывалъ, между прочимъ, что, благодаря ей, Россія «снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльной системой, которая также ничто иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства», и, вслѣдствіе разнородности ея частей, «скоро потеряетъ не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими или главными государствами». Его идеаломъ было сильное, единое, тѣсно сплоченное государство. Для большей сплоченности государства онъ считалъ необходимымъ національное объединеніе входящихъ въ его составъ племенъ и народностей. «Россія,—провозглашалъ онъ,—есть государство единое и нераздѣлимое»,—нераздѣлимое, въ смыслѣ единства верховной власти, образа правленія и законовъ для всѣхъ частей государства. «Всѣ племена должны быть слиты въ одинъ народъ». Временное верховное правленіе должно было стремиться къ «совершенному обрусенію» всѣхъ племенъ, въ Россіи обрѣтающихся. Пестель обязывалъ временное верховное правленіе держаться такой политики не только по отношенію къ различнымъ русскимъ племенамъ (россіяне, малороссіяне, украинцы, бѣлоруссы), которыя различаются между собою только «малыми оттѣнками» и должны быть «слиты въ одну общую форму», но и по отношенію къ инороднымъ народностямъ, подчиненнымъ Россіи, напримѣръ, къ финляндцамъ. Разсматривая съ той же обрусительной точки зрѣнія положеніе всѣхъ народностей, живущихъ въ Россіи, Пестель повторялъ и всѣ обычныя антисемитическія обвиненія.

Совершенно иначе Пестель относится къ Польшѣ: для нея онъ требуетъ независимости, съ возстановленіемъ ея старыхъ границъ. На первый взглядъ онъ тутъ отрицаетъ всѣ только что установленные принципы: Финляндія не только должна быть лишена привилегированнаго положенія status in statu, дарованнаго ей Александромъ I, но и должна быть слита съ Россіей обрусительными мѣропріятіями; для Польши же не только не обрусеніе, но и полная независимость! Столь противорѣчивое отношеніе Пестеля къ полякамъ и финляндцамъ, а вмѣстѣ съ этими послѣдними и ко всѣмъ инородцамъ въ Россіи возникло изъ его боязни допустить хотя бы тѣнь федераціи. Благо государства (государственное благоустройство) требуетъ тѣснаго объединенія, полнаго сліянія всѣхъ частей, всѣхъ подчиненныхъ народностей. Но разъ подчиненная народность слишкомъ сильна для полнаго подчиненія и имѣетъ историческія права на самостоятельное національное существованіе, то Пестель предпочитаетъ дать ей независимость. Или сліяніе, или независимость: средняго рѣшенія онъ не допускаетъ. Въ польскомъ вопросѣ «право народности» побѣжденнаго должно пересилить, по его мнѣнію, права побѣдителя.

Что касается вопросовъ *сословныхъ*, то на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить крестьянскій вопросъ, сильно волновавшій умы декабристовъ. Мысль о необходимости освобожденія крестьянъ составляла одно изъ наиболѣе объединявшихъ ихъ, прочнѣйшихъ ихъ убѣжденій. Въ «Русской Правдѣ» «уничтоженіе рабства и крѣпостного состоянія возлагается на временное верховное правленіе, яко священнѣйшая и непремѣннѣйшая его

обязанность». «Обладать другими людьми, какъ собственностью своею,—писалъ Пестель—продавать, закладывать, дарить и наслѣдовать людей на подобіе вещей, употреблять ихъ по собственному своему произволу, безъ предварительнаго съ ними соглашенія и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и прихоти,—есть дѣло постыдное, противное человѣчеству, противное законамъ естественнымъ, противное святой вѣрѣ христіанской, противное, наконецъ, заповѣдной волѣ Всевышняго, гласящаго въ Священномъ Писаніи, что люди предъ нимъ всѣ равны и что одни дѣянія ихъ и добродѣтели разницу между ними составляютъ». Пестель указывалъ, что «важное предпріятіе»—освобожденіе крестьянъ—«требуетъ зрѣлаго обдуманія и весьма большую произведетъ въ государствѣ перемѣну» и поэтому рекомендовалъ верховному правленію «потребовать проекты отъ грамотныхъ дворянскихъ собраній и по онымъ мѣропріятія распорядить», но строго соблюдая слѣдующія главныя правила: «освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго», и—оно «должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе противу теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать». Этимъ вторымъ правиломъ устанавливалось освобожденіе крестьянъ съ землею. Пестель предполагалъ у помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 5.000 десятинъ, всю землю отобрать въ пользу ихъ крестьянъ, а помѣщикамъ дать взамѣнъ тѣ же 5.000 десятинъ изъ казенныхъ земель въ другой мѣстности, или возмѣстить имъ стоимость земли деньгами. У помѣщиковъ, имѣющихъ отъ 5.000 до 10.000 десятинъ, отбиралась бы на такихъ же условіяхъ только половина ихъ помѣстья. У владѣльцевъ же большихъ имѣній, болѣе 10.000 десятинъ, онъ полагалъ возможнымъ отобрать половину земли безвозмездно. Опасаясь, что освобожденіе крестьянъ произведетъ «волненія и безпорядки въ государствѣ», Пестель вмѣнялъ въ обязанность верховному правленію «*безпощадную строгость* употребить противу всякихъ нарушителей общаго спокойствія». Пестель, защитникъ свободы политической и гражданской, и въ частности свободы печати, въ этомъ случаѣ предписывалъ директорамъ верховнаго правленія роль Робеспьеровъ. Правъ былъ кн. Н. Трубецкой, говорившій Пестелю, что онъ законное самодержавное правленіе хочетъ замѣнить революціоннымъ деспотизмомъ.

Съ освобожденіемъ крестьянъ дворянство лишается главной своей привилегіи: Пестель требовалъ, чтобъ оно лишено было, вмѣстѣ съ рабовладѣльческой, и всѣхъ другихъ привилегій. Наравнѣ съ дворянскими привилегіями должны быть уничтожены привилегіи и другихъ сословій: «всѣ люди въ государствѣ имѣютъ одинаковое право на всѣ выгоды, государствомъ доставляемыя, и всѣ имѣютъ равныя обязанности нести всѣ тягости, нераздѣльныя съ государственнымъ устроеніемъ»: изъ сего слѣдуетъ, «что учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено, что всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее называться гражданскимъ и что всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть предъ закономъ всѣ равны».

Россійскимъ гражданамъ верховное правленіе должно обезпечить свободу личную, свободу вѣроисповѣданія, свободу книгопечатанія (съ отвѣтственностью авторовъ въ общемъ судебномъ порядкѣ), свободу промышленности. Но право составлять частныя общества съ опредѣленною цѣлью признается излишнимъ; всякія частныя общества «должны быть совершенно запрещены, какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а послѣднія вредны».

Что касается мѣстнаго управленія, то, по мысли Пестеля, всѣ граждане, приписанные къ волости, составляя земское собраніе, избираютъ представителей въ намѣстныя собранія: волостныя, уѣздныя и окружныя (губернскія). Земскія собранія составляются исключительно для выборовъ лицъ въ собранія намѣстныя. Окружныя (губернскія) намѣстныя собранія избираютъ представителей въ собранія областныя, а эти послѣднія и назначаютъ представителей въ народное вѣче, образующее верховную законодательную власть. Во главѣ управленія каждой области стоитъ генералъ-губернаторъ или главный областной по-

садникъ; ему подчинены шесть управъ (правосудія, благочинія, духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства, казначейства), члены коихъ: предсѣдатель, прокуроръ и трое засѣдателей назначаются отъ государя». Главный посадникъ (генералъ-губернаторъ) предсѣдательствуетъ въ областныхъ собраніяхъ, но «безъ совѣщательнаго голоса». Обязанности посадника опредѣлены, напр., такъ: «онъ есть главный блюститель области» и «обязанъ содержать связь между областными управами и между его областью и прочими частями государства», то-есть, наблюдать, «дабы справедливыя и законныя требованія одной управы непремѣнно исполняемы были другою».

Въ главѣ о приказѣ правосудія и о судоустройствѣ обращаетъ на себя вниманіе проектъ введенія суда присяжныхъ. Наравнѣ съ проектомъ освобожденія крестьянъ не лишены историческаго интереса мысли П. о судѣ присяжныхъ. Обстоятельно обсуждая недостатки и достоинства письменнаго, тайнаго суда и сравнивая ихъ съ преимуществами и недостатками западноевропейскаго словеснаго и публичнаго судопроизводства съ присяжными засѣдателями, онъ находилъ полезнымъ «соединить выгоды одного (судопроизводства) съ выгодами другого, удаляя неудобства обоихъ, сколько возможно». Письменное судопроизводство, само по себѣ, онъ предпочитаетъ устному (словесному), опасаясь вреднаго вліянія краснорѣчія адвокатовъ. и поэтому находитъ болѣе полезнымъ 1) «опредѣлить производству дѣлъ быть письменнымъ, а не словеснымъ», но, съ другой стороны, 2) «учредить присяжныхъ для разсмотрѣнія существа дѣла и признанія правыхъ и виноватыхъ, а судьямъ предоставить произносить приговоръ» и 3) «дозволить судопроизводству быть публичнымъ, чѣмъ весьма сильно и значительно будетъ подкрѣпляемо исполненіе первыхъ двухъ распоряженій». Присяжные должны назначаться не по выбору гражданъ или правительства, а по очередному списку. Рѣшеніе присяжныхъ состоитъ въ томъ, что они признаютъ подсудимаго виноватымъ или правымъ; при этомъ Пестель замѣчаетъ «что весьма было бы полезно прибавить, подобно римлянамъ, третій родъ рѣшенія, заключающійся въ объявленіи сумнѣнія. Таковое рѣшеніе давали бы присяжные въ томъ случаѣ, когда дѣло недовольно было бы ясно, дабы обвинить или совершенно оправдать». Въ разсужденіи о наказаніи Пестель излагаетъ взгляды передовой юриспруденціи. Наказанія должны быть одинаковы для всѣхъ, безъ различія сословій. «Наказаніе не есть мщеніе, но средство удержать другихъ людей отъ подобныхъ преступленій, исправить, если возможно, самого преступника, и поставить его въ невозможность нарушать впредь спокойствіе и благоденствіе общества и частныхъ онаго членовъ». Наказаніе, наконецъ, должно быть неизбѣжно и слѣдовать въ скорѣйшемъ времени за преступленіемъ. Смертная казнь никогда не должна быть употребляема. Хвала россійскому правительству, постигшему великую сію истину!»

Усвоивъ всѣ главныя идеи европейскаго либерализма, Пестель не остался чуждъ и соціалистическимъ ученіямъ. Теорія націонализаціи земельной собственности произвела на него сильное впечатлѣніе; но онъ не рѣшился, вслѣдъ за соціалистами, отвергнуть вполнѣ частную собственность; трудовая теорія обоснованія правъ частныхъ лицъ на землю представлялась ему очень вѣской. Поэтому онъ сдѣлалъ попытку средняго рѣшенія этой дилеммы, попытку согласовать существованіе частной земельной собственности съ соціалистическимъ ея обобществленіемъ.

Всѣ виднѣйшіе декабристы вышли изъ масонскихъ ложъ, возобновленныхъ въ половинѣ царствованія Александра I. Пестель тотчасъ по окончаніи курса въ Пажескомъ корпусѣ, въ началѣ 1812 г. вступилъ во французскую масонскую ложу въ Петербургѣ: «Les amis réunis», «Соединенныхъ друзей». Въ 1816 г. онъ перешелъ въ русскую масонскую ложу «Трехъ Добродѣтелей», къ которой принадлежали Муравьевы (всѣ четверо), и другіе будущіе декабристы и въ 1817 г. получилъ 3-ю степень. Осенью 1816 г. среди нѣсколькихъ членовъ этой ложи, не удовлетворенныхъ масонствомъ, возникла мысль объ учрежденіи тайнаго общества. Первыя лица, которыя бесѣдовали объ этомъ съ Пестелемъ, были Новиковъ, Никита Муравьевъ, князь

Сергѣй Трубецкой и Ѳедоръ Глинка. Въ январѣ 1817 г. составилось въ Петербургѣ общество *Истинныхъ и Вѣрныхъ сыновъ отечества*, или *Союзъ спасенія* (Пестель показывалъ въ Слѣдственной коммиссіи, что этого второго названія онъ никогда не слышалъ). Уставъ этого общества составленъ былъ Пестелемъ, при участіи кн. С. Трубецкого и кн. Долгорукова. Этотъ уставъ, въ подражаніе статутамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ, былъ основанъ на клятвахъ, правилахъ слѣпого повиновенія, и проповѣдывалъ насиліе, употребленіе кинжала и яда. Общество раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ; изъ этой послѣдней высшей степени избирались ежемѣсячно предсѣдатель, два блюстителя, или надзирателя и секретарь. Для принятія въ общество, опять въ духѣ масонскихъ ложъ, назначались торжественные обряды; члены давали клятву сохранять въ тайнѣ все, что имъ откроютъ, если оно будетъ и не согласно съ ихъ мнѣніемъ Первоначально, весьма короткое время, главною цѣлью общества было освобожденіе крестьянъ Но вмѣстѣ съ принятіемъ устава, вѣроятно, подъ вліяніемъ Пестеля, принято было цѣлью общества введеніе конституціоннаго правленія. Эту цѣль открывали только членамъ второй степени, а новопринимаемымъ членамъ говорили неопредѣленно о введеніи новаго порядка. Уставъ этотъ отвергнутъ былъ очень скоро—въ концѣ того же 1817 г., когда нѣсколько коренныхъ членовъ и въ томъ числѣ Пестель, уѣхали изъ Петербурга, а въ общество тѣмъ временемъ вступило нѣсколько новыхъ членовъ. Пестель объясняетъ это тѣмъ, что съ отъѣздомъ составителей устава «остальные члены находили разныя въ немъ недоумѣнія».

Въ концѣ 1817 г. Пестель вернулся въ Петербургъ, но въ это время большая часть коренныхъ членовъ общества, вмѣстѣ съ гвардіею, находилась въ Москвѣ. Тамъ они, на совѣщаніяхъ съ московскими членами общества (которые раньше, по словамъ Пестеля, составили самостоятельно особое тайное общество: Фонвизинъ, Якушкинъ, Колошинъ), преобразовали Союзъ спасенія въ Союзъ Благоденствія, выработавъ новый уставъ, такъ называемую «Зеленую книгу», коего главныя положенія заимствованы были изъ статута нѣмецкаго Tugend-Bund'a. Находившіеся въ Петербургѣ члены общества, въ томъ числѣ Пестель, изъявили согласіе на преобразованіе общества и приняли новый уставъ. Пестель на время затаилъ въ себѣ недовольство отказомъ общества отъ составленнаго имъ устава; у нѣкоторыхъ членовъ даже составилось впечатлѣніе, что Пестель «не признавалъ новаго Союза и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ правиламъ» (показ. Никиты Муравьева).

«Вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества Сыновъ отечества,—разсказываетъ Пестель,—появились мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя, однако же болѣе склонныя къ монархическому правленію. Сужденія и разговоры о семъ продолжались весь 1817, 1818 и 1819 годы. Первую мысль о республиканскомъ правленіи подалъ проектъ конституціи Новикова. Наконецъ, въ началѣ 1820 г. было назначено здѣсь въ Петербургѣ собраніе Коренной думы Союза благоденствія: такъ называлось собраніе всѣхъ наличныхъ въ Петербургѣ коренныхъ членовъ союза. Сія коренная дума по правиламъ Зеленой книги имѣла законодательную власть союза Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза благоденствія и первоначально въ оный вступили. Предсѣдателемъ Союза былъ тогда графъ Толстой, а блюстителемъ князь Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ Коренной думѣ, сверхъ предсѣдателя и блюстителя, еще Н. Тургеневъ, Лунинъ, Ѳ. Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я; да еще нѣкоторые другіе, о коихъ не упомню. Князь Долгоруковъ по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ Думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленій, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, было преніе заключено и объявлено, что голоса будутъ собираться такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, кого онъ желаетъ: монарха или президента, а подробности будутъ со вре-

менемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, тогда онъ сказалъ по-французски: «Le président sans phrase», то-есть, «Президентъ безъ дальныхъ толковъ». Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елисавету Алексѣевну».

То руководящее вліяніе на членовъ общества, котораго Пестель добивался въ Петербургѣ, онъ скоро достигъ на югѣ, въ Тульчинѣ, куда онъ переѣхалъ на постоянное жительство въ 1819 г. Тотчасъ по прибытіи сюда онъ началъ привлекать членовъ въ тайное общество: пріѣхавшій вскорѣ послѣ него въ Тульчинъ полковникъ Бурцовъ оказалъ ему дѣятельную помощь, и они вдвоемъ приняли въ теченіе 1819 г. девять человѣкъ членовъ, изъ которыхъ составили Тульчинскую Управу Союза Благоденствія. Бурцовъ, однако, очень мѣшалъ полному господству Пестеля въ Тульчинской управѣ. Онъ упорно противился взглядамъ Пестеля на цѣли и задачи дѣятельности Общества. Бурцовъ держался взглядовъ основателей Союза благоденствія и мечталъ не о революціи, но о мирномъ исправленіи нравовъ. Бурцовъ вышелъ изъ Общества вслѣдствіе постановленія московскаго съѣзда членовъ Общества въ февралѣ 1821 г. о закрытіи Союза благоденствія. Этотъ съѣздъ состоялся помимо участія Пестеля, и рѣшеніе съѣзда было для него полною неожиданностью. Онъ узналъ о назначеніи съѣзда въ Москвѣ, когда вопросъ объ этомъ былъ уже рѣшенъ и Якушкинъ пріѣхалъ въ Тульчинъ, чтобы пригласить депутатовъ. Пестель самъ не могъ ѣхать въ Москву и командировалъ депутатомъ отъ Тульчинской управы полковника Комарова; вмѣстѣ съ Комаровымъ поѣхалъ на съѣздъ полковникъ Бурцовъ, въ качествѣ коренного члена Союза. Постановленіе московскаго съѣзда о закрытіи Союза Благоденствія повело къ образованію въ мартѣ 1821 г. самостоятельнаго Южнаго общества подъ главенствомъ Пестеля. Этотъ моментъ въ исторіи декабристовъ мы изложимъ собственными словами Пестеля, которыя подтверждены были вполнѣ очными ставками его съ другими обвиняемыми и послужили источникомъ соотвѣтствующаго разсказа «Донесенія Слѣдственной коммиссіи»: «По возвращеніи Бурцова и Комарова изъ Москвы, узнали мы все тамъ происшедшее отъ Комарова прежде, нежели Бурцовъ по порученію о томъ въ думѣ объявилъ. Посему, прежде собранія думы, былъ у насъ о томъ разговоръ съ Юшневскимъ. Изъ неудовольствія всѣхъ членовъ нашей думы о московскомъ происшествіи видно ужъ было, что большая часть склонна не признать объявленнаго уничтоженія Союза. По сему обстоятельству говорилъ мнѣ Юшневскій прежде собранія думы, что онъ намѣренъ въ оной представить обо всѣхъ опасностяхъ и трудностяхъ предпріятія, дабы испытать членовъ и удалить всѣхъ слабосердыхъ, говоря, что лучше ихъ теперь отъ Союза при семъ удобномъ случаѣ удалить, нежели потомъ съ ними возиться. Когда дума была собрана и Бурцовъ объявилъ о московскомъ уничтоженіи Союза, а потомъ вышелъ, и за нимъ Комаровъ, тогда Юшневскій проговорилъ свою рѣчь, которая не только никого не удалила отъ Союза, но, напротивъ того, самолюбіе каждаго подстрекнула, и полковникъ Аврамовъ первый сказалъ, что ежели всѣ члены оставятъ Союзъ, то онъ будетъ его считать сохраненнымъ въ себѣ одномъ. Послѣ его всѣ члены объявили намѣреніе оставаться въ Союзѣ, и тутъ было замѣчено, что московская чрезвычайная дума имѣла порученіе переобразовать Союзъ и потому преступила границы своей власти, объявляя Союзъ уничтоженнымъ. А потому Тульчинская дума признаетъ Союзъ существующимъ съ прежнею цѣлью и въ прежнемъ значеніи. То и другое было подтверждено и при томъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны въ образованіи Союза. Всѣ тогда присутствовавшіе члены приняли названіе бояръ Союза и выбрали въ предсѣдатели Юшневскаго, меня и Никиту Муравьева, предполагая, что онъ, подобно намъ, не признаетъ уничтоженія Союза, ибо онъ не былъ въ Москвѣ». Тульчинская управа становилась главою Союза. Составлявшіе ее члены Аврамовъ, кн. Барятинскій, Басаргинъ, кн. Волконскій, Вольфъ, Давыдовъ, Ивашевъ, Крюковы 1-й и 2-й,

Юшневскій всецѣло подчинялись вліянію Пестеля. Бурцовъ, который одинъ только имѣлъ силы противиться авторитету Пестеля и мѣшалъ его непререкаемому господству, вышелъ изъ общества послѣ московскаго съѣзда. Юшневскій, генералъ-интендантъ 2-й арміи, выбранный вмѣстѣ съ Пестелемъ въ предсѣдатели Общества, не оспаривалъ его руководящаго вліянія, сдѣлавшись его тѣснымъ единомышленникомъ. На ближайшемъ собраніи Пестель произнесъ рѣчь о цѣляхъ Общества и всѣ согласились съ нимъ признать цѣлью установленіе республики. Названные выше члены общества (кромѣ не присутствовавшихъ на засѣданіи кн. Волконскаго и Давыдова) «раздѣляли», говоритъ Пестель: «всѣ со мною и цѣли, и способы достиженія ея безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое». Пестель положилъ въ основу устройства Общества уставъ, который онъ въ 1817 г. составилъ для общества «Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества» («Союза Спасенія»). Члены раздѣлялись на три степени: бояре, мужья и братья. Члены высшей степени: *бояре* присоединялись къ директоріи при обсужденіи важныхъ вопросовъ. *Мужья* имѣли право, такъ же какъ бояре, принимать новыхъ членовъ и имъ открывалась главная цѣль Общества—введеніе республиканскаго правленія. *Братья* были не полноправными членами, и истинная цѣль Общества отъ нихъ скрывалась: имъ сообщали о намѣреніи ввести новый конституціонный порядокъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій. Наконецъ, «члены пріуготовляемые, но еще не принятые, назывались *друзьями*. Сложныя масонскія обрядности устава 1817 г., однако, были оставлены. Принимая новыхъ членовъ, довольствовались ихъ честнымъ словомъ. Высшее правленіе Общества, директорія, должна была быть окружена тайной; члены директоріи должны были быть извѣстны однимъ только боярамъ. Но эти правила не соблюдались.

Не довольствуясь устройствомъ Южнаго общества, Пестель настойчиво стремился завязать постоянныя правильныя сношенія съ руководителями Сѣвернаго общества и объединить оба общества подъ управленіемъ одной, общей директоріи. Дѣятельность его въ этомъ направленіи въ теченіе 1823 г. не увѣнчалась успѣхомъ. Сношенія съ Петербургомъ за дальностью разстояній были очень затруднительны; приходилось ждать случайныхъ, большею частью служебныхъ поѣздокъ тульчинскихъ членовъ Общества въ Петербургѣ. Въ началѣ 1823 г. Пестель отправилъ къ Никитѣ Муравьеву письмо съ кн. Волконскимъ, въ которомъ извѣщалъ о программѣ Южнаго общества и просилъ увѣдомить о дѣйствіяхъ общества въ Петербургѣ. Муравьевъ въ отвѣтъ прислалъ ему свой проектъ конституціи, еще не оконченной. Ознакомившись съ этимъ проектомъ, Пестель, воспользовавшись поѣздкой въ Петербургъ Вас. Давыдова въ февралѣ 1823 г., послалъ Муравьеву длинное письмо, въ которомъ оспаривалъ его проектъ и разъяснялъ главныя черты своего конституціоннаго проекта. Въ іюнѣ того же года Пестель снова пишетъ Н. Муравьеву (съ княземъ Барятинскимъ), упрекая его въ бездѣятельности и указывая, что «лучше совсѣмъ разойтиться, нежели бездѣйствовать и все-таки опасностямъ подвергаться», и ставя въ примѣръ рѣшительность членовъ Южнаго общества «les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons faire maison nette». Вскорѣ затѣмъ, въ концѣ 1823 г., въ Петербургѣ узнали, что Пестель самъ ѣдетъ въ Петербургъ. Извѣстіе это произвело тревогу среди петербургскихъ членовъ Союза благоденствія, не сочувствовшихъ уничтоженію союза, но еще не успѣвшихъ хорошо организовать новое общество. О дѣятельности Пестеля на югѣ, о его вліяніи тамъ ходили преувеличенные слухи. Въ Петербургѣ Пестелю не довѣряли, опасались его вліянія и боялись его упрековъ въ бездѣятельности. Н. Муравьевъ, получивъ извѣстіе о пріѣздѣ Пестеля, рѣшилъ съ кн. Трубецкимъ, что «надобно для узнанія мыслей и состоянія общества Пестеля, показать ему что-нибудь здѣсь образованное»: пріѣздъ Пестеля послужилъ поводомъ для образованія въ Петербургѣ «управы» изъ трехъ членовъ, Никиты Муравьева, кн. Трубецкого и кн. Оболенскаго. На другой же день по прибытіи въ Петербургъ, въ началѣ 1824 г., Пестель посѣтилъ кн. Трубецкого и

велъ съ нимъ продолжительную бесѣду о дѣлахъ общества; онъ «жаловался», говоритъ Трубецкой: «что здѣсь вовсе ничего нѣтъ, никто ничего не хочетъ дѣлать, Муравьевъ не отвѣчалъ ни по письмамъ, ни по словеснымъ порученіямъ; выхвалялъ свое общество, какъ оно хорошо устроено, какъ хорошо идетъ, говорилъ, что и здѣсь должно устроить въ такомъ же порядкѣ, что для сего надобно непремѣнныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное отъ прочихъ къ нимъ повиновеніе, и что надобно слить оба общества вмѣстѣ, и чтобы управленіе ихъ было одно и то же, т.-е. одни управляющіе члены»...

Пестелю не удалось достигнуть этой цѣли. Главной причиной неуспѣха было принципіальное разногласіе его съ руководителями Сѣвернаго общества. Политическіе взгляды виднѣйшаго изъ нихъ, Никиты Муравьева, кореннымъ образомъ расходились со взглядами Пестеля. Его республинско-демократическому проекту Никита Муравьевъ противопоставилъ свой проектъ монархически-аристократической конституціи, его единому сплоченному государству—федеративную систему. Переговоры Пестеля въ Петербургѣ свелись къ единоборству съ Муравьевымъ; совѣщанія общества «походили болѣе на пренія авторскихъ самолюбій», какъ замѣтилъ кн. А. Барятинскій. Соглашенію сѣверныхъ членовъ съ Пестелемъ мѣшало укорененное въ нихъ Н. Муравьевымъ недовѣріе къ властолюбивому директору Южнаго общества, опасеніе, что онъ преслѣдуетъ личныя честолюбивыя цѣли. Рылѣевъ и Поджіо (младшій) говорили потомъ, что сѣверные члены отвергли «Русскую Правду», потому что опасались стремленія Пестеля къ диктаторству и потому, что Пестель, будто бы, требовалъ отъ нихъ слѣпого повиновенія одному директору. Довольно было Пестелю въ разговорѣ съ Рылѣевымъ отозваться о Наполеонѣ, что онъ истинно великій человѣкъ, отличавшій не знатность, а дарованія, и возвысившій Францію, какъ Рылѣевъ рѣшилъ, что Пестель выдаетъ себя, что онъ самъ мечтаетъ быть Наполеономъ, и нравоучительно замѣтилъ ему, что «въ наши дни даже и честолюбецъ, если только онъ благоразуменъ, пожелаетъ лучше быть Вашингтономъ, нежели Наполеономъ». Въ ожиданіи пріѣзда Пестеля въ Петербургъ Никита Муравьевъ предостерегалъ кн. Трубецкого, что Пестель «человѣкъ опасный и себялюбивый». Нѣкоторые члены Сѣвернаго общества думали соединиться съ Южнымъ нарочно для того, чтобы надзирать за Пестелемъ и противодѣйствовать ему. Кн. Трубецкой изъ разговоровъ съ Пестелемъ вынесъ убѣжденіе, что «онъ человѣкъ вредный и не должно допускать его усиливаться, но стараться всевозможно его ослабить»; онъ считалъ необходимымъ сохранить Сѣверное общество изъ опасенія, что если ихъ общество распадется, то Пестель «найдетъ средство завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть». Руководителямъ сѣвернаго общества казалось особенно подозрительнымъ предположеніе Пестеля объ учрежденіи временнаго верховнаго правленія съ почти неограниченною властью. Убѣдившись въ несговорчивости руководителей Сѣвернаго общества, Пестель сдѣлалъ попытку внести расколъ въ это общество и привлечь на свою сторону одного кн. Трубецкого; онъ предложилъ Трубецкому войти третьимъ членомъ въ южную директорію, въ качествѣ руководителя Сѣвернаго общества и при этомъ говорилъ, что такъ какъ Юшневскій мало занимается дѣлами, то Трубецкой вдвоемъ съ нимъ будутъ вершителями судебъ обоихъ соединенныхъ обществъ, Сѣвернаго и Южнаго. Кн. Трубецкой не согласился; «мы разстались», говоритъ онъ: «другъ другомъ недовольны»; Пестель вышелъ, сказавъ ему на прощанье: «стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а послѣдствіе докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ». Пестель говоритъ, что въ результатѣ всѣхъ переговоровъ ему удалось только заключить уговоръ со всѣми директорами Сѣвернаго общества «о единодушномъ дѣйствіи» въ случаѣ крайности, «что ежели они найдутся въ необходимости дѣйствіе начать, то мы ихъ должны поддержать и обратно они насъ». Неудача эта произвела сильное впечатлѣніе на Пестеля; послѣ своей поѣздки въ Петербургъ, онъ, какъ вѣрно замѣтилъ Н. Муравьевъ, «видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ

петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ конституціи, однакожъ не прислалъ». Когда кн. Волконскій ѣхалъ въ Петербургъ въ 1824 г., Пестель поручилъ ему переговорить о дѣлахъ общества только съ однимъ княземъ Е. Оболенскимъ. Петербургскіе члены очень интересовались дѣятельностью Пестеля на югѣ, по прежнему относясь къ ней съ недовѣріемъ, и когда князь Трубецкой въ исходѣ 1824 г. по дѣламъ службы отправился въ Кіевъ, то они поручили ему наблюдать за Пестелемъ, который, какъ они говорили, «вовсе отдѣлился» отъ Сѣвернаго общества.

Ходившіе среди членовъ Сѣвернаго общества слухи о вліяніи Пестеля и о силѣ организованнаго имъ Южнаго общества были преувеличены. Въ началѣ 1821 г., какъ мы говорили, тульчинскіе члены общества согласно рѣшили не признавать постановленія московскаго съѣзда объ уничтоженіи Союза благоденствія и выбрали одиногласно директорами Пестеля и Юшневскаго. Это были полк. Павелъ Аврамовъ, поруч. Николай Басаргинъ, ротм. Василій Ивашевъ, шт.-лѣкарь Христіанъ Вольфъ, шт.-ротм. кн. Александръ Барятинскій, поруч. Александръ Крюковъ 1-й и Николай Крюковъ 2-й. Они «раздѣляли всѣ со мною», говорилъ Пестель: «и цѣль, и способы достиженія ея безъ изъятія и безъ всякихъ оговорокъ и противорѣчій опредѣлили и подтвердили то и другое». Въ отношеніи къ помянутому засѣданію начала 1821 г. эти слова Пестеля были совершенно вѣрны: нѣкоторые изъ обвиняемыхъ, пытавшіеся отрицать справедливость этого обвиненія, тотчасъ же, какъ только Слѣдственный комитетъ назначалъ имъ очную ставку съ Пестелемъ, сознавались въ своей винѣ, не допуская до очной ставки. Но не слѣдуетъ заключать изъ этого, что названные тульчинскіе члены и послѣ 1821 г. были настроены такъ же единодушно и рѣшительно, что они составляли тѣсный кружокъ единомышленниковъ, вполнѣ подчинявшихся вліянію выбраннаго ими директора и дѣйствовавшихъ по его указаніямъ. Ничего подобнаго: только что сплотившись, кружокъ началъ распадаться и во всякомъ случаѣ не дѣйствовалъ; единодушія и энергіи хватило только на два засѣданія; вліяніе Пестеля было велико, но власть его была очень ограничена. Участники указаннаго собранія одобрили всѣ планы Пестеля о революціи и республикѣ, но это рѣшеніе для большинства было минутнымъ порывомъ. Единодушію кружка мѣшали также личныя свойства Пестеля: онъ не убѣждалъ, но увлекалъ или подавлялъ своихъ товарищей. «Весьма часто», говоритъ Басаргинъ: «въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но, не рѣшаясь съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ и говорили безъ него о семъ между собою». Его явное превосходство и властолюбивый характеръ дѣйствовали на многихъ отталкивающе. На другой же день послѣ избранія Пестеля директоромъ, случайно сошлись трое изъ участниковъ засѣданія: Басаргинъ, Ивашевъ и Вольфъ. Ивашевъ началъ разсуждать, что «Пестель, будучи избранъ директоромъ, достигъ цѣли своихъ желаній и теперь будетъ располагать членами по своему произволу», и тутъ же всѣ трое собесѣдниковъ согласились дѣйствовать за одно противъ Пестеля, «не желая быть руководимы противъ всѣхъ мнѣній и правилъ». «Не знаю», разсказывалъ Басаргинъ: «узналъ ли о семъ полковникъ Пестель, или нѣтъ, но можно сказать, что симъ разговоромъ кончилось наше участіе въ обществѣ, ибо по нежеланію-ли быть опровергаему, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, Пестель о дѣйствіяхъ общества и о своихъ намѣреніяхъ ничего болѣе намъ не говорилъ». Басаргинъ вскорѣ уѣхалъ въ Крымъ. Ивашевъ въ началѣ 1821 г. былъ очень близокъ къ Пестелю; онъ жилъ у него на квартирѣ, читалъ тогда отрывки изъ его «Русской Правды», но въ августѣ 1821 г. онъ отправился на воды на Кавказъ лѣчиться и также, какъ Басаргинъ, отдалился отъ Пестеля. Въ концѣ 1821 г. уѣхалъ изъ Тульчина также Крюковъ 1-й. Также скоро отстранился отъ Пестеля полковникъ Аврамовъ. Изъ числа тульчинскихъ членовъ сохранили близость къ Пестелю только двое: кн. А. Барятинскій и Крюковъ 2-й. Кн. А. П. Ба-

рятинскій, воспитанникъ іезуитовъ, плохо знавшій русскій языкъ, былъ довольно дѣятельнымъ членомъ, вполнѣ послушнымъ Пестелю (позднѣе, въ 1825 г. Пестель поручилъ ему руководство Тульчинской управой). Крюковъ 2-й позднѣе успѣшно привлекалъ въ общество новыхъ членовъ. Самъ Пестель, преувеличивающій въ видахъ самозащиты значеніе организаціи Общества, заявляетъ, что «Тульчинская управа *съ самаго 1821 года впала въ бездѣйствіе*». Вѣрнѣе будетъ сказать, что Тульчинской управы, какъ организованнаго сообщества, вовсе не существовало: члены ея ни разу не собирались на совѣщаніе. Пестель сначала далъ занятіе Ивашеву, Крюкову 1-му и Барятинскому: дѣлать выписки изъ книги Барюеля о тайныхъ обществахъ, но они не исполнили его порученія. Участіе членовъ въ дѣлахъ общества ограничивалось принятіемъ немногихъ новыхъ членовъ. Тульчинскіе члены въ теченіе 5 лѣтъ привлекли въ общество 12 человѣкъ. Эти вновь вступившіе члены всѣ мало соотвѣтствовали видамъ Пестеля и большею частью были совершенно не подготовлены къ усвоенію его идей. Два—три новыхъ члена приняты были въ 1821 г, остальные послѣ нѣкотораго перерыва въ 1824—1825 г., большею частью Крюковымъ 2-мъ. Послѣдній долгое время находился въ Немировѣ, на съемкѣ Подольской губерніи, въ компаніи молодыхъ офицеровъ квартирмейстерской части и привлекъ ихъ въ общество. Но эти члены не только не дѣйствовали, но и такъ мало знали объ истинныхъ цѣляхъ и планахъ общества, что Верховный уголовный судъ причислилъ ихъ къ VII-му разряду преступниковъ Старанія самаго Пестеля по привлеченію новыхъ членовъ оказались очень неудачными; онъ принялъ въ общество одного только Майбороду.

Помимо генералъ-интенданта 2-й арміи, Алексѣя Юшневскаго, второго «директора» общества, у Пестеля было только два близкихъ къ нему единомышленника, вполнѣ подчинявшихся его вліянію,—отст. полк. Василій Давыдовъ и генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій. Они всегда соглашались съ Пестелемъ на засѣданіяхъ общества, не поверхностно усвоенныя ими идеи Пестеля не составляли ихъ твердыхъ убѣжденій. Они относились къ дѣлу слишкомъ пассивно и также почти не дѣйствовали. «Клянусь», показывалъ Давыдовъ на слѣдствіи: «что я и Волконскій не давали никакой важности симъ рѣчамъ (рѣчамъ Пестеля о цареубійствѣ), и я думаю о Юшневскомъ то же, почитая все сіе пустыми словами. Конечно, мудрено мнѣ сіе доказать, но если бы извѣстно было, какъ происходили таковые разговоры, какъ мало, вышедши изъ той комнаты, гдѣ ихъ слышали, о нихъ мы думали, оно бы понятно было... Къ несчастью моему, когда я услышалъ другія рѣчи и мнѣнія (болѣе рѣшительныя, о приступѣ къ дѣйствіямъ), имѣлъ постыдную слабость не возражать, а потакать онымъ, боясь казаться слабымъ и безхарактернымъ, но не вѣрилъ никогда исполненію. Въ послѣднія времена я началъ образумѣвать, и если бы не такъ скоро открыто было общество, ни меня, ни Волконскаго въ немъ бы не нашли». Это показаніе кажется вполнѣ искреннимъ и прекрасно характеризуетъ отношеніе къ обществу двухъ друзей Пестеля. Давыдовъ и кн. Волконскій были, говоритъ Пестель, руководителямъ второй управы, правой или Каменской (по мѣсту ихъ жительства въ сел. Каменкѣ), образованной вмѣстѣ съ двумя другими управами, Тульчинской и Васильковской, въ 1823 г. «Каменская управа», признается Пестель: «дѣйствовала вяло». На самомъ дѣлѣ ея, также какъ Тульчинской, не существовало. Кн. Волконскій и Давыдовъ даже не старались привлекать новыхъ членовъ. Не дѣлая ничего по своей управѣ, они участвовали только нѣсколько разъ въ общихъ засѣданіяхъ руководителей управъ, причемъ всегда пассивно соглашались съ мнѣніемъ Пестеля. Кн. Волконскій, кромѣ того, какъ мы упоминали, два раза, по порученіямъ Пестеля, велъ переговоры въ Петербургѣ съ руководителями Сѣвернаго общества. Изъ членовъ Каменской управы ревностнымъ дѣятелемъ былъ одинъ лишь отставной подполк. А. В. Поджіо, принятый съ 1823 г., «пламенный членъ, неукротимый въ словахъ и сужденіяхъ».

Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества были, помимо Пестеля, *Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ*, подполковникъ Черниговскаго

пѣхотнаго полка, и *Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ*, подпоручикъ Полтавскаго пѣхотнаго полка. Сергѣй Муравьевъ присоединился къ Южному обществу въ 1822 г., а черезъ него въ 1823 г. принятъ былъ М. Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля, а сначала, въ особенности С. Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи; но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ, объявили, что перемѣнили свои мнѣнія и вполнѣ принимаютъ программу Пестеля. «Русская Правда», въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они затѣмъ дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями Васильковской, или лѣвой управы. Оба они отличались крайнею пылкостью характера, фанатическою преданностью преступнымъ идеямъ. Послушные Пестелю каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишкомъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собой. Они, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ членовъ, присоединили къ Васильковской управѣ открытое ими Общество соединенныхъ славянъ; они же первые начали сношенія съ поляками. Первый познакомился съ членами польскаго тайнаго патріотическаго союза М. Бестужевъ. Пестель разрѣшилъ ему продолжать переговоры съ ними, но при этомъ настойчиво указывалъ ему, чтобы «онъ отнюдь не терялъ изъ виду выгодности нашего положенія въ отношеніи къ полякамъ, и имъ давалъ чувствовать, что мы безъ нихъ можемъ обойтиться, а они безъ насъ никакъ». Вслѣдъ за Бестужевымъ и Муравьевымъ Пестель и самъ имѣлъ одно совѣщаніе съ польскими депутатами Яблоновскимъ и Гродецкимъ въ концѣ 1825 г. Васильковская управа къ концу 1824 г. была по числу членовъ больше обѣихъ другихъ управъ вмѣстѣ. Она была гораздо дѣятельнѣе, но и гораздо независимѣе отъ директоріи и большею частью только сообщала къ свѣдѣнію директоріи о своихъ дѣйствіяхъ. Въ виду этого, съ цѣлью тѣснѣе сплотить общество и ослабить самостоятельность С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его директоромъ общества, третьимъ членомъ директоріи.

Разработавъ планъ революціонныхъ дѣйствій и вкоренивъ его въ умы членовъ Южнаго общества, Пестель не спѣшилъ приступать къ его осуществленію, сознавая слабость силъ общества. Онъ соглашался на начатіе дѣйствій только уступая настояніямъ пылкаго и опрометчиваго Сергѣя Муравьева-Апостола. Васильковская управа, руководимая Муравьевымъ, едва не начала мятежа еще въ 1823 г., когда войска 9-й дивизіи 3-го корпуса, въ которой служили офицерами сочлены управы, стояла въ Бобруйскѣ. Въ 1824 г. Муравьевъ, со своими ближайшими единомышленниками, составилъ планъ открыть мятежъ во время ожидавшагося высочайшаго смотра войскъ 3-го корпуса въ 1826 году у Бѣлой Церкви. Пестель съ всегда послушными ему Юшневскимъ, Давыдовымъ и кн. Волконскимъ сильно спорили противъ этого плана на кіевскихъ контрактахъ 1825 г. и «совершенно его опровергнули». Пылкіе васильковскіе члены общества едва не начали мятежа, безъ соглашенія съ Пестелемъ, въ августѣ 1825 г., во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ,—по совершенно случайному поводу отнятія команды надъ полкомъ у одного изъ сочленовъ ихъ, Повало-Швейковскаго. По настоянію Швейковскаго, они согласились тутъ же, въ Лещинѣ, отложить начало дѣйствій до мая 1826 г., рѣшившись во что бы то ни стало привести въ исполненіе прежній свой планъ возмущенія у Бѣлой Церкви, во время ожидавшагося высочайшаго смотра. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ Пестелю во второй половинѣ 1825 г. и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Васильковской управы. Пестель на этотъ разъ не высказался рѣшительно противъ. Сознаніе слабости силъ общества заставляло Пестеля охлаждать рвеніе Муравьева и Бестужева; но онъ не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ со всей энергіей, изъ боязни внести расколъ въ Южное общество. «Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ», говорилъ Пестель: «однакожъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него».

*

Опасность открытія заговора, усиливаемая неосторожностью членовъ Васильковской управы, побудила Пестеля относиться болѣе сочувственно къ плану скорѣйшаго начатія мятежа. «Когда отъ разговора съ другими членами»; говорилъ онъ Слѣдственной коммисіи: «мнѣ живо представлялась опасность наша и необходимость дѣйствовать, тогда воспламенялъ я и оказывалъ готовность при необходимости обстоятельствъ начать возмущеніе и въ семъ смыслѣ говорилъ. Но послѣ того, обдумывая хладнокровнѣе, рѣшался я лучше собою жертвовать, нежели междоусобіе начать... Сіе совершеннѣйшая истина».

Дѣятельность Пестеля сильно ослабѣла въ 1825 году. Чѣмъ ближе становилась развязка, тѣмъ трезвѣе смотрѣлъ онъ на дѣло. Сознаніе слабости общества парализовало его энергію. Наиболѣе страшилъ его недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Неудача его попытки сплотить оба общества оставила въ его душѣ глубокій слѣдъ. Онъ охладѣлъ даже къ своему излюбленному труду «Русской Правдѣ» и въ теченіе 1825 г. не написалъ ничего; если бы онъ вѣрилъ въ успѣхъ дѣла, онъ не замедлилъ бы закончить хотя бы вчернѣ «Русскую Правду», которая, по его мысли, являлась залогомъ успѣха. Въ серединѣ ноября правительство уже имѣло вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ. Въ послѣднихъ числахъ ноября Пестель счелъ необходимымъ скрыть всѣ свои бумаги. На основаніи доноса капитана Вятскаго полка Майбороды (котораго самъ П. за годъ передъ тѣмъ принялъ въ общество) 13-го декабря 1825 г. Пестель былъ арестованъ. Главнокомандующій 2-й арміи графъ Витгенштейнъ поручилъ произвести слѣдствіе генералъ-адъютантамъ Чернышеву и Киселеву. Во время нахожденія Пестеля подъ арестомъ, кн. Волконскому удалось обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами. «Prenez courage», сказалъ онъ, и Пестель отвѣчалъ: «Je n'en manque pas, ne vous inquiétez pas». Онъ обѣщалъ не выдать никого. Изъ 38 вопросовъ, предложенныхъ ему Киселевымъ и Чернышевымъ 22-го декабря 1825 года, Пестель увидѣлъ, что слѣдователи знаютъ уже все существенное о тайномъ обществѣ и заговорѣ, но на всѣ вопросы отвѣтилъ незнаніемъ. «Никто изъ членовъ тайнаго общества мнѣ неизвѣстенъ», писалъ онъ въ своихъ письменныхъ отвѣтахъ; «не имѣя никакого понятія объ упоминаемомъ тайномъ обществѣ, ничего не могу объяснить о средствахъ, имъ придуманныхъ»; «я никакихъ законовъ не писалъ и потому главныя черты оныхъ объяснить не могу»... Переведенный затѣмъ въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость, и узнавъ, что послѣ 14-го декабря большая часть членовъ общества уже арестована, Пестель пересталъ упорствовать и въ одномъ изъ первыхъ допросовъ въ Петербургѣ назвалъ фамиліи всѣхъ участниковъ тайныхъ обществъ съ 1817 г., какихъ только могъ припомнить. Сначала онъ разсказалъ объ устройствѣ и цѣляхъ тайныхъ обществъ въ общихъ чертахъ, но затѣмъ, увидѣвъ изъ вопросовъ, предлагавшихся Слѣдственнымъ комитетомъ, что другіе обвиняемые не скрываютъ ничего, кромѣ того, что могло послужить къ отягченію собственной вины, онъ въ длинныхъ письменныхъ отвѣтахъ раскрылъ всѣ подробности образованія и устройства обществъ, ихъ плановъ и заговоровъ. Показанія Пестеля лучше всего уясняютъ общую внутреннюю исторію тайныхъ обществъ, причины ихъ возникновенія, ихъ организацію и развитіе, борьбу господствовавшихъ въ нихъ идей. Его соучастники, въ цѣляхъ самозащиты, взвели на него много не столько прямо невѣрныхъ, сколько преувеличенныхъ обвиненій. Чтобъ оправдать себя, нѣкоторые всѣ свои преступныя идеи приписывали вліянію злого генія Пестеля. На вопросъ Комитета: «Кто изъ членовъ наиболѣе стремился къ распространенію и утвержденію мнѣній и къ самому началу дѣйствій общества совѣтами, сочиненіями и вліяніемъ своимъ на другихъ?» — большая часть южныхъ членовъ согласно называла Пестеля. Полковникъ П. В. Аврамовъ отвѣтилъ: «Пестель надъ всѣми тульчинскими членами имѣлъ поверхность и, можно сказать, одинъ дѣйствовалъ». Къ этому онъ прибавлялъ слѣдующую гибельную для Пестеля тираду: «ежеминутно обдумывая горестное мое положеніе, могу сказать, что ввергнутъ въ оное не собственнымъ преступнымъ какимъ-либо желаніемъ, но чрезъ обманъ

меня полковникомъ Пестелемъ, злѣйшимъ изъ людей, съ коими я встрѣчался когда-либо въ жизни моей». Другіе объясняли, какъ поддавались они Пестелю, соглашались противъ воли съ его мнѣніями, не имѣя силъ противостоять его авторитету. «Помню», разсказывалъ В. Давыдовъ: «объ одномъ собраніи у кн. Волконскаго... Пестель говорилъ о разныхъ предметахъ своихъ проектовъ... Противъ всѣхъ статей я покушался говорить, но имѣлъ слабость противъ своихъ мнѣній уступить мнѣнію Пестеля, какъ и въ важнѣйшихъ, къ несчастью, разговорахъ». Ту же самую черту въ отношеніяхъ членовъ общества къ Пестелю отмѣчаетъ Н. В. Басаргинъ: «весьма часто, въ нѣкоторыхъ даже ничтожныхъ разговорахъ, намъ казалось, что Пестель разсуждаетъ несправедливо, но, не рѣшаясь съ нимъ спорить, мы оставляли его при его мнѣніяхъ и говорили безъ него о семъ между собою».

Члены Тульчинской управы имѣли полное основаніе указывать на сильное вліяніе Пестеля. Въ важный моментъ возникновенія Южнаго общества послѣ закрытія Союза благоденствія, Пестель сыгралъ рѣшающую роль. Говоря о совѣщаніи въ Тульчинѣ, на которомъ рѣшено было не признавать московскаго постановленія о закрытіи общества, Слѣдственный комитетъ указывалъ Пестелю 1-го апрѣля 1826 г.: «Бурцовъ и Юшневскій утверждаютъ, что когда Бурцовъ въ собраніи тульчинскихъ членовъ объявилъ объ уничтоженіи союза, то вы первые, возвыся голосъ, доказывали, что московскіе члены не имѣли права прекращать онаго, и что вы рѣшились продолжать его. По отзыву же прочихъ, тутъ присутствовавшихъ, ваши доказательства и вліяніе и рѣчь Юшневскаго были главнымъ для нихъ убѣжденіемъ». Признавая свое вліяніе на исходъ этого засѣданія, Пестель въ оправданіе указывалъ на общее расположеніе умовъ, на настроеніе членовъ, облегчавшее его задачу. Онъ говорилъ, что въ Тульчинѣ еще раньше сообщенія Бурцова знали (отъ Комарова) о рѣшеніи московскаго съѣзда и что «въ сіе время показывали всѣ члены неудовольствіе свое на счетъ уничтоженія союза московскимъ засѣданіемъ, и изъ сего неудовольствія... видна была склонность ихъ не признавать уничтоженія общества». Затѣмъ Пестель сознавался: «если бы я въ сіе время сталъ говорить въ пользу уничтоженія общества и при томъ бы объявилъ, что оное признаю и отъ общества удаляюсь и отстаю, да если бы къ тому же и Юшневскій меня въ томъ поддержалъ, то я точно полагаю, *что мы успѣли бы прочихъ членовъ уговорить общество прекратить*, и я, конечно, долженъ всегда въ томъ себя упрекать, что сіе не сдѣлалъ. Однако же прежде еще собранія думы для выслушанія Бурцова, показывали уже всѣ члены свое неудовольствіе о томъ, что въ Москвѣ было рѣшено, и въ то же время показывалъ и я свое о томъ же неудовольствіе: а потому, ежели сіе на нихъ такъ сильно подѣйствовало, какъ они говорятъ, то тѣмъ сильнѣе дѣлается моя скорбь, что однимъ вліяніемъ своимъ вовлекъ ихъ въ несчастный путь тайнаго общества; *но, какъ мнѣ кажется, то по ихъ тогдашнему расположенію духа было достаточно на то рѣшимости въ нихъ самихъ*». «Рѣшимость» сочленовъ, дѣйствительно, нѣсколько смягчала вину ихъ руководителя. Но слѣдуетъ замѣтить, что у большинства членовъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго, преступная рѣшительность была минутнымъ порывомъ, у другихъ она была слѣдствіемъ необузданной пылкости характера, и только у Пестеля она была сознательнымъ, послѣдовательнымъ разсчетомъ. Руководящая роль Пестеля въ дѣлѣ возникновенія, развитія и сплоченности Южнаго общества ясно вытекала изъ всѣхъ показаній обвиняемыхъ. Въ защиту свою Пестель старался ослабить самостоятельное значеніе Южнаго общества. Онъ настаивалъ на тѣсной преемственной связи Южнаго общества съ Союзомъ благоденствія и упорно проводилъ взглядъ на Южное и Сѣверное общества, какъ на два округа единаго, сохранившагося вопреки рѣшенію московскаго съѣзда, Союза благоденствія. Южное общество онъ называетъ не иначе, какъ южнымъ округомъ. Изъ собственныхъ же его показаній видно, однако, что Южное и Сѣверное общества были совершенно обособлены, что между ними не было, не смотря на старанія Пестеля, ни единства цѣлей, ни единства управленія и устройства. Благодаря настойчивости Пестеля, Юж-

ное общество, или «южный округъ союза», покорно приняло и затѣмъ неуклонно держалось его выработанной, вполнѣ опредѣленной программы введенія республики посредствомъ революціоннаго образа дѣйствій и цареубійства. Это опять-таки вытекало съ очевидностью изъ показаній всѣхъ членовъ. Чтобы ослабить это обвиненіе, Пестель утверждалъ, что проводившаяся имъ программа, республиканская и революціонная, была принята Союзомъ благоденствія въ 1820 г. до образовавшагося въ немъ раскола, и что руководимое имъ Южное общество только сохранило развившіяся помимо него идеи петербургской Коренной думы Союза благоденствія. Поэтому Пестель настойчиво придавалъ исключительное значеніе тому засѣданію петербургской думы Союза въ 1820 г., на которомъ всѣ члены голосовали въ пользу республики; онъ говорилъ объ этомъ рѣшеніи, какъ о правильномъ постановленіи законодательной власти союза; но однажды самъ же неосторожно ослабилъ этотъ пунктъ своей защиты, указавъ, что члены союза вообще отличались крайней неустойчивостью мнѣній: «вообще въ Союзѣ съ самаго его начала до самаго конца ни одно правило не было постояннымъ образомъ въ памяти членовъ и весьма часто то, что сегодня было рѣшено, завтра опять поступало на сужденіе и споръ». Другіе члены были ближе къ истинѣ, когда утверждали, что участники засѣданія смотрѣли на указанное рѣшеніе, какъ на одинъ изъ «разговоровъ». Комитетъ замѣтилъ это противорѣчіе въ показаніяхъ Пестеля, но онъ на послѣдующихъ допросахъ опять повторялъ, что Южное общество только держалось программы, принятой Союзомъ въ 1820 г.

Преступную мысль о цареубійствѣ раздѣляли очень многіе члены тайныхъ обществъ. Но никто не пропагандировалъ ее такъ послѣдовательно, какъ Пестель, у котораго она составляла необходимый пунктъ разработанной программы революціи.

Комитетъ по дѣлу 14-го декабря въ результатѣ слѣдствія такъ охарактеризовалъ Пестеля и его участіе въ преступной дѣятельности тайнаго общества: «онъ безпрерывно и ревностно дѣйствовалъ въ видахъ общества съ самаго вступленія по самое его арестованіе. Онъ не только самовластно управлялъ Южнымъ обществомъ, но имѣлъ рѣшительное вліяніе и на дѣла Сѣвернаго. Онъ господствовалъ надъ сочленами своими, обворожалъ ихъ обширными познаніями и увлекалъ силою слова къ преступнымъ намѣреніямъ его разрушить существующій образъ правленія, ниспровергнуть престолъ и лишить жизни августѣйшихъ особъ императорскаго дома; словомъ, онъ былъ главою общества и первѣйшею пружиной всѣхъ его дѣйствій».

Пестель былъ человѣкъ большого ума, широкаго образованія, властной силы характера. Пушкинъ записалъ въ дневникѣ послѣ свиданія съ нимъ: «умный человѣкъ во всемъ смыслѣ этого слова... одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Главнокомандующій гр. Витгенштейнъ говорилъ, что онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ и на посту министра, и въ командованіи арміей. Гр. П. Д. Киселевъ дорожилъ его обществомъ. Такихъ людей, какъ его тульчинскіе сочлены, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ,—Пестель совершенно подавлялъ силой своей личности и знаній, подчинялъ себѣ до полнаго ихъ обезличенія. Болѣе сильные люди, какъ Рылѣевъ, удалялись отъ него изъ боязни, что онъ подчинитъ ихъ себѣ противъ ихъ воли. На членовъ Южнаго общества онъ имѣлъ, дѣйствительно, громадное вліяніе. Рано усвоивъ революціонныя и республиканскія идеи, разработавъ программу какъ революціи, такъ и новыхъ свободныхъ учрежденій, онъ сталъ настойчиво ихъ пропагандировать въ Союзѣ благоденствія еще въ 1820 году. Въ Тульчинѣ въ 1821 г. онъ организовалъ небольшой кружокъ единомышленниковъ, подчинивъ ихъ своему вліянію, и затѣмъ успѣлъ распространить свои идеи въ болѣе широкомъ кругѣ членовъ Южнаго общества. Онъ настойчиво проводилъ свои идеи и въ Сѣверномъ обществѣ, стремясь объединить его съ Южнымъ, подчинивъ своему вліянію, и успѣлъ найти въ Петербургѣ нѣсколько приверженцевъ. Когда его болѣе пылкіе и опрометчивые сотоварищи по обществу, проникшись его идеями, начали составлять планы немедленнаго осуществленія его революціонной про-

граммы, онъ сдерживалъ ихъ, но единственно потому, что находилъ рѣшительныя попытки ихъ преждевременными, по слабости общества, а иногда и одобрялъ ихъ, въ свою очередь увлекаемый ими впередъ по пути, имъ же самимъ указанному. Верховный Уголовный судъ, учрежденный 1-го іюня 1826 г., имѣлъ, поэтому, полное основаніе не только выдѣлить Пестеля изъ общихъ разрядовъ подсудимыхъ, вмѣстѣ съ непосредственными руководителями и главными участниками мятежа: Кондр. Рылѣевымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, Мих. Бестужевымъ-Рюминымъ, Петромъ Каховскимъ,—но и поставить его среди нихъ на первое мѣсто. Это рѣшеніе Верховнаго Уголовнаго суда основано было на постановленіи образованной изъ членовъ суда «разрядной коммиссіи» (коммиссіи для опредѣленія разрядовъ преступниковъ), предсѣдателемъ коей былъ М. М. Сперанскій. Верховный Уголовный судъ приговорилъ пятерыхъ преступниковъ «внѣ разрядовъ» къ смертной казни четвертованіемъ. Императоръ Николай I указомъ 10-го іюля 1826 г., смягчивъ приговоръ суда почти по всѣмъ разрядамъ, повелѣлъ сдѣлать новое постановленіе о преступникахъ внѣ разрядовъ. Тогда Верховный Уголовный судъ приговорилъ ихъ къ повѣшенію. Этотъ приговоръ былъ исполненъ 13-го іюля 1826 г. въ кронверкѣ Петропавловской крѣпости.

Государственный Архивъ: Дѣла о возмущеніи 14-го декабря 1825 г.; Донесеніе слѣдственной коммиссіи. С. Пб. 1826 г.; М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія Императора Александра I, т. VI (1871); А. Н. Пыпинъ. Обществ. движеніе въ Россіи при Императорѣ Александрѣ I, 3-е изд., С.-Пб. 1900 г.; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 183 года. Фридрихсгамнъ. 1898 г.; А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Графъ П. Д. Киселевъ и его время, т. I, стр. 89 — 94 и др., т. IV, прилож. 9 (письмо Пестеля отъ 3-го марта 1821 года); Бумаги И. Б. Пестеля: «Русск. Арх.» 1875 г., кн. 4, стр. 417 и сл.; Изъ записокъ декабриста И. Д. Якушкина: «Русскій Архивъ» 1870 г. стр. 1566—1633; Е. И. Якушкинъ. Съѣздъ членовъ союза благоденствія въ Москвѣ 1821 г.: «Русск. Стар.» 1872 г., т. VI, № 11, стр. 594; бар. А. Е. Розенъ, «М. Н. Муравьевъ» въ «Русск. Стар.» 1884 г., т. XLI, № 1, стр. 61; «Замѣтка о Пестелѣ», тамъ же, т. XLII, стр. 388; бар. А. Е. Розенъ. Записки декабриста, перев. съ нѣмецкаго. С.-Пб. 1870 г.; И. П. Липранди. Изъ дневника и воспоминаній. «Русск. Архивъ» 1866 г., ст. 1258; Сочиненія А. Пушкина, подъ редакц. П. Морозова, т. V; Н. В. Басаргинъ. Автобіографич. записки. въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ», кн. I, 1872 г.; N. Tourguéneff. La Russie et les russes. t. I. 1847 г.; Записки декабристовъ, вып. 1—3. Лонд. 1862 г. (И. Якушкинъ, Никита Муравьевъ, Лунинъ); кн. Е. Оболенскій. Воспоминанія въ «Русск. загран. сборникѣ», ч. IV, тетр. V, Лейпц. и Парижъ 1861 г.

Н. П. Павловъ-Сильванскій.

Пестичъ, *Иванъ Яковлевичъ*, врачъ; изъ духовнаго званія, родился въ 1811 г., умеръ въ 1858 г; врачебное образованіе получилъ въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической академіи, въ которой въ 1839 г. окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и былъ опредѣленъ въ Костромской егерскій полкъ. Въ 1844 г. онъ получилъ отъ Медико-Хирургической академіи званіе штабъ-лѣкаря, въ 1847 г. былъ назначенъ ординаторомъ въ Царскосельскій военный госпиталь, а въ 1850 г. — старшимъ врачемъ учебнаго сапернаго баталіона. Въ 1856 г. Пестичъ былъ прикомандированъ съ научною цѣлью ко 2-му военно-сухопутному госпиталю. При занятіяхъ своихъ психіатріей онъ обратилъ вниманіе на то, что русская медицинская литература того времени страдала почти полнымъ отсутствіемъ руководствъ по этой отрасли врачебнаго искусства; поэтому онъ перевелъ съ нѣмецкаго упоминаемое ниже сочиненіе, которое въ его переводѣ служило въ теченіе многихъ лѣтъ научнымъ пособіемъ для студентовъ и врачей. Въ 1856 г. онъ былъ назначенъ въ Отдѣльный гвардейскій корпусъ, но вскорѣ заболѣлъ душевнымъ разстройствомъ, отъ котораго и умеръ въ Петербургѣ, въ клиникѣ Медико-Хирургической академіи. Напечаталъ переведенное имъ съ нѣмецкаго сочиненія Кленке, «Система органической психологіи. Руководство къ познанію душевной дѣятельности въ здоровомъ и больномъ состояніи». С.-Пб. 1856 г., 8^0.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, вып. I С.-Пб. 1886 г.; Архивныя дѣла Имп. В.-Медиц. Академіи за 1856—1858 г.г.; Текутьевъ, Ист. очеркъ каѳ. и клин. душ. и нервн. болѣзней при И. В.-Мед. Акад., С.-Пб. 1898 г., стр. 43. Исторія И. В.-Мед. Акад. С.-Пб. 1898 г., приб. стр. 232.

Н. Кульбинъ.

Пестовъ, *Иванъ Семеновичъ*, законовѣдъ; въ 1822—1825 г. былъ прокуроромъ Департамента Государственной Камеръ-Коллегіи, затѣмъ былъ назначенъ совѣтникомъ Казенной Палаты въ Перми, а 27-го февраля 1827 г.,

произведенный въ статскіе совѣтники, переведенъ былъ на должность предсѣдателя Енисейской Казенной Палаты; въ этомъ званіи онъ былъ до 1834 года, получивъ 2-го апрѣля 1828 г. орденъ св. Анны 2-й степени. а затѣмъ нѣкоторое время состоялъ чиновникомъ, особыхъ порученій при Министерствѣ Финансовъ. Поселившись, по выходѣ въ отставку, въ Астрахани, П. умеръ 28-го марта 1840 года.

Пестовъ издавалъ русскіе законы по разнымъ частямъ администраціи; такъ, за время съ 1818 г. по 1828 г. онъ издалъ (вмѣстѣ съ П. В. Хавскимъ и Е. Е. Петровымъ) «Собраніе россійскихъ законовъ» въ 22-хъ частяхъ (прежде чѣмъ вышло подобное же оффиціальное изданіе). Кромѣ того, имъ изданы были слѣдующіе сборники: 1) «Собраніе законовъ объ управленіи питейными сборами въ Россіи, съ присоединеніемъ свода законовъ, дополняющихъ или отмѣняющихъ нѣкоторые параграфы устава и учрежденія о питейномъ сборѣ по 1825 г.», С.-Пб. 1825 г. Рецензентъ, разсматривавшій этотъ сборникъ, упрекалъ составителя въ черезчуръ довѣрчивомъ отношеніи къ чужимъ сочиненіямъ и маломъ знакомствѣ съ первоисточниками; и 2) «Собраніе россійскихъ законовъ о счетоводствѣ, или государственномъ контролѣ въ Россіи, въ губерніяхъ и городахъ; о народной переписи и податяхъ, со включеніемъ учрежденія Министерства Финансовъ, наставленій Казеннымъ палатамъ и образованія должности уѣздныхъ казначеевъ съ 1718 по 1826 г.» (С.-Пб. 1827 г.); ему же принадлежатъ статьи: 1) «Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири 1831 г.», помѣщенная въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» за 1831 г., ч. V, № 4, стр. 75—113 и 2) «Енисейскъ»—въ «Моск. Телегр.» 1831 г., ч. XXXVII, стр. 259—267, включенныя въ вышедшую въ 1833 г. отдѣльнымъ изданіемъ книгу подъ заглавіемъ: «Записки объ Енисейской губерніи Восточной Сибири, 1831 г., составленныя стат. совѣтн. И. Пестовымъ», М. 1833 г. (297+X стр.) съ картой, планами городовъ и рисунками.

Архивъ Капитула Орденовъ; Карточный каталогъ Императорской Публичной библіотеки; «Библіографическіе листы Кеппена», т. I.; Мѣсяцесловы и списки чинамъ; «С.-Петербургскія Вѣдом.» за мартъ 1827 г.; А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. IV, С.-Пб. 1892 г., стр. 459; Журн. Мин. Вн. Дѣлъ» 1833 г., ч. X, № 11, стр. 232—241 «Молва» 1833 г., № 139; «Моск. Телегр.» 1833 г., ч. 53, № 18, стр. 261—264 и «Сѣв. Пчела» 1834 г., № 42 (рец. Г. И. Спасскаго). *Б. М—ій.*

Пестриковы, серебреники XVII вѣка: *Григорій*, работалъ въ Москвѣ, въ 1657—1659 г.г. Въ 1657 г. онъ дѣлалъ государю золотые кресты; *Дмитрій Кириллов*ъ работалъ въ 1644—1664 г.г.; *Кириллъ, сынъ Третьяка* работалъ въ 1622—1637 гг. Въ 1623 г. онъ сдѣлалъ три серебряныхъ братины, «спень съ петелькою къ зерну отъ государева ожерельца» и золотыя чеканныя съ каменьемъ ножны къ государеву ножику черепу раковинному; въ 1624 г., съ Аѳанасіемъ Степановымъ, онъ исполнилъ золотой окладъ къ образу Пречистыя Богородицы Знаменія, изъ хоромъ царицы Маріи Володимеровны; въ 1638 г., вмѣстѣ съ Иваномъ Поповымъ—золотую саблю, «египетскаго дѣла», для окольничаго В. И. Стрѣшнева. *II. Третьяк*ъ работалъ въ 1616—1628 г.г. Въ 1616 г. онъ дѣлалъ золотое кадило въ Троицкій монастырь; въ 1622 г.—серебряную вызолоченую лампаду, для государя; въ 1622—1623 гг.—серебряныя вызолоченныя изображенія евангелистовъ, въ церковь великомученицы Екатерины, и такой же крестъ благословенный въ ц. Василія Блаженнаго; въ 1623 г. онъ золотилъ вмѣстѣ съ другими, слова и орелъ въ клеймѣ на царевомъ большомъ мѣдномъ колоколѣ; въ 1624 г. дѣлалъ золотой крестъ-тѣльникъ, съ чернью и съ каменьемъ, отправленный на Кирилловское подворье, когда крестили князя Якова Черкасскаго, и золотилъ рога къ государеву посошку.

Ив. Забѣлинъ. О металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII-го ст.; И. Сахаровъ. Обозрѣніе русской археологіи; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I. С.-Пб. 1899. *А. Новицкій.*

Пестриковъ, *Василій Ѳедоровичъ*, генералъ-маіоръ; род. въ 1704 году; въ чинѣ генералъ-маіора состоялъ съ 25-го апрѣля 1749 г.; при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ состоялъ при оружейныхъ заводахъ: такъ, въ 1751—1752 г. Пестриковъ былъ главнымъ при Тульской оружейной конторѣ коман-

диромъ; онъ умеръ въ 1755 или въ началѣ 1756 года.

«Списокъ военнымъ генераламъ со времени Петра I до Екатерины II», С.-Пб. 1809 г., стр. 76; «С.-Петерб. Вѣдом.» 1756 г., № 40 (послѣ его смерти продается домъ его въ Петербургѣ); Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 147; «Сенатскій Архивъ», т. VIII, С.-Пб. 1897.

Пестрый-Стародубскій, *кн. Ѳедоръ Давидовичъ*, старшій сынъ Палицкаго князя Ѳедора Андреевича, начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ 1429 года. Въ этомъ году великій князь послалъ дядей своихъ, Андрея и Константина Димитріевичей, на татаръ, разорившихъ и ограбившихъ окрестности Галича, Кострому, Плесъ и Лухъ. Князья гнались за татарами до Нижняго Новгорода, но не догнали ихъ. Тогда кн. Ѳедоръ Давидовичъ и воевода Ѳедоръ Константиновичъ Добрынскій, «съвокупяся съ своими дворы», тайно отъ князей-братьевъ бросились Волгой за татарами, догнали задніе отряды ихъ за Нижнимъ-Новгородомъ, разбили ихъ на-голову и отняли у нихъ русскій полонъ. Черезъ два года, а именно весной 1431 г., Ѳ. Д., по приказу великаго князя, ходилъ на волжскихъ и камскихъ болгаръ, воевалъ ихъ и, какъ говорятъ лѣтописи, всю землю ихъ плѣнилъ. Въ 1469 г. онъ участвовалъ въ походѣ московской рати подъ Казань, а въ 1471 г., въ качествѣ воеводы, былъ въ походѣ Ивана III на Новгородъ. Онъ отправленъ былъ съ Даніиломъ Холмскимъ воевать Русу и область за Ильменемъ. Разбивъ новгородцевъ на р. Шелони, онъ привелъ ихъ къ крестному цѣлованію на вѣрность великому князю. Въ слѣдующемъ 1472 г. онъ посланъ былъ на Камскую Пермь, гдѣ были оскорблены нѣкоторые москвичи, завоевалъ ее, побивъ пермскихъ князей, и прислалъ въ Москву тѣхъ людей, которые «грубили» великому князю. Въ томъ же году, по Никоновой лѣтописи, онъ посланъ былъ съ коломенцами къ Алексину, къ которому подходилъ тогда ханъ Ахматъ; затѣмъ посланъ былъ на встрѣчу царевнѣ Софіи Ѳоминичнѣ, при чемъ ему приказано было отобрать и положить въ сани крестъ, который несли передъ сопровождавшимъ царевну кардиналомъ, а фрязина, который отправленъ былъ въ Римъ по дѣлу Софіи и который теперь противился распоряженію относительно папскаго легата, «поимати да и пограбити». Въ 1476—1478 гг. онъ принималъ, по указаніямъ великаго князя, самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ новгородскихъ и окончательно приводилъ новгородцевъ къ крестному цѣлованію. Ѳ. Д. своимъ прозвищемъ далъ фамилію князьямъ *Пестрымъ*, теперь уже угасшимъ, а трое изъ старшихъ сыновей его—Иванъ большой, Андрей большой и Андрей меньшой, всѣ по прозванію *Гундоры*, дали фамилію также уже угасшимъ князьямъ *Гундоровымъ*; самый же старшій, кн. *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* (1472 г.), былъ воеводой великаго князя Ивана III.

«Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.» IV, 133, 150, 255, 256; V, 263, 275; VI, 8, 10—11, 18, 143, 144, 162, 191—194, 197, 203, 205, 208, 209, 211—212, 218; VIII, 95, 157, 164—165, 167, 169, 179, 183, 187, 189, 190—193, 197. *А. Экз—скій.*

Песьяковъ, *Леонтій Ивановичъ*, купецъ, депутатъ отъ города Слободска въ Коммиссію о сочиненіи Новаго уложенія 1767 г. Былъ въ числѣ большинства представителей отъ купеческаго сословія, присоединившагося къ многочисленнымъ мнѣніямъ депутатовъ о сохраненіи и расширеніи тѣхъ правъ и привилегій, которыя дарованы были купечеству Петромъ I;—о недозволеніи производить торговлю и имѣть фабрики дворянамъ, крестьянамъ, разночинцамъ, ремесленникамъ и иновѣрцамъ, если они не запишутся въ купечество на вѣчныя времена; о предоставленіи купцамъ права покупать подъ фабрики и заводы земли и крѣпостныхъ крестьянъ и судиться между собою въ магистратахъ и ратушахъ. Поддерживалъ также мнѣнія депутатовъ, возражавшихъ, что обвиненіе русскихъ купцовъ въ нерадѣніи къ внѣшней торговлѣ—несправедливо и ссылавшихся на отсутствіе у нашихъ купцовъ свободы и привилегій торговцевъ иностранныхъ.

Сборникъ Императорскаго русскаго историч. Общ. VIII, стр. 37, 45 и 177 и т. CVII, стр. 492. *П. Клокачевъ.*

Петаля-а-Бриль, *Демьянъ Дмитріевичъ* (Diamantes s. Damianus Demetrii Petala-a-Bryll), врачъ, родился въ Ѳессаліи, умеръ въ Москвѣ 10-го ноября 1757 г.; учился въ Галле гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. Лѣтомъ 1754 г.

онъ пріѣхалъ въ Россію вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ, *Иваномъ Дмитріевичемъ* Петаля-а-Бриль (Iohannes Demetrii), который также учился въ Галльскомъ университетѣ; въ сентябрѣ того же года они вмѣстѣ экзаменовались въ Медицинской Канцеляріи, въ присутствіи Кондоиди, но оба оказались слабыми въ анатоміи и въ чтеніи Гиппократовыхъ, Сиденгамовыхъ и Бургавовыхъ книгъ. Тѣмъ не менѣе. Демьянъ Петаля-а-Бриль былъ принятъ въ службу 1-го октября 1754 г. и назначенъ младшимъ докторомъ въ С.-Петербургскій Генеральный сухопутный госпиталь, а братъ его прикомандированъ къ тому же госпиталю безъ жалованья, за неимѣніемъ вакансіи; при этомъ ему было разрѣшено жить съ братомъ на казенной квартирѣ въ госпиталѣ и лѣчить госпитальныхъ больныхъ. 18-го ноября 1755 г. Демьянъ Петаля былъ переведенъ въ Медицинскую Канцелярію и назначенъ къ физическимъ дѣламъ помощникомъ штадъ-физика Лерхе. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ докторомъ въ Морской Шляхетный кадетскій корпусъ, и въ этой должности умеръ. Братъ его *Иванъ* провелъ годъ въ С.-Петербургскомъ Сухопутномъ генеральномъ госпиталѣ, затѣмъ былъ назначенъ младшимъ докторомъ въ Московскій генеральный госпиталь, но пріѣхавъ въ Москву, заболѣлъ горячкой и умеръ 17-го сентября 1755 г. Послѣ смерти Демьяна Петаля-а-Бриль осталась хорошая библіотека, которая, по распоряженію Кондоиди, была куплена для Медицинской Канцеляріи.

Я. А. Чистовичъ, Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи; С.-Пб. 1883 г., стр. CCLII.

Н. Кульбинъ.

Петелинъ (рѣже **Петлинъ**), *Яковъ*; въ 1657 году былъ подьячимъ въ Смоленскѣ, въ полку кн. Бор. Ал. Репнина, гдѣ ему поручено было вѣдать полковыя дѣла. Въ мартѣ того же года онъ получилъ порученіе опросить съ стрѣлецкимъ головою Ив. Дурышкинымъ польскихъ пословъ (Владислава Комара и Валерія Кучевскаго), шедшихъ въ Москву чрезъ Смоленскъ съ сейма въ гор. Калишѣ, на которомъ Алексѣй Михайловичъ былъ избранъ на Польскій и Литовскій Престолъ. Въ 1666 году Як. Петелинъ былъ подьячимъ Приказа Большія Казны; въ этомъ году онъ 16-го іюня участвовалъ въ церемоніи пріема царемъ пріѣхавшаго въ Москву Грузинскаго царевича Николая Давыдовича и былъ въ «ѣздокахъ». Въ 1667—1668 г. Петелинъ былъ дьякомъ въ Казенномъ Приказѣ, а съ 12-го марта 1668 года—дьякомъ въ Пушкарскомъ Приказѣ. Въ 1671 году П. упоминается, какъ дьякъ въ Приказѣ Большого Дворца, гдѣ былъ еще въ 1674 году. Въ 1670 г. января 28-го дня, на 11 день по преставленіи царевича Алексѣя Алексѣевича, онъ «ночевалъ» у его гроба. Въ 1672 году, 4-го іюля, когда у государя былъ крестильный столъ въ Грановитой Палатѣ по случаю крестинъ царевича Петра Алексѣевича, дворцовый дьякъ Яковъ Петелинъ съ другимъ дворцовымъ же дьякомъ Юр. Тютчевымъ сидѣлъ за поставцомъ государя съ бояриномъ и оружничимъ Богданомъ Матв. Хитрово. Въ томъ же году 5 іюля, когда былъ избранъ на патріаршество Питиримъ, митрополитъ Новгородскій, и изъ Крестовой, Палаты, (гдѣ происходило избраніе), было послано извѣщеніе Государю объ этомъ избраніи, то Государь послалъ отъ себя въ Крестовую Палату своего дворцоваго дьяка Як. Петелина объявить указъ, чтобы власти духовныя, участвовавшія въ избраніи, шли въ Верхъ къ государю съ новоизбраннымъ патріархомъ.

«Акты Московск. Госуд.», т. II, стр. 580; «Доп. къ Акт. Истор.», т. VI, стр. 202, 236, 242, 263, 270, 272, 311, 334, 344; «Собр. Гос. Грам. и Дог.», т. IV, стр. 25; «Русск. Истор. Библ.», т. X, стр. 327; «Древн. Росс. Вивліое. изд. 2-ое, кн. XIV, отд. V, стр. 75; т. XX, отд. III, стр. 275, 382; «Дворц. разрядн.», т. III, стр. 627, 840, 893.

Н. Воронковъ.

Петелинъ, *Ѳома* (*Дружина*) *Пантелѣевъ*, дворцовый дьякъ, часто употребляемъ былъ московскимъ правительствомъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ сосѣдями. Въ 1579 г. онъ, въ числѣ приказныхъ людей, находился при государѣ въ походѣ его въ Новгородъ, а въ слѣдующемъ году, вмѣстѣ съ государевыми послами, ѣздилъ въ Вильну для переговоровъ съ уполномоченными Стефана Баторія о перемиріи. Въ 1582 г. П. находился при русскихъ уполномоченныхъ, назначенныхъ для заключенія мира со шведами, а черезъ два года, съ бояриномъ Троекуровымъ

и думнымъ дворяниномъ Безнинымъ, ѣздилъ въ Варшаву для заключенія мира съ Стефаномъ Баторіемъ. Въ 1589 г. П. объявилъ указъ государя кн. Петру Барятинскому о заключеніи его въ тюрьму по его мѣстническому дѣлу съ кн. Владиміромъ Долгоруковымъ и кн. Лукою Щербатовымъ. Наконецъ, въ 1590 г. съ думнымъ дворяниномъ Игнатіемъ Татищевымъ П. назначенъ былъ уполномоченнымъ съ русской стороны для заключенія перемирія со шведами.

Карамзинъ, т. IX, 182, пр. 516, 540, 729, X, пр. 58, 76, 187, 456. *А. Э—скій.*

Петерсенъ (онъ же **Петерсонъ**), *Густавъ-Рейнгольдъ*, врачъ, одинъ изъ первыхъ профессоровъ Медико-хирургической Академіи въ Петербургѣ, умеръ 17-го сентября 1807 г.; врачебное образованіе онъ получилъ за-границей и имѣлъ отъ одного изъ нѣмецкихъ университетовъ степень доктора медицины и званіе оператора. Выступивъ кандидатомъ на каѳедру химіи и «матеріи медики», онъ сдалъ экзаменъ на званіе профессора; на 26-е марта 1803 г. Государственная Медицинская Коллегія назначила ему пробную лекцію по химіи, которую онъ долженъ былъ прочесть въ химическомъ театрѣ Академіи въ присутствіи приглашенныхъ на эту лекцію преподавателей и студентовъ; послѣ этого онъ занялъ каѳедру и до 1805 г. читалъ въ Академіи химію и «матерію медику». Въ 1805 г. Императорское Вольно-Экономическое Общество наградило его золотою медалью за успѣшные опыты посѣва миндалей; 22-го марта того же года онъ былъ посланъ по высочайшему повелѣнію въ Италію и Испанію для наблюденія и изслѣдованія желтой лихорадки; до его возвращенія преподаваніе химіи было поручено проф. Шереру, а «матеріи медики»—Саблеру; въ Россію Петерсенъ уже не вернулся, такъ какъ умеръ на обратномъ пути изъ Испаніи.

Проф. П. П. Сущинскій и С. Д. Костюринъ: Очеркъ исторіи каѳедры фармакологіи Имп. Военно-Мед. Академіи, С.-Пб. 1898 г., стр. 7; «Исторія Имп. Военно-Медиц. Академіи за 100 л., С.-Пб. 1898 г. стр. 93, 100 и 126; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общества, т. 62.
Н. Кульбинъ.

Петерсенъ, *Иванъ Ѳедоровичъ*, генералъ-лейтенантъ; родился въ 1783 году; воспитывался дома, въ 1798 году поступилъ на службу въ Ревельскій пѣхотный полкъ и 30-го ноября 1799 г. получилъ чинъ прапорщика, а затѣмъ, былъ переведенъ въ Полоцкій пѣхотный полкъ; состоя при Суворовѣ, П. участвовалъ въ Итальянскомъ походѣ, затѣмъ, въ войну съ французами, былъ въ битвахъ при Остроленкѣ, подъ Пултускомъ, при Прейсишъ-Эйлау, въ 1808 г. былъ въ дѣйствіяхъ противъ шведовъ. Прослуживъ въ Полоцкомъ полку до 19-го апрѣля 1812 года, П., съ производствомъ въ маіоры, былъ переведенъ въ Елецкій полкъ, но по распоряженію начальства въ маѣ снова вернулся въ Полоцкій полкъ; 7-го августа 1812 г. П. за отличіе въ сраженіи подъ Смоленскомъ былъ награжденъ чиномъ подполковника, а 10-го ноября, за сраженіе при Вязьмѣ—орденомъ св. Анны 2-й степ. Января 27-го 1813 года онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ герцогу Александру Вюртембергскому, 28-го мая, «за прогнаніе непріятеля при вылазкѣ изъ Данцига на всѣ пункты», получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и Прусскій «pour le mérite», 23-го августа—за отличіе же произведенъ въ полковники, 28-го сентября награжденъ орденомъ Анны 2-й степ. съ алмазами и орденомъ св. Владиміра 3-й степени за точное и благоразумное исполненіе многихъ важныхъ порученій при осадѣ Данцига (въ томъ же году). Назначенный 30-го августа 1816 г. командиромъ Томскаго пѣхотнаго полка, П., однако, въ должность эту не вступалъ, такъ какъ, по желанію герцога Александра Вюртембергскаго, былъ оставленъ въ занимаемомъ имъ званіи адъютанта, каковымъ и состоялъ до 19-го марта 1820 г., когда состоялось его производство въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ состоять при начальникѣ 14-й пѣхотной дивизіи; 23-го мая того же года онъ былъ назначенъ командиромъ 3-й бригады 7-й пѣхотной дивизіи, а 12-го декабря 1823 г.—той же бригады 1-й дивизіи. Затѣмъ П. командовалъ съ 21-го октября 1830 г. 2-ю бригадой 3-й пѣхотной дивизіи, 23-го января-1831 г. былъ назначенъ военнымъ начальникомъ Бѣлостокской области; въ этомъ званіи ему пришлось принимать дѣятельное участіе въ подавленіи Польскаго возстанія; одна-

ко, уже 6-го октября того же года онъ получилъ новое назначеніе—начальникомъ 23-й пѣхотной дивизіи, при чемъ, за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Съ 1835 по 1837 годъ Петерсонъ былъ начальникомъ Омской области и затѣмъ вышелъ въ отставку (22-го января 1837 г.) и поселился въ имѣніи своемъ — сельцѣ Забѣльѣ Новгородской губерніи, гдѣ и умеръ 31-го августа 1875 года; погребенъ на мѣстномъ кладбищѣ.

Кромѣ указанныхъ выше наградъ, П. имѣлъ золотую шпагу съ надписью «за храбрость», полученную имъ за сраженіе 17-го августа 1813 г., золотой крестъ за сраженіе при Прейсишъ-Эйлау и орденъ Анны 1-й степени, пожалованный ему за неутомимую дѣятельность по званію военнаго начальника Бѣлостокской области.

Формулярный списокъ 1833 г.; адресъ-календари; Архивъ Капитула орденовъ; «Иллюстриров. Недѣля» 1875 г., № 38; «Голосъ» 1875 г., № 259; «Моск. Вѣдом.» 1875 г., № 238; «Новгородск. Губ. Вѣд.» 1875 г., № 37; «С.-Петербургскій Листокъ» 3-го сентября 1875 г., № 148.

Б. Г.

Петерсенъ, *Карлъ Ивановичъ*, (Karl Heinrich Petersenn), врачъ, родился въ Лифляндіи 26-го января 1803 г., умеръ въ Вольмарѣ 22-го іюня 1874 г.

Отецъ его, Иванъ П., былъ нотаріусомъ Заарскаго приходского суда въ Перновскомъ уѣздѣ. Карлъ П. получилъ первоначальное образованіе въ Дерптской гимназіи, которую посѣщалъ съ 1814 года; въ 1819 г. онъ поступилъ въ Дерптскій Университетъ на медицинскій факультетъ, 26-го января 1821 г. вошелъ въ число казенныхъ воспитанниковъ того же университета, а 17-го апрѣля 1825 г. окончилъ курсъ съ отличіемъ (лѣкаремъ I-го отдѣленія). Въ томъ же году онъ представилъ диссертацію и, защитивъ ее, былъ признанъ Дерптскимъ Университетомъ въ степени доктора медицины, послѣ чего занялъ должность младшаго врача Ахтырскаго гусарскаго полка. 1-го декабря 1826 г. онъ былъ утвержденъ старшимъ лѣкаремъ въ томъ же полку, а въ 1828 г. отправился въ походъ и участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ, при чемъ былъ въ слѣдующихъ сраженіяхъ: 1-го мая 1828 г.—при переправѣ черезъ Дунай, 29-го іюня и 2-го іюля въ дѣлѣ при Козлуджи, 8-го іюля при Шумлѣ, 17-го и 18-го іюля при Чафлыкѣ и Эскистамбулѣ, 19-го и 25-го іюля при Эскистамбулѣ и Драгокіой, а 26-го при Кюстенджи, 3-го, 14-го и 28-го августа подъ Шумлою; изъ Шумлы онъ отправился съ полкомъ въ Валахію на зимнія квартиры. Въ 1829 г. Петерсенъ вновь былъ въ сраженіяхъ: 25-го мая—въ Невчинской долинѣ, 30-го при деревнѣ Кулевчѣ, 31-го при Шумлѣ, «при взятіи штурмомъ непріятельскаго редута». Между тѣмъ появилась чума, и въ іюнѣ 1829 года главнокомандующій вызвалъ изъ числа полковыхъ медиковъ «охотниковъ для пользованія зараженныхъ больныхъ». Петерсенъ изъявилъ свое желаніе поступить въ ихъ число и былъ командированъ въ крѣпость Варну, гдѣ боролся съ чумой до 1-го сентября. 22-го октября, при отступленіи войскъ на кантониръ-квартиры въ княжество Валахское, онъ вновь участвовалъ въ сраженіи.

13-го декабря 1829 г. П. былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени за отлично-усердную службу, а 6-го августа 1830 г. произведенъ въ коллежскіе ассесоры. Между тѣмъ вспыхнуло польское возстаніе, и Петерсенъ снова отправился на театръ военныхъ дѣйствій и участвовалъ въ сраженіяхъ: 6-го и 7-го апрѣля 1831 г. подъ мѣстечкомъ Барамленомъ, съ 8-го по 15-ое—при преслѣдованіи повстанцевъ до австрійской границы, 6-го іюня въ Царствѣ Польскомъ, послѣ переправы черезъ рѣку Бугъ, 12-го при обложеніи крѣпости Замостья, 14-го при экспедиціи къ селенію Звержинцу, 15-го и 19-го іюля и 4-го, 14-го и 19-го августа—при отраженіи вылазокъ мятежниковъ изъ крѣпости.

Въ то время дѣятельность врача на войнѣ была чрезвычайно тяжела: медиковъ было слишкомъ мало, и каждому изъ нихъ приходилось брать на себя непосильный трудъ при лѣченіи раненыхъ, тѣмъ болѣе, что состояніе интендантской части было далеко не блестящимъ. Хирургія еще не дошла тогда даже до начала того блестящаго періода своего развитія, въ которомъ она находится въ настоящее время, и врачамъ было очень трудно уберечь раненыхъ отъ рожи, госпитальной гангрены и иныхъ заразныхъ болѣзней. Петерсенъ работалъ «отлично усердно» и 7-го сентября былъ всемилостивѣйше награжденъ 500 рублями.

12-го января 1834 года онъ былъ уволенъ отъ службы именнымъ высочайшимъ указомъ, согласно прошенію, по домашнимъ обстоятельствамъ, съ пожалованіемъ въ надворные совѣтники. 1836-ой и 1837-ой гг. онъ провелъ за-границей, а 8-го ноября 1839 г. былъ опредѣленъ особымъ врачемъ въ городъ Лемзаль съ его округомъ (при этомъ онъ вновь получилъ права государственной службы и былъ переименованъ въ чинъ коллежскаго ассесора, а 18-го ноября 1843 г. снова произведенъ въ надворные совѣтники). Въ 1846 г. онъ состоялъ врачемъ при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Въ послужномъ спискѣ упомянуто, что въ 1846 году онъ былъ отпущенъ въ Петербургъ на 14 дней и 12-го апрѣля того-же года, «по желанію ея императорскаго высочества государыни великой княгини Елены Павловны г. министромъ внутреннихъ дѣлъ оставленъ въ С.-Петербургѣ до окончанія своихъ занятій при ея высочествѣ съ тѣмъ, чтобы все время пребыванія его считалось командировкою, и онъ, Петерсенъ, возвратился 8-го ноября 1846 г. къ должности въ Лемзаль». Въ октябрѣ того же года Елена Павловна наградила его брилліантовымъ перстнемъ. Неизвѣстно, лѣчилъли онъ великую княгиню или работалъ въ одномъ изъ покровительствуемыхъ ею учрежденій; 17-го декабря 1847 г. онъ перешелъ городовымъ врачемъ въ Вольмарскій округъ и въ этой должности оставался до конца жизни. Его «Dissertatio inaug. de tinea capitis» напечатана въ Дерптѣ въ 1825 году (66 стр.).

Формулярн. списокъ о службѣ К. И. Петерсена за 1848 г. (сообщенъ Б. Л. Модзалевскимъ); А. Гассельблатъ и А. Отто: Album Academicum etc. Юрьевъ. 1889 г., стр. 96; Рекке и Напіерскій: Allg. Schriftst. und Gelehrten-Lexicon, т. III, Митава. 1831 г. стр. 405. *Н. Кульбинъ.*

Петерсенъ, *Николай*, лѣкарь (chirurgus), прибылъ въ Россію въ 1634 г. при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, вмѣстѣ съ докторомъ Венделиномъ Сибелистомъ и въ одно время съ путешественникомъ Олеаріемъ.

В. Рихтеръ; Исторія медицины въ Россіи, ч. II, М. 1820 г., стр. 104. *Н. Кульбинъ.*

Петерсонъ, *Егоръ Андреевичъ*, предсѣдатель Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ; происходилъ изъ купеческихъ дѣтей, воспитывался въ С.-Петербургскомъ Лѣсномъ и Межевомъ институтѣ, въ которомъ окончилъ курсъ въ 1829 году и тогда же опредѣленъ былъ запаснымъ лѣсничимъ при Департаментѣ государственныхъ имуществъ. Въ 1829 году П. былъ назначенъ преподавателемъ математики въ Лѣсной институтъ; въ 1831 году командированъ за-границу для усовершенствованія въ лѣсоводствѣ и съ этою цѣлью, въ бытность за-границею, въ 1834 году былъ опредѣленъ къ Прусскому Министерству «для обсерваціи таксаціонныхъ коммисій въ восточной Пруссіи». По возвращеніи изъ заграничной командировки (въ 1835 г.) П. назначенъ былъ въ 1836 г. ученымъ лѣсничимъ и профессоромъ лѣсныхъ наукъ въ Лисинское учебное лѣсничество; въ 1840 году онъ назначается членомъ Комитета для составленія новаго «Лѣсного устава», въ 1841 г. ученымъ лѣсничемъ при 3-мъ Департаментѣ государственныхъ имуществъ, а въ 1842 г. членомъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ имуществъ и спеціальнаго комитета по лѣсной части. Въ 1843 году, съ открытіемъ въ Министерствѣ Государственныхъ имуществъ Лѣсного Департамента, Е. А. занялъ мѣсто начальника отдѣленія по устройству лѣсовъ и веденію правильнаго лѣсного хозяйства. Съ этого времени начинается разносторонняя дѣятельность Е. А. Онъ становится редакторомъ «Историческаго Обозрѣнія управленія государственными имуществами», членомъ коммисіи для пересмотра Лѣсного тарифа 1825 года, членомъ Ветеринарнаго комитета и членомъ Мануфактурнаго совѣта. Въ 1864 году П. назначенъ былъ директоромъ С.-Петербургскаго Земледѣльческаго Института, а въ 1873 году—предсѣдателемъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ имуществъ. Въ 1874 году министръ П. А. Валуевъ возложилъ на Е. А. предсѣдательство въ коммисіи по регулированію правъ сервитута владѣльцевъ въ казенныхъ лѣсахъ Курляндской губерніи. Умеръ П. 3-го февраля 1888 года въ чинѣ тайнаго совѣтника (съ 1869 г.), имѣя всѣ русскіе ордена до Владиміра 2-й степени включительно и австрійскій орденъ желѣзной Короны 1-й степени. Обладая огромною эрудиціей и сохранивъ

до глубокой старости свѣтлую память, Е. А. Петерсонъ былъ незамѣнимымъ совѣтникомъ въ техническихъ вопросахъ по лѣсному хозяйству, но въ лѣсоводственной литературѣ онъ оставилъ весьма немного слѣдовъ. Лишь нѣсколько статей въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ имуществъ» даютъ нѣкоторое понятіе о взглядахъ автора на нѣкоторые вопросы лѣсного хозяйства. Е. А. состоялъ членомъ Императорскаго Вольно-Экономическаго общества и Лѣсного общества въ С.-Петербургѣ.—Зная въ совершенствѣ многіе европейскіе языки, Е. А. составилъ обширную библіотеку на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, которую сестра его, послѣ его смерти, принесла въ даръ Ученому Комитету Министерства Государственныхъ имуществъ.

Формулярный списокъ; личныя воспоминанія; «Историческій Вѣстникъ» 1888 г., т. XXXII, апр., стр. 236. *Проф. П. Вереха.*

Петерсонъ, *Иванъ*, врачъ, поступилъ на русскую службу въ 1758 г., въ 1786 г. (4-го декабря) получилъ чинъ коллежскаго ассесора, въ 1793 и 1794 годахъ былъ докторомъ въ Тобольскѣ. Быть можетъ, онъ же былъ штабъ-лѣкаремъ 6-го класса, инспекторомъ Пензенской Врачебной управы, который умеръ на 72-мъ году жизни 20-го ноября 1810 г. П. напечаталъ: «Краткое описаніе болѣзни, въ Сибири называемой вѣтряною или воздушною язвою». Тобольскъ. 1780 г.

В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту росс. библіографіи» В. С. Сопикова, Москва. 1900 г.; В. С. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи, С.-Пб. 1813—1821 г., № 7654; Списокъ находящимся въ службѣ чинамъ 1793 г., стр. 217; Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. 62, стр. 147 и 802; «Сѣверная Почта» 1810 г., № 110. *Н. Кульбинъ.*

Петерсонъ, *Иванъ Ивановичъ* (Іоганнъ-Христіанъ), генералъ-маіоръ, сынъ кригсрата, бывшаго при дворѣ Голштинскаго герцога, родился въ 1732 г.; записанный въ службу 18-го января 1744 г., онъ въ 1749 г. былъ принятъ въ пажи, а 1-го апрѣля 1757 г. выпущенъ изъ пажей капитаномъ въ обсерваціонномъ корпусѣ; получивъ чины: секундъ-маіора (1760 г.), преміеръ-маіора (1761 г.), подполковника (1763 г.), полковника (9-го января 1771 г.) и бригадира (22-го сентября 1775 г.) въ Козловскомъ пѣхотномъ полку (коимъ онъ тогда командовалъ), Петерсонъ 22-го сентября 1778 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ оберъ-комендантомъ въ крѣпость Святой Елизаветы, гдѣ и умеръ 7-го сентября 1794 г.

П. принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ, былъ въ Пруссіи въ 1757 и 1758 г. и въ сраженіи при Цорндорфѣ былъ раненъ; въ 1759 г. онъ былъ отправленъ въ Петербургъ курьеромъ; въ 1769 г. П., находясь подъ командою генерала гр. Витгенштейна, былъ съ гренадерскимъ батальономъ подъ Бендерами, въ 1771 г., состоя подъ начальствомъ кн. Потемкина-Таврическаго (тогда генералъ-маіора), находился въ Силистріи, а въ 1772—1774 гг. участвовалъ во многихъ походахъ и дѣлахъ противъ непріятеля на Дунаѣ и Черномъ морѣ. Гр. П. И. Панинъ, знавшій П. во время Семилѣтней войны, не былъ о немъ, какъ объ офицерѣ, высокаго мнѣнія.

Формулярный списокъ въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, опись 214, книга $\frac{171}{2}$; О. фонъ-Фрейманъ. «Пажи». Фридрихсгамъ. 1898, стр. 29 и 819; С. А. Порошинъ. «Записки», С.-Пб. 1881 г. *Б. Г.*

Петерсонъ, *Карлъ Александровичъ*, гофмейстеръ Высочайшаго двора, директоръ Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; родился въ 1819 г. и происходилъ изъ дворянъ; 21-го января 1831 г. онъ поступилъ кадетомъ въ Морской корпусъ, будучи гардемариномъ произведенъ былъ, за успѣхи, въ фельдфебеля Корпуса и 23-го декабря 1836 г. былъ выпущенъ мичманомъ въ 7-й флотскій экипажъ. Будучи оставленъ при Корпусѣ для окончанія офицерскихъ классовъ (нынѣ Академія), П., однако, въ 1838 г. вышелъ изъ нихъ и въ томъ же году на люгерѣ «Ораніенбаумъ» сопровождалъ за-границу императора Николая I съ Наслѣдникомъ и Великими княжнами, за что въ награду получилъ золотые часы. По возвращеніи въ Россію, П. сдѣлалъ нѣсколько кампаній по Балтійскому, Средиземному и Черному морямъ, въ 1841 г., за отличіе въ сраженіяхъ съ черкесами при Туапсе и Псезуапе, получилъ орденъ св. Анны 4-й ст., а 9-го мая 1844 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта. Опредѣлившись 31-го того же мая въ вѣдомство Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. 15-го января 1845 г.

былъ назначенъ вице-консуломъ въ Данцигъ, въ 1846 г. временно исправлялъ должность старшаго секретаря миссіи въ Дрезденѣ, а въ 1848—повѣреннаго въ дѣлахъ въ Дрезденѣ и Веймарѣ и 28-го августа, за отличіе, получилъ чинъ коллежскаго ассессора. Сентября 13-го 1848 же года онъ былъ назначенъ старшимъ совѣтникомъ при миссіи въ Дрезденѣ (гдѣ онъ неоднократно исправлялъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ), 29-го марта 1852 г. переведенъ на ту же должность въ Лиссабонъ и здѣсь нѣсколько разъ замѣнялъ повѣреннаго въ дѣлахъ. 10-го апрѣля 1854 г. П. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера Двора Его Величества, съ 1859 г. былъ старшимъ совѣтникомъ посольства въ Берлинѣ, въ 1865 г. переведенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Великомъ Герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ, въ 1866 г. пожаловалъ, въ званіе камергера, а 12-го октября того-же года произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Занявъ въ 1867 г. должность директора Канцеляріи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, П. въ 1873 г. былъ пожалованъ въ званіе гофмейстера Высочайшаго двора, а 4-го февраля 1875 г. скончался.

Формулярный списокъ; «Общій морской списокъ», ч. XI, стр. 172—173; адресъ-календари и списки чинамъ первыхъ четырехъ классовъ.

Петерсонъ, *Карлъ Михайловичъ*, писатель-математикъ; родился 13-го мая 1828 года; по окончаніи курса гимназіи въ Ригѣ, поступилъ въ 1847 г. въ Дерптскій университетъ на физико-математическій факультетъ, курсъ котораго окончилъ въ 1852 г. со степенью кандидата математическихъ наукъ. Рѣшивъ посвятить себя учено-педагогической дѣятельности, онъ началъ ее съ поступленія на частную должность воспитателя дѣтей въ одной аристократической семьѣ, а позднѣе занялъ мѣсто преподавателя математическихъ наукъ въ училищахъ при лютеранской церкви Св. Петра и Павла въ Москвѣ, которое затѣмъ удерживалъ за собою до конца жизни. Въ 1864 г. П. присоединился къ образовавшемуся тогда-же около престарѣлаго профессора Н. Д. Брашмана Кружку математиковъ. Этотъ кружокъ, превратившійся позднѣе въ Московское Математическое Общество, собирался разъ въ мѣсяцъ въ квартирѣ своего основателя для ученыхъ бесѣдъ. Ученыя сообщенія, читанныя въ этихъ собраніяхъ, были напечатаны въ 1866 г. подъ именемъ «Математическаго Сборника», удержаннымъ впослѣдствіи и для органа образовавшагося изъ кружка Общества. Петерсону въ этомъ изданіи принадлежала статья: «Объ отношеніяхъ и сродствахъ между кривыми поверхностями» (стр. 391—412), читанная въ кружкѣ 20-го ноября 1865 г. Предметомъ ея, а также и другой статьи, напечатанной уже послѣ смерти автора подъ заглавіемъ: «Объ изгибаніи поверхностей второго порядка» («Математическій Сборникъ», т. X, 1883, стр. 476—523) и вышедшей въ свѣтъ также и въ отдѣльномъ изданіи (Москва. 1883, 8°, 48 стр.) было геометрическое ученіе объ изгибаніи поверхностей, основанное Эйлеромъ и Гауссомъ. Въ этихъ двухъ статьяхъ, предлагающихъ новые методы и дающихъ доказательства нѣкоторыхъ новыхъ и важныхъ теоремъ, авторъ является очень остроумнымъ и оригинальнымъ мыслителемъ, сумѣвшимъ обратить вниманіе на свои изслѣдованія не только въ Россіи, но въ послѣднее время и на Западѣ. Кромѣ этихъ двухъ статей, изъ появившихся въ печати трудовъ Петерсона геометріи были посвящены еще два сочиненія: статья «О кривыхъ на поверхностяхъ» («Матем. Сборникъ», т. II, 1867, стр. 17—44) и вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ книга «Ueber Kurven und Flächen», I, Moskau und Leipzig. 1868, 8°. Первая состояла собственно изъ двухъ статей: одной, прочитанной въ засѣданіи Математическаго Общества 19-го ноября 1866 г. подъ заглавіемъ «О коническихъ и цилиндрическихъ кривыхъ на поверхностяхъ» (стр. 17—30) и другой, прочитанной въ засѣданіи 18-го марта 1867 г. подъ заглавіемъ «О линіяхъ кривизны. (Параллелизмъ на прямоугольномъ основаніи)» (стр. 30—44). Содержаніе этихъ статей, а также и первой изъ двухъ вышеупомянутыхъ, вошло и въ названную сейчасъ книгу, и при томъ въ качествѣ ея главной составной части.

Кромѣ геометріи, спеціальнымъ предметомъ ученыхъ занятій Петерсона было еще интегрированіе уравненій съ частными производными, которому онъ посвятилъ три статьи и сочиненіе, вы-

шедшее отдѣльнымъ изданіемъ. Статьи, напечатанныя подъ общимъ заглавіемъ: «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными» («Математическій Сборникъ», т. VIII (1877), стр. 291—361; т. IX (1878), стр. 137—192 и т. X (1882), стр. 169—223), были прочитаны въ засѣданіяхъ Математическаго Общества 18-го сентября 1876 г., 21-го января 1878 г. и 20-го апрѣля 1879 г. О первой изъ нихъ д-ръ Поссе изъ Петербурга далъ въ «Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik» (B. IX, S. 258—259) слѣдующій отзывъ: «Эта работа относится къ интегрированію уравненій съ частными производными какого угодно порядка. Изложенные въ ней результаты не лишены интереса, особенно вслѣдствіе большого количества рѣшенныхъ примѣровъ. Нельзя не пожалѣть, однако, что составитель придавалъ очень мало значенія развитію предмета и не далъ ни критеріевъ приложимости своего метода, ни какого-нибудь указанія на связь съ извѣстными методами». Гораздо болѣе подробный отчетъ былъ данъ въ томъ же изданіи (т. XIV, стр. 304—305) проф. Тихомандрицкимъ о третьей статьѣ Петерсона, трактующей «объ уравненіяхъ съ частными производными при произвольномъ числѣ независимыхъ перемѣнныхъ». Замѣтивъ, что статья представляетъ «развитіе глубокомысленныхъ разсмотрѣній умершаго автора» по изслѣдуемому предмету, и изложивъ ея основныя идеи, рецензентъ оканчиваетъ свой отчетъ замѣчаніемъ, что въ рукописяхъ, оставшихся послѣ автора, найдено изложеніе того же предмета на нѣмецкомъ языкѣ. Появилось ли это послѣднее въ свѣтъ, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Что касается отдѣльно изданнаго по тому же предмету сочиненія: «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными по двумъ независимымъ перемѣннымъ» (Москва. 1878, 58 стр.), то оно доставило автору въ 1878 г. степень почетнаго (honoris causa) доктора Новороссійскаго университета, выразившаго этимъ свое признаніе за сочиненіемъ важнаго научнаго значенія.

Петерсонъ умеръ въ Москвѣ 7-го апрѣля 1881 г. Объ его смерти было заявлено Московскому Математическому Обществу въ засѣданіи 16-го сентября того же года. Кромѣ напечатанныхъ въ «Математическомъ Сборникѣ» трудовъ Петерсона, протоколы засѣданій Московскаго Математическаго Общества упоминаютъ еще о слѣдующихъ его сообщеніяхъ: «Объ опредѣленіи вида поверхности по явленіямъ на ней свѣта» (16-го сентября 1867 г.); «О видахъ интегралovъ уравненій съ частными дифференціалами» (16-го декабря 1867 г.); «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными съ тремя перемѣнными» (21-го декабря 1868 г.); «Замѣтка объ изгибаніи поверхностей» (30-го августа 1869 года); «Объ уравненіяхъ съ частными производными 2-го порядка» (16-го февраля 1874 г.) и «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными высшихъ порядковъ въ случаѣ двухъ независимыхъ перемѣнныхъ» (21-го сентября 1874 г.).

Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, Д. Д. Языкова, вып. 1, С.-Пб. 1885, стр. 36. «Album academicum der Kais. Universität Dorpat». Dorp. 1889, стр. 396; «Росс. Библіографія» 1881, № 89.

В. В. Бобынинъ.

Петерсонъ, *Михаилъ Ѳеодоровичъ*, архитекторъ, происходилъ изъ дворянъ Тверской губерніи; род. въ 1827 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1889 г. (около 15-го сентября). Сынъ артиллерійскаго генералъ-маіора, отъ брака его съ Елизаветою Леонтьевною Бенуа (ум. 24-го марта 1876 г.), онъ получилъ образованіе въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, но дѣятельность свою посвятилъ архитектурѣ. Вначалѣ онъ работалъ подъ руководствомъ профессора Кракау и построилъ театръ въ Гельсингфорсѣ, церковь въ Новой Деревнѣ и др.; а потомъ самостоятельно выстроилъ зданіе Петербургской городской бойни, Главную Телеграфную станцію въ Петербургѣ и тамъ же домъ В. А. Ратькова-Рожнова, на Екатерининскомъ каналѣ.

Некрологъ въ «Художественныхъ Новостяхъ» 1889 г., № 19; «Новое Время» 1889 г., № 4.870; Н. П. Собко. «Словарь русскихъ художниковъ», Т. III, вып. I, С.-Пб., 1899 г.; «Всемірная Иллюстрація» 1889 г., № 1.080, стр. 222.

А. Новицкій.

Петерсонъ, *Христофоръ Ивановичъ*, тайный совѣтникъ министръ-резидентъ въ Данцигѣ; иностранецъ по происхожденію, онъ въ 1744 г. вступилъ въ службу пажомъ при Императорскомъ дворѣ,

въ 1757 г. былъ произведенъ въ камеръ-пажи, а въ 1760 г. выпущенъ маіоромъ въ заграничную армію; въ 1761 г. П. принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Пруссіи, а въ 1763 г., по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, былъ посланъ при князѣ Долгоруковѣ кавалеромъ посольства въ Царьградъ, гдѣ произведенъ былъ въ подполковники. Въ 1769 г. онъ имѣлъ «особливую дирекцію» при блокадѣ и бомбардированіи крѣпости Хотина подъ начальствомъ генераловъ Ренненкампфа и Каменскаго и 29-го августа этого года былъ въ сраженіи при дер. Гавріеловичѣ въ бригадѣ генерала Каменскаго, а 7-го сентября находился при ночной атакѣ непріятельскихъ ретраншементовъ, въ колоннѣ полковника Игельштрома, подъ Хотиномъ; затѣмъ онъ былъ при преслѣдованіи непріятеля въ Молдавіи и при занятіи г. Яссъ, а при занятіи Валахіи и г. Бухареста находился въ корпусѣ ген. Замятина. Съ тѣмъ же корпусомъ П. былъ въ сраженіи подъ Бухарестомъ 13-го и 14-го января 1770 г., 4-го февраля—подъ Журжей, 12-го марта, за отличіе въ сраженіи, получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени, а въ іюнѣ того же года былъ въ битвѣ противъ Аббасапаши у Рябой Могилы въ корпусѣ генерала Ѳ. В. Баура. Отличившись въ сраженіи при Кагулѣ и въ преслѣдованіи непріятеля за Дунай, подъ начальствомъ генерала Ѳ. В. Баура, П. былъ отправленъ въ Петербургъ курьеромъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ и, рекомендованный П. А. Румянцевымъ, «какъ отличный и испытанный офицеръ», былъ пожалованъ императрицей въ полковники. Въ 1772 г. П. былъ командированъ гр. Румянцевымъ на конгрессы Фокшанскій и Бухарестскій въ качествѣ пристава при турецкихъ послахъ, а въ 1773 г. онъ былъ въ Болгаріи, при чемъ 12-го іюля участвовалъ въ корпусѣ генерала Ступишина при разбитіи Османа-паши, а 18-го іюля—при атакѣ непріятельскаго ретраншемента подъ Силистріей и при разбитіи Черкесъ-паши. Въ іюлѣ 1774 г. П. находился приставомъ при турецкихъ послахъ во время заключенія мира въ Кучукъ-Кайнарджи и велъ журналъ переговоровъ, напечатанный въ 1865 г. въ «Чтеніяхъ въ Моск. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» (ч. II, отд. 2, стр. 311—330) подъ заглавіемъ: «Журналъ, веденный съ прибытія уполномоченныхъ министровъ отъ верховнаго визиря Нишанджи-эфендія и Рейсъ-эфендія въ деревню Бію-Кайнарджи, назначенную для пребыванія ихъ въ оной и мѣстомъ для мирныхъ переговоровъ между императорскимъ Всероссійскимъ дворомъ и Оттоманскою Портою, до отъѣзда, съ 5-го іюля». Въ сентябрѣ 1774 г., по представленію гр. Румянцева, П. назначенъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ, 13-го января 1775 г. произвелъ обмѣнъ ратификацій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ верховнымъ визиремъ (за что получилъ Высочайшее благоволеніе), а въ концѣ іюля или началѣ августа 1775 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Затѣмъ П. съ 1779 по 1786 г. былъ министромъ-резидентомъ въ Данцигѣ, въ 1787 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Мюнхенѣ, куда прибылъ 30-го ноября с. с.; въ маѣ 1789 г. онъ былъ назначенъ временно на мѣсто гр. Н. П. Румянцева во Франкфуртъ, но, по болѣзни, не могъ туда отправиться и умеръ въ Мюнхенѣ 8-го ноября с. с. 1789 года (въ чинѣ тайнаго совѣтника). У П. было въ 1784 г. 584 души м. п. въ Витебской провинціи Полоцкой губерніи, въ староствѣ Колянскомъ.

Формулярный списокъ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (сообщенъ С. А. Бѣлокуровымъ); Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ., т. I, V, VI, X, XV, XLVII; Архивъ Государственнаго Совѣта, т. I, ч. 1 и 2, С.-Пб. 1869 г.; Архивъ кн. Воронцова, т. XIII, XVI и XXXII; Д. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи, т. II, М. 189 г., стр. 254, 261, 262. *Б. Л.*

Петерсъ, *Амплій Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ; родился 25-го ноября 1824 г., воспитывался въ Михайловскомъ Артиллерійскомъ Училищѣ, изъ котораго былъ выпущенъ прапорщикомъ въ 1842 г. (8-го августа). Прослушавъ затѣмъ курсъ офицерскихъ классовъ Училища (нынѣ Михайловская Артиллерійская Академія), П. 8-го января 1846 г. былъ переведенъ въ гвардейскую пѣшую артиллерію, гдѣ 6-го декабря 1847 г. произведенъ былъ въ подпоручики, въ 1849—въ поручики и въ 1853 (19-го апрѣля)—въ штабсъ-капитаны, полу-

чивъ еще въ 1848 г. (28-го января) золотую полусаблю. Произведенный въ 1854 г. въ капитаны, П. былъ назначенъ командиромъ дивизіонной фейерверкерской школы гвардейской артиллеріи, а 29-го августа того же года—командиромъ батарейной имени великаго князя Михаила Павловича батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады. Января 7-го 1858 г. П. былъ произведенъ въ полковники, 6-го августа 1860 г. пожалованъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, въ 1861 г. сопровождалъ великаго князя Николая Николаевича при поѣздкѣ его въ Пруссію на коронованіе короля Вильгельма; 22-го марта 1863 г. онъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады, а 19-го апрѣля 1864 г.—произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества. Затѣмъ, 23-го декабря 1869 г. генералъ Петерсъ занялъ постъ помощника начальника, а съ 4-гоноября 1872 г.—начальника артиллеріи Московскаго военнаго округа, въ каковой должности оставался почти 10 лѣтъ (до 28-го марта 1879 г.), будучи 30-го августа 1873 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и въ 1878 г. получивъ орденъ Бѣлаго Орла. Уволенный отъ названной должности, П. былъ зачисленъ по гвардейской пѣшей артиллеріи съ причисленіемъ къ Главному Артиллерійскому Управленію, до дня своей смерти, послѣдовавшей 8-го января 1890 г. въ г. Ревелѣ, гдѣ онъ и погребенъ. Петерсъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1849 и 1854 г.

Формулярный списокъ; Списокъ по старшинству генералитету гвардейской полевой и казачьей артиллеріи. С.-Пб. 1888 г., стр. 87—89; «Новое Время» 1890 г., № 4982; А. Платовъ и Л. Кирпичевъ. Историческій очеркъ образованія и развитія Артиллерійскаго Училища. С.-Пб. 1870 г.; П. Потоцкій. Столѣтіе россійской конной артиллеріи, С.-Пб. 1894 г., стр. 366. *Б. Г.*

Петерсъ, *Николай Николаевичъ*, инженеръ путей сообщенія; родился въ С.-Петербургѣ 23-го марта 1828 года, происходилъ изъ дворянъ Петербургской губерніи. Образованіе получилъ въ Институтѣ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія, гдѣ по экзамену былъ произведенъ 1-го іюня 1846 года въ прапорщики и въ 1848 году, по окончаніи офицерскихъ классовъ, въ чинѣ поручика опредѣленъ былъ на службу въ сѣверную дирекцію С.-Петербурго-Московской (нынѣ Николаевской) желѣзной дороги на опытный путь отъ С.-Петербурга до Колпина. Послѣ открытія постояннаго движенія по Николаевской желѣзной дорогѣ, П. былъ назначенъ въ 1851 году въ распоряженіе инженеръ генералъ-маіора Герстфельда для изысканій къ проведенію линіи желѣзной дороги отъ Петербурга до Варшавы. Съ открытіемъ работъ на Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, онъ остался при работахъ на этой дорогѣ, завѣдуя постройкою одного изъ ближайшихъ къ Петербургу участковъ. Въ 1857 году, съ образованіемъ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ вѣдѣніе котораго перешла также Варшавская желѣзная дорога, Петерсъ остался на службѣ въ Обществѣ, перейдя въ 1860 году на другую дорогу Общества—Московско-Нижегородскую, гдѣ отъ 1861 до 1863 года занималъ должность главнаго инженера пути и зданій; сверхъ сего, въ 1862 году на него же было возложено исполненіе обязанностей директора дороги. Въ этой должности на долю Петерса палъ тяжелый трудъ установленія и поддержанія движенія по второму участку дороги (отъ Коврова до Нижняго), открытому въ неоконченномъ видѣ съ временными объѣздами и искусственными сооруженіями, требовавшими значительнаго ремонта. Въ началѣ 1863 года Петерсъ назначенъ былъ управляющимъ Царскосельскою желѣзною дорогой и въ этой должности оставался до 1867 года, когда перешелъ на постройку въ Общество Кіево-Балтской желѣзной дороги. Особенность постройки этой дороги заключалась въ томъ, что она была сдана бельгійскимъ капиталистамъ на правахъ подряда со сдачей дороги правительству по ея окончаніи. Такъ какъ дорога сдавалась правительству, а не оставалась въ распоряженіи частнаго общества, то Петерсу пришлось съ большимъ искусствомъ вести дѣло, дабы не нарушить чьихъ-либо интересовъ—общества или правительства, и онъ съ успѣхомъ вышелъ изъ такого положенія, такъ что въ 1869 году ему было поручено организовать службу эксплоатаціи на Кіево-Балтской желѣзной дорогѣ. При состоявшемся преобразованіи управленія путями сообще-

нія изъ военнаго строя въ гражданскій Петерсъ былъ переименованъ въ 1867 году изъ подполковниковъ въ коллежскіе совѣтники. Въ 1870 году онъ былъ назначенъ управляющимъ Московско-Брестскою желѣзною дорогою и это мѣсто занималъ до 1873 года, когда, послѣ причисленія къ Министерству Путей Сообщенія, ему было поручено, въ началѣ 1874 года, управленія Царскосельскою желѣзною дорогою. На Царскосельской дорогѣ Петерсъ оставался до 1877 года; въ этотъ періодъ его управленія на дорогѣ проложенъ былъ второй путь. Въ 1876 году (4-го апрѣля) Петерсъ произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ началѣ 1877 года былъ уволенъ въ Общество Московско-Брестской желѣзной дороги, гдѣ и оставался до своей кончины, послѣдовавшей въ августѣ 1886 года. Въ должности директора и члена Правленія Общества Петерсъ неоднократно былъ командируемъ на различныя желѣзнодорожные конгрессы въ Россіи и за-границей, гдѣ голосъ его, какъ опытнаго практика, пользовался большимъ значеніемъ.

Архивъ Департамента герольдіи (метрика рожденія); формулярный списокъ; «Исторія эксплоатаціи Московско-Нижегородской желѣзной дороги за первыя XXV лѣтъ», сост. И. Рербергъ. Москва. 1887; сообщенія сослуживцевъ.

С. Житковъ.

Петерсъ, *Христіанъ Ивановичъ* (Christian-August-Friedrich Peters), экстраординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, родился въ Гамбургѣ 7-го сентября 1806 года. Съ 1826 по 1832 г. онъ, находясь подъ начальствомъ Шумахера, принималъ участіе въ работахъ Альтонской обсерваторіи и въ измѣреніи долготы и широты Гольштейна, а затѣмъ, въ 1833 г., получилъ дипломъ отъ Кёнигсберскаго университета. Состоя адъюнктомъ при Гамбургской астрономической обсерваторіи, П. былъ вызванъ въ Россію и 15-го декабря 1838 г. былъ назначенъ помощникомъ директора Пулковской астрономической Обсерваторіи, но въ должность вступилъ только въ серединѣ октября 1839 года. Въ 1842 году (5-го февраля) онъ былъ избранъ адъюнктомъ Академіи Наукъ по части теоретической астрономіи, съ 3-го іюня по 11-е августа 1843 г. находился въ командировкѣ за-границей по дѣламъ Высочайше учрежденной Хронометрической экспедиціи, 19-го сентября 1845 г. избранъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, а 6-го марта 1847 г.—утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ Академіи Наукъ. Покинувъ Россію съ чиномъ надворнаго совѣтника въ 1849 году и числясь съ этихъ поръ ея членомъ-корреспондентомъ по астрономіи, Петерсъ занялъ каѳедру астрономіи въ Кёнигсбергскомъ университетѣ (гдѣ съ 1854 г. состоялъ и директоромъ обсерваторіи), и въ томъ же 1854 году назначенъ директоромъ Альтонской обсерваторіи; послѣдняя, по его предложенію, въ 1872 г. перенесена была въ Киль, и П. въ 1873 г. занялъ каѳедру въ мѣстномъ университетѣ. Онъ умеръ въ Килѣ 8-го мая н. с. 1880 г.

Работы П. касались, главнымъ образомъ, астрономіи и помѣщались въ астрономическихъ запискахъ Шумахера, въ «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg», но главнымъ образомъ въ основанномъ имъ самимъ журналѣ. Въ изданіяхъ Академіи Наукъ помѣщены слѣдующія работы Петерса: по астрономіи —«Numerus constans nutationis ex ascensionibus rectis stellae polaris in specula Dorpatensi annis 1822 ad 1838 observatis deductus. Adjecta est disquisitio theoretica de formula nutationis» («Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersb.», VI sér., sc. math. et phys. t. III (V), p. 125—227); «Recherches sur la parallaxe des étoiles fixes» (ib., t. V (VIII), p. 1—180); «Untersuchung des Theilungfehlers des Ertelschen Verticalkreises der Pulcowaer Sternwarte» (ib., t. V, p 181—201); «Resultate aus Beobachtungen des Polarsterns am Ertelschen Verticalkreise der Pulkowaer Sternwarte» («Bull. phys.-mats», t II, p. 305—352); «Von den kleinen Ablenkungen der Lothlinie und des Niveau's, welche durch die Anziehungen der Sonne, des Mondes und einiger terrestrischen gegenstände hervorgebracht werden» (ib., t. III, p. 212—223); «Beobachtungen des Neptun auf der Pulkowaer Sternwarte» (ib., t. VI, p. 123—126); «Ueber Prof. Mädler's Untersuchungen über eigene Bewegung der Fixsterne» (ib., t. VII, p. 180—202); «Ueber Bessels Bestimmung der Parallaxe von 61. Cygni aus Beobachtungen am

*

Heliometer der Königsberger Sternwarte» (ib., t. VIII, p. 49—62 и «Mélanges math. et astr.», t. I, p. 23—41); съ О. В. Струве. «Bestimmung der Bahn des im Monat December 1839 entdeckten Cometen, nach den auf der Pulkowaer Sternfwarte angestellen Beobachtungen (gelesen den 16-n Dec. 1842)»—«Mém., VI Sér., t. III (V), p. 327—378 и «Bull. phys.-math.», t. I, p. 193—196; по геодезіи—«Bestimmung der Fehler, welche bei der Auflösung der Pothenotischen Aufgabe mit dem Messtische entstehen»—«Bull. phys-math.,- t. VII, p, 145—155 и по физикѣ земного шара «Formeln der mittleren Monats- und Tagestemperaturen für verschiedene Tiefen»—въ «Middendorf's. Reise», t. I, 1-re partie, p. 168—195. Кромѣ того, разборъ сочиненія полк. Болотова подъ заглавіемъ «Руководство къ производству хозяйственной съемки, межеванія и нивеллированія»—въ «Отчетѣ о XII присужденіи Демидовскихъ наградъ, 1843 г., стр. 277—287; вмѣстѣ съ Б. С. Якоби: «Донесеніе о ручномъ планиметрѣ Ермакова»—въ «Отчетѣ о XVIII присужденіи Демидовскихъ наградъ» 1849 г., стр. 273—280 (оба на нѣмецкомъ языкѣ).

Формулярный списокъ 1848 г. въ Архивѣ Академіи Наукъ; Brockhaus. Encyclop. Lexicon; Tableau général... des matières contenues dans les publications de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Pétersbourg. St.-Pétersb. 1872. *Б. Л.*

Петерсъ, *Эрнстъ Карловичъ*, генералъ-лейтенантъ, родился 19-го февраля 1813 г., воспитывался въ Курляндіи, въ одномъ изъ частныхъ заведеній, а затѣмъ, вступивъ въ военную службу, 19-го января 1829 г. былъ произведенъ въ фейерверкеры 3-й артиллерійской бригады. Принявъ участіе въ усмиреніи Польскаго возстанія 1831 г., П. участвовалъ въ дѣлахъ подъ Минскомъ, Ваверомъ и Гроховымъ (гдѣ получилъ за отличіе знакъ Военнаго Ордена), 26-го мая 1831 г. произведенъ былъ въ прапорщики, отличился затѣмъ въ сраженіи при Остроленкѣ, получивъ за это орденъ Анны 4 ст. «за храбрость», и 17-го марта 1833 г. переведенъ былъ въ 20-ю артиллерійскую бригаду, гдѣ 23-го іюля 1834 г. произведенъ былъ въ подпоручики. Въ 1836 г. П. перешелъ въ 15-ю конно-батарейную батарею, въ 1837—въ конно-резервную № 8 батарею, въ 1841 г. получилъ чинъ штабсъ-капитана, въ 1842 г. прешелъ въ конно-легкую № 12 батарею, а 10-го августа того же года прикомандированъ къ л.-гв. конной артиллеріи; получивъ 7-го декабря 1843 г. чинъ гвардіи поручика, П. былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны (1844) и капитаны (1847) и назначенъ (21-го апрѣля 1848 г.), съ производствомъ въ подполковники полевой конной артиллеріи, командиромъ конно-артиллерійской № 26 батареи. Въ 1854 г. принявъ участіе въ движеніи нашихъ войскъ въ Молдавію, полковникъ (съ 24-го мая 1849 г.) П. въ 1855 г. (3-го августа) былъ переведенъ командиромъ 5-й конно-артиллерійской бригады и въ этомъ же году участвовалъ въ дѣлахъ Крымской войны (между прочимъ, въ сраженіи при р. Черной), 26-го августа 1856 г. былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 12-го января 1863 г. назначенъ командиромъ резервной конно-артиллерійской бригады. Затѣмъ генералъ П. занималъ послѣдовательно должности: начальника 2-й сводной резервной артиллерійской дивизіи (съ 26-го марта 1863 г.), начальника резервной артиллеріи (съ 2-го декабря того же года по 10-е августа 1864 г.), и, произведенный въ генералъ-лейтенанты (30-го августа 1864 г.),—помощника начальника артиллеріи Одесскаго (1-го октября 1864 г.) и начальника артиллеріи Харьковскаго Военныхъ Округовъ (26-го января 1865 г.). Въ 1870 г. П. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени; въ 1879 г. онъ состоялъ по полевой конной артиллеріи и числился въ запасныхъ войскахъ. Онъ умеръ въ 1891 г.

Архивъ Департамента Геральдіи (формулярный списокъ); списки генераламъ; «Правительств. Вѣстн.» 1891 г., № 158. *Б. Г.*

Петинъ, *Иванъ Александровичъ*, писатель, полковникъ, другъ поэта К. Н. Батюшкова. Происходилъ изъ старинаго дворянскаго рода Московской губерніи и родился въ 1788 г. въ довольно богатой семьѣ. Рано лишившись отца своего (Александра Борисовича Петина, ротмистра въ отставкѣ), Иванъ Александровичъ остался на рукахъ матери, Александры Павловны, нѣжно его любившей, у которой онъ былъ единственнымъ сыномъ и которой суждено было его пережить. Дѣтство свое П. провелъ въ Москвѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе въ Московскомъ

университетскомъ Благородномъ пансіонѣ. Поступивъ затѣмъ въ Пажескій корпусъ, онъ былъ выпущенъ въ 1806 году въ л.-гв. Егерьскій полкъ поручикомъ и съ этого времени не покидалъ военной службы до своей трагической смерти. Принявъ участіе въ Прусскомъ походѣ 1807 г., И. А. былъ раненъ, но не опасно, и продолжалъ походъ, во время котораго, за отличіе, получилъ орденъ Владиміра 4-й степени; въ это время онъ познакомился и близко сошелся съ К. Н. Батюшковымъ, который также былъ раненъ въ этомъ походѣ. Дружба эта продолжалась до самой смерти Петина, сильно повліявшей на Батюшкова, который и впослѣдствіи, во время своей психической болѣзни, часто рисовалъ далекую могилу своего друга. Батюшковъ такъ впослѣдствіи объяснялъ ихъ пріятельскія отношенія: «одни пристрастія, однѣ наклонности, та же пылкость и та же безпечность, которыя составляли мой характеръ въ первомъ періодѣ молодости—плѣняли меня въ моемъ товарищѣ. Привычка быть вмѣстѣ, переносить трудъ и безпокойства воинскіе, раздѣлять опасности и удовольствія стѣснили нашъ союзъ. Часто и кошелекъ, и шалашъ, и мысли, и надежды у насъ были общія».

Въ 1808 г. Петинъ участвовалъ въ Финляндскомъ походѣ, такъ какъ одинъ батальонъ гвардейскихъ егерей былъ отряженъ въ Финляндію. Здѣсь, 30-го октября, въ удачной схваткѣ со шведами подъ Индесальми, онъ былъ жестоко раненъ въ ногу. По окончаніи Шведской войны И. А. жилъ въ Москвѣ (въ 1810 г.) и часто видѣлся здѣсь съ Батюшковымъ. Въ 1812 г. опасно раненый въ Бородинскомъ сраженіи (за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. съ алмазами), онъ больной былъ увезенъ во Владиміръ (во время занятія Москвы французами), гдѣ за нимъ ухаживала его мать. Въ 1813 г., еще не совсѣмъ оправившись отъ ранъ, Петинъ противъ воли матери, какъ бы предчувствовавшей его близкую кончину, поспѣшилъ за нашими войсками въ Богемію (честолюбіе играло тутъ не послѣднюю роль) и участвовалъ — уже въ чинѣ полковника—съ батальономъ егерей въ сраженіи при Кульмѣ и за отличіе въ немъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени. Весь этотъ походъ за границей Петинъ страдалъ отъ ранъ, полученныхъ раньше и еще не залѣченныхъ, вслѣдствіе чего былъ очень слабъ. 4-го октября 1813 г. въ сраженіи подъ Лейпцигомъ онъ былъ убитъ пулею наповалъ и погребенъ въ близъ лежащемъ селѣ.

Батюшковъ написалъ Петину «Посланіе», въ которомъ вспоминалъ Финляндскій походъ, и ему же посвятилъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній—элегію «Тѣнь друга»; кромѣ того, написалъ о немъ воспоминанія.

Какъ писатель, Петинъ не принадлежалъ къ крупнымъ дарованіямъ, но, воспитываясь въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ, рано сталъ причастенъ къ литературѣ. Первые опыты свои, состоявшіе изъ переводовъ съ французскаго языка небольшихъ пьесъ чисто литературнаго содержанія и изъ оригинальныхъ стихотвореній, главнымъ образомъ басенъ, онъ печаталъ въ «Утренней зарѣ» 1800, 1803, 1806 г. и въ періодическихъ сборникѣ «И отдыхъ въ пользу» 1804 г.; въ этихъ изданіяхъ помѣщали свои произведенія воспитанники Московскаго Благороднаго пансіона. Позднѣе, уже будучи капитаномъ лейбъ-гвардіи Егерьскаго полка, Петинъ сотрудничалъ въ «Военномъ журналѣ», издававшемся въ 1810—1811 гг. П. А. Рахмановымъ, гдѣ помѣщалъ спеціальныя статьи по разнымъ отраслямъ военныхъ знаній.

Библіографическія Записки, т. II, стр. 298; «Русскій Архивъ» 1863 г., стр. 802; 1867 г.; 1882 г., т. 1, стр. 496, 502, 516, 536; 1888 г., т. I, стр. 69; 1890 г., т. I, стр. 378; 1897 г., т. II, стр. 113, 114; 1900 г., т. II, стр. 270; «Русская Старина» 1871 г., т. III, стр. 208, 233; 1874 г., т. X, стр. 385, 388; 1888 г., т. II, стр. 561; Дѣло о дворянствѣ Петиныхъ въ Архивѣ Департамента Герольдіи Прав. Сената; Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданіе П. Н. Батюшкова, т. I, стр. 58, 62, 65, 71, 75 — 77, 103, 110, 111, 155, 169, 170, 180, 204, 228, 286, 312; 91, 92, 186—188, 330, 331, 386; т. II (С.-Пб. 1885 г.), стр. 188, 190—202, 476, 477, 508; т. III, стр. 21, 66, 75, 78, 111, 236, 237, 243, 303, 307—309, 604, 647, 707, 714; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи. Фридрихсгамнъ. 1898. *Б. Еловскій.*

Петипа, *Иванъ* (*Jean-Antoine*), учитель танцевъ въ С.-Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ съ 1848 по 1855 годъ; родился 16-го февраля 1796 года въ Парижѣ, гдѣ и получилъ свое сценическое образованіе. Артистическую карьеру Петипа началъ въ Марселѣ, куда приглашенъ былъ первымъ танцо-

ромъ. Затѣмъ онъ снова вернулся въ Парижъ, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ; въ 1830 году онъ былъ приглашенъ балетмейстеромъ въ Брюссель (гдѣ оставался въ теченіе двѣнадцати лѣтъ); затѣмъ былъ въ Бордо, наконецъ, въ Мадридѣ, тоже балетмейстеромъ. Кромѣ того, Петипа ѣздилъ въ Америку, гдѣ провелъ около года. Въ 1848 году, по рекомендаціи своего сына Маріуса Ивановича Петипа, онъ былъ приглашенъ въ Россію въ качествѣ преподавателя танцевъ въ Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ и на этой должности оставался до дня своей смерти. Состоя преподавателемъ танцевъ въ Театральномъ Училищѣ, Петипа, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, впослѣдствіи балетмейстеромъ М. И. Петипа, поставилъ сначала въ Петербургѣ, а потомъ и въ Москвѣ балетъ «Сатанеллу», имѣвшій большой успѣхъ, и въ которомъ онъ самъ принималъ участіе, исполняя роль гувернера князя. Кромѣ того, П. поставилъ еще небольшой балетъ «Маркобомбу», который весьма прочно утвердился въ репертуарѣ Императорскихъ театровъ. Какъ танцоръ, въ молодости Петипа обладалъ рѣдкою легкостью и граціозностью, и исполненіе пантомимъ у него всегда было превосходное, а какъ преподаватель танцевъ, онъ отличался особеннымъ умѣньемъ такъ объяснить и показать самыя трудныя pas, что они легко усваивались воспитанниками. Петипа скончался въ Петербургѣ въ іюнѣ 1855 года, на 60-мъ году жизни.

Сообщеніе сына балетмейстера—Мар. Ив. Петипа. *Е. Ястребцевъ.*

Петипа, *Марья Сергѣевна*, рожденная *Суровщикова*, талантливая артистка балетной труппы Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ; училась въ Театральномъ Училищѣ и уже тогда нерѣдко выступала на сценѣ. Вышедши замужъ въ 1853 г. за М. И. Петипа, который серьезно принялся за усовершенствованіе ея таланта, П. быстро выдвинулась изъ ряда ординарныхъ кордебалетныхъ танцовщицъ. Природныя данныя вполнѣ благопріятствовали выработкѣ изъ нея перворазрядной балерины. П. обладала весьма пріятной наружностью, пластическимъ очертаніемъ ногъ, миніатюрными чертами лица, живою мимикой, придававшей чрезвычайно выразительную прелесть ея игрѣ. Начало успѣховъ ея относится къ 1853 г., когда она всѣхъ увлекла исполненіемъ мазурки въ «Газельдѣ»; съ крупнымъ успѣхомъ она выступала также въ «Своенравной женѣ» и «Эсмеральдѣ». Съ назначеніемъ М. И. Петипа балетмейстеромъ наступилъ разцвѣтъ сценической дѣятельности его жены. Онъ сочинялъ для нея танцы, создавалъ художественныя позы и драматическо-мимическія сцены, сообразуясь, конечно, съ свойствами и размѣрами ея таланта. Въ 1859 г. въ ея бенефисъ поставленъ былъ балетъ Ц. «Парижскій рынокъ»; въ томъ же году она выступала въ «Катаринѣ», гдѣ ей наиболѣе удались характерные танцы и сцены, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ грація. 26-го января 1860 г. она танцовала въ балетѣ «Пекеретта» Сенъ-Леона, вызвавъ восторгъ исполненіемъ le tambour de la reine; 12-го апрѣля того же года П. участвовала въ новомъ балетѣ: «Голубая георгина». Въ 1861 г. она исполняла главную роль въ балетѣ «Эолина, или Дріада» Перро; въ 1862 г.—роль Маргариты въ балетѣ «Фаустъ» того же Перро и впервые выступила въ роли Аспичіи въ «Дочери Фараона». Лѣтомъ 1861 и 1862 г.г. П. предпринимала путешествія съ мужемъ въ Парижъ и выступала въ балетахъ «Парижскій рынокъ» и «Своенравная жена»; въ послѣднемъ балетѣ особенный восторгъ парижской публики вызывала мазурка, которую П. танцовала съ Кшесинскимъ. Кромѣ того, П. выступала въ Берлинѣ и въ Ригѣ, гдѣ дала восемь спектаклей съ полнымъ сборомъ. Въ 1863 г. П. выступила въ роли Медоры въ возобновленномъ балетѣ «Корсаръ», при чемъ поклонники ея таланта поднесли ей нѣсколько тысячъ рублей подарковъ. Въ декабрѣ того же года П. исполнила главную роль въ новомъ балетѣ «Ливанская красавица, или горный духъ», гдѣ очаровала всѣхъ исполненіемъ charmeuse, а затѣмъ выступала въ роли Софьи въ балетѣ «Валахская невѣста». Въ 1865 г. П. выступала въ сочиненномъ для нея балетѣ «Путешествующая танцовщица». Серьезная болѣзнь заставила М. С. въ концѣ 1860-хъ г.г. разстаться со сценой. Въ концѣ сезона 1869 г. состоялся прощальный бенефисъ ея въ

«Дочери Фараона». Дирекція предлагала П. перейти на исключительно мимическія роли, но артистка отказалась. Въ 1881 г. она выступила было въ роли драматической артистки, но дебютъ ея оказался неудачнымъ, и она отказалась навсегда отъ мысли вновь поступить на сцену. Скончалась П. въ мартѣ 1882 г. въ Пятигорскѣ.

А. А. Скальковскій. Балетъ, его исторія и мѣсто въ ряду прочихъ искусствъ. С.-Пб. 1886 г.; А. А. Плещеевъ. Нашъ балетъ (1673—1899). С.-Пб. Изд. 2-е, 1899; «Новое Время» 1882 г., № 2183; «Иллюстрированная Газета» 1865 г., № 1. *К. Храневичъ.*

Петлинъ, *Иванъ*, сибирскій казакъ изъ г. Томска времени царя Михаила Ѳеодоровича. Петлинъ извѣстенъ, какъ составитель «Росписи Китайскому государству и Пообинскому и инымъ государствамъ, жилымъ и кочевымъ улусамъ и великой Обѣ рѣки и дорогамъ»; «Роспись», по словамъ самого Петлина, была написана имъ на основаніи свѣдѣній, собранныхъ имъ во время предпринятой по порученію государя поѣздки въ Китай въ 1620 году; по возвращеніи изъ путешествія Петлинъ, какъ онъ самъ разсказываетъ въ «Росписи», представилъ государю въ Москвѣ свое описаніе вмѣстѣ съ чертежемъ. Большое, часто дословное сходство «Росписи» Петлина съ записями казаковъ Ив. Петрова (см.) и Бурнаша Елычева, бывшихъ въ Китаѣ въ 1567 году, позволяетъ предполагать, что «Роспись» свою Петлинъ составилъ почти цѣликомъ по записямъ своихъ предшественниковъ; Карамзинъ думаетъ даже, что Петлинъ въ Китаѣ и не бывалъ; съ послѣдними словами едва ли можно согласиться; по крайней мѣрѣ, по свѣдѣніямъ Фишера, заимствованнымъ имъ не только изъ «Росписи», но и изъ другихъ источниковъ, частью иностранныхъ, въ 1619 г. дѣйствительно ѣздили въ Китай по порученію Тобольскаго воеводы кн. И. С. Куракина два казака, Ив. Петлинъ и Петунька Киселевъ.

Путешествіе въ Китай сибирскаго казака Ивана Петлина въ 1620 году—въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ», 1818, ч. 2, 211—246; I. E. Fischer: «Sibirische Geschichte» (1768). 1. 382—384; Карамзинъ, Исторія государства россійскаго, т. IX, пр. 648; Строевъ. Библіологическій словарь, изд. 1882, стр. 235; Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы, изд. 1884, стр. 223; Описаніе путешествія И. Петрова см. въ «Сказаніяхъ русскаго народа» И. П. Сахарова, т. II, стр. 183—186. *Вс. С—ій.*

Петлинъ, *Яковъ*, см. **Петелинъ**.

Петниковъ (онъ же **Петникъ**), *Антонъ Григорьевичъ*, врачъ, умеръ въ половинѣ 1840-хъ годовъ; высшее образованіе получилъ въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, въ которую поступилъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ 1822 году. Въ 1826 г. Петниковъ окончилъ курсъ Академіи съ званіемъ лѣкаря и былъ назначенъ въ пѣхотный принца Прусскаго полкъ. Въ 1830 г. онъ получилъ званіе штабъ-лѣкаря и занялъ въ упомянутомъ полку должность старшаго лѣкаря, а въ 1838 г. былъ переведенъ въ Бобруйскій военный госпиталь. Въ 1839 г. Петниковъ перешелъ въ гражданское вѣдомство и получилъ въ Пензенской губерніи должность Городищенскаго уѣзднаго врача, въ которой и оставался до конца жизни; имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора; напечаталъ: «Новый способъ скарификаціи per folia Elymi arenariі»—въ «Другѣ Здравія» 1838 г., стр. 15; «Гальваническіе опыты надъ больными» — тамъ же, стр. 26; «Водка, какъ дѣйствительное средство въ воспаленіи глазъ»—тамъ же, стр. 26; «Совершенный недостатокъ праваго легкаго»—тамъ же, 1839 г., стр. 39; «О діэтетическомъ и врачебномъ дѣйствіи гречневой каши» — тамъ же, 1840 г., стр. 4; перевелъ съ нѣмецкаго: «Сансоновъ способъ различать бѣльмо отъ другихъ схожихъ съ нимъ глазныхъ недуговъ»—тамъ же 1841 г., стр. 47 (перепечатано слово въ слово—тамъ же, 1844 г., стр. 42) и «Совершенное срощеніе сердца съ его оболочкою»—тамъ же, 1844 г., стр. 42.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели, вып. I, тетр. II, С.-Пб. 1886 г., стр. 50; Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи за 100 л. С.-Пб. 1898 г. Приложеніе, стр. 224. *Н. Кульбинъ.*

Петрашевскій, *Василій Михайловичъ*, С.-Петербургскій штадтъ-физикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ; родился въ 1787 г., умеръ 29-го мая 1845 г. въ С.-Петербургѣ. Въ 1806 году (9-го мая) онъ изъ студентовъ богословія Полтавской Духовной Семинаріи поступилъ въ число казеннокоштныхъ воспитанниковъ Императорской Медико-Хирургической Академіи, а въ 1807 г., будучи студентомъ 3-го класса, сталъ исполнять обязанности помощника прозектора при профессорѣ Загорскомъ.

Оффиціально эта должность была учреждена уставомъ 1808 г., послѣ чего Петрашевскій продолжалъ исполнять ее. Ревностныя занятія по анатоміи и успѣшное изготовленіе препаратовъ обратили на него особое вниманіе академической Конференціи: о Петрашевскомъ было доложено императору Александру I, который въ 1809 г. (27-го апрѣля) пожаловалъ молодому анатому золотые часы. Въ томъ же году Петрашевскій окончилъ курсъ Академіи съ званіемъ лѣкаря I-го отдѣленія и былъ награжденъ серебряной медалью. Оставшись при Академіи, онъ продолжалъ нести обязанности помощника прозектора и въ то же время былъ ординаторомъ С.-Петербургскаго сухопутнаго Госпиталя; въ госпиталѣ Петрашевскій практически изучалъ хирургію и изобрѣлъ двѣ машины: одну «для протягиванія вывихнутыхъ перстныхъ суставовъ», а другую «для прижатія вѣнечной губной артеріи при невозможности ее перевязать». Профессоръ Бушъ, которому академическая конференція поручила разсмотрѣть эти машины, принесенныя Петрашевскимъ въ даръ хирургическому кабинету, нашелъ, что первая изъ нихъ «очень важна, ибо и понынѣ лѣкари при вывихахъ перстныхъ суставовъ, находя иногда невозможнымъ удалить простыми пріемами одинъ суставъ отъ другого, должны были дѣлать разрѣзъ и употреблять подъемцы или даже отнять такой членъ вовсе»; другая машина «не такъ важна, но ихъ слѣдуетъ имѣть въ Академическомъ хирургическомъ кабинетѣ». Въ 1810 году (3-го декабря) Петрашевскій получилъ отъ Академіи дипломъ на званіе медико-хирурга, оставилъ Академію и перешелъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ батальоннымъ лѣкаремъ; въ слѣдующемъ году онъ поступилъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ въ Тверской драгунскій полкъ (23-го іюля 1811 г.), 22-го апрѣля 1812 г. опредѣленъ при главнокомандующемъ кн. Багратіонѣ главнымъ хирургомъ 2-й западной арміи, а 2-го сентября того же года назначенъ при графѣ Милорадовичѣ главнымъ докторомъ по авангарду и арьергару, при чемъ въ это время исполнилъ нѣсколько порученій по военно-медицинской части, за что и былъ награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора (18-го декабря 1812 г.). Переведенный 30-го мая 1813 г. въ л.-гв. Финляндскій полкъ и получивъ за отличные труды орденъ св. Владиміра 4-й степени (27-го іюля), П. 23-го апрѣля 1814 г. за отличіе во время сраженій при Лейпцигѣ и Парижѣ, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени и, при слѣдованіи 2-й гвардейской дивизіи отъ Парижа до Петербурга, исправлялъ должность дивизіоннаго доктора. Во все время войнъ 1811—1814 гг. П. находился въ походахъ: такъ, въ 1811 г. онъ былъ въ Молдавіи вмѣстѣ съ Тверскимъ полкомъ, въ 1812 г. былъ при немъ же во время сраженій подъ Новогрудкомъ и при Бородинѣ; здѣсь онъ по всему лѣвому флангу арміи завѣдывалъ медицинскою частью и наблюдалъ за дѣйствіями медиковъ при операціяхъ и перевязкахъ, распоряжался отправкою раненыхъ въ развозные подвижные госпитали и т. п. Находясь затѣмъ при всѣхъ аріергардныхъ дѣлахъ до Москвы, онъ былъ въ сраженіяхъ при Красномъ, при Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ, при Вязьмѣ, Дорогобужѣ, Борисовѣ; занимался устройствомъ госпиталей въ г. Гроднѣ, Бѣлостокѣ и Ломжѣ. Въ 1813 г. онъ также находился во многихъ дѣлахъ, напр., при Дрезденѣ, Люценѣ, Бауценѣ и др., а въ 1814 г.—при Бріеннѣ, Парижѣ (гдѣ завѣдывалъ центральною перевязкою), затѣмъ вступилъ съ войсками въ Парижъ, послѣ чего возвратился въ Петербургъ. Въ 1816 г. П. былъ командированъ для устройства дивизіонныхъ госпиталей въ Нарвѣ, Порховѣ, Псковѣ и Новгородѣ, а въ 1817 г.—гвардейскаго въ Москвѣ госпиталя, гдѣ былъ и. д. главнаго доктора. Въ 1818 г., по приказанію гр. Милорадовича, сдѣлалъ описаніе богоугодныхъ заведеній, зависѣвшихъ отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, и составилъ проекты объ ихъ улучшеніи и распространеніи. Въ 1819 году (10-го января) онъ былъ назначенъ С.-Петербургскимъ штадтъ-физикомъ и инспекторомъ по лазаретамъ въ С.-Петербургѣ и его губерніи, а 14-го апрѣля—главнымъ докторомъ при заведеніяхъ С.-Петербургскаго Приказа Общественнаго призрѣнія, будучи 29-го марта избранъ членомъ Фармацевтическаго Общества. Въ томъ же году П. онъ былъ командированъ въ учрежденную на Волковомъ кладбищѣ больницу въ заведеніи старообряд-

цевъ-безпоповцевъ и устроилъ особое отдѣленіе для сифилитиковъ при Калинкинской больницѣ. 26-го ноября 1821 г. Медико-Хирургическая Академія признала П. безъ экзамена докторомъ медицины и хирургіи; въ 1822 г. онъ получилъ бриллiантовый перстень, въ 1824 г., послѣ наводненія, написалъ проектъ объ устройствѣ больницы на Васильевскомъ островѣ на 250 человѣкъ, каковая и была устроена у Тучкова моста. Произведенный 12-го декабря 1824 г. въ статскіе совѣтники, П. 14-го января 1826 г. получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Въ 1830 г. онъ занимался устройствомъ холерныхъ больницъ, въ 1831 г. назначенъ ихъ временнымъ медицинскимъ инспекторомъ, въ 1835 г. былъ командированъ въ Гдовскій уѣздъ для борьбы съ сибирскою язвою, въ 1837 г.—по предложенію С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора—составилъ проекты, планы и штаты для устройства больницъ въ уѣздныхъ городахъ С.-Петербургской губерніи (Шлиссельбургѣ, Ямбургѣ и Гдовѣ). Въ 1839 г. (21-го марта) онъ былъ уволенъ отъ должности штадтъ-физика, а съ 16-го іюля 1841 г. состоялъ при главномъ инспекторѣ медицинской части баронетѣ Виллiе по особымъ порученіямъ; будучи въ этой должности до самой смерти, П. 26-го марта 1844 г. былъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники; онъ умеръ 29-го мая 1845 г. и похороненъ на Волковомъ кладбищѣ вмѣстѣ съ женою, Ѳеодорою Дмитріевною, рожденною Фалелѣевою (она умерла 7-го февраля 1867 г., 65 лѣтъ). П. напечаталъ: «Описаніе хирургической машины для вправленіи вывихнутыхъ перстовъ»—во «Всеобщемъ журналѣ врачебной науки» 1811 г., кн. III, стр. 95; то же, по-нѣмецки въ «Russ. Samml.», т. II, тетр. 4, стр. 740 и въ «Allgem. medic. Annal.» 1817 г., стр. 1346.

А. Ландшевскій. Историческій очеркъ каѳедры академической хирургической клиники. С.-Пб. 1898 г., стр. 56; Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи писатели; тетр. II, С.-Пб. 1886 г.; А. И. Таренецкій. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Импер. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1895 г., стр. 22; Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи, С.-Пб. 1898 г., стр. 180 и въ прилож. стр. 216; «Сѣверная Пчела» 1845 г., № 122; «Всеобщій журналъ врачебной науки». 1811 г., кн. 2, стр. 115. Формулярный списокъ (сообщ. Б. Л. Модзалевскимъ). *Н. Кулябинъ.*

Петрашевскій, *Иванъ Константиновичъ*, врачъ г. Полтавы, сынъ священника, род. въ 1810 г. въ селѣ Обуховкѣ, Миргородскаго уѣзда, ум. въ ночь съ 4-го на 5-е іюня 1866 г., въ Полтавѣ. Образованіе получилъ въ Полтавской Духовной Семинаріи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго Университета, курсъ котораго окончилъ въ 1834 году со степенью лѣкаря. До 1837 г. П., живя въ Полтавѣ, занимался практикой, оказывая больнымъ безмезную медицинскую помощь. Въ 1837 г., по представленію Губернскаго Правленія, Петрашевскій былъ назначенъ особымъ, безъ жалованья, но съ правами государственной службы, врачемъ полтавскихъ присутственныхъ мѣстъ, а въ 1839 г. былъ опредѣленъ и полтавскимъ уѣзднымъ врачемъ. Спустя два года, П. былъ назначенъ также медикомъ при Благородномъ пансіонѣ губернской гимназіи, но вскорѣ, по разстроенному здоровью, отказался отъ должности врача присутственныхъ мѣстъ, затѣмъ врача пансіона и, наконецъ, въ 1855 году вовсе уволился отъ службы по болѣзни. Однако, каждый разъ при улучшеніи здоровья П. снова принимался за практику, а въ послѣдніе годы своей жизни даже принялъ на себя обязанность врача вольноприходящихъ учениковъ гимназіи.

«Полтавскія Губернскія Вѣдомости» 1866 г., № 43. *И. Д.*

Петрашевскій, *Игнатій*, врачъ, уроженецъ Ковенской губерніи, умеръ въ 1887 г.; учился въ Императорской Медико-Хирургической Академіи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1865 г., затѣмъ служилъ младшимъ врачемъ въ 6-мъ Гусарскомъ Клястицкомъ полку, но 24-го марта 1868 г. былъ уволенъ отъ службы. Поселившись въ Вилькомірскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи, въ собственномъ имѣніи «Свирны», онъ занялся преимущественно сельскимъ хозяйствомъ и прекратилъ свою врачебную практику; передъ смертью долго страдалъ душевною болѣзнью. Петрашевскій много занимался энтомологіей и печаталъ свои изслѣдованія о животныхъ паразитахъ человѣческаго покрова и одежды.

Н. А. Воронихинъ: 25-лѣтіе дѣятельности врачей, окончившихъ курсъ въ Императорской Медико-Хирургической Академіи въ 1865 г. С.-Пб. 1890 г., стр. 240. *Н. Кулябинъ.*

Петрашевскій, *Игнатій Балтазаровичъ* (Pietraszewski), оріенталистъ, преподаватель С.-Петербургскаго Университета, писатель. Родился въ 1796 г. въ м. Бискупицѣ, въ Варміи (въ нынѣшней восточной Пруссіи), гдѣ получилъ свое первоначальное образованіе, а затѣмъ 7 лѣтъ провелъ на Литвѣ и въ Гроднѣ, обучаясь въ мѣстныхъ доминиканскихъ школахъ. Поступивъ, послѣ того, въ Виленскій Университетъ, гдѣ слушалъ у проф. Минниха лекціи персидскаго языка, II. курса здѣсь не окончилъ и въ 1826 г. уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ Университетъ на восточный факультетъ. Окончивъ курсъ въ 1831 году и изучивъ языки турецкій, персидскій и арабскій, П. занимался также въ Институтѣ восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, послѣ чего отправленъ былъ драгоманомъ въ нашу Константинопольскую миссію, затѣмъ былъ тамъ же секретаремъ посольства, наконецъ—консуломъ въ Смирнѣ, Салоникахъ, Александріи и Яффѣ. Покинувъ востокъ, онъ въ 1840 г. опредѣлился преподавателемъ въ С.-Петербургскій Университетъ и въ 1842—1845 учебныхъ годахъ былъ помощникомъ проф. А. О Мухлинскаго въ начальномъ обученіи студентовъ Петербургскаго Университета османскому языку: онъ безвозмездно излагалъ слушателямъ правила османской грамматики и упражнялъ ихъ въ переводѣ сказокъ «Кыркъ Везирлеринъ Хикаетлери». Въ 1845 г. онъ уволился изъ Университета одновременно съ проф. Мухлинскимъ, уѣхалъ въ Галле, гдѣ получилъ степень доктора философіи и въ 1845 г. вступилъ членомъ въ Германское Общество Восточныхъ языковъ. Съ 5-го февраля 1847 г. П. былъ лекторомъ восточныхъ языковъ въ Берлинскомъ Университетѣ и занималъ эту должность до дня своей смерти—16-го ноября 1869 года. Нѣкоторое время онъ былъ членомъ прусскаго посольства въ Персіи. Служа въ Турціи, П. собралъ значительную коллекцію мусульманскихъ монетъ, первый (и единственный) выпускъ описанія коихъ онъ издалъ на латинскомъ языкѣ въ Берлинѣ въ 1843 г., подъ заглавіемъ «Numi Mohammedani (съ XV таблицами, литографированными въ Петербургѣ). Затѣмъ, П. издалъ слѣдующіе труды: «Nowy przekład dziejopisów tureckich, dotyczących się historyi polskiej», Берлинъ. 1846 г. (часть этой работы была ранѣе напечатана въ «Przeglądzie Poznańskim»); «Miano słowiańskie w ręku jednej familii od 3.000 lat zostające, czyli nie Zendawesta a Zędaszta, to jest życiodawcza książeczka Zoroastra», въ 2 ч., Берлинъ. 1857 (издано одновременно также на французскомъ, турецкомъ и нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Das slavische Eigenthum seit dreitausend Jahren, oder nicht Zendavesta, aber Zendaschta, das heisst das lebenbringende Buch des Zoroaster»); «Abrégé de la grammaire Zend» (Берлинъ. 1861); Zend-avesta ou plutôt Zen Davasta expliqué d'après un princype tout-à-fait nouveau» (Берлинъ. 1862, 2 тома); переводъ сказокъ Пильпая (Лейпцигъ. 1855); «Deutsche verbesserte Uebersetzung der Bücher des Zoroaster. Erster Theil. Zen-dawasta (das «Leben-Gebende»). Zur Erleichterung der ersten Auflage. Berlin. 1864 и др.

В. В. Григорьевъ. Импер. С.-Петербургскій Университетъ. С.-Пб. 1870 г., стр. 106, 261—262; П. А. Плетневъ. Первое двадцатипятилѣтіе С.-Петербургскаго Университета, С.-Пб. 1844 г.; Н. И. Веселовскій: «Свѣдѣнія объ оффиціальномъ преподаваніи восточныхъ языковъ въ Россіи» (въ «Трудахъ 3-го международнаго съѣзда оріенталистовъ въ С.-Петербургѣ въ 1876 г.», т. I, С.-Пб. 1879—1880 г., стр. 199—200 и 248; Адресъ-календари; А. С. Вороновъ. Историко-статистическое обозрѣніе учебн. заведеній С.-Петерб. учебнаго округа. С.-Пб. 1854 г., стр. 58; «Die deutsche Morgenländische Gesellschaft 1845—1895. Leipzig. 1895, S. 48; «Die Königl. Friedrich-Wilhelm-Universität Berlin in ihrem Personalbestande. 1810—1885 (Berl. 1885), S. 17, 25; Encyclopedyja powszechna, S. Orgelbranda (статья Ф. М. Собѣщанскаго); Estreicher, Bibliografia polska; «Biblioteka Warszawska» 1870, t. I, str. 336; A. H. Kirkor: «Pietraszewski Ignacy», Wilno. 1861. *Б. М—ій.*

Петрашевскій-Буташевичъ, *Михаилъ Васильевичъ*, сынъ В. М. Петрашевскаго (см. выше), родился 1-го ноября 1821 года; воспитывался въ Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1839 году (онъ былъ одинъ изъ всего выпуска окончившій съ чиномъ XIV кл.) и сейчасъ же по выходѣ поступилъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и кончилъ въ 1841 году курсъ юридическихъ наукъ со степенью кандидата. По окончаніи университетскаго курса П. поступилъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ по Департаменту вну-

тренних сношеній и здѣсь оставался вплоть до ареста, дослужившись за это время до чина титулярнаго совѣтника. Разрушительныя ученія, омрачавшія въ то время (въ 1840-хъ годахъ) политическій горизонтъ Западной Европы и вскорѣ разразившіяся революціями сначала во Франціи, а вслѣдъ за тѣмъ и въ Германіи, не оставались безъ отголоска среди русской молодежи. Такъ и П. уже въ 1841 году мечталъ о республиканской формѣ правленія и изучалъ Фурье и другихъ писателей того же направленія. Усвоивъ себѣ взгляды Фурье, П. задался цѣлью пропагандировать его ученіе въ русскомъ обществѣ. Съ этою цѣлью онъ сталъ раздавать книги, журналы, стремился всячески вліять на молодежь. Съ 1845 года П. началъ устраивать у себя по пятницамъ вечера, которые посѣщались очень разнообразными лицами, среди которыхъ были, напримѣръ, Достоевскій, Плещеевъ, Пальмъ, Дуровъ, Толь, Чернышевскій, Благосвѣтловъ, Салтыковъ, Аполлонъ и Валеріанъ Майковы, Бѣлинскій и мн. другіе, всего до 50 человѣкъ.

Съ цѣлями пропаганды образована была также библіотека изъ соціалистическихъ книгъ, состоявшая изъ сочиненій Сенъ-Симона, Фурье, Кабэ, Луи Блана, Ламменэ, О. Конта и т. д.; наконецъ, въ сотрудничествѣ съ Валеріаномъ Майковымъ, П. издалъ (въ 1845 и 1846 гг.) 2 выпуска «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка». Словарь этотъ выходилъ подъ фирмой подставного лица Кириллова, былъ посвященъ великому князю Михаилу Павловичу и разрѣшенъ цензурой.

Въ словарѣ этомъ ярко отразились всѣ воззрѣнія единомысленниковъ Петрашевскаго, воспитанныхъ на ученіи Фурье. Такъ, напр., составители относились отрицательно къ конституціи, называя ее «аристократіей богатства» и ставя на первый планъ вопросы экономическіе и соціальные. Во 2-мъ выпускѣ соціалистическія идеи составителей проглядываютъ еще яснѣе. Напр., въ статьѣ «Нормальное состояніе» мы читаемъ: «Нормально развитымъ обществомъ будетъ то, которое доставляетъ всякому изъ членовъ своихъ средства для удовлетворенія ихъ нуждъ соотвѣтственно потребностямъ». Словарь вышелъ до буквы «о», когда былъ конфискованъ по распоряженію Цензурнаго комитета.

Наступилъ 1848 годъ. Дѣятельность Петрашевскаго далеко не была тайной, да онъ и не скрывался. Онъ бросался въ глаза даже своимъ «неблагонадежнымъ» костюмомъ; частыя сборища у него молодежи были извѣстны всѣмъ. Литографированная записка, розданная имъ въ мартѣ 1848 г., во время губернскихъ дворянскихъ выборовъ, оказалась каплей, переполнившей чашу. Содержаніе этой записки «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ и населенныхъ имѣній» мало извѣстно: въ докладѣ слѣдственной коммиссіи сказано только, что въ ней авторъ «выходитъ совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ»; извѣстно лишь, что въ ней говорилось объ освобожденіи крестьянъ. Петербургскій предводитель дворянства А. М. Потемкинъ заявилъ Петрашевскому по поводу этой записки, что Государю «благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденія», и Петрашевскій этой записки нигдѣ не читалъ. Однако, послѣ ея раздачи, чиновникъ III отдѣленія И. П. Липранди получилъ предписаніе раздобыть ее, послѣ чего началось полицейское наблюденіе за Петрашевскимъ и сочувствовавшею ему группою лицъ. 20-го апрѣля 1849 года дѣло было передано управляющему III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи Л. В. Дуббельту, а въ ночь съ 22-го на 23-е были арестованы 41 человѣкъ, а потомъ еще 9; къ дознанію же привлечено было всего 232 человѣка. Была образована Слѣдственная коммиссія подъ предсѣдательствомъ коменданта Петербургской крѣпости генерала И. А. Набокова и другая, приготовительная, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя А. Ѳ. Голицына,—для разборки бумагъ. Послѣ пятимѣсячной работы коммиссія представила заключеніе, что это дѣло—«заговоръ идей», чѣмъ и объясняла трудность дальнѣйшаго изслѣдованія, такъ какъ трудно «уличать въ мысляхъ, когда онѣ не осуществились еще никакимъ проявленіемъ». Тѣмъ не менѣе, генералъ-аудиторъ нашелъ Петрашевскаго и его единомышленниковъ виновными въ государственномъ преступленіи;

Верховный смѣшанный судъ, состоявшій изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Л. А. Перовскаго, приговорилъ по Полевому уголовному уложенію 21 человѣка къ смертной казни, о которой имъ и было объявлено, но которая 22-го декабря 1849 года была для всѣхъ ихъ замѣнена иными наказаніями. Петрашевскій, въ частности, былъ осужденъ на каторжныя работы безъ срока и сейчасъ же отправленъ въ Сибирь... Въ 1856 году Петрашевскому каторжная работа была замѣнена ссылкою на поселеніе съ правомъ выбрать себѣ мѣсто жительства. Онъ жилъ въ Иркутскѣ и былъ принятъ въ домѣ ген.-губ. Н. Н. Муравьева-Амурскаго, сотрудничалъ въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», которыя начали выходить съ 1857 года подъ редакціей Спѣшнева, одного изъ петрашевцевъ. Здѣсь была помѣщена его статья объ Амурской кампаніи; кромѣ того, П. сотрудничалъ въ газетѣ «Амуръ». Однако, въ 1859 году положеніе П. рѣзко измѣнилось вслѣдствіе дѣятельной роли, которую онъ игралъ въ дѣлѣ о дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, чиновниками главнаго управленія Восточной Сибири. Дуэль эта, кончившаяся смертью Неклюдова, вызвала большіе толки и подозрѣнія. П. разослалъ приглашенія на похороны Неклюдова и на могилѣ его сказалъ рѣчь, въ которой назвалъ эту дуэль «измѣнническимъ убійствомъ». Беклемишевъ былъ преданъ суду, осужденъ, но потомъ помилованъ. Эта агитація не понравилась Муравьеву, и онъ прекратилъ съ Петрашевскимъ знакомство. Преемникъ Муравьева, выслалъ Петрашевскаго въ Шушинскую волость Минусинскаго уѣзда; губернаторъ же Замятнинъ разрѣшилъ перемѣстить его въ Енисейскій округъ, въ село Бѣльское, гдѣ Петрашевскій жилъ въ крайней бѣдности, совершенно одинокій. Только въ 1861—1862 г. онъ пребывалъ нѣкоторое время въ Красноярскѣ.

Умеръ П. 7-го декабря 1866 года и похороненъ былъ на средства волостного правленія.

«Энциклопедическій Словарь» Брокгауза; «Большая энциклопедія» Южакова; Записки И. П. Липранди въ «Русск. Стар.» 1872 г., т. VI и «Полярная Звѣзда», кн. VI, вып. 1; «Общество пропаганды въ 1849 году». Лейпцигъ. 1875 годъ; «Новое Время» 1881 г., № 1790; «Молва» 1881 г., № 5; «Порядокъ» 1881 г., № 48; «Русскій Инвалидъ» 22-го декабря 1849 г.; «Закавказскій Вѣстникъ» 19-го января 1850 г.; «Петербургскій Листокъ» 1887 г., февраль; Орестъ Миллеръ. «Біографія Достоевскаго» (полное собраніе соч. Достоевскаго, т. I, С.-Пб. 1883 г.); Ѳ. М. Достоевскій «Дневникъ писателя»; Показанія Достоевскаго: «Космополисъ» 1898 г., стр. 206; В. И. Семевскій «Крестьянскій вопросъ», т. II, С.-Пб. 1888 г.; Его же: «Очерки изъ исторіи крестьянскаго вопроса» — «Русск. Стар.» 1887 г., т. LVI, стр. 424; его же: «Изъ исторіи крестьянскаго вопроса» — «Сборникъ Правовѣдѣнія», т. I; «Воспоминанія Головачевой-Панаевой: «Русскіе писатели и артисты», С.-Пб., стр. 197, 198, 201, 204; Пальмъ, «Алексѣй Слободинъ» — «Вѣст. Евр.» 1872 г., кн. 10—12; 1873 г., кн. 2—3; П. М. Ковалевскій, «Итоги жизни» — «Вѣстн. Евр.» 1883 г., № 1—3; К. К. Арсеньевъ. «Политическій процессъ 1869—1871 гг.» — «Вѣстн. Евр.» 1871 г., ноябрь, стр. 307; А. Н. Пыпинъ. «Характеристика литературныхъ мнѣній» — «Вѣстн. Евр.» 1873 г., кн. 7, стр. 241, 242, 243, 246; В. Р. Зотовъ. «Петербургъ въ 40-хъ годахъ» — «Историч. Вѣстн.» 1890 г., № 6, стр. 541—543; его же: «Наши энциклопедическіе словари» — «Историч. Вѣстн.» 1888 г., т. XXXII; «Русск. Стар.» 1881 г., № 3; 1888 г., т. LX, стр. 107 и 546; 1889 г., т. LXII, стр. 475—476; 1890 г., т. LXVIII, стр. 59 — 65, 376, 378, 748; 1900 г., апрѣль, стр. 39; май, стр. 278—279 въ «Запискахъ барона М. А. Корфа»; сентябрь—воспоминанія К. С. Веселовскаго; Формулярный списокъ Петрашевскаго.

В. Войновъ.

Петрей, *Петръ*, по-латыни *Petrus Petrejus*, по-шведски *Peer Persson*, съ прозваніемъ de-Erlesunda, шведскій дворянинъ, авторъ лѣтописи о Россіи, родомъ изъ Упсалы. Жизнь Петрея въ самой Швеціи мало извѣстна. Знаемъ только, что, по пріѣздѣ въ Россію, онъ провелъ въ ней 4 года въ царствованіе Бориса Ѳеодоровича и при первомъ Лжедимитріи. Въ 1608 г. онъ присланъ былъ въ Москву шведскимъ королемъ Карломъ IX, чтобы склонить царя Василія Іоанновича къ союзу со Швеціею. Во время появленія въ 1611 г. въ Ивангородѣ 3-го Лжедимитрія, П., по порученію Карла IX, пріѣзжалъ въ Нарву для обличенія этого обманщика, какъ лично знавшій 1-го самозванца. Здѣсь или въ Ригѣ, вѣроятно, досталъ онъ списокъ «Хроники» Буссова, которую выдалъ за сочиненіе пастора Мартина Бера, переселившагося въ Нарву въ 1612 г. Эту ошибку Петрея, которую повторилъ и Карамзинъ, можно извинить тѣмъ, что имени Буссова не было означено ни на рукописи Петрея, ни на той, которая принадлежала Карамзину. Въ 1614 г. Петрей началъ печатать на шведскомъ языкѣ свое сочиненіе объ исторіи и со-

временномъ состояніи Россіи: «Regni Muschovitici sciographia. Thet är: Een wiss och egenteligh Beskriffning om Rydzland» (Stockholm. 1615). Оно вышло въ свѣтъ въ 6 отдѣльныхъ частяхъ, изъ которыхъ во второй заключается исторія Россіи отъ Рюрика до 1612 г. Эта вторая часть особенно замѣчательна съ того мѣста, гдѣ П. начинаетъ выписки изъ «Хроники» Буссова, то-есть, отъ времени вступленія на престолъ царя Ѳеодора Іоанновича. Въ прочихъ частяхъ онъ описываетъ состояніе тогдашней Россіи какъ по собственнымъ наблюденіямъ, такъ и по извѣстіямъ другихъ авторовъ. П. не можетъ считаться хорошимъ историческимъ источникомъ. Онъ зараженъ предразсудками, недостаточно безпристрастенъ въ своихъ сужденіяхъ и по большей части повторяетъ то, что уже было сказано другими. Въ 1620 г., т.-е. спустя 3 года послѣ смерти Буссова, П. довелъ свою лѣтопись Россіи до 1617 г. и напечаталъ ее въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ съ дополненіями и перечнями, подъ заглавіемъ: «Historien und Bericht von dem Grossfürstenthumb Muschkow» (Lipsiae. 1620). Посвятивъ сначала эту книгу покровительствовавшимъ ему нѣмецкимъ герцогамъ, онъ потомъ къ нѣкоторымъ экземплярамъ припечаталъ другое предисловіе съ новымъ посвященіемъ ея Любекскому, Стокгольмскому, Ревельскому, Висмарскому и Стральзундскому магистратамъ. Въ первомъ (шведскомъ) изданіи своей лѣтописи о Россіи П. обвиняетъ мнимаго Мартина Бера въ ложныхъ извѣстіяхъ и даже выдумкахъ, внесенныхъ имъ, будто умышленно, въ свою «Хронику», хотя почти нигдѣ прямо ихъ не указываетъ, тогда какъ самъ не только заимствовалъ въ своей лѣтописи много статей изъ этой «Хроники», но и присвоилъ ихъ себѣ. Издано сочиненіе Петрея въ I томѣ «Rerum Rossicarum scriptora exteri» («Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи», изд. Археографической Коммиссіи подъ редакціею А. А. Куника); здѣсь перепечатанъ нѣмецкій текстъ изданія 1620 г., а въ примѣчаніяхъ къ нему даны всѣ необходимые варіанты изъ шведскаго изданія 1617 г. Русскій переводъ сочиненія П. данъ А. Н. Шемякинымъ подъ заглавіемъ: «Исторія о великомъ княжествѣ Московскомъ, происхожденіи великихъ русскихъ князей, недавнихъ смутахъ, произведенныхъ тамъ тремя Лжедимитріями, и о московскихъ законахъ, нравахъ, правленіи, вѣрѣ и обрядахъ, которую собралъ, описалъ и обнародовалъ П. Петрей де-Ерлезундавъ Лейпцигѣ» (Чтенія въ Импер. Моск. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ» 1865, № 4, 1866 № 1—4 и 1867 № 1—2; отдѣльно, Москва. 1867).

Предисловіе А. А. Куника къ т. I «Rerum Rossic. scriptores exteri»; Я. К. Гротъ. Изъ русской исторіи. С.-Пб. 1901 г.

А. М. Ловягинъ.

Петренко, *Михаилъ Николаевичъ*, украинскій писатель, родился въ 1817 году и большею частью проживалъ въ г. Славянскѣ и его окрестностяхъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, гдѣ и познакомился съ языкомъ и бытомъ народнымъ; кончилъ онъ курсъ ученія въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1841 году и потомъ опредѣлился на службу по гражданскому вѣдомству. Онъ написалъ одну оперу, нигдѣ впрочемъ не напечатанную, и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, которыя помѣщались въ альманахѣ «Сніпъ» Корсуна на 1841 годъ, въ «Молодикѣ» Бецкаго на 1843 годъ и въ «Южномъ рускомъ сборникѣ» А. Метлинскаго, 1848 года. Въ послѣднемъ перепечатаны и прежнія стихотворенія Петренка. Стихотворенія его слѣдующія: «Недоля», «Вечерній дзвінъ», «Смута», «Думи та співи «Брови», «Вечиръ», «Батькивска могила», «Небо», «Весна», «Славьянскъ», «Иванъ Кучерявий», «Недугъ» и «Душа про батька». Оцѣнка стихотвореніямъ Петренка сдѣлана въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 года за августъ и въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія» Н. И. Петрова. Одна изъ пѣсенъ Петренка: «Минулися мои ходи» написана, повидимому, въ подражаніе пѣснѣ украинскаго писателя И. П. Котляревскаго «Віютъ вітри» въ его оперѣ «Наталка Полтавка». Но значительная часть стихотвореній Петренка написана въ подражаніе русскимъ поэтамъ: И. И. Козлову и особенно Лермонтову. Такъ, стихотвореніе Петренка «Вечерній дзвінъ» напоминаетъ намъ стихотвореніе Козлова подъ тѣмъ же заглавіемъ («Вечерній звонъ») и, безъ сомнѣнія, написана подъ его вліяніемъ. Стихотвореніе «Недоля»,

сначала напечатанное съ эпиграфомъ изъ «Молитвы» Лермонтова, поддѣлывается подъ ея тонъ. Лермонтовскіе мотивы и пріемы замѣтны также въ стихотвореніи Петренка «Вечіръ». Оно ближе всего подходитъ къ стихотворенію Лермонтова «Выхожу одинъ я на дорогу». Вообще Петренко, соотвѣтственно личному своему настроенію и характеру малорусской народной поэзіи, подражалъ преимущественно элегическимъ стихотвореніямъ Лермонтова.

См. у Н. Петрова въ «Очеркахъ исторіи украинской литературы XIX ст., Кіевъ. 1884 г., стр. 161—164. *Проф. Н. Петровъ.*

Петрижицкій, *Дезарій Осиповичъ*, врачъ, родился въ 1839 г., умеръ въ 1877 г.; происходилъ изъ дворянъ Витебской губерніи, высшее образованіе получилъ въ Петербургѣ, въ Медико-Хирургической Академіи, курсъ которой окончилъ въ 1861 г. съ серебряною медалью; получивъ званіе лѣкаря, онъ былъ оставленъ на 3 года при Академіи для научнаго усовершенствованія и работалъ во 2-мъ С.-Петербургскомъ военно-сухопутномъ Госпиталѣ; 13-го іюня 1864 г. онъ получилъ въ Академіи степень доктора медицины и въ томъ же году—званіе оператора, въ 1865 г. былъ посланъ на 2 года за-границу для научнаго усовершенствованія; вернувшись въ Россію, Петрижицкій былъ прикомандированъ къ временной Василеостровской больницѣ, въ 1868 г. былъ назначенъ ординаторомъ Загородной больницы, а въ 1877 г. уволенъ; имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; онъ напечаталъ: «О хроническомъ воспаленіи губчатаго тѣла мочеиспускательнаго канала, какъ матеріалъ патологической анатоміи органическихъ суженій мочевого канала»—въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1864 г., ч. 90, кн. II, стр. 217—244; тоже, отдѣльно—диссертація на степень доктора медицины, С.-Пб. 1864 г., 30 стр.; «Салицилатъ натрія при крапивной сыпи»—во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» 1879 г., № 397.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, С.-Пб. 1888 г., стр. 59. *Н. Кульбинъ.*

Петрикъ—малороссійскій политическій дѣятель конца XVII в., поднявшій знамя бунта противъ Мазепы и центральнаго русскаго правительства. Настоящее имя его было Петръ Ивановичъ; Петрикъ же было его прозвище (уменьшительное отъ Петръ); въ одной пѣснѣ онъ называется еще Петричевскимъ. Довольно подробныя извѣстія о его политической дѣятельности мы встрѣчаемъ въ извѣстной «Лѣтописи» Величка, и они—что очень важно—вполнѣ совпадаютъ съ документальными данными, заимствованными Н. И. Костомаровымъ изъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи и Иностранныхъ дѣлъ. Петрикъ первоначально занималъ должность старшаго войскового канцеляриста; ему поручилъ гетманъ Мазепа отвезти царское жалованье полтавскому полк. Жученку. Онъ исполнилъ это порученіе, но на обратномъ пути, оставивъ сани подъ скирдою сѣна, по льду переправился черезъ Днѣпръ и удалился въ Запорожскую Сѣчь, гдѣ былъ избранъ войсковымъ писаремъ. Въ Запорожской Сѣчи Петрикъ, впрочемъ, пробылъ недолго и отправился въ 1692 году въ Крымъ, чтобы возбудить крымскихъ татаръ противъ Россіи. У него былъ планъ отторженія Малороссіи отъ Россіи при помощи крымцевъ, раздраженныхъ двумя предшествовавшими походами князя В. В. Голицына. Еще будучи въ Сѣчи, Петрикъ возбуждалъ кошевого подняться противъ Россіи; съ одной стороны онъ возлагалъ надежду на татаръ, съ другой—на черный людъ. «Я горло свое ставлю, говорилъ онъ кошевому,—и велите мене на суставы порубаты, колы то вся Украина, начавши отъ Полтавы, не поклонится, тилько хочъ 6 тысячей орды возьми... Я знатыму, зъ якого конця початы..., а гетманъ сей заразъ въ Москву утече, бо тамъ его вся душа, а тутъ тильки тѣнь его; а «голоколинки» (бѣдные люди) сами чортивъ-панивъ подавять, а мы вже прыйдемо на готовый ладъ». Въ Крыму Петрикъ заключилъ отъ имени запорожцевъ договоръ съ татарами и затѣмъ выступилъ съ ними въ походъ противъ Россіи, разсылая «прелестныя» письма въ кошъ. Крымскій ханъ поставилъ Петрика казацкимъ гетманомъ и даровалъ ему знаки его новаго достоинства—хоругвь, прапоръ, бунчукъ, серебряный перначъ, златоглавную чугу и турецкаго коня съ полнымъ приборомъ. Петрикъ самъ понималъ, что затѣваетъ гражданскую междоусобную брань, но надѣялся усмирить ее при помощи запорожцевъ и мечталъ о воз-

соединеніи право-и лѣвобережной Малороссіи, какъ это было во времена стараго Хмельницкаго; правобережная Малороссія должна была, по его мысли, заселиться тѣми слобожанами (обитателями Слободской украйны), которые нѣкогда ее оставили. Такимъ образомъ, въ своихъ политическихъ комбинаціяхъ Петрикъ шелъ по стопамъ Дорошенка. Но если подобная политика умнаго и талантливаго Дорошенка не привела къ цѣли, то на что и на кого могъ разсчитывать теперь Петрикъ? Союзъ съ басурманскимъ Крымомъ былъ настолько противоестественень, что претилъ гражданскому чувству всякаго истиннаго украинца... Самъ Петрикъ, очевидно, понималъ это, когда говорилъ: «Не дай Богъ воевать свою отчизну; не хороша та птица, что собственное гнѣздо мараетъ, не добрый тотъ панъ, что собственную вотчину разоряетъ!..» И между тѣмъ онъ оказывался такимъ именно паномъ; сами крымцы говорили о себѣ, что они привыкли не давать подарки, а брать ихъ, какъ это было и при Хмельницкомъ. Мазепа въ своемъ универсалѣ, обращенномъ къ малороссійскимъ полчанамъ, также указываетъ, какой громадный вредъ принесли народу возстанія, поднятыя Сѣркомъ, Сулимой, Суховѣемъ, Ханенкомъ: въ это время правобережная Малороссія была окончательно разорена; «где бывали,—говоритъ онъ,—городы людніи и святынями божіими вельми оздобніи, тамъ теперь за грѣхи наши пустыня и жилище звѣремъ найдуется; зъ чого не тилко каждій тоей отчизни зичливій сынъ слезы зъ очей своихъ точыть муситъ, але и каждаго добраго христіанина неутолимая обійдетъ жалость». Эти указанія должны были, естественно, парализовать значеніе аргументовъ, приводимыхъ Петрикомъ въ пользу затѣяннаго имъ дѣла. А Петрикъ въ своемъ универсалѣ писалъ между прочимъ: «а тое вѣдайте, що сяя война на москаля всчалася не для чего иншого але для вашихъ волностей и общого, всенароднаго посполитого добра; кгдижъ не треба вамъ того много писати, сами знаете, що вамъ дѣють москали и свои драпежніи паны и що ся вамъ чинитъ отъ арендаровъ, все тое добре знаете, поневажъ объиздили вамъ ніи и худобы ваши всѣ пообирали.; колы теперъ дастъ намъ Господь Богъ всемогущій выбытись съ подъ ярма московскаго, то якъ сами схочете, такій между собою порядокъ учините, же бысте такія заживали волности, якія уживали предкови ваши за Хмельницкаго». Любопытная отповѣдь на это обращеніе была составлена въ гетманской канцеляріи и отправлена къ Петрику отъ имени полтавскихъ обывателей; она напоминаетъ собою знаменитый ругательный отвѣтъ запорожцевъ турецкому султану. Указавъ, что Петрикъ провелъ свое дѣтство среди нищихъ и питался подаяніемъ, составители письма ставятъ ему на видъ его самомнѣніе, гордыню и потомъ продолжаютъ: «Якъ тебе, собако скаженая, не завстыдыть твоя подлость, же бы не по лицу своему дѣло зачинаешь и якъ не озметъ страхъ и трепетъ, же за твои богопротивніи дѣла, що мятежи и кровопролитіе межи народъ христіанскій внести прагнешь (стараешься), скорая постигнетъ тебе помста (месть) Божія? Не разумѣй того, божеволній (сумасшедшій) глупче, абы тебе и одна душа живая тутъ зъ межи народу тимъ тебе назваты хотѣла, чимъ ты себе негодныку титулуешь (т.-е. гетманомъ)... А що ты кламцо въ скверномъ письмѣ своемъ прекладаешь, будто намъ дѣются якія тяжати (тягости) и неволи, то всему свѣту тое явно, що лжешъ и брешешъ... А же спомынаешъ калгу салтана зъ ордами, будто на помочь тебѣ будучого, то мы тому не вѣримо и того не сподѣваемся, аби зъ Крымского панства такій особа мѣлъ тобѣ лгаревѣ и щенюку послѣдовати .. хиба то якій цыганъ передъ тобою, дурнымъ блазкомъ, солтаномъ назвался и прибравши тысячей килко голоты татаръ, выйшолъ зъ тобою безумного твоего дѣла помогати, чого и малій салтанъ, не тилко калга, учинити не хотѣлъ бы».

Петрикъ, по словамъ Н. И. Костомарова, хотѣлъ разыгрывать изъ себя Богдана Хмельницкаго, но «вездѣ и во всемъ подражаніе бываетъ хуже оригинала, и событія, искусственно повторяемыя не во время, представляютъ собою что-то комическое». Намъ кажется, что замыслы Петрика ближе подходятъ къ политическимъ цѣлямъ Дорошенка, а не Хмельницкаго, ибо главнымъ пунктомъ его было возсоединеніе, подъ крымскимъ

протекторатомъ, обѣихъ Украинъ, оторванныхъ другъ отъ друга, какъ извѣстно, еще Андрусовскимъ договоромъ. Не будемъ останавливаться на подробностяхъ военныхъ походовъ (ихъ можно прочитать у Костомарова); замѣтилъ только, что Петрикъ три раза (въ 1692, 1693 и 1696 г.) водилъ татарскія орды на южную Украину и всякій разъ безуспѣшно; ни запорожцы, ни украинцы, за небольшими исключеніями, не оказали ему должной поддержки; за третьимъ разомъ онъ погибъ: его закололъ копьемъ, по словамъ автора «Исторіи руссовъ», Якимъ Вечирка или Вечирченко, прельстившись наградой въ 1.000 руб., объявленной Мазепой за голову претендента. Въ «Исторіи руссовъ» Вечирко называется «охочекомоннымъ старшиною», т.-е. предводителемъ охотниковъ — удальцовъ. О смерти его тамъ разсказывается такъ: «онъ дѣйствовалъ противъ татаръ съ удивительнымъ мужествомъ и всегда старался поразить Петрика» и посему то схваченъ онъ такъ, что другія войска примѣтить того не могли и умерщвленъ татарами тиранскимъ образомъ, что примѣчено на тѣлѣ его, изуродованномъ на многихъ мѣстахъ варварски. Но и Петрикъ тутъ же погибъ отъ удара, *видно*, Вечоркина. Трупъ его найденъ между татарскими, пробитый насквозь копьемъ и повѣшенный на крюкъ при мѣст. Кишенькахъ съ надписью: «бунтовщикъ и возмутитель народный». Впрочемъ, отсюда видно, что и авторъ «Исторіи руссовъ» не былъ вполнѣ убѣжденъ, что Петрика убилъ Вечирко; иначе бы онъ выразился болѣе опредѣленно. Мы полагаемъ, что онъ основывался не на документальныхъ данныхъ, а на какомъ нибудь преданіи или пѣснѣ. Одна изъ такихъ пѣсенъ дошла до насъ — это пѣсня о взятіи Вечирченка Петричевскимъ, т.-е. Петрикомъ; здѣсь, впрочемъ, не говорится объ убіеніи Петрика Вечирченкомъ; наоборотъ, по ней оказывается только, что Вечирченко попадаетъ въ плѣнъ и у него живого вынимаютъ сердце; вотъ начало ея:

«Охъ, и стояла сосоночка да противъ сонечка,
А попереду Вечирченко на воронимъ коню.
Охъ, и лышень жеда Вечирченко да на тую траву изъіжае,
А позадъ его да панъ Петриковскій да тугій лукъ натягае».

Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о смерти Вечирченка, смерти, вызвавшей тоску и печаль у его жены Ульяны. Намъ кажется, что въ пѣснѣ этой есть пропускъ цѣлаго эпизода объ убіеніи Вечирченкомъ Петриковскаго; разсказъ объ этомъ долженъ былъ слѣдовать послѣ приведенныхъ нами выше словъ пѣсни, а описанная далѣе *казнь* Вечирченка должна была служить актомъ *мести* за убійство Петриковскаго. Сомнѣваться въ самой пѣснѣ мы не можемъ (какъ это дѣлаетъ П. С. Ефименко), потому что она записана двумя такими этнографами, какъ П. А. Кулишъ и А. Марковичъ; Н. И. Костомаровъ также не выражалъ относительно ея никакихъ сомнѣній.

Лѣтопись Величка, т. 3-й, стр. 94—95, 103—125; Лѣтопись Самовидца, стр. 181—182; Исторія руссовъ, стр. 192; пѣсня въ «Русской Мысли» 1880, книга VIII, стр. 19—20 и «Кіев. Стар.» 1886, май, стр. 173 — 175; біограф. подробности у Н. И. Костомарова: Мазепа и мазепинцы, стр. 82—130. *Проф. Д. И. Багалѣй.*

Петриловскій, *Артемій*, казакъ въ Якутскѣ. Въ 1651 году онъ воеводою якутскимъ былъ посланъ въ Китай въ сопровожденіи толмача татарина Урусланова съ отрядомъ въ 144 человѣка подъ начальствомъ казака Третьяка Чечигина. Этотъ отрядъ долженъ былъ идти на подкрѣпленіе Хабарова, поднимавшагося вверхъ по р. Амуру и едва избѣжавшаго засады, сдѣланной даурцами противъ устья р. Уссури. Этотъ отрядъ дѣйствительно нашелъ Хабарова, когда тотъ только что переправился чрезъ горный хребетъ Хингангъ, но тутъ татаринъ-толмачъ, данный въ распоряженіе казаку Петриловскому, перебѣжалъ на сторону непріятелей и такимъ образомъ лишилъ Петриловскаго возможности выполнить возложенное на него порученіе. Не имѣя возможности двинуться въ Китай (за незнаніемъ китайскаго языка), Петриловскій остался при этомъ отрядѣ. Затѣмъ, мы снова встрѣчаемся съ Петриловскимъ въ 1666 году,—когда онъ былъ уже атаманомъ казачьимъ. Въ этомъ году произошло возмущеніе тунгузовъ около Охотскаго острога; тунгузы обложили острогъ вмѣстѣ съ воеводою его Ѳ. Ив. Пущинымъ. Тогда на выручку Пущина 6-го іюля отправленъ былъ изъ Якутска казачій атаманъ Артемій Петриловскій съ 50 казаками, которые

прибыли въ Охотскъ 26-го августа и освободили Пушина.

«Доп. къ Акт. Истор.», т. IV, стр. 34, 279; т. V, стр. 71, 72; В. К. Андріевичъ, «Исторія Сибири», т. I, стр. 92. *Н. В.*

Петрицкій, *Себастіанъ*, врачъ, степень магистра получилъ въ 1583 г., затѣмъ былъ врачемъ кардинала Мацеевича, профессоромъ Краковскаго университета (?) и лейбъ-медикомъ Димитрія Самозванца.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Чтенія по врачебной исторіи Россіи, С.-Пб. 1896 г. *Н. Кульбинъ.*

Петриченко, *Марія Ивановна*, жена контръ-адмирала Кирилла Никифоровича П., умерла въ Ниццѣ въ концѣ августа 1885 года. Она переводила статьи для техническихъ и литературныхъ журналовъ, а въ послѣднее время жизни работала преимущественно въ періодическихъ изданіяхъ Петербурга.

«Петерб. Листокъ» 1885 г., № 270; кн. Н. Н. Голицынъ. Библіогр. словарь русскихъ писательницъ, С.-Пб. 1889 г., стр. 196; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. V, С.-Пб. 1888 г., стр. 121.

Петрищевъ, *Николай Ивановичъ*, генералъ-маіоръ; происходилъ изъ дворянскаго рода Курской губерніи; родился въ 1783 г., началъ службу 18-го мая 1801 г., опредѣлившись юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, гдѣ 19-го августа 1805 г. произведенъ былъ въ переводчики, а въ 1808 г. былъ переведенъ юнкеромъ въ Кавалергардскій полкъ. Получивъ 10-го мая 1809 г. чинъ корнета, П. въ 1812 г. принялъ участіе въ Отечественной войнѣ, былъ въ сраженіяхъ подъ Витебскомъ, подъ Смоленскомъ, при Бородинѣ (гдѣ за отличіе получилъ орденъ Анны 4-й степ.), подъ Тарутинымъ, Малымъ Ярославцемъ и Краснымъ; въ 1813 г. онъ выступилъ заграницу, 14-го января получилъ чинъ поручика, а уже 20-го февраля—штабъ-ротмистра, сдѣлавъ походъ въ Силезію и Саксонію; былъ подъ Люценомъ, Бауценомъ, Брienномъ, при Фершампенуазѣ (гдѣ былъ раненъ палашомъ выше брови лѣваго глаза и гдѣ за отличіе получилъ орденъ Владиміра 4-й ст. съ бантомъ) и при взятіи Парижа. Назначенный 3-го августа 1817 г. старшимъ дивизіоннымъ адъютантомъ 1-й кирасирской дивизіи, онъ, все время числясь въ полку, получилъ 15-го октября 1817 г. чинъ ротмистра, а 28-го февраля 1819—полковника и 28-го октября того же года назначенъ былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 1-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, а въ 1822—1824 г. состоялъ по кавалеріи. Марта 29-го 1825 г. П. былъ назначенъ командиромъ Псковскаго Кирасирскаго полка; по словамъ полкового историка, онъ чрезвычайно добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ, старался о благоустройствѣ полка, коему отдавалъ все свое жалованье, заботился о здоровьѣ и сбереженіи силъ солдатъ и, вообще, оставилъ по себѣ хорошую память, какъ добрый и гуманный человѣкъ. Уже 6-го декабря 1827 г. П. оставилъ Псковскій полкъ, будучи назначенъ состоящимъ при начальникѣ 1-й Уланской дивизіи съ производствомъ въ генералъ-маіоры; въ 1829—1831 г. онъ находился при начальникѣ 2-й Гусарской дивизіи, а 9-го марта 1831 г. былъ уволенъ, по болѣзни, отъ службы и умеръ не позже конца 1834 г. П. былъ женатъ на гр. Надеждѣ Ѳедоровнѣ Апраксиной (ум. въ 1855 г.), во 2-мъ бракѣ бывшей за гр. Ив. Ос. Виттъ.

Архивъ Департамента Герольдіи (форм. списокъ); «Русскій Инвалидъ» 1827 г.; архивъ Капитула орденовъ; Списки штабъ-офицерамъ 1819—1824 г.; кн. С. П. Урусовъ. Исторія 4-го лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества полка, изд. 2-е, С.-Пб. 1886 г., стр. 376—382 и прилож. стр. 175; Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ, т. I, С.-Пб. 1899 г. *Б. Г.*

Петрова, *Александра Васильевна*, рожд. *Погодина*, жена т. с. А. Д. Петрова, дочь сенатора В. В. Погодина (см. эти имена). Живя въ Варшавѣ, она пріобрѣла извѣстность своими заботами и трудами по призрѣнію бѣдныхъ и вообще богоугодными дѣлами; по ея же иниціативѣ и подъ ея редакціею издавался въ Варшавѣ съ 1855 по 1874 г. образцовый журналъ, предназначенный для народнаго чтенія: «Czytelnia niedzielna». А. В. Петрова умерла въ Варшавѣ 22-го января 1883 г., на 67 году жизни. Она оставила послѣ себя «Записки», хранящіяся нынѣ (1901 г.) у ея сына въ Варшавѣ.

«Biblioteka Warszawska» 1883, т. I, стр. 470; сообщеніе внука.

Петрова, *Пелагея Ивановна*, артистка Императорскихъ театровъ первой четверти XIX столѣтія. Родилась въ концѣ 1780-хъ годовъ и была дочерью артиста Императорскихъ театровъ Ивана Пет-

рова. Воспитывалась въ Петербургскомъ Театральномъ Училищѣ, изъ котораго выпущена была на службу Дирекціи театровъ 4-го іюля 1805 года съ жалованьемъ по 750 рублей въ годъ и по 100 рублей на гардеробъ. Вначалѣ она исполняла роли вторыхъ любовницъ, а впослѣдствіи — главныхъ наперсницъ. Какъ артистка, она, хотя и не отличалась особенно выдающимся талантомъ, но, благодаря своему уму и усердію, была очень полезна и даже почти необходима въ драматической труппѣ. Умерла она въ царствованіе императора Николая I.

П. Н. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1863 г., стр. 201; «Артистъ» 1891 г., книга 18, ст. А. Н. Сиротинина: «Очеркъ развитія русскаго сценическаго искусства», стр. 43; Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ., т. 62, стр. 734.

Е. Ястребцевъ.

Петрова-Виноградова, *Александра Ивановна*, артистка балетной труппы Императорскихъ театровъ. Училась въ Театральномъ Училищѣ, гдѣ на нее обратилъ вниманіе тогдашній управляющій училищемъ А. П. Фроловъ, подготовившій ее къ сценической карьерѣ. Хореграфическое искусство П. изучала подъ руководствомъ М. И. Петипа, а закончила у Х. П. Іогансона; нѣкоторыя роли проходила подъ руководствомъ Жюля Перро и Е. П. Соколовой. Еще въ бытность въ Училищѣ она выступала на школьной сценѣ въ балетахъ «Очарованный лѣсъ», «Тщетная предосторожность» и др. и уже тогда выдѣлялась, какъ недюжинная мимистка. Въ мартѣ 1887 г. П. дебютировала на сценѣ Маріинскаго театра въ балетѣ «Тщетная предосторожность», имѣла крупный успѣхъ и съ первыхъ же шаговъ своей карьеры заняла выдающееся мѣсто въ труппѣ, замѣняя иногда балерину. Съ постепенно возраставшимъ успѣхомъ она выступала въ балетахъ «Своенравная жена», «Эсмеральда», «Фіаметта», «Наяда», «Весталка» (роль Клавдіи) и др. П. была поклонницей Цукки, которой подражала въ мимическихъ сценахъ. Съ 1888 г. П. стала хворать; поѣздка за-границу мало принесла ей пользы, и 15-го іюля 1889 г. она скончалась на 22-мъ году жизни. Похоронена П. на Митрофаніевскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

А. Плещеевъ. Нашъ балетъ. С.-Пб. изд. 2-е 1899; «Новое Время» 1889 № 4806; «Петербургская Газета» 1889, № 193 и 194. *К. Х.*

Петрово-Соловово, *Александръ Григорьевичъ*, дѣйствительный тайный совѣтникъ, почетный опекунъ; дѣдъ его, *Александръ Кузьмичъ*, былъ сперва въ стольникахъ, затѣмъ, при Петрѣ I, по 1713 г. служилъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку капитаномъ и бригадиромъ, въ 1717 г. былъ Сибирскимъ вице-губернаторомъ (до 1734 г.) и умеръ 18-го марта 1739 года; отецъ, *Григорій Александровичъ*, родившійся 28-го октября 1703 г., въ 1726 году, будучи камеръ-пажемъ императрицы Екатерины I, посланъ былъ въ Швецію при д. т. с. кн. В. Л. Долгоруковѣ; въ 1729 году онъ былъ гофмаршаломъ и камеръ-юнкеромъ Двора цесаревны Елизаветы Петровны, 25-го апрѣля 1742 г. былъ пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и скончался 15-го апрѣля 1743 г. Онъ былъ женатъ на двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы Петровны—гр. *Агафьѣ Симоновнѣ* Гендриковой (род. въ 1714 г., ум. 6-го февраля 1741 г.), бывшей статсъ-дамой императрицы. Отъ брака этого и родился 25-го августа 1736 г. *Александръ Григорьевичъ*; 28-го марта 1749 г. онъ былъ пожалованъ въ пажи къ великому князю Петру Ѳедоровичу,—впослѣдствіи императору Петру III; 4-го апрѣля 1757 г. назначенъ камеръ-пажемъ, а 20-го февраля 1759 г.—камеръ-юнкеромъ комнатъ великаго князя Петра Ѳедоровича. Пожалованный 26-го декабря 1761 г. въ дѣйствительные камергеры (званіе это онъ носилъ по 1768 г.), П.-С. служилъ затѣмъ въ военной службѣ и былъ уволенъ въ отставку арміи генералъ-поручикомъ, а 10-го февраля 1799 г. изъ генералъ-лейтенантовъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; въ 1803—1805 г. онъ состоялъ почетнымъ опекуномъ Московскаго Опекунскаго Совѣта, будучи съ 3-го февраля 1803 г. по день смерти членомъ Совѣта Московскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго; состоялъ также и почетнымъ членомъ Московскаго Воспитательнаго дома; извѣстенъ былъ своею любовью къ литературѣ; въ 1800 году онъ былъ Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. П.-С. умеръ 5-го февраля 1805 г. въ Москвѣ; онъ былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ, въ 1759 г., на баронессѣ Маріѣ Исаевнѣ

Шафировой и вторымъ — на гр. Прасковьѣ Ѳедоровнѣ Головиной (ум. въ 1786 г.); сынъ его отъ перваго брака, *Андрей Александровичъ* (род. въ 1760 г.), былъ въ службѣ съ 1768 г. въ 1805—1813 г., въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (съ 23-го февраля 1804 г.), былъ присутствующимъ въ Комитетѣ объ уравненіи городскихъ повинностей въ Москвѣ.

Архивъ Департамента Герольдіи Прав. Сената; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895 г.; О. фонъ-Фрейманъ. Пажи за 183 г., Фридрихсгамнъ. 1898 г., стр. 29 и 819; «Московскій Курьеръ» 1805 г., ч. I, № 9, стр. 143; «Историческая записка о Моск. училищахъ ордена св. Екатерины и Александровскомъ, М. 1875 г., стр. 15; Адресъ-календари 1803—1813 г.; Н. Е. Волковъ. Дворъ русскихъ императоровъ. С.-Пб. 1900 г., стр. 185; «Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ.», т. XI, LVI (стр. 56) и т. CI (стр. 311—322: дѣло о побояхъ, нанесенныхъ Г. А. П.-С. кн. А. И. Крапоткину); В. И. Саитовъ. Петербургскій некрополь, М. 1883 г.; П. И. Барановъ. Опись высоч. указ. и повел., хранящ. въ Сенатск. Архивѣ, т. II, С.-Пб. 1875 г.; Сенатскій Архивъ, т. I, С.-Пб. 1888 г.; Архивъ кн. Воронцова, т. I (письмо Г. А. П.-С. къ цесар. Елизаветѣ Петровнѣ).

Б. Гарскій.

Петрово-Сололово, *Григорій Михайловичъ* меньшой (названный такъ въ отличіе отъ старшаго своего брата Григорія Михайловича большого), происходилъ изъ рода Глѣба, боярина великаго князя Рязанскаго Ивана Ѳедоровича. Фамилію «Сололово» его роду далъ Иванъ Тимоѳеевичъ Соловой, участвовавшій въ 1574 г. въ походѣ царя Ивана Васильевича въ Серпуховъ, а фамилію «Петрово» далъ дѣдъ Ивана Тимоѳеевича Петръ Ѳедоровичъ. Въ званіи стольника Григорій Михайловичъ меньшой участвовалъ въ походахъ царя Петра Алексѣевича въ монастыри и любимыя села; такъ, въ 1688 году, въ ноябрѣ—въ Савинскій монастырь, а въ 1689 году (22-го января и 24-го мая) — въ село Преображенское. Съ 12-го сентября 1689 года указано ему быть воеводою въ Сѣвскѣ, въ товарищахъ съ окольничимъ Ив. Юр. Леонтьевымъ; въ 1693 году онъ былъ воеводою въ Каргополѣ, въ 1694 году посланъ воеводою же въ г. Томскъ, а въ товарищи къ себѣ получилъ своего сына *Лаврентія Григорьевича*. Въ Томскѣ онъ былъ до 1707 г., выдерживая почти непрерывную борьбу съ киргизами, долго не хотѣвшими примириться съ русскимъ владычествомъ. Въ 1712 году П.-С. былъ оберъ-комендантомъ въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, а въ 1713 году — судьею въ Расправной Палатѣ на Москвѣ. Умеръ онъ въ 1714 году.

Лаврентій Григорьевичъ, сынъ его и товарищъ по Томскому воеводству, былъ стольникомъ; онъ извѣстенъ еще какъ составитель въ 1703 году «Дозорной книги» Томскаго уѣзда, отличающейся подробностями при описаніи земель и угодій, но скудостью свѣдѣній объ населеніи.

«Памятники Сибирской исторіи», т. I, стр. 5, 8—10, 17, 30, 36, 71, 110, 130, 136, 188, 192, 237, 244, 245, 314; «Русск. Истор. Библіот.», т. VIII, стр. 737; И. И. Голиковъ, «Дѣянія Петра Великаго», изд. 2-ое, т. X, стр. 345, 352; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. «Русская родословная книга», т. II, стр. 88; «Дворцовые разряды», изд. 2 Отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. IV, стр. 413, 421, 429, 443, 463; Н. Н. Оглоблинъ, «Обозрѣніе столбцовъ и книгъ Сибирскаго Приказа». т. 1, стр. 178; Д. Н. Левонтьевъ. «Матеріалы для родословія дворянъ Левонтьевыхъ и Петрово-Сололовыхъ. Казань. 1881 г., составлено Д. А. Корсаковымъ; Архивъ Департамента Герольдіи.

Н. Вороновъ.

Петрово-Сололово, *Григорій Ѳедоровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, сынъ полковника Ѳедора Николаевича (ум. 12-го апрѣля 1826 г.) и жены его Анны Григорьевны, рожд. кн. Щербатовой (ум. 13-го сентября 1821 г.), родился въ Москвѣ 2-го ноября 1806 г., воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ и изъ камеръ-пажей 25-го іюня 1827 г. былъ выпущенъ корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ, въ которомъ и получилъ слѣдующіе чины до ротмистра включительно (21-го апрѣля 1836 г.). Въ 1831 г. П.-С. принималъ участіе въ усмиреніи Польскаго мятежа; 9-го мая этого года, за отличіе въ сраженіи, получилъ орденъ св. Анны 3-й степ. съ мечами и былъ при взятіи Варшавскихъ укрѣпленій, гдѣ, за оказанныя мужество и храбрость, по состоянію его безсмѣннымъ ординарцемъ при кн. Паскевичѣ, 20-го сентября былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степ. съ мечами. Причисленный въ запасный эскадронъ полка 5-го марта 1843 г. съ увольненіемъ въ безсрочный отпускъ, онъ въ 1846 г. былъ избранъ Кирсановскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, въ каковомъ званіи пробылъ до 1858 г., будучи въ 1847 г. пожалованъ въ статскіе совѣтники, въ 1848 г.—въ званіе камергера, а 26-го августа 1856 г. — въ дѣйстви-

тельные статскіе совѣтники. Въ 1858 г. (11-го сентября) П.-С. былъ причисленъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, при коемъ и состоялъ до своей смерти—3-го мая 1879 года. П.-С. принималъ участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ; онъ былъ женатъ на кн. Натальѣ Андреевнѣ Гагариной (ум. 11-го марта 1893 г.); владѣлъ большими имѣніями въ Тамбовской губерніи.

Архивъ Департамента Герольдіи; кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга, т. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 90; Списки чинамъ первыхъ четырехъ классовъ.

Петровская, *Клавдія Алексѣевна*, урожденная *Строганова*, врачъ, родилась 10-го марта 1848 г., умерла 9-го ноября 1892 г.; получила высшее образованіе на Женскихъ врачебныхъ курсахъ, которые окончила въ 1882 г. съ званіемъ женщины-врача; вслѣдъ за тѣмъ она отправилась въ село Гостинополье, Новоладожскаго уѣзда, гдѣ ея мужъ тогда былъ земскимъ врачемъ, и стала безплатно принимать очень многочисленныхъ приходящихъ больныхъ, въ то время, какъ ея мужъ посвящалъ все свое время разъѣздамъ по обширному участку.

Въ декабрѣ 1885 г. докторъ Петровскій перешелъ на службу въ Новоладожскую земскую больницу, а населеніе Гостинопольскаго участка просило Земскую Управу о назначеніи участковымъ врачемъ его жены, которая въ теченіе 3-хъ лѣтъ безплатно лѣчила приходящихъ и даже живущихъ вдали больныхъ. Съ 1886 г. П. продолжала свою дѣятельность до самой смерти въ качествѣ земскаго врача и рѣдкимъ самоотверженіемъ пріобрѣла себѣ общую любовь мѣстнаго населенія и товарищей-врачей. За помощью къ ней обращались больные не только изъ ея собственнаго, но и изъ другихъ участковъ и изъ сосѣдняго города. Причиной ея смерти было зараженіе отъ больныхъ сыпнымъ тифомъ; еще 30-го октября она присутствовала на земскомъ собраніи въ Новой Ладогѣ, а черезъ 10 дней ея уже не стало. Это была скромная труженица, отдавшая всѣ свои силы и самое жизнь своимъ ближнимъ.

«Врачъ» 1892 г., № 46, стр. 1184.
Н. Кульбинъ.

Петровскій, *Алексѣй Тимоѳеевичъ*, протоіерей, сынъ причетника села Пакиничи, Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи; по окончаніи курса въ Смоленской Семинаріи, въ 1839 г. посланъ былъ въ Кіевскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью магистра. Въ 1843 г. (21-го октября) онъ былъ опредѣленъ въ Саратовскую Семинарію профессоромъ по классу чтенія Священнаго Писанія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ въ высшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ; 22-го сентября 1844 г. назначенъ на мѣсто священника Саратовской Нерукотворенно-Спасской церкви, при которой служилъ почти все время до конца своей жизни. Въ 1848 г. (29-го октября) по прошенію Т. былъ перемѣщенъ на должность ректора Саратовскаго Духовнаго училища, а 18-го октября 1849 г. назначенъ членомъ Саратовской Духовной Консисторіи и въ 1850 г. возведенъ въ санъ протоіерея. Незадолго до смерти, въ 1864 г. онъ оставилъ должность ректора и занялъ должность профессора Семинаріи, сначала по логикѣ и психологіи, а потомъ по нравственному, пастырскому и обличительному богословіямъ. Въ 1865 г., съ открытіемъ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», назначенъ цензоромъ вѣдомостей; скончался 23-го января 1867 г. на 49 году.

«Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости» 1867 г., № 9, стр. 415—425. *Антонъ Никольскій.*

Петровскій, *Андрей Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, директоръ Аракчеевскаго кадетскаго корпуса; происходилъ изъ дворянъ Харьковской губ., родился въ 1786 году; поступивъ на службу юнкеромъ въ 1804 г., онъ 20-го мая 1808 г., находясь на службѣ въ Ингерманландскомъ драгунскомъ (впослѣдствіи уланскомъ) полку, получилъ чинъ прапорщика, въ 1811 г. былъ произведенъ въ поручики, въ 1812 г.—въ штабсъ-капитаны (8-го мая) и, за отличіе въ сраженіи, въ капитаны (22-го сентября). Переведенный 25-го апрѣля 1814 г. въ л.-гв. Конно-Егерскій полкъ, онъ, за отличіе въ сраженіи, былъ награжденъ чиномъ маіора, а 14-го октября 1816 г. произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ Лифляндскій конно-егерскій (впослѣдствіи е. в. короля Вюртембергскаго) полкъ. Переведенный затѣмъ (13-го марта 1818 г.) въ Арзамасскій конно-егерскій полкъ, П. 10-го августа 1820 г. получилъ чинъ полков-

ника, и 19-го ноября 1824 г. назначенъ былъ командиромъ Тираспольскаго конно-егерскаго полка, но, вслѣдствіе перелома ноги, въ 1828 г. долженъ былъ оставить командованіе; въ 1831 г. участвовалъ въ подавленіи Польскаго мятежа, а съ мая 1833 г., по расформированія полка, состоялъ при штабѣ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса. Прикомандированный 22-го іюня 1833 г. къ образцовому Кавалерійскому полку, П. 22-го апрѣля 1834 г. былъ, за отличіе по службѣ, произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, а 22-го мая того же года былъ назначенъ предсѣдателемъ въ образованную по высочайшему повелѣнію коммиссію для разбора вещей, оставшихся по смерти гр. Аракчеева. Апрѣля 30-го 1837 г. П. получилъ мѣсто директора Аракчеевскаго кадетскаго корпуса, во главѣ котораго пробылъ 3½ года — до 1-го октября 1840 г., когда вышелъ въ отставку. Кадеты, по словамъ историка корпуса П. П. Карцова, очень любили П. «за его доброту, ласковость и заботливость объ ихъ содержаніи». Оставивъ службу, П. поселился въ своемъ небольшомъ имѣніи, близъ г. Задонска, но затѣмъ, отдавъ его двумъ замужнимъ дочерямъ своимъ, поступилъ въ 1858 году въ монастырь — въ Козельскую Оптину пустынь, гдѣ жилъ въ полномъ уединеніи и гдѣ умеръ, принявъ передъ смертью монашество, 23-го января 1867 г., на 81 году жизни.

Лихой кавалеристъ, П. сдѣлалъ въ теченіе своей жизни 13 кампаній и участвовалъ въ 85 сраженіяхъ, всегда отличаясь храбростью и заслуживъ слѣдующія награды орденами: св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ (19-го декабря 1812 г.), св. Анны 2-й ст. (13-го августа 1813 г.), св. Георгія 4-й ст. (1814), св. Владиміра 3-й ст. (13-го іюля 1831 г.) и св. Анны 2-й ст. съ короною (26-го октября 1831 г.) и высочайшее благоволеніе за отличіе въ сраженіи подъ Лейпцигомъ съ 4-го по 7-е октября 1813 г.

Формулярный списокъ 1834 г.; П. П. Карцовъ. Историческій очеркъ Новгородскаго гр. Аракчеева кадетскаго корпуса. С.-Пб. 1884 г., стр. 51, 52, 69, 71, 115 и 291 и «Русск. Стар.» 1884 г., т. 41 и 42; «Странникъ» 1867 г., № 6, стр. 94—100; «Историческое описаніе Козельской Введенской Оптиной пустыни», изд. 3, М. 1876.

В. Гарскій.

Петровскій, *Андрей Станиславовичъ*, профессоръ естествознанія въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, род. около 1832 г., ум. 25-го марта 1882 года въ Ярославлѣ. Окончивъ въ 1854 г. курсъ Московскаго Университета по отдѣлу естественныхъ наукъ со степенью кандидата, А. С. занималъ затѣмъ должность преподавателя, а послѣ полученія въ 1867 г. степени магистра ботаники — профессора естествознанія въ Ярославскомъ Демидовскомъ Лицеѣ, бывшемъ тогда камеральнымъ; потомъ П. былъ учителемъ естественной исторіи въ женской гимназіи, предсѣдателемъ Общества для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи и основалъ мѣстный Естественно-историческій Музей; онъ участвовалъ также въ изданіяхъ Московскаго Общества любителей естествознанія и испытателей природы, въ «Botanische Zeitung» и въ «Трудахъ Ярославскаго статистическаго комитета». Кромѣ того, имъ изданы: «Критическій взглядъ на семейство нитчатокъ, по поводу наблюденій надъ размноженіемъ Cladophora macrogonya», М. 1867 г. (магистерская диссертація); «Физика частичныхъ явленій, изложеніе научныхъ открытій и практическихъ приложеній ихъ, сдѣланныхъ въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія: аббатъ Муаньо» перев. съ франц., М. 1869 г.; и издалъ «Труды Общества для изслѣдованія Ярославской губ. въ естественно-историческомъ отношеніи», М. 1880 г., выпускъ первый.

Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей. Вып. II, С.-Пб. 1885 г., стр. 40—41; «Московскія Вѣдомости» 1882 г., № 92; «Русскія Вѣдомости» 1882 г., № 87; «Журналы засѣданій Общества изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи за 1881—1882 г.» Ярославль 1883 г.

Ив. Давидовичъ.

Петровскій, *Владиміръ Васильевичъ*, профессоръ Ришельевскаго лицея; родился въ Подольской губерніи 21-го апрѣля 1815 г., воспитывался въ Ришельевскомъ лицеѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1834 г. поступилъ въ Дерптскій Университетъ и съ 1835 по 1837 г. былъ на математическомъ факультетѣ. Выйдя изъ университета со званіемъ магистра физико-математическихъ наукъ, П. 29-го мая 1840 г. опредѣленъ былъ и. д. адъюнкта Ришельевскаго

лицея по каѳедрѣ прикладной математики, 27-го февраля 1847 г. утвержденъ былъ профессоромъ и оставался въ этомъ званіи до 1852 г., дослужившись до чина статскаго совѣтника; въ 1847 и 1849 г. онъ засѣдалъ въ Правленіи Лицея, а 7-го ноября 1847 г. былъ избранъ въ дѣйствительные члены Импер. Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи. Ему принадлежатъ слѣдующія произведенія: «О значеніе физико-математическихъ наукъ въ практической жизни и причины ихъ быстраго развитія въ новѣйшія времена. Рѣчь въ торжественномъ собраніи Ришельевскаго лицея»,Одесса. 1843 г.; «Космографія, или ученіе о составѣ Вселенной»,Одесса. 1844;«Курсъ физической географіи», Одесса. 1847; (вызвалъ весьма рѣзкіе отзывы тогдашней (критики); переводъ Ольберсова сочиненія «Die leichteste und bequemste Methode die Bau eines Cometen aus einigen Beobachtungen zu bestimmen»; кромѣ того, помѣщалъ статьи въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», «Запискахъ Имп. Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи» и въ «Новороссійскомъ Календарѣ»; въ 1849 г. П. читалъ въ Одессѣ лекціи популярной астрономіи.

A. Hasselblatt und G. Otto. Album academicum der K. Universität Dorpat. Dorp. 1889, № 3487; І. Михневичъ. Историческій обзоръ сорокалѣтія Ришельевскаго Лицея. Одесса. 1857 г., стр. 85—86, 155 и 193; «Ришельевскій Лицей и Импер. Новороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками Лицея и Университета», ч. I, Одесса. 1898 г., стр. 13 и 22 (въ спискахъ); критика его соч.: 1) «Москвитянинъ» 1844 г., ч. 3, № 6, стр. 64; 2) «Отеч. Зап.» 1844 г., № 4, т. 33, отд. 6, стр. 84—85; 3) «Русск. Инвал.» 1844, № 164; 4) «Отеч. Зап». 1847, № 11, т. 55, отд. 6, стр. 15—18; 5) «Библ. д. Чтенія», 1848 г., т. 90, отд. 5. стр. 1—34. *Б. М—ій.*

Петровскій, *Иванъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, правитель Камчатской области и предсѣдательствующій въ мѣстномъ Областномъ Правленіи съ 4-го сентября 1807 г. по 23-е января 1813 г. Время его правленія Камчаткой ознаменовалось обычными для этого края грабительствами и притѣсненіями жителей. Петровскій самъ подъ благовидными предлогами отбиралъ у туземцевъ соболей и лисицъ; войдя въ соглашеніе съ купцами Россійско-Американской Компаніи, П. помогалъ имъ торговать виномъ и самъ чрезъ своихъ агентовъ продавалъ населенію губительную французскую водку. Особенно доставалось жителямъ Нижнекамчатска, которые, вслѣдствіе постояннаго пользованія безплатнымъ ихъ трудомъ, принуждены были жаловаться на начальника края, отъ котораго въ наживанію себѣ состоянія всѣми правдами и неправдами не отставали и ближайшіе его помощники. Желая быть полнымъ хозяиномъ въ своей области, Петровскій все время велъ борьбу съ другимъ хозяиномъ Восточной Сибири—Трескинымъ, въ лицѣ котораго нажилъ себѣ сильнаго врага. Послѣдній подготовилъ его смѣщеніе и, владѣя явными уликами противъ Петровскаго, добился отдачи его подъ судъ, когда онъ, сдавъ должность, пріѣзжалъ въ Иркутскъ.

«Морской Сборникъ» 1869 г., № 8, стр. 43—49; «Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ»; «Журналы Комитета министровъ, царствованіе Александра I, т. I, С.-Пб. 1888 г. *Ин. Соколовъ.*

Петровскій, *Иванъ Григорьевичъ*, врачъ; происходилъ изъ дворянъ Черниговской губерніи, родился въ 1849 г., умеръ 21-го февраля 1892 г.; учился въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, въ 1872 г. окончилъ курсъ и получилъ званіе врача, затѣмъ поступилъ ординаторомъ въ одну изъ московскихъ больницъ, но вскорѣ перешелъ на мѣсто Переяславскаго уѣзднаго врача. Въ 1877 г. Петровскій работалъ въ Дунайской арміи въ качествѣ врача-добровольца и былъ ординаторомъ одного изъ военно-временныхъ госпиталей; въ 1879 г. онъ уволился изъ военной службы и, вернувшись въ Переяславль, поступилъ на службу въ мѣстное земство. Сначала онъ былъ участковымъ врачемъ, а затѣмъ завѣдывалъ больницей. Соединяя съ занятіями медициной любовь къ математикѣ (явленіе крайне рѣдкое), П. вполнѣ владѣлъ англійскимъ, итальянскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками и могъ объясняться съ татарами и армянами на ихъ языкахъ; въ началѣ 1880-хъ годовъ онъ сдалъ экзамены на степень доктора медицины и затѣмъ сталъ работать надъ физіологіей зрѣнія; этотъ трудъ, законченный имъ только передъ смертью, имѣлъ характеръ спеціально математическаго изслѣдованія. Въ теченіе 20-ти-лѣтней службы въ Переяславлѣ, Петровскій пріобрѣлъ чрезвычайную любовь мѣстнаго населенія и

своихъ товарищей-врачей; кромѣ упомянутой уже работы, которыя, повидимому, не была напечатана, онъ написалъ: «Proctitis epidemica, чередовавшаяся приступомъ возвратной горячки», — во «Врачебныхъ Вѣдомостяхъ» 1877 г.

«Врачъ» 1892 г., № 11, стр. 280; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи писатели, С.-Пб. 1888 г., стр. 61.

Н. Кулябинъ.

Петровскій, *Михаилъ Андреевичъ*, генералъ-маіоръ, писатель; происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1764 г.; воспитывался въ Кіевской Духовной Академіи, откуда, по предложенію проф. М. И, Антоновскаго, былъ выписанъ на средства Дружескаго ученаго Общества для опредѣленія въ Московскій Университетъ; поступивъ сюда 7-го января 1783 г. студентомъ, П. вышелъ изъ Университета 6-го марта 1786 г., изучивъ языки польскій, французскій и нѣмецкій и прослушавъ курсы россійскаго и латинскаго краснорѣчія, логики и метафизики, исторіи и географіи, чистой математики, нравственной философіи, физики и россійскаго практическаго законоискусства, и затѣмъ поступилъ на службу въ Новгородское Губернское Правленіе, а 3-го февраля 1790 г. былъ опредѣленъ камеромъ въ С.-Петербургскій Ассигнаціонный Банкъ, но въ томъ же году перешелъ въ военную службу. Переименованный въ прапорщики (4-го декабря 1790 г.), П. былъ назначенъ въ Тобольскій мушкатерскій полкъ, а 1-го января 1791 г. опредѣленъ военнымъ секретаремъ въ штабъ генералъ-фельдмаршала гр. Ив. Петр. Салтыкова и здѣсь произведенъ въ капитаны (15-го іюня 1792) и маіоры (16-го мая 1795 г.) съ переводомъ въ Псковскій драгунскій полкъ. Перемѣщенный, затѣмъ, въ лейбъ-кирасирскій Его Величества полкъ (25-го ноября 1796 г.), П. былъ опредѣленъ инспекторскимъ адъютантомъ къ фельдмаршалу Салтыкову (17-го декабря); 16-го мая 1798 г. произведенъ въ подполковники, 31-го іюля 1799 г. — въ полковники и 2-го января 1800 г. былъ пожалованъ за ревностную службу орденомъ св. Анны 2-й степени. Выйдя въ отставку 3-го февраля 1800 г., П. 23-го августа, по Высочайшему повелѣнію, опредѣленъ былъ присутствующимъ въ Коммиссаріатскій Департаментъ, а 13-го сентября — военнымъ совѣтникомъ въ Коммиссаріатскую экспедицію Военной коллегіи, послѣ чего, награжденный 4-го февраля 1801 г. брилліантовымъ перстнемъ, 26-го февраля 1803 г. перешелъ экспедиторомъ въ Департаментъ военно-сухопутныхъ силъ и 23-го іюня 1803 г. пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Іюня 6-го 1804 г. П. былъ опредѣленъ въ Коммиссаріатскій штатъ съ переименованіемъ въ генералъ-маіоры и назначенъ управляющимъ Коммиссіею Московскаго Коммиссаріатскаго Депо, при чемъ 30-го іюля 1806 г. былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами. Съ наступленіемъ войны 1812 г. П., принявъ участіе въ походахъ въ Россіи и за границей и будучи 29-го февраля, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ полевымъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ 1-й западной арміи, 15-го сентября за отличіе получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени и тогда же, по предписанію князя Кутузова-Смоленскаго, былъ оставленъ въ г. Вильнѣ для устройства русскихъ и французскихъ военно-временныхъ госпиталей въ городѣ и въ Виленской, Смоленской, Могилевской, Минской, Гродненской губерніяхъ и Бѣлостокской области. Въ іюлѣ 1813 г. П. вступилъ полевымъ генералъ-кригсъ-коммиссаромъ въ составленную подъ командою гр. Беннигсена польскую армію, а съ октября назначенъ генералъ-интендантомъ 2-й арміи; занимая эту должность, П. подалъ прошеніе объ отставкѣ и 30-го сентября 1816 г. былъ уволенъ отъ службы; онъ былъ женатъ на Над. Никол. Дурново, дочери генерала-отъ-инфантеріи Николая Дмитріевича и скончался не позже конца 1828 года. Будучи еще студентомъ Московскаго Университета, М. А. Петровскій сотрудничалъ въ издававшемся Н. И. Новиковымъ журналѣ «Покоящійся трудолюбецъ» (1784—1785 г.) и занимался стихотворствомъ.

Формулярный списокъ въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба (дѣло № 305, 1816 г., св. 41 – 9, 3-го стола 2 Отдѣленія Инспекторскаго Департамента); адресъ-календари 1802—1812 г.; Архивъ Капитула орденовъ; «Русскій Инвалидъ» 1816 г., № 244; «Русскій Архивъ» 1885 г., т. I, стр. 151; Кн. С. П. Урусовъ. Исторія 4-го лейбъ-драгунскаго Псковскаго Ея Величества полка, изд. 2, С.-Пб. 1886 г., прилож., стр. 136; А. Н. Неустроевъ. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и

сборникахъ. С.-Пб. 1874 г., стр. 353; «Русскій Архивъ» 1885 г., т. I, стр. 150 и 151 (записки М. И. Антоновскаго). *Б. Л. М—ій.*

Петровскій, *Николай Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, родился 11-го іюля 1827 года и происходилъ изъ дворянъ Ярославской губерніи; воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи, 29-го сентября 1847 года поступилъ унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Саперный батальонъ, 29-го ноября того же года былъ произведенъ въ юнкера, 7-го іюля 1849 года—въ прапорщики и 6-го декабря 1852 года въ подпоручики. Затѣмъ, послѣдовательно получая чины, П. 30-го августа 1862 года былъ произведенъ въ полковники, при чемъ 30-го августа 1861 года былъ пожалованъ орденомъ св. Станислава 3 ст.; 24-го апрѣля 1863 года онъ былъ прикомандированъ къ С.-Петербургской Коммиссаріатской коммиссіи, 13-го іюня того же года назначенъ чиновникомъ для порученій въ эту коммиссію, но вслѣдъ затѣмъ вскорѣ вернулся въ строй, 23-го мая 1865 года былъ утвержденъ командиромъ 50-го пѣхотнаго резервнаго батальона, а 10-го ноября того же года—командиромъ 109-го пѣхотнаго Волжскаго полка. Полкомъ этимъ П. командовалъ до 7-го декабря 1871 года, получивъ 10-го августа 1868 года орденъ св. Станислава 2-й ст., и затѣмъ переведенъ былъ командиромъ 12-го пѣхотнаго Великолуцкаго полка; въ слѣдующемъ году (7-го ноября) онъ отчисленъ былъ отъ этой должности, а 5-го іюня 1874 года уволенъ въ запасъ; 12-го февраля 1880 года П. вышелъ въ чистую отставку съ чиномъ генералъ-маіора; онъ скончался 1-го іюня 1885 г. и погребенъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ.

Вѣроятно, этотъ же Н. И. Петровскій извѣстенъ, какъ искусный шахматистъ-рѣшатель задачъ и многоходныхъ киперганей, который, по словамъ г. Макарова, «оказалъ вліяніе на пріемы составленія послѣднихъ и далъ многочисленные примѣры сокращенія авторскихъ рѣшеній, подорвавшіе вѣру въ бывшіе прежде въ модѣ многоходныя кипергани».

Послужной списокъ отъ 12-го февраля 1860 года въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба; Словарь Брокгауза, т. XXIII (ст. Макарова).

Петровскій, *Каэтанъ* піаристъ, родился около 1802 г. въ одной изъ Литовскихъ губерній; исправлялъ должность учителя закона Божія въ училищѣ при церкви св. Станислава въ Петербургѣ. Въ 1830-хъ и 1840-хъ годахъ онъ помѣстилъ въ польскихъ журналахъ нѣсколько стихотвореній; въ рукописи остались послѣ него три сочиненія: «Zywoty świętych i błogosławionych polaków»; «Wiadomości historyczno statystyczne o kościele katolickim w Rossyi» и «Dykcyonarz pisarzów polskich», составленныя по матеріаламъ, которые авторъ нашелъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

«Encyclopedyja powszechna». *Ѳ. Ф. В.*

Петровскій, *Петръ Степановичъ*, живописецъ, род. въ Ораніенбаумѣ въ 1814 г., ум. въ Римѣ 29-го мая (11-го іюня) 1842 г. Сынъ незначительнаго чиновника Ораніенбаумскаго Дворцоваго Правленія, онъ, по смерти отца, шестнадцати лѣтъ поступилъ на службу въ Экспедицію Заготовленія Государственныхъ Бумагъ, чтобы чѣмъ-нибудь поддерживать семейство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1831 г. сталъ посѣщать рисовальные классы Академіи Художествъ. Но такъ какъ служба не давала ему возможности обстоятельно заняться изученіемъ любимаго искусства, то въ 1837 г. онъ бросилъ службу и, при содѣйствіи Общества Поощренія Художествъ, поступилъ въ ученики Академіи, пенсіонеромъ Общества. Тамъ онъ въ первый годъ пользовался руководствомъ профессора Ѳ. А. Бруни, а потомъ перешелъ къ К. П. Брюллову. Отдавшись всею душою изученію искусства, онъ успѣвалъ въ то же время трудами своими прокармливать мать и сестеръ, исполняя разные заказы, дѣлавшіеся ему Обществомъ Поощренія Художествъ. Быстро дѣлая успѣхи, онъ скоро получилъ вторую серебряную медаль (за рисунокъ съ натуры) и первую серебряную медаль (за картину «Іоаннъ Креститель»), а въ 1839 г.—за программу: «Явленіе Ангела пастухамъ съ возвѣщеніемъ о Рождествѣ Христовомъ» — получилъ первую золотую медаль. Послѣ этого онъ написалъ образа для военной церкви въ Кіевскую крѣпость и картину: «Агарь и Измаилъ въ пустынѣ», по заказу Общества. Картина эта доставила художнику денежную премію отъ Академіи Художествъ и поѣздку за границу на счетъ Общества и была пріобрѣтена потомъ извѣстнымъ коллек-

ціонеромъ Ѳ. И. Прянишниковымъ, отъ котораго, вмѣстѣ съ остальнымъ его собраніемъ, перешла въ Румянцевскій музей. Съ радостью воспользовался художникъ давно желаннымъ правомъ поѣздки въ Италію, но непосильные труды и лишенія въ концѣ надорвали его силы, и, едва успѣвъ пріѣхать въ Римъ, онъ умеръ тамъ отъ чахотки.

По свидѣтельству Е. И. Маковскаго, П. С. Петровскій занимался также и гравюрою крѣпкой водкой.

П. Петровъ. Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ. Т. III, С.-Пб. 1866 г.; Отчеты Общества Поощренія Художествъ 1836—1837, 1837—1838, 1838—1839, 1839—1840, 1840—1841, 1841—1842 и 1854—1855 гг.; Указатель выставокъ въ Императорской Академіи Художествъ 1839 и 1842 гг.; «Иллюстрація» 1861 г., № 176—183; Н. А. Рамазановъ. Матеріалы для исторіи художествъ въ Россіи. М. 1863 г., стр. 82—84; А. И. Сомовъ. Картинная галлерея Импер. Академіи Художествъ. С.-Пб. 1872 г.; А. П. Новицкій. Художественная галлерея Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. М. 1889 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г. (здѣсь встрѣчаются нѣкоторыя неточности); «Русск. Стар.» 1880 г., т. 27, стр. 589—591; А. Ивановскій. Ѳ. И. Прянишниковъ и его картинная галлерея. С.-Пб. 1870 г., стр. 97, 143, 185. *А. Новицкій.*

Петровскій, *Руфинъ*, писатель, родомъ изъ Радомышльскаго уѣзда, Кіевской губерніи, участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1830 г.; въ 1832 г. онъ ушелъ во Францію и оттуда въ 1843 г. былъ отправленъ демократическимъ комитетомъ въ Подольскую губернію съ цѣлью пропаганды. По прибытіи въ Каменецъ-Подольскъ, съ поддѣльнымъ паспортомъ на имя нѣкоего Катарро, англійскаго подданнаго П. былъ арестованъ и сосланъ по приговору Кіевскаго военнаго суда въ каторжныя работы. Въ 1846 г. онъ бѣжалъ изъ Сибири и, проживая въ 1848—1850 гг. въ Австріи и во Франціи, на романтическій ладъ описалъ свои похожденія въ книгѣ, носящей заглавіе «Pamiętniki z pobytu na Sybiryi» (Познань. 1860 г., 3 тома). Въ 1862—1864 гг. появились въ печати переводы этого сочиненія на языки: французскій, нѣмецкій, англійскій, голландскій, датскій, шведскій и русскій; послѣдній — подъ заглавіемъ «Записки Руфина Піотровскаго. Россія и Сибирь. 1843—1846 г. Нордкепингъ. 1863 г.

R. Piotrowski, «Pamiętniki», I, 393; K. Estеicher. «Bibliografia polska», III, 407. *Ѳ. Ф. В.*

Петровскій, *Степанъ Сергѣевичъ*, адъюнктъ Казанскаго Университета, писатель; родился въ 1769 или 1770 году въ дворянской семьѣ; 27-го января 1781 г. онъ былъ записанъ въ Дворянскую Гимназію при Московскомъ Университетѣ, гдѣ обучался языкамъ латинскому и французскому, чистой математикѣ, артиллеріи, фортификаціи и гражданской архитектурѣ и, произведенный въ 1789 г. въ студенты, въ 1790 г. переведенъ былъ въ Университетъ. Здѣсь П., какъ значится въ его послужномъ спискѣ, съ хорошимъ успѣхомъ прошелъ курсы: логики, метафизики, энциклопедіи, краснорѣчія, исторіи, математики, физики, римскаго права и россійскаго практическаго судопроизводства и, по окончаніи курса, 19-го января 1799 г. былъ опредѣленъ учителемъ артиллеріи, фортификаціи и высшаго ариѳметическаго класса въ Казанскую Гимназію; произведенный въ концѣ этого года въ 14-й классъ, П. въ октябрѣ 1802 г. пересталъ преподавать ариѳметику, а въ 1803 г. занялъ должность библіотекаря гимназіи. Получивъ въ началѣ 1805 г. и въ январѣ 1809 г. денежныя награды за успѣшныя занятія съ учениками, П. съ 17-го іюля 1805 г. по 10-е марта 1806 г. исправлялъ должность директора Казанскихъ народныхъ училищъ, 2-го октября 1807 г. былъ назначенъ инспекторомъ Казанской гимназіи, въ 1808 г. — членомъ Комитета при строеніи гимназическаго зданія, а 16-го января 1810 г. былъ утвержденъ адъюнктомъ Казанскаго Университета для преподаванія артиллеріи и фортификаціи; съ 1810 по 1812 г. П. былъ, кромѣ того, смотрителемъ публичныхъ курсовъ, 7-го марта 1812 г. оставилъ должность инспектора Гимназіи и съ того же года, по желанію студентовъ, началъ преподавать въ Университетѣ еще гражданскую и военную архитектуру. Въ 1813 г. онъ былъ членомъ Комитета Университетскихъ строеній, а съ 27-го іюня 1818 г. исправлялъ должность инспектора студентовъ. Уволенный 17-го марта 1819 г. отъ службы по болѣзни, П. умеръ 29-го апрѣля того же 1819 года.

Еще будучи студентомъ, П. въ 1791 г. издалъ въ Москвѣ свой переводъ съ французскаго: «Несчастная принцесса,

или трогательныя приключенія Авреліи», а въ 1798 г. напечаталъ во Владимірѣ переведенную имъ съ французскаго языка «Живописную картину Швейцаріи».

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ (1814 г., № 18, л. 171 — 172); Н. П. Загоскинъ. Дѣятели Импер. Казанскаго Университета 1805—1900 г. Казань. 1900 г., стр. 87; «Матеріалы для исторіи каѳедръ и учрежденій Имп. Казанскаго Университета». Казань. 1899 г., № 65; Владиміровъ. Исторія Казанской гимназіи, ч. II, стр. 59, ч. III, стр. 2, 45, 67; В. Н. Рогожинъ. Указатель къ «Опыту Россійской библіографіи» Сопикова. М. 1900 г. *Б. Модзалевскій.*

Петровскій, *Элизій*, юристъ, предсѣдатель Волынской Судебной Палаты, умеръ въ 1863 г.; родился въ Волынской губерніи, высшее образованіе получилъ въ Кременецкомъ Лицеѣ. Первымъ печатнымъ трудомъ его была диссертація подъ заглавіемъ «Rzecz o patronach» (Кременецъ. 1817). Въ 1830 г. въ Варшавѣ появились въ печати двѣ рѣчи его въ честь Костюшки и Домбровскаго: «Mowy pogrzebowe». Впослѣдствіи онъ составилъ большую монографію подъ заглавіемъ «Dzieja Kiiowszczyzny», изъ которой напечатанъ лишь небольшой отрывокъ въ «Biblioteka Warszawska» за 1863 г. Онъ издалъ также весьма важные матеріалы: «Sumaryusz krolewszczyzn w całéj Koronie Polskiéj spisany roku 1770» (Варшава. Житомиръ. 1862).

Ѳ. Ф. В.

Петровскій, *Ѳедоръ Моисеевичъ*, генералъ-маіоръ, командиръ 2-го кавалерійскаго округа Новороссійскаго военнаго поселенія; родился въ 1790 году, происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи, воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи; 5-го сентября 1805 года онъ поступилъ на службу казакомъ въ Бугское войско и 22-го іюня 1812 года произведенъ былъ въ урядники. Въ 1807—1808 году П. былъ въ турецкомъ походѣ, а затѣмъ въ 1812 году участвовалъ въ кампаніи противъ французовъ и, при преслѣдованіи непріятеля послѣ одного сраженія, упавъ съ лошади, перерубилъ себѣ обнаженною шашкою лѣвую ляжку и переломилъ ключицу лѣваго плеча. Послѣдствія этого паденія сказывались потомъ всю жизнь, и еще въ 1832 году ему пришлось ѣздить на Кавказъ лѣчить эту старую рану. За дѣло 8-го и 9-го мая 1813 года онъ получилъ орденъ св Георгія, а въ слѣдующемъ году — 15-го февраля — за храбрость былъ произведенъ въ хорунжіе. По упраздненіи Бугскаго казачьяго войска онъ 22-го января 1818 г. опредѣленъ былъ въ 4-й Бугскій (впослѣдствіи Ольвіопольскій) уланскій полкъ корнетомъ, и въ этомъ полку оставался до 1833 года, когда, произведенный (19-го сентября) въ маіоры, 4-го декабря переведенъ былъ въ округъ бывшаго Одесскаго уланскаго полка (10-й кавалерійскій округъ новороссійскаго военнаго поселенія). 5-го февраля 1835 года онъ перешелъ въ округъ 1-й кирасирской дивизіи (4-й округъ украинскаго военнаго поселенія), на слѣдующій годъ (8-го іюля) переведенъ былъ во 2-й округъ украинскаго военнаго поселенія для командованія 1-мъ поселеннымъ эскадрономъ, 26-го марта 1839 года былъ произведенъ въ подполковники, 31-го декабря 1845 года—въ полковники, затѣмъ на слѣдующій годъ 30-го ноября—уволенъ отъ службы по болѣзни и 24-го апрѣля 1851 года снова принятъ начальникомъ 2-го кавалерійскаго округа новороссійскаго военнаго поселенія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и скончался въ 1885 году. Былъ награжденъ орденами до св. Владиміра 3-й ст. и св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною включительно.

Полный послужный списокъ въ общемъ Архивѣ Главнаго Штаба.

Петровы—фамилія нѣсколькихъ второстепенныхъ артистовъ и артистокъ, о которыхъ встрѣчаются отрывочныя извѣстія въ лѣтописяхъ русскаго театра.—*Анна* П. (жена актера *Ивана* П.), съ 1-го января 1774 г. состояла на службѣ въ балетной труппѣ фигуранткою съ жалованьемъ въ 250 руб. въ годъ (съ 1786 г.) при казенной квартирѣ; съ 1791 г. переведена въ русскую драматическую труппу, гдѣ до 1797 г. получала ежегодно 200 р., а съ 1797 г.—300 р. при казенной квартирѣ. Участвовала, между прочимъ, въ трагедіи «Альзира» и въ комедіи «Лжецъ» (роль Драгимы).—*Анфиса* П.—исполнительница партіи Ратмира въ первомъ представленіи оперы «Русланъ и Людмила» (27-го ноября 1842 г.), повредившая успѣху этой партіи своимъ плохимъ исполненіемъ; обладала пріятнымъ, но слабоватымъ голо-

сомъ.—*Аѳимья* П.—фигурантка балетной труппы; училась въ Театральномъ Училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ зачислена 1-го мая 1791 г. въ труппу съ жалованіемъ по 200 р., увеличеннымъ съ 1-го января 1798 г. до 225 р., а съ 1-го мая 1800 г. до 375 р.—*Иванъ* П.—актеръ, режиссеръ русской оперы. Зачисленъ въ составъ труппы 1-го мая 1772 г., съ 26-го марта 1790 г. назначенъ исполняющимъ должность режиссера русской оперы, въ каковой должности и утвержденъ послѣ смерти Василія Черникова. Годовое содержаніе ему при казенной квартирѣ съ дровами постепенно повышалось съ 350 рублей въ 1783 году до 1.500 рублей съ 1-го мая 1800 года. Въ октябрѣ 1785 г. «за поношеніе словами инспектора И. А. Дмитревскаго и за нанесеніе побоевъ актеру Маркову получилъ отъ Комитета строжайшій выговоръ и былъ держанъ подъ стражею въ конторѣ двое сутокъ».Петровъ участвовалъ въ операхъ: «Севильскій Цирюльникъ», «Ринальдъ д'Астъ»,«Трубочистъ», «Діанино дерево», въ траг. «Альзира», въ комедіи «Истинный другъ» (роль Эраста), «Поскорѣе, пока не провѣдали» (роль Безвѣста), «Самолюбивый стихотворецъ» (роль Модстриха), «Школа злословія» (роль Лукавина). Особенно прославился исполненіемъ роли Кутейкина въ «Недорослѣ».—*Петръ* П.—фигурантъ балетной труппы, поступилъ на службу 9-го сентября 1777 г. съ жалованьемъ 120 р. въ годъ при казенной квартирѣ и дровахъ; 27-го октября 1785 г. «за неблагопристойные поступки и по ненадобности» былъ уволенъ со службы съ аттестатомъ о его непорядочности.

Архивъ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, С.-Пб. 1892; П. Н. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1861; А. Н. Сѣровъ. Русланъ и Руслановисты (въ «Музыкѣ и Театрѣ» 1867 г., № 10).

К. Храневичъ.

Петровъ, *Александръ Андреевичъ*, писатель, ревностный адептъ московскихъ мартинистовъ и другъ Карамзина; родился въ началѣ 1760-хъ годовъ въ дворянской семьѣ. Образованіе получилъ сперва въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ пансіонѣ, а потомъ и въ самомъ Университетѣ. Еще будучи студентомъ, онъ познакомился съ Н. И. Новиковымъ, когда послѣдній, весною 1779 г., переѣхалъ на жительство изъ Петербурга въ Москву, снявъ въ аренду Университетскую типографію вмѣстѣ съ книжной лавкой и изданіемъ «Вѣдомостей». Къ этому же времени относится и знакомство Петрова съ другимъ ревнителемъ просвѣщенія, И. Г. Шварцемъ, который тогда же положилъ основаніе Дружескому ученому Обществу, оффиціально открытому только въ 1782 году и по прошествіи двухъ лѣтъ преобразованному въ Типографическую компанію. Общество это, задавшись просвѣтительными цѣлями, старалось распространять въ Россіи книжную торговлю, усилить литературную дѣятельность и пропагандировать здравыя понятія о воспитаніи. Въ кругъ дѣйствій его входила также разнообразная и широкая благотворительность. Подобнаго рода задачи общества, основаннаго на мистико-религіозныхъ началахъ, требовали не только многочисленныхъ, усердныхъ исполнителей, но и помощниковъ, проникнутыхъ идеями общества и масонскимъ ученіемъ. Такихъ помощниковъ члены Дружескаго Общества находили большею частью среди университетскихъ питомцевъ, которыхъ они вводили въ свой просвѣщенный кругъ, подготовляли къ предстоящей дѣятельности и давали средства къ существованію, предлагая заниматься переводами и сотрудничать въ изданіяхъ Новикова. Петровъ вполнѣ оправдалъ выборъ Общества и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ и способнѣйшихъ послѣдователей Новикова и Шварца. Найдя себѣ достойныхъ руководителей въ лицѣ Новикова и въ особенности Шварца, П. нашелъ себѣ и достойнаго друга въ лицѣ Карамзина, которому впослѣдствіи суждено было занять столь видное мѣсто въ исторіи просвѣщенія родной земли.

Петровъ сошелся съ Карамзинымъ по всей вѣроятности въ то время, когда послѣдній находился въ пансіонѣ Шадена (1779 — 1782), о чемъ упоминаетъ, между прочимъ, Г. П. Каменевъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ С. А. Москотильникову. Знакомство юношей началось, быть можетъ, на университетскихъ лекціяхъ, которыя посѣщалъ и Карамзинъ, живя у Шадена. Какъ бы то ни было, но уже въ 1785 году мы видимъ ихъ искренними друзьями, что вполнѣ подтверждается относящи-

мися къ этому времени письмами Петрова къ Карамзину, который проживалъ тогда въ Симбирскѣ. Въ концѣ лѣта 1785 г. друзья свидѣлись опять въ Москвѣ и, поселившись на одной квартирѣ, долгое время прожили вмѣстѣ. Въ 1789 г. Карамзинъ отправился путешествовать и только осенью слѣдующаго года возвратился въ Москву. Онъ нашелъ Петрова въ состояніи «тѣлеснаго и душевнаго разслабленія». Болѣзнь, которою издавна страдалъ А. А., настолько усилилась, что положеніе больного внушало серьезныя опасенія. Весну и лѣто 1791 г. друзья провели за городомъ, и силы Петрова настолько возстановились, что осенью онъ уже въ состояніи былъ переселиться въ Петербургъ, получивъ, по свидѣтельству К. С. Сербиновича, должность секретаря у Державина, которому былъ рекомендованъ Карамзинымъ. На разлуку съ другомъ послѣдній написалъ извѣстное стихотвореніе, напечатанное въ апрѣльской книжкѣ «Московскаго журнала» за 1792 годъ. Перемѣна климата, а быть можетъ и усиленныя занятія окончательно сломили здоровье Петрова, и 21-го марта 1793 г. онъ скончался. Карамзинъ, глубоко опечаленный потерею незамѣнимаго друга, изобразилъ его въ прозаической элегіи: «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» (1793). Послѣдующія статьи Карамзина: «Письмо Мелодора къ Филалету» (1794), «Отвѣтъ Филалета» (1794), «Разговоръ о счастіи» (1797). «Чувствительный и холодный» (1803), только отчасти заключаютъ въ себѣ данныя для характеристики Петрова. къ числу выдающихся людей своего времени также и по образованію. При обшир-

Дружба Петрова съ Карамзинымъ, по собственному признанію послѣдняго, имѣла огромное вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Петровъ былъ не только другомъ Карамзина, но и руководителемъ въ жизни и въ научныхъ занятіяхъ. Отличаясь глубокимъ философскимъ умомъ, онъ принадлежалъ номъ знакомствѣ съ отечественною словесностью, онъ зналъ древніе языки, а также французскій, нѣмецкій и англійскій. Изъ европейскихъ литературъ онъ въ особенности любилъ англійскую, хотя Шекспиру и предпочиталъ Лессинга. Замѣчательно, что, не будучи поклонникомъ ложно-классической школы, онъ цѣнилъ Баттё, отзываясь вообще съ похвалою о писателяхъ «съ правилами». Обладая большимъ критическимъ тактомъ, П. развивалъ и въ своемъ другѣ эстетическое чувство, былъ для него, выражаясь словами Карамзина, «свѣтильникомъ въ искусствѣ и поэзіи». Самъ Петровъ изъ чувства скромности не рѣшался выступить на авторское поприще, несмотря на то, что языкъ и слогъ его отличались чистотой и правильностью, какъ это видно изъ его переводовъ и въ особенности изъ писемъ къ Карамзину, весьма важныхъ для характеристики обоихъ друзей, имѣвшихъ одинаковыя склонности и понятія, но рѣзко отличавшихся темпераментами. Петровъ былъ человѣкъ съ твердой волей и холоднымъ умомъ, но съ душой, отзывчивой на все благородное и доброе. Онъ страстно любилъ истину и служеніе ей ставилъ цѣлью своей жизни. Обладая высокими качествами ума и сердца, Петровъ отличался скромностью, былъ строгъ къ себѣ, но снисходителенъ къ другимъ. Несмотря на всѣ свои достоинства, П. на людей, мало знавшихъ его, производилъ неблагопріятное впечатлѣніе, т.-е. между посторонними былъ молчаливъ, угрюмъ и подчасъ насмѣшливъ; но среди тѣснаго пріятельскаго кружка, онъ, чувствуя себя привольно, переставалъ дичиться и не казался нелюдимымъ.

Литературная дѣятельность Петрова была посвящена исключительно переводамъ, большею частью мистическихъ сочиненій, изъ которыхъ извѣстны слѣдующіе:

1) «О противорѣчіяхъ въ человѣческой природѣ», съ нѣм. яз. («Утреняя Заря» 1780, ч. VIII); 2) «Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть», съ нѣм. М. 1783; 3) «О древнихъ мистеріяхъ и таинствахъ, бывшихъ у всѣхъ народовъ», съ нѣм. М. 1785; 4) «Багуат-Гета, или бесѣды Кришны съ Аржуномъ», съ англ. М. 1788; 5) «Учитель, или всеобщая система воспитанія, въ которой предложены первыя основанія наукъ, особенно нужныхъ молодымъ людямъ», 3 ч., съ нѣм. 3-го изданія, испр. и умнож. проф. Шрекомъ и Эбертомъ. М. 1789. Кромѣ того, многія переводныя статьи П. помѣщались въ «Дѣтскомъ Чтеніи» 1785—1789 гг., которое онъ редактиро-

валъ вмѣстѣ съ Карамзинымъ. Въ періодическомъ изданіи «Бесѣды съ Богомъ», 1787—1789 гг., которое составлялось изъ сочиненій Штурма, Петровъ также участвовалъ въ качествѣ сотрудника. Въ «Московскомъ журналѣ» 1792 г. (ч. VI) Петрову, несомнѣнно, принадлежитъ только переводная статья изъ сочиненій Коцебу: «Прогулка арабскаго философа Ал.-Рашида». Что же касается стихотвореній, приписанныхъ ему А. Н. Неустроевымъ, то принадлежность ихъ Петрову ни на чемъ не основана.

Письма А. А. Петрова къ Н. М. Карамзину въ «Русскомъ Архивѣ» 1863 и 1866 гг.; Письма Карамзина къ Дмитріеву, С.-Пб. 1866; В. В. Сиповскій, Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника», С.-Пб. 1899; М. Н. Лонгиновъ. Новиковъ и московскіе мартинисты, М. 1867; И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. М. 1866; Сочиненія Державина, 1-е акад. изданіе, т. V, VIII, IX; Н. В. Сушковъ. Московскій Университетскій Благородный пансіонъ. М. 1858, стр. 18; С. П. Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета, М. 1855, стр. 235, 257, 262, 263, 267; Вчера и сегодня. Литературный Сборникъ, кн. I, С.-Пб. 1845, стр. 58; М. Н. Лонгиновъ. А. А. Петровъ и переведенный имъ Хризомандеръ (въ «Сборникѣ литературныхъ статей, посвященныхъ памяти Сумарокова, т. IV, С.-Пб. 1850); Я. К. Гротъ. Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. С.-Пб. 1867; К. С. Сербиновичъ. Воспоминанія—въ «Русской Старинѣ» 1874, т. XI, 242—243. А. Н. Неустроевъ. Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ. С.-Пб. 1875 и Указатель къ нему, С.-Пб. 1899; Н. В. Губерти. Матеріалы для русской библіографіи, вып. II. М. 1881.

В. Саитовъ.

Петровъ, *Александръ Васильевичъ*, врачъ, профессоръ Казанскаго Университета, родился въ 1838 г., умеръ 20-го мая 1885 г.; происходилъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, высшее образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Казанскаго Университета, курсъ котораго окончилъ въ 1859 г. (27-го мая) съ званіемъ лѣкаря. Оставленный при Университетѣ, онъ посвятилъ себя научной дѣятельности; 4-го іюля 1861 г. совѣтъ Университета отправилъ его на одинъ годъ въ Дерптъ для усовершенствованія. Бернувшись въ Казань, онъ выдержалъ докторскіе экзамены, и 28-го октября 1862 г., послѣ защиты диссертаціи, былъ утвержденъ въ степени доктора медицины; затѣмъ онъ получилъ должность окружного Олекминскаго и Вилюйскаго врача въ Якутской области, но вскорѣ возвратился въ Университетъ и 21-го октября 1863 г. былъ избранъ доцентомъ патологической анатоміи. 27-го мая 1864 г. П. былъ командированъ на два года за-границу «съ ученою цѣлью», а 31-го декабря 1865 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ патологической анатоміи. Въ 1866 году Петровъ пріѣхалъ изъ за-границы, и 7-го ноября того же года на него были возложены, кромѣ преподаванія, еще и обязанности секретаря медицинскаго факультета Казанскаго Университета. Затѣмъ онъ былъ избранъ ординарнымъ профессоромъ. Петровъ учился въ Казанскомъ Университетѣ въ то время, когда на медицинскомъ факультетѣ, по выраженію «Врача», «за исключеніемъ Е. Ф. Аристова, не было почти вовсе живыхъ людей» (проф. Овсянниковъ еще не пріѣхалъ изъ Дерпта, а Соколовскій только начиналъ свою научную дѣятельность). Петровъ былъ любимымъ ученикомъ Аристова, но самостоятельно изучалъ большинство наукъ, связанныхъ съ патологической анатоміей. Преподаваніе патологической анатоміи въ Казанскомъ Университетѣ онъ поставилъ очень высоко, много занимался научной разработкой своей спеціальности и пріобрѣлъ большую популярность среди своихъ товарищей и учениковъ.

Одною изъ главнѣйшихъ заслугъ проф. Петрова была его дѣятельность въ Обществѣ казанскихъ врачей, въ которомъ онъ былъ преосѣдателемъ съ 1870 до 1884 года. Ставъ во главѣ Общества, онъ внесъ во всѣ его отдѣлы небывалое оживленіе. По его почину образовалась «Коммиссія санитарнаго изслѣдованія Казани и Казанской губерніи»; онъ же учредилъ «Казанскій отдѣлъ Высочайше утвержденнаго Общества попеченія о раненныхъ и больныхъ воинахъ» и открылъ при Казанскомъ Обществѣ врачей «Отдѣлъ физическаго воспитанія», стремясь осуществить въ жизни идеи Песталоцци. Подъ вліяніемъ Петрова число членовъ Общества быстро возросло и возникъ оживленный обмѣнъ мнѣній между Казанскимъ и другими русскими врачебными обществами. Въ октябрѣ 1870 г. въ Казани появилась холера, и Общество, руководимое Петровымъ, выполнило на практикѣ поставленныя ему широкія задачи. Городъ былъ раздѣленъ на участки, для каждаго изъ нихъ былъ

назначенъ особый врачъ, въ домахъ производились санитарные осмотры и т. д.

Профессоръ Петровъ стремился къ тому, чтобы вообще поставить на должную высоту санитарное дѣло въ Казанской губерніи и очень энергично принялся за выполненіе этой задачи, но встрѣтилъ не менѣе энергичное сопротивленіе со стороны мѣстныхъ властей. Выработанная Обществомъ «программа дѣятельности врачей-гигіенистовъ» была послана въ очередное Земское собраніе, которое отвѣтило пожеланіемъ, чтобы Общество само взялось за исполненіе программы. 4-го іюня 1871 г. Петровъ лично отправился для ближайшаго ознакомленія съ состояніемъ санитарнаго дѣла въ губерніи и по возвращеніи представилъ отчетъ, въ которомъ описывалъ очень плохое отношеніе земства къ врачамъ и въ особенности къ санитарному дѣлу. Онъ рекомендовалъ Губернской Земской Управѣ устроить губернскій земскій санитарный комитетъ для тщательнаго изслѣдованія края въ санитарномъ отношеніи и для постепеннаго введенія мѣръ, поднимающихъ народное здоровье; комитетъ долженъ пользоваться самостоятельностью и подчиняться только Губернской Земской Управѣ; при комитетѣ предполагалось устраивать съѣзды врачей. Кромѣ того, Петровъ проектировалъ спеціальный «Институтъ губернскихъ земскихъ врачей» для изслѣдованія края. Очередное Земское собраніе не признало возможнымъ выполнить эту программу, но открыло при Губернскомъ земскомъ управленіи «Санитарный столъ» съ столоначальникомъ изъ врачей и писцомъ изъ фельдшеровъ. Земство, повидимому, усмотрѣло въ дѣятельности Общества врачей покушеніе на его власть и стало въ принужденныя отношенія къ Обществу. Для Петрова наступило тяжелое время неудачъ и разочарованій. Отдѣлъ оспопрививанія при Обществѣ врачей долженъ былъ закончить свою широкую и плодотворную дѣятельность вслѣдствіе того, что мѣстныя власти отказали ему въ своей поддержкѣ. Отдѣлъ физическаго воспитанія дѣтей подавалъ большія надежды, но при наступленіи лѣта ему не было дано разрѣшенія на постройку лѣтняго помѣщенія, не смотря на то, что нашлись люди, предоставившіе для этого необходимыя средства; такимъ образомъ и этотъ отдѣлъ тоже погибъ, не смотря на всѣ усилія Петрова.

Тогда Петровъ перенесъ свою дѣятельность въ IV-й Съѣздъ русскихъ естествоиспытателей, происходившій въ Казани. По его предложенію, этотъ и послѣдующіе съѣзды стали называться «съѣздами естествоиспытателей *и врачей*»; IV-й съѣздъ принялъ всѣ предположенія Петрова, который, между прочимъ, былъ намѣренъ учредить и редактировать «Журналъ Общественной Медицины»; но казанскій губернаторъ объявилъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшилъ изданія этого журнала. Въ то-же время было воспрещено и изданіе двухнедѣльной газеты «Дневникъ Врачей». Петровъ надѣялся провести свои предположенія въ жизнь при помощи Казанской городской думы и съ этою цѣлью сдѣлалъ вмѣстѣ съ д-ромъ Соколовскимъ докладъ: «О принятіи мѣръ къ охраненію здоровья городского населенія въ Казани», но городская дума не пошла дальше обѣщаній. Петровъ, подъ вліяніемъ нравственныхъ потрясеній, тяжко заболѣлъ. Общество врачей терпѣло неудачу за неудачей; 9-го сентября 1874 г. казанскій губернаторъ предложилъ ему прекратить печатаніе издаваемыхъ имъ «Протоколовъ», «Записокъ» и «Дневника»; на помощь Обществу пришелъ Казанскій Университетъ, принявшій его подъ свой кровъ, но 23-гомарта 1875 г. Общество было совсѣмъ закрыто. Въ 1877 г. оно возстановилось въ видѣ «Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ»; во время ветлянской чумы оно ревностно работало, но затѣмъ грозило распасться вслѣдствіе недостатка въ руководителяхъ; никто не соглашался принять на себя обязанности предсѣдателя. Спасителемъ Общества явился все тотъ-же профессоръ Петровъ. Въ 1879 г. онъ снова сталъ во главѣ общества и оживилъ его дѣятельность. Для проведенія своихъ взглядовъ Петровъ вступилъ въ число членовъ V съѣзда земскихъ врачей Казанской губерніи; съѣздъ избралъ его своимъ предсѣдателемъ, но не оказалъ ему поддержки. Петровъ продолжалъ работать въ Обществѣ врачей и, между прочимъ, устроилъ для него читальную комнату. 1883 г. былъ послѣднимъ годомъ его дѣятель-

ности; Петровъ снова выступилъ съ рѣчью «о необходимости новой организаціи городской медицины въ Казани», но ему не было суждено увидѣть осуществленіе его идей; 14-го сентября 1883 г. онъ тяжко заболѣлъ, и чахотка положила предѣлъ его дѣятельности. Незадолго до смерти, лежа въ постели, онъ еще надѣялся пробудить общественное сознаніе и привлечь его къ интересамъ общественной медицины.

Онъ напечаталъ: «Къ ученію объ уреміи», диссертація на степень д-ра медицины, Казань. 1862 г.; то-же на нѣмецк. языкѣ—«Virchow's Archiv»,ч.XXV, стр. 91—114; «Критическій разборъ работъ объ уреміи, направленныхъ противъ Фрерихса», Казань. 1863 г., 41 стр.; «Замѣтки о земской медицинѣ въ Казанской губерніи», Казань. 1872 г.; «Очеркъ изслѣдованій, произведенныхъ въ патолого-анатомическомъ кабинетѣ Казанскаго Университета въ 1873г.»—въ «Извѣстіяхъ Казанскаго университета» 1873 г., стр. 253—269; «Рѣчь предсѣдателя въ засѣданіи Общества 2-го января 1871 г.»—въ «Протоколахъ Общества Казанскихъ Врачей» 1871 г., стр. 21; Тоже, 18-го января и 1-го августа 1880 г.—въ «Дневникѣ Общества Казанскихъ Врачей» 1880 г., стр. 18 и 253; то-же, 26-го марта 1881 г.—тамъ-же 1881 г., стр. 207; «Объ отравленіи мышьякомъ съ патолого-анатомической стороны»—въ «Протоколахъ Общества Казанскихъ Врачей» 1871 г., стр. 46 и Прилож., стр. 87—91.

Списокъ остальныхъ многочисленныхъ трудовъ А. В. Петрова читатель найдетъ въ сочиненіи Л. Ѳ. Змѣева «Русскіе врачи-писатели», вып. II., СПб., 1887 г., стр. 46.

Формулярный списокъ о службѣ Петрова, составленный въ январѣ 1869 г. (сообщенъ Б. Л. Модзалевскимъ); Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели; С.-Пб., 1886 г., стр. 50; то-же 1887 г., стр. 46; Д. Д. Языковъ, Обзоръ жизни и трудовъ покойн. русск. писателей; вып. V-й, С.-Пб. 1885 г., стр. 121; «Дневникъ Казанскаго Общества Врачей» 1885 г., №№ 19 и 20 (оба нумера всецѣло посвящены памяти А. В. Петрова); «Врачъ» 1885 г., № 46, стр. 776.

Н. Кульбинъ.

Петровъ, *Александръ Григорьевичъ*, тайный совѣтникъ, предсѣдатель С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, сынъ Гр. Андр. Петрова (см. ниже), родился въ 1803 году. По окончаніи курса въ Воронежской гимназіи, онъ поступилъ въ Харьковскій университетъ, гдѣ сперва слушалъ науки общія, а потомъ—курсы юридическаго факультета и этико-филологическаго отдѣленія философскаго факультета. Въ 1819 г. (30-го августа) П. вышелъ изъ университета со степенью кандидата и получилъ назначеніе на должность преподавателя законовѣдѣнія въ Кіевской гимназіи (25-го февраля 1820 г.). Занимая одновременно съ учительскою должность чиновника особыхъ порученій при попечителѣ Кіевскаго учебнаго округа (съ 8-го октября 1833 г.), а потомъ—синдика Университета св. Владиміра (съ 31-го января 1834 г.), П. въ 1835 г. (25-го мая) былъ назначенъ директоромъ училищъ Кіевской губерніи; по учрежденіи къ Кіевѣ новой гимназіи, занялъ мѣсто директора 1-ой гимназіи (1-го января 1836 г.) и нѣкоторое время исполнялъ ту же должность во 2-ой гимназіи (въ 1836 г.), а съ 17-го мая 1838 г. назначенъ былъ инспекторомъ классовъ Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Въ это же время П. принималъучастіе въ работахъ особаго Комитета, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію для начертанія проекта Положенія о раввинахъ и духовныхъ при нихъ управленіяхъ (1840 г.). Служба П. въ Кіевѣ продолжалась до 20-го іюля 1844 г., когда онъ былъ опредѣленъ директоромъ Ришельевскаго лицея. Въ теченіе 9 лѣтъ, проведенныхъ въ Одессѣ, П., сверхъ директорства исправлялъ должность попечителя учебнаго округа (съ 27-го сентября 1844 до 23-го декабря 1846 г.), а впослѣдствіи былъ назначенъ помощникомъ попечителя, съ оставленіемъ директоромъ Лицея (3-го августа 1846 г.). Въ 1852 г. (16-го декабря) П., по прошенію, былъ уволенъ отъ должности директора Лицея, а 2-го февраля 1853 г. вовсе вышелъ въ отставку. Чрезъ 7 лѣтъ онъ снова поступилъ на службу (21-го іюля 1860 г.) цензоромъ въ Московскій Цензурный Комитетъ, 17-го апрѣля 1863 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1865 г. (30-го августа) назначенъ былъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, будучи 1-го января 1875 г. произведенъ въ тайные совѣтники. Въ послѣднихъ должностяхъ П., несмотря на

полученное имъ широкое философское образованіе, нисколько не отличался отъ самаго обыкновеннаго цензора. Скончался онъ въ С.-Петербургѣ 31-го іюля 1887 года, въ должности предсѣдателя Цензурнаго Комитета и въ званіи члена Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

Формулярный списокъ за 1879 годъ; Воспоминанія І. І. Ясинскаго въ «Русской Старинѣ» 1899 г.; Некрологи: во «Всем. Илл.» 1887 г., т. 38, № 970 и въ «Правит. Вѣстн.» 1887 г. № 167; Іосифъ Михневичъ. Историческій обзоръ 40-лѣтія Ришельевскаго лицея Одесса. 1857 г.; «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 388.

Н. Кувшинскій.

Петровъ, *Александръ Дмитріевичъ*, тайный совѣтникъ, писатель, извѣстнѣйшій русскій шахматистъ; происходилъ изъ дворянъ, род. въ 1794 г. Воспитывался П. въ Петербургѣ, въ Педагогическомъ Институтѣ и 12-го октября 1808 г. поступилъ на службу «къ генералъ-рекетмейстерскимъ дѣламъ» (нынѣ Коммиссіи Прошеній), гдѣ въ 1809 г. былъ произведенъ канцеляристомъ и въ 1814 г.—губернскимъ секретаремъ. По упраздненіи генералъ-рекетмейстерскихъ дѣлъ, А. Д. былъ причисленъ, 6-го апрѣля 1816 г., къ канцеляріи Сената, 17-го октября 1817 г. назначенъ въ 1-й Департаментъ къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ, 31-го декабря того же года произведенъ въ коллежскіе секретари, а 14-го мая 1818 г. перемѣщенъ въ Канцелярію статсъ-секретаря у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ. Здѣсь онъ 23-го марта 1819 г. былъ произведенъ въ титулярные совѣтники, получилъ нѣсколько отличій, 8-го марта 1831 г. былъ пожалованъ въ надворные совѣтники и назначенъ старшимъ помощникомъ правителя Канцеляріи. Съ 16-го іюля по 25-е августа 1832 г. П. исправлялъ должность правителя Канцеляріи, въ 1833 г. (5-го марта) былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ императорскою короной, 4-го апрѣля утвержденъ дѣлопроизводителемъ Канцеляріи статсъ-секретаря по 4-й экспедиціи, а 4-го іюня того же года вступилъ въ управленіе 5-ю экспедиціей, 29-го мая 1834 г.—3-ей, 14-го февраля 1835 г.—2-ой, 10-го марта того же года пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и утвержденъ дѣлопроизводителемъ 2-й экспедиціи; наконецъ, съ 17-го сентября по 17-е ноября 1835 г. П. исправлялъ должность правителя Канцеляріи и 19-го февраля 1838 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степ. Въ 1840 г., 10 го марта, А. Д. по прошенію былъ уволенъ изъ Канцеляріи, а 16-го іюня, постановленіемъ Совѣта управленія Царства Польскаго, назначенъ исправлять должность вице-директора отдѣленія Общаго Управленія Правительственной Коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, а 9-го апрѣля 1841 г. утвержденъ въ должности вице-директора. 29-го декабря 1842 года онъ утвержденъ былъ въ должности помощника статсъ-секретаря, 22 го іюня 1844 г. пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника, 24-го ноября 1845 г. назначенъ членомъ Комитета по составленію новаго распредѣленія должностей по классамъ по Царству Польскому, 24-го октября 1846 года былъ назначенъ членомъ Совѣта Александринскаго Института по хозяйственной части, а 4-го апрѣля 1848 г. пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Съ 1849 по 1854 г. П. исправлялъ должность предсѣдателя Совѣта Александринскаго Института, 9-го марта 1854 г. пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степ., 18-го апрѣля слѣдующаго года уволенъ отъ должности члена Совѣта Александринскаго Института по хозяйственной части и оставленъ въ званіи почетнаго члена Института. Въ 1855 г. (18-го октября), П. былъ назначенъ членомъ Главнаго Попечительнаго Совѣта благотворительныхъ заведеній, а 14-го іюля 1859 г. ему поручено было исправлять обязанности члена по хозяйственной части въ Александринскомъ Институтѣ; кромѣ того, съ 1842 по 1861 годъ онъ ежегодно состоялъ въ Комитетѣ по составленію общаго отчета по управленію Царствомъ Польскимъ, съ 1850 г. издавалъ адресъ-календарь Царства, а въ 1847 и 1849—1853 гг., во время пребыванія государя въ Варшавѣ, состоялъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній. 5-го января 1862 г. по прошенію былъ уволенъ отъ должности помощника статсъ-секретаря при Совѣтѣ Управленія.

Петровъ умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника 10-го (22-го) апрѣля 1867 г. въ Варшавѣ, гдѣ и погребенъ на Вольскомъ кладбищѣ.

Петровъ пріобрѣлъ себѣ широкую извѣстность, какъ шахматистъ и получилъ прозвище «русскаго Филидора». Дѣдъ его, Арт. Алкс. Петровъ, въ концѣ XVIII в. также считался чуть ли не первымъ шахматнымъ игрокомъ въ Петербургѣ; А. Д. Петровъ уже въ 1820 годахъ славился своими партіями и состязался со всѣми любителями Петербурга; слухъ о мастерскихъ, блестящихъ партіяхъ его проникъ даже заграницу, гдѣ спеціальные журналы отводили мѣсто ихъ изложенію. По словамъ г. Макарова, «никто лучше П. не постигъ стиль Филидоровской игры, его умѣнье дѣйствовать пѣшками, укрѣплять ихъ въ центрѣ и ими рѣшать сраженіе; игра его нерѣдко оживлялась самыми блестящими пожертвованіями». Теорію шахматной игры онъ обогатилъ нѣсколькими изслѣдованіями; одинъ дебютъ носитъ до сихъ поръ его имя, а партія П. съ Гофманомъ пользуется всемірной извѣстностью. Существуетъ преданіе, будто во время пребыванія П. за-границей въ 1863 г. лучшіе тогдашніе игроки, Морфи и Калишъ, отказались отъ состязанія съ «русскимъ Филидоромъ».

Кромѣ двухъ книгъ: «Шахматная игра, приведенная въ систематическій порядокъ, съ присовокупленіемъ игръ Филидора и примѣчаній на оныя» (С.-Пб., 1824 г., 2 ч.) и «Руководство къ основательному познанію шахматной игры» (С.-Пб., 1827 г.), Петрову принадлежитъ большое число статей, касающихся шахматной игры, въ общихъ и спеціальныхъ журналахъ; назовемъ слѣдующія: «Сцены изъ жизни шахматныхъ игроковъ (истинный анекдотъ)»—въ «Отеч. Зап.» 1844 г. (т. XXXVI, отд. VIII, стр. 81—87; переведенъ на франц. языкъ подъ заглавіемъ: «Scènes de la vie d'un amateur d'èchècs. Fragment d'une biographie authentique» въ журналѣ «Palamède» 1845 г., p. 67—75 и на англ. яз. въ сборникѣ шахматныхъ разсказовъ «Chess for Winter Evenings, by H. R. Agnel. New-York. 1848); «Сцены изъ жизни шахматныхъ игроковъ»—въ «Иллюстраціи» 1845 г., № 10; статьи о гамбитѣ слона—въ «Sonntagsblätter von M. Lange» 1849 г., стр. 324 и 1885, стр. 271; «Der Talisman. Schach-Legende. Dem Originale des russishen Meisters A. Petroff nacherzählt (тамъ же 1861 г., № 27, 28, 30—32); «Das Vierschach mit Festungen. Aus dem russischen übersetzt von C. F. Jaenisch (тамъ же 1850 г., стр. 377); затѣмъ множество статей въ «Шахматномъ Листкѣ» Михайлова за 1859—1868 г. (напр.: «Отвѣтъ П. на статью кн. С. С. Урусова», 1860 г., № 16; «Краткій очеркъ моей шахматной жизни» 1860 г., № 22; «Воспоминанія»—1861 г., № 29; «Замѣчаніе касательно одной изъ помѣщенныхъ въ «Листкѣ» игръ»—1861, № 38; «Краткое описаніе четвертой шахматной игры съ крѣпостями»—1862 г., № 44; «О новой защитѣ противъ гамбита Муціо»—тамъ же, № 45; «Странный случай съ моимъ дѣдомъ»—1863 г., № 59; «Воспоминанія объ Александрѣ Гофманѣ»—1863 г., № 60 и много др., наконецъ—«Изъ записокъ А. Д. Петрова»—во «Всемірной Иллюстраціи» 1873 г. (т. IX, стр. 195) и «Сказка про греческаго царя Паламеда, какъ онъ воевалъ съ персидскимъ царемъ и какой сдѣлалъ ему матъ»—въ «Шахматномъ Листкѣ» 1879 г., № 9—10, стр. 262—267 (статья, написанная въ 1847 г.). Въ «Русской Старинѣ» 1890 г. (т. LXVI, стр. 702—704) напечатано письмо П. къ И. Л. Туркулу о смерти кн. Паскевича.

Формулярный списокъ за 1862 г. (по сообщенію внука); «Варшавскій Дневникъ» 1867 г., № 83; «Всемірная Иллюстрація» 1871 г., № 23 (съ портретомъ); «Шахматный Листокъ» 1880 г., №№ 7 и 8, стр. 199 (съ портретомъ); «Шахм. Лист.» 1859—1863 г., 1881 г., № 23, стр. 55—61: «Имя и игры А. Д. Петрова»; Словарь Брокгауза, т. XXIII (статья А. Макарова); Записки Н. В. Берга въ «Русской Старинѣ» 1879 г., т. XXIV. *Б. М.*

Петровъ, *Александръ Ивановичъ*, граверъ. Род. въ 1788 г., въ 1803 г. поступилъ въ Академію Художествъ и въ 1809 г. окончилъ тамъ курсъ по гравюрѣ, со второй серебряной медалью, но былъ оставленъ на нѣкоторое время при Академіи для усовершенствованія въ граверномъ искусствѣ, подъ руководствомъ Клаубера, и для исполненія нѣкоторыхъ возложенныхъ на него работъ. 31-го декабря 1809 г. онъ былъ опредѣленъ на службу, въ чинѣ коллежскаго регистратора, граверомъ въ бывшее Собственное Его Императорскаго Величества Депо картъ, гдѣ, за гравированіе семи-топографической карты по рѣкѣ Одеру, 31-го октября 1814 г. получилъ денежную награду, въ размѣрѣ 250 р.; 24-го марта 1826 г. П. былъ переведенъ граверомъ въ литографію Глав-

наго Управленія Путей Сообщенія. Имъ исполнены были: двѣ гравюры въ изданіи «Произведенія воспитанниковъ Импер. Академіи Художествъ, удостоенныя наградъ», С.-Пб. 1805 г.; пять гравюръ съ рисунковъ Тилезіуса въ изданіи: «Атласъ къ путешествію вокругъ свѣта капитана Крузенштерна», С.-Пб. 1813 г.; три гравюры, по рисункамъ г. Сергѣева (1796 г.), въ изданіи: «Житіе Артемія Араратскаго», 1813 г., изображающія виды Тифлиса и Эривани и «Приведеніе къ присягѣ на подданство Новошамахинскаго Гассимъ-Хана»; послѣдняя гравюра также была напечатана въ изданіи г. Тимковскаго: «Путешествіе въ Китай», 1824 г.; виньетку «Ручей», въ изданіи «Басенъ Крылова», 1815 г.; «Камчадалъ, ѣдущій, на собакахъ», по рисунку Иванова—въ изданіи «Ученыя путешествія по Россіи», И. И. Лепехина, 1821 г.; «Бюстъ В. А. Озерова», по рисунку Эстеррейха—къ «Собранію сочиненій въ прозѣ и стихахъ В. А. Озерова», 1825 г.; заглавный листъ къ изданію Д. Дмитріева «Дамскій Музыкальный Кабинетъ», 1828 г.; двѣ гравюры, по рисункамъ П. П. Свиньина, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1827 и 1828 гг., изображающія «Вышгородъ» и «Рыбную ловлю»; «Переправу Государя Императора черезъ Дунай», по рисунку Г. Звѣрева—въ изданіе «Спасаемая Грецiя, или война Россіянъ съ Турками 1827 и 1828 гг.», 1829 г.; одиннадцать чертежей въ «Гидрографическій Атласъ Россійской Имперіи; иконостасъ Казанскаго собора, для «Художественной Газеты» за 1836 г.; четыре гравюры въ изданіе: «Фасады разныхъ зданій С.-Петербурга», по чертежамъ Горюнова; картину на рожденіе Петра I—копію съ гравюры Берталоцци «Материнская любовь»; «Императоръ Петръ Великій», съ гравюры Вендрамини, по оригиналу Моора; «Императрица Екатерина I», по гравюрѣ Качалова, съ Вортмана, Наталья Кирилловна, «Мининъ и Пожарскій въ Кремлѣ» и др.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула Орденовъ, въ С.-Петербургѣ (сообщ. Б. Л. Модзалевскимъ); Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX в. С.-Пб. 1895 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Александръ Іссифовичъ*, архитекторъ. Род. въ 1853 г., ум. 16-го апрѣля 1891 г. Сперва онъ обучался въ VI-й С.-Петербургской гимназіи, а потомъ, 17-го октября 1871 г., поступилъ въ Строительное Училище, гдѣ окончилъ курсъ въ 1878 г. по первому разряду, съ званіемъ гражданскаго инженера и съ чиномъ X класса, и тогда-же былъ опредѣленъ сверхштатнымъ архитекторомъ Попечительнаго Совѣта Общественнаго Призрѣнія въ Петербургѣ по Вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, архитекторомъ сперва городской Калинкинской, а потомъ—Обуховской больницы. Въ 1879 г. П. былъ утвержденъ штатнымъ архитекторомъ, а съ 1882 г., кромѣ того—членомъ Коммиссіи по постройкѣ механической прачешной при городской богадѣльнѣ, по окончаніи же этой работы, въ 1883 г.,—архитекторомъ городскихъ богадѣленъ и богадѣльни Цесаревича Николая Александровича. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ преподавателемъ архитектурнаго черченія въ Институтѣ Гражданскихъ Инженеровъ. Изъ частныхъ построекъ, въ качествѣ помощника архитектора Н. Ѳ. Беккера, онъ участвовалъ въ постройкѣ домовъ: г. Вельяшева, на углу Пушкинской ул. и Кузнечнаго пер. въ Петербургѣ, г-жи Зайцевой, на Фурштадтской и др., а самостоятельно построилъ домъ г. Вороновича, на Адмиралтейскомъ каналѣ.

Г. В. Барановскій. Юбилейный Сборникъ Института Гражданскихъ Инженеровъ. С.-Пб. 1892 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Алексѣй*, граверъ на мѣди народныхъ картинокъ. Имъ исполнены: двухлистовая картинка «Притча св. Варлаама» (1844 г.); «Ангелъ останавливаетъ Варлаама» (1844 г.); «Образъ девяти мучениковъ» (1846 г.); «Слово о Даніилѣ Пророкѣ» (1846 г.); «Страшный Судъ» (1848 г.) и «О житіи св. Андрея» (1850 г.).

Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. С.-Пб. 1881 г.; Его же. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Алексѣй Петровичъ*, писатель-юмористъ, род. въ 1863 г., ум. 7-го октября 1892 г. въ Петербургѣ. По окончаніи образованія, А. П. короткое время служилъ въ Комитетѣ иностранной цен-

зуры, но потомъ всецѣло отдался литературной дѣятельности; начавъ работать подъ руководствомъ И. Ф. Василевскаго (Буквы) въ «Стрекозѣ», Петровъ затѣмъ работалъ самостоятельно. Онъ помѣщалъ свои сценки и юмористическіе фельетоны по текущимъ вопросамъ петербургской жизни во многихъ петербургскихъ и одесскихъ газетахъ и юмористическихъ журналахъ (подъ псевдонимами: Точка, Шутъ, Фигаро и проч.). Болѣе всего онъ помѣщалъ свои произведенія въ «Шутѣ», «Петербургскомъ Листкѣ» съ 1885 г., «Новостяхъ» и «Русской Жизни». Лѣтомъ 1892 г. П. былъ неоффиціальнымъ редакторомъ журнала «Петербургская Жизнь».

«Новое Время» 1892 г., № 5968; «Петербургскій Листокъ» 1892 г., № 276; «Новости и Биржевая Газета» 1892 г., № 278; «Русская Жизнь» 1892 г., № 272; «Одесскія Новости» 1892 г., № 2421; «Календарь Гоппе» на 1893 г., стр. 543; «Библіографъ» 1892 г., № 10—11, стр. 372; «День» 1892 г., № 1557 (9-го октября).

Ив. Давидовичъ.

Петровъ, *Андрей*, рудознатецъ; въ 1491 г. великій князь Иванъ III послалъ на Печору искать руды двухъ нѣмцевъ, Ивана да Виктора, съ Андреемъ Петровымъ, Василіемъ Болтинымъ и грекомъ Мануйломъ Ларіевымъ; рудоискатели отправились изъ Москвы 26-го марта и, вернувшись 20-го октября того же года, заявили великому князю, что нашли серебряную руду, вмѣстѣ съ мѣдною, по р. Шилмѣ (Хыльмѣ), не доходя до Космы рѣки за полъ-дня пути и отъ Печоры рѣки за семь дней. Это было первое историческое открытіе рудныхъ мѣсторожденій въ Россіи; свѣдѣнія же о существованіи на Руси серебряныхъ и золотыхъ рудъ, повидимому, имѣлись и раньше, такъ какъ великій князь Иванъ III еще въ 1488 г. просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина о присылкѣ мастера, «которой бы руду умѣлъ и раздѣлить съ землею», а въ 1489 г. наказывалъ о томъ же Юрію Траханіоту и Ивану Халенѣ, ѣхавшимъ къ императору германскому Фридриху III. Открытіе рудъ на Хыльмѣ, говоритъ Карамзинъ, «сдѣлало государю величайшее удовольствіе, и съ того времени мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету изъ своего серебра». До настоящаго времени, въ 165 в. отъ Усть-Цыльмы и 5 в. отъ р. Рудянки, въ 20 в. отъ притока Цыльмы, —Космы, замѣтны еще слѣды существовавшаго завода и горныхъ работъ. Сохранившееся въ народѣ преданіе говоритъ, что нѣкогда здѣсь работалъ нѣмецкій рудокопъ съ московскими людьми. Тяжело ему жилось въ суровой непривѣтливой мѣстности; задумалъ онъ избавиться отъ скучнаго дѣла,—устроилъ въ рудникѣ подземныя крѣпи настолько непрочно, что вскорѣ произошелъ обвалъ и земля придавила 70 человѣкъ рабочихъ. Мастеръ уѣхалъ въ Москву и заявилъ, что работать на заводѣ больше невозможно. Очевидно, это тотъ самый заводъ, о которомъ говоритъ Карамзинъ. Новѣйшія изслѣдованія не указали тутъ, однако, на присутствіе серебряныхъ рудъ, мѣдныхъ же довольно много; поэтому сообщеніе Карамзина о полученіи Русью съ той поры собственнаго серебра остается покуда невыясненнымъ, хотя все же за Иваномъ III и посланными имъ рудознатцами остается честь первой попытки водворенія горнаго дѣла въ Россіи.

Карамзинъ. Исторія Госуд. Россійскаго, т. VI, стр. 140 (изд. Эйнерлинга); М. Д. Хмыровъ. Металлы, металлич. издѣлія и минералы въ древней Россіи. С.-Пб. 1875 г., стр. 103—104; Ѳ. Н. Чернышевъ. Нѣкот. данныя о минеральн. богатствахъ Сѣвера Европ. Россіи—въ «Горн. Журн.» 1889 г., № 1 (прилож.). *С. Н. Кулибинъ.*

Петровъ, *Андрей Алексѣевичъ*, полковникъ, мачтовый мастеръ Кронштадтскаго порта; мѣщанинъ по происхожденію, род. въ 1815 г., ум. 8-го октября 1883 г. Въ 1834 г. П. поступилъ ученикомъ въ Учебный морской рабочій экипажъ (впослѣдствіи Штурманское, а потомъ Техническое училище) и черезъ 2 года былъ зачисленъ въ 4-й рабочій экипажъ мастеровымъ 3-го класса, а въ 1839 г. мастеровымъ 1-го класса. Въ 1842 г., въ званіи унтеръ-офицера, П. назначенъ былъ и. д. мачтоваго мастера при Архангельскомъ портѣ, въ 1844 г. былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры 1-го кл., а въ 1850 г. переименованъ въ кондукторы 1-го кл. корпуса корабельныхъ инженеровъ; въ томъ же году вся его унтеръ-офицерская служба зачислена была ему въ кондукторскую за отличное исполненіе обязанностей по должности мачтоваго мастера и за сдѣланныя по новому, имъ самимъ придуманному, способу форъ- и гротъ-стеньги и гротъ-марса-реи. Въ 1853 г. онъ произведенъ былъ въ пра-

*

порщики 9-го рабочаго экипажа. Во время англо-французской войны П. назначенъ былъ адъютантомъ 8-го рабочаго экипажа и принималъ участіе въ приготовленіи къ оборонѣ Архангельска. По окончаніи войны, получивъ чинъ подпоручика, П. снова всецѣло отдался горячо любимому дѣлу мачтоваго мастерства. Въ это время, въ Архангельскѣ кипѣла дѣятельность по вооруженію новаго рода судовъ—паровыхъ клиперовъ, положившихъ начало нашимъ военнымъ крейсерамъ. П. принималъ дѣятельное участіе въ этой работѣ, какъ нѣсколько раньше усердно работалъ по вооруженію кораблей: «Ингерманландія», «Нарва», «Іезекіиль», «Память Азова», «Сысой Великій», «Бородино» и «Вилагошъ», фрегатовъ: «Діана», «Полканъ», «Илья Муромецъ» и «Пересвѣтъ». Въ 1861 г. П. переведенъ былъ въ Кронштадтскій портъ мачтовымъ мастеромъ, и съ его поступленіемъ мачтовое мастерство ожило и преобразилось. Всюду появились паровые станки и различныя приспособленія и нововведенія, придуманныя самимъ Петровымъ; образовалась школа учениковъ, послужившая образцомъ для другихъ подобныхъ школъ при Пароходномъ заводѣ, и т. д. Неусыпно трудясь, П. проектировалъ краны для подъема тяжестей (еще въ бытность въ Архангельскѣ), спуски для мачтъ, разборные марсы, составные эзельгофты, сплотномѣръ съ нажимами для набивки мачтовыхъ бугелей и многое другое. Въ 1870 г. онъ былъ произведенъ въ маіоры, въ 1874 г. въ подполковники, а въ 1881 г. въ полковники. Въ 1867 г. П. былъ командированъ въ Англію для изученія способовъ изготовленія желѣзныхъ мачтъ и металлическаго рангоута, а въ 1872 г. командированъ былъ въ Москву для обзора политехнической выставки. Во время управленія П. мачтовая мастерская Кронштадтскаго порта всегда высылала свои модели или свои произведенія на всѣ замѣчательныя выставки въ Россіи и за-границей и почти всегда удостоивалась самыхъ лестныхъ отзывовъ экспертовъ. Помимо служебныхъ обязанностей по управленію мачтовымъ мастерствомъ и завѣдыванію школой учениковъ мачтоваго мастерства, учрежденной по его ходатайству, П. былъ дѣятельнымъ членомъ Кронштадтскаго Благотворительнаго Общества, Андреевскаго Приходскаго Попечительства, Общества поданія помощи на водахъ. Въ теченіе 20 лѣтъ въ Кронштадтѣ не возникало ни одного предпріятія съ благотворительною цѣлью или въ видахъ общественной пользы, въ которомъ бы не принималъ участія П. Горячо сочувствуя всякому доброму начинанію, онъ весь вѣкъ работалъ для пользы общества и того дѣла, которому служилъ.

Петрову принадлежитъ статья: «Описаніе разборныхъ марсовъ и эзельгофтовъ для кораблей, фрегатовъ и другихъ судовъ» («Морской Сборника» 1858 г., т. XXXV, № 5, ч. неоф., стр. 209—216).

«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1883 г., № 121, некрологъ Н. Р.; «Морской Сборникъ» 1856 г., т. XXII, № 6, ч. оф., стр. 74; 1859 г., т. XLI, № 6, ч. оф., стр. 307; 1868 г., т. XCV, № 3, м. хр. стр. 8—10; т. XCVIII, № 9, ч. оф., 70—71; 1871, т. CXII, № 1, ч. неоф., стр. 199—203.

И. Марченко.

Петровъ, *Андрей Николаевичъ*, генералъ-лейтенантъ, комендантъ города Павловска, родился 15-го октября 1811 г., происходилъ изъ дворянъ С.-Петербургской губерніи, воспитывался въ частномъ учебномъ заведеніи; 10-го сентября 1827 г. онъ поступилъ на службу унтеръ-офицеромъ въ л.-гв. Подольскій кирасирскій (впослѣдствіи Его Величества) полкъ и 26-го января 1831 г. за храбрость, проявленную при взятіи Варшавы, былъ произведенъ въ эстандартъ-юнкера. Въ этомъ чинѣ онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ сраженіяхъ, происходившихъ въ кампанію 1831 г. (13-го февраля, при пораженіи мятежниковъ подъ г. Прагою на Гроховскихъ поляхъ, 7-го іюня—въ сраженіи подъ Вильно, подъ Минскомъ, 2-го сентября подъ г. Калишемъ) и 20-го февраля былъ произведенъ въ корнеты въ л.-гв. Уланскій Е. И. Выс. Вел. Кн. Михаила Павловича (впослѣдствіи Его Величества) полкъ. Произведенный, затѣмъ, 21-го апрѣля 1835 г. въ поручики, онъ, послѣдовательно получая чины, 17-го апрѣля 1846 г. былъ, въ чинѣ подполковника, назначенъ командиромъ 1-го округа пахотныхъ солдатъ. До 25-го января 1852 г. онъ былъ награжденъ: 11-го апрѣля 1848 г. и 8-го апрѣля 1851 г. орденами св. Анны 3-й и 2-й ст. и занялъ должность старшаго адъютанта штаба Е. И. Выс. Наслѣдника Цесаревича (впослѣдствіи штаба войскъ

гвардіи и С.-Петербургскаго военнаго округа) съ переводомъ ротмистромъ въ л.-гв. Уланскій полкъ. Затѣмъ, 30-го марта 1852 г., онъ былъ произведенъ въ полковники, 29-го января 1856 г. назначенъ командиромъ берейторской школы, награжденъ 30-го августа 1857 г. орденомъ св. Станислава 2-й ст. съ императ. короною, 22-го сентября—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, 8-го сентября 1859 г.—св. Владиміра же 3-й ст. и 30-го августа 1861 г. получилъ чинъ генералъ-маіора съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. 3-го апрѣля 1865 г. П. занялъ должность помощника начальника 12-й пѣхотной дивизіи, потомъ, на слѣдующій годъ, 18-го августа—помощника начальника 5-й пѣхотной дивизіи; 16-го апрѣля 1867 г. ему былъ пожалованъ орденъ св. Станислава 1-й ст. и затѣмъ, уволенный въ запасъ 28-го сентября 1874 г. съ сохраненіемъ содержанія, П. 30-го августа 1876 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и 14-го августа 1877 г. назначенъ Павловскимъ комендантомъ. Скончался онъ 5-го января 1878 г.

Полный послужный списокъ отъ 1-го марта 1876 г. въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба; «Голосъ» 1878 г., №№ 6 и 13-й.

Н. Н. Сильванскій.

Петровъ, *Артемій Ивановичъ*, врачъ, профессоръ Ветеринарнаго Отдѣленія Московской Медико-Хирургической Академіи, родился въ 1780 г., умеръ 3-го сентября 1849 г. Отецъ его былъ священникомъ мѣстечка Хомутецъ, Гадячскаго повѣта Малороссійской губерніи. Артемій Петровъ получилъ первоначальное образованіе въ Кіевской Духовной Академіи; будучи студентомъ богословія, онъ перешелъ въ 1799 г. въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію, гдѣ учился на медицинскомъ отдѣленіи. Въ 1803 г., когда онъ еще былъ студентомъ 4-го класса, Конференція Академіи обратила вниманіе на его выдающіеся успѣхи въ наукахъ, и такъ какъ, въ виду предстоявшаго открытія Ветеринарнаго Отдѣленія, Академія нуждалась въ научно-образованныхъ ветеринарахъ, то Петровъ былъ посланъ въ Берлинъ для изученія скотоврачебнаго искусства и для усовершенствованія въ медицинѣ. 27-го февраля 1807 г. онъ вернулся изъ за-границы, вскорѣ былъ произведенъ въ лѣкари I отдѣленія и 13-го сентября того же года опредѣленъ ординаторомъ въ Сухопутный военный госпиталь; тогда же (21-го сентября) онъ былъ назначенъ адъюнктомъ ветеринарной науки при Академіи и былъ учителемъ въ Ветеринарномъ Отдѣленіи до отъѣзда въ Москву. Съ 5-го мая до 11-го сентября 1808 г. онъ служилъ въ Таврической военно-временной госпитали, а затѣмъ вернулся въ Петербургъ къ прежней службѣ; 9-го октября 1808 г. онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ «хирургіи, наставленія о заводахъ домашнихъ животныхъ и экстеріера» въ Ветеринарное училище Московскаго Отдѣленія Медико-Хирургической Академіи; до открытія названнаго училища онъ былъ оставленъ, по приказанію министра, при Петербургской Академіи для приготовленія зоотомическихъ препаратовъ (при этомъ ему было назначено 800 р. жалованья и 200 р. квартирныхъ). 23-го мая того же года онъ былъ уволенъ по прошенію отъ ординаторской должности при Военной госпитали и получилъ похвальный аттестатъ. 14-го іюля 1809 г. П. прибылъ въ Московское Отдѣленіе и сталъ тамъ читать профессорскія лекціи; 15-го декабря того же года онъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ. Читая лекціи по ветеринаріи, онъ продолжалъ свою общую врачебную дѣятельность; съ 17-го февраля до 7-го сентября онъ безплатно служилъ въ Московской Маріинской больницѣ и получилъ отъ нея похвальный аттестатъ, а съ 14-го сентября 1810 г. былъ ординаторомъ въ Московской Голицинской больницѣ, въ которой исполнялъ должность оператора. Ветеринарное училище было открыто въ Москвѣ въ 1811 г., и Петровъ продолжалъ въ немъ свою профессорскую дѣятельность.

29-го ноября 1813 г. въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 96) было напечатано объявленіе о томъ, что экстраординарный профессоръ Артемій Петровъ будетъ преподавать на россійскомъ языкѣ по понедѣльникамъ, вторникамъ и пятницамъ въ 3-мъ часу по полудни о наружности животныхъ, по руководству Наумана, а науку о заводахъ и хирургіи по собственнымъ запискамъ, и за отсутствіемъ г-на профессора Мильгаузена—зоотомію и физіологію сравнительную,

по собственнымъ запискамъ. 25-го мая 1818 г. Петровъ получилъ степень доктора медицины, а 5-го іюня того же года утвержденъ ординарнымъ профессоромъ Московской Медико-Хирургической Академіи. 2-го сентября 1819 г. онъ оставилъ Голицинскую больницу, 8-го декабря 1828 года получилъ почетное званіе академика, а 22-го марта 1829 г. занялъ должность ученаго секретаря, которую уже исполнялъ послѣ ухода Бунге изъ Академіи (1828 г.). Кромѣ того, съ 14-го марта 1830 г. онъ исполнялъ должность инспектора студентовъ. Въ 1842 г. онъ оставилъ службу вслѣдствіе упраздненія Ветеринарнаго Училища Московской Академіи, а еще черезъ 7 лѣтъ умеръ отъ холеры. Петровъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени. Онъ напечаталъ: «Клиническое медико-хирургическое наблюденіе объ успѣшномъ отсѣченіи бедра»—въ «Медико-физическомъ Журналѣ», ч. III, 1821 г., стр. 118; кромѣ того, Сейделеръ упоминаетъ слѣдующіе его труды (безъ библіографическихъ данныхъ): онъ участвовалъ въ переводѣ терапіи Рихтера, которую издалъ Г. Я. Высотскій; изложилъ способы излѣченія цынготной болѣзни; составилъ исторію болѣзни подсѣдальной, оказавшейся въ 1807 г. въ Скоплинскомъ военно-конскомъ заводѣ, съ описаніемъ ея свойства и опредѣленіемъ способа лѣченія; написалъ наставленіе о воспитаніи и содержаніи лошадей и замѣтку о способѣ усовершенствованія лошадей въ Россіи по содержаніи скота.

Ив. Сейделеръ. Московская Голицинская больница въ ряду европейскихъ больницъ; Москва 1865 г., ч. II, стр. 269; свѣдѣнія изъ послужного списка (доставлены Б. Л. Модзалевскимъ); Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, тетр. II, СПб. 1886 г.; Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи за 100 лѣтъ; С.-Пб. 1898 г., стр. 138,192, 145. 183, 185 и 335; В. Е. Воронцовъ. Историческій очеркъ каѳедры эпизоотологіи и бывшаго Ветер. Отдѣленія Импер. Медико-Хирургической Академіи; С.-Пб. 1898 г., стр. 7, 14—17; «Моск. Вѣдомости» 1813 г., № 96; Протоколы засѣданій Конференціи Медико-Хирургической Академіи за 1807 г. (въ Архивѣ Импер. Военно-Медицинской Академіи). *Н. Кульбинъ.*

Петровъ, *Василій Владиміровичъ*, профессоръ Медико-Хирургической Академіи; родился 8-го іюля 1761 года въ уѣздномъ городѣ Обояни, Курской губерніи. Учился въ Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, изъ котораго вышелъ въ 1785 году для поступленія въ Учительскую гимназію въ С.-Петербургѣ. По окончаніи курса въ этомъ учебномъ заведеніи, былъ назначенъ преподавателемъ математики и физики въ Колывано-Воскресенскую горную школу, въ Барнаулѣ. Пребываніе его тамъ, однако же, не было продолжительно, и онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ ему поручили чтеніе лекцій по физикѣ кадетамъ Инженернаго Училища, а позднѣе и въ Академіяхъ Свободныхъ Художествъ и Медико-Хирургической. Въ этой послѣдней онъ получилъ въ 1795 году званіе экстраординарнаго профессора, а въ 1809 г.—званіе академика. Первымъ его ученымъ трудомъ, появившимся въ печати было «Собраніе физико-химическихъ новыхъ опытовъ и наблюденій», часть первая (С.-Пб. 1801; XXXVI + 557 стр. и 1 таблица чертежей). Заявляя о себѣ въ этомъ сочиненіи, какъ о послѣдователѣ антифлогистической системы, онъ, тѣмъ не менѣе, указываетъ на нѣкоторые вытекающіе изъ нея парадоксы и для ихъ разъясненія производитъ рядъ опытовъ надъ «горѣніемъ, или сожиганіемъ различныхъ многочисленныхъ твердыхъ и нѣкоторыхъ жидкихъ тѣлъ въ безвоздушномъ мѣстѣ» (стр. 57—152). Значительную часть книги (стр. 336—520) занимаютъ также изслѣдованія и опыты надъ фосфоресценціей. Эта книга и въ особенности обнаруженное въ ней авторомъ искусство экспериментатора заставили С.-Петербургскую Академію Наукъ избрать его въ 1802 году своимъ членомъ-корреспондентомъ, а Медико-Хирургическую Академію—возвести его въ званіе ординарнаго профессора. Въ 1803 году явилось изданное на казенный счетъ второе сочиненіе Петрова: «Извѣстіе о гальвани-вольтовскихъ опытахъ, которые производилъ профессоръ физики Василій Петровъ, посредствомъ огромной наипаче баттереи, состоявшей иногда изъ 4.200 мѣдныхъ и цинковыхъ кружковъ, и находящейся при Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академіи» С.-Пб., (VIII + 194 стр.). Это сочиненіе было первымъ на русскомъ языкѣ, посвященнымъ гальванизму или Гальвани-Вольтовской жидкости, какъ его называлъ авторъ, — не только по изложен-

нымъ въ немъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ и опытамъ автора, но и по самому изложенію предмета, интересовавшаго тогда по своей новизнѣ очень многихъ. Вольтовъ столбъ, которымъ пользовался авторъ вмѣстѣ съ относящимися приборами былъ сдѣланъ согласно его представленію по распоряженію Государственной Медицинской Коллегіи для употребленія при Санкт-Петербургской Медико-Хирургической Академіи. Опыты, произведенные Петровымъ съ помощью этого прибора, имѣли предметами: 1) «разрѣшеніе (разложеніе) воды, алкоголя и выжатыхъ маслъ посредствомъ металловъ, нѣкоторыхъ другихъ тѣлъ и Гальвани-Вольтовской жидкости»; 2) «дѣйствія Гальвани-Вольтовской жидкости на тѣла живыхъ, особливо животныхъ»; 3) «перемѣны количества и качествъ атмосфернаго воздуха отъ Гальвани-Вольтовской жидкости»; 4) «нѣкоторыя свѣтоносныя явленія, происходящія отъ Гальвани-Вольтовской жидкости»; 5) «расплавленіе и сожиганіе металловъ и многихъ другихъ горючихъ тѣлъ, также превращеніе въ металлы нѣкоторыхъ металлическихъ оксидовъ посредствомъ Гальвани-Вольтовской жидкости»; 6) «свѣтоносныя явленія и сожиганіе многосложныхъ твердыхъ горючихъ тѣлъ посредствомъ Гальвани-Вольтовской жидкости въ безвоздушномъ мѣстѣ. На прибавленіе къ этому сочиненію, занимающееся различіемъ въ безвоздушномъ мѣстѣ, также и въ атмосферномъ воздухѣ между свѣтоносными явленіями и нѣкоторыми другими дѣйствіями Гальвани-Вольтовской и электрической жидкости», слѣдуетъ, можетъ быть, смотрѣть, какъ на начало занятій автора статическимъ электричествомъ. Послѣднее составило, дѣйствительно, предметъ третьяго сочиненія Петрова, вышедшаго въ свѣтъ въ 1804 году подъ заглавіемъ: «Новые электрическіе опыты профессора физики Василія Петрова, который оными доказываетъ, что изолированные металлы и люди, а премногія только нагрѣтыя тѣла могутъ содѣлываться электрическими отъ тренія, наипаче же стеганія ихъ шерстью выдѣланныхъ до нарочитой мягкости мѣховъ и нѣкоторыми другими тѣлами; также особливые опыты, дѣланные различными способами для открытія причины электрическихъ явленій». С.-Пб. 4°, (6+352 стр.). Въ этомъ сочиненіи обращаютъ на себя вниманіе изобрѣтенная авторомъ въ 1803 году электрическая машина и «опыты, подающіе причины думать о происхожденіи электричества отъ разрѣшенія амальгамою кислотворнаго газа, какъ составной части атмосфернаго воздуха, при дѣйствіи обыкновенной электрической машины».

Приглашенный въ 1802 году преподавать математику и физику во Второмъ кадетскомъ корпусѣ, Петровъ снова сталъ въ непосредственныя отношенія къ средне-учебному преподаванію, которыя затѣмъ непрерывно продолжались до самаго оставленія имъ корпуса въ 1827 году. Пріобрѣтенная вслѣдствіе этого Петровымъ компетентность въ вопросахъ средне-учебнаго преподаванія физики, въ то время, впрочемъ, мало отличавшагося отъ высшаго, заставила Главное Правленіе училищъ привлечь Петрова къ участію въ своихъ трудахъ по организаціи преподаванія физики въ гимназіяхъ. Дѣятельность его въ этомъ направленіи выразилась главнымъ образомъ въ редактированіи русскаго перевода учебника физики Шрадера и въ его пополненіи многими собственными прибавленіями. Этотъ переводъ, вышедшій въ свѣтъ въ 1807—1808 г подъ заглавіемъ «Начальныя основанія физики, изданныя Главнымъ Правленіемъ училищъ. Для употребленія въ Гимназіяхъ Россійской Имперіи». (Двѣ части. С.-Пб. 8°, 548 стр. и 6 таблицъ чертежей), былъ затѣмъ долго и съ успѣхомъ употребляемъ въ русскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Когда въ 1807 году академикъ по предмету физики, Вольфгангъ-Лудвигъ Крафтъ, получилъ разрѣшеніе пригласить себѣ помощника въ предпринимаемыхъ работахъ, то выборъ его палъ на Петрова, который вслѣдствіе этого и былъ избранъ въ томъ же году адъюнктомъ Академіи Наукъ. Первыми полученными имъ по этой должности порученіями были производство новыхъ метеорологическихъ наблюденій и подготовленіе къ печати и редакція прежнихъ, произведенныхъ въ 1801—1806 годахъ въ С.-Петербургѣ покойнымъ Иноходцовымъ. Представленныя Петровымъ Конференціи Академіи въ обработанномъ

видѣ въ 1808, 1810, 1811 и 1815 годахъ наблюденія Иноходцова были напечатаны въ томахъ II (1810; стр. 224—247) III (1811; стр. 324—346), IV (1813; стр. 479—490) и VI (1818; стр. 660—670) «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg». Собственныя метеорологическія наблюденія Петрова начались съ 1807 года и продолжались непрерывно до 1811 года включительно. Обработанные своды ихъ результатовъ, представленные Конференціи Академіи въ 1814, 1816, 1818, 1819 и 1820 годахъ, печатались въ томахъ VI (1818; стр. 671—682), VII (1820; стр. 403—408), VIII (1822; стр. 317—328) и IX (1824; стр. 369—375) того же академическаго изданія. Послѣ 1811 года въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, производимыхъ при Академіи, повидимому, произошелъ перерывъ, продолжавшійся до 1819 года. Наблюденія за этотъ годъ, а также и за слѣдующій, напечатанныя въ X томѣ «Мемуаровъ» (1826; стр. 263—274), уже не производились Петровымъ, а только редактировались имъ. Обработанные имъ своды были представлены Конференціи Академіи въ 1821 и 1822 годахъ. Въ званіи адъюнкта Петровъ представилъ въ Академію Наукъ (16-го марта 1808 года) только одно сочиненіе по физикѣ, напечатанное въ I томѣ (4°; 1808) «Умозрительныхъ изслѣдованій Императорской Санкт-Петербургской Академіи Наукъ» подъ заглавіемъ «О горѣніи или сожиганіи различныхъ многосложныхъ твердыхъ тѣлъ и нѣкоторыхъ жидкостей въ безвоздушномъ мѣстѣ» (стр. 209—275). Въ томъ же изданіи помѣщались работы Петрова и послѣ его возведенія въ 1809 году въ званіе экстраординарнаго академика и въ 1815 г.—въ званіе ординарнаго по предмету опытной физики. Этими работами были: «О сожиганіи зажигательными зеркалами и стеклами различныхъ многосложныхъ твердыхъ горючихъ тѣлъ въ такихъ газахъ, въ которыхъ горящія тѣла мгновенно погасаютъ» (II, 1810; стр. 364—369; представлено Академіи 5-го іюля 1809 года); «О невоспламеняемости нѣкоторыхъ твердыхъ, воздухообразныхъ и многихъ жидкихъ весьма горючихъ тѣлъ и ихъ паровъ отъ калильнаго жара» (тамъ же, стр. 370—384; предст. 14-го іюня 1809 года); «О негорѣніи твердыхъ простыхъ горючихъ тѣлъ и невозможности происхожденія изъ нихъ какъ кислотъ, такъ и металлическихъ оксидовъ или известей въ безвоздушномъ мѣстѣ» (III, 1812, стр. 180—219; предст. 15-го мая 1811 года. «Нѣкоторыя наблюденія и опыты надъ фосфоромъ, дѣланные еще до 1801 года); (IV, 1815, стр. 269—294; представлено 8-го іюня 1812 года); «Изслѣдованіе причины разрыванія камней отъ клиньевъ изъ сухого дерева, смоченныхъ водою, также разрыванія металлическихъ трубокъ съ водою отъ гороховыхъ или бобовыхъ зеренъ, положенныхъ въ оныя, и потомъ крѣпко запертыхъ (съ присовокупленіемъ новыхъ опытовъ къ прежнимъ)» (V, 1819, стр. 101—156; предст. 29-го сентября 1813 года). Въ другихъ изданіяхъ Академіи Петровымъ были напечатаны слѣдующія статьи: «О теплотворномъ веществѣ» («Технологическій Журналъ», VII, 1810 г., стр. 113—129; популярная статья); «Sur les paratonnères aux magazins à poudre à Okhta» («Mémoires», III, 1811, стр. 63—64); «Sur les parties souterraines des paratonnères établis aux magazins à poudre» (тамъ же, стр. 70—71); «Наблюденія надъ выпареніемъ снѣга и льда въ тѣнистомъ мѣстѣ при различныхъ градусахъ холода» («Труды Академіи Наукъ», ч. I, 1821 г., стр. 71—87; предст. Академіи 29-го марта 1815 года); «Продолженіе наблюденій, дѣланныхъ безпрерывно два мѣсяца надъ выпареніемъ льда и снѣга въ тѣнистомъ мѣстѣ при различныхъ градусахъ холода» (тамъ же, стр. 88—105; предст. 1-го мая 1816 года); «Наблюденія и опыты надъ потассіемъ» (тамъ же, II, 1823; стр. 69—110; предст. 16-го апрѣля 1817 года).

Въ концѣ 1814 года, послѣ смерти Крафта, къ Петрову перешло завѣдываніе физическимъ кабинетомъ Академіи, которое онъ удерживалъ за собою до 1828 года. Съ этого времени онъ оказался вынужденнымъ почти совсѣмъ прекратить занятія наукою сначала вслѣдствіе потери зрѣнія, происшедшей отъ катаракта на обоихъ глазахъ и продолжавшейся до его снятія путемъ операціи, а потомъ вслѣдствіе наступленія болѣзней старости. Что касается преподавательской дѣятельности, то ее Петровъ оставилъ не сразу, и каѳедра

физики въ Медико-Хирургической Академіи оставалась за нимъ до 1833 года. За свою долговременную службу на этой каѳедрѣ онъ получилъ при ея оставленіи званіе заслуженнаго академика и пенсію въ размѣрѣ получаемаго имъ во время службы жалованья. Петровъ умеръ 22-го іюля 1834 года въ С.-Петербургѣ въ возрастѣ 73 лѣтъ, имѣя чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и состоя членомъ многихъ ученыхъ обществъ. Погребенъ онъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Такъ какъ всѣ самостоятельныя изслѣдованія и опыты Петрова были изложены и описаны имъ въ сочиненіяхъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ, то они остались неизвѣстными западно-европейской наукѣ и потому при быстромъ ходѣ ея развитія почти не оставили въ ней слѣдовъ. Въ сочиненіяхъ по исторіи физики имя Петрова вслѣдствіе этого не встрѣчается. Въ русской же наукѣ своего времени онъ несомнѣнно былъ выдающимся ученымъ.

В. В. Бобынинъ.

В. В. Петровъ, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ самородковъ, получилъ весьма недостаточное начальное образованіе, которое только пробудило въ немъ естественную пытливость ума. Сначала въ его распоряженіи были только книги, и онъ прочелъ ихъ очень много, но вовсе не былъ удовлетворенъ чтеніемъ. Въ то время большинство научныхъ сочиненій было загромождено химерическими системами, но Петровъ не увлекся царившей вокругъ него мечтательною философіей и стремился провѣрить пріобрѣтенный имъ запасъ свѣдѣній личнымъ опытомъ. Получивъ каѳедру въ Медико-Хирургической Академіи, онъ тотчасъ же занялся устройствомъ Физическаго кабинета и достигъ очень большихъ результатовъ. Въ 1801 г. онъ заявилъ въ рапортѣ, что «поелику опыты надъ гальванизмомъ сдѣлались весьма достопримѣчательны въ различныхъ отношеніяхъ, а между всѣми учебными пособіями, находящимися при здѣшней Медико-Хирургической Академіи доселѣ еще нѣтъ вовсе никакихъ приборовъ, относительныхъ къ сему предмету»,—то онъ и находилъ нужнымъ пріобрѣсти такой гальваническій приборъ, посредствомъ коего было бы можно производить самые новые физико-химическіе опыты, которыми многіе европейскіе физики теперь начинаютъ заниматься гораздо съ большимъ противъ прежняго раченіемъ. Необходимо заказать у англичанина Меджера приборъ, въ коемъ будетъ по 100 цинковыхъ и мѣдныхъ кружковъ; стоимость его опредѣлена въ 400 руб. Медицинская Коллегія разрѣшила этотъ расходъ. Въ 1802 г. Кабинетъ обогатился чрезвычайно важной коллекціей графа Дмитрія Петровича Бутурлина, пріобрѣтенной за 28.000 р. Петровъ отправился въ Москву, гдѣ находился кабинетъ Бутурлина, содержавшій различные физическіе и химическіе приборы. Онъ выбралъ приборы, нужные для Академіи, а остальные передалъ ея Московскому Отдѣленію; 16-го октября 1802 г. онъ донесъ Коллегіи, что всѣ предметы уложены имъ со всевозможнымъ раченіемъ и искусствомъ въ 13 ящикахъ, сданы въ Медицинскую Контору и поставлены тамъ въ сухой амбаръ для храненія до отправленія въ Петербургъ первымъ саннымъ путемъ. Въ Петербургѣ пришлось починять и передѣлывать нѣкоторые изъ этихъ приборовъ. Въ 1805 г., послѣ присоединенія къ Академіи Московскаго Отдѣленія, и остальные приборы Бутурлина вмѣстѣ со всѣмъ московскимъ физическимъ кабинетомъ были доставлены въ Петербургъ, и здѣсь многіе изъ нихъ передѣланы и приспособлены для изслѣдованій Петрова; лишніе предметы были переданы въ Виленскій Университетъ. Какъ обширны были научные замыслы этого ученаго, видно изъ заявленія его, поданнаго Конференціи 15-го марта 1802 г., въ которомъ онъ просилъ устроить: 1) особый театръ (аудиторію) для физики, 2) особую темную комнату, въ которой свѣтъ долженъ падать сверху, 3) несгораемый полъ, 4) печь плавильную и капельную, 5) въ потолкѣ петли съ винтами для привѣшиванія шелковыхъ нитей, 6) балконъ для производства опытовъ на воздухѣ, 7) вентиляторы, 8) ледникъ, 9) комнату для физическаго кабинета эллиптической фигуры съ эллиптическимъ сводомъ, которая обладала бы нѣкоторыми особенными дѣйствіями и придавала бы нѣкоторую славу Медико-Хирургической Академіи. На всѣ эти требованія Коллегія отвѣтила молчаніемъ; но большин-

ство требованій Петрова, вообще, исполнялось, и послѣ его вступленія въ Академію Физическій кабинетъ сталъ лучшимъ въ Россіи и однимъ изъ лучшихъ на свѣтѣ. Затѣмъ Петровъ пополнилъ кабинетъ и приборами собственнаго изобрѣтенія.

Съ особеннымъ восторгомъ Петровъ вспоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ ту пору, когда онъ могъ приступить къ опытамъ для разрѣшенія различныхъ вопросовъ по физикѣ и химіи, накопившихся у него за много лѣтъ при чтеніи мемуаровъ иностранныхъ ученыхъ. Результаты его трудовъ, поставленныхъ весьма научно, были очень значительны. Мы не будемъ здѣсь входить въ разборъ трудовъ Петрова, уже изложенныхъ выше, а только упомянемъ о наиболѣе замѣчательномъ его открытіи, которымъ можетъ гордиться каждый русскій человѣкъ. Въ «Извѣстіи о гальвани-вольтовскихъ опытахъ» 1803 г. Петровъ говоритъ о томъ, какъ онъ получилъ между двумя кусками древеснаго угля электрическій свѣтъ и бѣлое пламя, отъ котораго «темный покой достаточно ярко освѣщенъ быть можетъ». (Батареей служилъ Вольтовъ столбъ изъ 4.200 паръ). Это явленіе, замѣченное имъ впервые въ 1802 г., наблюдалось англійскимъ физикомъ Дэви лишь въ 1821 г. и было названо *Вольтовой* дугой. И такъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ называть это явленіе дугой Петрова-Вольта (такъ же, какъ и лампочки накаливанія Ладыгина русскому человѣку не слѣдовало бы называть «Эдиссоновскими»). Открытія Петрова были имъ обнародованы только на русскомъ языкѣ и потому долго оставались неизвѣстными русскимъ ученымъ и иностранцамъ. Въ наше время его преемникъ по каѳедрѣ въ Медико-Хирургической Академіи, профессоръ Н. Г. Егоровъ познакомилъ съ ними ученый міръ, послѣ чего они были внесены и въ учебники физики.

В. В. Петровъ занималъ каѳедру математики и физики въ Медико-Хирургической Академіи со времени открытія послѣдней въ теченіе 34-хъ лѣтъ. Онъ былъ хорошимъ лекторомъ и вообще учителемъ и сопровождалъ свой курсъ многочисленными опытами и демонстраціями. Онъ производилъ въ широкихъ размѣрахъ опыты надъ животными. Математику онъ читалъ по Вольфу, а физику—по собственному рукописному руководству. Изъ учениковъ его наиболѣе извѣстенъ Гамель, который впослѣдствіи былъ его сотоварищемъ по Академіи Наукъ, занимая каѳедру прикладной химіи и технологіи. Въ 1890—1891 учебномъ году проф. Н. Г. Егоровъ поднялъ въ Конференціи Медицинской Академіи вопросъ объ электрическомъ освѣщеніи. Въ августѣ того же года было ассигновано 245.000 р., на которые особая коммиссія подъ руководствомъ проф. Егорова построила центральную станцію и установила 3.074 Ладыгинскихъ лампочекъ накаливанія для освѣщенія Академіи и смежныхъ съ нею учрежденій военнаго вѣдомства. Въ 1891 г. въ день рожденія творца индуктивныхъ токовъ, Фарадея, происходило торжество закладки зданія, во время котораго профессоръ Егоровъ сказалъ: «Сегодня Военно-Медицинская Академія воздвигаетъ памятникъ первому своему профессору физики, раньше западныхъ ученыхъ подарившему наукѣ первый опытъ электрическаго освѣщенія. Въ 1802 г. въ зданіи Академіи Василій Владиміровичъ Петровъ впервые наблюдалъ Вольтову дугу». На торжественномъ актѣ Академіи, 7-го марта 1893 г. ученый секретарь ея, академикъ И. Р. Тархановъ въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «профессоромъ Егоровымъ было выдвинуто совсѣмъ почти заглохшее въ архивной пыли имя нашего славнаго товарища начала этого столѣтія, академика Петрова, наблюдавшаго впервые въ 1802 г. въ зданіи Академіи Вольтову дугу»... «ему, по справедливости, принадлежитъ честь открытія электрическихъ свѣтовыхъ токовъ, и въ ознаменованіе этого событія, ему, по ходатайству г. Военнаго Министра передъ Государемъ Императоромъ, и посвящено зданіе электромашинной станціи, которое должно напоминать міру о томъ, что русскій ученый и при томъ академикъ нашей Академіи долженъ считаться первымъ изобрѣтателемъ электрическаго свѣта. Возстановленіе этого затерянаго права должно быть, конечно, дорого каждому русскому»...

Посвятивъ все сооруженіе электриче-

скаго устройства памяти В. В. Петрова, Академія установила, по этому случаю, въ машинномъ зданіи особую мраморную доску съ соотвѣтственною надписью.

30-го декабря 1893 г. Русское Физико-химическое Общество въ особомъ экстренномъ собраніи чествовало память академика В. В. Петрова въ физической аудиторіи Военно-Медицинской Академіи, по случаю исполнившагося столѣтія со дня начала его преподавательской дѣятельности въ этой Академіи. Привѣтственная рѣчь была произнесена предсѣдателемъ Общества, Ѳ. Ѳ. Петрушевскимъ; затѣмъ, Н. Г. Егоровъ прочелъ очеркъ «Академикъ В. В. Петровъ» и сдѣлалъ научное сообщеніе о перемѣнныхъ электрическихъ токахъ высокаго напряженія при очень большомъ числѣ перемѣнъ, иллюстрированное многими опытами.

«Recueil des actes de la séance publique de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, tenue le 29 décembre 1834»; Compte rendu pour l'année 1834. p. 3—6. «Справочный Энциклопед. Словарь» Старчевскаго, т. IX, ч. I, С.-Пб. 1854 г., стр. 217; «Журналъ Минист. Народн. Просвѣщ.» 1835 г., ч. V, № 3, стр. 485; П. И. Кеппенъ. Библіографич. листы 1825 г., I, стр. 148—411.

Н. Г. Егоровъ, статья въ Энциклопед. Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXIII, С.-Пб. 1898 г., стр. 460—461; Дѣла въ Архивѣ Импер. Военно-Медицинской Академіи. Исторія Импер. Военно-Медицинской Академіи за 100 л., С.-Пб. 1898 г., стр. 91, 117, 118, 126, 182, 825—826 и въ Прилож., стр. 202; «Протоколы Засѣданій Конференціи Импер. Военно-Медицинской Академіи» за 1890—1891 г. С.-Пб., стр. 421—422; то же за 1893—1894 г., Отчетъ, стр. 81; К. Д. Краевичъ. Учебникъ физики, 12-е изд. (посмертн.), подъ ред. и съ измѣн. А. Ефимова, С.-Пб. 1895 г., стр. 327. *Н. Кульбинъ.*

Петровъ, *Василій Петровичъ*, извѣстный въ свое время стихотворецъ, сынъ бѣднаго священника Петра Поспѣлова, родился въ 1736 году въ Москвѣ. Образованіе П. получилъ въ Московской Духовной Академіи, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1760 году. По успѣхамъ въ наукахъ Петровъ считался однимъ изъ лучшихъ студентовъ и обратилъ на себя особенное вниманіе начальства своими краснорѣчивыми проповѣдями, которыя произносилъ по воскресеньямъ въ церкви Заиконоспасскаго монастыря. Не ограничиваясь школьными требованіями, онъ употреблялъ всѣ свободные часы на изученіе новѣйшихъ языковъ, древняго еврейскаго, медицины и съ особенною охотою читалъ греческихъ и римскихъ классиковъ. Занявъ мѣсто учителя въ Академіи, Петровъ съ 1761 по 1767 г. включительно преподавалъ тамъ реторику, піитику и греческій языкъ. Въ 1766 году счастливый случай помогъ ему пріобрѣсти благоволеніе императрицы, когда онъ, по желанію князя П. И. Репнина и по предложенію бывшаго своего товарища Н. Н. Бантыша-Каменскаго, сочинилъ оду на карусель, устроенную въ Москвѣ въ день празднованія коронаціи. Этой одой, напечатанной въ томъ же году, и началась его литературная дѣятельность. Затѣмъ послѣдовала извѣстная ода «На сочиненіе новаго Уложенія» (1767). Въ 1768 году Петровъ, собиравшійся въ заграничное путешествіе, неожиданно былъ вытребованъ въ Петербургъ, къ высочайшему двору. Благосклонно принятый Екатериною II, онъ былъ назначенъ переводчикомъ при кабинетѣ государыни, а также и чтецомъ ея. Въ этомъ назначеніи сказалось, безъ сомнѣнія, вліяніе Потемкина, съ которымъ Петровъ былъ знакомъ ещё со времени пребыванія своего въ Академіи. Въ 1772 году Петровъ осуществилъ, наконецъ, свою завѣтную мечту и, съ согласія императрицы, отправился въ Англію для довершенія образованія. Живя въ Лондонѣ, онъ изучилъ англійскій языкъ, основательно познакомился съ его литературою и усовершенствовался во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Впослѣдствіи, уже на шестидесятомъ году, онъ выучился языку новогреческому. Авторская дѣятельность Петрова не прекращалась и въ Англіи. Здѣсь онъ написалъ многія оды свои, посланія и перевелъ съ англійскаго прозою три пѣсни изъ Мильтонова «Потеряннаго рая». Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ Петербургѣ въ 1777 году, съ посвященіемъ князю П. И. Репнину, какъ «первой особѣ, которая ввела его въ поприще наукъ». Въ 1774 году, по повелѣнію императрицы, Петровъ долженъ былъ оставить Англію. Поѣхавъ вмѣстѣ съ герцогинею Кингстонскою во Францію, онъ чрезъ Италію и Германію возвратился на родину и былъ назначенъ придворнымъ библіотекаремъ. Въ 1780 году, дослужившись до чина коллежскаго совѣтника, Петровъ по болѣзни

вышелъ въ отставку съ сохраненіемъ получаемаго жалованья и переѣхалъ на жительство въ принадлежавшее ему село Троицкое, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, но каждую зиму посѣщалъ Москву для свиданія съ друзьями и для занятій въ библіотекѣ Заиконоспасскаго монастыря. И послѣ отставки Петровъ продолжалъ пользоваться расположеніемъ императрицы, которая находилась съ нимъ въ перепискѣ, собственноручно исправляла его оды и наградила своего «карманнаго стихотворца» чиномъ статскаго совѣтника. Что касается Потемкина, то послѣдній до самой смерти своей былъ не только покровителемъ, но и искреннимъ другомъ Петрова. Въ подобныхъ же отношеніяхъ находился послѣдній и къ Н. С. Мордвинову (впослѣдствіи графу), одному изъ благороднѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ русскихъ дѣятелей. Въ 1796 году Петровъ написалъ Мордвинову оду, въ которой предрекалъ ему въ будущемъ стать оплотомъ отечества. Въ 1824 году П. А. Плетневъ напечаталъ разборъ этой замѣчательной по своей искренности оды, а въ слѣдующемъ году вспомнилъ «вѣщаго піита» и А. Пушкинъ въ своемъ посланіи къ Мордвинову. Поселившись въ деревнѣ, Петровъ занимался литературой, обученіемъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и сельскимъ хозяйствомъ, при чемъ старался вводить англійскіе порядки. Вообще, англійскій строй жизни и отчасти литература замѣтно повліяли на Петрова, о чемъ свидѣтельствуетъ и лично знавшій его современникъ—М. Н. Муравьевъ. Петровъ скончался 4-го декабря 1799 года. Сочиненія его, изданныя въ Петербургѣ въ 1811 году, въ 3-хъ частяхъ, состоятъ большею частью изъ торжественныхъ одъ, а также изъ посланій дидактическихъ и сатирическихъ. Оды Петрова хотя и отличаются разнообразіемъ картинъ, но страдаютъ риторическою напыщенностью, при чемъ своеобразный слогъ автора крайне тяжелъ, грубъ и переполненъ славянизмами. Что касается посланій, то они менѣе тяжеловѣсны и обличаютъ въ авторѣ нѣкоторый сатирическій талантъ, хотя и между ними есть неудачныя, въ родѣ «Приключенія Густава III» (1788). Сатира эта, по содержанію своему напоминающая комическую оперу Екатерины II «Горе-богатырь», не вошла въ собраніе сочиненій Петрова и напечатана отдѣльной брошюрой въ 1687 году, а впослѣдствіи въ «Русской Старинѣ» 1878 г., т. XXIII. Петровъ на первыхъ же порахъ своей литературной дѣятельности удостоился большихъ похвалъ со стороны Потемкина, самой императрицы и ея приближенныхъ, которые не только сравнивали его съ Ломоносовымъ, но и ставили выше послѣдняго. Въ литературныхъ же кружкахъ того времени дарованіе Петрова не высоко цѣнилось. Доказательствомъ тому служатъ критическія статьи въ «Смѣси» (1769), въ «Вечерахъ» (1773), гдѣ Петровъ осмѣянъ за свой напыщенный слогъ, и неблагопріятный отзывъ въ «Словарѣ» Новикова (1772), а также насмѣшки В. И. Майкова и мнѣніе Хемницера, считавшаго Петрова несноснымъ литературнымъ педантомъ, сочиненія котораго по своему варварскому языку недоступны для пониманія читателей. Въ 1783 году Петровъ, по предложенію княгини Дашковой, былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, но отказался отъ участія въ ея трудахъ, мотивируя свой отказъ недостаткомъ времени, большую часть котораго онъ употреблялъ тогда на переводъ Вергиліевой «Энеиды»; первая часть ея была издана, по желанію императрицы, еще въ 1770 году. Петровъ былъ высокаго мнѣнія о своемъ трудѣ и самоувѣренно заявлялъ Академіи, что только онъ въ состояніи успѣшно выполнить его. Полный переводъ «Энеиды», александрійскими стихами, былъ изданъ въ Петербургѣ въ 1781—1786 годахъ и въ отношеніи языка и слога отличался такими же качествами, какъ и оригинальныя произведенія Петрова.

И. А. Шляпкинъ. В. П. Петровъ («Историческій Вѣстникъ» 1885 г., т. XXII); «Москвитянинъ» 1841 г., т. I, № 1; 1842 г., т. VI, № 12; 1849 г., № 9, кн. 2; М. Н. Лонгиновъ. Литературная старина («Современникъ» 1854 г., № 5); «Осьмнадцатый вѣкъ», кн. IV, стр. 428; Дневникъ А. В. Храповицкаго; А. А. Палицынъ. Посланіе къ Привѣтѣ. Харьковъ. 1807, стр. 8; М. И. Сухомлиновъ. Исторія Россійской Академіи; «Русск. Старина» 1896 г., № 11, стр. 458—459; «Чтенія о русскомъ языкѣ Н. И. Греча, С.-Пб. 1840; С. К. Смирновъ. Исторія Московской Духовной Академіи, стр. 252; «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» 1818, ч. I, стр. 116—138, (съ портретомъ); И. П. Бурцевъ. Описаніе рѣдкихъ книгъ, т. I, стр. 66—68; Д. А. Ровинскій. Словарь гравированныхъ портретовъ, т. II; М. Н.

Муравьевъ, Сочиненія, изд. 1856 г., т. II, стр. 343. *В. Саитовъ.*

Петровъ, *Василій Петровичъ* (?) живописецъ. Родился, предположительно, въ 1770 году, умеръ въ 1811 г. Въ Академіи Художествъ онъ занимался подъ руководствомъ профессора С. Ѳ. Щедрина. По окончаніи курса, былъ опредѣленъ преподавателемъ рисованія въ Горное Училище. Въ 1794 г., за «видъ мызы Петра Алекс. Соймонова», Академія признала его «назначеннымъ въ академики»; послѣ того, лѣто 1802 г. онъ провелъ, по порученію графа А. С. Строгонова, въ путешествіи по Алтайскимъ горамъ, доходя до китайской границы, и снялъ тамъ 25 видовъ для поднесенія ихъ государю императору, а въ 1806 г., за пейзажъ, написанный имъ по программѣ, заданной С. Щедринымъ, получилъ званіе академика.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Наукъ. Т. I. С.-Пб. 1866 г.; Г. Фишеръ. Указатель находящимся въ Академіи художественнымъ произведеніямъ. С.-Пб. 1842; А. И. Сомовъ. Картинная галлерея Импер. Академіи Художествъ. С.-Пб. 1872 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899 г. *А. Новицкій.*

Петровъ, *Василій Петровичъ*, литераторъ, писавшій подъ псевдонимомъ «Василько Петровъ», род. въ 1824 г., ум. 20-го апрѣля 1864 г. въ Петербургѣ, погребенъ на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Образованіе В. П. получилъ въ Московскомъ университетѣ и по окончаніи въ немъ курса былъ преподавателемъ русскаго языка въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Литературную свою дѣятельность П. началъ переводами, которые помѣщалъ въ «Репертуарѣ», издававшемся подъ редакціей В. С. Межевича; потомъ онъ участвовалъ въ редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Художественнаго Листка», гдѣ завѣдывалъ театральной хроникой и петербургской лѣтописью, и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщалъ иногда небольшіе разсказы изъ современной жизни. Затѣмъ П. перешелъ въ «Русскій Инвалидъ» и тамъ велъ еженедѣльный обзоръ общественной жизни, а не задолго передъ смертію онъ участвовалъ въ «Сѣверной Почтѣ». Изъ переведенныхъ Петровымъ пьесъ для театра извѣстнѣйшія: «Бенвенуто Челлини», «Свадьба Викторины» Ж. Занда, «Колыбельная пѣсенька» (1853 г.), и «Супруги Скороспѣлкины» («Драматическій Сборникъ» 1859 г., ч. III). Въ 1853 г. В. П. поступилъ на службу въ Петербургское Театральное Училище преподавателемъ теоріи драматическаго искусства и декламаціи, гдѣ и состоялъ до самой смерти. Подъ конецъ жизни онъ началъ заниматься исторіей русскаго театра и собиралъ для этого матеріалы.

«Голосъ» 1864 г., № 112; «Иллюстрированная Газета», т. XIII, № 17, стр. 272; «Русская Сцена» 1864 г., т. II, № 4, отд. III, стр. 202—203; «Русскій Архивъ» 1866 г., № 4, стр. 575; С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Т. IV, отд. II, С.-Пб. 1895 г., стр. 173; «Мѣсяцесловъ» (академическій) на 1865 г., приложеніе, стр. 34. *И. Давидовичъ.*

Петровъ, *Викторъ Александровичъ*, генералъ-лейтенантъ, командиръ 8-го армейскаго корпуса; родился 8-го января 1820 года и происходилъ изъ дворянъ Херсонской губерніи. Потомокъ сербскихъ гусаръ, переселившихся въ Россію при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, П. воспитывался въ Одесскомъ Ришельевскомъ Лицеѣ (нынѣ Новороссійскій Университетъ) и по окончаніи здѣсь полнаго курса, 1-го мая 1836 г. поступилъ юнкеромъ въ Елисаветградскій уланскій полкъ, а 7-го іюня 1838 г. былъ произведенъ въ корнеты. Съ первыхъ же шаговъ своей служебной карьеры онъ сумѣлъ выдѣлиться изъ среды товарищей и составилъ себѣ репутацію лучшаго ѣздока въ дивизіи. Энергичный по природѣ, П. искалъ кипучей дѣятельности и стремился въ ряды борцовъ Кавказа, привлекавшаго въ то время лучшія наши молодыя силы. Командированный 1-го февраля 1845 г. на Кавказъ, онъ принялъ участіе въ Даргинской экспедиціи и обратилъ на себя вниманіе своею храбростью. Представленный къ наградѣ, П., однако, отказался отъ нея и просилъ взамѣнъ ея опредѣлить одного изъ трехъ своихъ братьевъ на казенный счетъ въ военно-учебное заведеніе, но императоръ Николай I приказалъ принять всѣхъ троихъ въ кадетскій корпусъ, Петровъ же 12-го октября 1845 г. былъ произведенъ за отличіе въ штабъ-ротмистры. Въ слѣдующемъ 1846 году (13-го февраля) онъ перевелся въ Нижегородскій драгунскій полкъ, въ то время, когда послѣдній

расположился на Сулакѣ въ Чиръ-Юртѣ. Образованный, начитанный, съ репутаціей опытнаго боевого офицера и при томъ знатока кавалерійской службы, а на ряду съ этимъ и не чуждый поэтическаго дарованія, онъ не замедлилъ пріобрѣсти симпатіи общества офицеровъ полка. Его боевыя пѣсни и по сіе время распѣваются нижегородцами-пѣсенниками. Иниціативѣ Петрова, между прочимъ, обязанъ возникновеніемъ и любительскій драматическій кружокъ въ Чиръ-Юртѣ. Первымъ самостоятельнымъ дѣломъ Петрова было отраженіе у Чиръ-Юрта скопища горцевъ, напавшихъ на эскадронъ нижегородцевъ, которымъ онъ командовалъ. За это дѣло была имъ получена благодарность главнокомандующаго въ приказѣ по корпусу 30-го апрѣля 1848 г. Вообще вся тогдашняя жизнь нижегородцевъ проходила въ непрерывныхъ стычкахъ и отдѣльныхъ геройскихъ подвигахъ. Изъ наиболѣе значительныхъ экспедицій до 1853 г., въ которыхъ участвовалъ Петровъ, были зимній Чеченскій походъ 1851 года въ отрядѣ генералъ-маіора Козловскаго и въ 1853 г.— экспедиція противъ горцевъ отряда генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова. Въ томъ же году дивизіонъ Петрова, въ составѣ Александропольскаго отряда князя Бебутова, перешелъ границу Турціи и принялъ дѣятельное участіе въ двухъ большихъ сраженіяхъ: подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ и Кюрюкъ-Дара, рѣшившихъ участь Турецкой кампаніи. Въ битвѣ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ, гдѣ вообще главную роль сыграла кавалерія, Петровъ во главѣ своего дивизіона, вскочивъ на плато, занятое двумя батальонами турецкой пѣхоты при двухъ орудіяхъ, врубился въ непріятельское каре. Лошадь подъ нимъ была истерзана штыками, но самъ онъ остался невредимъ. Турецкіе батальоны были изрублены и оба орудія взяты. Этотъ подвигъ доставилъ Петрову Георгіевскій крестъ 4-й степени и полугодовой окладъ жалованія въ видѣ награды. Въ воспоминаніе объ атакѣ дивизіона Петрова при Башъ-Кадыкъ-Ларъ, генералъ Багговутъ подарилъ полку картину, изображающую этотъ моментъ боя.—Кампанія 1854 года началась 24-го іюня переходомъ Александропольскаго корпуса черезъ Каръ-Чай у Длеюмушлинской переправы, а ровно черезъ мѣсяцъ произошелъ Кюрюкъ-Даринскій бой. Принять сраженіе пришлось нашимъ войскамъ на очень неудобной позиціи. Въ началѣ боя пѣхота нашего лѣваго фланга подалась назадъ и для спасенія отряда рѣшено было пожертвовать кавалеріей. Шесть эскадроновъ драгунъ должны были остановить турецкую пѣхоту, предъ которой отступали наши батальоны. Атака началась по-дивизіонно. Первыми пошли пикинеры, ихъ смѣнилъ дивизіонъ Петрова. Командиры обоихъ его эскадроновъ были убиты. Подъ Петровымъ была убита лошадь, самъ онъ опрокинутъ ударомъ приклада въ грудь, но не смотря на сильный ударъ поднялся на ноги и былъ контуженъ осколкомъ ядра въ ногу. Побѣда 16-тысячнаго русскаго отряда надъ 60-тысячнымъ корпусомъ Мушира-Зарифа-Мустафы-Паши досталась намъ благодаря храбрости кавалеріи и стоила большихъ потерь. Изъ 33-хъ офицеровъ Нижегородскій полкъ потерялъ въ этомъ сраженіи 23. О роли, какую игралъ въ этомъ дѣлѣ Петровъ, можно судить по солдатской пѣснѣ, сложенной по поводу Кюрюкъ-Даринской битвы: «Кюрюкъ-Дара кто помнитъ, тотъ помнитъ, какъ Петровъ сказалъ, что не уронитъ онъ славы храбрецовъ... Два нашихъ командира погибли на штыкахъ, Петровъ былъ раненъ также, но все стоялъ въ рядахъ».

За отличіе при Кюрюкъ-Дара Петровъ произведенъ былъ въ подполковники. Въ томъ же 1855 г., съ 28-го мая по 16-е ноября, Петровъ участвовалъ въ осадѣ Карса. Съ 1857 по 1864 г. онъ принималъ участіе въ покореніи Чечни и Дагестана, а также и въ покореніи Западнаго Кавказа въ качествѣ сперва командира Гребенскаго казачьяго, затѣмъ 17 драгунскаго Сѣверскаго полковъ, при чемъ 20-го іюня 1863 г. за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры. Въ 1865 г. высочайшимъ приказомъ Петровъ сдѣланъ былъ помощникомъ начальника Кавказской кавалерійской дивизіи, и въ этой должности состоялъ до назначенія его 28-го апрѣля 1871 году командующимъ 51 пѣхотной дивизіей; 30-го августа 1873 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ утвержденіемъ въ должности. Въ качествѣ начальника ди-

визіи онъ принималъ участіе въ усмиреніи возстанія горцевъ въ Дагестанѣ, а въ 1877 г. — въ отрядѣ, бывшемъ подъ начальствомъ князя Меликова; командуя съ 5-го октября по 19-е декабря Дагестанскимъ отрядомъ, онъ взялъ штурмомъ 2-го и 3-го ноября аулъ Согратль и 19-го декабря укрѣпленный аулъ Цудахаръ и за эти подвиги былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3-й степени. Командиромъ 8-го армейскаго корпуса Петровъ былъ назначенъ высочайшимъ приказомъ 10-го мая 1882 г. и состоялъ въ этой должности до 21-го іюня 1885 г., т.-е. до самой смерти, которая, по экспертизѣ врачей, вызвана была переутомленіемъ организма вслѣдствіе полной трудовъ и лишеній службы на Кавказѣ, а также катарромъ легкихъ— послѣдствіемъ ушиба груди, полученнаго имъ въ сраженіи при Кюрюкъ-Дара.— В. А. былъ не только храбрымъ офицеромъ, но и хорошимъ администраторомъ. По приказанію его императорскаго высочества Главнокомандующаго Кавказской арміей, въ 1870 г. возложенъ былъ на него ближайшій надзоръ надъ открываемымъ въ г. Ставрополѣ урядничьимъ училищемъ, за успѣшное открытіе котораго, не смотря на всѣ встрѣченныя по особымъ мѣстнымъ условіямъ затрудненія, его императорскимъ высочествомъ Главнокомандующимъ Кавказской арміей объявлена была Петрову благодарность. Погребенъ В. А. въ Одессѣ. Безъ связей и поддержки Петровъ самъ прокладывалъ себѣ дорогу и карьерой обязанъ лишь своимъ личнымъ достоинствамъ и боевымъ заслугамъ. Петровъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны гражданъ г. Одессы, среди которыхъ провелъ послѣдніе годы своей жизни.

Полный послужной списокъ отъ 29-го іюня 1885 г. въ Общемъ Архивѣ Главнаго Штаба; Исторія Нижегородскаго драгунскаго полка, состав. В. Потто; «Русскій Инвалидъ» 1885 г., № 141; Сборникъ извѣстій, Путилова; Дѣла штаба Кавказскаго военнаго округа о военныхъ дѣйствіяхъ 1854 г. на турецкой границѣ—въ «Военномъ Сборн.» 1860 г., № 1; Воспоминанія о закавказскомъ походѣ—въ «Военномъ Сборн.» 1860 г., № 2; Реляція о Кюрюкъ-Даринскомъ сраженіи князя Бебутова; «Новороссійскій Телеграфъ» 23-го іюня 1885 г., № 3091; «Одесскій листокъ» 23-го іюня 1885 г., № 139 и 25 іюля 1885 г., № 140; «Новое Время» 28-го іюня 1885 г., № 3351.

М. Левинъ.

Петровъ, *Георгій Петровичъ*, протоіерей Смоленско-кладбищенской церкви въ С.-Петербургѣ; родился въ 1743 г.; отецъ его, Петръ Леонтьевъ, съ 21-го октября 1751 г. служилъ священникомъ въ Смоленскомъ пѣхотномъ полку вмѣстѣ съ которымъ участвовалъ въ походахъ и сраженіяхъ во время Прусской войны. При отцѣ въ это время находился и сынъ его Георгій, который иногда исправлялъ обязанности полкового псаломщика. Въ 1763 г., по возвращеніи изъ похода, Георгій Петровъ поступилъ на должность псаломщика къ церкви Владимірской Божіей Матери, что́ у Никольскихъ воротъ въ Москвѣ; въ 1765 г. онъ былъ уволенъ для пріисканія мѣста въ С.-Петербургскую епархію, гдѣ и хотѣлъ поступить псаломщикомъ къ церкви Академіи Художествъ, но когда это ему не удалось, онъ, имѣя уже около 23-хъ лѣтъ отъ роду, поступилъ въ Александро-Невскую Семинарію. По окончаніи здѣсь курса въ 1771 г., онъ опредѣленъ былъ священникомъ въ село Ропшу, гдѣ со 2-го апрѣля 1778 г. служилъ и въ домовой церкви князя Гр. Гр. Орлова. Изъ Ропши Петровъ въ 1783 г. (21-го іюня) переведенъ былъ на Смоленское кладбище. Онъ ревностно началъ заботиться объ изысканіи средствъ и пріобрѣтеніи мѣста для постройки каменной церкви и принялъ самое дѣятельное участіе въ сборѣ пожертвованій, на которыя завершена была въ 1783 г. перестройка деревянной церкви съ однимъ придѣломъ во имя арх. Михаила. По его же хлопотамъ въ 1785 г. уступлена была богадѣленская земля для построенія новой каменной церкви, планъ и фасадъ которой, составленные въ томъ же году архитекторомъ Ивановымъ, были одобрены въ 1786 г. митрополитомъ Гавріиломъ. Въ томъ же 1786 г. (19-го іюля) послѣдовала и закладка новаго храма, оконченнаго въ 1790 г.; 26-го сентября того же года освященъ былъ боковой придѣлъ во имя Іоанна Богослова, а 1-го октября освященъ и главный придѣлъ въ честь Смоленской иконы Божіей Матери. Въ 1792 г. Петрову разрѣшено было перестроить деревянную церковь во имя арх. Михаила. Въ томъ же году онъ приступилъ къ постройкѣ трехъ каменныхъ домовъ. Въ

1796 г. онъ устроилъ при церкви траурное заведеніе, съ тѣмъ, чтобы вырученная сумма шла на пособія сиротамъ духовнаго званія. На эти же деньги нанимались сторожа, заимообразно строились церковные дома. Въ 1798 г. перестроенъ былъ боковой придѣлъ каменной церкви; въ 1803 г., въ день храмового праздника, 28-го іюля за свои труды Петровъ былъ произведенъ митрополитомъ Амвросіемъ въ санъ протоіерея. Въ 1804 г. онъ пріобрѣлъ въ пользу церкви землю на 17 й линіи Васильевскаго Острова, для постройки дома для бѣдныхъ духовнаго званія отъ всѣхъ петербургскихъ церквей, каковой и былъ выстроенъ безъ всякаго участія и помощи причтовъ остальныхъ церквей Петербурга. По убѣжденію Петрова надворный совѣтникъ Григорій Паскій-Шараповъ пожертвовалъ 8.000 р. на устройство при кладбищѣ богадѣльни для вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Въ 1809 и 1810 гг. куплены были ветхія деревянныя зданія съ землею, при чемъ зданія перестроены были въ монументныя лавки, а земля отдавалась въ аренду огородникамъ. Въ 1816 г. ,по просьбѣ П., силы котораго стали ослабѣвать, въ помощь ему перемѣщенъ былъ четвертымъ священникомъ къ Смоленско-кладбищенской церкви сынъ его Іаковъ Георгіевъ, священникъ Христо-Рождественской церкви на Пескахъ. 7-го ноября 1824 г. Петербургъ постигло наводненіе, которымъ почти все кладбище было приведено въ страшный безпорядокъ; 11-го ноября того же года Александръ I посѣтилъ кладбищенскую церковь и, обозрѣвая опустошенія кладбища, замѣтилъ его тѣсноту и недостаточность, а потому самъ назначилъ мѣсто для прибавки къ кладбищу отъ городского выгона. Всей земли отведено тогда было 72.420 квадратныхъ саженъ. Послѣ наводненія Петровъ пожилъ недолго: 8-го іюля 1825 г. онъ скончался, оставивъ кладбище, несмотря на неусыпные труды и неустанныя заботы по его устройству, въ полномъ безпорядкѣ. Онъ погребенъ подъ алтаремъ Іоанно-Богословскаго каменнаго придѣла.

Историко-Статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, Выпускъ IV, С.-Пб. 1875 г., стр. 85 — 101, 128 — 129; «Русская Старина» 1873 г., т. VIII, стр. 177—191.

Антонъ Никольскій.

Петровъ, *Герасимъ Варѳоломѣевичъ*, архитекторъ; род. въ 1764 г. и шести лѣтъ поступилъ въ Императорскую Академію Художествъ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1785 г. съ аттестатомъ «второй формы». Послѣ того онъ былъ отправленъ на постройки въ г. Рождественскъ, С.-Петербургской губ., въ качествѣ помощника Ѳ. И. Волкова. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Сборникъ матеріаловъ для Исторіи Импер. Академіи Художествъ, т. I, С.-Пб. 1864 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ. т. III, вып. I, С.-Пб. 1899 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Григорій*, депутатъ отъ г. Курска въ Коммиссію о сочиненіи Новаго уложенія 1767 г.; здѣсь онъ ратовалъ за уравненіе правъ по денежнымъ обязательствамъ русскихъ купцовъ съ иноземными и въ засѣданіи Коммиссіи 18-го октября 1767 г. высказалъ мнѣніе о необходимости внести въ законъ, чтобы русское купечество могло производить торги съ иностранными торговцами на векселя съ одобреніями и поруками съ обѣихъ сторонъ, чтобы долги по векселямъ взыскивались равно какъ въ пользу иноземныхъ, такъ и русскихъ купцовъ; по существовавшему же закону по долгамъ купцовъ иноземцы удовлетворялись раньше, отчего русскіе нерѣдко теряли по векселямъ свои деньги. П. былъ въ числѣ большинства представителей отъ купеческаго сословія, присоединившихся къ мнѣніямъ депутатовъ о запрещеніи дворянамъ, крестьянамъ и разночинцамъ имѣть фабрики и производить торговлю, о дозволеніи купцамъ покупать дворовыхъ людей, объ упорядоченіи веденія торговыхъ книгъ и болѣе правильнаго разбора случаевъ банкротствъ, — умышленныхъ и неумышленныхъ. При обсужденіи вопроса о порядкѣ разсмотрѣнія Коммиссіей проекта дворянскихъ правъ, когда мнѣнія депутатовъ рѣзко раздѣлились, П. присоединился къ мнѣнію депутата профессора Урсинуса, возражавшаго на предложеніе князя Вяземскаго подать просьбу императрицѣ о разборѣ и внесеніи въ особый списокъ дворянъ, такъ какъ, по мнѣнію Урсинуса, на обязанности Коммиссіи лежала выработка правилъ, кого вообще считать дворяниномъ,

а не забота о томъ, кто именно дворянинъ, а кто нѣтъ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историч. Общества, т. VIII, стр. 99, 131, 155 и 175 и т. XXXII, стр. 275 276 и 277. *П. Клокачевъ.*

Петровъ, *Григорій Андреевичъ*, первый директоръ училищъ Воронежской губерніи; происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1765 году и воспитывался въ Петербургѣ въ главномъ училищѣ при Петропавловской Лютеранской церкви; будучи записанъ 30-го апрѣля 1777 года капраломъ въ л.-гв. Преображенскомъ полку, П. 1-го января 1789 г. былъ выпущенъ поручикомъ въ Новгородскій мушкатерскій полкъ, въ 1790 г. перешелъ въ корпусъ стрѣлковъ, въ 1792 г. (21-го сентября) получилъ чинъ капитана въ Тульскомъ пѣхотномъ полку, въ 1793 г. назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ генерала Леванидова, а 29-го октября 1796 г. вышелъ въ отставку преміеръ-маіоромъ. Декабря 1-го 1796 г. П. былъ назначенъ директоромъ Воронежскихъ училищъ и въ этой должности оставался до 1820 года. Живя въ Воронежѣ, П. съ нѣсколькими другими лицами, вдохновителемъ коихъ былъ Е. А. Болховитиновъ (впослѣдствіи митрополитъ Евгеній) былъ членомъ мѣстнаго литературнаго кружка. Въ «Русскомъ Архивѣ» за 1873 г. (стр. 388—392) напечатано письмо къ П. Евгенія Болховитинова отъ 12-го марта 1800 г.

Сенатскій Архивъ: Формулярный списокъ 1801 г.; «Русскій Архивъ» 1873 г., стр. 388; Г. М. Веселовскій. Историч. очеркъ Воронежской Гимназіи въ «Воронежской Бесѣдѣ на 1861 г.»; Е. Ф. Шмурло. Митр. Евгеній, какъ ученый, С.-Пб. 1888 г. *Б. Л.*

Петровъ, *Григорій Васильевичъ*, архитекторъ; род. въ 1793 г. О художественномъ образованіи его ничего неизвѣстно, но онъ очень рано поступилъ на службу: еще 31-го декабря 1811 г., когда ему было всего восемнадцать лѣтъ, онъ уже выслужилъ въ Саратовскомъ Губернскомъ Правленіи чинъ коллежскаго регистратора, а съ 20-го февраля 1819 г. поступилъ на должность губернскаго архитектора, въ Саратовѣ же. Послѣднее свѣдѣніе о немъ, имѣющееся у насъ—это производство его, въ 1853 г., въ чинъ коллежскаго совѣтника.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула Орденовъ (сообщ. Б. Л. Модзалевскій); Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, Т. III, вып. I. С.-Пб. 1899. *А. Новицкій.*

Петровъ, *Григорій Семеновичъ*, врачъ, съ 1849 г. былъ ординаторомъ Московской Городской больницы, а съ 1853 г., кромѣ того, былъ врачемъ при духовномъ училищѣ; въ 1863 г. онъ представилъ диссертацію и получилъ отъ Московскаго Университета степень доктора медицины; имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора; напечаталъ: «Молоко въ скорбутѣ и грибовидныхъ опухоляхъ»—въ «Московскомъ Врачебномъ Журналѣ» 1849 г., стр. 250; то же въ «Другѣ Здравія» 1850 г., №№ 10 и 11; перевелъ съ французскаго сочиненіе Сандра: «О непосредственномъ лѣченіи невральгій по мѣсту нахожденія ихъ» — въ «Московскомъ Врачебномъ Журналѣ» 1849 г., стр. 274—300; «О трещинахъ задняго прохода»—диссертація на степень доктора медицины. Москва. 1863 г., 56 стр. (защищена 28-го ноября); «О вывихѣ бедра къ овальному отверстію»—въ «Московской Медицинской Газетѣ», 1867 г., 37 стр.

Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели; С.-Пб. 1886 г., то же 1887 г. *Н. Кульбинъ.*

Петровъ, *Дмитрій Алексѣевичъ*, врачъ, происходилъ изъ крестьянъ, родился въ 1815 г.; съ 1834 г. учился въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ; въ 1839 г. онъ окончилъ курсъ и былъ назначенъ лѣкаремъ въ Оренбургскій линейный № 3 баталіонъ и въ 1842 г. переведенъ въ Оренбургскій военный госпиталь; въ 1845 г. П. былъ назначенъ старшимъ лѣкаремъ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса, въ томъ же году получилъ въ Казанскомъ Университетѣ званіе штабъ-лѣкаря и въ 1853 г. перешелъ въ Михайловскій Воронежскій кадетскій корпусъ на должность младшаго лѣкаря. Въ 1862 г. Петровъ представилъ въ Харьковскій университетъ диссертацію и, защитивъ ее, былъ признанъ въ степени доктора медицины; въ томъ же году онъ занялъ въ Михайловскомъ корпусѣ должность старшаго врача, въ 1867 г. былъ переведенъ на такую же должность въ Полтавскую военную гимназію, а въ слѣдующемъ году уволенъ; имѣлъ чинъ статскаго совѣтника; напечаталъ: «Объ органическомъ съуженіи мочевого канала»—въ «Военно-Медицинскомъ Жур-

налѣ» 1862 г., ч. 84, отд. I и II; то-же (оттискъ)—диссертація на степень доктора медицины, Харьковъ. 1862 г., 159 стр.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели; С.-Пб. 1886 г. *Н. Кульбинъ.*

Петровъ, *Евграфъ Яковлевичъ*, архитекторъ; род. въ 1786 г.; 3-го октября 1800 г. онъ поступилъ въ Экспедицію Кремлевскаго строенія архитекторскимъ ученикомъ перваго класса, въ чинѣ канцеляриста, 12-го августа 1803 г. былъ откомандированъ изъ Экспедиціи къ извѣстному архитектору Казакову «для продолженія снятія фасадическаго вида г. Москвы», а 13-го іюня 1805 г. переведенъ архитекторскимъ помощникомъ въ Комитетъ для устроенія въ Москвѣ казармъ, по требованію этого Комитета, состоявшаго подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта князя Дашкова, откуда, 7-го мая 1807 г., перешелъ архитекторскимъ же помощникомъ въ штатъ учрежденной при Московскомъ Губернскомъ Правленіи Строительной Экспедиціи, а оттуда, 12-го января 1812 г., согласно прошенію, опредѣленъ губернскимъ архитекторомъ во Владимірскую губ. Въ этомъ же году онъ съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе сформировать въ г. Владимірѣ пѣхотный полкъ. Кромѣ обычнаго хода въ чинопроизводствѣ, онъ, 2-го мая 1805 г., былъ Высочайше награжденъ золотыми часами, а въ 1826 г. получилъ орденъ св. Анны 3-й степени. Съ 1831 г., когда онъ получилъ чинъ коллежскаго ассесора, свѣдѣній о немъ не имѣется; извѣстно только, что онъ умеръ до ноября 1839 г.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Капитула Орденовъ (Дѣло 1832 г., № 806, сообщ. Б. Л. Модзалевскій). *А. Новицкій.*

Петровъ, *Егоръ Ефимовичъ* (онъ же называется иногда *Юрій Іоахимовичъ*), врачъ; умеръ въ 1849 г., происходилъ изъ дворянъ, образованіе получилъ въ Виленскомъ Университетѣ, въ которомъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Въ 1820 г. онъ окончилъ курсъ лѣкаремъ 1-го Отдѣленія и былъ назначенъ въ Рижскій военный госпиталь ординаторомъ, 22-го марта 1822 г. получилъ въ Виленскомъ Университетѣ степень доктора медицины, представивъ диссертацію только въ рукописи; въ 1826 г. онъ былъ назначенъ полковымъ штабъ-лѣкаремъ л.-гв. Уланскаго полка, а въ 1833 г. перешелъ въ Петербургскую Медико-Хирургическую Академію на должность инспектора студентовъ. Петровъ былъ инспекторомъ студентовъ въ очень безпокойное время. Содержаніе казеннокоштныхъ было очень скудно и они терпѣли нужду въ самомъ необходимомъ. Петровъ добросовѣстно относился къ своимъ обязанностямъ и проявилъ большую энергію: въ 1835 г. онъ составилъ, по просьбѣ студентовъ, представленіе президенту Академію о недостаточности содержанія воспитанниковъ; онъ подробно высчиталъ всѣ ихъ потребности и опредѣлилъ, что каждому воспитаннику недостаетъ въ годъ 268 р. 32½ к. Своеобразные способы, которые пускались въ ходъ хозяйственнымъ правленіемъ для экономіи, часто вызывали значительные безпорядки въ студенческой средѣ. Поведеніе студентовъ было далеко не безукоризненно, а грубыя и часто жестокія наказанія только раздражали ихъ, не принося пользы; для прекращенія безпорядковъ Петровъ предложилъ въ 1835 г., размѣстить воспитанниковъ по классамъ и каждому помощнику инспектора поручить наблюденіе только за однимъ классомъ; эта разумная мѣра была одобрена Конференціей и приведена въ исполненіе въ слѣдующемъ году. Въ 1838 году произошелъ случай со студентомъ Сочинскимъ, который съ перочиннымъ ножомъ въ рукахъ бросился на профессора Нечаева, ранилъ нѣсколько человѣкъ и за это былъ трижды прогнанъ сквозь строй изъ 500 человѣкъ и на 10 лѣтъ сосланъ въ арестантскія роты, но вскорѣ послѣ экзекуціи скончался; въ томъ же году Петровъ былъ уволенъ (29-го ноября) изъ Академіи по прошенію. Послѣднее время жизни онъ провелъ на службѣ въ Гродненскомъ военномъ госпиталѣ, гдѣ и умеръ отъ холеры; онъ имѣлъ чинъ статскаго совѣтника и орденъ св. Владиміра 4-й степени; напечаталъ слѣдующіе сборники, изъ которыхъ первый и до настоящаго времени сохранилъ свое полезное значеніе: «Собраніе россійскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи 1640—1826 г.», ч. I. С.-Пб. 1826 г., 4°, XXX, XXXIV и 578 стр., «Собраніе россійскихъ законовъ о медицинскомъ управленіи съ присовокупленіемъ, во-первыхъ, краткаго обозрѣнія

устройства въ Россіи врачебной части и, во-вторыхъ, постановленій правительства по предмету наукъ медицинской, фармацевтической, ветеринарной и принадлежащихъ къ нимъ судной медицины и медицинской полиціи, 1730—1827 г.»; ч. II и ч. III. С.-Пб. 1828 г., 4°, оффиціальное изданіе. Кромѣ того, участвовалъ въ составленіи «Собранія россійскихъ законовъ», изданнаго И. С. Пестовымъ (см. это имя).

О. М. Бѣлинскій. Doctorowie medyc. promowani w Wilnie; «Pamiętnik Towarz. lekarskiego», Варшава. 1886 г.; Л. Ѳ. Змѣевъ, Русскіе врачи-писатели; тетр. II, С.-Пб. 1886 г.; Исторія Имп. Военно-Медицинской Академіи. С.-Пб. 1898 г., стр. 312, 313 и 323; А. И. Таренецкій. Каѳедра и музей нормальной анатоміи при Императ. Военно-Медицинской Академіи и пр. С. Пб. 1895 г., стр. 81. *Н. Кульбинъ.*

Петровъ (настоящая фамилія—Дебуаръ), *Егоръ Іосифовичъ*, актеръ, род. въ 1815 г., въ дворянской семьѣ, воспитывался въ I Кадетскомъ Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ въ Софійскій полкъ (16-го марта 1838 г.). Выйдя въ отставку, онъ вскорѣ, однако, вступилъ въ Корпусъ лѣсничихъ, но, чувствуя непреодолимое влеченіе къ театру, въ 1842 г. бросилъ службу, чтобы поступить на сцену. Однако, сперва ему пришлось занять мѣсто суфлера, но талантъ его вскорѣ обратилъ на него вниманіе, такъ что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ уже пользовался извѣстностью, какъ весьма талантливый исполнитель характерныхъ ролей. Поэтому, онъ рѣшился попробовать свои силы на столичной сценѣ, пріѣхалъ изъ Воронежа, гдѣ тогда игралъ, въ Петербургъ и 14-го декабря 1861 года дебютировалъ на Александринской сценѣ въ роли Большакова въ піесѣ Островскаго «Свои люди, сочтемся». Дебютъ прошелъ очень хорошо, и П. былъ принятъ въ составъ Петербургской драматической труппы. Однако, здѣсь не кончились его неудачи. Несмотря на довольно крупный талантъ, на прекрасное выполненіе многихъ характерныхъ ролей въ пьесахъ Островскаго, онъ все-таки не пошелъ далѣе второго плана. Видя, что въ Петербургѣ ему не выдвинуться, П. перешелъ на службу въ Москву (15-го мая 1863 года), ровно черезъ полтора года послѣ своего зачисленія въ составъ Императорской труппы. Москвичи приняли его хорошо, и въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ онъ былъ однимъ изъ крупныхъ и любимыхъ артистовъ московскаго драматическаго театра. Наиболѣе выдающимися его ролями были роли Большакова («Свои люди, сочтемся»), Жоржа Дорси («Гувернеръ») и Опольева («Старый баринъ»). Непринужденная и естественная игра артиста, прекрасно обрисовывавшая характеръ изображаемаго лица, всегда вызывала въ публикѣ живое вниманіе. Современные рецензенты московскихъ повременныхъ изданій также очень сочувственно отзывались о П. Наконецъ, пробывъ на сценѣ 30 лѣтъ, Петровъ 1-го іюля 1883 года, по собственному желанію, оставилъ службу и послѣдніе годы своей жизни болѣе уже не выступалъ на сценѣ. Спустя почти восемь лѣтъ, въ началѣ 1891 года Е І. Петровъ скончался въ Гатчинѣ, гдѣ поселился незадолго до смерти.

Архивъ Дирекціи Имп. театровъ, дѣло № 344 за 1861—1863 г.; «Ежегодникъ Императорскихъ театровъ» за 1890—1891 г., стр. 294, некрологъ. *Е. Ястребцевъ.*

Петровъ, *Иванъ*, казачій атаманъ, первый по времени русскій путешественникъ по Монголіи и Китаю. Европа не имѣла прежде возможности сноситься съ Китаемъ иначе, какъ по морю, ибо на сушѣ ее отдѣляла отъ него обширная Сибирь, въ то время малоизвѣстная. Даже Россія только тогда стала заводить сношенія съ Китаемъ, когда русскіе проникли въ Сибирь, то-есть въ царствованіе Іоанна Грознаго. По его повелѣнію въ 1567 году Иванъ Петровъ съ товарищемъ своимъ Бурнашемъ Елычевымъ, снабженные царскими граматами къ неизвѣстнымъ народамъ, впервые отправлены были въ Сибирь посмотрѣть неизвѣстныя страны. Перебравшись чрезъ Уралъ («Каменный поясъ»), путешественники добрались до Пекина и, побывавъ въ улусахъ Черной (Западной) и Желтой (Восточной) Монголіи, составили описаніе земель отъ Байкала до Корейскаго моря. Описаніе это для насъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ потому, что въ немъ заключаются первыя свѣдѣнія русскихъ о своемъ будущемъ сосѣдѣ, Описаніе это даетъ, однако, болѣе свѣдѣній о Монголіи, чѣмъ собственно о Китаѣ. Отличаясь нѣкоторою живостью въ описаніи и при томъ

*

вѣрностью и характеристичностью въ изображеніи нравовъ и жизни тѣхъ народовъ, съ которыми приходилось сталкиваться путешественникамъ, описаніе служило, несомнѣнно, предметомъ подражанія для составителей подобнаго рода путешествій. Что составителемъ его былъ Иванъ Петровъ, а не его товарищъ Елычевъ, ясно изъ самаго текста («а Бурнашъ Яковлевъ Елычевъ сказалъ мнѣ» и т. д.). Путешественникъ разсказываетъ и объ озерѣ Байкалѣ, по которому «на 7 дней ѣзду», въ объѣздъ же «на 12 дней ѣзду конемъ», перечисляетъ всѣхъ тѣхъ князей, чрезъ владѣнія которыхъ имъ пришлось ѣхать упоминаетъ и о женщинѣ, владѣющей Монголіей, «указывающей по всѣмъ городамъ» отъ нея они получили за ея печатью проѣздную грамату, благодаря которой они только и могли проникнуть въ Китай. Описываетъ путешественникъ и Великую стѣну, отдѣляющую собственно Китай и весьма ихъ изумившую, и китайскіе города за стѣною, и, что важно въ географическомъ отношеніи, точно обозначаетъ, сколько требуется дней для переѣзда изъ одной мѣстности въ другую. Описывая свой путь чрезъ Монголію, Ив. Петровъ попутно заносилъ въ свое описаніе вообще все, что привлекало ихъ вниманіе. Упоминаетъ онъ, напримѣръ, о городскихъ стѣнахъ со сводами въ воротахъ, «какъ у русскихъ градовъ», о кирпичныхъ палатахъ съ ихъ росписью въ видѣ различныхъ травъ и цвѣтовъ, которыя такъ понравились путешественникамъ, что «не хочется и вонъ идти». Останавливали ихъ вниманіе и храмы монгольскіе «клинчатые» (т. е. не имѣющіе на кровлѣ округлыхъ формъ) съ «невѣдомо какими» звѣрями на крышѣ вмѣсто крестовъ, и «болваны» (т. е. кумиры) съ протянутыми руками, какъ бы для поклона («какъ кланяются мунгальскіе люди»). Къ тому же Петровъ даетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о богослуженіи и пр. Но, разузнавая и все примѣчая, онъ не всему придаетъ вѣру. У монголъ, какъ онъ говоритъ, существуетъ два патріарха (кутухты), пользующихся у нихъ особымъ почтеніемъ (имъ «по ихъ вѣрѣ всѣ цари покланяются»), но тутъ же онъ не вѣритъ слуху, что такой кутухта умеръ, а чрезъ 5 лѣтъ ожилъ. «То враки, что умеръ, да опять ожилъ» говоритъ авторъ. Есть у Ив. Петрова свѣдѣнія и о монашествѣ, упоминаетъ онъ и о земледѣліи, о винодѣліи и пр. Увидя Великую Стѣну, путешественники, естественно, поинтересовались узнать и объ ея предназначеніи. Свѣдѣнія о китайскихъ городахъ, правда, не столь обширны, но и здѣсь мы находимъ очень интересныя данныя, напримѣръ, о сборщикахъ на храмъ, расхаживающихъ по рядамъ и позванивающихъ въ деревянные колокольчики, чтобы на нихъ обратили вниманіе. Разсказываетъ онъ и о городѣ—резиденціи самого царя Тайбуна, и о торговлѣ этого города. До богдыхана путешественники не были допущены за неимѣніемъ у нихъ подарковъ («поминокъ»). Послѣ посольства Петрова слѣдующее было отправлено въ 1618 году—Ив. Петелина (см.) и Пет. Казылова; въ 1654—1656 г.—посольство Ис. Байкова, своимъ упрямымъ характеромъ едва не обострившаго сношенія съ Китаемъ, въ 1675 году—посольство Ник. Спафарія, кажется перваго изъ русскихъ пословъ увидѣвшаго богдыхана. Торговыя сношенія съ Китаемъ завязались значительно позже только въ 1668 г. отправленъ былъ первый торговый русскій караванъ и, наконецъ, въ 1670 году впервые прибыли китайскіе купцы въ русскій городъ Нерчинскъ.

И. П. Сахаровъ. Сказанія русскаго народа, т. II (текстъ); Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго, т. IX, прим. 648; «Русскій Архивъ» 1879 г., № 6, стр. 145; П. В. Шумахеръ. Наши сношенія съ Китаемъ (съ 1567 по 1805 г.).

Н. Воронковъ.

Петровъ, *Иванъ*, иконописецъ; 22-го августа 7185 (1677) года, вмѣстѣ съ другими иконописцами, онъ писалъ въ Измайловскую церковь четырнадцать иконъ праотцовъ, а въ 7187 (1679) г. расписывалъ въ Ярославлѣ церковь Ильи пророка; о немъ же, вѣроятно, писалъ Петръ Великій въ письмѣ на имя князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, отъ 16-го октября 1703 г.: «Такъ же изволь прислать Івана Петрова въ Ладогу і с красками, писать нѣкоторую персону. Сие ізволь учинить с нарочнымъ посланнымъ, какъ возможно скоро». И въ томъ же году Ѳ. А. Головинъ писалъ къ дьякамъ Посольскаго Приказа: «Ивану

Петрову властно такой же образъ апостола Петра плачющей, что̀ писалъ напередъ сего, написать; велите также образъ Іоанна съ того, слово въ слово, каковъ стоитъ у меня, на Московскомъ дворѣ, въ большой палатѣ межъ дверми, что̀ въ малую палату и въ переходы здѣланы; и какъ напишетъ, о томъ мнѣ дайте чрезъ писмо вѣдать».

Д. А. Ровинскій. Исторія русскихъ школъ иконописанія; И. Е. Забѣлинъ. Перечень иконописныхъ и живописныхъ работъ московскихъ дворцовыхъ и городовыхъ мастеровъ XVII столѣтія; «Русскій Художественный Архивъ» 1894 г.; Письма и бумаги Петра Великаго, т. II.

А. Новицкій.

Петровъ, *Иванъ*, регентъ при дворѣ цесаревны Елисаветы Петровны, извѣстенъ по сыскному дѣлу, возникшему вслѣдствіе подозрѣнія о томъ, будто бы Елизавета Петровна замышляетъ занять престолъ. По какимъ уликамъ П. привлеченъ былъ къ дѣлу, остается неизвѣстнымъ. 17-го апрѣля 1735 г. императрицей Анной Іоанновной данъ былъ приказъ Ушакову: «дому ея высочества благовѣрной государыни цесаревны Елизаветы Петровны регента пѣвчаго Ивана П. взять въ Тайную Канцелярію, и какія въ квартирѣ его есть письма и тетради и книги скорописныя и уставныя—для разсмотрѣнія забрать въ Канцелярію». При арестѣ П. найдены были при немъ два «письма», первое—«о возведеніи на престолъ россійскія державы», второе—отрывокъ какого-то драматическаго произведенія, гдѣ упоминалась принцесса Лавра. Оба письма были препровождены на заключеніе Ѳеофану Прокоповичу, который не могъ ничего въ нихъ понять, отослалъ обратно и высказалъ мнѣніе о необходимости допросить П. о содержаніи ихъ. Анна Іоанновна приказала допросить П. подъ страхомъ смертной казни, чтобы онъ, не взирая на лица, открылъ все безъ утайки. П. показалъ, что первое письмо сочинено для прославленія императрицы, принцесса же Лавра во второмъ письмѣ есть вымышленное лицо. Послѣ этого 9-го мая того же года П. былъ выпущенъ на свободу, при чемъ ему запрещено было подъ страхомъ смертной казни разсказывать кому бы то ни было о допросѣ.

И. А. Чистовичъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время; Черта изъ жизни императрицы Елизаветы Петровны («Русск. Арх.» 1865). *К. Храневичъ.*

Петровъ, *Иванъ*, феноменальный счетчикъ, родился въ 1823 году въ дер. Разозино, Кологривскаго у. Костромской губ.; родители его были крѣпостными крестьянами помѣщицы Волтатисъ. Несмотря на свою неграмотность, П. еще въ самомъ раннемъ возрастѣ поражалъ своими способностями къ счету и рѣшенію задачъ. Въ 1834 году на него обратилъ вниманіе костромской губернаторъ, по предложенію котораго мальчикъ былъ подвергнутъ тщательному испытанію въ общемъ присутствіи Совѣта Костромской гимназіи. Результаты изслѣдованія поразили всѣхъ: въ часъ съ четвертью Петровъ рѣшилъ 12 задачъ, хотя онъ не зналъ никакой системы счисленія; среди этихъ задачъ была одна на неопредѣленныя уравненія съ двумя неизвѣстными, которая была рѣшена П. во всѣхъ 6-ти допускаемыхъ случаяхъ цѣлыхъ и положительныхъ рѣшеній. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Петрова испытывалъ профессоръ Д. М. Перевощиковъ, предложившій ему пять задачъ. Результаты этого изслѣдованія были еще болѣе поразительны: несложная задача на пропорціональное дѣленіе была рѣшена въ 30 секундъ, на вопросъ, сколько въ году секундъ онъ отвѣтилъ черезъ 3 минуты, задачу на квадратное уравненіе рѣшилъ въ 17 минутъ. Когда осенью того же года императоръ Николай I посѣтилъ Костромскую гимназію, то директоръ послѣдней представилъ ему П., сообщивъ о его феноменальныхъ математическихъ способностяхъ. Желая не дать имъ заглохнуть, императоръ распорядился, чтобы директоръ гимназіи взялъ мальчика къ себѣ на воспитаніе и обучалъ бы его чтенію, письму и языкамъ французскому и нѣмецкому, и чтобы обезпечить судьбу мальчика и на будущее время, приказалъ внести на его имя въ кредитное учрежденіе 1.000 рублей. Что сдѣлалось послѣ съ Петровымъ и какова была дальнѣйшая его судьба—неизвѣстно.

«Ученыя Записки Императорскаго Московскаго университета» 1834 г., ч. 4, № 12, стр. 608—610, ст. Отрокъ-математикъ; «Сѣверная Пчела» за 1834 г. № 236, ст. Русскій математическій геній, стр. 1—3; Энциклопедическій словарь, изд. Брокгауза и Ефрона, т. 23, ст. В. В. Бобынина, стр. 461—462; Физико-математическія науки за 1892 г., т. XI, стр. 8—15 и 51—57, ст. В. В. Бобынина: «Безсознательный счетъ въ его современныхъ проявленіяхъ и въ историческомъ прошломъ».

Петровъ, *Иванъ Андреевичъ*, директоръ С.-Петербургскаго Дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей, братъ друга Карамзина—А. А. Петрова (см. выше); происходилъ изъ дворянъ, былъ сыномъ коллежскаго ассесора и родился въ 1755 году. Уже 12 лѣтъ отъ роду П. поступилъ на службу и въ 1770 г. опредѣленъ былъ въ Сенатъ, въ Герольдію, гдѣ и пробылъ до 1802 г., будучи съ 1787 г. секретаремъ, а съ 1793 г. членомъ въ Герольдіи; въ 1796 г. П. занялъ мѣсто оберъ-секретаря въ 1-мъ Департаментѣ, а въ 1797—1801 г.—въ Общемъ Собраніи Сената; кромѣ того, въ 1798 г. онъ управлялъ Сенатскимъ казначействомъ. 3-го сентября 1801 г. П. получилъ чинъ статскаго совѣтника, а 25-го февраля вышелъ въ отставку. Въ 1816 г. (1-го августа), при образованіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Попечительнаго о бѣдныхъ комитета; 10-го апрѣля 1819 г. П. опредѣленъ былъ первымъ по времени директоромъ С.-Петербургскаго Дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей (нынѣ Гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества), для котораго имъ же былъ составленъ и проектъ устава. Въ 1821 г. П. пожертвовалъ въ библіотеку Дома рукописный свой трудъ подъ заглавіемъ «Свѣтъ религіи и мракъ разума». Занимая одновременно съ должностью директора Дома должность Предсѣдателя Попечительнаго Комитета и будучи съ 27-го сентября 1819 г. Директоромъ Комитета Россійскаго Библейскаго Общества, Петровъ умеръ 11-го декабря 1824 года въ чинѣ статскаго совѣтника.

Формулярный списокъ въ Сенатскомъ Архивѣ (форм. списки 1820 г., № 83, л. 24—26); Семидесятипятилѣтіе Гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. С.-Пб. 1898, стр. 2, 3, 5 и 203 и прилож., стр. 13 и 24; Письма Карамзина къ Дмитріеву. С.-Пб. 1886, стр. 35.

Б. Львовъ.

Петровъ, *Иванъ Ивановичъ*, подполковникъ корпуса морскихъ штурмановъ, писатель; родился въ 1824 году, воспитывался въ Корпусѣ флотскихъ штурмановъ и по окончаніи здѣсь курса въ апрѣлѣ 1843 года, былъ выпущенъ въ офицеры; оставаясь на морской службѣ, П. сталъ слушать лекціи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, избравъ себѣ спеціальнымъ предметомъ исторію. Въ октябрѣ 1844 года не смотря на свои лѣта, онъ былъ приглашенъ въ качествѣ преподавателя исторіи въ старшихъ классахъ Штурманскаго училища. Въ то время такой преподаватель, какъ Петровъ, являлся рѣдкимъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ. Слѣдя за разработкою и развитіемъ исторической науки, П. поглощалъ все, что только появлялось новаго по его спеціальности и къ каждой новой лекціи добросовѣстно подготовлялся, какъ къ экзамену. Вотъ почему его лекціи съ глубокимъ вниманіемъ слушались воспитанниками, проникнутыми глубокимъ уваженіемъ къ молодому талантливому педагогу. П. умѣлъ очень тактично держать себя съ воспитанниками, въ отношеніи къ которымъ онъ представлялъ собою старшаго товарища, доступнаго, мягкаго и справедливаго. Конечно, такое отношеніе не могло не имѣть своихъ плодотворныхъ результатовъ. Въ то время въ корпусѣ, какъ и вездѣ, образованіе шло по старымъ руководствамъ, что очень не нравилось Петрову, и онъ рѣшился переломить укоренившійся порядокъ преподаванія. Явившись къ директору корпуса вице-адмиралу А. К. Давыдову, П. изложилъ ему свои взгляды на неправильность веденіи занятій и предложилъ ему перемѣнить ихъ, введя настоящія лекціи. Давыдовъ уступилъ Петрову, но не выразилъ надежды на благотворные результаты новыхъ занятій. Цѣлый годъ П. читалъ лекціи по составленной и выработанной имъ самимъ программѣ и такъ увлекалъ и учениковъ, и директора, и преподавателей, что многіе изъ послѣднихъ прибѣгли къ тому же способу. Присутствуя часто на лекціяхъ П. и, наконецъ, убѣдясь въ благотворныхъ результатахъ, имъ достигнутыхъ, Давыдовъ былъ очень доволенъ Петровымъ, въ особенности, когда на выпускныхъ экзаменахъ онъ убѣдился въ подъемѣ какъ спеціальнаго, такъ и общаго образованія въ Корпусѣ. Такъ успѣшно шли занятія П. до 1853 года. Между тѣмъ, племяннику одного высокопоставленнаго лица для его служебной карьеры понадобилось занять на 2 года мѣсто Петрова, и послѣднему было предложено остаться преподавателемъ въ младшихъ классахъ корпуса. Боясь, что подобная перемѣна можетъ обидѣть

Петрова и заставить его уйти изъ корпуса, Давыдовъ, не желая лишиться выдающагося лектора и не имѣя возможности отказать высшимъ властямъ, предложилъ П. на новомъ положеніи удвоенное содержаніе. Уступка Петрова требовалась единственно потому, что преподаватель старшихъ классовъ полагался по табели въ VIII классѣ, а младшихъ — въ XII. Однако, П. оставилъ преподаваніе въ Штурманскомъ корпусѣ. Между тѣмъ, въ томъ же 1853 году началась война, и это обстоятельство дало Петрову возможность принять участіе въ той кипучей дѣятельности, которую онъ всегда такъ любилъ. Съ увлеченіемъ занялся онъ сформированіемъ и обученіемъ ополченцевъ Балтійской гребной флотиліи для защиты Финскаго побережья. Эта энергичная дѣятельность Петрова, давшая самые блестящіе результаты, была отмѣчена начальствомъ и поставила его въ ряды выдающихся и полезнѣйшихъ флотскихъ офицеровъ. Въ 1855 году П. былъ перечисленъ въ Каспійскую флотилію и назначенъ адъютантомъ при главномъ командирѣ Астраханскаго порта контръ-адмиралѣ Р. Г. Машинѣ, а въ 1858 году получилъ порученіе произвести изслѣдованіе Петровскаго рейда. Въ качествѣ начальника промѣрной партіи, Петровъ отправился на работу и блестяще выполнилъ возложенное на него порученіе. Въ 1859 году, въ качествѣ начальника промѣрнаго отдѣленія, онъ принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціи, назначенной для описанія и промѣра Каспійскаго моря и въ этой экспедиціи былъ самымъ выдающимся дѣятелемъ. Производя изслѣдованія устьевъ Волги, онъ убѣдился въ томъ, что Астраханскій портъ не всегда доступенъ даже и для мелкосидящихъ судовъ, а потому и не удовлетворяетъ своему назначенію важнаго торговаго порта, между тѣмъ какъ Баку имѣетъ для таковой же цѣли всѣ шансы на преимущество. Не смотря на встрѣченный протестъ со стороны непосредственнаго начальства, онъ первый поднялъ въ морской литературѣ вопросъ о перенесеніи Астраханскаго порта въ Баку. Статья его, помѣщенная въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» 1862 (№ 69) подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ объ Астраханскомъ портѣ», надѣлала много шуму въ морскомъ мірѣ и породила страшный переполохъ въ Астрахани. Цѣлый рядъ статей, напечатанныхъ въ «Морскомъ Сборникѣ», былъ отвѣтомъ на его статью, при чемъ нѣкоторые раздѣляли взглядъ Петрова, а нѣкоторые рѣзко опровергали его. Между тѣмъ, Морское Министерство вскорѣ пришло къ тому же убѣжденію, котораго держался Петровъ,—и портъ былъ перенесенъ. По окончаніи работъ въ Каспійскомъ морѣ, П. въ 1864 году былъ опять перечисленъ въ Балтійскій флотъ съ назначеніемъ правителемъ канцеляріи по постройкѣ новыхъ доковъ въ Кронштадтѣ. До вступленія въ обязанности новой своей службы онъ писалъ отчеты о своихъ Каспійскихъ экспедиціяхъ въ дополненіе къ труду: «Кое что о Каспіи», напечатанному въ 1863 году. Теперь, вступая въ новыя обязанности правителя канцеляріи, онъ всецѣло занялся имъ со своейственною ему страстностью. Но на первыхъ же порахъ ему пришлось перенести полное разочарованіе: ему, какъ честному человѣку, пришлось съ первыхъ же дней дѣятельности бороться съ различными затрудненіями. Злоупотребленія дѣлались кругомъ, и много нужно было имѣть силы и наблюдательности, чтобы бороться съ ними. Отстаивая упорно интересы казны и требуя добросовѣстной исполнительности, онъ вовлекался въ споры и препирательства съ нѣкоторыми лицами, занимавшими видные посты въ Министерствѣ; видя свое безсиліе противъ того, что творилось вокругъ подъ наблюденіемъ начальства, сквозь пальцы смотрѣвшаго на всѣ злоупотребленія, онъ нравственно страдалъ и наконецъ, по болѣзни, оставилъ службу въ 1872 году въ чинѣ подполковника. Такъ закончилась служба П. и началась его новая, не менѣе полезная общественная дѣятельность. Теперь П. посвятилъ свои силы преимущественно литературной дѣятельности, касавшейся морскихъ вопросовъ, но въ то же время не былъ чуждъ и общественныхъ интересовъ и предпріятій. Такъ, напримѣръ, совершенно частнымъ образомъ онъ произвелъ предварительныя изысканія по устройству Либавскаго порта, принималъ участіе въ образованіи и трудахъ Гольдингенскаго братства, хлопоталъ объ учрежденіи эсто-латышскихъ школъ и о под-

нятіи русскаго вліянія въ Прибалтійскомъ краѣ. До 1858 года П. былъ западникомъ, но, съ учрежденіемъ въ Москвѣ Славянскаго комитета, въ его убѣжденіяхъ произошелъ поворотъ, и онъ сдѣлался славянофиломъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Когда, послѣ этнографической выставки въ Москвѣ въ 1867 году, послѣ съѣзда славянскихъ гостей въ Москву и пріема ихъ въ Петербургѣ, было положено начало Петербургскому Отдѣлу Славянскаго Комитета, — въ числѣ основателей его былъ и П., который съ 1875 года, т.-е. съ момента Герцоговинскаго возстанія, впродолженіи всего 1876 и 1877 годовъ посвятилъ себя всецѣло дѣятельности комитета. И тутъ П. самоотверженно служилъ дѣлу, а не лицамъ, и потому въ весьма непродолжительномъ времени у него появились среди сочленовъ сильные враги, старавшіеся мѣшать ему. Послѣдніе годы жизни своей П. посвятилъ на кропотливый и тяжелый трудъ, и въ 1875 году вышла въ свѣтъ его книга: «Указатель статей Морского Сборника» за 1848—1873 г.,«а въ 1881 году, въ дополненіе къ предыдущему изданію, имъ былъ составленъ «Руководящій указатель статей повременныхъ морскихъ изданій предшествовавшихъ «Морскому Сборнику». Эти два капитальные труда явились особенно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ литературномъ мірѣ и никогда не потеряютъ своего значенія. Въ послѣдніе дни жизни, когда онъ, уже совершенно больной, не могъ заниматься своимъ обычнымъ дѣломъ, Петрова часто навѣщалъ М. Г. Черняевъ. Скончался П. въ С.-Петербургѣ 23-го іюля 1883 года. Кромѣ указанныхъ выше, П. принадлежатъ статьи: «Кое что о Каспіи» — въ «Морскомъ Сборникѣ» 1863 г., т. LXIV, кн. 5 (были и отд. оттиски) и «По поводу книги «Морской Альманахъ» —въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» 1870 г., № 65, 67 и 68.

«Кронштадтскій Вѣстникъ» 1862 г., № 69; 1870 г., №№ 65, 67, 68; «Морской Сборникъ» 1863, т. LXIV и LXIV; «Указатель статей «Морского Сборника», С.-Пб. 1872; «Указатель статей повременныхъ морскихъ изданій до «Морскаго Сборника», С.-Пб. 1881 г.; Словарь Брокгауза, т. XXIII, стр. 462; «Русь» 1883, № 15и 17; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. III; «Русская Старина» 1880 г., т. XXVIII, стр. 593, 601; 1888, т. LVIII, стр. 420.

Б. Таиѣевъ.

Петровъ, *Иванъ Ивановичъ*, литераторъ, секретарь и отвѣтственный редакторъ журналовъ «Артистъ» и «Дневникъ Артиста»; родился въ Петербургѣ 15-го января 1861 года. Воспитаніе получилъ въ Кронштадтскомъ Техническомъ Училищѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1880 году былъ произведенъ въ подпоручики и около четырехъ лѣтъ прослужилъ въ корпусѣ морской артиллеріи. Слабое здоровье не позволило ему дольше оставаться въ военной службѣ, да и призваніе его было не то, поэтому въ 1884 году, въ чинѣ поручика, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя литературѣ. Сначала онъ принималъ участіе въ трудахъ по изданію книгъ фирмою «Посредникъ», потомъ, относясь всегда съ глубокою любовью къ изданіямъ для народа, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до лѣта 1890 года редактировалъ изданіе народныхъ книгъ фирмы Сытина. Его широкое знаніе быта, вкусовъ и духовныхъ потребностей народа принесли большую пользу въ этомъ трудномъ дѣлѣ. Страдая нервнымъ разстройствомъ, И. И. Петровъ началъ лѣчиться водяными душами, но однажды простудился въ водолѣчебницѣ, и это имѣло роковыя послѣдствія: у него начала развиваться чахотка, тѣмъ болѣе, что организмъ его былъ предрасположенъ къ этой болѣзни. Лѣтомъ 1890 года П. занялъ мѣсто секретаря редакціи журнала «Артистъ», а черезъ годъ, въ іюнѣ 1891 года, когда отвѣтственный редакторъ этого журнала А. Р. Гиппіусъ былъ назначенъ городскимъ мировымъ судьей и потому долженъ былъ оставить редактированіе журнала, былъ утвержденъ въ званіи оффиціальнаго редактора какъ «Артиста» такъ и «Дневника Артиста» и другихъ изданій, выходившихъ вмѣстѣ съ журналомъ «Артистъ». Лѣто 1891 года П. провелъ въ деревнѣ, гдѣ съ успѣхомъ лѣчился кумысомъ, но по пріѣздѣ въ городъ онъ нѣсколько разъ простужался, и горловая чахотка быстро перешла въ туберкулезъ легкихъ. Весной 1892 года уже очевидно было, что дни жизни его сочтены, но онъ работалъ, можно сказать, до послѣдней минуты. Еще за нѣсколько часовъ до смерти онъ подписалъ составленный имъ самимъ отчетъ по конторѣ за послѣдній отчет-

ный сезонный годъ изданія. Это было 15-го мая 1892 года, а черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался. Тѣло его погребено на Ваганьковскомъ кладбищѣ.

«Московская Иллюстрированная Газета» 1892 г., 18-го мая, № 136 (некрологъ); «Дневникъ Артиста» 1892 г., № 3, іюнь, стр. 69.

Е. Ястребцевъ.

Петровъ, *Иванъ Матѳеевичъ*, поэтъ, писатель; въ 1825—1826 г. онъ былъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, помощникомъ коммиссіонера по развозу соли при Енисейской Казенной Палатѣ и проживалъ въ г. Красноярскѣ, а съ 1827 г. занялъ мѣсто ассессора въ Енисейской Казенной Палатѣ и въ 1829 г. получилъ чинъ титулярнаго совѣтника. Тяготясь службою въ Сибири, П. въ 1833 г. перешелъ въ Харьковскую Казенную Палату, гдѣ получилъ мѣсто губернскаго казначея; въ 1836 г. Петровъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени (24-го октября) и въ концѣ 1837 г. получилъ назначеніе на должность директора училищъ Бессарабской области; однако, уже въ 1838 году онъ скончался.

Начавъ свои стихотворные опыты въ 1823 году, П. уже въ 1824 г. появился въ печати; такъ, въ «Новостяхъ литературы» за этотъ годъ онъ помѣстилъ свои піесы: «Знакомый геній», «Къ красавицѣ», «Бардъ», «Младенецъ и бабочка», «Къ фантазіи» и «Къ листочку». Въ концѣ 1827 г. вышелъ «Енисейскій альманахъ на 1828 г. Ивана Петрова» (Красноярскъ, печатанъ въ Москвѣ, въ типографіи С. Селивановскаго 128 + 92 стр., съ гравированными: титульнымъ листомъ, двумя картинками и листкомъ нотъ); здѣсь въ отдѣлѣ прозы П. помѣстилъ свою повѣсть «Память сердца» (стр. 121—126) и піеску «Юность» (стр. 127—128), а въ отдѣлѣ поэзіи—стихотворенія: «Къ красавицѣ, поднесшей пріятное вино (подражаніе Арабскому)», «Картина изъ временъ завоеванія Сибири», «Ночь на Енисеѣ», «Волшебная арфа», «Радуга», «Усладъ», (баллада), «Моя родина», «Дѣва» и, сверхъ того, всѣ тѣ піесы, которыя были напечатаны въ «Новостяхъ литературы». Кромѣ того, до возвращенія въ Россію, П. помѣщалъ свои стихотворенія въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828 г., ч. X, стр. 8: «Вечернее волнованье»), въ «Галатеѣ» (1829 г., ч. VII, стр. 196: «Къ Енисею»), въ «Телескопѣ» (1831 г., ч. IV, стр. 76: «Надежда») и въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ «Русскому Инвалиду» 1831 г. (стих.: «Ночь» въ № 21, «Отрывокъ изъ поэмы «Князь Андрей Переяславскій» въ № 53, «Марьины цвѣты» въ № 101) и 1832 г. («Пляска мертвецовъ, баллада, изъ Гёте», въ № 10; «Нищета и богатство, апологическій разсказъ», въ стихахъ, въ № 12; «Русская пѣсня» въ № 48; «Трудное изображеніе» въ № 61; «Гаданіе тунгусовъ» въ № 63 и «Могущество красоты» въ № 72). По переселеніи изъ Сибири, П. въ 1833 г. собралъ свои піесы и напечаталъ ихъ въ брошюркѣ подъ заглавіемъ: «Стихотворенія И. Петрова» (М. 1833 г., 4 нен. + 46 + II нен. стр.; два изданія; здѣсь, между прочимъ, есть переводъ изъ Шиллера). Въ томъ же 1833 г. П. издалъ въ Москвѣ и Харьковѣ изящный альманахъ «Утренняя звѣзда. Собраніе статей въ стихахъ и прозѣ», въ двухъ частяхъ съ видомъ Харькова и портретомъ Г. С. Сковороды; въ 1-й части помѣщены были произведенія на русскомъ языкѣ О. М. Сомова, И. И. Срезневскаго, П. И. Иноземцева и самого издателя (стихотворенія: «Могущество красоты», подражаніе арабскому; «Завѣтное кольцо, русская пѣсня» и «Гаданіе тунгусовъ, сѣверная сцена»), а во 2-й—піесы на малороссійскомъ языкѣ Гр. Ѳ. Квитки, И. И. Срезневскаго. Е. П. Гребенки и И. П. Котляревскаго.

Проживая въ Харьковѣ, П. сблизился со многими мѣстными писателями, напр., съ И. И. Срезневскимъ, В. В. Пассекомъ и др. Онъ же, несомнѣнно, былъ авторомъ «Повѣстей Пустынника Залопанскаго, изданныхъ Иваномъ Петровымъ» въ Харьковѣ, въ 1837 г. (одна повѣсть: «Золотой Самородокъ (Разсказъ Сибиряка)», посвященная Г. Ѳ. Квиткѣ и подписанная «Пустынникъ Залопанскій. Харьковъ», была помѣщена въ «Телескопѣ» 1834 г., ч. XX, № 9, стр. 42—58).

Адресъ-календари 1825—1838; Архивъ Капитула орденовъ (свѣдѣніе о смерти П.); «Русская Старина» 1892 г., т. LXXIV, стр. 580 (письмо П. къ гр. Д. И. Хвостову) и 1893 г., т. LXXVIII, стр. 382 (въ статьѣ В. И. Срезневскаго: письмо П. къ И. И. Срезневскому) и т. LXXIX, стр. 550, 554, 555 и 558; В. И. Срезневскій. Изъ пер-

выхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго, С.-Пб. 1898 г., стр. 9 и 12; «Московскія Вѣдомости» 1833 г., № 55, стр. 2467—2468; «Московскій Вѣстникъ» 1828 г., ч. VII, № 3, стр. 326—331. (рец. на «Енисейскій альманахъ»). *Б. Модзалевскій.*

Петровъ, *Иванъ Матвѣевичъ*, генералъ-маіоръ; произведенный въ прапорщики Псковскаго гарнизоннаго батальона въ 1798 г., онъ въ 1799 г. былъ въ Швейцарскомъ походѣ, съ 1802 до 1806 г. служилъ въ Елецкомъ пѣх. полку, а 30-го января 1808 г. былъ, съ чиномъ маіора, переведенъ въ Гренадерскій графа Аракчеева полкъ, съ которымъ принималъ участіе въ дѣлахъ противъ французовъ въ 1812—1814 г. Въ кампаніи 1807 г. П. былъ награжденъ золотымъ знакомъ за Прейсишъ-Эйлау, а въ 1812 году, за отличіе въ сраженіи наканунѣ Бородинскаго боя (25-го августа), орденомъ св. Владиміра 4-й ст.; въ 1813 г. получилъ прусскій орденъ «pour le mérite» (за Люценскій бой), орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ (за сраженіе у дер. Кёнигсвартъ), золотую шпагу съ надписью «за храбрость», выказанную подъ Лейпцигомъ, а 15-го сентября—орденъ св. Анны 2-й ст.; кромѣ того, 1-го іюня за отличіе онъ былъ произведенъ въ подполковники, а за сраженіе при Кульмѣ — въ полковники (18-го августа 1813 г.). Въ 1814 г. П. былъ при взятіи Парижа, при чемъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени. Произведенный 19-го марта 1820 г. въ генералъ-маіоры тяжелой инфантеріи, П. въ 1822 г. былъ бригаднымъ командиромъ 2-й поселенной бригады той же дивизіи, получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., затѣмъ былъ бригаднымъ начальникомъ 1-й гренадерской дивизіи, 22-го августа 1826 г. получилъ орденъ св. Анны 1 ст. съ алмазами и въ 1828 г. былъ бригаднымъ командиромъ той же дивизіи. Петровъ умеръ 23-го апрѣля 1835 г.

Списки генералитету по старшинству 1820—1828 г.; Архивъ Капитула орденовъ; Б. Я. Княжнинъ. Біографіи штабъ и оберъ-офицеровъ гренадерскаго графа Аракчеева полка, s. l. et a., стр. 38, 40, 50, 64, 67, 71, 73, 77, 80, 97.

Петровъ, *Иванъ Петровичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, археографъ, род. въ 1818 г., ум. 1-го января 1887 г. въ Петербургѣ. П. началъ службу въ 1836 г. лѣкарскимъ ученикомъ въ Кронштадтскомъ Морскомъ госпиталѣ, гдѣ находился до 1847 г., когда перешелъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія; затѣмъ П. служилъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, въ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и въ Канцеляріи Комитета министровъ, исполняя обязанности помощника врача. П. состоялъ также Директоромъ Попечительнаго о тюрьмахъ комитета и членомъ-сотрудникомъ Археографической Коммиссіи. При содѣйствіи И. П. Петрова былъ изданъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности — «Остромирово Евангеліе».

«Новое Время» 1887 г., № 3897; «Всемірная Иллюстрація» 1887 г., № 4; «Всеобщій календарь» Г. Гоппе на 1888 г., стр. 521; «Правительств. Вѣстникъ» 1887 г, № 2.

Ив. Давидовичъ.

Петровъ, *Илья*, граверъ на мѣди второй половины XVIII и начала XIX вѣка. Онъ гравировалъ грудные профильные портреты Павла I и императрицы Маріи Ѳеодоровны, оба съ французскихъ оригиналовъ и съ французскими подписями (1777 г.); конные портреты, въ ростъ, графа П. А. Румянцова-Задунайскаго, В. Н. Татищева и князя Потемкина-Таврическаго, съ гравюры Брише (1789 г.); трехлистовую картинку: «Взятіе крѣпости Бендеры, 9-го ноября 1789 г.» (1809), и двухлистовую картинку «Взятіе Очакова» съ помѣтами: «Гра. Илья Петровъ» и «І. П.» (1810 г.).

Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. С.-Пб. 1881 г.; его же. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. С.-Пб. 1889 г.; его же. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв. т. II. С.-Пб. 1895 г.

Петровъ, *Исидоръ Петровичъ*, протопресвитеръ Московскаго Благовѣщенскаго собора, членъ Св. Синода и духовникъ императоровъ Павла I и Александра I; о происхожденіи и образованіи его свѣдѣній не имѣется. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ изъ неученыхъ; одни говорятъ, что онъ былъ полковымъ священникомъ въ с. Медвѣдѣ, Новгородской губ., другіе мѣстомъ служенія его называютъ Москву, но только всѣ согласно утверждаютъ, что онъ былъ прекраснымъ проповѣдникомъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе наслѣдника цесаревича Павла Петровича, призвавшаго его къ служенію

къ новопостроенной въ Гатчинѣ въ началѣ 1780 годовъ придворной Троицкой церкви (извѣстно «Слово» священника Петрова «на обновленіе храма», произнесенное въ 1787 г.). Священникъ Петровъ, служа въ Гатчинѣ, былъ вмѣстѣ и духовникомъ наслѣдника и всего его семейства; наслѣдникъ «былъ весьма доволенъ рачительнымъ званія исполненіемъ и поведеніемъ благонравнымъ о. Исидора» и въ ноябрѣ 1792 г., по его желанію, свящ. Петровъ произведенъ въ санъ протопресвитера. Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, протопресвитеръ Петровъ сдѣлался (16-го ноября 1796 г.) духовникомъ Ихъ Величества и членомъ Св. Синода, а съ 19-го ноября—и протопресвитеромъ Московскаго Благовѣщенскаго собора (ему первому присвоено званіе протопресвитера). Почти одновременно онъ осыпанъ былъ монаршими милостями; такъ, ему въ 1796—1798 гг. были пожалованы: наперсный крестъ на голубой лентѣ, орденъ св. Анны 2-й и 1-й ст. съ бриллiантовою звѣздой, орденъ Іоанна Іерусалимскаго и митра. По его ходатайству, обновлена была живопись и все внутреннее убранство Благовѣщенскаго собора въ 1801 г.; съ конца 1801 г. онъ началъ прихварывать и 1-го октября 1805 г. скончался; погребенъ въ Невской лаврѣ.

Историко-статистич. описаніе С.-Петербургской епархіи, т. VIII, стр. 387; А. И. Чистовичъ. «Руководящіе дѣятели духовнаго просвѣщенія», стр. 145—6; дѣла Архива Св. Синода 1795 г., № 1; 1796 г., № 112; 1801 г., №№ 468 и 827; канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода, № 2992. *К. Здравомысловъ.*

Петровъ, *Марко*, граверъ на мѣди. Въ 1703 г., будучи ученикомъ граверная дѣла у Ѳедора Никитина, онъ гравировалъ вмѣстѣ съ нимъ «Ариѳметику» Кипріанова, на шести листахъ.

Д. А. Ровинскій. Русскія народныя картинки. С.-Пб. 1881 г.; его же. Словарь русскихъ граверовъ. Т. II. С.-Пб. 1895 г. *А. Новицкій.*

Петровъ, *Митрофанъ*, врачъ, практиковалъ въ Москвѣ въ 1681 г., въ царствованіе царя Ѳеодора Алексѣевича; онъ имѣлъ учениковъ.

В. М. Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи ч. II. Москва. 1820 г., стр. 321; В. Верекундовъ. Историческій очеркъ каѳедры діагностики и пр. С.-Пб. 1898 г. стр. 1. *Н. Кульбинъ.*

Петровъ, *Михаилъ Матвѣевичъ*, полковникъ, участникъ Отечественной войны 1812 года; происходилъ изъ дворянъ Воронежской губ., род. въ 1780 г., ум. 25-го мая 1858 г. въ деревнѣ Петровской, Воронежскаго у., погребенъ въ Воронежѣ. Начавъ, послѣ домашняго образованія, службу сержантомъ въ Смоленскомъ мушкетерскомъ полку, въ 1797 г., П. въ слѣдующемъ году получилъ чинъ прапорщика, въ 1801 г. былъ переведенъ въ Елецкій мушкетерскій полкъ, расположенный въ Нарвѣ и Ямбургѣ; въ 1808 г. онъ былъ произведенъ въ капитаны и въ томъ же году переведенъ въ гренадерскій графа Аракчеева полкъ, стоявшій въ Петербургѣ, откуда въ 1810 г. поступилъ въ 1-й Егерскій полкъ. Въ 1811 г. П. по экзамену получилъ маіорскій чинъ, а слѣдующіе—подполковничій и полковничій чины получилъ въ 1814 г. за отличія, оказанныя въ сраженіяхъ противъ французовъ во время Отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 годовъ. Впродолженіе своей многолѣтней военной службы П. участвовалъ въ 68 общихъ сраженіяхъ (не считая частныхъ) въ войнахъ: 1805 и 1806 годовъ противъ французовъ, въ 1808 г. съ 22-го августа по 9-е октября—при защитѣ Балтійскаго порта, въ Турецкой кампаніи и кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 гг. Между прочимъ, онъ находился въ достопамятныхъ дѣлахъ при Прейсишъ-Эйлау, Фридландѣ, Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Монмартрѣ. За свои подвиги П. былъ награжденъ орденами: св. Владиміра 3-й степ., св. Георгія 4-й степ. за храбрость, св. Анны 2-го класса съ алмазными украшеніями; получилъ золотую шпагу съ надписью: «за храбрость», золотой крестъ за Прейсишъ-Эйлау и медаль 1812 и 1814 гг. Выйдя около 1816 г. въ отставку, П. жилъ въ своемъ имѣніи около Воронежа и съ любовью и энергіей занимался устройствомъ и нравственнымъ развитіемъ своихъ крестьянъ; онъ самъ училъ ихъ грамотѣ и объяснялъ различные явленія природы. Послѣ П. остались «Записки», написанныя имъ въ 1840 году и заключающія въ себѣ автобіографическія свѣдѣнія и воспоминанія о Германіи. Выдержки изъ этихъ записокъ приведены въ статьѣ М. Ѳ. де-Пуле въ «Воронежской Бесѣдѣ» на 1861 г., стр. 78—127.

«Воронежскія Губ. Вѣдомости» 1858 г., № 23, часть неоффиціальная; «Воронежская Бесѣда» на 1861 г., стр. 78—127. *И. Марченко.*

Петровъ, *Михаилъ Назарьевичъ*, профессоръ Харьковскаго Университета, историкъ; род. въ Вильнѣ 3-го ноября 1826 г., умеръ въ Харьковѣ 24-го января 1887 г. Отецъ его былъ новокрещеный мордвинъ; воспитывался Петровъ въ Виленской Гимназіи, по окончаніи въ которой курса Попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа отправленъ былъ на казенный счетъ въ Харьковскій Университетъ. Поступивъ въ 1844 году на словесный (нынѣ историко-филологическій) факультетъ, Петровъ имѣлъ возможность слушать весьма дѣльныхъ профессоровъ—Валицкаго (читалъ греческій языкъ), Рославскаго-Петровскаго (преподавалъ всеобщую исторію), Зернина (читалъ русскую исторію) и И. И. Срезневскаго. Наибольшее вліяніе на него имѣлъ Рославскій Петровскій, преемникъ по каѳедрѣ блестящаго историка Лунина. Лунинъ былъ для Харьковскаго Университета тѣмъ, чѣмъ Грановскій для Московскаго: художественное направленіе въ исторіи нашло себѣ въ немъ талантливаго выразителя. Въ то время вообще придавали огромное значеніе формѣ изложенія, нерѣдко даже въ ущербъ содержанію. Отсюда господство реторики, которая была даже предметомъ факультетскаго преподаванія съ первыхъ годовъ существованія Харьковскаго Университета, со временъ знаменитаго Рижскаго. Иные все свое преподаваніе сводили къ реторическому, напыщенному стилю и имъ старались прикрыть скудость своихъ познаній; таковъ былъ, напримѣръ, Гулакъ-Артемовскій. Лунинъ соединялъ художественность формы съ научностью содержанія. Рославскому-Петровскому съ трудомъ давалась красивая форма, и онъ долженъ былъ добывать ее цѣною тяжкихъ усилій. Были и такіе, которые вовсе отказывались отъ этой неблагодарной задачи и старались восполнить недостатки изложенія богатствомъ содержанія. Таковъ былъ Зернинъ. Петровъ, очевидно, желалъ пойти по слѣдамъ своихъ учителей и сдѣлаться преимущественно историкомъ цивилизаціи, каковымъ былъ Лунинъ и Рославскій-Петровскій. Это желаніе выразилось уже въ выборѣ темы для его кандидатской диссертаціи: онъ представилъ сочиненіе «Цивилизація галло-франковъ во времена Меровинговъ», основанное на лучшихъ пособіяхъ французской художественной школы (Тьерри, Гизо); оно осталось ненапечатаннымъ. Свою ученую дѣятельность Михаилъ Назарьевичъ началъ работой, въ которой ярко выразилась сильная сторона его таланта—исторической характеристикой Людовика XI; («О характерѣ государственной дѣятельности Людовика XI», неизд.), этотъ родъ сочиненій ему наиболѣе удавался, ибо онъ соотвѣтствовалъ и его вкусамъ, и его способностямъ. Впослѣдствіи (въ 1868 г.) онъ издалъ цѣлую книгу («Очерки изъ всеобщей исторіи», Харьковъ; то-же, изд. 2-е подъ загл.: «Изъ всемірной исторіи», Харьковъ. 1882), заключающую въ себѣ блестящія характеристики различныхъ историческихъ лицъ и событій (Мохаммедъ, Евангеліе въ исторіи, Томасъ Мюнцеръ, Филиппъ II и др.). Она имѣла значительный успѣхъ въ публикѣ и среди учащагося юношества, такъ что въ 1882 г. понадобилось выпустить 2-е изданіе ея. И успѣхъ былъ вполнѣ заслуженъ авторомъ: книга написана такъ, какъ нужно писать для большой публики—популярно, но съ знаніемъ дѣла и въ высшей степени изящно и красиво; очерки Михаила Назарьевича напоминаютъ знаменитыя историческія характеристики Грановскаго. Изъ спеціальныхъ ученыхъ трудовъ Петрова слѣдуетъ отмѣтить его докторскую диссертацію «Новѣйшая національная исторіографія въ Германіи, Англіи и Франціи», вышедшую въ 1861 году въ Харьковѣ. Она явилась результатомъ его заграничной командировки и отражаетъ въ себѣ извѣстныя намъ уже свойства историческаго таланта автора: здѣсь мы находимъ весьма удачныя характеристики историковъ—Маколея, Ранке, Гизо и др., прекрасное живое изложеніе. Заграничное путешествіе имѣло чрезвычайно полезное вліяніе на М. Н. Петрова: оно открыло передъ нимъ широкіе горизонты европейской исторіографіи, познакомило его съ нѣмецкой исторической школой, завоевавшей тогда уже первое мѣсто, и сгладило односторонность его прежняго увлеченія французскими историками. Все это должно было благотворно отразиться на

преподавательской дѣятельности Михаила Назарьевича, которой онъ придавалъ огромное значеніе. Въ первые годы своей профессуры Петровъ не обладалъ еще широкой эрудиціей въ области историческихъ наукъ, и его лекціи отличались, повидимому, такимъ же реторическимъ характеромъ, какъ и курсы его бывшаго руководителя Рославскаго-Петровскаго. Но вернувшись изъ за-граничной командировки и защитивъ докторскую диссертацію, онъ обратилъ всю свою энергію на составленіе спеціальныхъ и общихъ курсовъ. Такъ мало-по-малу и выработались тѣ «Лекціи по всемірной исторіи», которыя были изданы по смерти его (Харьковъ. 1888—1890 г., 4 тома) и которыя составляютъ въ настоящее время образцовое пособіе для студентовъ и преподавателей гимназій. Изданіе это, какъ извѣстно, было редактировано бывшимъ товарищемъ по каѳедрѣ покойнаго, проф. В. К. Надлеромъ и учениками Михаила Назарьевича, проф. В. П. Бузескуломъ и А. Н. Деревицкимъ. Важнымъ достоинствомъ его является богатство библіографическихъ указаній. Къ сожалѣнію, не всѣ части этого курса были одинаково тщательно обработаны самимъ М. Н. Петровымъ, такъ что явилась необходимость въ примѣчаніяхъ и вставкахъ (подъ часъ довольно значительныхъ); въ особенности это нужно сказать относительно 2-го тома «Лекцій», обнимающаго исторію среднихъ вѣковъ; здѣсь вставки редактора (проф. В. К. Надлера) столь замѣтны, что нарушаютъ нѣсколько цѣльность общаго впечатлѣнія стиля М. Н. Петрова. Но это еще не важно; важнѣе то, что «Лекціи» въ изданіи Полуехтова остались не вполнѣ законченными. Тѣмъ не менѣе, и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ «Лекціи» Мих. Наз. Петрова были по достоинству оцѣнены и публикой, и ученою критикой: по отзыву извѣстнаго спеціалиста по исторіи среднихъ вѣковъ и Византіи академика В. Г. Васильевскаго, они удостоены были полной Петровской преміи. Они ясно доказываютъ намъ, что М. Н. Петровъ центромъ своей профессорской дѣятельности ставилъ не спеціальныя ученыя изслѣдованія, а преподаваніе своего предмета; надъ курсами своими онъ работалъ очень много, чтобы придать имъ цѣльность плана, сжатость изложенія и содержательность; и намъ кажется, что не легко давалось ему то изящное изложеніе, которое такъ подкупаетъ его читателей; во всякомъ случаѣ, у него не было ни дара живой увлекательной рѣчи, ни таланта импровизаціи. Вотъ почему онъ такъ мало (сравнительно) и печаталъ при жизни.

О живомъ интересѣ М. Н. къ дѣлу преподаванія исторіи свидѣтельствуютъ, между прочимъ, изданная имъ брошюра «Историческая подготовка. Pro domo sua», (помѣщенная прежде въ «Южномъ Краѣ», 1881 г., декабрь). Въ ней затрогивается важный педагогическій вопросъ о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Н. относился очень отрицательно къ гимназическимъ учебникамъ (въ особенности къ общепринятымъ руководствамъ Д. И. Иловайскаго) и доказывалъ, что сообщаемыя ими свѣдѣнія имѣютъ мало общаго съ наукой исторіи. Соглашаясь съ нѣкоторыми частными критическими замѣчаніями автора, мы не считаемъ доказаннымъ его положительнаго вывода о томъ, чѣмъ долженъ быть учебникъ исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М. Н. Петровъ не проводилъ *принципіальной* разницы между гимназическимъ и университетскимъ преподаваніемъ исторіи, между исторіей, какъ учебнымъ предметомъ, и исторіей, какъ наукой; онъ не обращалъ должнаго вниманія на педагогическія требованія, вытекающія изъ характеристическихъ свойствъ средней школы и ея питомцевъ. У М. Н. не было личнаго педагогическаго опыта: онъ оставался въ своихъ построеніяхъ теоретикомъ. Вотъ почему, конечно, ему не удалась начатая имъ въ послѣднее время работа—составленіе руководства по всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать два слова о П., какъ о человѣкѣ. Въ послѣднее время онъ велъ замкнутую жизнь и старался держаться въ сторонѣ отъ всякихъ университетскихъ дѣлъ, сопряженныхъ съ борьбой лицъ и столкновеніемъ интересовъ. Къ сожалѣнію, ему не всегда удавалось сохранить свое нейтральное независимое положеніе. Въ личныхъ отношеніяхъ это былъ обходительный, деликатный, благородный человѣкъ.

Въ основу настоящаго очерка положена обстоятельная статья проф. А. Н. Деревицкаго: «М. Н. Петровъ. Страница изъ исторіи Харьковскаго Университета, Харьковъ. 1887 г. и краткая замѣтка проф. В. П. Бузескула: Къ біографіи М. Н. Петрова»—въ «Харьк. губ. вѣд.» 1887, № 33; см. также: «Историческій Вѣстникъ» 1887 г., т. XXVII, стр. 721; Д. Д. Языковъ. Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей, вып. VII, М. 1893, стр. 68—69.

Проф. Д. Багалѣй.

Петровъ, *Наумъ*, дьякъ; въ 1616 г. онъ былъ подъячимъ въ Галицкой Чети, а 15-го іюля того же года назначенъ былъ на Покровскія ворота быть при воеводѣ Юр. Г. Ловчиковѣ и Дм. Пестовѣ для охраны Москвы на случай ожидаемаго набѣга крымцевъ. Въ 1625 году онъ былъ подъячимъ при воеводѣ въ г. Самарѣ, съ 11-го января 1631 г. былъ 2-мъ дьякомъ въ г. Тобольскѣ, гдѣ и находился до мая 1633 года. По возвращеніи изъ Сибири въ томъ же 1633 году, онъ былъ дьякомъ во временномъ, учреждавшемся очень часто на время войнъ, Приказѣ Сбора ратныхъ и даточныхъ людей: 18-го декабря 1633 года боярину кн. Юрію Енпеевичу Сулешову и дьякамъ М. Невѣрову да Науму Петрову приказано было «по спискамъ стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ пересмотрѣть всѣхъ на лицо, а пересмотря давати государево жалованіе». Въ скоромъ времени Наумъ Петровъ получилъ назначеніе въ подобнаго же рода временный Приказъ денежнаго и хлѣбнаго сбора, учрежденный 4-го февраля 1634 г. царскимъ указомъ на имя боярина кн. Бор. Мих. Лыкова да дьяка Наума Петрова; при этомъ Петрову 11-го февраля велѣно было быть на Москвѣ, такъ сказать, въ центральномъ управленіи этого учрежденія. Въ 1637 году онъ былъ дьякомъ Каменнаго Приказа и въ этомъ званіи умеръ въ августѣ мѣсяцѣ 1639 года. За время отсутствія государя изъ Москвы онъ неоднократно былъ назначаемъ «дневать и ночевать на государевомъ дворѣ», а именно: 23-го, 26-го, 29-го марта 1637 г., а 2-го іюня 1637 года въ день ангела царевича Ивана Михайловича былъ, въ числѣ другихъ дьяковъ, приглашенъ къ государеву столу.

«Акты Арх. Экспед.», т. III, стр. 353, 370, 372; «Акты Москов. Гос.», т. II, стр. 39, 45; «Собр. Гос. Гр. и Дог.», т. III, стр. 347, 349, 350; «Русск. Истор. Библ.», т. X, стр. 2, 20, 42, 93, 95, т. XIV, стр. 376, 947; «Древн. Росс. Вивліоѳ.», кн. III, отд. II, стр. 149; кн. XX, отд. III, стр. 327, «Дворцовые разряды», т. I, стр. 233, т. II, стр. 184, 442, 464, 860 (прил.); «Разряды по оффиц. спискамъ», изд. 2-мъ отдѣл. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, т. I, стр. 204, 1356; т. II, стр. 605, 606, 607, 609, 621, 622, 624, 626, 689.

Н. Воронковъ.

Петровъ, *Никита сынъ Колениновъ*, «серебреные палаты знаменщикъ». Въ 1652 г. онъ написалъ икону апостола и евангелиста Луки, за что ему заплочено было шесть алтынъ четыре деньги, какъ сказано въ Расходной книгѣ: «Отъ знамени Луки Евангелиста въ Апостолъ на грушевейцкѣ». Это же изображеніе было вырѣзано потомъ на мѣди Гавриломъ Ивановымъ и напечатано въ «Апостолѣ», изданномъ въ 1653 году.

Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Николай Васильевичъ*, врачъ, происходилъ изъ духовнаго званія, родился въ 1801 г., умеръ въ Тамбовѣ въ январѣ 1856 г.; первоначальное образованіе онъ получилъ въ Вологодской Семинаріи, въ 1823 г. поступилъ въ Московскій Университетъ. Въ Московскомъ Университетѣ Петровъ былъ казенно-коштнымъ воспитанникомъ; по окончаніи курса былъ посланъ для практическаго усовершенствованія въ Московскую Маріинскую больницу; въ 1825 г. онъ выпущенъ съ званіемъ лѣкаря перваго отдѣленія, а въ 1828 г. получилъ отъ Московскаго Университета званіе акушера. Въ 1829 г. Петровъ былъ назначенъ сверхкомплектнымъ врачомъ во 2-ю армію, въ слѣдующемъ году служилъ въ Варшавскомъ военно-временномъ госпиталѣ и въ Полтавскомъ пѣхотномъ полку. По спискамъ Медицинскаго Департамента, онъ получилъ званіе лѣкаря въ 1831 г. въ Московской Медико-Хирургической Академіи, затѣмъ былъ въ ней субъ-инспекторомъ, послѣ чего опредѣленъ въ Полтавскій пѣхотный полкъ. Въ 1835 г. онъ назначенъ былъ въ Серадзинскій Военно-временный госпиталь и затѣмъ—полковымъ штабъ-лѣкаремъ въ Брянскій егерьскій полкъ, а въ 1839 г. уволенъ отъ службы. Въ томъ же году П. экзаменовался въ Московскомъ Университетѣ, представилъ диссертацію о золотухѣ и 2-го декабря 1839 г. удостоенъ степени доктора медицины. Въ слѣдующемъ году онъ по-

лучилъ званіе инспектора Врачебной управы и былъ назначенъ въ Тамбовъ операторомъ Врачебной управы; тамъ онъ былъ, кромѣ того, врачомъ гимназіи; имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника. Онъ напечаталъ: «De scrophulis», Dissertatio Doct. Med. Москва. 1839 г.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, тетр. 2, С.-Пб. 1886 г. *Н. Кулябинъ.*

Петровъ, *Николай Ивановичъ*, дѣйствительный статскій совѣтникъ, писатель, ум. въ 1878 г. Образованіе получилъ—среднее въ Черниговской гимназіи, а высшее въ Лицеѣ князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ XVIII выпускѣ, въ 1844 г., первымъ студентомъ. Опредѣлившись въ службу 23-го ноября того-же года, П. 22-го декабря 1872 г. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ 1874 году онъ занималъ мѣсто управляющаго Радомской Казенной палаты; онъ пожертвовалъ 3.000 рублей на учрежденіе стипендіи въ Черниговской гимназіи имени своего учителя латинскаго языка Мокіевскаго. Изъ трудовъ Н. И. извѣстны: Е. Я. Зимовской (въ книгѣ Н. В. Гербеля: «Лицей кн. Безбородко» 1858 г., отд. I, стр. 106); П. Н. Іеропесъ. Біографія (тамъ же, стр. 108); П. Ѳ. Клерперъ. Біографія (тамъ же, стр. 109); Я. Я. Лельевръ. Біографія (тамъ же, стр. 121); І. Ѳ. Мерцаловъ. Біографія (тамъ же, стр. 125); О. Ѳ. Паевскій. Біографія (тамъ же, стр. 133); Н. И. Пилянкевичъ. Біографія (тамъ же, стр. 134) и А. К. Циммерманъ. Біографія (тамъ же, стр. 139).

Гимназія высшихъ наукъ и Лицей кн. Безбородко, изд. 2-е, С.-Пб. 1881 г., отд. II, стр. LXI, CXLVI. *И. Давидовичъ.*

Петровъ, *Николай Петровичъ*, живописецъ. Род. 6-го сентября 1834 г., ум. въ Аричіо, близъ Рима, 13-го іюля 1876 г. Сынъ Петербургской мѣщанки, онъ обучался въ Академіи Художествъ подъ руководствомъ профессора А. Т. Маркова и въ 1858 г. получилъ вторую серебряную медаль за рисунокъ съ натуры, а въ слѣдующемъ году—такую же медаль за картину «Мастерская Художника», имѣвшую успѣхъ и на выставкѣ; въ 1860 г. ему дана была первая серебряная медаль за картину: «Три мужика, изъ басни Крылова». На вторую золотую медаль онъ написалъ картины: «Христославы въ деревнѣ» и «Смотрины невѣсты», но получилъ эту медаль лишь въ 1862 г. за картину: «Сватовство чиновника къ дочери портного»—самую лучшую изъ его работъ. Отъ конкуренціи же на первую золотую медаль онъ вмѣстѣ съ прочими конкурентами отказался и, выйдя изъ Академіи съ званіемъ класснаго художника, участвовалъ въ образованіи «Художественной Артели» и много работалъ по заказамъ, получавшимся этою артелью. Таковы исполненные имъ образа въ Лютеранскую церковь въ Кронштадтѣ, въ г. Острогожскъ, въ г. Осколъ, въ г. Екатеринодаръ, въ землю Войска Донского, въ Инженерную Академію, въ Курскую губ., на Кавказъ и др., а также портреты, преимущественно копіи, — императора Николая I, императрицы Александры Ѳеодоровны, цесаревны Маріи Ѳеодоровны, инженеръ-полковника Шенявскаго, министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстого и работа для графа Панина. Независимо же отъ артельныхъ работъ, кромѣ оригинальныхъ литографій въ «Русскій Художественный Альбомъ 1861 г.»: «Три мужика, изъ басни Крылова» и «Не то, чтобъ очень пьянъ, а веселъ безконечно», исполненныхъ имъ еще до выхода изъ Академіи,—онъ гравировалъ два офорта: «Поясной портретъ швейцара при помѣщеніи артели, на Невскомъ проспектѣ» и «Мальчика, рисующаго на стѣнѣ дома». Въ 1867 г. за картины «Крестьянинъ въ бѣдѣ» и «Сборы на церковь» признанъ академикомъ; затѣмъ написалъ еще картины: «Два прохожихъ», «Этюдъ собаки» и «Крестьянинъ-бобыль». Кромѣ того, онъ много занимался уроками рисованія. Въ 1873 г. у него стала развиваться чахотка. Чтобы поправить свое здоровье, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изучить иностранную живопись, онъ поѣхалъ въ Италію. Тамъ имъ были исполнены: «Римская сельская сцена», «Музыкантъ», «Любопытные около художника», «Старикъ, предлагающій брилліанты молодой дѣвушкѣ», «Мальчикъ, достающій виноградъ», «Внутренность кухни», «Широкая натура» и другія сцены изъ жизни и природы Италіи. Но и итальянскій климатъ не могъ остановить рокового хода болѣзни, и 13-го іюля 1876 г. Н. П. Петровъ умеръ.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ, т. III, С.-Пб. 1866 г.; Отчеты Импер. Академіи Художествъ за 1867/8, 1868/9, 1869/70, 1870/1, 1871/2 и 1875/6 гг.; Указатели выставокъ въ Импер. Академіи Художествъ за 1859, 1860, 1860/1, 1861/2, 1867, 1870, 1872 и 1877 гг.; Біографическія свѣдѣнія о членахъ Академіи и вообще художникахъ, умершихъ въ 1875—1878 гг.; Д. А. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ граверовъ XVI—XIX вв., т. II, С.-Пб. 1895 г.; Н. П. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, С.-Пб. 1899 г. *А. Новицкій.*

Петровъ, *Осипъ Авонасьевичъ*—знаменитый оперный артистъ. Родился въ г. Елисаветградѣ и происходилъ изъ купеческаго сословія «породы греческой», по выраженію ревизскихъ сказокъ. Родственники его по матери—Петровы были третьегильдейскіе купцы, впослѣдствіи перечисленные въ мѣщанское сословіе. Отецъ П. былъ мелкій бакалейный торговецъ, умершій вскорѣ послѣ рожденія О. А.; въ ревизскихъ же сказкахъ П. записанъ безъ упоминанія отца: у Семена П.—«племянникъ, рожденный отъ родной сестры его Авдотьи». Годъ и день рожденія П. опредѣляютъ различно: въ большинствѣ біографій указывается 3-е ноября 1807 г., въ статьѣ же г. Ястребова, располагавшаго, повидимому, болѣе достовѣрными данными, указывается 1805 г.; наконецъ, въ рукописной біографіи П., написанной П. П. Каратыгинымъ и находящейся въ архивѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, указывается 3-е ноября 1806 г. (эта дата выставлена и на могилѣ П.). Дѣтство и юность П. протекли въ условіяхъ, очень мало благопріятствовавшихъ развитію будущаго артиста; этотъ періодъ жизни П. представляетъ собою довольно часто встрѣчающуюся въ біографіяхъ нашихъ артистовъ картину напряженной борьбы пробуждающихся художественныхъ наклонностей съ противодѣйствующимъ вліяніемъ окружающей среды, настроенной враждебно и пугливо ко всему, что относится къ области театральнаго искусства. Дѣтскіе годы П. провелъ въ домѣ бабушки, у которой жила вся родня; грамотѣ учился въ частной школѣ какого-то отставного артиллерійскаго капитана Шахова. Мать П., занимавшаяся торговлей «крамарными товарами», жила въ нуждѣ и бѣдности и около 1820 г., окончательно обнищавши, поступила стряпухой къ нѣкоей Сарандѣ (крестной матери П.). Живой, подвижной мальчикъ доставлялъ много хлопотъ матери своими шалостями и проказами, и она, чтобы сбыть съ рукъ обузу, отдала его въ услуженіе къ своему брату Константину Савичу П., державшему погребокъ. Музыкальныя наклонности пробудились въ П. очень рано; еще мальчикомъ онъ пѣвалъ дискантомъ на клиросѣ и по слуху выучился играть на гитарѣ—«на свою бѣду», какъ не разъ говаривалъ онъ впослѣдствіи, потому что дядя, человѣкъ стараго закала, желавшій сдѣлать племянника исправнымъ торговцемъ, весьма неодобрительно относился къ увлеченіямъ его музыкой и не одну гитару разбилъ объ его голову. Случилось, что въ домъ дяди П. назначенъ былъ на постой какой-то полковой капельмейстеръ, нѣмецъ; замѣтивъ музыкальныя способности П., онъ началъ обучать его нотамъ и игрѣ на кларнетѣ; восхищенный его успѣхами, капельмейстеръ подарилъ ему кларнетъ, съ которымъ П. уходилъ по ночамъ въ поле, чтобы тамъ на свободѣ предаваться любимому занятію. Впослѣдствіи капельмейстеръ познакомилъ П. и съ другими инструментами. Въ серединѣ 1820-хъ гг. дядя П. уѣхалъ въ Родосъ, оставивъ лавочку на попеченіи племянника. П. не оправдалъ надеждъ дяди: въ отсутствіе его онъ частенько покучивалъ и привелъ торговыя дѣла его въ полное разстройство, за что дядя по пріѣздѣ прогналъ его. Около того времени, когда П. скитался безъ опредѣленныхъ занятій, въ Елисаветградѣ давалъ спектакли харьковскій антрепренеръ Штейнъ. Случайно познакомившись съ П., онъ предложилъ ему поступить въ свою труппу, и въ 1826 г. П. не безъ успѣха дебютировалъ въ пьесахъ «Казакъ-стихотворецъ» и «Русалка». Послѣдующіе четыре года П. провелъ въ странствованіяхъ по южнымъ городамъ, въ которыхъ труппа Штейна давала спектакли. Въ 1830 г. труппа эта давала спектакли въ Курскѣ на коренной ярмаркѣ; здѣсь увидалъ П. въ роли матроса въ драмѣ съ пѣніемъ «Амстердамскій палачъ» Коцебу режиссеръ С.-Петербургскихъ театровъ Лебедевъ, посланный на югъ для набора голосовъ въ оперную труппу, и тутъ же предложилъ ему поступить въ труппу

императорскихъ театровъ. 28-го іюля 1830 г. П. пріѣхалъ въ Петербургъ, а съ 1-го августа зачисленъ былъ въ труппу и сталъ подготовляться, подъ руководствомъ капельмейстера Кавоса, къ дебюту. Послѣдній состоялся 10-го октября; П. выступилъ въ роли Зороастра въ операѣ «Волшебная флейта» Моцарта, которую исполнилъ съ среднимъ успѣхомъ. «Басъ его довольно пріятенъ,—такъ аттестовалъ дебютанта рецензентъ «Сѣверной Пчелы»,—но весьма мало обработанъ, что доказалъ намъ рѣзкій переходъ его на высокія ноты». Затѣмъ П. выступилъ въ «Волшебномъ стрѣлкѣ» Вебера и «Бронзовомъ конѣ» Обера. Дирекціей заключенъ былъ съ артистомъ контрактъ, согласно которому П. обязывался «въ случаѣ нужды играть и по драматической части по назначенію дирекціи, а въ случаѣ надобности и приказанія всѣ роли, которыя будутъ начальствомъ назначены, не отказываясь отъ оныхъ ни подъ какимъ предлогомъ» и «играть даже на двухъ театрахъ въ одинъ день, буде сіе окажется нужнымъ». При поступленіи въ труппу П. назначено было 800 р. жалованья, 250 р. квартирныхъ и десять саженъ дровъ. Любопытно, что въ первые три года службы П. въ труппѣ Контора театровъ высылала въ Елисаветградъ всѣ слѣдующіе съ него ревизскіе платежи; лишь въ 1834 г., указомъ Правительствующаго Сената отъ 12-го іюля, П. былъ исключенъ изъ податного сословія. Поступивши на сцену, онъ вскорѣ выписалъ къ себѣ мать и опредѣлилъ ее къ какому-то мѣсту при театрѣ.

Поступленіе П. въ труппу совпало съ переломомъ оперная репертуара: старыя оперы Боальдье, Чимарозы, Бертона и другихъ постепенно сходили со сцены, уступая мѣсто свѣжимъ произведеніямъ Мейербера, Герольда, Россини, Обера. Предъ персоналомъ труппы открывалось широкое и благодарное поприще для примѣненія своихъ художественныхъ силъ. П. обладалъ не только голосомъ необычайной, какъ гласитъ театральная традиція, силы и могучести, но также и артистическимъ темпераментомъ, благодаря чему вокальная и драматическая стороны исполняемой имъ роли сливались въ гармоническое цѣлое и производили впечатлѣніе полной законченности. Слѣдуетъ еще сказать, что П. и послѣ поступленія въ труппу не переставалъ работать надъ усовершенствованіемъ своихъ природныхъ силъ; такъ, сознавая крупные пробѣлы своего музыкальнаго образованія, онъ проходилъ теорію музыки подъ руководствомъ контрапунктиста І. Гунке. Каждую новую роль онъ изучалъ не только съ психологической стороны, но и съ исторической, т. е. путемъ подходящаго чтенія старался уяснить себѣ обстановку, среду и всѣ внѣшнія условія, въ которыхъ приходилось жить данному дѣйствующему лицу. Благодаря этому, исполненіе П. всегда носило характеръ яркой типичности, поражая правдивостью и обдуманною обработкой деталей. Почти съ первыхъ шаговъ своей театральной дѣятельности П. удалось привлечь къ себѣ вниманіе публики и театральной критики. Уже въ сезонъ 1834—1835 гг. П. заставилъ много говорить о себѣ превосходнымъ исполненіемъ главной роли въ операѣ Герольда «Цампа», гдѣ онъ «выдавался изъ ряда вонъ», и Бертрама въ операѣ Мейербера «Робертъ-Дьяволъ»; современники называютъ «потрясающимъ» впечатлѣніе, которое производилъ П. въ этой послѣдней роли. Успѣхъ П. имѣлъ для него благопріятные результаты и въ матеріальномъ отношеніи: съ нимъ былъ заключенъ контрактъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Кромѣ того, «за особенное усердіе при представленіи оперы «Робертъ-Дьяволъ», ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень, а въ 1835 г. онъ вторично удостоился такого же пожалованія за исполненіе роли Бертрама въ «Робертѣ» въ 50-й разъ.

27-е ноября 1836 г. составляетъ эпоху въ исторіи русской оперы: тогда состоялось первое представленіе оперы «Жизнь за Царя» Глинки. День этотъ можно считать также эпохой въ сценической дѣятельности П.: идеальнымъ исполненіемъ партіи Сусанина артистъ навѣки связалъ свое имя съ именемъ геніальнаго композитора и пріобрѣлъ право на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ лѣтописяхъ русской оперной сцены. По отношенію къ операмъ Глинки за П. слѣдуетъ признать ту же заслугу, какая принадлежитъ, напр., М. С. Щепкину въ отношеніи драматическихъ произведеній Гоголя, а П. М. Садовскому—Островскаго.

Въ исполненіи П. достоинства глинкинской музыки выступали рельефнѣе, красоты ея, благодаря хорошей передачѣ, неотразимо очаровывали слушателей, а общій тонъ, общій характеръ передачи сдѣлался традиціей, которая и доселѣ держится на сценѣ, считаясь образцомъ. Разъясняя значеніе П., какъ истолкователя глинкинской музыки, г-жа Сѣрова говоритъ: «П. былъ нашъ первый самостоятельный русскій артистъ... Глинка и П. были чистыми продуктами первыхъ десятилѣтій нашего (т. е. XIX) вѣка; незнаніе русской жизни, но стремленіе къ выраженію ея—общая черта въ литературномъ и, слѣдовательно, въ общемъ образованномъ мірѣ. Глинка такъ же мало зналъ русскаго крестьянина, какъ и, навѣрное, П. его мало знаетъ, но серьезное стремленіе ихъ, хотя и во внѣшнихъ пріемахъ, изобразить его есть дорогое начало національнаго нашего искусства». До 1866 г. П. оставался единственнымъ исполнителемъ партіи Сусанина, въ которой ему пришлось выступить общимъ счетомъ 293 раза, и публика до такой степени привыкла видѣть П. въ этой роли, что когда партія Сусанина была передана другому басу, то пресса, опираясь, очевидно, на общественное мнѣніе, осыпала Дирекцію градомъ незаслуженныхъ упрековъ, которые на теперешняго читателя производятъ комическое впечатлѣніе.

Выдающійся успѣхъ, которымъ сопровождалось исполненіе П. партіи Сусанина, утвердили за артистомъ исключительное положеніе въ труппѣ. Съ тѣхъ поръ онъ пріобрѣтаетъ рѣшающее вліяніе на репертуаръ: Дирекція находитъ выгоднымъ ставить преимущественно тѣ оперы, которыя идутъ съ участіемъ П. Постановка «Руслана и Людмилы» 27-го ноября 1842 г., гдѣ П. исполнилъ партію Руслана, и «Русалки» Даргомыжскаго въ 1856 г., гдѣ П. создалъ безподобный типъ мельника, дали артисту случай пожать новые лавры. Любопытно сопоставить отзывы объ исполненіи П. роли мельника въ два различные періода его сценической карьеры. Рецензентъ «Сѣверной Пчелы» писалъ въ 1856 г. слѣдующее: «Смѣло можно сказать, что г. П. созданіемъ этой роли пріобрѣлъ несомнѣнное сугубое право на титулъ артиста. Мимика его, искусная декламація, необычайно ясное произношеніе, правильное просодіе — заслуживаютъ величайшей похвалы. Мимическое искусство доведено у него до такой степени совершенства, что въ третьемъ дѣйствіи, при одномъ его появленіи, не слыхавъ еще ни одного слова, зрители уже сознаютъ, по выраженію лица, по судорожному движенію его рукъ, что несчастный мельникъ помѣшанъ». Въ 1868 г. рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» по поводу той же роли писалъ: «Роль мельника принадлежитъ къ числу трехъ безподобныхъ типовъ, созданныхъ г. П. въ трехъ русскихъ операхъ, и едва ли его художественное творчество не достигло въ мельникѣ высшихъ предѣловъ. Во всѣхъ разнообразныхъ положеніяхъ мельника, въ которыхъ у него обнаруживается жадность, низкопоклонство предъ княземъ, радость при видѣ денегъ, отчаяніе, умопомѣшательство— П. равно великъ». Сопоставленіе этихъ отзывовъ показываетъ, что талантъ П. обладалъ неувядаемостью, былъ такъ же свѣжъ и чарующъ на склонѣ его дѣятельности, какъ и въ пору полнаго ея расцвѣта, что, какъ извѣстно, встрѣчается не часто. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ тогдашнее время театральная служба была не изъ легкихъ. Труды П. по сценѣ были огромны: въ нѣкоторые мѣсяцы ему приходилось выступать по 24 раза, т. е. чуть ли не ежедневно, вообще же въ мѣсяцъ приходилось участвовать въ 12—17 оперныхъ спектакляхъ, такъ какъ труппа была мала, въ остальные же дни онъ нерѣдко бывалъ занятъ въ драматическомъ театрѣ. Насколько утомительна и даже гибельна для артистовъ была такая напряженная служба, показываетъ слѣдующій случай. Въ 1835 г., какъ то въ концѣ сезона П., пришлось выступать въ роли Заруцкаго, въ драмѣ «Рука Всевышняго отечество спасла», при чемъ наканунѣ этого дня П. пѣлъ Бертрама. Въ послѣднемъ актѣ названной драмы Заруцкаго выносятъ раненнаго; едва только положили П. на сценѣ, у него хлынула изъ горла кровь. Занавѣсъ опустили и больного снесли въ уборную, гдѣ прибывшій докторъ кое-какъ остановилъ кровь. Но П. долженъ былъ въ тотъ же вечеръ выступить еще въ водевилѣ «Артистъ», въ роли учителя де-

кламаціи, гдѣ, между прочимъ, много нужно было кричать. Сколько ни просилъ П., какъ ни уговаривалъ докторъ режиссера избавить больного отъ участія въ водевилѣ, П. все-таки заставили исполнить роль, послѣ чего, конечно, кровь опять хлынула и въ результатѣ П. прохворалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

За время своей театральной службы П. участвовалъ въ 106 операхъ, въ которыхъ исполнилъ 131 роль. Въ нѣкоторыхъ операхъ П. исполнялъ по четыре роли (напр., въ «Фрейшюцѣ: роли Киліана, Куно, Каспара и Оберона). П. пѣлъ какъ въ русской, такъ и въ итальянской оперѣ, при чемъ въ послѣдней исполненіе его нисколько не блекло отъ сосѣдства съ такими талантами, какъ Рубини и Полина Віардо. Въ 1876 г. съ небывалою торжественностью отпразднованъ былъ 50-лѣтній юбилей сценической дѣятельности артиста. Въ награду за 45 лѣтъ службы на казенной сценѣ П. данъ былъ бенефисъ (21-го апрѣля), обратившійся въ сплошную овацію по адресу артиста; бенефиціантъ удостоенъ былъ Высочайшей награды (осыпанная брилліантами золотая медаль на шею); 24-го апрѣля устроено было юбилейное чествованіе П. С.-Петербургскимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, почетнымъ членомъ коего юбиляръ состоялъ съ 1861 г. Для увѣковѣченія заслугъ П. Обществомъ постановлено было поставить бюстъ его въ испытательной залѣ Консерваторіи и учредить стипендію его имени. Предсѣдатель Общества великій князь Константинъ Николаевичъ удостоилъ П. рескриптомъ. Въ числѣ привѣтствій, полученныхъ П. въ день юбилея, заслуживаетъ упоминанія восторженное письмо Тамберлика.

Въ послѣдніе годы жизни П. не отказывался отъ самыхъ скромныхъ, второстепенныхъ ролей, выдвигая ихъ нерѣдко на первый планъ. Скончался П. 27-го февраля 1878 г. и похороненъ на Митрофаніевскомъ кладбищѣ. Онъ былъ женатъ на извѣстной артисткѣ Аннѣ Яковлевнѣ Воробьевой, съ которой онъ обвѣнчался 28-го іюля 1837 г. и которая пережила его на 23 года (она умерла въ 1901 г.). Какъ человѣкъ, П. оставилъ по себѣ безупречную память: онъ чуждался закулисныхъ интригъ, ни въ комъ не заискивалъ и предпочиталъ идти прямымъ путемъ, дорожа лишь любовью публики.

Заслуги П. въ дѣяніяхъ русскаго театра должны быть признаны весьма крупными и далеко не исчерпываются тѣмъ высокимъ художественнымъ наслажденіемъ, которое доставляло каждое появленіе артиста на сценѣ его современникамъ. Немалое число произведеній русскихъ композиторовъ обязаны своею популярностью П., который вкладывалъ всю силу своего художественнаго творчества въ дѣло созданія русскихъ музыкальныхъ типовъ. Передача оперныхъ ролей Петрова была лучшей школой для молодыхъ артистовъ, которые подражали его дикціи и игрѣ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть еще объ одной заслугѣ П. предъ русскимъ театромъ, отмѣченной профессоромъ В. В. Никольскимъ въ его рѣчи, произнесенной въ день юбилейнаго чествованія артиста. По словамъ Никольскаго, П. своей удивительной фразировкой и выговоромъ словъ сдѣлалъ невозможными глупыя либретто, глупую, невѣрную декламацію, неправильны обороты рѣчи. Всѣ эти заслуги даютъ П. право на почетное мѣсто въ кругу дѣятелей, трудами и талантомъ которыхъ создана національная русская опера.

А. И. Вольфъ. Хроника петербургскихъ театровъ, С.-Пб. 1882 г.; Рубецъ. Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей, С.-Пб. 1886 г.; В. Марковъ. Историческій очеркъ русской оперы съ самаго начала по 1862 г., С.-Пб., 1862 г.; Воспоминаніе о 50-лѣтнемъ юбилеѣ О. А. Петрова, С.-Пб., 1876 г.; В. Ястребовъ. О. А. П-въ. Годы его дѣтства и юности (въ «Русской Старинѣ» 1882г., т. XXXVI); М. М. Ивановъ. Изъ прошлаго нашей оперной сцены (по поводу смерти А. Я. П.-Воробьевой)—«Новое время» 1901 г., № 9040. «Нива» 1891 г., № 18; «Музыкальный Свѣтъ»; 1876 г.; № 16 и 17; «Голосъ» 1876 г., № 108 и 114; В. Сѣрова. «Жизнь за Царя съ новымъ персоналомъ»—въ «Музыкѣ и Театрѣ» 1868 г., № 17; «Биржевыя Вѣдомости» 1878 г., № 59, 61 и 62; «Голосъ» 1878 г.,№ 60 и 62; «Новое Время» 1878 г., № 720—722; «Сѣверная Пчела» 1830 г., № 126; Воспоминанія А. Я. Петровой, рожд. Воробьевой, по поводу 500 представленія оп. «Жизнь за Царя», (въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. XXVI); М. К. Исторія оперы. М., 1874 г.; Воспоминанія Головачевой-Панаевой. С.-Пб. 1890 г.; «С. Петербургскія Вѣдомости» 1868 г., № 120; 1869 г., № 290; 1874 г., № 300; 1875 г., № 293; 1876 г., № 105, 112.

К. Храневичъ.

Петровъ, *Павелъ Епифановичъ*, генералъ-лейтенантъ; происходилъ изъ кантонистовъ Владимірской губерніи, родился 7-го января 1803 года; воспитаніе по-

*

лучилъ во Владимірскомъ полубаталіонѣ военныхъ кантонистовъ и въ 1825 году вступилъ въ службу рядовымъ въ Гренадерскій графа Аракчеева полкъ. Служба подъ начальствомъ графа Аракчеева была воспитаніемъ для П. Е. Петрова: въ ней онъ выработалъ въ себѣ трудолюбіе, твердость характера и непреклонную волю безусловно подчиняться требованіямъ начальства и отъ своихъ подчиненныхъ требовать того же. Обладая отъ природы здравымъ умомъ, находчивостью и сообразительностью, П. быстро двигался по службѣ: уже въ 1828 году онъ былъ фельдфебелемъ въ Гренадерскомъ принца Фридриха Нидерландскаго полка, а въ 1839 (24-го іюля) произведенъ въ подпоручики нестроевой роты того же полка и назначенъ командиромъ роты; въ 1841 году (15-го марта) произведенъ въ поручики и назначенъ полковымъ казначеемъ, 17-го января 1848 г. произведенъ въ капитаны, а въ 1849 году (1-го января), для занятія должности квартирмейстера въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку, переименованъ былъ изъ капитановъ въ титулярные совѣтники. Здѣсь распорядительность и усердіе П. обратили на него вниманіе одного изъ офицеровъ, впослѣдствіи директора Лисинскаго учебнаго лѣсничества генералъ-маіора Чарторижскаго. Въ 1858 году Петровъ былъ вновь переименованъ въ капитаны, зачисленъ въ списки лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка и назначенъ оберъ-вагенмейстеромъ 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи съ переводомъ въ гвардейскую фурштадтскую бригаду (25-го января) и въ томъ же году получилъ мѣсто полицеймейстера Лѣсного и Межевого Института, съ зачисленіемъ въ Корпусъ лѣсничихъ (15-го декабря). Съ закрытіемъ Лѣсного и Межевого Института въ 1863 году, капитанъ Петровъ назначенъ былъ командиромъ роты егерей Лисинскаго учебнаго лѣсничества, въ томъ же году произведенъ въ подполковники и въ 1865 году назначенъ полицеймейстеромъ Лисинскаго учебнаго лѣсничества. Въ 1868 году онъ былъ назначенъ директоромъ этого лѣсничества. Въ 1872 году П. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и въ этомъ чинѣ и въ должности директора оставался до выхода въ отставку въ 1881 году, когда былъ награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта.

Будучи назначенъ на должность директора Лисинскаго учебнаго лѣсничества, Петровъ столкнулся съ совершенно незнакомымъ ему дѣломъ: съ учебною частью въ Лисинскомъ лѣсномъ училищѣ и съ лѣснымъ хозяйствомъ въ обширной Лисинской дачѣ. Онъ самъ понималъ это и, по возможности, не вмѣшивался ни въ то, ни въ другое, предоставивъ веденіе этихъ дѣлъ своимъ помощникамъ-спеціалистамъ; самъ же занялся преимущественно хозяйственною частью въ училищѣ, внѣшнимъ благоустройствомъ лѣсничества и благотворительностью. Въ значительной степени на свои средства онъ основалъ въ Лисинѣ школу для крестьянскихъ дѣтей и богадѣльню для престарѣлыхъ женщинъ. Много видавшій на своемъ вѣку, Петровъ былъ очень интересный собесѣдникъ, и его правдивые разсказы о службѣ подъ начальствомъ графа Аракчеева и о жизни аракчеевскихъ военныхъ поселеній слушались съ большимъ интересомъ. Петровъ умеръ 27-го сентября 1885 г.

Дѣло о службѣ П. въ Архивѣ Министерства Земледѣлія: сообщенія родственниковъ и личныя воспоминанія. *Проф. П. Н. Вереха.*

Петровъ, *Павелъ Ивановичъ*, генералъ-маіоръ, происходилъ изъ помѣщичьей семьи Костромскихъ дворянъ, родился въ 1792 году; изучивъ дома языки французскій, нѣмецкій, итальянскій и латинскій, а также общеобразовательные предметы, онъ началъ службу въ Департаментѣ Министерства военныхъ сухопутныхъ силъ, откуда поступилъ въ Кавалергардскій полкъ и 14-го ноября 1806 г. былъ произведенъ въ эстандартъ-юнкера, а 23-го октября 1807 г., 15 лѣтъ отъ роду, выпущенъ корнетомъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, съ которымъ принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ 1807 году былъ въ сраженіи подъ Гейльсбергомъ; въ 1809 году онъ былъ въ Австріи, Молдавіи и Валахіи, въ 1810 г.—въ Болгаріи, гдѣ сражался противъ турокъ подъ Силистріею, Шумлою, при дер. Батинѣ, при Рущукѣ, Журжѣ и Никополѣ, а затѣмъ, по 1-е марта 1811 г., былъ снова въ Валахіи и Молдавіи. Получивъ 12-го

іюля 1811 г. чинъ поручика, П. въ кампанію 1812 г. участвовалъ въ дѣлахъ при г. Кобринѣ (15-го іюля), Пружанахъ (29-го) и Городечнѣ (31-го), гдѣ за отличіе былъ награжденъ орденомъ св. Анны 4-й степени (22-го ноября), и затѣмъ еще въ 11 сраженіяхъ въ предѣлахъ Польши. Февраля 1-го 1813 г. П., отличившись въ дѣлѣ при г. Калишѣ, произведенъ былъ въ штабсъ-ротмистры, а затѣмъ участвовалъ въ дѣлахъ при Вейсенфельсѣ (въ апрѣлѣ 1813 г.), при Люценѣ (гдѣ получивъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ—15-го сентября), при Фрейбергѣ, Дрезденѣ, Кёнигсвартѣ, при Бауценѣ, Лигницѣ (6-го августа, получивъ на другой день, за выказанную здѣсь храбрость, чинъ ротмистра), при р. Каубахѣ, участвовалъ, далѣе, въ партизанскомъ отрядѣ полковника кн. В. Г. Мадатова, во множествѣ мелкихъ стычекъ съ непріятелемъ; за сраженіе при г. Каменцѣ (30-го августа) онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й степени; 15-го августа, при Гроссенъ-Гаймѣ, былъ раненъ саблею въ правую руку, послѣ чего находился при полку до возвращенія его въ 1815 году въ Россію. Съ 18-го сентября 1818 года, когда онъ былъ назначенъ командиромъ Моздокскаго казачьяго полка, начинается храбрая боевая дѣятельность П. на Кавказѣ. Участвуя во множествѣ дѣлъ съ туземцами (напримѣръ 2-го февраля 1819 года въ Чечнѣ, при ущельѣ Ханъ-камъ, въ декабрѣ—при с. Лаваша въ землѣ Акушинской, въ 1826 году, съ января по май,—въ Чечнѣ въ 12 стычкахъ), П. быстро подвигается по службѣ: такъ, 24-го октября 1819 г. онъ награжденъ былъ чиномъ маіора съ назначеніемъ состоять по кавалеріи (съ оставленіемъ въ должности командира Моздокскаго казачьяго полка), 12-го февраля 1820 г. — въ подполковники, 25-го января 1826 г. назначенъ былъ войсковымъ атаманомъ Астраханскаго казачьяго войска, а 19-го іюня того же года, за отличіе въ упомянутомъ выше походѣ противъ чеченцевъ, произведенъ въ полковники. Получивъ въ 1833 году орденъ св. Георгія 4-й степени за 25 лѣтъ, П. 6-го декабря 1834 г., за отличіе по службѣ, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ начальникомъ штаба войскъ по Кавказской линіи и Черноморіи, а 2-го мая 1836 г. награжденъ былъ орденомъ св. Станислава 2-й степ. со звѣздою. Уволенный 25-го декабря 1837 года въ годовой отпускъ, генералъ Петровъ 25-го января 1839 г. былъ зачисленъ по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, а 27-го января опредѣленъ военнымъ губернаторомъ г. Каменца-Подольска и Подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ. Однако, разстроенное здоровье не позволило ему продолжать службу, и 13 ноября 1840 года онъ вышелъ въ отставку, послѣ чего жилъ въ Костромѣ и ея уѣздѣ. Онъ скончался 13-го сентября 1871 г.

Формулярный списокъ въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба, кн. № 4912; Архивъ Капитула Орденовъ (увѣдомленіе сына о смерти П.); В. Скворцовъ. Историко-статистическій очеркъ Астраханскаго казачьяго войска. Саратовъ. 1890 г., стр. 56.

Б. Гарскій.

Петровъ, *Павелъ Ильичъ*, писатель и переводчикъ; въ 1822 г., въ чинѣ надворнаго совѣтника, онъ былъ переводчикомъ при Императорскомъ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, въ 1825 г. занималъ ту же должность и былъ коллежскимъ совѣтникомъ. П. напечаталъ нѣсколько переводовъ въ «Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ» 1792 года (ч. LXXI: «Ардостанъ», перев. съ фр.), 1793 г. (ч. LXXXVIII: «Рѣчь Аннибала къ П. Сципіону о мирѣ», перев. съ латинскаго) и 1795 г. (ч. CIII: «О врачебномъ употребленіи верховой ѣзды», перев. съ нѣмецкаго) и въ издававшемся въ Москвѣ В. С. Подшиваловымъ «Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій» 1792 года (ч. V: «Макандаль Нигритянинъ», перев. съ нѣмецкаго и ч. VII: «Землетрясеніе въ Лиссабонѣ», перев. съ нѣмецкаго), а также издалъ слѣдующія книги: «Мраморная купель, или наказанный пустосвятъ», соч. Виланда, перев. съ нѣм. яз., С.-Пб. 1805 г.; «Зерцало добродѣтели, или Собраніе благороднѣйшихъ и превосходнѣйшихъ качествъ, взятыхъ изъ жизни великихъ, добродѣтельныхъ и храбрыхъ людей и изъ исторіи всѣхъ народовъ и временъ», соч. Ф. М., перев. съ нѣмецкаго, С.-Пб. 1810 г., 12°; То-же, изданіе 2-ое, подъ заглавіемъ: «Историческая библіотека для дѣтей, служащая къ образованію сердца и разума», С.-Пб. 1813 г.; «Новые французскіе, русскіе и нѣмецкіе разговоры для

начинающихъ учиться симъ языкамъ. Nouveaux dialogues françois, russes et allemands, par P. Petroff. Neue französ., russische und deutsche Gespräche. Edition nouvelle et augmentée. С.-Пб. 1810, 8°; «Волшебный фонарь, или Зрѣлище С.-Петербургскихъ расхожихъ продавцовъ, мастеровъ и другихъ простонародныхъ промышленниковъ, изображенныхъ вѣрною кистію въ настоящемъ ихъ нарядѣ и представленныхъ разговаривающими другъ съ другомъ, соотвѣтственно каждому лицу и званію». Ежемѣсячное изданіе на 1817 годъ.— Lanterne Magique, ou Galerie des colporteurs, d'artisans et d'autres gens de métier de la classe du peuple à St.-Petersbourg. — Lanterna Magica, oder Gallerie St. Petersburgischer Hausirer, Handwerker und sonstiger Gewerbsleute. 1817, 4°, 12 №№, 42 картинки (нѣкоторые рисунки изъ «Волшебнаго Фонаря» воспроизведены въ сочиненіи Н. К. Шильдера объ Александрѣ I); «Эзоповы басни съ Русскимъ переводомъ для наставленія юношества во французскомъ языкѣ. Переведенныя съ французскаго языка П. Петровымъ». Съ 50 фигурами, 2 части. Fables d'Esope pour l'instruction de la jeunesse etc. avec la traduction russe par P. Petroff. Avec 50 fig., изд. 1-е, С.-Пб. 1812 г. 12°; изд. 2-е, М. 1824 г. 12°; изд 3-е, С.-Пб. 1830 г. 12°.

А. Н. Неустроевъ. Указатель къ Историческому розысканію о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ 1702—1803 гг., С.-Пб. 1898 г.; Адресъ-Календари; Каталоги: Смирдина и Ольхина.

Б. Львовъ.

Петровъ, *Павелъ Петровичъ*, живописецъ; умеръ 30-го іюня 1874 г. Будучи воспитанникомъ Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества, онъ въ 1850 г. написалъ для лоттереи, разыгрывавшейся Московскимъ Художественнымъ Обществомъ, копіи: «Невѣріе Ѳомы», съ Ванъ-Дейка; голову съ него же; головку Грёза и «Мадонну» съ Рафаэля, а въ 1852 г. исполнилъ также копіи: «Сивиллу», «Магдалину», «Персея» и портретъ Н. В. Гоголя. Въ 1855 году, за этюдъ «Мальчикъ съ книгой», онъ получилъ отъ Академіи Художествъ званіе некласснаго художника по портретной живописи; въ 1857 г. выставлялъ на академической выставкѣ «Портретъ жены».

Дѣла Московскаго Художественнаго Общества, №№ 41 и 47; Сборникъ матеріаловъ по исторіи Императ. Академіи Художествъ, т. III. С.-Пб. 1866 г.; Указатель выставки въ Императорской Академіи Художествъ 1857 г.

А. Новицкій.

Петровъ, *Павелъ Яковлевичъ*, профессоръ Московскаго Университета; родился 25-го іюня 1814 г. въ С.-Петербургѣ. Отецъ его, Яковъ Осиповичъ, былъ учителемъ при Второмъ кадетскомъ корпусѣ, оставилъ службу въ 1819 г. и переселился въ Москву, гдѣ занимался частнымъ преподаваніемъ до смерти, послѣдовавшей въ 1826 г. Съ этихъ поръ молодой Петровъ получалъ домашнее образованіе въ домѣ кн. Александра Петровича Оболенскаго (тогда губернатора въ Калугѣ). Въ 1828 г., выдержавъ экзаменъ, онъ былъ принятъ въ приготовительное отдѣленіе Московскаго Университета и черезъ годъ переведенъ на ординарныя лекціи по словесному факультету. Окончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1832 г., П. жилъ то въ Москвѣ, то въ С.-Петербургѣ, занимаясь частными уроками, но при томъ усердно изучалъ и восточные языки. Его рѣшительная склонность и особенныя способности къ изученію языковъ не укрылись отъ академика Френа, и онъ явился ходатаемъ о молодомъ лингвистѣ у гр. С. С. Уварова, министра народнаго просвѣщенія, который одинъ изъ первыхъ призналъ важность изученія востока для Россіи. По распоряженію министра Павелъ Яковлевичъ былъ включенъ въ 1834 г. въ число воспитанниковъ Дерптскаго Профессорскаго Института, съ 1.200 руб. асс. жалованья, но, за неимѣніемъ каѳедры восточныхъ языковъ въ Дерптѣ, былъ оставленъ въ С.-Петербургѣ для слушанія лекцій въ Университетѣ и Восточномъ Институтѣ. Четыре года изучалъ онъ здѣсь языки арабскій, персидскій и турецкій подъ руководствомъ Сенковскаго, Шармуа и др., и частнымъ образомъ сталъ заниматься санскритскимъ языкомъ у Роб. Ленца, столь преждевременно скончавшагося въ 1836 г. Первымъ плодомъ этихъ необычныхъ въ то время занятій былъ трудъ: «Sîtâharanam, эпизодъ изъ санскритской поэмы «Adhyâtmarâmâya-

нап», съ переводомъ, грамматическимъ разборомъ и примѣчаніями, представленный въ Императорскую Академію Наукъ 1-го декабря 1837 г. Печатаніе этого труда оказалось невозможнымъ за отсутствіемъ шрифта въ академической типографіи, но, послѣдуя примѣру своего президента, Академія заинтересовалась молодымъ санскритологомъ и снабдила его книгами и инструкціей для путешествія за границу, куда онъ былъ командированъ, по блестящемъ выдержаніи экзамена въ языкахъ мусульманскаго востока, въ 1838 г. Два года провелъ онъ за-границей, въ Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, продолжая занятія по языкамъ и древностямъ Индіи у Боппа, Жобера, Бюрнуфа и др. и изучая богатыя коллекціи рукописей. По возвращеніи изъ путешествія въ 1841 г., Петровъ былъ опредѣленъ и. д. адъюнкта по вновь учрежденной каѳедрѣ санскритскаго языка въ Казанскій Университетъ, гдѣ, сверхъ того, въ 1849—1850 гг. временно занималъ должность лектора англійскаго языка. Въ 1852 г. онъ былъ переведенъ въ Московскій Университетъ на ту же каѳедру, которая, однако, вскорѣ стала называться каѳедрою восточныхъ языковъ, и къ преподаванію санскрита присоединилось преподаваніе арабскаго, персидскаго и еврейскаго языковъ. Въ 1856 г. П. былъ избранъ и. д. экстраординарнаго профессора, а по возведеніи его С.-Петербургскимъ Университетомъ въ почетные доктора, въ 1864 г. утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Три раза Московскій Университетъ оставлялъ его на пятилѣтіе, но лѣтомъ 1875 г. пошатнувшееся зроровье заставило Петрова выйти въ отставку, не дожидаясь истеченія третьяго пятилѣтія. Вскорѣ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, онъ скончался — 7-го сентября 1875 г. въ Москвѣ.

Павелъ Яковлевичъ былъ однимъ изъ первыхъ преподавателей санскритской словесности въ нашихъ университетахъ, и эта заслуга не будетъ забыта въ исторіи русскаго востоковѣдѣнія. Но дальнѣйшаго вліянія на успѣхи науки онъ не имѣлъ ни въ качествѣ учителя, обязанности котораго онъ исполнялъ съ образцовою аккуратностью, ни какъ ученый изслѣдователь и публицистъ, хотя онъ и пользовался извѣстностью замѣчательнаго лингвиста, не ограничивавшагося какою-нибудь одною отраслью языковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ богатая библіотека изъ двухъ тысячъ книгъ, перешедшая въ собственность Московскаго Университета. Будучи человѣкомъ скромнымъ, весьма необщительнымъ, Петровъ избѣгалъ сношеній даже со спеціалистами и сосредоточивался на домашнихъ занятіяхъ, только съ трудомъ рѣшаясь сообщать въ печати результаты своихъ усидчивыхъ изслѣдованій. Итакъ, отъ него сохранился только рядъ мелкихъ статей, носящихъ болѣе случайный характеръ и для наукй прошедшихъ почти безслѣдно. Онѣ исчисляются здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

«Прибавленіе къ каталогу санскритскихъ рукописей, находящихся въ Азіатскомъ Музеумѣ И. С.-Петербургской Академіи Наукъ»—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1836 г., т. XII, II, стр. 194—198 (изъ «С.-Петерб. Вѣдомостей»; также въ «St.-Petersb. Zeitung», № 249); «Обозрѣніе арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Импер. Московскаго Университета»—тамъ же, 1837 г., ч. XIII, II, стр. 549—555; «Объ упанишадахъ, издаваемыхъ въ Парижѣ г. Полеемъ»—тамъ же, ч. XV, II, стр. 536 и слѣд.; статьи: «Гангесъ» и «Гандарвасъ» въ «Энциклопедич. Лексиконѣ» [Плюшара], т. XIII, 257 — 271, 263 — 264 (въ остальныхъ томахъ Петровъ не участвовалъ); «Письмо... къ г. министру народнаго просвѣщенія изъ Парижа, отъ 14/24 апр. 1839 г.»—въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1839 г., ч. XXIII, IV, стр. 38 — 44; тоже, ч. XXVI, IV, стр. 9; «О священной литературѣ народовъ Заангесской Индіи»—тамъ же, ч. XXXI, II, стр. 27 и слѣд.; «О свойствахъ и составѣ санскритскаго языка»—тамъ же, ч. XXXIII, II, стр. 184 и слѣд.; «Программа для преподаванія санскритскаго языка и литературы при Импер. Казанскомъ Университетѣ»—въ «Учен. Зап. Каз. Унив.» 1842 г., кн. 2, стр. 77—95, и отд. отт.—21 стр. 8°; «Ghatakagragam»—Гъата Карпарамъ, или Разтый сосудъ. Лирическая поэма. Изданіе и. д. адъюнкта П. Петрова; Казань. 1844, 8°, 4 + 3 + 1 + 18 + 3 стр.; «О духовной литературѣ Индусовъ» — въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1845 г., ч. XLVIII, II, стр. 132 — 148; «Санскрит-

ская Антологія. Отдѣленіе I. (Изреченія, отрывки эпическіе, сказки, басни, отрывки описательные и лирическіе)», Казань. 1846 г., 8°, 1+48 стр.; сообщилъ и автографировалъ для изданія Н. Берга «Пѣсни разныхъ народовъ», М. 1854—тексты санскритскій, персидскій, арабскій, калмыцкій и баскскій; «О важнѣйшихъ алфавитахъ Восточныхъ языковъ, ихъ изобрѣтеніи и главнѣйшихъ ихъ видоизмѣненіяхъ», 6 л. и 8 табл. (автогр.), въ изданіи: «Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ; изготовлены къ столѣтнему юбилею Имп. Московскаго Университета». М. 1855 г.; «Объ арабскомъ языкѣ и литературѣ». Рѣчь... 12-го янв. 1862 г. въ «Отчетѣ Импер. Московск. Унив.» за 1861 г.; отд. отт.—М. 1+24 стр. 4; «Раджа-Тарангини, историческая поэма Кальхана-пандиты, на санскритскомъ языкѣ» въ «Моск. Унив. Извѣст.» 1865 г., № 1, стр. 1—14; отд. отт.—16 стр. 8°; «О главныхъ нарѣчіяхъ сѣверной Индіи. I» въ «Моск. Унив. Изв.» 1867 г., № 12, II, стр. 1201—18; II—тамъ же, 1868, № 6, II, стр. 481—500; III—тамъ же, 1869, № 5, II, стр. 332—344; IV—тамъ же, 1872, № 5, II, стр. 249—319; «О персидской рукописи» (ген. Кауфмана). М. 1870 г., 7 стр., 8°; «Изъ рѣки царей Кальханы» (вступленіе)—въ «Моск. Унив. Извѣст.» 1872 г., № 1, II, стр. 65—72; Разборъ санскритской поэмы «Гита-говинда» съ отрывками изъ нея—въ «Москвитянинѣ»; «О музыкѣ древнихъ Индусовъ»—въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ».

Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Импер. Московскаго Университета, т. II, М. 1855 г., стр. 225 и сл.; Дѣятели Импер. Казанскаго Университета 1805—1900 г., Казань. 1900 г., стр. 27 и 49; Статья Савельева въ «Русскомъ Вѣстн.» 1856, т. III, соврем. лѣтопись, стр. 33; В. М—ъ: «Моск. Вѣдом.» 1875, № 242; «Голосъ» 1875, № 265; «Иллюстр. Недѣля» 1875, № 40; «Отчетъ Импер. Моск. Унив.», 1876, стр. 65—69; Н. В. Бергъ: статья въ «Русск. Стар.», т. XVII, (1876), № 10, стр. 394—399; Н. И. Веселовскій: «Свѣдѣнія объ оффиц. преподаваніи вост. языковъ въ Россіи» въ—«Трудахъ III-го съѣзда оріенталистовъ», т. I, 1879—1880, стр. 235; «Отчетъ Императ. Академіи Наукъ» за 1837 г. въ—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1838 г., т. XVII, стр. 416.

К. Г. Залеманъ.

Петровъ, *Петръ Николаевичъ*, писатель, трудолюбивый изслѣдователь старины, род. въ Петербургѣ 19-го іюня 1827 г. отъ бѣднаго придворнаго служителя, бывшаго «брантмейстеромъ по главной кухнѣ». Въ 1838 г. П. поступилъ въ Домъ воспитанія бѣдныхъ дѣтей Человѣколюбиваго Общества (нынѣ гимназія), гдѣ и окончилъ успѣшно курсъ въ 1845 г.; въ томъ же году онъ поступилъ въ рисовальные классы Академіи Художествъ (вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ К. Д. Флавицкимъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи извѣстнымъ живописцемъ). Вынужденный зарабатывать средства къ существованію, П. опредѣлился на службу въ Департаментъ Государственнаго Казначейства, и эта служба заставила его покинуть Академію; однако, онъ не переставалъ работать дома и въ то же время началъ изучать исторію искусства (особенно русскаго), русскую археологію и т. п. и собирать разные историческіе матеріалы. Въ 1860 г. П. познакомился съ А. Ѳ. Писемскимъ, который, замѣтивъ его большую начитанность, предложилъ ему написать что-нибудь для редактировавшейся имъ въ то время «Библіотеки для чтенія», и въ апрѣльской книжкѣ ея за 1860 г. (т. 158, № 4, отд. I, стр. 1—22) появилась первая статья П.—«Евграфъ Петровичъ Чемесовъ, русскій граверъ». При помощи Писемскаго, П. осенью того же года получилъ въ завѣдываніе отдѣлъ начертательныхъ искусствъ въ журналѣ «Искусство», вскорѣ, впрочемъ, прекратившемся. Въ томъ же 1860 г. П. опредѣлился на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку писцомъ для занятій въ отдѣленіи искусствъ. Приглашенный, въ качествѣ писца же, А. Н. Майковымъ въ редакцію «Энциклопедическаго Словаря», издававшагося русскими учеными и литераторами въ 1861 г., П. вскорѣ перешелъ въ составъ сотрудниковъ «Словаря» и помѣстилъ въ вышедшихъ томахъ его свыше 300 статей по исторіи искусствъ, русской исторіи, топографіи и исторіи Петербурга и др. (напр.: Академіи Художествъ въ Европѣ, С.-Петербургская Академія Художествъ, Александро-Невская Лавра, Алексѣй митрополитъ, Аллегри (Корреджіо), Анатомія для художниковъ и т. д.). Затѣмъ онъ постепенно и уже всецѣло отдался литературной работѣ; статьи его по исторіи, архиормли исторіи искусства, исторіи литера-гоу,у генеалогіи, геральдикѣ, этнографіи слѣе ѳологіи и т. д. помѣщались въ ыі,ю-дт,

щихъ изданіяхъ: въ «Сѣверномъ Цвѣткѣ» («Женщины-художники»), въ «Сѣверномъ Сіяніи», «Иллюстраціи» 1862—1864 (которую онъ одно время и редактировалъ), въ «Отчетахъ Академіи Художествъ» (1864—1866), въ «Художественномъ Сборникѣ», изданномъ Московскимъ Обществомъ любителей художествъ подъ редакціею графа А. С. Уварова (о Боровиковскомъ и Левицкомъ, вып. I, 1866 г.), въ «Современномъ трудѣ» (1867 г.), «Всемірномъ Трудѣ» Хана, въ «Нивѣ», наконецъ, во «Всемірной Иллюстраціи» Г. Д. Гоппе, гдѣ съ ноября 1869 г. до конца жизни онъ напечаталъ безконечное количество статей (къ 1881 г., по собственнымъ словамъ, оно достигло числа свыше тысячи) по самымъ разнообразнымъ предметамъ; его статьи помѣщены также въ «Вѣстникѣ Изящныхъ искусствъ» (1883 г. «Русскіе живописцы-пенсіонеры Петра Великаго», «Пропавшій бюстъ Екатерины II», замѣтка, и 1890 г.—«Очеркъ исторіи русской скульптуры въ Россіи»), въ «Россійской библіографіи» (1880 г.), въ «Кругозорѣ» (1877 г.) и другихъ изданіяхъ. Изъ отдѣльно изданныхъ работъ Петрова назовемъ нѣкоторыя, чтобы показать, какъ разнообразны были его интересы: «Описаніе памятника тысячелѣтія Россіи» (1862), «Замѣтки историко-художественныя и изслѣдованія» (1862 г., изъ «Иллюстраціи»), «К. Штейбенъ, біографическо-художественный очеркъ» (1862), «Сборникъ матеріаловъ для исторіи Импер. Академіи Художествъ за сто лѣтъ ея существованія» (3 т. и 1 т. примѣчаній, 1863—1866 г.), «Обзоръ исторіи мозаики вообще и особенно въ Россіи» (1864—1865), «Описаніе Греческой посольской церкви св. Димитрія Солунскаго» (1866 г.), «Очеркъ дѣятельности архитектора К. А. Тона» (1865 г.); «Матеріалы для исторіи строительной части въ Россіи» (1869 г.), «Каталогъ выставки русскихъ портретовъ извѣстныхъ лицъ XVI—XVIII в.» (1870 г.), «Альбомъ 200-лѣтняго юбилея императора Петра Великаго» (1872 г., съ С. Н. Шубинскимъ), «Альбомъ русскихъ народныхъ сказокъ и былинъ» (1875 г., съ рисунками Соколова, Васнецова, Брожа и Панова), «Дѣятели эпохи преобразованій» (1877 г.), «Н. С. Пименовъ, біографическій очеркъ» (1883 г.), «Исторія С.-Петербурга съ основанія города до введенія въ дѣйствіе выборнаго городского управленія по учрежденію о губерніяхъ 1703—1782 (1885 г.), «Исторія родовъ русскаго дворянства» (1885 г.). Въ 1873—1878 г. онъ одинъ, безъ сотрудниковъ, составлялъ «Календарь Гоппе»; написалъ большую біографію Екатерины II, не пропущенную въ печать цензурой. П. писалъ также историческіе повѣсти и романы, какъ, напр., «Іоаннъ III, начатый Н. В. Кукольникомъ, а со 2-й главы II части продолженный и оконченный Петровымъ», «Семья вольнодумцевъ» (сперва въ «Нивѣ», а затѣмъ и отд. изданіе), «Царскій судъ» (въ «Кругозорѣ» и отд. изд. 1877 г.), «Балакиревъ» (во «Всемірной Иллюстраціи» 1880 г. и отд. изд. 1881 г.), «Два узла одной веревки» и мн. др.

Обладая необыкновеннымъ трудолюбіемъ, Петровъ добился постепенно разрѣшенія на доступъ во всѣ столичные архивы, какъ-то: Сенатскій, Синодскій, Департаментовъ Иностранныхъ исповѣданій, Герольдіи и другихъ, Министерствъ: Военнаго, Путей Сообщенія, Юстиціи, Академіи Художествъ, въ архивы кладбищъ, консисторій, церквей и др. Здѣсь онъ занимался по цѣлымъ мѣсяцамъ, извлекая изъ дѣлъ разныя замѣтки, на основаніи которыхъ писалъ свои многочисленныя статьи. Впрочемъ, вслѣдствіе стремленія собрать возможно больше матеріаловъ (интересы же его были весьма разнообразны) и по причинѣ всегдашней спѣшки и желанія какъ можно больше просмотрѣть и выписать, Петровъ часто допускалъ ошибки, описки, и не достаточно обдуманныя предположенія которыя заставляютъ относиться къ его работамъ съ извѣстною долей осторожности. Значительная часть собранныхъ имъ матеріаловъ, по возможности критически провѣренныхъ, вошла въ помѣщенный въ LX и LXII тт. «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» списокъ именъ русскихъ дѣятелей, долженствующихъ войти въ настоящій «Русскій Біографическій Словарь».

Петровъ умеръ совершенно одинокимъ 29-го марта 1891 г. въ Маріинской больницѣ и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ. Оставшіеся послѣ Петрова матеріалы были про-

даны нѣсколькимъ частнымъ лицамъ. П. былъ почетнымъ вольнымъ общникомъ Императорской Академіи Художествъ, членомъ сотрудникомъ въ С.-Петербургскаго Общества архитекторовъ (съ 1876 на засѣданіяхъ его онъ читалъ много историко-біографическихъ и другихъ статей) и членомъ Императорскаго Археологическаго и Русскаго Географическаго Обществъ.

«Знакомые. Альбомъ М. И. Семевскаго», С.-Пб. 1888 г., стр. 2—3 и 157; «Историческій Вѣстникъ» 1891 г., № 5 (Воспоминаніе о немъ П. Н. Полевого и некрологъ); «Всемірная Иллюстрація» 1891 г., т. XLV, № 1160, стр. 267; «Нива» 1891 г., № 22, стр. 496; «Новое Время» 1891 г., № 5418; «Новости» 1891 г., № 90; Семидесятилѣтіе гимназіи Импер. Человѣколюбиваго Общества, С.-Пб. 1898, стр. 274; А. П. Максимовъ. Матеріалы къ исторіи двадцатипятилѣтней дѣятельности С.-Пб. Общества архитекторовъ С.-Пб. 1895, стр. 2—7 и 161. *Б. Львовъ.*

Петровъ, *Сергѣй Гавриловичъ*, издатель календарей и писатель первой четверти XIX вѣка. Имъ изданы были два календаря: одинъ въ 1823 году въ Московской типографіи Августа Семена, другой—въ 1812 г., въ московской же типографіи Воейкова (296 стр.). Первый календарь носитъ заглавіе: «Телескопъ. Астрономическій, астрологическій, физическій и политическій календарь, составленный на 200 лѣтъ, показывающій свойства и теченіе небесныхъ тѣлъ, господствованія планетъ, ихъ дѣйствія, перемѣны въ атмосферѣ, полезныя или вредныя вліянія на человѣка и всѣ царства природы». Къ нему приложены: Зороастрова астрологія (о вліяніи планетъ на зачатіе и рожденіе человѣка), Брюсовъ планетникъ (предсказанія на основаніи мѣсяца рожденія), и цѣлый рядъ считавшихся тогда необходимыми свѣдѣній: показаній, какія дѣла и въ какой день надо начинать, предсказанія погоды, толкованіе сновъ, астрологъ древнихъ магиковъ, предсказывающій будущее, новая физіогномія и хиромантія Лафатера. Всѣ эти свѣдѣнія, какъ гласитъ одно изъ прибавленій къ заглавію, «сочинены и расположены по правиламъ главнѣйшихъ мужей—персидскаго царя Зороастра, Юлія Кесаря, Іосифа Мута, гр. Брюса и др. Второй календарь—«Энциклопедическій и экономическій»—похожъ на всѣ нынѣшніе краткіе календари, содержитъ краткое лѣтосчисленіе, пасхалію на 120 лѣтъ, до 1921 г., полный мѣсяцесловъ съ краткимъ жизнеописаніемъ каждаго святого, нѣкоторыя экономическія указанія, совѣты и т. д.

В. Сопиковъ. Опытъ россійской библіографіи; С. Г. Петровъ. «Телескопъ» и «Экономическій календарь»; Н. П. Собко. Календари и мѣсяцесловы за 100 лѣтъ. Берлинъ. 1880 г., стр. 29.

Петровъ, *Филиппъ*; съ именемъ его соединяется донесеніе Новгородскому архіепископу Геннадію о приходѣ во Псковъ латинскихъ «сѣрыхъ чернецовъ» и о преніяхъ между ними и православными священниками по поводу Флорентійскаго собора и различій католическаго и православнаго вѣроисповѣданій. Время сочиненія письма можетъ быть опредѣлено только приблизительно концомъ XV вѣка. Біографическихъ свѣдѣній о Петровѣ не сохранилось никакихъ; относительно общественнаго положенія его можно думать, что онъ былъ владычнымъ намѣстникомъ въ Псковѣ; что же касается до воззрѣній его, то въ письмѣ его высказались лишь взгляды религіозные: Петровъ является въ немъ рѣшительнымъ противникомъ сближенія съ католической церковью.

С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. I (1560—1561 г.); М. Филаретъ. Обзоръ русской духовной литературы, изд. 1884, стр. 121; «Акты историческіе», т. I, стр. 522—523; «Древняя россійская вивліоѳика», т. XIV, стр. 216—218.
Вс. С—ій.

Петровъ, *Юрій Іоакимовичъ* — см. **Петровъ**, *Егоръ Ефимовичъ*.

Петровъ, *Язонъ Васильевичъ*, профессоръ Медико-Хирургической Академіи, сынъ извѣстнаго лирика, родился въ 1780 году, первоначальное образованіе получилъ въ Московской Университетской Гимназіи, а затѣмъ, въ 1798 году, поступилъ волонтеромъ въ Хирургическое Училище Московскаго Генеральнаго Госпиталя и въ 1799 г. перешелъ во вновь учрежденную С.-Петербургскую Медико-Хирургическую Академію. Въ 1803 г. онъ получилъ званіе кандидата медицины, въ томъ же году былъ признанъ въ степени лѣкаря и отправленъ на три года за-границу для научнаго усовершенствованія. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ назначенъ въ 1806 г. адъюнктъ-профессоромъ анатоміи къ профессору Загорскому, а въ 1808 г., послѣ

преобразованія Академіи, — адъюнктъ-профессоромъ анатоміи и физіологіи и, кромѣ того, инспекторомъ студентовъ Въ 1809 г., по смерти профессора Рудольфа, П. подалъ прошеніе о назначеніи его на каѳедру ботаники и фармакологіи—въ виду вреднаго вліянія анатомическихъ работъ на его здоровье. Президентъ Академіи Вилліе для выбора достойнѣйшаго кандидата предложилъ Конференціи сдѣлать испытаніе Петрову и Даніилу Велланскому; послѣдній уже читалъ лекціи съ 1-го сентября, но отъ экзамена отказался, откровенно признавая себя недостаточно свѣдущимъ въ ботаникѣ; такимъ образомъ, каѳедра осталась за Петровымъ. Въ 1816 г. Петровъ исполнялъ въ Академіи должность переводчика, но министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій не утвердилъ его, основываясь на Высочайшемъ повелѣніи, которымъ запрещалось совмѣщеніе должностей. Съ 1817 до 1826 г. Петровъ былъ младшимъ акушеромъ С.-Петербургской части. О дѣятельности его въ качествѣ преподавателя анатоміи неизвѣстно почти ничего. Въ рукописныхъ протоколахъ засѣданій академической Конференціи сохранились о ней только отрывочныя свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, 8-го марта 1807 г. упомянуто донесеніе адъюнкта анатоміи, профессора Ясона Петрова объ осмотрѣнныхъ имъ, по порученію Конференціи, анатомическихъ препаратахъ московскихъ кабинетовъ (эти препараты были предложены Академіи министромъ внутреннихъ дѣлъ). Занимая каѳедру ботаники, Петровъ получилъ въ 1813 г. степень доктора медицины и тогда же произведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Завѣдывая ботаническимъ садомъ, онъ заботился объ улучшеніи академическаго собранія растеній, устроилъ обмѣнъ сѣменами и растеніями между различными садами, завелъ продажу растеній для усиленія денежныхъ средствъ Академіи и т. д. Изъ-за ботаническаго сада онъ имѣлъ въ 1810 г. столкновеніе съ Вилліе и 20-го августа того же года подалъ прошеніе объ отставкѣ. Конференція согласилась на его увольненіе, но, принимая во вниманіе его труды, выразила свое сожалѣніе; Вилліе не принялъ прошенія объ отставкѣ, и 10-го сентября Петровъ извѣстилъ Конференцію, что онъ возобновилъ чтеніе лекцій. Онъ былъ трудолюбивымъ и дѣятельнымъ профессоромъ; писалъ онъ также и стихотворенія (см. ниже); по примѣру многихъ современниковъ, онъ былъ масономъ; въ 1822 г., когда въ Конференціи Академіи возникло, по предписанію министра, «дѣло о массонскихъ ложахъ», и отъ всѣхъ служащихъ была отобрана подписка о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, Петровъ заявилъ, что онъ состоитъ членомъ ложи «Елисаветы». Онъ страдалъ запоемъ и иногда впадалъ въ дрожательный бредъ (бѣлая горячка); въ одномъ изъ прошеній, поданныхъ Конференціи, онъ говорилъ о своемъ недугѣ съ великою скорбью и раскаяніемъ. Въ теченіе 1822 г. Петровъ уже не читалъ лекцій (по болѣзни) и его замѣнялъ состоявшій при немъ адъюнктъ, Илья Протопоповъ. Въ 1823 г. Петровъ былъ уволенъ отъ службы въ Академіи съ пенсіономъ по 2.000 р. въ годъ и мѣсто его заступилъ Протопоповъ.

Въ 1810 г. Петровъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Эрлангенскаго физико-медицинскаго общества, о чемъ извѣстилъ Конференцію директоръ общества, профессоръ Гарлесъ. Въ 1814 г. Петровъ пожертвовалъ въ библіотеку Академіи 43 сочиненія, которыя были оцѣнены въ 300 рублей. Научные труды его слѣдующіе: «Прохаска. Наставленія естествословія человѣческаго (при родовспоможеніи)», перев. съ лат., С.-Пб. 1809 г.; изд. 2 е. С.-Пб. 1810 г., 290 и 271 стр.; «О коноплѣ»—во «Всеобщемъ Журналѣ Врачебной Науки» 1813 г., кн. VI, стр. 86; «Каталогъ растеній ботаническаго сада С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи (по-латыни); Petrop. 1816; Вмѣстѣ съ Дан. Велланскимъ перевелъ съ нѣмецкаго «Прохаска. Физіологія или наука о естествѣ человѣческомъ», С.-Пб. 1822 г., 634 стр.

Кромѣ трудовъ по своей спеціальности, П. извѣстенъ еще, какъ авторъ слѣдующихъ стихотвореній: 1) «Пѣснь Славянина Москвы при всеобщемъ торжествѣ Европы», С.-Пб. 1814; 2) «Ода на всевожделѣнное прибытіе во градъ св. Петра его императорскаго величества Александра I, дѣломъ поборника правды». С.-Пб. 1814. Онъ же перевелъ на

англійскій языкъ «Гимнъ лиро-эпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества», сочиненный въ 1812 году Державинымъ и переведъ всю «Иліаду» гекзаметрами, но переводъ этотъ остался неизданнымъ. Кромѣ того, онъ написалъ біографію своего отца, которая была напечатана въ первой части «Соревнователя» за 1818 годъ.

Архивныя дѣла Импер. Военно-Медицинской Академіи; Исторія Императорской Военно-Медицинской Академіи за 100 л.; С.-Пб. 1898 г., стр. 102, 145, 172, 179. 182, 185, 193, 195, 218, 238, 257, 278 и 283; И. Е. Бородинъ. Историческій очеркъ каѳедры ботаники въ Императ. Военно-Медицинской Академіи. С.-Пб. 1898 г., стр. 6, 8 и 10; Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели. вып. I. С.-Пб. 1886 г.; П. П. Сущинскій и С. Д. Костюринъ. Очеркъ исторіи каѳедры фармакологіи съ рецептурой, С.-Пб. 1898 г., стр. 11—12; Л. Попельскій, Историческій очеркъ каѳедры физіологіи въ Импер. Военно-Медицинской Академіи; С.-Пб. 1898 г., стр. 8, 18 и 19; А. И. Таренецкій. Каѳедра и музей нормальной анатоміи, С.-Пб. 1895 г., стр. 22; Соч. Державина, изд. подъ ред. Я. К. Грота, т. III и VI; Сборникъ 2-го Отдѣленія Импер. Академіи Наукъ, т. V, в. 1; Соч. К. Н. Батюшкова, т. III.

Н. Кульбинъ и В. С—въ.

Петровъ, *Яковъ*, граверъ пунктиромъ Бекетовской школы; имъ исполнены портреты: барона Ф. Ѳ. Винценгероде, князя Потемкина, В. Н. Татищева, модная картинка къ «Московскому Телеграфу», съ надписью: «Костюмъ Парижской, Я. П.»; виньетка на заглавномъ листѣ къ «Баснямъ и сказкамъ И. И. Хемницера», М. 1830 г., изображающая надгробный памятникъ, съ подписью: «Грав. Я. Петровъ» и картинка въ томъ же изданіи къ баснѣ «Медвѣдь Плясунъ», съ подписью: «Грав. Я. Петровъ».

Д. А. Ровинскій. «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ», С.-Пб. 1889; его же. Подробный словарь русскихъ граверовъ. С.-Пб. 1895. *А. Новицкій.*

Петрожицкій, *Ц. О.*—см. **Петрижицкій**.

Петрозиліусъ, *Иванъ Даниловичъ* (*Іоганнъ-Бернгардъ*), писатель; род. въ 1776 г. и былъ сыномъ духовнаго совѣтника; живя въ Москвѣ, онъ 22-го мая 1810 г. поступилъ на службу учителемъ нѣмецкаго языка и словесности въ Московскую Практическую Академію Коммерческихъ наукъ, и, оставаясь здѣсь, 1-го сентября 1814 г. былъ приглашенъ учителемъ латинскаго и нѣмецкаго языка въ «Учрежденное при Московской Губернской гимназіи воспитательное заведеніе для благородныхъ» (съ 1824 г. его уже не было здѣсь на службѣ) и въ 1823 г., по представленію Коммерческой Академіи, награжденъ былъ чиномъ титулярнаго совѣтника; въ Академіи онъ прослужилъ до 1836 года, преподававъ одно время и латинскій языкъ; кромѣ того, съ 1829 по 1837 г. П. состоялъ также помощникомъ библіотекаря въ Московскомъ Университетѣ, а съ 1830 г. былъ въ числѣ членовъ Московскаго Общества испытателей природы. П. былъ извѣстенъ, какъ ученый энциклопедистъ; одно время (ранѣе 1810 г.) онъ былъ воспитателемъ и учителемъ А. С. Грибоѣдова.

Изъ сочиненій Петрозиліуса на нѣмецкомъ языкѣ, намъ извѣстны слѣдующія: 1) «Bei dem Absterben Zacharias v. Burinsky», Moskwa. 1808 (стихи); 2) «Dem Andenken Alexanders des Gesegneten, gewidmet J. B. Petrosilus, Lehrer der Deutschen und Lateinischen Litteratur an der Praktischen Handlung - Akademie zu Moskwa. M. 1826 (стихи, 4°, 8 стр.); 3) «Dem Andenken Elisabeths Russlands unvergesslicher Kaiserinn, von J. B. Petrosilius. Lehrer etc»... M. 1826 (стихи 4°, 8 стр.); 4) «Festgesang Ihren Majestäten dem Kaiser Nikolaus dem Ersten und der Kaiserinn Alexandra Teodorowna zur Krönungsfeier ehrfurchtsvoll dargebracht von J. B. Petrosilius, Lehrer etc.», M. 1826 (стихи, 4°, 9 стр.); 5) «Seiner Excellenz G. Fischer von Waldheim, Direktor der Kaiserlichen Naturforschenden Gesellschaft, bei Gelegenheit der von derselben ihm überreichten goldenen Dose», M. 1833 (стихи); 6) будучи библіотекаремъ въ Московскомъ университетѣ, П. издалъ: «Каталогъ книгъ библіотеки Императорскаго Московскаго Университета, составленный библіотекаремъ Ферд. Фрид. Рейссомъ. Изданъ трудами Ивана-Бернгарда Петрозиліуса, помощника библіотекаря». М. 1831, 1832 и 1836 г., 3 тома. 4°.

Формулярный списокъ за 1819 г. (Сенатскій Архивъ, Формулярные списки 1819 г., № 107, лл. 16—17); Адресъ-календари 1812—1838 г.; Ив. Глѣбовъ и Дм. Ивановъ. Исторія Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, М. 1860 г., стр. 75, 122, 123, 172, 327; «Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Московскаго Университета 26-го іюля 1829 г.», М. 1829, стр. 59; Russica Импер.

Публ. Библіотеки, т. II, стр. 91–92; Сочиненія А. С. Грибоѣдова, подъ ред. И. А. Шляпкина; «Русск. Стар.» 1874 г., т. X, стр. 154.

Б. М—ій.

Петропавловскій, *Николай Ельпидифоровичъ*, извѣстный подъ псевдонимомъ *Каронина*, писатель-беллетристъ; родился 7-го октября 1853 г. въ Бузулукскомъ у., Самарской губ. Отецъ его былъ священникомъ въ деревнѣ Аѳонькиной; семья была большая — у Ник. Ельп. было два брата и три сестры (по возрасту онъ былъ предпослѣднимъ),— и жить приходилось туговато, на крестьянскій ладъ. Въ дѣтствѣ Н. Е. отличался болѣзненностью и слабостью и росъ тихимъ и сосредоточенно-кроткимъ ребенкомъ. Родители не имѣли возможности посвящать ему много заботъ, и одинъ случай изъ исторіи его ранняго дѣтства наглядно характеризуетъ ту обстановку, въ которой онъ выросъ. Однажды, оставленный безъ всякаго присмотра въ кухнѣ, мальчикъ подвергся нападенію гусыни, испыталъ сильный испугъ, и съ тѣхъ поръ на всю жизнь сдѣлался заикой. Первыя впечатлѣнія П. сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ народнаго, безпримѣсно-деревенскаго быта. Любимыми занятіями его была рыбная ловля и участіе въ крестьянскихъ работахъ отца и братьевъ. Мальчикъ настолько привыкъ къ этой обстановкѣ родныхъ полей и простой привольной жизни, что, отрываясь отъ нея для школьнаго обученія, да и впослѣдствіи, въ періодъ самостоятельной жизни, онъ тосковалъ по ней, и его неудержимо влекло на родину. Отецъ и братъ Александръ научили его грамотѣ и на 10-мъ году отдали сначала въ Бузулукское духовное училище, а затѣмъ, по окончаніи, въ Самарскую Семинарію. Здѣсь, среди самыхъ неблагопріятныхъ условій матеріальнаго существованія, молодой П. началъ много читать и дѣятельно работать надъ саморазвитіемъ и самоопредѣленіемъ, посѣщая нѣкоторые изъ образовавшихся въ то время среди молодыхъ людей интеллигентные кружки, возбуждавшіе живой обмѣнъ мыслями по поводу прочитаннаго. Предположенная родителями дорога въ священники рѣшительно не улыбалась П., и онъ не безъ борьбы убѣдилъ отца позволить ему выбрать дѣятельность себѣ по душѣ. Семинарія не удовлетворяла П., и онъ, не кончивъ ея курса, перешелъ въ гимназію, продолжая читать запоемъ и вырабатывать то устойчивое, органически-народное міросозерцаніе, которому онъ остался вѣренъ всю жизнь. Но гимназическій періодъ самообразованія П. оборвался рѣзко и неожиданно. Замѣшанный въ какое-то политическое дѣло, вѣрнѣе—обвиненный въ посѣщеніи кружковъ, гдѣ бывали нѣкоторые изъ такъ называемыхъ «политическихъ», онъ былъ заключенъ 5-го августа 1874 г. въ тюрьму, провелъ въ ней около 4 лѣтъ (въ Саратовѣ, въ Москвѣ и Петербургѣ) и, послѣ непродолжительнаго свободнаго промежутка, былъ сосланъ въ Сибирь, въ Курганъ и Ишимъ. Въ заключеніи П., вѣрный своему стремленію не спускаться до приспособленія къ обстоятельствамъ, но приспособлять послѣднія къ своимъ цѣлямъ, продолжалъ читать и изучилъ французскій и англійскій языки. Въ 1878 г., въ одинъ изъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ упомянутаго промежутка, П. женился, а въ слѣдующемъ году началась его напряженная литературная дѣятельность, не прекращавшаяся до послѣднихъ дней его жизни. Къ сожалѣнію, она не могла въ достаточной мѣрѣ удовлетворить семейныя нужды П., у котораго родился сынъ, и послѣдующіе годы принесли ему много тяжелыхъ лишеній и горестей: то ему приходилось мѣнять мѣсто жительства, гдѣ онъ находилъ болѣе или менѣе опредѣленную литературную работу, то случайно обрывалась работа въ журналѣ, гдѣ онъ считалъ-было себя постояннымъ сотрудникомъ. Въ Ишимѣ, по разсказамъ близко знавшихъ П. лицъ, послѣднему приходилось самому и стряпать, и мыть иногда полы, и возиться съ ребенкомъ. Если несчастно сложившіяся житейскія обстоятельства дѣлали эту жизнь безконечно-тяжелой для писателя, «ужасной», по словамъ тѣхъ, кто видѣлъ ее вчужѣ, то, съ другой стороны, какъ жизнь личности, самостоятельно мыслящей и въ высшей степени симпатичной по искренности идейныхъ стремленій, она была исполнена глубокаго внутренняго содержанія.

Въ 1886 г. П. получилъ возможность вернуться на родину, жилъ въ Казани и въ Нижнемъ-Новгородѣ, работая въ

разныхъ изданіяхъ и постоянно борясь съ нуждой. Наконецъ, надломленный организмъ не выдержалъ, и 12-го мая 1892 г. писателя не стало. Онъ умеръ отъ горловой чахотки въ Саратовѣ, на Святыхъ горахъ.

На литературное поприще П. выступилъ въ 1879 году съ разсказомъ «Безгласный» въ «Отечественныхъ Запискахъ»; за нимъ послѣдовали другіе разсказы изъ народнаго быта—въ томъ же журналѣ («Ученый», «Фантастическіе замыслы Миняя», «Вольный человѣкъ», «Послѣдній приходъ Демы» и др.) и въ «Словѣ» («Подрѣзанныя крылья», «Мѣшокъ въ три пуда»). Переселившись въ Саратовъ, гдѣ прошли послѣдніе годы его жизни, П. сотрудничалъ сначала въ мѣстныхъ газетахъ, затѣмъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Русской Мысли», «Казанскомъ Листкѣ». Наиболѣе крупныя произведенія этого періода были помѣщены имъ въ «Русской Мысли»: «Мой міръ» (1888), «На границахъ человѣка» (1889 г.), «Борская колонія» (1890 г.). Въ концѣ 1891 г. лучшія произведенія П. были изданы въ трехъ томахъ. Еще будучи въ Тобольской губ., онъ занимался экономическимъ изслѣдованіемъ южныхъ округовъ этого края и получилъ за свои изысканія премію отъ Западно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества; они были напечатаны въ «Запискахъ» Восточно-Сибирскаго Отдѣла, кн. VIII, вып. I, Омскъ. 1886).

Не отличаясь крупнымъ художественнымъ талантомъ, П., тѣмъ не менѣе, занялъ видное мѣсто въ числѣ нашихъ беллетристовъ-народниковъ, и такое положеніе дала ему прежде всего непосредственность его отношенія къ изображаемому быту, подкупающая читателя простотой и правдивостью изображенія. Образы его блѣдны, но жизненны; въ описаніяхъ не трудно подмѣтить нѣкоторую сухость красокъ, но на всемъ лежитъ печать серьезной думы, устраняющей всякую возможность какъ сентиментальной идеализаціи, такъ и намѣренной каррикатуры. По силѣ своего таланта П., конечно, не можетъ идти въ сравненіе съ Глѣбомъ Успенскимъ, но по указаннымъ свойствамъ его дарованія разсказы его служатъ существенно-важнымъ дополненіемъ къ художественной характеристикѣ нашей деревни, сдѣланной тѣмъ же Успенскимъ, затѣмъ Златовратскимъ, Левитовымъ и др. Чувствуется, что авторъ слишкомъ хорошо знаетъ свой міръ и слишкомъ живетъ его интересами, чтобы запутать въ его изображеніе какую бы то ни было доктрину, прекрасную въ отвлеченномъ видѣ, но не вытекающую изъ фактовъ, и въ этомъ смыслѣ П. никогда не былъ народникомъ-доктринеромъ. Выдѣляясь, такимъ образомъ, отъ своихъ собратьевъ по кисти, П. совпадаетъ со многими изъ ихъ симпатичнѣйшихъ тенденцій тѣми невольными заключеніями, которыя складываются въ головѣ читателя при чтеніи его разсказовъ. Простымъ и вѣрнымъ народнымъ языкомъ характеризуетъ П. самыхъ разнообразныхъ представителей деревенскаго люда; изъ нихъ каждый имѣетъ свою особую физіономію, низменныя и возвышенныя чувства, каждый заслуживаетъ вниманія и сочувствія, всѣ вмѣстѣ ждутъ просвѣщенія и помощи, помощи всесторонней, отъ врачебнаго и юридическаго совѣта до выполненія заповѣди Христовой—одѣть и накормить нища и нага суща—включительно. Печальное положеніе деревни служило предметомъ изображенія и другихъ писателей-народниковъ; у П. оно проникнуто почти сплошь безотраднымъ колоритомъ, который не сглаживается эпизодами подчасъ комическаго свойства.

Если, по разсказамъ П., «власть земли» до того худо кормитъ мужика, что добрая половина его «звѣрства» объясняется этимъ жалкимъ существованіемъ впроголодь, то не лучше или, по крайней мѣрѣ, не всегда лучше живется ему, когда онъ оторвется отъ нея. И тутъ стережетъ его моральная и физическая гибель, ставящая его передъ самимъ собой въ унизительное положеніе, доводящая до сознанія, что онъ «въ родѣ какъ прохвостъ». Такимъ оторваннымъ отъ земли мужикомъ, знающимъ только одинъ моральный принципъ—огрызаться на всякое притѣсненіе и на безчеловѣчье отвѣчать звѣрствомъ, является Михайло въ разсказѣ «Снизу вверхъ»; таковы босяки («На границѣ человѣка»). Но при всей ихъ жесткости и обозленности, они—не звѣри, не животныя, ра-

зорвавшія со всѣмъ, что въ человѣкѣ есть благороднаго и возвышеннаго: Божья искорка человѣчности горитъ и въ ихъ душѣ, только она глубоко затаилась, завалена житейскимъ хламомъ и соромъ и рѣдко получаетъ возможность прорваться наружу...

По вопросу объ интеллигенціи въ ея отношеніяхъ къ деревнѣ, П. занялъ совсѣмъ особое положеніе среди прочихъ художниковъ народнаго быта. Онъ не разобщилъ ее съ народомъ, не представилъ въ видѣ двухъ враждующихъ лагерей, а взялъ, такъ сказать, вмѣстѣ, подмѣтилъ и въ ней стороны, сближающія ее съ народомъ общностью мотивовъ сочувствія и сожалѣнія. Типъ средняго интеллигентнаго человѣка, въ конкретныхъ случаяхъ мало удавшійся П., человѣка съ явнымъ оскудѣніемъ духа, можетъ быть охарактеризованъ сопоставленіемъ, какое дѣлаетъ нѣкій Зерновъ («На границѣ человѣка») изъ своей жизни съ жизнью босяковъ. «Чѣмъ же они жили», спрашиваетъ онъ: «что ихъ удерживало отъ смерти?» Предлагая себѣ такіе вопросы, Зерновъ съ болью копался въ себѣ. «Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ-то живетъ? Его-то что удерживаетъ отъ смерти? Несмотря на молодость, въ сердцѣ его червоточина; онъ ни во что не вѣритъ, кромѣ жизненныхъ мелочей; онъ ничего не ждетъ, кромѣ завтрашняго дня; все выходящее изъ круга этихъ мелочей онъ считаетъ или глупымъ, или фальшивымъ. Съ людьми онъ ничѣмъ не связанъ. Вмѣсто обязательныхъ идеаловъ, у него пустопорожнее мѣсто. Въ мечтахъ и въ жизни онъ одинъ, и самъ не знаетъ, ради чего и кого онъ существуетъ. Онъ просто босякъ, только въ другомъ родѣ...» Но на самомъ дѣлѣ, если въ этомъ смыслѣ Зерновъ и босякъ, то не безнадежный, какъ тѣ, которыхъ онъ наблюдалъ «въ натурѣ»; въ немъ происходитъ нравственное просвѣтлѣніе (принимаемое, впрочемъ, иными за душевную болѣзнь) которое приведетъ его, вѣроятно, къ служенію народнымъ интересамъ. Этотъ выводъ читатель имѣетъ право сдѣлать изъ разсказа, хотя авторъ заканчиваетъ послѣдній только полунамекомъ, полунадеждой; если это такъ, онъ явится свѣтлымъ лучомъ на мрачномъ фонѣ нарисованной П. дѣйствительности. Мрачныя краски зависѣли въ этомъ случаѣ не отъ пессимизма личности писателя, а отъ его глубокаго сознанія глубины и истинныхъ причинъ деревенской неурядицы и бѣдствій. П. всегда указывалъ, гдѣ, по его мнѣнію, лежалъ корень зла, и потому его произведенія, какъ ни разсматривать ихъ съ эстетической точки зрѣнія, сохранятъ значеніе гуманной идейности, проникнутой стремленіемъ къ общественному и общенародному благу.

Литература о П.: Каронинъ (Петропавловскій). Разсказы. 3 тома. М. 1890—1891; большая статья А. Н. Пыпина въ «Вѣстникѣ Европы» 1893 г., № 4 («Деревня»); Каронинъ (Н. Е. Петропавловскій). Біографическій очеркъ и посмертныя произведенія. М. 1893. S. aut.; М. Протопоповъ, Литературно-критическія характеристики, 2-е изд., М. 1898; А. М. Скабичевскій, Исторія новѣйшей русской литературы, 1848—1898 гг., 4-е изд., С.-Пб. 1900; Энцикл. Словарь Брокгауза и Эфрона, т. 46; «Библіогр. Записки» 1892, № 9; «Всемірная Иллюстрація 1892, № 221, стр. 452; «Библіографъ» 1892, № 4—5; «Новое Время» 1892, № 5.823; «Историч. Вѣстн.» 1892, № 7; «День» 1892, № 1.413. *Евг. Ляцкій.*

Петрулевъ, *Яковъ Юрьевичъ* (также — **Петрулли, Петронелли, Петрулинъ**), миніатюрный живописецъ; отецъ его природный итальянецъ *Юрій Яковлевичъ* Петрулли, служилъ въ Венеціанскомъ флотѣ боцманомъ, а въ 1692 г., по указу Петра I, былъ выписанъ черезъ генерала Мих. Матюшкина въ Россію и принятъ въ морской галерный флотъ; въ 1714 г. (1-го мая) онъ былъ пожалованъ въ поручики при Адмиралтействѣ, находился въ Казани «у строенія и оснастки военныхъ судовъ и въ походахъ и баталіяхъ у Выборга, Ревеля, Гельсингфорса и Стокгольма», а въ 1720 г. (27-го февраля) умеръ въ Ревелѣ. *Яковъ Юрьевичъ* Петрулевъ (какъ самъ онъ подписывался) родился въ 1716 г. (послѣ отца онъ остался 4-хъ лѣтъ) и въ 1724 г. былъ отданъ для обученія «въ Семинарію покойнаго Новгородскаго архіепископа Ѳеофана», гдѣ пробылъ до 1737 г., когда, по указу импер. Анны, былъ опредѣленъ въ Инженерный Корпусъ «рисовальнымъ мастеромъ для обученія учениковъ». Въ 1743 г., 14-го іюля, онъ получилъ чинъ инженернаго прапорщика и въ томъ же году былъ командированъ въ Герольдмейстерскую Контору «для рисованія Ея Императорскаго Величества Лейбъ-кампаніи дипломовъ и гербовъ»; за усер-

діе въ работѣ онъ 6-го февраля 1751 г. получилъ чинъ инженеръ-подпоручика; 30 го іюля 1781 г. П. получилъ чинъ коллежскаго ассесора, въ 1787 г. (22-го сентября) былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, а въ 1791—1793 г. состоялъ членомъ въ Коммиссіи разобранія въ С.-Петербургской крѣпости старыхъ дѣлъ. Онъ умеръ до марта 1798 года.

Архивъ Департамента Герольдіи Правит. Сената: Книги рѣшенныхъ дѣлъ 1748—1753 г., лл. 502—639 (автобіогр. сообщеніе); «Общій Морской Списокъ», т. I, стр. 301; Архивъ Дирекціи Императорскихъ театровъ, т. I (по указат); Придворный мѣсяцесловъ на1791 г., стр. 147; Списокъ находящимся въ статской службѣ чинамъ на 1793 г., стр. 169; Архивъ Капитула Орденовъ (кавалерскіе списки по орд. Владиміра 4-й степ.); Н. Собко. Словарь русскихъ художниковъ, т. III, вып. I, стр. 207 (свѣдѣнія невѣрныя). *Б. Львовъ.*

Петрулинъ, *Василій Васильевичъ*, Бессарабскій вице-губернаторъ; долгое время онъ служилъ адъютантомъ при герцогѣ Ришелье въ Одессѣ, а съ 1819 по 1823 г. былъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, Херсонскимъ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ Херсонской Казенной Палаты; 26-го мая 1820 г. онъ получилъ орденъ св. Владиміра 3-й степени и въ 1823 г. или началѣ 1824 г. переведенъ былъ на должность вице-губернатора въ Кишиневъ; здѣсь онъ, предсѣдательствуя въ Казенной Экономической Экспедиціи Областного Правительства, отличался своею полезною дѣятельностью, и, по словамъ Ф. Ф. Вигеля, «менѣе чѣмъ въ годъ успѣлъ казенныя дѣла извлечь изъ хаоса», въ которомъ оставилъ ихъ его предшественникъ М. Е. Крупенскій. Будучи человѣкомъ чрезвычайно добросовѣстнымъ и трудолюбивымъ, П. совершенно разстроилъ свое и безъ того слабое здоровье непосильною работой и умеръ 6-го ноября 1824 года; на его мѣсто былъ назначенъ Ф. Ф. Вигель, извѣстный авторъ «Записокъ», въ которыхъ о В. В. Петрулинѣ дано нѣсколько весьма сочувственныхъ отзывовъ.

Адресъ-календари 1820—1825 г.; Архивъ Капитула Орденовъ; Ф. Ф. Вигель. Записки, изд. «Русскаго Архива»; И. П. Липранди. «Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля», М. 1873 г., стр. 146, 147 и 149. *Б. Гарскій.*

Петрусевичъ, *Лукіанъ Осиповичъ*, врачъ, происходилъ изъ дворянъ, родился въ 1823 г., умеръ въ 1859 г.; врачебное образованіе получилъ въ Московскомъ Университетѣ, въ которомъ былъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ. Въ 1847 г. онъ окончилъ курсъ съ званіемъ лѣкаря и былъ опредѣленъ въ Эриванскій военный госпиталь ординаторомъ, въ 1856 г. былъ подъ судомъ за неправильное обвиненіе другихъ, а въ слѣдующемъ году уволенъ; имѣлъ чинъ титулярнаго совѣтника; онъ напечаталъ: «Острый сапъ у человѣка (malleus humidus et farciminosus)» —въ «Военно-Медицинскомъ Журналѣ» 1854 г., ч. 64, I; То-же—въ «Medic. Zeitung Russlands» 1855 г., стр. 105 и 113.

Л. Ѳ. Змѣевъ. Русскіе врачи-писатели, тетр. II С.-Пб. 1886 г. *Н. Кульбинъ.*

Петрусевичъ, *Николай Григорьевичъ*, генералъ-маіоръ; изъ дворянъ, службу свою началъ артиллерійскимъ офицеромъ 16-го іюня 1856 г.; въ 1863 г. получилъ орденъ св. Станислава 3-й ст. съ мечами и бантомъ, 9-го января 1873 г. былъ произведенъ въ полковники. Послѣднія десять съ лишкомъ лѣтъ своей жизни онъ почти всѣ провелъ на Кавказѣ, —въ Кубанской области, занимая мѣсто сперва начальника Эльбрусскаго округа, а потомъ Баталпашинскаго уѣзднаго начальника. Въ началѣ 1870-хъ годовъ П. былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи для изслѣдованія рѣки Аму-Дарьи, въ 1879 г. былъ сдѣланъ начальникомъ Закаспійскаго военнаго отдѣла и поселился въ Красноводскѣ, оставаясь въ то же время помощникомъ М. Д. Скобелева; въ 1880 г., числясь по полевой пѣшей артиллеріи, состоялъ въ распоряженіи Е. И. В. Главнокомандующаго Кавказскою арміею.

Произведенный въ мартѣ 1880 года въ генералъ-маіоры, онъ принялъ въ концѣ того же года участіе въ экспедиціи противъ ахалъ-текинцевъ и 23-го декабря 1880 г. погибъ, убитый въ бою подъ Геокъ-Тепе. Человѣкъ очень умный, горячо преданный своему дѣлу, П. проявилъ во время службы своей въ Кубанской области такую заботливость о мѣстномъ населеніи и такое гуманное отношеніе къ нему, что, не смотря на довольно большой промежутокъ времени, протекшій со времени его ухода оттуда, симпатіи народонаселенія къ нему были настолько крѣпки, что послѣ извѣстія

о его смерти къ начальнику области одновременно поступили просьбы отъ Карачаевцевъ и Заленчукскихъ горцевъ объ исходатайствованіи разрѣшенія похоронить его на принадлежащихъ имъ земляхъ, при чемъ расходы на перевозку тѣла изъ Закаспійскаго края и устройство памятника какъ тѣ, такъ и другіе принимали на себя. Начальникъ края Н. Н. Кармалинъ посовѣтовалъ имъ похоронить Петрусевича въ Баталпашинскѣ.

Отличаясь безукоризненною честностью, Петрусевичъ строго охранялъ интересы казны и нажилъ себѣ не мало враговъ. Помимо своей служебной дѣятельности, онъ находилъ время заниматься научными изслѣдованіями. Такъ, напр., имъ были изслѣдованы сѣверо-восточныя провинціи Хоросана, смежныя съ ахалъ-текинскимъ оазисомъ, что послѣ взятія Геокъ-Тепе получило большое значеніе; подъ его же руководствомъ произведена была нивеллировка Узбоя, то-есть древняго русла Аму-Дарьи, при чемъ выяснилось, что направленіе Аму-Дарьи въ Каспійское море встрѣчаетъ сильное препятствіе въ громадной впадинѣ, находящейся между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и лежащей значительно ниже Каспія. Свои ученые труды Н. Г. печаталъ въ «Запискахъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

Петрусевичу, по окончаніи военныхъ дѣйствій, предстояло дѣло окончательнаго умиротворенія края введеніемъ въ немъ гражданскаго устройства.

«Новое Время» 1881 г., № 1745: Воспоминанія о генералѣ Н. Г. Петрусевичѣ, И. Л.; «Новое Время» 1881 г., № 1741 и 1763; «Записки Имп. Русскаго Географическаго Общества»; «Отчетъ Импер. Русскаго Географическаго Общества за 1880 г.»; «Военный календарь» на 1883 г., стр. 150; «Русскій Инвалидъ» 1881 г., № 1; «Кубанскія Областныя Вѣдомости» 1881 г., №

Б. Алексѣевскій.

Петрусинскій, *Людовикъ*, писатель, родился во Львовѣ 9-го марта 1803 г.; окончивъ курсъ гимназіи во Львовѣ, онъ поступилъ во Львовскій Университетъ на философскій факультетъ, а затѣмъ въ Вѣнскомъ Университетѣ окончилъ полный курсъ наукъ по юридическому факультету со степенью доктора правъ, полученною за диссертацію: «Gegenstände der öffentlichen Vertheidigung aus allen Theilen der Rechts und politischen Wissenschaften» (Вѣна. 1828). Послѣ этого П. поселился во Львовѣ, въ качествѣ присяжнаго повѣреннаго, но уже въ 1832 г. переѣхалъ въ Варшаву, гдѣ исправлялъ должность ассессора, защитника и совѣтника Прокураторіи Царства Польскаго. Въ Варшавѣ онъ добился популярности защитою Ченстоховскихъ монаховъ, обвиненныхъ графами Менчинскими въ мнимой кражѣ какого-то клада, будто ввѣреннаго монахамъ на храненіе, и своею филантропическою дѣятельностью въ качествѣ члена Общества призрѣнія бѣдныхъ, члена Главнаго Совѣта управленія богоугодныхъ заведеній и члена церковной протестантской коллегіи. Въ 1862 г. П. получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ назначенъ членомъ X Департамента Правительствующаго Сената; онъ засѣдалъ также въ Коммиссіи погашенія государственнаго долга Царства Польскаго. Умеръ въ Варшавѣ 26-го апрѣля 1865 года.

П. получилъ прекрасное образованіе, спеціальное и общее. Какъ юристъ, онъ прославилъ себя трактатомъ, изданнымъ по случаю упомянутаго процесса подъ заглавіемъ: «Odpowiedź Prokuratoryi generalnéj Królestwa Polskiego na wywód apelacyjny Wojciecha, Stanisława i Jana hrabiów Mięcińskich» (Варшава. 1839). Хорошо изучивъ языки нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, испанскій и чешскій, П. постоянно слѣдилъ за развитіемъ иностранныхъ литературъ и со времени прибытія въ Варшаву былъ сотрудникомъ почти всѣхъ варшавскихъ повременныхъ изданій, помѣщая въ нихъ историческія изслѣдованія и статьи литературнаго содержанія. Съ 1833 по 1836 годъ онъ редактировалъ «Dziennik Krajowy»; въ 1856 г. издалъ въ честь Станислава Яховича сборникъ «Wieniec», въ трехъ томахъ, содержащій произведенія 272 современныхъ писателей и литераторовъ. Отдѣльно появились въ печати, въ Варшавѣ, слѣдующіе труды П.: «Pieśń na poświęcenie szpitala ewangielickiego» (1837); «Mowa przy pogrzebie Ludwika Teichmana» (1839); «Podróże, przejażdżki i przechadzki po Europie» (2 тома, 1843); «Wspomnienia z Wenecyi, Wiednia, Karpat Wadowickich, Frankfurtu nad Menem» (2 тома, 1845); «O Czechach i Polsze w wieku XIV, XV i

XVI» (1857); «O prawodawstwie wieku XVIII» (1858) съ приложеніемъ систематической библіографіи сочиненій, изданныхъ въ Польшѣ по части прикладныхъ знаній; «Krasny bór czyli Sztabin i Karol hr. Brzostowski» (1863). П. оставилъ въ рукописи нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ самое важное: «Rys dziejów Warszawskiego towarzystwa dobroczynności». Онъ былъ членомъ Краковскаго Ученаго и С.-Петербургскаго Географическаго Общества.

L. Jenike. «Ludwik Pietrusiński»—«Tygodnik Illustrowany» 1865, XII, 65; K. Estreicher. Bibliografia polska, t. III, s. 398. *Ѳ. Ф. В.*

Петрушевскій, Василій Ѳомичъ, генералъ-лейтенантъ, постоянный членъ Артиллерійскаго Комитета Главнаго Артиллерійскаго управленія и членъ Конференціи Михайловской Артиллерійской академіи, сынъ слѣдующаго, род. 24-го ноября 1829 г., ум. 23-го апрѣля 1891 г. въ С.-Петербургѣ. Получивъ общее образованіе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, П., какъ отличнѣйшій ученикъ, былъ опредѣленъ въ 1848 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерьскій полкъ, съ прикомандированіемъ къ Артиллерійскому училищу для дальнѣйшаго ученія въ офицерскихъ классахъ его. Въ 1849 г., во время Венгерской кампаніи, П. около полугода находился въ походѣ въ составѣ войскъ гвардіи, а затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, окончилъ курсъ офицерскихъ классовъ и былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ 1-ю артиллерійскую бригаду. Съ этого времени (съ 1850 г.) началась дѣятельность В. Ѳ. по военно-учебному вѣдомству. Прикомандированный сначала къ 1-му кадетскому корпусу, онъ послѣдовательно занималъ слѣдующія должности: при Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ—репетитора и учителя по химіи, такую же должность при Пажескомъ корпусѣ и при этомъ же корпусѣ должность наставника-наблюдателя по названному предмету. Кромѣ того, съ 1856 по 1858 г. онъ читалъ курсъ теоретической химіи въ бывшемъ теоретическомъ отдѣленіи (впослѣдствіи младшій классъ) Михайловской Артиллерійской Академіи. Благодаря выдающимся преподавательскимъ способностямъ, П. былъ призванъ въ 1864 г. для занятій по своей спеціальности съ наслѣдникомъ престола Александромъ Александровичемъ и великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Въ 1854 г., по повелѣнію наслѣдника цесаревича, главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, П., будучи еще въ чинѣ поручика, былъ командированъ для службы на Невскія береговыя батареи. Здѣсь начались его труды въ области изобрѣтеній по артиллерійской части: такъ, имъ было проектировано приспособленіе для приведенія орудія, при откатѣ вслѣдствіе выстрѣла, въ горизонтальное положеніе, удобное для новаго заряженія, и для приданія орудію послѣ заряженія требуемаго угла вызвышенія. Далѣе, здѣсь же обдуманы были проекты предложенныхъ имъ—гранатной ударной трубки и квадранта съ ватерпасомъ, съ выгодой замѣнившаго имѣвшіяся при орудіяхъ деревянныя градусныя линейки, посредствомъ которыхъ наведеніе орудій оказывалось недостаточно точнымъ; этотъ квадрантъ явился существенно важнымъ при стрѣльбѣ по невидимымъ или закрытымъ дымомъ цѣлямъ. Но наиболѣе важнымъ по своему значенію оказалось относящееся къ тому же времени предложеніе П. ввести проектированный имъ боковой раздвижной прицѣлъ. Изобрѣтеніе это по своей идеѣ оказалось далеко впереди взглядовъ своего времени, и отъ примѣненія его въ артиллеріи надлежало ожидать достиженія возможности производить прицѣльную стрѣльбу изъ орудій на большія разстоянія. Послѣ испытаній боковой прицѣлъ Петрушевскаго былъ введенъ у насъ сперва для крѣпостныхъ, а затѣмъ и для полевыхъ орудій. Впослѣдствіи, при появленіи нарѣзныхъ орудій, употребленіе бокового прицѣла сдѣлалось необходимымъ, и всѣ орудія нашей артиллеріи были снабжены боковыми раздвижными прицѣлами. За столь выдающіяся заслуги предъ нашей артиллеріей П. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени, и ему было выдано, по Высочайшему повелѣнію, вознагражденіе въ 1.000 руб., а Конференціей Михайловскаго Артиллерійскаго училища—премія въ 500 руб. Избравъ химію спеціальностью для своей преподавательской дѣятельности, постоянно слѣдя за развитіемъ науки, П. не преминулъ приложить знанія свои въ этой научной отрасли къ усовершенствованію средствъ,

служащихъ для цѣлей миннаго дѣла. Онъ первый примѣнилъ у насъ нитроглицеринъ къ подводнымъ минамъ; подъ его руководствомъ впервые установилась фабрикація значительныхъ массъ этого сильно взрывчатаго вещества, и имъ же была открыта возможность практическаго примѣненія нитроглицерина. Въ виду этого, П. былъ командированъ въ 1869 г. за-границу для заказа нѣкоторыхъ приспособленій къ морскимъ минамъ. За труды по изобрѣтеніямъ по инженерному морскому дѣлу П. былъ награжденъ 3.000 рублей и пожизненной пенсіей въ 1.000 руб.—за открытіе возможности практическаго примѣненія нитроглицерина. Въ 1868 г., въ чинѣ полковника (съ 1863 г.), П. былъ назначенъ членомъ Морского Техническаго Комитета, совѣщательнымъ членомъ Артиллерійскаго Комитета Главнаго Артиллерійскаго Управленія и въ томъ же году зачисленъ въ Пажескій корпусъ штатнымъ преподавателемъ по химіи. П. посвятилъ не мало трудовъ и дѣлу улучшенія береговой артиллеріи, которой предстояло разрѣшить новыя задачи, обусловленныя, съ одной стороны, быстроходностью судовъ, снабженныхъ паровыми двигателями, а съ другой—введеніемъ нарѣзныхъ орудій. Оба эти обстоятельства измѣнили существеннымъ образомъ характеръ береговой обороны: мѣткость нарѣзной артиллеріи, при возможности сосредоточивать выстрѣлы на извѣстномъ пунктѣ, вызывала необходимость весьма точнаго опредѣленія дистанцій до цѣли, подвижность же военнымъ судовъ затрудняла выполненіе этого условія и въ то же время увеличивала необходимость удовлетворить ему съ возможной полнотою. Все это создало потребность снабдить береговую артиллерію приборамъ, при помощи котораго можно было бы точно и быстро измѣрять разстоянія до судовъ аттакующаго флота и опредѣлять положенія, занимаемыя этими судами на рейдѣ, и такимъ образомъ получать данныя, необходимыя для успѣшной стрѣльбы по движущимся цѣлямъ. Надъ разрѣшеніемъ этой задачи много трудились въ иностранныхъ артиллеріяхъ, но наиболѣе успѣшно побороть всѣ представлявшіяся при этомъ затрудненія впервые удалось Петрашевскому: построенный имъ въ концѣ 1860-хъ годовъ береговой дальномѣръ испытанъ былъ на батареяхъ въ Кронштадтѣ и далъ удовлетворительные результаты, хотя и требовалъ усовершенствованій. Неудобство опредѣленія при его посредствѣ разстояній заключалось въ передачѣ наблюденія съ одного конца весьма длинной базы на другой ея конецъ при помощи говорной трубы, оптическаго телеграфа и т. п. аппаратовъ, вредно вліявшихъ на точность показаній. Эти недостатки были устранены потомъ П., благодаря устройству въ дальномѣрѣ автоматической передачи наблюденій посредствомъ системы часовыхъ механизмовъ и гальваническаго тока, а впослѣдствіи и это сложное приспособленіе было имъ замѣнено ручнымъ приводомъ, при которомъ можно было наблюдать за самымъ быстроходнымъ судномъ. Эти дальномѣры доставили береговой оборонѣ такія существенныя преимущества, какъ увеличеніе мѣткости огня, возможность сосредоточивать на требуемомъ пунктѣ огонь не только одной, но нѣсколькихъ батарей, и пользоваться залповою стрѣльбой цѣлой батареи. Въ 1871 г. В. Ѳ. произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ назначенъ начальникомъ Петербургскаго патроннаго завода. Назначеніе это совпало со временемъ, когда, вслѣдствіе перевооруженія арміи новыми малокалиберными винтовками, дѣятельность патронныхъ заводовъ имѣла особенно важное значеніе. Черезъ два года по назначеніи П., при заводѣ былъ открытъ новый важный отдѣлъ—инструментальный, устройство котораго потребовало особыхъ трудовъ со стороны Петрушевскаго. Эти труды и заботы по скорѣйшему изготовленію въ отдѣлѣ повѣрочныхъ инструментовъ—лекалъ и справочныхъ ружей для всѣхъ нашихъ оружейныхъ заводовъ и повѣрочныхъ коммиссій,—весьма много содѣйствовали установленію на этихъ заводахъ выдѣлки машинныхъ способомъ малокалиберныхъ винтовокъ и достиженію той точности, которая должна существовать между оружіемъ, изготовляемымъ на заводахъ, и патронами къ нему. Занимая должность начальника завода, П. неустанно заботился объ улучшеніяхъ и усовершенствованіяхъ въ ввѣренной ему области. По его предложенію введены у насъ выработанная имъ герметическая

*

укупорка ружейныхъ патроновъ и лакированіе патронныхъ гнѣздъ. Точно также его трудамъ принадлежитъ разработка проекта герметической укопорки призматическаго пороха и зарядовъ изъ него для храненія въ крѣпостяхъ. Въ періодъ управленія патроннымъ заводомъ, продолжавшійся пять лѣтъ, П. назначенъ былъ членомъ Конференціи Михайловской Артиллерійской академіи. Одною изъ выдающихся заслугъ П. является введеніе у насъ электрическаго освѣщенія для цѣлей крѣпостной войны. Въ концѣ 1860-хъ годовъ въ нашей артиллеріи предприняты были опыты примѣненія электрическаго и друммондова свѣта къ военнымъ цѣлямъ. Иниціатива этихъ опытовъ всецѣло принадлежитъ П. Въ это время онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ за-границу для заказа приборовъ. необходимыхъ для опытовъ электрическаго освѣщенія, и затѣмъ черезъ годъ вновь былъ за-границей для пріема аппаратовъ, заказанныхъ имъ въ Парижѣ въ первую поѣздку. Продолжительныя и сложныя испытанія электрическихъ освѣтительныхъ аппаратовъ велись въ нашей артиллеріи все время подъ ближайшимъ руководствомъ П., и, такимъ образомъ, ему безспорно принадлежитъ заслуга не только почина, но и введенія въ нашу крѣпостную и осадную артиллерію электрическаго освѣщенія для цѣлей войны. Заболѣвъ въ 1878 г. тяжело и неизлѣчимо, П. все же съ неустанною настойчивостью продолжалъ свою дѣятельность по усовершенствованію артиллеріи. Произведенный въ 1881 г. въ генералъ-лейтенанты, онъ въ 1886 г., съ преобразованіемъ Артиллерійскаго Комитета, назначенъ постояннымъ членомъ его, гдѣ и руководилъ почти до дня смерти занятіями третьяго отдѣла Комитета по вопросамъ военной электротехники. Слѣдя за всѣми изысканіями и изобрѣтеніями, являвшимися за-границей и у насъ по части электричества, онъ предпринималъ испытанія надъ тѣми новыми приборами и средствами, отъ которыхъ, по его мнѣнію, можно было ожидать улучшеній въ устройствѣ электроосвѣтительныхъ средствъ въ крѣпостяхъ, и благодаря ему окончательно были выработаны и установлены образцы электроосвѣтительныхъ аппаратовъ въ нашихъ крѣпостяхъ и осадныхъ паркахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, П. не прекращалъ заботъ своихъ и объ улучшеніи средствъ для стрѣльбы изъ орудій береговой артиллеріи. Плодомъ этихъ заботъ явился предложенный имъ береговой оптическій дальномѣръ, не требующій регулировки, разъ онъ правильно установленъ, и не требующій примѣненія дорого стоющихъ кабелей. Проектируя послѣдній приборъ, П. стремился въ то же время дополнить усовершенствованія въ своемъ гальваническомъ дальномѣрѣ, уже введенномъ въ береговыхъ крѣпостяхъ. Имъ предложенъ былъ для этого дальномѣра особый электрическій передатчикъ дистанцій, при помощи котораго и указателей, располагаемыхъ на батареяхъ, лицо, наблюдающее при посредствѣ дальномѣра дистанцію, сообщаетъ о ней на батарею не голосомъ, а вращеніемъ рукоятки передатчика, при чемъ на указателѣ появляются цифры, выражающія разстояніе до цѣли. Это было послѣднее предложеніе Петрушевскаго.

Долго, почти 43 года, плодотворно служилъ П. военному дѣлу; служенію этому онъ посвятилъ всю свою жизнь, свои силы, свои обширныя знанія, энергію, талантъ, и, благодаря ему, наша артиллерія двинулась впередъ по пути своего совершенствованія. Нѣкоторыя важныя задачи крѣпостной войны впервые получили рѣшеніе, и нѣкоторые новые способы и средства выполненія такихъ задачъ вошли у насъ въ военную практику только благодаря трудамъ и изобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ П.

П. имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Анны 1-й степ. (1876 г.), св. Владиміра 2-й степ. (1884 г.) и Бѣлаго Орла (1887 г.), а изъ иностранныхъ — Австрійскій орденъ командорскаго креста Франца-Іосифа со звѣздою (1872 г.).

«Артиллерійскій Журналъ» 1891 г., № 8, августъ, стр. 15—24; «Новости и Биржевая Газета» 1891 г., № 112; «Новое Время» 1891 г., № 5442. *И. Марченко.*

Петрушевскій, *Ѳома Ивановичъ*, статскій совѣтникъ, директоръ С.-Петербургскаго Института слѣпыхъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества. Родился въ 1785 г.; получилъ образованіе въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ посвятилъ себя

изученію математики и физики по окончаніи курса, въ 1808 году назначенъ былъ преподавателемъ этихъ предметовъ въ Псковской гимназіи, гдѣ съ 1809 по 1812 г. былъ и. д. директора. Въ 1816 году онъ былъ переведенъ въ Петербургъ, «къ письменнымъ дѣламъ Конференціи Педагогическаго Института», въ томъ же году перевелся столоначальникомъ въ Главное Правленіе училищъ, въ 1818 г. занялъ мѣсто помощника столоначальника въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія; затѣмъ, въ 1820 г., П. перешелъ въ Департаментъ Государственнаго Казначейства, гдѣ съ 1825 г. былъ чиновникомъ особыхъ порученій. Пробывъ нѣкоторое время чиновникомъ особыхъ порученій при Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія, П. въ 1825 г. былъ назначенъ директоромъ Дома воспитанія бѣдныхъ дѣтей (нынѣ гимназія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества), а въ 1834 году перемѣщенъ директоромъ Института слѣпыхъ.

Петрушевскій извѣстенъ особенно своими трудами по метрологіи; главный его трудъ «Общая метрологія» (С.-Пб. 1849 г.) удостоенный Демидовской награды, былъ первымъ на русскомъ языкѣ сборникомъ по метрологіи; онъ обнимаетъ мѣры древнія и современныя (тому времени) и составленъ не только съ помощью печатныхъ источниковъ, но и на основаніи данныхъ, добытыхъ авторомъ путемъ личной переписки. Кромѣ этого труда П., такъ сказать завершившаго его дѣятельность, ему предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ: «Метрологія, или описаніе мѣръ, вѣсовъ, монетъ и времясчисленія нынѣшнихъ и древнихъ народовъ» (С.-Пб. 1831 г.); «Польская метрологія» (С.-Пб. 1831 г., изд. 2-е 1834 г.); «Краткое описаніе медицинскаго вѣсу» (С.-Пб. 1841 г.); «Краткая европейская метрологія, или описаніе мѣръ вѣсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ (С.-Пб. 1842 г., изд. 2-е—1845 г.). П. извѣстенъ также, какъ переводчикъ сочиненій Евклида и Архимеда, чѣмъ онъ занимался еще до занятій по метрологіи. Онъ перевелъ и снабдилъ примѣчаніями, между прочимъ, слѣдующія книги: «Эвклидовыхъ началъ восемь книгъ, содержащія въ себѣ основанія геометріи» (С.-Пб. 1819 г.); «Эвклидовыхъ началъ три книги, содержащія общую теорію чиселъ древнихъ геометровъ» (С.-Пб. 1833 г.); «Архимеда двѣ книги о шарѣ и цилиндрѣ, измѣреніе круга и леммы» (С.-Пб. 1823 г.); «Архимеда Псаммитъ, или счисленіе песку въ пространствѣ, равномъ шару неподвижныхъ звѣздъ» (С.-Пб. 1824 г.). За эти переводы Императорская Академія Наукъ присудила ему поощрительную половинную Демидовскую премію, «тѣмъ болѣе», какъ сказано въ отчетѣ Академіи Наукъ, «что соединеніе въ одномъ лицѣ столь разнообразныхъ знаній, каковыя требуются для подобнаго труда, у насъ еще очень рѣдкое явленіе». П. принадлежатъ почти всѣ статьи по метрологіи въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» Плюшара. Умеръ онъ въ Петербургѣ въ ночь съ 12-го на 13-е февраля 1848 г., на 63 году жизни.

Формулярный списокъ въ Архивѣ Минист. Народн. Просвѣщенія; «Сѣверная Пчела» 1848 г., № 37 и 59; «Вѣд. С.-Петерб. полиціи» 1848 г., № 36; Семидесятипятилѣтіе гимназіи Импер. Человѣколюбиваго Общества. С.-Пб. 1898 (съ портретомъ); П. Говорливый. Историческая записка 50-лѣтія Псковской губернской гимназіи. С.-Пб. 1884 г., стр. 8. *В. Егоровъ.*

Петрушка, иначе—*Илейка* или *Лже-Петръ*, мнимый сынъ царя Ѳеодора Ивановича, явился еще при жизни Лжедимитрія I. Побочный сынъ муромскаго жителя Ивана Коровина, Илья, по смерти родителей, взятъ былъ нижегородскимъ купцомъ Грозильниковымъ въ сидѣльцы; онъ служилъ при лавкѣ Грозильникова, торговавшаго яблоками и горшками, три года и за это время имѣлъ случай побывать въ Москвѣ, гдѣ прожилъ пять мѣсяцевъ. Оставивъ Грозильникова, онъ нанимался у разныхъ торговыхъ людей въ кормовые казаки и ходилъ съ судами по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Въ 1603 г. мы видимъ его уже казакомъ при войскѣ, ходившемъ въ Тарки. Здѣсь изъ казаковъ онъ перешелъ въ стрѣльцы, а по возвращеніи изъ похода въ Терскій городъ вступилъ въ услуженіе къ Григорію Елагину, свіяжскому стрѣлецкому головѣ, у котораго и зимовалъ. Лѣтомъ 1604 г. П. поѣхалъ въ Астрахань, поступилъ здѣсь въ казаки и отправился на Терекъ въ отрядѣ головы Аѳанасія Андреева. Терскіе казаки хотѣли тогда идти для грабежей въ Закавказье, но ихъ кто-то надоумилъ, что выгоднѣе съ самозванцемъ пустошить Московское государство.

Они стали разглашать, что въ 1592 г. царица Ирина родила сына Петра, котораго Годуновъ подмѣнилъ дѣвочкою Ѳеодосіей, вскорѣ умершей. Способными играть роль царевича Петра признаны были астраханецъ Димитрій и муромецъ Илья. Но Димитрій отказался отъ этой роли по незнанію Москвы и царскихъ обычаевъ. Остановились на Ильѣ. Похожденія послѣдняго показываютъ, что ему въ то время не могло быть менѣе 20 лѣтъ, между тѣмъ какъ царевичу Петру было бы не болѣе 14. Но эта несообразность не остановила казаковъ. Они отвезли Илью къ казачьему атаману Гаврилѣ Пану. Терскій воевода Петръ Головинъ, узнавъ о появленіи самозванца, требовалъ послѣдняго къ себѣ въ городъ, но казаки не послушались, спустились въ судахъ до моря и остановились на островѣ противъ устья Терека, а отсюда, еще разъ отвергши требованіе Головина, съ числѣ 4.000 человѣкъ отплыли въ Астрахань; не впущенные въ городъ, они пошли вверхъ по Волгѣ, занимаясь разбойничествомъ. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ, Лжедимитрій послалъ звать царевича Петра въ Москву. Посланецъ его засталъ Илью въ Самарѣ. Казаки приняли предложеніе и двинулись съ самозванцемъ въ Москву. Но дядѣ (Лжедимитрію) не пришлось увидѣться съ племянникомъ. Въ то время Болотниковъ съ товарищами былъ въ затруднительномъ положеніи: долгое непоявленіе провозглашеннаго ими Димитрія смущало добросовѣстныхъ его приверженцевъ; напрасно Шаховской умолялъ Молчанова явиться въ Путивль подъ именемъ Димитрія,—тотъ не соглашался. Находясь въ такой крайности, Шаховской послалъ звать къ себѣ казацкаго самозванца Петра, который, узнавъ о гибели Лжедимитрія, поворотилъ было назадъ, въ степи. Царевичъ Петръ явился на зовъ. Замучивъ нѣсколькихъ вѣрныхъ царю Шуйскому воеводъ, обезчестивъ дочь убитаго имъ кн. Бахтеярова, получивъ подкрѣпленія изъ Запорожья, онъ двинулся вмѣстѣ съ Шаховскимъ къ Тулѣ. Узнавъ объ этомъ движеніи, подкрѣпленный однимъ изъ отрядовъ самозванца. Телятевскій выступилъ изъ Тулы къ Калугѣ на помощь къ Болотникову и поразилъ при Пчельнѣ царское войско, высланное противъ него Мстиславскимъ изъ-подъ Калуги. Вѣсть объ этомъ поразила рать Мстиславскаго, и она поспѣшно отступила отъ Калуги, при чемъ 15.000 человѣкъ перешло на сторону Болотникова. Послѣдній, пользуясь этимъ, оставилъ Калугу и соединился въ Тулѣ съ Лже-Петромъ, чтобы дѣйствовать соединенными силами. Въ виду такого оборота дѣлъ, Шуйскій принялъ необычайныя мѣры: собралъ 100.000 войска и самъ рѣшился предводительствовать имъ. Царскія войска одержали полную побѣду; Телятевскій ушелъ съ немногими людьми, а Шуйскій лично осадилъ Тулу, куда скрылись Шаховской, Болотниковъ и Лже-Петръ. Долго не сдавались и отбивались засѣвшіе въ Тулѣ и, можетъ быть, отсидѣлись бы, если бы не помѣшалъ тому землякъ Лже-Петра, муромскій боярскій сынъ Кровковъ или Кравковъ: по его совѣту, каждый воинъ долженъ былъ принести къ рѣкѣ мѣшокъ, набитый землей; этими мѣшками запружена была рѣка, и вода обратилась на городъ и затопила его. Волей-неволей Тула сдалась, и Лже-Петръ былъ повѣшенъ.

Н. Карамзинъ. Исторія Госуд. Росс.; С. Соловьевъ. Исторія Россіи; В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, Кіевъ. 1892.

А. Экземплярскій.

Къ стр. 328-й.

Парѳеній Небоза—духовный дѣятель и писатель конца XVII и начала XVIII в. Русскій по происхожденію, по всей вѣроятности, выходецъ изъ Малороссіи, гдѣ онъ «прежилъ многія лѣта», Парѳеній почти всю жизнь провелъ внѣ Россіи, въ земляхъ, принадлежавшихъ туркамъ. Время выѣзда его изъ Россіи, а также время и мѣсто принятія монашества неизвѣстно; первоначальною цѣлью его выѣзда, вѣроятно, было желаніе посѣтить святыя мѣста; эта цѣль смѣнилась стремленіемъ оказать помощь русскимъ христіанамъ—турецкимъ невольникамъ, дать имъ возможность «слышать слово Божіе русскимъ языкомъ». Будучи чернымъ священникомъ, онъ путешествовалъ по восточнымъ странамъ то на лошади или ослѣ, пока были деньги, то пѣшкомъ, когда обѣднѣлъ, разыскивая единовѣрныхъ по дальнимъ селамъ и деревнямъ, подвергаясь всякимъ невзгодамъ. Дѣятельность Парѳенія обратила на него вниманіе греческихъ іерарховъ; въ 1691 году Константинопольскимъ патріархомъ Каллиникомъ онъ былъ рукоположенъ въ епископы и получилъ Лаодикійскую митрополію; въ этомъ санѣ, съ благословенія патріарха Константинопольскаго, онъ нѣсколько разъ, по порученію митрополита Кизичскаго Кирилла, управлялъ Кизическою митрополіею въ его отсутствіе. Въ 1695 году Парѳеній вернулся въ Россію, въ 1701 г. былъ назначенъ митрополитомъ въ не за долго передъ тѣмъ завоеванный Азовъ, долженствовавшій, по предположенію Петра Великаго, явиться центромъ новой епархіи; но вслѣдствіе того, что учрежденіе Азовской митрополичьей каѳедры не осуществилось, Парѳеній остался не у дѣлъ и только въ 1703 году былъ опредѣленъ архіепископомъ Холмогорскимъ и Важскимъ; отправившись въ декабрѣ 1703 г. къ мѣсту служенія, онъ умеръ, не добравшись до Холмогоръ, въ Ярославлѣ, 2-го января 1704 года. Парѳеній погребенъ въ Ярославскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ (нынѣ Архіерейскій домъ).

Жизнь Парѳенія на православномъ востокѣ, сколько можно судить по его письму къ Петру Великому, была тѣсно связана съ мыслью о благѣ соотечественниковъ; помимо упомянутаго выше стремленія оказать нравственную поддержку своимъ единовѣрцамъ, Парѳеній пытался по мѣрѣ силъ дать имъ матеріальную помощь и представить возможность выкупиться изъ плѣна; замѣчательною можетъ быть названа его забота объ установленіи постояннаго богослуженія на славянскомъ языкѣ въ одной изъ церквей города Кизика. Сочувствіе къ Россіи выказалось у него въ содѣйствіи русскому послу Никитѣ Алексѣеву передъ Константинопольскимъ патріархомъ въ дѣлѣ присоединенія Кіевской митрополіи къ Московскому патріархату (1686 г.).

Извѣстность писателя Парѳенію доставили слѣдующія его произведенія: письмо къ Петру Великому, панегирикъ въ стихахъ Петру Великому по случаю побѣды подъ Азовомъ (На побѣду злочестиваго Мустафы, султана турецкаго), стихи патріарху Геннадію, символъ или изъясненіе утвари и сосудовъ церковныхъ (рукопись Синодальной библіотеки, № 140) и переводъ надписи на гробѣ Константина Великаго «Како иногда побѣдится злочестивый султанъ турскій».

Митр. Евгеній. Словарь историческій о... писателяхъ духовнаго чина, 1827 г., ч. 2, стр. 151—153; Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь, т. 22, стр. 910; Филаретъ. Обзоръ русской дух. литературы, изд. 1884, стр. 259; И. Шляпкинъ. Дмитрій Ростовскій, изд. 1891 г., стр. 284, 361; Арсеній. Лѣтопись церковныхъ событій, изд. 1899 г., стр. 680—681; Строевъ. Списки іерарховъ, изд. 1877 г., стр. 813; Н. Д. 900-лѣтіе россійской іерархіи, изд. 1888 г., стр. 104; Н. Д. Іерархія всероссійской церкви, изд. 1892 г., т. 1, стр. 111, 142; Ярославскій Спасо-Преображенскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ («Ярославскія епархіальныя вѣдомости» 1861, № 4, стр. 29—35; здѣсь напечатано донесеніе Парѳенія имп. Петру); Донесеніе Парѳенія, митр. Лаодикійскаго, его императорскому величеству государю императору Петру Первому о томъ, какъ онъ освободилъ изъ турецкаго плѣна россійскихъ подданныхъ («Отечественныя Записки» 1828 г., ч. 33, № 94, стр. 203—220); А. Родосскій. Описаніе 432 рукописей, изд. 1894 г., стр. 370. В. Н. Перетцъ. Записка митр. Лаодикійскаго Парѳенія о невольникахъ («Чтенія въ историч. обществѣ Нестора лѣтописца» 1901 г., кн. 15, вып. I; здѣсь по новому списку перепечатано донесеніе Парѳенія).

В. С—ій.